

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ СXXXI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СXXXI.

1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“ Эртелевъ, 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
ЯНВАРЬ, 1913 Г.

РОССІЯ ПОДЪ СКИПЕТРОМЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ

(По случаю 300-лѣтія царствованія Романовыхъ).

1613—1913 гг.

Иллюстрированная хроника Б. Б. Глинскаго

съ 16 портретами.

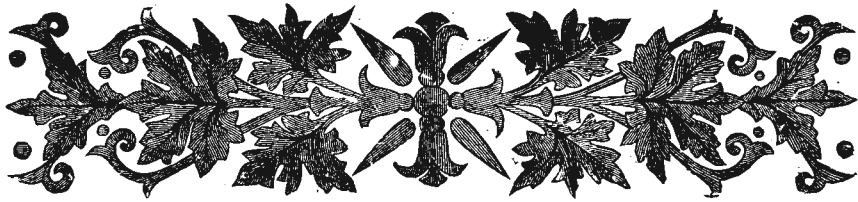

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
И
НАСЛЕДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

РОССІЯ ПОДЪ СКИПЕТРОМЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

(Къ 300-лѣтію царствованія дома Романовыхъ).

РЕДИ государственныхъ юбилеевъ послѣдняго времени, торжественно отпразднованныхъ Россіей, какъ, напри- мѣръ, юбилей Петровскій (Полтавская битва), 1812 года (Бородино), освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, совершенно исключительное мѣсто должно быть отведено наступающему въ текущемъ году трехсот- лѣтнему юбилею царствованія дома Романовыхъ. Этотъ юбилей, помимо своего фамильнаго, династическаго значенія, имѣетъ еще и то историческое, что Россія должна бросить ретроспективный взглядъ, какъ она окрѣпла и выросла за этотъ періодъ времени, превратилась изъ державы полуазиатской въ державу первоклассную, европейскую, съ славнымъ историческимъ прошлымъ и великимъ будущимъ. Исторія царствующаго дома Рома- новыхъ есть новѣйшая исторія Россіи со всѣми ея славными и бур- ными страницами жизни. Въ настоящей статьѣ мы не будемъ гово- рить о семейныхъ страницахъ жизни царствующаго дома, дворцо- выхъ переворотахъ и проч.: все это общеизвѣстно. Мы касались этого въ значительной степени въ нашихъ книгахъ «Царскія дѣти и ихъ наставники», «Борьба за конституцію» и «Революціон- ный періодъ русской исторіи (1861—1881)», составленныхъ въ отно- шеніи послѣднихъ двухъ изъ нашихъ работъ изъ статей, печатав- шихся въ «Историческомъ Вѣстникѣ». На ту же тему обстоятельно го- ворится въ учебникахъ русской исторіи, знакомыхъ всѣмъ уча- щимся и грамотнымъ людямъ. Поэтому, выкидывая изъ настоя- щаго очерка все семейное, династическое, остановимся лишь на тѣхъ главнѣйшихъ страницахъ нашей исторіи, которыя наиболѣе

ярко рисуютъ культурный и политическій ростъ Россіи за весь трехсотлѣтній періодъ историческаго бытія нашей страны подъ державой дома Романовыхъ. Элемента личнаго, династическаго мы коснемся лишь постольку, поскольку это необходимо въ общемъ ходѣ нашей работы и поскольку придется отмѣчать тѣ или иные выдающіеся характеры, съ дѣятельностью которыхъ связаны моменты крупныхъ реформъ, славныхъ дѣяній и энергичной работы на благо нашей родины. Благодарная Россія, обязанная царствующему дому своею великодержавностью, уже въ лицѣ разныхъ обществъ, собраній и государственныхъ установлений сдѣлала не мало постановленій, какъ достойнымъ образомъ почтить этотъ юбилей; о нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій мы давали свѣдѣнія въ отдѣлѣ «Смѣси», какъ равно въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» отмѣтили кое-что изъ юбилейной литературы этого историческаго событія.

Сѣверо-восточныя русскія земли начали объединяться со второй половины XV вѣка и образовали въ округлости своихъ очертаній единое великорусское государство съ однообразнымъ національнымъ составомъ, но въ силу сопредѣльности съ однородными и родственными областями оно по закону инерціи не могло долго держаться въ опредѣленныхъ границахъ, и политика московскихъ государей вскорѣ привела къ тому, что къ этимъ областямъ присоединены были земли новгородскія, земля Двинская (Заволочье), Вологодскій край, Вятская земля, Псковскія владѣнія, княжество Тверское, княжество Рязанское, области Смоленская, Черниговская. Такимъ образомъ цементированныя земли представили собою крупное политическое единство, требовавшее для своего руководства и управленія единой твердой власти, которая и сосредоточилась въ рукахъ московскихъ государей. Послѣдніе начинаютъ именовать себя «государами всея Руси» и въ своей политикѣ къ сосѣднему Литовскому государству настойчиво проводятъ мысль, что они являются истинными защитниками православной вѣры въ ея борьбѣ съ католичествомъ. Единая Русь съ православнымъ царемъ во главѣ является новымъ факторомъ въ средневѣковой исторіи Европы, послѣ чего эта національно и религіозно объединенная Россія постепенно начинаетъ сближаться съ міромъ европейскимъ и античной культурой, причемъ, не поступаясь основными элементами своего политическаго и культурнаго бытія, заимствуетъ отъ сосѣдей тѣ начала просвѣщенія, которыхъ дотолѣ она не могла получать, благодаря отдаленности ея отъ западныхъ центровъ. При Іоаннѣ III, вслѣдствіе его брака съ Софьей Палеологъ, возникаетъ и идея, что «Москва есть третій Римъ», каковая идея встрѣчаетъ особенное сочувствіе южныхъ славянъ, тѣмъ самымъ признающихъ

за дотолѣ маловѣдомой имъ Россіей особое историческое значеніе, ставящее ее во главѣ всѣхъ народовъ, исповѣдующихъ догматы греко-восточной церкви. Іоаннъ III, Василій III, Іоаннъ IV создаютъ такимъ образомъ громадное государство, наносятъ окончательный ударъ восточному татарству и, благодаря присоединенію къ ихъ владѣніямъ обширныхъ сибирскихъ земель, образуютъ своего рода новую часть свѣта, которой, несомнѣнно, предстояло рано или поздно играть крупную роль въ ходѣ міровыхъ судебъ исторіи. Послѣ созданія былой Римской державы мы не встрѣчаемъ второго примѣра такого территоріальнаго органическаго роста, какимъ выдѣлилась Россія при названныхъ государяхъ. Но государство это, громадное по своей территоріи, было мало заселено, не имѣло ради своихъ коммерческихъ цѣлей выходовъ къ морямъ и, кромѣ того, было слабо организовано въ своемъ государственномъ единствѣ; окружено съ сѣвера, запада, юго-запада, юга и востока врагами, которые не давали странѣ развиваться въ экономически-сильное государство и непрерывно требовали отъ него затраты громадныхъ силъ на воинское дѣло. Эти непрерывныя войны, съ одной стороны, затраты социальныхъ и духовныхъ силъ на колонизацію, съ другой, страшно его ослабляли, ставили препоны его культурному росту и какъ бы вдвигали его въ искусственныя рамки, изъ которыхъ трудно было найти выходъ. Въ социальномъ строѣ страны тоже не все обстояло благополучно: присоединенныя къ московскому центру бывшія удѣльныя области таили въ себѣ вѣчно вспыхивающій элементъ сепаратизма, и со стороны московскихъ государей требовалось проявленія много мудрости, такта и дальновидности политики, чтобы при подобныхъ условіяхъ держать въ твердомъ подчиненіи только что формирующуюся государственность. Этимъ тактомъ особенно выдѣлялись Іоаннъ III и Василій III, но при Іоаннѣ Грозномъ, при всемъ громадномъ значеніи его для русской государственности, Россія, оскудѣвая матеріально, начинаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ расшатываться, и этотъ крупный самодержецъ-государственникъ вносить въ окружающую жизнь такія социальныя противорѣчія, которыя, нѣкоторое время спустя, когда не стало его властной, твердой руки, привели Россію въ состояніе анархіи, изъ которой ее вывелъ только здравый смыслъ самого народа.

Раздѣленіе Іоанномъ Грознымъ Россіи на земскую и опричинную, доведенная до крайности ненависть его къ боярству и борьба съ нимъ, убіеніе имъ своего старшаго сына, ухудшеніе въ тотъ періодъ положенія «черныхъ людей», усиленное развитіе колонизаціоннаго бродяжничества,—вотъ тѣ главнѣйшіе факторы, которые, развиваясь въ связи съ неблагоприятными внѣшними обстоятельствами (польская и католическая интрига), поставили Россію въ состояніе социальнаго и политическаго броженія. Этимъ положеніемъ надѣялись воспользоваться Швеція и Польша, ка-

ждая изъ которыхъ, имѣя въ виду окончаніе династіи Рюриковичей, предложила нашему отечеству на опредѣленныхъ условіяхъ своихъ кандидатовъ на всероссійскій престолъ. Мы не станемъ воспроизводить здѣсь всѣхъ историческихъ фактовъ смуты—правленія слабоумнаго Ѳедора Иоанновича, Бориса Годунова, появленія Самозванца, убіенія въ Угличѣ царевича Дмитрія, воцаренія Шуйскаго, хозяйничанья въ Москвѣ поляковъ, созданія ополченій и проч.—объ этомъ гласятъ всѣ учебники по русской исторіи. Благодаря патріотическому взрыву, первые отзвуки котораго раздались сначала въ Рязани, перекинулись въ Ярославль и въ Нижній-Новгородъ, коренная Русь въ лицѣ земскихъ мировъ и волостей, которыми и питалась политически наша родина, сплотилась воедино, смела съ лица земли самозванцевъ, внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, создала своихъ земскихъ героевъ, чуждыхъ боярскимъ интригамъ, и собралась на избирательный соборъ въ Москвѣ въ 1613 году, на которомъ 21-го февраля утверждена была кандидатура юнаго сына митрополита Филарета—Михаила Ѳедоровича Романова, коему въ Ипатьевскомъ монастырѣ и вручены были всей соборной Русью бразды единодержавнаго управленія русскимъ народомъ. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ ей посланныя испытанія, Россія, не поступившись своимъ національнымъ достоинствомъ, сохранила самое себя, какъ единое государство, и вступила въ новую фазу жизни при сознательномъ отношеніи къ совершившемуся для дальнѣйшаго своего культурнаго и государственнаго роста. Смутная эпоха, пережитая Россіей, и благополучный, разумный выходъ ея изъ тяжелаго положенія являются въ исторіи новыхъ народовъ фактомъ, не имѣющимъ себѣ аналогіи и служатъ доказательствомъ большого политическаго чутья великорусскаго племени, которое, несомнѣнно, живетъ въ немъ и донинѣ. Пережитый стародавній урокъ исторіи не слѣдуетъ забывать, и пусть онъ служитъ намъ путеводною звѣздою въ будущемъ, если бы, паче чаянія, наше отечество постигли какія-нибудь неожиданныя и тяжкія невзгоды.

Описывая ходъ работъ земскаго собора 1613 года, гдѣ произошло избраніе Михаила Ѳедоровича на всероссійскій престолъ, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ въ своихъ «Лекціяхъ» говоритъ: «Каждый членъ собора стремился указать на тотъ боярскій родъ, которому онъ самъ болѣе симпатизировалъ, въ силу ли его нравственныхъ качествъ, или въ силу его высокаго положенія, или же просто руководясь личными выгодами. Да и многіе бояре сами надѣялись сѣсть на московскій престолъ. И вотъ наступила избирательная горячка со всеми ея атрибутами—агитаціей и подкупамъ. Откровенный лѣтописецъ указываетъ намъ, что избиратели дѣйствовали

Царь Михаилъ Феодоровичъ.

не совсѣмъ безкорыстно. «Многіе же отъ вельможъ, желаючи царемъ быть, подкупахуся, многимъ и даючи и обѣщаючи многіе дары». Кто выступалъ тогда кандидатами, кого предполагали въ цари, прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ, преданіе же въ числѣ кандидатовъ называетъ: В. И. Шуйскаго, Воротынскаго, Трубецкаго.

Θ. И. Шереметевъ хлопоталъ за родню свою М. Θ. Романова. Современники, мѣстничаясь съ Пожарскимъ, обвиняли его въ томъ, что онъ, желая царствовать, истратилъ 20 тысячъ рублей на подкупы. Нечего и говорить, что подобное предположеніе о 20,000 просто невѣроятно уже потому, что даже казна государева тогда не могла сосредоточить у себя такой суммы, не говоря о частномъ лицѣ.

«Споры о томъ, кого избрать, шли не только въ одной Москвѣ: сохранилось преданіе, что Θ. И. Шереметевъ былъ въ перепискѣ съ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ и В. В. Голицынымъ, что Филаретъ говорилъ въ письмахъ о необходимости ограничительныхъ условій для новаго царя, а что Θ. И. Шереметевъ писалъ Голицыну о выгодѣ для бояръ избрать Михаила Θεодоровича въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «выберемъ Мишу Романова, онъ молодъ и намъ будетъ поваденъ». Эта переписка была найдена Ундольскимъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей, но въ печать не попала, и, гдѣ находится, неизвѣстно. Есть преданіе, мало, впрочемъ, достовѣрное, и о третьей перепискѣ Шереметева съ инокиней Марѳой (Ксеніей Ивановной Романовой), въ которой послѣдняя заявляла свое нежеланіе видѣть сына на престолѣ. Если бы дѣйствительно существовали сношенія Романовыхъ съ Шереметевымъ, то въ такомъ случаѣ Шереметевъ зналъ бы о мѣстопробываніи своей корреспондентки, а онъ, какъ можно думать, этого не зналъ.

«Наконецъ, 7-го февраля 1613 года пришли къ рѣшенію избрать Михаила Θεодоровича Романова. По одной, недавно обнаруженной легендѣ (у Забѣлина), первый на соборѣ заговорилъ о Михаилѣ Θεодоровичѣ какой-то дворянинъ изъ Галича, принесшій на соборъ письменное заявленіе о правахъ Михаила на престолъ. То же самое сдѣлалъ какой-то донской атаманъ. Далѣе, Палицынъ, въ своемъ «сказаніи», смиреннымъ тономъ заявляетъ, что къ нему пришли люди многихъ городовъ и просили передать царскому синклиту «свою мысль объ избраніи Романовыхъ». И по представительству этого святого отца будто бы «синклитъ» избралъ Михаила. Во всѣхъ этихъ легендахъ и сообщеніяхъ особенно любопытна та черта, что починъ въ дѣлѣ избранія Михаила принадлежитъ не высшимъ, а мелкимъ людямъ. Казачество, говорятъ, также стояло за Михаила.

«Съ 7-го числа окончательный выборъ былъ отложенъ до 21-го, и посланы были въ города люди, кажется, члены собора узнать въ городахъ мнѣніе народа о дѣлѣ. И города высказались за Михаила. Къ этому времени надобно относить рассказы А. Палицына о томъ, что къ нему явился какой-то «гость смиренный» изъ Калуги съ извѣстіемъ, что всѣ сѣверскіе города желаютъ именно Михаила. Стало быть, противъ Михаила, насколько можно думать, были голоса только на соборѣ, народная же масса за него. Она была еще за него въ 1610 году, когда и Гермогенъ, при избраніи Влади-

слава, и народъ высказывался именно за Михаила. Поэтому возможна мысль о томъ, что соборъ приведенъ къ избранію Михаила Ѳеодоровича давленіемъ народной массы. У Костомарова («Смутное время») эта мысль мелькаетъ, но очень слабо и неопредѣленно.

«Когда Мстиславскіе и нѣкоторые другіе бояре, затѣмъ запоздавшіе и выборные люди, посланные по областямъ, собрались въ Москву, то 21-го февраля состоялось торжественное засѣданіе въ Успенской церкви. Здѣсь выборъ Михаила былъ рѣшенъ уже единогласно, послѣ чего послѣдовали молебны о здравіи новаго царя и присяга ему. Извѣстия объ избраніи царя, города еще до полученія согласія Михаила присягали ему и подписывали крестоцѣловальныя записи Михаилу. По общему представленію, государя самъ Богъ избралъ, и вся Русская земля радовалась и ликовала. Дѣло теперь оставалось только за согласіемъ Михаила, получить которое стоило немалого труда. Въ Москвѣ не знали даже, гдѣ онъ находится: посольство къ нему отъ 2-го марта отправлено было въ «Ярославль или гдѣ онъ государь будетъ». А Михаилъ Ѳеодоровичъ, послѣ московской осады, уѣхалъ въ свою костромскую вотчину, Домнино, гдѣ чуть было не подвергся нападенію польской шайки, отъ которой спасенъ былъ, по преданію, крестьяниномъ Иваномъ Сусанинымъ. Что Сусанинъ былъ дѣйствительно, доказательствомъ этому служить царская грамота Михаила, которою семьѣ Сусаниныхъ даются различныя льготы. Однако между историками велась долгая полемика по поводу этой личности: такъ, Костомаровъ, разобравъ легенду о Сусанинѣ, свелъ все къ тому, что личность Сусанина есть мнѣ, созданный народнымъ воображеніемъ. Такого рода заявленіемъ онъ возбудилъ въ шестидесятыхъ годахъ цѣлое движеніе въ защиту этой личности: явились противъ Костомарова статьи Соловьева, Домышскаго, Погодина. Въ недавнее время (1882 г.) вышло новое произведеніе Самарянова «Памяти Ивана Сусанина». Авторъ, прилагая карту мѣстности, подробно знакомитъ насъ съ путемъ, по которому Сусанинъ велъ поляковъ. Изъ его труда мы узнаемъ, что Сусанинъ былъ довѣреннымъ лицомъ Романовыхъ, и вообще эта книга представляетъ богатый матеріалъ о Сусанинѣ. Изъ Домнина Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью перѣхалъ въ Кострому, въ Ипатьевскій монастырь, построенный въ XIV вѣкѣ мурзой Четомъ, предкомъ Годунова. Этотъ монастырь поддерживался вкладами Бориса и при Лжедмитріи былъ подаренъ этимъ послѣднимъ Романовымъ, какъ предполагаютъ, за все, перенесенное ими отъ Бориса.

«Посольство, состоявшее изъ Ѳеодорита, архіепископа рязанскаго и муромскаго, Авраамія Палицына, Шереметева и другихъ, пріѣхало вечеромъ 13-го марта въ Кострому. Марѳа назначила ему явиться на другой день. И вотъ 14-го марта посольство, сопровождаемое крестнымъ ходомъ, при огромномъ стеченіи народа

отправилось просить Михаила. Источникомъ для ознакомленія съ дѣйствіями посольства служатъ намъ донесенія въ Москву. Изъ нихъ мы узнаемъ, что какъ Михаилъ, такъ и инокиня-мать сперва безусловно отвергли предложеніе пословъ. Последняя говорила, что московскіе люди «измалодушествовались», что въ такомъ великомъ государствѣ и не ребенку править не подѣ силу и т. д. Долго посламъ пришлось уговаривать и мать, и сына; они употребили все свое краснорѣчіе, грозили даже небесной карой; наконецъ усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ,—Михаилъ далъ свое согласіе, а мать благословила его. Обо всемъ этомъ мы знаемъ, кромѣ посольскихъ донесеній въ Москву, еще изъ избирательной грамоты Михаила, которая, впрочемъ, не можетъ имѣть особенной цѣнности: она составлена по образцу избирательной грамоты Бориса Годунова; такъ, сцена плача народнаго въ Ипатьевскомъ монастырѣ списана съ подобной же сцены въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, описанной въ Борисовой грамотѣ (оттуда взялъ ее Пушкинъ для своего «Бориса Годунова»).

«Какъ только согласіе Михаила Феодоровича было получено, послы стали торопить его ѣхать въ Москву; царь отправился, но путешествіе это было чрезвычайно медленно, такъ какъ разоренныя дороги далеко не могли служить удобнымъ путемъ».

Итакъ, на всероссійскій престолъ Рюриковичей, волею всего русскаго народа, сѣлъ юный представитель боярскаго рода Романовыхъ, игравшихъ въ предыдущіе періоды отечественной жизни довольно видныя роли и имѣвшихъ въ сословныхъ напластованіяхъ Россіи глубокіе корни.

Здѣсь у мѣста привести справку о происхожденіи этого рода, на каковой вопросъ даетъ обстоятельный отвѣтъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1912 г. № 269) г. Б. Филатовичъ. Онъ говоритъ:

«Родъ бояръ Романовыхъ исторически существуетъ уже 565 лѣтъ. Черезъ супругу Іоанна Грознаго Анастасію Романовну онъ состоитъ въ близкомъ родствѣ съ династіей Рюрика, и родство усугубляется еще бракомъ Никиты Романовича Романова съ Евдокіей Горбатовой, происходящей изъ рода великаго князя Андрея Суздальскаго, старшаго брата Александра Невскаго. Русская исторія сохранила семьдесятъ четыре имени изъ этого рода.

«Первоначальныя родословныя были составлены при Іоаннѣ Грозномъ и Феодорѣ Иоанновичѣ, а позднѣе извѣстны труды XVIII и XIX столѣтій Крекшина, составителей такъ называемой Бархатной книги, Барсукова, Кампенгаузена, Студенкина, Сахарова и другихъ. Наконецъ, въ 1896 году по случаю трехсотлѣтія рожденія царя Михаила (12-го іюля 1596 г.) при костромской губернской архивной комиссіи образовался особый Романовскій отдѣлъ

архива и библиотеки для собиранія и храненія матеріаловъ и дан-ныхъ о предкахъ царя Михаила, выпустившій уже два очень инте-ресные сборника всѣхъ имѣющихся по этому вопросу матеріаловъ. Всѣ родословныя родоначальниковъ рода Романовыхъ, образовав-шагося отъ родовъ Юрьиныхъ и, еще ранѣе, Захарьиныхъ, назы-ваютъ Андрея Ивановича Кобылу, о которомъ въ исторіи впервые

Царь Алексѣй Михайловичъ.

упоминается въ 1347 году. Личность Андрея Ивановича и происхо-жденіе отъ него Романовыхъ исторически достовѣрно. Открытымъ же до нашихъ дней остается вопросъ о происхожденіи самого Ан-дрея Ивановича. Первые упоминанія о немъ свидѣтельствуютъ о томъ, что отцу его приписывалось иностранное и знатное происхо-жденіе. Родословная, составленная въ царствованіе Феодора Иоан-новича, гласитъ: родъ Андрея Ивановича Кобылы выѣхалъ изъ Прус-скія земли изъ Нѣмцевъ. Въ то же царствованіе одинъ изъ бояръ въ своей поколѣнной росписи указалъ, что отецъ Андрея Ивановича перешелъ въ Россію изъ Прусскаго княжества и былъ тамъ владѣ-

«истор. вѣстн.», январь 1913 г., т. сxxxі.

II

телемъ. Это мнѣніе стало распространеннымъ въ Московскомъ государствѣ и, между прочимъ, князь Курбскій въ своемъ сказаніи о Шереметевыхъ, родныхъ Романовыхъ, говоритъ о немъ, что онъ «мужъ свѣтлый и знаменитый и глаголють ему быти изъ роду княжатъ Ренскихъ...» Въ XVII вѣкѣ появляются первыя попытки отнести къ установившемуся мнѣнію серьезнѣе и провѣрить его путемъ историческихъ справокъ и сравненій и т. п.

«Въ XVI вѣкѣ герольдмейстеръ Колычовъ (пр. 1), заявившись изслѣдованіемъ о происхожденіи Кобылы, составилъ исторію его предковъ съ IV вѣка. Онъ пользовался матеріалами изъ бібліотеки свѣтлѣйшаго князя Дурбина Цезарскаго въ Италіи, но авторы, на которыхъ онъ ссылается,—Эразмъ Стеллій, Петръ Дудсбергъ, Орфховскій, Мавроурбинъ и т. п.,—уже давно были признаны баснословными. Вотъ что онъ сообщилъ о предкахъ Кобылы:

«Въ 347 году прусскій король Прутено передалъ правленіе брату Войдевуду. Войдевудъ раздѣлилъ свои владѣнія двѣнадцати сыновьямъ своимъ. Одинъ изъ нихъ Недронъ получилъ земли по берегамъ рѣки Прегеля. Въ XIII вѣкѣ потомки его были сильно утѣсняемы крестоносцами, и одинъ изъ нихъ Руссингенъ Дивоновичъ съ братомъ Гландой Камбиллой принужденъ былъ перейти къ русскому великому князю Даниилу Александровичу и здѣсь въ 1287 году крестился, принявъ имя Иоанна, и сынъ его назвался Андреемъ. По невѣжеству или небрежности писцовъ Камбила стала Кобылой и такъ и пошелъ родъ Кобылиныхъ и т. д., образовавъ и родъ Романовыхъ.

«Мнѣніе Колычова имѣетъ большое значеніе, такъ какъ отразилось въ дальнѣйшихъ работахъ изслѣдователей. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія изслѣдованія барона Балтазара Балтазаровича Кампенгаузена (пр. 3), издавшаго въ 1805 году свой очень обширный и интересный трудъ въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ принялъ мнѣніе о прусско-литовско-самогитскомъ происхожденіи Гланды Камбилы и приводитъ выписки изъ русскаго и прусскаго гербовниковъ, гдѣ подтверждается рассказъ о Прутено. Гербъ Романовыхъ, имѣющій шлемъ, изъ котораго произрастаетъ дубъ, подтверждаетъ его. Онъ искалъ въ исторіи Самогитіи и Литвы именъ удѣльныхъ князей, похожихъ на Дивона и Гланду, и не нашель. Тѣмъ не менѣе, окончательно ничего точно не доказавъ, онъ приходитъ къ выводу, что Гланда не былъ удѣльнымъ княземъ, но могъ быть его потомкомъ. Дальнѣйшіе изслѣдователи Барсуковъ, Студенкинъ, Мещериновъ и другіе цѣликомъ опираются на Кампенгаузена. Намъ извѣстна только одна попытка стать на иную точку отъправленія, сдѣланная въ 1886 году Петровымъ въ его исторіи русскаго дворянства. Термину «изъ Пруссы» онъ предлагаетъ новгородское значеніе, потому что тамъ была такая улица, черезъ которую проходила дорога изъ прусскихъ земель въ Псковъ. Жители этой

улицы назывались пруссами. Онъ предлагаетъ считать Андрея Ивановича потомкомъ новгородской фамилии, выдвинувшейся при дворѣ московскаго государя въ первой половинѣ XIV вѣка. Доводы Петрова не выдерживаютъ критики. Позднѣйшій изслѣдователь Сахаровъ принимаетъ точку зрѣнія Кампенгаузена, а Селифонтовъ, собравшій всѣ матеріалы по этому вопросу, не даетъ точнаго рѣшенія вопроса. Такимъ образомъ, вопросъ, откуда же явился при дворѣ московскаго государя отецъ Андрея Ивановича,—остается совершенно открытымъ.

«Мы видимъ, что данныя о княжескомъ и иностранномъ происхожденіи не лишены нѣкоторой основательности. Гербы родовъ его потомковъ прямо свидѣтельствуютъ о томъ. Напримѣръ, въ дографскомъ гербѣ Шереметевыхъ были два креста подъ короной. Это кресты сохранились еще на старинныхъ данцигскихъ монетахъ, и гербъ города похожъ на ихъ гербъ. У самихъ Романовыхъ въ гербѣ, кромѣ крестовъ и короны съ пресловутымъ дубомъ, имѣлись два льва, одинъ съ державой, а другой со скипетромъ въ лапахъ, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣкогда они были государями. Вопросъ этотъ можно возбудить теперь снова, потому что обширный матеріалъ, готовый для изслѣдованій специалистовъ, теперь попадетъ въ болѣе свѣдущія руки, что дастъ возможность найти искомое».

Итакъ, послѣ многихъ лѣтъ смуты на російскомъ престолѣ оказался юноша шестнадцати лѣтъ, конечно, неопытный въ дѣлахъ правленія и не могшій самостоятельно руководить крупнымъ государственнымъ кораблемъ. Повидимому, это обстоятельство учитывалъ земскій соборъ, поставившій Михаила на царство, почему, хотя врученное ему самодержавіе и сохранено было въ чистомъ видѣ безъ тѣни на немъ формальнаго ограниченія, тѣмъ не менѣе въ видѣ необходимаго ему придатка въ интересахъ правильнаго управленія землею и контроля надъ функционирующими государственными учрежденіями присоединенъ былъ къ нему институтъ земскаго собора, который, не имѣя за собою законодательнаго права, имѣлъ, однако, право законосоветельное, какъ бы налагавшее на волю самодержца нравственное обязательство слѣдовать въ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ голосу всей соборной земли. Народосовѣтіе, слѣдовательно, являлось какъ бы регуляторомъ воли монарха передъ лицомъ исторіи. И дѣйствительно, мы видимъ, что первые Романовы, и Михаилъ Ѳедоровичъ, и Алексѣй Михайловичъ, твердо держатся принциповъ народосовѣтія, поступаясь иногда передъ голосомъ и совѣтомъ «земли» своими личными намѣреніями и убѣжденіями. Оба первые Романовы, такимъ образомъ, пребывали вѣрны тому своего рода договорному началу, на коемъ земская Россія вручила имъ неограниченную власть, а потому

и въ жизни страны тѣхъ историческихъ періодовъ и теоретически, и практически наблюдается гармонія и единство политической жизни, гдѣ государственность и «земля», гдѣ народная воля, ея руководство и выполненіе находятся въ неразрывной органической связи и не становятся другъ къ другу въ отношенія враждебныя и обостренныя, какъ то мы наблюдаемъ въ новѣйшій періодъ нашей исторіи вплоть до 1905 года. Петръ Великій, по соображеніямъ реформаторской дѣятельности, преступилъ краеугольныя основы власти, созданныя соборомъ 1613 года, изданіемъ закона о престолонаслѣдїи и уничтоженіемъ начала народосовѣтія. Оба элемента, непременно сопутствующіе понятію и сущности преержащей власти, были имъ насильственно отсѣчены, а его преемниками внесены сюда еще элементъ, категорически отвергнутый соборомъ 1613 года и даже имъ запрещенный, а именно элементъ инародчeskій, благодаря которому русскій престоль оказался впоследствии во власти людей не русскаго, а иноземнаго происхожденія, вышедшихъ изъ династїи ангальтъ-цербтской и голштинской. Эта эволюція въ существѣ и понятїи самодержавія, утвержденнаго народною волею въ 1613 году, имѣла бѣдственное значеніе и послѣдствія въ исторической жизни Россїи, отдѣливъ и устранивъ царя отъ народа и создавъ между ними искусственную среду бюрократїи, чуждую народу и часто недобросовѣстную въ отношенїи верховной власти, что особенно рельефно и рѣзко выразилось въ эпоху временщиковъ и фаворитовъ и въ тѣ годы русской смуты и общаго шатанія, когда въ этомъ единенїи чувствовалась особая нужда для созданія въ Россїи спокойной и мощной жизни, на благо всѣхъ классовъ члч ченїя и всѣхъ народовъ, въ ней обитающихъ.

Нынѣ, наканунѣ 300-лѣтняго юбилея царствующаго дома Романовыхъ, та пропасть, которая создана была Петромъ Великимъ между государственной властью и «землею», принципиально сравнена: манифестъ 17-го октября 1905 года возстановилъ то договорное начало, которое было установлено при избранїи перваго представителя рода Романовыхъ. Власть и народъ снова встрѣтились лицомъ къ лицу для совмѣстной работы на пользу Россїи. Быть можетъ, во вновь установившихся отношенїяхъ не все съ формальной стороны гладко, но, можно надѣяться, практика жизни, время и добрая воля обѣихъ сторонъ найдутъ возможность полного и всесторонняго единенія, при наличїи котораго русскому народу не будутъ страшны никакія бури и невзгоды, если только имъ суждено будетъ пронестись по лицу нашей земли.

Не вступая въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ эпизодовъ и мѣропрїятїй по обоимъ царствованїямъ первыхъ Романовыхъ, отмѣтимъ лишь, что въ первое изъ этихъ царствованїй главная забота правительства, во главѣ котораго фактически сталъ отецъ Михаила Федоровича, патриархъ Филаретъ, заключалась въ ликвидаціи печальныхъ послѣдствїй

Императоръ Петръ Великій.

смутнаго времени, въ укрѣпленіи народнаго хозяйства и въ борьбѣ съ злоупотребленіями чиновнаго сословія. Въ отношеніи сосѣдей Россія при Михаилѣ Ѳедоровичѣ не заняла выгодной позиціи и, не рѣшаясь на даже необходимыя военныя дѣйствія, всѣ силы употребила на упорядоченіе внутреннихъ дѣлъ. Большее оживленіе

творческаго порядка въ жизни страны наблюдается при Алексѣѣ Михайловичѣ. Тутъ одна реформа слѣдуетъ за другою, какъ въ области гражданской, такъ и церковной, и Россія, упорядоченная въ законодательномъ и административномъ отношеніяхъ, получаетъ возможность болѣе смѣлаго голоса въ дѣлахъ внѣшней политики. Однимъ изъ главныхъ послѣдствій этой стороны нашей жизни является перевѣсъ правительства Алексѣя Михайловича надъ Польшею, благодаря чему къ владѣніямъ Московскаго государства возвращаются Смоленскъ, Сѣверская область, лѣвобережная Украина и городъ Кіевъ на правомъ берегу Днѣпра. Съ того времени на фонѣ русской жизни возникаетъ малороссійскій вопросъ, рѣшеніе котораго вернуло Московскому государству часть вотчинъ, бывшихъ колыбелью русскаго народа. Съ того времени наблюдается колонизаціонное движеніе великорусскаго племени на югъ и, съ другой стороны, распространеніе культурнаго воздѣйствія юга, находившагося издавна подъ польскимъ вліяніемъ, на всю территорию Московскаго государства. Человѣкъ для своего времени высокообразованный, Алексѣй Михайловичъ охотно даетъ мѣсто западно-европейскимъ вѣяніямъ и стремится въ рядѣ культурныхъ начинаній поднять значеніе Россіи до степени сосѣднихъ государствъ.

Такимъ образомъ, Россія подъ скипетромъ первыхъ Романовыхъ успокоилась и отдохнула отъ волненій предыдущихъ бурныхъ періодовъ, пришла въ государственную норму, окрѣпла экономически и вступила на путь приближенія къ европейскому просвѣщенію. Сами вѣнценосцы во всѣхъ этихъ реформенныхъ начинаніяхъ стояли во главѣ и личнымъ примѣромъ, личными симпатіями и наклонностями показывали своему народу путь движенія навстрѣчу прогрессу.

Резюмируя въ своемъ «Курсѣ русской исторіи» дѣянія первыхъ двухъ представителей дома Романовыхъ, авторъ «Курса» А. И. Боргманъ говоритъ, что и Михаилъ Ѳедоровичъ, и Алексѣй Михайловичъ, «стремясь возстановить дѣйствовавшій до смуты московскій порядокъ, внесли въ него, однако, много новаго, и московская Русь за время ихъ правленія значительно преобразовалась.

I. Верховная власть, освободившись отъ послѣднихъ признаковъ удѣльной старины и получивъ національно-демократическій характеръ, сдѣлалась вполне неограниченной: разбитое смутой боярство должно было отказаться отъ политическихъ притязаній; земскіе соборы, сотрудничавшіе съ царемъ въ первой половинѣ XVII вѣка, во второй половинѣ его перестали созываться; теократическая попытка Никона окончилась неудачей. Единственнымъ общепризнаннымъ носителемъ всей полноты власти законодательной, судебной и исполнительной былъ царь, считавшійся также верховнымъ покровителемъ церкви.

«Установившееся самодержавіе приводило къ централизаціи управленія, т. е. къ управленію посредствомъ назначенныхъ властью

(а не избранныхъ населеніемъ) должностныхъ лицъ и вполнѣ зависимыхъ отъ нея учреждений.

II. Московскія учрежденія, отличавшіяся прежде неоформленнымъ, распылчатымъ характеромъ, со второй половины XVII вѣка стали постепенно получать опредѣленную организацію, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю.

III. Московскія сословія выкристаллизовались, обособились другъ отъ друга и сложились въ три главныя группы: а) служилую—дворянскую, б) торгово-промышленную—посадскую, в) крѣпостную—крестьянскую.

IV. Внутренній застой московской жизни былъ побѣжденъ церковной реформой и цѣлымъ рядомъ сознательныхъ подражаній Западной Европѣ.

V. Въ нѣкоторой части московскаго общества крѣпла вѣра въ могущество западной науки и зрѣли планы широкихъ преобразованій.

«Послѣднее показываетъ, что «русскій народъ», какъ говоритъ историкъ Соловьевъ, «собрался въ дорогу и ждалъ вождя».

«Такимъ вождемъ сталъ младшій сынъ Алексѣя Михайловича—Петръ Великій».

Громадное значеніе новой династіи въ жизни Россіи получается съ появленіемъ на престолѣ Петра Алексѣевича. Въ его лицѣ и его дѣятельности домъ Романовыхъ оказываетъ Россіи необычайныя услуги и создаетъ изъ еще недавняго полуазиатскаго государства мощную европейскую державу, которая становится по своимъ міровымъ задачамъ въ уровень съ старѣйшими государствами Западной Европы. Петръ Великій воплотилъ въ себѣ въ полномъ объемѣ геній своего народа и представилъ всемірной исторіи образъ вѣнценосца, вся жизнь котораго цѣликомъ была отдана счастью и славѣ своей родины. На грани, отдѣляющей старую и новую Россію, онъ сталъ во весь свой гигантскій ростъ въ сіяніи «страшной славы съ окровавленнымъ порогомъ», которымъ съ беспощадностью рубилъ нѣкоторыя еще связи, соединявшія бывшее Московское государство династіи Рюриковичей съ традиціями и устоями обветшавшей старины. Петръ покончилъ съ Московскимъ государствомъ и создалъ новую Романовскую имперію, въ политическихъ условіяхъ жизни которой мы и встрѣчаемъ наступающій трехсотлѣтній юбилей нынѣ благополучно царствующаго дома.

Россія, какъ уже сказано было выше, и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, и при Алексѣѣ Михайловичѣ сдвинулась съ той мертвой точки, къ которой ее по необходимости прикрѣпили предшествовавшіе цари. Новыя вѣянія ужъ бродили въ русскомъ обществѣ въ половинѣ XVII вѣка, но вѣянія эти не носили на себѣ характера строгой опредѣленности, не конкретизировались выработанными и

отчеканенными вышшими формулами. Россія въ царствованіе первыхъ двухъ Романовыхъ совершала свой медлительный государственный круговоротъ, что при быстромъ ростѣ культуры западныхъ сосѣдей представляло для нея громадную опасность. При счастливо сложившейся конъюнктурѣ историческихъ обстоятельствъ она могла быть отброшена къ востоку, замкнута въ тѣсныя рамки и явиться подобіемъ тѣхъ азіатскихъ державъ, которыя когда-то зачали медленною смертью. Швеція, Польша были тѣми историческими врагами Россіи, которые на аренѣ исторической жизни ставили кандидатуру своего первенства надъ московскою державою. Вотъ эту самую опасность прозрѣлъ Великій Петръ уже въ раннемъ своемъ возрастѣ, почему и напрягъ все силы своей воли къ тому, чтобы отвратить эту опасность и создать изъ подвластной ему державы крупную военную силу, которая мощью своего меча могла бы не только противостоятъ всеѣмъ грядущимъ бѣдствіямъ, но и пойти имъ навстрѣчу, дабы тѣмъ обезопасить свою великодержавность. До него «Великая Московія» была для западныхъ государствъ лишь громаднымъ рынкомъ, доставляющимъ ей необходимое сырье и потребляющимъ ея выдѣланные фабрикаты. Такое положеніе вещей до извѣстной степени сохранилось и понынѣ, благодаря громадности нашей территоріи, малой ея заселенности и незначительности культуры, но Петръ Великій ослабилъ силу этой экономической зависимости и выдвинулъ Россію на аванцену міровой жизни, какъ крупный политическій факторъ, въ извѣстные моменты оказывавшій на судьбы Западной Европы рѣшающее вліяніе. Вѣкъ Екатерины II, Александра I, Николая I и послѣдующіе могли вылиться въ опредѣленные историческіе факты лишь благодаря тому, что Петръ Великій рѣзко разорвалъ съ традиціями Востока и при помощи военной силы, ради созданія которой имъ было принесено столько жертвъ, смѣло занялъ опредѣленное мѣсто среди старыхъ культурныхъ народовъ, которые, по необходимости, и признали значеніе Россіи, какъ великой державы.

Н. И. Костомаровъ въ своей художественной монографіи «Петръ Великій», обрисовывая сгущенными красками, съ преобладаніемъ въ нихъ темныхъ тоновъ, образъ великаго реформатора Россіи, говоритъ: «Петру помогло болѣе всего его самодержавіе, унаслѣдованное имъ отъ предковъ. Онъ создаетъ войско и флотъ, хотя для этого требуется безчисленное множество человѣческихъ жертвъ и плодъ многолѣтняго народнаго труда,—все приносится народомъ для этой цѣли, хотя собственно народъ этого ясно не понимаетъ и потому не желаетъ; все приносится оттого, что такъ хочетъ царь. Налагаются неимоверные налоги, высылаются на войну и на тяжелыя работы сотни тысячъ молодого здороваго поколѣнія для того, чтобы уже не возвратиться домой. Народъ разоряется, нищаетъ, зато Россія пріобрѣтаетъ моря, расширяетъ предѣлы государства,

организуе войско, способное мѣряться съ сосѣдями. Русскіе издавна привыкли къ своимъ стариннымъ пріемамъ жизни, они ненавидѣли все иноземное; погруженные въ свое виѣшнее благочестіе, они оказывали отвращеніе къ наукамъ. Самодержавный царь заставляе ихъ одѣваться по иноземному, учиться иноземнымъ знаніямъ, пренебрегать дѣдовскими обычаями, и, такъ сказать плевать на то, что прежде имѣло для всѣхъ ореолъ святости. И рус-

Императрица Екатерина I.

скіе пересиливають себя, повинуются, потому что такъ хочет ихъ самодержавный царь».

По поводу этой характеристики мы въ своемъ мѣстѣ («Борьба за конституцію») говорили, что въ этой картинѣ, нарисованной далеко не любящей рукой, чрезвычайно, однако, мѣтко и вѣрно выдвинута художникомъ-историкомъ волевая сторона дѣятельности великаго реформатора: послѣдняя явилась тѣмъ живымъ насосомъ, который энергично выкачивалъ изъ страны и народа ихъ силу, способность и мощь, въ интересахъ государственности, ея крѣпости и военной

обороны; въ этихъ-то интересахъ вся страна была залита кровью и наполнена борьбою, при чемъ эта борьба шла не изъ пѣдрь народныхъ къ подножію престола, а въ обратномъ направленіи. Поэтому, если утвержденіе профессора С. Θ. Платонова ¹⁾, что «реформы Петра по своему существу и результатамъ не были переворотомъ, Петръ не былъ «царемъ-революціонеромъ», какъ его иногда любятъ называть»,—и можетъ быть признано справедливымъ, то только съ оговоркою: настоящей революціи дѣйствительно еще не было въ смыслѣ коренного видоизмѣненія конструкціи старо-московскихъ учреждений и ихъ содержанія или народной экономики, но способы осуществленія тѣхъ или иныхъ предначертаній были, несомнѣнно, революціоннаго характера и свойства; однако страна была такъ обезсилена волевымъ напряженіемъ дѣятельности верховной власти, что рѣшительно не имѣла силъ для какой-либо сложной и серьезной активной оппозиціи начинаніямъ этой власти, хотя самимъ начинаніямъ въ большинствѣ случаевъ и въ большей своей части положительно не сочувствовала. Поэтому въ царствованіе Петра I, послѣ устраненія Софьи Алексѣевны отъ власти, не встрѣчается какого-либо широкаго народнаго движенія съ характеромъ общегосударственной смуты, которое бы серьезно грозило политическимъ и социальнo-экономическимъ основамъ государственнаго уклада, какъ это было, на примѣръ, въ смутное время или въ дни возстанія Разина, хотя поводовъ и побудительныхъ причинъ было немало.

Принявъ на себя громадную задачу реформированія Россіи въ духѣ новаго времени и западно-европейскихъ идеаловъ, Петръ Великій поставилъ свою самодержавную власть на абсолютную высоту съ отвѣтомъ за свои дѣянія только передъ Богомъ и безъ права подчиненныхъ вопрошать ее; «что твориши». Эту идею своей власти, до извѣстной степени совпадающую съ тѣмъ же понятіемъ о власти Іоанна Грознаго, Петръ Великій рѣзко обосновалъ въ «Воинскомъ уставѣ», а также провелъ ее въ сочиненіи Теофана Прокоповича «Правда воли монаршей». Въ цѣляхъ безапелляціонности своей власти преобразователь Россіи отказался отъ государственнаго элемента народосовѣтія, почему въ его царствованіе земскіе соборы не собираются, и голосъ земли доходитъ до него черезъ посредство поощряемыхъ имъ записокъ съ разсужденіями о государственномъ строительствѣ и управленіи. Такого рода участіе представителей общества и народа въ развитіи государственной жизни страны замѣняетъ въ глазахъ Петра необходимость въ быломъ народосовѣтіи, которое при своемъ функціонированіи могло бы и разойтись принципиально съ царемъ во взглядахъ на стремительность его мѣропріятій. Консервативная страна, недостаточно еще поли-

---

¹⁾ «Лекціи по русской исторіи».

ПЕТРЪ II ИМПЕРАТОРЪ И СЮЛТЕРЖЕНЬ
Петръ II Императоръ
Petrus II Imperator
Imperator Russiarum

тически воспитанная, могла бы передъ лицомъ всей земли выразить своему царю извѣстное несочувствіе, руководясь въ данномъ случаѣ не столько соображеніями общегосударственными, сколько побужденіями экономической и социальной заинтересованности. Записки же и мемориалы, толкующіе только о средствахъ и способахъ

государственного правленія о конструкторіи тѣхъ или иныхъ учрежденій, не являлись для царя нравственно обязательными и никоимъ образомъ не должны были допускать критику основныхъ устоевъ имперіи, гдѣ Петромъ Великимъ неизбежно опредѣлялась форма нашего государственнаго строя.

Въ интересахъ все той же своей политики въ области государственнаго управленія Петръ I кореннымъ образомъ измѣнилъ и законъ о престолонаслѣдіи, поставивъ его въ исключительную зависимость отъ данной самодержавной воли; но неожиданная кончина царя не дала ему возможности выразить по сему предмету воли о наслѣдованіи послѣ него, и, такимъ образомъ, благодаря несчастной случайности, вопросъ о русскомъ престолѣ попалъ въ зависимость отъ явленій случайныхъ. По сему предмету намъ приходится только повторить свои заключенія, высказанныя въ книгѣ «Борьба за конституцію». По нашему мнѣнію, судьба обширной монархіи съ далеко еще не укрѣпленными и не обезопасенными границами, гдѣ въ каждую данную минуту могли или вспыхнуть тѣ или иныя волненія, или куда свободно могли вторгнуться полчища непріятелей, была отдана во власть тѣхъ, кто ближе всего стоялъ къ престолу и кто могъ располагать для завладѣнія этимъ престоломъ необходимыми матеріальными средствами и легчайшею возможностью. Благо государства и народа было брошено въ руки произвола, и послѣдній не запоздалъ принести губительные плоды. Петръ оставилъ послѣ себя жену, съ которой нѣкогда состоялъ въ внѣбрачной гражданской связи, по крови иностранку; женщину темнаго происхожденія и съ репутатціей «супруги Цезаря», двухъ внѣбрачныхъ дочерей ея, Анну и Елизавету, и малолѣтняго внука Петра Алексѣевича, сына несчастнаго, загубленнаго имъ царевича Алексѣя Петровича.

При былыхъ московскихъ порядкахъ не могло возникнуть и вопроса, кому надлежитъ вступить на престолъ и хотя бы номинально числиться правителемъ страны: народный голосъ именовъ земскаго собора, собраннаго въ той или иной формѣ, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, произнесъ бы свое слово, которое, какъ бы его ни разсматривать, было бы юридической и верховной санкціей со стороны народа и страны. Несомнѣнно, что этотъ голосъ былъ бы поданъ за малолѣтняго Петра Алексѣевича, а фактическая власть вручена регентству и опекѣ, составленной изъ представителей духовной и государственной власти, представителей царствующаго дома и дворцовой среды. Такія регентства бывали уже на Руси, и почерпнуть примѣръ изъ прошлаго не представило бы труда, но воля, или, подъ угломъ зрѣнія юридическихъ понятій, произволъ Петра породилъ и развитіе этого произвола съ заключительнымъ здѣсь финаломъ въ актѣ захвата власти. И захватъ этотъ совершается при содѣйствіи нѣкоторыхъ вліятельныхъ вельможъ, преслѣдую-

щихъ въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ цѣли личнаго благополучія, а также гвардіи, склоненной къ тому, между прочимъ, щедрыми подарками и деньгами. Последняя съ этого момента и въ теченіе цѣлаго столѣтія, т. е. въ 1725 по 1826 годъ, становится главною вершительницею судебъ Русскаго царства, возводя на престоль тѣхъ или иныхъ искателей его, низлагая бывшихъ своихъ ставленниковъ и даже въ одномъ случаѣ устанавливая самую форму правленія.

Не успѣлъ Петръ Великій испустить послѣднее дыханіе, какъ на осиротѣлый престоль вступила его жена, въ корнѣ разрушивъ этимъ тѣ основанія, на коихъ земскій соборъ 1613 года вручилъ дому Романовыхъ російскій скипетръ и державу. Петръ I отсѣкъ отъ довѣреннаго его предкамъ самодержавія элементъ народосоветія, а супруга его внесла сюда еще элементъ иноземщины, обезнаціоналивъ такимъ образомъ идею московской неограниченной власти. Последнимъ актомъ было оказано волѣ народа полное пренебреженіе, и юридическую пропасть, созданную въ началѣ XVIII вѣка между престоломъ и народомъ, преемница Петра расширила еще болѣе. Съ момента вступленія Екатерины I на престоль опорой самодержавія становится исключительно бюрократія, придворная знать и «любимцы гвардіи, гвардейцы, гвардіонцы», при пассивномъ отношеніи къ нему народа, роль котораго сводится къ тому времени къ исключительному и безмолвному повиновенію, что онъ неукоснительно и дѣлаетъ вплоть до Пугачевского бунта, когда откуда-то изъ очень глубокихъ нѣдръ народнаго духа какъ бы вырвался долго затаенный, скорбный и грозный вопль, потрясшій всю русскую землю кровавымъ терроромъ.

Не касаясь обстоятельствъ семейной и внутренней жизни великаго царя, оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе многочисленныхъ историческихъ фактовъ его царствованія и пути, по которому онъ шель въ своемъ самообразованіи, остановимся лишь на главнѣйшихъ его реформахъ и дѣянiяхъ въ кругу внѣшней политики.

Вступивъ на путь преобразования, Петръ не столько передѣлалъ существовавшія до него государственныя учрежденія, сколько придалъ имъ новый видъ по западно-европейскому образцу. Онъ уничтожилъ бывше московскіе приказы, на мѣсто которыхъ установилъ коллегіи, по коимъ и были правильно распределены разныя стороны государственнаго управленія; каждая коллегія вѣдала особый кругъ дѣлъ, какъ, на примѣръ: дѣла судебныя, дѣла войсковыя, флота, доходовъ и расходовъ государства и т. д. Въмѣсто бывшей боярской думы имъ основанъ былъ правительствующій сенатъ, коему коллегіи были подчинены, управляясь присылаемыми имъ приказами. Въ 1719 году государство было подѣлено на двѣнадцать губерній, губерніи на провинціи, а провинціи на уѣзды. Всѣ эти мѣстныя учрежденія съ ихъ органами управленія были подчинены кол-

легіямъ. Надъ провинціальными властями въ качествѣ прямой и высшей инстанціи стояли камеръ- и юстиць-коллегіи и главный магистратъ. Такимъ образомъ, Петръ создалъ довольно стройную систему административнаго управленія и придалъ государству спеціальнѣй полицейско-бюрократическій характеръ, при чемъ, однако, принципы административный и судебный были достаточно раздѣлены; элементы, связывавшіе всю администрацію и служившіе для контроля надъ послѣднею со стороны сената, были фискалы (контролеры финансовыя, а отчасти судебныя) и прокуроры, пользовавшіеся болѣе широкими полномочіями, нежели фискалы. Эти контролирующія административно-судебныя единицы состояли при всѣхъ учрежденіяхъ, были подчинены генераль-прокурору, являвшемуся соединительнымъ звеномъ между государемъ и сенатомъ.

Въ области податной системы была введена подушная подать, т. е. правительство стало собирать подать не со двора, какъ это практиковалось въ Московскомъ государствѣ, а съ каждой ревизской души. Въ виду крайняго напряженія ресурсовъ, пошлины были доведены до высокой степени, но, дабы страну не постигло полное обнищаніе, царь стремился рядомъ съ сельско-хозяйственною производительностью страны развить въ ней фабрично-заводскую, почему при немъ вы видимъ значительный ростъ преимущественно крупныхъ фабрикъ и заводовъ, объединявшихъ около своихъ производительныхъ станковъ большое количество населенія. Серьезное вниманіе было имъ обращено на развитіе ископаемыхъ богатствъ страны, а также на правильное оборудованіе территории путями сообщенія—дорогами и каналами, назначеніе которыхъ сводилось къ облегченію товарообмѣна между населенными пунктами. При всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ главное вниманіе было обращено на то, чтобы таковыя имѣли въ виду ближайшимъ образомъ способствовать нарастанію военной мощи.

Рядомъ съ заботами о матеріальномъ преуспѣяніи страны Петръ не меньше заботъ полагалъ на дѣло народнаго просвѣщенія, въ каковыхъ видахъ учреждаетъ рядъ свѣтскихъ школъ, низшихъ и высшихъ, ставитъ дворянству въ обязанность обученіе грамотѣ, причемъ неграмотный дворянинъ приравнивался по своему положенію къ крестьянину. Онъ посылаетъ за границу молодыхъ людей для обученія разнымъ специальностямъ, вызываетъ въ Россію изъ Западной Европы представителей разной учености, поручаетъ ихъ руководству разнымъ отраслямъ просвѣщенія и промышленности; создаетъ у насъ книжное дѣло и въ интересахъ государственной гласности повременную прессу.

Усматривая въ представителяхъ церковности опасность своимъ нововведеніямъ, онъ подчиняетъ все церковное управленіе свѣтской власти; патриархатъ исчезаетъ, и на мѣсто его создается коллегіальное учрежденіе въ лицѣ святѣйшаго синода, съ властью оберъ-

прокурора, являющагося звеномъ между самодержцемъ и новымъ учрежденіемъ по управленію церковными дѣлами. По отношенію монашества, столь широко развитаго въ Московской Руси, Петръ принимаетъ ограничительныя мѣры и требуетъ, чтобы монастыри являлись органами духовнаго просвѣщенія народа и очагами челоувѣколюбія по призрѣнію больныхъ, увѣчныхъ и дѣтей-сиротъ.

Для всѣхъ этихъ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ реформъ царь находитъ въ себѣ достаточно силъ и времени, чтобы ихъ уста-

Императрица Анна Іоанновна.

навливать, формулировать и слѣдить за правильнымъ ихъ функционированіемъ. Его государственный взоръ и государева воля проникають во всѣ стороны русской жизни, приводятъ все окружающее въ непрерывное движеніе и создаютъ изъ дотолѣ мирно покоившейся страны котель бурнаго кипѣнія. Но понятно, какъ ни велики были физическія и духовныя силы гениальнаго представителя русскаго народа, его одного на все не хватало, а потому онъ создаетъ себѣ кадръ помощниковъ, руководясь въ выборѣ таковыхъ не былыми соображеніями высокаго родового происхожденія, а степенью талантливости, сочувствія къ своему реформаторскому импульсу и способностью стать на высоту извѣстнаго порученія и требованія момента. Поэтому рядомъ съ родовитыми лицами, какъ Шереметевы,

Апраксинъ, Долгорукіе, мы видимъ и лицъ низкаго происхожденія, каковыми были Меншиковъ, Шафировъ и др. Разрывая съ традиціями былого царскаго обихода, Петръ, по заключеніи своей первой супруги въ монастырь, беретъ себѣ въ жены женщину простаго происхожденія—Екатерину Скавронскую, и этимъ отрѣзаетъ возможность какимъ-либо родовымъ придворнымъ связямъ и интригамъ. Даже своего сына, несчастнаго Алексѣя Петровича, онъ приноситъ въ жертву благу страны, увидавъ въ немъ сторонника и поклонника былого московскаго уклада жизни.

Создавая военную мощь Россіи, царь доводитъ свою армію, преобразованную на европейскій ладъ, до 200 тысячъ человекъ, а флотъ—до сорока восьми большихъ кораблей и 800 мелкихъ судовъ. И эта армія, и этотъ флотъ были нужны ему для расширенія нашихъ слабо очерченныхъ границъ до морскихъ береговъ и открытія свободныхъ морскихъ путей въ интересахъ развитія отечественной торговли и промышленности. Борьба съ Карломъ XII и сокрушеніе его воинской славы на поляхъ Полтавы были тѣмъ кульминаціоннымъ пунктомъ въ жизни великаго государя, гдѣ, какъ въ фокусѣ, отразились всѣ его сокровенныя думы о Россіи и оправдались его труды и заботы о великодержавности Россіи.

Авангардомъ Европы въ достиженіи умаленія политическаго значенія Россіи сначала была Польша, а ко времени Петра I ея мѣсто было занято Швеціей. По словамъ сотрудника царя извѣстнаго Шафирова, «шведская корона, всегда російскому государству враждебная, паче всего искала, дабы всегда оное въ невѣдѣніи въ воинскихъ и политическихъ дѣлахъ содержать и ни до какого искусства чрезъ обхожденіе съ европейскими народами не допускать, какіе максимы или правила королями шведскими предложены были, о которыхъ Пуфендорфъ напоминаетъ, а именно, чтобъ всяко содержать російскій, яко сильной народъ внѣ эксерциціи военнаго». Имѣя противъ себя одновременно враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, интересы которыхъ для даннаго историческаго момента совпадали, Петру приходилось бороться на два фронта, причемъ пораженіе со стороны врага внѣшняго было для него, а съ нимъ вмѣстѣ и для всей Россіи, равносильно полному крушенію готовившагося и уже отчасти совершившагося обновленія нашего государственнаго и политическаго строя. Поэтому, когда въ 1700 г. началась Великая Сѣверная война, то Петру пришлось проявить всю свою желѣзную энергію и волю, чтобы привести эту войну къ благополучному для Россіи концу, несмотря даже на отсутствіе рука объ руку съ нимъ надежныхъ союзниковъ и несмотря на претерпѣваемые въ началѣ войны неудачи. Разгромъ русскаго войска Карломъ XII при Нарвѣ не смутилъ царя, и въ своемъ письмѣ боярину Шереметеву онъ приказывалъ не впадать въ отчаяніе отъ несчастія и безъ всякихъ отговорокъ оставаться при «начатомъ дѣлѣ» и итти

впередъ «для лучшаго вреда непріятелю». Для усиленія этого вреда онъ мѣняетъ тактику, научая свои войска побѣждать врага мелкими стычками, ослабляя его набѣгами, партизанскими стычками и ставя въ затруднительное положеніе матеріальными лишеніями и недостаткомъ боевыхъ припасовъ. Эта тактика имѣла громадное воспитательное значеніе для молодого русскаго регулярнаго войска и не замедлила дать благіе практическіе результаты. «Боевое счастье» начинаетъ склоняться въ сторону Россіи. Уже съ 1701 года мы разбиваемъ непобѣдимыхъ дотолѣ шведовъ при Ропшиной мызѣ, затѣмъ при Эрестферѣ, при Гумельстофѣ, беремъ штурмомъ Маріенбургъ, Нотебургъ, Ніеншанць, Дерптъ, Митаву. Въ промежутокъ пяти лѣтъ Петръ, не ослабляя своей преобразовательной политики въ дѣлахъ внутреннихъ и проявляя кипучую дѣятельность на самыхъ разностороннихъ поприщахъ отечественной жизни, то какъ «мореплаватель», то какъ «плотникъ» и строитель новой сѣверной столицы, то какъ законодатель и насадитель у насъ европейскаго просвѣщенія, успѣваетъ создать армію, крещеную боевымъ побѣдоноснымъ огнемъ и сильную своимъ духомъ и вѣрою въ геній своего державнаго вождя. Въ это же время непобѣдимый прежде Карлъ XII, по образному выраженію нашего геніальнаго поэта, «скользилъ надъ бездною», воочию видя таяніе своей арміи и не имѣя возможности сойтись со своимъ вражескимъ исполиномъ грудь съ грудью. Войска Петра были неуловимы, и бывшему баловню военной фортуны оставалось лишь вымѣщать свою ярость на союзникахъ московскаго царя—саксонцахъ и полякахъ. Вѣсти о пораженіи послѣднихъ не причиняютъ огорченія будущему герою Полтавы, и онъ своимъ практическимъ умомъ рѣшаетъ дѣло въ томъ направленіи, что лишаетъ этихъ союзниковъ нужной имъ и выдававшейся прежде денежной субсидіи. Когда въ 1708 г. Карлъ свернулъ съ Смоленской дороги и направился для соединенія съ Мазепою въ Украину, его армія уже значительно ослабѣла и численно поубавилась. Вступленіе въ эту благодатную полосу, гдѣ онъ рассчитывалъ найти, согласно хвастливымъ обѣщаніямъ малороссійскаго гетмана, и многочисленныхъ союзниковъ, и необходимый ему провіантъ, ознаменовалось удачею: при м. Головинѣ онъ разбиваетъ небольшой русскій отрядъ, пытавшійся загородить ему дорогу на югъ. Но радость этой побѣды скоро омрачилась извѣстіемъ о полномъ пораженіи шедшихъ къ нему на соединеніе войскъ Левенгаупта при д. Лѣсной. Изъ ожидавшейся имъ 16-тысячной арміи къ нему прибыло всего лишь 6 тысячъ, остальные или взяты были царемъ въ полонъ, или легли костями на полѣ брани. Не оправдались и планы относительно Украины: Батуринъ, гдѣ шведовъ ожидали собранные Мазепою огромные продовольственные запасы, оказался сожженнымъ русскими войсками, а Малороссія совершенно неготовою къ гостепримной встрѣчѣ шведскаго короля; къ нему присоединилось всего до

«истор. вѣстн.», январь 1913 г., т. сxxxі. иі

8,000 недисциплинированного казачьяго войска, которое явилось лишь обузою для шведовъ. Остальное малороссійское казачество осталось вѣрно царю. Петръ, поставивъ своего противника въ тяжелую матеріальную обстановку, лишилъ его союзниковъ и окружилъ желѣзнымъ воинскимъ полукругомъ, прорваться черезъ который было уже трудно. Слабая въ отношеніи обороны Полтава приковала къ себѣ вниманіе Карла; онъ рѣшилъ направить на нее всѣ свои силы, вопреки совѣтамъ генераловъ, указывавшихъ на необходимость отступить въ Польшу за Днѣпръ, гдѣ въ свое время счастье неизмѣнно сопутствовало шведскому оружію. Штурмъ Полтавы Карлу не удался, и онъ предпринялъ ея правильную осаду, которую, однако, комендантъ крѣпости, полковникъ Келлингъ, искусно отбивалъ, ожидая себѣ выручки со стороны шедшихъ по пятамъ шведовъ войскъ Меншикова и Шереметева. 4-го іюня 1709 года къ арміи подъ Полтаву прибылъ самъ Петръ, до тѣхъ поръ занятый судостроеніемъ въ Воронежѣ, а 27-го числа уже грянулъ бой, знаменитый Полтавскій бой, столь художественно описанный Пушкинымъ. Достаточно уже воспитавъ свое войско, проведя его черезъ рядъ относительно мелкихъ побѣдъ и утвердивъ въ немъ вѣру въ Бога и царя, Петръ наканунѣ генеральнаго сраженія издалъ слѣдующій свой знаменитый указъ:

«Вонны! Се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православленную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимого, которую ложно быти вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по насъ: на Того Единого, яко всеильнаго въ браняхъ, уповайте, а о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ, для благосостоянія вашего...»

Царь принималъ непосредственное участіе въ руководствѣ сраженіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ приказѣ главнокомандующему фельдмаршалу Шереметеву такъ опредѣливъ свою роль: «Господинъ фельдмаршалъ! Поручаю вамъ мою армію и надѣюсь, что въ начальствованіи оною поступите вы согласно предписанію, вамъ данному, а въ случаѣ непредвидѣнномъ, какъ искусный полководецъ. Моя же должность надзирать за всѣмъ вашимъ начальствованіемъ и быть готовымъ на сигурсъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовать будетъ опасность и нужда».

Побѣда наша надъ врагомъ была полная. Шведы потеряли болѣе 9,000 убитыми и ранеными и 2,700 плѣнными; въ числѣ послѣднихъ были Пиперъ, первый министръ короля, и главнокомандующій фельдмаршалъ Реншильдъ. Карлъ въ присутствіи Мазены спасся бѣгствомъ. По окончаніи боя, когда результаты его окончательно

Императрица Елизавета Петровна.

опредѣлились, Петръ, окруженный своими сотрудниками, преклонивъ мечъ, сказалъ: «Здравствуйте, сыны отечества, чады мои возлюбленныя! Потомъ трудовъ моихъ создалъ я васъ; безъ васъ государству, какъ тѣлу безъ души, жить невозможно. Вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, славѣ и ко мнѣ, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись безбоязненно. Храбрыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства».

ш*

Послѣдствія Полтавской побѣды для дальнѣйшей исторіи Россіи были неисчислимы, велики и рѣшительны: «викторія» Петра Великаго укрѣпила все дѣло его преобразованій, убѣдила его противниковъ въ правотѣ государственныхъ и культурныхъ начинаній царя, уничтожила сепаратистическія тенденціи въ Украинѣ, сохранивъ, такимъ образомъ, цѣлостность и единство русской державы, и дала властное положеніе Россіи въ сонмѣ прочихъ европейскихъ государствъ. По словамъ Шафирова, «прежде о російскомъ народѣ въ другихъ европейскихъ государствахъ разсуждали и писали, какъ о индійскомъ, персидскомъ и другихъ народахъ, и не токмо ни въ какихъ европейскихъ дѣлахъ, до войны и миру принадлежащихъ, никакой рефлексіи и разсужденія не имѣли, но и въ число европейскихъ народовъ мало причитали; нынѣ же никакое дѣло даже въ отдаленныхъ краяхъ европейскихъ не чинится, въ которому бы или о пріязни и союзѣ его царскаго величества не старались, или осторожности и опасности отъ него себѣ не имѣли».

Территориальнымъ результатомъ нашей борьбы со шведами было то, что политическое первенство сѣверныхъ державъ перешло въ русскія руки, и мы, завладѣвъ всѣмъ теченіемъ Невы, вмѣстѣ съ тѣмъ заняли и твердо укрѣпились на всемъ финскомъ и балтійскомъ побережьи, которымъ неизмѣнно владѣемъ и понынѣ. Хотя Петру не удалось открыть для Россіи южный портъ, зато онъ обезпечилъ за своей родиной порты сѣверные и сѣверо-западные, которые и явились въ нашей исторической жизни, съ одной стороны, сильными крѣпостями, обезпечивающими до извѣстной степени новую императорскую резиденцію, а съ другой—тѣми вывозными портами, черезъ которые мы обезпечивали свою торговлю съ Западной Европой.

1725 годъ принесъ Россіи великое горе: великій царь скончался на 53 году жизни, т. е. въ такую пору, когда онъ могъ уже вкушать плоды трудовъ своей кратковременной жизни. Россія осиротѣла, но государственныя и политическія завѣты отошедшаго въ вѣчность монарха остались для нея священны. Возврата къ московской старинѣ уже не было, и преемники Петра I въ той или иной степени вынуждены были итти по тому пути развитія Россіи, каковой ей предопредѣлилъ гениальный представитель династіи Романовыхъ.

Преемники почившаго императора не внесли нужныхъ улучшеній во внутреннее государственное управленіе, которое не удовлетворяло при жизни даже и творца его. Въ періодъ съ 1725 по 1762 годъ мы не наблюдаемъ того оживленія экономическихъ производительныхъ и духовныхъ силъ страны, каковое могло осуществляться при стоящемъ на высотѣ своего призванія правительствѣ. Въ центральныхъ учрежденіяхъ въ сильной степени потерялъ свое

значение Петровскій сенатъ и генераль-прокурорская власть; въ интересахъ своекорыстныхъ и сословныхъ вліяніе этихъ учрежденій уступило мѣсто сначала верховному тайному совѣту, засимъ кабинету, должнствовавшимъ, въ сущности, фальсифицировать державную волю лицъ, занимавшихъ Петровскій престолъ. Было нарушено единство и въ провинціальныхъ учрежденіяхъ, и если въ чемъ наблюдались нѣкоторые успѣхи государственной политики преемниковъ Великаго Петра, то это въ области торгово-промышленнаго народнаго хозяйства. Значительно поколебались и соотношенія сословныхъ группъ, при чемъ въ данномъ колебаніи интересы дворянства получаютъ преимущество надъ интересами крестьянства, которое подпадаетъ подъ сильную личную зависимость отъ первенствующаго сословія, получающаго всяческія милости и льготы, благодаря тѣмъ услугамъ, кои это сословіе въ лицѣ стоящей близко къ престолу гвардіи оказываетъ тѣмъ или инымъ претендентамъ на владѣніе російскимъ скипетромъ. Но въ общей сложности установленный Петромъ полицейско-бюрократическій характеръ государственнаго механизма удерживается, частью по инерціи, частью отъ неспособности правителей создать нѣчто новое, болѣе удовлетворяющее социальнымъ и экономическимъ запросамъ страны. Въ періодъ правленія Анны Іоанновны и регентства Анны Леопольдовны наблюдается въ жизни государства нѣкоторая измѣна націоналистическому принципу, но уже съ воцареніемъ Елизаветы Петровны вліянію домашнихъ иноземцевъ наступаетъ конецъ, и русскіе люди, какъ то было при Петрѣ I, снова получаютъ преобладающее значеніе въ управленіи государствомъ. Въ общемъ можно сказать, что послѣдовавшія одно за другимъ царствованія Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны и даже Елизаветы Петровны не сыграли на общемъ фонѣ отечественной дѣйствительности особо выдающейся роли и не оставили въ памяти народной виднаго и благодарнаго слѣда.

Немного выиграла Россія въ успѣхахъ своей внѣшней политики, и только войны при Аннѣ Іоанновнѣ и въ особенности при Елизаветѣ Петровнѣ продолжали напоминать Европѣ, оттоманскому правительству и Востоку, что воинскія традиціи великаго преобразователя Россіи не исчезли, и русская армія во всякій нужный моментъ готова силою оружія до послѣдней крайности защищать интересы имперіи почившаго императора. Въ особенности сила русскаго оружія дала себя знать при Елизаветѣ Петровнѣ въ Семилѣтнюю войну, когда русскія войска, впервые выведенныя за западные предѣлы своего отечества, сумѣли занять даже столицу Фридриха Великаго.

Просвѣтительныя начинанія до воцаренія Елизаветы не могли быть отмѣчены особыми успѣхами. Въ этомъ отношеніи до нея наблюдается въ жизни страны даже своего рода регрессъ. Нѣмцы, стоявшіе во главѣ руководства нашими правительственными, издѣй-

ствовали животворяще на русскую жизнь и только вносили сюда элемент оскорбленія національнаго чувства. Только съ ея воцареніемъ просвѣтительныя тенденціи ея великаго родителя снова выступаютъ на авансцену, и Россія обогащается нѣкоторыми учебными заведеніями, сыгравшими въ жизни русскаго народа немаловажную роль. Такъ, въ 1755 году въ Москвѣ былъ основанъ университетъ съ тремя факультетами—юридическимъ, медицинскимъ, и философскимъ—и двумя гимназіями для подготовки ко вступленію въ него; въ 1757 году въ Петербургѣ открыта академія художествъ и первый театръ для публики, директоромъ котораго былъ назначенъ первый русскій свѣтскій драматургъ Сумароковъ. При ней же было обращено особенное вниманіе на насажденіе въ нашемъ отечествѣ широкой медицинской помощи и выказана забота о судьбѣ инвалидовъ, какъ изъ состава офицеровъ, такъ и солдатъ. Подобно тому, какъ ея родитель создалъ въ сѣверной столицѣ первую газету, такъ она основала при московскомъ университетѣ «Московскія Вѣдомости», явившіяся для провинціальной Россіи освѣдомительнымъ органомъ о разныхъ явленіяхъ отечественной жизни. Вообще при Елизаветѣ Петровнѣ наблюдается подъемъ національнаго самосознанія, подавленнаго въ предыдущую эпоху.

Эпоха преемниковъ Петра Великаго, каковую можно опредѣлить періодомъ времени съ 1725 по 1762 годъ, была богата всяческими придворными авантюрами, вліяніемъ фаворитовъ, почему наши романисты попользовались немалымъ историческимъ матеріаломъ изъ тѣхъ годовъ для своихъ романовъ, повѣстей и монографій. Въ последнее время эпохою преемниковъ великаго Петра особенно занялся польскій историкъ К. Валишевскій, въ рядѣ мастерскихъ жизнеописаній ярко воспроизведшій ту смутную и любопытную эпоху съ ея сильными и слабыми представителями. Въ текущемъ году редакція «Историческаго Вѣстника» даетъ на своихъ страницахъ романъ, берущій содержаніе изъ начала царствованія Анны Иоанновны, возведенной волею верховниковъ на всероссійскій престолъ послѣ того, какъ мужская вѣтвь дома Романовыхъ со смертію Петра II закончилась. Этотъ романъ «Борьба у престола» талантливаго беллетриста Ф. Е. Зарина-Несвицкаго воспроизведетъ передъ читателями одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ русской исторіи, когда сдѣлана была попытка за поднесеніе скипетра и державы забытой дотошъ курляндской герцогини ограничить самодержавную волю русскаго монарха и насадить въ Россіи аристократическую конституцію. Мы подробно говорили въ свое время объ этомъ историческомъ моментѣ въ нашихъ очеркахъ «Борьба за конституцію», почему не будемъ предвосхищать у нашего беллетриста его яркій историческій матеріалъ и не лишимъ его произведеніе интереса новизны.

Императоръ Петръ III.

Императоръ Петръ III ¹⁾, приходившійся племянникомъ Елизаветъ Петровнѣ и вывезенный ею изъ Голштиніи для наслѣдованія престола своей тетки, не оправдалъ ни надеждъ почившей императрицы, ни чаяній русскаго народа. Онъ оказался слишкомъ преданнымъ интересамъ прусскаго короля и не достаточно отвѣчающимъ

¹⁾ Сынъ дочери Петра Великаго Анны, вѣданной замужъ за герцога Голштинскаго.

идеаламъ самодержца, укоренившимся со времени первыхъ Романовыхъ въ народѣ. Хотя въ своихъ внутреннихъ мѣропріятіяхъ: отмѣна указа о вольности дворянства, уничтоженіе тайной канцеляріи, занимавшейся спеціально сыскомъ и пытками, запрещеніе преслѣдовать раскольниковъ,—онъ и не принесъ государству вреда. но тѣмъ не менѣе все его поведеніе задѣло самолюбіе и гордость арміи, высшаго чиновничества и придворной знати, почему и дни его царствованія оказались болѣе чѣмъ коротки. Онъ былъ сметенъ съ лица исторіи, и его мѣсто на престолѣ Великаго Петра заняла его супруга Екатерина Алексѣевна, бывшая ангальтъ-цербтская принцесса, открывшая собою въ жизни нашей государственности богатый сказочный вѣкъ съ его богатырями ума и чувства, покрывшими Россію неувыдаемой славой.

Вѣкъ Екатерины, продолжавшійся почти тридцать пять лѣтъ, можетъ считаться по достигнутымъ имъ успѣхамъ въ области внѣшней политики и въ развитіи русскаго творчества и культуры однимъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ въ исторіи Россіи. Царствованіе «Сѣверной Семирамиды», какъ называли Екатерину, по всей справедливости разсматривается въ нашей исторіи въ качествѣ довершенія дѣла Петровыхъ. При ней наши границы значительно расширяются, мы получаемъ выходъ къ южнымъ портамъ, закрѣпляемъ свое положеніе на сѣверѣ въ отношеніи Швеціи и наносимъ рѣшительный ударъ безгосударственной въ то время Польшѣ, отсѣкая, такимъ образомъ, отъ нашей исторической жизни элементъ постоянной тревоги и безпокойства, стоившихъ намъ непрестаннаго напряженія вооруженныхъ силъ; Россія овладѣваетъ «жемчужиною Чернаго моря»—Крымомъ—и крѣпко цементируетъ своею государственною средневѣковой укладъ Малороссіи. Къ тому же времени относится и усиленіе нашего движенія на Востокъ, гдѣ мы распространяемъ свои владѣнія на никому не принадлежавшій сѣверо-западный берегъ Америки отъ Берингова пролива до Испанскій Калифорніи, устанавливаемъ наши торговыя сношенія съ Манилою, Кантономъ, Бостономъ и Нью-Йоркомъ. Такимъ образомъ, ведя борьбу и активную политику на всѣхъ фронтахъ, Россія до очень большого размѣра расширяетъ свою территорію, на которой наблюдается и сильный ростъ населенія. По ревизіи перваго года царствованія Екатерины II населеніе имперіи опредѣлялось въ 19 милліоновъ, по ревизіи послѣдняго года ея царствованія—въ 30 милліоновъ, причемъ изъ этой цифры 7 милліоновъ относятся къ пріобрѣтеннымъ землямъ црства Польскаго и Малороссіи.

Въ связи съ увеличеніемъ территоріи и населенія увеличивается и нашъ государственный бюджетъ; доходы достигаютъ 68 милліоновъ рублей, но ими не покрываются несомые въ тѣ годы расходы, благо-

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ

CATHERINE THE SECOND.

даря непрерывнымъ войнамъ и внутреннимъ смутамъ (Пугачевщина), потребовавшимъ отъ правительства мобилизаціи арміи до 400 тысячъ человѣкъ, то есть доведенія ея до цифры вдвое больше, чѣмъ каковой она располагала при Петрѣ I. Для покрытія расходовъ Екатерина устраиваетъ ассигнаціонный банкъ, а также прибѣгаетъ, впервые въ нашей исторіи, къ внѣшнимъ займамъ у иноземныхъ банкировъ, которые дарятъ уже Россію своимъ довѣріемъ, видя ея экономическій и культурный ростъ. Можно съ достаточной достовѣрностью полагать, что этотъ ростъ былъ бы еще сильнѣе, не вмѣшайся тутъ вопросъ дворянской политики, ради которой все было принесено въ жертву интересамъ первенствующаго сословія. Обязанная этому сословію возведеніемъ на престолъ и справедливо усматривая необходимость для себя, ради безопасности этого престола, опраться на дворянство, Екатерина придала характеръ своей внутренней политикѣ специально дворянскій, при ней это сословіе до-нельзя умножилось, кристаллизовалось въ своихъ правовыхъ сословныхъ интересахъ и стало какъ бы своего рода начальствомъ надъ всѣмъ прочимъ населеніемъ имперіи. Крѣпостное право при ней совершенно узаконяется и получаетъ характеръ института, безъ коего самое существованіе имперіи и ея учрежденій становится невыслышимымъ.

Вмѣстѣ съ этимъ императрица употребляетъ большое усиліе на развитіе городской жизни, сосредоточивая тутъ рядомъ мѣропріятій значительные кадры населенія въ интересахъ развитія торговли и промышленности. Достаточно указать, что, если при Петрѣ I количество фабрикъ и заводовъ достигало цифры 250, то при Екатеринѣ эта цифра увеличилась въ восемь разъ, причемъ въ Россію охотно притекають и иностранные капиталы. Одновременно съ этимъ, объ руку съ развитіемъ крупной промышленности идетъ и ростъ мелкой крестьянской или кустарной промышленности. Все это вмѣстѣ взятое обезпечиваетъ государству внутренней торговли круговоротъ и отдаляетъ его зависимость отъ западно-европейской промышленности и торговли, на долю которыхъ выпадаютъ операціи утонченными фабрикатами и предметами роскоши.

Окрѣпшая экономически государственность отшлифовывается окончательно и въ своемъ внѣшнемъ, такъ сказать, нарядѣ. Въ 1775 году Екатериною издается «учрежденіе для управленія губерній», по коему Россія дѣлилась на 51 губернію, причемъ въ составъ каждой этой губерніи входило отъ 300 до 400 тысячъ жителей; губерніи дѣлились только на уѣзды (дѣленіе на провинціи было уничтожено), а каждый уѣздъ обнималъ собою населеніе въ 20—30 тысячъ человѣкъ. Послѣ того, какъ измѣнены были областныя границы, было заново организовано и областное управленіе. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ въ своихъ «Лекціяхъ по русской исторіи» рисуетъ эту сторону реформаціонной дѣятельности государыни такъ:

«До 1775 г. главнымъ органомъ управленія въ губерніяхъ, провинціяхъ и уѣздахъ были губернаторы и воеводы со своимъ канцеляріями. Земскій элементъ, введенный въ областное управленіе Петромъ, удержался только въ городскомъ самоуправленіи и исчезъ изъ губернскаго управленія, почему мѣстная администрація стала бюрократической. Судъ, отдѣленный при Петрѣ отъ администраціи, вскорѣ снова слился съ нею. Такимъ образомъ, бюрократизмъ и смѣшеніе вѣдомствъ стали отличительными признаками мѣстнаго управленія. При этомъ составъ администраціи былъ малочисленъ, и администрація была слаба. Эта слабость ясно сказалась во время московскаго бунта 1771 г., происшедшаго подъ впечатлѣніемъ чумы. Московскіе сенаторы (въ Москвѣ было два департамента сената) и прочія власти растерялись при первомъ движеніи народа. Противъ мятежной толпы, убившей архіепископа Амвросія, не могли собрать и 500 солдатъ. Московскій главнокомандующій графъ Салтыковъ горько жаловался Екатеринѣ на недостаточность своихъ средствъ для борьбы съ чернью: «я одинъ въ городѣ и сенатѣ,— писалъ онъ:— помощниковъ нѣтъ, команды военной недостаетъ... помочь мнѣ некому». Еще сильнѣе сказалась слабость администраціи во время извѣстнаго Пугачевского бунта въ 1773—1774 годахъ. Этотъ бунтъ возникъ среди казачества на Уралѣ и былъ послѣдней попыткой его борьбы съ режимомъ государства. Не страшное само по себѣ движеніе казаковъ стало особенно опаснымъ потому, что сообщилось крестьянству всего Поволжья. По случаю турецкой войны у правительства было мало войскъ, а администрація не могла ни во время сдерживать крестьянскихъ волненій, ни принять должныхъ мѣръ, чтобы обезопасить не только общество, но и самихъ себя отъ всякихъ случайностей и опасностей. При такихъ условіяхъ Пугачевъ подъ именемъ Петра III могъ овладѣть громадными пространствами отъ Оренбурга до Казани, и борьба съ нимъ обратилась въ упорную войну. Только послѣ ряда битвъ Пугачевъ былъ пойманъ и казненъ въ 1774 г. Шайки его разсѣялись, но волненіе утихло не сразу, и Екатерина выработала свои учрежденія о губерніяхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ необыкновеннаго погрома».

Государыня стремилась увеличить силы администраціи, разграничить вѣдомства и привлечь къ участию въ управленіи земскіе элементы; въ этомъ ея начинанія напоминаютъ стремленіе Петра Великаго, но формы Екатерининской администраціи значительно разошлись съ формами Петровскаго времени, да и основанія ихъ были мало, въ сущности, сходны: учрежденія Екатерины прежде всего были гораздо сложнѣе учрежденій Петра.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ, какъ то свидѣтельствуетъ г. Платоновъ, были установлены: 1) губернское правленіе — главное губернское учрежденіе съ губернаторомъ во главѣ. Оно имѣло административный характеръ, являлось ревизоромъ всего

управленія, представляло собою правительственную власть губерніи, 2) палаты уголовная и гражданская, высшіе органы суда въ губерніи, 3) палата казенная—органъ финансоваго управленія. Всѣ эти учрежденія имѣли коллегіальный характеръ (губернское правленіе—лишь по формѣ, ибо вся власть принадлежала губернатору) и бюрократическій составъ, и вѣдали всѣ сословія губерніи. Затѣмъ въ губернскомъ городѣ были: 4) верхній земскій судъ—судебное мѣсто для дворянскихъ тяжбъ и для суда надъ дворянами, 5) губернской магистратъ—судебное мѣсто для лицъ городского сословія по искамъ и тяжбамъ на нихъ, 6) верхняя расправа—судебное мѣсто для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ. Эти суды имѣли коллегіальный характеръ, состояли изъ председателей—коронныхъ судей, и засѣдателей—выборныхъ того сословія, дѣлами котораго занималось учрежденіе. По кругу дѣлъ и по составу эти учрежденія были, стало быть сословными, но дѣйствовали подъ руководствомъ коронныхъ чиновниковъ. Наконецъ, въ губернскомъ городѣ были: 7) совѣстный судъ для полюбовнаго рѣшенія тяжбъ и для суда надъ невмѣняемыми преступниками и непреднамеренными преступленіями, и 8) приказъ общественнаго призрѣнія—для устройства школъ, богадѣленъ и пріютовъ и т. п. Въ обонхъ этихъ мѣстахъ председательствовали коронные чиновники, засѣдали представители всѣхъ сословій и вѣдались лица всѣхъ сословій. Такъ, не будучи сословными, эти учрежденія не были и бюрократическими.

«Въ каждомъ уѣздномъ городѣ находились: 1) нижній земскій судъ—вѣдавшій уѣздную полицію и администрацію и состоявшій изъ исправника (капитана-исправника) и засѣдателей; и тотъ и другіе избирались изъ дворянъ уѣзда; исправникъ считался начальникомъ уѣзда и былъ исполнительнымъ органомъ губернскаго управленія; 2) уѣздный судъ—для дворянъ, подчиненный верхнему земскому суду; 3) городской магистратъ—судебное мѣсто для горожанъ, подчиненное губернскому магистрату (городская полиція была ввѣрена коронному чиновнику—городничему); 4) нижняя расправа—судъ для государственныхъ крестьянъ, подчиненный верхней расправѣ. Всѣ эти учрежденія по своему составу были коллегіальными и сословными мѣстами (изъ лицъ того сословія, дѣла котораго вѣдали), только председатель нижней расправы былъ назначаемъ отъ правительства.

Были установлены еще два учрежденія: для попеченія о вдовахъ и дѣтяхъ дворянъ была установлена дворянская опека (при каждомъ нижнемъ земскомъ судѣ), а для призрѣнія вдовъ и сиротъ горожанъ—сиротскій судъ (при каждомъ городскомъ магистратѣ). И въ томъ, и въ другомъ учрежденіи членами были сословные представители. Въ дворянской опекѣ председательствовалъ предводитель уѣзднаго дворянства (они стали существовать со

времени Екатерининской комиссіи), а въ сиротскомъ судѣ — городской голова.

«Такова была система мѣстныхъ учрежденій Екатерины II,— говоритъ авторъ «Лекцій».—Мы видимъ, что вмѣсто довольно простыхъ формъ прежняго времени теперь раскинута въ каждой губерніи цѣлая сеть учрежденій съ многочисленнымъ составомъ, и эта многочисленная администрація сосредоточена теперь въ меньшихъ административныхъ округахъ. При обиліи новыхъ учрежденій замѣчаемъ, что они стараются выдержать модный въ XVIII вѣкѣ принципъ раздѣленія вѣдомствъ и властей; но все же и по учрежденіямъ 1775 г. осталось громадное вліяніе администраціи на судъ, особенно уголовный. Мѣстныя общества получили нѣкоторое участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія: и дворянство, и горожане, и даже люди низшихъ классовъ пополняли своими представителями большинство новыхъ учрежденій. Мѣстная администрація приняла видъ земскаго самоуправленія, дѣйствовавшаго, впрочемъ, въ значительной зависимости и подѣ строгимъ контролемъ немногихъ правительственныхъ лицъ и бюрократическихъ органовъ. Екатерина думала, что она достигла своихъ цѣлей: усилила составъ администраціи, правильно распредѣлила вѣдомства между органами управленія и дала широкое участіе земству въ новыхъ учрежденіяхъ. Мѣстное управленіе вышло очень систематично и либерально. Оно отвѣчало до нѣкоторой степени и отвлеченнымъ теоріямъ Екатерины, потому что отразило на себѣ либеральныя ученія европейскихъ публицистовъ, и желаніямъ сословій, потому что имѣло несомнѣнную связь съ депутатскими желаніями. О самоуправленіи говорили въ комиссіи 1767—1768 годахъ. Но дѣйствительность не оправдала надеждъ, возлагавшихся на новыя губернскія учрежденія.

«Однако, будучи очень систематичны сами по себѣ, мѣстныя учрежденія 1775 г. не привели въ систему всего государственнаго управленія. Они не затронули формъ центральнаго управленія, но имѣли на него косвенное вліяніе. Центръ тяжести всего управленія былъ перенесенъ въ области, и въ центрѣ оставалась лишь обязанность руководства и общаго наблюденія. Екатерина сознавала это. Но она не тронула первоначально ничего въ центральномъ управленіи, а между тѣмъ перемѣны въ немъ должны были произойти, потому что Петръ именно на петербургскія коллегіи возложилъ главную тяжесть управленія. Перемѣны и произошли скоро: за нимѣніемъ дѣлъ коллегіи мало-по-малу стали уничтожаться. За водвореніемъ стройной системы въ мѣстномъ управленіи слѣдовало разстройство прежней системы въ управленіи центральномъ. Оно, въ свою очередь, стало требовать реформы и получило ее уже при императорѣ Александрѣ I (когда учреждены были министерства).

«Таковы были главные мѣры Екатерины относительно управленія. Новыя учрежденія, притягивая къ себѣ силы мѣстныхъ обществъ, вносили нѣчто новое въ жизнь и отношенія сословій. Легко замѣтить, что за исключеніемъ двухъ учрежденій (совѣтнаго суда и приказа общественного призрѣнія) всѣ остальные были органами какого-нибудь одного сословія. Самоуправленіе получило строго-сословный характеръ, оно не было новостью для горожанъ, зато громадною новостью было для дворянства.

«Учрежденія 1775 г., давая дворянству самоуправленіе, этимъ самымъ давали ему внутреннюю организацію. Для избранія должностныхъ лицъ дворяне должны были сѣзжаться всѣмъ уѣздомъ черезъ каждыя три года и выбирали себѣ уѣзднаго предводителя, капитана-исправника и засѣдателей въ различныя учрежденія. Дворянство каждаго уѣзда становилось цѣлымъ сплоченнымъ обществомъ и черезъ своихъ представителей управляло всѣми дѣлами уѣзда; и полиція и администрація находились въ рукахъ дворянскаго учрежденія (нижній земскій судъ). По своему сословному положенію дворяне становились съ 1775 г. не только землевладѣльцами уѣзда, но и его администраторами. Въ то же время въ тѣхъ учрежденіяхъ 1775 г., составъ которыхъ былъ бюрократическимъ или на половину, или совсѣмъ, громадное число чиновниковъ принадлежало къ дворянству; поэтому можно сказать, что не только уѣздное, но и губернское управленіе вообще сосредоточивалось въ дворянскихъ рукахъ. Дворянство же изъ своихъ рядовъ давно уже поставляло, какъ мы видѣли, главныхъ дѣятелей и въ центральныя учрежденія. Съ упадкомъ старой аристократіи дворяне стали ближайшими помощниками верховной власти въ дѣлѣ управленія и наполняли всѣ высшія учрежденія въ качествѣ коронныхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, съ 1775 г. вся Россія отъ высшихъ до низшихъ ступеней управленія (кромѣ развѣ городскихъ магистратовъ) стала управляться дворянствомъ: вверху они дѣйствовали въ видѣ бюрократіи, внизу—въ качествѣ представителей дворянскихъ самоуправляющихся обществъ.

«Такое значеніе для дворянства имѣли реформы 1775 г.; онѣ дали ему сословную организацію и первенствующее административное значеніе въ странѣ. Въ «учрежденіяхъ для управленія губерній», однако, и организація, данная дворянству, и ея вліяніе на мѣстное управленіе, разсматриваются какъ факты, созданные въ интересахъ государственнаго управленія, а не сословій. Позднѣе Екатерина тѣ же факты, ею установленные, и прежнія права и преимущества дворянъ изложила въ извѣстной жалованной грамотѣ дворянству 1785 года. Здѣсь уже начала сословнаго самоуправления разсматриваются, какъ сословныя привилегіи, на ряду со всѣми тѣми правами и льготами, какія дворяне имѣли раньше. Жалованная грамота 1785 года явилась, такимъ образомъ, не новымъ по существу

закономъ о дворянствѣ, но систематическимъ изложеніемъ ранѣе существовавшихъ правъ и преимуществъ дворянъ съ нѣкоторыми, впрочемъ, прибавленіями. Эти прибавленія составляли дальнѣйшее развитіе того, что уже существовало. Главною новостью было признаніе дворянства не одного уѣзда, а цѣлой губерніи, за отдѣльное общество съ характеромъ юридическаго лица.

«Грамотою 1785 года завершёнъ былъ тотъ процессъ сложенія и возвышенія дворянскаго сословія, какой мы наблюдали на пространствѣ всего XVIII вѣка. При Петрѣ Великомъ дворянинъ опредѣлялся обязанностью безсрочной службы и правомъ личнаго землевладѣнія, причёмъ это право принадлежало ему не исключительно и не вполнѣ. При императрицѣ Аннѣ дворянинъ облегчилъ свою государственную службу и увеличилъ землевладѣльческія права. При Елизаветѣ онъ достигъ первыхъ сословныхъ привилегій въ сферѣ имущественныхъ правъ и положилъ начало сословной замкнутости. При Петрѣ III снялъ съ себя служебную повинность и получилъ нѣкоторыя исключительныя личныя права. Наконецъ, при Екатеринѣ II дворянинъ сталъ членомъ губернской дворянской корпораціи, привилегированной и державшей въ своихъ рукахъ мѣстное управленіе. Грамота 1785 года постановила, что дворянинъ не можетъ иначе, какъ по суду, лишиться своего званія, передаетъ его женѣ и дѣтямъ; судится только равными себѣ, свободенъ отъ податей и тѣлесныхъ наказаній, владѣть, какъ неотъемлемой собственностью, всёмъ, что находится въ его имѣніи; свободенъ отъ государственной службы, но не можетъ принимать участія въ выборахъ на дворянскія должности, если не имѣетъ «офицерскаго чина». Таковы главнѣйшія права всякаго дворянина».

Не сдѣлавъ почти никакихъ видоизмѣненій въ организаціи и функціяхъ центральныхъ учреждений, но рядомъ съ этимъ пересоздавъ мѣстныя учрежденія, придавъ строю Россіи рѣзко сословный характеръ, Екатерина Великая сумѣла при всей трудности своего положенія на тронѣ сохранить, однако, самодержавіе, какъ его утвердилъ Петръ Великій, въ полной неприкосновенности. Несмотря на то, что въ смыслѣ ограниченія ея самодержавныхъ правъ на нее было оказано давленіе Панинымъ, Екатерина только внимательно выслушивала своего политическаго ментора, но въ концѣ концовъ дѣлала именно то, что шло объ руку съ ея интересами, какъ неограниченной властительницы имперіи. Она не допускала никакой искусственной тѣни на своемъ самодержавіи и стремилась исключительно изъ собственныхъ рукъ дать подданнымъ счастье, но не въ той формѣ, какъ бы того они сами хотѣли, а какъ то соответствовало сложившимся у нея личнымъ понятіямъ о власти и просвѣтительнымъ государственнымъ философскимъ взглядамъ. Поэтому на фонѣ русской исторіи ея самодержавіе обрисовалось чрезвычайно колоритно: оно не было исторически-народно,

съ крѣпкими и глубокими корнями въ народной жизни, но популярно и національно, съ искусственными напластованіями на немъ вмѣстѣ съ тѣмъ и декоративныхъ сторонъ западно-европейской жизни. Просвѣтительный абсолютизмъ—вотъ ея знамя, которое она крѣпко держитъ въ рукѣ, порою склоняя его въ сторону одного лишь абсолютизма, а порою, и то съ большою осторожностью,—въ сторону либерализма. Но какъ только этотъ либерализмъ набрасываетъ тѣнь на ея абсолютизмъ, онъ всегда и рѣшительно приносится въ жертву второму, причѣмъ средства, пускаемые въ данномъ случаѣ въ ходъ, далеко не всегда гуманитарнаго порядка и либеральнаго характера. Слова у нея часто расходятся съ дѣломъ, а иногда съ этими словами исчезаетъ даже самое дѣло, почему послѣднее иногда и гибнетъ, оставляя по себѣ лишь красивый слѣдъ въ ея манифестахъ, въ ея письмахъ и даже въ представленіи загнипнотизированныхъ и зачарованныхъ современниковъ. Такова была между прочимъ судьба ея «Наказа» и всего дѣла созыва депутатовъ въ Москву для сочиненія проекта новаго уложенія, гдѣ правительница выше всего поставила свое доктринерство и философію, свое личное «я», подчинивъ имъ реальныя потребности страны, ея историческій опытъ, наслѣдіе старины и живую волю народа. Съ этой стороны методы и характеръ ея управленія государствомъ отличались отъ таковыхъ же Петра I, по одно, что было у нихъ общаго и въ чемъ Екатерина справедливо считала себя ученицей и послѣдовательницей Петра,—это любовь къ Россіи, вѣчная, упорная работа на нее и сознаніе своей обязанности стоять на стражѣ и службѣ русскаго народа.

Подобно тому, какъ великій преобразователь Россіи *ставилъ просвѣщеніе народа краеугольнымъ камнемъ* его благосостоянія, такъ и Екатерина II въ своей политикѣ культурныхъ мѣропріятій выдвигала съ особенной силой именно начала просвѣщенія. При ней народное образованіе дѣлаетъ значительные шаги впередъ: появляется рядъ учебныхъ заведеній разныхъ типовъ, печатаются учебники и книги, и журналистикѣ вообще отводится государынею особенное вниманіе. Екатерина сама становится во главѣ русской журналистики, показываетъ примѣръ подданнымъ способовъ распространенія грамотности въ населеніи. Типографское дѣло, книжное дѣло, театръ, искусство, художества пользуются ея особымъ покровительствомъ и, благодаря ея въ этомъ отношеніи инициативѣ и почину, получаютъ въ странѣ достаточное распространеніе. Книга, философская мысль, успѣхи западно-европейской науки становятся предметомъ достоянія не только придворныхъ и столичныхъ круговъ, но проникаютъ и въ широкую провинціальную дворянскую среду, гдѣ уже къ тому времени образуются настоящіе очаги просвѣщенія, выпускающіе изъ своихъ центровъ цѣлыя поколѣнія образованныхъ людей. Такимъ образомъ имя Екатерины

горитъ на экранѣ отечественной жизни яркими буквами и символизируетъ непрестанное движеніе Россіи навстрѣчу прогрессу и къ великодержавности объ руку съ прочими культурными государствами.

Окруженная плеядой блестящихъ сотрудниковъ, на выборъ каковыхъ Екатерина была мастерицею, она явила Европѣ менѣ чѣмъ черезъ 200 лѣтъ царствованія династіи Романовыхъ, случайною, правда, представительницею которыхъ она была въ Россіи, необычайный образецъ славы, пышности, расцвѣта. Скучная страна съ бѣднымъ и рѣдкимъ населеніемъ, заключенная въ тѣсныя границы, съ полнымъ отсутствіемъ свѣтскаго просвѣщенія, терзаемая со всѣхъ сторонъ врагами, смотрящими на нее, какъ на предметъ своихъ вождедѣній,—Россія изъ-подъ скипетровъ Петра и Екатерины становится государствомъ мірового значенія, соединеннымъ тѣсными узами родства, близости и общихъ экономическихъ интересовъ съ государствами, имѣвшими за собою многовѣковыя культуры и поставленными въ географическія и климатическія условія болѣе благоприятныя, нежели она. Менѣ чѣмъ въ 200 лѣтъ Русская земля изъ страны полуазіатской превратилась въ страну европейскую, и если въ низменныхъ ея сословныхъ напластованіяхъ наблюдается и по сю пору отсталость отъ таковыхъ же западно-европейскихъ, то въ значительной мѣрѣ мы должны поставить это обстоятельство на счетъ нашего труднаго географическаго положенія, гдѣ пространственность буквально высасывала соки изъ населенія въ интересахъ ея заселенности. Ни Петръ, ни Екатерина, эти столпы русской государственности XVIII вѣка, въ этомъ винны на себѣ не несутъ. Напряженность ихъ просвѣщенной воли сдѣлала для блага государства и народа даже болѣе того, что бы можно отъ нихъ ожидать, и эпитеты «Великіе», поднесенные имъ потомствомъ, заслужены ими по тому же праву, по какому лишь немногіе западно-европейскіе монархи его на себѣ носятъ.

Краткій размѣръ нашего очерка не позволяетъ намъ прослѣдить жизнь и дѣянія «Сѣверной Семирамиды» въ тѣхъ подробностяхъ, какъ онѣ этого заслуживаютъ. Закончимъ наше краткое повѣствованіе объ удивительномъ вѣкѣ Екатерины нѣсколькими строфами изъ прекраснаго стихотворенія Апухтина «Недостроенный памятникъ», гдѣ поэтъ даетъ мѣткую характеристику великой государыни. Онъ говоритъ:

Принцессою кочующей и бѣдной,
 Какъ многія, явилася я къ вамъ,
 И также жизнь моя могла пройти безслѣдно,
 Но было иначе угодно небесамъ!
 На шаткія тогда ступени трона
 Ступила я безтрепетной ногой,
 И заблестала старая корона
 Надъ новою, вамъ чуждой, головой.

Зато какъ высоко взлетѣлъ орелъ двуглавый!
 Какъ низко передъ нимъ склонились племена!
 Какой немеркнушею славой
 Покрылись ваши знамена!
 Съ дворянства моего оковы были сняты,
 Безъ пытокъ загремѣлъ святой глаголь суда,
 Въ столицу Грознаго сзывались депутаты,
 Изъ нѣдръ степей вставали города
 Я женщина была—и много я любила...
 Но совѣсть шепчетъ мнѣ, что для любви своей
 Ни разу я отчизны не забыла
 И счастьемъ подданныхъ не жертвовала ей.
 Когда Тавриды князь, паскучивъ пыломъ страсти,
 Надменно отошелъ отъ сердца моего,
 Не пошатнула я его могучей власти,
 Гигантскихъ замысловъ его.
 Мой пышный дворъ блисталъ на удивленье свѣту
 Въ странѣ безлюдья и снѣговъ;
 Но не былъ онъ похожъ на стертую монету,
 На скопище безцвѣтное льстецовъ.
 Отъ смѣлыхъ чудаковъ не отвращая взоровъ,
 Умѣла я цѣнить, что мудро иль остро:
 Зато въ дворецъ мой шли скитальцы, какъ Дидро,
 И чудачи такіе, какъ Суворовъ;
 Зато и я могла свободно говорить
 Въ эпоху дикихъ войнъ и казней хладнокровныхъ,
 Что лучше десять оправдать виновныхъ
 Чѣмъ одного невиннаго казнить,
 И не было то слово буквой праздною!
 . . . . .
 Да, управлять подчасъ бывало не легко!
 Но всюду—дома ли, въ Варшавѣ, въ Византіи
 Я помнила лишь выгоды Россіи
 И знамя то держала высоко.
 Хотя не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые,
 Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла:
 Я больше русская была,
 Чѣмъ многіе цари, по крови вамъ родные!...

Наслѣдовавшій своей великой матери сынъ ея Павелъ Петровичъ не принесъ особаго счастья Россіи ни въ дѣлахъ внутренней, ни въ дѣлахъ внѣшней политики. Трагедія его жизни легла тяжкимъ бременемъ на всѣ его дѣянія, и единственно, что красною нитью проходитъ черезъ всю его жизнь и дѣйствія, — это рыцарство, благородство и стремленіе принципу чести подчинить всѣ свои отношенія, какъ въ дѣлахъ личныхъ, такъ и государственнаго управленія, а также и въ международныхъ сношеніяхъ.

Если Петръ Великій, срубая зданіе государственной жизни, особенно строго каралъ все нечестное и лихоимное, то Екатерина Великая смотрѣла болѣе мягко на погрѣшности окружающихъ, а потому дѣйствительно въ русскую жизнь при ней вкрались многія отри-

пательныя стороны, которыя людей честныхъ и щепетильныхъ возмущали. Рыцарски-честный по своей природѣ, Павелъ особенно ополчился противъ этой стороны отечественной дѣйствительности и, лично непріязненно настроенный къ сподвижникамъ своей матери, устраняя ихъ отъ кормила правленія, вмѣсто нихъ, однако, не могъ и не умѣлъ найти равныхъ имъ по государственному опыту и вмѣстѣ съ тѣмъ соответствующихъ своему идеалу. Поэтому и всѣ его попытки внести въ социальный строй, установленный Екатериною, начала законности и порядка успѣха не имѣли; онъ расшатывалъ старое, не замѣняя его ничѣмъ существенно новымъ, запутался въ рядѣ противорѣчій, возстановилъ противъ себя придворные и военные круги и палъ жертвою своего неуравновѣшеннаго нрава.

Въ дѣлахъ внѣшней политики онъ, вступая на престолъ, поставилъ себѣ задачею принципъ «невмѣшательства», но въ результатѣ, по пылкости своего нрава въ связи съ благородствомъ своихъ порывовъ, именно безъ всякой особой нужды впутался въ совершенно не касавшія Россіи внѣшнія осложненія и въ разные времена оказывался то въ непримиримой враждѣ съ Франціей, то въ дружбѣ съ ней, то въ союзѣ, то въ обостренныхъ отношеніяхъ съ Австріей, то въ военныхъ приготовленіяхъ противъ Англій. И если во внутренней жизни страны, въ земской и городской Россіи мы наблюдаемъ при немъ нѣкоторыя вѣянія справедливой гуманности, что шло ей, безспорно, на пользу, то въ дѣлахъ внѣшнихъ тотъ же принципъ гуманности явился съ того времени вреднымъ элементомъ въ нашихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ. При Петрѣ I и при Екатеринѣ II наша дипломатія на первый планъ ставила реальные интересы Россіи, отсюда успѣхъ нашей внѣшней политики и нашихъ войнъ. При Павлѣ это наличие реальности исчезаетъ, замѣняется совершенно ненужными въ интересахъ міродержавства принципами рыцарскихъ чувствъ, почему Россія и оказывается въ водоворотѣ чуждыхъ ей европейскихъ событій безъ какой-либо крѣпкой надежды на справедливую компенсацію, но съ всегдашнимъ вѣроятіемъ понести уронъ въ той или иной части нашихъ дѣйствій. Рыцарскими чувствами Россіи разные союзники, конечно, охотно пользуются, такъ какъ безъ ея участія европейскія дѣла уже не совершаются, но сами они почти никогда не оплачиваютъ намъ равною монетою и, наоборотъ, стремятся при каждомъ удобномъ случаѣ поставить расширенію нашего міродержавства очень опредѣленные предѣлы. Съ начала XIX вѣка въ этомъ отношеніи особенно ярко проявляетъ свои тенденціи Англія, которой Павелъ Петровичъ, безъ всякихъ къ тому серьезныхъ поводовъ, бросилъ угрозу въ направленіи центра ея экономической жизни—въ азіатскихъ колоніяхъ. Съ того времени всѣ дѣйствія Россіи въ области внѣшней политики оказываются подь постояннымъ надзоромъ и контролемъ англо-саксонской расы,

которая, какъ это усматривается изъ удивительно умной и компетентной книги г. Вандама «Наше положеніе», о которой мы вскорѣ дадимъ отзывъ,—успѣваетъ съ удивительнымъ упорствомъ и умѣніемъ оторвать и умалить достигнутые нами успѣхи въ области міроваго владычества. Закапчивая нашу рѣчь о царствованіи Павла Петровича, скажемъ еще, что при немъ, по его личной волѣ, сообразно съ обстоятельствами его собственной трагической судьбы, былъ измѣненъ Петровскій законъ о престолонаслѣдіи, и послѣднее подчинено не усмотрѣнію монарха, а наслѣдственнымъ интересамъ династїи. Такимъ образомъ, длинному періоду женскаго правленія былъ положенъ конецъ, и, кромѣ того, имѣлась наличность опредѣленнаго царствующаго дома, который въ смыслѣ поколѣній сохранялъ за собою право преемства власти. Эту преемственность власти Павелъ и узаконилъ при коронаціи фамилнымъ актомъ о престолонаслѣдіи по прямой линіи въ мужскомъ колѣнѣ, составленнымъ имъ вмѣстѣ съ супругою въ 1788 году. Этимъ актомъ потенциальный вопросъ о претендентахъ на русскій престолъ былъ выброшенъ изъ недавняго еще историческаго обихода, и престолъ московскаго рода Романовыхъ вѣдъ всякой формальной санкціи народа былъ укрѣпленъ за семействомъ Павла Петровича. Со времени Павла типъ военнобюрократической монархіи окончательно кристаллизуется и противъ него въ теченіе всего XIX вѣка идетъ интенсивная борьба со стороны передовыхъ слоевъ русскаго общества, какая можетъ быть наименована борьбою за конституцію въ Россіи.

Переходя къ обзорѣ послѣдующаго царствованія, великолѣпной и громкой Александровской эпохи, прежде всего отмѣтимъ, что создатель ея, внукъ «Сѣверной Семирамиды», самъ Александръ Благословенный, при своемъ манифестѣ о вступленіи на престолъ предопредѣлялъ ее въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ: «Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнѣйшаго родителя нашего государя императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наслѣдственный императорскій всероссійскій престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Божѣ почивающей августѣйшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы».

Практика жизни показала, что между обѣщаніями, возвѣщенными государемъ, и осуществленіемъ ихъ получилось нѣкоторое противорѣчіе, и повѣйшій біографъ Александра Павловича великій князь Николай Михайловичъ въ своемъ трудѣ, посвященномъ «Благословенному», утверждаетъ, что «какъ правитель

Императоръ Павелъ I.

великой страны, Александръ I займетъ первенствующее мѣсто въ лѣтописяхъ общей исторіи; какъ русскій государь, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественной войны, въ другіе же періоды двадцатичетырелѣтняго царствованія интересы Россіи, къ сожалѣнію, отходили на второй планъ». Рисуя общій обликъ героя двѣнадцатаго года, великій князь говоритъ: «въ немъ было что-то врожденное, которое привлекало къ нему людей. Французы называютъ это качество

«le charme». Это врожденное свойство творило чудеса и обворожало всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться.

«Если присоединить ко всему симпатичную фигуру государя, его чарующую улыбку, выраженіе его глазъ и манеру обращенія, то получалось то общее, что покоряло сердца. Не даромъ въ собственной царской семьѣ и мать, и супруга, и братья съ ихъ женами называли Александра нашимъ ангеломъ, «notre ange», а императрица Елизавета Алексѣевна увѣковѣчила это прозвище въ письмѣ о его кончинѣ: «Notre ange est au Ciel, et moi malheureuse sur la terre...» Тотъ же образъ ангела украшаетъ Александровскую колонну на площади Зимняго дворца. Возможно, что въ душѣ Александра Павловича и было нѣчто ангельское, потому что его доброта и доброжелательство къ ближнему не подлежатъ сомнѣнія, но, къ сожалѣнію, эта черта нерѣдко омрачалась и другими порывами. Рядомъ съ этой добротой иногда проявлялось и злопамятство, никогда вполне не угасавшее, а, кромѣ того, чувствовалась частенько и двуличность, которую сразу не каждому удавалось подмѣтить. Двуличность никогда не оставляла Александра, составляя черту его права, уже ранѣе объясненную. Она давала ему возможность одновременно работать со Сперанскимъ и Аракчеевымъ, съ Аракчеевымъ и А. Н. Голицынымъ, а также и съ Волконскимъ; онъ могъ слушать и подчиняться совѣтамъ Меттерниха и заниматься часами съ Каподистріей; пока Александръ обвораживалъ Наполеона въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, онъ спокойно писалъ матушкѣ о тѣхъ способахъ, какими возможно сломать его мощь; въ одну дверь входилъ къ нему довѣрчиво канцлеръ Румянцовъ, а въ другую тайкомъ впускался Кошелевъ; съ одного подѣзда подѣзжалъ англійскій квакеръ или другой сектантъ, а съ другого входилъ убогій монахъ или самъ митрополитъ; въ одинъ часъ шла бесѣда о возвышенныхъ чувствахъ долга монарха къ своей родинѣ съ Карамзинымъ, а въ другое время Александръ могъ выслушивать спокойно какого-нибудь Магницкаго, и, что болѣе всего замѣчательно, что всѣ эти люди выходили очарованными изъ кабинета государя и часто воображали, что его величество соблаговолилъ раздѣлять ихъ образъ мыслей.

«Одинако съ этимъ Александръ обладалъ замѣчательной работоспособностью, особенно въ эпоху Отечественной войны и послѣдующей кампаніи за освобожденіе Европы. Онъ имѣлъ даръ, входя во всѣ мелочи, быстро схватывать суть дѣла и принимать соотвѣтствующее рѣшеніе. Иногда примѣшивалась извѣстная доля упрямства, особенно, когда Александръ предполагалъ или замѣчалъ желаніе другого лица настоять на своемъ мнѣніи и какъ бы подчинить себѣ волю государя; въ этихъ случаяхъ императоръ становился непреклоннымъ въ проведеніи собственныхъ предначертаній. Умомъ Александръ могъ всегда похвастаться, и умомъ тонкимъ, чуткимъ и волиѣ природнымъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ даръ особаго чутья

Императоръ Александръ I.

познавать скоро людей, играть на ихъ слабостяхъ и всегда подчинять своимъ требованіямъ. Немудрено, что Наполеонъ на островѣ св. Елены, въ порывѣ горечи, написалъ про него: «*que c'était un grec du Bas-Empire*», другими словами: «византиецъ смутныхъ временъ», и что разные мудрецы изъ дипломатовъ, какъ Талейранъ, Меттернихъ или Касслери, смущались при бесѣдахъ съ Александромъ и должны были напрягать все свои способности, чтобы не

попасть впросакъ. Необходимо также отмѣтить, что при всѣхъ эволюціяхъ, совершившихся въ характерѣ Александра, основныя черты его права сохранились, и очевидцы, видѣвшіе и говорившіе съ нимъ въ годы юности, такъ же восторженно отзывались о его способностяхъ, какъ и тѣ, которые встрѣчались съ нимъ въ послѣдніе годы его жизни. Если мужчины поражались его дарованіями; то что сказать о женщинахъ? Супруга Александра, несмотря на всѣ измѣны мужа, сохранила къ нему чувство особой привязанности и любви даже тогда, когда Александръ какъ бы забылъ о существованіи первой спутницы и подруги своей на землѣ. Сестра Екатерина прямо-таки молилась на брата и не могла удержаться отъ проявленій къ нему любви и дружбы. Суровая, надменная Марія Теодоровна, никогда не обнаруживавшая внѣшнихъ проявленій нѣжности въ чувствахъ, и она боготворила и гордилась своимъ сыномъ. Мы сказали нѣсколько словъ о ближайшихъ родственникахъ, но почти всѣ женщины, имѣвшія общеніе съ государемъ, сохранили о немъ самую свѣтлую память.

«Что же касается лицъ ближайшей свиты, докторовъ, всей прислуги, т. е. тѣхъ, которымъ пришлось быть ежедневными свидѣтелями-обычнаго домашняго обихода его величества, то всѣ они души не чаяли въ своемъ повелителѣ и готовы были умереть за него.

«Очевидно что въ Александрѣ дѣйствительно таилось такое рѣдкое качество притяженія къ себѣ людей, дававшее себя знать въ проявленіяхъ къ нему любви и привязанности. И подумать, тотъ же Александръ могъ съ легкимъ сердцемъ подписывать лютыя приговоры къ наказанію солдатъ розгами и къ проведенію сквозь строй по нѣскольку разъ! Здѣсь психика должна невольно наткнуться на непонятную загадку, и такого рода загадку, которая должна смутить не одного изслѣдователя историческихъ личностей. Вѣдь каждый день, начиная съ 1812 года, государь читалъ по одной главѣ или изъ св. Евангелія, или изъ Библии; зналъ многія цитаты Священнаго Писанія наизусть, постоянно въ письмахъ ссылался на слово Христово, и тотъ же человекъ могъ поощрять такого рода взысканія и смотрѣть сквозь пальцы на всѣ изувѣрства Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ въ теченіе многихъ непрерывныхъ лѣтъ. Вѣроятно, нѣкоторые критики были бы склонны видѣть въ этомъ невѣроятномъ противорѣчій ту двуличность его характера, о которой мы только что говорили, но мы убѣждены, что въ этихъ случаяхъ не было этой двуличности, а скорѣе результатъ особаго религіознаго фанатизма, отчасти связаннаго съ тѣмъ временемъ, съ тѣми правами и обычаями, при которыхъ протекала жизнь Александра Павловича. Другого объясненія мы не находимъ».

Мы, помимо обзорѣнія царствованія Александра I въ очеркахъ «Борьба за конституцію», гдѣ подробно обрисовали политическія и внутреннія движенія того времени (заговоръ декабристовъ), дали на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за минувшій годъ въ № 8

и № 10 три послѣдовательныхъ статьи, гдѣ въ возможной полнотѣ коснулись разныхъ эпизодовъ изъ жизни Александра Павловича, изъ коихъ, какъ намъ думается, читателямъ нашего журнала дано достаточное понятіе и о личности монарха, о его сотрудникахъ, реформахъ и кульминаціонномъ пунктѣ жизни Россіи за тотъ періодъ—о борьбѣ съ Наполеономъ. Возвращаться къ той же темѣ на страницахъ настоящаго очерка значило бы надоѣдать читателямъ повтореніемъ уже не однажды сказаннаго. Ограничимся лишь нѣкоторыми замѣчаніями. Касаясь кульминаціоннаго пункта славы государя, великій князь Николай Михайловичъ справедливо замѣчаетъ:

«1812 годъ сблизилъ царя съ народомъ, и какъ жаль, что Александръ не отдалъ себѣ въ этомъ настроеніи вполнѣ ясно отчета и слишкомъ быстро забылъ все то, что можно было создать на этой благодарной почвѣ. Увлеченія успѣхами политики и внѣшней славой привели къ продолженію борьбы на чужихъ земляхъ, гдѣ русскія войска всюду являлись освободителями угнетенныхъ владычествомъ Наполеона. Роль русскаго государя была возвышенная и благодарная, но и только. Интересы Россіи не требовали такого вмѣшательства, оказавшагося не соотвѣтствующимъ благу родины и приведшаго только къ выгдѣ чужеземцевъ, а не русскихъ. Нескончаемая война продолжалась еще цѣлыхъ три года, потребовала громаднхъ издержекъ и множества человѣческихъ силъ, которыя можно было сохранить въ цѣлости, и онѣ пригодились бы впослѣдствіи. Эти три года войны за освобожденіе Европы были роковыми во всѣхъ отношеніяхъ и для личности монарха. Александръ скоро пресытился благами величія и славы, впалъ въ настроеніе, заглушившее въ немъ чувство патріотизма, и отдался всецѣло зловредному мистицизму въ области недостижимаго на землѣ блаженства, которое высказалось въ примѣненіи на практикѣ идеи Священнаго союза, столь невыгоднаго и вреднаго для интересовъ Россіи. А Священный союзъ породилъ никому не нужные конгрессы, завязалъ постоянныя отношенія между Александромъ и Меттернихомъ, въ которыхъ послѣдній оказался ловчѣе и предусмотрительнѣе, оставшись побѣдителемъ на дипломатической аренѣ, окончательно сбившимъ съ толку довѣрившагося ему такъ неосторожно русскаго императора. Рядомъ съ этимъ Священный союзъ и мистицизмъ породили на Руси аракеевщину».

Это служеніе интересамъ иностранныхъ державъ въ ущербъ интересамъ Россіи и есть, между прочимъ, то существенное, что различествуетъ плоды политики внука отъ таковыхъ же его великой бабки и его великаго пращура, въ противность ему преслѣдовавшихъ непрестанно во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ, какъ уже выше было сказано, реальные интересы Россіи. Изъ всего громаднаго напряженія, проявленнаго русскимъ народомъ въ тотъ приснопамятный періодъ, явствуется, что страна обогатилась лишь присое-

диненіемъ къ ней Финляндіи, большей части герцогства Варшавскаго, созданнаго Наполеономъ изъ польскихъ провинцій, отнятыхъ у Пруссіи и Австріи; но при этомъ очень важная часть этого бывшаго герцогства, какъ Познань, отошла къ Пруссіи, а единовѣрная намъ Галиція, въ томъ числѣ и восточная (Тарнопольскій округъ, пріобрѣтенный было Россіей)—къ Австріи. Равнымъ образомъ, не смогла Россія воспользоваться и всѣми плодами нашей побѣдоносной войны съ Турціей. Несмотря на то, что Молдавія и Валахія были заняты русскими войсками и мы при этомъ направленіи нашей политики могли бы, въ интересахъ благополучнаго разрѣшенія славянскихъ вопросовъ, свободно присоединить къ себѣ эти дунайскія княжества, мы, отвлеченные борьбою съ Наполеономъ, вынуждены были ограничиться присоединеніемъ къ нашимъ владѣніямъ одной Бессарабіи. Въ полной независимости отъ хода общеевропейскихъ дѣлъ стояла наша борьба съ Персіей изъ-за Грузіи, каковая совмѣстно съ другими христіанскими землями Закавказья и была присоединена къ намъ Галюстанскимъ договоромъ въ 1813 году. По этому же договору за Россіей было признано единственное право держать военный флотъ на Каспійскомъ морѣ. Благодаря этимъ пріобрѣтеніямъ, въ 1815 году, на примѣръ, Россія занимала территорію уже въ два милліона квадратныхъ миль съ 50 милліонами на ней населенія. Такого рода наша территоріальная раскинутость въ связи съ бѣдною ея населенностью ставила государству особенныя заботы по дѣламъ внутренняго управленія и болѣе прочнаго опредѣленія нашихъ отношеній къ вновь пріобрѣтеннымъ народностямъ согласно съ государственными интересами кореннаго русскаго населенія. вмѣстѣ съ тѣмъ въ заботахъ о благополучіи нашихъ западныхъ сосѣдей, коимъ мы спасли «миръ и честь», на внутреннія реформы, на поднятіе экономическихъ интересовъ собственнаго населенія у насъ не хватало ни силъ, ни времени. И это обстоятельство, повидимому, прекрасно учитывалось нашими союзниками, которые, предоставляя императору Россіи всѣ декораціи внѣшней славы и помѣту дипломатическихъ переговоровъ, тѣмъ не менѣ ловко компенсировали насъ такими земельными прирѣзками, которыя не только насъ не обогащали, но даже систематически поглощали наши творческія и производительныя силы. Это является безусловнымъ минусомъ пышнаго Александровскаго вѣка, но за всѣмъ тѣмъ за Александромъ Благословеннымъ остается то величіе исторической славы, что онъ, подобно своимъ предкамъ 200 лѣтъ назадъ, не только сохранилъ цѣлостность Россіи, но даже наперекоръ самой пылкой фантазіи сумѣлъ стать повелителемъ на извѣстное мгновеніе той самой Европы, передъ которой его предки трепетали. Если окинуть взоромъ весь пройденный Россією путь за 200-лѣтіе царствованія дома Романовыхъ, то мы, несомнѣнно, должны признать, что

героическіе характеры, имъ выставленные, совершили на сравнительно короткомъ пространствѣ времени и среди часто очень неблагоприятныхъ обстоятельствъ, въ невыгодныхъ географическихъ и климатическихъ условіяхъ, великія чудеса въ области труда и заботъ о преуспѣяніи той страны, которая такъ единодушно и дѣйствительно вручила имъ въ свое время неограниченную власть.

Рыцарскія традиціи, завѣщанныя въ области виѣшней политики отцомъ и братомъ, счелъ своимъ долгомъ продолжать и государь императоръ Николай Павловичъ. «Священный союзъ» европейскихъ монарховъ былъ краеугольнымъ камнемъ его виѣшней политики и только въ одномъ случаѣ новый императоръ разошелся съ политикою своего старшаго брата: въ вопросѣ о борьбѣ Греціи за свою независимость отъ Турціи. Въ то время, какъ Александръ I видѣлъ въ возстаніи грековъ проявленіе карбонарства, новый русскій самодержецъ приблизился въ своемъ взглядѣ на историческія права Греціи къ взгляду своей бабки и Потемкина, и если Николаю Павловичу не удалось исполнѣ разрѣшить восточнаго вопроса въ полномъ его объемѣ, то, во всякомъ случаѣ, благодаря его инициативѣ и настойчивости, силою оружія независимость Греціи все же была восстановлена, и, такимъ образомъ, значительная часть христіанскаго населенія освобождена отъ ига ислама.

Продолжалось при немъ и естественное движеніе Россіи на юго-востокъ, гдѣ по Туркманчайскому договору ею приобретены были отъ Персіи новыя области въ видѣ ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго. Равнымъ образомъ русскому огнестрѣльному оружію и соопутствующей ему сохѣ пришлось пролагать себѣ дорогу въ направленіи Срединной Азій, откуда мелкія средне-азіатскія государства продолжали причинять Россіи вѣчныя безпокойства. Такъ, для охраны киргизовъ русскіе при Николаѣ I укрѣпились на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, взяли и разрушили тутъ кокандскія укрѣпленія и замѣсто нихъ устроили свои отечественныя. Съ тою же цѣлью предпринята была военная экспедиція со стороны Сибири къ рѣкѣ Или, и Заилійскій край вошелъ въ составъ Русскаго государства. Этими дѣйствіями и приобретениями мы на нѣкоторое время получали покой со стороны нашей восточной границы и несли въ глубь кочевой Азій начала культурной осѣдлости и правильной государственности. Какъ нѣкогда въ далекія времена на долю Россіи выпала тяжесть удержанія Европы отъ залитія ея потоками новыхъ выходцевъ изъ таинственной глубины Азій, такъ и до XIX столѣтія включительно ей же приходилось наносить окончательный ударъ тѣмъ остаткамъ дикаго кочевья, которое въ свое время превращало культурные центры Западной Европы въ груды развалинъ. Такимъ образомъ, историческая

заслуга императора Николая I въ дѣлѣ борьбы Европы съ Азіей несомнѣнна, и въ данномъ случаѣ онъ въ своей пышной, героической личности ярко воплотилъ завѣты христіанской цивилизаціи, которыми, однако, все та же неблагодарная Россія Европа при каждомъ случаѣ, когда представлялась необходимость причинить Россіи вредъ, съ легкимъ сердцемъ поступалась. Закрывая глаза передъ сказанною выше христіанскою миссіей Россіи, наши бывшие союзники, созданные и спасенные нами не болѣе сорока лѣтъ назадъ, очень искусно довели наше отечество до турецкой войны 1853—1856 года, гдѣ русскій народъ очутился на берегахъ Чернаго моря, очутился одинокимъ лицомъ къ лицу предъ коалиціей державъ, которая во имя интересовъ Турціи и повергла насъ въ кровавую бойню. Севастопольскій погромъ былъ завершеніемъ отплаты благодарнаго долга намъ Европою, но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же погромъ послужилъ и къ вѣщшему сіянію славы русскаго воинства.

Севастопольская оборона есть страница изъ героической жизни народовъ, память о которой никогда не исчезнетъ изъ лѣтописей человѣчества. Можно по всей справедливости сказать, что на берегу Чернаго моря русскій солдатъ не былъ поверженъ во прахъ оружіемъ врага: его раздавила та внутренняя государственная неорганизованность, которая была сохранена отъ грозныхъ взоровъ государя-рыцаря его приближенными. Характеризуя этотъ моментъ нашей исторической жизни, мы въ нашихъ очеркахъ «Борьба за конституцію» въ свое время говорили: «при всей суровости Николаевской системы управленія этой системѣ не удалось привести общество въ состояніе полного покоя: жизнь незамѣтно закипала повсемѣстно, и по покоящейся ровной поверхности незамѣтно проявлялась та зловѣщая зыбь, которая рано или поздно должна была превратить все русское море въ состояніе бурнаго кипѣнія. Нуженъ былъ только для того необходимый историческій моментъ, и таковымъ явился севастопольскій погромъ, въ которомъ весь Николаевскій режимъ обрелъ обреченіе, обнаруживъ всѣ свои изъяны и недостатки, которые такъ или иначе констатировались представителями общественной мысли разныхъ фракцій и направлений. Потребовались потоки крови несчастнаго народа, тысячи и тысячи его жертвъ, чтобы смыть этотъ ужасающій режимъ, послѣ чего только обновленная Россія приступила къ рѣшенію своихъ коренныхъ внутреннихъ вопросовъ историческаго существованія... Желая подготовить сыну спокойное царствованіе, стремясь отдать въ его распоряженіе и на его рѣшеніе обработанные вопросы по главнѣйшимъ сторонамъ государственной жизни, Николай Павловичъ именно всего менѣе успѣлъ въ этомъ направленіи. Какъ ни напряженна была его волевая дѣятельность, она оказалась безсильною передъ такою задачею, и та недвижность государственнаго строя, которую ему удалось дѣйствительно установить, хранила въ себѣ всѣ зачатки бо-

Императоръ Николай I.

лѣзненности, долженствующей рано или поздно вспыхнуть и разразиться страшной катастрофой. Она и разразилась у твердынь Севастополя, гдѣ былая побѣдоносная Екатерининская и Александровская армія, при всемъ своемъ легендарномъ героическомъ подъемѣ воинскаго духа, отступила не столько передъ измученнымъ и окровавленнымъ врагомъ, сколько передъ той бюрократической домашней силой, которая довела ее до истощенія и пораженія. Не виѣшній врагъ сломилъ севастопольскаго солдата, а именно тотъ приказный строй, который, защищаясь именемъ монарха и слагая, съ его рыцарскаго согласія, на него всю отвѣтственность за свою злонамѣренную непригодность и враждебность къ народному благу, съ наглостью и беззастѣнчивостью выдалъ и этого солдата, а съ нимъ вмѣстѣ всю Россію головою врагу. Николай Павловичъ могъ воочию убѣдиться, что его рыцарскимъ довѣріемъ злоупотребили, что онъ слишкомъ положился на свои силы, слишкомъ много взялъ на себя, и мракъ застлалъ его очи: все, что кругомъ долго казалось столь добрымъ и прекраснымъ, сразу окрасилось въ черный свѣтъ. Силы царя не выдержали, и онъ трагически сошелъ со сцены, оставляя послѣ себя окровавленную и разлагающуюся родину».

Подавивъ твердой рукою тѣ общественныя силы, которыя въ 1825 году посягнули на самодержавіе, императоръ Николай I счелъ долгомъ и въ дальнѣйшей своей политикѣ оберегать и только постепенно улучшать отдѣльныя части нашего государственнаго строя, каковыми они вылились въ мѣропріятія его великой бабки и брата. Онъ не былъ противникомъ реформъ, какъ таковыхъ, особенно въ первую половину своего царствованія, но опасался быстрымъ введеніемъ ихъ потрясти тотъ строй, который въ концѣ царствованія его брата и безъ того, подъ угломъ зрѣнія сильной власти, коего онъ былъ провозвѣстникомъ, оказался расшатаннымъ и неустойчивымъ. Онъ даже принципиально допустилъ возможность раскрѣпощенія крестьянства, въ видахъ чего крѣпостной вопросъ былъ имъ неоднократно возбуждаемъ въ разныхъ секретныхъ комитетахъ. Но и тутъ онъ не дерзнулъ посягнуть на тѣ соціальныя устои, которые его приближенными всегда выдвигались въ качествѣ обязательныхъ условій для сохраненія крѣпости Россіи. Имъ были достигнуты благодаря министру финансовъ графу Канкрину довольно удачныя результаты въ области финансовыхъ мѣропріятій, упорядочено у насъ судебное дѣло, были улучшены пути сообщенія, положено начало желѣзнодорожному строительству, оказано покровительство изящной литературѣ и искусству, но всѣ эти мѣропріятія, при всемъ ихъ несомнѣнно большомъ значеніи, не могли дать нужнаго для культурнаго роста Россіи результата. Кромѣ того, государь слишкомъ отнесся довѣрчиво къ показной сторонѣ дѣятельности своихъ приближенныхъ, которые эту показную стороною сокрыли отъ вѣдома царя все то темное,

что таилось въ нѣдрахъ ихъ учреждений и дѣятельности. Отсюда отсталость русскаго государственнаго строя, всѣ язвы котораго и обнаружилась у твердынь Севастополя. Онъ какъ бы сразу рухнулъ, придавивъ своими обломками величественную и грозную фигуру красавца царя-рыцаря. На долю его преемника потому и выпала тяжелая задача отказаться отъ государственныхъ традицій своего почившаго родителя и приступить къ обновленію всего строя русской жизни, дабы спасти тѣмъ историческую великодержавность своихъ славныхъ предковъ. И исторія Россіи обогатилась новою блестящею главою, окрещенною благодарными современниками «эпохою великихъ реформъ», созданною по мановенію самого царя-Освободителя.

Вступивъ на престолъ въ пору зрѣлости, тридцати семи лѣтъ отъ роду, Александръ Николаевичъ былъ достаточно подготовленъ своимъ покойнымъ родителемъ къ той отвѣтственной исторической роли, которую ему послала судьба. Добрый, отзывчивый, прекрасно образованный подѣ наблюденіемъ В. А. Жуковскаго, онъ явилъ собою типъ монарха, который именно былъ наиболѣе подходящъ для нашей родины, дабы ликвидировать постигшую ее военную неудачу, съ одной стороны, и пойти навстрѣчу тѣмъ ожиданіямъ русскаго общества, которыя достаточно назрѣли и формулировались въ царствованія его покойнаго родителя и дяди.

Прежде всего новый государь поспѣшилъ заключить въ Парижѣ миръ и при томъ на условіяхъ не обидныхъ для нашего національнаго самолюбія: мы не понесли ни тяготы контрибуціи, ни нарушенія территоріальной цѣлости государства. Только ущербъ сказался въ восточномъ вопросѣ: Россія ужъ не могла больше вмѣшиваться въ отношенія Турціи къ ея христіанскимъ подданнымъ; Молдавія и Валахія, а также Сербія изъ-подѣ покровительства Россіи уходили подѣ покровительство всѣхъ великихъ европейскихъ державъ; устья Дуная съ частью прилегающей къ нимъ Бессарабіи отходили къ Молдавіи; проливы, т. е. Босфоръ и Дарданеллы, закрывались для военныхъ флотовъ всѣхъ націй. Но самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ условій были для Россіи условія, касающіяся Чернаго моря. Изъ русскаго, какимъ было фактически до тѣхъ поръ Черное море, оно дѣлается нейтральнымъ: оно было объявлено закрытымъ для судовъ всѣхъ націй, въ томъ числѣ и прибрежныхъ, т. е. Россіи и Турціи,—открывалось лишь для всѣхъ торговыхъ судовъ безъ различія національностей; вмѣстѣ съ тѣмъ Россія естественно лишалась права имѣть и военные порты на этомъ морѣ. Приобрѣтенія союзниковъ на русской территоріи возвращались Россіи въ обмѣнъ за ея приобрѣтенія на азіатской территоріи Турецкаго государства.

Послѣ того, какъ была ликвидирована несчастная восточная война, государь приступилъ и къ ликвидаціи того государственнаго механизма, обветшалость котораго столь жестоко сказалась въ послѣдніе годы царствованія его родителя. Прежде всего, слѣдя за произведенными реформами въ хронологическомъ порядкѣ, состоялось въ 1861 году уничтоженіе позорнаго института крѣпостнаго права. Двадцать два милліона закабаленныхъ дотолѣ людей получили свободу и были призваны съ Божьяго благословенія на свободный трудъ, «залогъ его благополучія и блага общественнаго». Эта величайшая реформа снискала монарху общее расположеніе, и даже эмигрантъ Герценъ привѣтствовалъ его великое дѣяніе возгласомъ: «ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Въ 1863 году были отмѣнены тѣлесныя наказанія для уголовныхъ преступниковъ. Въ слѣдующемъ году была произведена реформа судебная изданіемъ новыхъ судебныхъ уставовъ императора Александра II и введеніемъ у насъ гласнаго суда. Въ томъ же году состоялась реформа земскихъ и городскихъ учрежденій, существовавшихъ еще со временъ Екатерины II и крайне устарѣвшихъ. Въ 1870 году появилось въ свѣтъ новое городское уложеніе. Въ тотъ же періодъ произведены были реформы въ области учебнаго дѣла, по дарованію новыхъ законовъ о печати, а въ 1874 году была проведена реформа о всеобщей воинской повинности. Цѣлый рядъ мѣропріятій въ области финансоваго хозяйства, государственнаго бюджета, желѣзнодорожнаго дѣла и т. д. дали могучій толчокъ экономическому росту страны. Достаточно сказать, что за указанный періодъ было проведено свыше двадцати тысячъ верстъ рельсоваго пути, а государственные доходы выросли съ цифры 206 милліоновъ до 650 милліоновъ. Такимъ образомъ, внутренняя жизнь страны была радикально перестроена на новыхъ началахъ, поднятъ культурный ростъ населенія, введены новыя правовыя нормы, и все одухотворено стремленіемъ къ дальнѣйшему развитію благосостоянія страны. Наука, литература, пресса были подняты въ своемъ значеніи и имъ дана возможность болѣе широкаго воздѣйствія на умы современниковъ.

Рядомъ съ такого рода зиждательнымъ обновленіемъ государства шло и постепенное расширеніе нашихъ границъ на востокъ и на юго-востокъ. Состоялось полное замиреніе Кавказа, и Россія стала на этомъ очагѣ издревлихъ возстаній твердою ногою, получивъ возможность уже въ 1867 году дать и Кавказу, и Закавказью русскія административно-судебныя учрежденія. Равнымъ образомъ состоялось и наше дальнѣйшее движеніе въ глубь Средней Азіи. Побѣды Кауфмана, Черняева, Скобелева и другихъ видныхъ военачальниковъ подчинили русской коронѣ значительныя области и позволили намъ считать себя твердыми хозяевами среди былого кочевого населенія. Благодаря Муравьеву-Амурскому, Россія придвинулась въ своемъ колонизаціонномъ движеніи и къ Тихому океану. Безъ войны, но

Императоръ Александръ II.

только дипломатическими дѣйствіями Россія приобрѣла отъ Китая лѣвый берегъ Амура отъ рѣки Аргунн до устья. Такими же мѣрами присоединенъ къ Россіи Уссурийскій край, гдѣ и былъ выстроенъ городъ Владивостокъ. Мирному развитію производительныхъ силъ страны одно время грозило бурно вспыхнувшее польское возстаніе 1863 года, но его удалось потушить, не допустивъ до вмѣшательства сюда иностранныхъ державъ. Россія подняла въ вопросѣ этой славянской распри свой властный голосъ и тѣмъ обнаружила свою національную мощь. Наконецъ въ 1877—1878 г.г. Александръ II

«ИСТОР. ВѢСТН.», ЯНВАРЬ 1913 г., т. СХХХІ.

v

поднялъ свой мечъ на традиціонную защиту славянскихъ народностей на Востокѣ. Въ Санъ-Стефано былъ подписанъ блестящій для насъ предварительный мирный договоръ съ Турціей, но значеніе этого договора было умалено европейскими державами на Берлинскомъ конгрессѣ. И на сей разъ, какъ и прежде, просвѣщенная Европа изъ опасенія возрастанія вліянія Россіи въ ходѣ міровыхъ дѣлъ, приняла ближе къ сердцу интересы имперіи османлисовъ, нежели интересы славянскихъ народностей. Европейскимъ дипломатамъ казалось опасно созданіе на Балканскомъ полуостровѣ славянскаго государства; посему главнымъ образомъ во имя экономическихъ интересовъ Австріи было постановлено раздробленіе Болгаріи: Болгарія къ сѣверу отъ Балканъ признавалась независимою, къ югу—подъ именемъ Румелин—получала автономію, но оставалась въ составѣ Турецкой имперіи. Утверждена полная независимость Сербіи Восточной Румыніи. Черногорія, которая принимала все время дѣятельное участіе въ войнѣ, получала портъ на адриатическомъ побережѣ. Россія вознаграждалась тѣмъ, что ей была возвращена Бессарабія, отнятая по Парижскому миру, а въ Азіи уступлены города Карсъ, Ардаганъ и Батумъ съ округами. Несомнѣнно, положеніе Балканскаго полуострова измѣнилось въ пользу славянскаго населенія, но далеко не въ такой мѣрѣ, какъ этого желала Россія. Выигрывала значительно Австрія, которой было предоставлено Берлинскимъ трактатомъ право «оккупации» Босніи и Герцеговины.

Изложенными фактическими свѣдѣніями мы ограничимъ настоящую часть нашего юбилейнаго очерка. Подробно и о личности государя, и о его реформахъ и славной жизни, посвященной благу русскаго народа, мы говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ 1909 и 1910 г.г., и вся драма его жизни, какъ правителя страны, можетъ быть почерпнута изъ этихъ очерковъ, часть которыхъ вошла въ книгу «Борьба за конституцію», а другая и послѣдняя въ недавно вышедшіе два тома «Революціонный періодъ русской исторіи».

Кровавый день 1-го марта 1881 года положилъ предѣлъ драгоцѣнной жизни царя-Освободителя. Россія одѣлась въ трауръ и временно вынуждена была остановиться на томъ широкомъ пути прогресса, который ей предопредѣлилъ почившій государь. Имя его, какъ одного изъ величайшихъ царей Россіи, навсегда останется въ памяти благодарнаго народа, которому онъ, вопреки давленію на него окружающихъ бюрократическихъ сферъ, великодушно даровалъ свободу. И о сю пору простой народъ, а также все южное славянство непрестанно поминаетъ въ своихъ моленіяхъ имя царя-Освободителя и ставитъ при всякой возможности вещественные памятники славнымъ дѣяніямъ его царствованія и его столь заслуженной передъ міромъ личности.

Наслѣдовавшій ему императоръ Александръ III, получившій въ нашей исторіи наименованіе «Миротворца», прежде всего и главнѣйше обратилъ вниманіе на умиротвореніе общественныхъ страстей, связанныхъ съ катастрофою, постигшей его родителя. Исторія его царствованія нынѣ нами разрабатывается на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и еще въ текущемъ году намъ придется представить вниманію читателей нѣкоторыя страницы изъ этого царствованія, но конимъ, быть можетъ, намъ удастся до извѣстной степени выяснитъ образъ могущественнаго монарха, оставившаго по себѣ, какъ въ Россіи, такъ и въ жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, видный слѣдъ. Но, дабы не оставлять настоящаго очерка незаконченнымъ, мы приведемъ изъ сочиненія П. Е. Волкова «Очеркъ законодательной дѣятельности въ царствованіе императора Александра III» тѣ нѣсколько страницъ, гдѣ сдѣлана какъ бы общія характеристика дѣяній этого монарха. Авторъ говоритъ:

«Всякое историческое событіе имѣетъ двойное значеніе: оно указываетъ ошибки прошлаго и путь, которому должны слѣдовать въ будущемъ. Государственная мудрость заключается въ томъ, чтобы велѣть за событіемъ понять его значеніе въ томъ и другомъ смыслѣ и съ точностью опредѣлить тотъ путь, которымъ нужно слѣдовать.

«Мудрый монархъ, вступая на прародительскій престолъ, понималъ, что ему этотъ путь указывалъ весь строй русской политической жизни, неразрывно связанной съ Верховною властью, укрѣпленной живымъ и яснымъ выраженіемъ единства народа съ монархомъ. Доказательствомъ самымъ яснымъ, убѣдительнымъ, того, что образъ правленія налагаетъ на все неизгладимую печать оригинальности, можетъ служить отечественная исторія. Стоитъ только припомнить изъ нея особенно важныя эпохи: представить Россію въ тяжкій для нея періодъ монгольскаго владычества, въ эпоху ея освобожденія, представить сопровождавшійся смутными, даже критическими обстоятельствами 1612 годъ и, наконецъ, достопамятнѣй въ лѣтописяхъ міра, незабвенный для каждаго русскаго 1812 годъ, и мы убѣдимся, какъ вѣра и святой верховный Промыселъ всегда поддерживали народъ русскій, какъ вездѣ патріотизмъ народный увѣнчивался блестящими успѣхами, какъ любовь къ царю, непоколебимая преданность престолу, самодержавію вездѣ неразлучно, такъ сказать, усвоены сердцу каждаго русскаго, и все это выражаетъ русскую *народность*, которой основаніе заключается въ духѣ правительства, въ образѣ правленія.

«Царь-Миротворецъ понималъ, что свобода, могущество Россіи и сама жизнь ея возможны только при условіи единой власти, и самодержавіе вмѣстѣ съ національными стремленіями вступили въ новую эру.

«Но пока не опредѣлился вполне путь, которымъ будетъ слѣдовать правительство, настроеніе умовъ было тревожное, натянутое,

положеніе дѣль неопредѣленное. Но не долго общество оставалось въ этой неизвѣстности: твердыми словами манифеста 29-го апрѣля 1881 г. съ высоты престола было указано путь, которымъ правительство пойдетъ въ своихъ преобразованіяхъ. «Гласъ Божій, сказано въ манифестѣ, повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утвердить и охранять, для блага народнаго, отъ всякихъ на нее посязновеній». Въ немъ указывалось также, что верховная власть измѣрила громадность зла, отъ котораго страдало наше отечество, и рѣшила приступить къ искорененію его. «Только самодержецъ, сказано далѣе въ этомъ манифестѣ, сильный преданностью и безпредѣльною любовью многомилліоннаго народа, въ тѣсномъ и неразрывномъ съ нимъ союзѣ, при беззавѣтномъ служеніи и просвѣщенномъ содѣйствіи всѣхъ лучшихъ сыновъ родной земли, можетъ поднять это тяжелое бремя и успѣшно совершить этотъ громадный трудъ».

«Съ тѣхъ поръ въ продолженіе 13 лѣтъ Россія шла смѣлыми шагами, безъ колебаній; она чувствовала, что ея руководить власть, что власть эта непоколебима и что она утверждена всѣмъ тѣмъ, что пережили русскій народъ, что она есть то начало, которое служитъ оградой всякой свободы и нравственнаго порядка въ государствѣ и движущей силой его развитія. Были, правда, и недовольные, были заговоры, но не слѣдуетъ забывать, какъ малъ и ничтоженъ, хотя и иногда громокъ и ярокъ, элементъ сопротивленія правительству, какъ малозначителенъ онъ въ жизни Великой Россіи и какъ незначителенъ онъ массѣ русскаго народа».

«Девизъ этой эпохи исторической жизни Россіи можно назвать «народною политикой», которая съ самаго начала царствованія императора Александра III выразилась въ спокойномъ подъемѣ духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны. Первые законодательные акты были направлены къ облегченію тягостей, лежащихъ на народѣ. Были значительно понижены выкупные платежи, гдѣ размѣры ихъ не соотвѣтствовали отведеннымъ участкамъ земли; отмѣнена подушная подать; крестьянскіе надѣлы признаны неотчуждаемыми; организована продовольственная помощь сельскому населенію; оставшіеся еще временно-обязанными крестьяне были обращены въ крестьянъ-собственниковъ; учрежденъ крестьянскій поземельный банкъ; изданы новыя правила о вольныхъ людяхъ; работы малолѣтнихъ на фабрикахъ были регламентированы; было оказано правительственное содѣйствіе крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земель, помимо отведенныхъ имъ надѣловъ; утверждена правильная организація переселенія крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую; финансовыя реформы были направлены къ облегченію народной массы и т. п.

«Въ области просвѣщенія народа сдѣланы шаги въ смыслѣ его укрѣпленія въ духѣ религіозно-нравственномъ. Помимо воз-

Императоръ Александръ III.

ложенія обязанности по народному обученію на сельское духовенство (церковно-приходскія школы), было упразднено самоуправленіе университетской корпораціи, при соответственныхъ измѣненіяхъ во всемъ строе университетской жизни. Особенное вниманіе правительства было обращено на профессиональныя и низшія школы, въ нихъ положены новыя начала, болѣе согласныя съ государственными потребностями и съ условіями здороваго физическаго и духовнаго развитія учащагося юношества.

«Финансовая реформа, широко отмѣченная, въ первые же годы царствованія императора Александра III была постепенно приведена въ исполненіе. Дефициты въ государственной росписи, благодаря поднятію народной производительности, прекратились. Быстрое и систематическое усиленіе сосѣдей въ военномъ отношеніи и необходимость поддержанія международнаго значенія Россіи ни на минуту не упускались изъ вида императоромъ Александромъ III.

«Боевая готовность арміи стала первою заботою государства. Прежде всего, по его указаніямъ, были сокращены нестройной составъ арміи, умалявшій боевую готовность ея мирныхъ кадровъ; затѣмъ поелѣдовало преобразование всей регулярной кавалеріи въ драгунскую; развитіе и устройство резервовъ, образованіе крѣпостныхъ войскъ; усиленіе войскъ полевыхъ, какъ въ отношеніи численности ихъ частей, такъ и сформированіемъ новыхъ единицъ; значительное увеличеніе офицерскаго состава арміи; переустройство государственнаго ополченія и снабженіе войскъ усовершенствованнымъ оружіемъ.

«Въ видахъ подъема боевой готовности арміи усилены запасы нижнихъ чиновъ; устроено систематическое обученіе запасныхъ и ратниковъ ополченія; обезпечено полное матеріальное снабженіе арміи по военному ея составу; увеличены и улучшены пути сообщенія, имѣющіе столь важное значеніе въ дѣлѣ мобилизаци и сосредоточенія войска, а самый мобилизаціонный механизмъ тщательно разработанъ и усовершенствованъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе важная западная граница государства обезпечена рядомъ крѣпостей современнаго устройства.

«Въ неустанномъ попеченіи о нуждахъ арміи покойный государь не оставилъ безъ вниманія матеріальнаго и служебнаго положенія ея членовъ и въ этихъ видахъ усилилъ денежное содержаніе офицеровъ, увеличилъ число казенныхъ вакансій для дѣтей офицеровъ къ кадетскомъ корпусѣ, облегчилъ службу солдатъ, сократилъ срокъ пребыванія ихъ подъ знаменами и улучшилъ положеніе сверхсрочнослужащихъ.

«Рядомъ съ этимъ, руководясь своими высокими понятіями о доблести и чести офицерскаго званія, императоръ Александръ III указалъ мѣры къ возвышенію нравственнаго уровня офицеровъ.

«По его указанію произведенъ былъ цѣлый рядъ реформъ вооруженныхъ силъ имперіи, и въ этомъ отношеніи его царствованіе является замѣчательнѣйшимъ въ исторіи Россіи.

«Внѣшняя политика отличалась особеннымъ миролюбіемъ, но и большою твердостью. Россія была освобождена не только изъ-подъ тяжелой опеки тройственнаго союза, но умѣла прочно оградить политическое равновѣсіе Европы отъ насильственныхъ посягательствъ на него со стороны средне-европейскихъ державъ и было положено начало дружескому соглашенію съ Франціей.

«Сила внѣшней политики почившаго монарха, помимо его прямодушія и миролюбія, заключалась именно въ той свободѣ, которую возвратилъ себѣ императоръ Александръ III въ 1897 году. Всякій вопросъ обсуждался прежде всего по его отношенію въ интересамъ Россіи, и въ каждомъ подобномъ случаѣ раздавалось вѣское русское слово, выслушивавшееся съ большимъ вниманіемъ именно потому, что всякій сознавалъ его искренность, понималъ, что Россія, отстаивая интересы своего народа, далека отъ мысли затрагивать интересы другихъ народовъ.

«Царствованіе великаго царя-Миротворца отразилось на цѣломъ рядѣ реформъ, будившихъ Россію къ новой жизни. Душою и руководителемъ различныхъ мѣропріятій являлся всегда самъ государь, а многіе изъ весьма важныхъ законодательныхъ актовъ получили свое осуществленіе по личному его почину.

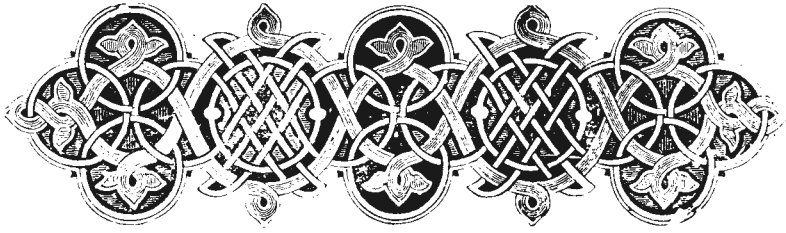
«Характерной чертой законодательной дѣятельности минувшаго царствованія было одно главное стремленіе: доставить дѣйствительный, а не бумажный только перевѣсъ русской народности въ предѣлахъ Русскаго государства и внутри этой народности. Если въ прежнее время приходилось нерѣдко имѣть дѣло съ крайне разнохарактерными, иной разъ даже не вполне согласными между собою по духу проявленіями законодательства, то съ 1881 года замѣчается гораздо болѣе послѣдовательности, видно присутствіе несомнѣннаго единства мысли, самобытности и самостоятельности, какими отличаются и всѣ вообще дѣянія въ Божѣ почивающаго императора Александра III. Что же касается оцѣнки той или другой руководящей идеи, какою проникнуто законодательство въ минувшее царствованіе, то она едва ли вообще доступна современникамъ».

Наступившее XX столѣтіе омрачилось въ исторіи Россіи несчастнѣйшей для насъ японской войной. Какъ нѣкогда у твердынь Севастополя, такъ теперь на поляхъ Манчжуріи и на берегу Тихаго океана русскій воинскій духъ горѣлъ неувядаемой славой. Но Промыслу Божиему угодно было повергнуть насъ въ нучину бѣдствій, и мы должны были отступить передъ врагомъ, за спиною котораго знакомыя намъ историческія руки подготовили намъ наше горе. Какъ за пепелью слѣдуетъ ведро, такъ и нынѣ благополучно царству-

ющій государь императоръ Николай II призналъ, подобно своему великому дѣду, своевременнымъ наступленіе для Россіи второй эпохи великихъ реформъ. Манифестами 1905 г. Государь Императоръ Николай Александровичъ призвалъ вѣрный свой народъ къ новой жизни на основахъ преобразованнаго строя государства въ томъ духѣ, какой указывало постепенное 300-лѣтнее культурное развитіе исторіи родной земли. Новая историческая эпоха нами еще не изжита, она только развертывается, суля Россіи въ недалекомъ будущемъ ясный и багряный день, когда духъ любви, свободы и гражданственности окончательно установится по лицу всей нашей земли. То государственное зданіе, которое съ такими трудами, жертвами и любовью возводили главнѣйшіе представители династіи Романовыхъ, благополучно царствующимъ ихъ потомкомъ императоромъ Николаемъ II увѣнчивается послѣднимъ великимъ дѣяніемъ. На службѣ Россіи сошлись нынѣ обѣ созидавшія величіе нашей родины силы: царь и народъ. Въ этомъ единеніи и встрѣчаетъ ихъ пышнѣшая знаменательная юбилейная година. Да будетъ она свѣтла, да не омрачится она никакими невзгодами и да напоминаетъ она намъ о томъ великомъ днѣ 1613 года, когда обѣ союзъ перваго избранника изъ дома Романовыхъ, царя Михаила Ѳеодоровича, съ возведшимъ его на престолъ народомъ разбились всѣ темныя силы, сулившія нашей родинѣ неизсякаемыя бѣды... Союзъ этотъ актомъ 17-го октября 1905 года укрѣпленъ, и Россія можетъ быть въ дальнѣйшемъ спокойна за свою великодержавность. Подъ скипетромъ дома Романовыхъ ей остается лишь идти по тому пути величія, которое, нарастая въ теченіе трехсотъ лѣтъ исторической жизни, создало изъ нея своеобразную «страну міровъ», расположившихся на огромнѣйшемъ пространствѣ земного шара и нынѣ приблизившихся безъ различія «племень, нарѣчій, состояній» къ тѣмъ дарамъ гражданской свободы, о которой въ теченіе многихъ и многихъ годовъ мечтали видные представители родной земли. Лучшіе люди три вѣка тому назадъ спасли эту землю отъ позраженія и развала; таковымъ же желательнымъ людямъ нынѣ актомъ о народномъ представительствѣ поручено охранять и лелѣять ея будущее. Въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ царствующій домъ Романовыхъ стоялъ одинъ на стражѣ интересовъ довѣренной имъ земли и ея великодержавства. Одночество теперь исчезло и остается надѣяться, что Божіимъ произволеніемъ представители народа въ единеніи съ своимъ царемъ и въ дальнѣйшемъ сумѣютъ слѣдовать по тому историческому пути, на коемъ выросла наша міровая слава. Пусть же эта слава не меркнетъ, а разрастается въ грядущую четырехсотлѣтнюю годовщину державы Романовыхъ еще болѣе пышнымъ и яркимъ свѣтомъ, подъ лучами котораго всѣмъ народамъ, нашу имперію обитающимъ, будетъ житься легко, привольно и благостно.

Б. Глинскій

БОРЬБА У ПРЕСТОЛА.

Историческій романъ.

«Пиръ былъ готовъ, но гости оказались
недостоинъ его»...

Слова кн. Дм. Мих. Голицына.
«Записки Манштейна».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ГРАФЪ, дорогой графъ, наконецъ-то!—произнесла молодая женщина, протягивая обѣ руки навстрѣчу входившему въ маленькую гостиную, сверкавшему брильянтами и золотымъ шитьемъ камергерскаго камзола, молодому, стройному красавцу.

Она сидѣла на низенькомъ креслѣ, обитомъ темномалиновымъ бархатомъ. Въ маленькія пожки въ ажурныхъ, плетеныхъ изъ золота туфляхъ покоились на бархатной подушкѣ. Легкія, какъ пѣна, кружева на вырѣзѣ открытаго платья едва прикрывали ея высокую бѣлоснѣжную грудь. Черные глаза ея, томные и тѣсные, мерцали маяющимъ блескомъ подъ высокой прической взбитыхъ локонами темныхъ волосъ.

Въ золоченыхъ люстрахъ съ хрустальными подвѣсками горѣли восковыя свѣчи подъ красными шелковыми колпаками.

И этотъ красный свѣтъ, наполнявшій комнату, придавалъ странно-пѣжный оттѣнокъ лицамъ.

Эта молодая женщина была первая красавица при дворѣ, Наталья Ѳедоровна Лопухина, жена генераль-майора Степана Васильевича, двоюроднаго брата и камергера двора царицы Евдокіи, бабки царствующаго императора, урожденной Лопухиной, первой жены Петра Великаго.

Тотъ, кого она такъ радостно привѣтствовала, былъ графъ Рейнгольдъ Левенвольде, генераль-майоръ и камергеръ. Онъ состоялъ при русскомъ дворѣ резидентомъ бывшаго курляндскаго герцога Фердинанда, лишеннаго въ 1727 году сеймомъ герцогской короны. Своимъ графствомъ, камергерствомъ и чиномъ онъ былъ обязанъ недолгому фавору при покойной императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Графъ Рейнгольдъ хорошо устроился въ Россіи.

Слегка склонившись, непринужденной походкой придворнаго, скользя по роскошному персидскому ковру, покрывавшему полъ гостиной, графъ Левенвольде приблизился къ Лопухиной и одну за другой поцѣловалъ ея руки. Потомъ онъ опустился на низенькій табууретъ у кресла Натальи Ѳедоровны.

— Гдѣ вы пропадали,—спросила Лопухина,—и что новаго?

— Я?—отвѣтилъ Левенвольде:—я отдыхалъ. Я усталъ отъ этихъ непрерывныхъ празднествъ. Сказать по правдѣ, болѣзнь императора пришлось кстати. Надо же сдѣлать передышку. Вчера я былъ въ «Остеріи». Тамъ былъ и Иванъ Долгорукій. Повидимому, они разстроены, что свадьба императора завтра не состоится.

— Положеніе императора, кажется, не внушаетъ опасеній,—сказала Лопухина:—а вашъ Иванъ надутый и скверный мальчишка, онъ губитъ императора,—рѣзко закончила она.—Охъ, ужъ эти Долгорукіе!...

— Вы не любите ихъ,—тихо произнесъ Левенвольде, овладѣвая ея руками.

Онъ нѣжно перебиралъ тонкіе длинные пальцы, цѣлуя каждый по очереди.

— Что мнѣ Долгорукіе,—сказалъ онъ:—мнѣ скучно отъ этого разговора! Какое намъ дѣло до нихъ?—и онъ поднялъ свои прекрасные глаза на Лопухину.—Притомъ императоръ нездоровъ, и теперь все тихо.

— Ахъ, Рейнгольдъ, Рейнгольдъ—съ упрекомъ произнесла Лопухина, низко склоняясь лицомъ къ его кудрявой головѣ:—вы иностранецъ, вы ничего не понимаете.

Рейнгольдъ, продолжая цѣловать ея руки, небрежно отвѣтилъ:

— Вы научили меня быть русскимъ.

— Долгорукіе!—продолжала Лопухина:—вы подумайте только! Съ тѣхъ поръ, какъ они подсунули ему эту надменную дѣвчонку, княжну Екатерину, они совсѣмъ потеряли голову!—Ея братъ, этотъ убогіи и развратный Иванъ, развращающій императора,—въ двадцать лѣтъ генераль, майоръ Преображенскаго полка, андреевскій

кавалеръ! Вы посмотрите только, какъ позволяеть онъ себѣ третировать самыхъ знатныхъ людей, съ истинными заслугами! А она? Она, кажется, уже теперь считаетъ себя императрицей. Съ тѣхъ поръ, какъ ее стали поминать на ектеніяхъ, называть «высочествомъ» и государыней-невѣстой, она уже принимаетъ иностранныхъ пословъ; мы должны цѣловать ея руку... Но это позоръ!...

— Вы завидуете?—сказалъ Левенвольде, опуская ея руки.— Вы, конечно, красивѣе ея. Не хотѣли ли вы быть императрицей всероссійской?

Лопухина насильственно засмѣялась.

— А не хотѣли ли вы быть супругомъ покойной императрицы?— отвѣтила она.

По лицу Левенвольде прошла мгновенная судорога.

— Ахъ, не сердитесь, Рейнгольдъ, за эти воспоминанія,— произнесла Лопухина:—вы вѣдь знаете, что я люблю васъ.

Она замолчала, перебирая рукой мягкія кольца его волосъ.

— Я знаю,—началъ Левенвольде:—что на послѣднемъ балу у Черкаскаго императоръ оказывалъ вамъ слишкомъ много вниманія, что принцесса Елизавета кусала губы при видѣ вашихъ усѣховъ, а Долгорукіе сошли съ ума.

Она тихо засмѣялась.

— Да,—возразила она:—вы правы. Но развѣ, Рейнгольдъ, я не красива?

Онъ поднялъ на нее загорѣвшіеся глаза.

— Вы—Венера,—сказалъ онъ:—и если бы я былъ императоромъ, я бы не сдѣлалъ такой глупости, какъ жениться на Екатериинѣ Долгорукой.

— Въ томъ-то и бѣда, мой милый другъ, что вы не императоръ, а Долгорукіе помѣшали мнѣ быть императрицей,—смѣясь добавила она.

Левенвольде совершенно серьезно слушалъ ее, какъ бы соображая и взвѣшивая шансы.

— Но вѣдь вы замужемъ!—сказалъ онъ, наконецъ.

Она въ отвѣтъ снова разсмѣялась.

— Дорогой иностранецъ, это послѣднее изъ препятствій у насъ...

— Но,—продолжалъ онъ,—хотя завтра ихъ свадьба и не состоится, но когда-нибудь она все-таки будетъ.

— Ну, что же? Петръ Первый тоже былъ женатъ на моей теткѣ, да потомъ женился на Екатериинѣ...

Левенвольде нахмурился.

— Ну, полно, полно, я вѣдь только болтала. Развѣ я не твоя!— прерывающимся голосомъ произнесла Лопухина.

Рейнгольдъ медленно поднялся и, взявъ обѣими руками ея голову, откинулъ ее и прижался губами къ ея полуоткрытымъ губамъ...

Въ эпоху сказочныхъ, неожиданныхъ возвышеній отъ невзвѣстности до первыхъ мѣствъ въ государствѣ и страшныхъ паденій съ высоты могущества и власти въ бездну ничтожества смутно мелькавшія въ душѣ Лопухиной надежды могли легко стать дѣйствительностью.

Давно ли свѣтлѣйшій князь Ижорскій, Мепшиковъ, этотъ «прегордый Голіаѳъ», былъ неограниченнымъ вершителемъ судебъ Россіи и готовился сдѣлать дочь свою императрицей? И что же? Въ дикой Сибири, въ глухомъ Березовѣ, почти нищій узникъ, онъ медленно и гордо угасалъ, пока смерть, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не прекратила его нѣмыхъ страданій...

А этотъ самый графъ Рейнгольдъ Левенвольде, пять лѣтъ тому назадъ, при Петрѣ I, маленькій, скромный, бѣдный лифляндскій дворянинъ, резидентъ незначительнаго курляндскаго герцога, избѣгавшій вообще даже показываться лишній разъ на глаза царя—при его вдовѣ дѣлается графомъ, камергеромъ, теряетъ счетъ деньгамъ и легко и свободно становится однимъ изъ первыхъ въ томъ высокомъ кругу, гдѣ такъ еще недавно на него смотрѣли съ презрительнымъ снисхожденіемъ? А сама Екатерина Долгорукая, «государыня-невѣста», завтрашняя императрица всероссійская!

Сегодня—внизу, завтра—наверху.

Время оправдывало самыя безумныя надежды и самыя ужасныя опасенія.

Въ послѣдніе мѣсяцы, когда вся высшая аристократія, весь генералитетъ, иностранные посланники и резиденты потянулись въ Москву влѣдъ за дворомъ отрока-императора,—балы, празднества, охоты слѣдовали непрерывно другъ за другомъ. Блестящими «фестивалями» было отпраздновано состоявшееся въ ноябрѣ прошлаго года обрученіе императора съ княжной Екатериной. Въ угарномъ чаду промелькнуло Рождество. А на 19-е января было назначено, теперь отложенное по болѣзни императора, его бракосочетаніе, и въ тотъ же день—свадьба его любимца Ивана Долгорукаго съ графиней Натальей Шереметевой.

Четырнадцатилѣтній Петръ, сильный и крѣпкій, рано возмужавшій, съ необузданной жадностью бросился на все соблазны, окружавшіе его. На балахъ онъ всегда отмѣчалъ красивыхъ женщннъ, и, конечно, не могъ оставаться равнодушнымъ при видѣ Лопухиной, первой красавицы обѣихъ столицъ.

Въ танцахъ Лопухина почти превосходила цесаревну Елизавету, считавшуюся лучшей танцовкой этого времени. На охотѣ съ борзыми, которую такъ любилъ императоръ, она поражала своей смѣлостью и красотой посадки.

Несмотря на свою несомнѣнную любовь къ Лопухиной, графъ Рейнгольдъ считалъ бы большой удачей для себя, если бы Лопухина овладѣла императоромъ. Сухой и расчетливый, отставшій отъ своего

отечества и оставшіеся чужимъ Россіи, онъ всегда и во всемъ привыкъ прежде всего искать личной выгоды. Избалованный усміхами у женщинъ, дѣлая черезъ нихъ свою карьеру, онъ невольно пріобрѣлъ на нихъ взглядъ, какъ, прежде всего, на полезныхъ ему людей, и потомъ уже какъ на женщинъ. Единственное, несомнѣнное теплое чувство въ его душѣ принадлежало Лопухиной. Но и тутъ онъ невольно ужъ вычислялъ выгоды, какія могли бы выпасть на его долю въ случаѣ ея возвышенія.

Начиная съ Крещенія, празднества прекратились, въ виду болѣзни императора, хотя никто еще не считалъ этой болѣзни смертельной, даже тогда, когда выяснилось, что это оспа.

Вурный періодъ болѣзни миновать, и императоръ уже всталъ съ постели.

II.

Левенвольде сидѣлъ снова на низкомъ табуретѣ.

Положивъ руку ему на голову, Лопухина улыбалась мечтательно и задумчиво.

Казалось, этой женщинѣ, такъ щедро одаренной, нечего было желать. По своему рожденію (она была урожденная Балка, дочь извѣстнаго генерала) и по замужеству, она принадлежала къ самому высокому кругу, и со стороны мужа была родственницей царей; по богатству—семья Лопухиныхъ была одной изъ первыхъ, соперничая съ Черкасскими, по красотѣ—она безспорно и видъ сомнѣній была признана несравненной. Все въ жизни улыбалось ей. И она чувствовала себя теперь пресыщенной счастьемъ, и отъ скуки и отъ безпокойства, свойственнаго ея характеру, искала, чѣмъ занять свою душу.

Она была одной изъ тѣхъ прелестныхъ бабочекъ, вырвавшихся изъ куколокъ душныхъ теремовъ, распахнутыхъ мощной рукой великаго царя, и наслаждающихся невиданной донынѣ на Руси свободой женщины...

Эти дни, скучные и однообразные, безъ баловъ и празднествъ, гдѣ она бывала настоящей царицей, томилъ ее. Она съ нетерпѣніемъ ждала выздоровленія императора, чтобы снова очутиться въ привычной праздничной атмосферѣ баловъ, соперничествъ, штриптъ, легкихъ побѣдъ.

Беззаботный Левенвольде, тоже привыкшій быть центромъ придворныхъ баловъ, какъ и она, томился вынужденнымъ бездѣйствіемъ, хотя и говорилъ противное,—потому что единственнымъ дѣломъ его было блистать на балахъ.

— Мужа сегодня съ утра нѣтъ дома,—произнесла Лопухина:—онъ очень озабоченъ болѣзnią императора.

— Тревожиться нечего,—лѣжливо отвѣтилъ Рейнгольдъ.

— Вы знаете, Рейнгольдъ,—тихо отозвалась Наталья Оедоровна:—мигъ съ утра грустно, я все жду чего-то.

— Вамъ просто скучно,—съ улыбкой отвѣтилъ Рейнгольдъ:—вы скучаете безъ баловъ, безъ охоты. Дѣйствительно,—продолжалъ онъ:—на рождественской псовой охотѣ въ Александровской слободѣ вы были очаровательно смѣлы.

Шумъ тяжелыхъ шаговъ и бряцанье шпоръ въ сосѣдней комнатѣ прервали его слова.

— Это мужъ,—сказала Наталья Оедоровна, снимая руку съ головы Рейнгольда.

Онъ нѣсколько отодвинулся.

Въ комнату, гремя шпорами, быстро и озабоченно вошелъ мужъ Лопухиной, Степанъ Васильевичъ, въ красномъ гвардейскомъ камзолѣ съ золотыми позументами.

Это былъ высокій, крѣпкій мужчина, лѣтъ сорока пяти, съ добродушнымъ широкимъ лицомъ. На этомъ цвѣтущемъ лицѣ трудно было найти слѣды тяжелаго девятилѣтняго пребыванія Лопухина въ Кольскомъ острогѣ, куда онъ былъ сосланъ Петромъ Великимъ за участіе въ дѣлѣ царевича Алексѣя, въ 1718 году. Въ лѣвой рукѣ Лопухинъ держалъ краги и большую гренадерскую шапку.

Левенвольде поднялся ему навстрѣчу.

— А, графъ, очень кстати,—произнесъ Степанъ Васильевичъ, протягивая ему руку.

Левенвольде показалось, что его рука слегка дрожала.

Въ выраженіи лица мужа Наталья Оедоровна сразу подмѣтила необычное, тревожное выраженіе.

— Что случилось, Степанъ Васильевичъ?—спросила она.

Лопухинъ осторожно, словно хрупкую драгоценность, взялъ руку жены и нѣжно поцѣловалъ ее.

— Дурныя, ужасныя вѣсти,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ онъ, тяжело опускаясь на маленькій табуретъ, гдѣ только что сидѣлъ Левенвольде:—императоръ умираетъ!...

Онъ уронилъ краги и шапку на коверъ и закрылъ глаза рукой.

Левенвольде поблѣднѣлъ. Тысячи опасеній за себя, за свою будущность въ чужой, дикой странѣ, гдѣ судьба человѣка зависѣла отъ произвола перваго временщика, охватили его.

— Какъ!—растерянно произнесла Наталья Оедоровна:—умираетъ!

Лопухинъ овладѣлъ собою.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—умираетъ. Проклятые Долгорукіе, они погубили его! Имъ что!—съ горечью и истиннымъ отчаяніемъ продолжалъ онъ:—что имъ до того, что угасаетъ послѣдній отпрыскъ дома Петрова!... Они думаютъ только о себѣ! Не мало зла патворили они—и боятся расплаты!...

Лопухинъ всталъ и крупными шагами заходилъ по маленькой гостиной.

— Да расскажи же, что случилось?—упавшимъ голосомъ спросила Наталья Ѳеодоровна:—гдѣ ты былъ?...

— Въ Воскресенскомъ, у царицы бабки, Измайлова извѣстили,—отвѣтилъ Лопухинъ и продолжалъ:—позавчера, какъ всталъ онъ съ постели, все было хорошо. Извѣстно, не доглядѣли... Самъ открылъ окно и застудился. Теперь нѣтъ надежды. Что будетъ! Что будетъ!—схватился онъ за голову.

— Кто жъ наследуетъ престолъ?—пересохшими губами спросилъ Рейнгольдъ.

Для него это былъ вопросъ жизни и смерти. Въ его воображеніи мелькнуло прекрасное лицо цесаревны Елизаветы, ненавидящей Лопухину и относившейся къ нему съ презрительнымъ высокомеріемъ.

— Кто?—повторилъ Лопухинъ:—мужская вѣтвь дома Романовыхъ пресѣкается...

— Елизавета!—воскликнула Наталья Ѳеодоровна, раздѣлявшая тревогу своего любовника.

— Она ненавидитъ Лопухиныхъ,—глухо отозвался Степанъ Васильевичъ:—она будетъ преслѣдовать весь нашъ родъ, какъ ея отецъ преслѣдовалъ. Девять лѣтъ я безвинно томился въ острогѣ, и мой дядя погибъ на плахѣ... Царица Евдокія всю жизнь прожила въ заточеніи, и теперь что отъ нея осталось?... Дряхлая монахиня! Съ ея сыномъ, своимъ сыномъ, что сдѣлалъ онъ!... Его дочь наследовала его ненависть...

— Но кто же?—произнесла тихо Наталья Ѳеодоровна.

Лопухинъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Говорятъ, существуетъ testamentъ покойной императрицы,—неувѣренно началъ Рейнгольдъ...

— Это объ ея дочеряхъ,—возразилъ Лопухинъ:—объ Аннѣ да Елизаветѣ...

— Послѣ смерти Анны, герцогини голштинской, остался сынъ Карлъ.—сказалъ Рейнгольдъ:—по testamentу, кажется, престолъ долженъ перейти къ нему...

— Завѣщаніе сомнительно,—отвѣтилъ Лопухинъ.

— Мой отецъ видѣлъ это завѣщаніе,—вмѣшалась Наталья Ѳеодоровна:—тамъ прямо было сказано: Аннѣ Петровнѣ съ «десцендентами». Ежели же она была бы бездѣтна—то Елизаветѣ.

Лопухинъ покачалъ головой.

— Никто не придастъ значенія этому testamentу,—сказалъ онъ:—Долгорукіе—сильны...

— Ты думаешь?... блѣднѣя, начала Лопухина.

— Да,—угадавъ ея мысль, взволнованно произнесъ Лопухинъ. Рейнгольдъ тоже притихъ.

Очевидно, Лопухинъ допускалъ возможность, что Долгорукіе провозгласятъ императрицей государыню-невѣсту.

Тяжелое раздумье овладѣло всѣми. Всѣ трое чувствовали себя, какъ люди, находящіеся въблизи невѣдомой опасности.

— Я ѣду въ Лефортовскій дворець,—прервалъ наконецъ молчанье Лопухинъ:—не надо, чтобы неожиданно что натворили Долгорукіе.

— Если разрѣшите, я буду сопровождать васъ,—сказалъ Левенвольде.

— Ѣдемте,—коротко отвѣтилъ Лопухинъ.

Мужчины поцѣловали руку Натальи Федоровны и поспѣшно вышли.

III.

То и дѣло къ Лефортовскому дворцу въ Нѣмецкой слободѣ, принадлежавшему пѣкогда извѣстному любимцу Петра Великаго, подъѣзжали сани и кареты съ форейторами. Залы дворца наполнялись представителями генералитета, сената и духовенства. На улицахъ, прилегающихъ къ дворцу, толпился народъ, охваченный смутной тревогой. Во мракѣ морозной ночи кровавыми пятнами горѣли фонари и дымящіеся факелы въ рукахъ скороходовъ. Сдержанно кричали форейторы: «бѣгнись!..» и молча выходили изъ экипажей имѣющіе доступъ ко двору сановники.

Тревожное настроеніе толпы, окружавшей дворець, росло; необъяснимымъ путемъ, какъ всегда бываетъ, въ народѣ проникли вѣсти, что императоръ умираетъ...

Въ умахъ москвичей еще памяты были всѣ волненія и бури, пережитыя Москвой при перемѣнахъ «наверху». Были въ толпѣ старики, хорошо помнившіе стрѣлецкіе бунты. Смерть отрока-государя опять сулила имъ рядъ ужасныхъ возможностей. Всѣхъ пугало междоусобіе дворцовыхъ партій. Слышались сдержанные разговоры. Чаще всѣхъ упоминалось имя Елизаветы.

А кареты, возки, сани—все ѣхали и ѣхали...

Въ большой залѣ, прислонившись къ колоннѣ, стоялъ молодой офицеръ въ формѣ поручика лейбъ-режима. На немъ былъ красный камзолъ съ такими же обшлагами, воротникомъ и подбоемъ, обшитый по вороту, обшлагамъ и борту золотымъ галуномъ. На лоснящей портупей висѣла широкая шага. Онъ былъ еще очень молодъ; лѣтъ двадцати—двадцати двухъ. По выраженію его лица, съ большими любопытными, темными глазами, по его обособленности среди блестящаго общества было сразу видно, что онъ еще не свой здѣсь. Онъ съ жаднымъ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ вновь прибывшимъ, и его глаза перебѣгали съ одной залитой золо-

томъ фигуры на другую и останавливались съ любопытствомъ на черныхъ рясахъ іереевъ, въ бѣлыхъ и темныхъ клобукахъ, украшенныхъ брилліантовыми крестами.

— Ну, что, князь, въ диковинку? Сразу всѣхъ увидали,—раздался за нимъ тихій голосъ. Молодой князь быстро повернулся. Передъ нимъ стоялъ молодой капитанъ, въ одной съ нимъ формѣ.

— А, —радно произнесъ названный княземъ,—это вы, Петръ Спиридоновичъ. — вѣрите ли, голова кругомъ идетъ.

— Знаю, знаю,—отозвался Петръ Спиридоновичъ,—прямо изъ чужеземщины, ничего не зная, что творится здѣсь, да понасть сюда, да въ такой моментъ! Есть отъ чего разбѣжаться глазамъ, Арсеній Кирилловичъ.

— Да, Петръ Спиридоновичъ,—отвѣтилъ князь:—вѣрите ли, какъ во снѣ себя чувствую. Не дѣли нѣтъ, какъ я здѣсь. И что же? Ну, право, какъ во снѣ! Что батюшка подумаетъ! Нѣтъ,—продолжалъ онъ съ увлеченіемъ, явно обрадовавшись собесѣднику:—вы, вѣдь, знаете. Пріѣхалъ я послѣ заграницы, прямо изъ Париза къ отцу, онъ говоритъ, поѣзжай въ Петербургъ, пора послужить. Я что же, съ радостью согласился. Пріѣхалъ съ батюшкинымъ ишемомъ прямо къ фельдмаршалу князю Долгорукому въ Москву. Вѣдь мы въ родствѣ. Шастуновы и Долгорукіе—одного корня. А здѣсь князь Василій Владимировичъ и говоритъ: «Будь моимъ адъютантомъ»,—и зачислилъ меня въ лейбъ-регіментъ. А тутъ болѣзнь его величества. Что подѣлаешь? Представить не могли. Сегодня безпрѣмѣнно приказалъ здѣсь быть. Вотъ и торчу. А его не видно. Говорятъ, императоръ не поправится. Вѣда одна,—закончилъ онъ.

— Но правдѣ, бѣда,—отвѣтилъ Петръ Спиридоновичъ:—что теперь будетъ,—продолжалъ онъ пониженнымъ голосомъ,—ума не приложу! Кто вступитъ на престоль и что будетъ?

Онъ замолчалъ. Этотъ капитанъ лейбъ-регімента былъ камеръ-юнкеромъ голштинскаго герцога. Фамилія его была Сумароковъ. Въ настоящее время онъ состоялъ адъютантомъ графа Павла Ивановича Ягужинскаго, генераль-прокурора сената, того самаго Ягужинскаго, полуполяка, полудитовца, кого Великій Петръ называлъ своимъ окомъ.

Въ большой залѣ и примыкающихъ къ ней комнатахъ стоялъ тихій и сдержанный гулъ голосовъ. Прибывшіе разбивались на группы и взволнованно обсуждали послѣдствія надвигавшагося несчастья.

Отъ шитыхъ золотомъ цвѣтныхъ кафтановъ, разноцвѣтныхъ лентъ, звѣздъ и брилліантовъ рябило въ глазахъ. Черными пятнами на блестящемъ фонѣ военныхъ и гражданскихъ генераловъ выдѣлялись темныя рясы духовенства.

— Вотъ, посмотрите,—говорилъ Сумароковъ:—видите вы этого генерала съ такимъ суровымъ худымъ лицомъ? Знаете, кто это?

Князь отрицательно покачалъ головой.

— Это—герой Россіи, какъ сказала о немъ испанскій посоль Дюкъ-де-Лирія,—продолжалъ Сумароковъ:—фельдмаршалъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ.

Шастуновъ съ невольнымъ уваженіемъ взглянулъ на стараго генерала. Кто не зналъ подвиговъ Михаила Михайловича, его беззаветной отваги въ битвахъ подъ Лѣснымъ, Нарвой, гдѣ онъ спасъ остатки разбитой арміи Петра и честь Семеновскаго полка, его блистательнаго похода въ Финляндію 1714 года, его безкорыстія и любви къ солдатамъ? Въ популярности въ рядахъ русской арміи могъ бы соперничать съ нимъ развѣ только другой фельдмаршалъ, князь Василій Владимировичъ Долгорукій.

— А съ нимъ рядомъ,—говорилъ Сумароковъ,—этотъ красивый, стройный человекъ, съ александровской лентой, это князь Василій Лукичъ Долгорукій. Старикъ, а на видъ нельзя дать и сорока лѣтъ. Съ ума сводилъ парижскихъ красавицъ еще десять лѣтъ тому назадъ, какъ былъ назначенъ посломъ при регентѣ Филиппѣ Орлеанскомъ. Вы, князь, недавно изъ Парижа. Чай, слышали о немъ?

Улыбка промелькнула по губамъ Шастунова. Дѣйствительно, при французскомъ дворѣ до сихъ поръ не забыли изящнаго, остроумнаго, смѣлаго Василя Лукича, соперничавшаго въ успѣхахъ у женщинъ съ первыми кавалерами блистательнаго двора регента, несмотря на свой почтенный возрастъ. Случалось ему встрѣчать и старушекъ, еще сохранившихъ нѣжное воспоминаніе объ этомъ «le prince charmant» во время его перваго пребыванія въ Парижѣ, во дни его молодости, въ концѣ прошлаго вѣка, гдѣ онъ пробылъ тринадцать лѣтъ.

— Онъ—членъ верховнаго тайнаго совѣта, министръ,—продолжалъ словоохотливый Сумароковъ:—все въ ихъ рукахъ.

Онъ вздохнулъ и затѣмъ продолжалъ свое перечисленіе.

Князь слушалъ его съ яднымъ любопытствомъ.

— Толстый, надутый, словно лопнуть готовъ отъ надменности, князь Черкасскій, самый богатый человекъ въ Россіи. Толщій монахъ съ длинной бородой, съ брилліантовымъ крестомъ на клобукѣ, членъ синода, архіепископъ новгородскій Теофанъ, ехидный, хитрый; рядомъ съ нимъ архіепископъ тверской Теофилактъ, низенькій, толстенный, а высокій, толстый—ростовскій архіепископъ, Георгій. Подумаешь,—друзья! А сами другъ друга въ ложкѣ воды готовы утопить, горло перережутъ другъ другу. А! вотъ входятъ старики,—смотрите, какъ почтительно раздвигаются. Это самъ великій канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, а съ нимъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. А, верховный тайный совѣтъ

собрается! Князь, князь,—торопливо закончилъ Сумароковъ:—а вотъ вашъ фельдмаршалъ и Ягужинскій. Идемте!

Черезъ толпу расшитыхъ мундировъ молодые люди пробрались къ образовавшемуся проходу и примкнули къ свитѣ Головкина и фельдмаршала.

Твердыми, увѣренными шагами, прямой и стройный, съ сурово сжатыми губами, блестящими глазами, глядящими поверхъ головъ, съ надменно поднятой головой, не отвѣчая на поклоны, фельдмаршалъ прямо прошелъ къ окну, гдѣ стояли Голицыны съ Василиемъ Лукичемъ. Къ нимъ же подошли Головкинъ съ Дмитриемъ Голицынымъ и Ягужинскій. Между ними начался сдержанный, но оживленный разговоръ. Окружающіе отодвинулись подальше. Взоры всѣхъ, словно съ тревогой и опасеніемъ, устремились на эту маленькую группу людей, одни изъ которыхъ, по своему положенію, какъ министры, члены верховнаго тайнаго совѣта, другіе, какъ знаменитые родомъ и доблестью, занимали первенствующее мѣсто въ государствѣ и, казалось, держали въ своихъ рукахъ будущее Россіи.

Надо сказать, что большинство устремленныхъ на нихъ взглядовъ выражало явное недоброжелательство.

Архіепископъ Теофанъ, сложивъ на груди руки, съ нескрываемой усмѣшкой глядѣлъ на эту группу, изрѣдка что-то говоря съ насмѣшливой улыбкой своимъ собесѣдникамъ, хотя тѣ, очевидно, не раздѣляли его настроенія. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что Теофилактъ тверской былъ близокъ къ князьямъ Голицынымъ, а Георгій ростовскій—къ Долгорукимъ.

Шастуновъ и Сумароковъ стояли въ сторонѣ и молча наблюдали. Имъ обоемъ бросилось въ глаза нѣсколько высокомѣрное отношеніе князей Голицыныхъ и Долгорукихъ къ Ягужинскому. Его словно держали поодаль, и, чтобы сгладить это, графъ Головкинъ то и дѣло обращался къ нему, видимо, стараясь втянуть его въ общую бесѣду. Ягужинскій былъ его зятемъ, и графъ Головкинъ давно уже стремился провести его въ члены верховнаго тайнаго совѣта, но все безуспѣшно. Несмотря на выдающееся положеніе Ягужинскаго, родовитые князья не хотѣли видѣть равню въ простомъ шляхтичѣ.

Изъ внутреннихъ покоевъ вышелъ невысокаго роста, пожилой генералъ съ андреевской лентой на груди. На его лицѣ была видна полная растерянность. Это былъ отецъ государыни-невѣсты, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій. Онъ прямо подошелъ къ группѣ верховниковъ и, взявъ за руку фельдмаршала Долгорукаго, началъ что-то взволнованно объяснять, словно умолять. До ушей Сумарокова и Шастунова доносились отдѣльныя слова: «завѣщаніе... государыня-невѣста...»

— Невѣста—не жена,—донесли слова фельдмаршала Голицына, сказанныя громче другихъ.

Алексѣй Григорьевичъ сталъ опять горячо убѣждать и вынулъ изъ кармана, за пазухой, сложенный вчетверо большой листъ. Онъ развернулъ его, и князь Шастуновъ замѣтилъ на немъ большую императорскую печать. Василій Лукичъ внимательно разсматривалъ листъ и что-то тихо говорилъ, — Ягужинскій читалъ текстъ черезъ его плечо.

Сумароковъ, наклонясь къ уху Шастунова, едва слышно прошепталъ:

— Слышно, что императоръ составилъ testamentъ, по коему наслѣдницей престола назначаетъ государыню-невѣсту, княжну Екатерину Долгорукую. Вечоръ у князя Алексѣя Григорьевича соблались всѣ Долгорукіе... Да между собою грызутся. Кто Катерины не любитъ, кому Иванъ поперекъ горла сталъ. Такъ и не столковались. А, впрочемъ, почемъ знать! Захотятъ фельдмаршалы, — все едѣлаютъ!

Въ эту минуту фельдмаршалъ Василій Владимировичъ нетерпѣливо махнулъ рукой и громко сказалъ:

— Потомъ!

Князь Алексѣй Григорьевичъ растерянно и торопливо свернулъ и спряталъ за пазуху листъ и бросился къ Черкасскому, потомъ къ архіепископамъ, вездѣ встрѣчаемый презрительно-недовѣр улыбками.

Потомъ онъ снова скрылся во внутреннихъ покояхъ.

Прошло нѣсколько минутъ; изъ внутреннихъ покоевъ торопливо вышелъ блѣдный и взволнованный сенаторъ Иванъ Ильичъ Дмитриевъ-Мамоновъ, тайный супругъ царевны Прасковьи Иоанновны.

Онъ подошелъ къ архіепископамъ и что-то сказалъ имъ.

Черными тѣнями они немедленно двинулись за нимъ во внутренніе покои.

Словно вздохъ пронесся по залѣ. Всякій понялъ, что минуты императора сочтены.

IV.

Какое-то жуткое, напряженное ожиданіе, шопотъ собравшихся, казавшійся зловѣщимъ въ этихъ просторныхъ покояхъ, еще недавно наполненныхъ шумнымъ весельемъ, дѣйствовали удручающе на князя Шастунова. Ему минутами казалось, что свѣчи въ золотыхъ канделябрахъ меркнутъ, чадный туманъ нагорѣвшихъ свѣтиленъ стоялъ въ воздухѣ, затемняя глаза. Слышался только зловѣщій гулъ сдержанныхъ голосовъ. Словно какія-то тѣни рѣяли въ воздухѣ.

Здѣсь же, въ этомъ самомъ Лефортовскомъ дворцѣ, презвыши первый императоръ справлялъ свои молодыя оргіи, празднумъ побѣду надъ утопавшей въ крови Москвой!... И здѣсь кончалъ жизнь его послѣдній мужской отпрыскъ.

Голова Шастунова кружилась. Онъ чувствовалъ словно дурноту.

Онъ глубоко вздохнулъ, выпрямился, отглянулся кругомъ и вдругъ вздрогнулъ. Его взглядъ упалъ на крупную фигуру Лопухина, пробиравшагося среди толпы, въ сопровожденіи графа Левенвольде. Блѣдныя щеки его мгновенно покраснѣли. Это не укрылось отъ капитана Сумарокова.

— А-а,—шопотомъ въ ухо князя произнесъ онъ,—мужъ нашей первѣйшей красавицы и въ сопровожденіи друга.

Было въ его тонѣ что-то, что не понравилось молодому князю. Глаза его потемнѣли, и онъ въ упоръ посмотрѣлъ на капитана.

— Да, да,—продолжалъ Сумароковъ:—вѣдь вы знакомы съ его женой, Натальей Ѳедоровной? Помните, вы такъ много катались съ ней на прошлой недѣлѣ съ горъ на Москвѣ рѣкѣ?

Помнилъ ли Шастуновъ!

— А этотъ красавчикъ,—шепталь Сумароковъ:—графъ Левенвольде, вы тоже его видали. Да, на него приступомъ идутъ наши дамы.

Шастуновъ страшно поблѣднѣлъ и срывающимся шопотомъ сказалъ:

— Я прошу васъ, капитанъ, замолчать...

Сумароковъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянулъ на него, пожалъ плечами и отвернулся.

Для него было непонятно раздраженіе князя. Весьма естественно, что молодой князь, познакомившись съ Лопухиной, сразу влюбился въ нее. Это была участь всѣхъ, кто приближался къ ней. Естественно, что Лопухина, по врожденной привычкѣ, подавала ему надежды. Но неестественна была наивность князя. Кто же не зналъ въ обѣихъ столицахъ, какую роль игралъ при ней Левенвольде? Чего же раздражаться? Это такъ просто. Въ любовной игрѣ, какъ и во всякой,—каждый самъ за себя.

Всѣ эти мысли мгновенно промелькнули въ умѣ камеръ-юнкера голштинскаго герцога, и онъ снова пожалъ плечами.

Лопухинъ, озабоченный и хмурый, прошелъ, ни на кого не глядя, черезъ толпу въ дальніе покои, гдѣ еще съ утра сидѣли теткі государя,—Екатерина, герцогиня мекленбургская, и царевна Прасковья, эти бѣдныя «Ивановны», какъ ихъ называли при дворѣ.

Въ толпѣ произошло движеніе. Образовался широкій проходъ отъ самыхъ дверей. Голоса смолкли. Настало мгновенное молчаніе. Въ двери входила цесаревна Елизавета. На ея пышныхъ, темно-бронзовыхъ волосахъ не было пудры. Молодое лицо ея горѣло и отъ мороза и отъ волненія. Большіе голубые глаза сверкали. Во всей ея фигурѣ, рослой и крупной, съ высокой грудью и узкой таліей (ей было въ то время двадцать лѣтъ), было что-то властное, гордое и самоувѣренное, напоминавшее ея великаго отца. Слѣдомъ за ней

шелъ ея адъютантъ, тридцатитрехлѣтній генералъ, красавецъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, и стройный, изящный мужчина съ энергичнымъ и насмѣшливымъ сухимъ лицомъ, ея лейбъ-медикъ Лестокъ.

Многіе съ любопытствомъ глядѣли на молодого генерала. Всѣмъ была извѣстна его давняя близость къ цесаревнѣ Елизаветѣ. Когда объ этой близости донесли Петру II, онъ частью подъ вліяніемъ ревности, частью по интригамъ Алексѣя и Ивана Долгорукихъ, ненавидѣвшихъ царевну, отдѣлался отъ Бутурлина, пославъ его командовать украинскими полками, къ великому горю Елизаветы; это было весной предыдущаго года.

Узнавъ въ своей глуши о предстоящей свадьбѣ императора, Бутурлинъ, рискуя навлечь на себя его гнѣвъ, пользуясь своимъ положеніемъ «персоны четвертаго класса», никого не спрашивая, поспѣшилъ ко дню бракосочетанія императора въ Москву.

Но онъ поспѣлъ не къ брачнымъ торжествамъ. Елизавета была несказанно рада его пріѣзду и оставила его у себя въ своемъ Покровскомъ въ прежней должности камергера и адъютанта.

Едва отвѣчая на поклоны низко склонявшихся при ея проходѣ сановниковъ, она прошла во внутренніе покои.

Цесаревна проживала въ это время въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ. Тамъ, окруженная вѣрными и преданными людьми, она въ полной мѣрѣ наслаждалась жизнью и чувствовала себя маленькой царицей.

Узнавъ объ опасности, угрожающей Петру, она поспѣшила пріѣхать въ Москву.

Послѣ ея ухода шопоть на нѣсколько минутъ сталъ оживленнѣе, но скоро затихъ, и опять жуткое чувство ожиданія охватило залъ.

А тотъ, кто являлся причиной всѣхъ разыгравшихся страстей, интригъ, опасеній, надеждъ и отчаянія, отрокъ-императоръ, лежалъ въ бреду, безпомощный, слабый и умирающій. И былъ онъ уже не императоромъ, отходя туда, гдѣ нѣтъ ни царей, ни рабовъ, гдѣ всѣ равны,—а просто бѣднымъ, жалкимъ, одинокимъ мальчикомъ, сыномъ несчастнаго отца, выросшимъ безъ матери, никѣмъ не любимымъ иначе, какъ императоръ, съ никѣмъ не согрѣтымъ маленькимъ сердцемъ, которому такъ нужна была теплая ласка и любовное слово правды.

На своей высокой постели подъ балдахинами, затканными золотыми орлами, онъ метался въ предсмертномъ бреду. Его лицо представляло страшную, вздутую багровую маску.

Безсвязныя слова вырывались изъ его опухнувшихъ, воспаленныхъ губъ. Кому онъ былъ дорогъ?

Развѣ этому старику съ сухимъ, жесткимъ лицомъ, съ большими умными глазами, что сидѣлъ у его кровати и держалъ въ рукахъ его горячую, вздрагивающую руку. Да, быть можетъ, только ему,

этому нѣмцу, своему воспитателю, вице-канцлеру, гофмейстеру двора, барону Генриху Юганну Остерману, смѣшно переименованному царицей Прасковьей, женой царя Иоанна,—въ Андрея Ивановича.

Если бы этотъ Андрей Ивановичъ могъ плакать,—онъ бы плакалъ сейчасъ. Но сухіе глаза его глядѣли ясно, и только подергиваніе губъ и судороги щекъ обнаруживали его глубокое горе. Онъ такъ любилъ этого мальчика!...

Въ углу, закрывъ лицо руками, молча сидѣлъ Иванъ Долгорукій, любимецъ и другъ умирающаго императора, братъ его невѣсты. Но едва ли его отчаяніе было вызвано чувствомъ любви, благодарности и дружбы. Онъ слишкомъ высоко былъ вознесенъ, чтобы не бояться паденья. Кто еще? Бабка царица? Мать его несчастнаго отца, выживающая изъ ума, замученная его дѣдомъ, отрекшаяся отъ жизни монахиня Елена, въ мѣрѣ Евдокія?

Никого! Никого!

Остерманъ тихо прижалъ руку Петра къ губамъ, и ему показалось, что онъ обжегъ губы.

Вошедшій въ комнату Лестокъ, присланный цесаревной, молча и безпомощно стоялъ въ ногахъ постели.

Вслѣдъ за нимъ вошли архіепископы для совершенія обряда соборованія, за ними проскользнулъ князь Алексѣй Григорьевичъ и, подойдя къ сыну, что-то торопливо зашепталъ ему.

Петръ заметался. Въ его безсвязномъ бредѣ можно было различить слова: «Наташа.... пора... ѣдемъ... полкъ...»

Онъ поминалъ свою рано умершую сестру, которую онъ такъ нѣжно любилъ и которая такъ любила его.

Вдругъ онъ поднялся. Опухшіе глаза его съ трудомъ раскрылись. Онъ сдѣлалъ движеніе встать съ постели и яснымъ голосомъ произнесъ:

— Запрягайте сани, хочу ѣхать къ сестрѣ...

Съ этими словами онъ упалъ на спину и захрипѣлъ.

Тѣло его вздрогнуло, онъ вытянулся и застылъ.

— *C'est la mort*,—произнесъ Лестокъ.

Остерманъ припалъ къ рукѣ почившаго.

Иванъ Долгорукій громко зарыдалъ...

— Бѣдный мальчикъ!—Да, ты пошелъ къ своей сестрѣ—искать ее въ безграничныхъ пустыняхъ вѣчности...

Былъ въ началѣ первый часъ ночи на 19-е января 1730 года.

По какому-то странному инстинкту даже шопотъ прекратился въ залахъ дворца. Словно ангелъ смерти пролетѣлъ по всѣмъ заламъ прежде, чѣмъ проникнуть въ спальню умирающаго.

Но вотъ изъ заднихъ комнатъ послышались крики, чье-то пронзительное рыданіе. Толпа дрогнула, многіе осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ

На порогѣ блѣдный, съ мутными глазами, растрепанными волосами, появился Иванъ Долгорукій. За нимъ видѣлось испуганное лицо его отца.

Иванъ остановился на порогѣ и хрипло произнесъ:

— Петръ Второй, императоръ и самодержецъ всероссійскій, нынѣ преставился.

Онъ сдѣлалъ два-три невѣрныхъ шага впередъ и, обнаживъ шпагу, воскликнулъ:

— Да здравствуетъ императрица Екатерина!

Гробовое молчаніе отвѣтило ему.

— Да здравствуетъ императрица Екатерина!

На этотъ разъ за нимъ раздался слабый и неувѣренный голосъ его отца:

— Да здравствуетъ императрица Екатерина!

Иванъ обвелъ вокругъ тусклыми глазами. Онъ встрѣтилъ враждебныя и насмѣшливыя лица.

Василій Владимировичъ быстро подошелъ къ нему и крѣпко схватилъ его за руку.

— Ты съ ума сошелъ,—сказалъ старый фельдмаршалъ:— иди домой! Ты не въ себѣ.

Иванъ еще разъ кинулъ вокругъ себя безпомощный взглядъ, вложилъ шпагу въ ножны и шатаясь направился къ выходу.

Послышался гулъ голосовъ, движеніе. Нѣкоторые направились поклониться тѣлу императора, другіе поспѣшили уѣхать, часть изъ боязни заразы, частью охваченные тревогой за свою дальнѣйшую судьбу. Третьи въ ожиданіи чего-то, собираясь группами, оживленно совѣщались.

Дворецъ значительно опустѣлъ.

Стоявшая съ непокрытыми головами у дворца толпа, крестясь, медленно и тревожно расходилась.

Въ числѣ прошедшихъ къ одру императора были верховники, а за ними слѣдомъ прошли и Шастуновъ съ Сумароковымъ. Архіепископы читали молитвы. На колѣняхъ около постели стояли Екатерина и Прасковья, плача и крестясь. Елизавета судорожно прильнула къ рукѣ Петра и тихо шептала:

— Петруша, Петруша, ненаглядный...

Напрасно Лестокъ старался оторвать ее отъ трупа.

Верховники и всѣ вошедшіе преклонили колѣни.

Черезъ нѣсколько минутъ фельдмаршалъ Долгорукій поднялся и тихо произнесъ, наклоняясь къ уху Головкина:

— Не надо терять времени,—и верховники, а также фельдмаршалъ Голицынъ и Ягужинскій, одинъ за другимъ, тихо вышли изъ комнаты.

Шастуновъ и Сумароковъ получили приказаніе ждать дальнѣйшихъ распоряженій и не отлучаться изъ дворца.

Верховники прошли въ задніе апартаменты.

Потрясенный всѣмъ пережитымъ, Шастуновъ опустился въ широкое кресло. Сумароковъ тоже притихъ и озабоченно ходилъ изъ угла въ уголъ.

Глаза Шастунова слипались. Запрыгали огни, завертѣлся красный камзолъ Сумарокова, и онъ задремалъ.

V.

Была роковая ночь, когда судьба бросала на чаши вѣсовъ вѣчности жребіи Россіи.

Отъ случайности мгновенной рѣшимости одной или другой группы или лица зависѣла судьба Россіи.

Потрясенная Елизавета ѣхала къ себѣ домой, сидя плечо къ плечу съ Бутурлинымъ; противъ нихъ въ саняхъ помѣстился Лестоць.

— Ваше высочество,—съ оживленіемъ говорилъ по-французски энергичный французъ:—нельзя терять ни одной минуты. Помните, вашъ великій отецъ говорилъ, что промедленіе подобно смерти. Не убивайте же своей будущности и будущности Россіи. Одинъ даръ, и все будетъ кончено. Клянусь, я ручаюсь за успѣхъ! Ваше высочество, гвардія обожаетъ васъ. Дозвольте намъ дѣйствовать. Тутъ близко казармы Преображенскаго полка. Велите ѣхать туда, явитесь солдатамъ, напомните имъ ихъ прежнюю доблесть, славу ихъ, вѣрность вашему отцу, и они бросятся за вами въ самый адъ! И завтра мы провозгласимъ дочь Петра Великаго русской императрицей. Вы—кротки и милосердны, вы успокоите Россію. Народы Россіи благословятъ ваше имя. Кому же вы хотите бросить на жертву ваше наслѣдіе,—алчнымъ Долгорукимъ? Старухѣ монахинѣ? Или чужестранцамъ голштицамъ, или, можетъ быть, этимъ жалкимъ «Ивановнамъ»!

Горячій французъ такъ волновался, что чуть не выпрыгивалъ изъ саней. Елизавета молчала. Послѣ волненій послѣднихъ часовъ это ясное морозное небо, горящее звѣздами, близость Бутурлина, тѣсно прижавшагося къ ней, дѣйствовали на нее расслабляюще. Ей хотѣлось одного—покоя и тишины.

Горячая рука Бутурлина пожимала ея руку. Онъ тоже молчалъ, забывши въ эти минуты обо всемъ, кромѣ этой красавицы, такъ нѣжно прильнувшей къ нему.

— Рѣшайтесь, ваше высочество,—продолжалъ Лестоць:—рѣшайтесь, пока не пропущенъ моментъ!

Цесаревна съ томной улыбкой почти опустила голову на плечо Бутурлина.

Опасности, волненія, тревоги, быть можетъ, монастырь или Шлиссельбургъ вмѣсто трона—лѣтъ, Богъ съ ними,—и лѣнливымъ, томнымъ голосомъ она произнесла:

— *Laissez donc, cher Lestok, à demain, à demain!*..

Она отнимала у себя десять лѣтъ царствованія за минуты любовнаго отдыха.

Въ то же время въ Лефортовскомъ дворцѣ шли усиленные переговоры. Въ одной залѣ собрались представители сената и генералитета съ княземъ Черкасскимъ, фельдмаршаломъ Трубецкимъ и Ягужинскимъ, и архіепископы.

Въ другой—министры верховнаго совѣта, пригласившіе съ собой засѣдавшаго въ совѣтѣ безъ званія министра сибирскаго губернатора князя Михаила Владимировича Долгорукаго, пріѣхавшаго на бракосочетаніе своей племянницы, княжны Екатерины, государыни-невѣсты, и двухъ фельдмаршаловъ, Долгорукаго и Голицына.

Фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой былъ замѣтно обиженъ тѣмъ, что его не пригласили верховники съ собой. Подъ насильственной улыбкой скрывалъ свою досаду и генераль-прокуроръ Ягужинскій.

— Осьмиличный совѣтъ рѣшить за насъ,—насмѣшливо произнесъ новгородскій архіепископъ Теофанъ.

Оставшіеся чувствовали себя растерянно и неловко. Они понимали, что верховники рѣшаютъ теперь вопросъ государственнаго строенія.

Никто не рѣшался начать говорить опредѣленно. Настроеніе ихъ было подавленное. Главной и страшной угрозой стояли передъ ними Долгорукие. Если фельдмаршалъ Василій Владимировичъ пользовался общимъ уваженіемъ, также какъ и Василій Лукичъ, то фаворитъ покойнаго царя Иванъ и его отецъ Алексѣй Григорьевичъ были искренно всѣми ненавидимы за ихъ глупую надменность, корыстолюбіе и несправедливость.

Князь Черкасскій только сопѣлъ. Ему было рѣшительно все равно, кто станетъ во главѣ правленія, только бы тамъ не было мѣста Долгорукимъ. Ягужинскій, стоя рядомъ съ камергеромъ княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Долгорукимъ, безобиднѣйшимъ чело-вѣкомъ, безъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, хитро и тонко выспрашивалъ его о намѣреніи Голицыныхъ и Долгорукихъ.

По предшествовавшей дѣятельности онъ зналъ князя Дмитрія Михайловича Голицына, какъ приверженца представительнаго строя, вродѣ Рѣчи Посполитой или англійскаго. Голицынъ всегда проводилъ мысль, что подданные должны принимать участіе въ правленіи государствомъ, въ дѣлахъ какъ внутренней, такъ и вышней политики. Благодаря ему, императрицей Екатериной былъ

данъ 21-го марта 1727 года указъ: о «сухопутной арміи и флотѣ съ цѣлью устроить ихъ съ наименьшей тягостью для народа». Предполагалось образовать комиссію «изъ знатнаго шляхетства и изъ посредственныхъ персонъ всѣхъ чиновъ—разсмотрѣть состояніе всѣхъ городовъ и земель и по разсмотрѣніи наложить такую подать, чтобы было всѣмъ равно». Это было какъ бы уже шагомъ къ признанію представительнаго строя.

Ягужинскій былъ увѣренъ, что теперь Дмитрій Михайловичъ воспользуется случаемъ, чтобы осуществить свои любимыя идеи. Такъ какъ прямыхъ, безспорныхъ наслѣдниковъ не было, то являлось весьма вѣроятнымъ, что избранное лицо согласится на извѣстныя уступки. Быстрый, изворотливый умъ Ягужинскаго живо представилъ возможное положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже ранѣе слышалъ кое-что объ уже готовомъ проектѣ Дмитрія Михайловича и объ его словахъ, что необходимо прибавить себѣ воли. Ягужинскому въ сущности было все равно, хоть республика, только бы самому стоять на верхахъ.

Безпокойные взгляды все чаще и чаще останавливались на компатахъ, изъ которыхъ ждали появленія верховниковъ.

Ягужинскій говорилъ Сергѣю Григорьевичу:

— Что жъ, пусть рѣшаютъ. Но долго ли терпѣть намъ, что намъ головы сбьютъ! Настало иное время. Не быть теперь самодержавію!

— Это не мое дѣло,—отвѣтилъ добродушный князь Сергѣй Григорьевичъ:—я въ такое дѣло не путаюсь и даже не думаю о немъ.

Ягужинскій замолчалъ. Его все еще мучило перенесенное имъ униженіе. Верховники не пригласили его съ собою на совѣщаніе, несмотря на желаніе графа Головкина.

Въ то же время и верховники, нервно и нетерпѣливо, спѣшили покончить съ вопросомъ.

Несмотря на ихъ видимую власть, они чувствовали шаткость своего положенія. Вѣдь если бы фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой былъ поэнергичнѣе, или вздумалось бы цесаревнѣ Елизаветѣ явиться сейчасъ въ Лефортовскій дворецъ съ ротой преображенцевъ, то ихъ пѣсенка была бы спѣта. Пока всѣ еще ошеломлены—надо дѣйствовать. Надо прійти къ соглашенію между собою и заручиться согласіемъ сената и генералитета.

Засѣданіе началъ рѣчью князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Указавъ на то, что угасло мужское потомство Петра Великаго, онъ замѣтилъ, что о дочеряхъ Петра, рожденныхъ до брака съ Екатериной, не можетъ быть рѣчи и что завѣщаніе, оставленное Екатериной, не можетъ имѣть никакого значенія, потому что,—добавилъ онъ,—«эта женщина, съ ея прошлымъ, не имѣла никакого права

возеѣсть на російскій престолъ, тѣмъ менѣе располагать короной російской».

— Надо думать,—закончилъ онъ,—о новой особѣ на престолъ, и о себѣ также.

Послѣ его словъ наступило молчаніе. Его прервалъ неувѣренный голосъ Алексѣя Григорьевича:

— Покойный государь оставилъ завѣщаніе...

— Завѣщаніе подложно,—рѣзко отвѣтилъ князь Дмитрій Михайловичъ. — Невѣста государя не стала женой, и на нее не можетъ переходить никакого права на престолъ.

— Но позволъ, князь...—началъ Василій Лукичъ...

Его прервалъ Василій Владимировичъ. Онъ всталъ во весь ростъ и, энергично ударяя по столу рукой, сурово проговорилъ:

— Да! Это завѣщаніе подложно! Никто не въ правѣ вступать на престолъ, пока еще паходятся въ живыхъ особы женскаго пола, законные члены императорскаго дома...

— Всего справедливѣе было бы провозгласить государыней царицу Евдокію, вѣдь она бабка покойнаго императора,—произнесъ графъ Головкинъ.

— Монахиня!..—отозвался Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій.

— Насильный постригъ!..—весь вспыхнувъ, возразилъ старикъ Головкинъ.

Но Дмитрій Михайловичъ прервалъ ихъ. Онъ всталъ и своимъ спокойнымъ, яснымъ, убѣдительнымъ голосомъ громко сказалъ:

— Я воздаю полную дань достоинствамъ вдовствующей императрицы, но она только вдова государя. Есть дочери царя, три дочери царя Ивана. Избраніе старшей, Екатерины, привело бы къ затрудненіямъ. Она сама добра и добродѣтельна, но ея мужъ, герцогъ мекленбургскій, золь и сумасброденъ. Мы забываемъ Анну Ивановну, герцогиню курляндскую,—это умная женщина и въ Курляндіи на нее нѣтъ неудовольствій.

Дмитрій Михайловичъ обвелъ всѣхъ вопросительнымъ взглядомъ и опустился на мѣсто.

Его предложеніе не было неожиданностью для нѣкоторыхъ изъ его товарищей по совѣту.

По тонкому, до сихъ поръ красивому лицу Василія Лукича скользнула довольная улыбка. Онъ вспомнилъ свое пребываніе въ Митавѣ, четыре года тому назадъ, когда онъ по поводу курляндскихъ дѣлъ ѣздилъ туда, по порученію Меншикова. Это было послѣ избранія Морица Саксонскаго курляндскимъ герцогомъ. Герцогской короны домогался и князь Ижорскій. Старый и опытный соблазнитель, Василій Лукичъ сумѣлъ тогда легко, безъ особаго труда, покорить вдовствующую герцогиню, не считая ее даже особенно цѣнной добычей, въ виду ея обездоленнаго, униженнаго и «мизернаго» положенія. Онъ не безъ удовольствія вспоминалъ, какъ бѣсновался тогда

ея камеръ-юнкеръ Биренъ, только что приближенный къ ней. Въ своемъ высокомѣрїи онъ не считалъ этого камеръ-юнкера, завѣдывавшаго конюшнями герцогини, за соперника, и третировалъ его, почти какъ лакея... Онъ вспомнилъ одинъ вечеръ, поздній вечеръ, встрѣчу его съ Биреномъ передъ опочивальней герцогини, дерзкія слова Бирена и нанесенную имъ Бирену пощечину. Биренъ не забудетъ этого!

Эти воспоминанія мгновенно пронеслись въ душѣ Василія Лукича. Онъ сумѣетъ вернуть свою власть надъ Анной, а Биренъ... его просто можно не пустить въ Россію.

И твердымъ голосомъ Василій Лукичъ произнесъ:

— Это самый достойный выборъ.

Алексѣй Григорьевичъ, видя, что дѣло съ завѣщаніемъ не находитъ поддержки, и привыкнувъ во всемъ слѣдовать за Василіемъ Лукичемъ, молча въ знакъ согласія наклонилъ голову.

Казалось, это избраніе примиряло всѣхъ. Всѣ хорошо помнили Анну, во время ея прїѣздовъ ко двору, по дѣламъ. Дѣла эти были исключительно денежныя, и герцогиня тогда буквально обивала пороги у всѣхъ вельможъ, имѣвшихъ какое-либо вліяніе при дворѣ. Всѣ помнили, какъ бѣдная «Ивановна» была любезна, уступчива, внимательна.

Такою члены совѣщанія представляли ее себѣ и на основаніи этого склонялись къ ея избранію, рассчитывая легко управлять ею.

Молчаніе прервалъ фельдмаршалъ Долгорукій.

— Самъ Богъ внушилъ тебѣ эту мысль, князь Дмитрій Михайловичъ,—торжественно началъ онъ:—она исходитъ отъ чистосердечной любви твоей къ отечеству.—И могучимъ голосомъ, какимъ онъ командовалъ полками, онъ воскликнулъ:—Вивать императрица Анна Ивановна!

— Вивать императрица Анна Ивановна!—поддержалъ его фельдмаршалъ Голицынъ.

— Вивать императрица Анна Ивановна!—раздались одушевленные голоса остальныхъ членовъ совѣщанія.

Когда смолкли крики, князь Дмитрій Михайловичъ продолжалъ:

— Самъ Богъ указываетъ пути Россіи. Всѣмъ вѣдомо намъ, что царь Петръ Первый жизнь свою полагалъ за благоденствіе Россіи. Но прошло пять лѣтъ со дня его кончины, и что видимъ мы? На престолѣ женщина, возведенная на его ступени преступнымъ властолюбіемъ Меншикова. Женщина низкаго рода, даже неграмотная... съ этого началась гибель Россіи.

Блѣдное лицо Голицына окрасилось яркимъ румянцемъ.

— Кто же правилъ при ней!—высокимъ голосомъ продолжалъ онъ:—воля ея была какъ тростникъ, колеблемый вѣтромъ! Меншиковъ, корыстный и жадный царедворецъ, Левенвольде, замѣчательный единой красотой, да онъ ли одинъ! Безсовѣстные фавориты

расхищали достояніе народное!.. Богъ призвалъ ее къ себѣ... Что было послѣ?.. Священна память отрока-императора, передъ чьимъ не осыпшимъ трупомъ мы только что преклоняли колѣни! Но что было при немъ? Я не въ укоръ говорю тебѣ, Алексѣй Григорьевичъ, — обратился онъ къ вспыхнувшему Долгорукому: — не вы, такъ другіе... Не все ли равно? Надо сдѣлать такъ, чтобы ни вы, ни другіе не могли по-своему, своевольно править Россіей. Нѣтъ, — съ силой продолжалъ Голицынъ, — довольно мы терпѣли отъ бѣдствій самовластія съ его фаворитами! Пора обуздать верховную власть благими законами! Надо полегчить себѣ и народу! Надо прибавить воли!

Онъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ горящими глазами.

— Какъ полегчить? — спросилъ Головкинъ.

Онъ былъ сильно взволнованъ рѣчью Голицына. Его старая голова тряслась. Онъ и сочувствовалъ и боялся...

— Императрица Анна, — продолжалъ Голицынъ, — не ожидала этой высокой доли. Мы предложимъ ей престолъ подъ условіемъ дѣленія ея власти съ нами и народомъ.

Одобрительный шопотъ прошелъ по собранію.

Большинство уже заранѣе знало проектъ Голицына. Въ тайныхъ засѣданіяхъ совѣта, съ участіемъ значительныхъ сановниковъ, неоднократно возбуждался этотъ вопросъ, и были уже намѣчены границы императорской власти. Если онъ счелъ нужнымъ громко сказать теперь объ этомъ, то только для того, чтобы вновь единодушно было подчеркнуто состоявшееся раньше рѣшеніе.

— Намъ надлежало бы, — продолжалъ онъ, — сейчасъ же составить пункты и послать ихъ государынѣ Аннѣ Ивановнѣ.

Стукъ въ дверь прервалъ его слова. Въ комнату вошелъ баронъ Остерманъ. Его лицо, казалось, еще болѣе похудѣло и осунулось, носъ заострился, но глаза глядѣли попрежнему ясно и твердо. Остерманъ, прихрамывая, опирался на палку.

Его встрѣтили почтительно и съ удовольствіемъ, и Дмитрій Михайловичъ тотчасъ же сообщилъ ему объ избраніи герцогини курляндской, на что баронъ отвѣтилъ, поглаживая свой острый подбородокъ:

— Выборъ натуральный и достойный.

Затѣмъ Дмитрій Михайловичъ передалъ ему о рѣшеніи собранія ограничить императорскую власть.

Андрей Ивановичъ задумчиво помолчалъ нѣсколько минутъ и потомъ произнесъ:

— Вы — природные русскіе, вы лучше знаете, что свойственно природѣ русскаго народа. Если вы можете считать себя сейчасъ по душѣ и крови представителями народа, къ которому вы принадлежите, — то вы правы. Vox populi — vox dei... Мнѣ нечего сказать. Но теперь, я полагаю, надо выйти и сообщить шляхетству и генерали-

тету о выборѣ императрицы, чтобы не было нареканій на тайный верховный совѣтъ.

Старикъ поднялся и, тяжело опираясь на палку, медленно двинулся къ дверямъ. Онъ словно еще больше постарѣлъ и захромалъ. Во главѣ съ нимъ восемь рѣшителей судебъ Россіи вошли въ залу, гдѣ ожидали ихъ рѣшенія представители сената, синода и генералитета.

VI.

Еще далеко до разсвѣта, былъ всего шестой часъ, и цесаревна Елизавета мирно почивала, когда кто-то вдругъ сильно схватилъ ее за плечо и потрясъ:

— Ваше высочество,—раздался надъ ея ухомъ нетерпѣливый, рѣзкій голосъ,—вставайте, ваша судьба рѣшается... Вставайте же, ваше высочество, вставайте...

Съ легкимъ крикомъ поднялась Елизавета, и при ясномъ огнѣ многочисленныхъ лампадокъ, горѣвшихъ предъ кіотомъ въ углу, увидѣла взволнованное лицо Лестока.

Лестокъ, какъ свой человѣкъ, вернулся во дворецъ цесаревны и на правахъ ея лейбъ-медика ворвался въ ея спальню, несмотря на сопротивленіе фрейлины Мордвиновой.

— Ради Бога, Лестокъ! Что случилось?—вся дрожка, спросила Елизавета.—Или идутъ арестовать меня?..

— Вы дождетесь и этого,—взволнованно проговорилъ Лестокъ.— Я сейчасъ изъ Лефортова. Вопросъ рѣшенъ. Тайный совѣтъ провозгласилъ императрицей герцогиню курляндскую.

— А, вотъ какъ,—зѣвая произнесла Елизавета.—Отвернитесь же, Лестокъ, я накину на себя пудермантель.

Лестокъ сталъ къ цесаревнѣ спиной и съ жаромъ продолжалъ:

— Тайный совѣтъ рѣшилъ все келейно, никого не спрашивая. Ваши архіепископы, сенаторы и генералитетъ ждали въ сосѣдней комнатѣ, какъ безсловесное стадо. Они ждали долго...

— Ну, теперь можете повернуться,—равнодушно прервала его Елизавета.

Лестокъ съ живостью повернулся.

— Проводивъ васъ, я поспѣшилъ вернуться во дворецъ. Верховники вышли послѣ совѣщанія и объявили свою волю. Свою волю, подумайте, ваше высочество,—горячо продолжалъ Лестокъ,— и Дмитрій Михайловичъ потребовалъ согласія. И отъ имени сената, синода и генералитета оно было дано. Никто не посмѣлъ возражать... Никто!

Елизавета задумчиво слушала его.

— Итакъ, вопросъ рѣшенъ,—сказала она наконецъ:—чего же вы хотите?

Лестокъ даже подпрыгнулъ на мѣстѣ

— Но подумайте же вы, дочь Великаго Петра, кому вы уступаете свои права? Невѣжественной, грубой любовницѣ берейтора!...

— Лестокъ,—тихо, но сурово остановила его Елизавета:—она моя сестра.

— Даже рискуя навлечь на себя вашу гнѣвъ, я не возьму назадъ своихъ словъ,—продолжалъ Лестокъ.—Но это еще не все. Верховники пошли дальше... Они рѣшили ограничить власть императрицы, и не ваша сестра будетъ управлять имперіей, а восемь г.г. верховниковъ, изъ которыхъ четверо—Долгорукие!..

— Какъ?—спросила Елизавета, и ея равнодушіе мгновенно исчезло:—что же будетъ?

— Вы знакомы, ваше высочество, съ римской исторіей,—съ усмѣшкой произнесъ Лестокъ,—и вы знаете, что значить олигархія. Теперь этихъ олигарховъ въ Россіи будетъ восемь. Значить, восемь деспотовъ, вмѣсто одного въ худшемъ случаѣ. Они уже составили пункты, ограничивающіе самодержавную власть и дѣлающіе ихъ самихъ самодержцами... Завтра, т. е. сегодня, въ десять часовъ утра, они собираютъ въ Мастерской палатѣ представителей высшихъ чиновъ имперіи, и тогда все будетъ кончено. Вамъ осталось едва три часа. Я видѣлъ сегодня Толбузина, капитана Преображенскаго полка, я говорилъ съ княземъ Черкасскимъ и многими другими... Для нихъ—все лучше Долгорукиихъ. Одѣвайтесь, ваше высочество, рота кавалергардовъ въ вашемъ распоряженіи. Преображенскій полкъ ждетъ вашего слова, въ толпахъ на улицахъ и площадяхъ Москвы громче всѣхъ звучить ваше имя. Одѣвайтесь же, ваше высочество, вотъ мундиръ Преображенскаго полка и!..

Елизавета тяжело дышала. Слова Лестока зажгли ея бурную кровь...

Она колебалась.

Въ эту минуту въ спальню вошелъ Бутурлинъ. Его поспѣшили разбудить, въ виду тревожныхъ событій.

При видѣ его лицо Елизаветы оживилось.

— Александръ Борисычъ,—сказала она,—Лестокъ предлагаетъ мнѣ корону. Она, кажется, у него въ карманѣ.

— Вы изволите шутить, ваше высочество,—нервно произнесъ Лестокъ:—ваша слава мнѣ дороже жизни.

— Я знаю, въ чемъ дѣло,—отвѣтилъ Бутурлинъ:—но умоляю ваше высочество не рисковать своей драгоценной жизнью или свободой, не взвѣсивъ всѣхъ возможностей. Не забудьте, ваше высочество, что фельдмаршалъ Долгорукій—подполковникъ Преображенскаго полка, что его любитъ войско, не забудьте фельдмаршала Голицына, подполковника Семеновскаго полка, самаго любимаго вождя во всей россійской арміи; я не смѣю сказать болѣе, но такіе люди знаютъ, что дѣлаютъ, и сумѣютъ отстоять то, что дѣлаютъ. Но,

ваше высочество, — добавил онъ, — моя шпага, моя жизнь принадлежатъ вамъ, какъ теперь, такъ и всегда. Скажите, что долженъ я дѣлать?

Въ его словахъ, во всей его фигурѣ видна была рѣшимость и энергія.

Елизавета глубоко задумалась. Жизнь такъ прекрасна. Такъ прекрасенъ стоящій передъ ней сейчасъ ея рыцарь. Она такъ еще молода! Не вмѣшиваясь въ игру, она сохранить все, чѣмъ наслаждается теперь. Вмѣшавшись же, она рискуетъ всею, ради сомнительной авантюры. Минутный пылъ ея прошелъ. Настоящее было такъ прекрасно для ея двадцатилѣтняго сердца, что она боялась поставить его на карту.

Она долго молчала, пристально глядя на почтительно склонившагося передъ ней Бутурлина, и въ ея большихъ глазахъ съ расширенными зрачками горѣло пламя молодой любви.

Наконецъ, тряхнувъ головой, она рѣшительно произнесла:

— Благодарю васъ, Лестоукъ, на этотъ разъ я рѣшительно отказываюсь.

Лестоукъ сразу словно погасъ. Его одушевленіе исчезло. Онъ понималъ, что только пламенной волей и непоколебимой увѣренностью въ побѣдѣ можно достигнуть побѣды. Въ головѣ его мелькнула смутная мысль, что если бы онъ сразу поддержалъ ея тревогу, что ее идуть арестовать, онъ бы могъ пробудить къ энергіи эту чувственную и сонную душу. Онъ запомнилъ этотъ урокъ и черезъ десять лѣтъ блистательно воспользовался имъ.

Низко поклонившись и поцѣловавъ протянутую руку, Лестоукъ, опустивъ голову, молча вышелъ изъ спальни.

— Бѣдный Петруша, — произнесла Елизавета: — онъ былъ такой добрый, — ея глаза наполнились слезами: — а тутъ крови хотятъ.

Она притянула къ себѣ за руку Бутурлина.

— Однако этотъ разбойникъ разогналъ мой сонъ. Не позавтракать ли намъ, Александръ Борисовичъ?

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

«БЫЛЬ МИНУВШАГО».

I.

Родъ Мертваго.—Происхожденіе фамиліи.—Послѣдующіе потомки, служившіе дворянскія службы, начиная съ 1576 г. и дальше.—Прадѣдъ мой, Борисъ Ѳеодоровичъ Мертваго.—Женитьба его на Маріи Михайловнѣ Мартыновой.—Пугачевщина изъ записокъ его сына, Дмитрія Борисовича Мертваго.—Появленіе пугачевскихъ шаекъ въ Алатырскомъ уѣздѣ Симбирской губерціи въ іюль 1774 года.—Выѣздъ семьи Мертваго изъ ихъ имѣнія.—Трое сутокъ въ лѣсу.—Наставленія родителя.—Измѣна слуги.—Нападеніе крестьянъ.—Четырнадцатилѣтній Мертваго съ младшими братьями въ рукахъ возмутившихся крестьянъ.—Его везутъ въ секретари къ Пугачеву, хотѣя убить; онъ спасается бѣгствомъ.—Сострадательная мордовка.—Вторичный плѣнъ.—Встрѣча съ матерью и своими въ Алатырѣ.—Подробности гибели отца.—Два воеводы, Бѣлокочытовъ и Сердешевъ.—Помѣщеніе у подьячаго.—Гоненіе отъ воеводы.—Игра въ войну.—Бригадиръ Пиль.—Графъ П. И. Панинъ въ Алатырѣ.—Облегченіе участи.

МЗЪ ФАМИЛІИ Мертваго, какъ показано въ справкѣ Разряднаго архива, многіе россійскому престолу служили дворянскія службы въ разныхъ чинахъ и жалованы были отъ государей въ (7088) 1580 и другихъ годахъ помѣстьями, а по преданію извѣстно, что родъ Мертваго происходитъ отъ царевича Золотой Орды, именовавшагося Благодень и выѣхавшаго въ четырнадцатомъ столѣтіи къ великому князю Олегу Рязанскому. Потомки сего царевича именовались титуломъ предка своего до времени царствованія царя и великаго князя Іоанна Васильевича, а тогда по повелѣнію царскому каждый потомокъ получилъ особое названіе, и отъ нихъ пошли разныя фамиліи. Родоначальникъ же фамиліи Мертваго, будучи въ отлучкѣ, умеръ, то малолѣтнихъ дѣтей его царь Іоаннъ Васильевичъ назвалъ дѣти Мертваго и отъ того сія фамилія начало свое имѣеть.

Булатъ Дмитріевичъ Мертваго былъ головою въ Большомъ полку въ 1576 году; Степанъ Павловичъ Мертваго головою у пѣшихъ стрѣльцевъ въ Астрахани въ 1621 году; Анисимъ Леонтьевичъ Мертваго раненъ въ походѣ противъ Стеньки Разина 1671 г.; Михаилъ Степановичъ Мертваго былъ думнымъ дворяниномъ въ 1682 году.

Родъ Мертваго внесенъ въ VI часть родословной книги Московской, Нижегородской, Казанской, Симбирской и Самарской губерній.

Прадѣдъ мой Борисъ Ѳедоровичъ Мертваго, съ котораго я и начну свое повѣствованіе, женился въ 1753 году на Маріи Михайловнѣ Мартыновой, вышелъ въ отставку майоромъ и жилъ съ семьей своей въ родовомъ помѣстьѣ Алатырскаго уѣзда Симбирской губерніи. Здѣсь онъ и погибъ, повѣщенный Пугачевымъ.

Но объ этихъ трагическихъ происшествіяхъ остались извѣстныя записки его сына, дѣда моего Дмитрія Борисовича Мертваго, напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1867 году. Теперь онѣ сдѣлались библиографической рѣдкостью, и я не погрѣшу передъ читателями, если возьму изъ этихъ записокъ первую главу ихъ, слѣдующаго содержанія: «Пугачевщина».

Извѣстно, что отдаленный край нашего отечества раздираемъ былъ волненіемъ народа, въ пользу бунтовщика, назвавшагося царскимъ именемъ. Зло, тогда распространенное, потрясло основаніе государства, и хотя искоренено, но многимъ оставило въ памяти неизгладимыя черты ужаса и скорби.

Отецъ мой и мать, — пишетъ Д. Б. Мертваго, — имѣя одну деревню въ Оренбургской губерніи, въ краю, гдѣ начался бунтъ, а другую въ Симбирской губерніи, въ Алатырскомъ уѣздѣ, въ пятистахъ верстахъ оттуда, жили въ послѣдней. Зная только по слухамъ, что многіе изъ крестьянъ нашихъ вступили въ службу къ самозванцу и находятся при немъ, родители мои хотя и готовились потерять свое состояніе, но себя считали внѣ всякой опасности, принимая въ соображеніе разстояніе и мѣры, принятыя правительствомъ; но воля судьбы, невѣдомымъ для смертнаго путемъ все ведущая, опредѣлила быть тому иначе.

Пугачевъ, то поражаемый войсками, посланными для усмиренія мятежа, то усиливаемый новыми толпами злоумышленниковъ, долго, какъ нѣкій вихрь, носился въ горахъ и степяхъ малообитаемыхъ, и лѣтомъ 1774 года двинулся на сѣверъ и обложилъ Казань. Оборона жителей заставила его промедлить; разграбленное и сожженное имъ предмѣстье послужило къ его неудачѣ; многочисленная чернь, составявшая его шайку, вдалась въ пьянство и грабежъ; въ это время войска Михельсона настигли и разбили

«истор. вѣстн.», январь 1913 г., т. сxxxі,

3

его, но не схватили самого злодѣя; онъ съ большимъ числомъ злоумышленниковъ бѣжалъ за Волгу къ Алатырю, въ тотъ спокойный край, гдѣ мы жили. Сначала онъ былъ не извѣстенъ, но черезъ нѣсколько дней, по присоединеніи къ нему множества дворовыхъ людей и крестьянъ, явился близъ нашего селенія, знаменуя вездѣ свое шествіе кровопролитіемъ.

За три недѣли передъ этимъ матушка родила, и въ день, когда начались наши несчатья, 22-го іюля, праздновали мы ея именины. По деревенскому обыкновенію званы были гости, и уже столъ былъ накрытъ, какъ вдругъ отецъ мой получилъ письмо отъ пріятеля и сосѣда нашего, званого на праздникъ, который увѣдомлялъ, что самозванецъ въ тридцати верстахъ отъ насъ, пришелъ въ господское селеніе, повѣсилъ приказчика и все имущество разграбилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ батюшкѣ, что со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ, самъ не зная, куда судьба его поведетъ.

Собравшись наскоро, поѣхали мы въ городъ Алатырь, отстоящій въ сорока верстахъ отъ нашей деревни. Передъ вечеромъ, приближаясь къ городу, встрѣтили мы знакомаго, который сказалъ отцу моему, что Пугачевъ вступаетъ въ Алатырь, и народъ съ образами, хлѣбомъ и солью пошелъ ему навстрѣчу. Вѣсть эта была громовымъ для насъ ударомъ; надо было бѣжать, а куда—Богъ знаетъ. Усталость лошадей принудила насъ своротить въ сторону, мы въѣхали въ лѣсокъ, недалеко отъ дороги, гдѣ на пчельникѣ нашли одного только человѣка; у него въ избѣ провели ночь.

На разсвѣтѣ отправились мы, сами не зная куда. Приѣхавъ въ первое селеніе, увидѣли множество народа, толпившагося на улицѣ. Окруживъ наши повозки, крестьяне остановили насъ и спросили, куда мы ѣдемъ и для чего; грубыя ихъ рѣчи и, наконецъ, строгое требованіе, чтобы мы тотчасъ выѣхали изъ ихъ селенія, были для насъ первымъ знакомъ народнаго волненія и грозившей намъ опасности.

Выѣхавъ изъ села, поворотили мы въ маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близъ большого лѣса; остановившись у знакомаго намъ мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется, ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя намъ останавливаться ни въ какомъ селеніи. Освѣдомившись о дорогѣ, ведущей въ чащу лѣса, взявъ у мордвина хлѣба, сколько у него испечено было, и телѣги вмѣсто каретъ, пустились мы въ лѣсъ, единственное наше тогда убѣжище.

Часу въ десятомъ утра приѣхавъ къ мельницѣ, находившейся въ самой дремучей части лѣса, остановились мы кормить лошадей. Въ это время батюшка познакомился съ мельникомъ и узналъ отъ него, что въ глубинѣ лѣса есть полянка, близъ которой протекаетъ рѣчка, верстахъ въ восьми отъ мельницы, а отъ ближайшихъ селеній верстахъ въ пятнадцать, что дорога туда такъ дурна, что

не легко доѣхать до поляны, и что немногіе эту дорогу знаютъ. Добрый мельникъ согласился проводить насъ, обѣщая клятвенно не разглашать о томъ никому.

Едва къ вечеру мы доѣхали до того мѣста, гдѣ мельникъ, простившись съ нами, подтвердилъ свое обѣщаніе и сдержалъ его.

На другой день, рано поутру, батюшка пошелъ осмотрѣть окрестности нашего убѣжища. Найдя въ нѣкоторомъ разстояніи другую полянку, приказалъ перевести туда лошадей; на той же, гдѣ сами остались, сдѣлали шалашъ. Всѣмъ розданы были ружья и пистолеты, и положено было обороняться въ случаѣ нападенія.

Такъ пробыли мы трое сутокъ, не слыша ничего, кромѣ птичьяго крику. Въ продолженіе этого времени почтенный родитель мой дѣлалъ намъ наставленія, основанныя на чистой добродѣтели; говорилъ намъ, что спокойствіе человѣка составляетъ все его блаженство и что оно зависитъ отъ согласія поступковъ его съ совѣстью, что, нарушивъ это согласіе для какихъ бы то ни было выгодъ, потрясаетъ онъ то драгоцѣнное спокойствіе, котораго ничто замѣнить не можетъ. Примѣрами знакомыхъ намъ людей доказывалъ онъ, какъ пріобрѣтающій однѣ временныя выгоды не наслаждается ими, бывъ ежеминутно угрызаемъ совѣстью, еще не погасшею въ немъ.

Потомъ, прогуливаясь наединѣ со мною, говорилъ онъ, что если случится ему проститься со мной навѣки, то помнилъ бы я слова его и наставлялъ бы братьевъ, которые были гораздо моложе меня, чтобы радѣлъ о своей душѣ и сердцѣ и строго замѣчалъ свои склонности и поступки; совѣтовалъ не быть корыстолюбивымъ, говоря, что ни одинъ изъ предковъ нашихъ не былъ такимъ, и, наконецъ, заклиналъ меня быть достойнымъ имени его, угрожая въ противномъ случаѣ Божескимъ наказаніемъ.

Единый Богъ можетъ быть свидѣтелемъ движенія сердечныхъ чувствъ, и только всесильная помощь Его въ состояніи сохранить человѣка отъ соблазновъ, дѣйствующихъ на сердце. Что желаю и стараюсь я быть достойнымъ моего родителя, это Богъ видитъ, но достоинъ ли и буду ли впредь достоинъ, того не знаю.

На четвертый день нашего пребыванія въ лѣсу сталъ оказываться у насъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Незнаніе обстоятельствъ того времени, надежда, что вслѣдъ за бунтовщицкою идуть войска, поражавшія его всегда и вездѣ, а болѣе всего болѣзнь матушки, причиною которой были душевныя и тѣлесныя безпокойства, заставили батюшку послать одного изъ людей нашихъ въ ближнее селеніе для покупки припасовъ и для развѣдыванія, что тамъ происходитъ. Человѣкъ этотъ казался намъ вѣрнымъ, и, дѣйствительно, я думаю, въ началѣ онъ не имѣлъ злаго умысла.

Пріѣхавъ въ селеніе, пріискивалъ онъ купить, что ему было приказано, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдывалъ о Пугачевѣ. Крестья-

намъ это показалось страннымъ; по причинѣ повсемѣтнаго тогда волненія никто ничего не покупалъ, а все бралъ даромъ и убивалъ слабѣйшаго за неисполненіе его требованія. И потому, задержавъ его, стали разспрашивать, что онъ за человѣкъ и откуда; вѣроятно, собственная опасность заставила его сказать истину; тогда человѣкъ двѣсти жителей того селенія собралнсь противъ насъ, а онъ, показывая имъ дорогу, довелъ до того мѣста, гдѣ мы скрывались.

Приблизившись къ нашему убѣжищу, раздѣлились они на нѣсколько партій, окружили насъ и напали вдругъ со всѣхъ сторонъ съ большимъ крикомъ. Въ эту несчастную минуту батюшка отдыхалъ въ шалашъ; люди оробѣли и побѣжали; сестры, схвативъ подъ руки матушку, побѣжали въ лѣсъ; злодѣи кинулись на батюшку. Онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и хотя никого не убилъ, но заставилъ отступить и, схвативъ ружье, лежавшее возлѣ него, и трость, въ которой была вдѣлана шпага,—не видя никого изъ своихъ около себя, побѣжалъ въ чащу лѣса, закричавъ намъ: «прощай, жена и дѣти». Это были послѣднія слова, которыя я отъ него слышалъ.

Въ большомъ страхѣ бросился было я вслѣдъ за батюшкой, но чаща лѣса раздѣлила насъ; не видя его, я бѣжалъ, самъ не зная куда. Запнувшись объ обгорѣлое дерево, лежавшее поперекъ дороги, упалъ я, и въ эту минуту, увидѣвъ возлѣ себя просторное дупло, вползъ въ него; чрезъ нѣсколько минутъ, оцувствовавшись отъ страха, я слышалъ стрѣляннє изъ ружей и крикъ около себя: «ищите и бейте».

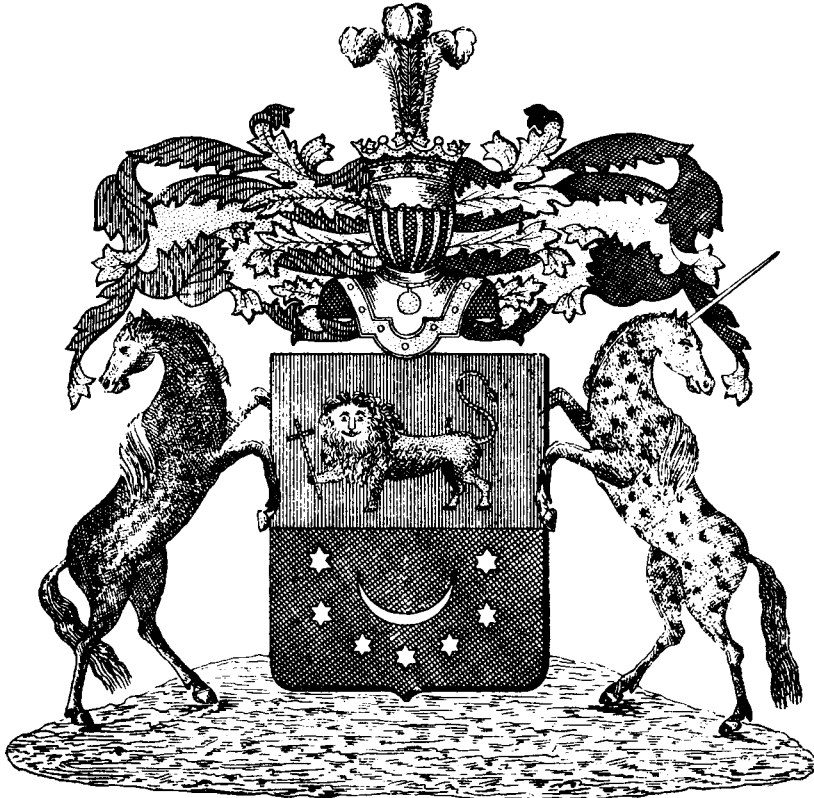
Пролежавъ долгое время и не слыша болѣе никакого шума, рѣшился я выйти изъ дупла, долго оглядывался во всѣ стороны, прислушивался; наконецъ, не замѣчая никакого шума, пошелъ къ той полянѣ, гдѣ мы стояли. Тутъ нашелъ я нѣсколько лоскутковъ изодраннаго бѣлья и окровавленный платокъ, по которому долженъ былъ заключить, что кто-либо изъ ближнихъ моихъ убитъ.

Теперь прошу читателя представить себѣ четырнадцатилѣтняго, избалованнаго и изнѣженнаго мальчика, въ лѣсу, передъ вечеромъ, не знающаго дороги, безъ всякаго оружія для обороны. Тутъ-то въ первый разъ послужили мнѣ наставленія моего родителя. Я молился, поручая себя волѣ Господа, обѣщалъ хранить завѣщаніе отца моего, плакалъ не какъ испугавшійся ребенокъ, но какъ плачетъ взрослый отъ сокрушенія сердца, цѣловалъ окровавленные лоскутки, прощался со всѣми мѣстами, гдѣ я сиживалъ съ родителемъ, слушая его наставленія, и гдѣ я его видѣлъ въ послѣдній разъ; потомъ, взявъ палку, пошелъ по дорогѣ, гдѣ видны были слѣды повозокъ, сталъ смѣлѣе и твердо былъ увѣренъ, что не погибну.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, и какъ стало уже смеркаться, послышалъ я щорохъ въ сторонѣ и опросилъ, Голосъ мой узнали

мои братья, изъ которыхъ одному было десять, а другому семь лѣтъ. Они прибѣжали ко мнѣ и съ ними наша няня; мы чрезвычайно другъ другу обрадовались и, не зная, куда идти, остались ночевать подъ деревомъ.

Потру, лишь только стало свѣтать, пошли мы по дорогѣ, не зная, куда она ведетъ. Уже солнце высоко поднялось, когда прибли-

Гербъ рода Мертваго.

зились мы къ рѣчкѣ, берегомъ которой шла дорога; прелестныя мѣста кругомъ, небольшія полянки, пріятный утренній воздухъ и повсемѣстная тишина заставили было насъ забыть ужасное наше положеніе, но вдругъ услышали мы страшный крикъ: «ловите, бейте». Я схватилъ за руку одного брата, бросился къ рѣчкѣ и скрылся въ густой травѣ у береговъ, а няня съ меньшимъ братомъ монимъ побѣжала по дорогѣ. Злодѣи, принявъ ее за дворянку, погнались за нею, и одинъ изъ нихъ ударилъ ее топоромъ; въ испугѣ она подставила руку, которая, однако, ее не защитила; остріе, раз-

рубивъ часть ладони, вонзилось въ плечо; страшный крикъ сильно тронулъ мое сердце. Въ то же время слышу я вопль брата, котораго схватили и спрашивали, куда мы побѣжали. Не зная, что я дѣлаю, я откликнулся и, выскочивъ изъ травы, явился къ нимъ, они спросили мое имя, сказали, что знаютъ батюшку, но что съ нимъ сдѣлалось, не слышали; потомъ сняли съ насъ все платье и обувь и, недѣлая болѣе никакихъ грубостей, отпустили въ одиѣхъ рубашкахъ, показавъ дорогу на мельницу, которая была не далеко.

Обезсилѣвшую отъ раны, а болѣе отъ испуга няню нашу поднял я и повелъ подъ руку къ мельницѣ. Когда мы подошли къ плотинѣ, напали на насъ двѣ собаки, отъ которыхъ, конечно, мы бы не въ силахъ были защититься, если бы мельникъ не прибѣжалъ къ намъ на помощь. Этотъ добрый человѣкъ, узнавъ, что мы дворяне, откровенно сказалъ, что нянюшка можетъ остаться у него, а насъ онъ принять не смѣетъ, боясь быть за то убитымъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Но когда мы сказали ему, что сутки ничего не ѣли, то онъ пригласилъ насъ на мельницу и обѣщалъ дать молока и хлѣба.

У мельничнаго амбара намъ дали по большому куску хлѣба и по ложкѣ и поставили кринку молока; лишь только принялись мы за пріятную для голоднаго работу, какъ вдругъ жена мельника закричала: «ай! казаки, казаки!» Оглянувшись, мы, дѣйствительно, увидѣли толпу приближавшагося народа, я испугался чрезвычайно и не помню, какъ спрятался съ братьями подъ мельницу.

Толпа эта, увидя няню нашу, окровавленную, лежавшую на землѣ у мельничнаго амбара, спросила мельника, что это значить; онъ сказалъ всю правду и указалъ мѣсто, гдѣ мы спрятались. Двое изъ толпы спустились по лѣстницѣ и вынесли на рукахъ братьевъ; третій, взявъ меня за волосы, потащилъ за собою на лѣстницу, а четвертый въ это время билъ меня сзади палкою.

Я увидѣлъ всю толпу у мельничнаго амбара; насъ поставили въ средину ея и стали произносить приговоръ. Всякъ говорилъ свое и предлагали меня убить, а братьевъ, какъ малолѣтнихъ, отдать бездѣтнымъ мужикамъ въ пріемыши. Нѣкоторые предлагали бросить меня съ камнемъ на шеѣ въ воду, другіе—повѣсить, застрѣлить или изрубить; тѣ же, которые были пьянѣе и старше, вздумали учить надо мною молодыхъ казаковъ, не привыкшихъ еще къ убійству. Слыша эти разсужденія и ругательства, я ничего не говорилъ и уже готовился къ смерти, но тутъ одинъ изъ толпы сказалъ, что, будучи въ городѣ, получилъ онъ отъ самозванца приказаніе привести къ нему дворянина, мальчика лѣтъ пятнадцати, умѣющаго хорошо читать и писать, за котораго обѣщалъ дать пятьдесятъ рублей вознагражденія. Это предложеніе было тотчасъ всѣми принято, меня начали экзаменовать, заставляли писать

углемъ на доскѣ, задавали легкія задачи изъ ариеметики и, наконецъ, признали достойнымъ занять важное мѣсто секретаря у Пугачева. Снисходя на мою просьбу, они согласились не разлучать меня съ братьями.

Мы пребыли у мельницы все время, необходимое для корма лошадей и на отдыхъ пѣшимъ. Между тѣмъ стали со мной обходиться почтительно, называя меня секретаремъ, рассказывали о разныхъ происшествіяхъ, относящихся до самозванца, о силѣ его и о намѣреніи истребить всѣхъ дворянъ и, наконецъ, приказаніи крестьянамъ защищаться всѣми силами отъ воинскихъ командъ, ожидаемыхъ вскорѣ.

Во время этихъ разсужденій и разсказовъ одинъ пьяный казакъ, взявъ меня за косу, сказалъ: «батюшка не любитъ длинныхъ волосъ, это бабамъ носить прилично». И тутъ же, прислонивъ меня къ близъ стоявшему дереву, закричалъ другому: «рубь, братъ!» Этотъ, будучи также пьянъ, отрубилъ мнѣ топоромъ косу вплоть къ затылку. Я чрезвычайно испугался, но имѣлъ столько присутствія духа, что шутилъ насчетъ своихъ волосъ и благодарилъ этихъ пьяницъ.

Вѣсти о близости воинскихъ командъ обрадовали меня; я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ укрыться отъ злодѣевъ на нѣсколько дней. Но между тѣмъ надобно было отправляться съ ними въ путь пѣшкомъ, безъ одежды и обуви.

Во время нашего путешествія подружился я съ однимъ крестьяниномъ, приставшимъ къ толпѣ изъ ближняго селенія. День уже склонялся къ вечеру; мы стали выходить изъ лѣса; большія поляны, засѣяныя хлѣбомъ, показывали близость деревни. Въ это время слышу я разсужденія злодѣевъ, ѣхавшихъ верхомъ, которые говорили, что сомнѣваются застать самозванца въ городѣ Алатырѣ и что надобно будетъ вести меня далѣе, не зная, гдѣ найдутъ они Пугачева и заплатитъ ли онъ обѣщанную сумму; другіе говорили, что когда доведутъ меня до селенія, и я объявлю себя секретаремъ, они принуждены будутъ не оставлять меня и жертвовать своимъ трудомъ и временемъ, быть можетъ, понапрасну, и потому согласились убить меня, не выходя изъ лѣса, а братьевъ, какъ малолѣтнихъ, раздать въ пріемыши бездѣтнымъ мужикамъ.

Слыша эти разсужденія, я страдалъ; сердце неизъяснимо ныло, но дѣлать было нечего: надобно было молчать и притворяться еще, что не слышу. Въ это время крестьянинъ, подружившійся со мною и невмѣшивавшійся въ разсужденія, отвѣдя меня немного въ сторону, сказалъ: «или ты не слышишь, что ребята-то говорятъ?» Я отвѣчалъ: «слышу, и, если можешь, Бога ради спаси меня и братьевъ». Онъ, взявъ съ меня слово, что я пойду къ нему въ работники, обѣщалъ усыновить меня; рассказалъ, какъ найти деревню и домъ его и потомъ, сказавъ злодѣямъ, что идетъ съ нами въ сторону, велѣлъ бѣжать въ кусты и тамъ скрыться.

Какъ стало уже смеркаться, вышелъ я изъ лѣса и увидѣлъ деревню, гдѣ былъ домъ моего избавителя, и возлѣ нея ту маленькую мордовскую деревню, гдѣ останавливались мы, ѣхавши въ лѣсъ. Я пошелъ въ послѣднюю, въ домъ къ мордвину; его тогда не было дома, но жена его пригласила насъ, какъ знакомыхъ, благосклонно.

Черезъ нѣсколько минутъ собралось къ ней множество жителей того селенія; старшины, казалось, что-то грозно говорили хозяйкѣ по-мордовски, и одинъ изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ повелительно, чтобы тотчасъ вышелъ я съ братьями изъ деревни, потому что имъ не велѣно принимать дворянъ.

Я повиновался и, выйдя за околицу, сѣлъ на землю; недоумѣнiе сжимало мое сердце; я боялся итти въ ту деревню, гдѣ жилъ крестьянинъ, пригласившій меня къ себѣ; между тѣмъ почъ уже наступила, заунывные голоса людей, стопявшихъ скотъ, ревъ и топотъ коровъ, вмѣстѣ съ темнотою ночи, произвели такое чувство въ напуганномъ моемъ воображеніи, что мнѣ казалось лучше быть убитымъ, чѣмъ терпѣть это страшное мученіе духа.

Вставъ поспѣшно, пошелъ я обратно въ деревню, гдѣ не встрѣтилъ никого на улицѣ; войдя въ домъ къ мордвину, я не пошелъ въ избѣ жены его. Оставленный тутъ маленькій ребенокъ, сидя въ зыбкѣ, плакалъ; я сыскалъ въ столѣ хлѣбъ и ножъ, отрѣзалъ всѣмъ по куску и посадилъ братьевъ на полати, куда и самъ забрался.

По окончаніи домашнихъ работъ хозяйка возвратилась въ избу, засвѣтила огонь, поужинала и, поигравъ со своимъ ребенкомъ, собиралась уже итти спать. Въ эту минуту, поспѣшно сойдя съ полатей, бросился я предъ нею на колѣна, прося позволенія почевать въ ея домѣ; поутру же, если ей угодно, сама бы насъ убила, или отдала бы на убійство... Долго не отвѣчала она ни слова, умильно смотрѣла на меня, покачивала головою; наконецъ слезы, покотившіяся по лицу, убѣдили меня, что жалость взяла верхъ надъ страхомъ. Она, поднявъ меня, говорила: «Если свѣдаютъ, что я скрыла у себя дворянъ, то меня, мужа моего и ребенка нашего убьютъ и домъ сожгутъ, но быть такъ». Послѣ этого, снявъ съ полатей братьевъ моихъ, которые тамъ уже было заснули, одѣла всѣхъ насъ въ мордовскія платья, провела на задній дворъ въ сѣнищу, положивъ на землю подушку, велѣла намъ лечь и, одѣвъ шубою, накрыла насъ пошевнями. Отъ усталости я такъ сладко заснулъ, что ничего во снѣ мнѣ не грезилось.

Лишь только стало свѣтать, хозяинъ, снявъ пошеви, покрывавшія насъ, разбудилъ меня и убѣдительно просилъ не губить его и, пока люди еще спятъ, выйти изъ селенія. Въ краткихъ словахъ изъяснилъ онъ мнѣ всѣ опасности нашего положенія, говорилъ, что матушку и сестеръ провезли къ Пугачеву и что, конечно, уже нѣтъ ихъ теперъ на свѣтѣ. Этотъ честный человекъ самъ плакалъ,

видя мои слезы. Когда я ему изъяснилъ, что желаю пробраться въ свою деревню, онъ совѣтовалъ, избѣгая встрѣчь по дорогѣ, спуститься къ рѣкѣ и берегомъ ея добраться до мѣста; проведъ онъ насъ за околицу и простился со слезами со мною, говоря, что воѣмки намъ не видаться.

Разставшись съ человѣкомъ, бравшимъ участіе въ моемъ несчастіи, и оставшись одинъ съ двумя младенцами-братьями, не имѣлъ я не только никакой помощи, но даже и надежды; единый Богъ оставался намъ подпорою... Подойдя къ крутому берегу рѣки, при видѣ восходящаго солнца, сталъ я на колѣни, молился Богу и братьямъ велѣлъ тоже дѣлать; по окончаніи молитвы, спустились мы подъ яръ.

Мелкіе камешки на песчаномъ берегу рѣки несносно кололи ноги, которыя расцарапали мы до крови; меньшей мой братъ не могъ вовсе идти; я посадилъ его къ себѣ на плечи, а другому велѣлъ держаться за мою рубашку; такъ продолжали мы путь.

Слѣдуя наставленію мордвина, шелъ я версты восемь берегомъ рѣки до моста, перейдя который вышли мы по маленькой лѣсной дорогѣ на большую, никого не встрѣтивъ. Наконецъ, когда показались мѣста знакомыя, осталось менѣе десяти версты до деревни, увидѣлъ я человѣка, лежавшаго подъ кустомъ и привязанную подлѣ него лошадь. Поднявъ голову, онъ спросилъ насъ, что мы за люди. Я отвѣчалъ: «Дворяне». «Стой, куда?» закричалъ онъ. Я бросился отъ него, но тяжесть на плечахъ, разбитыя, расцарапанныя и распухшія босыя ноги, изнеможеніе вслѣдствіе голода, все это лишило меня возможности спастись бѣгствомъ, и я былъ схваченъ крестьяниномъ, который, взявъ меня за воротъ рубашки, привелъ къ своей телѣгѣ и приказалъ лечь въ нее, мучительнымъ образомъ связалъ веревкою руки мои назадъ, локоть съ локтемъ, и загнулъ ноги, привязалъ къ рукамъ.

Въ то время, какъ вязалъ онъ меня, и я, чувствуя нестерпимую боль, умолялъ его о помилованіи, подѣхалъ знакомый ему крестьянинъ, къ которому посадилъ онъ въ телѣгу моихъ братьевъ. Запрягая свою лошадь, онъ между тѣмъ говорилъ съ товарищемъ своимъ, что когда привезутъ они насъ въ городъ и представятъ къ самозванцу, по получать за каждыя по десяти рублей.

По дорогѣ къ городу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ я былъ взятъ и связанъ, находилось большое село, близъ котораго было убито большое число дворянъ, и крестьяне этого села болѣе другихъ участвовали въ этихъ злодѣйствахъ. Большой алатырскій лѣсъ окруженъ многими селеніями; крестьяне, узнавъ, что дворяне, жившіе въ окрестности, скрываясь отъ самозванца, прячутся въ лѣсу со своимъ имѣніемъ, ходили шайками по лѣсу, ловили дворянъ, раздѣляли ограбленное имущество между собою, а дворянъ отвозили къ Пугачеву. Возчики наши, остановясь въ селѣ близъ

церкви, пошли къ толпѣ народа, собравшейся на площади. Когда такимъ образомъ мы остались одни, старушка, жившая въ богадѣльнѣ, подойдя къ моей телѣгѣ, положила мнѣ облупленное яйцо и кусокъ хлѣба, сказавъ: «прими Христа ради»; спросила, какъ зовутъ меня, и объявила мнѣ, что знаетъ насъ, что матушку и сестеръ провезли наканунѣ и убили недалеко отъ села, и маленькую трехнедѣльную сестру положили матушкѣ на грудь. Потомъ, увидя, что хозяева нашихъ телѣгъ возвращаются, простилась со мною, сказавъ, что и меня на томъ же мѣстѣ убьютъ.

Отѣхавъ двѣ версты отъ села, увидѣлъ я, сквозь щели телѣги, брошенныя близъ дороги тѣла убитыхъ дворянъ. Полагая, что между ними находятся и тѣла близкихъ моему сердцу, спросилъ я у крестьянина, куда везетъ онъ меня. «Въ городъ,—отвѣчалъ онъ:— потому что тамъ только велѣно убивать дворянъ». Я сталъ просить, чтобы, развязавъ меня, онъ позволилъ найти тѣла матушки и сестеръ и проститься съ ними, но онъ сказалъ мнѣ презрительно: «ты сегодня же съ ними на томъ свѣтѣ увидишься».

Отчаяніе привело меня въ ожесточеніе; я сталъ бранить его, укоряя, что онъ мучить человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла и продаетъ его на убійство за десять рублей, и что въ послѣдніе часы жизни лишаетъ его горестной отрады увидѣть и проститься съ тѣлами родныхъ; наконецъ, страшая гнѣвомъ Божиємъ, я достигъ того, что онъ сжалился надо мною, развязалъ мнѣ ноги, помогъ воротиться и позволилъ сидѣть въ телѣгѣ.

Это снисхожденіе послужило мнѣ только къ большому мученію; я могъ не только видѣть, но и узнавать тѣла знакомыхъ и родственникововъ; сердце до того сжалось, что я уже не хотѣлъ оставаться въ живыхъ. Связанныя руки мои распухли; запонка, оставшаяся у одного рукава, давила мнѣ одну изъ нихъ; я попросилъ крестьянина отстегнуть ее, говоря: «она серебряная, тебѣ годится». Исполнивъ мою просьбу и любуясь на запонку, онъ сказалъ: «ба, да ты, братъ, добрый, не сердись на меня». Я отвѣчалъ, что если все перемѣнится и будетъ попрежнему, и я останусь живъ, то даю ему слово, что не только не будетъ онъ наказанъ за поступокъ со мною, но что я постараюсь наградить его. На это грозно онъ возразилъ: «врешь, этому не бывать; прошла уже ваша пора». Однако вскорѣ послѣ того развязалъ мнѣ руки.

По приѣздѣ въ городъ представилъ онъ насъ въ канцелярію воеводы, гдѣ записали наши имена, заплатили ему за каждаго по десяти рублей, высадили изъ телѣгъ и приказали отвести въ тюрьму, находившуюся близъ канцеляріи.

Насилу съ помощью какого-то человѣка взобрался я на лѣстницу, и можно представить себѣ мое удивленіе и радость, когда я увидѣлъ матушку и сестеръ, посаженныхъ тутъ въ числѣ множества дворянъ. Я бросился съ восхищеніемъ къ матушкѣ, но она, холодно

давъ мнѣ руку, спросила: «гдѣ отецъ?» Я отвѣчалъ, что не знаю. Послѣ этого во все продолженіе дня и слѣдующей ночи она ни съ кѣмъ ни слова не говорила. Сестра мнѣ разказала, что чело-вѣкъ, котораго батюшка посылалъ изъ лѣса, былъ въ толпѣ злодѣевъ, напавшихъ на насъ, что онъ былъ пьянъ и ударилъ матушку и ее дубиною по головѣ; окровавленные ихъ платья подтверждали истину этихъ словъ; разбойники, выбравъ всѣ вещи изъ повозокъ, раздѣлили ихъ между собою и сбирались убить матушку и сестеръ, но люди наши умоляли о помилованіи, свидѣтельствуя въ томъ, что господа были добрые; выйдя изъ лѣса, они провожали до тѣхъ поръ, пока могли не отставать отъ повозокъ, ѣхавшихъ тихо, и во все это время оказывали матушкѣ и сестрамъ усердіе и почтеніе; даже чело-вѣкъ, ударившій ихъ дубиною по головѣ, молчалъ и показывалъ видъ раскаянія. Все это было причиною того, что крестьяне учтиво съ ними поступали все время и, привезя въ городъ, объявили о томъ воеводѣ, опредѣленному отъ самозванца. Со слезами разказывала мнѣ сестра, что матушка въ теченіе двухъ сутокъ ни съ кѣмъ не говорить и что въ поступкахъ ея замѣтно помѣшательство.

На другой день поутру вошла къ намъ въ тюрьму, для подаенія милостыни, горничная двоюродной сестры нашей, убитой во время смятенія. Матушка спросила ее, не знаетъ ли чего о батюшкѣ. «Его вчера повѣсили въ деревнѣ нашей», отвѣчала та хладнокровно. Услышавъ это, матушка упала въ обморокъ и долго пролежала безъ чувствъ; мы думали, что она скончалась, и, окруживъ ее, рыдали; помочь же ей и не умѣли и не имѣли средствъ: у насъ и воды тогда не было.

Очувствовавшись отъ обморока, матушка, стоя на колѣняхъ, долго молилась Богу, потомъ просила горничную разказать подробности нашего несчастія. Женщина эта разказала намъ, что батюшка рано поутру прибѣжалъ къ околицѣ своей деревни, гдѣ встрѣтилъ дворовыхъ людей нашихъ и нѣкоторыхъ крестьянъ. Сказавъ имъ, что онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ, разбросалъ свое платье по лѣсу, будучи не въ силахъ нести его на себѣ, просилъ дать ему молока и хлѣба, что тотчасъ было исполнено; потомъ, узнавъ, что матушку и сестру отвезли въ городъ, просилъ, чтобы и его туда же отправили; люди, исполняя его волю, запрягли парюю телѣгу, въ которой онъ выѣхалъ изъ деревни, но какая-то женщина, мывшая на рѣкѣ платья, увидя толпу злодѣевъ, ѣхавшихъ на другой сторонѣ рѣки, закричала имъ: «баринъ здѣсь». Эти люди тотчасъ же переправились вплавъ черезъ рѣку и, не заставъ батюшку въ деревнѣ, поскакали вслѣдъ за нимъ. Нагнавъ его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, заставили повернуть назадъ и, собравши всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ нашихъ, объявили имъ, что кто хочетъ, можетъ бить его. Когда же всѣ сказали, что довольны батюшкою и просили ему помилованія, то злодѣи приказали везти

его въ городъ. Но тогда тотъ самый человѣкъ, который ударилъ матушку и сестру дубиною по головѣ, сталъ бить батюшку плетью, послѣ чего казаки повѣсили его и, стрѣляя въ него, ранили въ плечо и бокъ. Наконецъ, полагая, что онъ уже умеръ, снявъ съ висѣлицы, потащили за ноги къ рѣкѣ и тамъ въ тинѣ оставили... Но видно, онъ еще былъ живъ тогда, потому что преданные ему люди, чрезъ нѣсколько дней послѣ того выѣхавшіе изъ города, нашли тѣло его и свидѣтельствовали, что пальцы правой руки его были сложены для крестнаго знаменія.

Такова была кончина человѣка, котораго, по всей справедливости, можно было назвать честнѣйшимъ. Всѣ знавшіе его единогласно въ томъ удостовѣряютъ, и всѣ дѣла его подтверждаютъ то же; твердый въ правилахъ, онъ былъ справедливъ и щедръ. Онъ погребенъ близъ церкви. Часто послѣ плакали мы на его могилѣ, и почтеніе къ его памяти вѣчно останется въ моемъ сердцѣ.

Часу въ десятомъ утра услышали мы шумъ народа, толпившагося около канцеляріи. Караульные наши смотрѣли за нами слабо, я сошелъ внизъ и слышу, всѣ кричатъ: «Воевода ¹⁾ идетъ, сбѣчетъ и рубить». Вскорѣ послѣ того показались бѣжавшіе окровавленные люди. За ними слѣдовалъ воевода Бѣлокопытовъ съ обнаженною шпагою въ рукѣ, и кругомъ его пять солдатъ штатной команды съ ружьями на плечахъ; двери предъ нимъ отворились; онъ вошелъ въ канцелярію; всѣ робко на него смотрѣли и готовы были ему повиноваться.

Войдя въ судейскую комнату, Бѣлокопытовъ засталъ на воеводскомъ стулѣ Сердешева, назначеннаго самозванцемъ. Тутъ началась споръ стараго воеводы съ новымъ ²⁾; Сердешевъ говорилъ, что не отдастъ онъ Бѣлокопытову своего мѣста, потому что спасъ отъ смерти многихъ дворянъ; Бѣлокопытовъ, не отвѣчая ему, закричалъ своимъ солдатамъ: «Возьмите его!». Солдаты, схвативъ Сердешева, кто какъ попало, стащили его со стула и отвели подъ стражу. Тогда Бѣлокопытовъ, открывъ окно на площадь, гдѣ много собралось народу, закричалъ повелительнымъ голосомъ, чтобы всѣ презж-

---

¹⁾ Незадолго предъ бунтомъ присланъ былъ въ Алатырь къ исправленію воеводской должности подполковникъ Бѣлокопытовъ; онъ узналъ о приближеніи самозванца и, замѣтивъ сильное волненіе въ народѣ, не имѣя никакой возможности сопротивляться, рѣшился спастись бѣгствомъ. Онъ ушелъ ночью съ шестью солдатами изъ города въ лѣсъ и унесъ съ собою всѣ деньги, кромѣ мѣдныхъ. Возвратясь въ городъ, оставилъ въ лѣсу при деньгахъ одного солдата и такимъ образомъ спасъ и себя и казну.

²⁾ Инвалидной команды прапорщикъ Сердешевъ, не успѣвъ бѣжать, явился къ самозванцу и присягнулъ ему. Онъ опредѣленъ былъ воеводою въ Алатырь, и ему данъ былъ указъ, состоявшій только въ томъ, чтобы вѣшать всѣхъ дворянъ. Сердешевъ объявилъ въ народѣ, что не позволяетъ убивать ихъ въ уѣздѣ и приказалъ возить дворянъ для того въ городъ. Чтобы успѣшнѣе привести эту мѣру въ исполненіе, онъ платилъ за каждаго мужчину десять, а за женщину пять рублей, и такимъ образомъ спасъ многихъ отъ смерти.

ніе начальники въ городѣ и въ предмѣстьи тотчасъ явились къ нему, что и было исполнено немедленно. Вышедъ на крыльцо, именемъ государыни объявилъ онъ всѣмъ, что преступленія ихъ прощаетъ, но только, чтобы жители поставили триста человѣкъ конныхъ и вооруженныхъ людей, которымъ обѣщаль давать по одной копейкѣ въ день жалованья и назвалъ ихъ *копейщиками*. Требованіе его такъ скоро было исполнено, что онъ тутъ же успѣлъ осмотрѣть представленныхъ ему людей, записать ихъ имена, раздѣлить на команды и опредѣлить къ нимъ начальниками солдатъ, возвратившихся съ нимъ изъ лѣса. Узнавъ, что партія бунтовщиковъ пьянствуетъ въ дворянскомъ селеніи, въ восемнадцати верстахъ отъ города, онъ отрядилъ туда команду, которая взяла ихъ и привезла въ городъ; нѣкоторые изъ нихъ замучены были до смерти, а другіе посажены въ острогъ; по показанію послѣднихъ о другой партіи, находившейся въ другомъ селеніи, Бѣлокопытовъ отправилъ и за ними команду; все это исполнилъ онъ въ первый день своего воеводства.

Я былъ очевидцемъ всѣхъ этихъ происшествій. Воспользовавшись свободою и оставшись безъ надзора по случаю перемѣны властей, я, не теряя изъ виду воеводу, шатался съ прочими ребятишками то по площади, то въ канцеляріи; когда уже стало смеркаться, возвратясь въ тюрьму, я нашелъ матушку, сестеръ и братьевъ въ большомъ страхѣ отъ моего долгаго отсутствія. Со мною пришелъ подьячій, котораго мать была попадѣю въ нашемъ селѣ; онъ предложилъ намъ квартиру въ его домѣ; хромой и престарѣлый регистраторъ, отецъ подьячаго, сдѣлалъ то же предложеніе, но съ тѣмъ, чтобы я просилъ дозволенія на то у воеводы, и не думая, что можетъ быть въ томъ отказано, ушелъ домой приготовить намъ ужинъ.

Войдя въ судейскую комнату, увидѣлъ я воеводу съ перомъ въ рукахъ и что-то читавшаго; я подошелъ къ столу, имѣя на себѣ всей одежды одну только рубашку. Дождавшись, пока онъ взглянулъ на меня, я низко поклонился, объявилъ ему, что я дворянинъ его провинціи, чудесно спасшійся отъ смерти, и просилъ позволить мнѣ съ семьей своей жить въ домѣ подьячаго. Воевода, не отвѣчая на слова мои, сказалъ: «пошелъ вонъ, теперь не до тебя». Я вышелъ изъ судейской комнаты и объявилъ этотъ отвѣтъ молодому подьячему, который научилъ меня сказать часовому изъ новонабраннаго войска, что воевода приказалъ насъ выпустить. Я исполнилъ совѣтъ этотъ успѣшно, и мы, взявъ матушку подъ руки, увели изъ тюрьмы; наступившая темнота благопріятствовала нашему бѣгству, и, когда мы пришли въ домъ подьячаго, вся семья его встрѣтила насъ со слезами и послѣ ужина уложила насъ въ чистой комнатѣ.

На другой день передъ разсвѣтомъ сильное волненіе въ городѣ разбудило насъ; крикъ, шумъ, скачка по улицамъ навели на

всѣхъ большой страхъ. Причина этого шума скоро объяснилась: сотня казачьяго полка, прискакавъ въ городъ, окружила канцелярію съ ужаснымъ крикомъ и спрашивала: «кому вы служите?» Вновь набранное войско, думая, что это партія бунтовщиковъ, отвѣчало, что служить самозванцу; командиръ сотни, поставя часовыхъ, поскакалъ въ домъ къ воеводѣ Бѣлокопытову, который въ испугѣ спрятался въ огородѣ, гдѣ казаки нашли его между двухъ грядъ гороха. Когда они привели его къ ротмистру, воевода, думая, что онъ стоитъ предъ Пугачевымъ, объявилъ себя слугою самозванца; ротмистръ, давъ ему нѣсколько пощечинъ, вывелъ несчастнаго на площадь и при множествѣ собравшагося народа высѣкъ плетью. Такимъ же образомъ поступилъ онъ съ воеводою Сердешевымъ и приказалъ связать имъ руки назадъ и посадить въ двѣ телѣги, запряженныя парю.

Въ то время, какъ ротмистръ управлялся съ воеводами, казаки его команды бросились въ обывательскіе дома грабить. Хозяйка наша, обливаясь горькими слезами, просила помилованія у грабителей, но казаки брали всѣ вещи, которыя находили и могли взять, не отвѣчая ей ни слова. Жалость взяла меня; не говоря никому не слова, я, надѣвъ старый набойчатый халатъ и туфли моего хозяина, отправился на площадь. Ротмистръ въ то время бранился съ связанными воеводами; я подошелъ къ нему, объявилъ, что я дворянинъ, потерпѣвшій несчастіе отъ бунта, лишился отца, и не имѣя пристанища, призрѣнъ со всею оставшеюся семьею моею подъячимъ, котораго ограбили казаки его команды. Ротмистръ, хотя былъ пьянъ, но сжалился надо мною, приказалъ сыскать казаковъ и отдать мнѣ множество платя и вещей. И когда я объявилъ ротмистру, что я не въ состояніи поднять все принесенное, онъ приказалъ казакамъ тотчасъ отнести все обратно, что и было исполнено.

Я понравился пьяному ротмистру, онъ поцѣловалъ меня, объявилъ мнѣ, что высѣкъ воеводъ, и спрашивалъ, не досадили ли они мнѣ, обѣщая прибавить имъ по нѣсколько ударовъ. Потомъ онъ приказалъ привести на площадь бунтовщиковъ, привезенныхъ воеводою Бѣлокопытовымъ наканунѣ и посаженныхъ въ острогъ. Казаки, поднявъ ихъ на пики, разстрѣляли. Совершивъ этотъ послѣдній подвигъ, собралъ онъ свою команду и съ обоими воеводами отправился изъ города, оставивъ насъ безъ всякаго начальства.

Возвратясь домой, я былъ принятъ подъячимъ и женою его съ почестями; они называли меня благодѣтелемъ, спасшимъ ихъ имѣніе, и въ награду за геройскіе подвиги подарили мнѣ взятые у нихъ халатъ и туфли. Но это торжество было непродолжительно, и я вскорѣ былъ причиною многихъ ихъ горестей.

Въ тотъ же день вечеромъ вступилъ въ городъ гарнизонный батальонъ изъ Симбирска, и вскорѣ послѣ того возвратился и вое-

вода Бѣлокопытовъ, у котораго ротмистръ просилъ прощенія, протрезвившись и чувствуя, что поступилъ съ нимъ неблагоуразумно. Воевода, получивъ свободу, обѣщаль ротмистру не разглашать, что былъ высѣченъ плетями.

По возвращеніи своемъ Бѣлокопытовъ отправилъ нѣсколько солдатъ на мельницу богатаго купца привезти въ городъ его имущество, и разнеслась по городу вѣсть, что взялъ онъ за то съ купца пятьдесятъ рублей. Я полагаль, что если можно посылать команды, то воевода не откажетъ послать къ намъ въ деревню объявить людямъ, чтобы явились въ городъ и привезли все необходимое къ нашему содержанію.

На другой день поутру, не сказавшись никому, пошелъ я къ воеводѣ; я нашель его въ канцеляріи и изъяснилъ ему свою просьбу. Не отвѣчая на слова мои, онъ сказалъ грозно: «Какъ смѣлъ ты обмануть часового и увести свою мать, братьевъ и сестеръ изъ-подъ караула?» Я съ кротостью отвѣчалъ, что если бы увидѣлъ онъ положеніе матушки, то онъ самъ бы сжалился надъ нами и приказаль бы выпустить ее изъ тюрьмы. — «Такъ нѣтъ тебѣ команды для посылки въ деревню», сказалъ онъ сурово. «Это оттого, — отвѣчалъ я:—что нѣтъ у меня пятидесяти рублей». — «Ахъ ты сарафанникъ, щенокъ!» закричалъ воевода. — «Родился я съ тѣмъ, — возразилъ я:—чтобы носить кафтанъ лучше твоего, потому что я дворянинъ, а ты солдатскій сынъ». Тутъ вскочилъ онъ со стула, затопаль и закричалъ: «Розги! я высѣку тебя!» А я, подобравъ длинныя полы подъяческаго набойчатаго халата убѣжалъ домой, не сказавъ никому о своемъ приключеніи.

Воевода, озлобившись на четырнадцатилѣтняго мальчика, призваль старика подъячаго и приказаль ему, чтобы тотчасъ всѣхъ насъ выгналь изъ дома. Но нашъ добрый хозяинъ объявилъ Бѣлокопытову, что мой отецъ былъ его благодѣтель и потому онъ никакъ не можетъ исполнить его приказаніе. Воевода спорилъ, подтверждалъ свои повелѣнія палочными ударами по спинѣ добраго подъячаго, но тотъ вытерпѣлъ наказаніе и не согласился выгнать насъ; его принесли домой на рукахъ, призвали цырульника и пустили ему кровь.

На другой день воевода, узнавъ, что хозяинъ нашъ, сказавшись больнымъ, остался дома, приказаль привести его въ канцелярію и, заковавъ въ желѣзы, посадилъ подъ караулъ, будто бы за то, что онъ, бывъ приходорасходчикомъ, задержаль казенныя деньги, показывая ложно, что онѣ похищены бунтовщиками; прислалъ описать все его имущество и сдѣлалъ въ домѣ строжайшій обыскъ, по которому, однакоже, не найдено было ничего, что бы могло служить основаніемъ подозрѣнію, вымышленному съ такою злобою.

Эти происшествія терзали мое сердце; раскаяніе и жалость меня мучили; упреки нашей хозяйки, гнѣвъ матушки и горькія

слезы ея напомнили мнѣ помпунтно мою вину и случившееся отъ того несчастіе людей, которые оказали намъ услугу и безъ помощи которыхъ не знали бы мы, куда приклонить голову. Когда матушка пошла къ вечергѣ съ женою подъячяго, я взялъ съ собою братьевъ, которые были въ однѣхъ рубашкахъ, и пошелъ къ воеводѣ. Встрѣтивъ его на площади, когда онъ шелъ изъ дома своего въ канцелярію, я бросился предъ нимъ на колѣни и просилъ прощенія; онъ такъ былъ грубъ и золъ, что, не отвѣчая ни слова, едва не ударилъ меня въ лицо ногою. Я хотѣлъ было пойти за нимъ въ канцелярію, но солдаты, поставленные у дверей, не пустили насъ.

Возвратившись домой, я разсказалъ о своей неудачѣ, и былъ наказанъ за то. Хозяйка наша возненавидѣла меня и бранила безпрестанно. Мужъ ея высѣченъ былъ въ тотъ же вечеръ, и ему сказано было, чтобы согналъ насъ со двора, но онъ не согласился на то и послѣ наказанія.

На другой день вечеромъ возвратился дворовый нашъ человѣкъ, котораго батюшка посылалъ въ оренбургскую деревню узнать, что тамъ дѣлается, и собрать оброкъ. На обратномъ пути, узнавъ о возмущеніи, онъ отпустилъ бывшаго съ нимъ крестьянина и одинъ пѣшкомъ въ разорванной одеждѣ пошелъ насъ отыскивать. Вѣрность этого человѣка и радость его при свиданіи съ нами сладостна была осиротѣвшимъ сердцамъ нашимъ, а деньги, которыя онъ съ собою принесъ, дали намъ возможность не бояться нищеты. Узнавъ подробно о всѣхъ обстоятельствахъ, онъ нашель, что не нужно просить команду у воеводы, и вызвался самъ итти въ деревню и привезти людей и все нужное къ нашему содержанію. Матушка удерживала его, боясь, чтобы и его тамъ не убили, но онъ не послушался и въ ту же ночь отправился пѣшкомъ въ путь.

На другой день вечеромъ пришли къ намъ человѣкъ двадцать нашихъ людей, и въ числѣ ихъ тотъ, который указалъ мѣсто, гдѣ мы скрылись, ударилъ матушку и сестру и одинъ изъ всѣхъ участвовалъ въ убійствѣ батюшки. Увидѣвъ его, матушка испугалась и вскричала: «Бога ради не пускайте его ко мнѣ». Я велѣлъ ему итти за собою и, взявъ двоихъ людей, пошелъ въ канцелярію. Въ то время воеводы тамъ не было. Вызвавъ караульнаго сержанта и объявилъ ему о преступленіи этого человѣка, за которое онъ долженъ быть преданъ суду, и, оставивъ его въ канцеляріи, возвратился домой.

Все это послужило воеводѣ, какъ видно, доказательствомъ, что мы не имѣемъ болѣе надобности просить его милости, и на другой день, когда я былъ посланъ къ нему матушкою объявить о поступкахъ человѣка, отданнаго подъ стражу, воевода, хотя и со злобою, но учтиво сказалъ мнѣ: «Не погрѣшите предъ Богомъ, если вы праваго дѣлаете виноватымъ».—«Отъ васъ зависитъ оправдать его», отвѣчалъ я. Въ тотъ же день игуменя, двоюродная

сестра батюшки, скрывавшаяся до того времени въ лѣсу, возвратившись въ монастырь, дала свою рясу нашему портному и приказала шить мнѣ кафтанъ и прочія принадлежности одежды. Сапожникъ нашъ досталъ гдѣ-то кожи и сшилъ мнѣ сапоги. Все это сдѣлано было скоро, и я пересталъ быть сарафанникомъ, какъ называлъ меня Бѣлокопытовъ, видя въ подьяческомъ набойчатомъ халатѣ.

Я сталъ смѣлѣе въ новомъ парядѣ. Хозяинъ нашъ, выпущенный изъ тюрьмы, оправился; жена его, со всею своею семьей, пользуясь нашими припасами, стала веселѣе. Монахи, монахини, городскія богомольныя старушки, узнавъ, что у матушки водятся деньги, стали ласкаться къ ней больше прежняго. Она приказала служить по всѣмъ церквамъ панихиды по батюшкѣ, проводила все время въ молитвѣ и слезахъ и совсѣмъ забыла насъ, ведя жизнь по обрядамъ монастырскимъ. Я могъ дѣлать, что хотѣлъ.

Часть отъ часу дѣлаясь смѣлѣе, я скоро дошелъ до дерзости и не пропускалъ случая, при встрѣчѣ съ воеводою, оказывать ему грубости, если не словомъ, то хоть миною. Однажды услышалъ я, что множество лошадей, отбитыхъ у бунтовщиковъ, за отсутствіемъ хозяевъ, отдаются на расписку городскимъ жителямъ, и что воевода извлекаетъ изъ того свои выгоды. Я явился въ канцелярію, объявилъ желаніе взять къ себѣ пять лучшихъ лошадей, хотя мнѣ въ нихъ не было никакой надобности, и въ разговорѣ не забылъ наговорить дерзостей Бѣлокопытову. Онъ выслушалъ меня хладнокровно и приказалъ дать мнѣ лошадей, которыхъ я просилъ.

Вскорѣ буйственныя эти склонности довели было до бѣды меня, которая могла бы сдѣлать меня навѣки несчастнымъ.

Матушка, сдѣлавшись до чрезвычайности богомольною, занималась нами, какъ выше я сказалъ, мало. Я дѣлалъ, что хотѣлъ, окружилъ себя мальчиками разнаго сословія и вскорѣ умѣлъ взять надъ ними большую власть.

Всѣ умы заняты были тогдашними суровыми происшествіями. Безпрерывные слухи о сраженіяхъ и убійствахъ и почти ежедневное зрѣлище смертной казни завели и у насъ тому подобныя игры. Мы раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одной я былъ предводителемъ, и играли въ войну. Однажды собралось мало мальчиковъ моей партіи, и я, видя невозможность защищаться на открытомъ мѣстѣ и напасть, какъ прежде бывало, на непріятеля, засѣлъ въ пустыхъ срубахъ сгорѣвшихъ избъ. Предводитель непріятельской партіи, сынъ ямщика, не зная, гдѣ мы скрывались, послалъ изъ партіи своей лазутчикомъ мальчика-дворянина, ровесника мнѣ, и такъ же, какъ и я, чудеснымъ образомъ спасшагося отъ смерти, поручивъ ему развѣдать, откуда удобнѣе на насъ напасть. Тотъ мальчикъ, маленькій ростомъ, раздѣлся и, прикрывъ спину розгожею, поползъ на животѣ исполнить данное ему порученіе. Непріятель нашъ не зналъ, что для надзора за его движеніями я по-

ставилъ въ скрытыхъ мѣстахъ нѣсколько часовыхъ, которые поймали и привели ко мнѣ лазутчика. Я собралъ начальниковъ моей партіи, нарядилъ судъ, который рѣшилъ виновнаго повѣсить и какъ ни любилъ я этого мальчика, но привелъ въ исполненіе приговоръ суда. Къ счастью нашему, петля, сдѣланная изъ той рожи, которая покрывала лазутчика, слабо скрученная, была мягка и не сильно захватила горло; однако онъ переставалъ уже дышать, когда гарнизонный солдатъ, шедшій по пустырю, увидѣлъ наши продѣлки, приобѣжалъ и во-время снялъ повѣшеннаго, который долго лежалъ безъ чувства. Мы стали дышать ему въ ротъ и качать,—и кое-какъ оживили. Не могу передать, какъ сильно я почувствовалъ важность моего преступленія. Я сознался во всемъ предъ солдатомъ, просилъ его отвести меня, какъ убійцу, къ воеводѣ, говоря, что я достоинъ строгаго наказанія, что согрѣшилъ я предъ Богомъ и предъ людьми и не долженъ болѣе жить на свѣтѣ. Когда мальчикъ ожилъ и солдатъ, только пожуривъ меня, отпустилъ, я сильно обрадовался, тотчасъ помирился съ лазутчикомъ и, отыскавъ его платье, помогъ ему одѣться, а какъ всѣ мальчики разбѣжались, видя бѣду, то и мы воротились домой; съ этихъ поръ я далъ себѣ слово не заводить впередъ подобныхъ забавъ и играть только въ козлы и чушки.

Воевода не переставалъ насъ преслѣдовать и хотя выпустилъ подьячаго изъ тюрьмы и не наказывалъ его, но всячески старался, чтобы онъ согналъ насъ со двора, на что хозяинъ нашъ, однакоже, не согласился. Упорство подьячаго, грубости, которыя продолжалъ я безпрестанно оказывать воеводѣ, и разглашеніе о поступкахъ его сердили Бѣлокопытова и, вѣроятно, убѣждали его въ необходимости удалить изъ города дерзкаго мальчишку, знавшаго многія его проказы.

Въ концѣ осени воевода получилъ приказаніе приготовить квартиры для пѣхотнаго полка. Онъ назначилъ двухъ офицеровъ въ домъ нашего хозяина, оставивъ безъ постоя многіе дома гораздо болѣе нашего, который состоялъ всего изъ горницы съ перегородкой, гдѣ мы жили, гдѣ жилъ хозяинъ съ своею семьей, и небольшой избы для людей на дворѣ, поэтому намъ невозможно было долѣе оставаться въ домѣ. Сколько ни искали мы нанять квартиру, никакая цѣна не могла соблазнить обывателей; никто, опасаясь гнѣва воеводы, не впускалъ насъ къ себѣ. Мнѣ приходилось плохо; опять начали бранить меня. Матушка посылала меня почти каждый день къ воеводѣ просить о квартирѣ; сама къ нему ѣздила, но онъ былъ неумолимъ, говоря: «Вы можете жить въ своей деревнѣ». Намъ нельзя было туда ѣхать, потому что матушка чувствовала къ ней отвращеніе, да и жить тамъ было опасно.

Все это заставило насъ собраться ѣхать въ Пензу, за двѣсти верстъ отъ Алатыря. Трудное было наше положеніе; мы знали,

какія опасности предстояли намъ въ дорогѣ, но дѣлать было нечего, и мы выѣхали наканунѣ прибытія полка въ городъ на крестьянскихъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ телѣгахъ, покрытыхъ кибитками. Грязь, проливной дождь, продолжавшійся цѣлый день, дурныя лошади и дурныя повозки были причиною, что, промокнувъ до костей, едва къ вечеру дотащились мы до села въ двадцати верстахъ отъ города, гдѣ расположился тогда полкъ на ночлегъ. Мы простояли нѣсколько часовъ на улицѣ подъ дождемъ и насилу нашли квартиру; матушка проплакала цѣлую ночь, съ ней сдѣлался жаръ, и она занемогла.

На разсвѣтѣ полкъ сталъ собираться въ свой путь, а мы въ свой. Тутъ осмѣлился я приступить къ матушкѣ съ просьбою возвратиться въ городъ, въ надеждѣ, что полковой командиръ за насъ вступится; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то предлагалъ я матушкѣ съ сестрами и женскою прислугою помѣститься въ монастырѣ у игуменьи, а мнѣ съ братьями жить гдѣ день, гдѣ ночь. Послѣ долгихъ разсужденій и по совѣту одного человѣка, показавшаго къ намъ большое усердіе, матушка согласилась на это предложеніе. Велѣдъ за полкомъ пріѣхали и мы въ городъ и застали на дворѣ нашего хозяина офицерскія повозки; люди ихъ расположились уже въ той горницѣ, гдѣ мы жили. Добрый нашъ подьячій не отказался принять насъ и предложилъ намъ жить въ одной съ нимъ горницѣ. Я надѣлъ черный кафтанъ и пошелъ къ командующему полкомъ бригадиру Пилю, у котораго тогда было много офицеровъ и воевода Бѣлокопытовъ. Я подошелъ къ бригадиру и объяснилъ ему, что я дворянинъ, лишившійся отца, претерпѣвшій всевозможныя несчастія, и не имѣю съ цѣлою семьею пристанища по злобѣ воеводы, рассказалъ ему причину этой злобы и не скрылъ того, что называю его солдатскимъ сыномъ. Бригадиръ казался чрезвычайно тронутымъ, и со слезами на глазахъ, обратясь къ поблѣднѣвшему воеводѣ, сказалъ: «Боишься ли ты Бога!» позвалъ квартирмейстера и приказалъ тотчасъ очистить нашу квартиру отъ постоя. Когда я прощался и благодарилъ его, онъ изъявилъ желаніе, чтобы я приходилъ къ нему почаще, позволилъ мнѣ обращаться къ нему со всякими просьбами и обѣщаль помогать во всемъ.

Я возвратился въ домъ къ хозяину нашему вмѣстѣ съ квартирмейстеромъ. Учтивость этого офицера, скорое исполненіе приказанія бригадира и увѣренность, что онъ уіметъ воеводу, оживили всѣхъ насъ. Вскорѣ мы убѣдились въ основательности этой надежды. Хозяинъ нашъ, большой охотникъ до водки, напившись не въ-время допьяна, ожидалъ неминуемаго наказанія, но воевода не только по обыкновенію не побилъ его, а даже и не побранилъ. Это до того ободрило его, что мы часто бывало скучали его пьянствомъ, за которое онъ уже не опасался наказанія.

Матушка пришла въ себя, повидавшись съ прїѣхавшею къ намъ игуменью и собравшимися богомольными старушками, и на другой день поутру, приказала мнѣ итти къ бригадиру, благодарить отъ ея имени, за оказанныя намъ милости. Пиль прїнялъ меня очень ласково, спрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ нашего несчастія и о домашнихъ обстоятельствахъ, оставилъ у себя обѣдать, посадилъ подлѣ себя, занимался болѣе мною, чѣмъ воеводою Бѣлокопытовымъ (который, какъ казалось, очень его боялся), и познакомилъ съ офицерами своего полка, которые были помоложе. Приглашеніе быть чаще у него въ домѣ было очень для меня прїятно.

Вскорѣ потомъ прїѣхалъ въ городъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ съ неограниченнымъ полномочіемъ для управленія краемъ. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, графъ на второй день своего прїѣзда прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я явился къ нему на другой день въ шесть часовъ утра. Цѣлый вечеръ у насъ продолжались толки, что это за вызовъ и для чего. Богомольныя старушки учили меня, каждая по-своему, что дѣлать и что говорить, но я ни одну изъ нихъ довольно не почиталъ, чтобы слѣдовать ихъ совѣтамъ.

Исполняя приказаніе графа, къ шести часамъ я явился и объявилъ о себѣ въ передней какому-то чиновнику, который провелъ меня до дверей кабинета, устроеннаго въ гостиной воеводскаго дома. На большомъ столѣ, заваленномъ множествомъ бумагъ, догорали двѣ свѣчи, тусклый свѣтъ которыхъ едва доходилъ до дверей, въ которыя я вошелъ.

Графъ сидѣлъ за столомъ и занимался дѣлами; я видѣлъ, какъ внимательно читалъ онъ бумаги и писалъ на нихъ свои резолюціи; наконецъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ: «Ты Мертваго?» приказалъ подойти къ столу и прїятнымъ тономъ сказалъ: «Разскажи мнѣ, мой другъ, всѣ твои приключенія исторически». Я разсказалъ ему все подробно, кромѣ того, что касалось до притѣсненія воеводы Бѣлокопытова: матушка мнѣ запретила строго говорить о томъ; впрочемъ, я и самъ бы того не сдѣлалъ, зная, что графъ наканунѣ, въ присутствіи многихъ, не только что бранилъ его, но и грозилъ повѣсить.

Во время моего разсказа графъ расчувствовался, плакалъ гнѣвно, какъ отецъ, цѣловалъ меня и сказалъ: «Скажи мнѣ, чѣмъ могу облегчить несчастіе ваше и поправить домашнее разстройство?» Я отвѣчалъ, что, кромѣ Бога, никто этого не можетъ сдѣлать и что мы ни въ чемъ не нуждаемся. Отвѣтъ этотъ ему понравился. Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ. Слезы его, катившіяся на мое лицо, были доказательствомъ участія, принятаго имъ въ наше горѣ. Показывая мнѣ множество бумагъ, онъ сказалъ: «Вотъ дѣло о человѣкѣ вашемъ: онъ злодѣй, что хотите вы съ нимъ сдѣлать?» Я отвѣчалъ, что вина его не подлежитъ нашему суду, но

графъ возразилъ: «Я властенъ, что хочу, — итакъ, спроси у матушки своей и скажи мнѣ; я такъ его накажу, какъ вамъ будетъ угодно». На это я ему сказалъ, что и матушка ничего сказать не можетъ. Послѣ того онъ отпустилъ меня, пригласивъ къ себѣ обѣдать.

Возвратившись домой, я нашелъ всѣхъ старушекъ, ожидавшихъ меня съ нетерпѣніемъ; я рассказалъ, по приказанію матушки, все, что со мною случилось, и она осталась мною довольна.

Вслѣдствіе приказанія графа, я отправился къ нему обѣдать. Въ числѣ приглашенныхъ было множество чиновниковъ, пріѣхавшихъ для свиданія съ графомъ, — бригадиръ, насъ облагодѣтельствовавшій, и воевода Бѣлокопытовъ. Когда я вошелъ, графъ выговаривалъ воеводѣ за беспорядки его управленія. Графъ очень милостиво меня принялъ и, подзававъ къ себѣ, поцѣловалъ и, обратившись къ бригадиру, сказалъ: «Вотъ герой и глава своей семьи». За обѣдомъ онъ посадилъ меня подлѣ себя, а по другую сторону сидѣлъ бригадиръ Пиль. Графъ сказалъ Пилю, чтобы онъ записалъ меня къ себѣ въ полкъ. Пиль отвѣчалъ, что онъ давно мнѣ это предлагалъ, имѣя намѣреніе взять къ себѣ въ адъютанты на вакансію, которая вскорѣ откроется, но что матушка, не посоветовавшись съ дѣдушкою, на это не соглашается. Тутъ пошли объ этомъ толки; графъ доказывалъ, что матушка поступаетъ плохо, и видя, что я молчу, приказалъ передать ей этотъ разговоръ. На другой день графъ выѣхалъ изъ города. Я сталъ чаще ходить къ бригадиру; благодаря хорошему обхожденію его со мною и ласкамъ офицеровъ, я проводилъ время пріятно; наступившая вмѣстѣ съ тѣмъ зима разлучила меня съ мальчиками, прежними моими друзьями, и образъ моей жизни совершенно перемѣнился.

Вскорѣ пріѣхала жена бригадира. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, она сказала мнѣ, что желаетъ познакомиться съ матушкою. Я отвѣчалъ, что матушка за долгъ почтетъ быть у нея и благодарить за милости, оказанныя намъ ея мужемъ. Возвратившись домой, я думалъ сообщить пріятную новость и рассказалъ матушкѣ о разговорѣ съ бригадиршею. Но она побранила меня за то, что я осмѣлился давать за нее слово и, какъ видно, не имѣла и намѣренія знакомиться съ бригадиршею.

Въ первое воскресенье послѣ того бригадирша поѣхала съ своимъ мужемъ къ обѣднѣ въ женскій монастырь, гдѣ матушка была каждый день. Подзававъ меня къ себѣ во время обѣдни, она просила меня указать ей матушку, которая стояла въ углу близъ игуменьи и молилась съ горькими слезами. По окончаніи службы бригадирша подошла къ игуменьѣ и познакомилась съ нею. Потомъ, когда игуменья увела матушку въ свою келью, бригадирша съ мужемъ своимъ пошли за нами, гдѣ Пиль, подошедъ къ матушкѣ, сказалъ ей, что онъ доволенъ моими посѣщеніями, и подвелъ къ ней познакомиться свою жену. Матушка, обливаясь слезами, ска-

зала, что по постигшимъ насъ несчастіямъ она въ такихъ обстоятельствахъ, что должна быть въ тягость людямъ, и только поэтому не была у нихъ, чтобы благодарить за всѣ оказанныя намъ милости, но что Богъ имъ и дѣтямъ ихъ за то заплатитъ. Сцена была чувствительная; всѣ присутствующіе прослезились, слушая ихъ объясненія.

Пробывъ нѣсколько времени въ кельѣ, бригадиръ съ женою поѣхали домой, а мы нѣсколько погоды потащились пѣшкомъ на квартиру. Только что успѣли воротиться, пріѣхала къ намъ бригадирша. Войдя въ комнату, она просила прощенія, выразила желаніе познакомиться съ матушкою и все это такимъ обязательнымъ образомъ, понятнымъ чувствительному сердцу. Тутъ начались новыя слезы и изъясненія. Матушка объяснила ей, что она чувствуетъ цѣну ея поступка, благодарить за то Бога и у Него просить ей воздаянія; что она не можетъ ни къ кому ѣздить, будучи увѣрена, что, кромѣ тягости, она собою никому ничего не принесетъ, и ищетъ только уединенія. Бригадирша доказывала матушкѣ, что шестеро малолѣтнихъ дѣтей требуютъ ея попеченія и она въ исполненіи своихъ обязанностей должна видѣть волю Божію, но матушка отвѣчала все одно и то же: «Богъ имъ отецъ и Онъ устроить ихъ участь».

Однако она вскорѣ согласилась съ мнѣніемъ новой нашей попечительницы и обѣщала къ ней пріѣхать, только не къ обѣду, потому что, слѣдуя монастырскимъ правиламъ, ѣла постное, никому о томъ не сказывая, хотя всѣ это знали.

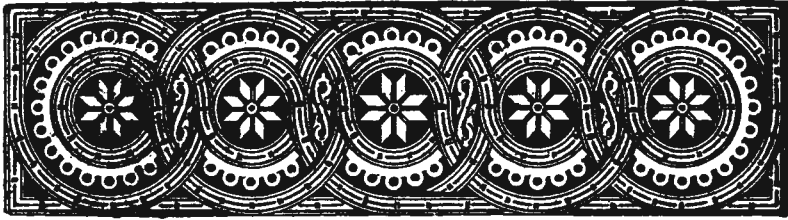
Послѣ обѣда мы всѣ пошли къ бригадиршѣ. Ласковый и почти родственннй пріемъ, казалось, былъ пріятенъ матушкѣ, но начавшійся благовѣстъ къ вечернѣ поднялъ насъ вскорѣ и, не слушая никакихъ просьбъ, она со всѣми нами отправилась въ монастырь. Игуменья, узнавъ о нашемъ визитѣ, убѣдительно уговаривала матушку продолжать знакомство, говоря, что это нужно для дѣтей ея и не можетъ быть помѣхою любви ея къ молитвѣ.

На другой день бригадирша была опять у насъ и пригласила матушку къ себѣ. Онѣ вскорѣ сблизились; дружба эта заставила матушку прійти въ себя и имѣть о насъ должное попеченіе и, можетъ быть, спасла насъ отъ гибели, которая легко могла случиться отъ непрнзрѣнія въ ребячествѣ.

Марія Ватаци, рожденная Мертваго.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КАКЪ ЭТО ДѢЛАЕТСЯ.

(Разсказъ).

I.

ОТЪ, что сидѣлъ справа, былъ банкиръ. У него были густые усы такого чернаго цвѣта, какого въ природѣ не бываетъ,—т.-е. въ природѣ усовъ, краски же такой можно купить, сколько угодно. Щеки и подбородокъ были начисто выбриты. Звали его Глауберъ, и всякій уважающій себя столичный житель, у котораго въ карманѣ водилась лишняя сотня рублей, зналъ, что контора его находится на Невскомъ проспектѣ, какъ и всѣ порядочныя конторы.

И это могло показаться страннымъ,—и уже многимъ изъ завтракавшихъ въ ресторанѣ казалось,—что банкиръ Глауберъ завтракаетъ за однимъ столикомъ съ какимъ-то Курдикомъ, маленькимъ, ничего не значащимъ Курдикомъ, который служилъ у него въ конторѣ, при чемъ сидѣлъ гдѣ-то тамъ, на задворкахъ и никогда даже не разговаривалъ съ публикой. Почему? Съ какой стати? Во-первыхъ, это не принято, чтобы банкиръ держался на равной ногѣ съ служащими, да еще такими незначительными, во-вторыхъ, Глауберъ никогда этого и не дѣлалъ; у него была своя компанія, вонъ та, что сидитъ за большимъ круглымъ столомъ—

все народъ денежный, понимающій толкъ въ акціяхъ; а въ-третьихъ—ну, просто: съ какой же стати въ самомъ дѣлѣ?

Вдругъ—Курдикъ, какой-то Курдикъ и сидитъ въ перворазрядномъ ресторанѣ. Въ сущности оно даже и безнравственно. Что онъ получаетъ, этотъ Курдикъ? Какихъ-нибудь семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ? Ужъ, конечно, не больше. А тутъ одинъ завтракъ съ «чаями» лакеямъ да швейцарамъ и разными тамъ приложеніями—ужъ на худой конецъ три съ полтиной обойдется. Такъ какъ же? А вѣдь онъ привыкнетъ, и тогда ему волей-неволей плутовать придется. Можетъ быть, онъ до сихъ поръ былъ еще честнымъ малымъ, а Глауберъ его портитъ, самъ Глауберъ, на свою же голову, потому что его же первого онъ обворуетъ...

Но все это, разумѣется, пустяки, и такъ могли думать люди, не имѣющіе понятія о Глауберѣ. Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы его можно было обворовать. Обворовать банкира? Этого, кажется, никогда еще не случалось съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ. А, кромѣ того, если онъ завтракаетъ съ Курдикомъ, то, значить, у него есть на это причина. Глауберъ всегда знаетъ, что дѣлаетъ.

И причина дѣйствительно была, та самая причина, отъ которой у Курдика было такое грустное лицо. Курдикъ былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ. На его длинномъ смугломъ лицѣ съ темными печальными глазами еще и усы не отросли, какъ слѣдуетъ. Въ конторѣ онъ работалъ совсѣмъ недавно, съ полгода, банкирскаго дѣла не зналъ и, что называется, пріучался къ дѣлу. Глауберъ для этого и выписалъ его,—собственно, чтобы имѣть въ конторѣ своего человѣка, потому что Курдикъ былъ ему не чужой. Родней приходился онъ Глауберу по женѣ, но это ничего, все-таки банкиръ считалъ его своимъ и хотѣлъ выработать изъ него со временемъ хорошаго управляющаго конторой.

И Курдикъ подавалъ надежды. Сразу принялся за дѣло и черезъ какіе-нибудь два-три мѣсяца чувствовалъ себя уже такъ, какъ будто родился за рѣшеткой въ банкирской конторѣ, и съ каждымъ днемъ все совершенствовался и съ полнымъ правомъ мечталъ, что скоро Глауберъ переведетъ его поближе къ публикѣ, а тамъ, тамъ ужъ онъ сумѣетъ показать свои способности. Конечно, онъ зналъ, что въ Петербургѣ онъ житель временный, т.-е. по закону, но онъ и не думалъ объ этомъ. Что же изъ того, что по закону? Законъ для всѣхъ, но только не для такихъ людей, какъ Глауберъ, законъ не для банкировъ. Ну, то-есть, и для банкировъ есть законы, тѣ, которые имъ на пользу, хорошіе законы, а этотъ... Ужъ, конечно, Глауберъ, у котораго такія связи, выхлопочетъ все, что нужно. Развѣ онъ, Курдикъ, не видѣлъ каждый день, какія важныя персоны приходятъ въ его контору и пользуются его услугами? Ого! Еще какъ ухаживаютъ за нимъ! «Осипъ Львовичъ!

Мой милый Осипъ Львовичъ! Дорогой мой Глауберъ... Ужъ вы, пожалуйста, купите для меня такія-то и такія-то акціи...» А чины и титулы у нихъ при этомъ такіе, что сразу и не выговоришь, на серединѣ поперхнешься. Такъ ему стоитъ только сказать...

И Глауберъ говорилъ, добросовѣстно говорилъ, и тому, и другому, и третьему. Купить, скажемъ, лишній десятокъ акцій сверхъ онкольнаго обезпеченія—ну, разумѣется, акцій вѣрныхъ, которыя за себя постоятъ, и говорить: «Вотъ я для васъ это дѣлаю, а вы ужъ для меня постарайтесь, чтобы для Курдика моего право жительства... Понимаете?»

Кліентъ общалъ, а потомъ приходилъ и разводилъ руками: никакъ, моль, нельзя. Очень ужъ нынче стало строго. И бился Глауберъ, прямо-таки бился съ этимъ дѣломъ, и ничего не выходило. Зналъ онъ, конечно, что вотъ такой-то человѣкъ навѣрное могъ бы, да тотъ человѣкъ кредитовался въ большомъ банкѣ, а не у него въ конторѣ, и какъ ни старался онъ залучить его къ себѣ, конечно, косвенными путями,—банкиру не приличествуетъ прямо заманивать къ себѣ кліентовъ,—не удавалось.

А срокъ для Курдика приближался, онъ былъ уже у него на носу. И тогда Глауберъ принужденъ былъ сказать ему: «Дѣло твое плохо, Курдикъ, придется тебѣ уѣзжать въ Гомель, на твою прекрасную родину».

И вотъ почему Курдикъ сдѣлался грустенъ. Совсѣмъ потерялся человѣкъ. Такъ хорошо шло дѣло, такія мечты, такіе планы, и вдругъ... Конечно, если самъ Глауберъ не могъ ничего сдѣлать, значить это трудно, значить это прямо невозможно. Право жительства! Господи ты, Боже мой! Развѣ онъ, Курдикъ, виноватъ, что родился на свѣтъ? А если ужъ родился, то, казалось бы, этимъ самымъ получилъ право на жительства... Такъ нѣтъ,—оказывается, что нѣтъ. И Курдикъ, который могъ бы со временемъ отлично управлять банкирской конторой въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, долженъ забрать свои пожитки и ѣхать въ Гомель. А чѣмъ онъ будетъ управлять въ Гомелѣ? Хе! Да развѣ тамъ что-нибудь есть, въ Гомелѣ? Въ Гомелѣ нѣтъ ничего; пустое мѣсто тамъ, вотъ что такое Гомель. Такъ по крайней мѣрѣ кажется ему послѣ того, какъ онъ около полугода пожилъ въ Петербургѣ. Ну, да, прежде! Еще бы! Прежде ему казалось, что Гомель, это—городъ и въ немъ есть много кой-чего. А теперь... теперь онъ желалъ бы, чтобы Гомель со всѣмъ, что въ немъ есть, провалился, и тогда оказалось бы, что ему некуда ѣхать. А въ самомъ дѣлѣ вѣдь такъ: мѣсто жительства провалилось. Куда же ѣхать человѣку? Вотъ и остался бы.

И то обстоятельство, что Курдикъ оказался зэвтракавшимъ за однимъ столикомъ съ банкиромъ Глауберомъ, въ перворазрял-

номъ ресторанѣ, было просто дѣломъ добраго сердца Глаубера. Ему стало жаль бѣднаго Курдика, и онъ сказалъ ему: «Пойдемъ, Курдикъ, я угошу тебя завтракомъ. Что жъ,—хоть это! Скоро уѣдешь въ Гомель, такъ по крайней мѣрѣ будетъ что вспомнить. Я, положимъ, съ служащими въ моей конторѣ не завтракаю. Но ты теперь почти ужъ не служащій, а только родственникъ».

Вотъ и все. Такъ было дѣло. И, значить, всѣ тѣ упреки, которые обращались по адресу Глаубера, были неосновательны. Глауберъ завтракалъ не съ служащимъ, а съ родственникомъ, что жъ тутъ такого? И когда кто-нибудь изъ знакомыхъ оставался у его столика или присаживался, чтобы тихонько, вполголоса разспросить его о закулисныхъ биржевыхъ перспективахъ (это, конечно, были наивные люди, если они думали, что банкиръ такъ и откроетъ передъ ними всѣ карты!), то онъ знакомилъ его съ Курдикомъ да такъ и говорилъ: «Мой родственникъ—Курдикъ».

II.

Курдикъ, конечно, былъ доволенъ, что завтракаетъ за однимъ столикомъ съ банкиромъ въ перворазрядномъ ресторанѣ. Но все же длинное лицо его было грустно, и Глауберъ это видѣлъ, но ничѣмъ не могъ утѣшить его. Онъ такъ и подумалъ, взглянувъ на Курдика: «Бѣдный мальчикъ! Придется-таки ему ѣхать въ Гомель»... А что такое Гомель, онъ зналъ очень хорошо, потому что и самъ когда-то пріѣхалъ изъ Гомеля.

Но въ ту самую минуту, когда онъ такъ подумалъ, вниманіе его отъ грустнаго лица Курдика отвлекъ вошедшій въ ресторанъ новый посѣтитель. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ сѣрой головой, съ сѣрыми густыми усами и съ сѣрой остроконечной бородкой. Фамилія его была Чеботаевъ, и Глауберъ зналъ его, потому что онъ имѣлъ кой-какія дѣла съ его конторой. Дѣла были такъ себѣ, изъ тѣхъ, отъ которыхъ не разживешься. Но банкиръ ничѣмъ не долженъ пренебрегать. Каждое большое дѣло состоитъ изъ множества маленькихъ. Ужъ какая грандіозная постройка была Вавилонская башня—чуть что не до неба,—а вѣдь и она строилась изъ камешковъ да кирпичиковъ. Былъ у Чеботаева и онкольный счетъ—тоже незначительный. Самого Чеботаева онъ зналъ за человѣка почтеннаго, но не денежнаго. Онъ, правда, управлялъ дѣлами одной весьма титулованной особы, но и у особы состояніе было умѣренное. И когда Чеботаевъ поровнялся съ его столикомъ и поклонился ему, Глауберъ отвѣтилъ ему довольно-таки небрежнымъ кивкомъ головы.

Послѣ этого Чеботаевъ обернулся и, обращаясь къ двумъ, тоже только что прішедшимъ, посѣтителямъ, сказалъ:

— А гдѣ же мы сядемъ? Я думаю, вотъ здѣсь, у окна, отлично будетъ...

И тѣ согласились, что это будетъ отлично, и сѣли за столъ у окна вмѣстѣ съ нимъ.

Само собою разумѣется, что во всемъ этомъ, по существу, не было ничего особеннаго. Человѣкъ пришелъ съ пріятелями, и они выбрали мѣсто и сѣли и будутъ себѣ завтракать. Всѣ такъ дѣлаютъ, да иначе и не позавтракаешь, какъ сидя за столомъ.

Тѣмъ не менѣе лицо Глаубера выразило такую бездну удивленія, какъ будто ему показалось, что убрали куда-то потолокъ ресторана. Онъ раскрылъ ротъ и увеличившимися вдвое глазами смотрѣлъ на Чеботаева и его пріятелей.

Такъ вотъ какіе у него пріятели! Такъ вотъ съ кѣмъ онъ завтракаетъ, Чеботаевъ! Этотъ «средней руки человѣкъ», всегда болѣе или менѣе нуждающійся въ деньгахъ, вѣчно пытающійся учсть чей-нибудь вексель... Да и какіе векселя! Не векселя, а векселечки—на 200—300 рублей. Пріятельскіе, бронзовые... И часто ему отказываютъ. Да вотъ двѣ недѣли тому назадъ онъ, Глауберъ, отказался принять къ учету его вексель... А у него вонъ какія знакомства... И онкольный счетъ его—смѣшно сказать—на десять тысячъ, прямо дѣтскій какой-то... А онъ вонъ съ какими орлами за панибрата... Напримѣръ, вотъ этотъ военный съ аксельбантами. Ой-ой-ой! Да это такая сила, что по одному его слову могутъ его, Глаубера, вмѣстѣ съ банкирской лавочкой... Ну, однимъ словомъ, что захотятъ, то и могутъ. А этотъ штатскій съ длинными усами и еще болѣе длинными подусниками... Онъ, хоть и не называется министромъ, но можетъ повредить человѣку столько же, сколько и министръ.

И какъ они съ нимъ разговариваютъ! Съ военнымъ онъ на ты, а штатскаго похлопываетъ ладонью по колѣнкѣ... Чеботаевъ? Да откуда же? Почему? Вѣдь ничего такого въ немъ не видно. Онъ скромный, совсѣмъ скромный человѣкъ. Съ такими знакомствами человѣкъ имѣетъ право быть нахаломъ. Ну, будь, напримѣръ, у него, у Глаубера, такіе пріятели,—такъ вѣдь при банкирской конторѣ,—да что бы это было?.. А Чеботаевъ... Откажешь ему въ учетъ векселя, такъ онъ даже не обидится, а только тряхнетъ своей сѣрой головой и скажетъ: «Неужели нельзя? Экая досада!» Потому никогда и въ голову не пришло бы, что у него такія связи.

Но та мысль, которая явилась въ мозгу у Глаубера послѣ этого, уже окончательно вывела его изъ равновѣсія. Мысль поразительная, но совершенно естественная для даннаго момента. Глауберъ не былъ бы банкиромъ, если бы не исчерпалъ всѣ выгоды, слѣдующія изъ новаго обстоятельства. Но онъ былъ банкиромъ, и онъ сказалъ себѣ:

Слѣдовательно, Чеботаеву ничего не стоитъ устроить дѣло для бѣднаго Курдика. Это ясно, какъ день! Это достовѣрно, какъ кредитный билетъ. Тутъ нужно всего только два слова: то, которое онъ, Чеботаевъ, скажетъ военному съ аксельбантами или штатскому съ длинными усами и еще болѣе длинными подусниками,— это все равно, они оба одинаково могущественны,—и то, которое одинъ изъ нихъ скажетъ въ надлежащихъ мѣстѣхъ. Вотъ только и всего.

Право жительство? Законъ? Ну, да онъ-то, Глауберъ, отлично знаетъ, что это такое. Исаакъ Марковичъ Брингенманъ не имѣеть рѣшительно никакихъ правъ, а живетъ себѣ уже много лѣтъ и обдѣльваетъ комиссіонныя дѣлишки. Абрамъ Вудковичъ тоже безъ всякихъ правъ, а и въ усъ себѣ не дуется, содержитъ контору для пайма прислуги. Вотъ что такое право жительство и законъ. Обои ихъ можно на одной маленькой палочкѣ верхомъ объѣхать. Да, Чеботаеву ничего не стоитъ. Но если бъ же онъ это зналъ, Глауберъ,—развѣ онъ отвѣтилъ бы такъ небрежно на поклонъ Чеботаева? Ахъ, эта проклятая привычка денежныхъ людей—всѣхъ мѣрять и сортировать по карману. А теперь что жъ? Теперь Чеботаевъ для него пропалъ. Теперь къ нему и подступиться нельзя. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ? Не можетъ же онъ, банкиръ Глауберъ, подойти къ нему и сказать: извините, молъ, господинъ Чеботаевъ, я тогда ошибся, я думалъ, что это не вы, а кто-то другой, а такъ какъ это вы, то позвольте вамъ засвидѣтельствовать мои чувства низжайшаго почтенія и т. п. Ха! Нельзя же такъ сдѣлать. Онъ скажетъ, что Глауберъ дуракъ и больше ничего.

— Ахъ, Курдикъ, Курдикъ!—сказалъ онъ своему родственнику:—я сдѣлалъ глупость. Ой, какую большую глупость я сдѣлалъ. Сейчасъ у меня въ рукахъ было все твое счастье, и я его выронилъ!

— Какъ же это?—поднявъ на него свои печальные глаза, спросилъ Курдикъ.

— А такъ. Ты знаешь господина Чеботаева? Ну, знаешь, конечно, онъ у насъ въ конторѣ бываетъ. А видѣлъ, какъ я съ нимъ поздоровался? Какъ съ какимъ-нибудь первымъ встрѣчнымъ на улицѣ. А знаешь ты, кто съ нимъ сидитъ? Эти два господина—каждый изъ нихъ однимъ словомъ можетъ устроить твою судьбу. Нѣтъ, ты прислушайся: этому военному онъ говорить ты. Такъ, значить, они близкіе пріятели. А я съ нимъ такъ поздоровался... И не знаю, какъ это теперь поправить? Какъ бы это поправить, Курдикъ? Не придумаешь ли? Вѣдь это для тебя, такъ ты и долженъ придумать...

Ну, конечно, Курдикъ зналъ Чеботаева. Хотя онъ и не разговаривалъ съ публикой, но видѣлъ всѣхъ, приходившихъ въ контору. По что онъ могъ придумать? Онъ былъ подавленъ. Онъ ви-

дѣлъ передъ собой Гомель, одинъ только предстоящій ему Гомель, и больше ничего не видѣлъ.

И Курдикъ только покачалъ головой. Нѣтъ, онъ ничего не можетъ придумать.

III.

Чеботаевъ обладалъ многими достоинствами и недостатками, но главнымъ качествомъ его души была беззаботность, распространявшаяся на все, а въ особенности на его собственную персону. По своему происхожденію, по общественному кругу, въ которомъ онъ вращался, по связямъ и даже по способностямъ, онъ могъ бы занимать видное положеніе и получать прекрасно обезпечивающій окладъ. Но вѣдь этого надо было все-таки добиваться, а, добившись, удерживать, а ему было «лѣнь и противно»—его всегдашнее опредѣленіе всякой активной дѣятельности и онъ пропустилъ мимо себя всѣ случаи и возможности. Теперь, когда началось второе полустолѣтіе его жизни, онъ принужденъ былъ довольствоваться небольшимъ заработкомъ отъ управленія дѣлами одного богатаго товарища, каковое управленіе было въ сущности дружеской синекурой, а потому и оплачивалось слабо. Нельзя же было въ самомъ дѣлѣ положиться на этого безпечнаго человѣка, на это пятидесятилѣтнее дитя, которое и въ своихъ собственныхъ дѣлахъ замѣчало опасность только тогда, когда она наступала. А такъ какъ знакомства требовали отъ него всего первосортнаго—отъ ресторана и до саложника, то приходилось постоянно искать вспомогательные источники, которыми и являлись болшею частью дружескіе векселя. Чуть-чуть подыгрывалъ онъ и на биржѣ, и опять-таки, благодаря связямъ, довольно удачно, но и здѣсь у него не хватало энергіи и предпримчивости на то, чтобы сдѣлать изъ этого что-нибудь большое.

Военный и штатскій, съ которыми онъ завтракалъ, были дѣйствительно его хорошими пріятелями, а одинъ, военный, даже другомъ дѣтства. Оба они обладали большими средствами, соотвѣтствовавшими ихъ положенію, но это не мѣшало Чеботаеву, если съ ними и безъ умолку болтая, шутя и смѣясь, усиленно придумывать способъ выйти изъ финансоваго затрудненія, въ которое онъ какъ-то неожиданно впалъ въ этомъ мѣсяцѣ. Предстояли платежи по векселямъ и за квартиру, да и портной очень ужъ невыносимо приставалъ къ нему съ долгомъ, которому скоро предстояло потерять земскую давность.

«Чортъ возьми!.. Тысячи три достать бы какъ-нибудь,—отлично обернулся бы», думалъ онъ, въ то же время весело и беззаботно смѣясь на какую-то остроумную шутку военного пріятеля. А штатскій, какъ бы угадывая его тайныя мысли, обратился къ нему:

— Слушайте, Максимъ Николаевичъ,—такъ какъ вамъ всегда болѣе или менѣе нужны деньги...

— О?—съ шутливымъ удивленіемъ воскликнулъ Чеботаевъ:— и въ настоящій моментъ скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе... Ну-съ, и что же?

— Да вѣдь вы, кажется, слегка грѣшите по биржевой части?

— Къ сожалѣнію, только слегка. И все-таки что же? Что же?

— Я вамъ конфиденціально посоветую купить одну бумажку. Самъ я этимъ не занимаюсь, но вы можете купить ее навѣрняка...

— Благодарѣтель! Да неужели есть на свѣтѣ такая бумага?

— Мнѣ кажется, что она должна быть такой. Ну, однимъ словомъ,—прибавилъ онъ, сильно понизивъ голосъ:—и это, конечно, между нами,—на дняхъ сталелитейный заводъ получить казенный заказъ на 18 милліоновъ... Вотъ вамъ фактъ, а вы ужъ сами сдѣлайте выводъ.

— Я сдѣлаю его...—сказалъ Чеботаевъ и началъ усиленно думать о томъ, какъ бы этотъ выводъ приложить къ жизни. Разговоръ сейчасъ же перемѣнился, и онъ участвовалъ, дѣлалъ замѣчанія, острилъ, смѣялся, но въ то же время и думалъ. Сталелитейныя акціи весьма доступны. Онѣ стоятъ немного болѣе сотни рублей. Но въ концѣ концовъ—что жъ изъ этого? У него въ карманѣ рублей двадцать, изъ которыхъ половина уйдетъ на уплату его доли за завтракъ—вѣдь пьютъ шампанское, и онъ терпѣть не можетъ завтракать на чужой, хотя бы и дружескій, счетъ. Его скромный онколь исчерпанъ. Развѣ облегчить его,—хотя бы и съ убыткомъ,—что-нибудь продать и замѣнить сталелитейными. Чортъ возьми, это зависитъ отъ господина Глаубера. А вѣдь онъ, кажется, здѣсь? Чеботаевъ какъ будто видѣлъ его... Прижмисть банкиръ, пожалуй, при продажѣ съ убыткомъ—потребуется дополнительный взносъ... А все-таки надо попробовать. Ба! да вотъ онъ сидитъ черезъ три столика...

— Radon... На одну минуту я васъ оставлю!—сказалъ Чеботаевъ и, поднявшись, пошелъ прямо на Глаубера. Банкиръ, увидѣвъ его приближающагося, не зналъ, что и подумать. Нѣтъ, конечно, это не къ нему. Ну, просто забылъ въ пальто портсигаръ и идетъ въ швейцарскую.

Но Чеботаевъ подошелъ къ столику, остановился и протянулъ руку. Глауберъ всталъ, самъ банкиръ Глауберъ всталъ и такъ крѣпко пожалъ его руку, какъ пожималъ только сотысячнымъ кліентамъ.

— Чтобы не забыть, пользуюсь случаемъ!..—молвилъ Чеботаевъ:—дѣльце маленькое есть. Когда застану васъ въ конторѣ?

— Вотъ сейчасъ послѣ завтрака иду туда и ужъ буду до конца!..-- поспѣшно, съ большимъ оживленіемъ, даже съ какимъ-то подъемомъ

отвѣтили Глауберъ, и въ глазахъ его теплилось настоящее дружеское расположеніе.

— Не обременю?—спросилъ Чеботаевъ.

— Боже мой!.. Максимъ Николаевичъ!.. Вы знаете, какъ я васъ люблю и цѣню... Во всякое время готовъ быть вамъ полезнымъ...

— Такъ я часа въ три... Благодарю васъ!..

И опять наскоро пожалъ руку и ушелъ къ своимъ пріятелямъ и сейчасъ же вступилъ въ ихъ разговоръ, какъ будто забылъ о банкирѣ Глауберѣ. Но онъ не забылъ, онъ думалъ о немъ: «Банкиръ Глауберъ меня любить и цѣнить,—вотъ открытіе!.. Никакъ не ожидалъ... Ба! Этимъ я обязанъ моимъ компаньонамъ по завтраку!.. Чортъ возьми, какія иногда приходится учитывать мелочи! И я думаю, что банкиръ Глауберъ согласится купить мнѣ съ полсотни сталелитейныхъ... Продать сѣверныя съ убыткомъ и купить эти... Почему онъ такъ переоцѣниваетъ моихъ друзей, я не знаю, но въ концѣ концовъ это его дѣло»...

А Глауберъ, послѣ ухода Чеботаева, сѣлъ на прежнее мѣсто и не удержался даже отъ того, чтобы похлопать Курдику по плечу.

— Знаешь, Курдикъ, я думаю, что твое дѣло вовсе еще не пропало... Ты кончилъ завтракъ? Ну, иди въ контору, а мнѣ еще нужно тутъ поговорить съ тѣмъ и съ другимъ, и съ третьимъ... А если ты уже уложилъ свои вещи въ чемоданъ, чтобы ѣхать въ Гомель, такъ разложи ихъ. Я думаю, что Гомель еще подождать...

Курдику очень понравилось, что онъ такъ именно говоритъ: какъ банкиръ, какъ хозяинъ и какъ со служащимъ, а не какъ съ родственникомъ. Это значитъ, что онъ увѣренъ. А это важно. Глауберъ никогда не бываетъ увѣренъ зря, безъ достаточныхъ основаній. Онъ не лавочникъ какой-нибудь, а банкиръ.

И онъ тотчасъ же всталъ и убрался изъ ресторана.

IV.

«Дѣльце, дѣльце!—думалъ Глауберъ, сидя въ кабинетѣ при своей конторѣ и поджидая Чеботаева:—какое же у него можетъ быть дѣльце, кромѣ одного: деньги. Всѣ отъ банкира хотятъ денегъ. И банкиръ даетъ, хотя, разумѣется, не всѣмъ же. Но только такъ всегда выходитъ, что отъ этого богатѣютъ не они, а банкиръ... Ха, ха! И этотъ попроситъ денегъ,—ужь такъ или иначе, а въ концѣ концовъ выйдутъ деньги. Ну, что жь, я дамъ, теперь уже дамъ, но, разумѣется, съ толкомъ. Все нужно дѣлать съ толкомъ, а это въ особенности».

Правда, что встрѣча въ ресторанѣ порядочно-таки спутала Глаубера. Что за страннѣйшій человѣкъ этотъ Чеботаевъ! У него такія связи, что онъ хоть сейчасъ могъ бы сдѣлаться губернато-

ромъ. Вѣдь это же вовсе и не трудно. Сколько ихъ? Многое множество. И откуда они берутся? Никто и не знаетъ. Былъ человекъ въ неизвѣстности и вдругъ губернаторъ. И онъ могъ бы, только захотѣть. О, банкиромъ гораздо труднѣе сдѣлаться, чѣмъ губернаторомъ.

А вотъ не захотѣлъ. Деньги всегда нужны ему. На векселькахъ держится. Когда срокъ одному, несетъ другой, чтобы переписать. Сколько безпокойства. И ему это больше нравится, чѣмъ сдѣлаться губернаторомъ. Развѣ это не странный человекъ?

Или вотъ хотя бы это: уже половина четвертаго, а онъ обѣщаль прійти въ три. Деньги, должно быть, нужны до зарѣву, а онъ заговорился съ кѣмъ-нибудь, или до сихъ поръ сидитъ въ ресторанѣ и тянетъ шампанское. Безпечный человекъ.

Вѣдь банкиръ можетъ и разсердиться, взять и уѣхать изъ конторы. А? Что тогда? У банкира могутъ быть и другія дѣла.

Но банкиръ на этотъ разъ не сердился и не уѣзжалъ изъ конторы, хотя у него дѣйствительно были другія дѣла и слѣдовало бы поѣхать. Уже и четыре часа пробило, а банкиръ ждалъ.

И вотъ въ кабинетѣ показалась сѣрая голова Чеботаева. Глауберъ всталъ, пошелъ ему навстрѣчу и протянулъ обѣ руки.

— Милости просимъ, почтеннѣйшій Максимъ Николаевичъ!.. Садитесь, прошу васъ! Не хотите ли сигару? Недурныя, право... Упмановскія, другихъ не курю... Засидѣлись въ ресторанѣ? а? Еще бы! Такая пріятная компанія... А въ чемъ же дѣло? Чѣмъ бы это я могъ служить вамъ?

— Да видите ли, мнѣ пришла фантазія. Захотѣлось мнѣ вдругъ купить одну акцію...

— А? Вдругъ такъ вотъ и захотѣлось? А какая же акція? Секретъ? Ну, отъ банкира не можетъ быть секрета. Уже онъ все равно узнаетъ.

— Нѣтъ, какой же секретъ? Тутъ именно все дѣло въ томъ, что нужно продать тѣ, что имѣются у меня на онколѣ и вмѣсто нихъ купить другія...

— А у васъ ростовскія? Знаю, знаю. Онѣ упали, сильно упали. Продажа съ большимъ убыткомъ будетъ...

— Да, да. Въ этомъ-то вся и штука. Придется увеличить кредитъ, а обезпечить новымъ задаткомъ я не могу...

— А какую же акцію вы хотите купить?

— Да это ужъ все равно. Я же говорю вамъ, что пришла фантазія...

— А какая фантазія? Все-таки и фантазія какъ-нибудь называется.

— Разумѣется. Сталелитейныя...

— Сталелитейныя? Гм... Вотъ ужъ не подумалъ бы! Эти сталелитейныя, какъ сѣли съ полгода назадъ на 132, такъ и сидятъ. Ни

туда, ни сюда. Мертвая бумага. Живая бумага должна двигаться— то вверхъ, то внизъ. Умный человекъ на этомъ и наживаетъ деньги. А когда бумага стоитъ на одной точкѣ, что на ней наживешь? Почему же вы хотите сталелитейныя?

— Да такъ! Просто пришло въ голову купить ихъ. Никто ихъ теперь не покупаетъ, а я вотъ хочу.

— Гм... Ну, это ваше дѣло. А только ростовскія я вамъ не совѣтовалъ бы продавать теперь. Эта бумага живая. Она упала для того, чтобы подняться. Теперь время покупать ее, а не продавать. Когда умные люди покупаютъ ее, сколько надо, тогда она подыметъ, и тогда умные люди продадутъ ее съ выгодой, а послѣ этого она опять упадетъ. Живая бумага...

— Такъ иначе же я не смогу купить сталелитейныя...

— Слушайте, Максимъ Николаевичъ, вы же знаете, какъ я васъ люблю и цѣню. Я вамъ скажу: зачѣмъ продавать? Совсе не надо продавать. Вы хотите сталелитейныя, пускай будутъ сталелитейныя, это же совсѣмъ не мое дѣло. Такъ нужно только сказать банкиру Глауберу: купи для меня сталелитейныя, и онъ купитъ.

— Если вы такъ любезны, господинъ Глауберъ...

— Ну, да, я хочу быть любезнымъ. А сколько?

— Хотѣлъ бы штукъ пятьдесятъ...

— Пятьдесятъ... Ну, что жъ, можно и пятьдесятъ. Только, знаете, не сегодня и не завтра. Ихъ надо поискать...

— Все-таки я попросилъ бы васъ, господинъ Глауберъ, поторопиться.

— Ага! Значитъ, надо торопиться? Вотъ какъ! Такъ я сейчасъ и распоряджусь. Послушай,— сказалъ онъ вошедшему на звонокъ служителю:—попроси сюда господина Курдикъ.

Курдикъ не пришелъ, а прямо стрѣлой прилетѣлъ. Изъ своего отдаленнаго угла онъ тщательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ конторѣ, и видѣлъ, какъ въ скорости послѣ четырехъ часовъ явился и прошелъ въ кабинетъ банкира Чеботаевъ. Поэтому онъ зналъ, что зовутъ его въ связи съ этимъ приходомъ.

— Господинъ Курдикъ,—строго-хозяйскимъ тономъ сказалъ Глауберъ:—вотъ Максимъ Николаевичъ желаютъ приобрести пятьдесятъ штукъ сталелитейныхъ. Ихъ надо найти, купить за счетъ конторы и записать на онколь Максима Николаевича.

Само собой разумѣется, что Курдикъ, какъ малый сообразительный и будущій управляющій конторой, сейчасъ же понялъ, что его звали вовсе не для сталелитейныхъ. Ни съ которой стороны подобное порученіе его не могло касаться. Это было дѣло управляющаго, его же роль сводилась къ скромному вписыванію цифръ въ толстую книгу. Но онъ и виду не показалъ, что это такъ, а выслушалъ порученіе съ такимъ вниманіемъ, будто принимаетъ его и готовъ сейчасъ же приступить къ исполненію.

— Это мой родственникъ, Курдикъ,—сказалъ какъ бы мимоходомъ Глауберъ, но Чеботаевъ посмотрѣлъ на это, какъ на знакомство, поднялся и подалъ Курдику руку.

— Бѣдный человѣкъ, ему не везеть. Способный, могъ бы далеко пойти. А вотъ не везеть...

— А что же именно?—довольно равнодушно спросилъ Чеботаевъ.

— Приѣхалъ онъ изъ Гомеля съ полгода назадъ. Ну, что такое Гомель? Что можетъ человѣкъ со способностями сдѣлать въ Гомель? А вотъ долженъ уѣзжать.

— А почему же долженъ?

— Такъ, долженъ. Срокъ выходитъ права жительства.

— Ахъ, вотъ что. Вы не имѣете права жительства?

— Не имѣю!—печально склонивъ голову на бокъ, подтвердилъ Курдикъ.

— Гм... Это плохо. Какъ же вы такъ, не озаботились?

— Заботились,—сказалъ Глауберъ:—да не выходитъ. А вамъ бы, Максимъ Николаевичъ, это ничего не стоило. Одно слово, и дѣло сдѣлано.

— Вы думаете, что это такъ просто?

— Ну, такъ же просто, какъ мнѣ купить для васъ сталелитейныя: сказать слово, и покупать, и вамъ также сказать слово—и сдѣлають.

— Я постараюсь. А отъ кого же это зависить?

— Отъ кого? А вотъ отъ тѣхъ самыхъ господъ, съ которыми вы сегодня завтракали...

— Неужели? Да, пожалуй, что это такъ. Я непремѣнно постараюсь.

— Ну, а мы съ Курдикомъ постараемся достать для васъ полсотни сталелитейныхъ... Такъ оно одно другое и покроетъ. Вы же знаете, какъ я васъ люблю и цѣню, Максимъ Николаевичъ.

Максимъ Николаевичъ совершенно ясно понялъ, что сталелитейныя находятся въ тѣснѣйшей связи съ правомъ жительства Курдика и когда, уходя, онъ повторилъ о своей готовности хлопотать, то въ его тонѣ слышалось уже достаточно твердости и убѣжденія.

— Ага,—сказалъ Глауберъ, когда за Чеботаевымъ затворилась дверь.—Теперь ты, Курдикъ, не поѣдешь въ Гомель! Ну, вотъ еще! Чего ты тамъ не видѣлъ, ха-ха! Иди себѣ и пошли мнѣ управляющаго.

— Те-те-те!—сказалъ себѣ банкиръ Глауберъ:—сталелитейныя? Такъ это же не даромъ. Ему пришла фантазія... О-го! За завтракомъ, должно быть... Ужъ эти господа, которые съ нимъ были, знаютъ. Они все могутъ знать. Должно быть, заказъ? А? Ну, разумѣется, что же другое можетъ быть? И сталелитейныя подпрыгнуть на

пятьдесятъ процентовъ... Ага, это вы?—сказалъ онъ, обращаясь къ вошедшему управляющему:—сколько у насъ имѣется сталелитейныхъ?

— Двѣ тысячи штукъ.

— Купите сейчасъ же еще три. Но только подъ рукой, понимаете? Безъ шума... И, кромѣ того, купите еще сто штукъ отдѣльно... Вотъ и все.

V.

Чеботаевъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что ему удалось такъ легко совершить эту маленькую операцію. Онъ разсчитывалъ заработать на ней тысячи три. Это были, разумѣется, сущіе пустяки, сумма, которая, если онъ ее получить, пролежитъ у него въ карманѣ не болѣе получаса, а тамъ разойдется вся, безъ остатка, на уплату неизбѣжныхъ долговъ. Но онъ никогда не заглядывалъ въ сколько-нибудь отдаленное будущее и всегда довольствовался малымъ.

Дѣло въ томъ, однако, что, выйдя изъ конторы, онъ тотчасъ же забылъ о Курдикѣ и связанномъ съ этимъ именемъ своемъ обществѣ. И даже не то, что забылъ, а просто полѣнился отмѣтить, подчеркнуть его въ своей памяти и настолько, что когда вечеромъ въ какомъ-то театрѣ онъ встрѣтилъ одного изъ своихъ пріятелей, штатскаго, онъ поздоровался съ нимъ, поболталъ о томъ, о семъ и даже не вспомнилъ о Курдикѣ. А случай былъ какъ нельзя болѣе удобный. Пріятель его былъ человѣкъ страшно занятой и встрѣтить его два раза въ день было такою рѣдкостью, почти чудомъ. И Чеботаевъ этимъ не воспользовался.

На другой день онъ завтракалъ въ другомъ ресторанѣ, былъ совсѣмъ въ другомъ обществѣ и ни одной минуты не думалъ не только о Курдикѣ, но даже и о сталелитейныхъ. Такой ужъ онъ былъ человѣкъ: всецѣло отдавался впечатлѣніямъ настоящаго, прошедшее разсматривалъ, какъ сонъ, а въ будущее заглядывалъ только въ случаѣ крайней необходимости. Если бъ онъ былъ другой, то, должно быть, занималъ бы властное положеніе, получалъ бы солидный окладъ и не учитывалъ бы жалкихъ дружескихъ «векселечковъ».

Послѣ завтрака прогулялся пѣшкомъ по Невскому. Былъ пріятный легкій морозецъ, и даже откуда-то проникали на улицу косые лучи солнца. Шелъ мимо конторы Глаубера и вспомнилъ о сталелитейныхъ. Рѣшилъ зайти и освѣдомиться, нашли ли ихъ.

Управляющій конторой, который ничего не зналъ объ его могущественныхъ связяхъ, съ казенной любезностью поздоровался съ нимъ.

— Скажите, милѣйшій, куплены для меня сталелитейныя?—спросилъ его Чеботаевъ.

— Для васъ? Нѣтъ. Я не имѣлъ никакого распоряженія!— отвѣтилъ управляющій конторой.— Да при томъ же какъ же ихъ можно купить, когда вашъ кредитъ по онколю весь исчерпанъ?

— Я знаю. Но мнѣ обѣщаль господинъ Глауберъ...

— Господинъ Глауберъ исполняетъ всякое свое обѣщаніе,— замѣтилъ управляющій конторой:— и если онъ обѣщаль вамъ это, то вы у него и спросите... Онъ тамъ, у себя, въ кабинетѣ...

«Чортъ возьми,— думалъ Чеботаевъ:— неужели онъ не купилъ». И въ эти полминуты, когда онъ переходилъ изъ конторы въ кабинетъ банкира, у него въ головѣ мелькало какое-то смутное воспоминаніе о какомъ-то его обѣщаніи. «Боже мой, кажется, что-то важное... Но не могу припомнить...»

— А-а!— радостно воскликнулъ Глауберъ, когда Чеботаевъ появился у него въ кабинетѣ:— дорогой Максимъ Николаевичъ! Прощу васъ садиться! Очень радъ, очень радъ...

И опять Глауберъ протянулъ ему обѣ руки и усадилъ его.

— Вотъ вы и опять завернули къ намъ! Какъ это пріятно...

— Ахъ, слушайте, господинъ Глауберъ... Какъ же это? Вы обѣщали купить для меня сталелитейныя...

— А какъ же? Ну, да, обѣщаль! А развѣ есть сомнѣніе?

— Но я сейчасъ справлялся у вашего управляющаго, и онъ говоритъ, что не получалъ отъ васъ никакихъ распоряженій и что кредитъ мой по онкольному счету весь исчерпанъ, такъ что, по его мнѣнію...

Глауберъ движеніемъ обѣихъ рукъ остановилъ его.

— Мой дорогой Максимъ Николаевичъ, управляющій сказалъ вамъ сущую правду. Распоряженія? А какое же распоряженіе? Развѣ вы не знаете, что есть дѣла, которыми занимается самъ банкиръ? Банкиру также надо что-нибудь дѣлать, ха, ха! И когда есть дѣло, близкое его сердцу, такъ онъ самъ имъ занимается. Ну, ваше дѣло такое и есть...

— Значить, онѣ куплены—сталелитейныя? Я могу быть увѣренъ?

— Куплены? Нѣтъ. Этого я не скажу, не хочу васъ обманывать. Бумага, знаете, въ хорошихъ рукахъ, которыя не выпускаютъ ее. Ищу, ищу и имѣю хорошее обѣщаніе... А развѣ такъ уже снѣшно? Развѣ такъ уже надо съ этой бумагой торопиться, а?—спросилъ Глауберъ и при этомъ пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

— Да, я хотѣлъ бы не откладывать!.. Я очень просилъ бы васъ...

— Ага... Ну, я не зналъ. Такъ я постараюсь... А кстати, я вспомнилъ... Этотъ бѣдный Курдикъ... Какъ же его дѣло? Вы забросили словечко?

Чеботаевъ чуть не ударилъ себя ладонью по лбу. «Курдикъ, Курдикъ! Чортъ возьми! Вотъ чего я не могъ вспомнить»...

И пришлось соврать, если только Глауберъ повѣрилъ его лицу.

— Да, да, конечно... Мы обѣщали навести справку...

— Справку? Ну, хорошо. Можетъ, къ тому времени, какъ они наведутъ справку, какъ разъ и сталелитейныя сыщутся. Я, знаете, даже и не думалъ, что ихъ такъ трудно достать. А вы, дорогой мой Максимъ Николаевичъ, поторопили бы ихъ со справкой. А то Курдику осталось четыре дня сроку и его уже изъ участка предупредили... Да, да, знаете... А я надѣюсь, что какъ разъ къ тому времени и сталелитейныя будутъ.

Банкиръ всѣми силами старался какъ можно точнѣе установить связь между акціями и Курдикомъ, и это было совершенно напрасно, такъ какъ Чеботаевъ давно уже уловилъ эту связь.

«Гм. гм...—подумалъ Глауберъ, проводивъ Чеботаева:—онъ, кажется, и не думалъ. Видно по глазамъ, что забылъ. А съ сталелитейными торопится. Не хотѣлъ бы, говорить, откладывать. Это хорошо. Это очень хорошо.

— Слушайте,—сказалъ онъ тихонько управляющему, пройдя въ контору:—сегодня же купите еще сталелитейныхъ... Ну, такъ, тысячи три... Только ужъ такъ, чтобы и съ неба не было видно.

VI.

«Ну, что за голова у меня,—думалъ Чеботаевъ, выйдя изъ банкирской конторы и направляясь по Невскому:—вѣдь ясное жъ дѣло, что бумаги онъ покупаетъ изъ-за этого Курдика. А я видѣлся и ни слова не сказалъ. Совершенно изъ головы вонъ... И вѣдь подумаешь, что все было бы уже улажено. А теперь надо ловить его. Пойти къ нему на службу, что ли?»...

Онъ рѣшилъ посѣтить своего штатскаго друга на его службѣ. Для всякаго обывателя это было не легко. Другъ былъ заваленъ работой, принималъ одинъ часъ утромъ и то съ большимъ разборомъ, а потомъ ужъ къ нему нельзя было подступиться. Но его принимали во всякое время. Онъ и взялъ такое направленіе, но на пути встрѣтился знакомый князь Ржевскій, съ которымъ онъ не видался нѣсколько лѣтъ, такъ какъ тотъ жилъ въ Москвѣ. Разговорились, князь затащилъ его къ себѣ въ гостиницу, тутъ былъ выработанъ планъ экстренныхъ походовъ на сегодняшний вечеръ, и Чеботаевъ самымъ искреннимъ образомъ забылъ о Курдикѣ.

Въ сущности, это было такъ естественно. Курдикъ совершенно не входилъ въ кругъ его обычной жизни. Если онъ и попадалъ случайно въ этотъ кругъ, то, не найдя тамъ для себя мѣста, скоро вываливался оттуда. Вывалился и теперь и не оставилъ никакого слѣда, такъ что, когда на другой день Максимъ Николаевичъ проснулся послѣ полудня, то въ головѣ его стоялъ только туманъ, отъ вчерашняго кутежа съ княземъ, въ широкомъ размахѣ, на

московскій манеръ, а отъ Курдика не осталось и тѣни. И не вспомнилъ онъ о вчерашнемъ намѣреніи своемъ зайти къ штатскому пріятелю, у котораго въ рукахъ была судьба Курдика, и такъ прошелъ весь день, да и другой тоже.

А на третій день часовъ въ 12 дня онъ, передъ завтракомъ, гулялъ по Невскому. Навстрѣчу ему не шель, а бѣжалъ маленькій, необыкновенно подвижной брюнетъ, худой, смуглолицый, черноволосый. Глаза его сіяли, а на лицѣ такъ и било ключомъ страстное, неудержимое желаніе кому-нибудь рассказать что-то изумительное.

Чеботаевъ былъ знакомъ съ нимъ почти шапочно. Встрѣчался въ ресторанахъ и иногда случалось сидѣть за однимъ столикомъ и перекинуться парой фразъ.

Но это нисколько не помѣшало брюнету прямо накинуться на него. Онъ остановилъ Чеботаева, схватилъ тремя пальцами пуговицу его шубы и заговорилъ:

— Ахъ, можете себѣ представить! Что сдѣлали сталелитейныя... Говорятъ, заводъ получилъ огромный заказъ. Прямо сто миллионъ... И сегодня сразу такъ и побѣжали наверхъ. Уже сейчасъ 138, а говорятъ... Говорятъ, дойдутъ до двухсотъ... Вы имѣете сталелитейныя? Нѣтъ? Ну, а я думалъ, вы продадите. Пойду искать, нѣтъ ли у Глаубера... Прощайте!

Онъ отпустилъ его пуговицу и побѣжалъ. Чеботаевъ не успѣлъ даже спросить его. Да и что тутъ спрашивать? Сталелитейныя пошли вверхъ. Заводу даны заказы на 18 миллионъ, но горячая, воспріимчивая биржа уже превратила ихъ въ сотню. И теперь эта бумага будетъ героиней биржи и всѣхъ банкирскихъ конторъ. Вотъ и этотъ бѣгаетъ по городу и у каждого встрѣчнаго шпается купить сталелитейныя. А онъ? Въ самомъ дѣлѣ—владѣетъ ли онъ сталелитейными? Вѣдь онъ опять забылъ про этого Курдика! Ну, что за голова! Развѣ можно жить на свѣтѣ съ такой головой? Вѣдь тогда онъ шель съ намѣреніемъ говорить о Курдикѣ, но встрѣтился князь и отвлекъ его мысли. А теперь, теперь... не поздно ли?

«Говорить, дойдутъ до двухсотъ»... Вѣдь это значитъ, что ему улыбаются три тысячи рублей, которыя въ данный моментъ какъ нельзя лучше устраивали его дѣла.

Была мысль забѣжать къ Глауберу, но вдругъ стало совершенно ясно, что тамъ первый вопросъ будетъ: а Курдикъ? И онъ рѣшилъ идти къ своему штатскому другу.

Тамъ его сейчасъ же приняли. Другъ встрѣтилъ его радостнымъ восклицаніемъ.

— А, счастливецъ! Надѣюсь, вы пришли поблагодарить меня за хорошій совѣтъ. Вѣдь заказъ дѣйствительно данъ...

— Ахъ, милый, это все зависитъ отъ васъ!..—сказалъ, видимо, разстроенымъ голосомъ Чеботаевъ.

— Какъ? И еще отъ меня? Но я уже больше ничего не могу сдѣлать.

— Можете. Въ банкирской конторѣ служить нѣкій молодой человѣкъ, племянникъ банкира Глаубера. Онъ не имѣетъ права жительства въ столицѣ и долженъ на дняхъ уѣхать. Ну, вотъ и окажите мощное содѣйствіе. Устройте, чтобы онъ получилъ это право...

— Гм... Подобнаго рода содѣйствіе я не люблю оказывать. Но вамъ это необходимо?

— Это устроить всѣ мои дѣла.

— На сегодня?

— Нѣтъ, на гораздо большій срокъ.

— Эхъ, Максимъ Николаевичъ, какъ вы прескверно устроились! А могли бы, могли бы... Могли бы въ свое время устроиться такъ, что не вы у меня, а я у васъ просилъ бы мощнаго содѣйствія. Ну, ладно ужъ. Въ какомъ участкѣ живетъ вашъ этотъ молодой человѣкъ?

— Сейчасъ спрошу.—Онъ взялъ телефонную трубку и попросилъ соединить его съ конторой Глаубера, но попалъ въ кабинетъ банкира, и ему отвѣтилъ самъ Глауберъ!

— А, Максимъ Николаевичъ! Чѣмъ могу служить?— послышался осторожный голосъ банкира.

— Прежде всего: въ какомъ участкѣ живетъ вашъ этотъ Курдикъ?

— А! Курдикъ? Онъ уже вторично уложилъ свои вещи въ чемоданъ. Вчера изъ участка ему приказано выѣхать въ 24 часа...

— Этотъ приказъ сію минуту будетъ отмѣненъ. А какой участокъ?

Глауберъ назвалъ участокъ.

— Такъ вы, господинъ Глауберъ, черезъ десять минутъ позвоните въ участокъ и справьтесь. А какъ мои сталелитейныя?

— А заходите въ контору. Тогда и увидимъ. Я еще сорокъ минутъ буду здѣсь...

Все было ясно. Штатскій другъ по телефону распорядился не тревожить Курдика, а Чеботаевъ пожалъ его руку и поѣхалъ въ контору. Глауберъ встрѣтилъ его широкой улыбкой. Онъ уже звонилъ въ участокъ и получилъ полное удовлетвореніе.

— Нашлись, нашлись-таки сталелитейныя, мой дорогой Максимъ Николаевичъ. Имѣются на вашемъ онколѣ. Вамъ остается приказать, что съ ними дѣлать...

— Пятьдесятъ штукъ?—спросилъ Чеботаевъ.

— Ужъ, извините, любезнѣйшій Максимъ Николаевичъ,—я на свой страхъ превысилъ полномочія. Можете бранить меня, можете казнить. А только я подумалъ: пятьдесятъ акцій, это хорошо. Но когда акція, какъ воздушный шаръ, летитъ вверхъ, такъ что

ее и не удержишь, то сто акцій лучше, чѣмъ пятьдесятъ. И я купилъ вамъ сто!..

Само собою разумѣется, что Чеботаевъ горячо пожалъ руку банкира. Сталелитейныя дѣйствительно въ одну недѣлю поднялись на шестьдесятъ рублей, и Чеботаевъ заработалъ на нихъ чистыхъ шесть тысячъ. Что Глауберъ положилъ въ свою кассу около полу-милліона, это было въ порядкѣ вещей.

Но самымъ счастливымъ человѣкомъ во всей этой исторіи былъ, конечно, Курдикъ. Во-первыхъ, онъ остался въ Петербургѣ, и Гомель окончательно сдѣлался для него страной пріятныхъ воспоминаній; а, во-вторыхъ, Глауберъ на радостяхъ, по родственному, подарилъ ему маленькую сумму и сказалъ:

— Если ты на эти деньги будешь понемножку играть на биржѣ, то прежде, чѣмъ купить или продать какую-нибудь бумагу, чуточку взгляни на меня, и ты никогда не сдѣлаешь ошибки. Только теперь ты, Курдикъ, больше не будешь завтракать со мной. Развѣ ужъ, что когда-нибудь банкиромъ сдѣлаешься: ну, тогда другое дѣло...

И. Потапенко.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Первый эпизодъ.

АЧИНАЮ свои воспоминанія съ года смерти моей матери, умершей въ 1854 году, когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ.

Квартира наша была въ Соляномъ переулкѣ. Тотчасъ, какъ обнаружилась злокачественная болѣзнь матери (холера), четырехъ младшихъ дѣтей, въ числѣ коихъ состоялъ и я, переселили въ квартиру тетки Ел. Андр. Шобертъ, жившей въ то время на Васильевскомъ Островѣ, по Второй линіи, въ домѣ Шилле. Послѣ похоронъ матери отецъ переѣхалъ также на временное житье съ нами къ тетускѣ и вскорѣ отъ перенесенной тяжкой утраты и простуды самъ слегъ въ постель. Были дни, когда жизнь его была въ серьезной опасности. Въ то время ему было пятьдесятъ девять лѣтъ. Всѣхъ дѣтей отъ второго его брака съ нашей матерью было шесть. Старшій, Николай, былъ въ горномъ институтѣ, второй, Петръ, въ училищѣ правовѣдѣнія, затѣмъ единственная дочь Александра, которую имѣлось въ виду опредѣлить въ Смольный институтъ, я, Ипполитъ, одиннадцати лѣтъ, и два четырехлѣтніе близнеца, Анатолій и Модестъ.

Будучи по природѣ добрымъ и любвеобильнымъ вообще, отецъ боготворилъ своихъ дѣтей, и потому былъ очень огорченъ запрещеніемъ доктора не допускать къ нему дѣтей, изъ опасенія растревожить его ослабѣвшія силы. Послѣ я узналъ, что отецъ, задумываясь о своей смерти, хотѣлъ при жизни опредѣлить мою судьбу, мальчика одиннадцати лѣтъ, котораго пора было помѣстить

въ одно изъ учебныхъ заведеній, но въ какое? Геройская въ то время боевая служба нашихъ черноморскихъ моряковъ въ Севастополѣ, настолько выдвинула впередъ флотскую службу передъ другими родами службы, что у отца зародилась мысль сдѣлать изъ меня моряка, но къ окончательному рѣшенію онъ не приходилъ, такъ какъ прежде предполагалъ опредѣлить меня въ училище правовѣдѣнія или горный институтъ, такъ какъ самъ былъ горнымъ инженеромъ. Помогъ ему разрѣшить этотъ вопросъ старшій братъ отца, а нашъ дядя Петръ Петровичъ.

Прежде, чѣмъ разказать, какъ дядя помогъ отцу моему разрѣшить задачу судьбы моей, я скажу два слова объ отличительныхъ чертахъ характера дяди. Старый отставной, георгиевскій боевой генераль, израненный пулями и штыками въ пятьдесятъ двухъ бояхъ турецкихъ кампаній 1804 и 1814 годовъ и во французскихъ 1805, 1812 и 1814 годовъ, закаленный боями, онъ не былъ склоненъ къ нѣжностямъ, что, однако, не мѣшало ему быть добрымъ и ласковымъ. Строго-религіозный, въ вопросахъ своей жизни онъ подчинялся во всемъ волѣ Божіей и никогда не ропталъ на посылаемыя ему испытанія. Въ царствованіе императора Александра I, будучи полковникомъ въ должности коменданта въ Севастополѣ, онъ былъ разжалованъ въ солдаты за то, что передъ фронтомъ потребовалъ на церковномъ парадѣ отъ командовавшаго парадомъ генерала отданія себѣ чести, какъ коменданту, но вскорѣ онъ снова вернулъ себѣ монаршую милость и прежній свой офицерскій чинъ.

Къ отцу моему, бывшему моложе его всего на четыре года, дядя относился покровительственно. Уморительно было слышать, какъ въ миролюбивыхъ спорахъ этихъ двухъ почтенныхъ стариковъ-генераловъ на седьмомъ десяткѣ лѣтъ дядя, отстаивая свой взглядъ, съ улыбкою говорилъ моему отцу: «ахъ ты, молокососъ». Дядя всю жизнь страдалъ отъ ранъ и въ особенности перебитою ногою, не дававшей ему спокойно спать. Никого не тревожа, въ часы безсонной ночи онъ оставлялъ постель и проводилъ ночь, сидя въ креслѣ. Если кому доставалось, такъ это его любимой трубкѣ съ жуковскимъ табакомъ, которую въ этихъ случаяхъ онъ не выпускалъ изъ рта, но на утро его можно было видѣть уже бодрымъ, въ форменномъ, исполнявшемъ роль халата генеральскомъ пальто съ георгиевскою ленточкой въ петлицѣ, въ теплыхъ сафьяновыхъ сапожкахъ, причесаннымъ и всегда опрятно одѣтымъ. Съ женою и взрослыми дѣтьми, которыхъ очень любилъ, нѣжностей не допускалъ, никогда не называлъ ихъ уменьшительными именами, а полнымъ именемъ. Слезы я видѣлъ у него только во время смѣха, и только единственный разъ обильныя слезы умиленія, когда онъ встрѣтилъ въ 1854 году въ Ораніенбаумѣ отдававшаго ему честь заслуженнаго золотой роты унтеръ-офицера, въ которомъ призналъ своего солдата, участвовавшаго съ нимъ въ бояхъ венгерской кампаніи. Вотъ этотъ-то милый

мнѣ дядя пришелъ навѣстить больного отца, который на случай своей смерти повѣдалъ ему заботы свои о дѣтяхъ вообще и въ частности о необходимости рѣшить вопросъ о помѣщеніи меня въ одно изъ учебныхъ заведеній. «Мой совѣтъ, — отвѣчалъ дядя: — надо обратиться къ Богу. Сдѣлаемъ три билетика, на одномъ напишемъ училище правовѣдѣнія, на другомъ — горный корпусъ и на третьемъ — морской корпусъ, и положимъ на образъ (образъ былъ угловой и на значительной высотѣ). Помолимся Богу, призовемъ Ипполита, предложимъ ему взять одинъ изъ билетиковъ и поступимъ такъ, какъ будетъ опредѣлено самимъ Господомъ». Сказано — сдѣлано.

При домѣ Шилле былъ обширный дворъ, подъѣздъ квартиры выходилъ въ палисадникъ, а отъ него шель дворъ, на которомъ беззаботно играли два малыша-близнецы въ траурныхъ рубашкахъ, а мы съ сестрой неподалеку отъ нихъ сидѣли въ палисадникѣ на скамейкѣ и, подъ гнетомъ дѣтскаго страха къ шопотливымъ разговорамъ тетушки и окружающихъ тяжело больного отца, задумывались, неужели и отецъ умретъ. Сидѣли молча, какъ вдругъ за спиною моею раздался громкій голосъ дяди: «Ипполитъ, тебя зоветъ отецъ!» Отъ неожиданности, застигнутый на мысляхъ о тяжело предположеніи потерять отца, я обомлѣлъ, но вторичный повелительный тонъ дяди итти къ отцу заставилъ меня тотчасъ же исполнить это требованіе. Помню, какъ сейчасъ: при входѣ въ комнату, гдѣ лежалъ отецъ, мысли мои были настроены, что онъ умираетъ и меня зовутъ съ нимъ простаться, шель я на цыпочкахъ, отыскивая глазами кровать отца. Когда я увидалъ его блѣдное, истомленное лицо, сердце сжалось при воспоминаніи недавно мертваго лица матери и цѣлованія ея мертвыхъ, холодныхъ рукъ съ трупнымъ запахомъ. «Неужели?..» думалось мнѣ; но, войдя въ зрѣніе отца и увидавъ его ласковый взглядъ, я бросился къ нему и припалъ къ его теплой рукѣ. «Довольно, довольно, — сказалъ дядя: — не безпокой отца, а теперь иди къ образу и усердно молись Богу, чтобы Онъ указалъ тебѣ твой путь въ жизни». Я такъ былъ далеко отъ думъ о себѣ, что все происходившее относилъ къ болѣзни отца и усердно по-дѣтски молился о немъ. Твердый голосъ дяди прервалъ мою молитву. «Возьми стулъ, поставь ближе къ образу и влѣзь на стулъ. Видишь три билета? Возьми одинъ изъ нихъ». Я было протянулъ руку къ образу, но дядя повелительно крикнулъ: «перекрестись». Я перекрестился. «Теперь бери». Я взялъ. «Прочти, что написано на билетѣ». Я прочиталъ: «морской корпусъ». Судьба моя была рѣшена. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого оправившись отъ болѣзни отецъ отвезъ меня въ морской корпусъ, директоромъ котораго былъ Б. А. Глазенапъ. Я въ канцеляріи морского корпуса; отецъ подводитъ меня къ сѣдовласому съ рыжимъ отгѣнкомъ волосъ контръ-адмиралу. То былъ помощникъ директора корпуса Степанъ Степановичъ Нахимовъ. Взглянувъ на меня привѣтливо и взявъ отъ

отца документы, объявилъ, что послѣ вступительнаго экзамена могу быть принятъ въ малолѣтнюю роту приговорительнаго класса. Черезъ нѣсколько дней послѣ поверхностнаго экзамена и докторскаго осмотра отецъ привезъ меня въ корпусъ и сдалъ ротному командиру. Выстригли, одѣли въ куртку безъ погонъ, которые давались только по изученіи строевыхъ пріемовъ, и выпустили въ роту. Войдя робко въ толпу кадетъ, я тотчасъ же подвергся экзамену, каждому долженъ былъ говорить свою фамилію, и когда мнѣ надоѣло отвѣчать, получилъ нѣсколько подзатыльниковъ. Заревѣлъ. Нашлись защитники, привели «старикашку» ¹⁾, онъ отпустилъ двѣ плухи моему обидчику, и кадетская жизнь началась. Много пережилъ дурного, но и много хорошаго за восемь лѣтъ. Забываю первое и постаралось припомнить только хорошее.

Второй эпизодъ.

Лучшихъ двухъ учениковъ, записанныхъ на красную доску и хорошаго поведенія, назначали играть во дворцѣ съ царскими дѣтьми. Я не принадлежалъ къ числу хорошо учившихся, но поведенія былъ хорошаго. Мальчикъ я былъ стройный и довольно благообразный и этого было достаточно, чтобы попасть изъ ста пятидесяти кадетъ своей роты въ число счастливыхъ двухъ. Появилось ласковое отношеніе начальства. Сняли новую мѣрку для шитья новаго мундира, ротный командиръ капитанъ-лейтенантъ Нордштейнъ, котораго прозывали «козявкой», по существу добрый человекъ, но у котораго часто дребезжающимъ голосомъ срывалось къ шалунамъ: «я тебѣ высѣку», сдѣлался ко мнѣ благосклоннымъ.

Возили кадетъ во дворецъ по воскресеньямъ вечеромъ. Въ субботу утромъ въ присутствіи командира роты была примѣрка новаго мундира и пригонка опойковыхъ сапогъ. Старшій закройщикъ, стоя на колѣняхъ (я былъ очень малаго роста), поворачивалъ меня передъ собою, и на замѣчанія ротнаго командира: «здѣсь ушить», «тутъ подложить», дѣлалъ на мнѣ какіе-то знаки мѣломъ. Окончивъ эту процедуру, я замѣтилъ на себя испытующій взглядъ ротнаго командира, который, тронувъ пальцемъ мою щеку, спросилъ меня, почему я блѣденъ, и здоровъ ли я. Понявъ, что блѣдность можетъ послужить отмѣною моей поѣздки, я отвѣчалъ, что я совершенно здоровъ. Отпустивъ меня «за корпусъ» (такъ называли отпускъ изъ корпуса домой), мнѣ дали приказаніе явиться на другой день, т. е. въ воскресенье, къ шести часамъ вечера.

Съ утра я волновался, боясь предстать блѣднымъ передъ Нордштейномъ, часто поглядывалъ въ зеркало и, чтобы вызвать ру-

¹⁾ Избранный товарищами, имѣвшій право расправляться своими кулаками безапелляціонно.

мянецъ, теръ щеки ладонью. Ровно въ шесть часовъ я былъ въ корпусѣ и въ семь часовъ стоялъ въ арсеналѣ роты въ опойковыхъ сапогахъ и новомъ мундирчикѣ съ высокимъ воротникомъ на четыре крючка. При входѣ ротнаго командира я быстро потеръ щеки, и когда онъ, подойдя ко мнѣ, повелительно приказалъ подобрать подбородокъ въ воротникъ, я самъ почувствовалъ приливъ крови къ головѣ и счастливыми глазами смотрѣлъ на улыбающагося К. П. Нордштейна, который, какъ новичку, дѣлалъ мнѣ наставленія, какъ себя держать во дворцѣ и въ случаѣ надобности обращаться за совѣтомъ къ офицеру, назначенному состоять при насъ. Мой сверстникъ Т. былъ уже опытный кадетъ, бывалый на играхъ царскихъ дѣтей, а потому съ нимъ не нянчились, а за меня, новичка, К. П. Нордштейнъ, видимо, волновался. Мы подъѣхали въ корпусной каретѣ (обслуживающей начальство) къ Комендантскому подъѣзду Зимняго дворца. Раздѣваніе, обдергиваніе мундирчиковъ, приглаживаніе головъ. Мы идемъ по парадной лѣстницѣ наверхъ, анфилада коридоровъ, комнатъ, и наконецъ мы въ какой-то большой комнатѣ, уставленной гимнастикой и деревянной батареей, гдѣ уже группами собрались около двадцати человекъ кадетъ другихъ корпусовъ. Нашъ офицеръ подводитъ насъ къ высокому почтенному генераль-адъютанту, то былъ воспитатель наслѣдника Николая Александровича Георгій Ѳедоровичъ Гогель. Спросивъ наши фамиліи и сдѣлавъ замѣчаніе офицеру, что мы доставлены съ нѣкоторымъ опозданіемъ, такъ какъ военная игра уже началась, онъ здѣсь же назначилъ меня въ отрядъ наслѣдника Николая Александровича, къ которому повели меня подъ конвоемъ, какъ военнолѣннаго. Помню, какъ я предсталъ передъ красивымъ, очаровательнымъ отрокомъ съ большими выразительными ласковыми глазами. Спросивъ фамилію и вручивъ мнѣ ружье, наслѣдникъ повелъ меня въ комнату, гдѣ была устроена дѣтская гауптвахта. При появленіи наслѣдника часовой далъ звонокъ, крикнулъ «вонъ», и нарядъ гауптвахты малышей подъ команду какого-то болѣе возрастнаго кадета, командовавшаго карауломъ, выстроился для отданія чести. На правомъ флангѣ стоялъ горнистъ и барабанщикъ, первый—былъ великій князь Александръ Александровичъ, второй—сынъ генераль-адъютанта Гогеля Гриша. Сдавъ меня въ нарядъ гауптвахты, начали готовиться къ смѣнѣ караула и затѣмъ къ церемониальному маршу, который долженъ былъ произойти передъ государемъ, обѣщавшимъ дѣтямъ прійти на наши игры. Кто изъ насъ, мальчиковъ, не увлекался барабаномъ и не пытался на игрушечномъ барабанѣ изображать себя настоящимъ барабанщикомъ? Инструментъ этотъ, если его только можно такъ называть, всегда, и даже по сію пору, мнѣ нравился и нравится. Хорошая, отчетливая дробь съ переборами темпа и ритма съ *piano* и *forte* доставляетъ мнѣ большое удовольствіе слушать и смотрѣть на

манеры искуснаго барабанщика, красиво работающаго своими палочками. Мнѣ казалось въ дѣтствѣ, что это искусство требуетъ даже особаго таланта, доступнаго только взрослому человѣку, а тѣмъ болѣе игра на горнѣ, и я былъ пораженъ, когда Гриша Гогель на настоящемъ, а не игрушечномъ барабанѣ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ на горнѣ исполнили настоящую «зорию». Покойный императоръ Александръ III въ дѣтствѣ былъ скромнымъ мальчикомъ, не претендовалъ въ играхъ на должность начальника, а предпочиталъ скромную роль горниста. Чтобы доставить удовольствіе гостямъ кадетамъ, генералъ Гогель просилъ великаго князя Александра Александровича исполнить намъ различные, знакомые уже намъ строевые сигналы, начиная съ «слушайте вы, разсыпья, молодцы, за камни и кусты по два въ рядъ» и многіе другіе, а Гриша Гогель исполнялъ различные марши и даже съ перекидываніемъ палокъ. Мы диву давались такому искусству. Появленіе офицеровъ, состоявшихъ воспитателями при великихъ князьяхъ, и громкое воззваніе ихъ готовиться къ церемоніалу вызвало въ насъ новое вниманіе. Помню, что всѣхъ поставили во фронтъ по ранжиру. Наслѣдникъ, принявшій на себя начальство, живо разбилъ насъ на маленькіе взводы по шести человѣкъ, такъ какъ насъ было не особенно много, да и двери анфиладныхъ комнатъ, черезъ которыя долженъ былъ прослѣдовать церемоніаль, не позволили бы пройти фронту болѣе трехъ рядовъ. Состоявшій воспитателемъ дѣтей, не упомяну хорошо—Ольденбургскихъ или Лейхтенбергскихъ—полковникъ гвардейской артиллеріи взялъ на себя организацію оркестра. Въ одной изъ комнатъ стоялъ рояль, самъ полковникъ игралъ маршъ на фортепіано, а ему помогали Гогель на барабанѣ и кто-то на тарелкахъ, а на турецкомъ барабанѣ какой-то мальчикъ въ партикулярной рубашкѣ, не попадавшій ударами въ тактъ марша. Я стоялъ рядомъ, съ завистью смотрѣлъ на турецкій барабанъ, и мои невольныя движенія тѣломъ въ тактъ марша обратили вниманіе полковника, и онъ, обратясь къ мальчику и назвавъ его высочествомъ, предложилъ ему передать мнѣ барабанъ. Я съ радостью бросился отнимать турецкій барабанъ, но мальчикъ такъ грозно меня оттолкнулъ и такъ строго взглянулъ на мою смѣлость, что я тотчасъ же отказался отъ удовольствія, которое такъ близко у меня было! Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что мальчикъ этотъ былъ принцъ А. П. Ольденбургскій.

Появленіе государя въ дѣтскихъ комнатахъ было всеобщю радостью. Обаятельная наружность его, чудное ласковое отношеніе къ дѣтямъ сразу дало понять нашей дѣтской душѣ, что это не только царь, но и чудной души человѣкъ. Несмотря на дефекты турецкаго барабана, церемоніальный маршъ прошелъ съ дѣтскою напущенною серьезностью и удостоивался одобренія стоявшаго въ одной изъ анфиладныхъ комнатъ государя, на которое мы старательно кричали: «рады стараться, ваше императорское величество!»

Послѣ марша государь пожелалъ играть съ нами въ атаку батареи. Насъ раздѣлили на двѣ партіи—осаждающихъ и осажденныхъ. Въ комнатѣ, гдѣ была изображена батарея высотой въ три аршина, происходилъ бой мячами изъ пузырей, обтянутыхъ кожею. Я и мой товарищъ Т. попали въ партію осаждающихъ и были счастливы, когда государь принялъ участіе въ нашей партіи. Онъ вмѣстѣ съ нами съ веселою улыбкою бросалъ мячи въ смѣльчаковъ, выглядывавшихъ изъ-за бруствера батареи, мы помогали ему, подавая мячи, и онъ смѣялся отъ души, когда мячъ ловко попадалъ въ рѣз-ваго бойца. Не прошелъ, однако, этотъ бой безъ крови. Мячъ осажденныхъ попалъ въ лицо товарища Т. вызвалъ кровотеченіе изъ носа, что, однако, молодцу Т. не помѣшало черезъ нѣкоторое время снова вступить въ игру. Послѣ боя насъ напоили чаемъ, во время котораго я сошелся въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Максимиліановичемъ, а также удостоился ласковаго вниманія наслѣдника, выразившаго желаніе, чтобы я пріѣзжалъ непременно въ слѣдующій вечеръ, и тутъ же просившаго генераль-адъютанта Гогеля заявить о томъ моему корпусному начальству. Я былъ несказанно счастливъ. Давъ намъ отдохнуть и охладиться послѣ игръ, намъ каждому выдали по фунту конфетъ (дворцоваго производства) и отпустили по корпусамъ, при чемъ наслѣдникъ подходилъ къ каждому изъ насъ, благодарилъ и прощался съ каждымъ отдѣльно.

Третій эпизодъ.

Второй разъ привезенный для игры во дворецъ, я былъ встрѣченъ наслѣдникомъ цесаревичемъ, какъ старый ему знакомый. На этотъ разъ, кромѣ кадетъ, было много и постороннихъ дѣтей. Чадолубивый государь и на этотъ разъ посѣтилъ дѣтей. Послѣ военныхъ игръ, какъ и въ первый разъ, кто-то предложилъ играть въ *petits-jeux*. Наслѣдникъ и великіе князья тотчасъ же окружили царя-отца и стали просить его согласиться участвовать въ игрѣ. Получивъ согласіе, дѣти въ восторгѣ бросились устанавливать въ одной изъ комнатъ стулья. Помню чудную фигуру государя съ дивнымъ ласковымъ взглядомъ; только со временемъ я понялъ, что царь отдыхалъ отъ государственныхъ заботъ и работъ въ кругу счастливыхъ беззаботныхъ дѣтей. Началась игра въ «сизжу, посижу, у кого сизжу» и др. и между прочимъ игра, въ которой одинъ изъ участвовавшихъ по очереди задумывалъ одного изъ присутствующихъ, а другой назначалъ, что ему дѣлать. Кто-то изъ великихъ князей задумалъ стоявшаго у дверей стараго заслуженнаго солдата-«дядьку», лѣвая рука котораго было покрыта золотыми шевронами, а грудь орденами и медалями. Называли его великіе князья сокращеннымъ именемъ, не то Никитичъ, не то Архинычъ. На вопросъ, что тому дѣлать, кого задумали, получился отвѣтъ: «сѣсть въ кругъ игръ».

Наслѣдникъ и великіе князья мигомъ бросились къ почтенному и, видимо, любимому старику и потащили его въ кругъ разставленныхъ стульевъ. Старикъ, смущенный присутствіемъ государя, всѣми силами отбояривался. Замѣтивъ смущеніе старика, государь сказалъ: «ничего, братецъ, не подѣлаешь, видишь, и я ихъ слушаюсь, садись». Старикъ подошелъ къ стулу, но не сѣлся, пока государь повелительнымъ жестомъ не приказалъ ему сѣсть и пока дѣти силою не посадили его, что, однако, не помѣшало ему покачать головой, какъ бы говоря: «не порядокъ задумали, дѣти». Къ сценѣ этой всѣ дѣти отнеслись съ умиленіемъ и восторгомъ, видя государя и сидящаго неподалеку отъ него солдата.

Четвертый эпизодъ.

Въ лѣтнее время кадеты старшихъ двухъ ротъ, гардемаринской и первой роты, назначались для практическихъ плаваній на корабли Балтійскаго флота. Кадеты младшихъ ротъ распускались по домамъ, а не имѣвшіе въ Петербургѣ родныхъ назначались въ лѣтніе бараки, находившіеся за Ораніенбаумомъ по дорогѣ къ Красной горкѣ. Благодаря отдаленному свойству съ адмираломъ Е. А. Беренсомъ, командовавшимъ въ 1856 году эскадрою, меня второй роты назначили въ практическое плаваніе, которое было для меня первымъ, при чемъ я попалъ въ группу кадетъ первой роты, назначенныхъ на флагманскій корабль «Выборгъ», командиромъ котораго былъ капитанъ 1-го ранга М. О. Дюгамель, а старшимъ офицеромъ герой Севастополя свиты Его Величества капитанъ-лейтенантъ Бирилевъ. Будучи ловкимъ, живымъ мальчикомъ, я понравился командиру, который взялъ меня подъ свое покровительство, назначивъ меня стоять около него во время авральныхъ работъ, для посылокъ по порученіямъ. Лейтенанту, въ вахтѣ котораго я состоялъ, это покровительство не нравилось, и потому придиркамъ ко мнѣ на его вахтѣ не было конца. Не такъ отвѣтилъ, не такъ повернулся, снялъ шапку (тогда отдавали честь офицерамъ, снимая фуражки), и онъ сажалъ меня за наказаніе на салингъ (наверху мачты). А первое время, охъ, какъ жутко было лазить по брамъ-вантамъ и еще жутче сидѣть на салингѣ. Помню, какъ, просидѣвъ однажды продолжительное время, я увидѣлъ, что адмиралъ вышелъ походить по юту. Лейтенантъ, зная, что я нахожусь подъ покровительствомъ адмирала, скомандовалъ: «съ салинга долой!» Я сталъ спускаться, но нѣсколько вяло. Лейтенантъ приказалъ быстрѣе, я по мѣрѣ силъ своего въ то время очень малаго роста, изъ страха упасть старался своими маленькими ногами попадать на выблинку. Лейтенантъ сердился и кричалъ: «живо спускаться!» а когда я соскочилъ на палубу, подозвалъ къ себѣ и началъ читать наставленія. Я оправдывался и, не выдержавъ, сказалъ сквозь слезы, что онъ ко мнѣ на-

прасно придирается. Не успѣлъ произнести этихъ словъ, какъ получилъ снова приказъ лѣсть на гротъ-салингъ. Адмиралъ, не перестававшій ходить по юту, остановился и сталъ смотрѣть на происходившую сцену. Понимая, что послушаться нельзя, я началъ снова подыматься, но уже совсѣмъ тихо, такъ какъ слезы заслоняли зрѣніе, руки же, которыми бы я могъ утереть ихъ, были заняты, и усиленно мигаль и потряхиваль головой, чтобы сбросить слезы, промахнулся ногой и сѣлъ на выблинку. Взглянувъ на вахтенную площадку, я увидѣлъ адмирала, говорившаго съ лейтенантомъ, державшимъ руку подъ козырекъ, а затѣмъ услышалъ команду «съ вантовъ долой» и свистокъ вахтеннаго унтеръ-офицера. На слѣдующій день меня перевели въ вахту старшаго лейтенанта С.

Мое первое плаваніе на «Выборгъ», несмотря на преслѣдованіе моего бывшаго вахтеннаго лейтенанта, въ общемъ было для меня наслажденіемъ. Благодаря вниманію старшаго лейтенанта С., и скоро выучился отлично грестъ, править рулемъ и даже вызываль одобрительныя улыбки у адмирала и командира, когда, сидя на капитанскомъ катерѣ на рулѣ, я зычнымъ контральтовымъ голосомъ командовалъ: «отваливай», «весла!», «на воду», или, лихо приставая выкрикивалъ: «крюкъ!» и «шабашъ!»

Въ скоромъ времени и озлобленный на меня лейтенантъ переложилъ свой гнѣвъ на милость, и мнѣ жилось на кораблѣ прекрасно. Въ числѣ команды корабля былъ юнкеръ Е. Беренсъ, племянникъ адмирала. Этотъ милый и добрый юноша относился ко мнѣ дружески, я отвѣчалъ ему тѣмъ же. У Е. Беренса была маленькая прехорошенькая обезьянка съ выразительными глазами (корабль «Выборгъ» только что вернулся изъ плаванія по Средиземному морю), любили они другъ друга до чрезвычайной трогательности. Надо было видѣть горе Е. Беренса, когда во время стоянки корабля въ Кронштадтѣ обезьянка пропала. Искали по всему кораблю общую любимицу, но нигдѣ не находили. Прошелъ день, два, обезьяна не обнаруживалась. Е. Беренсъ сдѣлался совсѣмъ грустнымъ, точно потерялъ близкаго человѣка. Эскадрѣ предстояло итти въ Ревель. Начались приготовленія къ отъѣзду. Здѣсь умѣстно сказать, что въ описываемое время деревянные корабли наши были парусные, но имѣли для входа и выхода въ гавани и боевыхъ эволюцій вспомогательныя машины съ гребнымъ винтомъ, который при плаваніи подъ парусами разобщался отъ вала и подымался въ особо устроенномъ колодецѣ, чтобы винтъ не тормозилъ скорость хода корабля. Приготовляясь къ съемкѣ, механикъ со своей командой пришелъ осмотрѣть колодезь, и какъ только сняли крышку съ него, оттуда выскочила несчастная, совершенно ослабѣвшая обезьянка. Надо предполагать, что, упавъ въ воду, она доплыла до руля, а оттуда по руль-шкентелямъ добралась до колодца и, вскарабкавшись до самаго верха, не имѣя возможности проныкнуть

на палубу, два дня съ половиною сидѣла на одномъ изъ выступовъ колодца. Немедля дали знать С. Беренсу, и сцена встрѣчи произошла глубоко трогательная. Очутившись на рукахъ своего любимаго хозяина, она заготовала, хватала своими маленькими лапками его лицо и прижималась, какъ ребенокъ, трогательно пищала отъ радости и, въ свою очередь, растрогала его до слезъ.

Повышенное радостное настроеніе отъ жизни на кораблѣ по временамъ, однако, омрачалось тяжелыми сценами тѣлесныхъ наказаній. Теперь когда пишу, при одномъ воспоминаніи, по старческой спинѣ моей пробѣгаетъ дрожь. Не буду говорить о тѣхъ ежедневныхъ истязаніяхъ, которыя по волѣ каждаго мичмана производились линьками на бакѣ по голой спинѣ провинившагося! Большинство офицеровъ того времени бравировали своей черствою властью, наказывая матросовъ за самыя ничтожныя провинности, выкрикивая вахтеннаго боцмана и величаво командуя дать такому-то 15 или 25 линьковъ, приказывая нашему брату гардемарину или кадету присутствовать при экзекуціи. Особеннымъ злодѣемъ на кораблѣ отличался младшій лейтенантъ, который для удовлетворенія своей жестокости просилъ своихъ товарищей, вахтенныхъ офицеровъ, экзекуціи линьками оставлять на его вахту. Позже я слышалъ, что лейтенантъ этотъ наказывая кока (поваръ) штурманскихъ кондукторовъ линьками, видя, что тотъ терпѣливо выноситъ удары, приказалъ боцманамъ бить по нѣжнымъ частямъ тѣла. Несчастный «кокъ», не выдержавъ, бросился на офицера съ намѣреніемъ его ударить, но, не допущенный боцманами, обругалъ лейтенанта отборными словами и въ результатѣ пошелъ въ арестантскія роты.

Помню также мое отчаянное удивленіе въ слѣдующемъ году практическаго плаванія на другомъ кораблѣ, когда, вернувшись съ берега, узналъ, что на бакѣ идетъ экзекуція въ присутствіи старшаго офицера. Меня, мальчика добраго отъ природы, не выносившаго жестокаго обращенія съ людьми, неотразимо влекло взглянуть на происходившее на бакѣ, откуда слышались крики наказуемыхъ. Протискавшись черезъ толпу любопытныхъ, я очутился на виду старшаго офицера. По срединѣ бака стояли наказуемый, голый по поясъ, съ откинутыми руками за шею, и два дюжихъ боцмана, изловчившихся хлестко наносить удары по спинѣ линьками. Я невольно взглянулъ на старшаго офицера, удивляясь его наружному спокойствію. Глаза наши встрѣтились, и я мигомъ убѣждалъ въ констпельскую (кормовое помѣщеніе для кадетъ въ нижней батарее) съ неотвязчивымъ вопросомъ: неужели такое наказаніе необходимо? Черезъ полчаса меня потребовалъ къ себѣ старшій офицеръ и сдѣлалъ мнѣ наставленіе, что въ мои годы не слѣдуетъ искать зрѣлищъ тѣлесныхъ наказаній и что появленіе мое на бакѣ во время экзекуціи показываетъ, что я мальчикъ жестокій. Отчаянное удивле-

ніе мое и слѣды вынесеннаго мною ужаса убѣдили его, что появленіе мое на бакѣ было не простое любопытство, а мучительное желаніе взглянуть на варварскія наказанія, съ которыми мнѣ предстояло считаться въ будущемъ.

— Вы должны понять, — прибавилъ онъ: — что мы исполняемъ эти наказанія въ силу необходимости, по долгу службы.

Такое поясненіе меня не удовлетворило, но покоряло съ неизбѣжною необходимостью служебной суровости. Вѣдь насъ въ этомъ духѣ воспитывали въ корпусѣ!

Не забуду, какъ въ первый годъ моего вступленія въ малолѣтнюю роту морского корпуса насъ поставили во фронтъ, передъ которымъ стояла скамейка, покрытая простынею, и рядомъ съ нею, на полу, охапка свѣжikhъ розогъ, около которыхъ стояли четыре солдата нашего корпуса, капитанармусъ и докторъ. Вошедшій ротный командиръ, поздоровавшись съ нами, объявилъ, что воспитанникъ Воронцовъ второй разъ уличенъ въ похищеніи папирсъ у инспектора классовъ, къ которому онъ, Воронцовъ, по родству или свойству былъ вхожъ въ квартиру.

Присуждено было дать сто розогъ. Пока происходило раздѣваніе Воронцова, укладываніе его на скамейку, рота стояла спокойно, но съ перваго удара и крика Воронцова стойкость роты пошатнулась, я и многіе другіе отвернулись отъ отвратительной сцены. Послышалась команда фельдфебеля: «не отворачиваться». Пройдя вдоль фронта, фельдфебель требовалъ, чтобы мы смотрѣли на наказуемаго, и его сильная рука коснулась моей щеки, чтобы выпрямить мою голову по направленію къ скамейкѣ.

— Приучайся, — сказалъ онъ дѣланнымъ голосомъ.

Послѣ сильныхъ немного болѣе десятка ударовъ оравшій во все горло Воронцовъ затихъ. Ротный командиръ попросилъ доктора освидѣтельствовать Воронцова, тотъ пощупалъ пульсъ, сказалъ что-то тихо, и отвратительная операція прекратилась. Воронцова въ обморокъ отнесли въ лазаретъ.

Корпусная розга меня миновала, я знакомъ былъ только съ домашнею розгою, когда отецъ, быстро приговаривая: «не будешь, не будешь», послѣ пятой или шестой отпускалъ меня пристыженнаго; но когда мнѣ пришлось смотрѣть и слышать взвизгиваніе громадныхъ гибкихъ розогъ, съ размахами въ три приема здоровенныхъ солдатъ, старавшихся одинъ послѣ другого дать сильный взмахъ удара по исполосованному тѣлу мальчика, ноги мои подкашивались, голова мутилась, и я, закрывъ глаза, былъ близокъ къ потерѣ сознанія.

Вотъ какова была школа 50-хъ годовъ для нервовъ кадетскаго юношества. Представьте же себѣ строгую экзекуцію на корабляхъ!

Команда, вызванная на верхъ, стоитъ фронтомъ. На шканцахъ вызванъ караулъ, Господа офицеры стоятъ на правой сторонѣ въ

линію, раздаётся команда «мирно!» Читается постановленіе суда, присудившаго матросу за вторую провинность 200 розогъ; выводятъ присужденнаго, раскладываютъ, и начинается продолжительная, отвратительная «порка». Наказуемый отъ сильнѣйшихъ ударовъ начинаетъ орать во все горло, прося пощады, а командиръ, въ сущности не злой человѣкъ, наставительно говоритъ: «хорошенько его, хорошенько». Двѣсти ударовъ! это вѣчность... Деруть съ паузами, старшій врачъ щупаетъ пульсъ, слышенъ счетъ ударовъ, тѣ, которые бьютъ, изъ опасенія за слабый ударъ быть въ свою очередь выдранными, силятся въ своихъ взмахахъ, и утомленные смѣняются другими невольными палачами; наказуемый все слабѣетъ и слабѣетъ, падающій голосъ замираетъ, докторъ свидѣтельствуетъ и, если силы у несчастнаго еще есть, то продолжаютъ добивать число назначенныхъ ударовъ.

Не подумайте, однако, что это происходило только на судахъ нашего флота! Плавая за границей уже офицеромъ, мнѣ не разъ приходилось на заграничныхъ рейдахъ слышать такіе же крики и на судахъ иностранныхъ, а въ особенности на корабляхъ французскаго флота.

Пятый эпизодъ.

Корпусные танцклассы происходили всегда въ просторной «пріемной» (она же дежурная), гдѣ подъ руководствомъ танцмейстера Эбергардта мы продѣлывали первую и вторую позицію, поклоны, а затѣмъ переходили подъ струнные звуки пяти человѣкъ корпусныхъ музыкантовъ—къ танцамъ. Сначала танцовали *contre-danse, lancier*, потомъ послѣдовательно легкіе танцы, заканчивавшіеся мазуркою, которая всегда шла отвратительно при общемъ смѣхѣ, когда наставалъ чередъ выступать кадетамъ, больше заботившимся имѣть ноги колесомъ, быть увальнемъ, чтобы казаться «старикашкой». Нельзя сказать, чтобы кадеты любили танцы, большинство шло на урокъ по принужденію, и бѣдному Эбергардту приходилось нести немало труда съ неуклюжими, у которыхъ ноги не покорялись элегантнымъ движеніямъ. Подхватывая нѣкоторыхъ подъ мышки, Эбергардтъ старался приподнимать ихъ въ тактъ музыки и движеній, но упорныя ноги увальней, какъ намагниченныя, отъ пола не отдѣлялись,—только туловище переваливалось съ ноги на ногу, имѣло видъ людей, старавшихся продавить полъ.

Я былъ въ числѣ хорошихъ танцоровъ, выступалъ всегда въ первой парѣ съ моей постоянной дамой товарищемъ Вальрондомъ. И вправду мы ловко танцовали, а въ особенности польку, идя обратнымъ кругомъ «au rebours» такъ лихо, что нашъ тучный командиръ второй роты баронъ-де-Ридель, стоя въ центрѣ комнаты, слѣдя за нашею парою, изображалъ изъ себя вертящійся столбъ, а мы, зная, что онъ любитъся нами, съ намѣреніемъ описывали круги близъ

него, заставляя его быстро вертѣться. По какому-то случаю былъ назначенъ балъ у директора корпуса С. С. Нахимова. Не помню къмѣ, но было придумано выбрать изъ младшихъ ротъ 8—10 лучшихъ танцоровъ, выучить «матлотъ» и выпустить во время бала въ костюмахъ.

Такъ и было сдѣлано. Въ числѣ избранныхъ былъ и я. Усердіемъ Эбергардта «матлотъ» былъ поставленъ очень хорошо, и мы, влетѣвъ во время бала, произвели на хозяйна и его многочисленныхъ гостей очень хорошее впечатлѣніе отчетливо выполненнымъ нами танцемъ. С. С. Нахимовъ былъ вдовъ, и роль хозяйки исполняла его чрезвычайно симпатичная дочь Александра Степановна, удостоившая меня выбрать своимъ кавалеромъ. Танцовала она превосходно, и для меня, мальчика, было наслажденіемъ и гордостью сдѣлать съ нею нѣсколько туровъ вальса, послѣ чего мнѣ не отказывали и другія дамы, и я танцевалъ, какъ говорится, во всю Ивановскую.

Въ числѣ гостей я увидѣлъ старшаго лейтенанта корабля «Выборгъ» С., который тотчасъ же подошелъ ко мнѣ и повелъ меня представить какой-то дамѣ, изъяснившей, какъ онъ мнѣ сказалъ, желаніе танцевать со мною. Онъ подвелъ меня къ очень некрасивой особѣ, ростомъ вдвое выше меня. Я ловко расшаркнулся и предложилъ свои услуги. Увы, правая рука моя, желавшая обнять ее за талію, неприлично скользнула внизъ ниже таліи, что смущало меня и даму, кстади сказать, отвратительно танцовавшую, которая, чтобы я не оторвался отъ нея, державшагося уже за складку ея платья, попросту обняла меня за шею, чѣмъ крайне огорчила меня, воображавшаго себя уже настоящимъ кавалеромъ. На вопросъ лейтенанта С., остался ли я доволенъ дамою, я шопотомъ сказалъ ему, что съ такою рожею, похожей на тамбуръ-мажора, танцевать больше не буду. Каково же было мое удивленіе, когда С., разсмѣявшись, сказалъ: «вотъ такъ спасибо, а знаешь ли, кто эта дама? Вѣдь это моя сестра», добавилъ онъ затѣмъ и съ хохотомъ намѣревался итти къ сестрѣ, рассказать ей о моей оплошности; я сталъ умолять простить меня, готовился уже бѣжать съ бала въ роту, но тутъ дочь директора, подошедшая ко мнѣ, дала мнѣ предлогъ ангажировать ее на туръ вальса и забыться въ его вихрѣ. Я избѣгъ бѣгства, да оно оказалось и лишнимъ, такъ какъ, когда я снова наткнулся на лейтенанта С., онъ меня обнялъ, давъ понять, что проступокъ мой прощенъ.

Не могу не похвастаться, что, ловкій въ танцахъ, я былъ и хорошимъ строевымъ кадетомъ, удостоившимся выбора начальства, да еще такого строгаго, какъ нашъ батальонный командиръ П. Я. Терентьевъ, — въ ординарцы къ государю императору на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ. Послѣ продолжительной муштровки, которая производилась приглашеннымъ для этой цѣли унтеръ-офицеромъ л.-гв. Финляндскаго полка, пригонки новой мундирно

пары, въ одно изъ воскресеній меня повезли въ Михайловскій манежъ. Съ лѣвой стороны за колоннами, загороженными ширмами, ординарцы отъ кадетскихъ корпусовъ облачались въ новые мундиры, сапоги и аммуницію. Въ то время мы носили кивера съ малыми султанчиками впереди и съ бѣлымъ вверху кивера шнуромъ съ двумя бѣлыми кистями на правой сторонѣ, имѣли двухбортные мундиры, тесакъ, патронную сумку и ружье.

Начальство мое, батальонный и ротный командиры—очень волновались, поминутно подходили ко мнѣ, осматривали. «Тереха», такъ называли мы батальоннаго командира, находилъ меня блѣднымъ, каптенармусъ и корпусные солдаты не переставали обмахивать меня щеткою. Наконецъ раздался окликъ:

— Его императорское величество изволить ѣ-х-а-ть.

При этомъ выкрикивающей всегда дѣлалъ протяжное удареніе на послѣднемъ слогѣ ѣ-х-ать. Затѣмъ слѣдовала команда «смирно» подхватываемая на разные голоса начальниками отдѣльных частей. Государь на конѣ, объѣхавъ вдоль фронта, здороваясь при звукахъ встрѣчнаго марша, остановился у лѣвой стороны манежа, и начался парадъ. Тѣмъ временемъ мы, ординарцы, готовились къ нашей церемоніи, которая состояла въ томъ, что мы, выстроенные въ затылокъ другъ къ другу, должны были по одному подходить къ государю мѣрными, рѣдкими, отчетливыми шагами, вытягивая носокъ, твердо становясь на ногу, другую освободившуюся проводить плавно съ выдержкою до момента ея подъема, быстро опускать ее. Такихъ шаговъ полагалось пять. Остановясь и сдѣлавъ четко ружьемъ на карауль, слѣдовало произнести: «Къ вашему императорскому величеству отъ морского кадетскаго корпуса ординарцы присланъ!» взять ружье на плечо, повернуться направо, сдѣлать три шага, снова повернуть налево и итти вдоль фронта офицеровъ, призывавшихся къ параду, и итти до конца манежа.

Парадъ окончился. Прибѣжали и засуетились плацъ-адъютанты, прибѣжалъ и «Тереха», снова осмотрѣлъ меня, щипнулъ не безъ боли мои щеки, чтобы придать имъ румянца, сказалъ: «не робѣй», и повелъ меня къ мѣсту, назначенному для ординарцевъ.

Я былъ четвертымъ или пятымъ ординарцемъ, впереди меня были пажъ, школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кадеты другихъ корпусовъ. Я былъ малаго роста, и изъ-за спины впереди представлявшихся не видѣлъ ничего. Когда же стоявшій предо мной началъ свой церемоніаль, я увидѣлъ государя на конѣ, окруженнаго свитою на коняхъ. Чья-то рука удерживала меня за плечо, затѣмъ послышался голосъ какого-то генерала, державшаго въ рукѣ бумагу, докладывавшаго государю: «ординарецъ морского корпуса Чайковскій». Рука, лежавшая на моемъ плечѣ, снялась, кто-то шепнулъ мнѣ: «начинайте», и я пошелъ своимъ дѣланнымъ шагомъ, бодро смотря въ глаза государя. Сдѣлавъ свои пять шаговъ, взявъ на карауль, я звон-

кимъ контраaltoвымъ голосомъ началъ свой рапортъ, почувствовалъ, что выходило, что-то очень громко, «пожалуй, осудятъ», промелькнуло у меня въ головѣ, но когда увидѣлъ привѣтливую, довольную улыбку царя, какъ будто узнававшего меня по играмъ съ его дѣтьми, я не уменьшилъ своего голоса. Взявъ ружье на плечо, сдѣлавъ три полагавшихся шага направо, и радостный, что все сошло хорошо, не слыша ничего, продолжалъ идти шѣтушинимъ церемоніальнымъ шагомъ вдоль фронта офицеровъ, какъ услышалъ отъ нихъ: «государь благодарить васъ». А я-то и не слышалъ. Придя въ себя, вспомнилъ, что въ этомъ случаѣ мнѣ слѣдовало сдѣлать, остановился, сдѣлавъ «налѣво кругомъ», взялъ на караулъ и тѣмъ же зычнымъ голосомъ отвѣчалъ: «радъ стараться, ваше императорское величество», какъ увидѣлъ бѣжавшаго ко мнѣ батальоннаго командира, энергично махавшаго мнѣ обѣими руками, чтобы я замолчалъ, такъ какъ въ это время представлялись другіе и я своимъ запоздалымъ отвѣтомъ нарушалъ общій порядокъ. Ну, думаю, дѣло плохо. Когда, однако, я дошелъ до своего мѣста, ко мнѣ подошло все мое корпусное начальство, благодарило меня и объявило, что за отлично мною выполненное представленіе я получу два фунта конфетъ. Я торжествовалъ.

Шестой эпизодъ.

Отставъ въ среднемъ классѣ отъ своихъ товарищей, по причинѣ отчасти болѣзни, продержавшей меня долго въ лазаретѣ, съ другой стороны, по винѣ моей малоуслѣшности, я вступилъ въ новую среду товарищей, не потерявъ связь съ моими прежними, въ числѣ коихъ былъ мой душевный другъ Д. Чалѣвъ. Когда въ 1861 году настала чередъ выпуска его въ гардемарины, онъ, не желая расставаться со мною, рѣшилъ приписаться къ экипажамъ Балтійскаго флота съ тѣмъ, чтобы ждать года моего выпуска для совмѣстнаго со мною служенія въ Черноморскомъ флотѣ.

Для выпускныхъ существовалъ такой порядокъ: инспекторскій департаментъ присылалъ свѣдѣнія директору корпуса о числѣ вакансій для зачисленія выпускаемыхъ въ Балтійскій, Черноморскій и Каспійскій флоты. Списокъ этотъ представлялся выпускнымъ и тутъ надо было не зѣвать записаться въ желаемый флотъ. Д. Чалѣвъ часто посѣщалъ меня въ корпусѣ и семью моего отца, гдѣ онъ считался своимъ человѣкомъ, и мы часто строили планы нашего съ нимъ сожителства. Наконецъ наступилъ и мой выпускной 1862 годъ.

Хотя производство въ гардемарины, вмѣсто прежняго производства въ мичманы, нѣсколько и умаляло наше настроеніе, но сознаніе, что мы перестали быть кадетами и становились на ряду съ офицерами, получали офицерскую форму безъ эполетъ, но зато съ аксельбантами, все-таки это новое самостоятельное положеніе насъ занимало.

Выпускные экзамены окончились, и мы, въ ожиданіи высочайшаго приказа, были отпущены по домамъ. Въ одинъ изъ такихъ дней прилетѣлъ ко мнѣ Д. Чалѣевъ и, объявивъ, что инспекторскій департаментъ послалъ директору корпуса свѣдѣнія о вакансіяхъ, совѣтовалъ мнѣ поторопиться ѣхать въ корпусъ. Къ страшному моему огорченію, всѣ вакансіи въ Черноморскомъ и Балтійскомъ флотѣ были уже захвачены. Оставалось записаться въ Каспійскій флотъ, представлявшійся всѣмъ намъ, а въ особенности мнѣ, какой-то ссылкой, такъ какъ флота тамъ не было, существовала лишь незначительная флотилія, не дававшая никакой перспективы для службы. Нечего дѣлать, пришлось покориться судьбѣ, я записался и тотчасъ же сообщилъ объ этой печальной участи Д. Чалѣеву, который, въ свою очередь, поспѣшилъ подать рапортъ о переводѣ его въ Каспійскій флотъ.

8-го апрѣля 1862 года я надѣлъ аксельбанты и мнилъ себя офицеромъ, обижаясь, что городовые мнѣ не отдають чести. Роста я былъ небольшого, выглядывалъ совсѣмъ мальчикомъ, благодаря чему на гуляньяхъ по Дворцовой набережной меня принимали за великаго князя; въ этомъ я убѣдился, когда одна изъ эlegantныхъ дамъ съ дѣтьми сдѣлала мнѣ реверансъ, подсказавъ мальчикамъ своимъ снять шапки и поклониться мнѣ.

Радужное настроеніе мое нѣтъ-нѣтъ, а все-таки туманилось перспективою службы въ Каспійскомъ морѣ. Назначеніе Д. Чалѣева состоялось. Предстояло согласиться о днѣ выѣзда къ мѣсту служенія. Желая воспользоваться предоставленнымъ мнѣ 28-дневнымъ отпускомъ, я рѣшилъ поѣхать къ замужней сестрѣ въ Кіевскую губернію и потому склонилъ Д. Чалѣева, ѣхать въ Астрахань, приготовить тѣмъ временемъ намъ квартиру. Чалѣевъ, искренно любившій меня, согласился, сердечно простился со мною и, пожелавъ мнѣ провести весело время въ отпуску у сестры, обнялъ меня и, сказавъ: «до скораго свиданія въ Астрахани», поѣхалъ на Николаевскій вокзалъ.

Увы! мнѣ не пришлось во всю свою жизнь свидѣться съ моимъ искреннимъ другомъ, ожидавшимъ цѣлый годъ моего выпуска, чтобы не разставаться со мною. Чалѣевъ сдѣлался постояннымъ офицеромъ Каспійской флотиліи, дослужился до командира одного изъ пароходовъ, женился, имѣлъ много дѣтей и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, оставаясь вѣрнымъ Каспійской флотиліи. Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. По отъѣздѣ Чалѣева изъ Петербурга мысль отдѣлаться отъ Каспійскаго моря меня не оставляла. Времени оставалось мало, необходимо было дѣйствовать. Я рѣшился идти къ директору инспекторскаго департамента князю Голицыну и лично объясниться съ нимъ, просить его, какъ милости, назначить меня въ Черноморскій флотъ, мотивировавъ свое желаніе стремленіемъ быть настоящимъ морякомъ, плавать на корветахъ, чего

Каспійское море не можетъ мнѣ дать! Мнѣ представлялось, что доводы мои будутъ убѣдительно, когда глазъ-на-глазъ въ кабинетѣ князя я буду умолять его со слезами на глазахъ не посылать меня въ Астрахань. Онъ не можетъ не сжалиться надо мной, столь юнымъ, думалось мнѣ, я поправлюсь ему своею чистосердечною просьбою, и онъ исполнитъ мое желаніе.

Задумано—сдѣлано. Я въ департаментѣ. Обращаюсь къ старшему адъютанту съ просьбою быть принятымъ директоромъ.

- По какому дѣлу?
- По личному,—отвѣчаю ему.
- Ваша фамилія?
- Чайковскій.
- Подождите въ приѣмной.

За мною слѣдовали другіе, кто по личному дѣлу, а кто и по служебному. Адъютантъ записывалъ. Приѣмная заполнялась. Сѣвъ на одно изъ кресель, я подготавливался къ изложенію моей просьбы, рисовалъ себѣ, какъ по очереди насъ будутъ вызывать въ кабинетъ къ князю, какъ я войду, сдѣлаю красивый поклонъ и на вопросъ, въ чемъ дѣло, я начну...

Мысли мои прервались, адъютантъ попросилъ встать всѣхъ въ одну линію, я оказался въ серединѣ. Явился вице-директоръ департамента контръ-адмиралъ Воеводскій (гвоздь департамента); оглядѣвъ публику, онъ прямо направился ко мнѣ.

— Ваша фамилія? По какому дѣлу?

Быстро сообразивъ, что, если скажу правду, зачѣмъ пришелъ, онъ не допуститъ меня до князя, я отвѣтилъ, что по личному дѣлу.

Вѣдь я буду принять княземъ отдѣльно въ его кабинетѣ, соображалъ я, и Воеводскій не будетъ знать, чего я добиваюсь. Не прошло и минуты, какъ дверь открылась, вошелъ князь въ серебряныхъ эполетахъ свиты его величества.

Князь направился къ крайнему. Адъютантъ докладывалъ имя представлявшагося или просителя, и только тутъ я понялъ, что мнѣ предстоитъ говорить съ Голицынымъ не въ кабинетѣ «съ глаза-на-глазъ» и что замыселъ мой расположить къ себѣ князя рисовкой жажды быть настоящимъ, а не зауряднымъ морякомъ и произнести это съ подобающей эффектною интонаціей, теперь при всѣхъ будетъ уже неумѣстенъ; приходило на мысль ретироваться, да некуда. «Была не была, останусь»—промелькнуло у меня въ головѣ. Дошла наконецъ очередь и до меня. Голицынъ подошелъ ко мнѣ и на вопросъ, въ чемъ дѣло, не сразу получилъ отъ меня отвѣтъ. Я нѣсколько опѣшилъ.

Стоявшій около него Воеводскій вытянулъ шею, поднялъ брови верху и повернулъ ухо, чтобы услышать, о чемъ я буду говорить, полагая, что я отъ страха буду говорить тихо, неясно.

Князь повторилъ свой вопросъ: «въ чемъ же дѣло?» Я набрался храбрости и болѣе чѣмъ громко сказалъ:

— Ваше сіятельство! Я имѣю честь беспокоить васъ своею просьбою не губить меня.

Сдѣлавъ такое вступленіе, я разсказалъ ему, что за годъ до выпуска я дѣлалъ мечту быть назначеннымъ въ Черное море, что мнѣ это, къ прискорбію моему, не удалось и пришлось въ силу необходимости, противъ воли, записаться въ Каспійскую флотилію. Замѣтивъ, что онъ слушаетъ меня съ улыбкою, но съ вниманіемъ, я высказался, что для желающаго быть настоящимъ морякомъ въ службѣ въ Каспійскомъ морѣ нѣтъ ничего поучительнаго и привлекательнаго и что тамъ нѣтъ никакой служебной перспективы. Князь нетерпѣливо перебилъ меня:

— Я также служилъ въ Каспійскомъ морѣ,—сказалъ онъ:—и, какъ видите,—онъ потрясъ плечами, показывая на свои эполеты.

Мнѣ показалось, что князь уже смягченъ къ моей просьбѣ, и я, набравшись смѣлости, заигрывающимъ тономъ сказалъ ему:

— Между нами, ваше сіятельство, большая разница: вы князь, а я просто Чайковский.

Картина сразу измѣнилась. Показалось ли это ему фамиллярнымъ, или по другой причинѣ, но князь, нахмутивъ брови, обратился къ Воеводскому, сказалъ:

— Выдайте г. Чайковскому подорожную, и чтобы черезъ три дня онъ былъ въ пути къ своему назначенію,—и отошелъ отъ меня къ слѣдующему просителю.

Я готовъ былъ разрыдаться и едва могъ сказать Воеводскому, что къ мѣсту служенія я ѣхать не могу, такъ какъ имѣю 28-дневный отпускъ, которымъ еще не воспользовался.

— Въ такомъ случаѣ уѣзжайте въ отпускъ, но чтобы черезъ три дня васъ не было въ Петербургѣ.

Вернувшись домой, я признался отцу въ моей неудавшейся попыткѣ и получилъ совѣтъ покориться судьбѣ. Я сталъ готовиться къ отъѣзду. Покупая разныя принадлежности, я захотѣлъ къ карманнымъ часамъ, подареннымъ мнѣ отцомъ, купить золотую цѣпочку. Денегъ у меня было мало. Отецъ не располагалъ средствами, чтобы баловать меня, и я рѣшилъ купить цѣпочку новаго золота, дешевенькую. Мнѣ посовѣтовали купить у закладчика, располагавшаго большимъ выборомъ часовъ, золотыхъ вещей и разныхъ драгоценностей по пониженной цѣнѣ, и указали адресъ. Помнится мнѣ, что жилъ закладчикъ этотъ въ одной изъ улицъ близъ Литейнаго проспекта. Придя къ нему, я попросилъ показать мнѣ цѣпочку изъ новаго золота и, когда выбиралъ, замѣтилъ въ той же комнатѣ почтеннаго, красиваго старика восточнаго типа, одѣтаго въ восточный костюмъ темно-сѣраго сукна, разсматривавшаго разставленные на столахъ въ ящикахъ подъ стекломъ какія-то

драгоцѣнности, бокомъ смотрѣвшаго на меня съ любопытствомъ и прислушивавшагося къ моимъ переговорамъ съ закладчикомъ. Послѣдній предлагалъ мнѣ различныя цѣпочки и между прочимъ настоящаго золота. Я отвѣчалъ, что средствами не располагаю и потому останавливаюсь на своемъ выборѣ. Стоявшій въ сторонѣ старикъ подошелъ ко мнѣ и сталъ также доказывать, что пріобрѣтать цѣпочку новаго золота напрасная трата денегъ, и совѣтовалъ взять настоящую золотую.

Вмѣшательство старика мнѣ было непріятно и непонятно.

Я повторилъ нѣсколько рѣзкимъ тономъ свое объясненіе и просилъ оставить за мною право покупать то, что я хочу. Закладчикъ началъ прикрѣплять цѣпочку къ моимъ часамъ.

— Вамъ, молодой человѣкъ, видимо, непріятно мое вмѣшательство, въ такомъ случаѣ простите мнѣ, старику.

И затѣмъ въ очень деликатной формѣ поинтересовался знать, кто я такой, гдѣ служу, кто мой отецъ, и, когда узналъ, что я только что выпущенный изъ морского корпуса, назначенъ служить въ Каспійскую флотилію и ѣду въ Астрахань, старикъ, привѣтливо улыбаясь, сказалъ:

— Сама судьба насъ сводитъ съ вами, такъ какъ я могу быть вамъ полезенъ, дать рекомендательныя письма къ губернатору и начальнику Каспійской флотиліи, тамъ всѣ меня знаютъ, позвольте же мнѣ съ этой минуты считать васъ моимъ знакомымъ. Васъ, вѣроятно, интересуеть, кто я такой? Вотъ моя карточка.

Онъ распахнулъ свое пальто, чтобы достать изъ бумажника свою карточку, и я увидѣлъ на его груди двѣ звѣзды, показавшія его сановитость.

— Позвольте мнѣ, старику, быть откровеннымъ,—и, взглянувъ на меня ласково и протянувъ мнѣ руку, сказалъ:—завтра именины моей дочери, для которой я пришелъ сюда выбрать подарокъ, приходите завтра ко мнѣ, и я познакомлю васъ съ моею семьей.

— Очень благодаренъ, ваше превосходительство, за вниманіе, которымъ завтра же воспользуюсь,—отвѣтилъ я.

— И отлично,—сказалъ профессоръ Казенбекъ:—приходите, и я вамъ вручу рекомендательныя письма, а теперь въ знакъ моего перваго знакомства съ вами я убѣдительно прошу принять отъ меня на память вотъ эту золотую цѣпочку,—съ этими словами профессоръ протянулъ мнѣ руку съ взятою имъ изъ ящика золотую цѣпочкою.

«Ребенокъ я, что ли,—пробѣждало у меня въ головѣ:—что совершенно незнакомый мнѣ человѣкъ дѣлаетъ мнѣ подарокъ?» Я чувствовалъ себя обиженнымъ, вѣдь я офицерскаго званія, кровь бросилась мнѣ въ голову, и я отвѣтилъ ему:

— Ваше превосходительство, мнѣ непристойно принять незаслуженный подарокъ. Если бы въ этомъ была необходимость,—прибавилъ я:—то мой отецъ не отказалъ бы дать мнѣ для этого денегъ.

Казенбекъ продолжалъ стоять съ протянутой рукой.

Я молчалъ.

— И вамъ не стыдно заставлятъ меня стоять съ протянутой рукой?—спросилъ онъ.—Наконецъ, если хотите, я поѣду къ вашему батюшкѣ и буду просить его, чтобы онъ убѣдилъ васъ принять этотъ подарокъ отъ меня.

Онъ продолжалъ стоять съ протянутой рукой.

— Не обижайте же меня, старика,—продолжалъ онъ настаивать. Въ тонѣ его чувствовался ласковый упрекъ, мнѣ стало стыдно и неловко передъ такимъ почтеннымъ человѣкомъ, проявившимъ ко мнѣ неожиданно симпатію, и, когда я взялъ отъ него цѣпочку, Казенбекъ сказалъ:—ну, теперь мы съ вами друзья, спасибо, что не обидѣли меня,—а завтра я жду васъ къ себѣ.

На другой день я былъ принять очень ласково семьею Казенбека, и виновница праздничнаго дня угощала меня шоколадомъ. Казенбекъ снабдилъ меня рекомендательными письмами, и я разстался съ обѣщаніемъ написать имъ, когда устроюсь въ Астрахани.

На слѣдующій день, 23-го апрѣля, кончался срокъ моему пребыванію въ Петербургѣ. Приказаніе князя Голицына должно было быть выполнено. Однако ни рекомендательныя письма почтеннаго профессора г. Казенбека, ни чувства дружбы къ Д. Чалѣеву, ожидавшему моего пріѣзда въ Астрахань,—не мирили меня съ неудачею склонить къ себѣ милость князя Голицына. Меня неотступно преслѣдовало желаніе избавиться отъ службы въ Каспійскомъ морѣ. Вернувшись домой, я не находилъ себѣ мѣста и, когда легъ спать и потушилъ свѣчу, задумываясь надъ своимъ положеніемъ, мнѣ вдругъ блеснула мысль: а что если поѣхать завтра утромъ прямо къ генераль-адмиралу великому князю Константину Николаевичу и смѣло обратиться къ нему, искать пощады отъ службы въ Каспійскомъ морѣ, молить его о назначеніи меня въ Черноморскій флотъ, убѣдить его, что я стремлюсь туда, гдѣ плаваютъ круглый годъ, чтобы быть настоящимъ морякомъ, а для этого надо служить на судахъ Черноморскаго флота? Идея эта мнѣ очень понравилась. Сонъ отъ меня убѣжалъ, и я снова, какъ младенецъ, рисовалъ себѣ, какъ подойду къ великому князю, какъ буду говорить убѣдительно, краснорѣчиво, онъ смилуется, проститъ мою смѣлость, что обратился прямо къ нему.

Съ этой мыслью я заснулъ, но рано проснулся. Несмотря на мою благоговѣйную любовь къ отцу, отъ котораго я никогда ничего не скрывалъ, я утаилъ свой замыселъ и, вставъ рано утромъ, напившись чаю, надѣлъ свой гардемаринскій мундиръ съ аксельбантами, саблю и шляпу, поздоровался съ отцомъ и на вопросъ его, куда я собираюсь, отвѣтилъ, что ѣду въ инспекторскій департаментъ. Отдавшись своей сумасбродной затѣѣ, я сознавалъ, что, если признаюсь отцу, онъ отговоритъ меня, и тогда моя послѣдняя попытка

отдѣлаться отъ Каспійскаго моря не состоится. Нанимая пзвозчика, я важно приказаль ему везти меня въ Мраморный дворець. Состояніе духа было приподнятое, я мужественно держаль себя до того момента, пока не вошелъ въ подъѣздъ дворца. Было 11 часовъ. Снимавшій пальто величественный швейцарь смотрѣль на меня удивленно, и на заявленіе мое, что желаю представиться его императорскому высочеству, замаяся, раздумчиво посовѣтовавъ мнѣ обратиться къ дежурному адъютанту, предложилъ мнѣ подняться по лѣстницѣ.

Поднявшись осторожно, я вошелъ въ залъ, сілшошь уставленный, на высокихъ подставкахъ, моделями кораблей подъ стеклянными колпаками. Всѣ онѣ были выше моего малаго роста. Чтобы не потерять присутствія духа, я, въ ожиданіи адъютанта, сталъ разсматривать модели, и что же я увидѣль? По другую сторону стекляннаго колпака на меня смотрѣль какой-то адмираль въ полной формѣ, я повернулъ глаза направо и налево и увидѣль еще и еще адмираловъ, также въ полной формѣ. Залъ оказался переполненнымъ адмиралами. Опять, подумаль я, неудача, придется говорить съ великимъ княземъ не наединѣ, и вдругъ почувствовалъ, что кто-то меня обняль за талію. Сердце дрогнуло. Поворачиваюсь и вижу адмирала Воеводскаго, глаза наши встрѣтились, онъ пронизательно смотрѣль на меня и шопотомъ змѣи спросиль, зачѣмъ я пожаловаль сюда.

Мнѣ ничего не оставалось, какъ сказать тотъ же стереотипный отвѣтъ:

— По личному дѣлу!..

— Хорошо, вѣрю,—сказаль Воеводскій:—но вѣдь для того, чтобы говорить о своихъ дѣлахъ, вы должны были сообразить, что генераль-адмираль сегодня едва ли васъ выслушаетъ. Да вы знаете ли, какой сегодня здѣсь день?—внезапно спросиль онъ меня нетерпѣливо.

Я, который находилься въ стадіи счастливой молодости, только что сбросившій съ себя кадетскіе погоны, конечно, пренебрегаль временемъ и робко отвѣтилъ:

— 23-е апрѣля, ваше превосходительство!

— Ну, хорошо, а знаете ли вы, что сегодня день тезоименитства Александры Іосифовны?—Замѣтивъ мое замѣшательство, онъ быстро заговориль:—Вижу, вижу по глазамъ, что не знали,—проговориль онъ:—стыдно, г. Чайковскій, не знать тезоименитства супруги своего генераль-адмирала.

Пристыженный, я молчалъ. Понявъ, однако, мою настойчивость и дѣль моего появленія въ дворцѣ, Воеводскій вкрадчиво посовѣтоваль мнѣ избрать другой день для изложенія моихъ личныхъ дѣль великому князю. Въ это время показалься дежурный адъютантъ. Воеводскій заторопился и, обнявъ за талію, повель меня къ выходу.

— Совѣтую уходить скорѣе, пока великая княгиня съ великимъ княземъ не вышли къ прибывшимъ адмираламъ и генераламъ для принесенія имъ поздравленія,—и, доведя меня до парадной лѣстницы, торопливо спросилъ:—а когда вамъ поставлено условіемъ выѣхать изъ Петербурга?

Я едва успѣлъ отвѣтить ему, что сегодня вечеромъ, какъ въ это время состоялся выходъ, Воеводскій повернулся, чтобы идти въ залъ, но не вытерпѣлъ, догнавъ меня, уже спускавшагося по лѣстницѣ, и сказалъ повелительно:

— Совѣтую вамъ сегодня же уѣхать!

Вечеромъ того же дня я сидѣлъ въ вагонѣ Варшавской желѣзной дороги, по которой ѣхалъ до Острова, откуда предстояла поѣздка въ восьмимѣстномъ мальпостѣ до Кіева (два мѣста сзади, четыре внутри и два спереди). Въ то время желѣзнодорожнаго пути до Кіева еще не было. Переѣздъ этотъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Я имѣлъ открытое мѣсто впереди, защищенное верхомъ и фартукомъ, нѣсколько выше ямщика. Въ общемъ шоссе на всемъ пути было въ порядкѣ, и я наслаждался съ птичьяго полета дорогой и окрестностями. Мальпостъ шель шестеркою съ двумя выносными при форейторѣ и когда предстоялъ перегонъ съ объѣздами, по случаю ремонта шоссе или горной мѣстности, впрягали и восемь лошадей. Торжественный подъѣздъ къ станціямъ или проѣздъ черезъ село или городъ сопровождался звукомъ трубы кондуктора, старавшагося выдѣлывать какой-то мотивъ. Изъ восьми путешествовавшихъ было шесть дамъ и двое мужчинъ. Внутри кареты были исключительно дамы. Образовалось весьма пріятное общество, и, какъ это бываетъ всегда въ дорогѣ, дружно проводили время на станціяхъ. Вмѣстѣ обѣдали и пили чай, при чемъ каждый старался подѣлиться своими дорожными запасами и лакомствами. Все вмѣстѣ взятое составляло пріятное путешествіе.

Въ Кіевѣ я остановился на два дня, чтобы ознакомиться съ памятниками древности.

Когда мнѣ пришлось обратиться въ почтовую контору, взявъ перекладную для дальнѣйшаго слѣдованія въ Чигиринскій уѣздъ, гдѣ проживала моя замужняя сестра А. И. Давидова въ мѣстечкѣ Каменка, старый почтмейстеръ, принимая отъ меня подорожную, замѣтилъ мнѣ шутливо, что боится отпустить меня одного.

— Вы такой маленькій и выглядываете не офицеромъ, а мальчишкомъ, какъ бы на дорогѣ васъ не обидѣли,—прибавилъ онъ; замѣтивъ на лицѣ моемъ неудовольствіе на его фамильярность, онъ заторопился извиняться, приговаривая:—не сердитесь, не сердитесь, вѣдь я хотѣлъ по-хорошему сказать,—а все-таки,—добавилъ онъ,—я вамъ дамъ отъ себя записочку станціоннымъ смотрителямъ, они постараются давать вамъ хорошихъ ямщиковъ и лошадей.

Я сердечно поблагодарилъ милого сѣденькаго круглолицаго старичка. Благодаря записочкѣ его, я доѣхалъ до Каменки прекрасно.

Въ скорости за мною слѣдомъ пріѣхалъ въ Каменку и отецъ мой. Краткосрочный двадцативосьмидневный отпускъ, при новыхъ для меня деревенскихъ впечатлѣніяхъ (я первый разъ былъ въ Малороссіи), съ ласкою сестры, которую я боготворилъ, заботившейся ежедневно доставлять мнѣ деревенскія развлеченія,—пробѣжалъ чрезвычайно быстро. Приходилось отправляться къ мѣсту службы въ ненавистную мнѣ Астрахань. Желѣзныхъ дорогъ не было, предстояло снова тащиться на перекладныхъ. Чтобы избѣжать этого мученія, отецъ и сестра снабдили меня деньгами и настояли на томъ, чтобы я ѣхалъ на Николаевъ, пароходомъ въ Одессу, оттуда на пароходахъ Р. О. П. и Т. въ Таганрогъ, Ростовъ-на-Дону, Калачъ, Царицынъ и по Волгѣ въ Астрахань. Напутствуемый благословеніями и пожеланіями, я двинулся въ путь на перекладныхъ въ Николаевъ. Первые два дня я крѣпился. Ѣхалъ, какъ говорится, безъ передышки и, несмотря на отчаянную дорогу, ухитрялся спать сидя. На третій день я чувствовалъ себя уже совершенно разбитымъ. Появилась боль въ головѣ, костяхъ и поясницѣ. По временамъ я стоналъ.

— Ваше благородіе, — да вы, видно, совсѣмъ замаялись, — замѣтилъ мнѣ на одномъ изъ перегоновъ ямщикъ.—Слѣзьте-ка да пройдитесь пѣшкомъ, а я тѣмъ временемъ въ гору подыму съ шагомъ и буду ждать васъ на горѣ.

День былъ теплый, солнечный. Я вылѣзъ и пошелъ, пошатываясь, слѣдомъ за перекладной. Шелъ, конечно, тише, чѣмъ лошади, такъ что за поворотомъ перекладная скрылась изъ моихъ глазъ.

Уставъ отъ подъема, чувствуя увеличивающуюся головную боль, я присѣлъ на большой камень при дорогѣ и задумался. Мысль, что я ѣду въ Каспійское море, снова загвоздилась въ головѣ, и я, пользуясь тѣмъ, что, кромѣ жаворонковъ, распѣвавшихъ надъ моею головою свою чудную степную мелодію, меня никто не видитъ, заслезился и, забывъ о томъ, что на горѣ ждетъ меня ямщикъ, отдался усталости и покою, абсолютной тишинѣ,—задремалъ.

— Ваше благородіе! а, ваше благородіе!—раздался вдали надъ моею головою голосъ ямщика.

Встрепенувшись, я сталъ подниматься въ гору, и когда подошелъ къ ямщику, онъ участливо спросилъ: «недужится, что ли?» и, не дожидаясь отвѣта, заявилъ, что до станціи осталось недалеко, что жена смотрителя пособляетъ лучше настоящихъ дохтуровъ,—сразу облегчить меня.

Добрался я до Николаева совершенно изломаннымъ. Ямщикъ лихо подкатилъ меня вечеромъ къ крыльцу гостиницы «Золотой Якорь». Проходя мимо столовой ресторана, я увидѣлъ нѣсколько морскихъ офицеровъ,—повѣяло роднымъ гнѣздомъ. Очутившись въ номерѣ послѣ двухсотъ пятидесяти верстъ ѣзды на перекладныхъ, я понялъ этотъ мучительный способъ передвиженія и райское счастье послѣ ванны очутиться въ чистой постели,

На другой день я отыскалъ своихъ товарищей, уже вступившихъ въ строй службы Черноморскаго флота, между которыми былъ одинъ изъ моихъ друзей П. Ф. Юрѣвъ, посовѣтовавшій воспользоваться моимъ пребываніемъ въ Николаевѣ и просить главнаго командира Б. А. Глазенапа, бывшаго нашего директора морского корпуса, о зачисленіи меня въ Черноморскій флотъ. Совѣтъ Юрѣва оказался излишнимъ, сама судьба приняла меня подъ свое счастливое крыло.

Какъ проѣзжающему, мнѣ надлежало явиться въ главный штабъ и заявить о причинахъ моего пребыванія въ Николаевѣ. Надѣвъ полную форму, я отправился въ штабъ, начальникомъ котораго состоялъ Христофоровъ. Представляюсь, докладываю причину моего нахожденія въ Николаевѣ и, конечно, не упускаю случая поплакаться на свою судьбу, что приходится начинать службу въ Каспійскомъ морѣ. О подвигахъ своихъ съ княземъ Голицынымъ и попыткѣ проникнуть въ Мраморный дворецъ я умолчалъ.

Христофоровъ, занятый дѣлами, видимо, желалъ скорѣе отдѣлаться отъ меня, приказалъ мнѣ оставить свой адресъ и хотѣлъ было уйти отъ меня, какъ въ это время вошелъ мой бывшій командиръ корабля «Выборгъ» М. О. Дюгамель, теперь контръ-адмиралъ и флагманъ отряда судовъ Черноморскаго флота.

Появленіе его для меня было полною счастливою неожиданностью. Привѣтливо поздоровавшись со мною, Дюгамель разспросилъ о причинѣ моего появленія въ Николаевѣ и, узнавъ, что ѣду я на службу въ Астрахань съ тяжелымъ сердцемъ, что я домогался у князя Голицына перечисленія моего въ Черноморскій флотъ, Михаилъ Осиповичъ принялъ во мнѣ участіе и сказалъ, что онъ сейчасъ идетъ съ докладомъ къ главному командиру и постарается склонить его оставить меня въ Николаевѣ.

Присутствовавшій все это время Христофоровъ, понявшій доброе расположеніе Дюгамеля ко мнѣ, подсказалъ адмиралу, что можно будетъ приказомъ запросить по Черноморскому флоту, не найдется ли желающій вмѣсто меня поступить въ Каспійскую флотилію. Я не выдержалъ, чтобы не сказать свое сомнѣніе, что едва ли найдутся такіе охотники. «Не торопитесь этого говорить», сказалъ Дюгамель, видимо, задавшійся оставить меня при себѣ, приказалъ мнѣ сейчасъ же идти къ главному командиру и ждать его тамъ въ пріемной. Черезъ нѣсколько минутъ я уже стоялъ въ пріемной, имѣвшей нѣсколько дверей, ведущихъ въ апартаменты главнаго командира. Въ пріемной не было никого. Ждалъ долго. Мимо меня прошелъ Христофоровъ въ дверь, ведущую въ кабинетъ главнаго командира, и снова все затихло. Въ виду надежды на осуществленіе моего желанія служить въ Черномъ морѣ, мысль о томъ, что изъ всего этого можетъ ничего выйти, — не складывалась. Я съ трепетомъ ждалъ появленія Михаила Осипо-

вича. Послышался у одной из дверей какой-то шорохъ, я насторожился, дверь тихо нѣсколько разъ пріотворялась и затворялась. Черезъ узкую щель я, однако, разглядѣлъ смотрѣвшую на меня въ лорнетъ почтенную даму высокаго роста. Впослѣдствіи оказалось, что это была супруга главнаго командира, присутствовавшая въ кабинетѣ своего мужа при усиленномъ ходатайствѣ М. О. Дюгамеля оставить меня въ Черноморскомъ флотѣ и пожелавшая посмотрѣть на протеже адмирала. Наконецъ послышался шумъ твердыхъ шаговъ, и изъ дверей кабинета показался М. О. Дюгамель, приглашавшій меня слѣдовать за нимъ въ кабинетъ главнаго командира. Войдя, я тотчасъ же узналъ въ немъ оставившаго корпусъ въ 1855 году, красиваго и величаваго въ генераль-адъютантской формѣ, моего бывшаго директора морского корпуса. Дюгамель представилъ меня, а я добавилъ, назвавъ себя «кадетомъ малолѣтней роты 1854 году»,—въ бытность его высокопревосходительства директоромъ корпуса. Подойдя ко мнѣ съ ласковой улыбкой, добрый Богданъ Александровичъ сказалъ мнѣ:

— Адмиралъ доложилъ мнѣ, что вы желаете служить въ Черноморскомъ флотѣ. Ну, что жъ? Мнѣ остается сказать, послѣ лестнаго отзыва о васъ Михаила Осиповича, что я самъ желаю, чтобы вы служили со мною въ Черномъ морѣ,—и, обратясь къ Дюгамелю, спросилъ его:

— Вы хотите взять г. Чайковскаго къ себѣ?—и, не дожидаясь отвѣта, приказалъ Христофорову отдать приказъ по флоту о назначеніи меня на корветъ «Вепрь».

Передать испытанныя въ то время чувства радости и удовлетворенія отъ сознанія, что Богомъ мнѣ посланы два вліятельныхъ покровителя, взявшихся устроить мою судьбу,—я передать эти чувства не въ силахъ. Если бъ не мое офицерское званіе, я готовъ былъ броситься имъ на шею и расцѣловать ихъ обоихъ... Низко кланяясь и благодаря за вниманіе, я обѣщалъ оправдать своею службою ихъ покровительство. Прощаясь со мною, Дюгамель обратилъ мое вниманіе, что сегодня танцевальный вечеръ въ лѣтнемъ Спасскомъ офицерскомъ собраніи.

— Если танцуете, то приходите,—сказалъ онъ.

Вышедшій же со мною на улицу Христофоровъ сообщилъ, что главный командиръ приказалъ ему составить на имя генераль-адмирала ходатайство о перечисленіи меня изъ Каспійской флотиліи въ Черноморскій флотъ. «Ну, думалось мнѣ, судьба моя обезпечена. Ходатайство главнаго командира, да еще генераль-адъютанта, не можетъ быть не уважено.—Ну, и попляшу же я сегодня съ радости во всю силу». А пока шелъ до своей гостиницы, мнѣ вспомнился покинутый мною милый другъ Чалѣевъ.

«Простить ли онъ мою дружескую измѣну?» спрашивалъ я себя.

«Истор. вѣстн.», январь 1913 г., т. сxxxі.

7

Седьмой эпизодъ.

Подъѣзжая къ Спасскому собранію, такому любителю танцевъ, какимъ былъ я, достаточно было услышать балльную музыку, чтобы, уподобившись старой кавалерійской лошади, слышавшей сигналъ рожка и бросившейся въ стройные ряды проходившей мимо нея кавалеріи, чтобы такъ же и мнѣ въ нѣсколько минутъ очутиться въ свѣтломъ залѣ офицерскаго собранія... И я остолбѣлъ отъ обилія на рѣдкость красивыхъ дамъ и дѣвицъ.

Не подумайте, что это было увлеченіе молодого профана женской красотой. Пусть тѣ дамы и дѣвицы 1862 года, а также того времени мои сослуживцы подтвердятъ, что Николаевъ въ то время дѣйствительно изобиловалъ красотой женщинъ. Онѣ блистали не красотой нарядовъ, а красотой своихъ лицъ, стройностью и чарующей привѣтливостью. Я замеръ, любуясь танцующими, и завидовалъ кавалерамъ совсѣмъ незнакомаго мнѣ общества дамъ, чувствовалъ себя мальчикомъ, къ которому эти красивыя веселыя дамы и барышни, думалось мнѣ, отнесутся пренебрежительно. Продолжая любоваться ихъ красивой внѣшностью, я вспомнилъ назидательныя слова о красотѣ лилій, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Особенное вниманіе всего общества сосредоточивала на себѣ жена командира парохода-фрегата «Тигръ». Она была такъ очаровательна, что даже такой недостатокъ, какъ нѣкоторая косость глазъ, не только не портила ея красоту, но даже украшалъ ее въ свойственныхъ всѣмъ женщинамъ кокетливыхъ улыбкахъ. Наблюденіе мое было прервано появленіемъ М. О. Дюгамеля, который, увидя меня, тотчасъ же подошелъ ко мнѣ и, взявъ за руку, представилъ г-жѣ Ш—ъ, которая перевела на меня свои глаза съ красивымъ недостаткомъ, съ видомъ покровительства положила свою руку на мое плечо, и я пошелъ спокойнымъ темпомъ вальса вокругъ всего зала. Посадивъ даму на мѣсто и заслуживъ благодарность, я засталъ у ея кресла главнаго командира, который одобрительно отозвался о моемъ умѣннѣ танцовать, и этого было достаточно, чтобы завоевать себѣ вниманіе всего общества.

Подъ чарующимъ впечатлѣніемъ проведеннаго вечера и новаго знакомства я чувствовалъ себя влюбленнымъ въ дѣвицу О., а чрезъ нѣсколько дней послѣ танцевальнаго вечера въ «Лѣскахъ» я уже былъ влюбленъ въ Б., а въ концѣ концовъ не могъ разобраться, въ кого же я болѣе влюбленъ.

Надо полагать, я былъ небезынтереснымъ молодымъ субъектомъ для дамскаго общества, которое не безъ удовольствія слушало мою болтовню и мое скромное пѣніе. У меня былъ недурной голосъ и хорошій слухъ, позволявшіе мнѣ съ чувствомъ распѣвать

маменькамъ и дочкамъ разные романсы и особенно излюбленный мною «На зарѣ ты ее не буди», изученный мною еще въ корпусѣ подѣ аккомпаниментъ флють-гармоніи товарища Н. А. Римскаго-Корсакова, ставшаго впоследствии извѣстнымъ композиторомъ.

Радостное настроеніе мое было прервано въ концѣ іюля отходомъ корвета «Вепрь» къ берегамъ Кавказа. Командиромъ корвета былъ капитанъ-лейтенантъ И. О. Дефабрь, а старшимъ лейтенантомъ А. Е. Попандопуло. На форъ-стенгѣ развѣвался флагманскій флагъ М. О. Дюгамеля. Выйдя за Березань, корветъ вступилъ подѣ паруса, и началась чудная морская служба паруснаго строя. Команда срока пятнадцатилѣтней службы носила въ себѣ еще традиціи славнаго духа Черноморскаго флота. Любо было смотрѣть на работы людей при постановкѣ и уборкѣ парусовъ и поворотахъ на разные галсы, лихость которыхъ поражала своею смѣлостью, а въ особенности въ штормовыя погоды, при громадной боковой зыби, когда ноки зарифленныя марсели близко склонялись къ вершинамъ волновой зыби, и когда ловкій матросъ, сидя верхомъ на покѣ реи, заводилъ штыкъ-боутную помощь. Въ тихія погоды я любовался стройностью внутренней жизни матросовъ. Продолжительность службы ихъ связывала людей въ одну семью, умѣвшую любить свое судно и цѣнить своего командира и офицеровъ. Физиономія людей рѣзко измѣнялась, когда корветъ шелъ подѣ парусами и когда подѣ парами. Въ послѣднемъ случаѣ команда имѣла видъ безучастно-казарменный, «не наше, моль, теперь дѣло, пуцай машина насъ ведетъ».

Не мнѣ описывать красоты береговъ Крыма и первыя впечатлѣнія отъ заходовъ корвета въ Севастополь, Ялту и другіе порты Крыма, впервые много видѣнные. Севастополь, несмотря на то, что послѣ Крымской войны прошло тогда уже семь лѣтъ, представлялъ собою однѣ руины зданій. На Екатерининской улицѣ было не болѣе двухъ возстановленныхъ для жилья домовъ, остальные имѣли только однѣ полуразрушенныя стѣны. Ялта была въ сущности простою татарскою деревушкой, хотя во главѣ ея состоялъ городничій. Началомъ процвѣтанія Ялты можно считать 1862 годъ, такъ какъ въ это время шли полнымъ ходомъ работы по окончанію постройки Ливадійскаго дворца. Адмиралъ, съѣзжая на берегъ, всегда бралъ меня съ собою, что доставляло мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ, исполняя роль его адъютанта, я пользовался удовольствіями, которыя были ему предоставляемы, какъ почетному посѣтителю. Забавно было видѣть увлеченія адмирала женскою красотою юга; не разъ онъ поручалъ мнѣ узнать, кто та или другая хорошенькая женщина, остановившая на себѣ его вниманіе.

Я не Станюковичъ и потому обхожу поэтическія стороны плаванія корвета вдоль величественно-красивыхъ береговъ Кавказа, въ то время еще нами не вполне покореннаго. Памятенъ мнѣ лишь одинъ

день, когда корветъ стоялъ на якорѣ въ Сухумѣ. Адмиралъ былъ освѣдомленъ въ одинъ изъ дней вечеромъ, что горцы намѣрены утромъ сдѣлать нападеніе на Гагринское укрѣпленіе. Корветъ быстро снялся съ якоря, и мы уже съ разсвѣтомъ подходили къ Гагринскому ущелью, гдѣ въ незначительной на берегу крѣпостцѣ держалось нѣсколько ротъ нашей пѣхоты. Подходили мы къ Гаграмъ подъ парами. Старшій штурманскій офицеръ, пользуясь глубиною вдоль берега, слишкомъ близко, почти на ружейный выстрѣлъ, держался берега, и командиръ, во избѣжаніе злой горской пули въ адмирала, стоявшаго на площадкѣ, приказалъ отдалиться. Бросивъ якорь на близкомъ разстояніи отъ крѣпостцы и имѣя заряженные и наведенныя пушки на возвышенности, гдѣ находились горцы, адмиралъ съѣхалъ со мною на берегъ, гдѣ былъ встрѣченъ загорѣлымъ боевымъ офицеромъ, отрапортовавшимъ, что нападеніе состоялось ночью и что горцы отброшены въ горы. Результатомъ боя было нѣсколько раненыхъ и одинъ убитый. Поздоровавшись съ карауломъ, осмотрѣвъ крѣпостцу и выслушавъ подробности ночного боя, адмиралъ посѣтилъ лазаретъ, гдѣ лежали раненые. Будучи недавно, въ 1909 году, въ Гагринскомъ курортѣ, я обходилъ кругомъ разрушенныя стѣны бывшей строгой крѣпостцы, украшенной теперь солидными зданіями съ магазинами, и мнѣ трудно было возстановить въ памяти видъ ея въ прошломъ, сорокъ семь лѣтъ тому назадъ.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ плаванія, въ началѣ сентября 1862 года, корветъ отдалъ якорь противъ Оріанды (дворца великаго князя Константина Николаевича), въ которомъ жилъ лѣтомъ главный командиръ. Спущенный на воду адмиральскій вельботъ съ отборными гребцами (черноморской гребли) быстро доставилъ М. О. Дюгамеля и меня, состоявшаго при немъ, къ берегу Оріандскаго дворца, въ которомъ мы нашли главнаго командира съ женою и гостями за большимъ, довольно длиннымъ чайнымъ столомъ, въ концѣ котораго, противоположномъ самовару и хозяйкѣ, было предоставлено мнѣ мѣсто.

На этотъ разъ внимательность хозяйки особенно сказывалась въ количествѣ приготовляемыхъ мнѣ различныхъ бутербродовъ, при чемъ, обращаясь къ рядомъ сидѣвшимъ около нея дамамъ, она что-то говорила имъ шопотомъ и, жалостно издавая звуки тсъ-тсъ-тсъ, бросая на меня взглядъ, покачивала головою, сама подносила и угощала меня столбиками бутербродовъ. Я благодарилъ и удивлялся особому за мною ухаживанію, оправдываясь, что сытъ, но мои доводы не приводили ни къ чему. Оба адмирала, о чемъ-то разговаривая по-нѣмецки, наблюдая ухаживаніе за мной адмиральши, бросали на меня взгляды снисходительныхъ улыбокъ. Мнѣ чувствовалось, что что-то съ кѣмъ-то произошло неладное, но во всякомъ случаѣ до меня это относиться не могло, такъ какъ со мною ничего дурного не произошло. Послѣ чая, передъ отправленіемъ на

корветъ, Глазенапъ, прощаясь съ Дюгамелемъ, подалъ и мнѣ доброжелательно руку. Я успокоился.

Спускаясь по парку къ вельботу, ожидавшему насъ у берега, Дюгамель, шедшій рядомъ со мною, противъ обыкновенія молчалъ, не проронилъ онъ ни одного слова и на ходу вельбота къ корвету, ожидавшему насъ подъ готовыми парами, чтобы тотчасъ сняться въ Севастополь. Въ четыре часа утра корветъ отдалъ якорь въ Севастополь. Утомленный вахтою и входомъ на якорную стоянку, я бросился на койку и, конечно, крѣпко заснулъ. Однако шумъ около каюты и громкій знакомый мнѣ голосъ, спрашивавшій: «гдѣ каюта Чайковскаго?» заставилъ меня очнуться, и на вопросъ, кому я нуженъ, услышалъ голосъ моего товарища С. С. Бехтѣева (недавно скончавшагося члена государственнаго совѣта), служившаго на транспортѣ «Дунай», пріѣхавшаго сообщить мнѣ непріятную новость. Пока я одѣвался, чтобы отворить каюту, Бехтѣевъ, стоя около двери говорилъ нараспѣвъ: «Поздравляю, поздравляю, арестовать гардемарина Чайковскаго на два мѣсяца на гауптвахтѣ и отослать на собственный счетъ въ Астрахань».

— Въ чемъ дѣло?—спрашиваю его, когда онъ вошелъ въ каюту.

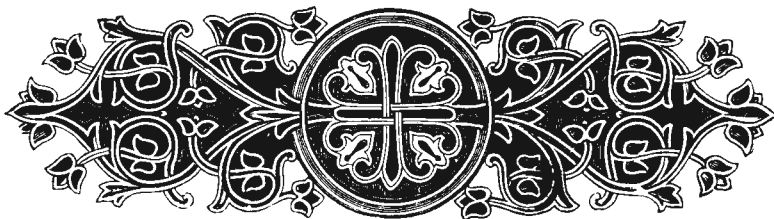
— Да вотъ читай приказъ директора инспекторскаго департамента,—и Бехтѣевъ сунулъ мнѣ въ руку приказъ. Прочитавъ его, мнѣ стало ясно, что князь Голицынъ не простилъ моей смѣлости очутиться наперекоръ ему въ Черномъ морѣ и что даже ходатайство такого сильнаго и вліятельнаго главнаго командира, какъ Б. А. Глазенапъ, не уважено. Эта первая неудача по службѣ поразила меня страшно, я бросился въ каюту командира и со слезами сталъ передавать ему о постигшей меня карѣ. Слушая меня, добрыйшій Ив. Осиповичъ Дефабрь улыбался и наконецъ сказалъ:

— Полноте плакать, все обойдется, вѣдь адмиралъ и я давно знали объ этомъ приказѣ, но онъ просилъ меня и г.г. офицеровъ не показывать его вамъ, чтобы не огорчать васъ,—и прибавилъ, что главный командиръ снова написалъ генераль-адмиралу и взялъ вину на себя.—Успокойтесь и не забывайте, что Богданъ Александровичъ генераль-адъютантъ и любимецъ государя,—добавилъ Дефабрь.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ того, какъ въ Севастополь прибылъ главный командиръ для осмотра отряда судовъ, находившихся подъ флагомъ М. О. Дюгамеля. Проходя по фронту офицеровъ на шканцахъ корвета, Б. А. Глазенапъ подошелъ ко мнѣ и поздравилъ съ состоявшимся приказомъ генераль-адмирала о назначеніи меня во 2-й экипажъ Балтійскаго флота на фрегатъ «Дмитрій Донской», отправлявшійся за границу съ гардемаринами. Само собою разумѣется, что тяжелая кара—гауптвахта съ ея послѣдствіями—была отмѣнена.

И. И. Чайковскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТРИ ПАМЯТНЫХЪ ДНЯ.

А ПОБЛЕКШИХЪ картинахъ далекаго личнаго прошлаго свѣжими красками свѣтятся событія трехъ дней моего дѣтства.

Было лѣто 1876 года. По тяжелымъ семейнымъ обстоятельствамъ, я не былъ взятъ родными изъ военной гимназіи домой на каникулярное время и проводилъ его въ Петергофѣ, въ военно-гимназическихъ лагеряхъ.

Каждый день два раза, утромъ и вечеромъ, мы, военные гимназисты, во главѣ съ своимъ дежурнымъ воспитателемъ, ходили изъ лагеря купаться на заливъ, совершая при этомъ изрядныя, туда и обратно, прогулки.

Въ одну изъ такихъ обратныхъ утреннихъ прогулокъ насъ засталъ необыкновенно сильный и продолжительный дождь. Это былъ могучій небесный водопадъ, обрушившійся на землю съ яростной силой. Выжиданія подъ различными прикрытіями оказывались напрасными,—ливню не было конца, а наши желудки предъявляли урочное требованіе завтрака, и мы вынуждены были дѣлать перебѣжки отъ одной защиты къ другой. Такимъ образомъ мы пробѣжали Нижній садъ, поднялись, карабкаясь съ помощью рукъ и большимъ рискомъ, по лѣстницѣ, обратившейся въ горный потокъ, въ Верхній, съ правой стороны дворца, и здѣсь, не видя иной защиты, какъ полуоткрытая дверь дворцоваго зданія, всей гурьбой ввалились въ эту дверь. Мы очутились въ длинномъ коридорѣ. На одной двери я прочиталъ: «квартира военнаго министра».

Наше стремительное, шумное шествіе обратило на себя вниманіе обитателей зданія. Не прошло двухъ минутъ, какъ къ намъ вышелъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

— О, какіе вы моченые!—сказалъ онъ, смѣясь.

Дѣйствительно, мы были словно изъ «мочки» и имѣли смѣшной, потрешанный видъ.

Ласково поговоривъ съ каждымъ изъ насъ въ отдѣльности, военный министръ обратился ко всѣмъ со словами:

— Вы военные, вы будущіе войны... и такого рода испытанія вамъ полезны!

Однако онъ заботливо приказалъ нашему воспитателю, по прибытіи въ лагерь, немедленно распорядиться уложить «будущихъ воиновъ» въ постели, предварительно снявъ съ нихъ всю одежду, и подать завтракъ каждому на его постельный столикъ-тумбочку.

Видя, что мы передохнули, Дмитрій Алексѣевичъ скомандовалъ намъ:

— Съ Богомъ, бѣгомъ маршъ!

Когда мы приближались къ лагерю, дождь пересталъ, очистилось небо, и заблестало яркое солнце.

Полежавъ немного въ постели и позавтракавъ въ ней, я раньше другихъ вскочилъ, одѣлся въ свѣжее бѣлье и верхнюю пару и выбѣжалъ изъ барака.

Солнышко, словно омытое и ликующее, играло. Воздухъ былъ чистъ и сладостно упоителенъ. Отъ недавняго стихійнаго ливня не было и слѣда,—песчаный грунтъ и сточныя каналы поглотили всю пролившуюся влагу.

Желая распрямить члены, я подбѣжалъ къ гимнастическому городку, продѣлалъ нѣсколько упражненій и наконецъ поднялся по наклонной лѣстницѣ. Сверху я увидѣлъ, что въ ближайшей къ городку канавѣ много воды и что она, какъ будто, стоитъ на мѣстѣ. Это меня заинтересовало,—повидимому, произошла закупорка. Я спустился съ лѣстницы и приблизился къ канавѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вода въ ней оказалась безъ движенія.

Подошелъ товарищъ. Съ быстротою, на которую только способно рѣзвое, стремительное дѣтство, мы рѣшили утилизировать случайно и совершенно неожиданно для насъ появившуюся на территории нашего лагеря водную поверхность въ спортивныхъ цѣляхъ. Намъ было по четырнадцати лѣтъ.

— Давай, покатаемся на бревнѣ!—сказалъ одинъ.

— Давай!—согласился другой.

Въ одну минуту мы скинули горизонтальное бревно городка изъ его гнѣздъ на землю и подкатали къ канавѣ. Еще моментъ, и оно очутилось въ водѣ.

Я первый вскочилъ на бревно и сталъ балансировать. Товарищъ сбѣгалъ къ городку, принесъ двѣ палки, «лапты», и подаль одну миѣ.

— Отталкивайся!—сказаль онъ.

Я послѣдовалъ его совѣту, и бревно со мной тихо поплыло. Это было то самое, ради чего продѣлывалась вся манипуляція, и мы пришли въ восторгъ.

— Пусти меня!—сказаль товарищъ.

Я соскочилъ на землю, а товарищъ продѣлалъ мой номеръ.

— Знаешь что? Давай вмѣстѣ!—предложилъ я.

— Вали!—согласился онъ.

Я прыгнулъ на бревно. Оно мгновенно погрузилось, сдѣлавъ вращательное движеніе, и мы полетѣли въ грязную воду канавы.

Нѣсколько мгновений мы барахтались, наконецъ встали на ноги и, схватясь за край канавы, начали выползать изъ нея.

— Это ничего...—сказаль я, чувствуя за собой вину и желая чѣмъ-нибудь утѣшить товарища.—Это ничего!

И вдругъ... поднявъ голову, я ужаснулся и, какъ вьюнъ, скользнулъ обратно въ канаву.

Я увидѣлъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ государя императора, верхомъ на лошади. Его величество остановился и смотрѣлъ въ нашу сторону.

— Назадъ!—прошипѣлъ я товарищу, въ надеждѣ, что мы не замѣчены.

Онъ не видѣлъ моей диверсіи и, очевидно, не услыпалъ меня, такъ какъ продолжалъ карабкаться.

— Пріемъ пластуновъ!—тихо скомандоваль я ему.

Товарищъ поднялъ голову, взглянуть впередъ... и припалъ къ землѣ.

Но было поздно.

Раздался голось государя:

— Шалуны ко мнѣ!

Я выглянулъ изъ канавы.

— Сюда!—повторилъ государь, сдѣлавъ призывающее движеніе руки.

Я выбросился изъ канавы и кинулся бѣгомъ на зовъ.

Государь былъ одинъ. Въ двухъ шагахъ отъ него, наблюдая за мной, неподвижно стояла чудная собака его величества Каро. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, вправо, по дорогѣ, на которой остановился государь,—это была передняя линейка нашего лагеря,—тихо приближался берейторъ его величества. Влѣво, въ нѣсколько большемъ отдаленіи, на той же линейкѣ строились мои товарищи, быстро выбѣгая изъ барака.

Я остановился въ трехъ шагахъ отъ государя, вытянулся въ струнку и отчеканилъ «руку подъ козырекъ».

Его величество молча и, какъ мнѣ показалось, сурово посмотрѣлъ на меня.

Я почувствовалъ, какъ моя бойкая, смѣлая душа уходитъ, что называется, «въ пятки».

Тяжелый, длительный въ переживаніи моментъ...

Но вотъ, благодаря ли контрасту моей выправки—«мертвой стойки», съ жалкимъ внѣшнимъ видомъ, или сугубо карикатурной фигурѣ приблизившагося компаньона моего, на лицѣ государя появилась улыбка.

Какъ согрѣтая теплою ртуть, моя душа быстро поднялась «на свое мѣсто».

Товарищъ же мой окончательно потерялся, по всей его фигурѣ пробѣгала дрожь испуга.

— Отъ такого купанья можно схватить лихорадку,—пристально посмотрѣвъ на него, сказалъ государь, и съ лица его сошла улыбка.

— Мы военные, мы будущіе войны... и такого рода испытанія намъ полезны, ваше императорское величество!— бойко, словно затверженное, отчеканилъ я.

На лицѣ государя вновь появилась улыбка, и онъ спросилъ меня:

— Кто тебѣ сказалъ, что это полезно?

— Его высокопревосходительство, господинъ военный министръ...—началь было я.

— Вотъ какъ!—остановилъ меня его величество.—Развѣ ты давно здѣсь купаешься?

Я наконецъ уловилъ смыслъ вопросовъ, а потому рѣшительно, убѣжденно отвѣтилъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество, первый и, даю слово, послѣдній разъ...

— Охотно вѣрю... Такъ шалить нельзя,—серьезно сказалъ государь и, обратясь къ моему товарищу, спросилъ:

— А ты?

Тотъ стоялъ въ слезахъ и молчалъ, но, повидимому, пришелъ въ себя,—дрожь испуга миновала.

— Что же ты молчишь? Или хочешь повторить купанье?—мягко, съ улыбкой спросилъ государь.

— Простите, больше не буду, ваше императорское величество!

Послѣдовала пауза.

— На лѣвый флангъ, бѣгомъ маршъ!—сдѣлавъ движеніе рукой въ сторону строя нашихъ товарищей, командовалъ намъ императоръ.

Мы поняли эту команду, какъ прощеніе нашей вины, и съ радостнымъ лицомъ ретиво ее выполнили, отнюдь уже не смущаясь нашимъ крайне непригляднымъ видомъ.

Его величество шагомъ приблизился къ фронту и поздоровался:

— Здорово, дѣти!

Мы отвѣтили:

— Здравія желаемъ вашему императорскому величеству!

И велѣдь, по установленному у насъ обыкновению, трижды прокричали: «ура!»

Государь, миновавъ фронтъ, у праваго фланга пріостановился.

— Водолазовъ переодѣть... и не взыскивать!—сказаль онъ дежурному воспитателю и тихо продолжалъ свой путь.

Но тутъ случилось новое неожиданное событіе.

Не отъѣхаль государь и десяти шаговъ, какъ отъ задней линейки нашего лагеря, гдѣ помѣщались кухни, появилась цѣлая стая собакъ и съ неистовымъ лаемъ окружила Каро, медленно передвигавшагося за своимъ державнымъ хозяиномъ. Каро, съ видимымъ удивленіемъ, оглянулъ обложившую и насѣдавшую на него стаю и остановился. Фигура его выражала великое спокойствіе, которымъ онъ, какъ истый аристократъ собачьей породы, очевидно, рѣшилъ отвѣтить плебеямъ. Чудная собака застыла въ своей позѣ. Однако барбосы не унимались, а насѣдали все настойчивѣй и яростнѣй.

Неожиданность, стремительность нападенія такъ всѣхъ озадачила, что никто ничего не предпринималъ для защиты Каро. Положеніе его становилось критическимъ.

И вотъ, увлеченный внезапнымъ порывомъ, я схватываю лежащія у бровки барака двѣ тяжеловѣсныхъ палки «городковъ» и съ ними кидаюсь въ самую гущу собачьяго мятежа.

Государь повернулъ обратно лошадь и остановился, наблюдая сцену.

— Не бей ихъ, не трогай... Каро самъ внушитъ имъ къ себѣ уваженіе!—услышалъ я голосъ государя, когда мнѣ удалось больно ударить одного, сильно насѣдавшаго пса, и онъ обратился въ бѣгство.

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество! Ихъ надо разгонять!—крикнулъ я, увлеченный своимъ дѣломъ и совершенно не думая о формѣ отвѣта.

Я употребилъ много усилій прежде, чѣмъ мнѣ удалось, съ помощью подоспѣвшихъ товарищей, разогнать собакъ.

— Однако ты бѣдовый!—шутливо сказалъ мнѣ государь и на прощанье милостиво добавилъ:

— Молодецъ!.. Спасибо тебѣ!

— Радъ стараться, ваше императорское величество!—во всѣ легкія гаркнулъ я въ отвѣтъ удалявшемуся императору.

Такъ окончился для меня царскимъ спасибо этотъ день, полный неожиданностей и сильныхъ переживаній. И долго потомъ въ моихъ ухахъ звучало это царское спасибо, оставивъ на всю жизнь въ моей душѣ неизгладимую память о добромъ, любвеобильномъ императорѣ Александрѣ II.

А въ связи съ этимъ днемъ встаютъ воспоминанія о другомъ днѣ.

Минуло около года. Наступила весна 1877 года. 13-го апрѣля была объявлена Турціи война, и нашимъ войскамъ повелѣно вступить въ предѣлы Оттоманской имперіи.

Въ маѣ на театръ военныхъ дѣйствій изъ Петербурга отправлялся санитарный поѣздъ имени государыни императрицы Маріи Александровны. Предъ отправленіемъ на Николаевскомъ вокзалѣ поѣздъ лично осматривали императоръ съ императрицей.

Посторонней публики на вокзалѣ допущено не было. Однако нѣсколько человѣкъ, повидимому, близкихъ служащимъ дороги, проникло на вокзальную платформу. Въ числѣ ихъ находился и я съ своимъ семилѣтнимъ братомъ.

Быль ясный солнечный полдень. Мы помѣстились у передняго вагона отправляемаго поѣзда, который былъ поставленъ у открытой платформы, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ зданія вокзала.

Долго ждать намъ не пришлось. Быстро, одинъ за другимъ, появлялись на платформѣ генералы въ парадной формѣ. Величественно прошелъ всегда блестящій и гордый великанъ Николай Васильевичъ Исаковъ, рѣшительно выдѣляясь среди другихъ своимъ видомъ, какъ сказочный персонажъ среди обыкновенныхъ смертныхъ. Онъ нашъ главный начальникъ (начальникъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній) и у насъ составилось о немъ мнѣніе, какъ о весьма строгомъ и взыскательномъ, а потому, когда Исаковъ приблизился къ переднимъ вагонамъ поѣзда, я, что было силъ и сноровки, «вытянулся въ струнку», предварительно шепнувъ брату:

— Нашъ, самъ!

Стоявшая рядомъ старушка, услыша мои слова, заволновалась, а когда увидѣла генерала величавой, царственной осанки, быстро выхватила изъ-за пазухи бумагу и упала къ ногамъ Исакова.

Тотъ остановился, нагнулся къ старушкѣ и спросилъ:

— Что тебѣ, старая? Ты ко мнѣ?

— Къ тебѣ, батюшка!.. Къ тебѣ, нашъ кормилецъ!—сказала старуха, подавая прошеніе.

Исаковъ взялъ прошеніе, развернулъ его и тогда увидѣлъ ошибку просительницы.

— Это къ царю...—сказалъ онъ, возвращая бумагу.

— Къ тебѣ, батюшка, ваше величество!.. Къ тебѣ, нашъ пресвѣтлый!—заволновалась старуха.

— Я не царь, я его генераль!..—съ улыбкой сказалъ Исаковъ:—царь сейчасъ будетъ...

И онъ продолжалъ свой величественный ходъ, бросивъ на меня съ высоты своего исполинскаго роста испытующій взглядъ.

Вскорѣ прибыли ихъ величества, а за ними ихъ высочества наследникъ цесаревичъ съ супругою и вошли въ задній вагонъ поѣзда, первый на пути ихъ слѣдованія. Осмотрѣвъ нѣсколько вагоновъ,

они вышли на платформу и нѣкоторое время бесѣдовали между собою, а затѣмъ снова вошли въ поѣздъ и осмотрѣли его до конца.

Я стоялъ напротивъ передней площадки перваго вагона, и сердце мое усиленно забилося, когда на ней я увидѣлъ государя императора, съ поднятымъ въ мою сторону взглядомъ.

Государь былъ грустно задумчивъ; онъ сильно измѣнился, осунулся. На немъ было пальто, наглухо застегнутое, несмотря на теплую, весеннюю погоду. Лѣвой рукой государь опирался на палку. Очевидно, помимо душевныхъ волненій, вызванныхъ послѣдними политическими событіями и сильно отразившихся на психикѣ государя, онъ недомогалъ и физически.

Его величество медленно спустился съ площадки вагона. Взглядъ его скользнулъ по мнѣ и остановился на маленькой фигуркѣ моего брата Шуры, стоявшаго влѣво отъ меня. Шура былъ очень красивый, стройный мальчикъ; его оживленное, миловидное личико обрамляли ниспадавшіе на плечики свѣтло-шелковые, волнистые локоны. На Шурѣ былъ матросскій костюмъ, на лентѣ шапочки красовалась надпись: «Гибель османамъ!»

Повидимому, надпись привлекла вниманіе государя, онъ грустно улыбнулся и подошелъ къ брату.

— Какой славный мальчикъ!—сказалъ государь, положилъ свою руку на выбившіеся изъ-подъ сдвинутой на затылокъ шапочки локоны Шуры и спросилъ его:

— Ты чей?

Братишка зардѣлся, какъ піонъ, и не зналъ, что сказать.

Чувствуя неловкость молчанія, я бойко отрапортовалъ:

— Это мой братъ, ваше императорское величество!

Государь вопросительно взглянулъ на меня, а потомъ задалъ мнѣ вопросъ:

— Я, кажется, тебя знаю?

— Такъ точно, ваше императорское величество!—съ радостнымъ волненіемъ отвѣтилъ я. — Въ прошломъ году, въ Петергофѣ, въ присутствіи вашего величества я защищалъ Каро отъ разъяренной...

По лицу государя прошла мимолетная улыбка, и онъ остановилъ меня, сказавъ:

— Помню... Кто вашъ отецъ?

Я отвѣтилъ, что нашъ отецъ умеръ, и назвалъ войсковую часть, которой онъ командовалъ предъ смертью, его чинъ и фамилію.

Государь задумался, что-то припоминая, и, спустя нѣсколько мгновеній, повторилъ фамилію и спросилъ меня:

— Второй?

— Такъ точно, ваше императорское величество!—взволнованно отвѣтилъ я.

— Помню, помню... вашъ отецъ мой сверстникъ и однокашникъ,—сказалъ государь.

— У насъ нѣтъ папы, папа нашъ умеръ...—вслѣдъ печально сказалъ Шура, поднимая на государя свои голубые глаза, изъ которыхъ показались слезинки.

— Гдѣ вы живете? — растроганно спросилъ государь, обращаясь къ Шурѣ.

— Мы живемъ у мамы... на Лиговкѣ. Вотъ здѣсь!—пролепталъ Шура, поворачиваясь и показывая ручонкой на домъ, виднѣвшійся предъ императоромъ. А сюда насъ пустила мама посмотрѣть нашего государя.

— Какой славный мальчикъ!—вновь сказалъ его величество и погладилъ Шуру по головкѣ.

А затѣмъ обратился ко мнѣ:

— Скажи вашей матери, чтобы она написала мнѣ о вашемъ положеніи.

И его величество сталъ удаляться, но въ это время къ его ногамъ упала просительница старуха. Государь остановился и, принявъ отъ нея прошеніе, сказалъ:

— Встань, милая, и не безпокойся... твоя просьба будетъ разсмотрѣна.

И государь тихо продолжалъ свой путь.

Съ смѣшанными чувствами радостнаго волненія и грустной скорби мы прибѣжали домой и рассказали мамѣ все. И заплакала она нудержными слезами, а, глядя на нее, заплакалъ и я съ братишкой. И долго просидѣли мы въ молчаливыхъ слезахъ въ этотъ радостный и счастливый для насъ день.

Спустя недѣлю къ намъ на квартиру пріѣхалъ фельдъегерь и привезъ пакетъ, въ которомъ оказалось пять тысячъ рублей, выданныхъ нашему семейству въ пособіе изъ личныхъ средствъ государя императора. Эта монаршая щедрота была отвѣтомъ на поданное нашей матерью на другой же день послѣ описаннаго событія (черезъ Д. А. Милютина) прошеніе государю съ изложеніемъ нашего семейнаго и имущественнаго положенія.

Къ рассказаннымъ событіямъ двухъ дней моего дѣтства невольно присоединяется личное воспоминаніе о славномъ сподвижникѣ императора Александра II, его военномъ министрѣ Д. А. Милютинѣ. Это воспоминаніе, какъ пріуроченное къ двумъ-тремъ маленькимъ однодневнымъ событіямъ военно-гимназической жизни, составляетъ третій памятный день моего дѣтства.

Однажды, незадолго до описаннаго «купанья» въ канавѣ, въ тѣхъ же петергофскихъ лагеряхъ насъ посѣтилъ военный министръ. Онъ вошелъ въ нашъ баракъ неожиданно, въ то время, когда мы сидѣли на репетиціонныхъ занятіяхъ по французскому языку. Нашъ дежурный воспитатель, онъ же и репетиторъ по предмету, недавно окончившій высшіе военно-педагогическіе курсы и прикомандированный къ нашей гимназіи въ качествѣ «приватнаго» воспита-

теля, Александръ Аонасевичъ Благовѣщенскій (впослѣдствіи получившій извѣстность своими спеціальными литературными трудами) встрѣтилъ военнаго министра рапортомъ, причемъ, будучи безъ фуражки, по растерянности или разсѣянности, приложилъ руку къ открытому лбу. Намъ, уже умудреннымъ въ правилахъ отданія воинской чести, это показалось смѣшнымъ, и мы стали фыркать.

Дмитрій Алексѣевичъ выслушалъ рапортъ, склонивъ голову на бокъ и глядя въ землю, какъ бы не видя оплошности рапортующаго, а потомъ поздоровался съ нами и, не предлагая садиться, сказалъ длинную рѣчь, въ которой убѣждалъ насъ серьезнѣе относиться къ жизни и не быть придирчивыми къ мелочнымъ недочетамъ, не имѣющимъ существеннаго значенія для дѣла. Мы прекрасно поняли, что причиною рѣчи было наше неумѣстное фырканье, хотя Дмитрій Алексѣевичъ ни единымъ словомъ о немъ не обмолвился. Онъ говорилъ съ нами, какъ съ равными. Слово его было просто, но дѣйствовало глубоко убѣдительно, затрагивая и волнуя лучшія стороны души. Помню, слушая обращенную къ намъ рѣчь его, мы, малыши, сильно краснѣли, а по удаленіи Дмитрія Алексѣевича сообщая рѣшили, что нашъ поступокъ не только неразуменъ, но, прежде всего, крайне неприличенъ и что на будущее время такъ поступать мы не должны.

Окончивъ свое слово, военный министръ приказалъ намъ сѣсть, а самъ, стоя, спрашивалъ по предмету нѣкоторыхъ изъ насъ. А затѣмъ, присѣвъ на край скамьи и обнявъ рукой шею рядомъ сидѣвшаго воспитанника, предложилъ ему прочесть и перевести одно мѣсто раскрытаго учебника. Воспитанникомъ этимъ былъ я. Указанное мѣсто я зналъ очень плохо, въ чемъ и сознался. Тогда Дмитрій Алексѣевичъ сказалъ:

— Найди то мѣсто, о которомъ думаешь, что знаешь его хорошо.

Я откинулъ нѣсколько страницъ и сдѣлалъ бѣглый переводъ съ французскаго на русскій и обратно.

— Ты не ошибся въ оцѣнкѣ своего знанія, оба перевода прекрасны... Продолжай и дальше такъ же учиться, а главное— безошибочно оцѣнивать себя,—сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ и поднялся.

Обходя лагеря, военный министръ нашелъ въ одномъ запертомъ на замокъ помѣщеніи нѣсколько арестованныхъ воспитанниковъ. На его вопросъ, за что эти воспитанники подвергнуты аресту, исполняющій за директора гимназій Е. К. Баумгартена 3-го его обязанности инспекторъ классовъ Порфирій Никитичъ Бѣлоха (извѣстный географъ) отвѣтилъ, что два часа тому назадъ онъ засталъ виновныхъ «на батарее». Инспекторъ объяснилъ министру значеніе этого термина. Такъ называли воспитанники опасную

игру-шалость, часто ими за послѣднее время практиковавшуюся и заключающуюся въ томъ, что изъ собранныхъ тайкомъ на сосѣднемъ учебномъ плацу конно-гренадерскаго полка патроновъ (въ которыхъ зачастую находился порохъ) они импровизировали артиллерійскія орудія, а къ нимъ въ землѣ—миниатюрныя батарейныя окопы; изъ созданной такимъ образомъ «батареи» шалуны производили «канонаду», поджигая порохъ запальниками, водруженными на длинныя палки.

— Давно ли они арестованы?—выслушавъ объясненія Бѣлохи, спросилъ его Дмитрій Алексѣевичъ.

— Вслѣдъ за совершеніемъ проступка, какъ я имѣлъ честь вамъ объяснить,—два часа тому назадъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Вслѣдъ за совершеніемъ проступка... слѣдовательно, не предложивъ имъ надлежащихъ указаній разобратъся въ немъ?!

— Не имѣлъ времени...—запнулся было смутившійся Бѣлоха.

— Извините, многоуважаемый Порфирій Никитичъ, я вынужденъ съ вами не согласиться первый и, можетъ быть, единственный разъ, а потому прошу отмѣнить ваше взысканіе.

— Съ большою охотою,—отвѣтилъ Бѣлоха.

— Вы свободны, выйдите изъ помѣщенія,—вслѣдъ сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ арестованнымъ.

И когда послѣдніе вышли на открытый воздухъ, онъ подошелъ къ нимъ и повторилъ:

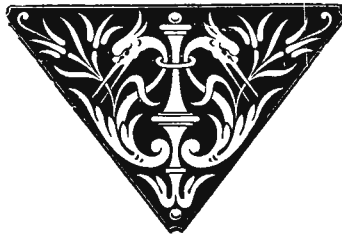
— Вы свободны, но я долженъ съ вами поговорить...

Болѣе часа проговорилъ Дмитрій Алексѣевичъ съ освобожденными имъ отъ наказанія воспитанниками и въ заключеніе получилъ отъ нихъ слово не только не повторять опасной шалости, но и воздѣйствовать на другихъ въ томъ же смыслѣ. Не бывъ непосредственнымъ слушателемъ бесѣды Дмитрія Алексѣевича, я не могу теперь воспроизвести ея характерныхъ особенностей на основаніи своеговременнаго слабого пересказа моихъ товарищей, но память моя твердо запечатлѣла знаменательное послѣдствіе—повтореній опасной игры послѣ этой бесѣды у насъ больше не было. Маленькая, но блестящая параллель-иллюстрація двухъ педагогическихъ приемовъ.

Невольно мысль восходитъ отъ частнаго къ общему, и благодарная память пробуждаетъ въ душѣ бывшаго воспитанника военной гимназіи свѣтлый образъ инициатора-создателя этихъ, смягчившихъ нравы нашей военной среды учебныхъ заведеній, для которыхъ онъ привлекъ лучшія для того времени педагогическія силы страны, а въ виду ихъ количественной ограниченности и призвалъ къ жизни славное учрежденіе,—вышіе военно-педагогическіе курсы,—давшее за недолгое время своего существованія цѣлую фалангу даровитыхъ и преданныхъ своему дѣлу педагоговъ, которые, и по офи-

ціальному упраздненіи идей инициатора и созданныхъ имъ учреждений, были свѣточами на обще-педагогическомъ и иныхъ поприщахъ. И рвется отъ сердца хвала — честь и слава искреннѣйшему поборнику и твердому проводнику гуманитарныхъ началъ въ русскую жизнь, доктору военной исторіи и послѣднему современному генераль-фельдмаршалу графу Дмитрію Алексѣевичу Милютину! Реакція 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія заставила этого стойкаго борца за идеи справедливости и равенства-братства удалиться отъ его славныхъ дѣлъ. Слетѣлись другія птицы, пропѣли другія пѣсни. Но вотъ настаетъ иное время—идеть, близится судь исторіи. Золотыми буквами напишется ея приговоръ надъ дѣятельностью маститаго старца, ибо онъ смягчилъ нравы нашей жизни, облегчивъ тяготы арміи военнаго государства переустройствомъ ея быта на началахъ человѣчности и введенія всеобщей повинности, создавъ цѣлую фалангу свѣтоносцевъ, педагоговъ-гуманистовъ и упразднивъ своимъ воздѣйствіемъ позоръ тѣлесныхъ наказаній для русской женщины.

Георгій Черенковъ.

ПЕРВОЕ МАРТА 1881 ГОДА.

ИДЯ въ углу нашего зала, пиликалъ на скрипкѣ скрипачъ, а «Конекъ-Горбунокъ», артистъ императорскаго балета, старикъ Пишо, принимая граціозныя позы, подъ музыку, въ тактъ выдѣлывалъ разныя па, стараясь обучить насъ столь полезному для шлифовки свѣтской молодежи искусству Терпсихоры. Но добиться какого-либо успѣха отъ меня, восемнадцатилѣтняго правовѣда, маэстро уже давно отказался; зато его искренно радовали и грація, и легкость, которыя ему удалось привить четыремъ своимъ ученику и ученицамъ: младшему моему брату-кадету, восьмилѣтней моей сестрѣ и сверстницамъ и подругамъ ея Альмѣ и Женѣ Биронъ.

Было воскресенье, а по воскресеньямъ школьники свободны, и потому наши уроки танцевъ и были приурочены къ этому дню недѣли.

Урокъ нашъ дошелъ уже, по времени, до половины, когда въ сосѣдней съ заломъ передней раздался продолжительный звонокъ. Мы слышали, какъ старшій лакей нашъ Илья пробѣжалъ по коридору открывать дверь, затѣмъ какую-то въ передней возню, и наконецъ дверь въ залъ открылась.

На порогѣ появился мой отецъ. Онъ былъ въ накинутой на плечи своей съ бобрами шинели, но на головѣ у него была не своя фуражка, а кепи околоточнаго надзирателя.

Всѣ мы, не исключая и вошедшей на звонокъ въ залъ матушки моей, сначала ничего не понимали и, кромѣ удивленія, едва ли что иное могли выразить наши лица.

— Не безпокойся, Сапа,—обращаясь къ матушкѣ моей, сказалъ отецъ:—я немного ранень, но государь—онъ убить.

«истор. вѣстн.», январь 1913 г., т. сxxxii.

Какъ громомъ, были мы всё поражены этою безгранично-горестною вѣстью и, растерявшись, сначала не знали, что дѣлать. Скрипка, вѣроятно, заглушила для насъ шумъ оглушившихъ всю Россію 1-го марта 1881 года взрывовъ, такъ какъ мы ихъ не слышали.

Но отцу моему сдѣлалось дурно. Его сзади поддержать привезшій его на извозчикѣ околоточный надзиратель. Урокъ нашъ, понятно, прекратился. Отца провели въ кабинетъ и стали раздѣвать, но времени терять было нельзя, и, ничего еще толкомъ не узнавъ, я на извозчикѣ помчался (телефоновъ тогда не было) изъ зданія Казанской части, съ Офицерской улицы, гдѣ отецъ мой, Адрианъ Ивановичъ, какъ петербургскій полицеймейстеръ, занималъ казенную квартиру, за постояннымъ нашимъ врачомъ П. И. Образцовымъ, проживавшимъ тогда, насколько помню, на Пантелеймоновской улицѣ.

На Невскомъ, противъ Гостиного двора, мнѣ встрѣтился быстро ѣхавшій изъ Анничкова въ Зимній дворецъ государь императоръ Александръ Александровичъ съ государынею императрицею, сопровождаемый конвоемъ, но въ общемъ впечатлѣніи этой моей поѣздки оставили во мнѣ самыя смутныя воспоминанія.

Съ тѣхъ поръ прошелъ тридцать одинъ годъ; многія подробности, естественно, изгладились за это время изъ памяти моей, и потому я буду говорить о томъ только, что оставило въ ней болѣе отчетливыя слѣды.

Когда, приблизительно черезъ часъ, вернулся я домой съ докторомъ Образцовымъ, я засталъ отца уже раздѣтаго и уложеннаго на диванъ въ сосѣдней съ заломъ гостиной. Въ комнатахъ этихъ народу было много. Были и совершенно неизвѣстныя, пришедшія съ улицы лица, привлеченныя, быть можетъ, участіемъ, а, вѣрнѣе, любопытствомъ. Въ толпѣ оказалось нѣсколько (очевидно, пять) полицейскихъ врачей, изъ коихъ припоминаю только доктора Дукана. Былъ извѣстный хирургъ И. М. Барчъ, а всего съ Образцовымъ семь докторовъ, потребовавшихъ удаленія постороннихъ. Сдѣлать это удалось не сразу, не безъ труда и уговоровъ.

Оказалось у отца пятьдесятъ семь ранъ: на правой половинѣ спины, на правомъ боку, правой рукѣ и ногѣ; нѣсколько пораненій было на задней части шеи и двѣ-три ранки на правой сторонѣ лица. Раны имѣли видъ отъ точечныхъ до съ горошинку величиною круглыхъ отверстій съ темными обожженными краями, но въ нихъ, наощупь, не было обнаружено присутствія осколковъ или вообще постороннихъ тѣлъ. Къ зондированію же болѣе глубокихъ пораненій врачи находили опаснымъ приступать.

На хранящемся и по сей часъ у меня мундирѣ отца моего ясно замѣтно громадное количество мелкихъ отверстій, причиненныхъ взрывомъ.

На видъ каждая ранка казалась пустячною, но, какъ было установлено вскрытіемъ тѣла царевубійцы, кинувшаго второй взрывчатый снарядъ, лишившій и его самого жизни, каждая ранка образовывала внутри тѣла пустоту до вершка въ діаметрѣ.

Громадное количество полученныхъ отцомъ пораненій, въ связи съ неизвѣстностью состава, коимъ они были причинены, и невозможностью зондированія, заставляло опасаться рокового исхода тѣмъ болѣе, что нельзя было отрицать и наличности отравы во взрывчатомъ снарядѣ.

— Если снарядъ былъ отравленъ,—говорили врачи:—это выяснится въ теченіе сутокъ, и тогда...

Утѣшительнаго было мало, но особенную тревогу возбудилъ въ всѣхъ насъ въ этомъ отношеніи ветеринарный врачъ.

Дѣло въ томъ, что первымъ взрывомъ, разбившимъ карету государя, была ранена сѣрая пара лошадей моего отца (кучеръ же Василій Шиловъ остался невредимъ, какъ и отецъ при этомъ первомъ взрывѣ), слѣдовавшая за царской каретой. Раненныя лошади отца все же отвезли умиравшаго монарха въ Зимній дворецъ и только послѣ этого вернулись домой. Приглашенный для осмотра ихъ ветеринарный врачъ, кажется, Лешъ, осмотрѣвъ ихъ, по секрету отъ родителей моихъ, сообщилъ мнѣ, что онъ сильно подозрѣваетъ, что во взрывчатомъ снарядѣ былъ какой-то ядъ. Лешъ этого тоже не утверждалъ и говорилъ, что въ теченіе сутокъ вопросъ выяснится.

Конечно, наличность яда въ снарядѣ, ранившемъ лошадей, не исключала возможности его отсутствія въ другомъ снарядѣ, но такое предположеніе было мало вѣроятно.

Словомъ, приходилось ждать цѣлыя сутки, пока могло выясниться, останется ли отецъ живъ, или умретъ отъ отравы?.. Насколько такое ожиданіе было для меня мучительнымъ, надо ли говорить?

Государя уже не стало, а еще вчера, 28-го февраля, я видѣлъ его, когда съ отцомъ своимъ сопровождалъ по городу и онъ заѣзжалъ во дворецъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, не помышляя, конечно, о томъ, что жить ему осталось лишь сутки.

— А завтра,—думалъ я,—быть можетъ, не станеть и отца! Въ училище я вечеромъ, понятно, не пошелъ. Директоръ И. С. Алопеусъ разрѣшилъ мнѣ отпускъ на нѣсколько дней.

Два полицейскихъ фельдшера и матушка моя не отходили отъ отца. Говорить ему было врачами запрещено, но, несмотря на такое запрещеніе, въ теченіе 2-го—4-го марта отцу моему не разъ приходилось разсказывать подробности страшнаго дѣла. Поэтому разсказъ его глубоко врѣзался въ моей памяти, но, такъ какъ въ 1883 году отецъ, собиравшійся писать свои воспоминанія, самъ изложилъ на письмѣ описаніе событія 1-го марта, то я и включаю сюда цѣликомъ то, что частью написано имъ собственноручно, а

частью переписано тогда же мною съ его черновика, понынѣ у меня хранящагося.

Вотъ что онъ записаль.

Прошло два слишкомъ года со времени мученической кончины одного изъ величайшихъ государей, императора Александра II, а между тѣмъ до сихъ поръ едва вѣрится, что монархъ, совершившій такъ много великаго и плодотворнаго для своихъ подданныхъ, благодѣтельствовавшій свой народъ освобожденіемъ отъ рабства и другими славными реформами, могъ пасть отъ руки злодѣя, да еще вышедшаго изъ той среды, которая наиболѣе была благодѣтельствована императоромъ Александромъ II. Чѣмъ тяжелѣе сознаніе, что катастрофа 1-го марта есть не миѳъ, а потрясающая дѣйствительность, тѣмъ неотвязчивѣе возникаетъ вопросъ: какъ могло случиться, что государь, бывшій въ полномъ смыслѣ великодушнѣйшимъ отцомъ своихъ подданныхъ, погибъ среди бѣлаго дня, въ сердцѣ государства—столицѣ, въ которой затрачиваются, сравнительно, огромныя суммы для обезпеченія безопасности не только царя, но и всякаго изъ обывателей.

Вдумываясь часто въ этотъ вопросъ и въ тѣ обстоятельства, которыя предшествовали и сопровождали страшную катастрофу 1-го марта, я, какъ служившій въ петербургской полиціи и исполнявшій особыя обязанности по отношенію къ выѣздамъ покойнаго государя, слѣдовательно, какъ человѣкъ, нѣсколько знакомый съ обстоятельствами дѣла, всякій разъ все рѣшительнѣе прихожу къ убѣжденію, что кровавое событіе 1-го марта могло бы быть предотвращено, если бы лица, которымъ даны были широкія полномочія, сумѣли воспользоваться ими цѣлесообразно. Будучи преслѣдуемъ этими неотступными размышленіями, я, наконецъ, рѣшилъ свои воспоминанія по этому предмету изложить письменно. Быть можетъ, со временемъ настоящія замѣтки послужатъ источникомъ къ пролитію иного свѣта на нѣкоторыя событія.

Начну свое повѣствованіе по этому предмету, для большей послѣдовательности и лучшаго уясненія фактовъ, со дня назначенія меня, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1867 года, изъ л.-гв. Московскаго полка чиновникомъ особыхъ порученій къ петербургскому оберъ-полицеймейстеру генералу Трепову. Кто изъ тогдашнихъ жителей столицы не зналъ и не имѣлъ дѣла съ этимъ безспорно умнымъ, энергичнымъ человѣкомъ, обладавшимъ вполне самостоятельнымъ характеромъ? Принявъ, по высочайшей волѣ, сложную и отвѣтственную должность въ Петербургѣ, генераль Треповъ сразу принялъ, что при тогдашнемъ двойственномъ подчиненіи оберъ-полицеймейстера министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ, представляющимъ двѣ силы, дѣйствовавшія нерѣдко совершенно въ противоположномъ направленіи, нельзя вести съ успѣхомъ и пользою дѣло безъ представленія всѣхъ своихъ мѣропріятій непосредственно

Адрианъ Ивановичъ Дворжицкій.

государю императору. Задавшись мыслью имѣть личный докладъ у государя по дѣламъ столицы, генераль Треповъ шелъ неуклонно къ намѣченной цѣли и, достигнувъ желаемого, онъ, при полномъ довѣрїи къ нему покойнаго государя Александра II, сталъ осуществлять рядъ такихъ преобразованій и улучшеній, какія были бы немислимы при другихъ условіяхъ.

Такъ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ генераль Треповъ преобразовалъ радикально полицію, привлекъ къ дѣлу много свѣжихъ силъ, способствовалъ устройству дешевыхъ столовыхъ, швейныхъ мастерскихъ, родильныхъ пріютовъ, скверовъ, народныхъ гуляній и многихъ усовершенствованій, относящихся къ благоустройству столицы и обезпеченію бѣдныхъ обывателей. Но самая важная заслуга генерала Трепова заключалась въ ясномъ пониманіи того

зла, которое поставило цѣлью ниспровергнуть существующій общественный и государственный строй. Борьбѣ съ этимъ зломъ онъ посвятилъ все свои силы и, зная его энергію и прозорливость, можно съ достаточною увѣренностью предполагать, что генераль Треповъ никогда не допустилъ бы распространенія заразы до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ оно дошло впоследствии, если бы борьба съ этимъ зломъ была главнымъ образомъ сосредоточена въ его рукахъ и если бы онъ встрѣтилъ со стороны суда и нѣкоторыхъ лицъ истинное чониманіе положенія дѣла, серьезное, твердое къ нему отношеніе, а не ничѣмъ не оправдываемую мягкость, колебаніе и гоньбу за популярностью. Извѣстно, что въ 1876 году стали распространяться слухи о безпорядкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Россіи, а въ декабрѣ того же года эти безпорядки выразились въ Петербургѣ демонстраціею на Казанской площади. Съ того времени начался въ Петербургѣ рядъ политическихъ процессовъ, продолжавшихся до 18-го января 1878 года, т. е. по день окончанія процесса 193-хъ политическихъ преступниковъ. На засѣданіяхъ суда по всемъ этимъ процессамъ я былъ дежурнымъ полицеймейстеромъ и, слѣдовательно, очевидцемъ непонятной для меня слабости суда къ тѣмъ безнаказаннымъ оскорбленіямъ, которымъ подвергали судъ и администрацію не только подсудимые, но и присяжные повѣренные. Послѣдніе говорили невозможныя защитительныя рѣчи, представлявшія, въ сущности, безошадное обвиненіе власти, причемъ предсѣдательствовавшій въ судѣ лишь изрѣдка останавливался не въ мѣру расходившихся говорунувъ. Припоминая все эти безобразія, эти заигрыванія на засѣданіяхъ суда въ тонъ преступникамъ, невольно возмущаешься той преступной распущенностью, которая царила тогда въ здѣшнемъ обществѣ и которая, какъ будто, поощрялась свыше, такъ какъ къ пресѣченію злоупотребленій не принималось никакихъ мѣръ. При такомъ взглядѣ и отношеніи къ дѣлу анархистовъ на первыхъ порахъ ихъ преступной дѣятельности, спрашивается: могло ли это дѣло не получить широкаго распространенія, когда, съ одной стороны, преступники и ихъ защитники, послѣ невообразимыхъ оскорбленій администраціи, выходили изъ суда безнаказанно, съ торжествомъ, а, съ другой стороны, въ связи съ подобнымъ веденіемъ въ судахъ дѣлъ складывалось въ обществѣ убѣжденіе въ нѣкоторой правотѣ анархистовъ и виновности администраціи.

Въ подтвержденіе сказаннаго о глумленіи въ судѣ господъ защитниковъ надъ правительственными мѣропріятіями приведу слѣдующіе примѣры изъ процесса 193-хъ политическихъ преступниковъ.

Присяжный повѣренный Потѣхинъ въ защитительной рѣчи, весьма рѣзкой по отношенію къ обвиненію, между прочимъ выразился такъ:

— Сегодняшній судъ напоминаетъ картину Верещагина изъ болгарскаго быта. Картина эта—болгарская деревня послѣ раз-

грома и пожара, на развалинах которой валяются мертвые тѣла, оберегаемые коршунами. Не правда ли, картина хороша? Отъ нея смердитъ.

Присяжный повѣренный Александровъ свою до крайности возмутительную защитительную рѣчь закончилъ словами:

— За столь тяжкое обвиненіе невинныхъ исторія, въ назиданіе потомству, пригвоздитъ къ позорному столбу имена тѣхъ, которые были причиною страданія этихъ невинныхъ.

Затѣмъ, при выходѣ изъ залы суда, Александровъ обратился ко мнѣ со слѣдующею фразою:

— Полковникъ, я увѣренъ, что за сегодняшнюю рѣчь буду сегодня же высланъ изъ Петербурга.

Въ дѣйствительности, однако, Александрова не только не выслали, но даже открыто восхищались его рѣчью. Подобными сравненіями и рѣзкостью отличались рѣчи и прочихъ защитниковъ, позволявшихъ себѣ дѣлать вопросы свидѣтелямъ со стороны обвиненія, особенно свидѣтелямъ, принадлежавшимъ къ администраціи, въ самой оскорбительной формѣ. Кромѣ того, зала суда была наполнена родственниками и друзьями подсудимыхъ, являвшимися ежедневно и установившими для переговоровъ съ подсудимыми своеобразный оптический телеграфъ. Это замѣчательное дѣло продолжалось три мѣсяца и окончилось 18-го января 1878 года. Изъ 193-хъ подсудимыхъ не болѣе пятидесяти человѣкъ были высланы на жительство въ не столь отдаленныя мѣста, а остальнымъ предоставлено было жить, гдѣ имъ заблагоразсудится. Послѣдствія этихъ безобразій не замедлили сказаться.

24-го января того же года, т. е. черезъ шесть дней по окончаніи дѣла о 193-хъ подсудимыхъ, явилась въ пріемную градоначальника Вѣра Засуличъ и въ то время, когда генераль Треповъ читалъ поданное ею прошеніе, она вынула изъ кармана револьверъ и произвела въ генерала Трепова выстрѣлъ въ упоръ.

Вѣсть объ этомъ преступленіи быстро распространилась по столицѣ, и, спустя самое короткое время, квартира градоначальника наполнилась высокопоставленными лицами и представителями разныхъ вѣдомствъ, пораженными этимъ гнуснымъ фактомъ. Благодаря заявленію шефа жандармовъ, покойнаго генераль-адъютанта Мезенцева, и бывшаго министра юстиціи графа Палена, у многихъ сложилось убѣжденіе, что преступленіе Засуличъ не имѣетъ политической подкладки и на него надо смотрѣть, какъ на результатъ личной мести. Совершенно въ такомъ же духѣ это дѣло было доложено покойному государю и, вѣроятно, въ такой убѣдительной формѣ, что, несмотря на докладъ генерала Трепова его величеству, осчастливившему градоначальника своимъ посѣщеніемъ въ день полученія имъ раны, о томъ, что преступленіе Засуличъ принадлежитъ къ разряду политическихъ и поэтому необходимо принять энергичныя мѣры для избѣжанія крупныхъ безпорядковъ въ сто-

лицѣ и въ другихъ мѣстахъ, дѣло Засуличъ разбиралось въ судѣ, какъ обыкновенное уголовное преступленіе, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Защитникъ Засуличъ, присяжный повѣренный Александровъ, помня свое торжество въ предшествовавшемъ политическомъ процессѣ, явился и въ этомъ дѣлѣ безошаднымъ обвинителемъ служебной дѣятельности генераль-адъютанта Трепова. Александровъ въ цѣломъ фейерверкѣ трескучихъ фразъ позволялъ себѣ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, въ присутствіи представителей разныхъ учреждений, поносить и позорить лицо, занимавшее высочій административный постъ. Мало того, защитѣ разрѣшено было вызвать въ чело свидѣтелей нѣсколько человекъ бывшихъ политическихъ преступниковъ, которые, подобно защитѣ, въ самой отвратительной формѣ воспроизводили подробности тѣлеснаго наказанія, которому былъ подвергнутъ арестантъ Боголюбовъ, какъ будто они были очевидцами этого, по ихъ словамъ, истязанія.

Смѣлая до дерзости рѣчь защитника, наглое, лживое показаніе свидѣтелей со стороны защиты и мягкость предсѣдателя суда Кони къ защитѣ отразилась на бывшей въ судѣ публикѣ, которая вознаградила рѣчь Александрова шумными рукоплесканіями. Одновременно съ засѣданіемъ суда по дѣлу Засуличъ на улицѣ, около зданія суда, собралось до двухъ тысячъ молодежи, почему, предвидя возможность оправданія подсудимой и проявленія безпорядковъ, я посылаю нѣсколько разъ къ исправлявшему должность градоначальника генералу Козлову офицеровъ для доклада о ходѣ дѣла, о значительной толпѣ у зданія суда, о недостаточности находившейся въ моемъ распоряженіи полицейской силы, состоявшей изъ двадцати пѣшихъ жандармовъ и городскихъ, на случай безпорядковъ. На всѣ мои донесенія и просьбы дать мнѣ инструкцію для дѣйствій я получалъ отъ генерала Козлова каждый разъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «примите гуманныя мѣры». Фальшь во взглядѣ на преступленіе Засуличъ, постановка ея дѣла въ судѣ, съ намѣреннымъ искаженіемъ фактовъ и значенія преступленія Засуличъ, повели къ тому, что она была безусловно оправдана. По выходѣ ея изъ дома предварительнаго заключенія она была восторженно встрѣчена стоявшею на улицѣ толпою, руководимой значительнымъ числомъ молодежи, судившейся прежде по политическимъ дѣламъ. Желая придать рѣшенію суда болѣе внушительный характеръ, толпа, взявъ Засуличъ на руки, намѣревалась нести ее къ Зимнему дворцу и къ квартирѣ генерала Трепова, но я, несмотря на ничтожную численность жандармовъ и городскихъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи и на угрозы толпы раздавить меня массою, не допустилъ осуществленія ея намѣренія и направилъ весь этотъ сбродъ къ Воскресенскому проспекту. Одновременно съ этимъ я послалъ околотоchnаго надзирателя за каретою, въ которую и сѣли Засуличъ, одна женщина и одинъ мужчина; по приводѣ кареты толпа бросилась откладывать лошадей, чтобы везти экипажъ на

Сани А. И. Дворжицкаго, въ которыхъ былъ перевезенъ въ Зимній дворецъ раненый императоръ Александръ II.

себѣ, но я и этого не допустилъ. Затѣмъ, продолжая медленно двигаться по Воскресенскому проспекту, толпа мгновенно повернула на Фурштатскую улицу, съ цѣлью направиться ко дворцу и квартирѣ градоначальника для производства демонстраціи. Остановивъ съ величайшимъ трудомъ шествіе, я послалъ жандармскаго офицера за конными жандармами; въ это время раздалися три выстрѣла изъ толпы, которые, судя по жертвамъ, были направлены въ мою сторону. Одна пуля попала въ гербъ каски жандарма, другая ранила руку какой-то женщины и третья попала и убила бывшего политическаго преступника Сидорацкаго. Всѣ упомянутыя лица находились около меня. Безпорядокъ этотъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій для совершившихъ его. Равнымъ образомъ не были привлечены къ отвѣтственности лица, которыя чрезъ нѣсколько дней на панихидѣ въ церкви св. Владимирской Божіей Матери по Сидорацкомъ сборомъ пожертвованій въ церкви и рѣчами внѣ церкви прямо указывали, къ какому разряду людей они принадлежали.

Результатомъ всѣхъ этихъ послабленій явился рядъ убійствъ и покушеній на священную жизнь въ Бозѣ почившаго императора Александра II и разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, убитъ шефъ жандармовъ генераль-адъютантъ Мезенцевъ, сдѣлано 2-го апрѣля 1879 года Соловьевымъ покушеніе на жизнь государя на площади штаба войскъ гвардіи, причемъ охранная стража показала тогда, когда Соловьевъ успѣлъ сдѣлать пять выстрѣловъ; далѣе, 5-го февраля 1880 года произведенъ былъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ; наконецъ стали обнаруживаться безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ, и однажды до семисотъ человекъ учащейся молодежи собралось къ собственному его величества Аничкову дворцу, желая подать государю наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу прошеніе. Вступивъ съ находившимися во главѣ безпорядка лицами въ объясненіе, я уговорилъ ихъ разойтись по домамъ, но пріѣздъ градоначальника, генерала Зурова, далъ другой оборотъ дѣлу, и студенты разошлись только тогда, когда градоначальникъ увѣрилъ ихъ честнымъ словомъ, что поданное прошеніе будетъ представлено его императорскому высочеству и что изъ молодежи никто не будетъ арестованъ. Надо замѣтить, что демонстрацію эту ожидали, но не успѣли предупредить, такъ какъ эскадронъ жандармовъ и два эскадрона гвардейскихъ казаковъ прибыли ко дворцу тогда, когда все было давно уже окончено.

Во время этихъ безпорядковъ выпало на мою долю не мало труда и дѣла, чѣмъ я вполне горжусь, какъ исполненіемъ долга службы, такъ и тѣмъ счастьемъ, которымъ меня удостоилъ государь императоръ Александръ III, назначивъ мнѣ подарокъ съ безцѣнною для меня надписью: «отъ государя наслѣдника цесаревича, А. И. Дворжицкому. 1879 годъ». Послѣ этихъ безпорядковъ начались усиленные обыски и аресты, которые привели къ открытію двухъ тишо-

графій: одной въ Литейной части, а другой на Васильевскомъ островѣ.

Послѣ 2-го апрѣля 1879 года государь императоръ сталъ въѣзжать съ конвоемъ; мнѣ же приказано было находиться постоянно у Зимняго дворца, при прогулкахъ, выѣздахъ и возвращеніяхъ во дворецъ его величества. Покойный государь по возвращеніи съ поѣздки весьма часто подзывалъ меня и отдавалъ приказанія о наведеніи справокъ о замѣченныхъ имъ на улицахъ подозрительныхъ лицахъ. Хотя нѣсколько разъ мнѣ удавалось напасть удачно на слѣдъ указанныхъ его величествомъ личностей, но, во избѣжаніе могущихъ быть ошибокъ, градоначальникъ Зуровъ приказалъ мнѣ не ограничиваться наблюденіемъ у дворца, а сопровождать государя императора всюду.

Его величество, привыкнувъ видѣть меня около себя вездѣ во время выѣздовъ, постоянно обращался ко мнѣ съ указаніями на лицъ, казавшихся по какой-либо причинѣ ему подозрительными. Слѣдуя за экипажемъ государя, я старался быть какъ можно внимательнѣе, дабы не пропустить что-либо, могущее обратить на себя вниманіе государя. Случалось часто, что при докладѣ его величеству о задержаніи при проѣздѣ государя подозрительной личности онъ замѣчалъ: «вѣрно, у него скверная рожа». Задержанныя лица отправлялись въ секретное отдѣленіе канцеляріи градоначальника для справокъ и удостовѣренія личности.

Послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, какъ извѣстно, было упразднено петербургское генераль-губернаторство и учреждена верховная коммиссія, подъ предѣлательствомъ генераль-адъютанта графа Лорисъ-Меликова. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года вмѣсто генерала Зурова назначенъ исправлять должность градоначальника помощникъ его полковникъ Ѳедоровъ. Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ относительно моего служебнаго положенія, ставшаго ненормальнымъ вслѣдствіе назначенія полковника Ѳедорова исполняющимъ должность градоначальника, какъ челоуѣка, значительно позднѣе меня произведеннаго въ означенный чинъ и находившагося, сравнительно со мною, короткое время въ составѣ петербургской полиціи. Графъ Лорисъ-Меликовъ, узнавъ объ этомъ, призвалъ меня къ себѣ и объявилъ, что онъ имѣетъ въ виду ходатайствовать о производствѣ меня въ чинъ генераль-майора съ назначеніемъ состоять при корпусѣ жандармовъ. Когда графъ услышалъ, что это предположеніе не устраиваетъ меня по нѣкоторымъ причинамъ, тогда онъ предложилъ мнѣ мѣсто губернатора, но и отъ этого предложенія, по семейнымъ моимъ обстоятельствамъ, я вынужденъ былъ отказаться. Послѣ этого вторичнаго отказа, графъ, выразившись весьма лестно о моей службѣ и желая вознаградить таковую чѣмъ-либо существеннымъ для меня, спросилъ: что именно хотѣлъ бы я для себя? На вопросъ графа я просилъ оставить меня временно въ должности полицеймейстера и, въ виду семейнаго моего положенія

и отсутствія собственныхъ средствъ къ жизни, исходатайствовать, взамѣнъ производства въ генералы, назначеніе мнѣ аренды. Графъ обѣщаль объ этомъ доложить государю императору и содѣйствовать скорому удовлетворенію моей просьбы. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней я снова былъ потребованъ къ графу Лорисъ-Меликову, который сказалъ слѣдующее:

— Я доложилъ государю о вашемъ отказѣ отъ производства въ генералы и желаніи продолжать ту же службу; на это его величество изволилъ выразиться: «Передай Дворжицкому, что я радъ рѣшенію его остаться на этой должности. Я къ нему привыкъ и люблю его». Далѣе графъ продолжалъ:

— Не думайте, что я говорю вамъ это только для успокоенія васъ, государь дѣйствительно приказаль передать вамъ то, что я сказалъ; при этомъ находились великій князь Алексѣй Александровичъ и министръ императорскаго двора; великій князь отозвался о васъ самымъ лестнымъ образомъ, поѣзжайте къ нему и поблагодарите за милостивый отзывъ о васъ предъ его величествомъ.

У великаго князя я былъ въ тотъ же день для принесенія глубочайшей благодарности за милостивый обо мнѣ отзывъ; что касается аренды, то таковой я не получилъ.

Назначеніе графа Лорисъ-Меликова предсѣдателемъ верховной комиссіи было радостно встрѣчено всѣми благомыслящими людьми, вѣровавшими въ то, что графъ сумѣетъ найти энергичное, радикальное средство противъ крамолы. Вѣра въ энергію графа еще болѣе укрѣпилась, когда на первыхъ порахъ за покушеніе на его жизнь Молодецкій былъ казненъ черезъ двадцать четыре часа по окончаніи суда надъ нимъ. Пока существовала верховная комиссія, въ твердой дѣятельности какъ графа Лорисъ-Меликова, такъ и полиціи по обыскамъ и арестамъ анархистовъ и лицъ, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ нимъ, не замѣчалось перемѣны, по съ назначеніемъ графа министромъ внутреннихъ дѣлъ и упраздненіемъ верховной комиссіи, по случаю усмиренія крамолы, какъ сказано было въ высочайшемъ рескриптѣ на имя графа, начался видимый поворотъ въ планѣ его дѣйствій, отразившійся крайне прискорбно на дѣлѣ искорененія антиправительственнаго движенія и не оправдавшій послѣдующими событіями тѣхъ надеждъ, которыя были возложены на графа Лорисъ-Меликова.

Поворотъ послѣдняго на путь послабленій, выжиданій и наблюдений, т. е. на тотъ путь, который никоимъ образомъ не соответствовалъ ни обстоятельствамъ, ни условіямъ времени, вѣроятно, произошелъ оттого, что или графъ былъ введенъ въ заблужденіе мнимымъ спокойствіемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, или же онъ предполагалъ, что для успѣшной борьбы съ крамолой наиболѣе дѣйствительное средство—гуманное отношеніе къ дѣлу анархистовъ и принятіе мѣръ, которыя, увеличивая его популярность, удовлетворяли бы въ то же время вкусу либераловъ.

Такимъ образомъ была учреждена комиссія для возвращенія многихъ ссыльныхъ политическихъ преступниковъ и сокращенія сроковъ ихъ ссылки; обставлено большими строгостями право производства обысковъ у заподозрѣнныхъ лицъ, удалены отъ дѣла нѣкоторые лица, занимавшія высокіе посты въ администраціи и извѣстныя своимъ самостоятельнымъ, твердымъ направленіемъ, но не нравившіяся либеральному лагерю. Тяжело было жить въ ту пору въ столицѣ. Въ это время стало появляться на улицахъ значительное число молодежи обоого пола въ своеобразныхъ костюмахъ съ палками. Ходили они по три, по четыре въ рядъ, поглядывая на публику пагло, вызываяще, не уступая никому дороги; на замѣчанія полиціи они обыкновенно отвѣчали угрозами итти жаловаться графу Лорисъ-Меликову; тѣмъ же чинамъ полиціи, которые докладывали исправляющему должность градоначальника генералу Оедорову о неприличномъ поведеніи упомянутой молодежи, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «пусть гуляютъ!»

Несмотря на подобное явленіе въ Петербургѣ, обыски и аресты стали производиться все рѣже и рѣже, а за подозрительными лицами приказано было только слѣдить. Это выслѣживаніе цѣлыми мѣсяцами нерѣдко кончалось тѣмъ, что преступники, замѣтивъ за собою надзоръ, скрывались и потомъ съ трудомъ, да и то не всегда, удавалось напасть на ихъ слѣдъ. Полиція выбивалась изъ силъ подобными прослѣживаніями, теряя по нѣсколько разъ изъ виду такихъ лицъ, какъ Перовская и Желябовъ.

Въ 1880 году, по возвращеніи изъ Ливадіи въ Петербургъ государя императора, я получилъ отъ графа Лорисъ-Меликова приказаніе попрежнему сопровождать всюду государя, но не задерживать болѣе на улицахъ лицъ, кажущихся подозрительными, во избѣжаніе возбужденія неудовольствія публики. Не знаю, были ли какія-нибудь другія основанія, кромѣ опасенія неудовольствія публики, для отдачи подобнаго приказанія, но, повидимому, значеніе этого приказанія раздѣлялъ и покойный императоръ, такъ какъ, послѣ возвращенія изъ Ливадіи, его величество безусловно прекратилъ разспросы о встрѣчаемыхъ подозрительныхъ личностяхъ. Это странное распоряженіе казалось для меня и тогда непонятнымъ.

Сопровождая государя, я попрежнему замѣчалъ, что гдѣ бы его величество ни останавливался, тотчасъ являлись сомнительныя личности. О всемъ замѣченномъ я постоянно докладывалъ градоначальнику, который на заявленія мои относительно кажущихся мнѣ подозрительными лицъ каждый разъ отвѣчалъ одно и то же: «что жъ такое, если гуляютъ смирно, то пусть гуляютъ, объ этихъ личностяхъ я имѣю свѣдѣнія».

27-го февраля 1881 года послѣ долгихъ усилій былъ арестованъ въ домѣ Лихачева по Невскому проспекту извѣстный подъ именемъ «Милорда» Тригоци; у него же былъ задержанъ совершенно

случайно Желябовъ, скрывшійся изъ своей квартиры, находившейся въ первой ротѣ Измайловскаго полка. При арестованіи Желябова онъ сказалъ: «Не поздно ли вы меня взяли?» На эти многозначачія слова, повидимому, не было обращено, по крайней мѣрѣ со стороны градоначальника, должнаго вниманія. Кажется, арестъ двухъ важныхъ политическихъ преступниковъ вселилъ въ высшихъ полицейскихъ сферахъ убѣжденіе, что опасность для государя императора миновала. Такое предположеніе я основываю на рѣчи градоначальника чинамъ полиціи утромъ 1-го марта и на его отношеніи къ дѣлу осмотра лавки Кобозева на Малой Садовой улицѣ. Какъ извѣстно, въ названной улицѣ, въ домѣ графа Менгдена, нанялъ за весьма высокую цѣну политической преступникъ подъ именемъ Кобозева подвальное помѣщеніе для торговли молочными продуктами. Вслѣдствіе возникшаго сильнаго подозрѣнія, 27-го февраля инженеръ генераль-майоръ Мравинскій съ чинами мѣстной полиціи были командированъ для осмотра этого помѣщенія. При явленіи полиціи, какъ впоследствии говорили чины, входившіе въ составъ, Кобозевъ измѣнился въ лицѣ и вообще показалъ себя личностью подозрительною, но, несмотря на это и на то, что подкопъ въ то время существовалъ, таковой комиссіей обнаруженъ не былъ. Вотъ съ какимъ вниманіемъ, съ какой добросовѣстностью была произведена повѣрка адскаго дѣла на пути обыкновеннаго слѣдованія покойнаго императора изъ Зимняго дворца въ Михайловскій манежъ! Вотъ какъ отнесся градоначальникъ Федоровъ къ подозрѣнію о подготовкѣ такого преступленія, своевременное открытіе котораго, несомнѣнно, раскрыло бы глаза успокоившимся послѣ ареста Тригоны и Желябова и указало бы на существованіе величайшей опасности и тѣмъ, быть можетъ, приостановило бы поѣздку государя 1-го марта на разводъ.

Въ девять часовъ утра ужаснаго дня 1-го марта 1881 года градоначальникъ генераль Федоровъ собралъ къ себѣ въ квартиру всѣхъ полицеймейстеровъ и участковыхъ приставовъ и объявилъ намъ, что все идетъ хорошо, что главные дѣятели анархистовъ Тригоны и Желябовъ арестованы и только остается захватить еще двухъ-трехъ человекъ, чтобы окончить дѣло борьбы съ крамолою, и что государь императоръ и министръ внутреннихъ дѣлъ совершенно довольны дѣятельностью полиціи. Несмотря на такую вѣру градоначальника въ успѣшность подавленія анархіи, многіе изъ насъ остались въ большомъ недоумѣніи. Я лично, нисколько не раздѣляя высказаннаго намъ градоначальникомъ убѣжденія, на основаніи тѣхъ обстоятельствъ, которыя ему постоянно докладывались, считъ обязанностью тотчасъ послѣ рѣчи генерала Федорова поѣхать къ знакомому мнѣ камергеру графу Перовскому, какъ человеку, близко стоящему къ нимъ императорскимъ высочествамъ великимъ князьямъ Владимиру и Алексѣю Александровичамъ.

Сообщивъ графу о кажущемся мнѣ тревожномъ положеніи въ

столицѣ и рядомъ съ этимъ о непонятномъ для меня спокойствіи моего начальства, я просилъ графа Перовскаго доложить великому князю Владимиру Александровичу, что при настоящемъ, кажущемся мнѣ положеніи дѣла нельзя ручаться за безопасность государя. Графъ далъ мнѣ слово исполнить все въ тотъ же день, но, къ несчастію, черезъ три часа двадцать минутъ мое заявленіе уже не имѣло болѣе значенія.

На 1-е марта, приказомъ по полиціи, на меня было возложено независимо отъ обычныхъ сопровожденій государя, еще наблюденіе за порядкомъ у Михайловскаго манежа. Прибывъ къ манежу въ 11^{1/2} часовъ, я размѣстилъ парядъ полицейскихъ чиновъ и жандармовъ по постамамъ и въ 12^{3/4} часа былъ уже у Зимняго дворца, т. е. тогда, когда графъ Лорисъ-Меликовъ уѣзжалъ изъ дворца. Войдя во внутрь подъѣзда, я встрѣтилъ министра графа Адлерберга, который въ разговорѣ со мною съ грустью отозвался о тяжеломъ времени вслѣдствіе дѣятельности анархистовъ. Во время этого разговора мы услышали радостное «здравія желаемъ» караула на привѣтствіе его величества; вслѣдъ за симъ государь вышелъ въ закрытый подъѣздъ, поздоровался, по обыкновенію со всѣми тутъ находившимися лицами, сѣлъ въ экипажъ и сказалъ кучеру: «Въ манежъ черезъ Пѣвческій мостъ».

По окончаніи развода государь вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ изволилъ отправиться въ Михайловскій дворецъ великой княгини Екатерины Михайловны.

Изъ названнаго дворца государь вышелъ въ два часа десять минутъ и, садясь одинъ въ экипажъ, сказалъ кучеру: «Той же дорогою домой». Проѣхавъ Инженерную улицу и повернувъ на Екатерининскій каналъ, его величество поздоровался съ карауломъ отъ 8-го флотскаго экипажа, возвращавшагося съ развода. По набережной канала кучеръ пустилъ лошадей полнымъ ходомъ, но не успѣлъ проѣхать и ста сажень, какъ раздался оглушительный взрывъ, отъ котораго сильно былъ поврежденъ экипажъ государя и ранены два конвойныхъ казака, мальчикъ-крестьянинъ и мои лошади. Проѣхавъ, послѣ взрыва, еще нѣсколько шаговъ, экипажъ его величества остановился; я тотчасъ подбѣжалъ къ каретѣ государя, помогъ ему выйти изъ кареты и доложилъ, что преступникъ задержанъ. Государь былъ совершенно спокоенъ. На вопросъ мой государю о состояніи его здоровья онъ отвѣтилъ: «Слава Богу, я не раненъ». Видя, что карета государя повреждена, я рѣшился предложить его величеству поѣхать въ моихъ саняхъ во дворецъ. На это предложеніе государь сказалъ: «Хорошо, только покажите мнѣ прежде преступника». Кучеръ Фроль тоже просилъ государя снова сѣсть въ карету и ѣхать дальше, но его величество, не сказавъ ничего на просьбу кучера, повернулся и направился къ тротуару, прилегающему къ Екатерининскому каналу.

Государь слѣдовалъ по тротуару; влѣво отъ него я, позади ка-

закъ Мачневъ, бывшій на козлахъ экипажа его величества, за Мачневымъ четыре спѣшившихся конвойныхъ казака съ лошадьми въ поводу. Пройдя нѣсколько шаговъ, государь поскользнулся, но я успѣлъ его поддержать.

Преступникъ Рысаковъ находился отъ мѣста взрыва шагахъ въ двадцати; его держали четыре солдата, и тутъ же находился начальникъ охранной стражи капитанъ Кохъ. Подойдя къ преступнику, я, по указанію державшихъ его солдатъ, вынулъ у него изъ-за борта на лѣвую сторону застегнутаго пальто револьверъ и взялъ отъ солдата небольшой кинжалъ съ позолотою, который онъ нашелъ въ лѣвомъ карманѣ пальто преступника. То и другое оружіе я представилъ государю. Узнавъ, что преступникъ мѣщанинъ, его величество не сказалъ ни слова, повернулся налѣво (государь стоялъ спиной къ рѣшеткѣ канала) и медленно направился въ сторону Театральнаго моста. Въ это время его величество былъ окруженъ съ одной стороны взводомъ 8-го флотскаго экипажа, а съ другой стороны конвойными казаками. Тутъ я вторично позволилъ себѣ обратиться къ государю съ просьбою сѣсть въ сани и уѣхать, но онъ остановился, нѣсколько задумался и затѣмъ отвѣтилъ: «Хорошо, только прежде покажи мнѣ мѣсто взрыва». Исполняя волю государя, я повернулся наискось къ мѣсту взрыва, но не успѣлъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ былъ оглушенъ новымъ взрывомъ, обожженъ, раненъ и сваленъ на землю. Вдругъ, среди дыма и снѣжнаго тумана, я услышалъ слабый голосъ его величества: «Помоги!» Собравъ оставшіяся у меня силы, я вскочилъ на ноги и бросился къ государю. Въ первый моментъ я не могъ уяснить себѣ его положенія; его величество полусидѣлъ, полулежалъ, облокотившись на правую руку. Предполагая, что государь только тяжело раненъ, я приподнял его съ земли и тутъ съ ужасомъ увидѣлъ, что обѣ ноги его величества совершенно раздроблены и кровь изъ нихъ сильно струилась. Не имѣя силъ держать на рукахъ государя, уже дышавшаго тяжело и потерявшаго сознание, я крикнулъ о помощи. При содѣйствіи подбѣжавшихъ лицъ мы понесли государя къ его каретѣ. Въ это время подбѣжалъ только что пріѣхавшій къ мѣсту происшествія великій князь Михаилъ Николаевичъ. Онъ спросилъ меня, что съ государемъ. Я отвѣтилъ, что отъ перваго взрыва Богъ его спасъ, а вторымъ взрывомъ тяжело раненъ. Въ карету оказалось невозможнымъ положить государя, почему онъ былъ положенъ въ мои сани и въ сопровожденіи великаго князя Михаила Николаевича отвезенъ въ Зимній дворецъ. Окончательная потеря моихъ силъ лишила меня возможности сослужить послѣднюю службу государю императору—доставить его до дворца.

2-го марта я узналъ отъ осчастливившаго меня своимъ посѣщеніемъ великаго князя Михаила Николаевича съ августѣйшею супругою, что кто-то вскочилъ въ сани и тѣмъ помѣшалъ его высочеству лично доставить государя до дворца.

При воспоминаніи объ этомъ страшномъ событіи всякому приходится содрогаться; у меня же кровь стынетъ въ жилахъ, когда мысленно переношусь къ этой истинно раздирающей душу картинѣ.

Дѣйствительно, не нахожу словъ, чтобы выразить съ достаточною точностью потрясающее впечатлѣніе, глубокую скорбь при видѣ обезображеннаго тѣла того, кто еще за нѣсколько секундъ передъ тѣмъ былъ полонъ жизни и энергіи, того, чьи помыслы и стремленія были направлены къ благу Россіи и, наконецъ, того, кто такъ безгранично любилъ своихъ подданныхъ, изъ среды коихъ выдѣлилась кучка негодяевъ, посягнувшихъ на священную жизнь своего Царя-Освободителя. Всѣ эти щемящія сердце воспоминанія становятся еще тяжелѣе, когда подумаю, что я былъ однимъ изъ послѣднихъ, имѣвшихъ счастье разговаривать съ покойнымъ государемъ и получать отъ него приказанія, и что на моихъ рукахъ окончилась сознательная жизнь великаго императора Александра II.

Говорятъ, что графъ Лорисъ-Меликовъ утромъ 1-го марта упрасивалъ государя не ѣздить на разводъ. Не знаю: правда ли это? Но если правда и, слѣдовательно, графъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о положеніи дѣла, сознавалъ страшную для государя опасность, то непонятно: почему не было предпринято усиленныхъ мѣръ къ охраненію пути проѣзда государя въ манежъ и обратно во дворецъ? Почему около государя не было даже градоначальника въ то время, когда государь подвергся звѣрскому нападенію въ центрѣ города въ третьемъ часа дня?

Событіе 1-го марта 1881 года—позорное, несмываемое пятно въ исторіи Россіи. Для произнесенія справедливаго приговора надъ лицами, которымъ было ввѣрено попеченіе объ охранѣ священной особы покойнаго императора Александра II, требуется спокойствіе, всестороннее знаніе дѣла, отсутствіе всякаго опасенія придать кажущемуся значеніе вѣрнаго и тѣмъ избѣжать наложенія, быть можетъ, не заслуженной тѣни на дѣятельность лицъ, еще теперь (1883 г.) живущихъ и занимающихъ высокое служебное положеніе, словомъ, требуется то, что немислимо для человѣка, какъ я, близко стоявшаго по времени къ событію 1-го марта и исполнявшаго свои обязанности въ тѣсной сферѣ, отведенной мнѣ начальствомъ. Нанося на бумагу свои воспоминанія, я имѣлъ въ виду лишь одну цѣль—передать факты, которыхъ я былъ очевидцемъ и которые имѣли прямую или косвенную связь съ событіемъ 1-го марта.

Этимъ кончаются воспоминанія отца моего, такъ или иначе связаннаго съ событіемъ 1-го марта. Краткія сохранившіяся у меня замѣтки, записанныя имъ или, подъ его диктовку, мною, сюда уже не относятся и потому и не включены въ эту статью.

Но возвращаюсь опять къ личнымъ своимъ воспоминаніямъ и разсказу.

Съ утра 2-го марта и въ ближайшіе къ нему дни у насъ въ передней то и дѣло раздавались звонки. Знакомые и незнакомые являлись справляться о здоровьи отца. Въ числѣ почти что незнакомыхъ явился ранѣе у насъ не бывавшій свиты его величества генераль-майоръ Чингизъ-Ханъ, съ которымъ съ этого времени у отца моего не только установилось знакомство, но и возникли дружескія отношенія. Сенаторъ Шульцъ прислалъ справиться о здоровьи отца старшаго своего сына, товарища моего по училищу и по классу, Виктора Ѳедоровича, впослѣдствіи, 12-го августа 1906 года, погибшаго въ числѣ многихъ другихъ лицъ при взрывѣ на дачѣ министра внутреннихъ дѣлъ Столыпина.

Великая княгиня Александра Іосифовна съ самаго 1-го марта ежедневно въ теченіе болѣе недѣли присылала узнавать о здоровьи отца и, между прочимъ, просила прислать ей небольшую склянку съ кровью покойнаго государя.

Въ Зимній дворецъ государя отвезли въ нашихъ саняхъ, и много его крови въ нихъ набѣжало. Въ саняхъ же нашелся и понынѣ хранящійся у меня кусочекъ георгіевской ленты, часть темляка государя.

Желаніе великой княгини было немедленно исполнено и, какъ я впослѣдствіи слышала отъ отца, она влила часть царской крови въ какой-то драгоценный камень, который и вдѣлала, не помню, въ брошь или въ медальонъ.

Изъ высочайшихъ особъ, въ теченіе 2—4-го марта разновременно посѣтившихъ отца, были: великій князь Владимиръ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ съ августѣйшею супругою Ольгою Ѳедоровною и принцы Ольденбургскіе Петръ Георгіевичъ, Константинъ Петровичъ и, кажется, Александръ Петровичъ.

Всѣмъ имъ отцу моему приходилось рассказывать подробности горестнаго событія и, помимо того, 2-го же марта давать свидѣтельское свое о немъ показаніе, которое и было оглашено на судѣ, за неявкою въ судъ еще не оправившагося тогда отъ раны отца. Показаніе это напечатано въ официальномъ отчетѣ судебного засѣданія по дѣлу о царубійцахъ.

Когда къ подѣзду нашему подѣхалъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, я какъ-то случайно узнать объ его пріѣздѣ раньше, чѣмъ онъ успѣлъ подняться къ намъ, и встрѣтилъ его на лѣстницѣ. Какъ посетитель училища правовѣдѣнія, его высочество зналъ меня, воспитанника 3-го класса этого учебнаго заведенія, лично.

Я проводилъ принца въ гостиную къ отцу моему, который представлялъ ему мою матушку. Принцъ къ ней и обратился сперва съ рядомъ вопросовъ о состояніи здоровья мужа. Затѣмъ уже онъ просилъ отца рассказать ему подробности событія, неоднократно переспрашивая: «А вотъ это какъ было?» и отецъ повторялъ.

Передъ отъѣздомъ его высочество задалъ мнѣ вопросъ:
— А вы, вѣроятно, дома по случаю болѣзни папаша?

Я отвѣчалъ утвердительно, и вотъ добрый, хорошій старикъ-принцъ, которому уже по временамъ начинала измѣнять память, вдругъ по-французски обратился къ матушкѣ моей, дѣйствительно очень тогда, несмотря на свои 37 лѣтъ, моложавой и съ которою онъ передъ тѣмъ говорилъ, какъ съ женою моего отца, съ вопросомъ, подобнымъ заданному мнѣ:

— Et vous, mademoiselle, vous avez quitté l'institut probablement pour la même raison que votre frère l'école?

— Mais non, votre altesse,—отвѣчала матушка:—je suis la femme du colonel.

— Ah, oui, oui! j'avais oublié!—извинился принцъ и, поговоривъ еще, уѣхалъ.

Отецъ мой пролежалъ и проболѣлъ болѣе мѣсяца и, хотя онъ отъ ранъ и оправился, всталъ на ноги и послѣ того прожилъ еще шесть лѣтъ, тѣмъ не менѣе сильное сотрясеніе всего организма, произведенное взрывомъ 1-го марта, способствовало развитію у него страданій внутреннихъ органовъ и, главнымъ образомъ, сердца, которыя и привели его къ почти скоростижной, во время третьяго сердечнаго припадка, смерти въ 12 часовъ 27 минутъ въ ночь на 30-го мая 1887 года.

И, оригинальная вещь! Карманные его часы, заведенные имъ въ вечеръ передъ смертью, остановились въ 12 часовъ 27 минутъ. Когда, пріѣхавъ 31-го мая изъ Боровичъ, гдѣ я тогда служилъ, я взялъ часы эти въ руки съ письменнаго стола отца, думая, что они не заведены, они пошли.

Но была въ ночь смерти отца и другая странность. Состоя въ Боровичахъ судебнымъ слѣдователемъ, я 29-го мая съ утра уѣхалъ въ уѣздъ съ уѣзднымъ врачомъ В. Г. Пятницкимъ, и нынѣ, насколько мнѣ извѣстно, здравствующимъ и живущимъ въ своемъ домѣ въ Боровичахъ. Бдрили мы на вскрытіе тѣла убитаго крестьянина. Возвращались домой поздно. На почтовой станціи «Пѣтухово» приходилось мѣнять лошадей, и вотъ, когда лошадей подали и я съ докторомъ Пятницкимъ направился къ тарантасу, ко мнѣ подошелъ и сталъ ласкаться сѣрый котъ.

— Ну, Василій Григорьевичъ,—сказалъ я доктору:—вотъ посмотрите, будетъ какая-нибудь крупная неспріятность!

— Что такое?—смѣясь спросилъ меня онъ.

— А вонъ, подошелъ!—и я указалъ на кота.

Докторъ сталъ меня высмѣивать.

Мы начали садиться въ экипажъ. Я поглядѣлъ на часы.

— Сейчасъ,—говорю я доктору,—половина перваго.

Это былъ часъ смерти моего отца. Утромъ о ней меня извѣстила телеграмма.

2-го мая 1881 года въ приказѣ по петербургскому градоначальству и полиціи за № 121, между прочимъ, было объявлено, что государь императоръ въ 27-й день минувшаго апрѣля всемилюстивѣйше

соизволил пожаловать полицеймейстеру 1-го отдѣленія, состоящему по армейской пѣхотѣ полковнику Дворжицкому чинъ генераль-майора, съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ оставленіемъ по армейской пѣхотѣ, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія, въ размѣрѣ 4,640 рублей въ годъ, до назначенія на другую должность, и съ производствомъ аренды.

Широкая извѣстность, которую послѣ 1-го марта пріобрѣло по всей Россіи имя отца моего, привела, между прочимъ, къ слѣдующему курьезу.

Во второй половинѣ февраля слѣдующаго 1882 года отецъ мой получилъ по почтѣ письмо. На конвертѣ стояло: «Въ С.-Петербургѣ. Его превосходительству генералу при дворѣ его величества г. Дворжицкому. Изъ Ковенскаго уѣзда отъ Агаѳи Дворжицкой съ Набутова».

Въ этомъ письмѣ вовсе намъ неизвѣстная, хотя дѣйствительно и очень отдаленная родственница, 85-лѣтняя корреспондентка спрашивала отца, не онъ ли ея сынъ Василій, котораго она лѣтъ тридцать назадъ въ семилѣтнемъ его возрастѣ лишилась «черезъ посредство взятія его теткой Савицкой въ учебное заведеніе»?

А въ апрѣлѣ 1881 года какой-то англичанинъ предлагалъ отцу моему 5,000 рублей за сани, въ которыхъ 1-го марта покойный государь доставленъ былъ въ Зимній дворецъ.

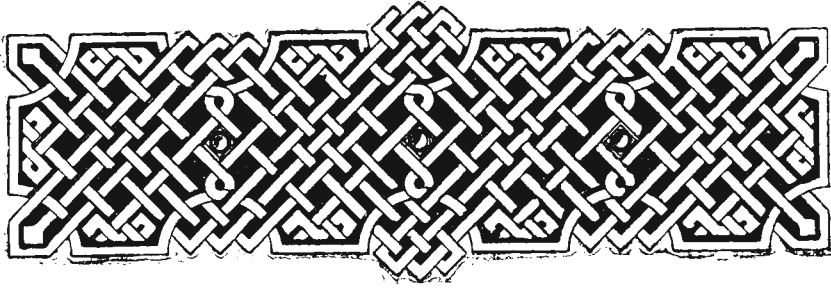
Предложеніе англичанина отецъ отклонилъ и, представляясь, по случаю производства въ генералы, государю императору Александру III, предложилъ эти сани его величеству въ даръ. Государь изъявилъ свое согласіе, и 11-го мая 1881 года полевая часть придворно-конюшеннаго вѣдомства отношеніемъ за № 298, подписаннымъ унтеръ-шталмейстеромъ Гешвендомъ, просила отца моего, «на основаніи приказанія государя императора», выдать сани подателю этой бумаги. Въ принятіи саней на бумагѣ этой 11-го мая расписался магазинъ-вахтеръ Семенъ Васильевъ. Въ настоящее время сани эти хранятся въ музеѣ придворно-конюшеннаго вѣдомства.

Затѣмъ унтеръ-шталмейстеръ Гешвендъ прислалъ отцу моему обломокъ отъ оконной рамы кареты императора Александра II, поврежденной взрывомъ 1-го марта, съ надписью на задней сторонѣ обломка, а 18-го июня 1882 года за № 231 изъ Зимняго дворца отецъ получилъ, какъ значилось въ препроводительной бумагѣ, «въ воспоминаніе о почившемъ въ Бозѣ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, изъ собственныхъ его величества вещей препровождаемую у сего пурпуровую пепельницу», которую «государю императору благоугодно было назначить» отцу.

Предметы эти и сейчасъ находятся у меня.

К. А. Дворжицкий.

КОНЧИНА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

(Разсказъ фельдшера).

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 1-го марта 1881 года я вступилъ въ дежурство въ два часа пятнадцать минутъ дня и сидѣлъ вмѣстѣ съ докторомъ Маркусомъ за чаемъ. Только что мы налили себѣ по стакану, какъ вдругъ прибѣжалъ истопникъ внутреннихъ покоевъ государя императора и внѣ себя закричалъ: «Скорѣе, государю ногу оторвало!»

Въ первый моментъ я такъ испугался, точно громъ разразился надо мною. Вскочивъ со стула, я тотчасъ же схватилъ нѣкоторыя перевязочныя средства и бросился черезъ Церковный подъѣздъ Большой церкви и чрезъ лицевыя комнаты прямо въ покои государя императора. Прибѣжавъ немного ранѣе въ кабинетъ его величества, я увидѣлъ государя лежащимъ на постели около письменнаго стола въ безсознательномъ состояннн, съ раздробленными обѣими конечностями ногъ, съ обильнымъ кровотеченіемъ. Моментально я прижалъ лѣвую бедренную артерію, велѣдъ за мною докторъ Маркусъ прижалъ правую бедренную артерію. Съ Божіею помощью удалось остановить кровоизліяніе изъ артерій. Продолжая держать лѣвой рукой артерію, я въ то же время правой рукой обмачивалъ лобъ государя холодной водою, спрыскивалъ и обтиралъ полотенцемъ лицо, давалъ нюхать нашатырный спиртъ и влилъ нѣсколько валеріановыхъ капель въ уста государя.

Поданіе помощи длилось не болѣе двадцати минутъ, и государь императоръ сталъ дышать глубже прежняго, и наконецъ я услышала стонъ, что мнѣ дало поводъ думать, что государь заговорить сколько-нибудь. Послѣ этого я оцупала едва ощутимый пульсъ, онъ былъ нитеобразный, весьма слабый; затѣмъ положилъ руку на сердце государя, толчки были тоже слабые.

Въ это время докторъ Маркусъ обратился ко мнѣ и говорить, что съ нимъ дѣлается дурно и онъ желаетъ выйти изъ кабинета. Я принялъ отъ него и правую бедренную артерію и, такимъ образомъ, остался держать обѣ артеріи руками. Вскорѣ явился докторъ Круглевскій, а вельѣдъ за нимъ докторъ Дворянинъ, который былъ немедленно посланъ Круглевскимъ за ампутаціоннымъ ящикомъ. Въ то же время докторъ Круглевскій подавалъ помощь государю опрыскиваніемъ холодной водою лица, вдыханіемъ кислорода, который былъ принесенъ изъ придворной аптеки.

Продолжая въ согбенномъ положеніи держать обѣ артеріи, я повернулъ свою голову налѣво и увидѣлъ плачущаго великаго князя Михаила Николаевича. Мои нервы были настолько возбуждены, что я болѣе не могъ сдерживать моего горестнаго положенія, и слезы полились у меня изъ глазъ. Вытирая глаза о рукава вицмундира, я опять нечаянно повернулъ голову и увидалъ наслѣдника Александра Александровича, упавшаго на колѣни и горько плакавшаго, а потомъ великаго князя Владимира Александровича, а у изголовья императора цесаревну Марію Феодоровну съ горькими слезами на глазахъ, а также свѣтлѣйшую княгиню Юрьевскую въ полупомѣшанномъ состояніи, рейхкнехтовъ Кондратьева, Трибицына и камердинера его величества. Картина эта въ дѣйствительности была страшная, и ужаснѣе ея нельзя себѣ представить.

По приходѣ доктора Дворянина съ инструментами тотчасъ же Круглевскимъ былъ наложенъ эсмарховскій бинтъ на правое бедро, а потомъ и на лѣвое, я же поддерживалъ оба бедра. Для приведенія государя въ чувство были употреблены вышеупомянутыя средства. Спустя около двадцати минутъ явились С. П. Боткинъ, профессоръ Богдановскій и почетный лейбъ-медикъ Головинъ. Боткинъ сталъ выслушивать сердце. Я стоялъ около него и спросилъ: есть ли какая надежда? Сергѣй Петровичъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ, что нѣтъ никакой надежды. Когда я услышала это, у меня сдѣлалась нервная дрожь; пересиливъ себя, я сталъ всматриваться въ государя. Конечностей лѣвой стопы совсѣмъ не было, обѣ берцовыя кости до колѣнъ раздроблены, мягкія части, мускулы и связки изорваны и представляли безформенную массу, выше колѣнъ до половины бедра нѣсколько ранъ, происшедшихъ какъ бы отъ дробинокъ; были также подтеки, лицо запачкано кровью, вѣко лѣваго глаза было ранено какъ бы дробинкой.

Немного погодя явился духовникъ ихъ императорскихъ величествъ протопресвитеръ Бажановъ. Онъ подошелъ къ постели и остановился. Я увидалъ, какъ государь открылъ глаза. Сейчас же онъ былъ приобщенъ Святыхъ Тайнъ, и только что принялъ ихъ, какъ глаза его помутились. Бажановъ сталъ на колѣни, тому же послѣдовали всѣ присутствовавшіе и во время молитвы всѣ плакали. Въ это время государь императоръ почилъ. Профессоръ Боткинъ объявилъ, что все кончено.

Государь императоръ Александръ III удалился въ другую комнату и потребовалъ къ себѣ доктора, но никого не оказалось налицо. Въ это время я очутился около Э. С. Цыцурина; тотчасъ же подошелъ лакей и просить его пожаловать къ государю, но онъ не пошелъ, а послалъ меня. Я въ сопровожденіи лакея явился къ государю, гдѣ также изволила присутствовать императрица. Признаюсь, я растерялся, услышавъ отъ государя приказаніе взять конвойныхъ казаковъ, которые были также ранены и находились тутъ же, перевязать ихъ и доложить государю объ ихъ положеніи. Я отвѣтилъ, что все будетъ исполнено, и повелъ казаковъ въ дежурную комнату, гдѣ засталъ доктора Обермиллера, которому передалъ приказаніе государя, а самъ возвратился обратно въ комнаты покойнаго императора.

Около четырехъ часовъ пополудни явился профессоръ Груберъ съ ассистентами Таренецкимъ и Лесгафтомъ для бальзамированія. Я же, уставшій и обезсиленный, вышелъ въ коридоръ, гдѣ все время просидѣлъ въ изнеможеніи до конца бальзамированія, послѣ чего возвратился въ дежурную и бросился въ постель.

Коганъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. С. СУВОРИНЪ.

ОГДА умираетъ большой человѣкъ, дѣятельно участвовавшій въ созданіи исторіи страны, о немъ пишутъ всевозможныя воспоминанія, касающіяся его личной жизни. Всѣ они, конечно, очень дороги и интересны для біографіи личности, но полезно бываетъ для современности вспомнить тѣ черты, которыя рисуютъ его отношеніе къ государственной жизни родины въ моментъ ея потрясенія.

Я вспоминаю 1906 г., когда мнѣ пришлось имѣть дѣло съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ, и вотъ по какому поводу.

Было тогда время общаго смущенія и, можно сказать, растерянности власти, когда «своя своихъ не познаша», время самыхъ невозможныхъ проектовъ и теченій мысли, время самыхъ дерзкихъ экспроприацій и помѣщичьихъ иллюминацій, вся жизнь сложилась въ какой-то мрачный клубокъ, изъ котораго, казалось, не было выхода. Людямъ, не забывшимъ завѣты исторіи и русскіе устои, жилось плохо. Ихъ давили случайные выходы, временно овладѣвшіе жизнью и задававшіе фальшивый тонъ. И въ казенныя вѣдомства проникали эти теченія и не только что проникали, но и господствовали.

Во главѣ главнаго управленія земледѣлія и землеустройства тогда стояло лицо (хотя и не долго), представившее въ совѣтъ министровъ «знаменитый» проектъ отчужденія земельной собственности отъ помѣщиковъ. Его правой рукой былъ чиновникъ «не русскаго» происхожденія, удалившійся уже теперь въ «научныя сферы», который, по свидѣтельству самого Алексѣя Сергѣевича (въ «Малень-

нихъ письмахъ»¹⁾, былъ однимъ изъ главныхъ составителей этого проекта. Идея переселенія крестьянской массы въ Сибирь была антиподомъ этого разрушительнаго проекта. А между тѣмъ, до реформы переселенческаго управленія, это лицо много лѣтъ вліяло на переселенческую политику и въ концѣ концовъ стало доказывать, что въ Сибири земель удобныхъ такъ мало, что и хлопотать правительству о нихъ для переселенцевъ не стоитъ, а слѣдуетъ обратить взоры на помѣщичьи земли, которыхъ весьма много и всѣмъ хватить... Получилось отрицаніе всѣхъ будущихъ, а теперь настоящихъ дѣйствій переселенческаго управленія, развившагося въ огромное учрежденіе и давшее водвореніе 2¹/₂ милліонамъ душъ и 27 милліоновъ десятинъ подъ переселеніе въ періодъ 1906—11 гг., какъ разъ послѣ появленія этого знаменитаго «проекта».

Возвратившись изъ Сибири, гдѣ я былъ въ числѣ рядовыхъ работниковъ министерства земледѣлія, занимавшихся отводомъ переселенческихъ участковъ и изслѣдованіями сибирской тайги, и погрѣбивши «Записками колонизатора»²⁾, изданными при содѣйствіи «Новаго Времени», за что мнѣ сильно досталось отъ вѣдомства, — я глубоко возмущился этой антигосударственной идеей, разрушавшей, можно сказать, въ корень всѣ наши прошлыя и будущія работы по расширенію переселенческаго дѣла и устройству безземельнаго крестьянства, поджигаемаго на всякую свару и смуту, и написалъ подробную записку «о земельномъ фондѣ въ Сибири» (которая не пришлась тогда ко двору вѣдомства) и прочелъ ее въ видѣ доклада въ географическомъ обществѣ. За эту записку ухватился Д. И. Пестржецкій (помощникъ управляющаго земскимъ отдѣломъ), написавшій контрпроектъ, напечатанный въ «Вѣстникѣ Финансовъ» и частью въ «Новомъ Времени», и показалъ ее В. И. Денисову.

Прибывшій въ Петербургъ дѣятель по экономическимъ вопросамъ, затѣмъ членъ государственнаго совѣта, Василій Ильичъ Денисовъ велъ тогда борьбу противъ представленнаго г. Кутлеромъ проекта въ совѣтъ министровъ и, въ свою очередь, представилъ рядъ записокъ бывшему премьеръ-министру графу С. Ю. Витте, министру внутреннихъ дѣлъ Дурново, князю Кочубею и не находившимся въ составѣ министерскаго кабинета В. Н. Коковцову и И. Л. Горемыкину. Сущность этихъ записокъ, заключа-

¹⁾ DCXXIV—V.

²⁾ «Записки колонизатора» появились въ 1903 году. За критику въ нихъ дѣйствій вѣдомства надо мною былъ назначенъ судъ изъ директоровъ департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго А. П. Энгельгардта, бывшаго тогда товарищемъ министра и вынесшаго мнѣ оправдательный приговоръ. Между тѣмъ современныя широкія мѣропріятія переселенческаго управленія, ставшаго на путь реформъ съ 1906 года, только сильнѣе подчеркиваютъ дефекты тогдашней организаціи, изложенныя въ этой книжкѣ, и имѣютъ въ своемъ развитіи тѣ точки отправления, которыя изложены были въ видѣ пожеланій, тогда казавшихся неосуществимыми.

шихъ въ дѣломъ земельную программу, обнимала вопросы, касающіеся выхода изъ общины, отрубныхъ владѣній, землеустроительныхъ комиссій, переселенія, организаціи торговли и сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, холодильнаго дѣла, приобрѣтенія частновладѣльческихъ земель при помощи крестьянскаго банка съ уменьшеніемъ платежей по ссудамъ этого банка отъ 5³/₄% до 4% и проч. Будучи противникомъ мнѣнія, распространяемаго составителями проекта, о недостаткѣ земель въ Сибири, годныхъ для переселенія, В. И. Денисовъ очень радъ былъ ознакомиться съ моимъ докладомъ, прочитаннымъ въ императорскомъ географическомъ обществѣ «о сибирскомъ земельномъ фондѣ» и привезъ его къ А. С. Суворину, прося его напечатать въ «Новомъ Времени».

Однажды вечеромъ я получаю краткую записку Алексѣя Сергѣевича: «П. И., пріѣзжайте ко мнѣ сегодня же въ девять часовъ вечера переговорить о важномъ дѣлѣ. А. Суворинъ».

Ранѣе я имѣлъ единственный разговоръ съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ по поводу моей пьесы «Мертвая зыбь», поставленной въ театрѣ Немецки, которую онъ възрядно-таки раскритиковалъ. Сотрудникомъ «Новаго Времени», если не считать небольшихъ замѣтокъ, я не былъ, а потому это приглашеніе для меня было неожиданнымъ. Встрѣтилъ онъ меня любезно, держа въ рукахъ мою записку (докладъ географическому обществу), и усадилъ за маленькій столикъ, стоявшій около большого его кресла.

— Я вашу записку прочелъ,—сказалъ онъ, ее перелистывая,—и вижу, что она открываетъ своими данными широкіе горизонты для большого государственнаго дѣла. Она является противовѣсомъ и даже противоядіемъ безумному антирусскому проекту ограбленія помѣщиковъ, сочиненному министромъ Кутлеромъ и его чиновникомъ Кауфманомъ. Надо ей дать ходъ и пустить въ свѣтъ и сейчасъ же, не теряя времени... Политическій моментъ очень опасный... Если осуществится экспроприаторскій проектъ, произойдетъ ужасная путаница и неразбериха въ Россіи, гибельныя послѣдствія которой даже предвидѣть невозможно. Всякая мѣра, принятая во-время, дѣнна. Необходимо громомъ надвигающейся тучѣ. И этимъ громомъ является переселеніе въ Сибирь безземельнаго крестьянства. Вы, какъ видно, знаете Сибирь, работали въ ней, жили... Но какъ пустить въ ходъ вашу записку?

И Алексѣй Сергѣевичъ на минуту задумался.

— Для газеты,—продолжалъ онъ:—она громоздка, займетъ много номеровъ и ее не всѣ осилить. Если издать отдѣльной брошюрой, она проваляется въ книжныхъ складахъ, наша русская публика не привыкла къ серьезному чтенію, а тѣмъ болѣе къ брошюрамъ. Вотъ что, П. И., вы когда-то написали талантливо и живо «Записки колонизатора». Напишите мнѣ, П. И., въ размѣрѣ фельетона въ краткомъ изложеніи записку, ея сущность, главные тезисы...

— Это очень трудно, Алексѣй Сергѣевичъ. Здѣсь много цифръ, — отвѣтилъ я.

— Для очень способнаго человѣка нѣтъ трудностей въ писаніи. Сущность огромной книги, а не то что вашей записки, можно изложить на двухъ-трехъ страницахъ. У насъ привыкли много и зря писать, главное искусство писателя — быть краткимъ. Попробуйте, и я черезъ три дня напечатаю.

Я былъ подавленъ трудностью задачи. Какъ умѣстить въ фельетонѣ, хотя бы даже въ 500—600 строкъ, сущность записки съ большими выкладками и массою данныхъ. Алексѣй Сергѣевичъ на меня смотрѣлъ своимъ проникающимъ взоромъ, какъ бы угадывая мои колебанія.

— Не трусьте, смѣлымъ Богъ владѣть, помните, что въ данный моментъ такой работой вы окажете услугу не мнѣ, не газетѣ, а дѣлу, дѣлу государственному громаднѣйшей важности, родинѣ...

— Хорошо, попытаюсь, — сказалъ я, рѣшившись: — но вѣдь вы знаете, Алексѣй Сергѣевичъ, какое теченіе царитъ въ вѣдомствѣ, въ которомъ я служу.

— Ну, это не такъ страшно, будущее неизвѣстно, да я еще отъ себя кое-что прибавлю и напишу по поводу «этихъ господъ», и онъ поднялся во весь свой могучій ростъ. Онъ отпустилъ меня, какъ бы благословляя на опасную работу.

На другой или на третій день появилось его «Маленькое письмо» (потомъ другое ¹⁾), разоблачающія всю политику и совмѣстную дѣятельность обоихъ администраторовъ. Я написалъ фельетонъ, который былъ черезъ день напечатанъ.

Въ вѣдомствѣ поднялась цѣлая буря противъ меня. Два «Маленькихъ письма» Алексѣя Сергѣевича приписали моей яко бы инспираціи, особенно выраженіе его въ одномъ изъ писемъ: «я кое-что объ этомъ знаю, но нахожу излишнимъ говорить о секретѣ полишинеля».

Меня признали «вреднымъ» для вѣдомства, идущимъ по своимъ взглядамъ въ разрѣзъ главному теченію. Много я пережилъ тогда скверныхъ и горькихъ минутъ.

Въ довершеніе всего я былъ призванъ къ тогдашнему главѣ, который безъ дальнихъ фразъ предложилъ мнѣ подать въ отставку.

Я имѣлъ смѣлость отвѣтить, что я служу не министрамъ, а дѣлу, въ которое вѣрю, и государству, а потому не подамъ прошенія объ отставкѣ, а пусть меня увольтъ безъ прошенія.

Черезъ нѣсколько дней картина перемѣнилась. «Вверху» поняли «проектъ», и самъ глава съ его помощникомъ оставили вѣдомство, уйдя въ отставку.

¹⁾ 19-го и 25-го января 1906 года.

На первомъ приѣмѣ вступившій въ управление министерствомъ земледѣлія (главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія) А. П. Никольскій встрѣтилъ меня весьма любезными словами:

— Очень радъ съ вами познакомиться. О васъ много говорилъ Алексѣй Сергѣевичъ, и я читалъ вашъ фельетонъ еще въ наборѣ и вполне ему сочувствую.

— А какъ же мнѣ теперь быть? Мнѣ, вѣдь, предложено уйти со службы вашимъ предшественникомъ...

— Ну, нѣтъ, объ этомъ забудьте; напротивъ, вы намъ нужны для очень отвѣтственнаго порученія...

Черезъ нѣсколько дней я былъ командированъ представителемъ въ комиссію по изслѣдованію района проектируемой Туркестанъ-Сибирской желѣзной дороги, что дало мнѣ возможность сдѣлать путешествіе болѣе, чѣмъ въ 14,000 верстъ по Сибири и Туркестану и представить солидный трудъ.

Выходя разъ изъ редакціи «Новаго Времени» вскорѣ послѣ описанныхъ событій, передъ отъѣздомъ въ далекое путешествіе, я встрѣтилъ на крыльцѣ Алексѣя Сергѣевича. Онъ меня узналъ и, по своему обыкновенію, сразу все припомнилъ.

— Вотъ видите, какъ все удачно вышло,—сказалъ онъ съ улыбкой:—а вы еще опасались.

— А были моменты, Алексѣй Сергѣевичъ, очень скверные.

— Безъ скверныхъ моментовъ не бываетъ хорошихъ въ жизни. А главное смѣлость и твердость въ каждомъ дѣлѣ, большомъ и маломъ.

Я ему сказалъ о предстоящей поѣздкѣ въ Сибирь.

— Прекрасно, что васъ послали туда, а не кого-либо другого... Счастливаго вамъ пути и новаго успѣха... Привозите побольше данныхъ о богатомъ сибирскомъ краѣ, который такъ еще мало намъ извѣстенъ...

Болѣе я его не встрѣчалъ живымъ. Пришлось поклониться только его праху.

П. И. Соколовъ.

ВЪ ЧУДОВСКОЙ ЛУКЪ.

ЫЗА Н. А. Некрасова, тотъ небольшой уголокъ, такъ любимый поэтомъ, гдѣ онъ болѣлъ и отдыхалъ душою, откуда лились напѣвы его «неласковой печальной музы», полные безотрадныхъ картинъ народнаго горя, гдѣ написано было извѣстное стихотвореніе «Кому на Руси жить хорошо», находится въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Новгорода, вблизи станціи Чудово.

Приобрѣтенная Н. А. Некрасовымъ въ собственность, она принадлежала ему до самой смерти. По завѣщанію 1877 года перешла къ женѣ его, а нѣсколько времени спустя куплена сестрою поэта А. А. Буткевичъ и передана въ 1882 году по дарственной записи новгородскому земству, со всею движимостью, съ условіемъ устроить въ ней сельско-хозяйственную школу имени Некрасова и сохранить въ неприкосновенномъ видѣ кабинетъ его съ письменнымъ столомъ и портретомъ работы Ге ¹⁾.

На этотъ предметъ было передано новгородскому земству 4,500 рублей и собрано редакціей «Отечественныхъ Записокъ» 6,673 рубля. Въ 1892 г. сельско-хозяйственная школа была открыта земствомъ, но, въ силу какихъ-то неясныхъ причинъ, успѣха не имѣла, и уже въ 1904 году постановили ее закрыть.

Въ годы холерной и тифозной эпидемій въ одномъ изъ пустующихъ, вновь выстроенныхъ зданій помѣщались больные, а въ

¹⁾ Нылъ паходящимся въ музеѣ Александра III.

домъ Некрасова квартира врача. Въ послѣднее время часть построекъ была сдана въ аренду подрядчику артели плитной ломки. Въ одинъ изъ послѣднихъ осеннихъ дней я остановилась на Чудовской станціи, рѣшивъ осмотрѣть указанную мызу.

Миѣ подали какой-то непомѣрно высокій тарантасъ

— Куда прикажете?—обернулся возница, молодой еще парень съ добродушнымъ лицомъ.

— Въ имѣніе Некрасова.

Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на меня.

— Въ Луку,—подсказалъ станціонный служитель.

Парень кивнулъ головою въ знакъ согласія, махнулъ кнутомъ, и тарантасъ запрыгалъ по выбоинамъ булыжной мостовой станціоннаго поселка, наполненнымъ жидкою грязью, брызги которой обдавали меня при каждомъ толчкѣ. Глубокія канавы сбоку были полны водою и грязью, а боковыя улицы представляли такую сплошную грязь, что страшно становилось за ея обитателей.

— Нельзя ли потише?—молила я возницу.

— Ничего, барыня,—утѣшалъ онъ меня невозмутимо.

— Душу вытрясешь!

— Хоть бы те што,—продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ.

Такъ миновали мы рядъ трактировъ, мелкихъ лавчонокъ, постоянныхъ дворовъ. Мелькнулъ на краю поселка грязный домъ съ выѣской «Чудовская пересыльная тюрьма», и мы выѣхали въ поле. Вокругъ разстилалась унылая болотистая равнина. Вдали показались очертанія какой-то ветхой постройки, окруженной высокими деревьями.

Подѣхавъ ближе, мы увидѣли частоколъ, мѣстами разобранный, очевидно, на топливо, мѣстами рухнувшій на бокъ. Одинокій бельведеръ надъ домомъ, съ потускнѣвшимъ зеркальнымъ шаромъ, казалось, сокрушенно смотрѣлъ щелями своихъ мутныхъ стеколъ на мерзость запустѣнія, царившую вокругъ. Несомнѣнно, это было одно изъ тѣхъ разоренныхъ гнѣздъ, слѣды которыхъ еще сохранились кое-гдѣ въ видѣ заглохшихъ парковъ, заросшихъ зеленой тиной прудовъ и полуразваливъ барскихъ домовъ съ балкончиками, колонками, свѣтелками.

— Неужто здѣсь?—невольно вырвалось у меня.

— Это Реуша мыза,—пояснилъ возница.

— Помѣщикъ здѣшній?

— Нѣтъ, еврей богатый. Раньше Сухова было. Старикъ сказывали, хорошее было имѣніе, да прахомъ стинуло.

— Вотъ и Лука Чудовская,—проговорилъ мой возница снова, сворачивая съ булыжной дороги.

Мы ѣхали уже по деревнѣ. Теперь я получила полное представленіе о томъ, что значить грязь «по ступицу». Тарантасъ шагъ за шагомъ медленно опускался въ грязную глубокую яму, и казалось,

такъ и завязнешь въ этомъ морѣ грязи. Но вотъ лошадь напрягаетъ силы, колеса медленно выползаютъ на бугоръ, чтобы черезъ нѣсколько шаговъ снова завязнуть въ ямѣ. Для разнообразія отъ времени до времени натолкнешься на два-три бревна поперекъ дороги и такъ безъ конца... Въ концѣ деревни, влѣво отъ дороги, за высокими жидкими деревьями, сквозили темныя очертанія построекъ. Впередѣ всѣхъ стоялъ не особенно большой деревянный домъ того же типа старыхъ усадебъ. Мы въѣхали во дворъ, миновавъ ветхій покосившійся заборъ, и остановились передъ крыльцомъ. На двери висѣлъ замокъ.

Въ надеждѣ найти другой входъ, я пошла садомъ, огибающимъ домъ въ видѣ угла. Уныло шумѣли оголенные верхушки высокихъ дубовъ, остатки аллей, нѣкогда окаймлявшей садъ. Сухіе, опавшіе листья ихъ хрустѣли подъ ногами. Разросшійся кустарникъ скрывалъ уцѣлѣвшія кое-гдѣ скамейки. Широкая терраса дома выходила въ садъ. Видъ ея былъ печаленъ: ветхая, косая, съ безпомощно болтающимся концомъ периль надъ пустыми гнѣздами подширавшихъ ихъ нѣкогда балясинъ. Да и самый видъ дома необычайно гармонировалъ съ тусклою картиною осени. Какъ-то мертво, безжизненно смотрѣли его окна въ этотъ опустѣвшій, запущенный садъ.

Я снова вернулась къ крыльцу. Въ это время и возница успѣлъ тоже обойти постройку вокругъ и вопросительно смотрѣлъ на меня. Мы подошли къ заколоченному досками флигелю съ остатками старой рѣзьбы на окнахъ, посмотрѣли на большой домъ новой постройки напротивъ. Онъ также былъ пустъ. Въ глубинѣ двора виднѣлись какіе-то домики съ разрушенными трубами, длинные сарай съ множествомъ вытяжныхъ трубочекъ въ крышѣ, навѣсы, еще какое-то жилье...

— Поѣдемъ дальше, что-нибудь узнаемъ,—сказала я.

Гдѣ-то тявкнула собачонка...

— Значить, люди есть,—рѣшилъ мой возница и тронулъ лошадь. Въ самомъ концѣ двора изъ-подъ навѣса вышла баба съ высоко загнутымъ на боку краемъ подола, съ подошникомъ въ рукѣ, съ засученнымъ рукавомъ.

— Здравствуй, тетка!

Баба подперла свободною рукою бокъ и удивленно уставилась на насъ.

— Вамъ кого?

— Это мыза Некрасова?

— Это,—былъ лаконическій отвѣтъ.

— У кого же ключъ?

— Ключъ-то?—протянула она:—да у дѣдки Мироньча.

— Гдѣ же такой дѣдка?

— Да на селѣ.

— Ну, ладно, найдемъ,—кивнулъ возница и повернулъ лошадь. Снова качало нашъ тарантасъ до тѣхъ поръ, пока мы не остановились посреди села у большого двухъэтажнаго дома съ густымъ палисадникомъ. Это былъ домъ Миронова. Но и здѣсь не посчастливилось. Дѣдушка Миронычъ ради субботняго дня былъ въ банѣ, куда захватилъ съ собою и ключъ отъ дома. Однако сынъ его предупредительно предложилъ сбѣгать за ключомъ и просилъ меня вернуться на мызу.

Опять забороздили мы грязь и вторично остановились у знакомаго крыльца, которое на этотъ разъ оказалось болѣе гостеприимнымъ. Заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ дверь, и молодой Мироновъ повелъ меня по пустымъ комнатамъ. Еще въ маленькой прихожей пахло сыростью и особымъ воздухомъ нежилого помѣщенія. Изъ темнаго коридора нѣсколько дверей вели въ разные стороны.

— Вотъ кухня, столовая, еще комната, еще...

Въ одной изъ комнатъ стояла покрытая ситцевымъ одѣяломъ широкая кровать, столъ и шкапикъ съ медикаментами. Несмотря на эти признаки жилого помѣщенія, въ ней было такъ же холодно, сыро, непривѣтливо, какъ и въ другихъ.

— Здѣсь отецъ ночуетъ, а это еще отъ больницы осталось.

Такъ обошли мы домъ и остановились въ большой свѣтлой комнатѣ, выходящей дверью на садовую террасу. Однако напрасно старалась я создать себѣ картину жизни поэта. Хождение по пустымъ, затхлымъ комнатамъ напоминало скорѣе осмотръ отсырѣвшей за зиму дачи.

— Нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь, кто помнилъ бы Некрасова?—спросила я Миронова.

— Да отецъ мой егеремъ у него былъ, очень хорошо его зналъ,—просто отвѣтилъ онъ мнѣ.—Вы маленько пообождите, онъ и самъ сюда поторопится.

Дѣйствительно, дѣдушка Миронычъ не замедлилъ явиться. Это былъ сѣдой, но бодрый еще старикъ лѣтъ 70-ти, съ умнымъ взглядомъ довольно живыхъ еще глазъ. Лицо его было красно и потно послѣ бани. Не успѣли высохнуть и волосы.

— Съ легкимъ паромъ!—привѣтствовала я его.

— Благодаримъ почорно,—улыбнулся старикъ.—Мызу посмотрѣть вздумалось,—заговорилъ онъ.

— Да. Скажите, вѣдь вы хорошо знали Николая Алексѣевича?

— Какъ же не знать. А домъ этотъ мнѣ словно свой знакомъ. Здѣсь вотъ спальня была,—провелъ онъ меня въ сосѣднюю комнату.—Тутъ у стѣнки Н. А. кровать стояла, а это въ кабинетъ дверь. Только теперь онъ запертъ и досками заколоченъ.

— Почему?

Домъ Н. А. Некрасова близъ Чулова (южная сторона).

— Бумаги, должно быть, земскія лежать. Много тутъ пере-
мѣлъ послѣ Н. А. было, только эта сторона осталась. Наверху
еще комнаты есть.

Мы прошли и навѣрхъ по крутой лѣстницѣ изъ сѣней.

Низенькія небольшія комнатки по коридору выходили на двѣ
стороны. Здѣсь еще больше пахло плѣсенью, потолокъ въ иныхъ
мѣстахъ напоминалъ географическую карту.

— Здѣсь больше гости помѣщались,—пояснялъ мнѣ старикъ.

— И много ихъ бывало?

— И... и... сколько,—протянулъ онъ:—особенно когда по пер-
вой порожѣ, знаете, на зайцевъ охотятся. Н. А. на звѣря охоту
не любилъ, кромѣ зайца, и то больше для веселья. Бывало, для
загону человѣкъ 70 наберешь. Парни, дѣвки съ пѣснями ждуть ве-
село, свободно—и господамъ весело. Вотъ на птицъ охоту до страсти
любилъ. Да и охота здѣсь хорошая была.—Глаза старика блеснули.—
Зато, вѣрно, и любилъ Н. А. свою мызу больше ярославскаго имѣ-
нія. Сколько лошадей оттуда привозилъ сюда. Чаще всего съ
Суховымъ охотились: дружны они очень были. И Зинаида Нико-
лаевна одѣнетъ, бывало, мужское платье и отъ мужа не отстаетъ.
А вы были въ саду?—обратился онъ вдругъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Была.

— Видѣли тамъ камень?

— Нѣтъ. Покажите, пожалуйста.

Мы спустились въ садъ. Миропычъ подвелъ меня къ одному
изъ угловъ, выходящихъ къ дорогѣ. Темносѣрая, мраморная плита,
почти черная, глубоко вросла въ землю. На ней я прочла вырѣ-
занную надпись:

Кадо,

Черный pointerъ,

Былъ превосходенъ на охотѣ,

Незамѣнимый другъ дома.

Родился 15 іюля 1868 г., убитъ

случайно на охотѣ 2 мая 1875 г.

— Должно быть, Н. А. очень любилъ собаку?

— Какъ любилъ-то. А и красивый былъ песъ, черный, блестя-
щій, сильный. Не отходилъ отъ Н. А. Сидятъ это съ Зинаидой Ни-
колаевной на диванѣ, широкій такой диванъ былъ,—кушаютъ,
а Кадо посрединѣ, и его тутъ же кормятъ.

— Какъ же его убили?

— При мнѣ это дѣло было. Охотились мы на тетеревовъ. При-
цѣлила З. Н. въ птицу, а угодила въ собаку. Что съ Н. А. было,
и вспомнить страшно. Какъ увидалъ онъ это, застоналъ... Внѣ себя
былъ... думали, что и будетъ. Уговаривать стали, З. Н. прощенья

Домъ Н. А. Некрасова близъ Чудова (сѣверная сторона).

просить. Потомъ обошелся, только долго скучаль. Съ этого дня и З. Н. охоту бросила.

— Часто, бывало, придетъ сюда. Любилъ въ саду посидѣть. Успенскій, Глѣбъ Ивановичъ, часто прѣзжалъ и послѣ смерти Н. А. бывалъ. Здѣсь цвѣты были,—отдавался старикъ воспоминаніямъ, указывая на бугорокъ передъ террасой:—садъ далеко туда тянулся, теперь и слѣда не осталось.

Дѣйствительно, вдали было какое-то подобіе огороднаго мѣста. Старикъ замолчалъ. Очевидно, онъ чувствовалъ себя послѣ бани не совсѣмъ хорошо въ сыромъ саду. Смотрѣть уже было нечего, и, усадивъ старика въ тарантасъ, я подвезла его къ дому.

Сталъ накрапывать дождь.

Я охотно согласилась на приглашеніе зайти обогрѣться, тѣмъ болѣе, что миѣ хотѣлось услышать еще что-нибудь о Н. А., и мы вмѣстѣ поднялись въ верхній этажъ, въ теплую чистую, хорошо обставленную на городской ладъ комнату.

— Хорошій былъ баринъ,—заговорилъ снова старикъ, когда мы сидѣли уже за поданнымъ хозяйкою чаемъ.—Много и послѣ него здѣсь господъ жило, а такого добраго да простаго не было. Какъ прѣдетъ сюда, каждый-то день съ нимъ вмѣстѣ былъ. Иной разъ уйдешь утречкомъ пораньше, поразвѣдать насчетъ охоты, а Н. А. ждетъ, ждетъ да и придетъ на деревню подь окошко справляться... Бывало, ѣдемъ съ нимъ на охоту, говорить начнетъ—заслушаешься.

— О чемъ же?

— Обо всемъ. О жизни больше. Какъ жить надо по-хорошему, честно, безъ зла. Нашу-то жизнь какъ зналъ, бѣдность крестьянскую... И о дѣтяхъ говорилъ, какъ ихъ растить надо, правдѣ да добру учить.

— Онъ любилъ дѣтей?

— Всѣхъ онъ любилъ. Ссоръ только не любилъ. Самн вѣдь знаете, всяко въ жизни бываетъ. Перессорится, это, нашъ братъ, да и говорятъ другъ другу: «Вотъ ужъ Н. А. прѣдетъ, пожалуюсь на тебя». Прѣдетъ, и вправду къ нему идутъ. Онъ выйдетъ и слушаетъ. Всякъ свое говорить, а Н. А. только улыбнется да скажетъ:

— Гмм...—это его любимая поговорка была,—и отойдутъ. А то кончится охота. Дастъ денегъ и велитъ народъ разсчитывать по справедливости.

— Соберутся, это, всѣ въ избу. Начнешь дѣлить—ссоры начнутся. И здѣсь Н. А. никогда не вступится. Лежитъ только на лавкѣ, подопретъ голову рукой, ни слова не говоритъ, а самъ только смотреть и смотреть да слушаетъ, точно онъ человѣка насквозь видитъ.

— А случись бѣда какая, узнаеть, и просить не надо. Разъ у одного хозяина двѣ лошади пали. Въ полѣ работа стоитъ. Вотъ

мы и собралсь въ воскресенье, знаете, по-деревенски «помочью» и нашемъ поле. Идетъ мимо Н. А.

— Это что, говорить, за работа?

— Помочь, Н. А., и рассказали, въ чемъ дѣло.

— Ну, коли помочь, такъ и мнѣ помочь надо,—и вынулъ двадцатипятирублевку.

— Не сохранилось ли у васъ какихъ-нибудь бумагъ его, вещей?

— Изъ вещей только буфетъ одинъ остался. Все къ Сухову перевезли послѣ смерти, и бумаги и вещи. Буфетъ въ двери не вышелъ, не догадались, что разборный.

— Можетъ быть, у васъ были письма?

— Много было, да не осталось. Развѣ я зналъ, что за Некрасовъ былъ. Если бы тогда кто сказалъ, да я бы каждый клочокъ пряталъ. А теперь только и спрашиваютъ о немъ. Ни о комъ, какъ о немъ. Да и не было лучше его,—вздыхнулъ старикъ.—Развѣ думалъ я,—сокрушался онъ:—каждый день вмѣстѣ. Большой даже пріѣзжалъ сюда. Велѣли ему доктора купаться по утрамъ. Осѣдлаешь коней и ѣдемъ на зарѣ къ рѣчкѣ. Раздѣнется Н. А. и сидитъ, знамо дѣло, баринъ, холоду боялся.

— Полѣзай, говорить, ты сначала—холодна ли вода?

— Мнѣ-то что же, ко всему привычны. Искупаюсь,—тепло, говорю. Потомъ ужъ и самъ поидетъ. Только не помогло что-то. Помню, ужъ сильно боленъ былъ Н. А. Пріѣхалъ я въ Петербургъ, провели меня въ комнату, я и подаю ему на подносѣ дичину разную битую въ гостинецъ, думалъ порадовать. Посмотрѣлъ онъ на птицу, только вздохнулъ:

— Хоть бы разъ еще на охоту взглянуть!

— Да не судилъ, видно, Богъ. Скоро и умеръ послѣ этого. И дичины моей не покушалъ.

Старикъ замолчалъ. Его, видимо, клонило ко сну. Пора была подумать и объ обратномъ пути.

Было уже совсѣмъ темно, какъ говорится, зги не видно, когда мы покинули Чудовскую Луку. Только вдалькѣ блистали станціонные огоньки.

— Спасите, православные, Христа ради!—вдругъ раздался стонъ.

— Остановись! что такое?

Сильно напрягая зрѣніе, мнѣ удалось рассмотреть какую-то массу, барахтающуюся въ лужѣ на дорогѣ.

— Много ихъ тутъ гольтепы шляется, пьяницъ. Такъ тебѣ и надо. Хорошіе люди у насъ тонуть, а вашему брату туда и дорога. Мужикъ тутъ прошлую осень шелъ по дорогѣ, да головой и угодилъ въ канаву. Женка три раза мимо искать ходила и только

къ утру мертвыя ноги увидѣла, — говоришь мнѣ возница, трогая лошадей.

Стоны доносились слабѣе. На пути мы то и дѣло обгоняли «голь-ену», которая, шлепая напроломъ по грязи, направлялась къ своему пристанищу, крѣпко переругиваясь другъ съ другомъ. А чудовскіе обитатели, точно искатели клада съ фонарями, тщетно искали сухого мѣстечка, пробираясь къ вечернему поѣзду на станцію.

3. Слезкинская.

ОРИГИНАЛЫ И ЧУДАКИ.

(Клочки воспоминаній).

РЕДИ тѣхъ многихъ, съ которыми приходилось сталкиваться за послѣднія тридцать лѣтъ, было не мало такихъ курьезныхъ людей, которые оригинальнымъ укладомъ своей жизни представляютъ бытовой интересъ, и я въ своихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ пытаюсь отмѣтить наиболѣе типичныя ихъ стороны.

I.

Я. И. Лихачевъ.

Въ 1870 и 80-хъ годахъ очень примѣтною личностью въ Петербургѣ былъ Яковъ Ивановичъ Лихачевъ, молодой, необъятной толщины гвардейскій офицеръ, сорившій деньгами безъ счета и прославившійся всяческими эксцентричностями.

Будучи, кажется, единственнымъ сыномъ знаменитаго откупщика, Яковъ Ивановичъ унаслѣдовалъ отъ отца нѣсколько милліоновъ и съ такимъ усердіемъ ихъ расходовалъ, что если бъ не майоратъ, то могъ бы умереть въ ужасающей бѣдности.

Я познакомился съ нимъ черезъ артиста А. А. Нильскаго, который доводился ему большимъ пріятелемъ и былъ его частымъ гостемъ въ его тверскомъ помѣстьѣ.

Шалости и чудачества Лихачева, а также его лукулловскіе пиры и пикантныя любовныя похождения одно время очень занимали петербуржцевъ и дѣлали его личность анекдотическою.

Будучи театраломъ, онъ водилъ дружбу со всѣмъ артистическимъ міромъ, любимцамъ дѣлалъ дорогіе подарки и не пропустилъ ни одного мало-мальски интереснаго представленія.

Занимая въ Петербургѣ роскошный бельэтажъ, обстановка котораго стоила десятки тысячъ, онъ иногда приказывалъ привести къ себѣ въ кабинетъ или гостиную лошадей изъ конюшенъ, чтобы полакомить ихъ кускомъ сахара или показать ихъ своимъ гостямъ. Лошади расхаживали по дорогимъ коврамъ, въ сопровожденіи конюховъ, и, конечно, вели себя совершенно непринужденно.

Нѣкоторыя, впрочемъ, изъ его шутокъ были не лишены остроумія.

Напримѣръ, проѣзжая какъ-то по Гороховой улицѣ, онъ увидалъ на окнѣ табачнаго магазина листъ бѣлой бумаги, на которомъ крупными буквами было начертано: «нуженъ мальчикъ» Лихачевъ, замѣтивъ номеръ дома и запомнивъ фамилію торговца, по приѣздѣ домой, поручилъ своему секретарю устроить на другой день такъ, чтобъ къ лавкѣ этой былъ подкинутъ младенецъ мужского пола. И секретарь устроилъ. Отправился рано утромъ въ воспитательный домъ и началъ выспрашивать женщинъ, приносившихъ туда дѣтей, не желаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ подкинуть ребенка въ хорошее мѣсто, предлагая за это двѣсти рублей. Разумѣется, желающая получить такую сумму наплась моментально. Причемъ ей было обѣщено, что въ случаѣ если, ребенка не примутъ, онъ будетъ устроенъ въ воспитательный домъ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ она отдала бы его сейчасъ, т.-е. ей будетъ врученъ номерокъ, при помощи котораго можно будетъ слѣдить за воспитаніемъ. Ребенка уложили въ корзинку, а вмѣстѣ съ нимъ и конвертъ съ запиской: «Мальчикъ. Еще не крещенъ. На первоначальные расходы прилагается сто рублей...» Ребенка табачникъ оставилъ у себя и усыновилъ, а объявленіе съ окна предусмотрительно тотчасъ же снялъ.

На бенефисъ Марковецкаго въ Александринскомъ театрѣ Лихачевъ откупилъ всю правую половину кресель и потомъ перепродавалъ или прямо дарилъ билеты исключительно только лысымъ. Вся остальная публика, наполнявшая театръ, любовалась на правую сторону кресель съ не меньшимъ удовольствіемъ, чѣмъ на сцену. Зрители посмѣивались, и съ перваго же антракта правая сторона стала рѣдѣть, а къ концу спектакля и совсѣмъ опустѣла.

Во времена, когда репертуаръ Александринскаго театра былъ заполненъ оперетками, съ громаднымъ успѣхомъ шель «Орфей въ аду». Роль Ваньки Стикса игралъ актеръ П. А. Петровскій, чловѣкъ весьма простой и не любившій ни надъ чѣмъ задумываться. Въ опереткѣ этой онъ пѣлъ знаменитые куплеты «Когда я былъ аркадскимъ принцемъ», на мотивъ которыхъ писалось въ то время досужими людьми много шуточныхъ экспромтовъ, разумѣется, не

предзначавшихся ни для печати, ни для исполненія на сценѣ. Однажды попался одинъ изъ такихъ экспромтовъ Лихачеву, и онъ передалъ его Петровскому, прося добродушнаго актера пропѣть его въ ближайшее представленіе «Орфея», но съ условіемъ никому этого куплета не показывать, чтобъ онъ не потерялъ прелести повизны.

Петровскій такъ и сдѣлалъ.

Случилось, что на этомъ ближайшемъ представленіи присутствовалъ императоръ Александръ Николаевичъ.

Куплетъ былъ таковъ:

Когда я былъ аркадскимъ принцемъ,
Я нѣмцевъ очень обожалъ
И ихъ на всякую потребу
Въ большомъ количествѣ держалъ.
Но развелось ихъ такъ много,
Что я въ концѣ концовъ не зналъ,
Какой страной, какимъ народомъ,
Какимъ я царствомъ управлялъ.

Государь, сидѣвшій въ боковой ложѣ, откинулся на спинку кресла и погрозилъ Петровскому пальцемъ. Все театральное начальство бросилось на сцену, и несчастный актеръ чуть не заплатился службой...

Черезчуръ тучнаго Якова Ивановича довольно часто беспокоили желудочныя болѣзни. Онъ даже ложился отъ нихъ въ постель, но лечиться не любилъ. Однако, почувствовавъ себя однажды особенно дурно, онъ пригласилъ врача, который посоветовалъ ему немедленно принять кастороваго масла.

Лихачевъ долго протестовалъ, но, наконецъ, согласился:

— Ну, ужъ если такъ необходимо—все равно... приму!

Изъ аптеки мигомъ принесли лекарство.

Докторъ уфхалъ, и Лихачевъ, продолжая охать и стонать, сталъ отказываться отъ кастороваго масла:

— Не могу... Вида его не переносу...

Всѣ домашніе начали его упрашивать набраться мужества и хоть съ отвращеніемъ, но все-таки проглотить ненавистное ему лекарство. Въ особенности усердствовалъ его секретарь О., который жалобнымъ голосомъ шепталъ Якову Ивановичу:

— Голубчикъ! Дорогой! Пожалѣйте себя,—примите маслица. Это сразу облегчитъ ваши страданія.

— Не могу!.. Ой-ой!

— Ради Бога!.. Голубчикъ!

— Ужъ больно противно..

— Знаю!.. Но что же дѣлать, разъ это необходимо.. Преодо-
лѣйте себя...

— Не могу! Точно ты не знаешь, что я ничего не пью безъ компаніи.

— Помилуйте, какая жъ можетъ быть компанія для лекарства?

— А одинъ не могу!.. Вотъ если бѣ ты со мной чокнулся да выпилъ бы этой самой проклятой касторки...

— Да зачѣмъ же мнѣ-то? Я, слава Богу, здоровъ.

— Изъ дружбы... изъ участія...

— Я бы, право, съ удовольствіемъ, но... безъ надобности... можетъ быть, это даже вредно...

— Вотъ какъ ты меня любишь?! Спасибо!

— Я очень люблю, по...

— А если любишь—выпей! Докажи свою привязанность.

— Ну, ужъ если вы такъ настаиваете,—извольте!

О. наполнилъ два бокала касторовымъ масломъ и одинъ изъ нихъ подаль Якову Ивановичу, разслабленнымъ голосомъ протворившему:

— Пей раньше! Меня долженъ воодушевить твой примѣръ.

Съ отчаянною рѣшимостью О. залпомъ выпилъ весь бокалъ.

— Ну, а вы?

— А я, братъ, раздумалъ!—сказалъ Лихачевъ, возвращая обратно бокалъ съ лекарствомъ.

У несчастнаго О. вытянулась физиономія, а больной спокойно продолжалъ:

— Если нравится, можешь и мою порцію выпить.

Интересно по обстановкѣ начало знакомства Лихачева съ артисткою Ч—ской, служившей въ Александринскомъ театрѣ и выступавшей преимущественно въ опереткахъ. Обладая привлекательной внѣшностью, она пользовалась большимъ успѣхомъ и прославилась кокетливымъ исполненіемъ модныхъ тогда куплетовъ: «Меня мужчины такъ балуютъ, что я испорчусь наконецъ».

Яковъ Ивановичъ долго добивался быть ей представленнымъ, по ея супругъ, тоже артистъ Александринскаго театра, за котораго она вышла прямо со школьной скамьи театральнаго училища, оберегалъ ее крайне ревниво.

Хоть Лихачевъ съ Ч—скимъ и дружилъ, но тотъ наотрѣзъ отказалъ ему познакомить съ своей женой.

— Почему?—удивлялся Лихачевъ.

— Вы человѣкъ ненадежный.

— А что вы скажете, если я буду представленъ вашей супругѣ помимо васъ?

— Этого никогда не будетъ!

Подзадориваемый такими затрудненіями, Яковъ Ивановичъ рѣшилъ во что бы то ни стало овладѣть вниманіемъ хорошенькой женщины.

И овладѣть!

Но для этого ему пришлось преобразиться... въ извозчика.

Заказавъ онъ на свою необъятную фигуру простой извозчицѣй армякъ, нанявъ поденно отъ извозпромышленника пролетку съ номеромъ и, умѣстившись на козлы, отправился въ первую роту Измайловскаго полка, гдѣ проживали супруги Ч—скіе.

Прошло два дня, и Лихачевъ терпѣливо высиживалъ на козлахъ, а артистка, какъ на зло, никуда не выходила и, слѣдовательно, въ извозчицѣихъ услугахъ не нуждалась.

Наконецъ, на третій день Ч—ская вышла изъ подѣзда и позвала извозчика. Яковъ Ивановичъ лихо подкатилъ и безъ торгу усадилъ давно ожидаемаго имъ сѣдока.

По дорогѣ импровизированный извозчикъ заводитъ разговоръ:

— Барыня милая, знаете ли вы о существованіи Якова Ивановича Лихачева?

— Да... слышала...

— Эхъ, кабы вы чувствовали, какъ онъ васъ любитъ.

— А ты почему знаешь?

— Да какъ же мнѣ не знать, если этотъ самый Лихачевъ— я и есть!

Ч—ская отъ испуга чуть не выпрыгнула съ дрожжекъ.

— Вы?! Съ какой стати! Какъ смѣете?

— Простите,—заговорилъ Яковъ Ивановичъ обычнымъ голосомъ:—но другого способа познакомиться съ вами я не могъ надумать.

— Оказывается, что вы дѣйствительно, какъ говорилъ про васъ мужъ, нахаль!

— Бранитесь... но цѣль оправдываетъ средства. Безумно влюбленнымъ прощается многое...

Какъ бы тамъ ни было, но знакомство завязалось. Массивный извозчикъ еще нѣсколько дней дежурилъ на первой ротѣ, и Ч—ская чаще обыкновеннаго стала выѣзжать изъ дому...

Черезъ недѣлю супруги Ч—скіе, послѣ весьма обстоятельнаго объясненія, разошлись и... какъ показало время, навсегда.

Лихачевъ очень внимательно ухаживалъ за нею въ теченіе двухъ лѣтъ, окружалъ ее неслыханною роскошью и разстался съ ней въ одинъ моментъ, когда она, капризничая, бросила въ горѣвшій каминъ солидную пачку денегъ. Сидя противъ нея у камина, Яковъ Ивановичъ, ни слова не говоря, поднялся съ мѣста и ушелъ. И артистка больше уже никогда его не видала.

Эти эпизоды я слышала отъ самой Ч—ской, которую въ 1884 году встрѣтилъ въ Москвѣ, гдѣ она вела очень замкнутый образъ жизни, ютясь въ мебелированной комнатѣ. Прежнихъ богатствъ, конечно, не было и въ поминѣ, но красота ея сохранялась въ полной неприкосновенности...

Очень оригинальный образъ жизни велъ Лихачевъ у себя въ родовомъ помѣстьѣ въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи.

Въ немъ обыкновенно онъ проводилъ лѣто. Всегда было много гостей, всегда было шумно и весело.

Живя на лонѣ природы, никакихъ другихъ костюмовъ Яковъ Ивановичъ не признавалъ, кромѣ широчайшей рубахи и такихъ же шароваръ. Томясь отъ жары, онъ большую часть дня проводилъ въ рѣчкѣ, протекавшей по его имѣнію, и устраивался въ ней комфортабельно. Не снимая съ себя одежду и только прикрывъ голову широкополой шляпой, онъ сидѣлъ почти по горло въ водѣ на удобномъ, покойномъ креслѣ и охлаждался. Слуги, съ высоко засученными панталонами, подавали ему то кофе съ ликеромъ, то ситары, а иногда и полный завтракъ.

Гостившіе же у него пріятели обыкновенно въ это время сидѣли на берегу и вели съ нимъ оживленную бесѣду.

Въ деревнѣ у него имѣлся хоръ пѣсенниковъ, которымъ онъ любилъ хвастнуть и даже однажды выступалъ съ нимъ публично въ Кашинѣ, лично имъ дирижируя. Въ образованіи этого хора немалое участіе принимала супруга Якова Ивановича, которая до выхода за него замужъ служила въ Александринскомъ театрѣ подъ фамиліей Кроненбергъ, занимая амплуа опереточной примадонны. Она была музыкально-образованной особой и готовилась когда-то въ оперу, которую, однако, не задумываясь промѣняла на оперетку, въ виду того грандіознаго успѣха, которымъ въ тѣ времена оперетка пользовалась.

Хоръ Лихачева состоялъ изъ однихъ мужскихъ голосовъ, и всѣ хористы обязаны были носить шаровары и цвѣтныя рубахи. Это была ихъ форма. Но, однако, фізіономіи многихъ изъ нихъ совершенно не соответствовали ихъ наряду, потому что отличались типичностью либо инородцевъ, либо иностранцевъ, хотя на самомъ дѣлѣ всѣ они принадлежали къ чистокровнымъ тверитянамъ. Одинъ походилъ на итальянца, другой на француза, третій напоминалъ татарина, четвертый былъ типичнымъ малороссомъ, пятый смахивалъ на финна и т. д.

И когда у Лихачева спрашивали:

— Что это значить?

Онъ отвѣчалъ спокойно:

— Надо же моему парикмахеру чѣмъ-нибудь заниматься? А то вѣдь со скуки умреть.

Жившаго постоянно при немъ парикмахера онъ называлъ не иначе, какъ «мусью Фиксатуаръ».

Заходятъ однажды въ имѣніе Якова Ивановича два пѣшихъ путешественника. Одинъ громадный, плечистый, косматый; другой—худосочный и приниженный.

— Что вамъ?—спрашиваетъ ихъ Лихачевъ.

Высокій началъ проситься въ хоръ и объявилъ, что у него басъ. Яковъ Ивановичъ слегка его проэкзаменовалъ и оставилъ, а затѣмъ обратился къ его товарищу:

— И ты тоже въ хоръ?

— Никакъ нѣтъ... я такъ...

— Что значить «такъ»?

— Я не изъ голосистыхъ... я просто такъ, за компанію съ нимъ.

— Бездомникъ?

— Да, ужъ, конечно, ежели зря по свѣту мыкаюсь...

— Ну, ладно, оставайся и ты... Можетъ быть, на что-либо шм-годишься... Ты ужъ женатъ или еще нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ и отлично! Мы тебя женимъ.

— То-есть, какъ же это такъ, вдругъ... Я къ этому дѣлу не особенно, можетъ быть, расположенъ...

— Пустяки! Не все ли тебѣ равно, какъ жить: женатымъ или холостымъ, а намъ все-таки развлеченіе,—попируемъ на твоей свадьбѣ... Не спорь!

Путешественникъ почесалъ въ затылкѣ и рѣшилъ:

— Ну, ладно... развѣ только для васъ!

Лихачевъ сейчасъ же послалъ, за парикмахеромъ и вмѣстѣ съ бывшими у него въ то время пріятелями сталъ созерцать, какъ мусью Фиксатуаръ принялся «перефасонивать» путешественниковъ.

Яковъ Ивановъ сидѣлъ и командовалъ:

— Этого большого... дѣлай англичаниномъ... Будетъ хорошгъ!.. Расчеши ему на затылкѣ проборъ, а съ боковъ сними волосъ побольше... Такъ!..

«Басъ» осмѣлился было замѣтить:

— Помилуйте-съ, я православный и подъ англичанина мнѣ совсѣмъ нежелательно...

Но Лихачевъ его перебилъ:

— А нежелательно, такъ и уходи вонъ!.. Мнѣ твоего баса не нужно, а беру я тебя только ради того, что изъ тебя хорошаго англичанина можно сдѣлать...

Путешественникъ, конечно, смирился, а Яковъ Ивановичъ продолжалъ приказывать мусью Фиксатуару:

— Подбородокъ пробрей лентой... немного... сдѣлай ему бакены, да книзу, чтобъ острымъ угломъ шли...

Черезъ полчаса новоявленный былъ неузнаваемъ. Его выразительная фізіономія блистала всѣми характерными чертами истаго бритта.

Маленькаго человѣчка Лихачевъ велѣлъ преобразить:

— Въ Харіуса?!

Это значило — наголо остричь голову и гладко выбрить лицо.

Мусью Фиксатуаръ поусердствовалъ и даже подровнялъ ему брови.

Затѣмъ Яковъ Ивановичъ приказалъ ихъ «выполоскать» въ рѣкѣ, дать имъ свѣжее платье и зачислить въ штатъ его очень обширной дворни.

«Харіусъ» оказался очень смышленнымъ по письменной части и работоспособнымъ, такъ что онъ былъ опредѣленъ на отправление какихъ-то служебныхъ обязанностей. Лихачевъ сдержалъ свое обѣщаніе и вскорѣ его женилъ на одной изъ кашинскихъ мѣщанокъ, причемъ сдѣлалъ ей приличное приданое. Бракъ оказался удачнымъ.

Въ помѣстьѣ Лихачева была церковь и при ней причтъ. Лѣтомъ справлялся храмовой праздникъ, и въ этотъ день въ домѣ Якова Ивановича устраивался большой завтракъ и обѣдъ, на который свѣзжались сосѣди-помѣщики, кое-кто изъ уѣзднаго города и почти все духовенство окрестныхъ селъ. Пиршество у хлѣбосольнаго хозяина тянулось обыкновенно нѣсколько дней. Изъ своихъ духовныхъ гостей Лихачевъ особенно любилъ одного сельскаго дьякона, котораго всячески удерживалъ у себя и съ особымъ удовольствіемъ проводилъ съ нимъ время за бесѣдой. Дьяконъ этотъ былъ искренно убѣжденъ, что онъ не изъ «пьющихъ». И Лихачевъ, представляя его своимъ знакомымъ, всегда аттестовалъ:

— Великолѣпный басть и баспословный трезвенникъ!

— Да!— подтверждалъ дьяконъ.— Къ вину не приученъ сызмальства.

И, дѣйствительно, отъ водки отказывался. Отъ вина тоже.

Но «пуншъ» обожалъ.

— Стаканъ чая и капля рома,—это другое дѣло.

И когда входилъ во вкусъ, постепенно убавлялъ дозу чая, чтобы увеличить порцію рома, такъ что въ концѣ концовъ на стаканъ рома шла капля чая, и то только для очистки совѣсти.

За пуншемъ отецъ дьяконъ любилъ пофилософствовать, и вотъ за это-то философствованіе Яковъ Ивановичъ главнымъ образомъ его и отличалъ.

Всѣ гости, бывало, послѣ праздника разъѣдутся, а дьяконъ все гоститъ и гоститъ.

Ему правился пуншъ, а самъ онъ правился хозяину.

Яковъ Ивановичъ умѣло наводилъ своего собесѣдника на философскія размышленія.

— Отецъ дьяконъ, — скажетъ онъ:—смотрю я на себя и удивляюсь: что я есть?

— Вы есть человѣкъ! — глубокомысленно отвѣчаетъ дьяконъ, отхлебывая изъ стакана пуншъ.

— А что такое человѣкъ?

— Естество!

--- Собственно, пылинка вселенной?

--- Нѣтъ! Человѣкъ есть человѣкъ до тѣхъ поръ, пока онъ имѣетъ Божеское подобіе, а когда онъ во блаженномъ успеніи обращается въ прахъ, — онъ становится прахомъ. А почему? Потому что «земля еси и въ землю идеши». Всякій человѣкъ, независимо отъ званія и чиновъ, умираетъ. И не хочется, а умираетъ. А почему? Потому что такъ надо. Онъ имѣетъ право жить до послѣдней минуты, но не больше. И когда умираетъ, жизнь его прекращается. А почему? Потому, что онъ больше не живетъ.

Дьяконъ говоритъ цѣлыми часами неоспоримыя истины, а Лихачевъ, находя въ этой бесѣдѣ для себя развлеченіе, съ не ослабѣвающимъ интересомъ его слушаетъ.

Въ концѣ концовъ пуншъ оказываетъ свое воздѣйствіе на дьякона, и языкъ его начинаетъ быть нѣсколько непослушнымъ.

— Человѣкъ умираетъ, но смѣетъ ли онъ за это роптать на Бога? Нѣтъ, не смѣетъ! Что такое ропоть? Ропоть есть недовольство! А что такое недовольство? Желать большаго, чѣмъ тебѣ предназначено. А этого нельзя! Грѣхъ! Небо за это можетъ взыскать! Роптать нельзя, потому что и небу не все доступно. Не все! Примѣрно, ежели ты станешь молиться и будешь просить, чтобъ небо тебя научило, чѣмъ тебѣ перебить козырнаго туза? Не научить! Потому что это невозможно. А ежели есть такіе вопросы, которые само небо не можетъ разрѣшить, то человѣкъ роптать не долженъ. Уже ежели небо не можетъ перебить козырнаго туза, то, значить, козырный тузъ похитрѣ неба есть!..

Въ разсужденіяхъ дьякона «козырный тузъ» всегда игралъ важную роль, и строилъ онъ на немъ всю свою философію. И, когда рѣчь доходила до козырнаго туза, Лихачевъ оставлялъ своего собесѣдника въ покоѣ и уходилъ въ сторону «отсмѣяться».

Этого дьякона-философа замѣчательно хорошо имитировалъ А. А. Нильскій, знавшій наизусть много его рѣчей, которыя заканчивались неизмѣнной ссылкой на «козырнаго туза», могущественнѣе котораго отецъ дьяконъ ничего не могъ себѣ представить!..

Подъ конецъ жизни Яковъ Ивановичъ какъ-то «притихъ». Въ Петербургѣ о немъ стали говорить меньше, потому что онъ пересталъ давать пищу для анекдотическихкихъ о немъ повѣствованій и умеръ почти забытый тѣми многочисленными друзьями, которые окружали его въ дни его веселой молодости.

II.

Н. И. Богдановскій.

Въ началѣ 1880-хъ годовъ составила въ Москвѣ бродячая опереточная труппа, именовавшая себя «артистическимъ сосѣте», и отправилась на гастроли въ города, расположенные близъ Нико-

лаевской желѣзной дороги: Тверь, Вышній-Волочокъ, заглянула даже въ Рыбинскъ и потомъ въ Новгородъ.

Во главѣ предпріятія стоялъ «георгіевскій кавалеръ» А. А. Левицкій, пѣвшій главныя теноровыя партіи, а въ составъ труппы входили, между прочими: извѣстный нынѣ писатель А. В. Амфитеатровъ, поэтъ-юмористъ Л. А. Танѣевъ (настоящая его фамилія Фейгинъ, а писалъ онъ преимущественно подъ псевдонимомъ «Леонидъ Неспартанскій») и пишущій эти строки. Амфитеатровъ выступалъ подъ фамиліей Амфи и исполнялъ оперные отрывки.

Это была очень веселая поѣздка. Всѣ были молоды, беззаботны: Лишенія никого не тяготили, а если сталкивались съ чѣмъ-нибудь смѣшнымъ, то всѣ хохотали отъ души. Амфитеатровъ все время неутомно острилъ, участвовалъ во всевозможныхъ шуткахъ—и періодъ отъ Рождества до Великаго поста прошелъ у насъ незамѣтно.

Самымъ курьезнымъ въ нашей труппѣ было то, что всѣ примадонны, за исключеніемъ одной только отживавшей свою славу Крузовой, были въ интересномъ положеніи.

Танѣевъ посвятилъ труппѣ стихи, изъ которыхъ у меня только нѣкоторые куплеты сохранились въ памяти:

Что твердятъ о насъ въ народѣ,
Не пронохалъ я пока.
Труппа жъ наша, право, вродѣ
Живорыбнаго садка.
Превосходный Амфи «Демонъ»,
Но жиренъ онъ, какъ *налимъ*.
Пристаетъ изъ насъ ко всѣмъ онъ,
Впрочемъ, пусть себѣ... Богъ съ нимъ.
N..., какъ *узоръ*, вьется
И румянъ онъ, какъ *карась*,
А Танѣеву все пьется.—
Какъ *уклейка* любить грязь.
Съ «комбинаціей» упругой
Нашъ Левицкій самъ не свой.
Вѣчно воегъ онъ *блугой*,
А актрисы всѣ съ *икрой*.

«Безпристрастія ради» Танѣевъ отмѣтилъ и свою слабость къ губительной рюмочкѣ... Его жена, исполнявшая обязанности кассирши, какъ ни уберегала его, но онъ неизмѣнно изо дня въ день былъ пьянъ.

Масленицу играли въ Новгородѣ. Для увеличенія сборовъ кто-то надумѣлъ Левицкаго пригласить для участія въ спектакляхъ бывшаго новгородскаго антрепренера Нила Ивановича Мерянскаго, мѣстнаго любимца, который, имѣя въ Новгородѣ свой домъ, былъ не у дѣль. Городской театръ, послѣднимъ арендаторомъ котораго онъ былъ, незадолго передъ тѣмъ сгорѣлъ, и Мерянскій остался въ Новгородѣ жить «на правахъ гражданина».

Мерянскій сыгралъ нѣсколько спектаклей и въ послѣдній день оказалъ всей труппѣ гостепрѣимство, пригласивъ ее къ себѣ на блины, съ которыхъ и началось мое продолжительное знакомство съ этимъ оригинальнымъ, типичнымъ человѣкомъ, теперь уже покинувшимъ театральныя подмостки и сдѣлавшимся провинціальнымъ журналистомъ.

Нынѣ онъ уже не Мерянскій, а Богдановскій. Это его настоящая фамилія.

Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ онъ издаетъ въ Новгородѣ газету «Волховской Листокъ» и претерпѣваетъ всяческія страданія на тернистомъ пути публициста.

Но объ этомъ потомъ.

Во времена же своего актерства и антрепренерства Ниль Ивановичъ представлялъ собою крупную въ театральномъ мірѣ фигуру, и притомъ весьма анекдотическую.

Въ 1885 году онъ построилъ въ Новгородѣ за свой счетъ деревянный театръ, благополучно существующій до сихъ поръ подъ именемъ «городского», и началъ набирать труппу. Однимъ изъ первыхъ попалъ въ нее и я. Начало спектаклей должно было состояться 15-го іюля, а къ 10-му должны были съѣхаться все участники дѣла.

Приѣхавъ въ назначенный срокъ, я былъ встрѣченъ Мерянскимъ, который сейчасъ же повелъ меня осматривать свое дѣтище—новый театръ. Подходя къ театру, я замѣтилъ висѣвшаго подъ самой крышей человѣка въ сѣрой крылаткѣ и цилиндрѣ. Въ рукахъ его была громадная кисть, а къ доскѣ, на которой онъ сидѣлъ и которая покачивалась на канатѣ, спускавшемся съ крыши, было прикрѣплено ведро съ краской. Дивясь на такой необычайный костюмъ маляра, спрашиваю Мерянского:

— Кто это?

— Наумовскій!

— Маляръ-любитель?

— Какой къ чорту маляръ! Второй комикъ!

Это еще болѣе меня удивило.

— Актеръ?

— Ну, да! Принесла его нелегкая за двѣ недѣли... Чего же ему зря мыкаться? Я вотъ его и приспособилъ.

Впослѣдствіи этотъ самый Наумовскій занималъ крупное положеніе на провинціальныхъ сценахъ и получалъ очень крупныя оклады...

Войдя въ театръ, мы сразу наткнулись на какого-то бородагата господина, занимавшагося обивкой мебели.

— Это нашъ суфлеръ Нерушевъ!—представилъ его Мерянскій и, осмотрѣвъ его работу, началъ ругаться:—На кой чортъ столько гвоздей забиваешь? А почему здѣсь морщить? Опять пилъ, вѣрно?..

«Истор. вѣстн.», январь 1913 г., т. сxxxl.

А на кой дьяволь столько мочалы? Чтобы бугры были? Перебивай снова!

Опять удивляюсь.

— Развѣ,—спрашиваю,—онъ и обойщикъ?

— Какой тамъ къ чорту обойщикъ!—Скрипачъ!

— А вы говорили суфлеръ?

— Ну, да,—у насъ онъ будетъ суфлеръ.

У Мерянского была страсть во всяческихъ раритетахъ. Какъ «на ловца бѣжитъ звѣрь», такъ палетали и они на него. Когда наканунѣ открытія театра обнаружилось, что приглашенный имъ на службу сценаріусъ не пріѣдетъ, Мерянской экстренно отправляется въ Петербургъ и привозитъ какого-то съ недоумѣвающимъ лицомъ человѣка, лишеннаго лѣвой руки и управлявшагося одной правой.

— Вотъ вамъ сценаріусъ! Отличный малый—не шеть и не курить.

И на первой же репетиціи, при участіи этого отличнаго малаго, оказалось, что ни съ какой стороны со сценой онъ не знакомъ; объ отвѣтственности помощника режиссера не имѣетъ никакого представленія.

А Мерянской, похлопывая его по плечу, подбадривалъ:

— Ничего, Ивановъ! Привыкнешь!

Бѣдный Ивановъ изъ силъ выбивался, винкая въ суть своей должности, и до того терялся, что принимался плакать.

— Что васъ заставило итти на сцену?—спрашивали его актеры, проявляя сочувствіе.

Ивановъ, глубоко вздыхая, отвѣчалъ:

— Ничего не заставляло. А ужъ такая, видно, судьба. Я былъ приказчикомъ въ складѣ дрождей на Надеждинской улицѣ. И служилъ тамъ много лѣтъ. Вдругъ приходитъ Нилъ Ивановичъ, покупаетъ дрожди и говоритъ: «Театръ любишь?» Я, конечно, въ отвѣтъ: «Даже очень». Нилъ Ивановичъ обрадовался и придумываетъ: «Ну, такъ брось свои дрожди и въ одиннадцать вечера будь сегодня на вокзалѣ. Я тебя возьму къ себѣ въ Новгородъ на службу, въ театръ». Я было сталъ отказываться, а онъ и слышать ничего не хочетъ. «Поѣзжай да поѣзжай! Ну, я и поѣхалъ.

И вотъ съ этимъ сценаріусомъ, какъ прозвали его, «оть дрождей», да съ суфлеромъ Нерушевымъ, всю жизнь занимавшимся починкой своей скрипки, на которой поэтому ему никогда не удавалось играть,—начались въ Новгородѣ спектакли.

Нерушевъ оказался очень смѣшнымъ. И обнаружилось это только во время спектакля. Чуть актеръ разыграется и если сцена по пьесѣ комическая, суфлеръ вдругъ обхватываетъ лицо руками и надрывается отъ смѣха. На сценѣ пауза, исполнители теряются, съ ужасомъ взираютъ въ нѣдра суфлерской будки, не видя оттуда помощи, а Нерушевъ не можетъ прійти въ себя отъ припадка душив-

шаго его хохота. И тѣ изъ актеровъ, которые въ своихъ роляхъ были тверды, кое-какъ обходили опасное мѣсто, но зато разсчитывавшіе на суфлера оказывались въ отчаянномъ положеніи.

Но болѣе ужаснымъ для актеровъ было, когда Нерушевъ записывалъ. Тогда онъ начиналъ припоминать всѣ обиды, которыми немолимо угнетала его судьба и Мерянскій, доводившійся ему по женѣ родственникомъ. И припоминалъ ихъ непремѣнно въ своей будкѣ. Положить передъ собою пьесу и, не заглядывая въ нее, ворчить:

— Почему я долженъ сидѣть въ будкѣ, какъ собака? Развѣ это справедливо? А Нилъ Ивановичъ ругается: не пей, да не пей! Почему? Мнѣ губернаторъ не смѣетъ этого запретить, а не то, что онъ! Посадилъ въ будку и думаетъ, что я буду исполнять его приказанія? Ни подь какимъ видомъ!

Захлопнетъ книгу и, прикрывъ ее руками, начнетъ приспосабливаться, какъ бы ему заснуть.

На сценѣ, разумѣется, переполохъ. Актеры говорятъ что-то пессимистическое своими словами. Въ уборныхъ бѣготня—ищутъ Мерянского.

— Нилъ Ивановичъ, Нерушевъ спитъ!

— Ахъ, мерзавецъ!—кричитъ антрепренеръ и спускается подь сцену.

Въ суфлерской будкѣ поднимается шумъ. Мерянскій силой вытаскиваетъ изъ нея дремлющаго суфлера и самъ заступаетъ его мѣсто.

Но для актеровъ это еще хуже. Въ суфлерскомъ замѣстителѣ просыпается режиссеръ и вмѣсто того, чтобъ подавать реплики уже окончательно растерявшимся актерамъ, онъ ограничивается одними только замѣчаніями:

— Степановъ, вынь руки изъ брюкъ! Нехорошо! Барина играешь! Левашовъ, отодвинь отъ дивана стулъ... да къ столу его, къ столу!

Актеры прямо изводятся. Что говорятъ—сами не знаютъ. А Мерянскій продолжаетъ указывать:

— Марья Александровна,—кричитъ онъ актрисѣ Свѣтловой.—Сядь въ кресло! Да не на диванъ, а въ кресло. Мартыновъ, подьбери ноги!...

Тренеща за товарищей, кто-нибудь изъ актеровъ, ожидающихъ за кулисами своего выхода, летитъ подь сцену и шепчетъ Мерянскому:

— Нилъ Ивановичъ... ради Бога... подавайте слова...

Но онъ невозмутимо отвѣчаетъ:

— Надо роли учить, а не суфлера слушать! Вотъ оштрафую всѣхъ, такъ научу порядку.

И такъ до конца спектакля.

«Сценаріусъ же отъ дрождей» ежеспектакльно отличался чѣмъ-нибудь экстраординарнымъ.

Будучи чрезвычайно разсѣяннымъ, да къ тому же еще сбитый съ толку незнакомымъ ему дѣломъ, онъ постоянно волновался, выходилъ изъ себя, заводилъ споры. Особенно много недоразумѣній выходило у него изъ-за карандаша. Заложить его за ухо и потомъ щипать его по карманамъ. Сердится, горячится, обыскивая себя.

— Вотъ сейчасъ... сейчасъ я имъ писалъ!... Чортъ его знаетъ, проклятаго... Наумовскій, ты не бралъ?

— А на что онъ мнѣ?

— Ужъ вѣрно взялъ? Ну, что за шутки! Отдай...

Ивановъ шарить по полу, передвигаетъ стулья, скамейки, столы.

— Точно сквозь землю провалился! А вотъ только сейчасъ имъ писалъ... Наумовскій, отдай!

— Чего пристаешь? Говорю тебѣ, не бралъ!...

— Такъ куда жъ онъ дѣлся? Левашовъ, можетъ, ты взялъ?

— Ну, вотъ еще!

— Посмотри въ карманахъ, можетъ, случайно засунуль...

— Отстань!

И до тѣхъ поръ ко всѣмъ приставалъ, пока кто-нибудь не увидитъ, бывало, карандаша у него за ухомъ.

— Да вотъ онъ!

То же самое у него случалось съ пьесой, по которой выпускалъ на сцену актеровъ. Засунуть ее подъ единственную правую руку и суетится по сценѣ.

— Гдѣ пьеса? гдѣ выхода?

Но самыя забавныя кипроко выходили у Иванова, когда, по недостатку актеровъ, приходилось ему выступать на сценѣ въ какой-нибудь незначительной роли.

Пьесы, по которой выпускаются актеры, обыкновенно испещряются фамиліями исполнителей. Это дѣлается для того, чтобы легче было собирать дѣйствующихъ лицъ въ актѣ. Передъ своимъ выходомъ онъ также проставлялъ и свою фамилію «Ивановъ».

Суетясь за кулисами во время представленія, когда доходила очередь до него, онъ метался по коридорамъ и уборнымъ, разыскивая самого себя.

— Ивановъ, на сцену!... Ивановъ! Ивановъ!... Господи Боже мой! Гдѣ же онъ? Ивановъ! Ивановъ!

Если случался гдѣ-нибудь по близости Мерянскій, онъ налеталъ на суетившагося сценаріуса и, взявъ его за воротъ сюртука, волочилъ несчастнаго къ дверямъ павильона.

— Ну, не животное ли? Себя узнать не можешь!

Однако Ивановъ не долго мытарился на сценѣ. У него хватило силъ только на два мѣсяца, а затѣмъ опять уѣхалъ въ Петербургъ торговать дрожжами...

Мерянский былъ большимъ комикомъ по натурѣ, хотя держалъ себя до того серьезно и свирѣпо, что мало знавшіе его способны были передъ нимъ трепетать.

Только что поступившій къ нему молодой актеръ Левашовъ репетируетъ старинный водевиль «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», въ которомъ ему поручена была роль старика Золотникова.

Въ жизни своей Левашовъ не бралъ ни одной поты, а тутъ вдругъ ему пришлось докладывать подъ музыку извѣстные куплеты:

Тогда мы нюхали цвѣточки,
Теперь мы нюхаемъ табакъ.

Какъ ни старался онъ, но, будучи немзыкальнымъ, никакъ не могъ усвоить шаблоннаго водевильнаго мотива.

Мерянский даже обозлился:

— Стыдно не знать этого мотива! Его каждый гимназистъ знаетъ...

Левашовъ сробѣлъ и отвѣтилъ:

— Я, Ниль Ивановичъ, въ гимназіи не учился.

Однажды во время утренней репетиціи является въ театръ какой-то купеческой складки человѣкъ, съ окладистой бородой, и спрашиваетъ антрепренера.

Выходить Мерянский.

— Чѣмъ могу служить?

Незнакомецъ отчеканиваетъ, очевидно, заранѣе приготовленную фразу:

— Желая посвятить себя драматическому искусству.

Ниль Ивановичъ смотритъ на него своимъ свирѣпымъ взглядомъ и спрашиваетъ:

— А на кой чортъ?

— Чувствую призваніе.

— А теперь-то чѣмъ занимаетесь?

— Мелочную лавку содержу въ Чудовѣ.

— Ну, и какъ дѣла?

— Ничего себѣ... благодареніе Богу.

— Ну, такъ продолжайте торговать! Это лучше!

Лавочникъ даже обидѣлся.

— Это ужъ наше дѣло!... Пусть торгуетъ жена, а я въ актеры...

— Ну, такъ чортъ же съ вами!—обозлился Мерянский.—Я могу вамъ дать дебютъ хоть сегодня же. Приходите вечеромъ, къ восьми часамъ. Кстати идетъ «Свадьба Кречинскаго».

Въ указанное время является въ театръ дебютантъ. Мерянский встрѣчаетъ его замѣчаніемъ:

— А почему въ бородѣ?

— Она не мѣшаетъ.

— Какъ не мѣшастъ! Гдѣ же это видно, чтобъ актеръ борода-
тымъ былъ? Съ бородой на сцену не пущу.

— Да ужъ конечное дѣло я ее сбрею, когда поступлю какъ
слѣдуетъ въ актеры.

— Ну, а въ бородѣ я у себя дебютировать не позволю!

Лавочникъ началъ раздумывать, долго переминался съ ноги на
ногу и наконецъ рѣшилъ:

— Ну, что дѣлать! Ежели необходимо, то обреюсь.

— Ну, то-то!

Мерянскій повелъ дебютанта въ мужскія уборныя и, передавая
его парикмахеру, приказалъ:

— Снять съ него усы и бороду!

Черезъ четверть часа лавочникъ былъ неузнаваемъ. Онъ съ тре-
петомъ разглядывалъ себя въ зеркало...

Начался спектакль.

Дебютантъ спускается на сцену и, разыскавъ Мерянского,
спрашиваетъ его:

— А когда же я буду играть?

— Въ послѣднемъ актѣ!

— А почему жъ у меня роли нѣтъ?

— И не нужно... На первый разъ выйдете безъ словъ...

Послѣ второго акта Мерянскій снова ведетъ дебютанта къ
парикмахеру:

— Наклеить ему такую же бороду, какъ была!

Парикмахеръ мастерски возвратилъ лавочнику его прежнее
благообразіе.

Въ третьемъ актѣ «Свадьбы Кречинскаго», когда въ финалѣ на
сценѣ появляется полиція и понятые, Мерянскій выпустилъ дебю-
танта на сцену въ качествѣ понятого. Тотъ постоялъ одну минуту
передъ зрителями—и занавѣсъ опустился.

Разгримировавшись, злополучный лавочникъ опять разыски-
ваетъ антрепренера.

— Что вамъ?

— Какъ насчетъ моей службы?

— Не годитесь!

— Какъ?

— Очень сожалѣю, но ничего не могу сдѣлать...

— Позвольте-съ... зачѣмъ же въ такомъ родѣ вы меня заста-
вили бороду брить?

— Чудакъ! какъ же я могъ выпустить васъ на сцену не загримированнымъ?

— Что же я теперь буду дѣлать?

— Попржнему торговать въ Чудовѣ.

Огорченный дебютантъ послѣ спектакля жестоко напился и
на другой день поѣхалъ домой.

У такого комика въ жизни, какъ Мерянскій, конечно, въ курьезныхъ эпизодахъ недостатка не было и какъ-то само-собой подбирался къ нему комическій элементъ.

Заявляется какъ-то въ Новгородъ истощенный, хромоногий юноша, ловить Мерянского на репетиціи въ театрѣ и просить принять его въ труппу на амплуа драматическихъ резонеровъ.

Мерянскій съ нимъ прямо на «ты».

— Твоя фамилія?

— Дмитріевъ.

— Ну, такъ вотъ, Дмитріевъ, что я тебѣ скажу: у тебя, братецъ, нѣтъ сценическаго вида.

— Ежели вы намекаете на хромоту, — обижается Дмитріевъ, — то совершенно напрасно. Въ Ковнѣ я съ большимъ успѣхомъ игралъ. Актеръ изображаетъ дѣйствительную жизнь, а развѣ въ дѣйствительной жизни хромыхъ нѣтъ?

— Есть, да авторы-то ихъ въ пьесахъ не выводятъ.

— Помилуйте, Ниль Ивановичъ, чѣмъ же я виноватъ, что авторы дураки.

Мерянскій улыбнулся.

— Ну, чортъ съ тобой, — говоритъ: — у тебя масса несокрушимой логики. Такъ и быть, дамъ тебѣ дебютъ. Въ чемъ же ты желаешь выступить?

— Въ драматическомъ этюдѣ «Сейчасъ мой выходъ».

— Ладно.

На слѣдующей афишѣ красовался этотъ драматическій этюдъ.

А до дебюта, съ разрѣшенія Мерянского, Дмитріевъ имѣлъ почлегъ въ театрѣ. Спалъ вмѣстѣ съ «сценаріусомъ отъ дрождей» въ бутафорской.

— Только ты мнѣ театра не спали, — предупредилъ его Мерянскій.

— Какъ же я могу, Ниль Ивановичъ, курить, ежели у меня даже на хлѣбъ нѣтъ.

— Ахъ, ракалія! Такъ ты еще и голодный?... Ну, ладно, пойдемъ ко мнѣ, я тебя накормлю, чтобъ ты мою бутафорию не обглодалъ...

Въ день спектакля Дмитріевъ былъ очень агитированъ. Все безпокоился:

— Не знаю я новгородской публики. Пойметъ ли она меня?

«Сейчасъ мой выходъ» долженъ былъ итти въ началѣ спектакля, передъ большой пьесой.

Минуть за пять до начала представленія, когда все было готово къ поднятію занавѣса, Дмитріевъ прибѣжалъ на сцену осмотрѣть обстановку и вдругъ съ ужасомъ завопилъ:

— Детали! Гдѣ детали?

Всегда спокойный въ подобныхъ случаяхъ, Мерянскій подходитъ къ нему и спрашиваетъ:

— Какія тебѣ детали?

— Я вѣдь играю умирающаго актера?

— Ну?

— Все время лежу на кровати?

— Ну?

— Ну, и значить, подъ кроватью должны быть детали.

Мерянскій тотчасъ же крикнулъ плотникамъ:

— Эй! Разбирай павильонъ... Ставь садъ для пьесы...

— Позвольте, Ниль Ивановичъ, я хочу играть!

— Пошелъ вонъ со своими деталями.

«Сценаріусъ отъ дрождей» проанонсировалъ объ отмѣнѣ этюда, а Дмитріевъ въ это время разгримировывался и ворчалъ:

— Рутина! Шаблонъ! Трафаретъ!

Мерянскій на него:

— Ты у меня насчетъ иностранныхъ словъ осторожнѣй! Я тебѣ за нихъ не позволю ночевать въ театрѣ!

Кончилось, однако, тѣмъ, что Ниль Ивановичъ оставилъ у себя на службѣ Дмитріева, потому что тому некуда было дѣваться. Но служилъ онъ не долго. Слишкомъ ужъ изводилъ антрепренера.

Играется, напримѣръ, «Князь Серебряный». Пьеса изъ временъ Іоанна Грознаго. Дмитріевъ выходитъ на сцену въ боярскомъ костюмѣ и съ папиромъ въ зубахъ.

Въ публикѣ смѣхъ.

По окончаніи акта Мерянскій на него съ крикомъ:

— Что ты дѣлаешь? Что ты дѣлаешь, разбойникъ! Развѣ можно въ исторической драмѣ курить папиросы?

— А почему же нельзя?—удивляется Дмитріевъ.

— Да потому, что тогда и папиромъ-то не существовало.

— Ну, ужъ это вы врете!—усомнился Дмитріевъ.—Не махорку же бояре палили!

Но всего больше Дмитріевъ раздосадовалъ Мерянского тѣмъ, что, когда онъ остался замѣстителемъ отказавшагося отъ службы сценаріуса Иванова и сталъ обставлять какую-то историческую пьесу, въ одномъ изъ актовъ которой на столѣ должны были стоять двѣ чарки,—онъ, не найдя впопыхахъ чарокъ, снялъ у себя съ рукъ манжеты и поставилъ ихъ вмѣсто необходимой по ходу дѣйствія посуды. Увлеченные ролями актеры не замѣтили этого и, подъ общій хохотъ публики, чокались и съ напускнымъ наслажденіемъ тянули воображаемую брагу изъ дмитріевскихъ манжетъ.

Ниль Ивановичъ на другое утро далъ Дмитріеву на дорогу денегъ и умолялъ его какъ можно скорѣе убраться «съ глазъ долой».

— А не то я тебя когда-нибудь придушу!

— Это за мою-то находчивость?—изумлялся Дмитріевъ.

Поантрепренерствовавъ нѣсколько лѣтъ, Мерянскій отступился отъ новгородскаго театра и поступилъ актеромъ въ москов-

скій Коршевскій театр. Будучи выдающимся артистомъ, онъ пользовался и въ Москвѣ большимъ успѣхомъ, но при безпокойной натурѣ своей тамъ долго не зажился и вновь возвратился къ себѣ въ Новгородъ, гдѣ принялся за изданіе газеты.

Обладая обличительной жилкой, онъ сразу принялся бударажить провинціальное болото и, конечно, нажилъ массу враговъ. И раньше-то на него косились, когда въ городѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ состоитъ корреспондентомъ столичныхъ газетъ, но когда онъ началъ водворять порядки общественной жизни и подялль войну съ захолустной косностью со столбцовъ своего «Волховского Листка», то большую половину года ему приходится отбывать на скамьѣ подсудимыхъ по административнымъ и обывательскимъ жалобамъ. И вѣчно его судятъ. То оправдываютъ, то подвергаютъ взысканіямъ, а онъ героически выдерживаетъ натискъ всякихъ рѣшеній и неутомно «обличаетъ». Онъ никогда не располагаетъ временемъ «впередъ». Относительно будущаго у него только одни предположенія:

— Ежели не буду посаженъ...

Если вамъ придется быть въ Новгородѣ и вы увидите человѣка, который все время брюзжитъ, ворчитъ и выражаетъ громогласно недовольство,—можете быть увѣрены, что это не кто иной, какъ Ниль Ивановичъ Богдановскій.

У него ужъ такой нравъ. Не можетъ не протестовать. Все его беспокоитъ и непремѣнно какимъ-нибудь образомъ касается. Прямотаки врожденная неуживчивость. А на самомъ дѣлѣ,—стоитъ только присмотрѣться къ нему ближе,—это покладистый, веселый и добрый товарищъ.

Будучи комикомъ по натурѣ, онъ никогда не упускаетъ случая проявить свой юморъ—и когда, на примѣръ, состоялись велосипедныя гонки между Петербургомъ и Москвой, громадный по росту, убѣленный сѣдинами Богдановскій усаживался на велосипедъ и примыкалъ въ Новгородѣ къ гонщикамъ, сопровождая ихъ до Петербурга, куда прибывалъ ни съ того, ни съ сего измученный, усталый, еле переводящій духъ. Но бывали съ нимъ и крушенія, когда его и его поломанный велосипедъ привозили въ Новгородъ съ полдороги въ крестьянской телѣгѣ, послѣ чего и велосипедъ, и его владѣлецъ должны были продолжительное время ремонтироваться... А когда пробирался верхомъ на лошади съ Дальняго Востока въ Петербургъ хорунжій Пѣшковъ, каковое путешествіе ему было вмѣнено въ сугубую заслугу,—къ нему въ Новгородѣ присоединился Богдановскій. И, конечно, тоже верхомъ. И тоже на низкорослой лошади, такъ что его ноги чуть-чуть не достигали земли. И проводилъ онъ этого знаменитаго въ то время путешественника до столицы, гдѣ какой-то шутникъ, присутствовавшій при встрѣчѣ этой процессіи, увѣрялъ потомъ знакомыхъ, что вмѣстѣ съ Пѣшковымъ въ Петербургъ прибылъ и «воскресшій Донъ-Кихоть».

Разумѣется, все это забавно, но именно въ этомъ и заключается вся типичность донъ-кихотствующаго провинціального журналиста, съ одной стороны гордаго сознаніемъ своего величія, какъ представителя великой «шестой державы», съ другой—неугомоннаго комика...

III.

М. В. Лентовскій.

Знаменитый московскій увеселитель Михаилъ Валентиновичъ Лентовскій былъ человѣкомъ «широчайшаго размаха» и въ 1880 годахъ такимъ любимцемъ москвичей, что его иначе не называли ни въ печати, ни устно, какъ «магъ и волшебникъ». Другой бы на его мѣстѣ менѣе затѣйливый предприниматель нажилъ миллионы, а онъ послѣ своихъ «сказочно-блестящихъ дѣлъ» послѣдній десятокъ лѣтъ нуждался въ мелочахъ и считался безнадежнымъ банкротомъ. Основанный имъ садъ «Эрмитажъ» дѣлалъ громадныя обороты, а самъ Лентовскій только должалъ, потому что у него было слишкомъ много друзей и помощниковъ, которые очень ужъ усердно заботились о собственномъ благополучіи. Умный и зоркій, Лентовскій это видѣлъ отлично, но принципиально никому не мѣшалъ себя разорять, потому что онъ былъ «широкъ».

— Пусть! Всего не возьмутъ...

А оказалось—взяли.

Во времена своего могущества не жалѣлъ онъ денегъ и на себя. Его расходы не поддавались учету. Масса прихлебателей, толпа поклонниковъ, большинство которыхъ онъ зналъ только въ лицо, совершенно не интересуясь ни фамиліями ихъ, ни именами. Ему было совершенно безразлично, кого кормить своими лукулловскими обѣдами и ужинами.

И изъ-за того, что окружающихъ онъ зналъ только въ лицо, съ нимъ однажды случилась непріятная исторія. Имѣя всегда дѣловой, озабоченный видъ, Лентовскій у себя въ «Эрмитажѣ» не ходилъ, а бѣгалъ. Онъ зналъ, что къ нему это «шло». И вотъ какъ-то, пробѣгая отъ открытой сцены къ закрытому театру, онъ встрѣчаетъ солиднаго господина, который, раскланиваясь съ нимъ, сдѣлалъ попытку его остановить.

Лицо знакомое. Лентовскій на ходу ему крикнулъ:

— Иди ко мнѣ въ кабинетъ.

— Виновать.

— Говорять тебѣ, въ кабинетъ!

Господинъ гордо выпрямился и съ недовольствомъ въ голосѣ началъ было:

— Г. Лентовскій, я бы попросилъ васъ...

Но ветерпѣливый Михаилъ Валентиновичъ разозлился въ конецъ.

— Въ кабинетъ, чортъ тебя возьми! Экій идіють!

И побѣжалъ дальше.

Незнакомецъ сконфуженно ступевался.

Черезъ нѣсколько минутъ два театральныхъ капельдинера рыскали по саду, разыскивая антрепренера.

— Что вамъ?—крикнулъ на нихъ Лентовскій.

— Его сіятельство къ себѣ требуютъ.

«Его сіятельство», приснопамятный московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, не въ мѣру баловавшій своего любимца Лентовскаго, нерѣдко посѣщаль «Эрмитажъ» и всегда призывалъ къ себѣ въ ложу «мага и волшебника», чтобы похвалить его спектакли.

Разумѣется, Лентовскій сейчасъ же направился къ князю, но каково было его удивленіе, когда, переступивъ порогъ ложи, онъ увидалъ вмѣстѣ съ генераломъ-губернаторомъ и того знакомаго, котораго только что обозвалъ идіотомъ.

— Послушайте, Лентовскій,—сказалъ князь:—кто вамъ сообщилъ, что этотъ господинъ идіють?

Хоть это и не было похоже на Лентовскаго, но онъ сробѣлъ.

Выдержавъ паузу, князь продолжалъ:

— Запомните, пожалуйста, навсегда, что идіотовъ губернаторамъ не назначаютъ.

— Виновать...

— Завтра въ одиннадцать утра извольте явиться ко мнѣ, и я вамъ преподамъ урокъ вѣжливости.

Незнакомецъ оказался Н—скимъ губернаторомъ, пріятелемъ Долгорукова. Лентовскаго же онъ зналъ со временъ провинціальныхъ его скитаній и остановилъ его въ саду, какъ стараго знакомаго.

На другой день антрепренеръ у генераль-губернатора.

Въ старой Москвѣ было все просто, и поэтому Долгоруковъ увелъ Лентовскаго къ себѣ въ кабинетъ и распекалъ его цѣлый часъ, доказывая, что съ незнакомцами никогда нельзя обращаться грубо, потому что, не зная, съ кѣмъ имѣешь дѣло, можешь наскочить на сановную персону.

— Этакъ я не гарантированъ,—закончилъ князь:—что когда-нибудь виопыхахъ вы выругаете и меня!

Въ дни своей славы Лентовскій, дѣйствительно, былъ не совсѣмъ-таки воздержанъ, и у него было нѣсколько такихъ «городскихъ проишествій», за которыя ему приходилось отсиживать въ знаменитыхъ «титахъ». Увѣряютъ, что московское купечество именно и благоговѣло передъ нимъ за то, что онъ свято охранялъ ихъ традиціи и нраву своему препятствовать не позволялъ. Но за это приходилось ему иногда расплачиваться дорого. Очень претенціозные подавали въ судъ, но большинство «оскорбленіе дѣйствіемъ» реализировало на денежные знаки.

Извѣстенъ случай, когда за скандалъ съ какимъ-то юнымъ княземъ Лентовскаго посадили въ «титы», и два его друга изо дня въ день съ улицы оригинально и поэтично развлекали музыкой злосчастнаго узника.

Опереточный артистъ и въ то же время талантливый поэтъ Л. И. Леонидовъ (Гуляевъ), переряженный уличнымъ шарманщикомъ, въ сопровожденіи артистки П., популярной по исполненію цыганскихъ романсовъ, тоже переряженной въ костюмъ уличной пѣвицы, пріѣзжали къ «титамъ» и посреди улицы, передъ тюремнымъ заборомъ, она своимъ чарующимъ голосомъ напѣвала подъ аккомпаниментъ шарманки опереточныя аріи и ту «цыганщину», за которую такъ сильно привязанъ былъ къ ней Лентовскій.

И тюремная администрація, и вся тюрьма знала, для кого устраивается этотъ уличный концертъ, и никто не рѣшался мѣшать этимъ взрослымъ шалунамъ, являвшимся скрашивать тюремное одиночество своего друга.

Будучи самъ буйнымъ, Лентовскій удивительно умѣло обращался съ другими буйными. Какъ-то устроилъ онъ въ своемъ «Эрмитажѣ» грандіозное гулянье. Весь садъ утопалъ въ массѣ фонариковъ, лампіоновъ и пр. Народу по обыкновенію масса. И вдругъ публика слышитъ трескъ разбиваемыхъ стеклянныхъ фонарей. Оказалось, что какой-то подгулявшій именитый купецъ, окруженный группой прихлебателей, ради потѣхи началъ «бить иллюминацію» тросточкой. Размахнется—и фонарь вдребезги. Зная, что вошедшаго въ благодушное настроеніе купца никакими резонами успокоить никогда нельзя, садовые администраторы побѣждали доложить о скандалистѣ Лентовскому, который сейчасъ же поспѣшилъ къ мѣсту происшествія.

— Что ты дѣлаешь?—крикнулъ скандалисту антрепренеръ.

Тотъ разбиваетъ еще одинъ фонарь вдребезги и спокойно отвѣчаетъ:

— Видишь—гуляю!

— Ну, что это за гулянье—по одному фонарю... Ты вотъ какъ...

И, размахнувшись, Лентовскій своей тросточкой разбилъ разомъ фонарей шесть или семь.

Купецъ удовлетворенно улыбнулся.

— Здорово! Молодецъ!

— То-то! А ты по одному!... Срамишься только!

И, дѣйствительно, купецъ точно сконфузился.

А Лентовскій продолжалъ:

— Ты мнѣ вотъ что скажи: десятокъ однимъ махомъ разбить можешь?

— Десятокъ?.. Нѣтъ!

— Ну, а по одному и бить не стоить.

Такая аргументация купца убедила и, удаляясь в сторону буфета, он процьдилъ сквозь зубы:

— Это правильно!

Михаилъ Валентиновичъ былъ «широкъ» во всемъ. И особенно въ тѣ счастливыя времена, когда его московскій «Эрмитажъ» дѣлалъ необычайно крупные обороты. Тогда онъ деньгами сорилъ и преобразился прямо-таки въ Креза.

Бдетъ на извозчикѣ. А они всѣ его знали и величали по имени и отчеству.

— Михайло Валентинычъ, а позавчера я тоже васъ возилъ...

— Ну, такъ что?

— А ничего... это я такъ... къ слову, примѣрно...

— А ты меня любишь?

— Еще бъ не любить!

— Спасибо!

И за конецъ ѣзды, который стоитъ полтинникъ, суетъ въ руку возницы десятирублевку.

Стоитъ какъ-то у входной кассы. Подходить скромный молодой человекъ и освѣдомляется о цѣнахъ на мѣста въ театрѣ. Оказывается, всѣ дешевыя мѣста уже проданы. Послѣ минутнаго раздумья онъ ограничивается тѣмъ, что беретъ только входный билетъ въ садъ.

Лентовскій отводитъ его въ сторону и спрашиваетъ:

— Кажется, вы хотѣли попасть въ театръ?

— Да... но...

— Есть только первые ряды.

— Знаю...

И вдругъ огорашиваетъ вопросомъ:

— А вы пьете?

— Конечно, случается...

Лентовскій суетъ ему въ руку измятую двадцатипятирублевку и говоритъ:

— Вотъ вамъ и на билетъ, и на ужинъ...

Будучи свидѣтелемъ этой сцены, я говорю Лентовскому:

— Но вѣдь онъ могъ обидѣться... какъ вы рѣшились?

— Нѣтъ... видно, что неимущій... Пусть погуляетъ...

На побѣгушкахъ у Лентовскаго одно время былъ актеръ Соломенцевъ, очень услужливый и умѣвшій изъ услужливости своей извлекать пользу.

Михаилъ Валентиновичъ, бывало, швырнетъ сторублевку и кричитъ ему:

— Дюжину!

Соломенцевъ съ полуслова понималъ «мага» и моментально отправлялся въ виноторговлю за шампанскимъ.

Возвращаясь съ виномъ и сдачей, Соломенцевъ подходилъ къ Лентовскому и шепталъ ему на ухо:

— А помните, Михаилъ Валентиновичъ, какъ лѣтомъ вы меня оштрафовали?

— За что?

— За недостатокъ таланта.

— Ага! Возьми себѣ сдачу.

Такимъ образомъ, Соломенцевъ почти никогда не возвращалъ сдачу этой «широкой натурѣ», каждый разъ напоминая ему какой-то легендарный трехрублевый штрафъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что на протяженіи послѣднихъ почти сорока лѣтъ Лентовскій былъ самою популярною и замѣтною личностью въ Москвѣ. Начавъ свою сценическую карьеру въ качествѣ актера и исполнителя русскихъ юмористическихъ пьесъ въ провинціи въ концѣ 1860 годовъ, онъ присвоилъ себѣ какой-то полурусскій костюмъ, которому не измѣнялъ до самой смерти. Состоялъ онъ не то изъ казакина, не то изъ поддевки, высокихъ сапогъ и фуражки. Впрочемъ, вначалѣ носилъ онъ сапоги съ красными отворотами и когда въ 1870 годахъ поступилъ въ московскій Малый театръ, на первой же репетиціи на него обратилъ вниманіе знаменитый Провъ Михайловичъ Садовскій. Оглядѣлъ его съ ногъ до головы, пожалъ плечами и спросилъ:

— Ты по-каковски одѣтъ?

— По-русски.

— Скажешь, и сапоги у тебя русскіе?

— Русскіе.

Садовскій отрицательно покачалъ головой и сказалъ:

— Нѣтъ, братъ, сапоги у тебя не русскіе... Вотъ кончится репетиція, пойдемъ со мной, такъ я тебѣ настоящіе русскіе сапоги покажу..

Кончилась репетиція.

Садовскій пошелъ Лентовскаго въ ближайшую церковь. Подойдя къ образу, на которомъ изображенъ былъ святой Пантелеймонъ, онъ внушительно произнесъ:

— Вотъ посмотри на ноги святого—у него настоящіе русскіе сапоги.

— Что вы, Провъ Михайловичъ, — воскликнулъ Лентовскій:— у него сандалии.

— Врешь! У русскаго святого не можетъ быть не русскихъ сапогъ!

Вспоминая этотъ анекдотъ, Лентовскій говорилъ:

— И что бы вы думали? Послѣ этой прогулки съ Садовскимъ въ церковь я на другой же день отпоролъ съ сапогъ отвороты, и ужъ никогда больше съ тѣхъ поръ ихъ не носилъ. Слово онъ меня убѣдилъ.

Въ душѣ Михайль Валентиновичъ былъ «неунывающимъ россияниномъ», и многочисленныя неудачи послѣднихъ лѣтъ его не особенно обезкураживали. Денегъ не было, кредитъ былъ подорванъ, но онъ съ несокрушимою энергіею перебрасывался съ одного театральнаго предпріятія на другое. Создавалъ театры, сады, задавался грандіозными планами, такими грандіозными, что всѣ друзья его съ трепетомъ ожидали: «вотъ-вотъ, дастъ Богъ, выплыветъ», а онъ самымъ неожиданнымъ образомъ прогоралъ. Но, прогорая сегодня, онъ на завтра уже носился съ новой идеею и вскорѣ, обыкновенно, ее осуществлялъ. И вскорѣ же прогоралъ. Долгое время баловавшее его счастье стало измѣнять ему самымъ возмутительнымъ образомъ.

Актеры, окружавшіе Лентовскаго въ счастливое время съ любовью и благоговѣніемъ, въ дни систематическихъ прогаровъ бывшаго «мага и волшебника» стали относиться къ нему болѣе чѣмъ небрежно. И если его что огорчало въ періодъ неудачъ, такъ именно только эта черная неблагодарность. До него не было тѣхъ безумныхъ актерскихъ окладовъ, отъ которыхъ погибали потому многіе антрепренеры, поневолѣ потянувшіеся за Лентовскимъ. Онъ поднялъ цѣнность актерскаго труда на недостижимую высоту, съ которой первымъ же самъ и сверзился. Изъ оперетки, которая до него была чуть ли не лубочнымъ увеселеніемъ, онъ сдѣлалъ отрасль сценическаго искусства; уравнивалъ исполнителей этого жанра съ артистами драмы и такую массу отшлифовалъ талантовъ, что могъ смѣло разсчитывать хотя бы на нравственную признательность съ ихъ стороны, но всѣ забыли его гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать этого...

Въ «Эрмитажѣ», входя въ кабинетъ Лентовскаго, трепетавшіе передъ нимъ актеры такъ, бывало, заговаривались отъ робости:

— Михайль Контромарковичъ, дайте, пожалуйста, на сегодня валентиночку...

А въ «Скоморохѣ», гдѣ ему приходилось задерживать жалованье, благодаря слабымъ дѣламъ, ему угрожающе кричали:

— За это бить надо!

Изъ его театровъ вышло, вѣроятно, до тысячи актерскихъ именъ... поэтому, можно себя представить, какъ было ему обидно слышать эти угрозы.

Впрочемъ, не всѣ досаждали Лентовскому.

Были и исключенія.

Напримѣръ, извѣстный шутникъ и весельчакъ, опереточный ветеранъ А. З. Бураковскій въ полученіи жалованья съ обанкротившагося Лентовскаго всегда опережалъ товарищей, благодаря своей находчивости.

Сыздавна было замѣчено, что если у Лентовскаго фуражка на носу, то, значить, онъ не въ духѣ и просить у него денегъ нельзя, а если на затылкѣ—подходи смѣло, не откажетъ.

И вотъ—Бураковскому деньги нужны до зарѣзу, а Лентовскій вторую недѣлю ходитъ съ надвинутой на носъ фуражкой. Долго онъ выжидалъ момента, когда дѣла антрепренера повеселѣютъ и онъ передвинетъ фуражку на затылокъ, да такъ и не выждалъ. Собрался съ духомъ и подходитъ къ нему:

— Михаилъ Валентиновичъ, вы за глаза свои не боитесь?

Лентовскій взглянулъ на него съ удивленіемъ и спросилъ:

— А что?

— Легко ихъ можно испортить, нося такъ низко фуражку.

— А! Да, да!..—процѣдилъ сквозь зубы импрессарио и машинально передвинулъ фуражку на затылокъ.

— Ну-съ, а теперь,—быстро заговорилъ Бураковскій,—прикажите кассиру выдать мнѣ сто рублей.

— Не могу!.. Не могу-съ!..

— Какъ не могу? Да вѣдь у васъ шанка-то не на носу, а на затылкѣ!

Лентовскій расхохотался и вмѣстѣ съ Бураковскимъ отправился въ кассу.

— Вотъ вамъ, возьмите, —сказалъ онъ:—хоть это у меня и послѣднія!..

Въ контрактѣ съ актерами, служившими въ «Скоморохѣ», былъ включенъ такой туманный пунктъ, изобрѣтенный какимъ-то прислѣшникомъ Лентовскаго: «Жалованье платится черезъ мѣсяць—въ первыхъ числахъ слѣдующаго мѣсяца,—и пять дней граціи; выдается до Рождества шестьдесятъ процентовъ, а сорокъ съ рождественскихъ праздниковъ».

Первый мѣсяць кое-какъ Лентовскій оплатилъ, а за второй, по прошествіи срока и многихъ льготныхъ дней, никто изъ актеровъ ничего не получаетъ.

За кулисами началось, по обыкновенію, броженіе.

Бураковскій въ этомъ броженіи участія не принималъ, но зато, встрѣчаясь съ Лентовскимъ по нѣсколько разъ въ стѣнахъ театра, онъ становился въ граціозную позу, поднимая одну ногу на воздухъ, и съ благодушной улыбкой, молча протягивалъ руку антрепренеру.

Сначала Михаилъ Валентиновичъ не обратилъ на него вниманія, зная его за шутника, но когда такого рода привѣтствія обратились въ систему, онъ наконецъ его спрашиваетъ:

— Александръ Захаровичъ, что съ вами? Что это за поза?

— Грація!

— Какая грація?

— По контракту.

— По какому контракту?

— Да по вашему же. Въ контрактѣ у васъ сказано: по истеченіи мѣсяца пять дней граціи. А я уже вотъ тринадцатый день эту самую грацію примѣняю, а жалованья не вижу.

И опять выбралъ Лентовскій изъ тощей кассы, что было въ ней, и отдалъ Бураковскому.

Послѣдніе годы жизни Лентовскій провелъ въ Москвѣ, изрѣдка выступая устройтеlemъ праздничныхъ гуляній въ манежѣ. Гдѣ онъ жилъ и какъ—знали очень немногіе, потому что онъ не имѣлъ привычки принимать у себя. Даже пріятелей не приглашалъ. Впрочемъ, и въ лучшія времена своей жизни онъ назначалъ какъ дѣловыя, такъ и пріятельскія свиданія то въ театрѣ, то гдѣ-нибудь въ агентствѣ, то въ ресторанѣ. Бывалъ ли онъ когда-нибудь дома—это загадка. Его всегда можно было встрѣтить гдѣ-нибудь. Съ утра до поздней ночи онъ былъ въ непрерывномъ движеніи, и фланирующій москвичъ могъ столкнуться съ нимъ на улицѣ десятки разъ въ день. Вѣчно куда-то спѣшилъ, очень часто со сверткомъ какихъ-то бумагъ или книгъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ Лентовскимъ лѣтомъ 1907 года въ московскомъ саду «Акваріумъ», начало которому положено было имъ же. Это былъ его послѣдній прогаръ. Впрочемъ, и всѣ другіе антрепренеры, подвизавшіеся въ этомъ несчастливомъ саду послѣ него, такъ же торжественно прогарали.

Насъ было трое: я, Шаляпинъ и Михаилъ Валептиновичъ. Почти весь вечеръ мы просидѣли на скамейкѣ подъ тѣнистымъ запущеннымъ деревомъ около закрытаго театра. Лентовскій былъ сумраченъ и очень серьезно либеральничалъ. По его словамъ, выходило такъ, что онъ всю жизнь принадлежалъ къ «недовольнымъ» и въ душѣ былъ ярымъ революціонеромъ.

Разумѣется, всѣ страшныя слова произносились имъ подъ впечатлѣніемъ текущихъ событій,—время было острое, и Москва, вообще податливая на всякія новшества, «прелюбезно» реагировала на запросы безпокойныхъ дней. Какъ же могъ такой истый москвичъ, какъ Лентовскій, проявлять отсталость? И онъ со свойственнымъ ему жаромъ громилъ правительство, созидалъ на свой ладъ политико-экономическую теорію капитализма, какъ-то легко и просто разрѣшала земельные вопросы и увѣрялъ, что если бы онъ попалъ депутатомъ въ государственную думу, то отъ прежней Россіи не осталось бы камня на камнѣ.

Лентовскій въ роли революціонера былъ очень хорошъ! А въ особенности типиченъ въ русскомъ національномъ костюмѣ, съ орденами и отличіями, и, какъ про него говорили, съ «боярской ладкой».

Присоединившійся къ нашей компаніи московскій журналистъ не долго слушалъ вошедшаго въ настроеніе Лентовскаго и наконецъ спросилъ его:

— Михаилъ Валептиновичъ, чего вы такъ хорохоритесь? Вѣдь вы въ сущности человѣкъ не нашей эпохи, вы случайно остались отъ семнадцатаго вѣка...

— Помилуйте, да какъ же не хорохориться: написалъ пьесу про Петра Великаго, а ее не разрѣшаютъ!

И началъ разносить драматическую цензуру.

Намъ стало весело.

И кстати стали припоминать революціонные анекдоты.

Другой такой же московскій революціонеръ издатель Р. чуть не съ нѣною у рта кричалъ:

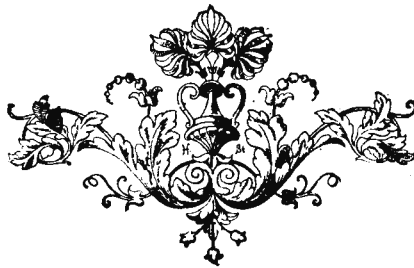
— Помилуйте, развѣ можно жить въ Россіи? Надо отсюда вонъ! Развѣ насъ считаютъ гражданами? Нѣтъ! Мы для правительства какое-то ничтожество...

— Да въ чемъ дѣло?

— Представьте, посылаю въ Петербургъ въ цензуру пьесу. Покупаю двѣ семидесятипятикопеечныя марки въ ближайшей табачной и наклеиваю ихъ на прошеніе, а миѣ отвѣчаютъ изъ Петербурга, что пьесу не разсматриваютъ, потому что одна изъ марокъ оказалась уже бывшей въ употребленіи. Требуютъ новую... Ну, скажите, какъ же тутъ не сдѣлаться революціонеромъ?

Такимъ же революціонеромъ сдѣлался и Лентовскій.

М. Шевляковъ.

СТРАШНАЯ ШУТКА.

(Эпизодъ изъ исторіи одного бунта).

ВЪ ЧИСЛѢ прочаго наслѣдства, оставшагося послѣ моего дѣдушки, былъ одинъ предметъ, къ которому наслѣдники отнеслись съ пренебреженіемъ. Да и то сказать, кому нужна была старая цыновка?!.. А между тѣмъ дѣдушка въ послѣдніе годы своей жизни хранилъ ее, какъ будто это была не обыкновенная старая цыновка и даже не дорогой персидскій коверъ, а настоящій гобелень. Она висѣла у него въ комнатѣ на самомъ видномъ мѣстѣ, и когда бабушка однажды вздумала убрать со стѣны «эту дрянъ», дѣдушка такъ на нее прикрикнулъ, что съ тѣхъ поръ до его смерти никто не осмѣливался и тронуть цыновку.

Что было цѣннаго въ этомъ предметѣ, никто не зналъ. И лишь незадолго до своей смерти дѣдушка разсказалъ намъ о томъ, что заставило его беречь цыновку...

Вотъ что мы узнали изъ его разсказа.

Въ 1897 году онъ служилъ волостнымъ старшиной въ одной изъ волостей Казанской губерніи. Въ тотъ годъ, какъ извѣстно, происходила всеобщая перепись. Работы въ волостныхъ правленіяхъ было столько, что хоть отбавляй, а у моего дѣдушки ея было особенно много. Дѣло въ томъ, что волостному писарю была поручена перепись, и вслѣдствіе этого старшинѣ приходилось одному управлять волостью.

Однажды, покончивъ съ дѣлами, усталый, но въ хорошемъ настроеніи духа дѣдушка собирался уже итти изъ правленія домой,

какъ вдругъ къ нему вошла большая толпа татаръ. А пужно сказать, что та волость, гдѣ служилъ дѣдушка, населена преимущественно татарами.

Татары пришли за тѣмъ, чтобы изъ самаго достовѣрнаго источника, т. е. отъ своего старшины, узнать, зачѣмъ это переписываютъ народъ.

— Поджалуста, скажи намъ... Никакъ не знаемъ, какой такой дѣла пишуть,—просили татары.

Попутить ли захотѣлъ дѣдушка, или просто отвязаться поскорѣе отъ просителей (вѣриѣе первое, такъ какъ любилъ старикъ посмѣяться при случаѣ), только онъ отвѣтилъ татарамъ, что переписываютъ ихъ съ цѣлью узнать, сколько нужно будетъ поповъ, чтобы окрестить всѣхъ поклонниковъ Магомета.

— Вотъ какъ перепишуть, такъ немедленно и окрестятъ въ рускую вѣру,—сказалъ старшина.

Татары тревожно переглянулись, о чемъ-то заговорили между собой, а дѣдушкѣ того только и надо было, чтобы посмѣяться надъ татарскимъ легковѣріемъ...

А вышло такъ, что приличнѣе бы было тогда дѣдушкѣ плакать, нежели смѣяться.

Не прошло послѣ посѣщенія татарами волостного правленія и двухъ дней, какъ по волости разнесся слухъ о какомъ-то татарскомъ бунтѣ. Оказалось, что въ нѣкоторыхъ татарскихъ деревняхъ населеніе поголовно возстало противъ переписи, и что среди татаръ начались даже насилія надъ переписчиками. Такъ, изъ одной деревни переписчика изгнали, въ другомъ случаѣ надъ переписчикомъ учинили что-то вродѣ избіенія камнями. Слухи объ этомъ моментально дошли до полиціи. И въ ту волость, гдѣ старшиной былъ мой дѣдушка, пріѣхалъ исправникъ. Пробовалъ онъ уговорить татаръ, доказать имъ всю бессмысленность ихъ возмущенія... Куда тутъ! Слушать не стали. Твердятъ одно, что умрутъ за вѣру отцовъ, да и крышка. Исправникъ и такъ, и этакъ подъѣзжалъ къ ихъ благоразумію—не тутъ-то было... Такъ и уѣхалъ, что называется, не солоно хлебавши.

Однимъ словомъ, дѣло приняло такой оборотъ, что, какъ говорится, понюхай да брось.

Слухъ же о томъ, что перепись предпринята съ цѣлью окрестить магометанъ, началъ проникать во всѣ уголки Казанской губерніи, вызывая всюду между татарами страшный переполохъ.

Что было дѣлать? По мнѣнію полиціи, нужно было пресѣчь зло въ самомъ корнѣ. И вотъ исправникъ снова пріѣхалъ въ дѣдушкину волость. Теперь онъ былъ уже не одинъ, а съ цѣлымъ отрядомъ полиціи. Однако, несмотря на это, опять ничего не сдѣлалъ. Татары не испугались полиціи и встрѣтили ее такимъ градомъ камней и палокъ, что она насилу ноги утащила.

Оставалось одно: телеграфировать губернатору, что и было, конечно, сдѣлано...

Винovníкъ же всего этого, т. е. мой дѣдушка, ходилъ въ это время буквально ни живой, ни мертвый. Онъ, разумѣется, вполнѣ сознавалъ, чѣмъ ему придется расплачиваться за свою шутку, если только будетъ узнано, отъ кого весь сыръ-боръ загорѣлся... Дѣдушка зналъ, что подстрекательство вообще не одобряется, а если оно вызываетъ бунтъ, то ужъ тѣмъ болѣе. Какъ человѣкъ, принужденный стеченіемъ обстоятельствъ особенно интересоваться ходомъ событій, онъ со дня на день все болѣе и болѣе падалъ духомъ, такъ какъ вѣсти приходили отовсюду все менѣе и менѣе утѣшительныя. Когда же въ его волость пріѣхалъ губернаторъ, то дѣдушка будто бы ежеминутно ждалъ, что его хватить параличъ.

— Не знаю только, за что Богъ меня помиловалъ,—говорилъ онъ, рассказывая намъ обо всемъ этомъ.

Губернаторъ распуталъ завязавшійся узелъ скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Прискакавъ въ волостное правленіе съ отрядомъ солдатъ и полицейскихъ, онъ приказалъ немедленно собрать волостной сходъ. Десятскіе, сотскіе, сельскіе старосты и другіе деревенскіе чины бросились въ разныя стороны, и черезъ нѣсколько часовъ сходъ былъ налицо.

— Такъ вы не хотите исполнять царской воли? Не хотите, чтобы васъ переписали?—загремѣлъ начальникъ губерніи, обращаясь къ сходу съ крыльца правленія.

— Йокъ... нѣтъ!—закричали татары.

— Не хотите?... Такъ...

Губернаторъ сначала покраснѣлъ, а потомъ позеленѣлъ.

— Принесите все необходимое для экзекуціи!—обратился онъ къ окружавшей его волостной администраціи.

Черезъ нѣсколько минутъ откуда-то притащили пучокъ прутьевъ и цыновку. Губернаторъ велѣлъ разостлать послѣднюю возлѣ крыльца, и началось нѣчто, давно уже невиданное въ волости. Полицейскіе схватили одного татарина и положили его на цыновку. Губернаторъ собственноручно влѣпилъ нѣсколько розогъ растянутому на цыновкѣ татарину и, заглушая его визгъ, приказалъ полицейскимъ:

— Порите!

Толпа бросилась было вразсыпную, но повсюду съ ружьями наперевѣсь стояли солдаты.

— Стрѣлять въ каждаго, кто двинется съ мѣста!—крикнулъ губернаторъ.

Толпа замерла въ ужасѣ.

А вмѣсто перваго на цыновкѣ уже корчился отъ боли второй, третій и такъ далѣе.

Вдругъ толпа заволновалась. Татары одинъ за другимъ стали на колѣни.

— Писай, поджалуста!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Ага! Я вот напишу вамъ!.. Пороть!—кричалъ губернаторъ. Снова засвистѣли прутья, и только послѣ того, какъ были наказаны человѣкъ пятнадцать-двадцать, экзекуція была прекращена.

— Будете переписываться?—спросилъ губернаторъ татаръ.

— Писай, князь, поджалуста!—взмолились они.

— То-то же!.. Ну, теперь не пикнуть. Можете переписывать,— обратился онъ къ волостному писарю.

И дѣйствительно, для переписи въ губерніи не встрѣтилось больше препятствій. Слухи объ экзекуціи распространились столь же быстро, какъ и шутка моего дѣдушки. Татары успокоились.

Дѣдушкино преступленіе не было обнаружено. Какъ это случилось—неизвѣстно.

— Николай угодникъ спасъ, а то быть бы мнѣ въ той прекрасной странѣ, гдѣ Макарь телятъ не пасеть,—говорилъ дѣдушка.

Такимъ образомъ виновникъ всей этой кутерьмы отдѣлался только испугомъ да угрызениями совѣсти.

— Вотъ какъ мучить меня до сихъ поръ совѣсть, что не дай Богъ всякому,—говорилъ онъ, рассказывая о своей шуткѣ.—Вѣдь столько наказали невинныхъ!.. А по совѣсти-то говоря, прежде всего меня слѣдовало выпоротъ, чтобы на старости лѣтъ умѣлъ отличать умное отъ глупаго... Пошутить, нечего сказать!.. Ну, да совѣсть пусть, впрочемъ, мучаетъ. Это мнѣ въ наказаніе. А моя шутка безъ наказанія не должна остаться... Вотъ и цыновку я здѣсь повѣсилъ, чтобы помнить постоянно о своемъ грѣхѣ. Это на нее положилъ я подъ розги десятка два невинныхъ людей. А я знаю, что значить лежать подъ розгами... Мнѣ пришлось однажды въ молодости вкусить этой прелести... Было это давно. Пріѣхалъ въ нашу деревню какой-то начальникъ. Не знаю, важный или такъ себѣ, но только злой до умопомраченія. Захотѣлъ этотъ начальникъ чайку попить съ дороги. Достали гдѣ-то самоваръ и заставили меня этотъ самый самоваръ поставить... А я не только не зналъ, что значить самоваръ поставить, но и самовара-то отродясь не видѣлъ. По этой причинѣ, не долго думая, я взялъ да и налилъ воду въ наружную дыру, т. е. туда, куда угли кладутъ. Хорошо... Вылилъ одно ведро—вытекло; другое—тоже.

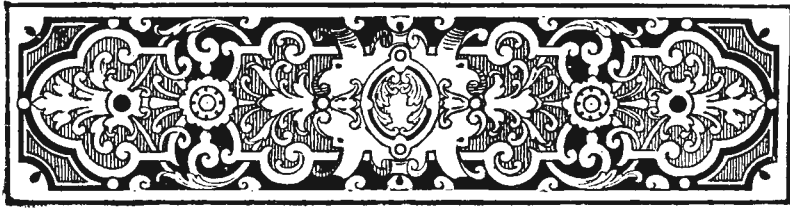
— Худой самоваръ,—докладываю начальнику:—не могу поставить.

— Какъ такъ?..

Входитъ туда, гдѣ я самоваръ ставилъ. Кругомъ — вода. А я въ доказательство, что самоваръ дѣйствительно плохъ, бухъ въ трубу еще ведро воды. Осерчалъ начальникъ да и велѣлъ всыпать мнѣ штукъ этакъ десятокъ... По совѣсти говорю, не сладко было!.. И вотъ, когда сѣкли татаръ по моей винѣ, я и вспомнилъ это. Да и теперь всякій разъ вспоминаю, когда гляжу на цыновку,—заклучилъ дѣдушка свой рассказъ.

П. Ронинъ.

ЕЩЕ ОБЪ АНЕКДОТИЧЕСКОМЪ ГРАДОНАЧАЛЬНИКЪ.

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ о бывшемъ градоправителѣ города Одессы П. А. Зеленомъ, напечатаннымъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ»¹⁾, могу добавить нѣсколько курьезовъ.

Въ 1892 году наша украинская труппа, подъ управленіемъ М. П. Старицкаго, была ангажирована на лѣтній сезонъ въ Одессу въ театръ «Грандъ-Отель». До того мы играли въ Симферополѣ.

За разрѣшеніемъ украинскихъ спектаклей въ Одессѣ необходимо было кому-нибудь изъ труппы лично явиться къ градоначальнику и подать прошеніе съ приложеніемъ почему-то двухъ гербовыхъ марокъ.

Для подачи прошенія нами былъ отправленъ въ Одессу въ качествѣ «передового» молодой актеръ Х. Такъ какъ у Х. фрака не оказалось, то мы рѣшили, чтобы онъ явился къ градоначальнику въ украинскомъ костюмѣ, т.е. въ поддевкѣ, вышитой рубахѣ и пр.

Труппа уже собиралась къ отъѣзду, какъ вдругъ получаемъ телеграмму: «Градоначальникъ не разрѣшилъ, Х. все дѣло испортилъ костюмомъ, пришлите другого во фракѣ».

— Что такое?—недоумѣвали мы.—При чемъ здѣсь костюмъ, фракъ?

А вышло вотъ что, какъ потомъ рассказывалъ Х.

¹⁾ «Анекдотическій градоначальникъ», А. Е. Кауфмана. Сентябрь 1912.—«Еще объ анекдотическомъ градоначальникѣ», В. Я. Кричевскаго. Октябрь 1912.

— Стою это я въ пріемной градоначальника съ прошеніемъ, вмѣстѣ съ другими просителями, въ костюмѣ, въ который вы меня нарядили, жду... Выходитъ Зеленый и прямо подходитъ ко мнѣ первому.

— Это что за птица?—прохрипѣлъ онъ.

Я поклонился и подалъ прошеніе... Оглядѣлъ онъ меня съ головы до ногъ, сдѣлалъ удивленную гримасу, читаетъ мое прошеніе громко.

— «Передового украинской труппы...» Что это за передовой?.. Передовыя бываютъ лошади въ тройкахъ...

Прочиталъ прошеніе.

— Въ какомъ это ты нарядѣ?—громко рявкнулъ онъ.

Я растерялся и смущенно отвѣтилъ:

— Это... это... нашъ національный костюмъ, ваше превосходительство...

— Что?! Я тебѣ задамъ національный... Вонь!..—зарычалъ онъ, швырнувъ въ меня прошеніемъ.

Я бѣжать и отъ страха кубаремъ скатился съ лѣстницы...

Когда затѣмъ явился за разрѣшеніемъ нашъ режиссеръ во фракѣ и при полномъ парадѣ, Зеленый, принявъ прошеніе, оглядѣлъ его и сказалъ:

— Это другое дѣло, а то является птица-синица, не то попугай, не то пѣтухъ, красный, желтый, разноцвѣтный, и говоритъ, каналья, въ національномъ... Я вамъ задамъ національный...

— Извиняюсь за него, ваше превосходительство...

— Ладно, разрѣшаю...

Спектакли разрѣшалъ и подписывалъ афиши лично самъ Зеленой. Приноситъ какъ-то нашъ сценаріусъ для подписи афишу: «Честный Нахманъ»,—пѣса изъ еврейской жизни.

Зеленый читаетъ.

— «Честный Нахманъ»?.. Честныхъ жидовъ не бываетъ!..—рѣзко замѣчаетъ онъ...

Читаетъ дальше имена дѣйствующихъ лицъ.

— Нахманъ, Зейликъ, Янкель... разъ, два, три... восемь жидовъ... Не разрѣшаю!

— Ваше превосходительство, пѣса безусловно дозволена главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, вотъ подлинный цензурованный экземпляръ...

— Все равно, не раз-рѣ-шаю!..

Такъ и не разрѣшилъ.

Въ Одессѣ въ кафешантанѣ въ саду Дезирова пѣлъ хоръ московскихъ цыганъ Шишкина и пользовался большимъ успѣхомъ.

Приходитъ Зеленой и садится въ первомъ ряду. Съѣлъ какъ-то полуоборотомъ къ сценѣ, съежился и уткнулся въ воротникъ шпидели.

Приходъ его вызвалъ нѣкоторое удивленіе, такъ какъ градоначальникъ рѣдко посѣщалъ кафешантаны. Вѣроятно, онъ пришелъ послушать только прославленный хоръ, почему хоръ и запѣлъ сейчасъ же послѣ его прихода, а по программѣ долженъ былъ пѣть въ другомъ отдѣленіи.

Прослушалъ два хоровыхъ номера...

Когда же запѣла солистка, солидныхъ лѣтъ цыганка, Зеленой вдругъ схватился съ мѣста и громко плюнулъ.

— Тыфу! Старая дура воетъ, а дураки слушаютъ!

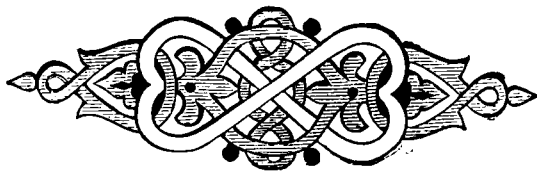
И поспѣшно вышелъ изъ сада.

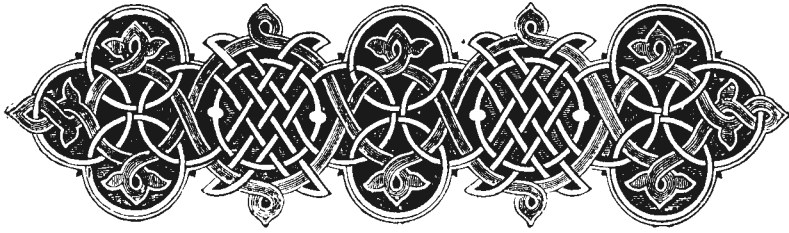
Оперный пѣвецъ М., еврей, обратился къ градоначальнику съ прошеніемъ о заграничномъ паспортѣ.

Зеленый, не узнавъ въ немъ еврея, принялъ его въ своемъ кабинетѣ довольно любезно, привсталъ и чуть ли не пригласилъ сѣсть. Такое любезное отношеніе къ просителямъ бывало очень рѣдко. Но когда, прочитавъ прошеніе, узналъ, что М. еврей, вдругъ затрясся, побагровѣлъ и зарычалъ:

— Ты еврей?! Къ порогу!..

К. И. Ванченко.

ЗАБЫТЫЙ РУССКІЙ ПАМЯТНИКЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мамзoley нашъ говорить:
«Здѣсь былъ русскій станъ разбить».

Жуковскій («Бородинская годовщина»).

А АЗИАТСКОМЪ берегу Босфора, близъ предмѣстья Константинополя Бейкосъ, напротивъ Терапіи, вдается въ море небольшой возвышенный мысъ Сельви-Бурну. Название это показываетъ, что когда-то мысъ этотъ былъ покрытъ кипарисовымъ лѣсомъ, но теперь на немъ нѣтъ ни одного кипариса и только десятка два листовенныхъ деревьевъ разныхъ породъ покрываютъ вершину мыса, представляющую собою небольшое, довольно ровное плато, постепенно понижающееся къ востоку и сливающееся съ мѣстностью Хункіарь-Эскелеси и далѣе съ Бейкосомъ. Съ вершины мыса открывается великолѣпный видъ на окрестности. Впереди, на европейской сторонѣ Босфора, виднѣется Терапія, съ ея заливомъ, садами, рощами и великолѣпными дачами иностранныхъ посольствъ, составляющими лѣтнія резиденціи посланниковъ, налѣво оригинальныя постройки городка Бейкоса, съ расположеннымъ на окраинѣ его мраморнымъ дворцомъ египетскаго хедива, подареннымъ имъ султану, съ обширнымъ са-

домъ, обнесеннымъ великолѣпной рѣшеткой, террасами, спускающимися до самаго моря. Справа, на противоположномъ берегу Босфора, виднѣется Буюкъ-Дере, съ лѣтними дворцами русскаго и испанскаго посольствъ, со множествомъ прекрасныхъ садовъ и дачъ и часть колоссальныхъ гидравлическихъ сооруженій стариннаго водопровода, снабжающаго водой значительную часть Константинополя. Позади Сельви-Бурну, нѣсколько сѣвернѣе его, возвышается отдѣльный холмъ Юмша-Дагы (гора великановъ), увѣнчанный рощей столѣтнихъ платановъ и чинаръ, на вершинѣ котораго находится турецкая мечеть съ исполинской могилой при ней, принадлежащей, по преданію, Инесу Навину. На этомъ же холмѣ, по сказаніямъ грековъ, отдыхалъ Геркулесъ во время путешествія своего съ Язономъ въ Колхиду за золотымъ руномъ. Общее впечатлѣніе чарующей красоты этого мѣста, совмѣщающаго въ себѣ всѣ лучшія прелести природы, здоровый, мягкій климатъ, плодородную почву, обиліе воды и великолѣпную растительность, по справедливости считающагося однимъ изъ красивѣйшихъ уголковъ міра, нѣсколько портятъ пріютившіеся по близости его холерные бараки и холерное кладбище, учрежденные здѣсь совершенно нестати турецкимъ правительствомъ во время эпидеміи прошлаго 1911 года.

Въ этой очаровательной мѣстности, на вершинѣ мыса Сельви-Бурну возвышается скромный памятникъ, имѣющій для Россіи и для Турціи огромное историческое значеніе, смыслъ котораго не утраченъ и по настоящее время. Этотъ памятникъ сооруженъ русскими войсками, посланными императоромъ Николаемъ I, подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева, на помощь султану Махмуду II во время несчастной войны его съ взбунтовавшимся египетскимъ пашой Мегметъ-Али, и поставленъ на мѣстѣ квартированія русскаго отряда во время пребыванія его въ Константинополь въ 1833 году.

Всякій, ѣдущій въ Константинополь или обратно по Босфору, проѣзжая на пароходѣ мимо Сельви-Бурну, на площадкѣ, составляющей вершину мыса, можетъ видѣть простымъ глазомъ огромный неотесанный сѣрый камень, какъ бы выходящій изъ земли, составляющій остатки какого-нибудь древняго сооруженія. Это и есть русскій памятникъ. Высадившись въ Бейкосѣ и пройдя съ версту по берегу Босфора, мимо египетскаго дворца и расположенныхъ близъ него военныхъ турецкихъ мастерскихъ, вы поднимаетесь на пологую вершину Сельви-Бурну, и памятникъ передъ вашими глазами. Это обломокъ скалы неправильной формы, поставленный на низкомъ гранитномъ фундаментѣ въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, высотой до четырехъ съ половиною аршинъ и толщиной до двухъ аршинъ, съ усѣченной какъ бы вершиной. На южной сторонѣ часть камня

отшлифована, и на ней выгравировано слѣдующее четырехстишіе на турецко-персидскомъ языкѣ:

Въ этой равнинѣ русскія войска были гостями и ушли!
Этотъ обломокъ скалы да будетъ памятью и знакомъ,
Пусть дружба двухъ имперій останется крѣпкой и стойкой
И да будетъ долго воспѣваема устами друзей.

Буквы этой турецкой надписи были вызолочены, но съ теченіемъ времени позолота стерлась, и самыя буквы повреждены ¹⁾.

На юго-восточной сторонѣ памятника виднѣется пустое теперь отверстіе, въ которое при основаніи памятника была вдѣлана доска съ русской надписью «1833 года іюня 15», означающею день рожденія императора Николая I. Мраморная доска этой надписи нѣсколько лѣтъ назадъ выпала и, ударившись о гранитный фундаментъ памятника, разбилась на мелкіе куски и исчезла совершенно.

Мѣсто, на которомъ стоитъ русскій памятникъ, является въ полномъ смыслѣ слова историческимъ. Здѣсь въ XII—XIII вѣкѣ были расположены лагеря крестоносцевъ во время слѣдованія ихъ черезъ Константинополь въ Святую Землю для освобожденія гроба Господня изъ рукъ мусульманъ. Въ память пребыванія ихъ здѣсь была воздвигнута золотая колонна, разрушенная греками послѣ двукратнаго ограбленія крестоносными ополченіями Константинополя и ухода ихъ обратно въ Европу. Здѣсь же, въ Хункиарь-Эскелеси, въ кіоскѣ султана, нынѣ уже не существующемъ, 26-го іюня 1833 года былъ подписанъ дружественный договоръ между Россіей и Турціей, по которому русскій императоръ обязался въ послѣдующія восемь лѣтъ снабжать Турцію, для ея защиты, сухопутными войсками и флотомъ. Секретной статьёй договора, взаимнѣ военной помощи, султанъ обязался «ограничить дѣйствія свои въ пользу Россіи закрытіемъ Дарданельскаго пролива, то есть не позволять никакимъ иностраннымъ военнымъ судамъ входить въ оный подъ какимъ-нибудь предлогомъ» ²⁾.

Поставленный въ этой полной историческихъ воспоминаній мѣстности, на вершинѣ Сельви-Бурну, нашъ русскій военный памятникъ производитъ въ современномъ его видѣ тяжелое и грустное впечатлѣніе чего-то оставленнаго, забытаго, разрушающагося. Онъ не окруженъ никакой оградой, совершенно не ремонтируется,

¹⁾ Будучи въ Константинополѣ лѣтомъ 1912 года, желая узнать подлинное содержаніе надписи, я обратился за разъясненіемъ къ проживающему въ Бейкосѣ, въ своемъ домѣ, турецкому ученому и литератору у Ахмедъ-Митхадъ-бею, который тутъ же наизусть продиктовалъ мнѣ интересовавшее меня четырехстишіе, перевелъ на французскій языкъ и сообщилъ многія интересныя подробности его происхожденія. Считаю долгомъ принести здѣсь мою глубокую благодарность почтенному турецкому ученому.

²⁾ Очеркъ исторіи министерства иностранныхъ дѣлъ 1802—1902 г.г. Спб., 1902 г., стр. 106—107.

Забытый русскій памятникъ въ Константинополь.

окружающая его площадка почти сплошь завалена навозомъ, такъ какъ служить мѣстомъ выгона скота для жителей Бейкоса. Фундаментъ, на которомъ онъ утверждёнъ, начинаетъ уже разрушаться, и, вѣроятно, недалеко то время, когда онъ совершенно рухнетъ и, быть можетъ, исчезнетъ для потомства подобно колоннѣ, поставленной крестоносцами въ память ихъ пребыванія въ этихъ мѣстахъ. Уди-

вительно, что до сихъ поръ ни одно русское учрежденіе въ Константинополѣ не взяло подъ свое покровительство этотъ единственный здѣсь русскій историческій памятникъ и не приняло мѣръ къ его сохраненію. Быть можетъ, это происходитъ потому, что мало кому извѣстны обстоятельства, вызвавшія сооруженіе памятника, и что наша русская военная и историческая литература весьма скудна описаніемъ событій, вызвавшихъ командированіе въ Константинополь въ 1833 году русскаго флота и русскаго отряда на помощь султану Махмуду II. По политическимъ условіямъ того времени, до конца сороковыхъ годовъ было запрещено писать объ этомъ, а посмертныя записки Н. Н. Муравьева, главнаго участника этихъ событій, начали печататься въ «Русскомъ Архивѣ» въ срединѣ 1894 г. и были прочтены лишь весьма ограниченнымъ числомъ читающей публики.

Нѣсколько ранѣе, въ 1869 году, зятемъ Муравьева, Г. А. Чертковымъ, было обнародовано приготовленное къ печати самимъ Муравьевымъ извлеченіе изъ его записокъ подъ названіемъ «Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году», значительно сокращенное по цензурнымъ условіямъ и изданное въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, такъ что книга эта составляетъ теперь библиографическую рѣдкость. Поэтому мы позволимъ себѣ привести краткую справку о событіяхъ, вызвавшихъ командированіе русскихъ войскъ въ Турцію въ 1833 г. и выписку изъ записокъ Н. Н. Муравьева, касающуюся постановки основаннаго имъ въ память объ этомъ памятника.

Извѣстно, что до 1833 года Египетъ составлялъ нераздѣльную часть Турціи и управлялся турецкимъ чиновникомъ, въ званіи намѣстника султана. Въ 1832 году намѣстникъ Египта былъ честолюбивый и умный Мегметъ-Али-паша, возмущившійся противъ своего повелителя-султана и потребовавшій отдѣленія Египта отъ Турціи вмѣстѣ съ Сиріей и нѣкоторыми другими приморскими городами Турціи. Командовавшій египетскими войсками сынъ Мегмета-Али, Ибрагимъ-паша, разбилъ турецкія войска на голову при Гомсѣ и Коніи, причемъ командовавшій турецкой арміей великій визирь былъ взятъ въ плѣнъ со всемъ своимъ штабомъ, послѣ чего Махмудъ II, опасаясь дальнѣйшаго движенія египтянъ на Константинополь, обратился за помощію къ императору Николаю I. Результатомъ этого обращенія была сначала посылка генерала Н. Н. Муравьева въ Александрію къ Мегметъ-Али съ требованіемъ прекратить военныя дѣйствія противъ Турціи и помириться съ султаномъ. Хитрый египетскій намѣстникъ отвѣтилъ Муравьеву при первомъ свиданіи, что онъ настолько уважаетъ волю русскаго императора, что готовъ безпрекословно ее исполнить, и приказалъ тутъ же, въ его присутствіи, заготовить приказъ Ибрагимъ-пашѣ приостановить все военныя дѣйствія противъ Турціи, подписать его и отправить въ армію. Успокоенный за исходъ дѣла, Муравьевъ уѣхалъ изъ Александріи

въ Константинополь, но здѣсь вскорѣ узналъ, что Мегметъ-Али не сдержалъ данныхъ ему обѣщаній и что египетскія войска продолжаютъ движеніе впередъ, заняли Смирну и намѣреваются захватить Бруссу, отстоящую всего въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути отъ столицы Турціи—Константинополя. Напуганный этимъ, Махмудъ II обратился къ русскому императору съ просьбой объ оказаніи помощи войсками и флотомъ, въ результатъ чего послѣдовало повелѣніе императора Николая I немедленно двинуть изъ Крыма въ Турцію на помощь Махмуду отрядъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія и часть русской черноморской эскадры подъ начальствомъ адмирала Лазарева. Приказаніе это было немедленно выполнено, и 23-го марта 1833 года въ Буюкъ-Дере прибыла русская эскадра изъ девяти военныхъ судовъ и нѣсколькихъ военныхъ транспортовъ съ десяти тысячнымъ отрядомъ русскихъ войскъ. Эскадра эта и отрядъ поступили подъ общее начальство Муравьева и оставались въ немъ до прибытія въ Константинополь графа А. О. Орлова, назначеннаго чрезвычайнымъ посломъ при оттоманскомъ дворѣ и главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами, посланными изъ Россіи по помощь Турціи, послѣ чего Муравьевъ остался только при должности командующаго сухопутнымъ отрядомъ. Мѣстомъ стоянки нашего отряда были избраны окрестности Бейкоса, гдѣ онъ и расположился бивакомъ вмѣстѣ съ отрядомъ турецкой кавалеріи и батальономъ турецкой пѣхоты, поступившими по желанію султана подъ общее начальство Муравьева. Съ прибытіемъ въ Константинополь нашихъ войскъ картина египетско-турецкой войны рѣзко измѣнилась. Ибрагимъ-паша поспѣшилъ очистить Смирну и отступить въ Канію, а затѣмъ перешелъ Тавръ и вернулся въ Египетъ. Этимъ временемъ воспользовалось турецкое правительство и заключило миръ съ Мегметъ-Али, который сдѣлался самостоятельнымъ правителемъ Египта, съ титуломъ хедива, съ обязательствомъ въ случаѣ войны выставлять войска на помощь Турціи и выплачивать турецкому правительству ежегодно, въ видѣ дани, полмилліона турецкихъ лиръ (около 4¹/₂ милліоновъ рублей). Послѣ этого дальнѣйшее пребываніе нашихъ войскъ и нашего флота въ Турціи сдѣлалось излишне, и 29-го іюня, черезъ два дня послѣ подписанія дружественнаго договора, нашъ флотъ съ войсками при благопріятномъ вѣтрѣ вышелъ изъ Босфора обратно на родину съ салютаціонной пальбой. Въ память пребыванія къ Константинополь русскихъ войскъ Муравьевъ поставилъ на холмѣ Сельви-Бурну прилагаемый здѣсь рисунокъ памятника въ настоящемъ видѣ. Вотъ интересныя подробности постановки этого памятника, заимствованныя нами изъ книги «Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году», составляющей часть записокъ Муравьева ¹⁾.

---

¹⁾ Н. Н. Муравьевъ (Гарескій). «Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году», Москва, 1869 года, стр. 411—415.

«Я давно полагалъ и нужно было, — пишетъ Н. Н. Муравьевъ, — оставить какой-либо знакъ пребыванія нашего на Босфорѣ, по коему позднѣе потомки могли бы вспомнить о знаменитомъ походѣ нашемъ. Вычерченъ былъ сперва проектъ красиваго небольшого монумента. Не рѣшаясь приступить къ сооруженію его безъ разрѣшенія графа Орлова, я просилъ на то позволенія его. Онъ находилъ, что это могло служить непріятнымъ воспоминаніемъ туркамъ и возбудить кичливость и неудовольствіе иностранцевъ и по этимъ причинамъ, или подъ этимъ предлогомъ, отказалъ мнѣ. Не оставляя намѣренія своего, я представилъ ему, что такъ какъ передъ отплытіемъ нужно отслужить молебень при собраніи всѣхъ войскъ, то находилъ приличнымъ поставить, по крайней мѣрѣ, необдѣланный камень на мѣстѣ служенія. Необдѣланный камень онъ позволилъ мнѣ поставить и какъ размѣръ камня не былъ опредѣленъ, то во мнѣ возродилась мысль избрать его такой величины, какой только силы наши позволяютъ, имѣя въ виду хотя не искусствомъ, то хотя размѣрами свидѣтельствовать потомству о намѣреніи поставившихъ его. Болѣе я никому не говорилъ о томъ въ Буюкъ-Дере и втайнѣ принялся за работу, не испрашивая на то никакого посторонняго пособія. Пущенною по лагерю подпискою собрано было болѣе 800 р., добровольно пожертвованныхъ на это сооруженіе. Сперва исполненіе дѣла было поручено инженеру подполковнику Бюрно, но онъ требовалъ много средствъ, всякаго рода мастеровыхъ, устройства машинъ и всего болѣе времени. Видя затрудненія эти, оберъ-квартирмейстеръ нашъ подполковникъ Мендъ вызвался на мѣсто Бюрно. Онъ объѣздилъ окрестности и, не найдя на берегу камня твердаго свойства, отправился на европейскій, гдѣ отыскалъ около селенія Балта-Лиманъ, почти на половинѣ разстоянія между Буюкъ-Дере и Царьградомъ, скалу желаемыхъ свойствъ. Надобно было отдѣлать отъ нея камень. Отправили туда до 400 человѣкъ рабочихъ солдатъ, трудившихся безпрестанно нѣсколько сутокъ попеременно, кирками и желѣзными кольями, съ помощью пороховыхъ взрывовъ. Люди эти тамъ же и ночевали. Громада отвалилась. Ее протащили еще сажень 70 до берега, но тутъ предстояло другое затрудненіе, какъ перевезти ее на тотъ берегъ? Просить баркасовъ у Лазарева было бы безуспѣшно и этимъ можно было обнаружить производящіяся работы. Я обратился заблаговременно къ капитанъ-пашѣ ¹⁾, отъ котораго получилъ два большихъ гребныхъ судна; мы сплотили ихъ вмѣстѣ и настлали палубу. Камень взвалили на нихъ и по долгомъ плаваніи пробуксировали къ пристани, гдѣ я его засталъ.

«На другой день работы продолжались. Пристань обвалилась подъ тяжестью, и мы, послѣ многихъ усилій, съ опасеніемъ затопить дорогое произведеніе трудовъ своихъ, вытащили наконецъ

¹⁾ Турецкій морской министръ.

на берег Азии отломокъ скалы, отсѣченный въ Европѣ. Сего не было еще достаточно, — надобно было втащить громаду на бугоръ Сельви-Бурну. Сдѣланъ былъ вызовъ желающихъ участвовать въ предстоящемъ дѣлѣ. Я самъ явился къ работѣ для примѣра; вскорѣ собралось до 1000 человекъ и съ ними многіе изъ старшихъ и младшихъ начальниковъ войскъ. Между нижними чинами пришло много и турецкихъ солдатъ, коихъ офицеры также усердствовали въ исполненіи моего желанія. Тутъ же явился и старый пріятель мой дервишъ, громкимъ голосомъ своимъ подвизая мусульманъ къ работѣ.

«Когда втащили громаду на гору, то выложили въ самомъ возвышенномъ мѣстѣ бугра, на фундаментѣ, чистую каменную площадку, на которой поставили памятникъ безъ всякой обработки, въ томъ видѣ, какъ онъ отдѣлился, направивъ ребромъ и легкою наклономъ къ юго-западу. Одинъ только низъ камня былъ тщательно выравненъ, чтобы онъ могъ стоять на основаніи. Этотъ обломокъ скалы имѣетъ видъ нѣсколько наклоненнаго параллелепипеда, вышиною въ полторы сажени, шириною въ два аршина и толщиною въ полтора аршина и заключаетъ въ себѣ 1.500 пудовъ вѣса. У подножья камня поставили старинную мраморную капитель, которая лежала на улицѣ подлѣ квартиры моей и до того служила вмѣсто колоды для водопоя лошадей, въ углубленіи, высѣченномъ съ одного конца ея. Намъ же служила эта капитель для отдыха подлѣ тѣнью памятника ¹⁾».

«Я успокоился, когда все было кончено. Опасенія или недоброжелательства не могли простираться до такой степени, чтобы разрушить памятникъ, о появленіи котораго узнали уже послѣ сооруженія его. Оставалось легчайшее — украсить его надписью. Мысль моя была высѣчь на камнѣ:

Въ память Олега, полки Николая.

«Я сообщилъ ее графу Орлову, когда онъ уже зналъ о поставленіи камня; онъ находилъ это неудобнымъ, говоря, что такая надпись можетъ возбудить недовѣріе къ намъ турокъ. Казалось, однакоже, что она не имѣла ничего оскорбительнаго для нихъ, ибо напоминала только объ историческомъ событіи, случившемся еще во время греческихъ императоровъ. Обратились къ стихотворцамъ отряда генеральнаго штаба капитану Вронченку и поручику Болдыреву ²⁾ и мы получили слѣдующіе стихи:

Гдѣ шить Олега пронесла
Славянъ дружина боевая,
Тамъ днесъ десница Николая
Знамена дружбы развила.

¹⁾ Нынѣ эта капитель исчезла.

²⁾ Авторъ «Писемъ русскаго солдата», напечатанныхъ въ 1833 году въ разныхъ номерахъ «Русскаго Инвалида».

«Истор. вѣстн.», январь 1918 г., т. сxxxі.

И другіе:

Залогомъ дружбы Николая,
 На страхъ Махмудовымъ врагамъ,
 Дружина русскихъ боевая
 Примкнула здѣсь къ его полкамъ.

«Перваго четверостишія графъ Орловъ также не захотѣлъ, а второе не нравилось мнѣ оттого, что при могущей случиться перемѣнѣ въ политическихъ обстоятельствахъ надпись осталась бы неумѣстною; а потому рѣшился я сдѣлать простую въ прозѣ: «Воздвигнуть русскими полками іюня 25-го дня 1833 года». Когда же стали рассчитывать время, нужное для чистой вырѣзки всѣхъ буквъ, то оказалось, что надпись не успѣли бы кончить до нашего отплытія, а потому, сокративъ ее, ограничились высѣчкою числа рожденія государя, около котораго времени камень былъ поставленъ: «іюня 25-го дня 1833 года». Надпись высѣчена выпуклыми буквами на небольшомъ четырехугольномъ пространствѣ, равно углубленномъ на одномъ изъ боковъ камня».

Въ день окончательной установки памятника, 23-го іюня, Муравьевъ устроилъ у себя вечеръ, на который были приглашены графъ Орловъ, посланникъ Бутеневъ, адмиралы со всѣми офицерами русскаго флота, генералы, штабъ- и оберъ-офицеры отряда. Вечеръ начался съ зори, на которой играло до 400 музыкантовъ, послѣ чего былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Послѣ ужина гости пошли въ лагерь, гдѣ солдаты качали ихъ и пили за ихъ здоровье. Пиръ продолжался до глубокой ночи ¹⁾.

Вотъ простыя безхитростныя записки одного изъ русскихъ чудо-богатырей, участвовавшихъ въ постановкѣ русскаго памятника на Босфорѣ въ 1833 году.

Н. Н. Муравьевъ за время своего пребыванія въ Турціи приобрѣлъ общее довѣріе и уваженіе всѣхъ вообще турокъ, начиная съ султана Махмуда II и его ближайшихъ сотрудниковъ, турецкихъ сановниковъ, кончая простыми солдатами. Умный, прямой, рѣшительный, высокообразованный, простой въ обращеніи, онъ былъ такимъ именно человѣкомъ, котораго такъ любятъ и цѣнятъ турки. Немалую роль въ данномъ случаѣ играло основательное знаніе имъ турецкаго и персидскаго языковъ, что давало ему возможность, въ сношеніяхъ съ турками, обходиться повсюду безъ помощи переводчиковъ. Грозный истребитель янычаръ, первый преобразователь Турціи и устроитель турецкой арміи по европейскому образцу, султанъ Махмудъ II²⁾ выказывалъ ему особенное довѣріе, неодно-

¹⁾ Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. «Русскій Архивъ», 1894 года, № 8, стр. 495—496.

²⁾ Султанъ Махмудъ II родился 8-го іюня 1785 года, умеръ 19-го іюня 1839 г. Восшествіе его на престолъ Турціи было сопряжено съ необыкновенно бурными событіями. Дяди его султаны Селимъ III и Мустафа IV были убиты, и самъ Махмудъ II едва

кратно приѣзжая къ нему въ лагерь и присутствуя на устраиваемыхъ имъ въ лагерьѣ праздникахъ. 15-го апрѣля и 17-го іюня Махмудъ произвелъ смотръ расположеннымъ въ лагерьѣ русскимъ войскамъ, при чемъ здоровался съ частями по-русски, благодарилъ ихъ за службу въ Турціи, а по окончаніи перваго смотра прислалъ 15.000 рублей для раздачи нижнимъ чинамъ отряда.

Въ бытность русскаго отряда въ Константинополѣ султанъ Махмудъ чрезвычайно заботился о расквартированіи, пищѣ и здоровьи русскихъ солдатъ, неоднократно прося Муравьева излагать ему всѣ свои требованія по этому поводу и тутъ же приказывая своему сераскиру немедленно ихъ исполнить. Кромѣ того, онъ неоднократно высылалъ въ лагерь своего генераль-адъютанта узнавать о здоровьи офицеровъ и нижнихъ чиновъ, а въ праздничные дни посылалъ имъ большіе транспорты провизіи, вина и разныхъ гостинцевъ. Вниманіе его къ войскамъ простиралось настолько, что въ праздникъ Пасхи онъ высылалъ въ лагерь красныя яйца и творогъ для пасхи, приказавъ раздать это отъ его имени чинамъ отряда. Лично къ Муравьеву онъ оказывалъ чрезвычайное вниманіе. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ описываетъ свое свиданіе съ султаномъ на смотру 17-го іюня:

«По окончаніи ученія я держался въ сторонѣ и былъ изъ послѣднихъ, когда проводили султана до лодки, гдѣ графъ Орловъ съ нимъ прощался. Султанъ, однако, не забылъ меня и, не видя среди толпы, сталъ громко кричать: «Дженераль Муравьевъ, дженераль Муравьевъ!» Я подошелъ къ самой лодкѣ, въ которой онъ сидѣлъ уже, дожидаясь меня. Онъ замѣтилъ, что во время ученія у одного изъ орудій трубка давала вспышку; но притомъ много благодарилъ меня за устройство войскъ. Я также благодарилъ его за снисхожденіе и отвѣтилъ персидскимъ стихомъ изъ Гюлистана, Шейха Саади:

«И грѣхъ угодливый султану становится доблестью». Ему такъ понравился этотъ стихъ, что онъ заставилъ меня три раза пересказать его и, отваливъ отъ берега, повторилъ его нѣсколько разъ вполголоса, какъ бы затверживая льстивое кажденіе знаменитаго стихотворца».

Махмудъ также былъ любезенъ и къ офицерамъ отряда: онъ подарилъ имъ верховыхъ лошадей, разрѣшилъ осмотръ Константинополя, не исключая и мѣсть, которыя до сихъ поръ никогда не показывались иностранцамъ, и оказалъ много другихъ любезностей, а при возвращеніи на родину наградилъ всѣхъ знаками отличія.

спасся отъ смерти. Взбунтовавшіеся янычары повсюду искали его, чтобы убить, и онъ спасся только случайно. Сдѣлавшись султаномъ въ маѣ 1825 г., онъ жестоко отмстилъ имъ, истребивъ янычарскіе полки почти поголовно. Въ одномъ Константинополѣ ихъ было убито свыше 26 т. человекъ. Взявъ въ свои руки бразды правленія Турціей, онъ во все свое продолжительное царствованіе неутомимо стремился къ своей цѣли сдѣлать изъ Турціи европейское государство.

Теперь обстоятельства измѣнились. Современная турецкая интеллигенція считаетъ Россію главной виновницей потери большей половины своихъ европейскихъ владѣній и тѣхъ постоянныхъ бѣдствій, которыя она переживаетъ за послѣднее время. Слово «душманъ»—врагъ—стало въ средѣ турецкой интеллигенціи синонимомъ слова «русскій». Немедленно послѣ провозглашенія конституціи въ Турціи появилась масса особыхъ газетъ съ смѣшными названіями, какъ, на примѣръ, «Пушка», «Штыкъ», «Пуля», которыя стали фанатизировать турецкое населеніе противъ вообще европейцевъ и въ особенности противъ Россіи—и уже неоднократно этими газетами принимались записи желающихъ итти воевать съ Россіей. Газеты эти издавались членами младо-турецкаго комитета, и правительство открыто оказывало имъ поддержку. Я уже не говорю объ официальныхъ печатныхъ органахъ «Единенія и Прогресса», но вообще вся турецкая пресса преимущественно занималась распространеніемъ самыхъ невѣроятныхъ нелѣпостей противъ Россіи и въ особенности о какихъ-то невыносимыхъ страданіяхъ мусульманъ русско-подданныхъ. Константинополь оказывалъ самое широкое гостепрѣимство разнымъ темнымъ личностямъ, ускользнувшимъ изъ рукъ русскаго правосудія, снабжавшимъ газеты разнымъ матеріаломъ, рисуящимъ русское правительство и русское общество въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, который съ видимымъ удовольствіемъ печатался газетами. Эти субъекты въ самыхъ крикливыхъ выраженіяхъ обвиняли Россію во всѣхъ несчастіяхъ Турціи, требовали единенія всѣхъ, дабы дать реваншъ, и заявляли, что правительство усиленно готовится противъ Россіи. Замѣчательно, что младотурки официально отреклись отъ своего участія въ травлѣ населенія противъ Россіи, ссылаясь на конституцію, которая будто бы предоставляетъ право свободы печати, и это заявлялось въ то время, когда за малѣйшую критику по отношенію комитета газеты закрывались, даже безъ соблюденія законныхъ формальностей. Что касается панисламизма, то въ этой отрасли турки преуспѣли и пустили уже глубокіе корни въ молодое мусульманское населеніе Россіи, на что нашему правительству слѣдуетъ обратить особое вниманіе.

Справедливость требуетъ сказать, что въ прошломъ Россія была виновницей многочисленныхъ несчастій для Турціи, но эти времена давно уже прошли, и за послѣднее время наша дипломатія напрягала всѣ усилія для установленія дружественныхъ отношеній къ Турціи. Россія первая признала возрожденіе Оттоманской имперіи въ 1897 году и оказала ей много услугъ, которыя, можетъ быть, даже спасли Турцію отъ политической катастрофы въ ту минуту, когда она только что встала съ одра болѣзни и стала проявлять признаки жизни.

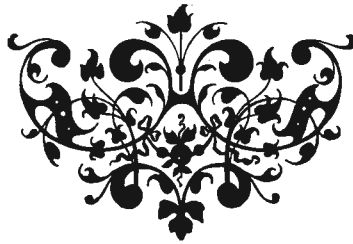
Турки по натурѣ своей храбры, честны, трудолюбивы и обладаютъ многими другими прекрасными качествами, но они до край-

ности злопамятны и мстительны. Они не могут забыть отторженія Россіей отъ ихъ государственнаго организма нѣсколькихъ чисто мусульманскихъ областей, а главное того покровительства, — не всегда заслуженнаго, — которое Россія постоянно оказывала ихъ подданнымъ-христіанамъ, стоившаго Турціи трехъ четвертей ея европейскихъ владѣній.

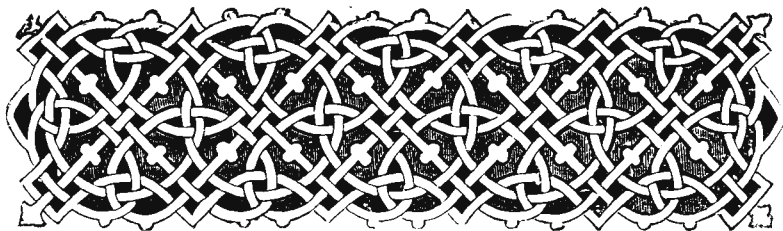
Въ настоящее время на Балканскомъ полуостровѣ разыгрывается, повидимому, послѣдній актъ многолѣтней распри между Турціей и населяющими Балканы европейскими народностями, пока безъ участія Россіи. Всякій благомыслящій русскій человѣкъ горячо пожелаетъ, чтобы эта война, начатая вопреки желанія Россіи и рискующая перейти въ обще-европейское кровопролитіе, не потребовала бы ея участія въ ней. Довольно уже въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій русскій народъ жертвовалъ своей кровью и своими деньгами для освобожденія балканскихъ славянъ, чтобы рисковать вновь стать лицомъ къ лицу съ половиной Европы изъ-за расширенія границъ на счетъ Турціи, затѣяннаго нами же освобожденными и созданными балканскими государствами, ничѣмъ еще не отблагодарившими за это Россію. Русское правительство не должно забывать, какъ и чѣмъ отплатила намъ Болгарія черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея освобожденія, въ эпоху воцаренія въ ней Кобургской династіи, или, на примѣръ, сдѣланнаго недавно наглаго заявленія одного изъ популярныхъ общественныхъ дѣятелей въ Сербіи, что сербскій народъ не можетъ быть управляемъ циркулярами изъ Россіи. Мы не говоримъ уже объ открыто враждебномъ къ намъ отношеніи освобожденнаго нашей кровью изъ многолѣтняго рабства румынскаго народа. Пора подумать и о самихъ себѣ, о защитѣ нашихъ собственныхъ границъ. Турція является очень опаснымъ въ военномъ отношеніи врагомъ Россіи въ случаѣ войны нашей съ Германіей и Австріей. Обращеніе этого врага въ друга и союзника должно составлять одну изъ первыхъ задачъ нашей дипломатіи. Невозможнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Удалось же это восемьдесятъ лѣтъ назадъ при обстоятельствахъ, быть можетъ, менѣе благоприятныхъ, чѣмъ теперь; удастся, несомнѣнно, при желаніи со стороны Россіи и въ будущемъ, при справедливой уступкѣ интересамъ нашей сосѣдки и при невмѣшательствѣ нашемъ въ ея внутреннія дѣла. Мы твердо увѣрены, что культивируемая теперь подонками турецкаго общества ненависть къ Россіи не глубока и не распространяется на широкія массы турецкаго населенія. При искреннемъ желаніи съ нашей стороны, она исчезнетъ безплодно со временемъ. Будемъ же надѣяться, что настанетъ наконецъ то время, когда честный, храбрый турецкій народъ забудетъ прошлое и протянетъ руку примиренія своему сосѣду и естественному союзнику Россіи, послѣ чего онъ, несомнѣнно, сдѣлается опять сильнымъ и могущественнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы надѣемся, что основанный русскими на Босфорѣ описанный здѣсь историческій памятникъ бывшей русско-турецкой дружбы не останется дольше въ томъ состояніи, въ которомъ онъ теперь находится, и что найдутся русскіе люди, которые позаботятся о приведеніи его въ надлежащій видъ и о сохраненіи его для потомства.

П. П. Шубинскій.

ЛѢТОПИСЕЦЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОЙНЪ.

(Памяти Василя Александровича Потто).

АКЪ НИ интересуется нынѣ столица Кавказомъ, все же многія мѣстныя событія, имѣющія общественный характеръ, не всегда находятъ въ ней своевременный откликъ, а зачастую проходятъ и совершенно безслѣдно.

Къ такимъ явленіямъ слѣдуетъ отнести и послѣдовавшую 29-го ноября истекшаго года въ гор. Тифлисѣ смерть извѣстнаго военнаго исторіографа Василя Александровича Потто, лѣтописца кавказскихъ войнъ и баяна доблестей кавказскихъ войскъ.

Цѣль настоящей статьи заполнить этотъ пробѣлъ въ некрологіи столичной прессы.

Покойный В. А. Потто происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи; родился 1-го января 1836 года; образованіе получилъ въ Орловскомъ Бахтина кадетскомъ корпусѣ и въ Дворянскомъ полку.

Первыя попытки на литературномъ поприщѣ В. А. Потто обнаружилъ въ самую юную пору своей молодости. Будучи еще кадетомъ, онъ написалъ нѣсколько стихотвореній по поводу начала Крымской войны, впоследствии напечатанныхъ въ «Журналѣ военно-учебныхъ заведеній» за 1854 г. На стихотворенія эти было обращено вниманіе императора Николая Павловича, и юному автору были пожалованы золотыя часы, врученные ему лично наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ передъ всѣмъ Дворянскимъ полкомъ.

Въ 1855 году Потто, произведенный въ прапорщики въ третій драгунскій Новороссійскій полкъ, прямо со школьной скамьи

попадаетъ на Кавказъ въ суровую боевую обстановку и въ томъ же году участвуетъ съ полкомъ въ турецкой войнѣ при блокадѣ, штурмѣ и сдачѣ Карса.

Кавказская жизнь, полная боевыхъ тревогъ и своеобразной военной поэзи, произвела на юношу сильное впечатлѣніе.

По окончаніи войны, когда полкъ долженъ былъ возвратиться въ Россію, молодой офицеръ, пользуясь пребываніемъ своимъ на Кавказѣ, посѣтилъ берега Кубани, Терека и часть Дагестана, всюду собирая пѣсни, преданія и рассказы о кавказскихъ военныхъ событіяхъ. Это путешествіе и собранный богатый матеріалъ имѣли серьезное вліяніе на развитіе литературнаго призванія Потто и послужили впоследствии основаніемъ цѣлаго ряда его историческихъ очерковъ.

Первыя историческія статьи Потто были посвящены воспоминаніямъ о закавказскихъ походахъ и были напечатаны въ «Военномъ Сборникѣ» за 1860, 63 и 64 гг. подъ псевдонимами «Драгунскій офицеръ» и «Драгунъ». Таковы «Воспоминанія» о походахъ 1853—56 гг. Далѣе шли очерки: «Нѣсколько дней на Кубани», «Чирь-Юрть въ разказахъ старыхъ нижегородцевъ», «Рассказъ о смерти майора Золотухина» и про.

Участіе съ полкомъ во время польскаго возстанія въ составѣ войскъ варшавскаго военного округа дало, Потто новыя, свѣжія впечатлѣнія, и имъ были напечатаны статьи: «Походныя записки о кампаніи 1863 года противъ польскихъ мятежниковъ» и «Стычка у деревни Грудовой 25-го іюля 1863 года» («Военный Сборникъ» за 1867—70 гг.).

Въ это же время появилась въ печати и «Исторія Новороссійскаго драгунскаго полка», доставившая автору имя военного исторіографа.

Въ 1866 году Потто былъ откомандированъ къ Николаевскому кавалерійскому училищу.

Здѣсь молодой штабсъ-ротмистръ обратилъ на себя благосклонное вниманіе императора Александра II, любившаго изрѣдка посѣщать учебныя заведенія.

Случай къ этому представился такой.

Въ одинъ изъ обычныхъ воскресныхъ разводовъ, когда Потто, парадирюя съ пѣшимъ юнкерскимъ взводомъ, подошелъ къ государю съ рапортомъ, императоръ Александръ II, пристально взглянувъ на него, сказалъ:

— Я видѣлъ тебя прежде въ Новороссійскомъ мундирѣ?

— Такъ точно, ваше императорское величество.

— Какъ твоя фамилія?

— Штабсъ-ротмистръ Потто.

— Да, вѣдь это ты написалъ исторію Новороссійскаго полка? Спасибо! Я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ.

Василій Александрович Потто.

Вскорѣ послѣ этой встрѣчи Потто былъ пожалованъ за «отличное составленіе» той же исторіи высочайшею денежною наградою, а самъ государь удостоилъ быть крестнымъ отцомъ его сына.

Дѣятельность Потто въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, въ качествѣ воспитателя юнкеровъ, обратила вниманіе военнаго министра Милютина, и въ 1870 году онъ былъ назначенъ начальникомъ Оренбургскаго казачьяго юнкерскаго училища, которымъ руководилъ одиннадцать лѣтъ.

Находя важнымъ подготовить юнкеровъ, назначавшихся по окончаніи курса на службу почти исключительно въ степные районы, къ ихъ будущей боевой дѣятельности въ степи, Потто сразу поставилъ дѣло обученія въ училищѣ на чисто практическую почву. Съ этою цѣлью издалъ онъ «Записки о степной войнѣ» и предпринялъ путешествіе въ Киргизскія степи, чтобы лично ознакомиться на мѣстѣ какъ съ характеромъ степной природы, такъ и съ положеніемъ и жизнью нашихъ степныхъ отрядовъ.

Поѣздка эта состоялась лѣтомъ 1871 года, въ то время, когда хивинскія шайки врывались еще въ нашу Оренбургскую степь, и потому представлялась далеко не безопасной. Одинъ, въ сопровожденіи лишь преданнаго ему киргиза, не имѣя при себѣ даже палатки, Потто объѣхалъ огромное пространство степи—отъ Оренбурга до Орска, посѣтивъ всѣ наши отряды, стоявшіе на пограничной линіи. Результатомъ этой поѣздки было появленіе новаго литературнаго произведенія «Степная война», которое, какъ первое руководство въ этомъ родѣ, было встрѣчено лестными отзывами печати и переведено въ Лондонѣ на англійскій языкъ отдѣльнымъ изданіемъ, въ 1874 году, подъ названіемъ «Steppe campaigns».

Вскорѣ же Потто была выпущена въ свѣтъ «Военная хрестоматія», содержащая въ себѣ болѣе полутора ста отдѣльныхъ эпизодовъ и сказаній о боевыхъ дѣйствіяхъ порубежнаго казачества и о героическихъ подвигахъ выдающихся дѣятелей Кавказа, Туркестана, севастопольской обороны и другихъ войнъ.

Въ 1873 году Потто, какъ опытный исторіографъ, былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему было поручено составленіе «Исторіи Николаевскаго кавалерійскаго училища», вышедшей въ свѣтъ ко дню 50-лѣтняго юбилея этого училища.

Въ 1887 году В. А., уже въ чинѣ полковника, назначенъ былъ состоять въ числѣ штабъ-офицеровъ, положенныхъ по штату при штабѣ кавказскаго военнаго округа, и съ этого времени вся литературная дѣятельность его посвящается исключительно одному Кавказу. Первой капитальной работой его въ этой области явилась пятитомная «Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ», обратившая вниманіе всей Россіи. Въ этомъ изданіи авторъ собралъ воедино и расположилъ въ хронологическомъ порядкѣ все то, что у насъ сохранилось писаннаго

отъ временъ, когда русскіе витязи громили Византію и съ косогами брали дань, и, такимъ образомъ, изобразилъ живую исторію покоренія Кавказа.

Затѣмъ послѣдовательно появляются въ печати составленныя Потто біографіи выдающихся кавказскихъ дѣятелей Я. П. Бакланова и генераль-адъютанта Лазарева, очеркъ «Царская семья на Кавказѣ» (въ 1888 г.) и обширнѣйшій трудъ въ десяти томахъ «Исторія сорокъ четвертаго драгунскаго Нижегородскаго полка» (въ 1892 г.). Несмотря на свой объемъ, «Исторія» эта читается до сихъ поръ съ величайшимъ интересомъ, такъ какъ описанія чисто боевыхъ подвиговъ полка дополняются составителемъ интересными рассказами изъ анекдотической части исторіи про личные подвиги, проступки и поведеніе офицеровъ и командировъ полка, а также быта полка вообще въ различныя эпохи его существованія.

Въ 1899 году В. А. былъ назначенъ начальникомъ военно-историческаго отдѣла при штабѣ кавказскаго военнаго округа, послѣ чего дѣятельность отдѣла, особенно издательская, значительно расширилась. Подъ руководствомъ Потто вышелъ цѣлый рядъ капитальныхъ изданій отдѣла: «Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи», «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ» въ шести томахъ; два выпуска «Памятниковъ времени утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ»; десять томовъ «Кавказскаго Сборника»; два тома «Исторіи Терскаго казачьяго войска» (это сочиненіе въ настоящее время печатается войсковымъ штабомъ Терской области) и др. ¹⁾

Изъ перечисленныхъ изданій наибольшую цѣнность представляютъ «Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ» и «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ». Первое изъ названныхъ сочиненій припоровлено ко дню столѣтней годовщины вступленія въ Тифлисъ егерскаго полка подъ начальствомъ генерала Лазарева. Все изданіе это заключаетъ въ себѣ семнадцать главъ, разсматривающихъ ходъ событій на Кавказѣ съ обзора историческихъ причинъ, приведшихъ Россію къ занятію устья Терека и къ персидскому походу Петра Великаго, и, такимъ образомъ, «Очеркъ», въ цѣломъ, обзрѣваетъ весь путь, которымъ первыя случайныя сношенія Руси съ Кавказомъ привели постепенно къ сознанію исторической задачи Русскаго государства на Кавказскомъ перешейкѣ. Нужно отдать справедливость редактору «Очерка», что онъ сумѣлъ быть непристрастнымъ обзрѣвателемъ пестраго и часто противорѣчи-

---

¹⁾ В. А. Потто состоялъ сотрудникомъ также и «Историческаго Вѣстника», на страницахъ коего появилось нѣсколько историческихъ его очерковъ: «Сыльные поляки въ Оренбургѣ», «Гибель отряда Рукіна въ 1870 году», «Дегужи—нижегородская плѣнница» и др.

ваго матеріала о началѣ русскаго владычества на Кавказѣ. Въ этомъ заключается безусловная научная цѣнность его труда.

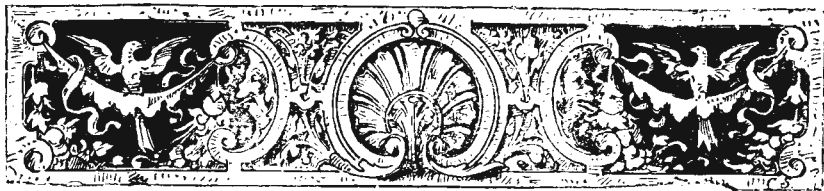
Огромный интересъ представляетъ и второе изъ упомянутыхъ нами изданій «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ», стремящееся дать правдивую картину состоянія Кавказскаго края во всѣхъ отношеніяхъ во время присоединенія Грузіи къ Россіи и показать, чѣмъ сталъ Кавказъ послѣ столѣтней жизни его подѣ управленіемъ Россіи, и сколько принесено жертвъ, крови и трудовъ на умиротвореніе страны, чтобы вывести народы Кавказа на путь широкаго культурнаго развитія и благоденствія. Вышедшіе тома этого изданія, охватывающіе собою періодъ съ 1801 года до времени Паскевича, несмотря на то, что въ составленіи ихъ принимало участіе нѣсколько авторовъ, представляютъ собою вполне цѣльное, законченное произведеніе. Редакторъ и авторы отдѣльныхъ монографій отлично справились со своею задачею: невзирая на подавляющую обширность труда, онъ читается легко, и интересъ къ изложенію ни на минуту не ослабѣваетъ, чему немало содѣйствуетъ прекрасный, литературный языкъ Потто. Само собою разумѣется, что въ задачи разсматриваемаго изданія не входило критическое отношеніе къ описываемымъ событіямъ; авторы довольствовались «лѣтописною точностью». И, дѣйствительно, каждый отдѣльный томъ изданія представляетъ собою яркую, мѣстами даже художественно отдѣланную лѣтопись, въ которой лѣтописцы излагаютъ все, что имъ извѣстно по тому или другому вопросу, съ полною добросовѣстностью. Въ общемъ же это изданіе, благодаря отмѣченными достоинствамъ, по нашему мнѣнію, является однимъ изъ крупныхъ историческихъ трудовъ, посвященныхъ Кавказу.

Но не только одни литературные труды оставилъ послѣ себя Потто. Онъ вложилъ массу труда и въ приведеніе въ порядокъ военно-историческаго музея, этого «храма Славы», долго оставшагося въ полномъ небреженіи. Со времени передачи его въ вѣдѣніе военно-историческаго отдѣла онъ сдѣлался тѣмъ цѣннымъ памятникомъ, къ которому никогда не зарастетъ кавказская народная тропа, ибо въ немъ всѣ—и русскій, и грузинъ, и армянинъ, и мусульманинъ—найдутъ съ радостью и гордостью своихъ героев.

Осталось и еще одно учрежденіе, связанное съ именемъ Потто,— это «Кавказскій инвалидный домъ», въ созданіе и устройство котораго В. А. вошелъ всей своей отзывчивой душою.

Частная жизнь В. А. нашли себѣ оцѣнку въ необыкновенной популярности имени его во всѣхъ кругахъ общества.

Бор. М. Городецкій.

ПО ВОСТОЧНОМУ ЗАБАЙКАЛЮ.

АРКОЕ, солнечное августовское утро. Манчжурскій экспрессъ бѣжитъ по унылому, почти безлѣсному Забайкальскому плоскогорью. Вдали виднѣются горы, окружающія съ юга и востока городъ Читы.

Въ поѣздѣ много иностранцевъ, ѣдущихъ по дипломатическимъ и коммерческимъ дѣламъ въ Китай и Японію. Но въ нашемъ купе, кромѣ меня и лица, которое я сопровождаю въ служебной поѣздкѣ, двое русскихъ, оба читинцы: одинъ коренной забайкалецъ-дѣлецъ, другой изъ Россіи, мѣстный чиновникъ.

Забайкалецъ съ гордостью рассказываетъ о быстромъ развитіи своей родной Читы.

— Лѣтъ 9—10 тому назадъ,—говоритъ онъ,—въ

Читѣ совершенно не было каменныхъ домовъ и число жителей не превышало 12—15 тысячъ. Теперь же, вмѣстѣ съ войсками, населеніе достигаетъ пятидесяти тысячъ. У насъ электрическое освѣщеніе, роскошные магазины на европейскій ладъ, трехэтажные дома, театры, кинематографы, кафешантаны. Совсѣмъ столица.

— Прибавьте—Забайкаля,—иронизируетъ чиновникъ.—Улицы немощеныя, пыль чуть ли не по колѣно. Окно на улицу открывать нельзя,—сейчасъ же всѣ вещи покрываются слоемъ пыли. Городъ сильно раскинутъ, а сообщенія нѣтъ никакого. По вечерамъ выходить небезопасно, и въ случаѣ нападенія скрыться некуда, такъ какъ вечеромъ каждый дѣмъ, по-сибирски, превращается въ крѣпость: запираютъ наглухо ворота, ставни, и никто не рѣшится выйти на ваши крики о помощи.

Но забайкалецъ не унимается и продолжаетъ защищать Читы.

— Въдъ и въ Америкѣ,—говорить онъ,—не сразу города устранивали образцовую мостовую и трамвай, и жизнь становилась безопасной. Но быстрый «американскій» прогрессъ Читы обеспечивается ея счастливымъ мѣстоположеніемъ. Здѣсь важный административный пунктъ, въ которомъ сосредоточивается переселенческое и желѣзнодорожное дѣло Забайкалья, мѣсто постоянного расположенія большого количества войскъ; наконецъ, здѣсь сконцентрированы горнопромышленныя предприятия Забайкалья.

— Климатъ въ Читѣ страшно суровъ,—жалуется чиновникъ.— Съ конца сентября почти до мая стоитъ зима съ лютыми морозами.

— Зато климатъ здоровый...

— Не для всѣхъ,—перебиваетъ чиновникъ.—Для лицъ съ болѣзнями сердца жить въ Читѣ, на высотѣ 2,600 футовъ надъ уровнемъ моря, очень вредно.

Споръ волей-неволей прекращается, такъ какъ подъѣзжаемъ къ станціи Чита-городъ. На вокзалѣ казаки въ желтой формѣ, бурята, приземистые въ мѣховыхъ шапкахъ и халатахъ, и рослые, крѣпко скроенные манчжуры, одѣтые въ традиціонный синій цвѣтъ.

Среди гучь пыли ѣдемъ въ лучшую гостиницу города «Даурию». Построена гостиница съ претензіей на «европейскій комфортъ», но владѣльцы упустили изъ виду очень важное обстоятельство, что комфортъ этотъ необходимо поддерживать, и «Даурія» понемногу превращается въ грязные провинціальныя «номера». Въ нижнемъ этажѣ ресторанъ, ночью превращающійся въ кафешантанъ, шумъ отъ котораго положительно мѣшаетъ спать.

Чита дѣйствительно производитъ впечатлѣніе города, находящагося въ періодѣ усиленнаго строительства. Въ центрѣ много каменныхъ домовъ, много начатыхъ каменныхъ построекъ, но остается еще достаточно пустырей и маленькихъ деревянныхъ домишекъ. По главной улицѣ—Амурской—хорошіе магазины, кондитерскія, конторы. Торговля большею частію въ рукахъ иностранцевъ и инородцевъ; немалую роль въ торговлѣ играютъ и евреи.

Къ слову сказать, забайкальскіе евреи по типу совсѣмъ не похожи на своихъ единоплеменниковъ Европейской Россіи, говорятъ по-русски безъ малѣйшаго акцента и, наконецъ, фамиліи ихъ зачастую оканчиваются на «овъ».

Зайдя въ типо-литографію по Амурской улицѣ, я попросилъ приготовить къ слѣдующему дню визитныя карточки.

— Никакъ нельзя. Сегодня не успѣемъ, а завтра праздникъ—не работаемъ,—сказалъ мнѣ блондинъ, по типу здоровый сибирикъ.

— Какой праздникъ?—изумился я.

— Еврейскій,—отвѣтилъ блондинъ и, въ свою очередь, повидимому, былъ удивленъ моимъ вопросомъ.

Мелкая промышленность въ Забайкальи почти захвачена китайцами, манчжурами, японцами, бурятами. Мирное завоеваніе Забайкальи и всего нашего Дальняго Востока желтой расой, повидимому, идетъ успѣшно, такъ какъ проникаетъ въ повседневную жизнь русскаго обывателя и пріучаетъ его пользоваться трудомъ монгола и вырабатываемыми имъ продуктами.

Я лично не могу провочить Читѣ «американской» будущности.

Ингода.

Быстрое развитіе города въ послѣднія 8—20 лѣтъ зависѣло отъ временныхъ причинъ, частью уже исчезнувшихъ, частью еще существующихъ. Во время русско-японской войны Чита была одной изъ главныхъ тыловыхъ базъ, и война оставила здѣсь массу денегъ, на которыя строилась Чита. Теперь желѣзнодорожное строительство и колонизація Забайкальи, несомнѣнно, приносятъ немало выгодъ городу. Но окончится то и другое, уведутъ войска на новое мѣсто—въ военный городокъ Даурію, строящійся на манчжурской границѣ, да, вдобавокъ, центръ горной и другой промышленности перемѣстится далѣе на востокъ, напримѣръ, въ нововозникающій городъ Алексѣевскъ, на пересѣченіи многоводной Зеи съ Амурской дорогой,—и Чита неминуемо должна остановиться въ своемъ развитіи,

II.

На слѣдующее же утро садимся въ поѣздъ и ѣдемъ дальше.

Послѣ однообразнаго Читинскаго плоскогорья спускаемся къ самому берегу рѣки Ингоды. Съ правой стороны — быстрая, свѣтлая рѣка, съ лѣвой — скалы, срѣзанныя отвѣсно для устройства линіи дороги вдоль берега. Ингода довольно широка; противоположный берегъ гористый, покрытый хвойнымъ лѣсомъ. Каждый поворотъ поѣзда открываетъ красивые пейзажи излучинъ рѣки въ рамкѣ лѣсистыхъ горъ и скалъ. Послѣ станціи Ононъ ѣдемъ уже по берегу р. Шилки. Характеръ пейзажа не мѣняется, но рѣка шире, величественнѣе.

Вечеромъ пріѣзжаемъ на станцію Срѣтенскъ, расположенную на лѣвомъ берегу р. Шилки подъ отвѣсными скалами, на отвованной у нихъ площадкѣ. Сама станица Срѣтенская раскинулась узкой полосой по правому, болѣе отлогому берегу рѣки. Здѣсь начальный пунктъ воднаго пути Амурскаго бассейна, которымъ, однако, возможно пользоваться только въ теченіе пяти лѣтнихъ мѣсяцевъ. Поэтому и Срѣтенскъ, во время навигаціи раздувающійся, какъ наполненные мѣха, зимой съезживается, ху-дѣетъ и замираетъ.

Начинается томительный спускъ по крутому берегу, въ очередь съ возами, на паромъ. За конецъ отъ станціи до пароходной пристани — на срѣтенской сторонѣ, недалеко отъ остановки парома — мы отдали извозчику, не считая платы за переправу, два рубля съ полтиной.

Цѣны въ Забайкальи на все очень высокія; здѣсь рубль равноцѣненъ полтиннику въ Европейской Россіи. Вотъ въ этомъ отношеніи Забайкалье дѣйствительно догнало Америку.

Почтовый пароходъ, отходящій черезъ каждые пять дней изъ Срѣтенска въ Благовѣщенскъ — просто буксирный пароходъ съ баржей, гдѣ устроены помѣщенія всѣхъ трехъ классовъ. Рано утромъ отчаливаемъ отъ Срѣтенской пристани. Благодаря быстрому теченію Шилки, подвигаемся впередъ со скоростью пятнадцати верстъ въ часъ. Оба берега рѣки гористые, поросшіе рѣдкимъ лѣсомъ; мѣстами голыя скалы падаютъ отвѣсно въ рѣку. Виды величественныя, но суровыя, не ласкающіе мягкостью красокъ, а поражающіе глазъ своей дикостью и печалью.

За общимъ обѣденнымъ столомъ разговоры исключительно о мѣстныхъ интересахъ — о колонизаціи края, о постройкѣ Амурской дороги, о золотѣ.

Какой-то чиновникъ, повидимому, переселенческаго управленія развѣиваетъ перспективы колонизаціи края.

— Уже въ настоящее время, — говоритъ онъ, — въ распоряженіи переселенческаго управленія имѣется значительный земель-

Рѣка Шилка близъ Срѣтенска.

ный фондъ, исчисляемый сотнями тысячъ десятинъ. Водвореніе переселенцевъ, хотя пока и въ незначительномъ числѣ, также началось. Главное же движеніе переселенцевъ мы ожидаемъ въ 1912 и 1913 годахъ.

Ему возражаетъ инженеръ.

— Колонизація Забайкалья—утопія,—возражаетъ онъ.—Небольшія площади края, пригодныя для сельскаго хозяйства, заняты мѣстнымъ населеніемъ. Остальные пространства или тундры, или высокія плоскогорья съ вѣчной мерзлотою. Вотъ, хотя бы, взять линію Амурской дороги,—продолжаетъ онъ:—она почти сплошь идетъ по мерзлой тундрѣ. Гдѣ ужъ тутъ устраивать сельское хозяйство.

— Относительно района Амурской дороги вы отчасти правы,—соглашается чиновникъ:—я самъ считаю его въ большей части непригоднымъ для земледѣлія. Но по падымъ Шилки и Аргуни есть еще много свободныхъ площадей, гдѣ по климатическимъ условіямъ вполне возможна сельско-хозяйственная культура.

Разговоръ переходитъ на другую, модную въ Забайкальѣ тему: постройка Амурской дороги.

— Условія работъ въ тайгѣ при вѣчной мерзлотѣ грунта и пльвучкѣ чрезвычайно трудны,—замѣчаетъ инженеръ.—Рабочій вопросъ въ самомъ неопредѣленномъ положеніи; желтыхъ рабочихъ, какъ знаете, мы должны замѣщать русскими, а послѣднихъ мало, да и долго они не держатся—бѣгутъ изъ-за тяжелыхъ условій таежной жизни. А все-таки дорогу строить надо,—твердо произноситъ онъ.—Государственные интересы требуютъ, чтобы Владивостокъ былъ связанъ съ имперіей желѣзнодорожнымъ путемъ, проходящимъ по русской территоріи.

Попутно заговорили о хищничествѣ золота вдоль линіи дороги по рѣкѣ Урюму.

— По долинѣ Урюма,—разсказываетъ инженеръ,—земляными работами дороги и поисковыми партіями отъ промысловъ открыты золотоносныя росыпи. И вотъ по ночамъ здѣсь моютъ золото хищники. Стонятъ ихъ съ одного мѣста—они устраиваются на другомъ. Я знаю, на примѣръ, такой фактъ: два хищника въ двѣ ночи намыли золота на 110 рублей. Борются съ хищничествомъ крайне трудно, а зло это большое: народъ соблазняется легкой наживой, отказывается отъ тяжелой работы, пьянствуетъ, не говоря ужъ о порчѣ росыпей при хищническомъ способѣ работъ.

Тутъ же за обѣдомъ я познакомился съ англичаниномъ мистеромъ В. С., управляющимъ рудниками, которые мнѣ предстояло посѣтить. Мистеръ С. любезно предложилъ ѣхать вмѣстѣ, на что я съ радостью согласился. Какъ благодарилъ я впоследствии судьбу за эту встрѣчу, избавившую меня отъ многихъ неприятностей, сопряженныхъ съ путешествіемъ по тайгѣ.

Пароходъ пришелъ на станцію Соболинскую, гдѣ надо было сходить, поздно ночью. Подъ проливнымъ дождемъ я и мистеръ С. спускаемся въ лодку—пристани здѣсь нѣтъ—и ѣдемъ къ берегу. На Шилкѣ осеннее половодье, и гребцы съ трудомъ справляются съ сильнымъ теченіемъ. Наконецъ пристаемъ къ берегу и, увязая на каждомъ шагу въ размякшемъ отъ дождя глинистомъ грунтѣ, добираемся до постоялаго двора.

— Вы отдохните часа два до разсвѣта на моей походной кровати,—предлагаетъ мнѣ С.:—у меня здѣсь много дѣлъ, и я спать не буду.

На разсвѣтѣ С. меня разбудилъ, когда самоваръ былъ на столѣ

Таежная рѣка Черный Урюмъ

и лошади стояли подъ сѣдломъ. Черезъ полчаса мы уже сидѣли на лошадахъ.

— Позавчера,—говоритъ, провожая насъ къ воротамъ хозяинъ,—наши встрѣтили на Богузѣи трехъ бѣглыхъ каторжанъ. Худого они ничего не сдѣлали парнямъ, только попросили хлѣба да табаку. Вы, Василій Ивановичъ,—обращается онъ къ мистеру С.,—посматривайте маленько.

Англичанинъ хладнокровно показываетъ хозяину револьверъ, и мы трогаемся въ путь.

Какъ печальна тайга въ ненастный дождливый день! Рѣдкія тонкія лиственницы и березки,—въ Забайкальи крупнаго лѣса почти нѣтъ,—масса сухостоя и валежника,—вся эта и безъ того невеселая обстановка подъ дымкой мелкаго осенняго дождя дѣйствуетъ на душу угнетающе. А дорога! Въ лучшемъ случаѣ—она представляетъ собой ложе ручья, гдѣ лошади приходится пере-

ступать черезъ огромные камни, подходящiе ей подъ самое брюхо. Много хуже, когда дорога идетъ по лѣсу; здѣсь почва вязкая, и на каждомъ шагѣ валежный лѣсъ преграждаетъ дорогу. Совсѣмъ плохо въ мѣстахъ, гдѣ дорога переходитъ черезъ топи и болота.

Мистеръ С. ѣдетъ впереди. Я вижу, какъ его лошадь проваливается чуть не до брюха и только послѣ отчаянныхъ усилiй ей удается выкарабкаться на болѣе твердую почву.

— Будьте осторожнѣй,—кричитъ мнѣ С.:—попробуйте лѣвѣй.

Я чувствую, что ѣду по дрожащему и хлюпающему тюфяку, наполненному жидкостью, и что также начинаю вязнуть. Принимаю героическую мѣру: изо всей силы ударяю лошадь хлыстомъ, и она меня выноситъ изъ опаснаго мѣста.

Только верстъ за семь отъ рудника (все разстоянiе тридцать двѣ версты) тайга кончилась, и дорога пошла въ гору. Хотя эти послѣднiя версты мы проѣхали сравнительно скоро, но въ общемъ путешествiе наше продолжалось свыше семи часовъ.

Промокшiй и продрогшiй слѣзъ я съ лошади и попалъ въ уютный англiйскiй «home». Удивительна способность англiчанъ устраивать свой «home», куда только ни закинетъ судьба: въ знойную тропическую Африку или въ мерзлую сибирскую тайгу. Послѣ сытнаго завтрака, которымъ накормила меня радушная мистриссъ С., я отправился въ отведенную мнѣ комнату и послѣ двухъ почти безсонныхъ ночей проспалъ до самаго вечера.

III.

Слѣдующее утро наступило теплое, солнечное. Ночью былъ морозъ до пяти градусовъ и побилъ послѣднiе самые выносливые цвѣты въ палисадникѣ мистриссъ С.

Въ часъ дня, послѣ осмотра рудника, я простился съ гостепрiимнымъ С. и выѣхалъ вмѣстѣ съ управляющимъ сосѣдними промыслами и сопровождавшимъ его коннымъ стражникомъ черезъ Горбиченскiе промысла въ Горбицу—большое селенiе на Шилкѣ.

Дорога здѣсь значительно лучше, такъ какъ идетъ все время по склонамъ горъ, лишь изрѣдко спускаясь въ пади. Пейзажи разнообразятся открывающимися далями, но та же унылая таежная растительность, несмотря на яркое солнце и синее небо, вноситъ въ общую картину ноту печали.

По всей дорогѣ раскинуты золотодобычныя работы китайскихъ подрядчиковъ. Въ теченiе лѣтняго перiода май—октябрь восточно-забайкальскiе промысла наводняются китайцами-работчими, общая цифра которыхъ доходитъ до тридцати тысячъ. На зиму почти всѣ они уходятъ, унося съ собой буквально цѣликомъ свои заработки.

— Русскому рабочему,—говорить мой спутникъ, коренной сибирякъ,—надо и мяса поѣсть, и водочки выпить, и погулять; таежныя условія жизни ему часто невмоготу, и онъ бѣжитъ. Китаецъ же чертовски выносливъ, не пьетъ, мало ѣсть, да и то только продукты изъ разведеннаго имъ же на промыслѣ отгорода, китайскую муку и бобовое масло. Такимъ образомъ, въ то время, какъ русскій рабочій оставляетъ большую часть своего заработка на мѣстѣ, въ краѣ, китаецъ ничего не даетъ послѣднему, унося всѣ заработанныя деньги съ собой. Это, такъ сказать, отрицательная сторона китайскаго труда въ Забайкальи. Положительная же,—продолжалъ онъ,—та, что китайскія артели, при ихъ образѣ жизни,

Типы китаицевъ-рабочихъ.

могутъ съ выгодой для себя брать въ разработку бѣднѣйшія россыпи, съ 7—8-долевымъ содержаніемъ золота въ ста пудахъ торфовъ и песковъ, тогда какъ русскія артели работаютъ не менѣ какъ на 11—12 долей. Во всякомъ случаѣ восточно-сибирская золотопромышленность пока безъ китаицевъ обойтись не можетъ.

Подъѣзжаемъ къ работамъ подъ вечеръ, какъ разъ къ моменту смывки золота. Золотопромывательныя машины китаицевъ—бутары упрощеннаго типа. Приборъ этотъ состоитъ изъ такъ называемаго грохота (ящика квадратнаго, книзу суживающагося, сѣченія) съ рѣшетомъ, протертая черезъ которое съ водою порода падаетъ на шлюзъ съ трафаретами; здѣсь золото, какъ болѣе тяжелое, задерживается, порода же (песокъ, илъ, глина)—болѣе легковѣсная—уносится водою.

Наступаетъ торжественный моментъ. Надсмотрщикъ, удостовѣрившись въ цѣлости печатей, ломаетъ ихъ и поднимаетъ крышку

щлюза. Смытое съ послѣдняго золото доводится на ручномъ лоткѣ, высушивается надъ огнемъ въ желѣзномъ ковшичкѣ, пересыпается въ бумажный конвертикъ и запечатывается.

Затѣмъ всѣ идемъ въ контору подрядчика—избушку съ огромными щелями въ потолокъ и стѣнахъ—и усаживаемся за столъ. Кругомъ толпятся безстрастные желтыя китайскія фізіономіи. Чудится, что это лицо сфинкса и не найдется второго Эдипа, чтобы разгадать его мысли.

— Кинза шанго? (хорошее золото?)—спрашиваю по-манчжурски у желтаго сосѣда.

— Шанго, шанго.

По фізіономіи никакъ не опредѣлить, сколько ему лѣтъ—50 или 25. Но вотъ онъ улыбается, показывая рядъ ослѣпительно-бѣлыхъ молодыхъ зубовъ, и я рѣшаю, что ему 25—30 лѣтъ.

Конвертъ съ золотомъ распечатывается, золото высыпается на листъ бѣлой бумаги, и китаецъ-подрядчикъ помощью перочиннаго ножичка и собственныхъ легкихъ очищаетъ и отдуваетъ драгоценный металлъ отъ шлиховъ (мелкихъ кристалликовъ, большею частію магнитнаго желѣзняка). Послѣ взвѣшиванія чистое золото и шлихи съ «отдувами» запечатываются въ новые конверты и отдаются на храненіе подрядчику, вѣса же ихъ записываются въ шнуровую книгу.

Отдохнувъ сутки на Горбиченскихъ промыслахъ послѣ утомительнаго двухдневнаго пути верхомъ, опять-таки въ сопровожденіи двухъ стражниковъ отправляюсь дальше.

Въ Горбичанкѣ мы выѣхали на дорогу, по которой совершается по мѣстному мѣрилу оживленное рабочее и грузовое движеніе между Шилкой и средней частью головного участка Амурской дороги. Грабежи и убійства здѣсь обыкновенное явленіе, чему благопріятствуетъ особый характеръ дороги, пролегающей на большомъ протяженіи между крутымъ склономъ горы и непролазными зарослями таежной рѣвки.

Одинъ изъ моихъ спутниковъ-стражниковъ рассказываетъ о разбояхъ, бывшихъ за послѣднее время.

— Пошаливаютъ,—добавляетъ онъ,—и каторжане, и рабочіе съ дороги, да и китайцы тоже. Много китайцевъ-одиночекъ либо парами побито—знаютъ, что у китайца за пазухой всегда и деньги, да и золото краденое. Теперь желторожіе ходятъ только артелями и сами норовятъ кого можно ограбить. Въ каждой пади здѣсь, почитай, есть свой покойникъ.

Мой собесѣдникъ, двадцатилѣтній стройный паренъ, забайкалецъ, держитъ себя съ достоинствомъ, предупредительно, но безъ тѣни холопства. Другой стражникъ, лѣтъ сорока, изъ Минской губерніи, къ каждому слову прибавляетъ «баринъ», «ваша милость», «какъ прикажете» и всячески заискиваетъ у меня. Отличительная

черта характера сибирскаго уроженца—независимость и достоинство въ обращеніи со всѣми—еще болѣе отгѣнялась холопствомъ бѣлорусса.

— Вотъ здѣсь могила убитаго китайца,—говорить мнѣ снова молодой стражникъ, указывая на груды камней почти у самой дороги.—Русскихъ кладутъ во временную могилу, а китайцы такъ и остаются.

Миновавъ благополучно самыя жуткія мѣста вдоль рѣки Желгумара, выѣзжаемъ въ широкую долину рѣки Горбицы. Здѣсь дорога хорошая, и мы пускаемъ лошадей вскачь, чтобы поспѣть къ закату солнца въ Горбицу.

Горбица очень большая станица на берегу Шилки. Здѣсь за мѣсто торговое оживленіе, немалую роль въ которомъ играютъ

Работы китайцевъ-подрядчиковъ.

китайцы. Лавочки разныхъ Ва-фан-Цзяновъ попадаются на глаза весьма часто.

Тотчасъ же по приѣздѣ иду на почту справляться о пароходахъ вверхъ, въ Срѣтенскъ. Почтовый—единственный, болѣе или менѣе регулярно совершающій рейсы пароходъ—будетъ не ранѣе, какъ черезъ пять сутокъ, и рассчитывать на него не придется. Изъ товаро-пассажирскихъ ни одинъ не прошелъ черезъ ближайшую низовую станцію и, слѣдовательно, ранѣе завтрашняго полудня не будетъ. Слава Богу, ночь можно спать спокойно, тѣмъ болѣе, что частная квартира, гдѣ я остановился, по особой рекомендаціи, сравнительно приличная, чистая.

Солнечнымъ яснымъ утромъ выхожу на Шилку. Разлившаяся рѣка быстро катитъ свои свѣтлыя, зеленоватыя воды. Противоположный берегъ стоитъ отвѣсной стѣной, по которой кое-гдѣ карабка-

ются кверху рѣдкія листовенницы. Вверхъ и внизъ по теченію Шилка видна на нѣсколько верстъ, и я посматриваю, не покажется ли за поворотной скалой спасительный дымокъ парохода.

Иду обѣдать, такъ и не дождавшись парохода. Подаютъ кисляци, аршинныя вареныя котлеты и.... огромный ананасъ-консервъ. Это остатки запасовъ разныхъ консервовъ, которые до закрытія порто-франко на Дальнемъ Востока въвозились сюда въ большомъ количествѣ и продавались очень дешево. Такое пзысканное третье блюдо въ обстановкѣ забайкальской деревни заставляетъ забыть о недостаткахъ первыхъ двухъ.

Вечеромъ опять справляюсь о пароходѣ. Извѣстій съ низовой станціи попрежнему нѣтъ и при скорости парохода вверхъ по те-

Вскрытіе торфа.

ченію въ среднемъ четыре версты въ часъ раньше глубокой ночи ожидать его нельзя.

Ложусь спать, не раздѣваясь, чтобы не пропустить пароходъ. Утромъ меня будятъ и говорятъ, что снизу идетъ товаро-пассажирскій «Муравьевъ-Амурскій».

Вскакиваю и выхожу на крыльцо. Еще очень холодно. Крыши, деревянныя настилы дворовъ покрыты инеемъ отъ ночного мороза. Взшедшее солнце золотитъ верхушки сосѣднихъ горъ; внизу еще не разсѣялись ночныя тѣни. Но вотъ лучи солнца брызнули въ долину Шилки и боковыя пади. Яркій солнечный день торжествуетъ побѣду подъ мракомъ и холодомъ ночи.

Большой бѣлый пароходъ бросаетъ якорь и спускаетъ сходни на берегъ почти противъ моей квартиры. Черезъ нѣсколько минутъ

я уже на палубѣ и встрѣчаюсь съ тѣмъ лицомъ, съ которымъ пріѣхалъ въ Забайкалье и разстался въ Соболинской.

Публики на «Муравьевъ-Амурскомъ» много, и составъ ея самый разнообразный. Здѣсь и чиновники, и инженеры, и артисты, и коммерсанты, и жены служащихъ, возвращающіяся по какому-либо случаю въ Россію. Такъ какъ пароходъ идетъ изъ Хабаровска уже двѣ недѣли, то всѣ между собой перезнакомились, образовали кружки и живутъ на пароходѣ весело и непринужденно.

Послѣ обѣда устраиваются карты. Капитанъ принимаетъ въ игрѣ дѣятельное участіе. Неожиданно прибѣгаетъ помощникъ и

Присковское селеніе въ тайгѣ.

шепчетъ ему что-то на ухо. Капитанъ бросаетъ карты и поспѣшно поднимается.

— Что такое? Что случилось?—задаютъ ему со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Ничего особеннаго, будьте спокойны, господа. Загорѣлись дрова, сейчасъ мы ихъ потушимъ.

И капитанъ съ помощникомъ убѣгаютъ.

Всѣ высыпаютъ изъ рубки на балконъ. Снизу бѣгутъ третьеклассники и вопятъ: «пожаръ, горимъ!» Начинается паника. Одни бѣгутъ къ капитану требовать, чтобы онъ выбросился на островъ немедленно, такъ какъ дальше оба берега рѣки—отвѣсныя скалы, гдѣ пристать невозможно, другіе лѣхорадоочно тащатъ свои вещи, третьи беспомощно мечутся по пароходу.

Полчаса проходятъ въ томительной неизвѣстности. Наконецъ приходитъ успокоительное извѣстіе, что пожаръ потушенъ, и всѣ

облегченно вздыхаютъ. Опасность, несомнѣнно, была серьезная, такъ какъ дрова помѣщались рядомъ съ котельнымъ отдѣленіемъ.

Этотъ случай нарушилъ веселое теченіе паровой жизни. Общее настроеніе испортилось и такъ и не могло наладиться до самаго Срѣтенска.

Интересно замѣтить, что этотъ самый пароходъ «Муравьевъ-Амурскій» сгорѣлъ-таки короткое время спустя, причемъ погибло около сотни корейцевъ-рабочихъ.

IV.

Изъ Срѣтенска мы выѣзжаемъ по Нерчинско-Заводскому тракту. Дорога идетъ сначала по широкой долинѣ устья рѣки Куренги, затѣмъ долина суживается, и дорога вьется по самому берегу Куренги подъ отвѣсными скалами. Пыль, или, по мѣстному выраженію, «кожоть», отъ большого движенія по тракту застилаетъ временами всю окружающую обстановку. Сентябрьское солнце еще очень сильно печетъ одинъ бокъ, другой же—въ тѣни—чувствуетъ осеннюю свѣжесть.

Но вотъ солнце закатывается, и съ горъ начинается тянуть такимъ холодомъ, что моментально укутываешься во все, что имѣешь подъ рукой теплое.

Приѣзжаемъ на ночлегъ въ станицу Шелопугино при температурѣ ниже нуля и садимся отогрѣваться чаемъ. Земская квартира—небольшая комната съ одной кроватью подъ пологомъ. По стѣнамъ убѣдительные признаки присутствія непріятныхъ насѣкомыхъ.

— Это удовольствіе вы имѣете рѣшительно во всѣхъ здѣшнихъ земскихъ квартирахъ и избахъ,—шутить ночующій съ нами подпоручикъ, военный топографъ.—За годъ кочевой жизни свыкаешься съ этимъ и перестаешь обращать вниманіе.

И подпоручикъ храбро лѣзетъ подъ пологъ. Мы же запаслись походными кроватями и раскидываемъ ихъ въ сознаніи, что приняли возможные мѣры противъ нашествія «враговъ человѣчества».

Утромъ продолжаемъ путь по широкимъ пустыннымъ долинамъ Унды, Газимура, Тайны. Лѣсу очень мало, да и попадающійся на пути—рѣдкій листовичный. Буквально съ каждаго мало-мальски крупнаго дерева снята на аршинъ, на два кора, и дерево стоитъ или засыхающее, или уже погибшее.

Послѣдовательно идутъ станицы Кавыкучи Ундинскія, Кавыкучи Газимурскія, Прямая Тайна. Станція Кавыкучи Ундинскія—Газимурскія—самая длинная, болѣе сорока верстъ—«отъ Кавыкучи до Кавыкучи хотъ глаза выпучь»—говоритъ мѣстная поговорка.

Въѣзжаемъ въ Кавыкучи. По обѣимъ сторонамъ улицы—ряды кривыхъ избенокъ съ дырявыми крышами, иногда подпертыхъ жер-

Золотопромывальная машина.

Таежная жизнь.

дями, чтобы не развалились. Въ окнах побитыя стекла или заклеены бумагой, или же прямо зияеть пустота. Сравнительно порядочные домики такъ же рѣдки, какъ неободранныя листовниці въ казачьемъ лѣсу. Не видно ни огородовъ, ни садиновъ, однимъ словомъ, ничего, что такъ радуеть глазъ въ деревняхъ средней Россіи.

На земской требуемъ лошадей по открытому листу и получаемъ стереотипный отвѣтъ: «лошадей нѣтъ».

— Позовите станичнаго атамана.

Является казакъ въ формѣ съ булавой—эмблемой своего атаманскаго званія. Останавливается у порога и отдаетъ по военному честь.

— Лошади есть?—спрашиваемъ его.

— Никакъ нѣтъ.

— Почтовья, земскія, обывательскія.

— Никакъ нѣтъ.

— А суточные.

Этотъ четвертый разрядъ лошадиной повинности выдвигаемъ какъ послѣдній резервъ. Еще въ Срѣтенскѣ мы узнали, что за вольныхъ лошадей казаки деруть въ три-четыре раза дорожке таксы, до и то не всегда найдутся желающіе стряхнуть съ себя лѣнь и сѣсть на козлы; развѣ только, если очень нужна казаку деньга.

Атаманъ въ нерѣшительности поглядываетъ на насъ, на открытый листъ, который держитъ въ рукахъ, почесываетъ затылокъ.

— Суточные оставлены подъ капитана—рѣшается наконецъ онъ.— Сегодня ожидаемъ.

Приходится убѣждать атамана, что мы имѣемъ преимущественное передъ капитаномъ право на лошадей; наконецъ онъ сдается на наши доводы и даетъ распоряженіе подать лошадей.

Вопреки общему правилу пороку любопытства въ Забайкальѣ подвержены болѣе мужчины, нежели женщины. Эти послѣднія копошатся и калякають на черной половинѣ; около нашихъ же дверей собираются мужчины—казаки разнаго возраста—и задають вопросы:

— Откуда ѣдете, куда, зачѣмъ, семейный ли, сколько дѣтей?

Удовлетворивъ свое любопытство, взрослая публика понемногу расходится, и остаются малыши, чающіе получить какой-либо гостинецъ отъ проѣзжающихъ, сидящихъ за самоваромъ.

На вторую ночевку въ станицу Прямую Тайну пріѣзжаемъ поздно ночью при пятиградусномъ морозѣ, совсѣмъ окоченѣвшіе.

Вступивъ черезъ порогъ горницы на одинъ конецъ половицы, я едва не получилъ ударъ въ лобъ противоположнымъ концомъ ея. Вторая нога пошла въ щель между половицами. Подойдя къ окну, отъ котораго несло холодомъ, я обнаружилъ отсутствіе въ рамѣ цѣлаго стекла. Пришлось кое-какъ устраиваться на почлегъ, закрывъ окно пледомъ и осторожно раскинувъ кровать на «клави-

шахъ» пола. Отъ опасности замерзнуть спасла насъ огромная печь, чуть не во всю стѣну горницы.

Я спросилъ ночевавшаго здѣсь же чиновника, почему у казаковъ все хозяйство находится въ такомъ запустѣніи.

— Причина одна,—отвѣтилъ чиновникъ;—это сверхъестественная (если можно такъ выразиться) лѣнность казаковъ. Не даромъ у насъ есть поговорка: «чтобы видѣть самага лѣнливаго сибиряка, поѣзжай въ Кутомарь (станция); первый встрѣчный и будетъ первый лѣнтяй въ Сибири». Землепашцы они неважные,—продолжаетъ онъ:—и только благодаря большимъ надѣламъ, нужда въ хлѣбѣ у нихъ случается рѣдко. Да и въ этомъ случаѣ на помощь имъ приходятъ продовольственные магазины, выдающіе ссуды хлѣбомъ. Садиковъ и огородовъ, какъ видѣли, у нихъ почти нѣтъ, тоже главнымъ образомъ изъ-за лѣни; не хотятъ брать примѣра съ сосѣдей-китайцевъ, прекрасныхъ огородниковъ. А хибарки ихъ—это логово троглодитовъ: ни оконъ, ни дверей настоящихъ нѣтъ, взамѣнъ теса покрываютъ хибарку корой лиственницы, истребляя при этомъ массу деревьевъ.

— Какъ же живутъ эти люди зимой при тридцатиградусныхъ морозахъ, безъ настоящихъ крышъ и оконъ?

— Забиваютъ окна тряпками, закрываютъ ставни и топятъ круглая сутки печь, около которой и жмутся. Древесное топливо у нихъ пока еще есть, хотя и истребляется ими лѣсъ безпощадно.

Къ полудню слѣдующаго дня достигаемъ цѣли нашего путешествія—золотыхъ промысловъ, расположенныхъ близъ станицы Большой Зерентуй.

Промысла благоустроенные, съ огромными золотопромывательными машинами-бочками, съ правильно устроеннымъ водянымъ хозяйствомъ и глубокими открытыми земляными работами (разрѣзами).

Какое оригинальное сооруженіе золотопромывательная машина, бочка или чаша, или комбинація той и другой! Издали вмѣстѣ съ водопроводнымъ русломъ она похожа на насѣкомое съ тысячею ножекъ и большой головой съ хоботомъ. Внутри цѣлый лабиринтъ перекрещивающихся деревянныхъ балокъ, узкихъ проходовъ съ деревянными лѣсенками изъ одного этажа въ другой. Вода приводитъ въ движеніе колесо, которое, въ свою очередь, передаетъ вращательное движеніе машинѣ. Всюду журчитъ и капаетъ вода; точно находишься на водяной мельницѣ, гдѣ только вмѣсто зерна перемалывается золотоносный песокъ и вмѣсто муки получается золото.

Выдѣленное изъ прошедшей черезъ машину породы—еще нечистое—золото доводится на такъ называемомъ вапгердѣ—слабо наклонной плоскости, по которой течетъ вода. Опытный рабочій, искусно маневрируя гребкомъ, заставляетъ струю воды уносить пу-

стую породу и очищать тѣмъ самымъ золото. Золото мало -по-малу выдѣляется изъ окружающей его мути, и вотъ вы видите кучку зеренъ его, величиною отъ песчинки до маленькаго самородка, сверкающую на осеннемъ солнцѣ.

Подходимъ къ разрѣзу, въ почвѣ котораго работаетъ артель старателей-казаковъ въ сто человѣкъ.

Къ управляющему промыслами, сопровождающему насъ, приближается уполномоченный артели и проситъ дать лучшее мѣсто для работъ, такъ какъ, по его словамъ, на старомъ мѣстѣ работать для артели невыгодно.

Управляющій категорически отказываетъ удовлетворить эту просьбу. Казаки тотчасъ же бросаютъ работы, и черезъ нѣсколько минутъ съ гикомъ и свистомъ вся артель въ сто человѣкъ мчится въ таратайкахъ мимо насъ, поднимая тучи пыли.

— Эти лѣнтяи рассчитывали, что въ вашемъ присутствіи я постѣсняюсь отказать имъ въ просьбѣ—говоритъ управляющій.— Но могъ ли я дать имъ лучший участокъ, когда за полдня артель намыла уже 88 золотниковъ, что даетъ заработокъ почти четыре рубля на брата. Послѣ обѣда они намыли бы еще до фунта и, слѣдовательно, каждый получилъ бы за день около восьми рублей. Но эти люди, рѣдко нуждаясь, очень дорого цѣнятъ свой трудъ. Теперь уѣхали прошивать заработанные деньги.

— Что же пьютъ казаки?

— Китайскую водку—ханшинъ. Ввозятъ ее контрабанднымъ путемъ, почему она и стоитъ дешевле нашей, да къ тому же и крѣпче.

Возвращаемся въ промысловый поселокъ, расположенный на склонѣ горы съ обширнымъ видомъ на окрестныя безлѣсныя желтыя сопки, напоминающія видомъ и формой кондитерскіе торты и куличи.

Мое вниманіе привлекаетъ домъ изъ двухъ срубовъ, почти расколовшійся по средней линіи на двѣ половины.

— Это «игра нашей природы», смѣется управляющій.—Здѣсь, видите ли, много подземныхъ ключей, стремящихся пробиться черезъ слой вѣчной мерзлоты на поверхность по линіи меньшаго сопротивленія. Подъ домами слой мерзлоты тоньше, отчего ключи нерѣдко появляются подъ домами. Вытекающая вода замерзаетъ слоями, и растущая ледяная накипь, напирая снизу, поднимаетъ ту или другую часть дома.

— Я могу показать вамъ другой эффектъ вѣчной мерзлоты,—продолжаетъ онъ:—это грибокъ, разрушающій балки и полы въ домѣхъ.

Приходимъ въ домикъ управляющаго, и по его приглашенію я спускаюсь въ подполье. Вездѣ, гдѣ только есть дерево, видны огромныя шапки сѣровато-бѣлыхъ грибовъ; промежутки между ними усыяны тысячами бѣлыхъ иглъ. Въ воздухѣ, кромѣ сырости, пахнетъ чѣмъ-то ѣдкимъ и кислымъ.

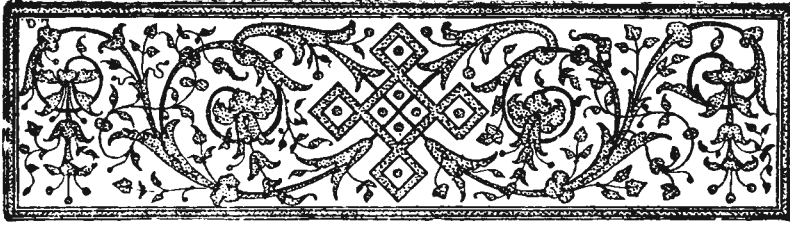
— Здѣсь въ каждомъ домѣ то же самое—разсказываетъ управляющій. Растетъ грибокъ этотъ чрезвычайно быстро и, прорастая половой настилью, появляется въ комнатахъ. За одну ночь споры гриба замѣтно покрываютъ, въ видѣ желтоватаго порошка, бѣлые карнизы печей, подоконники. Утромъ приходится прочищать ноздри, такъ какъ они дѣлаются желтыми отъ спорового порошка. Несомнѣнно, споры гриба вредны для здоровья, но уничтожить грибокъ мы не можемъ и поневолѣ миримся съ неизбежнымъ зломъ.

Стемнѣло. Я выхожу на крыльцо. Послѣ теплаго солнечнаго дня наступаетъ морозная ночь. Здѣсь, на высотѣ около 3.000 футовъ надъ уровнемъ моря, воздухъ чистъ и прозраченъ, и звѣзды сверкаютъ необыкновенно ярко. Кругомъ полная тишина, жуткое сибирское ночное безмолвіе и мракъ. Чудится, что каждый домикъ, какъ живое существо, притихъ и пугливо прячется отъ недобраго глаза.

Завтра покидаемъ этотъ край. Правда, онъ угрюмъ и непривѣтливъ, но зато чрезвычайно богатъ всякаго рода полезными ископаемыми; кажется, всѣ извѣстные минералы, кромѣ алмаза, обнаружены въ нѣдрахъ Забайкалья. Будущность края, несомнѣнно, только въ эксплуатаціи его минеральныхъ богатствъ.

В. Г. Вейденбаумъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. Бородинъ. Исторія Финляндіи. Время Екатерины II и Павла I. Съ портретами, иллюстраціями, планами и картой 1789 г. Спб. 1912. Цѣна 6 руб.

ВРЕДПРИНЯТЫЙ въ 1905 году однимъ изъ знатоковъ финляндскаго вопроса г. М. Бородинымъ обширный трудъ составить исторію постепеннаго завоеванія Финляндіи Россійскимъ государствомъ и представить вмѣстѣ съ тѣмъ картину положенія Финляндіи подъ владычествомъ Россіи—приближается довольно быстро къ концу. Остается только составить одинъ томъ, посвященный исторіи Финляндіи за время императора Николая I, и мы будемъ имѣть тогда полное изложеніе объ этомъ предметѣ отъ времени Петра I почти до нашихъ дней, такъ какъ только что изданный трудъ г. Бородинна, заглавіе котораго приведено выше, пополняетъ существовавшій до сего времени пробѣлъ въ этомъ рядѣ изданій, въ которомъ, для общей полноты, не имѣлось изложенія исторіи Финляндіи за время императрицы Екатерины II и ея державнаго сына ¹⁾. Вышедшій томъ составленъ по принятой авторомъ программѣ и отличается тѣми же достоинствами, какъ и прежде изданные, то есть въ типографскомъ отношеніи онъ совершенно удовлетворителенъ, снабженъ множествомъ портретовъ и любопытныхъ иллюстрацій, рѣдкими планами и т. д. Читается этотъ томъ также очень легко и съ большимъ интересомъ.

¹⁾ Напомнимъ при этомъ, что томъ, посвященный исторіи Финляндіи за время Петра I, вышелъ въ 1910 г., томъ за время его ближайшихъ преемниковъ до Елизаветы Петровны включительно въ томъ же 1910 г. (Затѣмъ были изданы ранѣе три тома Исторія Финляндіи при Александрѣ I въ 1909 г., при Александрѣ II въ 1908 г. и за время управленія Финляндіею генераломъ Бобриковымъ при Александрѣ III—въ 1906 году.

Авторъ только мимоходомъ упоминаетъ о мѣрахъ, принятыхъ Екатериною II къ обрусенію принадлежавшей въ то время Россіи части Финляндіи, называвшейся Выборгской губерніей, въ которой было введено тогда же и управление намѣстническое наравнѣ съ другими частями Россіи; въ присутственныхъ мѣстахъ Выборгской губерніи взамѣнъ нѣмецкаго языка водворялся русскій; предполагался переводъ шведскихъ законовъ на русскій и нѣмецкій языкъ; разныя дѣла по Выборгской губерніи рѣшались правительствующимъ сенатомъ въ Петербургѣ, и самую губернію и ея учрежденія ревизовали русскіе сенаторы. Подробнѣе о мѣрахъ обрусенія Выборгской губерніи и о положеніи ея при Екатеринѣ II и вообще исторію Выборгской губерніи за XVIII столѣтіе авторъ предполагаетъ изложить въ особомъ томѣ. Нынѣ выпедшій посвященъ по преимуществу отношеніямъ Россіи въ Швеціи за время царствованія Екатерины II, причѣмъ сообщается очень много любопытныхъ подробностей о королѣ шведскомъ Густавѣ III. Этотъ близкій родственникъ императрицы (онъ былъ ея двоюроднымъ братомъ, являясь сыномъ шведскаго короля Фридриха-Адольфа, брата матери Екатерины II, Юанны-Елизаветы, послѣ котораго и наследовалъ шведскій престолъ въ 1771 году), посѣтивъ ее въ Петербургѣ въ 1777 году подъ именемъ герцога Готландскаго, остался очень доволенъ, выражалъ письменно желаніе ее снова видѣть и въ 1783 году имѣлъ съ нею опять свиданіе, но уже въ ближайшемъ русскомъ городѣ къ шведскимъ владѣніямъ, именно въ Фридрихсгамѣ, куда отправилась 15-го іюля Екатерина II съ очень небольшою свитою. Свиданіе продолжалось не долго. Король, какъ говорили, остался чрезвычайно доволенъ своею поѣздкой, хотя и не достигъ главной своей цѣли—заключить союзъ съ Россіей на условіи предоставленія Даніи въ жертву его властолюбія и мести. Густавъ III, усиливъ свою королевскую власть введеніемъ въ 1772 году извѣстной Формы Правленія, чему вовсе не сочувствовали ни Екатерина II, ни Пруссія, ни Данія, при томъ имѣлъ честолюбивые замыслы возвратить Швеціи земли, отнятыя у нея Петромъ I и Елизаветою Петровною, возстановить славное прошлое Швеціи и своимъ царствованіемъ напомнить времена Густава-Адольфа. Онъ надѣялся своими боевыми подвигами достигъ военной славы и расположенія своего народа. Онъ скоро началъ готовиться къ войнѣ съ Россіей, самъ посѣщалъ нерѣдко Финляндію, обозрѣвалъ находившіяся тамъ войска и крѣпости, снаряжалъ свой флотъ и т. д., а между тѣмъ очень былъ недоволенъ посылкою въ 1786 года нашего генерала въ Финляндію для осмотра укрѣпленій, а также для разузнанія о настроеніи умовъ ея жителей. Продолжая увѣрять Екатерину II въ своемъ миролюбіи, онъ отправилъ въ Петербургъ своего лазутчика барона А. Л. Штирнелда, получившаго отъ нашего посла въ Стокгольмѣ графа Анд. Кир. Разумовскаго рекомендательное письмо къ вице-канцлеру Остерману, съ описаніемъ Штирнелда, какъ выдающагося патріота, предназначеннаго играть политическую роль у себя на родинѣ. Въ Остзейскій край Густавъ III послалъ ловкаго Іоганна-Альберта Эренстрема разузнать достовѣрно, можетъ ли Швеція, въ случаѣ войны съ Россіей, извлечь себѣ пользу изъ дворянства Лифляндіи и Эстляндіи. О приготовленіяхъ Швеціи къ войнѣ съ нами доносилъ не разъ графъ Разумовскій, добавляя, что Густавъ III намѣревается для нападенія на

Росію воспользоваться войною нашою съ Турціею, но этимъ словамъ не придавалъ значенія въ Петербургѣ и до того упорно держались мнѣнія, что шведы воевать съ нами не будутъ, что часть флота нашего изъ Кронштадта была отправлена къ берегамъ Даніи. Между тѣмъ въ Стокгольмѣ главный совѣтникъ короля по военнымъ дѣламъ Толль составилъ планъ войны съ Россіею, по которому надлежало сдѣлать нападеніе прямо на самый Петербургъ, для чего предварительно разбить флотъ русскій на морѣ и затѣмъ высадить армію въ Ораніенбаумѣ, послѣ чего откроется возможность, въ дни общаго переполоха, взять Кронштадтъ и Петербургъ. Густавъ III изъ депешъ своего посланника Нолькена въ Петербургъ, зналъ очень хорошо, что главныя силы Россіи были отправлены на турецкій театръ военныхъ дѣйствій и что въ окрестностяхъ столицы оставался самый небольшой гарнизонъ. Вооруженія Густава III приближались къ концу; оставалось только найти поводъ къ началу войны съ Россіею и получить согласіе риксдага для открытія наступательныхъ военныхъ дѣйствій. Путемъ депешъ отъ Нолькена, составленныхъ по указаніямъ Густава III, было получено отъ риксдага необходимое согласіе въ маѣ мѣсяцѣ 1788 года, и затѣмъ послѣдшнею произведена мобилизація арміи и флота предписано быть готовымъ къ выходу въ море не позже 30-го мая. Флотъ вышелъ въ море подъ начальствомъ брата короля Карла, герцога Зюдерманландскаго, котораго Густавъ III просилъ при случаѣ доставить ему подходящий поводъ для началія военныхъ дѣйствій. Въ то же время Густавъ писалъ своему посланнику въ Копенгагенѣ и выставлялъ Россію, какъ несомнѣнную зачинщицу войны, потому что она стала вооружаться ранѣе шведовъ. Императрица Екатерина II твердо рѣшила не начинать войны и поводовъ къ разрыву не давала. Бездѣ былъ воспрещенъ первый выстрѣлъ съ нашей стороны. Даже запрещено было на биржѣ, въ клубахъ и трактирахъ говорить о дѣлахъ политическихъ, о распоряженіяхъ военныхъ и умножать неосновательныя и неприличныя толки, чтобы не подать повода къ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Кромѣ того, видя, что Швеція явно готовится къ войнѣ съ Россіею, въ Петербургѣ прискивали способъ отклонить оную, рассчитывая повліять на короля возбужденіемъ оппозиціи и указаніемъ на конституцію Швеціи. Согласно такимъ указаніямъ была составлена графомъ А. К. Разумовскимъ извѣстная его записка, переданная 7-го (18-го) іюня шведскому министру иностранныхъ дѣлъ. Густавъ III очень этому обрадовался и писалъ Г. М. Армфельту: «Графъ Разумовскій представилъ намъ дружественную ноту, но какъ въ нее, къ счастью, вкралось выраженіе, которое, повидимому, отдѣляетъ короля отъ націи, то мы воспользуемся этимъ, чтобы опредѣлить нашу позицію.... Госпожа Екатерина не желаетъ воевать съ нами, но дѣло дойдетъ во войны,—вѣрьте мнѣ, отъ судьбы не уйдешь».

Густавъ III приказалъ объявить графу Разумовскому, что онъ удивленъ и оскорбленъ непристойнымъ и противнымъ спокойствію государства заявленіемъ съ его стороны и не можетъ отнынѣ признавать графа Разумовскаго долге посланникомъ Россіи, предоставляя себѣ по прибытіи въ Финляндію отвѣчать императрицѣ чрезъ шведскаго посланника, находящагося въ Петербургѣ. Теперь же король требуетъ, чтобы графъ Разумовскій не имѣлъ болѣе никакихъ

сношеній съ шведскими министрами и выѣхалъ изъ Швеціи не позже, чѣмъ черезъ недѣлю, въ разсужденіе того, что въ представленіи его нарушены начальныя основанія правленія и должное уваженіе въ королевской особѣ. Мнѣнія о запискѣ графа Разумовскаго были, конечно, различны. Представители Дании (графъ Бернсторфъ) и Пруссіи (графъ Герцбергъ) не одобрили попытки его отдѣлить короля отъ его подданныхъ. При этомъ Бернсторфъ находилъ, однако, что обращеніе короля съ русскимъ министромъ безпримѣрно въ исторіи. Герцбергъ же считалъ, что Густавъ III зашелъ далеко, выславъ Разумовскаго изъ предѣловъ своего королевства. Сегюръ, французскій посланникъ, высказывалъ, что Разумовскій, будучи свидѣтелемъ всѣхъ ложныхъ слуховъ, былъ вынужденъ объявить громко не только королю, но и націи и даже всей Европѣ, что намѣренія государыни нашей клонились къ миру. Сегюръ находилъ въ этомъ дѣлѣ замѣчательнымъ то, что посолъ самодержавной государыни оказываетъ такое вниманіе къ самостоятельной націи и что король ея этимъ обижается. Екатерина II, не желавшая воевать со Швеціею, разсуждала такъ: «Что вызываетъ разрывъ? Если высылка посланника, то я сіе еще не почитаю разрывомъ; а разрывъ именую на сей случай либо объявленіе войны, либо начатіе гостилите» (*hostilité*, военныхъ дѣйствій). Густавъ III не замедлилъ изъ Финляндіи прислать обѣщанный Екатеринѣ II отвѣтъ, въ которомъ послѣ многихъ упрековъ по поводу записки Разумовскаго онъ требовалъ отъ Россіи [возмѣщенія своихъ убытковъ, разоруженія русскаго флота, увода нашихъ войскъ отъ границъ шведскихъ, съ правомъ самому остаться вооруженнымъ до заключенія Россіей мира съ Турціей, для которой онъ требуетъ Крыма, а себя—уступки на вѣчныя времена всей Финляндіи и Кареліи съ губерніей и городомъ Рексгольмомъ, такъ какъ все оное уступлено Россіи мирными трактатами Ништадскимъ и Абовскимъ, устанавливая границу по Систербекъ.

Въ письмѣ къ Нолькену, при которомъ препровождался подобный ультиматумъ къ императрицѣ, Густавъ III добавлялъ: «Изъ этихъ предложеній я не могу уступить ни единого слова... Вы должны объявить, что отвѣтъ, требуемый вами, долженъ быть простое да или нѣтъ, что это мое послѣднее слово, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта я буду считать его объявленіемъ войны» и т. д.

Эту ноту представилъ императрицѣ не самъ Нолькенъ, а состоявшій при шведскомъ посольствѣ Шлафъ. Австрійскій посолъ Кауницъ не могъ надивиться нелѣпости ноты шведской, которую императрица называла сумаспешною. Отвѣтомъ на ноту явился манифестъ 30-го іюня 1788 года, которымъ указывалось арміи нашей, здѣсь находящейся, итти подъ предводительствомъ генерала графа Мусина-Пушкина навстрѣчу нападающему на нашу область неприятелю, а флоту, подъ начальствомъ адмирала Грейга, дѣйствовать на морскія шведскія силы. Предоставляя читателямъ непосредственно самимъ ознакомиться съ весьма интересными свѣдѣніями, сообщаемыми г. М. Бородкинымъ въ новомъ его трудѣ о положеніи нашего войска въ то время, а также о всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, преимущественно на морѣ, производившихся во время этой войны, мы позволимъ себѣ въ заключеніе нашей замѣтки сообщить только слѣдующее. Военныя дѣйствія на сухомъ пути были начаты не нами; собранныя на границѣ финляндской войска наши не давали ни малѣйшаго повода

къ открытію военныхъ дѣйствій. Густавъ III переодѣль небольшою отрядъ своихъ войскъ въ русскіе мундиры и приказаль имъ напасть на своихъ же у мѣстечка Вуольтенсальми въ приходѣ Пумала 16-го—17-го (27—28) іюня 1788 г. Исторія этой стычки съ переодѣваніемъ, изложенная еще профессоромъ Брикнеромъ по письмамъ современниковъ, подтверждается также письмами Стедингга къ королю и новѣйшимъ трудомъ шведскаго историка Однера (Odhner—Sverigis Politiska Historia under Konung Gustaf III s, regering—Политическая исторія Швеціи въ царствованіе короля Густава III. Стокгольмъ. 1905 г. часть II, выпускъ V). Затѣмъ уже шведы двинулись къ крѣпости Нейшлоту на озерѣ Сайма и начали ея осаду, когда собственно война еще не была объявлена. Во время военныхъ дѣйствій въ лагерѣ шведскихъ войскъ былъ открытъ извѣстный заговоръ или конфедерація въ Аньяла, причемъ были уже обнаружены стремленія къ миру со стороны шведовъ. Этой аньяльской конфедераціи удѣлена весьма интересная глава VI. Затѣмъ произошли два морскихъ сраженія подъ Роченсальмомъ (по-шведски Свенскъ-Зундъ, а по-фински Руотенсальми), причемъ въ первомъ 13—14 августа 1789 года нашъ адмиралъ Нассау-Зигенъ совершенно разгромилъ шведскій флотъ, а затѣмъ во второмъ 28 іюня 1790 года, въ день восшествія на престолъ императрицы, тотъ же Нассау-Зигенъ потерпѣлъ, въ свою очередь, страшное пораженіе; онъ потерялъ 52 судна и 7,369 человекъ, выбывшихъ изъ строя, въ томъ числѣ 289 офицеровъ. Это сраженіе спасло Швецію отъ гибели. Густавъ III приказалъ выбить медаль въ память этого событія. Онъ мечталъ быть въ Петербургѣ и посѣтить бѣдную Екатерину, а между тѣмъ писалъ Стединггу: «пока нужно терпѣніе, а его у меня нѣтъ, потому что ж а ж д у м и р а, но его трудно достигнуть».

Военныя силы противниковъ не были еще истощены, но успѣхъ окончательно не давался ни Екатеринѣ, ни Густаву, которому наскутила война, надобли военные труды и неудобства походной жизни. Онъ послѣдовалъ совѣту испанскаго посланника въ Стокгольмѣ заключить миръ и чрезъ него сообщилъ 8-го мая 1790 года свои условія мира Екатеринѣ II, которая, въ виду надвигавшихся осложненій съ Англіею и Пруссіею и при войнѣ съ Турціей, согласилась начать мирныя со Швеціею переговоры, продолжавшіеся весьма недолго въ Верселѣ близъ Фридрихсгама. 3-го августа былъ подписанъ мирный договоръ, по которому рубежи и границы съ обѣихъ сторонъ остались на томъ же основаніи, какъ были до разрыва или до начала войны. Военнопленныхъ положено было освободить безъ выкупа. Швеціи разрѣшался безпошлинный вывозъ изъ Россіи хлѣба на 50,000 рублей. Обмѣнъ ратификацій 9-го августа былъ произведенъ съ большою торжественностью. Въ Петербургѣ празднества по случаю этого мира происходили съ 8-го по 23-го сентября. Пруссія, Англія и Турція были поражены этимъ миромъ; всѣ сомнѣвались въ его прочности. Екатерина II знала, что у Густава не было ни гроша и онъ нуждался въ субсидіяхъ, и допускала, что онъ не могъ быть доволенъ миромъ, потому что не достигъ войною своего желанія—расширить границы и получить субсидіи. Это его недовольство миромъ скоро обнаружилось. При обмѣнѣ уже ратификацій Густавъ III возбудилъ вопросъ объ урегулированіи границъ Швеціи и Россіи въ Финляндіи и выразилъ желаніе получить себѣ

устье рѣки Кюмени, Гегфорсъ, а также Роченсальмъ и Нейшлотъ. Пошли продолжительные объ этомъ переговоры, во время которыхъ Екатерина писала своему уполномоченному Стакельбергу, чтобы онъ отстранялъ эти пожеланія возможно далѣе, не рискуя, однако, ни миромъ, ни союзомъ, который мы имѣемъ заключить со шведскимъ королемъ. Она слышать не хотѣла о какомъ-либо измѣненіи границъ своихъ и высказывала самому Густаву III среди разныхъ комплиментовъ, по какому капризу онъ, смотрящій на все широко, хочетъ новыхъ границъ. «Мы не созданы, мнѣ кажется, спорить изъ-за нѣсколькихъ скалъ, а я предпочитаю сохранить, что я имѣю». Густавъ III согласился съ этими доводами, отказался отъ скалъ и, подписавъ союзный трактатъ съ Россією въ Дротнинггольмѣ въ октябрѣ 1791 года на восемь лѣтъ, сталъ получать ежегодно по триста тысячъ рублей отъ русскаго правительства!..

Мы остановились на описанныхъ событіяхъ, чтобы показать, какими любопытными подробностями изобилуетъ новое произведеніе г. М. Бородкина

П. Майковъ.

Смоленская Старина. Выпускъ второй. 1812—1912. Юбилейное изданіе смоленской ученой архивной комиссіи. Подъ редакціей правителя дѣлъ П. В. Михайлова и члена правленія Н. Н. Рѣдкова. Смоленскъ. 1912. Стр. VIII+421+XVIII. Цѣна 3 р.

Вышеназванный юбилейный сборникъ, результатъ трудовъ Н. Н. Рѣдкова и П. В. Михайлова, содержитъ въ себѣ цѣнные матеріалы по исторіи Отечественной войны въ предѣлахъ Смоленской губерніи, впервые печатаемые въ полномъ видѣ, при матеріальной поддержкѣ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ (500 р.), смоленскаго губернскаго земства (300 р.) и смоленскаго дворянства (100 р.). Всѣ напечатанные въ немъ матеріалы расположены редакторами въ такомъ порядкѣ и подъ такими заглавіями: 1) «Смоленская губернія въ эпоху Отечественной войны 1812 г.» (Приготовилъ къ печати Н. Н. Рѣдковъ); 2) «Смоленскіе партизаны въ 1812 году». (Приготовилъ къ печати Н. Н. Рѣдковъ); 3) «Священникъ Н. А. Мурзакевичъ въ 1812 году». (Приготовилъ къ печати П. В. Михайловъ) и 4) «Разказы о 1812 годѣ. (Отрывки изъ дневника А. А. Лесли)». (Приготовилъ къ печати Н. Н. Рѣдковъ).

Подъ первымъ заголовкомъ находимъ: «Дѣло о войнѣ 1812 года» и «Дѣло по отношенію сенатора Данилевскаго о доставленіи нѣкоторыхъ свѣдѣній относящихся къ обстоятельствамъ Отечественной войны 1812 года». Оба эти «дѣла»; сохранившіяся: одно въ архивѣ смоленскаго дворянскаго депутатскаго собранія, а другое въ архивѣ губернскаго правленія, возникли по запросу историка Отечественной войны Михайловскаго-Данилевскаго, обращенному въ 1836 году къ смоленскому генералъ-губернатору П. Н. Дьякову, который долженъ былъ отвѣтить сенатору Данилевскому на слѣдующіе вопросы: 1) «Что происходило въ Смоленской губерніи во время нашествія непріятели, и какъ она управлялась?» 2) «Какія пожертвованія сдѣланы въ означенный годъ?» 3) «Какія она понесла потери?» 4) «Какіе частные подвиги оказаны были въ оной дворянами, крестьянами и вообще всѣми сословіями?»—Отвѣчать на эти вопросы пришлось уѣзд-

нымъ предводителямъ дворянства и городничимъ, которые, несмотря на двукратное «отношеніе» къ нимъ, ограничились сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній и частію общаго характера.

Въ десяти дѣлахъ, вошедшихъ въ составъ отдѣла: «Смоленскіе партизаны въ 1812 году», имѣются свѣдѣнія: о Павлѣ Ивановичѣ Энгельгардтѣ и Семенѣ Ивановичѣ Шубинѣ, разстрѣлянныхъ французами; о порѣчскомъ мѣщанинѣ купцѣ Петрѣ Минченковѣ, собравшемъ партію охотниковъ и съ ними защищавшемъ отъ непріятеля разныя мѣста Порѣчскаго уѣзда (между прочимъ онъ отобралъ отъ французскаго курьера важныя депеши и отбилъ у французовъ знамя одиннадцатаго полка); о прапорщикѣ Петрѣ Храповицкомъ, плѣненнымъ французами; о дворянинѣ Ив. Сем. Карминскомъ, вступившемъ въ сраженіе съ цѣлымъ отрядомъ французовъ; о понамарѣ Смирягинѣ, предводителѣ цѣлаго отряда изъ крестьянъ села Савенокъ, отбившемъ у французовъ кавалерскій знакъ и карту Россійской имперіи; колл. секретарѣ Ив. Ник. Козачковѣ, разбивавшемъ съ командою въ 42 человекъ цѣлый французскій отрядъ, и мн. др.

Въ третьемъ отдѣлѣ находимъ: «Жизнеописаніе священника Никифора Адриановича Мурзакевича, автора «Исторіи города Смоленска», составленное его сыномъ, протоіереемъ Іоанномъ Мурзакевичемъ, и «Дѣло о священникахъ Мурзакевичѣ и Соколовѣ и протоіерѣ Поликарпѣ Звѣревѣ»¹⁾. Последнее возникло по навѣту объ измѣнѣ названныхъ лицъ и тянулось два года (1813—1814 г.). Дѣло это довольно обширное и раздѣлено редакторами на пять главъ, характеризующихъ до нѣкоторой степени его содержаніе: возникновеніе дѣла, слѣдственная часть дѣла, преданіе обвиняемыхъ суду, дѣло обвиняемыхъ въ комиссіи сенаторовъ и въ уголовномъ судѣ и возстановленіе оправданныхъ въ ихъ правахъ.

Последній отдѣлъ матеріаловъ, составляющихъ «Разказы о 1812 годѣ. (Отрывки изъ дневника А. А. Лесли)». Авторъ этого дневника, Александръ Александровичъ Лесли, извѣстный мѣстный дѣятель, род. въ 1810 г., умеръ въ 1877 г., вѣлъ его съ 1851 г. по годъ смерти и подъ разными годами рассказывалъ объ эпизодахъ двѣнадцатаго года. Конечно, документальной точности искать здѣсь нельзя, но многое изъ рассказовъ его отца и дядей заслуживаетъ вниманія. Отецъ его Александръ Михайловичъ Лесли (род. 1781 г., ум. въ 1856 г.) былъ однимъ изъ четырехъ братьевъ-партизановъ 1812 года.

Помимо этихъ матеріаловъ, въ сборникѣ нашли мѣсто еще: «Воспоминанія прихожанъ Петропавловской города Смоленска церкви о 1812 годѣ», записанныя и сообщенныя П. С. Цвѣтковымъ, и «Село Семлево въ 1812 году», Е. Н. Клетневой, настаивающей, несмотря на свои безрезультатныя развѣдки, на томъ, что въ Семлевскомъ озерѣ «или на пути отъ Семлева до Словокова» потоплены французами старинныя воинскіе доспѣхи изъ московскаго арсенала.

Сборникъ снабженъ двумя указателями: 1) именъ личныхъ и 2) предметовъ и географическихъ названій, и двадцатью «снимками», изъ которыхъ назовемъ

¹⁾ Въ прим. на стр. 174 редакторы сообщаютъ, что изложеніе этого дѣла и біографія Н. А. Мурзакевича были напечатаны И. И. Орловскимъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1903 г., № 4—6), но я не нашелъ этого въ названномъ журналѣ ни въ 1903 г., ни въ одномъ изъ другихъ годовъ. В. Р.

хотя бы нѣкоторые: 1) памятникъ 1812 г., открытый въ 1841 г.; 2) Александръ I въ Смоленскѣ 9-го іюля 1812 г., съ картины В. И. Мушкетова; 3) Александръ Дмитріевичъ Лесли; 4) казнь П. И. Энгельгардта и С. И. Шубина, 15 октября 1812 года, съ картины В. И. Мушкетова; 5) памятникъ П. И. Энгельгардту и С. И. Шубину съ видомъ на Малаховскія ворота; 6) священникъ Н. А. Мурзакевичъ; 7) встрѣча Н. А. Мурзакевича съ Наполеономъ 28 октября 1812 г., съ картины В. И. Мушкетова; 8) домъ Н. А. Мурзакевича и памятникъ на его могилѣ; 9) въѣздъ Наполеона въ Смоленскъ черезъ Никольскія ворота 6-го августа 1812 г., съ картины В. И. Мушкетова; 10) Наполеонъ въ смоленскомъ Успенскомъ соборѣ 7-го августа 1812 г., съ картины В. И. Мушкетова, и 11) отъѣздъ Наполеона изъ Смоленска 2-го ноября 1812 г., съ картины В. И. Мушкетова.

Въ виду обилія матеріаловъ по исторіи Отечественной войны въ смоленскомъ архивѣ, какъ о томъ заявили въ предисловіи редакторы, остается только пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ второго выпуска этого юбилейнаго изданія.

В. Рудаковъ.

Описаніе греческихъ рукописей монастыря святой Екатерины на Синаѣ. Томъ I. Замѣчательныя рукописи въ библіотекѣ Синайскаго монастыря и Синаеджуванійскаго подворья (въ Каирѣ), описанныя архимандритомъ Порфиріемъ (Успенскимъ). Изданіе императорской академіи наукъ, подъ редакціей и съ дополненіями В. Н. Бенешевича. Спб. 1911. Стр. XXVIII+663. Цѣна 3 руб.

Было время, когда между далекимъ Синаемъ, этой «богошественной горой», связанной съ красивыми ветхозавѣтными легендами и умирительными повѣстями о подвигахъ пустынниковъ,—и между Московской Русью шли близкія сношенія. На Синай отправлялись паломники, привозили оттуда святыни и впечатлѣнія пути, которыя затѣмъ повѣряли бумагѣ. Въ Москву пріѣзжали синайскіе старцы за сборомъ милостыни, рассказывали русскимъ людямъ диковинныя вещи о «незнаемой» землѣ, о своеобразной природѣ, о строгихъ монастырскихъ порядкахъ,—и люди книжные записывали рѣчи одинаковыхъ по вѣрѣ и чужихъ по укладу жизни пріѣзжихъ синаитовъ. Пожертвованія текли отъ добротныхъ даяній старой благочестивой Руси, и, вернувшись, старцы рассказывали своей братіи о столь же диковинныхъ по жизненному укладу и обычаямъ единовѣрныхъ «московитахъ».

Времена измѣнились, и слѣдъ связей былыхъ вѣковъ уже собранной и богатой Москвы съ уединеннымъ Синаемъ сохранился только въ памятникахъ письменности. Изученіе ихъ могло бы составить предметъ интереснѣйшаго историко-культурнаго изслѣдованія. Оно не уступало бы по своей важности, пожалуй, изслѣдованію о такихъ же сношеніяхъ старой Руси съ Палестиной, Аеономъ, Царьградомъ, а сравнительная бѣдность источниковъ по исторіи сношеній Руси и Синая дѣлаетъ болѣе цѣннымъ всякаго рода книжный матеріалъ. Кое-что въ этой области сдѣлано уже епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ, посѣтившимъ Синай въ 1845 и 1850 гг., архимандритомъ Антониномъ

(Капустинимъ) и нѣкоторыми другими учеными. Въ числѣ работъ, оставшихся послѣ смерти этого рѣдкаго у насъ архіерея-болландиста, одно изъ первыхъ мѣстъ по своей научной цѣнности занимаютъ замѣтки о греческихъ рукописяхъ Синайскаго монастыря св. Екатерины, выписки, снимки. Приглашенный нашей академіей наукъ для редактированія этихъ замѣтокъ профессоръ В. Н. Бенешевичъ нашелъ необходимымъ сдѣлать не только мелкія дополненія и необходимыя поправки. Если обратить вниманіе на то, что въ изданной книгѣ принадлежитъ епископу Порфирію, и что сдѣлано редакторомъ, то впечатлѣніе получится неожиданное: работа перваго составляетъ скорѣе только канву для серьезныхъ наблюденій нашего выдающагося византиниста.

А синайскія рукописи представляютъ выдающійся интересъ.

Въ древнія времена синайская письменность стояла на высотѣ, пользовалась авторитетомъ даже въ такихъ центрахъ византійской образованности, какими были Константинополь или Аѳонъ. Литературная работа не ограничивалась одной перепиской, передѣлкой и коллекціонерствомъ, т. е. составленіемъ сборниковъ. Для исторіи аскетизма, напримѣръ, синаиты шли во главѣ характернаго для XIV вѣка движенія, которое охватило весь православный Востокъ, расцвѣло у болгаръ, позднѣе отразилось у насъ, главнымъ образомъ, въ писаніяхъ Нила Сорскаго, старца Артемія, позднѣе — Паисія Величковскаго. Поэтому и описаніе синайскихъ библиотекъ представляетъ интересъ не только для одной византійской литературы.

Описаніе это является кстати еще потому, что богатѣйшая раньше библиотека долгое время была въ полномъ пренебреженіи, и правъ В. Н. Бенешевичъ, когда говоритъ, что «вплоть до второй половины XIX вѣка исторія библиотеки Синайскаго монастыря есть по преимуществу исторія ея расхищенія; интересъ къ этой исторіи, самъ по себѣ значительный, вызывается еще и тѣмъ, что она помогаетъ объяснить намъ исторію образованія рукописныхъ собраній Европы». Слухи о богатствѣ книгохранилищъ далекаго монастыря давно уже дошли до западно-европейскихъ ученыхъ. Еще въ XVII вѣкѣ французское правительство поручало своимъ агентамъ пріобрѣтать на Синаѣ рукописи для королевской библиотеки, и первое описаніе ихъ сдѣлано было польскимъ монахомъ около 1429 года. Часть рукописей была привезена въ Валахію для господаря Маврокордато, человѣка очень образованнаго, одного изъ блестящихъ гуманистовъ на Балканахъ XVII вѣка; въ крупнѣйшихъ западныхъ библиотекахъ рукописи синайскаго происхожденія насчитываются сотнями и составляютъ нерѣдко лучшіе экземпляры. Но и то, что почему-нибудь осталось еще въ монастырѣ, составило бы гордость любой изъ западныхъ библиотекъ.

В. Бенешевичъ положилъ много труда на описаніе рукописей, приводитъ цѣльныя выписки, въ приложеніи издаетъ цѣликомъ нѣсколько произведеній. Для палеографіи незамѣнимы снимки нѣкоторыхъ рукописей, въ томъ числѣ очень древнихъ.

И. А.

Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода, съ указателями къ ней. Дѣла комиссіи духовныхъ училищъ 1808—1839 гг. Спб. 1910. Стран. XI + 964. Цѣна 4 руб. 50 коп.

«Опись документовъ и дѣлъ»—это новый родъ изданій архива и библиотеки святѣйшаго синода, отличающийся отъ «Описанія» тѣмъ, что вмѣсто подробнаго изложенія содержанія всего дѣла помѣщается лишь краткій заголовокъ дѣла. Въ такого рода изданіяхъ громадное значеніе имѣютъ присоединяемые къ описи подробные и строго систематично составленные алфавитные личный и предметный указатели къ дѣламъ учрежденія за 30 лѣтъ его существованія. Вотъ это соединеніе въ одномъ томѣ цѣлыхъ 30 лѣтъ съ 11467 сохранившимися до настоящаго времени дѣлами служить большимъ плюсомъ для преимущества «Описей» предъ «Описаніями». Намъ кажется, что въ концѣ концовъ и «Описи» будутъ вытѣснены подробными систематическими указателями.

Разсматриваемому тому «Описи» документовъ и дѣлъ существовавшаго 30 лѣтъ особаго самостоятельнаго учрежденія—комиссіи духовныхъ училищъ—предшествуетъ помѣщенный полностью «Докладъ комитета объ усовершеніи духовныхъ училищъ и начертаніе правилъ объ образованіи сихъ училищъ и содержанія духовенства, при церквахъ служащаго, съ приложеніемъ именныхъ высочайшихъ указовъ, по сему предмету послѣдовавшихъ», а также списки членовъ комиссіи, составъ и штаты канцеляріи комиссіи и указаніе литературы по духовно-учебной реформѣ 1808—1814 гг. Реформа духовно-учебныхъ заведеній вводилась постепенно: въ 1809 году реформированъ петербургскій духовно-учебный округъ, въ 1814 году московскій, въ 1817 году кievскій (но кievская духовная академія преобразована въ 1819 году) и въ 1818 году казанскій. Въ дѣлю комиссіи духовныхъ училищъ подлежали: устройство духовно-учебныхъ заведеній и школьной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, созданіе фонда на содержаніе учебныхъ заведеній и завѣдываніе этимъ фондомъ, достигшимъ 50 слишкомъ милліоновъ рублей и служившимъ не только на покрытіе расходовъ по духовно-учебнымъ заведеніямъ, но и на поддержку архіерейскихъ домовъ, духовенства, миссій, монастырей, церквей и др. Кромѣ денегъ, комиссія оставила въ наслѣдство своимъ преемникамъ 3 духовныхъ академіи, 44 семинаріи, 172 уѣздныхъ и 190 приходскихъ училищъ съ 62143 учащимися въ нихъ. Вся жизнь этихъ сотенъ учебныхъ заведеній съ десятками тысячъ учащихся и учащихся отражается въ описанныхъ 11467 дѣлахъ комиссіи и проходитъ предъ читателемъ со всѣми ея радостями и печалями, наглядно изображая заботы начальства о просвѣщеніи дѣтей духовенства.

Изданная «Опись документовъ и дѣлъ комиссіи духовныхъ училищъ» служитъ къ возбужденію интереса къ минувшей жизни и дѣятельности духовно-учебныхъ заведеній особенно въ дни вѣковыхъ ихъ юбилеевъ (одни уже справили свои юбилей въ 1909 году, другіе готовятся къ имѣющимъ быть юбилеямъ въ 1814, 1817 и 1818 гг.) и большимъ подспорьемъ при составленіи историческихъ очерковъ этихъ рассадниковъ духовнаго просвѣщенія. Изъ существующихъ нынѣ духовно-учебныхъ заведеній, за исключеніемъ духовныхъ академій, далеко не всѣ составили и издали въ свѣтъ историческіе очерки своей

жизни и дѣятельности,—такъ изъ 57 нынѣшнихъ духовныхъ семинарій большая половина не имѣетъ такихъ изданій, а изъ 188 существующихъ нынѣ духовныхъ училищъ можно насчитать развѣ десятокъ-другой такихъ, о которыхъ составлены историческіе очерки и записки. Пусть же настоящее изданіе и приближающіеся вѣковые юбилеи еще разъ напомнятъ начальствующимъ духовно-учебныхъ заведеній, что пора братья за перо и писать ихъ исторію, тѣмъ болѣе что матеріалы и источники опубликованы и открыты для пользованія ими.

М—ловъ.

Полоцко-Витебская старина. Изданіе витебской ученой архивной комиссіи. Кн. 1. Витебскъ. 1911. Цѣна 1 р. 25 к.

Настоящая книга, изданная на средства Ив. Хрисане. Колодѣва, по содержанию раздѣляется на три части: I. Статьи научнаго содержанія. II. Современная полоцко-витебская лѣтопись. III. Приложенія—отчеты за два года существованія комиссіи (1909—1911 г.г.) и денежный за первый годъ жизни ея.

Часть первая открывается трудомъ почтеннаго А. П. Салунова—«Историческій очеркъ Витебской Бѣлоруссіи». Далѣе слѣдуютъ: «Памятники церковной старины въ Витебской губерніи и ихъ охраненіе» П. М. Красовицкаго,—«Спасо-Преображенскій монастырь въ городѣ Витебскѣ» И. Ф. Токмакова,—«Грюнвальдскій бой и его значеніе для славянъ» П. А. Крачковскаго,—«В. О. Ключевскій...» Н. Н. Богородскаго,—«Ода на посѣщеніе полоцкаго главнаго народнаго училища бѣлорусскимъ генераль-губернаторомъ 7-го декабря 1789 г., составленная учителемъ этого училища Ив. Сокольскимъ», и М. А. Мельниковой—«Дѣло о сооруженіи монументовъ въ Витебской губерніи въ память 1812 г.» и «Матеріалы для исторіи Отечественной войны». Изъ числа этихъ работъ выдѣляется статья г. Красовицкаго по вопросу о сохраненіи памятниковъ церковной старины, настоятельно требующихъ безотлагательнаго упорядоченія со стороны духовнаго вѣдомства, въ рукахъ котораго находятся эти памятники. Читая эту статью, болѣешь сердцемъ и душою за тѣ всѣ пертурбаціи, какія приходится выносить на своихъ плечахъ церковно-археологическимъ памятникамъ и ихъ спасателямъ и охранителямъ.

Вторую часть составили статьи и замѣтки: «Н. Я. Никифоровскій» (некрологъ), В. К. Стукалича,—«О достопамятныхъ Спасо-Евфросиньевскихъ дняхъ въ Полоцкѣ» и «Семидесятипятилѣтіе полоцкаго кадетскаго корпуса» Н. Н. Кайгородова,—«Памяти дѣйствительнаго члена И. И. Долгова» Д. С. Леонардова,—«Открытие витебскаго учительскаго института и реальнаго училища»,—«Торжественное засѣданіе... комиссіи, посвященное памяти почетнаго члена комиссіи предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина» и «Витебскія торжества 26-го и 27-го октября 1911 г. по случаю закладки памятника героямъ Отечественной войны 1812 г. и открытія витебскаго отдѣленія московскаго археологическаго института»—С. П. Сахарова.

Первая книга «Старины» въ сущности является второй: въ 1910 г. комиссіей издана первая книга «Трудовъ». Стоило ли перемѣнять заглавіе книги только лишь потому, что «отъ наблюденія... комиссіи не ускользнуло значеніе вѣко-

торыхъ современныхъ, переживаемыхъ нами событій», въ составъ же первой книги «Трудовъ»... вошли статьи исключительно научнаго содержанія... и прежнее названіе вполнѣ выражало его содержаніе»,—вѣдь, не въ названіяхъ дѣло.

Задачи, которыя комиссія намѣтила для будущаго, велики и намъ остается пожелать ей выполнить ихъ, не отвлекаясь въ стороны отъ разъ намѣченной цѣли. Такъ, хотя и интересный, докладъ г. Змигродзкаго «О польскомъ флотѣ», но къ Витебской губерніи не относящійся, болѣе умѣстенъ въ какомъ-либо польскомъ научномъ обществѣ, чѣмъ въ русской архивной комиссіи, къ тому же не богатой научными силами. Правда, и сама комиссія, повидимому, не нашла возможнымъ включить его въ свои «Труды», а издала отдѣльной маленькой брошюрой подъ заглавіемъ: «Польскій военный флотъ, докладъ дѣйствительнаго члена витебской ученой архивной комиссіи К. А. Змигродзкаго, читанный въ засѣданіи комиссіи 23-го января 1911 г.»

Д. В.

Матеріалы для исторіи дворянства Петербургской губерніи. Изданіе петербургскаго дворянства подъ редакціей графа Алексѣя А. Бобринскаго. Т. II. Дѣятельность собраній дворянства. Вып. 1. Ополченіе 1812 года. По источникамъ, собраннымъ А. А. Мироновымъ. 1912. XIV+452 стр.

Исторія дворянства въ приснопамятную эпоху двѣнадцатаго года, когда каждый дворянинъ приглашался стать княземъ Пожарскимъ, увеличилась еще однимъ трудомъ—А. А. Миронова о дѣятельности петербургскаго ополченія.

Петербургское дворянство въ тотъ разоренный годъ выставило около 13.000 ратниковъ. Дружины этого ополченія принимали живое участіе въ дѣлахъ подъ Полоцкомъ, Чашниками, Смольнею, Витебскомъ, Ст. Борисовымъ, на берегахъ Березины, подъ Данцигомъ. Въ этихъ дѣлахъ изъ 12.985 ратниковъ 373 было убито, 318 пропало безъ вѣсти, 467 ранено. Это и была искупительная жертва петербургскаго дворянства кровавому богу войны.

Ополченцы проявили рядъ подвиговъ. И правъ составитель въ своемъ введеніи, говоря, что такой-то «съ особенной храбростію поощрялъ подчиненныхъ къ приступу на батареи», или «перевязывалъ раненыхъ подъ непріятельскимъ огнемъ», или «обстрѣливалъ непріатели въ цѣпи, взявъ ружье убитаго ратника». Поэтому исторія ополченія поневолѣ сводится къ исторіи героическихъ подвиговъ, и вышедшая книга является «вѣнкомъ у забытыхъ могилъ героевъ, далеко за предѣлами родины прославившихъ самоотверженную дѣятельность ополченія петербургскаго дворянства».

Авторъ успѣшно справился со своею задачею и написалъ книгу вполнѣ доступную для чтенія среднему человѣку. Трудъ автора въ значительной долѣ облегчался прекрасными воспоминаніями барона Штейнгеля, Зотова и Мамышева. Книга украшена многими иллюстраціями, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма интересны,—напримѣръ, раскрашенная гравюра, изображающая возвращеніе ополченія въ Петербургъ.

Къ книгѣ приложены краткія біографическія свѣдѣнія о свыше 600 лицахъ, служившихъ въ ополченіи. Авторъ ограничился въ этихъ біографіяхъ только временемъ ихъ службы въ ополченіи, но и въ такомъ видѣ біографіи занимають 200 страницъ.

Авторъ потратилъ на составленіе объемистаго очерка много времени, проявивъ и добросовѣстность, и усидчивость. А этого нельзя не привѣтствовать...

М. С.

А. Григоровичъ. Исторія 13-го драгунскаго Военнаго Ордена генераль-фельд-маршала Миниха полка. Т. II. 1809—1840 г.г. 1912.

Кажется, кануло въ лету то время, когда послѣ выхода какой-либо полковой исторіи задавался вопросъ: къ чему сіе? А теперь, вѣроятно, никто не станетъ оспаривать пользу, интересъ и значеніе полковой исторіографіи, которая далеко вышла изъ рамокъ своихъ специальныхъ задачъ и заслуживаетъ вниманія не только своихъ однополчанъ, но и большого круга постороннихъ читателей.

Конечно, составленіе полковой исторіи не всегда подъ силу строевому офицеру, ибо не въ каждомъ полку могутъ найтись Вс. Крестовскій (ямбургскій уланъ) или Гербель (изюмскій гусарь). Отъ полкового историка требуется и научная подготовка, и архивная опытность, и литературное перо. Поэтому за послѣднее время появляются специалисты, которые по порученію полка или, чаще всего, шефа полка, приглашаются для составленія полковой исторіи. Но иногда и изъ офицеровъ полка выискивается такой ревнитель старины и трудолюбивый работникъ, которому подъ силу подъять на свои рамена бремя полкового исторіографа.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и полковникъ А. И. Григоровичъ, бывший орденскій драгунъ, а нынѣ бібліотекаръ главнаго управленія генеральнаго штаба. Къ своей задачѣ онъ отнесся въ высшей степени добросовѣстно и усердно. Подробно описавъ боевыя дѣйствія полка, авторъ весьма картинно нарисовалъ мирный бытъ полка, что обыкновенно составляетъ блѣлое пятно въ прочихъ полковыхъ исторіяхъ, такъ какъ официальные документы для этой стороны исторіи блѣдны и суховаты, а записокъ или дневниковъ современниковъ не имѣется. Г. Григоровичъ съ рѣдкимъ упорствомъ предпринялъ анкету бывшихъ однополчанъ, разыскалъ переписку Фета, нѣкогда служившаго въ полку, и, благодаря своей настойчивости, могъ нарисовать яркую картину полкового быта. И въ этомъ большая заслуга автора.

У насъ до сего времени принято считать Николаевское время какимъ-то сумеречнымъ, удушающимъ. Но посмотрите, какія идиллическія картинки развертываютъ передъ читателемъ записки бывшихъ однополчанъ. Особенно колоритна была жизнь полка при командирѣ полковникѣ свѣтлѣйшемъ князѣ В. Д. Голицынѣ. На дворѣ дома, занимаемаго княземъ, стоялъ огромный самоваръ; нижніе чины имѣли право заходить въ любое время и спрашивать чай и булки. Послѣ обѣда, часа въ три, Голицынъ совершалъ обычную прогулку по городу. Тутъ часто онъ покупалъ первымъ встрѣтившимся солдатѣ-

камъ то перчатки и носки, то холщевыя брюки. Походы совершались съ удивительнымъ подъемомъ духа. Трубачи чередовались съ пѣсенниками. Былъ даже случай, что одинъ кирасиръ проплясалъ трепака на разстояніи версты, во всемъ походномъ снаряженіи; а въ то время вѣсъ кирасы былъ 35 фунтовъ, каски—12 фунтовъ, палаша—15 фунтовъ. Подобныхъ эпизодовъ много, и всѣ они съ любовью написаны авторомъ одинъ за другимъ.

Представляя въ историческомъ отношеніи добросовѣстный трудъ, второй томъ исторіи г. Григоровича заслуживаетъ похвалы и въ смыслѣ внѣшности. Здѣсь нѣтъ виньетокъ, состряпанныхъ неумѣлою рукою самоучекъ-однополчанъ, помѣщаемыхъ нерѣдко въ подобныхъ изданіяхъ. Г. Григоровичъ со вкусомъ выбралъ виньетки изъ лучшихъ изданій того времени, что и дѣлаетъ ему честь.

Въ общемъ, о второмъ томѣ исторіи орденцевъ можно отозваться только одобрительно, какъ о вполне добросовѣстной и честно выполненной работѣ.

М. С.

А. Ѳ. Шидловскій. Шпицбергенъ въ русской исторіи и литературѣ. Краткій историческій очеркъ русскихъ плаваній и промысловъ на Шпицбергенѣ и подробный указатель литературы и архивныхъ дѣлъ, относящихся къ этимъ вопросамъ. Спб. 1912. Стр. 64. Цѣна 75 коп.

Въ новомъ трудѣ А. Ѳ. Шидловскаго, посвященномъ Шпицбергену или Грументу, какъ называлось въ старину это исконное русское владѣніе нашими промышленниками, указанъ по строгой системѣ громадный литературный и архивный матеріалъ о нашей забытой сѣверной окраинѣ. Кромѣ тщательнаго подбора работъ по этому предмету изъ литературы русской и иностранной, составитель настоящаго указателя произвелъ описъ архивныхъ дѣлъ и документовъ, касающихся Шпицбергена, воспользовавшись богатымъ Sarsellie Register въ Копенгагенѣ, а особенно русскими архивами морского министерства, департамента таможенныхъ сборовъ въ Петербургѣ, главнаго управленія землеустройства и земледѣлія и архивомъ губернскаго правленія въ Архангельскѣ. Къ указателю приложенъ историческій очеркъ русскихъ плаваній и промысловъ на Шпицбергенѣ. Безъ сомнѣнія, настоящій трудъ А. Ѳ. Шидловскаго, много поработавшаго по изслѣдованію русскаго Сѣвера, заслуживаетъ большаго вниманія и много облегчитъ занимающимся въ этой области изученія далекой сѣверной окраины, гдѣ нѣтъ еще пока мѣста для русской предприимчивости, но гдѣ уже шведы, норвежцы, англичане, американцы занялись усиленною эксплоатаціей природныхъ богатствъ этого края.

М. М. М.

Суздаль и его достопамятности. Изданіе владимирской губернской ученой архивной комиссіи. М. 1912. Стр. 76. Іп. 4°. Цѣна не обозначена. (Въ XIV книгѣ «Трудовъ» комиссіи).

Въ городѣ Суздаль, въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, покоится прахъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, вождя народнаго ополченія 1612 г., положившаго конецъ смутѣ и подготовившаго начало новому царствованію

дома Романовыхъ. Въ виду наступившаго трехсотлѣтня освобожденія Москвы отъ поляковъ и приближающагося трехсотлѣтня избранія на престолъ Михаила Феодоровича Романова, владимирская ученая архивная коммиссія издала выше-названный трудъ, половину котораго составляетъ описаніе Спасо-Евфиміева монастыря, какъ обители, особо чтимой въ родѣ князей Пожарскихъ, и какъ мѣста упокоенія князя Д. М. Пожарскаго.

Въ первой половинѣ труда (на 37 стр.) представлена исторія города Суздаля и Суздальскаго княжества до послѣднихъ дней, конечно, въ общихъ чертахъ, и описаны древнѣйшіе памятники города: соборный храмъ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы (XII в.), Ризположенскій женскій монастырь (основанъ въ 1207 году) и Покровскій женскій монастырь, созданіе суздальскаго князя Андрея Константиновича (1364 г.). Исторія Спасо-Евфиміева или Спасскаго монастыря раздѣлена на три главы: 1) собственно исторія монастыря, 2) храмы, ризница, библиотека и архивъ въ немъ и 3) князя Пожарскіе въ отношеніи къ Спасо-Евфиміеву монастырю. Живое, точное и обстоятельное изложеніе сопровождается прекрасно выполненными иллюстраціями и рисунками, числомъ 55, благодаря чему изданный владимирской архивной коммиссіей трудъ долженъ встрѣтить широкій пріемъ, тѣмъ болѣе, что о Суздаль и его достопамятностяхъ въ общей печати послѣ 1885 года, когда былъ открытъ памятникъ на могилѣ Д. М. Пожарскаго, не говорилось почти ничего даже и тогда, когда въ 1905 году Спасо-Евфиміевъ монастырь пересталъ быть «монастыремъ-крѣпостью».

Въ одномъ только позволю себѣ упрекнуть издателей: торопясь, они забыли привести оглавленіе и даже указаніе на количество иллюстрацій, не говоря уже о перечнѣ послѣднихъ.

В. Рудаковъ.

Э. Кисъ. Основныя черты современнаго масонства. Спб. Стр. 139. Цѣна 1 р.

Еще одна книжечка на модный вопросъ. На этотъ разъ—страстная аполлогія масонства.

Свѣтло-зеленая обложка украшена распространеннымъ масонскимъ символомъ—пятиконечной звѣздой. Перевертываю страницу, и на совершенно чистомъ бѣломъ листѣ снова повторена пятиконечная звѣзда, красующаяся на обложкѣ. Полагаю, что это—для настроенія. Далѣе опять-таки на отдѣльномъ листѣ повторено заглавіе лишь съ маленькимъ добавленіемъ: «переводъ съ французскаго». Вотъ какъ, переводъ, значить! А почему бы не упомянуть объ этомъ на обложкѣ, видной чрезъ стекло магазинныхъ оконъ? Вѣдь далеко не всѣ охотники до переводовъ; много зависитъ отъ того, каковъ переводъ; настоящій же переводъ, нужно сознаться, оставляетъ желать очень и очень многого.

Перелистываю страницу за страницей въ поискахъ за «основными чертами современнаго масонства» и убѣждаюсь, что заглавіе книжки — символическое и его можно понимать и толковать, какъ угодно. Пользуясь устарѣлыми печатными источниками, авторъ на протяженіи 139 страницъ заставляеть читателя

совершать утомительнѣйшее и скучнѣйшее путешествіе въ глубь временъ еще до царенія премудраго Соломона и слѣдить за насажденіемъ масонства по всей вселенной. Однако авторъ—плохой проводникъ, неточно изучилъ пути и такъ часто съ него сбивается, что становится скучно и досадно. Путаница цифръ, шумиха словъ!..

Почитаемъ, что новаго скажетъ намъ книжечка 1913 г. о масонствѣ въ Россіи. Немного! Вотъ страница 45 и 46: «Доказано, что въ Петербургѣ ложа была основана въ 1750 г...» Кто доказалъ? Кѣмъ основана? Какая ложа? Все это остается тайною автора, поясненія нѣтъ. Далѣе: «Извѣстно, что императрица (Екатерина II) благосклонно относилась къ организациі въ теченіе большей части своего правленія и что если она обнаруживала къ масонству враждебность, начиная съ 1794 г., то все же преслѣдованій не было». О благосклонности спорить не буду, это—понятіе растяжимое, но о датахъ—позвольте сдѣлать замѣчаніе. Репрессивныя мѣры противъ дѣятельности масоновъ, главнымъ образомъ московскихъ, составлявшихъ кружокъ Новикова, начались съ конца 1784 г., а 1 августа 1792 г. императрица подписала указъ, которымъ глава московскихъ масоновъ извѣстнѣйшій Николай Ивановичъ Новиковъ былъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ. Кружокъ разсѣялся, ссылки въ свои помѣстья подверглись еще два дѣятеля князь Н. Н. Трубецкой и И. П. Тургеневъ. Ложи продолжали свои работы лишь въ тайнѣ, и многіе масоны заколебались въ вѣрности ордену. Откуда же этотъ 1794 годъ у автора и его 15 лѣтъ, будто тогда работавшихъ. Все невѣрно! Относительно масонства въ время императора Александра I свѣдѣнія въ книжечкѣ ограничиваются семью строками, но и въ нихъ авторъ ухитрился сдѣлать ошибку, такъ какъ высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ графа В. П. Кочубея о запрещеніи ложъ послѣдовалъ не 12-го, а 1-го августа 1822 года.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ въ Россіи былъ напечатанъ переводъ со второго изданія Финделя «Исторія франкмасонства», гдѣ приведены свѣдѣнія касательно Россіи. Теперь же публикѣ преподносится книжечка, авторъ которой настолько несвѣдушъ о масонствѣ, что не знаетъ даже тѣхъ популярнѣйшихъ книгъ, которыя были напечатаны полвѣка назадъ. Кому и для чего нужна такая книжечка?

Я не могу въ краткой рецензіи перечислить всѣ неточности, невѣрности этой книжки, даже не стоящей подобнаго труда, но не могу не выразить удивленія, что переводчикъ, очевидно, считавшій книжку заслуживающей перевода и распространенія, не провѣрилъ хотя бы приведенныхъ о Россіи свѣдѣній и не снялъ съ себя краткими примѣчаніями обвиненія въ полномъ незнакомствѣ съ предметомъ. Это, впрочемъ, видно и по терминамъ, имъ употребляемымъ такъ, ложа называется имъ регулярною, тогда какъ существуетъ установленная выраженіе въ русскомъ масонствѣ—ложа законная, совершенная и справедливая и т. п. Но для этого слѣдовало бы переводчику кое-что знать, прочитать, а спрашивается: для чего? И такъ сойдемъ...

Тира Околовская.

Современная война. Ф. фонъ-Бернгарди. Переводъ съ нѣмецкаго гг. Адариди и Лазаревича. Слб. 1912 г. Т. I. Стр. 245 Ц. 1 р. 75 к.. Т. II. Стр. 333. Ц. 2 р.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ недавно появились въ русскомъ переводѣ два объемистыхъ тома сочиненія, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ извѣстнымъ генераломъ германской арміи Бернгарди. Книга эта, прекрасно переведенная специалистами (гг. Адариди и Лазаревичемъ), помимо высокаго военного интереса, знакомитъ читателя со взглядомъ вліятельныхъ германскихъ военныхъ сферъ на политическое значеніе и роль Германіи съ ея сильною арміею въ средѣ европейскихъ государствъ. Сочиненіе Бернгарди раздѣляется на двѣ части: въ первомъ томѣ излагаются тѣ принципы, которые служатъ основою военному искусству и которыми необходимо руководствоваться на практикѣ; дается оцѣнка опыту и «предвидѣнію», проводится граница между непреложными истинами и перемѣнными данными; наконецъ, обсуждаются средства, примѣняемыя въ современной войнѣ и ихъ характерныя особенности. Во второмъ томѣ разсматривается современный бой и соотношеніе между наступленіемъ и обороною, а также развиваются тѣ основанія, которыми придется руководствоваться «въ будущемъ». Рядомъ съ этими чисто военными вопросами, одинъ перечень которыхъ указываетъ на ихъ высокій интересъ для военного человѣка, авторъ съ суровою прямою солдата разбираетъ политическое положеніе Германіи, указываетъ на необходимость для нея территоріальныхъ пріобрѣтеній и необходимость занять господствующее положеніе въ Европѣ, сообразное съ развитіемъ ея моральныхъ и матеріальныхъ силъ и средствъ. «Эти стремленія,—говоритъ авторъ,—не могутъ не встрѣтить противодѣйствія со стороны наиболѣе сильныхъ европейскихъ государствъ. Франція стремится отомстить за 1870—1871 гг. съ тѣмъ, чтобы занять свое прежнее первенствующее положеніе, въ интересахъ Россіи—помѣшать дальнѣйшему развитію нашего могущества съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти полную свободу дѣйствій на Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ; весьма возможно также, что она мечтаетъ о господствѣ на Балтійскомъ морѣ; если она въ настоящее время проявляетъ сдержанность, обусловленную ея ослабленіемъ послѣднихъ лѣтъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что рано или поздно она возвратится къ политикѣ расширенія своей власти. Наконецъ, на ряду съ Франціей, особенною враждебностью къ намъ отличается Англія. Колоссальное развитіе нашихъ промышленности и торговли можетъ со временемъ оказаться опаснымъ для ея міровой торговли; быстрое развитіе нашего торговаго флота считается по ту сторону канала постоянною угрозою, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если бы Англія была втянута въ большую войну. Необходимо считаться съ тѣмъ, что Англія будетъ противодействовать каждой серьезной попыткѣ расширенія нѣмецкаго могущества. Можетъ случиться, что намъ придется безъ союзниковъ бороться со всѣми этими противниками. Съ этимъ намъ приходится считаться, такъ какъ тройственный союзъ имѣетъ оборонительный характеръ: въ силу союзнаго договора Австрія и Италія вовсе не обязаны поддерживать насъ «во всѣхъ случаяхъ». Не въ ихъ интересахъ поддерживать міровую германскую политику, разъ это покажется имъ невыгоднымъ. Такимъ образомъ, намъ приходится разсчиты-

вать только на собственные силы, отъ состоянія которыхъ зависитъ не только наше будущее положеніе, но даже и настоящее». вмѣстѣ съ этимъ авторъ даетъ рѣзкую оцѣнку стремленіямъ пацифистовъ и надеждамъ на третейское разбирательство. «Не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ онъ:—что въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, будто война является устарѣлымъ средствомъ воздѣйствія, недостойнымъ культурнаго народа. Мечты о всеобщемъ мирѣ охватили широкіе круги населенія Стараго и въ особенности Новаго Свѣта. Прежде носителями идеи всеобщаго братства были нѣсколько утопистовъ, теперь же ею увлекаются правительства могущественныхъ государствъ, драпирующіяся въ тогу высшей гуманности. Они стремятся устранить самую возможность войны путемъ третейскаго разбирательства, подчиняться которому обязуются договаривающіяся государства. На самомъ дѣлѣ такіе договоры, исполненіе которыхъ фактически ничѣмъ не обезпечено, не только не ведутъ къ уничтоженію войны, но, наоборотъ, способствуютъ ихъ возникновенію. Въ силу этого германцамъ не должно поддаваться увлеченію такими мирными стремленіями, и они обязаны постоянно имѣть въ виду, что ни одно третейское разбирательство въ мірѣ не можетъ устранить тѣхъ недоразумѣній, въ основѣ которыхъ лежитъ націоналистическое, экономическое или политическое соперничество, и что никакими искусственными мѣрами нельзя удержать территорію отъ раздѣленія и измѣненія. Если мы желаемъ пріобрѣсти то положеніе, которое соотвѣтствуетъ мощи нашего народа, то обязаны отказаться отъ всякихъ мирныхъ утопій, разсчитывать только на силу нашего оружія и смѣло смотрѣть опасности въ глаза». Затѣмъ, предполагая, что Германія не можетъ имѣть превосходства ни въ численномъ отношеніи противъ европейской коалиціи, ни вообще перегнать своихъ соперниковъ въ дѣлѣ техническихъ усовершенствованій, авторъ рекомендуетъ германской арміи сохранить за собою «духовное превосходство, силу воли и искусство веденія войны», чтобы всѣмъ этимъ выполнить вѣроятную свою слабость въ матеріальномъ отношеніи. Цѣль книги Бернгарди заключается именно въ томъ, чтобы возможно шире распространить въ массахъ пониманіе сущности военнаго дѣла и требованій, предъявляемыхъ современною войною, тогда, по его мнѣнію, будетъ достигнуто единство въ дѣйствіяхъ всѣхъ частей арміи и преимущество ихъ надъ противникомъ. Огромная эрудиція автора, его ясная логика, а въ особенности темпераментъ и «неодолимое стремленіе къ наступленію», которымъ проникнуто все его ученіе, дѣлаютъ книгу Бернгарди богатымъ вкладомъ въ военную литературу, а изученіе ея, какъ выраженіе современныхъ взглядовъ нѣмцевъ, необходимымъ для всякаго образованнаго челоука. Генераль Бернгарди прямоудшно и ясно заявилъ о «правѣ» Германіи, какъ наиболѣе жизнеспособной націи, на господство надъ всѣми другими и о призваніи ея осуществить это «право», не стѣсняясь ни трактатами, ни международнымъ правомъ, ни христіанскимъ ученіемъ. Въ высшихъ сферахъ Берлина, по мнѣнію освѣдомленныхъ круговъ, нынѣ борются два направленія, различныя между собою не въ цѣли, а въ средствахъ. Первое, опирающееся на колоссальные успѣхи нѣмцевъ во всѣхъ отрасляхъ матеріальной и интеллектуальной жизни, полагаетъ, что Германія мирными путями идетъ къ владычеству надъ Европой и можетъ прибѣгнуть къ силѣ оружія

лишь въ крайнемъ случаѣ; представителемъ этого направленія считается канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ, и оно пользуется личнымъ сочувствіемъ императора Вильгельма. Другое направленіе, считающее мирное завоеваніе Европы не только слишкомъ медленнымъ, но и дающимъ время другимъ державамъ облизаться и приготовиться къ отпору, представлено, главнымъ образомъ, адмираломъ Тирпицемъ, ведущимъ систематическую агитацію въ пользу быстрого созданія флота и усиленія арміи для единовременной развязки; къ этому направленію, повидимому, примыкаетъ кронпринцъ и Кидерленъ-Вехтеръ. Книга Бернгарди написана именно для поддержанія второго направленія и для вѣдренія въ рядахъ арміи идеи «неодолимаго стремленія къ наступленію». Свое сочиненіе Бернгарди заканчиваетъ слѣдующими словами: «Я вѣрю въ германскую націю; я вѣрю, что ей предопредѣлена великая будущность и что она призвана сыграть великую роль въ исторіи человѣчества. Но она тогда лишь окажется на высотѣ своей задачи, когда напряжетъ до высшаго предѣла свою военную мощь и когда ея политика, стремящаяся къ высшимъ цѣлямъ, не убоится самыхъ опасныхъ путей и признаетъ ту истину, что какъ на войнѣ, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ государствъ только желаніе и дѣйствіе даютъ великіе результаты». Изъ этого краткаго изложенія книги Бернгарди видно ея не только важное военное, но и политическое значеніе и въ виду этого нельзя не пожелать ей возможнаго распространенія въ большихъ кругахъ читающей публики.

Л. Н.

Записка главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ о поѣздкѣ въ Туркестанскій край въ 1912 г. Стр. 88.

Въ исторіи великихъ событій не разъ игралъ первостепенную роль случай. Быть можетъ, въ исторіи Туркестана сыграетъ такую роль пресловутый конфликтъ съ Америкой. Этотъ конфликтъ заставилъ обратить особенное вниманіе на Туркестанъ, гдѣ отечественное хлопководство можетъ принять крупныя размѣры. Вниманіе же общества и оскорбленное національное достоинство являются твердою опорой для испрошенія необходимыхъ кредитовъ на развитіе русскаго хлопководства. Правительству предстала задача составить планъ мѣропріятій, направленныхъ къ расширенію посѣвовъ хлопка. Планъ этотъ въ связи съ освѣщеніемъ современнаго состоянія хлопководства въ краѣ содержитъ въ себѣ записка главы сельскохозяйственнаго вѣдомства, лично посѣтившаго Туркестанъ весной текущаго года.

Площадь хлопковыхъ плантацій въ Туркестанѣ достигаетъ теперь четырехсотъ тысячъ десятинъ. Туркестанъ, съ Хивой и Бухарой, даетъ уже почти половину всего нужнаго Россіи хлопка: до одиннадцати милліоновъ пудовъ. За остальную половину американцы собираютъ съ русскаго потребителя крупную дань въ семьдесятъ-восемьдесятъ милліоновъ рублей. Возможно ли, однако, настолько развить русское хлопковое хозяйство (въ Туркестанѣ и Закавказьѣ), чтобъ обезпечить потребности нашей хлопчатобумажной промышленности, не покупая хлопка у Америки? Записка главноуправляющаго внушаетъ надежду на то, что это возможно. Прежде всего возможно увеличить сборъ хлопка безъ но-

ваго орошенія. «На драгоцѣнныхъ поливныхъ земляхъ Туркестана,—говорится въ запискѣ,—зерновые посѣвы все еще преобладаютъ надъ хлопкомъ, несмотря на то, что урожаи пшеницы, во много разъ менѣе цѣнной, оказываются иногда,—напримѣръ, на солончаковыхъ земляхъ,—даже по количеству ниже, чѣмъ урожаи хлопка». Устранить причины, которыя препятствуютъ вытѣсненію хлѣба хлопкомъ,—вотъ первая задача, разрѣшеніе которой благотворно повліяетъ на судьбу хлопковой культуры. Задача эта разрѣшается распространеніемъ земледѣлія на неполивныхъ земляхъ, на которыхъ невозможно хлопководство; далѣе—проведеніемъ желѣзной дороги Арысь—Вѣрный, такъ какъ эта дорога ввозомъ семирѣченскаго хлѣба обезпечитъ южной полосѣ Туркестана возможность заняться свойственными ей цѣнными культурами, не заботясь о продовольствіи». Наконецъ, возможно еще пониженіе тарифа на оренбургскій хлѣбъ и развитіе мѣстныхъ путей сообщенія для облегченія доставки привознаго хлѣба въ сторону отъ желѣзной дороги и для облегченія ввоза хлопка. Мѣропріятія эти выполнимы и при томъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, а не десятилѣтій. Необходимы затѣмъ и другія мѣры—облегченіе мелкаго кредита и замѣна ручнаго труда машинною обработкою, въ виду недостатка въ Туркестанѣ рабочихъ рукъ. Все это, какъ осторожно исчисляется въ «Запискѣ», можетъ «на первое время прибавить къ существующимъ въ край 400,000 десятинъ хлопковаго посѣва еще приблизительно около 200 тысячъ десятинъ, т. е. примѣрно дать четыре-пять милліоновъ лишнихъ пудовъ чистаго волокна ежегодно». Мѣрами агрономической помощи,—напримѣръ, подборомъ сѣмянъ и удобреніемъ хлопковыхъ плантацій жмыхами, которые возвращаютъ почвѣ всѣ питательныя вещества, унесенныя изъ нея хлопчатникомъ можно, въ послѣдствіи еще болѣе увеличить производство хлопка, не прибѣгая къ дорого стоящему орошенію новыхъ земель.

Но, «учитывая неизбежное увеличеніе спроса на хлопокъ, нельзя не прійти къ заключенію, что безъ орошенія новыхъ земель намъ всего нужнаго количества хлопка не добыть». Подсчеты, производимые въ Туркестанѣ особо гидротрическою организаціею, выяснили, что имѣющихся тамъ водныхъ запасовъ достаточно для орошенія «въ однихъ только хлопковыхъ районахъ еще не менѣе трехъ милліоновъ десятинъ земли, т. е. площади, равной существующему орошенному Туркестану». Такимъ образомъ можетъ быть «второй Туркестанъ». Это болѣе трудное, но и болѣе вѣрное средство расширить площадь хлопковой культуры должно быть выполнено какъ на средства казны, такъ и путемъ привлеченія частной предпримчивости. «Записка» и здѣсь на ряду съ крупными оросительными работами намѣчаетъ рядъ болѣе мелкихъ, легче выполнимыхъ, а именно исправленіе существующей сѣти арыковъ и каналовъ, устройство простѣйшихъ оросительныхъ сооружений и, наконецъ, разрѣшеніе частнымъ предпринимателямъ приступить къ работамъ до законодательнаго утвержденія типа нормальнаго договора объ условіяхъ орошенія и о правахъ на орошенную землю. Что касается крупныхъ сооружений, то здѣсь записка предполагаетъ прежде всего закончить начатыя работы въ Голодной степи. Срокомъ ихъ окончанія назначено 1-го января 1915 г.

Таковъ планъ мѣропріятій по развитію хлопковой культуры въ краѣ. Но съ вопросомъ о расширеніи хлопковой культуры и площади богарныхъ посѣвовъ связывается другой вопросъ: кто будетъ заселять эти площади? «Заселеніе Туркестана русскими людьми было выдвинуто, какъ прямая задача государственной власти, непосредственно послѣ присоединенія края. Болѣе сорока лѣтъ, почти полвѣка, дано было на разрѣшеніе этой задачи. Но въ итогѣ мы почти не приблизились къ ея разрѣшенію». Тѣмъ болѣе настоятельно подвинуть русское заселеніе края теперь, когда, въ связи съ развитіемъ хлопководства, на Туркестанѣ будетъ израсходовано много милліоновъ рублей, собираемыхъ съ русскаго центра. Замѣтные успѣхи дѣло русскаго заселенія начинаетъ дѣлать какъ разъ съ 1912 года. 19 декабря 1910 г. былъ изданъ законъ о переходѣ въ вѣдѣніе главнаго управленія землеустройства и земледѣлія излишнихъ для кочевниковъ Туркестана земель. Въ 1911 г. на основаніи этого закона была расширена землеотводная дѣятельность въ Туркестанѣ; участки образованы пока преимущественно въ районѣ будущей желѣзной дороги Арысь—Вѣрный. Черезъ нѣсколько лѣтъ съ тою же изумительною быстротой, съ какою растутъ въ Туркестанѣ высокіе тополя, вырастутъ тамъ десятки тысячъ русскихъ хуторовъ. Предполагается передавать русскимъ засельщикамъ и «ватныя» земли. Практика показала, что русскіе быстро усваиваютъ новые, болѣе совершенные приемы хлопководства и нерѣдко ведутъ хлопковое хозяйство лучше сартовъ, которые связаны привычками своихъ отцовъ. «Надѣльные земли предполагается передавать крестьянамъ въ собственность на выгодныхъ условіяхъ выкупа, но съ требованіемъ обязательнаго разведенія цѣнныхъ культуръ. Для увеличенія площади русскаго землевладѣнія въ краѣ предполагается еще открыть тамъ отдѣленіе Крестьянскаго Банка.

Таково главное содержаніе записки. Въ ней затронуто попутно множество сложныхъ, требующихъ спеціальнаго разрѣшенія вопросовъ. Можно ли понизить тарифъ на оренбургскій хлѣбъ? Какъ организовать мелкій кредитъ? Убыточенъ ли Туркестанъ въ настоящее время?—всѣ эти вопросы получаютъ въ запискѣ вполне оправдываемое и болѣе общими задачами «легкое» освѣщеніе. Какія измѣненія необходимо внести въ проектъ воднаго закона? На какихъ условіяхъ допустить «приступъ» къ работамъ по орошенію частныхъ предпринимателей, при отсутствіи закона объ условіяхъ эксплоатаціи ими орошенныхъ земель?—Эти вопросы остаются открытыми.

Цѣнность записки въ томъ общемъ планѣ сельско-хозяйственныхъ мѣръ, которыя въ связи съ русскимъ заселеніемъ должны привести къ желаемому результату—расширенію хлопководства. Планъ этотъ отличается цѣльностью и ясностью, а изложеніе его поразительно выпукло и увлекательно. Тонъ записки, при осторожности ея выводовъ, звучитъ бодрящимъ искреннимъ оптимизмомъ.

«Что дали Туркестану русскіе?

«Твердую, справедливую власть, порядокъ, спокойствіе, собственность, обезпечившіе расцвѣтъ его производительныхъ силъ; американскій хлопчатникъ, давшій Туркестану богатство; двѣ крупнѣйшихъ желѣзныхъ дороги.

«Продолжая государственное строительство въ краѣ, должно теперь перенести его и въ область новыхъ, пока еще нетронутыхъ задачъ—орошенія и рус-

скаго заселенія; обѣ онѣ сливаются въ одну: послѣдовательнаго и упорнаго созиданія новаго русскаго Туркестана, который дастъ и весь нужный хлопокъ и много другихъ экономическихъ и политическихъ цѣнностей».

Хочется вѣрить, что эти надежды ничѣмъ не будутъ разбиты.

Г.

И. Ф. Павловскій. Краткій біографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи, съ половины XVIII вѣка. Съ портретами. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Полтава. 1912. Стр. 2+VI+238. Цѣна 1 руб.

Неутомимый изслѣдователь старины полтавской, И. Ф. Павловскій представилъ въ настоящей книжкѣ многолѣтній свой трудъ—собраніе біографій уроженцевъ Полтавской губерніи, лицъ, происходящихъ отъ того или иного сословія губерніи, и лицъ не уроженцевъ губерніи, но работавшихъ или работающихъ въ ней надъ изученіемъ мѣстной старины и вообще на литературномъ поприщѣ. За этою книжкою онъ обѣщаетъ другую, гдѣ дастъ біографіи генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, епархіальныхъ архіереевъ, служившихъ въ Полтавской губерніи, а также біографіи уроженцевъ Полтавской губерніи, занимавшихъ или занимающихъ болѣе или менѣе видныя мѣста на государственной и общественной службѣ.

Въ разсматриваемой книжкѣ помѣщено четыреста тридцать три біографіи, въ томъ числѣ сорокъ автобіографій. Конечно, біографіи эти кратки, особенно лицъ наиболѣе извѣстныхъ, но эта краткость послѣднихъ искупается указаніемъ библиографіи наиболѣе крупныхъ работъ о нихъ. Болѣе мѣста удѣляется писателямъ мало извѣстнымъ или даже впервые оповѣщаемымъ и изслѣдователямъ мѣстной исторіи, произведенія которыхъ И. Ф. Павловскій старался привести по возможности въ болѣе полномъ видѣ. Такихъ авторовъ, конечно, наибольшее число.

Небезынтересно назвать здѣсь хотя бы болѣе крупныя и выдающіяся имена изъ уроженцевъ Полтавской губерніи. Изъ представленныхъ біографій: десяти епископовъ, шести архіепископовъ, одного митрополита и восьми архимандритовъ,—уроженцами Полтавщины оказались: кіевскій митрополитъ, выдающійся проповѣдникъ Арсеній (Могилянскій), скончавшійся въ 1770 г.; епископъ тверской, а потомъ ростовскій, Аѳанасій (умеръ въ 1776 г.); епископъ воронежскій Елифаній (въ мѣрѣ Евдокимъ Канивецкій); епископъ орловскій Ириней (родился въ 1837 г.; умеръ 1904 г.); архимандритъ Паисій Величковскій (родился въ 1722 г., умеръ въ 1794 г.), извѣстный своею литературною и аскетическою дѣятельностью; тульскій архіепископъ Парѣній (въ мѣрѣ Памфилъ Левицкій, родился въ 1858 г.) и архимандритъ Сильвестръ (въ мѣрѣ Романъ Марковичъ Суходольскій, родился въ 1770 г.).

Изъ свѣтскихъ лицъ назовемъ хотя бы слѣдующихъ: извѣстнаго этнографа и беллетриста А. А. Афанасьева-Чужбинскаго; русскую художницу и автора извѣстнаго «Дневника» М. К. Башкирцеву; автора «Душеньки» И. Ѳ. Богдановича; извѣстнаго слависта О. М. Бодянскаго; историка В. А. Вильбасова; художника Вл. Л. Боровиковскаго; поэта П. И. Гибдича; Гоголя отца и сына;

композитора Н. И. Казанли; автора «Ябеды» В. В. Капниста; извѣстнаго художника Дм. Григ. Левицкаго (родился 1735 г.; умеръ 1822); нашего перваго историческаго романиста В. Т. Нарѣжнаго; извѣстнаго математика М. В. Остроградскаго; проф. А. А. Потебню; знаменитаго украинскаго философа Григ. Сав. Сковороду (родился 1726 г., ум. 1794 г.); проф. Н. И. Стороженка и проф. П. П. Чубинскаго.

Трудно себѣ представить, чтобы въ подобной работѣ, какъ разсматриваемая, не было мелкихъ промаховъ, но мы, не гоняясь за послѣдними, съ увѣренностью можемъ сказать, что эта книжка И. Ф. Павловскаго, всегда выполнявшаго свои работы съ особой тщательностью, послужитъ надежнымъ и цѣннымъ пособіемъ для біо-библиографическихъ работъ.

Къ тексту приложено всего 62 портрета. Издатель книжки архивная комиссія, за неимѣніемъ денежныхъ средствъ, обратилась съ просьбою къ живущимъ писателямъ прислать клише своихъ портретовъ; но, увы, на эту просьбу изъ «многихъ лицъ» откликнулись только 21. Очень жаль.

В. Р—въ.

Баронъ А. Н. Роппъ. Что сдѣлала третья государственная дума для народнаго образованія? Спб. 1912 . Стр. 254. Цѣна 1 р. 50 коп.

Названная книга, вызвавшая, какъ извѣстно, взрывъ негодованія со стороны нѣкоторыхъ членовъ государственной думы, добившихся объявленія выговора автору книги—дѣлопроизводителю думской комиссіи по народному образованію,—по праву должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду изданій, посвященныхъ вопросу о народномъ образованіи въ Россіи. Авторъ собралъ и систематизировалъ все то, что дала третья дума для народнаго образованія за пять лѣтъ своего существованія. Но, помимо весьма цѣнныхъ статистическихъ данныхъ, баронъ Роппъ приводитъ въ своей книгѣ нѣкоторыя наиболѣе характерныя мнѣнія и рѣчи депутатовъ, раздававшихся съ думской трибуны по вопросу о народномъ образованіи и являющіяся нагляднымъ показателемъ отношеній къ нему отдѣльныхъ политическихъ партій. Бросая ретроспективный взглядъ на дѣятельность думы, авторъ заявляетъ, что «если задаться вопросомъ, члены которой изъ политическихъ партій вынесли на своихъ плечахъ главный трудъ по вопросамъ народнаго образованія, то можно сказать съ полнымъ безпристрастіемъ, что это были октябристы». Отдавая, однако, должное и другимъ партіямъ, баронъ Роппъ приходитъ, въ заключеніе, къ выводу, что «третья государственная дума, по всей справедливости, должна быть названа думою народнаго образованія». Дѣйствительно, дѣятельность ея въ этомъ отношеніи была весьма плодотворною. Дума широко распахнула двери школы передъ дѣтьми, оставшимися за стѣнами ея, многое она сдѣлала и для русскаго учителя, котораго она вывела изъ его полунищенскаго положенія, улучшивъ въ то же время и его правовое положеніе. Не менѣе обязана третьей думѣ и русская женщина, по отношенію къ которой народное представительство проводило принципъ равноправія. Наконецъ, заслуги думы должны признать и входящія въ составъ Россіи нерусскія народности за то, что она пыталась дать имъ начальную школу на ихъ родномъ языкѣ. Однако,

въ ряду всѣхъ этихъ мѣропріятій выдѣляется законопроектъ о всеобщемъ обученіи, вызванный весьма печальнымъ состояніемъ въ Россіи дѣла начальнаго образованія. Такъ, по даннымъ министерства народнаго просвѣщенія за 1905 годъ, число общеобразовательныхъ начальныхъ училищъ этого вѣдомства къ 1906 году равнялось 45.657 съ 3.419,329 учащихя (въ томъ числѣ 2.423,704 мальчиковъ и 995,625 вѣвочекъ) при 106,306 учащихся (въ томъ числѣ 33,830 законоучителей, 35,576 учителей, 36,900 учительницъ). Число училищъ вѣдомства православнаго исповѣданія, включая сюда и школы грамоты, равнялось 42,445. Въ училищахъ этихъ было 1.967,291 учащихся (1.351,259 мальчиковъ и 616,032 дѣвочекъ), при 48,398 учащихся. Всего на училища вѣдомства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства къ 1906 году расходовалось 56.018,799 рублей, изъ которыхъ 13.532,900 руб. относились на средства казны и 42.485,899 руб. на другіе источники. Приведенное количество школъ, оказывается, далеко не отвѣчало потребности въ нихъ, такъ какъ ежегодно около 1.700,000 дѣтей школьнаго возраста (вступнаго) должны были оставаться поневолѣ за стѣнами школы. Въ одной Тамбовской губерніи число отказовъ въ образованіи оставяло отъ 50 до 90 процентовъ общаго числа желающихъ поступить въ школу.

До осуществленія же законопроекта о всеобщемъ обученіи дума всячески содѣйствовала росту начальныхъ школъ, увеличивъ школьные кредиты. Не въ лучшемъ положеніи была и средняя школа. Напримѣръ, къ 1 января 1908 года среднихъ учебныхъ заведеній было: 321 мужскихъ гимназій, 62 мужскихъ прогимназій, 232 реальныхъ училища, 605 женскихъ гимназій и 300 женскихъ прогимназій—всего 1.520 учебныхъ заведеній,—количество, крайне недостаточное. На это дума также обратила вниманіе, увеличивъ вообще кредиты на 40 милліоновъ рублей. Касаясь среднихъ учебныхъ заведеній, нельзя не привести помѣщенныя барономъ Ропшъ интересныя данныя о распредѣленіи учащихся по сословіямъ:

	Мужск. гимн.		Женск. гимн.		Реальныя учил.	
	1907 г.	1911 г.	1907 г.	1911 г.	1907 г.	1911 г.
Дѣтей дворянъ . .	11.274	11.418	11.898	15.302	4.927	4.381
» мѣщанъ . .	25.652	32.564	59.082	87.272	свѣд. нѣтъ.	
» крестьянъ .	11.792	18.762	23.486	46.085	10.639	16.182

Свѣдѣнія эти, какъ справедливо заключаетъ авторъ, обнаруживаютъ несомнѣнную демократизацію нашей средней школы, почему, по мнѣнію автора—приобрѣтаетъ особенное значеніе пожеланіе думы, чтобы дѣти бѣдныхъ крестьянъ принимались въ гимназій на стипендіи, а съ остальныхъ крестьянскихъ дѣтей плата бралась въ половинномъ размѣрѣ.

Въ общемъ, какъ это можно судить хотя бы по приведеннымъ нами даннымъ, книга барона Роппа весьма богата по содержанию: она даетъ полную картину состоянія народнаго образованія, освѣщая какъ отрицательныя, такъ равно и положительныя стороны въ постановкѣ этого дѣла, которое, какъ надѣется авторъ, благодаря думѣ скоро будетъ поставлено на одинъ уровень съ другими государствами, опередившими Россію въ просвѣщеніи.

Вит. Ткачукъ.

«Горе отъ ума». Комедія А. С. Грибоѣдова. Текстъ Жандровской рукописи. Редакція, введене и примѣчанія Н. К. Пиксанова. Изданіе Л. Э. Бухгеймъ Москва. 1912. Цѣна 3 рубля серебромъ (sic!).

Съ виду все обстоитъ внушительно и важно. Заявленіе «отъ редактора», длинное, страницъ въ семьдесятъ, «Введеніе», полный текстъ рукописи, примѣчанія, портретъ, факсимиле; читатель можетъ думать, что сдѣлано необходимое и почтенное дѣло. Что же оказывается? Если сколько-нибудь интересна находящаяся въ московскомъ историческомъ музеѣ (принадлежавшая А. А. Жандру) писарская копія «Горя отъ ума», съ нѣсколькими поправками и вставками Грибоѣдова, то развѣ только какъ реликвія, хранящая нѣсколько слѣдовъ руки замѣчательнаго писателя. Этимъ все ея значеніе исчерпывается. «Горе отъ ума» нельзя считать произведеніемъ окончательно отдѣланнымъ. Самой поздною и наиболѣе совершенной редакціей комедіи считается та, которую Грибоѣдовъ, уѣзжая въ 1828 году въ Персію, оставилъ Ѳ. В. Булгарину, и на которой надписалъ: «Горе мое поручаю Булгарину. Вѣрный другъ Грибоѣдовъ». Жандровская рукопись почти ничѣмъ не отличается отъ булгаринскаго списка. «Сопоставленіе,—говоритъ самъ г. Пиксановъ,—обнаруживаетъ, что булгаринскій списокъ такъ буквально близокъ къ жандровской рукописи, что если бы не два-три характерныхъ различія, можно было бы утверждать, что онъ скопированъ съ нея. Въ текстуальномъ отношеніи Грибоѣдовъ не произвелъ ни одного измѣненія, не прибавилъ и не убавилъ ни одного стиха, не перемѣнилъ ни одной рѣзмы, не переставилъ словъ, словомъ, оставилъ текстъ жандровской рукописи въ новомъ спискѣ въ полной неприкосновенности. Всѣ характерныя особенности грибоѣдовскаго письма строго соблюдены: то же обиліе восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ, двойныхъ и тройныхъ; тѣ же непремѣнныя тире въ концѣ стиховъ, обильныя многоточія; даже такія странности, какъ запятая или двоеточіе въ концѣ реплики. И тѣ же формы живого языка: «раде (и «ради»), два «дни», на ряду съ такими условностями, какъ «другій», «иный», «седемисотъ» и проч. Есть различія. Нѣкоторыя изъ нихъ случайны и несущественны. Обо всѣхъ такихъ разногласіяхъ—ихъ вообще немного—трудно сказать, кѣмъ они созданы: авторомъ или переписчикомъ; всего вѣроятнѣе послѣднее. Имѣются два-три случая, когда въ вариантѣ чувствуется «авторская рука»... Но—«въ сущности и всѣ замѣны второй категоріи очень незначительны». Единственный выводъ, который можно сдѣлать на основаніи жандровскаго списка,—это тотъ, что текстъ, авторизованный Грибоѣдовымъ, передавшимъ его Булгарину въ 1828 году, установился не позднѣе 1824 года, когда Грибоѣдовъ пересмотрѣлъ жандровскую копію. Вотъ и все. Ради этого не стоило переиздавать документъ, не имѣющій никакого литературнаго значенія, и проявленное г. Пиксановымъ благоговѣніе, съ которымъ онъ стремился воспроизвести какъ можно точнѣе мелкія описки и ошибки, которыя самъ склоненъ приписывать безграмотному кописту, весьма комично. Для этого онъ даже примѣнилъ приемъ, состоящій въ томъ, что если въ подлинникѣ какое-нибудь слово или буква зачеркнуты, то и въ печатномъ воспроизведеніи они представлены зачеркнутыми; поправки надъ строкой такъ и печа-

тается надъ строкой. Въ предисловіи г. Пиксановъ съ гордостью объявляетъ, что самъ додумался до этого мудраго способа. Возможно, что это правда. Если судья Ляпкинь-Тяпкинь собственнымъ умомъ до сотворенія міра дошелъ, такъ отчего г. Пиксанову нельзя было дойти до идеи менѣе сложной, путемъ той же ляпкинь-тяпкинской эрудиціи и интуиціи? Только въ печати уже указывалось, что этимъ приѣмомъ, правда, безъ всякаго прилива гордости, пользовался покойный академикъ Я. К. Гротъ, труды котораго вовсе не забыты читателями.

Вообще, когда подходишь къ такимъ проявленіямъ самодовлѣющаго педантизма, этого истиннаго «искусства для искусства», и смѣшного буквѣдства, образы и символы Гоголя сами приходятъ на память. Правду говорилъ Сквозникъ-Дмухановскій: «только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ— и нанесутъ всякой дряни!» Памятникъ Грибоѣдову постигла та же печальная участь. Читаешь эти тупоумныя примѣчанія: «въ славѣ «здоровье» е было переправлено карандашомъ на я, потомъ эта буква вновь зачеркнута, и поставлено опять е» или: «въ концѣ стиха можно предполагать знакъ препинанія, обрѣзанный переплетчикомъ», и диву даешься, — до чего можетъ доходить псевдонаучное толченіе воды въ ступѣ, плодящее «труды», изъ которыхъ ровно ничего не слѣдуетъ и которые никому ни на что не нужны.

Н. Л.

А. Заринъ. Три волшебныхъ волоса. Старая сказка на новый ладъ. Съ 28 рисунками. Изданіе т-ва А. С. Суворина. Спб. 1912. Стр. 142. Цѣна 1 р.

Какъ особая разновидность серьезной художественной беллетристики, существуютъ многочисленныя беллетристическія произведенія для такъ называемаго «легкаго чтенія». Критика обыкновенно не обращаетъ на нихъ своего вниманія, не считая ихъ даже вообще подходящими подъ понятіе «литература», и въ лучшемъ случаѣ достаиваетъ сочиненія подобнаго характера короткой отрицательной рецензіи. Успѣхъ, который имѣютъ эти произведенія въ широкой массѣ читателей, объясняется поддѣлываніемъ подъ грубые вкусы «улицы». И это дѣйствительно такъ и бываетъ, но все же такъ строго и безпощадно относиться къ нимъ нельзя, если принять во вниманіе, гдѣ, какъ и кѣмъ читаются эти книги. Въ поѣздѣ или на пароходѣ, послѣ обѣда, вечеркомъ за чаемъ, смотря на книжку «легкаго чтенія», какъ на бездѣлку, ея читатель просто отдыхаетъ за ней отъ той серьезной, дѣловой суетолики, которая заполняетъ всѣ его дни. И если такая книжка «легкаго чтенія» заинтересуетъ его, возбудитъ въ немъ нѣкоторыя симпатіи къ книгѣ вообще, натолкнетъ его на нѣкоторыя мысли, авторъ можетъ считать свою задачу выполненною; это все, что можетъ сдѣлать «легкое чтеніе». Конечно, далеко не всѣ книги этого рода отвѣчаютъ названымъ скромнымъ требованіямъ, но иногда попадаются счастливыя явленія. Недурнымъ образцомъ такого «легкаго чтенія» является новая книжечка А. Зарина «Три волшебныхъ волоса». Занимательная фабула, веселое изящное изложеніе, множество истинно-комическихъ положеній, отсутствіе грубыхъ рискованныхъ сценъ и, наконецъ, хорошее гуманное настроеніе, которое чув-

ствуется во всей книгѣ,—вотъ достоинства, которыя заставляютъ насъ отмѣтить новое произведеніе А. Зарина. Заканчивая свою «сказку», авторъ обращается къ читателю со словами, которыя по глубокой гуманной идеѣ, вложенной въ нихъ, подходятъ не къ одному только «легкому чтенію». Онъ пишетъ: «... если теперь я слышу рассказы о чѣмъ-нибудь глубокомъ паденіи, слышу вздохи сожалѣнія и слова: «ему ужъ нѣтъ возврата»,—я вспоминаю рассказъ про три волшебные волоса и говорю:—Не вѣрю! Нѣтъ такого паденія, изъ глубины котораго не могъ бы подняться человѣкъ! Нѣтъ такой грязи, отъ которой не могъ бы человѣкъ очистить свою душу, чтобы опять смѣло и прямо смотрѣть въ глаза честнымъ людямъ! И если онъ самъ слабъ, чтобы совершить это,—помогите ему»...

Издана книжечка г. Зарина очень изящно, украшена многими рисунками, но цѣна ея высока.

М—ко.

А. А. Измайловъ. Рассказы. Изд. «Шиповникъ». Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Имя Измайлова не принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ литературныхъ именъ, которыя такъ часто по нынѣшнимъ временамъ сразу разгораются въ звѣзды большой величины и нерѣдко пользуются раздутою популярностью, наоборотъ,—Измайловъ обидно не извѣстенъ въ широкихъ читательскихъ кругахъ. Если еще многіе изъ читателей знаютъ Измайлова какъ талантливаго злободневнаго литературнаго критика, юмориста и ѣдкаго пародиста, то имя Измайлова-беллетриста почти никому ничего не говоритъ. Что за причина этому, сказать трудно: то ли, что беллетристическія свои вещицы авторъ не проводилъ черезъ горнило толстыхъ журналовъ, и до сихъ поръ еще являющихся своего рода рекомендательнымъ письмомъ для автора, виною ли тому темы, съ которыми оперируетъ беллетристъ Измайловъ, виновата ли здѣсь, наконецъ, та особенность автора, которую онъ самъ опредѣляетъ терминомъ «внѣ приходности»—непринадлежности ни къ какому литературному приходу,—но налицо тотъ фактъ, что Измайловъ-беллетристъ, быть можетъ, для многихъ изъ читателей теперь, съ выходомъ рецензируемаго томика его рассказовъ въ изданіи солидной, популярной фирмы «Шиповника», будетъ совершенною новинкою; а между тѣмъ по числу это уже шестой беллетристическій сборникъ нашего автора. Всѣ предыдущіе беллетристическіе сборники Измайлова—«Черный воронъ», «Въ бурѣ», «Рыбе слово», «Осени мертвой цвѣты запоздалые» и «Ураганъ»,—прошли совершенно незамѣченными большою публикой, несмотря на теплые отзывы о нихъ въ печати, и только для одного изъ сборниковъ, кажется, потребовалось второе изданіе.

Такое читательское равнодушіе къ беллетристической работѣ автора, быть можетъ, отчасти отразилось и на его плодовитости въ этой области: въ началѣ литературной дѣятельности Измайлова сборники его рассказовъ появлялись значительно чаще, лежащій же передъ нами сборникъ отдѣленъ отъ предыдущаго значительнымъ промежуткомъ времени. И беллетристъ Измайловъ въ послѣдніе годы все больше и больше уступаетъ мѣсто Измайлову—литературному критику.

Что же является наиболее характерным для литературной физиономии Измайлова-беллетриста? Главное его амплуа, которым он и дебютировалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ,—это бытописание нашего духовенства отъ низшихъ и до высшихъ іерархическихъ ступеней его. Здѣсь Измайловъ у себя дома, и его беллетристическія вещицы, бытописующія духовный мірокъ, сами по себѣ заслуживаютъ ему громкую извѣстность. Весьма странно и удивительно поэтому, что рядъ славной плеяды беллетристовъ-изобразителей духовной среды, начиная съ Помяловскаго, Лѣскова, Потапенка,—заканчивается обычно Гусевымъ-Оренбургскимъ и Елеонскимъ, а Измайловъ, нисколько не уступающій, по крайней мѣрѣ, двумъ послѣднимъ беллетристамъ въ яркости и красочности выводимыхъ имъ духовныхъ персонажей,—какъ-то не находитъ здѣсь себѣ мѣста. Своеобразная жизнь церковнаго погоста, такъ часто переливающаяся въ анекдотъ, психологія различныхъ типовъ изъ духовнаго мірка, начиная отъ захудалаго деревенскаго дьячка и кончая стоящимъ на вершинѣ іерархической лѣстницы архіереемъ,—все это находитъ себѣ въ Измайловѣ проникновеннаго и талантливаго изобразителя.

Въ разсматриваемомъ сборникѣ персонажамъ изъ духовнаго міра посвящено нѣсколько рассказовъ. Такъ, въ рассказѣ «Юмористъ» архіерей Парфеній, случайно оказавшійся на своемъ отвѣтственномъ посту, тяготится своимъ настоящимъ положеніемъ, съ грустью вспоминаетъ о быломъ, скромномъ житіи въ роли протопопа захудалаго городишки и радъ случаю встрѣтиться съ «счастливымъ» человѣкомъ, юмористомъ дьякономъ Филантроповымъ. На минуту проясняется чело тяготящагося своею золоченою митрою Парфенія, когда онъ случайно наблюдаетъ, съ какимъ молодымъ жаромъ отдается Филантроповъ дѣтской игрѣ въ рухи, и, очутившись снова среди своихъ скучныхъ дѣлъ, Парфеній съ пріятностью вспоминаетъ объ этомъ оригиналѣ, деревенскомъ дьяконѣ, въ противоположность ему, архіерею, столь легко и радостно несущемъ свою «ношу міра сего».

Въ рассказѣ «Второй Шалапинъ» соборный провинціальный дьяконъ, Кириакъ Двукраевъ, загорается желаніемъ послушать знаменитаго артиста, навѣстившаго его родной городъ. Рискованное предпріятіе Двукраева увѣнчивается успѣхомъ, хотя и дорогою цѣною страшной нервной встряски приходится заплатить дьякону за полученное имъ удовольствіе.

Въ другихъ своихъ рассказахъ отъ этихъ чисто бытовыхъ картинокъ Измайловъ, какъ это ни странно, переноситъ вниманіе читателя къ вопросамъ и темамъ совсѣмъ иного рода. Очень влекутъ къ себѣ автора сюжеты, затрагивающіе тайну духа въ жизни природы и характеръ которыхъ опредѣляется подзаголовкомъ; «изъ книги мистическихъ рассказовъ».

О такой неразрѣшимой загадкѣ повѣствуется, на примѣръ, въ рассказѣ «Фениксъ», въ которомъ авторъ заинтересовываетъ читателя вопросомъ о такъ называемыхъ двойникахъ и двойникахъ не только физическихъ, но и духовныхъ, когда черты и особенности одного человѣка чуть ли не черезъ столѣтіе возрождаются со всѣми подробностями въ другомъ.

Въ фантастическомъ рассказѣ «Призрачный часъ» доцентъ Крематорскій, нервно переутомившійся надъ работою о старомъ Петербургѣ, въ бѣлую ночь

галюцинируетъ на улицахъ Петербурга и попадаетъ подъ автомобиль. Выздоровѣвши, онъ не можетъ отдать себѣ отчета въ томъ, была ли закончившаяся столь печально для него встрѣча со строителемъ академіи художествъ Кокориннымъ подлинной реальной встрѣчей, или это былъ лишь больной кошмаръ.

Есть, наконецъ, и еще одна область художественнаго проникновенія, въ которой беллетристъ Измайловъ оперируетъ особенно охотно, а беллетристическія вещицы выходятъ у автора необыкновенно изящными и тонко-художественными. Область эта—моменты ажурно-тонкихъ, еле уловимыхъ раскрытій и духовнаго сближенія мужчины съ женщиной. Правда, въ предыдущихъ сборникахъ Измайлова такого рода рассказы были и болѣе типичны и чаще встрѣчались, въ разсматриваемомъ же сборникѣ къ подобнаго рода рассказамъ можетъ быть отнесенъ, напримѣръ, рассказъ «Послѣ двѣнадцатой ночи».

Мы не станемъ передавать содержанія остальныхъ рассказовъ сборника: сюжеты всѣхъ ихъ болѣе или менѣе интересны и оригинальны. Рассказовъ въ сборникѣ тринадцать. Написаны они всѣ чеканно-чистымъ стилемъ, во многихъ мѣстахъ дающимъ почувствовать, что авторъ ихъ всецѣло принадлежитъ къ чеховской школѣ, и лишь кое-гдѣ замѣтенъ на стилѣ налетъ новѣйшаго модернизма («изъ ресторана выплеснулась группа людей», «снѣгъ плевалъ прямо...»).

Думается намъ, что съ выходомъ настоящаго сборника имя беллетриста Измайлова станетъ болѣе популярнымъ въ широкой публикѣ и завоюетъ себѣ надлежащее мѣсто въ ряду современныхъ беллетристовъ.

А. Леп—скій.

Ариадій Прессъ. Въ царствѣ книгъ. Очерки и портреты, съ иллюстраціями. Томъ I и II. Спб. 1912. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

При настоящемъ состояніи литературы, вообще крайне сложной, но, кромѣ того, постоянно разрастающейся, весьма полезными являются книги, подобныя той, которая написана г. Прессомъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это своего рода путеводитель по вершинамъ изящной и исторической литературы. Но при указанномъ характерѣ онъ, однако, лишенъ сухости и дѣловитости справочниковъ. Г. Прессъ обладаетъ не только знаніемъ излагаемаго предмета, но, кромѣ того, несомнѣннымъ тонкимъ и глубокимъ критическимъ дарованіемъ. Въ особенности ему удается обрисовка французскихъ авторовъ: Додэ, Анатоля Франса, Пьера Лоти, Гюи-де-Мопассана, Флобера. Очень недурны очерки изъ исторіи Наполеона и членовъ его семьи. Въ этихъ очеркахъ авторъ проявляетъ себя даже художникомъ и мастеромъ слова. Образы самого Наполеона, его жены Маріи-Луизы, его брата Иеронима Бонапарта—встаютъ передъ читателемъ какъ живые, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ черты исторической вѣрности. Удаченъ очеркъ о волонтерѣ 1792 года и его злключеніяхъ во время различныхъ наполеоновскихъ войнъ. Изъ литературныхъ критическихъ опытовъ обращаетъ на себя вниманіе этюдъ о Лоти, въ которыхъ прекрасно очерченъ этотъ самолюбленный и вычурный французскій морякъ-академикъ, завоевавшій сочув-

ствіе согражданъ художественно-наивнымъ изображеніемъ своей личности во всѣхъ видахъ и во всевозможныхъ обстановкахъ. Менѣе удачны очерки, посвященные русскимъ писателемъ Гаршину и Короленку, хотя дарованіе послѣдняго, несомнѣнно, понято вѣрно и выражено своеобразно. Говоря о меньшей удачности, мы имѣемъ въ виду отсутствіе у г. Пресса того размаха и свободы, которыми отличаются другія характеристики, имѣющіяся въ его книгѣ. Нужно разсчитывать, что разсматриваемыя произведенія автора не пройдутъ не замѣченными.

В. Г—скій.

Е. И. Игнатьевъ. Астрономическіе досуги. Со 68-ю рисунками и чертежами. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1912. Стр. 240. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ сравнительно непродолжительное время имя г. Игнатьева заняло въ нашей научно-популярной литературѣ видное мѣсто на ряду съ лучшими представителями ея. Авторъ «Въ царствѣ смекалки» и «Науки о небѣ и землѣ» является однимъ изъ блестящихъ популяризаторовъ, книги котораго отличаются большимъ научнымъ удѣльнымъ вѣсомъ, свѣжестью сообщаемыхъ научныхъ свѣдѣній, простотою изложенія и большимъ, захватывающимъ интересомъ.

Новая разсматриваемая нами книга г. Игнатьева является какъ бы продолженіемъ вышедшей передъ нею огромной популярной книгой по астрономіи, о которой мы въ свое время дали отзывъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Настоящая книга г. Игнатьева, предназначаемая уже для читателя болѣе или менѣе подготовленнаго, имѣетъ цѣлью познакомить съ пропущенными въ предыдущей книгѣ подробностями, «подвести его къ новѣйшимъ изысканіямъ и предположеніямъ въ астрономической наукѣ, а также побудить читателя къ самостоятельнымъ занятіямъ астрономіей, хотя бы «на досугѣ».

Начинается книга г. Игнатьева очень интереснымъ очеркомъ «Астрологія въ средніе вѣка», гдѣ сообщаются любопытныя свѣдѣнія о составленіи гороскоповъ, дается понятіе о значеніи каждой планеты, разсматриваются нѣкоторые извѣстнѣйшіе гороскопы. Конецъ этого очерка посвященъ судьбамъ астрологіи у насъ въ Россіи, куда она проникла, вѣроятно, вмѣстѣ съ византійскимъ духовенствомъ, крестившимъ Русь. Затѣмъ слѣдуютъ очерки о времени и его измѣреніи, о церковномъ и гражданскомъ календаряхъ, причемъ къ нѣкоторымъ вопросамъ, связаннымъ съ календаремъ, прилагаются задачи съ подробными толковыми рѣшеніями при самомъ маломъ количествѣ «математики», которой такъ боится неподготовленный читатель. Далѣе съ большимъ интересомъ читаются статьи: «Солнечныя затмевія и древняя исторія», «Страничка изъ исторіи развитія астрономіи въ Россіи», гдѣ даются, между прочимъ, біографіи выдающихся русскихъ астрономовъ *Θ. А. Бредихина* и *А. П. Ганскаго*. Особенный интересъ вызываетъ статья «Библия о зарѣ человѣчества», въ которой авторъ (*Ф. И. Павловъ*), съ чисто научной точки зрѣнія, разсматриваетъ разсказы Библии о всемірномъ потопѣ, о семи дняхъ творенія и т. п. и, отдѣляя фантазію, поэтической палетъ древнихъ сказаній, даетъ научное обоснованіе дѣйствительнымъ фактамъ. Заканчивается новая книга г. Игнатьева очеркомъ «О самодѣятельности въ астрономіи».

Книга г. Игнатьева читается легко и съ большимъ интересомъ. Нѣкоторыя статьи этой книги принадлежатъ извѣстнымъ дѣятелямъ нашей астрономической науки, какъ, напримѣръ, г. Костинскому, Ф. И. Павлову и др. Эта особенность, придавая книгѣ характеръ хрестомати, въ то же время увеличиваетъ ея научное значеніе.

Съ внѣшней стороны изданіе также заслуживаетъ похвалы, благодаря обилію рисунковъ, чертежей и фотографическихъ снимковъ для настоящей книги художника В. В. Берингера съ его картинъ, изображающихъ лунные пейзажи. Цѣна не высока. М—о.

П. Инфантьевъ. Жизнь народовъ Россіи. Этнографическіе разказы. Съ 68 рисунками. Изданіе П. В. Луновникова. 1912. Стр. 286. Цѣна 1 руб.

У насъ есть два этнографическихъ журнала: «Этнографическое Обзорѣніе» въ Москвѣ и «Живая Старина»—въ Петербургѣ. Но оба журнала—такова судьба всѣхъ научныхъ изданій!—обидно мало извѣстны, читаются очень ограниченнымъ кружкомъ лицъ, специально интересующихся этнографіей, и, кромѣ учебныхъ заведеній, подписчиковъ не имѣютъ. И вся своеобразная жизнь отдѣльныхъ уголковъ нашей многоязычной и разновѣрной Россіи, находящая отраженіе въ названныхъ изданіяхъ, остается внѣ интересовъ широкой публики.

Поэтому надо признать очень полезнымъ появленіе такихъ книгъ, какъ сборникъ этнографическихъ разказовъ г. Инфантьева. Хотя, судя по издательству, выпустившему его въ свѣтъ, въ виду имѣлся читатель изъ учащейся молодежи, тѣмъ не менѣе разказы г. Инфантьева могутъ быть съ удовольствіемъ прочитаны всѣми интересующимися жизнью народовъ Россіи. Авторъ избираетъ для своихъ изображеній быть наиболѣе отдаленныхъ и некультурныхъ народностей. Вотъ заглавія его разказовъ: «Тигръ людоѣдъ» (изъ жизни гольдовъ), «Маленькій купецъ» (изъ жизни якутовъ), «Первобытныя грамотки» (изъ жизни юкагировъ), «Дочь шуленги» (изъ жизни карагасовъ), «Въ Амурской тайгѣ» (изъ жизни тунгусовъ), «Соперники» (изъ жизни орочанъ), «Жертва вогула», «Чары шамановъ», «Чувашская свадьба», «Тамыръ» (изъ жизни туркменъ и хивинцевъ). Кромѣ того, въ книгѣ помѣщено семь отдѣльныхъ этнографическихъ очерковъ, касающихся указанныхъ народовъ.

Въ основѣ cadaго разказа лежитъ какой-либо эпизодъ, стоящій въ связи съ вѣрованіями и бытомъ народа, при чемъ разказъ осложняется другими подробностями жизни, религіи, занятій, семейныхъ отношеній и т. д. Пользуется иногда авторъ и тѣмъ, что называется «любовной интригой», но очень осторожно, не впадая въ романтическую идеализацію въ родѣ, напримѣръ, декабриста А. Бестужева, у котораго въ «якутской балладѣ» «Саатырь» встрѣчаемъ и «поцѣлуевъ таинственные звуки», и «сладкія рѣчи».

Слабую сторону книги составляютъ рисунки, неясные, маленькіе, вообще носящіе чрезчуръ эскизный характеръ.

В. Даниловъ.

Г. Сѣверцевъ-Полиловъ. Москва подъ рукою Наполеона. Историческо-бытовая повѣсть. М. 1912. Стр. 232. Цѣна 60 к.—М. Э. Никольскій. По слѣдамъ Великаго Наполеона. Историческій романъ. Слб. 1912. Стр. 321. Цѣна не обозначена.

Оба автора вышеназванныхъ книгъ задались цѣлью въ живой, повѣствовательной формѣ, основываясь на историческихъ данныхъ, изложить главнѣйшіе эпизоды Отечественной войны 1812 года. Первый изъ нихъ, Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ, остановился на времени пребыванія Наполеона въ Москвѣ и даль дѣйствительно живую картину тогдашняго состоянія Москвы, рядъ точно съ натуры списанныхъ бытовыхъ сценъ и описаній и въ то же время, не вдаваясь въ излишніе историческіе экскурсы, довольно ярко обрисовалъ Наполеона и другихъ участниковъ московскихъ событій Отечественной войны. Помѣщенные въ текстѣ портреты и рисунки, числомъ болѣе двадцати, хотя далеко не изящно исполненные, еще болѣе оживляютъ текстъ книжки, кстати сказать, отпечатанной хорошимъ шрифтомъ и на хорошей бумагѣ.

М. Э. Никольскій слѣдитъ за Наполеономъ и его войсками во все время пребыванія его въ предѣлахъ Россіи. Онъ болѣе придерживается разказа историческихъ событій и передачи разговоровъ между главнѣйшими дѣятелями.

Романическій же элементъ въ его произведеніи главнымъ образомъ сосредоточень въ описаніи похощеній «полненъкой» полупольки Нины, отличавшейся кипучей страстью и къ одному изъ героевъ романа Вадимову, и къ поляку Гржизницкому, и къ французу де-Буанье и др. Описанія эти довольно подробны и изобилуютъ многоточіями, вѣроятно, для пущаго историческаго освѣщенія. Въ сообщеніяхъ историческихъ фактовъ мы находимъ даже нѣкоторыя новости: на стр. 101—Кутузовъ оказался «по выбору начальникомъ петербургскаго ополченія» (вмѣсто московскаго); на стр. 102—Кутузовъ «отъ раны пулей былъ кривъ на одинъ глазъ», а на стр. 261—оба «глаза его живо блестяли». На стр. 87 читаемъ: «По рядамъ войскъ пронесли образъ Смоленской Божіей Матери. Священникъ церкви св. Одигитріи Никифоръ Шурзакевичъ все время ходилъ по смоленскихъ укрѣпленіямъ съ крестомъ, поощряя твердо стоять за русскую землю». Не говоря уже о неполной точности самаго сообщаемого факта, мы встрѣчаемся здѣсь съ новымъ святымъ Одигитріемъ, въ честь котораго, по словамъ автора, была особая церковь въ Смоленскѣ, и съ новымъ священникомъ этой никогда не существовавшей въ Смоленскѣ церкви Шурзакевичемъ. На самомъ же дѣлѣ въ Смоленскомъ Успенскомъ соборѣ главную святиню составляла чудотворная икона Смоленской Божіей Матери Одигитріи (т. е. путеводительницы), и вмѣсто священника Никифора Шурзакевича въ то время тамъ былъ извѣстный священникъ и историкъ Смоленска Никифоръ Адриановичъ Мурзакевичъ. Не вдаваясь въ указанія другихъ неточностей и многочисленныхъ опечатокъ, а равно и не удачныхъ подстрочныхъ примѣчаній, въ родѣ «пеиноза» (?)—деньги», «махальце—вѣрь» и др., и стилистическихъ промаховъ, напримѣръ. «поддѣланный приказъ канцеляріи императора былъ весьма искусень» (?), мы должны сказать, что и съ виѣшней стороны, со сто-

роны бумаги и печати, книжка М. Э. Никольскаго въ цѣломъ рядѣ страницъ (напримѣръ, 178—187, 190, 204—205, 252—258 и др.) даже неудобочитаема, отъ просвѣчиванія текста другой страницы, вѣроятно, потому, что печаталась въ типографіи «Свѣтъ».

В. Р.—въ.

Аполлонъ Коринфскій. Поздніе огни. Спб. 1912. Стр. 736. Цѣна 2 руб.

Стихотворенія г. Коринфскаго за послѣдніе 1908—1911 гг. такъ же разнообразны и оригинальны, какъ и раннія его вдохновенія. («Пѣсни сердца», «Черныя розы», «Въ лучахъ мечты», «Бывальщины» и т. д.).

Въ отдѣлѣ стихотвореній, озаглавленномъ «Мгновенія», нельзя не обратить вниманія на красивое и поэтическое одиночество пожилого поэта, когда ночью въ саду онъ чувствуетъ, что онъ не одинъ, кто-то близкій съ нимъ...

Чей-то обликъ-невидимка
Сердцемъ къ сердцу приникалъ,
Что-то мнѣ шепталъ невнятно
И о чемъ-то вспоминалъ. .

Кто бы могъ онъ быть—не знаю
И его не помню словъ;
Только знаю, только помню,
Что рыдать я былъ готовъ.

Былъ ли чѣмъ до слезъ я счастливъ,
Или сладко такъ грустилъ,
Ждалъ чего-то, звалъ кого-то...
Въ эту ночь—я молодъ былъ!..

Такихъ чудныхъ «Мгновеній» очень много у А. Коринфскаго и въ стихотвореніяхъ о томъ, какъ «Все первое для насъ на свѣтѣ такъ отрадно», и какъ въ звѣздную ночь «сердце хочетъ пророчить»... Но рядомъ съ сильными и художественными чувствами поэта во многихъ другихъ его стихотвореніяхъ бьется излишекъ дѣланной торжественности, приподнятости и безпокойной поэзіи. Доходитъ до того, что иногда у него «Восходъ любви» обнимается съ ея «Западомъ» и т. д.

Въ отдѣлѣ «Подъ лучами солнца»—поэтическое олицетвореніе картинъ природы, начиная съ появленія весны и т. д. Въ «Финляндскомъ альбомѣ», конечно, воспѣты «Каменные лѣса», «Озера», «Гранитныя поля», «Заливы», «Морская тишина», «Шхеры» и т. д.

Въ стихотвореніяхъ «Изъ мрака къ свѣту» преобладаютъ тенденціозныя темы о трудѣ, о народномъ благѣ, о богатыряхъ-свѣтоносцахъ, о наукѣ и т. д. Однако очень трогательны и въ этомъ отдѣлѣ у поэта школьныя идилліи о «странствующемъ учителѣ» и полонъ справедливаго гнѣва его стихъ «Гасителямъ свѣта»:

Въ угрюмомъ застѣнкѣ «классической» школы
Я помню васъ всѣхъ, какъ сейчасъ,
Бездушныхъ—какъ всѣ вы—наукъ протоколы
Насильно ввѣдрявшіе въ насъ!

Педагги, гасители духа живого,
 Вы думали—онъ недвижимъ:
 Мертвѣвшій умы и безмыслившій слово—
 Весь вашъ закорузлый режимъ.

Въ архивъ ставъ запросы души молодые,
 Классической древности мнѡзъ
 Считали вы правственной школой, впервые
 Имъ помысль дѣтей отравивъ.

Отъ вашихъ уроковъ, отъ вашей системы
 Тупѣли и гасли умы...
 О, какъ глубоко ненавидѣли всѣ мы,
 О, какъ презирали васъ мы!..

«Въ родной глуши» раскрывается любящая душа поэта и къ «Пахарю-народу», и къ «Ранней веснѣ» и къ заливной красотѣ «Въ лугахъ», «Въ лѣсу—по ягоды», «На косовицѣ» и т. д. Но А. Коринфскому также хорошо знакомо и крестьянское горе «въ родной глуши», о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, поэтические разказы «Острожника-бродяги» и «Шахтера».

«Пѣсни о городѣ» характерны городскими контрастами между веселымъ лицомъ богатаго и лицомъ бѣдняка; между свѣтлыми бельэтажами и темными подвалами съ «пѣснями голн»...

«На путяхъ богоисканія» г. Коринфскій опозитивировываетъ евангельскія изреченія, иногда доходя до солидарности съ вѣрованіями толпы.

«Новыя бывальщины», въ которыхъ вся сила и оригинальность г. Коринфскаго, и на этотъ разъ полны захватывающаго интереса.

«Святая старина» слышится и въ историческихъ герояхъ, о которыхъ поэтъ художественно передаетъ народныя сказанія, и паденіе этой же самой святости, какъ только «Князьке сердце» на Руси забывало «правду Муромца Ильи», а въ Польшѣ короли—про «лапти Пяста»...

А. Фаресовъ.

Андрей Филипповъ. Въ вихрѣ жизни. Изданіе второе. Изданіе редакціи журнала «Наборщикъ и Печатный Міръ». Слб. Стр. 94. Цѣна 40 коп.

Кажется, кромѣ Некрасова да въ послѣднее время Аполлона Коринфскаго, никто изъ писателей не касался въ своихъ произведеніяхъ чрезвычайно интересной и оригинальной жизни наборщиковъ. Это самобытный и совершенно невѣдомаго мірка той полунинтеллигентной, безыменной массы, которая по ночамъ, когда все спитъ, среди гула и рева машинъ, среди столбовъ отравляющей свинцовой пыли, готовитъ намъ къ утру свѣжій газетный листъ съ самыми послѣдними новостями со всѣхъ концовъ міра. Г. Филипповъ, нынѣ редакторъ-издатель журнала «Наборщикъ и Печатный Міръ», самъ прошелъ всю тяжелую школу жизни наборщика, хорошо изучилъ свой любопытный мірокъ со всѣми его горяями и радостями, со всѣми его свѣтлыми и темными чертами, горячо любитъ его и въ своихъ маленькихъ разказахъ нынѣ знакомитъ читающую публику съ бытомъ представителей «свинцовой арміи». Вольшое впечатлѣніе

{ «истор. вѣстн.», январь 1913 г., т. сxxxI.

17

производитъ разсказъ «Святая ночь». Подъ Пасху ночью въ типографіи задержка: не готовъ пасхальный фельетонъ «О любви къ человѣчеству». Авторъ его никакъ не можетъ подыскать «эффектнаго» окончанія. А время идетъ, изъ окна типографіи ужъ виденъ крестный ходъ, мелькаютъ праздничные огоньки, сверкаютъ и блестятъ роскошныя ризы... Рабочіе ждутъ, томятся... Дома разговѣнье, семья... А «эффектнаго» окончанія все еще нѣтъ. Наконецъ, въ четыре часа утра приходитъ фельетонъ. Газета доканчивается. Такъ встрѣчаютъ Свѣтлый праздникъ наборщики. Этотъ маленькій красочный разсказъ, написанный живо и съ увлеченіемъ, производитъ впечатлѣніе. Читатель окунается въ совершенно новый самобытный міръ, въ которомъ столько интереснаго и совсѣмъ не разработаннаго нашей беллетристикой. Почти то же самое нужно сказать и объ остальныхъ разсказахъ г. Филипова.

Помѣщенные въ сборникъ разсказы изъ общей жизни не производятъ большого впечатлѣнія. Нѣкоторыя статьи («Около памятниковъ» и проч.) кажутся намъ лишними и мало интересными. Какъ на стилистическій недостатокъ, укажемъ на излишнюю любовь автора къ всевозможнымъ афоризмамъ разныхъ мудрецовъ, что особенно вредитъ его статьямъ общаго характера. Здѣсь на каждой страницѣ то Гете, то Рескинъ, то Сенека то Бэконъ цѣлая коллекція цитатъ!

Несмотря на эти недостатки, сборникъ г. Филипова читается съ большимъ интересомъ, особенно его яркіе разсказы изъ оригинальной жизни «свинцовой арміи».

Издана книжечка очень изящно и стоитъ недорого.

М—о.

Л. П. Карсавинъ. Монашество въ средніе вѣка. Спб. 1912.

Авторъ говоритъ о началахъ монашества въ Египтѣ и затѣмъ уже исключительно о западномъ монашествѣ, не касаясь восточнаго, о Бенедиктѣ и его уставѣ, объ итальянскихъ ереmitахъ, о клюнійскомъ движеніи, францисканцахъ и доминиканцахъ. Книга г. Карсавина составляетъ одинъ изъ выпусковъ популярной серіи по исторіи Европы, издаваемой Брокгаузомъ и Ефрономъ, но написана мѣстами довольно невразумительно и предполагаетъ такія спеціальныя познанія, которыхъ нельзя требовать отъ широкой публики. Она начинается слѣдующими туманными фразами весьма сомнительнаго достоинства: «Монашество—историческая форма осуществленія аскетическаго идеала. Въ основѣ же этого идеала лежитъ дуалистическое мірочувствованіе и въ болѣе развитомъ видѣ его—міропониманіе. Если существуетъ тотъ или иной видъ, та или иная степень дуализма, хотя бы въ противопоставленіи добра и зла, духа и тѣла, попытка доставить торжество тому, что признается цѣннымъ, необходимо приводитъ къ аскезѣ». Читатель въ правѣ спросить, какая разница между мірочувствованіемъ и міропониманіемъ? Неясно также, почему попытка доставить торжество душѣ, а не тѣлу должна неминуемо приводить къ аскетизму. Всѣ идеалисты признаютъ превосходство духа сравнительно съ матеріей, но далеко не всѣ идеалисты склонны къ аскетизму. Въ главѣ о монастырскихъ имѣніяхъ

ваторъ говорить: «Даже если монастырь основывался въ совершенно дикой мѣстности, въ распоряженіи у него находилось достаточное количество сервовъ и свободныхъ, жадно бросающихся на отдаваемые на выгодныхъ условіяхъ прекарія или бенефиція участки земли (стр. 35)». Читатель не обязанъ знать, что такое сервы, бенефиція и прекарія; эти термины извѣстны только специалистамъ. А далѣе не всякій специалистъ разберется въ томъ, что хотѣлъ выразить г. Корсавинъ слѣдующими словами:

«И въ IX вѣкѣ сами монахи уже не работаютъ, ограничиваясь надзоромъ за барщиннымъ трудомъ сидящихъ на земляхъ монастыря свободныхъ и зависимыхъ людей и за трудомъ сервовъ». Читатель, не посвященный во всѣ тонкости средневѣковой жизни, не пойметъ, какимъ образомъ свободный крестьянинъ могъ нести барщину, такъ какъ крѣпостного мы не привыкли называть свободнымъ, и не всѣ знаютъ, что въ средніе вѣка существовали крѣпостные лично свободные и другіе крѣпостные, лично не свободные. Авторъ говоритъ, что часто аббатомъ бывалъ членъ бѣлаго духовенства или даже мірянинъ (стр. 37). Непонятно, какимъ образомъ мірянинъ могъ быть аббатомъ, т. е. духовнымъ лицомъ? Иногда г. Корсавинъ выражается такъ, что его оригинальную книгу можно принять за плохой переводъ. Онъ пишетъ, напримѣръ: «во главѣ монастыря стоитъ пожизненный аббатъ; тѣмъ менѣе загражденъ входъ родственникамъ монаховъ; энтузіасты аскезы, создававшіе суровые или продуманные уставы».

П. В.

А. И. Алмазовъ. Проклятiе преступника псалмами. Одесса. 1912. Стр. 84.

Новое изслѣдованіе извѣстнаго нашего канониста, профес. новороссійскаго университета А. И. Алмазова касается весьма интереснаго вопроса, относящаго къ исторіи суда Божьяго въ греческой церкви. Дѣло въ томъ, что, за недостаточностью фактическихъ данныхъ, судъ иногда лишень возможности съ точностью установить истину; вмѣстѣ съ тѣмъ, и устанавливая истину, судъ, однако, иногда ставится въ невозможность воздать должное преступнику и вообще правонарушителю, за сокрытіемъ послѣдняго. Потребность и въ подобныхъ случаяхъ такъ или иначе достигнуть истины, и осуществить правосудіе, какъ извѣстно, въ давно минувшіе дни породила вѣрованіе въ цѣлесообразность примѣненія здѣсь различныхъ формъ такъ называемаго «суда Божьяго». Съ церковной точки зрѣнія, и для тѣхъ случаевъ, когда правонарушитель отсутствуетъ въ наличности и совершенно скрылся, мыслима вѣроятная возможность и обличить его, и воздать ему должное способомъ исключительнымъ, хотя нѣсколько и напоминающимъ другія церковныя формы суда Божьяго въ тѣсномъ смыслѣ, но только болѣе общаго характера.

Такимъ способомъ могло пониматься моленіе церкви объ открытіи преступника,—но только моленіе, спеціально назначенное для такой цѣли. И несомнѣнно, въ практикѣ греческой церкви примѣнялся и такой способъ. Практиковался онъ, однако, не въ видѣ простого моленія объ открытіи преступника, но въ связи съ провозглашеніемъ отлученія его отъ церкви, а точнѣе, въ связи

съ проклятіемъ его церковью. вмѣстѣ же съ этимъ проклятіемъ возносилось и пламенное моленіе о жесточайшемъ и всеобъемлющемъ наказаніи преступника и о пораженіи его всяческими внутренними и ви́шними недугами, которые свидѣтельствовали бы всѣмъ о немъ, какъ о преступникѣ, и невольно вызывали бы его на самообличеніе и самообъявленіе о совершенномъ имъ преступномъ дѣяніи (стр. 1—3).

При занятіи греческими литургико-каноническими рукописями авторъ настоящаго изслѣдованія ознакомился съ двумя памятниками такого «отлучательнаго» моленія или послѣдованія, которое, по всей справедливости, можно понимать, какъ проклятіе преступника.

По уставу этого послѣдованія, для его совершенія требуется пригласить семь священниковъ, которые должны совершить литургію. По окончаніи литургіи они должны выйти въ облаченіи внутрь (на средину) храма. Здѣсь готовится тарелка, въ которую наливается «хорошій уксусъ», а вокругъ ея ставится семь смоляныхъ свѣчей. Послѣ того въ тарелку кладется кусокъ негашеной извести въ объемѣ одного яйца, надъ какимъ составомъ и должно читаться все положенное въ послѣдованіи. Требованіе здѣсь свѣчей смоляныхъ, которыя по цвѣту черныя и составляютъ прямую противоположность обыкновенно употребляемымъ въ церкви восковымъ свѣчамъ—бѣлымъ,—отчасти можетъ быть объяснено мрачнымъ и печальнымъ назначеніемъ относящагося сюда обряда. Скорѣе же, здѣсь исходили, повидимому, изъ того представленія, что подлежащій проклятію, какъ предаваемый во власть діавола, тѣмъ самымъ становится участникомъ его царства; царство же это—адъ,—по средневѣковымъ о немъ представленіямъ,—мѣсто, гдѣ грѣшники подлежатъ мученіямъ, между прочимъ, и въ кипящей смолѣ. Что же касается употребленія смѣси изъ уксуса и негашеной извести, то на умѣстность примѣненія ихъ указывало химическое послѣдствіе такого смѣшенія—такъ называемая бурная реакція. При ней разложеніе извести подъ-воздѣйствіемъ уксусной кислоты производитъ кипѣніе, сопровождаемое выдѣленіемъ газовъ, а въ результатѣ остается густая и очень клейкая масса. Трудно сказать, что символически долженъ изображать такой обрядъ. Только приблизительно вѣроятнымъ объясненіемъ здѣсь можно принять то, что самый процессъ бурной реакціи можетъ пониматься, какъ символическое изображеніе гнѣва Божьяго на преступника, а остающаяся клейкая масса, какъ указаніе на «вязаніе» властью церкви совершившаго преступленія.

Затѣмъ всѣ священники берутъ въ свои руки по одной горящей свѣчѣ и, по обычному началѣ, совершаютъ самое послѣдованіе. Роль каждаго священника въ этомъ совершеніи, согласно уставу, не сложная, а именно—каждый изъ нихъ по очереди произноситъ предназначенную для него часть псалма и, сверхъ того, произноситъ еще такъ называемый «гропяръ Іуды». Когда всѣ семь священниковъ исполняютъ это, тогда,—говоритъ уставъ,—«да отлучать и да творять опустъ; тарелку же да перевернуть вверхъ дномъ и въ такомъ видѣ да оставятъ ее внутри церкви» (стр. 4—10).

Въ результатѣ этого часто бывали случаи, когда подъ влияніемъ угрызеній совѣсти отлученный обнаруживалъ себя и заявлялъ о своемъ искреннемъ раскаяніи; а на подобные случаи само собою открывалась необходимость въ актѣ снятія проклятія,—въ актѣ церковнаго разрѣшенія отъ отлученія.

Весьма любопытнымъ представляется вопросъ, по какимъ же мотивамъ отдавалось столь исключительное значеніе именно Псалтири. Объясненіе этому, по совершенно справедливому мнѣнію профессора А. И. Алмазова, заключается въ томъ всеобщемъ почитаніи, какимъ пользовалась Псалтирь въ прежнее время и какимъ пользуется и теперь у религиозныхъ людей (стр. 43).

Желаемъ почтенному автору дальнѣйшаго успѣха въ его цѣнныхъ трудахъ въ области литургіи и каноники!

Профессоръ М. Красноженъ.

Война и войны на службѣ Господней. Составилъ А. К. Э. Спб. 1912. Стр. XIX+427. Цѣна въ пакѣ 1 руб. 50 к.

Мы только что были очевидцами удивительныхъ событій, которыя, съ феерической быстротой развертывалась на мировой аренѣ, сложились передъ глазами изумленныхъ народовъ въ героическую легендарную эпопею, примѣръ которой приходится искать развѣ въ глубинѣ сѣдой древности. Маленькія балканскія государства, съ общимъ населеніемъ, немного превышающимъ лондонское, безъ денегъ, безъ достаточнаго количества военныхъ припасовъ, разгромили въ конецъ и поставили почти на край гибели могущественную, искони военную по преимуществу имперію, побѣда надъ которой всего лишь 35 лѣтъ тому назадъ, послѣ многихъ неудачъ, стоила намъ въ результатѣ сотни тысячъ жертвъ жизнями и сотни милліоновъ денегъ. Причины такого неслыханнаго разгрома лежатъ, очевидно, глубже тѣхъ соображеній, которыя приводятся уже теперь въ повременной печати въ объясненіе турецкихъ неуспѣховъ. Вѣдь Турція давно готовилась къ войнѣ, армія ея реорганизована однимъ изъ лучшихъ знатоковъ военнаго дѣла въ Европѣ, качества турецкаго солдата общепризнаны всѣми авторитетами, а нашъ другъ Михель въ изобиліи снабжалъ ее самымъ усовершенствованнымъ вооруженіемъ изъ соображеній не одной только коммерческой выгоды. Нѣтъ, причины успѣха или неудачи въ столкновеніи одного народа съ другимъ лежатъ не только въ томъ или иномъ состояніи военной техники, онѣ кроются въ глубинѣ души народной, въ состояніи его духа въ данный періодъ времени.

Книга, заглавіе которой мы выше выписали, потому и представляетъ большой интересъ не только для военнаго, но и для каждаго читателя, привыкшаго вдумчиво относиться къ явленіямъ мировой жизни, что ставитъ своей цѣлью разрѣшеніе такихъ большихъ для современнаго человѣчества вопросовъ, какъ: что такое война, каково ея значеніе и смыслъ въ жизни народовъ, возможно ли искорененіе войнъ и при какихъ условіяхъ, допустима ли война съ точки зрѣнія христіанскаго ученія, гдѣ причины успѣха или пораженія народа въ войнѣ, какимъ должно быть воспитаніе народа и арміи, чтобы они побѣдоносно выходили изъ бурь «военной непогоды»? и т. п.

Въ послѣдніе годы, особенно послѣ ужасовъ японской кампаніи, перваго послѣ русско-турецкой войны крупнаго столкновенія двухъ великихъ народовъ, гдѣ были примѣнены всѣ новѣйшіе средства и способы массоваго истре-

бленія людей, вновь выплылъ на очередь текущихъ злобъ для вопроса о необходимости изыятія изъ обихода международной жизни войны, какъ способа разрѣшенія споровъ между культурными государствами, необходимости разруженія. И крупный интересъ, проявляемый въ печати и мыслящемъ обществѣ къ этому «проклятому вопросу», имѣеть полное свое оправданіе въ непомѣрномъ, чудовищномъ ростѣ милитаризма во всемъ мѣрѣ. На алтарь этого современнаго Молоха уже приносится повсюду треть достоянія народнаго, и не предвидится конца росту его вождельній. Немудрено, поэтому, что большинство мѣтній въ печати и обществѣ не на сторонѣ войны и параллельно съ лихорадочными вооруженіями правительствъ въ обществахъ почти всѣхъ европейскихъ странъ идетъ дѣятельная агитація пацифистовъ, вербующая въ ихъ ряды цѣлыя интеллигенціи и социалистически настроенные слои населенія. Но, увы, одно дѣло теорія, а другое—реальная жизнь. Сколько ни громили и ни громятъ войну десятки блестящихъ умовъ, начиная съ Сенеки, Вольтера, Фенелона и кончая Гюго, Пасси, Стѣдомъ и Суттнеръ, и тысячи рядовыхъ пацифистовъ и антимилитаристовъ во всѣхъ странахъ, но вотъ мы видимъ, что на другой день послѣ гаагской конференціи, перваго шага государствъ къ разоруженію, грохочутъ пушки на Ялу, а еще вчера мы были свидѣтелями, какъ населеніе четырехъ государствъ, девять десятыхъ жителей которыхъ, навѣрное, каждый въ отдельности ненавидятъ войну, въ минуту военной тревоги, какъ одинъ человекъ, схватилось за ружье.

Глубоко поэтому правъ авторъ разсматриваемой книги, приводя изреченіе одного русскаго писателя, что «война—великая тайна» (къ сожалѣнію, онъ не говоритъ, кому принадлежитъ это удачное выраженіе, а сами мы не можемъ вспомнить) и что необходимость готовиться и «учиться войнѣ» будетъ существовать у всѣхъ народовъ земли до конца вѣка сего», или пока не наступятъ повсемѣстно на землѣ благоприятныя условія для исчезновенія войнъ изъ обихода народовъ, т. е. пока весь мѣръ не сдѣлается христіанскимъ на самомъ дѣлѣ: «спасеніе народа отъ ужасовъ войнъ въ христіанской жизни и только въ ней». Пока же этого нѣтъ, «необходимо,—говоритъ Гербертъ Спенсеръ,—принимать оборонительныя мѣры, достаточныя для предупрежденія угрожающихъ опасностей... такъ какъ неподготовленность можетъ навлечь нападеніе». Со свойственной гению четкостью выразилъ ту же мысль Петръ Великій: «Отъ презрѣнія къ войнѣ общая погибель слѣдовать будетъ», а президентъ самой миролюбивой, не имѣющей даже войска Сѣверо-Американской республики Рузвельтъ говоритъ: «Народъ, боящійся войны, разлагается на мѣсть; онъ осужденъ на паденіе и рабство». Но суть подготовки арміи къ войнѣ и побѣдѣ авторъ видитъ не въ усовершенствованіяхъ техники и военной системы, которая, по словамъ Наполеона, должна сама по себѣ измѣняться каждая десять лѣтъ, а въ религіозно-нравственномъ воспитаніи народа въ духѣ христіанства: «войско всегда бывало сильнымъ настолько, насколько велика была нравственная сила народа», и «успѣхъ на войнѣ гораздо въ большей степени зависитъ отъ духа и воспитанія всего народа, чѣмъ отъ военнаго воспитанія его арміи»; «если Господь воинствъ не будетъ вождемъ даннаго народа, то вся сила даже многомилліонной арміи есть миражъ, и этотъ народъ неизбѣжно будетъ побѣжденъ,

несмотря на все искусство политики и огромнѣйшіе запасы военныхъ средствъ, на всестороннюю подготовку его къ войнѣ, самое тщательное изученіе имъ своихъ противниковъ и остроумнѣйшую разработку будущихъ военныхъ дѣйствій». Авторъ предпосылаетъ всему своему сочиненію слѣдующій тезисъ, развитію котораго и посвященъ его трудъ: «Исполненіе народомъ и его войскомъ завѣтовъ Господнихъ составляетъ вѣрный залогъ побѣды на войнѣ и благоденствія во время мира,—между тѣмъ какъ пренебреженіе святыми завѣтами Его есть основная и главная причина поражений и несчастій. Это намъ возвѣщаетъ Самъ Богъ. О томъ же свидѣлствуютъ и многочисленные событія исторіи—съ древнихъ временъ и вплоть до нашихъ дней».

Въ соотвѣтствіи съ задачами автора первую часть своей книги, со стр. 1—126, подъ заглавіемъ: «Мечъ Всевышняго Вождя», онъ занимаетъ исключительно выдержками изъ Св. Писанія Новаго и Ветхаго Завѣта, касающимися войны и жизни воиновъ, гдѣ исчерпывающе приводитъ все, что говорится въ словѣ Божіемъ по сему предмету. Во второй части своей книги подъ заглавіемъ: «Значеніе и смыслъ войны», авторъ, подкрѣпляя свои выводы, какъ ссылками на Св. Писаніе, такъ и авторитетомъ выдающихся богослововъ, философовъ, историковъ и писателей и многочисленными историческими экскурсами, всесторонне разсматриваетъ вопросъ о войнѣ и о путяхъ, которыми можно достигнуть въ ней успѣха. Стоя все время на почвѣ ученія Св. Писанія, авторъ, послѣ сопоставленія мнѣній выдающихся умовъ за и противъ войны, оправдываетъ въ результатѣ законность войны, какъ неизбѣжнаго явленія міровой жизни, въ томъ случаѣ, когда, по выраженію блаженнаго Августина, она ведется «по полномочию отъ Бога», т. е. для защиты ближнихъ, угнетенныхъ, для восстановленія справедливости, законныхъ правъ народа, вообще, когда она ведется за истинно-правое дѣло. Основываясь на словахъ самого Христа: «не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ», авторъ приходитъ къ выводу, что «брань противъ беззаконія и въ защиту правоты—необходимое слѣдствіе пришествія Христа». Поэтому тщетны будутъ всѣ усилія пацифистовъ водворить миръ, если они не поставятъ своей задачей нравственное исправленіе человѣка и обращеніе его къ евангелію. «Только евангеліе можетъ привести къ истинѣ и свободѣ, къ справедливости и благороднѣйшей культурѣ». Пока же не будетъ этого, «осуществленіе идеи вѣчнаго мира... было бы величайшимъ несчастіемъ для человѣчества: оно оказало бы болѣе разрушительное дѣйствіе вслѣдствіе внутренняго разложенія, чѣмъ то, которое производитъ война». Недаромъ Рузвельтъ въ посланіи конгрессу отъ 4-го декабря 1906 года говорилъ: «справедливая война для души народа гораздо болѣе благотѣльна, чѣмъ самый цвѣтущій миръ, если онъ достигнутъ путемъ перенесенія неправды и несправедливости». Интересна идентичность выводовъ автора съ таковыми же въ книгѣ генерала Бернгарди, вышедшей въ Берлинѣ вскорѣ по выходѣ разсматриваемаго труда. Но въ то время, какъ Бернгарди во взглядахъ на войну исходитъ изъ идеи превосходства германской расы и самаго откровеннаго шовинизма, нашъ авторъ остается на почвѣ общечеловѣческой, гуманной, христіанской. Съ этой почвы авторъ не сходитъ до конца своего изложенія, и поэтому его не пугаютъ успѣхи милитаризма и

траты миллиардов на вооружение, так как во много раз больше суммы ежегодно тратятся на обжорство, пьянство, курение, разврат и безумную роскошь, и тяжесть «вооруженного мира» может явиться наконец стимулом для обращения народов к Христу.

Большую часть книги автор посвящает вопросу о воспитании воина-христианина и выяснению обязанностей его по отношению к службѣ и родинѣ. Онъ полагаетъ, основываясь на мнѣніяхъ многихъ участниковъ русско-японской войны, что «главное причиной неудачъ русскихъ былъ недостатокъ искренняго религіознаго чувства», «религіознаго настроенія не было... ограничивались только обрядностью и виѣшностью». Приводя мнѣнія такихъ авторитетовъ, какъ Мольке, Скобелевъ, Суворовъ, Кромвель и десятки другихъ, онъ требуетъ, чтобы въ основу вооспитанія солдата клалось усвоеніе заветовъ Христа. «Нравственная высота народа одна—непобѣдимая тактика».

Такую книгу могъ написать только человекъ, съ любовью тщательно изучившій Св. Писаніе. Врядъ ли въ какой-либо литературѣ найдется другой такой оригинальный трудъ, такъ полно охватывающій одну изъ безчисленныхъ темъ Св. Писанія и ставящій ее въ связь со всѣмъ, что написано по данному вопросу въ мировой литературѣ. Въ частности для командующаго состава арміи онъ открываетъ необъятную область для размышленій и даетъ въ руки богатый матеріалъ при выработкѣ какъ своего міросозерцанія, такъ и взглядовъ на воспитаніе солдата и потому долженъ быть настольной книгой каждаго офицера, а такъ какъ изложеніе въ высшей степени простое и доступное всякому пониманію, то книга г. А. К. Э. должна бы явиться непременной принадлежностью бібліотеки каждаго восковой части и стать катехизисомъ каждаго грамотнаго солдата. Она дастъ для воспитанія арміи больше, чѣмъ груды другихъ издѣлій quasi-патріотической литературы. Издана книга изящно, и цѣна по объему ея невысока.

Н. И. К.

В. Поппе. Критика методологическихъ основъ теоріи права и нравственности проф. Петражицкаго. Спб. 1912. Ц. 40 коп.

Въ 1905 г. появилась книга, имѣвшая цѣлью выяснить ошибки и недостатки традиціонной психологіи и установить такіа психологическія положенія, которыя могли бы служить для построенія общей теоріи права и нравственности. Впослѣдствіи почтенный ученый продолжалъ свои работы въ указанномъ направленіи, встрѣчая всегдѣшнее вниманіе, хотя и различную оцѣнку со стороны специальной критики. Между прочимъ много и очень ядовито оспаривалъ воззрѣнія г. Петражицкаго покойный В. И. Сергѣевичъ.

Г. Поппе не отрицаетъ правильности приложенія опытной психологіи къ изученію правовыхъ явленій по существу. Но зато его критическій разборъ бьетъ профессора Петражицкаго больнѣе, такъ какъ онъ касается и весьма серьезно не общихъ выводовъ и приемовъ работы почтеннаго ученаго, а методологическихъ основаній. Конечно, проф. Петражицкій самъ отвѣтитъ на предъявленные ему г. Поппе обвиненія, но сущность ихъ стоитъ того, чтобы на нихъ оста-

новиться. Самъ авторъ нападокъ обнаруживаетъ серьезное знакомство съ тѣмъ предметомъ, котораго онъ касается. Онъ, несомнѣнно, силенъ въ области теорій познанія, психологіи и философіи, и потому его замѣчанія пріобрѣтаютъ вѣсъ. Обвиняетъ же г. Поппе проф. Петражицкаго въ томъ, что, приступая къ разсмотрѣнію трактруемыхъ вопросовъ *ab ovo*, онъ не разрѣшаетъ ни одного гносеологическаго вопроса; что онъ навязываетъ неокантіанцамъ, Миллю и Зигварту то, чего они никогда не говорили; что съ психологіей творецъ новыхъ теорій о правѣ знакомъ лишь поверхностно и проч. Попадаетъ попутно и М. М. Ковалевскому, который диллетантски счелъ возможнымъ выдавать аттестатъ проф. Петражицкому, самъ не разбираясь точно въ философскихъ понятіяхъ. Портитъ впечатлѣніе замѣчаній г. Поппе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько несоответственный тонъ, но брошюра его во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія.

В. Г.

Очерки по исторіи Византіи подъ редакціей и съ предисловіемъ В. Н. Бенешевича. Вып. I и II. Спб. 1912.

Съ недавнихъ поръ византійская исторія признана обязательнымъ предметомъ почти во всѣхъ университетахъ, но не существуетъ учебниковъ, которые можно было бы предложить студентамъ. Въ виду этого профессоръ Бенешевичъ задумалъ издать переводную хрестоматію по исторіи Византіи. Въ первомъ выпускѣ помѣщенъ переводъ очерка политической исторіи Византіи, приложенный къ извѣстной исторіи византійской литературы Крумбахера. Книжка эта хорошій справочникъ, но едва ли годится въ качествѣ учебника, на каждой страницѣ множество именъ и годовъ, знанія которыхъ нельзя требовать отъ студентовъ. Удачнѣе выбранъ матеріалъ для второго выпуска. Въ немъ напечатаны этюдъ извѣстнаго англійскаго историка Бери о государственномъ строѣ Византійской имперіи и очеркъ культурной исторіи Византіи Гельцера, гдѣ рѣчь идетъ о царской власти, церемоніалѣ, чиновничествѣ, церкви, торговлѣ и промышленности. Переводъ сдѣланъ студентами и слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ вполне удовлетворительно.

П. В.

Wolf, G. Einführung in das Studium der neueren Geschichte. Berlin. 1910. S. XXVI+793.

Капитальная работа г. Вольфа окажетъ немаловажную услугу всѣмъ занимающимся исторіей, литературой, юриспруденціей и сопредѣльными съ ними науками. Книга г. Вольфа справочнаго характера; въ ней каждый научный работникъ найдетъ цѣнные свѣдѣнія: объ искусствѣ книгопечатанія, книжной торговлѣ, о крупныхъ книгоиздательствахъ и книгопродавческихъ фирмахъ; библиографическихъ и библиологическихъ изданіяхъ; о бібліотековѣдѣніи и архивовѣдѣніи. Особенно цѣнной является глава объ изданіяхъ и издательствахъ архивнаго матеріала, о кодификаціонныхъ работахъ, изслѣдованіяхъ

и изданіяхъ. Немало свѣдѣній о литературѣ мемуаровъ, изданіяхъ мемуаровъ. Наконецъ авторъ останавливается на крупныхъ историческихъ публикаціяхъ, систематизируетъ главнѣйшіе выводы этихъ публикацій; отмѣчаетъ попутно и другія цѣнныя изслѣдованія. Въ книгѣ собраны обстоятельныя свѣдѣнія; обстоятельныя данныя нѣмецкой науки, слабѣ представлена русская историческая наука. Но за это нельзя упрекать изслѣдователя, ибо подобную работу, какая дана г. Вольфу, можетъ выполнить лишь коллективная организація. Книга Вольфа говоритъ о необыкновенной работоспособности и громадной эрудиціи автора. Она, несомнѣнно, станетъ хорошей настольной книгой для каждаго научнаго работника, облегчитъ ему самостоятельную научную работу, давая много справочнаго матеріала. Польза подобныхъ изданій при все разрастающейся исторической литературѣ внѣ сомнѣній. Къ книгѣ приложенъ тщательно составленный личный и предметный указатель.

С. Аваліани.

Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Подъ редакціей Д. П. Кастаньянскаго. Спб. 1912. Стр. 821. Цѣна. 7 р. 50 к.

Извѣстный первый томъ сборника, издаваемаго товариществомъ «Общественная Польза», посвященъ обзорнѣю національнаго движенія въ Австро-Венгріи, Россіи и Германіи. О каждой народности дана особая статья, написанная въ большинствѣ случаевъ вожаками этой народности въ политической борьбѣ.

Такъ, о литовцахъ повѣствуетъ читателю г. Булатъ, о евреяхъ извѣстный еврейскій публицистъ Дубновъ, статья объ украинофильствѣ написана пресловутымъ профессоромъ Грушевскимъ и т. д. Это обстоятельство придаетъ сборнику особую пикантность, но вмѣстѣ съ тѣмъ порядочно и уменьшаетъ его научное, объективное значеніе: передъ нами говорятъ не историки, а политическіе агитаторы, которые, пытаясь зажечь и раздуть націоналистическіе инстинкты, склонны принимать свои фантазіи и вождедѣнія за реальные факты.

Мы не имѣемъ здѣсь возможности разсматривать критически каждую изъ статей сборника и потому остановимся на нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ для общаго тона всей книги. Относительно статей, касающихся національной борьбы въ Германіи и Австро-Венгріи, мы должны сдѣлать одно общее замѣчаніе предостерегающаго свойства. Дѣло въ томъ, что національное движеніе есть часть движенія обще-политическаго, — не даромъ этотъ сборникъ былъ задуманъ въ 1907 году. И потому, чтобы понять хорошо всѣ перипетіи борьбы за національность, нужно детально знать политическую исторію новѣйшаго времени. Между тѣмъ статьи заграничныхъ сотрудниковъ сборника въ родѣ Шпрингера, Треймунда, Фишеля и др. написаны ими, очевидно, для собственныхъ ихъ согражданъ, а никакъ не для русскаго читателя, не слѣдившаго за событіями мелкими для общей политики, но очень важными съ точки зрѣнія борьбы національностей. Отъ этого читатель сборника долженъ прибѣгать къ справкамъ въ другихъ сочиненіяхъ, и только тогда ему стануть понятны сошедшіеся факты.

Для насъ, русскихъ, разумеется, интереснѣ всего середина книги, посвященная народностямъ Россіи.

Здѣсь читателя сразу же ожидаетъ сюрпризъ. Мы привыкли думать, что русское населеніе въ странѣ составляетъ $\frac{2}{3}$ всего населенія. Но, по изысканіямъ авторовъ сборника, это оказывается ошибкой. Чтобы уменьшить эту пропорцію, авторы не щадятъ усилій и доказываютъ, что напрасно малороссовъ и бѣлороссовъ принимаютъ за русскихъ, что малороссы, бѣлороссы и великороссы представляютъ собою столь же разные народы, какъ самоѣды и армяне. А главное двѣ первыя народности рѣшительно враждебны великороссамъ и не согласны ихъ поддерживать. Ставъ на такую точку зрѣнія, авторы высчитываютъ, что великороссовъ всего 40 съ чѣмъ-то миллионъ, и приходятъ къ выводу, что, составляя менѣе половины всего населенія, русскіе напрасно претендуютъ на роль хозяевъ и владѣтелей страны, называемой Россіей.

Чтобы убѣдиться, какъ стараются разобщить вѣтви одного и того же русскаго ствола и бросить ихъ одна на другую, стоитъ прочесть статью Грушевскаго, которому во что бы то ни стало хочется задрапироваться въ тогу національнаго украинофильскаго вождя, добивающагося «децентрализаціи, національно-территориальнаго автономизма, федерализма и самаго широкаго участія народа въ управленіи».

Для доказательства существованія особаго отъ русскихъ малороссійскаго народа—нелѣпость, которую такъ рѣзко осуждалъ Бѣлинскій и надъ которой такъ зло потѣшался Салтыковъ-Щедринъ, Грушевскому нужно сначала доказать, что существуетъ особый малороссійскій языкъ, и вотъ онъ разсуждаетъ такъ. Точныхъ критеріевъ для отличія языка отъ нарѣчія нѣтъ. Прежде говорили «малороссійское нарѣчіе», теперь явился «почти общепринятый терминъ украинскій языкъ». Слѣдовательно искомый языкъ существуетъ, а потому и малороссы являются отдѣльнымъ народомъ.

Какъ ни какъ, а г. Грушевскій именуется профессоромъ, и рѣшать сложный и запутанный вопросъ объ отношеніяхъ двухъ нарѣчій русскаго языка только на томъ основаніи, что теперь явился «почти общепринятый терминъ» какъ будто и легковѣсно!

Но больше всего заслуживаетъ вниманія читателя статья объ евреяхъ. По неприкрытости своихъ вождельнѣй заявленія г. Дубнова явятся цѣлымъ откровеніемъ для наивныхъ умовъ, мечтающихъ о дарованіи евреямъ равноправія и мирномъ культурномъ сляніи угнетенной народности съ кореннымъ населеніемъ. Статья еврейскаго публициста безпощадно разбиваетъ эту иллюзію. Разсказывая, какъ евреи добились во времена французской революціи равноправія, г. Дубновъ обрушивается на тѣхъ, кто желалъ представить евреевъ не народомъ, а вѣроисповѣдной группой. Не менѣе рѣзкое отношеніе обнаруживаетъ онъ и къ извѣстному борцу за эманципацію германскихъ евреевъ Рисслеру, который, защищаясь въ 1830 г. противъ обвиненій въ національномъ обособленіи отъ окружающей нѣмецкой среды, возражалъ: «Гдѣ у насъ второе отечество, кромѣ Германіи? Гдѣ нашъ государственный законъ, кромѣ германскаго?» По мнѣнію г. Дубнова, подобнаго рода аргументы представляютъ или нѣкоторую «замаскированность», или результатъ смѣшенія государственной идеи

съ національной. Нѣтъ, теперешніе еврейскіе публицисты стали гораздо смѣлѣе и практичнѣе: они раздѣляютъ оба понятія, которыя смѣшалъ Рисслеръ и не добиваются образованія особаго еврейскаго государства, за то требуютъ, чтобы евреи были признаны единымъ особымъ народомъ и притомъ не только въ предѣлахъ Россійской имперіи, но во всѣхъ странахъ, гдѣ живутъ евреи. Этотъ чудовищный международный народъ, живущій на чужой землѣ, долженъ обладать не только равноправіемъ, но еще и полноправіемъ, причемъ объемъ этого понятія остается не совсѣмъ выясненнымъ авторомъ.

Мы горячо рекомендуемъ ознакомиться съ этой книгой инородческихъ вожделѣній всѣмъ, въ комъ еще не угасло русское чувство и кто чувствуетъ себя нравственно отвѣтственнымъ за цѣлость страны передъ своей совѣстью и русскимъ народомъ, своей кровью и потомъ строившимъ свое государство.

С.

**Павель Поповичъ. Обзоръ исторіи сербской литературы. Спб. 1912. Стр. 296.
Цѣна 1 руб. 50 коп.**

Павель Поповичъ—профессоръ бѣлградскаго университета. Книга его представляетъ собою результатъ его педагогической дѣятельности и написана съ цѣлью «дать краткій обзоръ сербской литературы для тѣхъ, кто ее любитъ и изучаетъ и, насколько это позволяеть ея краткость, служить пособіемъ для ихъ работы въ области науки». Русскій переводъ сдѣланъ подъ редакціей П. А. Лаврова и предназначенъ, повидимому, главнымъ образомъ для студентовъ университета.

Въ книгѣ три отдѣла: древняя, народная и средневѣковая дубровницкая литература. «Въ литературной исторіи славянскихъ народовъ,—такъ начинается свой обзоръ г. Поповичъ,—былъ моментъ неосцнимой важности, когда болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ назадъ два брата, оба въ зрѣлыхъ, возмужалыхъ годахъ сѣли однажды вечеромъ за столъ въ своемъ домѣ въ Царьградѣ и при слабомъ свѣтѣ глиняной лампы, въ которой горѣло масло, написали лебединымъ перомъ или «тростью» на пергаментномъ листѣ первыя слова славянскаго перевода священныхъ книгъ; это былъ моментъ, когда зарождалась древнѣйшая славянская литература». Къ сожалѣнію, эта попытка нарисовать картину, дать живой образъ чуть ли не единственная во всей книгѣ г. Поповича. Въ остальномъ она является сухимъ перечнемъ литературныхъ произведеній. Авторъ знаетъ главную литературу объ нихъ, аккуратно и добросовѣстно излагаетъ ихъ содержаніе, но въ изложеніи этомъ нѣтъ живого духа, и пересказы ученаго профессора даже и въ малой мѣрѣ не даютъ почувствовать красоты подлинника. А между тѣмъ въ рамки книги входятъ между прочимъ такія благоухающія высокой поэзіей произведенія, какъ сербскія народныя пѣсни, входитъ поэма Гундулича «Османъ». Прочтя о нихъ нѣсколько страницъ въ «Исторіи славянскихъ литературъ» Пыпина, вы больше узнаете объ этихъ произведеніяхъ и лучше ихъ поймете, чѣмъ ознакомившись со всей книгой г. Поповича.

Тѣмъ не менѣе и она небезполезна. Особенно хорошо и обстоятельно составлена библиографія предмета, занимающая болѣе сорока страницъ мелкаго шрифта. Не безъ интереса можетъ быть прочтенъ отдѣлъ о древней литературѣ, гдѣ такъ много общаго съ нашей старинной русской литературой, что нѣкоторые отзывы г. Поповича могли бы быть цѣликомъ перенесены въ учебникъ русской словесности. Еще болѣе общаго въ духѣ и настроеніи можно было бы найти между сербской и русской народной поэзіей; параллели были бы здѣсь очень любопытны, но ихъ нельзя требовать отъ г. Поповича: онъ писалъ свою книгу для сербовъ. И здѣсь приходится удостовѣрить, что переводныя книги, какъ бы онѣ хороши ни были, никогда ни могутъ замѣнить намъ оригинальныхъ русскихъ обзоровъ той или иной, даже родственной, литературы.

Это подтверждается и еще однимъ наблюденіемъ. Какъ извѣстно, нелѣпая распря между сербами и хорватами давно раздѣлила единый по происхожденію и языку сербо-хорватскій народъ на два враждующихъ стана. Въ Бѣлградѣ и Загребѣ можно наблюдать единственное, кажется, въ мірѣ явленіе, что одна часть народа не хочетъ признавать языкъ другой части своимъ только потому, что для выраженія однихъ и тѣхъ же звуковъ и словъ тамъ употребляются разныя азбуки, у сербовъ кириллица, у хорватовъ латинскій шрифтъ. Слѣды этой распри замѣчаются и въ книгѣ г. Поповича. Безспорно, дубровницкая литература принадлежитъ столько же сербамъ, сколько хорватамъ; между тѣмъ г. Поповичъ и сюда вноситъ раздѣленіе: такъ, онъ почему-то ни однимъ словомъ не упоминаетъ о такомъ замѣчательномъ далматинскомъ писателѣ, какъ Марко Маруличъ.

Переводъ книги сдѣланъ удовлетворительно, хотя и попадаютъ иногда не совсѣмъ русскія слова. Намъ запомнилось одно: «карнавальскій».

Андрей Сиротининъ.

Минало. Редакторъ Г. Д. Баласчевъ. Книги I—VI. Софія. 1909—1911. Стр. 411 + 187. Цѣна 15 левовъ (франковъ).

Южно-славянская археологія обогатилась необыкновенно цѣннымъ изданіемъ, на которое уже успѣла обратить вниманіе западная печать. Г. Д. Баласчевъ предпринялъ научное «болгаро-македонское» изданіе на болгарскомъ языкѣ, посвященное археологіи, исторіи, палеографіи, дипломатикѣ, исторіи искусствъ. Вышедшія до сихъ поръ шесть книжекъ даютъ разнообразный и богатый матеріаль, а снимки памятниковъ древности по праву могли бы украшать самое изысканное англійское или нѣмецкое изданіе, хотя изготовляются въ Софіи. То, о чемъ нельзя было и мечтать лѣтъ тридцать назадъ, теперь стало фактомъ. Это еще одно блестящее культурное завоеваніе молодой Болгаріи.

Какъ будетъ видно изъ перечня наиболѣе важныхъ статей, появившихся въ «Минало», редакторъ широко смотритъ на границы «минувшаго» старыхъ болгарскихъ земель: здѣсь нашли себѣ мѣсто изслѣдованія и матеріалы по древностямъ македонской и ѳракійской эпохъ, древне-славянскаго и старо-болгарскаго періодовъ, время турецкаго рабства, наконецъ, культурнаго и

политическаго возрожденія болгарскаго народа. Прежде всего сдѣлаемъ перечень наиболѣе крупныхъ и цѣнныхъ въ научномъ отношеніи статей и матеріаловъ: «Славянскія надписи юго-западной Болгаріи», Г. Баласчева, «Болгарскій государственный гербъ» и «Старо-болгарскія надписи на камнѣ времени великаго хана Омортага», его же, «Турецкіе вакуфы въ Болгарскомъ царствѣ», Д. Ихчиева, «Титулы старо-болгарскихъ правителей», Г. Баласчева, «Верхнее теченіе рѣки Мѣста» (въ археологическомъ отношеніи), К. Николова, «Привилегіи христіанской райи въ Османской имперіи», Д. Ихчиева и редактора (съ текстами документовъ), «Этнографическое положеніе старыхъ македонцевъ», Г. Гацарова. Обращаютъ на себя вниманіе новизной фактовъ очерки: «Переписка между цареградскимъ патріархомъ и охридскимъ архіепископомъ въ XV вѣкѣ» и «Переписка между охридскимъ архіепископомъ и византійскимъ императоромъ Мануиломъ Палеологомъ» Г. Баласчева, «Хронологическій цикль у болгаръ», В. Бери (переводная статья, вызвавшая изслѣдованіе профессора софійскаго университета В. Н. Златарскаго), «О государственномъ и военномъ устройствѣ старо-болгарскаго государства» (большое изслѣдованіе), Г. Баласчева, «Злато-печатное слово царя Ивана Шишмана, данное Рьльскому монастырю», его же, «Археологическая побѣдка въ Тиквешскій край», іером. Іосифа, «Деспотство Добротича», К. Моисила и др.

Для палеографіи имѣетъ значеніе небольшая работа Г. Баласчева «Болгарское скорописное письмо и образцы его X—XIX вѣка» (282—302). Статья богато иллюстрирована снимками почерковъ, частью появляющихся впервые. Здѣсь находимъ своеобразные почерки XVII вѣка; одинъ изъ нихъ, на стр. 295, производитъ впечатлѣніе юго-западной русской скорописи: случайное ли это явленіе, или же была такого рода школа письма—вопросъ для будущихъ изслѣдователей южно-славянскій палеографіи. Было бы интересно видѣть возможно полное собраніе автографовъ болгарскихъ писателей и видныхъ дѣятелей возрожденія первой половины XIX вѣка, напримѣръ, Софронія Врачанскаго, Неофита Возвели, Неофита Рьльскаго и другихъ. Что касается скорописной приписки-подписи зографскаго игумена Макарія на документѣ 980 года (стр. 284), то она ни въ коемъ случаѣ не можетъ относиться къ концу X вѣка и, по всей вѣроятности, сдѣлана позднѣе на древнемъ греческомъ документѣ, если, конечно, и послѣдній не представляетъ копіи съ подлинника.

Статей, не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ археологіи, въ «Минало» сравнительно немного. Изъ нихъ укажемъ хотя бы слѣдующія: «Политическія комбинаціи въ теченіе XIX вѣка съ точки зрѣнія болгарскаго вопроса» К. Стоянова (Волканова), «Послѣднее письмо четы Христо Ботева», Іоцова, «Письмо даскала Джина къ Н. П. Тыпчелищеву», Д. Мишева, «Лѣсковскій революціонный комитетъ и окружное посланіе бухарестскаго комитета», В. Хранева, «Сѣверо-западные македонскіе говоры», Ю. Иванова.

Изъ иллюстрацій особенно удачно вышло прекрасное изображеніе болгарскихъ бояръ на фрескахъ Боянской церкви XIII вѣка, затѣмъ царя Константина Тиха и царицы Ирины въ той же церкви (оба воспроизведены въ краскахъ), факсимиле турецкаго документа въ краскахъ и др. Интересны снимки предметовъ изъ клада (считается древне-болгарскимъ. конечно, тюркской эпохи), най-

деннаго въ Венгріи. Въ видѣ приложенія къ статьѣ Г. Баласчева данъ снимокъ извѣстной грамоты Рьльскаго монастыря на большомъ листѣ въ натуральную величину грамоты.

О. Л. А.—въ.

Ек. Долгова. Флоренція и ея окрестности. Съ полнымъ планомъ Флоренціи, рисунками и алфавитнымъ указателемъ. Москва. 1912. Стр. LX+194. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Настоящая книга г-жи Ек. Долговой представляет собою первый опытъ изданія на русскомъ языкѣ путеводителя по Флоренціи. На основаніи лучшихъ сочиненій итальянскихъ, французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ авторовъ составительница настоящаго путеводителя поставила себѣ цѣлью дать «возможно болѣе сжатое, яркое и полное описаніе имѣющихъ художественный и историческій интересъ памятниковъ скульптуры, архитектуры и живописи современной Флоренціи». Все содержаніе раздѣлено на семь дней или четырнадцать прогулокъ. При путеводителѣ имѣется сборникъ правилъ для посѣтителей музеевъ, галерей и пр., тщательно составленный дорожный словарь самыхъ необходимыхъ и простыхъ выраженій параллельно на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ и итальянскомъ, а затѣмъ флорентійскій календарь и очень цѣнные для туриста практическія свѣдѣнія о путешествіи по Италіи вообще и о Флоренціи въ частности (вокзалы, гостиницы, трамваи, телеграфъ, почта). Читается книга г-жи Долговой очень легко и съ большимъ интересомъ, который возбуждается многочисленными историческими справками и сообщеніями о былой жизни «итальянскихъ Аѳинъ», о драматическихъ эпизодахъ ея аристократическихъ домовъ, о разныхъ легендарныхъ случаяхъ, въ честь которыхъ построены тотъ или другой заинтересовавшій туриста памятникъ. Книга богато иллюстрирована и снабжена большимъ отчетливымъ планомъ Флоренціи.

Д. А. М.

Записки разряда военной археологіи и археографіи императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Подъ редакціей дѣйствительнаго члена Н. И. Веселовскаго. Томъ I. Спб. 1911. Стр. XXX+138+24.

Разрядъ военной археологіи и археографіи императорскаго русскаго военно-историческаго общества, руководимый извѣстнымъ археологомъ, профессоромъ Николаемъ Ивановичемъ Веселовскимъ, по справедливости долженъ быть признанъ самымъ дѣятельнымъ изъ всѣхъ отдѣленій названнаго общества. Помимо довольно частыхъ засѣданій и цѣнныхъ работъ нѣкоторыхъ его членовъ по изслѣдованію древнихъ крѣпостей Новгородско-Псковской земли, разрядомъ въ концѣ 1911 года изданъ въ свѣтъ первый томъ его «Записокъ» подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Появленіе этихъ «Записокъ» тѣмъ болѣе цѣнно, что онѣ, разсылаемыя членамъ общества бесплатно, являются тѣмъ источникомъ, откуда большинство и членовъ и другихъ лицъ, интересующихся вопросами военной археологіи, могутъ почерпать свѣдѣнія о дѣятельности

разряда, такъ какъ единственный органъ военно-историческаго общества—его «Журналъ»—въ силу своей высокой цѣны является малодоступнымъ даже для членовъ общества.

Все содержаніе перваго тома «Записокъ» раздѣлено на три отдѣла: въ первомъ—помѣщены «журналы» засѣданій разряда за 1908—1910 гг. и въ приложеніи къ нимъ—протоколы комиссіи по изслѣдованію древнихъ крѣпостей Новгородско-Псковской земли, во второмъ—статьи и изслѣдованія и въ третьемъ—критика и библиографія.

Въ составъ втораго отдѣла входятъ работы: В. Г. Дружнина—«Попытки московскаго правительства увеличить число казаковъ на Дону въ срединѣ XVII вѣка», Э. Э. Ленца—«О клеймахъ мастеровъ на оружіи»; В. Н. Глазова—«Ладья съ каменными ядрами, затонувшая въ Чудскомъ озерѣ» и Д. П. Струкова—«Русская артиллерія подъ Полтавою». Изъ всѣхъ этихъ статей, представляющихъ несомнѣнный интересъ по своимъ нѣкоторымъ новымъ фактамъ и освѣщеніямъ, особенное вниманіе должна привлечь работа Эд. Эд. Ленца, по своей обстоятельности, научной обработкѣ и широкой освѣдомленности автора въ затронутомъ вопросѣ. Въ текстѣ этой работы помѣщено 107 рисунковъ. Авторомъ изслѣдованы лишь клейма и «фигурные знаки мастеровъ» западно-европейскихъ (германскихъ, итальянскихъ и испанскихъ). «Къ сожалѣнію,—пишетъ онъ въ концѣ своей статьи,—мы не въ состояніи сообщить сколько-нибудь удовлетворительныя свѣдѣнія о клеймахъ и знакахъ оружейниковъ въ Россіи, такъ какъ имѣющіеся до сего времени налицо матеріалъ слишкомъ скуденъ» и—прибавимъ отъ себя—совершенно не разработаны, въ виду чего желающимъ поработать въ этой области предстоитъ широкое поле.

Изъ критическихъ отзывовъ позволю себѣ указать на подробный и обстоятельный отзывъ Н. Ф. Зезюлинскаго, исполненный имъ съ проверкою по документамъ, о первомъ и третьемъ томахъ «Трудовъ» военно-историческаго общества, гдѣ напечатаны документы, касающіеся первыхъ годовъ Великой Сѣверной войны.

Б. Р.—овъ.

Баронъ А. Е. Врангель. Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ въ Сибири 1854—1856 г. г. Спб. 1912. Стр. 221. Ц. 1 р. 50 к.

Воспоминанія барона Врангеля о Достоевскомъ полны новизны и интереса. Они по преимуществу касаются жизни Достоевскаго въ ссылкѣ въ городъ Семипалатинскъ, куда онъ былъ сосланъ солдатомъ безъ выслуги лѣтъ. Эта жизнь, проведенная Достоевскимъ въ Сибири послѣ каторги, «никогда не затрагивалась въ печати, да и едва ли точно кому-либо извѣстна», говоритъ авторъ «Воспоминаній». Между тѣмъ ссыльная жизнь Достоевскаго производитъ не менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ и годы въ каторгѣ, описанные имъ самимъ въ «Мертвомъ домѣ». Баронъ Врангель хорошо зналъ Достоевскаго и по обязанностямъ своей службы, будучи въ 1854—1856 гг. въ Семипалатинскѣ областнымъ прокуроромъ (стряпчій), и по симпатіямъ въ такой степени, что они видѣлись ежедневно, а во время разлуки переписывались между собою непрерывно. Такимъ образомъ, «Воспоминанія» г. Врангеля снабжены обширными письмами До-

стоевскаго и рисуютъ солдатскую жизнь нашего писателя во всѣхъ ея подробностяхъ.

За свое помѣщеніе, стирку бѣлья и ѣду Достоевскій платилъ пять рублей въ мѣсяцъ; «но,—горько восклицаетъ г. Врангель,—какая вообще была его ѣда! На приварокъ солдату отпускалось тогда четыре копейки, хлѣбъ особо. Изъ этихъ четырехъ копеекъ ротный командиръ, кашеваръ и фельдфебель удерживали въ свою пользу полторы копейки. Конечно, жизнь тогда была дешева: одинъ фунтъ мяса стоилъ грошъ, одинъ пудъ гречневой крупы—тридцать копеекъ. *Θ. М.* бралъ домой свою ежедневную порцію щей, каши и чернаго хлѣба и, если самъ не съѣдалъ, то давалъ своей бѣдной хозяйкѣ. У Достоевскаго была одна комната, довольно большая, но чрезвычайно низкая; въ ней царствовали всегда полумракъ. У входа налѣво отъ дверей большая русская печь. За нею помѣщалась постель *Θ. М.*, столикъ и вмѣсто комода простой дощатый ящикъ. Вся комната была закопчена и такъ темна, что вечеромъ съ салною свѣчою,—стеариновыя тогда были большою роскошью, а освѣщенія керосиномъ еще не существовало,—я еле-еле могъ читать. Какъ при такомъ освѣщеніи *Θ. М.* писалъ ночи напролетъ, рѣшительно не понимаю. Была еще пріятная особенность его жилья: тараканы стаями бѣгали по столу, стѣнамъ и кровати, а лѣтомъ особенно блохи не давали покоя, какъ это бываетъ во всѣхъ песчаныхъ мѣстностяхъ».

Тяжесть солдатской обстановки смягчалась дружбою Врангеля, который ввелъ Достоевскаго въ домъ губернатора П. Спиридонова, а это послѣднее обстоятельство открыло Достоевскому доступъ ко всему высшему обществу Семипалатинска.

Но, замѣчаетъ Врангель, никогда, конечно, *Θ. М.* не проявлялъ ни малѣйшаго заискиванія, лести, желанія проникнуть въ общество и въ то же время былъ въ высшей степени сдержанъ и скромень, какъ бы не сознавая всѣхъ выдающихся своихъ достоинствъ. Благодаря своему такту, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

Случалось, все-таки, солдатская служба напоминала о себѣ Достоевскому очень ощутительно, особенно когда однажды военныя власти въ Семипалатинскѣ стали готовиться къ походу противъ бунтующихъ киргизовъ.

«Бѣдному *Θ. М.*—говоритъ баронъ Врангель,—ежедневно приходилось два-три часа стоять въ строю; особенно изводилъ его парадный тихій шагъ въ три приѣма. Я самъ ознакомился съ этимъ удовольствіемъ въ мою бытность въ лицей и недоумѣвалъ, кому нужна была эта ножная гимнастика временъ Фридриха Великаго, введенная у насъ императоромъ Павломъ».

Къ довершенію мучительныхъ условий ссыльной жизни судьба судила Достоевскому влюбиться въ замужнюю женщину, и его романъ съ ней хотя и далъ писателю немало свѣтлыхъ минутъ въ его ссыльной жизни, все же былъ полонъ для Достоевскаго мучительными страданіями и въ то время, когда Марія Дмитриевна Исаева измѣняла мужу въ Семипалатинскѣ съ Достоевскимъ, и въ то время, когда измѣняла Достоевскому и мужу въ Кузнецкѣ съ какимъ-то учителемъ В., и въ то время, когда, овдовѣвъ и бросивъ учителя В., она обвѣнчалась съ Достоевскимъ и жила съ нимъ чахоточной истеричкой... Любовь къ ней весьма характерна для благородной и идеалистической души Достоевскаго.

«Истор. ввстл.», январь 1913 г., т. сxxxі.

18

Онъ не могъ представить себѣ близкую ему женщину въ черномъ свѣтѣ и отдавался гнѣвному противъ нея чувству только порывами. Когда состоялся первому мужу Исаевой переводъ въ Кузнецкъ, вереть за пятьсотъ отъ Семипалатинска, Достоевскій горько твердилъ: «И вѣдь она согласна, не противорѣчить, вотъ что возмутительно!»

Стоило, однако, г-жѣ Исаевой вернуться къ Достоевскому, какъ онъ все забылъ и писалъ о ней къ барону Врангелю то, что ея романъ съ учителемъ В. слишкомъ мало имѣлъ вліянія на ея привязанность къ Достоевскому. «Она меня любить. Это я знаю навѣрно. Я зналъ это и тогда, когда писалъ объ ея измѣнѣ. Она скоро разувѣрилась въ своей новой привязанности. Еще лѣтомъ, по письмамъ ея, я зналъ это. Мнѣ было все открыто. Она никогда не имѣла тайнъ отъ меня. О, если бы вы знали, что такое эта женщина!»

Потребность идеализировать самое горькое свое положеніе чрезвычайно свойственна людямъ, и Достоевскій особенно сильно отдавался этому чувству, потому что здѣсь приходилось идеализировать и любимую женщину. Даже явное легкомысліе въ ней онъ скрашивалъ благородными словами: «Будемъ всегда глубоко благодарны за тѣ дни и часы счастья и ласки, которые дала намъ любимая нами женщина. Не слѣдуетъ требовать отъ нея вѣчно жить и только думать о васъ, это недостойный эгоизмъ, который надо умѣть побороть». Конечно, эти великодушныя слова еще глубже открываютъ намъ несчастную любовь Достоевскаго къ маленькой женщинѣ, о которой ему легче думать въ повышенномъ смыслѣ. Онъ, послѣ ея смерти, говоритъ о ней въ письмѣ съ 31-го марта 1865 года слѣдующее: «Мы были съ ней положительно несчастны вмѣстѣ (по ея странному, мнительному и болѣзненно-фантастическому характеру), но мы не могли перестать любить другъ друга; даже чѣмъ несчастнѣе были, тѣмъ болѣе привязывались другъ къ другу. Какъ ни странно это, а это было такъ. Это была самая честнѣйшая женщина изъ всѣхъ, которыхъ я зналъ во всю жлзнь».

Эта любовь Достоевскаго очень много сходственна съ материнскою любовью, которая даже отразилась у него въ трогательныхъ заботахъ о дѣтяхъ Маріи Дмитриевны отъ Исаева.

Не менѣе цѣннымъ вкладомъ въ біографію Достоевскаго являются у барона Врангеля воспоминанія о томъ, какъ Достоевскій въ ссылкѣ томился тѣмъ, что ему было запрещено печататься и какъ эта тяжесть довела Достоевскаго до подачи патріотическихъ стиховъ на имя государя и прошенія о помилованіи.

Многіе укоряли Достоевскаго за эти поступки, забывая, что Достоевскій никогда не былъ революционеромъ. Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни за чтеніе въ одномъ изъ собраній у Петрашевскаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю и неоднократно говорилъ, что никогда даже не раздѣлялъ крайнихъ идей Петрашевскаго о полученіи конституціи насиліемъ.

Баронъ Врангель чрезвычайно гуманно мотивируетъ поведеніе Достоевскаго тѣмъ, что Достоевскій по природѣ, по самому существу своему, былъ всегда патріотомъ въ самомъ глубокомъ значеніи этого слова. «На Александра II онъ, какъ и всѣ тогда, взиралъ съ душевнымъ умиленіемъ,—въ немъ онъ видѣлъ возрожденіе новой жизни въ Россіи; а что же приниженаго было въ привѣт-

ствѣ стихами воцарившемуся государю, бывшему въ то время упованіемъ всѣхъ любившихъ свою отчизну. Долженъ упомянуть, что и къ императору Николаю Достоевскій никакого злобнаго чувства не имѣлъ и даже, несмотря на всю, какъ находили многіе, маловажность его политическаго проступка, онъ лично вину свою признавалъ и ссылку считалъ, какъ ни покажется страшнымъ, «дѣломъ справедливымъ». Стало быть, въ обращеніи къ царю о помилованіи не заключалось даже съ принципиальной точки зрѣнія ни малѣйшаго насилія надъ своими убѣжденіями ради личной выгоды. Не говорю уже о жестокости подобной критики о Достоевскомъ съ точки зрѣнія просто человѣческой. Достоевскій въ то время изнемогалъ отъ болѣзни, минутами онъ страшился за умъ и память свою. Литературная дѣятельность для него была самое завѣтное въ жизни. Благодаря его пребыванію въ ссылкѣ, произведенія его не могли печататься; въ отчаяніи онъ даже предлагалъ печатать свои сочиненія подъ моимъ именемъ. Конечно, это слишкомъ лестное для меня предложеніе я отклонилъ. Кромѣ того, литература, кромѣ славы, была его единственнымъ заработкомъ. Въ то время онъ рвался къ личной жизни, его ожидалъ бракъ, въ которомъ ему грезилось «безконечное счастье». А вѣчная вопіющая нужда: годами онъ былъ лишень самаго необходимаго. Безпредѣльная матеріальная зависимость отъ людей, вѣчное исканіе средствъ развѣ было не болѣе «приниженнымъ» для человѣка такого умственнаго и душевнаго склада, какъ Достоевскій? Кто знаетъ, не прибѣгнулъ ли Достоевскій къ средству, за которое такъ строго осуждаютъ его строгіе критики, не погибъ ли бы въ дебряхъ Сибири одинъ изъ величайшихъ русскихъ писателей—гордость Россіи».

Такимъ въ общихъ чертахъ рисуешь баронъ Врангель по своимъ личнымъ воспоминаніямъ нашего писателя-страдальца на фонѣ мрачной сибирской жизни пятидесятихъ годовъ.

А. Нечаева.

**Справочная книжка для ходоновъ и переселенцевъ (Переселеніе за Уралъ).
Изданіе переселенческаго управленія. Спб. 1912. Стр. 131. Цѣна 7 копеекъ.**

Въ виду важнаго значенія въ нашемъ отечествѣ переселенія крестьянъ за Уралъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивающагося, переселенческое управленіе сочло полезнымъ издать небольшую, но вполне обстоятельно составленную книжку, цѣною всего семь копеекъ, въ которой помѣщены всѣ законы, правила и льготы по ходочеству и переселенію, а также о порядкѣ распоряженія земельнымъ имуществомъ на родинѣ. Кромѣ того, тутъ же сообщаются главнѣйшія свѣдѣнія относительно условій жизни и хозяйства въ различныхъ районахъ переселенія, а также главные маршруты слѣдованія переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ, при чемъ приложены расчеты проѣзда одного человѣка и провоза одного пуда багажа по переселенческому тарифу отъ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ станцій желѣзнодорожнаго слѣдованія переселенцевъ изъ Европейской Россіи до наиболѣе значительныхъ станцій высадки переселенцевъ на желѣзныхъ дорогахъ Сибири и Дальняго Востока.

Въ этой небольшой книжкѣ крестьянское населеніе предупреждается о томъ, что переселеніе трудное и опасное средство улучшить свое благососто-

лініе; что при переселеніи не должно разсчитывать *только* на одно пособіе отъ казны (т. е. на ссуду); что необходимо имѣть также свои собственные средства на устройство новаго хозяйства на новыхъ мѣстахъ, и что расходы эти по устройству новаго хозяйства совсѣмъ не такъ малы, какъ себѣ представляютъ. Такъ, напримѣръ, на этотъ предметъ требуется рублей 400—500 на семью, чтобы устроиться на Дальнемъ Востоцкѣ, при правительственной ссудѣ до 200 рублей. Столько же денегъ должны имѣть семьи, переселяющіяся въ Енисейскую губернію. Въ Акмолинской области, чтобы устроиться и стать на ноги, каждая семья должна имѣть своихъ личныхъ средствъ отъ 300—400 рублей; въ Семипалатинской области отъ 250 до 350 рублей; въ Семирѣченской же, напротивъ того, не менѣе 600—700 рублей, причемъ *нѣтъ* участковъ свободныхъ ближе 700—1000 верстъ отъ желѣзной дороги, и это огромное количество верстъ приходится дѣлать обознымъ порядкомъ, при чемъ дорога изнурительна, большей частью пролегаетъ по пустыннымъ мѣстамъ и на пути нѣтъ остановочныхъ пунктовъ и даже селенія рѣдки.

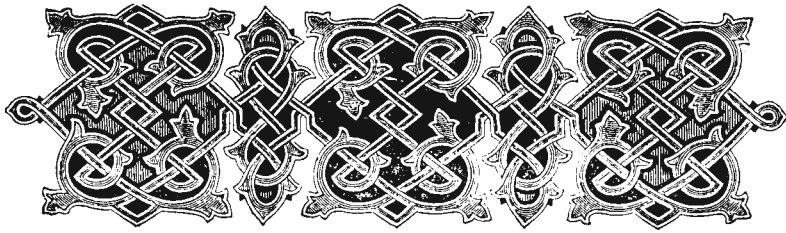
Въ губерніяхъ сибирскихъ, въ которыхъ лучшія мѣста уже заселены давно, какъ, напримѣръ, Тобольской, чтобы устроиться, переселенческой семьѣ надо имѣть не менѣе 300 руб. своихъ денегъ, въ Томской губерніи—около 500—400 р., при чемъ большинство участковъ отведено въ лѣсныхъ районахъ, гдѣ требуется продолжительный упорный трудъ для устройства хозяйства, въ Иркутской губерніи—на тотъ же предметъ требуется отъ 300—500 рублей и т. д.

Изъ этого видно, что переселеніе—средство весьма дорогое для поправленія хозяйственнаго положенія, особенно если къ этому прибавить массу времени, непроизводительно затрачиваемаго при переселеніи съ прежняго мѣста на новое, и еще громадный, тяжелый трудъ и терпѣніе, потребныя на то, чтобы обратить отведенный участокъ въ вполне воздѣланный и одолѣть всѣ невзгоды перваго времени устройства на новомъ мѣстѣ.

Лишнее добавлять, что эта книжка заслуживаетъ самаго широкаго распространенія среди населенія, стремящагося весьма часто къ переселенію въ совсѣмъ невѣдомыя ему страны.

П. Майковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Т А И-М а х а л ь.—Среди исторических памятниковъ древняго Египта и Индіи обыкновенно встрѣчаются усыпальницы или памятники, воздвигнутые государями въ память историческихъ событій. Но среди нихъ не попадалось ни одного, который былъ бы воздвигнутъ для увѣковѣченія любви и красоты. Есть только одинъ такой памятникъ въ Индіи, который, служа усыпальницей, увѣковѣчиваетъ царствованіе государя и вмѣстѣ съ тѣмъ чудное чувство любви и необыкновенную красоту одной женщины—это Таи-Махаль въ Агрѣ. Трудно было бы создать что-нибудь красивѣе въ память любви, какъ этотъ чудесный по своей красотѣ образецъ архитектурнаго искусства, если судить по иллюстраціямъ въ статьѣ Филиппо ди Матеи. «Таи-Махаль—эти три варварскіе слога,—говоритъ онъ,—означаютъ самый прекрасный памятникъ въ Индіи и одно изъ міровыхъ чудесъ архитектуры».

Въ центрѣ сѣверной Индіи, у воротъ Агры, на берегу рѣки Юмны, большого притока Ганга, возвышается этотъ бѣлый мраморный памятникъ съ великолѣпнымъ куполомъ въ мавританскомъ стилѣ и съ четырьмя тонкими высокими минаретами по угламъ, отражаясь въ зеркальной поверхности воды спокойнаго теченія Юмны. Когда былъ воздвигнутъ этотъ памятникъ, точно сказать нельзя, но предполагаютъ, что три вѣка тому назадъ. Событія, съ которыми связано возникновеніе этого памятника, хотя и описывались индусскими писателями, но съ безконечными измѣненіями дать, и потому для западныхъ людей эта исторія

¹⁾ Il Taj-Mahal di Agra. Un grande architetto italiano. «Nuova Antologia». 1 Dicembre 1912.

носить довольно легендарный отбнокъ. Авторъ для своей статьи воспользовался свѣдѣніями изъ индусской книги ¹⁾, переведенной на англійскій языкъ.

Первые годы XVII вѣка были послѣдними въ царствованіи Акбара, великаго государя изъ династіи Могола, завоевателя большей части Индіи и основателя Фатхепура Сикри, пышной и монументальной резиденціи государя въ двадцати миляхъ отъ Агры. Когда въ 1605 г. онъ умеръ, ему наслѣдовалъ его сынъ Іехангиръ. Онъ благоразумно управлялъ завоеванными отцомъ провинціями; царствованіе его было великолѣпное, и онъ продолжалъ украшать Агру блестящими памятниками. Первороднаго сына Іехангира звали Шахъ-Яханъ; впоследствии онъ женился на дѣвушкѣ, красоту которой онъ обезсмертилъ, воздвигнувъ Таи-Махаль, или, какъ индусы кратко называютъ этотъ памятникъ—Таи. Настоящее имя этой красавицы было Арюманди Бано Бегамъ, а при дворѣ ее называли Мумтацъ-Махаль, испорченное впоследствии народомъ въ Таи-Махаль. Ея отецъ Азафъ-Кханъ былъ сынъ Мирзы-Шіасъ-Бега, перваго министра Іехангира. Послѣ смерти министра его преемникомъ сдѣлался сынъ Азафъ-Кханъ. Такимъ образомъ, Мумтацъ-Махаль, родившаяся въ семьѣ министра, по наслѣдственной традиціи и благодаря полученному воспитанію, рано проявила способность въ искусствѣ правиться. Она была обворожительная красавица, и потому естественно ея отецъ Азафъ-Кханъ лелѣялъ мысль сдѣлать ее женою наслѣдника престола. Развѣ Іехангиръ не былъ женатъ на Нуръ-Яханъ-Бегамъ, сестрѣ Азафъ-Кхана? Развѣ эта красавица и большая умница, такъ очаровавшая молодого властителя, сдѣлавшись его возлюбленной гарема, не имѣла также сильнаго вліянія на политику государя? Почему и Мумтацъ не заняла такое положеніе? Бракъ Мумтацъ-Махаль съ Шахъ-Яханомъ былъ желателенъя отцу, а ея дядя также совѣтовалъ своему государю на ней жениться.

Авторъ индійской книги Моинъ-удъ-динъ такъ описываетъ свадьбу и красоту невѣсты. Брачная церемонія совершалась въ домѣ Эмадъ-удъ-даула-ди-Мирза-Гіазъ-бега. Властитель присутствовалъ при церемоніи и собственноручно надѣлъ на шею невѣсты вѣнчальное ожерелье изъ жемчужовъ, а на голову тюрбанъ. Шахъ-Яханъ уже былъ женатъ два года на дочери Музаффара-Хузана-Мирзы, правнучкѣ персидскаго султана Счіа-Измаила-Сафви. У нея уже родилась отъ него дочь по имени Пурунхачъ-Бано-Бегамъ. «Но магическая красота и умъ Мумтацъ,—говоритъ индусскій писатель,—были такъ могущественны, что завоевали любовь Шахъ-Яхана, хотя онъ уже два года какъ раздѣлялъ пріятное общество первой жены, принцессы королевской крови». Послѣ брака Мумтацъ стала для Шахъ-Яхана—все. И такъ онъ оставался съ этимъ любовнымъ недугомъ до самой смерти. Согласно традиціоннымъ обычаямъ предковъ ему также предоставляли другихъ женъ; но ни одной изъ нихъ не удалось добиться, чтобы онъ отдалъ ей предпочтеніе. Мумтацъ какъ цѣпями заковала его сердце, цѣпями, которыя разбить могла только безопадная рука ангела смерти. Она сдѣлалась для Шаха-Яхана тѣмъ же, чѣмъ была Нуръ-Яханъ для Іехангира.

¹⁾ The history of the Tai and the buildings in its vicinity. By Md. Moind-Din.

Тетка и племянница очаровали своих возлюбленных грацией. Объя играли свои партии въ любовной драмѣ одинаково чудесно. Мумтацъ была не ниже Нуръ-Яханъ ни по своей осторожности, ни по своему уму, ни по красотѣ; одна была слѣпокъ съ другой. Однако между ними была разница. Нуръ-Яханъ была извѣстна только тѣмъ, кто интересовался политической исторіей прошедшаго; имя же Мумтацъ близко знакомо даже жителямъ Китая и Перу. «Трудно, чтобы на лицѣ земли могъ появиться другой такой экземпляръ дочери Евы, могила которой была бы цѣлю паломничества каждой національности, каждой религіи и каждаго языка», говоритъ Моинъ-уд-инъ.

Эта была рѣдкая, исключительная любовь и вполне совершенная, если вѣрить словамъ индусскаго писателя. Однако «колесо жизни Шахъ-Яхана не всегда легко вертѣлось», по выраженію Моинъ-уд-динъ. Грозная туча заволокла горизонтъ счастья, когда его младшій братъ Шахріаръ женился на старшей дочери Нуръ-Яханъ. Это событіе заставило Нуръ-Яханъ измѣнить тактику относительно счастливой влюбленной пары. Съ этого дня она перестаетъ выказывать имъ расположеніе и начинаетъ съ ловкимъ вѣроломствомъ интриговать, чтобы оклеветать ихъ предъ Іехангиромъ, попрежнему въ нее влюбленнымъ, и отнять право на тронъ въ пользу зятя. Эти клеветническія козни Нуръ-Яханъ ей удаются. Расположеніе государя къ своему сыну, которому предстояло царствовать послѣ его смерти, измѣнилось; изъ клеветы зародилось подозрѣніе, и это разжигало его гнѣвъ противъ впавшаго въ немилость Шахъ-Яхана.

Шахъ-Яханъ и Мумтацъ должны были удалиться отъ двора и скрываться. Противъ нихъ былъ посланъ сильный отрядъ войска подъ командой принца Парвеца и Махабать-хана. Спротивляться было невозможно, и злополучная пара спаслась бѣгствомъ, сначала къ государю Декана, а затѣмъ въ Бенгалію. Въ теченіе восьми лѣтъ, что ихъ преслѣдовали, они переживали горе, тревоги, волненія. Они не могли прожить двухъ дней на одномъ мѣстѣ, потому что имъ было трудно обезпечить себѣ безопасность. Такое ужасное существованіе продолжалось до конца 1627 года, когда астма, тревожившая властителя и ранѣе, усилилась, и онъ умеръ. При этомъ извѣстіи Шахъ-Яханъ пустился въ обратный путь и съ помощью Азафъ-Кхана вступилъ на престолъ въ томъ же 1672 году.

Въ книгѣ Моинъ-уд-динъ подробно приведены разсказы о церемоніи коронованія, вѣроятно, основанныя на свѣдѣніяхъ индусскихъ историковъ. Тамъ говорится и о необыкновенно цѣнныхъ подношеніяхъ изъ жемчуговъ, драгоценныхъ камней, золота. Мумтацъ были сдѣланы подарки на два лака золота и на шесть лакъ серебра (милліонъ триста двадцать итальянскихъ лиръ). Другой подарокъ былъ въ десять лакъ (милліонъ шестьсотъ сорокъ тысячъ лиръ). Въ первую годовщину коронованія ей была поднесена драгоценная вещь въ тринадцать милліоновъ лиръ.

Однако не долго пришлось царствовать красавицѣ Мумтацъ-Махаль на блестящемъ тронѣ. Въ 1630 году, во время похода противъ Кхаана-Яхана-Людхи, которымъ руководилъ самъ Шахъ-Яханъ, красавица Мумтацъ скончалась тридцати шести лѣтъ въ главной квартирѣ въ Деканѣ отъ родильной лихорадки, произведя на свѣтъ дѣвочку. Горе Шахъ-Яхана передается индусскими историками съ восточными вымыслами. Такъ, напримѣръ, Мулла-Абдуль-Га-

мидь изъ Лагоры рассказываетъ, что, когда Шахъ-Яханъ узналъ о ея смерти, у него показались сѣдые волосы и въ короткое время онъ совершенно посѣдѣлъ. Другіе историки передаютъ различныя свѣдѣнія въ томъ же родѣ, о которыхъ слишкомъ долго говорить. Скажемъ только, что останки Мумтацъ-Махаль временно покоились въ Бурханпурѣ, а чрезъ шесть мѣсяцевъ ихъ перевезли въ столицу, гдѣ они были похоронены въ томъ же 1630 году, и въ память красавицы государыни была заложена красавица усыпальница Таи. Мавзолеемъ окруженъ роскошнымъ садомъ, и описанію его отведено много мѣста въ статьѣ Маттеи. Мы же вкратцѣ скажемъ, что окончательно не выяснено, кто именно строилъ этотъ чудный образецъ искусства, увѣковѣчившій такую долгую вѣрную любовь и красоту. По однимъ источникамъ—турецкій архитекторъ Мухамедъ-Иза-Эффенди, по другимъ—португальскій монахъ Августиискаго ордена, находившійся тринадцать лѣтъ въ Агрѣ: онъ венеціанецъ, по имени Джеронимо-Веронео, прибывшій въ Индію черезъ Португалію и умершій въ Лагорѣ въ 1640 году.

— П л ѣ н ь В и н ц и н г е р о д е . — Членъ французскаго института Артуръ Шюкэ въ декабрьскомъ «*La Revue*» передаетъ одинъ эпизодъ изъ войны 1812 г., происшедшій съ генераломъ Винцингероде, находившимся на русской службѣ.

Баронъ Фердинандъ Винцингероде родился въ 1770 году въ Аллендорфѣ на Верра, гдѣ его отецъ находился въ Гессе-Кассельскомъ кирасирскомъ полку въ чинѣ подполковника. Въ 1788 году юный Винцингероде поступилъ въ кадетскій корпусъ и въ 1785 году его произвели въ прапорщики, но за нарушеніе дисциплины послали въ Шмалькальденъ. Винцингероде возмущенъ и нашелъ это несправедливымъ. Онъ подалъ въ отставку, которую, однако, не приняли. Это его оскорбило, и онъ поступилъ простымъ солдатомъ въ австрійскую армію. Но вскорѣ онъ былъ отличенъ начальствомъ, произведенъ въ чинъ поручика и назначенъ въ Кобургскій полкъ. Съ этихъ поръ Винцингероде старался пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы выказывать свою храбрость и военныя способности въ прусской и австрійской арміяхъ.

Наконецъ, въ 1797 году онъ попадаетъ въ русскую армію, сначала въ чинѣ майора, но въ 1799 г. онъ уже дѣлается адъютантомъ великаго князя Константина, котораго сопровождаетъ въ итальянскій походъ. Въ 1802 году онъ уже флигель-адъютантъ, участвуетъ въ войнѣ 1805 года, послѣ Дюрренштейнской битвы получаетъ орденъ Георгія, въ Аустерлицѣ находится въ свитѣ императора.

Наконецъ наступилъ 1812 годъ. Винцингероде былъ въ главной квартирѣ русской арміи. 22-го октября онъ вошелъ въ Москву со своимъ адъютантомъ Львомъ Нарышкинымъ и нѣсколькими казаками. Онъ думалъ, что генералъ Мортье, которому была поручена охрана Москвы, удалится, оставивъ въ Кремлѣ только калѣкъ. Ему пришла мысль овладѣть Москвой и проникнуть первому въ Кремль. За эту смѣлость онъ заплатился. Подпоручикъ Леле съ тридцатью восемью солдатами своего полка находился на площади, и его солдаты

¹⁾ La prise de Wintzingerode. Par A. Chuquet de l'Institut. «*La Revue*». 1 Decembre 1912.

замѣтили двухъ офицеровъ въ сопровожденіи уланъ. Они приблизились, чтобы лучше разглядѣть этихъ людей въ неизвѣстномъ имъ мундирѣ и окликнули ихъ: «Кто идетъ?» — «Франція!» послѣдовалъ отвѣтъ Винцингероде. Тогда Леле схватилъ его лошадь подъ уздцы и спросилъ: «Кто вы такіе?»

Какъ быть? что отвѣтить? Возмущенный, раздосадованный, Винцингероде потерялъ хладнокровіе и, не имѣя времени соображать, придумать какой-нибудь подходящий предлогъ, прямо выложилъ половину правды. Конечно, онъ не сказалъ о своемъ планѣ овладѣть Кремлемъ, но отвѣтилъ, что онъ миролюбиво пріѣхалъ въ эвакуированный городъ съ цѣлью расквартировать здѣсь своихъ солдатъ. «Я генералъ,—отвѣтилъ онъ Леле:—и пріѣхалъ сюда захватить ваши квартиры и выгнать оттуда крестьянъ». Но Леле суровымъ тономъ объявилъ, что ему не достаточно этихъ объясненій. Онъ взялъ подъ стражу Винцингероде и Нарышкина и отправилъ ихъ въ Кремль къ генералу Мортге. Онъ приказалъ своимъ солдатамъ стрѣлять въ русскихъ солдатъ, въ это время удиравшихъ обратно. Ихъ преслѣдовали французы до тѣхъ поръ, пока они не встрѣтили другой отрядъ кавалеріи человѣкъ въ двѣсти.

Винцингероде хотѣлъ найти извиненіе для себя за свою неосторожность и въслѣдствіи говорилъ, что у него сохранилось присутствіе духа настолько, чтобы измѣнить свою роль, вынуть изъ кармана платокъ и объявить себя парламентаремъ; онъ обвинялъ французовъ въ томъ, что въ отношеніи его они нарушили международное право.

Генералъ Мортге тщательно слѣдилъ за обоими плѣнными, хотя онъ оказывалъ имъ вниманіе, какъ военноплѣннымъ. Онъ написалъ Верге о происшедшемъ и прибавилъ: «Винцингероде причинилъ бы намъ много зла. Я его считаю человѣкомъ очень неспокойнымъ и нахожу для насъ чрезвычайно выгоднымъ, что онъ взятъ въ плѣнъ».

Наконецъ онъ отправилъ ихъ изъ Москвы. Не безъ горя они оба сходили со ступеней Кремля. Ихъ посадили въ экипажъ, находившійся въ центрѣ колонны солдатъ, но лошади съ трудомъ его тащили, и плѣнные, выйдя изъ экипажа, пошли пѣшкомъ среди молодой французской гвардіи и кавалеріи, состоявшей изъ лицъ всевозможныхъ національностей. Командиръ батальона Варлэ и капитанъ Дево были съ обоими русскими чрезвычайно предупредительны.

27-го октября въ Вереѣ они встрѣтились съ Наполеономъ. Императоръ давно зналъ Винцингероде и былъ на него сердитъ за его службу Россіи. Въ припадкѣ гнѣва онъ, скрестивъ руки, принялся кричать на Винцингероде: «Кто вы такой? Человѣкъ безъ родины! Вы мѣняете родину, какъ одежду. У васъ только одна цѣль: сражаться со мною, и вы сражаетесь со мною изъ ненависти! Вы всегда были моимъ личнымъ врагомъ. Когда я велъ войну съ австрійцами, я нашелъ васъ въ ихъ рядахъ. Австрія сдѣлалась моей союзницей, и вы попросились на службу Россіи. Вы были однимъ изъ самыхъ пламенныхъ зачинщиковъ перешней войны. Между тѣмъ вы родились въ области Рейнскаго союза, вы мой подданный, вы мятежникъ, предатель, я имѣю право судить васъ военнымъ судомъ и я велю васъ судить; если васъ обвинять, васъ расстрѣляютъ черезъ три дня. Жандармы! схватить этого человѣка».

Но жандармы не двигались съ мѣста. Они хорошо знали, чѣмъ оканчивались

такія грозныя сцены: въ такихъ случаяхъ лучше всего было не повиноваться, и чѣмъ гнѣвъ Наполеона былъ сильнѣе, тѣмъ скорѣе слѣдовало прощеніе.

«Видите, господа, видите эти опустошенныя деревни; эти пылающія деревни?—снова заговорилъ Наполеонъ.—Кому приписать эти бѣдствія? Пятидесяти авантюристамъ, какъ вы, подкупленнымъ Англійей, которая выбросила ихъ на континентъ. Но тяжесть войны падеть на тѣхъ, кто на нее подстрекнулъ; пожаръ Москвы—позоръ, и я за него отомщу, чрезъ мѣсяцъ я пойду и сожгу Петербургъ».

Потомъ, смягчившись, онъ обратился къ Нарышкину: «Васъ, графъ Нарышкинъ, я ни въ чемъ не могу упрекнутьъ: вы русскій; вы служите вашей родинѣ, какъ честный человѣкъ; это хорошо. Но какъ это вы привязались къ измѣннику? Какъ человѣкъ одной изъ первыхъ семей въ Россіи могъ сдѣлаться адъютантомъ продажнаго воина! Будьте адъютантомъ русскаго генерала: эта служба будетъ гораздо почетнѣе. Во всякомъ случаѣ, я прикажу обращаться съ вами хорошо».

Нарышкинъ поклонился. Винцингероде не очень былъ удрученъ императорскими филиппиками и спокойно отвѣтилъ: «Императоръ Александръ благодѣтель мой и моей семьи. Все, чѣмъ я владѣю, я имѣю отъ него: благодарность сдѣлала меня его подданнымъ; я былъ на посту, который онъ мнѣ указалъ, и я исполнялъ мой долгъ».

Обыкновенно Наполеонъ приходилъ въ ярость съ нѣкоторымъ расчетомъ. Если онъ раздражался противъ Винцингероде, то это было особенно для острастки нѣмцевъ, которые пытались отъ него отпасть. «Если бы онъ привелъ въ исполненіе свои угрозы сжечь Петербургъ, то императоръ Александръ отомстилъ бы ему», говоритъ Шюкэ.

3-го ноября онъ написалъ Бертье изъ Семлева: «Увѣдомьте генерала Винцингероде, что вы мнѣ представили письмо, въ которомъ онъ объявляетъ, что онъ совсѣмъ не подданный Рейнскаго союза и что вслѣдствіе этого я приказалъ считать его обыкновеннымъ узникомъ». Онъ прибавилъ, что Винцингероде и Нарышкинъ должны быть немедленно отправлены на перекладныхъ въ Смоленскъ, оттуда въ Вильну, а изъ Вильны въ Мець. Шюкэ объясняетъ это быстрорѣшеніе желаніемъ избавиться отъ стѣснительныхъ свидѣтелей, отъ которыхъ не укрылась бы переменна счастья французовъ.

4-го ноября оба плѣнника пустились въ путь по направленію къ Франціи. Генералы относились къ нимъ радушно: они успокаивали и утѣшали Винцингероде, а Нарышкина приняли, какъ брата, и дѣлили съ нимъ трапезу и солсму.

Вскорѣ плѣнные были освобождены русскими. 20-го ноября казачій полкъ Пантелѣева, подъ командой Чернышева, возвращавшійся въ армію изъ Чичагова, проходилъ по виленскому тракту недалеко отъ Радужкевичей. Одному отряду этого полка подъ начальствомъ капитана Дудкина было поручено захватить нѣсколькихъ курьеровъ. Дудкинъ издали замѣтилъ горсть жандармовъ, сопровождавшихъ узниковъ. Онъ бросился на нихъ и безъ труда захватилъ ихъ. Нарышкинъ самъ обезоружилъ свою стражу. Чрезъ нѣсколько минутъ Винцингероде и его адъютантъ встрѣтили Чернышева. Нарышкинъ ему сообщилъ: «Мы были позади трехъ корпусовъ французской арміи, окружены

шпіонами и въ странѣ къ намъ недоброжелательной; но мы уже считали себя дома и нельзя описать нашего счастья!».

— Воспоминанія графини Ведель.—Графиня Ведель, урожденная графиня Бёсть, дочь адъютанта и друга великаго герцога Карла-Александра, сына великой княжны Маріи Павловны, напечатала въ «Deutsche Revue» воспоминанія, изъ которыхъ мы извлекаемъ все то, что говорится о русскихъ. Ея отецъ былъ, по ея словамъ, не только вѣрный слуга, но истинный другъ и совѣтникъ великаго герцога и сопровождалъ его во время его посѣщеній иностранныхъ дворовъ и, между прочимъ, Петербурга.

Графиня Бёсть въ своихъ воспоминаніяхъ неоднократно выражаетъ уваженіе къ императору Николаю Павловичу, прозванному хмурой Европой «тираномъ». При русскомъ дворѣ наслѣдный герцогъ былъ принятъ особенно любезно, какъ сынъ великой герцогини и сестры императора. Весною 1841 г. молодой великій герцогъ присутствовалъ на свадьбѣ Александра Николаевича, былъ его шаферомъ и держалъ надъ нимъ вѣнецъ. «Наслѣдника русскаго престола,—говоритъ графиня,—и его веймарскаго двоюроднаго брата всю жизнь связывала тѣсная дружба. Строгій царь Николай, каковымъ его считали въ Европѣ, проявлялъ себя самымъ добросердечнымъ и любящимъ отцомъ семейства».

Нѣсколько недѣль спустя послѣ женитьбы наслѣднаго герцога на принцессѣ изъ Оранскаго дома, женился и графъ Бёсть на дочери веймарскаго министра Гергдорфа, фрейлинѣ великой герцогини.

Послѣ похода въ Данію въ 1844 году дружба наслѣднаго великаго герцога и молодого графа Веста стала еще тѣснѣе. Оба они получили крещеніе огнемъ, и графъ Бёсть далъ доказательство своей преданности великому герцогу, спасая его отъ смерти. Въ благодарность великій герцогъ подарилъ ему въ день юбилея пятнадцатилѣтней его службы шпагу съ надписью: «In Treue dem Treuen».

Лѣтомъ 1853 года скончался въ Веймарѣ послѣ непродолжительной болѣзни великій герцогъ, мужъ Маріи Павловны. Графиня характеризуетъ его, какъ человѣка мягкаго, душевнаго, преданнаго, благонамѣреннаго относительно своей страны, вѣрнаго благомыслящаго регента и добраго человѣка. Подъ его регентствомъ въ Веймарѣ возникла свѣжая, цвѣтущая жизнь въ умственномъ отношеніи и особенно въ области искусства. Благодаря его женитьбѣ на дочери русскаго царя Маріи Павловнѣ, которая была разсудительной отличной женой, судьба Веймара была обезпечена. Веймаръ, средоточіе умственной жизни, куда являлись паломники изъ всей Германіи и даже изъ-за границы, не могъ оставаться безъ попеченія.

У молодого герцога былъ необыкновенно живой умъ, и у него всегда было множество плановъ, особенно касавшихся украшенія его страны и его резиденціи. Веймаръ былъ самый привлекательный пунктъ для любителей искусства и музыки. Главнымъ средоточіемъ этой духовной жизни являлся вели-

¹⁾ Erinnerungen an Karl Alexander Grossherzog von Sachsen. Auszüge aus einem Lebensbild. Von Gräfin Wedel. geb. Beust. «Deutsche Revue». Novem, December 1912.

кій герцогъ, обладавшій общительной натурой и обходительнымъ характеромъ. Онъ ходилъ по вечерамъ въ знакомыя семьи на вечерній чай. Но терпѣть не могъ церемоній; ему было пріятно выпить чашку чаю, отвѣтатъ немного мороженого и провести время въ веселой бесѣдѣ, особенно въ обществѣ дамъ.

Каждую пятницу вечеромъ у Маріи Павловны происходило чтеніе и бесѣда какого-нибудь извѣстнаго профессора на какую-нибудь интересную тему. Но эти собранія прекратились послѣ смерти герцогини Софіи. Это были очень интересные вечера, и на нихъ участвовали профессора Купо-Фишеръ, богословъ Карль фонъ-Газе и т. д.

Большая была радость для Маріи Павловны, когда осенью 1857 года въ Веймаръ пріѣхалъ ея племянникъ Александръ Николаевичъ. Это посѣщеніе имѣло связь съ политическимъ событіемъ, ареною котораго избрали Веймаръ, а именно его встрѣчей съ Францемъ-Иосифомъ, первой послѣ Крымской войны. Враждебное поведеніе Австріи по отношенію къ Россіи своей прежней союзницѣ, во время этой войны вызвало натянутыя отношенія между обоими государствами, возмущало Россію. Встрѣча молодого государя съ Францемъ-Иосифомъ на нейтральной почвѣ давала надежду, что они придутъ къ соглашенію, чему вся Европа будетъ рада. Обоюдное привѣтствіе состоялось 1-го октября въ Бельведерѣ, гдѣ Марія Павловна проводила лѣто. Этотъ маленькій и веселый дворецъ находился въ получасѣ ѣзды отъ Веймара и въ болѣе возвышенной мѣстности сравнительно съ городомъ. Александръ Николаевичъ остановился тамъ, а Францъ-Иосифъ въ Веймарскомъ дворцѣ.

Положеніе Франца-Иосифа было щекотливое; на его долю выпала трудная роль въ этомъ свиданіи. Серьезный, спокойный и чрезвычайно сдержанный встрѣтился онъ съ Александромъ Николаевичемъ. Напротивъ, Александръ Николаевичъ былъ въ веселомъ настроеніи. Послѣ того, какъ онъ сталъ государемъ, это былъ его первый визитъ къ веймарскимъ роднымъ, и онъ много вспоминалъ съ двоюроднымъ братомъ о прошломъ, о юности, о поѣздкѣ въ Дармштадтъ къ невѣстѣ и т. д.

Самое пріятное для Александра Николаевича было, когда великій герцогъ принималъ его въ красивомъ Вильгельмштелѣ, окруженномъ зеленымъ лѣсомъ, но жилъ онъ охотнѣе въ веселомъ Бельведерѣ.

23-го іюня 1859 года Марія Павловна скоропостижно скончалась. Она заболѣла грипомъ, повидимому, въ легкой формѣ. Въ тотъ же самый день, послѣ завтрака, она еще поѣхала въ Бельведеръ поздравить съ рожденіемъ своего любимаго сына и, по русскому обычаю, наканунѣ послала ему подарокъ и пожеланіе. Поздравивъ сына, она вскорѣ собралась и, попрощавшись съ нимъ, сѣла въ свой лѣтній экипажъ и уѣхала. Не прошло и полтора часа, какъ прискакалъ вѣстникъ съ сообщеніемъ, что съ нею случился апоплектический ударъ.

Послѣдніе годы ея жизни были полны печальныхъ событій, причинившихъ ей не мало душевныхъ волненій. «Въ новомъ отечествѣ она не забыла своей далекой сѣверной родины,—говоритъ графиня Бестъ:—и какое бы событіе веселое или печальное, ей приключилось тамъ, оно всегда находило отголосокъ въ ея сердцѣ. Смерть ея любимаго и почитаемаго ею брата Николая, какъ и печальный исходъ Крымской войны, глубоко ее потрясли. Какъ сердечны были

ея отношенія съ могущественнымъ цѣремъ, ославленнымъ именемъ тирана, который былъ горячо сердечнымъ братомъ, доказывають слѣдующія строки, приложенныя къ духовному завѣщанію царя Николая, посылавшаго сестрѣ въ Веймаръ послѣдній прощальный привѣтъ:

«Съ дѣтства я питалъ особенную привязанность къ вамъ, вслѣдствіе вашей постоянной и доказанной любви ко мнѣ. Позже ваша дружба стала мнѣ еще драгоценнѣе. Никому въ свѣтѣ я такъ не довѣрялся, какъ вамъ. Я почиталъ васъ, какъ мать и дѣлилъ съ вами все, что у меня было на душѣ. Здѣсь я говорю вамъ въ послѣдній разъ мою сердечную благодарность за чудныя мгновенія, которыми я наслаждался бесѣдуя съ вами.

Послѣ смерти Маріи Павловны великій герцогъ еще разъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. Въ домѣ графа Беста съ нимъ былъ еще графъ Ведель, большой знатокъ искусства. Александръ Николаевичъ болѣе не посѣщалъ Веймара «Зная, какой онъ былъ веселый въ юные годы, прискорбно было наблюдать, — говоритъ графиня: — какимъ онъ сталъ серьезнымъ, суровымъ, замкнутымъ». Въ Веймаръ пріѣзжалъ только Константинъ Николаевичъ съ великой княгиней и съ двухлѣтней великой княжной Ольгой Константиновной, очень хорошею дѣвочкой съ бѣлокурыми локонами. Послѣдній великій князь, посѣтившій Веймаръ, былъ Константинъ Константиновичъ. Въ первые годы регентства Карла-Александра Веймаръ охватила политическая горячка, но съ 1848 года все успокоилось и всѣми овладѣлъ интересъ къ искусству. Отношенія къ Россіи были чисто родственныя, дружественныя, и политика въ нихъ совсѣмъ не вмѣшивалась. Однако съ 1860 году пошло по другому. Со вступленіемъ на престолъ въ Пруссіи Вильгельма I настали серьезныя времена тяжелой внутренней и внѣшней борьбы; веймарская великогерцогская чета и прусская породнились: Вильгельмъ женился на дочери великаго герцога. Когда Августа стала государыней, она во всемъ подражала покойной Маріи Павловнѣ. Что хотѣла сдѣлать послѣдняя изъ маленькаго Веймара то Августа старалась сдѣлать изъ большой Пруссіи.

Этимъ заканчивается все, что находится о Россіи въ воспоминаніяхъ графини Ведель. Вообще она скользитъ въ передачѣ событій и передаетъ все въ общихъ чертахъ, какъ, напримѣръ, о свиданіи Александра Николаевича съ Францемъ-Иосифомъ.

— Отзывъ иностранца о Сибирскомъ пути. — Русскія владѣнія на крайнемъ Востокѣ въ Манчжуріи, очевидно, интересуютъ иностранцевъ, тѣмъ болѣе, что удобное сообщеніе по русской линіи Сибирской желѣзной дороги располагаетъ для ознакомленія съ этой окраиной Россіи. По крайней мѣрѣ одинъ изъ иностранцевъ, Легаръ, вѣроятно, англичанинъ, предпринялъ это далекое путешествіе по Сибирскому пути и свои впечатлѣнія передаетъ въ «Pall-Mall». Прежде всего онъ нашелъ, что это путешествіе, казавшееся до русско-японской войны не столь длиннымъ, какъ страшнымъ для выполнения, — доставляетъ наслажденіе. По его мнѣнію, это очаровательное путешествіе имѣетъ то преимуще-

¹⁾ Through Siberia to the East by the trans-Siberian T. Legard. «Pall-Mall Magazine» Octobre.

щество предъ морскимъ путемъ, что, обходясь незначительно дороже, оно доставляетъ болѣе удобствъ. Для лицъ, не переносящихъ морской качки, сибирскій путь для слѣдованія на Дальній Востокъ и для возвращенія оттуда—настоящее благодѣяніе. Хотя теперь многіе пользуются этимъ сухимъ путемъ, но все-таки онъ удивляется, что не болѣе пользуются этимъ пріятнымъ путешествіемъ. Отъ Лондона до Токио требуется шестнадцать дней, а до Пекина—четыренадцать. Цѣна проѣзда умѣренная сравнительно съ такимъ длиннымъ разстояніемъ. По русской имперской дорогѣ проѣздъ обходится дешевле, но зато путешественнику предоставляется менѣе комфорта.

Недостатокъ русской желѣзной дороги, ея характерная особенность—это медленность передвиженія. Въ настоящее время матеріализма, стремительности и торопливости многіе народы рабы поспѣшности, поэтому часто раздуются сѣтованія на медленность передвиженія по Сибирскому пути. Самъ Легаръ утѣшаетъ себя тѣмъ, что если даже русскіе поѣзда, безъ сомнѣнія, мѣшкотно передвигаются, но во всякомъ случаѣ переѣздъ на Дальній Востокъ по русской дорогѣ совершается скорѣе, чѣмъ моремъ. Однако далѣе онъ говоритъ, что изъ-за медленности русской желѣзной дороги путешествіе теряетъ половину прелести, такъ какъ быстрота поѣзда по Сибири рѣдко превышаетъ двадцати пяти миль въ часъ. Только при спускѣ поѣзда съ европейской стороны Урала быстрота нѣсколько развивается. Но, несмотря на замѣченные Легаромъ минусы, все-таки онъ находитъ это путешествіе удобнымъ. Во время пути отъ момента отъѣзда изъ Москвы, говоритъ онъ, до послѣдняго десятаго дня, когда наконецъ останавливаешься во Владивостокѣ, передвиженіе настолько пріятно и удобно, что вполне возможно продолжать свои занятія съ одинаковой легкостью, будто сидишь дома.

Удобства русскихъ *train de luxe* онъ находитъ одинаковыми, что и во всѣхъ *train de luxe* другой части Европы. Только русскіе вагоны обширнѣе; въ нихъ больше простора и болѣе помѣщается багажа. Онъ не замѣтилъ большой разницы между первымъ и вторымъ классомъ, только въ послѣднемъ нѣтъ лампъ для чтенія и еще незначительныхъ вещей; онъ находитъ, что это небольшой недостатокъ.

Въ общемъ путешествіе показалось ему настолько пріятнымъ, что послѣ шестидневной жизни въ такомъ комфортабельномъ помѣщеніи, по его мнѣнію, пассажиры способны придратъся къ тому, что приходится перемѣнять вагонъ въ Иркутскѣ. Но тѣмъ не менѣе они все-таки съ удовольствіемъ переходятъ въ Иркутскѣ въ чистые вагоны, такъ какъ, несмотря на то, что вагоны ежедневно чистятъ, все-таки они находятся въ опасныхъ гигиеническихъ условіяхъ. Хотя объявленіе гласитъ, что вагоны ежедневно должны быть опрысканы одеколономъ, это предписаніе такъ и остается только на бумагѣ. Кто знакомъ съ скопленіемъ китайской грязи, тому, конечно, было бы желательно наблюденіе за чистотой и соблюденіе этого правила на китайскихъ поѣздахъ.

Кормятъ пассажировъ на русской дорогѣ разнообразно, пища хорошаго качества, свѣжая, но плохо состряпана. Молоко давали всегда свѣжее и яйца свѣжія и хорошія, но очень маленькія. Въ большомъ количествѣ подаютъ довольно скверную рыбу, говоритъ Легаръ, вѣроятно, мѣстную, изъ ши-

роких мутных рѣкъ, которыя приходилось переѣзжать. Но особенность страны—свѣжая икра и безвкусный чай, въ которомъ плаваешь горбушка древняго лимона. Въ столовомъ вагонѣ разрѣшается сидѣть весь день. Здѣсь имѣется хорошей запасъ книгъ, по большей части энциклопедій, и пѣнино, на которомъ разыгрываются разнообразныя мелодическія гаммы. Однако пользоваться книгами приходится очень мало; настолько интересны и новы пейзажи, что пассажиры безъ усталости глядятъ въ окна. Кроме того, воздухъ Сибири имѣетъ такое сходство съ воздухомъ вершинъ Альпъ, что вызываетъ особаго рода усталость, отъ которой спится всю ночь напролетъ, несмотря на вынужденное бездѣйствіе пассажировъ. «Здѣсь, говоритъ Легаръ, совсѣмъ неизвѣстна бессонница, которая обыкновенно бываетъ при поѣздкахъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Отъ наблюденій Легара не ускользнула особенность сибирской природы. «Вслѣдствіе особой чистоты воздуха предметы видны на большомъ разстояніи, отмѣчаетъ онъ,—а синева холмовъ разнообразится отъ бирюзоваго до сапфировога цвѣта, необычайнаго по живости окраски».

Отъ Москвы до Урала страна показалась ему въ высшей степени невзрачной, но на Уралѣ виды вполне вознаградили его за предпринятое далекое путешествіе. Сосновые лѣса, озера, маленькіе домики напоминали Швейцарію, съ которой иногда сравниваютъ русскіе эту часть страны.

Приходилось ѣхать и равниной, но эта однообразная картина въ послѣдствіи вознаграждалась богатствомъ окраски лѣса, рѣдко сохранявшаго одно настроеніе. Попадались то косматые сосны, встрепанныя бурей, то зеленая веселая лиственница, то серебристыя березы.

Больше города, мимо которыхъ проѣзжалъ поѣздъ: Омскъ, Красноярскъ, Мариинскъ, показались Легару непривлекательными. Также не заслужили его одобренія и берега большихъ рѣкъ: Волги, Оби, Енисея, Иртыша, по его мнѣнію, «особенно лишенныхъ прелести». И это тѣмъ болѣе удивительно, что, говоря о выборѣ времени путешествія на Дальній Востокъ, онъ предостерегаетъ предпринимать его зимою, а говоритъ о маѣ и перечисляетъ флору и фауну Сибири. Но онъ видитъ другую скрытую прелесть всѣхъ этихъ береговъ. «Однако эти города становятся обворожительными,—говоритъ онъ,—когда заглянешь впередъ, въ бездну времени, и подумаешь, какое займутъ положеніе эти колоссальныя канавки, изъ которыхъ многія свыше тысячи миль длины, окруженныя наибогатѣйшимъ въ мірѣ черноземнымъ берегомъ. Земля производитъ огромные запасы зерна, и торговля имъ и масломъ достигаетъ очень широкихъ размѣровъ». Легаръ также узналъ, что сибиряки пользуются для перевозки масла охладителями своей системы, что жизнь въ странѣ обходится очень дешево и продукты молоко и яйца до смѣшного дешевы и до смѣшного мелки яйца.

Проѣхавъ Иркутскъ, англійскій путешественникъ увидѣлъ «безмѣрно-громадное» Байкальское озеро. Кто не видѣлъ его, говоритъ Легаръ, тотъ не имѣетъ идеи, что оно равняется пѣлой Шотландіи, настолько оно мало на географической картѣ Сибири. На границѣ Манчжурии путешественникамъ пришлось имѣть дѣло съ русской таможеней. Здѣсь неосторожныя путешественники съ Запада, запасшіеся англійскими игральными картами, восковыми спичками и всякой всячиной въ этомъ родѣ, должны были съ ними распрощаться: ихъ кон-

фисковали. Несмотря на это, Легарь находитъ, что русскіе таможенные чиновники учтивы. Совершенною противоположностью имъ онъ считаетъ нѣмецкихъ таможенныхъ чиновниковъ. Только относительно фотографическихъ аппаратовъ въ русскихъ владѣніяхъ сохранился въ силѣ средневѣковый законъ, который строго соблюдаютъ. Онъ упоминаетъ о случаѣ съ одной изъ дамъ, которая хотѣла сдѣлать фотографическій снимокъ съ дедорѣза, находившагося въ гавани Байкала. Ее преслѣдовали солдаты съ направленными на нее штыками. Она спаслась, быстро добѣжавъ по платформѣ до своего вагона, святая святыхъ, куда отважные штыки боялись переступить.

Южная Манчжурія, по его выраженію, желтая и неряшливая, неряшливая и желтая. Что касается Сѣверной Манчжуріи, то Легарь говоритъ: «Ничего нѣтъ удивительнаго, что русскіе бросали пламенные взоры на Сѣверную Манчжурію, потому что это прекрасная страна съ густыми лѣсами, очень богатой почвой, прекрасно орошаемой Сунгари и Амуромъ, и богатая разнымъ краснымъ звѣремъ».

Отъ Хабаровска и Гирина линіи во Владивостокъ и Пекинъ встрѣчаются. До Пекина Легарю пришлось ѣхать уже не въ *train de luxe*, а въ обыкновенномъ поѣздѣ, останавливавшемся каждую ночь въ городахъ. Такимъ образомъ, несмотря на утомленіе, злополучному путешественнику суждено было забирать свой дорожный мѣшокъ и багажъ и направляться въ желѣзнодорожную гостиницу. Въ настоящее время все это измѣнилось.

Часть страны между Харбинымъ и Владивостокомъ Легардъ нашелъ неинтересной. Владивостокъ, по его мнѣнію, настолько мрачное мѣсто, что жить въ немъ можно только по вынужденію. Нѣкоторые писатели распространяются объ его красотѣ лѣтомъ и видятъ все въ розовомъ цвѣтѣ. Но лѣто наступаетъ здѣсь поздно, говоритъ онъ, и ни въ одной части свѣта не замерзаетъ море на столько мѣсяцевъ въ году, какъ здѣсь.

Этимъ заканчиваетъ Легарь свои впечатлѣнія, произведенныя русскими владѣніями, и восторгается природой Японіи.

— Ст а р ѣ й ш і й т е а т р ѣ в ѣ И т а л і и.—Италія отпраздновала двухстолѣтній юбилей своего знаменитаго театра Кэриньяно «Teatro di S. A. R. il principe di Savoia Carignano», сцена котораго послужила колыбелью для всѣхъ выдающихся итальянскихъ драматурговъ и драматическихъ актеровъ. Двѣ самыя крупныя звѣзды, какими только можетъ гордиться Италія, впервые проявили свой талантъ въ театрѣ Кэриньяно. Первая—самый комическій авторъ Карло Гольдони, вторая—драматическій авторъ Витторіо Альфіери. Исторію этого театра въ краткой статьѣ излагаетъ Джузеппе Деабате въ «Nuova Antologia». Лѣтъ сто тому назадъ, если бы французскій путешественникъ, которому предложили посѣтить Италію для научныхъ наблюденій, пріѣхалъ въ Туринъ и спросилъ, какъ онъ можетъ провести хорошо день, то услышалъ бы въ отвѣтъ, что онъ найдетъ очень хорошій читальный залъ близъ книжной торговли Карла Бокка, отличный ресторанъ Дюфуръ и хорошій спектакль въ театрѣ Кэриньяно.

¹⁾ Il bicentenario di un celebre teatro torinese. Giuseppe Deabate. «Nuova Antologia». 16 Novembre. 1912.

Въ то время театръ Кариньяно освѣщался только четырьмя кенкетами и при этомъ считался самымъ эlegantнымъ изъ театровъ, даже изящнѣе театра Реджіо. А главное, онъ могъ гордиться тѣмъ, что старѣйшій изъ театровъ; выстроенный въ 1712 г. княземъ Амедео Савойя ди-Кариньяно, онъ существовалъ уже тридцать лѣтъ, когда Карль-Эмануиль II построилъ театръ Реджіо по плану графа Бенедетто Альфіери. Два года спустя была куплена земля и выстроенъ новый великолѣпный театръ Кариньяно, который въ февралѣ 1786 года сгорѣлъ. На его мѣстѣ снова выстроили театръ по прежнему плану, подъ руководствомъ архитектора Ферроджіо, и съ тѣхъ поръ театръ Кариньяно-ди-Савойя стоитъ, сохранивъ первоначальную внѣшность, и лишь черезъ нѣкоторое время его реставрируютъ и украшаютъ.

19-го апрѣля 1751 г. въ театрѣ Кариньяно появилась комическая труппа Джироламо Медеба, а съ нимъ и Гольдони. Въ этотъ сезонъ онъ поставилъ на сценѣ новый свой трудъ «Моліѣге», но затѣмъ «пѣлъ Гольдони» уѣхалъ въ Женеву и болѣе не возвращался въ Туринъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Гольдони, описывая пребываніе въ Туринѣ, говоритъ: «Въ другомъ мѣстѣ моей книги покажется, что я тогда не вполнѣ былъ доволенъ моимъ пребываніемъ въ Туринѣ; но это было только по отношенію одного театральнаго спора, а не потому, что я не понималъ высокаго достоинства такой прекрасной, культурной столицы».

Черезъ много лѣтъ послѣ перваго появленія пьесы Гольдони на сценѣ Carignano di Savoia 16-го іюня 1775 г. здѣсь же давалась первая трагедія Альфіери «Антоній и Клеопатра». Авторъ присутствовалъ на ея представленіи, и хотя ее приняли рукоплесканіями, но онъ захотѣлъ тотчасъ же снять ее со сцены, чувствуя ея недостатки. Это рѣдкій случай артистической добросовѣстности, какая встрѣчается не у многихъ авторовъ, говоритъ Деабате. Среди послѣднихъ онъ помнитъ Фердинандо Мартини; этотъ авторъ въ 1865 г. взялъ назадъ одну свою комедію «Fede», которую хотя и приняли рукоплесканіями, но самому писателю произведеніе показалось недостойнымъ похвалы. Только полвѣка спустя послѣ памятнаго для Альфіери вечера и тридцать лѣтъ спустя послѣ его смерти, впервые «Антоній и Клеопатра» вторично попали на сцену. Это возвращеніе произошло опять на сценѣ Carignano di Savoia и поддержало достоинство славнаго имени автора. На этотъ разъ въ пьесѣ участвовалъ трагикъ Томазо Сальвини, въ то время находившійся въ самомъ блескѣ своей артистической славы, и Клементина Каццола, достойная его партнерша, а также другіе извѣстные актеры.

Всѣ крупные драматическіе актеры прошли черезъ Teatro di S. A. R. il principe di Savoia Carignano и, въ свою очередь, всѣ они прошли черезъ большое постоянное товарищество актеровъ—compagnia stabile города Турина, устроеннаго на сценѣ Кариньяно. Только миновалъ его самый великій актеръ—Густаво Модена—и одинъ изъ самыхъ крупныхъ актеровъ Джузеппе Демарини. Всѣ артисты отъ Луджи Вестри до Эрнесто Росси, отъ Маркіонни до Ристори, отъ Антуанетты Работти до Амаліи Беттини, отъ Розины Романьоли до Даріи Манчини и т. д.—появлялись передъ публикой въ Кариньяно.

За два вѣка существованія знаменитый театръ отзывался на всѣ грандіоз-
«истор. вѣсти», январь 1913 г., т. сxxxі.

ныя событія родины—какъ первое движеніе къ освобожденію и славное завоеваніе національнаго единства. И за это время у него былъ только одинъ соперникъ—театръ Джербино, первый театръ спеціально по исполненію Густаво Модены, а впослѣдствіи товарищества Беллоти-Бонъ. Но это соперничество было не безплодно хорошими результатами для самого искусства. Впослѣдствіи другіе театры, среди которыхъ спеціально «Альфіери» раздѣляли славу театра Кариньяно, какъ было съ театромъ Джербино. Туринъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ пунктовъ для собранія прозы; это не лагерь драматическаго искусства какъ въ Палестро, не военный лагерь согласно фразѣ Виктора Эмануила, это просто слава для всѣхъ, говорить въ заключеніе Д. Деабате.

— Тайна Венеры Милосской¹⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ знаменитая статуя Венеры Милосской водворена въ Луврѣ, художники и ученые не перестаютъ дѣлать попытки разгадать жезъ ея отломанной руки. Этимъ вопросомъ со страстью занималось нѣсколько поколѣній. Нѣкоторые увѣрили, что Венера держала этой рукой копье. Другіе утверждали, что она отталкивала ею кого-то. Наконецъ, третьи доказывали, что самъ творецъ статуи, неизвѣстный намъ художникъ, въ порывѣ недовольства своимъ твореніемъ хотѣлъ разбить его. Теперь догадка, мучившая артистическій міръ, разъяснилась, и исторія статуи установлена документально. Вотъ эта исторія.

Зимой 1820 года одинъ изъ жителей острова Милоса, Кастро Буттонисъ, обрабатывавшій вмѣстѣ съ сыномъ и племянниками принадлежавшее ему поле. Во время работы земля вдругъ дала трещину, въ глубинѣ которой обнаружился каменный склепъ. Заинтересованные крестьяне немедленно проникли туда и нашли здѣсь статую, стоявшую подъ землею около двухъ тысячъ лѣтъ. Статуя изображала полубоженную женщину; отъ пояса до ногъ спускалось длинное одѣяніе, которое женщина поддерживала правой рукой, въ лѣвой же у нея былъ шаръ величиною не больше яблока. По обѣ стороны статуи размѣщались два небольшія изображенія—лицо женщины и голова старика съ длинною бородой.

Зная, что иностранцы хорошо платятъ за такія находки, Буттонисъ прежде всего рѣшилъ перенести статую изъ склепа къ себѣ въ хижину. Мраморъ былъ тяжелъ, и сдѣлать это было нелегко. Осмотрѣвъ статую, крестьяне убѣдились, что мраморъ состоялъ изъ двухъ частей, которыя можно было разъединить. Рѣшено было перенести сначала одну верхнюю часть, какъ наиболее драгоценную. И вотъ съ наступленіемъ ночи Буттонисъ и его племянники охватили божественный торсъ своими мозолистыми руками и понесли его къ себѣ въ убогую лачугу. Какое изумительное зрѣлище! Три крестьянина, спотыкаясь и ругаясь, тащатъ по залитому луной полю бѣлѣющую фигуру богини!

Черезъ нѣсколько недѣль, 20-го апрѣля, остановился передъ Милосомъ французскій корабль «La Chevrette», шедшій въ Константинополь. На его борту находились лейтенантъ Матереръ и поручикъ Дюмонъ д'Юрвиль, оба страстные любители античной древности. Узнавъ о находкѣ Буттониса, они разыскали его. Буттонисъ сначала повелъ ихъ въ склепъ, гдѣ находился

¹⁾ Le Temps. Отъ 15 ноября 1912 г.

цоколь съ нижней частью статуи, потомъ въ хижину, гдѣ онъ спрятать ея буютъ. Матерерь и Дюмонъ д'Юрвиль на другой же день помчались въ Константинополь и немедленно по прибытіи бросились къ французскому послу, маркизу де-Ривьеру, которому и сообщили о находкѣ.

Посоль, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отправилъ перваго секретаря посольства Марселлюса съ приказаніемъ купить статую во что бы то ни стало. 23-го мая корабль «L'Estafette», на которомъ вѣхалъ Марселлюсъ, бросилъ якорь на Милосскомъ рейдѣ. И какъ разъ во время!

Осматривая берегъ съ мостика корабля, Марселлюсъ замѣтилъ толпу грековъ и турокъ, которые тащили къ берегу что-то бѣлое. То была Венера, плѣбная, связанная веревками. По каменистому берегу ее волокли по направленію къ баркасу, очевидно, спущенному съ корабля, на которомъ развѣвался турецкій флагъ. Казалось, дивное твореніе искусства навсегда потеряно для Франціи! Но Марселлюсъ не медлитъ: «Эстафетта» спускаетъ десантъ, и около статуи завязывается настоящій бой.

Турки разбиты и бѣгутъ, Венера остается за французами. Ея бѣлая плечи поцарапаны прибрежными камнями, она падаетъ, и отъ нея во всѣ стороны сыплются обломки. Матросы поднимаютъ эти куски, взваливаютъ богиню на плечи и перевозятъ на «Эстафетту»,—къ несчастью, не всю: турки уже успѣли перевести на свой бригъ нижнюю часть статуи. Послѣ двухдневныхъ переговоровъ Марселлюсу удается при помощи денегъ уговорить турокъ уступить ему и нижнюю половину. Куски же рукъ такъ и остались на островѣ Милосѣ. Въ первую минуту о нихъ забыли, а потомъ они исчезли безвозвратно для человѣчества.

Въ 1872 году Жюль Ферри, въ бытность свою посланникомъ въ Греціи, желая провѣрить исторію этой находки, отправился самъ на островъ Милосъ. Онъ засталъ еще въ живыхъ сына и одного изъ племянниковъ Буттониса, которые 52 года тому назадъ нашли статую. Оба они подтвердили, что богиня дѣйствительно держала въ рукѣ яблоко.

Французы долго умалчивали о хищеніи статуи, но нѣтъ на свѣтѣ ничего, что рано или поздно не вышло бы наружу.

Такъ разрѣшается теперь загадка, мучившая такъ долго историковъ искусства.

— Судьбы Константинополя ¹⁾.—За исключеніемъ Рима, едва ли въ исторіи человѣчества найдется другой городъ съ такимъ богатымъ прошлымъ, какъ древняя Византія или Константинополь. Его исторія представляетъ длинную вереницу картинъ ослѣпительной красоты и отвратительной гнусности, возвышающей мощи и глубокаго униженія, счастья и блеска и безпримѣрныхъ кровавыхъ ужасовъ, отъ которыхъ читателю до сихъ поръ становится жутко. Какъ и Римъ, Константинополь съ равнымъ правомъ можетъ быть названъ «Вѣчнымъ городомъ»: его начало также теряется въ глубинѣ отдаленныхъ вѣковъ. Исторически извѣстно лишь, что кучка грековъ изъ Мегары, ища для себя новаго отечества, бросила якорь у треугольнаго мыса, выдаю-

¹⁾ «Frankfurt. Zeitung». 1912 г. № 319.

щагоя въ Мраморное море между Пропонтидой и Золотымъ Рогомъ, и заняла ютившееся издревле поселеніе финикійцевъ, которое съ этого времени здѣсь стало называться Византіей.

Первая тысяча лѣтъ существованія новаго города была полна бурными превратностями судьбы. Его по очереди захватывали греки, македонцы, римляне. Во времена римскихъ императоровъ Византія была уже вліятельной городской общиной, оплотомъ имперіи противъ враговъ на восточной границѣ. Въ эпоху происходившей въ Римѣ борьбы за престолъ будущій Царьградъ нашихъ пѣсней и сказаній принялъ сторону одного претендента. Претенденту не повезло, и императоръ Септимій Северъ, одержавшій верхъ, въ отместку приказалъ разрушить городъ до основанія. Правда, императоръ впослѣдствіи возстановилъ его въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, но, по всей вѣроятности, Византія осталась бы такимъ же захудалымъ уѣзднымъ городкомъ Римской имперіи, какимъ стали блестящіе когда-то Коринѳъ или Аѳины, не приди императору Константину, желавшему избавиться отъ республиканскихъ воспоминаній стараго Рима, въ голову мысль перенести столицу куда-нибудь въ другое мѣсто. Выборъ его палъ на Византію, которую онъ именовалъ Новымъ Римомъ, по которую народъ сталъ называть по имени перваго императора, поселившагося на благословенныхъ берегахъ Босфора,—Константинополь (т.-е. городомъ Константина).

Императоръ дѣлалъ все возможное, чтобы его новая столица могла затмить по великолѣпію и блеску старую резиденцію. По его приказанію, возникъ цѣлый рядъ великолѣпныхъ построекъ. Какъ и Римъ, Константинополь разбросался по семи холмамъ. По образцу покинутой столицы, въ немъ были воздвигнуты Капитолій, колоннады, дворцы, храмы. Былъ доконченъ и начатый еще при Септиміи Северѣ ипподромъ, на которомъ впослѣдствіи суждено было не разъ разыгрываться потрясающимъ по своему драматизму событіямъ. Стѣну, защищавшую городъ и опоясывавшую только восточную часть города, Константинъ провелъ далѣе на западъ почти на 3 версты. Все это теперь погребло. Единственная вещь, оставшаяся до настоящаго времени отъ Константина, это порфировая колонна, стоящая на площади, бывшей въ тѣ времена форумомъ. Подъ этой колонной зарытъ палладіумъ, т.-е. изображеніе охранительницы города богини Паллады, будто бы вывезенное когда-то изъ горѣвшей Трои и доставленное потомъ въ Римъ. Въ эпоху, когда Константинополь былъ уже на краю гибели, между его жителями держалась твердая вѣра, что враги могутъ проникнуть въ городъ только до Константиновой колонны. Тутъ Богъ пошлетъ своего ангела, который вручитъ одному бѣдному человѣку небесный мечъ и скажетъ ему: отомсти за народъ Божій!

Такъ переплетались въ этой столицѣ восточнаго міра древнія языческія вѣрованія съ позднѣйшими христіанскими.

Въ слѣдующее столѣтіе градъ Константина еще болѣе расширился. Готы, составлявшіе главное ядро византійской арміи, были поселены въ городскихъ стѣнъ и образовали новый кварталъ-крѣпость, успѣшно отражавшую натискъ разныхъ гуннскихъ племенъ. Именно тогда, въ пятомъ столѣтіи возникли въ полуторѣ километрѣ къ западу отъ Константинополя знаменитыя укрѣпле-

нiя, приписываемыя императору Θεодосiю, развалины которыхъ лежатъ до сего времени. Отъ самаго Мраморнаго моря до Золотоу Рога тянулася двойная стѣна—надежнѣйшiй оплотъ города. Надъ сооруженiемъ ся трудился, впрочемъ, не одинъ Θεодосiй, а цѣлый рядъ императоровъ.

Изъ длиннаго ряда императоровъ, начиная отъ перваго Константина и кончая одиннадцатымъ Константиномъ, въ особенно яркомъ блескѣ выступаетъ фигура Юстинiана—второго основателя города, какъ его называли... При немъ воздвиглася величайшая достопримѣчательность Византии—церковь св. Софiи. Она была заложена еще Константиномъ Великимъ, построившимъ деревянную базилику во имя Премудрости Божiей (святой Софiи). Во время возстанiя Ники въ 532 году базилика эта сгорѣла, и вмѣсто нея Юстинiаномъ была построена теперешняя святая Софiи—не превзойденное чудо византийскаго искусства. Для украшенiя новаго храма были свезены наиболѣе цѣнныя вещи изъ храмовъ Эфеса, Делоса, Пальмиры и даже Рима.

Юстинiанъ, стоявшiй въ центрѣ огромнѣйшей монархiи, раскинувшейся отъ Арменiи до Испанiи, вознесъ свою столицу на небывалую высоту. Со всѣхъ сторонъ его обширнѣйшаго государства были свезены въ столицу лучшiя произведенiя искусства. Привезли изъ Олимпiи и знаменитую въ классической древности статую Зевса, работы Фидiя. Теперь развѣчанному Богу древней Эллады предстояло украшать собою константинопольскiй ипподромъ.

Въ то время, какъ германскiй сѣверъ теперешней Европы былъ покрытъ лачугами, въ которыхъ наравнѣ съ животными ютились полудикiе германскiе народцы, а въ областяхъ древней римской цивилизацiи начиналася мерзость запустѣнiя, Византия достигла высшей точки своего развитiя. Блескъ двора, культурность жизни, глубокiя религiозно-философскiя теченiя, въ которыхъ находилъ особенное удовольствiе византийскiй духъ,—все это рѣзко отличало Византию отъ западнаго мiра. Все это было, впрочемъ, остатками былой, болѣе широкой жизни. Политическая жизнь страны была совершенно подавлена и выродилася во враждѣ двухъ партiй—синихъ и зеленыхъ, спорившихъ между собою за побѣду на ипподромѣ. Партiи эти постоянно сталкивались между собою, и эти столкновенiя иной разъ принимали такой характеръ, что дрожали самыя крѣпкiя твердыни Константинополя. При Юстинiанѣ, напримѣръ, зеленые, обидѣвшись предпочтенiемъ, которое дворъ оказывалъ синимъ, произвели такой мятежъ, что цѣлую недѣлю въ городѣ бушевалъ пожаръ и улицы его были залиты кровью. И только знаменитому Велизарiю съ помощью наемной гвардiи изъ германцевъ удалось подавить возстанiе. Ипподромъ сдѣлался мѣстомъ ужасающей рѣзни, во время которой погибло болѣе 30 тысячъ чело-
вѣкъ.

Ослѣпительное великолѣпiе императорской столицы, тонувшей въ роскоши въ то время, какъ изъ провинцiй были вытянуты всѣ соки, не могло, однако, заслонить собою нравственную развращенность придворныхъ, безконечный произволъ безчестнаго, но необходимаго при деспотическомъ правленiи чиновничества, ненавистническiя преслѣдованiя со стороны церкви, принявшей характеръ совершенно государственнаго учрежденiя, и, что было хуже всего—изнѣженность и политическое равнодушие населенiя, всецѣло преданнаго лишь

конским ристаніямъ на ипподромѣ и всякаго рода торжественнымъ зрѣлищамъ. Среди длиннаго ряда именъ греческихъ царей, абсолютныхъ по власти и деспотическихъ по своимъ дѣйствіямъ, нѣтъ почти ни одного имени, на которомъ не лежало бы какого-нибудь пятна. Переходъ трона отъ одного лица къ другому почти каждый разъ сопровождался невѣроятными ужасами. Задушеніе, ослѣпленіе, изувѣченіе противника—таковы обычныя средства, съ помощью которыхъ добивались до царскаго далматика. Не спасало и кровное родство. Даже самъ Константинъ велѣлъ убить собственнаго сына Криспа, котораго онъ заподозрѣлъ въ мятежныхъ замыслахъ. Отецъ убивалъ сына, братъ брата, сынъ отца или мать,—словомъ, не было такого преступленія, котораго бы не видалъ императорскій дворець. Эти преступленія окончательно распатали Византійское царство, и рыцарямъ четвертаго крестоваго похода, собравшагося подъ предводительствомъ императора Фридриха Барбароссы, не стоило большого труда столкнуть подгнившій государственный организмъ. Вмѣшавшись во внутреннія дѣла царства, крестоносцы подъ предводительствомъ венеціанскаго дожа Энрико Дандоло осадили Константинополь и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ апрѣлѣ 1204 года взяли его приступомъ. Великолѣпная столица очутилась въ рукахъ малекультурныхъ, озвѣрѣвшихъ ландскнехтовъ. Два раза вспыхивалъ огромный пожаръ, истребившій цѣлую треть города. Солдаты предались грабежу и, бѣгая по улицамъ и переулкамъ, безпощадно убивали мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Святѣни константинопольскія подверглись такому оскверненію и поруганію, какого имъ потомъ не пришлось видѣть даже отъ турокъ. Въ храмѣ св. Софіи, ограбленномъ и опустошенномъ, были устроены отвратительныя оргіи съ участіемъ женщинъ развратнаго поведенія. Крестоносные «воины Господа», какъ любили называть себя крестоносцы, вырыли прахъ греческихъ императоровъ и гробницы ихъ въ церкви Св. Апостоловъ превратили въ лошадиныя стойла. Дивныя произведенія искусства, украшавшія форумъ, ипподромъ и площади, были разбиты вдребезги. Четыре бронзовыхъ коня работы Лизиппа и драгоценныя сосуды изъ храма св. Софіи были отправлены Дандоло въ Венецію, въ храмъ св. Марка.

Крестоносцы нанесли такой вредъ городу, отъ котораго онъ уже никогда не могъ оправиться. Черезъ 57 лѣтъ владычества латиняне были изгнаны изъ Царя-Града, но блескъ его потухъ уже навсегда. Два вѣка еще умирало крѣпко слаженное Византійское царство, пока рѣшительный штурмъ турокъ не положилъ ему конецъ. Турки изъ Малой Азіи наводнили весь Балканскій полуостровъ, заняли всю его территорию, и все Византійское царство умѣщалось теперь въ одномъ Константинополѣ. Генуэзскіе наемники, во главѣ съ Джуліани, храбро отражали бѣшенный натискъ турокъ на этотъ послѣдній кусокъ независимой византійской территоріи. 29-го мая 1453 года, въ два часа ночи начался предсмертный для византійцевъ штурмъ Константинополя. По всему городу били въ набатъ, во всѣхъ церквахъ горячо молились о спасеніи отъ варваровъ, на стѣнахъ шелъ бѣшенный бой. Ничто не могло удержать тучи турокъ, двинувшихся изъ своей главной квартиры Адрианополя.

Турки ворвались въ городъ, послѣдній императоръ Константинъ XI былъ убитъ, остатки гарнизона подверглись избіенію, а уцѣлѣвшіе отъ погрома

крестопосцевъ памятники искусства и дивныя зданія были преданы разрушенію. Опыяненные побѣдой, побѣдители-азіаты безсмысленно истребляли все красивое, что попадалось имъ на глаза, и самъ султанъ долженъ былъ вмѣшаться, чтобы положить конецъ этому безобразію. Въѣхавъ на конѣ въ храмъ св. Софіи и увидѣвъ солдата, ломавшаго киркой мраморный полъ храма, онъ ударомъ меча положилъ его на мѣстѣ.

Такъ 459 лѣтъ тому назадъ покончили свое существованіе городъ царя Константина, переименованный побѣдителями въ Стамбуль, отъ исковерканныхъ греческихъ словъ: eis ten polin, т. е. въ городъ, въ столицу—выраженіе, очевидно, часто слышавшееся въ окрестностяхъ Константинополя.

— Джонъ Стюартъ Милль въ Авиньонѣ. — Во Франціи, среди литераторовъ и ученыхъ, образовался комитетъ для постановки памятника знаменитому англійскому философу Джону Стюарту Миллю. Памятникъ предполагается воздвигнуть въ Авиньонѣ, гдѣ жилъ послѣднее время и гдѣ умеръ одинъ изъ величайшихъ мыслителей Англій.

При какихъ условіяхъ попалъ Милль въ Авиньонъ? Что заставило его поселиться въ этомъ укромномъ французскомъ городкѣ, служившемъ когда-то резиденціей папамъ?

Обыкновенно полагали, что Милль, бросивъ въ 1858 году частную службу, поселился въ Авиньонѣ, прельщенный его прекрасными окрестностями и мягкимъ климатомъ. Милль давно любилъ югъ Франціи, съ которой его связывали свѣтлыя воспоминанія далекаго дѣтства. Въ двадцатыхъ годахъ прошло вѣка, едва вступивъ въ юношескій возрастъ, Милль жилъ въ Тулузѣ и Монпелье, заканчивая здѣсь свое образованіе. Но не эти воспоминанія были причиной переселенія Милля въ Авиньонъ, переселенія, столь необычнаго для англичанина.

3-го ноября 1858 года философа постигло страшное горе: во время путешествія заболѣла воспаленіемъ легкихъ и умерла его жена Гарриетта Милль. Похоронена она была въ Авиньонѣ.

Гарриетта Милль для погруженнаго въ свои думы философа была истиннымъ ангеломъ-хранителемъ. Обладая мягкой душой и вдумчивымъ, проникновеннымъ умомъ, она не разъ спасала философа отъ страшной мысли о тщетѣ всего земного, мысли, которая одинъ разъ едва не довела Милля до самоубійства. Своимъ мягкимъ вліяніемъ и теплымъ чувствомъ г-жа Милль умѣла устранять послѣдствія тѣхъ страшныхъ духовныхъ кризисовъ, которыми богата біографія ея мужа.

Потеря жены до такой степени потрясла Милля, что онъ опять былъ близокъ къ самоубійству. Но вмѣсто жены судьба послала ему на помощь падчерицу, Елену Тэйлоръ, до конца его жизни бывшую для него вѣрной Антигоной. Она сумѣла вернуть къ жизни вотчима, постепенно пріучивъ его къ мысли, что отнынѣ его задачей становится охранять и украшать могилу той, которую онъ такъ глубоко и сосредоточенно любилъ. Какъ утопающій за соломинку, схватился Милль за эту мысль.

¹⁾ «Figaro». Suppl. litter. 1912 г. № 319.

Немедленно въ Авиньонѣ былъ купленъ недалеко отъ кладбища небольшой домикъ. Около него насадили аллею платановъ, разбили зеленыя лужайки. Съ трехъ сторонъ домикъ покрылся террасами, по которымъ могъ гулять философъ, обдумывая свои послѣднія наиболѣе зрѣлыя вещи. Съ четвертой была устроена оранжерея, куда онъ укрывался въ случаѣ дурной погоды. Мало-по-малу, съ цѣлью заглушить всякій шумъ, было скуплено значительное пространство земли вокругъ домика. Вотъ въ это-то комфортабельное убѣжище Милль четырнадцать лѣтъ возвращался каждую зиму. Здѣсь же онъ и умеръ 7-го мая 1873 года.

Будучи любимцемъ англійской демократіи, пользуясь всемірной извѣстностью, занимая кресло въ палатѣ общинъ, Милль имѣлъ право на величайшую честь, которую англійская нація воздастъ своимъ великимъ людямъ,—быть похороненнымъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Но онъ завѣщалъ извѣстному психологу Бену похоронить себя непременно въ Авиньонѣ, на томъ же кладбищѣ, гдѣ покоится прахъ его жены. Похороны были самыя скромныя. Не было даже объявлено о часѣ ихъ, и около разрытой еще могилы собралась небольшая кучка ближайшихъ друзей и десятка два-три случайныхъ зрителей, недоумѣвавшихъ, что заставило великаго англичанина измѣнить величавому Вестминстерскому аббатству ради скромнаго, почти сельскаго кладбища Авиньона.

Съ исторіей Авиньона связана неразрывно пара именъ: Петрарки и Лауры. Девятнадцатый вѣкъ впишетъ сюда еще два имени: Джона Стюарта и Гарриетты Милль.

— Отъ всюду.—«Nineteenth Century» занимается разрѣшеніемъ вопроса: кому изъ маленькихъ союзныхъ государствъ, проливавшихъ кровь на Востокъ, достанется вкусная часть турецкаго пирога, когда они съ такимъ аппетитомъ сядутъ за столъ? Удхэдъ Пикокъ, написавшій эту статью, довольно коварно ведетъ къ намѣченной цѣли. Если бы въ этомъ раздѣлѣ Европейской Турціи считаться только съ законностью претензій, если бы каждый народъ могъ присоединять города и провинціи, на которые онъ дѣйствительно имѣетъ историческое право, то какъ произойдетъ расчлененіе Турціи и кому достанется Константинополь? Безспорно, онъ долженъ бы достаться грекамъ, какъ единственнымъ законнымъ наслѣдникамъ Византійской старой имперіи. Все говорить въ ихъ пользу: тождественность расы, религіи, языка. Даже греческій патріархатъ въ Константинополь остается до сихъ поръ ихъ духовнымъ главою, и болѣе половины города заселено людьми, считающими себя ихъ соотечественниками. По мнѣнію Удхэда Пикока, греки только вернутъ себѣ старую собственность, затерявшуюся на долгое время.

Болгары не имѣютъ большого историческаго права. Нѣкогда, въ царствованіе великаго государя Симеона имъ удалось устроить имперію довольно обширную, но она скорѣй рушилась. Господство болгаръ не оставило никакого рода слѣдovъ ни въ памятникахъ, ни въ правахъ, ни въ языкѣ страны, и нѣкогда порабощенной ими, ни даже въ воспоминаніяхъ и традиціяхъ болгарскаго народа. Возстановленіе Болгаріи послѣ счастливой войны 1877—1885 г. должно бы обрадовать болгаръ, и этого вполне достаточно для ихъ счастья. Самое большое,

что можно для них сдѣлать, это предоставить имъ нѣсколько небольшихъ ку-сочковъ въ сѣверо-восточной Македоніи.

Другое дѣло сербы: это большая нація, члены которой, лишь исключая жи-вушихъ въ Сербіи, разсѣяны въ Старой Сербіи, въ сѣверной Македоніи (Ускю-бѣ, Коссовѣ, Призрѣнѣ и др.), Черногоріи, Босніи, Герцеговинѣ и въ южной Венгріи, въ Темешварскомъ банствѣ. Къ нимъ же можно причислить кроатовъ и далматинцевъ, принадлежащихъ къ одной и той же расѣ и говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ, отличающихся лишь тѣмъ, что они католики и пишутъ ла-тинскими буквами. Вотъ эта нація имѣла славную исторію въ средніе вѣка. Чистокровной угро-славянской расы, сербы были немного цивилизованнѣе бол-гарь, грубыхъ монголовъ, только ославяненныхъ. Имъ имперія, прославив-шаяся при Душанѣ и Лазарѣ, держалась дольше другихъ и достигла высшей степени великолѣпія. Тогда сербамъ принадлежали вся Македонія и часть Алба-ніи, и еще теперь находятся слѣды ихъ господства, особенно въ названіяхъ горо-довъ. Они долго боролись съ турками и кончили славнымъ пораженьемъ въ Коссовѣ въ 1389 г. Въ теченіе почти всего XIX вѣка они боролись съ турками съ такимъ неистовствомъ, какому вполнѣ стили подражать болгары. Сербы никогда не забывали ни прежнихъ побѣдъ, ни поражений. Воспоминаніе о Коссовѣ всегда будило въ сердце и умѣ сербскихъ патріотовъ отъ Сараева до Ускюба и отъ Це-тинья до Бѣлграда — желаніе смыть позоръ Коссовскаго пораженія въ крови турецкаго обидчика. И чудовищно, что сербы Сербіи, Черногоріи, Австріи, Венгріи и Турціи, которые въ дѣйствительности составляютъ одну единую на-цію, еще не соединились въ одно государство подъ скипетромъ единаго государя. Этому благотворному единенію до сихъ поръ мѣшала зависть великихъ дер-жавъ. Но оно совершится: сила вещей, упорная воля народа кончатъ тѣмъ, что одержать верхъ надъ всѣми комбинаціями дипломатовъ. Но въ силу историче-скихъ правъ эту задачу объединенія не могутъ взять на себя сербы, они не мо-гутъ явиться коллективной единицей всѣхъ разсѣянныхъ сербовъ, потому что они допустили себя раздавить во время вторженія турокъ, послѣ Коссова они склонили спину, нѣкоторая часть изъ нихъ, и не меньшая, перешла въ мусуль-манство, другіе сдѣлались райей, униженными презрѣнными подданными. Такое унижительное положеніе тянулось болѣе четырехъ вѣковъ до дня, когда героическій Карагеоргиевичъ, прадѣдъ царя Петра, призвалъ своихъ соотече-ственниковъ къ священной войнѣ. Очевидно, сербы втайнѣ оставались вѣрны своимъ національнымъ традиціямъ и съ 1803 г. они отважно нагнали потерян-ное время. Но все-таки надо сознаться, что прежде, чѣмъ подняться на обидчика, они еще долго раздумывали.

Вотъ черногорцы никогда не были поработаны. Въ XVI и XVII вѣкѣ, когда всѣ народы, окружавшіе ихъ, какъ съ сѣвера и съ сѣверо-востока, такъ и со стороны, откуда пришли турки, всѣ преклонялись подъ гнетомъ крестонос-цевъ, — одни только черногорцы продолжали борьбу и отстаивали свою не-зависимость. Ихъ первая столица Забліака подверглась осадѣ въ 1884 г. Тогда они забрались еще выше въ горы и выстроили тамъ новую столицу Це-тинье. Борьба продолжалась все ожесточеннѣе. Въ 1623, 1690 г. и въ 1714 г. Цетинье, въ свою очередь, было взято, и турки его совершенно уничтожили, но

черногорцы никогда не капитулировали. Каждый раз они мстили и добились того, что отвоевали свою страну и снова построили маленькую столицу. Долгое время глава нации был выборный, но послѣ пораженія 1690 г. народъ понялъ, что если желательно сохранить независимость, надо обезпечить черногорскою политикѣ большую непрерывность, чѣмъ ту, какую можетъ вложить въ свои усилія выборный глава. Поэтому народъ довѣрилъ власть семьѣ Петровичей-Нѣгушей, до сихъ поръ сохраняющихъ ее въ своихъ рукахъ. И священная война продолжалась почти непрерывно до нашихъ дней. Въ 1785 г. въ послѣдній разъ было взято Цетинье и уничтожено огнемъ; но 11 лѣтъ спустя великая армія Кара-Махмудъ-паша была цѣликомъ уничтожена въ дефиле Крузь, и самъ паша погибъ тамъ. Черногорцы умножились изъ наиболѣе достойныхъ воиновъ Великой Сербіи, удалившихся въ горы во избѣжаніе оттоманскаго ига, поэтому они составляютъ избранниковъ себской нации и четыре вѣка они были единственными борцами за свою независимость, слѣдовательно первенство слѣдуетъ признать за ними. Король Николай мечтаетъ соединить подъ своимъ скипетромъ всѣхъ сербовъ четырехъ государствъ и сдѣлать изъ Скутари столицу новаго государства. И это честолюбивое намѣреніе, по мнѣнію Пикока, совершенно законно и разумно и его слѣдуетъ поддержать.

«*Rivista de America*» даетъ краткую характеристику испанскихъ писателей. Испанская литература, по словамъ автора Хозе Франсеса, можетъ гордиться многими изъ своихъ писателей, которые давно уже оцѣнены въ Пиренеяхъ. Бенито Перецъ, Гальдось, Бласко Ибаньесъ, Эмилиа Падро Бацанъ, Палачіо Вальдесъ—извѣстны и въ другихъ странахъ. Перецъ Гальдось, благодаря своимъ «*Episodios nacionales*»—этой длинной серіи томовъ, посвященныхъ исторіи Испаніи, воздвигъ своей родинѣ настоящей памятникъ. Его стиль иѣжный, колоритный, ироническій, но безъ горечи. Графиня Эмилиа Пардо Бацанъ заняла почетное мѣсто среди современныхъ испанскихъ женщинъ-писательницъ. Никто лучше ея не сумѣетъ нарисовать современную нетерпѣливость и гиперистерію. Типы ея романа «*Chimera*», взятые изъ современнаго общества, во всемъ соотвѣтствуютъ нашему личному темпераменту, тревогамъ людей, раздраженныхъ слишкомъ цивилизованной средой.

Бласко Ибаньесъ оставилъ неизгладимый слѣдъ въ испанской литературѣ. Человѣкъ съ независимой натурой, пылкій, болѣе склонный къ созерцанію, чѣмъ къ разсужденію, этотъ писатель широкой рукой сѣетъ идеи. Реалистъ и свободный мыслитель, онъ отстаиваетъ свою теорію независимо, въ сильныхъ колоритныхъ, лихорадочныхъ и смѣлыхъ выраженіяхъ.

Менѣе блестящимъ считаетъ авторъ второе поколѣніе Піо Барохо, Ацоринъ, Мигуэль де-Унамуно, Бенаvente Фелипо Триго. У Бароха странный умъ. Онъ черпаетъ свои типы изъ міра отверженныхъ. Онъ самый плодовитый изъ разсказчиковъ, и ни одно изъ его сочиненій не носитъ слѣдовъ банальности. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно прекрасны, какъ: «*Busca*», «*Maba Hierba*», «*Amore rosa*».

Фелипо Триго, первый романъ котораго «*Los ingenios*», трепещетъ жизнью. Это знатокъ интимной женской психики.

Во главѣ молодыхъ писателей стоитъ Альберто Инсуа, которому еще нѣтъ

тридцати лѣтъ. Главное его достоинство оригинальность: онъ никому не обязанъ ни одной чертой своего таланта: и находясь подъ иностраннымъ вліяніемъ, сумѣлъ остаться чисто испанскимъ писателемъ. Его произведенія нравятся, интересуютъ и захватываютъ читателя. Онъ пользуется такимъ же успѣхомъ, какъ и графиня Пардо Бацанъ, но у него смѣлѣе полетъ. Лучшее его произведеніе «Легкомысленная женщина», которая разошлась въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Затѣмъ онъ написалъ недавно «Демонъ сладострастія» и «Стрѣлы Амура». Эти двѣ вещи наиболѣе краснорѣчивые выразители его таланта. Первая изъ нихъ представляетъ глубокое изученіе современной женщины въ ея борьбѣ съ вихремъ искушеній. Онъ рисуетъ ее борющейся съ ними и не всегда покоренной, знающей опасность и защищающейся отъ нея до тѣхъ поръ, пока выдерживаютъ ея нервы или темпераментъ. Онъ доказываетъ, что она можетъ избѣжать крушенія, благодаря своей энергіи. «Стрѣлы Амура» чисто мадридекая вещь. Здѣсь онъ вводитъ читателя въ общество Мадрида, сіяющаго весельемъ портничь, модистокъ и приказчиковъ. Тѣню этого веселья служить эгоизмъ любителей легкихъ побѣдъ, часто забывающихъ о данныхъ ими клятвахъ и дѣлающихъ несчастными дѣвушекъ съ довѣрчивой душой, какъ его героиня Евгенія.

Эдуардъ Цамакоисъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ и выразительныхъ писателей современной эпохи. Его несправедливо упрекаютъ за склонность къ порнографіи, но въ дѣйствительно это лишь просто легкость пера. Въ сущности онъ оптимистъ, и его *credo*—восторженность и собственное побужденіе. Онъ рисуетъ типы людей, стремящихся достигъ цѣли, полагаясь лишь на самихъ себя, но ихъ характеръ глубоко романическій, какъ и у самого автора. Это люди упорные, чувствительные, неисправимые мечтатели, идущіе въ жизни какъ мечтатели съ нищенановскимъ пожатіемъ плечъ и съ вѣрою въ сверхчеловѣка. Его романъ наиболѣе нашумѣвшій—«Tick-Nay».

Рикардо Леонъ лѣтъ шесть тому назадъ былъ неизвѣстенъ, но его романъ «Casta de-Hidalgas» выдвинулъ его на видное мѣсто. Однако онъ не романистъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Техника его языка вполне совершенна, фразы чисты, но ни одна изъ его композицій не захватываетъ души читателя, благодаря недостатку жизни. Тѣмъ не менѣе его «Школа софистовъ» создала ему совершенно справедливо репутацію виднаго писателя.

Антоніо де-Гойосъ—превосходный наблюдатель жизни, онъ красочно передаетъ чувственность и порокъ въ всѣхъ тонкостяхъ разврата. Его романы происходятъ обыкновенно въ испанскомъ аристократическомъ обществѣ, но иногда онъ опускается въ среду падшихъ женщинъ, бандитовъ и воровъ. Его «Грѣховный Садъ» вдохновленъ ему Оскаромъ Уайльдомъ.

Другіе молодые писатели: Аугосто Мартинесъ Ольмедилла, Сижъ Апареси, хорошо изучившій невзгоды жизни и воплотившій ихъ въ своемъ романѣ «Госпиталь», «Побѣдители», «Паломничество», проявивъ при этомъ натурализмъ; Мартинесъ Сьерра, сумѣвшій проникнуть въ сердце буржуазнаго общества въ своемъ романѣ «Простая истина», Лопесъ Пимолесъ и масса другихъ второстепенныхъ писателей.

Третье поколѣніе испанскихъ романистовъ побѣдоносно пробралось въ книж-

ныя издательства, театр и печать. Это указываетъ на революцію противъ идеализма первыхъ и романтизма вторыхъ. За послѣднія пять-шесть лѣтъ эта молодежь составила легионъ, во главѣ котораго находятся Діего Санъ-Хозе, Рамонъ Гомецъ дела Серна и Анджело Гуерра.

«Revue Hebdomadaire» даетъ краткую характеристику современной нѣмецкой женщины. Авторъ статьи А. Куатизоль говоритъ, что вкусъ нѣмецкой женщины улучшается. Она измѣнила традиціонной нѣмецкой модѣ, замѣнивъ ее парижской. Разодѣтая такимъ образомъ, нѣмки производятъ иллюзію парижанокъ, пока не дѣлаютъ движенія. У берлинскихъ портныхъ всегда имѣются въ мастерской молодыя француженки, и единственное ихъ занятіе давать уроки хорошихъ манеръ нѣмецкимъ моделямъ. Въ залахъ, обставленныхъ зеркалами, нѣмки практикуются, какъ бы пограціознѣй встать, сѣсть, пройти и разговаривать, не потрясая всего зданія. Узкой юбкѣ, повидимому, избобрѣтенной для нѣмки—и потому, быть можетъ, ее такъ отстаиваетъ Вильгельмъ,—не удалось лишить ее атавистической восной выправки. Нѣмка попрежнему еще ходитъ крупными шагами и сама не подозреваетъ своей неграціозной походки. Со школьной скамьи ее приучаютъ шагать, какъ мальчика на парадѣ, выбивать ногой тактъ и т. д. Поэтому у нѣмки на всю жизнь остается отъ этой шагистики неизгладимый слѣдъ. И когда послѣ семнадцати лѣтъ традиціонный берегъ смѣняется модными шляпами и платьями изъ Парижа, солдатская выправка уже къ ней болѣе не идетъ, но она ее сохраняетъ.

Нѣмка отличается необыкновенной неумоимостью въ ходбѣ мужскими шагами, и это отнимаетъ отъ нея женскую грацію. Кромѣ того, общая черта нѣмокъ—походить другъ на друга. Въ началѣ сезона большіе магазины запасаются нѣсколькими моделями, по которымъ дѣлаются тысячи шляпъ, платьевъ, пальто, сумочекъ и проч., которыя раскупаются нарасхватъ. Поэтому нѣмки одѣваются одна, какъ другая. Нѣмка не кокетлива и она это знаетъ. «Эта простота, отсутствіе бѣлизны, румянъ и прочихъ искусственныхъ принадлежностей, эта естественность для насъ, французовъ, имѣетъ что-то успокаивающее, трогательное, прелестное»,—говоритъ авторъ. Очевидно, изъ этого же истекаетъ, что нѣмцы отъ всего сердца презируютъ дилеттаннизмъ и какъ чумы боятся *bel esprit*. Если въ пластическомъ искусствѣ и музыкѣ нѣмцы рѣдко поднимаются высоко, то въ литературѣ, напротивъ, они съ каждымъ днемъ занимаютъ все болѣе важное мѣсто. Профессоръ берлинскаго университета Гагененъ предложилъ автору убѣдиться, насколько нѣмецкая женщина сдѣлала шагъ впередъ на умственномъ поприщѣ, поговоривъ съ нею лично. По словамъ профессора, она даетъ наиболѣе лучшихъ диссертаций и наиболѣе самостоятельныхъ работъ. Проникнутая гуманизмомъ, философій, исторіей, она нашла новые пути. Предъ человѣческими несчастіями ея глаза широко раскрылись, и вотъ появились знаменитыя женщины-поэты Марія фонъ-Эбнеръ, Эшенбахъ, романистки Клара Фибихъ, Рихарда Гушъ, Грета Мейзелъ Гессъ и ихъ ученицы. Женщины стали исполнять мужскія должности даже въ полици. Есть банки, гдѣ, кромѣ женщинъ, нѣтъ другихъ служащихъ. Если въ области изящнаго нѣмка еще далеко отстала, то на пути умственнаго прогресса она шагнула далеко впередъ.

«Review of Reviews» даетъ краткую характеристику новаго президента С.-Американскихъ Штатовъ Вильсона. По словамъ Джона Форда, новый президентъ родился въ штатѣ Виргиніи, какъ Джеферсонъ, Вашингтонъ, Медисонъ и Монроэ. Въ немъ находится очень мало англо-саксонской крови: его предки отчасти шотландцы, отчасти ирландцы. Неудивительно поэтому, что Вильсонъ не знаетъ сплина, присущаго англичанамъ. Это демократъ съ уравновѣшеннымъ здоровьемъ—физическимъ и умственнымъ. По его личному выраженію: «Государственный человѣкъ не долженъ обладать молчаливой мудростью совы и созерцательной важностью коровы». Поэтому, покончивъ съ государственными дѣлами, президентъ даетъ полную волю своему языку въ домашнемъ кругу и ему также ненавистны дипломатическая осмотрительность и ловко разсчитанная сдержанность. Для него нѣтъ выше счастья, какъ высказывать всѣ свои мысли, и въ этомъ отношеніи онъ не скупится въ кругу своей жены, трехъ дочерей и нѣсколькихъ друзей. Онъ говоритъ обо всемъ, выказывая глубокое знаніе предмета, но только онъ не выноситъ ученыхъ, которые пренебрегаютъ общими идеями и ограничиваются своей наукой и научными изслѣдованіями. Онъ называетъ такихъ людей «невѣжественными специалистами», избравшими себѣ вѣрное средство суживать умъ. Однажды вечеромъ въ компании товарищей въ клубѣ студентовъ Фoordъ, который вмѣстѣ съ нимъ слушалъ лекціи въ принстонскомъ университетѣ, поднялъ вопросъ о Спенсерѣ. Вильсонъ съ необычайной ловкостью принялся разбивать основательными доводами всю систему англійскаго философа.

У него необычайно пытливый умъ, и онъ любитъ бывать въ обществѣ людей низшаго класса, которые сознаютъ, что они невѣжды, и вѣрятъ въ свои предразсудки. Черезъ нихъ онъ узнаетъ народное чувство. Но и съ учеными, а также литераторами онъ любитъ поспорить и извлечь пользу изъ ихъ разговора.

Новый президентъ принадлежитъ къ пресвитеріанской церкви, и его религіозныя убѣжденія внушаютъ ему антипатію къ ученію матеріалистовъ. Для Америки наступаетъ съ новымъ президентомъ новая эра: Бѣлый Домъ открылъ двери для человѣка всесторонне образованнаго—философа, ученаго и литератора. Быть можетъ, онъ будетъ не вѣсѣмъ симпатиченъ: его столь довольно скромный и даже суровый. У него никогда не подають вина: и онъ самый злѣйшій врагъ алкоголизма. Это самый горячій проповѣдникъ трезвости и, кромѣ чистой воды, не признаетъ другихъ напитковъ. Зато онъ питаетъ страсть ко всякаго рода спорту и, когда былъ профессоромъ принстонскаго университета, то каждую минуту, свободную отъ работы, посвящалъ своему любимому спорту. Онъ вполне сохранилъ ирландскую веселость и, кромѣ того, взялъ въ привычку смотрѣть на вещи только съ ихъ самой забавной стороны. Поэтому, отдыхая отъ государственной работы въ своей семьѣ, Вильсонъ даетъ полную свободу своему здоровому, веселому настроенію.

«Deutsche Revue» за октябрь мѣсяцъ въ статьѣ наслѣднаго принца Эрнста Гогенлоэ-Лангенбурга «Sympathien und Antipathien für und gegen das Deutsche Reich in Auslande» поднимаетъ вопросъ: за что иностранцы не любятъ Германію? Авторъ сѣтуетъ, что возьмешь въ руки иностранную газету и читаешь, какъ теплымъ тономъ расхваливають все нѣмецкое: администрацію, искусство,

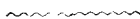
науку, промышленность, торговлю, техническія усовершенствованія и дѣйствительныя мѣры, принятыя для улучшенія условій жизни рабочихъ. Но къ выраженнымъ похваламъ всегда примѣшивается какая-то тревога, болѣзненный страхъ, какъ бы нѣмцы не затмили иностранцевъ. Статьи оканчиваются энергичнымъ призывомъ не показатъ себя ниже соперника. «Viel Feind, viel Ehr!» (много враговъ, много чести!)—воскликаетъ онъ.—Все это зависть. Если бы у нѣмцевъ не было столько побѣдъ на сушѣ и на водѣ, не играй Германія такой выдающейся роли въ европейской политикѣ, не будь такъ развита ея промышленность и флотъ, не было бы столько ненависти. Германія «конституціонная монархія, которая не наслаждается всѣми благодѣяніями парламентаризма» (согласно выраженію нѣмецкихъ предковъ), поэтому они не колеблясь показываютъ ее стонущей подъ гнетомъ тиранической власти, которую она тщетно хочетъ сбросить. Иностранцы рисуютъ ее раздраженной, готовой на мятежъ и изъ ненависти къ самодержавію готовой броситься въ объятія социаль-демократовъ.

Также съ ненавистью говорятъ и о нѣмецкомъ флотѣ и о нѣмецкой арміи. Французскія и англійскія статьи всѣ клонятся къ одному, какъ бы уронить нѣмецкую армію. Идетъ ли дѣло о международной политикѣ—во всѣхъ дипломатическихъ осложненіяхъ ищутъ козни Германіи. Германія вѣчный заговорщикъ, который все время проводитъ за тѣмъ, чтобы составлять заговоры; что бы ни случилось, или что бы ни сказали, всегда подозрѣваютъ у нея заднюю мысль. И эта антипатія встрѣчается не только въ странахъ, гдѣ имѣется противъ Германіи неудовольствіе, но даже въ Италіи и Японіи, которымъ Германія оказала столько услугъ. Тамъ относятся къ ней подозрительно и недоброжелательно, хотя въ каждой странѣ найдутся благородные, возвышеннаго ума люди, которые стараются разсѣять враждебныя предразсудки, но это рѣдко удается.

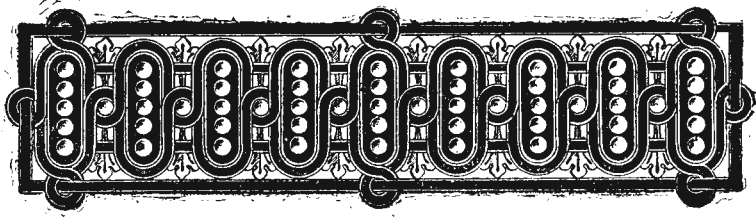
Кромѣ зависти, есть еще причина. Германія долго была мозаикой изъ маленькихъ государствъ, анархической конфедераціей, и ея постоянныя ссоры отдавали ее во власть честолюбія и продажности другихъ народовъ. Сколько разъ съ середины XVI вѣка до начала XIX ее разоряли. Теперь она торжествуетъ, она преобразовалась, но еще не совсѣмъ установила свое равновѣсіе. Винаватъ также матеріализмъ. Въ сущности нѣмцы идеалисты и были ими до крайности, но теперь они сдѣлались слишкомъ матеріальны.

Пьерпонтъ Морганъ вручилъ комитету, который взялъ на себя хлопоты по устройству покупки дома, гдѣ родился Пьеръ Корнель, десять тысячъ франковъ. Присоединивъ эти деньги къ уже собраннымъ по подпискѣ, комитетъ можетъ теперь перекупить этотъ домъ. Онъ находится въ Руанѣ улица де ла Пи.

«Nuova Antologia» и «Revue Bleue» печатаютъ выдержки изъ воспоминаній графини С. Толстой о бракѣ со Львомъ Николаевичемъ.

С М Ъ С Ъ.

ТОЛЪТІЕ собственной Его Величества канцеляріи. 7-го декабря Собственная Его Величества канцелярія торжественно въ стѣнахъ нынѣшняго своего помѣщенія праздновала свое столѣтіе. Къ тремъ часамъ собрались андреевскіе кавалеры: министр императорскаго двора генераль-адъютантъ баронъ Фредерикъ и статсъ-секретарь Куломзинъ, председатель государственнаго совѣта статсъ-секретарь Акимовъ, товарищ его статсъ-секретарь Голубевъ, председатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Коковцовъ, генераль-адъютантъ Пантелѣевъ, члены наградного комитета: членъ государственнаго совѣта статсъ-секретарь Петровъ, сенаторъ Игнатьевъ, тайный совѣтникъ Непорожневъ, управляющій капитуломъ орденовъ гофмейстеръ Злобинъ, тайный совѣтникъ Юшковъ, министры: иностранныхъ дѣлъ гофмейстеръ Сазоновъ, военный—генераль-адъютантъ Сухомлиновъ, морской—генераль-адъютантъ Григоровичъ, торговли и промышленности—тайный совѣтникъ Тимашевъ, внутреннихъ дѣлъ—сенаторъ Макаровъ, народнаго просвѣщенія—тайный совѣтникъ Кассо, юстиціи—статсъ-секретарь Щегловитовъ, путей сообщенія—тайный совѣтникъ Рухловъ, главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣіемъ статсъ-секретарь Кривошеинъ, государственный контролеръ тайный совѣтникъ Харитоновъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода дѣйствительный тайный совѣтникъ Саблеръ, государственный секретарь комендантъ Крыжановскій, оберъ-церемоніймейстеръ баронъ Корфъ, дворцовый комендантъ генераль-адъютантъ Дедулинъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Золотаревъ, начальникъ канцеляріи министерства императорскаго двора генераль-лейтенантъ Мосоловъ, оберъ-егермейстеръ Балашевъ, гофмейстеръ Щегловъ, церемоніймейстеръ Вестманъ, флигель-адъютанты Нарышкинъ и Шиповъ.

Изъ прежде служившихъ въ канцеляріи находились самые старшіе тайный совѣтникъ Маляго и статскій совѣтникъ Андрюцкій, служившій еще при дѣдѣ нынѣшняго главноуправляющаго. Въ три часа прибылъ Государь Императоръ. Его Величество былъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, форму котораго обычно носилъ императоръ Александръ I. Государя встрѣтили при входѣ главноуправляющій и товарищъ его статсъ-секретарь Воеводскій. Настоятель Казанскаго собора митрофорный протоіерей Сосняковъ съ двумя славящимися басами діаконами Аркадьевымъ и Надеждинымъ совершилъ благодарственное молебствіе. Въ концѣ его возглашены царское многолѣтіе, вѣчная память императору Александру I и многолѣтіе начальствующимъ и служащимъ. Государь Императоръ приложился ко кресту. Затѣмъ, когда духовенство удалилось, статсъ-секретарь Танѣевъ прочиталъ высочайшую грамоту, дарованную канцеляріи, поднесъ Его Величеству шампанское и произнесъ тостъ. Раздалось восторженное «ура» по всеѣмъ комнатамъ. Хоръ музыки лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка заигралъ гимнъ, присутствовавшіе запѣли. Слѣдующій тостъ за драгоцѣнное здравіе Государынь Императриць и наслѣдника цесаревича сопровождали звуки шефскихъ маршей. Государь изволилъ пить за процвѣтаніе канцеляріи Его Величества, за здравіе ея главноуправляющаго и за здравіе чиновъ канцеляріи. Изъ канцеляріи Его Величество посѣтилъ главноуправляющаго въ его квартирѣ и оттуда послѣ половины пятого часа отбылъ, сопровождаемый восторженнымъ «ура» чиновъ канцеляріи. Канцелярія Его Величества ведетъ свое начало съ 1812 года, когда при отъѣздѣ императора Александра I въ Вильну официально упоминается, что за его величествомъ 7-го декабря послѣдовала «канцелярія», получившая съ сей минуты названіе собственной Его Величества. Она была учреждена главнымъ образомъ для военныхъ дѣлъ и помѣщалась въ квартирѣ Аракчеева. Въ дѣятельность ея входило расквартированіе плѣнныхъ, расквартированіе армій и укомплектованіе, наведеніе справокъ о семействахъ пострадавшихъ во время войны. Послѣ 1815 года кругъ дѣлъ канцеляріи чрезвычайно расширился. Въ помощь управляющему ею Аракчееву былъ назначенъ чиновникъ Марченко, а потомъ и другіе чиновники. Дѣла комитета министровъ докладывавъ императору Александру I Аракчеевъ, а также и дѣла государственнаго совѣта, а все доклады по дѣламъ совѣта шли черезъ собственную Его Величества канцелярію. Съ 1818 года вступилъ въ канцелярію на мѣсто ушедшаго въ государственный совѣтъ Марченко Н. Н. Муравьевъ, и тогда имъ былъ составленъ уставъ образованія собственной Его Величества канцеляріи изъ 13 главъ. Въ канцелярію вошли уже дѣла гражданскія, переписка съ министрами, отчеты губернаторовъ, приемъ просьбъ, особенно отъ героевъ 1812 года, переписка съ комиссіей прошеній, составленіе проектовъ новыхъ уставовъ и учреждений. Канцелярія вѣдала и призьбіе заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Тогда уже въ гражданскомъ отдѣленіи дѣлами вѣдалъ камеръ-юнкеръ Танѣевъ. При Аракчеевѣ канцелярія была мѣстомъ образцовыхъ справокъ, ибо Аракчеевъ никогда не ограничивался перепиской, а посылалъ кого-нибудь изъ своихъ чиновниковъ все разузнавать, даже нужно по дѣлу. Александръ I былъ очень доступенъ просителямъ и даже издалъ указъ «полиціи», чтобы «отнюдь не возбраняли подаваніе ко мнѣ прошеній въ собствен-

ныя руки, но единственно наблюдали, чтобы дѣлалось сіе съ должною обстоятельствомъ пристойностью». Императоръ находилъ время вникать въ частныя прошенія. По его повелѣнію въ канцеляріи были собраны драгоцѣнныя свѣдѣнія о состояніи различныхъ частей государства. Въ собственную Его Величества канцелярію поступила и часть дѣлъ канцеляріи принца Гольштейнъ-Ольденбургскаго, которымъ былъ организованъ у насъ корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Канцелярія боролась съ большими злоупотребленіями администраціи. Вниманіе государя особенно привлекало неустройство областной администраціи. О всѣхъ главнѣйшихъ въ имперіи происшествіяхъ составлялись таблицы для государя. Канцелярія же вела свѣдѣнія и дѣла объ увеличеніи числа свободныхъ хлѣбопашцевъ. Канцелярія вела дѣла о помощи дворянамъ послѣ 1812 года, и Аракчеевъ тутъ не мало потрудился. При канцеляріи основалась богатая бібліотека и архивъ. Аракчеевъ имѣлъ достоинство безпристрастнаго объективнаго докладчика, не высказывавшаго своего мнѣнія. Этимъ и объясняется привычка императора Александра работать съ нимъ. Въ канцелярію стекались дѣла, касавшіяся всѣхъ частей сложнаго государственнаго механизма, и всѣ они шли къ государю черезъ Аракчеева. Но императоръ Николай I по вступленіи на престолъ объявилъ Аракчееву рескриптомъ 20-го декабря 1825 года, что принимаетъ собственную Его Величества канцелярію въ свое непосредственное завѣдываніе, и она тогда же была раздѣлена на самостоятельныя отдѣленія, и во главѣ ся стали сперва Н. Н. Муравьевъ, а затѣмъ А. С. Танѣевъ, которому Николай I поручилъ составить проектъ инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства для наблюденія за гражданскимъ служебнымъ персоналомъ имперіи. Когда личный составъ вновь учрежденнаго департамента представлялся государю, Николай I сказалъ въ своей рѣчи замѣчательныя слова: «Я хочу возвысить гражданскую службу, какъ возвысилъ военную; я хочу знать всѣхъ моихъ чиновниковъ». Тогда же былъ учрежденъ временный комитетъ для пересмотра устава о службѣ гражданской подъ предѣдательствомъ А. С. Танѣева. Танѣевъ сопровождалъ государя во время турецкой войны 1828—29 гг. въ армію, а Муравьевъ съ частью канцеляріи остался въ Петербургѣ, причемъ къ нему присылались всѣ доклады съ высочайшими резолюціями; въ то же время былъ учрежденъ негласный комитетъ изъ князя Кочубея, графа П. А. Толстого и князя А. Н. Голицына, который оканчивалъ дѣла именемъ государя. Когда цесаревичъ Александръ Николаевичъ достигъ совершеннолѣтія, государь въ случаѣ дальнихъ отлучекъ уже не комитетъ, а цесаревича назначалъ, такъ сказать, правителемъ государства, и также негласно для народа. Николай I требовалъ ежегодныхъ свѣдѣній объ остаткахъ отъ штатныхъ суммъ вѣдомствъ, и эти остатки часто отсылались въ вѣдѣніе I отдѣленія своей канцеляріи. Накопилось ихъ болѣе 12 милліоновъ; изъ нихъ отпустились суммы на укрѣпленія Кронштадта, на сверхсвѣтныя постройки дворцоваго вѣдомства и на севастопольскій капиталъ. Государь любилъ древности и археологію, и канцелярія должна была собирать свѣдѣнія о старинныхъ замкахъ и предметахъ. Въ I отдѣленіи сосредоточивались всѣ высочайшія повелѣнія по гражданскому вѣдомству, черезъ него шли и смѣты вѣдомствъ. Во всей дѣятельности своей I отдѣленіе канцеляріи являлось органомъ, при помощи котораго императоръ вносилъ начала строгаго порядка и контроля во всѣ

области государственной жизни. Первое отдѣленіе являлось маховымъ колесомъ, приводившимъ въ дѣйствіе многосложную государственную машину, и потому первое отдѣленіе было обременено дѣлами, одни арестантскія дѣла, которыми Николай I особенно интересовался, дабы никто не томился даромъ, подвергались «тройкой провѣркѣ» и могли бы быть предметомъ дѣлага особаго учрежденія. Въ царствованіе императора Александра II управляли первымъ отдѣленіемъ А. С. Танѣевъ и сынъ его С. А. Танѣевъ. Въ царствованіе императора Александра III первое отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, за преобразованиемъ второго въ кодификаціонный отдѣлъ, стало именоваться собственной Его Величества канцеляріею. Управляли ею статсъ-секретарь Ренненкампфъ и потомъ статсъ-секретарь Танѣевъ (внукъ перваго Танѣева). При канцеляріи былъ учрежденъ комитетъ о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ. Строгій къ себѣ, Александръ III проявлялъ и воздержность въ пожалованіи наградныхъ милостей. Были введены извѣстныя правила. Александръ III интересовался русскою стариною, и въ дѣятельности канцеляріи заслуживаютъ особаго вниманія труды по изданію ея драгоцѣннаго архива. Подъ редакціей извѣстнаго историка, академика генерала Дубровина издано 12 томовъ сборника историческихъ матеріаловъ. Въ нынѣшнее время главнымъ дѣломъ собственной Его Величества канцеляріи стало наблюденіе за государственной службой. Къ юбилею канцелярія съ высочайшаго соизволенія издала роскошный томъ своего столѣтія, составленный приватъ-доцентомъ Строевымъ. Изданіе снабжено двумя офортами работы профессора Матѣ—портретами императора Александра I и Государя Императора и гелиографюрами съ портретовъ императоровъ, главноуправляющихъ, ихъ товарищей, видами Зимняго дворца и нынѣшняго помѣщенія, все снимки съ рѣдкихъ и лучшихъ оригиналовъ, большею частью недоступныхъ публикѣ. Въ концѣ каждой части, обнимающей царствованіе монарха въ постепенномъ порядкѣ, приложены біографіи главныхъ дѣятелей канцеляріи. Въ нихъ много интереснаго, интересна и первая въ книгѣ біографія Аракчеева, подъ перомъ безпристрастнаго біографа личность Аракчеева теряетъ свою звѣрообразность. Изданіе открываетъ много любопытныхъ страницъ для историка. Въ описаніи главы кончаются интересными снимками съ помѣтокъ высочайшихъ разсмотрѣній докладовъ и приложены снимки съ подлинныхъ высочайшихъ резолюцій на бумагахъ.

Столѣтіе памяти принца П. Г. Ольденбургскаго. 5-го декабря императорское училище правовѣдѣнія праздновало годовщину своего основанія и вмѣстѣ столѣтіе со дня рожденія своего основателя принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Послѣ совершенія литургіи съ молебствіемъ возглаголены царское многолѣтіе, вѣчная память почившимъ императорамъ съ Александра I и основателю училища принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому и всѣмъ питомцамъ училища и многолѣтіе нынѣшнему его составу. Изъ церкви всѣ прошли въ залъ, гдѣ въ декоративной обстановкѣ среди зелени и латаній бѣлѣлъ бюстъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго на фонѣ зеленой бархатной драпировки. Залъ, во всю величину уставленный стульями, {былъ буквально биткомъ наполненъ прибывшими на торжество. Масса дамъ, множество генераловъ, сановниковъ, старыхъ и молодыхъ питомцевъ правовѣдѣнія присутствовали здѣсь, сюда же изъ церкви приведены были воспитанники училища. Изъ церкви пе-

решили въ залъ присутствовавшіе на богослуженіи ихъ высочества принцы Александръ Петровичъ Ольденбургскій, Петръ Александровичъ Ольденбургскій съ августѣйшей супругою великою княгинею Ольгою Александровною, председатель и члены государственнаго совѣта, сенаторы, почетные опекуны, представители разныхъ вѣдомствъ и столичнаго самоуправленія. Блестящіе мундиры и туалеты дамъ и платья сестеръ милосердія составили одну плотную массу. Председатель правовѣдской кассы членъ государственнаго совѣта Шрейберъ заявилъ въ своей рѣчи, что правовѣдская семья сочла священнымъ долгомъ ознаменовать память незабвеннаго основателя училища принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и почтить торжественнымъ актомъ, на что послѣдовало высочайшее соизволеніе. Сенаторъ Шрейберъ сообщилъ порядокъ акта. Затѣмъ произнесъ рѣчь министръ юстиціи статсъ-секретарь Щегловитовъ. Въ пространной и образной рѣчи министръ рисовалъ дѣятельность принца Петра Георгіевича въ ея различныхъ и многообразныхъ проявленіяхъ на почвѣ государственной дѣятельности и общественной благотворительности. Вторую рѣчь произнесъ членъ государственнаго совѣта Стаховичъ, вызывая воспоминанія правовѣдовъ, видѣвшихъ принца въ своей средѣ, и характеризуя принца, какъ воплощеніе доброты и сердечности. Н. В. Хвостовъ и одинъ воспитанникъ четвертаго курса читали стихотворенія, посвященныя памяти принца Петра Георгіевича. Директоръ генераль-майоръ Мицкевичъ въ заключительномъ словѣ высказалъ учащимся, что они, какъ святыню, сохранять въ памяти дивный образъ принца и его завѣты. Затѣмъ оркестръ правовѣдовъ исполнилъ молитву, сочиненную принцемъ Петромъ Георгіевичемъ. Къ его высочеству принцу Александру Петровичу подходили присутствовавшія на торжествѣ депутаціи съ поздравленіями. Депутаціи представляли: государственный совѣтъ (председатель статсъ-секретарь Акимовъ), совѣтъ министровъ (государственный контролеръ тайный совѣтникъ Харитоновъ и министръ юстиціи), правительствующій сенатъ (десять сенаторовъ), вѣдомство учрежденій императрицы Маріи—главноуправляющій свѣтлѣйшій князь Ливень, его товарищъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Кистеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чернявскій и Каптеревъ, начальникъ женскихъ гимназій дѣйствительный статскій совѣтникъ Скворцовъ, императорскій Александровскій лицей (членъ государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Ермоловъ и генераль Шильдеръ), воспитательный домъ, пажескій корпусъ (генераль-майоръ Усовъ), пріютъ принца Петра Ольденбургскаго (дѣйствительный статскій совѣтникъ Россетъ) и другіе, почетные опекуны тайный совѣтникъ Ермоловъ и другіе, отъ институтовъ, петербургское городское общественное управленіе (товарищъ городского головы статскій совѣтникъ Демкинъ) и цѣлый рядъ другихъ депутацій. Въ депутацій были многіе члены государственнаго совѣта (статсъ-секретарь Голубевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Булыгинъ, тайный совѣтникъ Лукьяновъ и другіе). Послѣ приѣма, подъ звуки Преображенскаго марша оркестра своихъ товарищей, воспитанники прошли въ свою столовую. Здѣсь пропѣта молитва, а его высочество возгласилъ здравицу Государю Императору и исполненъ гимнъ «Боже, Царя храни». Присутствовавшимъ въ другихъ залахъ былъ предложенъ завтракъ à la fourchette.

Двухсотлѣтіе училища св. Петра. 11-го ноября въ училищѣ св. Петра состоялся торжественный актъ по случаю двухсотлѣтія его существованія. Среди присутствовавшихъ были: германскій посоль графъ Пурталесъ, баварскій посланникъ баронъ Грунеліусъ, министръ народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо, товарищи министра: баронъ М. А. Таубе и В. Т. Шевяковъ, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа графъ А. А. Мушинъ-Пушкинъ, члены государственнаго совѣта С. С. Манухинъ и В. И. Денисовъ, управляющій учебнымъ отдѣломъ министерства торговли А. Е. Лагоріо, представители различныхъ вѣдомствъ, просвѣтительныхъ учреждений, директора среднихъ учебныхъ заведеній, а также родители и многочисленныя ученики и ученицы училищъ св. Петра. Торжество открылъ предсѣдатель управленія училища, сенаторъ графъ Паленъ. Въ своей рѣчи графъ Паленъ отмѣтилъ, что училище св. Петра всегда содѣйствовало развитію здоровыхъ нравовъ въ населеніи, повышенію культуры, усиленію религіознаго чувства и созданію вѣрныхъ своему долгу работоспособныхъ труженниковъ. Директоръ училища Р. И. Штейнманъ далъ характеристику дѣятельности училища. Училищный хоръ исполнилъ торжественный гимнъ Бетховена, послѣ чего сенаторъ С. С. Манухинъ, одинъ изъ бывшихъ учениковъ училища, произнесъ привѣтственную рѣчь отъ имени бывшихъ русскихъ питомцевъ училища. Онъ указалъ, что училище св. Петра всегда внушало учащимся принципы гуманности и одинаково относилось ко всѣмъ ученикамъ безъ различія національностей. Послѣ рѣчи одного изъ нынѣшнихъ воспитанниковъ училища началось чтеніе адресовъ депутаціями: учебнаго комитета учреждений императрицы Маріи Ѳеодоровны, училища правовѣдѣнія, общества вспоможенія бывшихъ учениковъ и ученицъ училища св. Петра, многочисленныхъ казенныхъ и частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній Петербурга, Москвы, Юрьева и другихъ городовъ. Затѣмъ графъ Паленъ прочиталъ привѣтственную телеграмму предсѣдателя совѣта министровъ В. Н. Коковцова. Далѣе были прочтены телеграммы отъ министра внутреннихъ дѣлъ А. А. Макарова, товарища министра Золотарева, главноуправляющаго вѣдомствомъ учреждений императрицы Маріи Ѳеодоровны свѣтлѣйшаго князя Ливена и много другихъ. Директоръ Р. И. Штейнманъ въ своей заключительной рѣчи благодарилъ всѣхъ привѣтствовавшихъ училище. Актъ закончился пѣніемъ гимна и общей молитвой. 11-го ноября въ десять съ половиной часовъ въ лютеранской церкви св. Петра состоялось торжественное богослуженіе по случаю 200-лѣтія училища.

75-лѣтіе спб. сиротскаго института императора Николая I. 22-го ноября исполнилось 75 лѣтъ самостоятельнаго существованія спб. сиротскаго института императора Николая I. Историческое прошлое института тѣсно связано съ учрежденіемъ учебныхъ классовъ при императорскомъ спб. воспитательномъ домѣ. По высочайшему повелѣнію императора Николая I, послѣдовавшему 22-го ноября 1837 г., эти классы были преобразованы въ сиротскій институтъ, какъ специальное учебное заведеніе для дѣтей сиротъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Празднованіе 75-лѣтія существованія института, носившее скромный домашній характеръ, началось божественной литургіей, совершенной въ институтской церкви архіепископомъ волынскимъ и житомирскимъ Антоніемъ. За богослуженіемъ присутствовали воспитанницы и слу-

жебный персоналъ во главѣ съ попечителемъ, почетнымъ опекуномъ графомъ Н. Ѳ. Гейденомъ, и начальницей Н. В. Булацель. Архіепископъ обратился къ воспитанницамъ со словомъ. По окончаніи благодарственного молебна, въ бѣломъ актовомъ залѣ были прочитаны завѣдующимъ учебною частью Л. С. Севрукомъ «Къ 75-лѣтію института» и преподавателемъ А. И. Боргманомъ «Къ исторіи русскаго женскаго образованія». Воспитанницами старшихъ классовъ исполнено нѣсколько хоровыхъ вещей, торжественная увертюра 1812 г. Чайковского и прочитано стихотвореніе бывшей воспитанницы М. Г. Кильшиттъ-Веселковой «Въ домѣ основанномъ на благодѣяніи», относящееся къ исторіи заведенія. Вѣчеромъ для воспитанницъ въ залахъ института были устроены танцы.

Тридцать пять лѣтъ литературной дѣятельности В. К. Анфилова. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ, 14-го ноября 1877 года, въ широко распространенномъ тогда сатирическомъ журналѣ «Стрекоза» появилось первое стихотвореніе Владимира Константиновича Анфилова, который болѣе извѣстенъ въ настоящее время читающей публикѣ, какъ талантливый популяризаторъ въ области естественно-историческихъ знаний вообще и орнитологіи въ частности. В. К. Анфиловъ родился въ Петербургѣ въ 1863 году. Такимъ образомъ его литературная дѣятельность началась въ очень юномъ возрастѣ, а именно—съ четырнадцати лѣтъ отъ роду. Первые беллетристическія произведенія В. К. Анфилова, напечатанныя въ «Иллюстрированномъ Мирѣ», «Нивѣ», «Звѣздѣ», «Родникѣ» и другихъ еженедѣльныхъ журналахъ, были написаны молодымъ авторомъ, когда онъ имѣлъ всего восемнадцать-двадцать лѣтъ. Изъ этихъ произведеній повѣсти «Отецъ» и «На селѣ» были въ свое время очень благосклонно отмѣчены критикой. Къ сожалѣнію, благодаря нѣкоторымъ житейскимъ обстоятельствамъ, В. К. Анфиловъ долженъ былъ перемѣнить творческую дѣятельность беллетриста на болѣе выгодный въ матеріальномъ отношеніи трудъ репортера въ «Петербургской Газетѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Сынѣ Отечества» и «Новостяхъ». Затѣмъ В. К. Анфиловъ занималъ должности секретаря въ журналѣ «Женскій Трудъ» и второго редактора въ «Самокатѣ». Послѣднія десять лѣтъ В. К. Анфиловъ работаетъ почти исключительно въ области популяризаціи естественно-историческихъ знаний, сотрудничая въ журналахъ «Природа и Люди», «Птицевѣдніе и птицеводство». Интересныя живыя статьи талантливаго автора по вопросамъ государственнаго зоохозяйства, искусственнаго разведенія пушныхъ звѣрей и природовѣднія печатались за послѣдніе два-три года въ «Историческомъ Вѣстникѣ», «Народномъ Дѣлѣ», «С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», журналѣ «Природа и Люди» и другихъ столичныхъ органахъ печати.

Юбилей А. Н. Будищева. Тепло и сердечно былъ отпразднованъ 8 декабря двадцатипятилѣтній юбилей литературной дѣятельности А. Н. Будищева. На обѣдѣ, устроенномъ въ честь юбиляра въ ресторанѣ перваго товарищества офицантовъ, собрались Ѳ. Д. Ватюшковъ, А. И. Купринъ, Е. И. Карповъ, Федоръ Сологубъ, Ф. Ф. Фидлеръ, В. А. Тихоновъ, А. А. Измайловъ, Борисъ Лазаревскій, В. Муйжель, А. И. Свирскій, А. Е. Заринъ, С. Л. Литовцевъ, Г. А. Яблочковъ, и мн. др. Чествованіе открылъ Ф. Ф. Фидлеръ, прочитавшій адресъ отъ друзей и почитателей юбиляра: Въ адресѣ, между прочимъ, говорится: «Совре-

менная русская литература имѣть полное основаніе радоваться вашему вполне заслуженному писательскому успѣху. Самобытный ученикъ великаго Достоевскаго по глубинѣ анализа души и достойный товарищъ Антона Чехова по лиризму формы, вы силою яркаго таланта сумѣли занять почетное мѣсто среди нашей современной беллетристики. Вы стали пѣвцомъ русской совѣсти, истолкователемъ принциповъ добра и зла въ нашей душѣ. Всегда чуждый патрііной крайности и узости, всегда искренно убѣжденный, всегда любвеобильный, прощающій, всегда полный надежды на лучшее будущее для отдѣльнаго человѣка и всего народа, — вы стремились къ воплощенію того идеала, о которомъ мечтали герой вашего большого и глубокаго романа «Я и Онъ», — наступленію «царства восторжествованія совѣсти, царства Божія человѣка». Поэтъ В. А. Мазуркевичъ прочиталъ адресъ отъ союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей, который заканчивается выраженіемъ надежды, что юбиляръ «подаритъ родному русскому театру еще много произведеній, отмѣченныхъ индивидуальными особенностями вашего крупнаго и глубоко-искренняго дарованія». Затѣмъ былъ прочитанъ адресъ отъ группы ремесленниковъ-рабочихъ, поднесшихъ юбиляру лавровый вѣнокъ. За обѣдомъ были произнесены рѣчи А. И. Купринимъ, отмѣтившимъ, что юбиляръ всегда умѣлъ находить красоту жизни, Е. П. Карповымъ-А. А. Измайловымъ и др. Былъ оглашенъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ, полученныхъ юбиляромъ.

Торжественное засѣданіе общества ревнителей исторіи. 2-го декабря въ залѣ клуба общественныхъ дѣятелей состоялось торжественное засѣданіе общества ревнителей исторіи, посвященное Отечественной войнѣ. Предсѣдатель общества герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій вслѣдствіе болѣзни ноги не могъ пріѣхать изъ-за границы и прислалъ въ общество привѣтственную телеграмму. Засѣданіе было умѣло организовано членомъ совѣта М. К. Соколовскимъ и прошло во всѣхъ отношеніяхъ блестяще. Открыто засѣданіе стихотвореніемъ В. П. Полянскимъ, прочитавшимъ свое стихотвореніе «Двѣнадцатый годъ». Затѣмъ профессоръ П. И. Ковалевскій охарактеризовалъ Наполеона, какъ гения, достигнушаго, благодаря своей гениальности, императорскаго престола и славы великаго полководца. Н. А. Энгельгардтъ прочиталъ свой звучный переводъ стихотворенія Ламартина «Бонапартъ», написаннаго въ 1821 г. подъ впечатлѣніемъ кончины великаго полководца и великаго императора. Профессоръ В. М. Грибовскій умѣло сгруппировалъ въ своей рѣчи черты, характеризующія обликъ Александра Благословеннаго. Послѣ перерыва А. Ф. Радченко прочиталъ свое стихотвореніе «Бородино», а затѣмъ Т. О. Соколовская съ большимъ подъемомъ произнесла блестящую рѣчь о дѣятельности женщины въ 1812 г. Профессоръ А. Г. Елчаниновъ въ сжатомъ и сильномъ очеркѣ талантливо выяснилъ военное значеніе Отечественной войны. Всѣ ораторы имѣли шумный и заслуженный успѣхъ. Засѣданіе закончилось исполненіемъ на роялѣ піанисткою Ядвигою Залѣскою бравурнаго полонеза Шопена. Послѣ засѣданія состоялся годовою обѣдъ членовъ общества.

Освященіе памятника К. Я. Крыжицкому. 21-го ноября на Смоленскомъ кладбищѣ состоялось освященіе памятника академику живописи К. Я. Крыжицкому. Присутствовали: представители академи художествъ, обще-

ства имени А. И. Куинджи, петербургскаго общества художниковъ и весеннихъ выставокъ, учащіяся высшаго художественнаго училища и другіе. Среди присутствовавшихъ были: профессоръ В. А. Беклемишевъ, академикъ И. Я. Гинцбургъ, С. М. Зейденбергъ, авторъ проекта памятника—госпожа М. Л. Диллонъ, В. В. Мазуровскій, В. М. Измайловичъ, С. Е. Девяткинъ и другіе. Депутація отъ общества имени А. И. Куинджи, въ составѣ Г. Е. Крачковскаго, Ф. Ф. Бухгольца, А. О. Максимова, и группа бывшихъ ученицъ К. Я. возложили на могилу вѣнокъ.

Новый историческій документъ. Академикъ профессоръ П. К. Кокорцовъ сдѣлалъ 29-го ноября въ засѣданіи восточнаго отдѣленія императорскаго археологическаго общества любопытное для русскихъ историковъ сообщеніе о новомъ, лишь на дняхъ опубликованномъ въ западной печати текстѣ еврейской рукописи XII столѣтія, касающемся вопроса о взаимныхъ политическихъ отношеніяхъ между древней Русью, Византіей и хозарами. Документъ устанавливаетъ, между прочимъ, весьма важный фактъ, а именно: существованіе національнаго варяжскаго имени князя Олега: «Halgo» или «Helgo», что высказывалось еще въ XVIII вѣкѣ въ видѣ предположенія историками, придерживавшимися норманской теоріи происхожденія нашихъ первыхъ князей. Рукопись написана евреемъ и описываетъ появленіе бѣглецовъ евреевъ среди хозарь. Евреи быстро обжились въ Хозаріи, соплеменникъ ихъ избранъ былъ въ военачальники и впоследствии въ цари. По приказанію одного изъ хозарскихъ царей нашъ князь Олегъ будто бы совершалъ свой походъ на Константинополь. Передается постигшая его неудача, благодаря греческому огню. Рукопись отрывочна, содержаніе ея въ значительной части легендарно, тѣмъ не менѣе, по отзывамъ историковъ и ориенталистовъ, она представляетъ открытіе большого историческаго значенія и требуетъ тщательнаго дальнѣйшаго изученія, въ особенности въ отношеніи ея подлинности. Собраніе было весьма многочисленнымъ и оживленнымъ.

Открытіе древней фрески въ Новгородѣ.—Мѣры къ охранѣ Староладожской крѣпости. На состоявшемся 16-го ноября засѣданіи русскаго отдѣленія русскаго археологическаго общества В. К. Мясоѣдовымъ сообщено было объ открытіи въ Новгородѣ древней фрески Успенія Божіей Матери. Обнаружена фреска въ церкви Рождества Богородицы. Роспись отличается высокими художественными достоинствами, характерными для эпохи расцвѣта торговой и политической жизни Великаго Новгорода. По мнѣнію докладчика, фреска можетъ быть отнесена ко времени, близкому къ постройкѣ храма, т. е. къ концу XIV столѣтія. Въ художественныхъ формахъ фрески замѣтно вліяніе ранняго ренессанса, вліявшаго на искусство Новгорода изъ далекаго Царьграда, съ которымъ Новгородъ въ эту эпоху имѣлъ, по мнѣнію профессора Д. В. Айналова, живыя и постоянныя связи. Профессоръ Н. П. Лихачевъ высказалъ предположеніе, что вновь найденная фреска могла быть и произведеніемъ XV столѣтія. Оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ затѣмъ вопросъ объ охранѣ фресокъ XII вѣка храма св. Георгія и развалинъ Староладожской крѣпости, поднятій энергичнымъ изслѣдователемъ ладожскихъ памятниковъ старины Н. И. Рѣпниковымъ. Произведенныя ранѣе передѣлки въ храмѣ оказались недостаточ-

ными и драгоценныя фрески гибнуть от сырости. Необходимы рѣшительныя и быстрыя мѣры къ ихъ спасенію. Быстро съ каждымъ годомъ разрушаются также стѣны и башни древней Староладожской крѣпости. Отдѣленіе постановило обратиться въ совѣтъ общества съ просьбою образовать при обществѣ особую комиссію для выработки мѣръ къ охранѣ указанныхъ памятниковъ старины, съ приглашеніемъ къ участию въ занятіяхъ комиссіи представителя этнографическаго отдѣла музея императора Александра III. Третьимъ докладчикомъ выступалъ Л. А. Мацулевичъ, сообщившій результаты изслѣдованій двухъ погибшихъ памятниковъ новгородскаго искусства: церкви св. Іакова и св. Лазаря.

Изысканія въ пещерахъ на Звѣринцѣ А. Хребтова. Нѣсколько лѣтъ назадъ археологъ А. Хребтовъ дѣлалъ изысканія въ пещерахъ на Звѣринцѣ и о своихъ трудахъ сообщилъ археологической комиссіи; въ текущемъ году съ наступленіемъ весны возобновились работы по раскопкамъ древнихъ иносческихъ пещеръ, находящихся на Звѣринцѣ, въ крутомъ откосѣ надъ Ломаковской улицей. Результаты работъ представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ главномъ сѣвѣ откоса открыты два входа въ пещеры съ нѣсколькими галереями. Въ стѣнахъ одной галереи найдено много иносческихъ усыпальницъ, счетомъ 33. Къ несчастью, еще до начала работъ эти усыпальницы подверглись разграбленію. Остались разбросанныя кости да нѣсколько поясовъ, крестовъ кожаныхъ, кое-какіе остатки «керамики». У нѣкоторыхъ усыпальницъ на стѣнахъ уцѣлѣли надписи и начертанные кресты. Надписи эти типичныя, сдѣланы «уставомъ», который мѣстами относится къ XI—XII вв., мѣстами же къ XVI—XVII ст. Въ другой галереѣ обнаруженъ рядъ еще нетронутыхъ усыпальницъ. Онѣ представляютъ собой квадратныя отверстія въ стѣнахъ, размѣромъ три четверти аршина, заложеныя кирпичами XI—XII вв., частью болѣе позднія. Къ открытію этихъ усыпальницъ еще не приступлено. Предполагаютъ ходы не только во всей площадкѣ, прилегающей къ Троицкому монастырю, но и что пещеры расположены въ два яруса. Найдена древняго типа подземная церковь: престоль и жертвенникъ въ ней устроены въ видѣ неглубокихъ нишъ; въ нишѣ жертвенника найдена надпись, играющая роль «синодика», такъ какъ въ ней прочитано нѣсколько именъ. Церковь сохранилась очень хорошо. На земляномъ ея полу въ камерѣ одной галереи найдено около десяти скелетовъ, положенныхъ въ беспорядкѣ одинъ на другой; есть погребенія на полу галерей и одиночныя. Вся описанная мѣстность давно интересуется монаховъ Іоно-Троицкаго монастыря.

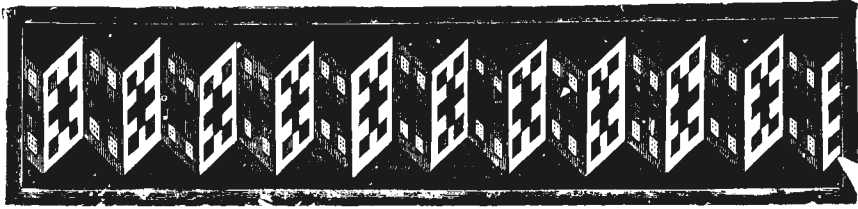
Археологическія раскопки. Недавно во время археологической экскурсіи по Днѣпровскому ѣзду В. И. Гошкевичу удалось разыскать еще одно древнее городище, расположенное на высокомъ обрывистомъ берегу р. Конки. Замѣтны слѣды массивной каменной стѣны, окружавшей его когда-то. Къ сожалѣнію, городскую стѣну почти всю разобрали сосѣдніе крестьяне на свои постройки, а отъ древнихъ зданій виднѣется только масса щебня какъ по самому городищу, такъ и въ окружающихъ его оврагахъ. Собранные на городищѣ черепки удостоверяютъ, что жили въ немъ люди въ весьма отдаленную эпоху, еще до Рождества Христова. Черепки эти античнаго издѣлія. Составленъ планъ городища (военно-глазомѣрная съемка), и снято съ него нѣсколько фотографій. Всѣ эти матеріалы привезены въ музей.

Реставрація дворца графа Разумовскаго. Въ августѣ прошлаго года въ мѣстечкѣ Батуринѣ Конотопскаго уѣзда началась реставрація дворца графа К. Г. Разумовскаго, послѣдняго гетмана Малороссіи. Мѣстность, гдѣ находятся развалины, равно какъ и самыя развалины, именуется «Тепловою», по имени строителя дворца Теплова. Въ настоящее время дворецъ окончательно покрытъ желѣзомъ и возстановлены въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ они были встарь, два купола съ юга и сѣвера. Съ западнаго фасада возводятся колонны для балкона взамѣнъ развалившихся, по тому же рисунку. Идетъ также внутренняя отдѣлка дворца. На материалы и работы израсходовано до сихъ поръ, какъ говорятъ, около 20.000 рублей.

Восьмой конкурсъ имени А. Н. Островскаго. На учрежденный союзомъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей восьмой конкурсъ имени А. Н. Островскаго представлено было 126 пьесъ. Жюри конкурса (К. И. Арабажинъ, И. К. Бороздинъ, А. Н. Будищевъ, А. И. Долиновъ, Л. Н. Урванцовъ, Т. Л. Щепкина-Куперникъ и Ю. М. Юрьевъ) въ засѣданіи 16-го ноября единогласно постановило присудить премію (600 р.) пьесѣ «Лабиринтъ» въ четырехъ дѣйствіяхъ подъ девизомъ «дѣла, какъ ступени, ведутъ къ созерцанію». По вскрытіи конверта съ девизомъ оказалось, что авторъ этой пьесы С. Л. Поляковъ. Кромѣ того, жюри конкурса предполагаетъ отмѣнить нѣкоторыя пьесы почетнымъ званіемъ.

Рѣдкій памятникъ старины. Представители станицы Червленной, въ числѣ пяти человекъ, обратились къ президенту общества любителей казачьей старины Терскаго войска съ просьбой ходатайствовать отъ лица общества о сохраненіи храма, построеннаго въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, въ которомъ сохранились до послѣдняго времени всѣ святыни и иконы, имѣвшіяся у ихъ предковъ съ незапамятныхъ временъ. Въ 1894 году храмъ этотъ по распоряженію властей былъ переданъ единовѣрцамъ. Пока храмъ сохранялъ свое назначеніе, всѣ жители спокойно мирились съ этимъ обстоятельствомъ. Теперь же для единовѣрцевъ построенъ новый храмъ, а старый рѣшено сломать (святыни уже вынесены оттуда). По докладу этой просьбы наказному атаману онъ приказалъ: предписать атаману отдѣла немедленно принять мѣры къ сохраненію этой часовни въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ данную минуту.

НЕКРОЛОГИ.

БРАВИЧЪ, К. В. Въ Москвѣ, въ лечебницѣ Рукавишниковой неожиданно скончался артистъ московскаго Художественнаго театра К. В. Бравичъ, хорошо знакомый и петербургской публикѣ, такъ какъ въ Петербургѣ онъ провелъ большую часть своей сценической карьеры. Покойный Бравичъ заболѣлъ еще прошлымъ лѣтомъ, и въ началѣ осенняго сезона въ публикѣ и въ семьѣ артиста опредѣленно говорили, что у него ракъ желудка, но это скрывали отъ больного. Когда начались спектакли Художественнаго театра и Бравичу пришлось готовить «Тартюфа», врачи признали, что онъ ни въ какомъ случаѣ въ текущемъ сезонѣ играть не можетъ. Болѣзнь затѣмъ такъ рѣзко прогрессировала, что признано было нужнымъ помѣстить больного въ лечебницу Рукавишниковой и подвергнуть его операциі, которая и была произведена. Операциа прошла удачно, но у больного оказались въ кишкахъ двѣ язвы, отъ которыхъ два дня спустя онъ скончался. Покойному Бравичу было 55 лѣтъ. Онъ былъ родомъ изъ Вильны, учился въ землемѣрномъ училищѣ, получилъ званіе ученаго таксатора и нѣкоторое время служилъ по землемѣрной части, а затѣмъ ушелъ на сцену и сначала дебютировалъ въ крошечномъ провинціальномъ городкѣ въ роли Кречинскаго. Затѣмъ подѣ фамиліей Новикова Бравичъ былъ суфлеромъ въ маленькихъ театрахъ въ окрестностяхъ Петербурга и игралъ то подѣ именемъ Новикова-Бравича, то подѣ именемъ Бравича. Значительную часть своей карьеры покойный провелъ въ петербургскомъ театрѣ литературно-художественнаго общества, гдѣ занималъ видное положеніе, затѣмъ участвовалъ въ театрѣ Комиссаржевской и служилъ въ Ригѣ у Незлобина. Три года назадъ онъ перешелъ на службу въ Москву въ Малый театръ, гдѣ ему сразу удалось занять положеніе. Наконецъ въ текущемъ сезонѣ Бравичъ перешелъ

въ Художественный театр, но болѣзнь помѣшала ему выступить на этой сценѣ. Покойный былъ человѣкомъ недожиннаго дарованія и образованнымъ актеромъ. Онъ умѣлъ придавать изображаемымъ лицамъ художественный образъ. На сценѣ московскаго Малаго театра имъ былъ созданъ цѣлый рядъ ролей въ «Идеальномъ мужѣ», «Дмитріи Самозванцѣ», «Порѣ», «Цезарѣ и Клеопатрѣ», «Жуликѣ» и много другихъ. Въ лицѣ Бравича русскій театр, вообще небогатый теперь даровитыми актерами, потерялъ цѣнную силу. Бравичъ пользовался общими симпатіями. Какъ человѣкъ всегда мягкій, деликатный, онъ поддерживалъ и въ театрѣ и въ обществѣ со всѣми наилучшія отношенія. Неожиданная смерть его будетъ встрѣчена съ искреннимъ сожалѣніемъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 13175).

Вишняковъ, А. Г. Послѣ продолжительной болѣзни скончался первоприсутствующій въ судебномъ департаментѣ, сенаторъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Григорьевичъ Вишняковъ. Покойный родился въ 1836 г. и былъ уроженцемъ Владимирской губерніи. Образование А. Г. получилъ въ петербургской духовной академіи, которая удостоила его ученой степени магистра. Съ 1862 года А. Г. служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ пробылъ двадцать девять лѣтъ, дойдя до должности директора бывшаго сельскохозяйственнаго департамента. За этотъ періодъ на долю А. Г. выпала нелегкая задача въ работахъ по развитію городской реформы. А. Г. близко стоялъ къ работамъ комиссіи для составленія предположеній о примѣненіи городской реформы въ девяти западныхъ губерніяхъ. Въ 1876—1877 гг. была разработана городская реформа въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Предположенія по этому предмету готовились, формировались и выполнялись почти исключительно трудами А. Г., составившаго семь большихъ изданныхъ томовъ подъ названіемъ: «Матеріалы по городскому общественному устройству», восьмой томъ—«Городская хроника» и девятый томъ—«Городовое положеніе съ объясненіями». Прибалтійская городская реформа требовала въ особенности крайняго напряженія силъ, огромнаго труда и познаній, расчистивъ при этомъ путь къ судебной реформѣ, которая безъ нея едва ли и осуществилась бы, во всякомъ случаѣ, съ достаточной быстротой. Въ 1890—1891 г.г. А. Г. вновь былъ призванъ къ реформаторской дѣятельности. Имъ было совершенно переработано по новой системѣ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, высочайше утвержденное въ 1892 г., и составлено новое городовое положеніе, утвержденное два года спустя, которое дѣйствуетъ и понынѣ (кромѣ Петербурга). Независимо отъ этого А. Г. призывался къ участию въ наибольшей части комиссій по государственнымъ реформамъ и о нѣкоторыхъ изъ нихъ собственноручно составлялъ обширные отзывы, какъ, напримѣръ, отзывы объ условіяхъ земскаго обложенія недвижимыхъ имуществъ, о желѣзнодорожномъ уставѣ и прочихъ. А. Г. не чуждъ былъ также общественно-литературной дѣятельности, принимая въ семидесятихъ годахъ дѣятельное участіе въ трудахъ архивной комиссіи, образованной при святѣйшемъ синодѣ. Изъ періодическихъ изданій А. Г. сотрудничалъ: въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Недѣль», «Голосѣ», «Православномъ Обзорѣніи», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Библіотекѣ для чтенія» и другихъ. Его статьи касались преимущественно вопросовъ раскола, анабаптистовъ, рас-

кольничьяго безправія (секта Федосѣева) и другихъ. Въ 1901 г. А. Г. назначенъ былъ сенаторомъ, присутствующимъ сначала въ четвертомъ, а потомъ въ судебномъ департаментахъ правительствующаго сената; съ 1906 года онъ исполнялъ обязанности первоприсутствующаго судебного департамента и, впоследствии, второго общаго собранія. А. Г. имѣлъ всѣ знаки отличія до ордена св. Александра Невскаго включительно. (Некрологъ его: «Петербургскія Вѣдомости», 1912, № 273).

† **Гатлихъ, А. Ѳ.** На 49-мъ году жизни отъ рака печени скончался товарищъ предѣдателя математическаго кружка и преподаватель многихъ московскихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній А. Ѳ. Гатлихъ. Покойный, какъ добрый, отзывчивый человекъ и выдающийся педагогъ, пользовался большою любовью и уваженіемъ московскаго общества. Съ 1902 года началась преподавательская дѣятельность покойнаго въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. А. Ѳ. читалъ лекціи по различнымъ отдѣламъ математики на высшихъ женскихъ курсахъ, въ инженерномъ училищѣ и на коммерческихъ курсахъ. Въ 1905—1906 годахъ покойный, совместно съ приватъ-доцентомъ И. А. Кистяковскимъ, создалъ уставъ и планъ высшихъ коммерческихъ курсовъ, вскорѣ переименованныхъ въ коммерческій институтъ. А. Ѳ. Гатлихъ состоялъ въ институтѣ преподавателемъ по день своей смерти. Въ теченіе многихъ лѣтъ покойный состоялъ инспекторомъ женскаго института московскаго дворянства и предѣдателемъ педагогическаго совѣта женской гимназіи Л. Ѳ. Вяземской, 26-го октября текущаго года друзья А. Ѳ. праздновали двадцатипятилѣтній юбилей его дѣятельности; юбиляръ былъ бодръ и производилъ впечатлѣніе здороваго человека. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1912, № 283).

† **Драгомирова, С. А.** Въ ночь на 26-го ноября скончалась отъ паралича сердца вдова генераль-адъютанта Софья Абрамовна Драгомирова. Всѣ, кому приходилось встрѣчать достойную подругу знаменитаго генерала, съ большимъ прискорбіемъ узнають о смерти этой выдающейся, прекрасной русской женщины. Драгомировскій домашній уютъ и хлѣбосоольство еще въ то время, когда супруги были молоды, сдѣлало популярнымъ имя Софьи Абрамовны среди знакомыхъ. Когда же ея мужъ занялъ постъ командующаго войсками, а затѣмъ и кіевскаго генераль-губернатора, то ея таланты гостепріимной хозяйки развернулись въ полномъ объемѣ. Многочисленные сослуживцы генерала находили въ домѣ грознаго командующаго войсками и привѣтъ и ласку, чувствовали себя запросто. Софья Абрамовна принадлежала къ тому желанному типу женщинъ, которыя, не вмѣшиваясь въ служебныя отношенія мужей, дѣлають все возможное, чтобы разныя личныя шероховатости и тренія сгладить. Благодаря ея такту и непосредственной добротѣ, у многихъ враждебное выраженіе лица замѣнялось искренней, доброй улыбкой. А какъ много это значить и, увы, какъ рѣдко встрѣчается... Софья Абрамовна сама управляла хуторомъ подъ Конотопомъ. И какихъ только диковинокъ не привозила она оттуда! Ежегодно тянулася цѣлый обозъ и живности, и овощей, и сотни разнообразѣйшихъ заготовокъ не на продажу, а на доброе здоровье гостей. Своими замѣчательными познаніями хозяйства и въ частности кухни она подѣлилась со всѣми желающими: издала кулинарную книгу, которая имѣла громадный успѣхъ. Въ быт-

ность М. И. Драгомирова въ Кіевѣ Софья Абрамовна много сдѣлала для развитія дѣятельности мѣстнаго отдѣленія Краснаго Креста и умѣло организовала помощь благотворительнымъ учрежденіямъ. Послѣ смерти мужа С. А. осталась жить въ Конотопѣ, откуда рѣдко выѣзжала. Въ домѣ все сохранилось въ томъ видѣ, какъ было и при Михаилѣ Ивановичѣ. Завѣтной мечтой вдовы его было устройство въ обширной конотопской городской усадьбѣ небольшой богадѣльни для ветерановъ-офицеровъ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1912, № 13188).

† **Графъ Камаровскій, Л. А.** 8-го декабря, въ первомъ часу ночи, послѣ продолжительной болѣзни скончался заслуженный профессоръ, бывшій ректоръ московскаго университета графъ Леонидъ Алексѣевичъ Камаровскій. Покойный родился въ 1846 г. въ Казани, окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, для котораго позже сдѣлалъ такъ много, а по окончаніи курса занимался международнымъ правомъ въ Гейдельбергѣ подъ руководствомъ знаменитаго Блунчли. Защитивъ въ 1874 г., т.-е. 28 лѣтъ, магистерскую диссертацию («Начало невмѣшательства»), графъ Л. А. занялъ кѣдру международного права въ московскомъ университетѣ. Исполнялъ обязанности ректора онъ въ крайне смутную эпоху, послѣ ухода профессора Мануйлова, во время почти непрерывныхъ студенческихъ волненій, и, только благодаря его личному заступничеству передъ министромъ народнаго просвѣщенія во время поѣздки въ Петербургъ московское студенчество было спасено отъ массовыхъ увольненій. Только тяжелая болѣзнь заставила почившаго сложить съ себя обязанности ректора, а затѣмъ отказаться и отъ чтенія лекцій въ горячо любимомъ имъ московскомъ университетѣ, съ которымъ онъ былъ связанъ всю свою жизнь. Какъ профессоръ, графъ Л. А. не слѣдовалъ за господствовавшимъ въ юриспруденціи позитивнымъ теченіемъ, а держался религіозно-политическаго направленія. Изъ его научныхъ работъ общезвѣстны переведенная даже на французскій языкъ докторская диссертация «О международномъ судѣ» и курсъ международного права, выдающимся знатокомъ котораго онъ былъ. Тщательно слѣдя за литературою международного права, графъ Л. А. составилъ нѣсколько библиографическихъ указаній ея, давалъ очень подробные критическіе отзывы о новыхъ трудахъ въ своей наукѣ и очень много сдѣлалъ для популяризаціи идей международного права среди русскаго общества, кромѣ упомянутыхъ выше работъ, своими публичными лекціями и публичными докладами. По своимъ воззрѣніямъ, графъ Л. А. напоминалъ своего учителя Блунчли. Онъ стоялъ за идею международного мира и прочной, основанной на юридическихъ началахъ, междугосударственной организаціи. Не принадлежа къ кабинетнымъ ученымъ, покойный принадлежалъ къ живой общественной дѣятельности. Онъ былъ долгое время гласнымъ московской городской думы и принималъ самое дѣятельное участіе во многихъ думскихъ комиссіяхъ. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ, покойный принадлежалъ къ октябристамъ и былъ членомъ центральнаго комитета союза 17-го октября. Наука потеряла въ немъ выдающагося ученаго, общество—превосходнаго человѣка. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912, № 283).

† **Карпенко, Н. С.** 22-го ноября на 70-мъ году жизни скончалась отъ воспаления легкихъ артистка театра Незлобина Н. С. Арнольдъ (по сценѣ Карпенко).

Покойная пробыла на сценѣ около двадцати лѣтъ. Въ Петербургѣ Н. С. выступала въ пьесахъ «Псиши» (мать Псиши) и «Эросъ и Психея» (сестра-привратница). 23-го ноября тѣло Н. С. Арнольдъ-Карпенко было отправлено по Николаевской желѣзной дорогѣ въ имѣніе Янки, Минской губерніи. Передъ выносомъ тѣла изъ квартиры была отслужена панихида. На гробъ возложены вѣнки отъ труппы театра Незлобина—«Незабвенному товарищу» и отъ К. Незлобина—«Милой и любимой Н. С. Арнольдъ-Карпенко». (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1912, № 323).

† **Кетриць, К. Э.** 8-го декабря скончался членъ инженернаго совѣта министерства путей сообщенія тайный совѣтникъ Константинъ Эрнестовичъ Кетриць. Покойный пользовался въ путейскомъ вѣдомствѣ извѣстностью знатока желѣзнодорожнаго дѣла и гуманнаго дѣятеля, энергично работавшаго по обезпеченію семей желѣзнодорожныхъ служащихъ достаточными пенсіями и доступностью образованія для ихъ дѣтей. К. Э. родился въ 1846 году въ инженерной семьѣ: его дѣдъ и отецъ были инженерами путей сообщенія. Самъ онъ тоже окончилъ курсъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Его дѣятельность началась въ правленіи кіевскаго округа путей сообщенія, но вскорѣ онъ перешелъ на службу по желѣзнымъ дорогамъ. Принималъ участіе въ постройкѣ Московско-Курской и Тамбово-Саратовской желѣзныхъ дорогъ служилъ по ремонту Московско-Нижегородской, былъ начальникомъ ремонта Рязско-Вяземской желѣзной дороги. Въ это время онъ постоянно интересовался изслѣдованіемъ общихъ причинъ и условій желѣзнодорожнаго дѣла съ цѣлью наиболѣе лучшей его постановки. Вздвигъ, между прочимъ, за границу для изученія вопроса о прочности шпаль и устроилъ первый въ Россіи шпало-прониточный заводъ съ примѣненіемъ хлористаго цинка. Съ 1878 по 1883 г. покойный управлялъ послѣдовательно Донецкой и Рязско-Вяземской желѣзной дороги и затѣмъ былъ привлеченъ въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ занималъ различныя должности, участвовалъ въ пріемѣ частныхъ дорогъ въ казну и въ разработкѣ мѣръ улучшенія различныхъ сторонъ желѣзнодорожнаго хозяйства. Съ 1886 г. покойный завѣдывалъ эксплуатационнымъ отдѣломъ управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, одновременно предсѣдательствовалъ въ ссудо-сберегательной кассѣ управленія; съ 1900 г. въ теченіе трехъ лѣтъ былъ начальникомъ управленія желѣзныхъ дорогъ и въ послѣднія десять лѣтъ состоялъ членомъ инженернаго совѣта. Досуги своей службы К. Э. посвящалъ общественной благотворительности и особенно отдѣлу защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. Въ этомъ отдѣлѣ онъ былъ членомъ бюро и комиссіи, завѣдующей убожищемъ дѣтей. Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу чуткій къ правдѣ и людскому горю, всегда отзывчивый и сердечный человѣкъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 13201).

† **Маттернъ, Е. Э.** Скончался извѣстный присяжный повѣренный Е. Э. Маттернъ, представитель популярной въ Москвѣ фамиліи. Покойный родился въ 1858 году, окончилъ курсъ по юридическому факультету въ московскомъ университетѣ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ вступилъ въ ряды московской адвокатуры. Въ первое время Е. Э. Маттернъ состоялъ помощникомъ у присяжнаго повѣреннаго С. А. Шереметевскаго. Покойный былъ широко образован-

нымъ человѣкомъ, интересовавшимся искусствомъ, политикой и находился въ перепискѣ со многими выдающимися государственными людьми Запада. Особую любовь онъ питалъ къ музыкѣ, и его авторству принадлежитъ рядъ композицій, исполнявшихся въ Россіи и за границей. Пробовалъ Е. Э. и самъ дирижировать оркестромъ, и не безъ успѣха. Въ послѣдніе годы Е. Э. удѣлялъ много времени изученію исторіи искусства. Постѣ него остались незаконченныя работы на эту тему. Е. Э. принадлежала цѣнная бібліотека, въ которой не мало уникальн. Нѣкоторое время Е. Э. Маттернъ принималъ дѣятельное участіе въ союзѣ 17-го октября. Какъ человѣкъ, Е. Э. былъ на рѣдкость добрымъ, отзывчивымъ и много помогалъ бѣднотѣ. Въ цѣломъ рядѣ благотворительныхъ обществъ Е. Э. принималъ дѣятельное участіе. По его инициативѣ, между прочимъ, было открыто нѣсколько новыхъ отдѣловъ при обществѣ распространенія практическихъ знаній между образованными женщинами. Е. Э. Маттернъ болѣлъ уже давно; въ послѣдніе дни болѣзнь сердца и почекъ обострилась и свела этого симпатичнаго человѣка въ могилу. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912, № 280).

† **Мельницкая, А. В.** 6-го ноября скончалась небезызвѣстная беллетристка Анна Васильевна Мельницкая. Она родилась въ Саратовѣ 2-го декабря 1862 года. Печаталась преимущественно въ «Русскомъ Словѣ»; участвовала и въ отдѣльныхъ изданіяхъ Сытина, передѣлывая для дѣтей романы Диккенса и прочее. Изъ оригинальныхъ ея произведеній пользовались въ свое время успѣхомъ романы: «Женскія злобы», «Реликвіи любви» и нѣкоторыя пьесы: «Родственнички» (шедшая въ Новомъ театрѣ въ Петербургѣ), «Наполеонъ въ Варшавѣ», «Цѣвушка съ прошлымъ». (Некрологъ ея: «Новое Время», 1912, № 13172).

† **Чернай, Н. А.** Въ Харьковѣ скончался профессоръ харьковскаго технологическаго института Николай Александровичъ Чернай. Покойный уроженецъ города Харькова, былъ сыномъ профессора-зоолога, родомъ изъ Чехи, и окончилъ вторую харьковскую гимназію, а затѣмъ харьковскій университетъ по естественному факультету, послѣ чего остался у профессора Н. Н. Бекетова лаборантомъ. Вскорѣ, однако, Н. А. уѣхалъ въ Петербургъ, съ цѣлью поступить въ горный институтъ, а затѣмъ въ Гейдельбергъ къ профессору Бунзену, у котораго проработалъ нѣкоторое время, причемъ Бунзенъ даже въ своемъ знаменитомъ учебникѣ химіи воспользовался однимъ изъ открытій, сдѣланныхъ Н. А. Изъ харьковскаго университета Н. А. перешелъ въ технологическій институтъ, въ которомъ пробылъ свыше двадцати пяти лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 13186).

† **Якушкинъ, В. Е.** Скончался Вячеславъ Евгенъевичъ Якушкинъ, членъ первой государственной думы отъ Курской губерніи, видный дѣятель «союза освобожденія», одинъ изъ учредителей партіи народной свободы, постоянный членъ всѣхъ ея центральныхъ комитетовъ. Внукъ декабриста и сынъ извѣстнаго юриста-этнолога, В. Е. какъ бы самими своими семейными традиціями былъ предназначенъ для участія въ борьбѣ какъ за конституціонное переустройство Россіи, такъ и за коренное улучшение быта главной массы ея населенія, крестьянства, интересамъ котораго онъ служилъ фанатически и самоотверженно. Родился В. Е. Якушкинъ въ 1856 году. Окончивъ курсъ въ московскомъ уни-

верситетѣ, онъ былъ оставленъ для подготовленія къ профессорской кафедрѣ. Получивъ степень магистра за диссертацию «Очерки по исторіи русской поземельной политики XVIII—XIX вѣковъ», онъ имѣлъ рядъ порученій читать нѣкоторые необязательные курсы по исторіи и исторіи русской словесности. Между прочимъ онъ читалъ лекціи и по исторіи русской журналистики. Въ 1899 году за рѣчь о Пушкинѣ на Пушкинскомъ юбилеѣ въ Москвѣ онъ былъ посланъ въ Ярославль. Впослѣдствіи В. Е., и раньше писавшій во вопросамъ земскимъ и народнаго образованія, посвятилъ себя практической земской дѣятельности и въ Курской губерніи скоро приобрѣлъ среди земцевъ авторитетное имя. Когда началось земское движеніе, приведшее къ созданію «союза освобожденія», онъ былъ въ первыхъ его рядахъ и сдѣлался однимъ изъ основателей конституціонно-демократической партіи. Въ партіи В. Е. Якушкинъ работалъ, главнымъ образомъ, надъ крестьянскимъ и аграрнымъ вопросами. «Мы смотримъ на дѣло земельной реформы,—говорилъ онъ въ первой думѣ,— не только какъ на средство устраненія той опасности, которая грозитъ странѣ отъ возникшихъ и могущихъ возникнуть еще аграрныхъ волненій. Это также не есть актъ благовоорительности. Это есть широко поставленная попытка провести коренную социальную реформу». По своимъ взглядамъ В. Е. Якушкинъ былъ убѣжденнымъ народникомъ, стойко защищавшимъ какъ земельную общину, такъ и идею обращенія частныхъ земель въ «земельный государственный фондъ», который могъ бы служить переходомъ къ полной націонализациіи земли, какъ идеалу. Выборгскій процессъ, лишившій А. Е. Якушкина избирательныхъ правъ, вытолкнулъ его изъ сферы открытой земской и государственной политической дѣятельности. Местительное курское дворянство не могло ему простить его агитациі за надѣленіе крестьянъ землей. В. Е. былъ однимъ изъ первыхъ, на кого обрушилось исключеніе изъ дворянскаго сословія. Но ни политическія неудачи, ни преслѣдованія враговъ не заставили В. Е. въ чемъ-либо поступиться своими взглядами. Литературную свою дѣятельность В. Е. началъ въ 1879 году статьями въ «Вѣстникѣ Европы», «Критическомъ Обзорѣніи», «Русской Старинѣ». Впослѣдствіи онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ, соиздателемъ и даже на нѣкоторое время редакторомъ «Русскихъ Вѣдомостей». Тамъ онъ писалъ очень много по вопросамъ земскаго самоуправления и народнаго просвѣщенія и за подписью В. Веденѣва велъ историческій фельетонъ. В. Е. Якушкинъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ пушкинианцевъ. Ему принадлежатъ два сборника статей: 1) «О Пушкинѣ» и 2) «Радищевъ и Пушкинъ» и капитальное описаніе пушкинскихъ рукописей. Онъ много поработалъ надъ установленіемъ ихъ текста, равно какъ и текста Грибоѣдовскаго «Горя отъ ума». Въ 1903 году, послѣ смерти Л. Н. Майкова академія наукъ обратилась къ нему съ предложеніемъ продолжать редактированіе академическаго изданія полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина. Не только русская общественная жизнь, но и русская литература и наука понесли большую потерю. Память объ этомъ оригинальномъ, стойкомъ и самоотверженномъ русскомъ ученомъ и борцѣ за народное освобожденіе, достойномъ своихъ отца и дѣда, будетъ долго жить въ русскомъ обществѣ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1912, № 332.

ТѢНЬ ВЛАСТИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Б. МИХАЙЛОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ДНАЖДЫ мнѣ пришлось жить въ нѣкоемъ старомъ домѣ въ Антверпенѣ. То былъ старинный аристократическій домъ, и во времена его пышности и блеска едва ли кто-нибудь могъ бы повѣрить, что когда-нибудь его будутъ поденно отдавать внаймы иностранцамъ. Но величіе и паденіе смѣняются другъ друга. Такъ все идетъ въ этомъ мірѣ. Чудную лѣстницу и полированный дубовый полъ попираютъ теперь недостойныя ихъ ноги.

Мнѣ было жаль стараго дома: въ немъ не было ничего рыночнаго, вульгарнаго. Каждая вещь, несмотря на свою ветхость, свидѣтельствовала о суровомъ быломъ великолѣпіи. Моя комната была просторна, воздуха въ ней было много, а кровать съ рѣзными ножками и безукоризненнымъ бѣльемъ годилась бы для отдохновенія короля. Сначала я долго ворочался, но подѣ конецъ отказался отъ всякой попытки заснуть и приготовился покорно встрѣтить бессонную ночь. Пока я лежалъ въ кровати, предаваясь своимъ думамъ, мои пальцы лѣниво постукивали по украшеніямъ дубовой панели, которой была обдѣлана стѣна. Каждая панель имѣла свой собственный рисунокъ, но на всѣхъ повторялась какая-то странная рѣзьба, изображавшая какое-то животное, похожее на тигра въ коронѣ. Какъ я уже сказалъ, мои пальцы механически постукивали по рѣзьбѣ, какъ вдругъ дерево, подѣ ихъ давленіемъ, подалось, и моя рука очутилась въ пустомъ пространствѣ. Я просунулъ ее дальше, пока не нащупалъ нижняго края панели.

Я вскопчилъ, быстро зажегъ свѣтъ и взялъ подсвѣчникъ, чтобы взглянуть, что произошло. Оказалось, что я печаяшно задѣлъ пружину и заставилъ панель открыть маленькую нишу, въ которой лежала старая книга въ кожаномъ переплетѣ, съ серебряными застежками. Кромѣ нея, въ нишѣ ничего не было. Я взялъ книгу и сталъ ее разсматривать. То была очень старая книга, пергаментные листы которой были покрыты пятнами, но въ общемъ она хорошо сохранилась.

Мнѣ было очень любопытно ознакомиться съ ея содержаніемъ. Вѣдь не даромъ же пролежала она столько времени въ стѣнѣ, сохраняя до сего времени свои тайны. Можетъ быть, это библія: всякій, у кого была библія, долженъ былъ тщательно скрывать ее во времена испанскаго владычества. Но нѣтъ, на библію она была непохожа.

Нѣкоторое время я неподвижно смотрѣлъ на нее. Затѣмъ я осторожно открылъ ее съ страннымъ чувствомъ почтенія къ этой старой книгѣ, столь неожиданно найденной мною въ глухую ночь послѣ того, какъ она пролежала столько столѣтій на своемъ мѣстѣ.

Застежки не были заперты, я тихонько открылъ ихъ и взглянулъ.

То былъ дневникъ. На первой страницѣ я нашелъ дату—1572 годъ, пятый годъ управленія Нидерландами герцога Альбы. Написанъ онъ на испанскомъ языкѣ того времени. Всю ночь и добрую половину слѣдующаго дня я разбиралъ въ немъ слова, написанныя тонкимъ почеркомъ, и старался схватить общій смыслъ всего записаннаго.

Я хорошо читаю по-испански. Но здѣсь было немало устарѣвшихъ выраженій. Встрѣчались мѣста на южномъ діалектѣ, и это требовало отъ меня напряженія всѣхъ моихъ знаній. Кромѣ того, имена лицъ и названія мѣстностей, очевидно, были написаны сокращенно. Означены были только начальныя буквы, да и то не всегда. Странный неразборчивый значокъ—вотъ и все. Дневникъ велся не регулярно: между записями попадаются длинныя промежутки.

Я старался вспомнить, что зналъ изъ исторіи того времени. Но ни одно имя, ни одно названіе не подходило къ этой исторіи. Я перерылъ всѣ книги и лѣтописи, какія могъ достать, но все было напрасно. Мнѣ не удалось найти недостающихъ записей, не удалось опредѣлить то, что авторъ, въ своихъ цѣляхъ, такъ искусно скрылъ. Разказанныя имъ событія разыгрались, несомнѣнно, въ двухъ небольшихъ, но не лишенныхъ значенія голландскихъ городахъ. Въ какихъ именно, я сказать не могу. Пожелтѣвшіе листы книги и выцвѣтшія буквы строго хранить и будутъ еще хранить свою тайну.

Въ разказѣ, отъ котораго у меня нѣтъ ключа, появляются,

между прочимъ, мрачныя фигуры инквизиторовъ. Прошло уже болѣе трехъ столѣтій со времени подвиговъ инквизиціи, время набросило покровъ на ихъ дѣянія, отъ многихъ процессовъ не осталось и слѣда, и ни одного документа не дошло до насъ. Съ 1520 по 1576 годъ, годъ усмиренія Гента, въ Голландіи занесены имена восьмидесяти инквизиторовъ. Но, кромѣ главныхъ и областныхъ инквизиторовъ, работало немало ихъ делегатовъ. Немало посылалось инквизиціей и доминиканцевъ. Исполнивъ данное порученіе, они возвращались въ свой монастырь, и о нихъ сохранила память одна надгробная плита.

Это, конечно, не могло служить мнѣ путеводной нитью. Оставалось одно средство—терпѣливо перерыть одинъ за другимъ архивы всѣхъ голландскихъ городовъ, исторія которыхъ не была въ прямомъ противорѣчій съ рассказанной въ книгѣ исторіей. Но по обстоятельствамъ я не могъ сдѣлать этого до сихъ поръ, да и едва ли и сдѣлаю когда-либо въ будущемъ. Поэтому я рѣшилъ издать эти страницы, вставивъ въ нихъ вымышленныя имена вмѣсто настоящихъ, которыя мнѣ не удалось обнаружить, и добавивъ отъ себя, что недоставало въ книгѣ. Это было необходимо: иначе было бы трудно читать эти страницы, особенно для лицъ, мало знакомыхъ съ исторіей того времени. Необходимо сказать, что я не ручаюсь за правильность выбранныхъ мною именъ. Но мнѣ не хотѣлось бы откладывать опубликованіе этой исторіи ради тонкой морали, заключенной въ ней,—морали, которая годится не только для того времени, но и для всѣхъ вѣковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Гертруденбергъ 1-го октября 1572.

Хочу записать все, что случилось.

Мы выѣхали изъ Тургаута до разсвѣта, приказавъ сѣлать лошадей, когда была еще глухая ночь. День наступалъ медленно, ибо съ низинъ поднимался густой туманъ. Онъ охватывалъ насъ, какъ мокрое платье, и пронизывалъ до мозга костей. Въ воздухѣ было холодно и сыро. Стоялъ уже октябрь. Дыханіе нашихъ лошадей вырывалось изъ ихъ поздрей, какъ дымъ. Со спинъ у нихъ струлась вода, а сбруя блестяла отъ мелкихъ капель. До чего ни дотронешься—все мокро, поводъ прилипаетъ къ кожаной перчаткѣ.

Люди садилась на лошадей съ сдерживаемой бранью. Я понимаю ихъ чувство. Было самое начало зимы, и до наступленія весны придется мириться и съ холодомъ и съ мракомъ, если насъ не убьютъ къ тому времени. И хотя выругаться иной разъ и хорошо, однако это не можетъ измѣнить дѣло и разогнать осенній туманъ въ Голландіи.

Мы сумрачно ѣхали въ этомъ странномъ полусвѣтѣ—ни день, ни ночь. Люди, ѣхавшіе въ авангардѣ, смутно видѣлись передо мной на дорогѣ. На ихъ шлемахъ и оружій дрожала слабый, трепещущій отблескъ, то появлявшійся, то исчезающій, смотря по тому, выѣзжали они изъ тумана, или опять погружались въ него. За ними міръ, казалось, расплывался въ какой-то хаосъ. Все это мнѣ приходилось видѣть въ Голландіи не въ первый разъ. И, однако, я помню каждую подробность нашего пути въ это утро, быть можетъ, вслѣдствіе тѣхъ происшествій, которыя разыгрались потомъ.

Время отъ времени по дорогѣ показывалось неясное очертаніе дерева, проплывавшее мимо насъ, словно какая-то тѣнь, съ сосѣдняго поля поднималась стая воронъ, вспугнутая нашимъ появленіемъ, и, будучи невидима, пронеслась надъ нашими головами. Затѣмъ опять нависала тишина, и ни одинъ звукъ не прерывалъ ея, кромѣ случайнаго позвякиванія оружія и шлепанья лошадиныхъ копытъ по грязи.

Мы почти никого не встрѣчали на нашемъ пути, а если и встрѣчали, то всякій боязливо бросался въ сторону, уступая намъ дорогу. Эта часть Брабанта всегда была довольно безлюдна, а за послѣдніе годы стала еще безлюднѣе. Лишь изрѣдка мы проѣзжали мимо какой-нибудь деревушки. Одна половина ихъ была разграблена и сожжена «лѣсными ребятами», а другая нашими войсками, преслѣдовавшими этихъ «лѣсныхъ ребятъ». Не мудрено, что встрѣтить деревню теперь было трудно.

Иногда вдругъ передъ нами выплывала группа лошадей и черезъ минуту исчезала опять, какъ будто ихъ и не было. Не было видно никакихъ признаковъ жизни, никто не привѣтствовалъ нашего появленія. Мы проѣзжали словно по мертвому царству, не слыша даже сдержанной брани или проклятія. Молча ѣхали мы по пустыннымъ улицамъ, словно привидѣнія, не оставляя за собой никакого слѣда.

Наша задача влекла насъ дальше.

Бреда осталась у насъ слѣва въ нѣсколькихъ миляхъ. Съ этого мѣста мы должны были ѣхать проселочными дорогами. И наши проводники могли бы отлично сбить насъ съ дороги, но они были слишкомъ зануганы. Мы возвращались послѣ взятія Монса и гнали разбитые остатки арміи принца Оранскаго обратно къ Маасу и Рейну, словно собакъ къ ихъ конурамъ. Никто не посмѣлъ бы оказать сопротивленія испанцамъ по сю сторону великой рѣки.

Мы упорно ѣхали впередъ съ самаго разсвѣта, по переѣмъ никакихъ не было. Мы были въ пути уже четыре часа, и лошади стали ослабѣвать. Но мы дали имъ отдохнуть до того и не обращали на нихъ вниманія. Приказано было ѣхать безотлагательно и безъ проволочекъ.

Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ дальше сталась передъ нами дорога—короткая полоска, затерявшаяся въ безконечной дали. Можно было сказать, что за ней лежитъ цѣлая вѣчность. А, можетъ быть, и вправду вѣчность—по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ насъ.

Во время пути было запрещено громко разговаривать. Впрочемъ, въ такомъ запрещеніи не было и надобности: и безъ того никто не былъ расположенъ къ тому.

Странныя фантазіи навѣвляли этотъ туманъ на человѣка: разрывая его пелену, такъ плотно покрывшую весь міръ, вдругъ показываются облики тѣхъ, кого считалъ уже давно умершимъ и похороненнымъ,—любимой женщины, съ которою ты поступилъ нехорошо, врага, убитого нечестно,—каждый изъ насъ испытывалъ что-нибудь подобное.

Все было сѣро и холодно. Въ эту проклятую погоду можно проскакать нѣсколько миль и не согрѣться. А будешь только дрожать въ сѣдлѣ.

Итакъ, мы тащились уже давно, а густой туманъ попрежнему висѣлъ надъ нами, какъ будто собираясь оставаться здѣсь до самаго Страшнаго Суда. И вдругъ произошла переѣмна.

Ночью шелъ сильный дождь. Лужи воды стояли на дорогѣ, отражая сѣрый, пасмурный свѣтъ. Я ѣхалъ впереди съ цѣлью развѣдать мѣстность, лежавшую передъ нами, хотя это казалось напрасной попыткой. Вдругъ я замѣтилъ, что по дорогѣ скользнулъ какой-то свѣтъ. Онъ задрожалъ на поверхности воды и пробѣжалъ по ней, словно расплавленное серебро.

Я взглянулъ на небо. Воздухъ сдѣлался свѣтлѣе; свѣтлѣе отъ того самаго серебрянаго свѣта, который я замѣтилъ на водѣ. Онъ становился все ярче и ярче, серебро превращалось въ золото. Въ эту минуту туманъ, закутывавшій все, разорвался на двѣ части, и передъ нами показались темные силуэты стѣнъ и башенъ города, который, казалось, былъ построены на зыбучемъ туманѣ. Это продолжалось съ минуту. Затѣмъ видѣніе исчезло, и все стало опять такъ же сѣро и однообразно, какъ было прежде. Башни казались совсѣмъ близко отъ насъ. Теперь же онѣ виднѣлись за нѣсколько миль отъ насъ. Я невольно натянулъ покрѣпче поводъ, когда видѣніе явилось передъ нами. Безъ сомнѣнія, то же сдѣлали и мои люди. Но они были такъ дисциплинированы, что безъ приказанія не смѣли замедлить рыси.

— Что это—городъ?—спросилъ я солдата, ѣхавшаго рядомъ со мной.

Онъ бывалъ раньше въ этихъ мѣстахъ, и я рассчитывалъ, что онъ знаетъ мѣстность. Съ нами были и проводники, но я всегда предпочитаю обращаться съ вопросами, если возможно, къ своимъ солдатамъ.

— Да, синьоръ,—отвѣчалъ онъ тихо, упавшимъ голосомъ.

Повидимому, долгій путь на разсвѣтъ въ холодную погоду оказалъ на нихъ всѣхъ угнетающее дѣйствіе.

— Далекъ до него?—строго спросилъ я.

— Неизвѣстно,—тѣмъ же унылымъ тономъ отвѣчалъ онъ.—Казалось, онъ совсѣмъ близко, но что можно сказать при такомъ дьявольскомъ туманѣ, который въ этой странѣ можетъ сбить всякаго съ пути спасенія, хотя бы онъ и былъ рядомъ.

— Если тебѣ удастся понасть на небо, то только въ такой день, какъ сегодня. Въ туманѣ тебя не выгнали бы за ворота рая,—раздражительно замѣтилъ я.

Это былъ солдатъ, посѣдѣвшій въ бояхъ, знающій свое дѣло, но на его совѣти лежало больше грѣховъ, чѣмъ можно было считать.

— Предоставь спасаться святымъ, если имъ охота браться за такое трудное дѣло. Лучше сообрази поскорѣе, сколько памъ еще остается до воротъ города.

Старый солдатъ выпрямился на сѣдлѣ.

— Постараюсь, синьоръ, но это не такъ-то легко. Этотъ проклятый туманъ можетъ сбить съ толку не то что человѣка, но и самого дьявола.

И онъ принялся внимательно осматривать мѣстность. По вѣшности она была такая же, какъ и прежде, часъ тому назадъ. Низкая желтоватая трава, время отъ времени груша пивъ, черезъ значительные промежутки толстое дерево. Однако онъ, видимо, узналъ мѣстность по примѣтамъ, извѣстнымъ ему одному. Онъ сталъ украдкой креститься и пробормоталъ нѣсколько словъ, которыя я не разслышалъ. Потомъ онъ сказалъ:

— Миѣ кажется, что мы будемъ у воротъ минутъ черезъ десять, синьоръ, если будемъ ѣхать тѣмъ же аллюромъ. Можетъ быть, впрочемъ, придется ѣхать и дольше, но никакъ не меньше.

Онъ ѣхалъ, разговаривая тихо самъ съ собой:

— Я принесъ хорошій даръ св. Іоанну и Богородицѣ Турнайской. Что же еще могу я сдѣлать?

Эта мѣстность, очевидно, вызывала въ немъ множество воспоминаній.

Я прервалъ потокъ его воспоминаній, неожиданно повернувшись и скомандовавъ тихимъ, но строгимъ голосомъ:

— Сомкнись! Смирно и держись наготовѣ!

Онъ сказалъ: «черезъ десять минутъ». Возможно, что и меньше. Я не могъ знать, что насъ ожидаетъ. Если васъ посылаютъ съ небольшими силами принести къ повиновенію непокорный городъ, то приходится стараться, чтобы съ самаго начала не попасться впросакъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ вдругъ передъ нами все потемнѣло. Черезъ минуту наши лошади шли по дереву, и передъ нами зіяла огромная черная дыра. То были городскія ворота. Туманъ врвался въ нихъ и снова выплывалъ оттуда, все было безмолвно и пустынно. Моя рука инстинктивно схватилась за мечъ, но я отдернулъ ее: я готовъ былъ на всякое сопротивленіе, но не ожидалъ его въ этихъ безлюдныхъ и безмолвныхъ мѣстахъ.

Казалось, мы въѣзжаемъ въ городъ мертвыхъ. Съ самаго раняго утра мы ѣхали во мракѣ и теперь, казалось, переходили пограничную линію, отдѣлявшую свѣтъ отъ тьмы. Все это было причудливо и фантастично, какъ сонъ. Я чувствовалъ какое-то странное желаніе остановиться здѣсь же и не идти дальше навстрѣчу неизвѣстному. Но что-то внутри меня толкало меня дальше, и мы проѣхали подъ мрачными сводами воротъ, подъ которыми еще горѣлъ одинокій фонарь. Путь нашъ лежалъ по темнымъ безлюднымъ улицамъ, окаймленнымъ безмолвными домами, очевидно, покинутыми своими обитателями. Мы инстинктивно ѣхали медленно.

Улица, на которую мы выѣхали, была довольно широка, такъ что верхушки ея домовъ терялись въ туманѣ. Иногда, когда туманъ поднимался или спадалъ, глазъ охватывалъ весь домъ отъ нижняго этажа до деревяннаго верхняго. Двери и окна были закрыты, когда мы проѣзжали.

Конечно, тутъ должно бы оказаться немало любопытныхъ, ибо въ моемъ лицѣ выѣзжала въ городъ его судьба—милостивая или грозная, смотря по моему желанію. Но нигдѣ не было и признаковъ жизни, ни одинъ звукъ не заглушалъ глухого стука подковъ нашихъ лошадей о мостовую. Подозрѣвая ловушку, я уже готовъ былъ командовать «стой!»—но я увѣрилъ себя, что на это они не рѣшатся. Молча ѣхали мы дальше изъ одной улицы въ другую, руководимые чѣмъ-то, чего я не сумѣю опредѣлить. Я думаю, что это-то люди и называютъ судьбою. Наконецъ мы скорѣе почувствовали, чѣмъ увидѣли, что улица передъ нами расширяется, и, словно съ общаго согласія, потянули поводъ.

Въ эту минуту сѣрая пелена какъ будто отодвинулась въ сторону. Это было уже второй разъ въ это утро. Надъ нами пронеслось рѣзкое дуновеніе вѣтра, расчищая передъ нами пространство, и между плившими кусками разѣвивавшагося тумана показались три высокихъ черныхъ столба, мрачно поднимавшіеся къ свѣтлѣющему небу. Вслѣдствіе серебристаго тумана, который ихъ еще окружалъ, я скорѣе угадалъ, чѣмъ увидѣлъ ихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ все разъяснилось. Мы стояли на краю базарной площади, а передъ нами поднимался эшафотъ съ тремя висѣльницами. Къ среднему была привязана женщина съ густыми темными волосами. Словно затравленный звѣрь, она дико смотрѣла по сторонамъ. Ея шея и руки были открыты. Рубашка кающагося грѣшника составляла ея единственное одѣяніе. Руки и ноги ея были привязаны веревками къ столбу. Она была высокаго роста, съ красивымъ и гордымъ лицомъ, которое было блѣдно, какъ у мертвеца. Глаза ея расширились отъ страха. Когда они встрѣтились съ моими, я прочелъ въ нихъ призывъ на помощь, выраженный съ такой силой, что мнѣ никогда не приходилось прежде видѣть ничего подобнаго въ человѣческихъ глазахъ. Она напоминала мнѣ кого-то изъ знакомыхъ мнѣ, хотя я и не могъ сказать, кого именно.

Реальнаго сходства съ кѣмъ-либо не было.

Другая жертва, съ правой отъ нея стороны, была старуха съ рѣдкими бѣлыми волосами, съ неказившимися отъ пытокъ и страха смерти чертами. Что касается третьей жертвы, то трудно сказать, былъ ли то мужчина, или женщина. Страданія сдѣлали изъ него нѣчто неузнаваемое. Голова его упала на грудь, и онъ, повидимому, находился безъ сознанія.

Тутъ же былъ и палачъ съ своими орудіями пытки, а въ двухъ шагахъ отъ него стоялъ монахъ, руководившій всѣмъ этимъ дѣломъ, съ блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ и глубоко всаженными, горящими глазами. Несмотря на строгое выраженіе его лица, вокругъ его рта лежала какая-то складка, которая говорила, что онъ остается мужчиной со всѣми страстями, свойственными мужчинамъ—на половину аскетъ, на половину жертва чувственныхъ желаній. Этотъ именно типъ монаха обыкновенно преслѣдуетъ женщинъ и, насладившись ими, отправляетъ ихъ на костеръ. Обыкновенно инквизиторъ не долженъ былъ присутствовать на эшафотѣ, но въ Голландіи теперь не приходится думать о строгомъ соблюденіи формальностей. Да и, кромѣ того, у него, очевидно, были свои причины для этого. Внизу эшафота жидкая линія солдатъ едва сдерживала возбужденный народъ, приливавшій, словно взволнованное море, къ столбамъ, на которыхъ былъ укрѣпленъ эшафотъ.

Таинственность, которой сопровождалось наше вступленіе въ городъ, и безлюдье, царствовавшее всюду, теперь нашли свое объясненіе. Всѣ стекались сюда взглянуть на зрѣлище, а можетъ быть и не для того только. Стража, очевидно, ушла отъ воротъ сюда же. Что могло произойти, если бъ мы не явились въ время, я не берусь сказать. Толпа, видимо, была настроена враждебно. Но кто можетъ угадать, что будетъ дѣлать толпа? Она приходитъ въ ярость или поддается страху благодаря какому-нибудь звуку, одно слово можетъ разнуздать или утратить ее.

Угрюмо и неподвижно сидѣли мы въ сѣдлахъ. Тусклый утренній свѣтъ едва поблѣскивалъ на оружіи и шлемахъ.

Народъ увидѣлъ насъ, и въ толпѣ вдругъ поднялся ропотъ. Напоръ толпы остановился, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Всѣ взоры устремились на насъ со страхомъ и удивленіемъ. Наступилъ рѣшительный моментъ. Я до сихъ поръ вижу три фигуры у позорнаго столба и монаха, какъ хищника, караулившаго свою добычу. Внизу темная масса народа, двигавшагося туда и сюда по площади, вверху безстрастные къ сѣтолкѣ у ихъ основанія крыши и шпичи домовъ, позлащенные восходящимъ солнцемъ. Во главѣ моихъ закованныхъ въ желѣзо солдатъ я безмолвно стою, держа въ своихъ рукахъ нити судьбы.

Я замѣтилъ, что свѣтъ распространяется все болѣе и болѣе. Я видѣлъ, какъ крыши изъ сѣрыхъ дѣлались постепенно оранжевыми, пока не загорались огнемъ. Я видѣлъ, какъ пламя загоралось въ окнахъ, обращенныхъ къ востоку. Но на площади еще царилъ полумракъ. На насъ падало лишь слабое отраженіе зари, отчего бѣлое платье женщины у позорнаго столба казалось еще бѣлѣе.

Я уже поймалъ однажды ея взглядъ. И опять мнѣ стало казаться, что она упорно зоветъ меня, и я какъ-то странно вздрогнулъ отъ этого призыва. Я считалъ себя твердымъ, и обращенныя ко мнѣ просьбы не разъ оставались безъ послѣдствій. Этому я обязанъ тѣмъ, что такъ быстро возвысился по службѣ. Не разъ приходилось мнѣ видѣть, какъ сжигали людей, и я смотрѣлъ на это зрѣлище спокойно и равнодушно. Но на этотъ разъ я рѣшилъ, —самъ не знаю почему, — что ее нужно спасти. Быть можетъ, мнѣ показалось слишкомъ соблазнительнымъ заставить судьбу покориться моей волѣ. Быть можетъ, мнѣ захотѣлось видѣть, какъ далеко можетъ пойти моя власть. Я уже давно привыкъ ставить власть превыше всего. А, быть можетъ, я былъ лишь безсознательнымъ орудіемъ судьбы, помню моей воли.

Я хотѣлъ спасти ее здѣсь же на эшафотѣ въ самый моментъ торжества монаха. Это была опасная затѣя—въ тысячу разъ болѣе опасная, чѣмъ столкновеніе съ раздраженной толпой, запрудившей площадь и прилегающія улицы, насколько хваталъ глазъ. Въ шумѣ толпы слышалась угрожающая нота, которая свидѣтельствовала, что народу надоѣли пытки и позорные столбы. Иногда онъ проявлялъ и сопротивленіе, но скоро понималъ, что отъ этого дѣло только ухудшается. Они явились сюда съ оружіемъ и хотя отступили передъ нами, однако лица у всѣхъ были нахмурены, а губы плотно сжаты.

Тутъ нашлось бы достаточно рукъ стащить насъ съ сѣдла и ногъ, чтобы потомъ растоптать насъ на смерть, —если бъ только они посмѣли. Но они не посмѣли, ибо мы были испанцами—имя ненавидимое, но и страшное, какъ терроръ.

Народъ не пугалъ меня, но въ лицѣ этого священника передо

мною стоялъ членъ святой церкви, исполнявшій одну изъ самыхъ дорогихъ его сердцу обязанностей. Всякій знаетъ, что это значило въ царствованіе Филиппа II. Я былъ не безоруженъ относительно него, но все-таки спорить съ нимъ было чрезвычайно опасно. Но я проѣхалъ съ герцогомъ Альбой отъ Средиземнаго моря черезъ всю Европу до Нидерландовъ и, что бы ни говорили про него, долженъ сознаться, что онъ выучилъ своихъ людей искать опасностей и ухаживать за ними, какъ за женщинами.

Еще разъ я посмотрѣлъ на дрожащую толпу и на доминиканца, спокойно и безстрастно стоявшаго у столба, и командовалъ:

— Трубы!

Звонко и рѣзко звучали трубы, пока мы медленно двигались впередъ. Народъ давалъ намъ дорогу, и вотъ, наконецъ, мы по срединѣ площади.

— Донъ Рюицъ де-Пертепья,—громко сказала я, нарочно стараясь говорить такъ, чтобы меня было слышно вездѣ:— прочтите данный мнѣ приказъ.

Донъ Рюицъ, мой лейтенантъ, взялъ бумагу, которую я ему передалъ, развернулъ ее и сталъ читать:

«Именемъ его величества короля Филиппа II, обладателя Испаніи, обѣихъ Сицилій и Индіи, герцога Миланскаго и Брабантскаго, графа Артуа Голландіи и Фландріи, да сохранить его Богъ, и въ силу полномочій, предоставленныхъ намъ, какъ главному правителю Нидерландовъ, мы симъ назначаемъ дону Хаима де-Хорквера, графа Абенохара, губернаторомъ города и округа Гертруденберга со всѣми гражданскими и военными полномочіями, отвѣтственнымъ послѣ насъ только передъ королемъ.

«Данъ въ Монсѣ 20-го сентября 1572.

«Фернандо Альварецъ де-Толедо, герцогъ Альба, правитель Нидерландовъ».

Когда донъ-Рюицъ окончилъ чтеніе, водворилась глубокая тишина. Всѣ стояли, сбившись въ кучу, какъ овцы при внезапномъ появленіи волка. Я посмотрѣлъ на нихъ съ минуту, наслаждаясь ихъ страхомъ, и сказалъ:

— Кто до сего времени управлялъ городомъ?

Сначала отвѣта не было. Наконецъ сквозь толпу сталъ протискиваться высокій старикъ съ длинной бѣлой бородой, одѣтый въ черный бархатный камзолъ, съ золотой цѣпью на шеѣ. Въ то же время на небольшое свободное мѣстечко, которое образовалось передъ нами, вышелъ офицеръ, командовавшій солдатами у эшафота. Оба они остановились и оглядывали другъ друга.

Вопросъ о томъ, кто раньше былъ правителемъ, обыкновенно возбуждалъ въ такихъ случаяхъ немало споровъ. Въ большинствѣ случаевъ горожанину приходится уступать передъ солдатомъ какъ

здѣсь, такъ и во многомъ другомъ. Представитель города не имѣлъ вида человѣка, который забываетъ о своихъ правахъ и достоинствахъ, но онъ понималъ, что теперь не время говорить объ этомъ. Командиръ гарнизона, вышедшій изъ простыхъ солдатъ, колебался, не зная, что ему дѣлать. Въ эту минуту сѣдобородый бургомистръ находчиво показалъ ему рукой стать рядомъ съ нимъ и сказалъ:

— Синьоръ Лопецъ, не угодно ли вамъ будетъ присоединиться ко мнѣ, чтобы привѣтствовать прибытіе господина губернатора.

Подойдя ко мнѣ, онъ снялъ шляпу и вѣжливо поклонился, — я убѣжденъ, что въ его жилахъ есть капля испанской крови, — и сказалъ:

— Позвольте почтительнѣйше и достолично привѣтствовать ваше превосходительство съ прибытіемъ въ добрый и вѣрный городъ Гертруденбергъ. Позвольте завѣрить васъ въ полномъ нашемъ послушаніи, какъ повелѣваетъ намъ нашъ долгъ, его величеству королю на землѣ и Господу Богу на небесахъ. Я прошу извиненія въ томъ, что вамъ пришлось прибыть среди событія, которое плохо согласуется съ чувствами радости. Если бъ мы знали заранѣе о вашемъ прибытіи, то, несомнѣнно, мы встрѣтили бы васъ болѣе подобающимъ образомъ. Синьоръ Лопецъ, командовавшій вооруженными силами короля въ нашемъ городѣ, представится вамъ самъ. Я же готовый къ услугамъ вашимъ первый бургомистръ города Гендрикъ ванъ-деръ-Вееренъ.

Это была хорошая рѣчь — учтивая, безъ подхалимства. Я готовъ поклясться, что во фразѣ, гдѣ говорилось о чувствахъ радости, была скрытая иронія. Мнѣ этотъ старый бургомистръ все болѣе и болѣе начиналъ нравиться. Вотъ человѣкъ, который не былъ солдатомъ, который, можетъ быть, просидѣлъ большую часть жизни надъ тюками съ товарами въ какомъ-нибудь складѣ, но въ которомъ оставались и находчивость и мужество передъ лицомъ опасности. Городъ и онъ самъ были въ полной моей власти, а что значила власть ставленника герцога Альбы, почувствовалъ не одинъ городъ, вѣрность котораго была подвергнута подозрѣнію.

Онъ нравился мнѣ, потому что мнѣ до тошноты надоѣли униженныя увѣренія въ преданности, съ которыми меня встрѣчали всюду на моемъ пути отъ Монса. Но мнѣ нельзя было обнаруживать своихъ чувствъ. Я долженъ былъ держаться безстрастно и строго.

— Ваша рѣчь хорошо вторитъ мирной мелодіи. Благодарю васъ. Но я не увѣренъ, что меня приняли бы такъ мирно, если бъ я заранѣе извѣстилъ васъ о своемъ прибытіи, — сказалъ я, холодно взглянувъ на него.

Онъ слегка поблѣднѣлъ.

— Мое дѣло вѣдать мирныя дѣла, и я привѣтствовалъ бы васъ такъ же. Военныя дѣла касаются не меня, а синьора Лопца.

Опять хорошо сказано.

Я повернулся къ командиру гарнизона, который отдалъ мнѣ честь и стоялъ безмолвно, невольно отступивъ передъ ванъ-деръ-Веереномъ на второе мѣсто. Встрѣтивъ мой взглядъ, онъ встрепенулся и вышелъ впередъ.

— Позвольте васъ спросить: всегда ли вы считаете туманъ наилучшей охраной для добраго города Гертруденберга? Другой охраны я не встрѣтилъ при моемъ прибытіи.

— Ваше превосходительство, стража у воротъ была поставлена, какъ всегда, въ уменьшенномъ числѣ. Я не могу понять, почему вы не нашли людей на ихъ посту. Остальные мои силы, — онъ, какъ изволите видѣть, очень не велики, — я стянулъ сюда на аутодафе по приказанію досточтимаго дона Бернардо Балестера.

— Это вашъ командиръ, этотъ донъ Бернардъ Балестеръ? — спросилъ я.

— Ваше превосходительство... — залепеталъ онъ, выпучивъ на меня глаза.

Въ эту минуту монахъ, очевидно, слышавшій нашъ разговоръ, медленно подошелъ на край эшафота. Важно поклонившись, онъ сказалъ:

— Донъ Бернардо Балестеръ — это я, недостойный братъ ордена святаго Доминика, синьоръ. Я посланъ сюда инквизиторомъ, чтобы очистить эту общину отъ скверны. Прошу не гнѣваться на этого достойнаго офицера. Все, что онъ дѣлалъ, дѣлалось въ соотвѣтствіи съ моими желаніями, для которыхъ у меня имѣются основательныя причины.

Онъ говорилъ это съ такой увѣренностью, какъ будто синьоръ Лопецъ и я самъ были посланы сюда только для того, чтобы угождать ему во всемъ. Я вспомнилъ, — я не разъ слышалъ это отъ герцога, да и слышалъ неоднократно въ дорогѣ, пока ѣхалъ сюда изъ Брюсселя, — что этотъ монахъ былъ рекомендованъ епископомъ гермондскимъ Линдапусомъ, который воображалъ, что онъ можетъ представлять церковь такъ, какъ это было при Иннокентіи IV, когда король съ покорностью принималъ всякія распоряженія папы и его легатовъ. Но съ тѣхъ поръ времена перемѣнилось, и самъ Линдапусъ скоро почувствовалъ это. Наши мечи поддерживали церковь, ибо такова была воля короля. Но мы вложили бы ихъ въ ножны, если бъ приказаніе было измѣнено.

Я съ высокоумной снисходительностью отвѣтилъ на поклонъ монаха и сказалъ:

— Я надѣюсь, достопочтенный отецъ, что вы имѣете надлежащія полномочія, которыя даютъ вамъ право такъ дѣйствовать. Позвольте спросить, въ чемъ обвиняются эти три лица.

— Въ служеніи дьяволу и черной магіи, синьоръ.

Это было страшное обвиненіе. Если бъ это было нѣчто обычное — въ родѣ того, что человѣкъ присутствовалъ на собраніи кальвинистовъ

что считалось государственнымъ преступленіемъ, то я могъ бы, не церемонясь, вырвать это дѣло у монаха. Инквизиторамъ не приходилось спорить со свѣтскими властями о предѣлахъ ихъ компетенціи, и губернаторъ можетъ многое сдѣлать, особенно здѣсь, въ Голландіи. Но обвиненіе въ вѣдовствѣ подлежало исключительно церковной власти.

Впрочемъ, сообразивъ дѣло, я даже обрадовался, что дѣло идетъ о вѣдовствѣ. Вѣдьмы не составляли секты, которая грозила бы существованію церкви, и потому на меня не могло падать подозрѣніе, что я покровительствую еретикамъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ мы въ Испаніи держались гораздо болѣе просвѣщенныхъ взглядовъ, чѣмъ здѣшній народъ.

Какъ бы то ни было, я рѣшился спасти ее.

Монахъ сказалъ «черная магія».

— Это весьма серьезное дѣло, достопочтенный отецъ,—отвѣчала я.—Но почему на казнь этихъ вредныхъ лицъ вызвали весь гарнизонъ. Вѣдь эта казнь должна была бы доставить удовольствіе всѣмъ добрымъ католикамъ. Надѣюсь, что этотъ городъ—не гнѣздо вѣдьмъ и анабаптистовъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ бургомистръ.—Повѣрьте мнѣ...

— Не очень-то ему вѣрьте,—вскричалъ монахъ.—Тутъ царитъ духъ неповиновенія, еретики и вѣдьмы такъ и кишатъ и находятъ себѣ поклонниковъ во всѣхъ классахъ. Но здѣсь правосудіе уже совершилось, и ничья рука не можетъ остановить его.

Я стиснулъ зубы и улыбался про себя, думая, что онъ можетъ еще сказать. Инквизиторы не привыкли, чтобы у нихъ вырывали ихъ добычу. Я еще не совсѣмъ разгадалъ этого человѣка. Женщина отличалась поразительной красотой, и ревностному инквизитору, къ услугамъ котораго въ Голландіи цѣлыя стаи еретиковъ, не долго приходится искать вѣдьмъ.

Монахъ, впрочемъ, еще не кончилъ.

— Я прошу васъ исполнить вашъ долгъ,—говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Я требую правосудія. Въ вашихъ рукахъ мечъ. Припомните—имъ вы должны разить. Грѣхъ противъ святой церкви вопіетъ объ отомщеніи. Исполните вашъ долгъ!

— Я исполню свой долгъ и безъ вашего напомнанія объ этомъ, достопочтенный отецъ,—холодно отвѣчала я.—Минъ херъ ванъ деръ-Вееренъ,—продолжалъ я, обращаясь къ бургомистру, который молча слушалъ нашу бесѣду; я зналъ, что онъ прислушивался къ ней съ жаднымъ любопытствомъ:—вы слышали, какія обвиненія противъ васъ и вашего города были заявлены достопочтеннымъ отцомъ, пекущимся о спасеніи вашихъ душъ. Что вы можете возразить?

Въ моемъ взглядѣ и голосѣ, очевидно, было одобреніе.

— Отъ имени города и отъ себя самого я почтительнѣйше про-

тестую противъ заявленія достопочтеннаго отца. Мы гнушаемся вѣдьмъ и всякихъ ученій, отвращающихъ отъ истинной вѣры. Нашъ городъ—гавань, и къ намъ пріѣзжаютъ люди изъ другихъ мѣстностей, за которыхъ мы не можемъ отвѣчать. Все остальное населеніе—честные граждане. И да позволено мнѣ будетъ сказать, достопочтенный отецъ черезчуръ далеко заходитъ въ спасеніи нашихъ душъ. Мадемуазель Маріонъ-де-Бреголь,—онъ указалъ на женщину въ срединѣ,—извѣстна, какъ особа вполне добродѣтельная, и народная молва говоритъ, что достопочтенный отецъ введенъ въ заблужденіе злыми языками и ложными свидѣтельствами. Говорятъ еще и другое, чего я не могу здѣсь повторить.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, онъ становился все смѣлѣе и смѣлѣе.

— Мы обращаемся къ вамъ съ просьбой о томъ, чтобы процессъ былъ пересмотрѣнъ. Мы все, не только народъ, но и городской совѣтъ, увѣрены, что тогда невиновность, несомнѣнно, будетъ обнаружена. Мы также просимъ о правосудіи.

Онъ преклонилъ передо мной колѣно и поднялъ руки. Вѣтеръ игралъ его длинной сѣдой бородой. Сзади него безмолвно стояла густая толпа народа. Все глаза были устремлены на меня, въ чьихъ рукахъ была жизнь и смерть. Въ глазахъ доминиканца свѣтился злой огонекъ, пока бургомистръ говорилъ. Но теперь онъ потухъ, и монахъ холодно сказалъ:

— Ихъ языки изрыгаютъ хулу, ваше превосходительство. Какъ вамъ небезызвѣстно, судопроизводство инквизиціи—тайное, и его нельзя объяснять всемъ. Ея приговоры окончательны, и противъ нихъ нельзя возражать. Эта женщина осуждена на основаніи вполне надежныхъ свидѣтельствъ въ числѣ, даже превышающемъ положенное. Кроме того, она созналась, хотя сатана укрѣпилъ ея сердце и она не принесла покаянія.

Я глядѣлъ на нее во время этой рѣчи, но не могъ рѣшить, слышала она это, или нѣтъ. Она стояла къ намъ спиной и вѣтеръ дулъ съ нашей стороны, и она не могла говорить.

— Ея сознание, конечно, внесено въ протоколъ суда?—спросилъ я.

— Я его не видалъ!—вскричалъ бургомистръ, все еще стоявшій на колѣняхъ.

— Внесено ли оно въ протоколъ, или нѣтъ, по фактъ остается фактомъ,—строго сказалъ монахъ.—Я уже сказалъ, что она созналась. Что же касается этого человѣка, то вы слышали его слова. Онъ изблещается ими въ бунтѣ противъ церкви и въ ереси. Я прошу арестовать его и доставить его на судъ церкви.

Это былъ истый монахъ, изъ породы тѣхъ, которые не уступаютъ ни шагу, хотя бы подъ ихъ ногами раскрывалась пропасть. Школа Линдануса сильно отразилась на немъ. Его холодная и высокоумѣр-

ная надменность, безъ сомнѣнiя, заставляла повиноваться ему многихъ, но не меня.

— Насколько я могу понять, вы просили о правосудiи, досто-
почтенный отецъ, и вамъ оно будетъ оказано. По крайней мѣрѣ то
правосудiе, на которое можно разсчитывать на землѣ. Что же ка-
сается полного правосудiя, то вамъ придется подождать его до
страшнаго суда. Мадемуазель де-Бреголь, — крикнулъ я звонкимъ
голосомъ, который быть слышенъ по всей площади, — вы, дѣйстви-
тельно, сознались? Отвѣчайте мнѣ откровенно.

Неподвижная фигура у столба вздрогнула, какъ будто бы жизнь
вдругъ вернулась въ нее, и она громко и ясно отвѣчала:

— Никогда, даже на пыткѣ я не признавалась, ибо я невиновна.
Клянусь Господомъ Богомъ, къ которому я готова отойти.

Домпниканецъ побагровѣлъ отъ гнѣва. Тенерь я выбилъ его
изъ его обычнаго спокойствiя. Прежде, чѣмъ онъ нашелся, что воз-
разить, я заговорилъ самъ:

— Все это очень странно. Я надѣюсь, что почтенный отецъ
имѣетъ надлежащiя полномочiя въ этомъ дѣлѣ. Вамъ предъявля-
лись его грамоты? — обратился я къ бургомистру.

— Огъ мнѣ ихъ не показывалъ.

— Какъ? Грамоты не были предъявлены? Мнѣ приходилось слы-
шать, что здѣсь немало шатается монаховъ, которые хвастаются
будто бы данными имъ порученiями. Надѣюсь, вы не принадлежите
къ ихъ числу, достопочтенный отецъ?

Глаза монаха сверкали яростью.

— Берегитесь, — закричалъ онъ. — Вы очарованы лживой вну-
шительной виѣшностью и гладкой рѣчью служителя сатааны. Его
голосъ для васъ сладокъ, какъ медъ, и ваши уши не замѣчаютъ скры-
таго въ немъ яда и ожесточенiя. Вы очарованы, какъ птица, передъ
змѣей. Берегитесь, говорю я. Неужели завѣдомая колдунья заслу-
живаетъ большей вѣры, чѣмъ служитель святой церкви? Развѣ
вамъ неизвѣстно, что всякій, кто вздумаетъ подрывать приго-
воръ, постановленный инквизицiей, тѣмъ самымъ навлекаетъ на
себя подозрѣнiе въ ереси? Берегитесь, говорю вамъ.

Эти слова могли бы запугать многихъ, но не меня.

— Не старайтесь одурачить меня, — холодно сказала я. — Кто,
кромѣ васъ, присутствовалъ при разбирательствѣ этого дѣла?

— Никто. Да въ этомъ и подобности не было.

— Въ силу закона вы не могли разбирать дѣло одинъ. Кромѣ
васъ, долженъ былъ присутствовать кто-нибудь изъ членовъ област-
наго совѣта. Если не было такого члена, то какое-нибудь другое
лицо, уважаемое и назначенное къ тому совѣтомъ! Отеутствiе та-
кого лица дѣлаетъ недѣйствительнымъ и приговоръ.

— Однако, если такого лица нельзя достать, то на практикѣ...
Ибо законъ...

— Мое дѣло не обсуждать законъ, а заставлять его исполнить. Кто вамъ далъ приказъ вмѣшиваться въ дѣла вѣры?

Онъ поблѣднѣлъ, видя, что я перемѣнилъ съ нимъ тонъ. Пора было кончать съ этимъ дѣломъ.

— Досточтимый отецъ докторъ Михаилъ де-Бей, великій инквизиторъ,—отвѣчалъ онъ.

— Можете вы доказать это?

Онъ поблѣднѣлъ еще болѣе.

— Что же изъ того, что у меня нѣтъ здѣсь доказательствъ? Развѣ мое имя и одѣяніе не служатъ достаточнымъ доказательствомъ?

— Нѣтъ, не служатъ. Иначе всякій монахъ въ Нидерландахъ будетъ выдавать себя за инквизитора. Моя обязанность беречь отъ обманщиковъ церковь ввѣреннаго мнѣ округа. Я не допущу ни одного инквизитора, если онъ не назначенъ надлежащимъ образомъ и не представитъ грамоты. Послѣдній разъ спрашиваю васъ: есть ли у васъ грамоты?

— Положимъ, что ихъ у меня нѣтъ. Что же изъ этого? Я получу ихъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я, возвышая голосъ такъ, чтобы онъ былъ всѣмъ слышенъ:—я объявляю приговоръ, произнесенный надъ этими лицами, уничтоженнымъ. Дѣло, возбужденное противъ нихъ, будетъ отложено до тѣхъ поръ, пока его не возбудятъ вновь законно уполномоченныя на то лица. Приказываю немедленно отвязать ихъ отъ столба. Сеньоръ Родригецъ,—сказалъ я, повернувшись къ одному изъ моихъ офицеровъ,—понаблюдайте за исполненіемъ моего приказанія.

Но монахъ никакъ не хотѣлъ уступить. Онъ выставилъ впередъ крестъ и, высоко поднявъ его, громко закричалъ:

— Ихъ жребій брошенъ и запечатана судьба ихъ! Писано бо есть: не потерни, чтобы колдунья была въ живыхъ! Освободить ихъ было бы такимъ же святотатствомъ, какъ прервать богослуженіе. Берегитесь! Вы боретесь съ Господомъ, ваши распоряженія ничтожны, и никто не будетъ ихъ слушать. Развѣ вы не видите: ангель Господень сошелъ съ небесъ и держитъ свой мечъ надъ этой священной оградой, пока не искупленъ будетъ грѣхъ и не очистится городъ! Это жертвы Господни, и горе тому, кто коснется до нихъ! Засохнетъ рука его, и проклятіе падетъ на него въ сей жизни и въ вѣчной! Горе, повторяю вамъ!

Я улыбнулся. Мало же знали онъ испанскихъ начальниковъ, если онъ воображалъ, что, сдѣлавъ то, что я сдѣлалъ, рискнувъ своей головой, я останавлиюсь передъ его декламацией и проклятіями. И я снова улыбнулся при мысли, что онъ самъ далъ мнѣ отличное возраженіе противъ себя, сказавъ, что мои люди не бу-

дуть мнѣ повиноваться. Опъ можетъ быть увѣренъ, что я не забуду упомянуть объ этомъ въ писемѣ къ герцогу.

— Святой отецъ не вполне понимаетъ, что говорить, очевидно, отъ поста и ночныхъ бдѣній,—сказалъ я съ презрѣніемъ.—Исполняйте то, что я вамъ приказалъ,—повторилъ я офицеру.

Это довело монаха до бѣшенства. Опъ повернулся и крикнулъ палачу, чтобы тотъ дѣлалъ свое дѣло.

Дѣло принимало рѣшительный оборотъ. Родригець, слѣзшій съ лошади, стоялъ около нея въ нерѣшительности и не двигался съ мѣста.

Я ожидалъ этого, зная, что въ дѣлахъ такого рода я не могу быть вполне увѣренъ въ моихъ испанцахъ. Я нарочно далъ приказаніе именно ему, не особенно важному человѣку, котораго я, конечно, не бросилъ бы среди дороги, но отдѣлаться отъ котораго я давно искалъ случая. Я не могъ оставить его безъ наказанія за ослушаніе, тѣмъ болѣе, что я зналъ настроеніе моихъ солдатъ,—суетѣріе сидѣло въ нихъ слишкомъ сильно.

Къ счастью, почти половина моего отряда состояла изъ нѣмцевъ, которые вербуются за деньги во все страны. Они ревностные лютеране и самому католическому изъ королей поневолѣ приходится мириться съ этимъ, если онъ не можетъ обойтись безъ нихъ. Впрочемъ, они не особенно щекотливы въ религіозныхъ дѣлахъ и готовы вести войну съ самимъ Господомъ Богомъ, если будетъ приказано. Поэтому, когда имъ случается подцѣпить монаха, это только прибавляетъ имъ веселости.

Это различіе вѣроисповѣданій въ войскахъ очень полезно для всякаго, кто чувствуетъ себя выше этихъ различій и умѣетъ управлять обстоятельствами. Обыкновенно мои испанцы сердились, когда я въ какомъ-нибудь особенномъ случаѣ обращался къ нѣмцамъ. Теперь они могли только поблагодарить меня за это.

Тутъ были еще итальянцы синьора Лопеца и палачъ съ его помощниками, но я плохо надѣялся на нихъ.

— Герръ фонъ-Виллингеръ,—обратился я къ капитану нѣмецкаго отряда, стоявшему отъ меня налѣво:—распорядитесь, чтобы подюжины вашихъ людей двинулись впередъ и понаблюдайте, чтобы мое приказаніе было исполнено.

— Слушаю, донъ-Ханмъ,—быстро отвѣтилъ онъ и вызвалъ своихъ людей. То былъ человѣкъ, который любилъ въ точности исполнять порученія.

— Синьоръ Родригець,—продолжалъ я:—вы считаетесь теперь подъ арестомъ. Донъ-Рюнць, потрудитесь завтра же нарядить надъ нимъ судъ по обвиненію его въ неповиновеніи передъ лицомъ непріятели.

Родригець поблѣлѣлъ, какъ полотно, зная, чѣмъ это можетъ кончиться.

Увидѣвъ, что со мной шутки плохи и что тутъ не помогутъ ни крестъ, ни проклятія, инквизиторъ впалъ въ отчаяніе. Онъ еще разъ приказалъ палачу зажечь костеръ, но тотъ, не будучи въ такомъ гнѣвѣ, какъ достопочтенный отецъ, отказался. Его ремесло приучило его быть осторожнымъ.

Зная, что испанское управленіе, кто бы ни былъ во главѣ его, отличается твердостью, онъ отлично понималъ, что жизнь его пропадетъ ни за грошъ, ни за денежку, если онъ исполнитъ распоряженіе монаха, вопреки моему приказанію. Вооруженная-то сила была у меня, а не у отца Бернардо, и потому онъ не тронулся съ мѣста.

Видя это, доминиканецъ вырвалъ изъ его рукъ горящую головню и бросилъ ее въ костеръ, наваленный около мадемуазель де-Бреголлъ. Посыпались искры, и черезъ секунду она была объята пламенемъ съ головы до ногъ.

Я предвидѣлъ это. Пришпоривъ лошадь, я самъ не знаю, какимъ образомъ вскочилъ на эшафотъ. Въ два прыжка я очутился у столба и шпагой разбросалъ загорѣвшіяся уже вѣтви. Онѣ едва горѣли, отсырѣвъ на утреннемъ туманѣ; но связка хвороста, брошенная на средину костра, занялась и зажгла рубашку осужденной, составлявшую ея единственное одѣяніе. Вѣтеръ, дувшій сзади, внезапнымъ порывомъ надулъ тонкое полотно навстрѣчу пламени, которое уничтожило его въ одну минуту. Горящіе клочья разлетались по всей площади, какъ огненные языки, оставляя ее обнаженной передъ всеми зрителями. Она осталась одна невредимой. Остатки рубашки спали съ нея, и сильный порывъ вѣтра потушилъ пламя. Ея густые черные волосы одни прикрывали теперь ея наготу и развѣвались по вѣтру.

Вдругъ произошло чудо,—чудо для тѣхъ, кто вѣритъ въ чудеса. Минуту я стоялъ передъ нею въ полномъ оцѣпенѣніи, ибо никогда мнѣ не приходилось видѣть до такой степени совершенной фигуры. Несмотря на то, что ее пытали жестоко, на ея тѣлѣ пытка не оставила никакихъ слѣдовъ. Руки и ноги ея были связаны веревками. Съ минуту я противъ воли не могъ отвести отъ нея глазъ, потомъ быстро сорвалъ съ себя плащъ и, накинувъ его ей на плечи, обрубилъ шпагой веревки.

Мадемуазель де-Бреголлъ не промолвила ни слова. Чувствуя свою наготу, она гордо смотрѣла на толпу. Потомъ ея взглядъ встрѣтился съ моимъ, и какое-то странное выраженіе мелькнуло въ немъ.

Сзади меня въ толпѣ начался сильный шумъ. На площади слышались крики. Пусть они кричатъ, вѣдь такое зрѣлище имъ приходится видѣть не каждый день. Въ Голландіи не часто бываетъ, что добыча, уже возведенная на эшафотъ, ускользаетъ отъ смерти, и, пожалуй, кто-нибудь даже разочаровался, простоявъ здѣсь такъ долго.

Я повернулся лицомъ къ монаху. Онъ бросилъ мнѣ вызовъ и проигралъ свою игру. Если когда-нибудь лицо человѣка походило на дьявола, то это было именно теперь. Онъ поднялъ руку съ крестомъ, и я видѣлъ, что онъ хочетъ призвать на мою голову проклятіе, проклятіе самое страшное, которое когда-либо изрыгали монашескія уста.

Что касается меня, то я готовъ былъ отнестись ко всему этому, какъ къ шутовству. Но никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, какое дѣйствіе произведетъ подобная сцена на настроеніе толпы. Въ мои расчеты не входило отпустить его съ площади триумфаторомъ, находящимся подъ покровительствомъ церкви, которая можетъ осуждать всѣхъ, но сама защищена отъ всякихъ осужденій.

— Слушайте, донъ-Бернардо Балестеръ,—сказалъ я тихо, по явственно:—если вы вздумаете поднять руку и произнести какое-нибудь проклятіе, я истерзаю васъ въ куски на дыбѣ, примѣнять которую я умѣю лучше, чѣмъ вы, быть можетъ, думаете. Не воображайте, что эти черные и бѣлые лохмотья на тѣлѣ устрашаютъ меня. Мнѣ случалось дѣлать еще и не такія дѣла, какъ пытатъ какого-то монаха. Вамъ никто не давалъ полномочій, и ссылка на нихъ не защититъ васъ.

При этихъ словахъ подошелъ фонъ-Виллингеръ со своими людьми.

— Вы совершенно въ моей власти. Это лютеране, и половина моего отряда состоитъ изъ нихъ. Если вы не покоритесь мнѣ немедленно, то, клянусь небомъ, я велю рвать васъ на куски, и пока ваши друзья услышатъ о вашей судьбѣ,—если только услышатъ,—вашъ трупъ будетъ гнить въ склепахъ Гертруденберга.

Мой тонъ, очевидно, испугалъ его. Кровь бросилась мнѣ въ голову, а когда я въ гнѣвѣ, то, говорятъ, въ моихъ глазахъ есть что-то страшное. И видитъ Богъ, я сдержалъ бы свои слова. Послѣ того, что я уже сдѣлалъ, остальное было пустяки.

Рука монаха безсильно опустилась.

— Вы обѣщаете отпустить меня безъ всякаго вреда?—пробормоталъ онъ.

— Я обѣщаю пощадить васъ, если вы немедленно будете повиноваться. Не больше. Этого довольно.

Онъ взглянулъ на меня съ яростью, но опять его глаза опустились передъ моимъ взоромъ.

— Что вы хотите со мной сдѣлать?—спросилъ онъ.

— Это вы услышите потомъ. Герръ фонъ-Виллингеръ, вы будете сопровождать почтеннаго отца до его жилища. А то народъ можетъ забыть, что даже грѣшный монахъ пользуется привилегіями своего сана. Поэтому вы должны караулить его въ его комнатѣ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Вы отвѣчаете мнѣ за его сохранность.

Когда я шель обратно, я по-нѣмецки шеннулъ Виллингеру:

— Не позволяйте ему видѣться ни съ кѣмъ. Не давайте ему возможности написать ни строчки и не позволяйте посылать никакихъ вѣстей. Вы знаете короля и понимаете, что я вручаю вамъ свою судьбу. Пусть онъ хорошенько попостится, это будетъ ему на пользу.

— Не беспокойтесь, донъ-Ханмъ,—отвѣчалъ нѣмецъ.—Я стряпать для него не буду. Мнѣ все это представляется иначе, и я польщенъ вашимъ довѣріемъ.

Когда я сошелъ съ эшафота и хотѣлъ сѣсть на лошадь, народъ ринулся ко мнѣ, выражая свою радость громкими криками. Женщины и дѣти осыпали меня благодарностями... и старались цѣловать мои руки. Мадемуазель де-Бреголлъ, казалось, пользовалась любовью среди женщинъ,—вещь довольно рѣдкая.

— Я не заслужилъ вашихъ благодарностей, — сказалъ я. — Я только совершилъ правосудіе. Довольно благодарностей,—строго сказалъ я бургомистру. — Отведите эту женщину домой, и пусть ей тамъ будетъ оказанъ уходъ, котораго требуетъ ея состояніе. Она должна оставаться подъ строгимъ присмотромъ такъ, чтобы никто изъ ея друзей не имѣлъ къ ней доступа. Отвѣтственность за исполненіе моихъ приказаній я возлагаю на васъ.

Бургомистръ важно поклонился.

— Ваше приказаніе будетъ исполнено. Съ остальными двумя осужденными поступать такимъ же образомъ?

— Конечно, конечно.

Я совѣмъ забылъ о нихъ. Мнѣ было рѣшительно все равно, отправятся ли они на тотъ свѣтъ теперь или потомъ. Да имъ, истерзаннымъ на пыткѣ, повидимому, это было все равно.

Бургомистръ поклонился вторично и, подзававъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, о чемъ-то сталъ съ нимъ совѣщаться.

— Больше не будетъ какихъ-либо приказаній?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, никакихъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ просить васъ пожаловать въ городскую ратушу принять ключи отъ города и привѣтствіе отъ городского совѣта. Я буду счастливъ, если послѣ этого вы соблаговолите посѣтить мой скромный домъ, чтобы отдохнуть отъ дороги.

— Благодарю васъ. Я не премину быть у васъ. А теперь ѣдемъ!

Бургомистръ выстушилъ впередъ и сталъ кричать:

— Дорогу, разступитесь! Дайте дорогу губернатору города!

Толпа медленно разступилась, и впереди насъ оказалось достаточное пространство, чтобы мы могли тронуться въ путь. Все время, пока мы двигались между двумя живыми стѣнами, не прекращался громкій крикъ:

— Да здравствуетъ донъ-Ханмъ де-Хорквера!

Я остановился и крикнулъ:

— Благодарю васъ, добрые люди! Не кричите: да здравствуетъ донъ-Ханмъ, а кричите: да здравствуетъ король Филиппъ! Повѣрьте, король ищетъ справедливости. Онъ не хочетъ, чтобы въ его владѣнiяхъ были еретики и вѣдьмы. Ихъ никто не потерпитъ въ христіанскомъ государствѣ и ихъ нужно жечь. Но онъ хочетъ, чтобы ихъ жгли по дѣломъ. Поэтому кричите: да здравствуетъ король Филиппъ!

— Да здравствуетъ король Филиппъ!—закричали они, хотя и не съ прежнимъ энтузіазмомъ.

Я и не подозрѣвалъ, что пріобрѣсти популярность такъ легко. Еще удивительнѣе было то, что я сдѣлалъ популярнымъ короля Филиппа,—вещь, которую не всякій испанскій губернаторъ рѣшится продѣлать въ Голландіи.

Это показываетъ, какъ легко можно было бы управлять этой страной, въ которой пролито столько крови. Если бъ только въ Мадридѣ взяли за умъ! Но попробуйте, поговорить съ попами. Я радъ, что они не слышали этихъ криковъ, сидя въ Испаніи. Иначе они положили бы конецъ моей карьерѣ.

Когда часа черезъ два я шелъ вмѣстѣ съ бургомистромъ къ нему въ домъ, на всемъ городѣ лежала полуденная тишина. Улицы были безмолвны и безлюдны. Воздухъ сталъ мягкимъ, и въ отдаленіи стлался мягкій туманъ, блестящій, свойственный сѣверной осени. Пройдя рядъ узкихъ переулковъ, мы вышли на широкій каналъ. На насъ хлынулъ потокъ свѣта. Деревья, листья которыхъ уже покраснѣли отъ утреннихъ заморозковъ, стояли, какъ въ огнѣ. Дальнiй изгибъ канала пропадалъ въ синеватой дымкѣ тумана.

На улицахъ уже чувствовалось холодное дыханіе приближавшейся зимы, но здѣсь солнце еще свѣтило тепло. Въ садахъ, доходившихъ до самаго канала, еще цвѣли послѣдніе цвѣты—темная мальва и свѣтлая вербена, и между ними носились туда и сюда пчелы, забывшія о времени года. А надо всѣмъ этимъ было сіяющее небо съ теплыми, густыми тонами на горизонтѣ. Совсѣмъ не похоже на ту золотистую пыль, которой залита далекая Кордова. Красиво, впрочемъ, не менѣе.

Октябрьское солнце весело врывалось сквозь граненныя окна въ домъ бургомистра ванъ-деръ-Веерена. Широкиими пятнами зеленого золота ложились его лучи на полъ комнаты, въ которую мы вошли. Я не успѣлъ ничего разсмотрѣть, такъ какъ, заслоня свѣтъ въ окнѣ, поднялась съ кресла женщина и двинулась намъ навстрѣчу. Когда свѣтъ упалъ на ея лицо, я едва удержался, чтобы не крикнуть отъ изумленія, такъ она была похожа на мадемуазель де-Бреголль.

Между ними, конечно, было и различіе и прежде всего въ нарядѣ. Черные, какъ и у той, волосы были подобраны въ золотую сѣтку, облечена она въ костюмъ чернаго бархата. А вѣдь ту я ви-

дѣлъ безъ всякихъ одеждъ, съ одной веревкой на ногахъ и рукахъ. У этой была такая же изящная, но властная фигура, хотя она была, кажется, меньше ростомъ. Обѣ были совершенно не похожи на женщинъ, которыхъ обыкновенно встрѣчаешь въ Голландіи. Но между той, которая была на эшафотѣ, и этой, которая теперь стояла передо мной, была еще какая-то разница, которую я скорѣе почувствовалъ, чѣмъ замѣтилъ, съ первой встрѣчи.

Голосъ моего хозяина прервалъ мои размышленія.

— Это моя дочь, синьоръ,—сказалъ бургомистръ.—Изабелла, это донъ-Ханмъ де-Хорквера, графъ Абнхохара, назначенный губернаторомъ нашего города. Ему подчинены весь городъ, мы сами и весь нашъ домъ. Благодарю его за честь, которую онъ сдѣлалъ намъ своимъ посѣщеніемъ.

Дѣвушка съ достоинствомъ поклонилась и сказала:

— Я слышала о вашемъ поступкѣ, синьоръ. Городъ только объ этомъ и говоритъ. Губернаторъ, который освобождаетъ осужденнаго, хотя и несправедливо, за вѣдовство,—большая рѣдкость и дѣйствительно заслуживаетъ благодарности. Приношу вамъ мою низжайшую благодарность.

Она присѣла. Въ ея голосѣ слышалась, однако, пронія.

— Прошу ваше превосходительство извинить мою дочь за болтливый языкъ. Она еще очень молода, и я боюсь, что я избаловалъ ее. Къ тому же ни судьба, ни мы не были къ ней суровы,—продолжалъ бургомистръ, бросая на дочь нѣжный взглядъ.—Въ городѣ стало было накапливаться озлобленіе, но ваше прибытіе рассеяло это чувство.

— Я не знаю, развѣ я сказала что-нибудь неумѣстное, папа?—смирненно спросила молодая дѣвушка.—Въ такомъ случаѣ, я очень жалѣю объ этомъ. Извините меня, синьоръ.

Она положительно умца и смѣла.

— Извинять васъ нѣтъ никакой надобности, синьорина,—отвѣчалъ я.

Мы говорили по-испански—языкъ, которымъ и она, и ея отецъ владѣли въ совершенствѣ. Съ то время многіе говорили на этомъ языкѣ въ Голландіи. Это вѣдь былъ языкъ господъ, и знаніе его могло иной разъ спасти жизнь.

— Вы не сказали ничего неумѣстнаго, говоря вашими словами. Порѣжьте,—прибавилъ я, обращаясь къ отцу:—что послѣ всякихъ знаковъ покорности, которые мнѣ изъявляли, встрѣтиться съ независимымъ настроеніемъ большое удовольствіе, особенно, когда объ этой независимости заявляютъ такія прелестныя уста,—закончилъ я съ поклономъ.

— А мнѣ казалось, что испанскіе губернаторы меньше всего любятъ это въ нашихъ голландскихъ городахъ.

— Далекое не всѣ. Что касается меня, то я люблю эту независимость, хотя бы для того, чтобы ее сломить.

Ея глаза скользнули по мнѣ, но прежде, чѣмъ она успѣла возразить, вмѣшался отецъ:

— Вмѣсто того, чтобы задерживать нашего гостя пустыми разговорами, покажи лучше его комнату. Ему пришлось совершить сегодня утромъ длинный переѣздъ, и его превосходительство, безъ сомнѣнія, захочетъ немного отдохнуть прежде, чѣмъ мы сядемъ за столъ.

— Я къ вашимъ услугамъ,—съ поклономъ сказала я.

— Попрошу васъ слѣдовать за мной, синьоръ,—и она пошла впереди меня наверхъ. Двѣ служанки шли сзади насъ, чтобы принести и сдѣлать все, что будетъ нужно.

Она шла впереди меня легко и граціозно. Косые лучи солнца падали на ея прекрасное лицо, когда она поднималась по винтовой лѣстницѣ. Наконецъ мы дошли до отведенной мнѣ комнаты—преlestнаго помѣщенія съ длинными и низкими окнами, черезъ которыя врывалось дыханіе сада, перемѣшанное съ запахомъ цвѣтовъ, стоявшихъ на окнѣ.

Не разъ приходилось мнѣ испытывать чувство уютности, которое вызываютъ жилища въ этой странѣ. Но сегодня я чувствовалъ что-то особенное и въ этомъ безукоризненномъ постельномъ бѣльѣ съ дорогими кружевами по краямъ, въ блестящемъ хрусталѣ на полкахъ, а главное въ ея присутствіи, которое я ощущалъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Въ этихъ голландскихъ домахъ, отдѣланныхъ темнымъ дубомъ, царитъ удивительная уютность, доказывающая, что и въ такомъ скверномъ климатѣ человѣкъ можетъ сдѣлать свою жизнь пріятной. Даже зимой, когда на дворѣ снѣгъ и туманъ, тамъ гораздо теплѣе и удобнѣе, чѣмъ въ моемъ родовомъ замкѣ въ Сиенѣ Моренѣ, хотя тамъ лучи солнца жгучи съ утра до ночи, а изъ ихъ оконъ глазъ охватываетъ всю золотистую равнину, по которой катитъ до Севильи свои волны Гвадалквивиръ.

Я хорошо помню, какъ стоналъ вѣтеръ, врываясь въ окна, и какъ я думалъ о томъ, сколько богатства въ этихъ небольшихъ темныхъ голландскихъ домахъ. Но въ нашихъ голыхъ, неуютныхъ стѣнахъ гдѣ-нибудь въ Новой Кастиліи выросли люди, которые покорили весь свѣтъ, а здѣсь жилъ народъ, который былъ завоеванъ. Но когда я слѣдилъ за ея движеніями, видѣлъ, какъ ея бѣлыя руки ловко и безшумно ставили вещи на свое мѣсто, мнѣ пришло на умъ, что это тихое и красивое спокойствіе тоже чего-нибудь да стоитъ.

Спокойствіе! На что оно мнѣ? Мы, герцогъ и всѣ его памѣтники, посланы затѣмъ, чтобы принести мечъ. Сегодня утромъ я купилъ свое право на этотъ часъ спокойствія и, можетъ быть, слишкомъ дорогой цѣной. Но я зналъ, что это не можетъ долго продолжаться,

и, какъ бы для того, чтобы нарушить охватившее меня очарованіе, я заговорилъ:

— Вы, очевидно, не особенно лестнаго мнѣнія объ испанскихъ начальникахъ, синьорина, а тѣмъ болѣе обо мнѣ, хотя я со времени моего прибытія въ Гертруденбергъ, кажется, не подавалъ поводовъ къ этому и, можетъ быть, и далъ поводъ порицать мадридское правительство, но только не вамъ.

Она повернулась и взглянула мнѣ прямо въ лицо.

— О, нѣтъ, синьоръ,—отвѣтила она и опять стала смотрѣть въ сторону.—Вы совершили подвиги, какъ вы сами сказали, только изъ справедливости. Бѣдная Маріонъ! Я бы хотѣла знать, какъ она себя чувствуетъ теперь, послѣ того, какъ она уже приготовилась къ смерти! Теперь она вдругъ вернулась къ жизни, и, будемъ надѣяться, не станетъ въ этомъ раскаиваться.

Что она хотѣла этимъ сказать? Я едва вѣрилъ своимъ ушамъ. Смысль ея рѣчи былъ и темень, и въ то же время ясенъ. Ея тонъ и манера говорить договаривали то, что осталось не сказаннымъ. У меня было такое чувство, какъ будто она ударила меня по лицу. Вѣдь она почти прямо сказала, что я спасъ донну Маріонъ только для того, чтобы принести ее въ жертву себѣ самому. Клянусь Богомъ, эта мысль ни разу не приходила мнѣ въ голову. Мой гнѣвъ и удивленіе на нѣсколько минутъ лишили меня языка. Эта дѣвушка, эта голландка смѣетъ говорить со мной такимъ языкомъ!

Я понималъ, что она могла такъ говорить. Пять лѣтъ безпощаднаго угнетенія привели голландскій народъ къ отчаянію. Немало за это время было совершено жестокостей, отвѣтственность за которыя падаетъ на многихъ. Естественно, что ей могла прійти въ голову такая мысль. Но какъ она рѣшилась высказать ее мнѣ въ лицо! Мнѣ, въ рукахъ котораго была жизнь и ея и ея отца! Я ненавижу говорить рѣзко съ дамами, но тутъ былъ и исключительный случай. Какъ необычны были ея слова, такъ же необыченъ и откровененъ былъ и мой отвѣтъ.

— Синьорина,—сказалъ я,—ваши слова довольно странны. Я не знаю—я много лѣтъ не былъ здѣсь—не вошло ли въ обычай въ этой странѣ оскорблять своихъ гостей. Но въ Испаніи этого не дѣлается, и я къ этому не привыкъ. Поэтому позвольте мнѣ оставить вашъ домъ, извинившись за беспокойство, которое я вамъ доставилъ.

Я поклонился и пошелъ было назадъ.

На этотъ разъ она дѣйствительно испугалась или, по крайней мѣрѣ, сдѣлала видъ, что испугалась.

— Извините меня, синьоръ, я противъ своей воли сдѣлала вамъ непріятность. Сегодня для меня неудачный день. Прошу васъ остаться у насъ, хотя бы для того, чтобы не наказывать моего отца за мои безразсудныя слова.

— Когда женщина проситъ извиненія, то извиненіе готово

прежде, тѣмъ она кончить говорить. Но будьте осторожнѣе, синьорина. Въ каждомъ человѣкѣ два существа — хорошее и дурное. Можно вызвать въ немъ то или другое, смотря по тому, до какой струны дотронешься. Смотрите, чтобы никогда не задѣвать дурныя струны.

— Постараюсь, синьоръ, — гордо отвѣчала она, принимая прежній тонъ. — Вотъ прибылъ вашъ человѣкъ съ вещами. Съ вашего позволенія, я васъ теперь покину. Если вамъ что-нибудь понадобится, прошу распоряжаться въ этомъ домѣ, какъ въ своемъ собственномъ. *Esta es la casa de Usted!*

И, произнеся эту сакраментальную испанскую формулу, означающую привѣтствіе, она, поклонившись, прошла мимо меня съ тѣмъ же надменнымъ и высокомернымъ видомъ.

Таковъ былъ первый часъ, проведенный мною въ этомъ домѣ, и я кисло улыбался, воображая, что будетъ дальше. Мой часъ спокойствія длился не долго, и это, пожалуй, было лучше.

Пока мой человѣкъ снималъ съ меня доспѣхи, я продолжалъ размышлять о томъ, что случилось. Все случилось какъ-то странно. Все покорялось моей волѣ. Я вырвалъ у церкви ея жертвы и сокрушилъ ея сопротивленіе, — вещь неслыханная. Съ другой стороны, народъ, на который я былъ посланъ наложить силою ярмо, привѣтствовалъ меня, какъ своего избавителя. Привѣтствовали даже короля Филиппа. Мнѣ стало смѣшно. Я помню еще то мрачное молчаніе, съ которымъ встрѣтили его прощеніе въ Антверпенѣ три года тому назадъ.

Да, опоздай я на полчаса, все было бы кончено. Мадемуазель де-Бреголь уже нельзя было бы помочь ничѣмъ, или же, если бы народъ вздумалъ броситься на эшафотъ, я противъ воли долженъ былъ бы помочь ее сжечь.

Я или судьба сдѣлали все это? Я всегда думалъ, что человѣкъ создаетъ свою судьбу при помощи своего меча и ума, но такъ ли это? Разъ или два мнѣ казалось, что сильная воля способна совершить даже невозможное. Странно, что вызывающимъ тономъ впервые говорить со мной слабая дѣвушка и при томъ въ ея домѣ, гдѣ я имѣлъ бы право найти привѣтливость и ровность обращенія. Но я согну или даже переломлю ее.

— Какой костюмъ прикажете вынуть, синьоръ? — вывелъ меня изъ задумчивости голосъ моего слуги Діега.

— Черный, — разсѣянно сказалъ я. — Діега, что ты думаешь о происшествіи сегодняшняго утра?

Діега — солдатъ, прошедшій тяжелую школу, но онъ ухакиваетъ за мною, какъ едва ли могла бы ухакивать любая женщина. Онъ слѣпо повиновался бы всему, что я ему прикажу. Онъ родился въ Пиренеяхъ, недалеко отъ гугенотской Наварры и, повидимому, самъ гугенотъ, хотя и посѣщаетъ мессу самымъ аккуратнымъ обра-

зомъ. Объ его прошлой жизни мнѣ ничего не извѣстно. По-испански онъ говорить хорошо, хотя онъ и не испанецъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я подобралъ его на дорогѣ, умирающимъ отъ ранъ, усталости и голода, и съ тѣхъ поръ онъ привязался ко мнѣ, какъ вѣрный пестъ. Онъ никогда не распространяется о томъ, что съ нимъ было, а я его объ этомъ не спрашивалъ. Однажды онъ, впрочемъ, рассказалъ мнѣ какую-то длинную исторію, въ которой я не вѣрилъ ни одному слову. Я находилъ его полезнымъ для себя и мнѣ не хотѣлось, ради удовлетворенія своего любопытства, лишаться его услугъ.

— Все это было очень интересно, синьоръ,—отвѣчалъ онъ на мой вопросъ.—Мнѣ было очень пріятно видѣть все это. Но это опасно. Берегитесь этого монаха, синьоръ. Въ Наваррѣ есть поговорка: не давай ожить оглушенной змѣѣ. Когда она очнется, она дѣлается вдвое опаснѣе.

— Ваши горцы—народъ умный, Діего.

— Имъ приходится быть умными, синьоръ. Жизнь на границѣ не всегда протекаетъ безопасно.

Спустившись внизъ къ обѣду, я нашелъ ванъ-деръ-Всерена и его дочь, которые ждали меня. Мы прошли въ столовую—длинную, просторную комнату. Стѣны ея были обдѣланы панелями, а потолокъ рѣзнымъ дубомъ. Столовая, какъ и все въ домѣ, имѣла солидный и великолѣпный видъ. Ее, очевидно, строили поколѣнія богатыя и любившія искусство. Столъ былъ покрытъ тонкой скатертью и уставленъ дорогимъ серебромъ. Графинны были изъ драгоценнаго венеціанскаго хрустала. Комната освѣщалась мягко и не особенно ярко, благодаря тому, что была не высока, а стѣны были обдѣланы темнымъ дубомъ. Лучи осенняго солнца, врываясь въ окно, играли на посудѣ и хрусталѣ. Велика была разница между огромной, открытой площадью съ раздраженной толпой, тѣснившейся вокругъ эшафота, между страшнымъ напряженіемъ послѣднихъ минутъ утреннихъ событій и этой уютной тишиной, и хотя я старый бродяга, привыкшій уже къ быстрымъ переменамъ мѣста дѣйствія, но на этотъ разъ и я почувствовалъ эту перемену. Черезъ открытыя окна волною вливался изъ сада ароматъ цвѣтовъ, наружи мягко жужжали насѣкомья, а донна Изабелла, сидѣвшая рядомъ со мной, казалось, готова была исполнить мое малѣйшее желаніе. Въ отвѣтъ на замѣчаніе, сдѣланное мною часъ тому назадъ, она, видимо, хотѣла показать, что и она умѣетъ исполнять обязанности хозяйки.

Она переѣхнула свой туалетъ—желала бы я знать, по своему собственному побужденію, или по настоянію своего отца. На ней было платье изъ свѣтло-голубого бархата, открывавшее шею, не менѣе красивую, чѣмъ у мадемуазель де-Бреголь. Только у ней былъ болѣе темный цвѣтъ кожи. Хотя она была болѣе пѣкнаго

сложенія, но сходство ихъ очень бросилось мнѣ въ глаза. Вѣроятно, я скоро узнаю его причину.

Теперь я никакъ не могу жаловаться на ея обращеніе. И она, и ея отецъ безукоризненно исполняли обязанности гостепріимныхъ хозяевъ и притомъ съ такимъ достоинствомъ, что не уступали никому испанскому гранду. И мнѣ опять приходилось удивляться тому, что здѣсь, въ маленькомъ городкѣ на окраинѣ Брабанта я нашелъ домъ, обитатели котораго не посрамили бы и придворное общество. Мнѣ было извѣстно, что торговые короли Аугсбурга или Антверпена живутъ дѣйствительно по-королевски, но я не ожидалъ встрѣтить такого короля здѣсь.

Впрочемъ, я припомнилъ, что разъ или два я слышалъ о богатствѣ ванъ-деръ-Веерена, но, не будучи поклонникомъ денегъ, я не обратилъ на это вниманіе. Я не богатъ, но могу жить безъ всякихъ субсидій отъ членовъ фламандскихъ гильдій. Теперь я припомнилъ все, что слышалъ раньше о ванъ-деръ-Вееренѣ, и это отчасти объяснило мнѣ высокомѣрный задоръ его дочери. Нѣтъ сомнѣнія, что имъ уже не однажды приходилось покупать свою безопасность, и въ ней укоренилась мысль, что они все могутъ сдѣлать, благодаря своему богатству. Развѣ она не въ состояніи предложить денежное вознагражденіе за каждое оскорбленіе? Однако найдутся люди, которыхъ нельзя купить—деньгами, по крайней мѣрѣ.

Очевидно, у ванъ-деръ-Веерена были уважительныя причины поселиться въ этомъ городкѣ, который для нихъ, вѣроятно, кажется лачугой послѣ Брюсселя и Антверпена. Мнѣ кажется, что я могу угадать эти причины. Одно только обстоятельство сбивало меня съ толку. Многія вещи въ ихъ домѣ напоминали мнѣ объ Испаніи, и я убѣжденъ, что у моего хозяина течетъ въ жилахъ примѣсь испанской крови. Правда, донна Изабелла, повидимому, не долюбиваетъ насъ, но это ничего не доказываетъ.

— Позвольте спросить,—заговорилъ я:—были ли вы когда-нибудь въ Испаніи? Вы отлично говорите по-испански. Хотя всякій, кто исправляетъ какую-нибудь общественную должность, и обязанъ знать оба языка, по вашъ выговоръ—вашъ и доины Изабеллы—до такой степени чистъ, и вы такъ хорошо знакомы съ испанскими обычаями, что было бы положительно чудомъ встрѣтить это въ человѣкѣ, который никогда не видалъ солнечной Кастиліи или въ жилахъ котораго нѣтъ испанской крови.

— Вы правы въ послѣднемъ случаѣ, синьоръ. Моя мать, Изабелла де-Германецъ, была родомъ изъ Вальядолиды. Она всегда помнила обычаи и языкъ своей родины и научила своихъ дѣтей цѣнить то и другое. Хотя я и не стыжусь быть голландцемъ, но часто мечтаю о томъ, что хорошо бы и намъ имѣть свойства, которыми надѣлены вы—умѣренность, народную гордость и безмѣрную смѣлость, которыя сдѣлала васъ владыками міра.

Я поклонился въ отвѣтъ на этотъ комплиментъ и отвѣчалъ:

— У каждаго народа свои добродѣтели. Я всегда думалъ о томъ, какіе блестящіе результаты могли бы получиться, если бы обѣ націи мирно слились. Но времена этому, кажется, не благопріятствуютъ.

Мы продолжали говорить на эту тему, обмѣнявшись парой взаимныхъ комплиментовъ. Замѣтивъ, что лучъ солнца бьетъ мнѣ прямо въ лицо, донна Изабелла велѣла служанкѣ спустить штору. Она говорила съ ней довольно тихо и на мѣстномъ жаргонѣ, тѣмъ не менѣе я хорошо понялъ ея слова.

— Не безпокойтесь, пусть солнце свѣтитъ свободно,—сказалъ я по-голландски:—если только оно не безпокоитъ васъ или вашего отца. Намъ осталось не много солнечныхъ дней, и мнѣ пріятно чувствовать теплоту на лицѣ.

Я сказалъ это отчасти искренно, отчасти нарочно. Не желая знать ея секретовъ, я хотѣлъ дать ей понять, чтобы она не говорила обо мнѣ въ моемъ присутствіи все, что ей захочется.

Она взглянула на меня съ изумленіемъ, потомъ, приказавъ служанкѣ оставить штору попрежнему, обратилась ко мнѣ:

— Вы отлично говорите по-голландски, синьоръ. Даже нашъ жаргонъ—не секретъ для васъ. Не многіе изъ вашихъ соотечественниковъ сдѣлали такіе успѣхи. Не многіе изъ нихъ сочли бы награду достойной ихъ трудовъ.

— Съ моей стороны тутъ и трудовъ почти не было. Я самъ на половину голландецъ. Мои испанскіе титулы достались мнѣ отъ матери. Мой отецъ былъ испанцемъ только на половину. Хотя я родился здѣсь, но воспитывался въ Испаніи и теперь сталъ болѣе испанцемъ, чѣмъ голландцемъ. За вашимъ столомъ, впрочемъ, со мной дѣлается обратное превращеніе, и я чувствую въ эти минуты, что одинаково принадлежу обоимъ народамъ,—закончилъ я съ поклономъ.

На это донна Изабелла какъ бы проронила нѣсколько словъ, отъ которыхъ вся кровь бросилась мнѣ въ голову.

— Голландецъ и на иностранной службѣ! Непонятно!

— Изабелла!—вскричалъ отецъ.

— Синьорита,—спокойно отвѣчалъ я:—если тутъ есть что-нибудь непонятное, то только для меня. Я служу королю Филиппу, нашему общему государю.

— Мы всё дѣлаемъ то же самое, дитя мое,—вмѣшался ванъ-деръ-Вееренъ.—Ты женщина, потому этого не понимаешь. Извините ее, синьоръ.

-- Охотно,—отвѣчалъ я.—Женщины пользуются привилегіей говорить все, что имъ вздумается.

— И это всегда, синьоръ?—тѣмъ же подозрительнымъ тономъ заговорила она, опустивъ глаза.

— Всегда, синьорита. Есть рѣчи, которыя мужчинѣ могутъ стоять жизни.

— А женщинѣ?

— А женщинѣ это, конечно, проходить даромъ,—отвѣчала я, смѣясь.

— Вы вернули мнѣ чувство безопасности, синьоръ. Я было думала... впрочемъ, вы успокоили меня.

— Извините, я опять не понимаю васъ,—холодно возразилъ я.— Вы говорите загадками.

Я, конечно, отлично понималъ ее, и, клянусь Богомъ, если она будетъ такъ продолжать, то когда-нибудь ея опасенія окажутся справедливыми. Ея отецъ глядѣлъ на нее со страхомъ, но онъ не могъ подавить въ ней вспышки южной крови, которая текла въ ея жилахъ. Хотя я и былъ разсерженъ на нее, по ея мужество и высокомерное обращеніе дѣйствовали на меня подкупающимъ образомъ, точно такъ же, какъ ея красота и странная манера держать себя.

— У окружающихъ меня я пользуюсь репутаціей большой искусницы на загадки. Когда я была молоденькой, я сама выдумывала ихъ для своихъ сверстниковъ. Позвольте же мнѣ и теперь предложить ихъ губернатору его величества короля Филиппа. Не угодно ли вамъ будетъ сначала попробовать этого вина,—продолжала она, вдругъ измѣняя тонъ и манеру.—Этотъ виноградъ выросъ, правда, не въ Испаніи, а на Рейнѣ, но, говорятъ, онъ отличается удивительными качествами. Можетъ быть, онъ поможетъ вамъ разрѣшить загадки, если вы пожелаете.

— Попробую, синьорита, если только это не будетъ стоить безопасности мнѣ... и вамъ,—прибавилъ я тихимъ голосомъ, который могла слышать только она.

Я поднялъ свой стаканъ.

— За ваше здоровье.

— И да здравствуютъ Голландія и Испанія,—прибавилъ я голландски.—При такомъ тостѣ всѣ мы можемъ выпить, думая каждый о своемъ народѣ.

Обѣдъ кончился, но мы все еще сидѣли за столомъ передъ стаканами съ золотистымъ виномъ. Солнце медленно уходило отъ оконъ. Освѣщеніе комнаты стало не такъ ярко, и бѣлая грудь допны Изабеллы выдѣлялась еще прекраснѣе на фонѣ сгущавшихся за нею сумерекъ. Кругомъ насъ стояла глубокая тишина, казалось, жизнь остановилась на мгновеніе. Но судьба шла своей дорогой и именно теперь подготавливала безпокойство и борьбу. Впрочемъ, это такъ и должно быть: каждый часъ шлетъ къ намъ свои требованія и надо умѣть принимать ихъ разумно и сознательно.

— Мингерръ,—обратился я къ своему хозяину послѣ паузы:— надо окончательно уладить дѣло мадемуазель де-Бреголлъ, и я хотѣлъ бы предложить вамъ нѣсколько вопросовъ.

Въ эту минуту, очевидно, по знаку, данному отцомъ, донна Изабелла поднялась и сказала:

— Мнѣ, вѣроятно, лучше оставить васъ, синьоръ, пока вы будете говорить о такихъ важныхъ вещахъ.

Но у меня были причины желать, чтобы она осталась.

— Вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, синьорита, оставшись здѣсь, если, конечно, это не доставляетъ вамъ непріятности. Дамы часто замѣчаютъ вещи, которыя ускользаютъ отъ нашего грубаго пониманія. Можетъ быть, вы окажетесь намъ полезны. Мадемуазель де-Бреголь водворена къ себѣ?—спросилъ я бургомистра.

— Она ждетъ приказанія вашего превосходительства. Домъ ея охраняется, она къ вашимъ услугамъ.

— Я надѣюсь, что съ нею обращаются, какъ подобаетъ ея положенію, которое, судя по ея лицу и имени, не изъ послѣднихъ?

— Она двоюродная сестра моей дочери. Ея отецъ—братъ моей жены. Это были близнецы. Они—французы, но давно уже поселились въ Голландію. Я увѣренъ, что вы замѣтили ея сходство съ моей дочерью.

— Это правда. Сходство поразительное. Я вдвойнѣ радъ, что прибылъ во время и могъ спасти ее. Я хотѣлъ бы освободить ее совсѣмъ, такъ какъ не вѣрю въ вѣдьмъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ понимаетъ отецъ Бернардо. По-моему, она виновна только въ томъ, что слишкомъ красива. Но я долженъ объяснить вамъ свое положеніе. Пока я управляю здѣшнимъ городомъ, моя воля—законъ. Вашъ городъ подозрѣвается въ приготовленіяхъ къ мятежу, и я посланъ подавить его. Для этого выбрали меня, потому что я пользуюсь репутаціей человѣка безопаднаго, когда пужно. Моя власть ничѣмъ не ограничена. Кого я возьму подъ свою защиту, тотъ будетъ въ полной безопасности; кого же я захочу погубить, тотъ погибъ.

Лица моихъ слушателей нѣсколько поблѣднѣли, пока я говорилъ. Я готовъ ручаться, что донна Изабелла была въ полной увѣренности, что теперь-то я и выпускаю когти изъ-подъ своего бархатнаго одѣянія. Но все это имъ нужно знать.

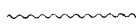
— Но меня могутъ отозвать, и тогда все то, что я сдѣлалъ утромъ и что, какъ вы изволили совершенно вѣрно замѣтить, синьорита, представляется въ высшей степени рѣдкимъ поступкомъ, можетъ вызвать удивленіе въ Брюсселѣ и Мадридѣ. Я назвалъ монаха обманщикомъ. Что жъ, я этого отрицать не буду. Но если онъ не таковъ, то на имени осужденной непременно останется пятно и впоследствии процессъ можетъ открыться вновь. Для того, чтобы предотвратить это, я долженъ имѣть доказательства ея невинности и злостнаго обвиненія ея инквизиторомъ. Мы, т.-е. я и вы, можемъ догадываться, въ чемъ тутъ дѣло по тому недостаточности. Извѣстно ли вамъ о какихъ-либо фактахъ.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1913 году
(ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1913 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать три года (1880—1912).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Т-ва А. С. Суворина—Новое Время», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
ФЕВРАЛЬ, 1913 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1913 г.

	СТРАН.
I. Борьба у престола. (Исторический романъ). Часть первая. VII—XIII. (Продолженіе). Ф. Е. Зарина-Несвицкаго.	323
II. Быль минувшаго. (Продолженіе). Маріи Ватаци, рожденной Мертваго.	352
иллюстрація: Дмитрій Борисовичъ Мертваго.	
III. Тѣни прошлаго. В. Микуличъ.	362
IV. Германія и Россія. (1882—1912). М. В. Станиславскаго.	384
V. Воспоминанія о графѣ Дмитріи Алексѣевичѣ Милютинѣ. Г. Г. Христіани.	421
иллюстраціи: 1) Церковь въ Алушкѣ.— 2) Видъ дома графа Милютина въ Симеизѣ.— 3) Второй видъ дома графа Милютина.— 4) Задній фасадъ дома графа Милютина.— 5) Большая веранда въ домѣ графа Милютина.— 6) Кабинетъ графа Милютина.— 7) Любимая оттоманка въ кабинетѣ графа Милютина.— 8) Кровать и кресло въ спальнѣ.— 9) Уголокъ гостиной.— 10) кипарисовая аллея въ паркѣ.— 11) Аллея въ паркѣ, насаженная графомъ Милютинымъ.— 12) Одинъ изъ уголковъ въ паркѣ.— 13) Фонтанъ противъ подъезда дома графа Милютина.	
VI. Эпизоды изъ моей жизни. (Окончаніе). И. И. Чайковскаго.	469
VII. Воспоминанія о Н. В. Гоголѣ. 1. Прототипъ Плюшкина. 2. Гоголь на охотѣ. А. А. Дунина.	500
VIII. Огрывки воспоминаній о Н. С. Ганецкомъ. Н. Г. Козырева.	506
IX. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой.	511
X. Казнь царубійцы. (Изъ личныхъ воспоминаній). Льва Плансона.	520
XI. Тюремный бунтъ. (Изъ записокъ судьи). С. П. Руднева.	535
XII. Исторія великой любви. Воспоминанія Манфредо Пинелли.	546
XIII. Памяти литературнаго инвалида. И. Г.	560
XIV. Къ вопросу о титулѣ «самодержецъ». (Изъ исторіи кодификаціи основныхъ законовъ въ 1906 году). Б. Б. Глинскаго.	567
XV. Музей имени П. И. Чайковскаго. В. Б. Бергенса.	604
иллюстраціи: 1) Домъ П. И. Чайковскаго въ Клину.— 2) Кабинетъ и гостиная П. И. Чайковскаго въ Клину.— 3) Спальня и рабочій кабинетъ П. И. Чайковскаго въ Клину.— 4) Домъ въ Лештуковомъ переулкѣ.	
XVI. Измайлово. Н. М. Девель.	616
иллюстраціи: 1) Видъ Измайлова въ XVIII столѣтіи. (Съ гравюры Зубова).— 2) Восточныя ворота дворца въ Измайловѣ.— 3) Западныя ворота дворца.— 4) Церковь св. Иоасафа царевича.— 5) Покровский соборъ.— 6) Иконостасъ Покровскаго собора.— 7) Чудотворная икона Богоматери въ Покровскомъ соборѣ.— 8) Соборная башня-колокольня.— 9) Измайловская военная богадельня.— 10) Дача Виноградный садъ.— 11) Гербъ Ромазовыхъ.	

(См. слѣд. стран.).

- XVII. Критика и бібліографія. 643
- 1) Н. О. Каптеревъ, Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Время патріаршества Юсифа, Сергіевъ посадь. 1913. Н. Мудряшова. — 2) Моранъ, П. Павелъ I до востесвіа на престолъ (1754—1796 гг.). Переводъ съ французскаго Шпрэевой. М. 1912. М. Ключкова. — 3) Н. Н. Кашкинъ. Родословныя развѣдки. Съ портретомъ автора. Подъ редакціей В. Л. Модзалевскаго. Томъ I. Спб. 1912. В. Рудакова. — 4) Царственный мистикъ (императоръ Александръ I—Феодоръ Кузьмичъ); соч. князя В. В. Варятинскаго. Спб. 1912. П. Майкова. — 5) Старая Москва, вып. I. Москва. 1912. м. н. — 6) Великій князь Николай Михайловичъ. Петербургскій некрополь. Томъ третій. (М—Р). Спб. 1912. с. ш. — 7) I. А. Кастанъе. «Надгробныя сооруженія киргизскихъ степеней. (Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. XXVI). Оренбургъ. 1912. Б. Мирошниковъ. — 8) Военно-Историческій вѣстникъ, книжки I-я и 2-я. Кіевъ. 1912. П. Майнова. — 9) А. В. Жирковичъ. Пасынки военной службы. Матеріалы къ исторіи мѣсть заключенія военного вѣдомства въ Россіи. Вильна. 1912. л. н. — 10) Постановленія орографической подкомиссіи. Спб. 1912. м. л. — 11) В. Н. Могульскій. Комическія оперетты XVIII в. Одесса. 1911. в. д. — 12) Исторія русской литературы XIX вѣка подъ редакціей Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. XXVIII и XXIX. Москва. 1912. Влад. Мяннина. — 13) Библіотека В. В. Протопопова. — Театръ. Спб. 1912. —ъ. — 14) Сборникъ работъ учащихся школы императорскаго общества поощренія художествъ. Вып. II. Ч. II. п. — 15) Шекспиръ. Венеціанскій купецъ. Съ рисунками Джемса Д. Линтона. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. д. м. — 16) С. Р. Минцловъ. Историческія повѣсти. Спб. 1902. д. м. — 17) Н. Даденковъ. Иванъ Петровичъ Пнинъ. Опытъ его біографіи и обзоръ литературной дѣятельности. Пѣтннъ. 1912. в. д. — 18) В. И. Барвинокъ. Нравственный символизмъ русской иконописи XVI—XVII в.в. Кіевъ. 1912. д. Бочнова. — 19) С. П. Сингалевичъ. Эпоха возрожденія. Казань. 1912. п. б. — 20) П. Е. Васильковскій. Диковинки земли. Популярныя очерки изъ жизни нашей планеты. Съ 83 рисунками въ текстѣ. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1913. м.—о.— 21) Военная энциклопедія. Т. IX, части XVII и XVIII. Спб. 1912. л. н. — 22) «Наука побѣждать» генералиссимуса Суворова. (По матеріалу, еще не бывшему въ печати). Съ рисунками и чертежами Суворова. Текстъ пояснилъ и копию рисунковъ исполнилъ К. Нонненманъ. Спб. 1913. н. м. н. — 23) Матеріалы по киргизскому землепользованію. Сыръ-Дарынская область. Перовскій уѣздъ. Съ иллюстраціями, картою и популярными таблицами. Тапкентъ. 1912. г. — 24) Д. П. Струковъ. Лутеводигель и артиллерійскому историческому музею. Спб. 1912. в. Рудакова. — 25) Временныя правила о волостномъ судѣ. (Законъ 15-го іюня 1912 г., о преобразованіи мѣстнаго суда). Составилъ К. П. Змировъ (сенаторъ). Спб. 1912. г. Гинса. — 26) Е. Писарева. Памяти Анны Павловны Философовой. Спб. 1912. д. м.
- XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 678
- 1) Тати. — 2) Людовикъ XIV и женщины. — 3) Нѣсколько болгарскихъ легендъ и обычаевъ. — 4) Италия въ роли поборницы свободы Албаніи. — 5) Одинъ изъ якобинцевъ въ старости. — 6) Прусское донесеніе о смерти Пушкина. — 7) Секретъ Бурбоновъ. — 8) Юбилей Краплевскаго и Эрнста Лависса. — 9) Отовсюду.
- XIX. Смѣсь. 709
- 1) Съѣздъ дѣятелей музеевъ и архивовъ въ Москвѣ.—2) Торжественное собраніе академіи наукъ.—3) Музей Старога Петербурга.—4) Столѣтніе рожденія Я. К. Грота.— 5) Юбилей Л. В. Вертенсона.— 6) Юбилей Н. С. Таганцева.—7) Юбилей А. Е. Зарина.—8) Праздникъ пріюта принца Ольденбургскаго.
- XX. Некрологи. 723
- 1) Азбелевъ, Н. П.—2) Варравинъ, М. М.—3) Гапешинъ, С. А.—4) Гермунсъ, А. К.—5) Гучковъ, Ф. И.—6) Емельяповъ, Н. Н.—7) Казанскій, П. И.—8) Каспарн, А. А.—9) Ланге, И. П.—10) Миркинъ-Геневичъ, С. В.—11) Натале (Горцевъ), Ш. Я.—12) Раевскій, М. Д.—13) Тихомировъ, А. П.—14) Филевичъ, И. П.—14) Цонглинскій, И. Ф.—15) Яблочкина, Е. А.
- XXI. Замѣтки и поправки. 734
- 1) По поводу рецензіи на изданіе жандровской рукописи «Гора въ ума». Приватъ-доцента спб. университета Н. Писанова.—2) По поводу воспоминаній В. В. Вертенсона. н. Раухфуса.—3) По поводу моихъ воспоминаній. Ил. Чайновскаго.

Приложенія: 1) Портретъ Дмитрія Алексѣевича Милотина.—2) Тѣнь власти. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

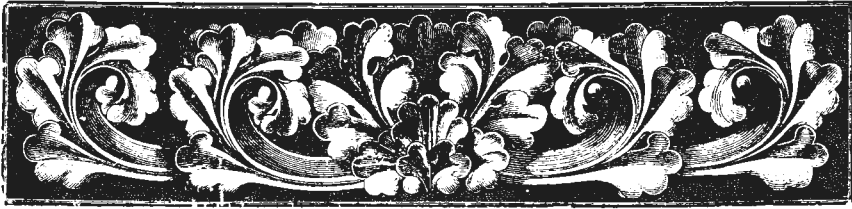

ГРАФЪ ДМИТРІЙ АЛЕКСѢВИЧЪ МИЛЮТИНЪ

БОРЬБА У ПРЕСТОЛА.

Историческій романъ ¹⁾.

VII.

ОПУХИНА не спала. Переодѣвшись въ легкое бѣлое ночное платье, она въ волненіи переходила изъ комнаты въ комнату. Она пробовала и заснуть, но не могла. То въ ней возрождалась безумная надежда, что императоръ выздоровѣетъ, и все будетъ попрежнему, то она съ ужасомъ представляла себѣ воцареніе цесаревны Елизаветы или провозглашеніе императрицей государыни-невѣсты. И въ томъ и въ другомъ случаѣ ея блестящая карьера кончена. Елизавета ненавидѣла ее, какъ свою соперницу и какъ Лопухину. Долгорукіе изстари враждовали съ Лопухинными; кромѣ того, надменная княжна Екатерина тоже видѣла въ ней соперницу, и потомъ—какое униженіе признать своей повелительницей эту гордую дѣвчонку!..

Ея сердце замерло, когда она услышала передъ домомъ шумъ и голоса.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату входилъ Степанъ Васильевичъ и—какое счастье!—вмѣстѣ съ графомъ Рейнгольдомъ.

Рейнгольдъ былъ замѣтно успокоенъ.

— Ну, что, что?—торопливо бросилась она навстрѣчу мужу.

— Наташа,—торжественно произнесъ Степанъ Васильевичъ:—императоръ преставился.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXI, стр. 7.

Лопухина поблѣднѣла и осѣнила себя крестнымъ знамениемъ.

— Царство небесное. Но кто же избранъ?—спросила она.

— Герцогиня курляндская,—отвѣтилъ Рейнгольдъ.

Лопухина вздохнула съ облегченіемъ и сразу повеселѣла.

— Наташа, мы поужинаемъ и поговоримъ,—озабоченно произнесъ Степанъ Васильевичъ.—Видно, спать не придется, не до того! Къ десяти опять въ Мастерскую палату.

Черезъ нѣсколько минутъ роскошная столовая лопухинскаго дворца была уже вся залита свѣтомъ; подъ присмотромъ дворецкаго, многочисленные слуги уставляли столъ.

Когда все было подано, Лопухинъ знакомъ удалилъ всѣхъ.

Въ немъ, какъ и во всѣхъ не участвовавшихъ непосредственно въ совѣщаніи верховниковъ, кипѣла досада за то, что въ такомъ важномъ вопросѣ его обошли, что вопросъ былъ рѣшенъ помимо всѣхъ, кто по своему положенію и происхожденію, казалось бы, долженъ былъ имѣть право голоса.

Его возмущеніе не знало предѣловъ.

— Какъ!—говорилъ онъ:—мы ждемъ,—архіепископы, фельд-маршалъ Трубецкой, Ягужинскій, сенать, генералитетъ, и что же! Совѣщались, совѣщались и вышли объявить свою волю: «быть-де на престолѣ герцогинѣ курляндской». Объявили и пригласили всѣхъ сегодня въ десять часовъ. Да кто власть имъ далъ?—волновался Лопухинъ.—Это не земскій соборъ, это всего лишь осьмиличный совѣтъ, какъ назвалъ его архіепископъ новгородскій... А потомъ! Что они замыслили!..

Лопухина медленно, маленькими глотками пила изъ хрустальнаго бокала рейнское вино.

— Ну, что жъ они замыслили?—спросила она.

— Про это никто толкомъ не знаетъ,—отвѣтилъ графъ Рейнгольдъ.—Объявивъ свою волю, эти господа ушли снова совѣщаться. Я говорилъ съ Лестокомъ, онъ ушелъ съ Остерманомъ. Андрей Ивановичъ съ ними не пошелъ снова на совѣтъ. Лестокъ сказалъ мнѣ, послѣ бесѣды съ Остерманомъ, что верховники пишутъ какіе-то пункты, чтобы ограничить власть императрицы и завладѣть самими всею властью въ имперіи.

— И намъ объ этомъ не сказали!—ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ Лопухинъ.—Дѣти мы, что ли! Нѣтъ,—вскакивая, продолжалъ онъ:—Анна, такъ Анна, это лучше другого, но только не они!

— Я еще видѣлъ сейчасъ, уѣзжая изъ дворца, князя Шастунова, адъютанта фельдмаршала Долгорукаго,—снова сказалъ Рейнгольдъ:—онъ сказалъ мнѣ, что теперь на Руси будутъ новые порядки; я спросилъ: какіе же?—а онъ отвѣтилъ: посвободиѣе. .

При имени князя Шастунова Наталья Федоровна слегка покраснѣла.

— А вы, значить, не знаете, какіе пункты составили министры?—спросила Лопухина.

— Никто этого не знаетъ,—отвѣтилъ съ обидой Лопухинъ:—никто не знаетъ, что они еще готовятъ.

— А князь Шастуновъ знаетъ?—оживленно продолжала Лопухина.

Рейнгольдъ бросилъ на нее быстрый, вопрошающій взглядъ и отвѣтилъ:

— Онъ долженъ знать. Онъ, вѣдь, ближайшій адъютантъ фельд-маршала Долгорукаго.

— Ну, и мы должны знать,—отозвалась Наталья Ѳедоровна.

Степанъ Васильевичъ сѣлъ за столъ и налилъ себѣ вина.

— Легко сказать—должны знать,—проговорилъ онъ:—они прежде окрутятъ императрицу, заберутъ всю власть въ руки, а тогда и скажутъ.

— Эти вѣсти императрица должна впервые узнать не отъ нихъ,—задумчиво произнесла Лопухина.—Она прежде должна узнать, что ни сенатъ, ни синодъ, ни генералитетъ не вѣдали того, что творили гг. министры. Да,—съ убѣжденіемъ повторила Наталья Ѳедоровна:—не отъ нихъ она должна узнать впервые эти вѣсти, чтобы быть готовой и понять, что происходитъ здѣсь.

На ея чистомъ бѣломъ лбу прорѣзалась морщинка. Она сдвинула брови и сосредоточенно думала.

— Такъ черезъ кого же?—воскликнулъ Лопухинъ:—мы ничего не знаемъ!

— Черезъ насъ,—спокойно отвѣтила Наталья Ѳедоровна:—и мы узнаемъ.

Мужъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее, но по улыбка, скользнувшей по губамъ Рейнгольда, было видно, что Рейнгольдъ начинаетъ понимать ее.

— Мой братъ Густавъ хорошо знаетъ герцогиню, онъ живетъ въ Лифляндіи,—тихо проговорилъ онъ, и потомъ словно съ гордостью добавилъ:—братъ былъ близокъ, очень близокъ къ герцогинѣ.

— Но намъ надо знать ихъ замыслы,—сказалъ Лопухинъ.

Наталья Ѳедоровна встала съ мѣста и подошла къ мужу.

— А за это берусь я,—сказала она съ тихимъ смѣхомъ.—На всякаго Самсона найдется Далила...

Она положила на плечо мужа руку.

— Наташа, я не понимаю тебя,—нахмурясь произнесъ Степанъ Васильевичъ.

Но Рейнгольдъ уже понялъ ее. Передъ темнымъ, полнымъ неожиданныхъ опасностей будущимъ затихала ревность любовника.

Онъ поднялся.

— Уже свѣтаетъ, надо хоть немного привести себя въ порядокъ,—сказалъ онъ, цѣлуя руку Лопухиной.—Ахъ, да,—вдругъ до-

бавиль онъ:—завтра къ вамъ хотѣлъ представиться князь Шастуновъ. Онъ сказалъ мнѣ сегодня.

Наталья Федоровна отвѣтила ему взглядомъ, и въ этихъ загорѣвшихся глазахъ онъ могъ бы прочесть многое, если бы не былъ такъ занятъ собою...

За большимъ столомъ, заваленнымъ рукописями и книгами, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ.

Князю уже было шестьдесятъ лѣтъ, но его энергичный взглядъ, всѣ его движенія, голосъ были полны еще не угасшей силы. На сухомъ, красивомъ лицѣ его, такъ напоминавшемъ лицо его двоюроднаго брата, князя Василія Васильевича, знаменитаго любимца Софьи, прозваннаго иностранцами «великимъ Голицынымъ», было выраженіе привычной работы мысли.

Среди книгъ, лежавшихъ на столѣ, сочиненій Локка, Гуго Гроція и прочихъ, почетное мѣсто занимало сочиненіе Маккиавелли «*Il principe*».

По ту сторону стола въ креслѣ сидѣлъ не старѣющійся, всегда изящный и красивый, князь Василій Лукичъ, кого голштинскій посланникъ Бассевичъ считалъ «*le plus poli et le plus aimable des Russes de son temps*».

Разложивъ передъ собою листъ бумаги, Голицынъ редактировалъ письмо отъ верховнаго тайнаго совѣта новоизбранной императрицы и пункты или кондиціи, ограничивающіе ея самодержавныя права.

— Это пока,—говорилъ Голицынъ.—Это только для нея, дабы знала она, чего можетъ ждать. Это первый шагъ на пути гражданственнаго устройства. Тутъ,—онъ ткнулъ пальцемъ въ лежащій передъ нимъ листъ,—тутъ мы говоримъ вообще.

Василій Лукичъ кивнулъ головой.

— Не забудь,—произнесъ онъ,—включить въ пункты, дабы она не привозила въ Москву своего Бирена.

Василій Лукичъ вспомнилъ данную имъ Бирену пощечину.

Дмитрій Михайловичъ отвѣтилъ:

— Это мы скажемъ въ инструкціи тебѣ, когда поѣдете въ Митаву. Вотъ мой проектъ,—онъ указалъ на толстую тетрадь,—его надо будетъ не медля осуществить. Только тогда можно будетъ сказать, что не ради личной выгоды и властолюбія дѣйствовалъ верховный тайный совѣтъ. Мы взяли на свою душу будущее Россіи, пусть же потомки не упрекнутъ насъ. Уже и теперь говорятъ о презрѣнномъ властолюбіи Долгорукихъ и Голицыныхъ. Пусть говорятъ. Наши дѣла оправдаютъ насъ.

На блѣдныхъ щекахъ Голицына выступилъ румянецъ. Онъ всталъ и, ударяя рукой по тетради, воодушевленно продолжалъ:

— Кромѣ верховнаго тайнаго совѣта, будетъ еще шляхетская палата, камера низшаго шляхетства. Эта палата будетъ ограждать права шляхетства отъ посягательствъ верховнаго тайнаго совѣта, буде случатся таковыя. Сенатъ станетъ на стражѣ правды, независимо ни отъ верховнаго тайнаго совѣта, ни отъ шляхетской палаты; а для защиты престонародья и интересовъ торговаго люда—палата городскихъ представителей. Вотъ мой проектъ. Исчезнетъ беззаконіе, исчезнутъ фавориты и случайные люди...

— А тамъ, князь,—продолжалъ вдохновенно Голицынъ:—мы освободимъ отъ рабства народъ, чего хотѣлъ еще мой двоюродный братъ при царевнѣ Софіи. И знаешь, Василій Лукичъ,—пониженнымъ голосомъ, словно съ благоговѣніемъ, добавилъ Дмитрій Михайловичъ:—знаешь, если бы царица Софія провластвовала еще десять лѣтъ, Василій Васильевичъ добился бы этого. Это былъ великій человекъ. И не любилъ его Петръ за то, что онъ былъ великъ. Петру Алексѣвичу было бы тѣсно съ нимъ вмѣстѣ.

— Да,—задумчиво произнесъ Василій Лукичъ:—намъ надлежитъ исправить нашу исторію.

— И обезсмертитъ себя,—закончилъ Голицынъ.

— А теперь, пока Анна не утвердила кондицій, надо все держать въ тайнѣ,—сказалъ Василій Лукичъ:—дабы мы не познали слишкомъ скоро свою смертность.

При этой шуткѣ вдругъ мгновенная жуткая тревога, какъ предчувствіе неизбѣжной гибели, сжала его сердце. Но это было одно мгновеніе.

Онъ улынулся и сказалъ:

— Я умѣлъ ладить съ герцогиней курляндской.

Дмитрій Михайловичъ взялъ листъ и громко прочелъ:

«А буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны россійской».

Онъ положилъ листъ и добавилъ:

— А коли не согласится подписать—то тоже лишена будетъ короны россійской.

— Боюсь, что и подпишетъ, да не удержимъ,—вздохнувъ, произнесъ Василій Лукичъ.

— Это уже дѣло фельдмаршаловъ,—отозвался Голицынъ.—Я жду сейчасъ Василю Петровича,—прибавилъ онъ:—дабы вписать не медля въ протоколы совѣта кондиціи.

Голицынъ позвонилъ.

— Сейчасъ же проводи ко мнѣ, ежели явится, Василю Петровича,—приказалъ онъ вошедшему слугѣ.

Тайный совѣтникъ Василій Петровичъ Степановъ, правитель дѣлъ верховнаго тайнаго совѣта, всю ночь провелъ вмѣстѣ съ верховниками, составляя подъ диктовку кондиціи.

Такъ какъ диктовали чуть ли не всё разомъ, то Голицынъ, забравъ черновики, приказалъ Степанову прїѣхать къ нему часа черезъ два за окончательной редакціей.

Степановъ не заставилъ себя ждать.

Онъ расположился за отдѣльнымъ столомъ, разложилъ бумаги и торопливо сталъ переписывать письмо. Въ этомъ письмѣ члены верховнаго тайнаго совѣта, извѣщая императрицу о смерти Петра II и объ избраніи ея императрицей, добавляли: «а какимъ образомъ вашему величеству правительство имѣтъ, тому сочинили кондиціи», и просили, подписавъ ихъ, не медля выѣхать въ Москву.

Переписавъ письмо, Степановъ передалъ его Голицыну и приступилъ къ переписыванію вступленія къ кондиціямъ.

Въ это время Дмитрій Михайловичъ еще разъ проглядывалъ самыя кондиціи.

Кондиціи сопровождались вступленіемъ, въ коемъ объявлялось о восшествіи на престолъ и заключались собственно три «наикрѣпчайшихъ обѣщанія»: сохранять и распространять православную вѣру; въ супружество не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять и, наконецъ,—учрежденный верховный тайный совѣтъ, въ восьми персонахъ, всегда содержать.

Когда Степановъ кончилъ переписывать вступленіе кондицій, Голицынъ всталъ съ листомъ въ рукахъ и, ходя по комнатѣ, медленно и отчетливо началъ диктовать самыя пункты, или кондиціи:

- 1) Ни съ кѣмъ войны не вчинять.
- 2) Миру не заключать.
- 3) Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податями не отягощать.
- 4) Въ знатныя чины, какъ въ стацкіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, и гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ верховнаго тайнаго совѣта.
- 5) У шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отымать.
- 6) Вотчины и деревни не жаловать.
- 7) Въ придворныя чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, безъ совѣту верховнаго тайнаго совѣта не производить.

8) Государственные доходы въ расходъ не употреблять. И всёхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать.

А буде, чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны російской.

— Амен!—громко произнесъ Василій Лукичъ:— съ Богомъ, Дмитрій Михайловичъ, подписывай, я за тобой.

Дмитрій Михайловичъ внимательно перечелъ написанное Василіемъ Петровичемъ и, взявъ перо, торжественно, медленно, словно съ благоговѣніемъ, подписалъ письмо. За нимъ подписался и Василій Лукичъ.

— Ты оставайся у меня, Василий Лукичъ, и ты, Василий Петровичъ,—сказалъ Голицынъ.—Вонъ уже и свѣтло. Хоть часокъ да соснуть.

— Ладно,—отвѣтилъ Долгорукій.
Степановъ поклонился.

Въ эту же ночь фельдмаршалы объѣзжали полки, на случай тревоги, провѣряли посты и караулы.

Василія Владимировича сопровождалъ князь Арсеній Кирилловичъ.

Все было спокойно.

VIII.

Старый князь Шастуновъ, Кирилль Арсеньевичъ, былъ сыномъ боярина Арсенія Кирилловича, друга и сподвижника князя Василія Васильевича Голицына. Онъ былъ участникомъ всѣхъ начинаній великаго Голицына, и послѣ паденія Софьи раздѣлялъ съ нимъ опалу. Онъ векорѣ умеръ, оставивъ единственнаго сына. Въ семьѣ Шастуновыхъ, по старой семейной традиціи, старшій въ родѣ непременно звался Арсениемъ, если отецъ былъ Кирилломъ, и Кирилломъ, если отецъ былъ Арсениемъ. Такъ въ роду и чередовались эти два имени.

Кирилль Арсеньевичъ былъ отмѣченъ Петромъ I, и въ числѣ другихъ стольниковъ тогда же, какъ и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, былъ отправленъ за границу. По возвращеніи оттуда онъ служилъ въ Преображенскомъ полку, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Лѣснымъ и Полтавой, затѣмъ былъ сенаторомъ.

Во время процесса несчастнаго царевича Алексѣя онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто имѣлъ мужество отказаться подписать смертный приговоръ цесаревичу, за что впалъ въ немилость и долженъ былъ уѣхать въ свою смоленскую вотчину. Къ тому времени умерла его жена изъ рода Леонтьевыхъ, родичей царицы Натальи Кирилловны, самъ онъ сталъ прихварывать, и занялся исключительно воспитаніемъ сына Арсенія.

Старый князь по своимъ взглядамъ принадлежалъ къ числу тѣхъ вельможъ, которыхъ можно было назвать «двуликими янусами», стоящихъ на рубежѣ двухъ эпохъ русской цивилизаціи—московской и европейской.

Онъ представлялъ собою сочетаніе стариннаго московскаго боярства и европеизма. Онъ не былъ врагомъ реформъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не сочувствовалъ стремительной ломкѣ старыхъ завѣтовъ Петромъ I. Ему болѣе по душѣ были реформы и замыслы Василія Голицына; они казались ему болѣе отвѣчающими духу народа. Чрезмѣрное увлеченіе Петра иностранцами казалось ему вреднымъ

и обиднымъ для русскихъ. Онъ смутно чувствовалъ, что только гений Петра могъ сплести разнородные элементы, и что съ его смертью при его наслѣдникахъ, не одаренныхъ его гениемъ, иноземцы неминуемо захватятъ Россію во власть. Онъ отдавалъ должное талантамъ такихъ иноземцевъ, какъ Остерманъ и Минихъ, но все же они были чужды Россіи, и Россія была чужда имъ. Сдерживаемые желѣзной рукой Петра, они шли въ поводу, послушные его волѣ. Но разъ эта узда оборвется—чужіе люди станутъ вершителями судебъ Россіи.

Въ царствованіе Екатерины старикъ былъ забытъ, да и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія напоминать о себѣ, такъ какъ давно уже отъ души ненавидѣлъ Меншикова.

Отрокъ императоръ, вѣрнѣе, его бабка царица Евдокія, вспомнили его роль въ процессѣ царевича Алексѣя и вызвали его ко двору.

Но онъ былъ старъ, слабъ, сынъ находился за границей, и онъ отписался. О немъ снова забыли. Но когда старикъ узналъ объ опалѣ Меншикова, потомъ о возвышеніи Долгорукихъ и предстоящей свадьбѣ царя, онъ немедленно выписалъ сына.

Записавъ сына при рожденіи въ Преображенскій полкъ, старикъ самъ всецѣло занимался его воспитаніемъ, пригласивъ въ помощь француза Шарля Кордье, служившаго при посольствѣ при резидентѣ Леви. Кордье занималъ при посольствѣ очень незначительную должность, въ родѣ переписчика, и съ радостью остался въ Россіи.

Когда Арсенію исполнилось семнадцать лѣтъ, князь отправилъ его, въ сопровожденіи Кордье и молодого расторопнаго двороваго Васьки, въ Европу. Молодой князь пробылъ годъ въ Гейдельбергѣ, потомъ въ Сорбоннѣ. Благодаря своему имени и богатству, онъ былъ принятъ въ самыхъ аристократическихъ домахъ Парижа и при дворѣ. Между прочимъ въ Парижѣ онъ успѣлъ сблизиться съ русскимъ посломъ, сыномъ канцлера, графомъ Александромъ Гаврилычемъ Головкинымъ.

Получивъ приказаніе отца, онъ немедленно выѣхалъ изъ Парижа. Кордье не вернулся въ Россію. Онъ остался на родинѣ.

Несмотря на многолѣтнюю разлуку, князь не долго позволилъ себѣ предаваться радостямъ свиданія. Онъ торопилъ сына.

— Пора послужить. Поѣзжай,—говорилъ онъ,—родъ Шастуновыхъ не долженъ быть сзади другихъ. Ты не уронишь своего достоинства. Я вижу тебя. Помни одно, старайся быть первымъ вездѣ и всегда. На полѣ битвы—будь впереди. На балахъ,—танцуй лучше всѣхъ. Случится играть въ карты или кости—денегъ не жалѣй. Шастуновы, слава Богу, богаты. Женщины... Ну, не мнѣ тебя учить... чай, самъ выучился въ Парижѣ. Одно говорю, денегъ не жалѣй ни на что. Меня не разоришь. Только вотъ тебѣ мой завѣтъ,

единный, нерушимый: береги честь, будь вѣренъ царю. Чти въ немъ помазанника Божія, не посягни, храни тебя Богъ, на его священныя права. Богомъ данъ онъ. Блюди и храни мои завѣты.

Молча слушалъ его князь Арсеній, и въ его воображеніи живо проносились сцены изъ пережитаго имъ за границей. Новыя мысли, новыя чувства... Послѣднія слова отца больно отозвались въ его сердцѣ, но онъ не смѣлъ ничего сказать.

Старикъ далъ ему письмо къ своему старому другу фельдмаршалу князю Василию Владимировичу Долгорукому, тоже въ свое время еще сильнѣе пострадавшему по дѣлу 18-го года.

Тогда же онъ былъ лишень чиновъ, имѣній и сосланъ въ Соль-Камскую, гдѣ и томился до дня коронаванія Екатерины, въ 1724 году, когда былъ возвращень изъ ссылки. Но лишь при вступленіи ея на престолъ вернулъ себѣ прежнее положеніе.

Въ сопровожденіи неизмѣннаго Васьки, Арсеній Кирилловичъ отправился въ Москву.

Сынъ не успѣлъ поговорить съ отцомъ, да едва ли и рѣшился бы на это, до такой степени онъ чувствовалъ себя далекимъ отъ отца, несмотря на всю свою любовь и уваженіе къ нему. Пребываніе въ Парижѣ оставило въ его душѣ глубокой и таинственный слѣдъ, благодаря нѣкоторымъ связямъ съ лицами, пока для него загадочными, но, повидимому, обладавшими странными тайнами...

Эти люди забросили въ его душу новыя идеи истиннаго христіанства, свободы и братства и открыли ему широкія, манящія мистической тайной дали.

IX.

Временно, до пріисканія соотвѣтственнаго помѣщенія молодой Шастуновъ помѣстился въ Нѣмецкой слободѣ у старой голландки Марты Гоопенъ, сдававшей свой домъ подъ постой.

Старая Марта уже больше тридцати лѣтъ какъ основалась въ слободѣ. Она имѣла тамъ большой двухъэтажный домъ съ садомъ, конюшнями и всяческими угодьями. Весь нижній этажъ занимала такъ называемая Остерія, извѣстная всѣмъ еще съ молодости Петра, когда онъ нерѣдко со своей компаніей — Лефортъ, Меншиковъ, княземъ кесаремъ Ромодановскимъ, всешутѣйшимъ Зотовымъ и другими — кутилъ въ ней.

Съ тѣхъ поръ эту Остерію не забывали. Тамъ кутили, играли въ карты офицеры, пріѣзжали и штатскіе и иностранцы, принадлежавшіе къ посольствамъ.

Второй этажъ Марта Гоопенъ сдавала подъ постой. Тамъ нерѣдко останавливались на нѣсколько дней послы и резиденты до пріиска-

нія помѣщенія, свита иностранныхъ принцевъ и вообще богатые люди, или ненадолго прїѣзжающіе, или не находящіе себѣ помѣщенія.

Шастуновъ, помня завѣтъ отца, не жалѣлъ денегъ и занялъ большое помѣщеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ комнатъ, съ хорошей обстановкой, коврами и зеркалами.

Онъ вернулся домой около шести часовъ. Было еще темно. Но Остерія въ нижнемъ этажѣ была ярко освѣщена, и оттуда слышались шумные, оживленные голоса. У дверей на улицѣ стояли сани, возки. Кучера и форейторы, ежась отъ холода, кутались въ мѣховыя полости саней и овчинныя шубы.

Посреди улицы горѣли костры, и около нихъ грѣлись дозорные и тѣ, кто были одѣты полегче. Пригрѣвались и нѣсколько оборванцевъ изъ голытыбы, отъ которой по улицамъ Москвы не было прохода.

Чтобы не проходить черезъ «Остерію», во избѣжаніе встрѣчи со знакомыми, Шастуновъ прошелъ во дворъ. Тутъ онъ увидѣлъ большую дорожную карету, около которой суетились люди съ факелами и фонарями, разгружая вещи. Очевидно, прїѣхалъ новый постоялецъ.

Шастуновъ услышалъ французскій говоръ. Маленькій, худощавый человѣкъ, стоя у кареты, махалъ руками, подпрыгивалъ и все время кричалъ:

— *Ventre saint gris! Plus vite! plus vite! Canailles! Prenez garde!..*

Около него стоялъ высокій, худощавый человѣкъ и молча наблюдалъ за выгрузкой вещей.

Шастуновъ подошелъ и спросилъ по-французски высокаго человѣка:

— Кто прїѣхалъ?

— *Visconte de Brissac, monsieur*,—вѣжливо приподнимая отвѣтилъ высокій человѣкъ.

Шастуновъ прошелъ къ себѣ. Васька встрѣтилъ его и тотчасъ же сообщилъ, что въ сосѣдство прїѣхалъ какой-то иностранецъ, французъ. Васька за время пребыванія барина за границей выучился понимать французскую рѣчь и при случаѣ могъ даже объясниться.

Въ сосѣднемъ помѣщеніи слышалась возня. Вносили чемоданы, переставляли мебель.

Хотя Шастуновъ и сильно усталъ за весь день, но спать ему не хотѣлось; уже къ девяти часамъ ему было приказано явиться съ рядомъ въ двадцать человѣкъ въ Мастерскую палату. Онъ видѣлъ, что даже самъ фельдмаршалъ Долгорукій не могъ скрыть нѣкоторой тревоги за завтрашній день. Спать было некогда.

Василій сбѣгалъ въ Остерію за ужиномъ и скоро вернулся въ сопровожденіи самой дочери хозяйки, хорошенькой Берты. Берта была дѣятельной помощницей матери и сама прислуживала особенно почетнымъ гостямъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и

Шастуновъ. Кромѣ того, было замѣтно, что молодой офицеръ очень нравился ей. Берта недурно говорила по-русски, но прекрасно владела нѣмецкимъ языкомъ, на которомъ и говорила съ Шастуновымъ, такъ какъ ея родного языка, голландскаго, онъ не зналъ.

Вся раскраснѣвшись, Берта торопливо накрывала столъ, все время искося поглядывая на красиваго постояльца, но Арсеній Кирилловичъ не замѣчалъ ея присутствія, что, повидимому, сильно огорчало молодую голландку. Она уже привыкла, что этотъ красивый офицеръ всегда такъ ласково говорилъ и шутилъ съ нею.

Приготовивъ столъ, она тихо вздохнула и вышла.

Едва Шастуновъ, сильно проголодавшійся, принялся за ѣду какъ въ сосѣдней комнатѣ раздался осторожный стукъ въ двери.

Шастуновъ услышалъ коверканную французскую рѣчь Василія.

Видимо, чрезвычайно гордясь своими познаніями во французской рѣчи, Василій, широко осклабясь, появился на порогѣ.

— Что тамъ?—спросилъ князь.

— Камердиръ мусью виконта Бриссакова приходилъ,—отозвался Василій:—мусью Бриссаковъ хочетъ видѣть ваше сіятельство.

Шастуновъ удивленно поднялъ брови.

— Проси же его,—приказалъ онъ.

Василій моментально исчезъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Шастуновъ всталъ съ мѣста и пошелъ навстрѣчу. На порогѣ показалась стройная, худощавая фигура въ черномъ атласномъ камзолѣ, бѣлыхъ чулкахъ и черныхъ туфляхъ съ золотыми пряжками. Бѣлое кружевное жабо отѣняло смуглое, съ рѣзкими чертами, красивое лицо съ высокимъ лбомъ, вокругъ котораго беспорядочно лежали темные вьющіеся волосы, не прикрытые парикомъ. Необыкновенно большіе глаза поражали своей ясностью и острымъ пронизательнымъ выраженіемъ. Виконтъ Бриссакъ остановился у порога и, поклонившись, проговорилъ:

— Прошу извинить меня, князь, я только что пріѣхалъ, и, узнавъ, что вы мой сосѣдъ и спать не собираетесь, поспѣшилъ возстановить съ вами наше мимолетное знакомство въ Парижѣ.

Онъ снова поклонился. Какое-то смутное воспоминаніе промелькнуло въ умѣ Шастунова.

— Милости просимъ, виконтъ,—радушно отвѣтилъ онъ, протягивая руку.—Благодарю васъ за честь посѣщенія. Повѣрьте, завтра, или точнѣе сегодня, я самъ счелъ бы долгомъ привѣтствовать васъ. Садитесь, виконтъ, и не обидьте меня отказомъ раздѣлится со мною мой скромный ужинъ, вѣрнѣе, завтракъ...

Князь улыбнулся.

Виконтъ поблагодарилъ.

— Но простите, виконтъ,—началъ князь:—хотя ваше лицо мнѣ очень знакомо, но боюсь сознаться въ своей непростительной забывчивости.

— Это очень естественно,—улыбаясь отвѣтилъ де-Бриссакъ:—мы встрѣчались съ вами въ слишкомъ многолюдномъ обществѣ и не были другъ другу представлены. Въ Версали, среди тысячи приглашенныхъ, вы, конечно, не замѣтили меня. Вѣдь парижанинъ въ Парижѣ не рѣдкость. Не правда ли, князь? Но русскій князь—это уже рѣдкость. Вотъ почему я запомнилъ васъ. А потомъ я два встрѣчалъ васъ у шевалье Сентъ-Круа,—медленно, съ разстановкой закончилъ виконтъ.

При имени шевалье князь вздрогнулъ; множество воспоминаній и впечатлѣній объ этомъ загадочномъ человѣкѣ пронеслось въ его умѣ.

— Да, теперь я вспоминаю,—съ усиленіемъ произнесъ онъ.

— Шевалье сохранили о васъ лучшія воспоминанія,—продолжалъ виконтъ:—онъ очень интересуется вашей судьбой.

Шастуновъ овладѣлъ собою и, наливая гостю вина, сказалъ:

— Для путешествія къ намъ, дорогой виконтъ, вы выбрали неудачное время. Въмѣсто свадьбы вы попали на похороны...

— Да,—отвѣтилъ виконтъ,—это дѣйствительно грустно. Этотъ юноша подавалъ такъ много надеждъ. Боюсь, что новый выборъ не замѣнитъ его.

Шастуновъ кинулъ на него удивленный взглядъ.

— Какъ, вы уже знаете?—воскликнулъ онъ.

— Что?—отвѣтилъ виконтъ:—что избрана императрицей курляндская вдовствующая герцогиня. Что вы въ составѣ посольства ѣдете къ ней въ Митаву и везете ей предложеніе короны подъ условіемъ ограниченія ея власти?.. Да, это мы знаемъ.

Широко раскрытыми глазами глядѣлъ на него Шастуновъ.

— Но, виконтъ,—наконецъ произнесъ онъ:—вы говорите удивительныя вещи. Я еще самъ не знаю о томъ, что вы сказали. Я черезъ часъ выступаю съ карауломъ въ Мастерскую палату и про посольство въ Митаву ничего не знаю. Разъ вы знаете, я не стану скрывать, что существуетъ предположеніе ограничить императорскую власть...

Виконтъ задумчиво слушалъ его.

— Не удивляйтесь, дорогой князь; развѣ у шевалье вы не видѣли болѣе удивительныхъ вещей? Незримыя нити протянулись по всему міру. Идеи, безкрылыя, но вольныя, незримыми путями переносятся съ мѣста на мѣсто, какъ сѣмена цвѣтовъ, какъ ихъ пыль, разносимая вѣтромъ.

Онъ замолчалъ и, казалось, задумался.

— У васъ есть порученіе отъ вашего правительства?—тихо спросилъ Шастуновъ, словно боясь обидѣть своего гостя.

— У меня нѣтъ правительства, — спокойно отвѣтил Бриссакъ: — всемірное братство правды и свободы можетъ имѣть только одно правительство... тамъ... — и де-Бриссакъ указалъ вверхъ.

— Итакъ, дорогой другъ, — перемѣняя тонъ, заговорилъ онъ: — вы ѣдете въ Митаву.

Шастуновъ сдѣлалъ протестующій жестъ.

— Пусть будетъ такъ, — продолжалъ Бриссакъ: — отъ имени шевалье я долженъ сказать вамъ одно. Не старайтесь сегодня увидѣть женщину съ черными глазами и берегитесь ея.

Арсеній Кирилловичъ поблѣднѣлъ. Онъ зналъ только одни черные глаза, и они преслѣдовали его во снѣ и наяву...

Глаза Лопухиной.

— Я хотѣлъ васъ просить объ одномъ, — услышалъ онъ голосъ виконта: — скажите, гдѣ я могу увидѣть князя Василия Лукича Долгорукаго. У меня есть письмо отъ почтеннаго отца Жюбе, притомъ мы съ нимъ старые знакомые. Вотъ еще письмо отъ вашего посланника въ Парижѣ въ его отцу канцлеру.

Шастуновъ былъ очень взволнованъ, тѣмъ не менѣе онъ любезно сообщилъ виконту, что лучше всего ему обратиться къ резиденту французскаго двора Маньяну и вмѣстѣ съ нимъ поѣхать завтра въ Мастерскую палату, гдѣ онъ найдетъ и князя Василия Лукича и графа Головкина.

Виконтъ поблагодарилъ и, вставая, добавилъ:

— Намъ еще о многомъ надо будетъ переговорить, дорогой князь. А теперь, до свиданія, — и онъ ушелъ, оставивъ Арсенія Кирилловича взволнованнымъ и потрясеннымъ его загадочными предупрежденіями и необъяснимой освѣдомленностью.

Не успѣлъ виконтъ переступить порогъ, какъ Василій принесъ князю записку.

— Берегитесь черныхъ глазъ, — крикнулъ Бриссакъ, увидя записку, и съ поклономъ исчезъ.

Записка была отъ Лопухиной. Она звала князя непременно зайти сегодня...

Шастуновъ нѣсколько разъ перечелъ эту записку, потомъ поцѣловалъ ее и спряталъ на груди.

Х.

Было пора. Князь Шастуновъ переодѣлся. Но все время его не покидала смутная тревога, вызванная словами Бриссака..

Въ бытность въ Парижѣ Арсеній Кирилловичъ познакомился на одномъ изъ придворныхъ празднествъ съ шевалье Сентъ-Круа. Этотъ шевалье пользовался странной репутаціей. Не то чернокнижника, не то колдуна. Почему-то шевалье обратилъ на молодого князя вниманіе. Князю тоже что-то странно привлекало въ этомъ кавалерѣ,

всегда холодномъ, сдержанномъ, казалось, чуждомъ всѣмъ страстямъ. Они сблизились. Осторожный и сдержанный, Сентъ-Круа мало-по-малу овладѣлъ волей молодого князя. Онъ говорилъ ему о всемирномъ братскомъ союзѣ, цѣль котораго—свобода народовъ и борьба со всякимъ произволомъ и деспотизмомъ. Онъ говорилъ о равенствѣ людей и сопровождалъ свои слова странными и зловѣщими предсказаніями. Часто среди веселыхъ празднествъ въ Версалѣ онъ становился мраченъ и задумчивъ.

— Юный другъ, — говорилъ онъ князю:— глядите на этихъ людей, такихъ гордыхъ, прекрасныхъ, считающихъ себя выше всѣхъ, какъ будто весь міръ созданъ для ихъ удовольствія. Ихъ дѣти, ихъ внуки кровью расплатятся за нихъ...

Нѣсколько разъ Шастуновъ бывалъ у шеваляе. Однажды, еще до полученія отъ отца приказанія возвращаться въ Россію, Шастуновъ былъ у него. На прощанье шеваляе, пожимая ему руку, сказалъ:

— Вы завтра или послѣзавтра выѣзжаете въ Россію на бракосочетаніе вашего императора. Если бъ я могъ, я задержалъ бы васъ, вы поспѣете не къ свадьбѣ. Васъ стережетъ судьба... Но если что возможно будетъ сдѣлать,—мы сдѣлаемъ. Жаль, что вы уѣзжаете такъ рано. Еще немного, и вы познали бы свѣтъ истины.

— Но я не собираюсь ѣхать,—отвѣтилъ Арсеній Кирилловичъ, непонятно смущенный словами Сентъ-Круа.

Шеваляе улыбнулся.

— Но, однако, вы уѣдете,—проговорилъ онъ.

На слѣдующій день Шастуновъ получилъ письмо отъ отца. Онъ былъ пораженъ. Онъ вспомнилъ предсказанную шеваляе смерть молодой красавицы маркизы д'Арвилли, вспомнилъ, какъ на одномъ балу, въ игрѣ въ фанты, когда шеваляе долженъ былъ изображать пророка, онъ предсказалъ молодому графу де-Ласси смерть отъ лисицы... Черезъ недѣлю графъ на охотѣ за лисицей упалъ съ лошади и разбилъ себѣ голову... О предсказаніяхъ шеваляе ходили цѣлыя легенды; въ обществѣ его нѣсколько боялись, потому что его предсказанія всегда были зловѣщи.

А между тѣмъ всѣ слова его дышали благородной жаждой свободы и глубоко западали въ душу Арсенія Кирилловича; всѣ его поступки отличались высокой добротой.

Наканунѣ отъѣзда князь пришелъ попрощаться къ шеваляе.

— Итакъ, вы уѣзжаете,—сказалъ Сентъ-Круа:—ну, что жъ! Судьба ведетъ васъ впередъ. Въ трудную минуту вашей жизни я постараюсь васъ предостеречь чрезъ кого-нибудь и помочь вамъ. Вы молоды и потому самонадѣянны. Но не пренебрегайте предостереженіями, полученными отъ меня. Можетъ быть, мы еще свидимся. Помните одно, я буду слѣдить за вашей судьбой.

Взволнованный и искренно тронутый, Шастуновъ поблагодарилъ шевадье и на другой день рано утромъ выѣхалъ на родину.

Все это вспомнилъ Арсеній Кирилловичъ, и предупрежденія Бриссака принимали въ его глазахъ особое значеніе. Но бояться черныхъ глазъ! Этихъ глазъ, полныхъ сладостныхъ обѣщаній!... Глазъ, очаровавшихъ его, смотрѣвшихъ на него съ такой томной нѣгой...

Онъ вынулъ письмо и еще разъ прижалъ его къ губамъ.

Онъ поѣхалъ въ полкъ, и оттуда съ назначеннымъ отрядомъ, въ составъ котораго вошелъ еще офицеръ, прапорщикъ Алеша Макшевъ, къ девяти часамъ былъ уже на мѣстѣ назначенія, въ Мастерской палатѣ въ Кремлѣ, гдѣ обычно происходили засѣданія верховнаго тайнаго совѣта.

Огромныя залы кремлевскаго дворца были переполнены народомъ. Верховники, чтобы по возможности придать своему рѣшенію характеръ общаго избранія, пригласили не только высшихъ сановниковъ, но и простое шляхетство, то есть служилое дворянство, до чина бригадира.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали появленія верховниковъ. Глухое раздраженіе чувствовалось въ толпѣ ожидающихъ. Высшіе чины и знатные люди были обижены поведеніемъ верховниковъ, третье сословіе—шляхетство—считало себя въ правѣ тоже выразить свое мнѣніе при рѣшеніи такого важнаго вопроса. Потомъ, несмотря на строгую тайну, соблюдаемую верховниками, уже сдѣлалось извѣстно, что верховники что-то затѣяли къ перемѣнѣ государственнаго строя. Распространенію этихъ слуховъ способствовалъ Ягужинскій, конечно, имѣвшій свѣдѣнія отъ своего тестя—канцлера. И духовенство, и генералитетъ, и шляхетство, всѣ боялись, что при дѣлежѣ самодержавной власти они будутъ обдѣлены, и при этомъ чувствовали себя совершенно безпомощными, во власти верховнаго тайнаго совѣта. По приказанію фельдмаршаловъ, внутренніе покои заняли карауломъ лейбъ-регіментъ и рота кавалергардовъ. Вокругъ дворца тѣснымъ кольцомъ стояли преображенцы и семеновцы.

Собравшіеся во дворцѣ чувствовали себя подъ стражей.

Въ то же время среди верховниковъ происходили нѣкоторыя разногласія. Князь Дмитрій Михайловичъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣмъ собравшимся объявить вкратцѣ кондиціи и сообщить о дальнѣйшемъ ихъ развитіи, согласно выработанному имъ проекту. Голицынъ имѣлъ въ виду особенно шляхетство.

— Нельзя скрывать это дѣло,—говорилъ онъ,—пусть шляхетство видитъ, что не о своей выгодѣ заботимся мы. Скрывая, мы умножимъ дурные и тревожные слухи. Мы наживемъ себѣ враговъ вмѣсто того, чтобы найти союзниковъ.

Противъ этого возражалъ Василій Лукичъ. Онъ указывалъ на то, что шляхетство можетъ сразу представить свои требованія и не согласиться на предложенныя.

— Теперь не время обсуждать всё подробности,—закончилъ онъ:—будетъ время, когда мы уже заручимся согласіемъ государыни,—обсудить все вмѣстѣ со шляхетствомъ. Разъ будетъ согласіе государыни,—никто не посмѣетъ спорить съ нами.

Это мнѣніе одержало верхъ.

Фельдмаршалы рѣшительно объявили, что они ручаются за полное спокойствіе Москвы.

Князь Шастуновъ, разставивъ во внутреннихъ покояхъ посты, изъ любопытства прошелся по заламъ. Издали онъ увидѣлъ французскаго резидента Маньяна въ шитомъ золотомъ камзолѣ и рядомъ съ нимъ темную фигуру Бриссака. Бриссакъ привѣтствовалъ его любезной улыбкой. Около нихъ стоялъ генераль Кейтъ, Яковъ Вилимовичъ, какъ его звали, шотландецъ по происхожденію. Навстрѣчу князю попался капитанъ Сумароковъ. Онъ дружески пожалъ руку Арсенію Кирилловичу. Но по его лицу Шастуновъ замѣтилъ, что онъ чѣмъ-то былъ разстроенъ. Сумароковъ былъ, дѣйствительно, разстроенъ. Онъ былъ обиженъ тѣмъ, что командованіе карауломъ лейбъ-регимента въ такой отвѣтственный день было поручено не ему, а младшему чиномъ Шастунову. Въ этомъ Сумароковъ не безъ основанія видѣлъ нѣкоторые признаки недовѣрія. Онъ сопоставлялъ съ этимъ пренебрежительно-недовѣрчивое отношеніе верховниковъ къ графу Ягужинскому, еще при Петрѣ I, въ 1719 году, бывшему полковникомъ лейбъ-регимента. А вѣдь онъ былъ адъютантомъ Ягужинскаго. Шастуновъ тоже былъ немного удивленъ этимъ.

Тяжелой поступью черезъ залу проходилъ высокій генераль въ сопровожденіи молодого гвардейскаго капитана.

— Это князь Юсуповъ, подполковникъ Преображенскаго полка, Григорій Дмитріевичъ,—торопливо произнесъ Сумароковъ.

Блѣдное, рѣшительное выраженіе лица князя Юсупова, съ черными, небольшими острыми глазами, слегка выдающимися скулами, поразило Шастунова. Онъ съ невольнымъ любопытствомъ слѣдилъ за этой высокой фигурой. Князь Юсуповъ своей тяжелой походкой прямо шелъ въ залу, гдѣ совѣщались верховники. За нимъ послѣдовалъ и адъютантъ. Къ удивленію Шастунова, передъ княземъ Юсуповымъ часовые, поставленные у дверей, брали на караулъ, и онъ безпрепятственно прошелъ во внутренніе покои.

— Всё, всё за нихъ,—со сдержанной злобой произнесъ Сумароковъ, слѣдя глазами за уходящимъ Юсуповымъ.

— Развѣ дурно то, что они дѣлаютъ?—произнесъ князь, въ упоръ смотря на Сумарокова.

На лицѣ Сумарокова появилась судорожная улыбка. Онъ махнулъ рукой и торопливо отошелъ прочь.

Тревожное настроеніе въ залѣ росло.

Наконецъ верховники вышли къ собравшимся.

Глубокое молчаніе встрѣтило ихъ появленіе.

Князь Шастуновъ вышелъ въ переднюю залу, согласно полученнымъ имъ раньше инструкціямъ.

Онъ остановился у большого входа, черезъ который ему велѣно было никого не пропускать. Это былъ единственный входъ, широкій и свободный, черезъ который могли бы войти солдаты, и этотъ входъ, на всякій случай, было приказано особенно охранять Шастунову. Очевидно, верховники не чувствовали себя очень спокойными. Они ожидали, быть можетъ, какой-нибудь попытки со стороны цесаревны Елизаветы или ихъ другихъ враговъ, какъ князь Черкасскій или фельдмаршалъ князь Трубецкой.

Но все было тихо.

Шастуновъ сѣлъ въ кресло, чувствуя себя страшно усталымъ. Онъ столько испыталъ за эти сутки, что просто голова шла кругомъ. Онъ незамѣтно задремалъ.

Прошло около получаса, какъ его разбудили громкіе крики, доносившіеся изъ внутреннихъ залъ:

— Вивать, императрица Анна Іоанновна!

Онъ вскочилъ съ мѣста.

Крики затихли, ихъ замѣнили оживленные голоса, движеніе, шумъ шаговъ. Присутствующіе расходились съ оживленными разговорами, обмѣниваясь впечатлѣніями.

Князь Шастуновъ замѣтилъ, что всѣ были разочарованы и недовольны. И они имѣли основаніе быть недовольными.

Повторилось то же, что было ночью. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и ночью, только передъ большимъ количествомъ «чиновъ», Дмитрій Михайловичъ объявилъ о «порученіи» престола герцогинѣ Курляндской и просилъ на то согласія собранія. Собравшіеся выразили его криками:

— Вивать, императрица Анна Іоанновна!

Но о томъ, о чемъ они смутно знали и что надѣялись услышать—о новыхъ условіяхъ правленія,—не было сказано ни одного слова...

XI.

Въ душѣ Шастунова было одно желаніе—поскорѣ вырваться и летѣть къ Лопухиной. Дворцовыя залы опустѣли. Всѣ собравшіеся уже разъѣхались. Семеновскій и Преображенскій полки отпущены домой, отпущена была и рота кавалергардовъ, подъ начальствомъ капрала Чаплыгина, потомъ послѣдовалъ приказъ итти домой и наряду лейбъ-режима, но остаться прапорщику Макшееву и Шастунову.

Уже стемнѣло, зажгли огни, а они все ждали. Макшеевъ и Шастуновъ не знали, чѣмъ убить время, и оба не понимали, зачѣмъ задержали ихъ. По ихъ мнѣнію, имъ нечего было дѣлать. Но скоро ихъ скука смѣнилась любопытствомъ. Уже со двора вернули уѣзжавшаго бригадира Палибина, завѣдывавшаго почтами, что очень заинтересовало молодыхъ людей. Палибинъ прошелъ въ залу, гдѣ засѣдали верховники. Затѣмъ оттуда послышались нетерпѣливые звонки и показался Василій Петровичъ, громко требовавшій курьеровъ. Дежурившіе въ сосѣдней залѣ, по приказанію совѣта, какъ обычно, курьеры бросились на его зовъ. Степановъ съ пачкой пакетовъ въ рукѣ торопливо говорилъ:

— Это въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, — отвѣтъ немедля, это — по полкамъ, это — по заставамъ...

Онъ совалъ пакеты въ руки курьерамъ.

— Духомъ, не медлить ни минуты.

— Ой, что-то будетъ, — со вздохомъ произнесъ Макшеевъ. — Когда-то Богъ приведетъ выспаться!

Шастуновъ улыбнулся.

Сынъ богатѣйшаго тульского дворянина Макшеевъ велъ широкій и безалаберный образъ жизни; карты, лошади, женщины наполняли его существованіе. Былъ онъ смѣль, честень и благородень, но слылъ въ офицерской компаніи забубенной головушкой. Вторую недѣлю Шастуновъ былъ въ полку и почти каждый день слышалъ, какъ Макшеевъ говорилъ:

— Когда-то Богъ приведетъ выспаться!

Но, видно, мечта юнаго прапорщика отходила все дальше.

Засѣданіе кончилось. Молодые офицеры вскочили съ мѣста и вытянулись, когда показались фигуры фельдмаршаловъ, а за ними и остальные члены верховнаго тайнаго совѣта, усталые, взволнованные и торжествующіе.

Фельдмаршалъ Василій Владимировичъ остановился около офицеровъ и своимъ отрывистымъ, рѣзкимъ голосомъ коротко приказалъ:

— Вы оба, въ ночь, ѣдете съ княземъ Василь Лукичемъ въ Митаву. Въ одиннадцать часовъ у Яузской заставы. Ни звука объ этомъ никому. Тутъ ваша судьба, ваши головы и... Вы поняли, — ни звука! — сурово добавилъ онъ, проходя дальше.

— Въ одиннадцать часовъ у Яузской заставы, — повторилъ, не останавливаясь, князь Василій Лукичъ: — отдохните и соберитесь.

— Колдунъ, колдунъ, — пронеслось въ головѣ Шастунова. Онъ вспомнилъ слова Бриссака.

У него замерло сердце. А черные глаза!

Лицо Макшеева вытянулось.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день, — тихо проговорилъ онъ вслѣдъ верховникамъ. — Когда же выспаться! Ну, дѣлать нечего,

князь. Поѣдемъ въ Остерію. Уже девятый часъ, долго ли до одиннадцати. Ты, кстати, и живешь тамъ...

Но князь Шастуновъ отрицательно покачалъ головой.

— Мнѣ надо еще кое-кого спровѣдать,—возразилъ онъ.

Макшеевъ лукаво подмигнулъ ему.

— Ну, ладно,—сказалъ онъ:—однако ты, братъ, ловкій. Кажись, только десять дней въ Москвѣ, а ужъ... Ну, какъ знаешь. Я слетаю домой, а оттуда въ Остерію. Мимо дома, чай, не проѣдешь; значитъ, свидимся.

— Да, да, я заѣду домой,—разсѣянно отвѣтилъ Шастуновъ.

Они вышли вмѣстѣ.

Быль ясный морозный вечеръ. Охваченный разнородными чувствами, Арсеній Кирилловичъ ѣхалъ по улицамъ Москвы. Было пустынно. Послѣдніе дни Шастунову дѣйствительно казались сномъ. Странно, сказочно вдругъ сложилась его судьба. Онъ ѣхалъ въ Россію, готовый къ обычной карьерѣ знатнаго и богатаго гвардейца, и вдругъ сразу попалъ въ кипень событій, необычайныхъ для Россіи, событій, могущихъ повернуть самодержавную Русь на новый путь, свѣтлый и свободный, на тотъ путь, о которомъ уже смутно мечтала Франція, о чемъ говорилъ ему Сентъ-Круа.

Шастуновъ чувствовалъ гордость, что судьба сдѣлала его участникомъ великаго историческаго событія. Къ этому примѣшалось еще чувство любви. Любовь вспыхнула въ немъ внезапно. Первая любовь! Катанье, двѣ-три встрѣчи, взглядъ—и все было кончено для его сердца. Какое-то неизъяснимое очарованіе, какая-то непонятная власть притягивала всѣхъ къ Лопухиной, кто только приближался къ ней. Она обладала какими-то чарами, противъ которыхъ никто не могъ устоять. Кому удавалось протанцовать съ ней—уже считалъ себя счастливымъ.

— Она колдунья!—сказала про нее одинъ разъ цесаревна Елизавета послѣ одного придворнаго бала, не въ силахъ сдержать своей ревливой злобы.

И эта женщина, прекраснѣйшая изъ всѣхъ, имъ видѣнныхъ доселѣ, царица красоты, вдругъ обратила вниманіе на него, молодого, никому неизвѣстнаго офицера. Но онъ будетъ достоинъ ея! При новомъ правленіи, гдѣ не будетъ случайныхъ людей, гдѣ каждому широко будетъ открыто поприще славы, гдѣ можно выдвинуться не красивымъ лицомъ, не успѣхами на скользкихъ полахъ дворцовыхъ залъ, а истинными достоинствами, онъ сумѣетъ показать себя. Весь міръ открытъ передъ нимъ... И когда онъ добьется славы, могущества, власти—онъ возьметъ ее, эту гордую красавицу!..

Но мгновенными какое-то тайное ощущеніе, какъ печальное предчувствіе, шевелилось въ его душѣ. Въ ухахъ его словно раздавался голосъ Бриссака: «Избѣгайте сегодня встрѣчи... черные глаза... вы поѣдете въ Митаву...»

Ну, что жъ, это случайность, онъ заранѣе узналъ, что собирается въ Митаву посольство. Можетъ быть, онъ еще въ дорогѣ, не доѣзжая Москвы, получилъ эту вѣсть отъ Маньяна. Кто знаетъ, въ качествѣ кого онъ явился въ Россію?... А черные глаза... Мистификація... Онъ просто хотѣлъ пошутить... и притомъ изъ ста молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ о девяносто пяти можно было сказать приблизительно то же, безъ особой опасности ошибиться. Почти всякій мечталъ о чьихъ-нибудь глазахъ, и не сегодня, такъ завтра собирался на свиданіе...

И снова мысли о любви, счастья и славѣ наполнили душу молодого князя.

И съ этими мыслями, безъ робости и смущенія онъ вошелъ въ домъ Лопухиныхъ.

При его молодости онъ даже не остановился на мысли, что было странно и необычно посланное ему Лопухиной приглашеніе. Она коротко написала ему, что, можетъ быть, мужу по дѣламъ придется уѣхать, конечно, вмѣстѣ съ нею, въ Петербургъ, и передъ отъѣздомъ она хотѣла бы повидать его.

XII.

Лопухина приняла его въ той же маленькой гостиной, гдѣ наканунѣ принимала Левенвольде. Также горѣли свѣчи подъ красными шелковыми абажурами, наполняя гостиную краснымъ свѣтомъ. Также нѣжной лаской мерцали ея прекрасные глаза.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, дорогой князь,—начала она по-французски въ то время, какъ Арсеній Кирилловичъ цѣловалъ ея руку.—У меня такъ мало друзей, съ которыми я бы хотѣла повидаться передъ отъѣздомъ.

— Благодарю,—взволнованно отвѣтилъ князь:—вы не ошибаетесь. Если возможна дружба между мужчиной и женщиной—то я вашъ другъ.

Наталья Федоровна съ видимымъ удовольствіемъ глядѣла на своего молодого гостя. Его красивое, благородное лицо, его манеры, мужественная фигура, видимо, производили на нее впечатлѣніе.

Съ первой встрѣчи этотъ чистый юноша волновалъ ее. Она невольно сравнивала съ нимъ Рейнгольда—такого уже опытного, такъ много пережившаго. А она сама...

— Сядьте здѣсь, около меня,—съ легкимъ дрожаньемъ въ голосѣ произнесла она, указывая на табуретъ, гдѣ наканунѣ сидѣлъ Левенвольде.—Скажите, вы очень устали, вы не спали ночь? Вы, должно быть, сердитесь на меня?

— Нѣтъ, сударыня,—серьезно отвѣтилъ Шастуновъ:—я глубоко благодаренъ вамъ за то, что вы вспомнили обо мнѣ. Долгъ

передь отечествомъ не можетъ быть въ тягость, а видѣть васъ, видѣть васъ...—онъ взволнованно замолчалъ.

— А видѣть меня?—тихо спросила Лопухина, низко склоняясь къ нему.

Ароматъ ея духовъ охватилъ Шастунова. Пышныя кольца ея волосъ слегка коснулись его щеки.

— А видѣть васъ,—глухо произнесъ онъ,—награда, которой я еще не заслужилъ.

Онъ порывисто схватилъ ея руки.

— Тсс!—произнесла она, освобождая руки:—вы завоюете себѣ всѣ награды... со временемъ.

И ея взглядъ обжегъ Шастунова.

— Расскажите лучше пока, что происходитъ?—вкрадчивымъ голосомъ продолжала она:—я живу, какъ въ тюрьмѣ. Мужъ вѣчно въ хлопотахъ, никто меня не навѣщаетъ. Я все одна и одна. Мужъ считаетъ меня слишкомъ глупой, чтобы серьезно говорить со мной. А между тѣмъ, какія событія, какія событія!

Она встала.

— Нѣтъ, клянусь вамъ, если бы всѣ женщины чувствовали, какъ я, мы пошли бы впереди васъ, мужчинъ. Пора положить этому конецъ. Развѣ мы, дѣйствительно, рабы? Развѣ мы не имѣемъ права голоса? Мы повиновались грубой женщинѣ съ ея фаворитами, мы повиновались выскочкѣ, пирожнику, мы повиновались ребенку съ его разнузданными любимцами! Намъ довольно этого! Но вѣдь я только женщина, и, можетъ быть, очень глупа,—упавшимъ голосомъ закончила она.

Шастуновъ съ восторгомъ смотрѣлъ на нее.

— Мужчины уже рѣшили это,—произнесъ онъ, вставая: слѣды тѣ, которые не посвящаютъ въ это женщинъ. Вы правы, мы намучились. Засыпая, мы не знаемъ, кѣмъ мы проснемся. Богъ сжалился надъ нами. Смерть отрока-императора раскрыла намъ ворота на иной свѣтлый путь. Герцогиня курляндская не можетъ не согласиться на кондиціи...

— О, да,—блѣднѣя произнесла Лопухина.

Взволнованный Шастуновъ продолжалъ:

— Да, мы веземъ сегодня къ ней эти кондиціи. Она должна согласиться, иначе ей не видать престола. Отнынѣ не можетъ она своей властью объявить гибельной войны или заключить постыдный миръ, не можетъ безъ суда, по своему произволу, никого карать или налагать подати и не привезетъ съ собой Бирена. А дальше, дальше мы увидимъ...

Князь вдругъ опомнился. Онъ выдалъ тайну. Онъ сказалъ все, что подъ страхомъ смертной казни не смѣлъ, не долженъ былъ говорить. И мгновенно черное облако воспоминанія о Бриссакѣ закрыло его душу.

Онъ взглянулъ на Лопухину. Она неподвижно стояла, прилонясь спиной къ шифоньеркѣ въ углу комнаты, и въ ея широко открытыхъ глазахъ выражался и восторгъ, и страданье, и что-то такое, отъ чего сладко заняло сердце Шастунова; такъ же мгновенно, какъ и появилось, исчезло воспоминаніе о Бриссакѣ.

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ.

— О, зачѣмъ вы это сказали!—тихо произнесла она, закрывая лицо руками.—Не надо этого, не надо!..

— Но вѣдь это только вамъ,—дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Арсеній Кирилловичъ:—не упрекайте меня. Это тайна, которую я выдалъ вамъ. Мы побѣдемъ сегодня въ одиннадцать часовъ съ княземъ Василиемъ Лукичемъ въ Митаву. Вы теперь все знаете!.. Я не смѣлъ этого говорить. Но я долженъ ѣхать сейчасъ, и я хочу, чтобы вы знали, какъ я люблю васъ! И если бы мнѣ сказали, что за одно мгновеніе вашей любви я заплачу головой, я бы за это мгновеніе радостно положилъ голову на плаху!.. Я люблю васъ... и завоюю васъ!..

Князь весь дрожалъ, голосъ его прерывался...

— И вы раздѣлите со мной мою судьбу!..

Она стояла неподвижно, не открывая лица. Онъ тихо подошелъ къ ней и взялъ ее за руки.

Съ тоской и мольбою взглянула она на него.

— Не надо было говорить,—произнесла она едва слышно, тихо склоняясь головой къ нему на грудь.

— Наташа!—воскликнулъ онъ, покрывая поцѣлуями ея мягкіе волосы, шею, лицо...

— Оставь,—слабо шептала она:—оставь, я дурная, я...

Но онъ прижался губами къ ея губамъ...

Далеко, въ туманѣ исчезалъ и расплывался образъ Рейнгольда.

Ахъ, зачѣмъ не понялъ онъ ея послѣдняго взгляда! Зачѣмъ искушалъ ее!.. Анна, самодержавіе, не все ли равно!..

Прекрасное, вдохновенное лицо юноши, говорившаго о любви и свободѣ, заслоняло весь міръ...

Послѣдняя мысль: «предательница»...—вспыхнула и погасла подъ его жадными, молодыми поцѣлуями...

Гордый и счастливый, не помня себя отъ счастья и восторга, возвращался Шастуновъ домой, чтобы, наскоро захвативъ несложный багажъ, летѣть къ Яузскимъ воротамъ, казавшимся ему воротами счастья.

«Lasciate ogni speranza!»

Но на воротахъ не было этой роковой надписи...

И въ то время, какъ онъ, счастливый, какъ только можетъ быть счастливъ двадцатилѣтній юноша, впервые познавшій восторгъ

любви, сплѣшилъ къ невѣдомой судьбѣ,—она, его первая любовь, знаменитая красавица, чей одинъ взглядъ дѣлалъ людей счастливыми, словно раненая на смерть, металась по своей красной го-стиной.

Ломая прекрасныя руки, съ распущенными волосами она бѣгала по комнатѣ, громко повторяя: предательница, предательница!

Время шло. Она все узнала, что было надо. Она понимала, какое огромное значеніе имѣло это тайное посольство. Знала, что судьба ея самой, ея сына, мужа, Рейнгольда и многихъ другихъ, связанныхъ съ ней узами родства и дружбы, зависѣла отъ исхода начавшейся игры.

Отъ нея ждутъ... Она должна... О, если бы она была свободна! Она пошла бы сейчасъ за нимъ. Ея страстной, измѣнчивой, чисто женской природѣ были свойственны такія безумныя увлеченія и порывы. Ихъ много было въ ея жизни, и всѣ они были искренни, глубоки, хотя кратковременны.

Она чувствовала, что во имя спасенія близкихъ она должна предупредить ихъ, но въ ея мятежную душу, какъ отравленная стрѣла, впивалась мысль, что этимъ она погубитъ этого юношу, съ такой беззавѣтностью положившаго къ ея ногамъ свою честь и жизнь, что эта прекрасная голова, только что покоившаяся на ея груди, можетъ лечь на плаху.

— Зачѣмъ! Зачѣмъ!—твердила она, ломая руки.

Сдержанный и осторожный графъ Рейнгольдъ, тоже присутствовавшій утромъ въ кремлевскомъ дворцѣ, сумѣлъ узнать черезъ графа Ягужинскаго общія свѣдѣнія о кондиціяхъ. Къ тому времени и самъ Ягужинскій еще не успѣлъ узнать всѣхъ подробностей, такъ какъ уѣхалъ домой, не дождавшись окончанія совѣщанія верховниковъ, рассчитывая узнать подробности нѣсколько позднѣе у графа Головкина.

Онъ окончательно былъ взбѣшенъ. Онъ успѣлъ узнать, что въ число членовъ верховнаго тайнаго совѣта были избраны оба фельд-маршала, Долгорукій и Голицынъ, а онъ вновь обойденъ. Верховники нажили себѣ смертельнаго врага.

Такъ какъ содержаніе кондицій было приблизительно извѣстно Рейнгольду, онъ на всякій случай уже заготовилъ письмо къ своему лифляндскому брату Густаву. Но онъ не зналъ ничего ни о посольствѣ, ни о томъ, что эти кондиціи посольство везло къ герцогинѣ, ни о рѣшеніи верховниковъ взять назадъ избраніе, если герцогиня не согласится подписать ихъ.

Однако Рейнгольдъ оставался во дворцѣ до конца и видѣлъ, что князь Шастуновъ направился къ Арбату, гдѣ стоялъ дворецъ

Лопухиныхъ. Удостоверившись въ томъ, что молодой князь отира-
вился къ Лопухиной на приглашеніе, написанное ею по его совѣту,
тайкомъ отъ мужа, бывшій курляндскій резидентъ рѣшилъ, что у
него есть еще время, и, не ощущая никакой ревности, спокойно от-
правился домой пообѣдать, или, лучше сказать, поужинать.

Онъ вѣрно рассчиталъ время. Когда онъ, подкрѣпившись, при-
шелъ къ Лопухиной, князя уже не было.

Онъ засталъ Наталью Федоровну уже овладѣвшей собой. Она
была спокойна, только чрезвычайно блѣдна, и въ ея глазахъ Рейн-
гольдъ не увидѣлъ обычнаго привѣта любви. Впрочемъ, теперь
онъ этимъ совершенно не интересовался. Теперь онъ былъ тѣмъ,
то есть казался тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, сухимъ, трусли-
вымъ и себялюбивымъ придворнымъ, боящимся за свою даль-
нѣйшую дворцовую карьеру.

— Ну, что?—было его первымъ вопросомъ, когда онъ разсѣянно
поцѣловалъ руку Натальи Федоровны.

— Я боюсь, милый Рейнгольдъ,—слегка насмѣшливо отозва-
лась Лопухина:—что вы опоздаете...

На лицѣ Рейнгольда отразился ужасъ.

— Опоздаю? Я? Какъ?—растерянно произнесъ онъ.

— Сегодня, въ одиннадцать часовъ, князь Василій Лукичъ
везетъ въ Митаву кондиціи для подписи новой императрицѣ,—хо-
лодно сказала Лопухина.—А мой дворецкій сейчасъ сообщилъ
мнѣ, что на всѣхъ улицахъ, ведущихъ къ заставамъ, поставлены
рогатки и стоятъ караулы.

И хотя Лопухина знала, что неудача Рейнгольда есть ея собствен-
ная неудача, она съ непослѣдовательностью женщины глядѣла
съ нескрываемымъ злорадствомъ на его растерянное, блѣдное
лицо.

Онъ, казалось, сразу не понялъ ея словъ.

— Но, вѣдь, мы тогда погибли!—воскликнулъ онъ на-
конецъ.

— Я думаю,—спокойно и холодно продолжала Лопухина:—что
надо просто ждать дальнѣйшихъ событій...

— Вы съ ума сошли!—горячо воскликнулъ Рейнгольдъ.

— Должно быть,—съ загадочной улыбкой произнесла она.

— Кондиціи мнѣ отчасти извѣстны,—медленно и задумчиво
началъ Рейнгольдъ.—Вы знаете еще что-нибудь?—спросилъ онъ.

— Кондиціи лишаютъ новую императрицу всякой власти, и
если она ихъ не подпишетъ, то ее не пустятъ въ Москву,—словно
съ злобной радостью говорила Лопухина.—Еще я знаю, что пріятеля
вашего брата, этого берейтора или конюшеннаго офицера,—не знаю
точно, кто онъ,—Бирена, вообще ни въ какомъ случаѣ не пустятъ
въ Россію. Онъ можетъ оставаться въ Митавѣ при конюшняхъ ея
высочества.

Рейнгольдъ поблѣднѣлъ еще больше. Какъ ни былъ онъ озаченъ своимъ положеніемъ, отъ него не ускользнулъ странный топъ Лопухиной. Въ его глазахъ сверкнулъ ревнивый огонекъ.

— Однако,—съ раздраженіемъ произнесъ онъ,—вы словно рады.

Но его ревнивое раздраженіе происходило не отъ чувства любви, а отъ опасенія, что, благодаря чуждому вліянію, изъ его рукъ ускользаетъ сильная, ловкая, послушная союзница.

— Я рада?—съ разстановкой произнесла Лопухина,—я рада? Чему? Ахъ,—добавила она порывисто,—оставьте вы меня въ покоѣ съ этими интригами! Какое, въ концѣ концовъ, мнѣ дѣло до всего этого. Вы, мужчины, справляйтесь сами, какъ знаете!.. Какую роль вы готовите мнѣ, Рейнгольдъ, и что я значу для васъ!

Она гнѣвно встала съ загорѣвшимися глазами.

— Еще вчера вы мечтали, что я могу сдѣлаться любовницей императора! Нѣтъ, нѣтъ, не отрицайте этого,—почти закричала она, замѣтя его протестующій жестъ.—О, я знаю васъ, вы были бы счастливы, если бы случилось это... А теперь, чего хотите вы отъ меня? Чтобы я за нужныя вамъ тайны продавала свою красоту!.. Довольно, довольно! Рейнгольдъ! я устала, я не хочу больше ничего слушать. Справляйтесь самъ, какъ знаете.

Ошеломленный сперва, Рейнгольдъ мало-по-малу приходилъ въ себя. Онъ уже привыкъ къ гнѣбнымъ вспышкамъ и неожиданнымъ капризамъ своей своенравной любовницы, но былъ твердо увѣренъ въ своей власти надъ ней.

Теперь же, занятый исключительно мыслью о своемъ положеніи, онъ мало вникалъ въ сущность ея словъ.

— Вы не знаете, гдѣ они выѣдутъ?—спросилъ онъ.

— Черезъ Яузскую заставу,—быстро, невольно отвѣтила Лопухина, и сейчасъ же крикнула:—я устала, устала, понимаете вы это!

— Въ одиннадцать часовъ, черезъ Яузскую заставу,—вставал, проговорилъ Рейнгольдъ:—я теперь знаю все, что мнѣ нужно. Я бѣгу. А вы, дорогая, постарайтесь успокоиться. Завтра мы будемъ въ лучшемъ настроеніи, не правда ли?—закончилъ онъ, стараясь придать нѣжность своему голосу.

Она молча протянула ему руку. Онъ нѣжно и почтительно поцѣловалъ ее и поспѣшно вышелъ...

Долго неподвижнымъ загадочнымъ взоромъ она смотрѣла ему вслѣдъ.

Когда глубокой ночью Степанъ Васильевичъ вернулся домой со своего дежурства у праха императора, онъ засталъ ее тихо сидящей въ дѣтской надъ кроваткой своего шестилѣтняго сына Иванушки, ставшаго тринадцать лѣтъ спустя ея невольнымъ палачомъ.

Глаза ея были полны слезъ.

XIII.

Не прошло и часа съ отвѣзда завѣдывающего почтами Палибина и курьеровъ по полкамъ съ приказаніями верховнаго тайнаго совѣта, какъ уже отъ полковъ Вятскаго, Копорскаго [и Бутырскаго одинъ за другимъ выходили небольшіе отряды подъ командой унтеръ-офицеровъ и становились постами на всѣхъ улицахъ, ведущихъ къ заставамъ. Остальные солдаты были сгнѣнно посажены у заставъ на пароконныя сани и отправлены по всѣмъ трактамъ, такъ какъ по приказу верховнаго совѣта Москва должна была быть оцѣплена со всѣхъ сторонъ на разстояніи тридцати верстъ.

Начальникамъ постовъ было отдано распоряженіе пропускать изъ Москвы только лицъ, снабженныхъ паспортами отъ верховнаго совѣта.

Въ Ямской приказъ немедленно было передано Палибинымъ приказаніе задержать всю почту и никому не выдавать ни лошадей, ни подорожныхъ. По всѣмъ ямщицкимъ дворамъ, «ямамъ», было разослано запрещеніе сдавать лошадей.

Былъ небольшой морозъ, но дулъ сильный пронзительный вѣтеръ. Небо было покрыто облаками.

У Яузской заставы, близъ маленькой караулки расположился пикетъ въ четыре человѣка съ унтеръ-офицеромъ Копорскаго полка. Солдаты по очереди ходили грѣться въ караулку. На трактѣ безсгнѣнно оставались двое. На краю дороги былъ разложенъ небольшой костеръ, у котораго они грѣлись.

Захвативъ подъ мышки тяжелыя ружья, засунувъ руки въ рукава своихъ легкихъ кафтановъ, въ валенкахъ, солдаты угрюмо переминались съ ноги на ногу.

Вдругъ изъ темноты, въ кругѣ свѣта, бросаемаго костромъ, появилась фигура человѣка.

— Стой, кто идетъ?—послышался голосъ солдата.

Суроваго вида старый солдатъ, взявъ ружье на изготовку, сталъ передъ костромъ.

Въ отвѣтъ ему раздался старческій кашель, и дребезжащій голосъ отвѣтилъ:

— Спаси Господи, милостивецъ. Пропусти, родненькій.

Передъ солдатомъ стоялъ согрбленный маленькій старичокъ съ длинной палкой въ рукахъ, на которую онъ тяжело опирался.

— Пропусти, родненькій, — кашляя продолжалъ старикъ: — только бы до деревни добраться.

Старый солдатъ стоялъ въ недоумѣніи. Былъ приказъ не пропускать подводу, а насчетъ пѣшихъ крестьянъ ничего не сказано.

На старикѣ были рваный, холодный зипунишко. Голову его обматывали какія-то тряпки. Онъ ежился отъ холода и жалобно повторялъ:

— Пусти, Христа ради, внучата ждуть. Дочь больная...

— Позови-ка, Митяй, унтера,—произнесъ солдатъ, обращаясь къ товарищу.

Митяй скрылся въ караулкѣ.

Черезъ минуту появился еще молодой, бравый унтеръ.

— Что?—строго спросилъ онъ, оглядывая подозрительнымъ взглядомъ старика.

Старый солдатъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

— Ты откуда, дѣдушка?—спросилъ унтеръ.

— Изъ Черной Грязи, милостивецъ,—отвѣтилъ, кланяясь, старикъ.

— Что жъ недобрая понесла тебя такъ поздно?—продолжалъ унтеръ.

— По добрымъ людямъ ходилъ, милостивецъ,—отвѣтилъ старикъ:—дома, чай, ѣсть нечего, зять-отъ померъ. Дочь занедужилась... Внучата махонькіе... о какіе!—и старецъ показалъ на аршинъ отъ земли.

Унтеръ стоялъ въ недоумѣніи.

— Такъ ты говоришь—изъ Черной Грязи?—спросилъ онъ.

— Такъ, такъ, милостивецъ,—отвѣтилъ старикъ,—верста отъ Черной Грязи, чай, знаешь, деревня Кузькина.

— Ишь какъ,—проговорилъ унтеръ, почесывая затылокъ.

— Не побрезгай, милостивецъ,—произнесъ старикъ, подвигаясь къ унтеру, и протянулъ ему руку. Въ ней звякнули монеты.

— Ну, ну, дѣдушка,—оттолкнулъ его руку унтеръ, сразу вдругъ почувствовавшій довѣріе къ старику,—можетъ, обогрѣться хочешь?

— Какой тамъ, милостивецъ, добреду, ждуть-отъ меня,—отвѣтилъ старикъ.

— Ну, ладно, ползи себѣ,—махнулъ рукой унтеръ.

— Спасибо, спасибо, милостивецъ, такъ я пойду,—закашлявшись, произнесъ старикъ.

— Съ Богомъ!

Старикъ перекрестился, поклонился и, тяжело опираясь на палку, двинулся дальше.

Скоро онъ исчезъ въ темнотѣ.

Красной точкой сверкалъ вдали огонекъ костра. Старикъ выпрямился, подтянулся, и легкимъ, быстрымъ шагомъ, шагомъ скорохода, продолжалъ свой путь. Онъ осторожно нащупалъ за пазухой пакетъ и глубоко, съ облегченіемъ вздохнулъ. Онъ шелъ легкимъ, эластичнымъ шагомъ, такъ скоро, какъ бѣжитъ рысдой крестьянская лошадка.

Не доходя версты шести до Черной Грязи, онъ свернулъ въ сторону, по направленію къ селу Черкизову, откуда былъ объѣздной путь помимо тракта, минуя Черную Грязь...

Не прошло и получаса послѣ его прохода, какъ въ Яузскія ворота влетѣла, гремя бубенцами, тройка, запряженная сытыми, рѣзвыми конями. Въ тройкѣ сидѣлъ человекъ, закутавшійся въ лисью шубу. Рядомъ съ ямщикомъ на облучкѣ сидѣлъ, видимо, слуга.

— Стой,—преградили ему путь солдаты.

Лихой ямщикъ разомъ осадилъ тройку.

На дорогу выскочилъ унтеръ.

— Кто ѣдетъ?—спросилъ онъ, выстраивая солдатъ поперекъ дороги.

— Отъ верховнаго тайнаго совѣта,—отвѣтилъ незнакомецъ, вынимая изъ кармана бумаги...—Только скорѣй, за мной ѣдутъ, я курьеръ. Не задерживайте меня.

Съ бумагами въ рукахъ вошелъ унтеръ въ караулку.

Хотя онъ и умѣлъ читать, ни ни слова не могъ разобрать изъ написаннаго. Однако онъ увидѣлъ привѣщенную печать съ двухглавымъ орломъ и смутился.

— Ну, ладно,—подумалъ унтеръ,—въ Черной Грязи—ямской станъ, тамъ разберуть...

Инструкціи, данныя ему изъ полка, были не точны и неопредѣленны. Верховный тайный совѣтъ вмѣсто того, чтобы категорически распорядиться никого не пропускать военнымъ постамъ и представлять всѣхъ, стремящихся проѣхать, въ ближайшій почтовый пунктъ, предписалъ военнымъ постамъ пропускать всѣхъ съ паспортомъ верховнаго тайнаго совѣта. Конечно, хотя выбрали въ начальники постовъ исключительно грамотныхъ унтеровъ и сержантовъ, но они не могли и не умѣли отличить паспорта тайнаго совѣта отъ простой бумажонки съ нацѣпленной на ней печатью.

Унтеръ пропустилъ незнакомца.

Когда вдали замеръ звонъ бубенчиковъ, онъ недоумѣнно развелъ руками,—разберись-де тутъ, кого пропускать.

Онъ вошелъ въ караулку, и отъ недоумѣнья, чтобы разсѣяться, хватилъ стаканчикъ водки.

На душѣ его полегчало. Съ нимъ сидѣлъ за столомъ старый солдатъ, смѣнившійся съ поста, и они, попивая водку, вели дружественную бесѣду.

— Экая проклятая служба,—говорилъ унтеръ,—того и гляди, гдѣ въ казематѣ сгноять. Гвардіи что? Имъ бы золотые галуны да парады. Всѣ перекинулись въ гвардію... А мы при чемъ? Такъ ли, Аѳанасій?

— Вѣрно,—подтвердилъ старый Аѳанасій:—мерзни тутъ, а что толку? Былъ я съ Петромъ Алексѣичемъ въ Прутскомъ походѣ.

Что жь думаешь, такого отца родного не сыщешь... А нынѣ смотри, послѣдніе люди стали... И понять не можно,—продолжалъ Аѳанасій,—развѣ не едино, что гвардія, что армія? Всѣмъ помирать придется. Коли что, война али что другое, равно умираемъ... Не по-божески это...

Звонъ бубенцовъ, стукъ копытъ и крики прервали ихъ разговоръ.

Они торопливо выбѣжали на трактъ. По тракту неся цѣлый поѣздъ. Впереди скакали верхами два вахмистра. За ними неслись тройки.

Вахмистры осадили у караулки коней, и за ними остановился длинный рядъ троекъ и пароконныхъ саней.

Молодой офицеръ въ формѣ лейбъ-регимента выскочилъ изъ задней тройки и подбѣжалъ къ караулкѣ.

Увидя унтера, онъ закричалъ:

— Вотъ пропускъ. Сами господа члены верховнаго тайнаго совѣта ѣдутъ. Вели своей командѣ пропустить.

Въ первой тройкѣ, кутаясь въ шубы, сидѣли Василій Лукичъ, младшій братъ фельдмаршала, сенаторъ Михаилъ Михайловичъ Голицынъ и предложенный графомъ Головкинымъ третій депутатъ, генералъ Михаилъ Ивановичъ Леонтьевъ.

Въ слѣдующей тройкѣ сидѣли князь Шастуновъ, Макшеевъ и молодой гвардейскій капитанъ Ѳедоръ Никитичъ Дивинскій. За ними слѣдовали пароконныя подводы съ багажомъ, нижними чинами и курьерами. Василій Лукичъ, въ видѣ караула, взялъ съ собой десять человекъ нижнихъ чиновъ. Въ числѣ челяди находился и шастуновскій Васька...

При видѣ такого торжественнаго выѣзда у унтера не могло уже явиться ни малѣйшаго сомнѣнія, и, скомандовавъ «смирно», онъ пропустилъ посольство.

Весело, словно торжествующе звеня бубенцами, помчались дальше тройки...

— Ахъ я,—выругался унтеръ:—я и не спросилъ про курьера. Ну, да ладно, тамъ въ Черной Грязи разберуть... Эхъ-ма, пойдемъ, Аѳанасій.

И они вернулись къ прерванной бесѣдѣ и недопитой водкѣ.

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

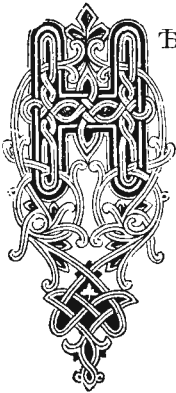

БЫЛЬ МИНУВШАГО ¹⁾

II.

Жизнь семьи Мертваго послѣ Пугачевского бунта.—Два сына Мартыновы, убитые Пугачевымъ.—Дочь въ плѣну.—Происхожденіе рода Мартыповыхъ.—Дмитрій Борисовичъ Мертваго.—Начало сознательной его жизни.—Дружба съ семьями Зубовыхъ и Аксаковыхъ.—Дмитрій Борисовичъ—крестный отецъ Сергѣя Тимоѣевича Аксакова.—Страницы изъ «Семейной хроники» С. Т. Аксакова—описаніе дней, проведенныхъ имъ въ Старой Мергвощинѣ.—Дальнѣйшая характеристика Дмитрія Борисовича Мертваго.—Дружба съ Державинымъ.—Переходъ на службу въ Петербургъ.—Рука Провидѣнія держитъ его вдали отъ надвигающихся событій.—Желаніе оставить службу.—Повѣдка къ матери.—Письмо Державина и назначеніе въ Крымъ для изслѣдованія соляного дѣла.—Просьба дворянъ о назначеніи его таврическимъ губернаторомъ.—Женитьба на В. М. Полторацкой.—Родъ Полторацкихъ и многочисленное потомство Марка Ѳеодоровича Полторацкаго.—Что пишетъ Дмитрій Борисовичъ о своей женитьбѣ.

ВЪСКОЛЬКО мѣсяцевъ спустя послѣ усмиренія Пугачевского бунта, мать дѣдушки, прабабка моя Марія Михайловна Мертваго, стала приходиться въ себя, поѣхала съ семьей своей къ отцу своему, Михаилу Ильичу Мартынову, жившему въ то время въ родовомъ своемъ помѣстьѣ, селѣ Липягахъ Пензенскаго уѣзда. Не для успокоенія ѣхала несчастная дочь къ своему отцу, горе царило повсюду, и среди многихъ благочестивыхъ дворянскихъ семей нашествіе этого изверга рода человѣческаго было воспринято какъ воля Божія, какъ стихійное бѣдствіе, которому люди ни въ чемъ неповинные должны подчиниться. Два брата Мартыновы, Николай и Савва, были убиты Пугачевымъ, а сестра ихъ, Дарья Михайловна, попала

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХІ, стр. 32.

къ нему въ плѣнъ. Она была отбита отрядомъ подъ командой Николая Васильевича Новикова. Освободивъ дѣвушку, Новиковъ влюбился въ нее, и Дарья Михайловна была насильно выдана за него замужъ, по настоянію мачехи. Будучи въ плѣну, она дала обѣтъ посвятить себя Богу и послѣ смерти мужа Дарья Михайловна поступаетъ въ Пензѣ въ Троицкій монастырь, а впоследствии дѣлается очень извѣстною игуменьею въ Нижегородскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, гдѣ созидаетъ огромное дѣло. Родственникъ ея, Вигель, въ своихъ запискахъ говоритъ: «Мать Доросея была въ монастырѣ царицей, когда поль-Москвы отъ непріятеля бѣжало къ ней въ Нижній; всѣ барыни искали ея знакомства, и она надѣляла всѣхъ христіанскимъ утѣшеніемъ».

Дмитрій Борисовичъ Мертваго.

Родъ Мартыновыхъ восходитъ къ XV столѣтію. Предокъ ихъ выѣхалъ изъ Польши въ Россію къ великому князю Василю Васильевичу Темному въ 1460 году. Мартыновы внесены въ VI часть родословной дворянской книги Тамбовской, Пензенской, Харьковской и другихъ губерній.

Пробывъ зиму у отца, Марія Михайловна Мертваго возвращается въ Алатырь и покупаетъ домъ, гдѣ поселяется съ своей семьей. Ей трудно было вернуться въ разоренное гнѣздо, на могилу повѣшеннаго страдальца-мужа, и многіе близкіе ей люди, родные, сосѣди, поселяются въ городѣ, покупаютъ дома, и составляется пріятное и дружное общество, и, какъ говоритъ ея сынъ, Дмитрій Борисовичъ, «несчастье всегда уничтожаетъ гордость и склоняетъ сердца къ снисхожденію и единомыслію».

Дѣдъ мой Дмитрій Борисовичъ Мертваго родился 5-го августа 1760 года. 14-ти лѣтъ отъ роду, а именно въ 1774 году онъ спалъ семью свою отъ Пугачева. Въ 1775 году онъ былъ записанъ унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и 19-ти лѣтъ вступилъ въ службу сержантомъ. Въ тѣ времена все это казалось естественнымъ для дворянъ, и дѣдъ мой, какъ самородокъ чутья нравственнаго и природнаго ума, съ нѣкоторымъ юморомъ передаетъ о цѣломъ рядѣ ничуть не заслуженныхъ имъ милостей и льготъ. По совѣту покровителей своихъ, онъ оставляетъ военную службу и переходитъ въ гражданскую. Его назначаютъ, 22-хъ лѣтъ, прокуроромъ въ оренбургскую верховную расправу, съ чиномъ, этому званію присвоеннымъ. Это не мѣшало ему все свое время проводить праздно, и, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ запискахъ, онъ ничему не научился, ничего не зналъ, что касалось этой должности. Находясь постоянно въ обществѣ своихъ начальниковъ, былъ любимъ ими и не только терпимъ на службѣ, но даже и уважаемъ, что впоследствии, когда онъ сдѣлался съ годами здравымъ критикомъ своихъ дѣйствій, возмущало его до глубины души.

Въ 1787 году онъ переводится въ Уфу совѣтникомъ намѣстническаго управленія. Въ то время товарищемъ намѣстника былъ Николай Ѳедоровичъ Зубовъ, отецъ Маріи Николаевны Аксаковой, или, какъ называетъ ее сынъ въ «Семейной Хроникѣ», Софіи Николаевны Багровой. Дѣдъ мой былъ другомъ и постояннымъ посѣтителемъ семьи Зубовыхъ и Аксаковыхъ, а впоследствии крестилъ ихъ сына, Сергѣя Тимоѣевича Аксакова, автора «Семейной Хроники», этого художественнаго произведенія, котораго по изложенію и яркости образовъ будетъ, несомнѣнно, представлять собою вѣчный интересъ въ исторіи русской жизни.

Казалось, мало было образованныхъ дворянъ, живущихъ въ глухихъ углахъ Россіи, между тѣмъ сколько было среди нихъ людей, выдающихся природнымъ умомъ, непоколебимой вѣрой, стойкостью характеровъ. Люди эти не носили въ себѣ европейской культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ они-то и были созидателями русской земли. Возьмемъ, какъ примѣръ, Сергѣя Михайловича Аксакова, «дѣдушку Багрова». Рядомъ съ дикою вспыльчивостью сколько было здраваго смысла у этого человѣка. Чутьемъ понималъ онъ, что дочь товарища намѣстника, ученая, бойкая горожанка, «вчерашняя дворянка», какъ онъ ее называлъ, не пара сыну его Тимоѣю, «надо рубить дерево по себѣ», говоритъ Сергѣй Михайловичъ, «мы поищемъ тебѣ какую-нибудь смиренъскую, тихонькую, деревенскую, родовую дворяночку». И рядомъ съ этимъ, когда свадьба уже состоялась, и онъ узналъ близко Марію Николаевну, съ какой быстротой и тонкостью онъ сумѣлъ ее понять и примѣниться къ ней. Какъ этотъ нетронутый матеріалъ его души сразу от-

кликнулся на зовъ воспитанной въ другихъ понятіяхъ и средѣ женщины!

Среди яркихъ описаній «Семейной Хроники» Аксакова часто появляется семья Мертваго. Сергѣй Михайловичъ очень уважалъ прабабушку мою Марію Михайловну. Она вообще пользовалась необыкновеннымъ уваженіемъ отъ всѣхъ своихъ сосѣдей и всѣхъ знакомыхъ, считалась женщиной великаго и политичнаго ума.

Впослѣдствіи, когда семья Мертваго проводила зиму въ Уфѣ, дочь Маріи Михайловны, Екатерина Борисовна, сблизилась съ Маріей Николаевной Зубовой. Въ «Семейной Хроникѣ» Сергѣя Тимсеевича Аксакова мы часто встрѣчаемъ ихъ вмѣстѣ, обѣихъ замужемъ. Екатерина Борисовна выходитъ за Петра Ивановича Чичагова, а Марія Николаевна за Аксакова. Авторъ «Семейной Хроники» рисуетъ намъ отношенія семей Мертваго и Аксаковыхъ въ главѣ подъ названіемъ «Пріѣздъ на постоянное житіе въ Багрово».

«Уже весьма поздно осенью отпавились мы въ Старую Мертовицу къ Чичаговымъ. Сестрица съ маленькимъ братцомъ остались у бабушки; отецъ только проводилъ насъ и на другой же день воротился въ Багрово къ своимъ хозяйственнымъ дѣламъ. Я зналъ все это напередъ и боялся, что мнѣ будетъ скучно въ гостяхъ; даже на всякій случай взялъ съ собою книжки, читанныя мною уже не одинъ разъ. Но на дѣлѣ вышло, что мнѣ не было скучно. Когда моя мать уходила въ комнату Чичаговой, старушка Мертваго сажала меня подлѣ себя и разговаривала со мной по дѣлымъ часамъ. Она умѣла такъ спрашивать и особенно такъ рассказывать, что мнѣ было очень весело ее слушать. Она въ своей жизни много видѣла, много вытерпѣла, и ея рассказы были любопытнѣе книжекъ. Тутъ я получилъ въ первый разъ настоящее понятіе о «Пугачевщинѣ», о которой прежде только слыхалъ мимоходомъ. Бѣдная Марія Михайловна съ своимъ семействомъ жестоко пострадала въ это страшное время и лишилась своего мужа, котораго бунтовщики убили. У старушки Мертваго я сидѣлъ обыкновенно по утрамъ, а послѣ обѣда бралъ меня къ себѣ въ кабинетъ Петръ Ивановичъ Чичаговъ. Онъ былъ и живописецъ и архитекторъ: самъ построилъ церковь для своей тещи Маріи Михайловны въ саду, близехонько отъ дома и самъ писалъ всѣ образа. Тутъ я узналъ въ первый разъ, что такое математическій инструментъ, что такое палитра и масляныя краски и какъ ими рисуютъ. Мнѣ особенно нравилось черченье, въ чемъ Чичаговъ былъ искусенъ, и я долго бредилъ циркулемъ и рейсфедеромъ. Обладаніе такими сокровищами казалось мнѣ необыкновеннымъ счастьемъ. Вдобавокъ ко всему Петръ Ивановичъ далъ мнѣ почитать «Тысячу и одну ночь», арабскія сказки. Шехеразада свела меня съ ума. Я не могъ оторваться отъ книжки, и добрый хозяинъ подарилъ мнѣ два тома этихъ волшебныхъ сказокъ: у него только ихъ и было. Мать сначала сомнѣвалась, не

вредно ли будетъ мнѣ это чтеніе. Она говорила Чичагову, что у меня и безъ того слишкомъ горячее воображеніе и что послѣ волшебныхъ сказокъ Шехеразеды я стану бредить наяву, но Петръ Иванычъ какъ-то умѣлъ убѣдить мою мать, что чтеніе «Тысячи и одной ночи» не будетъ мнѣ вредно. Я не понималъ его доказательствъ, но вѣрилъ въ ихъ справедливость и очень обрадовался согласію матери. Кажется, еще ни одна книга не возбуждала во мнѣ такого участія и любопытства! Покуда мы жили въ Мертовщинѣ, я читалъ рассказы Шехеразеды урывками, но съ полнымъ самозабвеніемъ. Прибѣгу, бывало, въ ту отдѣльную комнату, въ которой мы съ матерью спали, разверну Шехеразеду, такъ чтобы только прочесть страничку, — и забудусь совершенно. Одинъ разъ, замѣтивъ, что меня нѣтъ, мать отыскала меня, читающаго съ такимъ увлеченіемъ, что я не слыхалъ, какъ она приходила въ комнату и какъ ушла потомъ. Она привела съ собой Чичагова, и я долго не замѣчалъ ихъ присутствія, не слышалъ и не видѣлъ ничего: только хохотъ Петра Иваныча заставилъ меня опомниться. Мать воспользовалась очевидностью доказательства и сказала: «Вотъ видите, Петръ Иванычъ, какъ онъ способенъ увлекаться, и вотъ почему я считаю вреднымъ для него чтеніе волшебныхъ сказокъ». Петръ Иванычъ только смѣялся и говорилъ, что это ничего, что это такъ быть должно, что это прекрасно! Я очень перепугался. Я не думалъ, чтобы послѣ такой улики въ способности увлекаться до безумія мать въ другой разъ уступила Чичагову; слава Богу, все обошлось благополучно. Мать оставила у меня книги, но запретила мнѣ и смотрѣть ихъ, покуда мы будемъ жить въ Мертовщинѣ. Опасаясь худшихъ послѣдствій, я, хотя неохотно, повиновался и въ послѣдніе дни нашего пребыванія у Чичаговыхъ еще съ большимъ вниманіемъ слушалъ рассказы старушки Мертваго, еще съ большимъ любопытствомъ разспрашивалъ Петра Иваныча, который все на свѣтѣ зналъ, читалъ, видѣлъ и самъ умѣлъ дѣлать; въ дополненіе къ этому онъ былъ очень веселъ и словоохотенъ. Удивленіе мое къ этому человѣку, необыкновенному по уму и дарованіямъ, росло съ каждымъ днемъ.

«Въ Мертовщинѣ былъ еще человѣкъ, возбуждавшій мое любопытство, смѣшанное со страхомъ: это былъ сынъ Маріи Михайловны, Иванъ Борисычъ, человѣкъ молодой, но уже нѣсколько лѣтъ сошедшій съ ума. Мать ни за что не хотѣла стѣснить его свободу: онъ жилъ въ особомъ флигелѣ съ приставленнымъ къ нему слугою, ходилъ гулять по полямъ и лѣсамъ и приходилъ въ домъ, гдѣ жила Марія Михайловна, во всякое время, когда ему было угодно, даже ночью. Я видѣлъ это каждый разъ раза по два и по три, но издали. Одинъ разъ, когда мы всѣ сидѣли въ гостиной, вдругъ вошелъ Иванъ Борисычъ, небритый, нечесаный, очень странно одѣтый; бормоча себѣ подъ носъ какія-то русскія и французскія слова,

кусая ногти, безпрестанно кланяясь на бокъ, поцѣловаль онъ руку у своей матери, взявъ ломберный столъ, поставилъ его посреди комнаты, раскрылъ, досталъ карты, мѣлки, щеточки и началъ самъ съ собою играть въ карты. Катерина Борисовна тихо сказала моей матери, что игра въ карты съ самимъ собою составляетъ единственное удовольствіе ея несчастнаго брата и что онъ играетъ мастерски, въ доказательство же своихъ словъ попросила мужа поиграть съ ея братомъ въ пикетъ. Петръ Иванычъ охотно согласился, прибавя, что онъ много разъ съ нимъ игралъ, но выиграть никогда не могъ. Я осмѣлился подойти поближе и сталъ возлѣ Чичагова. Иванъ Борисычъ все дѣлалъ съ изумительной скоростью, и часто, не дожидаясь розыгрыша игры, вычисливъ всѣ ходы въ умѣ, писалъ мѣломъ свой будущій выигрышъ или проигрышъ. Всѣ говорили, что онъ никогда не ошибался. Въ то же время на лицѣ его появлялись безпрестанныя гримасы. Онъ смѣялся какимъ-то дикимъ смѣхомъ, безпрестанно что-то говорилъ, вставалъ, кланялся и опять садился. Очевидно было, что онъ съ кѣмъ-то мысленно разговаривалъ, но въ то же время это не мѣшало ему играть съ большимъ вниманіемъ и умѣньемъ. Сыгравъ нѣсколько королей и сказавъ: «нѣтъ, братецъ, васъ никогда не обыграешь», Петръ Иванычъ всталъ, принесъ изъ кабинета нѣсколько мѣдныхъ денегъ и отдалъ Ивану Борисычу. Тотъ былъ чрезвычайно доволенъ, подошелъ къ матери и очень долго говорилъ съ ней, то громко, то тихо, то печально, то весело, но всегда почтительно; она слушала съ вниманіемъ и участіемъ. Иванъ Борисычъ такъ бормоталъ, что нельзя было понять ни одного слова, но его мать все понимала и смотрѣла на него съ необыкновенною нѣжностью. Наконецъ она сказала: «Ну, довольно, мой другъ Иванъ Борисовичъ. Я теперь все знаю; подумаю хорошенько о твоёмъ намѣреніи и дамъ тебѣ совѣтъ. Ступай съ Богомъ въ свой флигель». Иванъ Борисычъ сейчасъ повиновался, съ почтеніемъ поцѣловаль у нея руку и ушелъ. Нѣсколько минутъ всѣ молчали; глаза у старушки были полны слезъ. Потомъ она перекрестилась и сказала тихимъ и торжественнымъ голосомъ: «Да будетъ воля Господня! Но мать не можетъ привыкнуть видѣть свое дитя лишеннымъ разума. Бѣдный мой Иванъ не вѣритъ, что государыня скончалась, а какъ онъ воображаетъ, что влюбленъ въ нее, любимъ ею и что онъ оклеветанъ, то хочетъ писать письмо къ покойной императрицѣ на французскомъ языкѣ». Все это было для меня совершенно непонятно и .непостижимо. Я понималъ только одно, какъ мать любила безумнаго сына и какъ сумасшедшій сынъ почтительно повиновался матери. Въ тотъ же день, ложась спать въ нашей отдѣльной комнатѣ, я присталъ къ своей матери со множествомъ разныхъ вопросовъ, на которые было очень мудро отвѣчать понятнымъ для ребенка образомъ. Всего болѣе смущала меня возможность сойти съ ума, и я нѣсколько дней слѣдилъ за

своими мыслями и надоѣдалъ матери разспросами и сомнѣніями, нѣтъ ли во мнѣ чего-нибудь похожего на сумасшествіе? Пріѣздъ отца и нашъ отъѣздъ, назначенный на другой день, выгнали у меня изъ головы мысли о возможности помѣшательства. Мы уѣхали. Я думалъ только уже объ одномъ: о свиданіи съ милой сестрицей и о томъ, какъ буду я читать ей арабскія сказки и рассказывать объ Иванѣ Борисычѣ. Дорогою мать очень много говорила съ моимъ отцомъ о Марьѣ Михайловнѣ Мертваго; хвалила ее и удивлялась, какъ эта тихая старушка, никогда не возвышавшая своего голоса, умѣла внушать всѣмъ ее окружающимъ такое уваженіе и такое желаніе исполнять ея волю. «Изъ любви и уваженія къ ней,—продолжала моя мать,—не только никто изъ семейства и пріѣзжающихъ гостей, но даже никто изъ слугъ никогда не поскучалъ, не посмѣялся надъ ея безумнымъ сыномъ, хотя онъ бываетъ и противень и смѣшонъ. Даже надъ нимъ она сохраняетъ такую власть, что во время самаго сильнаго бѣшенства, которое иногда на него находить,—стоитъ только появиться Марьѣ Михайловнѣ и сказать нѣсколько словъ, чтобы бѣснующійся совершенно успокоился. Все это понималось и подтверждалось моимъ собственнымъ чувствомъ, моимъ дѣтскимъ разумѣніемъ».

Читая записки Д. Б. Мертваго, мы видимъ передъ собой чело-вѣка, жизнь котораго прошла въ непрестанной борьбѣ со зломъ. Трагедія его дѣтства—пугачевщина—выдвинула этого 14-лѣтняго ребенка изъ ряда обыкновенныхъ дѣтей и научила его прямо и бодро смотрѣть въ глаза смерти. Слушая наставленія отца, онъ ясно представлялъ себѣ смыслъ существованія въ будущемъ только въ борьбѣ со зломъ и въ надеждѣ, что когда-нибудь правда восторжествуетъ.

Съ 27-лѣтняго возраста внутренній міръ Дмитрія Борисовича замѣтно мѣняется; изъ легкомысленнаго, юношескаго дѣлается серьезнымъ, вдумчивымъ, является большой интересъ къ дѣлу государственному, которае онъ призванъ дѣлать. Здѣсь сталкивается онъ съ людьми другихъ понятій, борется со взятками въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ, какъ въ прикрытомъ нравственномъ духѣ, такъ и низко матеріальномъ отношеніи. Этимъ онъ возбудилъ противъ себя всѣхъ лицъ, которыя въ старину весело смотрѣли на взятку, какъ необходимую спутницу пріятной и безпечной жизни. Себя онъ никогда не связывалъ житейскими благами, не тянулся за богатствомъ и почиталъ спокойствіе совѣсти самымъ великимъ благомъ жизни.

Дѣдушка былъ другомъ Гавріила Романовича Державина; и когда обстоятельства и злоба враговъ заставили его выйти въ отставку и уѣхать въ Оренбургскую губернію, добрыя отношенія ихъ поддерживались постоянной перепиской, и поэтъ спѣшитъ отправить ему въ письмѣ свою оду «Водопадъ».

Въ запискахъ Державина и его біографіи часто упоминается имя Дмитрія Борисовича, и, въ свою очередь, записки моего дѣда были написаны подъ вліяніемъ Державина. У дѣдушки былъ портретъ поэта, писанный масляными красками Боровиковскимъ. На оборотѣ портрета стихи, сочиненные Дмитриемъ Борисовичемъ:

Пѣвца Фелицы здѣсь намъ кисть изображаетъ;
 Мое усердіе сей стихъ къ нему слагаетъ.
 Державинъ именовъ дотолѣ не умретъ,
 Доколѣ знать дѣла Фелицы будетъ свѣтъ;
 Но чтобъ познать его горячее воображенье,
 Витійство, разумъ, слогъ
 И купно съ тѣмъ души и сердца просвѣщенье,
 Да чтимъ мы оду «Богъ».
 Гремить словами кто, гремить дѣлами,
 Разумень, честенъ, твердъ и добръ,
 Достоинъ управлять тотъ всѣхъ сердцами.

Съ 1797 года по 1802 годъ Дмитрій Борисовичъ служилъ въ Петербургѣ членомъ провіантской экспедиціи, гдѣ своими достоинствами и способностями обратилъ на себя вниманіе и сталъ извѣстенъ императору Павлу I и былъ однимъ изъ немногихъ истинно честныхъ и благонамѣренныхъ людей того времени. Въ 1800 году ему пожаловано почетное командорство ордена святого Іоанна Иерусалимскаго.

Дѣдушка пережилъ за это тяжелое время цѣлый рядъ испытаній. Онъ былъ наказанъ того, чтобы стать секретаремъ государя Павла I на мѣсто Нелединскаго, но Господь оберегалъ этого чловѣка чистой и непорочной души и держалъ его вдали отъ надвигающихся событій.

Измученный интригами петербургской жизни, несправедливостью и ложью, царящими въ обществѣ, онъ задумываетъ выйти въ отставку и ѣдетъ къ матери въ родные края.

По дорогѣ въ Москвѣ онъ встрѣчаетъ своего друга Державина, который и слышать не хочетъ о его желаніи бросить государственную службу.

Нѣсколько времени спустя, уже въ новомъ царствованіи, когда совершился цѣлый рядъ переменъ и были учреждены министерства, Державинъ вошелъ снова въ силу, былъ назначенъ министромъ юстиціи. Дѣдушка, пріѣхавъ въ деревню, получилъ отъ него письмо съ просьбой исполнить поручаемое ему дѣло, ѣхать тотчасъ же въ Крымъ. По настоянію Державина было рѣшено не отдавать крымскую соль на откупа, а приноровить ее на пользу промышленности народной.

Дмитрій Борисовичъ тотчасъ же отправился въ Крымъ и послѣ цѣлаго ряда перипетій сумѣлъ внушить такое довѣріе и уваженіе къ себѣ, что, когда освободилась должность гражданскаго губер-

натора Таврической губерніи, все дворянство указывало генераль-губернатору Беклешеву, что беспорядки, укоренившіеся въ Тавридѣ, только Дмитрій Борисовичъ Мертваго можетъ истребить. Беклешевъ предлагаетъ ему губернаторство и пишетъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею; но здѣсь опять происходятъ разныя событія, которыя отдаляютъ это назначеніе, и только впоследствии, въ 1803 году, дѣдъ мой былъ сдѣланъ таврическимъ губернаторомъ, продолжая одновременно управлять и соляною экспедиціею.

Въ 1804 году Дмитрій Борисовичъ женится на Варварѣ Марковнѣ Полторацкой.

Отецъ бабушки, Маркъ Ѳедоровичъ Полторацкій, былъ малороссъ, котораго императрица Елизавета, благодаря его чудному голосу, привезла съ собою изъ Малороссіи и сдѣлала полковникомъ «спѣвальной музыки». Полторацкій былъ возведенъ въ дворянское достоинство въ 1768 году и, повидимому, былъ человѣкъ тихаго и смирнаго нрава. Знаменитъ онъ своею женою Агаѳокліей Александровной, рожденной Шишковой. Она была фрейлиной императрицы Елизаветы Петровны; въ молодыхъ годахъ покинула Петербургъ, рано сдѣлавшись сиротой, жила совсѣмъ самостоятельно въ своемъ тверскомъ имѣніи. Впоследствии подъ кличкой «Полторацкихи» приобрѣла громкую извѣстность своей чисто мужской энергіей, твердостью характера и очень крутымъ нравомъ. Дѣти трепетали предъ нею, и она высѣкла однажды своего взрослого сына-офицера. Увеличивая свое состояніе и держа на откупѣ весь Новоторжскій уѣздъ, она подъ конецъ жизни обладала 13,000 душъ крестьянъ.

Одна изъ сестеръ моей бабушки Варвары Марковны, Елизавета Марковна, была замужемъ за извѣстнымъ президентомъ академіи наукъ Алексѣемъ Николаевичемъ Ленинымъ, большимъ другомъ дѣда моего Дмитрія Борисовича Мертваго, а другая за Сухаревымъ. Одинъ изъ братьевъ, генераль-лейтенантъ Полторацкій, былъ женатъ на княжнѣ Софіи Борисовнѣ Голицыной, другой братъ, Алексѣй Марковичъ, на Варварѣ Дмитриевнѣ Киселевой. Семья Полторацкихъ была очень многочисленна; и теперь насчитываютъ безчисленное множество потомковъ нашего общаго пра-дѣда, Марка Полторацкаго.

Вотъ что пишетъ о своей женитьбѣ дѣдъ мой Дмитрій Борисовичъ:

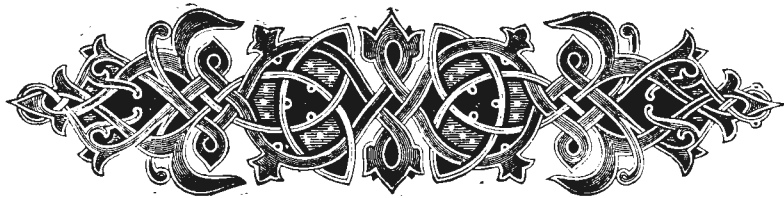
«Во время пребыванія моего въ Петербургѣ правилась мнѣ очень теперешняя моя жена Варвара Марковна Полторацкая. Суровое воспитаніе и хорошо образованный умъ составили въ ней правила, могуція сдѣлать счастливымъ честнаго человѣка, мирно въ своемъ домѣ жить желающаго и чрезъ жену въ люди выходить не добывающагося. По всѣмъ видамъ я былъ увѣренъ, что пойдетъ

она за меня и мать ея, и вся родня охотно на то согласятся. Но я никакъ не хотѣлъ послушаться своихъ чувствъ въ обстоятельствахъ непріятныхъ, когда не значу я ничего, не имѣю никакихъ видовъ на службѣ, кои часто въ большой цѣнѣ ходять, хотя очень часто ложною монетою являются. Нѣтъ у меня имѣнія и столько, чтобы исправно заплатить долги. Будучи притомъ старѣе ея 18 годами, казалось мнѣ унижительнымъ и для себя и для нея. Всякой почель бы меня обыкновеннымъ человѣкомъ, женитьбою долги платящимъ. Притомъ же думалъ я, что не я нравлюсь, по мирный мой нравъ. Молодая дѣвушка, непріятно въ домѣ материнскомъ живущая, можетъ быть, хочетъ выйти замужъ для того, чтобы жить по своей волѣ, а не для того, чтобы сообразоваться обстоятельствамъ и нраву мужа и стараться дѣлать его счастливымъ. Предъ отъѣздомъ изъ Петербурга много примѣтилъ я ея склонность ко мнѣ, много сочувствовалъ ей, но разсудокъ заглушалъ чувства, и я поѣхалъ, не сказавъ ни ей и никому ни слова».

Марія Ватаци, рожденная Мертваго.

(Продолженіе съ слѣдующей книжкѣ).

ТѢНИ ПРОШЛАГО.

О МНѢ толку было мало, и вся жизнь моя была бредъ. Но среди этого бреда мнѣ доводилось близко подходить къ замѣчательнымъ людямъ моего времени, о которыхъ я могла бы теперь рассказывать моимъ внукамъ, сидя у камина и пошевеливая догорающіе угли.

Вспоминается мнѣ, какъ прихожу къ себѣ въ комнату на дачѣ въ Павловскѣ и вижу на столѣ письмо отъ Суворина, только что вернувшася изъ Ясной Поляны. Онъ пишетъ мнѣ по порученію Льва Николаевича Толстого, который сказалъ ему: «Передайте ей, чтобы она года два ничего не печатала. А то наши писатели, какъ начнутъ хорошо, ихъ начинаютъ рвать во всѣ стороны. Они принимаются писать безъ удержу, и ничего изъ нихъ не выходитъ»...

Меня тронуло вниманіе великаго писателя. Незадолго до этого я познакомилась съ Т. А. Кузьминской, сестрой его жены. Мы встрѣтились у П—ихъ на чтеніи «Крейцеровой Сонаты» въ рукописи. Общество собралось довольно фешенебельное. Услыхавъ эпиграфъ:

«А я вамъ говорю: кто смотритъ на женщину съ вождельніемъ...», парядная madame Т. произнесла насмѣшливо:

— Belle exode!... (прекрасный конецъ).

А когда чтеніе окончилось, всѣ говорили:

— Mais qu'est ce qu'il veut? Qu'est ce qu'il veut?... (Но что онъ хочетъ? Что онъ хочетъ?)

Видя, какъ я заглядываюсь на Татьяну Андреевну, хозяйка дома пригласила меня пообѣдать съ ней, послѣ чего мы обмѣнялись визитами. Татьяна Андреевна рассказала мнѣ много интереснаго

о жизни Льва Николаевича и его семьи, о его дочеряхъ Танѣ и Машѣ. Въ заключеніе она сообщила, что почти каждое лѣто проводитъ въ Ясной Полянѣ, и звала меня пріѣхать въ гости къ ней. Но я не поѣхала.

Осенью, вслѣдъ за письмомъ Суворина, пріѣхала ко мнѣ издательница «Сѣвернаго Вѣстника» Любовь Яковлевна Гуревичъ. Она только что побывала въ Ясной Полянѣ и была всецѣло подъ обаяніемъ великаго человѣка и его семьи. Она говорила: «Я точно прожила три дня среди дѣйствующихъ лицъ «Войны и мира» и «Анны Карениной», до такой степени все тамъ казалось мнѣ близкимъ и давно знакомымъ. О васъ спрашивали. Отчего вы къ нимъ не ѣдете?»

И, по уходѣ ея, набравшись храбрости, я написала Льву Николаевичу.

Татьяна Андреевна сама принесла мнѣ его отвѣтъ, очень довольная тѣмъ, что можетъ меня порадовать.

Письмо Льва Николаевича:

«Вы не пишете мнѣ ни вашего отчества, ни адреса, но я все-таки пишу черезъ Татьяну Андреевну и безъ обращенія, такъ я радъ былъ получить ваше письмо. Очень жаль, что вы не пріѣхали лѣтомъ; мы бы лучше познакомились, чѣмъ письменно. То, что вамъ передавалъ Суворинъ о моемъ восхищеніи передъ вашей повѣстью, навѣрное только въ малой степени выражаетъ то, какъ она мнѣ нравится. Очень интересно, что вы напишете теперь? И, по правдѣ скажу: очень боюсь. Надо, чтобы было очень, очень хорошо, чтобы было не хуже Мимочки. А Мимочка по тону своему такъ оригинальна, что слѣдующая вещь не можетъ уже быть похожа на нее по тону. Какой же будетъ тонъ слѣдующей, тоже особенный, оригинальный или простой—языкомъ автора? Все это меня интересуетъ. Интересно мнѣ тоже ваше отношеніе къ монаху Варнавѣ. И еще болѣе ваша мечта пойти съ котомочкой на богомолье. Я нахожу, что это не только не странно и смѣшно, но гораздо болѣе естественно, чѣмъ въ шляпѣ и ротондѣ пойти по Невскому. Желаю вамъ мира съ людьми и любви къ нимъ и отъ нихъ и какъ можно болѣе серьезнаго религіознаго отношенія къ своему писанію, т.-е. чувствовать, что дѣлаешь это больше для Бога или скорѣе передъ Богомъ, чѣмъ передъ людьми. Левъ Толстой».

Гуревичъ познакомила меня съ Волынскимъ (Флексеръ) и съ моимъ близкимъ сосѣдомъ Н. С. Лѣсковымъ. Оба оказались пламенными почитателями Толстого и принялись усердно снабжать меня его послѣдними сочиненіями, и запрещенными, и незапрещенными. Я узнала о Бондаревѣ и о Сютаяевѣ, прочла книгу о жизни, о днягахъ, критику догматическаго богословія и Евангеліе...

Лѣсковъ преклонялся передъ Толстымъ и называлъ его своей святыней на землѣ. «Я обязанъ ему болѣе, чѣмъ покоемъ земной жизни,—говорилъ онъ:—я принялъ его разумѣніе жизни, въ немъ

успокоился и свой фонаришко бросилъ. Онъ уже не нуженъ мнѣ, разъ я вижу передъ собою яркій маякъ и знаю, чего держаться».

Лѣсковъ побывалъ уже въ Ясной Полянѣ и вывезъ оттуда прекрасныя впечатлѣнія. Онъ говорилъ: «Это удивительно простая семья, въ которой все можно сказать, потому что тамъ и сами все говорятъ и главное — все понимаютъ». Онъ любилъ самого Льва Николаевича, его сына Льва и дочерей Татьяну и Марію, но высоко чтилъ и графиню, которой, по его словамъ, «мечъ проходилъ душу». Ему нравилась и наружность графини и ея искренность и откровенность. Онъ часто говорилъ: «Мы должны быть ей благодарны. Она намъ сохранила его!»—Изъ дочерей онъ предпочиталъ Татьяну, находилъ ее умной и привлекательной и желалъ ей выйти замужъ за губернатора. О Маріи же онъ говорилъ: «Я не понимаю ея; но въ присутствіи ея мнѣ хочется сказать: Выди отъ меня; я чловѣкъ грѣшный!»

Глубоко преклоняясь передъ Толстымъ, Лѣсковъ насмѣшливо относился къ его послѣдователямъ, называлъ ихъ «лепетунами», беспощадно придирался къ ихъ словамъ и поступкамъ и рассказывалъ о нихъ анекдоты. Видя, что я интересуюсь толстовцами, онъ пригласилъ какъ-то бывшего толстовца А. М. Хирьякова и вдвоемъ они принялись рассказывать мнѣ біографіи всѣхъ извѣстныхъ имъ толстовцевъ. Я наскоро записывала въ тетрадку ихъ рассказы, но, перечитавъ дома записанное, увидала, что это все карикатуры. И я все разорвала, нимало не сочувствуя такому насмѣшливому отношенію къ послѣдователямъ Толстого.

Уцѣлѣла у меня случайно только страничка о Сютаяевѣ. Вотъ что рассказалъ Хирьяковъ объ этомъ близкомъ Льву Николаевичу сектантѣ. «Память адаманта. Выучилъ наизусть Апокалипсисъ и Евангеліе. Маленькій старичокъ, 38 лѣтъ отсидѣвшій въ тюрьмѣ. Зналъ нравы поповъ и бѣсить ихъ умѣлъ мастерски. Говорилъ, что въ тюрьмѣ люди отличные, ожесточенные. Пришли въ тюрьму озлобленные, возвратились Божьими работниками. Въ тюрьмѣ Сютаяевъ многимъ помогалъ и всѣхъ училъ. Не велѣлъ жениться. Дѣтей не крестить». Въ послѣднюю побывку Хирьякова въ Ясной Полянѣ онъ засталъ тамъ старика-сектанта. Утромъ Сютаяевъ вышелъ съ Ванничкой и говорить: «А я недоволенъ Львомъ Николаевичемъ. Онъ лукавствуетъ... Запираетъ свое...». И ушелъ въ трактиръ чай пить. Прямо изъ Ясной Поляны Сютаяевъ отправился къ императору въ Гатчину. «Хочу рассказать ему, какъ его обманываютъ». Сѣлъ на машину и доѣхалъ до Гатчины. Тамъ его приняли два жандарма».

Крестьянинъ Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи Сютаяевъ отдѣлился отъ православія послѣ смерти своего ребенка. Священникъ не соглашался хоронить дешевле полтинника, а у Сютаяева было только тридцать копеекъ. Онъ похоронилъ ребенка самъ, от-

стать отъ церкви и другихъ стать отговаривать, занялся чтеніемъ Библии и составилъ группу послѣдователей, которые отрицали современныя власти, отрицали подати, судъ и участіе въ военной службѣ (все то, что отрицалъ и Левъ Николаевичъ). Когда восторжествуетъ Божественная правда, все будетъ общее, исчезнетъ раздѣленіе на народы, убійства прекратятся, и будетъ царство сютаевцевъ на землѣ. Въ короткое время число послѣдователей Сютаева возросло до тысячи человекъ. Левъ Николаевичъ очень заинтересовался старикомъ и его воззрѣніями, которыя такъ сходились съ его собственными.

Въ началѣ марта 1893 года я получила какъ-то записку отъ Лѣскова: «Здѣсь старикъ Ге, старый и умный другъ Льва Николаевича, единого духа съ нимъ. Онъ хочетъ очень побесѣдовать съ вами. Для сей цѣли 9-го марта, въ 12 часовъ дня на Фурштатской будетъ сервированъ чай съ маслинами. Прилетятъ и жаворонки».

Я пошла на чай съ маслинами. Словоохотливый сѣдовласый художникъ вышелъ мнѣ навстрѣчу въ переднюю и съ мѣста назвалъ меня дорогимъ другомъ. Онъ поэкзаменовалъ меня относительно знакомства съ ученіемъ Толстого и очень настаивалъ на томъ, чтобы я, не откладывая, съѣздила въ Ясную Поляну.

Вскорѣ послѣ этого, уѣзжая въ Кіевъ, гдѣ сестрѣ моей дѣлали операцію, я написала Марѣ Львовнѣ, спрашивая: могу ли на обратномъ пути заѣхать къ нимъ? Послѣдовало приглашеніе, которымъ я рѣшила воспользоваться.

Прибывъ къ вечеру въ Тулу, я переночевала въ гостиницѣ Чернышева и утромъ 12-го мая поѣхала на извозчикѣ въ Ясную Поляну. Утро было чудное. Въ небѣ ни облачка. Кое-гдѣ по оврагамъ и канавамъ еще бѣлѣли прохладныя пятна снѣгу, но тутъ же рядомъ зеленѣли свѣжіе всходы. Жаворонки журчали свои чистыя пѣсенки. По дорогѣ мы то встрѣчали, то обгоняли группы богомолокъ и богомольцевъ съ котомками и посохами. Они здоровались и кланялись. Міръ казался мнѣ раемъ, до того было чудно все, что было у меня передъ глазами.

Мой извозчикъ Трофимъ, сморщенный сѣдой старичокъ, спросилъ: не родня ли я графу? Онъ о немъ слыхалъ, но бывать у него на дворѣ ему еще не приходилось. Я спросила: знаютъ ли въ Тулѣ Льва Николаевича и что о немъ говорятъ?—«Знать-то всѣ знаютъ, а говорятъ,—разное говорятъ. Говорятъ, что онъ въ родѣ какъ бы чудака. Господинъ богатый, а ходитъ просто, и работу тоже простую какую дѣлаетъ. Видно, хочетъ всякое состояніе узнать. Какъ Петръ Великій!» Вчера Трофимъ въ первый разъ портретъ Петра Великаго видѣлъ. «Вотъ человекъ былъ. Царь былъ, а плотникомъ работалъ, челны мастерилъ, корабли строилъ, до всякаго дѣла самъ доходилъ, въ потѣ лица хлѣбъ ѣлъ, честный человекъ былъ! Ну, и состояніе всякое узналъ. А ему и надо. Конечно, коли ты людьми правишь,

ты и знай, кѣмъ ты правишь. Я конемъ, скажемъ, правлю. Такъ я коня моего знаю, и конь меня знаетъ... А то какъ же...»

Трофимъ долго разговаривалъ съ своимъ конемъ, чтобы доказать, какъ онъ хорошо его знаетъ; потомъ онъ снова обернулся ко мнѣ и задумчиво вымолвилъ:

— А только, такъ сказать, хоть ты и всякое состояніе узнаешь, а того, что тамъ будетъ (онъ показалъ кнута на небо),—не узнать. Не дано...

Спускаясь къ желѣзнодорожному мосту, мы услышали, что намъ строго кричатъ что-то. Невдалекѣ гарцовалъ конный жапдармъ. Оказалось, что въ виду ожидаемаго проѣзда императора Александра III съ семьей не дозволено подъѣзжать къ мосту. Трофимъ, поворчавъ въ сѣдую бороду, сталъ препираться съ остановившимъ насъ мужичкомъ.

— Да чего ты, дѣдушка,—спокойно возразилъ тотъ:—по своей, что ль, я охотѣ? Тоже не больно весело тутъ съ утра не ѣмши стоять. Приказаніе!

Жандармъ подскакалъ къ намъ, чтобы выслушать пренія сторонъ. Трофимъ взмолился:

— Ваше высокоблагородіе! Барыня съ зонтикомъ... Извольте видѣть...

И онъ повторялъ это: «Барыня съ зонтикомъ»,—пока жандармъ не махнулъ рукой, говоря: «Проѣзжайте!»

Когда дорога стала подниматься въ гору, мы оба пошли пѣшкомъ. И такъ хорошо было идти тропинкой, вдоль дороги, въ тишинѣ весенняго утра, что я даже забывала о моемъ волненіи по поводу предстоящей встрѣчи. Трофимъ обратилъ мое вниманіе на колодезь, который сколько ни засыпаютъ, вода все бѣжитъ... Онъ снялъ шапку и перекрестился, поровнявшись съ этимъ колодеземъ.

Поднялись на гору. Дорога пошла ровная, легкая.

— Ну, садись, барыня, недалече теперь.

И темныя ели засѣки, казалось, тоже уже говорили мнѣ: близко, близко... Сонъ свершится наяву. Невозможное станетъ возможнымъ. Я увижу Николеньку Иртеньева, увижу Левина! Я увижу Льва Толстого!...

Все ближе и ближе. Ясная Поляна, простая, открытая и привѣтливая, какъ и сами Толстые, уже передъ нами. Вотъ и усадьба, и садъ съ вѣковыми липами, и ограда, и двѣ башенки. Трофимъ въѣзжаетъ въ ворота. Сердце мое начинаетъ усиленно биться. Это не сонъ. Я въ Ясной Полянѣ. Боже мой, я въ Ясной Полянѣ! Левъ Толстой! Левъ Толстой!

Слѣва свѣтится прудъ, въ которомъ, крикая, плещутся гуси и утки, справа въ отдаленіи виднѣтся бѣлая лошадь и работникъ въ красной рубахѣ.

Трофимъ подкатываетъ къ крыльцу у бѣлаго дома. Сейчасъ же подходятъ ко мнѣ дѣвица въ красномъ платьѣ, съ краснымъ зонтикомъ и высокій старикъ въ круглой черной шапочкѣ. Это Ге и Татьяна Львовна.

По близорукости я не сразу узнаю стараго художника. Но онъ развязно подходитъ ко мнѣ, какъ старый знакомый. А Татьяна Львовна, внимательно разглядывая меня веселыми умными глазами, говоритъ:

— Вы В—я, не правда ли?

Я спрашиваю ее о Марьѣ Львовнѣ.

— Маши нѣтъ. Она уѣхала въ Самару. Она очень жалѣла, что съ вами не увидится. Но она уѣхала на кумысъ съ больнымъ братомъ. У насъ Лева боленъ. Больше у васъ нѣтъ вещей? Ихъ снесутъ въ вашу комнату. Вы будете у Маши. А теперь пойдѣте къ мамѣ. Она сейчасъ уѣдетъ въ Тулу съ Андриюшей, но пока она еще здѣсь.

Говоря это, Татьяна Львовна ведетъ меня по деревянной лѣстницѣ наверхъ. Ге поднимается за нами. Я говорю:

— Я боюсь графини.

— И ея?—насмѣшливо спрашиваетъ Татьяна Львовна.—Не бойтесь.

Мы входимъ въ большую свѣтлую комнату. У входа рояль. На противоположной стѣнѣ нѣсколько портретовъ предковъ. По срединѣ столъ съ самоваромъ и чашками. Одновременно съ нами, но изъ другой двери, входитъ графиня, стройная, свѣжая, моложавая, въ черной юбкѣ и черной шелковой блузочкѣ съ бѣлыми полосками и отдѣлкой изъ чернаго кружева. Она чуть-чуть начинаетъ сѣдѣть. Лицо у нея доброе и симпатичное, очень живые черные глаза.

Она наливаетъ мнѣ кофе и говоритъ:

— Мы о васъ слышали отъ моей сестры, Татьяны Андреевны. Вы познакомились у П.?

Говоримъ о П—хъ.

Англичанка вводитъ въ комнату толстенькую круглолицую Сашу и нѣжнаго кудряваго Ваничку. Ему пять лѣтъ, Сашѣ годомъ или двумя больше. Дѣти садятся противъ меня и тоже пьютъ кофе, молча поглядывая на меня.

Ге спрашиваетъ меня о Лѣсковѣ и о томъ, съ кѣмъ изъ толстовцевъ онъ меня познакомилъ.

Я спѣшу сказать, что хотя я большая почитательница Льва Николаевича, но я—не толстовка.

— Позвольте пожать вашу руку,—говоритъ мнѣ графиня съ радостной улыбкой.

— А кого вы знаете изъ толстовцевъ?—спрашиваетъ Татьяна Львовна.

— Познакомилась я только съ Бирюковымъ; но по рассказамъ знаю Ругина, братьевъ Алехиныхъ, Горбунова, Новоселова, Черткова, Трегубова, Калугина, Клопскаго, Хилкова, Сопоцько...

Ге начинаетъ перебирать всѣхъ этихъ людей одинаго духа. Онъ умиляется при имени каждаго и всѣхъ превозноситъ до небесъ:

— Замѣчательная личность!.. глубокое пониманіе, преданность ученію... А вы знаете, что онъ сдѣлалъ?..

Графиня всѣхъ порицаетъ: тунейдцы, приживальщики, переряженные, ничего не дѣлаютъ...

— А вы знаете, какъ ихъ наша прислуга зоветъ? Господа лѣнивые... И вѣрно.

Татьяна Львовна въ своихъ отзывахъ держится середины между этими двумя крайними мнѣніями. Она кажется мнѣ необыкновенно милой и привлекательной въ своемъ красномъ лѣтнемъ платьѣ, съ золотыми часиками на короткой золотой цѣпочкѣ вокругъ шеи. У нея манеры, выговоръ, интонація свѣтской дѣвушки высшаго круга. И мать и дочь хорошо и модно одѣты и причесаны. По внѣшности обѣ—не толстовки. Это напоминаетъ мнѣ сѣтованія Лѣскова по поводу того, что въ толстовскомъ движеніи нѣтъ женщинъ. Я говорю объ этомъ.

Ге восклицаетъ съ негодованіемъ:

— Какъ ихъ нѣтъ? Что онъ говорить!.. Да одна Маша стоитъ нѣсколькихъ.

И старикъ начинаетъ съ увлеченіемъ восхвалять ее.

Графиня соглашается съ тѣмъ, что Маша очень добра. Она всегда живетъ для другихъ. Вотъ и теперь она уѣхала съ большимъ братомъ!..

— Изумительная дѣвушка!—твердитъ Ге.—Вы знаете, что она дѣлаетъ? Встанетъ въ четыре часа утра, всѣмъ въ домѣ сапоги переставитъ...

Графиня хвалитъ еще жену Черткова. Тоже толстовка и вегетарьянка. Очень милая женщина, только все, бѣдняжка, хвораетъ.

О самомъ Чертковѣ графиня отзывается тоже очень благо-склонно и сочувственно и прибавляетъ:

— И его мнѣ жаль. Ходитъ толстый, красный...

— Не пора вамъ ѣхать, мама?—говоритъ Татьяна Львовна.

— Лошади не поданы.

И графиня рассказываетъ мнѣ еще, что ея дочерямъ столько работы при отцѣ, что если бъ онѣ вышли замужъ, пришлось бы нанять постороннихъ для секретарской работы. Вотъ и теперь ему очень Маши недостаетъ. Онъ сказалъ вчера: «Точно я замужъ ее отдалъ».

— Ну-съ,—обращается ко мнѣ Татьяна Львовна:—отца вы не увидите до завтрака. Онъ работаетъ.

Но дверь съ лѣстницы открывается, и на порогѣ показывается необыкновенный человѣкъ съ необыкновеннымъ лицомъ и удивитель-

ными глазами. Неслышно ступая сапогами безъ каблукъ, онъ подходитъ ко мнѣ, и мы здороваемся. Вижу блузу, поясъ, руки, сѣдую бороду, большой лобъ, густыя брови, живые пронизательные глаза. Слышу его голосъ, добрый, мягкій, серьезный. Соединить все это въ одно и понять, что это и есть Левъ Толстой, мнѣ еще трудно.

Сначала лицо его кажется мнѣ только умнымъ и строгимъ; но вотъ онъ улыбается, и улыбка придаетъ его лицу выраженіе доброты и мягкости. Пока онъ спрашиваетъ меня о Кіевѣ и объ операциі сестры, графиня, Ге и Татьяна Львовна поглядываютъ на меня, какъ бы спрашивая взглядомъ:

— Ну, что, каковъ нашъ?

Сказавъ, что мы увидимся и побесѣдуемъ за завтракомъ, Левъ Николаевичъ возвращается къ своей работѣ. Ге сообщаетъ мнѣ, что онъ доканчиваетъ свое «Царство Божіе». Замѣчательная, сильная книга.

Мы встаемъ изъ-за стола. Графиня уѣзжаетъ съ сыномъ въ Тулу къ зубному врачу. Дѣти съ англичанкой давно уже ушли на станцію посмотреть царскій поѣздъ. Татьяна Львовна предлагаетъ мнѣ и дѣдушкѣ (Ге) пройти туда же. Кстати и почту захватимъ.

Погода дивная. Мы идемъ опушкой лѣса. Татьяна Львовна находитъ два сморчка, послѣ чего совершенно забываетъ о нашемъ существованіи и начинаетъ молчаливо и сосредоточенно искать въ травѣ. Ге спрашиваетъ меня о Владимирскомъ соборѣ, о Праховѣ, о Васнецовѣ, Нестеровѣ, Котарбинскомъ, вспоминаетъ и перебираетъ и другіе русскіе соборы, критикуетъ Исаакіевскій и восхищается Казанскимъ; потомъ переходитъ къ импрессионалистамъ и заканчиваетъ Рафаэлемъ и Перуджино. Отъ времени до времени онъ подзываетъ и увлекающуюся сморчками Татьяну Львовну и говорить:

— Послушайте-ка, это и вамъ интересно.

Узнаю, что Татьяна Львовна незаурядная художница.

Идемъ не слѣша, болтаемъ, отдыхаемъ, останавливаемся и, когда приходимъ на станцію, узнаемъ, что поѣздъ уже прошелъ, дѣти его видѣли и давно ушли. Татьяна Львовна забираетъ газеты и почту, и мы идемъ обратно.

Ге усталъ и отстаетъ отъ насъ. Теперь Татьяна Львовна идетъ со мною и рассказываетъ мнѣ о себѣ и о Машѣ.

— Я много выѣзжала въ Москвѣ, когда была помоложе. Маша въ то время тоже выѣзжала на дѣтскіе балы. Она влюблялась, обманывала гувернантку, не была примѣрной. Но съ шестнадцати лѣтъ она стала лучше понимать то, что говоритъ отецъ. Теперь она хорошая работница, хорошо стираетъ и все сама дѣлаетъ. Она строгая вегетарьянка, какъ и отецъ, и, какъ отецъ, отказалась отъ своей доли имущества при общемъ раздѣлѣ. Изъ всей семьи только отецъ и Маша не обезпечены личными средствами и на свои не-

обходимые расходы получаютъ отъ графини. Семья живетъ на такъ называемыя книжныя деньги, на доходъ отъ изданій. Все же, чѣмъ владѣль Левъ Николаевичъ, раздѣлено теперь поровну между дѣтьми. Одна Маша совсѣмъ отказалась отъ собственности.

Татьяна Львовна не стыдится еще отрѣзать купоны и тратить ихъ на себя, хоть и знаетъ, что это совершенно то же, что брать деньги отъ мужиковъ непосредственно. Она надѣется, что со временемъ это станетъ для нея невозможнымъ, но пока у нея еще такъ много прихотей и потребностей, что онѣ заслоняютъ отъ нея суть дѣла. Въ этомъ отношеніи сестра впереди нея. Вообще Маша очень хорошій человѣкъ. Она чутка къ чужимъ страданіямъ, самоотверженна, дѣятельна. Но влюбляется попрежнему и, по словамъ Татьяны Львовны, она большая кокетка, никого не оставляетъ въ покоѣ и всякому умѣетъ влѣзть въ душу.

Я говорю Татьянѣ Львовнѣ, что по первому впечатлѣнію мнѣ жаль графиню. Видно, что всѣ они сплочены, воодушевлены новымъ ученіемъ, а она одна въ сторонѣ и въ своемъ собственномъ домѣ живетъ подъ впечатлѣніемъ постояннаго отпора.

— Это вѣрно,—соглашается Татьяна Львовна:—но вѣдь ей приносится столько жертвъ! Столько жертвъ, которыхъ она не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать. Когда дочери живутъ здѣсь съ отцомъ безъ нея, у нихъ все идетъ ровно и гладко. А графиня сама создаетъ себѣ отдѣльную жизнь...

— Это грустно,—говорю я.—Теперь она еще держится за васъ, за дочерей; а когда вы выйдете замужъ, ея положеніе здѣсь будетъ очень труднымъ.

Татьяна Львовна говоритъ на это, что онѣ никогда не выйдутъ замужъ. Онѣ естественно требовательны, это разъ. А второе: онѣ могутъ выйти только за послѣдователей отца, а среди нихъ нѣтъ такого...

Я совѣтую взять по сердцу хотя бы и не послѣдователя и сдѣлать его послѣдователемъ...

Догнавшій насъ Ге заставляетъ невольно перейти отъ разговора о женихахъ къ разговору о Тургеневѣ, котораго мнѣ напоминаетъ окружающій насъ пейзажъ. Татьяна Львовна отзывается о Тургеневѣ очень сурово и рѣшаетъ, что добрую половину его сочиненій можно выбросить безъ всякаго ущерба для его славы. Затѣмъ, взглянувъ въ сторону сада, Татьяна Львовна прибавляетъ:

— А папа ждетъ насъ...

Левъ Николаевичъ стоитъ въ концѣ липовой аллеи и смотритъ въ нашу сторону.

Мы прибавляемъ шагъ, перепрыгиваемъ канаву и подходимъ къ нему.

— Что же, видѣли проѣздъ?

— Нѣтъ, проворонили,—отвѣчаетъ Татьяна Львовна.

Мы идемъ къ дому.

— Осторожниѣе, не давите ихъ,—озабоченно говоритъ мнѣ Левъ Николаевичъ.

Я смотрю себѣ подъ ноги и вижу вереницы длинненькихъ красивыхъ букашекъ, ползающихъ по дорожкѣ. Самъ Левъ Николаевичъ внимательно къ нимъ приглядывается и осторожно поднимаетъ свои большія ноги, чтобъ не наступить на букашекъ. Думаю: «Velle exode! Не убій и люби все живущее...» И я тоже начинаю шагать осторожно, чтобъ не давить насѣкомыхъ, о которыхъ раньше не приходило въ голову подумать.

Левъ Николаевичъ спрашиваетъ еще разъ объ операціи сестры, о Рейнѣ, говоритъ, что читалъ брошюру Рейна о народномъ леченіи. Ему понравилось отношеніе Рейна къ народнымъ средствамъ. Вообще и народная медицина и отношеніе народа къ медикамъ кажутся ему разумнымъ.

Завтракаемъ вчетверомъ, такъ какъ дѣтей накормили, не дожидаясь насъ, а графиня еще не вернулась. Ѣдимъ что-то вегетаріанское и говоримъ о «Царствѣ Божіемъ», но не о содержаніи этого сочиненія, а о томъ, что переписывала Маша, что переписывала Таня, какія главы готовы окончательно и какія слѣдуетъ еще просмотрѣть. Ге относится къ своему другу и учителю съ обожаніемъ, спѣшитъ смѣяться его шуткамъ, радостно прислушивается къ каждому его слову и не сводитъ съ Льва Николаевича восхищеннаго взгляда. Онъ восторженно отзываясь о «Царствѣ Божіемъ», находитъ, что эта книга—откровеніе, переворотъ! Левъ Николаевичъ скромно говоритъ: «Да, мнѣ кажется, что нужно было написать это».

Внимательно посмотрѣвъ на меня, онъ спрашиваетъ:

— Вашъ мужъ былъ военный?

— Да.

— А отецъ?

— И отецъ, и дѣдъ (оба дѣда), и всѣ дяди съ той и другой стороны были военными.

Левъ Николаевичъ замѣчаетъ, что среди военныхъ много хорошихъ, честныхъ людей; но все же не слѣдуетъ идти въ военную службу, не надо принимать въ этомъ участія.

Я вспоминаю слова покойнаго Всеволода Гаршина о томъ, что нигдѣ онъ не встрѣчалъ такихъ чудныхъ людей, какъ среди армейскихъ солдатъ и офицеровъ, и говорю это.

Всѣ вспоминаютъ Гаршина, побывавшаго въ Ясной Полянѣ. Левъ Николаевичъ замѣчаетъ:

— Да, онъ говорилъ это, но самъ писалъ противъ войны.

И мы вспоминаемъ «Четыре дня» и другіе рассказы Гаршина.

Потомъ, не помню ужъ, по какому поводу, Ге заговариваетъ о рукахъ и о томъ, что руки наиболѣе характерная часть тѣла человѣка; что нельзя, напримѣръ, къ лицу Татьяны Львовны приста-

вить мои руки и наоборотъ. Татьяна Львовна говоритъ о хиромантіи. Она, какъ и я, читала книжку Дебароля, и мы вмѣстѣ начинаемъ разсматривать ладони Льва Николаевича и дѣдушки. У Льва Николаевича рѣзко очерченъ уголь скромности, а у дѣдушки на ладони его нѣтъ. Я съ удивленіемъ говорю Льву Николаевичу: «Неужели вы скромны?» Всѣ смѣются, а Ге говоритъ, подражая моему тону: «Неужели я нескромнень?...»

Левъ Николаевичъ говоритъ, что хиромантія—чепуха, и что линіи на ладони складываются отъ занятій человѣка. Я согласна съ тѣмъ, что хиромантія—чепуха, но не соглашаюсь съ тѣмъ, что линіи зависятъ отъ занятій человѣка: у всѣхъ грудныхъ дѣтей одно занятіе, а линіи на маленькихъ ладоняхъ различны и разнообразны. Да и въ Библии, въ книгѣ Іова, говорится: «Богъ полагаетъ печать на руку каждаго человѣка».

При упоминаніи о Библии Левъ Николаевичъ и дѣдушка бѣгло переглядываются и снисходительно взглядываютъ на меня. Очевидно, Библия у нихъ не въ чести.

Поболтавъ еще, мы идемъ внизъ; Левъ Николаевичъ къ себѣ, а мы къ Татьянѣ Львовнѣ. Маленькія комнатки дочерей внизу, вблизи кабинета отца. У Татьяны Львовны стоитъ оттоманка, на которой она и спитъ, ширма, крошечный туалетный столикъ съ зеркаломъ, мольбертъ съ начатой работой. На стѣнѣ, надъ диваномъ виситъ большой портретъ отца, а подъ нимъ фотографія «Тайной вечери» Ге. По стѣнамъ много карточекъ родныхъ и друзей. Словомъ, это скромный, но уютный уголокъ свѣтской дѣвушки и художницы.

Комнатка Марьи Львовны гола, какъ монашеская келья. Кровать безъ матраца, комодъ безъ признака зеркала, столъ и полка книги: сочиненія отца и медицинскія книги.

Писать втроемъ у Татьяны Львовны немислимо. Она сажаетъ насъ у Марьи Львовны и приноситъ намъ туда чернила, бумаги и перьевъ. Давая нѣсколько скупю бумагу, она замѣчаетъ, что у нихъ выходитъ такое невѣроятное количество ея, что онѣ всегда радуются, если кто-нибудь оставляетъ въ письмѣ чистый листъ; все идетъ въ дѣло. Указавъ намъ, что переписывать, она уходитъ къ себѣ тоже писать.

Я намѣреваюсь сейчасъ же приняться за дѣло, но дѣдушка начинаетъ разговаривать.

Хитро взглянувъ на меня, онъ говоритъ:

— То, что вы будете сейчасъ писать, противно ученію православной церкви, но это и есть истинное христіанство. Вотъ чѣмъ онъ дорогъ! Онъ возстановляетъ христіанство. Церковь не поняла или не захотѣла понять Христа. Онъ понялъ его. Церковь подмѣнила ученіе Христа. Она обѣщаетъ людямъ царство Божіе въ будущемъ и тѣмъ удаляетъ его наступленіе въ настоящемъ. А оно вотъ!—

(я невольно оглядываюсь, чтобъ его увидѣть)—оно внутри насъ. Заповѣди Христа ясны: Не убій. Какъ же мы смѣемъ убивать? Вотъ онъ это здѣсь и развиваетъ... Онъ говоритъ: 1800 лѣтъ назадъ посреди языческаго міра появилось страшное ученіе, приписываемое «человѣку Христу»...

Я взглядываю на него съ такимъ неподдѣльнымъ удивленіемъ, что онъ невольно умолкаетъ и, вздохнувъ, принимается писать, восклицая отъ времени до времени: «Прекрасно! Какъ вѣрно!... Сильно, сильно сказано».

Мы написали еще очень немного, когда Татьяна Львовна принесла намъ розовой и бѣлой пастилы, которую и сама кушала съ удовольствіемъ. Вспомнивъ, что у меня съ собою былъ шоколадъ изъ Кіева, я достала его и предложила ей.

— Какая прелесть! Вы, вѣрно, знали, что я сластена? Ну, что, разбираете его почеркъ? Уйду, чтобъ не мѣшать вамъ.

Мы снова заскрипѣли перьями. Я писала молча. Я была достаточно знакома съ взглядами Льва Николаевича для того, чтобы не удивляться тому, что знамя теперь называется глухой тряпкой, военный мундиръ—шутовскимъ нарядомъ и т. п. Но, дописавъ до словъ: «Люди живутъ жизнью, противной ихъ сознанию. Лицемеріе этой жизни поддерживается quasi-религіей и quasi-наукой...» я усомнилась насчетъ этого quasi и спросила дѣдушку: quasi или псевдо? Старикъ обрадовался случаю поговорить.

— Quasi, quasi,—твердо сказалъ онъ, потряхивая сѣдыми кудрями.—Онъ говоритъ, что мы дошли до предѣловъ этого лицемерія, и вина въ этомъ падаетъ на ложную религію и ложную науку, лже-науку, quasi-науку...

Начавъ съ этого, дѣдушка такъ разговорился, что я наконецъ замѣтила:

— Боюсь, что мы не допишемъ, если все будемъ разговаривать.

— Ну, такъ что жъ? Развѣ я не дороже этого? Я—живой человѣкъ, живое слово. Сегодня я здѣсь, а завтра меня не будетъ. Я вотъ и Машѣ говорилъ...—И, вспомнивъ о Машѣ, въ кельѣ которой мы находились, онъ снова сталъ бурно восхищаться ею.—Стройная, гибкая, безконечно-женственная, нѣжная, страстная, сильная... Это—лань, это—конь!...—онъ не зналъ уже, съ чѣмъ сравнить ее.

Татьяна Львовна, съ шоколадомъ во рту, вторично заглянула къ намъ.

— О комъ вы говорите? О Машѣ? А!... Надо, однако, показать вамъ карточку его предилекціи... Здѣсь нѣтъ, тамъ, наверху я вамъ покажу. Ну, будетъ писать! Пойдемте взять воздуха. Скоро обѣдъ.

Вошла Вѣра Кузьминская, съ которой я познакомилась еще въ Петербургѣ. Мы вчетверомъ погуляли по саду до звонка къ обѣду, а затѣмъ Татьяна Львовна показывала мнѣ въ кабинетѣ графини

карточки всѣхъ членовъ семьи, давая имъ краткія характеристики. Дѣти смотрѣли фотографіи съ нами и вставляли и свои замѣчанія.

Передъ самымъ обѣдомъ вернулась графиня. Садясь за столъ, она оживленно и весело рассказывала что-то о Зиновьевыхъ и о какой-то Марѣ Ивановѣ.

Кромѣ дѣтей и гувернантки, за столъ сѣлъ еще румяный блондинъ, докторъ Зандеръ, онъ же дѣтскій учитель музыки. Всѣхъ за столомъ было двѣнадцать человѣкъ. Подавали два лакея. Вина на столѣ не было. Пили квасъ и воду. Левъ Николаевичъ, Ге, Татьяна Львовна и ея кузина ѣли вегетарианское, графиня, дѣти, Зандеръ и англичанка—мясное.

Говорили сначала о больныхъ ногахъ Вѣры Кузьминской. У нея былъ ревматизмъ, и Левъ Николаевичъ очень жалѣлъ ее. Мнѣ было странно видѣть великаго писателя въ роли «Левочки», «папа» и «дяди-Ляли», окруженнаго семейнымъ муравейникомъ. Зандеръ доказывалъ Татьянѣ Львовнѣ, что ей вредно вегетарианство. Она возражала и спорила. Левъ Николаевичъ и дѣдушка тоже отстаивали вегетарианство. А графиня сказала:

— Конечно, ей вредно. Я всегда это думала. Онѣ обѣ уже разстроили себѣ этимъ здоровье. Можетъ быть, это и хорошо подъ старость, но имъ еще рано. А что я могу сдѣлать? Я отлично знаю, что это еще имъ отзовется. Машѣ и теперь уже приходится кефиръ пить.

Ге взглянулъ на графиню, какъ на преступницу, и сейчасъ же сталъ рассказывать Льву Николаевичу объ одномъ замѣчательномъ человѣкѣ, который перешелъ на вегетарианство. И какъ это хорошо на него дѣйствуетъ!...

Несмотря на свою грацію и свѣтское воспитаніе, сидѣвшая подлѣ меня Татьяна Львовна раза два капнула чѣмъ-то на скатерть, и я шепнула ей:

— Гдѣ вамъ замужъ выходить? Вы еще скатерть пачкаете!...

Она толкнула меня подъ столъ и сердито прошептала:

— Молчите!...

Когда встали изъ-за стола, Левъ Николаевичъ сѣлъ въ кресло у стоявшаго въ углу круглаго стола, и сейчасъ же семья собралась около него. Графиня принялась за работу. Татьяна Львовна тоже шила что-то бѣлое: картузы или чехлы на картузы. Левъ Николаевичъ заговорилъ о послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы» и о романѣ Боборыкина. Онъ сказалъ, что Боборыкинъ пишетъ очень хорошо, но у него нѣтъ опредѣленнаго міросозерцанія. Прочтешь его романъ—литературно, интересно написанный и не знаешь, для чего онъ все это рассказалъ, что хотѣлъ сказать? Точно онъ рассказывалъ изъ вѣжливости, а не для того, чтобы разрядиться отъ накопленія въ немъ внутренняго чувства и ощущеній. О Достоевскомъ не спросишь: что онъ хотѣлъ сказать? Его гдѣ ни раскрой,—ясно видишь его мысль и чувство, и намѣреніе, его ощущенія,

все, что въ немъ накопилось, что его переполнило и требовало выхода.

Левъ Николаевичъ спросилъ: видала ли я когда-нибудь Достоевскаго?

— Да, я встрѣчала его.

Онъ раскрылъ какой-то иллюстрированный журналъ, отыскалъ тамъ портретъ Достоевскаго и спросилъ:

— Похожъ?

Леву Николаевичу не довелось съ нимъ встрѣтиться; но онъ много слыхалъ о немъ отъ Страхова. Я сказала, что когда я разъ спросила Страхова, кого онъ больше любитъ: Толстого или Достоевскаго? онъ, не задумываясь, сказалъ: «Конечно, Толстого!»

— Да за что же онъ могъ любить Достоевскаго?—съ удивленіемъ спросилъ Ге.

— Ну, какъ же, единомышленники,—сказалъ Левъ Николаевичъ.

Заговорили о братьяхъ Карамазовыхъ, и Левъ Николаевичъ сказалъ, что Алеша непременно ушелъ бы изъ монастыря. Я слышала отъ пріятельницы Достоевскаго о предполагаемомъ продолженіи Карамазовыхъ и сказала:

— Вы правы. Въ слѣдующей части предполагалось паденіе Алеши.

Левъ Николаевичъ и Ге бѣгло переглянулись. Очевидно, имъ было дико назвать уходъ изъ монастыря *падениемъ*.

Въ теченіе вечера Левъ Николаевичъ нѣсколько разъ заговаривалъ со мной о Варнавѣ, причемъ и онъ и Ге называли его Вараввой. Я отмалчивалась или переводила разговоръ на другое. Замѣтивъ это, Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ мягко и ласково:

— Вы не думайте, что мы нарочно называемъ его Вараввой. Это такъ... А помнится, Владимиръ Соловьевъ зналъ этого *Варнаву* и бывалъ у него...

Я промолчала.

Левъ Николаевичъ спросилъ меня: читала ли я Герцена? «Сколько разъ!...» А онъ сейчасъ перечитывалъ его и съ большимъ удовольствіемъ. И не потому, что внѣшне такъ блестяще и изящно, а потому, что видишь человѣка, которому было ясно то, что дѣлалось во-кругъ... И такой писатель не входитъ въ учебники, а зубрять о Жуковскомъ, который былъ за смертную казнь.

Ге съ негодованіемъ сталъ подсказывать, что Жуковскій даже придумывалъ ритуаль для смертной казни, чуть ли не съ музыкой.

— И это при такомъ сантиментальничаньѣ,—сказалъ съ презрѣніемъ Левъ Николаевичъ.

Графиня шла молча, поднимая голову только затѣмъ, чтобы вдѣть нитку. Дѣти то вертѣлись около насъ, то выбѣгали на балконъ или въ сосѣдную комнату. Пятилѣтній Ванюшка спрашивалъ меня на ухо: не хочу ли я пожениться на Зандерѣ?—и сооб-

щилъ, что, какъ только вырастетъ, онъ поженился на одной зна-
комой дѣвочкѣ.

За вечернимъ чаемъ графиня стала говорить мнѣ о своихъ
дѣтяхъ.

— Самыя лучшія изъ нашихъ дѣтей трое старшихъ. Мы ихъ
вмѣстѣ воспитывали, вмѣстѣ старались, столько говорили и ду-
мали о нихъ. Они и вышли лучше всѣхъ: Таня, Илья и Сережа.

— А Марья Львовна?—спросила я съ удивленіемъ.

— Маша, Лева—добрые, но надломленные, болѣзненные. А
эти всѣ еще малы. И всѣ младшіе знаютъ только меня. Отца они
мало и видятъ. Всю зиму онъ кормилъ голодающихъ. Цѣлую зиму
онъ не былъ съ нами. Онъ и не входилъ въ ихъ воспитаніе. У нихъ
я одна.

Левъ Николаевичъ слушалъ ее молча, какъ слушаютъ шумъ па-
дающаго дождя, а Ге посмотрѣлъ на нее взглядомъ страдальца,
говорящаго: «Прости ей, не вѣдаешь, что творить!..»

Допивъ чай, Ванчикъ простился со всѣми и пожелалъ, чтобы
я его уложила. Раздѣваясь, онъ сказалъ, что завтра утромъ при-
детъ разбудить меня и мы пойдемъ гулять. Онъ самъ покажетъ мнѣ
все въ Ясной Полянѣ.

Онъ былъ уже въ кроваткѣ, когда графиня пришла поцѣловать
и перекрестить его. Мать и сынъ обнялись, и, глядя на ихъ ласки,
я почувствовала, какъ спокойное сердце графини крѣпко дер-
жится за этотъ послѣдній теплый лучъ былаго счастья. И мнѣ снова
стало жаль ее.

Мы вмѣстѣ вернулись въ столовую, гдѣ Левъ Николаевичъ и
Татьяна Львовна говорили съ дѣдушкой о его произведеніяхъ.
Онъ собирался написать цѣлый рядъ картинъ на темы изъ Евангелія
и, конечно, не въ церковномъ освѣщеніи. Церковь сдѣлала изъ Хри-
ста Бога; долгъ истинныхъ христіанъ, по мнѣнію Ге, раздѣлать эту
божественность. Христось важенъ примѣромъ и другихъ спасетъ
только такъ, какъ спасъ себя. Ге надѣялся все это выразить своими
картинами и съ негодованіемъ говорилъ объ извѣстномъ изображе-
ніи Христа въ терновомъ вѣнцѣ Гвидо Рени:

— Да вѣдь это Лакоонъ, Лакоонъ!... Это язычество... Это Лао-
коонъ!..

Татьяна Львовна слушала его съ сочувствіемъ, очевидно, раз-
дѣляя его взгляды. Всѣ трое много говорили объ Евангеліи, называя
его *книжечкой*.

Когда Ге сталъ собираться въ дорогу, Татьяна Львовна на-
дѣла шляпу, жакетку и намотала на шею шарфъ испанскаго кру-
жева, намѣреваясь проводить старика на станцію. Прощаясь,
художникъ перецѣловалъ насъ всѣхъ и меня въ томъ числѣ. Левъ
Николаевичъ прощался съ нимъ почти такъ же нѣжно и ласково,
какъ графиня съ Ваничкой. Онъ просилъ старика передать самыя

теплые привѣты какому-то Количкѣ и сказать ему отъ его имени то-то и то-то...

Я спросила Татьяну Львовну:

— Кто это Количка?

— Нашъ другъ. Очень хорошій человѣкъ. Сынъ дѣдушки. Онъ женился на крестьянкѣ и совсѣмъ омужичился.

Дѣдушка уѣхалъ. Левъ Николаевичъ ушелъ къ себѣ читать газеты. Мы остались вдвоемъ съ графиней. Она рассказала мнѣ, что когда въ первый разъ встрѣтилась съ женой Ге, — онѣ молча обнялись и расплакались. И, продолжая быстро шить, графиня стала говорить о томъ, какъ ей противны все эти послѣдователи, сколько въ нихъ самолюбія, хвастовства и притворства! Она не можетъ, не можетъ увлекаться этимъ! — Дочери говорятъ ей: чѣмъ же ты живешь? — А чѣмъ жила, тѣмъ и живетъ. Она смотритъ такъ: въ какомъ положеніи Богъ поставилъ человѣка, въ такомъ и старайся угождать Ему и быть полезнымъ людямъ. Если бъ она была кухаркой, ей бы незачѣмъ разыгрывать графиню; если она графиня, зачѣмъ она будетъ разыгрывать кухарку? Зачѣмъ лгать? Прежде они жили хорошо, честно, просто. И теперь могли бы жить такъ же, жить для себя и для своихъ дѣтей, помогая и сосѣдямъ-крестьянамъ въ ихъ нуждѣ. Вся жизнь графини прошла здѣсь, въ Ясной Полянѣ. Здѣсь она носила, рожала и кормила. У нея девять живыхъ дѣтей. Здѣсь же она помогала мужу, переписывая его работы. У него не было другого секретаря. Графиня сказала мнѣ, сколько разъ она переписала «Войну и миръ» (я не запомнила). Изъ его произведеній она любитъ больше всего «Войну и Миръ», «Казачи» и «Дѣтство и отрочество». Это лучшее изъ всего, что онъ написалъ.

О «Крейцеровой Сонатѣ» она говоритъ съ отвращеніемъ: гадкое, безобразное произведеніе! Теперь она уже не переписываетъ сочиненій мужа; это дѣлаютъ дочери. А ей много дѣла и съ изданіями. Домъ, хозяйство тоже все на ней. Семья большая, гостей всегда много. Жить приходится на два дома. Мальчикамъ надо учиться въ Москвѣ. Ради нихъ приходится жить тамъ зимою. А Льву Николаевичу здѣсь лучше. Надо все обдумать, всѣхъ устроить и здѣсь и тамъ. Весной они здѣсь безъ нея жили: Левъ Николаевичъ, Таня и Маша. Графиня все имъ наладила, устроила, сдала прислугѣ на руки и уѣхала спокойная за нихъ. Получаетъ письмо отъ Маши: прислугу отпустили, все дѣлаютъ сами, взяли только въ подмогу себѣ мальчишку изъ деревни. Прекрасно! Затѣмъ приходитъ письмо отъ Тани. Ихъ обокрали до тла. Все унесли, даже шторы съ оконъ. Ну, что же! Пришлось опять ѣхать и все снова устраивать.

Когда графиня вышла замужъ, Левъ Николаевичъ былъ совсѣмъ не такой. Онъ любилъ, онъ баловалъ ее, покупалъ ей дорогія вещи, за ботинки платилъ (она сказала цѣну). И куда, на что ей были эти ботинки? Носить ихъ въ этой же Ясной! Дѣвушкой графиня

ѣздила во второмъ классѣ; онъ потребовалъ, чтобы она ѣздила въ первомъ; а теперь требуетъ, чтобы она ѣздила въ третьемъ. Нѣтъ, ужъ она во второмъ и останется. Зачѣмъ метаться?

Татьяна Львовна вернулась сонная и зѣвущая. Мы простились съ графиней и пошли спать.

— Надо бы сказать, чтобы у васъ тамъ окна завѣсили, — сказала Татьяна Львовна, спускаясь по витой лѣсенкѣ: — а то Маша тамъ все ободрала. Впрочемъ, мама, вѣрно, распорядилась...

Мама распорядилась, и мнѣ было чудесно. Засыпая, я думала обо всемъ, что видѣла и слышала. Утромъ я встала рано и до прихода Ванички успѣла и нагуляться въ саду и записать свои впечатлѣнія.

Въ восемь часовъ дверь моей комнаты открылась, и кудрявый Ваничка въ чистенькой косовороткѣ бросился съ разбѣгу мнѣ на шею, какъ старому другу.

Вѣра Кузьминская, тоже рано поднявшаяся, напоила насъ чаемъ, и вдвоемъ съ Ваничкой мы ушли въ лѣсъ. За нами побѣжала большая бѣлая собака. Когда я похвалила лѣсъ, Ваничка сказалъ:

— Это Чепышь. Это мой лѣсъ. Это все мое. Да, да, и земля моя...

Чтобы убѣдить меня, онъ потопалъ маленькой ножкой по своей землѣ.

«Вотъ тебѣ и Генри Джорджъ!» подумала я.

Позже я узнала отъ Татьяны Львовны, что Ясная Поляна, дѣйствительно, по раздѣлу досталась Ваничкѣ, какъ самому младшему, съ тѣмъ, чтобы отецъ и мать еще долго могли жить у него.

Углубившись въ свой собственный лѣсъ, пятилѣтній владѣлецъ Ясной Поляны внезапно перемѣнился въ лицѣ и, глядя на меня съ тревогой, сказалъ:

— Дальше нельзя идти! Не надо... Тамъ кротъ... Тамъ волкъ!... Я не пойду дальше...

Мы повернули обратно, что его сейчасъ же успокоило, и онъ сказалъ:

— Лучше я вамъ конюшни покажу и куръ. Вы любите куръ?

Осмотрѣвъ яснополянское хозяйство, мы забрели въ гости къ Агаѣ Михайловнѣ, увѣковѣченной въ «Аннѣ Карениной». Здѣсь нашла насъ няня, уже обезпокоившаяся о своемъ питомцѣ, и мы вмѣстѣ пошли домой.

— Знаете что? Вѣдь я васъ уже видѣлъ прежде...

— Не надо врать, Ваничка. Ты ихъ не видѣлъ, — вмѣшалась няня.

— Нѣтъ, видѣлъ, видѣлъ. Давно прежде. Вотъ совсѣмъ, совсѣмъ такую, съ такими глазами... Давно... я знаю...

— Не надо врать, Иванъ Львовичъ! Ты ихъ никогда не видѣлъ...

За завтракомъ Левъ Николаевичъ спросилъ меня: хорошо ли я спала?—А онъ спалъ плохо, часто просыпался и все стихи какіе-то въ головѣ вертѣлись. Онъ совсѣмъ кончилъ свое большое сочиненіе и хотѣлъ поручить мнѣ отвезти его въ Москву. Онъ далъ мнѣ адресъ Евгенія Ивановича Попова, сказалъ, что дастъ еще и письмо къ нему; прибавилъ, что ему будетъ очень пріятно, если я сойду съ поближе съ его московскими друзьями. Все хорошіе люди.

Послѣ завтрака графиня предложила намъ ѣхать въ лѣсъ за сморчками. Подали дроги, въ которыхъ размѣстились и дѣти, и взрослые.

Въ это утро, въ лѣтнемъ голубомъ капотѣ и бѣломъ чепчикѣ съ чернымъ бархатомъ, окруженная своими милыми ребятами, графиня была совсѣмъ Китти. Она была спокойна, весела и радовалась радости своихъ дѣтей.

Въ лѣсу мы все разбрелись и разсыпались. Ванчикѣ подкладывали въ траву уже сорванные сморчки и, не подозрѣвая обмана, онъ радостно взвизгивалъ при видѣ темнаго гриба.

Я была благодарна графинѣ за то, что она показала мнѣ этотъ лѣсъ. Любуясь старыми деревьями, я думала: «Вотъ его друзья и вдохновители! Вотъ его настоящая рабочая комната, въ которой созданы знаменитыя произведенія».

И какая райская обстановка, какія условія жизни для писателя! Я переносилась мысленно къ прошлому Льва Николаевича и вспоминала, какъ Левинъ говорилъ Китти:

— Слишкомъ хорошо! ненатурально хорошо!

На что Китти отвѣчала:

— А мнѣ чѣмъ лучше, тѣмъ натуральнѣе.

Въ лѣсу было чудесно. Но когда мы вернулись домой, графиня разстроилась, встревожилась и сказала мнѣ, что Левъ Николаевичъ захворалъ и обѣдать не будетъ. У него жаръ и лихорадка. Когда въ столовую вошла Татьяна Львовна, графиня обрушилась на нее:

— Это вы все ходите по больнымъ и въ деревню. Тамъ тифъ! Да, было два случая. Надо же беречь отца. Нельзя забывать, что онъ старъ и слабъ. Долго ли тифъ схватить? А какъ-онъ его перенесетъ?...

— Можетъ быть, еще и не тифъ,—сказала Татьяна Львовна.

— Однако очень похоже на тифъ. Жаръ, и плохо спалъ. Аппетита нѣтъ. Онъ не будетъ обѣдать.

Левъ Николаевичъ не обѣдалъ и за столъ не садился, но все же поднялся наверхъ, сѣлъ на угольный диванъ и оттуда все время съ нами разговаривалъ. Послѣ обѣда мы все подсѣли къ нему, и онъ сказалъ, что хорошо и похворать, когда все такъ за тобой ухаживаютъ. Его знобило, и, поглядывая на дверь въ переднюю, онъ сказалъ:

— Чья это тамъ симпатичная ротонда виситъ? Я проходилъ, подумалъ: вотъ бы закутаться хорошо!

Вѣра Кузьминская, несмотря на боль въ ногахъ, бросилась въ переднюю за своей драповой ротондой и надѣла ее на дядю. Левъ Николаевичъ запахнулся, закутался, сказалъ:

— Вотъ какъ хорошо теперь!... и, указавъ мнѣ глазами на номеръ «Новаго Времени», лежавшій на столѣ, попросилъ прочесть ему рѣчь Золя, вызвавшую его статью о недѣланіи. Я читала вслухъ, а онъ изрѣдка дѣлалъ замѣчанія, вошедшія потомъ въ статью. Онъ вообще не соглашался съ Золя и говорилъ, что большая ошибка принимать такъ называемую энергическую житейскую дѣятельность за силу, тогда какъ, напротивъ, такая суетливая дѣятельность есть большею частью признакъ слабости, покорности, иногда это просто зараженіе... Онъ привелъ нѣсколько примѣровъ такой суетливой дѣятельности, которая усыпляетъ человѣка вмѣсто того, чтобы пробуждать его, что самое важное и главное... Великая истина Лаодзе *le non agir*—не затѣвать, не придумывать, а только отдаваться тому, что считаешь хорошимъ, тому, въ чемъ совпадаетъ съ волей Бога. Въ глубинѣ души люди всегда знаютъ, что хорошо и что дурно и въ чемъ воля Бога. Исполненіе ея не въ дѣйствіяхъ, а въ покорности, въ смиренномъ и кроткомъ отношеніи къ запросамъ жизни, въ которой находишься.

Потомъ мы говорили о романахъ Золя, о его героиняхъ, и Левъ Николаевичъ сталъ говорить о женщинахъ вообще. Онъ сказалъ, что у насъ неправильно стоитъ женскій вопросъ. Нельзя изъ водовозной лошади сдѣлать скакуна. А у насъ хотятъ именно этого. Теперь женщины забираютъ страшную власть. И не власть Евы и Клеопатры,—это всегда было,—а забираютъ власть своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла. Это очень нехорошо. На дняхъ Левъ Николаевичъ видѣлъ журналъ, издаваемый женщиной, американкой, кажется. Онъ былъ пораженъ и претензіей, и пустотой, и бездарностью этого журнала. И вѣдь воображаетъ, суетяся и крича о себѣ, что дѣлаетъ нѣчто полезное, нужное. А не видитъ, что берется за то, что ей не подъ силу.

Когда вечеромъ я спустилась въ комнатку Марьи Львовны, чтобъ собрать мои вещи, Татьяна Львовна постучала ко мнѣ и вошла съ объемистой рукописью.

— Папа спрашиваетъ: не затруднить васъ отвезти это въ Москву?

— Господи! Да для него я готова въ преисподнюю.

Татьяна Львовна засмѣялась и сказала:

— Ну, смотрите, онъ этого и потребуетъ.

Она дала мнѣ рукопись «Царства Божьяго» и письмо къ Евгенію Ивановичу Попову, которому я должна была передать ее.

— Папа проситъ его сейчасъ же увѣдомить насъ о томъ, что рукопись получена.

Я стала бережно заворачивать новое произведеніе Льва Николаевича, а Татьяна Львовна, граціозно присѣвъ на стулъ, сказала мнѣ рѣшительно:

— А теперь, madame, скажите мнѣ: зачѣмъ вы вышли замужъ?

— Какъ или зачѣмъ?

— И то и другое.

Я стала говорить ей то немногое, что могла сказать по этому поводу.

Въ дверь заглянула Вѣра Кузьминская.

— Я не мѣшаю? Вы секреты говорите?

— Пожалуйста! Секреты ужъ кончили.

Татьяна Львовна спросила меня еще: не дѣйствуетъ ли на меня непріятно то обстоятельство, что они не православны?

Я подумала и сказала искренно, что я чувствую себя у нихъ такъ хорошо, какъ давно себя не чувствовала, что все, что я пока слышу и вижу, мнѣ по душѣ и не оскорбляетъ моихъ вѣрованій.

— Вы религіозны. Это хорошо,—сказала Татьяна Львовна.— Въ человѣкѣ безъ религіи всегда есть что-то однобокое, какая-то односторонность. Я васъ спросила объ этомъ потому, что есть лица изъ православныхъ, которыхъ мы возмущаемъ. Напримѣръ, Сергѣй Рачинскій (у котораго школы) писалъ, что все, что говорится въ Ясной Полянѣ, возмущаетъ его, какъ дикая оргія...

Я подумала и повторила, что пока меня ничто не возмущаетъ. Я вижу и чувствую, что Левъ Николаевичъ не раздѣляетъ моихъ вѣрованій. Но что же изъ этого? Я очень счастлива тѣмъ, что я православная; но это никогда не мѣшало мнѣ любить Моцарта, Рафаэля, Теннисона, которые никогда не были православными. Какъ же мнѣ не любить Льва Николаевича, которымъ я восхищалась съ тѣхъ поръ, какъ начала читать. Я думаю, что и онъ не ушелъ бы изъ церкви, если бъ когда-нибудь былъ православнымъ...

— Нѣтъ,—перебила меня Татьяна Львовна:—мы были православными. Но и тогда меня всегда непріятно поражали слова «христоролюбивое» воинство и эти «враги и супостаты». И потомъ, какъ это можно молиться при всѣхъ, когда ясно сказано: войди въ свою клѣть...

Я промолчала, а Татьяна Львовна встала и, пытливо заглянувъ мнѣ въ глаза, сказала:

— Ну, я даю два года срока вашему православію. Черезъ два года отъ него ничего не останется! Вы слишкомъ искренній человѣкъ для того, чтобъ поддерживать эту религію.

Ванюшка прибѣжалъ, говоря:

— Мама проситъ васъ чай пить. Мама очень рада, что мой братъ Илья пріѣхалъ къ намъ на велосипедѣ. Она ужасно рада! Пойдемте же чай пить!...

Левъ Николаевичъ сидѣлъ уже въ уголку на диванѣ, а за столомъ подлѣ графини сидѣлъ ея второй сынъ Илья, напоминающій отца и ростомъ и фигурой.

Левъ Николаевичъ сталъ учить меня, какъ доѣхать до Попова, въ какія конки садиться и т. д. Потомъ спросилъ, что я читала послѣднее время? Я читала Карлейля. Онъ читалъ только «Sartor Resartus» и біографію Карлейля. По біографіи Карлейль нехорошъ, да и статьи его холодны и не увлекаютъ. У него былъ такой непріятный характеръ (можетъ быть, какъ слѣдствіе его болѣзненности), что жена его была очень несчастлива и говорила своей подругѣ: «Никогда не выходи за знаменитаго человѣка».

Кто-то изъ дѣтей спросилъ графиню: что она скажетъ? выходитъ ли за знаменитаго человѣка? Графиня отвѣтила не безъ гордости:

— Не могу сравнивать, я не была женой незнаменитаго!

Всѣ простились со мной очень ласково, а графиня сказала:

— Вы пріѣзжали познакомиться; теперь пріѣзжайте по дружбѣ.

Татьяна Львовна проводила меня на станцію, и, разставшись съ ней, я думала: «Господи, за что мнѣ такой праздникъ! Какая чудная семья!...»

Я сдала рукопись «Царства Божія», съѣздила въ Черниговскій скитъ къ о. Варнавѣ и вернулась въ Павловскъ. Меня спрашивали:

— Кто же сдѣлалъ на тебя болѣе сильное впечатлѣніе? Толстой или Варнава?—И, не дожидаясь моего отвѣта, сами рѣшали: Толстой.

Лѣсковъ написалъ мнѣ изъ Меррекюля, что получилъ отъ московскихъ друзей рукопись «Царства Божьяго», и приглашалъ меня, мою подругу и Любовь Яковлевну Гуревичъ пріѣхать къ нему для чтенія этой рукописи. Онъ прибавлялъ, что ждетъ еще Хирьякова и Меньшикова, съ которыми я не была знакома.

«Читать большое сочиненіе Толстого раньше всѣхъ въ Россіи,— писалъ Лѣсковъ,—и читать его въ такой компаніи, съ такимъ многохитростнымъ критикомъ, какъ Меньшиковъ, это превосходно и для всѣхъ насъ полезно. Такія трудныя вещи такъ и надо читать, чтобъ не увлечься въ одну какую-нибудь сторону».

Мы съѣхались въ Меррекюль, познакомились, погуляли у моря и почитали «Царство Божіе». Узнавъ отъ общихъ знакомыхъ, что молодой священникъ Григорій Петровъ въ Шмецке, я его познакомилась съ Лѣсковымъ, который пригласилъ и его на чтеніе.

Содержаніе новаго сочиненія Льва Николаевича сводилось къ слѣдующему.

Человѣчество пережило три жизнепониманія: 1) личное или животное, 2) общественное или языческое, и 3) всемірное или божеское.

Человѣчество выросло изъ своего общественнаго государственнаго возраста и вступило въ новый. Ему нужна новая религія. Принятіе христіанскаго жизнепониманія освобождаетъ людей отъ бѣдственности нашей жизни.

Заповѣди Христа (по Льву Николаевичу): не платить податей, не наказывать за преступленія, не итти въ военную службу.

Всѣ государственныя учрежденія вредны. Всѣ власти злы. Надо уничтожить государственное насиліе, власть злыхъ надъ добрыми. Революціонеры борются извнѣ съ правительствомъ. Христіане не борются, но изнутри разрушаютъ всѣ основы правительства: присягу, подати, судъ и войско.

Церковь и наука не нужны и вредны, такъ какъ поддерживаютъ лицемѣріе жизни общества.

Все это показалось мнѣ чистѣйшей сутаевщиной, но мнѣ хотѣлось еще перечитать рукопись внимательно наединѣ, и я написала Лѣскову, что прошу дать мнѣ еще разъ прочесть «Царство Божіе».

Лѣсковъ отвѣчалъ:

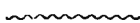
«По отвѣздѣ вашему получилъ на другой же день большое письмо Льва Николаевича. Онъ желаетъ, чтобы я написалъ ему о нашихъ впечатлѣніяхъ. Но это я сдѣлать неспособенъ и писать не буду. Напишетъ ему Меньшиковъ, который собаку съѣлъ на эти дѣла.

«Модестычъ (Хирьяковъ) что-то было начерталъ, но я его отговорилъ, почитая это за несвоевременное и бесполезное. При томъ думаю, что все то, что приходитъ намъ на умъ, уже не разъ бывало въ несравненно болѣе сильномъ и совершенномъ умѣ Льва Николаевича.

«Я весь на сторонѣ автора и никакими деталями не смущаюсь. Это дѣлано на тѣхъ, ниже хочетъ совершенъ быти, а не на простую чадь, которая хочетъ и небесное получить, не погубляя земного житія сладость. Разрушеніе и распластаніе очезримой фальши церковнаго ученія, подмѣниваемаго ученіе Христа, произведены со страшной силой и яркостью молніи, раздирающей ночное небо. Печатный экземпляръ для васъ у меня будетъ; хотя собственно не понимаю, зачѣмъ вы хотите читать это? Для васъ тамъ есть мѣста очень непріятныя и весь духъ сочиненія вамъ противный и даже укоризненный. Человѣкъ, остающійся въ общеніи съ церковью, легче можетъ читать все, что написалъ о ней Вольтеръ, чѣмъ читать это, какъ молотомъ кованное слово. Остается одно изъ двухъ. Или подать руку автору и отвернуться отъ церкви, или итти и рыдать у стараго алтаря и просить у него, чтобъ онъ защитилъ и себя, и людей отъ этого разрушителя, которому не было равнаго по силѣ и рѣшительности».

В. Микуличъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ.

(1862—1912).

I.

АРТИНА политическаго созвѣздія измѣнилась за истекшій послѣ крымской кампаніи полувѣковой періодъ до такой степени, что отъ большинства какъ бы исторически сложившихся явленій не осталось и слѣда. Но существенная перемѣна положеній отдѣльныхъ планетъ вызвала отчасти и совершенно иную группировку между великими народами и ихъ правительствами, пользующимися историческимъ правомъ быть причисленными къ ареопагу вершителей судебъ челоуѣчества, населяющаго вселенную.

Такъ, бывшія въ продолженіе цѣлаго столѣтія въ дружескихъ отношеніяхъ державы замѣтно охладѣли другъ къ другу, между тѣмъ какъ враждовавшія почти непрерывно за тотъ же періодъ государства сблизились, закрѣпивъ взаимныя отношенія даже формальными союзами. Въ силу различныхъ, счастливо сложившихся обстоятельствъ, рѣчь о которыхъ еще впереди, роль наиболѣе видной, какъ бы центральной планеты-державы выпала на долю нашей западной сосѣдки Германіи. Страна, представляющая сердцевину Европы и населенная высококультурнымъ, сильнымъ по духу и нравственнымъ своимъ качествамъ народомъ, носила еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ полупребрежительную кличку «географическаго понятія». Въ какія-нибудь десять лѣтъ германская нація, напоминавшая во многомъ

древне-эллинический народъ съ его вѣчными политическими раздорами, выковалась въ мощную и крѣпко сплоченную не одной только военной организаціей, но и общностью своихъ идейныхъ стремленій державу. Что подобная эволюція не могла произойти безъ нарушенія интересовъ другихъ странъ и народовъ и должна была вызвать не совсѣмъ дружелюбныя отношенія къ Германіи со стороны непосредственно даже не затронутыхъ ея политическимъ объединеніемъ странъ, это вполне понятно, какъ неизбежное послѣдствіе всякаго переворота, уничтожающаго давно и исторически установившійся порядокъ вещей, какъ бы плохъ онъ ни былъ. Къ чувству недоброжелательства, проявившагося у нѣкоторыхъ народовъ къ Германіи, присоединилась еще и замѣтная тревога относительно дальнѣйшихъ ея замысловъ на пути къ достиженію славы и положенія истинно-мировой державы. Отъ недовѣрія же и страха къ явной ненависти, удобренной завистью,—одинъ шагъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если германское государство не приобрѣло по достяженіи апогея своего могущества ни одного новаго и мало-мальски надежнаго друга среди государствъ всего міра.

Что же касается Россіи, какъ сосѣдки Германіи, то взаимныя ихъ отношенія отнюдь нельзя разсматривать и оцѣнивать съ одной только политической стороны. Это привело бы къ крайне ошибочнымъ выводамъ и отдалило бы необходимое для экономическаго процвѣтанія обѣихъ странъ соглашеніе на почвѣ взаимнаго уваженія и признанія неотъемлемыхъ правъ каждой изъ нихъ на свободное, ничѣмъ не стѣсненное развитіе своихъ культурныхъ силъ. Но искреннему сближенію двухъ могущественнѣйшихъ народовъ препятствуетъ въ значительной степени взаимная антипатія, проявляемая, смотря по настроенію и обстоятельствамъ, въ болѣе или менѣе сильной формѣ обоими образованными обществами другъ къ другу.

У насъ пытались неоднократно дать объясненіе нерасположенія, питаемаго русскимъ народомъ къ нѣмцамъ. Тутъ выставались всевозможныя причины, возбуждающія и поддерживающія вражду къ германскому племени. Но подавляющее большинство приводимыхъ аргументовъ проникнуты были явной тенденціозностью и предвзятостью идей. Спокойная, безпристрастная, аналитическая, индуктивная критика не во вкусъ и привычкахъ русскихъ людей. Мы слишкомъ скоро поддаемся и увлекаемся чувствомъ. Русская публицистика старается не столько убѣдить читателя силою логическихъ доводовъ, сколько переманить его въ свой лагерь, въ свой кружокъ, обѣщая заранѣе всевозможныя угоденія. Если къ такому способу вербовки приверженцевъ извѣстныхъ политическихъ взглядовъ можно пристегнуть еще излюбленное на Руси зубоскальство, вмѣстѣ съ остроумной бранью и съ издѣвательствомъ, то прощай всякая объективность и справедливость

сужденія. Немногимъ лучше обстоитъ дѣло и въ нѣмецкихъ литературныхъ сферахъ, занимающихся ознакомленіемъ публики съ русскимъ народомъ, его политическимъ, общественнымъ и культурнымъ бытомъ и всѣми прочими сторонами жизни. Но нѣмцамъ служить до нѣкоторой степени извиненіемъ ихъ сравнительно очень малое знакомство съ Россіей и тѣ препятствія, которыя еще не такъ давно встрѣчали всѣ иностранцы при малѣйшей попыткѣ къ изученію государственнаго строя и народнаго быта нашего отечества.

Если въ неправильной и предвзятой оцѣнкѣ нѣмцами явленій русской жизни виновато ихъ плохое и даже совершенно ошибочное пониманіе всего видѣннаго, слышаннаго и прочитаннаго въ предѣлахъ нашего отечества, то главнѣйшей причиной ложныхъ сужденій со стороны русскихъ по отношенію къ нѣмцамъ и ихъ государству является наша неспособность къ наблюденіямъ и паразитическое неумѣнье разбираться въ мало-мальски сложныхъ вопросахъ соціально-экономическаго быта. Мы, русскіе, во-первыхъ, *ничего не замѣчаемъ*, мы ко всему относимся съ презрительнымъ равнодушіемъ, разъ это не щекочетъ нашихъ нервовъ и не воспаляетъ нашего воображенія. Высокомѣрному прямолинейному осужденію нѣмцевъ при видѣ русскихъ порядковъ и обычаевъ мы противопоставляемъ холодную безучастность съ попыткой стать выше всѣхъ этихъ, якобы мизерныхъ явленій обыденной сѣрой жизни и стараемся изо всѣхъ силъ поразить нѣмца необъятной шириной своихъ умственныхъ горизонтовъ. Неудержимая страсть русскихъ людей, путешествующихъ за границей, перецлунуть всѣхъ случайныхъ собесѣдниковъ въ затронутыхъ вопросахъ съ отрицательнымъ направленіемъ является самой характерной ихъ чертой. Если нашъ туристъ столкнулся съ нѣмецкимъ радикаломъ или социалистомъ, то русскій окажется непремѣнно въ сравненіи со своимъ новымъ знакомымъ *сверх-радикаломъ*. При встрѣчѣ же съ анархистомъ нашъ соотечественникъ, навѣрно, озадачитъ западно-европейскаго коллегу и врага общественнаго строя такими сверх-анархическими идеями, что тотъ новольно и съ неподдѣльнымъ ужасомъ отшатнется отъ него. По возвращеніи домой такіе путешественники и распространяютъ всевозможныя фальшивыя сужденія о нѣмцахъ, о Германіи и господствующихъ въ ней порядкахъ и нравахъ. Ничего не видя, ничего не замѣчая и очень мало понимая изъ всего видѣннаго, эти господа пополняютъ затѣмъ скудость вынесенныхъ ими впечатлѣній своимъ воображеніемъ—сирѣчь выдумками далеко не остроумнаго свойства.

II.

Судьбѣ угодно было ознакомить меня съ Германіей еще въ раннемъ дѣтствѣ, т. е. ровно пятьдесятъ два года назадъ. Изъ этого періода нужно вычесть тѣ двадцать три года, которые я прожилъ

съ незначительными перерывами въ предѣлахъ этой замѣчательной во многихъ отношеніяхъ страны. Находясь остальныя двадцать девять лѣтъ почти безвыѣздно въ Россіи, я тѣмъ не менѣе не переставалъ интересоваться Германіей и внимательно слѣдить за всѣми проявленіями духовной, экономической и политической жизни ея народовъ. вмѣстѣ съ этимъ я поддерживалъ всегда непосредственныя сношенія съ представителями нѣмецкой науки, искусства и литературы. Будучи въ продолженіе полувѣка свидѣтелемъ важнѣйшихъ историческихъ событій, переживаемыхъ нѣмцами, мнѣ гораздо легче было на основаніи пріобрѣтеннаго мною черезъ долготѣнее пребываніе въ Германіи ценза судить и рядить о всѣхъ интересующихъ міръ вопросахъ, связанныхъ такъ или иначе съ государственнымъ или общественнымъ бытомъ нашихъ высококультурныхъ западныхъ сосѣдей.

Здѣсь я долженъ сдѣлать—дабы не забыть впослѣдствіи—одно существенное примѣчаніе касательно характерныхъ отношеній образованнаго русскаго общества къ Германіи, къ германской націи, къ интеллектуальнымъ ея силамъ и къ германскому гению вообще.

Въ періодъ, предшествовавшій объединенію нѣмцевъ въ одну могущественную націю, у насъ смотрѣли на Германію, какъ на *quantité negligible*. О нѣмцахъ иначе не говорили, какъ въ презрительно-насмѣшливомъ тонѣ. На эти отношенія и понятія не вліяла даже и русская научная среда, непрерывно пользовавшаяся плодами нѣмецкой учености. Въ воображеніи русскаго человѣка средней помѣщичьей или чиновничьей руки пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ нѣмецъ былъ и глупъ, и тупъ, и скучъ. Нерѣдко представитель германской науки могъ услышать изъ устъ русскаго человѣка съ виднымъ общественнымъ положеніемъ язвительное замѣчаніе, что ученый потому только прибылъ въ Россію, что въ нищенской его странѣ ему нечѣмъ было питаться. Все нѣмецкое представляло собой предметъ грубаго осмѣянія и поношенія. Съ другой стороны, нѣмецъ, прибывшій въ серединѣ прошлаго столѣтія въ нашъ край, поражался порочностью и распущенностью не только необразованныхъ классовъ, но и высшихъ, привилегированныхъ сословій.

Съ нескрываемымъ отвращеніемъ онъ всюду громко осуждалъ поведеніе своихъ *работодателей*, чѣмъ вызывалъ небезосновательное противъ себя раздраженіе. Но времена измѣнились, равно какъ и нравы. Германія объединилась подъ главенствомъ Пруссіи и побѣдила, къ изумленію всей Европы, въ кровопролитной войнѣ своего традиціоннаго врага Францію.

Теперь отечество вѣчно высмѣиваемыхъ «колбасниковъ» уже нельзя было считать невѣсомой величиной въ вопросахъ міровой политики. Германская имперія, обнаружившая такую неожиданную духовную и физическую мощь, заняла среди всѣхъ великихъ

державъ едва ли не первое мѣсто ¹⁾. Уже въ самый разгаръ франко-германской войны, а въ особенности по заключеніи франкфуртскаго міра произошла рѣзкая пере мѣна къ худшему въ общественномъ мнѣніи Россіи относительно Германіи.

Дѣло въ томъ, что до седанской капитуляціи и сверженія Наполеоновской династіи съ императорскаго престола Франціи русское общество соблюдало въ проявленіи своихъ симпатій къ воюющимъ сторонамъ еще нѣкоторый нейтралитетъ. Но послѣ объявленія въ Парижѣ 4-го сентября 1870 года республики, привѣтствуемой у насъ отнюдь не съ меньшимъ восторгомъ, нежели во Франціи, сердца всѣхъ образованныхъ слоевъ русскаго народонаселенія забились въ унисонъ съ сердцами французскихъ радикаловъ-патріотовъ. Республика, да вдобавокъ французская, — о русской тогда еще и во снѣ не мечтали! — это была та обнаженная восхитительная Фрина, передъ голыми тѣлесами которой стояло непрерывно въ колѣнопреклоненной позѣ русское общество шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Зараженное насквозь радикально-нигилистическими воззрѣніями, оно видѣло въ продолженіи Германіей войны противъ республиканской Франціи квалифицированное покушеніе на святыню всего человѣчества. Съ крикомъ ужаса и отчаянія призывало оно русское правительство вступить за Францію и положить конецъ кощунственному терзанію невиннаго тѣла великомученицы-республики. Подобные истеричные воли раздавались тогда черезъ печать со всѣхъ концовъ Россіи и регистрировались съ пѣмечкой аккуратностью канцлеромъ вновь созданной Германской имперіи. Никогда популярность царя-Освободителя, незабвеннаго Александра II не подвергалась такому серьезному испытанію, какъ во время франко-германской войны. И нѣтъ сомнѣнія, что у образованныхъ, радикализмомъ пропитанныхъ классовъ русскаго общества этотъ одаренный далеко не зауряднымъ государственнымъ умомъ царь утратилъ за соблюдаемый имъ до конца франко-германской войны нейтралитетъ послѣднія симпатіи, оставшіяся отъ достопамятнаго года освобожденія крестьянъ. Русская публицистика старалась доказать, что результаты Берлинскаго конгресса были

¹⁾ Излюбленной темой для высмѣиванія въ былое время пѣмцевъ и всего уклада германской жизни служило у насъ на Руси укоренившееся убѣжденіе, что въ Германіи питаются однимъ только «вассерь-супомъ», т.-е. мучной болтушкой на водѣ. Оставляя въ сторонѣ всю глупость такого измышленія, пущеннаго въ оборотъ въ срединѣ девятнадцатаго столѣтія кѣмъ-нибудь изъ нашихъ крѣпостниковъ-обжоръ, случайно попавшихъ изъ своего медвѣжьего угла въ сосѣднюю культурную страну, мнѣ хотѣлось бы только подчеркнуть всю очевидную нелѣпость подобной выдумки, противорѣчащей элементарному понятію всякаго здравомыслящаго человѣка. Если пѣмцы, откормленные на «вассерь-супѣ», могли въ полгода разгромить одну изъ сильнѣйшихъ до того времени великихъ военныхъ державъ, то не пора ли всѣмъ остальнымъ народамъ — въ томъ числѣ и намъ — позаимствовать кухонный рецептъ столь волшебнаго дѣйствовавшаго «вассерь-супа».

М. Е.

одной изъ главныхъ причинъ замѣтной утраты Александромъ II его популярности и укоренившейся въ народѣ вражды къ нѣмцамъ и Германіи.

Болѣе фальшиво-лукавое объясненіе всѣмъ извѣстныхъ историческихъ явленій трудно придумать. Вѣдь въ подобномъ опредѣленіи кроется предположеніе, что русское общество въ тѣ времена было проникнуто высокимъ патріотизмомъ. Но кому же неизвѣстно, какого сомнительнаго свойства былъ тогдашній патріотизмъ у большинства русскихъ людей. Да, озлобленіе противъ нѣмцевъ было велико, это вѣрно, но оно существовало чуть ли не въ болѣе сильной степени и задолго еще до Берлинскаго конгресса. Оно кристаллизовалось вокругъ ненавистной всей радикальной Европѣ монументальной фигуры Бисмарка, которую у насъ хотѣли непременно низвести до размѣровъ какого-то презираемаго всѣмъ цивилизованнымъ міромъ прусскаго Аракчеева. Одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей нашихъ международныхъ отношеній являлась долготѣняя, ничѣмъ не заглушаемая рѣзкая дисгармонія между официальными завѣреніями искренней, неразрывной дружбы нашего правительства и императорскаго двора къ германскому и тѣмъ настроеніемъ и чувствами общества, которыя проявлялись у насъ на каждомъ шагѣ по адресу не однѣхъ только высшихъ сферъ Берлина, но и всего нѣмецкаго народа. Такъ, напримѣръ, въ мартѣ 1873 года состоялось давно задуманное императоромъ Вильгельмомъ I посѣщеніе Петербурга. Маситый монархъ пріѣхалъ въ сопровожденіи своихъ паладиновъ: Бисмарка, Мольтке и Роона.

Встрѣча вѣнценоснаго побѣдителя въ двухъ большихъ походахъ была со стороны официальной Россіи самая блестящая, до тѣхъ поръ едва ли видѣнная въ сѣверной столицѣ. Но народъ и общество, за исключеніемъ специально командированныхъ къ этому лицъ, не только не принимали никакого участія въ торжественномъ приѣтствіи знатныхъ гостей, но въ душѣ своей относились крайне недружелюбно къ чествуемымъ знаменитостямъ германскаго государства съ престарѣлымъ императоромъ во главѣ.

Открыто и тайно обожаемыми кумирами тогдашнихъ петербургскихъ салоновъ и буржуазныхъ гостиныхъ были Леонъ Гамбетта, Жюль Фавръ, Анри Рошфоръ и прочіе второстепенные революціонные дѣятели всѣхъ странъ и народовъ до уличныхъ или парламентскихъ скандалистовъ включительно. Что при такомъ настроеніи образованнаго общества повышенная отъ обмѣна горячихъ завѣреній во взаимной дружбѣ между берлинскимъ и петербургскимъ официальными мірами политическая температура не шла дальше роскошныхъ покоевъ Зимняго дворца, а тѣмъ паче не могла согрѣть хотя бы только часть столичнаго населенія, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Въ Россіи не переставали обвинять германское правительство въ подстрекательствѣ высшихъ петербургскихъ сферъ усилить, въ отвѣтъ на скрытое домогательство обществомъ введенія народнаго представительства,— абсолютизмъ. Бисмаркъ назывался открыто злымъ геніемъ-демономъ, нашептывающимъ императору Александру II совѣты относительно принятія еще болѣе суровыхъ мѣръ. Что въ дѣйствительности ничего подобнаго не было и не могло быть, это не требуетъ доказательствъ. Никогда русскій царь, да еще столь самолюбивый, какъ Александръ II, не сталъ бы выслушивать совѣтовъ чужестраннаго министра насчетъ способа управленія своимъ государствомъ.

Зато нашимъ радикаламъ и германофобамъ усиленное и непрерывное распространеніе такой клеветнической инсинуаціи было очень на руку. Этимъ маневромъ убивали двухъ зайцевъ за разъ: дискредитировалось русское правительство, и разжигалась ненависть къ Германіи.

Усиливающаяся съ каждымъ годомъ въ Европѣ вражда къ могущественной средне-европейской имперіи и ея геніальному руководителю-канцлеру князю Бисмарку имѣла, помимо явныхъ, всѣмъ извѣстныхъ причинъ, и затаенныя. Радикально-революціонные кружки европейской интернаціоналки не могли простить Бисмарку его блестящую побѣду надъ республиканскимъ духомъ, охватившимъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ значительную часть прусско-германскаго населенія.

Призванный въ 1862 году управлять государственными дѣлами Пруссіи, онъ засталъ при своемъ вступленіи на постъ министра-президента страну накануне революціи. Съ безпримѣрной неустрашимостью взялся Бисмаркъ управлять сильно возбужденной борьбой монархіей и провести всѣ необходимыя для поднятія могущества Пруссіи и Германіи реформы. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила Европа за поединкомъ между монархизмомъ и парламентаризмомъ. Не безъ горькой проиіи указывалъ прусскій король своему первому министру на чрезмѣрно высокую ставку въ этомъ спорѣ со стороны монархической власти. «Сначала отрубятъ вамъ голову на площади между моимъ дворцомъ и опернымъ театромъ, а затѣмъ мнѣ»—были подлинныя его слова во время одного доклада. Побѣда клонилась, казалось, совсѣмъ на сторону непримиримой парламентской оппозиціи; еще одинъ дружный натискъ, и Прусскаго королевства какъ не бывало, династія Гогенцоллерновъ была бы объявлена низложенной и провозглашена республика. И вдругъ все это измѣнилось. Блестящая побѣда при Садовой разсѣяла словно ураганъ всю оппозицію. Новые выборы въ парламентъ дали громадный перевѣсъ правительственной партіи, и Бисмаркъ, выигравъ ставку, могъ приступить къ дальнѣйшей реорганизаціи германскаго союза. Надежда нѣкоторыхъ дипломатовъ и правителей, а также

и интернаціональнаго радикализма, что въ войнѣ 1866 года Пруссія повѣсится на кишкахъ Австрiи, не сбылась, а получился тотъ неожиданный результатъ, что монархическій принципъ чрезвычайно окрѣпъ въ Германiи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ, какъ, напри- мѣръ, въ Италiи и Испанiи, особенно послѣ войны 1870—1871 го- довъ. Вотъ этотъ успѣхъ интернаціональный революціонный ка- галь никакъ не могъ простить Бисмарку и мстилъ ему за постигшее его разочарованiе всю жизнь. Въ виду неоспоримаго факта, что упомянутый революціонный кагаль имѣлъ свои значительныя развѣтвленiя и въ Россiи, нападки на Бисмарка и на монархическую Германiю находили особенно злобный откликъ на столбцахъ ра- дикальныхъ русскихъ органовъ печати.

III.

Апогеемъ вражды къ Германiи и ея счастливымъ правителямъ были восьмидесятые года. Никто не считалъ нужнымъ скрывать своей ненависти ко всему нѣмецкому. Въ газетахъ и толстыхъ жур- налахъ сыпались самыя разнообразнѣйшія обвиненiя на сосѣдную имперiю и, конечно, на Бисмарка. Всѣ бѣдствiя и катастрофы, по- стигшія другія страны, приписывались его тайнымъ кознямъ. Не было такого убiйства или смерти извѣстнаго политическаго дѣя- теля, которыя не приписывались бы «тайственной рукѣ» канцлера Германской имперiи. Между тѣмъ уличенный якобы и нравственно осужденный всею Европою виновникъ всѣхъ этихъ взводимыхъ на него злодѣяній сидѣлъ спокойно въ своемъ родовомъ сельскомъ *huen-retiro*, покуривалъ длинную трубку и презрительно улыбался при чтенiи всѣхъ этихъ небылицъ. Наступило даже время, когда у насъ сочли небезполезнымъ учсть ненависть къ Германiи, какъ немаловажный факторъ въ дѣлѣ популяризированiя правитель- ственныхъ мѣропрiятiй. Скрытые намеки на происки и интриги хитраго и крайне вѣроломнаго недруга по ту сторону Нѣмана отвлекали отчасти общественную мысль отъ явнаго неурстройства административнаго механизма и стужали неудовольствiе населе- нiя на внѣшнемъ супостатѣ. Несовершенства государственнаго строенiя и хозяйства объяснялись усиленными заботами насчетъ охраны отечественной территорiи отъ внезапнаго нападенiя врага, ни о чемъ другомъ-де не помышляющаго, какъ о предательскомъ на- несенiи смертельнаго удара въ спину своимъ сосѣдямъ. Такъ какъ Германiю, способную къ такимъ враждебнымъ выступленiямъ, нельзя уже было приравнивать къ *quantité negligeeable*, то къ концу восьми- десятыхъ годовъ отыскали новую формулу для ея умаленiя и опре- дѣленiя полнаго духовнаго ничтожества нашей западной сосѣдки.

Ничтоже сумняшеся, у насъ просто-напросто вычеркнули на столбцахъ уличныхъ и рыночныхъ листковъ Германiю изъ числа

культурныхъ государствъ. Такой по истинѣ ребяческой способъ нравственнаго обезцѣниванія чужого народа численностью въ шестьдесятъ слишкомъ миллионовъ казался многимъ лицамъ настоящимъ, давно ожидаемымъ откровеніемъ. Съ полудикой страной совсѣмъ-де и другой разговоръ!— Россіи же не привыкать стать поддерживать сносна отношенія съ варварскими государствами. Въ Азіи она граничитъ съ полдюжиной нецивилизованныхъ въ европейскомъ смыслѣ монархій. Съ легкой руки одной или двухъ маленькихъ распивочныхъ газетъ стали и болѣе солидныя отрицать всякія культурныя заслуги нѣмцевъ. «Что они дали человѣчеству?»—спрашивали, напримѣръ, во время пребыванія «славнаго» Деруледа въ 1887 году въ Петербургѣ нѣкоторые повседневные органы печати.—Ровно ничего, отвѣчали хоромъ взвинченные въ своихъ германофобскихъ чувствахъ читатели. «А Россіи, въ частности, что нѣмцы принесли?»—Только одинъ вредъ, слышался единодушный отвѣтъ! «Какимъ полезнымъ изобрѣтеніемъ увѣковѣчили они себя?»—Изобрѣтеніемъ лишь кулачнаго права и гороховой колбасы!—раздавалось со стороны вопрошаемыхъ.

Сообщая всѣ эти факты, я ничего не прибавляю и не преувеличиваю, а привожу только съ точностью живой фотографіи все то, что самъ слышалъ, видѣлъ и читалъ. При этомъ припоминаю, что на мой удивленный вопросъ: «за что же чествуютъ такъ «славнаго» Поля Деруледа и какія его заслуги передъ Россіей?»,—мнѣ отвѣтили съ зазоромъ и страстностью, что Деруледъ великій патріотъ, что его патріотизмъ долженъ служить намъ примѣромъ и т. д., т. е. ограничивались общими мѣстами. Когда же я замѣтилъ, что вѣдь и Бисмаркъ несомнѣнный патріотъ, то мнѣ бросили въ лицо фразу, что въ моемъ замѣчаніи проскальзываетъ завѣдомое желаніе провоцировать ссору и что самымъ лучшимъ отвѣтомъ въ подобныхъ случаяхъ является молчаніе.

Въ дни франко-русскаго братанія въ Кронштадтѣ, Тулонѣ и Парижѣ у насъ наконецъ договорились до полнаго отрицанія германской науки, искусства, литературы и какихъ-либо выдающихся ея представителей въ этихъ отрасляхъ духовнаго творчества. «Наши научныя силы ничуть не хуже нѣмецкихъ, ничего намъ не нужно, да ничего мы и не можемъ заимствовать отъ германскихъ ученыхъ, художниковъ и артистовъ»,—писали видные публицисты. Отрицали заодно и исторической фактъ призыва Петромъ Великимъ нѣмцевъ въ качествѣ инструкторовъ и учителей въ Россію.

«Никогда онъ нѣмцевъ не звалъ къ себѣ, а лишь только однихъ голландцевъ»,—утверждали нѣкоторые писатели-фельетонисты. Велика, подумаешь, разница между нѣмцемъ и голландцемъ: во всякомъ случаѣ не большая, нежели между воронежскимъ и смоленскимъ крестьяниномъ! Но такихъ истинъ у насъ не признаютъ.

Никто изъ научно-образованныхъ людей, выработавшихъ въ себѣ способность логическаго мышленія, не станетъ отрицать, что извѣст-

ная, но умѣренная доля антагонизма между отдѣльными расами и народами должна существовать. Безъ этой минимальной дозы вражды не было бы соревнованія между націями на интеллектуальномъ поприщѣ и цивилизація не распространялась бы съ такой сравнительной быстротой.

Глубоко-философскій афоризмъ, утверждающій, что во всѣхъ преступныхъ наклонностяхъ и порокахъ кроется микроскопическій зародышъ будущей добродѣтели, становится особенно убѣдительнымъ при разсматриваніи международныхъ отношеній. Политическая или національная вражда порождаетъ патріотизмъ, а послѣдній является стимуломъ прогресса. Опасна только безразсудная, слѣпая ненависть, съ пагубными для собственныхъ же интересовъ высмѣиваніями и поношеніями тѣхъ проявленій духовной жизни чужого народа, которыя составляютъ не только его силу и мощь, но и служатъ ему нравственнымъ украшеніемъ.

Вотъ въ этомъ умышленомъ, явно тенденціозномъ непризнаніи хорошихъ качествъ въ другихъ націяхъ, и преимущественно въ нѣмцахъ мы, русскіе, болѣе всего повинны. Взять хотя бы нашу вѣчно пренебрежительно-саркастическую улыбку при одномъ упоминаніи о «нѣмецкой аккуратности». Съ незапамятныхъ временъ мы стараемся придать этой совершенно ошибочно приписываемой нами однимъ только нѣмцамъ чертѣ какой-то оттънокъ пустой, дряненькой мелочности, не имѣющей ни малѣйшаго значенія. Не является ли характернымъ обстоятельствомъ тотъ фактъ, что, кромѣ русскихъ и еще поляковъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, никто изъ другихъ европейскихъ народовъ не смѣется надъ нѣмецкой аккуратностью и даже никогда не упоминаетъ о ней по простой причинѣ, что не только нѣмцы, но и французы, англичане, итальянцы, скандинавцы, голландцы отличаются аккуратностью во всѣхъ проявленіяхъ жизни. Что среди всѣхъ европейскихъ народовъ наименѣе акуратны славяне, это не подлежитъ спору, хотя относительно чеховъ необходимо сдѣлать оговорку: они столь же аккуратны, какъ и нѣмцы, а что касательно неряшества и распушенности мы, русскіе, взяли рекордъ, что не даетъ намъ ни малѣйшаго права считать себя болѣе интеллектуально развитыми. Аналогичное явленіе замѣчалось при упоминаніи нѣмецкаго патріотизма и горячаго чувства привязанности къ родинѣ. Тутъ насмѣшкамъ и издѣвательствамъ не было предѣловъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить, что починъ въ издѣвательствѣхъ надъ германскимъ патріотизмомъ исходилъ не отъ насъ, а изъ Парижа, мы только подхватили эту злую шутку, оказавшуюся впоследствии столь пагубной для самихъ же авторовъ и ихъ плагиаторовъ. Съ появленіемъ на французской опереточной сценѣ «Le petit Faust» — le faterland стало крылатымъ словомъ. Съ крикомъ дикаго восторга подхватили въ Россіи насмѣшки надъ «фатерландомъ». Никто не обращалъ

вниманія на логическую несуразность поношенія одного и того же чувства у чужого народа и восхваленія его у себя и у своихъ друзей. Французы въ 1870 году, а за ними и мы, русскіе, въ 1904—1906 годахъ оцѣнили, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, по достоинству эти продолжительныя пошлыя выходки противъ «фатерланда» и патріотизма вообще.

Взаимныя отношенія между разноплеменными и даже родственными между собой народами вытекають отнюдь не изъ однихъ общихъ интересовъ или экономическихъ соображеній, они покоятся несравненно тверже на безошибочномъ пониманіи стремленій и конечныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ сосѣднимъ или другимъ народомъ. «*Tout comprendre c'est tout pardonner*», мудрое изреченіе это подходитъ какъ нельзя лучше при оцѣнкѣ международныхъ сношеній. Исключительно съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ привѣтствовать гаагскій третейскій судъ. Если бы въ Германіи и Россіи при возникновеніи разныхъ недоразумѣній, не стоящихъ въ большинствѣ случаевъ выѣденнаго яйца, старались бы серьезно выикнуть въ положеніе противной стороны, то со временемъ могли бы образоваться громадныя сбереженія отъ не израсходованныхъ на безконечныя споры и брань по этому поводу письменныхъ и типографскихъ матеріаловъ, стоимость которыхъ достигала бы суммы, могущей покрыть расходы на грандіознѣйшій международный праздникъ-пикникъ, устраиваемый въ честь достигнутаго соглашенія между недавними противниками.

Выставляя съ возможно объективной откровенностью ошибки и заблужденія русскихъ людей, проявленныя ими въ продолженіе цѣлаго послѣдняго полстолѣтія при оцѣнкѣ нравственно-политическихъ качествъ своихъ ближайшихъ сосѣдей-нѣмцевъ, я вовсе не намѣренъ скрыть обстоятельство, что и нѣмцы, съ своей стороны, дѣлали и продолжаютъ дѣлать массу грубыхъ и крайне фальшивыхъ выпадовъ противъ Россіи и всего русскаго. Разница только въ томъ, что германская печать и германское общественное мнѣніе продѣлывали все это не изъ побужденія или желанія посорить нѣмецкій народъ съ русскимъ, а съ единственной цѣлью выразить свое полное пренебреженіе и даже презрѣніе восточнымъ сосѣдямъ. Они не мечтають о томъ, чтобы натравить на насъ Европу или весь міръ, съ нихъ совершенно довольно возбудить противъ Россіи чувство нравственной безгливости, какъ къ странѣ темной, полуварварской, не признающей еще элементарныхъ законовъ справедливости и первобытныхъ понятій чести. Весьма слабымъ извиненіемъ служить нѣмцамъ отчасти ихъ, несомнѣнно, искренняя вѣра въ правдивость своихъ сужденій, касающихся Россіи. При этомъ не слѣдуетъ ни на минуту забывать, что за послѣднія сорокъ лѣтъ въ нападкахъ на наше отечество со стороны нѣмецкой публицистики еврейство стало принимать видное участіе. Стоить только сравнить враждебныя

Россіи статьи, появившіяся въ сороковыхъ или пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія въ нѣмецкихъ періодическихъ и повседневныхъ изданіяхъ, съ современными выпадами, полными дикой злобы, лжи, клеветы и угрозъ, чтобы попятъ, какую непримиримую вражду къ Россіи стараются евреи посѣять во всемъ мірѣ. Еще пятьдесятъ-сорокъ лѣтъ назадъ можно было встрѣтить въ хорошихъ нѣмецкихъ изданіяхъ очень сочувственныя и вполне объективныя статьи и замѣтки о нашемъ отечествѣ. Съ переходомъ почти всѣхъ выдающихся литературныхъ изданій въ еврейскія руки мы, кромѣ самой предвзятой вражды по отношенію къ Россіи, ничего не находимъ. Есть, конечно, исключенія, но они такъ рѣдки, что тонуть въ общей массѣ непріязненно настроенныхъ къ намъ произведеній печати.

IV.

Послѣ всего вышензложеннаго возникаетъ самъ собой вопросъ: какова же на самомъ дѣлѣ современная Германія и какое настроеніе господствуетъ у нѣмцевъ по отношенію къ ихъ сосѣдямъ, является ли Германія въ дѣйствительности постоянной угрозой европейскаго міра, какъ въ этомъ хотятъ насъ увѣрить одновременно и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Петербургѣ?

Я уже отмѣтилъ выше, что послѣднія двадцать девять лѣтъ жизни я провелъ безвыѣздно въ Россіи и имѣлъ только духовную связь съ Германіей. Въ концѣ текущаго года мнѣ, благодаря счастливой случайности, довелось пробыть около шести недѣль въ Германіи; срокъ не большой, но для человѣка, ранѣе основательно знакомаго съ страной, вполне достаточный, чтобы отмѣтить громадную разницу между прошлымъ и настоящимъ этого государства и всего общественнаго строя.

Первое, что бросается въ глаза при переѣздѣ русско-германской границы, это невѣроятно увеличившееся благосостояніе всей нѣмецкой страны и ея населенія. Тѣ картины нужды, которыя можно было видѣть довольно часто еще тридцать лѣтъ назадъ, исчезли совершенно; при этомъ богатство не скопилось въ какомъ-либо одномъ пунктѣ и не стеклось въ карманы нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сословій или группы промышленниковъ, нѣтъ, оно, видимо, распредѣлилось довольно равномерно, насколько это вообще допускаетъ современный государственно-общественный строй. Такъ, напримѣръ, городское населеніе поражаетъ прямо своимъ необычайно сытымъ и довольнонымъ видомъ. Чернорабочіе, поденщики, уличные метельщики, грузчики, портовые рабочіе, ломовые извозчики не представляютъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго исключенія, всѣ выглядятъ здоровыми, опрятно одѣтыми и съ охотой исполняющими свои обязанности людьми. Пьяныхъ между ними почти совсѣмъ не видать, случается, что попадаетъ слегка выпившій, но онъ дѣлаетъ свое дѣло,

или, если уже немного перегрузился,—что, впрочемъ, очень рѣдко бываетъ,—то самъ уходитъ безъ шума, безъ крика и столь обычной у насъ на Руси ругани. Вообще толпа въ Германіи показала мнѣ за время моего сравнительно недолгого тамъ пребыванія, удивительно дисциплинированной. Въ Кенигсбергѣ, этомъ преимущественно торговомъ и портовомъ городѣ, я присутствовалъ, между прочимъ, при въѣздѣ и отъѣздѣ императора Вильгельма II, его супруги и дочери и былъ восхищенъ поведеніемъ не только публики, но и простыхъ рабочихъ, бродившихъ тысячами толпами по необычайно узкимъ улицамъ. Трамвайное и экипажное движеніе было пріостановлено часа на четыре по всѣмъ главнѣйшимъ улицамъ. Полиціи было въ сравненіи съ тѣмъ, что видно у насъ въ подобныхъ случаяхъ, ничтожное количество, тѣмъ не менѣе порядокъ господствовалъ всюду образцовый, ни малѣйшаго словеснаго или какого-либо иного столкновенія между чинами полиціи и публикой я не замѣтилъ. Между тѣмъ эта древняя столица Гогенцоллерновъ, эта резиденція прусскихъ королей, гдѣ они короновались, выбрала въ депутаты рейхстага социаль-демократа. При проѣздѣ императора и его семьи раздавались оглушительные, чисто громовые раскаты «ура» и «hoch»; рабочіе махали шапками и не жалѣли своихъ глотокъ. Гдѣ же скрыта разгадка такого кажущагося противорѣчія? На мои удивленные запросы мнѣ отвѣчали компетентные люди съ снисходительной улыбкой на устахъ, что социаль-демократическая партія утратила въ значительной степени свое прежнее политическое значеніе; она перестала быть конкретной силой въ общественной жизни и начинаетъ довольствоваться бесплодной чисто доктринерской оппозиціей. Отъ прежняго нравственнаго вліянія главарей социаль-демократической партіи на рабочую и пролетарскую массу не осталось и слѣда. Что въ большихъ городахъ избираются почти исключительно социаль-демократы, очень понятно и не представляетъ ничего тревожнаго въ смыслѣ возрастанія непокойныхъ и враждебныхъ государству элементовъ. За пятьдесятъ лѣтъ организованнаго своего существованія социалисты обуржуазились съ внѣшней стороны и по внутреннимъ своимъ убѣжденіямъ до такой степени, что двѣ трети изъ нихъ въ критическую минуту откажутся идти за признанными партіей главарями. Это поняли наиболѣе разумные и вліятельные вожди германскихъ социалистовъ, объявивъ, напри- мѣръ, безъ всякаго посторонняго къ тому побужденія такіа резолюціи, что социаль-демократы на первыхъ порахъ все же нѣмцы и что воевать и защищать отечество отъ внѣшнихъ враговъ они согласны наравнѣ съ другими партіями. Еще двадцать лѣтъ назадъ Бебель заявилъ публично, что социаль-демократическая партія не можетъ относиться равнодушно къ вопросу о возможномъ пораженіи Германіи въ будущей войнѣ. Участъ-де нашей партіи связана не менѣе другихъ со счастливымъ исходомъ войны, а потому мы и не думаемъ

отказываться отъ исполненія своего долга. Послѣ такого заявленія прусскіе военные министры стали здороваться съ Бебелемъ при встрѣчахъ въ рейхстагѣ за руку. Для подавляющаго большинства избирателей социаль-демократы являются только простой оппозиціей и отнюдь не врагами отечества. Въ силу избирательнаго закона, по которому всѣ совершеннолѣтніе и не опороченные судомъ граждане имѣютъ право голоса, большинство избирателей въ большихъ городахъ состоитъ изъ рабочихъ и неимущихъ классовъ, имѣющихъ всегда достаточно много поводовъ,—все равно обоснованныхъ или нѣтъ,—къ неудовольствію. Такіе избиратели всегда склонны дать свой голосъ такому же рабочему или рекомендованному союзомъ рабочихъ кандидату, въ которомъ они увѣрены, что онъ станетъ отстаивать ихъ кровные интересы.

Другимъ же кандидатамъ буржуазной оппозиціи они потому не даютъ свои голоса, что считаютъ ихъ недостаточно независимыми и находящимися въ кабаль у тѣхъ же капиталистовъ. Взглядъ этотъ нашель неоднократно свое подтвержденіе во время скандальныхъ разоблаченій въ германскомъ рейхстагѣ разныхъ маленькихъ панамъ въ 1873 году. Тогда безспорно очень талантливый и лично безупречный депутатъ Ласкеръ (еврей) обнаружилъ цѣлую сѣть хитросплетенныхъ спекуляцій по части желѣзнодорожныхъ концессій съ указаніемъ высокопоставленныхъ лицъ и придворныхъ сановниковъ, участвовавшихъ въ этихъ спекуляціяхъ и злоупотреблявшихъ своимъ положеніемъ для безпрепятственнаго оборудованія упомянутыхъ аферъ.

Впослѣдствіи выяснилось, однако, что Ласкеръ скрыль многое въ своихъ разоблаченіяхъ, а главное побоялся указать на истинныхъ виновниковъ неблаговидныхъ финансовыхъ операцій, еврейскихъ банкировъ, уплатившихъ своимъ аристократическимъ сообщникамъ сравнительно лишь незначительный куртажъ. На слѣдующихъ за этимъ скандаломъ выборахъ Ласкеръ вынужденъ былъ отказаться отъ своей кандидатуры изъ чисто-правственныхъ побужденій, хотя выборъ его былъ заранѣе обезпеченъ.

Еще въ 1870 году, до франко-германской войны, Германія была на три пятыхъ земледѣльческой страной; теперь это соотношеніе совершенно измѣнилось и три пятыхъ всѣхъ жителей принадлежатъ къ торгово-промышленнымъ и другимъ профессіямъ, а остающіяся двѣ пятыхъ занимаются сельскимъ хозяйствомъ, скотоводствомъ и прочими аграрными промыслами.

Этимъ эволюціонированіемъ промышленныхъ сферъ и объясняется ростъ социаль-демократовъ, имѣющей далеко не то угрожающее значеніе, которое ему приписываютъ. Противники Германіи утверждаютъ, напримѣръ, что изъ трехъ нѣмцевъ одинъ непременно социаль-демократъ. Что же это доказываетъ и какіе выводы можно изъ этого дѣлать?—Ровно никакихъ. Цифры, какъ онѣ иногда ни убѣдительны

бываютъ, ничего не говорятъ въ данномъ случаѣ. Съ несомнѣнно большимъ правомъ приблизиться къ истинѣ можно утверждать, что изъ трехъ россійскихъ выборщиковъ-крестьянъ одинъ обязательно анархистъ, не признающій чужой собственности.

Вѣдь едва ли будетъ трудно доказать, что сельскіе обыватели, посылающіе въ думу правыхъ и преданныхъ монархизму священниковъ, не задумывались въ дни освободительнаго движенія жечь и грабить барскія усадьбы. Посылая черезъ уѣздную или губернскую администрацію выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, эти же самые обыватели пѣлыхъ волостей готовы по первому данному революціонерами сигналу броситься съ топорами на господъ и ихъ имущества, чтобы отобрать у нихъ все, до жизни включительно.

Нѣтъ, я предпочелъ бы уже лучше имѣть дѣло съ германскими пролетаріями социаль-демократами, нежели съ нашими крестьянами-собственниками. Тѣ, то-есть нѣмецкіе социалисты, я увѣренъ, волоска бы не тронули на моей головѣ, и я спокойно могъ бы спать въ своей усадьбѣ, не опасаясь сторѣть ночью заживо въ своей постели, или, спасаясь отъ огня, быть ужокошеннымъ на порогѣ своего дома за то только, что я баринъ!

Но допустимъ даже, что каждый третій нѣмецъ не только социаль-демократъ по убѣжденіямъ, но и лютый, беспощадный врагъ государства и общества, то все же бѣда ужъ не такъ велика и Германіи еще рано отчаиваться, ибо остальные два нѣмца при малѣйшей попыткѣ третьяго осуществить свои замыслы на практикѣ сплотятся и дадутъ своему согражданину такой энергичный отпоръ, что у него надолго пропадетъ охота затѣвать исторію снова. Это социалисты прекрасно понимаютъ и не дѣлаютъ никакихъ серьезныхъ попытокъ перевернуть политическій и экономическій строй въ своемъ отечествѣ.

Нѣмцы безусловно народъ вдумчивый, разсудительный и рѣшительный въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ минуту серьезной опасности они не станутъ, какъ наше русское образованное и полуобразованное общество, уповать только на защиту со стороны правительства. Противъ анархическихъ шаекъ поджигателей, грабителей и экспроприаторовъ имущественные и благонадежные классы въ Германіи организуютъ въ случаѣ надобности съ молниеносной быстротой вооруженные кадры изъ добровольцевъ всѣхъ возрастовъ. Помѣщики, дворяне и прочіе сельскіе собственники не попрятались бы, какъ у насъ, при приближеніи орды живодеровъ, намѣревающейся воспользоваться чужимъ добромъ. Германская аристократія не бѣжала бы въ смутное время изъ отечества на Ривьеру и не стала бы тамъ выжидать, «когда это все кончится». Ни въ какомъ случаѣ германскіе родовитые владѣльцы замковъ и вельможи не дозволили бы безнаказанно толпѣ пьяныхъ буяновъ жечь и грабить родовое помѣстье; они предпочли бы пасть подъ развалинами своихъ усадебъ

съ оружіемъ въ рукахъ. Непоколебимая увѣренность, что все это будетъ именно такъ, а не иначе, и дѣйствуетъ охлаждающимъ образомъ на нѣкоторыя чрезмѣрно разгоряченныя головы социалистовъ. Но повторяю вновь, что громадное, подавляющее большинство нѣмецкихъ социаль-демократовъ и не думаютъ ни о какомъ насильственномъ выступленіи для низверженія существующаго порядка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда социалисты съ цѣлью протеста устраивали какія-нибудь совершенно мирно задуманныя уличныя демонстраціи и разыгрывались затѣмъ крупныя беспорядки съ примѣненіемъ вооруженной силы, вина пала вовсе не на инициаторовъ выступления. Въ такихъ громадныхъ промышленныхъ центрахъ и міровыхъ городахъ, какъ Берлинъ или Гамбургъ, Альтона, находится всегда цѣлая армія безработной или просто тунеядствующей черни. Для этихъ обывателей дна всякій уличный скандалъ является праздникомъ, при которомъ, смотришь, что-нибудь и перепадетъ. Конечно, нечего грѣха таить, социалисты, зная прекрасно все заранѣе, пользуются при случаѣ означеннымъ пушечнымъ мясомъ для своихъ цѣлей, главнѣйшая изъ коихъ заключается въ томъ, чтобы насолить властямъ.

Паразитическое безсиліе проявляетъ социализмъ въ Германіи на поприщѣ урегулированія отношеній между работниками и работодателями. Казалось бы, что тутъ-то они могли бы съ успѣхомъ, не допускаящимъ и мысли объ отступленіи, вертѣть и орудовать по своему усмотрѣнію. На дѣлѣ же выходитъ совершенно иначе. Забастовки (штрейки) кончаются въ большинствѣ случаевъ полнымъ пораженіемъ бастующихъ по той простой причинѣ, что почти вся Германія покрыта хорошо организованной сѣтью штрейкбрехерскихъ ассоціацій. Учрежденія эти приходятъ на помощь работодателямъ по первому ихъ зову. Основная идея, положенная въ штрейкбрехерскія организаціи, зиждется на томъ, что непрерывныя забастовки сильно вредятъ отечественной промышленности. Особенно ощущается такой вредъ при заключеніи контрактовъ съ заказчиками, живущими за границей. Отказъ отъ выполненія контрактныхъ условій можетъ быть причиной полного разоренія работодателя. При наличности всегда свободныхъ рабочихъ силъ было бы непростительно не давать возможности такимъ лицамъ заработать нѣкоторую сумму денегъ, дающую имъ вновь средства къ существованію. Препятствовать не имѣющимъ заработка рабочимъ стать на мѣсто забастовщиковъ отнюдь не согласуется съ принципомъ провозглашенія личной свободы отдѣльнаго индивидуума. Соблюденіе и охрана общихъ сословныхъ интересовъ вещь хорошая, но не можетъ она приказывать людямъ голодать. Штрейкбрехеры являются тоже сорганизованнымъ товариществомъ съ частичной круговой порукой, съ строгимъ соблюденіемъ выработанныхъ коллективнымъ собраніемъ правилъ.

Малѣйшая попытка препятствовать штрейкбрехерамъ стать на работу бастующихъ карается необычайно строго германскими законами. Административныя власти слѣдятъ въ высшей степени зорко за тѣмъ, чтобы законъ о безпрепятственномъ правѣ отдѣльнаго индивидуума стать на работу тамъ, гдѣ онъ желаетъ и гдѣ ему такую предлагаютъ, не нарушался и не обходился. Штрейкбрехерскія ассоціаціи имѣютъ своихъ представителей-главарей, разъѣзжающихъ непрерывно по всей Германіи и заключающихъ съ работодателями условія, въ силу которыхъ замѣстители бастующихъ вступаютъ на работу за ту же плату съ прибавкою лишь путевыхъ расходовъ.

Источникомъ благосостоянія германскаго народа является, помимо удивительнаго его трудолюбія, главнымъ образомъ еще и доведенная до высокой степени совершенства организованность самой работы. Въ стремленіи урегулировать и оградить личный и коллективный трудъ населенія отъ всякихъ препятствій и стѣсненій, правительства союзной имперіи идутъ не только съ величайшей готовностью навстрѣчу требованіямъ общественнаго мнѣнія, но стараются еще опередить его во многихъ отношеніяхъ устройствомъ новыхъ учрежденій и сооружений, служащихъ цѣлямъ промышленности, торговли или земледѣлія, а равно и улучшеніемъ уже существующихъ старыхъ, на что и затрачиваютъ колоссальныя суммы изъ своего бюджета. Для примѣра приведу опять тотъ же Кенигсбергъ. Въ 1869 году мнѣ довелось прожить въ этомъ городѣ около четырехъ мѣсяцевъ. Кенигсбергъ представлялъ тогда собой не что иное, какъ захолустный провинціальный городъ. Вида его не могъ скрасить даже и возвышающійся такъ гордо надъ нимъ громадный древне-рыцарскій замокъ Тевтонскаго ордена. Своимъ мрачнымъ, суровымъ величіемъ онъ, казалось, повѣствоваль о быломъ могуществѣ этого края и жалкомъ положеніи ютящихся нынѣ у его подошвы въ невзрачныхъ домикахъ жителей. Проѣздомъ въ январѣ 1884 года я остановился на сутки въ Кенигсбергѣ и, пройдясь по городу, не замѣтилъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ его внѣшнемъ видѣ. Рѣка Прегель, протекающая по городу двумя рукавами, изъ коихъ главный не шире нашей Фонтанки, а второй будетъ равнымъ Мойкѣ у Полицейскаго моста, покрыта была маленькими барками и парусными ладьями, нагруженными для потребностей города картофелемъ, овощами, дешевыми фруктами, каменнымъ углемъ, дровами, соленой рыбой и тому подобными продуктами для мѣстныхъ нуждъ и продовольствія. Пароходы за недостаткомъ глубины не могли доходить до Кенигсберга. Морскія суда должны были выгружаться въ Пиллау, небольшой гавани, лежащей въ 80 верстахъ по направленію къ сѣверу отъ Кенигсберга, и доставлять товары, назначенные въ этотъ городъ, на небольшихъ лихтерахъ. По-нятно, что такой способъ былъ очень медлителенъ, дорогъ, а для

нѣкоторыхъ грузовъ и прямо убыточенъ. Посѣтивъ въ сентябрѣ минувшаго года Кенигсбергъ, я былъ несказано пораженъ видомъ этого города. Изъ мизернаго словно захудалаго городишки, носящаго какъ бы въ насмѣшку гордое названіе королевской столицы и резиденціи (Königliche Haupt und Residenzstadt), превратился онъ въ настоящую роскошную столицу средней величины. На рѣчкѣ Прегель въ самомъ центрѣ города красовались гигантскіе пароходы вмѣстимостью до 6000 тоннъ. Устроена великолѣпная гавань съ новѣйшими приспособленіями, какихъ я никогда не видалъ ни въ Петербургѣ, ни въ Кронштадтѣ, ни въ Ревелѣ. Чистота въ городѣ идеальная, порядокъ движенія по улицамъ образцовый. Никто не пользуется монополіей относительно пользованія городскими путями сообщенія, то есть проѣздными дорогами. Ни трамваи, ни автомобили, ни почтовые фургоны-моторы, никакія высокопоставленныя лица и ломовые извозчики не пользуются привилегіей давить прохожихъ по улицамъ. Если передъ трамваемъ ѣдетъ нагруженный ломовикъ, или движется медленно какой-либо другой экипажъ по причинѣ, не зависящей отъ него, то трамвай долженъ ѣхать по мѣрѣ возможности съ той же скоростью. Только тамъ, гдѣ есть несомнѣнная возможность свернуть съ рельсовъ, фургоны, экипажи и пѣшеходы обязаны дѣлать это. Зато и очень мало несчастныхъ случаевъ приходится отмѣчать въ хроникѣ городскихъ происшествій. Случайно мнѣ довелось быть свидѣтелемъ столкновенія трамвайнаго вагона съ фіакромъ (извозчикомъ), при чемъ у послѣдняго было сломано колесо. Увидавъ издали громадное скопленіе публики, я поспѣшилъ къ тому мѣсту, дабы узнать, въ чемъ дѣло. По мѣрѣ приближенія къ собравшейся толпѣ удивленіе мое росло все болѣе.

По срединѣ улицы—одной изъ главнѣйшихъ артерій города—стояла молча толпа людей всѣхъ профессій и сословій, тишина царила поразительная и для меня прямо непонятная; можно было предположить, что тутъ собираются служить литію по покойникѣ, но нигдѣ не видно было гроба. Центральную точку среди головъ толпы изображала блестящая на солнцѣ лакированная каска полицейскаго, что-то также безмолвно записывающаго въ свою книжку; рядомъ съ нимъ стоялъ извозчикъ и нѣсколько еще постороннихъ лицъ, сообщавшихъ о чемъ-то вполголоса шутцману (городовому). Остальная публика тихо и молча наблюдала за всѣмъ этимъ происшествіемъ. Закончивъ запись, полицейскій, ни слова не говоря, сунулъ книжку въ карманъ, и публика, точно только и ожидавшая этого жеста, стала, не нарушая царившей до того тишины, расходиться. Перенесясь мысленно на родину, я представилъ себѣ вѣроятную картину подобнаго же происшествія, какъ оно разыгралось бы на улицахъ Петербурга или Москвы. Но объ этомъ не стоитъ распространяться, ибо увѣренъ, что у каждаго читателя хватитъ собственнаго воображенія для придачи ей отечественнаго колорита.

V.

Второе, что приковываетъ вниманіе наблюдательнаго человѣка во время его пребыванія въ Германіи и среди нѣмецкаго общества, это тотъ особый и, безъ преувеличенія можно сказать, идеальный демократизмъ, духомъ котораго проникнута вся страна и всѣ слои народнаго населенія. Проживъ лишь нѣсколько недѣль въ Германіи, распознаешь сразу громадную разницу между настоящимъ истиннымъ демократизмомъ и той невѣроятнo пошлой фальшью, въ которую выродилось это абстрактное понятіе у насъ на Руси. Въ основѣ нѣмецкаго демократизма поконтся, какъ незыблемый постулатъ, уваженіе ко всякому честному труду. Изъ этого уваженія и горделиваго сознанія каждой отдѣльной личности, что она является полезнымъ членомъ общества, и выработалось равноправіе всѣхъ гражданъ. Несмотря на существованіе титулованныхъ и привилегированныхъ въ своихъ имущественныхъ правахъ многочисленныхъ вельможъ и дворянъ, Германія является одной изъ самыхъ демократическихъ странъ Европы, и социальное равенство признается всѣми, не исключая и аристократіи, не только въ принципѣ, но и на дѣлѣ, то есть во всѣхъ проявленіяхъ жизни. Такое поразительное единство во взглядахъ на подлинное значеніе демократизма въ государствѣ придаетъ германской націи необычайную духовно-нравственную и матеріальную силу. Сколько бы и какъ бы горячо нѣмцы ни спорили между собой о различныхъ вопросахъ политической и социальной доктрины, въ нѣкоторыхъ, а именно важнѣйшихъ пунктахъ они всегда сойдутся, оставляя въ сторонѣ всѣ партійные раздоры. Проходя школу жизни, каждый нѣмецъ, даже малоодаренный, приобретаетъ какъ бы частичку государственнаго ума и политической мудрости, предохраняющей его совершать непоправимыя по своимъ послѣдствіямъ ошибки.

Не въ исключительномъ народовластіи видятъ нѣмцы вѣрнѣйшій залогъ государственнаго прогресса, а въ дружномъ стремленіи всѣхъ властей и классовъ населенія достигнуть наилучшихъ условий быта.

Въ высшей степени характернымъ отличіемъ германскаго демократизма отъ русскаго является полное отсутствіе какихъ-либо внѣшнихъ указаній у нѣмцевъ на ихъ принадлежность къ партіи народнаго суверенитета. Никому не приходитъ въ голову одѣваться такъ, чтобы по одному костюму можно было узнавать политическое стедо каждаго человѣка. Немытыя, пчесанныя лица, въ неряпливомъ одѣяніи и вообще нечистоплотныя съ виду, встрѣтятъ у самыхъ убѣжденныхъ германскихъ демократовъ одно лишь отвращеніе. Нѣмецкій рабочій-ремесленникъ, пролетарій, мелкій торговецъ или маленькій служащій стараются по окончаніи работы по-

ходить по возможности тѣмъ на господина, что переодѣваются въ лучшее платье и отправляются въ общественныя мѣста для времяпровожденія и бесѣды съ знакомыми. Чѣмъ лучше такой демократъ одѣтъ, тѣмъ болѣе чувствуетъ онъ себя равноправнымъ среди людей, стоящихъ гораздо выше его по своему социальному положенію. Онъ не поддается никакимъ иллюзіямъ и знаетъ, что опытный глазъ легко можетъ отличить его отъ настоящаго барина, но никто не въ правѣ чуждаться его, ибо внѣшнимъ видомъ своимъ онъ отдаетъ какъ бы должное уваженіе обществу, допускающему его въ свою среду.

Надъ глупыми демонстративными выходками нашихъ русскихъ демократовъ являясь въ публичныя мѣста въ косовороткѣ сомнительной чистоты, въ засаленныхъ пиджакахъ да еще не бритыми и не мытыми, со включенными наподобіе пакли волосами нѣмцы съ удивленіемъ покачали бы только головой и промолвили: «echt russisch», и были бы совершенно правы.

Когда же имъ стали бы объяснять, что этимъ маскарадомъ выражаются демократическія убѣжденія, они, навѣрно, разразились бы неуправляемымъ гомерическимъ хохотомъ и криками: «О жалкіе гороховые шуты!» Впрочемъ, демократизмъ служитъ у насъ собирательнымъ именемъ для разныхъ политическихъ вѣрованій съ отрицательно-оппозиціоннымъ оттѣнкомъ. Въ сущности подъ этимъ столь ложно истолкованнымъ у насъ понятіемъ скрывается болѣею частью сложное хамство, невоспитанность вмѣстѣ съ нравственнымъ и физическимъ перяществомъ. Всѣ наши квази-демократическія убѣжденія, воззрѣнія и замашки выращены въ противоположность ихъ отвлеченному происхожденію на весьма реальной почвѣ хронической лѣни, невѣжества и врожденной распущенности. Чтобы походить хотя бы только по внѣшности и манерамъ на аристократа, нужно приложить нѣкоторыя старанія съ проявленіемъ извѣстной заботливости къ самому себѣ, однимъ словомъ, необходимо затратить хоть незначительную долю вниманія, труда и времени; а этого у насъ-то и не любятъ! Гораздо легче, спокойнѣе и удобнѣе ходить нематымъ, нечесаннымъ и не стѣсненнымъ въ своихъ движеніяхъ, привычкахъ и рѣчахъ. Присутствіе другихъ и даже совершенно незнакомыхъ лицъ не можетъ вліять на поведеніе настоящаго русскаго демократа. привыкшаго держать себя всюду нараспашку. Чтобы придать всѣмъ этимъ отрицательнымъ и нерѣдко прямо отвратительнымъ явленіямъ идейную окраску, вмѣстѣ съ полнымъ ихъ оправданіемъ и пустили въ оборотъ разныя соображенія, построенныя на демократическихъ началахъ, съ переименованіемъ завѣдомо хамскаго поведенія въ естественную простоту и безыскусственность обхожденія съ людьми на почвѣ взаимнаго равноправія и обоюднаго игнорированія устарѣлыхъ житейскихъ правилъ вѣжливости и уваженія. Что въ Россіи настоящихъ демократическихъ воз-

зрѣній и убѣжденій и въ помнѣнїи нѣтъ, это легко доказать посредствомъ проведенія параллели между нашимъ отечествомъ и Германіей. Выше я упомянулъ о замѣтномъ проявленіи у нашихъ западныхъ сосѣдей высокаго уваженія ко всякому честному труду, все равно физическому или умственному. Ничего подобнаго не приходится отмѣчать въ нашемъ отечествѣ. Нигдѣ ручная работа такъ не презирается, какъ въ Россіи, и при томъ самимъ народомъ. Самый талантливый ремесленникъ и даже художникъ къ своему дѣлу не пользуется въ глазахъ народа такимъ престижемъ, какъ послѣдній лахудрый писарь чухломскаго уѣзднаго полицейскаго правленія, наклеившій себѣ на фуражку кокарду. Самый механическій письменный трудъ считается у насъ барскимъ, исполнитель его можетъ получить первый классный чинъ, дающій ему, по его мнѣнію, право говорить интеллигентному и несравненно болѣе образованному мастеровому «ты». Въ Германіи ремесленный классъ пользовался въ средніе вѣка такимъ высокимъ уваженіемъ у горожанъ и престижемъ у властей, что теперешнимъ представителямъ этого сословія становится даже зазидно. «Handwerk that einen güldnen Boden» (у ремесла золотое дно), гласила древнѣйшая германская поговорка. Ремесло считалось однимъ изъ краеугольныхъ камней, на которомъ покоилась страна. По интеллектуальному развитію своихъ представителей оно занимало отнюдь не послѣднее мѣсто среди другихъ профессій и играло видную роль въ исторіи Германіи. Стоитъ только посмотрѣть Вагнеровскую оперу «Нюрнбергскіе пѣвчіе», этотъ шедевръ музыкально-драматическаго искусства, чтобы убѣдиться въ правдивости этого утвержденія. Она даетъ вѣрное понятіе о значеніи ремесла въ началѣ XVI вѣка въ Германіи.

А что же мы видимъ въ той же области у насъ? Что представлялъ собой русскій ремесленный классъ прежде и теперь? Имѣлъ ли онъ что-либо похожее на исторію? Вотъ въ этихъ средневѣковыхъ ремесленныхъ цехахъ и нужно искать глубокіе здоровые корни истиннаго демократизма, превратившагося у насъ въ сплошное безмысленное и беспочвенное кривляніе.

Въ Россіи существуетъ немало легендъ, или, говоря попросту, ходячаго тенденціознаго вранья, вредящаго умственному и экономическому развитію страны. Эту укорившуюся во взглядахъ образованнаго общества ложь клеймили уже неоднократно гениальнѣйшіе умы нашей родины, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Владимиръ Соловьевъ и другіе. Одной изъ такихъ легендъ является постоянное утвержденіе и подчеркиваніе тезиса, что Россія страна глубоко демократическая и что русскій народъ съ интеллигенціей во главѣ самый демократическій въ мірѣ.

И вотъ въ этой архидемократической странѣ никто изъ имѣющихъ возможности научиться съ грѣхомъ пополамъ грамотѣ не желаетъ сдѣлаться ремесленникомъ или рабочимъ, а поровнять про-

шмыгнуть хоть съ рваными и дырявыми сапогами, а все же въ полу-барскіе ряды. Русскій человѣкъ, если онъ только не родился въ самой суровой обстановкѣ и вынужденъ въ ней пребывать, по своей натурѣ бѣлоручка. Чуть забрезжилъ въ его головѣ лучъ надежды при-мазаться къ какому-либо господскому занятію, онъ бросаетъ все. Кому не приходилось слышать отъ крестьянъ и мастеровыхъ всѣхъ профессій глубокомысленное изреченіе, что для того, чтобы вспахать и обрабатывать землю, тачать сапоги, заняться токарнымъ, столярнымъ, слесарнымъ, кузнечнымъ, портняжнымъ ремесломъ не нужно знать грамоты. Но курьезнѣе всего, что физическій трудъ презирается у насъ болѣе всего тѣми лицами, которыя не перестаютъ печалиться о судьбѣ рабочаго вообще и современномъ его положеніи въ частности. Я говорю о нашихъ зараженныхъ соціалъ-революціонными идеями студентахъ высшихъ учебныхъ заведеній, этихъ патентованныхъ бѣлоручкахъ, зачастую очень плебейскаго происхожденія, но считающихъ занятіе ремесломъ чуть ли не позорнымъ. Высказывая послѣднюю мысль, я не стану утверждать, чтобы наша университетская молодежь поголовно буквально и открыто такъ выражалась. Нѣтъ, на словахъ она будетъ увѣрять рабочихъ и ремесленниковъ, что они ихъ братья и товарищи, что они честные труженики и т. д. Но попробуйте одному изъ безчисленныхъ архибездарныхъ студентовъ, слоняющихся безъ малаго 10 лѣтъ въ кулуарахъ университета, предложить перемѣнить его бесплодное занятіе на болѣе продуктивный и хорошо оплачиваемый ремесленный трудъ, къ которому у него есть несомнѣнная способность. Съ какимъ негодованіемъ будетъ отклонено подобное предложеніе!

Но я не хочу углубляться въ эту тему, она затрогиваетъ и берeditъ самое больное мѣсто въ живомъ организмѣ нашего государства, и укажу на нѣкоторыя особенности и фундаментальныя различія въ академической жизни у насъ и въ Германіи.

И въ общемъ, и въ частности русскіе разсадники высшаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и питомники чистой науки имѣютъ очень мало сходнаго съ однородными учрежденіями въ Германіи. Начиная съ условій быта, организаціи, средствъ существованія, взаимныхъ отношеній между собой и къ правительству вплоть до состава и положенія преподавателей и учащихся—все у насъ разнится въ значительной степени отъ нѣмецкихъ аналогичныхъ учрежденій, служившихъ когда-то образцами для русскихъ. Нѣмецкіе академіи, университеты и спеціальныя высшія учебныя заведенія связаны тысячами вѣдмыхъ и невидимыхъ нитей въ продолженіе долгихъ историческихъ періодовъ съ окружающей ихъ средой и государственнымъ бытомъ. До нѣкоторой степени они были органами центральнаго мышленія для областей, въ которыхъ находились. Русскіе же университеты, академіи и прочія высшія учебныя заведенія суть не что иное, какъ заурядныя казенныя учрежденія,

выпускающія и пополняющія по давно принятому шаблону кадры полуобразованных чиновниковъ.

Если разсмотрѣть поближе составъ учащейся нашей молодежи въ гимназіяхъ, университетахъ, специальныхъ высшихъ заведенійхъ и на женскихъ курсахъ, то можно легко прійти къ выводу, дающему ключъ къ разгадкамъ многихъ непонятныхъ на первый взглядъ явленій въ русской академической жизни.

Первое, что бросается въ глаза въ сравненіи съ нѣмецкими однородными учрежденіями, это крайне пестрый составъ учащихся по сословному происхожденію и имущественному цензу. Нѣтъ такого званія, нѣтъ такой профессіи, отрасли труда или просто существованія, не поддающагося точному опредѣленію, живые отпрыски которыхъ, въ образѣ гимназистовъ, студентовъ и курсистокъ не встрѣчались бы—и сравнительно въ большомъ количествѣ—въ классахъ среднеучебныхъ заведеній и въ аудиторіяхъ. Число учащихся, обезпеченныхъ за время ихъ пребыванія въ высшемъ учебномъ заведеніи хотя бы только самымъ скромнымъ достаткомъ, прямо ничтожно въ сравненіи съ общимъ количествомъ.

Не имѣя никакихъ статистическихъ данныхъ подъ рукою, трудно, конечно, дѣлать хотя бы только приблизительно вѣрные выводы, но я полагаю, что не ошибусь, если причислю три четверти всей русской академической молодежи къ тому юному пролетаріату, который въ Германіи никогда и въ помыслахъ не имѣлъ желанія поступить первоначально въ гимназію, а затѣмъ и въ высшее учебное заведеніе. Поднятый въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія по почину князя Мещерскаго вопросъ о пресловутомъ «кухаркиномъ сынѣ», стремящемся и попадавшемъ въ значительномъ числѣ въ гимназіи, а затѣмъ и въ университетъ, носилъ все характерныя свойства вопроса чисто русской общественной жизни, ибо въ другихъ культурныхъ странахъ Европы подобный вопросъ никогда не возникалъ бы, да и не могъ возникнуть. Я готовъ держать какое угодно пари, что во всѣхъ 460 или даже болѣе германскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и прочихъ среднеучебныхъ заведенійхъ, дающихъ право на поступленіе въ университетъ или специальное высшее учебное заведеніе, не найдется въ числѣ учениковъ ни одного кухаркина сына, т. е. мальчика или юноши, мать котораго состояла бы простой, зарабатывающей трудомъ поварихи или простой служанки свое пропитаніе. Ни одной нѣмецкой матери изъ среды служанокъ или кухарокъ никогда и въ голову не придетъ отдавать своего сына въ гимназію, развѣ только въ томъ случаѣ, если бы онъ обнаружилъ по увѣреніямъ компетентныхъ педагоговъ необычайныя способности. Гордость и честолюбіе нѣмецкой кухарки будутъ вполне удовлетворены, когда ей удастся сдѣлать изъ своего мальчика элементарно-хорошо образованнаго и знающаго свое специальное дѣло ремесленника-мастероваго, или въ

случаѣ его врожденной неспособности къ тяжелому физическому труду честнаго, исполнительнаго низшаго служащаго въ государственномъ или общественномъ учрежденіи. Въ Россіи же мы присутствуемъ нерѣдко при такомъ зрѣлищѣ, что люди, проникнутые радикальными воззрѣніями, стараются изъ совершенно ложнаго сердоболія случайно попавшаго имъ на глаза уличнаго мальчишку, умѣющаго въ 10 лѣтъ еле по складамъ читать и писать, непременно опредѣлить сначала въ гимназію, а затѣмъ въ университетъ, при чемъ будущій представитель общей образованности и специальныхъ познаній пріучается съ перваго дня поступленія въ школу до 30-лѣтняго возраста жить на чужой счетъ, попрошайничать, вымогать, пользоваться исключительно общественной помощью подъ предлогомъ посвященія себя наукѣ, прогрессу, свободѣ и цивилизаціи. И въ то время, какъ нѣмецкіе его сверстники успѣли заработать на ремесленномъ или торговомъ поприщѣ свыше десятка тысячъ рублей и этимъ внести свою лепту для экономическаго процвѣтанія родной страны, нашъ неизмѣнно хмурый, вѣчно озлобленный ревнитель всечеловѣческихъ благъ и правъ занятъ только все однимъ еще собираніемъ матеріаловъ для будущей диссертациі на тему «О проектѣ учрежденія кооперативныхъ товариществъ среди ньюфаунлендскихъ книтобоевъ».

VI.

По газетнымъ свѣдѣніямъ, въ столичныхъ университетахъ Петербурга и Москвы насчитывалось еще недавно отъ 8—10 000 студентовъ въ каждомъ. Въ самомъ переполненномъ германскомъ университетѣ, берлинскомъ, ихъ не болѣе 4500. Но изъ общаго числа германскихъ академическихъ гражданъ 80% имѣютъ возможность заниматься наукой, не удручая себя непрерывной заботой о своемъ существованіи. Остальные 20% получаютъ степендіи или вспомошествованія, но отнюдь не въ формѣ унизительной подачи отъ городскихъ коммунъ, учреждений и разныхъ обществъ. Я не стану доказывать, насколько знанія германскихъ абитуриентовъ гимназій выше русскихъ, но могу лишь сказать, и это мое непоколебимое убѣжденіе, что если бы приложить господствующіе въ Германіи взгляды, правила, обычаи, порядки, а главное извѣстныя требованія умственной и нравственной зрѣлости къ тѣмъ восьми или десяти тысячамъ студентовъ, толпящихся въ аудиторіяхъ и коридорахъ петербургскаго или московскаго университета, то навѣрно восемь десятыхъ пришлось бы исключить за явную неспособность и умственную неразвитость. Изъ этого отброска могли бы выйти прекрасные интеллигентные ремесленники, обеспеченные на всю жизнь вѣрными заработкомъ. Когда до Германіи доходятъ вѣчныя жалобы русскихъ органовъ печати, что нѣмецъ заѣдаетъ и всюду втирается, причѣмъ имѣютъ наивность указывать на массу нѣмецкихъ фирмъ, за-

сѣвшихъ на лучшихъ улицахъ обѣихъ столицъ и прочихъ городовъ, то они смѣются и спрашиваютъ: да кто же мѣшаетъ русскимъ заниматься сапожнымъ, портняжнымъ, скорняжнымъ, обойнымъ, переплетнымъ, ювелирнымъ, столярнымъ и прочими ремеслами? Почему же русскіе молодые люди такъ неохотно идутъ въ ученіе къ ремесленникамъ, а предпочитаютъ всеми правдами и неправдами пролѣзть въ университетъ, чтобъ тамъ лѣтъ 8—10 заниматься преимущественно политикой? Потому что у насъ есть только одинъ способъ пробраться въ «господскіе ряды», это черезъ парты университетскихъ аудиторій. Наше «демократическое» общество не признаетъ никакой другой профессіи и не принимаетъ никого въ свою среду, кто не добываетъ себѣ пропитаніе умственнымъ трудомъ. Оттого и сыновья московскихъ толстосумовъ потянулись въ университеты, чтобы добыть себѣ на фиктивной службѣ чины и ордена и этимъ походить на настоящихъ баръ. Если владѣлецъ извѣстнаго банкирскаго дома Менделѣсонъ долженъ былъ кончить юридическій факультетъ, то это была необходимость, ибо безъ высшаго образованія онъ не могъ бы управлять такой міровой фирмой, имѣющей сношенія со всеми европейскими торговыми центрами. Въ Германіи, да и въ Европѣ вообще нельзя нажить милліоны, будучи безграмотнымъ или полуграмотнымъ мужикомъ. Тамъ на первобытномъ надувательствѣ, практикуемомъ и посейчасъ у насъ, далеко не уѣдешь. Въ германскихъ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ рядомъ съ колоссальными денежными капиталами заложены и громадныя умственные. Процентовъ съ этихъ капиталовъ хватитъ не только для покрытія собственныхъ нуждъ, но и для вывоза за предѣлы государства. При всемъ своемъ демократизмѣ нѣмцы не отрицаютъ ни на какомъ поприщѣ проявленія аристократизма, понимая его въ точномъ значеніи слова, какъ господство лучшихъ! Наука, искусства, политика возникали на аристократическихъ началахъ и не утратятъ этого специфическаго своего оттѣнка никогда. Въ Германіи это очень хорошо сознаютъ, и никто тамъ не кричитъ о демократизаціи поименованныхъ отраслей духовнаго творчества. Нѣмцы и не смѣшиваютъ популяризацію съ демократизаціей науки и искусства, понимая отлично, что первая служитъ только къ поднятію уваженія въ народѣ къ чисто аристократическимъ проявленіямъ челоуѣческаго гениа, а вторая можетъ лишь низвести ихъ на степень ремесла. О «народныхъ университетахъ» и «народныхъ консерваторіяхъ» наши сосѣди ничего не знаютъ да и знать не хотятъ уже въ силу того, что одни названія показали бы имъ дикими и противорѣчащими здравому смыслу. Университеты и безъ того принадлежать и предназначаются для всего народа, а также и консерваторіи, — скажутъ въ Германіи, и вся разница именно въ томъ, что въ Россіи при упоминаніи слова народъ подразумѣвается исключительно только безграмотное и полуграмотное его большинство, а въ иныхъ случаяхъ

даже и прямо только простонародная голытьба и чернь, едва ли нуждающаяся, къ слову сказать, въ университетахъ и консерваторіяхъ.

Въ противоположность общественному настроенію, господствовавшему въ Германіи еще 30 лѣтъ назадъ, я былъ теперь пріятно пораженъ полнымъ отсутствіемъ среди нѣмцевъ всѣхъ сословій и профессій какой-либо зависти по отношенію къ другимъ странамъ, кичливаго задора или фарисейскаго самовосхваленія. Скрамность и дѣловитость сужденій при поразительномъ равнодушіи къ политическимъ вопросамъ, добродушно-саркастическое отношеніе къ правительству, вотъ наиболѣе характерныя черты въ настроеніи современнаго германскаго общества. Психологическая эта метаморфоза коснулась даже, къ великому моему удивленію, и военныхъ круговъ. Въ теперешнихъ прусскихъ и германскихъ офицерахъ нельзя узнать прежнихъ крайне высокомѣрно и порою даже вызывающе державшихъ себя представителей воинственной касты (иначе ихъ нельзя было въ тѣ времена и назвать). Претензіи на особое уваженіе и почитаніе со стороны гражданскаго населенія, предъявляемая офицерствомъ на каждомъ шагѣ къ первому встрѣчному, вызывали нерѣдко столкновенія между военнымъ и гражданскимъ сословіемъ. Въ настоящее время отъ всего этого—насколько можно судить по внѣшнему виду—не осталось и слѣда. Офицеры всѣхъ ранговъ держатъ себя крайне просто и ни при какихъ обстоятельствахъ не претендуютъ на оказаніе имъ особаго предпочтенія.

Я видѣлъ, на примѣръ, мирно стоявшихъ на площадкѣ трамвайнаго вагона капитана артиллерійской службы съ пѣхотнымъ унтеръ-офицеромъ, при чемъ послѣдній продолжалъ курить свою сигару, отдавъ предварительно офицеру честь. Прежде это было бы немислимо. Метаморфоза офицерскаго состава началась съ внѣшней стороны. Императоръ Вильгельмъ II, бывшій, какъ извѣстно, неоднократно въ Россіи, нашелъ сѣрыя шинели русскихъ солдатъ и офицеровъ гораздо практичнѣе нѣмецкихъ черныхъ и ввелъ ихъ въ германской арміи. Кромѣ этого, онъ далъ офицерамъ, тоже по русскому образцу, погоны на пальто. Быть можетъ, императоръ замѣтилъ и болѣе простое, не натянутое поведеніе русскихъ офицеровъ по отношенію къ окружающей ихъ гражданской средѣ и по пріѣздѣ домой посовѣтовалъ и своимъ представителямъ Марса брать съ русскихъ товарищей примѣръ и держать себя попроще, особенно съ невоенными. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняю я себѣ отмѣченную мною характерную перемѣну во внѣшности и поведеніи прусско-германскихъ офицеровъ.

Подобно человѣку, физически вполне сформировавшемуся, разжирѣвшему и потучившему, Германія становится въ проявленіи своихъ политическихъ взглядовъ, равно какъ и при преслѣдованіи какой-либо намѣченной цѣли болѣе спокойной, выдержанной и осторожной. Утверждать, что германскій народъ проявлялъ бы принципиально

несочувствіе ко всякому активному выступленію имперскаго правительства въ области внѣшней политики, было бы, во-первыхъ, ошибочно и не давало бы точнаго представленія объ истинномъ настроеніи громаднаго большинства германскаго народонаселенія. Нѣтъ воинственности, но нѣтъ и страха передъ войной. Тревогу и опасенія вызываетъ только возможность быть вовлеченными въ войну изъ-за чужихъ интересовъ. Уже давно косятся нѣмцы на тройственный союзъ и въ особенности на дружбу съ Австро-Венгріей. Они испытываютъ нервное возбужденіе при одной мысли, что, благодаря этому союзу и политической солидарности съ дунайской имперіей враги Германіи имѣють удобную лазейку для причиненія ей серьезныхъ тревогъ. Всѣ выгоды, — разсуждаютъ нѣмцы, — союза съ Австро-Венгріей на сторонѣ послѣдней державы. Въ случаю европейской войны не они насъ станутъ выручать, а мы ихъ. У Австро-Венгріи масса неразрѣшенныхъ политическихъ вопросовъ, чреватыхъ грядущими столкновеніями. Всѣ эти споры не имѣють ни прямого, ни косвеннаго отношенія къ кровнымъ интересамъ Германіи. Ни судьба Галиціи, ни Венгрія съ ея южно-славянскими провинціями не тревожатъ насъ; намъ, конечно, дороги чисто-нѣмецкія коронныя земли Габсбургской монархіи, но вѣдь на нихъ никто и не посягаетъ. Съ Россіей у насъ нѣтъ никакихъ поводовъ къ раздорамъ, тѣмъ паче къ столкновеніямъ. Если возможно было намъ сто лѣтъ прожить въ мирѣ и согласіи съ ней, то не трудно будетъ найти формулу новаго соглашенія съ этой державой, обезпечивающаго намъ второе столѣтіе добрососѣдскихъ отношеній. У Германіи есть только одинъ принципиальный и непримиримый врагъ — это Англія. Это сентъ-жемскій кабинетъ старается натравить всю Европу на Германію, дабы уничтожить ея флотъ и развившуюся ея до грандіозныхъ размѣровъ морскую торговлю. Вѣдь шутка сказать, обороты одного Гамбурга превышаютъ торговый балансъ Голландіи и Бельгіи, взятыхъ вмѣстѣ! Послѣ Лондона и Нью-Йорка это третья по величинѣ и значенію торговая метрополія въ мирѣ, — есть чему завидовать!

Своекорыстіе и грубый эгоизмъ англійской политики выступали за все истекшее столѣтіе послѣ сверженія наполеоновскаго ига съ хрустальной прозрачностью во всѣхъ предпринятыхъ этой державой дѣйствіяхъ, направленныхъ къ рѣшенію какихъ-либо назрѣвшихъ вопросовъ международнаго характера. Въ доказательство приводимъ здѣсь два разительныхъ примѣра. До сихъ поръ большинство политическихъ круговъ держится мнѣнія, что главнымъ инициаторомъ крымской кампаніи и коалиціи противъ Россіи въ 1854—1856 г. былъ императоръ Наполеонъ III. Исторія старается насъ увѣрить, что въ этомъ дѣлѣ затронуто было личное самолюбіе императора французова, слишкомъ долго добивавшагося своего признанія отъ чрезмѣрно гордаго и преданнаго идеѣ легитимизма

русскаго царя. Въ дѣйствительности же обстоятельства разыгрались подъ аккомпаниментъ иного и очень скрытаго закулиснаго мотива.

Совершивъ государственный переворотъ 2-го декабря 1851 года, принцъ Луи-Наполеонъ задумалъ первоначально, по примѣру своего дяди, въ бытность его первымъ консуломъ, пробудить въ французахъ усиленный интересъ къ необходимому поднятію торговли, промышленности и земледѣлія. По задуманному имъ плану Франція должна была быстро и пышно расцвѣсть въ экономическомъ отношеніи. Въ перечень мѣръ, намѣченныхъ въ первую очередь, значилась постройка возможно большаго количества быстроходныхъ океанскихъ пароходовъ, долженствовавшихъ развить и поддержать торговлю Франціи съ Америкой и отдаленнымъ азіатскимъ Востокомъ. Скоро образовались акціонерныя компаніи подъ покровительствомъ правительства, и работа во всѣхъ французскихъ портахъ закипѣла ключомъ. Замѣтивъ такой порывъ у недавняго противника, англійское правительство всполошилось и, не долго думая, сдѣлало запросъ въ Парижѣ. Французскій кабинетъ отвѣтилъ весьма спокойно и резонно, что увеличеніе морскихъ пароходовъ и вообще средствъ къ перевозкѣ грузовъ по водѣ никому не можетъ угрожать. Но лондонскій кабинетъ не довольствовался отвѣтомъ, онъ указывалъ на возможность посадки на вновь строящіеся пароходы значительнаго количества десантныхъ войскъ, могущихъ быть высаженными у береговъ Англій. Въ это время принцъ Наполеонъ разъѣзжалъ по Франціи и встрѣченный всюду криками «vive l'empereur!» готовился объявить себя императоромъ. Онъ вмѣшался лично въ это дѣло и старался всѣми силами разсѣять опасенія великобританскаго правительства. Но сентъ-джемскій кабинетъ, въ составѣ котораго уже не было знаменитаго шарлатана и друга принца Наполеона, лорда Пальмерстона ¹⁾, стоялъ на своемъ и грозилъ недвусмысленно ультиматумомъ. Смѣнившій торійскій кабинетъ лорда Дерби графъ Абердинъ не измѣнилъ своего отношенія къ Франціи и намекалъ принцу Наполеону на возможность образованія коалиціи европейскихъ великихъ державъ противъ Франціи, въ которой-де вновь появился грозный призракъ бонапартизма. Но тутъ вмѣшался въ дѣло Пальмерстонъ, поступившій въ составъ кабинета лорда Абердина на мѣсто статсъ-секретаря по внутреннимъ дѣламъ. Онъ нашелъ для Наполеона выходъ изъ затруднительнаго положенія. Вѣдь

¹⁾ Извѣстно, что Пальмерстонъ, занимая съ 1847—1851 г. въ министерствѣ лорда Росселя постъ статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, призналъ, не сговорившись предварительно со своими товарищами по кабинету и не испросивъ согласія королевы Викторіи, совершивъ 2-го декабря 1851 года принцемъ Наполеономъ государственный переворотъ официально, выразивъ при этомъ отъ себя личное поздравленіе принцу-президенту. За подобное своеволие Пальмерстонъ вынужденъ былъ 22-го декабря того же года покинуть постъ министра иностранныхъ дѣлъ.

не бросать же въ самомъ дѣлѣ было постройку на половину законченныхъ пароходовъ и транспортовъ. Начавшіяся на Ближнемъ Востокѣ осложненія Россіи съ Турціей явились прекраснымъ предлогомъ для Англіи войти въ соглашеніе съ Франціей. Англійскій кабинетъ предложилъ французскому дѣйствовать сообща противъ Россіи и въ защиту Турціи. Давно уже слѣдила Англія за постепеннымъ развитіемъ русскаго флота въ Балтійскомъ и Черномъ морѣ. Возрастающая сила великой славянской державы на сушѣ и на водѣ непрерывно беспокоила англичанъ. И вотъ подвернулся имъ случай достигнуть желанной цѣли и сломить могущество Россіи на водѣ. Наполеону не оставалось ничего другого, во избѣжаніе столкновенія съ Англіей и стоящей за ея спиной грознымъ призракомъ европейской коалиціей, какъ идти навстрѣчу предложеніямъ изъ Лондона заключить союзъ и начать войну съ Россіей.

Что истинной вдохновительницей Крымской кампаніи и восточной войны 1854—55 г. была Англія, а не Франція и не Наполеонъ III, можно легко убѣдиться при осматривая хронологию историческихъ событій времени, предшествовавшего объявленію войны. Характернымъ документомъ въ этомъ отношеніи является отчетъ о банкетѣ въ клубѣ реформы, данномъ въ Лондонѣ 13-го марта 1854 г. въ честь адмирала лорда Чарльса Нешира, на которомъ предѣлательствовали лордъ Пальмерстонъ и присутствовали три министра, въ томъ числѣ первый лордъ адмиралтейства сэръ Джонъ Грегамъ. На этомъ пресловутомъ банкетѣ было провозглашено нѣсколько крайне безтактныхъ тостовъ со стороны Пальмерстона, Нешира и Грегама. Между прочимъ адмиралъ Нефиръ отвѣчалъ на здравицу, предложенную за него Пальмерстономъ, словами, что лишь только онъ войдетъ въ Балтійское море, какъ воспользуется этимъ случаемъ для объявленія Россіи войны. На это замѣтилъ Грегамъ, что по своему званію перваго лорда адмиралтейства онъ даетъ ему полное на это согласіе. Затѣмъ тотъ же Грегамъ въ одной изъ послѣдовавшихъ затѣмъ рѣчей позволилъ себѣ оскорбительно отзываться объ особѣ императора всероссійскаго. При происходившихъ по поводу этого банкета и произнесенныхъ на немъ тостовъ запросахъ въ палатѣ общинъ, Пальмерстонъ оправдывалъ поведеніе свое и друзей въ крайне циничныхъ выраженіяхъ. Депутатъ д'Израэли, впоследствии лордъ Биконсфильдъ, выразилъ сожалѣніе по поводу неприличныхъ выходокъ по адресу русскаго государя.

— Доколѣ мы еще въ мірѣ съ Россією,—сказалъ онъ:—весьма неблагоприятно министру говорить подобныя вещи; но я вспомнилъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ почтенный баронетъ точно въ томъ же тонѣ говорилъ объ императорѣ французовъ, который долженъ былъ потомъ сдѣлаться нашимъ союзникомъ.

Что экспедиція въ Балтійское море предпринималась чисто съ истребительною цѣлью и направлена была—что бы тамъ въ свое время ни говорили и ни писали—единственно противъ расцвѣтающаго русскаго флота, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Съ цѣlostью Оттоманской имперіи предпринятая война имѣла столь же мало связи, какъ нравственное и вещественное существованіе Англійи съ ученіемъ Корана, для поддержанія котораго эта держава обнажила свой мечъ. Русскій флотъ былъ давнымъ-давно бѣльмомъ на глазу у Джонъ Буля. Въ настоящее время повторяется та же самая исторія съ той только разницей, что мѣсто Россіи заняла Германія, а намъ поручена роль Франціи, т.-е. могущественной континентальной державы.

Вторымъ доказательствомъ коварства и эгоизма Англійи, такъ охотно прикрывавшейся, особенно при министерствѣ Пальмерстона, флагомъ гуманности, просвѣщенія и цивилизаціи, служить ея крайне враждебное отношеніе къ культурнѣйшему предпріятію Лессепса, къ прорытію Суэцкаго канала. Когда проектъ былъ выработанъ, разрѣшеніе турецкаго и египетскаго правительства дано, и получено согласіе отъ большинства заинтересованныхъ въ осуществленіи этого проекта державъ, Англія одна отказалась дать свое согласіе и всѣми мѣрами противилась началію работъ. Насколько англійское противодѣйствіе было замѣтно и вызывало раздраженіе у остальныхъ державъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. 27-го іюля 1857 года въ Триестѣ происходило въ присутствіи императора Франца-Іосифа и пословъ многихъ европейскихъ государствъ торжественное открытіе всей желѣзнодорожной линіи отъ Вѣны до Триеста. На этомъ пышномъ празднествѣ австрійскій министръ финансовъ баронъ Брукъ произнесъ слѣдующій тостъ:

«Не можемъ не выразить при семъ случаѣ пламенныхъ пожеланій нашихъ о скорѣйшемъ прорытіи Суэцкаго перешейка. Сопротивленіе одного только англійскаго правительства не въ силахъ задержать ни зародившуюся идею, ни самое дѣло. Мы живемъ въ такое время, когда всѣ народы становятся братьями. Австрія, особенно Триестъ, желаетъ ревностно успѣха предпріятію Лессепса. Благovolите подтвердить эти слова громогласнымъ «ура».

Нѣмцы изучаютъ и хорошо запоминаютъ исторію, они не забыли оскорбительныхъ словъ лорда Пальмерстона, сказанныхъ имъ въ 1849 году въ парламентѣ по поводу запроса относительно появленія судовъ въ Нѣмецкомъ морѣ съ германскимъ національнымъ флагомъ. «Я не знаю никакого германскаго правительства и тѣмъ болѣе германскаго флага. Въ случаѣ встрѣчи англійскихъ военныхъ судовъ съ кораблями, украшенными такъ называемыми германскими флагами, имъ будетъ приказано поступать съ ними, какъ съ пиратами»,—былъ отвѣтъ англійскаго премьера. Прошло шестьдесятъ лѣтъ, и бывшіе «пираты» не даютъ покойно спать великобританскому

государству. О томъ, какъ нѣмцы спокойно относятся къ самымъ серьезнымъ вопросамъ внѣшней политики, если они только не затрагиваютъ непосредственно германскіе интересы, можно судить по тому, что въ самые критическіе дни балканскихъ осложненій, когда Черногорія объявила уже войну, а выступленіе остальныхъ союзныхъ державъ ожидалось съ часа на часъ, въ Берлинѣ, гдѣ въ эти дни я случайно находился, стояли на очереди только два, видимо, одинаково интересующихъ всѣхъ жителей громадной столицы вопроса, это: мясной голодъ и итальянскій теноръ Каруссо.

Какъ ни выкрикивали газетные мальчишки о полученіи послѣднихъ депешъ съ Балканскаго полуострова, публика проходила безучастно мимо нихъ и ждала лишь съ нетерпѣніемъ появленія вечернихъ газетъ, чтобы узнать новости о мясномъ кризисѣ и когда опять выступаетъ Каруссо. Успѣхъ послѣдняго не поддается никакому описанію на словахъ. Достаточно сказать, что въ двѣнадцать часовъ послѣ выхода перваго объявленія объ его гастроляхъ въ королевскомъ оперномъ театрѣ билеты на всѣ шесть представленій, въ которыхъ онъ долженъ былъ выступать, были распроданы. Ни за какія деньги нельзя было потомъ достать билетъ на одинъ изъ спектаклей.

Въ вопросѣ о мясномъ голодѣ и общемъ вздорожаніи продуктовъ первой необходимости германское общество стало больше на правовую, нежели на чисто экономическую точку. На самомъ дѣлѣ, никакой острой нужды населеніе не испытываетъ. Въ томъ же Берлинѣ, гдѣ происходили чуть не бунты изъ-за мяса, можно хорошо и сытно пообѣдать, заплативъ лишь $\frac{2}{3}$ той цѣны, которую мы привыкли платить въ Петербургѣ или Москвѣ. Но мясо, дѣйствительно, сильно вздорожало, и вотъ тутъ въ пародѣ пробудилось, главнымъ образомъ, неудовольствіе относительно чрезмѣрнаго покровительства, оказываемаго правительствомъ аграріямъ, собирающимъ обильную жатву отъ повышения цѣнъ на съѣстные продукты. Закупленная сторона исторіи съ мяснымъ голодомъ и предстоящее разрѣшеніе всего кризиса очень поучительны во многихъ отношеніяхъ, а потому я постараюсь выяснитъ ее читателямъ.

VII.

Территорію Германской имперіи можно раздѣлить почти что на три равныя части, при чемъ каждая изъ нихъ будетъ имѣть свои характерныя особенности и отличительныя черты, въ смыслѣ образа жизни жителей и преобладающаго рода ихъ занятій. Земли, лежащія по правую сторону рѣки Эльбы, населены преимущественно жителями, занимающимися сельскимъ хозяйствомъ и непосредственно связанными съ нимъ ремеслами и производствами. Фабричная промышленность хотя мѣстами и значительна, но все же уступаетъ

аграрной. Въ этой части Германіи, или, точнѣе сказать, Пруссіи, находится и то многочисленное крупное, среднее и мелкопомѣстное дворянство, которое принято называть «юнкерами». Извѣстно, что земли на правомъ берегу Эльбы или Лабы были прежде сплошь заселены славянами. Слѣды славянскаго господства и культуры встрѣчаются повсюду и во всемъ. Самы жители этихъ восточно-пруссскихъ или германскихъ провинцій представляютъ собой сильную помѣсь съ славянствомъ, что замѣтно выражается въ правахъ и даже языкѣ. Діалектъ нѣмцевъ, населяющихъ Восточную Пруссію, Померанію, Силезію и отчасти Бранденбургъ, не говоря уже о Познани, далеко не чисто германскаго происхожденія, а образовался подъ несомнѣннымъ вліяніемъ на него славянскихъ нарѣчій. Это легко доказать хотя бы на такомъ примѣрѣ. Уменьшительныя окончанія (suffix) именъ существительныхъ выражаются по-нѣмецки чрезъ буквы *ch*, какъ: *Mädchen*, *Körchen*, *Bäumchen*, *Männchen* и т. д. Славянскія нарѣчія имѣютъ, напротивъ, въ диминутивахъ жесткое окончаніе на *k*—дѣвушка, головка, древко. Населеніе же означенныхъ восточныхъ нѣмецкихъ земель произносить постоянно вышеприведенныя слова съ славянскимъ суффиксомъ: *Mädken*, *Körken*, *Bäumeken*, *Männeken*. Въ произношеніи гласныхъ и въ особенности дугласныхъ слышится замѣтно славянскій акцентъ, т. е. произношеніе ихъ не слитно, какъ это требуетъ германская фонетика, а отдѣльно другъ отъ друга. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Восточной Пруссіи, Помераніи, Силезіи и даже Бранденбурга населеніе кажется совсѣмъ славянскимъ, говорящимъ лишь по-нѣмецки.

Совокупность всѣхъ этихъ явленій и была причиной антипатіи западныхъ и южныхъ германцевъ къ ихъ номинальнымъ сородичамъ, живущимъ на правомъ берегу Эльбы. Такъ какъ всѣ эти земли входили въ составъ прусской монархіи, то сильная непріязнь, господствовавшая въ былое время въ настоящей Германіи противъ Пруссіи и пруссаковъ, объяснялась отчасти этимъ племеннымъ различіемъ. Въ исторіи Германіи Пруссія играла поразительно тождественную роль съ Македоніей въ ея отношеніи къ древней Греціи. Не кто иной, какъ Фридрихъ Великій, сумѣлъ такъ искусно замѣнить тѣсто изъ разныхъ народностей (нѣмцевъ, славянъ и французскихъ эмигрантовъ), что оно пышно поднялось и образовало новую, здоровую національность—пруссаковъ. Еще до 1866 года, т. е. до распадешя стараго германскаго союза, обѣ восточныя прусскія провинціи Пруссія и Познань, составляющія ровно третью часть всей территоріи монархіи, не входили въ составъ Германскаго союзнаго государства. Въ палату депутатовъ и въ рейхстагъ восточная часть Прусскаго королевства посылала всегда значительное число консерваторовъ и даже реакціонеровъ въ качествѣ своихъ представителей, тамъ они отстаивали съ особеннымъ упорствомъ

свои узко-сословные и аграрные интересы. Въ виду того, что они рѣдко въ чемъ-либо соглашались съ депутатами другихъ партій и вѣчно жаловались на нужду, испытываемую якобы сельскимъ населеніемъ и отчасти самими помѣщиками, ихъ и прозвали въ рейхстагѣ «die nothleidenden Ostelbier» (нуждающимися жителями по правую сторону отъ Эльбы). Кличка эта сдѣлалась крылатымъ словомъ и когда, напримѣръ, въ Берлинѣ по улицамъ проѣзжаетъ въ роскошномъ автомобилѣ кто-либо изъ богатѣйшихъ магнатовъ Силезіи или Восточной Пруссіи, вродѣ графа Генкель-фонъ-Доннерсмарка, князя Плесса, герцога Ратибора, графа Лендорфа и другихъ, язвительные берлинцы кричатъ имъ нерѣдко вслѣдъ: смотрите, вонъ ѣдетъ одинъ изъ nothleidenden Ostelbier. Благодаря хитро поведенной агитаціи и въ союзѣ съ консерваторами всей Германіи восточно-эльбскіе аграріи добились отъ правительства при заключеніи торговыхъ договоровъ значительнаго повышенія пошлинъ на ввозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Пока пародонаселеніе не достигало еще цифры въ шестьдесятъ милліоновъ, снабженіе необходимымъ продовольствіемъ было возможно, но когда цифра эта перевалила далеко за шестьдесятъ милліоновъ, то скоро обнаружился недостатокъ сельско-хозяйственнаго производства для прокормленія всего населенія. Между тѣмъ благосостояніе германскаго народа замѣтно возросло; покупательная сила населенія безъ особеннаго для себя ущерба могла бы уплатить повышенную стоимость мяса, но—и тутъ зарыта, главнымъ образомъ, собака—не захотѣла, а подняла громадный гвалтъ. «Мы протестуемъ,—кричали всѣ непричастные къ сельскому міру слои населенія,—чтобы восточно-эльбскіе аграріи наживались на счетъ нашего желудка».

Еще гораздо раньше выразилось озлобленіе противъ нихъ въ весьма характерной формѣ. Въ социалистическихъ кружкахъ стали доказывать, что громадное ежегодное употребленіе алкоголя въ Германіи служитъ также источникомъ сильнаго обогащенія восточныхъ аграріевъ, имѣющихъ многочисленные и большіе винокуренные заводы въ своихъ помѣстьяхъ. Тогда центральный комитетъ социаль-демократической партіи объявилъ бойкотъ спиртнымъ напиткамъ, за исключеніемъ пива и винограднаго вина. Бойкотъ имѣлъ неожиданный успѣхъ, ибо потребленіе водки пало въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ округахъ болѣе чѣмъ на одну треть прежняго количества, и аграріи понесли значительный денежный ущербъ.

Чтобы понять и оцѣнить по возможности безошибочнѣе, а главное, безпристрастнѣе общественное теченіе мысли и настроеніе народныхъ массъ, проявляющіяся далеко не одинаково въ разныхъ частяхъ Германіи, недостаточно довольствоваться сообщеніями газетъ и появляющимися въ нихъ сужденіями. При всей господствующей среди нѣмцевъ партійной дисциплинѣ, германскіе ор-

ганы печати все же не вполне отражают мнѣніе даже ближайшаго круга своихъ читателей. Отличительной національной чертой нашихъ сосѣдей является самостоятельность сужденій въ общественныхъ дѣлахъ. Не увлекаясь, какъ у насъ или во Фракціи, духомъ принципиальной оппозиціи, они, тѣмъ не менѣе, желаютъ всюду и во всякое время сохранить независимость своихъ сужденій. Зная это, органы печати и не всегда рассчитываютъ на поддержку высказанныхъ ими взглядовъ среди своихъ политическихъ приверженцевъ. Они часто забѣгаютъ впередъ, стараясь этимъ пріобрѣсти читателей другого лагеря. Явное же стремленіе къ тому, чтобы руководить общественнымъ мнѣніемъ въ извѣстномъ направленіи, удается въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Нѣмцы гордятся своимъ политическимъ совершенствомъ и не любятъ навязчивыхъ дядекъ. Оттого многія весьма распространенныя нѣмецкія газеты, какъ, напримѣръ, «Dresdner Nachrichten», имѣющія ежедневный тиражъ свыше 200,000 экземпляровъ, довольствуются перечнемъ событій, съ возможно яснымъ, объективнымъ изложеніемъ причинъ и послѣдствій, предоставляя читателямъ дѣлать дальнѣйшіе выводы. Однимъ словомъ, газеты заготавливаютъ и сортируютъ, по хорошо заведенному способу, весь матеріалъ, снабжая его извѣстной, но лишь поверхностной характеристикой, а затѣмъ ждутъ впечатлѣнія, которое произведетъ онъ на читателей. Изъ цѣлой уймы писемъ съ запросами, сужденіями, указаніями, опроверженіями, разъясненіями, получаемыхъ ежедневно редакціей, послѣдняя въ короткое, сравнительно, время узнаетъ подлинный взглядъ извѣстной части публики на волнующіе общественное мнѣніе вопросы. Въ послѣдующихъ затѣмъ періодическихъ обзорѣніяхъ высказывая свой взглядъ, старается найти по возможности больше общаго въ своихъ и чужихъ сужденіяхъ. Такіе органы печати отражаютъ иногда гораздо лучше и вѣрнѣе настроеніе части германскаго народа, нежели якобы съ большимъ знаніемъ, эрудиціей и авторитетомъ распространяющіяся по разнымъ вопросамъ газеты. Въ Германіи можно натолкнуться на такое курьезное явленіе, что двѣ противоположнаго политическаго направленія газеты имѣютъ одного и того же издателя или одну и ту же группу людей, стоящихъ за спиной этихъ изданій.

Принимая еще во вниманіе, что большинство весьма распространенныхъ газетъ находится въ еврейскихъ рукахъ, а антисемитизмъ въ Германіи не только не ослабѣваетъ, но растетъ и крѣпнеть безъ всякихъ, впрочемъ, рѣзкихъ проявленій, полагаются исключительно на нѣмецкую печать при опредѣленіи господствующаго въ народныхъ массахъ настроенія было бы, касательно выясненія многихъ вопросовъ, довольно опрометчиво. Ревнивое отношеніе германскаго народа къ независимости и самостоятельности сужденія выступаетъ особенно ярко въ дѣлахъ внутренняго управленія

страной. Нѣмецъ прекрасно умѣетъ объединять въ себѣ чувство лояльности, преданности царствующей династїи съ открыто заявленнымъ нежеланїемъ подчиняться произвольнымъ повелѣнїямъ. Какъ выраженїе увѣренїя во всеподданнѣйшихъ чувствахъ у него не связано съ непремѣннымъ условїемъ лежанїя при этомъ на животѣ, такъ онъ не боится стать тамъ, гдѣ подсказываетъ ему совѣсть, въ рѣзкую оппозицію съ правительствомъ и отвѣтственными совѣтниками главы государства. Я слышалъ отъ многихъ лояльнѣйшихъ нѣмцевъ, держащихъ высоко знамя патріотизма, монархическаго принципа и сознательнаго глубокаго уваженїя къ современному державному руководителю Германской имперїи, что послѣ знаменательнаго царствованїя императора Вильгельма I, объединившаго по инициативѣ и проекту гениальнаго своего перваго сотрудника Бисмарка и прочихъ высокодаровитыхъ паладиновъ Германїю и придавшаго ей образцовую организацію, занятїе императорскаго престола, равно какъ и пребыванїе на немъ, является по сравненїю съ временами, предшествовавшими царствованїю Вильгельма II, чистой синекурой. Что бы ни произошло, но нынѣшнимъ правителямъ Германїи не придется ничего новаго создавать и ставить свое существованїе на карту. Имперїя, занимающая центръ европейскаго материка, представляетъ собой громадную, трудно сокрушимую силу.

Сосѣднее нѣмецкое государство можно раздѣлить на почти равныя три части. Первую, аграрную, лежащую на правомъ берегу Эльбы, я уже охарактеризовалъ. Вторая равная по величинѣ, но значительно превосходящая ея по численности народонаселенїя, простирается отъ лѣваго берега Эльбы до границъ Голландїи и Бельгїи. Третья лежитъ въ южномъ направленїи отъ рѣки Майна. Обѣ эти части являются настоящими, коренными нѣмецкими землями. Здѣсь находится и колыбель германскаго народа. Богатство этихъ двухъ частей поразительно, а народъ при несомнѣнномъ своемъ глубокомъ миролюбіи преисполненъ твердой рѣшимости отдать все въ защиту своей родины. Нельзя смѣшивать или хотя бы только сравнивать Германїю до 1870 года и Германїю въ настоящее время. Кто это дѣлаетъ, впадаетъ въ ошибку гораздо большую, нежели если бы онъ сравнилъ Россїю до крымской кампанїи съ Россїей 1913 года. Идеи патріотизма, національной гордости и политической независимости прославлялись нѣмецкой литературой задолго еще до нашествїя Наполеона I, а затѣмъ и послѣ него. Но онѣ, т. е. идеи эти, не успѣли тогда перейти германскому населенїю въ плоть и кровь, онѣ ласкали въ то время только слухъ народа и занимали его умъ; нынѣ же онѣ проникли въ самую глубь сердца нѣмцевъ. Кому въ іюлѣ мѣсяцѣ 1870 года приходилось быть свидѣтелемъ народнаго энтузіазма въ Германїи, при объявленїи войны наполеоновской Франціи, тотъ не забудетъ этого зрѣлища никогда. Въ знаменательный день 19-го іюля я случайно

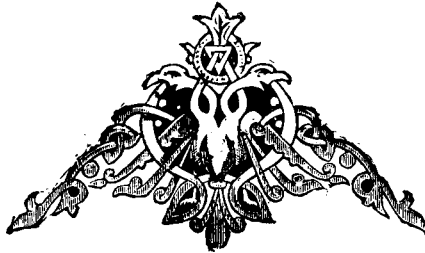
имѣлъ заранѣе купленный билетъ въ театрѣ; въ Лейпцигѣ шла драма Шиллера «Вильгельмъ Телль». Когда вѣнскій актеръ, Августъ Форстеръ, гастролировавшій въ Лейпцигѣ, въ роли Телля произнесъ фразу: «Es kann der Beste nicht im Frieden leben, wenn es dem bösen Nachbar nicht gefällt» (и лучший въ мірѣ жить не можетъ, коль злой сосѣдь противится тому), театральное зданіе дрогнуло отъ стихійнаго взрыва аплодисментовъ и криковъ. Въ сценѣ же смерти фрейгерра фонъ-Аттинггаузена, при словахъ отходящаго въ лучший мірѣ старца «*seid einig, einig, einig*» (будьте согласны, согласны, согласны), вся публика поднялась съ своихъ мѣстъ и запѣла: «*Wacht am Rhein*». То же повторилось во время сцены «Клятвы на Рютли». Люди обнимали другъ друга, и у большинства посѣтителей были слезы на глазахъ. Спустя два дня мнѣ довелось быть въ Дрезденѣ въ придворномъ королевскомъ театрѣ. Давали «Орлеанскую Дѣву». Въ третьемъ дѣйствіи, происходящемъ при дворѣ короля Карла VII, ожидается и появленіе Іоанны передъ лицомъ короля, но до этого идетъ горячій споръ о возможности продолжать войну. Въ разгаръ обмѣна мнѣній выступаетъ вдругъ графъ Дюнуа и произноситъ знаменательныя слова: «*Nichtswürdig ist die Nation die nicht ihr Alles einsetzt für die Ehre*» (презрѣнія достоинъ тотъ народъ, который не пожертвуетъ всѣмъ въ защиту своей чести!). Превосходный актеръ Фридрихъ Деттнеръ, игравшій Дюнуа, вышелъ передъ произнесеніемъ этой фразы на авансцену и выпалилъ ее громовымъ голосомъ непосредственно въ публику. Эффектъ произошелъ невѣроятный, не поддающійся описанію. Въ театрѣ стоялъ сплошной стонъ отъ неистовыхъ криковъ восторга. Необычайно чопорная и въ обыкновенное время до безучастности холодная дрезденская публика рвала и метала, что называется, изъ глазъ находившихся въ королевской ложѣ кронпринца Альберта и его супруги; слезы текли ручьями, оркестръ заставили сыграть «*Wacht am Rhein*», никогда еще и ни разу не раздававшуюся въ стѣнахъ придворнаго театра, и представленіе пришлось прервать на полчаса.

Прошло съ тѣхъ поръ сорокъ три года, и я согласенъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ еще тогда, что къ подобному подъему духа народъ способенъ только разъ въ полстолѣтіе. Теперь какъ разъ истекаетъ этотъ срокъ, и если тогда уже я слышалъ пророческими оказавшіяся слова, произнесенныя въ этотъ же вечеръ случайнымъ пожилымъ русскимъ журналистомъ: «нація, преисполненная такого энтузіазма и способная проявить подобную нравственную силу, должна побѣдить; бороться съ такой духовной мощью вещь напрасная», то и въ будущемъ слова эти могутъ легко оправдаться, конечно, только въ томъ случаѣ, когда, какъ въ 1870 году, честь, достоинство и независимость Германіи будутъ затронуты. Въ защиту чуждыхъ имъ интересовъ нѣмцы едва ли стануть

сражаться, несмотря на всѣ союзы, которые, къ слову сказать, и заключены-то ужъ, навѣрно, не въ защиту возможныхъ притязаній другихъ державъ.

Вдобавокъ ко всему германское имперское правительство не забываетъ ни на минуту громадной отвѣтственности, лежащей на руководителяхъ ея внѣшней политики и такъ гениально выраженной въ классически-сжатомъ изреченіи безсмертнаго римскаго поэта еще 2000 лѣтъ назадъ: «*Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi*».

М. В. Станиславскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГРАФѢ ДМИТРІИ АЛЕКСѢЕВИЧѢ МИЛЮТИНѢ.

ВНВАРЯ 26-го прошлаго 1912 года въ своемъ имѣніи Симеизъ на южномъ берегу Крыма скончался въ глубокой старости генераль-фельдмаршалъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Всѣми уважаемый, всѣми любимый, умеръ этотъ славный дѣятель блестящаго царствованія императора Александра II почти въ одинъ день со своею девяностолѣтнею супругою, графинею Наталіею Михайловною, рожденною Понсетъ, послѣ семидесятилѣтней дружной супружеской жизни, окруженные нѣжно любимыми своихъ родителей тремя дочерьми, княгинею Елизаветою Дмитриевною Шаховскою, княгинею Надеждою Дмитриевною Долгорукой и графинею Ольгою Дмитриевною Милютиной и своимъ единственнымъ прямымъ внукомъ—камеръ-юнкеромъ Дмитриемъ Федоровичемъ Гершельманомъ, сыномъ того Гершельмана, который состоитъ членомъ военнаго совѣта и который приходится роднымъ братомъ бывшаго популярнаго, покойнаго нынѣ московскаго генераль-губернатора.

Въ лицѣ почившаго, пользовавшагося безупречнымъ, честнымъ, свѣтлымъ именемъ, Россія потеряла замѣчательнаго, прославившагося въ кавказскихъ войнахъ, боевого офицера, рѣдкаго, талантливаго профессора, создавшаго не существовавшую до него науку—военную статистику, глубокаго мыслителя, выдающагося военнаго историка, историка безпристрастнаго, спокойнаго, знаменитѣйшаго военнаго министра, дѣятеля великой эпохи реформъ императора Александра II и рѣдко добраго, сердечнаго, отзывчиваго, скромнаго, всѣмъ доступнаго человѣка, человѣка—въ луч-

шесть значеніи этого слова. Милютинъ былъ гордостью не только нашей арміи, но и гордостью всей Россіи, которую онъ горячо любилъ и которой служилъ честно, благородно, беззавѣтно въ продолженіе своей почти вѣковой жизни. Умеръ онъ на девяносто шестомъ году, въ полной памяти, сохранивъ удивительную ясность ума, интересуясь до послѣдняго дня всѣми болѣе или менѣе существенными вопросами. Да, рѣдкая жизнь, рѣдкое счастье—видѣть богатые результаты своей плодотворной дѣятельности, пользоваться столь заслуженными любовью и уваженіемъ, какъ своихъ близкихъ, своихъ друзей, такъ и своихъ бывшихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ.

Я имѣлъ большое счастье видѣть этого замѣчательнаго человѣка всего за два мѣсяца до его смерти, будучи командированъ въ составѣ депутаціи отъ императорской Николаевской военной академіи для привѣтствованія почетнаго ея президента съ рѣдкимъ, единственнымъ, можно сказать, въ жизни академіи юбилеемъ—семидесятипятнадцатилѣтіемъ окончанія имъ академическаго курса. Въ концѣ января прошлаго года въ составѣ депутаціи отъ той же академіи я былъ посланъ на похороны графа Дмитрія Алексѣевича для участія во всѣхъ печальныхъ церемоніяхъ, начиная съ отпѣванія тѣла его на южномъ берегу Крыма, въ Алупкѣ, и кончая погребеніемъ въ Москвѣ. Въ мартѣ того же года я получилъ въ высокой степени интересное порученіе, въ числѣ трехъ профессоровъ нашей академіи, разобрать и перевезти въ Петербургъ въ академію бібліотеку, архивъ, мемуары, различные адреса, патенты и знаки отличія покойнаго; порученіе это дало мнѣ возможность близко познакомиться какъ съ частной жизнью графа Дмитрія Алексѣевича, такъ и съ его государственною дѣятельностью, причемъ полнотѣ знакомства способствовали не только выше упомянутые богатѣйшіе бібліотечные и архивные матеріалы, но и правдивые рассказы и свидѣтельства лицъ, наиболѣе ему близкихъ.

Большая часть перевезеннаго, согласно желанію графа Дмитрія Алексѣевича и съ разрѣшенія дочерей покойнаго, будетъ издана нашею академіею, которой онъ и завѣщаль указанныя свои громадныя духовныя богатства, доказавъ тѣмъ въ самой трогательной формѣ свою любовь, свою привязанность къ родному ему заведенію, въ которомъ когда-то въ далекіе юношескіе годы онъ получилъ высшее образованіе, открывавшее ему столь блестящее поприще, и которому не переставалъ оказывать постоянное вниманіе.

Цѣль моего разсказа не біографія этого замѣчательнаго человѣка, которая и не можетъ помѣститься, конечно, въ рамки журнальной статьи, ни тѣмъ болѣе оцѣнка его государственной дѣятельности, принадлежащей отнынѣ исторіи, а просто изложеніе личныхъ воспоминаній, личныхъ впечатлѣній отъ троекратнаго посѣщенія тихаго, далекаго, гостепріимнаго Симеиза какъ при

жизни покинувшаго его навсегда хозяина, такъ и послѣ его смерти, когда мы имѣли счастье пользоваться рѣдкимъ радушіемъ, рѣдкимъ вниманіемъ осиротѣвшихъ его дочерей, значительно облегчившихъ намъ работу по разбору бібліотеки и архива графа Дмитрія Алексѣевича.

I.

Въ концѣ ноября 1911 года начальникъ нашей академіи сообщилъ мнѣ, что онъ избралъ меня, какъ занимающаго нынѣ каеэдру графа Милютина, однимъ изъ членовъ депутаціи, которая должна была отправиться въ Крымъ въ Симеизъ для принесенія поздравленія графу Дмитрію Алексѣевичу съ исключительнымъ юбилеемъ семидесятипятилѣтія окончанія имъ академическаго курса. Нечего говорить, съ какимъ чувствомъ было принято мною такое лестное, почетное и интересное назначеніе. Видѣть Дмитрія Алексѣевича у него въ Крыму, говорить съ нимъ, передать привѣтствіе отъ академіи и имѣть возможность лично высказать ему, что мы, современные профессора его родного предмета—военной статистики, работаемъ въ указанномъ имъ еще въ серединѣ прошлаго вѣка направленіи, живемъ его идеями,—я считалъ за особое счастье. Вѣдь Милютинъ, давно удалившись въ добровольное отшельничество, былъ въ то время какъ бы не живымъ человѣкомъ, а чѣмъ-то уже историческимъ, никто его не видѣлъ, никто не слышалъ, и только наша академія посылала ему труды своихъ профессоровъ да привѣтственные телеграммы въ дни торжественныхъ праздниковъ, неизмѣнно получая полные трогательнаго вниманія и расположенія отвѣты.

Собрались мы въ путь быстро и 27-го ноября выбыли изъ Петербурга въ роскошномъ курьерскомъ севастопольскомъ поѣздѣ. Всѣ разговоры въ пути вертѣлись около имени Милютина, всѣ помыслы были уже тамъ, далеко, за горами Крыма, на его чудномъ южномъ берегу, въ сказочной для сѣверянина обстановкѣ стройныхъ кипарисовъ, вьющихся глициній и живописныхъ скалъ Чернаго моря. Но доминировалъ надъ всѣмъ одинъ тревожный вопросъ: приметъ ли насъ нашъ маститый почетный президентъ? Еще въ Петербургѣ ходили по этому поводу самые разнорѣчивые слухи: кто говорилъ, что Дмитрій Алексѣевичъ боленъ и никого не принимаетъ, а кто, наоборотъ, увѣрялъ, что онъ совсѣмъ здоровъ и пользуется яснымъ умомъ, прекрасными для его преклоннаго возраста физическими способностями и только лишь по временамъ страдаетъ старческою слабостью, вполнѣ, впрочемъ, извинительною въ его далеко не юношескіе годы. Во всякомъ случаѣ ѣхали мы, можно сказать, на авось, жадно прислушиваясь ко всѣмъ, но стараясь вѣрить, конечно, только

благопріятнымъ слухамъ. А вдругъ не приметъ, вдругъ мы застанемъ его какъ разъ въ періодъ его слабости, и всѣ наши мечты рухнутъ? Вѣдь досадно, обидно будетъ, особенно въ виду того, что мы не имѣли возможности выждать, не могли долго оставаться въ Крыму, прервавъ всѣ свои очередныя академическія занятія и лекціи. Но вотъ промелькнули сутки съ небольшимъ, отдѣлявшія насъ отъ Крыма; вотъ и Симферополь, вотъ и задумчивый Бахчисарай, вотъ и Инкерманъ со своимъ характернымъ монастыремъ, вотъ, наконецъ, и послѣдній туннель, за которымъ развернулась живописная бухта многострадальнаго Севастополя съ его соборомъ четырехъ адмираловъ, Братскимъ кладбищемъ, столь безмолвнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь много говорящимъ военному сердцу, съ прекраснымъ Историческимъ бульваромъ и прочими достопримѣчательностями. Поездъ остановился, мы вышли изъ вагона и получили любезное увѣдомленіе генерала Ивана Сергѣевича Мальцова, что графъ Дмитрій Алексѣевичъ приметъ насъ 30-го ноября, т. е. въ самый день своего юбилея, около четырехъ часовъ. Значить, сомнѣнія наши исчезли, графъ здоровъ, и завтра мы увидимъ этого замѣчательнаго человѣка, услышимъ его рѣчь и будемъ имѣть возможность отъ души привѣтствовать своего почетнаго президента, столь много потрудившагося въ свое время на пользу дорогой ему академіи. Сѣсть въ автомобиль и выѣхать на южный берегъ было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, но только Севастополь опечалилъ насъ немного невозможностью найти достаточно хорошую ленту, которая подходила бы къ букету, подносимому нами супругѣ графа графинѣ Наталіи Михайловнѣ.

Вскорѣ автомобиль промчалъ насъ черезъ Балаклавское поле сраженія, вотъ мелькнули такъ называемыя генуэзскія башни, прекрасно вырисовывающіяся на фонѣ неба, а вотъ и живописныя Байдарскія ворота. Показалось Черное море, но сильная облачность, свойственная этой части года, скрывала отъ насъ многія красоты южнаго берега. Наконецъ, по минованіи татарскихъ деревень Кикинеизъ и Лименъ, показались знаменитыя скалы Дива, Монахъ и Кошка, ближайшіе сосѣди нашего маститаго генеральфельдмаршала. Легкій туманъ съ наступающими уже сумерками скрылъ отъ насъ, къ сожалѣнію, побережныя дачи, роскошныя дома двухъ братьевъ Мальцовыхъ, модный въ Симеизѣ пансіонъ Дольника и небольшой, скромный домикъ графа Дмитрія Алексѣевича. Какъ мы ни всматривались, какъ ни старались уловить очертанія этого дома, столь знакомаго мнѣ по лѣтнему моему пребыванію въ Крыму въ сосѣдней Алупкѣ, но ничего не могли видѣть, домъ совершенно исчезъ въ полумракѣ, въ туманѣ, изъ котораго мы вынырнули уже за Симеизомъ, въ предѣлахъ живописной Алупки съ ея знаменитыми воронцовскими дворцами и парками, лучшими на всемъ южномъ побережьѣ. Вотъ и громадный караванъ-сарай,

Церковь въ Алупкѣ.

и башня стараго дворца, и стройный минаретъ мечети, а вдали огни Ай-Тодорскаго маяка и ширь и даль огромнаго Чернаго моря. Вотъ и гостиница «Россія»—нашъ временный пріютъ, наше пристанище на эти недолгіе дни пребыванія на южномъ берегу Крыма.

На слѣдующій день, въ четыре часа намъ было назначено свиданіе съ графомъ Дмитріемъ Алексѣвичемъ. Долго шло время, часы тянулись за часами, но наконецъ, взявъ адресъ отъ академіи и букетъ для графини, доставленный намъ генераломъ Иваномъ Сер-

гёевичемъ Мальцовымъ изъ его цвётниковъ, направились мы въ мирный Симеизъ. Полчаса пути промелькнули, какъ одна минута, всё помыслы наши были направлены на скорое свиданіе съ графомъ Дмитріемъ Алексёвичемъ. Вотъ и дётская санаторія, ближайшая сосѣдка графа, вотъ наконецъ и завётный въездъ въ милютинское имѣніе, вотъ и подъездъ его скромнаго, гостепріимнаго домика, уже начавшаго погружаться въ рано наступившія вечернія сумерки. При входѣ мы были встрѣчены двумя графскими лакеями, доложившими намъ, что графъ здоровъ, чувствуетъ себя именно въ этотъ день особенно свѣжимъ и бодрымъ и уже давно съ радостью ожидаетъ нашего пріѣзда.

Не успѣли мы войти въ небольшую его гостиную, не успѣли осмотрѣться, какъ изъ двери кабинета быстрою, бодрою походкою, безъ палки, немного лишь согнувшись, вышелъ графъ. Съ замѣчательно-привѣтливою улыбкою, съ рѣдкимъ радушіемъ пожалъ онъ руки членамъ депутаціи, извинившись за свой костюмъ, состоявшій изъ тужурки стараго александровскаго покроя, т. е. длиннаго полупальто съ отложнымъ воротникомъ, съ двумя рядами пуговицъ и съ клананомъ сзади; нужно замѣтить при этомъ, что графъ никогда не стѣснялъ пріѣзжавшихъ къ нему депутацій костюмомъ, всегда старался предупредить, чтобы не пріѣзжали къ нему въ мундирахъ, въ парадной формѣ, требующей, какъ извѣстно, и громоздкаго головного убора, и высокихъ сапогъ, и различныхъ регалій, столь отравляющихъ всякое путешествіе, ссылаясь, по свойственной ему деликатности, на то, что парадныя депутаціи обязываютъ и его быть въ соотвѣтственной формѣ, а надѣваніе мундира для него очень затруднительно. Какъ бы оправдываясь, онъ говорилъ, что считаетъ депутатовъ отъ академіи за своихъ родныхъ, близкихъ, почему и позволилъ себѣ выйти въ тужуркѣ. Мы были поражены его виѣшнимъ видомъ: бодрый, веселый, съ быстрыми движеніями, со свѣтлымъ, яснымъ взглядомъ своихъ необыкновенно добрыхъ глазъ, онъ казался старикомъ лѣтъ семидесяти—семидесяти пяти, не болѣе, т. е. лѣтъ на двадцать моложе дѣйствительнаго своего возраста.

Посадивъ насъ противъ своего кресла, которое, какъ потомъ мы узнали, было его любимымъ, обычнымъ мѣстомъ, онъ, снова извинившись, что по старости лѣтъ не можетъ стоять, просилъ прочитать адресъ сидя. Слушая его съ большимъ вниманіемъ, онъ, видимо, волновался, часто одобрительно кивалъ головою, быстро проводя рукою по лицу при особенно лестныхъ для него словахъ и отзываясь адреса. По окончаніи чтенія графъ всталъ и, горячо пожимая руки членамъ депутаціи, благодарилъ въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ, говоря, что заслуги его адресомъ преувеличены, что онъ далеко не заслужилъ столь лестной оцѣнки своей дѣятельности. Высказавъ затѣмъ свое особенное удовольствіе, что депута-

Видъ дома графа Милютина въ Симеизѣ.

ція прїѣхала такъ далеко привѣтствовать его въ его симеизскомъ имѣнїи, онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, долго ли мы останемся въ Крыму, и еще разъ высказалъ, что онъ особенно тронутъ, что депутація прїѣхала съ единственною цѣлью поздравить своего маститаго любимаго почетнаго президента.

Затѣмъ подали чай, фрукты, виноградъ, и графъ почти цѣлый часъ бесѣдовалъ съ нами, затрогивая самыя различные вопросы.

Нужно было видѣть, съ какимъ чувствомъ, съ какой любовью говорилъ онъ объ академіи, привыкшей за послѣднее время выслушивать лишь одни горькіе упрёки, лишь самую рѣзкую критику своей дѣятельности; говорилъ онъ, что значеніе академіи столь велико, что на нее нельзя жалѣть денегъ, и что при нашемъ колоссальномъ современномъ военномъ бюджетѣ средства для необходимаго расширения академіи всегда должны найтись. Въ виду громаднхъ требованій, предъявляемыхъ нынѣ къ научной подготовкѣ офицеровъ генеральнаго штаба, графъ высказалъ мысль о трудности и, вѣрнѣе, даже невозможности уложить преподаваніе обширныхъ академическихъ курсовъ въ три года, о крайней необходимости по причинѣ сего созданія третьяго теоретическаго курса при одномъ, слѣдовательно, практическомъ дополнительномъ курсѣ, т. е. о расширеніи академическаго преподаванія на четыре года. Говорилъ графъ о преподаваніи своего роднаго предмета—военной статистики, которую онъ читалъ еще въ срединѣ прошлаго вѣка, которую онъ, по всей справедливости, создалъ и которой былъ затѣмъ самымъ блестящимъ представителемъ. Будучи, кромѣ сего, выдающимся историкомъ и по природѣ своей, пожалуй, даже больше историкомъ, чѣмъ статистикомъ, онъ затронулъ вопросъ и о значеніи и о преподаваніи военной исторіи и исторіи военнаго искусства, этихъ основныхъ предметовъ академическаго преподаванія. Высказавъ затѣмъ свой взглядъ на многіе текущіе вопросы и довольно рѣзко отозвавшись о современной организаціи центральныхъ управленій военнаго министерства, Дмитрій Алексѣевичъ вспоминалъ имена многихъ дѣятелей какъ своего, такъ и позднѣйшаго времени, выказавъ удивительную, свѣжую память.

На заявленіе начальника академіи, что академія была встревожена недавно слухами объ его серьезной болѣзни, графъ сказалъ, что онъ собственно никогда не бываетъ боленъ, что его единственная, но зато неизлечимая болѣзнь—это старость, отъ которой, нужно думать, онъ скоро избавится. Онъ самъ говорилъ, что по утрамъ бываетъ иногда такъ слабъ, что уподобляется трупу, но затѣмъ, особенно послѣ обѣда, который подавался въ Симеизѣ ровно въ часъ, онъ чувствовалъ себя гораздо бодрѣе, причеиъ въ четыре часа, т. е. въ назначенное намъ для аудіенціи время, онъ былъ свѣжѣе всего, это были его лучшія, самыя свѣтлыя минуты. Затѣмъ вечеромъ, послѣ ужина, сервировавшагося въ восемь часовъ, Дмитрій Алексѣевичъ часто сидѣлъ въ кругу своей семьи въ своей скромной гостиной, гдѣ онъ и насъ принималъ, и бесѣдовалъ обыкновенно до десяти часовъ, послѣ чего жизнь въ Симеизѣ замирала. Онъ говорилъ намъ, что только послѣдніе два года немного тяготится жизнью, главнымъ образомъ потому, что зрѣніе ослабѣло настолько, что не позволяетъ ему читать и писать, а это сильно его удручаетъ, такъ какъ при привычкѣ къ постоянному труду тяжело сидѣть сложа руки, безъ работы.

Нѣсколько разъ члены депутаціи дѣлали попытки встать, дабы не очень утомить гостепріимнаго хозяина, но всякій разъ графъ начиналъ говорить съ еще большимъ оживленіемъ, какъ бы не желая прощаться съ депутаціей. Супруга его по слабости здоровья не выходила. Наконецъ, послѣ почти часовой аудіенціи графъ нехотя отпустилъ депутацію, но передъ окончательнымъ прощаніемъ, какъ бы предчувствуя свою близкую кончину, онъ ввелъ насъ въ свой кабинетъ, остановился у своего громаднаго письменнаго стола, еще разъ высказалъ искреннюю благодарность за привѣтъ, подтвердивъ снова свое расположеніе къ академіи, и сказалъ въ заклю-

Второй видъ дома графа Милютина.

ченіе, что въ виду того вниманія, которое неизмѣнно оказывала академія почетному своему президенту, выразившагося и въ этотъ разъ пріѣздомъ депутаціи изъ далекаго Петербурга, онъ хотѣлъ бы, чтобы связь его съ академіей была еще прочнѣе, чтобы связь эта не была нарушена даже его смертью. Для осуществленія такового пожеланія онъ просилъ бы принять въ стѣны академіи его бібліотеку, его скромный, небольшой архивъ, прибавивъ, что дочери его—его наслѣдницы—знаютъ о таковой его волѣ.

— Мнѣ очень бы хотѣлось,—сказалъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ:—чтобы послѣ моей смерти пріѣхалъ кто-нибудь изъ профессоровъ академіи помочь дочерямъ моимъ въ разборъ бібліотеки

и архива и взялъ бы въ академію, на память объ ея почетномъ президентѣ, все то, чего у нея нѣтъ, все то, что признано будетъ для академіи полезнымъ и интереснымъ.

Видимо, графъ хотѣлъ высказать это въ присутствіи какъ академической депутаціи, такъ и своихъ дочерей, но послѣднія по причинамъ, которыя намъ стали извѣстны уже позднѣе, когда мы снова пріѣхали въ Симеизъ для разбора библіотеки, не вышли. Графъ сильно волновался, говорилъ стоя, какъ бы нехотя отпуская депутацію и на прощаніе еще разъ въ самымъ трогательныхъ словахъ высказалъ свою искреннюю благодарность за пріѣздъ, за привѣтъ, изложенный въ столь лестныхъ для него выраженіяхъ.

Мы были просто очарованы гостепріимнымъ хозяиномъ, хотѣлось, конечно, поближе познакомиться и съ его гостиною, и особенно съ завѣтнымъ его кабинетомъ, но все вниманіе наше было невольно приковано къ его обаятельной личности, а затѣмъ и ступившія сумерки скрыли отъ насъ совершенно стѣны обширной его библіотеки-кабинета. Съ особеннымъ чувствомъ входили мы въ это святилище, съ особеннымъ благоговѣніемъ взирали мы на письменный столъ этого замѣчательнаго александровскаго дѣятеля, совершенно не подозрѣвая въ то время, что вскорѣ, черезъ какіе-нибудь три мѣсяца, придется провести въ этомъ кабинетѣ, для исполненія послѣдней воли покойнаго уже нашего почетнаго президента, почти десять дней, въ обществѣ его трехъ дочерей, такъ обласкавшихъ насъ подъ кровлею своего привѣтливаго домика.

Распростившись съ графомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, мы возвращались къ себѣ въ Алунку совершенно зачарованными его обаятельною личностью, всѣ разговоры вращались около великаго симеизскаго отшельника, уже давно отказавшагося отъ блеска высокаго своего положенія, отъ всѣхъ земныхъ, столь заслуженныхъ имъ почестей и удалившагося въ чудный Крымъ, подъ лучи его жаркаго солнца, на берегъ Чернаго моря, въ свой поэтический уголокъ—Симеизъ.

Насъ поразили ясность ума графа, его правильные взгляды какъ на давно прошедшія, такъ и на настоящія событія, его интересъ положительно ко всѣмъ явленіямъ современной жизни, его необыкновенная память, позволявшая ему такъ здраво говорить и судить какъ о лицамъ и дѣлахъ давно прошедшихъ, такъ и о событіяхъ ближайшей намъ эпохи. Обыкновенно столь почтенные старцы помнятъ хорошо свое время и быстро забываютъ все ближайшее. Милютинъ же одинаково помнилъ всѣ времена и эпохи, и помнилъ притомъ не только отдѣльные событія, историческіе факты, но и имена дѣятелей, что въ такіе преклонные годы встрѣчается очень и очень рѣдко. Современная обстановка понимается имъ правильно, какіе-либо предвзятые взгляды отсутствуютъ, обо всемъ говорить онъ безъ зависти, безъ озлобленія, т. е. безъ чувствъ,

столь тоже обычныхъ у сановниковъ на покоѣ. По всѣмъ вопросамъ графъ составилъ свое мнѣніе, высказываемое имъ ясно, точно, кратко, опредѣленно, какъ высказывалъ онъ его всегда въ лучшіе годы своей жизни, во времена своей кипучей государственной дѣятельности. Всѣмъ интересовался этотъ замѣчательный человѣкъ, за всѣмъ слѣдилъ, обо всемъ думалъ своимъ свѣтлымъ, яснымъ, сильнымъ даже въ девяносто пять лѣтъ умомъ.

Съ хорошимъ, какимъ-то мирнымъ чувствомъ возвращались мы въ Петербургъ, въ академію, съ теплымъ привѣтомъ отъ горячо любимаго нашего почетнаго президента. Самъ дѣлаешься какъ-то лучше отъ мимолетнаго даже соприкосновенія съ такими хорошими, сердечными, скромными людьми. Какъ-то болѣе спокойно, болѣе индифферентно относишься къ превратностямъ судьбы, болѣе философски начинаешь смотрѣть на жизнь. Одно было довольно тяжело, это скрывать отъ товарищей послѣднее пожеланіе графа, завѣщаніе имъ его обширной библіотеки и архива нашей академіи, разглашеніе котораго казалось намъ неудобнымъ въ виду той обстановки, при которой оно было высказано. Къ сожалѣнію, возможность подѣлиться съ ними рассказомъ о щедромъ дарѣ академіи явилась слишкомъ скоро, слишкомъ неожиданно, такъ какъ почти ровно черезъ два мѣсяца послѣ нашей поѣздки въ Симеизъ пришло печальное извѣстіе о кончинѣ графа Дмитрія Алексѣевича и его супруги.

Между прочимъ, графъ очень любезно изъявилъ свое согласіе на удовлетвореніе горячей просьбы членовъ бывшей у него депутаціи, заключавшейся въ желаніи имѣть его фотографическія карточки, конечно, съ его подписью. За неимѣніемъ таковыхъ онъ не могъ удовлетворить нашу просьбу и тогда же разрѣшилъ, въ случаѣ, если намъ удастся найти его негативы, прислать карточки ему на подпись въ Симеизъ. Негативы были разысканы въ Москвѣ, гдѣ графъ снимался въ послѣдній разъ въ 1896 или 1898 году, когда онъ приглашенъ былъ на коронацію нынѣ царствующаго императора и на открытіе памятника императору Александру II. На карточкѣ этой, обыкновеннаго кабинетнаго размѣра, графъ Дмитрій Алексѣевичъ изображенъ въ тужуркѣ стараго покроя, т. е. въ полупальто, сидящимъ на стулѣ, опершись обѣими руками на палку, съ фуражкой въ лѣвой рукѣ. Карточка эта, подписанная имъ въ Симеизѣ 31-го декабря 1911 года, т. е. всего за двадцать шесть дней до кончины, служитъ мнѣ нынѣ самымъ дорогимъ воспоминаніемъ о покойномъ нашемъ фельдмаршалѣ, о поѣздкѣ нашей въ далекій Симеизъ, о томъ необыкновенно радушномъ приѣмѣ, который оказанъ былъ намъ его обаятельнымъ хозяиномъ, привѣтствовавшимъ насъ такими теплыми, такими добрыми словами.

Такъ закончилась первая моя поѣздка въ Крымъ къ графу Дмитрію Алексѣевичу Милютину, мой первый и, къ сожалѣнію,

последній съ нимъ разговоръ, такъ глубоко запавшій въ душу. Ранѣе этого видѣлъ я его мелькомъ въ Москвѣ въ 1898 году, а еще раньше, въ періодъ времени съ 1874 по 1881 годъ, будучи воспитаникомъ пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, часто видѣлъ его въ стѣнахъ родного заведенія, куда графъ нерѣдко забѣжалъ, совсѣмъ запросто ходилъ по классамъ, часто самъ спрашивалъ пажей, привлекая насъ къ себѣ необыкновенною добротою, снисходительностью, неизмѣнно своею привѣтливостью и простою обращенія.

II.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ со времени поѣздки нашей въ Симеизъ, наступилъ новый 1912 годъ. Въ концѣ января этого года въ газетахъ появилось извѣстіе о смерти долголѣтней спутницы графа Дмитрія Алексѣевича—графини Наталіи Михайловны, скончавшейся въ Крыму отъ воспаления легкихъ. Мысль перенеслась какъ-то невольно въ далекій Симеизъ, закрался безпричинный, безотчетный страхъ объ опасности, угрожающей и самому графу, страхъ, раздѣлявшійся тогда многими. Къ сожалѣнію, страхъ этотъ, тревожное предчувствіе оправдалось. Не прошло и трехъ дней, какъ въ томъ же «Новомъ Времени» появилось извѣстіе о смерти графа Дмитрія Алексѣевича. Такъ и есть, не могъ пережить этотъ замѣчательный человекъ смерти своей супруги!

Чувство скорби, чувство печали наполнило сердца всѣхъ, и особенно, конечно, тѣхъ, которые еще два мѣсяца тому назадъ видѣли графа здоровымъ, бодрымъ, полнымъ силъ, удивительно сохранившимся для его преклоннаго возраста; не прошло еще мѣсяца, какъ онъ намъ подписалъ карточки; и вотъ теперь все кончено, подведенъ итогъ долголѣтней, необыкновенно плодотворной жизни, имя Милютина принадлежитъ съ этихъ поръ исторіи, которая, конечно, при своемъ безпристрастїи, скажетъ о почившемъ не одно хорошее, благодарное слово. Дмитрія Алексѣевича нѣтъ, но завѣты его живутъ въ столь любимой имъ арміи, въ родной ему академіи, въ горячо любимой имъ родинѣ—Россїи.

Не успѣлъ я вернуться домой съ лекцій и занятій изъ академіи, какъ былъ вызванъ по телефону начальникомъ, сообщившимъ мнѣ, что я избранъ снова въ число членовъ депутаціи отъ академіи, отправляющейся на похороны почившаго нашего почетнаго президента. Выѣздъ былъ назначенъ въ тотъ же день вечеромъ, такъ что сборы были быстры, и уже въ десять часовъ вечера мы отправились въ дальній путь, но уже далеко не съ тѣми мыслями, съ которыми мы ѣхали туда всего два мѣсяца назадъ. Теперь везли мы не адресъ графу, не букетъ графинѣ, а только лишь вѣнокъ, эту последнюю дань нашего искренняго расположенія и уваженія къ столь любим-

Задній фасадъ дома графа Милютина.

шему академію бывшему славному ся питомцу. Мысли заняты были лишь однимъ: когда назначены похороны, когда и гдѣ будетъ отпѣваніе, когда вынось изъ дому, поспѣемъ ли мы въ Крымъ, поспѣемъ ли къ выносу, какъ будутъ происходить самыя похороны, въ виду особенно почти одновременной кончины обонхъ супруговъ, изъ коихъ одинъ былъ православнаго, а другая лютеранскаго исповѣданія? Вотъ вопросы, которые насъ, конечно, очень интересовали. Хотѣ-

«истор. вѣсти.», ФЕВРАЛЬ 1913 г., т. сxxxі.

лось попасть всюду, хотѣлось возложить вѣнокъ еще въ Крыму, такъ сказать, дома, хотѣлось выразить близкимъ еще въ домашней обстановкѣ всю нашу скорбь, всю нашу печаль отъ утраты почетнаго нашего президента.

Но вотъ на другой день утромъ промелькнула Москва, за Бѣлокаменною—Тула, Орель, Курскъ, и наконецъ вечеромъ Харьковъ, гдѣ къ намъ присоединилась депутація отъ 121-го пѣхотнаго Пензенскаго полка, въ которомъ покойный фельдмаршалъ состоялъ шефомъ. Больше никакихъ депутацій пока не было видно, выѣхали мы изъ Петербурга столь быстро, что, конечно, никто не успѣлъ еще испросить на поѣздку необходимаго разрѣшенія начальства. Наконецъ Симферополь, Севастополь, гдѣ мы ожидали получить отъ кого-либо изъ близкихъ графу лицъ извѣщеніе о дальнѣйшемъ, но, ничего не получивъ, немедленно выѣхали дальше. Вотъ и знаменитыя Байдары, вотъ и Черное море, обратившееся въ этотъ разъ въ какое-то безконечное снѣжное поле, освѣщенное яркимъ солнцемъ. Уже не въ первый разъ вижу я Байдары, уже не въ первый разъ люблюсь необыкновенно красиво расположенною на скалѣ изящною байдарскою православною церковью, но такого зрѣлища не видѣлъ еще никогда. Туманъ положительно сѣлъ на землю, чрезвычайнаго густыя облака спустились на море и окончательно все закрыли. Какъ жаль, опять не увидимъ мы домика симеизскаго отшельника, опять скроется онъ отъ насъ въ густомъ туманѣ! Вотъ и ближайшія къ Симеизу татарскія деревушки, горы видны, солнце играетъ еще на ихъ остроконечныхъ вершинахъ, а внизу все задернуто сплошнымъ туманомъ, не видно даже скалъ Дивы и Монаха. Чувствуется только, что вправо отъ быстро мчащагося автомобиля долженъ быть теперь какъ разъ Симеизъ. Но вотъ и Алупка съ еле видимымъ на этотъ разъ минаретомъ мечети. Только спустившись внизъ, на такъ называемое нижнее шоссе, увидѣли мы море и вскорѣ остановились у подъѣзда столь знакомой намъ гостиницы «Россія».

Первый вопросъ швейцару: нѣтъ ли извѣстій изъ Симеиза? Оказывается, что есть письмо отъ старшей дочери почившаго—княгини Елизаветы Дмитріевны Шаховской, адресованное на имя начальника нашей академіи, въ которомъ княгиня сообщаетъ, что выносъ изъ квартиры въ алупкинскую церковь послѣдуетъ 28-го января, въ три часа дня, а отпѣваніе тамъ же на другой день, въ воскресенье 29-го января, въ восемь съ половиной часовъ утра. Итакъ, сомнѣнія наши наконецъ разрѣшились, время отпѣванія стало извѣстно, но опечалило насъ то, что мы уже опоздали къ выносу изъ дому, выносъ назначенъ былъ въ три часа, а мы приѣхали въ Алупку въ четыре съ половиной. Кругомъ все было необыкновенно тихо, туманно, величественный Ай-Петри совершенно скрытъ въ непроницаемомъ облакѣ, море при полномъ безвѣтріи спокойно, тепло настолько, что намъ, жителямъ далекаго сѣвера, явилась

Большая веранда въ домѣ графа Милютина.

рѣдкая возможность въ январѣ въ пять часовъ вечера выйти на улицу безъ пальто, въ однихъ кителяхъ. Какая благодать! Кругомъ задумчивые, стройные, необыкновенно декоративные кипарисы, вьющіяся глициніи и другія растенія нашего благословеннаго юга. Но вотъ около пяти часовъ послышался печальный перезвонъ колоколовъ алушкинской церкви, который, какъ оказалось, знамено-

валь собою подходъ траурной церемоніи съ гробами двухъ почившихъ къ этому небольшому, но замѣчательно красиво расположенному храму. Могъ ли я думать, будучи лѣтомъ въ Крыму, что вмѣсто торжественной службы 6-го августа съ освѣщеніемъ плодовъ при яркомъ, жгучемъ солнцѣ, мнѣ предстоитъ зимою быть въ этой же самой церкви въ столь необычной обстановкѣ, на похоронахъ того самаго Милютина, который еще два мѣсяца тому назадъ бесѣдовалъ съ нами въ своемъ Симеизѣ. Да, превратна судьба человѣка, и смерть нивелируетъ всѣхъ, и бѣднаго крестьянина, и столь знаменитаго фельдмаршала, бывшего военного министра великой Россійской имперіи.

Взявъ вѣнокъ отъ академіи, поѣхали мы въ церковь ко всеобщей, которая должна была начаться въ шесть часовъ вечера. Было тепло, какъ-то необыкновенно тихо, точно сама природа притихла передъ величіемъ совершающагося. Вошли мы въ церковь и были поражены совершенно оригинальною обстановкою. Посреди довольно обширнаго, слабо освѣщеннаго храма, имѣющаго форму креста, стоялъ небольшой, низкій катафалкъ, всего, кажется, съ одною или двумя ступеньками; ни балдахина, ни дорогихъ кистей, ни сада тропической зелени, ничего того, что мы привыкли видѣть на похоронахъ болѣе или менѣе знатныхъ людей. Все необыкновенно просто, скромно, какъ скромень былъ тотъ, который лежалъ теперь въ гробу послѣ столь долгой жизни. Гробъ простой, деревянный, дубовый, четыре мизерныхъ подсвѣчника съ довольно тощими свѣчами стояли по четыремъ сторонамъ гроба. Въ церкви царилъ мракъ, было торжественно тихо, благоговѣйно стоялъ народъ, именно только народъ, среди котораго послѣднія тридцать лѣтъ жилъ усопшій фельдмаршалъ. У ногъ же гроба расположились всѣ атрибуты земного величія, всѣ знаки отличія, всѣ ордена, которые только достуны человѣку на землѣ. Тутъ и орденъ святого Александра Невского съ брильянтами, и орденъ святого Андрея Первозваннаго, тоже съ брильянтами, тутъ и четыре царскихъ портрета, усыпанныхъ брильянтами, и во главѣ всего—фельдмаршальскій жезлъ, весь въ крупныхъ брильянтахъ, такъ не отвѣчающихъ всей только что описанной мною скромной обстановкѣ. Единственнымъ траурнымъ убранствомъ церкви, кромѣ крепа на четырехъ подсвѣчникахъ, было нѣсколько вѣточекъ кипариса, замѣняющаго на югѣ нашъ ельникъ, разсыпанныхъ по полу церкви. Вотъ среди какой обстановки покоился въ своемъ скромномъ гробу тотъ, который когда-то былъ однимъ изъ первыхъ сановниковъ имперіи, который перевернулъ все военное вѣдомство, который участвовалъ почти во всѣхъ реформахъ великаго царя-Освободителя. Одѣтъ былъ покойный въ виць-мундиръ свиты Его Величества, свитскій головной уборъ и шпага были прикрѣплены къ крышкѣ гроба.

Медленно, торжественно, величественно шла всеобщая, кругомъ гроба было нѣсколько довольно скромныхъ вѣнковъ, среди

Кабинет графа Милютина.

которыхъ, нужно сознаться, нашъ академическій вѣнокъ отличался не только своимъ изяществомъ, но даже и богатствомъ. По возложеніи вѣнка къ подножію гроба мы были привѣтствованы камеръ-юнкеромъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ Гершельманомъ, распорядившимся похоронами, который сказалъ намъ, что дочери покойнаго очень рады видѣть академическую депутацію и желаютъ съ нею познакомиться.

Насъ страшно поразило, однако, что мы застали въ церкви только одинъ гробъ; неужели, думали мы, гробъ съ тѣломъ графини успѣли уже вывезти изъ Крыма? Но оказалось совсѣмъ другое; оказалось, что какія-то странныя каноническія правила не разрѣшаютъ вносить въ христіанскую православную церковь христіанку же, но только лютеранку ¹⁾. И вотъ тѣ, кто всю свою долготѣльную жизнь были соединены узами нѣжной любви, неизмѣнной дружбы, освященными тою же христіанскою церковью, оказались внѣшне, по крайней мѣрѣ, разъединенными послѣ смерти, но разъединенными, слава Богу, только на одну ночь. Гробъ графини былъ поставленъ въ небольшую часовенку при входѣ въ церковную ограду, причемъ, какъ потомъ намъ говорили, часовенка эта оказалась сооруженною на мѣстѣ алтаря, на мѣстѣ престола бывшей здѣсь старой церкви, которая, вслѣдствіе угрожающихъ оползней горъ, дала такія опасныя трещины, что ее пришлось разобрать. Если рассказъ этотъ вѣренъ, то оказалось вѣдь, что гробъ съ тѣломъ лютеранки, который нельзя было даже внести въ православную церковь, былъ поставленъ въ концѣ концовъ на мѣстѣ бывшаго православнаго алтаря; это ли не игра судьбы, не насмѣшка надъ странными церковными правилами? Во всякомъ случаѣ долженъ сказать, что распоряженіе духовенства, можетъ быть, и вполне отвѣчающее канонамъ церкви, произвело не только на насъ, на интеллигенцію, но и на народъ, любившій покойнаго и пришедшій въ большомъ количествѣ поклониться его гробу, самое непріятное, самое удручающее впечатлѣніе. Присутствіе мѣстныхъ жителей, т. е. именно народа, какъ русскихъ, такъ и татаръ, тоже характерная особенность похоронъ графа Милютина; обыкновенно большихъ сановниковъ хоронятъ знать, вся усыпанная звѣздами, брильянтами, разукрашенная лентами и прочими знаками земногo величія, тутъ же, кромѣ дочерей покойнаго, внука камеръ-юнкера, одной племянницы да насъ, изъ интеллигенціи никого не было. Депутація отъ Пензенскаго полка почему-то задержалась въ Севастополѣ и прибыла въ Алупку только на другой день утромъ, уже къ обѣднѣ и отпѣванію.

Вѣнки, окружавшіе гробъ, тоже поражали своими надписями; все больше отъ татаръ различныхъ деревень, окружавшихъ Си-

¹⁾ Лютеранской церкви въ Алуцкѣ нѣтъ.

меизъ; тутъ вѣнокъ и отъ татаръ Кореиза, и отъ татаръ Кикинеиза, и отъ Лимень, и даже коллективный вѣнокъ отъ нѣсколькихъ бѣднѣйшихъ татарскихъ деревушекъ, расположенныхъ въ самыхъ горахъ надъ Симеизомъ и Алупкой, и относительно очень мало вѣнковъ отъ населенія русскаго; странно и вмѣстѣ съ тѣмъ обидно, что татары какъ бы больше цѣнили русскаго фельдмаршала, знаменитаго государственнаго дѣятеля, чѣмъ сами русскіе.

Но вотъ окончилась всенощная, окончилась панихида, мы были представлены тремъ дочерямъ графа—княгинѣ Елизаветѣ Дмитриевнѣ Шаховской, княгинѣ Надеждѣ Дмитриевнѣ Долгорукой и графинѣ Ольгѣ Дмитриевнѣ Милютиной, которыя выразили намъ живѣйшую ихъ благодарность за участіе академіи, сказавъ, что покойный горячо любилъ родное заведеніе, всегда интересовался его жизнью, очень цѣнилъ пріѣздъ по различнымъ случаямъ академическихъ представителей и въ день 30-го ноября, т. е. въ день пріѣзда послѣдней нашей депутаціи, былъ особенно въ духѣ, особенно веселъ и бодръ, что и выразилось какъ въ большомъ нервномъ возбужденіи, въ сильномъ подъемѣ духа, такъ и въ особенной въ тотъ вечеръ физической бодрости. Чрезмѣрное напряженіе должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ и соответственную реакцію, которая и сказалась на другой день упадкомъ силъ, плохимъ относительно самочувствіемъ и большой слабостью, приковавшими графа къ постели почти на весь день. Дочери покойнаго пригласили насъ къ себѣ пить чай, и мы направились въ ихъ гостепріимный домикъ, въ которомъ еще такъ недавно имѣли счастье видѣть самого его хозяина.

Необыкновенная простота, чрезвычайное вниманіе и радушіе насъ окончательно поразили и очаровали. Дмитрій Ѳеодоровичъ Гершельманъ провелъ насъ черезъ спальню графа въ его столь интересовавшій насъ завѣтный кабинетъ, гдѣ къ намъ и вышла старшая изъ дочерей—княгиня Шаховская, предложившая намъ хотя въ общихъ чертахъ познакомиться съ пожеланіями покойнаго, выраженными въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ письмахъ на имя дѣтей. За отсутствіемъ въ Симеизѣ электричества, было довольно темно, и обширный кабинетъ графа, освѣщенный одною настольною керосиновою лампою, утопалъ въ сумракѣ, не позволяя намъ разсмотрѣть всѣ его уголки, съ которыми намъ предстояло такъ хорошо познакомиться впоследствии—въ мартѣ мѣсяцѣ. Да и не на это направлены были, впрочемъ, въ то время наши помыслы, преисполненные чувствомъ грусти, чувствомъ печали отъ потери столь дорогаго, столь замѣчательнаго человѣка, мы горѣли желаніемъ поглубже проникнуть въ его послѣднюю волю, правильно понять ее, постиже самую суть его пожеланій. Въ тѣ полчаса, которые мы имѣли тогда въ своемъ распоряженіи, мы единогласно пришли къ убѣжденію, что вся обширная бібліотека, весь архивъ, инте-

реснѣйшія, конечно, «Воспоминанія» и «Дневникъ» графа, а также и всѣ его регалии, ордена, знаки отличія должны быть переданы нашей академіи, какъ и говорилъ намъ о томъ самъ покойный при пріемѣ нашей депутаціи задва мѣсяца до смерти, и о чемъ мною уже было изложено выше. Первые болѣе раннія пожеланія были нѣсколько иные, но затѣмъ постепенно симпатіи графа Дмитрія Алексѣевича склонялись все болѣе и болѣе въ пользу нашей академіи, которая наконецъ и выдвинулась на первое мѣсто и должна была, согласно его волѣ, принять въ свои стѣны столь дорогой, столь интересный матеріалъ, столь обширныя, какъ научныя, такъ и вещественныя сокровища. Тогда же зародилась мысль объ основаніи въ стѣнахъ академіи особаго музея имени Милютина, въ которомъ и были бы сосредоточены всѣ воспоминанія о немъ, начиная съ библіотеки и кончая всѣми тѣми вещами его домашняго обихода, которыя наслѣдникамъ его будетъ угодно передать на храненіе въ академію. Бѣглое знакомство съ пожеланіями покойнаго закончилось заявленіемъ дочерей его, что воля отца имъ извѣстна, что онѣ вполне посвящены были въ его разговоръ съ нами 30-го ноября и не вышли къ намъ, какъ того желалъ покойный, единственно съ цѣлью не помѣшать нашей съ нимъ бесѣдѣ, такъ какъ всякій разъ при входѣ дочерей графъ Дмитрій Алексѣевичъ обыкновенно умолкалъ, предоставляя имъ право слова.

Вслѣдъ за тѣмъ мы были приглашены въ столовую, гдѣ и предложенъ былъ намъ обласкавшими насъ хозяйками цѣлый ужинъ, такъ какъ оказалось, что по установленному въ Симеизѣ распорядку дня въ это именно время всегда подавался при графѣ Дмитрії Алексѣевичѣ ужинъ. За ужиномъ намъ удалось услышать изъ устъ самыхъ близкихъ къ нему людей много разсказовъ о послѣднихъ дняхъ и часахъ его жизни, тутъ только намъ стало извѣстно, что покойный и не зналъ о смерти своей супруги, которая умерла тогда, когда онъ самъ былъ уже чрезвычайно слабъ и лежалъ въ постели. Только наканунѣ своей смерти онъ спросилъ окружающихъ о состояніи здоровья графини Наталіи Михайловны, на что и получили отвѣтъ, что здоровье ея очень плохо. Ничего не сказавши, онъ закрылъ глаза и больше уже о состояніи своей супруги не спрашивалъ, можетъ быть, говорятъ дочери, онъ и почувствовалъ, что ея уже нѣтъ въ живыхъ. Послѣдніе дни и часы Дмитрій Алексѣевичъ былъ очень слабъ, съ трудомъ могъ говорить, причемъ рѣчь, видимо, ему не повиновалась; сохраняя до конца полное сознаніе, онъ часто произносилъ названія предметовъ, имена нѣкоторыхъ лицъ, и тутъ же дѣлалъ недовольный, нетерпѣливый жестъ, ясно сознавая, что сказалъ не то, что хотѣлъ. Въ полной памяти, сидя въ своей постели, отошелъ онъ въ вѣчность 25-го января 1912 года, около 6 часовъ дня, отъ воспаленія легкихъ, т. е. отъ той же самой болѣзни, отъ которой за три дня до того сконча-

Любимая оттоманка въ кабинетѣ графа Милогина.

лась и его супруга. Это ли не трогательное, удивительное совпадение? Жить так долго вмѣстѣ, умереть почти одновременно, да еще отъ одной и той же болѣзни! Болѣе мелочныя подробности узнали мы уже потомъ, въ слѣдующій нашъ прїѣздъ въ Симеизъ для разбора библіотеки и архива покойнаго. Тутъ же дочери графа были, конечно, сильно потрясены смертью обоихъ своихъ горячо любимыхъ родителей, и особенно разспрашивать ихъ не приходилось.

На другой день 29-го января утромъ происходило отгѣваніе тѣла покойнаго графа Дмитрія Алексѣевича, къ которому прибыли уже депутаціи отъ Пензенскаго пѣхотнаго полка, въ которомъ покойный былъ шефомъ, и отъ 1-ой гвардейской артиллерійской бригады, въ которой онъ началъ свою славную службу и въ спискахъ которой числился до самой своей смерти. Видъ Алупкинскій церкви былъ нѣсколько наряднѣе, чѣмъ наканунѣ, можетъ быть, оттого, что временами выходило яркое солнце и заливало своими лучами храмъ Божій, расположенный довольно высоко надъ уровнемъ моря. Медленно и чинно служилась обѣдня, довольно хорошо пѣли пѣвчіе, наконецъ священники сказали свое послѣднее слово, постаравшись по мѣрѣ своихъ силъ обрисовать покойнаго и какъ идеальнаго семьянина, и какъ выдающагося государственнаго дѣятеля, и какъ замѣчательнаго военнаго министра. Не скажу, чтобы рѣчи эти были особенно удачны, чтобы онѣ блистали захватывающимъ краснорѣчіемъ, но во всякомъ случаѣ сказано было теплое слово, то слово, котораго жадно ждало отъ духовенства мѣстное населеніе. Такъ что съ этой стороны послѣднія рѣчи духовенства можно только привѣтствовать. Къ отгѣванію прибыло мѣстное ялтинское начальство во главѣ съ страшною грозой всего южнаго берега Крыма, положительно легендарною личностью генерала Думбадзе, отъ одного имени котораго трепетали многіе, воображая генерала воплощеніемъ всего жестокаго, грубаго, своевольнаго; а между тѣмъ далеко не таковъ былъ генераль Думбадзе, это человѣкъ въ высшей степени любезный, внимательный, но энергичный, полный желанія дѣлать лишь добро горячо любимой имъ родинѣ, беззавѣтно преданный государю, а потому и неугодный многимъ недоброжелателямъ нашего многострадальнаго отечества.

Насколько возможно торжественно, протекало отгѣваніе въ этой скромной обстановкѣ, все было хорошо, чинно, благолѣпно, не было только подруги жизни покойнаго, не было супруги его графини Наталіи Михайловны, которая стояла одна въ убогой часовенкѣ при вѣздѣ въ церковную ограду. Неужели нельзя было сдѣлать исключенія, нельзя было нѣсколько уклониться отъ церковныхъ правилъ, въ виду столь рѣдкаго, столь необычнаго случая? Вѣдь дѣлаются же у насъ исключенія, и гораздо болѣе существенныя. И такъ думалъ, видимо, не я одинъ, а такъ думали почти всѣ при-

Кровать и кресло въ спальнѣ.

существовавшие, не исключая, конечно, и простого народа, во множествѣ заполнившего опять небольшую церковь, собравшагося въ послѣдній разъ помолиться за упокой души своего знаменитаго помѣщика. Но вотъ служба окончилась, окончилось и послѣднее прощаніе съ тѣломъ усопшаго, гробъ былъ закрытъ и вынесенъ изъ церкви на рукахъ какъ родственниковъ, такъ и прибывшихъ депутацій. Никто больше не увидитъ этого необыкновенно привѣтливаго лица, никто больше не удостоится этой чарующей улыбки рѣдко добраго, рѣдко отзывчиваго къ чужому горю человѣка.

По выносѣ гроба вынесли изъ часовенки и гробъ графини, и въ предшествіи всѣхъ регалій тронулась печальная процессія по узкимъ, кривымъ улицамъ столь живописной Алупки. Да, рѣдкое зрѣлище: всѣ прилегающія скалы, за исключеніемъ, кажется, одного только грандіознаго Ай-Петри, были усѣяны народомъ, и народомъ преимущественно не русскимъ, а татарами въ ихъ живописныхъ фескахъ, въ ихъ довольно красивыхъ черныхъ шапочкахъ съ золотыми украшеніями, въ ихъ цвѣтныхъ нарядахъ. Положительно всѣ прилегающія высоты были окаймлены, какъ обыкновенно говорится, по ихъ архитектурнымъ линіямъ народомъ, только солнце какъ разъ въ этотъ моментъ зашло за тучки, и началъ даже накрапывать небольшой дождикъ, скоро, впрочемъ, прекратившійся. Медленно двигалась процессія по горамъ, и нужно только удивляться привычкѣ мѣстныхъ лошадей, силѣ ихъ, съ какою онѣ подымали нерѣдко на очень крутыя горы тяжелыя траурныя колесницы. Выйдя изъ Алупки около 12 часовъ дня, процессія прибыла въ Ялту уже въ темотѣ, часовъ въ семь, причемъ дочь покойнаго, графиня Ольга Дмитриевна, весь двадцативерстный путь шла пѣшкомъ за гробами своихъ родителей.

Въ Ялтѣ оба гроба были поставлены на палубу крейсера «Кагуль», который и долженъ былъ отвезти покойныхъ въ Севастополь. Не приходится говорить, какъ устроили моряки палубу: мѣсто, гдѣ стояли оба гроба, было положительно обращено въ изящную часовню. Умѣніе и желаніе сдѣлать все хорошо въ этомъ случаѣ отличается нашихъ моряковъ уже съ давнихъ поръ.

Пасмурная, дождливая, сильно вѣтреная погода 29-го января смѣнилась въ Севастополѣ 30-го января яснымъ, солнечнымъ утромъ, погода разгулялась, и выглянувшее солнце освѣтило чудную панораму севастопольскаго рейда, стройный рядъ военныхъ судовъ, Братское кладбище и изукрашенную траурными флагами, такъ называемую Царскую пристань. Все было бы хорошо, но жаль, что для встрѣчи тѣла послѣдняго нашего фельдмаршала была избрана именно эта пристань, которая, по положенію своему, не позволяетъ ни подвезти траурную колесницу, ни устроить торжественнаго шествія по улицамъ города, ни какъ слѣдуетъ разставить войска шпалерами. Улицы къ этой пристани не подходятъ,

Уголок гостиной.

а прямо къ ней проложены желѣзнодорожные пути, по которымъ и пришлось нести гробы на рукахъ, минуя городъ, прямо къ желѣзнодорожной станціи. А какъ разъ наканунѣ происходили торжественныя похороны жертвъ авіаціи, упавшихъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ и разбившихся на смерть. Ихъ везли по городу и все было, конечно, гораздо торжественнѣе и красивѣе. Говорятъ, что «Кагуль», глубоко сидя въ водѣ, не можетъ подойти, напримѣръ, къ Графской пристани, особенно удобно расположенной для торжественной встрѣчи; почему же нельзя было въ такомъ случаѣ снять гробы съ крейсера на катеръ и уже на катерѣ подвезти ихъ къ Графской пристани, да, наконецъ, думается, что можно было просто послать за принятіемъ тѣлъ почившихъ какое-либо другое военное судно, сидящее не столь глубоко и могущее подходить поэтому къ названной пристани, расположенной въ центрѣ города, на оконечности его главной улицы. Не желая упрекать кого-либо, жалѣю только, что переносъ тѣла графа Дмитрія Алексѣевича и его супруги не вышелъ столь торжествененъ, какъ могъ бы быть, подойди «Кагуль» не къ Царской, а къ Графской пристани.

Въ первомъ часу дня тихо, плавно, съ приспущеннымъ въ знакъ траура флагомъ подошелъ крейсеръ, отслужили на немъ панихиду, и полились торжественные, столь гармонирующіе съ подобною обстановкою звуки «Коль славенъ». Сначала вынесли гробъ графини Наталіи Михайловны, за нимъ всѣ ордена и знаки отличія графа, потомъ безчисленные вѣнки, пополненные еще въ значительной степени въ Севастополѣ, и наконецъ, гробъ графа Дмитрія Алексѣевича. Медленно потянулось шествіе къ желѣзнодорожной станціи, гдѣ приготовленъ былъ особый экстренный поѣздъ. Траурный вагонъ, стѣны котораго были сплошь покрыты многочисленными вѣнками, возложенными различными частями и учрежденіями, былъ опять-таки обращенъ въ небольшую часовенку, въ которой оба гроба были поставлены рядомъ, и такимъ образомъ два любящихъ существа были снова соединены для продолженія своего послѣдняго земного пути въ далекую Бѣлокаменную. При звукахъ «Коль славенъ» тихо отошелъ поѣздъ, миновалъ рейдъ, Инкерманъ и, прибавляя ходу, направился на сѣверъ, унося съ собою тѣла тѣхъ, кто такъ горячо любилъ прекрасный Крымъ, такъ долго въ немъ прожилъ, оставивъ добрыя, столь свѣтлыя по себѣ воспоминанія. Вскорѣ снова пошелъ дождь, стемнѣло, а поѣздъ все двигался и двигался по направленію къ послѣднему убѣжищу графа и графини Милютиныхъ. Описывать путь не буду, такъ какъ объ этомъ было много напечатано въ газетахъ, скажу только, что наибольшую торжественностью отличалась встрѣча въ Харьковѣ, гдѣ квартируетъ 121-й пѣхотный Пензенскій полкъ, шефомъ котораго былъ и оставленъ даже послѣ смерти покойный фельдмаршалъ.

31-го января, въ 10 часовъ вечера траурный поѣздъ прибылъ въ Москву, гдѣ гробы покойныхъ при соотвѣтственной торжественной обстановкѣ были перенесены въ парадныя комнаты Курскаго вокзала и, по отслуженіи панихиды, оставлены до слѣдующаго утра, когда должно было состояться перенесеніе ихъ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія черезъ всю Москву, въ Новодѣвичій монастырь. Не стану описывать самаго перенесенія, послужившаго темою для многочисленныхъ газетныхъ статей, укажу только, что дочь покойныхъ, графиня Ольга Дмитріевна, несмотря на сильный морозъ въ 18 почти градусовъ, движимаая чувствомъ горячей любви къ отошедшимъ въ вѣчность родителямъ, сопровождала тѣла ихъ пѣшкомъ на всемъ громадномъ разстояніи отъ Курскаго вокзала до Новодѣвичьяго монастыря, поперекъ, можно сказать, всей Москвы. Поздно окончилась служба въ монастырѣ; но вотъ сказано послѣднее слово, окончены послѣдній церковный обрядъ, и гробы почившихъ понесли къ давно приготовленнымъ склепамъ. При громѣ войсковыхъ салютовъ гробы начали опускать въ могилы, но оказалось, что размѣры могилъ не соотвѣтствуютъ ширинѣ гробовъ, что склепы слишкомъ узки и гробы помѣститься въ нихъ не могутъ. Послѣ хотя небольшого, но непріятнаго замѣшательства, оба гроба были отнесены въ церковь и на другой день были произведены необходимыя работы по расширенію могилъ, заключавшіяся въ уничтоженіи стѣнки, раздѣлявшей обѣ могилы. Такимъ образомъ сама судьба соединила покойныхъ даже въ одной общей могилѣ. Да, удивительное, трогательное стеченіе обстоятельствъ! Жить вмѣстѣ столь долгую жизнь, умереть почти вмѣстѣ и быть похороненными одновременно въ одной общей могилѣ; это ли не вѣлікіе судьбы, это ли не проявленіе высшаго промысла!

Итакъ, графъ Дмитрій Алексѣевичъ скончался, тѣло его погребено, все, кажется, кончено, да, но это только кажется, слишкомъ онъ былъ великимъ человѣкомъ, чтобы съ смертію его дѣйствительно все кончилось; а его богатая библіотека, его архивъ, а его интереснѣйшія «Воспоминанія—мемуары», а воспоминанія его близкихъ? Вотъ гдѣ продолжаетъ жить духъ Дмитрія Алексѣевича, вотъ съ чѣмъ суждено было мнѣ познакомиться въ ближайшемъ времени, и по ознакомленіи съ чѣмъ свѣтлая, великая личность графа Милютина встала передъ мною дѣйствительно во весь ростъ, показавшись со всѣхъ, можно сказать, сторонъ, и въ обстановкѣ интимной, семейной жизни, и въ обстановкѣ официальной, служебной. Я глубоко счастливъ, что судьба позволила мнѣ такъ близко познакомиться съ этою замѣчательною личностію и дала возможность съ чистымъ сердцемъ засвидѣтельствовать передъ читающею публикою о необыкновенныхъ качествахъ этого рѣдкаго, выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, человѣка—въ лучшемъ значеніи этого слова.

III.

Будучи на похоронахъ графа Дмитрія Алексѣевича въ Москвѣ, нами, по соглашенію съ дочерью покойнаго, было намѣчено время, наиболѣе удобное для исполненія его послѣдней воли, т.-е. для разбора его обширной библіотеки, архива и вообще всего того, что по его желанію должно было быть перевезено въ Петербургъ и помѣщено на храненіе въ нашей академіи. Таковымъ временемъ опредѣлены были послѣднія недѣли Великаго поста, которыя и упали въ прошломъ году на первую половину марта. Согласно сему 4-го марта мы и выѣхали снова въ столь знакомый уже намъ Симеизъ, къ его привѣтливымъ хозяйкамъ, которыя въ этомъ отношеніи унаслѣдовали, можно сказать, въ полной мѣрѣ рѣдкое радушіе и гостепріимство своихъ родителей и окружили насъ такимъ комфортомъ, такимъ вниманіемъ, такою ласкою, что жилось намъ въ миломъ Симеизѣ, какъ говорится, какъ у Христа за пазухою.

Съ какимъ захватывающимъ интересомъ ѣхали мы въ Крымъ въ этотъ разъ,—говорить не приходится; попасть въ завѣтный кабинетъ знаменитаго фельдмаршала, который мы видѣли только вскользь, близко познакомиться съ его рѣдкою библіотекою, съ архивомъ, съ его «Мемуарами—воспоминаніями», представляющими, несомнѣнно, интересъ выдающійся, наконецъ окунуться въ самый строй его частной жизни, познакомиться со всѣмъ тѣмъ, что его окружало, съ его домомъ, садомъ, всѣми его вещами, не говоря уже про его близкихъ; какое удовольствіе, какой громадный интересъ для насъ—специалистовъ-профессоровъ, представителей той академіи, которую такъ любилъ и уважалъ покойный!

Все до послѣдней мелочи въ жизни такого замѣчательнаго человѣка полно интереса, всякая мелочь способна прибавить лишній еще штрихъ къ характеристикѣ такой исторической личности. И видѣть все это близко, жить въ его комнатахъ, казавшихся намъ еще три мѣсяца назадъ столь недосыгаемыми, знакомиться съ его идеями, его мыслями непосредственно по его книгамъ, запискамъ, по всему тому, что его окружало, что онъ оставилъ, это ли не счастье для человѣка науки, для человѣка близкаго къ академіи, а слѣдовательно, и къ покойному ея почетному президенту!

Небольшой каменный домъ графа Дмитрія Алексѣевича, построенный по личнымъ его указаніямъ, имѣлъ два этажа, небольшую вышку, широкую террасу въ первомъ и нѣсколько небольшихъ балконовъ во второмъ этажѣ. Въ первомъ этажѣ, въ фасѣ, обращенномъ къ морю, помѣщались: съ правой стороны (стоя лицомъ къ морю)—кабинетъ покойнаго въ два окна, въ срединѣ—гостиная въ два окна и съ дверью, выходящею на террасу, и съ лѣ-

Кипарисовая аллея въ паркѣ.

зой стороны—спальня графини, небольшая комната въ одно окно и съ дверью на ту же террасу. Окнами къ горамъ, т.-е. по заднему фасу дома, были расположены: справа отъ параднаго подъѣзда—скромная спальня графа Дмитрія Алексѣевича и лѣстница въ верхній этажъ, и слѣва—столовая въ три окна и за нею другая лѣстница въ тотъ же второй этажъ дома, занятый жильными «штор. ввстл.», февраль 1913 г., т. сxxxі.

комнатами дочерей и комнатами для гостей и приѣзжающихъ, въ которыхъ были помѣщены и мы во время нашего 10-дневнаго пребыванія въ Симеизѣ. Покои верхняго этажа назывались дочерьюми покойнаго просто «дѣтскими»; названіе это намъ такъ понравилось, такъ гармонировало оно съ трогательнымъ отношеніемъ трехъ сестеръ къ памяти нѣжно любимыхъ ими родителей, что комнаты эти и нами стали называться дѣтскими. Такимъ образомъ, въ нижнемъ этажѣ коротала свой вѣкъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, рѣдко дружная, замѣчательная пара маститыхъ старцевъ, а наверху помѣщались дѣти. Шооспированный въѣздъ велъ къ дому, буквально утопавшему въ зелени, позволявшей только хорошо знакомому съ этимъ гостепріимнымъ домомъ глазу найти лѣтомъ среди роскошно распустившейся растительности его крышу, или, вѣрнѣе говоря, одну лишь его вышку, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасно укрывавшей его отъ страшной пыли дороги, ведущей къ наиболѣе населеннымъ частямъ Симеиза. Съ каждымъ годомъ растенія разрастались все болѣе и болѣе, все надежнѣе закрывая милютинскій домикъ отъ постороннихъ, любопытныхъ взоровъ, а домикъ этотъ былъ извѣстенъ всякому мужику, всякому мѣстному извозчику, готовому рассказывать о немъ и о его обитателяхъ съ какимъ-то особымъ чувствомъ благоговѣнія.

Центромъ нашего вниманія былъ, конечно, кабинетъ графа, его обширная бібліотека. Весь кабинетъ былъ наполненъ книгами, всѣ стѣны его были обращены въ открытые шкафы, причемъ полками заполнены были даже всѣ простѣнки какъ надъ дверями кабинета, такъ и подъ подоконниками. Книги на полкахъ стояли въ два и даже въ три ряда, но каждый задній рядъ настолько возвышался надъ переднимъ, что можно было свободно читать вытѣсненные на корешкахъ названія книгъ во всѣхъ рядахъ каждой полки. Все было въ замѣчательномъ, образцовомъ порядкѣ. Въ передней части кабинета, ближе къ окнамъ, посреди комнаты, стоялъ большой, простой, безъ всякихъ вычурностей письменный столъ графа съ многими выдвигавшимися во всѣ стороны ящиками. Глазъ поражала масса всевозможныхъ, самыхъ разнокалиберныхъ лупъ, которыя лежали какъ на самомъ столѣ, такъ и въ его многочисленныхъ ящикахъ, что объясняется, конечно, тѣмъ, что по мѣрѣ ослабленія зрѣнія графъ заводилъ все новыя и новыя лупы, будучи въ состояніи въ послѣдніе два года своей жизни читать и писать не иначе, какъ съ помощью очень сильныхъ лупъ. Простая чернильница, чудный барометръ, нѣсколько линеекъ, большой ассортиментъ различныхъ карандашей, перьевъ и очень хорошій портретъ покойнаго сына, бывшаго курскаго губернатора, въ довольно скромной рамкѣ—вотъ и все убранство этого завѣтнаго стола, на которомъ писались «Воспоминанія» и «Дневникъ» графа—эти замѣчательные, полные, несомнѣнно, захватывающаго интереса

мемуары Дмитрія Алексѣевича. Посреди же кабинета, вправо отъ письменнаго стола помѣщалась низкая оттоманка-тахта, на которой любилъ отдыхать графъ, читая газеты и различные журналы, окруженный цѣлою семьею любимыхъ собачекъ, которымъ позволялось дѣлать положительно все. Онѣ свободно взбирались къ нему на колѣни, играли съ нимъ, мѣшали ему читать, а одна изъ нихъ такъ смѣло взбиралась нерѣдко и на самый письменный столъ, будучи твердо увѣрена, что добрый хозяинъ этого стола на нее не разсердится и не прогонитъ. И нужно сказать, что собачка была права, и всѣ шалости ея встрѣчались самою привѣтливою, самою доброю улыбкою, постоянною ласкою знаменитаго государственнаго дѣятеля великой эпохи императора Александра II. Въ глубинѣ кабинета помѣщалась большая этажерка для раскладыванія географическихъ картъ, атласовъ, плановъ, которыхъ у графа была цѣлая куча. На верхней полкѣ этажерки стоялъ портретъ нынѣ царствующаго Императора въ рамкѣ, на коемъ Государь изображенъ верхомъ на конѣ, а въ простѣнкахъ между двухъ оконъ — витрина съ величайшею, можно сказать, святынею графа Дмитрія Алексѣевича, именно съ артиллерійскимъ мундиромъ императора Александра II. Мундиръ этотъ (1-й гвардейской артиллерійской бригады), отлично сохранившійся, даже съ довольно свѣжимъ еще шитьемъ, былъ подаренъ графу императоромъ Александромъ III на память о томъ, кому графъ служилъ такъ честно, такъ самоотверженно. Надъ витриною, въ единственномъ не заполненномъ книжными полками простѣнкѣ, висѣлъ прекрасный портретъ царя-Освободителя, и подъ нимъ исполненный въ краскахъ видъ его кабинета въ Зимнемъ дворцѣ, того самаго кабинета, въ которомъ покойный графъ Дмитрій Алексѣевичъ привыкъ въ продолженіе многихъ лѣтъ своей выдающейся службы дѣлать доклады государю, благосклонно выслушивавшему ихъ съ неизмѣннымъ вниманіемъ и довѣріемъ.

Сидя въ этомъ кабинетѣ-библіотекѣ, каждый невольно проникался уваженіемъ къ покинувшему его хозяину, невольно уходилъ мыслями въ далекую эпоху Александра II, невольно получалъ какое-то особенное настроеніе, которое трудно даже выразить словами. Всюду царили строгость, рѣдкій порядокъ, педантичная аккуратность. На этажеркѣ же стоялъ особый ящикъ съ такъ называемымъ карточнымъ каталогомъ, въ которомъ каждая книга была вписана на особую карточку, съ точнымъ обозначеніемъ ея названія, автора, года изданія и номера полки, на которой она помѣщалась. Насколько помню, послѣднею книгою, удостоившеюся занесенія въ этотъ каталогъ рукою самого графа, была — «Живой трупъ» Толстого, вписанная, кажется, въ ноябрѣ 1911 года, т.-е. всего за два мѣсяца до смерти. Каталогъ составлялся самимъ графомъ Дмитриемъ Алексѣевичемъ при дѣятельной помощи его замѣчательной,

неутомимой сотрудницы—дочери графини Ольги Дмитриевны, которая съ чувством особенной любви и уваженія, съ чувствомъ, можно сказать, прямо-таки благоговѣнія относилась къ кабинету-библіотекѣ своего знаменитаго родителя, и которой, конечно особенно тяжело было съ нимъ разставаться, когда мы, чужіе люди, ворвавшись въ домъ, принялись въ немъ, хотя и исполняя волю Дмитрія Алексѣевича, хозяйничать. Чувство графини вполне понятно и достойно уваженія.

Одна дверь кабинета вела въ гостиную, другая—въ спальню графа, въ кабинетѣ же стояли двѣ складныя лѣстницы, которыми пользовался графъ для доставанія книгъ съ верхнихъ полокъ. Порядокъ, повторяю, былъ образцовый. Большая часть книжнаго богатства и была сосредоточена въ этой относительно обширной комнатѣ, затѣмъ нѣкоторое количество книгъ помѣщалось въ спальнѣ и даже въ комнатахъ верхняго этажа, гдѣ складывались главнымъ образомъ различныя періодическія изданія за старые годы.

Дверь въ глубинѣ кабинета вела въ спальню графа, комнату очень небольшую, снизу доверху уставленную тоже книгами. Въ углу стояла самая скромная, довольно короткая и узкая, покрытая бѣлымъ покрываломъ кровать графа, и около кровати—большое кресло, а въ узкомъ простѣнкѣ между двухъ оконъ—небольшой письменный столикъ, за которымъ покойный фельдмаршалъ тоже часто и много работалъ, и передъ которымъ, равно какъ и около кровати, висѣли портреты какъ близкихъ его родственниковъ и друзей, такъ и нѣкоторыхъ изъ его, видимо, наиболѣе любимыхъ сослуживцевъ и подчиненныхъ. На столѣ стояла самая простая чернильница, небольшая керосиновая лампа, старинный подсвѣчникъ въ четыре свѣчи подъ абажуромъ и лежали опять-таки многочисленныя лупы, карандаши и перья. Очень интересенъ былъ также умывальникъ графа, свидѣтельствовавшій о его необычайной неприхотливости, необыкновенной простотѣ и рѣдкой скромности. Въ углу, противоположномъ кровати, на особой подставкѣ висѣла большая карта Европейской Россіи, которая и скрывала отъ постороннихъ нескромныхъ взоровъ помѣщавшіяся за нею крайне небольшой, простой, неокрашенный, деревянный столикъ со стоявшими на немъ кувшинами для воды, лоханкою, однимъ-двумя стаканами, мыльницею и самымъ скромнымъ ассортиментомъ туалетныхъ принадлежностей. Вотъ и все незатѣйливое убранство умывальнаго стола столь великаго человека. Около умывальника за тою же картою висѣло на стѣнѣ пальто и, кажется, двѣ тужурки, какъ я говорилъ уже не разъ, стараго, александровскаго покроя. Нѣсколько группъ въ довольно роскошныхъ рамкахъ, преподнесенныхъ 121-мъ пѣхотнымъ Пензенскимъ полкомъ своему шефу и военно-юридическою академіею

Аллея въ паркѣ, насаженная графомъ Милютинымъ.

своему почетному президенту, дополняли убранство этой маленькой спальни, въ которой тихо отошелъ въ вѣчность великій старецъ послѣ почти вѣковой, столь плодотворно прожитой имъ земной жизни. Около спальни не было даже комнатки для лакея, и послѣдній помѣщался во второмъ этажѣ, надъ спальнею графа.

Не менѣе интересна была и гостиная графа Дмитрія Алексѣевича. По простотѣ, по скромности она походила на комнату помѣ-

щика среднего достатка—не болѣе. Старинный рояль, рядъ очень удобныхъ, но простыхъ стульевъ и кресель, небольшой круглый столъ посреди и большой таковой же столъ въ углу комнаты, вокругъ котораго по вечерамъ послѣ ранняго ужина собиралась вся дружная семья,—вотъ обстановка этой комнаты, стѣны которой были покрыты рядомъ портретовъ, между коими находилось много хорошихъ портретовъ какъ императора Александра II, такъ и его супруги императрицы Маріи Александровны, одною изъ ближайшихъ и любимѣйшихъ фрейлинъ которой была старшая дочь графа, вдова бывшаго эстляндскаго губернатора, княгиня Елизавета Дмитриевна Шаховская. Сидя въ этой комнатѣ, гдѣ 30-го ноября 1911 года графъ принималъ нашу депутацію, прибывшую для привѣтствованія Дмитрія Алексѣевича съ небывалымъ еще въ лѣтописяхъ академій днемъ 75-лѣтія окончанія академическаго курса, я невольно какъ-то переносился мыслями въ далекую эпоху царя-Освободителя, чувствовалъ себя какъ-то ближе къ ней, проникаясь еще болѣе любовью какъ къ рѣдко гуманному царю и его великодушнѣйшей супругѣ, такъ и къ достойнѣйшему ихъ сотруднику графу Дмитрію Алексѣевичу. Интересною подробностью обстановки гостиной служили также нѣсколько собачьихъ диванчиковъ, одинъ изъ которыхъ виденъ на прилагаемомъ рисункѣ между любимымъ кресломъ графа въ глубинѣ комнаты у круглаго стола и каминомъ, и около котораго видна даже чашка съ водою для баловницъ-собачекъ графа. Гостиная имѣла четыре двери, изъ коихъ одна вела на большую террасу, съ которой открывался дивный видъ на море, на весь Сименсъ съ его дачами и пансіонами, съ его всеѣмъ такъ хорошо извѣстными, знаменитыми скалами Дивою, Монахомъ и Кошкою, другая—въ спальню графини, обстановка которой была уже значительно нарушена ко дню нашего пріѣзда, третья—въ кабинетъ графа, и четвертая—въ переднюю.

Окнами къ сторонѣ горъ, т.-е. къ сторонѣ, противоположной морю, выходила столовая, комната въ три окна, тоже съ очень простою обстановкою. Нѣсколько прекрасныхъ гравюръ украшали стѣны этой комнаты, а въ экранѣ у печки былъ вдѣланъ платокъ съ изображеніемъ главныхъ дѣятелей крестьянской реформы, которыхъ можно было узнать, впрочемъ, только по имѣвшимся надъ ними надписямъ.

Паркъ Симеиза наполненъ богатыми воспоминаніями о его покойныхъ, заботливыхъ хозяевахъ. Сколько стройныхъ кипарисовыхъ аллей насажено было по непосредственному указанію самого графа; графиня Наталья Михайловна занималась съ своей стороны преимущественно проведеніемъ воды въ имѣніе; благодаря ея стараніямъ, это небольшое помѣстье украшено нынѣ цѣлою системою красивыхъ ручейковъ и живописныхъ небольшихъ водопа-

довъ, составляющихъ неоцѣнимое богатство Симеиза, расположеннаго на чудномъ южномъ берегу Крыма, единственнымъ, но зато весьма существеннымъ недостаткомъ котораго является бѣдность, а порою, въ наиболѣе жаркіе періоды лѣтняго зноя, и полное отсутствіе воды.

Вездѣ чистота, строгій порядокъ, чрезвычайная аккуратность, граничащая съ педантичностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ простота, скромность, отсутствіе излишней роскоши. Необыкновенно уютный, привѣтливый былъ домикъ графа Дмитрія Алексѣевича, въ коемъ всякій находилъ ласку, добрую улыбку, рѣдкое вниманіе радушныхъ хозяевъ.

Послѣдній нашъ пріѣздъ въ Симеизъ начался съ детальнаго ознакомленія съ пожеланіями, съ оставшимися по этому вопросу бумагами покойнаго, съ которыми мы въ дни печальныхъ январскихъ церемоній по перевезенію и погребенію тѣла графа и графини познакомились лишь бѣгло. Подробное изученіе всѣхъ оставшихся документовъ привело насъ къ окончательному заключенію, что вся библіотека, весь архивъ завѣщаны графомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ нашей академіи, которой предоставлено также и право изданія, по соглашенію съ дочерью графа, его въ высшей степени интересныхъ мемуаровъ, раздѣленныхъ какъ бы на два большихъ отдѣла, изъ коихъ отдѣлъ первый названъ самимъ графомъ «Воспоминаніями», а отдѣлъ второй—«Дневникомъ». На заявленіе наше, что въ виду обширности и богатства оставленнаго академіи наслѣдства, а также по причинѣ выдающагося значенія для академіи самой личности почившаго въ стѣнахъ роднаго ему заведенія будетъ устроенъ особый музей его имени, дочери графа не разъ говорили намъ, что покойный по своей необыкновенной скромности никогда не могъ и думать, не могъ даже мечтать, что академіи придетъ мысль объ устройствѣ отдѣльнаго Милютинскаго музея-библіотеки, въ которомъ сосредоточено было бы все то, что могло бы такъ или иначе напоминать академіи о ея столь расположенномъ къ ней почетномъ президентѣ, что, знай графъ объ этомъ, предчувствуй это, онъ и пожеланія свои выразилъ бы, несомнѣнно, въ гораздо болѣе опредѣленной, категорической формѣ, съ значительнымъ расширеніемъ круга завѣщанныхъ академіи предметовъ.

Какъ жаль, что все свое благоустроенное крымское имѣніе графъ завѣщаль Красному Кресту для устройства въ немъ санаторіи для военныхъ, и что, слѣдовательно, весь его скромный домикъ подлежитъ передѣлкѣ и соответственному приспособленію для цѣлей санаторіи, которая, конечно, не можетъ сохранить въ полной неприкосновенности завѣтный кабинетъ замѣчательнаго государственнаго дѣятеля великой эпохи императора Александра II.

Библіотека графа оказалась чрезвычайно обширною, заключаая въ себѣ примѣрно до 15,000 томовъ самыхъ различныхъ изданій,

начиная съ скромныхъ, недорогихъ, маленькихъ книжечекъ и кончая роскошными изданіями, составляющими въ настоящее время библиографическую рѣдкость и имѣющими, слѣдовательно, громадную цѣнность. Основаніемъ обширной библіотеки покойнаго послужила библіотека извѣстнаго государственнаго дѣятеля графа Павла Дмитриевича Киселева, приходившагося роднымъ дядей графу Дмитрію Алексѣевичу, мать котораго была родная сестра Павла Дмитриевича Киселева. По смерти Киселева весьма цѣнная библіотека его перешла въ руки графа Милютина.

Самымъ богатымъ отдѣломъ библіотеки, какъ и нужно было ожидать, оказался отдѣлъ историческій и военно-историческій, составлявшій примѣрно нѣсколько болѣе половины всей библіотеки и заключавшій въ себѣ много сочиненій рѣдкой цѣнности, давно исчезнувшихъ съ книжнаго рынка и составляющихъ въ наше время библиографическую рѣдкость. Отдѣлъ военно-статистическій и географическій не менѣ замѣчательны. Какихъ только интересныхъ изданій, какихъ рѣдкихъ, какихъ цѣнныхъ картъ и плановъ въ немъ не было! И все это было разставлено, повторяю, въ удивительномъ порядкѣ, въ строгой системѣ, такъ что разборъ библіотеки не представилъ положительно никакой трудности. Въ военно-статистическомъ отдѣлѣ нашлось полное изданіе знаменитаго сочиненія Дмитрія Алексѣевича, его «Первыхъ опытовъ военной статистики» 1847 года, не имѣющагося въ настоящее время въ продажѣ даже у заграничныхъ букинистовъ. Къ великому сожалѣнію, ни академія, ни обширная библіотека главнаго штаба не имѣетъ «Первыхъ опытовъ» Милютина. Что касается фактическихъ данныхъ, то сочиненіе это, конечно, сильно устарѣло, но оно особенно цѣнно, особенно свѣжо своею теоретическою частью, въ которой изложены основы науки, цѣли военной географіи и статистики и дано нѣсколько талантливыхъ, высокихъ образцовъ военно-статистическаго изслѣдованія. Затѣмъ въ библіотекѣ нашлись академическія записки Милютина, какъ профессора; его лекціи по военной статистикѣ, записки рѣдкой цѣнности, никогда не печатавшіяся и въ академіи не имѣвшіяся. Извиняюсь передъ читателями за увлеченіе мое военно-статистическимъ отдѣломъ, но оно понятно и простиительно именно мнѣ, какъ имѣющему честь заниматься въ настоящее время въ академіи Милютинскую каѳедру.

Беллетристикѣ было отведено тоже свое мѣсто въ библіотекѣ; этотъ отдѣлъ оставленъ нами почти полностью для учреждаемой въ Симеизѣ санаторіи, какъ того и желалъ покойный. Наконецъ, нельзя не упомянуть длиннаго ряда дорогихъ энциклопедій, различныхъ справочныхъ, періодическихъ, крайне интересныхъ энциклопедическихъ изданій рѣдкой опять-таки цѣнности (если не ошибаюсь, я видѣлъ, кажется, книги этого рода изданія середины XVIII вѣка) и стройнаго ряда книгъ богатѣйшаго отдѣла пу-

Одинъ изъ уголковъ въ паркѣ.

тешествій, съ несмѣтнымъ количествомъ дорогихъ гравюръ, картинъ, фотографій.

Вотъ съ какимъ громаднымъ книжнымъ сокровищемъ удалось намъ познакомиться; были приложены, конечно, всѣ старанія, чтобы тщательно уложить и благополучно доставить его изъ далекаго Симеиза въ нашу академію.

Другимъ отдѣломъ наслѣдства графа является его «архивъ», конечно, не менѣе интересный, чѣмъ его обширная библіотека. Нужно удивляться, что человѣкъ чуть ли не съ 20-лѣтняго возраста сохранялъ не только всю служебную, но и частную переписку, какъ бы предчувствуя, что каждая его строка явится достояніемъ исторіи, каждая записочка будетъ оцѣнена потомствомъ. Архивъ сгруппированъ по періодамъ, причемъ въ каждомъ періодѣ документы раздѣлены, съ своей стороны, на нѣсколько отдѣловъ, какъ-то: отдѣлъ служебный, отдѣлъ офиціальныи, отдѣлъ частной переписки, отдѣлъ частныхъ телеграммъ и т. п. Какое несмѣтное сокровище для оцѣнки покойнаго, какъ человѣка и какъ государственнаго дѣятеля, представляетъ собою этотъ удивительно интересный архивъ! Въ немъ сосредоточено громадное количество докладныхъ записокъ Дмитрія Алексѣевича императору Александру II по должности военнаго министра. Какъ просто сносились между собою эти двѣ крупныя историческія личности! Съ какимъ довѣріемъ, съ какой любовью писалъ веселый монархъ своему скромному министру, и съ какою рѣдкою простотою и откровенностью докладывалъ поэтому послѣдній своему императору, чистосердечно сознавая нерѣдко и свои неизбѣжныя въ такомъ крупномъ дѣлѣ ошибки. Изъ докладовъ этихъ видно, что графъ въ болѣе молодыхъ годахъ отличался очень и очень хрупкимъ здоровьемъ, часто и довольно серьезно болѣлъ, причемъ съ теченіемъ времени болѣзни эти повторялись все рѣже и рѣже, организмъ крѣпкъ, и, удалившись на покой послѣ столь долгой и, конечно, трудной дѣятельности, графъ пользовался уже относительно хорошимъ здоровьемъ. Какъ безпокоился императоръ такимъ слабымъ здоровьемъ Дмитрія Алексѣевича, видно изъ словъ, которыми онъ нерѣдко заканчивалъ свои резолюціи на его докладахъ, «убѣдительно прошу тебя, береги свое здоровье»,—такъ писалъ государь.

Какъ снисходительно относился Александръ II къ совершенно естественнымъ при такой обширной дѣятельности мелкимъ промахамъ графа! Какъ просто онъ исправлялъ иногда въ его докладныхъ запискахъ слово «высочество» словомъ «величество». Какъ характерны, напримѣръ, такія фразы государя на докладахъ Милютина: «а я-то былъ удивленъ, не найдя при докладѣ такихъ-то документовъ», слѣдовавшія обыкновенно въ отвѣтъ на приносимыя Дмитріемъ Алексѣевичемъ извиненія за забывчивость приложить необходимыя бумаги.

На ряду съ перепискою съ императоромъ Александромъ II находится и довольно обширная и крайне интересная переписка съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, будущимъ императоромъ Александромъ III, а также со всѣми почти великими князьями и княгинями и со многими современными ему сановниками.

Кромѣ столь интересной въ историческомъ отношеніи служебной переписки, архивъ Дмитрія Алексѣевича богатъ перепискою

и частною, которая можетъ характеризовать его главнымъ образомъ какъ человѣка. Почти ни одно письмо, ни одна телеграмма не оставались имъ безъ отвѣта, причемъ отвѣтъ въ черновомъ видѣ вкладывался обыкновенно въ соответственное письмо или писался на его оборотѣ. Безчисленные поздравительныя телеграммы въ дни большихъ праздниковъ аккуратно сложены по годамъ и по числамъ, съ обозначеніемъ на обложкѣ, по какому именно случаю эти телеграммы получены, и съ приложеніемъ почтовыхъ расписокъ на телеграммы отвѣтныя. Ни одно подношеніе, ни одна книга не оставалась безъ отвѣта, все авторы удаивались собственноручныхъ писемъ графа, написанныхъ его бисернымъ, четкимъ почеркомъ.

Архивъ представляетъ собою, несомнѣнно, выдающійся историческій интересъ и, кажется, весь цѣликомъ, насколько позволятъ, конечно, обстоятельства, будетъ напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе, и явится, несомнѣнно, богатѣйшимъ матеріаломъ для будущей работы историка.

Громадный интересъ сосредоточивается около такъ называемыхъ «Мемуаровъ» Милютина. Создалась легенда, что графъ Дмитрій Алексѣевичъ занять былъ писаніемъ исторіи царствования императора Александра II, или, какъ передавали многіе, будто бы, самъ графъ говорилъ не разъ, что «я пишу исторію царствования моего императора». Никакой исторіи Милютинъ не писалъ, и по очень простой причинѣ, что писать исторію, не имѣя подъ руками архивнаго матеріала, невозможно, всякое такое писаніе будетъ не «исторіею», а только лишь «мемуарами, воспоминаніями». Таковыхъ «Воспоминаній» и осталось послѣ смерти графа 32 переплетенныхъ тома. Подъ большимъ письменнымъ столомъ его рѣдкаго кабинета стояли два ящика, въ одномъ изъ которыхъ былъ уложенъ черновой экземпляръ «Воспоминаній», писанный рукою самого графа и полный различныхъ исправленій и добавленій, а въ другомъ—экземпляръ чистой, переписанный подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, имъ самимъ исправленный и вполне подготовленный къ печати. Для удостовѣренія подлинности этого второго, чистового экземпляра онъ подписанъ всеми тремя оставшимися въ живыхъ дочерьми покойнаго. Согласно волѣ Дмитрія Алексѣевича, право изданія его мемуаровъ, которые называются сначала «Воспоминаніями», а въ послѣдующіе годы «Дневникомъ», принадлежитъ императорской Николаевской военной академіи, которая можетъ приступить къ печатанію ихъ не иначе, какъ съ согласія наслѣдницъ-дочерей покойнаго. Вопросъ о времени и порядкѣ печатанія этихъ дорогихъ документовъ чрезвычайно сложенъ; можно сказать только одно, что въ интересахъ обѣленія рѣдко свѣтлой личности графа Дмитрія Алексѣевича желательно было бы выпустить эти «Воспоминанія» въ свѣтъ возможно скорѣе. Во время

сложной и спѣшной работы на мѣстѣ въ Симеизѣ по разбору, укладкѣ и пересылкѣ библіотеки и архива графа, познакомиться съ «Воспоминаніями» удалось лишь бѣгло, по отдѣльнымъ прочитаннымъ отрывкамъ, но и этого бѣглога ознакомленія вполне достаточно, чтобы съ увѣренностью сказать, что написаны они мягко, лишены малѣйшаго оттѣнка злобы или зависти, почему и могутъ быть напечатаны теперь же безъ всякихъ урѣзокъ и сокращеній. По поводу печатанія «Воспоминаній» графомъ выражено было лишь одно категорическое требованіе, чтобы «Воспоминанія» его ни въ коемъ случаѣ не переименовывались, не передѣлывались, все же то, что по цензурнымъ правиламъ оказалось бы для печати неудобнымъ, выпускалось бы цѣликомъ, цѣлыми періодами. Требованіе, желаніе вполне, конечно, законное, исполнимое, будемъ только надѣяться, что желаніе это не придется примѣнять на практикѣ.

До чего разностороненъ былъ умъ графа, доказываетъ цѣлый рядъ обнаруженныхъ нами весьма разнообразныхъ записокъ, прекрасно изложенныхъ и обработанныхъ, касавшихся различныхъ вопросовъ, иногда совершенно чуждыхъ военному дѣлу. Напримѣръ, графъ живо интересовался дѣломъ женскаго образованія, вопросомъ о женскомъ равноправіи; сколько интересныхъ, глубоко справедливыхъ, вдумчивыхъ идей записано имъ по этому поводу, причемъ, повторяю, изложены эти идеи литературно, гладко, но вмѣстѣ съ тѣмъ кратко, ясно, опредѣленно. Интересовала его и архитектура: онъ самъ составлялъ проекты своего симеизскаго дома, самъ принималъ въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе, оставивъ нѣсколько постепенно видоизмѣнявшихся какъ плановъ, такъ и фасадовъ дома, вылившихся въ концѣ концовъ въ ту архитектурную внѣшность, которую Милютинскій домикъ имѣетъ нынѣ. Интересовался онъ и археологіею, и, наконецъ, даже и математикою, этою матерью всѣхъ точныхъ наукъ, будучи, какъ оказывается, весьма недурнымъ специалистомъ и въ этой точной области знаній. Нашли мы цѣлую тетрадь, озаглавленную, если не ошибаюсь, такъ: «мои математическія развлеченія». Въ подробности математическихъ выкладокъ мы, конечно, не входили, но, по свидѣтельству дочерей покойнаго, знаемъ, что Дмитрій Алексѣевичъ въ рѣдкія свободныя минутки, будучи даже министромъ, принималъ въ цѣляхъ отдохновенія за какіе-то математическіе наброски, чувствуя влеченіе къ этой точной наукѣ. И все это дѣлалось не кое-какъ, не наспѣхъ, а основательно, аккуратно, систематично, все доводилось до конца, никогда не бросалось на полдорогѣ, свидѣтельствуя съ полною очевидностью о выдающихся его способностяхъ, о рѣдкой систематичности ума этого замѣчательнаго человѣка.

Обнаружили мы также ученическую съемку графа, сдѣланную имъ въ бытность еще обучающимся въ академіи офицеромъ,

Фонтанъ противъ подъезда дома графа Милютина.

въ окрестностяхъ Гостилицъ подь Петергофомъ. Съемка эта явится, конечно, драгоцѣннымъ документомъ въ учреждаемомъ въ нашей академіи Милютинскомъ музеѣ. Въ недавнее относительно время графъ Дмитрій Алексѣевичъ самъ сдѣлалъ инструментальную съемку своего сибирскаго имѣнія, съемку чрезвычайно трудную и сложную, по причинѣ крайней пересѣченности, крайней гористости мѣстности.

Нечего и говорить, что графъ Милютинъ былъ кавалеромъ всѣхъ русскихъ и многихъ иностранныхъ орденовъ. Онъ имѣлъ и брильянтовые знаки орденовъ святого Александра Невскаго и святого Андрея Первозваннаго, и украшенные брильянтами нагрудные портреты четырехъ императоровъ—Николая I, Александра II, Александра III и нынѣ царствующаго Николая II, и 75 нагрудныхъ медалей, для которыхъ, при размѣщеніи нормальномъ, потребовалась бы колодка длиною до 2¹/₂ аршинъ, а при размѣщеніи тѣсномъ, т.-е. при надвиганіи ленточекъ медалей другъ на друга, колодка не менѣе, чѣмъ въ 1¹/₄ аршина. Очень интересенъ такъ называемый настольный портретъ настоящаго Императора, украшенный брильянтами; портретъ этотъ пожалованъ графу въ день 75-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ; Государь изображенъ на портретѣ въ мундиръ 1-й гвардейской артиллерійской бригады, т.-е. въ мундиръ той части, въ которой Дмитрій Алексѣевичъ началъ свою славную службу. Подарокъ этотъ представляетъ собою прелестную художественную вещь, состоящую изъ изящной небольшой золотой колонки и подвѣшеннаго къ ней усыпаннаго брильянтами небольшого царскаго портрета, который и переданъ нынѣ, согласно желанію дочерей покойнаго, въ музей 1-й гвардейской артиллерійской бригады.

Остается сожалѣть, что имѣніе Симензъ, по волѣ покойнаго, передается Красному Кресту, не потому, конечно, чтобы это почтенное учрежденіе было, такъ сказать, недостойно такого подарка, но единственно потому, что при этихъ условіяхъ нѣтъ возможности сохранить въ полной неприкосновенности этотъ милый уголокъ, гдѣ такъ долго вдали отъ шумнаго свѣта жилъ скромный труженникъ великой исторической эпохи. По духовному завѣщанію графа, Симензъ передается Красному Кресту для устройства въ немъ санаторіи для военныхъ. Цѣль, конечно, высокая, благородная, и желаніе Дмитрія Алексѣевича вполне понятно, особенно принимая во вниманіе отсутствіе у графа прямого потомства и прекрасное матеріальное обезпеченіе оставшихся трехъ его дочерей, которыхъ, по ихъ собственнымъ словамъ, привязывали къ Симензу единственно любовь и уваженіе къ жившимъ въ немъ родителямъ, со смертью коихъ и самый Симензъ потерялъ для нихъ всякую привлекательность.

Покойный не забылъ ни одного изъ тѣхъ учреждений, которыя такъ или иначе были связаны съ его именемъ. Такъ, онъ завѣщалъ учредить двѣ стипендіи для дѣтей ¹⁾ бѣднѣйшихъ офицеровъ 121-го пѣхотнаго Пензенскаго полка, въ которомъ онъ состоялъ шефомъ, для бѣднѣйшихъ студентовъ военно-медицинской академіи. Дочери покойнаго пожелали сдѣлать то же самое и для бѣднѣй-

¹⁾ Одну для мальчика и одну для дѣвчк.

шихъ изъ офицеровъ, обучающихся въ императорской Николаевской военной академіи. Для полученія необходимыхъ для сего средствъ рѣшено продать брильянты съ его многочисленныхъ орденовъ и знаковъ отличія. Такъ что имя великодушнаго графа Милютина будетъ съ благодарностью вспоминаться въ стѣнахъ самыхъ различныхъ заведеній и учрежденій, начиная въ бѣдныхъ пріютовъ его имени и кончая высшими учебными заведеніями— академіями; много добра дѣлалъ покойный при жизни, много добра пожелалъ онъ сдѣлать и послѣ смерти, при полномъ сочувствіи, полномъ уваженіи къ его волѣ со стороны оставшихся трехъ дочерей, столь любовно, столь нѣжно относящихся къ памяти своего знаменитаго родителя.

Думаю, что и распорядокъ частной жизни симеизскаго отшельника полонъ интереса; вѣдь въ жизни исторической личности все интересно, каждый малѣйшій, ничтожный на первый взглядъ штрихъ можетъ послужить къ болѣе полной характеристикѣ той или другой отрасли ея плодотворной дѣятельности. День начинался въ Симензѣ очень рано. Уже около семи часовъ утра подымался съ своей скромной постели владѣтель его—графъ Дмитрій Алексѣевичъ, и только въ послѣдніе немногіе годы часъ вставанія по причинѣ общей слабости иногда нѣсколько измѣнялся. При хорошей погодѣ Дмитрій Алексѣевичъ шель гулять по своему небольшому, но прекрасно устроенному саду, посѣщалъ излюбленные его уголки, всѣмъ интересовался, давалъ указанія къ его усовершенствованію, къ проведенію новыхъ дорожекъ, къ посадкѣ новыхъ кипарисовъ, которые очень любилъ и которые сплошною стѣною окружали примыкавшую къ его завѣтному кабинету часть большой веранды. Въ 8 часовъ вся семья собиралась обыкновенно къ утреннему чаю, а одинъ изъ лакеевъ отправлялся на почту въ сосѣдную Алуку, такъ какъ Симензъ своего почтового отдѣленія до сихъ поръ не имѣеть. Лакей этотъ относилъ всю корреспонденцію, собиравшуюся за день всегда на одномъ и томъ же окнѣ столовой, на которомъ лежалъ для сего особый портфель, называвшійся радушными хозяйками почтовымъ ящикомъ, которымъ и мы пользовались въ бытность нашу въ Симензѣ. Затѣмъ графъ шель въ свой кабинетъ, читалъ, писалъ, занимался, приводилъ въ порядокъ свою обширную бібліотеку, а въ послѣднее время часто полулежалъ на тахтѣ, окруженный своими любимыми собачками. Рѣдко уходилъ онъ въ спальню, а ложился въ постель только тогда, когда чувствовалъ особенную слабость. Ложиться днемъ онъ вообще не любилъ, насколько возможно держался на ногахъ и, даже ложась, старался не показывать окружающимъ своего недомоганія. Такъ проходило время до часу дня, когда съ замѣчательною пунктуальностью подавался обѣдъ, состоявшій обыкновенно изъ трехъ или четырехъ простыхъ, но прекрасно приготовленныхъ блюдъ.

За обѣдомъ подавалось отличное собственное симеизское вино, которое своими качествами, по словамъ знатоковъ, не уступало даже винамъ ливадійскимъ. Послѣ обѣда графъ чувствовалъ себя обыкновенно лучше, бодрѣ всего, принималъ въ это время немногихъ посѣтителей, очаровывая ихъ своею простотою, необыкновеннымъ вниманіемъ, радушіемъ и тою привѣтливостію, которая такъ привязывала къ нему людей.

Самъ Государь Императоръ не разъ посѣщалъ его въ это именно время, пріѣзжалъ иногда совершенно неожиданно, безъ всякаго увѣдомленія, останавливался у воротъ усадьбы, выходилъ изъ экипажа и шелъ пѣшкомъ къ подъѣзду скромнаго домика. Императоръ Александръ III тоже навѣщалъ графа, причемъ однажды долженъ былъ войти черезъ садъ, такъ какъ парадное крыльцо въ это время ремонтировалось. Императоръ, побесѣдовавъ съ графомъ въ его кабинетѣ и съ большимъ интересомъ осмотрѣвъ его, выразилъ желаніе увидѣть и его спальню, которая, конечно, не могла не поразить Александра III своею миниатюрностію и скромностію, что онъ и выразилъ ей любезному хозяину.

Въ 4 часа подавался чай, а ровно въ 8—ужинъ. Такой порядокъ соблюдался въ домѣ и послѣ смерти графа, когда мы были тамъ по случаю разбора его библіотеки. Послѣ ужина вся семья собиралась обыкновенно въ гостиной у круглаго стола, причемъ какъ графъ, такъ и графиня занимали неизмѣнно свои любимыя кресла. Графъ нерѣдко читалъ вслухъ, а въ послѣднее время, когда зрѣніе его сильно ослабѣло, самъ слушалъ чтеніе газетъ и журналовъ, принималъ участіе въ бесѣдѣ и ласкалъ своихъ любимыхъ собачекъ, которыя безъ всякаго стѣсненія залѣзали на его кресло и къ нему на колѣни; если какая-либо изъ собачекъ занимала графское кресло ранѣе Дмитрія Алексѣевича, то онъ садился только на его краешекъ, не желая стѣснять и беспокоить набалованное животное. Тутъ же клали пасьянсъ, дочери графа работали, вязали, вышивали, и около 10 часовъ вечера всѣ расходились по своимъ комнатамъ, чѣмъ и заканчивался день въ Симеизѣ.

Такой порядокъ въ домѣ, соблюдавшійся съ рѣдкою пунктуальностію, застали и мы; послѣ ужина, во время вечернихъ разговоровъ въ гостиной у круглаго стола, дочери графа дѣлились съ нами разсказами о жизни ихъ незабвенныхъ родителей, разсказами, изъ коихъ я и почерпнулъ много свѣдѣній для настоящаго своего очерка. Гуляя по Симеизу, графъ со всѣми кланялся, притомъ, если встрѣчный по какимъ-либо причинамъ его не привѣтствовалъ, то графъ кланялся первымъ, со многими онъ разговаривалъ, спрашивалъ про житье-бытье, про горести и несчастья и нерѣдко оказывалъ свою могучую помощь, завоевавъ своимъ обращеніемъ рѣдкую любовь и уваженіе всего мѣстнаго населенія.

Для давно ослѣпшей своей супруги онъ задумалъ сдѣлать рельефную модель всего Симеиза, на которой рельефъ мѣстности изо-

браженъ былъ цѣлымъ рядомъ наклеенныхъ другъ на друга слоевъ толстаго картона, причемъ каждый слой равнялся въ масштабѣ одной сажени высоты. Получилась прекрасная, наглядная, точная модель имѣнія, но, къ сожалѣнію, земная подруга графа не могла ею пользоваться, не умѣла по ней ориентироваться, хотя на модели проведены были клеємъ, усыпаннымъ пескомъ, безусловно всѣ дорожки, обозначены были всѣ строенія и другіе мѣстные предметы. Крайне интересная модель эта стояла подъ чехломъ въ графской столовой.

По свидѣтельству дочерей, Дмитрій Алексѣвичъ съ раннихъ лѣтъ страдалъ очень мучительною болѣзнію—нишіасомъ, приступы которой случались иногда совсѣмъ неожиданно и сопровождались сильными болями. Онъ всегда боялся простудиться и даже просто промочить ноги, такъ какъ самая легкая простуда осложнялась часто очень болѣзненными припадками этой непріятной болѣзни. А болѣть Дмитрій Алексѣвичъ не любилъ, и не потому, конечно, что боялся боли и страданій, а потому, что болѣзнь мѣшала его многосложной работѣ, беспокоила близкихъ, беспокоить же другихъ было для него верхомъ непріятности. Насколько силенъ былъ духъ въ этомъ тщедушномъ тѣлѣ, показываетъ тотъ фактъ, что онъ передъ своею кончиною слегъ въ постель лишь послѣ того, что два раза отъ слабости упалъ въ своемъ кабинетѣ на полъ; послѣ перваго паденія онъ былъ поднятъ и положенъ своимъ любимымъ лакеємъ Ефимомъ на тахту, а послѣ втораго отнесенъ въ свою спальню на ту постель, съ которой ему уже не суждено было болѣе встать. Вотъ какъ не любилъ болѣть этотъ замѣчательный человѣкъ, вотъ какъ силенъ былъ его духъ, какъ онъ боролся съ болѣзнію, въ послѣдній разъ оказавшеюся уже смертельною.

IV.

Закончивъ настоящій очеркъ, въ которомъ хотѣлось сказать такъ много, я не могу воздержаться отъ самой хотя бы краткой характеристики этого удивительнаго человѣка, основанной на столь близкомъ, хотя, къ сожалѣнію, главнымъ образомъ, и посмертномъ знакомствѣ. Характеристика моя будетъ, конечно, самая бѣглая, въ значительной мѣрѣ недостаточная, но диктуемая искреннимъ желаніемъ прибавить, можетъ быть, еще новый штрихъ къ свѣтлому облику этого скромнаго человѣка, писаться о коемъ будетъ, несомнѣнно, очень много, и память о которомъ будетъ съ теченіемъ времени освобождена, конечно, отъ тѣхъ несправедливыхъ навѣтовъ, которые нерѣдко дѣлаются нынѣ изъ совершенно непонятныхъ мнѣ побужденій.

Во-первыхъ, это былъ человѣкъ яснаго, свѣтлаго, необыкновенно систематичнаго ума и характера, все приводилось у него въ строй-

ную систему, и приводилось какъ-то легко, само собою. Слогъ всёхъ его сочиненій, писемъ, короткихъ записочекъ, наконецъ, слогъ его служебныхъ документовъ, резолюцій, докладовъ всегда одинъ и тотъ же—ясный, точный, опредѣленный, необыкновенно спокойный и вмѣстѣ съ тѣмъ гладкій, литературный. Съ удовольствіемъ читаешь всё его бумаги, написанныя убѣдительно, удивительно просто, безъ всякихъ вычурностей. Трудоспособность покойнаго была изумительная; отдохновеніе заключалось, по его словамъ, не въ бездѣліи, не въ полномъ уклоненіи отъ работы, а въ перемѣнѣ лишь характера труда, что онъ и доказывалъ всюю своею жизнью, всюю своею необыкновенно плодотворною дѣятельностью. Вслѣдствіе яснаго ума и твердаго намѣренія достигъ разъ поставленной цѣли Дмитрій Алексѣевичъ, несмотря на чрезвычайную мягкость характера, въ дѣлахъ служебныхъ шелъ прямо, упорно, настойчиво, но всегда спокойно, послѣдовательно, безъ излишней порывистости и торопливости. Изучая всякое дѣло до мельчайшихъ подробностей, чуждый эффектныхъ выступленій, онъ спокойно исполнялъ всё свои обязанности, зная, что честный трудъ его заслужитъ справедливую оцѣнку не только его повелителя, такъ горячо имъ любимаго государя, но, несомнѣнно, и благодарнаго потомства. Самъ умѣя работать, зная, такъ сказать, цѣну работѣ, онъ съ необыкновеннымъ уваженіемъ относился и къ чужому труду, всегда всёхъ ободрялъ, никогда рѣзко не критиковалъ, а при необходимости мягко и деликатно указывалъ на ошибки подчиненнаго, который въ большинствѣ случаевъ и приходилъ къ сознанію своего промаха.

Удивительно ревниво щадилъ Дмитрій Алексѣевичъ самолюбіе другого, умѣлъ выбирать людей, причемъ никогда не боялся талантности своихъ сподвижниковъ и помощниковъ, выдвигая достойныхъ и умѣя направлять дѣятельность каждаго согласно свойствамъ, особенностямъ его таланта, его способностей. Чрезвычайно корректный въ обращеніи, боявшійся обидѣть кого-либо не только рѣзкимъ, но просто даже неосторожнымъ словомъ, онъ самъ являлъ примѣръ правдивости, честности, необыкновенной добросовѣстности, будучи совершенно чуждъ лжи, обмана, лести, какого-нибудь подслуживанія. Вслѣдствіе этого и на людей онъ смотрѣлъ всегда хорошо, относился къ нимъ съ довѣріемъ, видѣлъ, или, вѣришь, старался видѣть только одно доброе, и глубоко огорчался, когда жизнь приносила ему неизбѣжныя разочарованія.

Быстро поднявшись на самую вершину власти, онъ оставался всегда одинаковымъ, равнымъ, добрымъ, любезнымъ, внимательнымъ и чрезвычайно скромнымъ. Дмитрій Алексѣевичъ положительно не зналъ честолюбія, и, когда обстоятельства того потребовали, тихо, скромно, просто удалился съ служебнаго пути, безъ

озлобленія, безъ зависти къ кому бы то ни было. «Никто, кажется, не хотѣлъ вѣрить,—говорить онъ въ своихъ воспоминаніяхъ:—что я совершенно чистосердечно хотѣлъ удалиться на покой...» Ему былъ предложенъ постъ намѣстника на Кавказѣ, но онъ рѣшительно уклонился отъ такового назначенія, удалился въ свой тихій Симеизъ и наблюдалъ оттуда за жизнью, составляя свои замѣчательныя «Воспоминанія» и встрѣчая ласкою всякаго, кто только хотѣлъ посѣтить его въ его отшельничествѣ.

Скромность его не знала границъ, такъ что когда въ 1898 году, въ день открытія въ Москвѣ памятника императору Александру II, Государь произвелъ его, какъ ближайшаго и любимѣйшаго сотрудника своего славнаго дѣда, въ чинъ генераль-фельдмаршала, онъ совершенно чистосердечно и просто заявилъ ему на первыхъ порахъ, что считаетъ эту высшую военную честь выше его заслугъ, а затѣмъ, подумавъ, обезпокоился, что онъ могъ своимъ отказомъ, своимъ заявленіемъ обидѣть молодого, добраго, чуткаго Государя.

Графъ Милютинъ обладалъ еще очень рѣдкимъ качествомъ—сознаніемъ своихъ ошибокъ, если таковыя случались. Онъ первый докладывалъ въ такихъ случаяхъ своему государю, что онъ ошибся и что практика не оправдала его ожиданій, съ чѣмъ государь въ большинствѣ случаевъ и соглашался.

Рѣдко доброжелательный, рѣдко доступный всѣмъ и каждому, Дмитрій Алексѣевичъ чрезвычайно снисходительно относился къ чужимъ ошибкамъ, отличаясь необыкновенною чуткостью, сердечностью, отзывчивостью и вообще высшею снисходительностью къ людямъ. Сдѣлать кому-либо добро, помочь въ несчастіи—было для него громаднымъ удовольствіемъ, а доставивъ торжество правдѣ, добродѣтели, онъ дѣлался особенно веселъ, приходилъ въ особенно хорошее, особенно доброе настроеніе. Дурное расположеніе духа было ему, вообще говоря, какъ-то совершенно чуждо, несвойственно, онъ могъ болѣть, могъ быть слабымъ, но быть раздражительнымъ, ворчать, сердиться—это было совершенно не въ его характерѣ, таковымъ его никогда не видѣли даже самые близкіе ему люди.

Безкорыстіе не покидало его до самыхъ послѣднихъ дней жизни. Деньги были для него самымъ послѣднимъ дѣломъ. Получая, какъ военный министръ, 12,000 рублей въ годъ содержанія, онъ никогда не заикнулся, никогда не попросилъ о прибавкѣ, хотя нужно со- знаться, что 12,000 рублей въ годъ для министра очень и очень не много. И только когда Дмитрій Алексѣевичъ удалился на покой, и когда новый военный министръ, прося о прибавкѣ содержанія, сталъ получать, по повелѣнію государя, уже не 12,000, а 18,000 рублей въ годъ, самъ императоръ Александръ III, отличаясь рѣдкою справедливостью, приказалъ и содержаніе графа увеличить до 18.000; такимъ образомъ, безъ всякой съ своей стороны просьбы

и лишь вследствие доброты и справедливости молодого императора. Дмитрій Алексѣевичъ началъ получать уже до самой своей смерти 18.000 рублей въ годъ содержанія.

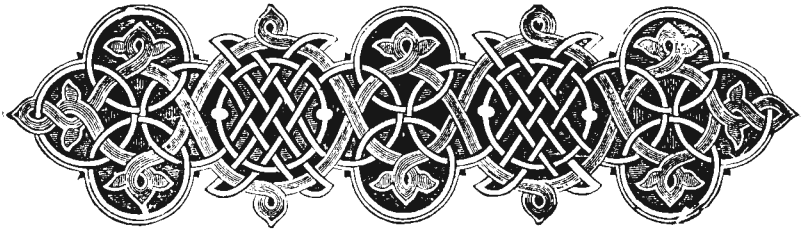
Обаятельное радушіе, удивительная любезность, но любезность безъ приторности, исходящая отъ души, бывшая, такъ сказать, въ крови этого замѣчательнаго человѣка, привлекали къ нему общія симпатіи какъ богатаго, такъ и бѣднаго, какъ важнаго сановника, такъ и простаго крестьянина; для всякаго онъ находилъ ласковое слово, для всякаго появлялась на его устахъ всеѣмъ знакомая привѣтливая улыбка. Будучи высокимъ образцомъ гуманности, Дмитрій Алексѣевичъ чрезвычайно высоко ставилъ образованіе и всеѣмъ своими мѣрами старался, чтобы образованіе проникло, такъ сказать, въ самую толщу народа, чтобы всякій послѣдній крестьянинъ могъ пользоваться плодами образованія.

Вотъ какимъ рисуется мнѣ этотъ замѣчательный человѣкъ послѣ подробнаго знакомства съ нимъ какъ по его дѣламъ, его запискамъ, такъ и по отзывамъ о немъ его близкихъ, по той свѣтлой памяти, которую онъ оставилъ по себѣ въ Симензѣ въ сердцахъ всеѣхъ, кому давалось счастье хоть разъ встрѣтиться съ нимъ на жизненномъ пути. Это былъ великій человѣкъ, пользовавшійся по всей справедливости всеобщою любовью, всеобщимъ уваженіемъ, беззавѣтно преданный царю и родинѣ, гордость не только армін, но и всей Россіи. Полный добродѣтелей, онъ былъ почти чуждъ недостатковъ, да и тѣ, что были, были такъ миниатюрны, такъ ничтожны, такъ безвредны для другихъ, что совершенно исчезали въ лучахъ его необыкновенной доброты, снисходительности, честности, доброжелательности, чрезвычайной скромности и рѣдкаго трудолюбія.

Я безмѣрно счастливъ, что повидалъ этого удивительнаго человѣка при жизни, что познакомился съ нимъ послѣ его смерти, испыталъ все радушіе, все вниманіе милыхъ, привѣтливыхъ хозяекъ Сименза—дочерей графа Дмитрія Алексѣевича. Съ чувствомъ горечи, съ чувствомъ грусти и печали покинулъ я въ послѣдній разъ этотъ скромный пріютъ, эту гостепріимную кровлю, чтобы, можетъ быть, никогда болѣе въ жизни ее уже не увидѣть. Свѣтлымъ воспоминаніемъ будетъ для меня это троекратное пребываніе въ Крыму, память о графѣ Дмитріи Алексѣевичѣ будетъ чтиться мною до гроба, какъ о рѣдкомъ примѣрѣ всего лучшаго, всего добраго, всего честнаго въ этомъ столь далекомъ отъ совершенства мѣрѣ.

Г. Г. Христіани.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ ¹⁾.

Восьмой эпизодъ.

ВЪ ПЕРВЫХЪ числахъ октября 1862 года я со своимъ товарищемъ Шестинскимъ, получившимъ такое же назначеніе и прогонныя, рѣшили ѣхать въ Петербургъ до Москвы для экономіи и избѣжанія перекладныхъ на долгихъ, для чего наняли жидовскій просторный фургоны. Въ день отъѣзда Шестинскій сообщилъ мнѣ, что гардемаринъ Савинъ (сдѣлавшійся впоследствии мужемъ знаменитой актрисы Марьи Гавриловны), также назначенный на фрегатъ «Дмитрій Донской», проигралъ въ карты все свои прогонныя деньги, находится въ отчаянномъ положеніи и проситъ взять его съ собою, на условіи возврата впоследствии трети общаго путевого расхода.

Рѣшено ѣхать втроемъ, причемъ денежные расчеты возложили на меня. Разложивши свои чемоданчики въ фургоны и усѣвшись на сѣнѣ, мы выѣхали изъ Николаева не на тройкѣ, какъ было договорено съ жидомъ, а на парѣ, утѣшаемые возницею, что эта пара сильнѣе тройки, и начался нашъ долгій путь подъ чмоканіе жидовъ и удары кнута по чухлымъ спинамъ лошадей. Перегоны дѣлались по тридцати и сорока верстѣ, съ остановками у каждой корчмы и продолжительными переговорами нашего возницы съ корчмаремъ. Въ теченіе долгаго пути, при передачѣ насъ слѣдующему еврею-возницѣ, мѣнялись лошади и фургоны. Подъѣзжая послѣ долгихъ томительныхъ

¹⁾ Окончѣніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXI, стр. 73.

дней къ Курску, я подсчиталъ деньги своего кошелька и кошелька Шестинскаго, истратившаго часть своихъ прогонныхъ денегъ еще въ Николаевѣ, сообразилъ, что проѣздныхъ по желѣзной дорогѣ отъ Москвы до Петербурга намъ не хватитъ, и предложилъ Савину обратиться къ курскому губернатору съ просьбой выдать ему заимообразно пятьдесятъ рублей. Вернувшійся отъ губернатора Савинъ объявилъ, что губернаторъ отказалъ ему наотрѣзь, просилъ меня еще разъ попытаться поѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ губернатору, который, быть можетъ, отнесется къ двумъ просителямъ съ большимъ довѣріемъ въ необходимости ссудить деньгами. Мнѣ сдается, что Савинъ у губернатора не былъ. Облекаемся въ полную форму съ эксельбантами и идемъ къ губернатору. Въ пріемной на насъ смотрять съ удивленіемъ, такъ какъ новизна формы гардемариновъ не всѣмъ еще была знакома, а также и губернатору. Черезъ продолжительное время сидѣнья въ пріемной вышелъ къ намъ генераль-майоръ День и забросалъ насъ вопросами: что за форма, гдѣ служимъ, причина нахождения нашего въ Курскѣ, что намъ надо?... Послѣ объясненія Савина, что онъ потерялъ деньги и проситъ ссуды въ пятьдесятъ рублей, День сталъ внушать, что деньги теряютъ—преступленіе и что если онъ всѣхъ проѣзжающихъ черезъ Курскъ будетъ ссужать деньгами, то у него не хватитъ средствъ, которыми онъ располагаетъ, а потому отказываетъ и ему, Савину. Я нашелъ нужнымъ попытаться пойти на защиту Савина, подтвердивъ ложь, что онъ дѣйствительно потерялъ деньги еще въ Николаевѣ, объяснилъ генералу, что отказъ его лишитъ не только одного Савина, но и насъ, взявшихъ его за свой счетъ доставить въ Петербургъ начинающихъ свою службу, прибыть къ сроку отхода за границу фрегата, на который мы назначены, и тѣмъ потерять крайне важное для насъ заграничное плаваніе. «Пожалѣйте насъ, ваше превосходительство, и ссудите пятьдесятъ рублей подъ честное слово г. Савина и мое ручательство».—«А почему же я могу вѣрить больше вамъ, чѣмъ г. Савину?» спросилъ онъ меня. Я отвѣчалъ, что я сынъ генераль-майора, директора с.-петербургскаго технологическаго института, который не замедлитъ возвратить эти деньги. Генераль-День смилостивился, пятьдесятъ рублей были выданы подъ нашу расписку, и мы въ тотъ же день отправились до Москвы на перекладныхъ, такъ какъ дальше Курска жиды не брались везти насъ, да и время не позволяло тащиться по-черепашьи.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я тотчасъ же просилъ отца выслать г. Дену пятьдесятъ рублей и былъ свидѣтелемъ, какъ онъ приказалъ казначею института исполнить это порученіе.

Перваго ноября я уже былъ на шалубѣ фрегата «Дмитрій Донской», находившагося подъ командою капитана второго ранга Беклешева, а 5-го ноября фрегатъ снялся съ якоря въ дальнее плаваніе. Полученныя нами всѣми подъемныя деньги давали намъ, гарде-

маринамъ, чувствовать себя богатыми, деньги эти дали возможность и Савину расплатиться со мною за доставленіе его въ Петербургъ.

Описывать подробно плаваніе на этомъ фрегатѣ не буду, потому что за сорокъ девять лѣтъ многое запамятовалъ, нѣкоторые же обстоятельства и сцены, сохранившіяся въ моей памяти, попытаюсь возстановить.

Выйдя изъ Англійскаго канала, мы вступили подъ паруса, а выйдя въ Бискайскую бухту, встрѣтили штормъ съ громадною зыбью. Держась подъ штормовыми парусами въ бейдевиндѣ, фрегатъ имѣлъ сильную килевую качку. Большинство гардемаринъ жестоко укачалось, укачался и я, до сихъ поръ не страдавшій морскою болѣзною. Мнѣ было отвратительно гадко и обидно, что, испытавъ сильныя качки въ Черномъ морѣ на корветѣ «Вепрь», я не укачивался, мнилъ себя уже настоящимъ морякомъ и теперь на фрегатѣ лежу пластомъ. Рядомъ со мною стонали два мои товарища, и въ моменты затишья оба давали клятвы другъ другу, что въ первомъ же портѣ подадутъ въ отставку. Смутился и я, мысленно присоединяясь къ ихъ намѣренію.

Придя въ Шербургъ, трое изъ товарищей за невозможностью переносить морскую качку подали въ отставку, предстояло и мнѣ на утро слѣдующаго дня рѣшить свою судьбу. Ложась спать въ свою подвѣсную койку рядомъ съ Юрьевымъ, рѣшилъ съ нимъ посоветоваться, подавать ли и мнѣ въ отставку. Юрьевъ рѣшительно возсталъ противъ этого, сумѣлъ отговорить меня отъ такого серьезнаго поступка, доказывая, что къ качкѣ можно и нужно привыкнуть и что, оставляя службу, я лишусь чрезвычайно интереснаго и поучительнаго путешествія вдоль восточныхъ береговъ Африки и Южной Америки, куда фрегатъ долженъ былъ идти. Къ утру я твердо рѣшился не покидать морской службы.

Въ Лиссабонѣ меня ожидала непріятность. Морское министерство сообщило командиру, что курскій губернаторъ, выдавшій гардемаринамъ Савину и Чайковскому пятьдесятъ рублей на честное слово, денегъ не получилъ, и потому министръ приказалъ удержать эту сумму съ нихъ и сдѣлать имъ строгій выговоръ. Когда командиръ позвалъ насъ обонхъ къ себѣ въ каюту и прочиталъ намъ бумагу министерства, Савинъ оправдывался тѣмъ, что онъ эти деньги отдалъ мнѣ, а какъ Чайковскій, взявшійся возвратить губернатору деньги, поступилъ, онъ, Савинъ, не знаетъ. Поведеніе Савина, знавшаго отъ меня, что деньги были посланы моимъ отцомъ, мнѣ показался обиднымъ.

Я подробно объяснилъ командиру и увѣрилъ его, что претензія генерала Дена создалась, вѣроятно, на недоразумѣніи и что быть не можетъ, чтобы деньги эти губернаторъ не получилъ. Выходя изъ каюты командира, Савинъ бросалъ на меня взгляды сомнѣнія въ моей добросовѣстности, и я его возненавидѣлъ. Въ теченіе продол-

жительной стоянки въ Лиссабонѣ прибыла отъ министра дополнительная бумага, въ которой выговоръ его Савину и Чайковскому отмѣнялся, такъ какъ генераломъ Деномъ пятьдесятъ рублей получены.

Выйдя изъ Лиссабона, фрегатъ спустился къ островамъ Зеленаго мыса, гдѣ мы похоронили одного изъ нашихъ товарищей, а затѣмъ направились подъ парусами къ берегамъ Южной Америки. Переходъ черезъ экваторъ былъ совершенъ съ традиціоннымъ церемоніаломъ команды, появленіемъ Нептуна. Въ этотъ день командѣ разрѣшалось свободно повеселиться и порѣзвиться не только надъ своими товарищами, но даже и офицерами, переходящими впервые экваторъ, не ставя имъ въ вину смѣшныя и нѣсколько вольныя обращенія къ начальнику. Фрегатъ находился въ полномъ безвѣтріи. Съ утра кучка матросовъ приготовляла свои незатѣйливые костюмы, главнымъ образомъ корону и резубецъ для Нептуна и нарядъ для его церемоніймейстера, котораго они называли «палицмистеромъ», остальные должны были фигурировать голыми, раскрашенными сухими красками, сурикомъ, черною и синею, изображая какихъ-то дикихъ людей. Въ три часа дня началась церемонія. Командиръ гулялъ на вахтенной площадкѣ. На шканцахъ появился смѣльчакъ «палицмистеръ» въ зимней офицерской фуражкѣ, съ пристегнутыми къ матросскому мундиру штабъ-офицерскими эполетами, съ шарфомъ черезъ плечо изъ синяго флагдуга, наведенными бровями и усами, сопровождаемый двумя голыми ассистентами, цѣлѣно раскрашенными красками, съ перевязями стыдливыхъ мѣсть полотенцами. Подойдя вплотную къ командиру, онъ громко сталъ говорить заученную имъ реплику. Помните, онъ началъ такъ:

«Его свѣтлое величество морской царь Нептунъ приказалъ спросить, какъ именуется корабль и кто командиръ этого корабля». Беклешовъ пытливо посмотрѣлъ на вопрошавшаго, какъ бы желая узнать замаскированного, и съ добродушною улыбкою отвѣтилъ: «Какъ именуется этотъ фрегатъ ты знаешь, а командиръ его я»; онъ особенно возвысилъ голосъ на словѣ «я», точно ему хотѣлось сказать: я позволилъ вамъ поразвлечься, но если вы, братцы, слишкомъ разойдетесь, не забывайте, что командиръ фрегата я, сдержать васъ сумѣю. «Палицмистеръ» не унимался: «Откуда идешь и куда?»—«Въ Южную Америку», отвѣтилъ Беклешевъ. «Сейчасъ его свѣтлое величество придетъ къ тебѣ, чтобы получить дань съ корабля»,—и посланецъ исчезъ на бакъ, а затѣмъ въ предшествіи фрегатской музыки началось шествіе; впереди шель тотъ же «палицмистеръ» со своими голыми ассистентами, за нимъ волокли на большомъ матѣ (пеньковой коверъ) изображеніе рыбы, которая должна была изображать кита, сдѣланнаго изъ парусины, за китомъ челоуѣкъ десять голыхъ сильныхъ раскрашенныхъ сурикомъ волокли Нептуна въ коронѣ съ

трезубцемъ, въ парикѣ, съ большою бородой изъ пеньки, возсѣ даваго на высокой подставкѣ, съ ногами, опущенными въ бочку, наполненную водою, окруженную тоже голою свитою, несшей на плечахъ брандспойтъ. Несмотря на то, что вспоминаю эту церемонію черезъ сорокъ девять лѣтъ, я помню, что роль Нептуна изображалъ матросъ Пѣтуховъ, фрегатскій балагуръ, веселый разсказчикъ и запѣвало пѣсенниковъ.

Все офицеры и гардемарины паблюдали съ юта и вахтенной площадки. Водворясь на шканцахъ и опустивъ приѣмный шлангъ отъ брандспойта въ бочку для окачиванія водою пересѣкающихъ въ первый разъ экваторъ, Нептунъ смѣло обратился къ командиру: «Ваше высокоблагородіе, господинъ командеръ, проходилъ ли ты чрезъ мои царства? Если нѣтъ, плати дань». Беклешевъ, ничего не отвѣчая, бросилъ золотую монету, которую «палицмистеръ» ловко подхватилъ въ свою шапку. Я стоялъ на шканцахъ близко отъ Нептуна и слышалъ, какъ матросы, стоявшіе у брандспойта, спрашивали его шопотомъ: «А водицею-то брызнуть?»—«Нѣтъ,—отвѣчаль Пѣтуховъ:—я его такъ для видимости обрызгаю», и, взявъ въ пригоршню воды, брызнулъ въ сторону командира, сказавъ: «Разрѣшаю тебѣ пройти чрезъ мое царство!» Затѣмъ началась переборка всѣхъ офицеровъ и гардемаринъ, за исключеніемъ гончаровскаго «дѣда», старшаго штурмана, пересѣкавшаго много разъ экваторъ. Большинство офицеровъ и гардемаринъ расплачивались количествомъ чарокъ водки, записъ которымъ велась здѣсь же однимъ изъ участвующихъ. Въ зависимости отъ количества чарокъ платящіе дань окачивались пипкой изъ брандспойта, дождичкомъ или струею по положенію, занимаемому данникомъ. Не желавшіе быть обрызганными водою изъ бочки, въ которой были ноги Пѣтухова, потребовали, чтобы Нептунъ вынулъ ноги изъ воды. Пѣтуховъ согласился, вынулъ ноги и при этомъ сказалъ какую-то остроту, подхваченную громкимъ хохотомъ окружающихъ. Воду освѣжили и началось крещеніе экваторіальною водою. Дошла очередь и до боцмановъ, самыхъ ближайшихъ и строгихъ начальниковъ ихъ. Команда боялась ихъ болѣе старшаго офицера, на которомъ зиждилась вся служба и дисциплина корабля.

Обращаясь къ командиру и офицерамъ на ты, когда дѣло дошло до боцмановъ, Нептунъ обращался къ нимъ на вы. «А! почтеннѣйшій господинъ боцманъ Зайцевъ, на долго ли пожаловали ко мнѣ въ мое царство?» спросилъ балаганнымъ голосомъ Нептунъ старшаго боцмана Зайцева, прижатого командою къ самой бочкѣ. Команда злорадствовала, что Зайцевъ въ ихъ рукахъ, интересуясь, какъ-то Нептунъ обойдется съ нимъ. Зайцевъ злобно поглядывалъ на Пѣтухова и его смѣльчаковъ и, понимая, что власть его въ данный моментъ безсилна, молчалъ, сурово бросая взгляды на Пѣтухова. «А много ль уплатите мнѣ дани, господинъ Зайцевъ?»—«А вотъ какъ

окончится эта комедія, такъ я тебѣ двадцать пять линьковъ отхватаю», сказалъ своимъ картавымъ голосомъ Зайцевъ. Не успѣлъ онъ окончить своей угрозы, какъ послышался голоса: «а ну-ка его головою въ бочку», и Зайцева, несмотря на борьбу, окунули головою. Вытащенный оттуда, Зайцевъ, отплеываясь и грозя Нептуну, пошелъ на бакъ. Наступила очередь баталера. Здѣсь надо знать, что по баталерской должности своей онъ былъ и раздатчикъ ежедневной порціи командѣ чарокъ водки, а потому баталеры на судахъ пользовались особымъ уваженіемъ команды. Назвавъ баталера господиномъ по имени и отчеству, Нептунъ съ прибаутками сказалъ: «Я знаю, что вы благодѣтель этого корабля по части водочки, а потому побрызгаю васъ водичкою изъ моей ладошечки». Команда хохотала во все горло. Тѣмъ временемъ часть команды ловила по вахтамъ и снастямъ гардемаринъ и штурманскихъ кондукторовъ, желавшихъ избѣгнуть струи Нептуновской воды, и когда старшій офицеръ Брылкинъ, видя, что разгулявшаяся команда грозитъ нарушеніемъ судового порядка, не оканчиваетъ своей затѣи, распорядился вооружить девятидюймовую помпу и съ зычною командою съ вахтенской площадки: «разойтись», пустилъ сильную струю въ Нептуна и его сподвижниковъ, при чемъ боцманъ Зайцевъ особенно старался окатить Пѣтухова. Въ мигъ все стихло, и порядокъ на фрегатѣ установился, какъ бы ничего и не происходило.

Переходъ къ Южной Америкѣ отличительныхъ особенностей не представлялъ. Наслаждались красотой необъятной океанской дали, и если бъ не вахтенная служба и обязательная для гардемаринъ, стоявшихъ утреннюю вахту, обсервація, съ вычисленіями широты и долготы, то при обезвѣтренныхъ парусахъ въ штилевой полосѣ, съ однообразнымъ хлопаньемъ парусовъ о такелажъ и рангоуть, закрадывалась подчасъ и скука, нарушаемая изрѣдка палетавшими шквалами.

Любилъ я эти моменты. Предупредительная команда вахтеннаго офицера: «стоять на марса-фалахъ!» вызвала общее вниманіе взглянуть на приближающееся темное облако и подъ нимъ поднятыя бѣлыми гребнями волны. Жутко ожидать удара шквала, но столько же и интересно ждать этого момента. Верхніе паруса (брамселл) убираются, оставшіеся марсели сразу наполняются вѣтромъ, фрегатъ сильно кренится, слышится красная команда: «марса-фалы отдай!» реи снижаются, площадь парусности уменьшается, и фрегатъ снова выпрямляется.

До вступленія на палубу фрегата «Дмитрій Донской» я не имѣлъ понятія о карточной азартной игрѣ, съ робостью поглядывалъ на товарищей, увлекавшихся игрою въ «банкъ», и на передвигавшіяся на столѣ заманчивыя золотыя монеты. Деньгъ у нашего брата гардемаринъ было довольно. Подъемныя деньги (годового оклада), только что полученные, у большинства были еще не истрачены.

Помню, что особенно увлекался игрою въ карты С., который соблазнялъ меня попытать счастья въ карточной игрѣ. Я стойко отклонялъ его соблазнъ, но онъ не унимался. «Ну, въ карты не хочешь, такъ давай играть въ орель или рѣшетку», говорилъ онъ и, видя, что я не поддаюсь, бросилъ наполеондоръ на столъ, прикрылъ рукой и неотвязчиво приставалъ ко мнѣ сказать: орель или рѣшетка? Чтобы отвязаться отъ него, я сказалъ наугадъ одно изъ двухъ, и монета оказалась моею собственностью, онъ повторилъ снова, я опять выигралъ, а чрезъ нѣсколько минутъ отъ С. перешло мнѣ въ карманъ пять или шесть наполеондоровъ. Желая отыгратъся, С. настаивалъ продолжать игру; не имѣя наличными, предлагалъ ставку на бумажкѣ изъ предстоящаго третняго жалованія, немного отыгрался и убѣждалъ меня въ необходимости попытать мое счастье въ «банкъ». Съ этого дня пошли для меня тяжелыя испытанія карточной азартной игры. Первое время я дѣйствительно былъ счастливымъ, много выигрывалъ наличными и записями на предстоящую треть, на послѣдующую и т. д. Сумма выходила колоссальная въ тысячахъ франковъ, но въ послѣдующіе дни игры я проигралъ не только все записи, но и все наличіе, которымъ такъ гордился, накануне считая себя богатымъ.

Не мало было слезъ и огорченій отъ незаслуженныхъ упрековъ и ссоръ съ товарищами. Урокъ этотъ такъ подѣйствовалъ на меня, что я навсегда отказался отъ азартныхъ игръ.

За время плаванія съ 5-го ноября 1862 года по 7-ое іюля 1863 года фрегатъ «Дмитрій Донской» посѣтилъ слѣдующіе порты: Ниборгъ, Шербургъ, Лиссабонъ, острова Зеленаго мыса, островъ святой Екатерины, Рио-де-Жанейро и Азорскіе острова.

Къ глубокому сожалѣнію, описаніе въ высшей степени интереснаго плаванія и посѣщенныхъ мѣстъ не по силамъ моему перу и памяти, а потому буду держаться воспоминаній только нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ моей жизни.

Девятый эпизодъ.

По возвращеніи въ Кронштадтъ я былъ назначенъ на фрегатъ «Пересвѣтъ», получившій какое-то секретное назначеніе. Расскажу по порядку, насколько память мнѣ не измѣняетъ.

Когда я прибылъ въ Кронштадтъ послѣ долгой разлуки, первымъ желаніемъ моимъ было ѣхать въ Петербургъ на свиданіе съ отцомъ. Къ огорченію моему, онъ оказался въ отъѣздѣ, у старшей дочери его отъ перваго брака, въ Златоустѣ. Огорченный неудачею, я рѣшилъ съ первымъ же обратнымъ пароходомъ возвратиться въ Кронштадтъ.

Проголодавшись, я зашелъ пообѣдать въ ресторанъ Тиханова, помѣщавшійся тогда на набережной Васильевскаго Острова, почти про-

тивъ пристани кронштадтскихъ пароходовъ. Стѣдомъ за мною вошелъ лѣтъ тридцати высокаго роста штатскій, въ новенькомъ щегольскомъ вицъ-мундирѣ, съ портфелемъ подъ мышкою и сѣлъ неподалеку лицомъ ко мнѣ. Потребовавъ себѣ обѣдъ, онъ, видимо, думалъ не о немъ, вынулъ изъ портфеля газету «Голосъ» и углубился въ чтеніе, рѣзко отвѣчая на вопросы официанта, долго ожидавшаго распорядженій, касавшихся обѣда. Я невольно слѣдилъ за этимъ интереснымъ субъектомъ, отличавшимся большими выразительными глазами, временами на губахъ его появлялась сосредоточенная улыбка самодовольства, точно онъ прислушивался къ шопоту какого-то голоса.

На отошедшемъ пароходѣ въ числѣ пассажировъ я увидѣлъ того же господина, многіе офицеры съ нимъ раскланивались, изъ чего я заключилъ, что онъ занимаетъ какую-то должность въ морскомъ вѣдомствѣ.

На слѣдующій день я явился на фрегатъ «Пересвѣтъ» и представился командиру его капитану первого ранга Брюмеру, а къ вечеру уже зналъ, что по высочайшему повелѣнію командиромъ фрегата назначенъ молодой капитанъ-лейтенантъ Н. В. Копытовъ, которому надлежало немедленно вступить въ командованіе фрегатомъ. Дѣйствительно, на другой день всѣ были вызваны наверхъ для встрѣчи новаго командира. Высвистываютъ фалребныхъ, старый командиръ идетъ навстрѣчу новому къ правому трапу. Глаза всѣхъ направлены съ интересомъ на новаго командира. Вотъ онъ идетъ по шканцамъ вдоль фронта офицеровъ, здороваётся съ нами, я вглядываюсь въ стройнаго, красиваго штабъ-офицера въ эполетахъ, съ красиво поднятою головою въ фуражкѣ николаевскаго образца съ большимъ глубокимъ козырькомъ, и удивленію моему нѣтъ предѣла. Я узнаю въ новомъ командирѣ два дня тому назадъ видѣннаго мною чиновника въ вицъ-мундирѣ, обѣдавшаго со мною въ ресторанѣ Тиханова. Что за метаморфоза!? А вотъ въ чемъ она заключалась. Въ 1863 году поднятое поляками возстаніе грозило разрастись въ европейскую войну, благодаря Франціи и Англіи, склонившимся пойти на защиту Польши. Вѣроятность войны признавалась настолько возможною и близкою, что приходилось задумываться надъ всѣмъ нашимъ флотомъ, въ то время сосредоточеннымъ въ Финскомъ заливѣ.

Пока дипломатическіе переговоры шли усиленнымъ темпомъ, на столбцахъ газеты «Голосъ» появилась дѣльная статья, подписанная буквою «К.», рекомендовавшая во избѣжаніе повторенія участи затопленія кораблей нашего Черноморскаго флота въ Севастополѣ въ 1855 году, выслать эскадру изъ лучшихъ нашихъ судовъ въ Атлантическій океанъ, которая, имѣя базу у береговъ Америки, могла бы крейсировать по океану, въ случаѣ войны съ Франціей и Англіей, мѣшать ихъ вѣншей торговли, захватывая ихъ суда торговаго флота. Статья эта была доложена государю императору, который,

признавъ эту идею вполне отвѣчающей настроенію политическаго положенія, приказалъ узнать, кѣмъ написана эта статья. Авторъ ея оказался недавно вышедшій въ отставку капитанъ-лейтенантъ (окончившій курсъ офицерскихъ классовъ) Н. В. Копытовъ.

Здѣсь уместно пояснить, что, совершая свое послѣднее кругосвѣтное плаваніе на одномъ изъ нашихъ клиперовъ, находившемся подъ командою капитанъ-лейтенанта (поляка) Збышевскаго, самовольно покинувшаго ввѣренное ему судно, Н. В. Копытовъ, какъ старшій лейтенантъ клипера, вернулся въ Кронштадтъ командиромъ его съ производствомъ въ капитанъ-лейтенанты. Для его лѣтъ это былъ гигантскій шагъ къ карьерѣ. Прибытіе его въ Кронштадтъ совпало съ заботами морскаго министерства, выбравшаго штабъ-офицера на должность начальника Аральской флотиліи и получившаго уже отъ двоихъ отказъ отъ нея. Управляющій морскимъ министерствомъ Граббе предложилъ Н. В. Копытову, будучи увѣренъ, что молодой быстро выдвинувшійся по службѣ капитанъ-лейтенантъ приметъ это назначеніе съ благодарностью, но когда и Н. В. Копытовъ отказался отъ этой должности, Граббе, желая взять его съ боя, предложилъ ему на выборъ принять должность начальника Аральской флотиліи или подать въ отставку. Копытовъ предпочелъ послѣднее и, тотчасъ выйдя въ отставку, прикомандировался чиновникомъ особыхъ порученій, если не ошибаюсь, къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Вотъ въ это-то самое время и появилась статья съ подписью буквой «К.». Идея Копытова государю понравилась, понравился и представленный ему ея авторъ, которому, какъ инициатору, приказалъ вернуться на службу флота и вступить въ командованіе фрегатомъ «Пересвѣтъ».

Эскадру намѣчено составить изъ фрегатомъ: «Александръ Невскій», «Пересвѣтъ», корветомъ «Варягъ» и «Витязь» и клиперомъ «Алмазь» и «Жемчугъ». Къ этой эскадрѣ долженъ былъ присоединиться фрегатъ «Ослябя», находившійся въ Средиземномъ морѣ.

Кромѣ государя, генераль-адмирала, управляющаго морскимъ министерствомъ и Н. В. Копытова, никто въ планъ дѣйствій посвященъ не былъ. Выполненіе всей задачи было экстренно-спѣшное и строго-секретное. Каждый изъ командировъ долженъ былъ получить секретный пакетъ за печатами, на вскрытіе котораго будетъ дано особое приказаніе.

Суда, отправляемые въ дальнее плаваніе, получаютъ особое снабженіе и обновленные запасы походной провизіи и вотъ для того, чтобы скрыть планъ дѣйствій отъ наблюдательности не только иностранныхъ агентовъ, зорко слѣдившихъ за каждымъ нашимъ шагомъ, но и отъ своихъ русскихъ любопытныхъ глазъ, было объявлено, что формируется эскадра для плаванія къ берегамъ Ливавы и поэтому походную провизію оставили, какая имѣлась на судахъ,

иначе свѣдущіе люди могли догадаться о назначеніи эскадры въ дальнее плаваніе.

Плавающія суда внутренняго плаванія получали трехмѣсячные запасы солонины, черныхъ сухарей, гороха и пшена, но такъ какъ суда, плавая въ Балтійскомъ морѣ, совершаютъ непродолжительные переходы и имѣютъ возможность въ портахъ получать свѣжую провизію, походная провизія остается въ большинствѣ случаевъ непочатою, въ особенности солонина, которая по окончаніи навигаціи опять поступала въ кронштадтскіе портовые склады, а потому есть основаніе подозрѣвать, что солонина, отпускаявшаяся на такія суда въ боченкахъ, не вполне герметически закупоренныхъ, была недоброкачественною, что оправдалось на нашей эскадрѣ вообще и въ особенности на фрегатѣ «Пересвѣтъ» тяжелыми послѣдствіями.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней іюля 1863 года, принявъ запасъ пороха и снарядовъ, два фрегата, «Александръ Невскій» и «Пересвѣтъ», снялись съ якоря поздно вечеромъ и, проходя траверсъ Красной Горки, были остановлены транспортомъ того же имени, на которомъ находился управляющій морскимъ министерствомъ генераль-адъютантъ Граббе, имѣвшій переговоры на фрегатѣ «Александръ Невскій», причемъ на транспортѣ «Красная Горка» были доставлены каждому фрегату водка для команды, боченокъ коньяку и папирсы для офицеровъ, изъ чего мы заключили, что идемъ по какому-то секретному назначенію; это подтвердилось разказами офицера съ транспорта «Красная Горка», что поздно вечеромъ, передъ подъемомъ якоря, скрытно былъ доставленъ на бортъ фрегата «Александръ Невскій» адмиралъ [Лесовскій, назначенный государемъ командовать нашей эскадрою. Съ этого дня вопросы, куда и зачѣмъ идемъ, не оставляли насъ въ покоѣ, такъ какъ отвѣта на нихъ никто дать не могъ. Въ Зундѣ къ намъ присоединились два корвета, «Варягъ» и «Витязь».

Эскадра шла подъ парами. Насъ не удивляло, что сигналы и директивы давались съ фрегата «Александръ Невскій», такъ какъ командиръ этого фрегата былъ старшій по чину капитанъ перваго ранга Федоровичъ; отсутствіе же адмиральскаго флага объясняли себѣ выдумкой офицера «Красной Горки». Выйдя въ Сѣверное море, мы были удивлены, что эскадра приняла курсъ къ сѣверному берегу Шотландіи и продолжала идти подъ парами, съ «Александра Невскаго» былъ данъ сигналъ идти ночью по способности каждому, со всѣми предосторожностями, безъ отличительныхъ огней, съ назначеніемъ «рандеву» въ данной широтѣ и долготѣ океана, ожидая распоряженій. Секретъ самъ по себѣ понемногу открывался. Разъ идемъ безъ лоцмановъ и безъ огней, было ясно, что скрывались отъ англичанъ, имѣя цѣлью выйти на просторъ океана. Погода благоприятствовала этому заданію, и когда утромъ всѣ четыре судна сошлись вмѣстѣ, на фрегатѣ «Александръ Невскій»

взвился на гротъ-стеньгѣ вице-адмиральскій флагъ и одновременно сигналъ: «вскрыть секретный пакетъ и прочитатъ приказъ командира эскадры». На всѣхъ судахъ были вызваны команды и офицеры наверхъ, и командирами судовъ были прочитаны приказъ, въ которомъ было изложено, что, въ виду слагающихся обстоятельствъ войны съ Англiей и Францiей, государь императоръ повелѣлъ составить эскадру изъ семи судовъ, вывести ее на свободу океана въ цѣляхъ вредить интересамъ тѣхъ державъ захватомъ ихъ судовъ торговаго флота, предоставляя выборъ базы для эскадры у береговъ Америки по усмотрѣнiю командира эскадры.

Приказъ адмирала оканчивался тѣмъ, что повелѣнiемъ государя эскадра объявляется на военномъ положенiи, съ постоянною готовностью орудiй вступить въ бой съ непрiтелемъ, который, въ свою очередь, не преминетъ выслать свои эскадры въ погоню за нашею. Приказъ былъ изложенъ очень красиво и внушительно, заканчивался призывомъ офицеровъ и командъ эскадры оправдать возложенное императоромъ на адмирала высочайшее порученiе. Нашъ командиръ своимъ тонкимъ и пронзительнымъ голосомъ поздравилъ офицеровъ и команду, вступившихъ на военное положенiе, и закончилъ словами:

— Постараемся, господа офицеры, и, вы, братцы, выполнить волю государя императора!

Дружный и громкiй отвѣтъ команды: «постараемся, ваше высокоблагородiе», слился въ долгое неумолкаемое «ура!»

Погода была тихая, съ небольшимъ вѣтромъ, слышно было, какъ и на другихъ судахъ кричали «ура!» На фрегатѣ «Александръ Невскiй» былъ поднятъ сигналъ: «вступить подъ паруса», и былъ данъ курсъ. Впоследствии мы узнали, что одинъ изъ англiйскихъ лоцмановъ видѣлъ нашу эскадру, проходившую Сѣвернымъ каналомъ, и этого было достаточно, чтобы Англiя и Францiя не медля выслали велѣдъ за нами свои эскадры въ погоню.

Нѣсколько дней эскадра шла при благопрiятной погодѣ на западъ. На салингахъ всѣхъ судовъ держались постоянные часовые, наблюдавшiе за горизонтомъ. Часто днемъ, а въ особенности ночью подавались сигналы: «вижу по такому румбу судно» или «вижу огни по такому румбу». Не разъ вызывались командоры къ орудiямъ, но кажущееся исчезало, боевое напряженiе успокаивалось, а затѣмъ, попривыкнувъ, уже не придавали особаго значенiя появившимся огнямъ, да и съ каждымъ днемъ удаленiя отъ Европы суда рѣже и рѣже попадались на нашемъ горизонтѣ.

Въ одинъ изъ дней подъ вечеръ я стоялъ на вахтѣ, вѣтеръ былъ тихiй, переменный, по горизонту временами заволакивало и ходилъ туманъ. На флагманскомъ фрегатѣ былъ поднятъ сигналъ: «вступить подъ пары, держать...» Туманъ сразу густо налетѣлъ и не далъ возможности разобрать указываемый курсъ. Спустя нѣсколько часовъ, когда туманъ разсѣялся и когда разсвѣло, мы уви-

дѣли себя на далекомъ разстояніи отъ «Александра Невскаго», корветовъ же видно не было. Съ этого дня эскадра потеряла свой строй. Сойдясь съ «Александромъ Невскимъ», мы снова вступили подъ паруса и уже не разставались съ нимъ до самыхъ береговъ Сѣверной Америки, несмотря на штормы и ураганы, которыхъ въ теченіе 61 дня нашего перехода было много. Корветы «Варягъ» и «Витязь», благодаря случайности державшіеся по своимъ соображеніямъ на Нью-Йоркъ, увидѣли другъ друга и съ осторожностью, не поднимая флага, сблизились съ наведенными орудіями, принимая видимое судно за судно непріятеля, благодаря тому, что одинъ изъ нихъ маскировалъ себя спущеннымъ верхнимъ рангоутомъ, пока не узнали другъ друга. Младшій изъ командировъ съѣхалъ на шлюпкѣ на корветъ старшаго по службѣ и лично обсудили дальнѣйшее слѣдованіе, послѣ чего шли совместно до самаго Нью-Йорка, придя позднѣ насъ на два или три дня. Клипера же «Алмазь» и «Бѣмчугъ» каждый порознь прибыли много позднѣ.

Мы имѣли полный запасъ угля для машинъ при выходѣ изъ Кронштадта только на девять дней, половина его до выхода въ океанъ была уже израсходована, а потому адмиралъ на случай боя у береговъ Америки, предпочитая имѣть бой подъ парами, рѣшилъ уголь беречь, вслѣдствіе чего весь переходъ былъ сдѣланъ подъ парусами, чрезмѣрно продолжительный при тяжелыхъ условіяхъ отсутствія свѣжей провизіи, что вмѣстѣ съ утомленностью командъ въ борьбѣ съ штормами, погодами и ураганами, а также и постоянными боевыми ученіями подорвало силу людей. За два мѣсяца нашего перехода война могла состояться, могла и окончиться, и мы, отрѣзанные отъ міра въ необъятной дали океана ничего не знали, а потому адмиралъ останавливалъ встрѣчныя суда, преимущественно парусныя, которыхъ въ это время было очень мало, и требовалъ отъ нихъ сигналомъ свѣдѣній, откуда идетъ, сколько дней, какъ вышелъ изъ порта, объявлена ли война, и мы жадно всматривались въ отвѣтные флаги международныхъ сигналовъ, ожидая отвѣта: «Изъ Вашингтона, 20 дней, война...»—и сердце наше сжималось,—«еще...», и мы догадываемся, что она еще не объявлена. Догадка подтверждалась, но такая запоздалая двадцатидневная новость насъ не удовлетворяла.

Черные сухари были всѣ червивые; постучишь сухаремъ объ столъ и посыплются мелкіе червячки, а разлочишь сухарь и царекъ вылѣзетъ. Сначала было противно ѣсть, потомъ попривыкли. Запасъ солонины оказался почти весь испорченнымъ, строгая браковка не могла быть допущена, такъ какъ могло не хватить провизіи. Спустя 20 дней по выходѣ изъ Кронштадта появилась цынга, прогрессивно увеличивавшаяся. Въ помощь лазарету пришлое часть палубной батареи отдѣлить сукномъ для цынготныхъ. Изъ 500 человѣкъ команды заболѣло цынгою 85 человѣкъ. Жаль было смотрѣть на сильныхъ людей съ опухшими лицами, сведенными руками и но-

гами, нарываами по тѣлу, лишившихся возможности говорить отъ нагноенія въ полости рта и десенъ. Состояніе духа команды упало. Командиръ, полагая, что, развлекая различными ученіями и даже играми въ хорошую погоду, можно бороться съ упадкомъ духа, особенно налегъ на нихъ; но этимъ только болѣе обезсилилъ команду, которая и безъ того при суровости штормовыхъ погодъ несла тяжелыя работы. Когда же люди начали умирать отъ цынги и приходилось выбрасывать въ море мертвыхъ по одному, а былъ случай и двухъ сразу, команда окончательно упала духомъ, а тутъ какъ нарочно фрегатъ попалъ въ ураганъ, потребовавшій послѣднихъ напряженій силъ команды. Да, это были тяжелые дни нашего похода. Каждый день командиръ сигналомъ докладывалъ адмиралу о состояніи больныхъ цынгою, съ своей стороны, «Александръ Невскій», на которомъ также открылась цынга, сообщалъ намъ свѣдѣнія о количествѣ своихъ больныхъ, которыхъ у него было во много разъ менѣе, чѣмъ у насъ.

Бывали и тихіе дни, фрегатъ шелъ при ясномъ небѣ подъ полными парусами, въ такіе дни, бывало, слышались на бакѣ нѣсни или смѣхъ отъ сказочниковъ или прибаутниковъ, теперь же на фрегатѣ царило мертвое молчаніе и сдавленное гаданіе, кто будетъ слѣдующей жертвой. Въ особенности поддавались этой болѣзни люди, не знавшіе мастерства и грамоты. Тотъ, кто работалъ, читалъ и находилъ себѣ какое-либо занятіе, въ цынгу не впадалъ. Изъ числа офицеровъ и гардемаринъ никто не заболѣлъ цынгою, а ѣли ту же солонину, тѣ же сухари. Разница была въ томъ, что мы имѣли чай, команда же его не имѣла.

Вскрывая боченокъ солонины, судовой врачъ опредѣлялъ степень годности ея, но такъ какъ весь запасъ былъ недоброкачественный, то врачу оставалось опредѣлять степень ея вредности. Помню, какъ въ одинъ изъ дней, когда вскрытый боченокъ распространилъ гнилостный запахъ, команда отказалась ѣсть солонину, хотя врачъ и призналъ ее не вредною для ѣды, просила вмѣсто солонины дать гороху, единственный неиспорченный продуктъ, поддерживавшій силы людей. Но горохъ уже былъ на исходѣ, а потому старшій офицеръ увѣщевалъ команду покориться необходимости ѣсть солонину.

— Но вѣдь она протухлая, ваше высокоблагородіе!—говорили ему матросы:—не помирать же всѣмъ изъ-за солонины, не мало нашего брата уже выброшено изъ-за нея за бортъ.

— Но нельзя же, братцы, и голодать, да и докторъ нашель, что она годная для ѣды.

— Пушай же, ваше высокоблагородіе, докторъ при насъ самъ пожуеетъ ее и проглотитъ, тогда и мы согласны ее ѣсть,—отвѣчали матросы.

Зовутъ дежурнаго врача, оба они были нѣмцы. Нечего дѣлать, докторъ беретъ малenkій кусокъ сырой вонючей солонины, съ тру-

домъ пережевываетъ, команда съ улыбкою слѣдитъ за нимъ и, когда докторъ проглатываетъ, команда покоряется.

Въ обыкновенныхъ плаваніяхъ команда была всегда довольна, когда офицеръ, подойдя во время обѣда къ баку любой артели, желалъ попробовать нѣсколько ложекъ борща или гороха; лица матросовъ всегда выражали удовольствіе, рады были, что офицеръ не брезгаетъ поѣсть съ ними вмѣстѣ. Въ этомъ же тяжеломъ плаваніи, когда офицеры, не имѣя своего гороха, подходили подъ видомъ пробы присоединиться къ одному изъ баковъ, отказа, конечно, не получали, но лица ихъ уже смотрѣли далеко не пріятливо на непрощеннаго гостя.

Въ тихіе солнечные дни для вывѣтриванія сухую провизію и сухари выносили на шкапцы и разсыпали по пастланной чистой парусниѣ. Всѣ крупы были усѣяны червями, одинъ горохъ оставался не подавшимся порчѣ, служа здоровой пищей, а потому понятно, какъ имъ дорожили матросы.

Что такое ураганъ въ океанѣ, люди, незнакомые вообще съ моремъ и даже знакомые съ бурями, не могутъ себѣ представить, какъ равно не понятно имъ, что испытываетъ парусный корабль въ океанской борьбѣ съ ураганомъ, постоянно измѣняющими направленіе вѣтрами, требующими зоркаго и опытнаго за ними вниманія командира, отъ малѣйшаго упущенія котораго кораблю грозитъ потерять не только паруса, но и рангоутъ (реи и мачты). Высшій видъ корабля со спущеннымъ верхнимъ рангоутомъ, съ наглухо зарифленными марсеями, а подчасъ и подъ однимъ штормовымъ фокомъ и стакселемъ, имѣетъ видъ немощности, измѣняется и внутренняя его жизнь. Нижняя батарея съ задраенными портами, имѣющими назначеніе амбразуръ для орудій, черезъ которыя въ тихія погоды проникаетъ свѣтъ и воздухъ, теперь въ полумракѣ, съ незначительнымъ свѣтомъ, проникающимъ черезъ выходные люки, дѣлаетъ корабль сумрачно-тяжелымъ. Орудія, прихваченныя къ борту, съ приподнятыми дулами, дѣлаются похожими на живыя существа, способныя сорваться и нанести вредъ, около нихъ постоянно ходятъ артиллерійскіе кондукторы съ отряженными людьми, провѣряющіе набившіеся пайтовы. При кренѣ, доходящемъ съ размахами качки до 40° наклоненія корабля въ ту и другую сторону, весьма важно, чтобы всѣ предметы, а въ особенности орудія были на кораблѣ неподвижны, иначе корабль можетъ потерять свою устойчивость и перевернуться.

Въ первый ураганъ фрегатъ съ вечера уже вошелъ въ его спираль. Брамъ-стенги были спущены, стеньги приспущены, фрегатъ шелъ правымъ галсомъ подъ двумя зарифленными марсеями и стакселемъ. Въ полночь была моя очередь вступить на гардемариинскую вахту къ путевому компасу. Фрегатъ бросало изъ стороны въ сторону, онъ скрипѣлъ, по временамъ дрожалъ отъ сильнаго удара

встрѣчной волны. Я съ трудомъ одѣлся и еще съ большимъ трудомъ, временами на четверенькахъ, пробирался между подвѣсными раскачивавшимся койками къ выходу на верхнюю палубу. Неожиданно раздавшійся выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, фрегатъ отчаянно положило на лѣвую сторону, меня бросило къ борту, орудія заскрипѣли въ своихъ пайтовахъ. Изъ подвѣсныхъ коекъ полудремавшихъ матросовъ послышались возгласы:

— Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!

«Неужели выстрѣлы означаютъ гибельное положеніе фрегата?» спрашивалъ я себя со страхомъ.

Послышались вахтенныя дудки, вызывавшія кого-то наверхъ, изъ коекъ выскакивали матросы. Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и какъ только сталъ подниматься къ выходному люку, меня оглушилъ ревъ завывающаго вѣтра по снастямъ, а на бакѣ продолжали слышаться мелкіе выстрѣлы: когда же я совсѣмъ вышелъ на верхнюю палубу, то ослѣбѣлъ отъ ужаса шедшаго на насъ съ правой стороны широчайшаго и огромнѣйшаго вала, вершина котораго, освѣщенная фосфорическимъ свѣтомъ на фонѣ сѣраго неба, грозно шипѣла, какъ бы предупреждая насъ, желаніемъ вотъ-вотъ закрыть всею своею тяжестью. Имѣя только одинъ зарифленый «формарсель» и «гротъ-стакель», фрегатъ, зарвавшись носомъ, лежалъ у подошвы гиганта вала, высотой выше нашего рангоута, и у меня не было сомнѣній, что онъ закроетъ насъ навѣки. Сквозь страшный ревъ вѣтра до моего уха проникъ пронзительный звонкій голосъ Конытова, командовавшаго «лѣво-на-бортъ», и отвѣтъ старшаго рулевого «естъ!—лѣво-на-бортъ» дать мнѣ, оробѣвшему молодому моряку, лучъ надежды, что не все еще потеряно, что борьба со стихіею продолжается. Фрегатъ вздрогнулъ, взялъ на себя часть воды, затрясся и сразу поднялся на гребень великана вала и вслѣдъ за тѣмъ стремительно носомъ и всѣмъ лѣвымъ бортомъ снова какъ бы безпомощно упалъ въ бездну къ подножію слѣдующаго такого же набѣгавшаго развирѣлѣвшаго свѣтящагося вала великана. Взятая на себя часть волны бѣшено расходилась по палубѣ, грозя смѣть зазѣвавшихся. Все это было дѣломъ одной минуты, казавшейся тяжелымъ часомъ. Мимо меня проползъ вахтенный боцманъ, старавшійся перекричать адское завываніе вѣтра, докладывая старшему офицеру, что вырвало штормовой «стаксель», и для меня стало яснымъ, что слышанные выстрѣлы были не орудійныя, а могучее хлопанье вырванной штормовой парусины изъ шкаторинъ стакселя. Убрать такой парусъ чрезвычайно трудно и опасно, такъ какъ трещащими полотнищами можетъ если не убитъ, то изувѣчить людей. Послѣ я узналъ, что многіе изъ команды эту тяжелую минуту сочли за гибель фрегата, надѣли бѣлыя рубахи и пытались выйти на верхнюю палубу принять, какъ имъ казалось, свой послѣдній часъ, но энергіею старшаго офицера и стро-

гимъ приказомъ его вернуться по своимъ мѣстамъ оробѣвшіе были возвращены въ свои койки.

Взобравшись на вахтенный мостикъ и смѣнивъ своего мокраго товарища, стоявшаго у компаса, я чувствовалъ, какъ ноги мои дрожать отъ переносимаго страшнаго впечатлѣнія отъ адскаго рева вѣтра и непрестанно наступающихъ разъяренныхъ великановъ валовъ, отъ которыхъ фрегатъ стоналъ, перебрасываясь отъ одной къ другой на менѣе ужасающей волнѣ. Описанная выше минута повторялась безчисленное число разъ, и я сталъ понемногу свыкаться. Бравый голосъ Копытова, часто спрашивавшаго, «какъ на рубѣ», его командованіе рулевымъ «право» или «лѣво»—дѣйствовали на меня успокоительно. Вѣтеръ постепенно измѣнялся, то и дѣло вахтенный офицеръ командовалъ «форъ-марса-брасъ на лѣвую», то «на правую». Фрегатъ «Александръ Невскій» все время держался отдаленно съ правой стороны и часто переговаривался ночными сигналами.

Чѣмъ ближе къ центру урагана, тѣмъ чаще получается измѣненіе направленія вѣтра, тѣмъ труднѣе управлять паруснымъ судномъ, тѣмъ опаснѣе становится положеніе корабля. Все это я зналъ теоретически и потому изнемогалъ отъ невѣдѣнія и страшно интересовался, когда старшій штурманъ, взявъ у меня справку за часъ моей вахты курса по компасу и измѣненія въ направленіяхъ вѣтра, спустился вмѣстѣ съ командиромъ въ каюту для опредѣленія центра урагана. Когда штурманъ вернулся и сообщилъ мнѣ, что идемъ хорошо и должны къ утру выйти изъ урагана, у меня отлегло на душѣ, а продолжавшійся ревъ урагана и его разъяренныя волны представлялись мнѣ уже менѣе опасными, хотя бѣдный фрегатъ, казалось, изнемогалъ отъ усилій всплывать и перекидываться на одолевавшія его волны. Чтобы заводить помощь «брасамъ» или «штыкъ-бутамъ», посылать человѣка на носъ-рею, приходилось сначала совѣтоваться съ боцманомъ, какого матроса послать на такое отважное дѣло, и выбранный шелъ не по командѣ, а помолясь и осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Борьба со стихією, когда команда истощена отъ недостатка провизіи и треть ея уже въ цингѣ, дѣлала положеніе командира и офицеровъ фрегата тягостнымъ, но, несмотря на угнетенное состояніе духа команды, фрегату пришлось выдержать на пути еще одинъ такой же ураганъ и рядъ штормовыхъ погодъ.

Простоявъ четырехчасовую вахту, весь мокрый, утомленный нервно и физически отъ напряженія удерживаться на ногахъ при адской качкѣ, я несказанно обрадовался, когда пробило восемь склянокъ и около меня появился смѣняющій меня товарищъ. Когда свѣтъ лампы отъ компаса освѣтилъ его лицо, я прочиталъ на немъ то же чувство ужаса, которое испытывалъ и я, когда четыре часа тому назадъ самъ вступалъ на вахту. Онъ просилъ меня не уходить, пока не присмотрится. Глаза его не отрывались отъ враждебно съ навѣтренной стороны надвигающихся великановъ валовъ.

Команда на «Пересвѣтѣ» была преимущественно Архангельской губерніи, народъ крупный и добронравный, и, надо отдать справедливость, она вынесла этотъ тяжелый походъ съ полною покорностью, не щадя своихъ силъ.

Наконецъ на 61-й день мы отдали якорь при входѣ въ Гудзонъ въ чертѣ карантинна и немедленно послали катера за провизіей. Катеръ съ нашего фрегата отошелъ подъ моимъ управленіемъ. Боже! Какая была радость послѣ продолжительнаго плаванія ступить ногою на материкъ! Пристали мы къ берегу какого-то отдаленнаго небогатаго поселка, названія котораго не помню; въ немъ, однако, нашлась таверна, не особенно опрятная, но зато намъ предложили бифштексъ и пиво, на которое мы набросились съ жадностью дикарей, восторгаясь вкусомъ свѣжаго, кровяного мяса и свѣжестью хлѣба, съ отвращеніемъ вспоминая надоѣвшую намъ солонину и сухари. Результатомъ нашего неблагоразумнаго, несдержаннаго аппетита было то, что мы по возвращеніи на фрегатъ нѣсколько дней отчаянно страдали болями въ желудкѣ.

По полученіи свѣдѣній, что война еще не объявлена, больныхъ цынгою было дозволено свезти на отдѣльный небольшой островъ, гдѣ былъ устроенъ для нихъ походный лазаретъ, а оба фрегата занялись дезинфекціей и полной чисткой.

Свѣжая вода и провизія, а въ особенности зелень быстро освѣжили здоровье команды, и черезъ недѣлю люди чувствовали себя бодрыми и веселыми, но впавшіе въ цынгу поправлялись медленно, и многіе изъ нихъ надолго лишились возможности свободно владѣть руками и ногами.

Когда прибыли корветы «Варягъ» и «Витязь», клипера «Алмазь» и «Жемчугъ», а изъ Средиземнаго моря фрегатъ «Ослябя», эскадра, приведенная въ полный порядокъ, подошла къ Нью-Йорку, а въ скоромъ времени прибыли туда же эскадры Франціи и Англіи, имѣвшія задачу не упускать нашу эскадру изъ виду.

Высылкою нашей эскадры Россія достигла своей цѣли, заставивъ Францію и Англію призадуматься въ объявленіи намъ войны. Сѣверные же американцы приходъ нашъ объяснили по-своему. Въ то время затянувшаяся война Сѣверныхъ и Южныхъ штатовъ изъ-за невольниковъ шла ожесточенная, и Сѣверные штаты высылали на театръ войны свои послѣднія силы. Потери были такъ велики, что изъ всего народонаселенія Сѣверныхъ штатовъ оставался одинъ мужчина на девять женщинъ. Наборъ охотниковъ на войну производился правдою и неправдою, въ число ихъ попали и нѣкоторые изъ нашихъ загулявшихъ на берегу матросовъ, отрезвившихся уже въ строю американскихъ войскъ. Къ сожалѣнію, обнаружилось и дезертирство съ нашей эскадры матросовъ-поляковъ, вынудившее адмирала отдать приказъ по эскадрѣ, что таковыхъ по поимкѣ онъ будетъ вѣшать на нокъ-реѣ.

Приказъ этотъ произвелъ надлежащее впечатлѣнiе. Первый пойманный былъ присужденъ къ повѣщенiю. Петля была уже наложена на его шею, но послѣдовало помилованiе адмирала, и дезертирство прекратилось. Слѣдствiемъ приказа адмирала были потери и хорошихъ матросовъ. Команда спускалась на берегъ не иначе, какъ съ строгимъ условiемъ держаться по два-три человѣка вмѣстѣ, съ отвѣтственностью за отсталого товарища, тѣмъ не менѣе увлекавшiеся спиртными напѣтками все-таки теряли товарища. Мнѣ было очень жаль одного изъ нихъ, унтеръ-офицера (хохоль), навѣки потерявшаго семью и отечество. Сильно опьянѣвъ, онъ отрезвился только на другой день вечеромъ. По разсказамъ его земляковъ, видѣвшихъ его впоследствии на берегу, онъ на утро подходилъ къ берегу, гдѣ приставали наши катера, высылавшiеся ежедневно за провизiей, и долго боролся, что ему выбрать: быть повѣшеннымъ или навсегда остаться въ Америкѣ, и онъ, оставившiй въ Кронштадтѣ жену и ребенка, выбралъ послѣднее и рыдать, обнимая встрѣчавшихся земляковъ и товарищей, прощаясь съ ними навѣки.

Вербовщики волонтеровъ, преимущественно евреи, получавшiе отъ правительства крупное вознагражденiе, дѣйствовали самымъ подлымъ образомъ. Захваты нашихъ матросовъ совершались большей частью въ публичныхъ домахъ. Избравъ опьяненную жертву, они увозили его съ избранною имъ женщиной въ свой притонъ и продѣлывали съ нимъ комедiю, предлагая ему 150 долларовъ золотомъ, и, если онъ былъ холостъ, говорили, что по закону страны идущiй на войну долженъ непременно жениться, заставляли его подписать контрактъ добровольнаго соглашенiя вступить въ ряды войскъ. Простякъ увлекался золотомъ, едва вмѣщавшимся въ его пригоршнѣ, и его, отуманеннаго золотомъ и коньякомъ, увозили пьянаго, требуя возврата произведенныхъ ими расходовъ; за свадьбу, выпитое вино и угощенiе, путевыя издержки и крупныя въ свою пользу комиссiонныя, и въ результатѣ у очутившагося на театрѣ войны изъ 150 долларовъ оставалось 10. Помиллованный адмираломъ не пыталъ все это на себѣ, участвовалъ въ бою и затѣмъ возвратился на эскадру, не смущаясь приказомъ адмирала, принесъ повинную, что все случившееся съ нимъ было какъ сонъ, а не сознательная измѣна своему долгу.

Жители Нью-Йорка, къ немалому нашему удивленiю и смущенiю, приходъ нашъ объяснили, что Россiя прислала свою эскадру въ помощь имъ, сѣвернымъ американцамъ, противъ южанъ Гуляя въ городѣ, мы, молодежь, были въ затрудненiи отвѣчать словоохотливымъ сѣверянамъ на ихъ вопросы, дѣйствительно ли эскадра прибыла имъ на помощь. Спросивъ чрезъ своихъ командировъ адмирала, какъ намъ въ этомъ случаѣ отвѣчать, получили наставленiе не разочаровывать ихъ въ составившемся у нихъ убѣжденiи, не отвергать и не подтверждать ихъ заблужденiя. Дать отчетъ, почему и

какія основанія послужили американцамъ для проявленія къ намъ, русскимъ, чувствъ дружбы, никто не могъ, но она зародилась и окрѣпла въ своей искренности. Чуть ли не каждый встрѣчавшійся на улицѣ янки считалъ необходимымъ остановить насъ, поднять правую руку и назвать ее «Russia», затѣмъ, поднимя лѣвую, назвать ее «America», соединить ладони рукъ хлопкомъ, потрясти ихъ для вящей крѣпости создавшейся симпатіи, и, довольный выразительностью своего заявленія, янка раскланивался и исчезалъ.

Какъ высшій правительственный персоналъ, такъ и администрація города съ многочисленными ея корпораціями дали намъ рядъ парадныхъ обѣдовъ съ обиліемъ шампанскаго и рѣчей на тему отзывчивости русскихъ къ тяжело переживаемому ими времени. Наконецъ увлеченіе возросло до того, что когда была устроена въ городѣ пышная церемонія съ прохожденіемъ войскъ, то передъ нашимъ адмираломъ преклоняли знамена. Послѣ перваго парада былъ данъ роскошный обѣдъ, и когда собравшійся народъ потребовалъ, чтобы нашъ адмиралъ показался имъ на балконѣ, Лесовскій, прекрасно владѣвшій англійскимъ языкомъ и ораторскою способностью, выйдя къ народу, встрѣченный оглушительнымъ привѣтственнымъ «ура», произнесъ неподобно горячую рѣчь, благодаря ихъ за радушный пріемъ насъ, русскихъ. Съ этого дня Лесовскій для американцевъ сталъ популярною личностью.

Насъ возили повсюду. Возили въ Филадельфію, Вашингтонъ, Бостонъ, Балтимору и даже на Ніагарскій водопадъ на спеціальныхъ поѣздахъ, украшенныхъ цвѣтами и флагами, предоставляя намъ въ пути пользоваться безвозмездно гостиницами и продовольствіемъ. Начались съ нами до утомленія. Ничего подобнаго со стороны американцевъ не было проявлено къ прибывшимъ вельфъ за нами эскадрамъ Франціи и Англии. Въ отношеніи ихъ была соблюдена лишь форма официальной вѣжливости, и только.

Отвѣтомъ на американскій пріемъ было нѣсколько блестящихъ обѣдовъ, данныхъ адмираломъ на фрегатѣ «Александръ Невскій», и на послѣднемъ изъ нихъ роль хозяйки играла прибывшая изъ Россіи жена адмирала. Къ сожалѣнію, она была некрасивая, толстая старушка, лишенная представительности, не позволявшая американцамъ судить о красотѣ русскихъ женщинъ. Видѣть ее декоръте рядомъ съ красивыми американками щемило наше русское самолюбіе, но зато она выручала своею добротой, привѣтливостью и общительностью. Если не ошибаюсь, она была гувернанткой Лесовскаго, который женился на ней, будучи самъ въ преклонныхъ лѣтахъ, изъ чувства благодарной къ ней преданности.

Когда суда нашей эскадры выходили въ океанъ для практической стрѣльбы въ цѣль, одно изъ судовъ враждебныхъ намъ эскадръ, чаще англійское, выходило слѣдомъ наблюдать за нами, а когда адмиралъ составилъ планъ отдѣльныхъ плаваній для нашихъ

судовъ въ практическихъ цѣляхъ вдоль восточнаго берега Америки, для ознакомленія со входами его портовъ, убѣжище на случай войны, вниманіе англійской и французской эскадръ удвоилось. Я помню такой случай: фрегаты «Александръ Невскій» и «Ослябя» вышли въ океанъ, на другой день англійскій корветъ сталъ готовиться также къ выходу. Передъ подъемомъ якоря командиръ его прибылъ на нашъ фрегатъ и любезно предложилъ свои услуги Н. В. Копытову: если онъ имѣеть надобность передать черезъ него что-либо адмиралу Лесовскому, то онъ къ его услугамъ, такъ какъ онъ идетъ туда, гдѣ можетъ встрѣтить оба фрегата. Копытовъ поблагодарилъ хитраго англичанина, отвѣтивъ, что онъ лично не знаетъ, гдѣ находится адмиралъ, и что не имѣеть для него ничего для передачи.

Перенесенная цынга, однако, сильно отразилась на людяхъ, а въ особенности на нашемъ фрегатѣ «Пересвѣтъ», а потому адмиралъ рѣшилъ на зимнее время спуститься съ двумя фрегатами «Александръ Невскій» и «Пересвѣтъ» въ Вестъ-Индію, гдѣ подъ солнцемъ юга рассчитывалъ на поправленіе здоровья командъ. Фрегатъ нашъ посѣтилъ форты: Гаванну, Сіень-Фуэгось и С.-Яго-де-Куба. Въ послѣднемъ въ то время, когда наша команда была спущена на берегъ, вошелъ испанскій коммерческій пароходъ подъ карантиннымъ флагомъ, имѣя у себя больныхъ желтою горячкою, взятыхъ имъ изъ какой-то колоніи для доставленія въ госпиталь. Изъ боязни, какъ говорится, попасть «изъ огня, да въ полымя», то есть отъ цынги, давъ желтую горячку, командиръ рѣшилъ уйти изъ С.-Яго-де-Куба, для чего тотчасъ распорядился выслать катера за сборомъ команды и по сигналу рожка, игравшаго «сборъ», отпущенную гулять команду возвратили на фрегатъ, при чемъ возвращавшимся отъ берега катерамъ было дано распоряженіе испанскій пароходъ обходить съ навітренной стороны. Передъ съемкою якоря былъ посланъ за провизіей катеръ подъ моимъ управленіемъ. На катерѣ отправились: ревизоръ, молодой лейтенантъ Эстляндеръ и содержатель каютъ-компаніи мичманъ Барабанщиковъ. Рядомъ со мной на рулѣ сидѣлъ унтеръ-офицеръ. Приобрѣтя провизію, мы вернулись къ подъему якоря. Не считая гребцовъ, изъ насъ четырехъ, сидѣвшихъ въ катерѣ, трое въ теченіе одной недѣли погибли. На другой день послѣ ухода изъ Сантъ-Яго-де-Куба унтеръ-офицеръ, будучи по расписанію салинговымъ, во время работы сорвался и упалъ на палубу мертвымъ. Спустя нѣсколько дней у мичмана Барабанщикова обнаружилась желтая горячка. Его изолировали изъ каюты въ батарею, гдѣ огородили его подвѣснымъ сукномъ; черезъ двое сутокъ онъ умеръ. Никогда не забуду, какъ въ послѣднюю свою ночь онъ, не давая намъ спать, непрерывно бредилъ, призывая свою мать, чрезмѣрно громкимъ голосомъ, раздававшимся въ кормовой части фрегата, доносившимся до офицерской и гардемаринской каютъ-компаній. Похоронили въ

ближайшемъ портѣ Барабанщикова, — тотчасъ же впади въ горячку красавецъ-лейтенантъ Эстляндеръ и нѣсколько человѣкъ команды. Наши врачи, незнакомые съ приемами леченія этой злокачественной болѣзни, просили командира зайти въ одинъ изъ лежащихъ на пути островныхъ портовъ, имѣющихъ госпиталь, сдать на леченіе лейтенанта Эстляндера и вмѣстѣ съ тѣмъ посоветоваться съ мѣстными врачами, почти постоянно борющимися съ желтой горячкой. Фрегатъ подошелъ къ острову англійскаго владѣнія, къ порту, названія котораго не помню. Насъ посѣтили врачи, преподали совѣтъ, Эстляндера увезли къ себѣ въ бреду, и фрегатъ снова вышелъ въ море. Впослѣдствіи мы узнали, что Эстляндеръ также сдѣлался жертвой безпощадной желтой горячки.

Продолжая идти къ сѣверу вдоль восточнаго берега, почувствовалъ и я недомоганіе съ повышенной температурою. Старшій врачъ помѣстилъ меня въ освободившуюся каюту умершаго мичмана Барабанщикова. Правда, каюта была тщательно дезинфицирована, но для меня, чрезвычайно мнительнаго, этого было достаточно, чтобы считать себя на очереди погибнуть также отъ желтой горячки, и, лежа въ каютѣ, я вспоминалъ, что изъ четверыхъ, посланныхъ въ Сантъ-Яго-де-Куба на катерѣ за провизіею, трое изъ насъ, унтеръ-офицеръ, Барабанщиковъ и Эстляндеръ, уже мертвы, что, несомнѣнно, за ними наступила очередь моя. Волновался я ужасно, но, благодаря Богу, болѣзнь моя оказалась обыкновенной простудою съ выступомъ тропическаго сыпи, отъ которой меня спасли теплыми ваннами, отъ которыхъ я сильно ослабѣлъ. Самочувствіе было отвратительное при полной подавленности духа. Возвратясь въ Нью-Йоркъ, меня помѣстили въ городскую госпиталь, гдѣ находилось немало больныхъ съ нашей эскадры, помѣщенныхъ въ отдѣльный домъ, стоявшій въ госпитальномъ саду. Часть дома съ большими комнатами была отдѣлена для нижнихъ чиновъ, другая, состоящая изъ отдѣльныхъ комнатъ во второмъ этажѣ, — для офицеровъ.

Въ числѣ больныхъ былъ и іеромонахъ съ фрегата «Александръ Невскій» отецъ Несторъ (бывшій офицеръ флота лейтенантъ Зассъ), пользовавшійся глубокимъ уваженіемъ и любовью всей эскадры отъ адмирала до послѣдняго матроса. Впослѣдствіи онъ былъ возведенъ въ санъ епископа и, если не ошибаюсь, утонулъ въ Сантъ-Франциско, гдѣ находилось его епископство.

Я продолжалъ худѣть, потерялъ сонъ и аппетитъ. Симпатичные врачи госпиталя прилагали всѣ силы своего знанія, выслушивали и выстукивали, находили меня малокровнымъ, но ничего серьезнаго, болѣзненнаго въ моемъ организмѣ не находили и въ концѣ концовъ пришли къ убѣжденію, что мое угнетенное состояніе духа выражаетъ тоску по родинѣ, рекомендовали возвратиться въ Россію. Вспоминая теперь мое тогда непріятное самочувствіе, я объясняю его слѣдствіемъ тяжелаго похода и ряда такихъ же обстоятельствъ,

смѣявшихся одно за другимъ и повліявшихъ на мою впечатлительную натуру. Помнится мнѣ, что часто мысль останавливалась на желаніи посвятить себя служенію Богу, итти въ монашество по примѣру отца Нестора, но этотъ умный, душевный человѣкъ убѣждалъ меня не поддаваться такому рѣшенію, говоря, что, оставаясь въ мірѣ, можно быть не менѣе угоднымъ Богу, и на вопросъ мой, развѣ онъ раскаивается въ своей монашеской судьбѣ, отецъ Несторъ торопливо и горячо отвѣчалъ, что онъ вполне удовлетворенъ своею жизнью и если грѣшить передъ Богомъ, то въ томъ, что стремится къ монастырской жизни, а между тѣмъ ему послано испытаніе все-таки служить въ морѣ, отъ котораго онъ уходилъ.

— Тебѣ же, — прибавлялъ онъ, — запрещаю думать итти въ монашество, такъ какъ считаю тебя слабымъ по духу и непригоднымъ къ тяжелой монашеской жизни.

Часто вспоминаю я и теперь милыхъ врачей госпиталя, принимавшихъ во мнѣ сердечное участіе. Благодарность моя къ нимъ доказывается тѣмъ, что и черезъ 50 лѣтъ я помню ихъ фамиліи, старшаго врача—Вудруфъ, второго — Вильсоуъ и третьяго—Джонсоуъ. Первый изъ нихъ, чтобы развлечь меня, познакомилъ меня съ своею семьей, приглашалъ къ себѣ, возилъ въ театръ, но все его попытки не достигли цѣли. Къ довершенію ослабленія моихъ нервовъ, одинъ изъ матросовъ нашего фрегата (сигнальщикъ), чухонецъ, стоявшій со мною въ вахтѣ, отъ вліянія солнечныхъ тропическихъ лучей сошелъ съ ума и выбралъ меня жертвой своихъ преслѣдованій. Онъ всюду видѣлъ меня. Странности его проявлялись еще при возвращеніи изъ Вестъ-Индіи, когда онъ, стоя на вахтѣ, разсматривая проходившее неподалеку отъ насъ парусное судно въ подзорную трубу, не отрывая отъ нея глаза, сказалъ:

— И Чайкошка тамъ сидитъ.

Мнѣ сообщили объ этомъ, и какъ я ни мужался, однако боялся на фрегатѣ встрѣчаться съ нимъ, видѣть его хитрую улыбку и острый взглядъ его глазъ. Въ нормальномъ состояніи это былъ толстый рыжій человѣкъ, очень добронравный и покорный, но, впадъ въ помѣшательство, сдѣлался ко всему подозрителенъ, выраженіе лица его какъ бы говорило: «меня не проведешь, теперь я все понимаю». Представьте мой ужасъ, когда я узналъ, что его помѣстили къ намъ въ госпиталь. Возвращаясь какъ-то вечеромъ изъ предписанной мнѣ врачомъ передъ сномъ прогулки, и изъ-за дерева, подъ которымъ, видимо, сумасшедшій поджидалъ моего возвращенія, онъ бросился на меня, сталъ топотать ногами, приговаривая съ злобнымъ смѣхомъ: «ага, возвратился», и проводилъ меня до входа въ нашъ домъ. Я не имѣлъ силъ убѣжать отъ него, ноги мои отъ страха подкашивались, и я уже терялъ надежду добраться до своей комнаты во второмъ этажѣ, но случайно два вышедшіе матроса выручили меня изъ затрудненія: сумасшедшаго увели въ палату, а меня донесли до моей комнаты и

разказали, что въ отсутствіе мое сумасшедшій все время ходилъ по саду и, слушая бой башенныхъ часовъ сосѣдней церкви, говорилъ:

— Это Чайкошка самъ звѣнать.

Вернувшись въ свою комнату, которую я занималъ вмѣстѣ съ товарищемъ Чихачевымъ, я поспѣшилъ лечь въ постель и разказать о происшедшемъ. Страдая безсонницей, я набрелъ на мысль, что сумасшедшій можетъ проникнуть въ нашу комнату, никогда не затворяющуюся, и убить меня. Пробыло полночь, я рѣшилъ наконецъ затворить дверь на ключъ, дверь была двухстворчатая и мнѣ не подъ силу было поставить первую половину на задвижку, шумомъ своимъ я разбудилъ Чихачева, просилъ его помочь мнѣ, онъ долго подсмѣивался надъ моею трусостью, наконецъ дверь общими усиліями была затворена, и ключъ съ трудомъ повернуть въ замкѣ. Мы улеглись по кроватямъ, и все затихло. Чихачевъ захрапѣлъ, а я продолжалъ не спать и прислушивался. Послышался стукъ ручки въ дверяхъ, я приподнялся и при слабомъ свѣтѣ починка увидѣлъ, что ручка въ дверяхъ шевелится. Мигомъ я понялъ, что сумасшедшій пытается отворить дверь. Я шопотомъ разбудилъ Чихачева, и когда тотъ понялъ, что моя догадка оказалась справедливою, подбѣжалъ къ двери и, упираясь ногами въ полъ и спиною въ дверь, которая подъ нажимомъ сумасшедшаго поддавалась уже къ раствору, просилъ меня помочь, такъ какъ дверь уже качалась подъ напоромъ сильнаго чухонца. Я присоединился къ Чихачеву, но силы мои были незначительны. За дверью послышался шумъ, кто-то шлепнулся на полъ, и голоса матросовъ: «вяжи его», насъ успокоили. Мы отворили дверь и увидѣли сумасшедшаго, лежавшаго на полу, и на немъ сидѣвшихъ матросовъ, сбѣжавшихся изъ палаты. Черезъ нѣсколько минутъ съ помощью служителей госпиталя на него надѣли сумасшедшую рубашку и уложили въ кровать.

Сценку эту я привелъ только для того, чтобы показать, насколько неблагоприятно сложились обстоятельства для успокоенія моего перваго состоянія. Навѣщавшіе меня товарищи, изумлявшіеся моимъ нехудавшимъ видомъ, еще болѣе ослабляли мои надежды на выздоровленіе. Въ одинъ изъ дней, когда эскадра отсутствовала и въ Нью-Йоркѣ прибылъ только «Александръ Невскій» для осмотра въ докѣ гребного винта, мнѣ было необходимо получить по ордеру консульства причитающееся мнѣ жалованье изъ банка. Я съ трудомъ дошелъ до зданія банка и то съ помощью уличной публики, узнавшей во мнѣ больного русскаго, поддерживавшей меня безъ моей просьбы подъ плечи и передававшей меня другимъ слѣдовавшимъ со мною по пути. Получивъ деньги, я утомленный приѣлъ на ступеняхъ подъѣзда и замѣтилъ неподалеку отъ себя толпу людей, разсматривавшихъ красивую сѣрую лошадь, запряженную въ кабріолетъ. На шеѣ лошади, по продѣтому черезъ голову листу картона было написано «For-sailor». Заинтересованный зрѣлищемъ, я противис-

нулся через толпу и увидѣлъ, что, кромѣ лошади и экипажа, продается и удивительной красоты гладкошерстая бѣлая съ черными пятнами собака. Я спросилъ о цѣнѣ ея и, когда мнѣ объявили ее, я сообразилъ, что если куплю, то останусь совсѣмъ безъ денегъ. Благоразуміе взяло верхъ, и я рѣшилъ нанять кэбъ, чтобы съѣздить въ докъ на «Александръ Невскій» для свиданія съ моимъ другомъ Юрьевымъ, служившимъ на немъ.

Пока я ѣхалъ, мысль о приобрѣтеніи видѣнной мною собаки все болѣе и болѣе настойчиво развивалась на почвѣ моего болѣзненнаго настроенія. Я страшно сожалѣлъ, что не купилъ собаки. Встрѣтившій меня Юрьевъ былъ очень обрадованъ моимъ посѣщеніемъ, распорядился приготовить чай, а самъ на время общей работы на фрегатѣ оставилъ меня одного, обѣщая скоро вернуться. Пока вѣтовой готовилъ чай, собака не выходила изъ моей головы. «А что если я сейчасъ же поѣду на ту улицу, гдѣ она продавалась, и куплю ее себѣ», нествязчиво думалось мнѣ. Прошло четверть часа, Юрьевъ не возвращался, я быстро надѣлъ шляпу и, не отдавая себѣ отчета, откуда взялась у меня сила, пользуясь общей работой, незамѣтно сошелъ съ фрегата, нанять кэбъ и поѣхалъ къ намѣченной улицѣ.

Подѣхавъ къ банку, я уже не нашелъ ни лошади, ни собаки. Грустный и ошелаченный неудачею, я пошелъ къ себѣ въ госпиталь, но, переходя одну изъ улицъ, примѣтилъ опять какую-то группу людей; подойдя къ ней, я увидѣлъ только одну собаку, которая болѣзненно влекла меня къ себѣ, лошадь и экипажъ были уже куплены. Протолкавшись въ середину толпы, я еще разъ предложилъ продавцу уступить въ цѣнѣ, но онъ не соглашался. Почувствовавъ, что если не куплю собаки, то мнѣ и свѣтъ не будетъ милъ, я высыпалъ почти всѣ полученныя мною деньги въ банкъ, схватилъ собаку за цѣпъ и повлекъ ее за собою въ госпиталь. Привратникъ, знавшій меня хорошо, пропустилъ меня съ собакою не соглашался, а вызвалъ сначала смотрителя, который, позволивъ временно пропустить собаку въ садъ, въ свою очередь, вызвалъ старшаго врача Вудруфа. Этотъ послѣдній, взглянувъ на мою оживившуюся фізіономію, считаясь съ состояніемъ моего духа, сказалъ мнѣ: «Вы хорошо понимаете, что собакъ допускать къ больнымъ не позволяется, а тѣмъ болѣе содержать ихъ въ госпиталь, но въ виду того, что русскіе имѣютъ отдѣльный домъ, я согласенъ дозволить вамъ держать ее при себѣ, но съ тѣмъ, чтобы вы выводили собаку гулять днемъ черезъ каждые четыре часа и не принуждали госпитальную прислугу убирать за собакой». Съ этого дня выздоровленіе мое пошло быстрымъ темпомъ. Не я водилъ собаку на цѣпи, а она меня, такъ какъ, несомнѣнно, въ первые дни она старалась вернуться къ своему хозяину, и я волей неволей не только ходилъ, но и бѣгалъ за цѣю, тянувшей меня за цѣпъ.

Аппетитъ и сонъ возобновились, а врачи, пользуясь моимъ настроеніемъ, усиленно насыщали меня желѣзомъ и кровяными бифштексамн. Съ чудной этой собакой, которую я назвалъ «Ниагарой», и вернулся въ Россію.

Десятый эпизодъ.

Для объединенія всѣхъ родовъ пѣхотныхъ войскъ, въ томъ числѣ и драгунъ (имѣющихъ пѣшіи строй), въ знаніяхъ строевой службы и стрѣльбы въ шестидесятыхъ годахъ существовалъ въ Ораніенбаумѣ учебный пѣхотный батальонъ, въ который назначались отъ каждаго полка по одному офицеру и солдату на двухгодичный срокъ для изученія строя военного искусства, сборки и разборки шестилинейныхъ винтовокъ того времени, фехтованія, гимнастики, грамоты для нижнихъ чиновъ, а для офицеровъ въ первый годъ практическихъ занятій и на второй—теоретическаго курса военныхъ наукъ, начиная съ рекрутской школы, воинскаго устава, теоріи стрѣльбы, фортификаціи и тактики.

Офицеры выпускались съ званіями инструкторовъ, а нижніе чины образцовыми унтеръ-офицерами.

Батальонъ имѣлъ: три строевыхъ роты отъ пѣхотныхъ войскъ и одну (отъ всѣхъ экипажей флота) морскую, кромѣ того, сборную музыкантскую изъ горнистовъ и барабанищиковъ.

Выстроенный батальонъ представлялъ собою смѣсь всевозможныхъ формъ, съ разною окраскою погоны, кэпи и петличекъ. Въ особенности рѣзко сказывалась нестрота парадной формы первой роты, въ которую входили солдаты лейбъ-гвардіи Павловскаго полка съ своими традиціонными гренадерками и кавказскіе съ своими папахами, выдѣлявшимися на фонѣ песуразныхъ кэпи. Только одна морская рота сохраняла вѣщнее однообразіе.

Командиромъ батальона былъ свиты его величества полковникъ Нотбекъ, отличавшійся талантливостью въ военной педагогикѣ. Подъ его строгимъ руководствомъ съ педантическою дисциплиною получался особый типъ вымуштрованныхъ офицеровъ и солдатъ, проходившихъ опредѣленную программу занятій, которая велась избранными Нотбекомъ кадровыми офицерами. Ближайшій его помощникъ по строевой части былъ очень требовательный полковникъ Лисскій, общій любимецъ солдатъ и матросовъ, восхищавшихся его образнымъ съ ними обращеніемъ, простою, подчасъ нецензурною рѣчью, вызывавшею сочувственную улыбку обучавшихся.

Совершенно неожиданно для меня, мнѣ пришлось служить въ этомъ сухопутномъ батальонѣ два года. Назначеніе это произошло вслѣдствіе того, что въ знакъ особой высочайшей благодарности и благоволенія, данныхъ государемъ при возвращеніи эскадрѣ Лесов-

скаго, выдержавшей тяжелый американскій походъ, морское министерство старалось по возможности дать офицерамъ эскадры назначенія съ усиленными окладами. Въдній численностью, флотъ высылалъ въ заграничныя воды очень незначительное количество судовъ, а потому мнѣ и двумъ моимъ товарищамъ морское министерство предложило назначеніе съ полоторнымъ окладомъ содержанія въ учебный пѣхотный батальонъ для полученія званія инструктора. Назначеніе это и состоялось.

Мы наняли въ Ораніенбаумѣ совмѣстную квартиру въ третьемъ этажѣ деревяннаго дома на Нижней улицѣ, рядомъ съ городскими каменными воротами (существующими и понынѣ), выходящими на петергофскую дорогу. Отецъ мой, въ то время вышедшій въ отставку, поселившійся въ скромной петербургской квартирѣ послѣ обширной директорской квартиры технологическаго института, имѣлъ возможность дать мнѣ часть приличной мебели и обстановку, и мы зажили новою для насъ береговою жизнью, съ своимъ хозяйствомъ, можно сказать, на зависть большинства офицеровъ, насъ посѣщавшихъ, — весьма комфортабельно. Вставали въ шесть часовъ утра, наскоро пили чай и уходили на занятія.

Для иллюстраціи дисциплинарной строгости, существовавшей въ батальонѣ, приведу незначительный со мною случай въ первые же дни моего пребыванія въ батальонѣ. Каждый вечеръ намъ приносили для прочтенія приказы командира батальона, въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я, къ удивленію моему, прочиталъ: «за невниманіе къ правиламъ отдавіа воинской чести мичманъ Чайковскій арестовывается при гауптвахтѣ на двадцать четыре часа». Сознывая себя въ этомъ отношеніи корректнымъ, рѣшивъ, что обвиненіе построено на недоразумѣніи, я бросился къ командиру своей роты съ просьбою оправдать меня передъ командиромъ батальона, такъ какъ такой вины за собою не имѣю. Увы! Мнѣ пришлось первый разъ отсидѣть на гауптвахтѣ, и какъ бы вы думали — за что? Полковникъ Нотбекъ жилъ на горѣ, въ особнякѣ съ садомъ, представлявшемъ собою удобный наблюдательный пунктъ на казармы морской роты и нижнюю Городскую улицу, увидѣлъ меня въ бинокль, шедшаго по тротуару домой въ то время, когда на противоположной сторонѣ улицы проходилъ какой-то солдатъ батальона, не отдавшій мнѣ чести, и вотъ за то, что я былъ невнимателенъ къ совершенной солдатомъ провинности, не остановилъ и не сдѣлалъ ему замѣчанія, въ глазахъ Нотбека я считался виновнымъ, хотя я и не видѣлъ этого солдата.

Эта незначительная картинка достаточно иллюстрируетъ дисциплинарныя того времени требованія командира батальона, чтобы перейти къ повѣствованію о создавшейся въ военной сферѣ репутаціи Нотбека, какъ выдающагося руководителя военной школы, сдѣлавшейся извѣстной самому государю, которому и заблагораз-

судилось опредѣлить въ учебный пѣхотный батальонъ своихъ сыновей, великихъ князей¹⁾ Александра и Владимира Александровичей, для полировки ихъ въ строѣ и жизни батальона, подъ командою такого требовательнаго командира. Произошло это за годъ до моего вступленія въ батальонъ, то есть въ 1863 году, а потому нѣкоторыя подробности пребыванія великихъ князей въ немъ передамъ, какъ слышала отъ офицеровъ.

Назначеніе ихъ было обусловлено, что оба вступаютъ офицерами, безъ великокняжескаго титула. Дѣло было лѣтомъ, когда войска были въ лагерномъ красносельскомъ сборѣ. Чтобы доѣхать до мѣста расположенія учебнаго батальона, имъ приходилось проѣхать вдоль всей линіи полковъ. Какъ только коляска съ великими князьями показала, по всей линіи раздались вызовы для отданія чести «на линію!» Когда же коляска подъѣхала къ учебному пѣхотному батальону, часовые и дежурный офицеръ по батальону встрѣтили прибывшихъ, какъ обыкновенныхъ офицеровъ. На выраженное Владимиромъ Александровичемъ удивленіе, почему ихъ не встрѣтилъ командиръ батальона, сопровождавшій ихъ воспитатель пояснилъ, что на время ихъ пребыванія въ составѣ батальона они представляютъ собою одинъ штабъ-капитана А. А. Романова, другой поручика В. А. Романова, и что имъ надлежитъ самимъ идти представиться командиру; Потбекъ, предупрежденный о часѣ прибытія великихъ князей, находился въ своемъ баракѣ. Великіе князья застали его сидящимъ въ кителѣ за своимъ письменнымъ столомъ; при входѣ ихъ Потбекъ серьезно продѣлалъ комедію²⁾, молча подошелъ къ нимъ и не проронилъ ни одного слова, пока Александръ Александровичъ не догадался сказать ему: «честь имѣю явиться», а за нимъ повторилъ то же самое Владимиръ Александровичъ; тогда Потбекъ, обратясь къ первому, объявилъ, что назначаетъ его временно командиромъ второй роты, а Владимира Александровича субалтернъ-офицеромъ первой роты, предложилъ обоимъ явиться къ командирамъ названныхъ ротъ и наклопеніемъ головы показать, что аудіенція—окончена.

Великій князь Александръ Александровичъ сразу отдался роли заботливаго и исполнительнаго ротнаго командира подъ руководствомъ штатнаго кадроваго командира капитана лейбъ-гвардіи Павловскаго полка В. П. Зарубаева. Вставалъ съ разсвѣтомъ, чтобы водить роту за нѣсколько верстъ на стрѣльбу, и производилъ ротныя ученія. Въ свободное время отъ службы оба великихъ князей установили обращеніе съ офицерами, какъ равные съ равными, и то,

¹⁾ Настѣдникъ Николай Александровичъ былъ еще живъ и проживалъ въ окрестностяхъ Нишцы.

²⁾ Подробнѣе сцены представленія были переданы самимъ Владимиромъ Александровичемъ.

что въ строю ихъ называли по чину и фамиліи, а солдаты «ихъ благородіями», имъ даже правилось. Командира сильно побавались, а въ особенности послѣ перваго замѣчанія, полученнаго въ строю Александромъ Александровичемъ, когда батальонъ стоялъ готовымъ къ церемоніальному маршу. Потбекъ, объѣзжая верхомъ и здороваясь поротно, послѣ дружнаго «здравіяжелаемъ, ваше высокоблагородіе», поровнявшись съ стоящимъ на правомъ флангѣ второй роты Александромъ Александровичемъ, приложилъ руку къ козырьку. Въ этомъ случаѣ въ отвѣтъ на привѣтствіе начальника офицеръ, имѣя саблю у плеча, долженъ взять ее «подвысь» и опустить остріемъ конца къ носкамъ ногъ. Александръ Александровичъ этого не сдѣлалъ. Потбекъ осадилъ лошадь и громкимъ голосомъ замѣтилъ: «Капитанъ Романовъ! когда начальникъ привѣтствуетъ офицера, офицеръ долженъ отвѣтить ему салютомъ сабли», и спокойно продолжалъ свой объѣздъ.

Все эти характерныя выходки Потбека были безызвѣстны государю, который при первомъ же посѣщеніи батальона поздравилъ его съ назначеніемъ въ свиту.

Въ мою бытность, когда въ 1865 году герцогъ Евгенийъ Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, состоя на службѣ лейбъ-уланскаго полка въ чинѣ корнета, вкусившій сладость кутежей, увлекшись какою-то французенкою, въ винныхъ парахъ уѣхалъ съ нею безъ разрѣшенія за границу и былъ возвращенъ въ Россію, государь разжаловалъ его въ солдаты и опредѣлилъ въ учебный батальонъ въ цѣльяхъ дисциплинировать чрезмѣрно увлекшагося юношу, подъ строгій надзоръ Потбека.

Евгенийъ Максимиліановичъ былъ опредѣленъ на тѣхъ же условіяхъ, то есть въ строю былъ рядовымъ Евгениемъ Лейхтенбергскимъ, а въѣ службы титуловался его высочествомъ. Наблюдающимъ за нимъ былъ назначенъ командиръ второй роты Зарубаевъ. Статный блондинъ съ большимъ краснымъ посомъ, украшеннымъ золотыми очками, онъ по первому впечатлѣнію казался некрасивымъ, но стоило ему взглянуть на васъ своими красивыми глазами, заговорить, и дефекты лица ступшеывались. Это былъ душевной красоты человекъ, онъ не могъ не нравиться, его все любили и искренно уважали за его правдивость.

Для Евгения Максимиліановича былъ нанятъ на Нижней улицѣ домъ-особнякъ (принадлежавшій Анжу), въ которомъ онъ и помѣстился вмѣстѣ съ неотлучно находившимся при немъ капитаномъ Зарубаевымъ.

Ровный характеромъ, спокойный въ своихъ требованіяхъ, Зарубаевъ быстро завоевалъ расположеніе порученнаго ему вѣтренаго юноши, который настолько привязался къ нему, что не разставался съ Зарубаевымъ до самой его смерти. Однако, несмотря на уваженіе и расположеніе къ своему наставнику, не устоявшійся юноша

въ первый же годъ своего пребыванія въ батальонѣ сильно подвель не только отвѣтственныхъ за него Нотбека и Зарубаева, но и меня, случайно подвернувшася подъ его малопростительный поступокъ. Эпизодъ этотъ произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Хорошее поведеніе и старательность герцога вскорѣ послѣ его вступленія рядовымъ дали возможность Зарубаеву исходатайствовать ему у Нотбека производство въ ефрейторы. Прежде сопутствуемый Зарубаевымъ повсюду, Евгений Максимиліановичъ сталъ пользоваться довѣріемъ, выходилъ съ разрѣшенія въ свободное время на прогулки одинъ, посѣщаль бібліотеку и нѣкоторыхъ офицеровъ и аккуратно возвращался домой въ назначенный часъ.

Общество офицеровъ изъ любителей пѣнія составило церковный хоръ, участвовалъ въ немъ и я. Спѣвки производились по вечерамъ въ квартирахъ то у одного, то у другого изъ участвовавшихъ въ хорѣ. Въ одинъ изъ дней рѣшили собраться у меня. Утромъ того дня Евгений Максимиліановичъ, который въ хорѣ не участвовалъ, встрѣтивъ меня въ бібліотекѣ, спросилъ, можетъ ли онъ прійти ко мнѣ на спѣвку. Само собою разумѣется, что мнѣ ничего не оставалось сказать, какъ «милости прошу».

Вечеромъ собралось насъ человекъ восемь, пришелъ и Евгений Максимиліановичъ, пробовалъ подпѣвать, но отсутствіе слуха и голоса мѣшало ему и намъ, онъ, видимо, тяготился нашимъ стараніемъ повторять нѣкоторыя пѣснопѣнія по нѣсколько разъ, сталъ позѣвывать. Появившійся въ столовой самоваръ, снадобья къ чаю и затѣмъ соленыя закуски съ графинчикомъ водки—оживили его настроеніе, и онъ сталъ торопить окончить спѣвку.

Расположившись около стола, всѣ принялись дружно закусывать и пить чай. Между собравшимися не было увлекавшихся рюмкою водки, и потому скромной величины графинчикъ вполне удовлетворилъ моихъ нетребовательныхъ гостей, Евгений же Максимиліановичъ, выпивъ одну рюмку, вскорѣ повторилъ и другую, а затѣмъ, посмотрѣвъ на часы, сказалъ съ улыбкою, что ему пора идти домой, такъ какъ онъ отпущенъ Зарубаевымъ до одиннадцати часовъ. Всѣ стали расходиться. Вечеръ былъ темный. Провожая гостей, я обратился къ штабсъ-капитану Владимирскому, жившему недалеко отъ дома Анжу, съ просьбой проводить герцога.

На другой день въ шесть часовъ утра Нотбекъ экстренно потребовалъ меня къ себѣ. По дорогѣ къ нему я ломалъ голову надъ причиною моего вызова. Черезъ пятнадцать минутъ я уже входилъ въ его кабинетъ. Достаточно было одного взгляда на Нотбека въ мундирѣ, орденахъ и при оружіи, нервно шагавшаго по кабинету, и сидящаго у стола капитана Зарубаева, чтобы понять, что причиною вызова былъ Евгений Максимиліановичъ, съ которымъ что-то случилось, и что случай этотъ имѣетъ связь съ вчерашнимъ посѣщеніемъ имъ моей квартиры.

Я сдѣлалъ поклонъ и произнесъ стереотипную фразу: «Что прикажете?»—«Пока я ничего вамъ не прикажу,—сказалъ первою Нотбекъ:—а скажу, что я сейчасъ ѣду съ экстреннымъ поѣздомъ въ Петербургъ, черезъ часъ буду въ кабинетѣ государя императора, и первое имя, которое будетъ мною произнесено,—будетъ ваше, для того, чтобы просить государя разжаловать васъ въ матросы, такъ какъ вчера вы напоили Евгенія Максимиліановича, и онъ, уйдя отъ васъ, скрылся и гдѣ теперь находится—неизвѣстно». Я обомлѣлъ, но, придя въ себя, я понималъ, что мнѣ грозитъ что-то ужасное и горячо сталъ оправдывать себя. Я объяснилъ, что герцога я не звалъ къ себѣ, что пришелъ онъ по своему желанію участвовать въ хорѣ, что я его не панаивалъ, такъ какъ онъ выпилъ всего двѣ небольшие рюмки водки, вина же у меня не было, что вышелъ онъ отъ меня совершенно трезвымъ, а на вопросъ, почему я позволилъ ставить на столъ водку, которая была строго запрещена ему, я отвѣтилъ, что о запрещеніи этомъ мнѣ не было извѣстно, что угощали я не Евгенія Максимиліановича, а товарищей, которые, въ свою очередь, приглашая меня къ себѣ на спѣвку, также скромно угощали меня, какъ и я ихъ. Если мнѣ суждено быть разжалованнымъ въ матросы, сказалъ я, то, конечно, не по моей винѣ, а по винѣ Евгенія Максимиліановича, который долженъ былъ понимать, что, оставляя мою квартиру, онъ обязанъ былъ возвратиться къ себѣ домой, а не губить меня послѣдствіями своего исчезновенія. Произнеси послѣднія слова, я встрѣтился съ добрыми глазами Зарубаева, который чуть замѣтными кивками головою показалъ, что онъ меня не обвиняетъ, а жалѣетъ. Мнѣ стало легче, и я сказалъ съ подъемомъ голоса: «Отдаю свою судьбу государю императору и вѣрю, что онъ не осудитъ меня, безъ вины виноватаго».

Какъ оказалось, Нотбекъ и Зарубаевъ оба не спали всю ночь и пролетѣли. Были повсюду посланы телеграммы о исчезновеніи Евгенія Максимиліановича, а также въ Кронштадтъ, такъ какъ предполагали, что исчезнувшій герцогъ могъ попытаться отправиться за границу на одномъ изъ иностранныхъ пароходовъ.

Спустя четверть часа по отходѣ экстреннаго поѣзда, увезшаго Нотбека въ Петербургъ, была получена телеграмма изъ Старога Петергофа отъ командира лейбъ-уланскаго полка, что Евгеній Максимиліановичъ находится у нихъ въ полку.

Исчезновеніе молодого герцога состоялось такъ: оставивъ мою квартиру, онъ категорически отказался отъ услугъ штабсъ-капитана Владимирскаго проводить его домой. Пользуясь темнотою, онъ сразу исчезъ съ глазъ и, повернувъ въ противоположную сторону подъ городскія ворота, пошелъ пѣшкомъ въ Петергофъ, не побрезговавъ по пути доѣхать на очень грязной ночной порожней подводѣ, направившейся къ Петергофу, гдѣ засталъ офицеровъ лейбъ-уланскаго полка еще бодрствующими въ своемъ собраніи, и они дали

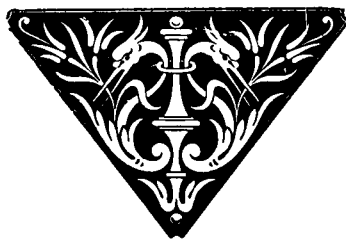
герцогу возможность заглушить мысль необдуманности его поступка шампанскимъ.

Шесть лѣтъ спустя, я жилъ съ женою на дачѣ въ Ялтѣ. Мы сидѣли на балконѣ, выходящемъ на проѣзжую дорогу въ Масандру. По дорогѣ, ведущей къ намъ, подымалась шагомъ въ гору коляска, въ которой сидѣлъ Евгений Максимиліановичъ въ чинѣ полковника и рядомъ съ нимъ въ чинѣ генераль-майора В. П. Зарубаевъ, остававшій вѣрнымъ другомъ и хранителемъ герцога. Когда коляска поровнялась съ нашимъ балкономъ, оба, узнавъ меня, отдававшего имъ честь, привѣтливо отвѣчали поклонами. Проѣхавъ нѣсколько сажень, я замѣтилъ, что коляска остановилась и изъ нея вышелъ Зарубаевъ, направляясь къ нашей дачѣ.

Сердечно поздоровавшись со мною, онъ сообщилъ, что герцогъ поручилъ ему зайти ко мнѣ и засвидѣтельствовать, что при видѣ меня въ немъ вновь загорѣлось угрызеніе совѣсти, что онъ когда-то безумно подвелъ меня, а потому пользуется случаемъ, чтобы поручить ему, Зарубаеву, передать мнѣ, что при воспоминаніи о его ораніенбаумскомъ поступкѣ онъ всегда чувствовалъ себя должникомъ моимъ, такъ какъ не исполнилъ долга и спросить моего къ нему снисхожденія. Тронутый поступкомъ герцога, я хотѣлъ было идти къ коляскѣ и благодарить его за такое чистосердечное отношеніе, но Зарубаевъ просилъ меня этого не дѣлать, ссылаясь на то, что Евгений Максимиліановичъ находится въ нервномъ угнетеніи духа послѣ потери своей первой жены и что объясненіе мое съ нимъ можетъ отразиться на его здоровьи.

Провожая Зарубаева, я успѣлъ спросить, каково теперь его отношеніе къ герцогу. «Самое лучшее,—отвѣтилъ онъ.—Это чудный человекъ, котораго я люблю всѣмъ сердцемъ».

И. И. Чайковскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. В. ГОГОЛѢ.

1. Прототипъ Плюшкина. 2. Гоголь на охотѣ.

1.

ВЪ КУРСКѢ недавно проживалъ дворянинъ Федченко, уроженецъ, кажется, Полтавской или Херсонской губерніи. Его отецъ, занимавшійся скупкою хлѣба и сала, близко зналъ Н. В. Гоголя и окрестныхъ помѣщиковъ, съ которыми писатель входилъ въ общеніе, какъ сосѣдъ, а иногда—по дѣловымъ отношеніямъ. По его словамъ, нѣкоторые изъ этихъ помѣщиковъ были взяты Гоголемъ въ его «Мертвыя души»—какъ типы. Для Плюшкина же прототипомъ послужилъ помѣщикъ В., одинъ изъ богатѣйшихъ въ Полтавскомъ уѣздѣ, феноменальный скряга.

Вотъ какъ описываетъ его Федченко.

У В. было двое сыновей и дочь. Сыновья—женихи, дочь—невѣста. Жены у него не было, и жилъ онъ вдовцомъ со своей ключницей, безобразной, злой и сварливой бабой. Сыновья не получили почти никакого образованія и ушли изъ дома, поступивъ на службу приказчиками къ нѣмецкому колонисту въ Херсонской губерніи. Дочь бѣжала съ офицеромъ, ремонтеромъ кавалерійскаго полка. Впослѣдствіи дѣти просили судъ выдѣлить имъ изъ отцовскаго имѣнія долю, довольно значительную, поступившую къ В. въ видѣ приданаго ихъ матери; но судъ ничего не могъ подѣлать со скрягою. Пробовали его увѣщевать, пріѣзжали къ нему уѣздный

предводитель и сосѣди-дворяне, стыдили его, но В. стоялъ на своемъ. «Какой я богатый!—говорилъ онъ: —бѣдный я, разбѣдный, государи мои. И ничего у меня нѣтъ и не было. Насилу себя и людей своихъ пропитываю, гдѣ же мнѣ взять?» Такъ отъ него и отступились.

— Я,—разсказываетъ Федченко,—часто заѣзжалъ на его хуторъ—богатѣйшій хуторъ!—но дѣла съ нимъ устроить было трудно. За все просилъ онъ втридорога, и обыкновенно дѣло кончалось тѣмъ, что послѣ усиленныхъ торговъ приходилось уѣзжать отъ него, ничего не купивши и безъ обѣда, такъ какъ скряга, одна я вступалъ въ домъ его, спѣшилъ Христомъ-Богомъ увѣрить, что у него «ничего нѣтъ» и что онъ «самъ сидитъ не жрамши».

Разъ пріѣхалъ къ нему осенью, въ самую молотъбу. На токахъ Градомъ стучали десятки цѣповъ, и зерно обильно точилось изъ полныхъ колосѣевъ, крупное, тяжеловѣсное.

В. стоялъ на гумнѣ.

— Купи, милостивецъ, весь хлѣбъ продамъ.

Я удивился: никогда онъ сразу послѣ умолата хлѣбъ не продавалъ, а держалъ его въ амбарахъ по году и болѣ. Иногда до того додержитъ, что все погниетъ.

— Давайте, говорю, я очень радъ.

Взялъ я зерна съ току на ладонь.

— Да не этотъ, не этотъ хлѣбъ-то! —заторопился В.—Другой, другой!

— Гдѣ же онъ у васъ?

— Пойдемъ, милостивецъ, пойдемъ...

Пришли къ камешному амбару. Досталъ онъ съ связки у пояса крюкъ и сталъ отпирать дверь (не ключъ, а крюкъ, такъ какъ въ тѣ времена амбары заирались изнутри деревяннымъ засовомъ, снабженнымъ зарубками, а отпирались желѣзнымъ крюкомъ, которымъ зацѣпляли за эти зарубки).

Изъ амбара на насъ пахнуло сыростью, плѣсенью, залежалымъ гнильемъ...

Подошелъ я къ закромамъ: зерна пудовъ тысячъ пять, не меньше. Запустилъ я руку въ закроемъ, да сейчасъ же и отдернулъ: подъ рукой—не зерно, а какая-то ослизлая крупа, прѣлая каша.

— Это сверху, милостивецъ, сверху,—поспѣшилъ предупредить меня В.—Такъ, самую малость, съ крыши подмочило, а внизу—первый сортъ. Говорилъ бурмистру, разбойнику, починить крышу. А надо, говорить, доски. А гдѣ я ихъ возьму. Вотъ и подмочило зерно-то... Только сверху, а внизу крѣпкое зерно, какъ орѣшекъ.

Посмотрѣлъ я и внизу: кругомъ гниль. Сказалъ ему, что такое зерно у него не только никто не купитъ,—даромъ не возьмутъ. Обидѣлся.

— И не покупайте! И не надо! Высушу, смело и людей кормить буду и самъ буду кушать.

Дѣйствительно, зерно было высушено и смолото, и скряга гнилымъ хлѣбомъ кормилъ дворовыхъ людей или продавалъ муку гуртовщикамъ и крестьянамъ на «болтушку» для скота.

Николай Васильевичъ Гоголь, прослышавъ о скрягѣ, пожелалъ съ нимъ познакомиться. Знакомство это состоялось при участіи моего батюшки. Можно сказать, идея «Мертвыхъ душъ» зародилась у Николая Васильевича именно при посѣщеніи имъ В.

В. каждому, кто къ нему прѣѣзжалъ, обыкновенно предлагалъ что-нибудь купить—хлѣбъ, гусей, овчины, сало. Гости не изъ купцовъ, посѣщавшіе скрягу потѣхи ради, зло подшучивали надъ нимъ. Они серьезнѣйшимъ образомъ торговались, даже не посматрѣвъ товара, и предлагали высокія цѣны. Обрадованный В., чтобы еще больше задобрить тароватыхъ гостей, въ такихъ случаяхъ роскошествовалъ: кололъ курицу или гуся, ставилъ на столъ вино, и гости, посмѣиваясь, принимались за трапезу. А потомъ начиналась потѣха.

В. начиналъ осторожно зондировать почву «насчетъ задатка».

— Какъ же, государи мои, насчетъ задаточка?

— Ахъ, да... Надо посматрѣть товаръ.

— Да чего его сматрѣть-то! Товаръ хорошій, добротный...

— Товаръ лицомъ покупають.

Гости, помирая со смѣху, шли на скотный и птичій дворъ, въ амбары, клуны; щупали, осматривали, критиковали. Птица и скоть оказывались топкими, заморенными, сало—прогорклымъ, хлѣбъ—гнилой, перо иструхло.

— Какъ же купить у васъ, съ позволенія сказать, такую дрянь!—говорили гости.—Вѣдь это—срамъ!

Посмѣявшись досыта, гости уѣзжали, и В. ругалъ шутниковъ за съѣденный обѣдъ на чьѣмъ свѣтъ стоитъ:

— Дармоѣды! Якобинцы безхвостые!

Гоголя старикъ принялъ радушно. Освѣдомился, въ какомъ онъ чинѣ, сколько у него душъ и гдѣ служить. Когда Николай Васильевичъ сказалъ, что онъ—писатель, старикъ поморщился и замѣтилъ:

— Гм! Писатель... Былъ у насъ одинъ писатель, и много пилъ... и на губернатора пашквилъ сочинилъ...

Когда Гоголь увѣрилъ его, что онъ не пьетъ и не пашквильянтъ,—старикъ какъ будто успокоился, но тотчасъ же заговорилъ о своей бѣдности.

— Вотъ подать надо платить,—жаловался онъ.—Да хоть было бы за кого платить-то. А то—накось!—и людей-то давно на свѣтѣ нѣтъ. Померши. Они померли, а ты—плати! За такую дрянь плати. Вѣдь съ нихъ что взять? Умершія души... Ихъ не продашь, не то что хлѣбъ или сало. Никто не купить.

И вотъ въ этотъ моментъ, по словамъ Федченка, въ душѣ Гоголя свершился знаменитый творческій процессъ, обезсмертившій имя великаго творца русской комедіи.

Гоголь какъ-то весь подтянулся, глаза засвѣтились торжествомъ, какимъ-то внутреннимъ огнемъ, и, волнуясь, опъ спросилъ скрягу: отчего бы ему не продать эти мертвыя души?

— Да кто же ихъ купить, батюшка? Никто не купить.

— Вы еще не пробовали продавать ихъ?—съ невозмутимосерьезнымъ видомъ спросилъ Гоголь.

Скряга опѣшилъ и пытливо посмотрѣлъ на собесѣдника.

— А развѣ ихъ уже продаютъ?—весь трепеща, тихо спросилъ опъ.

— Да, какъ будто... Впрочемъ, я, пожалуй, купилъ бы у васъ нѣсколько штукъ...

— А почему вы дадите?

— Подать заплачу за нихъ...

— А не будетъ это дешево? Вѣдь, вотъ, милостивецъ, цѣны-то я и не знаю. Кабы цѣна на нихъ была... А цѣна-то и неизвѣстна.

— Да, больше вамъ никто не дастъ.

— Нѣтъ какъ же, можетъ быть, дадутъ и больше. Если стали покупать, стало быть, на нихъ и цѣна есть настоящая. Надо настоящую цѣну узнать.

Гоголь такъ и не сошелся со старикомъ въ цѣнѣ.

Впослѣдствіи В. писалъ ему, что готовъ уступить «убылыя души» за одну подать; но Гоголь ему не отвѣтилъ и больше у него не бывалъ.

— Отецъ мой,—разсказывалъ Федченко,—встрѣчаясь съ Гоголемъ, всегда вспоминалъ его шутку съ В.

— Экъ, вы его высмѣяли, Николай Васильевичъ. Надо же такъ придумать!

Гоголь въ отвѣтъ только смѣялся одними глазами и всегда при этомъ воспоминаніи становился задумчивымъ и печальнымъ.

2,

Гоголь не былъ охотникомъ по призванію и, кажется, даже мало интересовался этимъ видомъ спорта. Можетъ быть, влеченіе къ охотѣ не создалось у Николая Васильевича благодаря этнографическимъ условіямъ, среди которыхъ онъ выросъ: густо населенная мѣстность и отсутствіе лѣсовъ, въ которыхъ любятъ водиться птицы и звѣри, не создаютъ охоты и не располагаютъ къ ней.

Только разъ во всю жизнь Гоголь принялъ участіе въ охотѣ, закончившееся комическимъ эпизодомъ.

Объ этой охотѣ мы знаемъ изъ воспоминаній Федченка.

Николай Васильевичъ получилъ приглашеніе одного польскаго магната «пожаловать» въ его имѣніе въ Черниговской губерніи на великосвѣтскую охоту.

Гоголь пріѣхалъ.

Охота состоялась въ вѣковомъ лѣсу, недалеко отъ шляха, шедшаго вдоль лѣса. На этотъ-то шляхъ, малопроѣзжій и тихій, около вечерней поры любили собираться зайцы, и мѣсто, гдѣ они собирались, охотники прозвали «заячьимъ клубомъ».

Охотники собрались неподалеку отъ «заячьяго клуба», куда прибылъ и Гоголь, но—къ изумленію всей компаніи—безъ ружья.

— Гдѣ же ваше ружье?

— Да у меня его и не было никогда. Хочу поучиться.

— Да вы, можетъ быть, и стрѣлять не умѣете?

Гоголь не смутился.

— Плоховато... но надѣюсь выучиться.

Ружье и весь охотничій приборъ достали для Николая Васильевича у лѣсника.

Общество собралось большое, блестящее. Гоголь былъ въ хорошемъ расположеніи духа и острить налѣво и направо.

— Ну, а теперь, господа, къ дамамъ,—предложилъ хозяинъ.

Кавалькада прибыла на условленное мѣсто на шляхъ, гдѣ расположился цѣлый дамскій цвѣтникъ—жены и дочери мѣстныхъ помѣщиковъ, пріѣхавшія съ припасами для обѣда и чая.

Увидѣвъ дамъ, Гоголь растерялся.

Дамы засыпали его любезными, милыми привѣтствіями, и, что называется, окончательно затормошили Николая Васильевича. Смущеніе достигло апогея, когда красавица-полька графиня N. приколола къ его охотничьей курткѣ пучокъ незабудокъ.

— Зачисляю васъ моимъ рыцаремъ,—шутливо улыбулась графиня.

А «рыцарь», какъ медвѣдь, выгнанный изъ лужи, неуклюже переминался съ ноги на ногу, не зная, куда дѣвать руки, и не находя ни одного слова, чтобы достойно отвѣтить ни это исключительное вниманіе.

Гоголь боялся женщинъ, какъ огня, и робѣлъ предъ ними чрезвычайно.

Крестьяне-загонщики раздѣлились на нѣсколько отрядовъ и стали заходить въ лѣсъ, чтобы отрѣзать зайцамъ отступленіе съ шляха.

Но неожиданное обстоятельство разрушило замыслы охотниковъ.

По шляху, не подозрѣвая, что тутъ паны охотятся, двигался на волахъ чумацкій обозъ, прошедшій какъ разъ черезъ то мѣсто, которое считалось «заячьимъ клубомъ».

— Гей! Гей!—раздавалось по лѣсу!—Цобе!

Слышались гулкіе удары бича.

Охотники остолбенѣли.

— Тысячу дьябловъ!—выругался одинъ изъ пановъ.

Охотники осыпали чумаковъ бранью, а болѣе ретивые безъ церемоніи лупили ихъ арканниками.

— Помилуйте, паночки, мы не виноваты!—молили чумаки.— Кабы мы вѣдали, что ваши милости охотятся, мы не поѣхали бы до васъ, а стали бы таборомъ выше...

Пришлось охотиться въ лѣсу въ разбивку.

Загремѣли выстрѣлы.

Часа черезъ три всѣ охотники, обвѣшанные зайцами, собрались на шляхѣ. Не было только Гоголя. Начали уже тревожиться. Да гдѣ же онъ? Ужъ не заблудился ли? Какъ вдругъ Гоголь показался на опушкѣ лѣса, съ ружьемъ въ рукѣ и—ни одного зайца.

— Что жъ вы?—спросилъ его кто-то изъ охотниковъ.— Неужели ни одного?..

Гоголь безпечно улыбался.

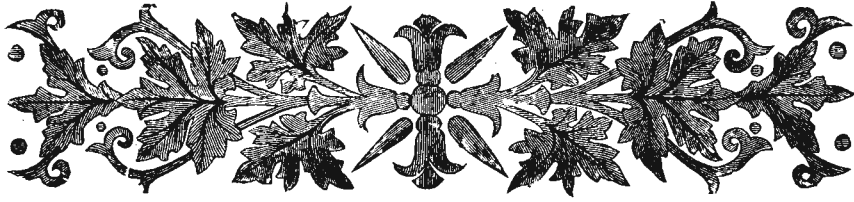
— Знаете, это трудная вещь... подстрѣлить ихъ,—сказалъ онъ, комически подмигивая.—Представьте, заяцъ вотъ тутъ, въ двухъ шагахъ, но, пока я поднимаю ружье, прицѣливаюсь,—зайца поминай, какъ звали...

Его разсказъ вызвалъ взрывъ дружнаго хохота.

Это была первая и послѣдняя охота Николая Васильевича.

А. А. Дунинъ.

ОТРЫВКИ ВОСПОМИНАНІЙ О Н. С. ГАНЕЦКОМЪ.

ГРОИ русско-турецкой кампаніи, георгиевскій кавалеръ, генералъ-лейтенантъ Николай Степановичъ Ганецкій былъ родной братъ бывшаго коменданта пестербургской крѣпости Ивана Степановича Ганецкаго, тоже героя турецкой войны и умирителя польскаго возстанія, разбившаго большой отрядъ повстанцевъ подъ командой Сѣраковскаго.

Воспоминанія относятся къ пятидесятымъ годамъ, когда Николай Степановичъ былъ командующимъ войсками виленскаго военнаго округа. Генерала знала не только военная, но и штатская—русская, польская и еврейская Вильна и за время нахожденія его въ бывшей столицѣ Литвы о немъ сохранилась память у многихъ до настоящаго времени. Маленькаго роста, но приземистый и коренастый, съ сильнымъ голосомъ, въ которомъ въ моменты возбужденія или гнѣва появлялись рѣзкія, скрипучія нотки, наружностью Николай Степановичъ очень много походилъ на Николая Угодника; только, конечно, безъ длинныхъ волосъ. За глаза и въ интимныхъ кружкахъ офицеры иначе и не называли Ганецкаго, какъ «Николай Чудотворецъ въ генеральскомъ мундирѣ». кипучая, энергичная натура боевого генерала, вдоволь насытившагося пороку, плохо переносила покой и бездѣйствіе скучнаго мирнаго времени и, несмотря на высокій, почетный постъ, служба его тяготила, и, несмотря на преклонный возрастъ, его очень манила мысль еще разъ схватиться съ кѣмъ-либо. Бездѣятельность мирнаго времени и покой въ концѣ концовъ привели къ тому, что боевой генералъ сдѣлался сухимъ, узкимъ формалистомъ, педантомъ до мелочности, въ особености ко внѣшности, словомъ.

проникнулся качествами, къ какимъ раньше самъ относился съ нескрываемою пропіей и враждой. Такимъ, по крайней мѣрѣ, помнили Николая Степановича офицеры, знакомые съ генераломъ еще съ боевого времени.

Командующій могъ простить солдату или офицеру любой на выборъ изъ семи смертныхъ грѣховъ, но не прощаль малѣйшаго упущенія въ одеждѣ.

Бдетъ, бывало, Николай Степановичъ въ коляскѣ по улицѣ Вильны и видитъ вдругъ, что у солдата низко спущенъ ремень или въ шинели некрасивая складка. Генераль краснѣетъ отъ возмущенія, проворно выскакиваетъ изъ коляски, начинаетъ топать ногами на замершаго солдата и кричать скрипучимъ голосомъ: «подъ арестъ! засушу, сокрушу, разнесу!» Любимая угроза генерала съ добавленіемъ трехъ и четырехэтажныхъ, крѣпко проселенныхъ русскихъ словечекъ, на которыя онъ былъ большой охотникъ и самъ великій изобрѣтатель. Генераль переставалъ наговяить жару только тогда, когда вокругъ собиралась огромная толпа уличныхъ ротозѣевъ. «Кучеръ, покажи мнѣ языкъ», говорилъ тогда Николай Степановичъ и ѣхалъ дальше. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ мало стѣснялся и съ господами офицерами, для которыхъ тоже всегда находилось крѣпкое словечко, несмотря на чинъ.

У Николая Степановича, какъ у каждаго большого человѣка, было много причудъ и замашекъ. Такъ, напримѣръ, на смотрахъ войскамъ всегда разглядывалъ, имѣется ли у солдата на шеѣ натѣльный крестъ, и, если такового не было, генераль давалъ собственноручно солдату копейку съ строжайшимъ наказомъ копейку не проглатывать, а обязательно купить на нее мѣдный крестъ. Едва ли не съ легкой руки Ганецкаго въ обиходѣ арміи появилось выраженіе «чертогонъ», какъ называлъ онъ крестъ, чтобы отгонять чертей. Не особенно жаловалъ командующій войсками женщинъ, особенно въ лагерное время, будь-то офицерскія жены или простыя бабы, доставлявшія офицерамъ яйца, молоко и различную провизію. «Не могу допустить бабу въ лагерь ближе, какъ на триста шаговъ», грубовато шутилъ генераль.

— Вы что же, хотите, чтобы у моихъ солдатъ животы по три дня переболѣли. Посмотрить каналья близко, такъ вѣдь вязать веревкой его, стервеца, придется...—Не могу,—комично разводилъ руками командующій въ отвѣтъ на просьбу офицеровъ о допущеніи женщинъ въ лагерь.

Николай Степановичъ страшно ненавидѣлъ поляковъ, а офицеровъ-поляковъ положительно не переносилъ, считая ихъ почему-то «измѣнниками» и «мятежниками». Съ ними онъ никогда не разговаривалъ и не принималъ отдаваемой чести. Если у какого-либо православнаго офицера была польская фамилія, онъ спрашивалъ, католикъ ли онъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, успокаивался

Если у офицера духовнаго происхожденія была фамилія похожа на польскую, онъ опять-таки освѣдомлялся, полякъ ли офицеръ, или русскій; если же офицеръ былъ дѣйствительно полякъ, генераль хмурился и, не отдавая чести, молча проходилъ дальше, а иногда издѣвался надъ фамиліей. Въ 116-мъ Малоярославскомъ пѣхотномъ полку служилъ поручикъ Издебскій. При представленіи командующему войсками полковой командиръ представляетъ и этого поручика.

— Полякъ?—отрывисто спрашиваетъ выжидающій генераль.

— Такъ точно, ваше превосходительство, полякъ!

— Католикъ? Какъ, какъ фамилія?

— Издебскій, ваше превосходительство.

И генераль намѣренно искажаетъ фамилію Издебскаго и, придавая ей неприличное окончаніе, проходитъ хмурый дальше... Зато Николай Степановичъ страшно любилъ фейерверки и различные потѣшные огни. Страсть эта появилась въ Ганецкомъ послѣ турецкой войны и, глядя на разноцвѣтные брызги огня, слушая канонаду римскихъ свѣчей, съ наслажденіемъ вдыхая сѣрный, удушливый запахъ, генераль въ высокомъ званіи командующаго войсками радовался, словно восьмилѣтній ребенокъ, но все-таки скрывалъ свою радость. Можетъ быть, вся эта потѣшная стрѣльба и взрывы напоминали ему хоть отчасти боевой огонь и дымъ пороха на турецкихъ позиціяхъ. Поэтому все командиры воинскихъ частей, знавшіе маленькую слабость генерала къ фейерверкамъ, всегда старались угодить желанію генерала. Однажды такой фейерверкъ окончился пожаромъ цѣлаго барака, и, только благодаря случайности, пожаръ не охватилъ все деревянныя постройки лагеря, скупенныя въ одномъ мѣстѣ. Дѣло было въ 1891 году, когда 116-й Малоярославскій пѣхотный полкъ стоялъ въ лагеряхъ около станціи Куртенгофъ Лифляндской губерніи, неподалеку отъ мызы Кирхгольмъ. Командиръ 10-й роты капитанъ Ф., понинѣ благополучно здравствующій, будучи заядлымъ пиротехникомъ, все свое свободное время возившійся съ сѣрой, углями и оттого вѣчно похожій на закоптѣлаго рудокопа, по порученію командира полка взялся за устройство грандіознаго фейерверка въ день пріѣзда командующаго войсками. Приготовленіе фейерверка заняло мѣсяцъ времени, и капитанъ мужественно возился цѣлыми днями съ препаратами, не вылѣзая изъ своей лабораторіи, помѣщавшейся въ одномъ изъ деревянныхъ бараконъ. Наготовлены были цѣлыя горы бураковъ, груды ракетъ, римскихъ свѣчей, и все это потѣшное великолѣпіе, создававшееся въ теченіе мѣсяца, за нѣсколько часовъ до пріѣзда командующаго сгорѣло въ нѣсколько минутъ. Капитанъ Ф., куда-то отлучившійся на минуту, приставилъ для досмотра своего денщика. Отъ солнца, а вѣрнѣе всего отъ неосторожности денщика, закуривавашаго «собачью ножку» и бросившаго спичку, загорѣлись

на окнѣ цвѣтные шарикѣ и въ ту же минуту затрещали ракеты, за-вертѣлись мельницы, изъ разбитыхъ оконъ повалилъ густой, ѣдкій дымъ. Когда прибѣжалъ перепуганный горе-пиротехникъ, баракъ пылалъ, какъ костеръ. Къ счастью, время было послѣобѣденное, войска еще не успѣли уйти на занятія, и солдаты, въ количествѣ нѣсколькихъ ротъ, мигомъ, почти голыми руками растаскали горѣвшій баракъ, засыпали землей и пескомъ. Отчаянію капитана не было границъ. А тутъ еще выросла угроза наказанія за исчезнове-ніе казеннаго имущества. Пришлось скрыть слѣды преступленія, въ надеждѣ, что командующій войсками не замѣтитъ ничего. Солдаты такъ вытоптали и выровняли мѣсто пожараща, будто ника-кой постройки никогда и не было.

Но Ганецкаго провести не удалось. На вопросъ, куда дѣвался баракъ, не съѣли ли его солдаты, волей-неволей пришлось расска-зать чистосердечную правду, что баракъ сдѣлался жертвой фей-врверка, какимъ хотѣли сдѣлать пріятное генералу. Лицо Никола-я Степановича изъ сердитаго и хмураго сдѣлалось сразу свѣт-лымъ, и онъ только пожалѣлъ, что пропало столько напрасныхъ трудовъ. При другихъ обстоятельствахъ, какъ командиру полка, такъ и капитану Ф. пришлось бы солоно...

Какъ на курьезную черту Николая Степановича, надо указать на то, что до конца своей жизни, сколько онъ ни старался и ни слѣдилъ за собой, онъ всегда неправильно выговаривалъ окончанія прилагательныхъ, выговаривая ихъ не *іе* и *ія*, а всегда или *иі* или *ыи*. «Здорово, малолетославскіи! Здорово, канторскіи и т. д.». Не давалось ему и слово «юнкеръ», которыхъ онъ неизмѣнно называлъ юнкари и съ которыми у него былъ комичѣйшій инцидентъ. Въ воскресенье въ церковь при виленскомъ юнкерскомъ училищѣ по обыкновенію были посланы юнкера. Дьячокъ уже кончилъ чтеніе часовъ, священникъ раскрылъ царскія двери и только было сдѣ-лалъ обычный при началѣ обѣдни возгласъ: «Благословенно цар-ство Отца и Сына и Свят...», какъ вдругъ въ церковь въ сопро-вожденіи адъютантовъ является Николай Степановичъ и, не обра-щая ни малѣйшаго вниманія на начавшуюся службу, своимъ си-льнымъ голосомъ здоровается съ юнкерами: «Здорово, юнкари!»

Необычайность обстановки и начавшаяся служба смутили было юнкеровъ, но не отвѣтить на привѣтствіе командующаго войсками, по правиламъ военной субординаціи, было нельзя. И черезъ неболь-шую паузу въ хорошо резонирующей церкви вдругъ гаркнула сотня глотокъ: «Здравія желаемъ, ваше превосходительство». Пе-репуганный, растерявшійся священникъ прервалъ службу, по-спѣшно закрылъ царскія двери и не зналъ, что дѣлать.

А Ганецкій, словно ничего не произошло, опять кричить: «Мо-лодцы, юнкари!» — «Рады стараться...». Священникъ не начиналъ обѣдни до тѣхъ поръ, пока Николай Степановичъ не послалъ своего

адъютанта съ разрѣшеніемъ продолжать службу. Ганецкій удаллся, и въ церкви опять раздался жиденскій голосокъ священника: «Благословенъ Богъ нашъ» и т. д.

Въ заключеніе надо отмѣтить одну симпатичную черту Ганецкаго. Это его нелюбовь къ наушничеству, сплетнѣ и доносу, къ которымъ онъ чувствовалъ вражду и презрѣніе. Если доносъ былъ анонимный, командующій войсками, не задумываясь, бросалъ доносъ въ корзину, не предпринимая разслѣдованія, но предупреждая офицера, что на послѣдняго былъ сдѣланъ анонимный доносъ и доносъ этотъ въ корзинкѣ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ по всей Россіи началась марксистская пропаганда. Прокламацин, брошюры, листовки и иная агитаціонная литература социаль-демократовъ проникла и въ армію. Ганецкому былъ сдѣланъ доносъ, что нѣкоторые офицеры читаютъ и хранятъ нелегальную литературу. Командующій войсками, однако, не предпринялъ никакихъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ обвиненнымъ офицерамъ и ограничился тѣмъ, что, пріѣзжая въ полковныя собранія, созывалъ всѣхъ офицеровъ и дѣлалъ соответствующее внушеніе. «До моего свѣдѣнія,—говорилъ Николай Степановичъ,—дошли слухи, что, къ стыду господъ офицеровъ въ ихъ средѣ находятся лица, читающія преступныя сочиненія и которыя съ прокламаціей посята, какъ съ евангеліемъ»; генералъ убѣдительно просилъ офицерство не читать, дать честное слово, что они сожгутъ литературу, иначе онъ, генералъ... засушитъ, сокрушитъ, разнесетъ.

Агитація марксистовъ въ арміи успѣха не имѣла.

Ник. Козыревъ.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА ¹⁾.

Революціонеръ Мышкинъ.—Мое знакомство съ нимъ.—Вдова доктора Соловьева.—
Ея приключенія.—Жандармскій генераль Слезинъ.

РОВАГАЯ на дняхъ случайно понавѣиша мнѣ очеркъ П. Поливанова «Алексѣевскій рavelинъ», я въ числѣ другихъ интересныхъ и памятныхъ въ исторіи русской революціи именъ нѣсколько разъ встрѣтила имя Мышкина, въ свое время прогремѣвшее въ исторіи русской жизни. Мышкина мнѣ пришлось видѣть, и, несмотря на случайность этой встрѣчи, его характерная фигура осталась у меня въ памяти. Вислѣдствіи имя его врѣзалось у меня въ памяти вслѣдствіе очень характернаго случая, прошедшаго почти у меня на глазахъ и послужившаго явнымъ доказательствомъ того «усердія не по разуму», какимъ наша бюрократія, подъ фирмой «успокоенія и подавленія мятежа», подчасъ увеличивала, а, пожалуй, и теперь еще увеличиваетъ успѣшки общественаго негодования.

Мышкина я встрѣтила, какъ уже сказала, совершенно случайно, не помню даже хорошоенько, при какихъ именно обстоятельствахъ, но воспоминаніе о немъ почему-то слилось у меня съ воспоминаніемъ о «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и какъ это ни странно, но мнѣ почти навѣрное помнится, что онъ тамъ состоялъ чѣмъ-то и при чемъ-то.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1912 г., апрѣль, ст. 88.

Встрѣча съ нимъ не оставила во мнѣ никакого положительно впечатлѣнія, и, мелькомъ услышавъ отъ кого-то о томъ, что Мышкинъ открылъ большую типографію на Арбатѣ, я, помнится, удивилась такъ неожиданно проявленной имъ состоятельности.

Затѣмъ имя это опять совершенно исчезло изъ моей памяти, вплоть до того дня, когда мнѣ о немъ напомнилъ трагикомическій случай вышеупомянутаго «усердія не по разуму».

Это было въ 1874 году; я работала исключительно въ петербургскихъ газетахъ, и въ моемъ завѣдываніи было московское отдѣленіе «Русскаго Міра», когда ко мнѣ, въ числѣ безконечныхъ кандидатовъ въ писатели и сотрудники, явилась пожилая особа, назвавшаяся вдовой доктора Соловьева. Она повѣдала мнѣ, что умершій мужъ ея былъ большой литераторъ, что русская литература да и вообще вся Россія потеряла въ его лицѣ крупную и выдающуюся силу, и предложила мнѣ для «Русскаго Міра» какую-то его посмертную рукопись.

Я попросила оставить рукопись у меня, и, несмотря на то, что произведеніе доктора оказалось положительно непригоднымъ, вдова его продолжала посѣщать меня и съ теченіемъ времени все учащала свои визиты. Посѣщенія эти, доставлявшія мнѣ очень мало удовольствія, одно время прекратились, и я думала уже, что навсегда избавлена отъ бесѣдъ о славіи и гениальности никому неизвѣстнаго военнаго врача, когда въ одинъ прекрасный день ко мнѣ явилась Прасковья Николаевна,—такъ звали вдову Соловьева,—сконфуженная, растерянная и, видимо, чѣмъ-то невыразимо возмущенная.

Я заинтересовалась узнать, что съ ней случилось, и она не обинуясь, съ мѣста въ карьеръ объявила мнѣ, что «попалась въ государственномъ преступленіи»... и на нѣсколько часовъ была арестована.

Государственное преступленіе—и фигура Прасковьи Николаевны, которая могла бы послужить живымъ типомъ для изображенія вдовы Пошленкиной!.. Это сопоставленіе никакъ не могло уложиться въ моемъ воображеніи!

Я успокоила ее, какъ могла, и она, прерывая свое повѣствованіе всевозможными междометіями, повѣдала мнѣ слѣдующее.

Постараюсь передать ея рассказъ такъ, какъ слышала его отъ нея и какъ набросала его тогда же, намѣреваясь помѣстить его на столбцахъ «Русскаго Міра»... Но усердіе не по разуму практиковалось тутъ налицо, и дѣло шло о событіи, случившемся наканунѣ... Поневолѣ пришлось отказаться отъ намѣренія рассказать въ то время этотъ трагикомическій эпизодъ.

Передаю слово героинѣ рассказа.

— Вамъ извѣстно,—такъ начала она свое повѣствованіе:—что мой покойный гениальный мужъ писалъ все... положительно все!... Но вы еще не слыхали отъ меня, что въ числѣ его «произведеній» у

меня осталась не использованная рукопись театральной пьесы, которую онъ еще при жизни представлялъ даже въ цензуру и которая была одобрена!.. Все, что онъ написалъ, не могло не быть одобрено!..

— Все это прекрасно!.. Но что же тутъ общаго съ государственнѣмъ преступленіемъ?..

— Позвольте... Позвольте!.. Дойдетъ дѣло и до этого!.. Ну-съ, предлагая всѣмъ поочередно его безсмертныя произведенія, я не могла встрѣтить ни одной редакціи, которая пожелала бы напечатать его пьесу!.. О-доб-ренную!.. Тогда мнѣ сказали, что, быть можетъ, я найду издателя для его пьесы, и я, какъ вы сами видите, очень энергичная въ дѣлѣ, стала искать хорошую и большую типографію...

— Но вѣдь типографы не издатели?..

— Ахъ, Боже мой!.. Откуда мнѣ было это знать... и притомъ, какъ оказалось, это одно и то же!..

Спорить я не стала и попросила ее продолжать.

— Ну-съ, побывала я въ типографіи «Московскихъ Вѣдомостей», въ типографіи «Русскихъ Вѣдомостей», но это все опять-таки газеты и газеты... и я стала разыскивать уже прямо типографію, въ которой бы никакая газета не печаталась. Иду по Арбату, вижу вывѣску: «Типографія Мышкина», во дворѣ направо... Вхожу во дворъ, иду направо... Вижу большое помѣщеніе... Типографія, видимо, большая, хорошая... Вхожу въ контору... Спрашиваю, гдѣ тутъ владѣлецъ типографіи... Меня спрашиваютъ, по какому я дѣлу... Я говорю, что по личному моему и очень важному... Да вы что улыбаетесь?.. Конечно, для меня дѣло это очень важно!.. Попросили меня подождать... Прошло мимо меня нѣсколько человѣкъ... Пристально такъ на меня смотрятъ... Ну, и я на нихъ тоже смотрю!.. Подъ конецъ попросила я, чтобы меня къ хозяину типографіи провели... Вошла я въ кабинетъ, сидитъ господинъ, пріятный такой, обходительный на видъ... Оказался самъ Мышкинъ. Объяснила я ему, въ чемъ дѣло, онъ меня выслушалъ и такъ внимательно спрашиваетъ:

— А что именно писалъ вашъ мужъ... и кто васъ ко мнѣ направилъ?..

Я объяснила, что мужъ писалъ большія и знаменательныя статьи, и сказала, что потеряла Россія съ его смертью. Выслушалъ онъ и спрашиваетъ:

— А что это за пьеса такая?.. И гдѣ она у васъ?

— Я говорю, что пьеса о-доб-рен-ная... и что она со мной, въ двухъ экземплярахъ, съ печатью цензурнаго комитета.

— Хорошо, говоритъ, оставьте одинъ экземпляръ у меня... и зайдите недѣли черезъ двѣ... Я дамъ вамъ отвѣтъ!..

Я было попросила ускорить срокъ, но онъ сказалъ мнѣ, что у него очень много срочныхъ занятій, и я, нечего дѣлать, согласилась подождать. Я и вамъ не говорила объ этомъ... Ужъ съ вами я

откровенно говорила и о значеніи моего мужа, и о его высокому призываніи на почвѣ служенія родному краю... а о пьесѣ умолчала...

— Да... дѣйствительно умолчали!..

— Потому что не знала положительнаго отвѣта, и хотя и была увѣрена, что пьеса понравится... она не понравиться не могла, но все-таки ждала окончательнаго результата... вотъ дождалась! Не угодно ли?..

И на лицѣ ея выразилось гнѣвное смущеніе.

— Прошло двѣ недѣли, и вотъ въ прошлую пятницу порѣшила я сходить въ типографію и узнать судьбу пьесы. Встала я раньше обыкновеннаго, отъ меня до Арбата не ближній путь... Напилась чаю сама, Ромушку своего напоила и отправилась въ путь, попросивъ хозяйку кашу заварить Ромушкѣ да приглядѣть за нимъ, куда я вернусь.

Пресловутый Ромушка былъ единственный сынъ Соловьевой, четырехлѣтній мальчикъ, совершенный кретинъ, болѣзненный и почти глухой. Она возилась съ нимъ съ утра да ночи, считала его прямымъ наслѣдникомъ гениальности отца, и, окруженный съ утра до ночи ея утрированными заботами, мальчикъ дѣлался еще глупѣе и безтолковѣе.

— Ну-съ, отправилась я на Арбатъ,—продолжала она,—захвативъ съ собой все, что мнѣ было нужно, и второй экземпляръ пьесы, и копию съ указа дворянской опеки о назначеніи меня опекуницей, на случай, ежели бы Мышкинъ усомнился въ правѣ передачи въ его полную собственность подлинной рукописи мужа... Ну, и бутербродовъ пару на дорогу взяла... и газету по дорогѣ у разносчика купила. Словомъ, вы знаете, что у меня съ собой въ мѣшечкѣ всегда все, что нужно, припасено.

«Мѣшечекъ» этотъ былъ мнѣ дѣйствительно хорошо знакомъ. Это былъ довольно объемистый саквояжъ изъ ковровой матеріи, всегда доверху набитый всевозможнымъ хламомъ, начиная съ нѣсколькихъ связокъ ключей и вплоть до купленной по дорогѣ провизіи.

Жила Соловьева на краю города, на Прѣснѣ, у Горбатаго моста, гдѣ занимала съ своимъ Ромушкой одну комнату отъ жильцовъ, и, при самой умѣлой экономіи, жила всегда впроголодь.

— До Арбата я добралась около полудня,—продолжала Прасковья Николаевна,—и прямо направилась къ дому, въ которомъ помѣщалась мышкинская типографія. Вхожу во дворъ и вижу, какъ-то странно пусто кругомъ... Ни изъ зданія, занятаго типографіей, никто не выходитъ... ни туда, куда меня водили въ кабинетъ самого Мышкина, никто не идетъ!.. Я ближе подошла и такъ и остолбенѣла!.. Гляжу, и глазамъ своимъ не вѣрю!.. Всѣ двери на замкѣ, и къ замкамъ печати красныя сургучныя приложены!.. Что, думаю, такое случилось?.. Неужели умеръ бѣдняга хозяинъ типографіи?.. Такой

еще свѣжій, молодой былъ мужнина!.. Остановилась я на минуту среди двора и вижу въ глубинѣ двое городскихъ стоятъ и съ какими-то двумя статскими переговариваются... Посмотрѣла я въ ихъ сторону, и они какъ будто на меня тоже глядятъ!.. Я и порѣшила къ нимъ обратиться за справками... Ужъ, вѣрно, думаю, имъ по ихъ полицейской службѣ извѣстно, что за печати такія и почему закрыта типографія?..

Подхожу и учтиво спрашиваю, гдѣ находится господинъ Мышкинъ? Тотъ изъ статскихъ, который постарше былъ, такъ грозно на меня взглянулъ и вмѣсто отвѣта почти крикнулъ:

— А вамъ на что нуженъ господинъ Мышкинъ?..

— По моему дѣлу, говорю, онъ мнѣ нуженъ!.. У меня съ нимъ свои дѣла... ни до кого не касающіяся!

— Это, — отвѣчаетъ онъ мнѣ, — потомъ разберется, а теперь извольте слѣдовать за мной!..

— Куда, спрашиваю, слѣдовать?..

— Сначала, говоритъ, въ кварталъ, а оттуда куда поведутъ!..

— Какъ въ кварталъ?.. Зачѣмъ?! У меня никакихъ дѣлъ въ полиціи отъ роду не бывало!..

— Не бывало, говоритъ, такъ будутъ!.. Пожалуйте!..

И прежде, нежели я успѣла опомниться, они со всѣхъ четырехъ сторонъ оцѣнили меня, вывели изъ воротъ подъ строгимъ конвоемъ, а тамъ кликнули извозчика, городской сѣлъ на козлы, статскій со мной рядомъ, а остальные двое тамъ во дворѣ остались! Пробовала я объясниться... пробовала протестъ заявить, да, кромѣ строгаго окрика, ничего ровно не добила! Такимъ порядкомъ привезли меня въ кварталъ и сдали съ рукъ на руки дежурному офицеру, сказавъ только: «По Мышкинскому дѣлу!»

— Политическая?..—кивнулъ тотъ головой и, кликнувъ вѣстового, послалъ его за приставомъ. Приставъ вошелъ мрачнѣе тучи!.. Дежурный доложилъ ему: «Политическая»!.. и онъ, даже не взглянувъ на меня, громко крикнулъ: «Обыскать!» Словно изъ-подъ земли явились какія-то бабы, меня увели въ сосѣдную комнату, представили къ двери городского и обыскали меня самымъ подробнымъ и самымъ мерзкимъ образомъ. Не нашли, конечно, ровно ничего, кромѣ ладонки, которая у меня была на шеѣ съ зашитымъ въ ней корешкомъ отъ зубной боли... Ладонку распоролъ, корешокъ «пріобщили къ дѣлу»... а къ какому дѣлу—я все-таки понять не могла, и изъ саквояжа моего вынули рѣшительно все, кромѣ носового платка и бутербродовъ, и отдали его мнѣ, а все въ немъ бывшее, тщательно переписавъ, тоже «пріобщили къ дѣлу», вмѣстѣ съ ладонкой...

Слушаю я, смотрю... и ровно ничего не понимаю!..

Послѣ обыска приставъ, записавъ съ моихъ словъ мое имя, званіе и мѣстожительство, отдалъ приказъ:

— До послѣдующаго распоряженія препроводить въ одиночную!

— Пожалуйте...—пригласилъ меня быстро подошедшій полицейскій офицеръ.

Я было уперлась, да куда!.. Меня и слушать никто не хотѣлъ... Провели меня черезъ дворъ въ отдѣльный корпусъ, видимо, отвѣденный подъ арестантскія камеры, чуть не втокнули туда... Щелкнулъ въ двери замокъ, и я осталась одна...

Словно во снѣ я все это видѣла... Опомниться не могу!.. Оглянулась кругомъ... и ужасъ меня взялъ... Грязь непомѣрная... воздухъ такой, что дышать имъ невозможно!.. Въ углу койка стоитъ, на ней наброшено отвратительно-грязное суконное одѣяло. Окно забрано желѣзной рѣшеткой... У противоположной стѣны столикъ, передъ нимъ стулъ, и больше ничего!.. Господи, думаю, что же это такое?.. И долго ли мнѣ придется томиться въ этой непостижимой тюрьмѣ?! Тишина кругомъ такая, что вообразить невозможно... Жуть беретъ прямо!.. Сижу часъ, сижу два... такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется... И три часа прошло, и больше.. Это я изъ того поняла, что темнѣть стало, а обо мнѣ словно забыли!.. И голодь-то меня томить, и жажда... и страхъ разбираетъ, а пуще всего объ Ромушкѣ у меня сердце болитъ и сокрушается!... Какъ вспомню объ немъ, такъ прямо хотъ крикомъ кричи, такъ жутко становится!.. Стала я потихоньку стучать въ дверь... Нѣтъ отвѣта... Я громче—тоже ничего!.. Я еще громче да подъ конецъ прямо забарабанила! Силь моихъ не стало! Вдругъ слышу шаги... Подходятъ къ моей двери... Не входитъ въ камеру никто, а только черезъ дверь спрашиваютъ:

— Что съ вами?

— Какъ, говорю, что со мной?.. Умираю я, вотъ что со мной!.. Что меня уморить, что ли, хотятъ здѣсь, въ этой ямѣ?.. Да и не меня одну, а и ребенка моего вмѣстѣ со мной!.. Я измучилась вся... Моихъ силъ нѣтъ страдать!.. Мнѣ должны помочь... Это безчеловѣчно!

За стѣной въ отвѣтъ на эти мои слова послышалось движеніе, и кто-то черезъ дверь отвѣтилъ мнѣ:

— Повремените!.. Сейчас!..

На этотъ разъ мнѣ ждать пришлось не долго, и не прошло по моему расчету и получаса, какъ въ коридорѣ послышались спѣшныя шаги, и дверь моей камеры отворилась. Ко мнѣ вошли двое: мужчина въ полицейскомъ или жандармскомъ мундирѣ, я ужъ не разглядѣла хорошенько, и вмѣстѣ съ нимъ какая-то женщина съ большимъ саквояжемъ въ рукахъ.

— Вотъ здѣсь!—показалъ ей на меня мужчина и прибавилъ въ видѣ поясненія:

— Политическая!

— Знаю! — проговорила женщина и, оставшись одна со мной, спросила:

— Что съ вами? Что вы чувствуете?

— Какъ что чувствую?—отвѣчала я ей.—Что всякій на мѣмъ мѣстѣ почувствовалъ бы, то и я чувствую! Смерть моя приходитъ... Я ничего не понимаю!..

Она пристально посмотрѣла на меня и спрашиваетъ:

— А у васъ дѣтей никогда не было?

— Какъ не было! У меня и теперь есть сынъ!

— Такъ что же для васъ тутъ незнакомаго—и, пристально оглядѣвъ меня съ ногъ до головы, сказала:

— Вы испугались... или надорвались? Отчего вы почувствовали преждевременное наступленіе родовъ? Потому что, судя по вашей фигурѣ, до нормальнаго наступленія родовъ еще далеко!

— Какіе роды?—спросила я, пораженная ея словами.—О какихъ родахъ вы говорите?

— Да о вашихъ! Вѣдь меня къ вамъ позвали для подачи вамъ помощи.

— Да вы кто жъ такая будете?

— Я акушерка при здѣшнемъ частномъ домѣ.

— Акушерка?! Да на что жъ мнѣ нужна акушерка?! Я честная вдова!.. Я два года тому назадъ мужа схоронила. На что мнѣ можетъ быть нужна акушерка?

— Это ужъ не мое дѣло... Меня позвали къ больной... Разъ болѣзнь оказалась фиктивной, мнѣ здѣсь дѣлать нечего.

И она направилась къ двери.

— Позвольте!..—попробовала я ее остановить.—Позвольте!.. Не можете ли вы объяснить мнѣ причину моего ареста?

— Я ровно ничего не знаю и ничего не могу, кромѣ подачи медицинской помощи, въ районѣ моихъ обязанностей,—сухо отвѣтила она и вышла изъ моей проклятой камеры. Покуда все это происходило, уже совершенно смерклось, и въ камеру внесли закоптѣлую лампочку, отъ которой даже свѣтлѣе въ комнатѣ не стало. Вслѣдъ за этимъ явился полицейскій, который проводилъ меня назадъ въ помѣщеніе квартала. Тамъ меня ждалъ жандармскій офицеръ, а у подъѣзда стояла карета, около которой былъ вооруженный жандармъ. Въ кварталъ меня завели только для того, чтобы сдать подъ расписку жандармскому офицеру отобранныя у меня вещи, и затѣмъ усадили меня въ карету, куда вмѣстѣ со мною сѣлъ и жандармскій офицеръ. Солдатъ жандармъ сѣлъ на козлы, и карета быстро помчалась по направленію къ Театральной площади и доставила меня, какъ оказалось, въ жандармское управленіе.

Въ управленіи меня провели опять-таки въ отдѣльную комнату, въ которой сначала оставили одну и по которой начали безпрестанно проходить какіе-то люди въ мундирахъ, но въ какихъ именно—я разглядѣть не могла, потому что комната освѣщалась довольно скудно. Зато я могла на этотъ разъ безошибочно опредѣлить время,

потому что въ комнатѣ были стѣнные часы, аккуратно выбивавшіе всѣ четверти часа.

Я сидѣла, изнывая въ тревогѣ по своему мальчикѣ и прямо-таки умирая сама отъ голода, безпокойства и неизвѣстности, и рѣшилась въ концѣ концовъ остановить одного изъ проходившихъ мимо офицеровъ вопросомъ, долго ли мнѣ еще придется ждать рѣшенія моей дальнѣйшей участи.

Онъ учтиво отвѣтилъ, что это зависитъ отъ начальства, которое собирается довольно поздно, мое же дѣло, по важности его политическаго значенія, быть можетъ, потребуеть санкціи самого генерала Слезкина, пачальника московской жандармской полиціи.

Я положительно терялась!.. О какомъ «политическомъ дѣлѣ» шла рѣчь?!

Я пробовала возразить, но мой собесѣдникъ извинился недосугомъ и ушелъ, отдавъ приказаніе подать мнѣ чаю. Въ это время на стѣнныхъ часахъ пробило четверть одиннадцатаго. Стало быть, изъ дома я отсутствовала уже болѣе двѣнадцати часовъ. Что тамъ дѣлалось безъ меня?.. У меня кровь въ жилахъ стыла при этой мысли!

Въ половинѣ одиннадцатаго въ помещеніи послышалось усиленное движеніе, черезъ комнату, въ которой я продолжала сидѣть, почти бѣгомъ пробѣжало нѣсколько человѣкъ офицеровъ и меня позвали въ кабинетъ жандармскаго полковника, очевидно, только что прибывшаго.

Онъ встрѣтилъ меня строгимъ взглядомъ и, не предложивъ мнѣ сѣсть, громко и грозно спросилъ:

— Въ какихъ отношеніяхъ вы состоите къ революціонному движенію и давно ли вы состоите членомъ противозаконнаго союза?

— Ни о какомъ революціонномъ движеніи я ровно ничего не знаю, — отвѣтила я: — и ни въ какихъ отношеніяхъ ни къ какому союзу не стою!

— Однако вы арестованы по дѣлу Мышкина.

— Да нѣтъ же... Я сама не могу понять, зачѣмъ и почему я арестована!..

— Но тутъ полицейскій протоколъ... Вы были арестованы по дѣлу Мышкина и препровождены во временное тюремное помещеніе, гдѣ вы симулировали роды.

— Ничего я не симулировала... и, какъ честная вдова, не могу быть заподозрена въ состояннн беременности!

— Такъ зачѣмъ же вы къ себѣ акушерку требовали?

— Никакой акушерки я не требовала... и считаю всю эту исторію для себя крайне неловкой и оскорбительной.

Въ такомъ духѣ прошелъ весь допросъ, и онъ въ виду «моего упорнаго заперательства» порѣшилъ оставить меня въ управленнн до прибытія генерала Слезкина.

— Но ему я совѣтую вамъ откровенно сознаться во всемъ!— сказала мнѣ полковникъ, отпуская меня.—Генераль Слезкинъ человекъ добрый и гуманный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опытъ у него громадный... Его обмануть вамъ не придется!..

Я ужъ и возражать не стала. Чего тутъ возражать? Видимо, сумбуръ какой-то завязался, въ которомъ разобраться мнѣ не представлялось никакой возможности, и я порѣшила, скрѣпя сердце, молча дожидаться прибытія генерала Слезкина. Будь что будетъ!

Генераль прибылъ около половины двѣнадцатаго и, принявъ предварительный докладъ отъ дежурнаго офицера, отдалъ приказъ привести къ нему «политическую преступницу», подъ фирмой которой состояла я.

Опять воспослѣдовалъ допросъ о моей прикосновенности къ дѣлу политическаго возстанія, укоръ въ «потрясаніи основъ» и вскользь брошенное замѣчаніе по поводу «симуляціи беременности»...

Отъ этой симуляціи они никакъ не могли отрѣшиться!

Слезкинъ оказался и толковѣе, и гуманиѣе всѣхъ остальныхъ. Онъ внимательно выслушалъ мой правдивый разсказъ обо всемъ происшедшемъ, нѣсколько разъ нетерпѣливо передернулъ плечами... велѣлъ принести къ себѣ отобранныя у меня вещи... мелькомъ взглянулъ на процenzурованный экземпляръ пьесы и, передавая все это обратно мнѣ, объяснилъ, что я свободна и что все со мной происшедшее явилось «слѣдствіемъ недоразумѣнія». Когда я отвѣтила ему, что недоразумѣніе это сдѣлалось источникомъ большой и незаслуженной тревоги для меня и могло вызвать болѣзнь моего на произволь судьбы брошеннаго маленькаго сына, генераль, вновь пожимая плечами, замѣтилъ мнѣ, что съ подобными соображеніями они считаются не могутъ... и что такого рода ошибки всегда и всюду возможны.

Домой я вернулась во второмъ часу ночи, пройдя большую часть дороги пѣшкомъ и все-таки размѣнявъ въ концѣ концовъ на извозчика свой послѣдній рубль... Ребенка я застала въ жару и съ разбитой щекой. Онъ упалъ безъ меня и заснулъ полуголодный, въ слезахъ, не раздѣтый и порядкомъ никѣмъ не уложенный. Онъ могъ и до смерти разбиться... покуда меня тамъ арестовывали да акушерокъ ко мнѣ приставляли!—закончила Соловьева свой характерный разсказъ, ясно доказывающій, съ какимъ «усердіемъ не по разуму» приходилось сталкиваться лицомъ къ лицу во образѣ представителей бюрократической реакціи и не въ мѣру усердныхъ «охранителей» государственнаго порядка... Спаси Богъ всякую страну отъ такой неразумной охраны! Избави Богъ всякое правительство отъ слугъ, одаренныхъ такимъ «усердіемъ не по разуму»!..

А. И. Соколова.

КАЗНЬ ЦАРЕУБИЙЦЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

БЫЛА еще черная ночь, когда я вышелъ изъ своей квартиры, чтобы ѣхать въ казармы полка. У подъѣзда меня ожидалъ уже конный вѣстовой съ моею лошадыю. Небольшой морозъ давалъ себя чувствовать, пощипывая носъ и уши и хрустя снѣгомъ подъ ногами лошадей, когда я ѣхалъ по мирно спавшему городу.

Казалось, что на свѣтѣ нѣтъ ни горя, ни болѣзней, ни печали и страданій, ни преступленій или другихъ ужасовъ, которыми, какъ язвами, покрыта жизнь,—такъ спокойно стояли дома съ загадочно-темными окнами, такъ пустынно и тихо было на погруженныхъ въ сонъ улицахъ и площадяхъ, такъ глубоко было темное небо, на которомъ таинственно копошились яркія звѣзды, мирно бросая свои ласковые лучи на спавшую землю...

А между тѣмъ я ѣхалъ въ казармы, чтобы оттуда двинуться съ эскадрономъ къ дому предварительнаго заключенія и конвоировать затѣмъ къ мѣсту казни царевубійцъ...

Но вотъ и казармы. Посреди двора стоялъ уже эскадронъ, построенный въ двѣ шеренги, темнѣя на бѣломъ снѣгѣ силуэтами людей и лошадей. Кругомъ полкового двора, обступивъ его своими громадами, чернѣли зданія казармъ, изъ-за крышъ которыхъ виднѣлось зарево, болѣе свѣтлое внизу и постепенно темнѣвшее кверху, обычно висѣвшее по ночамъ надъ ярко освѣщенной столицей.

Оттого ли, что мнѣ пришлось среди ночи, въ неурочное время, встать съ теплой постели, отъ ожиданія ли перспективы присутство-

вать первый разъ въ жизни при смертной казни, или отъ стоявшаго на дворѣ мороза, а, вѣрнѣе, отъ всего этого вмѣстѣ взятаго,—но только я все время чувствовалъ какую-то непріятную внутреннюю дрожь, которую долго не могъ ничѣмъ унять.

Я служилъ въ то время въ Петербургѣ въ лейбъ-гвардіи К—мъ полку. Я былъ еще совсѣмъ молодымъ офицеромъ; выпущенъ былъ въ полкъ лишь за полгода до 1-го марта 1881 года, дня ужаснаго, злодѣйскаго убійства императора Александра II, и не мудро по этому, что особенно сильно реагировалъ на совершавшіяся тогда событія.

И теперь, собираясь ѣхать по долгу службы съ эскадрономъ для конвоированія цареубійць къ мѣсту казни, я особенно ярко переживалъ моменты ужаснаго дня 1-го марта, очевидцемъ которыхъ мнѣ довелось быть.

Этотъ день приходился на воскресенье, и по твердо установившемуся въ царствованіе Александра II обычаю въ этотъ день состоялся въ Михайловскомъ манежѣ разводъ съ церемоніей въ высочайшемъ присутствіи.

Извѣстно, что близкія къ царю лица, не исключая полицейскихъ и жандармскихъ властей, умоляли государя не ѣздить въ манежъ, указывая на возможную опасность для его жизни въ этой поѣздкѣ. Однако государь не внялъ этимъ голосамъ благоразумія и пожелалъ лично присутствовать при разводѣ въ манежѣ.

Оказалось, что это былъ его послѣдній и притомъ роковой выѣздъ...

Какъ сейчасъ помню всѣ подробности этого развода, хотя съ того времени прошло уже болѣе тридцати лѣтъ до момента, когда я пишу эти воспоминанія...

Громадное, гулкое и кажущееся вслѣдствіе своей величины низкимъ зданіе Михайловскаго манежа все наполнено мундирами самыхъ разнообразныхъ покроевъ формъ и цвѣтовъ. Надъ всей этой толпой колыхается цѣлое море бѣлыхъ, черныхъ и цвѣтныхъ султановъ на каскахъ. Стоитъ немолчный гулъ тысячи голосовъ, звуки рожковъ, хоровыхъ инструментовъ, рѣзкіе окрики командъ...

Весь лѣвый, отъ входа, продольный фасъ манежа занятъ частью войскъ, отъ которой разводъ (если не измѣняетъ мнѣ память, отъ лейбъ-гвардіи Сапернаго батальона, такъ какъ я отлично помню, что на государѣ былъ надѣтъ мундиръ именно этого батальона); правая сторона пестритъ массою самыхъ разнообразныхъ по формѣ и цвѣту мундировъ офицеровъ и генераловъ, обязательно присутствовавшихъ на каждомъ разводѣ.

Постепенно, въ порядкѣ старшинства, младшіе раньше, старшіе позже, въ манежѣ прибываютъ самыя высшія начальствующія лица, и о пріѣздѣ cadaго изъ нихъ громогласно на весь манежъ оповѣ-

щаетъ особый глашатай, покрывая своимъ могучимъ голосомъ царящій въ огромномъ зданіи шумъ и гамъ.

— Его высокопревосходительство генераль-адъютантъ Гурко изволить ѣха-а-а-ть!..—выкрикиваетъ глашатай зычнымъ голосомъ, повышая его на послѣднихъ звукахъ и, минуто спустя, появляется суровый на видъ генераль съ длинными сѣдыми бакенбардами, садится на поданнаго ему коня и объѣзжаетъ выстроившіяся и вытянувшіяся въ струнку войска, при звукахъ встрѣчнаго марша. Съ появленіемъ строгаго главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военного округа, облеченнаго сверхъ того, въ виду смутнаго времени, чуть не диктаторскою властью, весь манежъ по командѣ «смирно» замолкаетъ. Окончивъ объѣздъ, Гурко останавливается недалеко отъ входа въ манежъ, поджидая пріѣзда государя императора, и мнѣ врѣзалась въ памяти слѣдующая сценка: пѣшкомъ, приложивъ правую руку къ козырьку каски, шаговъ за восемь или за десять отъ сидѣвшаго на конѣ Гурка подошелъ къ нему по всѣмъ правиламъ воинской дисциплины нынѣ въ Бозѣ почивающій государь императоръ Александръ III, бывшій въ то время наслѣдникомъ цесаревичемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, если не ошибаюсь, командиромъ гвардейскаго корпуса. Могъ ли онъ думать тогда, что уже черезъ нѣсколько часовъ вступитъ на прародительскій престолъ и притомъ при такихъ ужасныхъ и необычныхъ условіяхъ?!.. Думалъ ли генераль-адъютантъ Гурко, подавая съ высоты своего коня довольно небрежно протянутую руку въ перчаткѣ низко склонившему свой генеральскій плюмажъ наслѣднику цесаревичу, что черезъ тѣ же нѣсколько часовъ это будетъ его самодержавный государь и повелитель?!.. Видѣвши эту картинку изъ жизни, я невольно думаю объ измѣнчивости судьбы, хотя не могу не удивляться и не восхищаться самоувѣренностью и даже смѣлостью Гурко, державшагося съ необыкновеннымъ достоинствомъ и самостоятельностью на томъ посту, на который угодно было назначить его царствующему государю императору. Такимъ Гурко былъ, впрочемъ, всегда, и въ этомъ заключались его сила и значеніе.

Наконецъ прибылъ въ манежъ и государь императоръ, сѣлъ на коня и, сопровождаемый свитой, при гробовомъ молчаніи замершихъ и вытянувшихся тысячи людей, бывшихъ въ манежѣ, подъ торжественные звуки національнаго гимна, а затѣмъ подъ громовые раскаты долго не смолкавшаго «ура», объѣхалъ фронтъ частей, вступившихъ въ карауль, и, поздоровавшись съ отдѣльными лицами, мановеніемъ руки заставилъ замолчать музыку и клики и, при вновь воцарившейся тишинѣ, сталъ посреди манежа и началъ принимать ординарцевъ.

Какъ сейчасъ представляю себѣ это величественно-строгое, слегка осунувшееся, прекрасное лицо, нѣсколько печальное выраженіе чудныхъ, такъ знакомыхъ всѣмъ намъ, подчасъ грозныхъ

и страшныхъ, подчасъ ласковыхъ и обворожительныхъ тогда глазъ, немного согнувшуюся на конѣ, удрученную событіями послѣднихъ лѣтъ фигуру...

Государь терпѣливо и внимательно, казалось, выслушивалъ, по очереди подходившихъ и подъѣзжавшихъ къ нему ординарцевъ и, держа свою руку у каски, здоровался съ каждымъ и говорилъ что-то съ нѣкоторыми.

Затѣмъ войска проходили церемоніальнымъ маршемъ, и продѣлывалось все то, что обычно дѣлалось на всѣхъ разводахъ съ церемоніей въ высочайшемъ присутствіи.

По окончаніи всей программы государь слѣзъ съ лошади, одѣлъ николаевскую шинель съ бобровымъ воротникомъ и, окруженный обожавшими своего вѣнценоснаго вождя офицерами, вышелъ изъ манежа на площадь, сѣлъ въ поданную ему карету съ краснымъ конвойцемъ на козлахъ и уѣхалъ въ сторону Малой Итальянской улицы.

Думали ли мы, расходясь изъ манежа по домамъ, что никогда намъ не придется больше видѣть живымъ обожаемаго монарха!..

Я жилъ въ то время въ Дмитровскомъ переулкѣ, близъ Владимирской и поэтому вмѣстѣ съ кѣмъ-то изъ офицеровъ пошелъ домой пѣшкомъ, благо день былъ хорошъ, на улицахъ и тротуарахъ сухо и даже свѣтило солнце, такъ рѣзко появляющееся на петербургскомъ небѣ.

Снявъ дома парадную форму, я тотчасъ же пошелъ гулять по Невскому, въ сторону Адмиралтейства, пользуясь чудной погодой и свободнымъ, воскреснымъ днемъ.

Когда я уже возвращался, спустя, примѣрно, часъ, обратно и шелъ по лѣвой, тѣневой сторонѣ Невскаго около Казанскаго собора, то, не доходя еще до Казанскаго моста, я услышалъ какой-то неясный гулъ, не то какъ бы выстрѣлъ изъ пушки, не то какъ отъ паденія какой-нибудь огромной тяжести. Откуда шелъ этотъ звукъ, трудно было опредѣлить, такъ какъ вслѣдствіе отраженія отъ огромныхъ домовъ и собора, звукъ этотъ какъ бы исходилъ изъ всѣхъ угловъ Казанской площади сразу. Нѣсколько секундъ спустя тотъ же звукъ повторился снова...

Встревоженная этими необычайными звуками публика удивленно и испуганно озиралась кругомъ, какъ бы спрашивая другъ у друга, что такое случилось. Нѣкоторые съ недоумѣніемъ вынимали изъ кармановъ часы, полагая, вѣроятно, по своей разсѣянности, что это выстрѣлила пушка, оповѣщающая петербуржцевъ о наступленіи полудня, но, видя, что часы ихъ показываютъ что-то около двухъ съ половиной—трехъ часовъ, растерянно смотрѣли во всѣ стороны и куда-то спѣшили впередъ.

На одну секунду у меня мелькнула было мысль, не случилось ли опять покушенія на жизнь государя. Мысль эта была вполне логична, если принять во вниманіе все чаще и чаще повторявшіяся въ послѣдніе годы покушенія на жизнь Александра II; но я тотчасъ же успѣшилъ отогнать эту непріятную мысль, какъ мы постоянно отгоняемъ въ нашей жизни тяжелыя и непріятныя для насъ мысли.

Однако по охватившему уличную толпу волненію, блѣднымъ и испуганнымъ лицамъ встрѣчныхъ, куда-то бѣжавшихъ, по чему-то необъяснимому, что чувствовалось въ этой возбужденной толпѣ, видно было, что случилось нѣчто важное, нѣчто особенное...

Я тоже невольно ускорилъ шаги.

Въ тотъ моментъ, когда я подходилъ къ площади, на которой стоитъ памятникъ императрицы Екатерины II, я увидѣлъ въ направленіи отъ Аничкова моста мчавшуюся мнѣ навстрѣчу во весь опоръ какую-то кавалерійскую часть. Когда она подскакала немного ближе, я сейчасъ же узналъ въ ней нашъ полкъ и увидѣлъ одного изъ штабъ-офицеровъ полка, полковника П—ева, который, приложивъ руку ко рту въ видѣ рупора, кричалъ мнѣ черезъ улицу:

— Поѣзжайте скорѣе домой! Васъ ждетъ тамъ лошадь! Скачите къ Зимнему дворцу!..

Я вскочилъ на перваго извозчика и погналъ его въ Дмитровскій. У подъязда стояла моя лошадь подъ сѣдломъ, а бывший при ней конный вѣстовой доложилъ мнѣ съ встревоженнымъ видомъ:

— Ваше благородіе, такъ что сказываютъ, будто убили государя императора!.. Полкъ вызванъ къ Зимнему дворцу!..

Наскоро одѣвъ необходимую форму и аммуницію, я уже черезъ нѣсколько минутъ во весь опоръ скакалъ по Невскому, въ сопровожденіи вѣстового, мысленно спрашивая себя:

— Неужели убили? Возможно ли это? Правда ли? За что, за что?..

Только прискакавъ на площадь Зимняго дворца, гдѣ уже толпилось масса народу, разѣзжали казаки и ходили патрули отъ пѣхоты, я узналъ отъ офицеровъ, что дѣйствительно было опять покушеніе на жизнь государя, что онъ смертельно, кажется, раненъ и едва ли долго проживетъ.

Но народъ не вѣрилъ еще этому, не допускалъ мысли, чтобы обожаемый царь-Освободитель могъ умереть отъ руки своего же подданнаго, и только когда съ балкона Зимняго дворца официально было объявлено о мученической кончинѣ императора Александра II, вся площадь, какъ одинъ человѣкъ, обнажила свои головы, осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ и на многихъ и многихъ глазахъ я замѣтилъ непритворныя слезы печали о безвременно погибшемъ обожаемомъ царѣ-мученикѣ...

Да, это была по истинѣ потрясающая картина, когда народъ оплакивалъ своего царя, погибшаго отъ рукъ измѣнниковъ родинѣ, долгу и присягѣ!..

Все это вспомнилось мнѣ необыкновенно ярко и рельефно, пока я по пустыннымъ улицамъ спавшаго города ѣхалъ возлѣ молчаливо двигавшагося эскадрона, пробираясь къ дому предварительнаго заключенія, расположенному, какъ извѣстно, позади зданія окружнаго суда.

На Шпалерной, около наглухо закрытыхъ воротъ дома предварительнаго заключенія, гдѣ намъ приказано было остановиться, уже было много народа. Тутъ былъ нарядъ отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ цѣлымъ взводомъ барабанщиковъ, такъ какъ было извѣстно, что одинъ изъ цареубійць, Михайловъ, собирается говорить во время слѣдованія его къ мѣсту казни рѣчи. Тутъ были и полицейскіе чины всякихъ ранговъ, и жандармы, и нѣсколько человекъ штатскихъ, вѣроятно, изъ чиновъ судебнаго вѣдомства, безъ обязательнаго присутствія которыхъ не обходится ни одна казнь и по настоящее время.

Словомъ, тутъ была жизнь, было шумно и оживленно въ противоположность тишинѣ и безлюдію на прилежавшихъ улицахъ, по которымъ мы только что прошли.

Разрѣшено было слѣзть съ коней, и прозябшіе офицеры, обрадовавшись свободѣ и встрѣчѣ съ другими знакомыми офицерами, оживленно заговорили, стали курить, похлопывая руками и топчась на мѣстѣ ногами, стараясь согрѣть озябшіе члены. Впрочемъ, вскорѣ нашелся другой способъ согрѣться, такъ какъ оказалось, что какой-то предприимчивый человекъ открылъ импровизированный буфетъ съ водкою и закусками въ подъѣздѣ одного изъ сосѣднихъ домовъ, и г.г. офицеры по двое, по трое бѣгали туда, тайкомъ отъ начальства, чтобы пропустить рюмочку-другую водки и проглотить пару бутербродовъ....

Между тѣмъ темное до того небо стало понемногу сѣрѣть... Звѣзды будто полиняли, а затѣмъ и вовсе потускнѣли и точно стерлись съ поблѣднѣвшаго неба.

Пробѣжалъ торопливой походкой фонарщикъ, привычною рукою гася газовой рожки въ фонаряхъ. Небо въ концѣ улицы совсѣмъ поблѣло, потомъ порозовѣло, и видно было, что гдѣ-то встаетъ за домами солнце. Просыпалась городская жизнь, засновали люди, загрохотали со стороны Литейнаго извозчика, зазвонили звонки конокъ, словомъ, начиналось утро яснаго, солнечнаго, погожаго дня.

Вскорѣ послышались команды, заставившія зашевелиться стоявшихъ на Шпалерной солдатъ и офицеровъ. Подтянулась пѣхота, сѣла на коней кавалерія, и нашъ эскадронъ выстроился какъ разъ противъ воротъ дома предварительнаго заключенія...

Нѣсколько минутъ спустя, ворота эти разомъ открылись, и изъ нихъ, какъ изъ разверстой пасти чудовища, выѣхала сначала одна платформа, окрашенная въ черный цвѣтъ, съ сидѣвшими на ней какими-то безформенными фигурами, вслѣдъ за ней тотчасъ же— другая, обѣ въ сопровожденіи своихъ конвойныхъ и какихъ-то людей арестантскаго вида, и двинулись въ сторону Литейнаго.

Было что-то зловѣщее, жуткое въ этихъ двухъ повозкахъ и сидѣвшихъ на нихъ фигурахъ...

Нашъ эскадронъ тотчасъ же охватилъ кольцомъ обѣ повозки, когда онѣ вытянулись по улицѣ, а преображенцы составили второй рядъ оцѣпленія, причемъ барабанщики помѣстились двумя группами, каждая назади платформы, и немедленно забили по своимъ барабанамъ.

Когда все шествіе двинулось, успокоившись послѣ произведенныхъ построений, я сталъ оглядывать платформы и сидѣвшихъ въ нихъ людей.

Каждая повозка, въ видѣ платформы, запряженной парюю лошадей, управляемыхъ кучеромъ, имѣла позади скамейку, поставленную поперекъ. На этой скамейкѣ, спиною къ движенію, то есть къ лошадямъ, сидѣли привязанные къ вертикально придѣланнымъ доскамъ, съ надписью наверху бѣлыми буквами по черному фону «цареубійцы»—преступники въ сѣрыхъ арестантскихъ халатахъ и такихъ же безобразныхъ шапкахъ.

На первой платформѣ, если только не измѣняетъ мнѣ память, сидѣло трое: слѣва, если стать лицомъ къ движенію, Рысаковъ посреди—Желябовъ и справа—Перовская.

Некрасивое и несимпатичное, молодое, безусое лицо Рысакова было мертвенно-блѣдно, болѣзненно отеки, и въ его маленькихъ, трусливо бѣгавшихъ глазкахъ читался животный страхъ пойманнаго звѣря, доходившій до ужаса...

Желябовъ сидѣлъ спокойно, стараясь не показывать волненія, несомнѣнно, владѣвшаго имъ всецѣло; онъ держался не безъ извѣстнаго достоинства... На тонкомъ же, хотя немолодомъ, изжелта-блѣдномъ, какъ бы восковомъ, но красивомъ и породистомъ лицѣ Перовской, окаймленномъ повязаннымъ на головѣ свѣтлымъ платкомъ, бродила тонкая, злая, дѣланная усмѣшка, а глаза презрительно сверкали, когда она смотрѣла на толпу, окружавшую платформу и къ этому времени запружавшую весь Литейный...

На второй платформѣ слѣва—сидѣлъ Михайловъ, и его большая, грузная фигура съ довольно симпатичнымъ лицомъ чисто русскаго, простонароднаго типа казалась огромной по сравненію съ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ тщедушнымъ Кибальчичемъ. Дѣйствительно, Михайловъ, какъ только платформа, на которой онъ сидѣлъ, выѣхала на улицу, сталъ что-то говорить и продолжалъ дѣлать это почти безъ перерывовъ во все время движенія процессіи по улицамъ

до самого Семеновскаго плаца. Это видно было по тому, какъ онъ открывалъ ротъ, шевелилъ языкомъ и губами, ворочалъ глазами, наклонялъ въ ту или другую сторону голову; но, несмотря на то, что временами я ѣхалъ почти рядомъ съ платформой, гдѣ онъ сидѣлъ, я не могъ уловить ни одного слова изъ его рѣчи, такъ какъ шедшія непосредственно за платформою двѣ шеренги барабанщиковъ производили такой адскій грохотъ, что не слышно было собственнаго голоса.

Кибальчичъ сидѣлъ скромно и тихо на своей позорной скамьѣ, смотря куда-то въ пространство, впереди себя, поверхъ головъ толпы, и на его застывшемъ лицѣ нельзя было прочесть ни страха, ни гордости, ни презрѣнія, ни слѣда другого чувства, которое могло волновать его въ подобную минуту; это было лицо ученаго философа, рѣшавшаго въ эту минуту какую-нибудь сложную проблему...

Тѣмъ временемъ стало уже совершенно свѣтло, и утреннее солнце ярко заливало своими лучами огромную толпу, запрудившую Литейный.

По всему пути слѣдованія стояла безчисленная толпа, живыми волнами захлестывая тротуары и переливаясь на улицу, откуда ее вновь заставляли катиться по тротуару нарядъ полиціи и наше воинское оцѣпление кортежа съ цареубійцами.

Многіе изъ этой толпы, чтобы лучше видѣть, влѣзали на тротуарныя тумбы, въ изобиліи украшавшія въ тѣ времена наши столичные улицы, на фонарные столбы и столбы, поддерживающіе подѣзды.

Настроеніе толпы, въ огромномъ большинствѣ ея, было явно враждебное къ цареубійцамъ и во всякомъ случаѣ недружелюбное. Изъ толпы нерѣдко при прохожденіи нашей процессіи кричали что-то озлобленными голосами, грозили кулаками со свирѣпымъ видомъ и злобно сверкали глазами.

Что толпа была враждебно настроена къ цареубійцамъ, я заключаю изъ бывшихъ на моихъ глазахъ двухъ случаевъ, когда она звѣреки хотѣла расправиться самосудомъ съ двумя какими-то женщинами, которыя были повинны лишь въ томъ, что слишкомъ явно выразили свои симпатіи къ цареубійцамъ.

Первый случай имѣлъ мѣсто на углу Надеждинской и Спасской.

Я забылъ сказать, что, пройдя по Литейному до Кировной, наша процессія свернула на эту послѣднюю улицу, а затѣмъ съ нея на Надеждинскую, по которой дошла до Невскаго, пересѣкла его наискось и двинулась по Николаевской, упирающейся, какъ извѣстно, въ Семеновскій плацъ.

Итакъ, подойдя къ углу Надеждинской и Спасской, мы замѣтили стоявшую на тумбѣ возлѣ фонаря какую-то уже немолодую женщину, скромно одѣтую, но въ шляпѣ и интеллигентнаго вида.

Когда платформы съ цареубійцами поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она стояла, и даже немного миновали его, такъ что

преступники могли видѣть эту женщину, она вынула бѣлый платокъ и раза два-три успѣла махнуть имъ въ воздухъ.

Нужно было видѣть, съ какимъ дикимъ остервенѣніемъ толпа сорвала моментально несчастную женщину съ ея возвышенія, сразу смяла ее, сбила съ головы ея шляпу, разорвала пальто и даже, кажется, раскровянила ей лицо. Если бы не немедленно подскочившіе полицейскіе и кто-то изъ насъ, офицеровъ, отъ неосторожной поклонницы цареубійць не осталось бы ничего, кромѣ истерзаннаго трупа. И то намъ не безъ труда и борьбы удалось вырвать ее изъ рукъ озвѣрѣвшей толпы, которая пробовала скалить свои зубы и на насъ...

Второй, совершенно аналогичный случай произошелъ уже недалеко отъ мѣста казни, передъ самымъ вѣздомъ съ Николаевской улицы на Семеновскій плацъ.

Точно также какая-то молоденькая на этотъ разъ женщина, стоя на тумбѣ и держась одной рукой о столбъ у подвѣзда, вздумала свободной рукой замахать въ видѣ привѣтствія проѣзжавшимъ цареубійцамъ. Также въ мгновеніе ока она очутилась въ рукахъ толпы, безъ шляпки, съ растрепанными волосами, съ разстегнутымъ пальто, съ глазами, наполненными безумнымъ ужасомъ. Также не безъ труда удалось вырвать ее изъ рукъ толпы-звѣря и внести ее въ подвѣздъ, куда толпа еще долго продолжала ломиться съ криками и бранью...

Приблизительно около того же мѣста, но нѣсколькими секундами ранѣе, случилось другое маленькое происшествіе, указывающее, однако, какъ глубоко гнѣздится чувство самосохраненія въ человѣкѣ, даже безповоротно обреченномъ на гибель...

Уже давно я и другіе офицеры обратили вниманіе на то, что Рысаковъ какъ-то особенно началъ беспокоиться, ерзать на своей скамейкѣ, пожимать плечами и наклонять свою голову то къ одному, то къ другому плечу, настолько это позволяли ему туго связанные назадъ руки. Лицо его при этомъ выражало страданіе и, видимо, онъ въ эти минуты позабылъ объ ожидавшей его участи, позабылъ тотъ животный страхъ, который не покидалъ его ни на минуту передъ тѣмъ.

Мы долго недоумѣвали, что съ нимъ такое. Думали въ началѣ, что по мѣрѣ приближенія къ мѣсту казни его охватываетъ все большее и большее волненіе. Однако мы скоро должны были бросить эту мысль, такъ какъ убѣдились, что лицо Рысакова явно выражало не страхъ, а, несомнѣнно, страданіе, какъ бы отъ физической боли.

Наконецъ на поведеніе Рысакова обратилъ вниманіе одинъ изъ бывшихъ тутъ людей арестантскаго вида, оказавшійся, какъ мы потомъ узнали, палачомъ или однимъ изъ его помощниковъ,—не помню уже теперь. Онъ подошелъ вплотную къ Рысакову и спросилъ, что съ нимъ.

На это Рысаковъ заявилъ ему, что у него сильно зябнуть уши и попросилъ спустить имѣвшіеся въ надѣтой на немъ шапкѣ наушники.

Человѣкъ арестантскаго вида не безъ нѣкоторой прониі улыбулся и, показывая рукой въ сторону Семеновскаго плаца, къ которому мы подъѣзжали, сказалъ съ долею цинизма:

— Потерпи, голубчикъ! Скоро и не то еще придется вытерпѣть...

Дѣйствительно, мы выѣзжали въ это время на Семеновскій плацъ, гдѣ въ отдаленіи, въ правомъ углу площади, на свѣтломъ фонѣ чистаго неба вырисовывался, правда, неясно еще, силуэтъ висѣлицы...

Въ тѣ времена Семеновскій плацъ не былъ такъ застроенъ, какъ теперь, разными сооружеціями, а представлялъ огромную немощеную площадь, отдѣленную отъ прилегавшихъ улицъ казармами лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, а со стороны Обводнаго канала интендантскими сараями. Отъ Введенскаго же канала площадь была отдѣлена линіей тогдашней Царскосельской желѣзной дороги, проходившей на одномъ уровнѣ съ площадью и кончавшейся небольшимъ двухъэтажнымъ каменнымъ зданіемъ вокзала.

Тутъ-то именно, т. е. въ углу, образуемомъ прежнимъ вокзаломъ и ближайшимъ зданіемъ Семеновскихъ казармъ, въ разстояніи, примѣрно, тридцати-сорока сажень отъ этихъ зданій и параллельно линіи желѣзной дороги, построено былъ высокій, аршина въ три вышиною, деревянный помостъ, надъ которымъ сажени на три вышалась висѣлица, т. е. поперечное бревно, не менѣе трехъ сажень въ длину, положенное своими концами на два вертикально врытые въ землю столба. На поперечномъ бревнѣ этомъ, на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ вдѣлано было пять крючковыхъ, съ которыхъ спускалось пять веревокъ съ петлями на концахъ, не доходившихъ до помоста болѣе, чѣмъ на сажень, такъ что подъ этими веревками свободно могъ стать на этомъ помостѣ самый большой человѣкъ, не задѣвая ихъ головой и даже не будучи въ состояніи достать ихъ рукой

Съ того разстоянія, съ котораго я стоялъ около помоста, т. е. на разстояніи семи-восьми сажень, веревки казались необычайно тонкими, и, я помню, среди офицеровъ еще раньше начала казни шли разговоры о томъ, выдержатъ ли такіа веревки тяжесть человѣка, въ особенноти такого, какъ Михайловъ, не оборвутся ли...

Наши сомнѣнія и предположенія оказались, къ сожалѣнію, основательными и ко всѣмъ ужасамъ зрѣлища смертной казни чрезъ повѣшеніе добавили нѣсколько еще болѣе ужасныхъ моментовъ, на всю жизнь вѣзавшихся въ памяти зрителей...

Когда печальное шествіе приблизилось къ высоко торчавшей надъ площадью висѣлицѣ, обѣ платформы съ цареубійцами и своимъ собственнымъ конвоемъ подъѣхали къ боковой сторонѣ помоста и

остановились около устроенной тамъ лѣстницы, по которой отвязанные отъ сидѣній преступники одинъ за другимъ вошли на помостъ и были поставлены въ одну линію, каждый подъ приготовленной для него петлей, имѣя попрежнему связанными назадъ руки и лицомъ въ сторону площади, гдѣ уже толпилась многотысячная толпа, едва сдерживаемая полиціей и жандармами.

Позади помоста, кромѣ паряда полиціи, двухъ, кажется, ломовыхъ извозчиковъ со своими платформами, приготовленными для того, чтобы послѣ казни отвезти трупы казненныхъ на кладбище, не было никого.

Пять простыхъ черныхъ гробовъ стояло на землѣ позади помоста.

Барабанщики пробили дробь, раздалась команда «смирно» и «на караулъ», послѣ чего при воцарившейся на площади мертвой тишинѣ какой-то чиновникъ въ форменномъ пальто прочиталъ кофированный приговоръ. Бѣдняга, видимо, сильно волновался, такъ какъ голосъ его, монотонный и невыразительный, сильно вибрировалъ, а бумага, по которой онъ читалъ, замѣтно дрожала въ его рукахъ...

Было тяжело и мучительно стоять и слушать этотъ тоскливый одинокій голосъ, тѣмъ болѣе, что смысла читаемаго нельзя было разобрать, а напряженнымъ нервамъ казалось, что чтеніе это никогда не кончится. Все это безъ надобности затягивало окончаніе и безъ того тяжелого зрѣлища и увеличивало нервное состояніе зрителей и терзанія преступниковъ.

А они стояли тихо, блѣдные и трепетные, на высококомъ помостѣ передъ лицомъ заливавшей всю площадь толпы.

Крайнимъ, считая слѣва, стоялъ Рысаковъ, терявшій, видимо, отъ охватившаго его ужаса послѣднія силы и готовый ежеминутно упасть, такъ что сзади его поддерживалъ даже одинъ изъ находившихся вмѣстѣ съ палачомъ арестантовъ. Одутловатое желтое лицо Рысакова было смертельное блѣдно, и, кажется, онъ плакалъ...

Рядомъ съ нимъ, въ разстояніи полутора-двухъ шаговъ, стояла Перовская, видимо, собирая всѣ свои силы, чтобы казаться спокойной.

Далѣе, въ такомъ же разстояніи, занимая средину помоста, стоялъ подъ среднею веревкой Михайловъ, выдѣляясь своей высокой фигурой и грузнымъ туловищемъ, и бросалъ озлобленные взгляды на стоявшую вдали толпу.

Наконецъ послѣдними въ правую сторону, на томъ же разстояніи одинъ отъ другого и отъ Михайлова, стояли Желябовъ и Кибальчичъ, блѣдные, но спокойные.

Послѣ окончанія чтенія приговора войска взяли «къ ногѣ», снова послышался говоръ, шумъ и движеніе, а тѣмъ временемъ на каждаго изъ осужденныхъ были накинута особыя мѣшки-бала-

хоны, скрывавшіе преступниковъ вмѣстѣ съ головами, но имѣвшіе ниже шеи какіе-то прорѣзы въ горизонтальномъ направленіи, которые давали возможность свободно накинуть на шею преступника петлю и затянуть ее.

Первымъ былъ повѣшенъ Рысаковъ.

Два дюжихъ арестанта поднесли къ висѣвшей надъ Рысаковымъ петлѣ небольшую лѣсенку, въ родѣ тѣхъ, что употребляются въ магазинахъ, но значительно шире и болѣе крѣпкой конструкціи. Она имѣла около двухъ аршинъ въ вышину, и прочныя подпорки поддерживали ея верхнюю площадку, давая возможность свободно стоять тамъ двумъ и даже тремъ человѣкамъ.

По этой лѣстницѣ два арестанта ввели подъ руки Рысакова на верхнюю площадку, и, пока одинъ придерживалъ его, другой накинулъ ему на шею петлю, немного затянулъ ее, а затѣмъ, соскочивъ и давъ соскочить своему товарищу, разомъ выдернулъ лѣстницу изъ-подъ ногъ Рысаковъ, и послѣдній, слегка качнувшись, дернулся какъ-то внизъ и сразу безжизненно повисъ на натянувшейся веревкѣ, привязанной другимъ концомъ къ одному изъ вертикальныхъ столбовъ висѣлицы. Вѣроятно, смерть послѣдовала моментально. Мнѣ кажется, что Рысаковъ уже ранѣе того отъ волненія и страха потерялъ сознание.

Второю была повѣшена Перовская.

Какъ она ни храбрилась при жизни, пока ее везли до висѣлицы, стараясь своею презрительной улыбкой показать полное свое пренебреженіе къ предстоящей ей казни и тѣмъ, которые такъ или иначе причастны были къ ней, однако въ послѣднюю минуту и въ ней заговорилъ инстинктъ самосохраненія. Когда послѣ наложенія на ея шею петли соскочившіе съ лѣстницы арестанты-палачи стали выдергивать изъ-подъ ея ногъ лѣстницу, Перовская такъ сильно ухватилась ногами о какую-то выступающую часть верхней площадки лѣстницы, не знаю ужъ хорошенько, что два дюжихъ арестанта лишь съ большимъ трудомъ оторвали лѣстницу отъ точно приросшихъ къ ней ногъ Перовской, послѣ чего она нѣкоторое время, точно огромный маятникъ, качалась на тонкой веревкѣ взадъ и впередъ надъ помостомъ, причемъ изъ-подъ надѣтаго на ней мѣшка-балахона мелькали ея вздрагивающія ноги, пока наконецъ кто-то изъ палачей не догадался остановить качавшееся тѣло и прекратить тѣмъ непріятное зрѣлище.

Наконецъ случилось то, чего нужно было ожидать и что до глубины души потрясло всѣхъ присутствовавшихъ... А между тѣмъ избѣжать этого можно было такъ просто и легко!

Когда къ Михайлову подошли палачи, то онъ не далъ имъ взвести себя на поставленную лѣстницу, какъ бы брезгуя ихъ услугами, и, несмотря на закрытое балахономъ лицо, слегка лишь поддерживаемый однимъ изъ палачей подъ локоть, самъ рѣшительно и быстро

взошелъ по ступенямъ лѣстницы на верхнюю ея площадку, гдѣ позволилъ одѣтъ на свою шею петлю.

И вотъ, въ моментъ, когда изъ-подъ его ногъ была выдернута лѣсенка, и Михайловъ долженъ былъ повиснуть на веревкѣ, послѣдняя не выдержала его тяжести, оборвалась... и огромная, грузная масса съ высоты двухъ съ половиной аршинъ грохнулась съ шумомъ на гулкѣй помость...

Изъ нѣсколькихъ тысячъ грудей одновременно вырвался крикъ ужаса. Толпа заволновалась, слышались возгласы:

— Надобно его помиловать!

— Просить его нужно. Нѣтъ такого закона, чтобы вѣшать совравшагося!..

— Тутъ перстъ Божій!

— Царь такихъ всегда милуетъ! Пришлетъ своего флигель-адъютанта!..

И за минуту враждебно настроенная, готовая собственными руками растерзать всякаго, кто посмѣлъ бы проявить свои симпатіи къ цареубійцамъ, измѣнчивая, какъ женщина, толпа преисполнилась горячими симпатіями къ одному изъ самыхъ ужасныхъ преступниковъ только за то, что подъ его тяжестью оборвалась веревка вслѣдствіе преступнаго недосмотра или злоупотребленія палача или другихъ приставленныхъ къ этому дѣлу лицъ!

Тѣмъ временемъ, ошеломленные вначалѣ неожиданностью, палачи, придя въ себя, принесли откуда-то новую веревку, не безъ труда наскоро перекинули ее черезъ освободившійся крючокъ, сдѣлали новую петлю, а затѣмъ, подойдя къ безпомощно лежавшему на помостѣ Михайлову, подхватили его подъ руки и потащили снова къ лѣстницѣ.

И, о ужасъ! Михайловъ оказался еще живымъ и даже въ сознаніи, такъ какъ самъ началъ переставлять ноги и по помосту, и даже по ступенямъ лѣстницы!..

Вновь ему накинули на шею петлю, несмотря на ропотъ волновавшейся толпы, и снова изъ-подъ его ногъ было вырвана лѣстница...

Но тутъ случилось нѣчто необычайное, никогда еще не бывшее въ лѣтописяхъ смертныхъ казней, нѣчто такое, что заставило разъ навсегда отказаться отъ «публичныхъ» казней...

Не успѣлъ еще одинъ изъ палачей отдернуть въ сторону изъ-подъ ногъ Михайлова лѣстницу, какъ... вторично оборвалась веревка, на которой повисло на одну секунду его большое тѣло, и оно опять съ глухимъ ударомъ рухнуло на помость, дрогнувшій отъ этого паденія...

Невозможно описать того взрыва негодованія, криковъ протеста и возмущенія, брани и проклятій, которыми разразилась заливавшая площадь толпа. Не будь помость съ висѣлицей окруженъ

внушительнымъ сравнительно нарядомъ войскъ, вооруженныхъ заряженными винтовками, то, вѣроятно, и отъ висѣлицы съ помостомъ, и отъ палачей и другихъ исполнителей приговора суда въ одинъ мигъ не осталось бы ничего...

Но возбужденіе толпы достигло своего апогея, когда съ площади замѣтили, что Михайлова собираются вздернуть на висѣлицу въ третій разъ...

Тутъ положительно поднялось цѣлое море возбужденныхъ голосовъ, требовавшихъ помилованія Михайлова. Многіе поворачивали головы въ сторону Загороднаго проспекта, какъ бы ожидая появленія царскаго гонца съ вѣстью о помилованіи. Многіе грозили кулаками въ сторону висѣлицы, кричали что-то угрожающее и по подымавшемуся въ толпѣ движенію можно было думать, что съ минуты на минуту она бросится на насъ и разнесетъ всѣхъ и все...

Однако ничего подобнаго не случилось.

Энергичными мѣрами казаковъ и полиціи нѣсколько десятковъ бросившихся впередъ горлодеровъ были моментально оттѣснены назадъ, а толпа, видя рѣшительныя дѣйствія начальства и суровыя, сосредоточенныя лица солдатъ, взявшихся за оружіе, больше не рѣшалась наступать, а ограничилась лишь пассивнымъ выраженіемъ своего недовольства.

А, дѣйствительно, это двукратное паденіе Михайлова произвело на всѣхъ самое тяжелое, удручающее впечатлѣніе, котораго не избѣгли и мы, активные зрители этого происшествія...

Прошло съ того момента болѣе тридцати лѣтъ, а я до сихъ поръ слышу грохотъ паденія грузнаго тѣла Михайлова и вижу мертвую массу его, безформенною кучей лежащую на высокомъ помостѣ!..

Однако откуда-то была принесена новая, третья по счету веревка совершенно растерявшимися палачами (вѣдь они тоже люди!..)

На этотъ разъ она оказалась болѣе прочной, такъ какъ, когда безжизненное тѣло Михайлова было съ большими усиліями внесено нѣсколькими арестантами на лѣстницу и послѣ долгой возни голова его всунута въ новую петлю, то на этотъ разъ веревка не оборвалась, и тѣло повисло надъ помостомъ на натянувшейся, какъ струна, веревкѣ при общемъ гулѣ стихавшаго, какъ бушующее море, народа.

Тѣмъ временемъ Желябовъ и Кибальчичъ продолжали безмолвно стоять въ ожиданіи своей участи, каждый подъ предназначенной ему петлей. Что они переиспытывали въ эти мгновенія, показавшіяся имъ, вѣроятно, вѣчностью, не берусь сказать, но, очевидно, ихъ самочувствіе было ужасно!..

Правда, что все описанное произошло быстро, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, но не приведи Богъ кому-либо пережить этикія минуты въ положеніи Желябова и Кибальчича!..

Съ ними, впрочемъ, справились живо.

Да и толпа значительно потеряла уже интересъ къ этому зрѣлищу послѣ того подъема нервовъ, который ей дало двукратное паденіе Михайлова.

Когда наконецъ подъ ужасной перекладной висѣлицы тихо закачалось пять тѣлъ казенныхъ царубійцъ, толпа медленно стала уходить съ площади, продолжая взволнованно обсуждать все случившееся. Тѣмъ временемъ на помостъ взошелъ врачъ, констатировалъ смерть каждаго изъ казенныхъ, послѣ чего ихъ по очереди сняли съ петель и положили въ приготовленные гробы, которые были быстро закрыты, поставлены на ожидавшія платформы ломовыхъ и отвезены на какое-то кладбище...

А палачи, пользуясь людскою глупостью, бойко торговали снятыми съ висѣлицы веревками, которыхъ на ихъ счастье на этотъ разъ оказалось такъ много!..

Такъ кончилась первая видѣнная мною и, къ счастью, послѣдняя «публичная» казнь царубійцъ 1-го марта 1881 года. Съ этого времени всѣ казни стали производиться въ стѣнахъ тюремъ и мѣстъ заключенія только въ присутствіи тюремной администраціи и чиновъ прикурорскаго надзора.

Съ тяжелымъ чувствомъ возвращался я съ мѣста казни, и долго еще, въ особенности по ночамъ, мнѣ мерещились пять тихо качавшихся на тонкихъ веревкахъ человѣческихъ силуэтовъ, слышался грохотъ паденія на деревянный помостъ тяжелаго тѣла, и рисовалась лежавшая на этомъ помостѣ мертвая масса человѣка въ саванѣ...

А солнце попрежнему весело сіяло съ безоблачнаго неба, на заборахъ и голыхъ деревьяхъ задорно чирикали воробы, звонили конки, кричали извозчики, куда-то спѣшили беззаботно смѣявшіеся люди... Словомъ, жизнь шла своимъ обычнымъ темпомъ...

Левъ Плансонъ.

ТЮРЕМНЫЙ БУНТЪ.

(Изъ записокъ судьи).

БЫ ХОТИТЕ знать мое мнѣніе о причинахъ участвовавшихъ за послѣднее время тюремныхъ бунтовъ?—сказалъ старенькій отставной судейскій, отвѣчая на предложенный ему въ разговорѣ о текущихъ событіяхъ русской жизни вопросъ.—Я, право, не знаю: какъ-то, признаться, не доводилось мнѣ надъ этимъ задумываться, но кажется, что одною только дерзостью и небывалой прежде мятежностью нынѣшнихъ арестантовъ объяснять такое явленіе, какъ изволили объ этомъ выразиться вы,—обратился онъ къ одному изъ своихъ собесѣдниковъ, — едва ли будетъ справедливо. Вы сами, господа, — одинъ изъ васъ какъ товарищъ прокурора, а другой по должности судебного слѣдователя, — часто и помногу встрѣчались съ арестантами, такъ скажите, пожалуйста: сильно ли измѣнилось тюремное населеніе за послѣднія пять-шесть лѣтъ, особенно въ нашихъ маленькихъ уѣздныхъ тюрьмахъ? Развѣ не тѣ же воры, изрѣдка убійцы въ запальчивости, негодные къ работамъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, да грабители — нынѣ по-модному называемые «экспроприаторами» — наполняютъ главнымъ образомъ ихъ? И не изъ крестьянства ли и подонковъ городского населенія попрежнему преимущественно вербуются тюремные кадры? А вѣдь психика-то людская, обычаи и нравы, особенно такіе своеобразные, чрезвычайно крѣпкіе и устойчивые, какъ тюремные, едва ли могутъ такъ быстро мѣняться? Не спорю-съ! Смѣлости, какой-то отчаянности и, такъ

сказать, дерзости и озорства стало въ народѣ, особенно среди молодежи, больше, и вообще нынѣ тюрьмы перестали бояться, — да вѣдь и то сказать: кого-кого только не знакомили съ нею за послѣдніе годы по разнымъ подозрѣніямъ и «впредь до выясненія обстоятельствъ, послужившихъ къ задержанію», и по разнымъ обязательнымъ постановленіямъ, — такъ какъ же и не попривыкнуть и не притерпѣться-то, но все же тюрьма осталась тюрьмой и сидѣть въ ней не сладость! Пожалуй, если на свободѣ и озорничаешь и, какъ потеперешнему говорится, хулиганишь, такъ въ острогѣ-то тебѣ хвостъ прижмутъ: до бунтовъ ли тамъ или безпорядковъ какихъ?

— Такъ что же, по-вашему, — спросилъ съ нескрываемой насмѣшкой молодой товарищъ прокурора: — виновато всегда начальство, которому полагается вѣчно быть злымъ и несправедливымъ, а несчастенькимъ, — такъ, кажется, въ ваше время звали арестантовъ, — добродѣтельными? Это вы хотите сказать?

— Нѣтъ-съ, — возразилъ старикъ, этого я сказать не хочу, но не угодно ли вамъ будетъ выслушать объ одномъ тюремномъ бунгѣ, единственномъ, впрочемъ, котораго я былъ свидѣтелемъ за всю свою слишкомъ тридцатилѣтнюю судебскую службу?

— Пожалуйста, пожалуйста, — въ одинъ голосъ заявили товарищъ прокурора и слѣдователь, и рассказчикъ, отодвинувъ только что налитый и поданный ему стаканъ горячаго чаю, началъ:

«Лѣтъ девятнадцать-двадцать тому назадъ, какъ, можетъ быть, вамъ извѣстно, я былъ назначенъ городскимъ судьей въ городъ Гривскъ. Городъ это небольшой, затерявшійся въ лѣсахъ, которыми славится тотъ край. Населеніе въ Гривскѣ было въ то время мирное и спокойное; многіе занимались сплавомъ и торговлей лѣса, и денга у горожанъ водилась. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ преступленій должно было быть минимальное количество и служить тамъ мнѣ, городскому судѣ, будетъ легко — работы много не предвидится, однакоже на дѣлѣ оказалось не то!

«Гривскъ почему-то особенно облюбовала петербургская столичная полиція и десятками водворяла туда на административное жительство, подъ надзоръ полиціи, разныхъ проходимцевъ и отбывшихъ наказаніе воровъ, не имѣющихъ права жительства въ столицѣ; всѣ эти молодчики были въ громадномъ большинствѣ не старые еще, но виды видавшіе люди, многое переиспытавшіе и потому не отличавшіеся спокойствіемъ своихъ характеровъ. Они быстро пьянѣли, скоро возбуждались и не могли похвастаться ни сдержанностью, ни здоровьемъ своей нервной системы. Лѣтомъ, во время навигаціи, люди эти, совершенно чужіе Гривску, еще находили себѣ кое-какую работу и пропитаніе на пристани возлѣ парходовъ, заходившихъ иногда въ Гривскъ, но зато въ долгія зимы дѣлать имъ рѣшительно было ничего и жить было не на что и негдѣ. Понятно отсюда, что съ наступленіемъ осени число кражъ и вообще

преступленій въ Гривскѣ замѣтно увеличивалось, и виновниками оказывались большей частью эти «поднадзорные», что еще больше обостряло ихъ отношенія съ мѣстнымъ населеніемъ и ухудшало ихъ собственное положеніе.

«Къ концу зимы, обыкновенно, тюрьма оказывалась биткомъ набитой, а тюрьма была обыкновенной маленькой уѣздной тюрьмой, рассчитанной на тридцать—тридцать пять человѣкъ, сидѣло же въ ней по зимамъ чуть не вдвое больше. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Гривскѣ на меня, какъ на одного изъ директоровъ тюрьмы, было возложено завѣдываніе хозяйственной частью. Вотъ тутъ-то, часто посѣщая тюрьму и невольно соприкасаясь съ арестантскою жизнью и ея обитателями, я и успѣлъ ознакомиться и узнать тюрьму, а впоследствии, повышаясь по службѣ и продолжая посѣщать и другія тюрьмы, убѣдился, что типъ тюремной жизни, нравы арестантскіе и обычаи вездѣ болѣе или менѣе одинаковы: что въ маленькой деревянной гривской тюрьмѣ, что въ московскихъ Каменщикахъ ¹⁾, занимающихъ громадное пространство и похожихъ своими красными кирпичными корпусами на какую-нибудь фабрику или заводъ.

«Тюремное начальство тогда въ Гривскѣ составляли: начальникъ тюрьмы, изъ бывшихъ становыхъ приставовъ, уволенный отсюда за что-то, должно быть, не очень хорошее, и четыре надзирателя. Надзиратели были пожилые, многосемейные служивые, большіе хитрецы и дипломаты, умѣвшіе ладить какъ съ арестантами, такъ и съ начальникомъ. Зато начальникъ былъ ой-ой...

«Ни арестанты, ни надзиратели его не любили и боялись пуще огня, и все же, скажу вамъ по совѣсти, рѣдко приходилось мнѣ когда-либо встрѣчать такую дисциплинированную тюрьму, какою была тогда гривская. И какъ это удалось Карякину,—такую фамилію носилъ начальникъ,—достичь такихъ результатовъ, я и понять не могу!

«Разсказывали страшныя сказки объ его какой-то совершенно невѣроятной жестокости, по городу ходили цѣлыя легенды о взысканіяхъ, которымъ будто бы онъ подвергалъ въ тюрьмѣ арестантовъ, но только я, посѣщая тюрьму почти ежедневно въ теченіе двухъ лѣтъ, ни разу ни самъ не видѣлъ, ни отъ кого изъ арестантовъ не слышалъ, чтобы Карякинъ билъ арестантовъ или прибѣгалъ къ другимъ какимъ-нибудь жестокимъ или незаконнымъ наказаніямъ, кромѣ карцера. Правда, жестокъ онъ былъ въ душѣ, должно быть, чрезвычайно, пощады, видимо, ждать отъ него было нечего, но зато собою владѣлъ онъ въ совершенствѣ.

«Говорять, что любилъ онъ выпить и былъ, что называется, «мухобой»: пилъ одинъ, запершись у себя въ квартирѣ, но пьянымъ

---

¹⁾ Губернская тюрьма въ Москвѣ, находящаяся въ Каменщикахъ.

его никто не видѣлъ. Всегда подтянутый, чисто и даже щеголегато одѣтый, съ особеннымъ запахомъ какихъ-то неизвѣстныхъ духовъ, смѣшанныхъ съ гвоздикой, который онъ распространялъ вокругъ себя, появляясь въ тюрьмѣ, маленькаго роста, съ холодными, неприятными, точно стальными глазами и черными скверными зубами, — Карякинъ всею своей коренастой приземистой фигурой внушалъ невольно увѣренность въ томъ, что въ немъ скрывается неостощимый запасъ непоколебимой настойчивости. И дѣйствительно, при Карякинѣ ни одна вина, какъ бы она ни была незначительна, ни одному арестанту не прощалась. Распоряженіе его было кратко: «Въ карцеръ!» и всегда произносилось оно ровнымъ, звенящимъ голосомъ, безъ крика и брани. Сроки, на которые онъ сажалъ въ карцеръ, а это было, надо вамъ сказать, прескверный, темный и сырой чуланъ въ подвальномъ этажѣ, — не отличались краткостью, и не было, кажется, никакой силы, чтобы заставить его сократить срокъ наказанія, которому онъ разъ назначилъ подвергнуть арестанта. Я помню, какъ въ Страстной понедѣльникъ были имъ посажены въ карцеръ за что-то двое арестантовъ на недѣлю; помню я, что въ Страстную субботу арестанты эти при мнѣ не просто просили, а молили его выпустить ихъ на сутки раньше ради наступающаго великаго праздника, просилъ объ этомъ Карякина и я частнымъ образомъ, но все было напрасно: арестанты отбыли заключеніе въ карцерѣ ровно недѣлю и просидѣли тамъ пасхальную заутреню и обѣдню, которыя служились приглашеннымъ для того іеромонахомъ изъ городского монастыря въ тюремной церкви, приписанной къ собору и не имѣющей своего отдѣльнаго причта. Я помню, какъ однажды, когда кто-то изъ пріѣзжихъ начальствующихъ лицъ обходилъ съ Карякинымъ тюрьму, и въ это время въ одной изъ запертыхъ камеръ раздалось было и сейчасъ же замолкло пѣніе, на которое, впрочемъ, начальство не обратило ровно никакого вниманія, Карякинъ тотчасъ же по уходѣ пріѣзжаго гостя водворилъ дерзкаго пѣвца, нарушившаго порядокъ, на десять сутокъ въ карцеръ! Итакъ, повторяю, дисциплина въ тюрьмѣ была удивительная, и боялись арестанты Карякина ужасно. Зналъ это и самъ Карякинъ и частенько самодовольно говорилъ: «Въ моей тюрьмѣ порядокъ будетъ всегда. Арестанты будутъ меня бояться, а разныхъ тамъ прочихъ чувствъ ихъ мнѣ не надо!»

«Казалось бы, что при такихъ условіяхъ и думать было нельзя не только о беспорядкахъ или бунтѣ въ тюрьмѣ, но даже и объ открытомъ выраженіи со стороны арестантовъ какого-нибудь неудовольствія, а именно тамъ-то и случилось то происшествіе, которое я назвалъ вамъ бунтомъ и собираюсь сейчасъ рассказать.

«Дѣло происходило такъ: въ гривской тюрьмѣ для арестантовъ работъ никакихъ организовано не было, какъ и въ большинствѣ нашихъ тюремъ. Происходило это, во-первыхъ, потому, что и у

самихъ-то гривскихъ горожанъ не хватало работы и дѣлать имъ было нечего, и, во-вторыхъ, затраты на матеріалъ и мастерскія въ тюрьмѣ не окупились бы при сбытѣ арестантскихъ издѣлій, а тюрьмы вѣдь и безъ того немалыхъ денегъ стоятъ. Да и рынокъ для сбыта еще найти надо было: кому же въ Гривскѣ-то и сбывать? Впрочемъ, арестанты въ гривской тюрьмѣ сами выдумали себѣ работу: мастерили немудрыя деревянныя шкатулочки и оклеивали ихъ разноцвѣтными соломинками, выводя хитрые подчасъ узоры. Главнымъ, да, пожалуй, и единственнымъ, пріобрѣтателемъ такихъ шкатулочекъ былъ нашъ братъ-чиновникъ, посѣщающій по обязанностямъ службы тюрьму. Нѣтъ, нѣтъ, да преподнесутъ арестанты такую шкатулочку. Ну, разумѣется, отказываться неловко—«для вашего, дескать, благородія старались»,—возьмешь и заплатишь. У обывателей гривскихъ чуть ли не въ каждомъ домѣ давно уже такія шкатулочки красовались. Кромѣ этого занятія, арестанты исполняли еще и всѣ хозяйственныя работы, да много ли ихъ и хватить ли на всѣхъ-то?

«Самою веселою работою для арестантовъ была возка воды. Очень ее арестанты любили. Объяснялось это тѣмъ, что за водой приходилось ѣздить на рѣку, довольно далеко отъ тюрьмы. Пустую бочку, которую везли на себѣ двое арестантовъ, сопровождало еще шесть человѣкъ, такъ какъ потомъ, наполнивъ бочку водою, приходилось втаскивать ее хоть и не на высокую, но крутую гору, на которой раскинулся Гривскъ. Тогда арестанты, окруживъ бочку со всѣхъ сторонъ, дружно и весело вкатывали ее на гору, а затѣмъ совсѣмъ уже легко везли въ тюрьму. Везли медленно, въ тюрьму обратно не спѣшили: шли городскимъ лугомъ, тихо прохладяясь, а на рѣкѣ, случалось, и купались. Кромѣ того, вслѣдствіе добраго согласія, существовавшаго между арестантами и надзирателями, арестантамъ удавалось кое-когда не только повидаться съ кѣмъ хотѣлось изъ жившихъ на свободѣ, но даже иногда и получить отъ нихъ запретное зелье—табакъ, водку и т. п. и припрятывать ихъ такъ, что даже зоркій и внимательный Карякинъ, по возвращеніи водовозовъ въ тюрьму, не могъ найти у нихъ ничего. Вслѣдствіе такой любви къ доставкѣ съ рѣки воды,—въ тюрьмѣ процвѣтало огородничество. Почва въ Гривскѣ—сухой песокъ, и огороды, разводимые на немъ, требуютъ большой поливки: вотъ почему съ весны, какъ только окончилась посадка овощей, и до конца лѣта поѣздки за водой изъ гривской тюрьмы учащались, и никто изъ арестантовъ на это не жаловался. Кромѣ этого, огородомъ арестанты охотно занимались еще и потому, что выросшіе на огородѣ овощи потреблялись ими же, а излишекъ продавали на базарѣ, и деньги, вырученныя отъ этого, равно какъ и кормовыя, оставшіяся не израсходованными на покупку овощей, шли на улучшеніе арестантскаго стола. Конечно, выращивались на огородѣ только картофель, калгуста, лукъ, горохъ

и рѣдка, — вообще то именно, что только и требовалось въ арестантскомъ обиходѣ и могло родиться по тамошнему климату.

«Въ то лѣто, когда я завѣдывалъ хозяйствомъ въ тюрьмѣ, сборъ съ огорода былъ обильный, а рѣдка почему-то вся почти пропала: уродилась самая малость; зато то, что выросло, — было необыкновенной величины. Особенно выдались двѣ рѣдки. Самъ я ихъ не видѣлъ, но слышалъ отъ надзирателей и отъ самихъ арестантовъ, что въ каждой изъ нихъ было что-то чуть ли не по десяти фунтовъ съ лишнимъ, и походили онѣ на порядочной величины арбузы.

«Вѣсть о такихъ диковинкахъ проникла и за тюремныя стѣны, и это арестантамъ было извѣстно и составляло ихъ гордость. Тогда же, когда рѣдки были выкопаны и ими достаточно налюбовались, арестанты сообща порѣшили между собою сохранить ихъ до Великаго поста и въ прощенное воскресенье съѣсть за обѣдомъ. Порѣшивъ такъ, отдали рѣдки, наказавъ строго-настрого хранить ихъ, хлѣбопеку-арестанту, который не только пекъ хлѣбъ, но закупалъ подъ наблюденіемъ надзирателя разные съѣстные припасы для тюрьмы и завѣдывалъ кладовой и подваломъ. Сами знаете, какъ незначительны и скудны тюремныя интересы, не удивитесь поэтому, если я скажу вамъ, что эти двѣ рѣдки часто составляли предметы бесѣдъ арестантовъ между собою! Долгіе, ненастные, осенніе дни, длинные зимніе вечера, почти абсолютное бездѣлье — все это способствовало тому, что фантазія у собесѣдниковъ разыгрывалась и воображеніе рисовало знаменитыя рѣдки какимъ-то необыкновеннымъ, небываломъ плодомъ, какой-то амброзіей!

«Прибывалъ въ тюрьму новый заключенный, и тотчасъ же товарищи по камерѣ знакомили его съ условіями и бытомъ тюремной жизни и среди разныхъ остроумныхъ новостей неукоснительно, на первыхъ же порахъ, повѣствовали о диковинныхъ рѣдкахъ, выросшихъ у нихъ на огородѣ и хранящихся въ тюремномъ подвалѣ. Про все это я тогда ничего не зналъ; потомъ уже стало намъ, начальству, извѣстно, какъ дорого цѣнились тюремнымъ населеніемъ эти двѣ рѣдки... И чѣмъ ближе время подходило къ масленицѣ, тѣмъ аппетитъ у арестантовъ на рѣдки все больше и больше разыгрывался, а рѣдекъ-то давно уже и не существовало! Случилось это такъ: Карякинъ въ срединѣ января справлялъ свои именины и устроилъ пиръ для знакомыхъ и пріятелей въ единственной, существовавшей тогда въ Гривскѣ гостиницѣ. Гости до того разгулялись, что нѣкоторые изъ нихъ совершенно неожиданно для Карякина явились къ нему прямо на квартиру въ тюрьму вечеромъ на другой день опохмеляться. Какъ, можетъ быть, ни непріятно это было хозяину, однако дѣлать нечего: пришлось угощать. Было довольно поздно: водки и пива еще кое-какъ достали, но закуской въ требуемомъ количествѣ не разжились. Тогда одинъ изъ гостей, кажется, дѣлопроизводитель воинскаго начальника, слыхавшій о

необыкновенныхъ рѣдкахъ отъ солдатъ конвойной команды, сопровождавшихъ арестантскіе этапы, напомнилъ о существованіи ихъ. Всѣмъ присутствующимъ мысль эта чрезвычайно понравилась, и по требованію Карякина рѣдки изъ подвала были доставлены къ нему. Гости, подивившись на нихъ, рѣшили, что хватить и одной, но затѣмъ за попойкой случилось какъ-то такъ, что съѣденными оказались обѣ. Рѣшительно остается для меня непонятнымъ и до сего дня, какъ это Карякинъ, относившійся съ щепетильной честностью къ арестантскому добру, допустилъ, это? О томъ, что арестанты почти что бредятъ этими рѣдками, онъ, конечно, не могъ не знать! Можетъ быть, онъ, какъ начальникъ тюрьмы, и самъ не былъ чуждъ нѣкоторой гордости, что въ «его» тюремномъ огородѣ выросли такіе рѣдкостные фрукты, и счелъ и себя въ правѣ вкусить отъ нихъ, желая похвастаться передъ пріятелями? Не знаю-съ! Говорилъ онъ мнѣ потомъ, что хотѣлъ на другой день закупить рѣдки и замѣнить ею съѣденную, да забылъ совсѣмъ, однако лично я этому не вѣрю: не таковъ былъ Карякинъ, да и изъ дальнѣйшаго, я думаю, вы и сами увидите, что это не такъ. И вотъ пошла масленица.

«Во время ея всѣмъ арестантамъ полагалось ежедневно на cadaго по ложкѣ коноплянаго масла. Въ первый же день арестанты условились не брать это масло и копить его къ прощеному воскресенію, чтобы въ этотъ день все его употребить на приправу къ за-вѣтнымъ рѣдкамъ. Сказали объ этомъ хлѣбопеку и велѣли ему масло собирать. Хлѣбопекъ, конечно, зналъ, что рѣдки давно изъ подвала исчезли, зналъ также и о томъ, кто ихъ съѣлъ, да все не рѣшался говорить объ этомъ арестантамъ, боясь, какъ бы ему за это не досталось, съ одной стороны, отъ арестантовъ, зачѣмъ отдалъ рѣдки, не оповѣстивъ товарищей, а съ другой—отъ самого начальника. Однако въ субботу, видя общее ожиданіе арестантами завтрашняго дня, осмѣлѣлъ и доложилъ начальнику о томъ, что арестанты, дескать, ждутъ себѣ завтра на обѣдъ рѣдку и не-смѣло напомнилъ его благородію, что рѣдекъ нѣтъ, потому что ихъ «скушали, ономнѣя, гости». Старый надзиратель, который присутствовалъ при этомъ докладѣ, подтвердилъ слова хлѣбопека и позволилъ себѣ высказать предположеніе, что надо бы купить сегодня побольше рѣдекъ, натереть да завтра и подать за обѣдомъ, а то какъ бы чего не вышло! Можетъ быть, этотъ непрошенный совѣтъ нижняго чина не понравился Карякину, а, можетъ быть, ему показалось и обиднымъ предположеніе, что изъ-за такой, съ позволенія сказать, дряни, какъ какія-то тамъ рѣдки, можетъ что-то случиться въ «его» тюрьмѣ,—рѣшать не берусь, только Карякинъ разсердился и, сказавъ, что онъ самъ знаетъ, чѣмъ слѣдуетъ кормить арестантовъ, далъ собственныя деньги и приказалъ купить на нихъ порядочное количество сомовины и заправить ею завтра

арестантскія щи. Ни хлѣбопекъ, ни надзиратель возражать не осмѣлились и исполнили все такъ, какъ было Карякинымъ приказано. На слѣдующій день, предъ обѣдомъ, по приказанію Карякина, арестантамъ было объявлено, что нынче на обѣдъ щи будутъ съ рыбой-сомовиной, пожертвованной начальникомъ. Арестанты поблагодарили, но, поглощенные ожиданіемъ появленія въ обѣдъ столь нетерпѣливо желанныхъ чудовищныхъ рѣдекъ, не придали такому тоже рѣдкостному угощенію, какъ сомовина, никакого или весьма мало значенія, и сообщеніе объ этомъ эффекта, на который, повидимому, разсчитывалъ Карякинъ, не произвело. Арестанты благополучно съѣли щи, и дежурные изъ камеръ собрались было отправиться въ кухню за рѣдками, но надзиратели ихъ не пустили, сказавъ, что рѣдки сегодня въ обѣдъ не будутъ.

«Что послѣ этого произошло въ тюрьмѣ,—и разсказать нельзя. Началось что-то невообразимое! Когда на требованіе арестантовъ принести сейчасъ же рѣдки испуганный хлѣбопекъ сказалъ, что ихъ нѣтъ и что онѣ сгнили,—его чуть было не убили, и лишь случившемуся подлѣ него надзирателю удалось оттащить его и увести въ тюремную контору. Въ тотъ же моментъ какимъ-то чудомъ тюрьма узнала, что рѣдки съѣдены и что съѣлъ ихъ не кто иной, какъ начальникъ съ гостями! Моментально начался страшный крикъ и шумъ. Арестанты начали бить двери своихъ камеръ и требовать, чтобы явился начальникъ.

«Карякинъ, блѣдный, какъ полотно, со сверкающими отъ гнѣва глазами, но, сохраняя обычное самообладаніе, явился въ тюрьму. Лишь только онъ появился во дворѣ, какъ изъ оконъ камеръ посыпались осколки разбиваемыхъ стеколъ и раздался градъ упрековъ и площадныхъ ругательствъ. Этого, видимо, Карякинъ не ожидалъ. Вступивъ въ тюрьму, Карякинъ приказалъ отпереть дверь у ближайшей отъ входа камеры. Но лишь только это было исполнено, дверь открыта, какъ арестанты, сидѣвшіе въ камерѣ и успѣвшіе разобрать деревянныя нары, съ досками въ рукахъ кинулись на вошедшихъ; Карякинъ съ надзирателями едва успѣлъ выскочить изъ тюрьмы и захлопнуть за собою и запереть входныя двери. Арестанты, выбѣжавъ изъ камеры, сорвали замки у прочихъ камеръ, и всѣ арестанты столпились въ коридорѣ, проходящемъ черезъ всю тюрьму и ведущемъ къ выходу. Карякинъ, остановившись во дворѣ у дверей, пытался было образумить арестантовъ и указать на угрожающее имъ наказаніе, но отвѣтомъ была только одна брань, а изъ оконъ въ дверь полетѣли обломки досокъ. Беспорядокъ въ тюрьмѣ принялъ размѣры настоящаго бунта, и чувствовалась какая-то стихійная сила, которая охватила всѣхъ арестантовъ, отъ перваго до послѣдняго. Вѣсть о беспорядкѣ въ тюрьмѣ во мгновеніе молніи пронеслась по городу, и любопытные потянулись къ тюрьмѣ. Немедленно прибыло туда же и все уѣздное начальство и собралось

въ тюремной конторѣ, помѣщавшейся около тюремныхъ воротъ, возлѣ квартиры начальника.

«Пытались было кое-кто входить въ тюремный дворъ и уговаривать бунтующихъ арестантовъ, но все было напрасно. Чтобы прекратить безчинства, рѣшено было потребовать и ввести въ тюрьму военную силу, такъ какъ четырехъ смертельно перепугавшихся и, кажется, никогда не стрѣлявшихъ надзирателей и нѣсколькихъ полицейскихъ городскихъ, имѣвшихъ въ большинствѣ случаевъ, вмѣсто револьверовъ, пустыя отъ нихъ кобуры,—очевидно, было совершенно недостаточно, а стражниковъ, пѣшихъ или конныхъ, вооруженныхъ винтовками, какъ теперь, тогда еще не было и въ поминѣ.

«Присутствовавшій при этомъ рѣшеніи и особенно на немъ настаивавшій воинскій начальникъ заявилъ, что онъ тотчасъ же пошлетъ приказъ воинской командѣ явиться въ тюрьму съ ружьями и боевыми патронами и добавилъ, что немедленно же надо будетъ донести объ этомъ телеграммой командующему войсками военного округа, а командующимъ-то тогда былъ одинъ изъ великихъ князей.

«Въ этотъ самый моментъ я, узнавъ о бунтѣ, пріѣхалъ въ тюрьму и вошелъ въ контору. Я замѣтилъ, что послѣднія слова воинскаго начальника о предстоящемъ донесеніи великому князю о тюремномъ бунтѣ произвели нѣкоторое впечатлѣніе на присутствовавшихъ, особенно на исправника и начальника тюрьмы. Кто-то высказалъ, что будетъ какъ-то неловко и неудобно доносить великому князю, что вотъ, молъ, арестанты учинили бунтъ, недовольные отказомъ въ подачѣ имъ на обѣдъ двухъ рѣдекъ.

«Послѣдовало замѣшательство, воспользовавшись которымъ, я вышелъ изъ конторы и вошелъ во дворъ.

«Арестанты продолжали шумѣть и колотить въ выходную дверь, пытаясь сорвать ее съ петель. Когда я приблизился къ двери и спросилъ, что имъ надо, крики и ругательства усилились, но среди нихъ я все же разобралъ слова: «подать сюда рѣдки!»

«Не умѣю вамъ, господа, сказать теперь, обдуманно ли, или это случайно у меня вышло, только я тотчасъ же приказалъ позвать изъ конторы во дворъ хлѣбопека и здѣсь, прикрикнувъ на него, какъ онъ осмѣлился не доглядѣть за сданными ему на храненіе арестантскими овощами,—сейчасъ же велѣлъ взять отъ меня деньги и ѣхать на моей лошади на базаръ, чтобы закупить и подать арестантамъ рѣдекъ.

«Съ этими словами я выпулъ кошелекъ и далъ какую-то мелочь хлѣбопеку, съ которою тотъ направился къ воротамъ и скрылся въ нихъ. Не знаю, устали ли арестанты безобразничать, или же успѣли одуматься и очнуться отъ того стаднаго чувства, которое охватило ихъ въ началѣ беспорядковъ, только моментально же послѣ того, какъ я далъ хлѣбопеку деньги и тотъ съ ними вышелъ,

шумъ и битье дверей прекратилось и послышались голоса: «Вотъ покорно благодаримъ, ваше благородіе!»—«Премного благодарны!»—«Чувствительно тронуты!» и тому подобныя любезныя выраженія, совершенно непохожія на только что раздававшіеся оттуда же крики ненависти и брани.

«Когда объ этомъ узнали въ конторѣ, то рѣшеніе о вызовѣ солдатъ, конечно, въ исполненіе не привели и были рады, что дѣло кончается, повидимому, благополучно, только воинскій начальникъ упомянулъ что-то о престижѣ власти, нарушенномъ будто бы покупкою рѣдекъ, и сказала нѣчто ядовитое по поводу моего «штатскаго», какъ онъ выразился, сердца...

«Въ тюрьму отправился старшій надзиратель, старый и наиболѣе любимый арестантами и, вернувшись минутъ черезъ десять, доложилъ, что въ тюрьмѣ все благополучно, что арестанты успокоились, разошлись по камерамъ и даже притворили за собою двери, запретить которыя ему, однако, не удалось, такъ какъ почти всѣ запоры оказались сломанными. За время отсутствія старшаго надзирателя мы успѣли уже переговорить и согласились не дѣлать изъ непріятнаго происшествія особенной исторіи.

«Къ удивленію моему, больше всѣхъ на этомъ настаивалъ Карякинъ, а исправникъ его въ этомъ поддерживалъ.

«Тогда же было рѣшено, что если въ дальнѣйшемъ не произойдетъ ничего особеннаго, то ограничиться домашними, такъ сказать, мѣрами, а именно каждаго изъ арестантовъ наказать трехдневнымъ строгимъ содержаніемъ въ карцерѣ, а противъ двухъ, первыми бросившихся съ руганью на начальника, возбудить дѣло по обвиненію ихъ въ оскорбленіи находившихся при исполненіи служебныхъ обязанностей тюремнаго начальника и надзирателей. Пока мы рѣшали такъ, вернулся съ базара хлѣбопекъ и торжественно пронесъ въ кухню мѣшокъ съ рѣдкой. Слѣдомъ за нимъ двинулись въ тюрьму и мы. Конечно, окна какъ были разбиты, а запоры и нары сломаны, такъ они и остались, но ни щепокъ, ни досокъ нигдѣ видно не было, осколки были убраны, а камеры притворены. Тишина въ тюрьмѣ была полнѣйшая.

«Когда мы, предшествуемые надзирателемъ и все еще опасаясь новаго взрыва неудовольствія, подошли къ первой камерѣ и надзиратель, съ обычной командой: «встать», открылъ дверь, то вся камера, какъ одинъ человѣкъ, опустила передъ нами на колѣни, то же повторилось и въ остальныхъ камерахъ.

«Арестантамъ была подана рѣдка съ накопленнымъ ими коноплянымъ масломъ и объявлено о наказаніи, которому ихъ было рѣшено подвергнуть. Ни звука протеста произнесено не было.

«Разбитыя стекла были вставлены и изломанныя нары и запоры у дверей починены Карякинымъ на остатки изъ какихъ-то тамъ

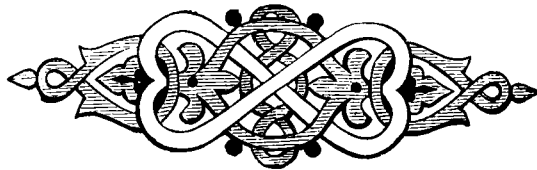
суммъ!.. Всѣ арестанты потомъ по очереди положенное имъ наказаніе отбыли, а двухъ впоследствии судиль. окружный судъ

«Тѣмъ только дѣло и кончилось, если не считать, что все-таки пріѣзжалъ потомъ посланный губернаторомъ чиновникъ особыхъ порученій, произвелъ дознаніе, и Карякинъ былъ переведенъ куда-то въ другую тюрьму.

«Видите теперь, господа, какія иногда ничтожныя событія ведутъ къ бунтамъ въ тюрьмахъ? Живущимъ на свободѣ въ совершенно другихъ условіяхъ показалось бы, можетъ быть, совершенно невѣроятнымъ, чтобы изъ-за двухъ рѣдекъ могъ разгорѣться мятежъ и люди бы рѣшились рисковать жизнью, однако это такъ и рассказанное сейчасъ мною вамъ происшествіе—не анекдотъ! А случись-ка это въ наше-то время? Что бы это было!!.. Были бы, безъ сомнѣнія, немедленно вызваны исправникомъ его стражники съ винтовками,—вѣдь великому-то князю доносить ужъ не надо,—раздались бы выстрѣлы; и полилась кровь! Не миновать бы, пожалуй, тогда арестантамъ и военнаго суда, а статистика тюремныхъ бунтовъ обогатилась бы еще однимъ!

«Такъ-то-съ!»—заключилъ отставной судейскій и принялся медленно мѣшать ложечкой въ остывшемъ стаканѣ давно распустившейся сахаръ.

С. П. Рудневъ.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ЛЮБВИ.

Воспоминанія Манфредо Пинелли ¹⁾.

СЛИ вы издали смотрите на холмъ, выдѣляющійся на фонѣ зарева солнечнаго заката, то каждая фигура, появляющаяся на его вершинѣ, кажется увеличенною; точно также на горизонтѣ прошлаго, даже ближайшаго, возвышаются нѣкоторыя фигуры, кажуціяся гигантскими, точно онѣ одиѣ остались на ногахъ, когда другія упали, то есть ушли и изъ жизни и изъ нашей памяти.

Изъ числа фигуръ, все еще настойчиво и ярко вырисовывающихся предо мною, особенно отчетливы контуры двухъ, которыхъ я имѣлъ счастье знать въ дѣтствѣ, а именно Франца Листа и предмета его великой, глубокой любви княгини Каролины Витгенштейнъ.

Ихъ высокая интеллектуальная цѣнность миновала веселую впечатлительность моего отрочества подобно мелодичному журчанію ручья, которое не успѣваешь уловить, но видѣнность ихъ была до того своеобразна, въ особенности княгини, что она точно живая стоитъ предо мною.

Княгиня жила въ меблированной квартирѣ, въ Римѣ, на углу улицъ Бабуино и Алибертъ. Туда меня водила матушка, послѣ долгаго репетированія поклоновъ и приличныхъ манеръ, которое

¹⁾ Съ итальянскаго языка перевелъ П. Башилловъ.

я переносилъ съ покорностью ребенка, ожидающаго награды въ видѣ сластей.

Добрая быстроглазая старушка съ энергичнымъ лицомъ, въ чепцѣ изъ дорогихъ кружевъ привѣтствовала насъ при встрѣчѣ небольшимъ пронзительнымъ радостнымъ возгласомъ, кончавшимся словами: «*ma chère*», обращенными къ матушкѣ. Потомъ она выражала оспаривавшееся нами безпокойство о томъ, будто бы мы нанесли холода въ обширную комнату, въ которой она жила въ тепличной атмосферѣ, наполненной ароматомъ свѣжихъ цвѣтовъ.

Это чисто-русское опасеніе холода, принесеннаго извнѣ, я въ слѣдствіи нашель въ одномъ изъ наиболѣе глубокихъ прекрасныхъ романовъ, — у юмористической фигуры гончаровскаго Обломова.

Какъ сама княгиня, такъ и ея квартира казались мнѣ диковинными. Въ гостиной, предназначенной для того, чтобы гости согрѣлись передъ тѣмъ, какъ войти висѣла цѣлая коллекція золоченыхъ клѣтокъ, въ которыхъ папа Пій IX ежегодно присылалъ ей по бѣлому голубю, символически изображавшему Духа Святаго.

Княгиня одѣвалась, какъ кардиналь, то въ ярко-красное платье, то въ лиловое, съ мантилькой того же цвѣта; на платьѣ, подобно тому, какъ это дѣлается на рясахъ, нашитъ былъ рядъ мелкихъ шелковыхъ пуговокъ, употребляемыхъ исключительно для священнослужительскихъ одѣяній.

Видъ этой женщины, одѣтой въ роскошное платье князя церкви, былъ немного страненъ, но ея осанка была настолько исполнена граціи и достоинства, что мнѣ никогда и въ голову не приходило смѣяться надъ этимъ костюмомъ.

Каролина Витгенштейнъ написала, можно сказать, цѣлую бібліотеку книгъ и статей, богословскій балластъ которыхъ имѣеть, правда, малую для насъ цѣнность, но въ этихъ трудахъ проявляется необычайная, прямо чудовищная эрудиція, блестятъ, подобно алмазамъ, глубокія мысли и посверкиваютъ золотыя блески остроумія, ставя эту женщину на первое мѣсто среди существующихъ болѣе замѣчательныхъ иностранокъ, въ XIX вѣкѣ жившихъ въ Италіи, каковы Уйда, Елизавета Браунингъ и герцогня ди-Кайянелло.

Ласерръ, знавшій Каролину не лично, а только по ея сочиненіямъ, вотъ какъ выражается: «Столь великая универсальность знаній была въ теченіе десяти лѣтъ предметомъ моего постоянно возрастающаго изумленія. Хотя она много писала, но почти ничего не желала печатать, до того любила она тѣнь и тишину» ¹⁾.

Одно изъ ея сочиненій, не менѣе какъ въ двадцать четыре тома въ восьмушку листа, по завѣщательному ея распоряженію, должно

¹⁾ Ласерръ. Предисловіе къ итальянскому переводу сочиненія княгини Витгенштейнъ «Христіанская жизнь въ наше время».

оставаться неизвѣстнымъ публикѣ въ теченіе четверти вѣка со дня ея кончины, т. е. до 1913 года.

Это произведеніе опечатано печатями и хранится въ одномъ изъ богемскихъ монастырей.

Католическій фанатизмъ, которымъ, какъ яркимъ пламенемъ, пылала душа княгини Витгенштейнъ, не помѣшалъ ей сохранить утонченное духовное равновѣсіе, позволилъ ей быть въ дружбѣ съ людьми не только не одной вѣры съ ней, но и не однихъ убѣжденій.

Это доказывается недавно опубликованными ¹⁾ письмами одной искренней революционерки Эммы Гервексъ, которая отдала свои деньги и подвергла опасности свою жизнь, устраняя побѣгъ изъ мантуанской тюрьмы знаменитому Орсини, покушавшемуся на жизнь Наполеона III посредствомъ бомбъ, сохранившихъ его имя.

Эммѣ Гервексъ удалось доставить Орсини пилки, которыми онъ и распилилъ рѣшетки своей тюрьмы, но побѣгъ его превратился въ простое покушеніе, и тогда Эмма начала хлопотать о его помилованіи. Когда же онъ умеръ отъ руки палача, Эмма Гервексъ написала исполненное раздирающей муки письмо, которымъ хотѣла подѣлиться своими чувствами съ Каролиною Витгенштейнъ, хотя и далекою отъ всякой революціонной идеи, но готовою сочувствовать человѣческой скорби, чье бы сердце она ни терзала.

Констатированіе этого факта имѣетъ тѣмъ большую психологическую цѣнность, что и въ сочиненіяхъ княгини Витгенштейнъ, когда молчатъ фанатизмъ и партійность, сердце говоритъ изысканнымъ языкомъ. Я къ тому же былъ очевидцемъ проявленія княгиней Витгенштейнъ нѣжной дружбы къ моей магушкѣ, которая исповѣдуетъ лютеранскую вѣру и извѣстна въ Германіи, какъ писательница, подъ мужскимъ псевдонимомъ Гюнтера фонъ-Фрейберга.

Францъ фонъ-Листъ припоминается мнѣ, какъ человѣкъ высокаго роста (быть можетъ, потому, что самъ я былъ маленькимъ), костистый, въ черной рясѣ аббата; съ орлинымъ носомъ на лицѣ энергичномъ, но добромъ; съ пронзательными глазами, казавшимися маленькими подъ густыми бровями; съ развѣвающимися гривою и лицомъ, покрытымъ бородавками, которыя я, по-ребячески глупо, забавлялся непочтительно считать. Въ Италіи есть писатель, который, не имѣя ни развѣвающейся гривы, ни бородавокъ, очень мнѣ напоминаетъ Листа,—это Евгенийъ Чеки.

Съ моими воспоминаніями о Листѣ соединяется эпизодъ, который стоитъ рассказать, потому что онъ показываетъ, какимъ вліяніемъ на всю свою эпоху пользовался тотъ, кто, можетъ быть, останется непревзойденнымъ исполнителемъ на фортеціано, такъ какъ

¹⁾ «Deutsche Rundschau».

механическое совершенство его игры соединялось съ титаническимъ выраженіемъ чувствъ, доступнымъ только гению.

Листъ, посѣщавшій въ Берлинѣ гостиную моей бабушки, согласился, въ виду дружбы дочери своей Козимы съ матушкою, играть въ Римѣ въ домѣ моихъ родителей въ присутствіи ихъ друзей, хотя со времени полученія духовнаго сана онъ упорно отказывался отъ всѣхъ приглашеній этого рода.

Такимъ образомъ вечеръ, въ который Листъ игралъ, превратился въ цѣлое событіе, и ради него мнѣ въ первый разъ въ жизни разрѣшено было идти спать не одновременно съ курами.

Отъ матушки я знаю, что на этотъ вечеръ ею были приглашены: донна Елена и мужъ ея Бенедетто Кайроли; переводчикъ всего театра Шиллера Андреа Маффеи; историкъ средневѣкового Рима Грегоровіусъ; изъ живущихъ понынѣ итальянцевъ былъ маркизъ де-Санъ-Онофріо, два года тому назадъ назначенный министромъ почтъ и телеграфовъ. Былъ и Тости, который подъ аккомпаниментъ Листа спѣлъ тарантеллу Россини: «И съ брюнеткой, и съ блондинкой буду, мама, танцевать», послѣ чего Листъ и бывший законченнымъ артистомъ нѣмецкій посланникъ фонъ-Кейдель сыграли въ четыре руки пьесу Шуберта. Между дамами была баронесса Деннигесъ, дочь которой осталась печально знаменитою въ качествѣ косвенной причины смерти Фердинанда Лассала. Потомъ она въ баварскомъ Монако лишила себя жизни.

Когда, въ заключеніе, Листъ, исполнивъ пьесу Шопена, наполни воды,—произошелъ тотъ любопытный эпизодъ, который я и собирался рассказать. Изъ-за стакана, изъ котораго пилъ Листъ, произошелъ горячій споръ между двумя иностранками, все время улыбавшимся, это правда, но не уступавшими. Самая упрямая одолѣла и унесла изъ нашего дома стаканъ, сдѣлавшійся для нея драгоценною реликвіею.

Княгиня Каролина Витгенштейнъ родилась 8-го февраля 1819 г. въ расположенномъ въ Кіевскомъ уѣздѣ имѣніи своего отца, богатѣйшаго поляка Петра Ивановскаго, женатаго на Паулинѣ Подосской. Каролина вела свой родъ отъ Ягеллоновъ, древнѣйшихъ владѣтелей Польши, потерянную которою свободу она постоянно оплакивала.

Въ виду раздѣльнаго жительства родителей она дѣтство свое проводила то съ однимъ, то съ другою! Отецъ далъ ей мужское воспитаніе, посвящая ее въ сельское хозяйство своего огромнаго помѣстья, не забывая, однако, и интеллектуальнаго развитія.

Мать ежегодно пріѣзжала предъявлять свои права на дочь и брала ее за границу, возила по всей Европѣ, представляя ее ко всѣмъ дворамъ, попадавшимся по пути ¹⁾.

¹⁾ Ла-Мара.—Предисловіе къ IV тому сочиненій Листа.—Лейпцигъ. 1899 г.

Нѣжное пѣніе прекрасной паниы Ивановской, ученицы Россини, вызывало въ Вѣнѣ восхищеніе князя Меттерниха, канцлера Австро-Венгерской имперіи; она удостоилась похвалъ Спонтини и Мейербера, а въ Карлсбадѣ Шеллингъ, воспѣлъ ее въ стихахъ. Такимъ-то образомъ юность свою Каролина провела частью въ сельскомъ одиночествѣ, а частью въ суетливой суетолокѣ большихъ городовъ.

Потомъ, почти противъ желанія, она стала фрейлиною императрицы Александры Осодоровны.

При дворѣ молодая полька познакомилась съ княземъ Сайнгъ-Витгенштейномъ, русскимъ и православнымъ. Онъ женился на ней больше изъ-за ея громаднаго приданнаго, чѣмъ по любви, и единственною радостью, полученною Каролиною отъ этого брака, было рожденіе дочери Маріи.

Послѣ смерти отца Каролина задумала расторгнуть брачныя узы. Въ 1847 году, пріѣхавъ въ Кіевъ на контрактную ярмарку, она встрѣтила Листа, уже ставшаго знаменитымъ и пользовавшагося успѣхами у европейской публики. На концертъ, устраивавшійся имъ съ благотворительною цѣлью, она послала ему сто рублей. Музыкантъ счелъ долгомъ явиться къ ней, чтобы поблагодарить ее за щедрое пожертвованіе, и былъ восхищенъ ея любезностью.

Эта первая встрѣча имѣла рѣшающее значеніе. Каролина была скорѣе симпатична, нежели красива, но въ ея взорахъ и словахъ было столько интеллигентной доброты, а ученость ея была такъ велика, что удивленъ былъ даже Листъ, знакомый съ самыми умными и образованными женщинами Европы, напримѣръ, съ Жоржъ-Зандъ. Этому удивленію суждено было перейти въ любовь, которая сдѣлалась путеводителемъ гениальнаго музыканта въ его полной приключеніями жизни.

Княгиня на всю жизнь сохранила напечатанную на французскомъ языкѣ программу перваго слышаннаго ею концерта Листа, а по ея смерти она перешла къ дочери ея Маріи ¹⁾.

Нѣсколько дней спустя, княгиня случайно услышала въ костелѣ пѣніе «Pater noster» сочиненія Листа, и съ этой минуты въ ней навсегда возникла твердая и непоколебимая вѣра въ творческій гений великаго исполнителя. Этотъ послѣдній не замедлил съ нею подѣлиться задуманными имъ планами сочиненій и, главнымъ образомъ, оркестровою иллюстраціею Дантовской «Божественной Комедіи», которую Листъ задумалъ дать въ особу для того припоро-вленномъ театрѣ. На сценѣ должны были проходить драматическія

¹⁾ Содержаніе этой программы слѣдующее: 1) Hexameron, variation de bravoures sur un thème des «Puritains»; 2) Concerto de Weber; 3) La truite, mélodie de Schubert; 4) Etudes de Chopin; 5) Invitation à la valse, de Weber; 6) Improvisations sur des thèmes, donnés par le public.

картины, иллюстрированные музыкою оркестра. Каролина предложила снабдить его двадцатью тысячами талеровъ для этого грандіознаго предпріятія, но оно все-таки не осуществилось вслѣдствіе его крайней трудности.

Она по русскимъ законамъ получила право на отдѣльное отъ мужа жителство, или, вѣрнѣе, расторженіе брака, совершеннаго по православному обряду, и послѣ нѣсколькихъ свиданій съ Листомъ уѣхала и поселилась съ нимъ въ Веймарѣ, взявъ съ собою и одиннадцатилѣтнюю дочь Марію. Бѣгство княгини изъ Россіи, при помощи зарапѣ выправленнаго заграничнаго паспорта и проѣздъ ея по Европѣ, переживавшей потрясенія революціи 1848 года, были полны разныхъ перипетій.

Царь, верховный глава русской церкви, повелѣлъ, чтобы маленькую княжну Марію воспитали въ православіи, а не католичествѣ. Позже княгиня рассказывала моему матушкѣ, что, когда это высочайшее повелѣніе ей было передано, она отвѣчала: «Я крѣпко держу дочь въ своихъ объятіяхъ, пусть придутъ ее у меня вырвать». Тогда ея громадное состояніе было конфисковано и у княгини остался только миллионъ рублей, вырученный ею отъ продажи нѣкоторыхъ земель передъ бѣгствомъ изъ Россіи.

Въ Веймарѣ Листъ принялъ назначеніе директора великогерцогскаго оркестра. Тамъ княгиня прожила съ нимъ двѣнадцать лѣтъ на виллѣ Альтенбургъ, расположенной по ту сторону рѣки Инна, на верху одного холма, вблизи Веймара.

Годы, проведенные въ Альтенбургѣ, были особенно богаты произведеніями. Тамъ онъ создалъ двѣнадцать симфоническихъ поэмъ: симфоніи Данта и Фауста; музыкальные отрывки изъ Фауста; концерты; венгерскія рапсодіи; мессу Гранъ, отрывки изъ «Христа», отрывки изъ оперы «Святая Елизавета». Здѣсь же написано было большинство литературныхъ произведеній Листа, за исключеніемъ образующихъ второй томъ полнаго собранія его сочиненій.

Ла-Мара пишетъ слѣдующее: «Листъ создалъ въ Веймарѣ новую эпоху,—музыкальную, послѣдовавшую за его великою литературною эпохою (т. е. эпохою Гете). Онъ обратилъ маленькій городъ Тюрингинъ въ союзный лагерь музыкантовъ-новаторовъ, получившій названіе «Новой нѣмецкой школы». Наибольшая часть знаменитыхъ новыхъ талантовъ развилась подъ его руководствомъ или пользовалась его гостепрѣимствомъ».

И въ самомъ дѣлѣ изъ именъ тѣхъ, кто посѣщалъ салоны Альтенбурга и упоминается въ письмахъ Листа, отмѣтимъ: Ганса фонъ-Бюлова, Таузига, Брюкнера, Клиндварта, Іоахима, Вьетана, Сивори, Баццини, Пятти, Корнеліуса, Сметану, Брамса, Рубинштейна, Бердіоза, Роберта и Клару Шумановъ, Роберта Франца и величайшаго изъ вѣхъ—Рихарда Вагнера. Между живописцами упомянемъ Каульбаха, который написалъ портретъ дочери Каро-

лины въ нарядѣ Элеоноры д'Эсте. Тотъ же Ла-Мара пишетъ: «Альтенбургская атмосфера пропитана была искусствомъ и гениальностью и приводилась въ колебаніе дыханіемъ благородныхъ женщинъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ идеалу. Это глубокое очарованіе испытывали на себѣ такіа знаменитости, какъ Швиндтъ, Геббель, Гофманъ, Ауэрбахъ, Фрейтагъ, Гуцковъ (вѣнскій юмористъ), Сафиръ, Боденштедтъ, Джорджъ Эллиотъ, Паулина Виардо, Беттина фонъ-Арнимъ. По словамъ Фанни Левальдъ-Геббель, въ этой одуховоренной средѣ гармонія носилась въ воздухѣ, а слова казались нитями, образующими основу золотой ткани...»

Когда подумаешь, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ возможно было въ одной гостиной соединить подобную аристократію по рожденію или по таланту, просто жалость беретъ, что не жилъ въ ту эпоху, потому что нѣтъ ничего скучнѣе нашихъ собраній поверхностныхъ людей, все образованіе свое почерпающихъ изъ ежедневнаго чтенія газетъ!

О началѣ дружбы между уже знаменитымъ Листомъ и Рихардомъ Вагнеромъ, еще неизвѣстнымъ и преслѣдуемымъ врагами и нищетой, передаю слѣдующія интересныя, нигдѣ пока не напечатанныя свѣдѣнія, которыя княгиня Каролина лично повѣдала моеи матушкѣ.

Въ 1849 году Рихардъ Вагнеръ, будучи капельмейстеромъ придворнаго театра въ Дрезденѣ, принялъ участіе въ майскомъ революціонномъ движеніи и былъ, въ качествѣ политическаго преступника, изгнанъ изъ предѣловъ не только Саксоніи, но и всей Германіи. Онъ едва-едва успѣлъ бѣжать въ Цюрихъ, но передъ этимъ бѣгствомъ скрывался подъ чужимъ именемъ въ Веймарѣ, гдѣ великодушный Листъ снабдилъ его деньгами, которыхъ у Вагнера вовсе тогда не было. Во избѣжаніе его ареста Листъ по секрету сообщилъ искренно ему благоволившему великому герцогу веймарскому, что далъ пріютъ политическому бѣглецу, а великій герцогъ, зять императора Вильгельма, человѣкъ умный и добрый, отвѣчалъ:

— Ладно. Позаботьтесь только, чтобы мои министры объ этомъ не провѣдали.

Можно сказать, что до воспослѣдованія въ 1860 году амнистіи Вагнеръ пользовался денежною поддержкою Листа.

Въ 1852 году на веймарской сценѣ поставленъ былъ «Люэнгринъ», а позже «Тангейзеръ». Небезполезно помнить, что такой гений, какъ Вагнеръ, спасенъ былъ отъ голода и нищеты двумя необычайными случайностями: щедростью Листа и безуміемъ Людвигъ Баварскаго. Настоящій артистъ, не имѣющій собственныхъ средствъ, не можетъ однимъ своимъ искусствомъ существовать въ наше время, когда все такъ хорошо организовано для обезпеченія хлѣба посредственностямъ, умѣющимъ просить, между тѣмъ какъ гениальный

человѣкъ стоически переносить нужду и умираетъ отъ нея безъ жалобнаго стопа. Печальная, ужасная участь тѣхъ, которые золотые плоды своей мысли предлагаютъ толпѣ, не желающей купить ихъ за нѣсколькихъ грошей!

Интереснѣе имѣвшій рѣшающее для жизни и твореній Вагнера нигдѣ еще не опубликованный эпизодъ изъ времени пребыванія Листа и княгини Витгенштейнъ въ Альтенбургѣ.

Послѣ бѣгства своего въ Цюрихъ Вагнеръ послалъ Листу въ Веймаръ рукопись «Лоэнгринна» со слабою надеждою на постановку его на тамошней сценѣ.

— Ну, пойдемъ, разберемъ этого музыкальнаго колосса!—сказалъ Листъ княгинѣ, сядя за фортепіано въ одной изъ альтенбургскихъ залъ. Это было послѣ полудня. Княгиня приказала подать кофе и сигаръ. И вотъ, попивая кофе и куря, Листъ нѣсколько часовъ подъ рядъ игралъ, а княгиня молча слушала. Наступило время ужина. На короткое время они удалились и, почти ничего не съѣвъ, по молчаливому соглашенію вернулись къ фортепіано. Листъ возобновилъ музыкальное чтеніе партитуры бѣглеца, и изъ нея поднимались волны гармоніи, возносившія души ихъ лучезарнымъ своимъ теченіемъ высоко въ лунную сферу. Заря застала ихъ за фортепіано, но Листъ не былъ утомленъ, а княгиня продолжала внимательно слушать. Она приказала подать утренній кофе, пошла къ себѣ, быстро покончила съ своимъ туалетомъ и потомъ оба возвратились къ рукописи Вагнера. Въ часъ дня имъ подали легкій завтракъ. Потомъ и до наступленія ночи Листъ продолжалъ разборъ оперы.

Когда онъ кончилъ, Листъ, проведя рукою по усталымъ глазамъ, сказалъ:

— Невозможно.

— Что невозможно?—спросила княгиня.

— Поставить на сцену эту оперу. Если я это сдѣлаю, я такимъ способомъ убью Мейербера и его музыку.

— Вы это думаете!—воскликнула княгиня.—Но если Мейерберъ, дѣйствительно, избранный геній, онъ изъ театральнаго репертуара не исчезнетъ. Если же онъ не геній, то отчего имъ не пожертвовать?

Эта логика умной женщины убѣдила Листа, который и употребилъ все свое вліяніе, чтобы поставить «Лоэнгринна» на придворномъ театрѣ. Суперинтендантъ театра дѣлалъ величайшія затрудненія, но при содѣйствіи великаго герцога Карла-Александра Листу удалось ихъ преодолѣть, и въ томъ же году «Лоэнгринъ» имѣлъ триумфъ въ Веймарѣ.

Представляете ли вы себѣ ту ночь, въ которую двѣ влюбленныя души пережили откровеніе одной изъ нѣжнѣйшихъ и мелодичнѣйшихъ оперъ Вагнера?

Успѣхъ «Донигрина» въ Веймарѣ на восемь лѣтъ предшествовалъ провалу «Тангейзера» въ Парижѣ.

Въ 1859 году дочь Каролины Витгенштейнъ, княжна Марія, вышла замужъ за князя Константина Гогенлоэ, церемоніймейстера императора австрійскаго, и отъ этого брака родился сынъ, бывший въ послѣднее время губернаторомъ въ Триестѣ.

Мужъ княгини Каролины, разведясь съ нею, вступилъ во второй бракъ съ особою, служившею у него въ домѣ гувернанткою. Тогда въ 1860 году Каролина Витгенштейнъ поѣхала въ Римъ хлопотать о расторженіи католическою церковью брака, расторгнутаго уже по русскимъ законамъ. Дѣлала она это для того, чтобы обвиняться съ «son cher grand», какъ она называла Листа. Ей было тогда сорокъ три года, а ему сорокъ девять. Въ это время, т. е. въ 1860 году, Листъ, покинувъ должность директора придворнаго оркестра, остался въ Веймарѣ давать бесплатно уроки музыки многочисленнымъ ученикамъ подъ покровительствомъ великаго герцога Карла-Александра, бывшаго меценатомъ Шиллера и Гете.

Нѣмецкій писатель Вольцогенъ этотъ періодъ пребыванія Листа въ Веймарѣ описалъ въ интересномъ, исполненномъ юмора романѣ, проникнутомъ уваженіемъ къ Листу. Въ этомъ произведеніи описано восхищеніе, внушавшееся великимъ музыкантомъ своимъ ученикамъ обою пола. Въ Римѣ княгинѣ Витгенштейнъ удалось побороть всѣ препятствія, ставившіяся второму ея браку, котораго она такъ пылко желала въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

Папа Пій IX и его статсъ-секретарь кардиналъ Антонелли были поражены глубокими богословскими познаніями княгини. По прибытіи Листа въ Римъ въ церкви Санъ-Карло на улицѣ Корсо было на 22-е октября 1861 года назначено бракосочетаніе его съ княгинею и по этому случаю алтарь украшенъ былъ цвѣтами.

Наканунѣ этого религіознаго обряда, по вмѣшательству родныхъ князя Витгенштейна, дѣло разстроилось. Въ гостиную княгини, гдѣ въ то время находился еще и Листъ, прибылъ отъ папы посланный, объявившій, что бракъ отложенъ, и потребовавшій возвращенія актовъ о разводѣ; католическая церковь при этомъ требовала отъ нея присяги о томъ, что ее принудили выйти замужъ за Витгенштейна. Она отказала и въ произнесеніи этой, несогласной съ истиною, клятвы и въ возвращеніи документовъ. А когда въ 1864 году князь Николай Витгенштейнъ умеръ и кардиналъ Гогенлоэ предлагалъ ей лично благословить ея второй бракъ, она отвѣтила отказомъ. И тогда въ жизни ихъ обоихъ произошелъ необычайный фактъ, доселѣ не понятый и не объясненный ни однимъ изъ ихъ біографовъ. Каролина не только рѣшила посвятить остатокъ своей жизни благотворительности и поддержкѣ той церкви, которая помѣшала ея земному счастью, но и Листа убѣдила пойти по пути

того же непоколебимаго рѣшенія, т. е. облачиться въ рясу монаха и сочинять только духовную музыку для восхваленія Божества.

25-го апрѣля монашноръ Гогенлоэ, великій милостынникъ папы и архіепископъ эдесскій, рукопоможилъ Листа, который, получивъ званіе аббата, съ той поры игралъ на фортепіано только для утѣшенія старости Пія IX.

Онъ поселился близъ церкви мадонны дель-Розаріо на Монте-Марія, и тамъ его посѣщали папа и римская аристократія. Лѣтомъ онъ пользовался гостепріимствомъ князя ди-Торлонія на его великолѣпной виллѣ Альдобрандини во Фраскати, въ то время, какъ княгиня, завершивъ въ своихъ комнатахъ на виллѣ Бабуино, не выходила изъ нихъ даже въ самый налящій зной и продолжала молчаливую, колоссальную работу писательницы по богословскимъ вопросамъ, которой и не прерывала въ теченіе послѣднихъ двадцати семи лѣтъ своей жизни.

Въ 1869 году Листъ впалъ въ немилость, и папа Пій IX пересталъ его принимать, къ великому огорченію княгини Витгенштейнъ, надѣявшейся, что Листъ будетъ назначенъ регентомъ хора при Сикстинской капеллѣ.

И этотъ эпизодъ, т. е. разрывъ съ Ватиканомъ, имѣетъ свою подробность, которая доселѣ не упомянута ни Ла-Марой, ни другими. Въ 1869 году дочь Листа, Козима фонъ-Бюловъ, развелась съ мужемъ, приняла лютеранство и вышла замужъ за Рихарда Вагнера. Ватиканъ ошибочно заподозрѣлъ Листа въ соучастіи и даже подговорѣ дочери къ этому браку, тогда какъ въ дѣйствительности, онъ былъ для него неожиданностью, съ которою ему пришлось помириться, какъ съ совершившимся фактомъ.

Возвышенный духъ Листа, погруженнаго въ творческіе труды, мало былъ уязвленъ подлостями ватиканской камарильи, а благородный и мужественный Гогенлоэ не только остался его другомъ, но и пригласилъ его переселиться въ мирную роскошь виллы д'Эсте, которая и сдѣлалась достойнымъ его жилищемъ, съ журчаніемъ многочисленныхъ своихъ фонтановъ, около которыхъ Листъ часто погружался въ думы о музыкальныхъ сочетаніяхъ.

Сперва на Монте-Марія, а потомъ въ Тиволи, онъ на нѣмецкій текстъ Отто Рокетта написалъ оперу «Святая Елизавета», которую давали въ Веймарѣ и Вѣнѣ; затѣмъ «Христа», длинноты котораго щедро искупаются симфоническимъ великолѣпіемъ, прозрачнымъ, какъ чистыя сверкающія воды Тиволи.

Листъ слилъ радость по поводу рожденія Христа съ глубоко-скорбнымъ предчувствіемъ его кончины. То же сочетаніе чувствъ изобразилъ Каульбахъ въ знаменитой картинѣ, представляющей Приснодѣву Марію, со слезами цѣлующую руку спящаго младенца-Христа. Въ этой ораторіи сталкиваются сельскіе звуки волю-

нокъ пастуховъ, поклоняющихся Христу, съ музыкаю пришедшихъ Ему поклониться волхвовъ. Въ своей ораторіи Листъ слѣдовалъ тексту Фра Якопоне да-Тоди, иллюстрируя его музыкаю. Псалмы, церковные хоры, «Missa Coralіs» и «Реквіемъ» были также написаны въ Римѣ.

Но Листа обуяла тоска по Германіи и по своей родинѣ, и страсть къ путешествіямъ, бывшая его всегдашнею заботою.

Въ 1869 году онъ уступилъ просьбамъ великаго герцога веймарскаго и согласился пріѣхать къ нему въ гости на годъ. Можно сказать, что Листъ былъ послѣднимъ гостемъ монарха по обычаю, державшемуся еще съ эпохи возрожденія. 1870 годъ увидѣлъ Листа въ Будапештѣ, гдѣ неудержимая волна восторга публики заставила артиста пережить дни его прекраснѣйшихъ триумфовъ, вознаграждая его за холодный пріемъ, оказывавшійся его музыкальному творчеству вслѣдствіе строгости его слія. Творчество это оставалось скрытымъ подъ славою его, какъ исполнителя. Листъ согласился быть президентомъ новой музыкальной академіи въ Будапештѣ и съ тѣхъ поръ дѣлилъ свое время между берегами Дуная, Веймаромъ и Тиволи, гдѣ его фигура стала одною изъ самыхъ популярныхъ. Когда онъ проходилъ по улицамъ этого горнаго городка, монашки и нищенствующіе монахи слѣдовали за нимъ, цѣлуя его руки, и получали мелочь, которою онъ наполнялъ свои карманы для раздачи милостыни.

Послѣдніе годы жизни Листа тѣмъ и отличаются отъ послѣднихъ лѣтъ жизни домосѣдки княгини Витгенштейнъ, что мало-по-малу имъ вновь овладѣла цыганская жизнь, которую онъ велъ въ молодости. Будучи самымъ благороднымъ и щедрымъ изъ бродячихъ артистовъ, онъ о настоящихъ цыганахъ написалъ великолѣпную книгу, которую многимъ слѣдовало бы прочесть ¹⁾. И когда княгиня Витгенштейнъ, пріѣхавшая въ Римъ на короткое время, поселилась тамъ навсегда и стала вести затворническую жизнь, Листъ былъ вновь охваченъ потребностью въ обществѣ, въ живой бесѣдѣ, за которою не прочь былъ и опорожнить бутылку добраго вина.

Аббатъ Листъ вошелъ въ составъ римскаго космополитическаго общества и не дѣлалъ разницы между его черными и бѣлыми кружками. Этой разницы не дѣлала и княгиня Витгенштейнъ, да она бы и не вязалась съ ея возвышеннымъ умомъ, столь далекимъ отъ всякой мелочности. Въ Римѣ Листъ въ числѣ своихъ лучшихъ учениковъ имѣлъ Стамбати, а Тости, въ то время молодой и скромный учитель музыки, оживлялся ободреніемъ Листа и начиналъ публиковать свои романы, которые одна иностранная дама назвала примѣшаннымъ къ музыкѣ ароматомъ померанцевыхъ цвѣтовъ.

¹⁾ Des bohémіens et de leur musique en Hongrie.

Въ послѣдніе годы своей жизни Листъ полюбилъ Венецію, будучи очарованъ ея тишиною, полною свѣта и красокъ.

Въ 1881 году онъ въ Венеціи гостилъ у маэстро Уго Бассани, интимнаго друга композитора Альфредо Каталани и знаменитаго миланскаго скрипача Баццини. Въ Венеціи должны еще быть счастливы, помнящіе прекрасные музыкальные вечера въ домѣ Бассани, на которыхъ Листъ игралъ Баха и Бетховена подъ аккомпаниментъ віолончели профессора Фронтали, ставшаго впоследствии преподавателемъ консерваторіи въ Пезаро. Присутствовавшіе на этихъ незабвенныхъ вечерахъ говорили мнѣ, что глубокое волненіе овладѣвало слушателями, когда Листъ игралъ какую-либо изъ своихъ венгерскихъ рандодій или прелюдій Шопена. Случалось, что растроганныя женщины со слезами на глазахъ цѣловали великаго старца.

Палаццо Маллиніеро на Канале Гранде въ Санъ-Самуэле также видѣлъ въ своихъ стѣнахъ Листа, посѣщавшаго княгиню Гацфельдъ, вдову герцога Трахенберга. Въ октябрѣ 1882 года Листъ гостилъ въ палаццо Вендраминъ у Рихарда Вагнера, которому суждено было въ февралѣ слѣдующаго года скончаться въ этомъ дворцѣ въ то время, когда Листъ былъ въ Будапештѣ.

Большую часть времени послѣднихъ двухъ лѣтъ своей жизни Листъ проводилъ, по обыкновенію, на виллѣ д'Эсте. Высокіе кипарисы и мраморныя террасы этой виллы, бывшіе свидѣтелями вѣкового прошлаго, явились для Листа молчаливыми повѣренными послѣднихъ думъ, овладѣвшихъ имъ въ то время, какъ его глаза, угрожаемые слѣпотою, но горящіе внутреннимъ огнемъ, пристально вглядывались въ обширный горизонтъ, который съ высоты Тиволи открывается, обрамляя равнину съ башнями, скалами, уходящими въ даль акведуками и рядомъ каменистыхъ холмовъ по направленію къ тысячу разъ погибавшему и тысячу же разъ воскресавшему городу.

Отнынѣ Листъ и княгиня шли каждый своею дорогою, но, какъ говоритъ Ла-Мара, они при этомъ были соединены въ вѣрѣ, въ надеждѣ на имѣющую возвратить ихъ другъ другу лучшую жизнь и въ воспоминаніяхъ о взаимной неугасимой любви. Высшей «радости соединенія въ торжественную минуту смерти имъ дано не было».

Только за нѣсколько мѣсяцевъ передъ своею кончиною, а именно въ послѣднюю прожитую весну Листу удалось дожидаться триумфовъ въ качествѣ композитора въ Бельгій, Франціи и Англій. Пріѣхавъ въ Байрейтъ на свадьбу внучки своей Даниэлы фонъ-Бюловъ съ профессоромъ Годе, онъ внезапно захватилъ лихорадку, которая и свела его въ могилу. Аккорды дававшагося въ это время «Парсивалья» не долетѣли до него или если и долетѣли, то лишь сквозь галлюцинаціи бреда.

Ла-Мара по этому поводу говоритъ: «Въ послѣднемъ часу 31 дня іюля мѣсяца 1886 года угасло пламя, горѣвшее въ этомъ

великомъ сердцѣ, посвятившемъ себя служенію искусству и чело-
вѣчеству!»

Въ Веймарѣ, въ томъ домикѣ, гдѣ Листъ многіе годы прожилъ, устроенъ небольшой музей, въ которомъ духъ его оживаетъ въ поэзіи воспоминаній. Занимавшійся имъ три комнаты съ принадлежавшими ему вещами сохранены въ неприкосновенности: въ нихъ можно любоваться коллекціею богатыхъ табакерокъ, перстней, подаренныхъ ему предметовъ искусства и поднесенною ему городомъ Будапештомъ почетною саблею, украшенною драгоценными камнями. Образъ Листа оживаетъ въ великолѣпномъ портретѣ знаменитаго живописца Ари-Шеффера и превосходномъ мраморномъ бюстѣ работы Бартолини. Послѣдовавшая на небольшомъ промежуткѣ времени вѣдѣ за смертью Листа кончина княгини Витгенштейнъ, доказываетъ, какое большое вліяніе можетъ, въ предѣлахъ возможнаго, имѣть мощный духъ на слабое тѣло.

Необыкновенная старуха, замкнувшаяся въ жизнь безъ моціона, увеличившая количество своей работы въ дозѣ, обратно пропорціональной уменьшившимся физическимъ силамъ, кажется свяанною съ жизнью какою-то таинственною силою, подобно тлѣющему огоньку, поддерживаемому могущественнымъ дуновеніемъ на погасшемъ факелѣ.

Каролина доводитъ до конца свое колоссальное двадцатичетырехтомное сочиненіе въ февралѣ 1887 года и, нѣсколько недѣль спустя, переутомленная, нуждающаяся въ отдыхѣ, умираетъ отъ водянки, поднявшей къ сердцу. Кажется, будто сердце ея перестало биться тотчасъ послѣ того, какъ только было написано слово «конецъ» подъ произведеніемъ, которому она по каплямъ отдала, въ качествѣ искренней писательницы, всю свою кровь.

Во время торжественнаго отиѣванія ея тѣла 12-го марта подъ сводами церкви Санта Марія дель-Пополо раздался звукъ грандіознаго реквиема, написаннаго Листомъ подъ впечатлѣніемъ трагической смерти императора мексиканскаго Максимилиана. Княгиня при жизни выразила желаніе, чтобы брешные ея останки были погребены подъ звуки этой мелодіи, которую она обожала, какъ и ея творца. Жившая дивными иллюзіями женщина, быть можетъ, надѣялась, что, будучи подхвачена волною этихъ небесныхъ звуковъ, душа ея скорѣе достигнетъ райскихъ сферъ.

Княгиня Каролина Витгенштейнъ поконитя недалеко отъ базилики святого Петра, на обыкновенно запертомъ небольшомъ кладбищѣ для католиковъ-иностранцевъ, которое со своими высокими стѣнами и кипарисами кажется хранящимъ ея тайну. Это маленькій садикъ смерти, гдѣ она возстаетъ въ скромномъ уборѣ нѣжнаго мира и забвенія, безъ роскошнаго монуента и диковинной статуи, — смиренная и великая.

И тамъ былъ и по царственнымъ аллеямъ подошелъ къ каменной плитѣ съ надписью:

Hic in pace quiescit
Carolina Princeps de Sayn Wittgenstein
Stirpe Iwanowsky.

По истеченіи долгихъ лѣтъ, пашелъ я добрую старушку, дарившую улыбки моимъ робкимъ глазамъ ребенка, и, обнаживъ голову, склонилъ не преклонявшееся предъ идолами чело передъ этимъ камнемъ, покрывающимъ смертную оболочку великой и безпокойной женской души.

Манфредо Пинелли.

ПАМЯТИ ЛИТЕРАТУРНАГО ИНВАЛИДА.

ДЕСЯТАГО или одиннадцатаго января въ нѣкоторыхъ изъ столичныхъ газетъ была напечатана коротенькая телеграмма изъ Тифлиса о томъ, что въ этомъ городѣ скончалась писательница Екатерина Оскаровна Дубровина. Говорю «въ нѣкоторыхъ изъ столичныхъ газетъ», такъ какъ большинство ихъ не сочло нужнымъ подѣлиться этимъ извѣстiемъ со своими читателями.

По правдѣ сказать, меня гораздо менѣе удивило умолчанiе о кончинѣ Дубровиной, чѣмъ оповѣщенiе о ней. Вѣдь наврядъ ли кому-нибудь изъ современной нашей читающей публики довелось когда-либо слышать про эту писательницу, не говоря уже о знакомствѣ, хотя бы случайномъ, самомъ бѣгломъ и поверхностномъ, съ ея произведенiями, которыя, кстати упомянуть, составили бы не одинъ десятокъ объемистыхъ томовъ. Даже пишущему настоящiя строки, неоднократно сталкивавшемуся съ Дубровиной и выслушивавшему невольно отъ нея цѣлую серiю искреннихъ и трогательныхъ автобiографическихъ разсказовъ, видѣвшему горькiя старческiя слезы на ея изборозженномъ морщинами лицѣ, ни разу не приходило до сихъ поръ въ голову полюбопытствовать узнать, кто такая въ самомъ дѣлѣ эта Екатерина Оскаровна Дубровина, когда, что и какъ она писала и почему она считала себя въ личныхъ жалобахъ незаслуженно-забытой. Заинтересовался этимъ въ нѣкоторой степени я только теперь, когда прочелъ телеграмму изъ Тифлиса. Посмотрѣлъ было въ одинъ, другой энциклопедическiй словарь, но имени Е. О. Дубровиной не нашель,

зато наткнулся на слѣдующую газетную замѣтку «Имя Дубровиной, какъ и имя Назарьевой, выдвинулось въ восьмидесятыхъ годахъ, когда у насъ наблюдался какъ бы рецидивъ женскаго стремленія выйти на путь мужскаго труда. И болѣе сильная по дарованію Назарьева, и Дубровина явились своего рода пионерками газетнаго труда, на какой женщина шестидесятыхъ годовъ еще не выступала просто потому, что тогда почти не было газетъ.

«Очень плодovitая, Дубровина оставила нѣсколько десятковъ большихъ романовъ, сотни разсказовъ и повѣстей. Тогда только что развивалось дѣло журналовъ-еженедѣльниковъ, «иллюстрацій» и «обозрѣній», и жанръ, культивируемый ею, находилъ не только сбытъ, но и дружественнаго читателя. Низы тогда только что тронулись къ свѣту, и читательскій голодъ способствовалъ успѣху именно такого романа,—запимательнаго, легкаго, нѣсколько сентиментальнаго и сильно идеалистическаго.

«Дубровина писала именно въ такомъ родѣ. Большинство ея романовъ—исповѣдь женскаго сердца, жалоба средней русской женщины на то, какъ ей трудно жить въ условіяхъ современной жизни, не дающей свободы, не признающей ея правъ ни въ трудѣ, ни въ свободной любви, ни въ личной жизни.

«Краски Дубровиной никогда не были ярки, замыслы никогда не новы. Изъ огромнаго числа книгъ ея не запомилась ни одна, гдѣ лежалъ бы слѣдъ безусловнаго беллетристическаго дарованія.

«Было, однако, время, когда «Живописное Обзорѣніе» и «Сынъ Отечества» поддерживали свою подписку именемъ Дубровиной. Теперь едва ли возможно представить переизданіе ея сочиненій.

«Схлынуло настроеніе времени, ѣи на такіе романы погасъ спросъ. Едва ли не одна «Родина» осталась полемъ дѣятельности Дубровиной. Старѣющая и почти старая Дубровина вдругъ оказалась за бортомъ жизни.

«Это было тяжелое состояніе, совершенно отравившее ея закатъ. Она чувствовала себя лишней и ненужной. Къ этому не могло не присоединиться и собственное сознаніе, что, слабая, она вытѣснена болѣе сильными.

«А судьба не щадила ее новыми и новыми щелчками.

«Однажды въ газеты прошла вѣсть, что Дубровина умерла. Появились ея некрологи, и при жизни она прочитала о себѣ, что была представительницей ремесленническаго направленія въ беллетристикѣ, что дарованіе ея было ничтожно и изъ сотни ея романовъ не запомнился ни одинъ.

«Уныло и болѣзненно Дубровина доживала свой вѣкъ, поддерживая истощенный организмъ колоссальными дозами опиума, способными свалить лошадь. Матеріальный достатокъ съ годами исчезъ. Последніе годы она нуждалась. Смерти она не боялась и, можетъ быть, встрѣтила ее, какъ давно жданную гостью».

Эта замѣтка собственно и убѣдила меня въ томъ, что Дубровина, какъ усердная работница, добросовѣстно служившая когда-то по мѣрѣ своихъ скромныхъ силъ родной литературѣ, заслуживаетъ, чтобы о ней вспомнили, по крайней мѣрѣ, надъ свѣжей ея могилой, и побудила меня подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» тѣми данными объ этомъ литературномъ инвалидѣ, которыя сохранились въ моей памяти.

Зимою 1905—1906 г.г. я завѣдывалъ редакціонной частью одного петербургскаго еженедѣльнаго изданія, пользовавшагося сотрудничествомъ какъ весьма извѣстныхъ литературныхъ именъ, такъ и начинающихъ авторовъ, и весьма широко читавшагося и расходившагося. Редакція, помнится, помѣщалась на Николаевской улицѣ, въ четвертомъ этажѣ одного изъ ближайшихъ къ Невскому проспекту домовъ, съ крутой убійственно-утомительной лѣстницей. Въ вечерній пріемный часъ просторная комната, служившая редакціоннымъ помѣщеніемъ, бывала полна народу—беллетристовъ, художниковъ и поэтовъ, преимущественно изъ молодежи, державшейся вполне непринужденно подъ вліяніемъ господствовавшего въ то время общаго свободнаго, такъ сказать, настроенія. Здѣсь въ одинъ изъ вечеровъ какимъ-то образомъ очутилась небольшого роста старушка, закутанная въ цѣлую систему платковъ и шалей поверхъ шубы и еще изъ коридора дававшая знать о своемъ приходѣ отчаяннымъ порывистымъ кашлемъ. Войдя, посѣтельница, нуждавшаяся, очевидно, въ болѣе или менѣе продолжительномъ отдыхѣ послѣ крутого подъема въ четвертый этажъ, не направилась прямо къ безусловно бросавшемуся въ глаза редакторскому столу, за которымъ я сидѣлъ, а опустилась въ мягкое кресло недалеко отъ дверей и, тяжело дыша и продолжая время отъ времени отчаянно кашлять, принялась разсматривать издали меня и публику. Минуть, кажется, черезъ десять, когда стулъ у моего стола оказался свободнымъ, старушка быстро поднялась со своего мѣста и весьма торопливымъ мелкимъ шагомъ приблизилась ко мнѣ, точно боясь, что мною завладѣетъ кто-либо другой изъ ожидающихъ посѣтелей.

— Дубровина,—энергично и намѣренно громко назвалась она, садясь на стулъ и предупреждая такимъ образомъ мое приглашеніе сѣсть.

По пристальному и выжидательному взгляду ея живыхъ безпокойныхъ глазъ я понималъ, что посѣтельница явно рассчитываетъ на нѣкоторый эффектъ, который вотъ-вотъ произведетъ на меня отечественная съ достоинствомъ въ голосѣ фамилія. Но какъ искренно я ни старался пойти навстрѣчу очевидному желанію старушки весьма жалкой и вызывавшей состраданіе вѣщности, какъ энергично ни порывался я въ своей памяти, я ни за что не смогъ найти хоть малѣйшаго повода реагировать въ нужномъ смыслѣ на названную мнѣ только что фамилію. Старушка замѣтила, что никакого

впечатлѣнія, назвавшись, на меня не произвела, но, по всей вѣроятности, еще не допускала мысли о безнадежности попытокъ возстановить въ моей памяти знакомство съ ея именемъ.

— Вамъ никогда не приходилось читать Дубровину, то-есть меня?—произнесла она столь же громко и самоувѣренно, какъ раньше.

— Признаться... нѣтъ,—отвѣтилъ я довольно робко, нѣсколько поколебавшись надъ дилеммой, чему отдать предпочтеніе: желанію быть правдивымъ или нежеланію оскорбить самолюбіе старой женщины.

— Ну, конечно, гдѣ вамъ до старой писательницы,—указавшимъ вдругъ голосомъ промолвила Дубровина, теребя свою рыжую мѣховую муфту и доставая изъ нея свернутые въ трубочку и перевязанные шнуркомъ листки почтовой бумаги.—Я принесла небольшую вещицу, для васъ спеціально написала, ужъ очень мнѣ нравится вашъ журналъ...

Я взялъ протянутую мнѣ рукопись и слегка пробѣжалъ ее тутъ же, такъ какъ вещь оказалась дѣйствительно небольшая. Это была полубеллетристика, полупублицистика на тему извѣстнаго тургеневскаго стихотворенія въ прозѣ «У порога». По содержанію вещь подходила, но формою была совершенно невозможна. Чтобы не обидѣть старуху, я въ очень мягкихъ выраженіяхъ объяснилъ ей, что у насъ уже было кое-что на эту же тему помѣщено, и вернуть рукопись. Она какъ-то покорно приняла свои листки, свернула ихъ опять въ трубочку, перевязала шнуркомъ и, спрятавъ обратно въ муфту, поднялась. Видъ у нея былъ какъ у глухой въ ту минуту, и мнѣ казалось, что она, не сказавъ ни слова, сейчасъ удалится.

— Я такъ и знала, ну, я такъ и знала...—неожиданно проговорила она и, не прощаясь со мной, медленно направилась къ выходу, но вдругъ остановилась, обвела всѣхъ присутствующихъ тусклымъ взглядомъ и какъ бы съ укоризной произнесла:

— Вездѣ теперь молодежь, всюду молодежь, а намъ, старухамъ и старикамъ, крышка. Да, крышка!

Она ушла, оставивъ на мнѣ тяжелое впечатлѣніе именно своими послѣдними словами. Потомъ я, конечно, забылъ про эту посѣтельную.

Черезъ нѣсколько дней вечеромъ, еще до пріемнаго часа, я опять услышалъ у дверей старческой кашель. Въ комнатѣ, кромѣ меня, никого не было, и это обстоятельство, какъ я замѣтилъ по лицу Дубровиной, сильно ее обрадовало.

— Я опять къ вамъ, на то тутъ редакція, чтобы ходить сюда со всякими предложеніями,—торопливо приблизилась ко мнѣ она и сѣла.—Я была у васъ денька три тому назадъ, вы помните мою фамилію?

Она улыбулась на мой утвердительный отвѣтъ:

— Вы госпожа Дубровина, кажется.

— Видите ли,—пріободрилась Дубровина—я опять принесла рукопись, на этотъ разъ стихи, стихи, соответствующіе духу времени. Прочтите, пожалуйста, надѣюсь, что подойдутъ, хотя, можно сказать, въ первый разъ въ жизни пишу стихи.

Она какъ-то торжественно протянула мнѣ большой листъ писчей бумаги, повидному, увѣренная въ томъ, что принесла литературный шедевръ. А стихи оказались плохо рѣмованной прозой, да къ тому еще настолько нецензурной, что даже въ то время могли возбудить въ редакторѣ трепеть сердечный. Я немедленно вернулъ рукопись, прибавивъ, конечно, что охотно помѣстилъ бы это стихотвореніе, если бы не боялся репрессіи со стороны Камышанскаго (тогдашняго прокурора петербургской судебной палаты, въ чьихъ рукахъ были сосредоточены все литературныя дѣла).

— Опять, значить, не потрафила,—заговорила Дубровина:—то потому неудачно, то посему... Конечно, все можетъ быть, только... А мнѣ бы хотѣлось у васъ печататься, вообще хотѣлось бы печататься, да негдѣ. Вездѣ эта самая молодежь завелась, а въ старыхъ людяхъ не нуждаются. Просто, не хотятъ ихъ. Молъ, старые люди поваго понять не умѣютъ. А на самомъ-то дѣлѣ, простите, старые лучше молодыхъ понимаютъ. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что хотѣлось бы мнѣ печататься, а то вѣдь вотъ ни вы, ни кто другой не знаетъ, кто такая есть Дубровина, Екатерина Оскаровна Дубровина. А былъ праздникъ и на нашей улицѣ. Знала меня матушка Россія, знала, читала и любила. Журналу «Родина» кто создалъ успѣхъ? Дубровина! «Живописное Обозрѣніе» кѣмъ существовало? Дубровиной! У Каспари (теперь уже покойнаго редактора-издателя «Родины») была своимъ человѣкомъ. «Побольше, Екатерина Оскаровна, давайте, почаще!»—бывало, говорить мнѣ, какъ явлюсь къ нему съ рукописью. А какъ наступитъ октябрь, ноябрь мѣсяць, такъ самъ ко мнѣ ѣздитъ и шлетъ записки—что, молъ, пишете, какъ называется, объявлять надо при подпискѣ на будущій годъ. А денегъ, сколько надо было, столько брала у него, никогда отказа не встрѣчала. Ни, ни, боялся отказывать: вдругъ Дубровина ничего не дастъ для журнала и зарѣжетъ журналъ. Случилось, заболѣла я разъ, а время предподписочное; серьезно заболѣла, тифъ гдѣ-то какъ-то схватила. Перепугался мой Каспари, точно самъ тифомъ схваченъ былъ. Посылалъ ко мнѣ докторовъ наилучшихъ изъ петербургскихъ и деньги посылалъ цѣлыми пачками. А читатели мои! Десятками получала каждую недѣлю письма, то насчетъ семейныхъ дѣлъ совѣтуются, о своихъ интимныхъ горестяхъ повѣствуютъ, то своими человѣческими радостями дѣлятся. И все обращаются: «дорогая Екатерина Оскаровна», «милая Екатерина Оскаровна», «обожжаемая Екатерина Оскаровна».

Дубровина говорила, то есть рассказывала съ такимъ увлеченіемъ, съ такимъ ясно отражавшимся на ея лицѣ радостнымъ волненіемъ, что даже за все время ни разу не кашлянула. Казалось, что она сидитъ вовсе не тутъ, въ скромной редакціи скромнаго изданія, а гдѣ-то далеко, въ кабинетѣ владѣльца богатой «Родины», гдѣ она чувствуетъ себя первой скрипкой, главнымъ колесомъ въ хорошо налаженномъ механизмѣ распространеннаго журнала.

— То же бывало и въ «Живописномъ Обзорѣніи»,—продолжала съ тою же живостью Дубровина.—И Полевой, и Шульгинъ, и самъ Александръ Константиновичъ, царствіе ему небесное (Шеллеръ-Михайловъ) бѣгутъ ко мнѣ навстрѣчу, лишь появлюсь на порогѣ. Не сходило мое имя со страницъ «Живописнаго Обзорѣнія», а этотъ журналъ имѣлъ уже совсѣмъ чистаго подписчика. Не только принимаютъ все, что даю написаннаго, но и ненаписаннаго еще ждутъ съ нетерпѣніемъ. И платятъ мнѣ лучше, чѣмъ всякому другому сотруднику, не то что сотрудницѣ. Жила я хорошо, да и капиталецъ себѣ даже составила не ахти вѣсть какой, но прочный.

— А о чемъ собственно вы писали? рѣшился я задать вопросъ Дубровиной, улучивъ для этого моментъ, когда она замолчала, чтобы отдать дань своему кашлю.

— Какъ о чемъ?—вся заволновалась она.—Дорогу женщинѣ! Женщина такой же человѣкъ, какъ мужчина! Столь же, какъ онъ, способна на трудъ и созиданіе, столь же нужна отечеству, какъ вы, мужчины! Вотъ о чемъ я писала! Вотъ что проповѣдывала! Ахъ, батюшка, и не даромъ же я писала свои романы, повѣсти и рассказы, не даромъ, не для себя. Не одна женщина, благодаря моимъ писаніямъ, сдѣлалась самостоятельной, сбросила съ себя иго мужчины, перестала быть его рабыней. Не въ одной семьѣ русской стали давать дочерямъ образованіе, стали дѣвочекъ готовить къ самостоятельной трудовой жизни, прислушиваясь къ моимъ произведеніямъ. Все это правду говорю, могу доказать, подтвердить письмами, которыя получала со всѣхъ концовъ матушки Россіи. Они хранятся у меня, берегу ихъ, какъ кладъ. Часто разбираю ихъ и читаю, и слезы такъ и льются у меня изъ глазъ.

— Ну, а теперь?—по неосторожности своей спросилъ я Дубровину.

— Ну, а теперь?—повторила она мой вопросъ и вся преобразилась. Глаза потускнѣли, голосъ какъ-то сразу потерялъ свою прежнюю звучность, а на морщинахъ худыхъ щекъ заблистали крупныя слезы.—А теперь я никому не нужна. «Живописное Обзорѣніе» прекратило давно существованіе, и Каспари нашелъ себѣ новыхъ сотрудниковъ. Уже не жду, чтобы онъ ко мнѣ приходилъ или присылалъ, сама хожу на Лиговку, да какъ будто не узнаеть меня. Изъ десяти вещей одну приметь да и ту такъ перекроеть, что потомъ и не узнать мнѣ ее. Впрочемъ, это такъ не теперь только,

а уже давно, да, давно... Знаете, батюшка, подчасъ хорошо понимаю, что не ко двору я стала, и прощаю всѣмъ, кто меня забылъ. Ну, а иногда обидно все-таки становится, и недобрѣя мысли рождаются въ головѣ про тѣхъ, что меня совсѣмъ забыли... Недобрѣя, даже очень злыя мысли... Одно время уже совсѣмъ было успокоилась, подумала, рѣшила, что достаточно пописала и пора другимъ давать дорогу. Но недавно опять закопошился червячекъ на душѣ. Все, говорю себѣ, оживаетъ, хочу и я ожить опять. Берусь за перо, пишу, несу туда, сюда, да ничего не выходитъ. И больно, знаете, больно...

Тутъ Дубровина какъ-то съежилась, стала еще меньше фигурой и поднесла къ глазамъ довольно грязный носовой платокъ.

Чтобы нѣсколько утѣшить бѣдную старушку, я попросилъ ее еще кое-что принести. Она, казалось, была мнѣ очень благодарна и ушла нѣсколько успокоенная. Съ этого вечера она являлась каждый пріемный день, подолгу просиживала у меня, дожидаясь ухода посѣтителей, и затѣмъ принималась рассказывать мнѣ о своей судьбѣ, бывшихъ успѣхахъ, знакомствахъ съ извѣстными писателями, о настоящей незавидной жизни и обидахъ, терпимыхъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ. При каждомъ посѣщеніи она вручала мнѣ ворохи написанныхъ листковъ почтовой бумаги, и велика была ея радость, когда я, скрѣпя сердце, обѣщала помѣстить въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ редактируемаго мною изданія двѣ ея вещицы. Но имъ не суждено было появиться въ печати: изданіе насильственно прекратило свое существованіе. Послѣ этого я Дубровину больше нигдѣ не встрѣчалъ и имени ея не слышалъ вплоть до роковой телеграммы изъ Тифлиса.

Ея горькія жалобы, которыя мнѣ приходилось выслушивать, вполне подтверждали предположеніе автора вышеприведенной газетной замѣтки, что «смерти Дубровина не боялась и, можетъ быть, встрѣтила ее, какъ давножданную гостью».

И. Г.

КЪ ВОПРОСУ О ТИТУЛѢ «САМОДЕРЖЕЦЬ».

(Изъ исторіи кодификаціи основныхъ законовъ въ 1906 году).

ВЕРВЫМЪ официальнымъ актомъ, возвѣщавшимъ населенію нашей имперіи о рѣшимости Государя Императора созвать народное представительство, былъ высочайшій рескриптъ отъ 18-го февраля 1905 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгина. Здѣсь говорилось: «вѣрныя исконному обычаю русскому пестн къ престолу изъявленіе чувствъ своихъ во дни радости и печалей, переживаемыхъ отечествомъ,—дворянскія и земскія собранія, купеческія, городскія и крестьянскія общества со всѣхъ концовъ земли русской принесли мнѣ многочисленныя поздравленія по случаю радостнаго событія—рожденія Наслѣдника Цесаревича, съ выраженіемъ готовности пожертвовать своимъ достоинствомъ дѣлу успѣшнаго завершения войны и посвятить всѣ свои силы для содѣйствія мнѣ въ усовершенствованіи государственнаго порядка.

«Отъ имени Ея Величества и моего поручаю вамъ передать привѣтственно обратившимся ко мнѣ собраніямъ и обществамъ сердечную нашу благодарность за выраженіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, которыя въ трудное переживаемое нами время были намъ тѣмъ болѣе отрадны, что высказанная въ тѣхъ обращеніяхъ готовность, по зову моему, придти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ мною преобразованій, всецѣло отвѣчаетъ душевному моему желанію: совмѣстною работою правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія моихъ предначертаній, ко благу народа направленныхъ.

«Пресметвенно продолжая царственное дѣло вѣщественныхъ предковъ моихъ, собираніе и устроеніе земли русской,— я вознамѣрился отнынѣ, съ Божіею помощію, привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

«Соображая особыя условія обширнаго отечества нашего, разноплеменность состава его населенія и слабое въ нѣкоторыхъ частяхъ его развитіе гражданственности, государи Россійскіе въ мудрости своей всегда даровали необходимыя, въ зависимости отъ назрѣвшихъ надобностей, преобразования лишь въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности и съ осмотрительностью, обезпечивающею неразрывность крѣпкой исторической связи съ прошлымъ, какъ залога прочности и устойчивости сихъ преобразованій въ будущемъ.

«И нынѣ, предпринимая сіе преобразование, увѣренный, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечатъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа, я вмѣстѣ съ тѣмъ предвижу всю сложность и трудность проведенія сего преобразования въ жизнь при непремѣнномъ сохраненіи неизблестности основныхъ законовъ имперіи.

«А посему, хорошо зная многолѣтнюю административную вашу опытность и цѣна спокойную увѣренность характера вашего, я признаю за благо учредить подъ вашимъ предѣдательствованіемъ особое совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія сей моей воли.

«Да благословитъ Господь сіе благое начинаніе мое и да поможетъ вамъ исполнить оное успѣшно на благо вѣреннаго мнѣ народа».

Настоящій рескриптъ внесъ значительное оживленіе въ нашу общественную среду, описаніе какового не входитъ въ программу настоящей статьи. Однимъ изъ результатовъ этого оживленія было представленіе Государю Императору депутаціи отъ собравшагося въ Москвѣ земскаго съѣзда, которая при приѣмѣ ея прочитала петицію на высочайшее имя, составленную тамъ же 25-го мая и одобренную затѣмъ петербургской городской думой. Текстъ этой петиціи гласилъ:

«Ваше Императорское Величество.

«Въ минуту величайшаго народнаго бѣдствія и великой опасности для Россіи и самаго престола вашего мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ, отложивъ всякую рознь и всѣ различія, насъ раздѣляющія, движимые одной пламенной любовью къ отечеству. Государь, преступнымъ небреженіемъ и злоупотребленіями вашихъ совѣтниковъ Россія ввергнута въ гибельную войну. Наша армія не могла одо-

лѣтъ врага, нашъ флотъ уничтоженъ и, грозѣ опасности внѣшней разгорается внутренняя усобица. Увидавъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ вашимъ всѣ пороки ненавистнаго и пагубнаго приказнаго строя, вы положили измѣнить его и предначертали рядъ мѣръ, направленныхъ къ его преобразованію. Но предначертанія эти были искажены и ни въ одной области не получили надлежащаго исполненія. Угнетеніе личности и общества, угнетеніе слова и всякій произволъ множатся и растутъ. Вмѣсто предуказанной вами отмѣны усиленной охраны и административнаго произвола полицейская власть усиливается и получаетъ неограниченныя полномочія, а подданнымъ вашимъ преграждается путь, открытый вами, дабы голосъ правды могъ восходить до васъ. Вы положили созвать народныхъ представителей для совмѣстнаго съ вами строительства земли, и слово ваше осталось безъ исполненія донинѣ, несмотря на все грозное величіе совершающихся событій; а общество волнуется слухи о проектахъ, въ которыхъ обѣщанное вами народное представительство, долженствовавшее упразднить приказный строй замѣняется сословнымъ совѣщаніемъ. Государь, пока не поздно для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными вашими. Пусть рѣшаютъ они, въ согласіи съ вами, жизненный вопросъ государства, вопросъ о войнѣ и мирѣ, пусть опредѣляютъ они условія мира, или, отвергнувъ его, превратятъ эту войну въ войну народную. Пусть явятъ они всѣмъ народамъ Россію не раздѣленную болѣе, не изнемогающую во внутренней борьбѣ, а исцѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи и сплотившуюся вокругъ единаго стяга народнаго. Пусть установятъ они въ согласіи съ вами обновленный государственный строй. Государь! въ рукахъ вашихъ честь и могущество Россіи, ея внутренній миръ, отъ котораго зависитъ и внѣшній миръ ея; въ рукахъ вашихъ держава ваша, вашъ престоль, унаслѣдованный отъ предковъ. Не медлите, Государь. Въ страшный часъ испытанія народнаго велика отвѣтственность ваша передъ Богомъ и Россіею».

По прочтеніи означенной петиціи профессоръ князь С. Н. Трубецкой, съ своей стороны, въ словѣ, обращенномъ къ Государю, сдѣлалъ нѣсколько добавленій, которыя были нами приведены въ своемъ мѣстѣ ¹⁾.

Въ отвѣтъ и на петицію, и на личное обращеніе къ Государю депутаціи Его Императорскому Величеству благоутодно было сказать: «Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вами, господа, руководило чувство горячѣй любви къ родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обращеніи ко мнѣ.

¹⁾ Некрологъ кн. С. Н. Трубецкого. «Истор. Вѣстн.», 1905 г., ноябрь.

«И вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ моимъ всею душою скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ.

«Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля—воля царская, — созвать выборныхъ отъ народа—непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ.

«Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ.

«Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленною изъ постигшаго ее испытанія.

«Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между царемъ и всею Русью общеніе между мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ.

«Я надѣюсь, вы будете содѣйствовать мнѣ въ этой работѣ».

Въ этихъ словахъ Государя Императора необходимо имѣть въ виду указаніе на преемственность между намѣчаемой реформой и историческими традиціями старины, гдѣ было установлено тѣсное единеніе царя съ народомъ.

Вслѣдъ за описаннымъ свиданіемъ Государя съ земскими и городскими депутатами имѣлъ мѣсто въ теченіе іюля того же года рядъ особыхъ совѣщаній съ участіемъ въ нихъ наиболѣе высокыхъ представителей государственной власти и нѣкоторыхъ экспертовъ, гдѣ подвергся обсужденію проектъ созыва народныхъ представителей, составленный министромъ внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгинымъ и одобренный совѣтомъ министровъ. Главный основной вопросъ, поднятый на первомъ же совѣщаніи, былъ о томъ, находится ли проектированный новый законъ въ полномъ согласіи и правильномъ сочетаніи съ нашими основными законами. Большинство присутствовавшихъ на совѣщаніи высказалось въ томъ смыслѣ, что проектъ учрежденія государственной думы не противорѣчитъ нашимъ основнымъ законамъ и находится въ соответствіи съ принципомъ самодержавія, и лишь немногіе заявили, что введеніе въ строй нашихъ государственныхъ установленій думы, на какихъ бы основаніяхъ она ни была учреждена, опасно для самодержавія, причемъ никто изъ говорившихъ не далъ точнаго опредѣленія самаго понятія самодержавія, какъ бы разумѣя, что эта историческая государственная формула не требуетъ никакихъ разъясненій. Поэтому въ результатѣ означенныхъ совѣщаній вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли въ проектѣ о государственной думѣ касаться вопроса о самодержавіи, какъ бы расплылся и не получилъ строго опредѣленнаго отвѣта.

Жизнь тѣмъ временемъ продолжала дѣлать свое бурное дѣло, и 6-го августа 1905 года Россія обогатилась положеніемъ о

совѣщательной государственной думѣ и выборахъ въ нее. Но дальнѣйшее нарастаніе неблагопріятныхъ для Россіи обстоятельствъ продолжалось, и положеніе 6-го августа оказалось не соответствующимъ развитію этихъ событій, вслѣдствіе чего опубликованъ былъ знаменательный манифестъ 17-го октября 1905 года, явившійся переломомъ въ исторической жизни нашей страны. Манифестъ этотъ гласилъ: «Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ имперіи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце наше. Благо російскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная—его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству державы нашей.

«Великій обѣтъ царскаго служенія повелѣваетъ намъ всѣми силами разума и власти нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, мы для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства.

«На обязанность правительства возлагаемъ мы выполненіе непреклонной нашей воли:

1) Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2) Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ государственную думу, привлечь теперь же къ участію въ думѣ, въ мѣрѣ возможности, соответствующей краткости остающагося до созыва думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ заснмъ дальнѣйшее развитіе пачала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку.

и 3) Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія государственной думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей.

«Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ родиной, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ».

Рядомъ съ этимъ манифестомъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (№ 222) опубликованъ былъ всеподданнѣйшій докладъ статсъ-секретаря графа С. Ю. Витте, тогдашняго предсѣдателя совѣта министровъ, гдѣ говорилось:

«Вашему Императорскому Величеству благоугодно было передать мнѣ Высочайшія Вашего Величества указанія относительно направленія, по которому должно слѣдовать правительству, въ связи съ соображеніями о современномъ состояніи Россіи, и приказать соотвѣтственно сему представить всеподданнѣйшій докладъ.

«Вслѣдствіе сего пріемлю долгъ всеподданнѣйше представить нижеслѣдующее:

«Волненіе, охватившее разнообразныя слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устройства, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія, несомнѣнно, лежатъ глубже. Они въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы.

«Въ уровень съ одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внѣшнія формы русскаго жизни. Первую задачу правительства должно составлять стремленіе къ осуществленію теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ государственную думу, основныхъ элементовъ правового строя: свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности. Укрѣпленіе этихъ важнѣйшихъ сторонъ политической жизни общества должно преслѣдоваться путемъ нормальной законодательной разработки, паравнѣ съ вопросами, касающимися уравненія передъ закономъ всѣхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности. Само собою разумѣется, что предоставленіе населенію правъ гражданской свободы должно сопутствоваться законнымъ ограниченіемъ ея для твердаго огражденія правъ третьихъ лицъ, спокойствія и безопасности государства.

«Слѣдующей задачей правительства является установленіе такихъ учрежденій и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы высившейся политической идеѣ большинства русскаго общества и давали положительную гарантію въ неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы. Задача эта сводится къ устройенію правового порядка. Соотвѣтственно цѣлямъ водворенія въ государствѣ спокойствія и безопасности, экономическая политика правительства должна быть направлена ко благу широкихъ народныхъ массъ, разумѣется, съ огражденіемъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ, признанныхъ во всѣхъ культурныхъ странахъ.

«Намѣченныя здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ основанія правительственной дѣятельности для полнаго осуществленія своего требуютъ значительной законодательной работы и послѣдовательнаго административнаго устроительства. Между выраженнымъ съ наибольшей искренностью принципомъ и осуществленіемъ его въ законодательныхъ нормахъ, а въ особенности проведеніемъ этихъ нормъ въ нравы общества и приемы правительственныхъ агентовъ, не можетъ не пройти нѣкоторое время. Принципы правового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку населеніе получаетъ къ нимъ привычку—гражданскій навѣкъ. Сразу приготовить страну со 135-милліоннымъ разнороднымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству. Вотъ почему далеко недостаточно власти выступить съ лозунгомъ гражданской свободы. Чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужны трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность.

«Для осуществленія сего необходимымъ условіемъ является однородность состава правительства и единство преслѣдуемой имъ цѣли. Но и министерство, составленное, по возможности, изъ лицъ одинаковыхъ политическихъ убѣжденій, должно еще приложить всѣ старанія, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всѣхъ агентовъ власти отъ высшихъ до низшихъ. Заботой правительства должно быть практическое водвореніе въ жизнь главныхъ стимуловъ гражданской свободы. Положеніе дѣла требуетъ отъ власти приемовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній. Съ этой цѣлью правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ государственную думу и, между прочимъ, искреннее стремленіе къ осуществленію мѣръ, предрѣшенныхъ указомъ 12-го декабря.

«Въ отношеніи къ будущей государственной думѣ заботой правительства должно быть поддержаніе ея престижа, довѣрія къ ея работамъ и обезпеченіе подобающаго сему учрежденію значенія. Правительство не должно явиться элементомъ противодѣйствія рѣшеніямъ думы, поскольку эти рѣшенія не будутъ, что невѣроятно, кореннымъ образомъ расходиться съ величіемъ Россіи, достигнутымъ тысячелѣтней ея исторіей. Правительство должно слѣдовать мысли, высказанной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ манифестѣ объ образованіи государственной думы, что положеніе о думѣ подлежитъ дальнѣйшему развитію въ зависимости отъ выяснившихся несовершенствъ и запросовъ времени. Правительству надлежитъ выяснить и установить эти запросы, руководствуясь, конечно, господствующей въ большинствѣ общества идеей, а не отголосками хотя бы и рѣзко выраженныхъ требованій отдѣль-

ныхъ кружковъ, удовлетвореніе которыхъ невозможно уже потому, что они постоянно мѣняются. Но удовлетвореніе желаній широкихъ слоевъ общества путемъ той или иной формулировки гарантій гражданскаго порядка необходимо.

«Весьма важно сдѣлать реформу государственнаго совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборнаго элемента, ибо только при этомъ условіи можно ожидать нормальныхъ отношеній между этимъ учрежденіемъ и государственной думой.

«Не перечисляя дальнѣйшихъ мѣропріятій, которыя должны находиться въ зависимости отъ обстоятельствъ, я полагаю, что дѣятельность власти на всѣхъ ступеняхъ должна быть охвачена слѣдующими руководящими принципами:

«1. Прямота и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы.

«2. Стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній.

«3. Согласованіе дѣйствій всѣхъ органовъ правительства.

«4. Устраненіе репрессивныхъ мѣръ противъ дѣйствій, явно угрожающихъ обществу и государству,

«и 5. Противодѣйствіе дѣйствіямъ, явно угрожающимъ обществу и государству, опираясь на законъ и въ духовномъ единеніи съ благоразумнымъ большинствомъ общества.

«Само собою разумѣется, что осуществленіе поставленныхъ выше задачъ возможно лишь при широкомъ и дѣятельномъ содѣйствіи общества и при соответствующемъ спокойствіи, которое позволило бы направить силы къ плодотворной работѣ. Слѣдуетъ вѣрить въ политическій тактъ русскаго общества. Не можетъ быть, чтобы русское общество желало анархіи, угрожающей, помимо всѣхъ ужасовъ борьбы, расчлененіемъ государства.

«На подлинномъ Государю Императору въ Петергофѣ, въ 17 день октября 1905 г., благоугодно было собственноручно начертать: «Принять къ руководству».

20-го февраля 1906 года былъ опубликованъ новый манифестъ, гдѣ мы читаемъ:

«Манифестомъ 6-го августа 1905 года мы возвѣстили о созывѣ государственной думы изъ выборныхъ отъ населенія, утвердивъ того же числа ея учрежденіе. Манифестомъ 17-го октября минувшаго года мы предоставили государственной думѣ новыя въ дѣлахъ законодательства полномочія. Съ тѣмъ вмѣстѣ нами одобрено предположеніе о переустройствѣ государственнаго совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборныхъ отъ населенія.

«Исполняя таковое намѣреніе наше, мы повелѣли выработать необходимыя вслѣдствіе того въ учрежденіи государственнаго совѣта измѣненія, а также подвергнуть пересмотру учрежденіе государ-

ственной думы для согласованія его съ началами, 17-го октября прошлаго года нами провозглашенными. Трудъ сей нынѣ исполненъ.

«Къ участію въ законодательной дѣятельности государственнаго совѣта призываются, въ равномъ числѣ съ членами, присутствующими въ немъ по назначенію нашему, выборные члены отъ духовенства господствующей въ Россіи православной церкви, отъ дворянства и земства, а также представители науки, торговли и промышленности. Въ семь обновленномъ составѣ государственному совѣту предоставляются въ дѣлахъ законодательства равныя съ государственною думою права.

«Сохраняя неизблѣмымъ коренное положеніе основныхъ государственныхъ законовъ, на основаніи коего никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ нашего утвержденія, мы постановляемъ впредь общимъ правиломъ, что съ времени созыва государственнаго совѣта и государственной думы законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія совѣта и думы.

«Но во время прекращенія занятій государственной думы, если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, совѣтъ министровъ представляетъ о ней намъ непосредственно. Мѣра эта не можетъ, однако, вносить измѣненій ни въ основные государственные законы, ни въ учрежденія государственнаго совѣта или государственной думы, ни въ постановленія о выборахъ въ совѣтъ или думу. Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ министромъ или главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ государственную думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій думы соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ или его не примутъ государственная дума или государственный совѣтъ.

«Предстоящую совмѣстную сихъ высшихъ государственныхъ учреждений дѣятельность мы устанавливаемъ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

«Государственный совѣтъ и государственная дума ежегодно созываются и распускаются указами нашими.

«Государственный совѣтъ провѣряетъ полномочія своихъ членовъ по выборамъ. Равнымъ образомъ государственная дума провѣряетъ полномочія своихъ членовъ. Одно и то же лицо не можетъ быть одновременно членомъ государственнаго совѣта и членомъ государственной думы.

«Государственному совѣту и государственной думѣ въ порядкѣ, ихъ учрежденіями опредѣленномъ, предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, за исключеніемъ основныхъ государственныхъ законовъ, починъ пересмотра коихъ мы сохраняемъ за собою.

«Законодательныя предположенія разсматриваются въ государственной думѣ и, по одобреніи ея, поступаютъ въ государственный совѣтъ. Законодательныя предположенія, предначертанныя по почину государственнаго совѣта, разсматриваются въ совѣтѣ и, по одобреніи имъ, поступаютъ въ думу.

«Законодательныя предположенія, одобренныя государственнымъ совѣтомъ и государственною думою, представляются на наше усмотрѣніе. Законодательныя предположенія, не принятыя государственнымъ совѣтомъ или государственною думою, признаются отклоненными.

«Государственному совѣту и государственной думѣ въ порядкѣ, ихъ учрежденіями опредѣленномъ, предоставляется обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону правительствующему сенату, съ запросами по поводу такихъ, послѣдовавшихъ съ ихъ стороны или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, кои представляются незаконными.

«Въ развитіе сихъ главныхъ основаній предначертаны и нами утверждены постановленія объ измѣненіи учрежденія государственнаго совѣта, а также пересмотрѣнное, по указаніямъ нашимъ, учрежденіе государственной думы. Узаконенія сіи мы повелѣли правительствующему сенату обнародовать во всеобщее свѣдѣніе.

«О порядкѣ обсужденія законопроектовъ, общихъ для имперіи и великаго княжества Финляндскаго, нами въ свое время будутъ преподаны надлежащія указанія.

«Призывая благословеніе Божіе на предпринимаемое нами великое преобразование въ государственномъ строѣ дорогого отечества, мы уповаемъ, что открываемые нашимъ вѣрнымъ подданнымъ пути къ участію, чрезъ выборныхъ, въ единеніи съ нами, въ дѣлахъ законодательства приведутъ къ возрожденію духовныхъ и матеріальныхъ силъ Россіи и къ утвержденію въ ней порядка, спокойствія и благосостоянія, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ упроченію единства и величія государства».

Хотя всѣми приведенными актами принципиальная неизбежность основныхъ законовъ и устанавливалась, тѣмъ не менѣе введеніе новаго государственнаго учрежденія въ лицѣ государственной думы и реформированнаго государственнаго совѣта потребовало пересмотра нашихъ основныхъ законовъ и кодификаціи ихъ примѣнительно къ актамъ 6-го августа и 17-го октября 1905 года. Эта работа была поручена статсъ-секретарю барону Ю. А. Икскуль-фонъ-Гильденбранду и статсъ-секретарю П. А. Харитонову (нынѣшнему государственному контролеру). Эти два испытанные на поприщѣ бюрократической службѣ дѣятеля, работавшая проектъ новыхъ основныхъ законовъ, внесли въ нихъ

немало видоизмѣненій, причѣмъ въ ихъ новой, высшей степени либеральной кодификаціи прерогативы верховной власти подверглись значительному умаленію и, такимъ образомъ, работа, ими произведенная, могла до извѣстной степени удовлетворить требованіямъ даже партіи народной свободы (к.-д.).

Проектъ, выработанный этими государственными дѣятелями, былъ санкціонированъ предѣдателемъ государственнаго совѣта графа Сольскимъ, но, несмотря на это, былъ переданъ на разсмотрѣніе совѣта министровъ подъ предѣдательствомъ гр. С. Ю. Витте. Обсужденіе этого проекта происходило въ мартѣ и апрѣлѣ 1906 года, причѣмъ совѣтъ министровъ счесть долгомъ отвести отсюда все то крайнее либеральнаго характера, что, подъ вліяніемъ напора того времени, почтенные составители его сюда внесли. Въ теченіе работы по сему предмету государственнаго совѣта возникъ вопросъ: что же послѣ манифеста 17-го октября 1905 года при кодификаціи основныхъ законовъ сохраняется за Государемъ Императоромъ историческій титулъ «самодержецъ», или нѣтъ? т.-е., совѣтъ министровъ, какъ и совѣщаніе высшихъ государственныхъ чиновъ въ 1905 году, вернулся все къ тому же вопросу о самодержавіи, но, имѣя подъ собою въ актѣ 17-го октября 1905 года опору, подошелъ къ вопросу болѣе рѣшительно и прямо. Дабы освѣтить и разрѣшить сей вопросъ подъ угломъ историческаго зрѣнія, графъ С. Ю. Витте обратился за истолкованіемъ историческаго понятія о самодержавіи къ московскому профессору В. О. Ключевскому, къ которому предѣдатель совѣта министровъ питалъ большое уваженіе и въ авторитетъ котораго глубоко вѣрилъ. Но нашъ знаменитый ученый уклонился отъ просимаго по сему предмету производства историческаго изысканія. Тогда эта научная работа была поручена одному находящемуся въ Петербургѣ бывшему слушателю профессора, научныя познанія котораго позволяли довѣряться ему; и вотъ имъ была представлена обширная историческая справка, которая при кодификаціи раздѣла перваго нашихъ основныхъ законовъ сыграла опредѣленную роль. Приводимъ эту записку полностью, какъ любопытный историческій документъ, оставившій въ нашей исторіи нѣкоторый слѣдъ. Вотъ эта записка.

Актами 6-го августа и 17-го октября, изданными высочайшей волей Государя Императора, призываются къ дѣйствительному участию въ управленіи страной свободно избранные представители русскаго народа и предоставляются русскимъ гражданамъ незыблемыя основы гражданской свободы. Эти новыя основанія государственнаго строя измѣняютъ не только форму, но и сущность проявленія верховной власти: она перестаетъ быть абсолютной, неограниченной и ставится конституціонной.

На языкѣ русскаго государственнаго права нашихъ дней и въ обычной рѣчи выраженія «самодержавный» монархъ и «неограниченный» —однозначасія. Когда говорятъ о самодержавіи, то никогда не называютъ его еще неограниченнымъ, точно такъ же въ рѣчахъ объ неограниченной, абсолютной власти не приходится пояснять этотъ терминъ выраженіемъ самодержавный. Но въ первомъ томѣ Свода Законовъ, на первыхъ строкахъ его выраженія «самодержавный» и «неограниченный» стоятъ рядомъ, какъ бы обозначая два понятія, въ чемъ-то несходныя.

Эта первая статья основнаго закона Россійской имперіи, опредѣляя свойства власти, принадлежащей монарху, гласитъ такъ: «Императоръ всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страхъ, но и за совѣсть Самъ Богъ повелѣваетъ.

Выраженія «неограниченный» и «самодержавный», поставленныя рядомъ, встрѣчаются въ нашемъ законодательствѣ и до составленія Свода Законовъ.

Въ параграфѣ 71 учред. объ императорской фамиліи, который устанавливаетъ взаимоотношеніе монарха и членовъ императорскаго дома, читаемъ: «При всѣхъ сихъ данныхъ преимуществахъ ненарушимымъ залогомъ поставляется имѣть каждому изъ фамиліи нашей къ царствующему лицу совершенное почтеніе, повиновеніе и подданство, равномѣрно и миролюбивое отношеніе къ сохраненію семейной тишины и согласія. Царствующій, яко неограниченный самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ право отъ назначеннаго нами отрѣзать». (П. С. З. № 17906, § 71).

Не случайно стоятъ рядомъ, какъ два неоднозначасія выраженія, слова «самодержавный» и «неограниченный» при опредѣленіи ими въ основномъ законѣ имперіи существа верховной власти. Творецъ Свода Законовъ графъ М. М. Сперанскій въ своемъ «Руководствѣ къ познанію законовъ» ¹⁾ говоритъ: «двумя словами весьма многозначительными выражается въ нашихъ законахъ полнота верховной власти: самодержавіемъ и неограниченностью. Слово самодержавіе имѣетъ два разные смысла. Когда оно прилагается къ государству, то оно означаетъ независимость государства отъ всякой посторонней власти. Въ семъ смыслѣ всѣ государства независимыя могутъ быть названы государствами самодержавными. Когда оно прилагается къ особѣ государя, то оно означаетъ соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ безъ всякаго участія и раздѣленія... Слово неограниченность власти означаетъ то, что никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри имперіи, не можетъ положить предѣловъ верховной власти русскаго самодержца». Въ этомъ

¹⁾ Руководство къ познанію законовъ. Спб., 1845 г., стр. 49—51; 56.

толкованіи словъ «самодержавіе» и «неограниченность», несмотря на то, что Сперанскій строго ихъ различаетъ по формѣ, нельзя не отмѣтить, что по содержанію его толкованія оба эти слова совпадаютъ. Если самодержавіе должно означать «соединеніе всѣхъ стихій державнаго права», это и значить, что не можетъ существовать никакой другой власти, которая могла бы ограничивать власть государя. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же надо было законодателю въ текстѣ основного закона рядомъ съ выраженіемъ «самодержавный» ставить и слово «неограниченный», какъ бы допуская, что монархъ «самодержавный» можетъ быть «ограниченнымъ»? Необходимость сопоставить выраженія неограниченный и самодержавный вытекала изъ того двойкаго смысла слова «самодержавіе», который отмѣчаетъ Сперанскій въ приведенныхъ выше словахъ. Если словомъ «самодержавіе» одновременно означаетъ внѣшняя независимость государства и внутренняя безраздѣльность власти государя, то, вводя выраженіе «самодержавный» въ ст. 1 основныхъ законовъ, законодатель долженъ былъ отмѣнить второе значеніе этого слова другимъ выраженіемъ, сходнымъ съ нимъ, но имѣющимъ одинъ опредѣленный смыслъ. Такъ можно объяснить себѣ сопоставленіе двухъ однородныхъ по смыслу выраженій въ текстѣ такого акта первостепенной важности, какъ основной законъ имперіи. Но понятіе «самодержавіе» не всегда включало въ себя и понятіе неограниченности власти.

Слово «самодержецъ» пріобрѣтаетъ широкія права гражданства въ нашемъ языкѣ только съ половины XV вѣка, со временъ великаго князя московскаго и всея Руси Ивана III. Но большой новостью въ русскомъ языкѣ XV вѣка оно не было. Древне-русскіе книжники давно уже познакомили съ нимъ русскихъ людей, переведя такъ греческое слова «автократоръ», какъ они же ввели въ употребленіе и слово «царь». Царь—есть сокращенная форма отъ цесарь ¹⁾. При начертаніи этого слова подъ титуломъ его можно прочесть—царь. Царемъ въ древней до-московской Руси постоянно именовали византійскаго императора и татарскаго хана, владѣвшаго русской землей съ XII вѣка до половины XV вѣка ²⁾. Этотъ титулъ считался гораздо болѣе почетнымъ, чѣмъ княжескій. Своихъ князей древніе книжники именовали царями только въ особую почесть. Такъ св. Иларионъ и мнихъ Іаковъ величали святого князя Владимира ³⁾. «Помилуй меня, сынъ великаго царя Владимира!»—зывалъ Даниилъ

¹⁾ Въ древнихъ рукописяхъ XII вѣка «цесарь» пишется, ц-рь; или «цесарство небесное»—ц-рьство небесное.

²⁾ Св. князь Михайлъ Черниговскій, отказываясь исполнить въ ордѣ обрядъ прожженія между двухъ огней на пути въ ханскую ставку, такъ обращается къ хану: «Тебѣ, царю, кланяюся, понеже ти Богъ поручи царствіе...» П. С. Р. Л. V, 184, и XII, 154.

³⁾ Чтенія М. О. И. и Д. Р., 1848, 7 и «Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ», изд. И. И. Срезневскимъ. Спб. 1860 г.

Заточникъ къ Юрію Долгорукому¹⁾. «Царь мой благій, кроткій, смиренный»²⁾—причитала по своемъ умершемъ супругѣ, князь Романѣ, смоленская княгиня (XII вѣкъ). Интересно, что всё случаи наименованія древнихъ нашихъ князей царями, находимые въ древней письменности, относятся къ эпохѣ до нашествія татаръ. Случаи, когда бы царемъ былъ наименованъ хоть одинъ князь временъ татарщины, неизвѣстны. Точно также и «самодержцемъ» книжники древней Руси величали въ особую почесть не только великихъ князей кievскихъ, но и областныхъ до нашествія татаръ. Въ житіяхъ и похвальныхъ словахъ самодержцемъ называютъ Владимира Святого (мнихъ Іаковъ въ своемъ сказаніи о житіи князей Бориса и Глѣба)³⁾; такъ называли современники Владимира Мономаха.

Это характерное обстоятельство, что царемъ и самодержцемъ величали въ почесть русскихъ князей до татарщины и никогда во время ея, позволяетъ заключить, какую власть хотѣли разумѣть древне-русскіе люди, когда произносили слова «царь» и «самодержецъ». Самодержцемъ древняя Русь называла государя независимаго ни отъ какого другого владѣтеля, не платящаго никому дани, государя *сувереннаго*, говоря языкомъ нашей современности. Словомъ самодержецъ древне-русскій человекъ опредѣлялъ виѣшнее международное положеніе государства, а не внутреннее значеніе государя, противопоставляя самодержца государю зависящему отъ другого государя—*вассалу*, а не государю ограниченному въ своихъ внутреннихъ политическихъ правахъ.

И великій князь московскій и всея Руси Иванъ III сталъ употреблять титулы самодержца и царя только послѣ того, какъ освободилъ себя отъ обязанности платить дань татарскому хану. Другое событіе тѣхъ временъ закрѣпило еще больше въ глазахъ тогдашнихъ русскихъ людей право московскаго государя на титулъ царя и самодержца. Событіе это—паденіе Византійской имперіи, въ нѣкоторой зависимости отъ которой не могла не чувствовать себя древняя Русь, составлявшая 61-ую епархію константинопольскаго патріархата. Русское духовенство, подчиненное константинопольскому патріарху, особенно митрополиты всея Руси, назначавшіеся почти всегда изъ грековъ, не могли не пропагандировать извѣстнаго подчиненія и русскихъ князей византійскому императору, ставя власть его единственной на землѣ настоящей верховной властью. Для народовъ Востока, для всего православія власть восточно-римскаго императора стремилась стать тѣмъ, чѣмъ была власть западно-рим-

¹⁾ И. Шляпкинъ. Слово Данила Заточника, Сиб., 1889 г.

²⁾ П. С. Р. Л. Ипат. лѣт., 123.

³⁾ «По истинѣ,—обращается составитель повѣсти къ св. князьямъ,—вы цесаря цесаремъ и князя княземъ... И въ другомъ мѣстѣ: «Сиче о убо бысть малымъ преже спихъ лѣтомъ, сущю самодержцю русская земля Володимеру сыну Святославлю». «Сказаніе» въ изд. Н. И. Срезневскаго, стр. 66 и 41.

скаго императора для мѣстныхъ западно-европейскихъ варварскихъ королей, считавшихся вассалами императора. И въ Византіи существовала мысль, что князья, правившіе въ странѣ, подчиненной въ церковномъ отношеніи византійскому патріарху, должны считаться въ подчиненномъ отношеніи къ византійскому императору ¹⁾. Есть свидѣтельства, говорящія, что это подчиненіе было даже оформлено по отношенію къ владѣтелямъ Руси, и великій князь русскій носилъ титулъ стольника византійскаго императора. Греческій писатель XIV вѣка Планудисъ рассказываетъ, что когда посоль русскаго великаго князя являлся въ Царьградъ, то, представляясь императору, говорилъ такъ: «Повелитель мой, царь руссовъ, а твоего священнаго величества стольникъ, униженно преклоняется передъ твоимъ священнымъ величествомъ... ²⁾. Византійскаго императора древняя Русь и величала по преимуществу царемъ. Когда въ нашей древней письменности заходитъ рѣчь о царѣ, безъ названія о какомъ, то рѣчь всегда идетъ объ императорѣ византійскомъ. Когда московскій великій князь Василій Димитріевичъ (1390 г.) заявилъ грекамъ, что-де «мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ» ³⁾, то ему пришлось выслушать строгую отвѣдь отъ патріарха, гдѣ великому князю доказывалось все неприличіе его словъ о «святѣмъ» царѣ, который единъ во вселенной, имя котораго повсюду помнятъ христіане, какъ имя царя и самодержца, помазаннаго Богомъ, властителя всѣхъ христіанъ.

Когда исчезла зависимость Руси отъ татаръ и пала Византійская имперія, московскій государь сталъ независимымъ и единственнымъ на свѣтѣ православнымъ государемъ; онъ и сталъ тогда именовать себя «государемъ», «царемъ», «самодержцемъ». Женитьба Ивана III на племянницѣ послѣдняго византійскаго императора позволила ему претендовать на наслѣдованіе императорскаго или царскаго значенія и по праву наслѣдства. Съ тѣхъ поръ Москва, оставшаяся послѣ паденія Византіи столицей единственнаго независимаго православнаго народа на свѣтѣ, и начинаетъ называться въ нашей письменности третьимъ Римомъ. Гербомъ этого третьяго Рима становится византійскій двухглавый орелъ. При вѣнчаніи на великое княженіе Иванова внука Димитрія (1498 г.) митрополитъ называлъ великаго князя дѣда «преславнымъ царемъ самодержцемъ». Разжаловавъ внука, Иванъ III перенесъ этотъ титулъ на новаго своего наслѣдника—благословилъ и посадилъ сына своего Василія на великое княженіе «самодержцемъ» по благословленію митрополита, и великій князь Василій писался само-

---

¹⁾ М. Дьяконовъ, «Власть московскихъ государей», Спб. 1889, стр. 13—16.

²⁾ М. Дьяконовъ, «Власть московскихъ государей», стр. 15.

³⁾ М. Дьяконовъ, «Власть московскихъ государей», стр. 24—26.

держцемъ по смерти отца же въ жалованныхъ грамотахъ частнымъ лицамъ ¹⁾).

Итакъ, принимая титулъ царя и самодержца, московскіе государи и весь народъ хотѣли обозначить имъ внѣшнюю независимость своего государства, и напрасно было бы искать въ памятникахъ нашего законодательства московскихъ временъ попытокъ перевести въ обиходъ московскихъ понятій то представленіе, какое имѣли о кесарѣ-автократорѣ византійскіе юристы и богословы. Въ XV, въ XVI, въ XVII вв. не пытались выразить въ законодательствѣ и точно юридически обозначить характеръ власти великаго государя, царя, великаго князя и самодержца всея Руси. А за это время были изданы два судебника, составленъ проектъ третьяго, появилось уложеніе. Власть московскаго царя и самодержца во всей ея внутренней полнотѣ и значеніи покоилась всецѣло на обычаяхъ, на тѣхъ исторически сложившихся основахъ, которыя создавались развитіемъ территоріи государства, усложненіемъ задачъ верховной власти и средствъ ея проявленія.

Иностранцы, наблюдавшіе политическій бытъ Московскаго государства при отцѣ Грознаго, уже отмѣчали, что московскій государь властію своею надъ подданными превосходитъ всѣхъ государей на свѣтѣ. «Не нужно было большой наблюдательности, — говоритъ профессоръ В. О. Ключевскій, — чтобы замѣтить это. Такая власть была въ Москвѣ XV вѣка не вчерашнимъ явленіемъ, она прямо развилась изъ значенія удѣльнаго князя-хозяина, окруженнаго дворовыми слугами, холопами. Но именно потому, что она имѣла такой источникъ, въ ней былъ одинъ существенный пробѣлъ. *Московский государь имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ*, не потому, что у него не было матеріальныхъ средствъ овладѣть и порядкомъ, а потому, что въ кругу его политическихъ понятій не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядкомъ, какъ лицами... Великій князь Василій Ивановичъ бранилъ своихъ совѣтниковъ смердами и прогонялъ ихъ изъ думы съ глазъ долой, но въ полковыхъ росписяхъ какого-нибудь неблагонадежнаго политически князя Горбатаго Шуйскаго назначалъ на много мѣстъ выше вѣрноподданнаго потомка старинныхъ московскихъ боярь... Если бы тому же великому князю какой-нибудь политикъ сталъ бы доказывать, что несогласно съ его державнымъ достоинствомъ ввѣрять управленіе строптивымъ боярямъ, жаловать въ боярское званіе знатныхъ людей только потому, что ихъ отцы носили его, ставить ихъ выше усердныхъ неродовитыхъ слугъ только потому, что такъ слѣдуетъ по боярскому мѣстническому отечеству, то великій князь едва ли бы принялъ подобныя разсужденія. Съ московской точки зрѣнія поступить такъ

¹⁾ В. О. Ключевскій, «Боярская дума древней Руси», стр. 246—252.

было бы «безлѣпично», такой актъ съ тогдашней точки зрѣнія былъ бы не актомъ самодержавной власти, а поступкомъ, какихъ дѣлать «не повелось», и московскіе государи менѣе всего поддавались соблазну такого самодержавія...

«Среди вышнихъ хлопотъ они не успѣли хорошенько обдумать ни значенія своего новаго титула, ни внутренняго политическаго содержанія своей власти, созданной новымъ положеніемъ, и еще менѣе успѣли подумать возвести этотъ титулъ въ политическую теорію и согласно съ этой новой властью перестроить свои внутреннія политическія отношенія и весь правительственный порядокъ» ¹⁾.

При господствовавшихъ въ тогдашней книжности взглядахъ на верховную власть наслѣднику «божественной» власти византійскихъ императоровъ, «помазаннику Божію», «единому во всей подсолнечной православному государю» нечего было заботиться о какихъ-то обоснованіяхъ его власти. Духовенство признавало царя помазанникомъ и намѣстникомъ Бога на землѣ. Самыя ошибки государя, по этому ученію, подданные должны переносить покорно, какъ Божіе наказаніе за грѣхи. Но это церковно-религіозное обоснованіе верховной власти, опредѣляя ея отношеніе къ каждому изъ подданныхъ и каждого подданнаго къ ней, не создавало никакихъ рамокъ государственнаго строя, не опредѣляло отношенія власти къ обществу въ его исторической жизни, было слишкомъ обще и не входило въ детали создавашагося извѣстнымъ историческимъ процессомъ государственнаго порядка. Въ отношеніи къ порядку власть московскихъ государей упиралась въ обычный укладъ этого порядка и дѣйствовала только въ его предѣлахъ, потому что и сама была созданіемъ историческаго процесса, плодомъ котораго была вся московская «старина»; данное государственной власти церковью обоснованіе, построенное на результатѣ византійскаго историческаго процесса, оказывалось не всегда и не вездѣ на мѣстѣ въ развитіи явленій русской исторической жизни.

Вотъ почему въ государственномъ правѣ московскихъ временъ встрѣчаются явленія, совершенно противорѣчащія понятію о самодержавіи, какъ неограниченномъ, абсолютномъ единодержавіи. Самодержавная власть московскихъ государей, во-первыхъ, допускала различныя формы ограниченія, а, во-вторыхъ, въ понятіе самодержавія тогда не входило представленіе о фактическомъ единодержавіи.

«Московскій самодержецъ дѣлилъ свою власть съ правительственнымъ аристократическимъ классомъ—съ потомками прежнихъ удѣльныхъ князей и старыхъ московскихъ бояръ, составлявшими думу, постоянный совѣтъ, высшее правительственное учре-

---

¹⁾ В. О. Ключевскій. «Боярская Дума древней Руси», стр. 249.

жденіе Московскаго государства. Это ограниченіе держалось прочно на обычаѣ и выражалось въ опредѣленныхъ формахъ. Верхній слой московскаго боярства составляли потомки удѣльныхъ державцевъ, которые владѣли прежде своими удѣлами, какъ московскій удѣльный князь владѣлъ своимъ. Въ большинствѣ случаевъ они добровольно пришли въ Москву, много помогая ей успѣхамъ и считали себя въ правѣ надѣяться, что за ними останутся если не всё, то часть ихъ прежнихъ вотчинъ и вотчинныхъ правъ съ долей прежней правительственной власти. Все это Москва и признала за ними. Въ глазахъ московскихъ людей XVI вѣка эти бояре-князата были старинными привычными властями Русской земли только прежде они правили землей по частямъ и по одиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москвѣ, они правятъ всею землей и всё вмѣстѣ, размѣстившись у этого правленія въ извѣстномъ порядкѣ старшинства»... «Если московское боярство,—говоритъ далѣе В. О. Ключевскій,—своимъ новымъ составомъ могло произвести такое впечатлѣніе на общество, то его правительственное положеніе давало и ему право сказать: «мы, совѣтники государя московскаго и всея Руси, потому и призываемся къ власти, въ думу, что мы сами по себѣ власти всей Русской земли; теперь государь правитъ Русской землей съ нами именно потому, что мы, т.-е. наши отцы, правили ею и безъ него»¹⁾. «По возрѣніямъ того времени, не только государь дается Богомъ, но и бояре, совѣтники государя, даны ему Богомъ»²⁾. Слѣды такого взгляда встрѣчаемъ въ памятникахъ, гдѣ находили себѣ выраженіе боярскія политическія сужденія XVI вѣка³⁾, на это указываетъ и аристократическій характеръ, какимъ отличался составъ думы въ XVI вѣкѣ⁴⁾; наконецъ, этотъ взглядъ съ вытекавшей изъ него мыслью, что такъ составленная дума есть необходимая и естественная посредница между государемъ и землей, былъ прямо признанъ царемъ Иваномъ IV въ самый разгаръ его борьбы съ боярствомъ, когда онъ раздѣлилъ государство на земщину и опричнину и во главѣ земщины поставилъ боярскую думу. Черезъ думу царь Иванъ проводилъ всё свои опричныя распоряженія.

Въ составъ думы входили со времянь Грознаго и неродовитые люди, жалуемые чинами думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ, но до самаго конца думы въ нее было легче войти родовитому княжичу, чѣмъ потомку простаго московскаго боярина. Высшій чинъ боярина или окольничаго родовитый челоувѣкъ получалъ, какъ

¹⁾ В. О. Ключевскій, «Боярская Дума древней Руси», стр. 242.

²⁾ В. Сергѣевичъ, «Лекція и изслѣдованія», стр. 155.

³⁾ Курбскій въ посланіяхъ своихъ къ царю и великому князю московскому не разъ спрашиваетъ царя, зачѣмъ онъ истребляетъ «Богомъ данныхъ» ему воеводъ и бояръ. «Сказанія князя Курбскаго», изд. Н. Устряловымъ, Спб., 1868 г.

⁴⁾ В. О. Ключевскій, «Боярская Дума древней Руси», главы IX; X; XI.

только входилъ въ извѣстный возрастъ. Царь долженъ былъ посылать «сказать думу» такому знатному человѣку. Бояре строго слѣдили за тѣмъ, чтобы родовитымъ людямъ не выходило порухи черезъ неродословныхъ. «За службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ» — такъ формулировали представители знатныхъ княжескихъ родовъ основаніе прирожденности своего права на власть. И съ этимъ правиломъ не могъ сладить самъ царь Иванъ Васильевичъ. Въ 1579 году бояре и воеводы московской рати перессорились изъ-за мѣсть и остановились, и царь «кручиняе» прислать дьяка и дворянина промышлять дѣломъ мимо воеводъ, но при воеводахъ. Смѣнить, судить, наказать за это — не пришло и въ голову «грозному» царю. По Судебнику 1550 г. было постановлено, чтобы всѣ новые вопросы, не предусмотрѣнные закономъ, разрѣшались не иначе, какъ «съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговору» ¹⁾. Каждое распоряженіе думы, хотя бы оно застѣдала безъ государя, имѣло силу закона и могло быть отмѣнено только царемъ съ думой, не иначе, какъ «поговоря».

Вообще эта идея рѣшенія дѣлъ «поговоря» не только съ боярами, съ духовенствомъ, но и съ простымъ «всенародствомъ» не была чужда московскому самодержавію и несколько не стѣсняла его.

Это начало совѣта въ управленіи тоже не было новостью въ странѣ, и мы знаемъ о существованіи такихъ совѣщаній еще во времена удѣловъ. Правда, совѣщанія были рѣдки и созывались при исключительныхъ случаяхъ. Лѣтопись сохранила воспоминаніе о такомъ совѣщаніи при великомъ князѣ Всеволодѣ, когда онъ въ 1211 году, рѣшивъ нарушить обычай и укрѣпить великое княжество мимо старшаго своего сына Константина за вторымъ — Юріемъ, «созва,— читаемъ въ лѣтописи,— всѣхъ бояръ своихъ съ городомъ и съ волостей и епископа Иоанна и игумены и попы и купцы и дворяны и вси люди и да сыну своему Юрью Володимерь (г. Владиміръ на Клязьмѣ—столичный городъ великаго княженія) по собѣ». ²⁾

Въ 1471 году, передъ походомъ на Новгородъ, Иванъ III «разосла по всю братію свою и по всѣ епископы земли све и по князи и по бояре свои и по воеводы и по вся воя своя, и якоже вси епископаша къ нему, тогда всѣмъ возвѣщаетъ мысль свою, что ити на Новгородъ ратію... и мысливши о томъ не мало и конечное положивша упованіе на Господа Бога. И князь великій пріемъ благословеніе отъ митрополита... и отъ всего священнаго собора и начать вооружатися ити на нихъ; такоже и братія его и вси князи его и бояря и воеводы и вся воя его...» ³⁾.

¹⁾ Судебникъ 1550 г. ст. 98. «А которыя будутъ дѣла новыя, а въ семь судебникѣ не писаны, и какъ отъ дѣла, съ государева до ладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатца, и тѣ дѣла въ семь судебникѣ приписывати».

²⁾ П. С. Р. Л. Воскр. Лѣт. 117.

³⁾ П. С. Р. Л. Воскр. лѣт., 161.

Со времянь царя Ивана Васильевича эти рѣшающія совѣщанія верховной власти съ представителями населенія приобрѣтають особое значеніе, какъ послѣднихъ, рѣшительныхъ усилій власти покончить съ тѣмъ или инымъ труднымъ вопросомъ государственной практики. Эти совѣщанія получаютъ съ этихъ поръ названіе земскаго собора, совѣта всея земли, совѣта.

На земскомъ соборѣ работали вмѣстѣ надъ вопросами государственнаго строя царь, боярская дума, освященный соборъ, т. е. высшее духовенство, и выборные отъ разныхъ чиновъ Московскаго государства. Духовный соборъ 1551 г., который принято называть Стоглавымъ, далеко не былъ исключительно церковнымъ, какъ по своему составу, такъ и по вопросамъ, на немъ обсуждавшимся. На Стоглавомъ соборѣ рядомъ съ духовными отцами сидѣли «князи и бояре и воины», и царь Иванъ Васильевичъ не считъ ниже своего достоинства такъ обращаться къ собравшимся: «весь священный соборъ,—говорить онъ,—и иноцы и прочіи вси Божіи молебници, тако же и братія моя вси любимыя мои князи и бояре и воины и все православное христіанство, помогайте ми и пособствуйте вси единодушно вкупѣ» ¹⁾.

Прибѣгать къ совѣту не только бояръ, но и простого всенародства совѣтовалъ царю Ивану такой упрямый аристократъ, какъ князь Курбскій ²⁾. Эту мысль о всеземскомъ совѣтѣ при власти рускіе публицисты XVI вѣка именовали «дѣломъ благимъ», совѣтовали высшему духовенству благословить царя «на таковое дѣло благое, на единомысленный вселенскій совѣтъ, и съ радостью царю воздвигнути и отъ всеѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ безъ величества и безъ высокоумной гордости съ хриstopодобною смиренною мудростію безпрестанно всегда держати погодно при себѣ ото всякихъ мѣръ (чиновъ) всякихъ людей и по всякъ день ихъ добрѣ и добрѣ разспросити царю самому про всякое дѣло міра сего... И объявлено будетъ тѣми людьми всякое дѣло передъ царемъ, да правдою тою держитесь во благоденствѣ царство его» ³⁾.

Царь Иванъ Васильевичъ два раза созывалъ соборы за время своего царствованія: въ 1550 и 1566 гг. Соборъ 1550 г. имѣлъ задачей обсудить улучшение мѣстнаго управленія и суда; соборъ 1566 г. рѣшилъ вопросъ о войнѣ съ Польшей. Даже для учрежденія опричнины и оправданія наступившихъ съ ней казней царь Иванъ искалъ признаковъ формальнаго согласія и одобренія народа, какъ свидѣлствуютъ событія, предшествовавшія опричинѣ ⁴⁾. Съ

¹⁾ С. О. Платоновъ. «Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ». Спб., 1905 г., стр. 12; И. Н. Ждановъ, Сочиненія, т. I. «Церковно-земскій соборъ 1551 г.».

²⁾ «Исторія князя великаго московскаго». Гл. III, стр. 39.

³⁾ Бесѣда преподобнаго Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ. Апокриф. пам. XVI в. Изданіе М. Дьяконова и В. Дружинина, стр. 30.

⁴⁾ В. Сергѣевичъ, «Лекціи и изслѣдованія», стр. 156 и слѣд.

самодержавіемъ «грознаго» царя уживалось широкое довольно развитіе мѣстнаго самоуправленія съ выборнымъ мѣстнымъ начальствомъ, обязаннымъ отчетностью и передъ избравшимъ его населеніемъ, и передъ центральной властью.

Наступившее послѣ смерти наслѣдника царя Ивана тяжелое безгосударное время вскрываетъ въ московскомъ государственномъ правѣ рядъ новыхъ фактовъ, не вяжущихся съ нашимъ представленіемъ о самодержавіи, но уживавшихся съ нимъ въ умахъ и представленіи русскихъ людей XVII вѣка. За самодержавіемъ XVII вѣка вязалась не только формальная ограниченность царской власти, но и ея зависимость отъ воли народной. Это новое начало, по преданію, призналъ и представитель верховной власти—царь Василій Ивановичъ. Авторъ одной хроники о смутномъ времени рассказываетъ, какъ царь Василій встрѣтилъ ворвавшихся къ нему мятежниковъ: «Если вы убить меня хотите, я готовъ умереть, но если вы хотите свести меня съ престола и царства, то не имѣете права этого сдѣлать, дондеже не снидутся вси большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди да и азъ съ ними (такъ обозначилъ царь Василій земскій соборъ). И какъ вся земля совѣтъ положить, такъ и азъ готовъ по тому совѣту творити» ¹⁾. По наказу царя Василія его послы въ Польшѣ должны были говорить, что московскій народъ имѣлъ право «осудить истиннымъ судомъ» и казнить за злыя богомерзкія дѣла такого царя, какимъ былъ Лжедимитрій. Послы говорили и больше:—они доказывали панамъ, что теперь, хотя бы явился и прямой прирожденный государь царевичъ Дмитрій, но если его на государство не похотятъ, ему силой нельзя быть на государствѣ ²⁾.

Тогда же у представителей различныхъ слоевъ общества появляются первые планы государственнаго устройства, основаннаго на политическомъ договорѣ государя съ подданными. Есть основанія думать, что бояре хотѣли ограничить уже царя Бориса. Тоже избранный царь Василій даетъ «запись» и присягаетъ въ Успенскомъ соборѣ, цѣлуя крестъ, 1) никого не предавать смертной казни безъ законнаго суда, «не осудя истиннымъ судомъ съ бояры», 2) не отбирать имущества у родственниковъ виновнаго, если они не были участниками преступленія, 3) не слушать ложныхъ доносовъ. Вотъ все содержаніе записи царя Василія. Никакихъ основъ новаго государственнаго устройства она не содержитъ; самое большее, что въ ней можно видѣть, это развѣ только нѣкоторую попытку создать гарантію личной и имущественной неприкосновенности подданныхъ. Въ этомъ смыслѣ удѣльному взгляду на подвластныхъ государю, какъ на его безотвѣтныхъ рабовъ и холоповъ, ставилось записью царя Василія первое ограниченіе, требовавшее обращенія

¹⁾ Русск. истор. библ., т. XIII. Ин. сказаніе, стр. 120.

²⁾ В. Ключевскій, «Боярская дума», изд. 3-е, стр. 358.

власти съ подданными не на основѣ каприза гнѣва или милости, а на почвѣ закона, опредѣляющаго взаимоотношеніе сторонъ.

Когда въ Москвѣ зашла рѣчь объ избраніи въ цари королевича Владислава, то ему предложено было дать подданнымъ за крестнымъ цѣлованіемъ запись, болѣе распространенную. Королевичъ, принимая московское государствованіе, долженъ былъ обѣщать, кромѣ охраны и обереженія православія, личныхъ и имущественныхъ правъ подданныхъ, не вводить новыхъ налоговъ безъ согласія боярской думы и не издавать безъ совѣта всея земли новыхъ законовъ. Такимъ образомъ, мысль о необходимости гарантіи въ законѣ извѣстныхъ гражданскихъ правъ, высказанная въ записи царя Василія, дополняется здѣсь мыслью объ участіи народнаго представительства въ законодательствѣ и управленіи страной. Королевичу Владиславу быть на московскомъ и всея Руси престолѣ не пришлось. Земскій соборъ, собравшійся при войскѣ князя Д. М. Пожарскаго, взялъ правленіе страной въ свои руки и постановилъ, что избраніе царя и непременно изъ прирожденныхъ русскихъ, должно совершиться только тогда, когда страна будетъ очищена отъ иноземныхъ враговъ и «своихъ воровъ», а пока вручилъ правительство воеводамъ земскаго ополченія, оставивъ за собой право смѣнить этихъ начальниковъ въ случаѣ негодности или неспособности ихъ ¹⁾.

Есть извѣстіе, что новый избранный единодушнымъ совѣтомъ всея земли царь Михаилъ вступилъ на престолъ съ ограниченной властью. Повѣсть о смутномъ времени, составленная въ Псковѣ, рассказываетъ, что бояре, сажая царя Михаила на царство, заставили его цѣловать крестъ на томъ ²⁾, чтобы ему не казнить смертью за преступленія людей боярскихъ родовъ, а только наказывать заточеніемъ. Другое извѣстіе, сообщаемое Татищевымъ, говоритъ, что хотя избраніе царя Михаила было—«порядочно всенародное, да съ такой же записью», кака была взята съ царя Василія ³⁾. Третье свидѣтельство принадлежитъ подъячему посольскаго приказа Григорію Котошихину, бѣжавшему въ Швецію черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ смерти царя Михаила. Котошихинъ увѣряетъ, что среди его современниковъ господствовало мнѣніе, что всѣ цари, избравшіеся на престолъ по прекращеніи старой династіи, правили съ ограниченной властью, что «на нихъ были иманы письма» съ извѣстными обязательствами. Обязательства «обиранныхъ» царей, по Котошихину, состояли въ томъ чтобы «имъ быть не жестокимъ и не

¹⁾ См. С. О. Платоновъ. «Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ», стр. 38—40. и его же «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.», гл. V, 7.

²⁾ «...Къ ротѣ приведоша... П. С. Р. Л. V, Прибавл. къ Псковск. лѣтоп., 64.

³⁾ В. Татищевъ, «Произвольное и согласное разсужденіе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственнымъ». П. Цоповъ. «В. П. Татищевъ и его время», гл. II-ая.

опальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми собча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать». Только нынѣшняго царя—(т.-е. царя Алексѣя Михайловича)—говорить далѣе Котошихинъ—«обрали на царство, а шема онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари даывали; и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ»¹⁾.

Врядъ ли Котошихинъ достаточно полно передалъ содержаніе записи царя Михаила. Умный и свѣдущій наблюдатель русской жизни начала XVIII вѣка прусскій дипломатъ Г. Г. Фоккеродтъ передаетъ извѣстіе, въ которомъ указываетъ, что царь Михаилъ обязался не рѣшать безъ собора изданія новыхъ законовъ, введенія новыхъ налоговъ, объявленія войны и заключенія мира²⁾. Если теперь припомнить, какую важную роль въ правительствѣ царя Михаила, особенно въ первое десятилѣтіе его царствованія, играли земскіе соборы, то словамъ Фоккеродта придется дать вѣру³⁾. Такъ, на обсужденіе земскаго собора 1616 г. предлагались вопросы о новыхъ налогахъ. Тогда же боярская дума на просьбу агента англійскаго правительства относительно дозволенія англичанамъ искать Обью пути въ Индію и Китай и некатъ желѣзо и олово около Вологды и др. отвѣтила, что «такого дѣла теперь рѣшить *безъ совету всего государства* нельзя ни по одной статьѣ». Можно привести не одинъ фактъ правительственной дѣятельности времени царя Михаила въ подтвержденіе той руководящей роли въ управленіи страной, какую имѣлъ тогда земскій соборъ⁴⁾.

Итакъ, въ XVII вѣкѣ мы имѣемъ случай, когда московскій самодержецъ былъ ограниченъ по формальной записи боярской думы и земскимъ соборомъ и все-таки именовался самодержцемъ. Царь Василій не упустилъ никогда случая отмѣтить, что онъ «самодержецъ». Царь Михаилъ первый изъ русскихъ государей сталъ употреблять этотъ титулъ постоянно, а до него онъ не былъ необходимо принадлежностью царскаго «богословія».

Мысль о томъ, что въ понятіи самодержавія заключается и извѣстное опредѣленіе отношеній государя къ подданнымъ, возникаетъ въ до-петровской Руси. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, конечно, былъ однимъ изъ первыхъ напавшихъ на мысль, что это

¹⁾ Григорій Котошихинъ, «О Россіи», гл. VIII, стр. 4.

²⁾ «Россія при Петрѣ Великомъ», Г. Г. Фоккеродта, изд. И. О. И. Д. Р. стр. 21 и слѣд. Тѣ же свѣдѣнія находимъ въ сочиненіи другого иностранца—иведа Страленберга «Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asien». Stockholm, 1730. Сочиненіе это вышло въ свѣтъ на семь лѣтъ раньше книги Г. Г. Фоккеродта и, вѣроятно, было ему извѣстно.

³⁾ Соборы при царѣ Михаилѣ: избирательный соборъ 1613—15 гг.; соборы 1616 г., 1618 г.; 1619 г.; 1620 г.; 1621 г.; 1622 г.; 1623 г.; 1633 г.; 1634 г.; 1636 г.; 1637 г.; 1642 г. (Азовъ); совѣщанія съ торговыми людьми 1617 г., 1620 г.

⁴⁾ В. О. Ключевскій, «Боярская Дума», 3-е изд., стр. 379—382.

слово можетъ обозначать не одну только внѣшнюю независимость государя и страны. Онъ горячо воспринялъ вышеизложенныя церковно-религіозныя обоснованія царской власти, какъ ихъ передала въ нашу старинную книжность Византія, и возгласилъ, что «земля правится Божиимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы милостію и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди нами, государями своими, и не судьями и воеводами». Задачей царскаго властвованія царь Иванъ Васильевичъ ставитъ «привести подданныхъ къ познанію Бога». Царь «Божіею милостію, а не по многоятежному человѣческому хотѣнію», долженъ самъ лично управлять своимъ государствомъ, а не подчиняться своимъ совѣтникамъ: «русскіе владѣтели,—говоритъ царь Иванъ,—не даютъ отчета никому и вольны подвластныхъ своихъ жаловать и казнить». Но эти казни и милости не произволь. Царь поставленъ Богомъ на то, чтобы воздать благимъ благое, а злымъ—злое.

Опредѣливъ такъ полно и широко обоснованія своей власти надъ лицами, царь Иванъ, однако, нигдѣ не указалъ отношенія этой своей власти къ порядку, къ государственному строю страны. «Какъ же и самодержецъ наречется, аще не самъ строить?»—спросилъ одинъ только разъ царь Иванъ, остановившись на этомъ словѣ «самъ», но дальше не сталъ развивать эту промелькнувшую въ его головѣ мысль о самодержавіи, какъ о полной независимости царской власти не только отъ «совѣтниковъ», но и вообще свободной въ вопросахъ государственнаго строительства. На дѣлѣ царь Иванъ не былъ государемъ, какимъ хотѣлъ вообразить себѣ самодержца, въ концѣ концовъ «самодержавіе Грознаго,—говоритъ В. Сергѣевичъ,—обозначаетъ самостоятельность его власти по отношенію къ боярамъ и вельможамъ, а не право дѣлать, что угодно» ¹⁾. Сражаясь всю жизнь съ боярствомъ, царь Иванъ охранялъ мѣстническія права великородныхъ князей и очень любилъ разбираться въ тонкостяхъ мѣстническаго счета «по родословцу», «по отечеству», «по разрядамъ». Не могъ царь Иванъ отрѣшиться и отъ обычаевъ ненавистнаго ему удѣльнаго времени и самъ создалъ удѣлъ для своего младшаго сына Димитрія. Даже въ извѣстной степени прямое раздѣленіе власти, хотя только номинальное, не затруднился устроить царь Иванъ, когда дѣлилъ государство на земщину и опричнину. Во главѣ земщины онъ оставилъ боярскую думу, а предѣдателемъ ея назначилъ касимовскаго царя Симеона съ титуломъ великаго князя всея Руси, самъ же звался княземъ московскимъ. Не лишено значенія въ этомъ смыслѣ и извѣстіе, что царь Иванъ хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его, какъ царь, наследовалъ земщину, а второй, какъ удѣльный князь—опричнину ²⁾.

¹⁾ В. Сергѣевичъ, «Лекціи и изслѣдованія», стр. 166.

²⁾ В. О. Ключевскій, «Боярская Дума», стр. 337.

Самая опричнина и по названію своему и по устройству была заимствована Грознымъ цѣликомъ изъ ставшихъ уже архаичными даже для XVI вѣка условій удѣльнаго времени. Управление въ опричинѣ было устроено по удѣльному образцу. «Въ опричинѣ онъ (царь Иванъ) чувствовалъ себя дома, среди своихъ холоповъ, страдниковъ, могъ безъ помѣхи проводить свою личную власть, стѣсненную въ земщинѣ нравственнымъ обязательнымъ почтеніемъ къ почитаемымъ всѣми преданіямъ и обычаямъ» ¹⁾. Итакъ, возрѣнія на власть государя, какъ на власть абсолютную, не сложились въ Московскомъ государствѣ. Одни изъ государей были болѣе абсолютны, другіе менѣе. Въ законѣ значеніе верховной власти, ея права и преимущества совсѣмъ не были опредѣлены. При отсутствіи юридическаго опредѣленія существа власти и получалась, съ одной стороны, та необычайная полнота власти надъ лицами, а съ другой—та легкость, съ которой эта власть подчинялась обычаю и житейскому факту.

Съ этой точки зрѣнія понятенъ дѣлается странный на поверхностный взглядъ фактъ, что первый изъ русскихъ государей, захотѣвшій въ словѣ самодержецъ прочесть не только обозначеніе своей виѣшней независимости, но и внутреннюю полноту державныхъ правъ, дѣлитъ власть съ боярской думой и истребляетъ бояръ-княжатъ; ставитъ въ упрекъ англійской королевѣ, что у ней «владѣютъ мужики торговые», и созываетъ земскіе соборы съ тѣми же «торговыми мужиками» и по совѣту съ ними вводитъ самоуправленіе городовъ и уѣздовъ, а въ важномъ вопросѣ войны или мира поступаетъ такъ, какъ эти «торговые мужики» совѣтуютъ. О царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Котошихинъ рассказываетъ, какъ о государѣ, который «наивысше пишется самодержцемъ и государство свое править по своей волѣ». Начать ли войну, или заключить миръ, вступить въ союзъ, даже уступить часть земли государства—все это, по Котошихину, въ волѣ царя Алексѣя: «что хочетъ, то учинити можетъ... и всякія великія и малыя дѣла своего государства учиняетъ по своей мысли, а съ бояры и съ думными людьми спрашивается о томъ мало» ²⁾. Пришлось бы на слово вѣрить Котошихину, если бы не сохранилось документальныхъ свидѣтельствъ о томъ, что царь Алексѣй безъ думы не провелъ ни одного важнаго дѣла, а такія дѣла, какъ изданіе уложенія и присоединеніе Малороссіи, провелъ черезъ земскій соборъ, какъ провелъ черезъ церковный соборъ съ участіемъ восточныхъ святителей и своихъ бояръ всю распрю свою съ патріархомъ Никономъ и всѣ дѣла по расколу церкви, вызванному необдуманнѣмъ и кан-

¹⁾ В. О Ключевскій, «Боярская Дума», стр. 338.

²⁾ Котошихинъ, «О Россіи», гл. VIII, ст. 4-ая.

целярски проведеннымъ исправленіямъ церковныхъ книгъ и обрядовъ ¹⁾.

По отношенію къ думѣ царь Алексѣй, конечно, не то, что царь Иванъ. Ряды думцевъ его времени не блестятъ княжескими именами первой величины—мѣры царя Ивана и смута подкосили подь корень родовитое князье съ его удѣльнымъ самолюбіемъ. Дума царя Алексѣя худородиѣ по составу, она больше въ распоряженіи царя, въ томъ смыслѣ, что царь Алексѣй свободиѣ въ назначеніи ея членовъ; но и онъ такъ же, какъ и царь Иванъ, можетъ патрадитъ кого хочетъ чиномъ думца, деньгами и помѣстьями, но родовой чести дать никому не можетъ. Князя Хованскаго царь Алексѣй величаетъ дуракомъ въ глаза, а въ думу его назначаетъ бояриномъ скорѣе, чѣмъ такого умнаго дѣльца, какъ незнатный человекъ Ординъ-Шафокниъ—канцлеръ царя Алексѣя. Не правъ Котошихинъ и въ своемъ утвержденіи, что царь Алексѣй «великія и малыя дѣла учиняетъ по своей волѣ, не говоря съ боярами». Именно царь Алексѣй, быть можетъ, даже больше другихъ нашихъ царей работалъ вмѣстѣ съ боярами по управленію страной. Онъ готовился къ засѣданіямъ думы, составлялъ конспекты того, что говорить, обозначая, въ чемъ уступить, на чемъ настоять. Даже въ церкви, когда приходили къ нему со спѣшными дѣлами, онъ рѣшалъ ихъ, подзвавъ двухъ-трехъ бояръ ²⁾.

Въ жизни Русскаго государства XVII вѣка историкъ имѣетъ возможность отмѣтить случаи, когда самодержавная власть не только допускала ограниченіе, но и дѣлилась въ лицахъ, допускала раздѣленіе своихъ правъ между двумя и болѣе лицами. Если не считать за раздѣленіе верховной власти упомянутый уже фактъ назначенія Грознымъ въ великіе князья всея Руси касимовскаго царя Симеона, первымъ такимъ случаемъ будетъ одновременное господство великаго государя, царя и великаго князя самодержца всея Руси Михаила Ѳеодоровича и его отца святѣйшаго великаго государя патріарха Филарета.

Какъ было считать отца-патріарха: подданнымъ сыну-царю или нѣтъ? По «отечеству», конечно, не подданнымъ, а если онъ не подданный, то, значить, по крайней мѣрѣ, такой же, какъ и сынъ, государь. И мы видимъ, что патріархъ Филаретъ именуется великимъ государемъ, забираетъ въ свои руки все управленіе государствомъ и правитъ имъ вмѣстѣ съ сыномъ, рядомъ съ нимъ, нисколько не прячась за его царское значеніе, но и не ставя авторитетъ царя сына выше своего патріаршаго великогосударскаго достоинства.

¹⁾ Соборы и совѣщанія правительства съ представителями населенія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: избирательный съѣздъ 1645 г.; соборъ 1648—49 гг. (Уложение); соборы 1651 и 1653 гг. (Малороссія); совѣщаніе съ гостями и торговыми людьми 1672 г.; объявленіе наследникомъ царевича Ѳеодора 1674 г.

²⁾ В. О. Ключевскій, «Боярская Дума», стр. 453; 420; 421 и слѣд.

Такое положеніе дѣла задавало не малую работу московскимъ юристамъ, такъ какъ практическаго разрѣшенія вопроса требовала сама жизнь. Чѣмъ было, наиримѣрь, руководствоваться при рѣшеніи спора о томъ, чье мѣсто выше—боярина ли, посланнаго для встрѣчи иноземнаго посла отъ имени великаго государя царя, или боярина отъ великаго государя патріарха? Рѣшеніе было таково: «каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ великій государь святѣйшій патріархъ, и ихъ государское величество нераздѣльно». Значитъ, оба государя не только одинаковы, какъ носители власти, но и нераздѣльны, когда ихъ все-таки двое!— все это темно, запутано и, конечно, не рѣшаетъ вопроса и не мѣшаетъ существованію при самодержавномъ монархѣ другого великаго государя, который «таковъ же», какъ и самодержецъ ¹⁾. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ раздвоеніе власти повторилось, когда патріархъ Никонъ также титуловался великимъ государемъ и развивалъ теорію о преимуществѣ своей духовной власти передъ свѣтской властью царя въ духѣ папы Григорія VII, уподобляя власть царскую—луиѣ, а власть патріаршую—солнцу, «ибо не отъ царства помазуются на священство, а отъ священства на царство». Наконецъ, раздвоеніе самодержавной власти наиболѣе рѣзко обозначилось послѣ смерти царя Θεодора Алексѣевича, когда на московскій престолъ выбрали двухъ царей—Ивана и Петра, управляло же государствомъ третье лицо—царевна Софія съ титуломъ самодержицы. Когда венеціанцы осторожно спросили русскаго посланника Волкова:—какъ же это служатъ ихъ царскимъ величествамъ подданные ихъ, такимъ превысокимъ и славнымъ персонамъ государскимъ?—то Волковъ отвѣтилъ, что подданные всѣхъ трехъ персонъ вмѣстѣ повелѣнія исполняютъ ²⁾.

Что власть самодержца могла быть дѣлима и ограничиваема по представленіямъ русскіхъ людей конца XVII вѣка, вскрывается и еще изъ одного случая. Разставаясь при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ съ мѣстничествомъ, бояре составили любопытный проектъ устройства управленія областями государства. Вся страна по этому проекту дѣлилась на нѣсколько крупныхъ областей. Во главѣ управленія каждой ставился «великородный бояринъ», какъ «вѣчный», т.-е. беземный намѣстникъ, которому, конечно, легко при растяжимости слова «вѣчный» можно было бы стать и наследственнымъ. Дѣленіе на области предполагалось сдѣлать примѣнительно къ тѣмъ прежнимъ политическимъ единицамъ, которыя вошли въ составъ Русскаго государства и образовали его территорію. Царство Казанское по этому проекту особая область, и намѣстникъ ея носитъ титулъ боярина и намѣстника *князя* царства

¹⁾ С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. IX, стр. 1159 и слѣд.

²⁾ С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XIV, гл. II, стр. 1066.

«Истор. вѣстн.», февраль 1913 г., т. сxxxii.

Казанскаго. Эти «вѣчные» намѣстники «князья» образовывали вмѣстѣ съ другими великородными боярами особый верховный государственный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ государя царя и великаго князя самодержца всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи. Обь отмѣнѣ самодержавія и рѣчи нѣтъ въ этомъ проектѣ, который чуть было не сдѣлался фактомъ. Политическое сознание русскаго человѣка московскихъ временъ, очевидно, допускало и ограниченіе и раздѣленіе самодержавной власти, и это несмотря на старинную проповѣдь со стороны духовенства обь единодержавіи и недѣлимости верховной власти. Любопытно, что и противъ проекта раздѣла Русской земли бояръ царя Феодора Алексѣевича возсталъ патриархъ и энергичнымъ противодѣйствіемъ воспрепятствовалъ осуществиться этой боярской затѣѣ ¹⁾.

Итакъ, слово «самодержавіе» въ древней Руси не выражало ни въ лицахъ, ни въ фактахъ своего проявленія той неограниченности, какою стали надѣлять его въ новое время. Для человѣка XVII вѣка оно означало внѣшнюю независимость государя и страны, и намеками у отдѣльныхъ лицъ проскальзываетъ мысль о соединеніи съ «самодержавіемъ» полноты правъ и самостоятельности государя во внутреннихъ отношеніяхъ. Если Котошихинъ и замѣчаетъ о царѣ Михаилѣ, что онъ, «хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего» ²⁾, какъ бы придавая слову «самодержавіе» значеніе неограниченнаго проявленія власти, то протопопъ Аввакумъ знаетъ это слово только въ его исконномъ значеніи: «У насъ Божіею милостію самодержество, къ намъ пріѣзжайте учиться православію, вы, данники турецкаго султана»... ³⁾—такъ кололъ онъ глаза греческому духовенству, ставя грекамъ тѣхъ временъ на видъ ихъ зависимость отъ турецкаго султана и подчеркивая словомъ «самодержество» независимость Москвы.

«Самодержавіе» въ его новомъ смыслѣ абсолютной власти надъ лицами и порядкомъ наше законодательство знаетъ лишь въ XVIII вѣкѣ.

Петръ Великій, круто и рѣзко возставая противъ всего, что держалось только по традиціи, вызвалъ своей тяжелой и не вполне понятной для народа преобразовательной дѣятельностью настолько враждебное къ себѣ отношеніе, что многіе считали его не русскимъ, а иѣмцемъ, не царемъ, а антихристомъ. При такомъ колебаніи древнѣйшей церковно-религіозной основы верховной власти Петръ счелъ необходимымъ дать ей новое истолкованіе ⁴⁾.

¹⁾ В. О. Ключевскій, «Боярская Дума», стр. 492—496.

²⁾ Котошихинъ. «О Россіи», гл. VIII, ст. 4-я.

³⁾ П. Субботинъ. «Матер. для исторіи раскола», т. V, стр. 78.

⁴⁾ В. Латкинъ, «Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи», стр. 218. «Не рискуя ошибиться, можно назвать Петра первымъ русскимъ государемъ, обладавшимъ дѣйствительно самодержавной властью и провозгласившимъ ее не только въ теоріи какъ Пьавъ IV, но и воспользовавшимся ею на практикѣ».

По приказу императора, архіепископъ нековскій Теофанъ Прокоповичъ, православный архіерей, но съ наклономъ къ протестантству, написалъ книгу «Правда воли монаршей» ¹⁾, въ которой далъ новое обоснованіе самодержавію, какъ абсолютной неограниченной власти надъ лицами и порядкомъ. Понадобилось это обоснованіе Петру главнымъ образомъ для того, чтобы доказать свое право на устраненіе отъ престола сына своего царевича Алексѣя, зараженнаго, по выраженію манифеста Петра, «авессаломской злостью». Теофанъ оказался опытнымъ юристомъ, хорошимъ ученикомъ теоретиковъ тогдашняго западно-европейскаго государственнаго права—Гоббеса, Гуго Гроція и Пуффендорфа. Свое изложеніе Теофанъ построилъ на ихъ ученіи о «естественныхъ законахъ», которые «сами собою крѣпки и сильны тѣмъ, что «не можетъ здравый умъ человѣческій иначе разсуждати». По естественнымъ законамъ у Теофана выходило, что «единственная цѣль установленія какой бы то ни было формы правленія есть всенародная польза». Старыя религіозныя обоснованія правъ верховной власти какъ бы замалчиваются. Согласно съ теоріей естественнаго права, Теофанъ сторонникъ договорнаго начала государственной власти. «Всякій образъ правленія,—говоритъ онъ,—и сама наслѣдственная монархія происходятъ отъ первоначальнаго соглашенія въ томъ или другомъ народѣ самаго народа съ монархомъ». Теофанъ не думаетъ, что этимъ договоромъ ограничивается воля Божія и воля монарха: Божія воля двигаетъ и самымъ народнымъ избраніемъ, а свою собственную волю народъ передаетъ монарху всецѣло при самомъ выборѣ и уже послѣ выбора «не оставляетъ самому себѣ никакой свободности». «Можетъ монархъ законно повелѣвати народу не только все, что къ знатной пользѣ отечества своего потребно, но и все, что ему не понравится: только бы народу не вредно и воля Божіей не противно было. Сему же всемогуществу его основаніе есть вышеупомянутое, что народъ правительской воли своей совлекся передъ нимъ и всю власть надъ собой отдалъ ему. И сюда надлежатъ всякіе обряды гражданскіе и церковные, перемѣны обычаевъ, употребленіе платья, домовъ строенія, чины и церемоніи въ ширваніяхъ, свадьбахъ, погребеніяхъ и прочая, и прочая». Такимъ образомъ, по Теофану, самодержавная власть проникаетъ во всѣ мелочи даже домашняго быта своихъ подданныхъ и является единственнымъ источникомъ права и вершительницей судебъ страны. По Теофану народъ долженъ «безъ прекословія и роптанія вся отъ самодержца повелѣваемая творити», «не можетъ судити дѣла государя своего». Итакъ, монархъ, нарисованный «Правдой» Теофана, есть вполне неограниченный властелинъ, никакими ограничивающими его волю законами и обычаями въ проявленіи его власти не связанный; воля

¹⁾ «Правда воли монаршей» цит. по изд. 1726 г.

его—законъ для подданныхъ. «Уставы и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ яко должнаго». Противъ этихъ положеній, по мнѣнію Теофана, никто «и устами збѣнути не можетъ».

За шесть лѣтъ до появленія «Правды воли монаршей», въ 1716 г., изданъ былъ воинскій артикулъ, въ которомъ 18-я статья гласитъ, что всѣ воинскаго чина люди всѣ свои силы должны полагать на службу императору, «яко самовластному монарху». Въ статьѣ 20-й того же артикула говорится, что «его величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчета дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять»¹⁾. Въ этомъ опредѣленіи власти російскаго монарха интересно употребленіе слова «самовластный» тамъ, гдѣ человѣкъ нашего времени поставилъ бы слово «самодержавный». Въ 1716 году дать такой смыслъ слову «самодержавный» воздержались. Случайно это вышло, или нѣтъ, трудно теперь сказать, но такъ было. Выраженіе «самовластный», въ смыслѣ абсолютный, повторено и въ морскомъ уставѣ 1720 года, и только въ духовномъ регламентѣ, изданномъ при большемъ участіи въ составленіи его Теофана Прокоповича, въ 1720 году, слово «самовластный» въ смыслѣ абсолютный замѣнено всѣмъ привычнымъ выраженіемъ—«самодержавный». «Монарховъ власть есть самодержавная,—читаемъ въ началѣ духовнаго регламента,—которымъ повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ»... Впервые въ нашемъ законодательствѣ слово «самодержавный», прямо противопоставленное всякой попыткѣ ограниченія верховной власти, встрѣчается въ манифестѣ императрицы Анны въ 1730 году, изданномъ въ отвѣтъ на попытку верховниковъ ограничить власть императрицы. Любопытно, что главными инициаторами этой попытки были люди родовитые, прямые внуки бояръ XVII вѣка. Ихъ попытку историки отмѣчаютъ, какъ извѣстнаго рода столкновеніе стараго представленія о самодержавной власти съ новымъ самодержавіемъ²⁾.

¹⁾ Но Петръ Великій ограничилъ свою власть по отношенію къ суду, въ дѣлѣ отправленія правосудія. См. А. Д. Градовскій, сочиненія, т. I, стр. 135 и т. VII, стр. 129 и слѣд. Въ Сводѣ Законовъ это начало выражено такъ: «Власть судебная, во всемъ ея пространствѣ, принадлежитъ сенату и мѣстамъ судебнымъ». (Учрежд. сен., ст. 3).

²⁾ Д. Корсаковъ, «Воцареніе императрицы Анны», Казань, 1880 г. и П. Н. Милюковъ, «Верховники и шляхетство».

Интересно, что въ томъ же 1730 г. В. Н. Татищевъ, сторонникъ неограниченія власти, въ своемъ «Произвольномъ и согласномъ разсужденіи»... употребляетъ выраженіе «самовластье» тамъ, гдѣ законъ уже говорилъ «самодержавіе»: «Петръ Великій... *большую, нежели его предки, себѣ и государству самовластьемъ честь, славу и пользу припнестъ, какъ то весь свѣтъ можетъ свидѣтельствовать*»...

Съ XVIII вѣка, въ дальнѣйшей своей исторіи, слово «самодержавіе» все болѣе приобрѣтаетъ тотъ смыслъ, который за нимъ окончательно установился въ эпоху императора Николая I, когда оно стало обозначать внутреннюю полноту и неограниченность державной власти императора надъ лицами и порядкомъ.

Изданные волею Государя Императора акты 6-го августа и 17-го октября 1905 г. возвращаютъ исконному старинному титулу русскихъ государей тотъ его смыслъ и значеніе, съ какими исторіи извѣстешъ этотъ титулъ въ болѣе раннихъ порахъ его существованія. Ни въ какомъ противорѣчій съ древними основами русской государственности эти акты не стоятъ. Московскіе самодержцы, созывавшіе совѣты всея земли, ихъ поняли бы, какъ понялъ бы ихъ и русскій человекъ XVI и XVII вѣковъ, умѣвшій выбирать представителя на земскій соборъ и снабжать его извѣстной «памятью», то есть наказомъ, что отстаивать и о чемъ говорить на соборѣ. Конечно, было бы большой натяжкой устанавливать преемственную историческую связь народнаго представительства, создаваемого актами 6-го августа и 17-го октября, съ земскими соборами XVI и XVII вѣковъ, или даже съ комиссіей уложенія императрицы Екатерины II, но духомъ это новое представительство сродно съ этими своими отдаленными предшественниками въ историческихъ судьбахъ русскаго народа и, быть можетъ, ближе къ нимъ, чѣмъ стародавнія вѣча съ земскимъ соборомъ.

Такъ же несправедливо было бы пытаться установить непосредственную преемственность отношенія московскихъ государей къ ихъ подвластнымъ съ отношеніемъ власти къ подданнымъ, какъ оно опредѣляется манифестомъ 17-го октября. Отъ удѣльнаго взгляда на подвластнаго, какъ на безответнаго раба и холопа, до признанія подданныхъ гражданами, обладающими основными правами гражданской свободы,—долгій путь. Удѣльное взаимоотношеніе власти и подвластныхъ было построено на обычай, отдававшимъ человека, подчинившагося государю-хозяину, въ полное распоряженіе послѣдняго. Московскіе государи, объединивъ въ своихъ рукахъ всю Великороссію, посмотрѣли на себя, на свое значеніе и назначеніе въ странѣ съ привычной удѣльной точки зрѣнія, то есть какъ на полновластныхъ хозяевъ земли и населявшихъ ее людей. Но фактъ объединенія страны превратилъ самихъ московскихъ владѣтелей въ государей всея Руси и поставилъ передъ ними задачу неизмѣримо болѣе широкую и сложную, чѣмъ удѣльное хозяйственное государственство съ его вѣчными заботами о «примыслахъ» земли и имѣнія. Объединенную Великороссію надо было защищать отъ вѣдшихъ враговъ, устраивать внутри съ цѣлями не увеличенія своего, личнаго благосостоянія, а съ цѣлями государственной безопасности и порядка. Въ интересахъ этого порядка стало невозможнымъ прежнее управленіе путемъ найма добровольныхъ слугъ на службу.

Служить государству—становится обязанностью подданныхъ. Возлагая на нихъ обязанности, власть должна была въ интересахъ порядка привести эти обязанности въ извѣстную норму и сообщить подданнымъ извѣстныя права. Первымъ такимъ правомъ является законность въ отношеніи власти къ подданнымъ, сказавшаяся въ изданіи письменныхъ законовъ. Это начало законности продолжаетъ развиваться и далѣе рядомъ съ развитіемъ неограниченности власти.

Одному слову въ титулѣ русскихъ государей суждено было отражать всѣ измѣненія значенія верховной власти, оставаясь неизмѣннымъ лексически. Слово это—самодержавіе. Въ своемъ историческомъ происхожденіи оно является обозначеніемъ внѣшней независимости государства и власти государя; съ самодержавіемъ въ этомъ его значеніи уживалось и ограниченіе власти государя во внутреннихъ ея отношеніяхъ и даже дѣленіе власти. Но уже въ XVI вѣкѣ въ словѣ «самодержавіе» прочли не только обозначеніе внѣшней независимости государя и государства, но и самостоятельности власти государя въ внутреннихъ отношеніяхъ. Позднѣйшія условія исторической жизни Русскаго государства позволили укрѣпиться этому взгляду. Удѣльная полнота власти государя надъ лицами начинаетъ основываться на его «самодержствѣ», но до самаго конца XVII вѣка ни одинъ русскій государь формально не основываетъ на своемъ «самодержствѣ» неограниченности своей власти надъ порядкомъ въ странѣ, не основываетъ на «самодержавіи» своего права произвольно мѣнять законодательство и строй управленія въ странѣ. Лишь съ XVIII вѣка понятіе самодержавія совершенно отождествляется въ законодательствѣ съ понятіемъ абсолютизма, неограниченности власти, какъ во внѣ, такъ и во внутреннихъ ея проявленіяхъ.

Но, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю полноту верховной власти, самодержецъ долженъ былъ осуществлять свою власть правомѣрно, самоограничить себя правомъ, то есть дѣйствовать во всемъ и всюду по извѣстному всѣмъ закону. «Только подъ условіемъ подчиненія власти праву,—говоритъ Н. М. Коркуновъ,—можетъ укрѣпиться самое могущество государственной власти, такъ какъ только тогда въ гражданахъ можетъ развиваться чувство законности, дѣлающее для нихъ повиновеніе власти долгомъ»—«не за страхъ токмо, но и за совѣсть». Это чувство долга можетъ развиваться въ гражданахъ только тогда, когда сама власть въ своей дѣятельности будетъ являть примѣръ строгаго уваженія къ праву. Этого уваженія требуетъ и жизнь, дѣлающая закономѣрность власти непремѣннымъ слѣдствіемъ развитія государственной дѣятельности, дѣйствующей черезъ цѣлую систему подчиненныхъ учреждений. Дѣйствовать въ порядкѣ эти учрежденія могутъ, только подчиняясь опредѣленнымъ законамъ, иначе каждая отрасль управленія грозитъ превратиться

въ разрушающее цѣлостъ и единство государства самовластно дѣйствующее начало.

Практическіе и теоретическіе усилѣніи права, создавшаго идею народнаго представительства, какъ наиболѣе полное выраженіе правомѣрности въ управленіи и законодательствѣ, не оставались чужды нашему правительству XVIII и XIX вѣковъ, не говоря о томъ, что находили живѣйшее сочувствіе въ обществѣ. О народномъ представительствѣ и построенномъ на немъ правовомъ началѣ въ Управленіи и законодательствѣ мечтала императрица Екатерина II ¹⁾; при императорѣ Александрѣ I былъ разработанъ проектъ народнаго представительства ²⁾; въ эпоху императора Александра II въ правительственныхъ кругахъ господствовало убѣжденное мнѣніе въ необходимости увѣичать зданіе великихъ реформъ царя-Освободителя народнымъ представительствомъ ³⁾.

Такъ развитіе государственной жизни само собой приводило къ тому, что самодержавная государственная власть, строя свои отношенія къ подданнымъ и дѣятельность по управленію страной на почвѣ закона, въ поискахъ наибольшей правомѣрности своего проявленія неминуемо приходила къ необходимости правового устройства управленія страной и своего отношенія къ подданнымъ. Акты 6-го августа и 17-го октября и изданы съ цѣлью выразить это «новое» начало въ государственномъ строѣ Россіи.

Такъ можно въ общихъ чертахъ представить себѣ характеръ того историческаго процесса, какимъ рабы-холопы, безотвѣтно подвластные носителю верховной власти, превратились въ подданныхъ гражданъ, обладающихъ основными правами гражданской свободы, призванныхъ къ участию въ правительственной дѣятельности черезъ посредство свободно избранныхъ ими представителей.

Въ этомъ новомъ взаимоотношеніи власти и подвластныхъ и заключается коренная разница государственнаго строя Россіи XVI и XVII вѣковъ, основаннаго на обычаяхъ и преданіи, со строемъ Россіи нашихъ дней, покоящемся на писанномъ законѣ, создаваемомъ совокупной работой власти и свободныхъ представителей свободнаго населенія. Но это «новое»—лишь слѣдствіе вѣковаго развитія—удовлетвореніе естественно созрѣвшихъ запросовъ жизни, и создалось на почвѣ старыхъ изжитыхъ народомъ и государствомъ фактовъ, содержавшихъ въ себѣ начала новаго строя, новыхъ фактовъ исторической жизни. Въ самодержавіи московскихъ временъ, означавшемъ внѣшнюю независимость власти и намекавшемъ на внутреннюю полноту ея, таились начала ограниченія и даже дѣленія

¹⁾ А. Лаппо-Данилевскій, «Очеркъ внутренней политики императрицы Екатерины II». Спб., 1898 г.; В. С. Иконниковъ, «Значеніе царствованія Екатерины II». Кіевъ, 1897 г.

²⁾ Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I», т. I и IV. Спб., 1898.

³⁾ П. Н. Милоковъ, «Государственный актъ 6-го августа 1905 г.» «Право», № 31, 1905 г.

верховой власти. Самодержавіе, когда оно стало обозначать и неограниченность верховной власти, не исключало необходимости законмѣрности своего проявленія.

Такимъ образомъ, устанавливаемый актами 6-го августа и 17-го октября конституціонный порядокъ управленія и законодательства въ Россіи нельзя считать стоящимъ въ противорѣчїи съ древнѣйшими традиціями исторической жизни русскаго народа и государства. Въ создаваемой этими актами новизнѣ «старина чувствуется»,—можно сказать словами адреса старообрядцевъ императору Александру II. Монархъ, призвавшій къ управленію Россіей въ единеніи съ нимъ выборныхъ отъ народа, даровавъ народу незыблемыя основы гражданской свободы, исторически стоитъ ближе къ самодержавному царю Алексѣю, чѣмъ къ самодержавному же наслѣднику императора Александра I Благословеннаго. Понятіе абсолютизма лучше и точнѣ передается на русскій языкъ словомъ «самовластіе»; нельзя было соединить съ нимъ понятіе самодержавія, какъ его создала и знала древняя, до-петровская русская жизнь. Въ основномъ законѣ имперіи слово самодержавіе отличаетъ верховную власть монарха отъ власти неограниченной просто. Исторія заставила составителя Свода Законовъ сказать, что «императоръ всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный», потому что исторія знаетъ, что самодержавіе, какъ оно создавалось въ жизни русскаго народа до XVIII вѣка, не включало въ себя понятія неограниченности.

Развивая въ своей книгѣ «Руководство къ познанію законовъ» понятіе о власти руссійскаго самодержца, М. М. Сперанскій говорить, что «никакая другая власть ни внѣ, ни внутри имперіи не можетъ положить предѣловъ верховной власти руссійскаго самодержца. Но предѣлы власти, имъ самимъ постановленные извнѣ государственными договорами, внутри словомъ императорскимъ, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а слѣдовательно и право самодержавное, потоліку есть право, поколику оно основано на правдѣ. Тамъ, гдѣ кончится правда и гдѣ начинается неправда, кончится право и начинается самовластіе»¹⁾.

Власть руссійскаго самодержца послѣ изданныхъ его волею актовъ 6-го августа и 17-го октября будетъ дѣйствовать въ ихъ предѣлахъ; этого требуетъ и 47 статья основнаго закона имперіи, которая гласитъ: «Имперія руссійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учреждений и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ».

Издавъ акты 6-го августа и 17-го октября, самодержавная власть поставила себѣ новые предѣлы, говоря словами Сперанскаго, и по смыслу статьи 47-й основнаго закона должна въ нихъ дѣйствовать.

¹⁾ «Руководство къ познанію законовъ», стр. 56 и 57.

Юристъ признаеть эту самодержавную власть, дѣйствующую теперь въ единеніи съ представителями народа, ограниченной, конституціонной; историкъ согласится съ нимъ и скажетъ, что самодержавная власть въ основѣ своей, въ своемъ историческомъ происхожденіи, ограниченія не избѣгала и, поставивъ себѣ новые предѣлы, права называться самодержавной не терять.

Отнынѣ въ разсужденіяхъ о «самодержавіи» совершенно должно быть устранено соединеніе съ нимъ понятія неограниченности власти надъ лицами и порядкомъ. Этому отождествленію нѣтъ мѣста при наличности въ государствennomъ строѣ Россіи представительныхъ учреждений и при обеспеченности за подданными правъ гражданской свободы. Самодержавіе, — принявъ во вниманіе историческое происхожденіе этого слова, — можетъ означать теперь, при конституціонной формѣ правленія, — во внѣ: независимость государя и государства, а во внутреннихъ отношеніяхъ державныя права и самостоятельность монарха, властвующаго по собственному праву, унаслѣдованному отъ предковъ, и олицетворяющаго идею верховной власти въ странѣ.

Приведенная записка и мнѣнія въ ней по историческому вопросу о самодержавіи были признаны заслуживающими вниманія, несмотря даже на то, что не все представители власти были согласны съ ходомъ развитія изложенныхъ въ ней мыслей. Во всякомъ случаѣ она въ числѣ прочихъ основаній къ сохраненію въ титулѣ російскаго императора, даже при наличіи народнаго представительства, наименованія «самодержецъ» сыграла свою роль, а потому редакція статьи первой главы II закона (изданіе 1882 г.), гдѣ говорилось: «Императоръ всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти, не токмо за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ», была представлена въ новой редакціи о существѣ верховной самодержавной власти такъ: **«Императору всероссійскому принадлежитъ верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ».** (Изд. 1906 г.).

Во все время работы надъ кодификаціей основныхъ законовъ въ совѣтѣ министровъ постоянно возникалъ вопросъ: распубликовать ли основные законы въ ихъ новой редакціи до созыва государственной думы, или провести ихъ черезъ народное представительство? Одни изъ членовъ совѣщанія высказывались за то, чтобы основныхъ законовъ не трогать и сохранить ихъ въ существующемъ видѣ, другіе же, въ защиту необходимости пересмотра законовъ, приводили соображеніе, что если основные законы не будутъ распубликованы до созыва народныхъ представителей, то государственная дума въ первую очередь займется ими и тѣмъ самымъ присвоить себѣ функціи учредительнаго собранія, которое, не имѣя

на то дарованнаго ей верховной властью права, неизвѣстно еще, куда повернуть движеніе нашего государственнаго корабля. Последнее мнѣніе взяло верхъ, основные законы примѣнительно къ новому порядку вещей были пересмотрѣны и установлены, и между прочимъ утверждена и приведенная выше редакція ст. 4-й. За симъ, послѣ того, какъ графъ Витте сложилъ съ себя обязанности предсѣдателя совѣта министровъ, основные законы въ ихъ новой редакціи были опубликованы 23-го апрѣля, то есть за три дня до созыва народныхъ представителей, въ нѣсколько видоизмѣненной, впрочемъ, редакціи противъ той, которая была установлена при графѣ Витте, каковая была принята, однако, тогда всѣмъ совѣтомъ министровъ единогласно, и въ томъ числѣ нынѣшнимъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта М. Г. Акимовымъ и П. Н. Дурново, тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ не касаясь прочихъ сторонъ произведенной кодификаціонной работы, отмѣтимъ здѣсь лишь то, что именно историческій титулъ императорскаго величества сохранился въ неприкосновенности. Этотъ титулъ таковъ:

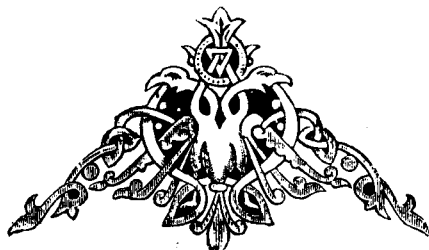
«Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, NN, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимирскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій; Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новгорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Пелотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и вся сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскія, Картаганскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій и прочая, и прочая, и прочая».

Въ этотъ титулъ, если вникнуть въ него согласно развитію въ немъ историческихъ моментовъ нашей государственной и политической жизни, вошли всѣ элементы русскаго территориальнаго расширенія и понятіе о власти самодовлѣющей.

Приведеннымъ титуломъ русскіе государи именовались съ изданныхъ поръ и онъ же остается за ними во всей его неприкосновенности и послѣ того самоограниченія, которое создано волею самой верховной власти въ актѣ 17-го октября 1905 года. Новизна государственнаго порядка вещей не стерла традицій старины и 1905 годъ

не внесъ въ титулъ російскаго императора никакого новаго понятія. Но, если самый титулъ сохранился въ полной его неприкосновенности, зато форма правленія, «государственный парядъ», значительно видоизмѣнена въ направленіи того историческаго понятія общенія между царемъ и земскими людьми, о коемъ было сказано въ рѣчи Государя Императора представлявшей ему депутаціи московскаго земскаго съѣзда; о томъ же понятіи было говорено въ приведенной выше запискѣ и оно же соотвѣтствуетъ тѣмъ началамъ, на коихъ династія Романовыхъ согласилась занять московскій престолъ. Первый изъ династіи Романовыхъ, не формулируя еще точно своего титула съ привходящимъ въ него идейнымъ содержаніемъ, принялъ на себя завѣтъ Русской земли—народосоубітѣ. Нынѣшній представитель династіи Романовыхъ благополучно царствующій Государь Императоръ актами 6-го августа и 17-го октября 1905 года, сохраняя за собою созданный его предшественниками императорскій титулъ, только видоизмѣнилъ его сообразно новому, установленному имъ же государственному порядку вещей, въ которомъ, однако, «старина слышится». Странительство государственной Россіи послѣ трехсотлѣтняго періода работы и борьбы на пользу русскаго народа получаетъ слѣдовательно свое принципиальное завершеніе, и если въ наступающіе юбилейные дни мы обращаемся благодарною памятью къ подвигу, подъятому на свои плечи домою Романовыхъ триста лѣтъ тому назадъ, то съ не меньшей признательностью обращается Русская земля къ своему нынѣшнему самодержцу за великій подвигъ, проявленный имъ въ 1905 году, который останется въ новѣйшей исторіи нашего отечества одною изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ.

Б. Глинскій.

МУЗЕЙ ИМЕНИ П. И. ЧАЙКОВСКАГО.

ВЪ МОСКОВСКОЙ губернии существуетъ маленькій уѣздный городокъ Клинь, извѣстный не самъ по себѣ, а главнымъ образомъ по одноименной станціи Николаевской желѣзной дороги. Расположенный на впадающей въ Волгу рѣкѣ Сестрѣ, Клинь, въ которомъ около 8000 жителей, представляется, несмотря на такое скудное въ немъ количество населенія, довольно чистенькимъ городкомъ съ различнаго рода учебными заведеніями, театромъ, постояннымъ кинематографомъ, клубами и обиліемъ всевозможныхъ магазиновъ, обширными торговыми рядами, съ газонакалильными дугowymi фонарями на улицахъ и даже телефонами...

До постройки Николаевской желѣзной дороги жители города Клина, какъ стоящаго на большой шоссеиной дорогѣ, соединяющей Петербургъ съ Москвою, почти поголовно занимались извозомъ, но теперь въ этомъ отношеніи городъ потерялъ всякое значеніе, и ямская слобода, въ былое время занимавшая въ немъ цѣлую улицу, теперь давнымъ-давно закрыта.

Въ концѣ Клина, на самой его околицѣ, стоитъ небольшой домъ съ тѣплымъ садомъ, принадлежавшій нашему гениальному композитору Петру Ильичу Чайковскому, а въ настоящее время брату его, Модесту Ильичу.

По смерти въ 1893 году П. И. Чайковского все его состояніе, то-есть авторекія права и клинскій домъ, было завѣщано любимому его

племяннику В. Л. Давыдову—сыну сестры Чайковского. Владимиръ Львовичъ Давыдовъ, или Бобъ Давыдовъ, какъ обыкновенно звали этого удивительно пріятнаго, умнаго и симпатичнаго молодого человѣка всѣ близко стоявшіе къ нему люди, не долго владѣлъ богатымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ ему Петромъ Ильичемъ.

Въ 1906 г. въ Клину же, въ припадкѣ меланхоліи, Бобъ Давыдовъ кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Послѣ него все имущество Петра Ильича Чайковского перешло къ его брату Модесту Ильичу. И Модестъ Ильичъ и раньше Бобъ Давыдовъ, чтя не только для нихъ самихъ, но и для всѣхъ многочисленныхъ почитателей П. И. Чайковского священную его память, порѣшили оставить домъ въ Клину, гдѣ жилъ Петръ Ильичъ, неприкосновеннымъ.

П. И. Чайковскій, хотя и переѣхалъ въ окрестность Клина уже въ 1885 г. (въ Майданово), но не жилъ тогда въ своемъ собственномъ домѣ, который въ другомъ мѣстѣ былъ имъ пріобрѣтенъ только года за полтора до смерти отъ отца бывшаго у насъ военнымъ министромъ генераль-адъютанта Сахарова.

Мнѣ пришлось въ Клину недавно посѣтить Модеста Ильича. Связанный съ нимъ и его братомъ, сенаторомъ Анатолиемъ Ильичемъ, старинною дружбою, я вызвался описать обстановку жилья Петра Ильича. Послѣдствіемъ такого печатнаго опубликованія явится, быть можетъ, возможность поступленія въ Клину различныхъ предметовъ, что такъ или иначе имѣли соприкосновеніе съ Петромъ Ильичемъ, и тѣмъ самымъ будетъ положено начало дѣйствительнаго музея славнаго имени П. И. Чайковского.

Если раньше, при нашей некультурности, преданія и памятники старины быстро исчезали у насъ на глазахъ, то надо надѣяться, что теперь этого не случится, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ.

Мы надѣемся, что когда клинскій домъ П. И. Чайковского наполнится всевозможными воспоминаніями объ немъ, когда все имѣвшее соприкосновеніе съ нашимъ великимъ композиторомъ будетъ систематизировано и не только систематизировано, но, главнымъ образомъ, предохранено отъ вліянія времени, пожара и прочаго, когда государство или, еще лучше, на примѣръ, прекрасное по задачамъ музыкально-историческое общество графа А. Д. Шереметева, напечатавшее превосходное воззваніе на постановку памятника П. И. Чайковскому, въ будущемъ возьметъ на себя починокъ такого охраненія,—этимъ самымъ будетъ воздана лишняя дань Петру Ильичу и сохранена навѣки память объ нашемъ гениальномъ композиторѣ.

У Чайковскихъ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ прямыхъ мужскихъ потомковъ. Пока живъ Модестъ Ильичъ и близнецъ братъ его, Анатолій, для которыхъ все касающееся Петра Ильича святыня,

нѣтъ основаній бояться за исчезновеніе какихъ-нибудь вещей, напоминающихъ Петра Ильича.

Но въ будущемъ, — кто можетъ поручиться за то, что послѣдующіе наслѣдники, къ которымъ перейдутъ оставшіяся реликвиі Петра Ильича, будутъ также бережно относиться къ всему его напоминающему?

Вотъ почему мнѣ кажется, что именно теперь, при жизни Модеста Ильича, хранителя всѣхъ его вещей, владѣльца дома въ Клину, слѣдуетъ положить начало болѣе обширнаго музея имени Петра Ильича и позаботиться путемъ ли воззванія, или инымъ способомъ (разумѣется, съ согласія Модеста Ильича) о привлеченіи въ музей возможно болѣе предметовъ, принадлежавшихъ или имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ П. И. Чайковскому, адресуя всѣ подношенія въ музей имени Петра Ильича въ городъ Клинь (Московской губерніи) на имя Модеста Ильича Чайковского.

По поводу упоминанія о томъ, что у Чайковскихъ нѣтъ прямыхъ потомковъ по мужской линіи, я вспомнилъ трагикомическій инцидентъ, происшедшій съ однимъ изъ братьевъ Чайковскихъ тотчасъ послѣ смерти Петра Ильича.

Многіе, вѣроятно, знаютъ, что Петръ Ильичъ былъ хотя женатъ, но сбѣжалъ отъ своей жены чуть ли не на второй день свадьбы и затѣмъ съ тѣхъ поръ ни разу не видѣлся съ подругою своихъ дней.

Когда стало извѣстнымъ, что единственнымъ наслѣдникомъ П. И. Чайковского сдѣланъ его племянникъ Боба Давыдовъ, то, разумѣется, никому изъ братьевъ Петра Ильича не могло прійти въ голову, что у Петра Ильича все-таки можетъ оказаться сынъ.

Какъ вдругъ одинъ изъ братьевъ Чайковскихъ, кажется, Анатолій Ильичъ, получилъ письмо отъ какого-то гимназиста Чайковского съ соболѣзнованіемъ по поводу смерти Петра Ильича.

«Вы, — какъ между прочимъ говорилось въ этомъ письмѣ, — теряете брата, а же отца!»

Можно себѣ представить удивленіе Анатолія Ильича!

Отправившемуся немедленно въ Москву, гдѣ проживала жена Петра Ильича, Анатолію Ильичу удалось узнать, что родившіяся у нея дѣти всѣ перемерли, и что она, не живя съ П. И., никогда и не думала записывать ихъ въ качествѣ законныхъ дѣтей Чайковского. Объявившійся на письмѣ quasi-сынъ Петра Ильича, хотя оказался дѣйствительно сыномъ тоже Петра Ильича Чайковского, но его однофамильца, ничего ровно не имѣющаго общаго съ семейю композитора.

Перехожу къ описанію мною видѣннаго въ клинскомъ домѣ Петра Ильича.

Вся скромная обстановка П. И. Чайковского расположена въ трехъ комнатахъ. Одна изъ нихъ, очень большая комната, служила П. И. кабинетомъ и гостиною, вторая, меньшая, была рабочимъ каби-

Домъ П. И. Чайковскаго въ Клину.

нетомъ и спальнею, а третья, еще меньшая комната, игравшая у Петра Ильича роль передней, у брата его, Модеста Ильича, превратилась въ архивную комнату.

Изъ прилагаемыхъ фотографій ясно видно, какъ размѣщена была мебель и вся обстановка жилыхъ комнатъ П. И., а также что убранство этихъ комнатъ было болѣе чѣмъ простое. Когда въ 1905 году, вслѣдъ за освободительнымъ движеніемъ, начались въ Россіи экспроприаціи и поджоги, коснувшіеся между прочимъ и Клинского уѣзда вмѣстѣ съ городомъ Клиномъ, и когда вслѣдствіе поджоговъ пострадали ближайшіе сосѣди дома Петра Ильича, Модестъ Ильичъ, обезпеченный этими взрывами смуты, посѣдѣшилъ кое-что изъ болѣе дорогихъ, какъ ему казалось, реликвій Петра Ильича увезти въ Москву для помѣщенія въ нестерраемое помѣщеніе Юргенсона, извѣстнаго московскаго издателя нотъ.

Первая изъ этихъ реликвій была маска, снятая по смерти Петра Ильича. Вслѣдствіе грубости исполненія и того, что полиція торопила исполненіемъ этого акта, маска производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе, въ особенности потому, что часть волосъ съ лица П. И. перешла на маскѣ въ свои естественныя мѣста.

Черезъ нѣкоторое, однако, время эту маску Модестъ Ильичъ пожертвовалъ московской консерваторіи, какъ учрежденію, гдѣ столько времени профессорствовалъ Петръ Ильичъ.

Относительно второй реликвіи, также свезенной въ Москву къ Юргенсону, простой дирижерской палочки, оставленной даровитымъ композиторомъ Гензелемъ Петру Ильичу по духовному завѣщанію, существуютъ не лишеныя интереса подробности. По своему впечатлительному характеру Петру Ильичу почему-то казалось, что Гензельтъ, столь извѣстный въ свое время пианистъ и композиторъ, игнорируетъ его или попросту относится къ нему, начинающему композитору, недружелюбно. Но однажды вынужденный вслѣдствіе своей доброты дать все-таки рекомендательное письмо къ Гензельту для опредѣленія одной очень нуждавшейся учительницы музыки на освободившуюся вакансію въ одномъ изъ институтовъ, Чайковскій ожидалъ полнѣйшей неудачи. Къ несказанному, однако, удивленію, просьба Петра Ильича Гензелемъ тотчасъ же была исполнена.

Но еще болѣе поразился П. И. Чайковскій, когда послѣ смерти Гензельта опъ узналъ, что ему, Петру Ильичу, оставлена по духовному завѣщанію простая дирижерская палочка. Чайковскій былъ такъ обрадованъ подаркомъ, что немедленно далъ небезызвѣстному ювелиру Фаберже оправить эту палочку въ серебро, причемъ неоднократно высказывалъ, что это подношеніе самое драгоценное изъ всѣхъ имъ когда-либо полученныхъ. Смыслъ такой радости усугублялся еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Петръ Ильичъ, какъ и всѣ выдающіеся музыкальные его современники, не могъ не

Кабинетъ и гостиная П. И. Чайковского въ Клину.

знать, что простая дирижерская палочка, къ тому же оставленная по духовному завѣщанію, несомнѣнно, принадлежала одному изъ титановъ музыки, какъ Бетховенъ, Шуманъ, Мендельсонъ Бартольди, съ которыми Гензельтъ былъ друженъ.

Въ углу гостиной виситъ образъ Казанской Божьей Матери стариннаго письма, которымъ Петръ Ильичъ очень дорожилъ по воспоминаніямъ дѣтства. Этимъ образомъ благословила маленькаго Петю одна знакомая старушка.

Стоящій среди той же большой комнаты рояль Беккера былъ подаренъ Чайковскому фирмою Беккера еще въ 1885 г., въ годъ переѣзда его въ Майданово (окрестности Клина). Петру Ильичу подаренный рояль настолько понравился, что онъ въ теченіе многихъ лѣтъ ни разу его не настраивалъ. Обладая феноменальнымъ слухомъ, Петръ Ильичъ все-таки съ непостижимымъ упорствомъ увѣрялъ всѣхъ домашнихъ, что рояль не требуетъ настройки. Даже пріѣздъ въ Майданово какой-то музыкальной знаменитости, удивившейся, какъ можно играть на такомъ разстроенномъ инструментѣ, не убѣдилъ Чайковского, и тотъ чуть ли не до самой смерти не позволялъ дотрагиваться настройщику до его любимаго фортепiano.

На тутъ же стоящемъ одномъ изъ столовъ виденъ превосходный бронзовый гальскій пѣтухъ, работы Auguste Cain, подаренный Петру Ильичу знаменитымъ французскимъ актеромъ, долгое время игравшимъ въ Петербургѣ, Люсьеномъ Гитри.

Въ гостиной Петра Ильича виситъ на видномъ мѣстѣ довольно большой портретъ А. Рубинштейна, написанный гуашью и карандашомъ одною художницею и музыкантшею, м-ль Бонне, почитательницею Петра Ильича, когда послѣдній былъ еще ученикомъ петербургской консерваторіи.

А. Рубинштейна окружаютъ другіе любимцы музыкальной музыки Чайковского—Бетховенъ, Глинка, Вагнеръ, Моцартъ, Бахъ, Мендельсонъ и Гайднъ.

На каминѣ стоитъ фотографія императрицы Маріи Ѳеодоровны, лично какъ-то пожелавшей, чтобы ей были посвящены нѣсколько новыхъ романсовъ Чайковского.

Петръ Ильичъ отвѣтилъ, что онъ съ радостью исполнитъ желаніе императрицы, но такъ какъ такія посвященія обязательно оплачиваются подаркомъ отъ двора, то онъ заранѣе заявляетъ, что подарка онъ не хочетъ и не приметъ.

Тогда государыня Марія Ѳеодоровна прислала ему свой портретъ въ простой деревянной рамкѣ, сказавъ, что отъ такого подарка онъ, навѣрно, не откажется.

Вблизи семейныхъ портретовъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ въ той же комнатѣ, красуется и правовѣдская группа выпуска 1859 года, гдѣ снятъ и однокурсникъ Петра Ильича—извѣстный поэтъ А. Н. Апухтинъ. Кто былъ знакомъ съ Апухтинымъ въ послѣдній деся-

Спальня и рабочий кабинет П. И. Чайковского в Ключу.

токъ лѣтъ его жизни, тотъ въ щедашномъ на представленной группѣ юношѣ никомъ образомъ не въ состояніи узнать невозможнаго толстяка-поэта, погибшаго отъ ожирѣнія.

Среди нѣсколькихъ картиць, висящихъ въ той же комнатѣ и не представляющихъ ничего цѣннаго, обращаетъ на себя вниманіе только одинъ пейзажъ Кузнецова, того самаго, который написали портретъ Петра Ильича, пріобрѣтенный Третьяковскою галереєю.

Петръ Ильичъ, любившій исключительно историческія сочиненія, между прочимъ интересовался судьбою малолѣтнаго Людовика XVII (сына казненнаго Людовика XVI) и перечиталъ почти всю литературу, касавшуюся этого несчастнаго младенца. Будучи уже профессоромъ московской консерваторіи, онъ страшно обрадовался, когда одинъ москвичъ, знавшій симпатію Петра Ильича къ Людовику XVII, преподнесъ ему довольно рѣдкую гравюру, изображавшую этого злополучнаго царственнаго узника въ Тамплѣ. Гравюра эта тоже виситъ въ гостиной Петра Ильича.

Музыкальная бібліотека Чайковскаго состоитъ главнымъ образомъ изъ самаго полнаго собранія сочиненій Моцарта (изданіе Брейтгофа и Гертеля), а также всѣхъ глинкаинскихъ оперныхъ партитуръ. Главный контингентъ его литературной бібліотеки были сочиненія по исторіи.

Въ той же гостиной Петра Ильича находится цѣлый рядъ фотографій Ружены Викакуаловой, превосходной пѣвицы пражской оперы, снятыхъ въ «Пиковой дамѣ». По словамъ Модеста Чайковскаго, Ружена была не только первоклассной пѣвицей, но и превосходною драматическою артисткою. Благодаря ея мастерскому исполненію и прекрасному гриму, исполненная ею роль графини въ «Пиковой дамѣ», обращавшая на себя вниманіе всей пражской публики, сдѣлалась выиграннымъ.

Невдалекѣ отъ портретовъ Ружены Викакуаловой красуется портретъ знаменитой пѣвицы и преподавательницы пѣнія, г-жи Дезире Арто, единственной женщины, въ которую Петръ Ильичъ былъ влюбленъ.

Въ спальнѣ Петра Ильича, тоже удивительно просто убранной, стоятъ два стола. На одномъ изъ нихъ, простомъ, не крашенномъ столѣ съ чернильными пятнами Петръ Ильичъ, ни за что не позволявшій покрывать столы скатертями или коврами, написалъ огромную массу своихъ произведеній. На этомъ же столѣ была написана и знаменитая «Патетическая симфонія».

Петръ Ильичъ обожалъ духи. На его туалетномъ столѣ, отдѣланномъ покрываломъ изъ русскихъ кружевъ, сдѣланномъ одною изъ почитательницъ его, стояла масса склянокъ съ духами, изъ которыхъ Петръ Ильичъ дѣлалъ ему одному извѣстныя смѣси.

Въ третьей, еще меньшей комнатѣ, архивной, стоитъ во всю длину одной изъ стѣнъ закрытая витрина, гдѣ хранятся вещи Петра

Ильича: одежда, бѣлье, всевозможныя подиошенія, серебро и прочее, съ любовью и тщательностью, какъ и многое другое въ музей, приведенныя въ строгій порядокъ однимъ изъ племянниковъ П. И. Чайковского, графомъ А. Н. Литке. Тамъ же лежатъ и иностранныя и

Домъ въ Лештуковомъ переулкѣ.
(Крестомъ обозначено окно комнаты Чайковского).

русскіе дипломы, а также полное собраніе всѣхъ сочиненій Петра Ильича.

Отдѣльное мѣсто занимаютъ въ этой же витринѣ собранныя главнымъ образомъ Модестомъ Ильичемъ матеріалы для біографіи Петра Ильича, среди которыхъ первенствующее значеніе имѣетъ уже написанный тѣмъ же неутомимымъ Модестомъ Ильичемъ главный

біографическій трудъ подь названіемъ: «Жизнь Петра Ильича Чайковскаго», составленная по документамъ, хранящимся въ архивѣ имени покойнаго композитора въ Клину.

Капитальный этотъ трудъ въ трехъ большихъ томахъ переведенъ на англійскій (два изданія), французскій и нѣмецкій языки.

Тутъ же помѣщается изданный одною американкою, почитательницею Петра Ильича, фантастически передѣланный романъ изъ его жизни.

Въ этомъ романѣ, посвящемъ названіе «The Genius» (Геній), самъ Петръ Ильичъ почему-то обращенъ въ принца Григорьева, въ то время, когда остальные лица, окружавшія Чайковскаго, сохранили и свои фамиліи,—такъ, напримѣръ, почти всѣ страницы пестрятъ именами Антона и Николая Рубинштейновъ, Лароша, Кашкина и прочихъ.

Въ этой же комнатѣ стоитъ старинный рояль фабрики Вирта, купленный матерью Петра Ильича еще въ 1852 году и на которомъ подь ея руководствомъ пышно возросли сѣмена музыкальнаго образованія Чайковскаго.

Въ другой витринѣ, помѣщающейся тамъ же, хранятся нѣкоторые рукописи Петра Ильича вмѣстѣ съ единственнымъ стихотвореніемъ, имъ написаннымъ.

Въ числѣ рукописей тамъ же находится автографъ романа, написаннаго семнадцатилѣтнимъ П. И. Чайковскимъ.

Когда много лѣтъ спустя романъ этотъ былъ показанъ С. И. Танѣеву, талантливому профессору московской консерваторіи, тотъ заявилъ, что за такое сочиненіе во всякомъ случаѣ слѣдовало признать, что авторъ его полная бездарность...

Въ архивной комнатѣ на первомъ мѣстѣ находятся портреты г-жи Меекъ и Н. Г. Рубинштейна; дальше идутъ портреты Александра III, Лароша, Всеволожскаго (И. А., покойнаго директора императорскихъ театровъ), Направника и Юргенсона—людей, такъ или иначе игравшихъ въ музыкальной жизни Петра Ильича большую роль.

Въ той же комнатѣ есть, хотя и неполная, коллекція портретовъ Петра Ильича, виды главныхъ его мѣстопробываній, а также фотографіи съ похорономъ Петра Ильича.

Въ прилагаемомъ снимкѣ дома въ Петербургѣ въ Лештуковомъ переулкѣ (на углу Загороднаго) видно то окно, гдѣ жилъ Чайковскій и гдѣ, такъ сказать, произошло музыкальное его рожденіе. Домъ этотъ, какъ ни странно при строительной горячкѣ Петербурга, до сихъ поръ не перестроенъ.

Но еще курьезнѣе то обстоятельство, что и въ Москвѣ, гдѣ послѣ того, что Петръ Ильичъ разстался съ Н. Г. Рубинштейномъ и сталъ жить самостоятельно, всѣ дома, гдѣ онъ проживалъ потомъ, несмотря на быстрый ростъ Москвы, остались также въ нетронутомъ видѣ.

Совершенно то же замѣчается и относительно дома на Воткинскомъ заводѣ, мѣстѣ рожденія Петра Ильича.

Заканчивая свой бѣглый осмотръ маленькаго клинскаго музея имени П. И. Чайковскаго, съ такою любовью охраняемаго братомъ его Модестомъ Ильичемъ, я попутно спросилъ Модеста Ильича, каковы доходы, приносимые съ главныхъ оперъ, написанныхъ Петромъ Ильичемъ: «Евгенія Онѣгина» и «Пиковой дамы»?

Вотъ сообщенныя мнѣ интересныя цифры. Со дня первыхъ представленій вышеназванныхъ оперъ каждая изъ нихъ принесла ихъ автору около 300.000 рублей!

Н. Н. Фигнеръ, большой пріятель П. И. Чайковскаго, узнавъ о получаемыхъ имъ большихъ доходахъ съ оперъ, спросилъ однажды покойнаго Петра Ильича, гдѣ же тотъ помѣщаетъ свои капиталы.

— Какъ вамъ сказать,—отвѣтилъ ему Чайковскій:—въ послѣдній разъ я помѣстилъ ихъ въ Большомъ Московскомъ трактирѣ!

В. Б. Бертенсонъ.

ИЗМАЙЛОВО.

РЕДИ многочисленныхъ окрестностей Москвы, столь обильныхъ историческими воспоминаніями, обращаетъ на себя вниманіе теперь уже большинствомъ русскихъ людей забытое, по когда-то славное дворцовое село Измайлово, расположенное въ двухъ верстахъ отъ Бѣлокаменной. Память объ этой бывшей вотчинѣ царскихъ предковъ, боярь Романовыхъ, особенно интересна для насъ въ этомъ году, когда вся Россія торжественно празднуетъ трехсотлѣтній юбилей царствующаго дома.

Первоначально образцовая усадьба русскихъ царей, расадникъ многихъ нововведеній сельскаго хозяйства, привившихся въ Россіи, Измайлово впоследствии превратилось въ увеселительную дачу, гдѣ члены царской семьи проводили время въ забавахъ и удовольствіяхъ.

Послѣ временнаго разрушенія и запустѣнія оно снова получило извѣстность, на этотъ разъ уже какъ памятникъ милосердія: здѣсь была основана на мѣстѣ царскихъ палатъ военная богадѣльня.

Много историческихъ преданій и разсказовъ связано съ прежней жизнью въ Измайловѣ; постараемся же воскресить ихъ въ нашей памяти.

До сихъ поръ неизвѣстно, отъ чего получило свое названіе Измайлово, изстаря принадлежавшее къ Васильцову стану и упоминаемое уже въ писцовыхъ приправочныхъ книгахъ конца XVI столѣтія. Извѣстно, однако, что въ 1609 году «государевы люди въ Измайловѣ поставили острогъ для воровъ»¹⁾, которыхъ, кстати, въ то

¹⁾ Акты археографической экспедиціи 11, № 147

смутное время на Руси было не мало, а въ патриаршихъ приходныхъ книгахъ подъ 1640 г. и позже Измайлово уже называется вотчиною боярина Ивана Никитича Романова ¹⁾; послѣ его смерти Измайлово перешло въ руки его сыну Никитѣ Ивановичу Романову-Юрьеву, а затѣмъ владѣтелемъ этой вотчинной земли сдѣлался Михаилъ Никитичъ Юрьевъ, который велѣлъ размѣнять ее съ монастырской вотчиной Черкизовымъ ²⁾—и съ тѣхъ поръ Измайлово уже встрѣчается подъ именемъ дворцоваго царскаго села.

Это подгородное село, обильное лѣсами и водою, славилось въ XVII вѣкѣ своимъ хозяйствомъ. Признавая земледѣліе кореннымъ богатствомъ Россіи, еще Никита Ивановичъ завелъ въ Измайловѣ хуторъ, гдѣ сѣялся разнаго рода хлѣбъ русскій и иностранный; были имъ также отведены земли подъ пашню, для посѣва льна, гречи, для пастбища рогатому скоту, устроены поемные луга на продовольствіе лошадей.

Сдѣлавшись полнымъ собственникомъ измайловской земли, царь Алексѣй Михайловичъ значительно расширилъ и усовершенствовалъ хозяйство своего предка. При этомъ онъ обильно пользовался своимъ двоякимъ значеніемъ царя и вотчинника. Онъ завелъ хозяйство въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что требуемыя на него издержки едва ли могли быть покрыты доходами какого-нибудь частнаго владѣльца. Онъ переселилъ значительное количество крестьянъ изъ другихъ дворцовыхъ земель, присоединивъ къ нимъ и выписанныхъ изъ-за границы иностранныхъ мастеровъ-спеціалистовъ своего дѣла: садовниковъ, огородниковъ, разныхъ механиковъ и пр. Число рабочихъ настолько возросло при немъ, что были даже построены особыя башни для наблюденія за ними.

Подобно своимъ предкамъ царь Алексѣй Михайловичъ поощрялъ въ значительной мѣрѣ земледѣліе; онъ озаботился и тѣмъ, чтобы соорудить цѣлый рядъ сельскохозяйственныхъ строеній: амбары, житницы, льняной, скотный, конюшенный, сѣнной дворы; на рѣчкахъ поставлены были мельницы съ плотинами.

Заведено здѣсь было и пчеловодство, размноженію котораго весьма способствовали многочисленныя луга, сады, огороды и липовыя рощи, окружавшія село. Въ сельское хозяйство Измайлова внесено было и хмелеводство, какъ подчиненная отрасль, разведенію которой помогала и самая почва, составлявшая смѣсь суглины съ супесью.

Здѣсь производились и опыты разведенія тутовыхъ деревьевъ, а также шелковичныхъ червей для добыванія изъ нихъ шелку; объ этомъ свидѣтельствуетъ бывшій тутовый садъ.

¹⁾ Грамота 71, въ госуд. архивѣ при сенатѣ.

²⁾ Братъ патриарха Филарета.

Позаботился царь-помѣщикъ и объ устройствѣ звѣринца. Последній представлялъ собою лѣсъ, обнесенный высокимъ заборомъ и находившійся на западной сторонѣ отъ дворца; здѣсь водились олени сибирскіе и американскіе, кабаны, дикобразы, ослы, лошаки, китайскія коровы и, какъ свидѣтельствуяютъ иностранцы, не разъ посѣщавшіе Измайлово, живые львы, тигры, барсы, бѣлые медвѣди, черныя лисицы, рыси, соболи и всякаго рода рѣдкія птицы: царскіе лебеди, китайскіе гуси, павлины, англійскія куры, утки и т. д. Изъ всѣхъ русскихъ звѣринцевъ XVII столѣтія самымъ обширнымъ и славнымъ считался Измайловскій¹⁾. Онъ былъ расположенъ настолько близко къ царскимъ хоромамъ, что ревъ звѣрей и крики разнообразныхъ птицъ, по рассказамъ современниковъ, были слышны дворцовыми обитателями. Измайловскій звѣринецъ содержалъ не мало такихъ животныхъ, которыя употреблялись для царскаго стола. Излюбленнымъ блюдомъ при парадныхъ обѣдахъ считался тертый олений рогъ, какъ приправа къ кушаньямъ, и кабаньи голы, разваренныя въ рейнвейнѣ.

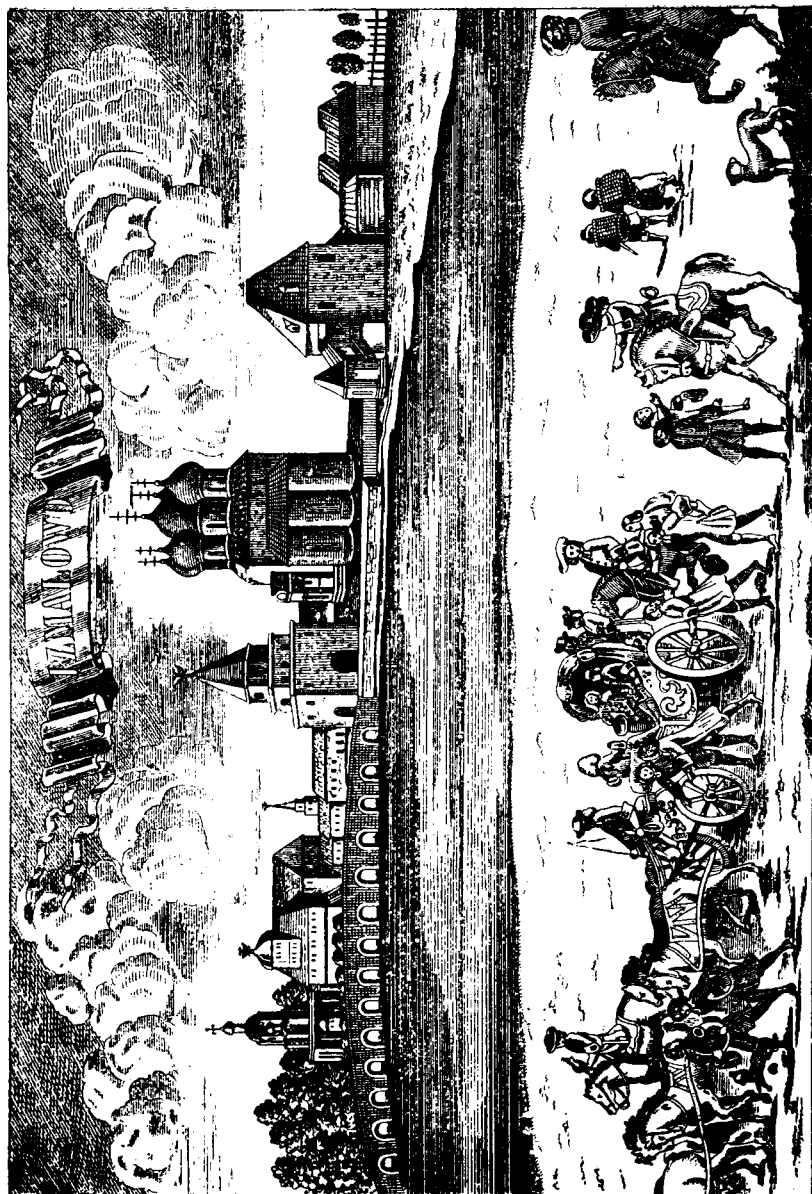
Какъ звѣринцы въ Измайловѣ славились многими, тогда еще весьма рѣдкими и диковинными экземплярами изъ царства животныхъ, равно и сады и огороды, разведенные въ то же время,—аптекарскими и хозяйственными растеніями. Вдоль по берегу Серебровки, противъ дворца простирался такъ называемый регулярный садъ, отъ котораго еще и теперь остались слѣды: кустарники шиповника, крыжовника, сирени и грецкихъ орѣховъ. Въ огородахъ росло множество самыхъ разнообразныхъ овощей; встрѣчались здѣсь арбузы, дыни, огурцы, капуста и ягодные кусты; между ними красовались піоны и другіе цвѣты.

На сѣверной сторонѣ, позади дворца, за прудомъ насаженъ былъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ виноградный садъ²⁾, гдѣ разводились виноградныя лозы; изъ нихъ тутъ же, при дворцѣ, на винномъ заводѣ изготовлялись разныхъ сортовъ вина для царскаго стола. Здѣсь также росли различныя яблоки, груши, сливы, вишни и прочія фруктовыя деревья. Еще и до сихъ поръ уцѣлѣли аллеи вѣковыхъ липъ, саженныхъ тамъ, по преданію, Алексѣемъ Михайловичемъ; подъ тѣнью ихъ любилъ гулять въ юности своей Петръ Великій со своими наставниками, и Петръ II со своими любимцами. Измайловскіе сады служили разсадниками для другихъ садовъ въ Россіи; изъ нихъ плоды доставлялись для государева двора, а лечебныя травы и корни посылались въ аптекарскій приказъ³⁾. Кромѣ разведенныхъ садовъ и огородовъ, царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ выкопать двадцать прудовъ, гдѣ насадилъ

¹⁾ «Рѣчь о животныхъ Моск. губ.» Рулье. М. 1845 г., стр. 84.

²⁾ «Статистическіе очерки Россіи» Арсеньева. Спб. 1848 г.

³⁾ «Исторія медицины въ Россіи» Рихтера. М. 3 ч. 1814 г.

Видъ Измайлова въ XVIII столѣтїи. (Съ гравюры Зубова).

множество рыбы: стерлядей, лещей, щукъ, окуней и др.; ихъ и доставляли къ царскому двору.

Царевны сами пускали щуку и стерлядей съ золотыми сережками и забавлялись сзываніемъ рыбъ къ берегу на кормъ по звону колокольчика. Каждый изъ этихъ прудовъ имѣлъ особое названіе, данное самимъ государемъ. Теперь одни изъ нихъ пересохли, другіе спущены, третьи засыпаны, такъ что трудно представить себѣ то изобиліе водъ и рыбъ, какимъ прежде славилось Измайлово.

Въ этомъ царскомъ хуторѣ сельское хозяйство соединено было и съ мануфактурностью: современный царю Алексѣю Михайловичу писатель о Россіи Кильбургеръ упоминаетъ о стеклянномъ заводѣ въ Измайловѣ, гдѣ, по его словамъ, дѣлалось довольно чистое стекло ¹⁾. Цари Іоаннъ и Петръ и царица Евдокія Феодоровна нерѣдко осматривали стеклянный заводъ и брали себѣ оттуда посуду. Бокалы, кружки и стаканы съ Измайловскаго завода еще уцѣлѣли въ Оружейной палатѣ, быть можетъ, и у любителей древности.

Хотя тогда еще не знали рациональнаго лѣсоводства, однако любили и умѣли сберегать лѣса и рощи; большіе лѣса, окружавшіе Измайлово, были заповѣдными; въ нихъ никто не смѣлъ рубить деревья безъ царскаго указа подъ страхомъ жестокаго наказанія.

По своимъ личнымъ отношеніямъ къ селу Измайлово царь Алексѣй Михайловичъ являлся вполне помѣщикомъ; въ его заботахъ объ успѣхахъ измайловскаго хозяйства нельзя не видѣть интересовъ собственника къ своему помѣстью. Онъ лично присутствовалъ при полевыхъ работахъ, въ особенности во время ярового посѣва ржи. При этомъ на поляхъ служился молебень, и они освящались святою водою изъ разныхъ монастырей. Царь-помѣщикъ слѣдилъ самъ и за постройками, входилъ въ малѣйшія подробности хозяйства. Царица завѣдывала женскими работами, главнымъ образомъ льнянымъ дѣломъ; осматривала при случаѣ птичій дворъ и погреба. Въ измайловскихъ теремахъ царевны занимались разными женскими рукодѣліями: сами пряли ленъ, ткали холсты; изъ нихъ шили своимъ родителямъ рубашки, убрусы и ширинки, шелками и золотомъ узорчили церковныя облаченія и пелены; по общанію списывали евангелія и псалтыри для церквей. Такъ трудился и работалъ въ своемъ имѣніи царь-собственникъ со всей своей семьей—и не напрасно старался онъ: въ царскихъ житницахъ Измайлова бывало болѣе 27,000 четвертей хлѣба ежегодно, до 200 берковцевъ льна; кромѣ того, Измайлово давало ежегодно 500—800 пудовъ хмеля, 179 пудовъ меду и почти

¹⁾ «Опытъ о древностяхъ русскихъ» Успенскій, 2 т., изд. 2. Также см. «Земле дѣльческій Журналъ», изд. 2-е, № 2. М. 1824.

Восточныя ворота дворца въ Измайловѣ.

столько же воску, не говоря уже о разных стеклянныхъ издѣліяхъ, массѣ плодовъ и овощей, лечебныхъ травъ и кореній, доставляемыхъ во дворець ¹⁾.

Итакъ, трудамъ въ Измайловѣ отводилось много времени; не забывался и удовольствія, которымъ посвящалъ царь-помѣщикъ лишь свой досугъ. Тамъ было, по любимой пословицѣ царя Алексѣя Михайловича, «дѣлу время, а потѣхѣ часть». По праздникамъ передъ государевыми хоромами сбирался хороводы сельскихъ дѣвушекъ и толпы ребятишекъ, которымъ царевичи и царевны раздавали пряники, куски маковой и орѣховой пѣсины, серебряныя копеечки; затѣмъ устраивалось гулянье въ садахъ. Зимой бывали тамъ катанья на горахъ въ салазкахъ и лыжахъ.

Изрѣдка любилъ царь Алексѣй Михайловичъ потѣшиться рыбною ловлею въ измайловскихъ прудахъ и охотою въ окружавшихъ село лѣсахъ; ходилъ онъ вмѣстѣ со своими боярами на медвѣдей, волковъ, зайцевъ и оленей. Есть даже извѣстія, что во времена Алексѣя Михайловича были устроены бобровые гоны.

Царь-помѣщикъ жилъ въ Измайловѣ со своей семьей весною и лѣтомъ, а осенью и зимою лишь иногда наѣзжалъ, большею частью, въ тамошніе храмовые праздники; присутствовалъ у обѣдни со своимъ дворомъ, обѣдалъ и возвращался въ столицу ²⁾.

Живя подолгу въ Измайловѣ и руководя его хозяйствомъ, царь Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ выстроить тамъ и первыя царскія хоромы. Дворецъ первоначально не былъ особенно обширенъ и вовсе не отличался роскошью. Онъ находился на острову, окруженномъ прудами и рѣчкой Серебровкой, и обнесенъ былъ съ трехъ сторонъ каменной оградой, въ которой устроены были: жилища помѣщенія для придворныхъ служителей, поварни, приспѣшны, медоварни, пивоварни, винный заводъ и запасныя погреба.

На большой дворъ вели семь каменныхъ воротъ, изъ коихъ надъ восточными и западными, какъ главными, возвышались палатки съ каменными перилами и шатровыми верхами, гдѣ прежде были голландскіе часы съ курантами. Около воротъ стояли каменные гауптвахты на столбахъ.

На южной сторонѣ этого дворцоваго квадрата стояли брусныя хоромы въ три жилья ³⁾; къ нимъ вела передняя лѣстница съ крыльцомъ, шатровый верхъ котораго обить былъ чешуей и украшенъ орломъ изъ бѣлаго желѣза. Крыльцо примыкало къ среднимъ сѣнямъ, а оттуда былъ входъ въ собственно хоромы или среднее жилье; здѣсь находились столовая, передняя, крестовая и четвертая палаты, а также покои царя, царицы и царевичей. Кругомъ

¹⁾ «Царица Прасковья» Семевскій. «Русск. Старина». 1883.

²⁾ «Дворцовое царское село Измайлово», стр. 31. Москва. 1892 г.

³⁾ «Отечественныя Записки» 1857 г., № 3 стр. 11.

Западныя ворота дворца.

всѣхъ хоромъ были сѣни съ точеными перилами. Въ верхнее жилье вела входовая лѣстница изъ среднихъ сѣней; здѣсь находились терема царевень. Нижнее жилье называлось подклѣтями; тамъ помѣщалась мастерская государя, кухня и разныя службы. Внутреннее убранство дворца было значительно проще, чѣмъ въ другихъ загородныхъ дворцахъ и даже въ нѣкоторыхъ боярскихъ помѣщичьихъ домахъ: двери въ царскихъ хоромахъ были столярнаго производства, въ верхнемъ жильѣ онѣ обтянуты были краснымъ сукномъ съ лужеными петлями; окна съ слюдяными окончинами; вездѣ печи изразцовыя, круглыя, расписанныя разными красками; полы мощные дубовымъ кирпичомъ, а потолокъ подбитъ краснымъ тесомъ. Кромѣ столовъ, стульевъ, скамей и кроватей, почти не было никакой другой мебели. Нигдѣ не было видно и слѣда роскоши. Все вниманіе было обращено, какъ мы уже видѣли, на многочисленныя хозяйственныя заведенія, которыя отличались наилучшимъ порядкомъ. Они-то и составляли гордость Измайлова и ихъ прежде всего и показывали иностранцамъ ¹⁾.

Всѣ труды по имѣнію своего отца не только поддерживалъ, но и распространялъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Онъ нѣсколько передѣлалъ дворецъ, исправилъ разныя хозяйственныя зданія и службы, а главное, какъ любитель искусствъ и ремеслъ, онъ украсилъ родовое помѣстье свое двумя дворцовыми церквами. На южной сторонѣ дворцоваго квадрата, рядомъ съ государевыми палатами, имъ сооружена была каменная двухъярусная церковь о трехъ главахъ: верхняя—во имя св. пустыножителя Іоасафа, царевича индійскаго, и нижняя—въ честь всѣхъ святыхъ. Въ верхней церкви на хорахъ, которыя примыкали путемъ брусяного перехода къ царскимъ палатамъ, у западной стѣны ставили при богослуженіи царицы съ царевичами и царевнами. Въ началѣ царствованія Екатерины II громъ повредилъ верхнюю церковь, и съ тѣхъ поръ она оставалась безъ службы.

На острову, передъ восточными воротами дворцовыхъ зданій, возвышается теперь величественный каменный соборъ о пяти главахъ, въ честь Покрова Пресвятой Богородицы, воздвигнутый тѣмъ же Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Покровская церковь существовала въ Измайловѣ еще и раньше, во времена Ив. Ник. Романова ²⁾, но тогда она была деревянной. Въ планѣ и фасадѣ храмъ этотъ сходенъ съ московскимъ Успенскимъ соборомъ, который послужилъ ему образцомъ. Стѣны его со всѣхъ четырехъ сторонъ сведены тремя полукружіями, верхи которыхъ испещрены разноцвѣтными кахелями. Главы собора прежде покрывалъ чешуйчатый гонтъ, теперь замѣненный желѣзомъ.

¹⁾ «Дворцовое царское село Измайлово», стр. 13. Москва. 1892.

²⁾ Дозорная книга 1672 г. (Московскій архивъ министерства юстиціи).

У трехъ главныхъ входовъ пристроены были три каменныхъ крыльца съ теремчатыми верхами. Архитекторъ нынѣшней Николаевской богадѣльни пожертвовалъ сѣвернымъ и южнымъ крыльцами для плотнаго соединенія съ нею собора. Такимъ образомъ, величественный храмъ, прежде красовавшійся на холмѣ, къ сожа-

Церковь св. Иоасафа царевича.

лѣнню, теперь занимаетъ середину огромнаго зданія, различнаго съ нимъ своимъ стилемъ.

Внутренность самаго храма отличается простотой и величьемъ размѣровъ. Стрѣльчатые его своды покоятся на четырехъ столпахъ, между которыми прежде были деревянныя хоры; у праваго столпа противъ иконостаса стояло царское мѣсто. Длинные окна собора въ два свѣта; прежде въ нихъ вставлены были слюдяныя оконницы.

Пятипоясный алтарный иконостасъ замѣчательнъ старинною простотой своего устройства; онъ не украшенъ ни рѣзбою, ни позолотой, но состоитъ изъ расписныхъ тяблъ для иконъ, большинство которыхъ московскаго письма въ греческомъ стилѣ; нѣкоторыя изъ нихъ писаны бойкою, широкою кистью, не безъ художественнаго достоинства. Достоинъ вниманія большой образъ у праваго столпа—старинный списокъ съ чудотворной иконы Богоматери Иерусалимской, ознаменованный чудотвореніями во время мора 1771 года. Она и теперь въ большіе праздники участвуетъ въ крестныхъ ходахъ, а также приносится по просьбѣ мѣстныхъ помѣщиковъ на домъ при совершеніи молебновъ. Обширный алтарь показываетъ, что онъ назначенъ былъ для торжественнаго соборнаго служенія. Дѣйствительно, въ храмовые праздники при царяхъ здѣсь нерѣдко служили патріархи Никонъ, Іоакимъ и Адрианъ ¹⁾, а также святитель Дмитрій Ростовскій. Въ этомъ храмѣ, какъ и во дворцовомъ, Петръ Великій, любитель церковнаго чтенія и пѣнія, читывалъ апостолъ и пѣвалъ на клиросѣ.

Соборную колокольную какъ прежде, такъ и теперь замѣняетъ квадратная башня съ пробѣжными воротами, стоящая на юго-востокѣ при подошвѣ холма, на берегу Серебровки. Это зданіе, вѣроятно, нѣсколько старше собора; оно состоитъ изъ трехъ ярусовъ; въ нижнемъ жилѣ прежде помѣщались священно- и церковнослужители собора; теперь же оно служитъ покойницей для умершихъ инвалидовъ; въ среднемъ этажѣ, надъ сводами находится палата, которая слыветъ въ преданіи думною и сенатскою, потому что во время пребыванія здѣсь царей собиралась въ ней боярская дума, а при императорахъ Петрѣ I и Петрѣ II, а также при императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ бывало присутствіе сената; въ 1730 году каждую субботу въ бытность императрицы Анны Іоанновны въ Измайлово велѣно сенату (пяти или шести его членамъ) пріѣзжать для доклада о рѣшенныхъ дѣлахъ, а другимъ—о тѣхъ, которыя не могутъ быть рѣшены безъ доклада ея величеству.

Если вѣрить мѣстному преданію, то здѣсь будто царь Алексѣй Михайловичъ писалъ свое знаменитое Уложеніе. Тутъ же бывали судъ и расправа, которые часто кончались печально: противъ башни, на пригоркѣ было каменное лобное мѣсто, сходное съ московскимъ; близъ него стояла съѣзжая изба и висѣлица, гдѣ казнили преступниковъ. Въ верхнемъ этажѣ башни и до сихъ поръ висятъ старыя и новыя колокола Измайлова. Отъ нея прежде къ собору и дворцу велъ каменный мостъ съ парапетами, украшенный узорчатыми кахелями и рѣзными камнями.

---

¹⁾ «Отечественныя достопамятности» (4 ч. М. 1824, въ 12), ст. Снегирева.
Его же статья въ «Журн. для чт. восп. воен.-уч. завед.». 1842 г., № 137.

Покровский соборъ.

Иконостасъ Покровскаго собора.

Въ дѣтствѣ своемъ Петръ Великій гащивалъ въ Измайловѣ у брата своего Феодора Алексѣевича. Познакомившись здѣсь съ новыми опытами сельскаго хозяйства и промышленности, Петръ, несомнѣнно, впоследствии воспользовался ими для своихъ преобразованій.

Извѣстно, что основатель русскаго флота съ младенчества очень боялся воды, но попечительный братъ старался истребить въ немъ эту случайную боязнь: заставлялъ при немъ другихъ купаться въ измайловскихъ прудахъ, а самъ катался съ нимъ въ лодкѣ.

О своемъ пребываніи въ Измайловѣ Петръ занесъ въ свой дневникъ слѣдующую запись:

«Случилось намъ (въ маѣ 1688 года) быть въ Измайловѣ, на лѣняномъ дворѣ и, гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидѣлъ я судно иностранное и спросилъ Франца (Тимермана): «Что это за судно?» Онъ сказалъ, что это боть англійскій. Я спросилъ: «гдѣ его употребляютъ?» Онъ сказалъ, что при корабляхъ, для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: «Какое преимущество имѣетъ предъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостью лучше нашихъ)?» Онъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтра, которое слово меня въ великое удивленіе привело и яко бы неимовѣрно»¹⁾. По желанію Петра ботикъ былъ исправленъ и спущенъ на измайловскіе пруды. Петръ плавалъ въ немъ съ Брантомъ и Тимерманомъ на всѣхъ парусахъ, восхищаясь искусными поворотами судна²⁾; потомъ починенный ботикъ перевезенъ былъ на Язузъ и прозванъ «дѣдомъ російскаго флота», а послѣ побѣдъ своихъ надъ персами Петръ I, какъ извѣстно, отправилъ этотъ ботикъ въ новую столицу свою, на берега Невы. Такимъ образомъ, измайловскій ботикъ, игрушка отрока Петра, сдѣлался родоначальникомъ русскаго флота, а Измайлово—его колыбелью. Въ свою бытность въ сосѣднемъ селѣ Преображенскомъ Петръ I не разъ водилъ оттуда свою потѣшную роту въ Измайлово и тамъ, на широкомъ дворѣ дворца дѣлалъ маневры, «стаивалъ въ шатрахъ подъ рощею»; послѣ маневровъ онъ угощалъ сотрудниковъ своихъ на запасномъ дворѣ и на погребяхъ царскимъ пивомъ и медомъ. Однажды, какъ гласитъ мѣстное преданіе, забавляясь огненными потѣхами, сжегъ брусяную избу, бывшую на островѣ, среди двора царскихъ хоромъ. Кому не извѣстно, что потѣшная рота, набранная въ смежныхъ съ Измайловымъ селахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ, сдѣлалась родоначальницей русской гвардіи!

¹⁾ «Ботикъ», ст. въ энциклопедич. лекс., т. III.

²⁾ «Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго», ч., 6. Спб. 1787 г. Туманскій.

Чудотворная икона Богоматери въ Покровскомъ соборѣ.

Ко многимъ, уже высказаннымъ историческимъ воспоминаніямъ объ Измайловѣ относится любопытнѣйшее, еще живое въ ней преданіе, подтверждаемое свидѣтельствомъ тамошнихъ старожиловъ и нѣкоторыхъ писателей, что Измайлово было родиной Петра, между тѣмъ, какъ одни изслѣдователи присваиваютъ эту честь селу Коломенскому, а другіе—кремлевскому дворцу. Въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія о томъ, какое изъ трехъ означенныхъ мѣстъ дѣйствительно было родиною преобразователя Россіи, приведемъ здѣсь лишь тѣ свидѣтельства, которыя приписываютъ сію славу Измайлову. Неизвѣстный, но современный Петру I сочинитель рукописи «О зачатіи и рожденіи великаго государя Петра I» прямо утверждаетъ, что «сей великій императоръ родился въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ селѣ Измайловѣ». Въ одномъ спискѣ этого сочиненія измайловскій старожилъ Брыкинъ ¹⁾, который видѣлъ и слышалъ еще современниковъ Петра I и всю жизнь прослужилъ при измайловскомъ дворцѣ, сдѣлалъ собственноручную замѣтку; въ ней онъ также утверждалъ, что «государь Петръ родился въ упомянутомъ селѣ Измайловѣ. Это свидѣтельство подтверждаетъ въ «Всемирной Исторіи» князь Голицынъ слѣдующими словами: «Рожденіе царя и самодержца, потомъ перваго всероссійскаго императора Петра I Алексѣевича Великаго близъ Москвы въ загородномъ селѣ Измайловѣ, мая 30-го» ²⁾. Наконецъ митрополитъ Платонъ, нерѣдко ходившій пѣшкомъ изъ Черкизова въ Измайлово и вспоминая на развалинахъ его «дни первые», любилъ бесѣдовать о старинѣ съ Брыкинымъ и раздѣлялъ съ нимъ мнѣніе о мѣстѣ рожденія Петра ³⁾.

Мѣстное преданіе еще прибавляетъ къ этому, что царь Алексѣй Михайловичъ былъ тогда въ селѣ Коломенскомъ, когда царица разрѣшилась отъ бремени въ Измайловѣ. Въ другомъ видѣ оно повторяется такъ: царица была въ Коломенскомъ, гдѣ, услышавъ, что царь занемогъ въ Измайловѣ послѣ охоты, пріѣхала къ нему и на другой же день тамъ родила сына.

Этотъ царскій старинный пріютъ, свидѣтель житія-бытія вѣщеносныхъ помѣщиковъ, расадникъ сельскаго хозяйства, родина русскаго флота и отчасти гвардіи и, можетъ быть, даже колыбель Петра Великаго, постепенно утрачиваетъ свой дѣловой характеръ и превращается въ увеселительный замокъ, исключительно культивирующій свѣтскія развлечения. Наступаетъ новая пора въ жизни Измайлова.

По смерти Оеодора Алексѣевича въ Измайловѣ поселилась вдова царя Іоанна Алексѣевича, Прасковья Оеодоровна, съ тремя своими

¹⁾ Статья «Брыкинъ» въ энциклопедическомъ лексиконѣ.

²⁾ «Ядро хронологическое исторіи всемірной». Голицынъ. М. 1805 г., стр. 18.

³⁾ «Воспоминанія о подмосковномъ селѣ Измайловѣ». Ив. Снегиревъ. М. 1837 г., стр. 30.

Соборная башня-колокольня.

дочерьми: Катериной Ивановной, будущей герцогиней мекленбургской, Анной Ивановной, будущей русской императрицей, и младшей — больной Прасковьей ¹⁾.

Будучи женщиной старыхъ понятій и привычекъ, Прасковья Ѳеодоровна, удовлетворя своему личному вкусу, усвоенному съ дѣтства, окружала себя цѣлою толпою дармоѣдовъ: нищіе, богомольцы, ханжи, гадальщицы, всякіе калѣки, уроды свободно разгуливали по измайловскому дворцу въ своихъ грязныхъ, изодранныхъ рубищахъ, гнусливо тянули свои пѣсни, плясали, продѣлывая разные шутки. Только при посѣщеніи Петра, не терпѣвшаго этихъ остатковъ старины, они прятались въ дальніе чуланы. Число ихъ было такъ велико, что Татищевъ, не разъ лично посѣщавшій Прасковью Ѳеодоровну, говоритъ, что дворецъ царицы отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ. Прасковья Ѳеодоровна ихъ всѣхъ очень любила и постоянно дѣлала имъ разные подарки.

Помимо этого царица, сообразно своему сану, держала при себѣ ключниковъ, подключниковъ, подъячихъ, стряпчихъ, конюховъ, старожей, истопниковъ и всякихъ служителей; женскій царицынъ чинъ былъ, конечно, еще многочисленнѣе.

Всѣ эти дармоѣды-приживальщики и многочисленная нужная и ненужная челядь, окружавшіе царицу, обкрадывали ее самымъ безсовѣстнымъ образомъ; крали у ней во дворцѣ, крали и доходы съ имѣнія. Не знала зачастую она, куда дѣвались ея деньги и всѣ ли запасы доставляются къ ея двору. Она чаще всего довольствовалась тѣмъ, что дѣлала тѣ или другія письменныя распоряженія и большую часть дня проводила въ полной праздности, занимаясь лишь исполненіемъ обрядовъ и мало обращая вниманіе на безурядицу, царившую не только въ ея помѣстьѣ, но и въ самомъ домѣ. По свидѣтельству посѣщавшихъ ее довольно часто иностранныхъ пословъ, жила она со своими дочерьми и многочисленной челядью довольно грязно; кушанья за обѣдомъ бывали дурно приготовлены и заправлены, большой частью, по русскому обычаю, масломъ изъ грецкихъ орѣховъ или льняного сѣмени и подавались кое-какъ, но зато кушаній было много, въ изобиліи. Кромѣ рыбъ, мяса, разныхъ холодныхъ и горячихъ блюдъ, блиновъ и пироговъ, неизбѣжной принадлежностью ея стола были орѣхи, ягоды, яблоки сырыя, моченныя и вареныя въ меду и другіе фруцты и сласти.

Большой слабостью царицы былъ пріемъ гостей, которыхъ она очень любила. Она принимала очень привѣтливо и угощала ихъ обильнымъ обѣдомъ, пивомъ и разнообразными медами, а сама подносила вино въ золотыхъ рюмкахъ или поручала это дѣлать своимъ дочерямъ. Гости бывали у ней часто. Изрѣдка наѣзжали всѣ члены царской семьи. Еще до своего заточенія царица Евдокія праздно-

¹⁾ «Царица Прасковья». Семевскій. 1883 г. («Русская Старина»).

Измайловская военная богадельня.

вала въ Измайловѣ дни рожденія и именинъ своего супруга Петра I, ставила крестьянамъ пиво и вино, подавала нищимъ милостыню. Особенно цѣнила царица Прасковья Ѳеодоровна прїѣзды Петра Великаго.

Въ декабрѣ 1702 года царь Петръ I праздновалъ торжественно въ Москвѣ побѣды русскихъ надъ шведами. На праздникъ государь приказалъ знатымъ русскимъ господамъ и господамъ въ числѣ трехсотъ явиться въ Измайлово къ девяти часамъ утра, то же предписано было иностраннымъ посламъ, нѣкоторымъ купцамъ и ихъ женамъ числомъ въ пятьсотъ человѣкъ; каждому было предложено поднести царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ подарокъ въ видѣ серебряной или золотой вещи. Праздникъ продолжался весь день и закончился пляской въ двѣнадцать часовъ ночи. Государь нерѣдко посѣщалъ царицу и впослѣдствїи, когда она уже состарилась и сдѣлалась хворою, веселился у нея со своей свитой, обходился съ ней заботливо и ласково.

Любили наѣзжать въ Измайлово русскіе сановники и иноземцы, посвятившіе этому дворцовому селу не одну страницу въ своихъ воспоминаніяхъ.

Въ 1703 году Петръ Великій поручилъ иностранному живописцу де-Бруину написать портретъ съ трехъ племянницъ, дочерей царицы Прасковьи. Де-Бруину царица Прасковья Ѳеодоровна показала тогда моложе своихъ лѣтъ. По его словамъ, она была въ то время довольно дородна, но имѣла стройный станъ и ее почти можно было назвать красивою. Особенно очарованъ былъ живописецъ обращеніемъ царицы; и она и дочери не разъ сами подносили ему вино; за обѣдомъ ему подавалась рыба, несмотря на Великій постъ.

Портреты, на которыхъ царевны были изображены въ нѣмецкихъ платьяхъ, по свидѣтельству самого де-Бруина, очень понравились царицѣ; она подарила живописцу кошелекъ съ золотомъ и просила нарисовать для нея вторично портреты ея дочерей, такъ какъ первые сданы были Меншикову по приказу царя.

Де-Бруинъ, какъ видимъ, довольно часто бывалъ въ Измайловѣ; однажды онъ прїѣхалъ въ такое время, когда тамъ справлялось новоселье въ деревянной пристройкѣ для царевенъ. «Ждали царское семейство, — пишетъ онъ: — въ первой комнатѣ по случаю новоселья полъ устланъ былъ сѣномъ; направо стоялъ огромный столъ, заставленный большими и малыми хлѣбами, принесенными по случаю справляемаго торжества; на нѣкоторыхъ были щепотки соли, на другихъ серебряныя солоницы. Стѣны комнаты вверху надъ окошками и дверьми были украшены семнадцатью иконами въ греческомъ стилѣ. Братъ царицы съ священниками и вельможами находился въ концѣ комнаты, гдѣ служили молебенъ, а царица со

Дача Виноградный садь.

множеством домочадцевъ во время службы стояла въ сосѣдней палатѣ» ¹⁾).

Любимымъ развлеченіемъ царицы Прасковьи и ея двухъ дочерей были, однако, танцы и театральное искусство. Въ ея время въ Измайловѣ въ царскія хоромы имѣли доступъ драматическія представленія, музыка и пѣніе. Дѣло въ томъ, что на смѣну публичнаго театра въ Москвѣ послѣ 1713 года явился частный театръ царевны Наталіи въ Преображенскмъ дворцѣ, видѣвшемъ нѣкогда представленія учениковъ Грегори, а затѣмъ, съ отъѣздомъ царевны въ Петербургъ, устроился театръ у царицы Прасковьи въ ея дворцѣ, въ Измайловѣ ²⁾. Этотъ послѣдній существовалъ до смерти вдовствующей царицы. Особенно заботилась о немъ ея старшая дочь Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, большая любительница всевозможныхъ увеселеній; вторая дочь, Анна Ивановна, герцогиня курляндская, нерѣдко гостила у матери и приглашала ее къ себѣ въ Ригу и Митаву, гдѣ, конечно, существовалъ въ то время нѣмецкій театръ, служившій образцомъ для московскаго.

По свидѣтельству камеръ-юнкера Берхгольца ³⁾, который не разъ бывалъ въ Измайловѣ, театръ былъ устроенъ тамъ очень изящно, только костюмы были не особенно хороши и зрительный залъ освѣщался со сцены, такъ что, когда опускался занавѣсъ, всѣ сидѣли въ потемкахъ. На эти спектакли собиралось (конечно, безплатно) довольно большое общество. Труппа состояла изъ любителей, въ числѣ которыхъ были и придворныя дамы, и фрейлины, и профессиональные актеры, быть можетъ, ученики Кунста или Фирста, и, кажется, даже крѣпостные. Парики брали у голштинцевъ, костюмы строились домашними средствами; герцогиня сама распорядилась представленіями и находилась, большею частью, за кулисами. Въ антрактахъ являлись шуты съ шутихами и забавляли зрителей пляскою подъ звуки рожка съ припѣвами или разными фарсами ⁴⁾. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, что за пьесы разыгрывались на измайловской импровизированной сценѣ; зато, благодаря дневнику наблюдательнаго пѣмца-современника, мы живо можемъ представить себѣ всю обстановку, среди которой давались эти своеобразные спектакли. Отправимся за Берхгольцемъ на одинъ изъ нихъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней до спектакля герцогиня въ страшныхъ хлопотахъ... Она присутствуетъ на репетиціяхъ, устраиваетъ сцену, прилаживаетъ занавѣсъ, притоняетъ костюмы актрисамъ,

¹⁾ «Voyages de Cornelius le Bruin par la Moscovie, en Perse et aux Indes orientales»... etc. 2 t. 1718.

²⁾ «Исторія русскаго театра». Морозовъ, стр. 208—209.

³⁾ F. W. Bergholz. Tagebuch. 344 въ Büsching's Magazin. XX.

⁴⁾ «Русская Старина». Корниловичъ. Спб. 1825 г.

распекаетъ и наказываетъ актеровъ, набранныхъ изъ многочисленной ватаги праздныхъ, вороватыхъ челядинцевъ царицы. Въ самый день спектакля хлопотъ еще больше. Екатерина Ивановна суетится въ комнатѣ, отведенной подъ театръ, а въ спальнѣ сидитъ въ креслѣ отбившаяся отъ погъ, больная маменька и коротаетъ время въ душе-спасительной бесѣдѣ съ архіепископомъ и другими членами святѣй-

Гербъ Романовыхъ.

шаго синода. Наконецъ все готово. Зрители собрались; пріѣхали и два кавалера изъ свиты герцога голштинскаго.

11-го ноября 1722 года записываетъ въ своемъ дневникѣ Берхгольцъ слѣдующія строки: «Вечеромъ графъ Бонде и я пришли къ Измайлову, и отсюда вскорѣ капитанъ Бергеръ повезъ насъ къ вдовствующей царицѣ... Такъ какъ наступило время начать представленіе, пришла принцесса Прасковья и дала о томъ знать присутствующимъ... Въ залѣ было большое общество дамъ и мужчинъ, но изъ иностранцевъ присутствовали только Бонде да я. Комедія началась въ пять часовъ. Занавѣсъ поднялся. Герцогиня меклен-

бургская дирижировала, и все-таки піеса была изъ плохихъ». Не зная русскаго языка, нѣмцы не поняли содержанія разыгрываемыхъ фарсовъ и тѣмъ лишили насъ возможности полнѣе познакомиться съ измайловскимъ театромъ.

Кромѣ театральныхъ представленій, обитательницы Измайлова въ столь же сильной степени увлекались танцами и пляской.

«Мы уже были въ измайловскихъ комнатахъ, — записывалъ Берхгольцъ въ своемъ дневникѣ 24-го ноября 1722 года:— всѣ онѣ убраны плохо, расположены неудобно, почти всѣ спальни проходныя. Прасковья—старушка больная, лежала въ кровати, тѣмъ не менѣе она приняла гостей. Гости пили и говорили въ ея маленькой спальнѣ, пили и въ спальнѣ герцогини; наконецъ, по ея приглашенію, усѣлись ужинать за длинный узкій столъ. Ужинъ былъ приготовленъ наскоро; кавалерамъ герцога голштинскаго ничего не досталось; зато послѣ стола, по желанію Катерины Ивановны, всѣ они должны были танцевать и волей-неволею прыгать съ нею. Импровизированная вечеринка затуманилась было горячимъ споромъ герцогини съ Бассевичемъ изъ-за герцога мекленбургскаго и его дѣла; вѣроятно, Бассевичъ обвинялъ его за сумасбродство, а преданная супруга горячо за него заступилась; но послѣ ужина миръ возстановился, и гости съ пустыми желудками прыгали до одиннадцати часовъ вечера, что видно ужъ изъ того, что на другой день у каждаго гостя сильно болѣла голова».

7-го декабря 1722 года Берхгольцъ въ день рожденія четырехлѣтней малютки Анны снова возвращается къ владѣлицамъ Измайлова: «Громадный домъ царицы представлялъ какъ бы лазаретъ хворыхъ женщинъ, — пишетъ онъ:— въ одной спальнѣ сидѣла на постели больная ногой царевна Прасковья Ивановна, въ другой лежала царица Прасковья Ѳеодоровна. Впрочемъ, герцогиня была весела и въ двѣнадцать часовъ усадила всѣхъ именитыхъ гостей обѣдать. Она хлопотливо всѣхъ угощала, но все приготовлено было плохо, крайне неаппетитно, вина скверныя. За обѣдомъ неминуемо послѣдовали танцы; герцогиня у себя дома прыгала и вертѣлась гораздо охотнѣе, нежели на ассамблеяхъ. Ради дня рожденія ея дочери танцевали до того, что въ комнатахъ стало жарко, какъ въ банѣ; перешли въ спальню царевны Прасковьи. И здѣсь вертѣлись большую часть вечера, чтобъ повеселить себя да притомъ разсѣять больную».

Всѣ эти мелочныя замѣтки одного изъ гостей Берхгольца интересны для насъ въ томъ отношеніи, что рисуютъ новую обстановку, въ которой теперь протекала жизнь измайловскихъ жителей. Мы видимъ, что прежнимъ дѣломъ уже никто не занимается; дворцовыя обитательницы ведутъ праздную, пустую жизнь: постоянно принимаютъ гостей, устраиваютъ театральныя представленія, вечеринки съ танцами или обѣды, требующіе большихъ расходовъ;

послѣдніе же, при значительномъ сокращеніи доходовъ съ имѣнія, постепенно разрушаютъ прежнее цвѣтущее хозяйство Измайлова. Долговъ на домѣ государыни царицы было много, уплаты велись крайне неаккуратно; многочисленная челядь и приживальщики, оставаясь безъ надзора и присмотра, смѣло пользовались господскимъ добромъ и, что могли, тащили оставшееся направо и налево; дворцовая обстановка съ каждымъ годомъ дѣлалась грязнѣе и бѣднѣе. Ко времени смерти Прасковіи Ѳеодоровны село Измайлово потеряло уже всю свою цѣнность и весь свой интересъ.

Еще чаще другихъ государей, вѣроятно, по старой памяти, пріѣзжала сюда гостить императрица Анна Ивановна. Она на другой годъ послѣ своей коронаціи, въ маѣ мѣсяцѣ «съ великою церемоніей шествовала въ Измайлово», гдѣ провела все лѣто и тамъ принимала хивинскихъ и бухарскихъ пословъ. Подъ этимъ селомъ расположенъ былъ кавалергардскій лагерь и устроенъ по воинскому порядку. Гвардейскіе полки: Преображенскій и Семеновскій стояли въ лагерѣ по другую сторону дворца и занимались «военными экзерциціями» ¹⁾, на которыхъ нерѣдко присутствовала и сама императрица. Въ память любимаго мѣста она назвала вновь набранный ею гвардейскій полкъ Измайловскимъ, себя объявила полковникомъ онаго, а брата Биронова Густава—подполковникомъ ²⁾.

Она же основала тамъ новый звѣринецъ въ 1731 году—къ югу отъ дворца; многіе звѣри были теперь переведены сюда изъ прежняго звѣринца, получившаго наименованіе стараго и просуществовавшего еще до 1775 года. Кромѣ того, для умноженія новаго звѣринца было велѣно присылать лосей, оленей, дикихъ козъ, кошекъ, кабановъ и сѣрыхъ курапатоковъ изъ разныхъ концовъ Россіи и Персіи. Въ новомъ звѣринцѣ, между прочимъ, была устроена сосновая роща, называемая цапельникомъ, гдѣ на высокихъ деревьяхъ цапли вили себѣ гнѣзда.

По рассказамъ мѣстныхъ старожиловъ, еще въ началѣ прошлаго столѣтія въ окружавшемъ Измайлово лѣсу водились лоси и олени; ихъ тамъ можно было видѣть и даже счесть ихъ число, такъ какъ для нихъ устроены были сараи (безъ стѣнъ), въ которыхъ въ зимнее время раскладывали въ разныхъ мѣстахъ кормъ.

Сюда они и приходили, а сторожа-лѣсничіе, спрятавшись вверху сараевъ, могли свободно считать ихъ число. Не очень давно въ измайловскомъ лѣсу (бывшій звѣринецъ) устроили пасѣку-пчельникъ, а въ самое послѣднее время близъ этого лѣса производится постройка

---

¹⁾ См. Памятныя записи Б. А. Нащокина съ 1725 по 1738 г. въ «Сѣверной Пчелѣ» 1831 г., № 365.

²⁾ «Записки графа Миниха». Спб. 1817 г.

дачь, подъ которыя отдается земля на долгосрочное время въ аренду на выгодныхъ условіяхъ ¹⁾).

Мы знаемъ, что и раньше въ Измайловѣ цари любили охотиться за волками, медвѣдями, оленями и зайцами; ею тѣшились цари Алексѣй Михайловичъ, Феодоръ Алексѣевичъ; также и юный императоръ Петръ II ѣзжалъ туда со псовой охотой, какую занимали его окружающіе, и иногда проводилъ здѣсь даже масленицу. Прилагаемый здѣсь точный снимокъ съ рѣдкаго эстампа, гравированнаго Ив. Зубовымъ, изображаетъ соколиную охоту Петра II въ окрестностяхъ Измайлова. Юный Петръ ѣдетъ въ открытой коляскѣ, запряженной въ шесть лошадей; съ нимъ сидитъ, вѣроятно, князь Ив. Долгорукій, который обыкновенно сопровождалъ его на такую любимую имъ потѣху; впереди его ѣдетъ сокольникъ съ соколомъ на рукѣ и два трубача, скороходъ и вершники.

Любя ружейную стрѣльбу, по свидѣтельству Миниха, Анна Ивановна выѣзжала не разъ въ свой новый звѣринецъ на охоту, била изъ ружья зайцевъ, оленей и тетеревей.

Императрица Елизавета Петровна съ племянникомъ своимъ Петромъ Феодоровичемъ и племянницей Екатериной Алексѣевной также не разъ пріѣзжала въ Измайлово на охоту, для которой тамъ была устроена охотничья команда, уничтоженная лишь передъ 1812 году.

Большая охота устроена была Нарышкинымъ для императрицы Елизаветы Петровны въ 1767 году; на нее, кромѣ знатныхъ русскихъ людей, были приглашены высшія иностранныя лица; всѣхъ присутствующихъ было болѣе тысячи человекъ. Платье на егеряхъ было новое и отличалось большой роскошью; для этой охоты были доставлены изъ многихъ дальнихъ мѣстъ лошади и собаки. Охота сопровождалась великолѣпнымъ пиршествомъ, на которомъ играла роговая музыка Нарышкина.

Но и это удовольствіе постепенно покидаетъ Измайлово, которое временно утрачиваетъ всякое значеніе. Дворъ окончательно утверждается въ новой столицѣ, а дворцовое село распадается совершенно; брусной дворецъ въ немъ скоро обветшалъ и былъ сломанъ, дворцовая церковь повреждена молніей, матеріалы распроданы, пахотныя поля розданы крестьянамъ съ наложеніемъ на нихъ денежнаго оброка; рогатый скотъ отъ падежа весь перевелся, всѣ хозяйственныя строенія обвалились, пруды высохли, сады заглохли, звѣринцы опустѣли. Измайлово представляло теперь видъ разрушенія, однѣ развалины, поросшія бурьяномъ и полынью.

¹⁾ «Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее». Си-ницкнъ. 1895 г.

На Измайлово, долго остававшееся въ забвеніи, обратилъ вниманіе императоръ Николай I ¹⁾. Къ историческимъ достопамятностямъ этого царственнаго мѣста онъ присоединилъ памятникъ христіанскаго милосердія основаніемъ военной богадѣльни, назначенной для призрѣнія старыхъ и совершенно увѣчныхъ войновъ сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ.

Самыя зданія, составляющія этотъ инвалидный домъ, немногочисленны: въ главномъ корпусѣ, примыкающемъ къ Покровскому собору, помѣщаются холостые нижніе чины и офицеры; какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ особую столовую, общую бібліотеку и лазаретъ. На мѣстѣ, гдѣ раньше красовался дворецъ, на берегу рѣчки Серебровки выстроены одноэтажный домъ для семейныхъ инвалидовъ; тутъ же устроена школа для малолѣтнихъ дѣтей призрѣваемыхъ. Остальныя зданія, расположенныя на мѣстѣ прежняго дворцоваго квадрата, отведены большею частью подъ службы, мастерскія, кладовыя и квартиры начальника и смотрителей.

Пространство передъ соборомъ представляетъ собою обширную площадь, среди которой устроенъ чугунный фонтанъ, окруженный цвѣтникомъ. По другую сторону старыхъ восточныхъ воротъ— другая площадь, простирающаяся до береговъ пруда и занятая довольно тѣнистымъ паркомъ. На противоположномъ берегу пруда находятся остатки прежняго винограднаго сада, въ которомъ построены домъ и разведены огороды и парники. Плавучій мостъ соединяетъ эту дачу съ Измайловскою богадѣльней.

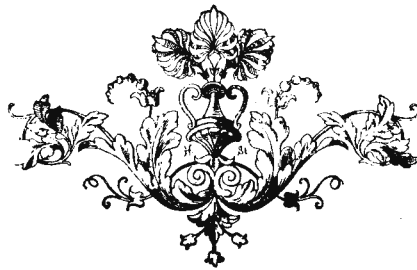
Жизнь въ Измайловѣ среди старыхъ инвалидовъ течетъ спокойно и безмятежно. И для села и для современныхъ его жителей наступило время, чтобъ жить воспоминаніями, жить далекимъ прошлымъ. Только изрѣдка тихая и однообразная жизнь богадѣльни прерывается торжествами, а затѣмъ все снова замолкаетъ и погружается въ прежній безмятежный сонъ. Въ 1864 году полувѣковой юбилей комитета о раненыхъ былъ отпразднованъ именно здѣсь, на родинѣ русскаго флота и гвардіи. На торжествѣ присутствовалъ самъ государь, нынѣ въ Бозѣ почивающій императоръ Александръ II съ сыновьями и племянниками; въ 1875 году онъ снова посѣтилъ богадѣльню. Въ эти оба свои пріѣзда государь обходилъ выстроенный передъ соборомъ фронтъ инвалидовъ, удоставалъ многихъ изъ нихъ вопросами, былъ въ храмѣ на молебнѣ, навѣстилъ больныхъ въ лазаретѣ, заходилъ даже къ семейнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Столѣтіе со дня рожденія императора Александра I, учредителя комитета о раненыхъ, подъ вѣдѣніемъ котораго состоитъ Измайловская богадѣльня, было также здѣсь торжественно отпраздновано. Не было забыто здѣшними обитателями и двухсотлѣтіе существованія Покровскаго храма, ознаменованное архіерейскимъ слу-

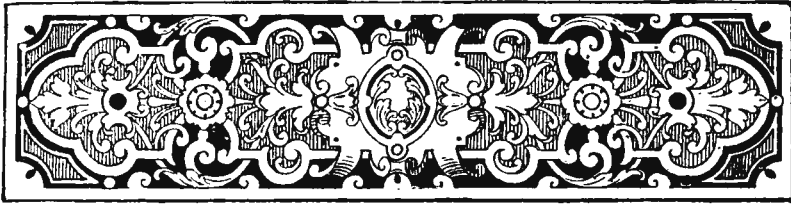
¹⁾ Рескриптъ князю Голицыну. М. ноября 19-го 1837 г.
«ИСТОР. ВѢСТН.», ФЕВРАЛЬ 1913 г., т. СXXXI.

женіемъ и хорошимъ угощеніемъ. Когда въ 1877 году по всему нашему государству выражалось сочувствіе къ больнымъ и раненымъ воинамъ турецкой кампаніи, оно нашло отголосокъ и въ Измаиловской богадѣльнѣ; здѣсь при лазаретѣ было устроено отдѣленіе для пострадавшихъ героевъ войны.

Итакъ, обзоръніе Измаилова раскрываетъ намъ его богатое историческое прошлое, которое даетъ ему право гражданства не только въ отечественной исторіи, но и въ лѣтописяхъ русской цивилизаціи.

Н. М. Девель.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ. Патриархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Время патриаршества Юсифа. Изд. 2-е, М. С. Елова. Сергіевъ посадъ. 1913. Стр. VIII+271. Цѣна 2 рубля.

НИГА появляется вторымъ изданіемъ, необходимость котораго давно уже чувствовалась. Впервые книга вышла въ свѣтъ еще въ 1887 году, но, отпечатанная всего лишь въ количествѣ 400 экземпляровъ, она быстро разошлась, сдѣлавшись рѣдкостью. Между тѣмъ потребность въ ней осталась, ибо вопросы, которые она трактуетъ, имѣютъ немаловажное значеніе для всякаго, кто интересуется эпохой Никона или расколомъ, въ частности столь жгучимъ когда-то вопросомъ о происхожденіи двоеперстія. Кстати замѣтить, о перстосложеніи говоритъ и присоединенный къ настоящему изданію отвѣтъ автора профессору Субботину, который, не раздѣляя выводовъ автора, въ свое время ополчился на него всей силой своего «тогдашняго первѣйшаго и признаннаго авторитета», причемъ, не ограничившись одной печатной полемикой, обратился къ судѣйствію К. П. Побѣдоносцева. И тяжелая рука суроваго оберъ-прокурора наложила запретъ на дальнѣйшее печатаніе изслѣдованія г. Каптерева о Никонѣ, и оно появилось лишь недавно, но принявъ уже новую и оригинальную по сравненію съ прежнимъ форму («Патриархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ», томъ I. 1909, т. II. 1912). Авторъ справедливо замѣчаетъ, что отвѣтъ г. Субботину, независимо отъ своего научнаго значенія, имѣетъ и иной интересъ: онъ является, такъ сказать, «историческимъ документомъ», прекрасно иллюстрируя тѣ трудности, которыя приходилось въ то время преодолевать безпристрастнымъ изслѣдователямъ.

Содержаніе труда автора въ краткихъ чертахъ сводится къ слѣдующему. Съ паденіемъ Константинополя (1453 г.) и заключеніемъ Флорентійской уніи въ самоопредѣленіи русской церкви наступаетъ новый періодъ: она получаетъ самостоятельную и настолько независимую отъ грековъ жизнь, что даже съ появленіемъ ересей конца XV вѣка и половины XVII вѣка она борется исключительно своими средствами, вовсе не апеллируя къ современной греческой церкви, какъ высшему авторитету. Русская церковь убѣждена, что она и своими силами сумѣетъ сохранить въ чистотѣ вѣроученіе, а также соблюсти принятый отъ грековъ же церковный обрядъ, который большинство ставило наравнѣ съ вѣроученіемъ. Въ числѣ другихъ обрядовъ русскіе заимствовали у византійской церкви и двоенерстіе, сугубую аллилуйю и др. Но въ то время, какъ у грековъ эти обряды видоизмѣнились или были вытѣснены иными, у русскихъ они остались. Отсюда — рознь въ обрядовой сторонѣ между той и другой церквями. И въ результатѣ на рубежѣ XV и XVI вв. русскіе въ нѣкоторыхъ обрядахъ и разошлись съ греками, которые «на сихъ лѣтѣхъ къ своей погибели отъ истины свернулись и печать антихристову на чель и на десницѣ пріяша», по характерному выраженію одного современника. На Стоглавомъ соборѣ (1551 г.) русскіе іерархи уже, повидимому, твердо убѣждены, что православный обрядъ во всей его чистотѣ и неповрежденности сохранился только въ русской церкви. Подобная точка зрѣнія, создавшая удобную почву для извѣстной идеи о Москвѣ, какъ единственномъ хранилищѣ неповрежденной вѣры («Москва — третій Римъ») не была, однако, всеобщей, а тѣмъ болѣе церковной. При патріархѣ Іосифѣ мнѣніе, что греки «по грѣху позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина» въ высшемъ образованномъ московскомъ кругу стало смѣняться мыслью о полной непорушимости православія современной греческой церкви, которая «и въ малѣйшей части не отступаетъ» отъ истинной вѣры», какъ стали тогда говорить. Въ этомъ смыслѣ высказывался и самъ Іосифъ въ своемъ посланіи къ датскому королевичу Вольдемару. Такого рода возрѣнія на грековъ прямо подготавливали почву для церковной реформы Никона. Уже Іосифъ находилъ нужнымъ обращаться къ патріаршему константинопольскому собору за указаніями и разрѣшеніемъ возникающихъ недоумѣній въ русской церкви. Мало того, при этомъ же патріархѣ не только была опредѣленно намѣчена та программа книжныхъ исправленій, которой потомъ слѣдовалъ Никонъ, но ее начали приводить въ исполненіе, найдены были и ея исполнители. Относительно послѣднихъ, между прочимъ, авторъ опровергаетъ прежнее мнѣніе о томъ, что книжными справщиками при Іосифѣ были будущіе противники церковной реформы Никона—Аввакумъ, Нероновъ, Лазарь и др.

Интересно и убѣдительно рассказываетъ Каптеревъ о происхожденіи двоенерстія. Онъ указываетъ, что до половины XVII вѣка и кievская Русь и Московское государство держались того же двоенерстія, которое существовало въ древней Руси, какъ общій обычай, еще до раздѣленія митрополій, съ самаго начала введенія у насъ христіанства, и было знакомо и другимъ славянскимъ народамъ, напримѣръ, сербамъ. Что же касается самаго происхожденія двоенерстія, то здѣсь можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ: русскіе заимствовали его у своихъ просвѣтителей христіанствомъ грековъ, у которыхъ, «песомнѣнно, су-

ществовалъ очень продолжительный періодъ времени, когда двоеперстіе было господствующею и преобладающею формою въ крестномъ знаменіи». Но и само двоеперстіе, замѣчаетъ авторъ, «не было, однако, первоначальною и древнѣйшею формою перстосложенія, а позднѣйшею и видоизмѣненною изъ древнѣйшей—единоперстія, такъ какъ въ первые вѣка христіанства знаменовались въ крестномъ знаменіи однимъ перстомъ».

Уже во время патріарха Іосифа въ извѣстной части передового московскаго общества ясно была признана несостоятельность нашей предшествующей умственной жизни и открыто признана необходимость просвѣщенія, вслѣдствіе чего уже при Іосифѣ явились усиленные хлопоты объ учрежденіи въ Москвѣ правильно организованной школы, во главѣ которой стояли бы ученые—кѣвляне или греки. Вообще со стороны не только духовныхъ, но и свѣтскихъ властей проявляется заботливость о распространеніи образованія. Усиленно издаются книги духовнаго содержанія, причемъ справщики вводятъ въ нихъ новыя «статьи», которыя бы содѣйствовали сознательному чтенію, оберегая читателей отъ грубыхъ ошибокъ. Ученикамъ рекомендуется читать несѣбно, усвоить разумъ читаемаго. Самимъ учителямъ, если они несвѣдущи, дается такой совѣтъ: «и вы зрите въ самую грамматику, и въ ней подробну вся узрите». Что послѣдній совѣтъ былъ вполнѣ кстати, видно изъ діалога дьякона Ѳеодора съ иконійскимъ митрополитомъ. Митрополитъ спрашивалъ Ѳеодора: «Платона и Аристотеля читалъ ли?»—«Которая польза такія книги честь? Не чту изъ таковыхъ книгъ». —«А когда ты не читалъ, не знаеши ничего». —«На что мнѣ тыя книги чести эллинскихъ безбожныхъ поганныхъ философовъ, которые въ болваны вѣровали и о тщетной мудрости упражнялися, а спасенія себѣ не искали!»—«А грамматику училъ ли, или читалъ?».—«Разумью отчасти; грамматика не вѣрѣ учитъ, но какъ какое слово добрѣ глаголати и правѣ писати»...—«А богословію училъ ли еси?»—«Богословію Христа моего разумью отчасти,—потрудился, отче»... и т. д.

Однако на ряду съ прогрессивными стремленіями развилось и другое, противоположное направленіе, которое, переживъ извѣстную эволюцію, вызвало расколъ въ русской церкви. Произошло это не сразу. Вокругъ Стефана Вонифатьева, духовника царя Алексѣя Михайловича, образовался кружокъ ревнителей благочестія, въ который входили Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и другіе книжные люди; къ нимъ принадлежалъ и Никонъ. Дѣятельность этого кружка имѣла цѣлью поднять религіозность, устранить церковныя неурядки, искоренить въ народѣ пороки, суевѣрія, обычай языческихъ игрищъ. Что это были за игрища, узнаемъ изъ любопытныхъ указаній, дошедшихъ до нашего времени: медвѣдей водятъ, скоморохами забавляются, съ собачками пляшутъ, и зернью, въ карты и шахматы, и ладыгами играютъ, въ бубны бьютъ и въ «сурны ревутъ», въ праздники собираются многіе люди «не только что младые, но и старые въ толпѣ ставятся, и бывають бои кулачныя великіе и до смертнаго убійства», сходятся на «бѣсовское сонмище» и на зарѣ и ночью «чародѣйствуютъ». Подобныя забавы процвѣтали не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ. Про жителей Вязьмы, напримѣръ, одинъ иконописецъ (въ 1651 г.) заявляетъ, что они «отъ Петрова дни до Ильина дни на реляхъ вѣ-

паются и на крутящихся крутятся, и многих дѣвокъ беретъ», въ Рождество Іоанна Предтечи всю ночь «бѣсятся, бочки дехтарныя закигаютъ и съ горь кагаютъ и, вѣники зажевши, скачутъ». Эти игры, впрочемъ, иногда принимали дѣйствительно недопустимую форму; такъ, въ той же Вязьмѣ «въ началѣ отъ Рождества и до Богоявленія всенощное, на коихъ святыхъ нарицаютъ... томъ же и женокъ и дѣвокъ много ходятъ и тамо дѣвицы дѣвство дѣволу отдаютъ»...

Противъ всѣхъ этихъ остатковъ язычества ревнители повели рѣшительную борьбу, несмотря на противодѣйствіе невѣжественной массы, которой они казались опасными поваторами и чуть не еретиками. Въ началѣ дѣятельность ревнителей не стояла въ противорѣчій съ мѣропріятіями патріарха Іосифа, даже восполняла ихъ, имѣя въ виду преимущественно практическую сторону церковной жизни, общественные нравы, обычаи и т. д. Однако, несмотря на отсутствіе принципиальныхъ разногласій, между патріархомъ Іосифомъ и Стефаномъ Вонифатьевымъ съ теченіемъ времени произошелъ разрывъ. Кружокъ Стефана ставилъ цѣлью прежде всего преобразованія въ сферѣ церковныхъ порядковъ, требовалъ заботы о религіозно-нравственномъ воспитаніи народа, а ни Іосифъ, ни власти не были склонны поддерживать эти планы «или потому, что вообще имъ не сочувствовали, или потому, что не хотѣли подчиниться водительство царскаго духовника, іерархически имъ подчиненнаго». Тогда кружокъ ревнителей, пользуясь черезъ Стефана вліяніемъ на царя, сталъ осуществлять свои замыслы помимо патріарха, постепенно обособляя отъ послѣдняго свою дѣятельность. Но и въ средѣ кружка Стефана должна была обнаружиться рознь между московскими и пришлыми провинціальными ревнителями, въ лицѣ которыхъ выступала старая Русь, чуждая новѣйшимъ московскимъ культурнымъ теченіямъ. Когда Никонъ сталъ патріархомъ, а Стефанъ принялъ его сторону въ дѣлѣ церковнаго исправленія, эта рознь вскрылась совершенно ясно. Ревнители провинціалы откололись и пошли собственнымъ путемъ. Они не имѣли научнаго образованія и развитія, зато обладали пламенной вѣрой въ свою правоту и готовностью на мученичество за свои искреннія убѣжденія. Этими качествами они производили огромное впечатлѣніе на простой народъ: «на смерть идутъ за свое ученіе—одного этого ужъ достаточно для массы, чтобы видѣть въ ихъ ученіи, не разбирая и не оцѣнивая его по существу, святую непререкаемую истину,—за неправое дѣло, въ которое сами не вѣрятъ, люди не кладутъ добровольно головы своей на плаху, не даютъ вырѣзывать у себя языки, не идутъ спокойно на костеръ»...

Свою книгу авторъ заканчиваетъ повтореніемъ той же мысли, которою онъ начинаетъ свой трудъ: «патріархъ Іосифъ вовсе не былъ противоположностью Никона, а его прямымъ предшественникомъ не только по времени, но и по всей своей дѣятельности». Скажемъ въ заключеніе, что книгу эту съ интересомъ прочтеть не только ученый спеціалистъ, но и простой читатель, въ особенности знакомый съ ученіемъ старообрядчества.

К. Кудряшовъ.

Моранъ, П. Павелъ I до восшествія на престолъ (1754—1796 гг.). Переводъ съ фр. Ширяевой. М. 1912 г. Стр. 468. Ц. 3 руб.

Въ послѣднее десятилѣтіе вниманіе изслѣдователей и писателей много разъ приковывалось къ трагическимъ событіямъ царствованія Павла I и къ личной судьбѣ «несчастливаго» императора. Если даже не имѣть въ виду того остраго интереса, который былъ проявленъ къ катастрофѣ 11-го марта 1801 года, то слѣдуетъ признать, что и личность «страннаго», «сумасброднаго» монарха, какъ часто называютъ Павла, привлекала къ себѣ взоры многихъ писателей. Указку на работы Кубеко, Шильдера, Шумигорскаго и др. Но не только русскіе, но и иностранные историки заинтересовались Павломъ I и посвящаютъ ему свои труды. Въ послѣдніе годы на французскомъ языкѣ вышло двѣ работы о Павлѣ: Морана и Валишевскаго. Я остановлюсь на первой, переводъ которой недавно вынесъ, а о второй будетъ данъ отзывъ въ свое время, когда выйдетъ въ свѣтъ переводъ книги Валишевскаго, подготовляемый издательствомъ Суворина.

Въ своей книгѣ г. Моранъ касается біографіи Павла Петровича до момента восшествія на престолъ включительно. Онъ рассказываетъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ родился Павелъ, объ его дѣтствѣ, воспитаніи, объ отношеніяхъ, сложившихся между цесаревичемъ и матерью Екатериной II, которая видѣла въ немъ своего соперника, о первомъ и второмъ бракѣ, о путешествіи за границу, жизни въ Павловскѣ и Гатчинѣ и о первыхъ дняхъ воцаренія Павла. Не касаясь деталей, про книгу можно сказать, что въ ней рамка изложенія—обычная, взглядъ на Павла—традиціонный, но съ нѣкоторымъ любопытнымъ вариантомъ.

Павла почти всѣ историки и писатели, говорящіе о немъ, считаютъ «сумасброднымъ», «ненормальнымъ», а иные—просто «сумасшедшимъ», и во всей его правительственной дѣятельности не видятъ почти ничего, кромѣ непослѣдовательныхъ, случайныхъ и разрушительныхъ вспышекъ большой и раздраженной воли, помраченной маніей величія и маніей боязни и преслѣдованія. Г. Моранъ подходит къ характеристикѣ Павла нѣсколько съ иной стороны. Ссылаясь на работу французскаго ученаго Magnan, онъ указываетъ, что, «кромѣ идиотовъ», слабоумныхъ и сумасшедшихъ, психіатры признаютъ объектами своего изученія и такихъ людей, которыхъ они именуютъ дегенератами высшего типа (стр. 370 и слѣд.). Эти новые кліенты психіатровъ не лишены ума, даже могутъ быть талантливы, но, «богато одаренные отъ природы, они отличаются при этомъ врожденной неспособностью дисциплинировать свой мозгъ»; ихъ мысли лишены послѣдовательности и связи; они беспорядочны, ничто не управляетъ ихъ порывами, не координируетъ ихъ скачковъ»; ихъ характеръ—то буйный, то кроткій, то слабый, то нерѣшительный, то упрямый—лишь постоянства; чувства ихъ также не уравновѣшены: повышенная чувствительность, странная влеченія, беспорядочная смѣна настроеній, безпричинная восторженность». Жизнь такого больного сопровождается въ теченіе всей жизни или въ видѣ характерныхъ «эпизодовъ» галлюцинаціями, мономаніей, нервными страхами, боязнью пространства, извращеніями и прочими ненормальностями.

Къ такого рода дегенератамъ Моранъ относитъ и Павла. Онъ, излагая біографію Павла съ дѣтскихъ лѣтъ, неоднократно отмѣчаетъ тѣ болѣзненные

проявленія умственного и волевого расстройства, которыя сказывались въ различныхъ настроеніяхъ и поступкахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ г. Моранъ заявляетъ, что это было только подготовкой, почвой болѣзни Павла, которая въ окончательно опредѣлившейся формѣ сказала въ годы царствованія Павла, но, къ сожалѣнію, авторъ этого періода жизни совсѣмъ не касается.

Правъ ли Моранъ въ своемъ мнѣніи о болѣзненной ненормальности Павла? На это нужно сказать, что прежде всего указанія автора на болѣзненность Павла, на его мрачныя переживанія довольно случайны и не представляютъ собой полной и убѣдительной параллели съ характеристикой дегенерата; переживанія Павла могутъ быть объяснены не вырожденіемъ, а тѣми тяжелыми обстоятельствами, среди которыхъ ему приходилось жить; затѣмъ самый важный періодъ, именно годы царствованія Павла, когда, по автору, дегенератизмъ вступилъ въ свои права и развился до высшей степени, авторомъ не затронуть, благодаря чему его взглядъ можно или принимать на вѣру, или на одинаковомъ основаніи съ этимъ взглядомъ не соглашаться. Я полагаю, что для рѣшенія сложнаго вопроса о нормальности и ненормальности Павла слѣдуетъ прежде всего 1) вывести біографію Павла изъ области анекдотовъ, которыми такъ часто и охотно пользовались и пользуются писатели, характеризовавшіе личность Павла, и по возможности точно установить и факты личной жизни этого императора, и основные контуры его правительственной дѣятельности; 2) затѣмъ обратиться за помощью къ врачамъ и психіатрамъ, чтобы при ихъ содѣйствіи рѣшить, можно ли Павла причислить, какъ это многіе дѣлаютъ съ легкимъ сердцемъ, къ сумасшедшимъ или по меньшей мѣрѣ дегенератамъ, кліентамъ современныхъ психіатровъ.

Я лично, не соглашаясь съ г. Мораномъ и другими историками, держусь совершенно другого мнѣнія о Павлѣ, а въ особенности объ его правительственной дѣятельности, о чемъ мною неоднократно заявлялось въ печати (Сборникъ въ честь Платонова; «Журналъ министерства юстиціи», 1912 апр.; «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1912, декабрь) и на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Я склоненъ думать, что Павелъ былъ умнымъ, а не безумнымъ, болѣзненнымъ, но не больнымъ и психопатомъ, раздражительнымъ и вспыльчивымъ, но не потерявшимъ всякде самообладаніе самодуромъ, не человѣкомъ минуты безъ всякихъ идей, а послѣдователемъ идей просвѣщеннаго абсолютизма въ прусскомъ духѣ.

Хотя я и не схожусь съ г. Мораномъ въ характеристикѣ Павла, тѣмъ не менѣе я обязанъ воздать автору должную дань справедливости. Несмотря на то, что его книга появилась послѣ нѣсколькихъ другихъ, трактующихъ о томъ же самомъ, въ ней много свѣжаго матеріала, взятаго изъ иностранныхъ архивовъ; изложеніе живое, интересное, книга читается легко. Переводъ въ общемъ вполне удовлетворителенъ; напечатана книга на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, къ сожалѣнію, съ порядочнымъ числомъ опечатокъ, въ особенности досадныхъ въ цифрахъ (напр., на стр. 234, вторая строчка снизу вмѣсто XI г. слѣдуетъ—IX; на слѣдующей страницѣ нужно 1782 г. вмѣсто 1781). Вообще говоря, можно порадоваться переводу этой книги на русскій языкъ.

М. Ключковъ.

Н. Н. Кашкинъ. Родословныя развѣдки. Посмертное изданіе. Съ портретомъ автора. Подъ редакціей Б. Л. Модзалевскаго. Томъ I. Спб. 1912. Стр. VII+451. Цѣна не обозначена.

Три года тому назадъ злая чахотка, предъ которой до сихъ поръ еще безсильна врачебная наука, лишила молодую русскую генеалогію виднаго и много обѣщавшаго изслѣдователя—Николая Николаевича Кашкина. Потомокъ стариннаго дворянскаго рода, находящійся въ родствѣ съ Нарышкиными, Вындомскими, Ртищевыми, Бахметевыми и др., покойный рано пристрастился къ родной стариинѣ и, будучи еще лицеистомъ, старательно производилъ генеалогическія разысканія о своемъ родѣ и о родахъ, ему родственныхъ. Несмотря на служебныя занятія, сложныя заботы о своемъ имѣніи и постоянно преслѣдовавшій его наслѣдственный недугъ, П. Н. Кашкинъ до послѣдняго времени не переставалъ заниматься любимымъ своимъ дѣломъ. Но «не успѣлъ онъ,—говорить въ своемъ предисловіи «отъ редактора» Б. Л. Модзалевскій,—закончить ту работу, которую считалъ основною въ ряду задачъ, имъ намѣченныхъ,—описаніе своего семейнаго архива, составившагося изъ архивовъ его предковъ Кашкиныхъ, Бахметевыхъ, Ртищевыхъ и др... Не успѣлъ Николай Николаевичъ закончить и два большихъ труда своихъ, къ которымъ готовился всю жизнь и для которыхъ столько лѣтъ тщательно и усердно собиралъ матеріалы изслѣдованія о родѣ Кашкиныхъ и о родѣ Ртищевыхъ, происходящихъ отъ Аслана-челеби-мурзы...»

Въ разсматриваемый нами первый томъ «Родословныхъ развѣдокъ»,—такъ скромно назвалъ авторъ свои кропотливыя и научно веденныя разысканія,—вошли уже бывшія въ печати работы, кромѣ послѣдней—«Родъ Ртищевыхъ». Во главѣ ихъ находимъ «Стопицы князей Черкасскихъ», куда вошли: челобитная «Александрца Воротынскаго» царю Іоанну Васильевичу, 1541 г., и шесть документовъ второй половины XVIII вѣка, связанныхъ съ именемъ боярина князя Михаила Алегуковича Черкаскаго. Н. Н. Кашкинъ напечаталъ ихъ еще въ 1903 г. (въ «Извѣстіяхъ русскаго генеалогическаго общества», т. II), «съ буквальною точностію, лишь снабдивъ ихъ знаками препинанія и самыми необходимыми примѣчаніями». Далѣе помѣщена статья: «Изъ Козельской старины», въ которой авторъ обзрѣваетъ и сообщаетъ содержаніе найденныхъ имъ въ церкви села Бурнашева Козельскаго уѣзда двухъ синодиковъ второй половины XVIII вѣка. За этой статьей, впервые напечатанной въ III выпускѣ «Извѣстій русскаго генеалогическаго общества» (1909 г.), слѣдуетъ весьма обстоятельное изслѣдованіе—«Родъ Вындомскихъ», въ которомъ многія лица этой фамиліи, несмотря на скудость матеріала, обрисованы съ рѣдкой жизненностію. Любопытны даже первыя строки этой работы: въ нихъ выливается авторъ со всей глубиною своихъ познаній, съ глубокимъ чувствомъ къ описываемымъ лицамъ и рѣдкой искренностію сужденій.

«Вындомскіе!—такъ онъ начинаетъ свое изслѣдованіе, напечатанное впервые въ 1909 г. въ сборникѣ «Старина и Новизна», кн. 13.—Самый звукъ этого родового прозвища—не новость лишь для знатоковъ русскаго былого, но многіе ли могутъ и они сообщить объ этомъ родѣ? А Вындомскіе имѣютъ право на вниманіе каждаго образованнаго русскаго не тольکو по странности судьбы

этого рода, но, въ особенности, по замѣчательной личности одной изъ послѣднихъ его представительницъ. Каждому образованному русскому личность эта, конечно, извѣстна, знакома по озаряющимъ ее лучамъ славы ея друга—величайшаго нашего поэта; только знакома, по послѣдней для Вындомскихъ ироніи судьбы, не подъ родовымъ ихъ прозвищемъ. Всѣ знаютъ имя Прасковьи Александровны Осиповой, но многіе ли помнятъ, что по себѣ она была Вындомская? И оказывается, что извѣстность пріобрѣла она не своему роду, а фамиліи своего мужа, человѣка безъ рода и племени и лично ничтожнаго. Да, безспорно, странный рокъ тяготѣлъ надъ Вындомскими! Безвѣстныя боярскія дѣти къ концу XVIII вѣка всякими неправдами и преступленіями тогдашняго главы рода выбиваются они въ ряды богатыхъ повгородскихъ вотчинниковъ, но за попытку поудить рыбы въ мутной водѣ стрѣльцкихъ безпорядковъ внезапно постигаетъ ихъ тяжкая бѣда—ссылка цѣлою семьею въ Сибирь... Старательная служба,—сѣда ли по убѣжденію, а не по расчету,—и наслѣдственные хозяйственные дарованія доводятъ снова Вындомскихъ до значительнаго благосостоянія, но на этотъ разъ замѣчается въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и привлекательная черта—безкорыстное стремленіе къ просвѣщенію; потомки хищниковъ XVII вѣка, чрезъ 100—150 лѣтъ Вындомскіе являютъ людьми любознательными и образованными, людьми настолько развитыми, что плѣнительныя свойства ума одной изъ послѣднихъ представительницъ этого рода пріобрѣтаютъ ей уваженіе и дружбу самого Пушкина... И около того же времени родъ этотъ угасаетъ, и послѣдній изъ мужскихъ членовъ его, любовно изучавшій его прошлое, съ грустью прощался на бумагѣ, кончая долгую жизнь, новидимому, въ печальномъ одиночествѣ, со своимъ обреченнымъ отнынѣ на полную безвѣстность родомъ» (стр. 26—27). Это былъ прапорщикъ гвардіи Сергѣй Ѳеодоровичъ Вындомскій, родившійся въ 1768 г. и умершій въ 1846 г.

Вся остальная большая часть разсматриваемой книги посвящена описанію рода Ртищевыхъ. Сначала идетъ статья, увидѣвшая впервые свѣтъ въ 1905 г., «О Ртищевыхъ Дмитровскаго корня» и затѣмъ впервые печатаемая—«Родъ Ртищевыхъ», потомковъ Аслана-челеби-мурзы, прибывшаго около 1389 г. къ великому князю Дмитрію Іоанновичу и припавшаго православіе подъ именемъ Прокопія. Онъ третьяго его сына Льва, по прозвищу Широкой Ротъ, и прозошли Ртищевы. Въ этой работѣ авторъ успѣлъ обработать лишь первыя четыре главы, отъ родоначальника рода до конца жизни окольничаго Михаила Алексѣевича Ртищева, умершаго въ 1677 г. Къ этимъ главамъ, въ видѣ дополненія, редакторъ приложилъ и тѣ жизнеописанія Ртищевыхъ (одиннадцати лицъ), которыя были напечатаны въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ», издаваемомъ императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ. Наибольшая изъ этихъ біографій принадлежитъ знаменитому «милостивому мужу», Ѳеодору Михайловичу Большому, котораго профессоръ В. О. Ключевскій въ своей лекціи «Добрые люди древней Руси» призналъ «однимъ изъ лучшихъ воспоминаній, завѣщанныхъ намъ древне-русской стариной».

Съ внѣшней стороны книга издана весьма тщательно; остается только ожидать скорѣйшаго появленія втораго ея тома, въ который войдутъ по преимуществу нигдѣ не печатавшіяся работы Н. Н. Кашкина.

В. Рудаковъ.

Царственный мистикъ (императоръ Александръ I—Федоръ Кузьмичъ), соч. князя В. В. Барятинскаго. Изданіе книгоиздательства «Прометей» Н. Н. Михайлова. С.-Петербургъ. 1912. Цѣна 1 р. 25 к.

Небольшая книжка въ 146 страницъ, въ заключеніе которой авторъ, князь В. В. Барятинскій, заявляетъ: «по-моему—императоръ Александръ I не умеръ въ Таганрогѣ, а удалился отъ міра и скончался въ 1864 году (гдѣ—авторъ не упоминаетъ) въ образѣ Федора Кузьмича (совсѣмъ новое понятіе: скончаться въ образѣ другого человѣка). Въ этомъ я убѣдился,—продолжаетъ князь,—изучая доводы и документы противниковъ такой точки зрѣнія (стр. 146). Между тѣмъ изъ начала усматривается нѣчто иное. Для рѣшенія вопроса, скончался ли Александръ I въ Таганрогѣ 19-го ноября 1825 года, или таинственно удалился и окончилъ жизнь въ образѣ старца Федора Кузьмича въ 1864 году, авторъ занялся разрѣшеніемъ слѣдующихъ вопросовъ (это, очевидно, не доводы и документы противниковъ княжескаго заключенія): 1) имѣлъ ли намѣреніе оставить тронъ и удалиться отъ міра? 2) если онъ имѣлъ это намѣреніе, то привелъ ли онъ его въ исполненіе въ бытность свою въ Таганрогѣ, или же скончался, не выполнивъ своего намѣренія? 3) если онъ скрылся изъ Таганрога, а не умеръ, то можно ли отождествлять съ его личностью личность сибирскаго старца Федора Кузьмича (стр. 6). Предоставляя читателямъ лично ознакомиться съ разрѣшеніемъ княземъ поставленныхъ ихъ вопросовъ, сообщимъ только, что авторъ разрѣшилъ ихъ всѣ въ желаемомъ ему смыслѣ, т. е. высказываетъ на стр. 97, что императоръ Александръ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Таганрогѣ и легкимъ недомоганіемъ, чтобы привести свой планъ въ исполненіе, и скрылся, предоставивъ хоронить чье-то чужое тѣло. Все это, повидимому, исполнѣ научно и исполнѣ убѣдительно. Но, безпристрастно относясь къ возбужденнымъ вопросамъ, встрѣчаешь при этомъ цѣлый рядъ вопросовъ, до разрѣшенія которыхъ, по нашему мнѣнію, крайне смѣло, чтобы не сказать болѣе, отождествлять личность императора Александра I съ личностью какого-то старца Федора Кузьмича и печатать на заглавномъ листѣ книги: «Александръ I—Федоръ Кузьмичъ!»... Ранѣе, чѣмъ писать такое заглавіе, надо доказать, что дѣйствительно вмѣсто императора Александра I былъ положенъ въ гробъ въ Таганрогѣ посторонній совсѣмъ человѣкъ. Надо доказать, какъ этотъ человѣкъ попалъ въ помѣщеніе императора, то есть былъ ли принесенъ уже мертвымъ и кѣмъ и откуда (мы не допускаемъ и мысли о томъ, что онъ самъ пришелъ во дворецъ, легъ и умеръ, по очевидной ея нелѣпости). Если онъ былъ принесенъ, то это, конечно, было бы въ то же время извѣстно въ Таганрогѣ; объ этомъ непременно бы стали рано или поздно говорить въ самомъ же Таганрогѣ. Въ городѣ сдѣлалось бы извѣстнымъ, что такой-то жившій въ городѣ человѣкъ пропалъ. Не съ неба же онъ прямо свалился въ Таганрогъ, его кто-нибудь, безъ сомнѣнія, видѣлъ въ городѣ и зналъ. Все это надо положительно доказать, а не ограничиваться однимъ предположеніемъ покойнаго Н. К. Шильдера, что похоронили тѣло солдата или фельдфебеля Семеновскаго полка, находившагося и умершаго случайно въ Таганрогѣ (стр. 112). Князь Барятинскій, приводя эту гипотезу, добавляетъ еще одно отъ себя: надо полагать, что у Шильдера были какія-нибудь данныя о

пробываніи и смерти этого солдата въ Таганрогѣ. На какомъ основаніи покоится это послѣднее предположеніе? Къязь одно предположеніе подкрѣпляютъ другимъ, и тѣмъ не менѣе изъ этого ничего не выходитъ, потому что недостаточно доказать пребываніе и смерть упомянутаго фельдфебеля въ Таганрогѣ; надо доказать еще, что онъ былъ принесенъ во дворецъ и положенъ въ гробъ вмѣсто императора какими-либо живыми людьми, несомнѣнно, рассказавшими со временемъ объ этомъ во всякомъ случаѣ непонятномъ для нихъ событіи и дѣйстви. Помимо этого надо доказать, что протоколъ врачей о кончинѣ Александра I (стр. 81) завѣдомо ложный и что всѣ лица, знавшія о болѣзни и кончинѣ императора Александра I въ Таганрогѣ, начиная съ его супруги, императрицы Елизаветы Алексѣевны, не покидавшей почти державнаго больного, князя Волконскаго, Дибича и множества другихъ лицъ, перениска которыхъ была напечатана на страницахъ «Русскаго Вѣстника» въ 1897 году, сообщали по взаимному уговору завѣдомо ложные факты въ своихъ письмахъ, до насъ дошедшихъ... А до этого едва ли можно утверждать, что Александръ I не умеръ въ Таганрогѣ.

П. Майковъ.

Старая Москва, вып. I. Изданіе комиссіи по изученію Старой Москвы при императорскомъ московскомъ археологическомъ обществѣ. М. 1912. Стр. 72.

Недавно въ Москвѣ при археологическомъ обществѣ образована комиссія по изученію старой Москвы. Комиссія поставила своей первой задачей «изученіе прошлаго Москвы и ея ближайшихъ пригородныхъ мѣстностей, т. е. собираніе матеріаловъ по ея топографіи, исторіи и археологіи, изслѣдованіе ея роста и развитія не только въ отношеніи этихъ предметовъ, зодчества и иконописи, но также и въ отношеніи прикладныхъ искусствъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ она «приняла на себя заботы о сохраненіи существующихъ памятниковъ бытовой стороны и о собираніи таковыхъ путемъ пожертвованій для музея Старой Москвы; въ послѣднемъ, по мысли комиссіи, должны быть собраны всѣ предметы домашняго и общественнаго обихода прежней московской жизни, портреты выдающихся ея дѣятелей, старинные и новые виды различныхъ ея уголковъ и т. п.».

Комиссія уже начала свою дѣятельность сборомъ пожертвованій для музея, разработкой исторіи города Москвы, чтеніемъ докладовъ и изданіемъ трудовъ комиссіи, въ видѣ періодически выходящаго органа (по четыре выпуска въ годъ), подъ названіемъ: «Старая Москва», первый выпускъ котораго недавно выпущенъ въ свѣтъ.

Содержаніе перваго выпуска «Старой Москвы» составляютъ слѣдующія статьи:

- 1) Ильинская улица въ Китаѣ-городѣ и Покровская въ Бѣломъ каменномъ, въ 1671—72 годахъ, съ планомъ и описаніями, И. С. Вѣляева;
- 2) Кузнецкій мостъ и прилегающія къ нему улицы въ концѣ XVIII столѣтія, Ф. Тастевена (21—33 стр.);
- 3) Происхожденіе названія «Арбатъ», В. К. Трутовскаго;

- 4) Домъ князя Д. М. Пожарскаго на Лубянкѣ, И. С. Вѣляева (42—45);
- 5) Триумфальная арка въ Москвѣ, Н. Н. Соболева;
- 6) Подземный ходъ подъ Новодѣвичимъ монастыремъ въ Москвѣ, И. Я. Стеллецкаго (54—64);
- 7) Большой Кисловскій переулочекъ, Воздвиженка, Никитская улица и мѣстность, ими ограничиваемая, въ началѣ XVIII вѣка, В. С. Пушкина;
- 8) Домъ Е. Н. Самариной на Петровкѣ (71 стр.).

Изъ названія статей видно, что онѣ касаются разныхъ мѣстностей, улицъ и сооружений города Москвы въ ихъ историческихъ значеніи. Любопытна первая статья, матеріалъ для которой взятъ авторомъ изъ документовъ московскаго архива министерства юстиціи; къ ней данъ старинный планъ мѣстности и улицъ (съ показаніемъ церквей и построекъ) Ильинской, Покровки и части Красной площади 1671 года; планъ отъ руки, безъ масштаба, но прекрасной работы, довольно точно воспроизводящій топографію мѣстности. По словамъ автора статьи И. С. Вѣляева, настоящий документъ (планъ съ поясненіями) «представляетъ для исторической топографіи Москвы цѣннѣйшій матеріалъ, тотъ именно источникъ, посредствомъ котораго возстановляется прошлое каждаго изъ теперешнихъ владѣній на Ильинской и Покровской улицахъ болѣе, чѣмъ за двѣсти лѣтъ назадъ».

Въ статьѣ Трутовскаго разъясняется, что изъ всѣхъ объясненій слова Арбатъ 1) отъ русскаго слова «Горбатъ», 2) отъ татарскаго «арба», 3) отъ персидскаго «рабатъ», 4) отъ латинскаго «arbutum»—вишня, 5) арабскаго «рубать»—кварталь и 6) арабскаго «рабатъ», во множеств. «арбатъ»—пригородъ) наиболѣе правильное послѣднее словопроизводство, принесенное къ намъ крымскими татарами, которые, идя Смоленской дорогой, останавливались, не доходя до Кремля, на мѣстѣ нынѣшняго Арбата и дали ему это названіе.

Не передавая содержанія другихъ статей, долженъ сказать, что каждая изъ нихъ любопытна въ своемъ родѣ, давая нѣчто новое о томъ предметѣ, котораго она касается. Вообще говоря, первый выпускъ «Старой Москвы» изданъ удачно: въ интересной обложкѣ, на хорошей бумагѣ, отчетливымъ шрифтомъ, съ рисунками и иллюстраціями. Привѣтствуя образованіе комиссіи по изученію «Старой Москвы», слѣдуетъ пожелать ей успѣха въ ея полезной дѣятельности.

М. К.

Великій князь Николай Михайловичъ. Петербургскій некрополь. Томъ третій. (М—Р). Спб. 1912.

Едва ли нужно говорить о значеніи предпринятаго великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ изданія петербургскаго и московскаго некрополей. Этотъ обширный трудъ является существеннымъ подспорьемъ при генеалогическихъ и біографическихъ изысканіяхъ. На кладбищахъ Москвы и Петербурга погребены въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій цѣлыя поколѣнія многихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ фамилій, и надписи на ихъ могильныхъ памятникахъ, частью уже разрушающихся и исчезающихъ, даютъ точныя указанія на степень ихъ родства и время рожденія и смерти. По существовавшему въ былое время обычаю, не оставленному и до сей поры, на нѣкоторыхъ памятникахъ

изложены довольно полныя біографіи усопшихъ, а другіе снабжены стихотворными поминками. Какъ образецъ кладбищенской литературы, приводимъ изъ третьей книжки «Петербургскаго некрополя» два стихотворенія.

Первое на памятникѣ дочери статсъ-секретаря Н. Н. Новосильцева, малолѣтней Варвары Николаевны, родившейся въ 1823 г. и умершей въ 1827 г.

«Какъ утромъ на цвѣтахъ весенняя роса
Едва она на сей землѣ блеснула
Съ улыбкою на здѣшній свѣтъ взглянула
И возвратилася къ себѣ на небеса».

Второе на памятникѣ А. С. Попова, камеръ-фурьера и камердинера императрицы Екатерины II, умершаго въ 1780 году.

«Царицѣ Россіихъ странъ сей ревностно служилъ
И милости ея по смерть свою носилъ.
Днесь Выспему Царю на службу преселился;
Но чтобы милостивъ къ нему сей царь явился
Усердную мольбу, читатель, ты пролей
И о женѣ его и дщери пожалѣй.
Когда родитель былъ ея уже во гробѣ,
Во матерней тогда она была утробѣ.
Въ дни сѣтованія произойди на свѣтъ
Отцова вида зрѣть единый сей предметъ;
Съ скорбящей матерью она по немъ рыдаетъ
А мраморъ сей печаль сердецъ ихъ представляетъ».

Среди надгробныхъ надписей встрѣчается не мало оригинальныхъ. Напримѣръ, на памятникѣ Меликова значится:

«Меликовъ, Сергѣй Ивановичъ, изъ знатной владѣльческой фамиліи. Служившей Россіи въ которую выѣхалъ съ награжденіемъ чина и былъ полезенъ для многія важныя услуги съ подвигомъ добродѣтели. Претерпѣвъ въ мірѣ семь скорби и печали, лишася дѣтей и семейства своего, по Божію произволению и при старости почилъ о Господѣ. Прошу всякаго благосклоннаго читатель поминать душу его въ царствіи небесномъ. Сіе надгробіе совершилъ онъ при жизни своей въ 1794 году, іюля 1 дня».

На памятникѣ Николая Назарьевича Муравьева, статсъ-секретаря императора Николая I и довольно извѣстнаго въ свое время писателя, сдѣлана слѣдующая надпись:

«Онъ всегда имѣлъ предъ очами разумѣнія своего суету суетъ и всяческую суету всего человѣческаго и чувствомъ своимъ былъ не житель міра сего».

На памятникѣ Насоновой такая надпись:

«Насонова, Ольга Ивановна, жена коллеж. совѣт. р. 5 іюля 1795 † 4 іюля 1833, утромъ, отъ слѣдствія родовъ, къ неутѣшной горести ея супруга и многочисленнаго семейства, оставивъ десять человѣкъ дѣтей, въ числѣ которыхъ четверо малолѣтнихъ и поворожденный. Жила 38 лѣтъ.»

Вообще въ «Некрополяхъ» наши бытописатели найдутъ обильный справочный матеріалъ и не разъ поблагодарятъ великаго князя Николая Михайловича за это изданіе, которое безъ его матеріальной поддержки едва ли могло быть осуществлено.

С. Ш.

И. А. Кастанье. «Надгробныя сооруженія киргизскихъ степей. (Труды оренбургской ученой архивной комиссії. Вып. XXVI). Стр. 102+VII. 28 таблицъ+77 рис. Оренбургъ. 1912. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Вопросами, касающимися этнографіи и археологіи нашихъ восточныхъ окраинъ, стали заниматься сравнительно очень недавно. Многое въ этой области совершенно не изучено. Многое только начинаетъ изучаться. Однимъ изъ энергичныхъ работниковъ въ этой области является оренбургская ученая архивная комиссія. Въ изданіяхъ своихъ трудовъ, начавшихъ выходить въ 1889 г. (всего по 1911 г. вышло 26 выпусковъ), комиссія помещаетъ изслѣдованія и замѣтки весьма разнообразнаго содержанія, но касающіяся лишь Оренбургскаго края. Разсматриваемый нами XXVI выпускъ «Трудовъ» комиссії представляетъ изслѣдованіе ея вице-президента г. Кастанье о «Надгробныхъ сооруженіяхъ киргизскихъ степей». Въ русской литературѣ о киргизахъ есть интересныя изслѣдованія Харузина, Аристова, Радлова и др., которыя выясняютъ различныя стороны быта киргизовъ, ихъ происхожденіе и исторію. Работа г. Кастанье, изданная на русскомъ и французскомъ языкахъ, представляетъ: 1) изученіе различныхъ типовъ надгробныхъ сооружений киргизскихъ степей, 2) ознакомленіе съ похоронными обрядами кочевниковъ двухъ періодовъ: доисламскаго и мусульманскаго (съ XIII вѣка до настоящаго времени).

Придерживаясь, по преимуществу, описательнаго характера, авторъ подробно останавливается на различныхъ типахъ могильныхъ сооружений, приводитъ мѣстныя ихъ названія и, наконецъ, описываетъ погребальныя обычаи киргизовъ. Цѣлый рядъ интересныхъ подробностей, особенно въ отдѣлѣ о погребальныхъ обрядахъ, обстоятельное личное знакомство автора съ мѣстными обычаями—дѣлаетъ книгу г. Кастанье полезной какъ для археолога и этнографа, такъ и вообще для всякаго интересующагося нашими восточными окраинами. Къ сожалѣнію, авторъ не обратилъ вниманія на нѣсколько интересныхъ вопросовъ, касающихся киргизскихъ погребеній. Такъ, напримѣръ, не выяснено, наблюдается ли разновидность могильниковъ по племенамъ, въ виду разноплеменности киргизскаго населенія. Далѣе, онъ не затронулъ совершенно одного интереснаго, но мало изученнаго вопроса археологіи — о вторичномъ погребеніи. Такіе случаи повторнаго погребенія обнаружались при раскопкахъ Минусинскаго округа Енисейской губерніи. Между тѣмъ они, по свидѣтельству китайскихъ источниковъ IX вѣка, были свойственны предкамъ киргизовъ. Недостаточно рельефно также выяснены различія въ формѣ и структурѣ могильныхъ сооружений въ до и монгольскій періодъ. Что касается частностей, то представляется не вполне точнымъ указаніе автора на то, что въ Оренбургскомъ краѣ (въ нѣкоторыхъ его частяхъ) курганы называютъ «марами». Марами собственно называются насыпные холмы исключительно для сторожевыхъ цѣлей. Это же значеніе имѣютъ не всѣ, а только нѣкоторые виды кургановъ. Что касается, наконецъ, рисунковъ, столь важныхъ во всякомъ археологическомъ изданіи, то намъ представляется неудачнымъ способъ зарисованія могильныхъ сооружений, не передающій многихъ оттѣнковъ и подробностей; фотографіи были

бы здѣсь гораздо умѣстнѣе. Несмотря на указанные недочеты, книга представляется очень полезнымъ вкладомъ въ литературу по исторіи нашихъ восточныхъ окраинъ.

В. Мирошниковъ.

Военно-Историческій Вѣстникъ, издаваемый при кіевскомъ отдѣлѣ императорскаго русскаго военнаго историческаго общества. 1912 годъ. Книжки 1-я и 2-я. Цѣна въ годъ шесть рублей. Кіевъ.

При кіевскомъ отдѣлѣ императорскаго русскаго военно-историческаго общества издается историческій журналъ, посвященный не специально одиѣмъ статьямъ военнаго характера исключительно, но также и прочимъ статьямъ историческаго содержанія, касающимся русской исторіи и другихъ вспомогательныхъ ей наукъ, какъ-то: археологіи, геральдики, нумизматики и проч. Кроме того, въ особыхъ приложеніяхъ къ журналу печатаются записки или мемуары участниковъ войны, какъ нашихъ соотечественниковъ, такъ и иностранцевъ. Такъ, на дняхъ въ вышедшей второй книжкѣ «Вѣстника» за 1912 годъ, (книжки, по четыре въ годъ, не выходятъ въ точно определенное время) помѣщены любопытныя записки артиллериста подполковника Ильи Тимофеевича Радужицкаго, принимавшаго участіе въ кампаніи 1812 года. Онъ командовалъ артиллерійскою ротою подъ Бородиномъ, а позднѣе былъ генераль-майоромъ. Въ его запискахъ, живо написанныхъ, имѣется много любопытныхъ дополнительныхъ свѣдѣній, относящихся къ фактамъ и событіямъ всѣмъ извѣстнымъ. Такъ, на примѣръ, всѣмъ извѣстны подвиги Невѣровскаго и Раевскаго подъ Смоленскомъ, а къ этимъ свѣдѣніямъ Радужицкій дополняетъ такую картину (стр. 47). Всѣ съ удовольствіемъ узнали, что генераль-майоръ Раевскій отразилъ французовъ, подступавшихъ къ Королевскому бастиону города Смоленска. Французы думали въ этотъ день тезоименитства Наполеона взять городъ и тѣмъ подарить его, для торжества, говорятъ, напились допьяна и бросились къ крѣпости, но храбрый генераль-майоръ съ частью войскъ, залершись въ городъ, уничтожилъ первое покушеніе отважныхъ. Французы, сбивши казаковъ и отрядъ Невѣровскаго, успѣли подойти уже къ городскимъ воротамъ и были задержаны только семьястами хлѣбопеками (изъ солдатъ) подъ начальствомъ одного храбраго майора, доколѣ не подоспѣлъ генераль-майоръ Раевскій со своимъ корпусомъ. А имя этого скромнаго, но храбраго, очевидно, майора (или обратно) осталось въ неизвѣстности, какъ имена многихъ другихъ такихъ же героев!

Не менѣе любопытны также записки молодого офицера гессенскихъ войскъ, Лоссберга (позднѣе генераль-лейтенантъ). Онъ совершалъ знаменитый походъ 1812 года вмѣстѣ съ великою арміею Наполеона I и каждый вечеръ старался записать все, что за день ему казалось достопримѣчательнымъ. Эти замѣтки онъ посылалъ своимъ близкимъ домой въ письмахъ, которыя (вотъ что всего изумительнѣе) онъ всѣмъ нашелъ дома по своему возвращенію съ войны. Лоссбергъ ихъ издалъ подъ заглавіемъ «Briefe des westfälischen stabs-offiziers Friedrich Wilhelm von Lossberg, vom russischen Feldzug des Jahres 1812. Neu herausgegeben von Christian Meyer. Berlin. 1910». Мы, конечно, не будемъ передавать, даже

и вкратцѣ, содержанія этихъ любопытныхъ писемъ, появившихся въ русскомъ переводѣ, при чемъ выпущены разсужденія и не важныя замѣчанія, носящія чисто личную окраску, но приведемъ нѣсколько строкъ о томъ же сраженіи при Смоленскѣ (стр. 11). «Вообразите,—пишетъ Лоссебергъ,—довольно возвышенный городъ съ церквами и башнями, съ 18—20 тысячами жителей, пылающій въ огнѣ, вокругъ города на тѣсномъ пространствѣ (отчасти раздѣленномъ Днѣпромъ) около 400.000 войскъ русскихъ, французовъ и союзниковъ, расположенныхъ при сотняхъ тысячъ бивачныхъ огней. Большая часть этихъ войскъ боролась у укрѣпленій, обстрѣливая другъ друга изъ орудій, такъ что сотни свѣтящихся ядеръ изъ мортиръ и гаубицъ летѣли навстрѣчу другъ другу. Всѣ даже самые бывалые французскіе и польскіе офицеры увѣряли, что имъ никогда не приходилось видѣть такое поразительное прекрасное и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасное зрѣлище, превосходящее по своему величію изверженіе вулкана». О пожарѣ Москвы, въ которомъ также побывалъ Лоссебергъ, онъ говоритъ, что «только будущее покажетъ справедливость слуха, была ли большая часть несчастнаго города сожжена, вслѣдствіе распоряженія русскаго правительства, исполненнаго Ростовичимъ» (стр. 57), и считаетъ «по всей вѣроятности сказкою, что сами русскіе собрали въ городѣ горючій матеріалъ и зажгли городъ, что побудило разсерженнаго этимъ императора отдать приказаніе о разграбленіи города (стр. 47).—Письма Лоссеберга читаются очень легко, переводъ ихъ еще не законченъ.

Очень почтеннымъ и крайне кропотливымъ трудомъ является трудъ г. Г. Габаева «Роспись русскимъ полкамъ 12-го года», т.-е. справочникъ о полкахъ регулярной пѣхоты и кавалеріи 1812 года съ указаніемъ названій полковъ въ 1812 году, ихъ дальнѣйшей судьбы, принадлежности въ 1812 году къ арміямъ, корпусамъ и дивизіямъ, формы обмундированія, знаменъ и штандартовъ 1812 года, а также наградъ за боевые подвиги 1812, 1813 и 1814 годовъ. Цѣль этого большого труда доставить каждому интересующемуся любою изъ этихъ частей войскъ возможность найти необходимую ему справку о названіи военной части въ 1812 году и въ настоящее время или о времени ея расформированія и названіи тѣхъ полковъ или командъ, къ которымъ присоединены части упраздненныхъ полковъ. Подобныя свѣдѣнія добыть обыкновенно очень трудно, необходимо много времени на это. Нельзя не поблагодарить г. Габаева за значительное облегченіе; доставленное имъ изслѣдователямъ въ этомъ отношеніи. Очень любопытна также статья Шеманскаго «Скобелевъ и его мысли. 1879—1891 годъ», въ № 1 и 2 журнала, также статья Д. Меньшова — «Генераль-майоръ Александръ Ивановичъ Марковъ», артиллеристъ, герой сраженія при Лейпцигѣ 4-го октября 1813 года и позднѣе при Феръ-Шампенуазѣ 13-го марта 1814 года, послѣ котораго императоръ Александръ I вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ благодарилъ Маркова за быстрое прибытіе и геройское дѣйствіе его артиллерійской роты, чѣмъ вся армія союзниковъ была выведена изъ крайне критическаго положенія. Ну, кто изъ обыкновенныхъ читателей когда-либо объ этомъ слышалъ?.. Съ большимъ интересомъ читается также статья г. М. Дитерихса «Острогъ и Острожское княжество», и т. д. Изъ этого краткаго указанія статей, помѣщенныхъ въ «Военно-Историческомъ Вѣстникѣ»

1912 года, можно усмотрѣть, насколько интересны помѣщаемыя въ немъ статьи, а потому нельзя не пожелать этому изданію полнаго успѣха и притомъ долготѣянго.

П. Майковъ.

А. В. Жиркевичъ. Пасынки военной службы. Матеріалы къ исторіи мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства въ Россіи. Вильна. 1912. Стр. 503 Цѣна 1 р. 75 к.

Подъ «пасынками военной службы» авторъ разумѣетъ такъ называемыя главныя (общія, гарнизонныя) гауптвахты и тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые имѣютъ несчастье ихъ населять. Цѣль автора заключается въ томъ, чтобы обратить вниманіе широкихъ круговъ общества, и въ особенности военныхъ, на невозможное состояніе сказанныхъ мѣстъ заключенія, на тяжелое положеніе заключенныхъ, смѣшанныхъ въ одну кучу (отбывающихъ наказаніе и находящихся подъ слѣдствіемъ или судомъ), на отсутствіе въ военномъ вѣдомствѣ военно-тюремнаго органа, на недостатки и медленность военно-судебной процедуры, словомъ, на всѣ тѣ факторы, которые отягчаютъ положеніе заключенныхъ, изъ которыхъ значительная часть не заклеены еще печатью преступности и могутъ оказаться добрыми солдатами и гражданами. Въ своемъ изложеніи авторъ на 500 страницахъ большого формата даетъ полную картину всего дѣла, подкрѣпленную документальными данными, и подробно излагаетъ десятилѣтнюю, къ сожалѣнію, бесплодную борьбу свою съ военнымъ вѣдомствомъ: онъ обращался къ тремъ военнымъ министрамъ (Куропаткину, Редигеру и Сухомлинову) съ письмами, проектами и докладными записками; всѣ они выказывали автору на первыхъ порахъ полное сочувствіе, да и нельзя было отнестись къ этому дѣлу иначе. Но всѣмъ этимъ добрымъ начинаніямъ суждено было потонуть въ пучинѣ бюрократіи, въ канцелярской волокитѣ. Автору въ теченіе десяти лѣтъ не только не удалось добиться ничего положительнаго, но ему, отставному генералу военно-судебнаго вѣдомства, даже прекращенъ былъ доступъ въ одну изъ главныхъ гауптвахтъ, которую онъ въ теченіе многихъ лѣтъ посѣщалъ съ цѣлью доставленія заключеннымъ евангелій, книгъ для чтенія и снабженія ихъ дешевыми образами и иконами. Картина безуспѣшной борьбы г. А. В. Жиркевича съ канцелярщиной знакома каждому имѣвшему съ нею дѣло: извѣстно, что каждый чиновникъ, обремененный прямымъ текущимъ своимъ дѣломъ, при полученіи какого-либо новаго вопроса, къ его дѣлу прямо не относящагося, прежде всего попытается, что называется, «спихнуть» его въ другую часть своей же канцеляріи, а еще лучше—въ другое вѣдомство, а когда это дѣло послѣ извѣстной борьбы и перекидыванія его изъ одной канцеляріи въ другую все-таки будетъ къ нему водворено, то что остается сдѣлать ему, незнакому съ вопросомъ, не имѣющему возможности быстро его изучить и поставить или подсказать правильное рѣшеніе, какъ не предоставить это свѣдущимъ людямъ на мѣстахъ, т. е. разослать данный вопросъ по округамъ и въ войсковыя части, съ цѣлью полученія ихъ заключеній. Разъ дѣло попало на этотъ путь, ему не можетъ предстоять быстрого рѣшенія; оно должно возвратиться вновь въ центральное учрежденіе, которое потребуетъ справокъ и дополненій, и наконецъ передать его въ «комиссію» и т. д., и т. д. Надо замѣ-

тять, впрочемъ, что между канцеляріей и дѣйствительною жизнью существуетъ вообще принципиальное, существенное противорѣчіе: ни одинъ вопросъ не можетъ быть проведенъ въ жизнь безъ канцеляріи, которая должна его оформить, согласовать съ существующими законами и положеніями и подготовить къ исполненію, а между тѣмъ канцелярія, по существу, всегда была, есть и будетъ далека отъ дѣйствительности и никогда не будетъ имѣть съ ней живого, родственнаго соприкосновенія. Еще хорошо, если вопросъ попадаетъ въ рамки той специальности, для которой канцелярія существуетъ, а если, какъ въ данномъ случаѣ, онъ въ такія рамки не попадетъ, если онъ требуетъ совершенно особаго специального изученія, то его фатальнымъ образомъ должна постигнуть судьба, доставившая столько обидъ и огорченій автору «Пасынковъ русской военной службы». Въ подобномъ случаѣ старшему начальству надо зорко слѣдить за работою канцеляріи и охотно пользоваться услугами специалистовъ, желающихъ подѣлиться своимъ опытомъ и знаніемъ. Въ данномъ случаѣ скорому разрѣшенію вопроса болѣе всего препятствовало отсутствіе въ военномъ вѣдомствѣ особаго органа, вѣдающаго военныя тюрьмы, подобнаго главному тюремному управленію въ гражданскомъ вѣдомствѣ.

Во всякомъ случаѣ книга г. Жиркевича даетъ много цѣнныхъ указаній относительно обстановки и быта военныхъ гауптвахтъ, смѣшаннаго состава въ нихъ заключенныхъ и безотраднaго положенія находящихся подъ слѣдствіемъ, изъ коихъ многіе зачастую оказываются невиновными, причемъ все сказанное подтверждается документальными данными и обширной перепиской автора съ высокопоставленными лицами, причемъ авторъ не ограничивается описаніемъ современнаго состоянія дѣла, но и проектируетъ измѣненія, необходимыя въ будущемъ. Все это даетъ обильный матеріалъ для изученія вопроса о военно-карательныхъ учрежденіяхъ въ нашей арміи. Весь ходъ своей борьбы съ канцелярскою волокитой авторъ излагаетъ въ послѣднемъ, какъ онъ называетъ, «прощальномъ» письмѣ своемъ къ военному министру генералу Сухомлинову, но и этотъ краткій обзоръ обнимаетъ собою 37 печатныхъ страницъ большаго формата. Конечно, записки подобнаго размѣра одолѣть и проштудировать не очень-то легко не только министру, но и любому чиновнику его канцеляріи, что и повліяло отчасти на замедленіе въ ходѣ этого дѣла. Было бы полезно и для книги, и для дѣла, если бы авторомъ было исключено изъ книги все касающееся его личныхъ переживаній и его разсужденій на темы, не относящіяся прямо къ данному вопросу.

Л. Н.

Постановленія орфографической подкомиссіи. Спб. 1912. (Цѣна не обозначена).

Оправдывая твердость того могущаго принципа, на которомъ, по мнѣнію великаго Пушкина, основывается существованіе нѣкоторыхъ ученыхъ учреждений, уже много лѣтъ при академіи наукъ засѣдаетъ комиссія, занимающаяся вопросомъ о реформѣ русскаго правописанія. Эта комиссія постановила исключить изъ русской азбуки буквы ъ, ѣ, ѿ и і, а выдѣлившаяся изъ комиссіи подкомиссія разработала проектъ другихъ упрощеній, не связанныхъ съ упраздненіемъ

нѣмъ какихъ-либо буквъ. Предъ нами результатъ работъ этого младшаго изъ двухъ высокихъ собраній.

Оба собранія задались цѣлью упростить русское правописаніе, сдѣлать его легче и доступнѣе для изученія. Дѣло благое: слѣпой консерватизмъ не заслуживаетъ одобренія, и приносить ему жертвы не стоитъ. Но не лучше и слѣпое реформаторство, а дѣятельность упростителей именно такова. Насколько можно и даже нужно бороться съ воцарившимся въ языкѣ произволомъ, настолько надлежитъ соблюдать осторожность по отношенію, такъ сказать, къ «физиономіи» письменности, къ ея «лицу», которое можно назвать своего рода «зеркаломъ души» языка. Если уничтоженіе ъ въ концѣ словъ или і дѣйствительно удобно и экономно, то не такъ обстоитъ дѣло съ буквой ѣ, которая, какъ ни смотрѣть на ея фонетическое значеніе, во многихъ случаяхъ указываетъ на происхожденіе слова и, такимъ образомъ, помогаетъ усвоенію языка. Еще хуже—неопредѣленность принциповъ, которыхъ держится комиссія, увы, заблудившаяся межъ двухъ сосенъ—грамматики и фонетики. Напримѣръ, слѣдуя фонетическому принципу, упростители постановили «послѣ ч, щ, ж, ш передавать звукъ о подъ удареніемъ, т. е. тамъ, гдѣ онъ вполнѣ явственно слышится, различные же отгѣнки звуковъ, являющіеся вмѣсто о и е въ слогахъ безъ ударенія послѣ названныхъ согласныхъ, передавать черезъ е»—и рекомендуютъ писать «чорный» и «черносливъ»... Результатъ ясенъ: учащіеся то будутъ писать «черносливъ», то, что гораздо хуже, перестанутъ сознавать ясную нынѣ связь между обими этими словами. «Упрощеніе», заставляющее писать различно одинъ и тотъ же корень «черн», поведетъ только къ новому затрудненію. Отмѣняются «написанія» «онѣ» и «однѣ», какъ «искусственныя». Не говоря уже о насильственномъ, дѣйствительно «искусственномъ» опустошеніи языка, «упростители» идутъ противъ установившагося въ немъ обычая. Тотъ же гимназистъ, которому внушено, что слѣдуетъ во всѣхъ родахъ одинаково говорить и писать «они», станетъ втупикъ, когда прочтаетъ у Тютчева: «ахъ, развѣ лишь въ гробу отъ нихъ укрыться мнѣ, въ гробу, въ землѣ сырой, тамъ бросать и онѣ» или: «во снѣ» риѣмается съ «онѣ» (у Тютчева же, «А .В. Плетневой»). Уничтожается родительный падежъ отъ «она»—«ея»; но поэзія, которая риѣмой иногда указываетъ на дѣйствительное произношеніе слова, множествомъ примѣровъ можетъ подтвердить существованіе формы «ея» не только въ написаніи, но и въ произношеніи, наравнѣ съ «ее»,—и въ нынѣшнемъ общерусскомъ языкѣ, и въ литературномъ языкѣ нашихъ классиковъ, напримѣръ, у того же Тютчева риѣмуются «ея» и «бытія» («Весна»). Зачѣмъ же объявлять не существующей живую грамматическую форму?

Напротивъ, объ отмѣнѣ давно умершаго г въ родительномъ падежѣ мужескаго и средняго рода прилагательныхъ (длиннаго, молодого) упростители не подумали. Такъ, они пишутъ «волчьяго», сохраняя не только г, но и ѣ послѣ ч, которое, однако, разъ навсегда объявили и безъ того «мягкимъ въ господствующемъ произношеніи». Противъ этой непремѣнной мягкости можно было бы кое-что возразить, но странно, что реформаторы здѣсь идутъ противъ самихъ себя и приостанавливаютъ свою упростительную дѣятельность. Впрочемъ, даже въ словѣ «комиссія» они отмѣнили только одно м, не посягнувши на одно изъ

двухъ с. Даже свои постановленія они напечатали по старому правописанію; и ѡлту сохранили въ словѣ «орѡграфическія».

Работа ихъ, сводящаяся и въ научномъ, и въ практическомъ смыслѣ къ толченію водѣ въ ступѣ, никакими послѣдствіями не грозитъ ни литературѣ, ни печати. Еще ни одна газета не только не послѣдовала приглашенію бросить ѣ, но даже съ твердымъ знакомъ не разсталась. Но въ многострадальную низшую и среднюю школу, труженики которыхъ, лишенные самостоятельности и подчасъ малообразованные научно, вынуждены будутъ дѣйствовать по указкѣ изъ Петербурга, изъ высшихъ «ученыхъ» сферъ, новое правописаніе внесетъ новую путаницу, новыя затрудненія, вызоветъ новыя дѣтскія слезы. Станетъ затруднительнѣе изученіе исторіи языка; потускнѣетъ его вѣками сложившаяся филономія. Казалось бы, англичанамъ и французамъ упрощеніе орѡграфіи желательнѣе, чѣмъ намъ. Однако и въ литературѣ, и въ школѣ они сохраняютъ всѣ старыя особенности правописанія, понимая, что лучше сохранить хотя бы установившійся *usus*, чѣмъ открывать пути произволу. А что произволу тутъ просторъ большой, объ этомъ достовѣрнѣе всего свидѣтельствуетъ растерянность орѡграфической комиссіи и ея подкомиссіи, ихъ неумѣніе найти руководящіе научные или практическіе принципы для реформы, въ которой жизнь, къ счастью, не нуждается. Не правописаніе нужно реформировать, а только его преподаваніе. Французамъ грамота труднѣе, чѣмъ намъ, но все-таки они грамотнѣе.

Н. Л.

В. Н. Могульскій. Комическія оперетты XVIII вѣка. Одесса. 1912. Стр. 40.

Комическая оперетта XVIII в. уже раньше обращала вниманіе изслѣдователей русской литературы, какъ, напр., Незеленова, Лободы, Свѣтлова. Настоящій очеркъ г. Могульскаго, не внося чего-либо совершенно новаго и неизвѣстнаго въ исторію оперетты, тѣмъ не менѣе не лишень литературнаго интереса по своду фактовъ, добытыхъ предшествующими изслѣдователями, а также по тѣмъ поправкамъ, которыя вноситъ авторъ къ вопросу объ опереткѣ. Такъ, г. Могульскій отрицаетъ вліяніе на русскую оперетту мутной струи французскаго цинизма, находя, что этимъ въ опереттахъ отличаются только слуги, о французскомъ вліяніи на которыхъ говорить не приходится. Врядъ ли можно согласиться съ этимъ. Если авторъ оперетты вводилъ въ свое произведеніе элементъ легкомыслія, ясно, что онъ отвѣчалъ этимъ своему настроенію и вкусамъ публики, и потому безразлично, кто въ пьесѣ является представителемъ выходокъ извѣстнаго сорта: все равно вѣдь оперетты никакого отношенія къ реальной жизни не имѣли. Если же циничными во французскомъ вкусѣ оказываются слуги, то это, конечно, опредѣленная литературная манера авторовъ XVIII вѣка: худшими на публичномъ «позорищѣ» представлялись люди того сословія, которое не присутствовало въ театрѣ; а «господа», сидѣвшіе въ партерѣ, не были оскорбляемы изображеніемъ на сценѣ лицъ ихъ званія въ не соответствующемъ достоинству послѣдняго видѣ. Вѣдь надо помнить психологію гоголевскаго капитана-исправника, представившаго по начальству книгу, въ которой званіе это «пріемлется всеу».

В. Д.

Исторія русской литературы XIX вѣка подъ редакцію Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Выпускъ двадцать восьмой и двадцать девятый. Москва. 1912. Стр. 167.

Этотъ выпускъ, являясь заключительнымъ, содержитъ въ себѣ: 1) библиографію по русской литературѣ второй половины XIX вѣка, а также составленныя г. Н. Л. Бродскимъ: 2) синхронистическую таблицу (1801—1900) и 3) «хронологическія даты къ жизни и дѣятельности писателей XIX вѣка». Безспорно, приложеніе подобнаго рода къ объемистому изданію справочника могло бы имѣть весьма большое и полезное значеніе, если бы дѣло было выполнено съ тою даже незначительною долею педантизма, котораго въ правѣ потребовать читатель; да, скромный русскій читатель, не гонящійся ни за полнотою, ни за совершенствами вышними, ни за исхищенностью внутренней. Раскрывъ и перелистывая многовыпускную «исторію литературы» и дойдя до заключительнаго библиографически-биографически-синхронистическаго аккорда, онъ увидитъ, что еще разъ былъ обманутъ.

Во-первыхъ, онъ убѣдится, что пока онъ получилъ только одну «исторію», исторію общественныхъ идей, социальна-политическихъ теченій съ обширными общими обзорами отдѣльныхъ эпохъ и этихъ теченій, а «литературы»—нѣтъ какъ нѣтъ. Когда-то Чернышевскій и Добролюбовъ твердили: русской литературы еще нѣтъ, существуютъ отдѣльные писатели, одинокія горныя вершины. Теперь давно уже говорятъ обратное: есть литература и нѣтъ крупныхъ писателей. Казалось бы, редакторамъ, въ виду явленія литературы, радоваться бы да радоваться: и преемство, и школы, и все есть. Къ чему жъ пятиться къ Н. Полевому? Читателю, думать смѣемъ, давно уже хочется познакомиться съ этими мелкими именами, имѣть передъ глазами хотя бы литературный компендій (очень ужъ онъ скромнень, русскій читатель!). Но попрежнему отдѣльныя имена, о которыхъ прокричали на всѣхъ перекресткахъ: Л. Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ, и т. д. Каждый стоитъ отдѣльно, высясь къ небу. Но гдѣ же мелкія мастерскія? Неужели за сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ въ Россіи оказалось только сорокъ шесть писателей, библиографическія данныя о которыхъ составители нашли нужнымъ дать? Какъ въ «Исторіи» объ этихъ лицахъ сказано едва ли не по полслова, такъ и въ «библиографію» они не удостоились попасть, хотя данныхъ библиографическихъ о нихъ сколько угодно. Итакъ, гдѣ Альбовъ, Алухтинъ, Баранцевичъ, Голенищевъ-Кутузовъ, Засодимскій, Каронинъ-Петропавловскій, Коть-Мурлыка, Крестовская, Крестовскій, Лохвицкая-Жиберъ, Максимовъ (этнографъ), Мачтетъ, Минаевъ, Михайловъ-Шеллеръ, Мордовцевъ, Наумовъ, Немировичъ-Данченко, Нефедовъ, Новодворскій, Осиповичъ, Омлевскій, Потапенко, Потѣхинъ, Прутковъ К., Салиасъ, Станюковичъ, Степнякъ-Кравчинскій, Сухово-Кобылинъ, Суриковъ, Терпигоревъ, Тихоновъ-Луговой, Фругъ, Хвошинская, Щегловъ-Леонтьевъ, Эртель, Ясинскій!?! Врядъ ли многихъ изъ нихъ можно перевести въ «разрядъ штрафованныхъ», въ рядовые русской литературы.

Мы не о полнотѣ говоримъ. Если бы мы объ этомъ заговорили, намъ, пожалуй, тотчасъ же представили бы возраженіе: о вкусахъ не спорятъ. Мы имѣемъ

въ виду болѣе уязвимое и больное мѣсто этой «Исторіи литературы». Бя случайность. Въ самомъ дѣлѣ: если Л. Андреевъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ 1901—1903 годахъ, вошелъ въ XIX вѣкъ, то можно скромно спросить, отчего же не попалъ туда Альбовъ или Эртель. Если почтенному переводчику П. И. Вейнбергу отведено мѣсто въ XIX вѣкѣ только за его переводы, то почему этого мѣста лишены: Баранцевичъ, Каронинъ, Омудевскій т. д.? Отвѣтъ одинъ: случайно, потому что не были написаны, быть можетъ, соотвѣтственныя статьи объ этихъ авторахъ.

Библиографически-синхронистически-биографическій матеріалъ тоже сплошь почти случаенъ.

По какой моментъ даны справки? Есть свѣдѣнія, что составителю библиографіи были извѣстны книги и статьи начала 1912 года. Но по какой мѣсяцъ этого года? Нужно было указать это, потому что косвеннымъ путемъ можно прійти къ заключенію, что свѣдѣнія даются включительно по мартъ 1912 г. Какія періодическія изданія были использованы составителемъ и отчего не сдѣлать бы впереди ихъ шифрованного сокращенія,—удобство и въ смыслѣ мѣста, и въ смыслѣ извѣстности для того, кто пожелалъ бы заняться дополненіями или продолженіемъ работы. Ничего этого нѣтъ. Такъ, между прочимъ, мы имѣемъ основаніе предполагать, что всѣ журналы модернистовъ подверглись остракизму. За что? Да еще въ «Исторіи»-то!

Почти по любому отдѣлу, по любому писателю можно привести пропуски, подтверждающіе случайный матеріалъ въ рукахъ составителя. Вотъ отдѣлъ V. Б. «Символизмъ и декадентство». Здѣсь пропущены книги и статьи: И. О. Анненскаго, его «Книги отраженій» первая и вторая, статьи «О современномъ лиризмѣ» въ «Аполлонѣ» 1909 г., №№ 1—3; брошюра В. Я. Брюсова «О искусствѣ», М. 1899; книги А. Бѣлаго «Арабески» и «Лучъ зеленый», М. 1911 и 1910; книга Вяч. Иванова «По звѣздамъ»; книга П. Когана «Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы» М. 1910 и друг. Цифры годовъ показываютъ, что опозданія быть не могло, что пропуски случайны. Но пусть не подумаетъ читатель, что этой неполнотѣ подверглись только «декаденты», какъ, быть можетъ, нелюбимое дѣтище... Тѣ же пропуски и въ сосѣднемъ отдѣлѣ V. А. «Общія пособія». Напримѣръ, съ какими статьями спорилъ Волгинъ-Плехановъ, выпуская книгу свою «Обоснованіе народничества въ трудахъ Воронцова (В. В.)»? Кажется, не трудно (но необходимо) было привести указаніе на статьи В. В., подъ заглавіемъ «Попытки обоснованія народничества», печатавшіяся въ «Русскомъ Богатствѣ» 1892 г., №№ 2, 3, 6 и на статьи «Критикъ народничества», въ «Русскомъ Богатствѣ» 1893 г., № 4. Въдѣ «Очерки современныхъ направленій» (противъ Бельтова) изъ «Новаго Слова» 1896 г. составителемъ указаны? Далѣе, гдѣ Кравчинскій-Степнякъ? Его публицистика собрана въ VI томѣ сочиненій, изданія «Свѣточъ». Гдѣ Н. Зиберъ (ранній русскій марксизмъ)? Куда дѣвались всѣ публицисты праваго лагеря, въ родѣ Л. Тихомірова, А. С. Суворина и др.? Въдѣ пишется исторія, гдѣ всѣ направленія мысли равноцѣнны!

Перейдемъ къ отдѣльнымъ писателямъ. Выбираемъ наудачу. Вотъ И. А. Гончаровъ. Пропущены: всѣ статьи г. А. А. Мазона,—работы котораго, какъ иностранца (онъ французъ), тѣмъ болѣе любопытны.—въ «Русской Старинѣ»

1911 (№ 3 и № 10) и 1912 (№ 3) г.г.; не указана книга Иванова-Разумника «Исторія русской общественной мысли», т. I, гл. IV; статья С. Шницера въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1911, № 11 и отд. Спб. 1912; замѣтка Спасской «Встрѣчи съ Гончаровымъ», «Русская Старина» 1912 г. № 1. Вотъ М. Горькій. Не указано, что существуетъ специальная библиографія по Горькому, изданная въ Сызрани и помѣщенная въ «Библиографическомъ Листкѣ» 1911 (№№ 1—6)—статья С. Соколова «Матеріалы для библиографическаго указателя литературы о М. Горькомъ»; не указано, что автобіографія Горькаго напечатана въ книгѣ Андреевича о Горькомъ и Чеховѣ; не указаны статьи: В. Поссе, Е. Соловьева, Н. И. Коробки, Рѣдько, С. А. Адрианова, Кранихфельда и друг. Словомъ, сравнивая указатель г. Д. И. Малинина «Что читать по русской литературѣ XIX вѣка?» изд. 2-е М. 1911, съ библиографіей при «Исторіи русской литературы», мы нашли пропущенными дѣлѣхъ шестнадцать статей! А указатель г. Малинина уже отсталъ на годъ. Изъ литературы о Добролюбовѣ пропущены статьи: Пыпина въ «Русскомъ биографическомъ словарѣ», воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой, П. Соловьева (шестидесятые годы), Гольцева, Вольнскаго, Коллонтай, Стеклова, Аничкова и пропускающаго эти строки; изъ изданій не упомянуто изданіе «Провѣщенія» подъ редакціей В. Кранихфельда. По Короленку пропущена книга г-жи Шаховской, изд. Некрасова, М. 1912. Изданіе стихотвореній Надсона уже двадцать шестое, а не двадцать третье! Некрасовъ: пропущены сборникъ г. Вѣтринскаго «Н. А. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ» и проч. М. 1911; брошюрка г. Ѳ. Смирнова «Передъ Некрасовскими днями», Ярославль, 1902. Указываемъ первое, что приходитъ въ голову. Никитинъ: пропущено указаніе на новое изданіе «Дѣятеля», ред. С. Городецкаго. А. П. Плещеевъ: не указано, что письма Плещеева къ полковнику Дандевиль и друг. лицамъ печатались въ «Минувшихъ Годахъ» 1908, VII и X. По К. Случевскому и Тютчеву не указаны статьи В. Брюсова въ сборникѣ его «Далекіе и близкіе», М. 1912. Изъ «справочныхъ пособій» (отд. VII): невѣрно указано, что «Указатель къ «Было» напечатанъ въ «Вѣстникѣ исторіи и литературы» 1908, XII—надо 1909, № 1; пропущены «Указатель журнальной литературы», вып. I, сост. г. Н. А. Ульяновымъ, М. 1912 г. «Систематическій указатель литературы за 1911 г.», вып. I «Библиографическаго Ежегодника», ред. г. И. В. Владиславлева, М. 1912. Книжки весьма существенныя. Не отмѣчено, что «Указатель Д. И. Малинина» вышелъ уже вторымъ, «исправленнымъ и дополненнымъ» изданіемъ. Въ заключеніе пельзя не упомянуть, что рядъ русскихъ критиковъ и публицистовъ почему-то отсутствуетъ, и тутъ дѣло не обошлось безъ случайности. Отсутствуютъ: К. К. Арсеньевъ, А. В(огдановичъ), Вольнскій, Дружининъ, Григорьевъ, Ап. Ал. (ему отведено мѣсто только въ «хронологическихъ датахъ»), Венгеровъ, И. И. Ивановъ, Пыпинъ, П. Страховъ, Скабичевскій (!), Шелгуновъ. Изъ публицистовъ: Кропоткинъ, Шехановъ, Струве, Самаринъ, Хомяковъ отсутствуютъ.

Синхронистическая таблица составлена такъ: общественная и политическая жизнь, журналистика и публицистика, художественная литература, критика—четыре отдѣла. Составитель полагаетъ, что между этими четырьмя отдѣлами должна существовать связь, причемъ первый отдѣлъ долженъ показывать, «что

такъ или иначе вліяло на ходъ развитія нашей журналистики и критики». Въ результатѣ получаются довольно комическія сопоставленія, и читатель недоумѣвающе спроситъ: какая связь между указомъ 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ, «Московскимъ Меркуріемъ» М. Макарова, «Дибровской русалкой» и «Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ» Шишкова; неужели на «Разсужденіе» Шишкова повліялъ указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ? Или еще лучше: покушеніе Каракозова, «Вѣстникъ Европы» и «Явленія русской жизни подѣ критикою эстетикки» Случевского? Целогичность создается разнородностью явленій литературныхъ и политическихъ (ср. *Tableaux chronologiques* въ «*Histoire de la littérature*» G. Lancon, ed. 1902), а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что русская журналистика по цензурнымъ условіямъ весь XIX вѣкъ не была въ состояніи откликаться на политическія событія настолько цѣльно, чтобы это сдѣлалось замѣтнымъ.

Хронологическія даты представляютъ странную смѣсь, такъ какъ удостоились датъ всѣ тѣ писатели, о которыхъ были отдѣльныя статьи въ «Исторіи литературы». И почему, напримѣръ, какъ это ни странно видѣть (писатели расположены въ алфавитномъ порядкѣ), по мы встрѣчаемъ С. Т. Аксакова съ Л. Андреевымъ, Е. Н. Баратынскимъ и К. П. Ватюшковымъ; Боборыкина и Вѣлинскаго; Крылова, Ивана Андреевича, и съ нимъ на той же страницѣ Петра Лавровича Лаврова; Падсона и Нарѣжнаго и т. п. Принципы датированія тѣхъ или иныхъ событій тоже неизвѣстны, а потому, напримѣръ, А. Григоревъ и Н. Некрасовъ отмѣчены побывавшими за границей, хотя для ихъ біографій это обстоятельство второстепенно, а вотъ Добролюбовъ, въ жизни котораго поѣздка за границу сыграла не малую роль, отмѣченъ за границей не бывшимъ. Есть, вѣроятно, не мало и другихъ промаховъ. Отмѣчаемъ первое, что бросилось на глаза. «Хронологическія даты» о М. Горькомъ доведены только до 1902 года (мартъ), о Маминѣ-Сибирякѣ до 1876 г., хотя теперь уже 1913 г.! Статья Добролюбова о «Русской сатирѣ екатерининскаго времени», къ тому же неправильно названна своимъ прежнимъ заглавіемъ «Русская сатира въ вѣкъ Екатерины», показана подъ 1856 годомъ, въ то время какъ она появилась въ «Современникѣ» лишь въ 1859! У большинства покойныхъ писателей означенъ возлѣ года день и мѣсяць смерти, у другихъ же нѣтъ, хотя писатели это изрядные, напримѣръ, Лавровъ, Михайловскій, Огаревъ, Случевскій, Якубовичъ. Эти промахи чисто редакціонные, случайные. Но, какъ мы видимъ, въ этомъ изданіи все построено на случайности: русскій читатель все равно скушаетъ, но какъ чувствуетъ себя почтенный академикъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій, дающій свою подпись редактора подъ такого рода убогимъ изданіемъ? Академическое кресло какъ будто обязываетъ быть на стражѣ интересовъ русской литературы, а не содѣйствовать порчѣ ея исторіи. Что-то неладное творится во II отдѣленіи высшаго ученаго учрежденія нашей имперіи!

Влад. Князвинчъ.

Библиотека В. В. Протопопова.—Театръ. Спб. 1912.

Издание подобных каталоговъ—очень желательно. У насъ есть столько коллекционеров и библиографовъ, и антикваровъ, и любителей той или другой отрасли искусствъ, столько сокровищъ сосредоточено въ частныхъ рукахъ,— а между тѣмъ мѣстонахождение этихъ коллекцій и подробности ихъ состава настолько малоизвѣстны, что появленіе печатныхъ каталоговъ такихъ собраній остается только привѣтствовать. Проѣзжая по улицамъ Петербурга, вы и не подозреваете, какіе оригиналы Милле, Ватто, Генеборро, Брюллова, Левицкаго, Рембрандта хранятся въ иныхъ домахъ. Извѣстно ли многимъ, что на Пескахъ гдѣ-нибудь есть превосходные Жеромы, Семирадскіе, Крамскіе?

Каталогъ театралныхъ коллекцій г. Протопопова изданъ превосходно, даже, можетъ быть, слишкомъ роскошно для каталога. Каталогъ снабженъ нѣсколькими репродукціями рисунковъ изъ рѣдкихъ книгъ. Нѣкоторые отдѣлы составлены очень основательно. Слабѣ всѣхъ XXI отдѣлъ «Искусство», гдѣ всего имѣется восемь названій. Но всего въ каталогъ обозначено 2161 названіе, и вся коллекція составлена, видимо, съ большой любовью. —ъ.

Сборникъ работъ учащихся школы императорскаго общества поощренія художествъ. Выпускъ 2-й. Часть 2-я.

Только что вышла вторая часть отчета работъ учениковъ школы общества поощренія художествъ въ 1911 году. Съ каждымъ годомъ развиваются и расширяются задачи школы: графика, иконопись, керамика, живопись—представлены въ сборникѣ блестяще. Классы Билибина, Щуко, Рылова даютъ свои результаты. Сборникъ напечатанъ красками и золотомъ въ мастерскихъ общества и можетъ смѣло по техникѣ выдержать сравненіе съ работами лучшихъ нашихъ типографій не только русскихъ, но и заграничныхъ. Особенно хорошо воспроизведены рисунки для парчевыхъ тканей.

П.

Шекспиръ. Венеціанскій купецъ. Съ рисунками Джемса Д. Линтона. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. Стр. XXIII+164. Ц. 10 р.

«Много найдется бесплодныхъ лозъ, для которыхъ достаточно прикосновенія поэта, чтобы расцвѣсть подобно тому, какъ расцвѣлъ нѣкогда Аароновъ жезлъ». Это мудрое изреченіе одного англичанина какъ нельзя болѣе подходит ко всѣмъ драматическимъ произведеніямъ Шекспира. Всѣми забытыя теперь, но когда-то широко популярныя сказанія и легенды, полныя всевозможныхъ тайнъ и приключеній средневѣковыя баллады, грубоватыя правдивыя повеллы, преданія о минувшей далекой старинѣ, хроники, лѣтописи,—вотъ тотъ обильный, богатый матеріалъ, изъ котораго почерпалъ Шекспиръ содержаніе для своихъ вѣчно живыхъ произведеній. Сюжетъ почти каждой пьесы Шекспира заимствованъ имъ изъ этой сокровищницы «человѣческихъ документовъ», плодомъ чего, послѣ гениальнаго «прикосновенія поэта», и появились такія никогда не старѣющія созданія, какъ, напримѣръ, «Венеціанскій купецъ». Написан-

ная не позже 1597 года, т. е. болѣе 400 лѣтъ назадъ, эта «комедія» до сихъ поръ сохранила всю свою первоначальную свѣжесть, интересъ и оставляетъ сильное впечатлѣніе не только со сцены, но и при простомъ чтеніи. Такой громаднѣйшій и благодарный матеріалъ, какъ неподражаемый, глубокотрагическій характеръ Шейлока, въ исполненіи даровитаго артиста производитъ прямо потрясающій сценическій эффектъ и надолго остается въ памяти взволнованнаго зрителя. Несмотря на нѣкоторую наивность вымысла, это произведеніе Шекспира вполне отвѣчаетъ нашимъ современнымъ потребностямъ ума и духа, сообщаетъ извѣстныя рѣшенія на ихъ запросы, возбуждаетъ добрыя чувства, будитъ работу мысли, даетъ цѣлый рядъ истинно-поэтическихъ картинъ и навсегда у многихъ остается любимымъ произведеніемъ, которое съ наслажденіемъ перечитывается все снова и снова. Поэтому нельзя не привѣтствовать новаго роскошнаго изданія, задуманнаго еще покойнымъ А. С. Суворинымъ и нынѣ выпущеннаго въ свѣтъ основаннымъ имъ издательствомъ. Всѣмъ цѣнителямъ и любителямъ Шекспира это новое изданіе доставитъ истинное удовольствіе. Вышнностью эта книга напоминаетъ роскошныя заграничныя изданія: великолѣпная толстая бумага, четкая красивая печать, изящно выполненные рисунки въ краскахъ Джемса Д. Линтона, на отдѣльныхъ листахъ, въ числѣ 36 штукъ и т. п. Самой пьесѣ предшествуетъ старинная баллада, въ первой части которой разсказывается «о жестокости Гернитуса-жида, который, давъ займы одному купцу сто кронъ, потребовалъ отъ него фунтъ его мяса, когда тотъ оказался не въ состояніи уплатить долгъ въ назначенный срокъ»; вторая часть повѣствуетъ о жестокости непреклоннаго жида и о милосердіи судьи къ купцу. Затѣмъ очень любопытна приведенная здѣсь баллада на ту же тему о молодомъ купцѣ Джіането и объ его женѣ, явившейся, подобно Порции, на судъ и выигравшей дѣло. Это все тотъ матеріалъ, которымъ пользовался Шекспиръ для созданія своей «комедіи», являющейся, на нашъ современный взглядъ, вѣрнѣе типичной драмой, гдѣ элементы комической и юмористической тѣсно сплетаются въ одно художественное цѣлое съ истинно-трагическимъ и, заставляя смѣяться надъ шутовскимъ остроуміемъ какого-нибудь Ланчелота, глубоко трогаютъ сердца зрителей или читателей и надъ несчастіемъ довѣрчиваго, мягкаго Антоніо, и надъ внезапнымъ горемъ всѣми осужденнаго, даже собственной дочерью, всѣми невидимаго и осмѣяннаго Шейлока. Только благодаря своему исключительному знанію души человеческой, своему громадному таланту, удалось Шекспиру, связавъ вмѣстѣ два ходячихъ сказанія, и создать истинно-художественное произведеніе, возбуждающее чувство состраданія и печали къ самому настоящему злодѣю.

Въ новомъ роскошномъ изданіи «Венеціанскій купецъ» дается хотя и въ старомъ, но пока лучшимъ переводѣ покойнаго П. И. Вейнберга, всѣ переводы котораго вообще отличаются большой добросовѣстностью, изяществомъ, тщательнымъ изученіемъ подлинниковъ и безукоризненною чистотою языка. Но въ новомъ изданіи почему-то совсѣмъ не помѣчено, что переводъ принадлежитъ П. И. Вейнбергу. Въ концѣ книги имѣются многочисленныя примѣчанія къ тексту пьесы.

Д. М.

С. Р. Минцловъ. Историческія повѣсти. Спб. 1902. Стр. 477. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящая книга представляет собою первый томъ историческихъ повѣстей и романовъ С. Р. Минцлова и заключаетъ въ себѣ повѣсть изъ эпохи Петра Великаго «Въ грозу», историческій разсказъ «Волченокъ» о первомъ нашествіи татаръ на Русь и повѣсть «Во тьмѣ», очерпающую свое содержаніе изъ быта раскольниковъ, причемъ въ беллетристической формѣ читатели знакомятся съ такими фактами, какъ, напримѣръ, знаменитое самосожженіе на терновскихъ плавняхъ. Но эта послѣдняя повѣсть не оставляетъ все же большого впечатлѣнія, несмотря на правдивость историческаго событія, послужившаго сюжетомъ автору, и знаніе имъ быта, вѣрованій, привычекъ и всего уклада жизни раскольниковъ. Гораздо больше нравится первая повѣсть «Въ грозу», гдѣ г. Минцловъ сочными и яркими красками рисуетъ образъ могучаго царя-работника, царя-революціонера, который заразилъ все своей энергіей, своей работой, подчинилъ все своей силѣ и направилъ Россію на новый широкій путь европейскаго прогресса и культуры. Авторъ обрисовываетъ общественное настроеніе той эпохи, взгляды на царя сторонниковъ новшествъ и старины, знакомитъ читателя съ сѣверными раскольниковыми скитами, куда скрывались отъ царственнаго и дѣятельнаго «антихриста» русскіе люди, видѣвшіе въ любви Петра къ «пѣмцамъ» и всему иноземному только большой грѣхъ. Очень живо и не отступая отъ строгой исторической правды, даетъ г. Минцловъ и картины школьной жизни, лагерной, военной, провинціальной среди всякихъ слуховъ и выдумокъ о царѣ. Вообще эта повѣсть прочитывается съ большимъ интересомъ и пользой. Сюжетомъ для второй, по словамъ автора, послужила народная легенда, слышанная имъ на югѣ отъ старика-настуха, объ Алексѣѣ и Машиѣ, вывезенной въ раннемъ дѣтствѣ изъ Половецкой орды и спасшей городъ отъ нахлынувшаго потока татаръ. Этотъ разсказъ изобилуетъ множествомъ самыхъ любопытныхъ приключеній и съ большимъ интересомъ прочтется юными любителями историческаго чтенія, для которыхъ, собственно, и пишетъ Минцловъ, много поработавшій надъ изученіемъ древней Руси.

М—о.

Н. Даденковъ. Иванъ Петровичъ Пнинъ. Опытъ его біографіи и обзоръ литературной дѣятельности. Нѣжинъ. 1912.

Хотя очеркъ г. Н. Даденкова не вноситъ ничего новаго въ наши знанія о Пнинѣ, этомъ духовномъ сынѣ завѣтовъ Радищева и Новикова, тѣмъ не менѣе почтенна самая мысль объединить все, что было извѣстно о писателѣ-гуманистѣ, который даже слово человекъ писалъ съ большой буквы.

Г. Даденковъ, подробно останавливаясь на литературной дѣятельности Пнина, много цитируетъ его, что является цѣнною стороною данной монографіи. И сколько въ этихъ цитатахъ ѣдкаго остроумія Пнина!—«Есть земля, гдѣ часто полезно бываетъ обнаруживать свои пороки и всегда опасно являть добродѣтели»,—конечно, эта земля—Россія. «Россія имѣла многихъ обладателей, но правителей мало»,—пишетъ Пнинъ въ своемъ «Опытѣ о просвѣщеніи»,

и дальше идет рѣшительное осужденіе самодержавія. Конечно, книга Пнина подверглась цензурному преслѣдованію.

Наиболѣе цѣльная статья о Пнинѣ Н. Прыткова была напечатана еще въ 1878 г. въ «Древней и Новой Россіи», ставшей библиографической рѣдкостью, и потому уже появленіе названнаго труда г. Н. Даденкова вполне своевременно и полезно.

В. Д.

**В. И. Барвинокъ. Нравственный символизмъ русской иконописи XVI—XVII в.в.
Кіевъ. 1912. Стр. 23.**

Затронутая тема не новая въ иконографической литературѣ, но интересна главнымъ образомъ попытка автора сконцентрировать и сдѣлать выводы изъ имбьющагося уже матеріала.

Считая XVI—XVII вв. въ исторіи русской иконописи эпохой высшаго развитія ея, авторъ признаетъ необыкновенное разнообразіе и сложность сюжетовъ. Икона часто обращалась въ цѣлыя живописныя поэмы, подробно раскрывающія ту или другую тему композиціи и дающія наглядный отвѣтъ на живые запросы тогдашней богословской мысли и религіознаго чувства. «Будучи отображеніемъ эпохи, нравственно-символическая русская иконопись XVI—XVII в.в. есть явленіе чисто русское, національное, за исключеніемъ картины Страшнаго суда, не имѣющей себѣ прототиповъ въ искусствѣ Византіи».

Въ заключеніе нельзя не согласиться съ авторомъ, что «это свободное творчество русскихъ иконописцевъ и какъ таковое заслуживаетъ особаго вниманія» и что, «безъ сомнѣнія, количество этихъ произведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разнообразіе ихъ сюжетовъ гораздо больше», чѣмъ привлечено въ данномъ случаѣ авторомъ: «Многіе изъ нихъ разсѣяны по молельнямъ старообрядцевъ и божницамъ православныхъ. Какой поэтому важной задачей будущаго было бы приведеніе этихъ памятниковъ въ извѣстность, а если можно, то и составленіе изъ нихъ національной галереи русской иконописи».

Д. Вочковъ.

С. П. Сингалевичъ. Эпоха возрожденія. Казань. 1912 г.

Книга г. Сингалевича составлена по лекціямъ, читаннымъ имъ на казанскихъ женскихъ курсахъ, написана ясно и содержательно и послѣ вступительныхъ главъ о спеціальной исторіографіи возрожденія и объ определеніи гуманизма посвящена исторіи итальянскаго гуманизма и нѣмецкаго гуманизма, сочиненіямъ Петрарки и Воккачіо, вѣку Лоренцо Медичи, Леонардо да-Винчи, дѣятельности Рейхлина и Эразма. По мнѣнію автора, нѣмецкій гуманизмъ существенно отличался отъ итальянскаго и былъ гораздо менѣ революціоннымъ. Нѣмецкіе гуманисты не стремились къ выработкѣ новаго міросозерцанія, какъ итальянцы, а имѣли въ виду интересы духовнаго просвѣщенія и церковной жизни. Нѣмецкій гуманизмъ былъ чуждъ невѣрія, скептицизма и равнодушія къ религіи, какимъ отличался итальянскій гуманизмъ. Послѣдній склонялся

къ космополитизму, нѣмецкій гуманизмъ къ націонализму. По своему характеру, требовавшему постоянной борьбы съ схоластикой, нѣмецкій гуманизмъ подготовилъ благоприятную почву для реформаторскаго движенія, ту почву, на которой твердой ногой сталъ Лютеръ.

П. В.

П. Е. Васильковскій. Диковинки земли. Популярныя очерки изъ жизни нашей планеты. Съ 83 рисунками въ текстѣ. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1913. Стр. XIV+265. Ц. 1 р. 75 к.

Читателямъ «Историческаго Вѣстника» уже небезызвѣстно имя П. Е. Васильковскаго, какъ талантливаго популяризатора и автора интересныхъ, увлекательныхъ книгъ «Чудеса животнаго міра» и «Чудеса растительнаго міра», о которыхъ мы въ свое время дали надлежащіе отзывы.

Новая работа г. Васильковскаго «Диковинки земли» знакомитъ читателя съ наиболѣе выдающимися и наиболѣе интересными представителями малоизвѣстной области минералогіи и геологіи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ двумя предыдущими книгами, разработанными ботанику и зоологію, «Диковинки земли» представляютъ собою какъ бы послѣднюю часть трилогіи, которая въ блестящей популярной формѣ вводитъ своего читателя во всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя уголки и закоулки нашей природы, показываетъ всѣхъ ея представителей, начиная съ «царя звѣрей»—льва, съ необозримыхъ дѣвственныхъ лѣсовъ Южной Америки и кончая какимъ-нибудь «ничтожнымъ», самымъ обыкновеннымъ извѣстнякомъ. «Не гоняясь за строго систематическимъ изложеніемъ и по возможности избѣгая той сухой терминологіи, что почти неизбѣжна при разработкѣ геологическихъ темъ,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—я ставилъ себя задачей дать учащейся молодежи и лицамъ, стремящимся къ самообразованію, всѣмъ понятную, легко читаемую книгу, съ которой можно было бы отдохнуть отъ учебника, расширяя вмѣстѣ съ тѣмъ свой кругозоръ и знакомясь съ такими подробностями, какихъ обыкновенно не найти въ самомъ полномъ учебникѣ... Наука еще далеко не сказала своего послѣдняго слова, многое для нея продолжаетъ оставаться неяснымъ и загадочнымъ. И если мнѣ удастся заинтересовать читателя прошлымъ и настоящимъ нашей планеты, если, перелиставъ эти страницы, онъ протянетъ руку и къ другимъ книгамъ того же рода, а въ дальнѣйшемъ, быть можетъ, пожелаетъ прійти на помощь наукѣ и попытаться разгадать тайны земли, моя задача окажется рѣшенной, цѣль достигнутой». Таково, по мнѣнію самого автора, назначеніе его «Диковинокъ земли».

Не рассказывая о содержаніи новой книги г. Васильковскаго, отмѣтимъ какъ очень цѣнное достоинство ея, это—подробное, правдивое и яркое освѣщеніе бытовой стороны рабочихъ, занятыхъ разработкой того или иного «богатства земли», способовъ этой обработки, значеніе даннаго промысла для нашей жизни и т. п. Далѣе, очень оживляютъ книгу многіе анекдоты и комическіе случаи, связанные съ тѣмъ или другимъ открытіемъ, а также и тѣ многочисленныя ошибки, промахи и заблужденія предшествующихъ поколѣній, съ кото-

рыми знакомится читатель почти во всѣхъ очеркахъ; вотъ, на примѣръ, «волшебный пруть», который, по словамъ ученаго германскаго минералога XVI столѣтія Георга Агрикола, — «способенъ указывать вообще всякія жилы, если его держать надлежащимъ образомъ въ рукахъ... Прутья орѣшника считаются пригодными для отысканія серебряныхъ жилъ, ясеневые—для мѣдныхъ рудъ, словые—для свинцовыхъ и особенно цинковыхъ, желѣзные и стальные прутья для открытія золота». Этотъ средневѣковый «волшебный пруть» употреблялся почти до начала XIX вѣка во всѣхъ горныхъ развѣдкахъ.

Издана новая книга г. Васильковскаго очень изящно, украшена многочисленными рисунками и снабжена алфавитнымъ указателемъ.

М—о.

Военная энциклопедія. Т. IX, части XVII и XVIII. Изданіе т-ва Сытина. Спб. 1912.

На дняхъ вышли въ свѣтъ двѣ части (XVII и XVIII) 9-го тома «Военной энциклопедіи», доведенной до буквы *Е*. Обѣ вышедшія книги содержатъ въ себѣ 322 страницы и попрежнему обильно снабжены чертежами, рисунками, планами и художественно выполненными портретами, въ числѣ коихъ должно указать на портретъ императрицы Екатерины II, заимствованный изъ собранія князя Васильчикова, на портретъ героя Отечественной войны свѣтлѣйшаго князя М. И. Голенищева-Кутузова и на портретъ генераль-адъютанта М. И. Драгомирова, приложенный къ довольно полной его біографіи, съ изложеніемъ его дѣятельности и его ученія. Весьма основательно представленъ морской отдѣлъ «Энциклопедіи». Что касается чертежей и рисунковъ, то нельзя не пожелать, чтобы они были выполнены въ болѣе крупномъ масштабѣ.

Л. Н.

«Наука побѣждать» генералиссимуса Суворова. (По матеріалу, еще не бывшему въ печати). Съ рисунками и чертежами Суворова. Текстъ пояснилъ и копіи рисунковъ исполнилъ К. Нонненманъ. Изданіе военнаго книгоиздательства В. Жукова. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25

Значеніе Суворова въ военной исторіи опредѣляется не только его славой и геніемъ, какъ полководца, но и талантомъ вдохновеннаго, несравнимаго ни съ кѣмъ учителя военнаго искусства, неподражаемаго воспитателя стаи вождей— «Екатерининскихъ орловъ» и армій «чудо-богатырей». Какъ бы ни мѣнялись военныя системы, принципы стратегіи и тактики,—завѣты Суворова, его «наука побѣждать», никогда не устарѣютъ въ своей сущности, они вѣчны. «Каждая строчка его «Науки побѣждать»,—говоритъ въ предисловіи къ книгѣ г. А. Апухтинъ,—имѣетъ для насъ значеніе, выдерживающее какую угодно современную переоцѣнку». Поэтому нельзя не порадоваться, что знаменитыя поученія и изреченія Суворова, относящіяся къ «наукѣ побѣждать», иллюстрированныя его собственноручными рисунками и чертежами (числомъ пятьдесятъ), изданы нынѣ наиболѣе полно, по матеріалу, еще не бывшему въ печати и

сохранившемся въ роду Понненманъ. Въ краткой библиографической замѣткѣ невозможно передать всю оригинальность этихъ поученій, а тѣмъ болѣе рисунковъ, въ которыхъ рельефно выразился глубокий и причудливый умъ Суворова, а потому мы отсылаемъ читателей къ самой книгѣ; она заинтересуетъ не только военныхъ, которые, по словамъ г. Апухтина, найдутъ въ ней «сокровищницу, откуда каждый почерпнетъ богатый матеріалъ для бесѣдъ съ нижними чинами», но и всѣхъ интересующихся тѣмъ, что связано съ памятью нашего величайшаго полководца, тѣмъ болѣе, что содержаніе книги нѣсколько шире того, что обѣщаетъ ея заглавіе: въ рисункахъ и изреченіяхъ Суворовъ говорить не объ одной лишь «наукѣ побѣждать», но высказывается и по поводу различныхъ служебныхъ и общечеловѣческихъ отношеній, по вопросамъ морали и даже политики, какъ, напримѣръ, въ любопытномъ чертежѣ съ подписью «зло съ 1789 года», гдѣ онъ наглядно изобразилъ нарушеніе сословнаго и правового положенія во Франціи передъ великой революціей.

Къ книгѣ приложенъ великолѣпно исполненный портретъ Суворова, издана она изящно и на прекрасной бумагѣ.

Н. И. К.

Матеріалы по киргизскому землепользованію. Сыръ-Дарьинская область. Перовскій уѣздъ. Изд. переселенческаго управленія. Ташкентъ. 1912. Стр. 190. (Съ иллюстраціями, картою и поаульными таблицами).

Въ связи съ образованіемъ переселенческихъ участковъ въ предѣлахъ киргизскихъ кочевій производятся особыя статистическія обследованія хозяйства киргизовъ для установленія размѣровъ землепользованія и количества излишнихъ земель. Изслѣдованія производятся большею частью однимъ и тѣмъ же методомъ, установленнымъ еще извѣстнымъ Щербиною. Издаваемые на основаніи добытыхъ изслѣдованій данныхъ сборники, помимо практическаго своего значенія, представляютъ большой интересъ и въ другихъ отношеніяхъ. Они содержатъ въ себѣ наиболѣе свѣжія цифровыя матеріалы о количествѣ населенія и его занятіяхъ, о состояніи земледѣльской и скотоводческой культуры, зачаткахъ промышленности, а иногда, если изслѣдованія носятъ повторный характеръ, то и данныя о совершившейся въ извѣстный промежутокъ хозяйственной эволюціи. Статьи «Новаго энциклопедическаго словаря» (Брокгауза и Эфрона) объ Актюбинскомъ, Акмолинскомъ, Атбасарскомъ уѣздахъ и другихъ основываются, поэтому, главнымъ образомъ на цифровыя данныя соответствующихъ статистическихъ сборниковъ, изданныхъ переселенческимъ управленіемъ. Помимо того каждый сборникъ въ той или другой степени отражаетъ особенности географическаго и бытового характера, свойственныя отдѣльнымъ областямъ и уѣздамъ. Сборникъ по Перовскому уѣзду Сыръ-Дарьинской области вышелъ въ этомъ отношеніи особенно удачнымъ. Своеобразныя природныя условія, благодаря которымъ здѣсь установилось «кочевое» земледѣліе и своеобразныя приемы и порядки водопользованія, водное право киргизовъ, устройство и занятія первыхъ русскихъ засельщиковъ, наконецъ, планы широкой постановки меліоративныхъ работъ (обводненіе

сухого русла Инги-Дарьи, осушение Кувань-Дарьинских озер)—все это нашло в сборникѣ соответствующее освѣщеніе и отраженіе.

Сборникъ по Перовскому уѣзду слѣдуетъ считать цѣннымъ вкладомъ въ географическую литературу. Интересенъ онъ и для этнографа, который найдетъ любопытный и разнообразный матеріалъ о киргизахъ, хотя бы въ одѣхъ только художественно исполненныхъ фототипіяхъ (двадцать семь таблицъ). Такъ, напримѣръ, онѣ изображаютъ юрты, зимовки, аулы, киргизскій базаръ (въ Джуленѣ), типичныя фигуры киргизовъ, перекочевку, киргизскія земледѣльческія орудія, отдѣльные моменты изъ жизни ихъ. Еще болѣе поучительный матеріалъ заключается въ текстѣ.

Г.

Д. П. Струковъ. Путеводитель по артиллерійскому историческому музею. Спб. 1912. Стр. 154. Ц. 50 к.

Въ зданіи кронверка Петропавловской крѣпости уже съ 1869 года помѣщается артиллерійскій историческій музей, до того сто лѣтъ находившійся въ зданіи нынѣшняго окружнаго суда; музей богатѣйшій и цѣннѣйшій даже въ общесторическомъ отношеніи, но, смѣло можно сказать, мало кому извѣстный. Прежде всего, несмотря на стремленіе музейскаго начальства открыть двери его для всѣхъ изслѣдователей и любителей старины, музей ревниво охраняетъ управленіе с.-петербургской крѣпостной артиллеріи, что на М. Дворянской ул., выдавая билеты на пропускъ въ крѣпость въ опредѣленное время, съ большими формальностями и крайней осторожностью, достойной лучшей участи. А затѣмъ не малымъ препятствіемъ служило и отсутствіе печатной литературы о музеѣ, заключающейся въ теченіе всего XIX столѣтія въ одномъ «Историческомъ каталогѣ», изданномъ въ свѣтъ въ 1877 г. Пишущему настоящія строки пришлось лично испытать неподатливость упомянутаго управленія и ограничиться въ своей статьѣ «Музеи» археологическіе и историческіе («Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона) очень краткой замѣткой объ артиллерійскомъ музеѣ. Пора бы уже, кажется, отбросить эту рутинную систему съ посѣтителеми, преслѣдующими образовательныя и научныя цѣли, особенно теперь, когда мы имѣемъ въ рукахъ прекрасно изданный общій «Путеводитель» по музею, который по своей научной обработкѣ и дешевой цѣнѣ долженъ стать настольнымъ руководствомъ для многихъ любителей старины.

Описанію памятниковъ авторомъ «Путеводителя», генераломъ-майоромъ Дм. Петр. Струковымъ, предпосланъ «историческій очеркъ», откуда узнаемъ, что «основаніе къ образованію музея было положено еще въ 1703 году Великимъ Петромъ», указавшимъ въ этомъ году «не переливать» мѣдной мортиры, отлитой при Ѳедемитріи I и хранящейся понынѣ въ музеѣ (№ 14 по «Путеводителю»): что особенно «богатаго развитія» постоянно пополнявшееся собраніе орудій достигло при генералъ-фельдцейхмейстерѣ графѣ П. И. Шуваловѣ, исходатайствовавшемъ два высочайшихъ указа: первый, отъ 1756 года, «о разобраніи имѣющихся по монастырямъ старинныхъ военныхъ орудій и прочаго и взятіи таковыхъ въ артиллерію», и второй, отъ 1761 года, о переводѣ всего собран-

«Истор. вѣстн.», февраль 1913 г., т. сxxxі.

23

наго въ с.-петербургскій арсеналь, гдѣ это собраніе, подъ наименованіемъ «Достопамятнаго зала», и находилось болѣе ста лѣтъ, и, наконецъ, что научная организація музея, его пополненіе и устройство было произведено при Н. Е. Бранденбургѣ (умеръ 1903 г.), тридцать лѣтъ управлявшемъ музеемъ. Справедливость требуетъ сказать, что и преемникъ послѣдняго, Д. П. Струковъ, не мало сдѣлалъ для музея, уже однимъ тѣмъ, что добился расширенія музейскаго помѣщенія отводомъ новыхъ девятнадцати залъ, куда вошли и артиллерійскія орудія, много лѣтъ поконвшіяся на дворѣ и подвалахъ, и содѣйствовали выработкѣ и проведенію въ жизнь новаго штатнаго положенія для музея, которое и напечаталъ въ концѣ своего «Путеводителя».

«Въ настоящее время,—читаемъ на страницѣ 7 «Очерка»,—въ музей сосредоточено до 70,000 отдѣльныхъ, по большинству рѣдчайшихъ памятниковъ боевой жизни какъ Россіи, такъ и иностранныхъ государствъ; архивъ (до 200,000 дѣлъ) прошлаго артиллерійскаго и другихъ общихъ вопросовъ исторіи Россіи и богатая по составу и цѣнности бібліотека»... «Ни одинъ иностранный военный музей не сосредоточиваетъ въ себѣ столько историческихъ сокровищъ, въ особенности за болѣе древніе періоды, какъ артиллерійскій историческій музей, являющійся истинною гордостью не только русской арміи, но и всей русской народности. Въ этомъ убѣждаетъ насъ произведенный осмотръ наиболѣе крупныхъ двадцати восьми музеевъ въ Западной Европѣ».

Всѣ музейскія «сокровища» расположены по отдѣламъ. Въ первомъ изъ нихъ—«памятники русскаго артиллерійскаго искусства отъ древнѣйшихъ временъ до преобразованія эпохи Петра Великаго»,—пищали съ конца XIV по XVII вѣкъ, пушки, гаубицы, мортиры, бердыши, рогатины, ядра и проч. (всего описано 444 №№ орудій). Во второмъ, общесторическомъ отдѣлѣ описано 74 предмета и между ними—«Лошадь (чучело) Екатерины II, бѣлой масти, носившая имя «Брильянтъ», на которой императрица ѣхала въ Петергофъ 28-го іюня 1762 года, въ день восшествія на престолъ, во главѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка»; крѣпостные ключи отъ городовъ Або, Свеаборга, Дербента; нѣсколько царскихъ портретовъ; ружье-фузея, охотничье, принадлежавшее императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; военный гардеробъ Петра Великаго, въ томъ числѣ вещи, бывшія на государѣ въ день Полтавскаго сраженія; знамя московскаго стрѣлцаго Баишева полка 1696 года, размѣромъ до двухъ сажень въ поперечникѣ, «построенное въ формѣ четырехугольника изъ шелковой матеріи съ малиновымъ бортомъ» и покрытое изображеніями съ одной стороны страшнаго суда, а съ другой—образа Богоматери съ угодниками и другихъ. Третій отдѣлъ иностранныхъ памятниковъ представляетъ собою собраніе военныхъ доспѣховъ, взятыхъ частью на поляхъ битвъ, частью же въ покоренныхъ русскимъ оружіемъ городахъ и крѣпостяхъ. Главное богатство этого отдѣла составляютъ коллекціи хранящихся въ немъ знаменъ, пушекъ и орудій, различныхъ временъ и національностей». Всего здѣсь описано около четырехсотъ предметовъ. Коллекціи четвертаго доисторическаго отдѣла составились въ большинствѣ путемъ раскопокъ, производившихся съ 1871 по 1902 годъ Н. Е. Бранденбургомъ, и заключаютъ въ себѣ «предметы вооруженія и боевого сооруженія съ древнѣйшихъ временъ», расположенные

по вѣкамъ: каменному и желѣзному. Послѣдній новый отдѣлъ составилъ изъ предметовъ, ваявшихся на дворѣ и въ кладовыхъ, старыхъ русскихъ знаменъ и проч.

Въ текстѣ книжки помѣщено восемнадцать хорошо исполненныхъ рисунковъ, по преимуществу видовъ залъ отдѣловъ, и одинъ портретъ (Н. Е. Бранденбурга).

В. Рудаковъ.

Временныя правила о волостномъ судѣ. (Законъ 15-го іюня 1912 г., о преобразованіи мѣстнаго суда). Составилъ К. П. Змирловъ (сенаторъ.) Изданіе юридическаго книжнаго склада «Право». Спб. 1912. Стр. 162. Цѣна 60 коп.

Однимъ изъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ, прошедшихъ черезъ третью государственную думу, слѣдуетъ признать законъ о преобразованіи мѣстнаго суда. О безотрадномъ положеніи правосудія въ деревнѣ, при современной организаціи волостного суда, русское общественное мнѣніе (смотри въ частности труды комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности) составило опредѣленное мнѣніе. Певѣжество судей и отсутствіе самостоятельности и независимости были жестокими бичами правосудія въ русской деревнѣ. Поэтому основными задачами преобразованія волостного суда явилось: 1) уменьшеніе его подсудности, примѣнительно къ тому кругу дѣлъ, которыя могутъ рѣшаться на основаніи «свычаевъ и обычаевъ» и 2) обезпеченіе судьямъ возможности самостоятельности и независимости.

Желая сохранить волостной судъ лишь для дѣлъ чисто крестьянскихъ, бытовыхъ, законодатель опредѣлилъ соответствующимъ образомъ и подсудность его. Исключены изъ компетенціи волостного суда (по положенію 1889 года) всѣ иски о движимости и по обязательствамъ цѣною свыше ста рублей и споры о владѣніи и правахъ на земли ненадѣльные («купчія») и тѣ изъ надѣльныхъ, которыя укрѣплены въ личную собственность. Законъ ограничилъ, такимъ образомъ, подсудность волостныхъ судовъ такими дѣлами, къ которымъ по самой природѣ ихъ наиболѣе примѣнимы нормы обычнаго права, и исключилъ изъ нея всѣ тѣ дѣла, которыя носятъ характеръ торговыхъ сдѣлокъ (въ частности векселя), сложныхъ договорныхъ отношеній и, наконецъ, связаны съ еще не проникшимъ въ правосознаніе крестьянской массы правомъ личной собственности на землю. Что касается уголовныхъ дѣлъ, то законъ ограничилъ подсудность волостныхъ судовъ лишь тѣми проступками, которые обложены наказаніями не свыше денежнаго штрафа въ сто рублей или ареста на одинъ мѣсяць. При этомъ новый законъ ставитъ крестьянъ въ одинаковое со всѣми гражданами положеніе и въ смыслѣ опредѣленія преступнаго дѣянія и въ смыслѣ размѣра наказанія, въ то время, какъ нынѣ волостному суду предоставлено право видоизмѣнять и значительно смягчать положенныя въ уставѣ уголовныя кары.

Для достиженія большей самостоятельности волостныхъ судей, новый законъ предоставилъ выборъ ихъ самимъ сельскимъ обществамъ (двухстепенною системою); теперь сельскія общества выбираютъ лишь кандидатовъ, изъ которыхъ земскій начальникъ назначаетъ составъ суда. Далѣе законъ освобождаетъ

судей отъ наказаній, налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ; подчинять судебному надзору (ежегодная ревизія мирового судьи); назначать определенное жалованье (до 480 рублей), смотря по роду суда и должности. Званіе «писаря» замѣняется болѣе звучнымъ «секретарь суда».

Апелляціонною инстанціею по новому закону является верхній сельскій судъ. Призванный замѣнить уѣздные сѣзды, отдаленные отъ большинства судовъ и мало знакомые съ бытовымъ и обычно-правовымъ укладомъ деревни, верхній сельскій судъ будетъ лишень этихъ недостатковъ. Онъ состоитъ изъ мирового судьи, въ качествѣ председателя, и волостныхъ судей (преимущественно председателей волостныхъ судовъ), въ качествѣ членовъ. Помимо приближенія апелляціонной (замѣтимъ, безвозмездной) инстанціи къ деревнѣ, верхній сельскій судъ долженъ приблизить и волостные суды къ болѣе совершеннымъ приемамъ отправленія правосудія, такъ какъ волостные судьи будутъ учиться имъ у председателя—мирового судьи.

Таковы главные основанія новаго закона о мѣстномъ судѣ. Осуществленіе этой реформы волостного суда предположено начать въ Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Курской, Таврической и Херсонской губерніяхъ.

Книжка К. П. Змирлова содержитъ: 1) введеніе—общій очеркъ о современномъ состояніи волостного суда и задачахъ законодателя, насколько онѣ нашли себѣ выраженіе въ законѣ; 2) текстъ закона съ подстатейными примѣчаніями (мотивами); 3) тѣ статьи «Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями», которыя по новому закону будутъ примѣняться въ волостныхъ судахъ; 4) алфавитный предметный указатель. Книжка г. Змирлова будетъ, несомнѣнно, полезна для желающихъ ознакомиться съ новымъ закономъ и для тѣхъ, кому этотъ законъ придется примѣнять. Повидимому, составитель на это и рассчитывалъ, такъ какъ не помѣстивъ въ книжкѣ матеріаловъ, относящихся къ исторіи и критикѣ отдѣльныхъ положеній закона, подвергшагося, при обсужденіи его въ думѣ и совѣтѣ, радикальной переработкѣ.

Г. Гинсъ.

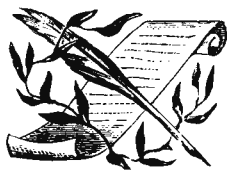
Е. Писарева. Памяти Анны Павловны Философовой. Изданіе російскаго теософическаго общества. Слб. 1912. Стр. 79. Ц. 75 к.

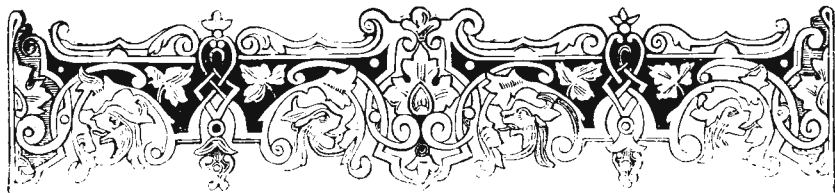
16-го марта прошлаго года скончалась Анна Павловна Философова, съ самаго начала шестидесятихъ годовъ и до послѣдняго дня своей жизни трудившаяся и борющаяся въ первыхъ рядахъ за признаніе человѣческихъ правъ женщины. Общество дешевыхъ квартиръ, воскресныя школы, созданіе артели переводчицъ, основаніе высшихъ женскихъ курсовъ, постоянная помощь всѣмъ обиженнымъ, пострадавшимъ, сосланнымъ, заключеннымъ, вѣчныя просьбы за нихъ въ придворныхъ и административныхъ сферахъ, куда она имѣла доступъ, благодаря служебному положенію своего мужа, основаніе многочисленныхъ женскихъ обществъ и, наконецъ, первый всероссійскій женскій сѣздъ въ 1908 году—вотъ самый бѣглый обзоръ долготѣной плодотворной и самоотверженной общественной дѣятельности маститой представительницы

славнаго поколѣнія шестидесятниковъ. «Написать ся подробную біографію.— говоритъ г-жа Е. Писарева,—это—написать исторію русскаго просвѣщенія за истекшіе полвѣка, дать картину того, чѣмъ жила, болѣла и радовалась душа русскаго человѣка на рубежѣ новаго историческаго періода, когда страна переступила изъ темноты стихійной жизни на путь общественнаго сознанія и общественной отвѣтственности». Поэтому г-жа Писарева даетъ только краткій біографическій очеркъ на основаніи личныхъ воспоминаній, собственныхъ мемуаровъ А. П. Философовой, записокъ Стасова и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ. Очеркъ г-жи Писаревой написанъ съ большимъ увлеченіемъ, весь проникнутъ любовной теплотой и благоговѣйнымъ уваженіемъ къ почившей А. П. Философовой. Характеризуя популярность и значеніе создательницы перваго всероссійскаго женскаго съѣзда и объясняя тайну ея обаянія надъ сознаніемъ русскаго общества, г-жа Писарева говоритъ: «Тайна эта въ томъ, что никто изъ русскихъ дѣятелей не выразилъ такъ ярко и опредѣленно, безъ колебаній и компромиссовъ, весь смыслъ всей жизни тѣхъ свѣтлыхъ идеаловъ, которыми зажглось сознаніе лучшихъ русскихъ людей въ великій историческій моментъ, когда старая помѣщичья Россія рушилась и на ея мѣстѣ начала созидаться обновленная Россія». А. П. Философова достойна обширной біографіи, и мы надѣемся, что таковая не замедлитъ появиться, тѣмъ болѣе, что послѣ покойной остался обширный семейный архивъ.

Чистый доходъ съ настоящаго изданія предназначается на образованіе фонда имени А. П. Философовой для стипендіи при Вестужевскихъ женскихъ курсахъ. Книга украшена двумя великолѣпными портретами А. П.

Д. М.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Л. Т. И.—Любопытную страничку из жизни одной куртизанки древняго Египта извлекъ у Геродота Жюль Лемэтри. За три тысячи пятьсотъ лѣтъ до Рождества Христова въ Мемфисѣ жила куртизанка Тати, прославившаяся своей красотой, умомъ и великолѣпьемъ. Достигнувъ всѣхъ земныхъ благъ, еще довольно молодая, красавица Тати затосковала: ей все надоѣло, и она начала подумывать о смерти. Но прежде, чѣмъ перейти въ иной міръ, красавица озаботилась увѣковѣчить память о своей красотѣ и въ то же время обезпечить себѣ комфортабельное помѣщеніе, гдѣ она могла бы покоиться со всѣми удобствами въ роскошной пріятной обстановкѣ послѣ смерти, въ своей второй жизни.

И вотъ съ этихъ поръ она требовала отъ своихъ поклонниковъ уже не золота и драгоценныхъ камней, но по камню отъ каждаго изъ нихъ для своей усыпальницы. Вскорѣ такихъ камней набралось очень много: были тамъ глыбы гранита и базальта изъ Сіены, отшлифованнаго на мѣстѣ, которыя затѣмъ переправлялись въ половодье Нила къ подножью скалы въ пустынь, гдѣ Тати предполагала устроить себѣ усыпальницу. Изъ этихъ камней она велѣла воздвигнуть пирамиду, не такую высокую, какъ у фараоновъ, но изящнѣе и тщательнѣе отдѣланную. Внутреннее помѣщеніе, удобное и роскошное, служило для нея убѣжищемъ, гдѣ она отдыхала, предаваясь размышленіямъ. И было ей о чемъ раздумывать: она не испытывала ни въ чемъ недостатка; ея дворецъ былъ однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ зданій въ Мемфисѣ; у нея было въ изобиліи нарядовъ, драгоценныхъ украшеній, предметовъ искус-

¹⁾ «Le Figaro». 3 December. 1912.

ства, статуи и цѣлый звѣринецъ священныхъ животныхъ, ибисовъ и крокодиловъ; наконецъ, даже послѣ блестящей жизни она могла себѣ приготовить спокойное загробное существованіе; а между тѣмъ, къ ея удивленію, всѣ эти блага ея совсѣмъ не удовлетворяли.

И неудивительно: Тати, доставлявшая удовольствіе столькимъ обожателямъ, начиная отъ жрецовъ и кончая капитанами и купцами, сама никогда не любила ни одного изъ нихъ. Но вотъ однажды она встрѣтила Сатни, сына великаго жреца храма Аписа, и полюбила его. Сатни, изящно сложенный, съ тонкими чертами лица, былъ моложе Тати. Воспитанный въ храмѣ, онъ получилъ прекрасное образованіе, не только религиозное, но и философское. Трудно было вызвать на его лицѣ улыбку, и его взглядъ въ одно и то же время выражалъ проницательность и печаль. Все это возбудило въ сердцѣ Тати любовь къ нему, и она поклялась, что онъ будетъ ею обладать или она умретъ.

Однажды вечеромъ на пирушкѣ молодыхъ людей и куртизанокъ, куда увлечь себя допустилъ загадочный Сатни, красавица Тати высказала ему свое желаніе откровенно и просто, не прибѣгая ни къ какимъ уловкамъ, потому что она слишкомъ въ него влюбилась. Она сказала Сатни, что ея любовь къ нему совсѣмъ не скоропреходящее чувство, какое могутъ испытывать женщины, находящіяся въ одинаковыхъ съ нею условіяхъ, но она твердо желаетъ принадлежать одному только ему и навсегда. При этомъ она не спросила его: любить ли онъ ее?

Это признаніе изумило Сатни, и онъ долго на нее смотрѣлъ, какъ человѣкъ, который охваченъ сильнымъ любопытствомъ и въ то же время сомнѣніемъ. Его взглядъ невольно заставилъ ее задуматься о тѣхъ морщинкахъ, которыя она иногда видитъ въ наружномъ углу глаза, когда смоетъ румяна и бѣлила и пристально посмотритъ на себя въ зеркало, и заранѣе она подчинялась всему, что онъ отъ нея потребуетъ.

Тогда Сатни спросилъ ее, приметъ ли она его условія, какія бы они ни были. Она отвѣтила утвердительно. И онъ потребовалъ, чтобы она уничтожила всякое воспоминаніе о прошломъ, отказалась бы отъ пышнаго безсмертія, увѣковѣченнаго богатой усыпальницей, и отъ своей славы. «Но что же для этого надо сдѣлать?» спросила она. Сатни потребовалъ отъ нея сломать усыпальницу, построенную цѣною разврата на деньги ея любовниковъ, и перенести камни въ городъ, гдѣ строился новый храмъ богу Пта. Но это мало: еще онъ велѣлъ продать домъ и всѣ украшения, а деньги раздать бѣднымъ. «Пока ты этого не сдѣлаешь,—сказалъ онъ:—ты совсѣмъ не увидишь меня. Но когда ты лишишь себя всего и останешься нагая, какъ новорожденный ребенокъ, ты придешь извѣстить меня объ этомъ». — «Самое тяжелое для меня,—отвѣтила Тати,—отказаться отъ роскоши и удобствъ во второй моей жизни. Часто, тоскуя, я развлекаю себя тѣмъ, что раздумываю, какъ мнѣ будетъ хорошо въ моей прекрасной усыпальницѣ». — «Повѣрь, тебѣ такъ же будетъ хорошо въ маленькой могилѣ изъ кирпича», отвѣтилъ Сатни. «Но кто же тогда узнаетъ мою могилу?» — «Да вѣдь ты откажешься отъ славы. Исполни, что ты обѣщала. Дѣлая это, ты получишь вознагражденіе. Но я хорошо вижу, что ты колеблешься». — «Я не колеблюсь,—отвѣчала Тати:—потому что я тебя люблю и хочу принадлежать тебѣ». — «Увидимъ», отвѣтилъ Сатни.

Прежде всего Тати стала отказываться отъ пышныхъ празднествъ и перестала принимать веселыхъ друзей и своихъ подругъ. Затѣмъ она увѣдомила губернатора Мемфиса, что роскошный матеріалъ, предназначенный для постройки ея пирамиды, она жертвуетъ на постройку храма Пта.

Пирамиду разрушили и камень по камню перевезли въ столицу, гдѣ строился храмъ Пта. Тати выказала такое усердіе при исполненіи своего обѣщанія, что, надѣвъ простое полотняное платье, она сама слѣдовала за телѣгой, перевозившей камни. Сначала въ обычной уличной сѣтлодѣ города на нее никто не обращалъ вниманія. Но вскорѣ всѣ замѣтили эту искушительную процессію и стали разсказывать исторію Тати. Заговорили объ ея обѣтѣ, восхищаясь силой ея страсти и порывомъ покаянія. Теперь она проходила между двумя рядами старыхъ и молодыхъ поклонниковъ, стѣною стоявшихъ при ея слѣдованіи. При видѣ ея въ такой обстановкѣ ихъ желаніе обладать ею удвоилось. Многіе дѣлали ей блестящія предложенія, которыя она съ негодованіемъ отвергала. Когда вся вишняя часть пирамиды была снята, осталась подземная, сдѣланная изъ болѣе маленькихъ камней. Тати захотѣла сама ихъ переносить въ подолѣ платья. Но они были все-таки тяжелы для нея, и она съ трудомъ волочила ихъ по землѣ, вся обливаясь потомъ и изнемогая отъ усилій, но чувствуя себя правдиво возвышенной. Тѣмъ временемъ толпа, слѣдовавшая за ней, все увеличивалась.

Когда былъ перенесенъ послѣдній камень ея пирамиды, она приступила къ продажѣ своего двора, мебели и украшеній и передала деньги мемфисскимъ городскимъ властямъ.

Вечеромъ она пошла къ Сатни безъ всякихъ украшеній, прикрывъ свою наготу простымъ шерстянымъ плащомъ. «Вотъ и я, лишенная всего и нагая, какъ новорожденный ребенокъ. Смотри, Сатни!» И она откинула свой плащъ. «Очень хорошо,—сказалъ жрецъ.—Но, Тати, я не люблю тебя!»—«Ты не любишь меня?» «Развѣ я обѣщала любить тебя?» Куртизанка поблѣднѣла и произнесла: «Но что же тогда со мною станеть?»—«Развѣ тебѣ уже такъ худо?» спросилъ улыбаясь Сатни. «Я думаю, ты больше не скучаешь? Твое положеніе превосходно, и ты стала еще извѣстнѣе, чѣмъ прежде. Тебѣ не составитъ никакого труда вновь разбогатѣть. Ты мнѣ обязана бѣльшимъ удовольствіемъ, чѣмъ то, какое ты доставила бы себѣ, если бы я согласился исполнить твое желаніе. Ты наслаждалась тѣмъ, что была зрѣлищемъ всего города: ты увеличила свою славу, желая уничтожить ее. Ты настолько потеряла страхъ къ жизни за гробомъ, что даже болѣе не думала строить себѣ маленькую могилу. Правда, что пока ты ломала твою усыпальницу, то продолжала старѣть сама. Но твои душевныя волненія сдѣлали болѣе патетической твою отживающую красоту. Ты должна меня благодарить. Но я тебя не люблю, Тати. Впрочемъ, я вообще не люблю женщинъ».—«Ты слишкомъ уменъ!» отвѣтила Тати.

Пока онъ говорилъ, она снова накинула на себя плащъ; затѣмъ, подползая къ нему на колѣняхъ, дрожавшей рукой сдѣлала жестъ, какъ бы желая обнять молодого философа. Но вдругъ она вытащила кинжалъ, спрятанный подъ ея волосами, и вонзила ему между плечами.

На этомъ Лемэтръ оканчиваетъ эту вырванную изъ старины страничку романа.

— Людовикъ XIV и женщины.—Къ массѣ появлявшихся биографій Людовика XIV, гдѣ его личность представлена съ разныхъ сторонъ и въ различныя эпохи, прибавилась еще новая характеристика, извлеченная изъ писемъ савойскаго посланника маркиза Сень-Мориса къ Карлу-Эмануилу II. Въ этой характеристикѣ главное мѣсто занимаетъ вопросъ: вліяли ли женщины отрицательно на дѣятельность короля? Издавшій эти письма Жанъ-Лемуанъ считаетъ новую характеристику безпристрастной. Хотя Сень-Морисъ былъ другомъ и поклонникомъ короля-Солнца, и его семья, родившаяся въ Шамбери, пользовалась жалованными королемъ помѣстьями во Франціи за услуги, оказанныя французской коронѣ, но онъ никогда не забывалъ цѣли своего пребыванія въ Версалѣ. Преданность своему королю Сень-Морисъ доказалъ уже тѣмъ, что, не опасаясь вызвать гнѣвъ Людовика XIV, обнаружилъ предъ Европой замыселъ французскаго короля, раскрытый при савойскомъ дворѣ графомъ Матголемъ, «железной маской». Король думалъ, что слухъ о договорѣ съ герцогомъ Мантуи распространился благодаря измѣнѣ Сень-Мориса. Онъ узналъ, что у него дурныя намѣренія, и это его заставило отдать приказъ посланнику въ Туринъ не входить болѣе съ нимъ съ соглашенія. Это доказываетъ, что Сень-Морисъ не забывалъ своей роли шпиона высокаго полета и, восторгаясь королемъ-Солнцемъ, онъ предупреждалъ своего короля, что надо какъ можно лучше вооружаться. Приводя всѣ эти данныя, Лемуанъ хочетъ доказать, что характеристика короля, сдѣланная Сень-Морисомъ, заслуживаетъ полного довѣрія. Въ его глазахъ Людовикъ XIV въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, во время первыхъ войнъ, былъ человѣкомъ «проницательнымъ, съ независимымъ умомъ, прямодушнымъ, какъ савойскій дворянинъ».

Въ эпоху посольства Сень-Мориса во Францію отъ 1667—1673 г. королю исполнилось тридцать лѣтъ и онъ уже успѣлъ добиться славы. Всѣ его дѣйствія доказывали, что его умъ блестяще работаетъ, судя по личностямъ, которыя выдвинулись за это время при дворѣ благодаря своимъ талантамъ. Послѣ смерти Мазарини Кольберъ былъ преемникомъ Фука; въ томъ же году Боссюэ впервые проповѣдывалъ въ присутствіи короля въ Луврской часовнѣ; черезъ два года Лувуа былъ назначенъ военнымъ министромъ, затѣмъ появились «Misanthrope», «Andromaque», а Мансаръ и Ле-Потръ работали надъ украшеніемъ Версаля. Но все это было пока проявленія чужого генія, хотя прямо или косвенно связанныя съ именемъ короля. Дипломатическіе инциденты, возникшіе повсюду въ Европѣ въ это время и окончившіеся въ пользу Франціи, были лишь моральными побѣдами, а король жаждалъ болѣе матеріальныхъ успѣховъ.

Первымъ разумнымъ шагомъ короля было удаленіе госпожи Лавальеръ и сближеніе съ королевой, которой онъ былъ вполне доволенъ, главное потому, что она раздѣляла его интересы относительно Испаніи. За свой разрывъ съ королемъ госпожа Лавальеръ получила титулъ герцогини. Когда первый президентъ получилъ приказъ создать это герцогство, то король, держа въ рукѣ жалованную грамоту, спросилъ его: «Господинъ первый президентъ, вы никогда не дѣлали глупостей въ молодости?» Тотъ сталъ распространяться о томъ, что

1) Marquis de Saint-Maurice. Lettres sur la cour de Louis XIV.

въ молодые годы мало людей, которые не совершили бы каких-нибудь легкомысленныхъ поступковъ. Король, вручая ему грамоту, сказалъ, что самъ онъ сдѣлалъ очень большую глупость. «Вотъ и надо за нею латиться; но я болѣе къ ней не вернусь!»

Всѣ серьезно вѣрили вмѣстѣ съ королемъ, что онъ приведетъ въ исполненіе это прекрасное рѣшеніе, и только Сень-Морисъ усомнился и написалъ своему королю: «Извѣстно, насколько велика человѣческая слабость, и часто мы не господа самихъ себя и нашихъ поступковъ». Далѣе онъ говоритъ, что если рѣшеніе короля осуществится, то это будетъ маленькое чудо, ибо онъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, молодъ, большой волокита, большой любезникъ и очень способный...» Сень-Морисъ не ошибся. Но въ своихъ письмахъ онъ не порицалъ ни короля, ни дворъ, гдѣ блестящія развлеченія смѣнялись одни другими. Повидимому, онъ самъ былъ настолько ослѣпленъ всѣмъ этимъ блескомъ, что не могъ отличить въ своемъ молодомъ и счастливомъ опьяненіи, что хорошо, что худо. Однажды вечеромъ, когда онъ прогуливался вдоль канала, туда пріѣхалъ король въ великолѣпной открытой коляскѣ съ двумя дамами въ роскошныхъ дезабиле, вышитыхъ золотомъ, очаровательныхъ и дорогихъ. Дамы были хорошо причесаны, но безъ шляпъ. Эту настоящую колесницу любви везли шесть лошадей соловой масти въ роскошной сбруѣ. Экипажъ окружали по бокамъ и сзади четыреста всадниковъ изъ высшей аристократіи, со шляпами въ рукахъ. «Никогда маркизъ Доляни и я не были такъ пріятно поражены,—сообщилъ Сень Морисъ:—ни одинъ романистъ до сихъ поръ не изобрѣлъ ничего очаровательнѣе и изумительнѣе этого!» Ослѣпленіе Людовикомъ XIV доходило у Сень-Мориса до того, что много времени спустя онъ писалъ относительно своей дочери: «Хотѣлъ бы я, чтобы она была красива и настолько взрослая, что могла бы служить удовольствіемъ для короля, и я отдалъ бы ее съ большой радостью»...

«Несмотря на различныя искушенія, молодой король проявлялъ желаніе найти средство вполне отдѣлаться отъ всѣхъ интригъ съ женщинами,—писалъ Сень-Морисъ:—говорять, что онъ вполне пресытился ими? Онъ объявилъ королевѣ, что всю жизнь не дотронется до Лавальеръ, и увѣряютъ, что онъ твердъ въ своемъ рѣшеніи и вѣренъ данному слову, наконецъ, онъ весь отдался войнѣ и славѣ и далъ доказательство, что женщины его болѣе не занимаютъ!»

Но это рѣшеніе короля вызвано было не тѣмъ, что онъ мѣшали ему работать, и склонность къ нимъ не отражалась неблагоприятно на его умственной работѣ или на его волѣ. Съ строго политической точки зрѣнія король, ведя двойную жизнь продолжительное время, по словамъ его историка, все-таки исполнялъ свои королевскія обязанности, и Сень-Морисъ писалъ: «Правда, что иногда при этомъ дворъ развлекаются, но король не отнимаетъ для этого ни минуты изъ часовъ, предназначенныхъ для дѣла». Посланникъ подтверждаетъ то, что самые недоброжелательные изъ историковъ короля-Солнца не могли не признать за немъ: его непрерывной работы въ молодые годы.

Въ Сень-Жерменѣ онъ правильно каждое утро работалъ три часа подъ рядъ и столько же послѣ обѣда и ежедневно присутствовалъ въ совѣтѣ министровъ. Только по воскресеньямъ, средамаъ, четвергамаъ и субботамаъ у короля было сво-

бодно утро и послѣобѣденное время. Въ эти дни онъ игралъ въ мячъ, ѣздилъ въ лагеря, на охоту. «Поэтому онъ не отталкиваетъ отъ себя работы,—писалъ Сень-Морисъ:—онъ ее любитъ и установилъ для нея часы, какъ духовное лицо относительно службы, трапезы, вставанія и отхода ко сну».

Въ Тюльери король работалъ непрерывно весь день. Въ часы досуга онъ игралъ въ мячъ, ѣздилъ верхомъ на смотръ войскамъ, находившимся при дворцѣ. По вечерамъ, пожелавъ окружающимъ добрый вечеръ, онъ удалялся и работалъ одинъ надъ своими мемуарами. И въ это время, по предположенію автора, въ ночной тиши король, вѣроятно, составлялъ свои чудесныя политическія разсужденія. Незадолго до начала походовъ король обыкновенно собиралъ совѣтъ министровъ ежедневно два раза. Составъ этого совѣта былъ изъ трехъ министровъ: Теллье, Кольбера и Лувуа, иногда Тюренна. Въ лагеряхъ онъ не нарушалъ этого порядка и непрерывно работалъ, какъ это было въ Турнѣ, гдѣ находился около восьми часовъ въ совѣтъ.

По увѣренію Сень-Мориса, король-Солнце упорно стремился къ выполненію намѣченныхъ плановъ и никогда ихъ не измѣнялъ. Онъ прекрасно изучилъ свои обязанности и все старинныя традиціи французскихъ монарховъ, даже обязанности судьи. Когда умеръ Пьеръ Сенье, то король исполнялъ его обязанности, пока не былъ назначенъ ему преемникъ, и правильно по субботамъ и понедѣльникамъ самъ предсѣдательствовалъ и накладывалъ печати, чтобы изучить, какія можно дѣлать злоупотребленія, прежде, чѣмъ вручить эту обязанность другому лицу. Къ тому же въ 1667 г., когда ему еще не исполнилось тридцати лѣтъ, у него были подходящіе къ нему сотрудники: Кольберъ сорока девяти лѣтъ, Лувуа тридцати.

Онъ былъ вполнѣ доволенъ Кольберомъ и его дѣятельностью въ области финансовъ, которые, по его увѣренію, никогда не были въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ при немъ. Въ это время доходъ равнялся девяноста двумъ милліонамъ; тридцатю пятью — тридцатю шестью милліонами онъ покрывалъ свои расходы и каждый годъ откладывалъ пятьдесятъ шесть милліоновъ на военные расходы.

Военный министръ Лувуа былъ всегда такъ занятъ, что невозможно было видѣть его. Результатомъ его усиленной работы явилось увеличеніе арміи, которая, правда, нищенствовала, писалъ Сень-Морисъ, «но она хороша и если ей дать немного денегъ, она будетъ вскорѣ въ порядкѣ». Никогда не царилъ такая дисциплина среди войска, какъ въ эту эпоху, и хотя армія не была расторопна, и офицеры—слабы, но зато «войска короля живутъ, какъ капуцины, и цѣлая армія пройдетъ по всему королевству, не прикасаясь ни къ одной вишнѣ». Король любилъ свое войско и ежедневно дѣлалъ ему смотръ. Благодаря строгой дисциплинѣ, солдаты никогда не выходили изъ рядовъ во время маршировки. У Кольбера имѣлись деньги для военныхъ надобностей Лувуа. «Вашему королевскому высочеству дорого обойдется поднять армію, чтобы привести ее въ такое состояніе, какъ здѣшняя армія, и сдѣлать ее такой же проворной», писалъ своему королю Сень-Морисъ. И онъ объяснялъ, какія преобразованія придется произвести, главнымъ образомъ заботясь о новой обмундировкѣ наподобіе французской, гдѣ занимала большое мѣсто

позолота. «Здѣсь не хотятъ солдатъ маленькаго роста, а высокихъ, красивыхъ, насколько только это возможно; совсѣмъ не надо дѣтей, а пусть солдаты отрастятъ усы и длинную бороду. Пусть ихъ выучатъ гордой осанкѣ, и чтобы они умѣли носить шляпы, приподнятыя спереди, какъ отважные люди». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя они были отважны, однако среди нихъ царила дисциплина, и солдаты хранили полное молчаніе ежедневно по четыре часа. Этими «отважнымъ людямъ» вскорѣ пришлось сражаться въ самомъ сердцѣ Голландіи, переплывать Рейнь съ саблями въ зубахъ и вырвать восклицаніе у Виргилія: «Только предъ такой дьявольской націей нельзя устоять!» «Августовскіе манеры,—писалъ посланникъ,—утомляютъ въ полуденный часъ и въ страшную жару, но они прекрасно формируютъ офицеровъ и солдатъ».

Насколько король цѣнилъ заслуги Лувуа, видно изъ слѣдующаго эпизода. Сень-Морисъ тщетно добивался свиданія съ министромъ, но у послѣдняго все не было свободнаго времени. И вотъ когда однажды онъ встрѣтилъ министра въ версальскомъ дворцѣ и попросилъ его поговорить съ нимъ нѣсколько минутъ, Лувуа пригласилъ его въ кабинетъ Людовика XIV, куда доступъ былъ открытъ лишь для лицъ, пользующихся большимъ расположеніемъ короля. Весь дворъ былъ пораженъ поступкомъ Лувуа: никогда ни одинъ фаворитъ, ни первый министръ не могли предпринять ничего болѣе смѣлаго. Ту же военную дисциплину примѣнялъ Лувуа и къ придворнымъ. Брульи однажды обратился къ королю съ просьбою дать мѣсто его дядѣ; Лувуа объ этомъ узналъ и сдѣлалъ ему строгій выговоръ. «Мальченокъ, вы отправились просить у короля мѣста, ничего не сказавъ мнѣ. Я васъ научу быть почтительнымъ и погублю васъ, а также вашего дядю!» Узнавъ объ этихъ угрозахъ, король призвалъ Лувуа и свысока обошелся съ нимъ. Возбѣшенный Лувуа при выходѣ отъ короля встрѣтилъ Брульи и еще хуже обошелся съ нимъ, чѣмъ въ первый разъ.

Хотя короля порой и раздражало поведеніе министра, но онъ ничего не могъ поддѣлать: дѣла министерства Лувуа шли прекрасно и попрежнему онъ регентствовалъ въ Версалѣ; всѣ маркизы и графы ходили у Лувуа по стрункѣ, прекрасно сознавая, что король не задумается ни на минуту поставить на вѣсы малѣйшій интересъ страны съ ихъ капризами, и перевѣсъ будетъ на сторонѣ министровъ.

Еще хуже борьба шла у придворныхъ съ Кольберомъ, потому что онъ находился во главѣ финансовъ. Многія лица доносили королю, что онъ утаивалъ болѣе десяти милліоновъ въ годъ, но Людовикъ XIV довольствовался отвѣтомъ: «еще не пришло время». «Въ ожиданіи, что бы тамъ ни говорили, а Кольберъ попрежнему въ большомъ довѣрціи,—пишетъ Сень Морисъ:— и онъ этого заслуживаетъ; если бы онъ захотѣлъ, то былъ бы первымъ и управлялъ бы съ большимъ авторитетомъ, чѣмъ это дѣлалъ Мазарини». Но по мѣрѣ того, какъ расположеніе короля къ нему увеличивалось, кабала короля усиливалась. «Онъ будетъ первымъ. Всѣ были согласны, что поведеніе Кольбера такъ же, какъ и Лувуа, будетъ имѣть печальные результаты,—писалъ Сень-Морисъ.—Кольберъ каждаго доводилъ до отчаянія, разоряя его, а Лувуа, притѣсня офицеровъ, обращаясь съ ними свысока и не желая ихъ выслушивать». Разказывали что король начинаетъ прислушиваться къ словамъ противниковъ министровъ.

Тѣмъ не менѣе не замѣтно, что онъ довѣряетъ имъ менѣе, чѣмъ прежде, и, повидимому, смотритъ на нихъ попрежнему, и все идетъ обычнымъ порядкомъ: министры дѣйствуютъ, какъ и прежде. Разумѣется, многіе интригуютъ противъ нихъ, какъ и всегда и вездѣ поступаютъ противъ людей, находящихся въ силѣ, но они будто ничего не видятъ, а король тоже будто ничего не знаетъ, и никто онъ этого не страдаетъ, и никто за это не поплатится. Даже анонимное письмо, полученное королею въ моментъ скандала Детьена, служившаго у Кольбера, гдѣ Кольбера и его служащихъ обвиняли въ чрезмѣрномъ воровствѣ, не возмутило короля: онъ посмѣялся надъ нимъ и послалъ письмо министру. Послѣдній забилъ тревогу, опасаясь, что наконецъ такіа нападки произведутъ на умъ короля впечатлѣніе. Но король для прекращенія толковъ и чтобы показать, насколько уважаетъ Кольбера, самъ пріѣхалъ къ нему въ Парижъ и оставался у него болѣе двухъ часовъ. Король находилъ извиненія для Кольбера во всякихъ обстоятельствахъ. Спрашивая министра о положеніи торговли, онъ далъ ему понять, что ему извѣстно, въ какомъ она находится несчастномъ положеніи. Но, — прибавилъ онъ, взявъ его за руку, — онъ также знаетъ, что все дѣлалось съ хорошей нѣбью, и онъ не сожалѣетъ о расходахъ: если же дѣло не удалось, не надо настаивать на этомъ, а приняться за другое, болѣе выгодное для блага короны и народа. Когда Кольберъ хотѣлъ выйти въ отставку вслѣдствіе крупнаго разговора съ Лувуа, просившимъ десять милліоновъ на военные расходы, въ которыхъ Кольберъ ему отказалъ, предлагая дать вмѣсто наличныхъ денегъ свою подпись, король его отставки не принялъ, пославъ ему крайне добрый и мягкій отвѣтъ. Когда ему сообщили, что Кольберъ сильно огорченъ, опечаленъ и упалъ духомъ, Людовикъ XIV отвѣтилъ: «Я очень его люблю, онъ слишкомъ хорошо мнѣ служилъ. Ступайте, позовите его ко мнѣ». Кольберъ пришелъ, и король былъ съ нимъ очень ласковъ. Хотя министр просилъ отпустить его въ отставку, но король удовлетворилъ всѣ его желанія, и Кольберъ остался.

Послѣ смерти министра иностранныхъ дѣлъ Кольберъ хотѣлъ занять его мѣсто, но король, хорошо знавшій Помпонна, дипломата, докладъ котораго читалъ, когда находился за границей, ни съ кѣмъ не совѣтовавшись, назначилъ его. Это очень огорчило Кольбера, и онъ хотѣлъ что-нибудь предпринять, но король его отъ этого удержалъ. Онъ зналъ, какой раздоръ существуетъ между его министрами, но онъ зналъ также и то, какъ тотъ или другой изъ нихъ ему необходимы, и заставлялъ смолкать ихъ ревность. А это было ему не трудно. Людовику XIV стоило лишь нахмурить брови, чтобы самые могущественные люди измѣнили до неузнаваемости физіономію, поэтому и своихъ министровъ онъ заставлялъ молчать. «Добрый государь» время отъ времени давалъ своимъ министрамъ щелчки, когда ему казалось, что имъ управляютъ, и даже иногда уничтожалъ рѣшенія, принятыя Лувуа, и тогда король не терпѣлъ его. Вообще онъ не допускалъ, чтобы министры это думали, и особенно, что одинъ изъ нихъ имѣетъ власть болѣе другого.

Но все это король дѣлалъ особенно учтиво. «Никогда у французовъ не было королемъ такого честнаго человѣка, — писалъ Сень-Морисъ. — Никогда не было такого великодушнаго человѣка, какъ король, и такого добраго къ слугамъ и къ тѣмъ, кто къ нему приближался».

— Несколько болгарских легенд и обычаев.— Членъ парижскаго института де-Лонэ напечаталъ на страницахъ «Revue Bleue» нѣкоторыя болгарскія легенды. По его выраженію, въ нихъ нѣтъ поэтическаго изящества греческихъ пѣсень и колоритнаго романтизма иллирійскихъ. Въ легендахъ выражается душа народа, душа болгарина—грубая, деревенская, нѣсколько тяжеловатая для шутокъ. Тѣмъ не менѣе въ этой массѣ собранныхъ легендъ найдется не одна оригинальная, любопытная и нѣкантичная мысль. Можно допустить, что передаваемая изъ устъ въ уста болгарскія легенды все-таки сохранили слѣды примитивныхъ традицій. Въ болгарскихъ сказкахъ авторъ отмѣчаетъ нѣчто вродѣ манихизма, который, быть можетъ, заимствованъ изъ азіатскихъ традицій, но на него наложено вліяніе сознательнаго манихизма. Въ эту ересь, говорить авторъ, обратилось не мало болгаръ около тысячнаго года.

Во всѣхъ болгарскихъ повѣствованіяхъ играетъ значительную роль Сатана. Но не какъ врагъ Бога, а какъ его сотоварищъ. Между ними происходитъ та же глухая борьба ревности, соперничества и ссоры, какъ бываетъ въ человѣческомъ обществѣ. Каждый изъ нихъ хочетъ править въ ущербъ другому. Въ этомъ товариществѣ, повидимому, Богъ является прежде всего законодательной властью, а сатана исполнительной. Богъ видитъ все планы очень возвышенно, какъ гениальный строитель, не входя въ подробности исполненія,— это послѣднее касается дьявола. Богъ добрый, спокойный старецъ, и Его доброта не лишена нѣкоторой наивности. Напротивъ, сатана болѣе опредѣленная личность и планы свыше онъ беретъ реализовать согласно нашей неизменной дѣйствительности. Онъ инженеръ и механикъ.

Въ легендѣ о сотвореніи міра Богъ впервые призываетъ Себѣ на помощь сатану. Видя безконечное водяное пространство, Онъ говоритъ ему: «Ступай, нырни въ воду послѣ того, какъ произнесешь: «Властью Бога и моего!» Ты найдешь на днѣ землю и принесешь ее ко Мнѣ». Три раза сатанѣ не удавалось это, потому что онъ избѣгалъ произносить призывъ къ власти Бога: это ему обжигало ротъ. Наконецъ онъ подчинился Богу и принесъ ему немного грязи. Богъ бросилъ ее на водяную поверхность и на ней появилась земля. Увидѣвъ новую область, сатана задумалъ захватить ее въ свои руки, утопивъ Бога, когда Тотъ заснетъ. Богъ, проникнувъ въ его планъ, притворился сѣющимъ, и сатана, взявъ Его на руки, направился къ водѣ, которая отступила предъ такимъ преступленіемъ. Куда бы ни направлялся сатана, на сѣверъ, на югъ, на востокъ и на западъ—повсюду вода отъ него убѣгала. Наконецъ онъ рѣшился разбудить Бога и предложить ему подѣлиться тѣмъ, что онъ могъ взять одинъ. Но земля была благословенна, потому что Богъ въ то время, какъ его несъ сатана, сдѣлалъ надъ нею крестное знаменіе и потому она всецѣло принадлежала небесной власти.

Недовольный этимъ, сатана отступился отъ своего намѣренія, и Богъ остался жить на землѣ, которая все росла и росла. Этотъ быстрый, несоразмѣрный ростъ его пугалъ, но какъ остановить его? Пришлось прибѣгнуть къ совѣту сатаны. Богъ послалъ къ нему ангела, но ангелъ, встрѣтивъ сатану верхомъ

¹⁾ Legendes et traditions de la Bulgarie. Par de Launay de l'Institut. «Revue Bleue». 28 Decembre 1913.

на козлѣ, расхохотался, и разсерженный сатана ничего ему не отвѣтилъ. Послѣ ангела Богъ послалъ къ нему пчелу, вообще игравшую и въ другихъ легендахъ роль посредника. Она сѣла на плечо сатанѣ и подслушала его рѣчи. «Какъ навенъ Богъ,—говорить сатана:—онъ затрудняется такой малой вещью, тогда какъ ему только стоитъ приказать». Пчела возвратилась къ Богу, и по ея совѣту Богъ произнесъ: «Довольно земли!»—И земля перестала расти. Наконецъ Богъ сотворилъ людей, и такъ какъ сатана требовалъ у Него своей доли въ этой новой области, то Богъ подумалъ: «Лучше удержу Себѣ живыхъ людей, а ему отдамъ мертвыхъ». Но вскорѣ Онъ замѣтилъ, что живыхъ людей гораздо меньше, чѣмъ мертвыхъ. Не имѣя возможности нарушить данное слово, Онъ сотворилъ себѣ Иисуса Христа, который не участвовалъ въ условіи между нимъ и сатаной. Чрезъ добродѣтель Иисуса Христа мертвые также прибавились къ области владѣній Бога.

Въ другой легендѣ разсказывается о бракѣ солнца. Оно просило у Бога разрѣшеніе на бракъ. Богъ, по добротѣ и не предвидя послѣдствій, уже готовъ былъ согласиться, но и здѣсь ему помогла пчела, сообщившая, что говорилъ сатана объ этомъ рѣшеніи. Летая за сатаной, она увидѣла, какъ онъ, сидя на ослѣ, остановился на берегу рѣки. Его осель вытянулъ шею къ водѣ, желая напиться, и сатана его ободрялъ: «Пей, мой другъ, пей,—говорилъ онъ:—скоро не будетъ болѣе воды! Богъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ: Онъ хочетъ женить солнце, и вскорѣ вся земля запылаетъ».

Легенда о приведеніи въ христіанство варваровъ тоже любопытна. Когда святые проходили по землѣ съ цѣлью крестить людей, говорится тамъ, одинъ изъ нихъ встрѣтилъ болгарина, которому онъ сказалъ, что крещеніе отверзнетъ ему небо; иначе же онъ попадетъ въ адъ. «Хорошо,—сказалъ болгаринъ, поразмысливъ:—но я хотѣлъ бы сравнить ихъ». Тогда святой упалъ на колѣни и пригнулся молить Бога, чтобы Онъ показалъ рай и адъ. Получивъ совѣтъ Бога, какъ ему поступить, онъ повелъ болгарина на высокую равнину, откуда открывался весь горизонтъ. Долго они поднимались въ гору и остановились для отдыха подъ деревомъ. «Какого же рода люди въ твоёмъ раю?» спросилъ болгаринъ святого. «Всякаго рода люди и всякой національности». Утомленные, они заснули, и болгарину приснился сонъ. Онъ видѣлъ, что достигъ вратъ рая и просить у святого Петра его допустить туда. Святой ему разрѣшилъ. Проникнувъ въ убѣжище избранныхъ душъ, онъ увидѣлъ толпу мужчинъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ вѣнками; они пѣли. Болгаринъ спросилъ Петра: «Есть ли среди нихъ еврей?»—«Нѣтъ», отвѣтилъ тотъ. «Армяне?»—«Нѣтъ».—«Турки?»—«Нѣтъ».—«Греки?»—«Нѣтъ».—«Такъ кто же тамъ?»—«Единственно только христіане».—Тогда болгаринъ продолжалъ свой путь и попалъ въ адъ, гдѣ онъ увидѣлъ еще многочисленнѣе толпу, но въ пестрыхъ одѣяніяхъ, и узналъ въ нихъ евреевъ, армянъ и грековъ. Онъ проснулся и, потянувъ святого за руку, сказалъ ему: «Я видѣлъ небо и адъ, мнѣ лучше нравится небо. Въ аду есть личности, которыя мнѣ не нравятся. Скорѣе крести меня!»

Одно повѣствованіе, по мнѣнію Лонэ, напоминаетъ немного поэзію Шиллера и имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ балканскому союзу. Въ немъ разсказывается о распредѣленіи счастья.

Когда Богъ распредѣлялъ между народами счастье, турки явились первыми. Они потребовали власти—и получили ее. Болгары узнали объ этомъ распредѣленіи слишкомъ поздно и явились послѣ нихъ. Когда они потребовали также первенства, то Богъ отвѣтилъ имъ: «Жаль, оно уже отдано. Просите у меня чего-нибудь другого». — «Мы не хотимъ ничего другого!» отвѣтили они. «Однако это необходимо. Слушайте, я васъ очень люблю. Возьмите себѣ любовь къ труду. Это мой лучший даръ. И ступайте по здорову». На эти слова явились евреи съ низкимъ поклономъ. «Чего вы хотите?» спросилъ Богъ. «Власти». «У меня уже давно ея нѣтъ». — «О! Боже, какъ ты дурно разсчиталъ! Если бы ты съ нами уговорился, то тебѣ было бы выгоднѣе». — «Вы говорите о расчетѣ, ну, такъ онъ будетъ вашъ даръ». Затѣмъ пришли греки уже послѣдними, все съ тѣмъ же требованіемъ высшей власти. На отрицательный отвѣтъ Бога они улыбулись «Бѣдный Боже, Ты не силенъ въ политикѣ, Ты не видѣлъ, какъ эти плуты Тебя провели!» — «Вы настолько знаете толкъ въ плутовствѣ, — отвѣтилъ Богъ: — удержите его себѣ: это—даръ, который Я вамъ дарю!»

Въ другой легендѣ о счастьѣ говорится, что было два брата, богатый и бѣдный. Одному все удавалось, а другому ни въ чемъ не было удачи. Однажды они возвращались съ поля домой: богатый верхомъ, а бѣдный пѣшкомъ. «Я забылъ недоуздокъ, сходи за нимъ», сказалъ богатый. Бѣдный пошелъ въ поле и увидѣлъ тамъ человѣка, связывавшаго колосья. «Что ты тутъ дѣлаешь? Ты—воръ!» — «Нѣтъ, я работаю для твоего брата: я—его счастье». — «Такъ у моего брата есть счастье?» — «У каждого человѣка есть счастье при его рожденіи: но многіе не умѣютъ его видѣть, сердятъ его или лишаются». — «А какъ я могъ бы снова найти свое счастье?» — «Иди въ лѣсъ и увидишь: схвати его и положи скорѣе въ мѣшокъ и ударяй по немъ, пока оно не дастъ тебѣ орѣховъ». Сказано—сдѣлано. Счастье не хотѣло давать орѣховъ, но когда онъ ударилъ его сильно—счастье сдалось.

Получивъ три орѣха, бѣдный не зналъ, что ему съ ними дѣлать. Наконецъ онъ встрѣтилъ трехъ дѣтей, которыя дрались изъ-за сосуда, найденнаго въ землѣ; чтобы ихъ усмирить, онъ подѣлил между нами орѣхи, а сосудъ взялъ себѣ. Въ немъ заключался кладъ, и съ этого дня счастье ему улыбнулось.

Другого рода повѣствованія заключаютъ въ себѣ различныя приключенія, гдѣ замѣшаны самовилы, своего рода ундины—принципъ естественныхъ силъ. Этого рода повѣствованія особенно извѣстны въ Болгаріи со стороны Македоніи, куда проникло сербское вліяніе.

Однажды пастухъ Стоянь увидѣлъ трехъ самовилъ, купавшихся въ бассейнѣ. Взявъ платьѣ одной изъ нихъ, онъ отказался его возвратить, пока она не согласится выйти за него замужъ. У нихъ родился сынъ, и онъ былъ счастливъ. Сначала онъ не довѣрялъ ей и, опасаясь, что она сбѣжитъ, спряталъ одно изъ ея крылышекъ. Но мало-по-малу онъ сталъ ей довѣрять, думая, что теперь ее удержитъ ребенокъ. Поэтому онъ былъ очень удивленъ, когда она стала просить свое платьѣ, чтобы пойти и побесѣдовать съ прежними подругами. Онъ ее освободилъ, и она тотчасъ же, посвистывая, улетѣла чрезъ трубу и поспѣшно выкупалась въ источникѣ, чтобы вернуть свою дѣвственность.

Не менѣе забавно рассказываютъ болгары, почему цыгане бреютъ волосы, а валахи носятъ ихъ длинными. Однажды Богъ, прогуливаясь по землѣ съ однимъ изъ своихъ ангеловъ, остановился предъ кабакомъ, откуда раздавались шумные возгласы. Ангель вошелъ туда посмотрѣть, въ чемъ дѣло, и нашелъ тамъ цыганъ и валаховъ, которые по свойственной имъ привычкѣ такъ громко разговаривали, что будто они ссорились. Ангель, желая ихъ усмирить, ничего лучше не нашелъ, какъ отрубить всѣмъ имъ головы. Узнавъ объ этомъ Богъ и былъ недоволенъ такимъ поступкомъ ангела. «Ступай,—сказалъ онъ,—и исправь зло, сдѣланное тобою».—Но какъ?»—«Приложи только головы на прежнее мѣсто, остальное Я самъ сдѣлаю».

Ангель возвратился въ харчевню, немного взволнованный замѣчаніемъ Бога, и впопыхахъ перепуталъ головы, приставивъ головы валаховъ къ тѣлу цыганъ, а цыганскія головы къ тѣлу валаховъ. И въ такомъ видѣ Богъ ихъ всекрестилъ. Когда тѣ и другіе замѣтили ошибку, то испытали различныя чувства: цыгане не хотѣли сохранить волосы валаховъ и тщательнo ихъ обрили, валахи не смѣли прикасаться къ волосамъ цыганъ и воздержались ихъ обрѣзывать.

Народная фантазія болгаръ объясняетъ происхожденіе длинныхъ ушей у ослонъ и ихъ крикъ слѣдующимъ образомъ. Когда Ной хотѣлъ собрать въ ковчегъ животныхъ, то онъ призывалъ ихъ, ударяя съ четырехъ сторонъ по центральному столбу ковчега, и они всѣ прибѣгали. Послѣ потопа онъ предложилъ имъ всѣмъ выйти изъ ковчега, и они, проходя мимо него, учтиво говорили: «Ной, будь здоровъ!» Ной также учтиво отвѣчалъ имъ, называя ихъ по имени: «Здравствуй, левъ, здравствуй, слонъ, будь здоровъ». Но когда очередь дошла до осла, Ной вдругъ забылъ его имя и изобрѣлъ вмѣсто него другое, странно звучащее. Животнымъ оно показалось смѣшнымъ, и они стали насмѣхаться надъ ослонъ. Оселъ весь въ слезахъ отправился къ Богу съ жалобой. «Что же тебѣ надо,—сказалъ шутя Богъ:—не дать ли тебѣ въ утѣшеніе длинныя уши кролика?»—«Да», сказалъ глупый оселъ.»—«Ну, будь по-твоему!»

Съ тѣхъ поръ у осла растутъ длинныя уши, а такъ какъ надъ нимъ всѣ насмѣхаются, то онъ бѣгаетъ по свѣту, испуская стоны.

Изъ обычаевъ болгаръ Лонэ приводитъ колебы, рождественскіе праздники, начинающіеся съ 24-го ноября. Въ этотъ вечеръ болгарки пекутъ пироги, въ которые запекаютъ деньги и вѣтку кизилія. Количество пироговъ равняется количеству членовъ семьи, и каждый пирогъ носить названіе животнаго. Затѣмъ бросаютъ жребій, кому достанется пирогъ, и въ теченіе остатка года имя животнаго остается за тѣмъ человѣкомъ, кому онъ достался. Эта вѣтвь кизилія служитъ также для угадыванія судьбы. Ее бросаютъ въ огонь, и если она вспыхнетъ съ трескомъ—это хорошій знакъ, а если зажигается съ трудомъ—надо бояться всего въ предстоящемъ году.

Въ дни колебы, идя за водою на фонтанъ, бросаютъ въ него деньги, чтобы умилостивить духовъ, которые прогуливаются вблизи сырыхъ мѣстъ при наступленіи ночи. Въ эти же дни видятъ, какъ небо раскрывается при ослѣпительномъ свѣтѣ, и болгары задумываютъ какое-нибудь желаніе, которое непремѣнно сбывается.

Но главное мѣсто въ рождественскіе праздники занимаютъ дѣти, которыя ходятъ изъ дома въ домъ и поютъ надлежащія пѣсни, за что получаютъ пироги и гостинцы. Эти пѣсни различныя. Для дѣвушки поютъ о томъ, что она видѣла во снѣ, какъ въ темныхъ облакахъ летѣли къ ней два свѣтлые голубя. Мать ей объясняетъ, что облака—свадьба, а голуби ея подружки, роль которыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ обмѣниваютъ кольцо жениха и невесты и держатъ позади ихъ восковыя свѣчи. Молодой женщиной они поютъ о томъ, какъ она обманула разбойниковъ и заманила ихъ въ ловушку, пригласивъ въ свой домъ, гдѣ мужъ съ ними расправился, отрубивъ имъ всѣмъ головы. Женатымъ мужчинамъ поютъ, какъ молодой человекъ держалъ пари съ солнцемъ. Онъ говорилъ:—У меня лошадь быстрѣ молнии, быстрѣ вѣтра, быстрѣ золотого солнца! На это солнце ему отвѣчало: «Неосторожный юнецъ, ты хвастался, что твоя лошадь быстрѣ меня. Я держу съ тобою пари. Встань на разсвѣтѣ и ожидай меня на востокѣ. Мы отправимся въ одно время: ты по землѣ, я—по небу. Если ты одержишь верхъ, я выдамъ за тебя замужъ мою сестричку, самую прекрасную изъ звѣздъ. Если же я выиграю, то возьму у тебя твою лошадь». До разсвѣта юноша осѣдлалъ лошадь, вскочилъ на нее и помчался на край великой земли туда, гдѣ солнце зажигаетъ свои первые лучи. Солнце появилось, и они отправились въ путь. Молодой человекъ сказалъ правду: хорошая болгарская лошадь быстрѣ солнца. Свѣтило еще находилось на востокѣ, какъ молодой человекъ уже достигъ юга. Онъ слѣзъ съ лошади, лѣниво растянулся и заснулъ. Наконецъ лошадь его разбудила, толкая копытомъ, она говорила: «Солнце прибѣдетъ на западъ, а мы еще на югѣ». Онъ вскочилъ на коня и галопомъ пронесся чрезъ двадцать четыре провинціи, опять опередивъ солнце, и прибылъ ранѣе его на ферму, гдѣ оно должно было провести ночь. Къ нему приблизилась сестра солнца и спросила:—«Гдѣ ты оставилъ моего брата?»—«Приблизился немного, красавица, я тебѣ это скажу». Когда она приблизилась, онъ схватилъ ее и умчался съ нею. Ихъ увидѣло солнце и сказало: «Отважный молодой человекъ, у тебя хорошая лошадь, я проигралъ пари. Оставь себѣ сестру, ты ее завосвалъ».

Последняя пѣсня колебы патріотическая, и ею убаюкиваютъ маленькихъ болгаръ. Въ ней, конечно, играетъ роль турокъ Османъ-паша и передается битва при Плевнѣ, когда болгары съ русскими отвоевывали независимость. Она кончается словами Османа-паши, который призываетъ изнемогавшихъ солдатъ еще бороться: «Герои,—кричитъ онъ,—русскіе надвигаются на насъ. Я не могу болѣе держаться, у меня нѣтъ болѣе кусочка хлѣба, всѣ наши пули истреблены, наша одежда въ лохмотьяхъ. Принесите мнѣ знамя зеленое съ краснымъ и привяжите къ нему мой платокъ, мой бѣлый платокъ. Мы не можемъ болѣе сражаться. Мать, старая мать! Пока онъ кричалъ это, казаки уже ворвались».

И на холмахъ Плевны теперь уже раздается голосъ русскаго капитана, который громко кричитъ: «Солдаты, Османъ-паша взятъ! Онъ привязанъ въ телѣгѣ, его отвезутъ въ Россію. Солдаты, Османъ-паша плѣнникъ и вся турецкая армія сдалась!»

— Италия въ роли поборницы свободы Албаніи.—Балканскія государства продолжаютъ магически привлекать къ себѣ вниманіе всего міра, и европейская дипломатія наперерывъ старается будто бы съ лучшими намѣреніями заботиться о судьбѣ той или другой балканской народности. Это явленіе отражается и въ журналахъ, гдѣ помѣщаются статьи за и противъ той или другой балканской націи. Пользуясь итальянскимъ и англійскимъ источниками, мы коснемся албанскаго вопроса.

Италія, съ своей стороны выражавшая сначала желаніе окончательнаго освобожденія храбраго и воинственнаго албанскаго народа отъ турецкаго ига и созданія самостоятельнаго государства и расширенія границъ, теперь хладнокровнѣе разсматриваетъ этотъ вопросъ. Она хочетъ видѣть Албанію свободной, независимой, культурной и передовой, и это желаніе высказалъ въ своей статьѣ въ «Nuova Antologia» за прошедшій мѣсяць членъ палаты и бывший министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Гиччіардини, но не забываетъ и свой интересъ. Теперь появилось на эту статью отвѣтное письмо ¹⁾, подписанное псевдонимомъ «Epiro», гдѣ авторъ высказываетъ свое мнѣніе, не соглашаясь съ графомъ Гиччіардини.

Авторъ говоритъ какъ бы отъ лица націи, что итальянскій народъ, вѣрный принципу своей національности и традиціонному великодушію, въ первый же моментъ настоящаго балканскаго кризиса просилъ свое правительство требовать независимости Албаніи. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о сѣверной границѣ Албаніи, авторъ касается лишь южной.

Но прежде скажемъ о происхожденіи албанскаго народа, по словамъ Соколовича, напечатавшаго въ «Fortnightly Review» статью, неблагоприятную для албанцевъ.

Въ его освѣщеніи это мало симпатичная раса, которую еще византійскій историкъ Францезъ охарактеризовалъ слѣдующими словами: «Албанцы, самый вѣроломный, самый чужедный народъ, какой когда-либо видѣли, безпрестанно переходятъ отъ одного властителя къ другому и всегда готовы измѣнить своему государю три раза въ недѣлю».

Настоящее происхожденіе албанцевъ покрыто мракомъ. Очень возможно, что они происходятъ отъ старыхъ пелазговъ, которыхъ поработили вторгнувшіеся эллины или отбросили въ горы. «Во всякомъ случаѣ,—говоритъ Соколовичъ,—это самая первобытная раса, какая когда-либо была». Да вообще являются ли албанцы расой? Сѣверные албанцы, «гегены», и южные, «тоскены», совершенно два различные типа въ физическомъ отношеніи. Ихъ два главные діалекта являются двумя различными языками, и они никогда не составляли цѣлой націи и поэтому у нихъ отсутствуетъ албанскій націонализмъ, или во всякомъ случаѣ у нихъ болѣе развитъ племенной духъ. Ихъ различныя племена ненавидятъ другъ друга и охотно между собой воюютъ. Если же порою они соединяются противъ общаго врага, то всегда готовы бросить своего союзника или измѣнить ему. Одинаково ихъ не связываютъ историческія воспоминанія. Сѣверная Албанія продолжительное время составляла часть Сербіи, албанскій Скутари

- 1) Epiro e Albania. Lettera al direttore della «Nuova Antologia». 1 Gennaio. 1913.

въ XI вѣкѣ былъ столицей Сербіи, и Яниной управлялъ до момента вторженія турокъ—сербскій князь. До сихъ поръ въ сѣверной и центральной Албаніи города носятъ сербскія названія, и въ діалектъ, на которомъ говорятъ въ этой части страны, попадается много словъ съ угро-славянскимъ корнемъ.

Относительно религіи албанцы чрезвычайно шатки. У нихъ незамѣтно того смѣшенія религіи съ національностью, какая бросается въ глаза во многихъ восточныхъ странахъ, гдѣ религія служитъ опорой національности. Албанцы легко переходятъ изъ одной религіи въ другую, смотря по обстоятельствамъ, выбирая, которая выгоднѣе. Они продолжительное время были язычниками и вдругъ перешли въ православіе, а когда появились турки, то они слѣдвали мусульманами.

Это отношеніе къ религіи, какъ способу обезпечить себѣ ту или другую выгоду, было замѣчено еще въ отдаленныя времена папы Каликста III, когда албанецъ Скандербергъ перешелъ въ католицизмъ, чтобы обезпечить себѣ покровительство папы и христіанской Европы. Въ недавнее время сѣверныя племена Албаніи по подстрекательству Венеціи и Австріи перешли въ католичество, обезпечивъ себѣ этимъ протекцію. Въ настоящій моментъ въ четырехъ албанскихъ вилайетахъ находится всего болѣе мусульманъ, затѣмъ слѣдуютъ католики и менѣе всѣхъ—православныхъ.

Албанцы не возьмутся за оружіе ни ради религіи, ни ради національности. Это раса авантюристовъ и грабителей, которые безъ зазрѣнія совѣсти грабятъ, говорятъ Соколовичъ, они продаются крестоносцамъ, лишь бы тѣ заплатили имъ и дозволили грабить. Смѣлые и способные, они вообще пользовались расположеніемъ султановъ, которымъ всегда были готовы служить, лишь бы тѣ платили имъ деньги. Янычары для дворцовъ обыкновенно набирались изъ албанцевъ, которые въ большомъ количествѣ служили также придворной стражей, въ арміи, а также въ жандармеріи. Послѣдняя даетъ имъ возможность утолять свою алчность къ деньгамъ. Албанскіе бей брали на откупъ налоги, что давало имъ большой доходъ, почему они не хотѣли слышать о турецкихъ реформахъ.

Однако, несмотря на выгоды, они мало помогали туркамъ своимъ оружіемъ въ войнахъ и не отвѣтили на призывъ Фахиръ-паши въ 1876 году, хотя предстояло сражаться съ ихъ старыми врагами—черногорцами и сербами. Въ слѣдующемъ году они немного участвовали въ войнѣ Турціи съ Россіей и даже не пробовали отстаивать Боснію и Герцеговину.

Албанская лига, давшая столько смуты Турціи, была созданіемъ Абдуль-Гамида, и ея происхожденіе слѣдующее. Послѣ Санъ-Стефанскаго договора (1878 года), по которому вся Македонія переходила въ руки болгаръ, султанъ возбудилъ волненіе въ Албаніи, чтобы вызвать новое вмѣшательство державъ и дать толчокъ къ уничтоженію рокового договора. Возбужденные эмиссарами Абдуль-Гамида, албанцы, сначала отнесшіеся къ этому равнодушно, собрали конгрессъ и на немъ образовали лигу. Эта лига мала того что боролась противъ славянской опасности, но еще воспользовалась случаемъ, чтобы потребовать отъ султана болѣе полной автономіи. Она неистово протестовала противъ занятія сербами и болгарами нѣкоторыхъ областей Македоніи, занятыхъ отчасти албанцами, и, ободряемая турецкимъ правительствомъ, она послала на берлинскій конгрессъ эмиссаровъ, чтобы вернуть Македонію Турціи.

Когда окончился конгрессъ, Абдуль-Гамидъ рѣшилъ, что болѣе нѣтъ причины продолжать албанскую смуту. Онъ заключилъ въ тюрьму Абдула Фрекари и Врето, которые настойчивѣе всѣхъ требовали автономіи, а Мехмета-Али-пашу послалъ въ Призрѣнъ сообщить лигѣ свое намѣреніе закрыть ее. Когда Али-паша вступилъ въ большую мечеть, гдѣ собрались члены лиги, то они набросились на него, стали бить его и плевать въ лицо, а затѣмъ полуживого выбросили на улицу. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ разрубить его на куски. Махметъ-Али хотѣлъ укротить ихъ силой, но самъ погибъ въ огнѣ крѣпости Дьяковицы. Съ трудомъ султану удалось то силой, то переговорами кое-какъ ихъ усмирить. Официально онъ одержалъ верхъ и оставилъ ихъ въ покоѣ. Съ тѣхъ поръ албанцы стали занимать должности при турецкомъ дворѣ, въ арміи и администраціи, и преторіанская гвардія, такъ щедро оплачиваемая султаномъ, набиралась главнымъ образомъ въ Албаніи.

Поэтому революція 1908 года была такъ дурно принята албанцами, какъ и всѣ реформы новаго правительства. Послѣ событій 1909 года младотурки рѣшили, что паденіе Абдуль-Гамида открыло между ними и албанцами пропасть— и они болѣе съ ними не стѣснялись. Албанцы возстали, безъ сомнѣнія, подстрекаемые эмиссарами Австріи и Италіи. Джавидъ-паша, лично имѣвшій свои счеты съ албанцами, былъ посланъ усмирять возставшихъ. Онъ рѣзалъ албанцевъ и сжигалъ ихъ селенія. Наконецъ въ 1911 году они свергли младотурецкое министерство.

Италія, опираясь на многочисленныя албанскія семьи, которыя бѣжали въ церковныя области отъ преслѣдованія турокъ въ XV и XVIII вѣкѣ, но продолжали поддерживать тѣсную связь со своими земляками, по словамъ Соколовича, имѣла въ Албаніи своихъ эмиссаровъ. Теперь, заботясь о судьбѣ Албаніи, Италія хочетъ, какъ видно изъ статьи графа Гиччардини, расширенія границъ Албаніи и ея полной свободы. Но въ отвѣтномъ на эту статью письмѣ его авторъ прежде всего задаетъ вопросъ, который возникнетъ, когда будетъ создаваться новая Албанія: «Что подозрѣвается подъ Албаніей?» Съ точки зрѣнія исторической, географической и этнологической Албанія не что иное, какъ древняя Пллирія. Въ различныя эпохи албанскій народъ поселялся въ Сициліи, Греціи, Эпирѣ, Македоніи, Фракіи и, наконецъ, въ Египтѣ и Румыніи. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Сицилія или другія области, гдѣ жили албанцы, чрезъ это стали албанской территоріей. Границы Эпира такъ же, какъ Иллиріи, опредѣлены и установлены искони. Съ точки зрѣнія географической и этнологической таковыя границы составляютъ горы: Акрокеравнскія, Пиндъ, Амбрачійскій заливъ, Ионическое море. Берлинскій конгрессъ, проводя новую линію границы со стороны западной Греціи, рѣку Каламась, конечно, не хотѣлъ этимъ опредѣлить границу Эпира по отношенію будущей Албаніи, говоритъ авторъ. Онъ хотѣлъ просто вынести резолюцію касательно Эпира, какъ онъ сдѣлалъ относительно Фессаліи. Эту резолюцію, согласно его мнѣнію, должны были привести въ исполненіе въ тотъ моментъ для поддержанія равновѣсія необходимыхъ силъ на Балканскомъ полуостровѣ, равновѣсія, которое было серьезно потрясено созданіемъ Болгарскаго государства, обшириѣе и могуче тогдашняго Греческаго королевства. «Графъ Гиччардини,—говоритъ авторъ,—слишкомъ

искренень и объективенъ, чтобы не знать неоспоримаго факта, что мусульмане, живущіе въ Эпирѣ, не первобытные жители этой провинціи, но колонисты, пришлые изъ Албаніи и даже болѣе того, не пришлые, но силой пересаженные въ какое-нибудь десятилѣтіе. Это насильственное переселеніе придумано было знаменитымъ кровожаднымъ тираномъ Эпира Али-пашою съ цѣлью ввести преобразование съ этнографической цѣлью. Совершалось оно всеми способами, а главное насиліемъ, что оставило неизгладимый слѣдъ на исторіи Эпира и главное Балканскаго полуострова».

Съ тѣхъ поръ турки ревностно слѣдовали политикѣ Али-паши и успѣли за послѣднее тридцатилѣтіе выселить 150,000 грековъ, которые были принуждены бѣжать съ родины отъ притѣсненій турокъ и разбѣялись вездѣ по-немногу. Но, несмотря на это систематическое выселеніе, греческій элементъ все-таки преобладаетъ надъ албанскимъ. Признавая, что графомъ Гиччардини руководить великодушное чувство увидѣть Албанію свободною, живущею собственной жизнью, цивилизованною, пользующеюся прогрессомъ и такимъ образомъ являющеюся выгодной для промышленности и торговли Италіи, авторъ все-таки не раздѣляетъ его взгляда. По его мнѣнію, приходится критически отнестись къ этой великодушной иллюзіи, если желательно остаться въ области реального и возможнаго. Потребуется десятки лѣтъ, чтобы осуществилась эта великодушная мечта. Каждому извѣстно, что албанцы, безъ сомнѣнія, храбрые и воинственные, еще находятся въ примитивномъ состояніи. Прежде всего албанцы вообще исповѣдуютъ мусульманскую религію, а коранъ отрицаетъ всякій политическій прогрессъ и всякое примѣненіе современной культуры. Поэтому надо признать, что лишь чрезъ очень много, слиш-комъ много поколѣній явится надежда увидѣть это чудо, увидѣть новую Албанію, культурную и цивилизованную. У албанцевъ нѣтъ одного изъ главныхъ элементовъ, необходимыхъ для составленія «націи», а именно коллективнаго, національнаго сознанія, національнаго чувства, общаго для всѣхъ албанцевъ. Между сѣверными гегенами и южными тоскенами—громадная разница не только въ отношеніи языка, но также чувствъ. Эти два главныхъ албанскія племена взаимно не довѣряютъ другъ другу, а это граничитъ съ ненавистью и презрѣніемъ.

Наиболѣе прогрессивная часть албанскаго народа, и болѣе многочисленная, тоже мусульмане, такъ называемые «бектассы», рѣзко раздѣляется отъ мусульманъ, исповѣдующихъ ученіе ислама. Христіане католическіе и православные ненавидятъ другъ друга. Вѣковая ненависть, отдѣляющая албанцевъ-мусульманъ и албанцевъ-христіанъ, слишкомъ глубока.

Съ другой стороны, цѣлые четыре вѣка мусульмане были въ Албаніи господами и тиранами, а христіане рабами и вассалами. Христіане, особенно греки, Эпира не могли забыть своихъ собственныхъ владѣній, священныхъ владѣній, заработанныхъ долгимъ трудомъ и умомъ. Теперь эти владѣнія принадлежатъ мусульманскимъ беямъ, хозяевамъ ленныхъ имѣній. Тѣ, что были ихъ господами, теперь стали слугами. Они помнятъ, что эти самые люди сжигали ихъ селенія, истребляли и обгаряли кровью ихъ очагъ. Какъ же хотѣть, чтобы греки, теперь освобожденные отъ оттоманскаго ига цѣною жизни своихъ

братьевъ, вновь были приведены въ какое-то рабство, подчинены господству не менѣе ненавистному, чѣмъ то, которое они только что сбросили, дрожа отъ радости и надежды.

Какъ можно требовать, чтобы греки Химарра и остального Эпира забыли, что цѣлыя населенія были истреблены албанцами. Какъ возможно требовать, чтобы эти самые греки забыли, что города Эпира, одно время цвѣтущіе, теперь остались лишь въ воспоминаніи исторіи, пустой звукъ въ географіи, только благодаря преслѣдовацію албанцевъ. Для примѣра приведемъ городъ Мосхополь. Одно время это былъ цвѣтущій, богатый центръ торговли, цивилизаціи и образованія съ 200.000 жителей. Его ограбили, сожгли, забросили, и отъ него остались только печальныя развалины.

Кромѣ того, какъ извѣстно, албанцы-мусульмане занимаютъ въ Турціи высшія должности въ арміи и администраціи. Поэтому, если турецкія владѣнія сократятся, то всѣ эти чиновники мало-по-малу поселятся въ Албаніи и будутъ стараться примѣнять свои таланты. Если греки подчинятся этимъ непримиримымъ врагамъ, прежнимъ побѣжденнымъ, возвратившимся на свою родину съ сердцемъ, разрываемымъ горечью отъ поражений, то это будетъ оскорбленіемъ національности.

Конечно, Европа не захочетъ создать государство при такихъ мало либеральныхъ и мало гуманныхъ условіяхъ и этимъ приготовить новый восточный вопросъ, едва покончивъ съ первымъ. Нельзя все говорить о Валлоніи и думать, что вся жизнь албанской расы развертывается въ одномъ этомъ городѣ. Слѣдуетъ заглянуть и на сѣверъ, въ ту область, гдѣ обнаружится дѣйствительная Албанія, и тогда убѣдиться въ невозможности исключить грековъ. Для созданія Албаніи независимой, свободной и цивилизованной, которая могла бы отвѣчать на какую-нибудь изъ надеждъ Европы, необходимо заставить ее вообще провести границу согласно естественному географическому, политическому и этнографическому предѣлу, что будетъ необходимо для созданія однороднаго государства и образованія дѣйствительно и искренно освобожденнаго народа. Если же желательно исключить, по выраженію графа Гиччардини, чисто и «свирѣпо» эллиническую народность, то это будетъ не только несправедливо, но также и непрочно.

Расширеніе границы Албаніи въ южномъ устьѣ рѣки Воюзы и крайнемъ пунктѣ Акрокеравнскихъ горъ, одинаково какъ дальше въ восточной части Мосхополя, чтобы вернуть вновь эту зону въ албанскую территорію, невозможно и недопустимо. Албанія, такимъ образомъ разграниченная, составитъ искусственное, несправедливое и антилиберальное созданіе. Подобное созданіе, которое вредитъ интересамъ грековъ, не можетъ быть полезнымъ интересамъ другихъ. Такая Албанія, которая включить въ свои восточныя границы между прочимъ городъ Корицу, неоспоримо греческую, гдѣ недавно по-братски были приняты греческіе освободители,³ совершить актъ политической безнравственности. Въ моментъ, когда четыре христіанскія арміи могли освободить отъ мусульманскаго ига своихъ притѣсняемыхъ братьевъ, нельзя думать, чтобы европейскіе дипломаты, такіе же христіане, хотѣли вновь построить мусульманское государство, чтобы подчинить ему христіанскій народъ. Въ

этомъ духъ Албанія будетъ мало привлекательна. Грекамъ придется удалиться въ Грецію или оставаться на родинѣ среди несогласій, которыя вызовутъ новыя насилія и беспорядки и снова смутятъ совѣсть европейцевъ.

Независимая, свободная Албанія, говоритъ въ заключеніе авторъ, предназначена сдѣлаться факторомъ порядка и равновѣсія, но не Албанія, которая хочетъ поглотить народность съ чувствами, стремленіями, степенью культуры несравнимо выше албанскихъ. Только при этихъ условіяхъ Европа можетъ создать въ крайнемъ западномъ пунктѣ Балканскаго полуострова государство, совершивъ, такимъ образомъ, не только дѣло справедливости и правосудія, но дѣло мира и прочнаго согласія.

— Одинъ изъ якобинцевъ въ старости.—Извѣстный историкъ Ленотръ, посвятившій себя почти исключительно детальному изученію великой французской революціи, помѣстилъ въ «Le Temps» любопытный этюдъ объ одномъ изъ видныхъ дѣятелей якобинскаго клуба Габріэль Букье, дневникъ котораго только что вышелъ въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «La conversion d'un sans-culottes»¹⁾.

Послѣ трехъ лѣтъ, одного мѣсяца и четырехъ дней непрерывной и шумной работы, 26-го октября 1795 года наступило послѣднее засѣданіе конвента. Принявъ въ этомъ засѣданіи общую амнистію, изъ которой исключены были лишь священники и эмигранты, конвентъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы площадь Революціи отнынѣ носила названіе площади Согласія. Затѣмъ Жениссье, предсѣдательствовавшій въ этотъ день, всталъ съ своего мѣста и торжественно заявилъ:

— Національный конвентъ заявляетъ, что его миссія кончена и срокъ его полномочій истекъ.

Было половина третьяго. Раздались громкіе крики: «да здравствуетъ республика!» заглушаемые шумомъ расходящихся членовъ конвента. Разставались люди, которые проявили такой героизмъ, совершили столько гнуснаго, надѣлали столько преступленій, навлекли на себя столько ненависти, спасли страну отъ непріятельскаго вторженія и положили начало новой породѣ людей.

Многіе изъ нихъ, не заботясь болѣе о политикѣ, поступили на службу къ новому правительству, другіе, чтобы не разставаться съ Парижемъ, принесли себѣ въ немъ какое-нибудь занятіе; третьи, жалуясь на усталость, спѣшили возвратиться домой на родину. Конвентъ разошелся, и въ первый разъ со времени бурныхъ дней весны 1793 года замолкъ большой Тюльерійскій дворецъ, эта раскаленная днемъ и ночью плавильная печь законодательства.

Въ числѣ тѣхъ, которымъ не повезло при составленіи «Совѣта Пятисотъ» и которые рѣшили вернуться на родину, былъ и представитель Дордоньи Габріэль Букье. Его жена и дѣти, которыхъ онъ не видѣлъ съ 1792 года, оставались въ Террасонѣ, и теперь онъ готовился къ встрѣчѣ съ ними, не безъ страха, однако, за будущее. Правда, у него было хорошее состояніе, но удастся ли ему послѣ столькихъ волненій свести себя на нѣтъ и довольствоваться своимъ роднымъ домомъ? Перспектива бездѣйствія угнетала его; ему было всего пять-

¹⁾ Le Temps, 1913, № 18. 815.

десять четыре года. Куда теперь онъ дѣнетъ свою энергію, отвагу, духъ предприимчивости, къ которому онъ такъ привыкъ? Тревожимый всѣми этими вопросами, Букье уложилъ свои бумаги, заперъ чемоданы и взялъ мѣсто въ дилижансѣ, направлявшемся въ Периге.

Въ теченіе семидневнаго переѣзда онъ мысленно переживалъ свое прошлое, вспоминая то время, когда двадцатичетырехлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ онъ впервые ѣхалъ этой же дорогой въ Парижъ, полный надеждъ и иллюзій. Въ тѣ дни онъ былъ поэтомъ и художникомъ, мечтавшимъ о томъ, что ему суждено сравняться съ самимъ Верне и Парроселемъ. Держа альбомъ на колѣняхъ, онъ срисовывалъ дорожные виды и попадавшіяся въ пути живописныя гостиницы. Въ Парижѣ въ теченіе цѣлаго года онъ велъ праздную, веселую жизнь, вращаясь между Сентъ-Обенами, Грезами, Моро, посѣщая знаменитое кафе Проконъ, товарища Лантара, который за картины нерѣдко платилъ чашкой шоколада, и Жанто, который, увы! уже тогда фабриковалъ поддѣльныхъ Ватто, Рубенсовъ и Рембрандтовъ, и притомъ съ такимъ искусствомъ, что проводилъ даже знатоковъ. Букье вспоминалъ потомъ, какъ онъ возвращался въ Террассонъ, вспоминая о своей любви къ одной дѣвушкѣ, на которой родители не позволили ему жениться. Приходило ему на память, какъ, поссорившись съ своимъ упрямымъ отцомъ, онъ отправился путешествовать по Италіи. Наступилъ наконецъ и для него возрастъ, въ который люди остепеняются. Буржуазно женившись, онъ продолжалъ жить въ родномъ городкѣ, услаждая свои досуги живописью. Налетѣвшій вихрь революціи закружилъ его: со всею страстностью артиста онъ вдругъ преисполнился любовью къ свободѣ, слѣпо бросился въ свалку, сталъ сочинять стихи въ честь новаторовъ, воевалъ съ духовенствомъ и дворянствомъ и мало-по-малу выработался въ прекраснаго оратора и смѣлаго реформатора. Прибывъ въ Парижъ въ качествѣ депутата, онъ вступилъ въ ряды самыхъ свирѣпыхъ членовъ конвента, голосовалъ за смертную казнь короля, былъ ярымъ приверженцемъ Марата, другомъ Давида и Робеспьера, предсѣдательствовалъ въ клубѣ якобинцевъ, отправлялъ подъ гильотину жирондистовъ, Дантона, Камилля, участвовалъ въ празднествѣ въ честь Разума, гремѣлъ противъ брака, противъ воспитанія дѣтей, противъ искусствъ. Охваченный заразительнымъ безуміемъ, онъ кричалъ, бушевалъ, приходилъ въ изступленіе. Но вотъ повѣяло охлаждающимъ дыханіемъ термидора. Онъ вдругъ остываетъ, смотритъ вокругъ себя... Что онъ надѣлалъ? Неужели все это дѣлалось имъ изъ страха? Неужели онъ убивалъ только потому, чтобъ остаться въ живыхъ самому? А онъ убивалъ и убивалъ наиболѣе благородныхъ. Подлецы всѣ ускользнули и онъ отмѣчаетъ это въ своей записной книжкѣ. «Сколько людей,—пишетъ онъ,—для того, чтобы не погибнуть безславно, скрывали свои чувства во время революціи! И сколько другихъ, которыхъ ихъ откровенность привела на эшафотъ!»

Эти мысли занимаютъ его и теперь, пока дилижансѣ медленно катится къ Террассону по разоренной Франціи. Вотъ показались наконецъ первые домики городского предмѣстья. Онъ узнаетъ тихія улицы, свой большой домъ на площади Аббатства. Сначала Букье нравится эта провинціальная тишина. Ничто не напоминаетъ ему о роли, которую онъ игралъ тамъ въ Парижѣ. Даже

въ Террассонѣ многіе погибли, немало семей оплакиваютъ своихъ членовъ— священниковъ и эмигрантовъ, которые умерли тамъ за моремъ отъ огорченія и лишеній. Но тутъ, въ Террассонѣ, по крайней мѣрѣ, могутъ прощать.

Бывшій членъ конвента на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ родителей или друзей погибшихъ жертвъ, которыхъ онъ могъ бы спасти, когда былъ у власти. Его прежнее малодушіе становится для него нестерпимымъ. Онъ старается заглушить въ себѣ укору совѣсти. Букье запирается отъ всѣхъ и отмѣчаетъ въ своей записной книжкѣ: «Геніи зла уничтожили всѣ добродѣтели, которымъ они объявили войну».

Чтобы избавиться отъ докучливыхъ воспоминаній, онъ забивается въ свою мастерскую, пишетъ красками, рисуетъ карандашомъ. Но руки его ослабли, небо, скалы ничего уже не говорятъ его утомленной душѣ. Помимо его воли, словно подъ вліяніемъ какой-то невѣдомой силы, его кисть пишетъ все Христа и Христа, однѣ только религіозныя сцены, подернутыя мистицизмомъ.

Нѣтъ ничего интереснѣе, какъ изучать старость бывшихъ членовъ конвента, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, кто впослѣдствіи имѣлъ возможность пораздумать о своемъ прошломъ. Страшныя воспоминанія встаютъ передъ нимъ. Нѣкоторые продолжаютъ упорно думать, что все, содѣянное ими, было справедливо и полезно. Другіе впадаютъ въ сомнѣнія, третьи замыкаются въ своемъ уединеніи и предаются философскимъ размышленіямъ. Но у всѣхъ у нихъ замѣтна тоска о томъ невозвратномъ времени, когда они были титанами, перевернувшими старый міръ и на развалинахъ его проложившими новый путь для грядущихъ поколѣній. Куда идетъ этотъ путь? Они и сами хорошо этого не знаютъ.

Съ каждымъ годомъ Букье все болѣе и болѣе изнемогаетъ подъ тяжестью своихъ воспоминаній. Вся его жизнь въ старости есть отреченіе отъ его прошлаго. Онъ, который когда-то съ трибуны конвента предлагалъ замѣнить школы клубами и увѣрялъ, что клубъ якобинцевъ въ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлалъ для счастья человѣчества больше, чѣмъ всѣ научныя учрежденія Европы въ теченіе столѣтій, теперь всецѣло посвящаетъ себя воспитанію своихъ дочерей и составляетъ съ этой цѣлью особый учебный планъ, въ которомъ на первомъ планѣ—преподаваніе Закона Божія. Онъ отказывается отъ тѣхъ пріемовъ воспитанія, которые онъ провелъ черезъ конвентъ... для другихъ. Когда-то онъ привѣтствовалъ богиню Разума и сопровождалъ ее въ торжественной процессіи. Теперь онъ почтительно принимаетъ у себя епископа ангулемскаго. Онъ продолжаетъ еще писать стихи, но уже не въ честь Марата. Наполеону, ставшему императоромъ, бывшій членъ конвента, когда-то неистовствовавшій противъ «гнусныхъ тирановъ, этихъ бичей народовъ», преподноситъ восторженную оду, славя его за то, что онъ изгладилъ бѣдствія революціи. И это дѣлается не изъ желанія получить мѣсто или пенсію. Букье уже ничего не нужно. Онъ живетъ, «какъ автоматъ», почти не выходитъ изъ своей «берлоги» и мечтаетъ сдѣлаться монахомъ. Онъ жалѣетъ, что ему не пришлось пасть рядомъ съ своими друзьями, ибо топоръ палача избавилъ бы его «отъ горечи воспоминаній». «Я уже почти не принадлежу этому міру,—заноситъ онъ въ свой дневникъ.— и все побуждаетъ меня ненавидѣть его, мои личныя невзгоды, несчастья моихъ друзей, развращенность людей, отсутствіе въ нихъ челоуѣколюбія».

6-го октября 1810 года угасъ наконецъ этотъ слабый трибуунъ, который въ союзѣ съ такими же слабыми, какъ и онъ, далъ такой толчокъ міру, что и теперъ еще, когда протекло уже болѣе вѣка, мы все еще чувствуемъ его.

— Прусское донесеніе о смерти Пушкина. Въ послѣдней книжкѣ издаваемаго въ Берлинѣ проф. Шиманомъ журнала «*Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte*» ¹⁾ помѣщены два донесенія о смерти Пушкина. Проф. Шиманъ извлекъ ихъ изъ дѣлъ берлинскаго тайнаго государственнаго архива. Первое изъ нихъ помѣчено 30-го января (11-го февраля) 1837 г., второе 2 (14)-го февраля того же года. Оба донесенія писаны на французскомъ языкѣ какимъ-то Либерманомъ и были предназначены для кого-то изъ коронованныхъ особъ. По крайней мѣрѣ Либерманъ именуетъ лицо, къ которому отправляетъ донесенія, «ваше величество». Кто былъ этотъ Либерманъ и кому именно были адресованы оба донесенія, издатель, къ сожалѣнію, не выясняетъ.

Изъ перваго донесенія, писаннаго на другой день послѣ смерти поэта, видно, что Либерманъ не только не былъ съ нимъ лично знакомъ, но и вообще зналъ объ немъ лишь по наслышкѣ. Такъ онъ называетъ его «статскимъ совѣтникомъ А. Мусинъ-Пушкинымъ», утверждаетъ, что поэтъ былъ женатъ на Горчаковой, вмѣсто Гончаровой. Не давая новыхъ фактическихъ подробностей, донесеніе Либермана интересно, однако, какъ отраженіе той непріязни, которую открыто выказывали Пушкину придворные круги и officialный міръ. Либерманъ въ первомъ своемъ донесеніи повторяетъ наскоро собранныя имъ свѣдѣнія о дикой ревности Пушкина, объ его оскорбительномъ поведеніи относительно Дантеса, объ его неосновательномъ заподозрѣваніи жены и рассказываетъ о дуэли съ тѣми подробностями, которыя мы теперъ уже знаемъ.

Интереснѣе его второе донесеніе. Въ немъ такъ и слышится голосъ той свѣтской непріязни, которая погубила великаго поэта, и рисуется яркими красками отношеніе къ Пушкину зарождавшейся тогда русской интеллигенціи.

«Виконтъ д'Аршіакъ,—пишетъ Либерманъ, видимо успѣвшій собрать болѣе точныя свѣдѣнія,—присутствовавшій въ качествѣ секунданта бар. Геккерена на дуэли, на которой былъ убитъ знаменитый русскій поэтъ Александръ Пушкинъ, какъ я уже имѣлъ честь сообщить вамъ въ своемъ послѣднемъ донесеніи 30-го января (11-го февраля), отправляется сегодня курьеромъ въ Парижъ черезъ Берлинъ, до котораго онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ англійскимъ курьеромъ, посланнымъ лордомъ Дургамомъ.

«Военный судъ, который наряженъ надъ бар. Геккереномъ, еще не вынесъ своего приговора. Еще менѣе извѣстно наказаніе, которому государь императоръ сочтетъ справедливымъ подвергнуть этого молодого офицера. Хотя его величество сначала высказался на этотъ счетъ довольно милостиво, признавая, что онъ не могъ отказаться отъ вызова своего бѣшенаго противника, однако начинаютъ думать, что императоръ не захочетъ, а, можетъ быть, и не сможетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ своихъ впечатлѣній и подвергнетъ

¹⁾ Z. F. O. Gesch. Band III, Heft 2.

Геккерена, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время суровому наказанію, чтобы успокоить раздраженіе и прекратить крики о мщеніи, жажда котораго вспыхнула въ низшихъ слояхъ обитателей столицы гораздо сильнѣе, чѣмъ въ высшихъ ея кругахъ, такъ какъ, съ одной стороны здѣсь лучше знаютъ всю исторію, какъ она произошла, а съ другой—и потому, что Пушкинъ пользовался гораздо большей популярностью въ низшихъ классахъ, не соприкасающихся съ иностранной литературой. Не имѣя поэтому правильной мѣрки для сравненія, они создали себѣ чрезчуръ преувеличенное мнѣніе о достоинствѣ его произведеній.

«Смерть Пушкина въ этихъ кругахъ разсматривается, какъ непоправимая потеря для страны, какъ общественное бѣдствіе. Національное самолюбіе задѣто тѣмъ сильнѣе, что его противникъ, оставшійся въ живыхъ, по происхожденію иностранецъ. Открыто кричатъ, что невозможно допустить, чтобы французы могли безнаказанно убить человѣка, со смертью котораго закатилась національная слава Россіи. Эти чувства высказывались и на панихидахъ, которыя совершались въ квартирѣ покойнаго, и на торжественномъ его отпѣваніи въ Конюшенной церкви, на которомъ, говорятъ, присутствовало много особъ дипломатическаго корпуса. Говорятъ, что со дня смерти и до дня выноса въ церковь въ квартирѣ покойнаго перебивало до пятидесяти тысячъ человѣкъ всякаго ранга. Многія корпораціи просили разрѣшенія нести тѣло на рукахъ. Предполагалось даже выпрячь лошадей и везти траурную колесницу народомъ. Наконецъ демонстраціи по случаю смерти человѣка, который былъ извѣстенъ полнымъ отсутствіемъ религіозности, дошли до того, что власти, опасаясь нарушенія общественнаго порядка, должны были перемѣнить мѣсто отпѣванія (сначала оно предполагалось въ Исаакіевскомъ соборѣ, у Адмиралтейства) и перенести тѣло въ церковь ночью.

«Всѣ эти необыкновенныя демонстраціи были устроены друзьями и покровителями Пушкина, какъ знакъ почтенія къ его выдающемуся таланту и доказательство блестящаго успѣха, который за послѣднее время сдѣлала въ Россіи любовь къ поэзіи и литературѣ. Но я не считаю возможнымъ скрывать отъ вашего величества, что причины, которыми были вызваны манифестаціи по поводу смерти Пушкина, должны быть большею частью отнесены къ той особой популярности, которой пользовался покойный у нѣкоторыхъ лицъ и въ нѣкоторыхъ кругахъ, благодаря своимъ либеральнымъ идеямъ, которыя онъ любилъ высказывать и которыя заставили его не только написать гнусныя стихи на покойнаго императора Александра, но и принять участіе въ еще болѣе преступныхъ проискахъ. Я достоверно знаю, что подъ предлогомъ горячаго патріотизма въ Петербургѣ съ нѣкотораго времени говорятся весьма странныя вещи, въ родѣ того, что Пушкинъ былъ единственной опорой, единственнымъ борцомъ за народную свободу. Меня увѣряли даже, будто какой-то офицеръ, одѣтый въ полную форму, держалъ въ этомъ смыслѣ рѣчь къ толпѣ, собравшійся возлѣ гроба поэта въ его квартирѣ».

Такими тревожными слухами старались гарантировать собственную безопасность загравившіе Пушкина людишки.

— С е к р е т ь Б у р б о н о в ь ¹⁾.—Разбирая старинный родовой архивъ въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи Киллинкеррикъ въ Викло, англичанка ле-Блондъ случайно наткнулась на нѣсколько портфелей порыжѣвшихъ бумагъ съ выцвѣтшими чернилами, писанныхъ на французскомъ языкѣ и относящихся къ послѣднему десятилѣтію XVIII вѣка. Бумаги эти оказались письмами прабабушки теперешней владѣлицы имѣнія, лэди Шарлотты Софіи Бентинкъ, въ свое время игравшей видную роль въ общественной жизни страны. Жизнь этой лэди, чрезвычайно богатая всякими приключеніями, заинтересовала ее правнучку, и она стала собирать матеріалы для ея біографіи. Кромѣ документовъ, касающихся этой лэди и хранящихся въ архивахъ Голландіи и Австріи, ей попалась въ руки еще книга нѣкоего Бехштойна, напечатанная въ Германіи въ серединѣ прошлаго вѣка и представляющая собою весьма распространенный и теперь опять возрождающійся типъ историческаго разсказа, гдѣ выводятся живые люди подъ своими собственными именами, и правда такъ перемѣшана съ выдумкой, что потомъ весьма трудно ихъ раздѣлить. Въ этомъ романѣ, озаглавленномъ «Таинственный графъ» (Der Dunkelgraf), между прочимъ выводится подъ настоящимъ именемъ и лэди Шарлотта Бентинкъ.

Содержаніе разсказа состоитъ въ томъ, что главный его герой Людвигъ, еще будучи молодымъ человѣкомъ, получаетъ подъ свою опеку нѣкую прекрасную французскую принцессу, которую онъ долженъ скрыть и изолировать отъ всѣхъ живыхъ существъ, кромѣ его самого. Сначала они бѣдутъ въ одинъ изъ глухихъ уголковъ Германіи въ Ингельфингенъ, а затѣмъ, послѣ казни герцога Энгенскаго, поселяются въ Гильдбурггаузенъ, въ Саксонь-Мейнингенъ. Въ 1810 году графъ и принцесса переѣзжаютъ отсюда за четыре версты въ замокъ Эйсгаузенъ и живутъ въ немъ до самой смерти. Таинственная отшельница маленькаго замка умерла въ 1837 году и похоронена въ глухую ночь въ саду, принадлежавшемъ ея опекуну. Передъ тѣмъ, какъ опускать гробъ въ могилу, графъ приказалъ поднять крышку гроба, чтобы показать слугамъ хозяйку, которую имъ ни разу не приходилось видѣть, какъ слѣдуетъ, при ея жизни. Всѣ разсказывали, что умершая отличалась необыкновенной красотой.

Замѣтивъ, что нѣкоторыя письма лэди Бентинкъ помѣчены «Эйсгаузенъ», и установивъ такимъ образомъ какую-то связь между таинственными обитателями замка и своей прабабушкой, ле-Блондъ стала собирать литературу; касающуюся странной пары изъ Эйсгаузена, и ей удалось получить въ свои руки весьма рѣдкую теперь книгу, изданную вслѣдъ за смертью таинственнаго графа въ 1845 году сыномъ эйсгаузенскаго пастора Кюнера. Кюнерь жилъ въ двухъ шагахъ отъ замка и былъ человѣкомъ весьма образованнымъ, дававшимъ когда-то уроки баварской королевѣ Терезѣ. Таинственный графъ—онъ называлъ себя графомъ Вавель или Варель де-Версэ, но никто не вѣрилъ, что это его настоящее имя,—поддерживалъ съ пасторомъ самую оживленную переписку по всевозможнымъ вопросамъ—историческимъ, философскимъ, политическимъ, даже химическимъ. Письма эти вручались пастору всегда однимъ и тѣмъ же слугой изъ замка. Отвѣтъ пасторъ долженъ былъ писать на самомъ же письмѣ,

¹⁾ «The Nineteenth Century and After», Decem. 1913.

а если онъ былъ слишкомъ длиненъ, то и на отдѣльной бумажкѣ, но съ тѣмъ, чтобы каждое письмо графа непременно было возвращаемо обратно. Такъ продолжалось много лѣтъ, до самой смерти пастора, причемъ оба корреспондента ни разу не говорили другъ съ другомъ лично. Пасторъ Кюнерь былъ, однако, предусмотрителенъ: возвращая письма графа, онъ снималъ съ нихъ копии, и вотъ эти-то копии и были потомъ опубликованы во Франкфуртѣ-на-Майнѣ его сыномъ. Въ этой книгѣ приведено между прочимъ замѣчаніе Кюнера, брошенное имъ однажды невзначай: раскрытіе тайны замка привело бы къ подножію трона, но что онъ, пасторъ, менѣе всего этого желаетъ.

Подстрекаемая любопытствомъ, ле-Блондъ, въ надеждѣ разсѣять сгущавшійся мракъ тайны, рѣшается лично посѣтить мѣсто, гдѣ жила таинственная французская принцесса. Въ Гильдбурггаузенѣ она раздобыла еще одну книгу съ тѣмъ же заглавіемъ «Der Dunkelgraf», но написанную другимъ лицомъ, нѣкимъ Гуманомъ, котораго ле-Блондъ застала еще въ живыхъ. Гуманъ объявилъ ей, что, по его свѣдѣніямъ, таинственный графъ былъ голландецъ по имени ванъ-деръ-Валькъ, а жившая съ нимъ женщина—Марія-Тереза Шарлотта, дочь казненаго Людовика XVI.

Тайна сгустилась еще болѣе.

Извѣстно вѣдь, что дочь казненаго короля и Маріи-Антуанетты послѣ казни матери была освобождена изъ заключенія въ замкѣ Тамплѣ, препровождена въ Вѣну къ родственникамъ Маріи-Антуанетты и впослѣдствіи вышла замужъ за племянника Людовика XVIII, герцога Ангулемскаго. Возникаетъ, слѣдовательно, любопытный вопросъ: какая же французская принцесса скрывалась въ Эйсаузенѣ?

Въ исторической литературѣ есть указанія на то, что эйсаузенской отшельницей, которую такъ тщательно оберегали отъ сношенія съ окружающимъ міромъ, была не дочь, а внучка казненаго Людовика XVI, дочь Маріи-Терезы-Шарлотты и нѣкоего Гомена, на попеченіи котораго находилась семья несчастнаго короля во время своего заключенія въ Тамплѣ. Гомень сопровождалъ принцессу послѣ ея освобожденія до самыхъ границъ Франціи, пока ее не встрѣтило довѣренное лицо австрійскаго императора. Послѣдній этапъ путешествія Маріи-Терезы-Шарлотты или *madame Royale*, какъ ее называли при старомъ режимѣ, былъ окруженъ большою таинственностью. Въ Инсбрукѣ произошла почему-то большая и загадочная остановка. Въ Вѣнѣ давно ждали ея прибытія, делъя матримоніальные планы—выдать ее замужъ за австрійскаго эрцгерцога Карла. Но когда наконецъ *madame Royale* прибыла къ австрійскому двору, то, кромѣ презрительнаго почему-то отношенія къ себѣ, она ничего не встрѣтила. Наконецъ есть еще два факта, которые подтверждаютъ предположеніе о рожденіи Маріей-Терезой-Шарлоттой ребенка до ея брака съ герцогомъ Ангулемскимъ. Отъ этого брака у нея дѣтей не было. И вотъ въ ея духовномъ завѣщаніи мы встрѣчаемъ строгое запрещеніе дѣлать послѣ ея смерти обычный для лицъ царствующаго дома осмотръ тѣла. Умирая, *madame Royale* призвала къ себѣ генерала де-ла-Рошъ-Жаклена и просила его отыскать ея брата, который, по ея свѣдѣніямъ, былъ кѣмъ-то скрытъ изъ тюрьмы, причемъ, видимо, хотѣла сообщить генералу какую-то тайну и неоднократно восклицала: «Это былъ кошмаръ всей моей жизни!»

Не отвергая этой гипотезы, ле-Блондь останавливается, однако, на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя нѣтъ возможности объяснить, если остановиться на такомъ предположеніи. Почему, напримѣръ, герцогиня Ангулемская категорически отказывалась видѣть часовщика Наундорфа, относительно котораго упорно утверждали, что онъ не кто иной, какъ спасенный изъ Тампля сынъ Людовика XVI, Людовикъ XVII? Не потому ли, что онъ могъ заявить, что это не его сестра, а кто-то другой? Что значать свидѣтельства о томъ, что по выходѣ madame Royale изъ тюрьмы голосъ ея совершенно перемѣнился? Почему въ Эйсаузенѣ принимались такія строгія мѣры, чтобы никто не видѣлъ лица живущей въ немъ принцессы, и еще болѣе строгія, чтобы никто не слышалъ ея голоса? Почему одинъ мальчикъ, случайно видѣвшій таинственную обитательницу Эйсаузена, могъ воскликнуть: «Да это наша принцесса!» когда ему показали портретъ madame Royale, украдкой сдѣланный съ нея вскорѣ по освобожденіи ея изъ тюрьмы какимъ-то художникомъ, о которомъ потомъ не было ни слуху, ни духу?

Окружавшіе таинственную пару слуги-нѣмцы свидѣлствуютъ, что вначалѣ ихъ хозяйка говорила на какомъ-то непонятномъ для нихъ, нѣмцевъ, языкѣ (т.-е. очевидно, французскомъ) и была католичкой. Послѣ ея смерти на нѣкоторыхъ ея платьяхъ было найдено изображеніе трехъ лилій—гербъ Бурбоновъ, и молитвеникъ, напечатанный въ Вѣнѣ годъ спустя послѣ рожденія Маріи-Антуанетты. Наконецъ надо отмѣтить еще постоянную благосклонность и покровительство, которое неизмѣнно оказывали таинственной обитательницѣ Эйсаузена мѣстный герцогъ и герцогиня, приходившаяся родной сестрой королевѣ прусской. Очевидно, они знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Очевидно, что дама, поселившаяся въ ихъ владѣніяхъ, была не кѣмъ-нибудь, а лицомъ очень важнаго происхожденія.

Все это наводитъ на мысль о томъ, не была ли эта дама сама madame Royale, а та, которая прибыла вмѣсто нея въ Вѣну и впоследствии вышла замужъ за герцога Ангулемскаго кѣмъ-то другимъ, согласившаяся играть роль вдругъ скрывшейся у всѣхъ изъ глазъ дочери Людовика XVI? Недаромъ въ Вѣнѣ ходили настойчивые слухи, что когда пріѣхалъ конвой, сопровождавшій бывшую плѣнницу Тампля, вмѣсто нея оказалась какая-то другая молодая особа! Почему впоследствии Людовикъ XVIII, вздумавшій купить рояль для жены своего племянника, герцогини Ангулемской, долженъ былъ вернуть инструментъ обратно, такъ какъ у герцогини не оказалось никакихъ музыкальных способностей? Между тѣмъ извѣстно, что дочь Людовика XVI отличалась большой склонностью къ музыкѣ, точно такъ же, какъ и обитательница Эйсаузена, прекрасно игравшая на роялѣ и иногда пѣвшая, хотя ей это и запрещалось.

Если предположить, что здѣсь произошелъ подлогъ, то кто согласился взять на себя роль плѣнницы изъ Тампля и зачѣмъ нужно было скрывать отъ всего свѣта подлинную madame Royale?

Очевидно, здѣсь должно было дѣйствовать лицо, хорошо знакомое съ жизнью двора и въ особенности съ семьей брата короля Людовика XVI, будущаго Карла X. Перебирая всѣхъ подходящихъ для этого лицъ, ле-Блондь останавливаетъ свое вниманіе на нѣкоей Эрнестинѣ Ламбрике. Ея отецъ служилъ при дворѣ Monsieur, и сама она отлично знала всѣ тонкости придворной жизни.

Во время террора ея отецъ погибъ, и съ того времени Эрнестина Ламбрике, несмотря на свои многочисленныя знакомства, какъ въ воду канула!

Если допустить возможность такого подмѣна лица, то указанія на сокрытіе изъ Тампля малолѣтняго Людовика XVII получать особенную вѣскость. И братъ, скрывавшійся подъ личиною часовщика Наундорфа, и сестра, укрывшаяся въ Эйсгаузенъ, имѣли большія политическія права, были неудобны честолюбивому и неразборчивому въ средствахъ дядѣ—Людовику XVIII, къ которому, при отсутствіи законнаго наслѣдника, долженъ былъ перейти по реставраціи французскій престолъ. Не было ли похищеніе того и другого дѣломъ его рукъ?

Остается во всей этой исторіи еще вопросъ: кто же былъ таинственный графъ Dunkelgraf, игравшій въ Эйсгаузенъ роль не то опекуна, не то тюремщика? Прямыхъ указаній на этотъ счетъ автору статьи не удалось найти. Но въ одномъ изъ широкоразвѣтвленныхъ англійскихъ родовъ, родственномъ съ Бентинками, существуетъ устное преданіе, что одинъ изъ членовъ этого рода во время революціи оказалъ Бурбонамъ какую-то весьма важную, но тайную услугу. Не былъ ли онъ тѣмъ самымъ Dunkelgraf'омъ, который въ Эйсгаузенъ сначала носилъ французскую фамилію, а потомъ сталъ выдавать себя за голландца?

Пока не обнародованы документы тайныхъ государственныхъ архивовъ, главнымъ образомъ вѣнскаго, исторія эйсгаузенской узницы остается загадочной и такой же таинственной, какъ исторія Желѣзной Маски, нашего Дмитрія Самозванца, или княжны Таракановой, а безъ раскрытія исторической тайны этихъ личностей будетъ неполна и неясна и всеобщая исторія.

— Ю б и л е и: Крашевскаго и Эрнста Лависса.—7-го января франко-польскій комитетъ въ Парижѣ отпраздновалъ столѣтіе дня рожденія Юсефа-Игнація Крашевскаго. «Hebdo Débats» сообщаетъ его краткую біографію. Онъ родился въ Варшавѣ въ старинной дворянской семьѣ 28-го іюля 1812 г. и рано проявилъ вкусъ къ литературѣ, но къ его первымъ трудамъ слишкомъ строго отнеслись его критики. Задѣтый за самолюбіе, Крашевскій уѣхалъ въ имѣніе и рѣшилъ вести тамъ сельское хозяйство, какъ его предки. Добившись славы, онъ вышелъ изъ своего деревенскаго заточенія и поселился сначала въ Житомирѣ, затѣмъ въ Варшавѣ, а потомъ въ изгнаніи въ Дрезденѣ. Здѣсь у него собиралось самое избранное интеллектуальное общество, и его квартира была центральнымъ пунктомъ для польскихъ патріотовъ. Кончилось тѣмъ, что Крашевскій возбудилъ ненависть къ себѣ Бисмарка, который обвинилъ его въ предательствѣ въ пользу Франціи. Онъ былъ приговоренъ къ тремъ годамъ заключенія въ Магдебургской крѣпости. Однако его освободили по случаю болѣзни, и онъ поселился въ Санъ-Ремо, но оттуда былъ принужденъ выѣхать и умеръ въ Женевѣ 19-го марта 1877 года.

Какъ извѣстно, послѣ него осталось громадное количество сочиненій, безконечно разнообразныхъ, начиная съ романовъ, философскихъ, поэмъ, театральныхъ пьесъ, историческихъ договоровъ, диссертаций по искусству и т. д.

Франко-польскій комитетъ по случаю этого юбилея устроилъ торжественный вечеръ въ залѣ географическаго общества.

19-го января въ залахъ Сорбонны почитатели и ученики французскаго историка и профессора Эрнста Лависса устроили великолѣпное празднество. Пятьде-

сять лѣтъ тому назадъ двадцатилѣтній Эрнестъ Лависсъ поступилъ въ Ecole Normale въ качествѣ ученика. На празднество собрались представители ученаго міра, профессора, почитатели, друзья во главѣ съ новымъ президентомъ Пуанкарэ. Среди блестящихъ рѣчей выдѣлялась рѣчь вице-ректора парижскаго университета и делегата министра народнаго просвѣщенія Ліари, который указалъ на двѣ характерныя черты исторіи согласно Лависсу: безпристрастную точность и патриотическое чувство; одно не стѣсняетъ другое и оба вмѣстѣ согласуются въ господствующей истинѣ. «У этого великаго историка совѣсть чело-вѣка и совѣсть француза,—сказалъ онъ въ заключеніе:—его величіе въ томъ, что онъ никогда не отказываетъ одному въ пользу другого?»

Министръ народнаго просвѣщенія произнесъ тоже замѣчательную рѣчь. Но лучше всѣхъ была рѣчь виновника торжества. Она была настоящій шедевр, какой только можно себя представить. Между прочимъ онъ сказалъ: «Любить настолько же народную школу, какъ самое высшее училище; говорить съ дѣтьми нашего народа, также внимательными и быстро понимающими; надѣяться, что сѣмя, посеянное полной рукою, упадетъ на комочекъ плодородной земли,—скажите мнѣ, развѣ это не прекрасное удовольствіе и даже болѣе того—не радость? Но это не все. Не старѣть... Какъ бы вы меня ни увѣряли, что я вступилъ въ нормальную школу пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, что я имѣю счастье достигъ семидесяти лѣтъ, я этому совсѣмъ не вѣрю. Я чувствую, что съ каждымъ годомъ молодѣю, потому что осень приноситъ намъ новое возбужденіе молодости; весна школьнаго года наступаетъ въ тотъ моментъ, когда осенніе листья начнутъ опадать. Случается, что въ концѣ года я сгибаюсь подъ тяжестью усталости; еще немного, и я сдѣлаюсь угрюмымъ, какъ старецъ, который воображаетъ, что все пропало, потому что его ноги ослабли. Но вотъ съ возобновленіемъ осени въ путь пускаются молодцы со свѣжими лицами и ногами: они отправляются и тогда я снова иду слѣдую за ними. И я не вижу причины, чтобы это окончилось».

Отъ всюду—«Fortnightly Review», пользуясь изданными г. Минвалемъ письмами Адриенны Лекувреръ и показаніями на судѣ аббата Бурэ, хранившимися въ архивахъ Бастиліи, уничтожаетъ прежнюю легенду объ этой актрисѣ. Дѣйствительная Адриенна Лекувреръ является совсѣмъ въ иномъ освѣщеніи, когда прочитаешь ея письма. Согласно легендѣ, на которой построилъ свою пьесу Легува, Адриенна эффектно умираетъ, отравленная своей ревнивой соперницей, также любившей Морица Саксонскаго. Когда-то Рашель, играя роль Адриенны, сама плакала, произнося: «Боже, позволь мнѣ пожить... еще нѣсколько дней... Я молода и предо мною открывается такая прекрасная жизнь. Жизнь! Жизнь! Тщетныя просьбы! Мои дни сочтены! Я чувствую, какъ меня покидаютъ силы и жизнь...» Эти слова относились скорѣе къ Рашель, чѣмъ къ Адриеннѣ Лекувреръ, такъ какъ въ дѣйствительности Адриенна Лекувреръ и не думала умирать отравленной. Правда, герцогиня Бульонская, также влюбленная въ герцога Саксонскаго, во что бы то ни стало хотѣла избавиться отъ соперницы и рѣшилась ее отравить. Съ этою цѣлью она поручила аббату Бурэ отнести ей отравленные конфеты. Но тотъ предупредилъ актрису, чтобы она не ѣла ихъ. Такимъ образомъ, злой планъ герцогини Бульонской не осуществ-

свился, и за это аббатъ Бурэ поплатился заключеніемъ въ Сень-Лазарѣ. Здѣсь онъ оставался три мѣсяца и только благодаря вліянію своего отца, виднаго чиновника въ провинціи, онъ былъ освобожденъ.

Бурэ былъ аббатъ только по одѣянію, но въ дѣйствительности этотъ девятнадцатилѣтній горбатый юноша рисовалъ миниатюры. Хотя онъ вышелъ изъ заключенія, но въ 1730 году его снова арестовали за клевету на герцогиню Бульонскую и на этотъ разъ держали въ заключеніи двадцать мѣсяцевъ, пока не вынудили его сказать, что онъ самъ сочинилъ исторію съ отравленными конфетами. За нѣсколько мѣсяцевъ до его освобожденія изъ тюрьмы Адриенна Лекувреръ умерла, но не вслѣдствіе отравы, а отъ запущеннаго воспаленія кишекъ.

Монваль разрушилъ и другую легенду, будто Морицъ Саксонскій бросилъ Адриенну Лекувреръ, потому что его прельстила герцогиня Бульонская. Его увлекла госпожа Картонъ изъ оперы, и онъ увезъ ее съ собою въ Германію.

Между Адриенной и герцогомъ Саксонскимъ произошла слѣдующая сцена во «Французской Комедіи». Адриенна играла роль Федры, когда герцогъ вошелъ въ партеръ и занялъ свое кресло. Доведенная ревностью до неистовства изъза одной измѣны со стороны герцога-герцога, она, произнося слова пьесы: «вмѣсто твоей руки одолжи мнѣ твою шпагу», вырвала у актера изъ руки шпагу и бросила ее прямо въ грудь герцога, нанеся ему смертельный ударъ въ присутствіи 3,000 зрителей.

Адриенна совершенно не подходила къ легкомысленному герцогу: это была искренняя, серьезная и сантиментальная женщина. Также невѣрно, что у нея было много любовниковъ. Изъ ея писемъ видно, что она не была ни корыстолюбивая, ни страстная женщина; у нея не было ни одного любовника, котораго бы она не любила искренно. Она была настолько откровенна и честна, что не умѣла и не хотѣла обманывать обожателей. Большая часть ея писемъ заключаетъ поученія и совѣты, чтобы обожатели ея не увлекались. Это была женщина съ чуткимъ и нѣжнымъ сердцемъ.

Все-таки ея соперница, герцогиня Бульонская, отмстила ей, хотя и послѣ ея смерти: благодаря ей, Адриенна Лекувреръ была лишена отпѣванія, и духовенство отказалось совершить надъ нею послѣдній религіозный обрядъ.

«Воспоминанія» фонъ-Мюллера, канцлера и министра герцога Саксонскаго, даютъ нѣсколько строчекъ бесѣды герцога съ Гете (22-го мая 1822 года) относительно Турціи. Гете высказалъ мнѣніе, что война только ускоритъ истребленіе христіанъ въ Турціи. Константинополь не разрушать, но ни одинъ изъ нашихъ уполномоченныхъ не будетъ въ состояніи безопасно выбраться оттуда, такъ какъ тамъ будетъ основана всемірная власть. Если же, однако, появился бы планъ создать менѣе могущественное государство или республику, то крупныя державы безпрестанно соперничали бы, а это вызвало бы печальное разсѣянiе власти.

Черезъ два года 18-го ноября 1824 года Гете опять бесѣдовалъ съ герцогомъ о Турціи и между прочимъ сказалъ: что бы тамъ ни дѣлали, но нѣтъ средствъ для изгнанія турокъ изъ Европы, въ виду того, что ни одна христіанская держава не можетъ овладѣть Константинополемъ, чтобы не сдѣлаться чрезъ этотъ самый фактъ властелиномъ всего міра. Но турецкую державу можно до-

вести до самаго скромнаго положенія въ Европѣ, до такого, въ какомъ были византійскіе императоры за два послѣднихъ вѣка своего царствованія.

Говоря о Гете, упомянемъ, что знаменитая таверна Ауэрбаха, гдѣ Гете изобразилъ одну изъ самыхъ потрясающихъ дѣйствій своего «Фауста», недавно подверглась полному преобразованію. На мѣстѣ ея воздвигнутъ новый домъ въ современномъ стилѣ. Но нѣмцы все-таки не рѣшились уничтожить погребъ, гдѣ Фаустъ и Мефистофель сидѣли за столомъ; они тщательно берегутъ его. Почти цѣлый вѣкъ, какъ онъ служитъ мѣстомъ священнаго пилигримства для нѣмцевъ, почитающихъ память Гете. Вокругъ знаменитаго погребца возобновлены залы, гдѣ почитатели Гете, посѣтивъ погребъ, поднимаются въ залъ, гдѣ располагаются пить пиво. Стѣны залъ расписаны художниками, взявшими для сюжета сцены изъ «Фауста». Лѣстница, ведущая въ погребъ, будетъ украшена двумя статуями, но кого они будутъ изображать—еще неизвѣстно.

«Nation» напечатала мнѣнія Шоу о двухъ извѣстныхъ скульпторахъ— князѣ Паоло Трубецкомъ и о Родэнѣ, изложенныя чрезвычайно остроумно.

Въ 1906 г. Шоу рѣшилъ, что долженъ наградить міръ своимъ изображеніемъ прежде, чѣмъ пройдетъ весна его жизни. «Я ни минуты не колебался въ выборѣ скульптора, считая Родэна великимъ художникомъ вѣка, и полагаю, что если кто изъ современниковъ, имѣющихъ возможность обратиться къ нему, попроситъ сдѣлать свой бюстъ другого, то присуждаетъ себя къ увѣковѣченію подъ фигурою простофили».

При этомъ Шоу рассказываетъ, какъ Трубецкой лѣпилъ съ него бюстъ: «этотъ скульпторъ пять часовъ лѣпилъ мой бюстъ въ своей мастерской. Онъ работалъ лихорадочно: то восторгаясь, то вздыхая, то выходя изъ себя, ворочая языкомъ, словно нѣмой пророкъ, и повсюду разбрасывая катышки глины. Онъ самъ весь покрылся глиной, покрылъ меня, покрылъ ковры и картины, такъ что въ концѣ сеанса мастерская походила на развалины Помпеи, изъ пепла которыхъ выросъ гениальный портретъ моего лучшаго друга, идеализированный, но имѣвшій сходство на разстояніи мили съ нѣкоторыми чертами Оффенбаха и немножко—Мефистофеля.

«Ничего подобнаго нѣтъ у Родэна. Онъ спокоенъ, будто какой-нибудь поденщикъ, работающій за три франка въ день, накладывая стѣну въ саду. Когда его брало сомнѣніе, онъ измѣрялъ меня желѣзнымъ циркулемъ, а затѣмъ измѣрялъ бюстъ. Если носъ оказывался слишкомъ длиннымъ, онъ подрѣзывалъ его, а затѣмъ залѣплялъ отверстія, какъ стекольщикъ залѣпляетъ замазкою рамы. Если ухо было не на своемъ мѣстѣ, онъ отрывалъ его, къ великому ужасу моей жены, и спокойно прилѣплялъ его ниже. Менѣе чѣмъ черезъ четверть часа съ помощью ногтя своего мизинца онъ набросалъ настолько правдоподобное лицо, что я просилъ его приостановить работу. Но это явленіе разсѣялось какъ лѣтнее облако, и съ минуты на минуту уступало мѣсто другому. Сначала это было нѣчто вродѣ стершагося отъ времени изображенія первыхъ временъ христіанства, затѣмъ византійское ваяніе, потомъ бюстъ школы Бернена, послѣ настоящій Гудонъ, потомъ Канова. Наконецъ, когда мы спустились по всей лѣстницѣ временъ, появился Родэнъ или, скорѣе, настолько живая голова, что

она заставила поблѣднѣть копію, которую я ношу на своихъ плечахъ. Рука Родэна работаетъ не какъ рука ваятеля: она родитъ жизнь какъ созидательная сила».

«Journal de Geneve» сообщаетъ, что получилъ изъ Бѣлграда письмо своего корреспондента съ извѣстіемъ, что сербы храбро и отважно дрались въ сраженіи при Кумановѣ. Офицеры, по его словамъ, едва могли сдерживать солдатъ, рвавшихся въ бой. Сколько разъ приходилось отдавать приказъ, чтобы отрядъ пѣхотинцевъ, слишкомъ выдвинувшійся впередъ, остановился и прилегъ къ землѣ, чтобы освободить мѣсто для прицѣловъ артиллеристамъ, находившимся въ тылу отряда.

Съ трудомъ удалось ихъ уговорить; но когда они замѣтили, какое опустошеніе у турокъ производитъ шрапнель, то обернулись и разгнѣванные закричали артиллеристамъ: «Ну, довольно съ вами! Для насъ не останется болѣе турокъ!»

Однимъ изъ героевъ дня неожиданно сдѣлался резервистъ Авраамъ Леви, служившій ранѣе приказчикомъ въ магазинъ готоваго платья. Онъ доказалъ, насколько еврейская способность можетъ быть полезной на войнѣ. Худенькій, нервный еврей не могъ безъ трепета слышать выстрѣловъ и при каждой канонадѣ дрожалъ. Когда пѣхотинцамъ былъ отданъ приказъ прилечь къ землѣ, Авраамъ растянулся раньше всѣхъ, какъ только его сосѣдъ опустился на колѣни и прицѣлился.

Вдругъ полковникъ скомандовалъ приступить къ атакѣ. Полкъ двинулся, но съ перваго же шага знаменосецъ упалъ, сраженный пулей. Кто-то подхватилъ знамя и первый бросился къ непріятельской позиціи, взобрался на валъ и съ крикомъ «ура!» водрузилъ тамъ знамя.

Весь полкъ изумился, взглянулъ на героя и увидѣлъ запыхавшагося, улыбающагося Авраама Леви. Тотчасъ же его окружили и стали поздравлять. Когда послѣ битвы пришелъ королевичъ благодарить солдатъ, то просилъ представить ему самаго храбраго. Всѣ руки поднялись и жестомъ указали на Авраама Леви. Королевичъ похвалилъ. Авраамъ Леви растерялся и пробормоталъ:

— Ваше высочество, я обязанъ этой удачей присутствію духа и небольшому расчету.

— Я вѣрю, что присутствіе духа помогло, но какой же тутъ можно сдѣлать расчетъ?

— Очень простой, — отвѣтилъ Леви:— до турецкой позиціи оставалось двѣсти метровъ, а до нашей—восемьсотъ, и я рассчиталъ, что менѣе опасно идти впередъ, чѣмъ назадъ.

Королевичъ далъ расчетливому Леви десять золотыхъ. Такимъ образомъ Куманово, по словамъ «Journal de Geneve», было взято евреемъ Леви безъ потери капли крови и безсознательно.

«Berliner Tageblatt» произвелъ изслѣдованіе, въ которомъ участвовали всѣ извѣстные нѣмецкіе ученые, касательно человѣческаго возраста по отношенію умственной дѣятельности. Ученые пришли къ заключенію, что полный расцвѣтъ умственныхъ силъ наступаетъ около пятидесяти лѣтъ. Поэтому наука произведетъ полную революцію во всѣхъ военныхъ и гражданскихъ законахъ,

С М Ъ С Ъ.

СЪЪЗДЪ дѣятелей музеевъ и архивовъ въ Москвѣ¹⁾. Послѣ разрушительныхъ 1905—1906 годовъ русское общество воспыало особю любовью къ уничтоженнымъ памятникамъ и вообще къ предметамъ своей родной старины. А тутъ подоспѣли еще двухсотлѣтніе и столѣтніе юбилеи знаменательнѣйшихъ событій отечественной исторіи: Полтавской битвы, войны 1812 года и царствованія дома Романовыхъ. Сразу какъ бы выплыла на свѣтъ цѣлая армія любителей и ревнителей старины, военныхъ знаній и проч. Появилось немало и цѣнныхъ печатныхъ работъ, какъ результатъ совмѣстнаго труда членовъ новыхъ обществъ. Но на первыхъ же порахъ эти дѣятели, основывающіе свои работы на первоисточникахъ, должны были встрѣтиться съ непреодолимымъ затрудненіемъ, именно не только съ крайнимъ неустроичествомъ хранилищъ первоисточниковъ, но даже съ ихъ неизвѣстностью въ болѣе или менѣе широкихъ кругахъ общества. Хранилища эти, — разумѣемъ подъ ними архивы и музеи, — несмотря на давніе вопли отдѣльных лицъ, — не вызывали къ себѣ особаго вниманія со стороны подлежащихъ высшихъ властей и продолжаютъ по настоящее время разрушаться, гибнуть и даже совершенно исчезать изъ предѣловъ родной матушки Руси. Уже болѣе десятка лѣтъ мы наблюдаемъ, какъ участники историко-археологическихъ съѣздовъ, а за ними и большинство провинціального культурнаго общества вопіють о гибели мѣстныхъ хранилищъ и тѣтно просятъ помощи, какъ со стороны правительства, такъ и общества для ихъ устройства. Многими и уже давно высказывалась мысль о созывѣ особаго съѣзда дѣятелей музеевъ и архивовъ, какъ наиболѣе крупнаго и точнаго опредѣлителя состоянія и нуждъ послѣднихъ, но никто до послѣднихъ дней не рѣшался взять на себя

¹⁾ Сообщилъ В. Е. Рудаковъ.

иниціативу этого дѣла, предвидя всю тяжесть такого, чего добраго, малорезультатнаго предпріятія. Тѣмъ больше чести и славы начальнику историческаго артиллерійскаго музея генераль-майору Дмитрію Петровичу Струкову, который подъялъ на свои рамена трудную задачу—разрубить этотъ гордіевъ узелъ. Онъ еще въ 1911 году на всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Новгородѣ обратилъ вниманіе членовъ послѣдняго на ненормальность положенія самыхъ хранилищъ древностей, указалъ даже цѣлый рядъ примѣровъ весьма жалкаго состоянія и просилъ съѣздъ откликнуться на его призывъ помочь возрожденію и упорядоченію нашихъ музеевъ. Съѣздъ тогда, за позднимъ временемъ, не вынесъ никакого рѣшенія, да и не могъ этого сдѣлать, въ силу грандіозности предложенной задачи. Искренно преданный своему дѣлу, Д. П. Струковъ въ самомъ началѣ слѣдующаго года, на предварительномъ съѣздѣ будущаго XVI археологическаго съѣзда, снова обратился къ присутствовавшимъ членамъ съ своимъ воплемъ и на этотъ разъ нашелъ живой откликъ въ цѣломъ рядѣ дѣятелей музеевъ и архивовъ и наиболѣе видномъ изъ нихъ, князь Н. С. Щербатовъ, который приютилъ въ историческомъ музеѣ послѣднихъ и согласился, въ виду важности и сложности поднятаго вопроса, на созывъ особаго съѣзда представителей какъ музеевъ, такъ и архивовъ, имѣющихъ между собою довольно много общихъ точекъ соприкосновенія. Прошелъ годъ, и вице-предсѣдатель историческаго музея князь Н. С. Щербатовъ, счелъ возможнымъ пока создать лишь предварительный съѣздъ, который бы выработалъ рядъ правилъ и желаній для руководства на будущемъ всероссійскомъ съѣздѣ, ради его же большей цѣлесообразности. Было разослано до четырехсотъ приглашеній въ разныя учрежденія, гдѣ имѣются музеи и архивы. Съѣхалось по этимъ приглашеніямъ свыше ста человекъ, даже съ окраинъ Россіи (изъ Архангельска, Вятки, Новочеркасска и др.), и это большой успѣхъ для благополучнаго рѣшенія давно наболѣвшихъ вопросовъ—музейнаго и архивнаго, тѣмъ болѣе, что большинство состояло изъ самихъ же хранителей тѣхъ и другихъ учреждений. Въ виду разности музеевъ пришлось образовать нѣсколько секцій: 1) по церковно-археологическимъ музеямъ, 2) центральнымъ, губернскимъ и частнымъ, 3) военнымъ и полковымъ, 4) секцію архивную и 5) общую секцію для объединенія работъ всѣхъ секцій и рѣшенія общихъ вопросовъ. Конечно, въ то короткое время, какое было удѣлено съѣзду отъ 27-го до 30-го декабря, при непремѣнномъ посѣщеніи московскихъ историческихъ музеевъ, члены его не могли выработать болѣе или менѣе точную программу будущаго съѣзда, но они высказали свои desiderata, съ болью и сокрушеніемъ сердечнымъ о гибнущихъ памятникахъ. Нельзя скрыть, что тутъ у многихъ примѣшивалась и черная мысль о безнадежности на скорую и крупную помощь со стороны правительства, общественныхъ управленій и частныхъ лицъ. И, дѣйствительно, болѣе или менѣе сносное оборудованіе и приведеніе въ порядокъ музеевъ и архивовъ потребуеть чрезвычайныхъ расходовъ и много опытныхъ и любящихъ это дѣло силъ научныхъ. Но какъ бы то ни было, благодаря началу, положенъ фундаментъ, который пока долженъ отстраиваться самими музейстами и архивистами; они сами должны оповѣстить о положеніи своихъ дѣлѣтъ и указать, что именно нужно въ нихъ править и улучшать. Не вда-

ваясь въ подробности занятій членовъ сѣзда по отдѣльнымъ секціямъ, я остановлюсь лишь на болѣе крупныхъ и существенныхъ нуждахъ и пожеланіяхъ, высказанныхъ ими и принятыхъ на засѣданіяхъ общей секціи. Прежде всего выяснилось, что многіе мѣстные, провинціальныя и особенно военныя и полковыя музеи находятся въ очень печальномъ положеніи: они не имѣютъ опредѣленнаго помѣщенія, лишены какого бы то ни было нормальнаго устава, пополняются весьма случайно и на пожертвованныя средства и обслуживаются зачастую далеко несвѣдущими лицами. Указывались примѣры, какъ даже крупныя губернскія музеи, по капризу губернаторовъ, переносились съ мѣста на мѣсто, закрывались и открывались и, конечно, при этомъ теряли немалую часть своихъ коллекцій. Еще печальнѣе положеніе новорожденныхъ дѣтищъ синодской комиссіи, такъ называемыхъ церковно-археологическихъ музеевъ, всецѣло зависящихъ отъ архипастырскаго настроенія мѣстныхъ владыкъ. Заинтересуется владыка древностями, дастъ для музея и помѣщеніе въ своемъ архіерейскомъ домѣ, и средства для его пополненія, назначить завѣдующимъ знающее лицо, и въ результатѣ соберетъ значительную коллекцію. Менѣе ревнивый къ старинѣ его замѣститель въ лучшемъ случаѣ ограничится разсылкою синодскихъ указовъ, требующихъ отъ церквей и монастырей передачу древнихъ церковныхъ предметовъ въ музей, конечно, безъ всякой оплаты за нихъ. Духовенство мѣстное, какъ подтвердили многіе изъ присутствовавшихъ, вообще равнодушное къ археологій и по своей необезпеченности гонящееся за платными требоми, ограничивается не только самымъ формальнымъ исполненіемъ этихъ указовъ, но даже скрываетъ, перепродаетъ и уничтожаетъ весьма цѣнные предметы. Указывалось, что одинъ архимандритъ продала цѣлый возъ вещей изъ ризницы; а въ другомъ мѣстѣ на «выжигу» серебръ изъ ризъ были отданы сокровища ризницы, и изъ нихъ выжжено на три тысячи рублей серебра!.. Во избѣжаніе этого вандализма рекомендовались объѣзды членовъ музейскихъ комиссій по епархіямъ, съ цѣлью принудительнаго отчужденія наиболѣе древнихъ и цѣнныхъ вещей изъ церквей и монастырей. При раскрытіи такого положенія церковно-археологическихъ музеевъ весьма многими присутствовавшими была подчеркнута ненормальность существованія этихъ музеевъ рядомъ съ музеями ученыхъ архивныхъ комиссій, всегда обладающими и церковными предметами и широко открытыми для публики, тогда какъ церковно-археологическіе музеи недоступны для обозрѣнія даже семинаристамъ. Между тѣмъ соединеніе тѣхъ и другихъ въ одно учрежденіе повлекло бы за собою сокращеніе средствъ на ихъ содержаніе и сплотило бы безъ того рѣдкія мѣстныя научныя силы... Но этому упорно противится св. синодъ, разрѣшающій къ открытію новыя музеи и церковно-археологическіе комитеты, сплошь и рядомъ замирающіе на второй или третій годъ своего существованія по отсутствію средствъ, дѣятелей и самаго матеріала для изслѣдованія. Болѣе обезпеченныя центральныя музеи нуждаются, какъ оказывается, очень серьезно въ болѣе или менѣе свѣдущихъ музеевѣдахъ, и потому представителями ихъ была единогласно установлена необходимость подготовки личнаго состава музеевъ путемъ организациі особыахъ курсовъ при музеяхъ или археологическихъ институтахъ и прохожденія извѣстнаго стажа для му-

зейскихъ хранителей. Помимо отдѣльныхъ мѣръ, клонящихся къ урегулированію и улучшенію дѣятельности музеевъ, предлагались и способы къ объединенію этой дѣятельности. Наконецъ, архивная секція по первому вопросу, который предстояло ей рѣшенію и заключался въ выясненіи положенія и нуждъ архивнаго дѣла въ Россіи, большинствомъ голосовъ постановила разослать по архивнымъ учрежденіямъ, въ видѣ анкеты, извѣстныя калачевскія положенія объ архивахъ, отпечатанныя въ 1880—81 гг., съ просьбой пополнить или измѣнить ихъ согласно мѣстнымъ условіямъ и современнымъ требованіямъ. Мы лично не ждемъ хотя бы малыхъ результатовъ отъ разсылки подобной анкеты. Намъ казалось бы гораздо цѣлесообразнѣе или поступить по примѣру императорскаго русскаго историческаго общества, или примкнуть къ той архивной комиссіи, которая образовалась при обществѣ. Вотъ что читаемъ мы въ «отчетѣ» историческаго общества за 1911 г.: «Въ годичномъ собраніи 18-го марта 1911 года Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить обществу разработку вопроса о положеніи архивнаго дѣла въ Россіи и способахъ сохраненія документовъ. Общество для успѣшнѣйшаго исполненія воли Его Величества рѣшило образовать въ своемъ составѣ комиссію, которой и поручило разработку указанныхъ вопросовъ съ тѣмъ, чтобы она могла какъ приглашать къ участию въ своихъ трудахъ представителей вѣдомствъ и лицъ, близкихъ къ архивному дѣлу, такъ и входить въ непосредственныя сношенія съ мѣстными учреждениями и должностными лицами о доставленіи ей свѣдѣній и объясненій». Предположенія эти были разсмотрѣны въ совѣтѣ министровъ и удостоены Высочайшаго утвержденія 19-го февраля 1912 года. Вслѣдъ за этимъ комиссія обратилась къ архивнымъ комиссіямъ и ученымъ обществамъ съ вопросами: 1) какіе существуютъ правительственные архивы въ районѣ дѣйствій каждой комиссіи? 2) какія помѣщенія занимаютъ эти архивы, насколько помѣщенія удовлетворительны? 3) какими свѣдѣніями о частныхъ архивахъ и собраніяхъ документовъ располагаетъ каждая архивная комиссія? Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія общества просила архивныя комиссіи высказать всѣ имѣющіяся у нихъ замѣчанія или пожеланія по дѣлу охраны и благоустроенія архивовъ (стр. 18—19). Въ февралѣ же 1912 года были разосланы вопросныя листы, и къ концу года собралось около сорока отвѣтовъ, которые и будутъ разсматриваться въ комиссіи при обществѣ. Въ виду вышеизложеннаго, намъ и кажется, что лучше всего было бы предварительному комитету по созыву съѣзда музейскихъ и архивныхъ дѣятелей примкнуть съ своими работами такъ или иначе, буде сіе возможно, къ упомянутой комиссіи историческаго общества, не ломиться въ открытыя двери. По слѣдующему вопросу—объ объединеніи дѣятельности архивовъ, секція признала желательнымъ, во-первыхъ, создать центральный органъ, который руководилъ бы дѣйствіями архивовъ и указывалъ способы сношеній между архивами; во-вторыхъ, выработать болѣе или менѣе общее положеніе для управленія и храненія архивовъ; ввести однообразіе въ каталогизаціи и проч., предоставляя развитіе подробностей всего этого дѣла докладчикамъ на всероссійскомъ съѣздѣ. Уже изъ сказаннаго ясно, что архивный вопросъ на предстоящемъ всероссійскомъ съѣздѣ дѣятелей музеевъ и архивовъ, по своей широтѣ и громадному значенію въ

дѣлъ историческаго изученія, долженъ составить особый отдѣлъ, едва ли меньшій музейскаго, и въ свою очередь подраздѣляться на секціи. Въ заключительномъ засѣданіи 30-го декабря члены съѣзда были еще разъ ознакомлены съ сущностью протоколовъ секцій, заслушали проектъ положенія и правилъ перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей музеевъ и архивовъ, внеся въ него нѣкоторыя поправки и дополненія, предоставивъ окончательную ихъ редакцію тутъ же избранному предварительному комитету будущаго съѣзда, и установили мѣсто съѣзда—московскій императорскій историческій музей имени императора Александра III, а время—святки 1914 года. Въ составъ комитета предварительнаго вошли по большей части дѣятели, жительствующие въ Москвѣ; петербургцы же представлены тамъ въ лицѣ трехъ дѣятелей: Д. П. Струкова, Я. И. Смирнова и Я. Л. Барскова. Намъ думается, что въ Петербургѣ около инициатора этого съѣзда, Д. П. Струкова долженъ образоваться болѣе широкой отдѣлъ этого комитета изъ мѣстныхъ музейскихъ и архивныхъ дѣятелей, который внесетъ большее оживленіе и окажетъ общему дѣлу несомнѣнную пользу, тѣмъ болѣе, что, по увѣренію самого князя Н. С. Щербатова, онъ и его ближайшіе сотрудники, составляющіе ядро предварительнаго комитета предстоящаго съѣзда, «страшно» заняты по устройству ввѣреннаго имъ историческаго музея.

Торжественное собраніе академіи наукъ. 29-го декабря въ большемъ, переполненномъ публикой конференцъ-залѣ академіи состоялось торжественное годовое собраніе императорской академіи наукъ. На собраніи присутствовали многіе академики, профессора, литераторы, члены государственнаго совѣта и государственной думы, въ числѣ которыхъ между прочимъ были: высокопреосвященный Флавіанъ (кіевскій), генералы Унтербергеръ, Череванскій и другіе. Собраніе открылось оглашеніемъ отчета о дѣятельности отдѣленій и о присужденіи академическихъ премій за 1912 годъ, прочитаннаго С. О. Ольденбургомъ и Н. А. Котляревскимъ. Въ отчетномъ году во всѣхъ учрежденіяхъ академіи шла непрестанная научная работа, которая въ настоящее время, благодаря новому штату, будетъ поставлена въ болѣе правильныя условія. Нынѣ бібліотека академіи дѣятельно готовится къ переходу въ новое помѣщеніе, которое будетъ готово для переноса, вѣроятно, къ 1915 году. Въ бібліотечное зданіе перенесенъ будетъ Азіатскій музей, представляющій собою бібліотеку по востоковѣдѣнію. Сейсмическая комиссія, совмѣстно съ физической лабораторіей, широко развила свою дѣятельность, направивъ усилія, главнымъ образомъ, на усовершенствованіе русской сейсмической сѣти, которая, благодаря этому, въ состояніи уже и теперь доставлять рядъ цѣнныхъ въ научномъ и отчасти въ практическомъ отношеніи наблюдений. Въ отчетномъ году зоологическій музей обогатился новыми коллекціями, привезенными экспедиціями изъ Индіи, Восточной Африки, изъ побережій Чернаго, Охотскаго и Берингова морей; богатая коллекція профессора Мензбира (12,500 птицъ) приобрѣтена была музеемъ также въ отчетномъ году. Коллекція эта является исключительно цѣннымъ приобрѣтеніемъ. Изданія и работы въ области востоковѣдѣнія все расширяются, особенно по изученію Кавказа, Средней Азійи и Дальняго Востока. Такъ, нынѣ печатаются образцы

народной литературы тюркскихъ племень, образцы народной словесности монгольскихъ племень. материалы по яфетическому языкознанію, образцы народной литературы якутовъ и многихъ другихъ. Далѣе, вышелъ третій выпускъ словаря якутскаго языка и печатается четвертый, готовятся словари грузинскаго и пехлевійскаго языковъ и прочихъ. Значительно пополнился также за истекшій годъ памятниками выдающейся научной цѣнности Азиатскій музей. Рукописный отдѣлъ обогатился главнымъ образомъ посредствомъ покупокъ. Кромѣ пожертвованной академикомъ В. Θ. Миллеромъ персидской рукописной таблицы и купленныхъ трехъ персидскихъ рукописей, приобретено черезъ посредство Л. Ф. Богданова въ Тегеранѣ тридцать девять рукописей, въ томъ числѣ древнѣйшій, къ сожалѣнію, дефектный, списокъ «Хронологіи» аль-Бируни (1219 г.), представляющій собою истинное украшеніе музея. Академикъ С. Θ. Ольденбургъ пожертвовалъ двѣ рукописи, подаренныя генеральнымъ консуломъ въ Кашгарѣ Н. Ф. Петровымъ. Маленькое собраніе пенджабскихъ книгъ поступило послѣ смерти индійскаго купца Хаса-Джаса. Монгольская коллекція обязана русскому комитету по изученію средней и восточной Азіи передачею присланныхъ Ц. Ж. Ямцарано и Б. Я. Владимирцевымъ рукописей и ксилограммъ. Цѣнную коллекцію армянскихъ рукописей (около 80 томовъ) уступилъ музею протоіерей Аганьянъ въ Тифлисѣ. Кромѣ того, музейная коллекція факсимиле непрерывно растетъ, и нашимъ специалистамъ теперь предоставляется возможность пользоваться на мѣстѣ важными рукописями иногородныхъ библиотекъ. Въ маѣ мѣсяцѣ академія будетъ принимать въ Петербургѣ международный союзъ академій, дѣлами котораго она управляетъ во время настоящаго трехлѣтія. Международныя научныя организаціи и предпріятія все развиваются, и русскіе ученые принимаютъ въ нихъ дѣятельное участіе. Въ 1912 году отпечатано было свыше 1,600 листовъ и въ книжный складъ при академіи поступило свыше 70,000 экземпляровъ академическихъ изданій; выпущено изъ склада до 52,000 экзempl., не считая выпусковъ «Академической библиотекы русскихъ писателей», которыхъ разослано было около 13,000 экзempl. Рукописное отдѣленіе библиотекы академіи за истекшій 1912 годъ значительно пополнилось. Помимо пожертвованія А. Л. Толстой оригиналовъ «посмертныхъ художественныхъ произведеній Л. Н. Толстого» и архива братьевъ Тургеневыхъ, отдѣленіе получило важную рукопись «Воспоминанія Б. Н. Чичерина» отъ А. А. Чичериной подъ особымъ условіемъ. Отъ С. И. Пономарева поступили неизвѣстные въ печати отрывки (въ копіяхъ) «философическихъ писемъ» Чаадаева, коллекція писемъ къ А. А. Пономареву—А. А. Буткевичъ, сестры Н. А. Некрасова, съ важными данными по исторіи литературной дѣятельности ея брата и съ копіями его стихотвореній, сборникъ малорусскихъ виршъ и т. д. Приобрѣтена коллекція бумагъ А. Θ. Писемскаго, содержащая автобіографію его, черновики нѣкоторыхъ произведеній, гдѣ имѣется неизвѣстная комедія, материалы къ «Масонамъ» съ любопытными автографами Вл. С. Соловьева, письма къ Писемскому отъ А. Н. Майкова, И. А. Гончарова, П. В. Анненкова и другихъ, переводы его произведеній и другіе материалы. Комиссіей по изданію «Академической библиотекы» переданъ въ отдѣленіе архивъ поэта и этнографа Д. Н. Садовникова, въ который входятъ, помимо тетрадей съ черновиками стихотвореній,

записныхъ книгъ, этнографическихъ матеріаловъ, письма и стихотворенія Я. П. Полонскаго, К. Фофанова, И. Сурикова, Д. Минаева, Д. В. Григоровича, Л. Н. Майкова, П. В. Анненкова, Г. Благосвѣтлова, П. Аксакова, П. Бартелева, М. М. Стасюлевича, П. Шейна, Гр. Потапина и другихъ. Н. А. Мурзаевъ принесъ въ даръ коллекцію автографовъ дѣятелей времени императрицы Елизаветы, въ числѣ ихъ рапортъ поручика Григорія Орлова, рапорты сенату М. Хераскова, И. Неплюева, графа В. Фермора, В. Татищева, Хр. Эссена, графа Готфрида Тотлебена и другихъ. Отъ П. Д. Струкова поступило собраніе писемъ къ его отцу художнику-археологу Д. М. Струкову отъ арх. Амфилохія, А. Ѳ. Бычкова, И. И. Срезневскаго, П. И. Савваитова, Д. В. Григоровича и другихъ извѣстныхъ ученыхъ и писателей. Что касается премій, то при соисканіи преміи имени М. Н. Ахматова постановлено удостоить преміями по 500 рублей каждая слѣдующихъ лицъ: П. П. фонъ-Веймарна за сочиненіе «Къ ученію о состояніяхъ матерій», Н. Я. Динника за сочиненіе «Звѣри Кавказа», О. Д. Лукашевича за сочиненіе «Неорганическая жизнь земли», И. И. Малухина за сочиненіе «О лейкоцитозѣ», П. Я. Земятченскаго за сочиненіе «Этюды по кристаллогенезису». Кромѣ того, комиссія присудила почетный отзывъ сочиненію И. И. Вѣлецкаго «Растенія, какъ народныя лечебныя средства». Преміи эти были присуждены по физико-математическому отдѣленію. По историко-филологическому отдѣленію были присуждены 500-рублевая премія имени М. Н. Ахматова: барону В. Э. Нольде за «Очерки русскаго государственнаго права», Н. И. Крюкову за сочиненіе «Аргентина. Сельское хозяйство въ Аргентинѣ въ связи съ общимъ развитіемъ страны»; А. Д. Рудневу за сочиненіе «Матеріалы поговоровъ Восточной Монголіи»; В. И. Барвинкѣ за сочиненіе «Никифоръ Влемидъ и его сочиненія», І. Н. Кречетовичу за сочиненіе «Крестыянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ». Почетные отзывы присуждены: Н. П. Огановскому («Закономѣрность аграрной эволюціи»), М. Н. Соболеву («Таможенная политика Россіи во второй половинѣ XIX вѣка»), Н. Н. Гиммеру («Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства»), Ѳ. В. Тарановскому («Догматика положительнаго государственнаго права во Франціи при старомъ порядкѣ»); П. Н. Луппову («Христіанство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка»). Большая премія имени академика Вѣра присуждена К. А. Сотунину и малая—С. Чахотину. Юбилейная же медаль Вѣра за крупныя пожертвованія въ музеи и библіотеку академіи присуждена И. Я. и С. Я. Пассоверъ. Астрономическая премія имени Бредихиной присуждена профессору Покровскому. Двѣ Ломоносовскія преміи, по 500 рублей каждая, были присуждены Д. С. Рождественскому и П. Н. Червинскому. Награды графа Уварова были присуждены: сочиненію Киптерева «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ» (1,500 рублей), сочиненіямъ А. Л. Петрова «Матеріалы для исторіи Угорской Руси» и И. И. Лаппо «Великое княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія» (по 500 рублей). Цѣлый рядъ премій въ отчетномъ году остался неприсужденнымъ. Академіей приведены въ порядокъ коллекціи Пушкинскаго дома. Въ отчетномъ году въ Пушкинскій домъ поступили вся библіотека и бумаги писатели И. Л. Леонтьева-Щеглова. Рукописный отдѣлъ Пушкинскаго дома обогатился богатѣйшимъ архивомъ Н. А. Добролюбова, пожертвованнымъ литературнымъ фондомъ. Матеріалы

для древне-русскаго словаря И. И. Срезневскаго окончены съ изданіемъ дополнительнаго выпуска. Вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ въ изданіи академіи дневники Н. И. Тургенева и письма А. И. Тургенева. Продолжается изданіе хроникъ Георгія Амартола и Иоанна Маламы. Вышелъ въ серіи «Памятниковъ древне-русской литературы» первый выпускъ «Житія Авраамія Смоленскаго». Ближится къ окончанію работа академика В. И. Ламанскаго по изданію шестого и седьмого томовъ полнаго собранія сочиненій Ломоносова. Работы по составленію «Энциклопедіи славянской филологіи» въ отчетномъ году сильно подвинулись впередъ. Приготовленъ къ печати первый томъ труда академика В. П. Кондакова «Историческая иконографія Богоматери». Въ отчетномъ году продолжалась работа по изданію и «Академической бібліотеки, и въ частности сочиненій Лермонтова и другихъ. Въ заключеніе были оглашены имена новыхъ почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ академіи, въ томъ числѣ: фонъ-Чермака, О. Гирке, Ш. Ришэ, Бонье, Бекке, П. О. Морозова, П. Виолле, Э. Шварца, Ч. Зиберта, Г. Фохта, Г. Таммона, Л. Дюпарна, В. Гольдшмидта и другихъ.

Музей Старога Петербурга. 14-го декабря состоялось первое засѣданіе совѣта Старога Петербурга, на которомъ хранителемъ музея А. Ф. Гаушемъ было доложено о поступившихъ пожертвованіяхъ въ музей Старога Петербурга отъ князя Аргутинскаго-Долгорукова, П. П. Вейнера и другихъ. Значительное количество пожертвованій составляли планы Петербурга конца XVIII и начала XIX вѣковъ, такъ что музей въ настоящее время обладаетъ большою коллекціей плановъ, позволяющихъ изучить ростъ Петербурга. Затѣмъ почти все засѣданіе было посвящено «печальной лѣтописи вандализма въ Петербургѣ». Было указано, что хотя изъ павильона вѣдомства императрицы Маріи и выѣхала фотографія Левицкаго, но появились билетки о сдачѣ этого павильона внаймы, и, слѣдовательно, скверъ на Казанской площади останется въ томъ же безобразномъ видѣ, а рѣшетку Воронихина постигнетъ полное разрушеніе. Затѣмъ было доложено, что вопросъ о пеньковыхъ буянахъ, такъ называемомъ Бироновомъ дворцѣ, принимаетъ новую фазу, и что, пожалуй, въ думѣ этотъ вопросъ можетъ принять совершенно нежелательное рѣшеніе—пеньковые амбары будутъ снесены, и исчезнетъ еще одинъ памятникъ Екатерининской эпохи. Въ предварительной думской комиссіи нашли, что передѣлывать эти амбары не стоитъ, а въ нынѣшнемъ ихъ видѣ они не могутъ служить ни для какой утилитарной цѣли. Указывалось также на оригинальный ремонтъ конца рѣшетки Лѣтняго сада, примыкающей къ Пантелеймоновскому мосту. Словомъ, «вандализмъ» продолжаетъ процвѣтать въ Сѣверной Пальмирѣ, и немногочисленные друзья Старога Петербурга должны съ грустью сознаться, что пока ихъ заботы спасти старину очень часто терпятъ фіаско. Въ концѣ засѣданія П. Н. Столпянскій познакомилъ собравшихся съ однимъ изъ слѣдующихъ планшетовъ его историческаго плана Петербурга. Демонстрировалась Морская улица, причемъ докладчикъ указалъ на рядъ первоначальныхъ владѣльцевъ нынѣшнихъ домовъ Морской улицы, начиная съ 1744 года. Такъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣщается общество поощренія художествъ, былъ устроенъ первый нѣмецкій комедіальный домъ, впоследствии это мѣсто принадлежало Ив. Перф. Елагину, тоже имѣвшему большое отношеніе къ исторіи русскаго искусства; отъ наслѣдниковъ Елагина

мѣсто отошло подъ постройку дома военнаго губернатора и въ концѣ концовъ стало достояніемъ общества поощренія художествъ. Какъ странное совпаденіе, докладчикъ указалъ, что нынѣшній домъ Фаберже принадлежалъ также золотыхъ дѣлъ мастеру Адоре. Была рассказана подробная исторія углового дома (уголь Морской улицы и Невскаго проспекта), «дома съ колоннами», на мѣстѣ котораго были нѣкогда и первый гостинный дворъ и деревянный дворецъ Елизаветы Петровны въ сто комнатъ, построенный Растрелли въ теченіе восьми мѣсяцевъ: приказаніе построить было дано 5-го марта, а 7-го ноября того же 1755 года дочь Петра уже переселилась въ свой новый дворецъ.

Столѣтіе рожденія Я. К. Грота. 16-го декабря въ маломъ залѣ академіи наукъ состоялось торжественное засѣданіе въ память столѣтія со дня рожденія Я. К. Грота. Почтить память знаменитаго русскаго филолога и бывшаго вице-президента академіи наукъ, бюстъ котораго возвышался на эстрадѣ, собралось много лицъ. Прибыли: сынъ покойнаго профессора К. Я. Гротъ, директоръ Александровскаго лицея генералъ В. А. Шильдеръ, начальникъ военно-юридической академіи М. М. Бородинъ, почетные академики А. Θ. Кони и Н. А. Котляревскій, вице-президентъ академіи наукъ П. В. Никитинъ, непременный секретарь С. Θ. Ольденбургъ, Я. Н. Колубовскій, много профессоровъ и другихъ лицъ. Предсѣдательствовалъ на собраніи А. А. Шахматовъ, въ краткой рѣчи указавшій на необходимость почтить память неутомимаго изслѣдователя русскаго языка и ученаго, которому многимъ обязано отдѣленіе русскаго языка и словесности. Были оглашены телеграммы, полученныя отдѣленіемъ отъ императорскаго Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ, общества исторіи и древностей въ Москвѣ и отъ другихъ учреждений и отдѣльныхъ лицъ. Профессоръ Е. В. Пѣтуховъ въ исчерпывающей рѣчи далъ полный портретъ покойнаго, какъ человѣка и ученаго. Интереснымъ дополненіемъ къ этому сообщенію служила рѣчь П. О. Морозова, который сообщилъ много любопытныхъ моментовъ изъ различныхъ періодовъ жизни русскаго ученаго. Прочитанныя на засѣданіи личныя воспоминанія академика И. В. Ягича освѣщаютъ время съ 1880 по 1886 годъ, когда Я. К. былъ предсѣдателемъ отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ. Избранный въ академики, И. В. Ягичъ сразу встрѣтилъ въ средѣ своихъ сотоварищей самое теплое и сочувственное отношеніе; созданіе такой атмосферы нужно приписать главнымъ образомъ мягкости и высокимъ личнымъ качествамъ предсѣдателя. Я. К. никогда не отказывался ни отъ какой работы и охотно бралъ на себя даже составленіе отчетовъ о присужденіи премій. Особенную радость доставилъ Я. К. проектъ объ уравниніи штатовъ всѣхъ членовъ академіи, въ разработкѣ котораго онъ принималъ, какъ вице-президентъ академіи, живѣйшее участіе, но, къ сожалѣнію, не дождался официальнаго опубликованія новыхъ штатовъ, Академіей былъ полученъ рядъ телеграфныхъ привѣтствій отъ учреждений и лицъ, въ томъ числѣ отъ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ за подписью ректора университета Доннера, отъ московскихъ обществъ: исторіи литературы и историко-родословнаго, изъ Воронежа отъ редакціи «Филологическихъ Записокъ», въ которыхъ Я. К. когда-то сотрудничалъ, отъ профессора Т. Д. Флоринскаго, бібліографа С. И. Цюмарева и др. Народный учитель

П. Вересовъ изъ Новгородской губерніи прислалъ свои трогательные стихи на эту годовщину. Изъ Финляндіи были еще другія выраженія сочувствія. Специально пріѣхалъ на торжество профессоръ Александровскаго университета, славистъ г. Миккола; изъ Финляндіи же была прислана въ даръ второму отдѣленію найденная рукопись Я. К. Грота. Наконецъ сыномъ академика получено сердечное привѣтствіе отъ г. Грундстрема (изъ Гельсингфорса), переводчика на шведскій языкъ «Переписки Я. К. съ П. А. Плетневымъ». Имъ же были получены привѣтствія отъ августѣйшаго президента императорской академіи наукъ, академикомъ И. В. Ягича и В. И. Ламанскаго, графа С. Д. Шереметева, Д. Ф. Кобско (ученика Я. К. по лицу), М. Н. Галкина-Враскаго, предсѣдателя Славянскаго благотворительнаго общества генерала П. Д. Паренсова, профессоровъ: Г. Э. Зенгера, Шляпкина, Кулаковскаго, Шебора, Францева и отъ многихъ старыхъ друзей и почитателей покойнаго академика, которые по той или другой причинѣ не могли лично присутствовать на торжествѣ.

Юбилей Л. Б. Бертенсона. 16-го декабря исполнилось сорокалѣтіе общественной и врачебной дѣятельности лейбъ-медика Льва Бернардовича Бертенсона. Имя заслуженнаго юбиляра пользуется обширной популярностью. Его труды по упорядоченію врачебно-санитарной части на горныхъ заводахъ и промыслахъ и его живѣйшее участіе въ разработкѣ законоположеній по улучшенію быта горнозаводскихъ рабочихъ уже въ первые годы его службы создали ему имя общественнаго дѣятеля. Но еще болѣе громкую извѣстность юбиляръ приобрѣлъ на врачебномъ поприщѣ, какъ знатокъ внутреннихъ болѣзней. Въ созвѣздіи медицинскихъ свѣтилъ онъ звѣзда первоклассной величины, его прохождение жизненнаго пути ярко, талантливо и производительно. Русское общество охраненія народнаго здравія присудило ему въ 1907 году медаль имени императора Александра II «за научно-врачебную и общественную дѣятельность». Параллельно съ этимъ двигалась и служебная карьера юбиляра, бывшаго въ 1890 году членомъ горнаго совѣта, въ 1897 году—почетнымъ лейбъ-медикомъ, въ 1898 году—непремѣннымъ членомъ медицинскаго совѣта, въ 1903 году—лейбъ-медикомъ Его Величества и въ 1905 году членомъ совѣта министра торговли и промышленности. Нѣсколько провинціальныхъ бальнеологическихъ обществъ избрали его своимъ почетнымъ членомъ: пятигорское, одесское и др. Онъ состоитъ также почетнымъ членомъ международнаго союза борьбы съ бугорчаткой и санитарнаго института въ Лондонѣ, членомъ-корреспондентомъ берлинскаго общества врачей-терапевтовъ и гидрологическаго въ Парижѣ, а также является представителемъ Россіи въ трехъ международныхъ союзахъ: по гидрологіи, климатологіи и геологіи, по устройству дешевыхъ жилищъ и по изученію профессиональных болѣзней. Особенно много и часто приходилось ему имѣть дѣло съ бугорчаткой, и по сіе время онъ работаетъ по вопросу борьбы съ этимъ ужаснымъ бичомъ Петербурга, какъ предсѣдатель спеціальной комиссіи при медицинскомъ совѣтѣ. По его почину и при его содѣйствіи образовалась три года назадъ всероссійская лига для борьбы съ туберкулезомъ. Онъ лично поработалъ также (въ бытность А. С. Ермолова министромъ земледѣлія) для упорядоченія лечебныхъ станцій въ Старой Руссѣ и Липецкѣ, Сергіевскихъ, Кеммернскихъ, Бусскихъ и другихъ водъ. Таковъ краткій и далеко

не полный перечень трудовъ и заслугъ юбиляра. У юбиляра перебивало много лицъ, желая почтить его въ день 40-лѣтняго юбилея. Самъ онъ уклонился отъ чествованія и выѣхалъ временно въ Финляндію. Юбиляру прислали привѣтствія: общество борьбы съ заразными болѣзнями, почетнымъ членомъ котораго онъ избранъ, горный ученый комитетъ, Николаевскій военный госпиталь, общество охраненія народнаго здравія, французское благотворительное общество, «Русскій Врачъ», «Врачебная Газета», «Практическій Врачъ» и т. д. Трогательную телеграмму прислалъ предсѣдатель совѣта министровъ В. Н. Кокковцовъ, также телеграммами привѣтствовали министръ торговли и промышленности Тимашевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ, товарищи министра финансовъ Покровскій, Веберъ и Новицкій. Лично посѣтили: товарищъ министра торговли и промышленности Баркъ, Тимирязевъ, Крыжановскій, Ермоловъ, главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ Кривошеинъ, сенаторъ Таганцевъ, князь А. Д. Оболенскій, Лукьяновъ и др. По телеграфу привѣтствовали: академики Карпинскій, Чернышевъ, Рыкачевъ, профессора И. П. Павловъ, Т. П. Павловъ, Подвысоцкій, Верховскій, Вельяминовъ, Данилевскій, врачебные инспектора: Малиновскій, Евдокимовъ, Зуевъ, профессоръ Симановскій и др. Интересно отмѣтить поздравленіе шведскаго профессора Вестерлунда; французскій посоль заѣзжалъ лично. Были также телеграммы отъ артистовъ Савиной, Фигнера, Направника, Ведринской, Шуваловой, писателей—Глинскаго, Градовскаго, Лугового и др. Всего телеграммъ въ день юбилея получено около 300 и много писемъ.

Юбилей Н. С. Таганцева. 27-го декабря исполнилось 25-лѣтіе сенаторской службы члена государственнаго совѣта Н. С. Таганцева. Н. С. Таганцевъ обнаруживалъ склонность къ литературному труду, еще будучи въ пензенской гимназій. Пятнадцати лѣтъ онъ представилъ сочиненіе о Лжедмитріи по разсказамъ иностранцевъ, а черезъ годъ—о значеніи кievской духовной академіи. Эти два сочиненія вызвали среди учениковъ оживленные дебаты, происходившіе подъ руководствомъ директора гимназій Лукина. Въ 1863 году Н. С. Таганцевъ блестяще окончилъ петербургскій университетъ и былъ командированъ за границу вмѣстѣ съ Сергѣевичемъ, Потебней, Дювернуа и Пассоверомъ. Въ 24 года Н. С. Таганцевъ былъ уже магистромъ, а три года спустя защитилъ свою блестящую диссертацию «О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву» и получилъ степень доктора уголовного права. Въ 1867 году Н. С. Таганцевъ былъ назначенъ профессоромъ петербургскаго университета. Въ числѣ учениковъ Н. С. Таганцева—три министра юстиціи: Н. В. Муравьевъ, С. С. Манухинъ и И. Г. Щегловитовъ, цѣлый рядъ министровъ: В. Н. Кокковцовъ, С. И. Тимашевъ, П. А. Харитоновъ, А. С. Танѣевъ, С. Д. Сазоновъ и многіе профессора, общественные и политическіе дѣятели. Н. С. Таганцевъ единственный разъ выступилъ въ роли адвоката въ процессѣ «193» въ 1877 г. и защищалъ тогда нынѣшняго профессора женскаго медицинскаго института А. А. Кадьяна. Онъ произнесъ шестичасовую рѣчь. А. А. Кадьянъ былъ оправданъ, но черезъ годъ сосланъ въ административномъ порядкѣ. Въ бытность сенаторомъ Н. С. Таганцевъ поставилъ рядъ рѣшеній по многимъ крупнымъ дѣламъ, изъ которыхъ нѣкоторыя до сихъ поръ служатъ образцомъ для судеб-

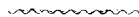
ныхъ толкованій. Н. С. Таганцевъ участвовалъ въ рядѣ комиссій и, между прочимъ, въ четырехъ комиссіяхъ по финляндскимъ вопросамъ; въ двухъ изъ нихъ онъ предсѣдательствовалъ. Послѣдняя комиссія по финляндскому вопросу, въ 1905 году, была создана по ходатайству финляндскаго сейма для разработки общаго съ имперіей законодательства, но вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки финляндскіе делегаты не могли пріѣхать въ Петербургъ, и комиссія распалась. Н. С. Таганцеву принадлежить много выдающихся ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые выдержали десятки изданій. Такъ, напримѣръ, его уложеніе о наказаніяхъ выдержало семнадцать изданій, а мировой уставъ— двадцать одно изданіе. Юбиларъ получилъ массу привѣтственныхъ телеграммъ: отъ юридическаго общества, отъ союза криминалистовъ, отъ журнала «Право» и отъ многочисленныхъ лицъ и учреждений.

Юбилей А. Е. Зарина. 12-го января исполнился 25-лѣтній юбилей писателя А. Е. Зарина. А. Е. сынъ писателя и переводчика 60-хъ годовъ. Заринъ родился въ 1863 году въ Петербургѣ, окончилъ реальное училище и съ 1881 года началъ сотрудничать въ «Петербургской Газетѣ», «Виленскомъ Вѣстникѣ» и другихъ газетахъ и журналахъ. Далѣе онъ редактируетъ рядъ изданій, какъ журналы: «Звѣзда», «Природа и Люди», «Живописное Обзорѣніе». За 25-лѣтній періодъ своей дѣятельности А. Е. работалъ во многихъ журналахъ и газетахъ: въ «Новомъ Времени», «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Нивѣ», «Природа и Люди». Имъ написано нѣсколько романовъ: «Силузты», «Казнь», «Кровавый пиръ», «Живой мертвецъ» и др., множество повѣстей и рассказовъ, изданныхъ въ двѣнадцати сборникахъ, и двѣ-три пьесы. Между прочимъ, А. Е. Заринъ былъ редакторомъ журналовъ «Звѣзда» (1893—95 гг.), «Живописнаго Обзорѣнія» (1901—2 гг.), «Воскресенья» (1903—6 гг.), а также редактировалъ газеты «Обновленная Россія» и «Современная Жизнь», выходившія въ дни первой государственной думы. Какъ газетный редакторъ, онъ былъ привлеченъ въ 1906 году къ уголовной отвѣтственности и по приговору с.-петербургской судебной палаты полтора года просидѣлъ въ тюрьмѣ. Ему въ настоящее время пятьдесятъ лѣтъ. Чествованіе юбиляра происходило въ его квартирѣ, куда къ двумъ часамъ дня собралось около двухсотъ человекъ друзей, товарищей и почитателей юбиляра, отъ имени которыхъ В. В. Глинскій прочиталъ привѣтственный адресъ. Въ адресѣ юбиляръ охарактеризованъ, какъ яркій талантливый писатель, отзывавшійся на всѣ явленія жизни, но сумѣвшій сохранить свою самостоятельность и не поддавшій подъ вліяніе модныхъ теченій. Слѣдующимъ выступилъ редакторъ «Виржевыхъ Вѣдомостей» В. А. Бонди, отмѣтившій ту сердечную теплоту, съ которой юбиляръ всегда былъ встречаетъ редакцію. А. А. Измайловъ говорилъ о Заринѣ, какъ о чуткомъ и хорошемъ человекѣ и добромъ товарищѣ. Отъ «Копѣйки» читалъ привѣтствіе А. Э. Коганъ. Издатель журнала «Природа и Люди» Соикинъ отмѣтилъ долгій и тяжелый, но неподкупный и честный путь юбиляра на тернистой нивѣ. Отъ московскихъ издательствъ представители г. г. Клюкинъ и Ефимовъ вмѣстѣ съ привѣтствіемъ поднесли серебряный столовый сервизъ, бронзовый, художественной работы чернильный приборъ и мраморные часы. Художникъ-фотографъ Д. С. Здобновъ подпесъ большой портретъ юбиляра за письмен-

нымъ столѡмъ. Отъ журналовъ «Весь Міръ» и «Сказки Жизни» А. Е. поздравилъ Н. П. фонъ-Гукъ, отъ «Обозрѣнія Театровъ» И. О. Абельсонъ, отъ «Вѣстника Иностранной Литературы» А. В. Швыровъ. Среди присутствовавшихъ находились А. И. Будищевъ, В. Б. Глинскій, Аполлонъ Коринфскій, Ф. Ф. Фидлеръ, П. Д. Зайкинъ, В. В. Бруснянинъ, артистъ П. де-Тазари, академикъ П. В. Новосколецевъ, Ан. Чеботаревская, юмористъ Ев. Вѣнскій и много представителей артистическаго и литературнаго міра. Въ пять часовъ вечера юбиляра привѣтствовала депутація отъ «кружка Случевского». Все чествованіе носило рѣдко душевный и сердечный характеръ. Ничего официальнаго, никакой напускной торжественности. Юбиларомъ получено около двухсотъ телеграммъ отъ виднѣйшихъ дѣятелей литературы и искусства, въ томъ числѣ отъ А. И. Куприна, И. И. Потапенка, Е. Н. Чирикова, В. Я. Свѣтлова, отъ союза драматическихъ писателей, отъ Анатоля Каменскаго, отъ И. А. Гриневской, отъ поэта Червинскаго, П. В. Быкова, В. И. Немировича-Данченка, П. Д. Сытина, отъ редакцій журналовъ «Задушевное Слово», «Ива», отъ В. А. Тихонова, отъ Е. И. Карпова и многихъ другихъ. Телеграмма Куприна составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Привѣтствую дорогого юбиляра, хранителя священныхъ традицій русской честной литературы». Отъ К. С. Баранцевича: «Сердечно привѣтствую дорогого юбиляра. Многогая, многогая лѣта». Отъ Е. И. Чирикова: «Отъ души поздравляю съ праздникомъ писательской жизни, крѣпко жму руку и желаю здоровья и силъ на многія лѣта. Искренно расположенный къ вамъ Е. Чириковъ». Отъ поэта Червинскаго: «Въ твоемъ лицѣ привѣтствую человека, готоваго не только постоять за убѣжденія, но и посидѣть». Отъ союза драматическихъ писателей: «Въ свѣтлый юбилейный день послѣ тяжелаго пройденнаго вами пути желаю меньше тревожной дальнѣйшей работы и полнаго признанія вашихъ безспорныхъ заслугъ въ современной русской литературѣ. Бентовинъ». Чествованіе затянулось далеко за полночь. А. Е. Зарину поднесены роскошный бюваръ отъ товарищей по редакціи «Виржевыхъ Вѣдомостей», серебряная чернильница—отъ П. П. Сойкина, американскій столикъ-бюро—отъ почитателей и т. д. Вообще рѣдко какой литературный юбилей былъ отмѣченъ такимъ обиліемъ цѣнныхъ подношеній, какъ настоящій.

Праздникъ пріюта принца Ольденбургскаго. Въ пятницу 25-го января пріютъ принца Ольденбургскаго, обнимающій теперь рядъ учреждений: въ Петербургѣ—реальное училище (при немъ—ремесленные классы, механическо-техническое училище) и женская гимназія; въ Лѣсномъ—женская гимназія; въ Лугѣ—реальное училище и дѣтскій садъ; въ Гаграхъ—реальное училище и начальная школа,—справлялъ свой храмовой праздникъ и вмѣстѣ столѣтіе памяти рожденія своего основателя принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Въ церкви совершено торжественное богослуженіе, при превосходномъ нотномъ пѣніи соединеннаго хора воспитанниковъ и воспитанницъ. Присутствовали на богослуженіи предсѣдатель попечительнаго совѣта камергеръ Голубевъ, вице-предсѣдатель камергеръ князь Львовъ, директоръ пріюта д. с. с. Россетъ и всѣ члены совѣта, преподавательскій и административный персоналъ, всѣ учащіяся и часть воспитанниковъ, прибывшихъ изъ Луги. Затѣмъ архіерей

и начальствующіе посѣтили столовые воспитанниковъ, а въ квартирѣ директора былъ предложенъ завтракъ, во время котораго игралъ духовой оркестръ воспитанниковъ пріюта. Царскіе тосты сопровождались троекратнымъ гимномъ. Вечеромъ въ актовомъ залѣ состоялось чествованіе памяти принца Петра Георгіевича и торжественный концертъ изъ произведеній основателя пріюта, организованный директоромъ пріюта Ф. Ф. Россетомъ, на которомъ публика впервые познакомилась съ разнообразными музыкальными произведеніями принца-композитора, тщательно изученными и исполненными питомцами пріюта. Въ числѣ присутствовавшихъ находились предсѣдатель попечительнаго совѣта камергеръ Голубевъ, его помощникъ камергеръ князь Львовъ, почетный онекунъ д. т. с. Ермоловъ, инспекторъ классовъ Р. Н. Геппверъ, директоръ Императорскаго Александровскаго лица генераль Шильдеръ, инспекторъ училища правовѣдѣнія полковникъ Гольтгоеръ, начальница гимназіи кн. С. Л. Оболенская, начальникъ мужской гимназіи М. М. Андріяшевъ депутація воспитанниковъ старшихъ классовъ лица и училища правовѣдѣнія и воспитанницъ института, множество родителей и родственниковъ учащихся и почетныхъ гостей. Въ концертѣ принялъ участіе духовой хоръ пріюта, прибывшій изъ Луги, гдѣ недавно организовано обученіе музыкѣ. Открылся концертъ бравурными звуками Ольденбургскаго гимна, за нимъ исполнены: «Тихая роща» и «Pflügerlied» хоромъ воспитанниковъ, подъ управленіемъ г. Евреинова. Двѣ вещи исполнила симпатичная, молодая, еще только выступающая пѣвица m-Ne Гротъ, меццо-сопрано: «Молитву» и «Jugendträume». Струнный оркестръ пріюта сыгралъ мелодичную колыбельную пѣсню, хоръ воспитанницъ исполнилъ пѣсню и баркароллу. Во второмъ отдѣленіи вечера большую часть заняли отрывки изъ оперы принца «Das Käthen von Heilbronn»; исполнены увертюра, хоръ работниковъ и работницъ, арии для сопрано (исполнена любительницей г-жей Лидигъ) и для тенора (артистъ изъ Народнаго дома г. Залипскій), свадебная пѣсня (пѣлъ женскій хоръ). Аккомпанировала г-жа Томашекъ. Восемь воспитанницъ въ костюмахъ прекрасно танцевали менуэтъ, повторенный по требованію публики, и два оркестра сыграли «Свадебный маршъ». Тутъ открылась прекрасно поставленная живая картина: огромный бюстъ принца Петра Георгіевича вѣнчаетъ Россія, а геній съ другой стороны держитъ свѣточъ, кругомъ дѣти, сестра милосердія, учащаяся—живыя эмблемы просвѣтительной и благотворительной дѣятельности принца. Картина повторялась нѣсколько разъ при разномъ освѣщеніи, при громѣ аплодисментовъ. Затѣмъ трижды былъ исполненъ народный гимнъ, и тогда опять открылся бюстъ принца, и весь пріютъ, воспитанники и воспитанницы, прошли стройно по сценѣ церемониальнымъ маршемъ, подъ звуки Преображенскаго марша соединенныхъ оркестровъ. Участвовавшимъ артистамъ были поднесены цвѣты, а организатору музыкальной части, преподавателю г. Томашеку—огромный вѣнокъ съ лентами и подписью, при общихъ аплодисментахъ. Вечеръ удался какъ нельзя болѣе и полно представилъ передъ собравшимися поэтический образъ незабвеннаго принца.

НЕКРОЛОГИ.

АЗБЕЛЕВЪ, Н. П. Покончилъ жизнь самоубійствомъ во Владивостокѣ генераль-майоръ Н. П. Азбелевъ. Профессоръ морской академіи, затѣмъ директоръ всѣхъ русскихъ морскихъ школъ и членъ учебнаго отдѣла при министерствѣ торговли и промышленности, Н. П. вскорѣ своими выдающимися трудами и педагогическими способностями обращаетъ на себя вниманіе высшихъ сферъ, и его приглашаютъ воспитателемъ къ покойному великому князю Георгію Александровичу. Передъ сравнительно очень молодымъ Н. П. открывалась блестящая бюрократическая и педагогическая карьера. Но вскорѣ послѣ смерти великаго князя наступаетъ переворотъ, кризисъ какъ въ духовномъ укладѣ Н. П., такъ и въ его служебной карьерѣ. Подъ вліяніемъ многихъ причинъ, а въ особенности измѣнившагося міровоззрѣнія, онъ уходитъ въ отставку, слагаетъ свои директорскія и члена министерства обязанности и заживаетъ скромной жизнью журналиста и ученаго. Приблизительно въ это же время онъ учреждаетъ русское астрономическое общество, предсѣдателемъ котораго состоялъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Многочисленныя статьи Н. П. появляются во многихъ специальныхъ научныхъ и педагогическихъ журналахъ, а въ особенности въ «Мірѣ Вожьемъ», съ нѣкоторыми сотрудниками и членами редакціи котораго соединяла его не только общность взглядовъ, но еще и личная дружба. Волна политическихъ событій 1905 года слегка подхватила этого чуткаго къ общественной жизни страны гражданина, и его приглашаютъ даже стать во главѣ (въ качествѣ редактора и отвѣтственнаго издателя) одной крупной народившейся социаль-демократической газеты. Но онъ отказался отъ участія въ этомъ изданіи, отъ котораго его оттолкнули неискренніе и нетактичные по отношенію къ нему поступки инициаторовъ изданія. Подъ вліяніемъ всѣхъ событій послѣднихъ лѣтъ Н. П. все больше и больше разочаровывался какъ въ людяхъ, въ современномъ укладѣ общественной и политической жизни Россіи, такъ и вообще во всей жизни. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1912 г., № 349).

† **Варравинъ, М. М.** 7-го января скончался артистъ московскаго Малаго театра М. М. Сапѣгинъ (по сценѣ—Варравинъ). Четыре года назадъ М. М. разбилъ параличъ, лишившій его возможности двигаться и говорить, и съ тѣхъ поръ онъ лежалъ, прикованный къ постели, пока наконецъ смерть не прервала страданій. Свою артистическую карьеру покойный началъ въ провинціи и въ теченіе двадцати почти лѣтъ гастролировалъ чуть ли не во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городахъ. Потомъ выступалъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ, а лѣтъ пятнадцать назадъ вошелъ въ составъ труппы московскаго Малаго театра. Широкая публика Москвы мало знала покойнаго, а за четыре года болѣзни и совсѣмъ успѣла забыть. Зато среди товарищей по сценѣ М. М. Варравинъ пользовался всеобщими и неизмѣнными симпатіями, какъ человѣкъ необычайно мягкій, отзывчивый и добрый. Располагалъ болѣе чѣмъ скромными средствами, покойный находилъ возможность значительную часть ихъ удѣлять на поддержку убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ и на помощь наиболѣе нуждающимся товарищамъ. Кажется, ни одинъ спектакль и концертъ въ пользу убѣжища не обходился безъ его дѣятельнаго участія. Скончался М. М. Варравинъ на 60-мъ году. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1913 г., № 6).

† **Ганешинъ, С. А.** 5-го января скончался профессоръ по кафедрѣ механической технологіи Сергѣй Александровичъ Ганешинъ. Дѣятельность покойнаго была тѣсно связана съ технологическимъ институтомъ съ 1896 года, когда онъ былъ приглашенъ преподавать въ институтъ технологію волокнистыхъ веществъ; кафедре механической технологіи онъ занималъ съ 1905 года. Раньше, по окончаніи курса въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ, онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ и фабричнымъ инспекторомъ Петербургской губерніи. Одновременно покойный въ послѣдніе годы читалъ лекціи въ интендантской академіи и петербургскомъ политехническомъ институтѣ. Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ трудахъ льняного комитета при главномъ управленіи землеустройства и земледѣлія и въ особомъ присутствіи по примѣненію тарифовъ къ товарамъ, а также былъ членомъ технического комитета главнаго интендантскаго управленія. Общество вспоможенія недостаточнымъ студентамъ-технологамъ потеряло въ немъ одного изъ видныхъ своихъ руководителей, всегда отзывчиваго и сердечнаго. Умеръ профессоръ 52 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13228).

† **Гермониусъ, А. К.** Въ Полтавѣ скончался 12-го января писатель-журналистъ Аксель Карловичъ Гермониусъ, бывший редакторъ «Петербургской Газеты», редактировавшій въ разное время «Одесскій Листокъ», «Русское Слово» въ Москвѣ и нѣсколько провинціальныхъ періодическихъ изданій. Покойный родился въ Петербургѣ въ 1860 году. По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ кандидатомъ правъ онъ отдался всецѣло журналистикѣ. Его небольшія сценки, стихотворенія и рассказы охотно печатались въ «Петербургской Газетѣ», «Стрекозѣ» и «Осколкахъ». Вскорѣ онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Петербургской Газеты», печатая въ ней преимущественно разнообразныя статьи на злобы дня подъ псевдонимомъ «Финвъ». Перо его отличалось живостью и бойкостью и содѣйствовало успѣху газеты. Одновременно онъ напечаталъ нѣсколько статей и корреспонденцій въ «Новомъ Времени», «Вар-

навскомъ Дневникъ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и др. изданіяхъ. Въ 1888 г. С. Н. Худековъ предложилъ ему редакторство газеты. Съ этого времени покойный отдалъ себя всего, всю свою замѣчательную работоспособность «Петербургской Газетѣ», выпуская ее изо дня въ день и неся на себѣ не только отвѣтственность за напечатанныя статьи, но и заботы о газетной содержательности и свѣжести извѣстій. Благодаря его трудамъ, тиражъ «Петербургской Газеты» значительно увеличился. Въ 1893 г. А. К. былъ вынужденъ покинуть Петербургъ. Его талантомъ и журнальнымъ опытомъ воспользовался тогда издатель «Одесскаго Листка» г. Навроцкій, поручившій ему редактировать свою газету. Затѣмъ онъ былъ приглашенъ г. Сытинимъ редактировать «Русское Слово» въ Москвѣ. Въ послѣднія почти десять лѣтъ покойный въ поискахъ газетнаго заработка скитался по различныхъ городамъ. Редактировалъ въ Екатеринославѣ мѣстную газету, въ Полтавѣ «Полтавскій Вѣстникъ». Два года назадъ его разбилъ параличъ. Болѣзнь и отсутствіе работы довели его до крайне тяжелаго матеріальнаго положенія, и когда-то хорошо обеспеченный талантливыи журналистъ превратился въ бѣдняка, пуждавшагося въ посторонней помощи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 31235).

† **Гучковъ, Ф. И.** ¹⁾ 10-го января въ Минскѣ скончался Ф. И. Гучковъ, родной братъ бывшаго члена государственной думы А. И. Гучкова и московскаго городского головы Н. И. Гучкова. Покойный Ф. И. принималъ живое участіе въ политической и общественной работѣ, будучи фактическимъ руководителемъ газеты «Голосъ Москвы» и членомъ центрального комитета союза 17-го октября. Тяжелая болѣзнь сердца давно подтачивала силы Ф. И. Смерть подкралась неожиданно и вырвала изъ рядовъ живыхъ энергичнаго, идейнаго чловѣка, въ возрастѣ, который даетъ еще широкій просторъ для большой работы. Покойному едва исполнилось 51 годъ. По окончаніи курса въ московскомъ Александровскомъ военномъ училищѣ Ф. И. былъ выпущенъ въ 1881 году въ первый лейбъ-гренадерскій Екатеринославскій полкъ. Однообразная гарнизонная жизнь въ большомъ городѣ не удовлетворяла его, и онъ перевелся въ первый пластунскій батальонъ Кубанскаго казачьяго войска. Тамъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ среди очень тяжелыхъ условий, переносилъ всѣ труды и лишения, какіе были связаны съ службой въ казачьихъ войскахъ. Въ 1895 году вмѣстѣ съ А. И. Гучковымъ въ самый разгаръ армянскаго возстанія послѣ извѣстной армянской рѣзни въ Константинополѣ онъ совершилъ крайне рискованную поѣздку по армянскимъ вилайетамъ. Цѣль этой поѣздки была чисто идейная: собрать матеріалы и живыя наблюденія надъ положеніемъ армянъ. Въ 1898 году его потянуло къ другому, какъ тогда казалось, крупному національному и политическому дѣлу. Онъ перевелся въ охранную стражу Китайско-Восточной желѣзной дороги въ Манчжурію. Но онъ сразу обрываетъ свою службу и уходитъ прочь, какъ только стало ясно, что дальневосточныя предприятия создавались не ради глубокихъ національных и политическихъ задачъ, а имѣютъ иную подкладку. Изъ Манчжуріи Ф. И. прямо отправился въ Трансвааль, вступилъ въ ряды бурскихъ воиновъ, участвовалъ въ цѣломъ

¹⁾ Сообщилъ Г. В. Никаноровъ.

рядъ боевъ и оставался тамъ до паденія Преторіи. Въ Трансвааль **Ф. И.** получилъ извѣстіе о томъ, что въ Китаѣ началось боксерское движеніе, что Восточно-Китайская желѣзная дорога захвачена боксерами и разрушена, что туда отправляются русскія войска. Онъ сейчасъ же покинулъ Трансвааль и вернулся въ Манчжурію, въ отрядъ генерала Ренненкампа и принималъ самое дѣятельное участіе въ походѣ. По окончаніи войны **Ф. И.** вернулся въ Москву, но пріѣхалъ съ совершенно надорваннымъ здоровьемъ, такъ что его на рукахъ вынесли изъ вагона. У него развилась болѣзнь сердца и приняла размѣры настолько угрожающіе, что онъ въ 1900 году покинулъ военную службу. Какъ только раздались первые выстрѣлы въ Манчжуріи, **Ф. И.** немедленно вернулся на военную службу, снова вошелъ въ отрядъ Ренненкампа, но вскорѣ же долженъ былъ убѣдиться, что здоровье безусловно не позволяетъ ему нести всѣ трудности боевой походной жизни. Онъ вступилъ въ число уполномоченныхъ Краснаго Креста и оставался на манчжурскихъ поляхъ до конца войны. Работу онъ выбралъ для себя самую трудную и ответственную: онъ завѣдывалъ передовыми учреждениями Краснаго Креста, летучими отрядами, которые работали въ передовой линіи, и организовывалъ перевязочные пункты въ линіи огня, выноску оттуда раненыхъ, транспортированіе ихъ въ тылъ и т. д. Третій корпусъ, находившійся подъ командой генерала **М. І. Иванова**,—гдѣ работалъ **Ф. И.**,—сохранилъ самую теплую и благодарную память объ этой его дѣятельности. Участники боевъ говорили и говорятъ, что не мало раненыхъ обязано своимъ спасеніемъ умѣлой распорядительности и самоотверженной смѣлости **Ф. И.** Японская война окончилась. **Ф. И.** вернулся въ Москву и пошелъ на театръ новой войны,—войны внутренней. Кипучая боевая натура **Ф. И.** не позволила ему быть только зрителемъ происходившихъ событій: онъ сразу же кидается въ политическій водоворотъ, становится дѣятельнымъ членомъ центрального комитета союза 17-го октября и фактическимъ руководителемъ газеты «Голосъ Москвы». Особенное вниманіе удѣлилъ онъ вопросамъ укрѣпленія новаго представительнаго строя, вопросу возрожденія военной мощи нашей арміи, нуждамъ офицерства, которыя ему были близко и непосредственно знакомы. Не разъ онъ самъ выступалъ съ горячими и талантливими статьями въ этой области. Но столь же горячо и пылко откликался онъ на вопросы національные, горячо и ревниво относился онъ и къ международной чести и достоинству Россіи, и къ чести и достоинству русскаго имени. Грянувшія въ послѣднее время событія на Балканахъ взволновали **Ф. И.** до послѣдней степени. «Голосъ Москвы» сразу взялъ опредѣленный тонъ, будившій русское общественное мнѣніе въ пользу сочувствія славянамъ, стремившійся подвинуть наше правительство на путь смѣлой, мужественной, національной, соответствующей достоинству Россіи политики. Самъ **Ф. И.** носился съ мыслью лично отправиться на Балканы, вступить въ ряды болгарской арміи и не только словомъ, но и подвигомъ оказать содѣйствіе славянамъ. Но тяжкая болѣзнь приковывала его къ постели,—и горькими слезами провожалъ онъ уѣзжавшаго на Балканы брата, **А. И. Гучкова**, скорбя и негодуя на свой недугъ, завидуя тѣмъ, кто могъ быть тамъ, среди балканскихъ героевъ и мучениковъ. Рѣшено было даже увезти его изъ Москвы

чтобы побережь остатокъ его силъ. Но 10-го января утромъ Ф. И. былъ найденъ въ своей постели мертвымъ. Среди всѣхъ близко знавшихъ покойнаго осталась память о немъ, какъ о честномъ, прямомъ человѣкѣ, страстно работавшемъ надъ осуществленіемъ своихъ завѣтныхъ мыслей и желаній, которыя вытекали изъ глубокой любви къ Россіи и преданности ея интересамъ.

† **Емельяновъ, Н. Н.** Изъ ряда давнихъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» выбылъ Николай Николаевичъ Емельяновъ, скончавшійся послѣ тяжелой болѣзни въ Москвѣ вечеромъ 11-го декабря. Онъ родился въ Москвѣ въ 1860 году въ старо-дворянской семьѣ и послѣ домашней подготовки учился въ штурманской школѣ дальняго плаванія въ городѣ Николаевѣ. Проплававъ нѣкоторое время на коммерческихъ судахъ по Средиземному морю, Н. Н. Емельяновъ отправился во время сербско-турецкой войны добровольцемъ и участвовалъ тамъ въ бояхъ. По возвращеніи онъ былъ обвиненъ въ политической агитаціи, былъ преданъ суду и затѣмъ отправленъ въ Сибирь. Первымъ трудомъ покойнаго, напечатаннымъ еще до переселенія въ Сибирь, явилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1878 г., книга 3 и 5) большая статья, подъ названіемъ: «Рационализмъ на югѣ Россіи», выяснявшая «почву малорусской шунды». Въ Сибири онъ также участвовалъ въ мѣстной печати. Возвратившись въ Россію и проживая въ Москвѣ, онъ въ теченіе пяти лѣтъ (1898—1902 гг.) особенно тѣсно примыкалъ къ «Русскому Вѣстнику». Въ этомъ журналѣ появились слѣдующія главныя его статьи: «Наша золотопромышленность и ея нужды» (1898 г., кн. 2), «Переселеніе крестьянъ въ Сибирь» (кн. 3), «Сибирь и ссылка» (кн. 4), «Сибирь и земство» (кн. 5), «Сибирская желѣзная дорога» (кн. 6), «Островъ Сахалинъ» (кн. 7), «Реорганизація кааторги» (кн. 9), «Печать въ Сибири» (кн. 12), «Судебныя преобразованія въ Сибири» (1899 г., кн. 2), «Сибирскій хлѣбъ и новые рельсовые пути» (кн. 4), «Тюрьма и ссылка» (кн. 6), «Золотопромышленность и рабочій вопросъ въ Сибири» (кн. 11), «Земельное устройство крестьянъ въ Приамурскомъ краѣ» (1900 г., кн. 2), «Русское судоходство въ Тихомъ океанѣ» (кн. 7), «Китайская и русская колонизація» (кн. 8), «Манчжурія и желѣзная дорога» (кн. 10 и 11), «Рельсовые пути на Дальнемъ Востокѣ» (1901 г., кн. 4), «Россія и Манчжурія» (кн. 5), «Тюремная реформа» (кн. 12) и много другихъ. На ряду съ сотрудничествомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Н. Н. Емельяновъ сталъ участвовать и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» по разнымъ текущимъ вопросамъ. Его статьи, полныя вѣрныхъ наблюденій и пережитаго опыта, отличались живостью и современностью. Редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» (А. В. Грингмутъ) съ 1902 года поручилъ Н. Н. Емельянову вести въ газетѣ отдѣлъ «Дневникъ печати», что исполнялось покойнымъ и при слѣдующихъ издателяхъ. Кромѣ того, Н. Н. Емельяновъ предпринималъ изданіе журналовъ: «Пассажиръ», «Хозяйка», участвовалъ въ «Вѣрности» и «Книжномъ Вѣстникѣ» и недолго редактировалъ газету «Старое Вѣче». 1912 годъ былъ особенно тяжелъ для покойнаго: онъ въ теченіе короткаго времени потерялъ жену и двухъ маленькихъ сыновей, умершихъ отъ скарлатины. Послѣ такого несчастья его здоровье окончательно надломилось. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1912 г., № 288).

† **Казанскій, П. И.** 6-го января въ Сергіевскомъ посадѣ скончался бывший заслуженный профессоръ и почетный членъ московской духовной академіи

Петръ Ивановичъ Казанскій. Покойный родился въ 1840 году и воспитывался сначала во владимирской семинаріи, а съ 1860 года—въ московской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса со степенью магистра (1864 г.), онъ состоялъ преподавателемъ ярославской (1864—1865 гг.) и виѣнской (1865—1867 гг.) семинарій, но съ іюля 1867 года былъ назначенъ въ родной академіи бакалавромъ педагогики и съ 1869 года нравственнаго богословія; первую изъ этихъ кафедръ покойный занималъ до 1886 года, а вторую—до 1892 года, когда, въ званіи доктора богословія и ординарнаго профессора, получилъ кафедру исторіи философіи. Выйдя въ отставку (съ 8-го ноября 1897 года), онъ остался жить въ Сергіевомъ посадѣ, вблизи академіи, до своей кончины. Перу покойнаго профессора принадлежалъ рядъ трудовъ, изъ которыхъ особенно извѣстны: «О значеніи впечатлѣній ранняго дѣтства въ дѣлѣ воспитанія» («Душеполезное Чтеніе» 1869 г., кн. 5; 1870 г., кн. 2, 5 и 7; 1871 г., кн. 1—4), «Объ историческомъ значеніи книгъ малыхъ пророковъ», магистерская диссертация («Творенія Святыхъ Отцовъ», прибавленіе за 1872 г.), «Состояніе іудейскаго царства при Езекии, Манассии, Аммонѣ и Іосии» («Чтенія Общества любителей духовнаго просвѣщенія» 1875 г., кн. 2), «Состояніе іудеевъ послѣ плѣна вавилонскаго» (тамъ же, 1876 г., кн. 5), «Крайности въ воспитаніи» («Душеполезное Чтеніе», 1878 г., кн. 8—10), «Въ защиту русскаго духовенства» («Творенія Святыхъ Отцовъ», 1881 г., ч. XXVIII; 1882 г., ч. XXX и отдѣльно подъ заглавіемъ: «Правда ли, что наше духовенство не хочетъ и не умѣетъ учить народъ». Москва 1882 г., 116 страницъ), «Можно ли признать высшимъ принципомъ воспитанія правило: воспитывай челоуѣка сообразно съ его природой» («Творенія Святыхъ Отцовъ», 1883 г., ч. XXXII), «Изъясненіе шестопсалмія» (Москва 1894 г.) и «По поводу забастовокъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ» («Душеполезное Чтеніе», 1905 г., кн. 6, 8—10) и др. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1913 г., № 7).

† **Каспари, А. А.** 31-го декабря скончался Альвинъ Андреевичъ Каспари, издатель журналовъ «Родина», «Всемирная Новь» и «Весельчакъ», владѣлецъ типографіи и книгоиздатель. Въ журнальномъ мірѣ имя покойнаго было извѣстно, какъ предприимчиваго коммерсанта, умѣло воспользовавшагося читательскими стремленіями къ дешевой беллетристикѣ съ разнообразными прибавленіями. Онъ первый, приобрѣта въ 1879 году отъ покойнаго И. Н. Пономарева газету «Родину» и превративъ ее въ иллюстрированный журналъ, надумалъ привлекать подписчиковъ ежемѣсячными прибавленіями въ видѣ книгъ-сборниковъ. И это обстоятельство сдѣлало свое дѣло: «Родина» распространилась широко въ провинціи, вызвавъ аналогичный способъ конкуренціи у покойныхъ Маркса, издателя «Нивы», и Добродѣева, издателя «Живописнаго Обзорія». Предприимчивость была особенностью и богатствомъ покойнаго и выдвинула его изъ ряда типографскихъ рабочихъ въ кругъ издателей, близкихъ къ литературнымъ работникамъ. А. А. родился въ Германіи. Судьба забросила его въ Россію въ шестидесятихъ годахъ. Здѣсь онъ искалъ труда и счастья. Работа по чужимъ типографіямъ закалила его и удвоила его стремленіе стать типографскимъ собственникомъ. Съ 1870 г. онъ впервые испыталъ себя на издательскомъ поприщѣ, предпринявъ изданіе отрывнаго календаря, названнаго имъ Петровскимъ. Календарь имѣлъ успѣхъ и далъ покойному средства

развить свое издательство. Помимо журналов покойный издалъ нѣсколько переводныхъ сочиненій: «Потерянный рай» Мильтона въ переводѣ О. Н. Чюминой (этотъ переводъ отмѣченъ академіей наукъ преміей), «Божественная Комедія», «Фаустъ» и др. А. А. сохранилъ свою работоспособность до глубокой старости: умеръ онъ на 77 году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13223).

† **Ланге, И. Н.** Директоръ варшавскаго ветеринарнаго института, заслуженный профессоръ Иванъ Николаевичъ Ланге, скончавшійся 25-го декабря, особенно извѣстенъ въ ветеринарномъ мѣрѣ найденной имъ вакциной, широко примѣняемой въ борьбѣ съ сибирской язвой. Вакцина эта извѣстна подъ именемъ Ланге. Покойный родился въ 1845 году. По окончаніи курса ветеринарнаго отдѣленія медико-хирургической академіи онъ былъ оставленъ при академіи прозекторомъ по кафедрѣ патологической анатоміи, затѣмъ защитилъ диссертацию на степень магистра ветеринарныхъ наукъ и читалъ лекціи въ качествѣ приватъ-доцента. Съ 1874 г. по 1906 г. дѣятельность его была тѣсно связана съ казанскимъ ветеринарнымъ институтомъ. Онъ былъ назначенъ профессоромъ института въ первый годъ его открытія и съ 1881 г. заботился объ институтѣ, какъ его директоръ. Его стараніями институтъ обогатился бактериологической лабораторіей, принесшей громадную пользу въ борьбѣ съ заразными болѣзнями животныхъ, при институтѣ открыта студенческая читальня, основаны общество вспомошествованія студентамъ и касса служащихъ. Имъ же предпринято изданіе «Ученыхъ записокъ казанскаго ветеринарнаго института», въ которыхъ онъ между прочимъ напечаталъ цѣлый рядъ своихъ цѣнныхъ изслѣдованій по инфекціоннымъ болѣзнямъ животныхъ. Въ 1900 г. профессоръ Ланге во главѣ научной экспедиціи былъ командированъ въ Китай для изслѣдованія болѣзни тарбагановъ въ связи съ чумной эпидеміей и, кромѣ того, неоднократно командировался въ различныя мѣстности для борьбы съ сибирской язвой. Директоромъ варшавскаго ветеринарнаго института И. Н. былъ съ 1907 г. Ему принадлежитъ множество научныхъ работъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ его трудъ: «Инфекціонныя болѣзни человѣка и животныхъ (зоонозы)». Его научная дѣятельность отмѣчена избраніемъ его въ почетные члены казанскаго и юрьевскаго ветеринарныхъ институтовъ и многихъ другихъ ученыхъ учреждений. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13220).

† **Миркинъ-Гецевичъ, С. В.** Въ Пятигорскѣ на 48-мъ году жизни скончался отъ кровоизліянія въ мозгъ журналистъ Сергѣй Васильевичъ Миркинъ-Гецевичъ. Покойный около двадцати лѣтъ работалъ въ провинціальныхъ изданіяхъ, причѣмъ пятнадцать лѣтъ принималъ близкое участіе въ редактированіи «Кіевскаго Слова». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ переселился въ Петербургъ и сталъ сотрудничать въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ. Въ послѣднее время С. В. часто болѣлъ и въ началѣ декабря мѣсяца отправился на поправку въ Пятигорскъ. Здѣсь, вдали отъ родныхъ, близкихъ и друзей, и застигла его смерть. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 г., № 1).

† **Натадзе (Горцевъ), Ш. Я.** 24-го декабря скончался въ Константинополь Ш. Я. Натадзе (Горцевъ). Покойный съ самаго начала балканской войны состоялъ константинопольскимъ корреспондентомъ газеты «Рѣчь». Ш. Натадзе

доидя въ 1883 году. Окончивъ тифлискую дворянскую гимназію, онъ поступилъ въ московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, по окончаніи котораго въ теченіе двухъ лѣтъ продолжалъ слушать лекціи на юридическомъ факультетѣ. Затѣмъ онъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности въ одной изъ ростовскихъ гимназій, гдѣ за короткій срокъ успѣлъ снискать горячія симпатіи товарищей и учениковъ. Но привлеченный къ политическому процессу союза книгоиздателей «Молодая Россія» и др., онъ долженъ былъ раздѣлить участь многихъ общественныхъ дѣятелей и стать политическимъ эмигрантомъ. Судьба забросила его въ Константинополь въ самый водоворотъ развивавшихся съ головокружительной быстротой событій. Здѣсь онъ отдался исключительно газетной и журнальной работѣ, сперва въ качествѣ постоянного корреспондента «Утра Россіи», а затѣмъ «Рѣчи», «Кіевской Мысли» и др. изданій. Онъ писалъ также и на столбцахъ «Современника», гдѣ появлялись его живые очерки, посвященные самымъ разнообразнымъ вопросамъ общественной и политической жизни Турціи. Перу покойнаго принадлежитъ нѣсколько брошюръ по національному и аграрному вопросамъ. Натадѣ погибъ трагически—отъ зараженія крови при извлеченіи зуба турецкимъ дантистомъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 г., № 7).

† **Раевская, М. Д.** Скончалась популярная общественная дѣятельница и талантливая художница М. Д. Раевская, пользовавшаяся всеобщими симпатіями и уваженіемъ среди мѣстной интеллигенціи. Покойная была первой женщиной въ Россіи, удостоенной академіей званія художницы. Ей принадлежитъ инициатива основанія въ Харьковѣ школы живописи и рисованія, которая въ послѣдствіи перешла въ вѣдѣніе города. Работы школы М. Д. Раевской въ свое время обратили на себя вниманіе академіи художествъ, а также на всероссійской выставкѣ въ 1882 г. въ Москвѣ, гдѣ онѣ были удостоены награды. Кромѣ своей спеціальной, художественной дѣятельности, М. Д. принимала близкое и энергичное участіе почти во всѣхъ мѣстныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, всегда обращая на себя вниманіе своей исключительной трудоспособностью. Она много работала въ обществѣ грамотности, въ обществѣ народныхъ чтеній, въ обществѣ трудящихся женщинъ, на высшихъ женскихъ курсахъ и въ обществѣ попеченія о малолѣтнихъ преступникахъ, вездѣ помогая словомъ и дѣломъ. Несмотря на преклонный возрастъ и полную потерю зрѣнія съ 1896 года, она до послѣднихъ дней живо интересовалась вопросами политической жизни страны, разными теченіями въ искусствѣ и педагогическими вопросами. Покойная обладала большими педагогическими и ораторскими способностями. Она принадлежала къ числу образованнѣйшихъ женщинъ своего времени, и въ лицѣ М. Д. Раевской сошла со сцены рѣдкая русская женщина шестидесятыхъ годовъ, которая всегда, при всякихъ условіяхъ, оставалась вѣрна идеаламъ своей эпохи, никогда не поступаясь своими убѣжденіями. Умерла Раевская на 72-мъ году отъ склероза сердца. (Некрологъ ея: «Русское Слово», 1912 г., № 285).

† **Тихомировъ, А. И.** 14-го декабря, утромъ, въ Москвѣ, въ больницѣ товарищества врачей отъ рака желудка скончался одинъ изъ старѣйшихъ мѣстныхъ педагоговъ, А. И. Тихомировъ. Покойный сынъ сельскаго священника Костромской

губерніи и братъ извѣстнаго автора учебниковъ для народныхъ школъ Д. И. Тихомирова. Чувствуя влеченіе къ педагогической дѣятельности, А. И. поступилъ въ бывшую московскую учительскую семинарію военнаго вѣдомства. По окончаніи семинаріи онъ занялъ мѣсто учителя русскаго языка въ бывшей военной прогимназіи. По упраздненіи военной прогимназіи, А. И. преподавалъ русскій языкъ въ Комиссаровскомъ техническомъ училищѣ, въ Елизаветинской гимназіи и въ гимназіи г-жи Валицкой. Здѣсь онъ давалъ и образцовые уроки для молодыхъ учительницъ. Въ послѣдніе годы онъ преподавалъ въ школахъ для бѣдныхъ дѣтей и сиротъ евангелическихъ исповѣданій. Педагогической дѣятельности почившій отдалъ свыше сорока лѣтъ. А. И. состоялъ также секретаремъ общества попеченія о дѣтяхъ народныхъ учителей. Отпѣваніе тѣла было совершено въ церкви святого Георгія, на Большой Дмитровкѣ. Погребеніе—въ Скорбященскомъ монастырѣ. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1912 г., № 286).

† **Филевичъ, И. П.** 7-го января безвременно скончался И. П. Филевичъ. Сыгъ многострадальной Холмской Руси, свидѣтель всѣхъ ея бѣдствій, всю жизнь свою посвятилъ онъ на сліянiе западно-русской вѣтви русскаго народа съ остальною Русью. Родился онъ въ семьѣ сельскаго священника, одного изъ тѣхъ униатскихъ галицко-русскихъ священниковъ, которые были вызваны изъ Галиціи въ Холмщину для располяченія холмскаго населенія и сближенія его съ русскою церковью. Борьба, которую отецъ его велъ съ польскимъ влияніемъ на мѣстѣ, закалила въ немъ твердаго и убѣжденнаго бойца за русское дѣло. Поступивъ въ университетъ, онъ заинтересовался главнымъ образомъ исторіей своего роднаго края. Происходя изъ Галиціи, онъ прежде всего подумалъ о родинѣ своего отца, и первая его научная диссертация была посвящена вопросу «О борьбѣ Польши и Литвы на Руси за галицко-владимирское наслѣдіе». Диссертация эта была представлена въ Петербургъ въ 1890 году, и за нее онъ удостоился степени магистра русской исторіи. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ въ варшавскомъ университетѣ кафедру западно-русской исторіи. Затѣмъ онъ былъ командированъ въ Австро-Венгрію для собиранія слѣдовъ русскаго населенія въ предѣлахъ Австріи и Венгріи. Онъ посѣтилъ знаменитыя русскія поселенія около Сибина (Германштадта), о которыхъ велся споръ въ литературѣ между историками. Матеріалы эти онъ употребилъ для своей «Исторіи древней Руси», первый томъ которой вышелъ въ 1896 году. Въ этомъ томѣ онъ освѣтилъ территорію и населеніе древней Руси на западныхъ ея границахъ. На основаніи названій горъ, рѣкъ, селеній въ Трансильваніи онъ опредѣлилъ русскій характеръ древняго населенія края. Онъ посѣтилъ всѣ тѣ деревни, въ которыхъ трансильванскій ученый аббатъ Юсіфъ Едеръ засталъ еще въ XVIII вѣкѣ жителей, именовавшихся русскими. На основаніи мѣстныхъ названій въ современномъ румынскомъ и мадьярскомъ языкахъ и на основаніи упоминанія русскихъ мѣстностей и лицъ въ старыхъ документахъ XIV и XV вѣковъ, онъ установилъ наличность русской стихіи въ Трансильваніи (Семиградьи) еще въ среднихъ вѣкахъ. Изъ Трансильваніи онъ двинулся далѣе на сѣверъ, заинтересовался судьбой Угорской Руси и главнымъ образомъ русскими поселеніями въ Карпатахъ. «Очеркъ карпатской территоріи русскаго населенія» и трактатъ «Угор-

ская Русь и связанные съ нею вопросы» были плодомъ этихъ его научныхъ изысканій. Перебравшись черезъ Карпаты въ Галицію, онъ до такой степени былъ пораженъ бѣдственнымъ положеніемъ тамошняго русскаго населенія, что, не вдаваясь въ изученіе русской старины, занялся печальной современностью этого забитаго и забытаго уголка русской земли. «Исторія Карпатской Руси» послѣ присоединенія ея къ Австріи съ 1772 года по 1900 годъ была дальнѣйшей его научной работой. Къ сожалѣнію, ему такъ и не удалось окончить этотъ трудъ. Онъ довелъ его всего только до 1860 года, до начала примиренія австро-польскаго и до вступленія въ австрійское правительство графа Голуховскаго. Познакомившись съ заграничною Русью, онъ заинтересовался также судьбою остальныхъ славянъ. Онъ часто бывалъ въ Прагѣ, живо интересовался чехами; его перу принадлежитъ очеркъ «Чехія и чехи», превосходно написанный и помѣщенный въ «Славянскомъ Обзорѣніи» изданія А. С. Будиловича. Въ качествѣ профессора варшавскаго университета онъ, разумѣется, не могъ уклониться отъ освѣщенія русско-польскихъ отношеній въ настоящемъ, всю тяжесть котораго онъ испыталъ на себѣ въ качествѣ холмича. Его перу принадлежитъ прекрасный очеркъ по этому вопросу, помѣщенный въ «Русскомъ Обзорѣніи». Изъ остальныхъ его научныхъ работъ нельзя не отмѣтить интереснаго его трактата о разработкѣ географической номенклатуры древней Руси, а также и связанныхъ съ нею вопросовъ. Послѣднюю часть жизни онъ посвятилъ своей родицѣ, Холмщинѣ. Онъ еще въ 1881 г. помѣстилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» горячую статью о Холмской Руси подъ заглавіемъ «Забытый уголокъ». Когда въ 1906 году начались беспорядки въ Варшавѣ и преподаваніе имъ русской исторіи прекратилось, онъ пересѣлся въ Петербургъ, сталъ сотрудникомъ «Новаго Времени», гдѣ обращалъ главнымъ образомъ вниманіе на польскій и западно-русскій вопросы, и всецѣло посвятилъ себя публицистической и общественной дѣятельности. Во время выборовъ въ первую думу онъ былъ поставленъ кандидатомъ русскаго населенія отъ Варшавы отъ партіи 17-го октября и не хватило немногихъ голосовъ для того, чтобы онъ явился заступникомъ русскаго населенія въ нашемъ пародномъ представительствѣ. Иванъ Порфирьевичъ по своимъ идеямъ примыкалъ ближе всего къ ученіямъ Градовскаго о націонализмѣ и къ своимъ учителямъ-историкамъ Бестужеву-Рюмину и В. И. Ламанскому. Взгляды этихъ его учителей отражались во всѣхъ его статьяхъ. Въ своемъ очеркѣ «О двухъ русскихъ народностяхъ», помѣщенномъ въ львовскомъ изданіи «Галицко-Русской матицы», онъ ясно и опредѣленно высказался по вопросу объ украинифильствѣ и бѣлоруссизмѣ, доказавъ научнымъ образомъ полную несостоятельность и искусственность сепаратизмовъ. Во всѣхъ своихъ трудахъ и рѣчахъ онъ ратоборствовалъ за единство, нераздѣльность русскаго народа въ культурномъ и національномъ отношеніи. Врагъ всякихъ политическихъ стѣсненій, онъ, конечно, не противился развитію малороссійской литературы въ видѣ областной подлитературы. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13228).

† **Цюглинскій, И. Ф.** Русское искусство понесло тяжелую утрату: на 53-мъ году жизни скончался извѣстный художникъ, дѣйствительный членъ академіи художествъ и профессоръ высшаго художественнаго училища И. Ф. Цюглинскій. И. Ф. родился въ Варшавѣ 8-го февраля 1858 г. По окончаніи третьей

варшавской гимназіи онъ поступилъ въ 1876 г. на физико-математическій факультетъ варшавскаго университета. Одновременно И. Ф. посѣщалъ рисовальный классъ въ Варшавѣ. Въ 1879 году покойный, по распоряженію ректора академіи художествъ былъ принятъ на испытаніе по натурному классу. Спустя короткое время, его зачислили въ дѣйствительные ученики. Въ академіи И. Ф. быстро выдвинулся. Въ 1880 г. совѣтомъ профессоровъ академіи ему были присуждены за рисунокъ и этюды двѣ серебряныя медали, въ 1881 г.—двѣ большія серебряныя медали, а въ 1884 г.—малая золотая медаль. Въ 1881 г. академія художествъ назначила И. Ф. стипендію въ 30 рублей въ мѣсяць до окончанія академіи. Въ 1885 г. И. Ф. Цюглинскій получилъ званіе класснаго художника первой степенни за картину «Овчая купель». По окончаніи академіи художествъ И. Ф. Цюглинскій сталъ выставлять свои произведенія на академическихъ выставкахъ. Нѣкоторые изъ этихъ произведеній появлялись и на заграничныхъ выставкахъ. Такъ, картина «Самокишъ верхомъ на конѣ» была выставлена въ Берлинѣ, портретъ Лопачинскаго—въ Чикаго, «Барышня въ бѣломъ платкѣ»—въ Америкѣ и т. д. Съ 1894 до 1899 г. картины И. Ф. Цюглинскаго выставлялись на выставкахъ «независимыхъ». За этотъ періодъ онъ выставилъ картины—«Грусть», «Любовь», декоративное панно «Весна» и много другихъ. И. Ф. Цюглинскій былъ однимъ изъ основателей общества «Миръ Искусства». Въ 1897 г. И. Ф. отправился въ Испанію, гдѣ написалъ около 50 этюдовъ, которые впоследствии появились на выставкѣ «независимыхъ». Покойный много путешествовалъ. Въ 1898 г. онъ былъ въ Марокко. Этюды этой поѣздки онъ выставилъ въ 1900 г. на выставкѣ «Миръ Искусства». Затѣмъ онъ посѣтилъ Палестину, Египеть, Индію и Грецію, откуда привезъ много этюдовъ. Часть палестинскихъ этюдовъ приобретена Третьяковской галереей. И. Ф. Цюглинскій участвовалъ на выставкахъ въ Мюнхенѣ и, между прочимъ, вмѣстѣ съ обществомъ «Миръ Искусства» въ Secession. На всемирной выставкѣ въ Парижѣ, въ польскомъ отдѣлѣ была выставлена его «символическая картина «Vita». Въ послѣднее время произведенія И. Ф. появлялись на выставкахъ «союза русскихъ художниковъ» и вновь возрождавшагося общества «Миръ Искусства». Въ 1909 г. онъ выставилъ на выставкѣ «Салонъ», устроенной С. К. Маковскимъ, картины «Двѣ сестры» и «Изъ Индіи» (два номера). На прошлогодней выставкѣ «Миръ Искусства» въ Петербургѣ появились пятнадцать произведеній И. Ф., изъ нихъ десять подъ общимъ названіемъ «Этюды изъ путешествія на Востокъ». Преподавательская дѣятельность И. Ф. Цюглинскаго въ высшемъ художественномъ училищѣ началась въ 1902 году въ натурномъ классѣ. До того онъ состоялъ преподавателемъ въ рисовальной школѣ общества поощренія художествъ. Въ 1906 году И. Ф. получилъ званіе академика, а въ 1911 году былъ избранъ въ дѣйствительные члены академіи художествъ на мѣсто покойнаго пейзажиста А. А. Киселева. И. Ф. скончался въ Биржевой больницѣ 24-го декабря, во второмъ часу дня, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1912 г., № 354).

† Яблочкина, Е. А. Скончалась въ преклонномъ возрастѣ Е. А. Яблочкина, извѣстная въ провинціи драматическая артистка. Покойная начала службу на Александринской сценѣ, гдѣ пользовалась въ свое время выдающимся услѣ-

хомъ. Послѣдніе годы Е. А. Яблочкина жила въ убѣжищѣ театральнаго общества и скончалась отъ рака горла въ больницѣ святой Ольги. Е. А. Яблочкина была замужемъ за артистомъ Журинымъ. 28-го декабря состоялись похороны Е. А. Яблочкиной. Къ моменту выноса въ больницу святой Ольги собрались М. Р. Савина, нѣкоторые изъ артистовъ Александринскаго театра, товарищи покойной по сценѣ. Изъ убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ на похоронахъ присутствовали: Соколова, Горская, Александрова. Е. А. Яблочкина погребена на Большеохтенскомъ кладбищѣ. (Некрологъ ея: «Петербургскія Вѣдомости», 1912 г., № 292).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу рецензіи на изданіе жандровской рукописи «Горя отъ ума».

Въ январской книгѣ «Историческаго Вѣстника» напечатана рецензія г. Н. Л. на вышедшее подъ моею редакціей изданіе жандровской рукописи «Горя отъ ума» (Москва. 1912. Изд. Л. Э. Бухгеймъ). Рецензія написана въ такихъ невѣроятно-грубыхъ выраженіяхъ¹⁾, что это лишаетъ меня возможности полемизировать съ г. Н. Л. по поводу его оцѣнокъ, относящихся лично ко мнѣ. Но сама книга имѣетъ свои права, и если передъ читателями извращено ея значеніе, необходимо возстановить его. Г. Н. Л. сознательно извратилъ значеніе жандровской рукописи. Онъ увѣряетъ читателей, что эта рукопись почти ничѣмъ не отмѣчается отъ извѣстнаго болгаринскаго списка комедіи, и дѣлаетъ выводъ, что «не стоило переиздавать документъ, не имѣющій никакого литературнаго значенія». При этомъ рецензентъ ссылается на мои слова изъ «введенія» къ тексту: «Сопоставленіе, — говоритъ самъ г. Пиксановъ, — обнаруживаетъ, что болгаринскій списокъ такъ буквально близокъ къ жандровской рукописи, что если бы не дватри характерныхъ различія, можно было бы утверждать, что онъ скопированъ съ нея. Въ текстуальномъ отношеніи Грибоѣдовъ не произвелъ ни одного измѣненія, не прибавилъ и не убавилъ ни одного стиха, не перемѣнилъ ни одной рѣзмы, не переставилъ словъ, словомъ, оставилъ текстъ жандровской рукописи въ новомъ спискѣ въ полной неприкосновенности». Г-ну Н. Л. прекрасно извѣстно, что эти мои слова о близости болгаринскаго списка къ жандровской рукописи относятся не ко всему тексту этой послѣдней, а только къ ея окончательной редакціи, установленной исправленіями самого Грибоѣдова (ср. стр. LXIX «Введенія»). Основной же текстъ, переданный рукою переписчика, — да и нѣкоторые собственноручныя исправленія Грибоѣдова, вновь имъ потомъ передѣланныя, — въ огромномъ количествѣ

¹⁾ Редакція «Историческаго Вѣстника» сожалеетъ о рѣзкости этихъ выраженій, попавшихъ въ отзывъ по случайному недосмотру.

случаевъ расходится съ болгаринскимъ спискомъ. Приведемъ только два примѣра. Разсказъ Софьи о снѣ (дѣйств. I. явл. 4) въ основной редакціи жандровской рукописи читается такъ:

Въ саду была; цвѣты безцѣтно тамъ пестрѣли
Искала я, мнѣ чудилось траву,
Какую-то, не вспомню наяву.
Въ Ирисахъ, въ бархатцахъ, въ Левкояхъ и въ синели,
Да гдѣ ихъ всѣхъ назвать?
Изъ силъ я выбилась, и бросила искать.

Грибоѣдовъ зачеркнулъ эту редакцію и написалъ собственноручно стихи, которые уже совпадаютъ съ болгаринскимъ спискомъ:

Позвольте... видите ль... Съ начала
Цвѣтистыи лугъ; и я искала
Траву,
Какую-то, не вспомню на яву.
Вдругъ милый человекъ, одинъ изъ тѣхъ кого мы
Увидимъ будто вѣкъ знакомы
Явился тутъ со мной; и вкрадчивъ, и уменъ,
Но робокъ... знаете, кто въ бѣдности рожденъ...

Въ III дѣйствиі явленіе послѣднее, въ основной редакціи Чацкій говоритъ про французика изъ Бордо:

Ну словомъ отпустилъ возъ цѣлый многолѣтствій,
И въ восхищеніи отъ насъ,
Отъ нашихъ округленныхъ фразъ,
Отъ нашихъ гладинькихъ привѣтствій.

Эти четыре стиха Грибоѣдовъ замѣняетъ двумя:

Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды...
Онъ радъ, мы больше рады.

Второй стихъ ему опять не понравился, и онъ переправляетъ его: «Онъ радъ и мы не рады»,—и только послѣ этого текстъ жандровскій совпалъ съ болгаринскимъ. Ср. въ нашемъ изданіи страницы 7, 8, 16, 21, 27, 30, 39, 44, 46, 54, 67, 69, 88, 93, 109, 118, 134, 138 и многія другія.

Каждый, кто хотя бѣгло пересмотритъ текстъ жандровской рукописи, легко замѣтитъ массу характерныхъ особенностей, отличающихъ ея основной текстъ отъ болгаринскаго списка. Эти особенности драгоценны для творческой исторіи «Горя отъ ума», и по одному этому необходимо было издать жандровскую рукопись. Но она имѣетъ и другое, не менѣе важное значеніе. Въ литературныхъ кругахъ все еще живетъ вредное и грубое заблужденіе, что у насъ не существуетъ окончательнаго текста «Горя отъ ума». Этотъ предразсудокъ пропагандируетъ и г. Н. Л.: «Горе отъ ума»,—утверждаетъ онъ,—нельзя считать произведеніемъ окончательно отдѣланнымъ» Между тѣмъ изданная мною жандровская рукопись устанавливаетъ незыблемо тотъ фактъ, что ея окончательныи

текстъ, создавшійся послѣ всякихъ исправленій, дополненій и отмѣнъ въ 1824 году, буквально совпадаетъ съ болгаринскимъ спискомъ, авторизованнымъ Грибоѣдовымъ въ 1828 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти.

Такимъ образомъ, окончательный текстъ комедіи утвержденъ авторомъ еще въ 1824 году и вновь подтвержденъ четыре года спустя, и это выяснилось только послѣ изученія жандровской рукописи.

Привать-доцентъ спб. университета **Н. Пиксановъ.**

II.

По поводу воспоминаній В. Б. Бертенсона.

Въ СХХХ томѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ В. Б. Бертенсона «За тридцать лѣтъ» авторомъ отмѣчены сужденія о покойномъ лейбъ-хирургѣ Гиршѣ, которыя, будучи близкимъ другомъ покойнаго и свидѣтелемъ его дѣятельности, я не могу оставить безъ опроверженія.

Предоставляя читателю просмотрѣть, что сказано на страницахъ 171—172, я долженъ замѣтить, что:

1. Докторъ Гиршъ при появленіи кашля у камердинера Дунаева настаивалъ на его удаленіи,

2. Докторъ Гиршъ не только не былъ царедворцемъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ докторъ В. Б. Бертенсонъ это слово, очевидно, употребляетъ, а скорѣе ясно выраженнымъ противоположнымъ типомъ; это былъ прямой, скорѣе простоватый, глубоко честный человѣкъ, ничего не искавшій при дворѣ и чуждый всякой интригѣ. Это подтверждать всѣ, кто его близко зналъ.

К. Раухфусъ.

III.

По поводу моихъ воспоминаній.

Вслѣдствіе поступившихъ ко мнѣ возраженій сына и внуковъ дяди моего Петра Петровича Чайковскаго, о которомъ въ 1-мъ эпизодѣ напечатанныхъ воспоминаній мною сказано, что дядя былъ разжалованъ въ солдаты, считаю долгомъ привести слѣдующую выписъ изъ указа объ отставкѣ Андрея Петровича: *«Въ званіи севастопольскаго коменданта въ 1831 году находился подъ судомъ за остановленіе разводнаго парада предъ старшимъ чиномъ. за что по высочайшей конфирмаціи содержался на гауптвахтѣ одинъ мѣсяць».*

Допуская, что при разказахъ дяди объ его севастопольской исторіи онъ добавлялъ отъ себя, что исторія эта грозила ему разжалованіемъ въ солдаты, это привело къ тому, что мы, дѣти того времени, исказили рассказъ дяди, считая разжалованіе его совершившимся фактомъ, тѣмъ болѣе, что такое преданіе имѣло мѣсто не въ одной нашей семьѣ.

Ип. Чайковскій.

— Все, что мнѣ извѣстно, едва ли можно назвать фактами. Инквизиторъ не позволялъ мнѣ переговорить ни съ Маріонъ, ни съ ея служанкой съ тѣхъ поръ; какъ онъ обѣ подверглись заключенію. На это онъ, конечно, имѣлъ право. Но я увѣренъ, что если дѣло возникнетъ вновь, она будетъ выслушана, будутъ вызваны опять всѣ свидѣтели, и тогда ея невиновность станетъ ясна.

— Можетъ быть. Но это будетъ длинная процедура, а я не люблю ждать. Я отправлю донесеніе завтра утромъ, а тамъ посмотримъ. Въ чемъ, собственно говоря, она обвинялась?

— Въ ереси и въ колдовствѣ,—медленно промолвилъ старый бурмистръ.

— Ересь? Это, пожалуй, еще хуже, чѣмъ колдовство! Я увѣренъ, что обвиненіе было неосновательно.

Я зналъ почти навѣрно, что они всѣ было реформатскаго вѣроисповѣданія, но не хотѣлъ, чтобы они открыли мнѣ эту тайну.

— Единственная причина ея несчастья заключалась въ ея красотѣ и добродѣтели,—отвѣчала донна Изабелла, гнѣвно блеснувъ глазами.

Какъ, однако, свободно она говорить о подобныхъ вещахъ! Монахи и инквизиція многому научили женщину.

— Изабелла!—воскликнулъ ея отецъ.

— Не бойтесь, я не принадлежу къ числу ханжей. Я думаю, что я доказалъ это сегодня утромъ.

— Это правда. Инквизиторъ, впрочемъ, не настаивалъ на обвиненіи въ ереси. По крайней мѣрѣ, я не слыхалъ потомъ объ этомъ ничего, иначе я сдѣлалъ бы нужные шаги, чтобы спасти ее. Въ окончательномъ приговорѣ она была объявлена виновной въ колдовствѣ и предана въ руки свѣтскихъ властей. А это значило: эшафотъ.

Теперь мнѣ стало все ясно. Сначала достопочтенный отецъ подъялъ обвиненіе въ ереси, но, сообразивъ потомъ, что весь городъ зараженъ ею и что сжечь всѣхъ нельзя, онъ благоразумно отбросилъ эту часть обвиненія и ухватился за вѣдовство, которое, по его расчетамъ, затронетъ любопытство многихъ. Вѣдь протестанты также любятъ посмотрѣть при случаѣ, какъ жгутъ вѣдму.

— Мы знали, что процессъ велся не совсѣмъ правильно и не по закону,—продолжалъ бургомистръ.—Онъ не выставялъ объявленія о судѣ, при немъ не было ассистента, какъ вы сами изволили указать. Мы знали, что совѣтъ можетъ отмѣнить этотъ приговоръ, но мы не смѣли дѣйствовать. Иначе мы пришли бы въ столкновеніе съ синьоромъ Лопецомъ и его гарнизономъ. Если бы правительство не признало нашихъ соображеній и приняло бы сторону инквизиціи, какъ случается довольно часто, то на нашъ городъ могло бы обрушиться страшное мщеніе.

— Въ чемъ же собственно ее обвиняли?

«Истор. вѣстн.», февраль 1913 г., т. сxxxI.

— Позвольте объяснить вамъ все, синьоръ. Мѣсяць тому назадъ въ нашемъ городѣ были оставлена какими-то бродягами маленькая дѣвочка—француженка. Она заболѣла и ее не захотѣли взять съ собой. Маріонъ сжалилась надъ нею, потому что она была бѣдна и безпріютна, и взяла ее къ себѣ съ намѣреніемъ отправить ее во Францію, когда она подрастетъ. Дѣвочка отличалась страннымъ, возбужденнымъ поведеніемъ, и нѣкоторые думали, что она одержима нечистой силой. На самомъ дѣлѣ, она была совершенно безвредна. Нѣтъ сомнѣнія, что инквизиторъ видѣлъ ее или слышалъ о ней. Однажды, когда Маріонъ не было дома, къ ней явились его люди и взяли дѣвочку. Я не могу вамъ въ точности сказать, какъ все это было, но дѣвочка вырвалась и прибѣжала домой. Черезъ два дня Маріонъ была заключена въ тюрьму и на нее было возведено обвиненіе въ колдовствѣ. Сначала инквизиторъ не былъ, повидному, такъ вооруженъ противъ нея и обѣщалъ освободить ее, если найдетъ ее невиновной. Что касается доказательствъ противъ нея, то, какъ я только вчера узналъ, они были обычнаго типа: порча воды въ колодцахъ, слѣды копытъ на полу ея комнаты, кто-то даже сказалъ, что видѣлъ, какъ она летѣла по воздуху. Когда я возражалъ, что въ тотъ вечеръ, о которомъ шла рѣчь, Маріонъ была съ нами, инквизиторъ сталъ объяснять мнѣ, что вѣдьмы могутъ быть видимы одновременно въ двухъ мѣстахъ: вѣдьма идетъ по своимъ дѣламъ, а дьяволъ садится на ея мѣсто, принимая ея внѣшній видъ. Хуже всего было то, что у одной женщины вдругъ умеръ ребенокъ, который только что былъ совершенно здоровъ и до котораго дотронулась Маріонъ. Сосѣди говорили мнѣ, что ребенокъ этотъ наѣлся сырыхъ сливъ. Большинство было увѣрено въ томъ, что онъ умеръ не отъ прикосновенія Маріонъ. Она вѣдь родилась здѣсь, и всѣ ее знаютъ, хотя она нѣсколько лѣтъ жила съ нами въ Брюсселѣ. Она добрая дѣвушка, которую всѣ любятъ. Въ народѣ началось волненіе, и слава Богу, что вы прибыли во время, синьоръ. Не случись этого, я не могу сказать, что могло произойти.

— Слава Богу, что все произошло такъ. Проявись малѣйшая попытка къ бунту, мы были бы принуждены поддерживать авторитетъ короля и церкви, и обвиняемая была бы сожжена. Горожане не спасли бы ее, ибо я смель бы ихъ съ площади, какъ пыль.

— Не очень-то вы церемонитесь съ нами, бѣдными голландцами,—вставила свое слово донна Изабелла.

— Я говорю только о фактѣ, какъ онъ совершился бы, не вкладывая въ мои слова ни похвалы, ни порицанія.

— Ты не понимаешь такихъ дѣлъ, дитя мое,—строго сказалъ ванъ-деръ-Вееренъ.—Донъ Хаимъ правъ! Онъ бы это сдѣлалъ.

— Вернемся къ дѣлу. Вамъ извѣстны имена главныхъ свидѣтелей въ этомъ дѣлѣ?

— Да, синьоръ. Инквизиторъ сказалъ мнѣ ихъ въ видѣ особой любезности, очевидно, желая показать, что онъ ведетъ дѣло вполне основательно. Свидѣтелями выступили нѣкоторыя зажиточныя и уважаемыя женщины, хотя говорить, что это были...

Онъ, видимо, подыскивалъ слово. Я помогъ ему:

— Подкупленные свидѣтели. Доносчики инквизиціи?

— Вы сами употребили это выраженіе, синьоръ, а не я.

— Да, я употребилъ ее. Ихъ имена?

— Анна ванъ-Линденъ и Бригитта Дорнъ.

Я вынулъ свою записную книжку и заглянулъ въ нее,

— Они не значатся у меня въ спискѣ, и это очень хорошо.

Иначе съ ними трудно было бы имѣть дѣло. Но это только показываетъ, какъ легко осудить человѣка невинно. Здѣсь у меня записаны имена двухъ-трехъ достойныхъ довѣрія лицъ, которые живутъ въ вашемъ городѣ и доставляютъ свѣдѣнія объ еретикахъ во славу Божію и для охраненія Его царства. Этихъ двухъ между ними нѣтъ. Онѣ не будутъ больше причинять вредъ. Но на вашемъ мѣстѣ я бы не забывалъ, что остаются другія. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что этотъ народъ не особенно сокрушается объ ошибкахъ, которыя ему иногда приходится дѣлать.

Мой хозяинъ и его дочь удивляли меня. Въ самомъ дѣлѣ, какъ они могли жить здѣсь подъ страхомъ вѣчной опасности, какъ они могли сидѣть здѣсь, сложивъ руки? Вѣроятно, они надѣялись на свое богатство. Но я увѣренъ, что въ данномъ случаѣ они не жалѣли денегъ, и тѣмъ не менѣе это имъ не помогло.

Можетъ наступить день, когда и бѣлое тѣло донны Изабеллы будетъ вздернуто на дыбу, подобно ея двоюродной сестрѣ, если этого захотятъ тѣ, кто здѣсь владыки.

Какъ будто угадавъ мои мысли, она сказала:

— Мы отлично сознаемъ опасность, синьоръ, но надѣемся на вашу справедливость.

Такъ вы это? Дѣйствительно ли она видѣла только справедливость сегодня утромъ?

— Благодарю васъ, синьорита. Но вѣдь я могу уѣхать отсюда, какъ я уже говорилъ. И я не сталъ бы слишкомъ много и лагаться на справедливость. Это вещь обоюдоострая, и все зависитъ отъ того, съ какой стороны вы на нее посмотрите. Во имя справедливости совершено было изумительное дѣло. Я запишу оба имени, которыя вы мнѣ сообщили. Не можете ли вы сообщить мнѣ еще что-нибудь?

— Сначала я и подумать не могъ, чтобы все это кончилось такъ, — сказалъ ванъ-деръ-Вееренъ. — Меня увѣдомили о состоявшемся разговорѣ только вчера вечеромъ. Мы, т. е. я и городской совѣтъ, сдѣлали все возможное, чтобы смягчить инквизитора, но онъ и слышать ничего не хотѣлъ.

— А вы, синьорита, не можете ли что-нибудь сообщить мнѣ.

— Очень немного. Маріонъ какъ-то говорила мнѣ, что ей не нравятся манеры и разговоры этого инквизитора. Больше она мнѣ ничего не говорила, а я не передавала этого разговора отцу. Намъ вѣдь нерѣдко приходится слышать отъ духовныхъ лицъ такія слова, о которыхъ лучше забывать.

Къ сожалѣнію, это правда. Происходитъ это оттого, что мы дѣлаемъ изъ каждаго монаха, каждаго священника нѣчто большее, чѣмъ простой человѣкъ со всѣми его слабостями. Если еретики желаютъ измѣнить такой взглядъ, то, мнѣ кажется, ихъ нельзя за это порицать.

— И это все, что вамъ извѣстно?—спросилъ я

— Все, синьоръ!

Дѣйствительно, немного. Но я былъ увѣренъ, что самыя интересныя вещи мнѣ предстоитъ узнать отъ самой Маріонъ.

— Г. фонъ-дерь-Вееренъ, благоволите увѣдомить мадемуазель де-Бреголль, что я желалъ бы ее видѣть и прошу ее пожаловать сегодня вечеромъ сюда, въ вашъ домъ. Конечно, если она въ состояніи прийти. Кажется, она не получила особыхъ поврежденій.

— Хотя Изабелла и не видала ея, но ей говорили, что на Маріонъ не осталось никакихъ слѣдовъ пытки. Это удивительно.

Для меня это было вовсе не удивительно, но я былъ этому очень радъ.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ я.—Теперь три часа. Назначимъ свиданіе въ шесть, если это для нея удобно. Передайте ей, что хотя она и не потерпѣла вреда, тѣмъ не менѣе я очень сожалѣю, что пришлось потревожить ее сегодня, когда ей нужно было бы отдохнуть. Но это дѣлается для ея же блага. Дѣло не терпитъ. Итакъ, свиданіе будетъ въ шесть часовъ. Можетъ быть, донна Изабелла не откажется присутствовать при нашемъ разговорѣ. Ея присутствіе могло бы ободрить ея двоюродную сестру.

— Я готова, если вы этого желаете.

— Дѣло не во мнѣ, а въ мадемуазель де-Бреголль. Стало быть, если она того пожелаетъ. У меня нѣтъ права голоса въ этомъ дѣлѣ. Вы не откажетесь,—обратился я къ бургомистру,—лично отправиться къ мадемуазель де-Бреголль и передать ей мою просьбу. Прошу только объ одномъ: я до сихъ поръ не знаю, что было съ ней въ тюрьмѣ. Но что бы тамъ ни было, я совѣтую ей держать все это въ строгой тайнѣ. Мы всѣ добрые католики и должны надѣяться, что поступокъ досточтимаго отца Балестера является безпримѣрнымъ въ исторіи католической церкви. Мы не должны допускать, чтобы ея авторитетъ пострадалъ изъ-за какого-нибудь плохого монаха. Что касается другихъ, то это добрые и святые люди. Было бы грѣшно, а главное неблагоразумно говорить о нихъ дурно. Итакъ, позвольте мнѣ не задерживать васъ болѣе, у меня тоже немало дѣла. Еще разъ позвольте мнѣ поблагодарить васъ за ваше радушное гостепримство.

— Мы должны благодарить васъ,—отвѣчалъ фонъ-деръ-Вееренъ.

— Вы оказали намъ слишкомъ много чести, вѣдь вы нашъ повелитель,—вставила дочь.

— Я губернаторъ города Гертруденберга и вашъ покорный слуга, синьорита,—отвѣчалъ я, прощаясь.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, я позвалъ Діега.

— Иди и отыщи этихъ двухъ женщинъ.

Я написалъ ихъ имена на запискѣ и отдалъ ему ключокъ бумаги. Діега умѣлъ читать и писать не хуже любого писца.

— Это главныя свидѣтельницы въ процессѣ де-Бреголль, и я хотѣлъ бы переговорить съ ними. Я имѣлъ основанія сдѣлать то, это я сдѣлалъ. Но народъ не долженъ думать, что король Филиппъ вдругъ проникся пѣжностью къ еретикамъ. Было бы большой ошибкой такъ думать. Поэтому я хочу вникнуть, какъ слѣдуетъ, въ это дѣло и хочу знать, что онѣ показали. Понялъ?

— Понялъ, синьоръ,—кивнула головой Діега.

— Возьми съ собой двухъ-трехъ человекъ. Но если тебѣ удастся уговорить ихъ явиться сюда добровольно, то это избавитъ насъ отъ лишнихъ хлопотъ. Приведи ихъ въ городской домъ, гдѣ я буду черезъ часъ.

Діега ушелъ. Онъ довольно сносно говоритъ по-голландски. Иногда онъ и дѣлаетъ ошибки, но это не важно въ давномъ случаѣ. Важно было одно—избѣгнуть осложнений.

Приближаясь къ городскому дому, я опять почувствовать удивленіе, зачѣмъ все это я сдѣлалъ сегодня. Изъ-за справедливости, которая въ концѣ концовъ не есть справедливость? Вѣдь мы не можемъ загладить вредъ, сдѣланный одному, благодѣяніями, оказанными другому. Мы можемъ, конечно, надѣяться расположить въ свою пользу небеса и избавиться отъ ада, поставивъ извѣстное количество свѣчей предъ алтаремъ. Такъ для чего же я все это сдѣлалъ? Вѣдь я не какой-нибудь странствующій рыцарь, рыскающій по бѣлу свѣту съ цѣлью возстановленія справедливости и спасенія дамъ. Въ наше время для человека, который рѣшился на такое путешествіе, нашлось бы слишкомъ много дѣла и онъ уѣхалъ бы недалеко. Для чего я все это сдѣлалъ? Отвѣта не было. Можетъ быть, подъ вліяніемъ минуты? Я остановился на этомъ соображеніи и даже повеселѣлъ на нѣкоторое время.

Я медленно шелъ по улицамъ. Было тепло на послѣобѣденномъ солнышкѣ. На улицахъ толпился народъ, который снималъ шапки при моемъ приближеніи и почтительно давалъ мнѣ дорогу. Наконецъ я прибылъ въ тюрьму и прочиталъ протоколъ по этому дѣлу. Я, конечно, не ожидалъ, чтобы этотъ актъ далъ мнѣ многое. Такъ оно и вышло въ дѣйствительности. Протоколъ, въ который были занесены всѣ восклицанія, вырвавшіяся у донны Маріонъ во время пытки, былъ очень кратокъ и показывалъ, что или она обладала необычно-

венной силой воли, или же что ее щадили. Во всемъ остальномъ это былъ обычный вздоръ, подкрашенный показаніями сомнительныхъ свидѣтелей. Всегда, когда женщину обвиняютъ въ колдовствѣ, можно подыскать съ дюжину лицъ, которыя готовы клятвенно подтвердить это и которыя съ такой же готовностью откажутся отъ своихъ показаній, какъ скоро ее признаютъ невиновной.

Я, зѣвнувъ, положилъ обратно этотъ документъ, написанный на плохомъ латинскомъ языкѣ. Отъ него вѣяло скукой. Я всталъ и принялся съ любопытствомъ осматривать внутренность зданія. Пришлось вступить въ разговоръ съ палачомъ, который производилъ пытку. Онъ одновременно палачъ и специалистъ по пыткамъ—городъ слишкомъ не великъ, чтобы держать двухъ специалистовъ. Но и онъ не могъ мнѣ сообщить ничего, или, можетъ, и могъ, но не хотѣлъ. Конечно, я могъ бы заставить его заговорить, но я хотѣлъ испробовать другія средства. Палачъ вѣдь важная персона, и съ нимъ нужно обращаться съ почтеніемъ!

Итакъ, я рѣшилъ выждать. Ждать мнѣ пришлось не очень долго. Діего ловко и быстро исполнилъ порученіе и привелъ съ собою двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна, къ моему великому изумленію, была молода и красива, съ великолѣпными рыжими волосами. Мнѣ хотѣлось знать, что заставило эту рыжую красавицу взяться за такия дѣла.

— Синьоръ, вотъ Бригитта Дорнъ и Анна ванъ-Линденъ. Онѣ ждутъ вашихъ приказаній.

— Ты можешь итти, Діего.

Взглянувъ на обѣихъ женщинъ, я сказалъ:

— Это вы дали главное показаніе противъ мадемуазель де-Бреголь?

Одну минуту онѣ колебались.

— Мы слышали разные толки о ней, ходившіе въ народѣ, и когда достопочтенный отецъ сталъ насъ спрашивать, не извѣстно ли намъ чего-нибудь о ней, мы, конечно, сказали ему все, что знали,—осторожно отвѣтили обѣ женщины.

— Ваше показаніе занесено въ судебный протоколъ въ томъ смыслѣ, что вы взводите на мадемуазель де-Бреголь очень тяжкое обвиненіе, и теперь дѣло въ томъ, согласны ли вы взять на себя отвѣтственность за то, что показывали только на основаніи непровѣренныхъ слуховъ, или же вы можете представить доказательство того, что вы показывали, повинувъсь приказанію инквизитора, который вамъ за это заплатилъ. Разница въ обѣихъ случаяхъ, какъ видите, значительная.

— Мы просимъ извиненія у вашего превосходительства.

— Ну?

— Мы, дѣйствительно... его преподобіе просилъ насъ...

— Я уже слышалъ объ этомъ. Весь вопросъ въ томъ, желаете ли вы, чтобы съ вами поступили, какъ съ лицами, которыя легкомысленно повторяли праздыя сплетни, позорившія благородную даму и приведшія ее въ концѣ концовъ на эшафотъ, или же какъ съ агентами инквизитора, или, если вамъ угодно, церкви, — съ агентами, которые и раньше оказывали подобныя услуги.

— Мы, конечно... т.-е. я... ванъ-Линденъ можетъ говорить сама за себя... и раньше служила церкви и правительству.

— Въ такомъ случаѣ вы въ этомъ дѣлѣ не только повторили сплетни, распускаемыя разными старухами...

— Ваше превосходительство... вы видите...

— Мы знаемъ, какъ все это произошло.

— Достопочтенный отецъ призвалъ меня и сказалъ, что онъ подозрѣваетъ одну молодую даму въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Онъ спрашивалъ меня, не извѣстно ли мнѣ чего-либо о ней, и приказалъ мнѣ слѣдить за ней. Потомъ...

— Говорите лучше все по правдѣ. Кое-кто въ этомъ дѣлѣ страдаетъ, но кое-кого можно будетъ пощадить. Съ вами будетъ поступлено сообразно тому мнѣнію, которое сложится у меня о васъ. Мнѣ нужны только умные люди.

— Ваше превосходительство, я всегда служила хорошо. Я работала еще при достопочтенномъ отцѣ Мортъе, помните, когда была сожжена Клара ванъ-Гульстъ съ золотистыми волосами. Да, вѣдь вы были тогда еще мальчикомъ. Я устроила такъ, что, когда другіе не могли добыть никакихъ доказательствъ, у меня они нашлись. Съ отцомъ Мортъе трудненько было имѣть дѣло, онъ не любилъ ждать. Но тогда онъ хорошо заплатилъ мнѣ. За Клару онъ далъ мнѣ десять золотыхъ гульденовъ. Да я и заслужила ихъ: дѣло было очень опасно. Потомъ...

— Почему вы не внесены въ списки?—перебилъ я ее.

Это обстоятельство сбивало меня съ толку, и мнѣ хотѣлось выяснить его.

— Ваше превосходительство, это произошло изъ-за этого несчастнаго дѣла въ Бредѣ. Это была не моя вина. Мнѣ приказали собрать улики противъ ванъ-Тессельта, и я это сдѣлала. Но онъ имѣлъ большое вліяніе и въ послѣднюю минуту былъ освобожденъ. Меня обвинили въ томъ, что я была подкуплена его врагами, хотя я собственными своими глазами видѣла его на собраніи у кальвинистскаго проповѣдника. Но мнѣ не повѣрили.

Я мысленно отмѣтилъ это обстоятельство. Оно было чрезвычайно важно для меня.

— Но отецъ Балестеръ зналъ меня хорошо, — продолжала шпионка. — Онъ зналъ, что на меня можно положиться. Узнавъ, что я здѣсь, онъ сейчасъ же послалъ за мной.

— Ну, а вы, ванъ-Линденъ? — обратился я къ молодой женщинѣ.

— Я не хотѣла, чтобы меня вносили въ списокъ. Я, конечно, и безъ того не могла бы отказать въ своихъ услугахъ, когда въ нихъ есть надобность. Но могли быть случаи, когда я предпочитала бы остаться въ сторонѣ.

Странно было слышать такой гордый отвѣтъ отъ подобной личности, и я не знала, какъ его понимать.

— Хорошо. Начинайте вашъ рассказъ съ самаго начала. Достопочтенный отецъ прислалъ за вами?

— Да, ваше превосходительство, — отвѣчала ванъ-Линденъ. — Достопочтенный отецъ...

— Опъ сначала прислалъ за мной, — перебила ее старуха.

— Совершенно вѣрно. Досказывайте, а я могу подождать, — не безъ презрѣнія отвѣчала ванъ-Линденъ.

Ахъ, вы можете подождать, — со злобой заворчала старая вѣдьма. — Ты думаешь, что твои дѣйствія такъ важны, что потеряють въ цѣнѣ, если тебѣ придется подождать. Но я работала не хуже тебя, а даже, можетъ быть, и лучше.

Ванъ-Линденъ не отвѣчала.

— Кто нашелъ жабу въ фонтанѣ, подлѣ котораго прошла эта дама? Кто созвалъ народъ и показалъ ему эту жабу?

И старуха пустилась перечислять свои подвиги, побѣдоносно кивая головой. Ванъ-Линденъ отодвинулась отъ нея съ видомъ отпращиванія, какъ будто ея дыханіе заражало ее.

— Почему ты не отвѣчаешь? — съ гнѣвомъ продолжала страуха. — Вѣдь это ты подговорила Катерину сказать, что она не вѣритъ въ это? Развѣ я этого не знаю? Да, и его превосходительству это извѣстно, — яростно махнула она рукой. — Но это нехорошо. Ты не одолѣешь меня такимъ путемъ. Кто слѣдилъ за домомъ этой дамы, пока оттуда не вышелъ на разсвѣтѣ человекъ въ черномъ одѣяніи? А кто нашелъ отпечатокъ ноги на полу въ ея комнатѣ? Всѣ этому повѣрили.

Она говорила быстро и громко, раздраженная молчаніемъ ванъ-Линденъ. Теперь она остановилась, чтобы перевести дыханіе. Я молча смотрѣлъ на нее и ждалъ продолженія.

— А кто разузналъ, что ребенокъ Магдалины Брауеръ заболѣлъ послѣ того, какъ эта дама дотронулась до него? А ты что сдѣлала? Ты пришла на другой день и видѣла только, что ребенокъ умеръ. Вотъ и все. Молода еще, лучше занимайся своими рыжыми волосами. А дѣло буду дѣлать я. Вотъ его превосходительство самъ разберетъ это дѣло.

И вдругъ, какъ бы вспомнивъ, что положеніе дѣлъ съ утра сильно измѣнилось и что она открыла ужъ слишкомъ много, старая магера заговорила:

— Ваше превосходительство, отецъ Балестеръ сказалъ мнѣ, что эта дама виновна. Опъ, конечно, зналъ, что говорилъ, а я простая

бѣдная женщина. Если ваше превосходительство находите, что эта дама не виновна,—продолжала она съ хитрой улыбкой, отчего ее беззубый ротъ сталъ еще противнѣе:—то я буду всѣмъ говорить, что это дѣйствительно такъ. Всѣ будутъ ко мнѣ прислушиваться, а я ужъ знаю, какъ сказать.

— Не сообщите ли мнѣ чего-нибудь о человѣкѣ въ черномъ одѣяніи, который, по вашимъ словамъ, вышелъ на разсвѣтъ изъ дому этой дамы, а также относительно слѣдовъ ногъ въ ея комнатѣ?

— Я, ваше превосходительство, передаю только то, что мнѣ говорилъ достопочтенный отецъ. Тогда было очень темно, и возможно, что я ошиблась. Можетъ быть, котъ вымазался въ каминѣ, слѣды были не очень явственны. Поэтому я прошу ваше превосходительство извинить меня, я разумѣю въ томъ случаѣ, если вы подозреваете еще что-нибудь и хотите имѣть доказательства. . .

— Я посмотрю,—отвѣчала я.—А вы что скажете, Анна ванъ-Линденъ?

Ванъ-Линденъ слушала нашъ разговоръ съ какимъ-то страннымъ молчаніемъ. Потомъ она бросила намъ—мнѣ и Бригиттѣ—презрительную улыбку.

— Я полагаю, что ваше превосходительство достаточно уже осведомлены обо всемъ,—спокойно отвѣчала она.

— Хорошо,—сказала я.—Благодарю васъ за доставленные мнѣ свѣдѣнія. Позвольте спросить, сколько вамъ заплатилъ отецъ Балестеръ? Я тоже долженъ васъ отблагодарить за доставленное безпокойство, и мнѣ бы не хотѣлось отставать отъ него.

— Онъ далъ мнѣ пять золотыхъ флориновъ,—сказала Бригитта.—Но онъ обѣщалъ мнѣ дать еще.

— А вамъ, Анна ванъ-Линденъ?

— Кажется, шесть, ваше превосходительство,—побрежно сказала она, какъ будто бы это для нея было совсѣмъ не важно.

— Ты получила больше за свою фізіономію, вотъ и все,—прохрипѣла старуха.

— Я самъ думаю, что Анна ванъ-Линденъ заслужила большаго. Ибо вы только отравили колодезь, отчего ребенокъ заболѣлъ, а она убила его, когда онъ вздумалъ было поправляться.

Бригитта съ изумленіемъ уставилась на меня глазами. Анна только улыбалась какой-то загадочной улыбкой.

— Ваше превосходительство, ребенокъ...—начала было Бригитта, но вдругъ остановилась.

— Вы хотите сказать, что ребенокъ умеръ отъ какой-нибудь случайности? Пусть будетъ такъ, и я напрасно обвинилъ васъ? Нѣтъ сомнѣнія, наиболѣе трудная часть дѣла сдѣлана вами.

— Я никогда не говорила, что я...

Она опять остановилась, какъ будто чувствуя инстинктивное отвращеніе отъ всякихъ объясненій.

Я вынулъ изъ кармана нѣсколько монеть и сталъ считать ихъ. Потомъ я опять положилъ ихъ въ карманъ и сказалъ:

— Вы, конечно, должны знать, какъ все это случилось. Я принималъ васъ за ловкихъ женщинъ, которыя не стануть заниматься пустяками. Ясно, что всякій, кто доставить свѣдѣнія о томъ или другомъ событіи, поступить лучше и заработаетъ больше, чѣмъ тотъ, кто только его увидитъ и пройдетъ мимо.

Съ этими словами я опять вынулъ деньги, но уже не всѣ.

Старуха съ минуту смотрѣла на нихъ. Жадность и хитрость явственно боролись на ея лицѣ. Потомъ она сказала:

— Дайте мнѣ всѣ эти деньги, ваше превосходительство. Все это устроили мы.

— То-есть вы хотите сказать, что бросили жабу въ колодезь и сдѣлали ребенка больнымъ? И устроили такъ, что въ комнатѣ этой дамы оказались слѣды ногъ?

— Да. Повѣрьте, ваше превосходительство, ребенку не было бы никакого вреда...

— Пока вы не убили его, Анна ванъ-Линденъ?

Она едва замѣтно пожала плечами и возразила:

— Я только прекратила его мученія. Бригитта права,—онъ никогда бы не поправился.

— Хорошо, я, конечно, не сконфужу васъ такимъ ничтожнымъ вознагражденіемъ.

И съ этими словами я удвоилъ количество денегъ.

Бригитта двинулась было впередъ, чтобы схватить деньги, но я знакомъ руки остановилъ ее.

— Подождите минуту. Я попрошу васъ подписать вотъ эту бумагу, которая можетъ доказать, что все это дѣло затѣяно инквизиторомъ и что все было подстроено по его приказанію. Вотъ и все. Согласны вы подписать?

Ей это было не очень пріятно.

— Прошу извиненія. Какъ вамъ извѣстно, церковь... Вы могущественный вельможа, а я бѣдная женщина. И инквизиторъ...

— Если онъ когда-либо вздумаетъ упрекнуть васъ въ этомъ,—я не думаю, впрочемъ, чтобы ему пришла въ голову такая мысль,—то вы можете сказать, что я принудилъ васъ къ этому. А я могу это подтвердить когда вамъ угодно.

— Я не умѣю писать, ваше превосходительство,—продолжала она отпираться.

— Поставьте крестъ въ такомъ случаѣ. Этого будетъ достаточно. Ну, а вы какъ, Анна ванъ-Линденъ? Вы тоже боитесь подписать?

— Нѣтъ, не слѣдуетъ быть трусомъ въ этомъ мѣрѣ?

— Вы правы,—сурово сказалъ я.

Я велѣлъ позвать нотаріуса, который уже ждалъ въ другой комнатѣ.

— Анна ванъ-Линденъ и Бригитта Донъ въ вашемъ присутствіи должны подписать данное ими показаніе.

Сначала онѣ обѣ не хотѣли сдѣлать это, особенно Бригитта. Анна ванъ-Линденъ ни въ чемъ не измѣнила своего поведенія. Но отступать было уже поздно.

Въ послѣдній разъ Бригитта взглянула на бумагу, которую не умѣла прочесть. Кромѣ того, она была такъ сложена, что ей была видна только чистая сторона.

Съ неохотой поставила она крестъ за себя. Послѣ этого подни салась и ванъ-Линденъ.

— Потрудитесь засвидѣтельствовать эти подписи и удостовѣрнить, что все въ порядкѣ.

Нотариусъ исполнилъ мою просьбу и удалился.

Когда онъ вышелъ, я сказалъ:

— Я прочту вамъ этотъ документъ, чтобы вы не могли отговариваться тѣмъ, что не знали его содержанія.

«Я, Бригитта Дорнъ, и я, Анна ванъ-Линденъ, симъ свидѣтельствуемъ, что по желанію и приказу достопочтеннаго отца Бернарда Балестера, инквизитора города Гертруденберга, собрали доказательства сношенія съ дьяволомъ Маріонъ де-Бреголлъ, каковыя доказательства, по нашему признанію, были ложны и подстроены нами слѣдующимъ образомъ: я, Бригитта Дорнъ, бросила жабу въ колодезь на Ватерстратъ послѣ того, какъ мимо него прошла упомянутая де-Бреголлъ, и распустила слухъ, что эта жаба была брошена ею. Во-вторыхъ, я навлекла болѣзнь на ребенка Магдалины Брауеръ и увѣрила всѣхъ, что онъ заболѣлъ отъ прикосновенія Маріонъ де-Бреголлъ, которая въ этотъ день съ нимъ говорила. Въ-третьихъ, я ложно увѣрила всѣхъ, будто я видѣла чернаго челоуѣка, который на разсвѣтѣ вышелъ отъ нея изъ дому. Въ-четвертыхъ, я сдѣлала въ ея комнатѣ слѣды ногъ, которые показала народу, увѣривъ его, что это слѣды дьявола. Я, Анна ванъ-Линденъ, прежде всего помогала во всемъ этомъ тѣмъ, что распускала дурные слухи про означенную даму. Во-вторыхъ, я убила ребенка Магдалины Брауеръ, который сталъ поправляться. Все это мы сдѣлали для того, чтобы угодить достопочтенному отцу Бернарду Балестеру, который говорилъ намъ, что онъ подозрѣваетъ Маріонъ де-Бреголлъ въ сношеніи съ дьяволомъ, и чтобы получить обѣщанную имъ награду, состоявшую изъ пяти или шести флориновъ, которые мы дѣйствительно и получили отъ него. Все вышеизложенное мы показали добровольно, безъ всякаго принужденія или запугиванія и пытокъ. И все вышеизложенное— правда, да смилуется надъ нами Господь.

Подписано: «Бригитта Дорнъ и Анна ванъ-Линденъ въ присутствіи королевскаго нотариуса ванъ-Эйра, который подписалъ этотъ документъ и приложилъ къ нему печать, согласно закону».

Я положилъ бумагу на столъ и взглянулъ на обѣихъ женщинъ. На лицахъ у нихъ былъ написанъ испугъ.

— На что все это понадобилось?—спросила ванъ-Линденъ.

— На то, чтобы восторжествовало правосудіе.

— Вы обѣщали, что мы не пострадаемъ, если скажемъ всю правду!—воскликнула старуха.

— Я ничего не обѣщаль вамъ,—строго сказалъ я.—Я объявилъ, что съ вами будетъ поступлено сообразно тому мнѣнію, которое у меня о васъ составитъ. Я такъ и сдѣлаю. Я встрѣтилъ двухъ женщинъ, которыя не задумались убить ребенка и возвести на эшафотъ невинную дѣвушку изъ-за какихъ-то шести флориновъ. Онѣ могли бы сдѣлать что-нибудь и еще худшее, если бы только имъ за это заплатили. Я сказалъ, что мнѣ нужны ловкіе люди, а вы дѣйствовали довольно неуклюже. Какія доказательства вы собрали? Жбаба въ колодецѣ, черный человекъ да умершій ребенокъ. Старая исторія! Давно бы пора все это бросить. Это можетъ дѣйствовать только на какихъ-нибудь старухъ. Вы сами изрекли себѣ приговоръ.

На нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе.

— Вы обманули насъ, заставивъ подписать бумагу,—яростно завопила Анна ванъ-Линденъ. — Если бы мы знали, что въ ней написано, мы бы никогда этого не сдѣлали. Мы не желаемъ признавать своей подписи.

— Тихе, тихе,—отвѣчалъ я.—Развѣ тамъ записано что-нибудь такое, чего вы мнѣ не говорили? Что касается вашей подписи, то вы можете отрицать ее сколько вамъ угодно. Онъ этого дѣла нисколько не измѣнится. Я обманулъ васъ? Я выучу васъ, какъ нужно говорить со мной. Если бы мнѣ нужно было заставить васъ сказать неправду, то у меня былъ для этого другой, болѣе простой путь: комната пытокъ здѣсь внизу, да и палачъ наготовѣ.

Снова наступило молчаніе. Старуха дрожала отъ страха, но ванъ-Линденъ сохраняла полное спокойствіе.

— Что вы съ нами намѣрены дѣлать?—спросила она наконецъ.

— Сейчасъ узнаете. Прежде всего вы должны подписать другую бумагу, которую я заготовилъ. Я вамъ вкратцѣ сообщу ея содержаніе, чтобы вы опять потомъ не говорили объ обманѣ. Въ бумагѣ будетъ заключаться, что все это колдовство, въ которомъ была обвинена мадемуазель де-Бреголль, вы продѣлали сами, а затѣмъ, частью по злomu умыслу, частью во избѣжаніе собственнаго ареста, свалили все на нее, благо инквизиторъ, очевидно, былъ настроенъ противъ нея.

— Это неправда!—разомъ воскликнули обѣ.

— Какъ неправда? Вѣдь доказательства, которыя вы собрали противъ обвиняемой, оказались ложными. А между тѣмъ на основаніи ихъ она едва не была сожжена. Вы вѣдь сами въ этомъ сознались, и я еще не рѣшилъ, какъ воспользоваться этимъ сознаніемъ.

Обѣ женщины задрожали.

— Ну, теперь вы подпишете?—спросилъ я тономъ, не допускающимъ возраженія.

— Нѣтъ, нѣтъ! Никогда! — закричала вавъ-Линдепъ.

Бригитта, дрожа, сдѣлала лишь отрицательный знакъ рукой и энергично тряхнула своей сѣдой головой.

— Хорошо.

Я позвонилъ. Вошелъ дежурный солдатъ.

— Что изволите приказать, синьоръ?

— Скажи палачу Якову Питерсу, который ждетъ внизу, чтобы онъ взять съ собой помощника и пришелъ сюда.

Солдатъ ушелъ. Обѣ женщины, крѣпко стиснувъ руки, застыли въ неподвижной позѣ. На ихъ лицахъ нельзя было прочесть ничего.

— Вы еще не взяли слѣдуемыхъ вамъ денегъ,—сказалъ я.—Вы ихъ заработали. Хорошо сдѣлаете, если возьмете ихъ и спрячете въ какой-нибудь карманъ. Я не знаю, имѣетъ ли палачъ привычку возвращать то, что попадется ему подъ руку. Я еще не успѣлъ познакомиться съ нимъ поближе, но люди его ремесла на этотъ счетъ обыкновенно очень забывчивы.

Старая вѣдьма съ минуту стояла въ нерѣшительности, потомъ жадно схватила монеты и спрятала ихъ въ карманъ. Но Анна вавъ-Линдепъ отвѣчала съ гнѣвомъ, на который я не считалъ ее способной:

— Можете сами взять свои деньги.

— Я никогда не беру назадъ денегъ, которыя вышли изъ моихъ рукъ,—высокомѣрно отвѣчалъ я.— Если вы не желаете брать ихъ, то пусть онѣ остаются здѣсь, пока кто-нибудь не возьметъ ихъ.

И я повернулся къ ней спиной.

Черезъ минуту въ дверь постучали. Вошелъ Яковъ Питерсъ съ помощникомъ.

Питерсъ—человѣкъ среднихъ лѣтъ, по обличью онъ настоящій крестьянинъ съ большой красивой бородой. Никогда бы и не заподозрѣлъ въ немъ палача. Я часто удивлялся, какъ люди его профессіи могутъ имѣть такой благодушный видъ, какъ будто жизнь поворачивалась къ нимъ лишь розовой своей стороной. Происходить ли это оттого, что, живя среди постоянныхъ ужасовъ, они мало-по-малу дѣлаются къ нимъ нечувствительны, или самыя мученія доставляютъ имъ удовольствіе,—этого я не берусь сказать. Впрочемъ, я не замѣчалъ, чтобы ихъ жертвы что-нибудь выигрывали отъ этого благодушія.

Яковъ Питерсъ дружески кивнулъ головой обѣимъ женщинамъ, которыхъ предстояло ему передать, съ видомъ человѣка, который и въ высшемъ обществѣ чувствуетъ свое привилегированное положеніе. Видъ у него былъ такой, что ему будетъ очень пріятно

въ первый разъ поработать въ качествѣ палача надъ этими двумя женщинами, съ которыми онъ, очевидно, былъ давно знакомъ.

По моему приказанію, онъ повелъ ихъ къ маленькой двери, которая находилась противъ входной двери и скрывала за собой винтовую лѣстницу, продѣланную въ стѣнѣ. Для цѣлей пытокъ домъ устроенъ очень удобно: отсюда не дойдетъ до внѣшняго міра ни одинъ звукъ и безъ всякаго нежелательнаго вмѣшательства публики жертву можно было въ одну минуту спровести внизъ или вызвать опять наверхъ.

Когда мы спустились въ это ужасное мѣсто, въ немъ было почти темно и пришлось зажечь свѣтъ. Я бросилъ кругомъ себя бѣлый взглядъ. Замѣтивъ мое любопытство, Яковъ Питерсъ самодовольно сказалъ:

— Все въ самомъ лучшемъ порядкѣ, ваше превосходительство. За послѣднее время инструментамъ некогда было заржавѣть.

Я не сомнѣвался въ этомъ, но мнѣ и въ голову не приходило, что когда-нибудь мнѣ придется прибѣгнуть къ нимъ.

— Подпишите вы или нѣтъ?—спросилъ я обѣихъ женщинъ послѣ того, какъ Питерсъ бросилъ любовный взглядъ на свои орудія.

— Нѣтъ, не желаемъ,—свирѣпо отвѣчали обѣ.

Онъ, очевидно, не вѣрилъ, что я могу прибѣгнуть къ этому послѣднему средству, хотя мнѣ было совершенно неясно, на чемъ зиждилась эта увѣренность въ мою чувствительность.

— Возьмите ихъ,—сказалъ я улыбающемуся палачу.

— Не прикасайся ко мнѣ, грязное животное!—закричала ванъ-Линденъ, лишь только онъ хотѣлъ взяться за нее.—Позвольте мнѣ, синьоръ, самой приготовиться къ пыткѣ.

— Пусть такъ,—согласился я.

Яковъ Питерсъ, сдѣлавъ жестъ сожалѣнія, приблизился къ Бригиттѣ.

Я стоялъ и смотрѣлъ на мрачный низкій сводъ, проколченный дымомъ пытокъ, который причудливыми завитками медленно выходилъ черезъ узкое отверстіе съ рѣшеткой, черезъ которое виднѣлось небо. Оно казалось такимъ далекимъ, и, вѣроятно, многіе потеряли здѣсь свою вѣру въ него. Мои глаза слѣдили за медленными сѣрыми изгибами дыма, и я сталъ думать о томъ, сколько людей подвергалось здѣсь пыткѣ за преступленія, которыхъ они никогда не совершали. Вдругъ какой-то нечленораздѣльный звукъ, вродѣ стопа, заставилъ меня опустить глаза. Я увидѣлъ Анну ванъ-Линденъ. Прикрытая лишь кускомъ какой-то тряпки, она бросилась передо мной на колѣни и обнимала мои ноги. Она, очевидно, рассчитывала на это послѣднее средство.

Ея голыя руки обнимали мои ноги, пышные рыжіе волосы разметались, блестя при огнѣ пытокъ, и вся она была обворожительна.

— Что я сдѣлала? За что вы такъ со мной поступаете?— рыдала она.— Я готова сдѣлать для васъ что угодно, только избавьте меня отъ пытки.

— Согласны вы подписать бумагу?

— Но вѣдь тогда вы сожжете меня, какъ вѣдьму.

— Вы думаете, что я не могу этого и безъ вашей подписи? Разница та, что если вы раскаетесь, васъ повѣсятъ, а не раскаетесь, васъ сожгутъ.

Она зарыдала.

— Неужели ничто не можетъ смягчить васъ?

— Вамъ нужно только подписать бумагу,—холодно сказала я.

— И тогда вы отпустите меня?

— Отпустить! Нѣтъ, конечно, не отпущу. Вы будете содержаться въ тюрьмѣ, но съ вами будутъ хорошо обращаться и не сдѣлаютъ никакого вреда. Больше этого вы не заслуживаете. Благодаря вамъ, много невинныхъ испытали страданія, отъ которыхъ вы теперь содрогаетесь. Что же касается дальнѣйшаго, то на этотъ счетъ я не могу вамъ дать никакихъ обѣщаній.

Она бросилась на полъ и закрыла лицо руками. Потомъ она дико взглянула на меня и сказала:

— Стало быть, здѣсь ничто не можетъ помочь мнѣ.

— Да.

— Дайте бумагу, я подпишу ее.

Я предвидѣлъ это и держалъ бумагу наготовѣ. Она взяла перо и дрожащей рукой вывела свою подпись. Кончивъ писать, она снова закрыла лицо руками и разразилась горькими рыданіями.

— Не думайте, что я сдѣлала все это изъ любви къ деньгамъ,— прерывисто заговорила она, нѣсколько успокоившись.— Моя мать считалась вѣдьмой и была сожжена на основаніи такихъ же доказательствъ, какія мы собрали противъ Маріонъ-де-Вреголлъ. Всѣ боялись ребенка, оставшагося послѣ вѣдьмы. Еретики, изъ которыхъ за послѣдніе годы я многихъ довела до костра, были настроены еще хуже по отношенію ко мнѣ. Меня едва не постигла такая же судьба, какую испытала моя мать. Какъ я ненавижу этихъ добродѣтельныхъ господъ, которые боятся меня, какъ чумы! Какъ мнѣ хотѣлось отомстить имъ всѣмъ! Я только не знала, какимъ образомъ. Въ одинъ прекрасный день одна женщина, дававшая показанія противъ моей матери, сама подверглась обвиненію. Своими показаніями я помогла отправить ее на костеръ. Я даже не подозрѣвала, что это такъ легко, и съ этого дня я стала поставлять жертвы для костра, забираясь съ моей ненавистью все выше и выше. Они объявили войну мнѣ, и я оплачивала имъ тѣмъ же. Впослѣдствіи, однако, когда я пришла въ зрѣлый возрастъ, меня охватилъ ужасъ при мысли о своей жизни. Раскаяніе пришло поздно, но вѣдь я была еще такъ молода! Мнѣ было всего десять лѣтъ, когда сожгли

мою мать, а теперь мнѣ двадцать два года. Пять лѣтъ, какъ я все стараюсь порвать съ этой жизнью, но не могу! Видѣли ли вы, какъ умирають люди, затянутые зыбучими песками. Я однажды видѣла, какъ въ нихъ погибла одна женщина. Съ каждымъ шагомъ по этой предательской почвѣ она уходила въ песокъ все глубже и глубже, пока онъ не сомкнулся надъ ея головой. Теперь это повторилось и со мною. Я сильно боролась съ собою,—бурно продолжала она.— Но развѣ я могла жить, какъ всѣ? Во-первыхъ, я была дочерью вѣдьмы, а, во-вторыхъ, доносицей и шпионкой. Куда бы я ни пришла, мое полсженіе не измѣнялось. Если я давала денегъ—хорошо. Если бы я была не въ состояніи платить—я могла бы умереть гдѣ-нибудь въ канавѣ. Почему же другіе могли имѣть пищу и кровь? Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ итти по прежней дорогѣ или бѣгать по улицамъ. Это, можетъ быть, было бы лучше, но я не могла принудить себя къ этому. Нерѣдко бывало и такъ, что мнѣ оставалось только подписать свое имя, а дѣло было уже сдѣлано безъ меня, и никакая сила не могла бы спасти обвиняемыхъ. Я хотѣла предостеречь Марионъ де-Бреголлъ, но она не приняла меня. Когда я подошла къ ней на улицѣ, она съ отвращеніемъ отвернулась отъ меня. Тогда сердце во мнѣ ожесточилось, вѣдь и я человѣкъ. Я понимаю, что мнѣ лучше было умереть раньше, но вѣдь я была такъ молода... И вотъ теперь мнѣ предстоитъ сгорѣть живьемъ!

При послѣднихъ словахъ ея голосъ перешелъ къ крику. Вдругъ она задрожала и, уставившись глазами въ полъ, замолкла. Когда она подняла глаза на меня, они какъ-то неестественно расширились, и она прошептала, какъ въ бреду:

— Страшно сгорѣть. Я это часто видала. Скоро это будетъ?

Со страннымъ вниманіемъ прислушивался я къ ея словамъ—къ этому крику существа, заблудившагося подобно многимъ въ сѣрой пустынѣ нашего міра. А развѣ мы способны на что-нибудь другое, кромѣ блужданій наобумъ? И она была жертвой того положенія вещей, которое создано церковью, проповѣдующей религію Того, Кто строго осудилъ своихъ учениковъ, просившихъ ниспослать огонь на Самарію. Не она была главной виновницей въ своемъ грѣхѣ.

— Если меня не заставятъ, то я не сдѣлаю этого,—сказалъ я гораздо мягче, чѣмъ хотѣлъ.

— Благодарю васъ, но я чувствую, что смертный часъ мой близко.

Стиснувъ руки и опустивъ голову на грудь, она безмолвно стояла передо мной на колѣняхъ. Свѣтъ факела дрожалъ на ней, играя рѣзкими пятнами на ея бѣлой кожѣ и составляя какой-то странный контрастъ съ ея спокойствіемъ. Молила ли она меня? Этого я не зналъ и продолжалъ стоять тоже безмолвно.

Наконецъ она поднялась и спросила:

— Вамъ больше ничего не нужно отъ меня?

— Ничего. Я радъ, что вы раскаиваетесь.

Она сильно измѣнилась. Дикій огонекъ погасъ въ ея глазахъ, уступивъ выраженію глубокой печали. Она глубоко вздохнула.

— Увы! Слишкомъ поздно.

И какъ будто только теперь замѣтивъ свою наготу, она густо покраснѣла и закрыла грудь остатками своего наряда. Затѣмъ она съ трудомъ поднялась и тяжело отошла отъ меня.

— Ваше превосходительство,—ворвался ко мнѣ въ душу веселый голосъ Якова Питерса,—мы готовы заняться съ Бригиттой.

— Согласна она подписать?

— Слышишь, что его превосходительство тебя спрашиваетъ? Досадно будетъ. Мы такъ хорошо все приготовили. Не желаешь? Отлично. Рекомендуются начинать съ легкаго ущемленія членовъ, ваше превосходительство. Тутъ у меня есть свои приемы, которые дѣйствуютъ весьма убѣдительно.

— Отлично. Управляйтесь скорѣе. У меня немного свободного времени. Уже поздно. Къ тому же мнѣ все это надоѣло, и я хотѣлъ бы уйти.

Дикій крикъ показалъ мнѣ, что приемы Якова Питерса въ самомъ дѣлѣ дѣйствуютъ убѣдительно.

— Я подпишу,—едва переводя духъ, закричала Бригитта.— Я подпишу. О, Господи!

— Эге, тетка,—весело приговаривалъ ея мучитель:—я думалъ, что ты покрѣпче будешь. Это вѣдь только начало. Вспомни-ка о дѣвушкахъ, которыхъ ты присылала сюда, изъ которыхъ нѣкоторыя выдержали все, не сдаваясь.

— Возьмите бумагу, и пусть она подпишетъ,—приказалъ я.— Она, кажется, всегда вмѣсто подписи ставитъ вотъ такіе кресты.

Палачъ посмотрѣлъ на нихъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство. У тетки Бригитты тонкій почеркъ.

— Дайте ей бумагу поскорѣе.

Когда бумага была подписана, я положилъ ее въ карманъ. Надо было еще, какъ водится, засвидѣтельствовать подписи. На самомъ дѣлѣ ихъ нельзя было подписывать здѣсь, но мнѣ хотѣлось завтра же снять съ нихъ копію со всеѣми формальностями. Прежде, чѣмъ уйти отсюда, я сказалъ Якову Питерсу, который былъ одновременно и производителемъ пытокъ, и палачомъ, и главнымъ тюремщикомъ:

— И ту и другую нужно задержать и посадить въ разныя комнаты. Онѣ могутъ сами заказывать для себя пищу, и не слѣдуетъ ихъ отягощать чѣмъ-либо. Не забывайте этого. Завтра я распоряжусь иначе, а до тѣхъ поръ вы отвѣчаете за нихъ.

Мнѣ было очень пріятно очутиться опять на улицѣ. Между высокими крышами виднѣлась лишь узенькая полоска земли, но, далекая и слабо видимая, эта полоска была протестомъ противъ ужасовъ жизни, которая, казалось, разрушалась за стѣнами тюрьмы. Было уже совершенно темно, въ воздухѣ было холодно. Я вздрогнулъ и быстро пошелъ, чтобы согрѣться и разсѣять впечатлѣнія послѣднихъ часовъ. Я чувствовалъ себя какъ-то нехорошо, какъ будто что-то грязное пристало ко мнѣ.

Когда я подошелъ къ гавани, которую мнѣ предстояло обогнуть, все уже окончательно погрузилось въ мракъ. Только на западѣ на самомъ горизонтѣ чуть замѣтно виднѣлась полоска зеленовато-желтаго свѣта, отражавшаяся въ водѣ вмѣстѣ съ фонарями судовъ и огоньками въ окнахъ. Надо всѣмъ царило полное спокойствіе. Уже давно не доходилъ до моихъ ушей размѣренный шагъ часового передъ тюрьмой. Не слышно было ни одного звука. Только вода мѣрно плескалась о каменную набережную. Сверху торжественно сіяли звѣзды и двигались по опредѣленному имъ пути въ гордой увѣренности, какъ будто сознавая, что никакая сила не въ состояніи отклонить ихъ ни на волосъ отъ ихъ дороги. Безошибочно шли они къ западу, гдѣ понемногу исчезала зеленоватая свѣтлая полоса. О, если бъ и мы могли итти такъ, прямо и увѣренно! Какъ часто я завидовалъ имъ! Ибо онѣ повинуются одному великому закону, который неуклонно управляетъ ими, и не знаютъ ни сдѣлокъ съ совѣстью, ни ея смущенія!

Слишкомъ многимъ управляется наша судьба: иные говорятъ— Богомъ, другіе—бѣсомъ, третьи—силой атавизма, переходящаго отъ предковъ къ потомкамъ,—силой, которая заставляетъ насъ дѣйствовать сообразно нашей натурѣ, хотя мы и воображаемъ, что воля наша свободна. Если бъ я былъ увѣренъ, что эта сила управляетъ нами всегда, я всталъ бы на колѣни и обоготворялъ бы ее, какъ самого Господа Бога. Но, кромѣ нея, въ насъ есть еще нѣчто, что говоритъ: я хочу, и этимъ побѣждаетъ все остальное. Вѣдь въ моихъ рукахъ добро и зло, и я могу выбирать.

Но дѣйствительно ли у меня есть выборъ? Развѣ я знаю, гдѣ начинается и гдѣ кончается моя власть? Могу ли стряхнуть съ себя приставшую ко мнѣ грязь, если того захочу? Вотъ я сейчасъ иду съ борьбы, которая не хочетъ закончиться пораженіемъ, а ищетъ для себя побѣды и не обращаетъ вниманія на средства. Мои предки сдѣлали меня такимъ, какимъ я существую, и я не могу отъ нихъ отказаться, если бъ даже и хотѣлъ. Такъ что же тогда остается отъ моей воли?

Часы на башнѣ пробили половину шестого. Я почувствовалъ, что глупо предаваться такимъ мыслямъ. Я находился въ небольшомъ городкѣ, въ стѣнахъ котораго я былъ наибольшимъ. Я, очевидно, ошьянѣлъ отъ самонѣнія и вздумалъ перемѣнить міръ.

Я шель впередъ и издѣвался надъ глупостью міра сего, который осуждаетъ и сжигаетъ людей за преступленія, которыхъ они не совершали. Вѣдь дѣло могло дойти дѣйствительно до сожженія, я это чувствовалъ. Церковь нуждается въ жертвахъ. Но монахъ никогда не будетъ ею и, вопреки всему тому, что я говорилъ ванъ-деръ-Веерену, безопасность Маріонъ де-Бреголлъ и моя собственная висѣла на волоскѣ. Одно неосторожное движеніе, и мы оба погибли.

Меня могли простить за то, что я сдѣлалъ, но не за нарушеніе принциповъ. Только мой собственный костеръ могъ бы послужить доказательствомъ моего правовѣрія послѣ всего того, что случилось. Я сказалъ, что народъ въ Испаніи болѣе просвѣщенъ, но даже могучая испанская инквизиція не осмѣливается открыто идти противъ формальныхъ доносовъ монаховъ и поповъ. Въ теченіе сотенъ лѣтъ твердили, что колдовство дѣйствительно существуетъ. Книги разныхъ богослововъ полны разсужденіями на эту тему, и вѣра въ колдовство должна оставаться неприкосновенной. Такъ называемый «Епископскій канонъ», возникшій еще въ VI вѣкѣ и отрицавшій существованіе колдовства, давнымъ-давно забытъ, но онъ существуетъ. И, какъ вѣрный сынъ церкви, которому дорога ея слава, я остановился на этомъ выходѣ изъ дилеммы.

Въ 1572 году было гораздо сложнѣе освободить одну женщину отъ эшафота, чѣмъ сжечь сотню еретиковъ.

Когда я вернулся въ домъ ванъ-Веерена, часы на колокольнѣ церкви святой Гертруды пробили три четверти седьмого. Я опоздалъ почти на часъ. Я заспѣшилъ, такъ какъ привыкъ быть точнымъ и не любилъ заставлять себя ждать, особенно даму. Въ данномъ случаѣ мнѣ было непріятно вдвойнѣ, ибо могутъ подумать, что я, будучи хозяиномъ положенія, не желаю ни съ кѣмъ считаться.

На лѣстницѣ меня встрѣтилъ ванъ-деръ-Вееренъ. Тѣмъ торжественнымъ и немного высокомернымъ тономъ, который такъ хорошо къ нему шель, онъ просилъ меня распорядиться имъ. Я поблагодарилъ его и спросилъ, здѣсь ли мадемуазель де-Бреголлъ.

— Она уже ждетъ васъ.

— Пожалуйста, передайте ей мое сожалѣніе въ томъ, что я опоздалъ. Прошу извинить меня, но я былъ задержанъ по ея же дѣлу.

— Тѣмъ болѣе она будетъ благодарна. Я сейчасъ передамъ ей объ этомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я встрѣтился лицомъ къ лицу съ мадемуазель де-Бреголлъ. Когда я вошелъ въ комнату, она была тамъ одна и стояла, облокотившись на кресло. Мы встрѣтились въ той самой комнатѣ, въ которой я уже былъ, когда впервые посѣтилъ домъ ванъ-Веерена. Тогда она была залита солнцемъ и пропитана запахомъ духовъ. Теперь же былъ вечеръ, на двухъ столахъ

стояли рядами свѣчи, что придавало этой длинной низкой комнатѣ съ темнымъ потолкомъ какую-то странную торжественность.

Женщина, которую я спасъ, также имѣла сосредоточенный и серьезный видъ, какъ будто подчеркивая, что жизнь, которую я ей даровалъ, есть вещь недалеко не заурядная. Свѣтъ отъ свѣчей игралъ на ея лицѣ и за ея спиной, въ темнотѣ. Одѣта она была во все черное, со строгой простотой. Если бъ на шеѣ у нея не было бѣлыхъ кружевъ, то можно было бы подумать, что она въ траурѣ. Волосы у нея были завязаны на затылкѣ узломъ, и въ нихъ не было никакихъ украшеній.

Она немного выше и стройнѣе своей двоюродной сестры, но овалъ лица и мягкія очертанія рта у обѣихъ одни и тѣ же. Только глаза у нихъ разные: у нея они шире и не имѣютъ того выраженія гнѣвнаго презрѣнія, которое, повидимому, обычно для донны Изабеллы. Они были ясны и кротки, когда она подняла ихъ на меня.

Сначала она густо покраснѣла, но затѣмъ лицо ея вновь поблѣднѣло. Она сдѣлала быстро шагъ впередъ и прежде, чѣмъ я успѣлъ предупредить, опустилась передо мной на одно колѣно и, схвативъ меня за руку, поцѣловала ее.

— Я еще не успѣла поблагодарить васъ, сеньоръ,—сказала она просто.

Въ этомъ ея поступкѣ было что-то очень серьезное и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкое. И опять меня охватило чувство какой-то торжественности, когда я взглянулъ на нее: этотъ рядъ горящихъ свѣчей, темная комната и эта женщина въ черномъ у моихъ ногъ.

Мнѣ и раньше приходилось видѣть такую обстановку—ночь, свѣчи и прекрасную женщину въ черномъ у моихъ ногъ. Я видалъ, какъ не одна прекрасная женщина склонялась передо мной долу, такъ что ея бѣлыя руки почти касались моихъ шпоръ. Я видалъ, какъ онѣ извивались передо мной на землѣ, умоляя о пощадѣ—кто сына, кто мужа, кто отца. Я видалъ, какъ уходили онѣ отъ меня, раздавленные моимъ отказомъ. Я вѣдь сказалъ уже, что я не какой-нибудь странствующій рыцарь, и меня приучили итти въ жизни сурово и холодно, не поддаваясь сентиментальнымъ увлеченіямъ. Я до сихъ поръ еще не спасъ ни одной души такимъ образомъ, какъ сегодня, и никогда не получалъ благодарности такимъ способомъ. Это было что-то совсѣмъ новое для меня, и я былъ смущенъ такой необычной кротостью.

— Мадемуазель,—сказалъ я,—вы сконфузили меня. Я не заслуживаю этого. Я только исполнилъ долгъ правосудія.

— Нѣтъ, вы сдѣлали больше: вы повѣрили мнѣ. Кромѣ моего слова, другихъ доказательствъ у васъ не было.

— Нѣтъ, у меня они были: это ваше лицо и глаза. А кромѣ того—не повторяйте за мной этихъ словъ—я не вѣрю въ вѣдмъ.

— Помилуй меня Богъ, если я сама когда-нибудь въ это вѣрила,—промолвила она, вздрогнувъ.—Повѣрить тому, будто моя старушка Варвара, которая нянчила меня еще въ дѣтствѣ,—это воплощеніе доброты, будто она созналась, что впускала ночью дьявола въ мою комнату и учила меня, какъ отравлять дѣтей и носиться на помелѣ! Но эти страшныя пытки могутъ хоть кого заставить отрицать даже существованіе солнца на небѣ! Какъ я выдержала ихъ и не созналась—этого я сама не знаю.

Она снова вздрогнула и закрыла лицо руками.

Я не сказалъ ей, что причиной этого является ея красота, что инквизиторъ пыталъ ее лишь слегка, не желая нарушить гармоніи ея сложенія.

— Но ужаснѣе всего было все послѣдующее,—начала она снова:—когда я стояла на эшафотѣ и ждала конца. Въ дѣтствѣ мнѣ пришлось видѣть, какъ сжигали какую-то женщину. Она была молода и сильна, какъ я, а костеръ, какъ и сегодня утромъ, оти сырѣлъ. Пламя поднялось кверху и спалило ея одежду, а затѣмъ медленно стало пожирать свою добычу, пока не обуглилось все тѣло. И все-таки она была еще жива. Иногда мнѣ до сихъ поръ кажется, что я слышу ея стоны... Все это я видѣла и слышала опять, когда стояла въ ожиданіи казни. Я закрыла глаза. Когда я открыла ихъ, то сквозь тонкій туманъ я увидѣла, словно привидѣніе, отрядъ всадниковъ, стоявщій на площади. Мои глаза встрѣтились съ вашими, а потомъ еще разъ. И тогда я знала, что я спасена. Развѣ это не странно, синьоръ?

— Конечно, странно. Именно въ этотъ моментъ я рѣшился спасти васъ.

Въ ея глазахъ сверкнулъ какой-то огонекъ, и она начала опять:

— Одинъ великій ученый, почтенный старецъ съ длинной сѣдой бородой, говорилъ мнѣ, что мысль имѣетъ силу проходить черезъ пространство, подобно свѣту, и передаваться другимъ. По его словамъ, она можетъ передать мольбу, какъ не могутъ сдѣлать никакія слова. Бѣдный, онъ давно уже сожженъ, но я хотѣла бы знать, правда ли это? Онъ говорилъ, что сила мысли зависитъ отъ силы чувства, и еще что-то, о чемъ я теперь уже не помню.

Она потупилась и смолкла.

Я понималъ, на что она намекала. Я тоже слыхалъ о такой теоріи, которую инквизиція поторопилась объявить опальной. Второе условіе, о которомъ она не хотѣла сказать, было: если найдется родственная душа. По всей вѣроятности, она помнила объ этомъ, только сдѣлала видъ, что забыла. Мнѣ незачѣмъ было обсуждать въ данный моментъ эту теорію.

— Я все-таки боюсь, что въ концѣ концовъ въ обвиненія въ колдовствѣ, которое возвелъ на васъ отецъ Бернардо, есть кое-что и справедливое,—отвѣчалъ я съ улыбкой.—Никогда въ жизни мнѣ

еще не доводилось освобождать несправедливо осужденныхъ жертвъ. Скорѣе наоборотъ.

— О, не говорите такъ, — съ упрекомъ возразила она. — Я не хочу этому вѣрить. Не повторяйте такихъ страшныхъ словъ. Я вся дрожу отъ нихъ.

— Я хорошо понимаю это, синьорита.

Когда я вошелъ, она обратилась ко мнѣ на испанскомъ языкѣ. Я отвѣтилъ ей изъ вѣжливости по-французски, а потомъ совершенно безсознательно перешелъ опять на свой родной языкъ. Она также говорила на немъ безупречно.

— Вамъ, впрочемъ, еще придется слышать объ этомъ. Какъ это вамъ ни тяжело, я прошу васъ рассказать мнѣ всю эту исторію. Говорите, какъ вы говорили бы вашему духовнику.

Я былъ почти увѣренъ, что, какъ и большинство здѣшнихъ жителей, она принадлежитъ къ еретикамъ, и потому считалъ не лишнимъ бросить ей слово предостереженія. Я чувствовалъ, что она пойметъ мои намѣренія.

— Вы имѣете право спрашивать меня, — отвѣчала она. — Иначе какъ же вы будете судить? Но, увы! У меня нѣтъ никакихъ доказательствъ.

— Я вѣрю вашему слову, синьорита. Для меня это лучшее доказательство. Расскажите же мнѣ объ всемъ безъ всякой боязни.

Кровь бросилась ей въ лицо, но это длилось не болѣе одной минуты.

— Я готова, синьоръ, — отвѣчала она.

Мы оба сѣли. Положивъ одну руку на кресло и заслонивъ лицо отъ свѣта другой, она стала рассказывать свою исторію. У нея былъ чудный низкій голосъ, какой я люблю слушать. Онъ совѣмъ другой, чѣмъ у донны Изабеллы... И тотъ и другой голосъ очень музыкальны, но различнаго тембра. Однажды я ѣхалъ съ горъ Сьерры-Невады къ морскому берегу. Тропинка вилась вдоль берега маленькой рѣчки, которую она пересѣкала въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Горы въ этомъ мѣстѣ поднимались прямо изъ воды. Когда я отѣхалъ отъ рѣчки, то издали слышался мнѣ мѣрный ритмическій звукъ плеска воды. Спадаая со снѣговыхъ высотъ, рѣчонка гордо и нетерпѣливо перепрыгивала черезъ камни и скалы. Я любилъ слушать этотъ звукъ спѣшащихъ волнъ: въ нихъ мнѣ слышалось что-то родственное съ моей собственной натурой. Когда я потомъ услышалъ густую, могучую музыку океанскаго прибоя, то мнѣ трудно было рѣшить, что мнѣ больше нравилось.

Голосъ донны Изабеллы напоминалъ шумъ ручья съ его внезапными рѣзкими переменами. Голосъ Маріонъ болѣе подходилъ къ шуму океанскаго прибоя. Я понимаю, что это очень искусственное сравненіе, но оно невольно пришло мнѣ въ голову, когда я, сидя на креслѣ, слушалъ ее.

Впослѣдствіи, когда мнѣ приходилось ее слышать, это впечатлѣніе еще болѣе усиливалось.

— Отецъ Бернардо появился здѣсь не такъ давно, — начала она. — Я встрѣчалась съ нимъ въ домѣ моего дяди и у другихъ. Сначала онъ говорилъ мнѣ то же, что и всѣ другіе монахи, но говорилъ не только какъ духовное лицо, но и какъ свѣтскій кавалеръ. Вы знаете эти манеры, синьоръ. Мнѣ онъ не понравился. Но, насколько я могу припомнить, я не сказала ни одного слова, за которое меня можно было бы упрекнуть. И ничего не было особеннаго вплоть до того самаго дня, когда я рѣшилась взять подъ свое покровительство дѣвочку-французенку, о которой вы уже слышали. Я знала, что она ни въ чемъ не виновата, но ее взяли на пытку. Развѣ я могла поступить иначе. Всемогущій Богъ, всевидящій, вознаградилъ меня свыше моихъ заслугъ, ибо я осталась жива, — прибавила она, понижая голосъ. — Дня черезъ два послѣ этого меня посадили въ тюрьму. Никогда не забуду я этой сырой, пустой комнаты съ чернымъ крестомъ на стѣнѣ. Подъ нимъ стоялъ инквизиторъ и настойчиво требовалъ, чтобы я созналась. Потомъ стали меня пытаться. О, какой позоръ!

Она снова закрыла лицо руками.

— Какія мученія! Но у меня хватило силъ ихъ перенести. Онъ обѣщаль мнѣ прощеніе, если я сознаюсь и буду во всемъ послушна его желаніямъ. Но когда я спросила, въ чемъ состоятъ его желанія, онъ отвѣчалъ мнѣ довольно неясно и ничего не сказалъ прямо. Тогда мнѣ пришло въ голову... Но вѣдь у меня нѣтъ доказательствъ. Пытки возобновились, но Господь и на этотъ разъ далъ мнѣ силы ихъ перенести. Подумайте только, сколько народу должны были сознаться при такихъ условіяхъ въ томъ, чего они никогда не дѣлали.

Я видѣла, какъ у меня на глазахъ пытали старушку Варвару до тѣхъ поръ, пока она не созналась во всемъ, что отъ нея требовали. Бѣдная! Она признала бы себя матерью сатаны, если бы имъ это было нужно.

Она засмѣялась, но въ этомъ смѣхѣ не было веселости.

— Но подъ конецъ она отъ всего отказалась, желая, чтобы ее сожгли вмѣстѣ со мной. Бѣдная! Нѣсколько дней ей удалось отдохнуть дома. Сегодня утромъ, когда мы готовились къ казни, онъ въ послѣдній разъ спросилъ меня. Остальное вамъ извѣстно. Увы! У меня нѣтъ такихъ доказательствъ, которыхъ, какъ мнѣ говорили, вы ищете. Я боюсь, что вы рискнули слишкомъ многимъ, спасши меня, — закончила она, взглянувъ на меня со страхомъ.

— Полноте, синьорита. Развѣ можетъ мужчина рисковать слишкомъ много, если ему представляется случай спасти невинную дѣвушку. Не бойтесь, для опасности не настало еще время. Но скажите мнѣ, хотя это вамъ и непріятно, скажите мнѣ, какъ вы сказали бы вашей матери: не оскорбилъ ли васъ когда-нибудь

инквизиторъ? Вы женщина, притомъ красивая, а онъ мужчина. Скажите, не оскорблялъ ли онъ васъ взглядомъ или словомъ.

Она покраснѣла, какъ макъ.

— Когда меня приготовляли къ пыткѣ, онъ стоялъ возлѣ и смотрѣлъ. Впрочемъ, они всѣ пожирали меня глазами,—прибавила она съ гнѣвомъ. Во время пытки, когда я почти потеряла сознание и Яковъ Питерсъ спросилъ, продолжать ли пытку,—я еще могла слышать, хотя глаза мои были закрыты,—инквизиторъ подошелъ и дотронулся до меня. Впрочемъ, онъ, можетъ быть, хотѣлъ удостовѣриться, что мнѣ дѣйствительно не причинено никакого вреда.

Я, однако, былъ увѣренъ, что дѣло было не въ одномъ этомъ. Очевидно, достопочтенный отецъ тутъ былъ не безъ грѣха, хотя и остановился на полдорогѣ. Теперь онъ былъ въ моихъ рукахъ. Его, очевидно, охватила неуверенность въ своемъ дѣлѣ, а когда грѣшнаго человѣка охватить такая неуверенность, онъ пропасть.

— Это все, синьорита?—спросилъ я, желая провѣрить свои подозрѣнія.

Она пристально посмотрѣла на меня съ минуту. Затѣмъ, очевидно, дурно перетолковавъ мои слова, сказала, сверкнувъ глазами:

— Если бы было еще что-нибудь, то я не стояла бы здѣсь передъ вами. Я не осталась бы въ живыхъ. Я знаю свой долгъ по отношенію къ моей семьѣ и самой себѣ.

— Я не предполагалъ чего-нибудь дурного,—возразилъ я.— Но вѣдь все могло быть. Можетъ быть, вы и правы. Но если бы всѣ думали, какъ вы, то не мало дѣвушекъ покончили бы съ собою въ Голландіи. Да и не въ одной Голландіи.

Она вздрогнула и стала смотрѣть въ сторону.

— Да помилуетъ ихъ Господь!—прошептала она.—Я не осуждаю тѣхъ, которые не нашли въ себѣ достаточной твердости. Развѣ я могу сказать, что я найду ее въ себѣ. И однако мнѣ кажется, что я ее нашла,—прибавила она съ гордостью.

Я подумалъ про себя, что она права.

— Я тоже такъ полагалъ, синьорита,—отвѣчалъ я просто.

Въ умѣ я любовался вдвойнѣ—и ея сомнѣніемъ, и ея увѣренностью въ себѣ.

Нѣсколько минутъ мы оба молчали.

— Благодарю васъ за все, что вы мнѣ сообщили,—произнесъ я наконецъ.—Я понимаю; какъ все это было вамъ непріятно.

— Вы получили право спрашивать меня даже о самыхъ непріятныхъ для меня вещахъ,—отвѣчала она тихо.

— Позвольте увѣрить васъ, что къ этому мы больше никогда не вернемся. Но я долженъ сообщить вамъ, почему я заставилъ васъ ждать, что мнѣ было весьма непріятно.

— О, синьоръ,—предупредительно прервала она меня.

— У меня въ рукахъ имѣются надлежаще засвидѣтельствовавшія показанія Бригитты Дорнъ и Анны ванъ-Линденъ, на которыхъ основывался весь процессъ въ юридическомъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ. Конечно, на дѣлѣ и безъ ихъ показаній вышло бы то же самое. Нѣтъ ничего легче, какъ доказать, что та или другая женщина вѣдьма. Достаточно, если около нея заболѣетъ какое-нибудь животное, или умретъ на сосѣдней улицѣ ребенокъ. Умеръ ребенокъ—значить его убила вѣдьма. Если онъ поправился—значить оттого, что вѣдьму во время арестовали! А, кромѣ того, есть еще и пытка. Если она сознается, отлично; если не сознается, то, значить, дьяволъ заградилъ ея уста. И въ томъ и въ другомъ случаѣ доказательства налицо. Но возвратимся къ нашимъ двумъ женщинамъ. Въ этой бумагѣ онѣ сознаются, что ихъ показаніе было ложно, и указываютъ сумму, которую онѣ получили отъ инквизитора. Къ несчастью, этотъ документъ не имѣетъ большой важности для дѣла, потому что обѣ онѣ были только орудіями. Если отецъ Балестеръ могъ заставить ихъ сказать одно, то я могъ заставить ихъ сказать другое. Это только одно звено въ цѣпи, хотя это отняло у меня больше времени, чѣмъ я ожидалъ.

Я прочелъ ей сознанія—сначала одно. О другомъ я пока не сказалъ ей ни слова, ибо оно, несомнѣнно, оскорбило бы ее.

— Я еще разъ должна поблагодарить васъ,—сказала она, когда я кончилъ читать.—Я удивляюсь, какъ вамъ удалось заставить ихъ подписать осужденіе самимъ себѣ.

— Я главный начальникъ здѣсь,—отвѣчалъ я холодно.—Впрочемъ, я долженъ сознаться, что въ этомъ дѣлѣ я прибѣгъ къ военной хитрости, хотя могъ принудить ихъ къ тому силой. Но какъ бы то ни было, мнѣ удалось мирнымъ путемъ уговорить ихъ сказать мнѣ все и подписать эту бумагу прежде, чѣмъ онѣ успѣли сообразить, въ чемъ тутъ дѣло. Онѣ были страшно поражены, когда поняли ея смыслъ.

— Онѣ сдѣлали ужасное дѣло. Но теперь я не желаю имъ за то зла.

— Это у васъ пройдетъ,—серьезно сказалъ я.—Такія чувства долго не держатся.

— Можетъ быть, но это очень жаль, не такъ ли?

Я не отвѣчалъ... На нѣсколько секундъ опять водворилось молчаніе.

— Мой дядя просилъ меня передать вамъ, что члены городского совѣта просятъ васъ удостоить своимъ присутствіемъ ихъ собраніе сегодня вечеромъ, но что онъ и Изабелла почли бы за особую для себя честь, если бы вы согласились раздѣлить съ ними сегодня ихъ ужинъ. Позвольте мнѣ отъ ихъ имени попросить васъ объ этомъ.

Я отлично понималъ ванъ-деръ-Веерена. Онъ, очевидно, боялся, что милѣйшіе члены совѣта, потерявъ голову отъ утреннихъ со-

бытій и вечернихъ возліяній, могутъ надѣлать глупостей. Я самъ былъ увѣренъ, что это такъ и будетъ. Такъ какъ приглашеніе на вечеръ шло не черезъ него, то отъ него легко было отказаться, тѣмъ болѣе, что я не постѣснялся бы даже навлечь на себя неудовольствіе гертруденбергскихъ старѣйшинъ, если бы это оказалось необходимымъ.

Я рѣшилъ послать вмѣсто себя дона Руица, онъ не особенно хорошо понималъ по-голландски, и это было какъ разъ кстати.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ я.—Я съ удовольствіемъ принимаю это предложеніе. Надѣюсь, что буду имѣть честь видѣть и васъ за столомъ?

— Если вы разрѣшите.

— Разрѣшу ли я? Я могу только просить васъ объ этомъ.

— Я вѣдь ваша арестантка, синьоръ,—возразила она, улыбаясь особеннымъ, ей свойственнымъ образомъ.

— Да, конечно, по виду это такъ, синьорита. Но самъ я никогда не считалъ васъ арестанткой.

— Я съ удовольствіемъ исполню ваше желаніе, синьоръ.—Не угодно ли вамъ слѣдовать за мной.

И, сдѣлавъ рукой знакъ, она пошла впередъ.

За столомъ мы сидѣли только вчетверомъ. Старикъ ванъ-Вееренъ съ манерами настоящаго вельможи, его дочь, съ губъ которой не сходила гнѣвная улыбка, мадемуазель де-Бреголь, серьезная и подавленная, но тѣмъ не менѣе очаровательная, и наконецъ я, губернаторъ короля Филиппа, надѣленный обширными полномочіями, я, державшій въ своихъ рукахъ честь и даже жизнь всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ и въ то же время вынужденный соблюдать крайнюю осторожность въ словахъ, чтобы не встрѣтиться съ саркастической улыбкой донны Изабеллы, которой, повидимому, такъ и хотѣлось дать мнѣ понять, что я злоупотребляю своей властью.

Свѣчи въ дорогихъ венеціанскихъ подсвѣчникахъ ярко горѣли надъ нашими головами. Ихъ огонь игралъ въ неподобныхъ брильянтахъ донны Изабеллы, которые сверкали у нея на шеѣ и въ волосахъ. Они были такъ же красивы и такъ же холодны, какъ и ихъ владѣлица.

Не таковъ былъ золотистый рейнвейнъ, который она хвалила за обѣдомъ. Онъ скоро прибавилъ тепла моему сѣдобородому хозяину и нашимъ прекраснымъ дамамъ.

— Ваше превосходительство приступомъ взяли сердца всѣхъ въ нашемъ городѣ,—сказалъ ванъ-деръ-Вееренъ. Нѣтъ ни одной улицы, гдѣ бы я не слышалъ, какъ васъ хвалятъ.

— Даже малыши начали играть въ дона Хаима,—вскричала Изабелла.—Я сама видѣла, какъ они играли на Водяной улицѣ и еще мѣстахъ въ двухъ. Они никого не забываютъ. У нихъ былъ воткнуть въ землю деревянный шестъ вмѣсто эшафота, къ нему была

привязана маленькая дѣвочка, изображающая Маріонъ. Передъ пей лежалъ пучъ соломы, которую якобы поджигалъ отецъ Бернардо. Его можно было узнать по бѣлому полотенцу и какой-то черной тряпкѣ вмѣсто одѣянія. Потомъ мальчуганъ, которому выпала честь изображать васъ, бросился смѣло впередъ, потушилъ огонь и отвязалъ дѣвочку. Въ концѣ всего—отецъ Бернардо удалился, пораженный немилостью. Все это они продѣлали очень живо и осмысленно. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ, кажется, это было въ улицѣ Венеры, платье маленькой дѣвочки вспыхнуло, и комедія окончилась трагедіей. Вы стали весьма популярны, синьоръ.

— Чрезвычайно этимъ польщенъ, синьорита. Но не слѣдуетъ поддаваться этому чувству, это опасно для насъ всѣхъ. Такого рода энтузіазмъ не очень похваленъ въ Мадридѣ. Прошу васъ, синьоръ,—обратился я къ ванъ-деръ-Веерену,—употребить все ваше вліяніе, чтобы положить этому конецъ. Иначе мнѣ придется позаботиться объ этомъ самому и такимъ образомъ потерять то доброе мнѣніе, которое сложилось обо мнѣ у жителей города Гертруденберга.

— Дону Хайму де-Хорквера не важно привлечь къ себѣ голландскія сердца,—сказала Изабелла съ загадочной улыбкой.—Пусть это будетъ предостереженіемъ для васъ, кузина. Мы должны остерегаться, какъ бы одушевляющія насъ чувства благодарности не завлекли насъ слишкомъ далеко.

Мадемуазель де-Бреголлъ не вспыхнула, какъ я ожидалъ. На лицѣ ея мелькнуло выраженіе, котораго я не могъ понять. Она хотѣла было что-то сказать, но я предупредилъ ее и нѣсколько официальнымъ тономъ сказалъ:

— Я уже имѣлъ честь заявить мадемуазель де-Бреголлъ, что я и не заслуживаю никакой благодарности. Для того, чтобы завоевывать сердца, человѣкъ моего положенія не можетъ всегда дѣйствовать такъ, какъ ему бы хотѣлось.

Донна Маріонъ подняла на меня глаза и спокойно сказала:

— Вы не можете требовать ни благодарности, ни любви, не можете требовать и ненависти. Вы можете только принимать или не принимать ихъ тамъ, гдѣ вы найдете ихъ на своемъ пути.

Сначала я не зналъ, что ей отвѣтить на это. Изъ этого затрудненія меня вывела донна Изабелла, не выдержавшая молчанія.

— Справедливость есть награда сама по себѣ,—произнесла она саркастическимъ тономъ.—Я совсѣмъ было забыла объ этомъ.

— Совершенно вѣрно, синьорита,—холодно поддакнулъ я.

— Жители Гертруденберга въ настоящее время воодушевлены только чувствами удивленія и признательности къ вамъ,—серьезно и дѣловито вмѣшался ея отецъ.—И въ своемъ подчиненіи вашимъ желаніямъ они проявятъ лишній разъ эти чувства.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ я.—Такъ будетъ лучше для всѣхъ насъ. А затѣмъ извините меня, если я сегодня покину васъ

раньше, чѣмъ мнѣ самому хотѣлось бы. До наступленія ночи мое время принадлежит другимъ. Позвольте мнѣ поднять бокаль за здоровье мадемуазель де-Бреголль. Пусть лучшіе дни заставятъ ее забыть все то, что было!

— Благодарю васъ, синьоръ, но едва ли когда-нибудь я могу ихъ забыть. Да, пожалуй, и не захочу,—тихо прибавила она.

Нашъ хозяинъ снова налилъ вина.

— А теперь за ваше здоровье, синьоръ,—произнесъ онъ.—Пусть благополучіе не покидаетъ васъ за все, что вы сдѣлали сегодня.

— За исполненіе вашихъ сердечныхъ желаній,—вскричала донна Изабелла, поднимая свой бокаль.—Я не могу сказать ничего другого. Мы вѣдь бѣдныя голландскія дѣвушки и наши мысли не могутъ парить такъ высоко, какъ ваше честолюбіе.

Мы опорожнили бокалы, и я сказалъ:

— Теперь я долженъ итти. Я боюсь, что общество отца Балестрера не будетъ для меня особенно привлекательнымъ послѣ такихъ собесѣдницъ, но я долженъ заставить его подписать признаніе во всѣхъ его грѣхахъ. Прошу извиненія, если тревожу вашъ покой ночью—я, вѣроятно, вернусь поздно и долженъ буду написать еще нѣсколько бумагъ, которыя нужно отослать завтра утромъ.

Я взглянулъ на часы.

— Уже десять часовъ. Отецъ Бернардо, вѣроятно, голоденъ. У него еще ничего во рту не было съ утра. Впрочемъ, постъ—превосходное средство для покаянія.

— Если у него были дурныя намѣренія, то я боюсь, что онъ не сознается,—сказала Маріонъ.

Я разсмѣялся.

— Не сознается? Не сознается въ этомъ добромъ городкѣ Гертруденбургѣ, которымъ я управляю уже съ девяти часовъ утра. Это невозможно, сеньорита.

Она вдругъ поблѣднѣла, потомъ вдругъ покраснѣла.

— Могу я обратиться къ вамъ съ одной просьбой, синьоръ?—спросила она.

— Вы можете приказывать мнѣ все, что не противорѣчитъ моему долгу и вашимъ собственнымъ интересамъ, синьорита.

— Отецъ Балестеръ причинилъ мнѣ, видитъ Богъ, жестокія страданія. Но я не хотѣла бы, чтобы съ нимъ поступили такъ, какъ поступилъ онъ со мной. Воздавай добромъ за зло, сказано въ Св. Писаніи.

Я опять взглянулъ на нее съ изумленіемъ. Дѣйствительно, они не даромъ хвалятся этой еретической религіей. Это не мертвая буква, а живое слово, которому они повинуются, не взирая на то, будетъ ли это очень легко, или очень трудно, благоразумно или безумно. Въ этомъ ихъ сила и слабость одновременно.

— Не бойтесь, — отвѣчалъ я. — Онъ не испытаетъ и десятой доли того, что онъ заслуживаетъ. Но позвольте мнѣ дать вамъ одинъ совѣтъ: не прибѣгайте къ цитатамъ Св. Писанія. Лично я не питаю ни малѣйшаго сомнѣнія въ вашемъ правовѣрїи, точно такъ же, какъ и въ вашемъ, синьоръ ванъ-деръ-Вееренъ, и въ вашемъ, синьорита, — прибавилъ я съ поклономъ, бросивъ при этомъ на нихъ такой взглядъ, отъ котораго краска сбѣжала съ ихъ лица. — Но ничто такъ не навлекаетъ подозрѣніе въ томъ, что человѣкъ пересталъ быть хорошимъ христіаниномъ, какъ эти заимствованія изъ первоисточника христіанства. Мы, профаны, не смѣемъ пользоваться словами Христа безъ разъясненія ихъ церковью. Иначе для чего же существуетъ церковь?

Послѣ моихъ словъ водворилось молчаніе. Я воспользовался случаемъ, сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ.

Позвавъ Діэго, я приказалъ ему отыскать мой другой плащъ. Вечеръ былъ холодный и сырой. Плащъ, который былъ на мнѣ утромъ, перешелъ на плечи мадемуазель де-Бреголь и остался у нея. Затѣмъ я приказалъ Діэго слѣдовать за мной, и мы оба вышли.

Улицы были пустыньны. Собиралися туманы. Словно черные гиганты, высились дома съ освѣщенными кое-гдѣ окнами. Все носило холодный и унылый отпечатокъ.

Невольно мои мысли унеслись въ Испанію — къ ея яркимъ ночамъ и къ веселой толпѣ, напояющей залитую сѣтломъ площадь. Здѣсь же — ничего, кромѣ сѣраго тумана и угрюмаго молчанія. Вода въ каналахъ казалась черной, а сами они бездонными. Впереди все было сѣро и загадочно.

— Ну, Діэго, — сказалъ я, остановившись на поворотѣ; черныя крыши домовъ смотрѣли всѣ одинаково, словно темныя пятна во мракѣ: — тутъ не то, что въ Кордовѣ!

— Совершенно вѣрно, синьоръ, — отвѣтилъ тотъ. — Тамъ, коли ужъ привяжутъ кого къ столбу, такъ ужъ и сожгутъ непременно, а здѣсь иногда приходится и отвязывать. Но я боюсь, что показанный вами примѣръ не удержится, синьоръ.

Я едва не расхохотался. Діэго всегда обращается къ фактамъ и никогда не считаетъ пужнымъ въ нихъ вдумываться.

— Нѣтъ, Діэго, этого я и самъ не желаю. Ну, вотъ мы и пришли.

Улица была совершенно пуста. Мнѣ не хотѣлось показывать, что я могу прибѣгнуть къ силѣ. Достопочтенный отецъ убрался сегодня утромъ въ полной оналѣ, какъ будто бы онъ былъ не болѣе, какъ самый заурядный монахъ. Но былъ ли онъ инквизиторомъ, или нѣтъ, онъ все же оставался духовнымъ лицомъ, имѣющимъ большее право на уваженіе, чѣмъ мы, грѣшные люди.

Тѣмъ не менѣе его жилище находилось подъ крѣпкимъ карауломъ, и только тогда, когда я назвалъ себя, дверь медленно

и неохотно отворилась и пропустила меня. Баронъ фонъ-Виллингеръ былъ неглупый человѣкъ и сумѣлъ меня понять, какъ надо. Я нашель его передъ самой дверью въ комнату инквизитора. Онъ игралъ въ кости съ своимъ лейтенантомъ.

Можете говорить противъ этихъ нѣмцевъ, что вамъ угодно, но когда они общаются что-нибудь, они непременно исполняютъ это. Нѣмецкіе ландскнехты считаются самыми безпринципными и самыми худшими изъ головорѣзовъ всѣхъ національностей, которые нанимаются на службу за деньги, однако они дѣлаютъ свое дѣло и держатся при этомъ своихъ собственныхъ принциповъ и такой добропорядочности, какой позавидовали бы и лучше ихъ поставленные люди.

Таковъ былъ этотъ баронъ фонъ-Виллингеръ. Онъ умѣлъ не хуже другихъ жечь и грабить города и продавать свои услуги тому, кто больше всего за нихъ предложитъ. Онъ моментально оставилъ бы герцога Альбу, если бы принцъ Оранскій захотѣлъ платить ему дороже. Онъ былъ способенъ убить человѣка изъ-за пустяка, если бы почувствовалъ себя оскорбленнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, глазомъ не моргнувъ, могъ нести свою службу цѣлыми днями и считалъ ниже своего достоинства отлучиться съ нея именно потому, что я довѣрился ему и онъ далъ мнѣ обѣщаніе. Онъ даже не успѣлъ выпить ни капли, что въ данномъ случаѣ было съ его стороны большимъ самопожертвованіемъ.

— Баронъ Виллингеръ,—сказалъ я болѣе теплымъ, чѣмъ обыкновенно, тономъ.—Благодарю васъ. Мнѣ очень досадно, что пришлось поручить вамъ это дѣло. Но, кромѣ васъ, не было другого подходящаго для этого человѣка. Въ вознагражденіе за это я приготовилъ вамъ квартиру въ одномъ изъ лучшихъ домовъ города.

— Не за что благодарить меня, донъ-Хаимъ, по крайней мѣрѣ, вамъ. Вы сказали, что нужно исполнить то-то и то-то, и все исполнено. За это намъ и платятъ деньги. Кромѣ того, мы, какъ видите, устроились здѣсь комфортабельно.

И онъ показалъ на столъ, гдѣ стояли остатки яствъ и двѣ или три пустыхъ бутылки.

— Было вовсе не такъ скучно,—продолжалъ онъ съ улыбкой.— Святого отца, повидимому, очень терзали плотскія желанія, ибо въ половинѣ перваго онъ довольно высокомѣрно потребовалъ завтракъ. Я отвѣтилъ ему, что на этотъ счетъ я не получилъ отъ васъ никакихъ распоряженій, а что я лично, какъ еретикъ, могу предложить ему, быть можетъ, неподобающую пищу. Сегодня вѣдь пятница. Мы, т.-е. я и герръ Шварцау, прекрасно закусили. Были рыба, заяцъ и двѣ бутылки рейнскаго вина. Въ этихъ мѣстахъ недурно готовятъ. Почувствовавъ, что съ нимъ говорятъ вѣжливо, святой отецъ вступилъ было въ переговоры и предлагалъ даже заплатить за свою часть. Но я, боясь за спасеніе его души, не рѣ-

шился принять на себя отвѣтственности. Послѣ этого онъ сталъ говорить серьезно, предлагая мнѣ и герру Шварцау по тысячѣ кронъ, если мы отпустимъ его на свободу. Мы спросили, гдѣ же у него деньги. Золото вѣдь очень вредно для святого человѣка. Онъ отвѣчалъ, что при немъ денегъ нѣтъ, но что если мы пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ, то онъ дастъ намъ ихъ. Онъ, конечно, не сказалъ, откуда онъ раздобудетъ ихъ. Когда же мы отказались идти съ нимъ, онъ сталъ угрюмъ и прекратилъ разговоръ. Вотъ и все, что здѣсь было.

Я пожалъ ему руку.

— Еще разъ благодарю васъ, баронъ Виллингеръ; я не забуду вашей услуги. Теперь вы свободны, я хочу самъ поговорить немного съ достопочтеннымъ отцомъ. Ваши люди должны остаться здѣсь. Они еще со свѣжими силами, не правда ли?

— Карауль смѣнился въ десять часовъ.

— Отлично. Кто теперь останется на дежурствѣ?

— Фонъ-Эвердингенъ, если вы смѣните насъ.

— Онъ не уснетъ?

— Не безпокойтесь, донъ-Хаимъ. Въ эту, по крайней мѣрѣ, ночь онъ не уснетъ,—со смѣхомъ отвѣчалъ фонъ-Виллингеръ.—Его мать сожгли, когда онъ былъ еще ребенкомъ и хотя человѣкъ не можетъ постоянно думать о такихъ вещахъ, но это дѣло живо напомнило ему далекое дѣтство. Онъ всегда отличался большой впечатлительностью. Задремавъ сегодня послѣ обѣда, онъ видѣлъ во снѣ, будто она приходила къ нему и сказала: «Фрицъ, твою мать сожгли, а сегодня ты готовъ былъ помогать ежечь такую же невинную, какой была твоя мать. Ты помогаешь сильнымъ міра сего истреблять народъ Господень. Что же ты скажешь на страшномъ Судѣ, когда придется отвѣчать за ихъ жизнь?» Какъ видите, донъ-Хаимъ, вы, католики, и мы, еретики, одинаково считаемъ себя избранниками Божьими. Кто тутъ правъ, не сумѣю вамъ сказать. Я, какъ зналъ, утѣшилъ малаго, ибо онъ въ концѣ концовъ все-таки славный парень. Намъ вѣдь платять и потому приходится дѣлать то, что велятъ, а не разсуждать, что правильно и что неправильно. Кромѣ того, мы должны уповать не на свои дѣла, а на милосердіе Божіе. Я вѣрую, что Господь не оставитъ безъ вниманія и наше ремесло, которое не очень-то оставляетъ намъ времени для справокъ съ совѣстью. Итакъ, я утѣшилъ малаго, какъ я уже сказалъ. Онъ, впрочемъ, не очень ободрился вслѣдствіе такого страннаго стеченія обстоятельствъ въ эту ночь. Съ такимъ настроеніемъ, какое у него теперь, онъ будетъ зорко стеречь отца Бернардо. Въ этомъ вы можете быть совершенно увѣрены, донъ-Хаимъ.

— Тѣмъ лучше,—сухо отвѣчалъ я.—Еще разъ благодарю васъ и желаю вамъ спокойной ночи. Вамъ отведено помѣщеніе въ домѣ богатаго судовладѣльца ванъ-Сиринга. Онъ ждетъ васъ.

Я постучалъ въ дверь, ведущую въ комнату инквизитора, и вошелъ.

— Добрый вечеръ, ваше благословеніе,—сказалъ я.—Надѣюсь, что съ вами обращались со всей почтительностью, какая подобасть особѣ вашего сана.

Онъ медленно поднялся съ кресла, стоявшаго около стола.

— Мнѣ даже не дали нищи, синьоръ,—отвѣчалъ онъ, свирѣпо сверкнувъ на меня глазами.—Я еще съ утра ничего не ѣлъ.

— Неужели?—вскричалъ я беззаботнымъ тономъ.—Сегодня у насъ пятница. Припомните, Господь Богъ постился въ пустынѣ сорокъ сутокъ. Кромѣ того, я полагаю, что такіе святыя люди, какъ вы, находятъ особое наслажденіе въ постѣ и молитвѣ и чудеснымъ образомъ получаютъ отъ этого больше силы, чѣмъ мы, грѣшныя люди, отъ самаго сытнаго обѣда.

Въ его глазахъ показался какой-то стальной отблескъ.

— Вы издѣваетесь надо мной,—возразилъ онъ.—Но будьте увѣрены, за каждую обиду вамъ учинить возмездіе и Господь Богъ, и святая церковь, и воздастъ вамъ за все десятирицею. Огонь ожидаетъ васъ въ здѣшнемъ мірѣ и въ загробномъ. Благодаря этой женщинѣ, которая очаровала ваши глаза, вы оскорбили и Господа Бога, и святую церковь. Горе вамъ, горе! Наказаніе не замедлитъ и настигнетъ васъ, хотя бы вы чувствовали себя въ полной безопасности. И гордыня ваша, которую вы обнаружили сегодня, сломится, яко тростникъ передъ гнѣвомъ Господнимъ!

По мѣрѣ своей рѣчи онъ все болѣе и болѣе входилъ въ гнѣвъ. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и повысивъ голосъ, онъ изрекъ анаѹему, которую не рѣшился произнести сегодня утромъ.

— Да будетъ на васъ проклятіе денно и ночью, когда вы въ постели и въ путешествіи, въ городѣ и въ полѣ. Аминь. Въ часъ досуга и въ часъ битвы. Аминь. Въ часъ скорби, въ часъ радости, въ часъ любви. Аминь. Горькій часъ да будетъ для васъ горчайшимъ, сладкій часъ—горькимъ всей горечью проклятія! Какъ вы измѣнили церкви, такъ пусть измѣнитъ вамъ женщина, которую вы любите. Пусть наслѣдуете вы скорбь въ этой жизни и муку въ будущей, въ вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. Аминь!

При послѣднихъ словахъ голосъ измѣнилъ ему и какъ-то странно задрожалъ.

Я слушалъ его спокойно, сложивъ руки и улыбаясь. Мнѣ давно хотѣлось слышать что-нибудь подобное для того, чтобы увѣрить—не себя самого, въ этомъ не было никакой надобности, а нѣкоторыхъ своихъ пріятелей, что слова остаются только словами и что человѣкъ можетъ гордо пройти жизнь, не боясь и не смущаясь ими. До сего времени мнѣ не приходилось слышать ничего подобнаго.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

Основанъ А. С. Суворинымъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1913 г.

Романовскіе юбилейные дни. (Хроника празднествъ 21—23 февраля 1913 года). **Б. Г.**

	СТРАН.
I. Борьба у престола. (Историческій романъ). Часть первая. XIV—XIX. (Продолженіе). Ф. Е. Зарина-Неевицкаго.	737
II. Быль минувшаго. III. (Продолженіе). Марія Ватаца, рожденной Мертваго.	765
III. Тѣни прошлаго. (Продолженіе). В. Микуличъ.	778
IV. Венгерская кампанія 1849 г. (Отрывки изъ записокъ Н. В. Неакъ в!).	814
V. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовъ.	847
VI. Аудіенція у П. А. Столыпина и катастрофа 12-го августа. С. С. Скрябца.	864
VII. Изъ мемуаровъ графа Ржевускаго. Е. Кольбъ.	879
VIII. Око за око. (Изъ сибирской уголовной хроники). А. А. Дунина.	888
IX. Правда объ И. С. Никитинѣ. В. И. Мельхина.	896
X. Послѣдній изъ «стаи славной». (Памяти графа А. А. Голеннищева-Кутузова). И. Г. . . . . иллюстрація: Графъ А. А. Голеннищевъ-Кутузовъ.	903
XI. Къ могиламъ декабристовъ. Б. Девяткина.	923
XII. Туккумская революція. (По разсказу очевидца). А. Э. Мальм-Грена.	935
XIII. Женское врачебное образованіе въ Россіи. (Къ 35-лѣтію первыхъ женщинъ-врачей въ Россіи). Д-ра А. Н. Шабановой.	952
XIV. Два археологическихкія юбилея. (По поводу 35-лѣтія императорскаго археологическаго института). В. Е. Рудакова. . . . . иллюстрація: Н. В. Покровскій.	962
XV. Къ исторіи составленія основныхъ законовъ въ 1906 году. (Отвѣтъ на запросъ читателей). Б. Б. Глинскаго.	977
XVI. Поездка на Валаамъ. (Очеркъ). В. Вержбицкаго. . . . . иллюстрація: 1) Валаамскій монастырь.— 2) Святъ Всѣхъ Святыхъ на Валаамъ.— 3) Колодезь Всѣхъ Святыхъ на Валаамъ.— 4) Воскресенскій святъ на Валаамъ.— 5) Никольскій святъ на Валаамъ.— 6) Коневскій святъ на Валаамъ.— 7) Святой колодезь въ Коневцѣ.	988
XVII. Критика и библиографія.	1016

1) Императорское русское музыкальное общество. С.-Петербургское отдѣленіе. Очеркъ пятидесятилѣтня дѣятельности с.-петербургской консерваторіи. Составили профессора с.-петербургской консерваторіи **А. И. Пузыревскій** и **Л. А. Святковскій**. Спб. 1912. В. Басина.— 2) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Московскій университетъ и с.-петербургскій учебный округъ въ 1812 году. Документы архива министерства народнаго просвѣщенія, собранные и изданные подъ редакціей начальника архива министерства народнаго просвѣщенія **К. Военскаго**. Спб. 1912. В. Рудакова.— 3) Графиня **Д. Ростопчина**. Семейная хроника (1812 г.). Съ 8 иллюстраціями. Перевелъ **Л. Ф. Гретманъ**. Спб. Les Rostotchine chroni-

(См. слѣд. стран.).

ques de famille—par la comtesse Lydie Rostoptchine. Paris. П. Майкова.—
 4) Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что въ Большой Коломнѣ въ
 Петербургѣ: Съ 49 рисунками на 23 отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1913.
 А. в. А.—5) Л. И. Софійскій. Городъ Опочка и его уѣздъ въ прошломъ и
 настоящемъ. (1414—1914). Псковъ. 1912. В. Руданова.—6) Вильна въ
 1812 году. Составилъ О. А. Кудринскій. Вильна. 1912.—Е. Ф. Орловскій.
 Гродненская губернія въ 1812 году. Гродна. 1912.—1812 годъ. Наполеонъ
 въ предѣлахъ Могилевской губерніи. Составилъ А. П. Лучинъ. Могилевъ.
 1912.—В. К. Добровольскій. Витебская губернія въ Отечественную войну.
 Витебскъ. 1912.—П. М. Красовицкій. Генералъ-майоръ Яковъ Петровичъ
 Кульневъ и бой подъ Клястицами. Витебскъ. 1912. Д. Бочкова.—7) «Въ
 тылу арміи». Калужская губернія въ 1812 году. Обзоръ событій и сбор-
 никъ документовъ. Составилъ В. И. Ассоновъ. Москва. Д. Б.—ва.—8) М. Чу-
 приковъ. 1812. Дневникъ Отечественной войны. Изданіе Б. А. Суворина.
 Библиотека «Ветерана Времени». Спб. 1913. м—о.—9) Смоленское дра-
 янское ополченіе 1812 г. Смоленскъ. 1912. Е. Клетновой.—10) Исторія
 Астраханскаго казачьяго войска. Ч. I, II и III. Составилъ полк. Бирюковъ.
 Л. н.—11) 1) Изъ Митавской старины. Вып. II. Къ 100-лѣтнему юбилею
 Отечественной войны. Событія въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ.
 Митава. 1912. 2) Dr. Fr. Bienemann. 1812. Baltische Erinnerungsblätter.
 Riga. 1912. А. Мальмгрена.—12) Карлъ Карловичъ Герцъ. (1820—1883).
 Биографическій очеркъ. Съ портретомъ и двумя приложеніями. Составилъ
 А. Маленъ. Спб. 1912. В. Руданова.—13) А. Пилленъ. Около болгарской
 войны. Дневникъ и 49 любительскихъ фотографій. Изданіе газеты «Вечер-
 нее Время». Спб. 1913. м. А. С.—14) Полное собраніе сочиненій и писемъ
 Н. С. Пугачева. Т. I. Подъ редакціей, съ биграфическимъ очеркомъ,
 статьями и примѣчаніями А. Г. Фомина. Вступительная статья Ю. И. Ай-
 хенвальда. Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и снимковъ. Спб.
 1913. Влад. Мяннина.—15) Извлеченія изъ переписки Я. К. Грота съ П. А.
 Плетневымъ. На шведскомъ языкѣ. Переводъ съдѣлавъ В. Грундстремъ.
 Гельсингфорсъ. 1912. М. Бородинна.—16) А. Жиркевичъ. Памяти О. В. Ор-
 жешко-Нагорской. Вильна. 1912. В. А.—ва.—17) Извѣстія по литературѣ,
 наукѣ и библиографіи. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ. 1912.
 и. г.—18) Варонъ А. И. Дельвицъ. Мои воспоминанія. М. 1912. н. л.—
 19) Н. И. Крыжановская (Рочестеръ). Полное собраніе сочиненій. Спб. 1913.
 н. Лендера.—20) М. Д. Ордынцевъ-Кострицкій. Запорожцы въ Саратовѣ.
 Историческій романъ для юношества. Спб. 1913. А. П. Наде—мина.—
 21) В. П. Авенарусъ. За невѣдомый океанъ. Историческая повѣсть для
 юношества объ открытіи Новаго Свѣта. Съ рисунками. Спб. 1913. м—о.—
 22) «Крѣпость». Повѣсть Г. Т. Свверцева-Полидова. Спб. ж.—23) П. Перцовъ.
 Науриссиямъ или панславизмъ. Москва. 1913. Им. Энгельгардта.—24) Д. В.
 Розановъ. О подразумѣваемомъ смыслѣ нашей монархіи. Спб. 1912. в. Гри-
 бовскаго.—25) И. Туганъ-Варановскій. Къ лучшему будущему. Спб. 1913.
 А. Фаресова.—26) Н. Карѣвъ. Эпоха французской революціи въ трудахъ
 русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ (1902—1911). Спб. 1912.
 Пант.—27) Инженеръ В. Фельдтъ. Военно-железнодорожное дѣло. (Исторія
 и администрація). Ковель. 1912. Е. в. Корша.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 1059

1) Олимпъ на судѣ исторіи.—2) Кое-что о лондонскихъ театрахъ.—
 3) Какъ продали Аляску американцамъ.—4) Вилла Полины Вонапартъ.—
 5) Изъ воспоминаній греческаго дипломата.—6) Отосюду.

XIX. Смѣсь. 1081

1) Въ императорской академіи наукъ.—2) Въ литературномъ фондѣ.—
 3) Открытіе церковно-археологическаго общества въ Новгородѣ.—4) Галерея
 Петра I.—5) Юбилей профессора В. К. Мальмберга.—6) Чествованіе
 профессора И. Я. Фойницкаго.—7) Чествованіе памяти А. С. Даргомыж-
 скаго.—8) Юбилей А. Н. Шабановой.—9) Юбилей профессора Н. И. Веселов-
 скаго.—10) Юбилей акад. В. И. Ламанскаго.—11) Отъ императорской
 академіи наукъ.

XX. Некрологи. 1091

1) Анонимовъ, И. П.—2) Вьялнкинъ, И. И.—3) Дмитрій, архіепископъ
 херсонскій и одесскій.—4) Кувалдывъ, В. В.—5) Марковъ, П. А.—6) Ни-
 витинъ, Н. В.—7) Новиковъ А. И.—8) Пяроговъ, Н. В.—9) Подвысоцкій,
 В. В., проф.—10) Собичевскій, В. Т.—11) Тшутыкинъ, Н. П.

XXI. Замѣтки и поправки. 1098

1) По поводу статьи «Анекдотическій архіепископъ». Александра Ми-
 норскаго.—2) Заподѣльный отвѣтъ г. Ч. Вѣтринскому. Эд. Пенарского.—
 3) По поводу «Мозанки» г. С. У. С. Митрофановой.—4) По поводу рецензіи
 г. В. Книжника на книгу «Исторія русской литературы XIX вѣка» подъ ред.
 проф. Д. Н. Овсяннико Куликовскаго.

Приложенія: 1) Портретъ Николая Васильевича Исакова.—2) Тѣнь власти.
 Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова.
 (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ 1913 года.

СТРАН.

Россія подъ скипетромъ Дома Романовыхъ. (По случаю 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ). 1613—1913 г.г. Иллюстрированная хроника. **Б. Б. Глинскаго.** . . . . . XI—LXX

Иллюстраціи: 1) Царь Михаилъ Θεодоровичъ.—2) Царь Алексѣй Михайловичъ.—3) Императоръ Петръ Великій.—4) Императрица Екатерина I.—5) Императоръ Петръ II.—6) Императрица Анна Иоанновна.—7) Императрица Елизавета Петровна.—8) Императоръ Петръ III.—9) Императрица Екатерина II.—10) Императоръ Павелъ I.—11) Императоръ Александръ I.—12) Императоръ Николай I.—13) Императоръ Александръ II.—14) Императоръ Александръ III.

Романовскіе юбилейные дни. (Хроника празднествъ 21—23 февраля 1913 года). **Б. Г.**

Ворьба у престола. (Историческій романъ). Часть первая. I—XIX.

Ф. Е. Зарина-Несвицкаго. 7, 323, 737

Быль минувшаго. I—III. **Маріи Ватаци, рожденной Мертваго.** 32, 352, 765

Иллюстраціи: 1) Гербъ рода Мертваго.—2) Дмитрій Борисовичъ Мертваго.

Какъ это дѣлается. (Разсказъ). **И. Н. Потапенка.** 55

Эпизоды изъ моей жизни. **И. И. Чайковскаго.** 73, 469

Три памятныхъ дня. **Г. Черенкова.** 102

Первое марта 1881 года. **К. А. Дворжицкаго.** 113

Иллюстраціи: 1) Адрианъ Ивановичъ Дворжицкій.—2) Сави А. И. Дворжицкаго, въ которыхъ былъ перевезенъ въ Зимній дворецъ раненный императоръ Александръ II.

Кончина императора Александра II. (Разсказъ фельдшера). **Когана.** . . . 133

Воспоминанія объ А. С. Суворинѣ. **П. И. Соколова.** 136

Въ Чудовской Лукѣ. **З. Слезкинской.** 141

Иллюстраціи: 1) Домъ Н. А. Некрасова близъ Чудова (южная сторона).—2) Домъ Н. А. Некрасова близъ Чудова (сѣверная сторона).

Оригиналы и чудаки. (Ключки воспоминаній). **М. В. Шевлякова.** 151

Страшная шутка. (Эпизодъ изъ исторіи одного бунта). **П. Ронина.** 179

Еще объ анекдотическомъ градоначальникѣ. **К. И. Ванченка.** 183

Забытый русскій памятникъ въ Константинополь. **П. П. Шубинскаго.** . . 186

Иллюстрація: Забытый русскій памятникъ въ Константинополь.

ИСТЕР. ВѢСТН. . . МАРТЬ 1913 Г., Т. СXXXI.

1/2

Лѣтоисѣць кавказскихъ войнъ. (Памяти Василія Александровича Потто).	
Б. М. Городецкого.	199
иллюстрація: Василій Александровичъ Потто.	
По восточному Забайкалью. В. Г. Вейденбаума.	205
иллюстраціи: 1) Ингода.— 2) Рѣка Шалка близъ Срѣтенска.— 4) Таежная рѣка Черный Урюкъ.— 4) Типы китайцевъ-рабочихъ.— 5) Работы китайцевъ-подрядчиковъ.— 6) Вскрытіе торфа.— 7) Приское село въ тайгѣ.— 8) Золотопромышленная машина.— 9) Таежная жизнь.	
Тѣни прошлаго. В. Микуличъ.	362, 778
Германія и Россія. (1862—1912). М. В. Станиславскаго.	388
Воспоминанія о графѣ Дмитріи Алексѣевичѣ Милютинѣ. Г. Г. Христіани.	421
иллюстраціи: 1) Церковь въ Алушѣ.— 2) Видъ дома графа Милютина въ Симеизѣ.— 3) Второй видъ дома графа Милютина.— 4) Задній фасадъ дома графа Милютина.— 5) Большая веранда въ домѣ графа Милютина.— 6) Кабинетъ графа Милютина.— 7) Любимая оттоманка въ кабинетѣ графа Милютина.— 8) Кровать и кресло въ спальнѣ.— 9) Уголокъ гостиной.— 10) Кипарисовая аллея въ паркѣ.— 11) Аллея въ паркѣ, насаженная графомъ Милютинымъ.— 12) Одинъ изъ уголковъ въ паркѣ.— 13) Фонтанъ противъ подъѣзда дома графа Милютина.	
Воспоминанія о П. В. Гоголѣ. 1. Прототипъ Плюшкина. 2. Гоголь на охотѣ. А. А. Дунина.	500
Отрывки воспоминаній о Н. С. Ганецкомъ. Н. Г. Козырева.	506
Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой.	511, 847
Казнь царьубійцы. (Изъ личныхъ воспоминаній). Льва Плансона.	520
Тюремный бунтъ. (Изъ записокъ судьи). С. П. Руднева.	535
Исторія великой любви. Воспоминанія Манфредо Пинелли.	546
Памяти литературнаго инвалида. И. Г.	560
Къ вопросу о титулѣ «самодержецъ». (Изъ исторіи кодификаціи основныхъ законовъ въ 1906 году). Б. Б. Глинскаго.	567
Музей имени П. П. Чайковскаго. В. Б. Бертенсона.	604
иллюстраціи: 1) Домъ П. П. Чайковскаго въ Клину.— 2) Кабинетъ и гостинная П. П. Чайковскаго въ Клину.— 3) Спальня и рабочій кабинетъ П. П. Чайковскаго въ Клину.— 4) Домъ въ Лешгуковомъ переулкѣ.	
Измайлово. Н. М. Девель.	616
иллюстраціи: 1) Видъ Измайлова въ XVIII столѣтіи. (Съ гравюры Зубова).— 2) Восточныя ворота дворца въ Измайловѣ.— 3) Западныя ворота дворца.— 4) Церковь св.Іоасафа царевича.— 5) Покровский соборъ.— 6) Иконостасъ Покровскаго собора.— 7) Чудотворная икона Богоматери въ Покровскомъ соборѣ.— 8) Соборная башня-колокольня.— 9) Измайловская военная богадѣльня.— 10) Дача виноградный садъ.— 11) Гербъ Романовыхъ.	
Венгерская кампанія 1849 г. (Отрывки изъ записокъ) Н. В. Исакова.	814
Аудіенція у П. А. Столынина и катастрофа 12-го августа. С. С. Окрейца.	834
Изъ мемуаровъ графа Ракевскаго. Е. Кольбъ.	849

Око за око (Изъ сибирской уголовной хроники). А. А. Дунина	888
Правда объ И. С. Пикитинѣ. В. П. Малыгина	895
Извѣдній изъ «статьи славной». (Памяти графа А. А. Голенщевъ-Кутузова). И. Г.	903
Иллюстрація: Графъ А. А. Голенщевъ-Кутузовъ.	
Къ моголамъ декабристовъ. Б. Девяткина	923
Туккумская революція. (По разсказу очевидца). А. Э. Мальмгрена . . .	935
Женское врачебное образованіе въ Россіи. (Къ 35-лѣтію первыхъ женщинъ-врачей въ Россіи). Д-ра А. Н. Шабановой	952
Два археологическихъ юбилея. (По поводу 35-лѣтія императорскаго археологическаго института). В. Е. Руданова	962
Иллюстрація: Н. В. Покрозскій.	
Къ исторіи составленія основныхъ законовъ въ 1906 году. (Отвѣтъ на запросъ читателей). Б. Б. Глинскаго	977
Поездка на Валаамъ. (Очеркъ). В. Вержбицкаго	988
Иллюстраціи: 1) Валаамскій монастырь. — 2) Скитъ Всѣхъ Святыхъ на Валаамѣ. — 3) Колодезь Всѣхъ Святыхъ на Валаамѣ. — 4) Воскресенскій скитъ на Валаамѣ. — 5) Никольскій скитъ на Валаамѣ. — 6) Коневскій скитъ на Валаамѣ. — 7) Святой колодезь въ Коневцѣ.	

Критика и библиографія. 224, 643, 1016

1) М. Воронкинъ Исторія Финляндіи. Время Екатерины II и Павла I. Съ портретами, иллюстраціями, планами и картой 1789 г. Спб. 1912. п. майнова.—2) Смоленская Старина. Выпускъ второй. 1812—1912. Подъ редакціей правителя дѣлъ П. В. Михайлова и члена правленія П. Н. Рѣдкова. Смоленскъ, 1912. В. Руданова.—3) Описаніе греческихъ рукописей монастыря святой Екатерины на Синаѣ. Т. I. Заблудательная рукопись въ библиотекѣ Синайскаго монастыря и Синае-джуванійскаго подворья (въ Каирѣ), описанная архимандритомъ Порфиріемъ (Успенскимъ). Подъ редакціей и съ дополненіями В. Н. Венешевича. Спб. 1911. и. а.—4) Описъ документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святаѣйшаго правительствующаго синода, съ указателями къ ней. Дѣла комиссіи духовныхъ училищъ 1809—1839 гг. Спб. 1910. м—лова.—5) Полоцко-Витебская старина. Кн. I. Витебскъ, 1911. д. б.—6) Матеріалы для исторіи дворянства Петербургской губерніи. Подъ редакціей графа Алексѣя А. Бобринскаго. Т. II. Дѣятельность собранія дворянства. Вып. I. Ополченіе 1812 года. По источникамъ, собраннымъ А. А. Мироновымъ. 1912. м. с.—7) А. Григоровичъ. Исторія 13-го драгунскаго военнаго ордеза генераль-фельдмаршала Миниха полка. Т. II. 1809—1840 гг. 1912. м. с.—8) А. Ф. Шидловскій. Шпицбергенъ въ русской исторіи и литературѣ. Краткій историческій очеркъ русскихъ плаваній и промысловъ на Шпицбергенѣ и подробный указатель литературы и архивныхъ дѣлъ, относящихся къ этимъ вопросамъ. Спб. 1912. м. м. м.—9) Суздаль и его достопамятности. М. 1912. В. Руданова.—10) Э. Кистъ. Основныя черты современнаго маонства. Спб. Тира Сооловской.—11) Современная война. Ф. фонъ-Бернгарди. Переводъ съ нѣмецкаго гг. Адариди и Лазаревича. Спб. 1912. л. н.—12) Записки главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ о поездкѣ въ Туркестанскій край въ 1912. г.—13) И. Ф. Павловскій. Краткій біографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи, съ половины XVIII вѣка. Съ портретами. Полтава, 1912. в. р—ва.—14) Баронъ А. Н. Ропль. Что сдѣлала третья государственная дума для народнаго образованія. Спб. 1912. Вит. Ткачука.—15) «Горь отъ ума». Комедія А. С. Грѣбѣдова. Текстъ Яндровской рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Писанова. Москва, 1912. л. н.—16) А. Заринъ. Три волшебныхъ волоса. Старая сказка на новый

ладь. Съ 28 рисунками. Изданіе т-ва А. С. Суворина. Спб. 1912. м—но.—17) А. А. Измаиловъ. Разсказы. Спб. 1912. А. Леп—снаго.—18) Аркадій Прессъ. Въ царствѣ книгъ. Очерки и портреты, съ иллюстраціями. Томы I и II. Спб. 1912. Б. Г.—снаго.—19) Е. И. Игнатъевъ. Астрономическіе до-суги. Съ 68 ю рисунками и чертежами. Москва. 1912. м—о.—20) П. Ин-фантъевъ. Жизнь народовъ Россіи. Этнографическіе разсказы. Съ 68 ри-сунками. 1912. В. Данилова.—21) Г. Сѣверцевъ-Подидовъ. Москва подъ ру-кою Наполеона. Историческо-бытовая повѣсть. М. 1912 —М. Э. Никольскій. По слѣдамъ Великаго Наполеона, Историческій романъ. Спб. 1912. В. Р—ва.—22) Аполлонъ Коринфскій. Поздніе оми. Спб. 1912. А. Фаре-сова.—23) Андрей Филипповъ. Въ вихрь жизни. Спб. м—о.—24) Л. П. Карсавинъ. Монашество въ средніе вѣка. Спб. 1912. п. в.—25) А. И. Алмазовъ. Проклятіе преступника псалмами. Одесса. 1912. Профессора М. Красножена.—26) Война и войны на службѣ Господней. Составилъ А. К. Э. Спб. 1912. н. и. к.—27) В. Поппе. Критика методологическихъ основъ теории права и нравственности проф. Петражицкаго. Спб. 1912. В. Г.—28) Очерки по исторіи Византии подъ редакціей и съ предисловіемъ В. Н. Бенешевича. Вып. I и II. Спб. 1912. п. б.—29) Wolf, G. Einführung in das Studium der neueren Geschichte. Berlin. 1910. с. Аваліани.—30) Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Подъ редакціей Д. П. Кастелланскаго. Спб. 1910. с.—31) Павелъ Поповичъ. Обзоръ исторіи сербской литературы. Спб. 1912. Андрея Сиротинина.—32) Минало. Редак-торъ Р. Д. Валасчевъ. Книги I—VI. Софія. 1909—1911. с. л. А—ва.—33) Ек. Долгова. Флоренція и ея окрестности. Съ полнымъ планомъ Фло-ренціи, рисунками и алфавитнымъ указателемъ. Москва. 1912. Д. А. м.—34) Записки разряда военной археологии и археографіи императорскаго русскаго военно историческаго общества. Подъ редакціей дѣйствительнаго члена Н. И. Веселовскаго. Т. I. Спб. 1911. в. Р—ова.—35) Баронъ А. Е. Врангель. Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ въ Сибири 1854—1856 гг. Спб. 1912. А. Нечаевой.—36) Справочная книжка для холодовъ и пересел-ленцевъ. (Переселеніе за Уралъ). Спб. 1912. п. Майнова.—37) Проф. Н. О. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправ-ленія церковныхъ обрядовъ. Время патріаршества Юсифа. Сергіевъ по-садъ. 1913. И. Иудряшова.—38) Моранъ, П. Павелъ I до воспе-ствія на престолъ (1754—1796 гг.). Переводъ съ французскаго Шпряевой. М. 1912. м. Илочнова.—39) Н. Н. Кашкинъ. Родословныя развѣдки. Съ пор-третомъ автора. Подъ редакціей В. Д. Модзалевскаго. Томъ I. Спб. 1912. В. Рудакова.—40) Царственный мистикъ (императоръ Александр I—Феодоръ Кузьмичъ); соч. князи В. В. Вятинскаго. Спб. 1912. п. Майнова.—41) Старая Москва, вып. I. Москва. 1912. м. к.—42) Великій князь Николай Михайловичъ. Петербургскій некрополь. Томъ третій. (М—Р). Спб. 1912. С. ш.—43) I. А. Кастанье. «Надгробныя сооруженія киргизскихъ степей. (Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. XXVI). Оренбургъ. 1912. Б. Мирошниковъ.—44) Военно-Историческій Вѣстникъ, книжки I-я и 2-я. Кіевъ. 1912. п. Майнова.—45) А. В. Жиркевичъ. Пасынки военной службы. Матеріалы къ исторіи мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства въ Россіи. Вильна. 1912. л. н.—46) Постановленія орографической подкомис-сіи. Спб. 1912. н. л.—47) В. П. Могульскій. Комическія оперетты XVIII в. Одесса. 1911. в. д.—48) Исторія русской литературы XIX вѣка подъ ре-дакціей Д. Н. Овсянко-Куликовскаго. Вып. XXVIII и XXIX. Москва. 1912. влад. няннина.—49) Библиотека В. В. Протопопова.—Театръ. Спб. 1912.—ъ.—50) Сборникъ работъ учащихся школы императорскаго обще-ства поощренія художествъ. Вып. II. Ч. II. п.—51) Шекспиръ. Венеціанскій купецъ. Съ рисунками Джемса Д. Линтона. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. Д. м.—52) С. Р. Минцловъ. Историческія повѣсти. Спб. 1902. Д. м.—53) Н. Даденковъ. Иванъ Петровичъ Пнинъ. Опытъ его біографіи и обзоръ литературной дѣятельности. Ивжнъ. 1912. в. д.—54) В. И. Барвинокъ. Нравственный символизмъ русской иконописи XVI—XVII в.в. Кіевъ. 1912. Д. Бочнова.—55) С. П. Сингалевичъ. Эпоха возро-жденія. Казань. 1912. п. б.—56) П. Е. Васильковскій. Диковинки земли. Популярныя очерки изъ жизни нашей планеты. Съ 83 рисунками въ текстъ. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1913. м—о.—57) Воен-ная энциклопедія. Т. IX, части XVII и XVIII. Спб. 1912. л. н.—58) «Наука побѣждать» генералиссимуса Суворова. (По матеріалу, еще не бывшему въ печати). Съ рисунками и чертежами Суворова. Текстъ пояснилъ и ко-пші рисунковъ исполнилъ К. Нонненманъ. Спб. 1913. н. и. н.—59) Мате-ріалы по киргизскому земледельству. Сырь-Дарынская область. Пе-ровскій уѣздъ. Съ иллюстраціями, картою и популярными таблицами. Там-кентъ. 1912. г.—60) Д. П. Струковъ. Лугевоидель и артиллерійскому

историческому музею. Спб. 1912. В. Руданова.—61) Временныя правила о ведомствѣ судѣ. (Законъ 15-го іюня 1912 г., о преобразованіи мѣстнаго суда). Составилъ К. П. Змировъ (сенаторъ). Спб. 1912. г. Гисса.—62) Е. Писарева. Памяти Анны Павловны Философовой. Спб. 1912. Д. М.—63) Императорское русское музыкальное общество. С.-Петербургское отдѣленіе. Очеркъ пятидесятилѣтія с.-петербургской консерваторіи. Составили профессора с.-петербургской консерваторіи А. И. Пузыревскій и Л. А. Савкетги. Спб. 1912. В. Баснина.—64) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Московскій университетъ и с.-петербургскій учебный округъ въ 1812 году. Документы архива министерства народнаго просвѣщенія, собранные и изданные подъ редакціей начальника архива министерства народнаго просвѣщенія К. Военскаго. Спб. 1912. В. Руданова.—65) Семейная хроника (1812 г.). Съ 8 иллюстраціями. Графиня Л. Ростопчина. Перевелъ Л. Ф. Гретманъ. Спб. Les Rbstopchines chronique de famille—par la comtesse Lydie Rostoptchine. Paris. 1912. п. Майнова.—66) Церковь Покровы Пресвятой Богородицы, что въ Большой Коломнѣ въ Петербургѣ. Съ 49 рисунками на 23 отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1912. А. В. А.—67) Л. И. Софійскій. Городъ Опочка и его уѣздъ въ прошломъ и настоящемъ. (1414—1914). Псковъ. 1912. В. Руданова.—68) Вильна въ 1812 году. Составилъ. Ф. А. Кудринскій. Вильна. 1912.—Е. Ф. Орловскій. Гродненская губернія въ 1812 году. Гродна. 1912.—1812 годъ. Наполеонъ въ предѣлахъ Могилевской губерніи. Составилъ А. П. Лучинъ. Могилевъ. 1912.—В. К. Добровольскій. Витебская губернія въ Отечественную войну. Витебскъ. 1912.—П. М. Красовицкій. Генералъ-майоръ Яковъ Петровичъ Кульневъ и бой подъ Кластичами. Витебскъ. 1912. Д. Бочнова.—69) «Въ тылу арміи». Калужская губернія въ 1812 году. Обзоръ событій и сборникъ документовъ. Составилъ В. И. Ассонновъ. Москва. Д. Б.—ва.—70) М. Чуприковъ. 1812. Дневникъ Отечественной войны. Изданіе Б. А. Суворина. Библиотека «Вечернаго Времени». Спб. 1913. М.—о.—71) Смоленское дворянское ополченіе 1812 г. Смоленскъ. 1912. Е. Млетновой.—72) Исторія Астраханскаго казачьяго войска. Ч. I, II и III. Составилъ полковникъ Вирюковъ. Л. И.—73) 1) Изъ Митавской старины. Вып. II. Къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Событія въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ. Митава. 1912. 2) Dr. Fr. Bienemann. 1812. Baltisch Erinnerungsblietter. Riga. 1912. А. Мальмгrena.—74) Карлъ Карловичъ Герцъ. (1820—1883). Биографическій очеркъ. Съ портретомъ и двумя приложеніями. Составилъ А. Маленинъ. Спб. 1912. В. Руданова.—75) Ал. Пиленко. Около болгарской войны. Дневникъ и 49 любительскихъ фотографій. Изданіе газеты «Вечернее Время». Спб. 1912. М. А. С.—76) Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Т. I. Подъ редакціей, съ биографическимъ очеркомъ, статьями и примѣчаніями А. Г. Фомина. Вступительная статья Ю. И. Айхенвальда. Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и снимковъ. Спб. 1913. Влад. Книжнина.—77) Извлеченія изъ переписки Я. К. Грота съ П. А. Шлетневымъ. На шведскомъ языкѣ. Переводъ сдѣланъ В. Груднстремомъ. Гельсингфорсъ. 1912. М. Бородинна.—78) А. Жиркевичъ. Памяти Э. В. Орешко-Нагорской. Вильна. 1912. В. А.—ва.—79) Извѣстія по литературѣ, наукамъ и библиографіи. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ. 1912. И. Г.—80) Баронъ А. И. Дельвигъ. Мои воспоминанія. М. 1912. И. Л.—81) В. И. Крыжановская (Рочестеръ). Полное собраніе сочиненій. Спб. 1913. И. Лендера.—82) М. Д. Ордынцевъ-Кострицкій. Запорожцы въ Сарагоссѣ. Историческій романъ для юношества. Спб. 1913. А. П. Надеж—ина.—83) В. П. Авенариусъ. За невѣдомый океанъ. Историческая повесть для юношества объ открытіи Нового Свѣта. Съ рисунками. Спб. 1913. М.—о.—84) «Кряжъ». Повесть Г. Т. Свѣрцева-Подилова. Спб. ж.—85) П. Перцовъ. Панрусизмъ или панславизмъ. Москва. 1913. Ии. Энгельгарда.—24) В. В. Розановъ. О подразумеваемомъ смыслѣ нашей монархіи. Спб. 1912. В. Грибовскаго.—87) М. Туганъ-Барановскій. Къ лучшему будущему. Спб. 1913. А. Фаресова.—88) Н. Карѣевъ. Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ (1902—1911). Спб. 1912. Пант.—89) Инженеръ В. Фельдтъ. Военно-железнодорожное дѣло. (Исторія и администрація). Ковель. 1912. Е. В. Норша.

Заграничныя историческія новости и мелочи. 277, 678, 1059

- 1) Таи-Махаль.—2) Пльнъ Винцингероде.—3) Воспоминанія графини Ведель.—4) Отъѣздъ иностранца о Сибирскомъ пути.—5) Старѣйшій театръ въ Италіи.—6) Тайна Венеры Милосской.—7) Судьбы Константинополь.—8) Джонъ Стюартъ Милль въ Авиньонѣ.—9) Отоскоду.—10) Тати.—11) Людовикъ XIV и женщины.—12) Нѣсколько болгарскихъ легендъ и обы-

чаевъ.—13) Италия въ роли поборницы свободы Албаніи.—14) Одинъ изъ яковинцевъ въ старости.—15) Прусское донесеніе о смерти Пушкина.—16) Секретъ Вурбоновъ.—17) Юбилей Крашевскаго и Эрнста Лависса.—18) Отоскюду.—19) Олимпъ на судѣ исторіи.—20) Кое-что о лондонскихъ театрахъ.—21) Какъ продали Аляску американцамъ.—22) Вилла Полины Бонапартъ.—23) Изъ воспоминаній греческаго дипломата.—24) Отоскюду.

Смѣсь. 303, 709, 1081

1) Столѣтіе собственной Его Величества канцеляріи.—2) Столѣтіе памяти принца П. Г. Ольденбургскаго.—3) Двухсотлѣтіе училища св. Петра.—4) 75-лѣтіе слб. сиротскаго института императора Николая I.—5) Тридцать пять лѣтъ литературной дѣятельности В. К. Анфилова.—6) Юбилей А. Н. Вудищева.—7) Торжественное засѣданіе общества ревнителей исторіи.—8) Освященіе памятника К. Я. Крыжицкому.—9) Новый историческій документъ.—10) Открытіе древней фрески въ Новгородѣ.—Игры въ охранѣ Староладожской крѣпости.—11) Изысканія въ пещерахъ на Звѣрицѣ А. Хребтова.—12) Археологическія раскопки.—13) Реставрація дворца графа Разумовскаго.—14) Восьмой конкурсъ имени А. Н. Островскаго.—15) Рѣдкій памятникъ старины.—16) Съѣздъ дѣятелей музеевъ и архивовъ въ Москвѣ.—17) Торжественное собраніе академіи наукъ.—18) Музей Старога Петербурга.—19) Столѣтіе рожденія Я. К. Грота.—20) Юбилей Л. В. Вертенсона.—21) Юбилей Н. С. Таганцева.—22) Юбилей А. Е. Зарина.—23) Праздникъ пріюта принца Ольденбургскаго.—24) Въ императорской академіи наукъ.—25) Въ литературномъ фондѣ.—26) Открытіе церковно-археологическаго общества въ Новгородѣ.—27) Галерея Петра I.—28) Юбилей профессора В. К. Мальмгрена.—29) Чествованіе профессора И. Я. Фойницкаго.—30) Чествованіе памяти А. С. Даргомыжскаго.—31) Юбилей А. Н. Шабановой.—32) Юбилей профессора П. Н. Веселовскаго.—33) Юбилей акад. В. И. Лыманскаго.—34) Отъ императорской академіи наукъ.

Некрологи 314, 723, 1091

1) Бравичъ, К. В.—2) Вишняковъ, А. Г.—3) Гатлихъ, А. Ѳ.—4) Драгомирова, С. А.—5) Графъ Камаронскій, Л. А.—6) Карпенко, П. С.—7) Керницъ, К. Э.—8) Маттернъ, Е. Э.—9) Мельницкая, А. В.—10) Черная, Н. А.—11) Якушкинъ, В. Е.—12) Азбелевъ, Н. П.—13) Варравинъ, М. М.—14) Галешинъ, С. А.—15) Гермоніусъ, А. К.—16) Гучковъ, Ф. И.—17) Емельяновъ, П. Н.—18) Казанскій, П. И.—19) Каспари, А. А.—20) Ланге, И. И.—21) Миряишъ-Гецевичъ, С. В.—22) Наталзе (Горцель), Ш. Я.—23) Раевская, М. Д.—24) Тихомировъ, А. И.—25) Филевичъ, И. П.—26) Цюнглинскій, П. Ф.—27) Яблочкина, Е. А.—28) Авонимовъ, И. Н.—29) Бвлянкинъ, И. И.—30) Дмитрій, архіепископъ херсонскій и одесскій.—31) Кувалдинъ, В. В.—32) Марковъ, П. А.—33) Никигинъ, Н. В.—34) Новиковъ, А. И.—35) Пироговъ, Н. В.—36) Подвысоцкій, В. В., проф.—37) Собичевскій, В. Т.—38) Тишуткинъ, Н. П.

Замѣтки и поправки. 734, 1098

1) По поводу рецензіи на изданіе жандровской рукописи «Гора отъ ума». Приватъ-доцента слб. университета Н. Писанова.—2) По поводу воспоминаній В. В. Вертенсона. н. Зауфуса.—3) По поводу моихъ воспоминаній, ил. Чайковскаго.—4) По поводу статьи «Анекдотическій архіепископъ». Александра Минорскаго.—5) Запоздалый отвѣтъ г. Ч. Вѣтринскому. Эд. Пенарскаго.—6) По поводу «Мозаики» г. С. У. С. Митрофановой.—7) По поводу рецензіи г. В. Кияжнина на книгу «Исторія русской литературы XIX вѣка» подъ ред. проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портреты: 1) Государя Императора Николая Александровича и Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.—2) Графа Дмитрія Алексѣевича Милютина.—3) Николая Васильевича Псакова.—4) Тѣнь власти. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. В. Михайлова.

РОМАНОВСКІЕ ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ

Хроника празднествъ 21—23 февраля 1913 г.

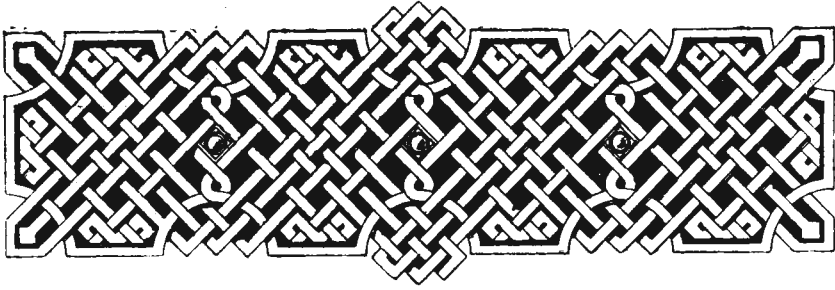
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“. Зртелевъ, 13

РОМАНОВСКІЕ ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ.

(Хроника празднествъ 21—23 февраля 1913 года).

Ы ОТМѢТИЛИ въ январскомъ номерѣ текущего года наступленіе юбилейной 300-лѣтней годовщины царствованія династїи Романовыхъ и посвятили обзорѣнію главныхъ моментовъ этого царствованія специальную иллюстрированную хронику. Въ настоящемъ номерѣ журнала представимъ читателямъ, въ какой формѣ выразилось торжественное чествованіе этого юбилея какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ и въ провинціи, какое отраженіе оно нашло себѣ за границей и по преимуществу среди славянскихъ народовъ.

I.

Именно во второй половинѣ февраля триста лѣтъ тому назадъ, какъ мы уже знаемъ, произошло знаменательное событіе въ исторической жизни Россіи, явившееся въ ней поворотнымъ пунктомъ, поставившимъ нашъ государственный корабль на прямой, правильный путь, благодаря чему Россіи представилась возможность осуществить блестящую обширную историческую эпоху, описанію которой былъ посвященъ нашъ январскій очеркъ. Изъ того собранія историческихъ моментовъ, которые имѣли мѣсто триста лѣтъ назадъ, именно

1*

21-го февраля было тѣмъ днемъ, когда въ Москвѣ на Красной площади было провозглашено избраніе всероссійскимъ земскимъ соборомъ на московскій престолъ юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова. Отсюда и приуроченіе текущихъ юбилейныхъ празднествъ къ 21-му февраля, причемъ въ виду грандіозности намѣченныхъ торжествъ празднованіе было, въ связи съ высочайше утвержденной программой, разбито на три дня. Но уже задолго, можно считать за два почти года, въ разныхъ учрежденіяхъ имперіи происходили совѣщанія и намѣчались опредѣленные постановленія, какъ достойно отозваться на наступающіе знаменательные дни въ жизни Россіи и благополучно царствующаго дома. Эти совѣщанія съ приближеніемъ юбилейныхъ дней становились все интенсивнѣе и опредѣленнѣе и показали, что русское общество съ полнымъ сознаніемъ и достоинствомъ собирается ознаменовать предстоящее торжество. И городскія самоуправленія, и земскія собранія выносили и поднесъ еще продолжаютъ выносить по сему предмету широкія постановленія съ тенденціей придать этимъ постановленіямъ по преимуществу филантропическій и просвѣтительный характеръ. Въ этихъ цѣляхъ происходили ассигнованія значительныхъ денежныхъ суммъ, на каковыя и должны были быть учреждены разныя учрежденія съ наименованіемъ ихъ «Романовскими». Къ числу этихъ учрежденій относятся—храмы въ честь святыхъ, имена которыхъ носили и носятъ лица царствующаго дома, учебныя заведенія, низшія, среднія и высшія, созданіе какъ въ этихъ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ уже существующихъ стипендій имени Государя Императора и его семьи, богоугодныхъ заведеній, разные виды помощи населенію и т. д. и т. д. Привести пока въ полную извѣстность, въ какую общую цифру вылились жертвенныя постановленія, не представляется возможнымъ, особенно, если принять во вниманіе и отчисленія изъ общегосударственныхъ средствъ по постановленію государственной думы. Можно утвердительно сказать, что общая эта сумма достигаетъ значительной цифры и дастъ возможность дѣйствительно осуществить тѣ полезныя цѣли, во имя которыхъ онѣ были собраны.

Если о готовящемся юбилеѣ населеніе получало указанныя выше свѣдѣнія изъ повсемѣстныхъ корреспонденцій, то связанному съ предстоящимъ торжествомъ должному настроенію немало оказало содѣйствія наше книжное дѣло и повременная пресса. Уже съ осени 1912 года на книжномъ рынкѣ стали появляться брошюры и болѣе или менѣе обстоятельныя изслѣдованія, посвященные дому Романовыхъ. Одною изъ первыхъ ласточекъ къ кругу такихъ изданій явилась рецензированная у насъ книга Г. Г. Попова «Домъ Романовыхъ. Къ трехсотлѣтнему юбилею. (1613—1913). Иллюстрированный историческій очеркъ». Въ концѣ минувшаго года вышла книга П. Г. Васенка, профессора С. Ѳ. Платонова

и Е. Ф. Тураевой-Церетелли «Начало династїи Романовыхъ», гдѣ данъ рядъ отдѣльныхъ статей, выясняющихъ значеніе смутнаго времени, изображающихъ обстоятельства, при которыхъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ избранъ на престолъ, и дающихъ обстоятельныя данныя о происхожденіи династїи Романовыхъ и видныхъ представителей ея. Затѣмъ выступило со своими юбилейными изданіями московское книгоиздательство, товарищество И. Д. Сытина, поставившее книжному рынку три труда—«Три вѣка. Россія отъ смуты до нашего времени. Историческій сборникъ подъ редакціей В. В. Каллаша», «Государи изъ дома Романовыхъ. 1613—1913. Жизнеописанія царствовавшихъ государей и очерки ихъ царствованій. Подъ редакціей Н. Д. Чечулина» и «Книга царей. Цари Романовы въ русской поэзіи. 1613—1913. Хрестоматія къ юбилею державнаго дома Романовыхъ», составленная Львомъ Гинсбургомъ. Всѣ эти изданія роскошно иллюстрированы, при чемъ въ отношеніи иконографіи должно быть поставлено на главномъ мѣстѣ первое изъ названныхъ изданій, представляющее, несомнѣнно, большую цѣнность по богатству вложеннаго сюда литературнаго матеріала, по обилію цѣнныхъ документовъ и по множеству воспроизведенныхъ снимковъ съ рѣдкихъ старинныхъ гравюръ и предметовъ. Этого изданія изъ предназначенныхъ шести томовъ вышло пока четыре.

Большую цѣнность имѣетъ изданное къ трехсотлѣтнему юбилею дома Романовыхъ Новоспасскимъ ставропигіальнымъ монастыремъ изслѣдованіе «Царскіе прародители, погребенные въ обители Всемилостиваго Спаса на Новомъ». Означенное изданіе—любопытный памятникъ нашей церковной старины, дающій ясное представленіе о сохранившихся реликвіяхъ дома Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ въ видѣ гробницъ, церковныхъ одѣяній, утвари и пр. Своевременно вышли вторымъ изданіемъ и «Статьи по русской исторіи» профессора С. Ѳ. Платонова, такъ много потрудившагося надъ разработкой вопросовъ о смутномъ времени и первомъ періодѣ царствованія дома Романовыхъ. Не лишена интереса популярно составленная книжка г-жи Клавдіи Лукашевичъ «Школьный праздникъ трехсотлѣтія дома Романовыхъ», гдѣ юные читатели на лучшихъ произведеніяхъ отечественной словесности знакомятся съ выдающимися моментами изъ русской исторіи за послѣдніе три вѣка и главнѣйшими дѣяніями представителей царствующаго дома. Дешево (25 коп.) издана книжка, выпущенная комитетомъ для устройства празднованія трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ, гдѣ въ популярной формѣ данъ текстъ, иллюстрирующій исторію «Россіи подъ скипетромъ дома Романовыхъ». Специальный интересъ представляетъ собою небольшая брошюра редактора военно-историческаго отдѣла при штабѣ кавказскаго округа подполковника С. Эсадзе «Къ трехсотлѣтію дома Романовыхъ. Истори-

ческий очеркъ распространенія русской власти на Кавказѣ». Здѣсь читатели найдутъ немало интересныхъ эпизодовъ, касающихся жизни Кавказскаго края и отношеній Россіи къ нашей южной окраинѣ.

Совершенно особое мѣсто должно быть отведено роскошному изданію высочайше утвержденной комиссіи по описанію боевыхъ трофеевъ русскаго воинства и старыхъ русскіихъ знаменъ, состоящей при военно-походной канцеляріи Его Императорскаго Величества. Изданіе это носитъ наименованіе «Подвигъ трехсотлѣтняго служенія Россіи государей дома Романовыхъ». Текстъ настоящаго изданія составленъ С. А. Толузаковымъ, а иллюстраціи къ нему подобраны П. И. Бѣлавымъ. Авторъ текста отнесся къ своей задачѣ въ высшей степени добросовѣстно и использовалъ цѣлыхъ 478 источниковъ, какъ печатныхъ, такъ и архивныхъ, причемъ въ указателѣ къ источникамъ привелъ и нѣкоторые любопытные документы. Въ заключительной части своей работы, характеризуя методы своего труда и основную мысль, въ нее вложенную, онъ говоритъ: «Настоящій трудъ былъ ограниченъ опредѣленнымъ объемомъ и короткимъ срокомъ выполненія, поэтому у насъ не было возможности останавливаться подробно на событіяхъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ основной идеѣ книги: *«Подвигъ трехсотлѣтняго служенія Россіи государей дома Романовыхъ»*. Въ обрисовкѣ историческихъ явленій мы стремились, по возможности, выдвинуть на первый планъ причинную связь между событіями и ихъ зависимость отъ дѣятельности царствующаго въ то время монарха. Поэтому приходилось дольше останавливаться на тѣхъ сравнительно мало освѣщенныхъ историками фактахъ, которые даютъ ключъ къ пониманію многихъ событій и служатъ наиболѣе убѣдительною иллюстраціей къ тяжелому подвигу служенія Россіи царей Романовыхъ. Не намъ судить, конечно, о достоинствахъ и недостаткахъ настоящаго труда, но мы вложили въ него все свои силы и знанія. Чтобы уяснить себѣ, какое великое самоотреченіе проявляли государи Романовы въ стремленіи къ благу Россіи, лучше всего перенестись мысленно въ отдаленную эпоху 1613 года и шагъ за шагомъ пережить съ ними все событія прошлаго. И тогда всякій пойметъ, какъ страшно давила и давить царская корона вѣнчанную голову монарховъ, какъ часто эта корона ходомъ событій превращается въ терновый вѣнецъ. Да, это *подвигъ*, это крестъ—символь великой любви и великаго страданія,—подскажетъ вамъ сердце, и на вопросъ, какъ облегчить тяжесть этого креста, можетъ быть одинъ искренній отвѣтъ: *жить для царя*. У пишущаго эти строки, какъ бывшаго участника войны, ни на минуту не мелькаетъ сомнѣніе, что жертвовать своею жизнью въ бою за государя не представляетъ *особеннаго* труда; слѣдуетъ *жить* для него такъ, чтобы каждый помысль, все силы бытія, все посвятить ему до издыханія, сказавъ монарху: «любовь и жизнь моя—всегда твои». Вотъ та главная

задача настоящего труда, которую авторъ былъ бы счастливъ увлечь читателя».

Такая патріотическая откровенная точка зрѣнія придаетъ и всей работѣ г. Толузакова характеръ націоналистическо-патріотическій, при чемъ авторъ, несмотря на свою официальную позицію, сумѣлъ въ предѣлахъ возможнаго обстоятельно анализировать нѣкоторые трудные моменты своего повѣствованія и ввести въ изложеніе такія свѣдѣнія, которыя обычно въ казенныя изданія не попадаютъ.

Все настоящее изданіе обильно и богато иллюстрировано, каждая страница новой главы имѣетъ спеціальныя заставки, рисованныя по образцамъ тѣхъ эпохъ, къ которымъ относится повѣствованіе данной главы. Почти каждая страница заключаетъ въ себѣ тотъ или иной рисунокъ, портретъ, видъ, бытовую сцену и т. д. Изображенія всѣхъ государей представлены въ краскахъ на отдѣльныхъ листахъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы съ рѣдчайшихъ картинъ и воспроизведены съ тою точностью, каковою отличаются старинныя изображенія. Всѣ эти достоинства настоящаго изданія ставятъ его въ исключительное положеніе, благодаря чему послѣднее можетъ считаться богатымъ вкладомъ въ нашу иллюстрированную исторіографію.

Мы переименовали главнѣйшія, достойныя вниманія изданія, связанныя съ юбилеемъ дома Романовыхъ, но должны еще отмѣтить, что къ 21-го февраля сего года вышло еще немало популярныхъ брошюръ, изданныхъ для широкаго обращенія въ населеніи и дающихъ ему въ краткихъ положеніяхъ свѣдѣнія о протекшихъ трехъ вѣкахъ. Къ самому первому юбилейному дню вышла еще въ изданіи «Сельскаго Вѣстника»¹⁾ книга профессора Елчанинова подъ заглавіемъ «Царствованіе Государя Императора Николая Александровича», гдѣ имѣются чрезвычайно интересныя свѣдѣнія объ интимной жизни, привычкахъ и занятіяхъ благополучно царствующаго Государя Императора.

Если книжный рынокъ такого рода изданіями ознаменовалъ 300-лѣтній юбилей дома Романовыхъ, то наша повседневная пресса, вѣвъ завѣнности отъ политическихъ направленій органовъ печати, также дружно поддержала этотъ юбилей и дала на своихъ столбцахъ немало отдѣльныхъ статей, по преимуществу посвященныхъ моменту избранія Михаила Ѳеодоровича на русскій престоль. Любопытны были свѣдѣнія, сообщенныя съ мѣстъ первичнаго пребыванія дома Романовыхъ—Костромской губерніи, изложенныя на столбцахъ «Виржевыхъ Вѣдомостей», «Новаго Времени» и «Петербургскаго Листка». Конечно, чего-нибудь особенно новаго корреспонденціи эти не дали, но такъ или иначе онѣ подіяли завѣсу

¹⁾ Эю фирмою издано къ юбилейнымъ торжествамъ пятьдесятъ популярныхъ книжекъ и брошюръ подъ редакціей П. Н. Жуковича.

надъ нѣкоторыми сторонами сѣдой старины и воскресили въ памяти давно минувшее.

На ряду съ печатью и нѣкоторыя ученые общества посвятили знаменательному юбилею торжественныя засѣданія, гдѣ ораторы выступали съ сообщеніями, посвященными тѣмъ или инымъ сторонамъ жизни и дѣятельности предковъ царствующаго дома. Особенно торжественны были засѣданія общества ревнителей исторіи, военно-историческаго общества и археологическаго института, представителей торговли и промышленности и др., привлекшія къ себѣ блестящія аудиторіи слушателей.

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что русское общество въ разныхъ формахъ горячо откликнулось на юбилей дома Романовыхъ и матеріально и духовно постаралось подчеркнуть знаменательность юбилейнаго событія. Нижеслѣдующая справка изъ газеты «Школа и Жизнь» (1913, № 8) дастъ понятіе, какъ настоящій юбилей имѣеть отразиться, на примѣръ, на дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія: виленская городская дума возбудила ходатайство объ учрежденіи въ городѣ университета; казанская городская дума постановила учредить Романовскій коммерческій институтъ; минская городская дума ассигновала по случаю юбилея 20.000 рублей на открытіе высшаго коммерческаго института; биржевымъ комитетомъ въ помощь городу ассигновано въ ознаменованіе юбилея 30.000 рублей; костромская городская дума постановила отвести безвозмездно землю для педагогическаго института; при институтѣ предполагается устроить гимназію, двѣ школы, низшаго и повышеннаго типа, и дѣтскій садъ. Среди другихъ ходатайствъ, возбужденныхъ въ ознаменованіе юбилея, многія касаются учрежденіи средне-учебныхъ заведеній. Нижегородская городская дума постановила учредить въ Нижнемъ-Новгородѣ средній политехникумъ и наименовать его Романовскимъ. Городъ ассигновалъ изъ общественныхъ средствъ одновременно на устройство политехникума 100.000 рублей и ежегодно 10.000 рублей. Объ ассигнованіи остальной суммы возбуждается ходатайство передъ казной. Двинское земское собраніе постановило въ память юбилея открыть техническое училище, ассигновавъ на это 20.000 рублей одновременно и 2.000 рублей ежегодно. Кобринскіе городскіе уполномоченные постановили въ ознаменованіе трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ ходатайствовать объ открытіи мужской гимназіи, отвести для этой цѣли плацъ и ассигновать 15.000 рублей. Казанское татарское населеніе города въ ознаменованіе юбилея собрало 180.000 рублей на учрежденіе женской мусульманской гимназіи. Значительныя ассигнованія были отпущены городами и земствами на учрежденія по вышкольному образованію и подготовкѣ учителей. Саратовская городская дума постановила въ ознаменованіе юбилея построить домъ имени Романовыхъ для учительскаго института съ

тремя школами. Елизаветградская городская дума ассигновала 51.000 рублей на постройку народной аудиторіи, съ наименованіемъ ея Романовской. Курская городская дума постановила отпустить участокъ земли подъ постройку народнаго дома. Севастопольская городская дума постановила въ ознаменованіе юбилея построить театр. Сердобская городская дума постановила построить народный домъ имени Романовыхъ. Кишиневское губернское земское собраніе въ ознаменованіе юбилея открываетъ историко-археологическій музей, ассигновавъ на это по 300 рублей ежегодно. Красноярская городская дума постановила соорудить зданіе музея стоимостью въ 99.000 рублей. Таврическое губернское земское собраніе ассигновало 60.000 рублей на устройство историческаго музея. Самарское губернское земское собраніе ассигновало на постройку зданія для сельско-хозяйственнаго музея имени Романовыхъ 10.000 рублей. Общество села Тушны, Симбирскаго уѣзда, въ память трехсотлѣтія дома Романовыхъ постановило открыть высшую начальную школу съ педагогическими курсами при ней, ассигновавъ для этой цѣли единовременно 2.000 рублей и 1.000 рублей. Громадное большинство постановленій касается, главнымъ образомъ, учрежденія стипендій въ среднихъ, высшихъ и городскихъ школахъ. Здѣсь хотя и не отмѣчается крупныхъ ассигнованій, однако количество стипендій въ общей суммѣ достигаетъ значительной суммы. Своеобразный характеръ, по самому своему существу, носятъ многочисленныя ходатайства объ ознаменованіи юбилея освобожденіемъ отъ экзаменовъ учащихся среднихъ учебныхъ заведеній. Такія ходатайства возбудили какъ городскія думы (Тулы, Костромы, Астрахани, Ярославля, Ставрополя губернскаго и мн. друг.), такъ и сами родители.

II

Обращаясь къ самому обзорѣнію юбилейныхъ Романовскихъ торжествъ, начнемъ съ Петербурга, гдѣ было главное сосредоточіе праздничныхъ дней и куда съѣхались всѣ именитые гости и депутаціи отъ земствъ, городовъ, воинскихъ частей, въ цѣляхъ принесенія личнаго поздравленія Августѣйшему юбиляру. Ужъ за три дня въ городѣ начинало чувствоваться оживленіе и наблюдались приготовленія къ роскошной иллюминаціи, назначенной на 21—23 февраля. Наканунѣ перваго юбилейнаго дня во всѣхъ церквахъ и соборахъ служились торжественныя всенощныя и панихиды по почившихъ русскихъ царяхъ и государяхъ. Особенно торжественны были богослуженія въ царской усыпальницѣ въ Петропавловскомъ соборѣ. Совершены заукойныя литургія и панихиды по въ Бозѣ почивающихъ родителей перваго царя изъ дома Романовыхъ, блаженнѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ и инокинѣ Марѣѣ, по царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ, Ѳеодорѣ Алексѣе-

вичѣ, Іоаннѣ Алексѣевичѣ, по императорахъ и императрицахъ Петрѣ I, Екатеринѣ I, Петрѣ II, Аннѣ Іоанновнѣ, Елизаветѣ Петровнѣ, Петрѣ III, Екатеринѣ II; Павлѣ I, Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II и Александрѣ III и всѣхъ отъ рода царей и великихъ князей російскихъ изъ дома Романовыхъ представившихся.

Въ три часа прибыли Ихъ Величества Государь Императоръ съ августѣйшими дочерьми великими княжнами Ольгою и Татьяною Николаевнами и государыня императрица Марія Теодоровна.

Ихъ Величества встрѣтилъ въ комнатѣ предъ соборомъ настоятель храма, митрофорный протоіерей Дерновъ съ ключаремъ о. Величовымъ и ктиторомъ собора, полковникомъ Веревкинѣмъ.

Настоятель держалъ въ рукахъ Теодоровскую икону, въ даръ Императорской четѣ.

Другую икону свв. апостоловъ Петра и Павла поднесъ настоятель Ея Величеству.

Икона свв. апостоловъ поднесена также великой княгинѣ Маріи Павловнѣ. При поднесеніи иконъ священнослужители произнесли соответствующія рѣчи.

Ихъ Величества, приложившись къ поднесеннымъ иконамъ, вошли въ соборъ съ августѣйшими особами.

Сонмъ духовенства во главѣ съ блаженнѣйшимъ Григоріемъ, патріархомъ антиохійскимъ и всего Востока, и митрополитами вышелъ въ серебрѣ облаченій навстрѣчу Ихъ Величествамъ съ крестомъ и св. водою.

Архіереи стали въ рядъ передъ помпальнымъ столикомъ съ св. распятіемъ. По срединѣ патріархъ, по сторонамъ его все прочіе владыки: митрополиты: с.-петербургскій—Владимиръ, кіевскій—Флавіанъ, сербскій, трапезундскій (прибывшій съ патріархомъ)—Александръ, архіепископы: Антоній вольнскій, Сергій финляндскій, Николай варшавскій, Евсеій владивостокскій, епископы: Михаилъ гродненскій, Агапихъ екатеринославскій, Владимиръ омскій и Никонъ вологодскій. Въ числѣ сослужащихъ были протопресвитеры придворнаго духовенства Благовѣщенскій, военнаго и морскаго—Шавельскій, духовникъ Ихъ Величествъ Кедринскій, настоятель собора Дерновъ и другіе.

Со свѣчами въ рукахъ подъ трогательное пѣніе придворной капеллы молился наполнявшій храмъ сонмъ сановниковъ и служилыхъ людей за русскихъ царей, теперь почившихъ, но при жизни своей возрадившихъ и слотившихъ Россію въ великую имперію.

Протоіакопъ возглашалъ имъ вѣчную память. Все преклонили колѣна.

Въ этотъ же день состоялось торжественное засѣданіе общаго собранія сенаторовъ, на которомъ былъ прочитанъ первоприсутствующимъ сенаторомъ В. А. Желиховскимъ адресъ, подносимый Государю въ день пріема депутаціи въ Зимнемъ дворцѣ.

Адресъ написанъ старинной церковной каллиграфіею. На верху адреса изображена вышетка, состоящая изъ герба дома Романовыхъ, дракона со щитомъ, и изображенія перваго царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Внизу оставлено мѣсто для подписей сенаторовъ. Самый текстъ адреса написанъ на сафьяновомъ бѣломъ атласѣ и заключенъ въ папку того же атласа голубого цвѣта, на папкѣ наверху изображенъ знакъ закона съ короной.

20-го же февраля состоялось открытіе VI съѣзда монархическихъ организаций, созваннаго въ ознаменованіе юбилейныхъ торжествъ.

Въ первый юбилейный день, выпадавшій на четвергъ масленицы, рано утромъ населеніе было оповѣщено пушечными выстрѣлами о наступленіи торжествъ. Вышедшія утреннія газеты сообщили нижеслѣдующій высочайшій манифестъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Волею Всевышняго, три вѣка тому назадъ, пресѣкъся царственный родъ Рюриковичей—основателей и собирателей Русской земли. Тяжкія невзгоды обрушились на наше отечество: безначаліе и смута обуяли Русь; иноземные недруги вторглись въ ея предѣлы; первопрестольная Москва съ ея святынями стала добычею врага. Но на краю величайшей опасности, угрожавшей Россіи, Господь Всемогушій не оставилъ ее Своею великою милостію.

По призыву крѣпкихъ духомъ русскихъ людей, сплотившихся подъ сѣнью Троице-Сергіевской лавры, воспрянулъ русскій народъ на защиту родины и, съ помощью Божіею, одолѣвъ врага, освободилъ Москву отъ непріятельскаго засилія. Созванный затѣмъ великій земскій соборъ въ 21 день февраля 1613 года единодушно избралъ на царство боярина Михаила Ѳеодоровича Романова, ближайшаго по крови къ угасшему царственному роду Рюрика и Владимира Святого. Послѣ глубокаго раздумья и горячей молитвы юный предокъ Нашъ, съ благословенія матери своей, инокини Марыи, принялъ на себя тяжкое бремя царственного служенія.

Съ той поры и доселѣ Десница Божія охраняла и возвеличивала Нашу Державу,

Совокупными трудами вѣщественныхъ предшественниковъ нашихъ на престолѣ руссійскомъ и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи

созидалось и крѣпло Русское государство. Неоднократно подвергалось наше отечество испытаніямъ, но народъ русскій, твердый въ вѣрѣ православной и сильный горячею любовью къ родинѣ и самоотверженною преданностью своимъ государямъ, преодолевалъ невзгоды и выходилъ изъ нихъ обновленнымъ и окрѣпшимъ. Тѣсныя предѣлы Московской Руси раздвинулись, и имперія Россійская стала нынѣ въ ряду первыхъ державъ міра.

Въ неизмѣнномъ единеніи съ возлюбленнымъ народомъ Нашимъ, уповаемъ Мы и впредь вести государство по пути мирнаго устроенія жизни народнои.

Объемля взоромъ минувшія три столѣтія, Мы видимъ на всемъ ихъ протяженіи высокіе подвиги лучшихъ сыновъ Россіи, не падшихъ для нея ни трудовъ, ни достоянія, ни самой жизни своей. Да пребудеть память о нихъ навсегда священной въ лѣтописяхъ родной земли. И въ сей торжественный день всенароднаго празднованія трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ Намъ отрадно съ признательнымъ умиленіемъ остановить вниманіе Наше на заслугахъ передъ Россією сподвижниковъ ея царей и всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ ихъ.

Велики заслуги святителей и пастырей церкви православной, озарившихъ Русь свѣтомъ истинной вѣры и прославившихъ ее подвигами благочестія и христіанской любви.

Благородное дворянство руссійское кровью своею запечатлѣло преданность родинѣ и въ трудахъ государственнаго устроенія неизмѣнно подавало высокій примѣръ гражданской доблести, особливо въ памятную годину освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ сіяніи славы и величія выступаетъ образъ русскаго воина, защитника вѣры, престола и отечества. Беззавтѣное мужество и непоколебимая преданность своему долгу христіанскаго воинства руссійскаго отстояли Русь отъ непріятели и нынѣ служатъ крѣпкимъ щитомъ ея отъ вражескаго нашествія.

Много упорнаго и честнаго труда вложено въ дѣло устроенія государства и преданными Намъ служилыми людьми, безъ различія званій и положеній.

Въ области наукъ, словесности и искусствъ выдающіеся русскіе люди стяжали себѣ почетныя имена, и труды ихъ, привлечшіе вниманіе всего міра, получили высокую оцѣнку не только въ отечествѣ Нашемъ, но и далеко за его предѣлами.

На мирномъ поприщѣ сельскаго хозяйства, торговли и промышленности выдвинулись русскіе люди настойчиваго труда и широкаго почина, созидавшіе дружными усиліями хозяйственную мощь Россіи.

Неизмѣримы и несчетны заслуги передъ Россією десятковъ милліоновъ ея пахарей, терпѣніемъ и трудомъ коихъ благоустроится

земледѣльческій промыселъ и умножаются основные источники народнаго богатства.

Благодарно вспоминая всѣхъ потрудившихся на благо родины, призываемъ нынѣ, на рубежѣ четвертаго столѣтія царствованія дома Романовыхъ, всѣхъ вѣрноподданныхъ Нашихъ вознести вмѣстѣ съ Нами молитвы Всевышнему объ упокоеніи Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ и всѣхъ тѣхъ, кому стечество Наше обязано своимъ могуществомъ и величіемъ.

Благоговѣйная память о подвигахъ почившихъ да послужить завѣтомъ для поколѣній грядущихъ и да объединитъ вокругъ престола Нашего всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ для новыхъ трудовъ и подвиговъ на славу и благоденствіе Россіи.

Желая достойно ознаменовать нынѣшній торжественный день и увѣковѣчить его въ памяти народной, признали Мы за благо даровать милости подданнымъ Нашимъ, о чемъ повелѣли правительствующему сенату указомъ, сего числа даннымъ, объявить всенародно.

Да не оскудѣтъ благословеніе Божіе, на Насъ и любезныхъ подданныхъ Нашихъ пребывающее. Да укрѣпитъ и возвеличитъ Господь Вседержитель Русскую землю и да подастъ Намъ силу высоко и твердо держать издревле славный стягъ отечества.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцать первый день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ тринадцатое, царствованія же Нашего въ девятнадцатое.

На подлинномъ Собственною Ею Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

За этимъ манифестомъ слѣдовалъ именной высочайшій указъ правительствующему сенату, гдѣ были изложены тѣ высочайшія милости, коими Государю Императору благоугодно было ознаменовать трехсотлѣтіе дома Романовыхъ. Въ числѣ этихъ милостей главнѣйшее мѣсто должно быть отведено учрежденію комитета для призрѣнія сиротъ, образованіе за счетъ запаснаго капитала дворянскаго банка фонда въ десять милліоновъ рублей, образованіе особаго меліорационнаго капитала въ пятьдесятъ милліоновъ рублей и другихъ. Этотъ указъ внесъ облегченіе въ участь многихъ, пострадавшихъ между прочимъ по политическимъ дѣламъ, благодаря чему нынѣ нѣкоторые изъ числа писательской семьи получили возможность вернуться изъ мѣстъ заточеній, ссылки, а также возврата на родину изъ эмиграціи.

Вмѣстѣ съ манифестомъ и именнымъ высочайшимъ указомъ сенату былъ опубликованъ именной высочайшій указъ святѣйшему правительствующему синоду, гдѣ мы читаемъ:

«Русскій народъ на самой зарѣ своего государственнаго бытія имѣлъ особую милость Божію воспріять отъ Византіи въ неповре-

жденной чистотѣ святую православную вѣру Христову, которая принесла ему съ собою и начало истиннаго просвѣщенія. Первыми памятниками русской письменности были переводы Св. Писанія и богослужебныхъ, свято-отеческихъ и иныхъ церковныхъ книгъ— плоды трудовъ св. первоучителей словенскихъ и ихъ учениковъ и продолжателей. Первою русскою школою была церковная школа, приготовлявшая русскихъ людей къ совершенію и слушанію церковнаго богослуженія. Подъ благотворнымъ вліяніемъ церковнаго книжнаго просвѣщенія образовалась русская народная душа, сложилась и возросла Наша великая родина.

«Съ теченіемъ времени, неизмѣннымъ попеченіемъ вѣщеносныхъ вождей русской земли, дружными усиліями церковныхъ и государственныхъ дѣятелей духовное наслѣдіе, принятое отъ вселенской церкви, принесло обильный плодъ. Немногочисленные въ началѣ школы, открывавшіяся при монастыряхъ, архіерейскихъ домахъ и церквахъ, постоянно умножались и, наконецъ, при царствованіи дома Романовыхъ, разрослись въ цѣлую планомѣрно устроенную сеть духовно-учебныхъ заведеній, съ четырьмя духовными академіями во главѣ. Изъ сѣтъъ духовныхъ школъ вышли сонмы высокопросвѣщенныхъ іерарховъ, убѣжденныхъ пастырей церкви, опытныхъ наставниковъ и иныхъ полезныхъ церкви и родинѣ работниковъ на церковно-народной нивѣ. Труды питомцевъ духовной школы переведены на русскій языкъ Св. Писаніе, творенія святыхъ отцовъ и другіе памятники церковной письменности и создана богатая богословская литература, пользующаяся заслуженнымъ уваженіемъ не только на православномъ Востокѣ, но и у инославныхъ.

«Въ настоящій знаменательный день исполнившагося трехсотлѣтія царствованія императорскаго россійскаго дома Романовыхъ, желая отмѣтить историческія заслуги духовной школы предъ церковью и родиной, Мы признали за благо даровать высшимъ разсадникамъ духовнаго просвѣщенія—духовнымъ академіямъ: кіевской, московской, с.-петербургской и казанской именованіе «Императорскихъ», въ твердомъ упованіи, что духовная школа, въ этомъ знакѣ Нашею Моноаршаго къ ней благоволенія, найдетъ для себя источникъ новыхъ силъ и воодушевленія къ неуклонному служенію ей великой задачѣ: давать родной церкви и родинѣ просвѣщенныхъ и убѣжденныхъ пастырей, всему же христіанскому міру—строго православную, вѣрную незыблемымъ основамъ и вѣчнымъ завѣтамъ вселенской церкви самостоятельную русскую богословскую науку».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«НИКОЛАЙ».

Также опубликованъ былъ рядъ высочайшихъ рескриптовъ и списокъ наградъ, дарованныхъ разнымъ представителямъ нашего служилого сословія.

III.

По даннымъ столичнаго репортажа («Биржевыя Вѣдомости» отъ 22-го февраля) день 21-го февраля протекъ въ слѣдующемъ порядкѣ и при слѣдующей декоративной обстановкѣ улицъ и площадей города.

Оббитый милліонами аршинъ декоративныхъ тканей, расцвѣченный десятками тысячъ флаговъ и гирляндъ, проснулся утромъ Петербургъ. Впрочемъ, во многихъ мѣстахъ улицы и не засыпали. Всю ночь шли работы по убранству, стучали молотки обойщиковъ и декораторовъ, торонившихся закончить свои сложныя сооруженія, вешивали пробныя огоньки электрической иллюминаціи, и только подъ самое утро закончилась снѣжная, лихорадочная работа всей послѣдней педѣли. Многоцвѣтнѣй, разнообразнѣй, мѣстами ярко-пестрый, мѣстами строгій и стильный нарядъ превратилъ даже скучныя, сѣрыя петербургскія улицы въ море цвѣтнстыхъ красокъ и придалъ имъ ликующій, праздничный видъ.

Центромъ декоративнаго убранства явился Невскій проспектъ. Начиная съ угла Морской, — мѣста, мимо котораго должна была протѣкать торжественная процессія, — картина улицы была особенно эффектна. На небольшомъ участкѣ Морской, отъ арки главнаго штаба до Невского выдѣлялся своимъ убранствомъ дома Азовско-Донскаго банка и графа Шереметева. Домъ Азовскаго банка былъ убранъ со вкусомъ и изяществомъ. Изъ просвѣтовъ между высокими колоннами висѣли пунцовыя, расшитыя вензелями и гербами ковры, а на балконахъ, на фонѣ кремовыхъ драпировокъ, висѣли бюсты Государя и Государыни. Домъ графа Шереметева утопалъ въ зелени хвойныхъ гирляндъ, перелетавшихся съ краснымъ сукномъ. Красивы также большіе транспаранты, изображающіе гербъ дома Романовыхъ, грифъ съ мечомъ въ лапѣ и бармы Мономаха. Въ дальнѣйшемъ протяженіи Невскаго вниманіе публики останавливается на убранствѣ Полицейскаго моста. Певысокія массивныя колонны, поставленныя по угламъ моста, заканчивались жертвенниками-трепожниками, между ними висѣли мачты съ орифламами.

Строгимъ стилемъ отличались также декораціи на домѣ голландской церкви. Драпировки здѣсь выдержаны въ томъ же тонѣ, что и окраска стараго зданія. Подъ большимъ орломъ, раскинувшимъ свои крылья на золотомъ нарчевомъ полѣ, стояли бюсты Государя, Государыни и царя Михаила Ѳеодоровича. Пальмы и зеленыя гирлянды обрамляли декорацію, эффектно выдѣляя

ее на пестромъ фонѣ трехцвѣтныхъ флаговъ и заурядныхъ украшеній сосѣднихъ магазиновъ.

Площадь Казанскаго собора была почти пуста, лишь по срединѣ ея высился небольшой убранный бронзовыми орлами помостъ, прикрывающій фонтанъ. Надъ главнымъ входомъ въ соборъ раскинуть былъ шатерь, а въ двухъ конечныхъ пунктахъ цвѣтника воздвигнуты громадныя мачты, съ которыхъ ниспадали красивыя орифламы. Дома напротивъ собора убраны были гирляндами цвѣтовъ и яркими сукнами. Отъ Казанскаго собора гигантской аркадой начиналась декорація, сооруженная городомъ. Высокія колонны точно уходили въ небо, и громадныя золотисто-оранжевыя флаги рядомъ съ ними казались точно игрушечными. Вся эта часть убранства такъ же, какъ и декорація угловаго дома, выдержана была въ одномъ стилѣ александровскаго ампира.

Гостинный дворъ сосредоточилъ главное вниманіе на убранствѣ центральнаго вѣзда. Фасады магазиновъ расцвѣчены драпировками и увѣшаны гирляндами зелени съ бумажными цвѣточками, еще съ утра успѣвшими размокнуть. Зато главный порталъ былъ очень красивъ; онъ весь обтянутъ былъ золотой парчой съ вышитыми по ней черными орлами, въ глубинѣ—Романовскій гербъ. Красиво убраны также малиновыми драпировками ворота армянской церкви. По Садовой улицѣ большинство магазиновъ декорированы трафаретными флагами и кумачевыми полосами. Очень красива ограда государственнаго банка. Сѣрый гранитъ рѣшетки обвить темной зеленью, среди которой размѣщены барельефы темной бронзы, съ вензелями всѣхъ государей, начиная съ Петра Великаго. Надъ главными воротами—колоссальная корона изъ граненаго стекла; вечеромъ внутри ея горѣли электрическія лампочки.

Красива Морская улица, одна сторона которой была сплошь унижена безконечной гирляндой матовыхъ лампѣоновъ. Эффектнымъ окончаніемъ этой декораціи являлись, съ одной стороны, необыкновенно изящный, легкій и стильный павильонъ противъ Исаакіевскаго собора, а съ другой—болѣе тяжелое, но также очень эффектное убранство Поцѣлуева моста и казармъ гвардейскаго экипажа, украшенныхъ огромными якорями и прочими морскими атрибутами. Маріинскій театръ занялся, главнымъ образомъ, иллюминаціей. Надъ фронтономъ его распростеръ свои крылья гигантскій Александровскій орелъ. Рядомъ съ нимъ развѣшаны были огромныя вензеля царскаго имени. На боковыхъ подвѣздахъ театра очень красивы золотыя гирлянды, съ верху которыхъ возвышались короны, сдѣланныя изъ хрустальныхъ подвѣсокъ. При огняхъ иллюминаціи короны казались брилльянтовыми.

Въ очень многихъ домахъ, по путямъ высочайшаго слѣдованія, выставлены были статуи и бюсты Государя Императора, наслѣдника цесаревича и Государынь Императрицъ. Во многихъ мѣстахъ

воздвигнуты красивые жертвенники, украшенные цвѣтами и гирляндами.

Тысячи гигантскихъ орифламовъ съ золотыми коронами и андреевскими лентами медленно покачивались и разстилались передъ глазами публики съ золотыми инициалами Государя Императора Николая II. Почти вездѣ были видны декорированныя электрическими лампочками надписи: «Боже, Царя храни», «Славься, нашъ русскій Царь!», «Царствуй на страхъ врагамъ!» Въ разныхъ мѣстахъ довольно эффектно зрѣлище представляли собою гобелены съ вышитыми шелкомъ коронами, буквами «Р» и юбилейными цифрами «300».

Всего, по самому скромному подсчету, на путяхъ высочайшаго слѣдованія сооружено было до шестисотъ колоннъ и мачтъ. Щиты, транспаранты, вензеля и гербы пачислялись тысячами, флаги — десятками тысячъ.

Съ семи часовъ утра на Невскомъ проспектѣ жизнь была уже полнымъ ключомъ. Тысячная толпа народа устремились къ Александро-Невской лаврѣ и на уголь Невского и Владимирскаго проспектовъ для встрѣчи крестныхъ ходовъ: первый путь изъ лавры, а второй — съ чудотворною иконою Почаевской Божіей Матери. Первый крестный ходъ возглавлялъ преосвященный Анатолій, епископъ елизаветградскій, второй, слѣдовавшій къ Невскому проспекту для слиянія съ первымъ, Антоній, архіепископъ жиитомирскій и вольинскій. Почти одновременно съ этими крестными ходами въ Казанскій соборъ прибылъ третій крестный ходъ изъ Петропавловскаго собора съ чудотворною иконою Спаса Нерукотвореннаго и съ иконою святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Съ крестнымъ ходомъ изъ Александро-Невской лавры слѣдовала икона св. благовѣрнаго князя Александра Невского.

По прибытіи крестныхъ ходовъ къ Казанскому собору высокопреосвященный Владимиръ, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій, у входныхъ вратъ со ступеней собора благословлялъ паломниковъ иконами Христа Спасителя и Богоматери. Послѣ этого Нерукотворенный образъ Спасителя и икона Почаевской Божіей Матери были внесены въ главный алтарь собора, а другія иконы — въ его лѣвый алтарь. Хоругви размѣстились въ колоннадахъ собора.

Не было еще десяти часовъ утра, какъ изъ лавры съѣхалось въ Казанскій соборъ высшее духовенство. Прибыли въ алтарь: его святѣйшество патріархъ антиохійскій, высокопреосвященный Владимиръ, митрополитъ петербургскій и ладожскій, высокопреосвященные Флавіанъ, митрополитъ кіевскій и галицкій, Димитрій, митрополитъ бѣлградскій, Александръ, митрополитъ триполійскій, архіепископы и члены святѣйшаго синода.

Для участія въ совершеніи божественной литургии въ Казанскомъ соборѣ, кромѣ архипастырей, членовъ святѣйшаго синода,

были назначены отъ бѣлаго столичнаго духовенства: военный протопресвитеръ Шавельскій, духовникъ ихъ величествъ протоіерей Кедринскій, настоятели Исаакіевскаго и Казанскаго соборовъ, придворный протопресвитеръ Благовѣщенскій, митрофорные протоіереи Бѣликовъ, Ставровскій, Кодратовъ, Голубевъ, Дерновъ, Смирягинъ, Вѣтвѣницкій и другіе представители духовенства.

Въ соборъ начали прибывать именитые гости, высшіе чины государства и представители пріѣхавшихъ на юбилейныя торжества депутацій.

Всѣ высокопоставленныя лица занимали мѣста по указанію представителей церемоніальной части. Дамы были въ городскіхъ платьяхъ, кавалеры—въ парадной формѣ.

Въ одиннадцать часовъ утра началась божественная литургія, которую совершалъ высокопреосвященный Владимиръ, митрополитъ петербургскій и ладожскій. Пѣли придворные пѣвчіе. Во время богослуженія въ соборъ прибыли ихъ императорскія высочества великія княгини Марія Александровна герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская, Марія Павловна, Елизавета Ѳеодоровна, Анастасія Николаевна, Милица Николаевна, Ксенія Александровна, Ольга Александровна, княжны Марина Петровна, Ирина Александровна, княжна Елена Георгіевна Романовская герцогиня Лейхтенбергская, великіе князья Борисъ Владимировичъ, Павелъ Александровичъ, Дмитрій Павловичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Петръ Николаевичъ, Николай Михайловичъ, Георгій Михайловичъ, Александръ Михайловичъ, Сергій Михайловичъ, князья Иоаннъ Константиновичъ, Гавріилъ Константиновичъ, Константинъ Константиновичъ, князья Александръ Георгіевичъ и Сергій Георгіевичъ Романовскіе герцоги Лейхтенбергскіе, принцы Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе и герцогъ Михайлъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій.

Въ первомъ часу дня изъ Зимняго Дворца выѣхали Ихъ Величества. При выѣздѣ восторженное «ура» какъ началось, такъ и не смолкало по всему пути. Впереди высочайшаго поѣзда слѣдовала сотня собственнаго Его Величества конвоя въ красныхъ черкескахъ. Въ открытомъ экипажѣ слѣдовали Государь Императоръ съ наследникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Николаевичемъ. За ними въ парадной каретѣ слѣдовали Государыни Императрицы Марія Ѳеодоровна и Александра Ѳеодоровна. Во второй каретѣ слѣдовали великія княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Марія Николаевна и Анастасія Николаевна. Поѣздъ замыкала сотня собственнаго Его Величества конвоя.

Ихъ Величества сопровождали дежурство, которое несли въ этотъ день генераль-адъютантъ графъ Татищевъ, свиты Его Величества генераль-майоръ графъ Шереметевъ и флигель-адъютантъ князь Долгорукій, командиръ гвардейскаго корпуса генераль-

лейтенантъ Безобразовъ и другія начальствующія лица. По всему пути хоры музыки играли «Боже, Царя храни».

При входѣ въ соборъ Ихъ Величества встрѣтилъ оберъ-штабмейстеръ генераль-адъютантъ Гринвальдъ, а затѣмъ временно командующій императорской главной квартирой генераль-адъютантъ Максимовичъ и временно управляющій дѣлами министерства императорскаго двора генераль-адъютантъ князь Кочубей.

Въ соборѣ Ихъ Величества встрѣтило высшее духовенство.

Ихъ Величества приложились къ кресту и приняли окропленіе, послѣ чего съ ихъ высочествами прослѣдовали въ соборъ, гдѣ заняли свои мѣста. Протодіаконъ прочелъ высочайшій манифестъ.

Въ молебствіи участвовало все духовенство во главѣ съ его святѣйшествомъ патріархомъ антиохійскимъ и высокопреосвященнымъ Владимиромъ, митрополитомъ петербургскимъ и ладожскимъ, двумя серебряными лентами протянувшееся отъ алтаря до архіерейской кафедры.

На молебствіи была прочитана колѣнопреклоненно молитва за царя. При пѣніи «Многая лѣта» былъ поданъ сигналъ. Съ Петропавловской крѣпости раздался салютъ, войска отдали честь, и во всѣхъ церквахъ полился колокольный звонъ. Послѣ молебствія Ихъ Величества въ томъ же церемоніальномъ порядкѣ отбыли въ Зимній Его Величества дворецъ. Едва показались экипажи съ Ихъ Величествами, восторженное громовое «ура» понеслось отовсюду. Тысячи народа встрѣчали царскую семью. «Ура» висѣло въ воздухѣ. Музыка играла «Боже, Царя храни». Весь народъ стоялъ съ обнаженными головами. При громкомъ «ура» Ихъ Величества съ августѣйшими дѣтьми прибыли въ Зимній дворецъ.

IV.

Днемъ Его Императорское Величество принималъ поздравленія высшихъ чиновъ имперіи.

Къ тремъ часамъ дня всѣ прибывшія особы заняли мѣста въ Концертномъ залѣ. Первыми отъ входа стали высшіе представители духовной іерархіи, во главѣ съ высокопреосвященнымъ Владимиромъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ и ладожскимъ, рядомъ— высшія духовныя особы инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, кавалеры ордена св. апостола Андрея Первозваннаго, члены совѣта министровъ во главѣ съ предсѣдателемъ, статсъ-секретаремъ Коковцовымъ, члены государственнаго совѣта во главѣ съ предсѣдателемъ его, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Акимовымъ, члены государственной думы, удостоившіеся представленія Его Императорскому Величеству, во главѣ съ предсѣдателемъ, въ званіи камергера Родзинкомъ, правительствующій сенатъ, главноуправляющіе, министръ статсъ-секретаръ великаго княжества Финляндскаго,

генераль-лейтенантъ баронъ Лангофъ и государственный секретарь Крыжановскій, опекунскій совѣтъ, лица свиты Его Императорскаго Величества и состоящіе при великихъ князьяхъ генералы и адъютанты ихъ императорскихъ высочествъ, члены военного совѣта, адмиралтействъ-совѣта, Александровскаго комитета о раненыхъ, генералы и адмиралы, начальники отдѣльныхъ частей расположенныхъ въ столицѣ и окрестностяхъ войскъ и старшіе надъ ними начальники, военныя депутаціи, вторые чины высочайшаго двора, придворные кавалеры и члены комитета для устройства празднованія 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ, во главѣ съ предсѣдателемъ его, статсъ-секретаремъ Булыгинымъ. Около четырехъ часовъ пополудни Ихъ Императорскимъ Величествомъ принесли поздравленія въ Малахитовой гостиной: его блаженство патріархъ антиохійскій Григорій, высокопреосвященный Дмитрій, митрополитъ Сербіи, архіепископъ бѣлградскій, ихъ высочества Сеидъ-Миръ-Алимъ, эмиръ бухарскій, и Сеидъ-Асфендіаръ-Богадуръ, ханъ хивинскій, и монгольская миссія во главѣ съ чрезвычайнымъ посланникомъ—министромъ иностранныхъ дѣлъ ханомъ Эрдени-Дайчинъ-Цинъ-ванъ-Хандо-Дорджи. Въ четыре часа пополудни въ Концертный залъ изволили выйти Ихъ Императорскія Величества съ наслѣдникомъ и августѣйшими дочерьми и всѣ особы императорской фамиліи. Въ залѣ же находились: гофмейстерина Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны статсъ-дама Нарышкина, камеръ-фрейлина графиня Голенищева-Кутузова, свитныя фрейлины Государынь Императрицъ и великихъ княгинь, а также временноуправляющій министерствомъ императорскаго двора генераль-адъютантъ князь Кочубей, временно-командующій главной квартирой генераль-адъютантъ Максимовичъ, состоящій при Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ оберъ-гофмейстеръ князь Шервашидзе и дежурство: генераль-адъютантъ графъ Тагичевъ, свиты Его Величества генераль-майоръ графъ Шереметевъ и флигель-адъютантъ князь Долгорукій. Государь Императоръ и наслѣдникъ цесаревичъ были въ формѣ стрѣлковъ императорской фамиліи и въ андреевскихъ лентахъ, въ каковыхъ были и Государыни Императрицы Марія Ѳеодоровна и Александра Ѳеодоровна. Ихъ Величества были въ русскихъ платьяхъ.

Первыми Государю Императору и Государынямъ Императрицамъ здѣсь имѣли счастье принести поздравленія высокопреосвященные митрополиты Владимиръ с.-петербургскій и ладожскій, Александръ триполійскій и Флавіанъ кіевскій и галицкій съ членами святѣйшаго синода и высшимъ придворнымъ и столичнымъ духовенствомъ. Первоприсутствующій владыка обратился къ Государю Императору съ краткимъ привѣтствіемъ и передалъ отъ имени святѣйшаго синода Его Императорскому Величеству икону Знаме-

ція Божіей Матери и нижеслѣдующую благословенную грамоту святѣйшаго епипода.

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Самодержецъ Всероссійскій.

«Нынѣ день свѣтлой радости; нынѣ Ты радуешься о Господѣ, благодѣющемъ Царстvenному Роду Твоему; нынѣ сыны Россіи радуются о Тебѣ, яко боговѣнчанномъ Царѣ своемъ, достойной отрасли благословеннаго дома Романовыхъ.

«Триста лѣтъ протекло съ того вѣчно незабвеннаго дня, когда воля Божія дивно сказала, послѣ трехдневнаго всенароднаго поста и молитвы, въ призваніи соборномъ всей Русской земли юнаго, смиреннаго сердцемъ боярина Михаила Феодоровича Романова на царскій престоль.— когда сей юный избранникъ по сердцу Божію, не дерзая противиться сей волѣ Божіей, смиренно склонилъ свою главу къ подножію чудотворной иконы Владычницы міра въ монастырѣ Ипатьевскомъ и изрекъ свое историческое: «буди тако»,—когда и его мудрая мать, великая старица инокиня Марѣа Іоанновна, вручая своего единственнаго сына-любимца ея заступленію и покрову, сказала: «въ Твои пречистыя руцѣ предаю чадо мое: устрой ему полезная, а съ нимъ и всему роду христіанскому».

«Триста лѣтъ прошло съ того времени, и сколько великихъ благодѣяній народу русскому излилось чрезъ боговѣнчаныхъ предковъ Твоихъ, благочестивѣйшій Государь! Какъ горячо любили они церковь православную! Какими вѣрными чадами ея были они! Въ какомъ тѣсномъ союзѣ любви пребывали съ нею, а чрезъ нихъ и все государство Россійское!

«Свѣтлою чредою проходятъ предъ нами славныя имена и великія дѣянія ихъ на протяженіи трехъ минувшихъ вѣковъ. Не намъ, смиреннымъ служителямъ церкви, исчислять всѣ сіи дѣянія: пусть повѣдаетъ о нихъ благодарному народу безпристрастная учительница народовъ—исторія. Но мы не можемъ умолчать о томъ, что содѣлали они для вѣры православной, для церкви Христовой. Всегда являлись они защитниками и покровителями православія не только въ предѣлахъ своей родной Россіи, но и на всемъ Востокѣ: имъ обязаны и греки, и славяне тою свободою, какою они нынѣ пользуются и какую они получили яко собратія наши по вѣрѣ православной. Царски-отеческому попеченію нашихъ благочестивѣйшихъ самодержцевъ многіе инородцы въ далекой Сибири обязаны своимъ обращеніемъ къ вѣрѣ православной; ихъ заботами благоукрѣпилась русская земля храмами Божіими и святыми обителями; при ихъ благочестивомъ усердіи прославлялись мощи святыхъ угодниковъ Божіихъ, распространялось духовное просвѣщеніе и воспитывались дѣти народа въ духѣ и завѣтахъ церкви православной. Царское служеніе боговѣнчаныхъ царей нашихъ изъ благословеннаго дома Романовыхъ было великимъ подвигомъ любви къ родному народу и къ родной матери-церкви за послушаніе единому Богу. Благодать Божія, снисходившая на ихъ вѣнчанія главы въ таинствѣ священнаго миропомазанія, и непоколебимая вѣра къ родной Церкви одушевляли ихъ и давали имъ силы къ несенію ихъ тяжкаго царственнаго креста. Таковъ крестъ несешь и Ты, возлюбленный Государь нашъ. И Ты не разъ засвидѣтельствовалъ предъ лицомъ народа Твоего, что только въ единеніи съ церковью все благо народа, только въ православіи—спасеніе народности нашей, только въ неразрывномъ союзѣ церкви съ государствомъ сила и мощь Руси родной.

«Вспоминая нынѣ предъ Тобою, благочестивѣйшій Государь, всѣ сіи благодѣянія, явленныя Богомъ въ продолженіе трехъ вѣковъ народу

русскому и церкви православной чрезъ боговѣчныхъ предковъ Твоихъ и привѣтствуя въ лицѣ Твоемъ весь царственный родъ Твой со вступленіемъ въ четвертое столѣтіе царственного служенія Руси православной, святѣйшей правительствующей синодъ, яко высшая власть церковная, повергаетъ къ стопамъ Твоимъ, отъ лица многомилліонныхъ чадъ церкви, чувства безпредѣльной преданности и приноситъ Тебѣ святую икону Знаменія Божіей Матери. Прими ее яко священный даръ любви къ Тебѣ матери-церкви, яко знаменіе ея благословенія и пламенныхъ молитвъ, да дасть Тебѣ Господь вся по сердцу Твоему, да исполнитъ Онъ во благо всякое прошеніе Твое, да подастъ царствующему дому Романовыхъ благоденственное, мирное и славное царствованіе на многіе вѣки, во славу церкви православной и во благо народа Твоего. Буди, буди!

«Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе:

«*Владимиръ*, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій,
 «*Флавіанъ*, митрополитъ кievскій и галицкій,
 «*Макарій*, митрополитъ московскій и коломенскій,
 «*Сергій*, архіепископъ финляндскій и выборгскій,
 «*Антоній*, архіепископъ волынскій и житомирскій,
 «*Евсевій*, архіепископъ владивостокскій и камчатскій,
 «*Михаилъ*, архіепископъ гродненскій и брестскій,
 «*Никонъ*, епископъ бывшій вологодскій и тотемскій,
 «*Агапитъ*, епископъ екатеринославскій и маріупольскій,
 «*Владимиръ*, епископъ омскій и павлодарскій».

По принесеніи поздравленій отъ высшихъ духовныхъ особъ православнохъ христіанскихъ исповѣданій, кавалеровъ ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго, членовъ государственнаго совѣта Зиновьева, Семенова-Тянь-Шанскаго и Куломзина, Ихъ Величествамъ принесли всеподданнѣйшія поздравленія предсѣдатель и члены совѣта министровъ и предсѣдатель и члены государственнаго совѣта. Предсѣдатель государственнаго совѣта, обратившись къ Государю Императору съ привѣтствіемъ, передалъ Его Императорскому Величеству отъ государственнаго совѣта икону.

Затѣмъ всеподданнѣйшее поздравленіе Государю Императору и Государынямъ Императрицамъ имѣли счастье принести предсѣдатель и члены государственной думы. Въ званіи камергера Высочайшаго двора Родзянко обратился къ Его Величеству съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

«Ваше Императорское Величество.

«Тому назадъ три вѣка, когда казалось, что Русскому царству насталь конецъ, величіемъ небснаго Промысла и Божіимъ благословеніемъ былъ призванъ на царство единоклюннымъ голосомъ народа державный предокъ Вашъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Вдохновенный единеніемъ со своимъ вѣнценоснымъ вождемъ подъ сѣнію святой православной церкви, русскій народъ грудью защитилъ родную землю отъ дерзновенныхъ на нее вражыхъ посягательствъ. Великъ тогда былъ царскій подвигъ, великъ и сегодняшній торжественный день. Три вѣка славнаго царствованія благословеннаго дома Романовыхъ свидѣтельствуютъ, что подъ твердымъ скипетромъ державныхъ преемниковъ перваго царя нынѣ цар-

ствующаго дома святая Русь стойко пережила всѣ посылаемыя ей испытанія, росла, крѣпла, ширилась и достигла современнаго своего величія.

«Любвеобильное сердце русскихъ царей всегда радостно билось радостямъ и успѣхамъ отечества и преисполнялось тяжкою скорбью въ години бѣдствій и смуть. Благо російскаго государя, было народнымъ благомъ, печаль его была народною печалью, и русскій народъ, какъ триста лѣтъ назадъ, такъ и теперь благоговѣнно чтить и беззавѣтно любить своего Царя.

«Великій Государь! Обширны царственные труды и заботы Ваши о благѣ народа и неустанно Ваше о немъ попеченіе. Вѣря, какъ и встарь, что могущество родины въ тѣсномъ единеніи Царя со своимъ народомъ, вѣря въ его государственный разумъ, Вы призвали къ законодательному строительству людей, избранныхъ отъ населенія. И народные избранники, члены государственной думы, одушевленные Монаршимъ довѣріемъ, безгранично счастливы лично повергнуть передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйшія поздравленія по случаю высокознаменательнаго праздника Русскаго государства. Примите же, Государь, эту святую икону Христа Спасителя, какъ благословеніе народное, какъ видимый знакъ тѣхъ горячихъ молитвъ, которыя сегодня возносятся во всѣхъ уголкахъ Россіи о здравіи и благоденствіи Вашего Величества и всей царствующей семьи. Да благословитъ Васъ Всевышній, да сохранитъ Онъ подъ небеснымъ покровомъ Своего Помазанника, на счастье и радость всей Русской земли».

Принявъ отъ предѣдателя государственной думы икону Спаса Смоленскаго и платъ, вышитый шелкомъ, изображающій встрѣчу царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ его отца, митрополита Филарета, возвращающагося изъ плѣна, а также отъ духовенства государственной думы святой животворящей крестъ и отъ членовъ-крестьянъ государственной думы икону святого Николая Чудотворца, Государь Императоръ изволилъ принять поздравленія отъ правительствующаго сената, во главѣ съ министромъ юстиціи статсъ-секретаремъ Щегловитовымъ. Отъ имени сената Его Императорскому Величеству поднесенъ слѣдующій всеподданнѣйшій адресъ.

«Ваше Императорское Величество, Самодержавный Государь.

«Триста лѣтъ назадъ, въ тяжкую годовщину внутреннихъ и вѣшнихъ бѣдствій, поразившихъ Россію и угрожавшихъ гибелью ея государственности и народной самобытности, русскіе люди, въ единодушномъ стремленіи вручить державныя права представителю единой власти на защиту и укрѣпленіе цѣлости и самостоятельности родины,—избрали царемъ Михаила Теодоровича Романова. Съ тѣхъ поръ росла и крѣпла русская земля въ рукахъ его преемниковъ, расширяя свои предѣлы и укрѣпляя свое могущество. Великій учредитель сената, показавъ непревзойденный примѣръ самоотверженной любви къ своей странѣ, трудами, побѣдами и вѣрой въ ея предназначеніе—возвелъ ее на степень европейской державы, съ голосомъ и правами которой вынужденъ считаться Западъ. Преемники его держали знамя Русской земли «честно и грозно», а когда настала година новыхъ испытаній, русскій царь объединился со своимъ народомъ въ общемъ непреклонномъ рѣшеніи—не уступать непобѣдимому дотолѣ врагу и не отдать ему ни пяди русской земли. И во

внутреннемъ устройствѣ, и въ законодательствѣ, и въ развитіи просвѣщенія — русскіе государи слѣдовали завѣтамъ Великаго Преобразователя, осуществили, въ условіяхъ мѣста и времени, ту вѣру и тѣ упованія, съ которыми въ 1613 году народъ русскій вручилъ верховную власть представителю дома Романовыхъ и подчинился ея вѣдѣніямъ. На эту вѣру отвѣтомъ были: благодѣтельныя преобразованія Царя-Освободителя, проникнутыя довѣріемъ къ духовнымъ свойствамъ русскаго народа, державныя заботы родителя Вашего объ обезпеченіи послѣднему мирнаго благосостоянія и предначертанія Вашего Императорскаго Величества въ области государственнаго строительства. Нынѣ, въ исполнившееся трехсотлѣтіе царствованія потомковъ Михаила Ѳеодоровича Романова, правительствующій сенатъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ привѣтствовать Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, и обратиться съ мольбою ко Всевышнему, да сохранитъ Онъ Васъ и августѣйшее потомство Ваше на грядущія времена, чтобы дѣлать съ народомъ Вашимъ дни радостей и неизбѣжныхъ испытаній и руководить его по пути къ цѣлямъ государственной крѣпости, нравственной высоты и дальнѣйшаго развитія его духовныхъ и матеріальныхъ силъ.

Далѣе Государю Императору и Государынямъ Императрицамъ приносили поздравленія главноуправляющіе, министры, статсъ-секретарь великаго княжества Финляндскаго, государственный секретарь, опекунскій совѣтъ, лица свиты Его Величества и свиты великихъ князей, члены военнаго совѣта, члены адмиралтействъ-совѣта, Александровскаго комитета о раненыхъ, генералы и адмиралы гвардіи, арміи и флота, находящіеся въ С.-Петербургѣ, начальники отдѣльныхъ частей расположенныхъ въ столицѣ и окрестностяхъ войскъ и старшіе надъ ними начальники, прибывшія на торжества военныя депутаціи, чины высочайшаго двора и придворные кавалеры.

Принявъ поздравленія отъ медицинскихъ чиновъ, имѣющихъ придворное званіе, и комитета для устройства празднованія трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ, во главѣ съ предѣвателемъ, членомъ государственнаго совѣта, гофмейстеромъ Булыгинымъ, Ихъ Величества соизволили принять поднесенные предѣвателемъ совѣта министровъ статсъ-секретаремъ Коковцовымъ нагрудные юбилейные значки. Приносившіе поздравленія Ихъ Величествамъ имѣли счастье цѣловать руку Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

По окончаніи приѣма поздравленій Государь Императоръ и Государыни Императрицы Марія Ѳеодоровна и Александра Ѳеодоровна съ августѣйшими дѣтьми и особы императорской фамиліи прослѣдовали во внутренніе покои дворца.

Одновременно съ торжествами въ Казапскомъ соборѣ и Зимнемъ дворцѣ во всѣхъ церквахъ столицы были совершены торжественныя литургіи, съ произнесеніемъ поученія; и благодарственныя молебствія, по случаю 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ,

съ провозглашеніемъ многолѣтія всему царствующему дому. Въ церквахъ въ теченіе всего дня не прекращался колокольный звонъ.

Равнымъ образомъ совершались богослуженія и въ иповѣрческихъ церквахъ. Такъ, впервые во вновь стрѣющейся мечети, на Кронверскомъ пр., было совершено торжественное богослуженіе въ присутствіи эмира бухарскаго и хана хивинскаго. Богослуженіе, вмѣсто ожидавшагося главы духовныхъ мусульманъ муфтія Хаджи-Султанова, совершаль его замѣститель Хурамшинъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ принималъ участіе въ богослуженіи и духовный представитель мусульманъ въ Петербургѣ ахунъ Баязитовъ. Послѣ прочтенія нѣкоторыхъ главъ изъ корана ахунъ Баязитовъ произнесъ на арабскомъ языкѣ проповѣдь, а ахунъ Янусовъ—проповѣдь на татарскомъ языкѣ.

Затѣмъ ахунъ Баязитовъ обратился къ собравшимся съ рѣчью на русскомъ языкѣ, въ которой отмѣтилъ значеніе юбилея царствующаго дома Романовыхъ. Между прочимъ ахунъ указалъ, что до царей изъ дома Романовыхъ въ Россіи не было ни мечети, ни медресе. Къ концу богослуженія Баязитовымъ были прочитаны молитва о здравіи Государя Императора и высочайшій манифестъ.

Въ этотъ же день во всѣхъ трехъ молитвенныхъ домахъ мусульманской колоніи въ Петербургѣ было совершено поминовеніе и молебствіе.

Въ девять съ половиною часовъ утра въ большой синагогѣ было совершено торжественное богослуженіе. Присутствовали видные члены петербургской еврейской общины, пріѣхавшіе на торжества провинціальныя делегаты, учащая молодежь и др. Въ богослуженіи принимали участіе канторы и хоръ. Были пропѣты псалмы, соотвѣтствующіе торжественному событію. Раввинъ М. Г. Айзенштадтъ прочиталъ затѣмъ манифестъ и составленную имъ на еврейскомъ и русскомъ языкахъ специальную молитву.

Одновременно состоялись богослуженія и во всѣхъ петербургскихъ молельняхъ.

Въ Старой Деревнѣ, въ строящемся съ высочайшаго соизволенія по инициативѣ тибетскаго далай-ламы храмѣ («дацанъ») былъ отслуженъ буддійскимъ духовенствомъ молебенъ по случаю 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ. Молебенъ служился въ разукрашенномъ національными русскими флагами и обтянутомъ желтой матеріей временномъ придѣлѣ, сооруженномъ на паперти храма. На торжество прибыли главный устроитель храма, посланецъ далай-ламы Хамбо-Агланъ-Доржіевъ и глава сибирскихъ буддистовъ, настоятель гусино-озерскаго (въ Забайкальѣ) буддійскаго дацана, Бандида-Ханбо-Итигэловъ. Г. Хамбо-Итигэловъ прибылъ въ сопровожденіи свиты изъ восьми монаховъ и нѣсколькихъ секретарей.

На торжество явились также члены чрезвычайнаго монгольскаго посольства князь Хандо-Дорчжп, князь Бейса Чжононь,

чиновникъ Цирень-Дорчжи, а также калмыцкій бакша Четырбуновъ и бурятскій ширеть Санхievъ и проживающіе въ Петербургѣ буддисты въ числѣ около тридцати человѣкъ, среди которыхъ были бурята-студенты, офицеры и военные врачи.

На паперти подъ навѣсомъ устроены небольшой алтарь съ небольшимъ раскрашеннымъ скульптурнымъ изображеніемъ Будды. По сторонамъ алтаря развѣшаны портреты Государя Императора, Государыни Императрицы и наследника цесаревича. Передъ изображеніемъ Будды горѣли лампы.

Ровно въ десять часовъ утра съ правой стороны алтаря по восточному обычаю на коврикахъ усѣлись на корточки Бандида-Хамбо-Итигэловъ, Хамбо-Доржievъ и другіе монахи, а съ лѣвой стороны члены чрезвычайнаго монгольскаго посольства. За ними на ступляхъ сидѣли остальные молящіеся.

Чинъ служенія заключался въ томъ, что монахи вслѣдъ за главой сибирскихъ буддистовъ Итигэловымъ повторяли нараспѣвъ слова молитвы. Во время пѣнія молитвъ Итигэловъ, звоня колокольчикомъ, приглашалъ монаховъ перемѣнить мотивъ пѣнія. Итигэловъ произнесъ на монгольскомъ языкѣ краткую проповѣдь-молитву за благоденствіе царствующаго дома и всѣхъ народовъ, населяющихъ великую Россійскую имперію.

Затѣмъ Хамбо-Доржievъ произнесъ краткое слово, въ которомъ выразилъ свою радость, что подъ сѣнью строящагося новаго храма объединились буддисты разныхъ національностей: монголы, тибетцы, буряты и др.

По окончаніи молитвы присутствовавшіе подходили подъ благословеніе старшаго монаха Итигэлова и цѣловали висѣвшее на груди его изображеніе Будды. Итигэловъ при этомъ посыпалъ входящихъ подъ благословеніе солью.

Затѣмъ, согласно тибетскому обычаю, по распоряженію Хамбо-Доржieва, всѣмъ присутствовавшимъ были розданы освященные далай-ламой шелковые шарфы.

V.

Въ это же время во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были отслужены торжественные молебны, на которыхъ присутствовали: директора, профессора и учащіеся. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ торжественныхъ молебновъ, состоялись акты, на которыхъ были исполнены кантаты по случаю 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ. Преподавателями исторіи и законоучителями были произнесены рѣчи, посвященныя юбилею. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ произнесли рѣчи также и учащіеся старшихъ классовъ. Торжественные акты закончились концертными отдѣленіями.

Юбилейный праздникъ для учащихся въ городскихъ народныхъ училищахъ былъ устроенъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ какъ комиссія по народному образованію признала неудобнымъ выводить дѣтей на улицы столицы для парадовъ и т. п. На устройство праздника городекою думою было ассигновано 34,400 рублей.

Вся масса дѣтей въ 57,500 человекъ была собрана въ городскихъ училищныхъ домахъ, имѣющихъ вмѣстительныя рекреационныя залы. Залы были украшены зеленью, историческими картинами и портретами государей.

День 21-го февраля начался въ школахъ молебствіями, причѣмъ пѣли школьные хоры.

Послѣ молебствій дѣтямъ предложенъ былъ завтракъ, а затѣмъ были прочтены очерки за триста лѣтъ, составленные учащими по конкурсу. Одобренія удостоены очерки госпожи Кудрявцевой для дѣтей начальныхъ школъ и госпожи Черненко—для четырехклассныхъ училищъ. Очерки эти изданы комиссіей по народному образованію въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ и розданы дѣтямъ. Чтенія сопровождались свѣтовыми картинами.

По окончаніи чтеній дѣтямъ розданы были сласти и металлическіе пеналы съ надписью: «Городская дума. Къ трехсотлѣтію дома Романовыхъ».

Во многихъ школахъ были поставлены живыя картины или большія сценки на историческія темы.

Въ благотворительныхъ учрежденіяхъ городского управленія въ ознаменованіе трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ приняты были слѣдующія мѣры: 1) во всѣхъ городскихъ ночлежныхъ домахъ въ теченіе трехъ дней, начиная съ 21-го февраля, ночлежники допускались бесплатно; 2) въ бесплатныхъ городскихъ столовыхъ для дѣтей отпускались бесплатно по 385 обѣдовъ; 3) въ дешевыхъ столовыхъ городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ ежедневно выдавались бесплатно по 10,000 обѣдовъ.

Кромѣ того, въ одиннадцати городскихъ сиротскихъ домахъ 21-го февраля были устроены для 1,222 дѣтей праздника съ чтеніями изъ исторіи Россіи и тумашными картинами. Всѣмъ дѣтямъ предложено было угощеніе.

Въ больничныхъ учрежденіяхъ города больнымъ и низшимъ служащимъ предложенъ улучшенный обѣдъ, а дѣтямъ служащихъ розданы брошюры на историческія темы.

Въ учебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ особаго присутствія по разбору и призыванію нищихъ торжество ознаменовано устройствомъ спектакля, раздачей дѣтямъ историческихъ книгъ и угощеніемъ. Въ учрежденіяхъ для взрослыхъ призрѣваемыхъ отпущена была улучшенная пища, и къ заработку призрѣваемыхъ прибавлено по пятидесяти копеекъ на человека.

Раутъ въ честь прибывшихъ въ столицу на празднества городскихъ и земскихъ дѣятелей, устроенный петербургской городской думою, прошелъ очень оживленно. Въ декорированномъ тропическими растеніями и зеленью Александровскомъ залѣ думы собралось около пятисотъ человѣкъ.

Официальная часть раута была открыта исполняющимъ должность городского головы Д. И. Демкинымъ тостомъ за здоровье Государя Императора, покрытымъ кликами «ура» и гимномъ, исполненнымъ оркестромъ. Затѣмъ провозглашенъ былъ тостъ за здоровье «дорогихъ гостей»—представителей русскихъ городовъ и земствъ. Д. И. Демкину отвѣтилъ одинъ изъ провинціаловъ, провозгласившій тостъ за петербургское городское управленіе и ея представителей.

Затѣмъ состоялось концертное отдѣленіе, въ которомъ участвовали Е. Э. Витгингъ, В. М. Александрова, В. В. Кавецкая, Э. В. Лопухова, І. В. Тартаковъ, Г. П. Макаровъ и др. Гости, разбившись на группы, оживленно бесѣдовали до поздняго вечера.

Въ домѣ оберъ-прокурора на Литейномъ проспектѣ состоялось торжественное засѣданіе православнаго епархіального братства во имя Пресвятыя Богородицы, посвященное памяти трехсотлѣтія дома Романовыхъ. Кромѣ оберъ-прокурора В. К. Саблера, въ залѣ присутствовали сербскій митрополитъ Дмитрій, два маріавитскихъ епископа, прибывшихъ въ Петербургъ для участвованія въ торжествахъ, и др. На засѣданіе также былъ приглашенъ В. К. Саблеромъ антиохійскій патріархъ Григорій IV, митрополитъ Александръ и вся свита его святѣйшества. Послѣ докладовъ преподавателя петербургской духовной семинаріи А. С. Судакова и протоіерея Лисцина, посвященныхъ торжеству, братскій хоръ, подъ управленіемъ А. Н. Николаева, исполнилъ рядъ пѣсногѣній, а питомцы церковныхъ школъ прочли нѣсколько стихотвореній.

Далѣе антиохійскій патріархъ Григорій обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой говорилъ о благочестіи русскихъ людей и преданности ихъ вѣрѣ Христовой, что онъ съ особой радостью отмѣчаетъ.

Оберъ-прокуроръ В. К. Саблеръ отвѣтилъ на рѣчь патріарха, подчеркнувъ любовь всѣхъ сыновъ русской церкви ко всѣмъ братьямъ по вѣрѣ.

Въ залѣ музея Н. И. Пирогова состоялось, подъ предѣдательствомъ профессора И. П. Павлова, соединенное засѣданіе общества русскихъ врачей, общества охраненія народнаго здравія, русскаго хирургическаго общества и петербургскаго медицинскаго общества. Бывшій ректоръ саратовскаго университета профессоръ В. И. Разумовскій сдѣлалъ докладъ «О медицинскомъ дѣлѣ въ Россіи въ царствованіе первыхъ государей дома Романовыхъ».

Профессоръ В. И. Разумовскій закончилъ свой докладъ указаніемъ, что первые государи изъ дома Романовыхъ положили прочное основаніе дальнѣйшаго развитія русской медицинской помощи.

21-го февраля по случаю трехсотлѣтія дома Романовыхъ состоялось торжественное собраніе російскаго пожарнаго общества. Присутствовали члены общества, мѣстные пожарные дѣятели, а также представители нѣкоторыхъ провинціальныхъ пожарныхъ обществъ. Собраніе открылось рѣчью статсъ-секретаря А. С. Ермолова. О борьбѣ съ пожарами въ теченіе послѣдняго трехсотлѣтія произнесъ рѣчь Д. Н. Бородинъ. О ближайшей дѣятельности общества говорилъ Ѳ. Ѳ. Ландэзень. По предложенію предсѣдателя общества князя А. Д. Львова, послана вѣрноподданническая телеграмма.

На состоявшемся подъ предсѣдательствомъ Л. Ф. Бацевича общемъ собраніи горныхъ инженеровъ В. Я. Александровъ прочелъ докладъ на тему: «О развитіи горнаго дѣла въ Россіи за время трехсотъ лѣтъ царствованія дома Романовыхъ».

Не отстали отъ гражданскихъ учрежденій и учрежденія военныя. Такъ, по приказанію военнаго министра во всѣхъ гарнизонахъ петербургскаго военнаго округа были отслужены богослуженія, и духовники воинскихъ частей выступали съ соотвѣтствующимъ событію словомъ.

Въ императорской Николаевской военной академіи наканунѣ юбилейнаго дня было отслужено торжественное молебствіе, послѣ чего состоялась панихида по въ Божѣ почивающихъ царяхъ дома Романовыхъ. Послѣ молебна состоялся церковный парадъ, въ которомъ приняли участіе профессора и слушатели академіи. Парадъ принималъ начальникъ академіи генераль-лейтенантъ Янушкевичъ.

Въ Николаевской инженерной академіи и училищѣ состоялось богослуженіе. Вечеромъ полковникомъ Дягилевымъ было прочитано интересное сообщеніе о развитіи вооруженныхъ силъ Россіи въ царствованіе рода Романовыхъ.

Въ первомъ кадетскомъ корпусѣ наканунѣ юбилейныхъ торжествъ состоялся торжественный молебенъ; на слѣдующій день утромъ послѣ обѣдни корпусный священникъ произнесъ прочувствованное слово, посвященное великому событію въ жизни Россіи. Послѣ молебна состоялся церковный парадъ для трехъ младшихъ ротъ корпуса. Старшая рота—рота Его Величества—стояла шпалерами вмѣстѣ съ другими военно-учебными заведеніями у Зимняго дворца.

Во время парада состоялось открытіе доски подъ названіемъ «Домъ Романовыхъ въ исторіи перваго кадетскаго корпуса». На доскѣ переименованы державные шефы, начальствующіе надъ корпусомъ изъ дома Романовыхъ, и всѣ августѣйшіе кадеты, всего семнадцать именъ.

Въ пять часовъ дня въ корпусѣ состоялся юбилейный вечеръ, на которомъ преподавателемъ исторіи г. Приселковымъ было сдѣлано сообщеніе, посвященное исторіи трехсотлѣтняго царства

нія дома Романовыхъ. Большой успѣхъ у юной аудиторіи имѣли девятилѣтній виртуозъ на скрипкѣ Іовановичъ, приглашенный для участія въ концертномъ отдѣленіи, и специально написанная для торжественнаго дня солистомъ Его Величества г. Армсгеймеромъ кантата, во время которой демонстрировались туманныя картины; кантату исполняли хоръ кадетъ.

Въ Павловскомъ военномъ училищѣ послѣ торжественной литургіи и молебна состоялся церковный парадъ; парадъ принималъ начальникъ училища.

Въ Константиновскомъ артиллерійскомъ училищѣ состоялось сообщеніе о развитіи вооруженныхъ силъ Россіи въ царствованіе дома Романовыхъ.

Въ связи съ этой лекціею временно исполняющій должность начальника училища полковникъ Промтовъ сказалъ небольшое слово, послѣ чего предложилъ проѣхать гимнъ доблестному державному вождю русской арміи и Августѣйшему константиновцу; послѣднія слова были покрыты долго не смолкавшимъ «ура» и многократнымъ исполненіемъ національнаго гимна.

Въ три часа дня въ Константиновскомъ артиллерійскомъ училищѣ состоялась панихида по царскимъ предкамъ.

Въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ празднованіе состоялось по той же программѣ.

Во второмъ кадетскомъ корпусѣ послѣ торжественной литургіи и молебствія былъ прочитанъ высочайшій манифестъ. Всѣмъ кадетамъ были розданы юбилейныя изданія.

Вечеромъ состоялось концертное отдѣленіе, которому предшествовало сообщеніе преподавателя исторіи, приуроченное къ юбилейнымъ торжествамъ. Соединенными духовымъ, струннымъ и великорусскимъ оркестрами кадетъ, при участіи собственнаго хора, былъ исполненъ гимнъ. Въ заключеніе были поставлены живыя картины.

Во всѣхъ частяхъ петербургскаго гарнизона наканунѣ торжествъ были отслужены панихиды по въ Бозѣ почившихъ царяхъ рода Романовыхъ. Кромѣ участія въ парадѣ между Зимнимъ дворцомъ и Морскою улицею, во всѣхъ полкахъ состоялись свои церковныя парады. Нижнимъ чинамъ назначена была въ первый юбилейный день улучшенная варка пищи. Вечеромъ состоялись лекціи съ демонстраціей туманныхъ картинъ. Отъ войскъ всего гвардейскаго корпуса въ настоящее время сооружается святая икона для водруженія въ храмъ въ память трехсотлѣтія дома Романовыхъ.

Обществомъ ревнителей военныхъ знаній выпущенъ спеціальныи нумеръ «Вѣстника», въ которомъ данъ интересный очеркъ жизни русской арміи за триста лѣтъ.

Въ манежѣ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка состоялся интересный солдатскій спектакль, организованный совѣтомъ духовно-нрав-

ственного просвѣщенія нижнихъ чиновъ, во главѣ съ капитаномъ Н. В. Ротштейномъ. Поставлена была съ нѣкоторыми кушорами опера «Жизнь за Царя», причеиъ комитетъ приложилъ все усилія къ тому, чтобы постановка была возможно ближе къ полной оперѣ.

Въ императорской военно-медицинской академіи состоялся торжественный молебенъ въ присутствіи личнаго состава профессоровъ, служащихъ и студентовъ. Вечеромъ зданіе академіи было роскошно иллюминировано, весь фронтонъ, все архитектурныя линіи стариннаго зданія академіи были залиты моремъ огней; колонада разукрасилась яркими національными цвѣтами. Нѣсколько большихъ транспарантовъ съ высочайшими пинціалами дополнили убранство.

Въ Морскомъ корпусѣ наканунѣ юбилейнаго дня занятія прекратились около полудня, послѣ чего въ столовомъ залѣ корпуса была отслужена панихида по царскимъ предкамъ. Въ два часа дня профессоромъ Чубинскимъ былъ прочитанъ докладъ для гардемаринъ и кадетъ о трехсотлѣтіи дома Романовыхъ.

Въ Николаевскомъ кадетскомъ корпусѣ состоялся юбилейный вечеръ, начавшійся историческимъ сообщеніемъ преподавателя корпуса г. Смирнова; большимъ успѣхомъ пользовались музыкально-литературныя картины сочиненія Армсгеймера (автора балета «Приваль кавалеріи»). Въ этихъ картинахъ сообщается въ хронологическомъ порядкѣ о подвигахъ царей дома Романовыхъ.

Кромѣ того, хоръ исполнилъ прекрасную кантату «Державному Вождю», сочиненія кадета московскаго корпуса, музыка преподавателя Николаевского корпуса г. Понцова.

Трогательныя сцены наблюдались въ день 21-го февраля въ мѣстахъ тюремнаго заключенія.

По сообщенію газеты «Рѣчь» 21-го февраля во всехъ петербургскихъ мѣстахъ заключенія были отслужены торжественныя богослуженія, по окончаніи которыхъ священники прочли заключеннымъ высочайшій манифестъ и указъ правительствующему сенату. Все заключенные въ тюрьмахъ въ этотъ день были освобождены отъ отбыванія наложенныхъ на нихъ дисциплинарныхъ взысканій, имъ предоставлена была улучшенная пища, разрѣшены приѣиъ посылокъ и свиданія съ родственниками. На богослуженіяхъ присутствовали чины прокурорскаго надзора, чины тюремной администраціи и заключенные. Всякій заключенный рвался въ церковь, желая узнать, не подходитъ ли онъ подъ манифестъ. Подробныя объясненія высочайшаго указа давали чины прокурорскаго надзора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заключенія чины прокурорскаго надзора обходили камеры заключен-

ныхъ и каждому въ отдѣльности объясняли, насколько его судьбы касается манифестъ.

Съ ранняго утра у всѣхъ тюремъ стояли толпы народа—родственники, друзья и знакомые заключенныхъ. Одни явились на свиданія, другіе—для встрѣчи освобождаемыхъ.

Наибольшее число освобожденныхъ оказалось въ с.-петербургской одиночной тюрьмѣ (Кресты),—свыше 500 человѣкъ. Изъ этого числа около половины выпущено на свободу—это, главнымъ образомъ, лица, осужденныя безъ лишенія правъ состоянія и имѣющія въ порядкѣ свои документы. Выпускъ этихъ лицъ затянулся до вечера. Остальная часть освобождаемыхъ была перевезена въ с.-петербургскую пересыльную тюрьму для отправки на родину.

Изъ с.-петербургской пересыльной тюрьмы выпущено на свободу 173 человѣка и изъ нихъ 23 человѣка подлежали отправкѣ на родину.

Въ с.-петербургской временной тюрьмѣ освобождено отъ дальнѣйшаго наказанія около 100 человѣкъ и столько же отправлено въ пересыльную тюрьму для слѣдованія къ мѣсту приниски.

Изъ числа отбывавшихъ наказаніе въ с.-петербургскомъ исправительно-арестантскомъ отдѣленіи на Офицерской улицѣ 111 человѣкъ отправлены въ пересыльную тюрьму для препровожденія на родину подъ надзоръ полиціи, а одинъ былъ пересланъ въ домъ предварительнаго заключенія, такъ какъ онъ обвиняется по новому дѣлу. На свободу изъ этихъ заключенныхъ никто не выпущенъ, такъ какъ всѣ они лишены правъ состоянія.

Изъ дома предварительнаго заключенія никто не освобожденъ.

Въ силу высочайшаго указа 21-го февраля освобождены находившіеся подъ арестомъ четыре редактора газеты «Лучъ»—г.г. Петровъ, Зуевъ, Аханинъ и Егоровъ.

Изъ городского арестнаго дома на основаніи манифеста 21-го февраля выпущены 103 заключенныхъ, въ томъ числѣ 12 человѣкъ, осужденныхъ за позорящія преступленія и уже отбывшихъ двѣ трети срока возложеннаго на нихъ наказанія.

Изъ заключенныхъ въ с.-петербургской военной тюрьмѣ подлежало освобожденію 76 человѣкъ. Всѣ они были выпущены на свободу лишь 22-го февраля, въ 12 часовъ дня. Замедленіе объясняется тѣмъ, что заключенные военной тюрьмы освобождаются не на основаніи указа сенату, а по приказу военнаго министра. Соответственный приказъ былъ полученъ лишь около 2 часовъ дня, 21-го февраля, послѣ чего администрація приступила къ выясненію того, кто подлежитъ освобожденію. Вечеромъ приказъ былъ прочитанъ всѣмъ заключеннымъ. Освобождены изъ военной тюрьмы исключительно нижніе чины, приговоренные къ наказанію не свыше 14 мѣсяцевъ, заключенія. Большинство изъ нихъ было осуждено за дурное поведеніе, побѣги, самовольную отлучку и т. д. Всѣ освобожденные

были препровождены въ свои части. Никто изъ нихъ, согласно манифесту, не переведенъ въ разрядъ штрафованныхъ.

Изъ содержащихся въ Петропавловской крѣпости политическихъ никто 21-го февраля освобожденъ не былъ. Освобождены были лишь двое, которые были въ свое время приговорены къ одному году и четыремъ мѣсяцамъ заключенія по дѣламъ о растратахъ казеннаго имущества. Срокъ заключенія ихъ истекалъ въ первыхъ числахъ марта.

Изъ полицейскихъ домовъ были освобождены всѣ заключенные, отбывавшіе наказаніе въ административномъ порядкѣ.

По общему подсчету, выпущено изъ всѣхъ петербургскихъ тюремъ и полицейскихъ домовъ всего 2,011 человекъ; 85 процентовъ освобожденныхъ отбывали наказанія за уголовныя преступленія.

По случаю юбилея въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ для заключенныхъ были устроены туманныя картины.

Вечеромъ городъ блисталъ милліонами огней, и иллюминація его на главныхъ улицахъ привлекла сюда громадное скопище народа, при чемъ, однако, повсемѣстно наблюдался образцовый порядокъ.

Въ семь съ половиной часовъ вечера былъ устроенъ блестящій фейерверкъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) на аэродромѣ императорскаго всероссійскаго аэроклуба (Комендантское поле), 2) въ Царскомъ городкѣ за Невской заставой, 3) на Алферовскихъ мѣстахъ (Аптекарскаго острова), 4) въ Петровскомъ паркѣ, на территоріи попечительства о народной трезвости, 5) въ Екатерингофскомъ паркѣ, 6) на Смоленскомъ полѣ, 7) на Горячемъ полѣ, 8) въ деревнѣ Мурзинкѣ. Во всѣхъ этихъ пунктахъ играли оркестры музыки.

Въ большинствѣ городскихъ театровъ вечеромъ были поставлены юбилейные спектакли съ содержаніемъ по преимуществу историческимъ, соотвѣтствующимъ юбилейнымъ торжествамъ.

VI.

Второй юбилейный день былъ посвященъ принятію Ихъ Императорскими Величествами поздравленій отъ разныхъ депутацій.

Приносившіе поздравленія собрались въ Николаевскомъ залѣ дворца. Въ одиннадцать часовъ утра въ Концертный залъ изъ внутреннихъ покоевъ дворца изволили выйти Ихъ Величества съ наследникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Николаевичемъ и великими княжнами, августѣйшими дочерьми Ихъ Величества; сюда также прослѣдовали ихъ императорскія высочества особы императорской фамиліи.

Ихъ Величествамъ приносили поздравленія сперва дворянскія депутаціи. Въ составъ каждой депутаціи входили губернский и уѣздные предводители дворянства.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1913 г., т. сxxxI.

3

Затѣмъ Ихъ Величества имѣли счастье принести всеподданнѣйшія поздравленія земскія и городскія депутаціи. Въ составъ депутацій отъ губернскихъ земствъ входили предсѣдатели губернскихъ и земскихъ управъ, а отъ городовъ—городскіе головы губернскихъ и уѣздныхъ городовъ.

Далѣе Ихъ Величества изволили принять поздравленія отъ биржевыхъ комитетовъ, купеческихъ обществъ, депутаціи отъ великаго княжества Финляндскаго и православныхъ братствъ, старообрядческихъ общинъ, армяно-григоріанскихъ церквей, отъ представителей маріавитовъ и духовенства нехристіанскихъ исповѣданій.

Затѣмъ шли депутаціи отъ учебныхъ округовъ, учебныхъ учрежденій, академій, императорской публичной библіотеки, императорской археографической комиссіи, обсерваторіи, клиническаго института великой княгини Елены Павловны, института экспериментальной медицины, петербургскаго ботаническаго сада, депутаціи отъ высшихъ учебныхъ заведеній, лицеевъ, университетовъ, институтовъ и отъ всѣхъ императорскихъ обществъ.

Послѣдними Ихъ Величествамъ приносили поздравленія депутаціи отъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій губерній Костромской, Курской, Петербургской, Смоленской и Тамбовской.

Послѣ приѣма поздравленій Ихъ Величества и особы императорской фамилии прослѣдовали во внутренніе покои дворца.

Въ пять часовъ пополудни Ихъ Величествамъ имѣли честь принести поздравленія аккредитованные при російскомъ дворѣ послы и посланники иностранныхъ державъ.

Чужестранные послы, посланники и повѣренные въ дѣлахъ съ супругами и прочія особы дипломатическаго корпуса прибыли во дворецъ съ подѣздомъ Ея Величества и прослѣдовали въ Николаевскій залъ. Принесеніе поздравленій происходило въ Концертномъ залѣ, куда въ пять часовъ пополудни изволили выйти изъ покоевъ дворца Ихъ Величества.

Дамы дипломатическаго корпуса первымъ оберъ-церемоніймейстеромъ высочайшаго двора барономъ Корфомъ были введены въ Концертный залъ, гдѣ принесли поздравленія, далѣе поздравляли старѣйшина дипломатическаго корпуса германскій посоль графъ Пурталесъ, а затѣмъ остальные послы и посланники иностранныхъ державъ съ чинами посольствъ и миссій.

Среди лицъ, приносившихъ лично поздравленія Государю Императору въ Малахитовой гостиной, были представители трехъ патріарховъ, шедшіе вслѣдъ за антиохійскимъ патріархомъ Григоріемъ VI и сербскимъ митрополитомъ Дмитріемъ.

Отъ имени вселенскаго патріарха принесъ поздравленіе настоятель константинопольскаго патріаршаго подворья архимандритъ Іаковъ, вручившій Государю Императору собственноручное письмо патріарха и произнесшій слѣдующее слово:

Въ знаменательный для вашего славнаго царственнаго рода трехсотлѣтній юбилей со дня восшествія на всероссійскій престолъ цари Михаила Феодоровича Романова; по порученію всесвятѣйшаго вселенскаго патріарха Германа V и священнаго синода великой Христовой церкви константинопольской, имѣю великое счастье привѣтствовать Ваше Императорское Величество и представить сіе патріаршее посланіе.

Въ переживаемое нынѣ тяжелое время для восточной православной церкви и всего христіанства на Востокѣ наша многострадальная великая церковь взираетъ съ чувствомъ внутренняго утѣшенія на васъ, великій Государь, какъ на боговѣнчаннаго покровителя православія, и молитъ о вашемъ и всего царствующаго дома здравіи и благоденствіи, вспоминая дѣянія вашихъ царственныхъ предковъ и любившаго константинопольскую церковь, проявлявшаго къ ней не разъ такое теплое участіе вашего славнаго и приспомятнаго родителя, въ Бозѣ почивающаго императора Александра III.

Вѣрьте, Государь, что весь многомилліонный православный народъ Востока, тѣсно связанный исторически съ братскимъ русскимъ народомъ, раздѣляетъ теперь великую его радость по поводу исполнившагося трехсотлѣтія благополучнаго царствованія царскаго дома Романовыхъ, подъ державнымъ скипетромъ котораго Россія въ короткое время достигла безпримѣрнаго въ исторіи пышнаго расцвѣта и величія, ощущаетъ ту же гордость русскаго народа по поводу такихъ достигнутыхъ успѣховъ и вмѣстѣ со своимъ духовнымъ вождемъ, вселенскимъ патріархомъ, сердечно желаетъ всему вашему императорскому дому дальнѣйшаго преуспѣянія и благополучія во вѣки вѣковъ на благо и на радость единовѣрной Россіи и всего православнаго міра.

За нимъ слѣдовали представитель іерусалимскаго патріарха архимандритъ Аѳанасій и представитель александрійскаго патріарха іеромонахъ Павелъ.

Представитель іерусалимскаго патріарха произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

Въ столь высокій историческій моментъ торжественнаго празднованія всей православной Россіей и ея благочестивымъ народомъ трехсотлѣтія славнаго царствующаго дома Романовыхъ, подъ благодѣтельнымъ скипетромъ котораго Россія достигла настоящаго своего неслыханнаго величія, преуспѣянія и могущества, старѣйшая изъ всѣхъ церквей, наша Сіонская церковь, и глава ея, блаженнѣйшій патріархъ Даміанъ, не могутъ не присоединиться къ общей радости православнаго русскаго народа и братской святой церкви россійской.

Тѣсно связанная неразрывными историческими узами съ православной Россіей, видѣвшая множество разновремено оказанныхъ ей знаковъ исключительнаго вниманія и благодѣяній благочестивѣйшими государями боговѣнчаннаго и прославленнаго Богомъ россійскаго царскаго дома и привыкшая смотрѣть на нихъ, какъ на историческихъ покровителей своихъ и всего въ мірѣ православія, эта церковь теперь, до глубины души тронутая воспоминаніями обо всемъ этомъ, съ особенной силой встающими въ настоящій великій моментъ, и съ сердцемъ, переполненнымъ радостью и искренними чувствами благодарности, привѣтствуетъ васъ, великій благочестивѣйшій Государь, и шлетъ Вашему Императорскому Величеству свои сердечныя молитвенныя пожеланія, да хранитъ всеблагій Господь васъ и весь августѣйшій импера-

торскій домъ въ благоденствіи, могуществѣ и славѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, во вѣки вѣковъ, на благо великаго русскаго народа и на радость всѣхъ любящихъ его и всего православнаго міра.

Въ ознаменованіе этихъ чувствъ прошу Ваше Императорское Величество соизволить принять сію святую икону славнаго Воскресенія Христова, какъ благословеніе іерусалимской церкви. Да будетъ этотъ святой образъ постояннымъ хранителемъ Вашего Императорскаго Величества и всего августѣйшаго дома.

Представитель александрійскаго патріарха произнесъ привѣтствіе:

Въ великихъ торжествахъ славнаго трехсотлѣтія царствующаго дома Романовыхъ святая апостольская церковь александрійская, видѣвшая множество вниманія и благодѣяній Вашего Императорскаго Величества и приснопамятныхъ вашихъ державныхъ предковъ, не могла не присоединиться къ общей радости святой православной россійской церкви и православнаго русскаго народа.

Отъ имени его блаженства блаженнѣйшаго александрійскаго патріарха Фотія имѣю великое счастье привѣтствовать Ваше Императорское Величество и выразить искреннія его чувства и молитвенныя желанія.

Да хранитъ Господь Богъ васъ и весь августѣйшій императорскій домъ въ благоденствіи и славѣ во вѣки вѣковъ на благо всего православнаго міра.

Вечеромъ былъ торжественный спектакль въ Маріинскомъ театрѣ. Шла опера «Жизнь за царя». Главная лѣстница и коридоры были чрезвычайно красиво убраны декоративной зеленью.

Къ восьми часамъ театръ наполнился избранной публикой. Картина изумительно эффектной пестроты. Всѣ залы—сплошное озеро звѣздъ, лентъ, мундировъ сановниковъ, залитыхъ золотомъ и серебромъ. Общій фонъ особенно оживляютъ красные мундиры сенаторовъ, разсѣянныхъ по первымъ рядамъ и въ серединѣ. Первые ряды заняты членами государственнаго совѣта и среди нихъ председатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Коковцовъ, военный министръ генераль-адъютантъ Сухомлиновъ, генераль-адъютантъ Куропаткинъ.

Въ боковой императорской ложѣ бухарскій эмиръ въ бѣлой чалмѣ и роскошномъ золотой парчи халатѣ и ханъ хивинскій. Ложи бенуара и бельэтажа заняты сплошь дипломатическимъ корпусомъ, тутъ всѣ послы и посланники, члены посольствъ и миссій.

Въ восемь съ половиной часовъ въ царскую ложу вошли Ихъ Величества и особы императорской фамиліи. Государь былъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи коннаго полка, въ бальной формѣ.

Поднялся занавѣсъ,—открылась сцена, сплошь покрытая артистами въ русскіхъ костюмахъ. Впереди стояли боярыни и поселянки. Взмахнулъ дирижеръ палочкой, и оркестръ и хоръ огласили театръ звуками народнаго гимна, трижды онъ былъ исполненъ, и

каждый разъ мощное ура покрывало его послѣдніе звуки. Ихъ Величества кланялись.

Въ оперѣ участвовали заслуженные артисты императорскихъ театровъ: г-жа Нежданова въ роли Антонида, г-жа Збруева въ роли Вани, г. Ершовъ въ роли Богдана Сабинина, партію Сусанина пѣлъ г. Касторскій.

Во второмъ актѣ танцовали польскій: Кшесинская, Петипа, Преображенская, Павлова, солистъ Его Величества г. Гердтъ и другіе. Краковякъ и мазурку заслуженныя артистки императорскихъ театровъ Кшесинская, Петипа и Преображенская, балерина г-жа Павлова, солистъ Его Величества г. Гердтъ, г.г. Легать, Адриановъ, и Монаховъ.

Въ финалѣ участвовала вся с.-петербургская оперная труппа во главѣ съ солистками Его Величества Славиной, Фигнеръ, Каменской, Долиной, Больской, солистомъ Его Величества Фигнеромъ и заслуженными артистами Собиновымъ, Ершовымъ, Серебряковымъ Тартаковымъ.

Хоръ музыкантовъ и пѣвчихъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, капельмейстеръ—заслуженный артистъ г. Направникъ, режиссеры—заслуженный артистъ г. Тартаковъ и г. Мельниковъ. По окончаніи послѣдней картины по желанію публики было исполнено опять трижды «Боже, Царя храни».

Ихъ Величества милостиво кланялись. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа послѣдовалъ разъѣздъ.

Во время спектакля въ фойе театра и въ коридорахъ ярусомъ были устроены чайныя буфеты съ прохладительными напитками, фруктами и десертомъ.

Соединенное засѣданіе совѣтовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы, состоявшееся въ этотъ день, отличалось большою торжественностью. Александровскій залъ городской думы былъ красиво декорированъ тропическими растеніями и національными флагами. Первый рядъ креселъ заняли министры и члены государственнаго совѣта. За столомъ президіума размѣстились всѣ директора и ректоры высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ организациі торжественнаго засѣданія участвовали совѣты петербургскаго университета, горнаго института, лѣснаго института, института инженеровъ путей сообщенія, технологическаго института, института гражданскихъ инженеровъ, женскаго педагогическаго института, историко-филологическаго института, высшихъ женскихъ курсовъ, электротехническаго института, женскаго медицинскаго института, петербургскаго политехническаго института.

Предсѣдательствовалъ членъ государственнаго совѣта генераль Н. П. Петровъ, предложившій «по русскому обычаю» открыть засѣданіе краткой молитвой. Затѣмъ генераль Н. П. Петровъ произнесъ рѣчь о значеніи высшаго образованія. Свою рѣчь генераль

Петровъ закончилъ провозглашеніемъ здравницы Государю Императору. Возгласъ этотъ былъ покрытъ «ура», послѣ чего военный оркестръ исполнилъ гимнъ.

Съ большимъ вниманіемъ собраніе выслушало рѣчь профессора С. Ѳ. Платонова на тему: «Воцареніе въ Россіи дома Романовыхъ».

Ректоръ петербургскаго университета Э. Д. Гриммъ сообщилъ постановленія совѣтовъ высшихъ учебныхъ заведеній въ ознаменованіе трехсотлѣтняго юбилея.

Совѣтъ университетовъ постановилъ учредить въ память юбилея пять стипендій.

Совѣтъ горнаго института постановилъ учредить три стипендіи съ освобожденіемъ стипендіатовъ отъ платы за право ученія. Лѣсной институтъ учредилъ двѣ преміи въ 1,500 рублей за лучшее сочиненіе по изученію русскихъ лѣсовъ и, кромѣ того, постановилъ отвести принадлежащій ему участокъ земли въ одиннадцать съ половиной десятинъ подъ паркъ общаго пользованія и назвать его Романовскимъ. Совѣтъ института инженеровъ путей сообщенія рѣшилъ учредить три новыхъ стипендіи и ихъ и три существующія стипендіи назвать Романовскими. Технологическій институтъ учредилъ одну стипендію и одно бесплатное мѣсто. Политехнический институтъ учредилъ шесть стипендій, женскій педагогическій институтъ—три, электротехнический институтъ и женскій медицинскій—по одной стипендіи.

Объ утвержденіи всѣхъ проектируемыхъ стипендій возбуждены ходатайства передъ соотвѣтствующими министрами.

Предсѣдатель общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ профессоръ Буличъ сообщилъ, что общество постановило въ ознаменованіе юбилея освободить пятьдесятъ слушательницъ отъ платы.

Въ заключеніе предсѣдатель огласилъ проектъ всеподданнѣйшаго адреса отъ имени совѣтовъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы, послѣ чего оркестръ исполнилъ гимнъ.

Сказаннымъ отмѣченъ былъ второй юбилейный день.

23-го февраля въ императорскомъ Зимнемъ дворцѣ состоялся высочайшій приемъ и затѣмъ обѣдъ волостнымъ старшинамъ и равнозначащимъ имъ представителямъ сельскаго и инородческаго населенія Россійской имперіи, прибывшимъ въ Петербургъ на торжество празднованія трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ.

Эти лица (свыше 200 человекъ) были собраны въ императорскомъ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ для нихъ отъ высочайшаго двора былъ сервированъ обѣдъ.

Здѣсь же находились: предсѣдатель совѣта министровъ статсъекретарь Коковцовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ въ званіи ка-

мергера высочайшаго двора Маклаковъ, главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ статсъ-секретарь Кривошеинъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, командующій отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ свиты Его Величества генераль-майоръ Джунковскій, предсѣдатель комитета по устройству празднованія трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ, членъ государственнаго совѣта статсъ-секретарь Булыгинъ, петербургскій губернаторъ шталмейстеръ графъ Адлербергъ и директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ званіи камергера Арбузовъ.

Когда старшины и представители сельскаго и инородческаго населенія заняли за столами свои мѣста, къ нимъ изволилъ выйти Его Величество, въ сопровожденіи министра императорскаго двора генерала-адъютанта графа Фредерикса и дежурства, которое въ этотъ день при Государѣ Императорѣ несли: генераль-адъютантъ свѣтлѣйшій князь Голицынъ, свиты Его Величества генераль-майоръ Долгоруковъ и флигель-адъютантъ Нарышкинъ.

Государь Императоръ обходилъ старшинъ и представителей сельскаго и инородческаго населенія, удостоивая ихъ милостивыхъ разспросовъ.

Загѣмъ Его Величеству благоугодно было обратиться къ нимъ со слѣдующими высокомилостивыми словами:

«Я очень радъ видѣть васъ—всѣхъ представителей великой матушки-Россіи.

«Россія наша росла и крѣпла вѣрою въ Бога, любовью своихъ царей къ народу и преданностью народа русскаго къ престолу царскому.

«Да будетъ такъ во вѣки!

«За здоровье и благоденствіе нашей горячо любимой матушки Россіи.

«За ваше здоровье».

Съ этими словами Государь Императоръ поднялъ чарку за здоровье старшинъ.

Слова Государя Императора были покрыты звуками Преображенскаго марша, исполненнаго хоромъ музыки лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

Предсѣдатель совѣта министровъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, покрытый звуками національнаго гимна и восторженнымъ громовымъ «ура».

Послѣ этого волостной старшина Петербургской губерніи, Лезьенской волости Ямбургскаго уѣзда, Мочаловъ обратился къ Его Величеству со слѣдующимъ привѣтствіемъ:

«Ваше Императорское Величество Государь Всемилостивѣйшій.

«Счастливы мы, представители крестьянства, что удостоились принести сегодня къ августѣйшимъ стопамъ твоимъ, великій

Государь, наши поздравленія съ трехсотлѣтіемъ избранія на царство прародителя твоего.

«Ты, Государь, защита наша отъ всѣхъ враговъ: въ тебѣ правда, въ тебѣ милость.

«Много милости ты пролилъ на насъ, крестьянъ. Будь же счастливъ, возлюбленный Государь нашъ! Да продлить и благословить Господь дни твои! Да процвѣтетъ мирно русская земля подъ крѣпкой державой твоей, да растеть на радость тебѣ и Матушкѣ-Царицѣ и намъ всѣмъ, вѣрнымъ твоимъ людямъ, державный отрокъ, государь наслѣдникъ цесаревичъ.

«И вѣрь, Государь, что жизнь наша—для тебя. Вѣрь, что по первому призыву твоему мы станемъ тѣсной стѣной и, какъ Иванъ Сусанинъ, сложимъ головы свои за твою, Государь, драгоценную жизнь, за родъ твой и за славу родины нашей.

«Царствуй на славу намъ, царствуй на страхъ врагамъ, Царь православный».

Выслушавъ привѣтствіе, Его Величество поцѣловаль старшину; хоромъ музыки былъ исполненъ гимнъ «Боже, Царя храни», послѣ чего Государь Императоръ прослѣдовалъ во внутренніе покои дворца.

Послѣ ухода Его Величества старшины и представители сельскаго и инородческаго населенія приступили къ обѣду, предоставленному имъ отъ высочайшаго двора.

Передъ каждымъ приборомъ лежало художественно-исполненное меню, на лицевой сторонѣ было изображено избраніе на царство родоначальника дома Романовыхъ—Михаила Ѳеодоровича, а внутри—портреты благополучно царствующаго Государя Императора и царя Михаила Ѳеодоровича Романова, со скипетромъ и державою въ рукахъ.

23-го февраля въ императорскомъ Зимнемъ дворцѣ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ имѣли счастье принести поздравленія по случаю исполнившагося трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ придворныя и городскія дамы.

VII.

Блестящій, небывалый съ 1883 года балъ дало вечеромъ 23-го февраля петербургское дворянство. Въ его огромномъ залѣ собралось болѣе 3,000 человекъ—весь цвѣтъ петербургскаго общества. Электрическій свѣтъ люстръ заливалъ залъ. Бѣлыя колонны зала эффектно отгнѣнялись художественно разставленными группами высокихъ и развѣсистыхъ пальмъ и экзотическихъ растений.

Въ 9¹/₂ часовъ въ Царскую ложу, въ сопровожденіи петербургскаго предводителя дворянства, вошли Ихъ Величества Государь Императоръ, Государыни Императрицы Марія Ѳеодоровна и Але-

ксандра Θεодоровна и особы императорской фамилин. Государь въ мундирѣ своего гусарскаго полка.

Петербургскій предводитель дворянства флигель-адъютантъ свѣтлѣйшій князь Салтыковъ поднесъ Государю Императору хлѣбъ-соль и привѣтствовалъ Его Величество рѣчью:

«Всемилоствѣйшій великій Государь!

«Въ знаменательную трехсотлѣтнюю годовщину всенароднаго избранія на царство боярина Михаила Θεодоровича Романова вся Россія объединяется у подножія царскаго престола и благоговѣнно обращаетъ мысли свои на родную старину и на великое трехвѣковое царствованіе вѣнценосныхъ потомковъ царя Михаила. И чувствуютъ всѣ русскія сердца, что благодать Всевышняго осѣнила народнаго избранника, помазанника Божія, и возродилась Русь, стоявшая на краю гибели. И словно какъ подъ лучами благодатнаго солнышка оживаетъ вся природа, такъ и подъ сѣнью скипетра державныхъ государей Романовскаго дома расцвѣла Россія, раскинула въ ширь свои необъятные предѣлы и проявила свою несокрушимую мощь и величіе.

«Крѣпко за истекшіе вѣка сроднился русскій народъ со своимъ царствующимъ домомъ и съ глубокой, безпредѣльной любовью обращены на тебя, Государь, и на наслѣдника цесаревича восторженные взоры всѣхъ вѣрныхъ сыновъ родины. Удостой же, Государь, по древнему русскому обычаю милостиво принять хлѣбъ-соль петербургскаго дворянства, воодушевленнаго чувствами безпредѣльной преданности престолу и непоколебимой готовностью во всякія времена всѣ силы свои и жизнь принести на служеніе Царю и родинѣ.

«Твердо вѣрнѣе петербургское дворянство, что только въ тѣсномъ единеніи вѣрнаго народа съ своимъ природнымъ, самодержавнымъ Царемъ заключается все будущее счастье и величіе Россіи».

Послѣ рѣчи хоръ и оркестръ графа Шереметева, подъ личнымъ его управленіемъ, трижды исполнили гимнъ; гремѣло «ура».

Государь Императоръ, сердечно поблагодаривъ петербургское дворянство за высказанныя черезъ своего предводителя чувства любви и преданности по случаю 300-лѣтія юбилея царственнаго дома Романовыхъ и указавъ, что Россія росла, крѣпла и ширилась благодаря вѣрѣ съ Бога и единенію русскаго народа съ престоломъ, сказалъ:

«Да будетъ это во вѣки».

Слова эти были покрыты долго не смолкавшимъ восторженнымъ «ура».

Затѣмъ открылся балъ польскимъ изъ «Жизни за царя».

Въ первой парѣ шли Государь Императоръ и г-жа Сомова (супруга петербургскаго уѣзднаго предводителя дворянства), во второй—Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна съ губернскимъ предводителемъ дворянства свѣтлѣйшимъ княземъ Салтыковымъ, въ третьей—Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства камергеромъ Сомовымъ. Далѣе слѣдовали августѣйшія дамы съ представителями петербургскаго дворянства.

Послѣ полонеза начались танцы, въ которыхъ принимали участіе августѣйшія особы. Въ первомъ вальсѣ великая княжна Ольга Николаевна танцевала съ свѣтлѣйшимъ княземъ Салтыковымъ.

Танцевали вальсы, кадрили, мазурку и котильонъ. Въ немъ—изобиліе цвѣтовъ и лентъ. Дамы получали прекрасныя букеты изъ живыхъ цвѣтовъ и украсились широкими лентами.

Во время бала подавали чай и фрукты и устроены были открытыя буфеты съ шампанскимъ и десертомъ.

Танцами дирижировали полковникъ лейбъ-гвардіи уланскаго ея величества полка Масловъ и капитанъ стрѣлковъ императорской фамиліи баронъ Притвиць.

Въ двѣнадцатомъ часу Ихъ Величества отбыли съ бала.

Гостямъ былъ предложенъ ужинъ.

Въ этотъ же день состоялись торжественныя засѣданія въ Александровскомъ лицѣѣ и въ академіи наукъ. Согласно отчету о засѣданіи въ академіи, напечатанному въ «Новомъ Времени», большой залъ конференціи задолго до начала засѣданія оказался переполненнымъ. Присутствовали: предсѣдатель государственной думы М. В. Родзянко, члены государственнаго совѣта: М. М. Ковалевскій и генераль Н. П. Петровъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія В. Т. Шевяковъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія генераль В. Г. Глазовъ, начальникъ военно-юридической академіи М. М. Бородкинъ, вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ, непременный секретарь членъ государственнаго совѣта С. Ѳ. Ольденбургъ, академики: М. А. Дьяконовъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. А. Котляревскій и другіе, профессора высшихъ учебныхъ заведеній, гражданскихъ и военныхъ, и много посторонней публики. По открытіи засѣданія вице-президентомъ П. В. Никитинымъ, произнесъ рѣчь объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича академикъ М. А. Дьяконовъ.

Въ заключеніе своей рѣчи академикъ Дьяконовъ назвалъ настоящій національный праздникъ—праздникомъ русской исторической науки. Благодаря юбилею, появилось много работъ по изслѣдованію смутнаго времени, а «смутная эпоха является начальнымъ моментомъ нашей собственной автобіографіи».

Академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій произнесъ рѣчь: «Петръ Великій, державный основатель академіи наукъ».

Академикъ Н. А. Котляревскій сообщилъ объ академіи наукъ въ царствованіе императора Николая II.

Завѣтная мечта державнаго основателя академіи Петра Великаго оправдалась, по словамъ оратора, и академія быстро начала расцвѣтать при помощи послѣдующихъ монарховъ, неизмѣнно благосклонныхъ къ ея нуждамъ.

За 19-лѣтнее царствованіе императора Николая II дѣятельность академіи развивается особенно широко. Значительно увеличивается астрономическая обсерваторія, открывается рядъ филиальныхъ отдѣленій во всѣхъ городахъ, организуются экскурсіи огромной научной цѣнности. Россія покрывается цѣлой сѣтью метеорологическихъ лабораторій и станцій для изученія землетрясеній на отпущенныя Его Величествомъ суммы. Состоялись замѣчательныя экспедиціи въ полярныя страны подъ руководствомъ барона Толля, погибшаго во время экспедиціи, и на Шницбергенъ. Значительно расширяется музей этнографіи и антропологии, къ которому присоединяется и кабинетъ Петра Великаго. По желанію Государя Императора возобновились свои работы въ 1899 году разрядъ изящной словесности, который издаетъ теперь «Академическую бібліотеку русскихъ писателей». По мысли Государя, организуется комиссія для пособія нуждающимся литераторамъ, ученымъ и публицистамъ, неоднократно отпускаются суммы въ Пушкинскій домъ, временно находящійся въ академіи. Затѣмъ академія вступаетъ въ международный союзъ и принимаетъ участіе въ изданіи международной бібліографіи и сочиненій Эйлера. Въ 1899 году составъ отдѣленія русскаго языка и словесности пополняется новыми шестью членами. Послѣднимъ актомъ милости было утвержденіе новыхъ штатовъ академіи, которые дадутъ возможность широко и блестяще развернуть дѣятельность высшаго научнаго учрежденія Россіи. Въ заключеніе Н. А. Котляревскій отмѣчаетъ, что академія всегда питаетъ къ Государю Императору чувство благодарности за постоянныя заботы и неустанное попеченіе, и высказываетъ сожалѣніе объ отсутствіи по болѣзни августѣйшаго президента, который значительно содѣйствовалъ успѣшному процвѣтанію академіи и могъ бы съ полнымъ правомъ сказать: «Въ тѣхъ подвигахъ моя большая доля».

Всѣ рѣчи покрывались продолжительными аплодисментами.

Въ воскресенье 24-го февраля въ высочайшемъ присутствіи въ Народномъ домѣ императора Николая II состоялись бесплатныя спектакли для учащихся, какъ въ старомъ театральномъ залѣ, такъ и на сценѣ новой аудиторіи имени принца Александра Петровича Ольденбургскаго.

Въ началѣ второго часа прибылъ Государь Императоръ въ сопровожденіи министра императорскаго двора генераль-адъютанта графа Фредерикса.

Въ сопровожденіи августѣйшихъ особъ и встрѣчавшихъ лицъ, Его Величество прошелъ въ аудиторію имени принца Александра Петровича. Тысячи юныхъ и дѣтскихъ голосовъ зазвенѣли своимъ сердечнымъ «ура» на весь Народный домъ.

Трижды былъ исполненъ гимнъ «Боже, Царя храни». Государь занялъ мѣсто въ центрѣ зала и смотрѣлъ 1-й актъ оперы «Жизнь за царя».

При кликахъ «ура» Государь перешелъ въ театральныя залы Народнаго дома, гдѣ шло драматическое представленіе «Воцареніе дома Романовыхъ». Государь смотрѣлъ три картины и въ исходѣ третьяго часа отбылъ. Гимнъ исполнялся пятнадцать разъ.

Всѣхъ учащихся въ Народномъ домѣ собрано было четыре съ половиною тысячи человекъ.

Въ семь часовъ вечера въ Зимнемъ дворцѣ состоялся парадный юбилейный обѣдъ.

Обѣдъ былъ накрытъ въ залахъ Георгіевскомъ, Гербовомъ, Военной галереѣ 1812 г. и Александровскомъ залѣ. Въ Георгіевскомъ залѣ обѣдали: высшее духовенство, статсъ-дамы и камеръ-фрейлины, супруги особъ II класса, предсѣдатель совѣта министровъ и особы второго класса и предсѣдатель государственной думы. Въ Военной галереѣ—высшее духовенство, свитныя и городскія фрейлины, военные и гражданскіе чины второго класса, генераль-адъютанты, генераль-лейтенанты и вице-адмиралы и изъ особъ третьяго класса—члены государственнаго совѣта по назначенію. Въ Гербовомъ залѣ—также члены государственнаго совѣта по назначенію и по выборамъ, вторые чины двора, сенаторы, почетные опекуны, тайные совѣтники, товарищи предсѣдателя государственной думы, губернскіе предводители дворянства и представители дворянства губерній царства Польскаго, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, депутаціи отъ ученыхъ учрежденій и высшихъ учебныхъ заведеній, члены юбилейнаго комитета, городскіе головы губернскихъ городовъ, депутаціи казаковъ и великаго княжества Финляндскаго. Въ Александровскомъ залѣ—Государева свита, генераль-майоры и контръ-адмиралы, депутаціи отъ императорскихъ обществъ, свита эмира бухарскаго и хана хивинскаго, полковники и адъютанты великихъ князей.

Высочайшій выходъ шелъ изъ Концертнаго зала черезъ Николаевскій залъ, Аванъ-залъ, Фельдмаршальскій и Петровскій залы, гдѣ передъ трономъ стоялъ караулъ роты дворцовыхъ гренадеръ, въ Гербовый залъ и черезъ галерею 1812 года вступилъ въ Георгіевскій залъ. У всѣхъ дверей залъ стояли парные часовые роты дворцовыхъ гренадеръ.

Въ Георгіевскомъ залѣ столы были накрыты покоемъ. Царскій столъ, вблизи входа, противъ царскаго трона, который въ глубинѣ зала; отъ царскаго стола дальше еще шли два ряда столовъ. Царскій столъ былъ сервированъ роскошнымъ синимъ фарфоровымъ сервизомъ и украшенъ художественнымъ *surtout du table*, огромныя

канделябры, вазы съ бѣлыми и красными розами, группы, изображающія охотничьи сцены и выѣзды рыцарей, тянулись по всей длинѣ стола. Между ними граціозными завитками на бѣлой скатерти вились гирлянды розовой гвоздики и нѣжной зелени. Передъ приборами Ихъ Величество разстилалось плато изъ малиновыхъ розъ и бѣлыхъ ландышей. Въ Николаевскомъ залѣ, поражающемъ своими размѣрами, съ одиннадцатю окнами-воротами и съ громаднымъ во весь ростъ портретомъ императора Николая стали шпалерами по обѣимъ сторонамъ представители монархическихъ организацій 1.320 человекъ, которымъ было высочайше разрѣшено присутствовать во время торжественнаго шествія Ихъ Величество и особъ императорской фамиліи къ высочайшему столу. Въ залѣ находились министръ внутреннихъ дѣлъ камергеръ Маклаковъ и товарищъ министра свиты генераль-майоръ Джунковскій. У двери Концертнаго зала впереди съѣзда сталъ организаціонный комитетъ во главѣ съ своимъ почетнымъ предсѣдателемъ.

Представители русскаго собранія, союзовъ русскаго народа и Михаила Архангела и московской монархической организаціи и ихъ отдѣловъ стояли во всю длину зала по губерніямъ по алфавиту. Тутъ были изъ Сибири и Владивостока.

Когда отворились двери зала и Ихъ Величества вступили въ залъ, раздалось восторженное ура, смѣнившееся пѣніемъ всего зала гимна «Боже, Царя храни», длившимся во все время прохожденія шествія. Изъ Концертнаго зала началось великолѣпное царское шествіе.

Впереди, съ высокими золотыми жезлами въ рукахъ, украшенными наверху коронами, шли церемоніймейстеры. За ними въ расшитомъ по всѣмъ швамъ мундирѣ оберъ-церемоніймейстеръ баронъ Корфъ. За нимъ по два въ рядъ, въ такихъ же расшитыхъ мундирахъ шли попарно первые чины высочайшаго двора: оберъ-штабмейстеръ генераль-адъютантъ Гринвальдъ, оберъ-егермейстеръ генераль-адъютантъ свѣтл. князь Голицынъ, оберъ-гофмейстеры фонъ-Кауфманъ и Нечаевъ-Мальцевъ, оберъ-егермейстеры Балашевы, оберъ-гофмейстеры Танъевъ и князь Репнинъ. За ними съ высокимъ золотымъ жезломъ съ орломъ наверху предшествовалъ Ихъ Величествамъ оберъ-гофмаршалъ генераль-адъютантъ графъ Бенкендорфъ.

Государь Императоръ шелъ съ Государыней Императрицей Маріею Ѳеодоровною. Его Величество былъ въ мундирѣ своего лейб-гвардіи казачьяго полка, цѣпи ордена Андрея Первозваннаго и александровской лентѣ. Государыня Императрица въ цѣпи ордена св. Андрея Первозваннаго и екатерининской лентѣ.

За Его Величествомъ слѣдовали министръ императорскаго двора и дежурство: генераль-адъютантъ князь Кочубей и свиты контръ-адмиралъ графъ Толстой и флигель-адъютантъ князь Мещерскій.

За креслами Ихъ Величествъ стояли первые чины двора, за креслами ихъ высочествъ,—вторые чины двора, камергеры и камеръ-юнкеры и за всѣми высочайшими особами камеръ-пажи.

На приборахъ лежали художественно отпечатанныя меню въ русскомъ стилѣ XVI вѣка: наверху старостильный орелъ, по бокамъ—витязи. Во время обѣда три раза было пито: первый тостъ за здравіе Ихъ Величествъ, второй тостъ на наследника цесаревича и царствующій домъ, третій—за духовныхъ особъ и всѣхъ вѣрноподанныхъ; при тостахъ по сигналу съ петербургской крѣпости гремѣли салюты орудій. Во время тостовъ кубки Ихъ Величествамъ подносили: Государю—оберъ-гофмейстеръ Танъевъ, Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ—оберъ-гофмейстеръ князь Шервашидзе, Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ—оберъ-егермейстеръ Н. П. Балашевъ, прочимъ августѣйшимъ особамъ подавали кубки вторые чины двора и придворные кавалеры.

Во время обѣда въ Георгіевскомъ залѣ игралъ придворный симфоническій оркестръ, въ другихъ залахъ военные оркестры, которые послѣ тостовъ исполнили «славу». Репертуаръ музыки во время обѣда состоялъ изъ русскихъ пьесъ.

Послѣ обѣда высочайшее шествіе во внутренніе покои послѣдовало тѣмъ же церемоніальнымъ порядкомъ, причемъ за высочайшими особами слѣдовали парами придворныя дамы. Всѣ дамы на обѣдѣ были въ русскихъ платьяхъ. По окончаніи обѣда присутствующимъ былъ предложенъ кофе въ Николаевскомъ залѣ и Аванъ-залѣ. Въ десятомъ часу послѣдовала разъѣздъ.

VIII.

20-го февраля, наканунѣ дня торжественнаго празднованія 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ, во всѣхъ храмахъ Первопрестольной столицы было совершено поминовеніе въ Бозѣ почившихъ родителей перваго царя изъ дома Романовыхъ, благочестивѣйшихъ государей-царей, благочестивѣйшихъ государей императоровъ и императрицъ и всѣхъ отъ рода царей и великихъ князей російскихъ изъ дома Романовыхъ преставльшихся.

Особою торжественностью отличалась панихида въ Архангельскомъ соборѣ, которая началась въ первомъ часу дня. На гробницы почивающихъ въ соборѣ царей были возложены покровы изъ малиноваго бархата и установлены подсвѣчники съ зажженными свѣчами.

Здѣсь панихиду совершалъ высокопреосвященный Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій, въ сослуженіи съ преосвященными: Трифономъ, епископомъ дмитровскимъ, и Анастасіемъ, епископомъ серпуховскимъ, протопресвитеромъ Успенскаго собора Н. А. Любимовымъ, ректоромъ московской духовной семи-

наріи архимандритомъ Филиппомъ, настоятелями монастырей и духовенствомъ Архангельскаго собора. Пѣлъ синодальный хоръ, бывшій въ парадныхъ темныхъ кафтанахъ.

За панихидой поминались: въ бозѣ почивающіе родители перваго царя изъ дома Романовыхъ—блаженнѣйшій патріархъ Филаретъ и великая старица инокиня Марѳа, благочестивѣйшіе государи-цари: Михаилъ Ѳеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, Иоаннъ Алексѣевичъ, благочестивѣйшіе государи императоры и императрицы: Петръ I, Екатерина I, Петръ II, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Петръ III, Екатерина II, Павелъ I, Александръ I, Николай I, Александръ II и Александръ III, почивающіе въ Архангельскомъ соборѣ царевичи и великіе князья, а также великій князь Сергѣй Александровичъ и всѣ отъ рода царей и великихъ князей россійскихъ изъ дома Романовыхъ преставльшіеся.

Въ соборѣ при богослуженіи присутствовали: находящіяся въ Москвѣ придворныя и кавалерственныя дамы, придворныя чины и кавалеры, почетные опекуны, командующій войсками московскаго военнаго округа генераль-отъ-кавалеріи П. А. Плеве, московскій комендантъ генераль-отъ-инфантеріи Е. П. Вишняковъ и много другихъ высокопоставленныхъ лицъ и представителей города и губерніи.

Во время панихиды высокопреосвященный Макарій обходилъ гробницы царей и совершалъ предъ ними кажденіе. При пѣніи «Со святыми упокой» и при возгласеніи «Вѣчной памяти» молящіеся опускались на колѣна. Когда служилась панихида, совершался колокольный перезвонъ.

Въ Успенскомъ соборѣ панихида была совершена въ половинѣ десятаго часа утра преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ серпуховскимъ, соборнѣ.

Какъ извѣстно, въ этомъ соборѣ находится гробница родителя перваго царя изъ дома Романовыхъ—блаженнѣйшаго патріарха Филарета. По случаю торжества московскіе женскіе монастыри возложили на эту гробницу превосходный покровъ изъ малиноваго бархата; церковная юбилейная комиссія установила на гробницу массивную, художественной работы, серебряную лампаду, вѣсомъ въ 6½ фунтовъ, по своему виду представляющую копію митры, которую носилъ патріархъ Филаретъ Никитичъ.

Въ концѣ панихиды преосвященный Анастасій, состоящій предсѣдателемъ церковной юбилейной комиссіи, приблизился къ гробницѣ патріарха Филарета, возжегъ огонь въ установленной лампадѣ и совершилъ литію.

Въ соборномъ храмѣ Вознесенскаго монастыря, гдѣ погребены царицы и царевны, панихиду совершалъ преосвященный Василій, епископъ Можайскій, при пѣніи хора монахинь. Здѣсь за панихи-

дой, кромѣ общаго синодика, поминались также царицы и царевны, погребенныя въ храмѣ этой обители.

Большою торжественностью отличалась панихида въ Новоспаскомъ монастырѣ, гдѣ находится усыпальница «пресвѣтлыхъ предковъ» царствующаго дома Романовыхъ и матери царя Михаила Ѳеодоровича инокини Марѳы. Вознесенскій монастырь возложилъ на гробницу великой старицы драгоценный покровъ и лампаду. Панихиду совершалъ высокопреосвященный Алексій, настоятель Донского монастыря. За панихидой поминались, кромѣ общаго синодика, также предки царствующаго дома Романовыхъ, погребенные въ усыпальницѣ обители.

Панихиды были совершены въ военныхъ и училищныхъ храмахъ въ присутствіи войскъ и учащихся. Воспитанники учебныхъ заведеній, не имѣющихъ своихъ домовыхъ церквей, собирались на панихиды въ сосѣднихъ приходскихъ храмахъ. Панихиды совершались также въ разныхъ учрежденіяхъ.

Въ тотъ же день панихида была совершена въ храмѣ-усыпальницѣ великаго князя Сергѣя Александровича.

Въ Донскомъ монастырѣ были отслужены часы съ колѣнопреклоненіемъ, а по окончаніи ихъ—панихида по вѣмъ отъ рода царей и великихъ князей россійскихъ. Богослуженіе совершалъ находящійся на покоѣ въ Донскомъ монастырѣ преосвященный епископъ Антоній съ всей братією обители. Пѣлъ мѣстный монастырскій хоръ.

Въ храмѣ при дворянской богадѣльнѣ имени С. Д. Нечаева была совершена панихида съ поминовеніемъ въ Бозѣ почивающихъ родителей перваго царя дома Романовыхъ Михаила Ѳеодоровича и всѣхъ скончавшихся царей и императоровъ, въ присутствіи всѣхъ призрѣваемыхъ.

Вечеромъ во всѣхъ храмахъ столицы были совершены торжественныя всенощныя бдѣнія. Въ Успенскомъ соборѣ всенощное бдѣніе совершали викаріи московской митрополіи.

Первопрестольная столица съ утра 21-го февраля расцвѣтилась національными флагами; многіе дома были убраны гирляндами изъ зелени и украшены драпировками. На фронтонѣ россійскаго благороднаго собранія былъ устроенъ красивый щитъ, на которомъ, кромѣ государственнаго, выдѣлялся древній Романовскій гербъ.

Во всѣхъ храмахъ столицы были совершены послѣ литургіи благодарственныя Господу Богу молебствія при большомъ стеченіи молящихся.

Народъ съ утра потянулся вереницами на Красную площадь и въ Кремль. Скоро стали подходить войска и занимать назначенныя мѣста какъ въ Кремлѣ, такъ и на Красной площади.

Въ десять часовъ утра началась божественная литургія въ Большомъ Успенскомъ соборѣ, которую совершалъ высокопреосвященный Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій, въ сослу-

женіи преосвященныхъ: Трифона, епископа дмитровскаго, и Анастасія, епископа серпуховскаго, протопресвитера Н. А. Любимова и архимандритовъ: Филиппа, ректора духовной семинаріи, Дмитрія—синодальнаго ризничаго, Аристарха—настоятеля Покровскаго монастыря, Аванасія—настоятеля Срѣтенскаго монастыря и Θεодосія—настоятеля Златоустова монастыря.

Въ концѣ литургіи высокопреосвященный Макарій произнесъ поучительное слово.

Въ началѣ перваго часа дня въ Успенскомъ соборѣ началось торжественное благодарственное молебствіе, которое совершаль высокопреосвященный Макарій въ сослуженіи преосвященныхъ Трифона, Василія, Анастасія и Евѣимія, протопресвитера, десяти архимандритовъ, протоіерея кафедральнаго собора В. С. Маркова и другого духовенства при пѣніи синодальнаго хора.

Послѣ чтенія святаго евангелія крестный ходъ при пѣніи «Спаси, Господи, люди Твоя» двинулся изъ Успенскаго собора на Красную площадь. Погода вполне благоприятствовала торжеству: стоялъ солнечный, теплый день.

Въ крестномъ ходу двигались сотни блестящихъ хоругвей; въ шествіи были несены особо чтимыя иконы Богоматери: Владимирская, Иверская и Казанская, а также св. иконы, особо чтимыя въ домѣ Романовыхъ.

Торжественное шествіе направлялось при торжественномъ звонѣ кремлевскихъ колоколовъ, причемъ на звонъ Ивана Великаго раздался благовѣстъ во всѣхъ храмахъ столицы. Военныя училища и войска, какъ только двинулся крестный ходъ, взяли «на караулъ», хоры музыки исполняли «Коль славенъ». Народъ во множествѣ стоялъ съ обнаженными головами за шпалерами войскъ.

Во главѣ многочисленнаго духовенства слѣдоваль высокопреосвященный Макарій; впереди его шествовали преосвященные Трифонъ и Василій, Анастасій и Евѣимій. За митрополитомъ слѣдоваль Государевъ посланникъ свѣтлѣйшій князь Голицынъ, а также всѣ начальствующія лица, дамы, представители дворянства, земства, города, сословій и волостные старшины.

При торжественномъ колокольномъ звонѣ и звукахъ музыки крестный ходъ вступилъ на Красную площадь, на которой стройными рядами стояли войска, а за ними—множество народа. Особенно велико было стеченіе народа у Лобнаго мѣста и Покровскаго собора. У Лобнаго мѣста расположился народный хоръ изъ церкви Воскресенія въ Кадашахъ, который подъ управленіемъ священника Н. И. Смирнова пѣлъ «Спаси, Господи, люди Твоя» и другія пѣснопѣнія.

На Лобное мѣсто поднялись митрополитъ, епископы, архимандриты и другое старшее духовенство; сюда взошелъ генераль-адъютантъ свѣтлѣйшій князь Д. Б. Голицынъ, вручившій высокопреосвященному Макарію высочайшій манифестъ.

Митрополитъ Макарій, принявъ манифестъ, поцѣловалъ его, а затѣмъ передалъ протодіакону К. В. Розову. Въ этотъ моментъ колокольный звонъ стихъ въ ближайшихъ храмахъ; шествіе остановилось; музыка перестала играть. Протодіаконъ Розовъ громко прочиталъ манифестъ.

Послѣ чтенія манифеста высокопреосвященный Макарій сталъ осѣнять народъ святымъ крестомъ на всѣ четыре стороны при пѣніи «Господи, помилуй».

Затѣмъ снова двинулось шествіе при яркихъ лучахъ весенняго солнца. Возобновился колокольный звонъ, музыка исполняла «Коль славецъ».

Шествіе направилось къ Историческому музею и далѣе чрезъ Никольскія ворота въ Кремль; здѣсь на Сенатской площади стояли опять шпалерами войска, бравшія «на караулъ».

Было четверть второго часа дня, когда крестный ходъ возвратился въ Успенскій соборъ, гдѣ продолжалось ранѣе начатое здѣсь благодарственное молебствіе. Въ концѣ молебствія высокопреосвященный Макарій прочиталъ составленную для нынѣшняго дня особую молитву съ колѣнопреклоненіемъ. Молебствіе закончилось возгласеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, наслѣднику цесаревичу и всемя царствующему дому. Съ Тайницкой башни была произведена салютаціонная пальба сто однимъ выстрѣломъ.

Послѣ многолѣтія, когда свѣтлѣйшій князь Голлицынъ подошелъ къ святому кресту, высокопреосвященный Макарій благословилъ его иконой Казанской Божіей Матери, точной копіей иконы, сопровождавшей князя Пожарскаго.

Въ то время, когда въ Успенскомъ соборѣ заканчивалось молебствіе, выстроенныя войска въ Кремлѣ и на Красной площади стали перестраиваться къ церемоніальному маршу.

Парадъ, привлекшій много зрителей, окончился въ три часа дня.

Учащіеся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ присутствовали въ день избранія Михаила Ѳеодоровича на царство и празднованія трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ на молебнахъ; въ среднихъ и низшихъ школахъ были устроены чтенія съ пѣніемъ.

Въ три часа дня въ нѣкоторыхъ приходскихъ храмахъ и въ городскихъ училищныхъ зданіяхъ, всего въ восьмидесяти трехъ пунктахъ, были совершены молебствія для учащихся всѣхъ городскихъ школъ въ присутствіи попечителей, попечительницъ и педагогическаго персонала. Предъ началомъ молебствій законоучителями были сказаны поученія.

Пѣли хоры учащихся, причемъ молитвы «Царю Небесный», «Спаси, Господи» и «Благодарни сущи» были пропѣты всѣми учащимися.

Въ нѣкоторыхъ школахъ послѣ богослуженія состоялись чтенія съ картинами и пѣніемъ. Учащимся были розданы гостинцы.

Въ Ермаковскомъ техническомъ училищѣ празднество отличалось особою торжественностію. Послѣ литургіи и молебствія преподавательскій персоналъ съ директоромъ П. Н. Верховскимъ во главѣ и учащіеся перешли въ актовъ залъ. Здѣсь предъ портретомъ Государя Императора, убранномъ гирляндами, живыми цвѣтами и національными флагами, была произнесена рѣчь по случаю юбилея инспекторомъ училища. Хоръ учащихся исполнилъ «Спаси, Господи» и кантату. Торжество закончилось троекратнымъ исполненіемъ народнаго гимна всѣми учащимися.

Наканунѣ, 20-го февраля, здѣсь была совершена панихида и послѣ нея состоялось литературно-вокальное утро. Съ рѣчами по поводу юбилейнаго торжества выступили Ф. П. Станайтисъ, В. В. Смирновъ и Н. Н. Соколовъ. Учащіеся продекламировали нѣсколько стихотвореній. На экранѣ были показаны туманныя картины. Утро закончилось исполненіемъ народнаго гимна. Затѣмъ были розданы юбилейныя изданія.

Вечеромъ Москва была иллюминирована. Особенно удачной была иллюминація дворянскаго собранія, городской думы, купческаго собранія и нѣкоторыхъ другихъ зданій. Иллюминація привлекла на улицы толпы народа.

Въ семь часовъ вечера въ большомъ залѣ епархіальнаго дома состоялось торжественное засѣданіе московской церковной юбилейной комиссіи въ память трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ.

Въ залѣ на экранѣ среди тропическихъ растений красовались портреты Государя Императора, перваго царя изъ дома Романовыхъ Михаила Ѳеодоровича и патріарха Филарета Никитича, украшенные гирляндами изъ зелени. Обширный залъ полонъ. На собраніе прибылъ высокопреосвященный Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. Присутствовали епископы и высшее столичное духовенство; изъ почетныхъ лицъ находились: командующій войсками округа генералъ П. А. Плеве, управляющій губерніей В. Г. Кондоиди и другія высшія должностныя лица, а также члены юбилейной церковной комиссіи.

Собраніе открылось пѣніемъ молитвы «Днесъ благодать Св. Духа на събра». Высокопреосвященный Макарій сказалъ краткое вступительное слово, въ которомъ призвалъ Божіе благословеніе на царствующій домъ Романовыхъ. Трижды былъ исполненъ народный гимнъ. Преосвященный Анастасій огласилъ всеподданнѣйшую телеграмму Государю Императору по поводу свѣтлаго торжества.

Затѣмъ преосвященный Анастасій произнесъ рѣчь объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. Е. А. Никитинъ прочиталъ рѣчь Д. И. Иловайскаго: «Смутное время и первый царь изъ дома Романовыхъ». Синодальный хоръ превосходно исполнилъ рядъ пѣснопѣній. Сильное впечатлѣніе произвели хоры изъ сборника: «Лепта вторая» (изданіе Алтайской миссіи): 1) «Отецъ мой, Господь мой» и

2) «Золотое сердце», внесенныя въ программу по указанію высокопреосвященнаго Макарія.

Слѣдовали рѣчи: Д. В. Цвѣтаева—объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича и И. С. Бѣльева: «Памятники дома Романовыхъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ». Хоръ И. И. Юхова исполнилъ рядъ пѣснопѣній, хоръ изъ оперы «Жизнь за царя», «Въ бурю, во грозу» и «Славься». Собраніе закончилось въ исходѣ одиннадцатаго часа пѣніемъ народнаго гимна.

Всѣмъ многочисленнымъ посѣтителемъ засѣданія была роздана изящная программа съ прекрасными орнаментами собственноручной работы дочери царя Михаила Ѳеодоровича царицы Татіаны Михайловны, взятыми изъ ея рукописи. Кромѣ того, раздавалась книга «Россія подъ скипетромъ Романовыхъ».

22-го февраля въ московскомъ отдѣлѣ императорскаго русскаго военно-историческаго общества состоялось торжественное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ генерала Д. П. Зуева.

Предъ началомъ засѣданія былъ отслуженъ молебенъ, а затѣмъ предсѣдатель отъ имени общества послалъ телеграмму на имя военнаго министра съ просьбою повергнуть на высочайшее имя въриноподданническія чувства членовъ общества.

Первый докладъ былъ сдѣланъ С. Е. Кедринимъ: «Походъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго на Москву въ 1612 году». Докладчикъ, отмѣчая громадныя заслуги предъ родиной князя Пожарскаго, высказалъ, что, несмотря на это, въ настоящій юбилейный годъ память Пожарскаго ничѣмъ не отмѣчена. Только военно-историческое общество поставило доску на дворѣ Пожарскаго (3-я гимназія на Лубянкѣ) въ ноябрѣ истекшаго года.

Слѣдующій докладъ: «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова» былъ сдѣланъ профессоромъ Д. В. Цвѣтаевымъ.

Закончилось засѣданіе докладомъ И. Я. Стеллецкаго «Походъ вновь избраннаго царя Михаила Ѳеодоровича Романова изъ города Костромы въ городъ Москву». Докладчикъ изложилъ весь путь царя, всѣ остановки на пути, чѣмъ интересовался юный царь и чѣмъ былъ озабоченъ.

Согласно манифесту въ Москвѣ 21-го февраля освобождались заключенные въ тюрьмахъ: Бутырскаго, Сокольнической, Таганской и женской, а также нѣсколько человекъ изъ тюремной больницы.

Всего въ Москвѣ освобождено около 700 заключенныхъ: изъ Бутырскаго тюремъ—около 250 человекъ, изъ Сокольнической—около 200, изъ Таганской—140, изъ женской и тюремной больницы—около 70-ти заключенныхъ.

Изъ полицейскихъ домовъ было освобождено свыше 1,000 заключенныхъ, изъ городского арестнаго дома—115.

IX.

Обращаясь къ обзорѣнію того, какъ отразились юбилейные Романовскіе дни въ провинціи, мы видимъ изъ данныхъ с.-петербургскаго телеграфнаго агентства, что во всѣхъ отечественныхъ городахъ и мѣстечкахъ торжества протекли при пышной обстановкѣ. Общая картина такова:

Во всѣхъ соборахъ, приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ присутствіи представителей власти, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, представителей общественныхъ учрежденій, войсковыхъ частей и массы народа совершены божественныя литургіи и торжественныя молебствія съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, наслѣднику цесаревичу и всему царствующему дому и былъ прочитанъ высочайшій манифестъ. Къ началу литургіи въ соборные храмы изъ городскихъ церквей прибыли крестные ходы, а въ селахъ были совершены крестные ходы и молебствія и произведенъ цѣлодневный звонъ.

Города всюду 21 февраля приняли праздничный видъ и были украшены флагами, зеленью и особо воздвигнутыми [ко дню юбилея] сооружениями. Послѣ благодарственныхъ молебствій, въ гарнизонахъ произведены парады войскамъ. Въ городскихъ думахъ и разныхъ общественныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ состоялись торжественныя засѣданія, на которыхъ читались всеподданнѣйшіе адреса и телеграммы, въ которыхъ населеніе повергаетъ къ стопамъ обожаемаго Царя вѣрноподданническія чувства безпредѣльной любви и преданности.

Въ учебныхъ заведеніяхъ состоялись торжественные акты съ произнесеніемъ рѣчей, посвященныхъ славному царствованію дома Романовыхъ, съ раздачею брошюръ и картинъ, чтеніями и туманными картинами, а также состоялись литературныя и музыкальныя утра.

Всюду городскими управленіями предоставлены бесплатныя обѣды бѣднѣйшему населенію и устроены народныя гулянья, бесплатныя спектакли и концерты въ народныхъ домахъ и городскихъ театрахъ.

Во многихъ городахъ, послѣ совершенія божественной литургіи, огромныя массы молящихся, во главѣ съ начальниками губерній, военными и гражданскими чинами и служащими въ правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ направлялись на городскія площади, гдѣ были совершены молебствія, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему царствующему дому, съ послѣдовавшимъ затѣмъ чтеніемъ высочайшаго манифеста и провозглашеніемъ начальниками губерній здравіцы Державному Вождю земли русской. Здравіцы покры-

вались нескончаемыми кликами «ура» многотысячныхъ толпъ народа и многократнымъ пѣніемъ гимна подъ звуки военныхъ оркестровъ.

Вечеромъ города были иллюминированы, сожжены фейерверки, вездѣ царило необычайное оживленіе. Къ начальникамъ губерній непрерывно поступали многочисленныя ходатайства о поверженіи къ стопамъ Государя Императора вѣрноподданныхъ чувствъ и поздравленій.

Отмѣчая наиболѣе характерное въ провинціальныхъ центрахъ въ эти дни, мы прежде всего встрѣчаемъ въ столичныхъ газетахъ слѣдующія телеграммы отъ 20-го февраля.

НЫРОБЪ. Сегодня въ Ныробѣ, послѣ торжественнаго заупокойнаго богослуженія по безвинномъ страдалцѣ бояринѣ Михаилѣ Никитичѣ Романовѣ, при стеченіи громаднаго количества народа, представителей губернской и уѣздной администраціи и общества, состоялось возложеніе 34 вѣнковъ у часовни, что надъ мѣстомъ заточенія боярина.

САРАТОВЪ. На вокзалѣ, въ присутствіи губернатора, должностныхъ лицъ и сословныхъ представителей, крестнымъ ходомъ духовенства всѣхъ церквей, съ преосвященнымъ Діонисіемъ, епископомъ петровскимъ во главѣ, при громадномъ стеченіи народа, встрѣченъ прибывшій изъ Аркадака, Балашовскаго уѣзда, животворящій съ частицами мощей крестъ — образъ моленія царя изъ дома Романовыхъ, Михаила Ѳеодоровича.

Крестъ былъ пожалованъ въ 1622 году окольнымъ Измайлову за труды въ смутное время и переговоры съ поляками объ освобожденіи отца царя, Филарета Никитича, изъ плѣна.

На крестѣ выгравирована грамота царя Михаила.

Крестъ, по родству, перешелъ отъ Измайлова къ помѣщику Абазѣ, а послѣдній передалъ его церкви.

Съ вокзала святыня перенесена крестнымъ ходомъ въ Крестовую церковь, гдѣ была встрѣчена епископомъ Алексіемъ саратовскимъ и возложена на аналой для всенароднаго поклоненія. Епископомъ совершена литургія.

КАЗАНЬ. Въ соборѣ торжественнымъ архіерейскимъ служеніемъ совершена панихида по почившихъ государяхъ дома Романовыхъ, въ присутствіи представителей всѣхъ вѣдомствъ и массы молящихся. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, войсковыхъ частяхъ и многихъ учрежденіяхъ совершены панихиды.

Городъ дѣятельно украшается вензелями, лампіонами, флагами и зеленью.

Передъ городскимъ театромъ висится громадная ледяная группа, изображающая аллегорическую фигуру Россіи, у ногъ которой стоятъ Мининъ и Пожарскій. Противъ университета изъ льда сооруженъ «дворецъ Романовыхъ».

ГРОДНА. Городская дума въ ознаменованіе юбилея постановила наименовать улицы: Муравьевскую—Романовской, Саперную — Алексѣевской, Новошоссейную — Петровско-Николаевской. Ремесленному училищу имени императора Александра III дума постановила ассигновать пособіе въ 1,000 рублей ежегодно.

КОЗЛОВЪ. Въ ознаменованіе юбилея городская дума сложила 10,000 рублей недоимокъ.

ӨЕОДОСИЯ. Открылась организованная преподавателемъ Марковымъ выставка, посвященная исторіи дома Романовыхъ.

ЯРОСЛАВЛЬ. Сегодня въ мѣстныхъ храмахъ, а также въ учебныхъ заведеніяхъ отслужены панихиды по почившихъ правителяхъ изъ дома Романовыхъ. Особою торжественностью отличалась совершенная архіерейскимъ служеніемъ панихида въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ,—въ томъ самомъ, въ которомъ имѣлъ продолжительную остановку первый русскій царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ во время путешествія его послѣ избранія изъ Костромы въ Москву.

КРЕМЕНЧУГЪ. Въ ознаменованіе юбилея учреждены стипендіи во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города. Мѣщанское общество сложило 3,000 рублей недоимокъ. Больничныхъ недоимокъ сложено на сумму 12,500 рублей.

БРЯНСКЪ, Орловской губерніи. Городъ въ ознаменованіе юбилея сложилъ 10,000 рублей больничной недоимки съ бѣднѣйшихъ жителей, а также рѣшилъ учредить двадцать пять стипендій въ городскихъ училищахъ и построить домъ для больныхъ-хрониковъ.

СЕВАСТОПОЛЬ. Служащіе и рабочіе желѣзной дороги рѣшили ознаменовать трехсотлѣтній юбилей дома Романовыхъ сооруженіемъ на свои средства колокольни и колокола въ триста пудовъ при церкви святого Ѳеодосія на станціи Севастополь.

ПЕРМЬ. Верхне-мулинскій волостной сходъ Пермскаго уѣзда въ ознаменованіе юбилея дома Романовыхъ постановилъ устроить на общественныя деньги показательно-образцовое поле, подъ наименованіемъ «Романовское», которое будетъ служить развитіемъ земледѣлія.

Въ губерніи собрано пожертвованій на увѣковѣченіе памяти боярина Михаила Никитича Романова въ селѣ Ныробѣ двадцать три тысячи шестьсотъ пятьдесятъ семь рублей.

Списокъ телеграммъ подобнаго содержанія безконеченъ и было бы утомительно приводить всѣ юбилейныя предначертанія, частью уже осуществленныя, а частью предстоящія къ исполненію въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Обращаясь къ самому празднованію дня 21-го февраля, мы видимъ, что оно протекло наиболѣе торжественно въ Костромѣ, Ригѣ, Выборгѣ, Саратовѣ, Орлѣ, Кіевѣ и другихъ наиболѣе крупныхъ

городахъ. Такъ, въ Костромѣ, въ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ совершена торжественная литургія архіерейскимъ служеніемъ, на которой присутствовали губернаторъ камергеръ Стремуховъ, военные и гражданскіе чины всѣхъ вѣдомствъ и представители общественныхъ учреждений.

По окончаніи литургіи и прочтеніи высочайшаго манифеста изъ собора послѣдоваль крестный ходъ во главѣ съ возведеннымъ сегодня въ санъ архіепископа архіереемъ Тихономъ, при громадномъ стеченіи народа, къ Александро-Невской часовнѣ на Сусанинской площади, гдѣ совершенъ торжественный молебенъ. Отъ часовни крестный ходъ прослѣдовалъ къ памятнику царю Михаилу Ѳедоровичу и Сусанину, передъ которымъ совершена заупокойная литія, послѣ чего на памятникъ, изящно украшенный зеленью, цвѣтами и электрическими лампочками, возложены вѣнки отъ дворянства, губернскаго и уѣзднаго земствъ и города. Затѣмъ на Сусанинской площади состоялся парадъ мѣстнымъ войскамъ, потѣшнымъ и ученикамъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ заключеніе котораго войска и потѣшные церемониальнымъ маршемъ продефилировали передъ памятникомъ.

Послѣ парада въ городской управѣ состоялось торжественное засѣданіе, посвященное торжественному событію, а послѣ засѣданія парадный завтракъ при участіи губернатора, архіерея и прибывшаго въ Кострому изъ Житомира офицера, депутата Костромскаго полка, поднесшаго городу адресъ. Весь городъ богато украшенъ и иллюминированъ.

Въ Ригѣ празднованіе началось служеніемъ панихидъ во всѣхъ храмахъ. Въ соборѣ богослуженіе совершалъ архіепископъ Іоаннъ со всѣмъ градскимъ духовенствомъ, въ присутствіи властей и учащихя духовно-учебныхъ заведеній.

Послѣ полудня жители приступили къ украшенію домовъ. Въ витринахъ магазиновъ выставлены портреты и бюсты Государя Императора, царской семьи и государей изъ дома Романовыхъ, убранные цвѣтами и зеленью и перевитые трехцвѣтными и черно-желтыми лентами. Вечеромъ многія учрежденія, частные дома, банки и промышленныя предпріятія были иллюминированы.

Въ шесть часовъ вечера состоялось факельное шествіе многочисленныхъ пѣвческихъ обществъ совместно съ пожарными, съ хоромъ музыки и знаменами къ рижскому замку, гдѣ передъ памятникомъ побѣды въ память Отечественной войны исполнены народный гимнъ и патріотическія пѣснопѣнія.

На улицахъ царило праздничное настроеніе.

Въ Орлѣ чествованіе началось архіерейскимъ служеніемъ въ Петропавловскомъ соборѣ, потомъ предъ храмомъ на Кадетскомъ плацу былъ парадъ при участіи всѣхъ находившихся въ Орлѣ войскъ. Въ три часа дня состоялся торжественный актъ подъ предсѣдатель-

ствомъ начальника губерніи въ домѣ дворянства, при участіи представителей всѣхъ мѣстныхъ правительственныхъ, общественныхъ и военныхъ учреждений, учащихся всѣхъ среднеучебныхъ заведеній и приглашенной публики, на которомъ будутъ прочитаны доклады и исполнены музыкальные нумера. Для народа были устроены чтенія въ нѣсколькихъ мѣстахъ о царствованіи дома Романовыхъ; на бульварѣ, Кадетскомъ плацу были разставлены стяги, транспаранты, открытые кинематографы съ различными картинами изъ царствованія дома Романовыхъ, а также фейерверкъ; чтенія и развлеченія продолжались нѣсколько дней. Отъ города было роздано 300 бесплатныхъ обѣдовъ бѣднякамъ. Городъ, попечительство о народной трезвости и другія учрежденія участвовали въ расходахъ по устройству торжествъ.

Въ Казани состоялось торжественное засѣданіе духовной академіи въ ознаменованіе 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ и дарованія академіи наименованія императорской. Присутствовали архіепископъ, академическая корпорація и представители разныхъ вѣдомствъ. Профессоръ Покровскій выяснилъ значеніе патріотизма русскаго дворянства въ смутное время. Священникъ Писаревъ въ блестящей рѣчи изложилъ причины любви и крѣпкаго единенія русскаго народа съ государями дома Романовыхъ. Хоръ студентовъ исполнилъ нѣсколько кантатъ, народный гимнь и «Слався». Въ разныхъ мѣстахъ города группы студентовъ начинали пѣніе народнаго гимна. Народъ присоединялся къ пѣнію, и могучее «Боже, Царя храни» лилось изъ устъ стотысячной толпы по всему городу.

Въ Александровскѣ-на-Мурманѣ были совершены богослуженія въ мѣстномъ храмѣ и въ народномъ домѣ. Особенной торжественностью и многолюдствомъ отличались празднества въ народномъ домѣ, гдѣ по особой программѣ былъ устроенъ юбилейный литературно-вокальный вечеръ; учащимся и публикѣ раздавались спеціальныя картины, брошюры, портреты, а дѣтямъ гостинцы. Отъ правительственныхъ и общественныхъ организацій и горожанъ посланы вѣрноподанническія поздравленія Его Императорскому Величеству.

Въ такомъ же болѣе или менѣе родѣ и по такому же плану протекли торжества и во всѣхъ остальныхъ городахъ. Равнымъ образомъ и картина освобожденія изъ провинціальныхъ мѣстъ заключенія была та же, что и въ столицахъ. Такъ, телеграфныя агентства сообщали въ наши газеты по сему предмету слѣдующія данныя изъ главнѣйшихъ центровъ тюремныхъ и крѣпостныхъ заключеній.

КІЕВЪ. Въ Лукьяновской тюрьмѣ и другихъ мѣстахъ заключенія было необычайное волненіе, достигшее наибольшаго напряженія ночью, когда прибывшіе чины прокуратуры занялись состав-

влениемъ списковъ подлежащихъ освобожденію. Работа эта продолжалась всю ночь. На разсвѣтѣ передъ тюрьмой стала собираться толпа, запрудившая въ семь часовъ всю площадь. Въ полдень открылись тюремныя ворота, и появилась первая партія амнистированныхъ, встрѣченная родными и близкими. Отдѣльныя партіи подъ конвоемъ отправлялись въ полицію и, послѣ выполненія формальностей, освобождались.

Всего изъ тюрьмы освобождено свыше 300 заключенныхъ, въ томъ числѣ двое политическихъ; изъ арестантскихъ отдѣленій освобождено 150, изъ арестнаго дома—40 человекъ.

ДВИНСКЪ. Изъ двинской крѣпости освобождены литераторы Н. А. Морозовъ и А. В. Пѣшеховъ.

ОДЕССА. Изъ тюрьмы освобождено 178 заключенныхъ, изъ полицейскихъ участковъ—около 200, преимущественно отбывавшихъ наказанія въ административномъ порядкѣ. Среди амнистированныхъ нѣсколько журналистовъ.

САРАТОВЪ. На основаніи манифеста освобождены по губерніи около 600 заключенныхъ.

КУРСКЪ. Изъ губернской тюрьмы по манифесту освобождено 46 человекъ. Изъ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій—60 человекъ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Освобождены изъ полицейскихъ участковъ 12 административно заключенныхъ, въ томъ числѣ редакторъ «Екатеринославскаго Утра». Въ тюрьмѣ находятся шесть «смертниковъ», которымъ въ силу манифеста дарована жизнь.

ПСКОВЪ. Изъ губернской тюрьмы освобождены 66 арестантовъ.

КРАСНОЯРСКЪ. Изъ тюрьмы, на основаніи манифеста, освобождены 150 арестантовъ.

Х.

Всѣ иностранныя дворы привѣтствовали Государя Императора съ знаменательнымъ юбилеемъ его царственнаго рода, а въ мѣстныхъ посольскихъ церквахъ и русскихъ колоніяхъ происходили соответствующія молебствія, приемы и засѣданія. Заграничныя газеты посвятили Романовскимъ юбилейнымъ днямъ особыя статьи съ изложеніемъ историческихъ событій, сопутствовавшихъ избранію Романовыхъ на русскій престолъ, и обзорніемъ заслугъ царствующей династіи на пользу нашей родины.

Такъ, за одинъ день 21-го февраля изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ Европы и Азіи поступили слѣдующія телеграммы:

ПАРИЖЪ. По случаю празднованія трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ въ церкви русскаго посольства совершено торжественное молебствіе въ присутствіи министра иностранныхъ дѣлъ Жоннара, представителя президента республики, чиновъ посоль-

ства, а также болгарскаго, сербскаго и греческаго посланниковъ. Днемъ въ посольствѣ состоялся большой пріемъ.

Газеты излагаютъ исторію дома Романовыхъ, отмѣчая мощь и величіе, достигнутыя Россіей за трехсотлѣтіе его правленія. «Temps», указывая на силу и благоденствіе современной Россіи и на ея роль въ дѣлѣ освобожденія славянъ и поддержанія мира, заявляетъ, что Франція всецѣло присоединяется къ чувствамъ, одушевляющимъ ея вѣрную союзницу, и шлетъ увѣренія въ сердечной и вѣрной привязанности къ царской семьѣ, правительству и народу.

СТОКГОЛЬМЪ. Сегодня по случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ въ церкви императорской миссіи совершенно торжественное молебствіе.

На богослуженіе прибыли король Густавъ, послѣдній принцъ съ супругою, принцъ Вильгельмъ съ супругою великою княгинею Марією Павловною, принцъ Карлъ съ супругою и принцъ Евгенийъ.

Кромѣ того, на богослуженіи присутствовали министръ иностранныхъ дѣлъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, дипломатическій корпусъ въ полномъ составѣ, представители шведскаго общества и русской колоніи, русскій посланникъ и личный составъ миссіи и генеральнаго консульства.

Послѣ молебствія у шталмейстера Савинскаго состоялся завтракъ на семьдесятъ кувертовъ, на которомъ присутствовали принцъ Вильгельмъ и великая княгиня Марія Павловна.

Во время завтрака были произнесены тосты принцемъ за Государя Императора, посланникомъ за короля Густава и министромъ иностранныхъ дѣлъ за великую княгиню Марію Павловну и ея супруга.

Вчера въ церкви миссіи была совершена панихида по въ Бозѣ почивающихъ государяхъ дома Романовыхъ.

БЕРЛИНЪ. По случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ въ церкви русскаго посольства священникомъ Сахаровымъ совершена литургія и послѣ нея торжественное молебствіе въ присутствіи всего состава посольства съ посломъ во главѣ, депутаціей отъ полковъ, шефомъ которыхъ состоитъ Государь Императоръ, и многочисленныхъ представителей русской колоніи.

Передъ молебствіемъ о. Сахаровымъ произнесено было прочувствованное слово, въ которомъ онъ изложилъ краткую исторію избранія на царство царя Михаила Ѳеодоровича и призывалъ присутствовавшихъ присоединить свои молитвы о здравіи Государя Императора и всего царствующаго дома къ молитвамъ, возносимымъ сегодня ихъ соотечественниками въ Россіи.

Послѣ богослуженія у посла состоялся пріемъ, во время котораго игралъ оркестръ Александровскаго полка, которымъ неоднократно былъ исполненъ народный гимнъ при дружномъ участіи присутствовавшихъ.

ЛОНДОНЪ. Газеты посвящаютъ передовыя статьи трехсотлѣтію царствованія дома Романовыхъ и печатаютъ портреты монарховъ дома Романовыхъ.

Перечисляя заслуги государей династїи Романовыхъ и сравнивая настоящую Россію съ Россіей 1613 года, «Times» заключаетъ свою статью слѣдующими словами:

«Наша вѣра въ будущность Россіи основана на опытѣ прошлаго. Оглядываясь не только на совершенное Россіей въ трехсотлѣтнее правленіе династїи Романовыхъ, но лишь только за наше время, начиная съ дней Царя-Освободителя крестьянъ отъ крѣпостной зависимости до дней нынѣ царствующаго Императора, даровавшаго народу политическую свободу, мы видимъ основы для самыхъ блестящихъ надеждъ.

«Династїя Романовыхъ не только создала могущественную имперію, она сдѣлала больше: великому народу она открыла врата знанія, направивъ его по пути широкаго прогресса».

ВБНА. По случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ въ русской церкви совершено торжественное молебствіе, на которомъ присутствовали чины русскаго посольства и консульства въ полномъ составѣ, всѣ члены сербской миссіи, бывший сербскій посланникъ Симичъ, болгарскій посланникъ, представители русской колонїи и много славянскихъ студентовъ.

Вечеромъ въ посольствѣ состоится большой раутъ.

БУХАРЕСТЪ. По случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ въ русской миссіи было совершено торжественное богослуженіе, на которомъ присутствовали чины миссіи, во главѣ съ посланникомъ и представителями русской колонїи.

По окончанїи богослуженія у посланника состоялся завтракъ для русской колонїи.

ВБНА. Офиціозная «Wiener Abendpost» говоритъ:

«Сегодня русскій императорскій домъ вмѣстѣ съ вѣрноподаннымъ ему русскимъ народомъ переживаетъ знаменательный день.

«Триста лѣтъ прошло со времени вступленія на русскій царскій престолъ перваго государя изъ дома Романовыхъ.

«Съ этого момента началась для русскаго государства эра политическаго роста и культурнаго подъема. Съ обоснованной гордостью указываетъ императорскій манифестъ, который оглашается сегодня во всѣхъ церквахъ Россіи, на тотъ фактъ, что находившаяся въ тѣсныхъ границахъ московская Русь стоитъ нынѣ въ ряду первыхъ государствъ міра.

«Съ справедливымъ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ манифестъ заслуги всѣхъ сословій и состояній.

«Благодаря своимъ колоссальнымъ природнымъ вспомогательнымъ средствамъ и богатымъ дарованіямъ населенія, Россія сдѣлала

достойные изумленія успѣхи также и въ области экономической и духовной жизни.

«Въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ занимаетъ она выдающееся положеніе. Благодаря своей колоссальной площади, простирающейся отъ центра Европы по сѣверной Азіи, до Тихаго океана, Россія призвана быть посредницей между Западомъ и культурными кругами Востока; эту свою историческую задачу Россія выполнила блестящимъ образомъ.

«Сегодняшній знаменательный день вновь являетъ доказательство единства, существующаго между русскимъ царствующимъ домомъ и народомъ, одареннымъ высокою милостію, ибо высочайшимъ указомъ предписывается осуществленіе ряда общепользныхъ и благотворительныхъ мѣропріятій и даруется широкая амнистія.

«Юбилей русскаго царствующаго дома встрѣчаетъ живѣйшія симпатіи въ дружественныхъ государствахъ, Австро-Венгрія также принимаетъ сердечнѣйшее участіе въ празднованіи сегодняшняго знаменательнаго дня».

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Сегодня утромъ въ церкви русскаго посольства по случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ было совершено торжественное богослуженіе, во время котораго пѣлъ хоръ любителей, спеціально организованный для сегодняшняго торжества.

На богослуженіи, кромѣ всего состава русскаго посольства, присутствовали болгарскій экзархъ, армянскій патріархъ, представитель вселенскаго патріарха, англійскій пріоръ, французскій и великобританскій послы, члены русской колоніи, армянскіе нотабли.

По окончаніи богослуженія у посла состоялся приемъ, во время котораго были произнесены рѣчи, покрытыя звуками русскаго гимна. Всѣ турецкія и иностранныя военныя суда разукрасились флагами.

ТЕГЕРАНЪ. Сегодня по случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ въ одиннадцать часовъ утра въ русскую миссію прибыли персидскіе министры и представители персидской аристократіи, а также члены русской колоніи, для принесенія поздравленій.

Въ полдень въ церкви русской миссіи совершено торжественное молебствіе въ присутствіи повѣреннаго въ дѣлахъ Саблина, членовъ русской миссіи и консульства въ полномъ составѣ и представителей русской колоніи.

Послѣ молебствія въ русской миссіи состоялся офиціальныи завтракъ.

ТОКІО. По случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ въ православной церкви епископомъ Сергіемъ совершено торжественное молебствіе, послѣ котораго въ русскомъ посольствѣ состоялся парадный завтракъ.

Министры, чины двора и иностранные представители посѣтили русское посольство для принесенія поздравленія.

Газеты посвятили юбилею сочувственныя статьи и помѣстили портреты Государя Императора и Государыни Императрицы.

Газета «Дзидзи» отмѣчаетъ, что между Россіей и Японіей за послѣднее время установились почти союзныя отношенія.

Особенно трогательно отозвались на наши торжества южно-славянскіе народы—болгары, сербы, черногорцы. Телеграммы изъ славянскихъ земель гласили:

БЪЛГРАДЪ. По случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ во всѣхъ храмахъ королевства совершены 20-го февраля панихиды съ поминованіемъ въ Божѣ почивающихъ государей дома Романовыхъ. 21-го февраля отслужены торжественныя литургии и благодарственные молебны съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему царствующему дому. По поводу празднествъ трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ бѣлградскій муниципалитетъ обратился со слѣдующимъ воззваніемъ къ гражданамъ:

«Великій братскій народъ 21-го февраля прославляетъ знаменательное празднество. Вся великая Россія будетъ прославлять трехсотлѣтіе вступленія на великій русскій престоль славою увѣнчанныхъ государей дома Романовыхъ, которые возвели Россію до степени великой и мощной державы. Этотъ великій для Россіи и всего славянства день да будетъ отмѣченъ Сербіей и ея столицей. Благородное русское сердце не переставало никогда искренно биться для Сербіи и сербскаго народа. Неисчислимое добро, которое Сербіи оказали Россія и славный домъ Романовыхъ, всегда и особенно въ переживаемые нынѣ знаменательные для всего сербства дни призываетъ насъ принять участіе во всеобщей радости русскаго народа. Пусть Бѣлградъ приметъ въ этотъ день торжественный видъ и улицы расцвѣтятся флагами. Въ соборѣ будетъ отслужено молебствіе о здравіи и долголѣтіи царя всероссійскаго, великаго покровителя и защитника всѣхъ славянъ, Его Величества Государя Императора Николая II. Праздникъ русскаго братскаго народа пусть будетъ также нашимъ праздникомъ».

БЪЛГРАДЪ. Торжества по случаю трехсотлѣтія дома Романовыхъ открылись сегодня торжественной панихидой въ кафедральномъ соборѣ, въ присутствіи королевича Георгія, чиновъ русской дипломатической миссіи, дипломатическаго корпуса, членовъ правительства и массы гражданъ. Городъ разукрашенъ флагами. Завтра состоится торжественное молебствіе въ соборѣ. Вечеромъ въ королевскомъ національномъ театрѣ устраивается русскій вечеръ. Въ Петербургъ отправлена масса привѣтственныхъ телеграммъ.

СОФІЯ. Газеты посвящаютъ прочувствованныя статьи трехсотлѣтію царствованія дома Романовыхъ, выражая искреннія симпатіи русской династіи и русскому народу. Газеты отмѣчаютъ великій прогрессъ, достигнутый Россіей въ царствованіе дома Романовыхъ,

и указываютъ на благодарность, пренсполняющую болгарскія сердца къ царю-Освободителю. Болгарскій народъ возноситъ горячія молитвы къ Господу Богу о дарованіи здравія и благоденствія Императору Николаю и его династіи на благо Россіи и славянства.

ЦЕТИНЬЕ. По случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ, въ соборѣ совершены литургія и торжественное молебствіе, въ присутствіи короля Николая, наслѣднаго королевича и прочихъ членовъ королевскаго дома, а также всего дипломатическаго корпуса, представителей правительства и всего состава русской миссіи. По окончаніи богослуженія, въ русской миссіи членамъ русской колоніи былъ предложенъ завтракъ.

Сегодня въ Дульцинѣ, въ отрядѣ русскаго Краснаго Креста совершено торжественное богослуженіе. Вчера въ Цетинѣ, въ соборѣ была совершена торжественная панихида по въ Бозѣ почивающихъ государяхъ дома Романовыхъ.

Кромѣ того, предсѣдателемъ государственной думы М. В. Родзянкомъ получены слѣдующія телеграммы изъ Сербіи и Болгаріи по случаю празднованія трехсотлѣтія дома Романовыхъ.

Телеграмма сербской народной скупщины составлена въ такихъ словахъ:

«Отъ имени сербской народной скупщины честь имѣю поздравить государственную думу съ трехсотлѣтіемъ царствованія дома Романовыхъ и завѣрить, что и сербскій народъ всей душой участвуетъ въ общей радости братскаго русскаго народа. Въ каждомъ сербѣ живо сознаніе, что благодаря мощной поддержкѣ, которую русскіе императоры оказывали Сербіи съ первыхъ дней ея существованія, государственный корабль выдержалъ всѣ бури и сталъ выходить на міръ и приволье. Вѣра въ Россію и надежда на ея помощь помогли намъ найти вѣру въ себя, пережить самые критическіе моменты нашей государственной жизни и въ настоящее время стать силой на Балканахъ, и та сила выросла изъ крови, которую русскіе вмѣстѣ съ нами проливали на балканскихъ поляхъ и нивахъ. Это закрѣпило навсегда нашу братскую связь. Будемъ вмѣстѣ съ вами оберегать святяя узы крови, языка и вѣры, связывающія наши братскіе народы и скрѣпимъ ихъ дальнѣйшей совмѣстной работой надъ осуществленіемъ нашихъ великихъ историческихъ задачъ въ дальнѣйшемъ. Увѣренная въ нашемъ совмѣстномъ свѣтломъ будущемъ, Сербія, унаслѣдовавшая отъ отцовъ и дѣдовъ преданность и безпредѣльную любовь къ державнымъ вождямъ Россіи и къ русскому народу и пронесшая эту любовь свѣтлою и чистою черезъ самыя тяжкія испытанія, чтобы передать ее какъ лучшее достояніе далекимъ поколѣніямъ, восклицаетъ изъ глубины души: да здравствуетъ Государь Императоръ Николай Второй, да здравствуетъ великая братская Россія.

«Предсѣдатель сербской народной скупщины Н и к о л и ч ѣ.»

Вторая телеграмма изъ Софіи—отъ болгарскаго народнаго собранія—слѣдующаго содержанія:

«Болгарское народное собраніе возложило на меня пріятный долгъ принести въ лицѣ русской государственной думы его сердечныя поздравленія по случаю трехсотлѣтняго юбилея нынѣ благополучно царствующаго славнаго Романовскаго дома, сдѣлавшаго такъ много для объединенія великаго русскаго народа и поднятія его національной мощи. Болгарскій народъ, принимая живое участіе въ этомъ великомъ вашемъ торжествѣ, съ чувствомъ глубокой признательности вспоминетъ о тѣхъ безкорыстныхъ подвигахъ русскіхъ царей въ дѣлѣ освобожденія славянъ, въ частности освобожденія Болгаринъ волею одного изъ незабвенныхъ Романовыхъ, въ Бозѣ почившаго царя-Освободителя Александра II. Заканчивая нынѣ это священное дѣло тяжелою освободительною войною, Болгарія отъ души возноситъ теплыя молитвы къ Всевышнему, да сохранитъ на долгія столѣтія великій домъ Романовыхъ для блага братской Россіи и преуспѣянія славянства.

«Предѣдатель народнаго собранія Д а н е в ъ».

Третья телеграмма отъ греческой палаты депутатовъ:

«Съ особеннымъ удовольствіемъ эллинская палата депутатовъ пользуется благопріятнымъ случаемъ празднованія трехсотлѣтняго юбилея славной русской династіи, чтобы засвидѣтельствовать членамъ думы и великой русской единовѣрной намъ націи чувства любви греческаго народа. Это чувство не только неизсякаемо, но все болѣе и болѣе укрѣпляется благородной симпатіей, которую ваше великое отечество всегда выказывало къ судьбѣ греческаго народа. Эллинская палата депутатовъ желаетъ, чтобы Господь сохранилъ за великой династіей всю ту славу, которая живетъ, какъ пожеланіе, въ сердцѣ русскаго народа по отношенію къ своимъ государямъ.

«Президентъ эллинской палаты депутатовъ Константинъ З а в и т с і а н о в ъ».

Предѣдатель государственной думы М. В. Родзянко огласитъ эти телеграммы въ ближайшее засѣданіе государственной думы.

Приведенными свѣдѣніями мы ограничимъ наше обзорѣніе Романовскихъ юбилейныхъ дней. Мы видимъ, что знаменательный юбилей царствующаго дома вызвалъ къ себѣ должное вниманіе современниковъ, какъ у себя на родинѣ, такъ и за предѣлами ея, и оставляетъ въ ихъ памяти свѣтлый слѣдъ, который никогда не изгладится изъ лѣтописей всеобщей исторіи.

Б. Г.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ИСАКОВЪ.

БОРЬБА У ПРЕСТОЛА.

Историческій романъ ¹⁾.

XIV.

БОГІЙ старикъ-крестьянинъ, пропущенный у Яузскихъ воротъ, легкимъ шагомъ скорохода подошелъ къ селу Черкизову и прямо отправился на постоялый дворъ. Онъ сбросилъ съ головы закрывавшія ее тряпки, скинулъ рваный зипунъ и все это бросилъ на дорогѣ. На немъ оказался тонкій темно-зеленый кафтанъ, подбитый лисьимъ мѣхомъ, и «сибирская» шапка изъ волчьей шкуры съ паушниками. Онъ ощупалъ рукой подъ кафтаномъ кинжалъ и пару пистолетовъ и смѣло постучался въ ворота.

Раздался лай собакъ.

— Кто тамъ?—послышался сердитый голосъ изъ за воротъ.

— Отворяй,—крикнулъ пришедшій:—по государеву дѣлу.

Энергичный голосъ незнакомца произвелъ впечатлѣніе. Калитка въ воротахъ открылась, и онъ шагнулъ на просторный дворъ. Въ глубинѣ двора стояли конюшни, на дворѣ виднѣлись возки, принадлежавшіе такъ называемымъ «копеечнымъ» извозчикамъ, то есть такимъ, которыхъ нанимали помимо почты, по вольной цѣнѣ.

Недавній жалкій старикъ, преобразившійся въ молодого, крѣпкаго человѣка, прошелъ въ тускло освѣщенную комнату трактира, гдѣ, лежа на прилавкѣ, спалъ цѣловальникъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXI, стр. 323.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1913 г. т. СXXXI.

Открывшій ему калитку дворникъ, заспанный и недовольный, слѣдовалъ за нимъ.

Войдя въ комнату, молодой человѣкъ шумно опустился на скамью и громко крикнулъ:

— Эй, ты, образина, вставай, что ли!

При звукахъ его громкаго голоса цѣловальникъ, онъ же и хозяинъ, пошевелился и поднялъ голову.

— Чего орешь?—сказалъ онъ.

— А я покажу тебѣ,—грозно крикнулъ незнакомецъ, поднимаясь съ лавки.

При слабомъ свѣтѣ масляной лампы хозяинъ увидѣлъ его сильную фигуру и его костюмъ, по которому мгновенно прикинулъ, что это не обычный гость.

Онъ живо вскочилъ съ прилавка.

— Огня и водки,—коротко приказалъ незнакомецъ.

Съ этими словами, видя нерѣшимость хозяина, онъ отстегнулъ отъ пояса подъ кафтаномъ небольшую сумку и, вынувъ изъ нея, бросилъ на столъ три новенькихъ серебряныхъ рубля съ изображеніемъ покойнаго императора.

Лицо хозяина прояснилось. Онъ крикнулъ дворнику, и чрезъ минуту на столѣ появился уже штофъ, рыба, и загорѣлись салъцыя свѣчи.

Незнакомецъ посмотрѣлъ въ свою сумку. Вынулъ изъ нея еще нѣсколько золотыхъ монетъ и письмо, запечатанное большой красной восковой печатью. Подержавъ нѣсколько мгновений въ рукахъ письмо, съ написаннымъ на нѣмецкомъ языкѣ адресомъ, словно удостовѣряясь въ цѣлости этого письма, онъ бережно положилъ его въ сумку и, наливъ стаканъ водки, обратился къ хозяину.

Блескъ золотыхъ монетъ, лежавшихъ на столѣ, ослѣплялъ хозяина. Жадно, какъ собака, ждущая подачки, онъ стоялъ около стола и смотрѣлъ въ ротъ богатому гостю.

— Есть путь на Клинь помимо Черной Грязи?

Въ головѣ хозяина живо промелькнуло соображеніе, что его временный постоялецъ боится дозоровъ, о которыхъ онъ уже зналъ, хотя и не понималъ, зачѣмъ они выставлены.

Пристально глядя на золотыя монеты, онъ отвѣтилъ, слегка усмѣхаясь:

— Еще бы, какъ не быть.

— И лошади есть?—продолжалъ незнакомецъ.

— Орлы!—отвѣтилъ хозяинъ, причмокнувъ губами.

Незнакомецъ ему кинулъ золотой.

— Это пока,—сказалъ онъ:—снаряжай пароконныя сани.

Хозяинъ, поймавъ на лету монету и низко поклонившись, выбѣжалъ на дворъ. Незнакомецъ выпилъ водки, закусилъ и, облокотясь на столъ, задумался. До него донесся стукъ раскрываемыхъ

дверей колюшни. топот лошадей и голоса. Послѣ долгой ходьбы по морозу и выпитой водки онъ, видимо, чувствовалъ усталость, и его одолѣвала дрема. Черезъ нѣсколько мгновений голова его упала на столъ, и онъ забылся.

Внезпно онъ былъ разбуженъ громкимъ стукомъ въ ворота, собачьимъ лаемъ и потомъ криками во дворѣ.

Въ одно мгновеніе незнакомецъ былъ на ногахъ, ошупалъ за пазухой пистолеты и сумочку, нахлобучилъ шапку и выскочилъ на дворъ. Какой-то человѣкъ въ высокихъ сапогахъ, въ цвѣтномъ кафтанѣ, перетянутомъ ремнемъ, въ остроконечной бараньей шапкѣ, съ плеткой въ рукѣ, стоялъ среди двора и нестово кричалъ на хозяина:

— Я покажу тебѣ, чортовъ кумъ, какъ это ты не дашь мнѣ лошадей! Не хочешь добромъ—силкомъ возьму. Не хотѣлъ золота—плети попробуешь...

Онъ замахнулся на хозяина плетью. Хозяинъ послѣшно отскочилъ...

— Лошади заказныя!—крикнулъ онъ.

— Ладно, ладно,—отвѣтилъ человѣкъ съ плеткой:—отворяй ворота. Посмотримъ, кто помѣшаетъ мнѣ.

— А помѣшаю тебѣ я, милъ человѣкъ,—громко произнесъ первый незнакомецъ, вдругъ выступая впередъ.

Второй на мигъ опѣшилъ, а хозяинъ ободрился. Первый внушалъ ему больше довѣрія, такъ какъ уже успѣлъ дать ему золотой, а второй только сулилъ.

— А кто ты такой?—спросилъ, опомнившись, второй незнакомецъ.

— А такой, — отвѣтилъ первый, вынимая пистолетъ и наводя его на своего собесѣдника.—А теперь,—грозно прибавилъ онъ,—клянусь тебѣ Богомъ, что я разобью тебѣ голову, ежели не будешь слушаться меня.

Второй запустилъ руку за пазуху и нащупалъ рукоятъ охотничьяго ножа. Ножъ плохая защита отъ пистолета. Онъ кинулъ вокругъ себя злобный взглядъ попавшаго въ западню звѣря и отрывисто спросилъ:

— Что жъ ты хочешь?

— А вотъ пойдемъ въ горницу, тамъ и потолкуемъ,—отвѣтилъ первый.—Что-то морозно тутъ. Ну, живѣй, поворачивайся,—добавилъ онъ:—да не вздумай чего. Ей-ей всажу пулю.

Второй молча повернулся и направился въ домъ; первый съ поднятým пистолетомъ слѣдовалъ за нимъ.

Войдя въ горницу, первый сѣлъ у стола, положивъ передъ собою оба пистолета, и указалъ второму мѣсто на лавкѣ противъ себя. Хозяинъ и дворникъ съ любопытствомъ наблюдали эту сцену.

Но первый незнакомецъ властнымъ жестомъ руки выславъ ихъ изъ комнаты. Когда они вышли, онъ обратился къ своему плѣннику:

— Ну, теперь потолкуемъ,—произнесъ онъ:—а вотъ и подкрѣпись.

Не сводя съ него глазъ, онъ налилъ ему стаканъ водки и подвинулъ хлѣбъ и рыбу.

— Подкрѣпись,—повторилъ онъ:—зла тебѣ не желаю, вижу, что ты по чужому приказу дѣлаешь.

Эти слова, видимо, успокоили плѣнника.

— Но,—продолжалъ первый,—дѣло первѣе всего. Тутъ, братъ, какъ истинный Богъ, головы могу рѣшиться. Такъ ужъ самъ знаешь, коли что, твоей головы не пожалѣю.

Въ его тонѣ слышалась такая желѣзная рѣшимость, что сердце плѣнника упало. Въ чьи руки онъ попалъ?

Онъ вздрогнулъ и глухимъ голосомъ тихо сказалъ:

— Коли ты отъ князь Долгорукаго, аль Голицына—стрѣляй разомъ. Легче такъ сразу подохнуть, чѣмъ калѣчиться на дыбѣ...

Его голосъ прервался, во рту пересохло. Онъ съ жадностью схватилъ стаканъ водки и залпомъ выпилъ...

Нѣсколько мгновений первый пристально смотрѣлъ на него, но, видя его непритворный ужасъ, вдругъ громко, весело, почти дружелюбно разсмѣялся.

— Эге, пріятель,—воскликнулъ онъ:—такъ мы идемъ, кажись, по одной дорожкѣ. А я, признаться сказать, думалъ, что это ты отъ верховнаго тайнаго совѣта. Тутъ бы тебѣ была и крышка,—онъ усмѣхнулся:—самъ знаешь своя рубашка ближе къ тѣлу. Видно, и ты знаешь распоряженіе-то ихъ?

Второй кивнулъ головой.

— Еще бы,—произнесъ онъ:—предупрежденъ былъ, на что иду. Объявлено въ Москвѣ: смертная казнь, кто тайно безъ верховнаго совѣта изъ Москвы выѣдетъ, а допрежь смертной казни допросъ... Брр...—закончилъ онъ.

— То-то оно и есть,—отозвался первый.—Значить, у насъ съ тобой одни вороги. Ну, а теперь, добрый молодецъ, скажи, кто ты таковъ?

Второй нѣсколько мгновений колебался, но, увидя, что его допросчикъ нахмурилъ брови и положилъ руку на пистолеть, и боясь возбудить въ немъ подозрѣнія, рѣшительно отвѣтилъ:

— Человѣкъ гвардіи капитана Петра Спиридоновича Сумарокова, его фолеторъ Яковъ Березовый,—потому,—добавилъ онъ,—что я изъ деревни Березовой, а есть еще фолеторъ Яковъ изъ деревни Озерной.

Первый присвистнулъ:

— Эге-ге! Такъ, значитъ, ты ѣдешь по приказу капитана Сумарокова. Ишь какъ!

— Онъ самъ ѣдетъ,—поспѣшно отозвался Яковъ.

Первый даже привскочилъ.

— Самъ! А кто жъ его послалъ, куда и гдѣ онъ?

Яковъ, уже совершенно успокоенный за свою жизнь, попросилъ еще стаканъ водки, выпилъ, закусилъ и отвѣтилъ:

— Не знаю, кто ты, а только, можетъ, ты знаешь, что Петръ Спиридоновичъ состоитъ при графѣ Ягужинскомъ?

Незнакомецъ кивнулъ головой.

— Такъ вотъ,—продолжалъ Яковъ:—какъ графъ узналъ, что Долгорукой да Голицынъ ѣдутъ въ Митаву, да подъ смерной казнью запретили выѣзжать изъ Москвы, онъ и послалъ тайно на Митаву Петра Спиридоновича, а тотъ прихватилъ меня. Потому, значится, я ему самый близкій, я—то фолеторъ, то камердиръ. Изъ Москвы-то,—продолжалъ онъ,—выѣхали благополучно. Тройку взяли у Яузскихъ воротъ у Ивана каменщика. Доѣхали до Черной Грязи, а тамъ сержантъ строгій, не пускаетъ. Мой и такъ и сякъ, и денегъ-то давалъ. Ништо тебѣ. Заарестовать хотѣлъ, насилу выпустилъ на волю да велѣли назадъ на Москву ѣхать. Повернули мы, значится, по боковой дорожкѣ, проѣхали версть шесть, Иванъ и говоритъ: я,—говоритъ,—одинъ-то проберусь до другой заставы, а ты возьми копеечнаго возчика да въ обходъ. Вотъ меня и послали сюда въ Черкизово за лошадьми. Иванъ поѣхалъ, а Петръ Спиридоновичъ тутъ недалечко притулился въ пустомъ овинѣ, меня поджидаячи.

— Ну, ладно,—усмѣхаясь произнесъ незнакомецъ,—такъ вотъ что, пріятель, лошадей нѣтъ. Твой Петръ Спиридоновичъ малость подождетъ. Допрежъ его я поѣду. Тѣсно этакъ-то вдвоемъ ѣхать по одной дорожкѣ. Да и ты здѣсь часика два посидишь.

Незнакомецъ крикнулъ хозяина и дворника, что-то шепнулъ имъ, и прежде, чѣмъ Яковъ успѣлъ опомниться, онъ былъ скрученъ по рукамъ и ногамъ и посаженъ въ темную клѣть.

Потомъ хозяинъ отправился въ заднія пристройки и разбудилъ ямщика, хорошо знавшаго обходную тропу мимо Черной Грязи.

Получивъ еще нѣсколько золотыхъ, хозяинъ охотно согласился продержать Якова два-три часа въ заключеніи. Яковъ съ своей стороны не очень тужилъ объ этомъ. Послѣ пережитаго имъ ужаса, когда ему показалось, что онъ попалъ въ руки агентовъ верховнаго тайнаго совѣта и что ему угрожаетъ неминуемая смерть, а сперва страшная пытка, все дальнѣйшее было для него сущими пустяками.

—До свиданья, пріятель,—насмѣшливо крикнулъ ему черезъ дверь незнакомецъ.

Яковъ не отвѣтилъ.

По отъѣздѣ знакомаца, просидѣвъ минутъ двадцать въ темнотѣ и одумавшись, Яковъ пришелъ къ убѣжденію, что все же было бы лучше освободиться. Онъ сталъ неистово стучать въ дверь. Хозяинъ живо подошелъ. Начались переговоры. Очевидно, хозяинъ съ величайшею охотой шелъ навстрѣчу желаніямъ своего плѣнника,

дѣло было только въ цѣнѣ. Яковъ же деньгами располагалъ. Послѣ долгихъ торговъ хозяинъ согласился за три золотыхъ, получивъ ихъ черезъ щель впередъ, выпустить Якова и даже дать лошадей.

XV.

Судьба, видимо, покровительствовала смѣлому незнакомцу. То пѣшкомъ, то верхомъ, по замерзшимъ болотамъ, лѣснымъ тропинкамъ, въ обходъ заставамъ и карауламъ, не зная ни сна, ни отдыха, онъ двигался впередъ, не стѣняясь въ деньгахъ, покупая нерѣдко верховыхъ лошадей и бросая ихъ въ какой-нибудь деревнѣ и опять покупая свѣжую лошадь.

Капитану Сумарокову судьба не столь благоприятствовала. Его часто удерживали, не разъ хотѣли арестовать, не разъ отправляли назадъ. Неожиданный случай выручилъ его за Новгородомъ. Его догналъ курьеръ польскаго посла Лефорта, выѣхавшій съ реляціями въ Варшаву изъ Москвы 19 января. Они разговорились. Въ разговорѣ выяснилось, что у заботливаго курьера было два паспорта. Одинъ на имя купца, выданный изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, за подписью графа Головкина, другой на его собственное имя, выданный Лефортомъ.

Послѣ обильнаго угощенія и нѣкоторой мзды первый паспортъ перешелъ въ карманъ Сумарокова. Съ этой минуты онъ вздохнулъ спокойнѣе.

Все же, несмотря на многочисленныя задержки и на то, что у Черной Грязи его обогнало посольство, онъ сумѣлъ, въ свою очередь, обогнать посольство. Дѣло въ томъ, что посольство, хотя и торопилось, но принуждено было терять много времени на перепряжку лошадей, на кормежку людей. Хотя изъ Москвы и былъ данъ приказъ держать на всѣхъ ямскихъ станахъ наготовѣ лошадей на тридцать подводъ, тѣмъ не менѣе не всегда это было возможно. Иногда лошади оказывались измученными и уставшими, иногда ихъ приходилось ждать, а въ иные мѣста приказаніе пришло чуть ли не за часъ до пріѣзда посольства.

Такимъ образомъ Сумароковъ налегкѣ обогналъ посольство часа на три.

Недалеко отъ Митавы, среди лѣсистыхъ холмовъ, на берегу красиваго озера, извѣстнаго подъ названіемъ «Озеро Красавица», расположился скромный двухэтажный, изъ краснаго кирпича, домикъ, громко именуемый родовымъ замкомъ Густава Левенвольде, младшаго брата графа Рейнгольда.

Это былъ умный, сдержанный, расчетливый дворянинъ. Онъ пользовался недолгимъ фаворомъ въ свое время у герцогини кур-

ляндской и, уступивъ умно и съ тактомъ свое мѣсто Бирену, сумѣлъ остаться пріятнымъ гостемъ и преданнымъ другомъ Анны и сохранилъ тѣснѣйшую связь съ Биреномъ. Биренъ, еще не смѣлъ мечтать о томъ поприщѣ, какое ему открылось впоследствии, жилъ мелкими интригами при дворѣ герцогини, враждуя съ курляндскимъ дворянствомъ и борясь за свое первенство при убогомъ дворѣ не правящей вдовствующей герцогини, вѣчно нуждавшейся въ деньгахъ. Въ этихъ маленькихъ интригахъ ему искренно и отъ души помогалъ Густавъ Левенвольде.

Была глубокая ночь, и «замокъ» Левенвольде былъ погруженъ въ сонъ. Но мирный сонъ его былъ нарушенъ гулкимъ стукомъ молотка о металлическій щитъ у воротъ. Этотъ стукъ поднялъ на ноги всю дворцовую прислугу. Это было такъ необычайно.

Раскрывъ маленькое окно въ воротахъ, привратникъ громко, по-нѣмецки крикнулъ:

— Кто тамъ?

Онъ увидѣлъ у воротъ спѣшившагося всадника, нестово бьющаго молоткомъ въ щитъ.

— Отворите скорѣе,—отвѣтилъ пріѣхавшій, тотъ самый незнакомецъ, который задержалъ посланнаго Сумароковымъ на постояломъ дворѣ въ Черкизовѣ.

— Скажите господину, что я отъ его брата—графа,—продолжалъ онъ:—что нельзя медлить ни минуты. Откройте скорѣе ворота, если дорожите службой.

Окошечко захлопнулось, и наступило молчаніе.

Подождавъ нѣсколько мгновеній, незнакомецъ снова принялся бѣшено стучать въ ворота.

Наконецъ ворота раскрылись и его впустили. Одинъ изъ слугъ взялъ его коня. Выбѣжавшій изъ дома маленькій, худощавый, напыщеннаго вида молодой нѣмецъ грубо обратился къ пріѣзжему и рѣзко сказалъ:

— Ты отъ брата высокороднаго господина. Если у тебя есть письма—давай, я передамъ господину... Я его камердинеръ.

Незнакомецъ смѣрилъ его презрительнымъ взглядомъ и насмѣшливо отвѣтилъ:

— Если ты камердинеръ, то поди и доложи своему господину, что я долженъ видѣть его самого. А съ его лакеями я разговаривать не буду. А если онъ не хочетъ меня видѣть, то я уѣду сейчасъ. Минѣ некогда.

И онъ пренебрежительно повернулся спиной къ камердинеру Левенвольде.

Тотъ на минуту опѣшилъ и потомъ, пробормотавъ какое-то ругательство, гордо повернулся и не торопясь направился къ дому.

— Да ты поторапливайся, — крикнулъ ему вслѣдъ незнакомецъ: — а то, смотри, попадетъ.

Незнакомецъ остался на дворѣ. Немногочисленная дворня съ любопытствомъ разсматривала его.

Не обращая ни на кого вниманія, онъ расхаживалъ по двору. По его походкѣ было замѣтно, что онъ сильно утомленъ. И дѣйствительно, въ продолженіе трехъ сутокъ этотъ человѣкъ не спалъ и трехъ часовъ среди постоянной тревоги и опасеній.

На крыльцѣ появился камердинеръ.

— Эй, пріятель, — крикнулъ онъ: — господинъ ждетъ тебя.

Спѣшнымъ шагомъ незнакомецъ направился въ домъ.

Левенвольде, зѣвая, сидѣлъ на постели въ своей скромной спальнѣ. Онъ прикрылся до пояса одѣяломъ. Воротъ рубахи были разстегнуты, голова всклокочена.

Увидя вошедшаго въ сопровожденіи камердинера незнакомца, онъ крикнулъ недовольнымъ голосомъ:

— Ну, что еще, развѣ нельзя было подождать до утра? Въ чемъ дѣло?

Незнакомецъ покосился на насторожившаго уши камердинера и произнесъ:

— Только наединѣ, высокородный господинъ.

— Пошелъ, Юганнъ, — коротко распорядился Левенвольде.

Съ презрительной и злобной усмѣшкой Юганнъ вышелъ изъ комнаты.

На лицѣ Левенвольде появилось тревожное выраженіе. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, не такой красивый, какъ его братъ, но зато съ болѣе энергичнымъ и выразительнымъ лицомъ. Въ немъ не было той женственности и изнѣженности, которыя отличали его старшаго брата, но было болѣе мужественности и мысли въ выраженіи лица.

— Ну, такъ въ чемъ дѣло? — повторилъ онъ. — И кто ты такой?

— Я скороходъ сіятельнѣйшаго графа Рейнгольда, вашего брата, — отвѣтилъ незнакомецъ, — по имени Якубъ.

— А-а, — произнесъ Левенвольде, — ты хорошо говоришь по-нѣмецки.

— Мой отецъ былъ нѣмецъ, — отвѣтилъ Якубъ: — а мать крестьянка. Я одинаково хорошо говорю и по-русски.

— Молодецъ, — отозвался Густавъ: — теперь говори.

— Вотъ письмо его сіятельства, — сказалъ Якубъ, вынимая изъ сумки тяжелый пакетъ и подавая его Густаву.

— Ладно, — отвѣтилъ Густавъ: — но что же случилось?

— Императоръ Петръ II скончался, — отвѣтилъ Якубъ: — а императрицей провозглашена герцогиня курляндская.

Пакетъ упалъ изъ рукъ Густава на медвѣжью шкуру, лежащую у постели. Онъ вскочилъ въ одной рубашкѣ... Якубъ бросился поднять пакетъ.

— Умерь, умерь!—кричалъ Густавъ:—она императрица! Да что же ты молчалъ до сихъ поръ! Кто избралъ ее? Отъ чего умерь императоръ?

Вмѣсто отвѣта Якубъ подалъ ему пакетъ.

Густавъ дрожащими руками разорвалъ конвертъ и, стоя босыми ногами на медвѣжьей шкурѣ, съ жадностью началъ читать при желтомъ свѣтѣ одинокой восковой свѣчи.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ наконецъ:—Югантиъ, Югантиъ!—закричалъ онъ.

И когда испуганный его изступленнымъ голосомъ вбѣжалъ Югантиъ, Густавъ приказалъ:

— Скорѣй одѣваться, лошадей! Я запрягу тебя! Какъ смѣлъ ты заставлятъ ждать этого гонца!

Югантиъ испуганно моргалъ глазами.

— Я говорилъ тебѣ,—не утерпѣлъ Якубъ.

Югантиъ заметался. Надо было и одѣвать Левенвольде и приказать готовить лошадей.

Якубъ понялъ его положеніе и съ разрѣшенія Левенвольде поспѣшилъ во дворъ распорядиться насчетъ лошадей.

Черезъ десять минутъ тройка сытыхъ лошадей уже несла Густава Левенвольде и Якуба въ Митаву.

Баринъ и лакей сидѣли рядомъ, и Густавъ съ жадностью расспрашивалъ Якуба о подробностяхъ его путешествія. Его особенно пугала мысль, что капитанъ Сумароковъ пріѣдетъ раньше его, а особенно посольство! Якубъ разсказалъ, какъ ему удалось задержать Сумарокова. А относительно посольства безпокоиться было нечего. Раньше завтрашняго дня они не могутъ поспѣть. Но Густавъ все же приказывалъ немилосердно гнать тройку.

Черезъ часъ бѣшеной ѣзды взмысленные кони остановились у воротъ дворца.

Левенвольде хорошо знали. Приказавъ Якубу ждать во дворѣ, онъ направился къ примыкающему ко двору флигелю, гдѣ жилъ со своимъ семействомъ Виренъ.

Собственно «дворецъ» было слишкомъ громкое названіе. Домъ герцогини курляндской ничѣмъ не отличался отъ дома какого-нибудь богатаго бюргера, развѣ только герцогскими гербами на чугунныхъ воротахъ.

Левенвольде безпрепятственно пропустили въ помещеніе, занимаемое Виреномъ.

XVI.

Камеръ-юнкеръ герцогини жилъ болѣе чѣмъ скромно. Все его имущество составляла небольшая мыза, полученная имъ въ наследство отъ отца, исполнявшаго обязанности берейтора у принца Александра (сына скончавшагося въ 1688 году курляндскаго герцога Якова) и впоследствии переименованнаго въ Лѣспичіе.

Мыза давала скудный доходъ, а иныхъ доходовъ почти не было, не считая рѣдкихъ подачекъ герцогини, которая сама вѣчно нуждалась въ деньгахъ.

Прислуги было немного. Обстановка квартиры оставляла желать многого.

Войдя въ почти пустую пріемную, Густавъ встрѣтилъ заспаннаго лакея, лѣшиво зажигающаго свѣчи, которому и приказалъ немедленно разбудить господина.

Лакей, хорошо знавшій, какъ и все въ домѣ, Левенвольде, отправился въ спальню Бирена. Она отдѣлялась отъ пріемной только небольшою проходной комнаткой. Лакей постучалъ въ дверь спальни. Изъ спальни послышался визгливый женскій голосъ:

— Боже мой! Кто там?

Почти тотчасъ мужской, нѣсколько встревоженный голосъ повторилъ тотъ же вопросъ.

Густавъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и громко крикнулъ:

— Эрнстъ, прости, это я! Нельзя терять ни минуты!

За дверью послышалось движеніе, тревожный шопотъ, и на порогѣ показался Биренъ въ нестромѣ халатѣ, въ туфляхъ на босу ногу. За нимъ изъ двери выглядывала голова его жены Беннигны въ ночномъ чепчикѣ. Ея желтое, старообразное лицо было испугано. Дверь захлопнулась.

— Густавъ, что?—встревоженно спросилъ Биренъ, пожимая руку Густаву:—что все это значить?

— И хорошее и дурное, и побѣду или поражение,—отвѣтилъ Густавъ.—Императоръ умеръ. Императрицей провозглашена курляндская герцогиня.

Красивое лицо Бирена съ рѣзкими чертами вдругъ словно окаменѣло. Большіе глаза съ маленькими зрачками смотрѣли на Густава, какъ мертвые глаза статуи.

Вѣсть была неожиданна. Переходъ слишкомъ рѣзокъ. Отъ двора гонимой убогой герцогини до двора могущественной повелительницы обширной имперіи.

Нѣсколько мгновений длилось молчаніе.

— На,—началъ Густавъ:—вотъ прочти это.

И онъ подалъ ему письмо брата.

Только легкія судороги на лицѣ Бирена обнаруживали его волненіе, когда онъ читалъ письмо Рейнгольда.

— Къ герцогинѣ, къ императрицѣ!—хрипло произнесъ онъ.

Въ ночномъ капотѣ изъ спальни выскочила Бенигна.

— Боже мой! Боже мой! Что случилось?—испуганно закричала она, не здороваясь съ Густавомъ.

— Императоръ умеръ. Императрицей провозглашена ея вдовство,—коротко отвѣтилъ ей мужъ.—Но, Бенигна,—продолжалъ онъ:—я прошу тебя не кричать, не дѣлать въ домѣ лишней тревоги.

— О Боже!—радоство вздохнула Бенигна, складывая молитвенно руки и поднимая къ потолку свои тусклые глаза.

— Не радуйся еще, Бенигна,—тихо произнесъ Эрнстъ:—быть можетъ, это сулитъ намъ одно горе. Однако,—обратился онъ къ Густаву,—я сейчасъ одѣнусь, и мы пройдемъ къ императрицѣ.

Съ этими словами онъ взялъ за руку Бенигну и увелъ ее въ спальню.

Письмо Рейнгольда, очень обстоятельное и толковое, подробно передавало исторію болѣзни и смерти императора, обстановку, при которой происходило избраніе Анны, затѣмъ излагались подробно кондиціи. Рейнгольдъ особенно подчеркивалъ то обстоятельство, что избраніе герцогини курляндской было единогласно, что всѣ видѣли въ ней ближайшую и законнѣйшую наследницу покойнаго императора и что избраніемъ своимъ она обязана отнюдь не верховникамъ, а всему «народу». Подъ народомъ въ то время разумѣлось исключительно привилегированное сословіе.

«Что же касается кондицій,—писалъ Рейнгольдъ:—то они составлены верховниками, тайно ото всѣхъ, и никто о нихъ не знаетъ».

Состоящее изъ князя Василя Лукича Долгорукаго, князя Михаила Михайловича Голицына и генерала Михаила Ивановича Леонтьева посольство верховниковъ въ Митаву тоже окружено тайной, такъ какъ они боятся, что объ ихъ козняхъ могутъ предупредить императрицу и она не захочетъ подписать кондицій. Поминать въ письмѣ Рейнгольдъ и о требованіи верховниковъ не брать въ Москву ни Бирена и никакого другого иноземца. Въ заключеніе Рейнгольдъ просилъ передать императрицѣ, чтобы пока она не спорила съ верховниками, а только скорѣе спѣшила бы въ Москву. Въ Москвѣ, окруженная вѣрными полками и преданными людьми, она легко разрушитъ всѣ козни верховниковъ и вернетъ самодержавіе.

Сердце Бирена ныло отъ тоски и обиды. Онъ вспоминалъ длинный рядъ униженій, черезъ которыя онъ прошелъ. Онъ вспомнилъ насмѣшливое, презрительное отношеніе къ нему русскихъ высшихъ круговъ, когда онъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ явился ко двору супруги цесаревича Алексѣя Софій-Шарлотты искать мѣста и

удачи. Ему было рѣзко и опредѣленно замѣчено, что сыну коноха не мѣсто при дворѣ супруги русскаго цесаревича. Вспомнилъ Биренъ и гордый отказъ курляндскаго дворянства признать его дворяниномъ... И жгучей яростью несмытой обиды горѣло въ его душѣ, никогда не померкая, воспоминаніе о полученной имъ отъ князя Василя Лукича пощечинѣ. И тотъ же Василій Лукичъ, торжествующій и надменный, ѣдетъ сюда предписывать законы императрицѣ! Но все же она императрица, избранная не княземъ Василемъ! Но новое опасеніе охватило Бирена. Императорская корона, послѣдіе Петра Великаго, слишкомъ цѣнная добыча. Анна женщина, тщеславная, какъ женщина. Этотъ лукавый, старый соблазнитель... Блескъ короны... Бывшая связь, хотя недолгая... Развѣ не можетъ Анна пожертвовать имъ?.. Причудливый, измѣнчивый нравъ Анны ему извѣстенъ... Левенвольде, Долгорукій, онъ, раньше Бестужевъ... Сердце женщины!..

Самоувѣренность Бирена исчезла. Одинъ капризъ женщины—и онъ погрузится въ такое ничтожество, въ какомъ никогда не былъ.

Нищій, гонимый!..

Какъ въ эти минуты ненавидѣлъ онъ и напыщенное курляндское дворянство, не признавшее его, и русскихъ аристократовъ, считающихъ его недостойнымъ быть при дворѣ новой императрицы; какія страшныя клятвы давалъ онъ себѣ уничтожить своихъ враговъ, если судьба поможетъ ему, какія униженія, пытки и смерть готовилъ онъ имъ въ своемъ воображеніи. Онъ торопливо одѣвался. вмѣсто камердинера ему помогала его жена, безотвѣтная, болѣзненная, но чванная и спесивая. Биренъ женился на ней, чтобы породниться съ родовитымъ дворянствомъ, и Бенigna страшно гордилась, что принадлежала къ старинному роду Тротта фонъ-Трейденъ.

Изъ сосѣдней комнаты послышался дѣтскій плачь.

Бенigna встрепелась.

— Это Карль,—сказала она:—я пойду къ нему.

И она бросилась къ сосѣднюю комнату. Тамъ спали ихъ дѣти—шестилѣтній Петръ, трехлѣтняя Гедвига и двухлѣтній Карль.

Мгновенная улыбка озарила лицо Бирена. Не тамъ ли его спасеніе? Не маленькій ли Карлуша является залогомъ его судьбы. Никакое честолюбіе, никакая новая привязанность не заставятъ Анну забыть о своемъ сынѣ. Онъ зналъ страстную нѣжность Анны къ этому ребенку. Вѣдь это былъ ея ребенокъ, выданный безотвѣтной Бенигной за своего...

Прежняя самоувѣренность появилась на лицѣ Бирена, когда онъ вышелъ черезъ нѣсколько минутъ къ ожидавшему его Густаву Левенвольде.

— Итакъ, дорогой Густавъ,—съ холодной усмѣшкой обратился онъ къ Левенвольде:—теперь мы покажемъ себя. Il faut se rousser au monde!—добавилъ онъ свою любимую фразу.

XVII.

Императорское величество!

Эти два слова, заключающія въ себѣ предѣлъ человѣческаго могущества и власти, казалось, оглушили Анну. Въ нихъ словно слышался ей громовой салютъ сотенъ орудій, святой звонъ московскихъ колоколовъ и восторженные крики безчисленной толпы.

Когда она, встревоженная неожиданнымъ пробужденіемъ, поспѣшно вышла въ залу, Бирень и Левенвольде опустились на колѣни... Не успѣла она спросить, что это значить, какъ Бирень слегка дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Ваше императорское величество!

При этихъ словахъ она вздрогнула и замерла.

— Племянникъ вашего величества отрокъ императоръ представился. Весь народъ единодушно вручаетъ вашему величеству священное наслѣдіе вашего, блаженной памяти, отца и великаго дяди. Позвольте мнѣ, первому слугѣ вашего императорскаго величества, первому принести вамъ всеподданнѣйшія поздравленія со вступленіемъ на всероссійскій престолъ...

Лицо Анны было блѣде платка, который она держала въ рукахъ. Она сдѣлала шагъ впередъ, протянула руку и пошатнулась. Но прежде, чѣмъ успѣли подбѣжать къ ней Бирень и Левенвольде, она овладѣла собой и тяжело опустилась въ широкое кресло съ высокой спинкой, увѣнчанной герцогскимъ гербомъ династіи Кетлеровъ.

Аннѣ въ это время было уже тридцать шесть лѣтъ. Лучшая пора жизни ея прошла въ униженіи, въ бѣдности, въ зависимости и забвеніи... Девятнадцать лѣтъ провела она въ Курляндіи, нуждаясь, заискивая, въ вѣчной тревогѣ за завтрашній день. Даже сердцу своему она не могла отдаваться свободно, безъ боязни чужого вмѣшательства. А она была способна на страстные увлеченія...

За эти девятнадцать лѣтъ худенькая, стройная герцогиня съ нѣжнымъ, смуглымъ, слегка рябоватымъ лицомъ, съ великолѣпными черными глазами, обратилась въ толстѣющую, небрежную къ своему внѣшнему виду, неряшливо одѣтую, грузную женщину. Смуглое, такое нѣжное лицо утратило румянецъ молодости, огрубѣло, потемнѣло. Замѣтнѣе стали рябины. Даже глаза, великолѣпные черные глаза смотрѣли муро, недовѣрчиво и старили герцогиню...

Она овладѣла собой, улыбнулась, лицо порозовѣло. Она сразу похорошѣла и помолодѣла.

Ласковой улыбкой она подозвала къ себѣ Бирена и Левенвольде.

— Милые друзья,—начала она низкимъ, густымъ голосомъ:— благодарю васъ. Радостная вѣсть дѣлается вдвое радостнѣе, когда ее передаетъ другъ. Вѣчная память нашему племяннику,—продол-

жала она, перекрестившись:—неповѣдимы судьбы Господа. Расскажите же все подробности, какія вамъ извѣстны.

Густавъ вынулъ письмо Рейнгольда.

— Вотъ, ваше величество, подробное изложеніе событій.—Онъ подалъ Аннѣ письмо.

— Левенвольде,—произнесла взволнованно Анна, прочитавъ письмо:—я не забуду этого дня, или, вѣрнѣе,—съ улыбкой поправилась она,—этой ночи на двадцать пятое января,—съ удареніемъ, медленно добавила она, словно стараясь навсегда запечатлѣть въ своей памяти эту знаменательную для нея дату. Она протянула руку Густаву. Преклонивъ колѣно, онъ почтительно поцѣловалъ руку новой всероссійской императрицы.

— Передайте, Левенвольде, графу Рейнгольду,—продолжала она:—что я не забуду его... Вы,—обратилась она къ Бирену,—и Густавъ всегда будете моими лучшими, ближайшими друзьями. Мы побѣдимъ нашихъ враговъ. Мы побѣдимъ ихъ,—съ увѣренностью повторила она:—а теперь протяните другъ другу руки въ знакъ дружбы и вѣрности мнѣ.

Бирень и Левенвольде искренно, отъ чистаго сердца обнялись.

— Ты мой гость сегодня,—сказалъ Эрнстъ:—идемъ.

— Эрнстъ, вы еще останетесь,—прервала его императрица:—а письмо оставьте мнѣ,—обратилась она къ Густаву:—мы его еще прочтемъ.

Густавъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ милостиво протянутую ему руку и съ глубокимъ поклономъ, пятакъ спиной къ двери, вышелъ.

Анна снова внимательно и долго перечитывала письмо. Въ тревожномъ ожиданіи, волнуемый разнородными чувствами, стоялъ Бирень. Увѣренность Анны въ побѣду надъ врагами, побѣду, еще ясно не представляемой ею, мало успокаивала его. Больше всего страшило его посольство во главѣ съ Василиемъ Лукичемъ. Какія мѣры приметъ это посольство, чтобы осуществить свои планы? Что они сдѣлаютъ съ нимъ? А они могутъ сдѣлать все, что хотятъ... Ссылка, заключеніе въ тюрьму... Почему знать!..

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей его неподвижное лицо потемнѣло. Онъ уже забылъ о надеждахъ, родившихся въ немъ при мысли о маленькомъ Карлусѣ. Развѣ онъ самъ не отрекся бы отъ сына, жены, любовницы, если бы ему предстоялъ выборъ между ними и властью надъ великой имперіей?

Анна подняла на него темные глаза.

— Эрнстъ,—тихо сказала она:—Богъ не оставитъ меня. Жди и надѣйся. Да,—продолжала она:—что бы ни случилось, они не лишатъ меня радостей моей жизни. Рейнгольдъ правъ: не Долгорукіе и Голицыны избрали меня, а народъ... Дай время... Теперь

терпи... Но, Эрнстъ,—съ страстнымъ порывомъ добавила она:— ты не оставишь меня... а я! могу ли я оставить Карлушу, этого зло-токудраго ангела!.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Никогда!..

Биренъ припалъ къ ея ногамъ.

— Императрица всероссійская! Императрица всероссійская,— тихо произнесла Анна, словно утѣшаясь самыми звуками величаваго титула,—развѣ это звукъ пустой? Развѣ на этой высотѣ можетъ кто распоряжаться, кромѣ меня! Они затѣяли страшную игру, и клянусь Богомъ—горе имъ! Гласъ народа, гласъ Божій, призвалъ меня на престолъ отца моего и дяди, и нѣтъ судьи воли моей надо мной, кромѣ единаго Бога.

Взволнованная Анна встала и быстрыми твердыми шагами начала ходить по залѣ.

— Я покорюсь пока,—говорила она, гнѣвно сдвигая черныя брови,—я покорюсь... А тамъ... Успокойся же, Эрнстъ, жди...

— О, ваше величество,—прошенталь Эрнстъ,—вся жизнь моя вамъ!..

— Я знаю твою преданность мнѣ,—произнесла Анна:—вѣрь, что никто не замѣнитъ мнѣ тебя.

Она подошла къ Бирену, все еще стоявшему на колѣняхъ на бархатной подушкѣ у кресла, съ котораго она встала, и положила ему на голову руку. Онъ жадно схватилъ эту руку и прижался къ ней горячими, сухими губами.

Анна низко склонилась къ нему.

Мутный разсвѣтъ глядѣлъ въ незавѣшанныя окна, и блѣднѣли желтые огни восковыхъ свѣчей.

Несмотря на всю таинственность переговоровъ, при дворѣ уже встревожились. Немногочисленные фрейлины герцогини курляндской съ жаднымъ любопытствомъ слушали рассказы своихъ горничныхъ о позднемъ посѣщеніи герцогини Левенвольде.

Горничныя узнали объ этомъ отъ знакомыхъ стражниковъ и конюховъ, а маленькій пажъ Аріальдъ, дальній родственникъ Бенигны, жены Бирена, любимецъ всего маленькаго герцогскаго двора, ухитрился даже кое-что подслушать. Любимый шутъ герцогини, горбатый и злой карликъ, прозванный Авессаломомъ за свои длинные и густые волосы, тоже ухитрился подслушать разговоръ новой императрицы съ Биреномъ и Левенвольде.

Дѣло кончилось тѣмъ, что къ концу этой тревожной ночи весь дворъ уже зналъ о необычайной перемѣнѣ въ судьбѣ герцогини.

XVIII.

Всѣ близкіе къ Аннѣ люди, не зная подробностей ея избранія, переполнились радостныхъ надеждъ. Молодыя фрейлины мечтали о веселой и богатой жизни въ Москвѣ и Петербургѣ и блестящихъ

партіяхъ съ русскими аристократами. Камеръ-юнкеры мечтали о карьерѣ, смотритель дворца—о новомъ доходномъ мѣстѣ, конюхи—о роскошныхъ конюшняхъ на сотни лошадей и связанныхъ съ этимъ доходахъ. Только ближайшій человѣкъ къ герцогинѣ, кому уже кланялись съ подобострастіемъ, чуть не съ благоговѣніемъ, одинъ былъ не радостень, а мраченъ и задумчивъ. Дальнѣйшая судьба его была закрыта зловѣщими тучами. Онъ одинъ не мечталъ, не радовался, а полный тревогъ и опасеній съ тоской ждалъ, чѣмъ кончится день?

Онъ ненадолго вернулся домой, чтобы передать Бенигнѣ, съ которой былъ очень друженъ, всѣ событія этой ночи. И вскорѣ вернулся во дворецъ, гдѣ Анна уже переодѣлась въ парадное платье и съ нетерпѣніемъ ждала дальнѣйшихъ событій.

Вся прислуга, весь дворъ были уже на ногахъ въ шесть часовъ утра. Фрейлины герцогини съ нетерпѣніемъ ждали, что ихъ позовутъ къ туалету, но Анна не звала никого. Она совершила свой туалетъ при помощи только одной своей старой горничной, повѣренной всѣхъ ей тайнъ, ея ровесницѣ, служившей у нея со дня ея свадьбы съ покойнымъ герцогомъ, дочери смотрителя лѣтнаго дворца при Петрѣ I, Анюсы Кругляковой. Это была некрасивая, угрюмая на видъ старая дѣва, но беззавѣтно преданная своей госпожѣ. Даже самъ Биренъ относился къ ней съ симпатіей за ея преданность и вѣрность. Одна изъ немногихъ, Анюса была посвящена въ тайну рожденія Карлуши.

Съ фамиллярностью, свойственной старымъ слугамъ, наперсникамъ господъ, она, причесывая Анну, говорила своимъ угрюмымъ голосомъ:

— Ну, вотъ, ты теперь императрица, ваше величество. Слава те, Господи, вернемся на родину изъ бусурманской страны. А то слова живого не слышишь...

— Да откуда ты знаешь, что я императрица?—съ улыбкой спросила Анна:—я никому еще ничего не говорила, да и сама не знаю, такъ ли это?

— Э, матушка,—возразила Анюса:—шла въ мѣшкѣ не утаишь. Конюшенные мальчики и то знаютъ.

— Экіе болтуны!—съ улыбкой замѣтила Анна.—Такъ ты рада?

— Матушка, матушка,—взволнованно заговорила Анюса, и на ея глазахъ показались слезы:—да какъ же не радоваться, красавица ты моя! Все видѣла, всѣ двадцать лѣтъ не отходила!.. Всего натерпѣлись мы!.. Охъ, злы люди!..

Анна нахмурила брови. Слова Анюсы пробудили въ ея душѣ много горькихъ воспомнаній,—бѣдности, униженія...

— А теперь, ваше величество,—восторженно продолжала Анюса,—подумать только!.. Да вѣдь ты, матушка, станешь, какъ вѣчной памяти самъ Петръ Алексѣевичъ! Ишь, подумать-то жутко... Кто жъ супротивъ тебя... Казни, милуй!

— Казни, милуй!—съ горькой улыбкой тихо повторила Анна, вспоминая условия, на которыхъ она была избрана.

— А то какъ же,—продолжала разгорячившаяся Анеиса:— ты, ваше величество, по крови царица, народомъ избранная, Богомъ данная...

И умиленная Анеиса, опустившись на колѣни, горячо поцѣловала бессильно опущенныя руки императрицы.

И эти слова и этотъ порывъ искренней преданности словно влили новыя силы въ душу Анны.

— Избранная народомъ, данная Богомъ,—медленно и отчетливо произнесла она, вставая.—Будь по-твоему, Анеиса, ты это вѣрно сказала, мы еще поспиреуемъ съ тобою на Москвѣ!

И увѣренная и счастливая, съ горящими глазами и покраснѣвшимъ лицомъ, она прошла въ столовую.

Биренъ, придя, словно не узналъ ее, такъ было оживленно, такъ помолодѣло ея апатичное лицо, такъ сверкали ея темныя глаза и гордо сидѣла на ея черныхъ пышныхъ волосахъ герцогская корона Кетлеровъ.

Съ непривычной робостью Биренъ поцѣловалъ ея руку и не рѣшался сѣсть, хотя они были наединѣ.

— Садись же, Эрнстъ,—ласково сказала Анна:—развѣ я измѣнилась?

— Да, ваше величество, положеніе измѣнилось,—глухо отвѣтилъ Биренъ:—изъ герцогини безъ герцогства вы стали повелительницей величайшей въ мѣрѣ державы. Бѣдный курляндскій дворянинъ, безконечно преданный вамъ, могъ быть при дворѣ курляндской герцогини, но ему можетъ не найтись мѣста при дворѣ императрицы всероссійской.

— Эрнстъ, Эрнстъ, какъ мало ты знаешь меня,—ласково и съ упрекомъ сказала Анна.—Я говорю тебѣ: подожди...

Биренъ прильнулъ къ ея рукѣ.

Маленькій пажъ Аріальдъ вбѣжалъ въ комнату.

— Гонецъ изъ Москвы, ваше императорское величество,—громко и весело крикнулъ онъ, подбѣжавъ къ Аннѣ и опустившись на одно колѣно.

— За императорское величество я выдеру тебя за уши,—сказала герцогиня.—Не ты ли далъ мнѣ императорскую корону?

Аріальдъ лукаво глядѣлъ на императрицу.

— Вамъ далъ ее россійскій народъ, ваше величество,—отвѣтилъ онъ.

— Опять,—сказала Анна:—ну, поди узнай, кто онъ?

Аріальдъ вскочилъ и бросился вонъ; черезъ минуту онъ вернулся и доложилъ:

— Лейбъ-гвардіи капитанъ Сумароковъ, камеръ-юнкеръ его свѣтлости герцога голштинскаго.

— А,—произнесла Анна:—зови же его сюда.

Аріальдъ выбѣжалъ.

— Камеръ-юнкеръ герцога Голштинскаго — ненадежный посоль, — сказала Анна. Биренъ кивнулъ головой.

— По завѣщанію Екатерины I,—отвѣтилъ онъ,—сынъ герцога голштинскаго Карла и дочери Петра, Анны Петровны, принцъ Карлъ-Ульрихъ является ближайшимъ наслѣдникомъ престола.

— Да,—задумчиво проговорила Анна:—этотъ Карлъ-Ульрихъ, сынъ Анны Петровны, «l'enfant de Kiel», ближе по крови Петру, но за мною право первородства, я дочь старшаго царя. Екатерина не имѣла права распоряжаться престоломъ.

— Но дѣло кончено,—отвѣтилъ Биренъ:—вы избраны, и вы императрица всероссійская.

— Да,—гордо отвѣтила Анна:—вопросъ рѣшенъ—и я императрица всероссійская.

Дверь широко распахнулась, и маленькій Аріальдъ громко крикнулъ:

— Гонецъ изъ Москвы!

На порогѣ появился Сумароковъ. Лицо его было блѣдно и измучено, но имѣло гордое, счастливое выраженіе.

Онъ низко поклонился и молча остановился у порога.

— Вы, кажется, лейбъ-гвардіи капитанъ Сумароковъ, камеръ-юнкеръ герцога голштинскаго?—спросила Анна, окидывая его съ ногъ до головы внимательнымъ, нѣсколько недовѣрчивымъ взглядомъ.

— И адъютантъ графа Павла Ивановича Ягужинскаго, ваше императорское величество,—отчетливо проговорилъ Сумароковъ, прямо глядя въ лицо герцогини.

Легкая улыбка скользнула по губамъ Анны.

Сумароковъ поблѣднѣлъ еще больше. Вся увѣренность его пропала. Его слова, этотъ новый титулъ не произвели того впечатлѣнія, на которое онъ рассчитывалъ.

«Меня опередили. Она все уже знаетъ,—мгновенно промелькнуло въ его головѣ.—Но кто же?»

— Какъ вы назвали меня?—послышался голосъ Анны.

Биренъ неподвижно стоялъ за кресломъ императрицы, съ нѣкоторымъ злорадствомъ глядя на смущеннаго русскаго офицера. Онъ не скрывалъ своего удовольствія, что не русскій первый привезъ Аннѣ великую вѣсть.

— Съ 19-го сего января вы императрица всероссійская. Вотъ детальное оповѣщеніе вашего величества отъ графа Павла Ивановича.

Сумароковъ вынулъ изъ-за обшлага мундира толстый конвертъ съ письмомъ Ягужинскаго. Анна взглянула на Бирена. Онъ быстро подошелъ къ Сумарокову и взялъ изъ его рукъ письмо.

— Павелъ Ивановичъ,—съ улыбкой произнесла Анна:—я помню его, когда онъ ѣздилъ въ Варшаву, дабы помѣщать избранію въ герцоги курляндскіе Морица Саксонскаго.

При этомъ имени Анна тихо вздохнула. Ея сердце не совѣмъ забыло этого безпутнаго, отчаяннаго и очаровательнаго Морица, идола модныхъ красавицъ Парижа, Дрездена и Вѣны, этого авантюриста и героя, дравшагося съ одинаковымъ успѣхомъ подъ знаменами Мальборо и принца Евгенія и со шведами, и съ испанцами, и съ турками; онъ сталъ бы ея мужемъ, если бы не честолюбивые планы Меншикова, добивавшагося для себя короны Курляндіи.

— Да,—продолжала Анна:—я не забыла его. Онъ относился къ намъ всегда съ должной аттенціей. То, что вы передали намъ, капиталъ,—закончила она:—привело насъ въ такое смятеніе, что намъ надлежитъ все обсудить наединѣ. Ежели надо будетъ, мы позовемъ васъ.

Анна милостно кивнула головой.

И это было все! Это награда за опасности пути, бессонныя ночи, за нгру головой!

Сумароковъ молча поклонился.

— Мы васъ не забудемъ, капитанъ,—услышавъ онъ голосъ императрицы.

Онъ поклонился еще разъ и, озлобленный, чувствуя себя униженнымъ, не зная, куда направиться, вышелъ изъ комнаты. Куда, въ самомъ дѣлѣ, направиться? Депутаты верховнаго совѣта могутъ пріѣхать съ часу на часъ. Онъ погибъ, если они увидятъ его здѣсь. Онъ смутно чувствовалъ, что новая императрица лукавитъ, что она явно не хочетъ принять его подъ свое покровительство, боясь, можетъ быть, тоже верховниковъ. Сумарокова могло спасти теперь только бѣгство, но онъ боялся бѣжать, такъ какъ не передалъ еще императрицѣ на словахъ то, что приказалъ Ягужинскій, и притомъ развѣ императрица не сказала, что, быть можетъ, позоветъ его.

Онъ остановился въ залѣ въ раздумьи. Въ это время къ нему подошелъ Аріальдъ.

— Господинъ камеръ-юнкеръ заблудился въ нашемъ дворцѣ,—шутливо сказалъ онъ по-нѣмецки, и сейчасъ же добавилъ:—а скажите, господинъ камеръ-юнкеръ, во сколько разъ дворецъ русскихъ императоровъ больше нашего?

Несмотря на свою озабоченность, Сумароковъ улыбнулся.

— Я полагаю, во столько же разъ, во сколько Москва больше Митавы,—отвѣтилъ онъ на томъ же языкѣ, которымъ, какъ камеръ-юнкеръ герцога голиштинскаго владѣлъ въ совершенствѣ,—и во

сколько разъ императрица всероссійская могущественнѣе герцогини курляндской.

— О, о,—произнесъ Аріальдъ,—это много!

Неожиданная мысль явилась у Сумарокова.

— Послушай, малютка,—сказаль онъ:—не передашь ли ты господину Бирену записку?

— Отчего же? Охотно,—отозвался Аріальдъ.

— Да, но гдѣ же я напишу?—спросилъ Сумароковъ.

— Пожалуйте сюда, къ оберъ-писцу,—и мальчикъ указаль ему на большую дверь.

По полутемному коридору Аріальдъ провелъ Сумарокова въ небольшую, скромно обставленную комнату. На большомъ столѣ лежали расходныя книги, счета, сѣрые листы бумаги. За столомъ сидѣль маленький, худенькій старичекъ съ бритымъ пергаментнымъ лицомъ, въ очкахъ на длинномъ носу.

При видѣ вошедшихъ онъ послѣшилъ встать.

— Герръ Шрейберъ,—обратилъ къ нему Аріальдъ:—господину камеръ-юнкеру надо написать нѣсколько словъ.

— О, сейчасъ, сейчасъ,—засуетился старикъ.

Онъ торопливо подаль Сумарокову стулъ, подвинуль бумагу, чернила и гусиное перо.

Сумароковъ написаль по-нѣмецки:

«Высокородный господинъ, имѣю отъ графа Ягужинскаго словесныя препорученія ея величеству. Опасаюсь приѣзда князя Долгорукаго. Что долженъ я дѣлать? Ѣхать или ждать, и гдѣ? Жду все милостивѣйшихъ повелѣній».

— Вотъ это передай господину Бирену,—сказаль онъ, передавая Аріальду записку:—а я подожду здѣсь.

Аріальдъ кивнулъ головой и исчезъ въ коридорѣ. Сумароковъ всталъ и въ безпокойствѣ заходилъ по комнатѣ. Маленькій старичекъ тихо подѣль къ столу и вновь углубился въ свои занятія.

Было тихо. «Какая чудесная перемѣна судьбы,—думаль Сумароковъ:—герцогиня вчера—сегодня императрица». Онъ невольно вспомнилъ вопросъ Аріальда, залы московскихъ дворцовъ, роскошныя празднества Петра II, брильянты, золото... Чувство горечи наполнило его душу. «И вотъ,—думаль онъ:—за то, что я, рискуя головой, привезъ ей вѣсть о томъ, что все это принадлежитъ ей, за то, что предупредилъ о козняхъ враговъ—за все это брошень ею, и въ смертельной тревогѣ жду министровъ, и никто не защититъ меня отъ ихъ гнѣва и мести...»

Тревога росла съ каждой минутой.

Наконецъ Аріальдъ вернулся и передалъ отвѣтъ Бирена. Бирень просилъ Сумарокова подождать его въ указанномъ мѣстѣ. куда его проводитъ Аріальдъ.

Сумароковъ немного успокоился. Значить, онъ не совсѣмъ брошенъ.

Аріальдъ, очевидно, уяснилъ себѣ положеніе. Онъ понялъ, что всѣмъ здѣсь грозитъ опасность отъ какихъ-то министровъ, членовъ какого-то совѣта, которыхъ ждутъ сюда. Что боится Биренъ, боится Сумароковъ, боится Густавъ Левенвольде, сейчасъ скрывающійся въ квартирѣ Бирена, тревожится новая императрица. Смутно думалъ онъ, что если императрица дорожитъ Биреномъ и отчасти Густавомъ, то вовсе не дорожитъ этимъ русскимъ офицеромъ, и что наибольшей опасности подвергается именно этотъ красивый и ласковый офицеръ. И, почувявъ въ себѣ рыцарскую кровь славнаго рода Тротта, мальчикъ рѣшилъ всѣми силами помогать этому гонимому, находившемуся, по его мнѣнію, въ опасномъ положеніи.

— Я готовъ,—сказалъ Сумароковъ.

— Тогда слѣдуйте за мною, господинъ камеръ-юнкеръ,—отозвался Аріальдъ.

Сумароковъ любезно поклонился старичку и послѣдовалъ за маленькимъ пажомъ.

Въ небольшомъ домѣ, дворцѣ герцогини, тоже были свои тайны. И узкіе коридоры, и винтовья лѣстницы, и подвалы,—цѣлый лабиринтъ въ миниатюрѣ.

По узкимъ, короткимъ, но извилистымъ коридорамъ вель его Аріальдъ. Послѣ довольно продолжительнаго блужданья Аріальдъ привелъ его въ глубокой подвалъ, темный и сырой, слабо освѣщенный одинокой свѣчей.

Сумарокову невольно стало жутко. Мрачные, нависшіе своды, съ которыхъ гулко падала, капля за каплей, вода на каменные плиты пола. Убогая койка, деревянный столъ и скамья передъ нимъ.

У стола сидѣла странная фигура. Маленькій карликъ съ двумя горбами. Густые, длинные, черные волосы въ беспорядкѣ лежали на спинѣ горбуна и закрывали его лицо.

— Авессаломъ,—громко крикнулъ Аріальдъ:—принимай гостя.

Карликъ не торопясь откинулъ нависшіе на лицо волосы, медленно поднялся съ мѣста и уставился неподвижнымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ на пришедшихъ.

Сумароковъ поклонился странной фигурѣ. Карликъ кивнулъ головой.

— Такъ ждите здѣсь господина Бирена,—крикнулъ Аріальдъ:— а я бѣгу.

Онъ послалъ рукой привѣтъ Сумарокову и скрылся за дверью. Сумароковъ сѣлъ на скамью. На лицѣ горбуна было сосредоточенное, угрюмое выраженіе. Сумароковъ чувствовалъ себя неловко.

— Скажите, кто вы?—спросилъ онъ.

— Шутъ,—коротко отвѣтилъ горбушъ.

— А ваше имя?

— Авессаломъ,—послѣдоваль короткій отвѣтъ.

— Я бы хотѣлъ знать ваше настоящее имя,—мягко замѣтилъ Сумароковъ.

— Я забылъ его,—отвѣтилъ горбунъ.

Разговоръ прервался. Маленькій горбунъ полѣзъ въ уголь, сталъ на колѣни, долго копошился, наконецъ всталъ, держа въ рукахъ двѣ бутылки и двѣ серебряныя чарки.

Онъ молча поставилъ ихъ на столъ, потомъ опять полѣзъ въ уголь и досталъ оттуда ветчину и какое-то печенье. Все это онъ поставилъ на столъ.

— Вотъ,—коротко произнесъ онъ,—ѣшьте.

Сумароковъ не ѣлъ цѣлыя сутки.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ.

— Нейте же,—нетерпѣливо повторилъ карликъ, наливая чарки.

Сумароковъ съ истиннымъ наслажденіемъ выпилъ за здоровье гостепріимнаго горбуна большую чарку крѣпкой настойки и приступилъ къ ѣдѣ.

Горбунъ тоже пилъ и ѣлъ, но его лицо продолжало сохранять мрачное выраженіе.

Чтобы начать разговоръ, Сумароковъ спросилъ:

— Вы давно здѣсь?

— Съ дѣтства,—отвѣтилъ горбунъ.

— Скажите,—продолжалъ онъ:—вѣдь при русскомъ дворѣ тоже есть шуты?

— Есть,—кивнулъ головой Сумароковъ.

— Я слышалъ про шута Балакирева,—угрюмо продолжалъ горбунъ.

— Петръ Великій очень любилъ его,—отвѣтилъ Сумароковъ:—но потомъ разгнѣвался на него; его пытали, били батогами и сослали въ Рогервикъ въ крѣпостныя работы.

Авессаломъ тихо покачалъ головой.

— Шуты часто кончали плахой,—произнесъ онъ:—за что его сослали, и гдѣ онъ теперь?

Сумароковъ все болѣе и болѣе удивлялся странному тону и разспросамъ горбуна.

— Балакиревъ,—отвѣтилъ онъ,—не былъ только шутомъ. Онъ исполнялъ нѣкоторыя порученія императрицы, которыя не понравились ей мужу-императору. Когда умеръ императоръ, императрица вернула его и опредѣлила рядовымъ въ Преображенскій полкъ...

— Да, это вѣчная исторія шута. Угодать однимъ, угождать другимъ,—голосъ горбуна звучалъ глухо подъ сырыми низкими сводами его подвала,—прикрывать интриги, носить любовныя записки, караулить влюбленныхъ, играть своей головой, отвлекать вниманіе подозрительнаго мужа или жены, и потомъ погибнуть отъ удара пожомъ или отравы за то, что слишкомъ много знаешь.

Онъ налилъ себѣ вина и залпомъ выпилъ.

— А что,—продолжалъ онъ:—шутовъ у васъ тоже бьютъ, какъ собакъ?

— Нѣтъ,—возразилъ Сумароковъ:—Петръ Первый развѣ подѣ сердитую руку... да всемъ равно попадало отъ него, даже свѣтлѣйшему... Покойный императоръ не занимался шутами...

— Да,—произнесъ горбунъ, вставая:—а у насъ смотри,—визгливымъ голосомъ продолжалъ онъ.

Съ этими словами онъ обнажилъ свои руки и показалъ Сумарокову синебагровые рубцы...

— Шуть, шуть...—визгливо кричалъ онъ съ налившимся кровью глазами:—это забава господина Бирена... Теперь она императрица всероссійская... А онъ!.. ха-ха-ха,—онъ расхохотался дикимъ смѣхомъ:—такъ у васъ не бьютъ шутовъ? А?

— Не бьютъ.

На лицѣ горбуна показались красныя пятна.

Въ своемъ сѣромъ кафтанѣ съ широкими рукавами онъ походилъ на гигантскую летучую мышь. Густые, длинные черные волосы, въ безпорядкѣ падавшіе ему на лицо, придавали ему дикій и зловѣщій видъ.

Странный, суевѣрный ужасъ мало-по-малу овладѣвалъ Сумароковымъ. Что-то страшное чудилось ему за словами горбуна, какъ зловѣщее предсказаніе грядущихъ бѣдствій.

Но не успѣлъ онъ что-либо сказать, какъ шумно отворилась дверь, и на порогѣ съ хлыстомъ въ рукахъ показался Бирень. При видѣ его горбунъ издалъ злобный хриплый вой и забился въ уголъ.

— Пошелъ вонъ, шуть,—крикнулъ Бирень, подымая хлысть.

— Господинъ Бирень!—воскликнулъ Сумароковъ, весь блѣдный, порывисто вставая съ мѣста.

Бирень опустилъ хлысть.

— А, а!—произнесъ онъ, глядя хладными глазами на Сумарокова:—вы, кажется, очень мягкосердны, господинъ камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога.

Горбунъ, воспользовавшись удобной минутой, юркнулъ въ двери.

Бирень и Сумароковъ остались вдвоемъ.

XIX.

— Императрица просила васъ,—своимъ рѣзкимъ голосомъ началъ Бирень,—сообщить мнѣ дополнительныя подробности.

Сумароковъ поклонился.

— Мнѣ было поручено передать лично ея величеству,—произнесъ онъ.

Бирень угрюмо взглянулъ на него.

Это былъ первый русскій, привѣтствовавшій свою новую императрицу и привезшій ей важныя вѣсти. Подъ первымъ впечатлѣніемъ, узнавъ, что Сумароковъ камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога, чей сынъ является ближайшимъ наслѣдникомъ престола, Анна сухо и недовѣрчиво встрѣтила этого гонца. Но, прочитавъ письмо графа Ягужинскаго, она была готова измѣнить свое отношеніе. Письмо Ягужинскаго придадо ей много бодрости. Изъ этого письма она узнала, что противъ министровъ верховнаго совѣта существуетъ партія тоже сильныхъ родовитыхъ людей—Черкасскій, Барятинскіе, фельдмаршалъ Трубецкой, ея родственники Салтыковы, духовенство, въ лицѣ виднѣйшаго члена синода Θεофана Прокоповича, самъ Ягужинскій и много другихъ, съ которыми не очень-то легко будетъ справиться верховникамъ.

Подъ вліяніемъ письма Анна хотѣла чѣмъ-нибудь отблагодарить Сумарокова. Но этого не могъ допустить Биренъ. Онъ уже успѣлъ оцѣнить стройную фигуру и красивое лицо русскаго капитана.

Не противорѣча Аннѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ искусно замѣтилъ, что графъ Ягужинскій—одно, а его посланецъ—камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога—другое, что надо быть осторожной, а все свѣдѣнія лучше соберетъ онъ, Биренъ, и передастъ императрицѣ. Личное свиданіе излишне. Императрица всегда успѣетъ наградить этого капитана, если его свѣдѣнія и усердіе заслужатъ того; Анна, по обыкновенію, согласилась съ Биреномъ и поручила ему поговорить съ Сумароковымъ.

Отвѣтъ Сумарокова раздражилъ его. Еще находясь самъ въ неопредѣленномъ положеніи и тревогѣ за свою дальнѣйшую судьбу, онъ уже злобно и ревниво относился ко всякой попыткѣ приблизиться къ Аннѣ помимо его.

— Однако это приказъ императрицы,—проговорилъ онъ:—первый приказъ первому своему русскому подданному,—съ удареніемъ добавилъ Биренъ.

— Я повинуюсь,—сухо отвѣтилъ, наклоня голову Сумароковъ:—что угодно вамъ знать?

Съ едва скрываеомой ненавистью глядѣлъ онъ въ лицо дерзкаго фаворита; чувство злобы и обиды росло въ немъ. Онъ видѣлъ себя не въ положеніи вѣрноподданнаго, принесшаго первымъ великую радостную вѣсть, а въ положеніи чуть ли не узника, допрашиваемаго дерзкимъ чужеземцемъ. Сумароковъ чувствовалъ себя глубоко униженнымъ; кромѣ того, еще въ Москвѣ онъ хорошо зналъ, что представлялъ собою этотъ сомнительный курляндскій дворянинъ, но онъ видѣлъ теперь и понималъ, какую силу имѣетъ этотъ Биренъ при дворѣ герцогини и какъ будетъ трудно отдѣлаться отъ него, и на одно мгновенье, помимо своей воли, онъ пожелалъ удачи верховникамъ, требовавшимъ, чтобы Анна не брала съ собой Бирена.

— Все, что графъ Ягужинскій приказалъ вамъ словесно передать ея величеству,—холодно отвѣтилъ на его вопросъ Биренъ.

Этими словами Биренъ ставилъ Сумарокова на мѣсто простого лакея, передающаго слова барина.

Сумароковъ вспыхнулъ и рѣзко сказалъ:

— Графъ Ягужинскій не приказывалъ мнѣ, а какъ своего адъютанта и русскаго дворянина и единомышленника просилъ пренебречь опасностями и донести самодержицѣ всероссійской о томъ, что и отъ кого она ожидать можетъ.

— Да?—съ видимымъ равнодушіемъ произнесъ Биренъ:—такъ въ чемъ же дѣло? Вы знаете, императрица ждетъ; каждую минуту можетъ пріѣхать посольство верховнаго совѣта, а вы еще ничего не сказали,—значительно добавилъ онъ.

Биренъ словно игралъ съ нимъ.

Сумароковъ понялъ это, выпрямился и, слегка поблѣднѣвъ, отвѣтилъ:

— Передайте ея величеству, что верховники не хотятъ, чтобы вы ѣхали въ Россію.

Биренъ усмѣхнулся. Это онъ узналъ изъ письма графа Рейнгольда. Сумароковъ замѣтилъ эту усмѣшку и, повинуваясь злобному чувству, подумалъ: «Такъ я жъ пройму тебя, бестія!» И громко сказалъ:

— Графъ Ягужинскій просилъ передать императрицѣ, что въ настоящее время, если не уступитъ верховникамъ, то ни онъ, ни его сторонники не поручатся за вашу голову,—медленно, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія закончилъ Сумароковъ.

И, дѣйствительно, впечатлѣніе этихъ словъ могло быть пріятно его униженному сердцу. Лицо Бирена позеленѣло, ротъ странно скривился, словно судорогой.

— Васъ могутъ убить на дорогѣ или казнить въ Москвѣ,—съ злорадствомъ продолжалъ Сумароковъ.—Вотъ что поручилъ передать мнѣ графъ Ягужинскій.

— Это все?—хрипло спросилъ Биренъ.

У Сумарокова пропало всякое желаніе передавать детально всѣ многочисленные совѣты Ягужинскаго. Онъ неопредѣленно махнулъ рукой, Биренъ всталъ. Онъ уже овладѣлъ собою.

— А теперь,—началъ онъ своимъ деревяннымъ голосомъ,—отъ имени императрицы я долженъ сообщить вамъ, что въ случаѣ пріѣзда министровъ императрица лишена какой-либо возможности оказать вамъ покровительство... а они пріѣзжаютъ скоро... я бы совѣтовалъ вамъ бѣжать сейчасъ же... Императрица ничего не будетъ имѣть противъ этого. Со временемъ она наградитъ васъ.

Онъ слегка поклонился и вышелъ, оставивъ въ грязномъ, сыромъ подвалѣ взбѣшеннаго Сумарокова.

— Бѣжать,—думаль онъ:—легко сказать! Но какъ? Гдѣ взять лошадей? Надо бы повидать Якова, да онъ остался на постояломъ дворѣ.

Сумароковъ въ волненіи ходилъ изъ угла въ уголь по темному подвалу. Онъ чувствовалъ себя словно въ западнѣ.

Недоброжелательное отношеніе къ нему Бирена было очевидно, и Сумароковъ довольно вѣрно истолковалъ эту недоброжелательность чужеземца-фаворита къ русскому офицеру. Онъ видѣлъ также и безучастное отношеніе къ нему новой императрицы.

— Какія тутъ награды!—съ горечью думаль онъ:—унести бы только ноги. Знать, сильны верховники, что сама императрица боится ихъ. Не проигралъ ли графъ Ягужинскій?

Тревога за настоящее, опасенія за будущее охватывали Петра Спиридоновича. И дѣйствительно, положеніе его было изъ очень тревожныхъ. Если бы онъ и убѣжалъ сейчасъ, онъ легко могъ натолкнуться на посольство. Зная энергичный характеръ Василя Лукича, онъ могъ ожидать не только унижительнаго ареста, но даже немедленной казни...

Затерянный, одинокій, среди чужихъ людей, предоставленный самому себѣ, онъ, несмотря на свое мужество, почти упалъ духомъ.

Въ комнату вошелъ Авессаломъ. Маленькій горбунъ сѣлъ въ уголь, поджавъ подъ себя ноги, и блестящими глазами слѣдилъ за Сумароковымъ.

— Что, хорошъ?—вдругъ спросилъ онъ съ тихимъ, злораднымъ смѣхомъ.

Сумароковъ остановился.

— Да, да,—продолжалъ горбунъ:—вы еще узнаете его, Россія не то, что Курляндія. Тамъ есть, гдѣ разгуляться его хлысту. Что шутъ Авессаломъ! Любая собака стоитъ его! То ли дѣло хлестать русскихъ бояръ.

Сумароковъ покраснѣлъ отъ гнѣва.

— Молчи,—закричалъ онъ, топнувъ ногой:—ты забылъ, что есть императрица!

Горбунъ злобно усмѣхнулся.

— А здѣсь есть герцогиня курляндская,—сказалъ онъ.—Въ чемъ же дѣло?

Сумароковъ понялъ, что горбунъ правъ. Въ маленькой Курляндіи герцогиня предоставляла Бирену дѣлать все, что было въ ея очень незначительной власти, въ обширной имперіи Россійской—она предоставитъ ему то же...

Онъ стиснулъ зубы и замолчалъ. Если бы въ эти минуты онъ могъ вернуть недавнее прошлое, онъ отрекся бы отъ Ягужинскаго и былъ бы на сторонѣ верховниковъ...

А горбунъ продолжалъ:

— Она не оставитъ его. Она возьметъ его съ собою... о, какъ попляшете вы!..

Сумароковъ хотѣлъ спросить его о многомъ, но не посигѣлъ.

Въ коридорѣ слышались торопливые шаги, и въ подвалъ вбѣжалъ Аріальдъ. Онъ былъ очень блѣденъ. Глаза его сверкали, вся его фигура выражала рѣшимость и энергію.

— Господинъ камеръ-юнкеръ,—задыхаясь произнесъ онъ:— вамъ надо бѣжать. Не спрашивайте меня ни о чемъ... Я знаю, что ваши враги близко, а здѣсь никто не защититъ васъ... Бѣгите!

Сумароковъ растерянно взглянулъ на него.

— Бѣжать, но какъ?—произнесъ онъ.

— Авессаломъ,—повелительно произнесъ Аріальдъ:—ты долженъ помочь. Сейчасъ,—обратился онъ къ Сумарокову,—въ намъ на дворъ пробрался вашъ слуга. Его хотѣли схватить. Къ счастью, я увидѣлъ его и выручилъ. Я вѣдь немного понимаю русскую рѣчь, я уже былъ при герцогинѣ, когда здѣсь былъ резидентъ Бестужевъ. Вашъ слуга остановился въ предмѣстьи у старухи Ленць. Эту старую чертовку знаетъ вся Митава. Вамъ надо только перемѣнить костюмъ. Уже отданъ приказъ никого не выпускать изъ дворца.

Аріальдъ говорилъ торопливо, задыхаясь.

Сумароковъ отступилъ на шагъ и почти съ ужасомъ глядѣлъ на этого смѣлаго ребенка.

— Никого не выпускать изъ дворца. Но вѣдь это прямое предательство,—пронеслось въ его мысляхъ.

— Кто же отдалъ такой приказъ?—глухо спросилъ онъ.

— Бирень, отъ имени герцогини,—коротко отвѣтилъ Аріальдъ:—но нельзя терять времени. Авессаломъ!—повелительно закончилъ онъ.

Но Авессаломъ уже копошился въ углу.

Какъ ошеломленный стоялъ Сумароковъ. Онъ едва вѣрилъ своимъ ушамъ. Какъ! его, привезшаго такую вѣсть, его, предупредившаго новоизбранную императрицу о козняхъ ея враговъ, его хотятъ отдать на жертву этимъ самымъ врагамъ! Этого онъ не могъ ожидать.

Между тѣмъ Аріальдъ торопилъ его. Авессаломъ, видимо, охотно вытаскивалъ костюмъ изъ своего тайника. Одну минуту у Сумарокова мелькнула мысль отказаться отъ унижительнаго бѣгства съ переодѣваніемъ, но онъ сейчасъ же подумалъ, что будетъ больше пользы, если онъ поторопится въ Москву, все передастъ Ягужинскому и, быть можетъ, не будетъ еще поздно начать дѣйствовать по новому.

Авессаломъ вытащилъ уже тяжелые мѣховые сапоги, кожаную куртку, подбитый собачьимъ мѣхомъ, плащъ и шапку съ наушниками.

Когда Сумароковъ переодѣлся, никто не узналъ бы въ немъ блестящаго офицера лейбъ-регимента. Онъ походилъ на бюргера

средней руки, возвращавшагося на свою мызу постѣ дѣловой поѣздки въ городъ.

— Благодарю, милый юноша,—произнесъ онъ, крѣпко пожимая руку Аріальду:—если встрѣтимся въ Москвѣ—будемъ друзьями.

— Благодарю и васъ,—продолжалъ онъ, протягивая руку Авесалому.

Горбунъ угрюмо подаль ему руку. Сумароковъ положилъ на столъ горсть золотыхъ монетъ.

— Возьмите назадъ,—сурово сказалъ горбунъ:—я не старьевщикъ.

Сумароковъ нѣсколько смутился, извинился, взялъ деньги и еще разъ крѣпко пожалъ руку горбуну.

— Я провожу васъ,—сказалъ Аріальдъ.

Они вышли.

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

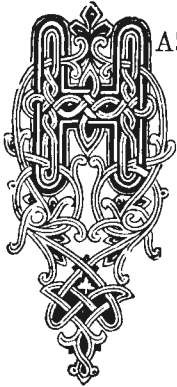

БЫЛЬ МИНУВШАГО¹⁾.

III.

Счастлиное супружество.—Жизнь въ Крыму.—Губернаторство.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Назначеніе генераль-провіантмейстеромъ.—Посѣщенія Д. Б. крестникомъ его, С. Т. Аксаковымъ.—Воспоминанія С. Т. Аксакова о Д. Б. Мертваго.—Покупка «Демьянова».—Недоразумѣнія съ тещей, А.А. Полторацкой.—1812-й годъ.—Предложеніе министра полиціи Балашова вновь поступить на службу.—Планы сдѣлаться начальникомъ оренбургскаго ополченія.—Переѣздъ семьи въ Тамбовъ во время нашествія Наполеона.—Возвращеніе въ Демьяново.—Рожденіе моего отца.—Составъ семьи Мертваго.—Завѣщаніе моего дѣда.

МАЗНАЧЕННЫЙ таврическимъ губернаторомъ въ 1804 году, Д. Б. Мертваго переѣзжаетъ съ молодой женой на жительство въ Крымъ, гдѣ жизнь ихъ, вдали отъ строптивой матери, успѣваетъ окрѣпнуть въ любви и взаимномъ довѣрїи другъ къ другу. Дмитрій Борисовичъ самъ выражаетъ въ своихъ запискахъ: «Жена моя день ото дня милѣе мнѣ становилась. Я нашель ее гораздо умнѣй и въ правлахъ тверже, нежели воображалъ».

Занимая губернаторское мѣсто и получая небольшое содержаніе, дѣдушка принужденъ былъ продать пожалованную ему аренду, чтобы не входить въ неоплатные долги и не занимать у людей, нуждающихся въ немъ по его служебному положенію. Единственный выходъ изъ этого была бы отставка, но въ виду важности совершавшихся въ то время со-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческ. Вѣстникъ», т. СXXXI, стр. 352.

бытій и это было невозможно, такъ какъ государь Александръ I положительно не разрѣшаетъ ему покидать свой постъ. И дѣдъ мой продолжаетъ свою полезную государственную дѣятельность во вредъ личной своей жизни. Онъ все болѣе и болѣе запутываетъ свое матеріальное положеніе, а, кромѣ того, семья его болѣетъ лихорадкой, которая свирѣпствовала въ то время въ Крыму. Наконецъ, въ сентябрѣ 1807 года дѣдушка получаетъ повелѣніе пріѣхать въ Петербургъ, причѣмъ графъ Кочубей частнымъ письмомъ увѣдомляетъ его о назначеніи его генераль-провіантмейстеромъ. Въ октябрѣ вышелъ указъ, и государь приказалъ поставить его въ спискахъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ находилось его имя до отставки. Кромѣ того, пожаловалъ ему 10.000 рублей, приказавъ объявить, что это не награжденіе, такъ какъ онъ стоитъ большаго, а пособіе, которое онъ обѣщаетъ и впредь ему давать.

Переѣхавъ въ Петербургъ, Дмитрій Борисовичъ поселяется на Фонтанкѣ, въ домѣ своей жены Варвары Марковны. Здѣсь посѣщаетъ его крестникъ Сергѣй Тимоѣевичъ Аксаковъ и много лѣтъ спустя передаетъ свои впечатлѣнія молодости въ письмѣ къ Владимиру Павловичу Безобразову, узнавъ о существованіи записокъ Д. Б. Мертваго, появившихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1857 году. Это письмо было напечатано вмѣсто предисловія къ запискамъ, какъ воспоминанія С. Т. Аксакова о Д. Б. Мертваго.

«Милостивый государь Владимиръ Павловичъ! Вы просили меня, чтобы я сообщилъ вамъ все то, что было лично мнѣ извѣстно при моихъ сношеніяхъ съ покойнымъ Д. Б. Мертваго; исполняю очень охотно ваше и мое собственное желаніе. Едва ли кто-нибудь изъ читателей могъ такъ обрадоваться появленію въ печати «Записокъ Дмитрія Борисовича Мертваго», какъ обрадовался я, для котораго это было совершенной неожиданностью. Мнѣ и въ голову не входило, что онъ оставилъ послѣ себя «Записки». Прибавить какую-нибудь черту къ этимъ «Запискамъ» я считаю за счастье. Многоуважаемая память моего покойнаго крестнаго отца, въ обширномъ и строгомъ смыслѣ честнѣйшаго человѣка, котораго вся жизнь была борьба правды и чести съ ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живетъ въ моей душѣ. Его «Записки», безъ сомнѣнія, будутъ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ для всей читающей образованной публики. «Біографическое свѣдѣніе объ авторѣ записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго», написано совершенно безпристрастно, несмотря на горячую, всѣмъ извѣстную взаимную дружбу обонхъ братьевъ. Оно имѣетъ недостатокъ—краткость.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ себя помнить, я помню, что Дмитрій Борисовичъ, мой крестный отецъ, бывалъ у насъ въ домѣ очень часто во все время пребыванія моего семейства въ Уфѣ. Въ 1797 году мы переѣхали на житье въ деревню, а Дмитрій Борисовичъ еще прежде оставилъ Уфу и поступилъ въ Петербургъ на новую службу.

Несмотря на мой дѣтскій возрастъ, я очень замѣчалъ, да и другіе говорили, что мой крестный отецъ не такъ ласковъ ко мнѣ и не такъ занимается мною, какъ другіе друзья или короткіе наши знакомые. Къ этому замѣчанію обыкновенно прибавляли, что онъ не любитъ маленькихъ дѣтей, особенно такихъ, которыхъ родители балуютъ. Я самъ не одинъ разъ слышалъ, какъ Дмитрій Борисовичъ подтрунивалъ и подшучивалъ надъ моею матерью, говоря, что «она не любить, а обожаетъ своего сына», и у меня поселилось непріятное чувство къ моему крестному отцу; но это не мѣшало мнѣ замѣчать, что онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ, что всѣ слушали его остроумные и веселые разговоры съ необыкновеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ и что всѣ называли его «душой компаніи». Я тогда еще слышалъ отъ моихъ родителей, что Дмитрій Борисовичъ не только самъ честный человѣкъ, но и другихъ принуждаетъ быть честными.

«Разъѣхавшись въ разныя стороны, мы не видались нѣсколько лѣтъ, и я уже забылъ моего крестнаго отца, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Дмитрій Борисовичъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ «Старую Мертовщину» къ своей матери и сестрѣ, которая жила отъ насъ въ 30 верстахъ. Марья Михайловна Мертваго, его мать, пользовалась необыкновеннымъ уваженіемъ отъ всѣхъ своихъ сосѣдей и всѣхъ знакомыхъ; она считалась женщиною великаго и политичнаго ума; дочь ея, Катерина Борисовна Чичагова, была дружна съ моею матерью, да и мужъ ея, П. И. Чичаговъ, любилъ все наше семейство. Черезъ нѣсколько дней мы поѣхали въ Мертовщину, и мать всю дорогу твердила мнѣ, чтобы я не дичился и не игралъ бы въ молчанку, потому что она желаетъ, чтобы мой крестный отецъ увидѣлъ во мнѣ умненькаго мальчика, а не деревенскаго неуча. Такія слова не прибавили мнѣ бодрости, а еще болѣе меня смутили. Представляя меня Дмитрію Борисовичу, мать сказала, что я его помню, люблю, уважаю и дорожу тѣмъ, что онъ мой крестный отецъ. Въ этихъ словахъ мало было правды: мнѣ стало неловко, и покраснѣлъ и молчалъ. Дмитрій Борисовичъ, погладивъ меня по головкѣ, сказалъ: «А, какой молодецъ выросъ!» и потомъ уже не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Матери моей это было очень досадно: какъ это ея сыночекъ, такой книжный чтецъ и декламаторъ сумароковскихъ трагедій, а подчасъ говорунъ, не умѣетъ разинуть рта передъ своимъ крестнымъ отцомъ, важнымъ (бывшимъ) петербургскимъ чиновникомъ и умнымъ человѣкомъ, который можетъ подумать, что она не дала сыну никакого образованія! Она не вытерпѣла и черезъ нѣсколько времени, обратясь ко мнѣ, сказала: «— Что это ты все молчишь, Сережа? Крестный отецъ подумаетъ, что ты глупъ.

«Я покраснѣлъ еще болѣе, а Дмитрій Борисовичъ изъ шутивлаго и веселаго разговора вдругъ перешелъ въ серьезный тонъ и, быстро взглянувъ на меня, строго сказалъ:

«— Не слушай, Сережа, своей матери! Никогда не вмѣшивайся въ разговоры старшихъ, покуда тебя не спросятъ!

«Это не прибавило моего расположенія къ крестному отцу, но на этотъ разъ я былъ ему благодаренъ: мать уже не принуждала меня разговаривать. Мы прожили въ Мертвощинѣ еще два дня. Родныхъ и знакомыхъ съѣхалось туда такое множество, что негдѣ было помѣститься; петербургскій гость очаровалъ всѣхъ, старыхъ и молодыхъ, особенно дамъ и дѣвицъ, своею ласковою любезностью. Онъ былъ очень хорошъ собою, хотя въ это время небольшая лысина уже свѣтилась на его головѣ; его называли даже красавцемъ, но при томъ говорили, что у него женская красота; онъ немножко пришепетывалъ, но это не мѣшало пріятности его рѣчей, и нѣкоторыя дамы находили, что это даже очень мило. Онъ былъ постоянно веселъ, шутивъ, остроуменъ безъ колкости. Я слышалъ, что ему отдавали преимущество передъ Петромъ Ивановичемъ Чичаговымъ, который также былъ въ обществѣ необыкновенно веселъ и остроуменъ, но мѣткія эниграммы нерѣдко срывались съ его языка.

«Дмитрій Борисовичъ всегда оказывалъ своей матери глубокую почтительность и нѣжность. Сестрѣ своей, К. В. Чичаговой, брату Степану Борисовичу, а также и зятю онъ былъ другъ, въ настоящемъ значеніи этого слова; даже третьему брату, Ивану Борисовичу, который уже нѣсколько лѣтъ имѣлъ несчастіе потерять разумъ (отъ безнадежной любви, какъ мнѣ говорили), показывалъ онъ такое нѣжное пониманіе, такъ заботился о немъ, что Марья Михайловна со слезами благодарности къ Богу при мнѣ говорила о томъ моей матери.

«Дмитрій Борисовичъ, объѣзжая всѣхъ родныхъ и сосѣдей, разумѣется вмѣстѣ съ матерью, сестрой и зятемъ, гостилъ вездѣ по нѣсколькимъ дней, что было тогда въ общемъ обыкновеніи, а у насъ прожилъ онъ съ своимъ семействомъ цѣлую недѣлю. Тутъ я разсмотрѣлъ поближе своего крестнаго отца и, несмотря на свою дѣтскость, безсознательно почувствовалъ глубокое уваженіе къ высокимъ качествамъ его ума и сердца. Черезъ нѣсколько времени онъ уѣхалъ въ Крымъ, опять на новую должность, и я до 1808 г. его не видѣлъ.

«Въ 1808 году я нашелъ въ Петербургѣ своего крестнаго отца уже женатымъ, постарѣвшимъ и перемѣнившимся. Беззаботной веселости въ немъ уже не было. Онъ служилъ тогда генераль-провіантмейстеромъ, и хлопотливая, тяжелая эта должность, казалось, очень его озабочивала. Впослѣдствіи я узналъ, что находились другія причины, отъ которыхъ служба была для него такъ невыносимотягостною. Неподкупная его честность была извѣстна всѣмъ; но не всѣмъ, можетъ быть, было извѣстно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всѣхъ его служебныхъ отношеніяхъ: могъ ли такой человѣкъ не имѣть враговъ по службѣ?... Онъ встрѣ-

тиль мое семейство, какъ старинный другъ, а меня, если не такъ ласково, какъ желалось моей матери и уже мнѣ, то, по крайней мѣрѣ, очень внимательно; много разспрашивалъ меня о Казани, объ университетѣ, о службѣ, въ которую я намѣревался поступить,—но я никакъ не могъ замѣтить, доволенъ ли онъ мною, или нѣтъ? Онъ приказалъ только, чтобы я ходилъ къ нему каждую недѣлю.

«Первыя мои посѣщенія послѣ отъѣзда изъ Петербурга моего семейства ничего хорошаго не предвѣщали. Крестный мой отецъ обыкновенно говорилъ:

«— А, здравствуй! Какъ поживаешь? Что пишутъ отецъ и мать? Что подѣлываешь по службѣ?»

«Въ словахъ этихъ не слышно было никакого особеннаго участія, и они держали меня въ постоянномъ и холодномъ отдаленіи. Случалось даже, что, выслушавъ мои короткіе отвѣты, онъ говорилъ:

«— Ну, братъ, мнѣ некогда; ступай къ Варварѣ (такъ звалъ онъ свою жену) и оставайся обѣдать.

«Весьма естественно, что такіе приемы не могли нравиться молодому человѣку, и я намѣревался уже ограничить мои посѣщенія двумя-тремя праздничными визитами въ годъ, какъ вдругъ случилась слѣдующая перемена. Пришелъ я одинъ разъ къ Дмитрію Борисовичу довольно рано утромъ; онъ велѣлъ меня провести въ свой кабинетъ и сказалъ, что сейчасъ придетъ. Я бывалъ въ этомъ кабинетѣ при другихъ и мало обращалъ вниманія на окружающіе меня предметы, теперь же, отъ нечего дѣлать, я началъ все разсматривать, и мнѣ кинулась въ глаза небольшая картинка, висѣвшая надъ письменнымъ столомъ моего крестнаго отца; я подошелъ поближе и увидѣлъ, что это былъ видъ деревни Званки и сельскаго дома Гаврилы Романовича Державина, внизу находились слѣдующіе четыре стиха:

Средь сихъ лѣсовъ, болотъ и ржавинъ,
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скаль,
Безсмертны пѣсни повторяль
Безсмертный нашъ пѣвецъ, Державинъ

«Картина была нарисована водяными красками и кѣмъ-то подарена Дмитрію Борисовичу, кажется, женщиной. Кѣмъ написаны стихи—до сихъ поръ не знаю. Я былъ страстнымъ почитателемъ Державина; забывшись, съ восторгомъ и довольно громко повторялъ я эти четыре стиха наизусть, не замѣтивъ, что крестный отецъ стоялъ уже за мною.

«— А, братъ, ты, видно, любишь старика!—сказалъ онъ.

«И я, покраснѣвъ до ушей, съ волненіемъ высказалъ все, что чувствовалъ и думалъ о Державинѣ, прибавя, что знаю всѣ его стихи наизусть. Хозяинъ изъ любопытства сдѣлалъ мнѣ экзамень, и я прочелъ ему двѣ-три пьесы, декламируя напропалую, по-студентски.

«— Ого, братъ, — сказалъ съ усмѣшкой мой крестный отецъ:— да ты не вздумай въ актеры!

«Онъ посадилъ меня возлѣ себя, чего прежде не дѣлалъ, и разсказалъ про свое знакомство съ Державинымъ, прибавя, что онъ «не только великій стихотворецъ, приносящій честь и славу своему отечеству, но и честный сановникъ и добрѣйшій человѣкъ, и что все, что говорятъ про него дурного, выдумка подлыхъ клеветниковъ и завистниковъ». Съ этого счастливаго утра я сталъ сближаться съ моимъ крестнымъ отцомъ. Самъ ли онъ того пожелалъ, или я, найдя въ немъ сочувственную себѣ струну, сталъ искать его расположенія— не знаю, только черезъ полгода онъ уже охотно, хотя безъ особенной ласковости, иногда долго говорилъ со мной о своей прежней и настоящей службѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ и горько сѣтовалъ, что мало честныхъ людей, не на словахъ, а на дѣлѣ. Дмитрій Борисовичъ жилъ на Фонтанкѣ въ каменномъ домѣ или, лучше сказать, въ третьей части дома, принадлежавшаго его женѣ (урожденной Полторацкой) и сестрамъ ея, Сухаревой и Олениной. Принадлежность владѣнія обозначалась красками. Часть Мертваго была палеваго цвѣта. Изъ залы былъ балконъ на набережную; на немъ любилъ сидѣть Дмитрій Борисовичъ, а иногда сиживалъ съ нимъ и я. Одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ, указавъ пальцемъ:

«— Видишь ли ты этого господина, который тащится по набережной, такъ гадко одѣтый?

«Я отвѣчалъ, что вижу.

«— Это великій человѣкъ! Это нищій, которому казна должна милліонъ, истраченный имъ для чести и славы отечества. Это адмиралъ Сенявинъ!

«А какъ онъ въ это время поравнялся съ нами, то Дмитрій Борисовичъ назвалъ его по имени и сказалъ ему:

«— Зайди ко мнѣ.

«Адмиралъ зашелъ. Мы все трое пошли въ кабинетъ. Я, разумѣется, пошелъ по приглашенію хозяина. Сенявинъ пробылъ съ часъ; просто и открыто говорилъ онъ о своемъ крайнемъ положеніи, объ оскорбленіяхъ, имъ получаемыхъ, о своихъ надеждахъ, что когда-нибудь заплатятъ же ему и всѣмъ офицерамъ призовые деньги, издержанныя ими на флотъ (этимъ дѣломъ занималась тогда особая коммиссія). Адмиралъ ушелъ. Не утверждаю, но мнѣ показалось, что Дмитрій Борисовичъ досталъ деньги изъ ящика и тихонько отдалъ ихъ своему гостю и давнишнему пріятелю. Разсказъ адмирала произвелъ на меня такое глубокое и горькое впечатлѣніе, котораго никогда нельзя забыть. Крестный отецъ досказалъ мнѣ всю исторію русскаго съ ногъ до головы, славнаго нашего адмирала; разсказалъ и положеніе, до котораго онъ былъ доведенъ.

«— Сенявинъ, — прибавилъ онъ въ заключеніе, — доведенъ до того, что умеръ бы съ голоду, если бъ не занималъ денегъ, покуда безъ

отдачи, у всякаго, кто только дастъ, не гнушаясь и синенькой, но у него есть книга, гдѣ онъ записываетъ каждую копейку своего долга, и, конечно, расплатится со всѣми, если когда-нибудь получить свою законную собственность.

«Въ 1809 году я уѣзжалъ въ отпускъ въ Оренбургскую губернію и возвратился въ Петербургъ въ первыхъ числахъ января 1810 года. Крестный отецъ встрѣтилъ меня уже не холодно попрежнему, а, напротивъ, очень ласково и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ.

«— Ну, братъ,—сказалъ онъ мнѣ одинъ разъ:—кажется, надо будетъ службу бросить.

«— Отчего же?—спросилъ я съ удивленіемъ.—Вы сами знаете, что приносите много пользы и что государь о васъ самаго лучшаго мнѣнія?

«— Это правда,—отвѣчала Дмитрій Борисовичъ:—да бывшій непосредственный начальникъ мой, графъ Аракчеевъ, всегда меня гнавшій, поставилъ меня въ такое унижительное и вредное для меня и службы положеніе, что выйти въ отставку, даже прогнѣвавъ государя, сдѣлалось необходимою¹⁾. Графъ Аракчеевъ всегда не любилъ меня, но особенно возненавидѣлъ за то, что я запретилъ Варварѣ Марковнѣ продолжать знакомство съ г-жою П., ея фавориткой. Моя жена могла быть знакома съ этою дрянью, какъ и со многими другими, но какъ скоро эта дрянь сдѣлалась всемогущей особою у моего начальника, то моя жена уже не должна быть съ нею знакома. Г-жѣ П. уже отказывали три раза, она все продолжала ѣздить; въ четвертый я велѣлъ отказать такъ, чтобы она уже болѣе не пріѣзжала. Какъ нарочно такъ случилось, что сидѣлъ я на известномъ тебѣ балконѣ и со мной была Варвара Марковна; вдругъ подъѣзжаетъ открытая коляска, въ ней сидѣла г-жа П. Я не позволилъ женѣ уйти съ балкона, позвалъ человека и громко сказалъ ему, такъ что пріѣхавшая гостя все до слова слышала: «скажи, что барыни нѣтъ дома». Г-жа П. перестала ѣздить, и тутъ-то началось злобное преслѣдованіе меня. Прежній начальникъ, переставъ быть моимъ непосредственнымъ начальникомъ, сохранилъ свою силу и вмѣшивался во всѣ дѣла.

«Недѣли черезъ двѣ я пришелъ къ Дмитрію Борисовичу и хотѣлъ пройти къ нему въ кабинетъ уже безъ доклада, но человекъ сказалъ мнѣ, чтобы я подождать, потому что въ кабинетѣ какой-то генераль, и что туда не приказано никому входить. Я какъ-то почувствовалъ, что это не даромъ, и сталъ дожидаться въ сосѣдней

¹⁾ Въ одномъ изъ рескриптовъ императора Александра I на имя Аракчеева, напечатанныхъ въ новѣйшемъ историческомъ изслѣдованіи великаго князя Николая Михайловича объ Александрѣ I (томъ II. 572), сдѣланъ очень неблагопріятный отзывъ о нравственныхъ свойствахъ Д. Б. Мертваго. Изъ рескрипта не видно, чѣмъ отзывъ вызванъ, но нельзя не видѣть въ немъ внушенія всеисильнаго Аракчеева.

комнатѣ. Наконецъ дверь отворилась, и Дмитрій Борисовичъ, провозжая генерала, спокойно, холодно и громко сказалъ: «Итакъ, доложите его сіятельству, что я не могу входить въ объясненія по такимъ словеснымъ замѣчаніямъ. Если ему угодно будетъ сдѣлать ихъ на бумагѣ, то я стану оправдываться. Впрочемъ, зная, что я лично не правлюсь его сіятельству, я уже давно подалъ просьбу объ отставкѣ, которая лежитъ у министра. Я не хочу вредить мѣсту, которое занимаю, и губить себя безъ всякой вины». Дмитрій Борисовичъ разсказалъ мнѣ, что это уже не въ первый разъ, что его бывший начальникъ имѣлъ дерзость дѣлать ему выговоры чрезъ своего адъютанта, что, разумѣется, онъ его не сталъ слушать, и что вотъ наконецъ онъ прислалъ съ тѣмъ же своего фаворита генерала Капцевича.

«— Дѣлать нечего, надо рѣшительно выйти въ отставку,—сказалъ онъ:—тутъ пользы не сдѣлаешь, а только наживешь больше враговъ и долговъ, а у меня и такъ уже довольно и тѣхъ и другихъ».

«Дѣйствительно, Дмитрій Борисовичъ вскорѣ оставилъ службу.

«Прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ совершились вѣковыя достопамятныя событія 1812 года, и я даже не знаю, гдѣ жилъ въ это время мой крестный отецъ. Я увидѣлся съ нимъ уже въ 1811 году въ Москвѣ, въ собственномъ его домѣ у Красныхъ воротъ, въ приходѣ Трехъ Святителей. Онъ не былъ тогда еще сенаторомъ, но говорилъ мнѣ, что желалъ бы занять эту должность. Всѣмъ извѣстно, что впоследствии онъ занималъ ее. Я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію на десять лѣтъ и не видался уже болѣе съ моимъ крестнымъ отцомъ, скончавшимся въ 1824 году.

«Вотъ все, что сохранила мнѣ память объ одномъ изъ достойнѣйшихъ людей прошедшаго времени».

Назначеніе генералъ-провіантмейстеромъ не устроило дѣла Д. Б. Мертваго, не сдѣлало его богаче, а, напротивъ, благодаря дороговизнѣ петербургской жизни семья стала все болѣе нуждаться матеріально, не имѣя возможности, занимая высокій постъ, сокращать во всемъ свои расходы. Тѣмъ временемъ мать его жены, Агаѳоклія Александровна Полторацкая, стала подыскивать имѣніе близъ Москвы и купила въ Клинскомъ уѣздѣ село Демьяново, 300 душъ крестьянъ, за 135,000 рублей. Дѣдушка былъ въ командировкѣ въ Ригѣ и, вернувшись домой, къ своему великому огорченію, узналъ, что теща его вызывала Варвару Марковну къ себѣ въ Тверь, заставила отказаться отъ отцовскаго наслѣдства, которое состояло изъ 4,000 душъ крестьянъ, и отдѣлила ее, передавъ ей только что купленное Демьяново. Изъ послѣдняго Агаѳоклія Александровна отрѣзала 1,000 десятинъ строевого лѣса и продала его для себя. Вскорѣ послѣ того Агаѳоклія Александровна пріѣхала въ Демьяново, восхитилась усадьбой, и у нея явилось желаніе вернуть имѣ-

ніе себѣ обратно. По своей безкорыстной и честной натурѣ, Дмитрій Борисовичъ готовъ былъ согласиться на это. Ему претила жадность этой женщины и не хотѣлось пачкать себя и свою семью близкимъ прикосновеніемъ къ этимъ изменнымъ инстинктамъ своей тещи. Насильно навязанное наслѣдство еще болѣе разстроило дѣла семьи Мертваго, и дѣдъ мой вскорѣ окончательно рѣшилъ выйти въ отставку. Онъ предъявляетъ Агаѳокліи Александровиѣ категорическое требованіе съ точностью указать имъ права на пользованіе Демьяновымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ возьметъ свою семью и переѣдетъ на постоянное житіе къ матери, въ свою бугульминскую деревню. А. А. Полторацкая испугалась этого плана и, желая сохранить вліяніе на дочь, она успокоила Дмитрія Борисовича разными обѣщаніями. Пріѣзды ея въ Демьяново были очень тягостны для зятя, и онъ жилъ подѣ страхомъ того пагубнаго вліянія на его жену, которое разрушало ихъ миръ и семейное счастье.

Послѣ выхода въ отставку дѣдушкѣ опять вскорѣ предлагаютъ мѣсто московскаго гражданскаго губернатора, и генераль-фельд-маршалъ графъ Гудовичъ настойчиво совѣтуетъ ему согласиться, но Дмитрій Борисовичъ рѣшительно отказывается отъ этого.

Приближался знаменательный 1812 годъ, когда Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Россіи. Императоръ Александръ I пріѣхалъ въ Москву и спѣшно созванному дворянству онъ приказалъ собрать ополченіе. Присутствуя на этомъ собраніи, дѣдъ мой увидѣлъ знакомыхъ, пріѣхавшихъ изъ Петербурга съ государемъ. Многіе спрашивали его: неужели и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ откажется отъ службы? Съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ нему министръ полиціи А. Д. Балашовъ. Дѣдушка отвѣтилъ ему на это, что въ настоящее время готовъ служить хоть подпоручикомъ въ ополченіи. «Насчетъ васъ у насъ есть другое предположеніе,—отвѣчалъ Балашовъ,—и не далѣе, какъ сегодня, мы говорили съ государемъ объ этомъ». Онъ просилъ Дмитрія Борисовича зайти къ нему въ тотъ же вечеръ. Дѣдушка явился, но разговоръ ихъ былъ прерванъ приходомъ московскаго губернатора графа Ростопчина, а нѣсколько минутъ спустя государь потребовалъ Балашова вмѣстѣ съ графомъ Ростопчинымъ къ себѣ.

Вислѣдствіи оказалось, что въ виду наступленія Наполеона сношенія съ губерніями могли прекратиться, и Балашовъ предлагалъ, соединивъ двѣ-три губерніи вмѣстѣ, назначить одного губернатора, причемъ представилъ государю кандидатомъ на этотъ постъ Д. В. Мертваго. Государь одобрилъ, но проектъ самъ по себѣ встрѣтилъ цѣлый рядъ препятствій и не былъ осуществленъ.

Наступилъ 1812 годъ. Наполеонъ двинулся на Москву. Дмитрію Борисовичу пришлось спѣшно увозить свою семью изъ Демьянова, въ числѣ которой была его мать и сестра Чичагова, пріѣхав-

шія къ нимъ погостить. Они рѣшили ѣхать въ Тамбовъ, гдѣ дѣдушка разсчитывалъ получить назначеніе оренбургскимъ начальникомъ ополченія или какую-либо иную должность при арміи. Проживъ въ Тамбовѣ до ноября и не попавъ никуда на службу, такъ какъ милиціи въ Оренбургской губерніи составлять было не приказано, семья Мертваго послѣ отступленія непріятели пустилась въ обратный путь.

Бабушка Варвара Марковна ожидала въ это время рожденія моего отца, Петра Дмитріевича, и по дорогѣ остановилась у своего брата, Дмитрія Марковича Полторацкаго, близъ Рязани. Дмитрій Борисовичъ проѣхалъ прямо въ Демьяново и, несмотря на стоянку драгунскаго полка въ имѣніи, напелъ все въ полномъ порядкѣ. Къ зимѣ вся семья съѣхалась. 23-го марта 1813 года родился мой отецъ.

Семья въ то время состояла изъ старшаго сына Николая, впоследствии женатаго на Сусаннѣ Александровнѣ Соймоновой, и пяти дочерей: Маріи Дмитріевны, впоследствии замужемъ за статсъ-секретаремъ Дмитріемъ Николаевичемъ Масловымъ; Екатерины Дмитріевны, замужемъ за Николаемъ Николаевичемъ Загоскинымъ; Софіи, незамужней; Надежды, вскорѣ умершей, и Варвары, замужемъ за Иваномъ Ѳедоровичемъ Воейковымъ. Послѣ моего отца былъ еще одинъ сынъ, Дмитрій, оставшійся холостымъ и всѣхъ больше походившій на своего отца, Дмитрія Борисовича.

Въ теченіе лѣта 1813 года Дмитрія Борисовича въ Демьяновѣ навѣщаетъ проѣздомъ Державинъ, недовольный въ то время правительствомъ, рисуеъ все въ темномъ свѣтѣ. Вслѣдъ за нимъ пріѣзжаетъ вскорѣ Родіонъ Алексѣевичъ Кошелевъ, ласкаемый государемъ, и изображаетъ все на пути къ лучшему. Оба уговариваютъ Дмитрія Борисовича вернуться на службу. Но предначертанія судьбы или, какъ выражался самъ Дмитрій Борисовичъ, Божеское опредѣленіе о немъ — «сидѣть дома и быть всегда готовымъ итти по Его воззванію» — руководило взглядами дѣдушки и не давало ему возможности дѣйствовать.

Затишье послѣ бури, которая пронеслась по всей Россіи, уединеніе среди семьи и удаленіе отъ дѣлъ государственныхъ, все это вызвало, мнѣ кажется, въ дѣдушкѣ потребность выразить свои чувства, завѣщать свои взгляды дѣтямъ, будущее которыхъ должно было сложиться при совершенно иныхъ жизненныхъ условіяхъ. Они, вѣроятно, смутно рисовались ему, не давая покоя его свѣтлой и непорочной душѣ. Онъ пишетъ за 11 лѣтъ до своей кончины «На случай нечаянной смерти завѣщаніе мое»:

«Божуся предъ всѣми Богомъ, Коего чаю увидѣть, что во всю мою жизнь не присвоивалъ я себѣ никогда ничего ни казеннаго, ни партикулярныхъ людей не только дѣломъ, ниже помышленіемъ.

«Желаніе, возвышаяся по службѣ, искать доброй славы и любострастіе совращали часто добрую мою волю съ пути, совѣстью указуемаго. Винюсь въ томъ и страшусь за сіе гнѣва Божія.

«Жену мою Варвару Марковну благодарю за любовь ея ко мнѣ и уваженіе. Прошу ея и заклинаю именемъ любви, чтобы умѣрляла чувства огорченія. Я надѣюсь, что поведеніе ея удобрить корень моей славы, а попеченіе о добромъ воспитаніи дѣтей оставить имя мое надолго въ памяти у людей. Чтобы хорошо воспитывать дочерей, надлежитъ матери такъ учреждать свой поступокъ, чтобы всякое ея дѣйствіе служило имъ урокомъ.

«Не ученія наукъ, коими украшаются, или, лучше назвать блестятъ люди, желаю я дѣтямъ моимъ, но чтобы воспитывались они въ страхѣ Божіи, любви отечества и усердной привязанности къ ближнимъ. Сіе сдѣлаетъ ихъ честными и, слѣдовательно, полезными людьми. Нужно научиться тому, что способствуетъ быть годнымъ къ дѣлу каждому по состоянію своему. Дѣтей моихъ благо, словляю и умоляю не потемнить доброй славы имени моего, для коей во всю мою жизнь переносилъ я все, что человѣчество сносить можетъ. Сыновей прошу быть прилежными, учиться полезнымъ наукамъ и отнюдь не прилежать къ тѣмъ, которыя служатъ къ забавѣ только и праздности, ибо онѣ рановременно человѣка дѣлаютъ надобнымъ въ обществѣ бесполезныхъ людей и отвратятъ отъ добраго пути, которой при началѣ всегда жестокъ и непріятенъ тѣлеснымъ чувствамъ кажется, но въ послѣдствіи, услаждая душу, возвышаетъ ея и даетъ великія преимущества человѣку, почувствующему истинное свое достоинство, никакою силою униженнымъ быть не могущее.

«Возмужая, когда вступите на службу отечеству, совѣтую быть прилежными и въ точности исполнять начальническія приказанія, разумѣется, тѣ, кои относятся къ должности.

«Нужно непремѣнно стараться удаляться отъ персональнаго знакомства съ начальниками, а наипаче фамиліарства, потому что сіе наконецъ всегда бываетъ для доброй славы подчиненнаго вредно. Хорошо достигать до того, чтобы начальники считали нужными ихъ дѣла по службѣ. Если случится быть въ командѣ начальника умнаго и честнаго, то надлежитъ беречь его какъ лучъ, посланный отъ Бога. Когда же обстоятельства приведутъ быть въ командѣ начальника злого, вѣроломнаго, а паче всего корыстолюбиваго, то старайтесь хотя бы съ потерей выгодъ удалиться: ибо злу содѣйствовать грѣшно и опасно, противустоять подчиненный не можетъ имѣть силы, а доносить на кого бы то ни было—посрамительно для честнаго человѣка.

«Когда угодно будетъ Богу и властямъ, отъ Него установленнымъ, возвести на степень вышнюю, старайся быть хорошимъ столько, сколько придумать можешь, и дѣлай точно такъ, какъ думаешь

и говоришь. Знай навѣрно, что всякое притворство рано или поздно откроется и посрамить лжеца болѣе, нежели бы посрамленъ онъ быть могъ, являясь въ порокахъ, имъ владѣющихъ. Людская зависть и любопытство откроютъ непременно истину и покажетъ прикрываемые пороки въ увеличенномъ видѣ. Когда хочешь наслаждаться довѣренностью и добрымъ мнѣніемъ людей, будь таковъ, какимъ казаться хочешь.

«Отличіе женщинъ состоитъ въ евангельскихъ добродѣтеляхъ. Кротость, снисхожденіе не только къ слабостямъ, но даже и къ порокамъ людей, скромность и строгое поведеніе сначала скучны и горьковаты, но послѣ совершенія полезны и сладостны для самихъ тѣхъ, кои практикуютъ сіи добродѣтели. Искренно совѣтую дочерямъ моимъ быть таковыми.

«Когда выйдете замужъ, то должны будете войти во всѣ обстоятельства и состояніе вашего мужа, и такъ учредить чувства свои и поступки, чтобы быть его помощницею въ трудахъ и утѣшительницею во время скорби. Почитайте мужей вашихъ, ибо почтеніе ваше и прославленіе его служатъ великими способами къ его чести и доброй славѣ. Внушайте мужу любовь къ добродѣтели и для того нищте, а найдя—берегите ему друзей, избирая, сколь возможно, изъ людей честнѣйшихъ и пользующихся уваженіемъ въ обществѣ. Однимъ словомъ, доставляйте мужу покой и счастье, имѣя въ предметъ сію истину: мужъ всегда украшается и славится добродѣтью женою; жена, почитающая мужа, непременно въ почтеніи у всѣхъ будетъ.

«Сыновей и дочерей моихъ прошу стараться всевозможно быть въ дружествѣ съ дѣтьми брата моего, отнюдь не полагать въ цѣну имѣніе, коего у меня мало, но хотя бы и велико было, не стоило бы дружества.

«Оставляю я много написаннаго о происшествіяхъ со мною и разсужденій, какія въ праздныя времена мнѣ въ мысль приходили. Лесть и самохвальство не могли тутъ имѣть мѣста, ибо оное никому не показываю. Сіи бумаги познакомятъ меня съ милыми мнѣ дѣтьми моими, если случится мнѣ оставить ихъ въ младенчествѣ.

«Молю Всевышняго Бога, да благословитъ дѣтей моихъ быть добрыми людьми, и честь да одушевляетъ мое семейство.

«Въ заключеніе совѣтую сохранять спокойствіе совѣсти. Увѣряю, что сіе единое есть средство быть счастливымъ въ семъ мірѣ. Никогда не радѣть о приумноженіи богатства: оно скоро приучаетъ человѣческія чувства къ признанію его ничтожества, ведетъ къ развращенію, притупляетъ стремленіе къ доброй славѣ и человѣколюбію и потому распространяетъ мѣсто раскаянію, досадѣ на людей завидующихъ и боязни потерять. Я всегда былъ бѣденъ, много пуждался, но всегда строго наблюдалъ за чистотою моего поведенія. Много насмотрѣлся на несчастіе разбогатѣвшихъ без-

честными прибутками людей, видѣлъ ихъ страданія, многихъ видѣлъ кланяющихся мнѣ, бѣдному. Что въ томъ, что претерпѣваль много недостатковъ! Но зато спалъ спокойно и въ самыя дурныя времена не страшился злобы сильныхъ людей, порочныхъ, вредить мнѣ старавшихся. Прощайте, милые друзья мои, остатокъ тѣла моего и души въ семь мѣрѣ. Да благословить Богъ и соизволить, чтобъ съ радостию встрѣтились мы въ будущей жизни и чтобы не могъ я попенять вамъ за неисполненіе моего завѣщанія. Дмитрій Мертваго. 12 апрѣля 1813 года. Писано въ селѣ Демьяновѣ, въ день Страстныхъ субботы. То же подтверждаю 25 марта 1820, приобщась св. таинъ въ четвергъ Страстной недѣли».

Марія Ватаци, рожденная Мертваго.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТѢНИ ПРОШЛАГО¹⁾.

ВЪ ОКТЯБРЬ того же года я вторично поѣхала къ Толстымъ. Татьяна Львовна съ учащимися братьями была уже въ Москвѣ. Разыскавъ домъ въ Хамовникахъ, я позвонила. Господа еще кушали. Я застала въ столовой Татьяну Львовну, тетку ея Татьяну Андреевну, Андриюшу и Мишу, ихъ гувернера Павла Петровича и молоденькаго Оболенскаго, внука Льва Николаевича.

Татьяна Львовна была весела, элегантна и жизнерадостна. Она поняла мнѣ, что я нарочно ѣду въ Ясную, когда ея тамъ не будетъ. Вслѣдъ за мной позвонили еще два гостя: художникъ Пастернакъ и Иванъ Ивановичъ Горбуновъ изъ «Посредника». Всѣ перешли изъ столовой въ заново отдѣланную комнату Татьяны Львовны, гдѣ и просидѣли «не-господски» цѣлый вечеръ, не работая, а болтая.

Татьяна Львовна между прочимъ сказала мнѣ: «Вы разочаруетесь въ Машѣ». И на лицахъ гостей я прочла, что и они что-то знаютъ о Машѣ, знаютъ, чѣмъ она всѣхъ удивила.

Когда я встала прощаться, Татьяна Львовна вышла въ переднюю проводить меня, любезно упрекая, что не успѣла со мной и поговорить, какъ слѣдуетъ. Мы уговорились, что на слѣдующее утро она заѣдетъ ко мнѣ въ гостиницу. Я вызвалась отвезти

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХІ, стр. 362.

въ Ясную нужную тамъ кероснику, а изъ Ясной привезти Татьянѣ Львовнѣ ея теплыя вещи.

Я была уже у выходной двери, какъ она снова меня окликнула:

— М. И.! А вѣдь это скверно, что я вамъ на Маншу насплетничала?

— Что же вы насплетничали? Я ничего не знаю.

— Она сама вамъ скажетъ. Она скажетъ.

На слѣдующій вечеръ, съ керосинкой Толстыхъ въ объятіяхъ, я подъѣзжала къ знакомой мнѣ гостиницѣ Чернышева. Съ вечера попросивъ нанять мнѣ извозчика,—если можно—старого Трофима,—я ранехонько залегла спать, благо въ гостиницѣ царила мертвая тишина. Но спала я недолго. Меня разбудили хриплые мужскіе голоса за стѣной:

— Снова бубны скажемъ.

— Скажите: я поддержу.

— Двѣ пики.—Двѣ червы.—Четыре пики.

— Червы.—Безъ козыря.—Я пасъ.—Пасъ.—Пасъ.

Очевидно, эта музыка предстояла надолго. Въ коридорѣ тоже слышалась топотня. Что-то на ходу разбили у самой моей двери. А издалека доносилось еще отъ времени до времени завыванье какого-то визгливаго хора: «Письмецо мнѣ паскарѣй»... и «Зацѣлуй меня до смерти»...

Я взглянула на часы. Несмотря на поздній часъ, на улицѣ съ грохотомъ проносились пролетки. Тула бодрствовала и веселилась. Я лежала и думала о Толстомъ. Мнѣ казалось, что такъ и надо, что эти завывающія цыганки, эти виптеры и есть тотъ фонъ, на которомъ еще ярче выступаетъ человѣкъ, къ которому я ѣду. Можетъ быть, сейчасъ по всей Россіи играютъ въ виптъ и поютъ цыганки, какъ въ дни Цоя, когда ѣли, пили и женились. А старикъ захотѣлъ Евангелія, царства Божія...

Сосѣди мои начинали спорить все громче. Общество было исключительно мужское.

— У меня былъ тузь пикъ!

— А почему я зналъ, что у васъ тузь пикъ?!

И голоса становились все болѣе ожесточенными и сердитыми. Женское пѣніе уже смолкло. Въ коридорѣ тоже понемногу все утихло.

И подъ говоръ и споры сосѣдей я все-таки заснула, радуясь тому, что завтра увижу Льва Николаевича, графиню, няню, Ванчику, Льва Львовича и еще незнакомую мнѣ Марью Львовну.

Когда утромъ я выглянула въ окно, все кругомъ было бѣло отъ выпавшаго за ночь снѣга. Лакей сообщилъ мнѣ, что Трофимъ скончался, но другой извозчикъ ждетъ меня у подъѣзда. Поѣхали

на колесахъ, парой съ колокольчикомъ. Снѣгъ вился и крутился, попадалъ мнѣ въ лицо, въ ротъ и глаза и таялъ на кожаномъ фартукѣ моей колясочки. Все кругомъ было сѣро, бѣло, мокро. Однозвучно звенѣлъ колокольчикъ...

Выѣхали мы, вѣроятно, очень рано, потому что въ девять часовъ я была уже въ Ясной. Поднявшись на лѣстницу, я прежде всего наткнулась на закутанную въ одѣяло маленькую Сашу. Она была повязана бѣлымъ платочкомъ и стремительно перебѣгала въ другую комнату, но на бѣгу успѣла сказать мнѣ, что у нея свинка и новая гувернантка. Последняя не замедлила предстать вслѣдъ за Сашей въ образѣ француженки среднихъ лѣтъ. Mademoiselle Détra сообщила мнѣ, что Сашину комнату необходимо провѣтрить, а что графиня пьетъ кофе.

Я вошла въ столовую, гдѣ застала графиню съ дочерью и племянницей. Блѣдая и тоненькая Марья Львовна съ выразительнымъ лицомъ, напоминающимъ лицо отца на портретахъ молодости, молча пожала мнѣ руку. Левъ Николаевичъ тоже вышелъ къ чаю и рассказалъ, что онъ спалъ и слышалъ во снѣ колокольчикъ, проснулся, а колокольчикъ все звенить... Онъ спросилъ, что это, и ему сказали, что Л. И. пріѣхала.

За окномъ снѣгъ продолжалъ крутиться крупными хлопьями, а у самовара было такъ тепло и уютно. И я была такъ рада, что я снова съ ними.

Когда Левъ Николаевичъ и обѣ дѣвицы пошли писать, я хотѣла идти за ними; но графиня удержала меня при себѣ наверху. Мы сѣли на угольный диванъ и принялись обѣ вязать одѣяла (въ этотъ разъ я захватила съ собой работу). Ваничка сидѣлъ съ нами и тоже усердно вышивалъ по канвѣ желтые и красные крестикки. Я спросила его, что это будетъ. Онъ хитро и нѣжно посмотрѣлъ на меня, сказалъ: «Потомъ скажу!» и, поднявшись со стула, началъ шептать что-то на ухо матери. Графиня сказала: «Это будетъ вамъ сюрпризъ: *essuie-plumes*. Зная, какъ вы любите его папа, онъ желаетъ сдѣлать вамъ *essuie-plumes* изъ рукава старой блузы папа; я ему дамъ лоскутки, а это будетъ верхъ.

Пришелъ Левъ Львовичъ, очень худой и блѣдный. Очевидно, Самара мало помогла ему. Онъ немного поговорилъ съ нами, но когда графиня заговорила о его литературныхъ произведеніяхъ, онъ сказалъ ей: «Вы знаете: я не люблю, когда объ этомъ говорить!» разсердился и ушелъ.

Графиня спрашивала о Татьянѣ Львовнѣ и о Татьянѣ Андреевнѣ. Она очень хвалила обѣихъ. Татьяна Андреевна—ея другъ. Всю жизнь онѣ были близки, все переживали вмѣстѣ, не разлучались, какъ пара въ дышлѣ. Потомъ она спросила меня:

— А вы серьезно хотите писать о толстовцахъ? Кого же бы вамъ показать? У насъ сейчасъ NN—не знаю ужъ, какъ онъ вамъ

покажется,—потомъ еще Хохловъ и Леонтъевъ, одинъ у насъ, другой у Марьи Александровны... Вотъ кого вамъ надо показать: Марью Александровну Шмидтъ. Если завтра будетъ хорошая погода, я сама свожу васъ къ ней. Марья Александровна была классной дамой въ одномъ изъ московскихъ институтовъ, но потомъ увлеклась сочиненіями Льва Николаевича, все бросила и живетъ теперь здѣсь въ Овсянниковѣ, носить сама дрова, топить печи, лѣтомъ работаетъ на огородѣ. Кому это нужно? Теперь она совершенно бесполезный членъ общества. А тогда приносила пользу тридцати дѣвочкамъ, ввѣреннымъ ей заботамъ.

Когда собрались къ обѣду, показались Хохловъ и Леонтъевъ, издали молча поклонившіеся графинѣ. Левъ Николаевичъ вошелъ въ сопровожденіи NN, красиваго толстолица въ сѣрой блузѣ съ кожанымъ пояскомъ. Ваничка, садясь подлѣ меня, спросилъ: «Вы ветарьянка? Я—ветарьянецъ».

Услышавъ это, графиня сказала: «Ты, Ваничка, будешь кушать то, что тебѣ велитъ мама. Что мама дастъ, то ты и скушаешь».

Въ ту же минуту съ другой стороны m-ле Детра поставила передъ графиней полную тарелку бульону, говоря: «*Sasha demande de la soupe végétarienne!*» Бѣдная мама!..

Левъ Николаевичъ говорилъ за столомъ о патриотизмѣ. Его очень возмутили тулонскія манифестаціи, и онъ писалъ статью по поводу ихъ. Флегматичный NN давалъ ему изрѣдка реплики, а Хохловъ и Леонтъевъ слушали молча, поднимая глаза на Льва Николаевича, пока онъ говорилъ, и опуская ихъ въ тарелки, когда онъ умолкалъ. Марья Львовна сидѣла безучастно, точно мысленно отсутствуя, и почти не ѣла. Я замѣтила, что она дичится меня и точно прячется. Татьяна Львовна была гораздо привѣтливѣй и экспансивнѣй. Левъ Львовичъ къ столу совѣмъ не пришелъ. Онъ обѣдалъ отдѣльно. Левъ Николаевичъ спросилъ о чтеніи «Царства Божія» у Лѣскова. Я замѣтила:

— Развѣ Меньшиковъ не написалъ вамъ объ этомъ?

— Нѣтъ, онъ ничего не писалъ мнѣ.

Тогда я рассказала о письмѣ Лѣскова и о его восхищеніи этой работой Льва Николаевича.

— А какое впечатлѣніе сдѣлалъ на васъ самъ Меньшиковъ? Вѣдь вы читаете его статьи въ «Недѣлѣ»?..

Левъ Николаевичъ спросилъ меня и о молодомъ священникѣ Григоріи Петровѣ, котораго я познакомила въ Меррекулѣ съ Лѣсковымъ. Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Интересно, что священникъ сказалъ?

Я не могла сообщить ему этого, такъ какъ Петрова еще не встрѣчала послѣ чтенія.

Послѣ обѣда всѣ сгруппировались въ уголокѣ, и Левъ Николаевичъ сталъ спрашивать меня о моей поѣздкѣ къ о. Варнавѣ.

Потомъ онъ разскажалъ, какъ самъ онъ ходилъ въ крестьянскомъ платѣ въ Оптину пустынь. Мы безобидно поговорили о церкви и даже о таинствахъ. Я сказала, что мнѣ очень рѣдко удается исповѣдь, всегда почти остается нѣкоторая неудовлетворенность, зато причастіе почти всегда проходитъ очень хорошо. Левъ Николаевичъ сказалъ, что ему, напротивъ, всегда удавалась исповѣдь, а вотъ причастіе не удавалось...

Я сказала, что здѣсь нужна вѣра; а я думаю, что у него совѣмъ нѣтъ ея, судя по тому, что въ его сочиненіяхъ я встрѣчала такія опредѣленія вѣры: «Вѣра—воображеніе, вѣра—сумасшествіе»... Развѣ вѣра сумасшествіе? Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій опредѣляетъ вѣру, какъ зрѣніе сердца, какъ сердечное видѣніе... Мнѣ это нравится.

— Ну, да,—сказалъ Левъ Николаевичъ:—но вѣдь сердечное зрѣніе и есть воображеніе...

Онъ спросилъ меня, читала ли я «Robert Elsemere» Н. Ward и совѣтовалъ прочесть.

— Очень хорошо. Драма жизни вѣрующаго мужа съ повѣрующей женой.

Потомъ Левъ Николаевичъ сказалъ:

— А вотъ я ужъ совѣмъ не могу теперь писать беллетристики. Ну, какъ я буду разсказывать, что шла по Невскому дама въ коричневомъ платѣ? А она никогда тамъ и не шла. Не могу уже этимъ заниматься. Совѣстно какъ-то... А то еще такъ называемыя историческія повѣсти. Про даму въ коричневомъ платѣ соврать еще куда ни шло. Все равно, ея и не было. А вѣдь тутъ возьмутъ личность дѣйствительно существовавшую и разсказываютъ, что она говорила то, чего не говорила, и дѣлала то, чего не дѣлала. Затѣмъ это?

Слыша, что, говоря между собой, они безпрестанно упоминаютъ о какихъ-то темныхъ, я спросила: «Кто это темные?»

Вѣра Кузьминская сказала:

— Вы ихъ называете толстовцами, а у насъ это слово не въ ходу. Мы просто говоримъ: темные, темнота...

— Въ противоположность чему же?—спросила я:—свѣтлымъ или свѣтскимъ?

— Свѣтскимъ, свѣтскимъ,—сказалъ съ улыбкой Левъ Николаевичъ:—такъ что по грамматикѣ правильнѣе было бы сказать: темскіе....

Когда Левъ Николаевичъ ушелъ къ себѣ, Марья Львовна взяла гитару, и дѣвицы стали пѣть цыганскіе романсы: «Не для меня придетъ весна», «Ночи безумныя» и др. Левъ Львовичъ сѣлъ обѣдать подъ это пѣніе. Онъ носилъ толстовскую блузу, но по болѣзни разрѣшалъ уже себѣ мясные супы и рябчиковъ. Графиня заботливо поглядывала на него, пока онъ обѣдалъ, и

вообще, видимо, страдала, не зная, чѣмъ ему помочь и чѣмъ угодить.

Вечеромъ Левъ Николаевичъ опять сидѣлъ съ нами, и мы говорили объ Амизлѣ, котораго переводила Марья Львовна для «Сѣвернаго Вѣстника». Графиня принесла французскій подлинникъ и читала вслухъ свои любимыя мѣста. Марья Львовна переводила выбранное отцомъ. Левъ Николаевичъ говорилъ, что лучшія книги—это хорошо сдѣланныя выборки изъ хорошихъ книгъ, выписки того, что должно быть сохранено. Какъ простая пища для тѣла, такъ и для ума хороши простыя книги.

Ночевала я въ комнатѣ Татьяны Львовны на ея турецкомъ диванѣ. Утромъ въ домѣ поднялась тревога. У Саши болѣла голова, повысилась температура, и графиня почему-то очень боялась scarlatины. Сашу уложили въ постель. Левъ Львовичъ тоже чувствовалъ себя скверно и рѣшилъ пролежать нѣсколько дней въ постели, какъ ему кто-то посоветовалъ.

Экономка видѣла во снѣ, что у графини отрѣзали третій палець. Въ дѣвичьей серьезно обсуждали этотъ тревожный сонъ. Левъ Львовичъ—третій сынъ, Саша—третья дочь. Кому-то изъ нихъ не сдобровать; одинъ изъ нихъ будетъ отнятъ у графини. Ужъ это вѣрно, что отрѣзанный палець—потеря кровнаго... Кто изъ нихъ умретъ? Можетъ быть, и не умретъ, но будетъ отнятъ, будетъ разлученъ съ графиней. Ужъ это вѣрно, вѣрно...

Графинѣ, конечно, сообщили объ этомъ снѣ. Вѣра Кузьминская вызвалась съѣздить въ Тулу за докторомъ. Марья Львовна тихо и неслышно сидѣла подлѣ больной дѣвочки. Я спросила ее:

— Можно мнѣ посидѣть съ вамп?

— Если вамъ не скучно,—тихо отвѣтила она.

Саша не спала, но лежала въ жару, молчаливая и вялая. Мы разговаривали шопотомъ. Я сказала Марьѣ Львовнѣ, что, еще не видя ее, но чужимъ рассказамъ, я всегда ожидала, что она будетъ мнѣ ближе всѣхъ въ ихъ семьѣ.

— Едва ли,—сказала она:—такъ какъ вы уже подружились съ Таней.

— А это исключаетъ возможность подружиться съ вамп?

Она усмѣхнулась и сказала, что они всѣ ужасно ревнивы. Но съ этой минуты она стала замѣтно доврчивѣе и откровеннѣе. Она призналась, что боится, какъ бы я не вздумала описать ее. Ей говорили, что я буду писать о толстовцахъ.

Я успокоила ее на этотъ счетъ. Саша задремала.

Детра пришла и смѣнила насъ.

Къ завтраку Левъ Николаевичъ вышелъ съ NN, на котораго графиня поглядывала не совсѣмъ довольными глазами. Я подумала, что ее, вѣроятно, раздражаетъ то, что они отвлеченно бесѣдуютъ о патриотизмѣ въ то время, какъ дочь ея заболѣваетъ та-

кой ужасной болѣзнью, какъ скарлатина. До патріотизма ли тутъ? Графиня еще не сердилась, но казалась готовою разсердиться.

Левъ Николаевичъ говорилъ, что патріотизмъ чувство не только не высокое, но глупое и безнравственное. Для правительства патріотизмъ есть орудіе для достиженія корыстныхъ цѣлей, а для управляемыхъ это отреченіе отъ человѣческаго достоинства, отъ разума и совѣсти и рабское подчиненіе власти.

Отъ завтрака до обѣда я сидѣла у Марьи Львовны и усердно переписывала съ ней Тулонъ. NN тоже пришелъ помогать намъ. Дверь изъ комнаты Марьи Львовны въ коридоръ оставалась открытою, и раза два я слышала, какъ графиня что-то громко и взволнованно говорила въ коридорѣ, но словъ ея я не расслышала.

Потомъ къ намъ зашелъ Левъ Николаевичъ въ тулупѣ и рукавицахъ, съ топоромъ за поясомъ. Онъ шелъ подчищать лѣсъ и попенялъ намъ, что мы не идемъ на воздухъ. Снѣгъ пересталъ, и на дворѣ такъ хорошо!

Марью Львовну вызвалъ къ себѣ Левъ Львовичъ. Вернувшись отъ него, она сказала:

— Лева проситъ, чтобы вы не думали, что онъ затворился, потому что вы здѣсь. Напротивъ, онъ вамъ очень радъ. Онъ проситъ, чтобы завтра передъ отъѣздомъ вы зашли къ нему, предупредивъ его заранѣе. Тогда онъ встанетъ и одѣнется. А навѣрхъ идти онъ не можетъ. Ему тамъ тяжело.

Марья Львовна снова сѣла за работу. Мы то писали, то разговаривали. NN усиленно рекомендовалъ мнѣ вегетарьянство, эту первую ступень толстовства. Онъ утверждалъ, по собственному опыту, что вегетарьянство удивительно благотворно вліяетъ на характеръ и на душевное настроеніе.

Собирались мы было пойти въ лѣсъ; но почему-то не пошли. Я опять сидѣла съ графиней и вязала одѣяло. А она рассказывала мнѣ о своей молодости и о своемъ романѣ съ мужемъ, такъ похожемъ на романъ Китти и Левина. Ихъ объясненіе мѣлками на карточномъ столѣ Левъ Николаевичъ увѣковѣчилъ въ «Аннѣ Карениной». Это все такъ и было, совсѣмъ, совсѣмъ такъ, только слова были другія. Какъ она тогда могла понять, что онъ спрашивалъ, она и сама не знаетъ? Онъ написалъ ей: В. в. с. с. п. и т. д.

Передъ обѣдомъ Вѣра Кузьминская привезла изъ Тулы доктора. Онъ прошелъ прямо къ Сашѣ и не нашелъ у нея ничего, кромѣ свинки. Посовѣтовавъ оставить ее въ постели, пока не спадетъ температура, онъ пошелъ въ столовую обѣдать. Я сидѣла между Львомъ Николаевичемъ и Ваничкой. Докторъ сѣлъ противъ насъ. Онъ говорилъ со Львомъ Николаевичемъ почтительно, какъ съ начальствомъ, не безъ робости и волненія. Когда я расска-

зала о только что видѣнной мною въ Петербургѣ гигиенической выставкѣ, Левъ Николаевичъ спросилъ:

— А было ли показано на выставкѣ, сколько часовъ въ день человѣкъ долженъ трудиться для поддержанія своего здоровья и силъ?

— Нѣтъ, это не было показано.

— Вѣдь это самое важное.

Докторъ замѣтилъ, что трудно установить норму, такъ какъ силы, способности, выносливость людей слишкомъ неравны, и переутомленіе наступаетъ не для всѣхъ одновременно.

— Именно потому-то и важно установить норму,—сказалъ Левъ Николаевичъ.—Важно знать, сколько часовъ человѣкъ долженъ работать для развитія и укрѣпленія своихъ силъ.

Онъ говорилъ еще много интереснаго о гигиенѣ труда (точно словъ его не помню), и доктора, видимо, радоваль этотъ разговоръ. Хохловъ и Леонтьевъ сидѣли по вчерашнему, храня безмолвіе. NN тихо разговаривалъ со своей сосѣдкой по столу Вѣрой Кузьминской. Марья Львовна казалась печальной и усталой. Послѣ супа она встала и сказала:

— Я не хочу больше ѣсть.

Графиня сдѣлала ей при всѣхъ выговоръ:

— И Ванчикъ не позволяютъ вставать изъ-за стола до конца обѣда. А тебѣ это тѣмъ болѣе не пристало.

Левъ Николаевичъ тоже неодобрительно вскинулъ на дочь свои необыкновенные глаза и сказалъ довольно сухо:

— Что это у тебя такой убитый видъ?

Марья Львовна сдѣлалась еще печальнѣе, но все-таки встала и ушла. NN невозмутимо ѣлъ манную кашу. Хохловъ и Леонтьевъ пили квасъ. Докторъ рассказывалъ уже тульскія новости, но въ атмосферѣ чувствовалось что-то грозное. Я не знала, кѣмъ именно недовольна графиня; можетъ быть, и мною, а можетъ быть—тихимъ NN. Наканунѣ еще она жаловалась мнѣ на то, что онъ сидитъ цѣлыми днями у Марьи Львовны, стѣсняя тѣхъ, кому нужно пройти мимо этой двери. И зоветъ ее «Машей»; какая она ему «Маша»?... Онъ свою жену бросилъ, чтобъ жить болѣе совершенной жизнью. Ну, и пускай живетъ совершенной жизнью, только подальше отъ нихъ!..

Обѣдъ кончился. Я стояла еще подлѣ графини, когда къ ней подошелъ NN и заявилъ, что уѣдетъ сегодня вечеромъ.

Мнѣ очень хотѣлось пойти къ Марьѣ Львовнѣ, но я боялась помѣшать ей. Я пошла къ Сашѣ, сѣла къ ней на кровать, и мы стали играть въ хальму.

Вскорѣ Ванчика вызвалъ меня изъ Сашиной комнаты, говоря:

— Знаете что? Моя теть Таня пріѣхала. Пойдемте къ ней. Вы знаете мою тетю Таню?

Татьяна Андреевна пріѣхала только на одну ночь съ тѣмъ, чтобъ на слѣдующее утро ѣхать дальше, осматривать какое-то имѣніе.

Графиня просіяла и очень обрадовалась сестрѣ. Онѣ стали оживленно разсказывать другъ другу о Москвѣ и Петербургѣ, о своихъ дѣлахъ и о своихъ дѣтяхъ. Затѣмъ, наговорившись, обѣ пошли внизъ провѣдать Льва Львовича.

Поднявшаяся тѣмъ временемъ наверхъ Марья Львовна спросила меня, играю ли я, и попросила меня сыграть что-нибудь. Пока я играла, Вѣра и Марья Львовна стояли у рояля и обмѣнивались дѣвичьими намеками и улыбками. Вѣра точно надъ чѣмъ-то подсмѣивалась, чѣмъ-то поддразнивала, а Марья Львовна только добродушно и виновато улыбалась.

Я еще играла, когда сестры вернулись отъ Льва Львовича. Татьяна Андреевна успокаивала графиню, говоря:

— Да нѣтъ же, это пустяки. Это все пройдетъ. Лева выгладитъ гораздо лучше, чѣмъ я ожидала. Ну, хочеть полежать—пусть полежитъ. Можетъ быть, и правда отдохнетъ. Это пройдетъ.

Графиня благодарно взглядывала на нее близорукими черными глазами. Съ завѣреніемъ доктора въ томъ, что у Саши не будетъ скарлатины, съ рѣшеніемъ NN! уѣхать, а главное съ пріѣздомъ Татьяны Андреевны атмосфера совсѣмъ прояснилась, и всѣмъ стало легче.

Проходя мимо рояля, графиня сказала Марьѣ Львовнѣ: «NN уѣзжаетъ сегодня».

— Да,—равнодушно отозвалась та:—я сказала ему уѣхать.

Графиня разсердилась:

— Ты слишкомъ много берешь на себя. Съ какой стати ты говоришь ему уѣхать? Кто тебя просилъ?

Помолчавъ и подумавъ, Марья Львовна кротко и спокойно сказала:

— Онъ спросилъ сегодня утромъ: «не удрать ли мнѣ?» Я сказала: удирайте.

Графиня пожала плечами и хотѣла сказать еще что-то, но появленіе Льва Николаевича прекратило дальнѣйшія объясненія. Онъ спросилъ гостью, какъ она нашла Льва Львовича? И все время за чаемъ говорили о здоровьѣ Льва Львовича. Татьяна Андреевна находила, что ему бы хорошо проѣхаться куда-нибудь понутешествовать, графиня думала, что ему бы надо жениться. Левъ Николаевичъ сказалъ, что отъ его душевной болѣзни, поддерживающей тѣлесную, одно лекарство: сознаніе своего положенія, сознаніе положенія тѣлеснаго существа, подверженнаго страданіямъ, старости и смерти, и связаннаго съ нимъ существа духовнаго, не могущаго ни страдать, ни умирать, могущаго только расти и утверждаться. Когда ясно сознаешь это, то не страшны никакія болѣзни и страданія. Мокрому дождь не страшенъ. А мы

всѣ насквозь мокры, стало быть, никакой ливень намъ не можетъ быть страшень. Вѣдь если больной будетъ болѣть годъ, два, потомъ не выдержитъ и умретъ, это будетъ то самое, обыкновенное, къ чему и слѣдуетъ готовиться. Если же это не случится, все равно надо будетъ сумѣть употребить годы отсрочки и все же привыкать къ мысли о старости и смерти. Левъ Николаевичъ прибавилъ: «Я не говорю, что всегда надо думать о смерти. Занять дѣломъ, такъ и не будешь думать объ этомъ. Но ужъ если начинаешь думать, то думай хорошенько и знай, что это всегдашній удѣлъ человѣка. И думай, не думай, отъ старости и смерти не уйдешь».

Графиня не возражала и не спорила и, дослушавъ мужа, только сказала:

— Желала бы я знать, откуда Сапа могла схватить эту свинку?

Послѣ чаю Левъ Николаевичъ игралъ съ Татьяной Андреевной въ шахматы, а дѣвицы пѣли свои дуэты. Графиня сидѣла съ работою вблизи Льва Николаевича и по лицу ея видно было, какъ ей пріятно, что мужъ ея въ обществѣ ея сестры, а не своихъ темныхъ, такъ затемняющихъ ея жизнь.

Послѣ нѣсколькихъ партій въ шахматы Татьяна Андреевна тоже потрянула стариной и спѣла, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Вѣра Кузьминская играла въ хальму съ отъѣзжающимъ NN. Графиня стала говорить о томъ, какъ теперь мало красивыхъ дѣвушекъ. Когда она выѣзжала, были такія-то, и такія-то; а есѣ ихъ дочери уже гораздо хуже ихъ. Я сказала, что и моя мать была очень хороша собой, а мы, обѣ ея дочери, некрасивы... Графиня начала вспоминать прежніе балы и вечера и тотъ костюмированный балъ, на которомъ Левъ Николаевичъ былъ одѣтъ кузнецикомъ!..

Затѣмъ NN простился и уѣхалъ. Марья Львовна пошла къ себѣ доканчивать свой переводъ. Левъ Николаевичъ тоже ушелъ.

Мы остались въ залѣ вчетверомъ, и тутъ графиня стала свободно изливать свою душу. Она сказала, что эти «темные» это какъ та пакость въ сказкѣ Льва Николаевича, которую мужикъ стряхнетъ, а она, смотришь, ужъ въ другомъ мѣстѣ показывается. И что же это въ самомъ дѣлѣ? Когда она была молода, Левъ Николаевичъ ревновалъ ее ко всѣмъ и радъ былъ всѣхъ выпроводить изъ дому; а теперь, когда дочери выросли, онъ самъ навелъ въ домъ всѣхъ этихъ... Что за дружба такая: Таня, Маша, Таня, Маша... Какія онѣ имѣ Таня, Маша!..

— Нѣтъ,—говорила Татьяна Андреевна:—нѣтъ, ты не права. Ты не должна разгонять его гостей. Надо же ему съ кѣмъ-нибудь поговорить! Ты обязана доставлять ему пріятное общество.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что я кого-то разгоняю... Нѣтъ дня и ночи, чтобы кого-нибудь изъ нихъ здѣсь не было.

— Но ты не должна и показывать имъ свое неудовольствіе. Разъ онъ желаетъ...

— Вотъ то-то и дѣло: желаетъ ли онъ?.. Ты спроси его: желаетъ ли онъ?.. Я вѣдь молчала. Я думала: NN ему нуженъ. Онъ не уѣдетъ, пока они не кончатъ перевода Лаодзы. И я молчала. А вчера я съ нимъ поговорила. Я ему говорю:—Разъ NN тебѣ нуженъ... А ты знаешь, что онъ сказалъ? Онъ сказалъ: «Ахъ, онъ мнѣ такъ тягостенъ!..» Ну, вотъ. А ты думаешь, что это все я... Миѣ, конечно, не нравилось это торчанье у Маши. Что же это будетъ? Сегодня одинъ, завтра другой?..

Тутъ почему-то заволновалась и Вѣра и съ сердцемъ сказала:

— Ахъ, ужъ выходила бы она за того, за своего!..

Миѣ стало неловко присутствовать при такихъ интимныхъ разговорахъ, и я заявила объ этомъ, желая уйти. Но графиня сказала:

— Вы нисколько насъ не стѣсняете. Вѣдь мы живемъ, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ. Да и скрывать нечего.

Вѣра Кузьминская продолжала нервно высказывать какія-то свои соображенія, но Татьяна Андреевна подняла ее на смѣхъ, говоря:

— Какъй вздоръ! То, что ты говоришь, только доказываетъ, что ты рѣшительно ничего не понимаешь. Въ Машѣ просто говорить ея молодость. Всѣ мы проходимъ черезъ это. И ничего тутъ нѣтъ необыкновеннаго!

Когда мы разошлись, я не утерпѣла и постучала къ Марьѣ Львовнѣ.

— Можно?

— Войдите!

Она сидѣла въ своей скромной комнаткѣ и при свѣтѣ небольшой лампы дописывала своего Аміэля. На комодѣ я увидѣла нѣсколько синихъ тетрадей, накрестъ перевязанныхъ веревочкой. На ярлыкѣ верхней тетради была надпись: «Мой дневникъ. Прошу не читать». Я умилилась и подумала: «Можно ли тревожиться за дѣвушку, которая, перевязавъ свой дневникъ веревочкой и написавъ на немъ: «прошу не читать», вѣрить, что и будетъ по ея просьбѣ.

— Я не мѣшаю вамъ?

— Нѣтъ, я уже дописываю послѣднія слова.

Дописавъ ихъ, она внимательно и ласково заглянула миѣ въ глаза и спросила:

— Ругали меня?

— Нѣтъ, но говорили о васъ что-то мнѣ непонятное.

Она положила перо и стала серьезно и просто рассказывать мнѣ, что этимъ лѣтомъ она влюбилась въ X. Она сама этого не ожидала. Но они каждый день видѣлись, проводили много времени

вмѣстѣ у Марьи Александровны. Ну, словомъ, полюбили другъ друга и рѣшили пожениться. Но когда она сказала объ этомъ своимъ, всѣ почему-то ужасно возстали. И даже папа. Ну, конечно, разъ онъ противъ этого, пришлось отказать. Теперь и т о т ъ на нее золь! Конечно, и ему тяжело! Всѣхъ жаль, всѣхъ жаль... И передъ всѣми-то она виновата!.. Это очень тяжело.

Въ домѣ всѣ уже спали, а мы долго-долго еще сидѣли и разговаривали.

На слѣдующее утро я присутствовала при занятіяхъ Марьи Львовны съ деревенскими ребятишками, тѣсно набившимся въ ея маленькой комнаткѣ. Ваничка учился у нея вмѣстѣ съ ними и усердно писалъ карандашомъ буквы. Послѣ класса и завтрака мы ушли втроемъ въ лѣсъ. Ваничка былъ очарователенъ въ своемъ тулупчикѣ, шапочкѣ и рукавицахъ. Онъ былъ очень похожъ на Марью Львовну и лицомъ, и взглядомъ. Такой же хрупкій, чистый, нѣжный, добренькій и точно готовый развернуть крылья, чтобы уйти изъ грѣшнаго міра.

День былъ морозный и солнечный. Мы пошли въ Чепыжъ. Чистый снѣгъ уже хрустѣлъ подъ ногами. Ваничка смѣялся, рѣввился и прыгалъ и не боялся ни крота, ни волка.

Я рассказала Марьѣ Львовнѣ о томъ, какъ Ваничка сообщилъ мнѣ о своихъ правахъ на Ясную Поляну, и, шутя, спросила его:

— А снѣгъ тоже твой?

Ваничка мудро отвѣтилъ:

— Снѣгъ ничего не стоитъ. Растаетъ и ничего не останется. Снѣгъ ничей.

Марья Львовна рассказала мнѣ, какъ въ ранней молодости она была невѣстой X. Но то было скорѣе идейное увлеченіе. Она видѣла, какъ женихъ любить ея отца, и они вмѣстѣ мечтали о томъ, какъ возьмутъ его къ себѣ и создадутъ ему обстановку и жизнь, согласныя съ его желаніями и воззрѣніями. Марья Львовна совсѣмъ перестала меня дичиться и становилась все нѣжнѣе, откровеннѣе и ласковѣе.

Мы зашли втроемъ въ гости къ Льву Львовичу. Онъ ждалъ насъ, сидя въ креслѣ, одѣтый въ толстовскую блузу. Передъ нашимъ приходомъ онъ читалъ Платона во французскомъ переводѣ. Отложивъ книгу, онъ сталъ говорить о томъ, что наканунѣ домашняя атмосфера была слишкомъ тяжелой для него. Онъ радъ, что я сама все это видѣла; а дѣтомъ бываетъ еще хуже: съ одной стороны—губернаторы, съ другой—темные... путаница какая-то, сумбуръ... что-то удручающее и нелѣпое.

Самъ Левъ Львовичъ раздѣлялъ взгляды отца и говорилъ, что раздѣляетъ ихъ не потому, что онъ его сынъ. Нѣтъ, если бъ онъ былъ Ивановымъ, грамотнымъ сыномъ извозчика, онъ думалъ бы то же самое.

Пришла графиня, взяла Ванчку на руки и стала рассказывать ему сказку. А мы продолжали бесѣдовать. Левъ Львовичъ сказалъ, что на вопросъ его отцу, что дѣлать, чтобъ поднять мужика, Левъ Николаевичъ отвѣтилъ: «Надо стать ниже его, надо подлѣзть подъ него, только тогда поднимешь его...»

Я замѣтила:

— Намъ ли поднимать мужика? Дай Богъ намъ подняться до него... Я думаю, что Левъ Николаевичъ сказалъ: стать ниже его въ смыслѣ—понять, что мы ниже его... Въ какомъ отношеніи? Да во всѣхъ! Ужъ одно то, что у мужика есть терпѣніе! Терпѣніе и смиреніе, какого не найдешь у избалованныхъ людей обезпеченныхъ классовъ.

Вошелъ Левъ Николаевичъ. Не записала того, что онъ говорилъ по этому поводу, но помню, что и онъ находилъ крестьянскую жизнь достойнѣе, разумнѣе и основательнѣе жизни интеллигенціи. У послѣдней идеалы высокіе, а жизнь подлая, а у народа наоборотъ. Послѣ этого мы говорили еще о томъ, чѣмъ бы заняться Льву Львовичу, какая работа ему по силамъ и не во вредъ здоровью, и я совѣтовала ему писать. Онъ уже напечаталъ одинъ свой рассказъ въ «Недѣлѣ» и писалъ еще для «Сѣвернаго Вѣстника». Левъ Николаевичъ не совсѣмъ былъ увѣренъ въ его талантѣ, но сказалъ:

— Это было бы хорошо, потому что у него есть содержаніе.

Когда мы поднялись въ столовую, Хохловъ и Леонтьевъ уже стояли тамъ въ ожиданіи обѣда. Графиня издала показала мнѣ на нихъ, говоря: «Вы видите: отъ нихъ, какъ отъ козловъ, ни шерсти, ни молока. Стоять и молчать. Ихъ даже описать нельзя».

Ванчка снова громогласно заявлялъ, что онъ «ветерьянецъ». Саша снова присылала просить *de la soupe végétarienne*. Ей было лучше. За столомъ много говорили о Руссо, сочиненіями котораго Левъ Николаевичъ увлекался и восхищался съ пятнадцати лѣтъ.

Послѣ обѣда я рассказала, какъ я ходила по присутственнымъ мѣстамъ съ овдовѣвшей кузиной и что мы тамъ видѣли. Льву Николаевичу понравился рассказъ о томъ, какъ въ комнату, въ которой зѣвали, дымили, празднословили и пили чай вялые, лѣнныя чиновники съ папиросками, вдругъ вбѣжали два здоровыхъ мужика съ мѣшкомъ и корзиной и принялись проворно, не теряя ни секунды, подбирать ненужныя бумаги, которыхъ было ужасно много.

Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ:

— Стойте, стойте! Не рассказывайте. Это надо написать!.. А расскажете, такъ ужъ не напишете.

Когда онъ ушелъ къ себѣ, графиня стала говорить о томъ, какъ она была рада пріѣзду Татьяны Андреевны. Я сказала, что

Татьяна Андреевна даетъ ей хорошіе совѣты. Графиня замѣтила:

— Да, совѣты давать легче, чѣмъ самой поступать, какъ слѣдуетъ. Я могла бы всѣмъ давать совѣты.

Она прибавила, что у нея есть другая, старшая сестра, которая даетъ совсѣмъ другіе совѣты. Та говорить такъ: «Ахъ, онъ хочетъ, чтобы ты сама стряпала? Стряпай! Стряпай и накорми его своей стряпней. Его стошнить, и онъ больше твоей стряпни не захочетъ. Нѣтъ, совѣты совѣтами, а всякій все же поступаетъ только по своей совѣсти, по своему чувству».

Вечеромъ я пошла внизъ укладываться. Графиня принесла мнѣ теплыя вещи Татьяны Львовны. Левъ Львовичъ просилъ передать письмо Андрею Львовичу. Милый Ванчикъ усердно помогъ мнѣ укладываться, старался быть полезнымъ и собственноручно стягивалъ ремни. Левъ Николаевичъ и Марья Львовна тоже пришли ко мнѣ и разговаривали стоя, такъ какъ въ комнаткѣ было очень тѣсно. Я спросила Льва Николаевича, не будетъ ли какихъ порученій. Онъ спросилъ, бываю ли я въ Публичной библіотекѣ, и далъ порученіе къ Стасову.

Марья Львовна надѣла шапочку и скромное черное пальто и поѣхала провожать меня. Одѣвалась она гораздо бѣднѣе и проще, чѣмъ Татьяна Львовна. Я не знала теперь, которая изъ нихъ милѣе? Обѣ были мнѣ очень по душѣ. Обѣ были серьезны, благородны и безконечно преданы отцу. Татьяна Львовна была, можетъ быть, умнѣе и даровитѣе, но Марья Львовна привлекала своей простотой и сердечностью.

Помню, что когда мы подѣхали къ рельсамъ, шлагбаумъ былъ спущенъ. Марья Львовна прыгнула на ходу, собственноручно подняла шлагбаумъ и такъ же проворно и просто вскочила на мѣсто, очевидно, продѣлавъ нѣчто вполне привычное.

Мы ѣхали въ темнотѣ и всю дорогу разговаривали. На станціи мы нѣжно простились и обѣщали писать другъ другу.

Прибывъ въ Москву, я поспѣшила къ Татьянѣ Львовнѣ, которую на этотъ разъ застала окруженною теми же. У нея была ея двоюродная сестра Вѣра Сергѣевна Толстая (дочь Сергѣя Николаевича), Бирюковъ, Горбуновъ, Евгенийъ Ивановичъ Поновъ, Дунаевъ, Никифоровъ и какой-то сочувствующій французъ. Андриуша и Миша собирались въ баню съ Павломъ Петровичемъ. Они такъ много распространялись о славлѣ и достоинствахъ Центральныхъ бань, что я сказала имъ: «Что же это вы, толстовцы, въ такія дорогія бани ходите?» на что одинъ изъ мальчиковъ отвѣтилъ:

— Мы толстовцы навыворотъ.

Они ушли, а мы сѣли за столъ, за самоваръ и угощенье, состоящее изъ арбуза, салата, хлѣба, изюма и маслинъ.

Евгеній Ивановичъ Поповъ пропагандировалъ въ этотъ вечеръ сырое вегетарианство. Фотографія Скиргелло въ костюмѣ акробата съ голыми руками и самодовольной физиономіей переходила изъ рукъ въ руки, какъ реклама новаго способа питанія. Татьяну Львовну очень прельщало это повшество. «Какая прелесть! Ни кухни, ни чада, ни кастрюль, никакой пачкотни!.. Опрятно, экономно, здорово и естественно. Что можетъ быть лучше ягодъ, фруктовъ и орѣховъ?» Я узнала, что Левъ Николаевичъ любитъ финики, а Татьяна Львовна фисташки.

Татьяна Львовна замужъ не выйдетъ и подъ старость будетъ жить со своей кузиной Вѣрой Сергѣевной. И будутъ онѣ жить чистенько, не пачкая никакой посуды, питаясь финиками и фисташками.

Всѣ одобряли и привѣтствовали новое упрощеніе жизни. Только Никифоровъ колебался и говорилъ:

— Позвольте, но при такой неподготовленной пищѣ сколько же времени будетъ у меня уходить на жеваніе? И наконецъ, если я цѣлый день буду жевать зерна, вѣдь у меня челюсть вытянется, какъ у лошади.

— Нѣтъ,—мягко и безстрастно говорилъ Евгеній Ивановичъ.— Нѣтъ, у васъ останется прежняя челюсть. А что касается времени...

Такъ мы бесѣдовали и слегка спорили, кушая изюмъ и малины. И всѣмъ было хорошо и весело.

По возвращеніи домой я нашла уже письмо отъ Марьи Львовны. Она просила прислать ей изъ «Сѣвернаго Вѣстника» нѣсколько оттисковъ «Недѣланія» для друзей, дорожащихъ тѣмъ, что пишетъ ей отецъ. «Сегодня весь день думаю о васъ,—писала она,—и чувствую себя подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ вами. Мнѣ что-то радостное прибавилось въ жизни. Сегодня пріѣхалъ Горбуновъ, и мы съ нимъ ѣздили къ Марьѣ Александровнѣ. Тамъ были Хохловъ и Леонтьевъ. Полная т е м н о т а. Полный сборъ. И я пожалѣла, что васъ не было. Было хорошо и интересно. Пока прощайте, дорогая Л. И. Я очень васъ люблю. Марія Толстая».

Слѣдующее ея письмо было уже изъ Москвы.

«Милая Л. И., получила ваше письмо еще въ Ясной. Тамъ не успѣла отвѣтить, а здѣсь было скверно на душѣ и не хотѣлось свое дурное настроеніе передавать вамъ. Нашъ Лева уѣхалъ за границу и писалъ изъ Варшавы очень бодрое, веселое письмо. Да и здѣсь послѣднее время онъ былъ бодрѣ. Меншикова прочли—очень хорошо. И папа нашелъ, что прекрасно. Стасовъ все исполнилъ, какъ слѣдуетъ.

«Мы жили въ Ясной удивительно хорошо съ отцомъ вдвоемъ. Приходила къ намъ только Марья Александровна, и одно время съ нами жилъ Леонтьевъ. Какъ всегда, когда такъ живемъ, у меня въ душѣ возстановилось такое радостное спокойствіе и полное

удовлетвореніе своей личной жизнью. И только бы не мѣнялось это положеніе, никогда бы ничего другого не стала выдумывать. Моя жизнь въ той обстановкѣ, въ какой я живу, имѣетъ оправданіе только въ томъ, что я живу въ ней для отца, помогая его дѣламъ. Если бы не было отца,—я не могла бы такъ жить, потому что никому не нужна моя жизнь здѣсь, и потому, когда я въ этой жизни упускаю смыслъ ея,—ничего не остается; мнѣ дѣлается тяжело, и я начинаю метаться и искать чего-то другого, нелѣпаго и несвойственнаго мнѣ. А въ Ясной, живя съ отцомъ и вполне пераздѣльной съ нимъ жизнью—было такъ хорошо, какъ давно не было; и это поставило меня въ точку лучше всякихъ увѣщаній. Нѣкоторымъ людямъ помогаетъ разбираться въ жизни—думать, думать и думать. А мнѣ одно помогаетъ: жить, и вслѣдствіе лучшей жизни возникаютъ и лучшія мысли. Здѣсь же въ Москвѣ тяжело. Жутко опять потерять себя.

«Отецъ все еще занятъ Тулономъ. Религія окончена и послана нѣмецкой переводчицѣ, а здѣсь отдана Гроту въ «Вопросы философіи». Пишется еще кое-что. Отцу тоже здѣсь тяжело отъ вѣчныхъ посѣтителей, но онъ еще ободряетъ меня и ко всему приговариваетъ: «Отлично!»—какъ какой-то нѣмецъ, который, какал бы гадость ни случилась, приговаривалъ: отлично!

«Видаемъ хорошихъ людей въ «Посредникѣ». Они тоже ободряютъ и освѣжаютъ своимъ хорошимъ духомъ. Въ сущности дурно, что меня такъ тяготитъ здѣшняя жизнь. Прежде мнѣ было бы все равно, а теперь я ослабѣла и просто боюсь этой жизни».

6-го февраля 1894 г. изъ Ясной Поляны.

Письмо Марьи Львовны.

«Милая Л. И. Я давно хочу писать вамъ. Еще раньше, чѣмъ пріѣхалъ Меньшиковъ, я написала вамъ письмо о «Зарницахъ», которыя положительно взволновали меня. Не послала, потому что, перечитавъ его, разорвала; показалось глупо. А я очень часто думаю о васъ съ любовью. Меньшикова я мало видѣла и совѣмъ не говорила съ нимъ въ нашей толпѣ посѣтителей; но онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе своей скромностью, серьезностью и тишиной. Папа онъ очень понравился, и ему было радостно и интересно познакомиться съ нимъ.

«Пишу вамъ изъ Ясной, гдѣ мы живемъ: папа, Таня, я, Бирюковъ, Марья Александровна Шмидтъ, и сегодня пріѣхалъ еще отъ Черткова Емельянъ Ещенко — мужикъ очень умный, добрый, ласковый и вполне раздѣляющій и прилагающій въ жизни христіанское ученіе. Намъ очень хорошо. Послѣднее время въ Москвѣ мы измучились и устали отъ постоянныхъ посѣтителей. Въ Москвѣ невозможно оградить себя отъ нихъ, да и не должно этого дѣлать. Папа

считаетъ, что разъ люди идутъ къ нему, онъ долженъ, какъ только можетъ, удовлетворять ихъ требованіямъ и никакъ не можетъ не пускать ихъ къ себѣ. Тѣмъ не менѣе, намъ всегда хочется хоть на время дать ему отдохнуть отъ людей. Съ этой цѣлью мы и уѣхали изъ Москвы. Но и здѣсь еще дня не было безъ гостей, хотя здѣсь это совсѣмъ не тяжело, и гости все милые люди, съ которыми легко и просто.

«Отецъ все еще работаетъ надъ Тулономъ. Теперь уже эта статья теряетъ свой специально франко-русскій смыслъ и вырастаетъ въ большую статью о патриотизмѣ.

«Лева писалъ намъ, что здоровье его все плохо и что думаетъ даже скоро вернуться въ Россію. Духомъ онъ довольно бодръ. Ваничка пишетъ, что вы прислали ему свою фотографію. Пришлите и мнѣ. Что же сказать о себѣ? Въ Москвѣ жила суетно, загроздила жизнь разными занятіями и не оставила въ душѣ уголка для Бога, какъ велитъ Аміэль. Было неспокойно и нерадостно. Здѣсь же мнѣ хорошо. Опять просыпаются мысли, чувства и сознаніе смысла жизни. Мнѣ, пожалуй, грустно послѣднее время; но серьезно и тихо.

«Чудные стоятъ дни и ночи! Яркіе, морозные, красивые! Вчера ночью мы ѣздили съ Таней и Бирюковымъ на Козловку за почтой и наслаждались. Сегодня пріѣзжаетъ къ намъ Н. Н. Ге, нашъ большой другъ, и мы опять поѣдемъ его встрѣчать. Живемъ мы внизу въ комнатѣ, гдѣ вы жили, и въ слѣдующихъ двухъ, помните? Бирюковъ топить печи и ставить самоваръ, мы все убираемъ и подаемъ. Хохловъ колетъ дрова, и всѣ довольны. Папа, какъ всегда, здѣсь очень много и хорошо работаетъ и каждый день общается, что завтра кончить. Я пишу для него, учусь медицинѣ, лечу больныхъ: ходятъ люди, кто за книгой, кто за чѣмъ; приходитъ Параша провѣдать, и дни бѣгутъ очень скоро. Жаль, что надо будетъ возвращаться въ Москву. Такъ хочется иногда пожить, какъ любишь. Но это соблазнъ, и не въ этомъ дѣло. Вездѣ можно служить Богу и не забывать Его. А я часто поддаю соблазну желанія лучшихъ формъ жизни и придаю имъ значеніе. Дѣло въ увеличеніи добра въ себѣ, а формы будутъ улучшаться вслѣдствіе внутренняго улучшенія. Мы держимся въ нашей обстановкѣ и въ теперешнихъ формахъ нашей жизни только нашими теперешними или прежними грѣхами; а распутаются грѣхи, распутаются и формы жизни. Я люблю простую жизнь: люблю деревню, люблю работы, животныхъ. Меня всегда тянетъ къ самой простой деревенской жизни. Какъ хорошо въ «Зарницахъ», когда она приходитъ отъ коровъ на террасу и ей хочется скорѣй уйти, потому что никто не понимаетъ, что у нея на душѣ. Какъ я это знаю! Это всегда бываетъ такъ. Цѣлую васъ и отъ души люблю. Павелъ Ивановичъ хочетъ приписать вамъ. Мы узнали на дняхъ, что умеръ Дрожжинъ, тотъ, который отказался отъ воин-

ской повинности и за это былъ замученъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ,—и умеръ отъ чахотки. Удивительной духовной силы человекъ.

Марія Толстая.

Приписка П. И. Бирюкова.

«Дорогая Л. И. Я уже нѣсколько дней живу въ Ясной. Вы можете понять, какъ здѣсь хорошо. Бываетъ такъ хорошо, что хочется сказать: Построимъ три кущи!.. Марья Львовна оставила мнѣ поллиста, причемъ строго запретила читать ея письмо, но предупредила, что прочтеть мое. Какова справедливость! Мнѣ хочется поблагодарить васъ за то, что вы мнѣ позволяли бывать у васъ и говорить съ вами. Я все боялся надобѣсть вамъ. Мнѣ еще многое хотѣлось сказать вамъ. Въ послѣдній разъ, когда я былъ у васъ, мнѣ помѣшалъ Слѣпцовъ. Можетъ быть, и лучше, а то бы я сказалъ какую-нибудь глупость. Мнѣ хотѣлось просить васъ не принимать во вниманіе сужденій Николая Семеновича (Лѣскова) обо мнѣ, о «Посредникѣ» и о многомъ другомъ. Вотъ какъ разъ и сказалъ глупость. Простите. Хотѣлъ бы вамъ пожелать чего-нибудь хорошаго и не могу пожелать ничего лучшаго, какъ поскорѣе пріѣхать въ Москву и побывать въ Хамовникахъ. Павель Бирюковъ».

«Я начала это письмо 6-го, а кончаю 8-го. Оно очень безтолково. Ну, простите. М. Т.»

Въ апрѣлѣ 1894-го года по пути въ Полтаву я заѣхала въ Москвѣ къ Толстымъ. Отворившій мнѣ лакей заявилъ, что графини и дочерей нѣтъ дома. Я хотѣла уже уйти, но появившаяся въ передней m-ше Детра удержала меня и повела въ садъ къ дѣтямъ. Саша и Ванчика выбѣжали мнѣ навстрѣчу, а Миша сказалъ: «Да вѣдь Таня-то, кажется, дома. Только у нея голова болитъ. Я ей скажу». Я тѣтно кричала ему вслѣдъ: «Не надо! Не говорите!» Онъ умчался, какъ стрѣла. И черезъ минуту меня попросили къ Татьянѣ Львовнѣ. Она полулежала съ сильнымъ насморкомъ, съ головной болью и нездоровыми глазами въ комнатѣ Марьи Львовны, такъ какъ въ ея собственной комнатѣ Ярошенко писалъ портретъ съ Льва Николаевича. Желая какъ-нибудь освободить ее отъ моего присутствія, я сказала, что хочу, пока нѣтъ графини, съѣздить посмотреть Третьяковскую галерею, которой никогда еще не видѣла. Но, услыжавъ о Третьяковской галереѣ, Татьяна Львовна вскочила и заявила, что поѣдетъ со мной. Голова у нея болитъ отъ насморка, а насморкъ скорѣе пройдетъ на воздухѣ. Я ужъ и не рада была своей выдумкѣ, видя, что она поспѣшно одѣвается. Мы были уже въ шляпахъ, когда Миша снова вбѣжалъ къ намъ, говоря, что Левъ Николаевичъ проситъ насъ къ себѣ.

Левъ Николаевичъ познакомилъ меня съ Ярошенко, спросилъ меня, нѣтъ ли перемѣны въ моей жизни, живу ли я попрежнему съ моей матушкой, спросилъ объ общихъ знакомыхъ, о Гуревичъ и ея журналѣ, очень благосклонно и сочувственно отозвался о Волынскомъ (Флексерѣ) и прибавилъ: «Я не знаю, съ тактомъ ли онъ держитъ себя въ редакціи, но то, что онъ хочетъ писать и дѣлать, мнѣ кажется очень хорошо». (Чуть ли не шло дѣло о развѣнчаніи старыхъ критиковъ).

Осмотрѣвъ картинную галерею, мы вернулись домой; я уговорила Татьяну Львовну лечь, а сама пошла въ дѣтскую, гдѣ Ванюшка сталъ весело показывать мнѣ свой столикъ, свой велосипедъ и свои игрушки, приговаривая: «Какъ меня балуютъ!.. Какъ всѣ меня балуютъ!.. Всѣ меня балуютъ!..»

Я сказала:

— Это оттого, что ты самый маленькій.

Ванюшка согласился и, подумавъ, сказалъ:

— Да. У мама, вѣроятно, уже не будетъ больше дѣтей. Она-то бы и рада, но вѣдь больше ужъ дать нечего. Все раздѣлили.

Хорошенькая Саша говорила мало, больше слушала. Очевидно, она привыкла къ тому, что все вниманіе, всѣ ласки выпадаютъ на долю маленькаго брата, а она остается въ тѣни.

Передъ самымъ обѣдомъ вернулась графиня съ Марьей Львовной, которая показала мнѣ очень авантажной въ своей розовой ситцевой блузочкѣ и черной юбкѣ. Она была въ хорошемъ, свѣтломъ настроеніи. Теперь всѣ тучи, казалось, были надъ головой Татьяны Львовны, которой къ тому же и нездоровилось. Левъ Львовичъ вернулся изъ-за границы, но продолжалъ похварывать.

За обѣдомъ я сидѣла между Львомъ Николаевичемъ и Ванюшкой. Говорили о картинахъ. Не помню, что говорилъ Ярошенко. Левъ Николаевичъ признался, что не любитъ Васнецова. Его больше всего интересовали послѣднія картины Ге, и онъ спрашивалъ о впечатлѣніи, которое сдѣлала въ Петербургѣ его картина «Христосъ и разбойникъ». Она была выставлена въ квартирѣ А. Н. Страннолюбскаго и ее много смотрѣли. Ге былъ у насъ, познакомился съ моей матерью и самъ показывалъ ей свою картину. Мнѣ совсѣмъ не нравился его разбойникъ. Льву Николаевичу тоже не нравился разбойникъ, но нравился Христосъ. Кто-то изъ сидящихъ за столомъ сказалъ, что когда Левъ Николаевичъ въ первый разъ увидалъ этого Христа, то заплакалъ. Еще кто-то сказалъ, что Миша умѣетъ удивительно похоже представлять разбойника Ге. Мишу попросили показать свое искусство, и онъ сейчасъ же сдѣлалъ гримасу, мгновенно преобразившую его красивое дѣтское лицо въ страшную рожу разбойника.

Я рассказала, что Лѣсковъ былъ очень занятъ этой картиной, приобрѣлъ много снимковъ съ нея и разсылалъ ихъ всѣмъ своимъ

знакомымъ. Критикъ Протопоповъ, получивъ такую фотографію, писалъ Лѣскову, что картина Ге есть вѣрное изображеніе по Матѳею и Марку, у которыхъ сказано, что оба разбойника поносятъ, а не по Лукѣ, который самъ дѣла не видалъ, компилировалъ позже другихъ, любилъ сантиментальничать и вѣроподобіемъ не стѣснялся. Оба поносятъ. Это увеличиваетъ трагизмъ положенія, и становится понятнѣе восклицаніе: «Боже мой, Боже мой! Для чего ты меня оставилъ!» Христосъ умираетъ, буквально оставленный всѣми, и совсѣмъ не имѣетъ надежды сейчасъ же перенестись въ рай и пригласить туда вѣжливаго сосѣда. Онъ оканчиваетъ свою эпопею любви къ людямъ полнымъ героизмомъ, поносимый всѣми, а его немногіе друзья молчатъ, какъ и мы, страха ради іудейска...

Такъ думалъ и писалъ Протопоповъ, но самъ Лѣсковъ не хотѣлъ отказываться отъ художественнаго образа «покаявшагося» разбойника и очень интересовался тѣмъ, котораго именно разбойника изобразилъ Ге. Левъ Николаевичъ для *своего* Евангелія тоже взялъ версію Луки.

Говорили еще за столомъ о различныхъ изображеніяхъ Христа, о Христѣ Крамскаго, Полѣнова, Семирадскаго. Льву Николаевичу нравился Христосъ на картинѣ Ге «Что есть истина?»

Послѣ обѣда всѣ перешли въ комнату Татьяны Львовны. Левъ Николаевичъ снова сѣлъ въ позу. Ярошенко взялъ кисть, а я стала читать вслухъ Льву Николаевичу статью изъ «Русскаго Обозрѣнія» о Соловьевѣ и Розановѣ. Графиня и Марья Львовна работали, дѣти вертѣлись на коврѣ у ногъ Льва Николаевича. Во время чтенія тихонько вошли Бирюковъ, молодой Оболенскій и Екатерина Ивановна Баратынская, свѣтская женщина, подружившаяся съ толстовцами и много поработавшая для «Посредника» въ качествѣ прекрасной переводчицы съ иностранныхъ языковъ. Она подсѣла къ графинѣ, и когда, переставъ читать, я машинально прислушалась къ ихъ бесѣдѣ, Екатерина Ивановна спрашивала что-то о Сашѣ, и я слышала, какъ графиня отвѣтила ей: «Я надѣюсь выдать ее замужъ раньше, чѣмъ ее коснется эта зараза».

Очевидно, въ домѣ все было попрежнему. Левъ Львовичъ предложилъ мнѣ пройти въ садъ. Съ нами пошли Марья Львовна, Екатерина Ивановна, Бирюковъ и Оболенскій. Изъ сада мы всѣ зашли къ Льву Львовичу, который занималъ комнату во флигелѣ съ окошкомъ въ садъ. Комната была очень просто убрана. Кровать, столъ и кресло. На столѣ сочиненія Кеннана, Герцена, Пушкина и сказки Андерсена. Я подумала: какъ тутъ хорошо писать. Но не спросила его, пишетъ ли онъ, чтобъ не разсердить его.

Я замѣтила, что, побывавъ за границей, Левъ Львовичъ нѣсколько охладѣлъ къ послѣдователямъ отца и говорилъ о нихъ съ раздраженіемъ, котораго раньше я не замѣчала. Теперь онъ находилъ

ихъ скучными и несносными. «Что у нихъ своего?—говорилъ онъ.— «Это офени, книгоноши... Они распространяють книги отца и только». И когда я заступилась за одного изъ нихъ, онъ сказалъ: «Ахъ, полноте, это какая-то ходячая слякоть!..»

— Вотъ вы гдѣ,—сказалъ Левъ Николаевичъ, входя къ намъ съ Ярошенко:—а мы васъ въ саду искали.

Онъ сѣлъ въ кресло и поговорилъ съ нами. Почему-то заговорили о психіатрической лечебницѣ, которая была за садомъ Толстыхъ. Левъ Николаевичъ разсказалъ, что ходилъ туда въ гости, и больные принимали его съ большимъ уваженіемъ и симпатіей. Левъ Николаевичъ сказалъ, что сумасшествіе—это эгоизмъ, доведенный до крайняго предѣла. Человѣкъ, живущій для другихъ, никогда не сойдетъ съ ума. Здоровый эгоизмъ не долженъ идти дальше инстинкта самосохраненія. Дальнѣйшее развитіе его уже ненормально. Чѣмъ больше силъ въ человѣкѣ, тѣмъ сильнѣе въ немъ и потребность дѣлиться ими, служить ими другимъ людямъ. А для сумасшедшихъ другіе люди не существуютъ...

Левъ Львовичъ остался у себя, а мы всё разбрелись. Заглянувъ къ Татьянѣ Львовнѣ и увидавъ, что она уснула, мы съ Марьей Львовной дошли въ кабинетъ Льва Николаевича. Онъ понравился мнѣ менѣе, чѣмъ яснополянскій, показался загроможеннымъ креслами, но положеніе его въ сторонѣ отъ домашней суеты и суетолоки было удобно. И видно было, что и здѣсь, какъ и въ деревнѣ, Левъ Николаевичъ былъ окруженъ неустанной заботой жены и дочерей. Все было обдуманно въ цѣляхъ его удобства и покоя. Марья Львовна чувствовала себя хозяйкой въ этой комнатѣ и показывала мнѣ и рукописи и лазейки, въ которыя она прятала нѣкоторыя изъ нихъ.

Потомъ она показала мнѣ всё остальные комнаты дома, послѣ чего мы сѣли переписывать «Катехизисъ». Катехизисъ этотъ очень интересовалъ меня, и мы рѣшили съ Марьей Львовной, что будемъ говорить о религіи только тогда, когда «Катехизисъ» будетъ вполне законченъ. А пока съ насъ было довольно того, что мы обѣ вѣримъ въ Бога и любимъ Христа и Евангеліе. Спорить намъ не приходилось.

Мы сидѣли и писали. Къ намъ вошла графиня въ боа и шапочкѣ. Она собиралась ѣхать къ исповѣди и въ баню. Наклонившись и прищурившись, она посмотрѣла черезъ мое плечо, что я пишу.

— «Катехизисъ»? Я бы не могла этого переписывать. Я переписывала все, вплоть до критики догматическаго богословія. Теперь переписываютъ дочери. Но, конечно, у него уже нѣтъ съ ними той близости, какая была у насъ. Мы вѣдь жили вотъ какъ!—Графиня вложила пальцы одной руки въ пальцы другой и крѣпко сжала ихъ.—Вотъ какъ! Одна душа, одно тѣло, одна жизнь... Я угадывала все, что онъ думалъ, знала все, что онъ скажетъ... Мама, тамъ

ваши Страховы пришли. Ты ужъ, пожалуйста, занимай сама своихъ знакомыхъ. Мнѣ нельзя не ѣхать. До свиданья!

Она уѣхала исповѣдываться, а мы, дописавъ положенное, вернулись къ Льву Николаевичу, окруженному уже новыми гостями. Съ нимъ сидѣли теперь: Сергѣй Львовичъ, котораго я видѣла въ первый разъ, два студента, чуть ли не братья Маклаковы, художникъ Касаткинъ и Ѳедоръ Страховъ съ женой.

Къ чаю вернулась разумянившаяся графиня съ мягкими, чисто вымытыми волосами. Татьяна Львовна встала и перешла въ гостиную, гдѣ, впрочемъ, сейчасъ же прилегла на диванъ. Здѣсь съ ней сдѣлалось что-то вродѣ истерическаго припадка, надъ которымъ она сама потомъ смѣялась. Мнѣ было очень жаль уѣзжать отъ нихъ, и я думала: «Какъ было бы хорошо, если бы мы жили въ одномъ городѣ!»

Въ Полтавѣ я получила письмо отъ Марьи Львовны.

«Воскресенье, Красная Горка, 1894.

«Дорогая Л. И., спасибо за доброе ласковое письмо. Татьяна наша, хотя и здорова теперь, но все слаба и какъ-то киснетъ. Завтра я одна уѣзжаю въ Ясную и въ концѣ недѣли буду ждать отца. Я должна была уѣхать раньше, но осталась на свадьбу одной подружки дѣтства, которая этого желала. Сегодня вѣнчали ее, и завтра ѣду. Мнѣ даже и ѣхать не хочется, какъ прежде хотѣлось, мнѣ стало все равно, потому что очень на душѣ грустно. Вы спрашиваете: отчего? и удивляетесь, что мнѣ можетъ быть грустно; но я еще живу очень личной жизнью, и эта личная жизнь путаетъ и мучитъ меня. Молюсь, чтобъ освободиться отъ нея, и не могу. Бываютъ радостные періоды освобожденія отъ личныхъ интересовъ, и тогда жизнь съ отцомъ и въ Отцѣ такъ радостна, серьезна, значительна и легка. Но это проблески, а то живу послѣднее время такими земными, низменными интересами, что жутко бываетъ, очнувшись. Увидимся, я многое вамъ расскажу о себѣ дурного. Мнѣ было очень радостно, что вы хотите мнѣ и о себѣ рассказать. Мнѣ всегда хочется проникнуть глубже въ васъ, и я рада, что вы хотите открыть мнѣ доступъ и къ вамъ въ душу. Мнѣ это очень дорого.

«Лева, Таня, папа, мама и малыши всѣ шлютъ вамъ привѣтъ. Ждемъ васъ теперь въ Ясную. Буду въ Ясной жить хорошо, строго къ себѣ, не буду киснуть и распускаться. Это отъ себя всегда зависить. Пока прощайте, милая, хорошая Л. И. Нѣжно цѣлую васъ. Я очень жалѣла, что не могла васъ проводить. Но я ночевала съ Татьяной, мы обѣ не спали, и утромъ, когда она заснула, я боялась, вставая, разбудить ее и такъ лежала, пока стало поздно. Прощайте. Спѣшу укладываться. Будьте счастливы.

Марія Толстая».

Черезъ мѣсяць, возвращаясь изъ Полтавы, я сошла въ четыре часа утра на Козловкѣ, оставила свой чемоданъ у стрѣлочника и пошла пѣшкомъ въ Ясную Поляну. На травѣ блестѣла роса, птицы робко и радостно щебетали утреннія пѣсни, далеко въ сторонѣ я увидѣла группу бабъ и дѣвушекъ въ желтыхъ и красныхъ юбкахъ, но на моемъ пути не встрѣчалось ни души. Какъ я ни старалась идти медленно, но когда я пришла въ усадьбу, тамъ все спало, какъ въ замкѣ Спящей Красавицы. Ко мнѣ выбѣжала только большая собака Недда, какъ-то странно хромающая на обѣ заднія ноги. Я сѣла отдохнуть подлѣ дома, а она улеглась у моихъ ногъ, не сводя съ меня глазъ и готовая вскочить по первому моему движенію. Мы съ ней прогулялись еще въ ближайшемъ лѣсочкѣ, гдѣ въ тѣни молодой листвы распускались ландыши, и когда я вторично подошла къ дому, тамъ уже работаль садовникъ и его двѣ помощницы. Я сѣла у крокета на скамейку. Вскорѣ изъ дому вышелъ молодой лакей съ парой вычищенныхъ мужскихъ ботинокъ въ рукахъ. Онъ узналъ меня и, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что сейчасъ въ домѣ ремонтъ и передѣлки и поэтому вся молодежь живетъ въ другомъ домѣ, а здѣсь только графъ, графиня и Татьяна Андреевна. Сообщивъ это, онъ побѣжалъ дальше со своими ботинками, а я снова осталась съ хромающей Неддой. Отъ нечего дѣлать я вынула изъ кармана нессеръ съ ножницами и принялась стричь ногти. За этимъ благороднымъ занятіемъ засталъ меня Левъ Львовичъ, которому лакей сказалъ о моемъ приходѣ. Онъ очень удивился тому, что я пришла пѣшкомъ, сказалъ, что еще страшно рано, и совѣтовалъ мнѣ пойти выпасться. Онъ проводилъ меня до комнатъ сестеръ, гдѣ сдалъ меня на руки горничной Марьѣ Кирилловнѣ, и черезъ минуту я была уже у Марьи Львовны. У нея ночевали двѣ ея двоюродныя сестры, младшія дочери Сергѣя Николаевича. Одна изъ нихъ лежала еще на диванѣ, подъ одѣяломъ, другая уже расчесывала свои темные волосы. Марья Львовна была въ бѣлой кофточкѣ, неумытая и непричесанная. Я спросила ее:

— Какъ живете?

Она отвѣчала съ виноватой улыбкой:

— Да что, свѣтлѣемъ понемножку.

Изъ сосѣдней комнаты пришла Татьяна Львовна, тоже неумытая и неодѣтая.

Поднялась болтовня. Я тоже раздѣлась, умылась, причесалась вмѣстѣ съ ними и, напившись кофе, мы всѣ сѣли за работу, которою завѣдывала Татьяна Львовна. Надо было сортировать переписку Льва Николаевича съ разными лицами. Марья Львовна смотрѣла на каждое слово, написанное рукой отца, какъ на святыню. Татьяна Львовна была строже и отъ времени до времени восклицала:

— Послушайте! Да вѣдь тутъ же нѣтъ ничего рѣшительно! Что же тутъ хранить? Я уничтожаю.

Она уничтожала, а Марья Львовна только выразительно взглядывала на нее.

Мы углубились въ работу. Пришелъ Левъ Львовичъ, но помогать намъ не сталъ, только посидѣлъ съ нами и попенялъ сестрамъ, что онѣ и меня засадили вмѣстѣ того, чтобъ дать мнѣ отдохнуть съ дороги. Когда онъ ушелъ, я спросила дѣвицу, кто собственно изъ сыновей можетъ назваться послѣдователемъ отца? Да никто, или всѣ понемножку. Сергѣй Львовичъ преклоняется предъ отцомъ, раздѣляетъ его взгляды, но въ жизни ихъ не проводитъ. Илья Львовичъ былъ толстовцемъ, пока былъ женихомъ. И онъ, и его невѣста тогда работали, сами чистили свои сапоги; потомъ понемножку отстали. Левъ Львовичъ былъ самымъ близкимъ послѣдователемъ, помогаль отцу въ устройствѣ столовыхъ, но болѣзнь его сбила; онъ тоже отстаетъ съ тѣхъ поръ, что хвораетъ. Онъ даже курить теперь...

Мы продолжали усердно разбирать груды писемъ. Но вотъ Татьяна Львовна начинаетъ улыбаться. Что такое? Дочитавъ че-то длинное письмо, она показываетъ двоюроднымъ сестрамъ послѣднюю страницу. Онѣ читаютъ съ улыбкой и поглядываютъ на Марью Львовну, которая векакиваетъ съ мѣста, говоря:

— Что такое? Что тамъ? Дайте, покажите!..

— Послѣ, послѣ,—говоритъ Татьяна Львовна, желая ее помучить, и протягиваетъ письмо сначала мнѣ. Это письмо перваго жениха Марьи Львовны къ Льву Николаевичу. Рисуя картину своего будущаго семейнаго счастья съ Машей въ крестьянской избѣ, онъ заканчивалъ словами:

«Ребятишки наши будутъ играть на порогѣ, а ты, старый дѣдушка, будешь лежать на печѣ».

Марья Львовна не хочетъ вѣрить, чтобъ онъ могъ писать что-нибудь подобное, и говорить:

— Онъ это писалъ? Да не можетъ быть! Покажите! Покажите!

Кузины произносятъ только: «наши ребятишки... на порогѣ... ребятишки»... и покатываются.

По звонку къ завтраку мы идемъ въ другой домъ. Левъ Николаевичъ встрѣчаетъ меня словами:

— Ну что, живы? Очень устали? Лева сказалъ мнѣ, какъ вы пришли. Да нѣтъ, у васъ совсѣмъ здоровый, бодрый видъ.

За столомъ меня спрашиваютъ о полтавскихъ темныхъ: В., Ф. и Д. Оказывается, что Левъ Николаевичъ уже освѣдомленъ обо всемъ, касающемся этихъ лицъ, и я не могу сообщить ничего новаго.

— А вы знаете, гдѣ первая жена В?—спрашиваетъ меня Левъ Николаевичъ.

— Знаю, въ Шлиссельбургской крѣпости.

Меня спрашиваютъ о его второй женѣ: какаа она?

«истор. вѣстн.», мартъ 1913 г., т. сxxxii.

— Я ея не видѣла, но, говорятъ, милая, очень красивая, интересная женщина и его любить. Но она не сочувствуетъ толстовству мужа и терпѣть не можетъ Клопскаго, который у нихъ живетъ, не отходить отъ В., наставляеть его въ толстовствѣ и говорить ему о его женѣ:

— Какая это жена? Разъ она вамъ не сочувствуетъ, она вамъ и не жена. Вотъ К—я васъ любить, вамъ сочувствуетъ, эта вамъ настоящая жена.

Графиня пристально и многозначительно взглядываетъ на меня, но ничего не говоритъ, а Левъ Николаевичъ замѣчаетъ:

— Очень жаль, что В. смущаетъ дѣвушку.—(Левъ Николаевичъ уже слышалъ объ этомъ, и это его огорчаетъ).—Ну, а Ф—ъ?

— У Ф—а я была. Онъ живетъ въ простой хатѣ съ женой и дѣтьми, столярничаетъ и довольно популярень въ Полтавѣ.

Марья Львовна рассказываетъ, что, когда она была еще дѣвочкой, Ф—ъ представлялся ей героемъ, идеаломъ. Какъ-то вечеромъ его попросили читать вслухъ. Онъ началъ читать и упалъ въ обморокъ. Это произвело сильное впечатлѣніе на Марью Львовну

Отъ полтавскихъ толстовцевъ я впервые слышала и о тюремномъ священникѣ Гапонѣ, сочувствующемъ толстовству. Всѣ полтавскіе темные были съ нимъ знакомы.

Послѣ завтрака мы всѣ сѣли за общую работу, въ которой принималъ участіе даже и Левъ Николаевичъ: разбирали козью шерсть для какой-то работы Татьяны Львовны. Не помню, о чемъ говорили. За этой работой засталъ насъ Чертковъ, проводившій все лѣто неподалеку отъ Льва Николаевича. Онъ подсѣлъ къ намъ, но не работалъ, а ждалъ, когда освободится Левъ Николаевичъ.

Я видѣла Черткова въ первый разъ, но мы уже обмѣнялись съ нимъ письмами по издательскому дѣлу. Помню, что первое письмо его начиналось словами: «Мой другъ Левъ Николаевичъ»...

Другъ Льва Николаевича быть въ то время необыкновенно красивъ, высокъ и строенъ. Я подумала, что въ военной формѣ, въ каскѣ, на лошади это былъ бы идеальный кавалергардъ. Но онъ былъ одѣтъ рабочимъ, что совсѣмъ не шло къ его сытой, крѣпкой фигурѣ. Льву Николаевичу его блуза такъ шла, что трудно было представить его въ чемъ-нибудь другомъ, а на Чертковѣ она казалась чужимъ платьемъ.

Когда Чертковъ увелъ отъ насъ Льва Николаевича, я спросила:

— Что же онъ съ нами не поработалъ?

Татьяна Андреевна сказала:

— Онъ никогда не работаетъ. Помните, когда осенью картошку копали... Онъ стоитъ, смотритъ. Всѣ его зовутъ: Владимиръ Григорьевичъ, идите копать.—Не умѣю, говоритъ.

Графиня сказала, что онъ у нихъ почти каждый день обѣдаетъ, а жену, къ сожалѣнію, не приводитъ. Потомъ, понизивъ голосъ, она прибавила:

— Вы вотъ о Клопскомъ говорили, что онъ Волькенштейну о его женѣ дурно говорить. А вы знаете, что Чертковъ говорить? Онъ говорить Льву Николаевичу: «Какъ это я такой недостойный человѣкъ, и у меня такая прекрасная жена. А вы—великій человѣкъ, и у васъ такая скверная жена».

— Не думаю, чтобъ онъ это говорилъ,— сказала я.— Кто же могъ сказать вамъ это?

— Кто? Самъ Левъ Николаевичъ. Какъ же мнѣ послѣ этого любить Черткова?

За столомъ тонъ былъ болѣе великовѣтскій, чѣмъ всегда у Толстыхъ. Татьяна Андреевна и Чертковъ безсознательно вносили что-то *mond'sкое* и петербургское. Говорили о Фигнерахъ, о томъ, что они приѣхали въ свое имѣніе и, вѣроятно, будутъ въ Ясной. Чертковъ сказалъ:

— Пожалуйста, дайте мнѣ знать, если они къ вамъ приѣдутъ. Я очень хочу ихъ «послушать».

Левъ Николаевичъ относился къ Черткову такъ же дружески и довѣрчиво, какъ и къ старому Ге. Но въ отношеніи къ нему этихъ двухъ друзей была большая разница. Въ Чертковѣ не было и тѣни той трогательной и смиренной преданности, которая бросалась въ глаза въ старомъ художникѣ. Владимиръ Григорьевичъ сидѣлъ подлѣ Льва Николаевича съ видомъ самоувѣреннаго строгаго ментора, готоваго остановить и поправить своего друга, если онъ скажетъ что-нибудь несогласное съ ихъ ученіемъ.

Ге, счастливый своей дружбой съ великимъ человѣкомъ, всегда говорилъ: *его* ученіе, *его* взгляды, *его* толкованіе... Чертковъ говорилъ: *наше* ученіе, *наши* взгляды... И онъ такъ злоупотреблялъ этимъ *мы*, что невольно вспоминалось: мы пахали... (хотя уже пахать-то пахалъ одинъ Левъ Николаевичъ, а Владимиръ Григорьевичъ только приговаривалъ: не умѣю)...

Послѣ обѣда подали дроги, и я поѣхала съ четырьмя дѣвками въ Овсянниково знакомиться съ Марьей Александровной Шмидтъ. Мы застали милѣйшую старушку работающей на огородѣ. Повязанная отъ солнца ситцевымъ платочкомъ, она копалась, согнувшись въ три погибели, на своей грядкѣ. Услыхавъ фырканы подѣхавшихъ лошадей, она выпрямилась и побѣжала намъ навстрѣчу въ высокихъ мужскихъ сапогахъ и жиденькой, прозрачной юбчонкѣ, за которую ей попало отъ Татьяны Львовны.

— Такъ удобнѣе,—оправдывалась старушка.

— Не годится, милая Марья Александровна,—строго говорила Татьяна Львовна:—непристойно, непристойно. Подите, надѣньте приличную юбку.

Марья Львовна сейчас же пошла ставить самоваръ, потомъ стала накрывать на столъ. Когда меня назвали, Марья Александровна всплеснула руками и вскрикнула: «Ахъ, я убѣгу, я убѣгу!». Она страшно боялась, что я ее опишу. Кто-то сказалъ ей, что я уже разспрашивала о ней для этой цѣли. И я должна была чуть не класться, что этого не сдѣлаю. Въ концѣ концовъ она смилостивилась и показала мнѣ свой огородъ, послѣ чего мы пошли въ комнату и принялись мирно чаевничать, бесѣдуя о папѣ и о «Царствѣ Божіемъ внутри насъ».

Мы очень пріятно провели время у добрѣйшей старушки, но на обратномъ пути насъ захватилъ сильнѣйшій ливень. У Толстыхъ были съ собой дождевики, а у меня ничего не было. И я настолько вымокла, что должна была переоблечься въ одежды Марьи Львовны, пока все мое просушивалось на кухнѣ.

На слѣдующее утро дѣвочки Толстыя уѣхали. Послѣ завтрака Татьяна Львовна пошла въ свою мастерскую писать свой собственный портретъ съ помощью зеркала. А Марья Львовна пригласила меня сопутствовать ей въ ея обходѣ больныхъ. Захвативъ лекарства, мы отправились въ деревню и стали переходить изъ одной избы въ другую. Серьезно больныхъ было только три младенца; остальные страдали лихорадкой, ревматизмомъ, старческимъ кашлемъ. Марья Львовна была очень мила въ своей роли докторицы. Мужики и бабы, старики и дѣти, всѣ относились къ ней просто и дружелюбно, безъ тѣни подобострастья или заискиванья. Въ двухъ-трехъ избахъ она познакомила меня съ бывшими учениками яснополянской школы, уже бородастыми главами семействъ. Они охотно вспоминали объ этой школѣ и говорили: «Да, насъ хорошо учили. Насъ вѣдь всему учили—и географію!»

Во всѣхъ избахъ были иконы и лампадки. Какъ ни проста была обстановка яснополянскаго дома, но по сравненію съ жилищами крестьянъ, конечно, она была барской и болѣе напоминающей о жизни богачей, чѣмъ о жизни Лазарей. И, видя эту смиренную и такъ любимую мною естественную обстановку крестьянскихъ избъ, я думала: «Какъ жаль, какъ жаль, что графиня такъ крѣпко держится за дорогое ей, ея свитое гнѣздо! Отчего бы ей, въ самомъ дѣлѣ, не перейти съ Львомъ Николаевичемъ въ простую избу, какъ ему хочется. Для ихъ отношеній это, несомнѣнно, было бы хорошо; и къ тому же они подали бы примѣръ добровольнаго перехода съ пути богачей на путь Лазарей. Вѣдь пока богачи не сдѣлаютъ этого добровольно, ничто въ жизни человѣчества не измѣнится, какіе бы вороха бумаги ни исписывались и какія бы красныя слова ни говорились».

Марья Львовна совершенно раздѣляла мое мнѣніе. Мы объдумали, что богатство—болото грязное, затягивающее болото, и что жизнь жаворонка въ полѣ куда милѣе жизни попугая въ

золоченой клѣткѣ. На обратномъ пути изъ деревни мы зашли къ Агаѣѣ Михайловнѣ. Старушка еще постарѣла за годъ, но была особенно въ ударѣ рассказывать о старинѣ. И, заслушавшись ея, мы опоздали къ обѣду.

Чертковъ опять обѣдалъ, но совѣзмъ не помню, о чемъ говорили. Послѣ обѣда я сидѣла у Марьи Львовны, и она мнѣ диктовала «Катехизисъ». Онъ все еще не былъ конченъ и, помня наше рѣшеніе не говорить о религіи до его окончанія, мы откладывали эти разговоры на будущее время. Я писала, Марья Львовна мнѣ диктовала, а въ сосѣдней комнатѣ, тамъ, гдѣ я почевала, Левъ Львовичъ игралъ на рояли Шопена и Шумана. Несожданно Левъ Николаевичъ и Чертковъ вошли къ намъ. Они искали фотографію съ послѣдней картины Ге. Фотографія нашлась въ комнатѣ Татьяны Львовны. Тогда Левъ Николаевичъ предложилъ намъ пройти въ мастерскую Татьяны Львовны посмотреть ея работу. Полюбовавшись ея произведеніемъ, мы всѣ вышли въ садъ. Левъ Николаевичъ сказалъ: «Я хочу съ Л. И. поговорить по секрету». Дочери и Чертковъ отстали, а мы стали ходить взадъ и впередъ по прямой дорожкѣ отъ одного дома къ другому. Онъ сталъ говорить мнѣ свое мнѣніе о «Зарницахъ», сказалъ, что больше всего восхитился Матреной, что къ описаніямъ дѣвической любви онъ былъ довольно равнодушенъ, но когда дошло до Матрены, онъ остался очень доволенъ. Потомъ онъ сказалъ, что тѣ мѣста, гдѣ я касаюсь серьезныхъ жизненныхъ вопросовъ слегка, между описаніями Парижа, не умѣстны, что такіе вопросы надо или разрабатывать до самой глубины, или представлять ихъ въ художественной формѣ. Онъ прибавилъ, что говорить это для того, чтобъ быть строгимъ, а что вообще прекрасно: тонъ блгородный и очень хороши картины и описанія.

Я сказала, что писала очень наскоро. Бывало, что у меня еще ничего нѣтъ, а редакціонный мужикъ изъ «Сѣвернаго Вѣстника» сидитъ уже въ передней на ларѣ и говоритъ, что не уйдетъ, пока я не дамъ продолженія. Оттого и вышла такая канитель.

Онъ сказалъ: «Не давайте такъ торопить себя». Затѣмъ сказалъ еще, что я должна быть увѣреннѣе въ себѣ и идти впередъ не въ смыслѣ внѣшней отдѣлки, а развиваться въ глубину. Талантъ дается не для щегольства, не для забавы. Надо смотрѣть, какъ въ колодезь, въ глубину жизни. Безъ этого нельзя писать. Писать надо какъ можно больше, печатать какъ можно меньше. Для того, чтобъ пошла чистая вода, надо, чтобы осѣлъ весь осадокъ.

Я сказала Льву Николаевичу, что мой идеаль писать совѣзмъ маленькіе рассказы христіанскаго духа, въ такомъ родѣ, какъ его «Два старика» и другіе. Но не уйдешь вѣдь отъ впечатлѣній своей повседневной жизни; а пока ихъ не свалишь въ какой-нибудь рассказъ, нельзя еще писать то, чего сердце просить.

Такъ мы бесѣдовали, и Левъ Николаевичъ говорилъ еще много хорошаго о призваніи писателя, о жертвахъ, которыхъ оно требуетъ, о томъ, какъ личныя качества и недостатки сказываются въ его писаніяхъ и т. д. Не записавъ въ свое время его точныхъ словъ, боюсь перевернуть ихъ. Вмѣстѣ съ поджидавшими насъ дочерьми и Чертковымъ мы прошли изъ сада въ комнату Марьи Львовны, гдѣ къ намъ присоединился и Левъ Николаевичъ. Здѣсь мы говорили о Ге, котораго всѣ въ семьѣ, очевидно, любили и часто вспоминали; потомъ говорили о томъ, что въ христіанскомъ ученіи важно не то, что оно *Христово* или *христіанское*, а то, что это есть ученіе истины. Главное требованіе христіанства исповѣдывать истину и *не лгать*, главная цѣль его—вызывать въ себѣ Бога, который хочетъ блага всѣмъ.

Ваничка пришелъ звать насъ къ чаю и принесъ мнѣ букетикъ ландышей изъ своего лѣса. Когда я вошла съ нимъ въ столовую, графиня сидѣла тамъ одна у самовара. Она стала говорить объ ихъ прежней жизни, о сосѣдяхъ, о знакомствѣ съ Фетомъ. Потомъ она сказала, что Левъ Николаевичъ никогда не измѣнялъ ей. Да, съ тѣхъ поръ, что онъ на ней женился, онъ не увлекался ни одной женщиной. Онъ ее любилъ, но онъ женился на ней не потому, что полюбилъ ее, а потому, что замѣтилъ, что опоздалъ жениться.

Левъ Львовичъ подошелъ къ намъ и спросилъ, о чемъ мы говоримъ.

— О любви,—сказала графиня.

Онъ пренебрежительно махнулъ рукой, какъ бы говоря: можно же говорить о такомъ вздорѣ!

Понемножку собралась вся семья. Чертковъ ушелъ домой.

Детра показала намъ въ окно новый мѣсяцъ и увела дѣтей спать. Платье мое высушили, и я съ утра уже одѣлась во все свое, кромѣ чулокъ, которыхъ не хотѣла возвращать не вымытыми. Я обѣщала Марьѣ Львовнѣ переслать ихъ съ кѣмъ-нибудь и вскорѣ по возвращеніи домой вручила ихъ въ чистомъ конвертѣ Н. Н. Страхову, собиравшемуся въ Ясную Поляну. Нащупавъ мягкое содержимое конверта, онъ спросилъ: «Это рукодѣліе?» Я утвердительно мотнула головой, и онъ бережно доставилъ рукодѣліе по назначенію.

Послѣ чаю мы долго сидѣли всѣ вмѣстѣ на угольномъ диванѣ; затѣмъ Марья Львовна проводила меня на станцію. Когда она уѣхала, было уже очень поздно. Я оставила свой чемоданъ сторожу, спустилась съ платформы и отошла въ сторону отъ маленькой станціи. Меня манила таинственная тишина поля. Въ небѣ ярко блестѣлъ тонкій серпъ молодого мѣсяца. Я долго стояла недвижно, прислушиваясь къ свисту коростелей и другимъ нѣжнымъ звукамъ весенней ночи. Видимый мѣръ былъ чудно хорошъ, и я чувствовала, что я радостно и полно живу. Я чувствовала особенно живо, до чего хорошо жить, любить, молиться и страдать въ этомъ чуд-

помь, свѣтломь мірѣ, полномь поэзіи и неисчерпаемой красоты!.. Буду ли я жива, умру ли, увижу ли еще Толстыхъ, нѣтъ ли, но я уже видѣла ихъ. И это много. И это счастье. Я была у нихъ, я любила ихъ всѣхъ, всѣхъ... Всей душой любила!

Подошелъ поѣздъ. Я взбѣжала на платформу къ ожидавшему меня сторожу и сѣла въ вагонъ второго класса, въ которомъ я была совсѣмъ одна. Никто не мѣщаль мнѣ думать о Толстыхъ. Раздались рѣзкіе, точно дьявольскіе звуки свистковъ и звонковъ, и вагонъ загрохоталъ и понесся за локомотивомъ. А за окномъ былъ все тотъ же мѣсяцъ, то же поле, та же чудная почъ. Я не закрывала окна и подъ грубую стукотню вагона уснула на моемъ пыльномъ диванѣ въ чулкахъ Марьи Львовны и съ ландышами Ванички у пояса.

15-го іюня 1894 г. Письмо Марьи Львовны.

«Дорогая Л. И. Смерть дѣдушки (Н. Н. Ге) ужасно поразила насъ всѣхъ, и я до сихъ поръ не могу привыкнутьъ къ тому, что его уже нѣтъ съ нами. Для меня онъ есть, и я чувствую его и люблю его еще больше, чѣмъ когда-либо, и его любовь ко мнѣ я также ощущаю, но уже проявленій ея не вижу никогда, и это мнѣ ужасно больно. Милый дѣдушка! вѣдь онъ былъ мнѣ ближе всѣхъ моихъ друзей. Я всегда себѣ представляла, что когда отца не будетъ, я уйду къ нему, онъ еще останется, и я знаю, что онъ принялъ бы меня и любилъ. Богъ есть любовь, а у любви нѣтъ смерти, это мнѣ очень ярко представилось именно теперь.

«Знаемъ мы о его смерти вотъ что: онъ былъ въ Кіевѣ, заѣхалъ къ сыну Петру въ Нѣжинъ, былъ здоровъ и веселъ и поѣхалъ домой на хуторъ. Приѣхавши, вылѣзъ изъ телѣжки и понесъ мѣшокъ, но сталъ потѣтъ и еле шелъ. Вышелъ Количка, взялъ у него мѣшокъ и понесъ въ домъ. Онъ замѣтилъ, что дѣдушка блѣденъ и очень трудно идетъ и дышитъ. Они вошли въ домъ, дѣдушка сейчасъ же сѣлъ и сказалъ, что ему дурно. Количка хотѣлъ зажечь свѣчу, но дѣдушка не велѣлъ. Количка отвелъ его на постель и побѣждалъ посылать за докторомъ. Съ дѣдушкой осталась Попова, жившая у нихъ. Пока Количка убѣгалъ, дѣдушка сталъ кричать ужасно громко: у-у-у!.. Когда Количка вернулся, онъ уже смолкъ и очень сознательно смотрѣлъ съ одного на другого, но задыхался и уже ничего не говорилъ. Такъ онъ и умеръ черезъ нѣсколько минутъ. Удивительная смерть и такая неожиданная. Мнѣ всегда казалось, что ему такъ много еще надо здѣсь сдѣлать, такъ много передать людямъ того, что никто, кромѣ него, не можетъ сдѣлать. Значитъ, такъ надо было, воля Бога.

«Простите за глупое письмо, но путаница какая-то въ душѣ и загроможденіе, но мнѣ хорошо. Крѣпко цѣлую и люблю васъ. (2-й младенецъ умеръ вчера. 1-й живъ).

«Марія Толстая».

21-го іюня 1894 г. я получила письмо отъ Сашы и Ваночки съ припиской Марьи Львовны: «Саша благодарить васъ за конфеты, а на насъ онѣ навели ужасъ, и мы жалѣли, что вы прислали ихъ, потому что они, конечно, обѣлисъ, какъ слѣдуетъ на рожденіе. Мнѣ живется хорошо, серьезно и одиноко. Паскаль говорить:

«Il faut vivre seul et mourir seul». Я думаю, что иначе и нельзя, все-таки всегда будешь одинокъ. Папа теперь далъ себѣ отдыхъ и ничего не пишетъ: ходитъ косить и пилить. У насъ живетъ Николай Николаевичъ Страховъ и очень всѣмъ намъ пріятель. Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ дѣдушка, мнѣ хочется всѣхъ любить, со всѣми быть въ любовныхъ отношеніяхъ для того, чтобы смерть не могла отнять у меня самаго дорогого и важнаго—любви.

«Ваночка опять боленъ, бѣдненькій: у него было нѣсколько нарывовъ на ногахъ, потомъ разстройство желудка, а теперь безпричинный жаръ. Ужасно онъ жалкенькій и мнѣ страшно за него.

«Прощайте, милая Л. И. Пишите о себѣ. Люблю васъ.

«Марія Толстая.»

3 сентября 94 г. Письмо Марьи Львовны.

«Милый другъ Л. И. Не отвѣчала на ваше письмо, потому что все это время перемѣщаюсь изъ Ясною въ Москву и обратно. Сейчас я опять съ Левой въ Москвѣ, думаю завтра быть съ papà въ Ясною, такъ какъ мама пріѣзжаетъ меня замѣнить. Живу съ Левой второй разъ здѣсь недѣли на двѣ и мы очень хорошо ладимъ съ нимъ. Теперь съ нами живетъ Маня Рачинская, и пріѣхали мальчишки учиться. Съ ними мнѣ веселѣе, но Лева жалѣетъ о нашей одинокой тихой жизни. Теперь Москва наполняется, и потому каждый вечеръ у меня пропастъ народу. Я рада, но боюсь, что это мѣшаетъ Левѣ. Папа пишетъ намъ рѣдкія, но превосходныя письма. «Катехизисъ» тихо двигается. Любовь Яковлевна¹⁾, кажется, ничего не высидѣла въ Ясною. Перевожу Henry Georg'a Social Problems.

«Трудно, но интересно, не подлежитъ печатанію по цензурной причинѣ. Читаю постоянно «книжечку», какъ дѣдушка называлъ Евангеліе, и черпаю изъ нея все новое и новое, точно въ первый разъ читаешь. Какой это источникъ вѣчный, неисчерпаемый.

«Быль у насъ интересный малый, словакъ изъ Венг'ии—темный. Пріѣзжалъ нарочно въ Ясную на недѣлю, чтобы видѣть и узнать papà. Интересуетъ не блузой, а самыми важными, существенными вопросами. Рассказывалъ о религіозномъ движеніи у нихъ въ народѣ. Между прочимъ о 150-ти отказахъ отъ военной службы. Отказавшихся заключаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ еще гораздо строже, чѣмъ у насъ, то есть не только на тѣ года, которые отказавшійся долженъ былъ бы прослужить, но и всѣ тѣ года, которые онъ счи-

¹⁾ Л. Я. Гуревичъ, тогдашняя издавательница «Сѣвернаго Вѣстника».

тается въ запасѣ, то есть 12 лѣтъ. Самая близкая намъ по духу секта тамъ — это пазарены. Ихъ убѣжденія почти совсѣмъ сходны съ папашиними. Какъ радостно, что вездѣ эти некры разгораются, а то, что ихъ стараются потушить, — признакъ того, что огонь настоящій. Этотъ нашъ словакъ молодой человекъ, кончившій курсъ на медицинскомъ факультетѣ въ Прагѣ. Очень искренній, хорошій малый. Папа былъ очень заинтересованъ имъ и много съ нимъ бесѣдовалъ.

«Ну, прощайте, Л. И. Когда же мы увидимся съ вами? Спасибо за совѣтъ не зазѣвывать. Какъ это вѣрно и какъ важно это помнить.

«Любящая васъ Маша Толстая».

22 октября 94 г. Письмо Татьяны Львовны.

«Дорогая Л. И. Я хотѣла рассказать вамъ про нашъ журналъ и про то, что пишетъ теперь папа. О журналѣ напишу, а о книгѣ папа начала было писать и даже дѣлала выписки, но потомъ раздумала. 1) Мнѣ стало неприятно дѣлать эту indiscretion по отношенію къ папа, 2) боялась испортить вамъ эту вещь, 3) она еще не готова, и 4) можетъ быть, вамъ интереснѣе другія мѣста, чѣмъ мнѣ. Ни одна вещь папа мнѣ такъ не помогала думать, какъ эта, и не давала такихъ ясныхъ и несомнѣнныхъ отвѣтовъ. Поэтому мнѣ такъ хочется, чтобы побольше людей ее прочли. Еще до конца далеко, и у папа силъ все меньше и меньше, и поэтому за разъ онъ работаетъ по очень малу. Журналъ нашъ или *архивъ*, какъ папа велѣлъ его называть, будетъ состоять изъ статей (русскихъ и преимущественно переводныхъ), которыя не могутъ быть напечатаны, но которыя почему-нибудь интересны, и изъ интересныхъ писемъ. Мысль эта возникла у насъ потому, что папа, Чертковъ и еще разные наши друзья получаютъ пронасть интересныхъ и важныхъ писемъ и статей, и, прочтенныя двумя-тремя лицами, онѣ такъ и затериваются. Теперь весь матеріалъ будетъ сдаваться одному лицу, который будетъ его разбирать, группировать и выпускать нумера архива. Страшно, какъ бы такое безобидное дѣло не вызвало гошеній и преслѣдованій, но, я думаю, пугаться этого не слѣдуетъ. Если вамъ или Любовь Яковлевнѣ попадетъ что-нибудь подходящее, пришлите намъ. — Мы живемъ въ Ясной: папа, Маша и я. Мнѣ это время грустно и одиноко. Все не умѣю жить безъ привязанности людей и когда случается, что нужно ея лишиться, я роищу и тоскую, и стараюсь новой дружбой замѣнить потерянную. Бываютъ рѣдкія минуты, когда я настолько чувствую единеніе съ Богомъ, что отношенія людей ко мнѣ мнѣ не важны, а я принимаю ихъ любовь, какъ лишнюю незаслуженную радость, а нелюбовь за указаніе своихъ ошибокъ, но чаще бываетъ, что вся моя жизнь зависитъ отъ этого.

«Маша цѣлуетъ васъ и огорчается, что давно не получала отъ васъ писемъ. Папа вамъ кланяется. Не занесетъ ли васъ судьба въ Москву? Это было бы большой радостью для всѣхъ насъ. Цѣлую васъ нѣжно.

«Татьяна Толстая».

Въ декабрѣ 1894 г. не списавшись съ Толстыми, я поѣхала къ нимъ въ Москву. Оказалось, что Левъ Николаевичъ съ Татьяной Львовной гостятъ въ деревнѣ у Олсуфьевыхъ. Графиня очень жалѣла, что я поѣхалась *даромъ*, какъ она скромно говорила, но тѣмъ ласковѣй и радушиѣй она меня принимала. Марья Львовна уговорила меня перебраться изъ гостиницы къ нимъ, благо комната Татьяны Львовны пустовала. Впрочемъ, помнится, мы спали, кажется, въ одной комнатѣ и долго бесѣдовали по вечерамъ и о смыслѣ жизни, и о долгѣ, и о своихъ личныхъ чувствахъ. Въ прошломъ у Марьи Львовны быть герой, по имени Петръ, а у меня въ прошломъ быть герой, по имени Павелъ; я рассказывала ей о Павлѣ, а она мнѣ — о Петрѣ, и мы сами, шутя, называли это нашими петропавловскими бесѣдами. Марья Львовна водила меня въ «Посредникъ», знакомила съ темными и цѣлыми днями говорила мнѣ объ отцѣ. Дѣч ри никогда ничего не скрывали отъ него, и онъ всегда знаетъ объ ихъ увлеченіяхъ. Какъ-то Марья Львовна должна была ѣхать на вечеръ, гдѣ послѣ долгаго промежутка времени могла встрѣтить знаменитаго Петра. Левъ Николаевичъ не ложился спать и ждать ея возвращенія, чтобъ узнать, какъ она перенесла эту встрѣчу. Марья Львовна помнила, что, когда она была дѣвочкой, они всѣ вмѣстѣ ходили въ церковь, ѣздили на кладбище и вмѣстѣ молились. Теперь они вмѣстѣ не молятся; каждый молится про себя. Марья Львовна не сомнѣвалась въ томъ, что отецъ отошелъ отъ церкви только потому, что увидѣлъ ея неправду. Она говорила: «Онъ пришелъ къ этому». И она такъ говорила это, что мнѣ было ясно, что, куда бы, къ чему бы онъ ни пришелъ, ея любовь пойдетъ за нимъ всюду, безъ колебаній и размышленій.

Она давала мнѣ читать его рукописи. Я прочла «О. Сергія». Въ 94 г. разсказъ этотъ кончался тѣмъ, что, убивъ дѣвушку, о. Сергій сказалъ: «Нѣтъ Бога!..»

Мнѣ разсказъ не понравился и показался тенденціознымъ и выдуманымъ. Я сказала это Марьѣ Львовнѣ. Она кротко замѣтила:

— Однако, говорятъ, въ Москвѣ былъ такой случай съ архіереемъ.

— Ну, такъ и разсказалъ бы Левъ Николаевичъ *объ архіерепѣ*... А зачѣмъ же старецъ?..

Графиня была очень добра, ровна и мила. Ее удручала только болѣзнь Льва Львовича, который жилъ теперь въ самомъ домѣ,

гдѣ ему отвели двѣ прекрасныя комнаты. Онъ курить, носилъ европейское платье и былъ мрачно настроенъ, говорилъ о самоубійствѣ или о своей неизлечимости и большей частью лежалъ на диванахъ. Ванюшка тоже похварывалъ то желудкомъ, то лихорадкой. Графиня переводила заботливый любящій взглядъ съ одного на другого, съ тревогой слѣдила за ними и усердно ихъ подкармливала. Безъ Льва Николаевича *темные* не показывались, и графинѣ не на кого было ворчать. Въ этотъ прѣздъ я не слыхала отъ нея ни одного слова осужденія толстовцевъ. Разъ только, ужъ не помню, по какому поводу, она добродушно вымолвила:

— Ну, да вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ у насъ всѣ святыми стали, тутъ такія сплетни пошли...

Въ отсутствіе Льва Николаевича и Татьяны Львовны было еще замѣтнѣе, до какой степени ихъ любили всѣ въ семьѣ. Ихъ поминутно вспоминали, поминутно говорили: «Надо будетъ рассказать папѣ, надо написать Танѣ». Когда приходили ихъ письма, ихъ читали вслухъ по нѣскольку разъ, снова перечитывая ихъ для вновь прибывающихъ. И Левъ Николаевичъ писалъ такія хорошія, простыя и ласковыя письма хорошаго семьянина.

Маленькій Ванюшка давно уже смотрѣлъ на меня, какъ на свою собственность. Маркъ прислалъ ему въ подарокъ роскошное изданіе сказокъ Гримма, и Ванюшка очень увлекался этими сказками.

— Читайте, читайте,—твердилъ онъ, дѣлая несчастное лицо, если кто-нибудь прерывалъ чтеніе.

Наканунѣ моего отъѣзда онъ слегъ, ослабѣвъ отъ лихорадки. Я все утро сидѣла у его постели, вырѣзала и наклеивала ему картинки. Онъ сказалъ мнѣ, что слыхалъ отъ няни, будто всѣ дѣти, умирающія до семи лѣтъ, прямо дѣлаются ангелами. Сообщивъ мнѣ объ этомъ, онъ прибавилъ озабоченно:

— А мнѣ-то вѣдь скоро ужъ и восемь!

Я сказала ему, что бережно храню его ландыши.

Онъ спросилъ:

— А въ чемъ вы ихъ держите?

— Въ книгѣ, въ библии.

Я ушла съ Марьей Львовной въ «Посредникъ», а когда вернулась къ Ванюшкѣ, онъ поднесъ мнѣ сюрпризъ: маленькій розовый майоликовый кувшинчикъ и карточку, на которой онъ собственноручно написалъ:

«Ваня дарить для первыхъ весеннихъ цвѣтовъ на память милой Л. И.—виѣ. 3 января 95 г.»

Не дождавшись Льва Николаевича, я уѣхала домой.

25 января 1895 года. Письмо Марьи Львовны.

«Дорогая Л. И., пишу сама, а не переносываю съ Пошпаго (Павла Ивановича Бирюкова) брѣвона,—совсѣмъ сама. Сказка о звѣряхъ совсѣмъ не папашина, а неизвѣстно чья. Мы давно уже

слышимъ объ этомъ, и ничего не понимаемъ, не понимаемъ даже, откуда могло пойти это.

«У насъ Ванничка все хвораетъ. До сихъ поръ лихорадка и такая сильная и упорная, что ничему не поддается. Вотъ уже 18 дней жара. Мама очень о немъ тревожится, и дѣйствительно онъ, бѣдненькій, ужасно исхудалъ. Папа съ Таней вернулись веселые, отдохнувшіе и поздоровѣвшіе. Я ужасно за папà рада. Я, конечно, къ нимъ не ѣздила, нельзя было мама оставлять. Папа все еще поправляетъ свою «Метель», теперь уже въ корректурахъ. Она очень еще выросла съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ къ Олсуфьевымъ. Пишетъ тоже катехизисъ, и я ловлю себя на томъ, что мнѣ досадно, что не художественное. Мнѣ ужасно нравится, что вы собираете матеріалы о благотворительности. У насъ весь московскій свѣтъ увлеченъ ею. Дѣвицы дѣлаютъ спектакли въ пользу бѣдныхъ, собираются, чтобы раскрасить афиши, и ѣздятъ въ саняхъ парой съ лакеемъ на заняткахъ осматривать свои участки. Можетъ быть, это хорошо, потому что, я думаю, имъ не можетъ не стать стыдно передъ тѣми, кого они благодѣтельствуютъ. На дняхъ съ нашей Зотовой, о которой я вамъ рассказывала, была исторія очень характерная. Благотворители привели къ ней оборванную старуху съ улицы и велѣли ей жить у Зотовой и помогать ей при дѣтяхъ. За это Зотова будетъ ее кормить, а они будутъ давать Зотовой два двугривенныхъ. Вышло то, что, конечно, и должно было случиться. Онѣ объ перессорились, старуха оказалась ни къ чему неспособной, Зотова боялась ей довѣрять дѣтей, и черезъ три дня онѣ уже умоляли все у нихъ отнять и освободить ихъ другъ отъ друга. Вчера въ «Посредникѣ» было засѣданіе, въ которомъ Клопскій защищался противъ обвиненій въ томъ, что онъ агентъ тайной полиціи. Мнѣ жаль его, я понимаю, какъ ему должно быть тяжело общее отчужденіе и одиночество. Его и такъ никто не любить. Но это засѣданіе, конечно, ни къ чему и ничѣмъ не поможетъ ему. Пока прощайте, милый другъ М. И., цѣлую васъ и очень, очень люблю. Таня васъ цѣлуетъ. Лева проситъ писать ему. Вы пишете, что можете молиться за него, а я этого не понимаю. Я могу молиться только за себя или чтобы Богъ помогъ мнѣ помочь ему. Какъ мнѣ много еще хочется понять въ васъ, и меня безпокоитъ, что я не до конца понимаю васъ, что есть сторона мнѣ непонятная.

«Любящая васъ М. Т.

24 февраля 1895 г.

«Дорогая М. И., вчера вечеромъ умеръ нашъ Ванничка отъ скарлатины. Болѣлъ только два дня. Была очень злокачественная скарлатина съ осложненіемъ желудочнымъ. Вы понимаете, какое это для насъ всѣхъ горе, а главное для мама. Такое неожидан-

ное страшное горе. Эотъ милый, дорогой намъ всѣмъ, чуткій, особенный мальчикъ. Я не знаю просто, какъ мама перенесетъ это, вѣдь ея жизнь была вся въ немъ. Помогн ей Богъ справиться съ этимъ и намъ помочь ей. Папа тоже плачетъ ужасно. Я знаю, какъ вы поймете наше горе и пожалѣете насъ. Простите, я не могу ничего писать. Цѣлую васъ, дорогая. Вы тоже любили его.

«Марія Толстая».

23-го февраля не стало Ваньки, а за два дня до него скончался и мой старикъ-сосѣдъ Н. С. Лѣсковъ. Въ то время, какъ онъ умиралъ,—я видѣла его во снѣ. Онъ много говорилъ мнѣ о петербургской жизни, сказалъ, что она не способствуетъ хорошимъ семейнымъ отношеніямъ и прибавилъ: впрочемъ, мы живемъ не для этого, а для того, чтобъ передавать другъ другу...» Но что передавать?—какъ всегда бываетъ во снѣ, самого интереснаго не разслышала, не поняла и не запомнила. Я проснулась, взглянула на часы и опять заснула. И снова вижу Лѣскова. Онъ показываетъ мнѣ на бѣлую церковь съ золотыми куполами и говорить:

— А это и есть настоящее.

И я во снѣ отвѣчаю:

— Я и сама всегда такъ думала.

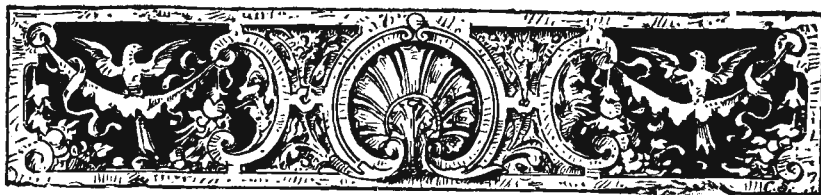
Тутъ вошла горничная и разбудила меня, говоря, что пришли отъ Лѣскова, спрашиваютъ адресъ Толстыхъ. Лѣсковъ скончался.

На похоронахъ его я простудилась и заболѣла плевритомъ. Я все думала о графинѣ и не могла безъ слезъ вспомнить о ней. Говорили мнѣ, что она заболѣла. Мой отчимъ ослѣпъ. Вездѣ и у всѣхъ было такое грустное настроеніе.

В. Микуличъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЕНГЕРСКАЯ КАМПАНИЯ 1849 Г.

Отрывки из записокъ Н. В. Исакова.

Отъ редакціи.

ВТОРЪ настоящихъ записокъ Н. В. Исаковъ, портретъ котораго мы здѣсь прилагаемъ, родился въ 1821 году и скончался въ 1891 году. Воспитаніе получилъ въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1839 году былъ произведенъ въ прапорщики въ 12-ю конную батарею. Въ 1842 году окончилъ курсъ императорской военной академіи и затѣмъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба служилъ въ Петербургѣ, Варшавѣ, а съ 1846 года на Кавказѣ, гдѣ въ 1847 и 1848 гг. исполнялъ обязанности начальника полевого штаба въ дегестанскомъ отрядѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова. Посланный въ концѣ 1848 года намѣстникомъ кавказскимъ княземъ Воронцовымъ съ донесеніемъ къ императору Николаю Павловичу объ усмиреніи Сѣвернаго Дагестана, Н. В. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ 1849 году Н. В. принималъ участіе въ венгерской кампаніи, а заслѣмъ въ севастопольскую войну состоялъ начальникомъ штаба 6-го корпуса въ Крыму. Въ коронацію императора Александра II Н. В. производится въ генераль-майоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Послѣ кратковременнаго участія, въ качествѣ члена, въ занятіяхъ образованнаго въ 1858 году при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для разсмотрѣнія губернскихъ

проектовъ объ освобожденіи крестьянъ земскаго отдѣла Н. В. былъ назначенъ въ январѣ 1859 года попечителемъ московскаго учебнаго округа. Тамъ Н. В. оставилъ по себѣ не только память, какъ дѣйствительномъ покровителѣ просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ этого слова, но и такіе памятники, какъ первые педагогическіе курсы для приготовленія учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, первая учительская семинарія для народныхъ учителей, Румянцева музей, имъ перевезенный изъ Петербурга, и Публичный, имъ основанный. Съ 1863—1881 гг. Н. В. былъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и совместно съ графомъ Д. А. Милютинимъ произвелъ ихъ коренную реформу, имѣвшую столь громадное значеніе не только для нашей арміи, но и для русскаго просвѣщенія вообще. Въ то же время Н. В. создалъ педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній и музей прикладныхъ знаній (Соляной Городокъ) съ его аудиторіями для народныхъ чтеній. Московскій политехническій музей, явившійся, какъ результатъ бывшей въ Москвѣ въ 1872 году политехнической выставки, коей предсѣдателемъ былъ Н. В., обязанъ своимъ существованіемъ главнымъ образомъ инициативѣ и трудамъ Н. В.

Независимо отъ сего Н. В. принималъ самое близкое и дѣятельное участіе въ обществѣ Краснаго Креста, вынеся на себѣ въ 1877—78 гг. всю тяжесть организаціи помощи раненымъ въ турецкую войну, въ качествѣ предсѣдателя исполнительнаго комитетнаго общества. Точно также Н. В. пришлось внести и новыя мысли и сдѣлать рѣшительные шаги въ области общественнаго призрѣнія и частной благотворительности. Близко интересуясь этими вопросами, Н. В., какъ членъ совѣта императорскаго человеколюбиваго общества, посвятилъ много труда приведенію въ порядокъ отдѣльныхъ частей этого крупнаго учрежденія. Имъ же положено начало изученію положенія и дѣятельности нашихъ благотворительныхъ учреждений и съ этой цѣлью изданъ имъ подъ его редакціей и непосредственнымъ наблюденіемъ «Сборникъ свѣдѣній о благотворительности въ Россіи и за границей» въ семи томахъ. Получивъ возможность болѣе широко посвятить себя этой области, со времени назначенія своего членомъ государственнаго совѣта въ 1881 году, Н. В. былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ журнала «Дѣтская Помощь», по словамъ редактора коего протоіерея Смирнова-Платонова «исключительно одному ему, Н. В., принадлежитъ у насъ починъ серьезной литературной обработки вопросовъ общественной благотворительности».

Н. В. оставилъ послѣ себя записки, обнимающія почти всю его жизнь. Онѣ имѣются въ двухъ редакціяхъ—черновой и бѣловой. Первая, главнымъ образомъ въ той части, которая касается службы на Кавказѣ, въ свитѣ императора Николая I, въ крымскую войну, составлялась вскорѣ послѣ описываемыхъ событій на основаніи

записей въ памятныхъ книжкахъ, также сохранившихся. Вторая обрабатывалась впоследствии. Мы здѣсь печатаемъ пока отрывокъ изъ записокъ, касающійся участія Н. В. въ венгерской кампаніи. Онъ начинается съ того момента, когда, вернувшись изъ Константинополя, куда онъ сопровождалъ генераль-адъютанта Граббе, посланнаго въ апрѣлѣ 1849 года въ качествѣ чрезвычайнаго посла, Н. В. присоединяется, какъ флигель-адъютантъ, къ свитѣ императора Николая, находившагося въ Варшавѣ. Въ дальнѣйшемъ редакція «Историческаго Вѣстника» надѣется дать своимъ читателямъ рядъ другихъ отрывковъ изъ записокъ Н. В. Исакова, служащихъ серьезнымъ источникомъ для русской исторіи первой половины минувшаго вѣка.

Въ Варшавѣ и въ отрядѣ ген. Граббе.—Командировка въ Коморнъ.

I.

16-го мая мы пріѣхали въ Варшаву. Государь жилъ въ Лазенкахъ. Войска были уже въ походѣ, но фельдмаршалъ ¹⁾ еще не выѣзжалъ къ арміи; онъ тоже жилъ въ Лазенкахъ. Часть свиты была размѣщена тутъ же; часть по разнымъ загороднымъ, по близости, домамъ. Такъ называемое Раздрожье, большіе деревянные дома по шоссе между Лазенками и Варшавой, было занято свитой. Тамъ генераль Астафьевъ (комендантъ главной квартиры) поселился, какъ кажется, съ намѣреніемъ провести пріятно время безъ всякихъ попользовеній ѣхать въ армію. Вечеромъ у него собирались на партію и слушать рассказы, при какихъ обстоятельствахъ онъ получилъ георгіевскій крестъ въ польскую кампанію. Въ Лазенкахъ жилъ Эдуардъ Барановъ ²⁾ и Викторъ Васильчиковъ ³⁾. Я остановился въ Англійской гостиницѣ, въ городѣ, а дни свои проводилъ въ Лазенкахъ. Тутъ была толчея, разговоры, новости, планы и постоянное ожиданіе, не пошлютъ ли въ армію. Я навѣстилъ Граббе ⁴⁾, которому пожаловали брилліантовую табакерку. Но главное было сдѣлано: послѣ долгаго состоянія не у дѣлъ со времени его неудачной кавказской экспедиціи

¹⁾ Графъ Ив. Оед. Паскевичъ-Эриванскій князь Варшавскій, намѣстникъ царства Польскаго, главнокомандующій арміей, дѣйствовавшей противъ венгерцевъ.

²⁾ Графъ Эдуардъ Трофимовичъ. Полковникъ, флигель-адъютантъ. Впоследствии генераль-адъютантъ, генераль-губернаторъ Северо-Западнаго края, предсѣдатель департамента экономіи государственнаго совѣта.

³⁾ Князь Викторъ Иларіоновичъ—ротмістръ, флигель-адъютантъ. Впоследствии генераль-адъютантъ, начальникъ штаба севастопольскаго гарнизона (1854—55), товарищъ военнаго министра.

⁴⁾ Павелъ Христофоровичъ. Впоследствии графъ, наказной атаманъ войска Донскаго.

въ 1842 году, когда Чернышевъ ¹⁾ убѣдилъ государя отстранить его отъ командованія Кавказской линіей, онъ былъ какъ бы забытъ. Посольство въ Константинополь и удачный результатъ его выдвинули его опять, и онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ назначенія. Фельдмаршалъ относился къ нему непріязненно потому, какъ Граббе увѣрялъ, что онъ не могъ простить ему ни эпизода подъ Бородиномъ, ни плана атаки Варшавы, имъ предложеннаго, отвергнутаго официально, но въ сущности которому фельдмаршалъ слѣдовалъ.

У Граббе я засталъ генераль-майора Скарятина, который рассказывалъ свое дѣло подъ Германштадтомъ. Онъ ѣхалъ вновь къ генералу Лидерсу въ званіи начальника штаба, но черезъ короткое время былъ убитъ. Это былъ еще молодой человекъ, лѣтъ тридцати пяти, служившій примѣромъ порядочности и всѣхъ качествъ джентльмена молодымъ свѣтскимъ офицерамъ его прежняго полка—Кавалергардскаго. Въ эту кампанію онъ показалъ себя хорошимъ военнымъ офицеромъ.

Наконецъ, 12-го іюня государь позвалъ меня и сказалъ: «Ты знаешь Граббе и знаешь горную войну; онъ будетъ въ горахъ, ты будешь состоять при немъ». Отрядъ, назначенный Граббе въ командованіе, былъ въ отрогахъ Карпатскихъ горъ, въ мѣстечкѣ Альзо-Кубинѣ. Я помню, что частью по желѣзной дорогѣ, частью въ фургонахъ добрался до отряда, проѣхавъ черезъ главную квартиру Ридигера ²⁾, у котораго была замашка въ походѣ обѣдать на серебрѣ, несмотря на то, что ничего не имѣлъ и всегда нуждался; но государь ему помогалъ за его военныя заслуги. Отрядъ Граббе состоялъ изъ дивизіи пѣхоты подъ командою, случайно, его старшаго брата, Петра Христофоровича, очень уже стараго генерала, болѣзненнаго, съ большимъ зобомъ, одной бригады уланъ и казачьяго полка съ сообразною артиллеріей. При отрядѣ состоялъ офицеромъ генеральнаго штаба подполковникъ Натъ. Граббе взялъ себѣ за адъютанта Сократа Ивановича Старинкевича ³⁾, весьма достойнаго офицера. Былъ еще молодой офицеръ генеральнаго штаба, Квятковскій, изъ поляковъ. Изъ свиты государя былъ присланъ генераль Бетанкуръ.

Государь приказалъ, чтобы отдѣльные начальники прислали ему донесенія свои черезъ флигель-адъютантовъ, и потому посылали ихъ ко всѣмъ.

Отрядъ Граббе имѣлъ цѣлью удерживать горныя комитаты отъ возстанія и безпорядковъ, помѣшать собираться шайкамъ и производить рекрутскіе наборы, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать главнымъ арміямъ русской и австрійской препятствовать главнымъ

¹⁾ Свѣтлѣйшій князь Александръ Ивановичъ—военный министръ.

²⁾ Графъ Федоръ Васильевичъ. Командиръ 3 го армейскаго корпуса.

³⁾ Въ восьмидесятыхъ годахъ—президентъ Варшавы.

истор. вѣстн., мартъ 1913 г., т. сxxxі.

силамъ венгерцевъ принять направленіе въ горы и тѣмъ ограничить театръ войны.

За исключеніемъ короткой посылки въ Варшаву къ государю съ донесеніемъ о положеніи дѣлъ у насъ въ отрядѣ, я двигался съ отрядомъ въ различныхъ направленіяхъ и порядочно скучалъ. Въ войскахъ была холера, хотя не очень сильная. Помню двѣ стоянки недурныя: какой-то монастырь или епископская усадьба съ огромнымъ зданіемъ и великолѣпной липовой вѣковой аллеей въ цвѣту; другая—помѣщичья усадьба Путнокъ, гдѣ мы были приняты порядочно. Обѣдать сходились къ Граббе, пили дрянное столовое вино, какъ укусъ, съ водой и слушали все тѣ же рассказы. Граббе скучалъ пассивною ролюю.

Наконецъ нѣсколько оживилось у насъ: фельдмаршалъ атаковалъ непріятеля у Вайцена и разбилъ его. Значительная часть заперлась въ крѣпости Коморнъ, а Гергей¹⁾ бросился обходомъ къ рѣкѣ Тиссѣ. Разъ на разсвѣтѣ разбудилъ насъ флигель-адъютантъ Ахматовъ²⁾ отъ фельдмаршала. Предполагая, что онъ стоитъ передъ Гергеємъ, у котораго съ одной стороны Дунай, а съ другой—австрійцы; фельдмаршалъ приказывалъ Граббе двинуться впередъ и запереть непріятелю четвертую сторону—въ горы.

Мы сейчасъ же двинулись къ кратчайшему направленію, въ которомъ ожидали встрѣтить непріятеля. Мнѣ Граббе приказалъ слѣдовать съ Низовскимъ полкомъ въ авангардѣ и выйти на прямой путь окольной дорогой. Сдѣлавъ верстъ тридцать, я встрѣтилъ Граббе въ большомъ селеніи обѣдающимъ со своимъ штабомъ и воспользовался этимъ, какъ голодный, но получилъ тотчасъ жъ приказаніе добавочное: сдѣлавъ еще верстъ двадцать, полку остановиться, а мнѣ взять казачій конвой добродѣльныхъ и сдѣлать рекогносцировку впередъ, стараясь открыть непріятеля, а къ разсвѣту возвратиться и доложить. Уже было темно, когда я выѣхалъ съ казаками отъ авангарда. Ночь была душная, а мы шли садами и деревнями; все спало, вездѣ было темно. Проводникъ нашъ не имѣлъ, у кого разспросить о непріятелѣ. Въ одномъ домѣ завидѣли свѣтъ—нашли трехъ женщинъ, оттирающихъ старика-отца отъ холеры.

Часа черезъ четыре доѣхали до рѣчки, довольно широкой, мостъ на ней былъ сломанъ; на другой сторонѣ большое селеніе, за селеніемъ большое зарево и шумъ. Очевидно было, что войска или подымаются съ бивуака, или становятся бивуакомъ. Вопросъ былъ только въ томъ, какія войска: наши или непріятельскія? Перейди

¹⁾ Артуръ Гергей—командовавшій отдѣльной венгерской арміею, временно военный министръ, съ 31-го іюля, послѣ отказа Кошута, главнокомандующій венгерскими войсками и диктаторъ.

²⁾ Алексѣй Петровичъ—полковникъ, флигель-адъютантъ. Впослѣдствіи—генераль-адъютантъ, харьковскій губернаторъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода.

пѣшкомъ по бревнамъ моста оцупью и переведя коней въ бродъ, я подвигался тихо по большой улицѣ. Въ мѣстечкѣ, казалось, тишина и вездѣ снятъ. Передовой казакъ возвратился сказать, что кто-то идетъ навстрѣчу, гремя саблей. Я приказалъ осторожно взять его. Привели нашего улана. По его указаніямъ добрались до бивуака верхомъ. Въ крайнемъ домѣ на террасѣ устранивали постель бригадному командиру. Онъ мнѣ могъ ясно сказать только одно, что это кавалерійскій отрядъ, которымъ командуетъ генералъ-адъютантъ графъ Анрепъ, и что они измучены до крайности. Добрались до дома, гдѣ остановился Анрепъ; на большомъ дворѣ, по забору кругомъ, стояли понуренные, засѣданные кони надъ сѣномъ. конвой уланскій Анрепа лежалъ, распластавшись во всей аммуниціи по всему двору, такъ что трудно было пройти.

Внизу въ этомъ домѣ, какъ видно, трактиръ, и запоздавшіе жители сидятъ еще за пивомъ, громко разговаривая. Ведемъ войну довольно патриархально. Наверху, въ небольшой комнатѣ, свѣча горитъ еще на столѣ. На диванѣ, застегнутый на все пуговицы, съ сумкою на плечѣ, спитъ, какъ убитый, камердинеръ Анрепа; Видно, что, дѣйствительно, все страшно утомлено. Пока я его будилъ, послышался голосъ изъ другой комнаты Анрепа. Я черезъ дверь назвалъ. Анрепъ былъ уже въ постели и начиналъ засыпать.

Нашъ разговоръ былъ слѣдующій:

— *Entrez, mon cher, d'où venez vous?* 1).

Я ему рассказалъ наше движеніе по приказанію фельдмаршала: Граббе приказалъ мнѣ выслѣдить непріятеля.

— *Je vous en felicite. Voilà 2 jours, que je ne le quitte pas, ni jour, ni nuit, 48 heures en nous battant. J'espère, que je l'ai vu et que je savais où il est, mais on a trouvé nécessaire de m'arrêter et je viens de le quitter en venant de faire 20 verstes en arriere, pendant qu'il fait, à l'heure qu'il est, 30 verstes en avant. Je ne comprend pas ces combinaisons du quartier général* 2).

Анрепъ, видимо, былъ раздраженъ: два дня авангарднаго боя, приходившагося вполне по вкусу боевого генерала, были потеряны, и его съ непріятелемъ вдругъ развели, какъ пѣтуховъ, на пятьдесятъ верстъ разстоянія, выславъ другой отрядъ, подъ командою Засса, наперерѣзъ непріятелю, — и было изъ-за чего.

Я спросилъ, гдѣ корпусъ Ридигера.

— *Je l'ai quitté à... le nom de l'endroit m'échappe* 3)

1) Войдите, любезный другъ, откуда вы?

2) Я васъ поздравляю. Вотъ цѣлыхъ два дня, что я отъ него не отставалъ ни днемъ, ни ночью, — кажется, что я-то его видѣлъ и зналъ, гдѣ онъ, но наши нужнымъ меня остановить, и я его только что покинулъ, сдѣлавъ 20 верстъ назадъ, пока онъ дѣлаетъ теперь 30 верстъ впередъ. Я не понимаю этихъ комбинацій главной квартиры.

3) Я его оставилъ въ . . . . не помню названія мѣста.

— Гдѣ фельдмаршалъ?

— Il doit être à... ces sacrés noms hongrois sont difficiles à retenir. D'ailleurs, si cela vous intéresse, j'ai un officier d'Etat major, il vous donnera des détails. Embrassez Grabbé de ma part, il doit se considérer comme particulièrement heureux de se trouver à la tête d'un détachement indépendant 1).

Камердинеръ мнѣ сказалъ, что этотъ офицеръ генеральнаго штаба остановился гдѣ-то въ мѣстечкѣ. Искать его ночью было невозможно, мнѣ нужно было спѣшить возвращеніемъ до разсвѣта, до выступленія Граббе. Ясно было, что непріятель ушелъ отъ всякаго преслѣдованія русскихъ войскъ.

Единственная кавалерія, висѣвшая у него на хвостѣ, Анрепа, была теперь отъ него на разстояніи пятидесяти верстъ, а отрядъ Граббе, слѣдовательно, въ семидесяти верстахъ. Камердинеръ указалъ мнѣ комнату, гдѣ спали ординарцы. Вхожу—четыре постели по угламъ, на четырехъ ночныхъ столикахъ четыре уланскія шапки. Наудачу одинъ проснулся, послѣ большихъ усилій, и кое-что разсказалъ изъ подробностей. Затѣмъ на коня и поскорѣе назадъ. Солнце стало всходить. Двадцать четыре часа на лошади стали сказываться, стало жестоко клонить ко сну, насилу доѣхали. Утомлять отрядъ новымъ большимъ походомъ было незачѣмъ, непріятеля не догонишь.

Однакоже направленіе его движенія выяснилось. Когда я отдохнулъ, Граббе меня послалъ выслѣдить Засса и предложить ему подождать его прихода съ тѣмъ, чтобы, если возможно, атаковать непріятеля вмѣстѣ. Отправляюсъ съ казаками впередъ. По разспросамъ оказывается, что непріятель прошелъ два-три дня тому назадъ, а въ этихъ мѣстахъ въ такомъ-то пунктѣ раздѣлился.

Нахожу Засса съ гусарскою бригадою на привалѣ. Зассъ былъ остзеецъ, какъ и многіе наши хорошіе генералы, долго служилъ на Кавказѣ, былъ грозою чеченцевъ. Говорятъ, что набѣги свои онъ производилъ не всегда на одного непріятеля, а распорядился самоуправно. Но онъ былъ храбръ, предприимчивъ, и его боялись горцы. Онъ угонялъ ихъ стада и разорялъ аулы немилосердно. Граббе въ это время былъ начальникомъ всей Кавказской линіи, и, слѣдовательно, начальникомъ Засса, и они откровенно ненавидѣли другъ друга. Можно представить себѣ, какъ улыбалось Зассу предложеніе, мною привезенное отъ Граббе. Зассъ, принимая его, сдѣлался бы изъ отдѣльнаго, независимаго начальника подчиненнымъ Граббе. Нужно было имѣть много добродѣтели и сознанія долга для этого, а Граббе говорилъ, что Зассу ни то, ни другое никогда не было извѣстно.

1) Онъ долженъ быть въ . . . эти чертовскія венгерскія названія такъ трудно запоминать. Впрочемъ, если это васъ интересуетъ, у меня есть офицеръ генеральнаго штаба, онъ вамъ сообщитъ подробности. Ноцѣлуйте отъ меня Граббе; онъ долженъ быть особенно счастливъ, что командуетъ отдѣльнымъ отрядомъ.

Зассъ со своими огромными усами, въ клѣтчатыхъ штатскихъ штанахъ и въ рубашкѣ стоялъ передъ своей маленькой палаткой и распоряжался раздачею печеныхъ хлѣбовъ и водки, свезенныхъ мѣстными жителями для его отряда. Онъ меня пригласилъ раздѣлить съ нимъ бивуачную трапезу: далъ мнѣ рюмку рижскаго кюмеля и супу. Онъ только было принялся доказывать мнѣ, какъ бы онъ счастливъ былъ встрѣтиться съ Граббе, но что это, къ сожалѣнію, невозможно по инструкціямъ, имъ полученнымъ лично отъ фельдмаршала: онъ ни минуты ожидать не можетъ, и что отряду было дано вздохнуть только нѣсколько часовъ. Въ это время вошелъ въ палатку артиллерійскій полковникъ Хрулевъ ¹⁾. Его наѣзды и смѣлыя партизанскія дѣйствія были у насъ извѣстны.

— Позвольте, ваше превосходительство, авангарду подниматься.

— Да, очень пора,—отвѣчаетъ Зассъ:—только вы, батюшка, опять занесетесь, съ вами бѣда.

Я въ недоумѣніи спрашиваю:

— Развѣ вы, ваше превосходительство, полагаете непріятеля въ такой близости отъ васъ?

— Да, да, весьма близко. Если останетесь здѣсь, вы услышите выстрѣлы. Поднимайтесь,—обратился онъ къ Хрулеву:—только ради Бога будьте осторожны.

Хрулевъ увѣрялъ серьезно, что онъ будетъ остороженъ.

Разговоръ этотъ былъ оригиналенъ: мы всѣ трое знали, что непріятель прошелъ эти мѣста два-три дня тому назадъ, т.-е. что онъ отъ насъ въ трехъ переходахъ. Зассъ и Хрулевъ сошлись: оба были смѣлые, храбрые, предприимчивые и большіе штукарни. Зассъ кончалъ свое поприще, Хрулевъ его только начиналъ.

Зассъ ушелъ. Часа черезъ три пришелъ Граббе и, отказавшись нагонять не только непріятеля, но и Засса, продолжалъ наше движеніе къ Мискольцу.

Такъ какъ непріятель раздѣлился, Граббе послалъ меня съ казаками въ сторону выслѣдить отдѣлившуюся его часть. Я выѣхалъ на высоты, надъ долиною, по которой шло шоссе изъ Галиціи. Прямо противъ меня было огромное мѣстечко Сисково. За нимъ, на противоположныхъ высотахъ, въ трубу можно было ясно видѣть большой лагерь и сосчитать въ выставленныхъ батареяхъ тридцать два орудія. Ясно, что эта часть венгерской арміи была выставлена противъ Сакена ²⁾, ожидавшагося изъ Галиціи. Когда казаки показались на нашихъ высотахъ, я видѣлъ, какъ множество конныхъ изъ мѣстечка поскакали на свою позицію. Мы спустились въ мѣстечко.

¹⁾ Степанъ Александровичъ. Впослѣдствіи извѣстный своими смѣлыми дѣйствіями подъ Севастополемъ.

²⁾ Баронъ Дмитрій Ерофеевичъ—командиръ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. Впослѣдствіи графъ, начальникъ севастопольскаго гарнизона (1855 г.).

Казачи наткнулись прежде всего на домъ священника, у котораго обѣдали только что покинувшіе его офицеры, и такъ какъ нельзя было оставаться тутъ долго, я велѣлъ трубить сборъ, и казаки вывезли мнѣ и священника перепуганнаго и гуся жаренаго съ его стола, еще не разрѣзаннаго. Взобравшись на высоту обратно, мы были внѣ досягаемости венгерской кавалеріи, которая опомнилась, видя только небольшой развѣздъ. Отпустили священника и стали нагонять отрядъ, шедшій къ Мискольцу, но пока я былъ противъ Сискова, по долину отъ Мискольца доносились выстрѣлы изъ орудій, слѣдовательно, какая-то пѣхота была въ дѣлѣ. Я не полагаю, однакоже, чтобы это былъ Граббе. Я его догналъ въ ту минуту, какъ онъ вѣзжалъ въ Мискольць, и, рассказавъ ему, поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ генералу Чаадаеву, командиру четвертаго корпуса, оказавшемуся въ Мискольцѣ. Куда испарился Засѣ, не вѣдаю.

Мы застали Чаадаева въ минуту отчаянной нерѣшительности: только что пріѣхать отъ фельдмаршала генераль-лейтенантъ графъ Симоничъ, нашъ бывший посланникъ въ Персію, съ приказаніемъ Чаадаеву отъ фельдмаршала присоединиться тотчасъ же къ Паскевичу, «такъ какъ,—писалъ фельдмаршалъ,—весь непріятель сосредоточенъ противъ меня, и я ожидаю съ минуты на минуту быть атакованнымъ превосходными силами, у Мискольца же могутъ быть какіе-нибудь остатки арьергарда, а потому они предоставляются отряду генерала Граббе, который долженъ быть уже близко». Въ такомъ же смыслѣ у Симонича была предписаніе и къ Граббе: «Идите впередъ и рвите остатки арьергарда Гергея».

Чаадаевъ стоялъ подъ Мискольцемъ. Здѣсь выставлены на шоссе орудія, противъ которыхъ непріятель лѣниво выставлялъ вдвое болѣе, и перестрѣливались. Передъ нашимъ пріѣздомъ, однакоже, Чаадаевъ сдѣлалъ усиленную рекогносцировку, поручивъ ее оберъквартирмейстеру Печковскому на открытой мѣстности, передъ селеніемъ Гестелло: развернулъ пѣхоту и артиллерію и могъ убѣдиться по движеніямъ на непріятельской позиціи, что непріятель противъ него въ большихъ силахъ. Было довольно ясно, что онъ весь находится у селеній Гестелло и Сисково. Граббе обратился къ Симоничу:

— Очевидно, что обстоятельства совсѣмъ не тѣ оказываются въ дѣйствительности, какія предполагаются въ предписаніи фельдмаршала, и, вѣроятно, сей послѣдній предложилъ графу Симоничу отвести наскеты, его заключающіе, съ тѣмъ, чтобы его опытный глазъ могъ обсудить дѣйствительность и рѣшить на мѣстѣ. Генералу Чаадаеву въ виду этого слѣдовало присоединить отрядъ его, Граббе, и атаковать совмѣстными силами непріятеля, при чемъ онъ, Граббе, вполнѣ поступаетъ подъ команду генерала Чаадаева.

Все это было вполнѣ справедливо и разумно и честно, но Чаадаевъ и Симоничъ боялись страшно фельдмаршала; натурально,

и тотъ, и другой, несмотря на очевидность, отрекались отъ права дѣйствовать по обстоятельствамъ, и Чаадаевъ приказалъ своему начальнику штаба, безрукому Веселитскому, сейчасъ же подниматься и двигаться на соединеніе къ фельдмаршалу, а полковника Печковского послалъ къ нему съ объясненіемъ впередъ, не переимѣнить ли чего-либо въ своемъ предписаніи.

Чаадаевъ ушелъ. Нашъ отрядъ изъ трехъ полковъ пѣхоты (4-й съ батареей остался сзади), двухъ уланскихъ и одного казачьяго, расположился на мѣстѣ бивуака Чаадаева, а мы размѣстились въ городѣ отдохнуть. Чистота комнатъ, хорошій кофе и хлѣбъ—все это было въ диковинку послѣ переходовъ и усталости. Вечеромъ я съ Бетанкуромъ пошли къ Граббе разузнать. Онъ ходилъ со своей длинной трубкой по великолѣпной библиотекѣ, отдѣланной старымъ дубомъ, какого-то богатаго жителя Мискольца. Послѣ нѣсколькихъ возгласовъ: «Oh, les misérables!»¹⁾, по адресу Чаадаева, Симонича и фельдмаршала, Граббе объявилъ намъ, что завтра рано онъ намѣренъ атаковать непріятеля. Мы съ Бетанкуромъ переглянулись невольно; намъ казалось это совершеннымъ безразсудствомъ. Граббе говорилъ, что отношенія, существующія между нимъ и фельдмаршаломъ (послѣ очень враждебныя), не позволяютъ ему не исполнить его предписанія. «Онъ наклевететъ на меня, пусть отвѣтственность за послѣдствія ляжетъ на приказывающаго». И Граббе былъ правъ со своей точки зрѣнія личной, но войскамъ приходилось платить чужіе личные счета не въ первый разъ.

На утро рано 16-го іюня изъ мягкой постели, наскоро позавтракавъ, мы выѣзжали на совершенно открытое, огромное мѣсто передъ с. Гестелло.

Насъ отдѣляла рѣчка отъ селенія, построеннаго на спускѣ высью амфитеатромъ и покрытаго садами. Встрѣтившіеся крестьянинъ сообщилъ, что мостъ на рѣчкѣ «погубленъ». Непріятельская позиція была на высотахъ надъ селеніемъ, полукругомъ обнимавшимъ всю мѣстность впередъ. Мы ему видны были, какъ на ладони, и, конечно, сосчитаны до послѣдняго человѣка.

Граббе взялъ батарею, и мы съ ней поѣхали впередъ, бросили шоссе и на единственное маленькое возвышеніе, въ сторону, Граббе самъ сталъ ставить орудія. Мы слѣзли съ коней, онъ приказалъ намъ не входить на возвышеніе. Въ это время намъ были ясно видны слуги непріятельскихъ батарей, какъ онѣ становились на позиціи, какъ перемѣняли мѣста.

— Nous serons bien reçu²⁾,—замѣтилъ Бетанкуръ, увидѣвшійся тому, что дѣлаетъ Граббе.

¹⁾ О несчастные!

²⁾ Они хорошо насъ примутъ.

Съ первымъ нашимъ выстрѣломъ непріятель осыпалъ насъ ядрами и гранатами, попалъ въ группу лошадей нашихъ и казаковъ, которые ихъ держали, двухъ свалило. Граббе ходилъ по батарее, вдыхая въ себя воздухъ расширяющимися ноздрями. Онъ чувствовалъ, что мѣсто скверное, но съ презрѣніемъ относился къ опасности. Мы нѣсколько времени были единственной цѣлью для всѣхъ батарей непріятеля. Понемногу остальные войска начали входить въ сферу выстрѣла, и огонь непріятельскій сталъ разсѣиваться по полю. Граббе сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ войскамъ, но такъ какъ батарея была значительно впереди общей линіи, то приходилось ѣхать панскосъ назадъ. Граббе никакъ не могъ примириться съ этимъ направлениемъ и безпрестанно поворачивался къ непріятелю. Низовскій полкъ пришелъ въ прикрытіе батареи: приказано было лечь для уменьшенія цѣли; онъ, однакоже, порядочно потерялъ въ этомъ нѣмомъ бездѣйствіи. Кавалерія развернулась, конная батарея открыла огонь. Непріятель имѣлъ всѣ преимущества надъ нами. Движенія никакого не представлялось возможности сдѣлать, слѣдовательно, войска были обречены на артиллерійское дѣло, которое продолжалось часа три. Потеря наша была человекъ около двухсотъ, въ особенности пострадала батарея Жданъ-Пушкина, которую мы вывели впередъ. Онъ было снялся съ позиціи, но Граббе послалъ меня воротить его. Пока стояли подъ ядрами, Старинкевичъ, бывший первый разъ въ дѣлѣ, очень безпокоился, что могутъ подумать, найдя его шинель около батареи, гдѣ его казакъ бросилъ ее въ суматохѣ попавшихъ ядеръ, и все порывался ѣхать за нею; насилу я его отговорилъ. Нѣсколько конныхъ орудій спустились противъ нашего праваго фланга и подѣхали довольно близко за рѣчкую. Взводъ нашей конной батареи подекакалъ къ нимъ на картечный выстрѣлъ очень смѣло и прогналъ ихъ. Наконецъ Граббе рѣшился выйти изъ огня. Когда мы были уже внѣ выстрѣловъ, встрѣтили офицера отъ фельдмаршала съ предписаніемъ, въ которомъ было сказано: «такъ какъ непріятель противъ васъ въ большихъ силахъ, то оставайтесь въ наблюдательномъ положеніи».

Граббе считалъ сдѣланное дѣло необходимымъ: предписаніе первое было опредѣлительно, онъ не могъ не сдѣлать рекогносцировки, чтобы убѣдиться въ невозможности исполнить его, а что касается до напрасной потери, то гдѣ дрова рубятъ, тамъ и щепки летятъ.

Жара была страшная, былъ часъ дня. Съ какой радостью былъ встрѣченъ человекъ Бетанкура, привезшій намъ большую бутылку эрнаусскаго вина. Граббе предложилъ намъ чаю, и пора было убраться; мы не знали намѣренія непріятеля, но, сосчитавъ по пальцамъ нашъ маленькій отрядъ, нельзя было предполагать, чтобы онъ оставилъ насъ въ покоѣ и совершенно безнаказанными и не спустился бы насъ пощипать.

Мы отошли къ Путцоку, къ тому же помѣщику.

Составили донесеніе государю, и я отправился съ нимъ въ Варшаву, чрезвычайно утомленный, на перекладной до Кракова. Но зато поужиналъ въ «Алой Розѣ» и выпался на желѣзной дорогѣ съ наслажденіемъ. Приѣхалъ въ Лазенки 22-го іюня. Государя не было дома. Пришелъ баронъ Ливень ¹⁾, исполнявшій роль начальника штаба при государѣ (хотя и неофициально). Къ нему писали все, что нужно было довести до свѣдѣнія государя, у него спрашивали, у него собирали все свѣдѣнія и подробности. Я разсказалъ ему наши дѣла. Онъ вышелъ въ кабинетъ государя, и я слышу, какъ онъ съ балкона говорить внизъ:

— Приѣхалъ Исаковъ отъ Граббе.

Слышу на это голосъ государя:

— Ну, что?

— У нихъ было дѣло.

— Хорошее?—спрашиваетъ государь.

— Такъ, безъ результата,—отвѣчаетъ Ливень, и затѣмъ государь входитъ, поздоровался, сѣлъ за письменный столъ и сталъ разбираться донесеніе, переписанное Старинкевичемъ, такъ какъ Граббе не приближалъ къ себѣ Ната и, въ сущности, употреблялъ его только при крайней необходимости.

— Кто это у васъ такъ пишетъ?—спрашиваетъ государь.

Я называю ему Старинкевича.

— Можетъ быть, скорѣе Стариковичъ,—сказалъ государь:—разскажи подробности.

Когда я разсказалъ о необходимости, съ точки зрѣнія Граббе, сдѣланной попытки подъ Гестелло, государь отпустилъ меня, а Ливену приказалъ отдать въ приказѣ о производствѣ меня въ капитаны съ переводомъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Когда Ливень передалъ мнѣ это, я ему сообщилъ, что по дорогѣ въ Варшаву встрѣтилъ нижегородскаго драгуна, который мнѣ жаловался, что за 1848 годъ, за экспедицію въ Ахты, драгуны получили только благоволеніе, слѣдовательно, награды за Ахты вышли, а я былъ представленъ въ капитаны за отличіе (за Гергебиль въ 1848 году я получилъ уже золотую саблю). Слѣдовательно, нужно справиться въ приказахъ, не произведенъ ли я уже въ капитаны. Оказалось, что приказы эти еще не получены въ Варшавѣ, и я провелъ день съ товарищами въ разсказахъ, на гуляньѣ, вечеромъ на музыкѣ. Легъ спать въ нѣкоторомъ безпокойствѣ излишняго честолюбія. Поутру рано добрейшій баронъ Ливень разбудилъ меня, сказавъ, что приказы пришли и я дѣйствительно произведенъ въ капитаны. Такъ какъ я занималъ квартиру отсутствовавшего капитана Герштен-

¹⁾ Баронъ Вильгельмъ Карловичъ—генераль-адъютантъ. Впослѣдствіи—генераль-квартирмейстеръ главнаго штаба, прибалтійскій генераль-губернаторъ.

цвейга ¹⁾, я надѣлъ его капитанскіе эполеты и пошелъ къ обѣднѣ въ придворную церковь. Послѣ обѣдни баронъ Ливенъ объявилъ мнѣ, что государь приказалъ отдать въ приказѣ о производствѣ меня въ подполковники съ переводомъ въ гвардейскій штабъ. Меня произвели, но переводъ въ гвардейскій штабъ отложили. Я былъ и этимъ, натурально, доволенъ, надѣвъ только на два часа капитанскіе эполеты, и пока остался въ Варшавѣ.

Тѣ же ожиданія, тѣ же ежедневные рассказы, гулянья вечеромъ, иногда открытый театръ на воздухѣ въ Лазенкахъ. Очень красивъ въ особенности балетъ, специальность Варшавы, съ освѣщеніемъ между деревьями и прудами. Это была другая сторона медали—лучшая, пока худшая, война, приходила къ концу. Я ждалъ, какъ и другіе. Государь приказалъ мнѣ отдохнуть дня четыре и быть готовымъ возвратиться къ Граббе. Вотъ уже десять дней прошло, я ждалъ всякій день, что меня позовутъ къ государю.

Я хорошенько не помню, когда именно, но въ это время пріѣзжалъ князь Воронцовъ ²⁾, чтобы видѣть государя и переговорить съ нимъ о Кавказѣ. Съ нимъ были Николай ³⁾ и Дондуковъ ⁴⁾, и мы провели нѣсколько дней въ старыхъ воспоминаніяхъ и дружеской бесѣдѣ.

День 4-го августа начался, какъ и всѣ дни въ Лазенкахъ: бѣготня лакеевъ, пріѣздъ и отъѣздъ безпрестанный фельдъегерей, группы свиты въ саду, передъ дворцомъ, въ которыхъ слышится постоянная критика дѣйствій фельдмаршала и похвала ловкости Гергея; пройдетъ то графъ А. Ѳ. Орловъ ⁵⁾, чаще графъ Адлербергъ ⁶⁾, еще чаще Ливенъ, ругающій Паскевича громко. Гдѣ-нибудь за угломъ старая лисица—Абрамовичъ, директоръ всѣхъ возможныхъ увеселеній и поставщикъ ихъ великимъ міра сего.

Послѣднія извѣстія дѣлъ на театрѣ войны были таковы: князь Горчаковъ строилъ мостъ въ Аачѣ, Гергей стоялъ три дня въ Токаѣ, фельдмаршалъ наконецъ подошелъ къ нему, и графъ Николай Орловъ ⁷⁾ привезъ извѣстіе о сраженіи подъ Дебречиномъ, которое

¹⁾ Александръ Даниловичъ—капитанъ, флигель-адъютантъ. Впослѣдствіи — дежурный генералъ главнаго штаба, военный губернаторъ Варшавы (1863 г.).

²⁾ Князь Михаилъ Семеновичъ—намѣстникъ кавказскій.

³⁾ Баронъ Александръ Павловичъ—начальникъ гражданской канцеляріи намѣстника. Впослѣдствіи попечитель кавказскаго и кievскаго учебныхъ округовъ, министръ народнаго просвѣщенія.

⁴⁾ Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ—адъютантъ намѣстника. Впослѣдствіи кievскій генералъ-губернаторъ, императорскій комиссаръ въ Болгаріи (1877—78), главноначальствующій на Кавказѣ.

⁵⁾ Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ—шефъ жандармовъ. Впослѣдствіи первый уполномоченный Россіи на парижскомъ конгрессѣ (1855 г.).

⁶⁾ Графъ Владимиръ Ѳедоровичъ—генералъ-адъютантъ. Впослѣдствіи министръ двора.

⁷⁾ Графъ Николай Алексѣевичъ—сынъ графа Ал. Ѳед.—шт.-ротм. флигель-адъютантъ. Впослѣдствіи посоль въ Парижѣ.

онъ называлъ генеральнымъ. На всѣхъ лицахъ было ожиданіе дальнѣйшихъ событій и отъѣзда въ армію, такъ какъ государь распредѣлялъ свою свиту по разнымъ частямъ армін, нѣкоторыхъ для командованія, другихъ для нахождения при главныхъ начальникахъ и донесеній ему отъ послѣднихъ. Государь хотѣлъ знать безпрестанно и изустно черезъ своихъ адъютантовъ все, что дѣлалось въ арміи. Онъ былъ нетерпѣливъ, но вообще ему нравилась такая жизнь: военная главная квартира. Государь, судя по нѣкоторымъ намекамъ его приближенныхъ, былъ недоволенъ фельдмаршаломъ и, напротивъ, былъ очень доволенъ Лидерсомъ, такъ какъ въ Трансильваніи все шло хорошо. Свидѣтелемъ всего, что дѣлалось въ Варшавѣ, былъ новый французскій посоль, Ламорисьеръ, маленькій, толстенькій, со своей громкой алжирской репутаціей и хорошенькой женой. Графъ Красинскій, старый генераль-адъютантъ изъ поляковъ, давалъ обѣды для свиты государя, на которыхъ хвасталъ и рассказывалъ невозможные анекдоты о войнѣ въ Испаніи при Наполеонѣ I, когда онъ командовалъ уланскимъ полкомъ. Время было далекое. Старый кавалерійскій генераль Курнатовскій часто присутствовалъ на этихъ обѣдахъ. Обѣдали въ большой библиотекѣ; на перилахъ верхняго этажа было развѣшено много стараго оружія. Подъ конецъ обѣда приносили торжественно бутылку такого венгерскаго, которое могло храниться только въ погребахъ графа Красинскаго. Онъ самъ наливалъ и посылалъ каждому по рюмкѣ. Все это была комедія. Про него рассказывали, что въ горячности описанія одной кавалерійской атаки подъ Тарасъ-Ведрасъ Красинскій являлся до того, что сказалъ: «Dans ce moment un boulet me coupe en deux, vous vous rappelez, Kournatovski 1)»

Этотъ послѣдній отвѣчалъ:

— J. crois que j'étais déjà mort dans ce moment 2).

Въ восемь часовъ утра 4-го августа было больше обыкновеннаго движенія. Графъ Фрицъ Гейденъ 3) приѣхалъ отъ генерала Лидерса съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ надъ войсками Бема 4) подъ Германштадтомъ. Бемъ былъ разбитъ на-голову, и Трансильванія почти очищена. Гейденъ еще рассказывалъ государю о сраженіи, когда доложили о приѣздѣ флигель-адъютанта Паскевича, сына фельдмаршала. Онъ уѣхалъ въ армію недѣлю тому назадъ, а потому его скорое возвращеніе предвѣщало что-нибудь необыкновенное. Черезъ нѣсколько минутъ мы знали, что Гергей положилъ оружіе передъ войсками Ридигера при Виллагошѣ. Общая радость была велика

1) Въ этотъ моментъ ядро меня разрѣзываетъ надвое; вы вѣдь это помните, Курнатовскій.

2) Кажется, я въ это время былъ уже мертвъ.

3) Графъ Федоръ Логгиновичъ—капитанъ, флигель-адъютантъ. Впослѣдствіи—начальникъ главнаго штаба, финляндскій генераль-губернаторъ.

4) Венгерскій генераль,

и искренна. Кампанія была блистательна ошибками, холера уносила множество народу, самая война была чужда всему русскому, окончаніе ея, да еще почетное, было дѣйствительнымъ благословіемъ Божиимъ.

Тотчасъ же было благодарственное молебствіе, и государь послалъ къ фельдмаршалу флигель-адъютанта графа Петра Шувалова ¹⁾, въ Москву—графа Ржевускаго, къ императрицѣ—флигель-адъютанта Волкова. Къ Лидерсу и къ австрійскому императору долженъ былъ ѣхать послѣдникъ отвезти подлинное письмо Гергея къ Ридигеру и ослабить сколь возможно то неприятное и горькое чувство, которое не могло не родиться у юноши императора и его совѣтниковъ отъ поступка, почти пренебрежительнаго, венгерцевъ.

Государь прислалъ мнѣ сказать, чтобы я готовъ былъ ѣхать и приехать бы къ нему въ четыре часа.

II.

Одѣтый по дорожному и съ курьерской сумкой я вошелъ въ залу, когда государь шелъ къ своей маленькой лѣстницѣ, ведущей въ его кабинетъ.

— Ступай-ка со мной паверхъ.

Онъ остановился въ своей маленькой залѣ, передъ кабинетомъ, у стола, и на мое поздравленіе съ благополучнымъ окончаніемъ кампаніи онъ мнѣ сказалъ:

— Затвори дверь и слушай. Ты читалъ письмо Гергея? Богъ испослалъ намъ окончаніе славное. Саша повезетъ это письмо къ австрійскому императору, ты возьмешь съ него копію. Я хочу, чтобы ты поѣхалъ съ нимъ въ Коморнъ. Такъ какъ главная армія съ ея главнымъ начальникомъ положила оружіе, то всякое сопротивленіе остальныхъ частей будетъ напраснымъ. Я хочу избѣгнуть пролитія крови, ни къ чему не ведущаго. Ты поѣдешь въ австрійскій корпусъ Цорича подъ Коморномъ, возьмешь у него офицера и вдвоемъ отправитесь въ крѣпость, увидишься съ начальникомъ ея, Клапкою, покажешь ему письмо Гергея, которое ему объяснитъ все. Скажи ему, что сопротивленіе напрасно, оно поведетъ только къ раздраженію ихъ законнаго правительства, что война продолжаться не можетъ, расскажи ему положеніе дѣла на всѣхъ театрахъ войны; обоюдныя силы несоразмѣрны, напрасно проливать кровь не слѣдуетъ. Ты потребуешь у него безусловной сдачи крѣпости, скажешь, что я передамъ все австрійскому императору, что скорою и безусловною сдачею онъ значительно облегчитъ свою участь въ глазахъ своего законнаго государя, выставишь на видъ всѣ послѣдствія упорства

¹⁾ Графъ Петръ Андреевичъ — впоследствии шефъ жандармовъ, посоль въ Лондонъ.

безразсуднаго и бесполезнаго, ибо всѣ силы наши и австрійскія дѣлаются свободными для обложенія крѣпости и осады ея въ случаѣ его отказа. Если бы Клапка, по примѣру Гергея, непременно захотѣлъ сдать крѣпость русскимъ войскамъ, то ты тотчасъ же изъ Коморна проѣдешь къ Граббе, который теперь у Нейсоля въ горахъ, и передашь ему мое приказаніе какъ можно поспѣшно придвинуться къ Коморну, дабы дать случай гарнизону исполнить свое намѣреніе. Въ Коморнѣ должны уже знать о происшедшемъ; если же не знаютъ подробностей, предложи послать тотчасъ отъ себя комиссаровъ къ Гергею и удостовѣриться, что дальнѣйшая борьба невозможна. Дабы прекратить напрасное пролитіе крови, предложи перемиріе на пятнадцать дней. Условьтесь во всемъ съ австрійскимъ офицеромъ и дѣйствуйте во всемъ заодно отъ обѣихъ армій. Скажи имъ въ Коморнѣ, что я послалъ своего старшаго сына къ ихъ императору съ извѣстіемъ объ этомъ событіи, и пусть они возложатъ свои надежды на милосердіе ихъ законнаго государя. Прощай, будь остороженъ, да сохранишь тебя Господь.

Затѣмъ государь, по своему обыкновенію, перекрестилъ меня, поцѣловалъ въ голову и отпустилъ.

Я отправился хлопотать о копіи съ письма и привести все слышанное мною въ порядокъ для руководства моего на будущее время. Поѣздъ въ Краковъ уходилъ въ пять часовъ, поспѣть на него было нельзя, но я узналъ, что наслѣдникъ ѣдетъ въ двѣнадцать часовъ ночи. Когда я пришелъ къ наслѣднику за позволеніемъ ѣхать въ его поѣздъ, онъ читалъ письмо Гергея и затѣмъ сталъ его переводить мнѣ и бывшему тутъ Мердеру, его адъютанту, который посылался въ Вильну поздравить тамъ находившійся Преображенскій полкъ съ празникомъ 6-го августа и съ извѣстіемъ о сдачѣ Гергея-

Г. Генераль!

Вы, конечно, знаете грустную исторію моего отечества, а потому я не буду утомлять васъ повтореніемъ всѣхъ тѣхъ, столь печально сложившихся, обстоятельствъ, которыя все дальше и дальше вовлекали насъ въ отчаянную борьбу сначала за наши законныя свободы, а засимъ за самое наше существованіе. Лучшая и, смѣю утверждать, большая часть націи вступила въ эту борьбу и вела ее не легкомысленно, и выдерживала ее честно и побѣдоносно при участіи въ ней ряда благородныхъ людей, хотя и не принадлежащихъ по происхожденію къ нашей народности, но по своимъ близкимъ къ ней отношеніямъ въ нее вовлеченныхъ.

Но интересы европейской политики потребовали союза его величества императора всероссійскаго въ Австріи для окончательнаго нашего пораженія, для того, чтобы дальнѣйшую борьбу за конституцію Венгріи сдѣлать невозможной. И это совершилось. Многіе изъ настоящихъ искреннихъ венгерскихъ патріотовъ это предвидѣли и предсказывали, предостерегая. Исторія выяснитъ тѣ причины, которыя побудили большую часть членовъ временнаго правительства Венгріи остаться глухими къ этимъ предостереженіямъ.

Временное правительство болѣе не существуетъ. Оно проявило наибольшую слабость въ моментъ наибольшей опасности. Я, человѣкъ дѣйствія, но не безцѣльнаго, признать дальнѣйшее кровопролитіе бесполезнымъ и губительнымъ для Венгріи, какъ я это признавалъ съ самаго начала русскаго вмѣшательства.

Я сегодня предложилъ временному правительству безпрекословно сложить свои полномочія, такъ какъ его дальнѣйшая дѣятельность могла грозить лишь все болѣе и болѣе печальнымъ будущимъ для нашего отечества. Временное правительство это признало и добровольно отказалось отъ власти, которая всецѣло перешла въ мои руки.

Я пользуюсь этимъ прежде всего, чтобы пощадить человѣческую жизнь, чтобы моихъ мирныхъ согражданъ, для дальнѣйшей защиты которыхъ я сознаю себя слишкомъ слабымъ, освободить по крайней мѣрѣ отъ всѣхъ ужасовъ войны и съ этой цѣлью безусловно слагаю оружіе и тѣмъ самымъ подаю, надѣюсь, примѣръ, которому всѣ начальники дружинъ, отдѣльно отъ меня дѣйствующихъ частей венгерской арміи, соизнавъ, подобно мнѣ, что въ настоящую минуту это лучшее, что можно сдѣлать въ интересахъ отечества, вскорѣ послѣдуютъ.

При этомъ я вѣрю, что, благодаря столь прославленному великодушію его величества царя, мои храбрые сотоварищи, которые, какъ бывшіе австрійскіе офицеры, поставлены силой обстоятельствъ въ крайне трудное положеніе, избѣгнуть печальной участи, имъ угрожающей, а подавленное населеніе Венгріи, которое всецѣло уповаетъ на его справедливость, не будетъ беззащитно предоставлено мести непріятели. Можетъ быть, было бы достаточнымъ удовлетвореніемъ, если бы я одинъ палъ ея жертвою, Я обращаюсь съ этимъ письмомъ къ вамъ, генераль, такъ какъ вы первый дали мнѣ доказательства вашего уваженія, которыя возбудили во мнѣ чувства довѣрія къ вамъ. Постѣшите, если вы дальнѣйшее бесполезное кровопролитіе желаете прекратить, совершить этотъ печальный актъ моей сдачи какъ можно скорѣе, но однако только при непремѣнномъ условіи, чтобы эта сдача была произведена войскамъ его величества императора руссійскаго, такъ какъ я торжественно заявляю, что я скорѣе всему моему корпусу дамъ погибнуть въ отчаянномъ бою съ какими бы то ни было превосходными непріятельскими силами, чѣмъ положу оружіе передъ австрійскими войсками.

Я завтра, 12-го августа, иду въ Виллагошъ, послѣзавтра, 13-го, въ Борошь-Иепо, 14-го въ Бель и сообщаю вамъ объ этомъ для того, чтобы вы съ вашими войсками стали между мной и австрійцами и меня окружили, отдѣливъ отъ нихъ.

Если бы, однако, этотъ маневръ не удался и австрійцы стали бы за мной слѣдовать по пятамъ, я намѣренъ ихъ атаки самымъ рѣшительнымъ образомъ отбросить и направиться къ Гросвардейну, чтобы этимъ путемъ достигъ русской арміи, передъ которой мои войска только и склонны добровольно положить оружіе.

Я ожидаю вашего почтеннаго отвѣта въ самомъ непродолжительномъ времени и заканчиваю выраженіемъ моего безграничнаго уваженія.

Старый-Арадъ. 11 августа 1849 г., 9 часовъ вечера.

Артуръ Гергей,
венгерскій генераль.

Я сошелъ еще разъ внизъ, въ залу, чтобы просить Ливена передать все это государю; въ слѣдующей залѣ государь садился за обѣдь. Великій князь Михаилъ Павловичъ прошелъ мимо меня и пожелалъ

мнѣ добраго пути. Я видѣлъ его послѣдній разъ. Кажется, онъ находилъ, что государь напрасно назначаетъ флигель-адъютантовъ такихъ молодыхъ, и самъ относился къ нимъ не очень любезно, по мы никакого дѣла служебнаго до него не имѣли.

Въ двѣнадцать часовъ мы выѣхали изъ Варшавы. Наслѣдника сопровождали: графъ Александръ Адлербергъ ¹⁾, князь Владиміръ Барятинскій и князь Борисъ Голицынъ, его адъютанты, Иванъ Матвѣевичъ Толстой ²⁾, какъ гофмаршалъ, и докторъ Енохинъ. Сверхъ того, графъ Бенкендорфъ, флигель-адъютантъ, ѣхалъ къ прусскому королю, при которомъ онъ состоялъ. На утро, послѣ завтрака, наслѣдникъ пригласилъ насъ всѣхъ въ свое отдѣленіе вагона, сталъ читать всѣ бумаги, до настоящихъ событій относящіяся; пѣли хоромъ, у Толстого былъ очень хорошій голосъ, Енохинъ подтягивалъ басомъ. Онъ былъ для свиты наслѣдника предметомъ нескончаемыхъ шутокъ и анекдотовъ. Большого роста, воспитанникъ духовной академіи. Кто его подставилъ докторомъ при цесаревичѣ, не знаю, и зачѣмъ—не понимаю. Онъ былъ очень хорошимъ человѣкомъ, но врачомъ заурядъ, и, конечно, не на своемъ мѣстѣ.

Въ Козегѣ обѣдали, къ вечеру доѣхали до иллюминированной станціи въ честь завтрашняго для именинъ австрійскаго императора. Я долженъ былъ бы уже оставить поѣздъ, но наслѣдникъ внимательно и любезно предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Вѣну, тамъ узнать ближе отъ князя Шварценберга расположеніе арміи и корпуса Цорича, который въ послѣдніе дни оттѣсненъ отъ Коморна къ Раабу.

Въ одиннадцать часовъ утра мы были въ Вѣнѣ. Русскіе мундиры тамъ были не новость, но наслѣдника никто не ждалъ, и въ простыхъ фіакрахъ вся наша компанія подѣхала къ посольскому дому. Однакоже, когда мы проѣзжали мимо дома князя Лихтенштейна, старикъ-швейцаръ узналъ великаго князя, его приѣздъ тотчасъ же разгласился, и стали приѣзжать представляться. Императоръ былъ въ Ишлѣ, и великій князь послѣ завтрака намѣревался къ нему отправиться. Приѣхалъ князь Шварценбергъ, первый министръ; высокій, худой, красивый, выраженіе лица и манеры обличали породу. Онъ сказалъ мнѣ, что начальство надъ корпусомъ Цорича принялъ самъ военный министръ графъ Гюлай, что корпусъ расположенъ въ Раабѣ и долженъ подвинуться вновь въ Коморну, что онъ пришлетъ мнѣ письмо, что австрійскій офицеръ будетъ мнѣ назначенъ изъ войскъ Гюлая, что я могу ѣхать на пароходѣ и на разсвѣтѣ буду

¹⁾ Графъ Александръ Владимировичъ, сынъ Владимира Федоровича. Впослѣдствіи министръ двора.

²⁾ Впослѣдствіи графъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, министръ почтъ и телеграфовъ.

въ Раабѣ. О событіяхъ и моемъ порученіи—ни слова. Видно было, что австрійцевъ коробило отъ этихъ событій, и было отъ чего, по правдѣ сказать. Непрiятель не хотѣлъ даже говорить съ ними.

Мы съѣли завтракъ. Хозяинъ нашъ, посоль въ Вѣнѣ, баронъ Медемъ, былъ маленькій ростомъ, бѣлокурый, моложавый, хотя немолодой, дипломатъ съ блестящею карьерою и будущностью, вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпный амфитріонъ по обстановкѣ. Наслѣдникъ его, повидимому, близко зналъ по своему первому путешествію за границу. Послѣ завтрака послѣдникъ одѣлся въ австрійскій мундиръ, сѣлъ въ придворную коляску, запряженную прекраснымъ сѣрымъ шестерикомъ, и сквозь огромную массу собравшагося провожать его народа укатилъ въ Ишль къ императору. Австрійскій народъ смотрѣлъ на насъ еще, какъ на избавителей.

Свѣтликъ посольства Фонтонъ и секретарь князь Михаилъ Оболенскій отправились съ Бяратинскимъ и Голицынымъ гулять, а я на пароходъ, гдѣ большая нѣмецкая компанія жалась отъ проливного дождя. Не помню, гдѣ высадился. Комендантъ города указалъ мнѣ, какъ отправляться далѣе, и пока мой камердинеръ, нѣмецъ Григорій, устраивалъ почтовую коляску, я посѣтилъ госпиталь, гдѣ было много нашихъ раненыхъ. Всѣ были отлично содержаны.

На разсвѣтѣ прибылъ въ Раабъ, разбудилъ Пиулай и далъ ему спросонокъ читать копію съ письма Гергея. Онъ далъ мнѣ тотчасъ же кофе, и начались разговоры. Пиулай не зналъ о событіяхъ ничего. Онъ тотчасъ же заявилъ, что можетъ двинуться впередъ и завтра подойти къ Коморну. Въ двѣнадцать часовъ меня разбудили къ обѣду въ большой залѣ. Штабъ былъ многочисленный.

Дивизионный генералъ Нобили, умный и очень прiятный человекъ, дѣлавшій съ Радецкимъ итальянскую кампанію; другой дивизионный, гр. Колоредо, добрый и милый собесѣдникъ. Самъ г. Цоричъ, говорятъ, большой тактикъ, съ большими достоинствами и хладнокровіемъ человекъ, но счастье ему не улыбалось и, кажется, большой энергiи тоже не доставало. Еще майоръ, состоявшій въ штабѣ и говорившій на всѣхъ языкахъ, еще адъютанты, любезные пройды—вотъ временные хозяева мои. Самъ гр. Пиулай, средняго роста, нѣсколько напыщенный, но очень любезный, со свѣтлыми глазами и усами, кончающимися двумя острыми иглами прямо противъ зрачковъ глазъ, но старый волокита, сохранившій еще довольно свѣжести, несмотря на широкую жизнь и широкую игру, которыя онъ велъ всегда въ Вѣнѣ. Онъ меня познакомилъ съ офицеромъ, на котораго возлагалъ обязанность сопровождать меня въ Коморнъ. Это былъ командиръ № 33 Мацукели полка, гр. Алканни, низенькій итальянецъ, старый, хитрый и пытливый.

Часа черезъ два послѣ обѣда мы выступили въ походъ. Незнаніе нѣмецкаго языка много прибавило къ скукѣ находиться въ обществѣ офицеровъ, весьма порядочныхъ, но рѣдко говорив-

шихъ по-французски. Дожидкъ, бѣлые плащи генераловъ, на всѣхъ краги, изъ которыхъ торчатъ шишки отъ сигаръ, войска, то и дѣло играющія гимнъ и сопровождающія его криками «вивать», какъ мнѣ сказали, для поддержанія духа войскъ, какія-то тихія пѣсни вслѣдъ за этимъ, чужая среда—все это наводило тоскливое настроеніе. Послѣ плохого ужина закурили сигары, и Гюлай долго забавлялся разными сплетнями штабныхъ лицъ. На форту, гдѣ остановились, мнѣ казалось, что, кромѣ помещенія Гюлая да домика, предоставленнаго мнѣ, ничего не было для другихъ, и, какъ я ни упрашивалъ раздѣлить со мною данныя мнѣ двѣ комнаты, всѣ отговаривались, что товарищи будутъ на бивуакѣ, на соломѣ, и имъ неудобно сдѣлать для себя исключеніе. Только мы съ Альканни вдвоемъ имѣли, какъ видно, постели въ эту ночь.

Соглашеній съ нимъ насчетъ нашихъ дѣйствій въ Коморнѣ никакихъ у меня не было. Я усвоилъ себя нѣкоторыя идеи, истекавшія изъ словъ государя, мнѣ сказанныхъ при прощаніи, и представлялъ остальное ходу самихъ переговоровъ и поведенію непріятели.

Не доѣзжая Коморна версты восьми, мы предполагали встрѣтить непріятели у Аача,—никого не было, войска оставились. Мы выѣхали на высоту, впереди видѣлись непріятельскіе форпосты. У насъ была кавалерія, человекъ двадцать пять кирасиръ. Гюлай, подавая мнѣ руку, сказалъ: «*Et bien, mon colonel, voulez vous commencer votre acte de pacification?*»¹⁾ Мы съ Альканни въ сопровожденіи трубача поѣхали шагомъ впередъ, повязавъ бѣлый платокъ на саблю.

Намъ были видны пикеты гусаръ впереди сплошной массы лѣса. При нашемъ приближеніи насъ вдругъ окружилъ взводъ гусаръ. Альканни заявилъ офицеру, который почти ничѣмъ не отличался отъ своихъ солдатъ, что я русскій полковникъ, а онъ такой-то и имѣемъ порученіе видѣть Клапку. Офицеръ послалъ спросить старшаго, а когда разрѣшеніе пришло, насъ проводили далѣе, а къ Клапкѣ послали спросить, можно ли насъ пустить въ Коморнѣ. Офицеръ предложилъ намъ отдать сабли и завязать глаза. Альканни объяснилъ ему, что парламентаровъ никогда не обезоруживаютъ, а что касается глазъ, это другое дѣло, и, вынувъ свой платокъ, сталъ завязывать себѣ глаза. Офицеръ поспорилъ еще, что платокъ тонокъ, вынулъ было свой пестрый и сальный, я отказался на чистоту отъ него и завязалъ своимъ, давъ ему поправить повязку, какъ угодно.

Картина была любопытная, какъ я себѣ ее представляю: я въ каскѣ, Альканни въ шляпѣ, безъ шинелей съ завязанными глазами, съ руками, сложенными впереди, поводя отъ лошади

¹⁾ Ну, полковникъ, приступайте къ вашему акту умиротворенія.
«истор. вѣстн.», мартъ 1913 г., т. сxxxі.

въ рукахъ гусарь, которые вели насъ, какъ на закланіе, сзади конвой, уставивъ намъ свои заряженные карабины, чуть не въ спину. Мой вожатый былъ словакъ и кое-какъ объяснялъ миѣ, гдѣ мы ѣдемъ. Впрочемъ, ясно было, что мы ѣдемъ черезъ лагерь по тому шуму, который производили войска, выбѣжавшія на дорогу съ обѣихъ сторонъ, чтобы на насъ посмотрѣть. Картина служила для всѣхъ развлеченіемъ, не исключая и меня. Путешествіе наше было довольно длинно. Переѣхали два моста большіе, я считалъ ихъ длину шагами лошади. По звуку слышно было, что мы въѣхали въ городъ и двигались между строеніями. Наконецъ остановились, и намъ развязали глаза.

Мы были на площади, кругомъ толпа народа, передъ нами низенькій одноэтажный домъ съ двумя часовыми у воротъ въ большихъ медвѣжьихъ шанкахъ. Изъ воротъ вышелъ офицеръ и объявилъ, что здѣсь живетъ Клапка, который проситъ насъ войти.

Окружъ чиные любопытными и штабомъ, мы вошли черезъ дворъ. На крыльцѣ насъ встрѣтилъ офицеръ высокаго роста, съ черной бородой, по позументу на воротникѣ онъ былъ генераль; въ комнатѣ было нѣсколько офицеровъ. Я спросилъ, съ кѣмъ имѣю честь говорить. «Клапка», отвѣчалъ генераль, введшій насъ въ комнату. Онъ попросилъ постороннихъ выйти, а насъ сѣсть на диванъ. Самъ сѣлъ черезъ столъ отъ насъ, на стулѣ. Комната была проста и мебели немного. Гр. Альканни началъ торжественнымъ тономъ свои убѣжденія. Я сталъ разсматривать Клапку. Онъ былъ довольно высокъ ростомъ, тонко и стройно сложенъ, черты лица мягкія, пріятныя, на видъ ему было лѣтъ тридцать пять, глаза маленькіе, все выраженіе лица спокойное, изобличавшее твердую волю, всѣ жесты приличные. Онъ очень похожъ на свой портретъ, распространенный въ Россіи послѣ венгерской кампаніи. Графъ Альканни довольно продолжительно говорилъ о сложеніи оружія Гергеемъ, о напрасномъ продолженіи войны, о необходимости тотчасъ же прибѣгнуть къ милосердію своего законнаго государя, оскорбленнаго глубоко возмущеніемъ своихъ подданныхъ, о необходимости загладить раскаяніемъ тяжелое преступленіе и, забывъ, что онъ все это говоритъ начальнику тридцатитысячной арміи, владѣющему первокласною крѣпостью въ Европѣ, онъ увлекся своей ролью, и хотя оставался въ границахъ полнаго приличія, но выраженія его доказывали, что обращается къ бунтовщикамъ, а не къ равному врагу, который въ два года войны и революціи отвыкъ признавать императора своимъ законнымъ государемъ, а стремленіе къ возстановленію независимаго Мадьярскаго королевства дало начальникамъ и коноводамъ много другихъ идей, уже совсѣмъ несомвѣстныхъ съ идеями и убѣжденіями графа Альканни.

Клапка сидѣлъ и слушалъ, спокойно опершись на столъ, крутя и кусая себѣ усы и бороду, казалось, скорѣе по привычкѣ, нежели

отъ внутренняго волненія. Разговоръ велся на французскомъ языкѣ, въ виду заявленія моего о незнаніи нѣмецкаго языка и Клапка извинился, что онъ будетъ объясняться очень плохо.

Когда Альканни кончилъ, я вынулъ письмо Гергея изъ кармана и подалъ молча его Клапкѣ. Онъ молча его прочелъ, безъ особаго выраженія въ лицѣ. Затѣмъ я ему сказалъ: «Императоръ россійскій, котораго я имѣю честь быть адъютантомъ, по полученіи извѣстія объ этомъ событіи и оригинала этого письма Гергея приказалъ мнѣ ѣхать въ Коморнъ и передать вамъ слѣдующее: вотъ его собственныя слова: «Покажи командирующему въ Коморнѣ это письмо, расскажи положеніе дѣлъ на всѣхъ театрахъ войны, онъ самъ увидитъ, что продолженіе войны невозможно, напрасное пролітіе крови падеть на упорствующихъ. Я покорившихся оружію русскихъ передамъ законному ихъ государю и посылаю своего сына къ австрійскому императору, чтобы изъ его устъ онъ услышалъ покорность своихъ подданныхъ. Пусть послѣдніе постигать сами, безъ чужого вмѣшательства, предаться на милосердіе его, это дастъ имъ большую надежду на успѣхъ прощенія теперь, когда надежды на всякій другой успѣхъ они лишены. И потому, такъ какъ Гергей, ихъ главный начальникъ, сдался безусловно, пусть безусловно положить оружіе и въ Коморнѣ и сдатьуть крѣпость законному государю. Но если нужно начальствующимъ убѣдиться въ справедливости твоихъ словъ, предложи имъ послать комиссаровъ во всѣ мѣста увѣриться въ значеніи послѣднихъ событій, а между тѣмъ заключить перемиріе повсюду, чтобы остановить напрасное пролітіе крови и число напрасныхъ жертвъ».

Затѣмъ я рассказалъ Клапкѣ положеніе дѣлъ въ настоящую минуту въ Трансильваніи, въ особенности по свѣдѣніямъ, привезеннымъ графомъ Гейденомъ. Оно было для венгерцевъ весьма неблагопріятно. Наша армія и австрійская сдѣлались свободными. Италия вполне успокоена. Невозможность возстанія народа вследствие его чрезвычайнаго утомленія отъ такого долгаго напряженія его средствъ, что доказывается совершеннымъ прекращеніемъ наборовъ въ горныхъ комитатахъ и вездѣ, гдѣ войска появляются, а затѣмъ и совершенная безнадежность съ ихъ стороны на нравственный успѣхъ.

Я старался оставаться въ границахъ военныхъ доводовъ и сопоставленія средствъ для продолженія войны, не дотрогиваясь до политическихъ соображеній.

Клапка выслушалъ меня молча. Замѣтно было, однакоже, что моя рѣчь была ему пріятнѣе, такъ какъ не затрогивала больныхъ мѣстъ ихъ настоящаго положенія.

«Я не знаю,—сказалъ онъ,—о сдачѣ Гергея, но если онъ положилъ оружіе и измѣнилъ нашей общей задачѣ, то самый фактъ развязываетъ насъ отъ всякаго повиновенія ему, какъ главному

начальнику, и каждый изъ насъ, частныхъ начальниковъ, долженъ поступать отнынѣ по своему усмотрѣнію. Сдаться, безусловно, ни въ какомъ случаѣ я не могу, между тѣмъ пошлю собрать военный совѣтъ и предложу имъ на разсмотрѣніе ваше требованіе».

Я ничего не ѣлъ, однакоже, цѣлый день и, вспомнивъ рассказъ Бестужева (Марлинскаго) «На бивуакахъ», попросилъ кусокъ хлѣба и стаканъ вина. Кланка съ большою любезностью распорядился о нашемъ завтракѣ, предложилъ намъ отправить нашихъ лошадей и трубачей назадъ въ нашъ лагерь, сказавъ, что для нашего возвращенія будутъ готовы экипажи. Пока мы завтракали, собиравшеся члены совѣта и частные начальники гарнизона. Кланка знакомилъ ихъ съ нами, по мѣрѣ ихъ появленія. Большинство, если не все, были чрезвычайно красивы; больше пожилыхъ, больше сѣдыхъ бородъ и усовъ; большія шляпы съ перьями соколинными: они смотрѣли гугенотами. Венгерскія куртки, большіе сапоги, жилеты съ безчисленнымъ числомъ пуговиць, широкія сабли. Ихъ видъ былъ чрезвычайно серьезень и внушительнъ. Одинъ изъ нихъ выдѣлялся—гр. Павелъ Эстергази, небольшого роста, коротко остриженный, съ бородой черной, южной природы субъектъ. Его костюмъ представлялъ послѣднее слово венгерскихъ бойцовъ: жилетъ его былъ унизанъ маленькими пуговицами, галстукъ былъ съ длинными вышитыми концами; широкая сабля, дѣдовское достояніе, которою онъ впервые опоясался, такъ какъ никогда не былъ военнымъ, была замѣчательна. Павелъ Эстергази принадлежалъ къ классу людей свободомыслящихъ, богатыхъ, съ привычками жизни легкой и праздною, которую онъ проводилъ обыкновенно въ Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ зналъ многихъ русскихъ. Онъ былъ бригаднымъ генераломъ, кажется; не знаю, успѣлъ ли онъ оказать свои военныя способности, но по части революціонныхъ убѣжденій былъ горячимъ трибуномъ. Затѣмъ былъ полковникъ, носившій тоже громкій титулъ, весьма порядочный человекъ, но, казалось, безъ большого авторитета. Въ окно я видѣлъ, на отличной рыжей лошади подѣхалъ полковникъ Шульцъ, храбрѣйшій, по ихъ словамъ, офицеръ, рыжій, глухой и съ добрѣйшимъ выраженіемъ глазъ. Онъ мнѣ напомнилъ нашего храбрѣйшаго Шульца генеральнаго штаба. Графъ Батіани, молодой человекъ, участвующій въ совѣтѣ скорѣе ради своего громкаго имени, громкаго потому, что другіе Батіани остались даже при дворѣ. Батіани человекъ хорошаго общества. Затѣмъ комендантъ крѣпости, комиссаръ при арміи отъ революціоннаго правительства, нѣкто Унгази, высокій, статный мужчина, какъ лунь, бѣлый, съ большою серьезностью во взглядѣ. Повторяю, совершенные гугеноты на сценѣ: все жесты проникнуты какою-то сосредоточенною важностью. Я въ первый разъ былъ лицомъ къ лицу съ людьми, водрузившими знамя бунта и успѣвшими уже облечь бунтъ въ правильную форму

борьбы. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ изъ важныхъ фамилій состояли при Клапкѣ въ роли адъютантовъ. Помню графа Кайроли. Онъ занималъ насъ свѣтскими разговорами, пока совѣтъ устранился въ другой комнатѣ. Немного погодя вышелъ Эстергази, и у меня съ нимъ завязался разговоръ въ сторонѣ отъ другихъ. Онъ мнѣ сказалъ: «Зачѣмъ вашъ императоръ, столь могущественный и столь великодушный, погубилъ насъ всѣхъ и Венгрію? Неужели онъ думаетъ легко и возможно намъ опять подчиниться Австріи, Вѣнѣ, этой камарильѣ, которой никто не вѣритъ на грошъ и которую всѣ презираютъ, въ которой нѣтъ и тѣни правды, все ложь и угнетеніе? Намъ нужно правленіе сильное и твердое, мы отъ него не отрекаемся, но правленіе не австрійское. Пусть это будетъ самодержавный государь, какъ вашъ, пусть намъ дадутъ вашего великаго князя Константина или герцога Лейхтенбергскаго, да нѣтъ, въ немъ много нѣмецкой крови». Я отвѣчалъ ему на это, пересказавъ нѣкоторыя слова государя, изъ которыхъ было видно твердое рѣшеніе его не принимать на себя никакого вмѣшательства въ дѣла внутреннія и, какъ только помощь нашего оружія будетъ не нужна, возвратитъ армію въ Россію. Требованіе безусловной сдачи крѣпости не должно вводить ихъ въ заблужденіе, что нашъ императоръ пожелаетъ сохранить за собою какіе-либо виды въ будущемъ на ихъ страну или на часть населенія Австрійской имперіи. Все честно и сполна будетъ передано австрійскому императору.

Въ это время разговоръ съ Альканни у венгерцевъ вертѣлся на общихъ мѣстахъ. Наконецъ Клапка вышелъ изъ совѣта и объявилъ его рѣшеніе: послать комиссаровъ на мѣсто свидѣться съ Гергеємъ и узнать о настоящемъ положеніи дѣлъ. Предложеніе наше сдачи крѣпости не можетъ быть принято до ихъ возвращенія, о сдачѣ же безусловной не можетъ быть и рѣчи.—«Какъ вы хотите,—говорилъ Клапка:—чтобы первоклассная крѣпость, какъ Коморнъ, заключающая въ себѣ подвижную армію въ тридцать тысячъ и до шестисотъ орудій для своей защиты, съ годовымъ продовольствіемъ, сдалась бы безусловно? Вѣроятно, вы знаете, какой климатъ въ окрестностяхъ Коморна, въ особенности осенью и весной: люди гибнуть отъ лихорадокъ, осаждающей не будетъ имѣть ни помѣщеній, ни крова, нужно прислать осадные парки, у австрійцевъ ничего не готово и къ зимѣ не поспѣеть; они принуждены будутъ обложить крѣпость, разобщить свою армію Дунаемъ и его рукавами, зимою безъ сообщеній отъ ледохода, и держать край въ повиновеніи; войска вездѣ будутъ нужны, и блокадная армія будетъ слаба, мы же будемъ пользоваться центральнымъ нашимъ положеніемъ, лучше сохраняя наши войска въ городѣ, будемъ выходить и нападать по выбору». Всѣ эти доводы были справедливы, возражать имъ было трудно, но отвѣчать было необходимо. «Вспомните,—говорилъ я:—что намъ нельзя уходить изъ Венгріи прежде

нежели спокойствіе водворится окончательно. Ваши комиссары привезутъ вамъ, вѣроятно, извѣстіе, что и на Нижней Тиссѣ и въ Трансильваніи все окончено. Арміи австрійская и русская будутъ свободны, соберутся на обложеніе Коморна; ихъ будетъ достаточно, чтобы стать съ нѣкоторою широтою и по квартирамъ, оставляя между собою и крѣпостью полосу безлюдную или опустошенную. Болѣзни будутъ одинаковы для насъ и для васъ, накопленіе больныхъ, стѣсненные средства города могутъ родить эпидемію; неимѣніе магазиповъ у васъ будетъ въ крайній ущербъ провіанту, скоту вашему казаки не дадутъ выйти изъ крѣпости на пастбище. Наконецъ духъ гарнизона, безъ надежды на исходъ изъ тяжелаго положенія, долго подержавъ бытъ не можетъ на настоящей его высотѣ, и гарнизонъ принудитъ васъ сдаться. Настанетъ эта горькая минута, и тогда встрѣтите вашего непріятеля, натерпѣвшагося лишеній, и вашихъ судей неумолимыми. Возмездіе потребуетъ крови за пролитую кровь напрасно въ теченіе еще нѣсколькихъ мѣсяцевъ, безъ цѣли и пользы даже для вашего дѣла. Пользуйтесь теперь минутою, когда правительство австрійское доступно и другимъ чувствамъ, кромѣ строгости, въ виду неожиданнаго успѣха, оканчивающаго такую плачевную борьбу, пользуйтесь тѣмъ, что императоръ Николай участникъ въ этомъ успѣхѣ, вы его характеръ знаете, онъ полонъ самаго благороднаго великодушія».

Въ различныхъ разговорахъ и спорахъ о демаркаціонной линіи для перемирія прошло время часовъ до восьми съ половиною. Я говорилъ почти со всѣми порознь, по крайней мѣрѣ съ тѣми, кто сколько-нибудь выражался по-французски, они переводили другимъ, не понимавшимъ. Отвратительное мое незнаніе нѣмецкаго языка сказывалось тутъ и стѣсняло меня. Венгерцы старались раздѣлить меня съ Альканни и заинтересовать меня особенно въ ихъ положеніи. Дѣйствительно, мы съ Альканни представляли для нихъ не одно и то же. Русская армія видѣла въ венгерской только противника, ничего болѣе, и даже противника симпатичнаго по открытому ихъ характеру, храбрости и дружелюбію, съ которымъ они встрѣчались съ нашими солдатами. Цѣль войны была намъ чужда. Союзники наши, австрійцы, были намъ противны. Они это знали. Кромѣ того, венгерцы не сознавали того безкорыстія, съ которымъ государь шель на помощь Австріи. Имъ казалось, что онъ не захочетъ оттолкнуть отъ себя богатую страну, которая въ его рукахъ и населеніе которой его призываетъ; они совершенно утратили понятіе о возможности убѣжденій монархическихъ, какъ главнаго двигателя дѣйствій нашего государя. На меня они смотрѣли, какъ на представителя всѣхъ этихъ надеждъ и посредника. Альканни былъ совсѣмъ другое. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на бунтовщиковъ, и представлялъ имъ собою ихъ законное правительство, презрѣнное ими и отвергнутое. Кромѣ того,

онъ лично имъ былъ непріятель, ибо, будучи въ Раабѣ, въ гарнизонѣ, онъ безпрестанно, до войны еще, падождалъ всякимъ образомъ и сажалъ венгерцевъ въ тюрьму. Три дня назадъ его полкъ прикрывалъ транспортъ орудій и паркъ, шедшій въ виду Коморна. Клапка вышелъ изъ крѣпости, разбилъ прикрытіе и взялъ въ плѣнъ два батальона и тридцать орудій. Понятно, что сближенія съ обѣихъ сторонъ не могло быть. Его держали нѣсколько въ сторонѣ отъ меня разговорами. Старый итальянецъ заподозрѣлъ меня, что я, вѣроятно, желаю склонить Клапку сдать, какъ Гергей, русской арміи, а не австрійской, и обижался любезностью венгерцевъ со мною.

Въ восемь часовъ мы сѣли въ настоящую пайтычанку, запряженную плѣнными лошадьми, и въ сопровожденіи начальника штаба Клапки и другихъ офицеровъ отправились въ Аачъ, въ лагерь графа Гюлая. Глазъ намъ завязывать было неужно: почъ—гни Божьей не видно. Проѣзжая мимо секретовъ, мы были оканкаемы легкими свистками, на которые отвѣчалъ такъ же одинъ изъ сопровождавшихъ насъ. Замѣтна была строгая бдительность, намъ ничего не было видно, ни слышно, и первые огни мы замѣтили на аванпостахъ австрійскихъ. Я передалъ впечатлѣніе военнаго порядка венгерскимъ офицерамъ, и это имъ было пріятно; вообще я велъ только общій разговоръ, до военныхъ вопросовъ касающійся.

Когда мы вошли въ Аачъ въ залу къ Гюлаю, весь штабъ сидѣлъ за ужиномъ. Гюлай была въ своей комнатѣ. Альканни пошелъ его предупредить. При входѣ венгерцевъ офицеры встали изъ-за стола, многіе изъ нихъ знали лично ихъ по прежней службѣ, но немногіе подошли къ нимъ. Я вошелъ къ Гюлаю и рассказалъ ему результатъ нашей побѣдки и частные разговоры со мной, обойдя, натурально, все, что могло раздражить его. Введенные въ кабинетъ Гюлая венгерцы передали устно отвѣтъ Клапки, т.-е. невозможность сдачи безусловной, необходимость послать комиссаровъ и согласіе на заключеніе перемирія. Разговоръ былъ не долгъ. Они уѣхали. Затѣмъ у насъ съ графомъ Гюлаемъ былъ длинный разговоръ. Я подробно рассказалъ ему наши разговоры, не скрывъ отъ него замѣтнаго различія, которое венгерцы дѣлали между мной и Альканни, объяснилъ естественность такого поведенія по двумъ совершенно различнымъ характерамъ нашего представительства, но тѣмъ надеждамъ, которыя они могли возлагать на императора Николая, и которыя я считалъ обязанностью тотчасъ же разрушить, такъ какъ я держался строго указаній, данныхъ мнѣ государемъ, а таковыя были уже извѣстны отъ меня графу Гюлаю. Затѣмъ онъ не могъ не понимать всего остального, чего я отъ него не скрывъ. Результатъ этого разговора былъ тотъ, что Гюлай вѣрилъ въ совершенное безкорыстіе императора Николая Павловича, но думалъ, что я былъ не прочь отъ привлеченія Клапки къ сдачѣ русскимъ войскамъ, а не австрійскимъ. Къ тому же онъ зналъ, что въ нашей

арміи симпатія къ венгерцамъ, а не къ австрійцамъ, но его природная любезность и вѣжливость сдѣлали все въ отношеніи меня, и къ тому же, въ концѣ концовъ, онъ не могъ не предпочитать сдачу крѣпости, хотя бы и русскому генералу, ея осадѣ.

На другой день утромъ я простился съ Гюлаемъ. Впоследствии я встрѣтилъ его однажды въ Петербургѣ на маневрахъ въ шестидесятихъ годахъ въ числѣ приглашенныхъ и старался быть ему пріятнымъ, хотя Австрія уже показала себя въ крымскую кампанію въ отношеніяхъ своихъ къ покойному Николаю Павловичу, и воспоминаній у насъ накопилось много, довольно грустныхъ.

Я съ Алякании отправился въ Коморнъ для заключенія подробностей перемирія и опредѣленія демаркаціонной линіи, а оттуда долженъ былъ прямо проѣхать въ отрядъ Граббе. Графъ Гюлай далъ мнѣ нѣкоторыя указанія для разговора съ Кланкою. На аванпостахъ венгерцевъ насъ ожидали ординарцы Кланки съ двумя очень красивыми пайтычанками, запряженными рослыми пѣгими лошадьми въ венгерской упряжи. Я сѣлъ съ графомъ Кайроли, онъ самъ правилъ лошадьми. Разговоръ нашъ касался обстоятельствъ, среди которыхъ Кайроли находился еще до войны. Онъ былъ въ гусарскомъ голубомъ мундирѣ. «Un joli uniforme que le votre, m-r le comte»¹⁾, говорилъ я ему. «Oh, oui, c'est Nicolaus hussards»²⁾, отвѣчалъ онъ.—«Je suis enchanté de pouvoir donner de ses nouvelles à son chef titulaire»³⁾, сказалъ я смѣясь, а Кайроли отвѣчалъ серьезно: «Oui, un excellent régiment, mais pourtant deux escadrons ont trahi notre cause et sont restés chez les autrichiens»⁴⁾. Онъ рассказывалъ, какъ, будучи больнымъ, былъ застигнутъ нашимъ мусульманскимъ полкомъ, какъ онъ обѣдалъ въ казино съ княземъ Бетуловымъ, командиромъ полка, ежедневно и тотъ не зналъ, что онъ принадлежитъ къ венгерской арміи, такъ какъ никто не выдавалъ и шпіоновъ у нихъ не было. Кайроли принадлежалъ къ прекрасному семейству, отецъ его былъ однимъ изъ выдающихся патріотовъ и содержался въ крѣпости уже давно. Приближаясь къ лагерю, передъ крѣпостью расположенному, чтобы избавить Кайроли отъ непріятной обязанности, я предложилъ самъ завязать глаза, онъ отвѣчалъ, что еще немного погодя. Пошелъ дождь, закрыли пайтычанку, и я съ завязанными глазами продолжалъ нашъ разговоръ, пока мы незамѣтно не остановились на площади. Народу и солдатъ было множество. Во время нашихъ переговоровъ я часто подходилъ къ окошку. Окна были низки, толпа передъ окнами большая, всѣ

1) У васъ красивый мундиръ, графъ.

2) О, да, это форма николаевскихъ гусаръ.

3) Я буду радъ передать эту новость ихъ высокому шефу.

4) Да, отличный полкъ, однако два эскадрона измѣнили нашему дѣлу, оставшись у австрійцевъ.

были красавцы; что за лица и что за рослые люди! Гусарскій костюмъ ихъ былъ похожъ совершенно на нашъ, дашній при Александрѣ Николаевичѣ, онъ шелъ отлично къ ихъ бородамъ и энергичнымъ фізіономіямъ. Всякій разъ, какъ я подходилъ къ окну, я не замѣчалъ въ толпѣ никогда ни взгляда, ни жеста непріязненнаго, насмѣшливаго или непривычнаго. Я удивлялся, какъ въ этихъ простыхъ людяхъ врожденное приличіе было спокойно и важно. Порядочная группа окружила экипажъ мой и разговаривала съ моимъ камердинеромъ, курляндскимъ нѣмцемъ, который немного отъ страху и много отъ незнанія разсказалъ имъ огромныя цифры о нашей арміи; артиллерию и особенно кавалерию онъ умножалъ невѣроятно.

Когда мы вошли въ домъ, меня встрѣтили, какъ стараго знакомаго, очень вѣжливо. Мы принялись за назначеніе демаркаціонной линіи; споры были обыкновенныя, военнаго свойства. Клапка хотѣлъ включить въ районъ, отходящій къ крѣпости, одну деревню, принадлежащую Эстергази; понятно, что послѣдній хотѣлъ отдохнуть въ ней. Альканни не соглашался. Мнѣ удалось уладить, потому что вся исторія, конечно, не имѣла будущности серьезной, но разговоры съ Альканни, по неумѣнію его собственному, дѣлались раздражительными, и Эстергази первый прорвался на какія-то неосторожныя слова. Альканни сказалъ: «Что намъ дѣлать, вы наши братья, подданные одного и того же государя».—«Мы братья австрійцевъ!—послышалось со всѣхъ сторонъ, и возгласы были презрительны:—никогда. Вы, которые сдѣлали несчастными страну и народъ, опозорили насъ, угнетали насъ и отняли у насъ свободу, вы—наши братья!»

Возраженія все сильнѣе и сильнѣе сыпались на Альканни. Онъ не могъ долѣе выдержать и объявилъ, что не можетъ продолжать переговоры и долженъ уѣхать. Я не могъ отдѣлать себя отъ него въ его полѣженіи и сказалъ окружающимъ насъ, что я сожалею, но долженъ прекратить переговоры, вслѣдствіе неумѣстныхъ выраженій, обращенныхъ къ моему товарищу по возложенному на насъ порученію. Клапка увелъ сейчасъ же Эстергази въ другую комнату и пришелъ извиняться за него, объясняя, что онъ уже нѣсколько времени совершенно боленъ, несчастіе разстроило его нервы до такой степени, что онъ едва терпимъ въ ихъ обществѣ, какъ собесѣдникъ. Всѣхъ успокоилъ, нѣкоторыхъ вызвалъ въ другую комнату, и мы благополучно установили демаркаціонную линію и подписали соглашеніе на двухъ экземплярахъ.

Эстергази и Батіани взяли меня въ сторону: «Мы бы желали, чтобы вы съ нами обѣдали, можете вы согласиться на это?» Я сказалъ, что не могу ничего сдѣлать безъ согласія моего товарища. «Если онъ будетъ приглашенъ, то я съ, своей стороны, очень радъ раздѣлить трапезу вашу, но съ условіемъ, что за обѣдомъ мы не

будемъ говорить о политикѣ».—«Мы его тоже пригласимъ, если нельзя иначе, и согласны на ваше условіе. Я сказалъ Альканни, итальянецъ не противился обѣду, и мы прошли черезъ нѣсколько комнатъ въ столовую. Я сидѣлъ между Клапкою и Эстергази; за Альканни взялись двое съ явнымъ намѣреніемъ отвлекать его отъ насъ. За столомъ было человекъ пятнадцать, свѣчи въ канделябрахъ, закрытые ставни, фрукты въ вазахъ, отличное венгерское вино въ хрусталѣ и совершенно свѣтскій разговоръ позволяли забыть, что мы въ непріятельской крѣпости у хозяевъ, которые въ эту минуту въ Вѣнѣ, вѣроятно, предназначались къ повѣшенію.

Клапка въ разговорѣ старался добиться отъ меня, что можетъ статься съ Гергеємъ, не попадетъ ли онъ въ Петербургъ. Я отвѣчалъ, что можетъ быть. Эта мысль улыбалась ему самому, и онъ разспрашивалъ о Петербургѣ, о государѣ, объ императорской фамиліи, не допуская обходить титулъ и называя S. M. L' Emp. Nicolas, S. A. le G. D. Constantin. Послѣдній былъ между ними, видимо, популяренъ.

По ихъ словамъ, успѣхъ войны былъ на ихъ сторонѣ безъ сомнѣнія до нашего прихода; они были недалеко отъ взятія всей австрійской арміи въ плѣнъ, такъ какъ лучшая ея часть была въ Италіи и они имѣли дѣло съ новобранцами и били ихъ вездѣ и безпрестанно, что была правда. «И недѣлю тому назадъ,—говорилъ Клапка,—я ихъ разбилъ и отнял тридцать орудій; вотъ теперь они опять подошли, я опять выйду и будетъ то же самое. Несомнѣнно, я ихъ разобью на голову, войска дрянныя, начальники неспособные. Когда русскія войска вошли въ Венгрію, мы видѣли тотчасъ же, что война должна сдѣлаться невозможной и что мы погибли. Императоръ Николай насъ погубилъ, а зачѣмъ? Неужели вы вѣрите въ благодарность Австріи? Вы спасли ее отъ совершенной гибели, они же вамъ и заплатятъ за это, повѣрьте, мы ихъ знаемъ и не въ силахъ вѣрить ни одному ихъ слову... Мы тогда хотѣли, Гергей былъ здѣсь, выйти съ моимъ гарнизономъ изъ крѣпости, укрѣпиться въ окрестностяхъ Платенскаго озера, поднять лучшіе наши полки, находящіеся въ Италіи; они, безъ сомнѣнія, перешли бы всѣ на нашу сторону,—и тогда изъ укрѣпленной нашей позиціи итти въ Италію, разбить австрійцевъ, лишенныхъ кавалеріи, и оттуда заключить условія съ русскими, не говоря объ австрійцахъ. Общее убѣжденіе, что съ вашимъ входомъ въ Венгрію война была кончена для насъ, породило много ссоръ у Гергея съ правительствомъ. Безъ этихъ ссоръ и безъ васъ, русскихъ, австрійцы бы погибли».

Разговоръ переходилъ часто въ обыкновенную болтовню, видно было, что Клапка не выговаривался весь, что онъ надѣялся дознаться, какое участіе принимаетъ императоръ Николай Павловичъ въ ихъ положеніи, и, будучи стѣсненъ присутствіемъ цосто-

ронныхъ, онъ вмѣстѣ съ Эстергази спросилъ меня, могу ли я остаться съ ними на нѣсколько минутъ послѣ отъѣзда Альканни, чтобы откровенно поговорить. Я отвѣчалъ, что считаю это возможнымъ, предупредивъ Альканни. Намъ подали сигары и кофе, вышли изъ-за стола. Альканни сталъ собираться, я его предупредилъ и обѣщалъ сообщить все графу Гулаю, если въ этомъ разговорѣ будетъ что-нибудь важное и интересное. Альканни убѣдился, что венгерцы относятся ко мнѣ, какъ къ непріятелю, въ полѣ и разѣ, когда мы въ полѣ, отношенія эти пріятельскія, какъ въездѣ, гдѣ нѣтъ коренныхъ раздраженій въ основаніи борьбы.

По отъѣздѣ Альканни они вздохнули нѣсколько громко. Я стоялъ у печки спиною, Клапка сидѣлъ на диванѣ, Эстергази ходилъ, Батіани сидѣлъ на окошкѣ. «Послушайте, — сказала Клапка:—вы видите наши отношенія къ австрійцамъ: ненависть сильная за все, что они намъ сдѣлали, мы имъ не вѣримъ ни въ одномъ словѣ. Безусловно сдать! Какъ это можно! Скажите сами. Первоклассная крѣпость, тридцать тысячъ войска, я ихъ разобью еще завтра, когда хотите; на цѣлый годъ продовольствія и запасовъ на шестьсотъ орудій. Пусть осаждаютъ. Еще не все потеряно, можетъ быть. Мы имъ не вѣримъ и никакого дѣла не хотимъ имѣть съ ними и никакихъ условій заключать. Скажите, что мы можемъ ожидать отъ императора Николая?» Я, повторяя вчерашніе доводы, сказалъ: «Вспомните, что теперь окончаніе трудной войны расположило всѣхъ къ доброму чувству, повѣрьте словамъ императора Николая, безъ гнѣва и мести сказаннымъ: «Самое благо-разумное для Коморна будетъ тотчасъ же покориться и надѣяться на своего императора. Я посылаю къ нему съ извѣстіемъ моего старшаго сына». Придетъ минута, господа, послѣ долгаго упорства, минута плачевной, вынужденной покорности. Конечно, австрійская армія теперь не готова къ осадѣ крѣпости, но можно ли надѣяться, чтобы правительство долго оставило гнѣздо непокорныхъ среди своего государства? Вашъ собственный гарнизонъ, видя войну повсюду оконченной и всѣхъ возвратившихся домой прощеными и спокойными, не выдержитъ долго испытанія, и вы будете оставлены неминуемо; тогда сдача будетъ со всѣми послѣдствіями гнѣва и мщенія побѣдителей. Вы и себя и людей, вамъ ввѣрившихся, погубите. Я императора Николая знаю, а потому не хочу и не могу васъ вводить въ заблужденіе ни однимъ неосторожнымъ словомъ, могущимъ дать вамъ поводъ къ надеждамъ несбыточнымъ. Я не могу васъ обнадежить, что императоръ Николай приметъ васъ подъ свое покровительство, но если онъ послалъ къ австрійскому императору своего сына и приказалъ мнѣ сказать вамъ это, то я склоненъ вѣрить, что онъ послалъ его не для того, чтобы содѣйствовать возмездію вамъ за прошедшее. Подумайте и разсудите. Когда ваше положеніе разъяснится возвратившимися комисса-

рами и вы пожелаете имѣть дѣло съ русскими войсками, то генераль Граббе будетъ вблизи васъ, адресуйтесь къ нему. Я искренно желаю, чтобы Богъ внушилъ вамъ счастливую мысль».

Затѣмъ мы обнялись, они вышли меня провожать; на площади народъ и солдаты сняли шапки, видя своихъ начальниковъ съ непокрытыми головами; на площади еще разъ мы простились. Я сѣлъ въ коляску, которую мнѣ дали въ Коморнѣ до первой станціи. Графъ Кайроли и молодые ординарцы верхомъ проводили меня за аванпосты. Я остановился, чтобы проститься съ ними и спросить, не поручать ли они мнѣ чего-нибудь къ своимъ роднымъ. «Если увидите бѣднаго отца моего,—сказалъ Кайроли,—который теперь въ крѣпости, но, можетъ быть, скоро будетъ свободенъ, скажите ему, что я живъ и вѣренъ общему дѣлу».

Молодой гусарскій вахмистръ, котораго мнѣ Клапка далъ для сопровожденія до отряда Граббе, дремалъ, камердинеръ мой, Григорій, былъ еще подъ впечатлѣніемъ длинныхъ бородъ и широкихъ сабель; мелкій дождь барабанилъ по верху коляски, кони мчались, а я думалъ о томъ, чему былъ только что свидѣтелемъ.

На другой день я достигъ Граббе и разсказалъ ему все въ подробности со дня моего отъѣзда отъ него, передалъ приказанія государя, вслѣдствіе которыхъ онъ подвинулся къ Коморну на восьмиверстное разстояніе. Мы расположились по всемъ правиламъ искусства, но по малочисленности своей, конечно, не могли бы Клапкъ воспрепятствовать прорваться гдѣ угодно. Клапка еще въ Коморнѣ разсказывалъ мнѣ все подробности объ отрядѣ Граббе, какъ будто онъ его видѣлъ, и немудрено, въ краѣ, наполненномъ жителями, сочувствовавшими войнѣ. Мы одни только не имѣли лазутчиковъ и шпионовъ.

Я написалъ подробное письмо барону Ливену о всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ Коморнѣ. Баронъ Ливенъ отвѣчалъ мнѣ въ самомъ шутиливомъ тонѣ изъ Варшавы. Естественно, война была кончена, наша пѣсня была сѣта; и войска и главная квартира думали о возвращеніи домой. Государь еще нѣкоторое время оставался, чтобы видѣть фельдмаршала и возвращающіяся войска.

Австрійское правительство не думало осаждать Коморнъ, но и Клапка тоже думалъ выговорить своимъ войскамъ наилучшія условія и гарантировать обѣщанное. Онъ имѣлъ причины не довѣрять: австрійцы показали себя скверно, повѣсивъ пять сданныхся съ Гергеемъ. Фельдмаршалъ Гайнау, который исполнялъ эту казнь, былъ нетерпимъ въ арміи за свою жестокость и въ Англии, въ путешествіи, былъ узнаванъ и, говорятъ, просто побить.

У насъ были все въ негодованіи отъ этой казни, начиная съ государя.

Мы простояли цѣлый мѣсяцъ подъ Коморномъ. Однообразная жизнь въ небольшомъ мѣстечкѣ, обѣдъ у Граббе съ его

неодолимой страстью къ разсказамъ все тѣхъ же необыкновенныхъ эпизодовъ изъ прошедшей личной дѣятельности. Со мною жилъ Дѣмитрій Сергѣевичъ Бибииковъ, кавказскій сослуживецъ генеральнаго штаба, который служилъ тамъ у Граббе и зналъ его наизусть. Онъ бывало брался, идя къ обѣду, направить разговоръ на какой-нибудь заранѣе назначенный разсказъ, и это всегда ему удавалось. При нашемъ отрядѣ находились австрійцы: баронъ Габленецъ, бывшій начальникъ штаба у генерала Шлика, впоследствии командовавшій войсками въ Голштиніи въ 1864 году, умный и пріятный человекъ, къ сожалѣнію, окончившій самоубійствомъ, кажется, вслѣдствіе разстроенныхъ денежныхъ дѣлъ; молодой человекъ баронъ Мильницъ, кирасиръ, очень милый. Граббе для нихъ разсказъ свой велъ по-французски, и они уже стали пересматриваться между собою.

Замѣчательно было походное снаряженіе наше и ихъ: у нихъ чрезвычайно мало вещей, вмѣсто одѣяла—плащъ и нѣсколько верховыхъ лошадей; у насъ повозка со всевозможными вещами и одна верховая лошадь, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Однажды насъ посѣтилъ графъ Монтенуово, сынъ императрицы Маріи-Луизы, второй жены Наполеона, которая вышла за графа Нейперга. Молодой Монтенуово командовалъ гусарскимъ полкомъ и ввелъ у себя, стоя въ Италіи, обычай не знать другого экипажа, кромѣ сѣдла.

Иногда выѣзжали поохотиться или просто сдѣлать длинную прогулку верхомъ. Граббе любилъ это. Уѣзжали въ какую-нибудь оставленную помѣщикомъ усадьбу, находили всегда тамъ прекрасное угощеніе, прекрасные фрукты и доброе венгерское. У себя дома ѣли отвратительно и пили вино непозволительное.

Наконцѣ дѣла въ Коморнѣ подходили къ концу. Клапкѣ удалось выговорить отличныя условія для своихъ. Мы освободились, войска отправились въ Россію, а мы поѣхали черезъ Пешть въ Вѣну. По дорогѣ встрѣтили герцога Немурскаго, бродившаго въ окрестностяхъ изъ любопытства. Уже годъ, какъ Орлеанская семья была частными людьми, и вездѣ ихъ встрѣчали съ уваженіемъ. Мы съ любопытствомъ смотрѣли на высокаго бѣлокуроаго принца, которому Граббе непременно хотѣлъ разсказать многое, что у него было на душѣ и, конечно, многое, ненужное вовсе знать иностранцу.

Пешть поразилъ своимъ великолѣпнымъ мостомъ, видомъ большого, оживленнаго города съ прекрасными магазинами и гостиницами. Населеніе весьма красиво, особенно женщины. Все намъ казалось отличнымъ послѣ четырехмѣсячнаго странствованія по бивуакамъ. Въ Вѣнѣ пробыли не долго, но бѣготня по музеямъ и разнымъ достопримѣчательностямъ втянула меня въ целовкость. Мы являлись къ императору; его первый генераль-адъютантъ,

графъ Грюне, ввелъ насъ въ кабинетъ. Молодой императоръ сказалъ намъ нѣсколько любезныхъ словъ, и насъ пригласили въ тотъ же день обѣдать. Какъ я ни торопился съ Бибиковымъ къ обѣду, но кучеръ нашъ везъ въ Шенбрунъ отвратительно тихо и ничего не хотѣлъ слышать. Приѣзжаемъ, всѣ двери передъ нами растворяются настезь, наконецъ послѣднія, за которыми ожидаемъ съ безпокойствомъ видѣть императора уже вышедшимъ къ своимъ гостямъ; двери распахнулись, передъ нами тридцать человѣкъ уже сидятъ за столомъ. Если бы намъ сказали, конечно, мы бы не вошли, но австрійская любезность говорить это запретила. Признаюсь, минута отвратительная. Я не вижу императора, гдѣ онъ, чтобы поклониться; вижу у самыхъ дверей пустой стулъ, но около него сидитъ кто-то въ бѣломъ мундирѣ и съ тонкой таліей, точь-въ-точь, какъ мы утромъ видѣли императора. Страшно сѣсть, вдругъ очутишься рядомъ съ императоромъ. Наконецъ вижу движеніе головы одного изъ сидящихъ. Это императоръ, который сжалился надъ нашимъ смущеніемъ. Я опустился на пустой стулъ, къ счастью, сосѣдь мой, графъ Гулай, помогъ мнѣ оправиться. Такъ непріятно было думать, что австрійцы будутъ осуждать насъ за небреженіе и неумѣніе жить. Рѣшительно ни у кого не было въ помышленіи negligировать и относиться легко къ ихъ вниманію. Мнѣ было тѣмъ еще непріятнѣе, что, вѣроятно, Гулай рассказывалъ императору о моихъ воображаемыхъ симпатіяхъ къ венгерцамъ въ Коморнѣ. Самъ императоръ ничего не имѣлъ въ себѣ симпатичнаго; труда ему предстояло множество, онъ былъ молодъ и неопытенъ, государственныя дѣла въ разстройствѣ. Нѣсколько лѣтъ сильная и способная рука князя Шварценберга управляла Австріей, но онъ внезапно умеръ. Его пророчество, что Австрія удивитъ свѣтъ своей неблагодарностью къ Россіи, исполнилось въ 1854 году.

Нѣкоторыхъ изъ австрійцевъ я встрѣчалъ впоследствии въ Петербургѣ. Гулай, постарѣвшій, но съ тѣми же глазами кверху вмѣсто усовъ, былъ на маневрахъ. Фельдмаршалъ Гессъ, лучший изъ стратеговъ австрійскихъ, графъ Кламъ Галацъ наѣзжали въ Петербургъ, гдѣ ихъ чествовали. Императоръ, кажется, въ первый разъ былъ въ 1874 году, уже возмужалый и прошедшій черезъ многое съ успѣхомъ, несмотря на Садову. Его сопровождалъ первый министръ, графъ Андраши, который въ 1849 году былъ въ числѣ назначенныхъ къ повѣшенію. Въ это время у насъ посломъ австрійскимъ былъ Лангенау, одинъ изъ адъютантовъ императора въ венгерскую кампанію, гдѣ онъ лишился ноги.

Н. В. Исаковъ.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

Первые органы «мелкой прессы».—Вліяніе ихъ на общество.—Фельетоны.—«Царь Берендѣй» и «Скромный Наблюдатель».—«Московскій Листокъ».—«Новости Дня».—Оригинальный типъ русскаго редактора.—Лингвистъ.—Краткій русскій отвѣтъ на длинную французскую рѣчь.—Пастуховъ и мадьяры.—Несчастный случай съ мальчикомъ.—Месть матери.—Смерть за день до юбилея.—Еврейское нашествіе на прессу.

ВЪДНО не упоминая въ настоящихъ запискахъ моихъ о ходѣ нашего газетнаго и вообще литературнаго дѣла, я хочу въ настоящемъ очеркѣ, вновь отступая отъ строгаго хронологическаго порядка, вернуться къ этой наиболѣе для меня интересной страницѣ русской общественной жизни и коснуться знаменательнаго момента народженія въ нашемъ газетномъ мірѣ такъ называемой «мелкой прессы».

Мелкая пресса сыграла въ исторіи русской періодической печати ту же роль, какую сыграла оперетка въ мірѣ театральнаго искусства. Она въ конецъ развратила ее и отняла у нея ореолъ нравственной власти и умственнаго и нравственнаго вліянія, какія она имѣла на общество. Какъ театр, справедливо названный Шиллеромъ «міровою школой», утратилъ это высокое значеніе съ появленіемъ на театральныхъ подмосткахъ разнузданной и скабрешной оперетки, такъ печатное слово утратило свое глубокое и серьезное значеніе съ момента появленія на газетныхъ столбцахъ шутовскихъ сценокъ, гривуазныхъ романовъ и разсказовъ и шаптажныхъ «интервью»...

Моя литературная работа начиналась при другихъ условіяхъ, среди иныхъ вѣяній, подъ патронатомъ иныхъ, могучихъ силъ...

Газетъ было мало, отъ газетнаго сотрудника требовался серьезный литературный цензъ, и общество, знавшее это, съ уваженіемъ смотрѣло на человѣка, державшаго въ рукахъ перо...

Съ увеличеніемъ органовъ печати выросъ спросъ на литературныя силы. На него откликнулся головокружительный наплывъ предложенія и... изъ всѣхъ общественныхъ щелей потянулись на газетные столбцы литературныя мошки и букашки...

Народился спросъ на репортажъ... Въ ряды репортеровъ смѣло записались мелкіе сыщики и писаря кварталовъ. Газетныя статьи стали составляться по полицейскимъ протоколамъ... и въ pendant къ намъ подъ чертою стали появляться фельетоны шантажнаго характера и значенія...

Все это было знаменіемъ переходнаго времени, но ни о достоинствахъ, ни о горькихъ сторонахъ этого перехода я говорить не стану. Мое дѣло только правдиво и безпристрастно рассказать, какъ именно было дѣло, а указывать на то, какъ бы оно «должно было происходить»—дѣло не мое! Это сдѣлаютъ за меня люди болѣе сильные, болѣе компетентные!...

Перехожу къ простому изложенію фактовъ.

Я уже сказала, что въ моментъ начала моихъ литературныхъ занятій въ Москвѣ было всего только двѣ газеты: «Московскія Вѣдомости» и «Русскія Вѣдомости».

Во главѣ первой стоялъ Катковъ, гремящій на всю Россію, вторая перешла отъ основавшаго ее Николая Филипповича Павлова къ его помощнику Николаю Семеновичу Скворцову, и издавалась въ крошечномъ форматѣ, едва составляя четверть листа «Московскихъ Вѣдомостей».

Павловъ существовалъ, главнымъ образомъ, казенной субсидіей, выражавшейся въ обязательномъ выписываніи газеты всѣми губернскими и волостными правленіями, и такъ какъ онъ далеко не съ исключительною аккуратностью удовлетворялъ этихъ своеобразныхъ подписчиковъ, то субсидія эта въ бытность его во главѣ газеты выражалась въ довольно солидной цифрѣ.

Къ Скворцову эта правительственная благостыня не перешла, и газета въ первое время его владѣнія ею была для него большой обузой, такъ какъ, помимо расходовъ на изданіе, за нее все-таки приходилось выплачивать сыну и наслѣднику умершаго Павлова по три тысячи рублей въ годъ.

Въ тѣ далекія времена эта скромная цифра могла обузой лечь на газету, и управляющій Скворцова, строго-честный, но довольно ловкій В. К. Хлѣбниковъ, придумалъ первый, въ видѣ новаго и вѣрнаго источника дохода, розничную продажу газеты на улицѣ,

набравъ для этой цѣли группу безработныхъ мальчугановъ, получавшихъ по полукопейкѣ за каждый проданный номеръ.

Продажа шла не бойко, но при полномъ отсутствіи конкуренціи минимальный доходъ былъ все-таки обезпеченъ, и «Русскія Вѣдомости» начали быстро расти и матеріально, и нравственно.

Размѣръ ихъ сталъ уже значительно больше, когда бакалавръ духовной академіи Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ задумалъ издавать тоже небольшую по размѣрамъ газету, назвавъ ее «Современныя Извѣстія».

Газета Гилярова пошла сразу, но тутъ уже началъ сказываться невзыскательный вкусъ вновь нарождавшейся читающей публики, и дѣльныя статьи самого Гилярова уступали, въ смыслѣ вниманія читающей массы, безсодержательнымъ обличительнымъ фельетонамъ г. Збруева, подписывавшаго ихъ псевдонимомъ «Царя Берендѣя».

Одновременно съ «Царемъ Берендѣемъ» появился на столбцахъ «Русскихъ Вѣдомостей» талантливый Вороновъ, выбравшій себѣ псевдонимомъ подпись «Скромный Наблюдатель», которая вскорѣ вмѣстѣ съ фельетономъ перешла къ Александру Петровичу Луккину.

Луккинъ былъ далеко не такъ талантливъ, какъ Вороновъ, но, проникнувшись его духомъ, онъ велъ свой еженедѣльный фельетонъ живо, весело и, главное, съ неукоснительной аккуратностью, на что милый и симпатичный Вороновъ былъ менѣе всего способенъ.

При всей скромности своего литературнаго таланта Луккинъ былъ неизмѣримо выше и, ежели можно такъ выразиться, неизмѣримо чистоплотнѣе Збруева въ литературномъ отношеніи.

Близко къ Збруеву подходилъ только пресловутый Акиловъ, фельетонистъ юмористическаго журнала «Развлеченіе», извѣстный всей Москвѣ подъ именемъ «Мушкарскаго».

Это оригинальное прозвище было дано Акимову случайно однимъ изъ артистовъ императорскаго театра и такъ и осталось за нимъ. Дѣло въ томъ, что Акиловъ былъ женатъ на очень извѣстной водевильной актрисѣ Карской, и одинъ изъ пѣвцовъ казенной русской оперы, недовольный нападками Акилова, какъ-то воскликнулъ:

— Да оставить ли онъ меня въ покоѣ... тотъ... какъ его?.. Ну, мужъ Карской!..

Въ этихъ словахъ не было ни малѣйшаго намека на каламбуръ... У человѣка просто сорвалось досадливое восклицаніе, а за Акиловымъ до гробовой доски удержалась кличка «Мушкарскаго».

Ежели принимать названіе «мелкой прессы» въ обидномъ значеніи, то можно безошибочно сказать, что прямымъ родоначальникомъ этой прессы можетъ считаться Мушкарскій.

Его статьями возмущались, его открыто бранили, даже блинъ подчасъ... но онъ смѣло шелъ своей дорогой и, ожесточенно нападая

на однихъ и непостижимо мирволя другихъ, понемногу составилъ себѣ довольно крупный капиталъ... Все это тянулось до конца семидесятыхъ годовъ, когда царю московскихъ репортеровъ Николаю Ивановичу Пастухову пришло на умъ создать свою собственную газету, по образцу уже издававшейся въ Петербургѣ «Петербургской Газеты», основанной покойнымъ Ильей Александровичемъ Арсеньевымъ и отданной имъ въ аренду Сергѣю Николаевичу Худекову за скромное вознагражденіе въ три тысячи въ годъ.

Пастуховъ, всегда неукоснительно знавшій все, что дѣлалось въ Москвѣ и являвшій собою въ этомъ отношеніи газетную силу, послѣ него уже не повторившюся, былъ постояннымъ корреспондентомъ «Петербургской Газеты» и, одаренный большой литературной смекалкой, понялъ, что въ Москвѣ такого рода органъ печати привьется быстро и дастъ большой доходъ.

Въ средѣ своихъ знакомыхъ онъ нашелъ человѣка, который согласился поступить къ нему въ качествѣ редактора, и онъ, благословясь, подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему изданія въ Москвѣ ежедневной безцензурной газеты, подъ названіемъ «Московский Листокъ».

Въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ графъ Лорисъ-Меликовъ, смотрѣвшій на литературу, какъ на серьезный и глубокий вопросъ.

Онъ наотрѣзъ отказалъ Пастухову въ его ходатайствѣ, и тогда Пастуховъ вступилъ третьимъ соиздателемъ въ начавшуюся въ то время «Московскую Газету», редактируемую нѣкимъ Александровскимъ и издаваемую типографомъ Смирновымъ и мелкимъ торговцемъ Желтовымъ.

Отъ этого соиздательства Пастуховъ вскорѣ отказался, два другихъ соиздателя сначала поссорились съ редакторомъ, затѣмъ перессорились между собой, и газета прекратилась навсегда.

Въ то время въ министерствѣ произошли существенныя перемѣны. Графъ Лорисъ-Меликовъ уступилъ министерскій портфель графу Игнатьеву, а тотъ, часто встрѣчавшійся на рыбной ловлѣ съ Пастуховымъ, страстнымъ и очень искуснымъ рыболовомъ, по первому слову разрѣшилъ ему просимое изданіе, утвердивъ его самого редакторомъ-издателемъ.

О такомъ благоприятномъ исходѣ дѣла Пастуховъ даже мечтать не смѣлъ и, начавъ дѣло со скромнымъ капиталомъ въ пять тысячъ рублей, составлявшимъ все его достояніе, онъ послѣ тридцатилѣтняго удачнаго и успѣшнаго веденія дѣла оставилъ, умирая, нѣсколько милліоновъ наличнаго капитала.

Заговоривъ о «Московскомъ Листкѣ» и упомянувъ имя его создателя Николая Ивановича Пастухова, я не могу не остановиться на характеристикѣ этой въ высшей степени оригинальной и своеобразной личности.

У Пастухова, умершаго въ прошломъ году въ преклонномъ возрастѣ (ему было болѣе восьмидесяти лѣтъ), было столько же друзей, сколько и ожесточенныхъ враговъ, и, оставаясь въ предѣлахъ строгой справедливости, слѣдуетъ признать, что какъ тѣ, такъ и другіе были справедливы.

Въ Пастуховѣ было столько же оригинальнаго и своеобразнаго хорошаго, сколько и непереносимо дурнаго, но дурное это могло существовать только для людей, мало и издали его знавшихъ.

Кто зналъ его близко и основательно, тотъ не могъ не оцѣнить его непритворную доброту и ту горячую любовь къ человѣку, которая скрыта была подъ грубой оболочкой этого не строго-культурнаго человѣка.

Къ каждому изъ своихъ сотрудниковъ онъ относился, какъ къ близкому и родному ему человѣку, но и церемоній онъ уже никакихъ ни съ кѣмъ не соблюдалъ, всѣмъ говорилъ «ты» и, разбушевавшись, поднималъ порою такой крикъ, который не всѣ соглашались покорно выносить.

Зато и въ горе, и въ нужды сотрудниковъ онъ входилъ съ отзывчивостью, въ прессѣ небывалой, и миѣ лично извѣстенъ примѣръ, когда, съ укоромъ встрѣтивъ стараго газетнаго товарища, пришедшаго къ нему искать работы, онъ разомъ превратилъ его, какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла, изъ бѣднаго и полудурнаго человѣка въ человѣка относительно обезпеченнаго.

Это моментальное превращеніе помнятъ всѣ, кто зналъ обоихъ героевъ этой житейской волшебной сказки: щедраго «хозяина» Пастухова и въ конецъ пропившагося «работника» Вашкова.

Дѣло было глухой осенью, мѣсяца черезъ два послѣ начала «Московского Листка», первый номеръ котораго вышелъ 1-го августа 1881 года.

На дворѣ стоялъ почти зимній холодъ... улицы покрыты были какой-то гололедицей, чѣмъ-то среднимъ между замерзшимъ дождемъ и растаявшимъ снѣгомъ, когда въ скромную въ то время квартиру новаго редактора-издателя вошелъ Иванъ Андреевичъ Вашковъ, сравнительно довольно хорошій и извѣстный въ Москвѣ литераторъ, но вѣчно бѣдствовавшій, частью благодаря своему многочисленному семейству, состоявшему изъ семи или восьми душъ, а частью (и даже большей частью) благодаря своей губительной и неудержимой страсти къ вину.

Пришелъ Вашковъ въ самомъ жалкомъ видѣ, безъ галошъ, въ плохихъ сапогахъ и въ одномъ холодномъ пальто, подъ которымъ даже сюртука, кажется, не было.

Онъ не взглянулъ ни на кого изъ насъ, хорошо ему знакомыхъ по прессѣ, и прямо подошелъ къ Пастухову, который, съ обычной своей оригинальностью смѣривъ его съ головы до ногъ пристальнымъ взглядомъ, съ укоризной промолвилъ:

— Хорошъ!..

— Работы дайте!..—рѣзко отвѣтить ему Вашковъ.—А ужь хорошъ или нѣтъ, объ этомъ потомъ разсудите!

— Да вѣдь ты работать не станешь, Иванъ Андреевичъ.

— Коли пришелъ «ваниматься», такъ, значить, буду!.. Нельзя не работать!.. Съ голоду всѣ умремъ. Ъсть надо!..

— А штъ не слѣдуетъ!..—серьезно покачалъ Пастуховъ своей сѣдой головой.—Ты гдѣ живешь-то?

— Да покуда... то-есть сегодня, въ меблированныхъ комнатахъ... а завтра ужь не знаю, гдѣ буду жить, потому что хозяйка выселяетъ!..

— Много долженъ?..

— Пятьдесятъ рублей.

— А аммуниціи только то, что на тебѣ?..

— Только!..—низко опустивъ голову, отвѣтилъ Вашковъ.

— И что за жизнь такая въ меблирушкахъ?...—продолжалъ Пастуховъ свои назиданія.—Вѣдь у тебя, слышно, дѣтей орава? Ты бы квартиру взялъ лучше!..

— А мебель гдѣ взять?..

— Она!.. Рѣдкость какую нашель... мебель!.. мало мебели въ Москвѣ!..

— Да такому, какъ я, и квартиры не сдадутъ!.. Контрактъ подписывать надо!..

— Важное кушанье контрактъ!.. Подпишемъ!..

Добрякъ, видимо, начиналъ уже окончательно входить въ роль добраго гения.

Прошла минута тяжелаго молчанія.

Вашковъ стоялъ, понуривъ голову.

— Нечего носъ на квинту сажать!..—весело и бодро заговорилъ старикъ.—Побѣдемъ твои грѣхи замаливать... Да обожди... Мою старую шубу надѣнь!.. Пальто мое на тебя не влѣзетъ!.. Ишь ты дылда какая, прости Господи!..

— Зачѣмъ?.. Не надо!..—стѣсняясь пробормоталъ Вашковъ.

— Чего тамъ не надо!.. Замерзнешь, возись тогда съ тобой!..

И, закутавъ Вашкова въ свою шубу и посадивъ его съ собой въ экипажъ, Пастуховъ объѣхалъ съ нимъ и мебельный, и посудный магазины, закушилъ тамъ полное хозяйство... Затѣмъ провезъ его къ портному, платяя ему купилъ полный комплектъ, нанялъ ему квартиру черезъ два дома отъ редакціи, подписалъ обязательство платить за его помѣщеніе и, вернувшись съ нимъ къ себѣ домой, выдалъ ему двѣ книжки для забора товара въ мясной и въ колониальной лавкахъ, условившись съ нимъ такимъ образомъ, что половина заработанныхъ имъ денегъ будетъ идти въ погашеніе этого забора, а остальная половина будетъ выдаваться ему на руки...

Такимъ образомъ, придя къ Пастухову голоднымъ и холоднымъ, безъ работы и безъ возможности прокормить семью хотя бы въ течение одного дня, Вашковъ ушелъ отъ него сравнительно обеспеченнымъ человѣкомъ, съ приличнымъ совершенно новымъ гардеробомъ, съ оплаченной и оборудованной квартирой, съ перспективой вполне безбѣднаго существованія и съ возможностью пріодѣть всю свою многочисленную семью.

Когда тотъ же Вашковъ умеръ, то, помимо богато устроенныхъ похороновъ, всецѣло оплаченныхъ Пастуховымъ, жеги его были куплены меблированныя комнаты, за которыя заплачено было двѣ тысячи пятьсотъ рублей. Семья умершаго сотрудника Ракшанина выдана была тысяча рублей; такая же сумма выдана была семье умершаго Югансона, всемъ сотрудникамъ, ни разу не оставившимъ его редакцію за все время ея существованія, выдано было за нѣсколько лѣтъ до его кончины по пяти тысячъ рублей, а послѣ его смерти все лица, близко стоявшія къ его газетѣ, остались ежели не богатыми, то вполне обеспеченными людьми.

Все это громко говорить за себя... и создаетъ вокругъ могилы этого простаго, но искренно добраго человѣка теплую и свѣтлую легенду, къ сожалѣнью, рѣдко повторяющуюся въ нашъ строго-практичный вѣкъ...

Но... ежели горячимъ словомъ добра и благодарности помянуть его близко къ нему стоявшіе люди, то въ исторіи литературы и общественнаго развитія имя Николая Ивановича Пастухова особенно почетнаго мѣста не займетъ.

Самъ онъ вліялъ по возможности благотворно на все его окружавшее, но о введенной имъ своеобразной газетной литературѣ того же сказать нельзя... и лично имъ написанный и долгое время тянувшійся романъ, озаглавленный «Разбойникъ Чуркинъ», прекращенъ былъ административнымъ порядкомъ.

Одновременно съ нимъ, благодаря помощи и рекомендаціи Каткова, началъ новую газету еврей Липскеровъ, состоявшій при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ качествѣ стенографа и не имѣвшій съ литературой ровно ничего общаго.

Липскеровъ, въ нравственномъ и душевномъ отношеніи, былъ прямой противоположностью Пастухову и, насколько Пастуховъ былъ добръ и отзывчивъ, настолько же Липскеровъ, какъ истый еврей, былъ эгоистиченъ, выше всего ставя интересы свои личные и своей семьи.

Онъ задерживалъ и сотрудническій гонораръ, и плату типографинъ, чтобы обтягивать своихъ сыновей въ шелковые трико и, когда, благодаря сотрудничеству Дорошевича, въ то время только что выступившаго на литературное поприще, газета его, названная имъ «Новости Дня», пошла очень бойко и широко, онъ купилъ себѣ роскошный особнякъ, завелъ скаковую конюшню, но, не выдер-

жизнь такого train de vie, опять сошелъ на нѣтъ и, въ конецъ разорившись, умеръ въ крайней бѣдности, не сумѣвъ даже устроить своихъ отъ природы способныхъ, но до крайности избалованныхъ сыновей.

Одно время «Новости Дня» насчитывали въ средѣ своихъ пристрастныхъ сотрудниковъ такихъ литераторовъ, какъ Амфитеатровъ, Дорошевичъ и, кажется, даже Немировичъ-Данченко; но отдаленная въ безконтрольное управленіе едва грамотному еврею Эрмансу газета быстро упала и всѣ сотрудники разомъ отъ нея откачнулись.

Эрмансъ впоследствии ясно доказалъ всю свою литературную несостоятельность, проваливъ въ конецъ въ Одессѣ крупную и бойко шедшую газету и доведя себя до конкурса или администраціи.

Тѣмъ временемъ «Современныя Извѣстія» Гилярова-Платонова упали и затѣмъ совершенно прекратились, и одинъ изъ его лучшихъ и надежнѣйшихъ сотрудниковъ, близкій родственникъ его Михаилъ Александровичъ Гиляровъ, поступилъ въ «Московскій Листокъ», гдѣ писалъ передовыя статьи.

Онъ хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло въ лицѣ редактора-издателя Пастухова, и тѣмъ не менѣе дѣлалъ иногда видъ, что совѣтуется съ нимъ относительно направленія и выраженія политическихъ взглядовъ.

Добрѣмъ Пастуховъ при этомъ дѣлалъ серьезную фізіономію, вдумчиво сдвигалъ брови и считалъ своей непремѣнной обязанностью сдѣлать какое-нибудь начальническое замѣчаніе, а подчасъ и выговоромъ щегольнуть.

Одна изъ такихъ сценъ, имѣвшая мѣсто въ первый годъ изданія газеты, живо врѣзалась у меня въ памяти.

Сѣхались мы какъ-то утромъ къ Пастухову, очень любившему, чтобы сотрудники собирались вокругъ его стола во время утренняго и вечерняго чаепитія.

«Самъ» въ это утро былъ не въ духѣ и, насупившись, ушелъ въ кабинетъ, рядомъ съ залой, такъ что все, что тамъ дѣлалось и говорилось, было намъ всѣмъ слышно.

Разговариваемъ мы вполголоса...

Пастуховъ сидеть въ кабинетѣ передъ письменнымъ столомъ и чертитъ что-то на бумагѣ, дѣлая видъ, что углубленъ въ серьезное и безотлагательное занятіе.

На эту сцену наносить Господь Михаила Александровича Гилярова со статьей въ рукахъ... и съ твердымъ намѣреніемъ взять хорошій авансъ.

Последнее было не всегда легко, и, хотя дѣло кончалось всегда полнымъ удовлетвореніемъ всякой просьбы, но покричать при этомъ Пастуховъ считалъ своей священной обязанностью и кричалъ иногда довольно внушительно.

Гиляровъ прошелъ въ кабинетъ и, сразу сообразивъ, что «самъ не въ духахъ», занескивающимъ тономъ началъ:

— Я тутъ политическую передовицу написалъ, Николай Ивановичъ?..

— Ну, что жь!.. Это твое дѣло!.. На то ты и нанятъ!..—буркнувъ «самъ».

— Я хотѣлъ вамъ прочесть... Съ вами посоветоваться.. Какъ вамъ покажется?..

— Ну, что жь!.. Валей!..—умиловываясь и напуская на себя важный тонъ, разрѣшилъ «самъ».

Гиляровъ началъ читать отчетливо и внушительно, а Пастуховъ глубокомысленно вставлялъ ни къ селу, ни къ городу коротенькія замѣчанія, въ родѣ:

— Ты тутъ того... сгладь немного!.. Какъ бы знаешь, тамъ... не разсердились!..

Гдѣ было это таинственное «тамъ» и кто за что могъ разсердиться при чтеніи въ конецъ безобидной статьи, этого самъ редакторъ не зналъ!..

Но нужно было «выдержать фасонъ», и Пастуховъ его выдерживалъ.

Мы въ залѣ притихли и слушали внимательно, зная, что безъ какого-нибудь казуса дѣло не обойдется.

Наше предположеніе сбылось.

Читая свою «передовицу», Гиляровъ дошелъ до словъ: «вотъ именно чего добивались мадьяры»... и въ отвѣтъ на эти совершенно безвинныя слова Пастуховъ громко и порывисто крикнулъ:

— Что-о-о... тако-о-о-е?..

Гиляровъ остановился, охваченный глубокимъ удивленіемъ.

— Что-о-о?.. — попрежнему, какъ труба іерихонская, гремѣлъ Пастуховъ.—Какіе такіе мадьяры?!.. Откуда ты мадьяръ еще выискалъ?!

Растерявшійся Гиляровъ постарался по возможности понятно объяснить ему значеніе слова «мадьяры», но «самъ» уже закусиль удила и вразумить его не было никакой возможности.

— Такъ ты такъ и говори!..—гремѣлъ онъ:—такъ напрямикъ и объясняй!.. австриякъ такъ австриякъ!.. пруссакъ такъ пруссакъ, а мадьяръ мнѣ не сочиняй!.. редактора зря не подводи!.. Вамъ что? Нешто съ васъ спросится? Вы намадьярите, а редактору по шанкѣ накладуть!..—И, видя «глубокое» впечатлѣніе, произведенное его словами и его строгимъ окрикомъ, «самъ» уже смирившимся и умилованнымъ тономъ прибавилъ, укоризненно качая головой:

— А еще профессоръ...

Мы въ залѣ не могли удержаться отъ заразительнаго смѣха, а «самъ», увидавъ въ зеркало отраженіе нашихъ смѣющихся лицъ, почтилъ насъ окрикомъ:

— Вы тамъ чему рады?.. Вы нешто начальство пожалѣете?!..

А между тѣмъ мы именно въ эту минуту отъ души жалѣли наше оригинальное «начальство» и благоговѣли передъ дальновидностью нашей правительственной администраціи, возложившей тяжелую шапку редактора и публициста на голову этого стараго ребенка!..

Съ годами Пастуховъ сталъ и не такъ доступенъ, и съ виду какъ будто не такъ отзывчивъ, но въ душѣ онъ оставался тѣмъ же, и кажущаяся переменна въ немъ была вызвана слишкомъ большими уступками и лестью близко къ нему стоявшихъ и безпощадно эксплоатировавшихъ его лицъ.

О первой поѣздкѣ его за границу въ литературномъ мірѣ ходила масса самыхъ забавныхъ анекдотовъ, изъ которыхъ одинъ пользовался самымъ широкимъ успѣхомъ во всѣхъ сферахъ московскаго общества.

Относится этотъ анекдотъ ко времени тулонскихъ торжествъ, куда Пастуховъ пригласилъ меня ему сопутствовать, но поѣздка эта разстроилась, и меня замѣнилъ покойный Югансонъ, очень милый, симпатичный еврей, котораго Пастуховъ почему-то считалъ замѣательнымъ лингвистомъ, и который, изъ своеобразныхъ расчетовъ, не оспаривалъ этого мнѣнія.

Въ сущности Югансонъ только «понималъ» по-французски, по и то далеко не все, и мы всѣ, провожая нашихъ путешественниковъ на дебаркадеръ желѣзной дороги, недоумѣвали, что станутъ говорить и дѣлать наши «вояжеры» на этомъ съѣздѣ широкаго представительства всѣхъ просвѣщенныхъ странъ?

Но они оба не унывали, и Пастуховъ, прощаясь съ нами и чокаясь бокалами шампанскаго, поданнаго по его распоряженію «на отвальную», говорилъ, на лету подхватывая наши слегка насмѣшливыя улыбки:

— Ладно!.. Смѣйтесь тутъ!.. А мы съ жидомъ станемъ тамъ Францію удивлять!..

И удивили!.. Во истину удивили!..

Первое «удивленіе» вызвано было тѣмъ широкимъ истинно-барскимъ масштабомъ, въ какой Пастуховъ поставилъ свой ежедневный обиходъ.

Номера онъ и въ Парижѣ и въ Лионѣ занималъ самые лучшіе и самые дорогіе, «на водку» прислугѣ раздавалъ деньги щедрой рукой, обязательно сопровождая каждое приношеніе привѣтомъ:

— Буаля!.. Алле...

Экипажи онъ заказывалъ себѣ самые дорогіе и, легко и привѣтливо знакомясь со всѣми, угощалъ при этомъ всѣхъ такими лукулловскими обѣдами, что среди всей прислуги ресторановъ и отелей извѣстенъ былъ подъ лестнымъ именемъ «болярина».

На вопросъ cadaго, есть ли кто-нибудь изъ иностранцевъ, отъ прислуги можно было получить въ отвѣтъ:

— L' boyard russ · est là! ·

Къ нему обращались за помощью масса народа, и никогда никому онъ не отказывалъ, постоянно сопровождая свои довольно щедрыя подачки любознательнымъ вопросомъ: «Пуркуа?» А когда болтливые французъ или французейка начинали быстро льющуюся нескончаемую рѣчь, онъ махалъ рукой, внушительно замѣчая:

— Замолола, Франція очереточная!..

· Вся французская нація и вся страна въ его понятіи были самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ опереткой и съ шпривыми мотивами, и когда при немъ кто-нибудь начиналъ говорить о широкой будущности этой культурной страны и о той крушій роли, какую она уже сыграла въ исторіи мировой культуры, Пастуховъ, недовѣрчиво поводя плечами, скептически замѣчалъ:

— Ну, гдѣ имъ, куцымъ?.. У нихъ и въ головѣ-то всего только «тру-ля-ля...»

Пастушиль день общаго блестящаго банкета, который городъ пожелалъ дать пресеѣ, и представителямъ седьмой державы разосланы были почетные приглашительные билеты.

Получили билеты и Пастуховъ съ Югансономъ.

Банкетъ былъ роскошный. Встрѣчали гостей почетные представители всѣхъ фракцій администраціи и всѣ представители города, en grande tenue, и Пастухову съ его спутникомъ отведено было видное мѣсто.

Во всѣхъ концахъ стола шла оживленная бесѣда, только «бояре» бди молча, потому что никакого разговора поддержать не могли.

Но полилось шампанское... начались привѣтственные рѣчи, и когда предложены были тосты за всѣхъ почетныхъ посѣтителей, одинъ изъ представителей муниципалитета попросилъ слова, подняяль бокаль за присутствовавшего на банкетѣ представителя широко распространенной газеты, издающейся въ Москвѣ, этой исторической, царственной колыбели Россіи, близкой, понятной и дорогой всему просвѣщенному міру! Поднимая бокаль, онъ обратился къ Пастухову и низко почтительно поклонился ему.

Оба «боярина» наши сконфузились и растерялись.

— Николай Степанычъ, чего они?..—конфузливо проговорилъ Пастуховъ, обращаясь къ Югансону.

— Ваше здоровье пьютъ, Николай Ивановичъ, рѣчь вамъ сказали... Отвѣтить надо!..—шепнулъ въ отвѣтъ Югансонъ.

— Ну, вотъ еще выдумалъ... Нешто я могу?.. Ты за меня скажи!

— Да я тоже не могу, Николай Ивановичъ...—сознался шепотомъ лингвистъ.

Со стороны моряковъ, которыхъ по цѣлымъ днямъ неутомимо угощаль нашъ «бояринъ», тоже послѣдовала привѣтственная рѣчь по его адресу, съ горячимъ привѣтомъ и залпомъ выпитымъ шампанскимъ.

— Надо сказать что-нибудь, Николай Ивановичъ!.. Непременно надо!..—убѣдительно прошепталъ Югансонъ.

Пастуховъ и самъ, вѣроятно, понялъ необходимость отвѣтить на адресованныя къ нему привѣтствія и, поднявшись съ мѣста, онъ низко раскланялся на все стороны и коротко и прочувствованно сказалъ:

— Спасибо, голубчики!

— *Qu'est ce qu'il a dit? Quoi?*—раздалось со всехъ сторонъ, когда сдержанный ораторъ вновь опустился на свое мѣсто.

Но французы по-русски не понимали, и все обратилась за разъясненіемъ и переводомъ къ сидѣвшему въ центрѣ стола секретарю нашего посольства въ Парижѣ Нелидову.

Тотъ къ числу друзей Пастухова не принадлежалъ, находилъ, что онъ «компрометируетъ русское общество», и, припертый къ стѣнѣ настоятельностью обращенныхъ къ нему вопросовъ, пресерьезно отвѣтилъ, подстрочно переводя коротенькій привѣтъ Пастухова:

— Что онъ сказалъ?.. Вы хотите знать, что именно онъ сказалъ? Извольте, я вамъ переведу!.. Онъ сказалъ: «*Merci, pigeons!*»

Характерный эпизодъ этого оригинальнаго привѣта и его не менѣе оригинальнаго перевода быстро облетѣлъ весь столъ и въ тотъ же день сдѣлался достояніемъ всего съѣхавшагося общества.

До Россіи рѣчь нашего «боярина» съ переводомъ Нелидова долетѣла быстро и долгое время составляла благополучіе нашихъ литературныхъ кружковъ.

Лѣтъ за десять до кончины съ Пастуховымъ произошелъ роковой въ его жизни, знаменательный случай, принадлежащій, несомнѣнно, къ числу тѣхъ случайностей, которыя граничатъ съ явленіями міра таинственнаго.

Я уже выше сказала, что Пастуховъ былъ отчаяннымъ рыболовомъ. Ничто въ мірѣ не могло такъ занять и увлечь его, какъ рыбная ловля. Въ теченіе всей своей жизни онъ ни разу не измѣнилъ этой страсти и во все времена съ равнымъ наслажденіемъ просиживалъ по нѣсколькимъ часамъ у берега въ лодкѣ, зорко слѣдя за опущенной въ воду удочкой.

Однажды, лѣтъ за десять до своей кончины, Пастуховъ, пріѣхавшій по своему обыкновенію на Нижегородскую ярмарку, выбралъ и облюбовалъ себѣ мѣсто въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ небольшой деревушкѣ, расположенной у самаго устья Волги, и, нанявъ тамъ у одного изъ крестьянъ лодку, расположился со своими удочками, приготовившись къ обильному улову.

Вообще рыбная ловля на удочку требуетъ ненарушимой тишины, а Пастуховъ, для котораго уженье было чуть не священнодѣйствіемъ, былъ необыкновенно капризенъ и требователенъ въ этомъ отношеніи.

Нельзя было нанести ему большого оскорбленія, какъ явиться къ нему на берегъ и шумомъ и разговоромъ спугнуть рыбу, которая клюетъ только при полной тишинѣ и немедленно уходитъ, разъ эта абсолютная тишина нарушена.

Всѣ, знавшіе Пастухова, считались съ этимъ, и легко можно себѣ представить, какъ онъ разсердился, закинувъ удочку и внезапно услыхавъ за собой на берегу смѣхъ и говоръ нѣсколькихъ дѣтскихъ голосовъ.

— Кши!—сердито закричалъ онъ на нихъ, обернувшись въ ихъ сторону и прогоняя ихъ, какъ гоняютъ надоѣдливыхъ птицъ.

Но дѣтишки не унимались, и только видя, что «старый баринъ» зашевелился въ лодкѣ, и боясь, что онъ причалитъ къ берегу и поймаетъ ихъ, они бросились бѣжать съ громкимъ крикомъ и озираясь на сердитаго «дѣдушку».

Но дѣдушка былъ не на шутку взбѣшенъ...

Рыба, испуганная шумомъ, ушла, и онъ хорошо зналъ, что въ этотъ вечеръ она вновь не клюнетъ...

Онъ поднялся въ лодкѣ и издали увидаль, какъ двое изъ убѣгавшихъ мальчиковъ остановились на дорогѣ, съ любопытствомъ глядя въ его сторону и словно поддразнивая его.

Окончательно возмущенный такой смѣлостью и желая хорошенько пугнуть дерзкую дѣтвору, Пастуховъ схватилъ въ руки лежавшій подлѣ него въ лодкѣ револьверъ и направилъ его на мальчиковъ.

Тѣ, увидавъ, что онъ поднялся, вскрикнули и побѣжали.

Онъ съ цѣлью разъ навсегда хорошенько проучить ихъ спустилъ курокъ... пуля, направленная съ шальной мѣткостью, полетѣла прямо... настигла мальчика, остановившагося ближе къ берегу... и Пастуховъ, мгновенно вспомнивъ, что револьверъ былъ заряженъ, весь похолодѣвъ отъ ужаса, увидаль, какъ мальчикъ зашатался... быстро рванулся въ сторону и, взмахнувъ руками, разомъ грохнулся о землю...

Обезумѣвъ отъ ужаса, Пастуховъ выскочилъ изъ лодки, бросился къ мальчику, нагнулся надъ нимъ... сталъ окликать его... сталъ его ласково ободрять... но было уже поздно!...

Ребенокъ лежалъ блѣдный, безъ движенія... съ широко открытыми глазками, въ которыхъ застыло выраженіе смертельнаго ужаса...

Онъ былъ убитъ наповаль!..

Обезумѣвшій отъ ужаса Пастуховъ самъ бросился въ городъ на ожидавшей его на берегу лошади и мигомъ вернулся оттуда въ сопровожденіи полиціи и нѣсколькихъ врачей, которыхъ онъ буквально хваталъ по дорогѣ, не спрашивая ни объ условіяхъ, ни о цѣнѣ визита и только испуганнымъ дрожащимъ голосомъ вторя:

— Скорѣй!.. Ради Бога, скорѣй!.. Можетъ быть, еще можно что-нибудь сдѣлать?!

Но сдѣлать уже было нечего... Съ жизнью былъ поконченъ вопросъ!..

Нагрянувшія власти пашли у труна уже громадную толпу поселянъ съ матерью убитаго мальчика во главѣ.

Ихъ всѣхъ призвали разбѣжавшіяся дѣти, поторонившіяся оповѣстить всѣхъ, что старый сердитый баринъ убилъ Ваську!..

Тутъ же стояла на стражѣ и земская полиція, знакомая съ законами и порядками слѣдствія и знавшая, что мертвое тѣло нельзя трогать съ мѣста до пріѣзда начальства.

На колѣняхъ передъ трупомъ мальчика, прижавшись головой къ еще не остывшему маленькому трупу, неутѣшно рыдала мать маленькаго Васи...

Увидавъ Пастухова, она бросилась къ нему и, не защити его присутствовавшіе, она, кажется, разорвала бы его своими руками!

Въ порывѣ отчаянія она проклинала его самымъ страшнымъ образомъ и, когда разстроенный и перенуганный Пастуховъ направился къ экипажу, она, силой удержанная десятскимъ, крикнула ему вслѣдъ:

— Пусть Богъ отомститъ тебѣ за меня!.. И ежели у тебя есть дѣти, пусть Онъ ихъ у тебя отниметъ, какъ ты у меня моего сыночка бѣднаго отнял!

Движимый горемъ и раскаяніемъ въ своемъ невольномъ преступленіи, Пастуховъ далъ семьѣ маленькаго Васи три тысячи рублей, похоронилъ на свой счетъ, поставилъ надъ нимъ маленькій мраморный памятникъ и внесъ въ земскую управу пять тысячъ на учрежденіе въ ближайшемъ селѣ школы въ память маленькаго Васи.

По проклятіе убитой горемъ матери оказалось сильнѣе всякихъ денегъ и могущественнѣе всякихъ пожертвованій и даровъ, и несчастье, такъ метительно призванное на его голову убитой горемъ матерью, его не миновало!

У него было только двое дѣтей: сынъ, которому въ моментъ этого горькаго событія было около тридцати пяти—тридцати шести лѣтъ, и дочь, нѣсколькими годами моложе брата.

Сынъ былъ уже давно женатъ, дочь тоже была замужемъ, и у каждаго изъ нихъ, въ свою очередь, была семья. Оба были въ полномъ расцвѣтѣ силъ и здоровья и, богатые, счастливые, наслаждались всѣми благами жизни...

Не прошло и года послѣ ужасной смерти несчастнаго Васи, какъ дочь Пастухова внезапно занемогла горловой чахоткой и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла въ страшныхъ мукахъ отъ голода, не имѣя силъ проглотить никакой пищи...

Братъ, присутствовавшій на ея погребеніи и самъ несшій гробъ ея до могилы, почти внезапно умеръ черезъ три недѣли послѣ нея, проболѣвъ только пять или шесть дней.

Эта послѣдняя могила вырыта была черезъ девять мѣсяцевъ послѣ трагической смерти маленькаго Васи.

Люди, не зараженные никакими предрасудками и считающіе себя тѣмъ, что французы называютъ *esprit fort*, объясняютъ это простой случайностью, но многіе изъ тѣхъ, кто были свидѣтелямъ переданнаго мною случая, видѣли въ немъ роковое послѣдствіе проклятія, призваннаго на семью Пастуховыхъ убитой горемъ матерью Васи.

Самъ Пастуховъ ни разу, сколько могли замѣтить люди, его близко видѣвшіе, не вспоминалъ ни горькаго случая этого нечаяннаго убійства, ни совпаденія обрушившихся на него несчастій съ поразившимъ его проклятіемъ. Помимо нравственнаго горя, это роковое дѣло принесло Пастухову и немало матеріальныхъ убытковъ.

Дѣло это до суда не дошло и было прекращено за отсутствіемъ состава преступления... Но, по личному сознанію покойнаго, это снисходительное молчаніе закона и это «недоведеніе» дѣла до суда обошлось ему въ такую солидную цифру, какой не вышло бы изъ его кармана приглашеніе наилучшаго въ мірѣ защитника.

Такое сознаніе открываетъ передъ публикой совершенно новые горизонты...

Оказывается, что, помимо суда закрытаго и суда открытаго или гласнаго, на Руси святой есть еще судъ совершенно «безгласный»!...

Для характеристики эпохи это свѣдѣніе довольно цѣнное!..

Сына Пастуховъ обожалъ, и во всемъ живомъ мірѣ не было существа ему болѣе близкаго и дорогаго, а между тѣмъ и хоронить его старику пришлось при совершенно исключительныхъ условіяхъ.

Сынъ, никогда не разлучавшійся съ отцомъ, самъ былъ къ нему горячо привязанъ и, предувѣдомленный о внезапной болѣзни отца, занемогшаго на одной рыбной ловлѣ, за Пушкинымъ, Викторъ Николаевичъ (такъ звали молодого Пастухова) тотчасъ же отправился туда, чтобы перевезти больнаго отца въ Москву.

Поѣхалъ онъ къ нему совершенно здоровый, но дорогой простудился и при возвращеніи въ Москву самъ занемогъ.

Отецъ въ это время лежалъ безъ памяти и ничего не зналъ о болѣзни сына...

Квартира молодого Пастухова расположена была по одной лѣстницѣ со старикомъ, прямо надъ его квартирой, и лежалъ больной Викторъ прямо надъ той комнатою, гдѣ лежалъ и приговоренный къ смерти старикъ.

Очнувшись отъ безпамятства на третій или четвертый день болѣзни, старикъ спросилъ о сынѣ, и доктора, уже не читавшіе ни-

какой надежды на выздоровление Виктора, осторожно предупредили Пастухова об опасной болезни сына.

Онъ вздохнулъ, перекрестился, спросилъ, остается ли какая-нибудь надежда на выздоровление, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, попросилъ окружающихъ, чтобы его предупредили въ ту минуту, когда у сына начнется агонія.

Желание его было исполнено, и онъ, узнавъ, что сынъ доживаетъ послѣднія минуты своей сравнительно молодой жизни, поднялъ глаза къ потолку, какъ бы желая взоромъ проникнуть сквозь все матеріальныя преграды туда, гдѣ угасала эта дорогая ему жизнь...

— Кончено?!..—внезапно вздрогнувъ, спросилъ онъ, именно въ ту минуту, когда сынъ дѣйствительно испустилъ духъ, и, узнавъ, что его уже нѣтъ, поднялъ руки вверхъ и издали молчаливымъ крестомъ благословилъ его и простился съ нимъ!..

Не только провести, но даже и перенести его по лѣстницѣ въ квартиру сына не было никакой возможности, и старика только въ креслахъ подкатили къ двери передней въ ту минуту, когда сверху мимо него пронесли гробъ съ дорогимъ ему прахомъ...

Въ тѣхъ же креслахъ его подкатили къ окну, изъ котораго онъ еще разъ благословилъ сына, когда гробъ его вынесли изъ дома...

Болѣе трагическое, болѣе безотрадное прощание, трудно себѣ представить!....

Самого Пастухова смерть постигла тоже со страннымъ совпадениемъ датъ.

Его хоронили 31-го іюля 1911 года, т. е. наканунѣ тридцатипятилѣтняго юбилея его газеты, первый номеръ которой вышелъ въ свѣтъ 1-го августа 1881 года.

Онъ двухъ дней не дожидъ до юбилея созданнаго имъ и горячо имъ любимаго дѣла, при посредствѣ котораго онъ оставилъ наследникамъ своимъ нѣсколько милліоновъ наличныхъ денегъ, не считая очень богатыхъ недвижимостей.

Въ лицѣ Николая Ивановича Пастухова сошелъ въ могилу честный и беззавѣтно-добрый русскій человекъ, въ которомъ не было ни злобы, ни зависти къ чужому успѣху, ни ненависти къ чужому счастью.

Онъ никогда не взвелъ ни на кого злой клеветы, никогда не разбилъ чужой жизни!.. Далеко не о всякомъ ушедшемъ изъ міра можно дать такой отзывъ, и далеко не все современные насадители и распространители «мелкой прессы», собравъ на этомъ пути обильную дань, оставлять по себѣ такую память!

Въ послѣдніе годы Пастуховъ, передавъ газету въ полное заведываніе секретарю редакціи Иванову и утвердивъ его въ званіи и правахъ редактора, проводилъ все время свое въ разъѣздахъ.

Осень онъ жилъ въ Парижѣ, зиму проводилъ въ Ниццѣ, гдѣ занималъ роскошное отдѣленіе въ «Hôtel des îles Britanniques» и

гдѣ въ послѣднее время задумалъ выстроить себѣ прихотливую виллу. Ранней весной онъ уѣзжалъ въ Ялту, гдѣ у него была своя богатая дача, и лѣтомъ только возвращался на короткое время въ Москву, обязательно заглядывалъ на Нижегородскую ярмарку и на пароходѣ дѣлалъ нѣсколько рейсовъ по Волгѣ.

И среди всего этого прихотливаго европейскаго кочевья онъ оставался вѣренъ себѣ и своей чисто-русской натурѣ.

Повсюду въ его меню обязательно входили «рубленныя коклеты», во всѣхъ ресторанахъ и отеляхъ въ занимаемыхъ имъ комнатахъ красовался на стѣнѣ тяжелый золотой складень, передъ которымъ теплилась неугасимая лампада, и повара роскошнаго отеля «Les Britanniques» приловчились готовить ему «рубцы» и дѣлать русскую «окрошку» съ спеціально для него приготавливаемымъ квасомъ...

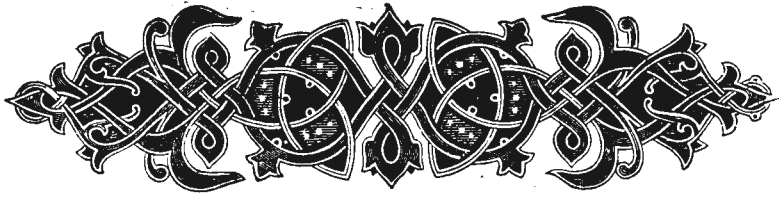
Это былъ представитель русской черноземной силы, унесшій съ собой въ нѣдра родной земли весь самобытный и оригинальный складъ кореннаго русскаго человѣка.

Все создавшееся послѣ него въ области мелкой прессы всецѣло поступило въ распоряженіе жидовъ и носить скорѣе характеръ еврейскаго кагала, нежели русскаго редакціи.

А. И. Соколова.

АУДИЕНЦІЯ У П. А. СТОЛЫПИНА И КАТАСТРОФА 12-ГО АВГУСТА.

I.

ВЫЛЪ ВЪ НАЧАЛѢ августъ, —теплый, сухой, что большая рѣдкость въ туманномъ Петроградѣ. Вернувшись изъ Одессы, я жилъ на станціи Удѣльной, почти безъ дѣла. Меня въ тѣ поры занимала идея основать въ одной изъ внутреннихъ губерній независимый (по возможности свободный отъ мѣстныхъ административныхъ внушеній) правый органъ. Господствовало мнѣніе, что правый органъ самостоятельно существовать не можетъ; подписки у него не будетъ. Издателю придется ежегодно на покрытіе дефицита прибѣгать къ субсидіямъ. А это поведетъ къ предварительной цензурѣ губернаторовъ. Не говоря уже о томъ, что губернаторъ (даже превосходнѣйшій) навѣрное окажется плохимъ руководителемъ газеты, важно было и то, что субсидируемый правый органъ такимъ образомъ все же будетъ изданіемъ, выходящимъ подъ предварительной цензурой, а его противники, лѣвые всякой марки, будутъ изданіями, выходящими безъ предварительной цензуры. Публика, несомнѣнно, пойдетъ налѣво... Предварительную цензуру у насъ не терпятъ. Да и пользы отъ нея не было и быть не можетъ. Въ этомъ, безспорно, есть значительная доза правды.

Вотъ если бы удалось избѣгнуть подводныхъ камней: административныхъ внушеній, и мелей—плохой подписки, думалось мнѣ, правый независимый органъ могъ бы принести большую пользу. Время революціонное. Въ провинціи котель кипить. Разумныхъ,

умбреннихъ, трезво смотрящихъ на вещи людей тамъ много, но подушенія и сомнѣнія заставляютъ молчать правую сторону—людей, желающихъ мирнаго развитія. Самыя вредныя утопіи принимаются за истину. А трезвое слово прессы? Гдѣ оно? Существовало (при Витте) «Русское Государство» (редакторъ Гурьевъ), теперь издается офиціозная «Россія». Но это далеко не то, что надо нашимъ провинціямъ.

Я упорно носился со своею идеей основать независимый провинціальный правый органъ, носился долго, хлопоталъ усердно и, надо сознаться, безуспѣшно.

Мнѣ необходима была независимость и небольшая поддержка при началѣ. Личныхъ средствъ у меня не было. Я былъ бѣденъ, какъ монастырская крыса, или, еще вѣрнѣе, какъ пророкъ Іона послѣ трехдневнаго пребыванія во чревѣ китовѣ.

Комичнѣе всего, что успѣху моихъ хлопотъ повредило скромное требованіе субсидіи. Одно административное лицо какъ-то даже заинтересовалось моими доводами и спросило:

— А какого размѣра субсидія вамъ потребуется?

— Пять-шесть тысячъ.

— Только-то? Ну, съ этимъ вы ничего не подѣлаете. Это потерянные деньги.

И лицо администратора сдѣлалось холоднымъ, непрощаемымъ.

— Но я началъ издавать мой «Лучъ» со ста рублями въ карманѣ.

— Другое время было, теперь не то. Впрочемъ, я подумаю о вашемъ проектѣ.

Аудіенція была кончена. Администраторъ отпустилъ меня съ далеко не поощрительнымъ:

— Хорошо, хорошо. Я подумаю.

Тутъ же, въ томъ же учрежденіи мнѣ благодушно сказали:

— Да вы, батюшка, совершили капитальную ошибку, запросивъ такую малость.

— Значить, надо было просить тысячъ тридцать?

— Непремѣнно. Знаете, какъ на васъ взглянули? Какъ на желящего ухватить 5—6 тысячъ и нырнуть въ волнахъ провинціального моря. Требованія 30—40 тысячъ говорятъ о солидности дѣла, а пять тысячъ—внушаютъ подозрѣнія.

Одинъ добрый человѣкъ меня надоумилъ: лично поговорить съ самымъ вершителемъ судебъ—Петромъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ.

— Министръ очень занятъ, но тѣмъ не менѣе всѣхъ желающихъ принимаетъ. Поѣзжайте въ первый пріемный день на Антекарекій островъ, на дачу министра. Чѣмъ окончится ваша бесѣда, предсказать трудно. Но о Столыпинѣ говорятъ очень много хорошаго. Успѣете, или, вѣрнѣе, все окончится ничѣмъ, но все же васъ выслушаютъ, въ лучшемъ случаѣ скажутъ нѣсколько одобрительныхъ словъ, и затѣмъ просьба будетъ передана по инстанціямъ, т.-е. въ

руки тѣхъ же лицъ, которые, по вашимъ словамъ, тянутъ дѣло уже болѣе года, не приказывая и не отказывая. По крайней мѣрѣ вы излечитесь отъ паничной вѣры, что наши бюрократы, при самомъ искреннемъ желаніи, могутъ что-либо измѣнить въ рутинныхъ порядкахъ, которые самихъ ихъ опутываютъ и держатъ крѣпко. Въ приемной перваго министра вы увидите очень много любопытнаго; увидите и самого Столыпина. Какъ никакъ, а онъ лицо историческое.

Последнее меня въ особенности заинтересовало, и я поѣхалъ на Аптекарскій островъ.

II.

Въ газетахъ стояло: приемъ отъ 12 до 4 часовъ пополудни. Аптекарскій островъ почти городъ; мѣстность низкая, улицы пыльные и вдобавокъ сырость отъ Невы. Министерская дача старая, деревянная. Отъ Невы ее отдѣляетъ шоссе и аллея старыхъ березъ. Къ подъѣзду дачи подъѣзжало и подходило много людей, начиная отъ облеченныхъ въ блестящіе мундиры до непрезентабельныхъ, простыхъ картузовъ. Были женщины съ прошеніями, завернутыми въ платочки, изъ числа тѣхъ, которыхъ всегда много тамъ, гдѣ что-либо возможно получить. Со мною на ступеньки крыльца подвѣлся нѣкто въ поддевкѣ и сапогахъ бутылками. Онъ тутъ же, не стѣняясь, высморкался безъ помощи платка.

— Неужели же и этотъ будетъ разсуждать съ первымъ министромъ?—подумалъ я.

Но оказалось, что это былъ саратовскій богатый мельникъ и, какъ лично извѣстный министру, онъ былъ сейчасъ же, не въ очередь, принятъ. Мельникъ объяснилъ, что онъ опасается поджога мельницы, и явился просить охраны.

— Обѣщалъ вамъ министръ охрану?—спрашиваю его, когда онъ вернулся послѣ аудіенціи.

— Обѣщалъ, только...

— Что только?

— А то, что тѣ, бунтари, которые грозятъ сжечь мельницу, ее все же и сожгутъ. Говорилъ братьямъ: надо откупиться, заплатить, сколько тамъ они требуютъ. Заспорили. Поѣзжай, похлопочи. Да не было бы хуже! Обозлятся еще эти сицилисты. Ну, времечко! Истинное горе!

Мельникъ нахлобучилъ картузь и уѣхалъ.

По аллеѣ вдоль Невы расхаживали городовые; суетился околотовный, чуть ли даже не два; стояло нѣсколько конныхъ полицейскихъ, и на крыльцѣ подъѣзда было съ полдюжины жандармовъ. Но на эту формальную, выставочную охрану никто не обращалъ вниманія. Всѣ шли прямо, безъ задержки, въ большія темноватая сѣни-приемную и рассаживались на стульяхъ вдоль

ствѣ. Тутъ со скучающимъ видомъ толпилось нѣсколько сторожей, но именно только толпилось. Они тоже, очевидно, считались охраной.

Изъ сѣней-пріемной одна дверь, прямо противъ входной, вела во внутреннія комнаты; другая—въ небольшую комнатку секретарскую; далѣе чрезъ открытыя двери виднѣлся кабинетъ министра, тоже небольшое помѣщеніе. Онъ пока былъ пустъ. Хотя былъ уже въ исходѣ часъ, пріемъ еще не начинался, или, вѣрнѣе, какъ сообщали сторожа, Столыпинъ въ это время принималъ въ другомъ кабинетѣ предводителей дворянства, зачѣмъ-то приглашенныхъ въ этотъ день.

Мундирные и военные проходили въ секретарскую; мы, публика попроще, оставались въ пріемной. Толстый швейцаръ Дементьевъ со множествомъ медалей предупредительно снималъ съ привилегированныхъ верхнее платье и пріотворялъ для прохода дверь въ секретарскую. По русскому обычаю ему за это пропускаемые всовывали кое-что въ лапу.

«А если онъ по неосмотрительности пропуститъ бомбиста или съ браунингомъ, вѣдь нехорошо будетъ», пришло мнѣ въ голову.

Въ сѣняхъ, гдѣ мы, «немундирные», ожидали, находился очень толстый полицейскій—нервный субъектъ; онъ постоянно дергался и все куда-то порывался, напоминая собою извѣстный типъ Мырцова въ разказахъ Глѣба Успенскаго, олицетворявшій *тащитъ* и *не пуцать*. Высокій, благообразный жандармскій офицеръ Федоровъ, напротивъ, представлялъ ничѣмъ не возмутимое, уравновѣшенное спокойствіе. У стола возлѣ окна сидѣлъ генералъ Замятинъ и записывалъ фамиліи желавшихъ получить аудіенцію. Отказа въ пріемѣ не было никому до двухъ часовъ пополудни, хотя дѣла, по которымъ нѣкоторые желали бесѣдовать съ премьеръ-министромъ, были не только странны, но даже просто курьезны.

Пришли двѣ еврейки, и на вопросъ: какое у нихъ дѣло?—долго отнѣкивались, ссылаясь на особенную важность и секретность ихъ дѣла, и только когда толстый полицейскій со свойственной ему стремительностью началъ ихъ убѣждать, высказались, о чемъ онѣ хотѣли просить господина Столыпина. Наслышавшись о его добротѣ, онѣ желали, чтобы онъ выхлопоталъ имъ личную аудіенцію у государя...

О чемъ хотѣли говорить еврейки съ государемъ, этого онѣ ни за что не желали сообщить. По лицу генерала Замятина, терпѣливо выслушивавшаго евреекъ, скользнула улыбка. Однако на листъ допускаемыхъ къ министру ихъ фамиліи были занесены.

Пришелъ по виду какой-то рабочій, въ *стиножакъ*, нахмуренный, и на вопросъ: что ему нужно?—громко крикнулъ хриплымъ басомъ:

— Я не преступникъ!

— Мы васъ и не считаемъ преступникомъ, — вскидывая на него глаза, мягко замѣтилъ Замятинъ.—Но что же вамъ отъ министра угодно?

— Доказать ему, что я не преступникъ. За что меня хотятъ взять? Неприкосновенность личности... Поймите: я о неприкосновенности личности, къ министру. Вдругъ таперича меня самого они сцапають.

— Кто васъ хочетъ взять?

— Тянуть въ судъ. Я уже сидѣлъ, — выпустили... Теперь опять вызовъ. Пусть министръ прикажетъ не брать меня. Я не преступникъ.

Субъектъ, такъ настойчиво увѣрявшій, что онъ не преступникъ, былъ немного выпивши. Всѣ трое: генераль Замятинъ, капитанъ Ѳедоровъ и приставъ начали его убѣждать, что министръ не можетъ приказывать суду. Но все это было напрасно, энергичный спинжакъ стоялъ на своемъ: «Если я не преступникъ, нуцай министръ прикажетъ суду не трогать меня. Затѣмъ я и пришелъ... министръ долженъ, потому тутъ неприкосновенность моей личности. А то что же это? Ну, посадили меня, отсидѣлъ — и довольно».

Толстый полицейскій хотѣлъ уже пустить въ ходъ свое *не пуцать* и *тащитъ* несговорчиваго. Но кто-то напелся и направилъ спинжакъ къ министру юстиціи. Онъ, дескать, начальствуетъ надъ судами. Дали адресъ министру юстиціи съ указаніемъ дней пріемовъ и благополучно сбыви пьяненькаго.

Большинство желавшихъ получить аудіенцію явилось за пособіями. Но было немало тоже камергерскихъ, камеръ-юнкерскихъ, предводительскихъ и иного сорта мундировъ. Эти, кажется, даже не записывались у Замятина, а прямо проходили въ секретарскую.

Я сидѣлъ въ уголку и наблюдалъ. Все происходившее было крайне интересно. Возлѣ меня сѣлъ скучающій жандармскій офицеръ Ѳедоровъ.

— Вы здѣсь постоянно? — спрашиваю.

— Да, я постоянно при охранѣ.

— Очень ужъ легко и безъ разбора допускають къ Столышину. Чуть не половина желающихъ получить аудіенцію явилась съ такими просьбами, что ихъ удовлетворять вовсе не дѣло министра, управляющаго имперіей. Говорить съ этими просителями, полагаю, простая потеря времени для занятаго предсѣдателя совѣта министровъ.

Ѳедоровъ посмотрѣлъ на меня пристально.

— Вы какъ будто осуждаете доступность министра? Что же тутъ дурного.

— Дурного ничего, если не считать потери времени у государственнаго человѣка. Но опасности въ этихъ порядкахъ очень много.

— Опасности? Какой опасности?

— Посмотрите, сколько насъ тутъ сидить. Кого вы изъ насъ знаете? Никого! Не всё даже записывались и исповѣдывались у Замятина. Вотъ сидить дама съ большимъ портфелемъ, сидить сосредоточенная, молчаливая. А что если у нея въ портфель бомба?

— Бомба?—встрепенулся Ѳеодоровъ.—Съ какой стати бомба? Петръ Аркадьевичъ пользуется популярностью. Наконецъ, даму по очереди спросятъ: зачѣмъ явилась? Она можетъ и не получить аудіенціи.

III.

Ѳеодоровъ все же нѣсколько встревожился, всталъ и подошелъ къ молчаливой дамѣ, спросилъ: что ей угодно? Дама раскрыла свой портфель—бомбы тамъ не было. Она явилась просить пособія.

Въ дверь вошелъ низенькій человѣчекъ, извѣстный переводчикъ талмуда Лютостанскій—въ старенькомъ сюртукѣ. Этотъ врагъ евреевъ выглядѣлъ крайне отренаннымъ. Онъ сейчасъ же подошелъ ко мнѣ.

— Вы что?—спрашиваю.

— Поднесъ альбомъ его высокопревосходительству.

— Ну, и что же?

— Да вотъ мѣсяць цѣлый не могу добиться...

— Чего вы, собственно, добиваетесь?

— Пособія, или хотя бы альбомъ обратно вернули. Онъ мнѣ самому тридцать рублей стоитъ. Только плохо!

— Отчего же плохо?

Шопотомъ Лютостанскій заявилъ:

— Мирволятъ тутъ жидамъ...

Я засмѣялся. Огорченный фанатикъ продолжалъ:

— Видите, до чего я дошелъ? Ъсть нечего... Книги мои не идутъ. Прежде поощряли, теперь—не поощряютъ... На дняхъ зашелъ въ редакцію «Правительственнаго Вѣстника», спрашиваю начальника отдѣла. Показываютъ... Подхожу,—жидъ сидитъ. Ужасно!

Онъ уныло отошелъ къ окну.

Вижу, входитъ сѣденькій старичокъ въ мундирѣ. Оказывается, знакомый московскій счетоводъ Езерскій. Предлагаю ему сѣсть со мною. Приѣмъ еще не скоро.

— Нѣтъ,—возражаетъ.—Я пройду въ секретарскую.

— Да, пожалуй, не пустятъ. Вотъ Лютостанскаго швейцаръ не пустилъ.

— Эге!—хитро улыбнулся Езерскій и показалъ зажатый въ пальцахъ золотой.—Этотъ ключъ всё двери открываетъ. Къ тому же министръ меня вызвалъ.

— Зачѣмъ вызвалъ?

— Изъявилъ желаніе познакомиться. А вы?

— Меня не вызывалъ. Я самъ имѣю желаніе съ нимъ познакомиться.

Швейцаръ Дементій Езерскаго немедленно въ секретарскую комнату пропустилъ.

Со мною рядомъ сидѣлъ мрачный, злобный субъектъ. Онъ разсказалъ, что вотъ его еще Булыгинъ уволилъ изъ земскихъ начальниковъ согласно прошенію, а онъ прошенія не подавалъ.

— Это же подлогъ, мерзость,—кричалъ онъ, смущая своимъ крикомъ многотерпѣливаго Замятина и Федорова. Оба обмѣнялись только взглядами: очевидно, волновавшійся отставной земскій начальникъ былъ въ пріемной не первый разъ и имъ хорошо былъ знакомъ.

— Дурново отправилъ мою просьбу въ земскій отдѣлъ,—продолжалъ тотъ кричать.—А въ земскомъ отдѣлѣ сидятъ тѣ, которые со мною такую недостойную штуку продѣлали. По командѣ, значить, спустилъ прошеніе... Теперь буду просить Столыпина: пусть онъ прикажетъ показать мое прошеніе объ отставкѣ. И не покажутъ, такъ какъ я его не подавалъ. Я здѣсь уже третій разъ.

— И что же? Какое рѣшеніе?

— А такое, что и Столыпинъ передалъ мою жалобу въ земскій отдѣлъ. Но я зато ужъ сегодня ему наговорю...

IV.

Въ два часа закончилось записываніе на листъ всѣхъ желающихъ получить аудіенцію. Приходило еще много народу, ссылаясь на объявленіе: пріемъ отъ 12 до 4 часовъ. Замятинъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ объяснялъ, что пріемъ точно будетъ до четырехъ часовъ и даже позже. Но запись прекращается въ два часа. Иначе министръ и до ночи не отдѣлался бы.

Только пышномундирные совершенно свободно проходили въ секретарскую и послѣ двухъ часовъ. Народъ этотъ былъ очень развязанъ и самоувѣренъ. Всѣ были знакомы другъ съ другомъ; громко переговаривались, смѣялись... Бюрократы чувствовали, что они сила и даже сила выше той, которая принимала ихъ доклады въ кабинетѣ. Той, пожалуй, черезъ полгода и не будетъ, а ихъ, какъ чернильное пятно, трудно вытравить изъ русской жизни. Ни одной я не замѣтилъ фізіономіи озабоченной, дѣловой. Входя въ кабинетъ министра и выходя оттуда, этотъ цвѣтъ бюрократіи двигался легко и свободно, нисколько не отягощенный даже тѣнью той печали, которою теперь омрачена вся Россія. Большинство чиновниковъ зачѣмъ-то направлялось къ Крыжановскому. Только и слышались фразы: «вы къ Крыжановскому?»—«Непремѣнно, а вы?»—«Я тоже. Сначала только заѣду подписать бумаги на минуту въ департаментъ». Одни предводители дворянства были невеселы,

встревожены. Они чувствовали себя въ этихъ волнахъ бюрократіи, какъ рыба, вынутая изъ воды. Нѣкоторые сановники казались очень древними. Ошибались дверями. Ихъ, послѣ утомленія пріемомъ, буквально подъ руки доводили до ихъ экипажей. На голову одного старичка, забывшаго надѣть треуголку съ бѣлымъ плюмажемъ, швейцаръ Дементій осторожно ее нахлобучилъ...

О! Какіе это подгнившіе и ветхіе столпы имперіи! Но не то дурно, что они такъ стары, безсильны... Старѣться—общій законъ.. Не-хорошо то, что каждый изъ нихъ своихъ птенцовъ-сыночковъ, племянничковъ и т. д. непременно проведетъ черезъ привилегированныя заведенія и поставитъ въ первый бюрократическій рядъ. Тѣсною, сплоченною стѣною цѣлое столѣтіе стоитъ эта наслѣдственная бюрократія и не пропускаетъ никого чужаго. Еще Лермонтовъ писалъ:

Вы, жадною толпой стоящіе у трона...

«Дана конституція. Ну, такъ что же? И ее бюрократы сведутъ на нѣтъ», думалось мнѣ.

Швейцара Дементія всѣ награждали.

— А что? какъ вы думаете?—говорю огорченному земскому начальнику, уволенному по прошенію, котораго онъ не подавалъ.— Хорошо служить швейцаромъ у министра?

— Гораздо лучше, чѣмъ министромъ; даяній много, отвѣтственности никакой. И этакъ-то ему валить деньга каждый день.

— Исконный русскій обычай давать на чай. И вольтерьянцы супротивъ этого возстаютъ совершенно напрасно.

— Скверный обычай. Онъ, пожалуй, и бомбиста невзначай пропуститъ.

— А все же швейцаромъ у министра служить хорошо. Попрошима развѣ? А?

— Не приметъ. Физиогноміи у насъ съ вами не такія и миңдалій этихъ самыхъ нѣтъ. Никакого вида мы изъ себя не представляемъ.

V.

Около трехъ часовъ изъ внутреннихъ комнатъ прошло семейство Петра Аркадьевича: гувернантка, дочери, маленькій сыночекъ. Его вели за ручки, и онъ звонко, радостно чему-то смѣялся. За нимъ шла дѣвушка-подростокъ въ короткомъ платьицѣ, съ пріятливымъ личикомъ и ласковою улыбкою...

Кто бы могъ тогда думать, что черезъ недѣлю эти неповинныя дѣти будутъ варварски искалѣчены бомбою, брошенною тремя обезумѣвшими евреями?

Бомба разорвалась, какъ извѣстно, въ этой самой передней, перебивъ десятки людей, совершенно безобидныхъ. Но могло быть и хуже. Описанные нами порядки приѣма неоспоримо доказываютъ, что если бы убійцы не опоздали явиться и пришли бы до двухъ часовъ вмѣсто половины четвертаго, сказали бы Замятину какой-нибудь вымышленный предлогъ, ихъ бы пропустили въ секретарскую, какъ военныхъ, а оттуда ничего бы уже не стоило метнуть бомбу въ приемный кабинетъ... Столыпинъ погибъ бы. Соображая возможность гибели министра, я думалъ:

«Не то, чтобы Столыпинъ былъ незамѣнимъ. Найдутся: земля наша не клиномъ сошла. Но перемѣнилась бы система. Она—эта система управленія—много разъ уже мѣнялась. Обыватель сбить съ толку: не знаетъ, чему ему вѣрить? чего ждать? Шатанье у всѣхъ. Что будетъ завтра—никому неизвѣстно, а меньше всего тѣмъ, которые стоятъ у власти сегодня».

Черезъ недѣлю, когда разразился взрывъ на дачѣ министра, мнѣ сейчасъ же вспомнилось, какъ мало Федоровъ (онъ погибъ при взрывѣ) обратилъ вниманіе на мои предостереженія. Пока громъ не грянетъ у насъ не принято креститься, зато послѣ всѣ усердствуютъ, часто выше мѣры и разума.

Мнѣ возражать: какъ же быть? Террористы не щадятъ себя. Не обыскивать же всѣхъ желающихъ представиться министру?

За чѣмъ же всѣхъ? Но за улицею слѣдуетъ наблюдать. Кто и что несетъ съ собою, идя на аудіенцію, объ этомъ не мѣшаетъ спрашивать.

Полицейскихъ, жандармовъ, сторожей, помню, толпилась уйма въ тотъ день, когда я былъ на дачѣ Столыпина. Но они только толпились, галдѣли и зѣвали. Спросите у нихъ: что вы тутъ дѣлаете? Охраняемъ его высокопревосходительство! отвѣтять. Но въ чемъ заключается эта ихъ охрана, ни одинъ не отвѣтитъ. Повторяется у всѣхъ старая исторія Мымрецова, который зналъ только одно: тащить и не пущать. И всѣ эти охранители не шагнулъ дальше.

Но это съ одной стороны. Есть и другая сторона: наши сановники щеголяютъ своею храбростью, правильнѣе: неосторожностью. То время далеко и невозвратно, когда я встрѣчалъ на улицахъ Петербурга покойнаго государя Николая Павловича шествующимъ въ одиночку по панелямъ, задитымъ народомъ.

Уже въ 1863 г. М. Н. Муравьевъ ѣздилъ по улицамъ Вильны въ каретѣ, окруженный во всю прыть несущимся конвоемъ. Совершить покушеніе при такой обстановкѣ было мудрено, не говоря уже о техникѣ взрывчатыхъ снарядовъ, далеко не достигавшей тогда пикнѣшняго ужаснаго ея совершенства.

Приѣмы у Муравьева бывали, но неизвѣстному лицу попасть на нихъ было мудрено, а пронести оружіе и совѣмъ трудно. Первое

марта 1881 года показало намъ, на что способны фанатики. Взрывъ на Антекарскомъ островѣ и покушенія въ Севастополѣ и Москвѣ явились еще болѣе внушительными предостереженіями и... совершенно ничему никого не научили. На дняхъ погибъ въ Симбирскѣ губернаторъ, разгуливавшій по улицѣ, точно вокругъ него была какія-то счастливая Аркадія.

Столыпинъ 12-го марта не погибъ только благодаря случайности.

VI.

Въ половинѣ седьмого я былъ наконецъ принятъ министромъ. Меня очень интересовала личность Столыпина. О немъ разное говорили.

«Оборветъ, или не оборветъ?—думалось.—По прежнимъ шаблонамъ: возьметъ просьбу, не прочтетъ, броситъ отрывистыя фразы: О чемъ просите? А? Что такое? Хорошо: я распоряджусь... Или же Петръ Аркадьевичъ толково разспроситъ и проявитъ хотя бы слабую личную инициативу?»

При проходѣ изъ секретарской въ пріемный кабинетъ я внезапно былъ ущемленъ за плечо какимъ-то охранительнымъ чиномъ. Громкимъ шопотомъ онъ скомандовалъ:

— Не подходите близко къ его высокопревосходительству. Становитесь тутъ у самой двери.

Странное усердіе! Если бы у меня былъ браунингъ и злыя намѣренія, то спрашивается, какая разница: стоялъ ли бы я въ разстояніи одного шага или трехъ шаговъ, отдѣлявшихъ дверь отъ стола министра?

Но чинъ охраны не хотѣлъ этого сообразить. Онъ, очевидно, щеголялъ въ виду начальства своею неусыпною зоркостью.

Столыпинъ взялъ прошеніе и подаль руку. Высокаго роста, брונетъ, съ выразительнымъ, но измученнымъ лицомъ, онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Слушая, онъ едва ли что-либо слышалъ... Семь часовъ подъ рядъ принимать и все разныхъ людей и все больше выслушивать разный вздоръ и просьбы почти невыполнимыя, не равняется ли это своего рода небольшой пыточной встряскѣ? И если такая пыточная встряска продолжается изо дня въ день, то не много ли этого для одного человѣка?

Но прошу вѣрить: всмотрѣвшись въ мученическую физиономію всемогущаго перваго министра великой имперіи, я былъ готовъ не подавать моего прошенія и отказаться отъ всѣхъ своихъ претензій, тѣмъ болѣе, что я въ эту минуту вполне убѣдился въ бесплодности всякихъ ходатайствъ. Предо мною былъ измученный, изжелта-блѣдный человѣкъ, напоминавшій больного, а никакъ не человѣка, котораго можно было бы въ чемъ-либо убѣдить, что-либо ему выяснить.

Но, какъ личность, Столыпинъ, напротивъ, мнѣ понравился.

Онъ былъ очень симпатиченъ; слабая улыбка, бродившая по губамъ, говорила о мягкости; глаза смотрѣли почти привѣтливо...

Онъ напоминалъ земца изъ внутреннихъ губерній. Хорошіе земцы изъ внутреннихъ губерній, какъ извѣстно, это люди, переполненные множествомъ добрыхъ намѣреній. Не сомнѣваюсь, что и Столыпинъ былъ во все дни своего премьерства переполненъ самыми лучшими намѣреніями, но въ волнахъ бюрократіи, среди теченій и водоворотовъ, онъ все же напоминаетъ пловца на бурныхъ волнахъ, не умѣющаго плавать. Теченіе его непремѣнно унесетъ...

VII.

Мнѣ очень трудно было изложить, въ чемъ состояла моя просьба. Взглянувъ въ глаза министру, я сейчасъ увидѣлъ, что глаза сановника уже заволклись неопредѣленнымъ туманомъ, остеклились... «Говори, говори, только поскорѣе кончай», казалось, выражала физиономія Столыпина. Изъ дальней комнаты доносились звонъ посуды, стукъ ножей и дѣтскія вскрикиванья... Ну, какъ тутъ вникать въ соображенія и предположенія, какимъ путемъ на будущихъ выборахъ можно провести умѣренныхъ и желающихъ работать депутатовъ и не допустить прорваться людямъ въ родѣ Брука—раввина, представлявшаго въ бывшей думѣ Бѣлорусь (Витебскъ) и г. Ледницкаго, «аблаката» изъ Москвы, представлявшаго Минскъ? Нѣтъ, надо поскорѣе кончать.

И я кончилъ, скомкавъ все свои доводы...

Лицо Столыпина сдѣлалось еще болѣе привѣтливомъ. То, что я говорилъ, конечно, едва ли повліяло на усиленіе министерской привѣтливости. Проголодавшійся и переутомленный сановникъ просто предвкушалъ конецъ пріемной пытки. Я былъ предпоследнимъ представлявшимся. Онъ заговорилъ, опираясь рукою на столъ и глядя куда-то вдаль, черезъ мою голову:

— Къ вашей идеѣ я отнесусь самымъ внимательнымъ образомъ. О рѣшеніи узнаете отъ... Тутъ была названа фамилія именно того самаго превосходительства, съ нерѣшительностью котораго я бесплодно боролся уже многіе мѣсяцы. Какое-то странное чувство не то досады, не то сожалѣнія переполнило мою душу, когда я вышелъ изъ кабинета премьеръ-министра.

Въ пріемной никого уже не было; ушелъ даже швейцаръ Дементьевъ. На крыльцѣ встрѣтилъ меня толстый полицейскій. Онъ какъ-то подозрительно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и что-то шепнулъ бравому жандарму.

«А какъ арестуетъ!»—пришло мнѣ въ голову.—«Всяко бываетъ».

Думая дорогою объ аудіенціи и лично популярномъ министрѣ, я вспомнилъ два стиха изъ пѣсни Кольцова:

Али у сокола крылья связаны,
Аль пути ему всѣ заказаны...

Должно быть, заказаны. Бюрократическіе порядки—порядочное болото; не скоро изъ него выдерешься и не высоко взлетишь.

VIII.

Прошла ровно недѣля. О взрывѣ бомбы на дачѣ предсѣдателя совѣта министровъ Столыпина я узналъ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, куда явился узнать о судьбѣ моей докладной записки. Разумѣется, нечего было ожидать приѣма. Черезъ четверть часа я былъ уже въ редакціи газеты репортеровъ. Тамъ еще ничего не знали. Репортеръ Г—це ухватилъ меня за руки:

- Не вранье это? Министръ убить?
- Не знаю. Говорять, только раненъ.
- Лечу...

И Г—це исчезъ. Изъ кабинета выскочилъ редакторъ и накинулся на двухъ скромныхъ жидковъ. Одинъ былъ хромъ, другой страдалъ сахарной болѣзнью.

— Вы чего тутъ сидите? Почему не ѣдете на мѣсто катастрофы. Маршъ!

Жидки моментально ступевались.

— А вы?—обратился онъ ко мнѣ.—Вы привезли извѣстіе первой важности и медлите здѣсь?

Я было заикнулся, что трое уже поѣхали.

— Поѣзжайте, не жалѣйте расходовъ, собирайте свѣдѣнія, слухи, запишите, что говорятъ? Кто бросилъ бомбу, а главное: пострадалъ ли Столыпинъ? Я выпущу добавленіе къ номеру.

Нервный редакторъ кипятился. Пришлось ѣхать. На улицѣ уже знали о катастрофѣ, хотя смутно. На пароходикъ у Лѣтняго сада я едва попалъ, такъ онъ былъ переполненъ пассажирами. Всѣ стремились на Аптекарскій островъ. О бомбистахъ толковали съ азартомъ:

- Нигилисты, сказываютъ, бомбу пущали.
- Они самые.
- Ёнто два жидка!—поправилъ сторожъ въ сюртукѣ съ галунами.—И разорвало самого министра и всѣхъ енераловъ, что съ нимъ были, на тряпки разорвало,
- Врешъ. Сказывали, министръ цѣлехонекъ. А генераловъ двухъ точно разорвало.

Сторожъ въ галунахъ обидѣлся.

— Мнѣ ли не знать? Убить, говорю вамъ, министр. Въ нашъ епартаментъ дали сейчасъ же знать. Мнѣ самъ старшой сказывалъ, что у генеральской вѣшалки стоитъ.

Купецъ, сидѣвшій возлѣ меня, перекрестился.

Пароходъ подошелъ къ пристани Аптекарскаго острова.

Послѣ взрыва прошелъ съ небольшимъ часъ, но уже масса полиціи, цѣпь солдатъ и жандармы тѣсно окружали полуразрушенное зданіе министерской дачи. Отъ входного крыльца не осталось слѣдовъ— зіяла огромная темная дыра съ торчавшими оттуда обломками и балками обрушившагося потолка... Близко подойти и разглядѣть было невозможно. Не допускали. Охрана была строгая; суетились, бѣгали, командовали, словомъ, спустя лѣто въ лѣсъ по малину пошли.

Полиція не допускала подойти къ дачѣ. Мнѣ, однако, удалось проскользнуть за цѣпь; за мною проскользнуло еще человекъ два, тоже репортеры, ужъ не упомню, какихъ изданій.

— Министръ не пострадалъ, — успѣли мы добиться отъ молоденькаго околоточнаго. — Прокуроръ и слѣдователи уже здѣсь.

— А убитыхъ много?

— Замятинъ убить...

Но тутъ выскочилъ изъ-за угла худощавый полицейскій штабъ-офицеръ и закричалъ:

— Кто позволилъ? прошу уйти за цѣпь. Публика не допускается.

Мы попробовали было объяснить, что мы не публика, а пресса. Но это ни къ чему не повело. Побагровѣвъ отъ волненія, полицейскій приказалъ пѣшимъ городовымъ насъ тащить и не пущать, а коннымъ жандармамъ:

— Осадить ихъ! осадить сейчасъ назадъ!

Насъ и осадили, даже далеко за цѣпь, не обращая вниманія на редакціонные билеты, удостовѣрявшіе наше репортерское званіе.

— Осаживай! осаживай, — гремѣло уже изъ десяти глотокъ.

Завизжала какая-то барыня, противъ лица которой вдругъ очутился, на разстояніи аршина, кругъ жандарской лошади.

— А зачѣмъ вы, сударыня, сюда лѣзли?

— Мнѣ нужно пройти... Моя дача...

— Кругомъ, кругомъ ступайте.

И худощавый штабъ-офицеръ кричалъ снова на насъ, корреспондентовъ:

— Если не уйдете, я распоряжусь.

Наши протесты его только сердили. Гремѣло прежнее:

— Выравнивай, дальше осадил! Господа! если не уйдете, я распоряжусь.

Изъ насъ не нашлось желающихъ ждать этого распоряженія. Пришлось отступать до самой пристани. Но мы отступали стратегически: шагъ за шагомъ, мимо разбитой кареты, въ которой пріѣхали бомбисты. По рассказамъ (все, что услышали мы, сейчасъ же

записывали), одинъ изъ злодѣевъ былъ переодѣтъ въ военную форму, вошелъ въ пріемную и, когда его не пустили дальше, бросилъ бомбу. Вѣроятно, онъ рассчитывалъ выскочить и при помощи товарища, остававшагося въ каретѣ, бѣжать. Но снарядъ разорвало такъ скоро, что онъ погибъ, карету разбило, изранило сидѣвшаго въ ней и кучера. Раненныя лошади оборвали построжки и ускакали. Легко раненый кучеръ задержанъ. Но онъ ничего не знаетъ; его взяли съ биржи. Лошадей, высокихъ и сильныхъ, бурой масти, я видѣлъ окровавленныхъ. Съ крупы одной была сорвана кожа, у другой—переломана нога.

Отчиснутые къ пристани, мы, корреспонденты, совѣщались: что дальше предпринять? Добиться болѣе положительныхъ, подробныхъ свѣдѣній было мудреная задача, почти невыполнимая. Полиція, ничего не сумѣвшая открыть и предвидѣть, не уснѣвшая защитить предсѣдателя совѣта министровъ, теперь, когда катастрофа совершилась, буквально пзъ кожи лѣзла, усердствуя и распоряжаясь.

Къ кому мы ни обращались, намъ, корреспондентамъ, не давали никакихъ свѣдѣній.

— Уходите, господа. Своевременно все узнаете,—слышался стереотипный, неизмѣнный отвѣтъ.

Очень было обидно. Завтра въ иностранныхъ газетахъ все будетъ напечатано, а намъ даже подойти къ крыльцу дачи не дозволялось. Не знаю, какъ другіе репортеры, а я рѣшилъ уйти. Редакторъ будетъ недоволенъ отчетомъ. Но какъ быть? Г—це, я видалъ, написалъ два листа, другіе тоже не стѣснялись врать; какой-то фотографъ даже спялъ видъ дачи.

Все это завтра будетъ сообщено публикѣ. А когда же появится правда безъ прикрасъ? Вѣроятно, очень не скоро, развѣ при судебномъ разбирательствѣ дѣла. Но и тутъ о многомъ непременно умолчать.

Система умалчиванія, пропусковъ, господство секрета—остатки режима стараго порядка. Не пора ли это оставить?

Публика некрено негодовала; всѣ сочувствовали несчастію Столыпина и кого-кого только не винили? Замятина, Федорова, зачѣмъ слабо контролировали просившихъ аудіенціи; ругали охранниковъ,—какъ они недосмотрѣли. Даже погибшаго швейцара Дементьева винили: какъ онъ могъ всѣхъ пропускать?

А какъ онъ, швейцаръ, могъ кого-либо не пропустить?

Болѣе хладнокровные разсуждали правильнѣе. Зачѣмъ было Столыпину допускать пріемы просителей съ улицы, безъ предварительнаго опроса и справокъ? Людямъ, имѣвшимъ серьезное дѣло, эти справки не помѣшали бы, а разную дребедень, набивавшуюся въ прихожей министра, просто не слѣдовало пускать.

Министръ искалъ популярности, щеголялъ безстрашіемъ—и едва ли погибъ.

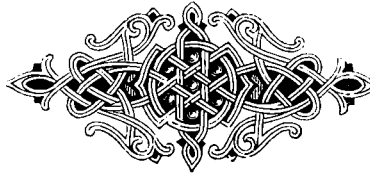
Но кто же тѣ, которые бросали бомбу, перебили нѣсколькихъ невинныхъ людей?

Искатели правды, свободы? Полноте, господа утописты! Никакой правды и свободы не добиваются бомбисты, бросающіе снарядъ въ толпу въ расчетѣ, что авось среди десятковъ невинныхъ жертвъ пострадаетъ и обреченный ихъ подпольнымъ судомъ сановникъ, очень часто далеко не худшій.

Убиваютъ у насъ крайніе бессмысленно и безпощадно. Когда же это кончится?

Пугачева, слава Богу, нѣтъ, но пугачевщины—сколько угодно.

С. С. Окрейцъ.

ИЗЪ МЕМУАРОВЪ ГРАФА РЖЕВУСКАГО.

ОЙ ПОКОЙНЫЙ ОТЕЦЪ, генераль-адыютантъ Адамъ Адамовичъ Ржевускій занималъ видное положеніе въ петербургскомъ обществѣ въ срединѣ прошлаго вѣка. Находясь въ теченіе долгихъ лѣтъ при особѣ императора Николая I, онъ имѣлъ честь пользоваться довѣріемъ государя и выполнялъ успѣшно разныя порученныя ему военныя и дипломатическія миссіи. Мой отецъ умеръ въ 1888 г. въ очень преклонномъ возрастѣ. Онъ жилъ при четырехъ государяхъ и въ эти четыре царствованія принималъ участіе въ очень серьезныхъ дѣлахъ: его воспомнанія составили бы очень серьезный и любопытный историческій документъ не только съ точки зрѣнія политической, но и свѣтской. По своему происхожденію и по своимъ родственнымъ связямъ онъ принадлежалъ къ верхамъ русскаго общества. Его надчерица вышла замуизъ за графа, впоследствии князя. Орлова; онъ былъ два раза женатъ, и обѣ жены играли видную роль въ обществѣ.

По просьбѣ нѣкоторыхъ членовъ семьи онъ началъ писать свои мемуары, которые онъ, къ несчастью, не могъ окончить вслѣдствіе постигшей его болѣзни глазъ. А за нѣсколько лѣтъ передъ смертью онъ сжегъ большую часть своихъ мемуаровъ, опасаясь возможныхъ въ нихъ «цескромныхъ разоблаченій», опасаясь напрасно, такъ какъ ничто въ этихъ мемуарахъ не могло задѣть ничьей даже самой чувствительной щепетильности.

Я находилась при немъ въ моментъ этого аутодафе, и мнѣ удалось спасти нѣсколько страницъ изъ написаннаго отцомъ. Гибель

остального несомнѣнная потеря вообще и для любителей подобной литературы въ частности.

Изъ этихъ страницъ, которыя, надѣюсь, когда-нибудь увидятъ свѣтъ, я выбрала разсказъ объ одномъ эпизодѣ изъ польскаго возстанія 1831 г., наименѣе извѣстномъ и потому наиболѣе интересномъ для читателей.

Для ясности разсказа я должна напомнить нѣсколько слѣдующихъ фактовъ.

Мой отецъ поступилъ на русскую службу портупей-юнкеромъ въ первый украинскій полкъ въ 1821 г. Вскорѣ онъ попалъ въ адъютанты къ генералу Витте въ Одессу и, дослужившись въ этомъ званіи до штабсъ-ротмистра, принялъ участіе въ польской кампаніи 1830—31 г.г. Его польское происхожденіе дѣлало его предметомъ особенной ненависти повстанцевъ. Но когда корпусъ генерала Ридигера былъ окруженъ отрядами Дверницкаго и отрѣзанъ отъ главной квартиры дѣйствующей арміи и нѣсколько офицеровъ, посланныхъ къ генералу Ридигеру съ приказами главнокомандующаго, были захвачены повстанцами, не выполнивъ своей миссіи, фельдмаршалъ Дибичъ поручилъ моему отцу пробраться во что бы то ни стало сквозь польскія линіи и передать Ридигеру необходимыя распоряженія.

Несмотря на опасности и трудности предпріятія, отцу повезло, онъ исполнилъ его. Этотъ эпизодъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ въ его долготѣнной карьерѣ. И, я увѣрена, подробности его, разсказанныя имъ самимъ, заинтересуютъ читателей.

Екатерина Кольбъ, урожденная графиня Ржевуская.

Послѣ Граховскаго сраженія я остался при генералѣ Витте, и тогда произошелъ самый интересный эпизодъ возстанія.

Русская армія, главное командованіе надъ которой перешло къ фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому, находилась въ худшемъ положеніи, чѣмъ войска повстанцевъ. Во-первыхъ, она недавно лишь передъ тѣмъ вернулась изъ Турціи и не только была ослаблена утомительной кампаніей 1828 г., но страдала отъ разныхъ занесенныхъ ею съ Балканъ болѣзней—чумы, холеры и оспы. Были отданы самыя строгія приказанія и распоряженія о томъ, чтобы объ этомъ состояніи арміи ничто не проникло наружу, что не мѣшало, конечно, полякамъ быть прекрасно освѣдомленными обо всемъ, что дѣлалось у насъ въ арміи, равно какъ и о малѣйшихъ передвиженіяхъ послѣдней.

Весь край былъ объятъ смутой и, если не открыто, то втайнѣ былъ на сторонѣ и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ революціонерами,

которымъ оказывалъ и всякую помощь. Зная нашу слабость, поляки становились все смѣлѣе и предприимчивѣе. 5-го февраля 1831 года Дверницкій находился съ своимъ отрядомъ въ Горѣ, а 7-го онъ соединился съ отрядомъ Сѣравскаго въ Мнишевѣ. Такимъ образомъ, у повстанцевъ оказалось десять тысячъ хорошо вооруженнаго и свѣжаго войска.

Планъ Дверницкаго былъ очень простъ. Онъ хотѣлъ мелкими стычками, безъ серьезнаго боя, утомлять корпусъ генерала Ридигера и, заставляя его отступать, самому добраться до Каменецъ-Подольска, гдѣ повстанцы намѣревались провозгласить временное правительство изъ трехъ лицъ, между которыми намѣчался и мой кузень Вацлавъ Ржевускій—тотъ самый, который погибъ впоследствии въ Дашовѣ. Это временное правительство должно было затѣмъ поднять всю Украйну, завлечь корпусъ Ридигера и его уничтожить.

Съ нашей стороны все обстояло неважно. Мы были разбросаны по всему краю. Благодаря враждебному настроенію жителей, наши отряды съ трудомъ сносились какъ между собою, такъ и съ главной квартирой. Каждый начальникъ отряда долженъ былъ дѣйствовать независимо отъ другихъ, на свой собственный страхъ и рискъ, что увеличивало только опасность и отвѣтственность каждого. Свѣдѣнія получались ложныя. Каждое наше движеніе грозило намъ западней, и люди и офицеры были измучены отъ постоянныхъ тревогъ, среди которыхъ имъ приходилось быть. Такъ, напримеръ, генераль Крэйцъ, не говоря уже о другихъ, прибывъ въ Повависъ съ шестью эскадронами драгунъ, шестью пушками и казаками, никакъ не могъ добиться какихъ бы то ни было свѣдѣній изъ главной квартиры арміи и не зналъ, что дальше дѣлать. Повависъ находится на берегу окруженной болотами рѣчки, протекающей черезъ густой лѣсъ, черезъ который пролегалла дорога изъ Ричволы въ Казеницы. И пока нашъ отрядъ проходилъ по этой дорогѣ, его обстрѣливали невидимые враги мѣткими выстрѣлами, которые внесли полное разстройство въ ряды, не знавшіе, куда укрыться отъ этихъ выстрѣловъ.

19-го февраля соединенныя силы Дверницкаго и Сѣравскаго составляли семь батальоновъ, двадцать два эскадрона и, если память не измѣняетъ, шестнадцать пушекъ. Тѣмъ не менѣе нашъ казачій передовой отрядъ, несмотря на свою малочисленность, атаковалъ обоихъ польскихъ генераловъ. Командовавшій отрядомъ генераль Бутовичъ вынужденъ былъ отступить—хотя въ большемъ или меньшемъ порядкѣ, но отступить. Это отступленіе очень разгнѣвало фельдмаршала Дибича, который приказалъ тогда генералу Витте преслѣдовать во что бы ни стало Дверницкаго. Приказъ главнокомандующаго былъ полученъ генераломъ Витте 6-го марта вечеромъ. Онъ немедленно призвалъ меня и поручилъ

передать приказъ разнымъ полковымъ и батальоннымъ командирамъ. У насъ было очень мало кавалеріи, что уменьшало шансы преслѣдованія, тѣмъ болѣе, что наши тринадцать батальоновъ гренадеръ были въ большинствѣ безъ обуви. Ихъ сапоги поизносились во время турецкаго похода, а интендантство не успѣло еще доставить людямъ новые.

Шель проливной дождь, ночь была темная, ни зги не видно было. Мы отправились въ путь въ два часа утра по размокшей, топкой дорогѣ, въ которой люди и животныя вязли и падали. Мы не останавливались даже для того, чтобы подбирать падавшихъ. На другой день ихъ находили повстанцы и убивали.

7-го марта мы прибыли въ Рыки, а 8-го достигли Чарнь и Бобровниковъ, гдѣ генераль приказалъ навести два плавучихъ моста черезъ Вѣпръ. 11-го марта мы наконецъ прибыли въ Цырцинь, совсѣмъ выбившіеся изъ силъ, и если бы враги атаковали насъ въ тотъ день, то, вѣтъ всякаго сомнѣнія, корпусъ генерала Витте былъ бы уничтоженъ.

Надо было дать хоть однодневный отдыхъ солдатамъ, которые совершенно усталые бросались на землю, не будучи даже въ состояніи развести огонь и раскинуть палатки. Впрочемъ, весь обозъ остался позади, и Сѣравскій овладѣлъ большей его частью.

Этимъ форсированнымъ маршемъ генераль Витте надѣялся достигъ береговъ Буга ранѣе Дверницкаго, перерѣзать ему путь и помѣшать ему окружить Ридигера, занимавшаго оба берега. Но Дверницкій лучше насъ былъ освѣдомленъ и не далъ себѣ даже труда преслѣдовать насъ. Онъ, въ свою очередь, форсированнымъ маршемъ поспѣшилъ обогнать насъ другой дорогой и переправился черезъ Бугъ прежде, чѣмъ мы могли заподозрѣть даже его присутствіе. На сей разъ польскіе развѣдочные отряды не только не напали на наши, но даже постарались избѣгать ихъ.

Дверницкій перешелъ Бугъ безъ всякаго труда, и 16-го марта генераль Ридигеръ извѣстилъ объ этомъ фельдмаршала, прибавивъ, что въ виду своей численной слабости онъ вынужденъ отступить и укрѣпиться за Стыремъ.

Дверницкій же, полагаясь на обѣщанное общее возстаніе, дѣйствительно начавшееся было въ Подольской, Волынской и другихъ губерніяхъ, сосредоточилъ всѣ свои усилія на томъ, чтобы окружить и отрѣзать его отъ остальной арміи. Онъ въ этомъ болѣе или менѣе успѣлъ.

Ридигеръ, однако, собралъ въ Локачѣ двѣ бригады одиннадцатой дивизіи, двѣ резервныя батареи, одну гусарскую бригаду и одну драгунскую. Но всѣ эти войска, вернувшіяся изъ Турціи, были такъ ослаблены, что врядъ ли могли бы оказать сопротивленіе серьезной атакѣ. Кромѣ того, среди нихъ свирѣпствовали тифъ и холера. Самый видъ ихъ былъ жалокъ, такъ они пуждались во всемъ.

.13-го Ридигеръ достигъ Краснаго, и его отступленіе совершалось въ порядкѣ. 16-го апрѣля онъ былъ уже въ Ленчинѣ, гдѣ и долженъ былъ остановиться, такъ какъ очутился передъ значительными силами, которыя немислимо было атаковать. Все, что онъ могъ сдѣлать, было только предупредить о своемъ положеніи генерала Витте и главнокомандующаго.

Было возможно попытаться сдѣлать это, но выполнить было гораздо труднѣе. Всѣ пути намъ были отрѣзаны повстанцами, занявшими всѣ дороги и лѣса. Каждая деревня была гнѣздомъ лазутчиковъ, наблюдавшихъ за всякимъ подозрительнымъ лицомъ, въ которомъ видѣли «русскаго эмиссара». Генераль Ридигеръ послалъ нѣсколькихъ офицеровъ къ фельдмаршалу, который, съ своей стороны, сдѣлалъ нѣсколько попытокъ переслать ему свои приказы. Но всѣ эстафеты, посланныя съ одной и съ другой стороны, были схвачены сторонниками повстанцевъ и представлены Дверницкому, который ихъ задерживалъ въ качествѣ заложниковъ и вносилъдствіи вѣшалъ. Доведенный до крайности, Ридигеръ довѣрился еврею Мэвшѣ Фельштейну, который взялся провести черезъ польскую линію адъютанта, капитана Крузенштерна. Генераль вручилъ послѣднему подробный рапортъ, въ которомъ излагалъ фельдмаршалу всѣ трудности положенія. Крузенштернъ пробрался черезъ польскія линіи и, уже переправившись черезъ Стырь, былъ схваченъ арьергардомъ Дверницкаго. Видя, что онъ окруженъ, Крузенштернъ быстро разорвалъ рапортъ и бросилъ клочки бумаги въ кусты. Но одинъ полякъ замѣтилъ это, подобралъ ихъ, сложилъ все и возстановилъ рапортъ, въ которомъ [Ридигеръ описалъ свое положеніе въ довольно черныхъ краскахъ. Содержаніе этихъ денешъ сослужило, однако, плохую службу Дверницкому.

Пока обыскивали капитана Крузенштерна, его возница-еврей, служившій ему проводникомъ, незамѣтно бѣжалъ и три дня спустя добрался до нашей главной квартиры, гдѣ и разсказалъ о взятіи въ плѣнъ посланнаго Ридигеромъ адъютанта. Фельдмаршалъ пришелъ въ бѣшенство, такъ какъ было до крайней спѣшности необходимо, чтобы и отрядъ Ридигера, съ одной стороны, и отрядъ генерала Раевского, судьба котораго была совершенно неизвѣстна, съ другой, выполнили нѣкоторыя движенія въ виду свѣдѣній, полученныхъ Дибичемъ о Дверницкомъ. По этимъ свѣдѣніямъ, Дверницкій рѣшилъ не идти въ глубь края, а обогнуть австрійскую границу съ цѣлью, на всякій случай, обезпечить себѣ отступленіе, но все-таки оставилъ свой авангардъ разбросаннымъ въ краѣ, чтобы русскіе думали, что послѣдній занятъ поляками весь цѣликомъ. Цѣль этой стратагемы была сохранить войско свѣжимъ и готовымъ въ рѣшительную минуту возстанія, ожидавшагося со стороны всей Украйны. Этотъ планъ Дверницкаго оставлялъ одинъ открытый проходъ, который и надо было указать Ридигеру, такъ какъ онъ давалъ ему

возможность вырваться изъ того кольца, въ которомъ онъ считалъ себя запертымъ. Надо было его указать и Раевскому и приказать ему соединиться съ Ридигеромъ.

18-го апрѣля я былъ посланъ генераломъ Витте съ депешами къ фельдмаршалу. Прибывъ въ главную квартиру, я представился дежурному адъютанту, который мнѣ заявилъ, что я буду немедленно принять главнокомандующимъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ передъ тѣмъ графа Дибича еще въ Турціи въ самомъ концѣ кампаніи. Увидѣвъ его теперь, я былъ пораженъ происшедшей въ немъ перемѣной.

Онъ меня принялъ очень любезно и задалъ мнѣ массу вопросовъ о дѣйствіяхъ и движеніяхъ генерала Витте, мнѣніе и взгляды котораго на оборотъ, принятый событіями, его очень интересовали. Я старался отвѣчать на вопросы возможно лучше и полнѣе. Но я видѣлъ, что фельдмаршалъ былъ очень утомленъ и озабоченъ. Это уже не былъ прежній блестящій и смѣлый военачальникъ. Онъ, казалось, былъ подавленъ отвѣтственностью за создавшееся положеніе и, главное, очень озабоченъ судьбою Ридигера.

Когда я кончилъ свой словесный докладъ, котораго онъ у меня потребовалъ, онъ на минуту задумался и затѣмъ спросилъ меня, не желаю ли я немедленно отправиться въ путь съ тѣмъ, чтобы пробраться къ генералу Ридигеру и передать ему словесныя приказанія.

Я поклонился и заявилъ, что готовъ, какъ вдругъ графъ ударилъ себя въ лобъ и сказалъ:

— Я и не подумалъ: вѣдь вы—полякъ; если васъ схватятъ, то это—вѣрная смерть.

Я позволилъ себѣ почтительно замѣтить фельдмаршалу, что это обстоятельство именно и можетъ оказаться благопріятнымъ для моей экспедиціи, ибо никто не заподозритъ, что мнѣ поручатъ такую миссію, особенно когда услышатъ мою польскую рѣчь, лишенную всякаго иностраннаго акцента.

Я только просилъ разрѣшенія переодѣться такъ, какъ я найду это наиболѣе подходящимъ, и избрать путь, какой я найду наиболѣе удобнымъ. Я также выговорилъ себѣ свободный пропускъ для аванпоста нашихъ линій, который я взялся спрятать наилучшимъ образомъ. Главнокомандующій колебался, но въ виду того, что никого другого, кромѣ меня, подъ рукой не было, онъ согласился и приказалъ мнѣ готовиться въ путь.

Мнѣ понадобилось для снаряженія въ дорогу два дня. Планъ экспедиціи былъ очень простъ. Въ арміи находился тогда одинъ факторъ-еврей, служившій еще у моей тетки Констанціи Ржевуской, вдовы послѣдняго гетмана Северина Ржевускаго, одного изъ подписавшихъ тарговицкую конфедерацію. Этотъ еврей исполнялъ обязанности поставщика для арміи и доставлялъ для всегда пре-

краснаго и вкуснаго стола графа Дибича разные деликатессы, которые графъ очень любилъ. Я отправился къ этому еврею и попросилъ его дать мнѣ свою бричку и пару лошадей и рекомендательныя письма къ разнымъ евреямъ въ маленькіе города и мѣстечки, черезъ которые мнѣ лежалъ путь. Я приобрѣлъ лотокъ съ разными товарами, ходкими въ той мѣстности какъ среди жителей, такъ и среди солдатъ на случай, если бы эти послѣдніе попались мнѣ навстрѣчу. Я нарядился очень просто—въ кожухъ, такъ какъ погоды стояли еще слишкомъ холодныя. Какъ разъ я передъ тѣмъ бороды не брилъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, волосы я остригъ, оставивъ только пару традиціонныхъ еврейскихъ пейсовъ. Ермолку я взялъ у Мошки (фактора), и такъ какъ жиловски-нѣмецкій жаргонъ я зналъ хорошо, я и рассчиталъ, что при удачѣ смогу пойти за жидакрамаря. Фельдмаршалъ требовалъ, чтобы я взялъ съ собою одного или двухъ казаковъ, но мнѣ легко было убѣдить его, что такой эскортъ, какъ защита, былъ бы недостаточенъ въ случаѣ нападенія, но, несомнѣнно, обратилъ бы на меня вниманіе и выдалъ бы меня головой. Единственная надежда на удачу могла быть при условіи, что я буду одинъ.

Въ ночь съ 20-го на 21-е апрѣля я двинулся въ путь. Шелъ проливной дождь, и мой отъѣздъ, благодаря этому, не былъ замѣченъ. Я попросилъ графа Дибича упрятать на это время Мошку, чтобы всѣ думали, что на лошадаяхъ съ бричкой уѣхалъ онъ. Насъ окружало столько лазутчиковъ, что не слѣдовало пренебрегать никакой мѣрой предосторожности. Проходной листъ, подписанный фельдмаршаломъ, я зашилъ въ подошву одного изъ сапогъ и отправился безъ всякаго оружія, которое могло меня только скомпрометировать.

Я рѣшилъ также не избѣгать городовъ и вообще населенныхъ мѣстъ, а, наоборотъ, слѣдовать по большой дорогѣ, какъ настоящій торговецъ, желающій сбыть свой товаръ. Лучше я и не могъ придумать, и я благополучно добрался до Ковеля. Здѣсь начались неприятности. Ковель, въ это время принадлежавшій моему кузену Вацлаву, который сражался въ рядахъ мятежниковъ, былъ мнѣ хорошо знакомъ, какъ и всѣ окрестности, но зато и меня тамъ хорошо всѣ знали, и я все время боялся наткнуться на какого-нибудь знакомаго, который узналъ бы меня, несмотря на мое перодѣванье. Я, однако, успѣлъ уже выложить и продать часть своего товара, какъ вдругъ меня остановилъ офицеръ-повстанецъ и спросилъ меня, нѣтъ ли у меня турецкаго табаку. Я отвѣтилъ утвердительно, и онъ мнѣ приказалъ понести атаману, то есть моему кузену, котораго всѣ въ краѣ называли именемъ «злото-бродею атамана» и который какъ разъ находился проѣздомъ въ городѣ. Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта злосчастная встрѣча, если бы мой кузень не уѣхалъ изъ города до моего появленія.

Я рѣшилъ оставить большую дорогу и пробраться внутрь края. Оставивъ Луцкъ вправо, я обогнулъ рѣчку Стошодъ и тамъ наткнулся на шайку мертвецки пьяныхъ мятежниковъ, которые стали грабить мой товаръ. Они стали всячески издѣваться надо мною, и я съ трудомъ выдерживалъ роль жидка, попавшаго въ такое положеніе. Я кричалъ, взывалъ къ Богу Израиля, какъ вдругъ молодецкій офицерикъ вскрикнулъ: «Раздѣть его и посмотрѣть, обрѣзанъ ли онъ!» Можно себѣ представить, какъ на меня подѣйствовало такой приказъ. «Ну,—сказалъ я себѣ,—все пропало!»...

Но и на сей разъ счастье вывезло. Меня уже раздѣвали, несмотря на мое сопротивленіе, когда вдругъ прискакалъ, повидимому, сторожевой и сообщилъ, что показались русскіе. Мои мучители поспѣшили вскочить на коней и были таковы, оставивъ меня съ разгромленнымъ моимъ товаромъ.

Остальной путь прошелъ благополучно. Я вторично переплылъ Стошодъ, перерѣзалъ лѣсъ и выбрался на большую дорогу около Стыра, который я перешелъ въ бродъ. Тутъ я сталъ подвигаться впередъ съ удвоенной осторожностью, такъ какъ зналъ, что вся мѣстность наполнена отрядами мятежниковъ съ одной стороны и нашими аванпостами съ другой. Я наткнулся на одинъ-два польскихъ патруля, которые меня очень тщательно обыскали. Я всемъ рассказывалъ ту же исторію, что я ограбленъ солдатами и пробираюсь въ Домбровицы, гдѣ у меня родственники. Меня допрашивали о дорогѣ, видѣлъ ли я русскихъ и т. п. Я отвѣчалъ отрицательно, что, впрочемъ, было правдой. Никому, къ счастью, и въ голову не пришло посмотрѣть мнѣ въ сапоги, которые, впрочемъ, были въ такомъ печальномъ видѣ, что и не удивительно, что никто на нихъ не позарился.

Наконецъ меня окликнули казаки, и я очутился въ объятіяхъ людей Ридигера. Вскорѣ я могъ передать генералу приказъ главнокомандующаго. Это было 24-го апрѣля. Ридигеръ далъ мнѣ десять казаковъ, съ которыми я отправился на поиски генерала Раевского, расположившагося, какъ оказалось, гораздо ближе къ намъ, чѣмъ мы то подозрѣвали. Оба генерала рѣшили исполнить приказъ главнокомандующаго возможно быстрѣе, чѣмъ они и ускорили развязку. Я могъ ихъ увѣрить, что вся мѣстность гораздо свободнѣе отъ мятежниковъ, чѣмъ они думали. Наша кавалерія быстро направилась къ австрійской границѣ, вдоль которой былъ разбросанъ отрядъ Дверницкаго.

Упомяну мимоходомъ объ атакѣ на имѣніе графа Тишкевича, запершагося въ своемъ дворцѣ. Событія пошли ускореннымъ темпомъ. Дверницкій, застигнутый врасплохъ, былъ отброшенъ по ту сторону границы съ такой стремительностью, что наши казаки очутились даже на австрійской землѣ и должны были ретироваться безъ плѣнныхъ.

27-го апрѣля Дверницкій сложилъ оружіе въ Австріи и былъ, если не ошибаюсь, водворенъ въ Зальцбургъ. Кампанія, насколько это касалось Украйны, была окончена. Я оставался около двухъ недѣль при генералѣ Ридигерѣ. Затѣмъ вернулся въ главную квартиру, гдѣ представилъ рапортъ о выполненномъ порученіи.

Графъ меня принялъ съ своимъ обычнымъ расположеніемъ и заявилъ мнѣ, что я представленъ къ почетной саблѣ и къ ордену св. Анны второй степени, что я вскорѣ и удостоился получить.

Я затѣмъ оставался при главнокомандующемъ фельдмаршалѣ Дибичѣ до самой его смерти, постигшей его раньше времени, 9-го іюня 1831 г.: онъ умеръ отъ холеры.

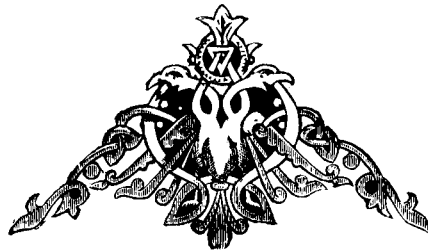
Это былъ выдающійся генералъ и прекрасный человекъ. Вся армія его оплакивала.

Графъ А. А. Ржевускій.

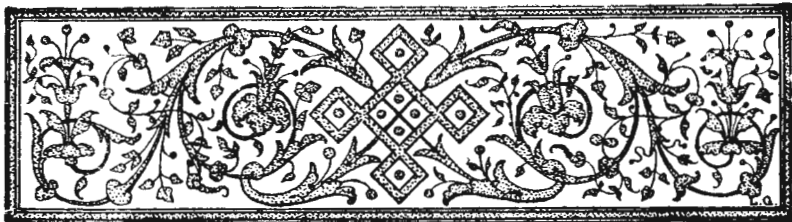
Семьдесятъ три года спустя послѣ описаннаго моимъ отцомъ эпизода его внукъ, князь Вацлавъ Радзивиллъ, оказался героемъ приблизительно такого же эпизода: переодѣтый, онъ дважды пробрался сквозь японскія линіи съ денешами изъ Портъ-Артура.

Исторія въ нѣкоторыхъ семьяхъ повторяется...

Е. Кольбъ.

ОКО ЗА ОКО.

(Изъ сибирской уголовной хроники).

О чернъ.

I.

ВЪ 189* ГОДУ, около станціи Сибирской желѣзной дороги осѣло нѣсколько семей хохловъ, переселенцевъ изъ южнаго края. Годъ спустя, къ нимъ подселались великороссы изъ Пензенской губерніи, и въ глухой тайгѣ основался поселокъ дворовъ въ полтораста, названный по-хохлацки Перелюбомъ.

Экономическая жизнь Перелюба, съ водвореніемъ въ немъ великороссовъ, приняла пестрый характеръ: съ одной стороны—трудолюбивые, зажиточные пензяки, съ другой—лѣнливые, бѣдные хохлы, ставшіе бичомъ не только своего, но и другихъ поселковъ, гдѣ они крали лошадей, подламывали амбары или, просверливъ въ нихъ полъ, выпускали зерно.

Между великороссами и хохлами установились враждебныя отношенія, которыя отъ времени до времени разрѣшались побойщами и самосудомъ.

Въ описываемое время въ Перелюбѣ поселился желѣзнодорожный машинистъ Илья Петровичъ Лаптевъ. Онъ построилъ въ поселкѣ домъ и открылъ торговлю бакалейнымъ и краснымъ товаромъ; кромѣ того, Лаптевъ ссужалъ деньги подъ хлѣбъ и инвентарь. Родомъ ярославецъ, Илья былъ угрюмый и сильный человекъ

лѣтъ 45-ти, съ темнымъ, обросшимъ черной бородой лицомъ, прокопченнымъ паровознымъ дымомъ. Семья Лаптева состояла, кромѣ него, изъ его матери, старухи лѣтъ за 60, жены и четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ старшему Вацѣ было семь лѣтъ.

Вскорѣ почти вся малорусская часть поселка очутилась въ долгу у Лаптева, и его домъ сдѣлался предметомъ зависти и злобы. Хохлы даже пытались ограбить его, но неудачно, и трое изъ нихъ пошли въ арестантскія роты. Наконецъ шестеро братьевъ Костенковъ уговорились вырѣзать и ограбить Лаптевыхъ. Планъ убійства и ограбленія выработалъ младшій изъ Костенковъ, Петръ, бывший работникъ Лаптева, 17-лѣтній парень, первый силачъ въ Перелюбѣ, гнувшій конскія подковы.

Дѣло было глухой осенью.

— Вотъ, братцы,—сказалъ Петръ:—Илья теперь дома нема... Не пойти ли намъ къ нему въ гости,—а? Послѣ первыхъ пѣтуховъ? Усе шестеромъ...

— А знаешь, гдѣ у нихъ деньги?—спросилъ его братъ Павелъ.

— Да гдѣ имъ быть?—въ укладкѣ... А укладка въ горницѣ...

— А ты видѣлъ?

— Видать не видалъ, а знаю... Завсегда за деньгами въ горницу лазить, когда заклады пріймають...

Ночью братья собрались въ оwinѣ, вооружились топорами и сердешниками ¹⁾ и отправились къ дому Лаптевыхъ, стоявшему на отставѣ, въ сотнѣ сажень отъ поселка.

Ночь была темная, хоть глазъ выколи. Когда братья подошли къ лаптевскому дому, тамъ все спали. Петръ тихонько постучалъ въ окно, какъ это дѣлалъ Илья при возвращеніи со станціи. Въ сѣняхъ послышались шаги, стукнула щеколда, и дверь слегка приотворилась.

— Что ты сиди рано?—сонно спросила Дарья, жена Ильи, и замерла отъ страха: передъ ней молча стояли шестеро людей.

— Да, рано...—сказалъ Петръ, прерывая зловѣщее молчаніе. Очъ грубо схватилъ Дарью за горло и забилъ ей ротъ платкомъ.— Пойдемъ-ка до хаты, погугоримъ трохи...

Двѣ сильныхъ руки подхватили Дарью и внесли въ горницу. Злодѣи вздули огонь.

Маленькая жестяная лампа освѣтила большую икону Спасителя темнаго письма, въ серебряной ризѣ, стоявшую въ кюѣ въ переднемъ углу, столъ, покрытый скатертью, съ остатками ужина, голландскую печь, рядъ стульевъ, картины на стѣнахъ и двѣ кровати, въ одной изъ которыхъ спали трехлѣтняя Соня и ея братишка Петя, а на другой—Дуся и Ваця.

Шумъ разбудилъ дѣтей.

¹⁾ Тельжный шкворень.

Первый проснулся Ваня. Увидавъ, что мать вяжутъ, мальчикъ съ плачемъ бросился къ Костенкамъ, умоляюще протягивая къ нимъ крошечныя ручки.

— Ахъ ты, щенокъ!—выругался Григорій, замахиваясь на него кистенемъ. Ударъ пришелся по теменю, и мальчикъ упалъ, какъ подкошенный, къ ногамъ матери.

Въ это время подняли плачь и остальные дѣти.

— Надо и этихъ уложить?—крикнулъ Петръ, и тутъ же съ двухъ ударовъ пришибъ Сою и Петю, а Егоръ задушилъ Дусю.

Покончивъ съ дѣтьми, злодѣи развязали Дарью, лежавшую на полу въ глубокомъ обморокѣ, и встряхнули ее водой. Шатаясь, поднялась она, но, увидавъ трупы дѣтей, плававшіе въ лужахъ крови, снова бессильно опустилась на полъ и зарыдала.

— Лучше бы вы меня убили?—причитала она.—Охъ, креста на васъ нѣту...

— Говори: гдѣ деньги?—спросилъ ее Петръ.—Гдѣ старуха?

— Гдѣ деньги,—я не знаю,—отвѣтила Дарья.—А свекровь гостить въ Гречаномъ.

— Ну-ка, раздуемъ угольковъ,—усмѣхнулся Егоръ:—нагрѣемъ Дашку...

Разбойники раздули угли.

— Сказывай: гдѣ деньги?—спросилъ Петръ, подходя къ ней со сковородой красныхъ, пылающихъ углей.

— Не знаю,—отвѣтила Дарья:—нѣту у насъ денегъ. Какія были,—роздали по людямъ.

Разбойники сдернули съ Дарьи рубаху и положили ее спиною на сковороду. Дарья закричала отъ боли. Михайль Костенко накрылъ ее козухомъ и сѣлъ ей на ноги.

Въ комнатѣ запахло угаромъ и жаренымъ мясомъ.

— Говори, Дашка, гдѣ деньги?—крикнулъ Петръ.

— Въ укладкѣ... въ сѣняхъ... Ой, смертошка приходитъ,—стонала Дарья.

Костенки разбили укладку и пашли въ ней всего триста рублей.

— Маловато денегъ-то,—угрюмо замѣтилъ Егоръ.—Попытать бы ее маленько...

— Чего ее пытать! Поди, изжарилась,—молвилъ Петръ.

Сдернувъ съ Дарьи козухъ, онъ размахнулся и изо всей силы ударилъ ее шкворнемъ по головѣ. Мозгъ, смѣшавшись съ кровью, выскочилъ изъ черепа и забрызгалъ стѣны и платье Костенковъ.

II.

Въ это время Лаптевъ вель товарный поѣздъ и приближался къ своей станціи, гдѣ его долженъ былъ смѣнить другой машинистъ.

Илья весь путь былъ задумчивъ и грустенъ.

— Сердце тоскуетъ...—жаловался онъ своему помощнику.—
Такъ и постъ, такъ и постъ... Грызеть, какъ собака... Видно, предъ
бѣдой...

— Это бываетъ,—сочувственно замѣтилъ помощникъ.—А бы-
ваетъ и такъ, безъ всякой бѣды... У меня вотъ сердце тоскуетъ на по-
хмельѣ... Стра-астъ какъ тоскуетъ... Мѣста себѣ нигдѣ не найдешь...

Было около двухъ часовъ ночи, когда поѣздъ, громыхая цѣ-
нями и буферами, подошелъ къ станціи.

Лаптевъ передалъ паровозъ своему смѣнщику, взялъ дорожный
сундучекъ и быстрой походкой направился къ дому, стоявшему въ
полуверстѣ отъ станціи.

Еще издали онъ замѣтилъ огонь въ окнахъ.«Что бы это значило?»
подумалъ онъ. И сердце его ежалося отъ тревожнаго предчувствія ка-
каго-то несчастія.

Вотъ и домъ. Илья взглянулъ въ окно и сейчасъ же отскочилъ,
едва не закричавъ отъ ужаса. То, что онъ увидѣлъ, заставило похо-
лодѣть всю кровь въ его жилахъ. Убитыя дѣти, стоны жены, звѣр-
скія лица Костенковъ,—вся эта картина огненными точками за-
печатлѣлась въ его мозгу.

— Господи! Что же дѣлать?—растерянно шептала онъ, снова
подходя къ окну.—Встунить съ ними въ борьбу? Но ихъ шестеро,
а я—одинъ... Не лучше ли поднять тревогу и захватить злодѣевъ
живьемъ?

Съ быстротой молніи созрѣло его рѣшеніе.

Скрадывая шаги, онъ осторожно отошелъ отъ окна и во весь духъ
пустился на станцію.

На станціи онъ отыскалъ трехъ сторожей, своихъ кліентовъ;
предупредивъ, что на его домъ напали разбойники, велѣлъ взять имъ
ружья, самъ вооружился винтовкою и повелъ ихъ къ поселку.

Костенки, позабывшіе закрыть за собой дверь, были застигнуты
врасплохъ: на нихъ навели сразу дула четырехъ винтовокъ.

— Сдавайтесь!—потребовалъ Илья.—Все равно,—живыми не
выпустимъ!

Разбойники сдались и были перевязаны.

— Спускай ихъ въ подполье! — приказалъ Лаптевъ.

Сторожа изумились.

— Зачѣмъ въ подполье? Порѣшить ихъ надо... или къ жандарму
представить...

— Дай срокъ,—сказалъ Илья.—Разсудимъ. А теперь—сту-
пайте и никому не болтайте, что мы ихъ спрятали. На слѣдствіи
скажете, что убивцы скрылись... А деньги возьмите себѣ...

Лаптевъ отдалъ сторожамъ всѣ деньги, взятые разбойниками изъ
укладки.

Сторожа согласились, и всѣ шестеро Костенковъ были заключены
въ тѣсное, сырое и душное подполье лаптевскаго дома.

Слѣдствіе установило, что жена и дѣти Лаптева были звѣрски убиты и ограблены «неизвѣстными людьми» и что «преступники скрылись».

Черезъ недѣлю, послѣ осмотра врача, трупы убитыхъ разрѣшили похоронить.

Илья, посѣдѣвшій и осунувшійся, шель за гробами на кладбище. Онъ былъ удрученъ горемъ и на вопросы сосѣдей отвѣчалъ невпопадъ. Рядомъ съ нимъ шла его мать. Голова старухи тряслась и губы что-то шептали.

— Экое горе!—сожалѣли ихъ сосѣди.—Глядите-ка! Лаптиха-то! А? Ужъ давно бы ей, старой, на покой пора, а она все еще треплется...

— Ничего не подѣлаешь... Божья воля.

Съ кладбища Лаптевъ съ матерью прошли прямо домой.

— Простите ужъ, сосѣдушки,—извинялся Илья:—поминокъ не устраиваемъ. Поминки послѣ. Да, послѣ...—И онъ усмѣхнулся странной, загадочной усмѣшкой.

— Не въ себѣ, видно, Лапотъ-то,—говорили сосѣди.—Какъ же это можно... безъ поминокъ...

III.

Дома Илья сказалъ матери:

— Нарѣжь хлѣба да воды приготовь.

Старуха молча сняла съ полки цѣлый каравай, искромсала его на ломтики и сложила ихъ въ корзинку; потомъ до половины налила ведро водой и все поставила на столъ.

— На, неси хохлацкимъ псамъ!—сказала она сурово.—Да пора бы ужъ и порѣшить ихъ. Что ты думаешь сдѣлать съ ними, Илья?

— Да ужъ что-нибудь придумаю...—И онъ улыбнулся такъ же загадочно, какъ на кладбищѣ.

— Дай мнѣ хоть Петрушку,—попросила мать:—я бы изъ него лучины нащепала, жилы вытянула!

Голова старухи затряслась, и потухшій взоръ загорѣлся мрачнымъ огнемъ.

— Погоди, матушка...

— Долго ли будемъ гонить-то!...—ворчала старуха.

Илья зажегъ фонарь, взялъ корзинку и ведро, поднялъ крышку подполья и сталъ спускаться по крутой лѣсенкѣ.

Такъ онъ спускался туда каждое утро, чтобы доставить своимъ плѣнникамъ хлѣбъ и воду.

Костенки, связанные по рукамъ и по ногамъ и притянутые къ землѣ веревками, прикрѣпленными къ кольямъ, лежали неподвижно, изрѣдка обмѣниваясь между собой короткими, отрывистыми фразами.

— Здравствуйте!—сказалъ Илья, опускаясь на землю около разбойниковъ.—Жрать, небось, хотите?

— Горекъ твой хлѣбъ. Отпусти насъ или убей!—взмолился Петръ.—Для чего ты насъ держишь?

— Кровь застыла у насъ...—жаловались Костенки.

— Гм!—усмѣхнулся Илья.—На солнышко захотѣли? Погоди, дай срокъ,—отпущу. Не задержу.

Онъ досталъ хлѣбъ и сталъ кормить ихъ, запихивая имъ куски прямо въ ротъ.

Накормивъ и напоивъ ихъ, Илья поднялся и коротко сказалъ:

— До завтра. Завтра въ послѣдній разъ покормлю.

Плѣнники тоскливо молчали.

При выходѣ изъ дома Лаптевъ встрѣтилъ Клавдію, жену Егора Костенка.

— Ну, что, молодуха?

Клавдія повалилась ему въ ноги и тихо заплакала.

— Илья Петровичъ! *они* у тебя... намъ извѣстно... Отпусти, прости ихъ, Христа ради!

Лаптевъ поблѣднѣлъ. «Пронюхали. Надо поскорѣе кончать».

— Я ихъ простилъ ужъ. Завтра они будутъ дома. Иди, молодайка, съ Богомъ, и пеки пироги.

Илья улыбнулся своей странно-загадочной улыбкою.

— Иди съ Богомъ,—повторилъ онъ.—Завтра...

— Дай Богъ тебѣ здоровья,—сказала Клавдія.—Пожалѣй насъ, бабъ, Христа ради... Все одно, *ты* ужъ не воскресишь...

— Какъ ты сказала?

— Не воскресишь, говорю...

— Правильно. Такъ иди себѣ съ Богомъ...

Клавдія еще разъ поклонилась ему земно и медленной, усталой походкой направилась къ поселку.

IV.

Въ эту ночь Илья велъ товарный поѣздъ и велѣлъ матери приготовить въ дорогу сундучокъ съ провизіей.

— Развѣ ты седни ѣдешь?—спросила мать.

— Ночью, матушка. Какъ будетъ смеркаться,—запрягите Ворошка.

— Зачѣмъ?

— Надо,—коротко отвѣтилъ Илья.

Мать не спрашивала его больше, смутно догадываясь, что лошадь понадобилась для «хохлацкихъ псовъ», какъ она звала Костенковъ.

Поздно вечеромъ Лаптевъ пошелъ на станцію.

«Надо скорѣе кончать, скорѣе кончать. Да!» шепталъ онъ, подходя къ станціи.

Онъ долго совѣщался съ сторожами и съ своимъ помощникомъ. Компанія выпила водки. Послѣ этого всѣ пятеро, спотыкаясь впоотьмахъ, пошли къ Лаптевскому дому.

Пришедшіе спустились въ подполье и одного за другимъ повывтаскали плѣнниковъ въ горницу.

— Теперича не застынете,—мрачно смѣялся подвыпившій Илья.—Разогрѣемъ!

— Что вы хотите съ нами дѣлать?—спрашивали Костенки.— Говорите! Мы ко всему готовы.

— А готовы, такъ и ладно,—спокойно отвѣтилъ Илья.

Плѣнникамъ забили рты мхомъ и перенесли ихъ на телѣгу.

— Трогай!—приказалъ Илья, и телѣга, поскрипывая деревянными осями, покатила къ станціи, гдѣ остановилась на переѣздѣ, недалеко отъ паровоза. Отсюда Костенковъ перетаскал на паровозъ и прикрыл брезентомъ. Потомъ сторожа ушли, и на паровозѣ остались машинистъ, его помощникъ и шестеро связанныхъ людей, лежавшихъ неподвижно и тѣсно, одинъ на другомъ, какъ дрова.

Илья далъ свистокъ. Паровозъ, пустивъ шипящую струю пара, медленно двинулся, таща за собой тяжело нагруженный поѣздъ, и вскорѣ скрылся изъ виду во мракѣ осенней ночи.

Поѣздъ шель среди темныхъ стѣнъ угрюмой тайги, разсыпая кругомъ снопы золотыхъ искръ.

Лаптевъ, стоявшій спиной къ своимъ плѣнникамъ, сосредоточенно смотрѣлъ въ топку.

— Сильнѣе шуруй!—приказалъ онъ помощнику, который и безъ того сыпалъ въ топку все новыя и новыя лопаты угля.

Паровозъ мчался полнымъ ходомъ.

Лаптевъ взялъ Петра Костенка за связывавшія его веревки, очистилъ ему ротъ отъ мха и сказалъ:

— Пришелъ твой послѣдній часъ, Петруха!

И тотчасъ же подтянулъ его къ топкѣ, такъ что ноги несчастнаго очутились въ огнѣ. Раздался нечеловѣчскій, душу раздражающій крикъ, заглушенный шумомъ огня и мчавшагося поѣзда.

— Что, братъ,—прохладно?—усмѣхнулся Илья.—Погоди, добавимъ на градусъ...

Онъ выдернулъ изъ топки обгорѣлыя ноги плѣнника, перевернулъ туловище и сунулъ его въ огонь головой впередъ.

Послѣ Петра, одинъ за другимъ, были сожжены и остальные пять братьевъ.

Какъ ни таинственно была обставлена мечь,—о ней узнали, и Лаптевъ, его помощникъ и сторожа были арестованы. Слѣдствіемъ, благодаря чистосердечному признанію соучастниковъ Лаптева, было установлено, что братья Костенки, захваченные на мѣстѣ преступленія въ домѣ Лаптева, были связаны, заключены въ подполье,

откуда ихъ ночьюъ вывели на станцію и сожгли въ топкѣ паровоза, во время слѣдованія въ пути товарнаго поѣзда № 10.

Илья упорно отрицалъ фактъ сожженія Костенковъ.

— Затѣмъ мнѣ жечь ихъ? Они живы. Пусть они вернутъ мнѣ жену и дѣтей: Тогда я верну ихъ вамъ. Да, пусть вернутъ.

Судъ приговорилъ Лантева къ каторжнымъ работамъ, а его соучастниковъ—къ тюремному заключенію на разные сроки.

Лантевъ обратился съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ на высочайшее имя о помилованіи.

Императоръ Александръ III на прошеніи Лантева положилъ резолюцію: «Око за око. Простить».

Такъ кончилось знаменитое «лантевское дѣло», въ свое время надѣлавшее въ Сибири немало шума.

Года три назадъ пишущій эти строки встрѣтился съ Лантевымъ случайно, въ поѣздѣ Сибирской дороги. Это былъ уже старикъ, съ совершенно сѣдыми волосами и съ лицомъ, изборожденнымъ глубокими морщинами. Онъ бросилъ Перелюбъ и поселился въ Восточной Сибири, гдѣ женился и занимается сельскимъ хозяйствомъ.

— Почему вы избрали такой способъ мести?—спросилъ я его.

— Я боюсь крови? Мнѣ курицы не зарѣзать.

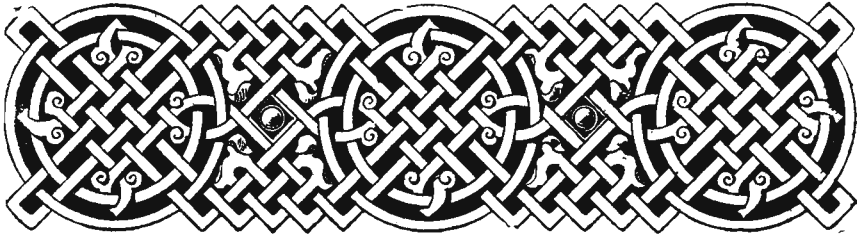
— Скажите, эта месть не тревожитъ вашу совѣсть?

— При чемъ тутъ совѣсть? Я поступилъ по-евангельски. Скажи: око за око, зубъ за зубъ...

А. Дунинъ.

ПРАВДА ОБЪ И. С. НИКИТИНЪ.

ИТАЯ жизнеописание народного поэта И. С. Никитина хотя бы и в одиннадцатомъ изданіи его сочиненій, подъ редакціей М. Ѳ. де-Пуле, можно найти въ немъ много ошибочныхъ свѣдѣній. Я ихъ находилъ много раньше и не разъ порывался указать, но, по свойственной русской натурѣ лѣни, все говорилъ себѣ: успеется.

Такъ прошло немало времени, и наконецъ подошло даже пятидесятилѣтіе со дня кончины нашего народного пѣвца¹⁾. Ну, думалось мнѣ, теперь-то кто-нибудь и безъ меня откликнется и все будетъ исправлено, Оказалось, однако, что старое не исправлено, а въ новыхъ воспоминаніяхъ о Никитинѣ вкрались новыя неточности. Такимъ образомъ, наступила очередь и мнѣ сказать то, что знаю объ И. С. Никитинѣ, чтобы возстановить дѣйствительную картину. Тѣмъ болѣе нахожу это своевременнымъ, что предполагается новое изданіе сочиненій Никитина, и, слѣдовательно, ошибки легко могутъ быть исправлены, если обратятъ вниманіе на мои скромныя строки.

Въ городѣ Воронежѣ въ память пятидесятилѣтія со дня смерти И. С. Никитина въ 1911 году 16-го октября, какъ извѣстно, былъ

¹⁾ Къ этому пятидесятилѣтію подготовлены и вышли въ свѣтъ новыя работы о Никитинѣ и, между прочимъ, и работа А. Ѳомина, гдѣ многіе ошибки, неточности и пробѣлы въ біографіи покойнаго поэта исправлены и пополнены. О работѣ г. Ѳомина наши читатели найдутъ отзывъ въ отдѣлѣ «Критики и бібліографіи» настоящей книги.

Ред.

открыть ему памятникъ на одной изъ центральныхъ площадей города, помимо существующаго памятника на его могилѣ.

Описаніе торжества открытія памятника и нѣкоторыя новыя воспоминанія о Никитинѣ были помѣщены, между прочимъ, и въ мѣстной газетѣ «Воронежскій Телеграфъ». До меня дошли лишь №№ 235, 238 и 240 прошлаго года. Прочитавъ ихъ, я нашелъ и тамъ тоже неточности.

Пишущій эти строки, прежде всего, самъ имѣлъ честь знать и видѣть нашего дорогого народнаго пѣвца И. С. Никитина, а затѣмъ также лично зналъ и знаетъ многихъ лицъ изъ упоминаемыхъ въ жизнеописаніи Никитина. Съ нѣкоторыми изъ нихъ состоитъ въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ, имѣеть фотографіи многихъ изъ нихъ и даже владѣеть альбомомъ Н. В. П—вой, въ которомъ имѣется *подлинникъ* стихотворенія (LXXXIII) «*Прохладно*», написаннаго собственноручно И. С. Никитинымъ и помѣченнаго: «6-го мая 1856 г.».

Начну свой рассказъ издалека. Я былъ мальчикомъ десяти лѣтъ, когда мой покойный отецъ Петръ Васильевичъ Малыхинъ, вѣроятно, желая запечатлѣть въ моемъ дѣтскомъ умѣ обликъ замѣчательнаго человѣка, И. С. Никитина, возилъ меня въ 1861 г. къ нему въ домикъ въ гор. Воронежѣ.

Домикъ этотъ существуетъ и понынѣ, и на немъ теперь уже прибита доска съ надписью: «Здѣсь жилъ и умеръ 16-го октября 1861 г. поэтъ И. С. Никитинъ».

Мы съ отцомъ были у Никитина въ то время, когда тяжкая болѣзнь уже приковала его къ постели. Помню его узкое, сухое, желтое лицо, изможденное болѣзнью, обрамленное темною растительностью. Мы пробыли у больного недолго, и мнѣ удалось тогда лишь только быть представленнымъ поэту и услышать его нѣсколько словъ, смысла которыхъ я уже теперь не помню.

Послѣ того все о Никитинѣ я узнавалъ уже позже, въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, отъ лицъ, близко стоявшихъ къ нему, а именно отъ семьи Плотниковыхъ и Домбровскихъ, которые жили въ имѣніи Дмитріевкѣ, упоминаемомъ въ жизнеописаніи Никитина. Рассказы эти стали чаще и чаще повторяться, когда судьба меня поставила въ близкія родственныя связи съ этими семьями, когда я женился на дочери Н. В. П—вой, къ которой Никитинъ писалъ свои стихи и былъ, по словамъ этихъ лицъ, къ ней *неравнодушенъ*.

Особенно ярки эти рассказы были, когда мы всѣ проводили время, собравшись въ томъ домѣ въ имѣніи Дмитріевкѣ, гдѣ жилъ Никитинъ, осматривали «темный садъ А. А.» (Авдотья Александровна П—ва), гдѣ онъ гулялъ и гдѣ писалъ стихи.

Рассказы живыхъ людей, хорошо знавшихъ Никитина и видевшихъ съ нимъ компанію и даже переживавшихъ съ нимъ душев-

ныя движенія, мѣстность, гдѣ онъ ступалъ своими ногами и гдѣ много провелъ онъ времени,—все это ясно рисовало ту поэтическую старую обстановку и потому отлично запомнилось.

Не могу здѣсь не вспомнить безцеремонности журнала «Нива». Однажды, было это давно, подъ живымъ впечатлѣніемъ разсказовъ обитателей имѣнія Дмитріевки и поэтическаго вида «тѣнистаго сада» и пользуясь тѣмъ, что братъ моей жены имѣлъ съ собой фотографическій аппаратъ, я составилъ описаніе пребыванія Никитина въ имѣніи Дмитріевкѣ, приложилъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ, снятыхъ моимъ шуриномъ, и все это послалъ въ «Ниву». Началъ ждать, когда это будетъ напечатано, но вотъ какъ-то смотрю въ 1899 г. «Ниву» № 38 и вижу отпечатанные тамъ снимки: «Безмолвный уголокъ», «Аллея, по которой гулялъ Никитинъ», «Домъ, въ которомъ жилъ поэтъ», но только съ подписью: «по фотографіи В. Веретенникова». А при этихъ видахъ описаніе съ выдержками, какъ бы изъ моей статьи. Поразила меня такая безцеремонность; но, конечно, я оставилъ это дѣло и только сказалъ себѣ: однако, недурно!

Интересно, однако, было бы узнать отъ «Нивы» имена тѣхъ, кто сидитъ на лѣстницѣ балкона. Если же «Нива» ихъ не знаетъ, то пусть обратится ко мнѣ, и я ей назову всѣхъ, такъ какъ все это близкіе мнѣ люди, снятые фотографіей моимъ шуриномъ.

Вновь я уже не собрался ничего написать и тѣмъ окончилось мое выступленіе съ воспоминаніями о Никитинѣ.

Въ настоящее время я беру для разсмотрѣнія одиннадцатое изданіе сочиненій Никитина и въ немъ укажу на замѣченные мною неточности.

Добровольскіе (стр. 44) сосѣдями Плотниковыхъ никогда не состояли. Здѣсь де-Пуле совершенно перепуталъ, а можетъ быть, это ошибка при напечатаніи. У П—хъ, жившихъ въ имѣніи Дмитріевка, была единственная дочь Наталья Вячеславовна, и она въ 1859 году вышла замужъ за доктора Домбровскаго, бывшаго домашнимъ врачомъ извѣстнаго генераль-адъютанта А. Л. Потапова, имѣніе котораго Семидубровное, находится въ семи верстахъ отъ Дмитріевки. И вотъ эти-то *Домбровскіе* и жили у П—хъ, но въ то время, когда Никитинъ, въ 1856 г., познакомился съ Плотниковыми, Н. В. еще не была замужемъ и фамиліи Домбровскихъ въ этомъ домѣ не было.

Де-Пуле говорить, что въ семьѣ П—хъ было «нѣсколько дѣвицъ» (стр. 44). Это совершенно невѣрно. Онъ смѣшалъ, вѣроятно, съ семьей Матвѣевыхъ, гдѣ, дѣйствительно, въ это время было нѣсколько барышень, двоюродныхъ сестеръ Н. В. П—вой.

Дѣлая выводы о перепискѣ Никитина съ Плотниковыми (стр. 44), де-Пуле самъ себѣ нѣсколько противорѣчить. Онъ говорить, что въ письмахъ этихъ нѣтъ ничего «интереснаго», и тутъ же приба-

вляеть, «но есть именно то, о чемъ мы говоримъ,—юношеская полнота жизни». Развѣ это не порывы души? По рассказамъ же Плотниковыхъ, въ этихъ переданныхъ ими де-Пуле письмахъ и оставшихся у него было выражено очень много чувства къ Н. В., такъ что эти отношенія были далеко не равнодушныя и вполне давали возможность видѣть въ нихъ выраженіе любви къ Н. В. П—вой. Это было тоже уже не первое увлеченіе Никитина, если припомнить, какъ ему «понравилась одна дѣвушка, принадлежащая къ одному почтенному и образованному купеческому семейству» (стр. 63). Тамъ же (стр. 44) де-Пуле вновь смѣшиваетъ обстоятельства. Онъ приписываетъ найденное въ бумагахъ Никитина стихотвореніе «Прощай...» особѣ, которая была лишь въ «добрыхъ» съ нимъ отношеніяхъ. Это невѣрно. Стихи эти принадлежатъ Н. А. М—вой, съ которою и завязался у Никитина романъ, изображенный въ его четырнадцати письмахъ къ ней.

Сдѣланная же на стр. 45 выноска вносить совершенную путаницу. Всѣ указанныя здѣсь стихи посвящены вовсе *не одному* и тому же лицу. Стихи LXXXIV посвящены Матильдѣ Ивановнѣ Жюно, дѣвушкѣ-швейцаркѣ, жившей у Плотниковыхъ и взятой въ домъ для компаніи Н. В., для практики во французскомъ языкѣ. Здѣсь же надъ стихами есть и ошибка въ инициалахъ. Надо вмѣсто М. Н. Ж. напечатать *М. И. Ж.* Между прочимъ обратимъ здѣсь вниманіе на то, что предсказаніе Никитина въ этихъ стихахъ:

Какъ дочери милой, родная природа
Откроетъ объятъя тебѣ,—

не сбылось. М. И. умерла въ 1884 г. въ Воронежской губерніи, въ имѣніи одной изъ бывшихъ Матвѣевыхъ, и похоронена въ гор. Воронежѣ, на лютеранскомъ кладбищѣ, а на родину не вернулась. Г-жа Жюно, дѣйствительно, была чудной души дѣвушка. Она молоденькой пріѣхала въ домъ Плотниковыхъ и сжилась тамъ, какъ членъ семьи. Она сначала совершенно не говорила по-русски и ко времени знакомства съ Никитинымъ могла лишь едва слагать русскія фразы. Когда я познакомился съ нею, въ семидесятыхъ годахъ, то и тогда она очень плохо говорила по-русски и никонимъ образомъ не была въ состояніи писать русскіе стихи. Да она и по-французски не могла ихъ писать, въ чемъ чистосердечно признается въ своей французской надписи въ альбомѣ Н. В. П—вой, о которомъ я уже упоминалъ. Она говорить: «Vous m'avez demandé à vous écrire des vers dans votre albume ma bonne Nathalie! et je vous l'ai promis sans trop penser à ce que je disais, car pour que les vers fussent jolis ils doivent être éloquents, et je n'ai nullement ce talent et si il y a des femmes qui font bien les vers elles sont redevable de ce talent à la nature, et moi elle m'a traitée en marâtre c'est pour

quoi, ma chère Nathalie, je veux finir mon griffonage en vous priant de ne pas oublier votre amie Mathilde Junod».

Кстати замѣчу здѣсь, что имѣющееся въ этомъ альбомѣ, какъ сказано выше, стихотвореніе LXXXIII, написанное собственноручно Никитинымъ и посвященное Н. В. П—вой, разнится отъ напечатаннаго. Въ альбомѣ написано: «*Прохладно*», а въ напечатанномъ: «*Прохлада*». Кромѣ того, здѣсь же есть еще ошибка въ инициалахъ. Надо вмѣсто напечатанныхъ: А. В. П—вой, напечатать: *Н. В. П—вой*. Можетъ быть, при печатаніи своихъ стиховъ эту перемѣну сдѣлалъ самъ И. С. Никитинъ, а, можетъ быть, это и ошибка.

Стихи LXXXV посвящены неизвѣстно кому, Н. А. М—вой или Н. В. П—вой, но во всякомъ случаѣ *всѣ* указанные въ примѣчаніи стихи написаны вовсе не одному лицу. Отношенія Никитина къ особамъ, которымъ были посвящены эти стихи, были далеко не одинаковыя, что увидимъ и дальше.

Никитинъ познакомился съ Н. В. П—вой много раньше того, когда онъ воспылалъ любовью къ Н. А. М—вой. Объ этомъ своемъ чувствѣ онъ въ первый разъ признается де-Пуле только въ 1861 г. (стр. 121), а свои чувства къ Н. В. П—вой Никитинъ выражаетъ еще въ 1856 году.

Когда именно произошла въ немъ перемѣна чувствъ, указать нельзя, но онъ впоследствии какъ бы уже стыдится прошлаго и отрекается отъ него. Онъ пишетъ къ Н. А. М—вой въ 1861 году 25-го января: «Повторяю вамъ въ сотый разъ: у меня нѣтъ и не было особенной причины быть разсѣяннмъ». А въ письмѣ отъ 25-го февраля говоритъ: «Ваше предположеніе насчетъ того, что садъ Д—хъ можетъ доставлять мнѣ много пріятныхъ воспоминаній, не совсѣмъ вѣрно». Онъ все отрицается, зная ревнивое чувство дѣвушки, тѣмъ болѣе, что Н. А. М—ва, будучи двоюродной сестрой Н. В. П—вой, отлично все знала, и потому постоянно напоминаетъ ему о прошломъ. А это его прошлое, кажется, достаточно ясно вылилось въ стихотвореніи LXXXVIII «Въ саду». Надо замѣтить, что и садъ-то этотъ былъ именно П—хъ; про него онъ и говорилъ, его онъ вспоминалъ, въ немъ онъ гулялъ съ Н. В. П—вой. У Матвѣевыхъ сада такого не было. Самъ Никитинъ подтверждаетъ это, говоря на страницѣ 129: «но вѣдь у васъ нѣтъ сада,—слышите ли вы меня? У васъ сада нѣтъ! Счастливые Д—скіе,—и я имъ завидую: у нихъ тѣнистый садъ и прудъ и прочія блага....».

Чувства свои къ Н. В. П—вой Никитинъ ярко выдаетъ, отрекаясь много разъ отъ нихъ, говоря въ своемъ письмѣ отъ 10-го марта (стр. 134): «Не понялъ только одного: какъ m-me Д—ской¹⁾ извѣстно, что я къ вамъ пишу?» Никитинъ, видимо, даже скрываетъ отъ Н. В. П—вой свою переписку съ Н. А. М—вой. Ниже онъ снова

¹⁾ Которой впоследствии стала Н. В. П—ва.

отрекается отъ прошлаго, говоря: «Не могу никакъ догадаться, на какомъ основаніи построено ваше предположеніе, будто бы я былъ влюбленъ въ т-ше N...»

Въ письмѣ своемъ отъ 5-го мая 1861 г. Никитинъ все хочетъ отречься отъ Н. В. П—вой, онъ все какъ бы норовить оправдаться передъ Н. А. М—вой въ своемъ прошломъ и опять говорить (стр. 151): «Что касается моихъ словъ т-ше Д—ой, будто бы я обѣщался пріѣхать въ ихъ края,—я ихъ что-то не помню». Но ревнивая Н. А. все нѣтъ, нѣтъ да и упрекнетъ его за прошлое, и она ему пишетъ: «Вспомните, какъ вы ее встрѣчали въ послѣдній ея пріѣздъ въ Воронежъ?...» (стр. 134).

Все вышесказанное объ отношеніяхъ Никитина къ Н. В. П—вой кладетъ извѣстные блики, по которымъ, мнѣ кажется, мы будемъ правы сказать, что это уже не простыя отношенія молодого человѣка къ дѣвушкѣ, а скорѣе можно назвать любовью. Если же это такъ, то эта любовь къ Н. В. П—вой будетъ въ жизни поэта второю любовью, прекратившеюся, очень можетъ быть, потому, какъ говорить и самъ Никитинъ въ своемъ стихотвореніи «Въ саду»:

«Виновать, видно, я да моя бѣднота...
«Въ первый разъ я ее проклинал!» (Стр. 176).

Очень можетъ быть, что Вячеславъ Ивановичъ П—въ, получивъ отъ Никитина эти стихи для передачи дочери, не передалъ ихъ, чтобы и не смущать ее. Да едва ли онъ и считалъ Никитина подходящей парой своей дочери. Трудно было родовитому дворянину, особенно еще въ то время, отдать свою единственную дочь мѣщанину, да еще бѣдному.

Очень можетъ быть, что, не получивъ отвѣта на стихи «Въ саду» и не зная причины этого, Никитинъ все отнесъ на долю самой Н. В. и потому постарался скорѣе забыть ее, что было ему тогда не трудно, такъ какъ новый образъ Н. А. М—вой уже смутилъ его, какъ видно изъ признанія его де-Пуле (стр. 121).

И вотъ загорается новая, вѣрнѣе, *третья*, любовь, на этотъ разъ захватившая всецѣло душу поэта и такъ ярко обрисовавшаяся въ его четырнадцати письмахъ.

Тутъ же я долженъ указать и на ошибки, встрѣчающіяся въ воспоминаніяхъ г. Путинцева, помѣщенныхъ въ «Воронежскомъ Телеграфѣ» за 1911 г., № 238, подъ названіемъ: «Вторая любовь И. С. Никитина». Въ этомъ воспоминаніи перепутаны и отношенія между лицами, самыя лица и указанія, кому принадлежать приводимые тамъ стихи, а также и кому принадлежитъ любовь Ивана Саввича.

Никитинъ очень дружески относился къ Матильдѣ Ивановнѣ Жюно, жившей у Плотниковыхъ, какъ я уже сказалъ, компаньонкѣ

Н. В. П—вой, взятой для практики во французскомъ языкѣ, а вовсе она не была, какъ говорится тамъ, «учительницею», да еще «дѣтей П—выхъ». Сознвая всѣ ея, дѣйствительно, отличныя душевныя качества, Никитинъ пріятельски относился къ ней, но романа у него съ нею вовсе не было.

Никитинъ полюбилъ впоследствии *второю*, я бы сказалъ— *третьею*, любовью къ Н. А. М—вой, и вотъ этотъ-то романъ и заключается въ четырнадцать его писемъ.

И стихи «Прощай...» принадлежатъ перу Н. А. М—вой, а вовсе не М. И. Ж., какъ я уже сказалъ выше. Точно такъ же у г. Пущина сказано ошибочно, что стихи LXXXV «Чуть сошлись мы, другъ друга узнали» посвящены Никитинымъ М. И. Ж. Это невѣрно, стихи эти посвящены кому-либо изъ двухъ: или Н. В. П—вой, или Н. А. М—вой, но вѣрнѣе, считая по годамъ, первой.

Вл. П. Малыгинь.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ „СТАИ СЛАВНОЙ“.

(Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова).

МЕРЪ одинокимъ и забытымъ... Подобныя слова, въ силу своего нѣсколько страннаго обыкновенія, слѣшать рисовать воображенію голая стѣна больничной палаты и среди нихъ никѣмъ не окруженное жесткое ложе смертельныхъ страданій или безмолвную мансардную клѣтушку съ дощатымъ диваномъ, на которомъ только что затихли ни до кого не доносившіеся стоны и вздохи. Если бы не эта чрезмѣрная сгущенность смысла, если бы не эта обязательно почему-то подразумеваемая картина, такими словами было бы весьма умѣстно начать некрологъ графа Арсенія Аркадьевича Голенищева-Кутузова, крупнаго художника русскаго слова, скончавшагося въ шесть часовъ вечера 28-го января. Въ самомъ дѣлѣ, пусть Голенищевъ-Кутузовъ угасъ въ роскошной обстановкѣ дворцоваго помѣщенія, пусть тѣсный кругъ родственниковъ и близкихъ не спускалъ глазъ съ холодѣющаго тѣла, но развѣ это не есть одинокая смерть для поэта, коль скоро никто рѣшительно изъ общества, никто абсолютно изъ литературнаго міра не зналъ вплоть до поздняго вечера 28-го января объ упорно въ теченіе продолжительнаго времени надвигавшейся катастрофѣ, не волновался ея близостью и неизбѣжностью, не интересовался, по крайней мѣрѣ, эксцессами ея наступательнаго движенія?

Можетъ быть, отъ элегическаго тона сказаннаго отдаетъ въ извѣстной степени сантиментальностью, но этотъ тонъ напраши-

вается самъ собою, совершенно невольно. Еще свѣжи въ памяти дни роковой болѣзни гр. Толстого, Петра Вейнберга, Фофанова, Мамина-Сибиряка и нѣкоторыхъ другихъ писателей и поэтовъ: въ тѣ дни многими чувствовалось, что русская литература что-то болѣзненно теряетъ, и замѣчалось усиленное теплое вниманіе къ «отходящимъ», которымъ оно, если бы доходило до ихъ сознанія, было бы большимъ удовлетвореніемъ или даже утѣшеніемъ на смертномъ одрѣ. А Голенищевъ-Кутузовъ отходилъ въ вѣчность, сочувствующимъ взоромъ Россіи, которая должна была считать его, какъ пѣвца ея природы, грусти и задумчивости, своимъ, не провожаемый; провожали не угасавшій духъ поэта, а лишь бранные останки его.

Въ посмертныхъ бумагахъ знаменитаго Ибсена было, между прочимъ, найдено стихотвореніе, начинающееся—въ переводѣ пишущаго настоящія строки—слѣдующимъ четверостишіемъ:

Я міру дать хочу двѣ-три красивыхъ пѣсни,
 Два-три ласкающихъ аккорда,
 Чтобъ въ часъ агоніи звучало мнѣ: воскресни!—
 Со всѣхъ сторонъ торжественно и гордо.

И вотъ, когда творецъ не только «двухъ-трехъ красивыхъ пѣсень, двухъ-трехъ ласкающихъ аккордовъ», а длиннаго-длиннаго ряда такихъ пѣсень и аккордовъ умираетъ и ему ниоткуда не звучитъ это торжественное «воскресни»,—происходитъ явленіе безусловно грустное, отъ котораго желалъ оградить себя самъ Ибсенъ, утверждавшій, что тотъ великъ, кто одинокъ.

Правда, въ данномъ случаѣ публика не заслуживаетъ никакого упрека и было бы нѣсколько несправедливо воспользоваться даннымъ случаемъ для того, чтобы напомнить ей о ея обычномъ порочномъ равнодушіи къ своимъ потерямъ. Обстановка, въ которой протекала жизнь и, главнымъ образомъ, послѣдніе годы Голенищева-Кутузова, представляла собою слишкомъ недоступную твердыню для газетныхъ хроникеровъ, являющихся въ настоящее время одними изъ самыхъ чуткихъ нитей, связующихъ въ настоящее время общество съ ея дѣятелями на томъ или иномъ поприщѣ. Тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ и крайне печальнымъ съ точки зрѣнія тѣхъ, кому близки и дороги переживанія родной литературы и судьба безкорыстныхъ тружениковъ на ея тернистой нивѣ.

I.

Только что скончавшійся графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ являлся послѣднимъ изъ «станъ славной» тѣхъ поэтовъ, которые были одарены силой служить и служили русской поэзіи по уставу, предначертанному Пушкинымъ и Лермон-

товымъ, по уставу, гдѣ все основано на прекрасномъ, возвышенномъ и вѣчномъ. Сравнительно не такъ давно еще этихъ прямыхъ наслѣдниковъ Пушкинской и Лермонтовской поэзи было немало:

Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

былъ Майковъ, былъ Полонскій, былъ Фетъ, былъ Случевскій, былъ Фофановъ и нѣкоторые другіе. Но одинъ за другимъ они оставляли арену жизни и дѣятельности, и на ней по волѣ судьбы оставался лишь Голенищевъ-Кутузовъ. Ему выпало на долю очутиться въ

водоворотѣ всевозможныхъ литературныхъ теченій, самыхъ противоположныхъ, исключаящихъ другъ друга и отталкивающихъ одинъ другого. Не одно крупное дарованіе оказалось достигнутымъ, сбитымъ, исковерканнымъ и поглощеннымъ этимъ водоворотомъ настолько, чтобы уже не подняться никогда снова на поверхность и не быть въ состояніи выброститься на берегъ. На берегу стоялъ только Голенищевъ-Кутузовъ, стоялъ одинъ-одинешенекъ, какъ будто чувствуя себя попечителемъ того богатства, которое оставили намъ Пушкинъ и Лермонтовъ, завѣщавъ увеличивать его по крупицамъ чистымъ, отборнымъ поэтическимъ золотомъ. Этотъ завѣтъ только что скончавшійся поэтъ выполнялъ до конца, и въ исторіи русской поэзіи имя Голенищева-Кутузова должно сохраниться въ двухъ оправѣхъ: въ оправѣ выдающагося дарованія, породившаго множество прекрасныхъ и строгихъ по формѣ, обаятельныхъ, благородныхъ и теплыхъ по содержанію стихотвореній, и въ оправѣ ореола послѣдняго изъ могиканъ, т.-е. послѣдняго изъ прямыхъ духовныхъ потомковъ Пушкина и Лермонтова.

Графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ родился 26-го мая 1848 г. въ Царскомъ Селѣ, гдѣ его отецъ занималъ одну изъ второстепенныхъ придворныхъ должностей, несмотря на то, что старинность рода и принадлежность къ весьма ограниченному числу потомковъ фельдмаршала Кутузова давали ему право на болѣе видное положеніе. Окруженное въ то время со всѣхъ сторонъ лѣсами и полями и само утопавшее въ зелени Царское Село возбудило въ маленькомъ Селѣ—такъ звали будущаго поэта домашніе—зачатки той великой любви къ природѣ, которая скоро всецѣло овладѣла его душой и умомъ. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ Голенищевъ-Кутузовъ какъ бы сознательно отдается вліянію природы, волнующей и нѣжащей его своими грозными и кроткими явленіями, прислушивается къ ея вполне понятному подчасъ языку и старается то приласкаться къ ней, то быть съ ней на-сторожѣ, въ зависимости отъ ея прихотливости. Къ своему общенію съ природой въ дѣтскіе годы Голенищевъ-Кутузовъ впоследствии часто возвращался, возстановляя его то въ томъ, то въ другомъ стихотвореніи.

Въ дни дѣтства, помню я, бывало, передъ сномъ,
Встревоженъ отблескомъ далекихъ молній ночи,
И ложе покидалъ я, стоя подъ окномъ,
Въ мерцающую даль вперялъ съ тревогой очи.
Полна, казалось мнѣ, грозой ночная тишь...
Но отворялася сосѣдняя свѣтлица,
И няня старая входила... «Что не спишь?»
Шептала мнѣ она: «не бойся—то зарница...
Ни бури, ни грозы не будетъ». И внималъ
Я съ дѣтской вѣрою словамъ успокоенья.
— Зарница,—отходя ко сну, я повторялъ,
И тихія ко мнѣ слетали сновидѣнья.

Въ такіе рѣдкіе моменты природа являлась чѣмъ-то въ родѣ «злой тети», но обычно она доставляла ему много отрады, въ чемъ онъ сознается родному лѣсу, напоминая послѣдному, какъ

Въ опы дни, когда—дитя—порою
Прибѣгалъ твои я слушать сказки,
Добрый дѣдъ, мохнатой головою
Наклонясь съ заботой надо мною,
Расточалъ ты мнѣ дары и ласки....

Все усиливавшаяся дружба съ природой не мѣшала, конечно, ребенку быть изряднымъ шалуномъ, участникомъ невинныхъ затѣй, предпринимаемыхъ товарищами-сверстниками, и въ то же время внимательнымъ воспитанникомъ своей матери, обучавшей его французскому языку, и гувернантки-нѣмки. Будущему поэту еще не было десяти лѣтъ, какъ умеръ его отецъ. Последній, очевидно, удѣлялъ больше времени и заботъ своимъ служебнымъ обязанностямъ, чѣмъ воспитанію дѣтей, такъ какъ въ произведеніяхъ своего сына не оставилъ абсолютно никакого слѣда. Впрочемъ, вопли убѣдительнымъ доказательствомъ равнодушія графа-отца къ его дѣтямъ это обстоятельство послужить не можетъ. Къ матери своей Голенищевъ-Кутузовъ сохранялъ глубокую привязанность вплоть до ея смерти въ семидесятыхъ годахъ, но и ее онъ всего разъ или два вспоминаетъ въ своихъ стихахъ, да и то вскользь, безъ того, что могло бы свидѣтельствовать о существованіи такой привязанности.

Послѣ смерти графа-отца осиротѣвшая семья рѣшила оставить Царское Село, гдѣ ее ничто уже не удерживало, и перебраться поближе къ своему родовому помѣстью—Шубину, въ Тверской губерніи. Соображенія воспитательнаго характера—наступило время отдавать Сению и другихъ дѣтей въ учебныя заведенія—указывали семьѣ на Москву, куда она и переѣхала въ началѣ 1859 года.

Въ Москвѣ Голенищевъ-Кутузовъ былъ немедленно отданъ въ четвертую гимназію, которую онъ началъ проходить съ приготовительнаго класса, несмотря на свой одиннадцатилѣтній возрастъ и большія способности, при которыхъ возможно было бы поступленіе въ одинъ изъ послѣдующихъ классовъ. Этому, однако, мѣшала полная неподготовленность новоиспеченнаго гимназиста, кромѣ нѣмецкаго и французскаго языковъ, ничему до того не обучавшагося. Поступленію Голенищева-Кутузова въ гимназію предшествовали переговоры семьи съ вліятельными родственниками объ опредѣленіи его въ одно изъ привилегированныхъ военно-учебныхъ заведеній; но самъ онъ не проявлялъ никакихъ рѣшительно наклонностей къ военной службѣ, а потому попалъ въ гимназію. При этомъ извѣстную роль сыграло еще то обстоятельство, что матеріальное положеніе семьи было далеко не блестяще и ни въ коемъ случаѣ не обезпечивало въ будущемъ за

Голенищевымъ-Кутузовымъ возможности занимать то положеніе въ военной средѣ, которое было бы, по сложившимся традиціямъ, обязательнымъ для лица его происхожденія. О всѣхъ этихъ сообщеніяхъ былъ освѣдомленъ самъ юный графъ, который безъ особаго сожалѣнія одѣлъ гимназическую форму вмѣсто мундира кадета или пажа.

Учился Голенищевъ-Кутузовъ прекрасно съ перваго же дня пребыванія своего въ гимназіи. Въ свободное отъ учебныхъ занятій время онъ много читалъ, отдавая явное предпочтеніе поэтамъ. Пушкинъ былъ его кумиромъ и заучивался имъ наизусть цѣлыми страницами. Передъ Пушкинымъ Голенищевъ-Кутузовъ преклонялся затѣмъ на протяженіи всей своей жизни и, не чувствуя безгранично-искренняго преклоненія, не могъ бы посвятить впоследствии памяти великаго поэта тѣхъ двухъ роскошныхъ по формѣ и горячихъ по содержанію стихотвореній, которыя вылились у него при открытіи Пушкинскаго памятника въ Москвѣ 26-го мая 1880 г. и при посѣщеніи Гурзуфа.

Онъ былъ когда-то здѣсь; на склонѣ этихъ горъ
Стоялъ онъ въ царственномъ раздумьи; это море
Влекло его мечту въ невѣдомый просторъ
И отражалось въ подъятомъ къ солнцу взорѣ.
На этомъ берегу, въ сосѣдствѣ дикихъ скалъ,
Бѣглець толпы людской, лишь волнъ внимая шуму,
Свою великую въ тиши онъ думалъ думу
И пѣсни вольныя въ мечтаньяхъ создавалъ.
Тѣ пѣсни разнеслись по свѣту, и донинѣ
Въ сердцахъ избранниковъ онѣ звучать... а онъ,
Пѣвецъ земли родной, погибъ, людской гордыней,
Отравой клеветы и зависти сраженъ.

.....
Но сердцу вѣрится, что въ царствѣ вѣчной ночи
Пѣвцу невнятенъ шумъ житейской суеты;
Что сквозь могильный сонъ души безсмертной очи
Доступны лишь мечтамъ безсмертной красоты;
Что, можетъ быть, сюда, на этотъ склонъ оврага,
Гдѣ вѣрные ему платанъ и кипарисъ
Подъ небомъ голубымъ и солнцемъ разрослись,
Гдѣ дремлютъ старые утесы Аю-Дага,—
Пѣвца святая тѣнь проносится порой
Вдали земныхъ суетъ, страстей, обидъ и горя,
Какъ нѣкогда, смотрѣть въ просторъ безбрежный моря,
Съ волнами говорить и слушать ихъ прибой.

Такъ говоритъ Голенищевъ-Кутузовъ въ стихотвореніи «На Гурзуфѣ», свидѣтельствуя о томъ, что ему постоянно сопутствовала «святая тѣнь пѣвца».

Послѣ Пушкина молодой гимназистъ дѣлилъ свое чувство между Жуковскимъ, котораго любилъ—

За то, что пѣть онъ намъ такъ сладко на зарѣ,
 За то, что, вознесенъ судьбой, но чуждъ гордынѣ,
 Направилъ сердце онъ къ любви и благостынѣ
 Въ Освободитель-царѣ,—

и Майковымъ и Фетомъ. Перваго онъ всегда считалъ своимъ прямымъ наставникомъ и вдохновителемъ и, когда тотъ получилъ Пушкинскую премію за поэму «Два міра», написалъ ему слѣдующія блестящія строки:

Учитель дорогой! Съ сердечною отрадой
 Тебя привѣтствую!..
 Свое твореще въ даръ принесъ отчизнѣ ты.
 Глаголу вѣщему внимаю чуткимъ слухомъ,
 Я поднялъ голову и ободрился духомъ,
 Я возгордился тѣмъ, что на Руси у насъ
 .....
 Путеводительный свѣтильникъ не угасъ.
 Тотъ свѣточъ въ оны дни держалъ иной пѣвецъ.
 И нынѣ на тебѣ его почиетъ сила:
 Тѣнь Пушкина тебя усыновила
 И на главу твою сложила свой вѣнецъ.

Фетомъ же онъ больше восторгался, упивался, чѣмъ вдохновлялся. Вотъ какъ опредѣлялась поэзія Фета у Голенищева-Кутузова:

Словно голосъ листвы, словно трепеть ручья,
 Въ душу вѣетъ прохлагою пѣсня твоя;
 Все внималъ бы, какъ струйки дрожатъ и звучать,
 Все внималъ бы цвѣтовъ и листовъ аромать,
 Все молчалъ бы, поникнувъ, чтобъ долго вокругъ
 Только пѣсни блуждали торжествующій звукъ,
 Чтобъ на ласку его, на призывъ и привѣтъ
 Только сердце томилось и билось въ отвѣтъ.

Любопытно, что ни Лермонтовъ, ни Тютчевъ, ни Некрасовъ, начинавшій въ то время все больше и больше плѣнять сердца и умы молодежи, не вызывали въ Голенищевѣ-Кутузовѣ сильнаго тяготѣнія къ себѣ, которое заставило бы потомъ молодого поэта, любившаго обращать свой голосъ къ роднымъ ему по духу пѣвцамъ, посвятить имъ тѣ или другія строки.

Чѣмъ больше Голенищевъ-Кутузовъ читалъ поэтовъ, тѣмъ сильнѣе онъ убѣждался, что въ немъ самомъ скрытъ поэтъ. Но не въ примѣръ другимъ писателямъ, начинавшимъ пробовать свои силы на бумагѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, онъ впервые взялъ перо въ руки, чтобы изложить свои мысли и чувства, только будучи уже въ пятомъ классѣ. Зато, приступивъ къ сочинительству стиховъ, онъ сразу занялся имъ серьезно, посвящая ему всѣ свободные отъ гимназій вечера и дни. Серьезность выражалась въ томъ, что онъ

тщательно обрабатывалъ каждый стихъ, провѣряя, какъ подобное тому, что онъ хочетъ сказать, изложено у Пушкина и другихъ любимыхъ поэтовъ.

Въ 1868 году Голенищевъ-Кутузовъ окончилъ гимназію, причѣмъ за выдающіеся успѣхи былъ награжденъ золотою медалью. Не теряя времени, онъ поступаетъ въ слѣдующемъ же году въ московскій университетъ на юридическій факультетъ, гдѣ проходить курсъ наукъ, не проявляя уже того усердія, которымъ отличался за все время пребыванія своего въ гимназіи. Въ московскомъ университетѣ въ тѣ годы училась самая даровитая и интересная молодежь, но Голенищевъ-Кутузовъ оставался въ сторонѣ отъ нея, считаясь тѣмъ студентомъ, которому въ настоящее время присвоена кличка «бѣлоподкладчикъ». Дѣло въ томъ, что одновременно со вступленіемъ въ храмъ науки онъ вступилъ въ жизнь свѣтскаго юноши, которая на первыхъ порахъ увлекла его со свойственной ей силой и стремительностью. Кромѣ того, научнымъ занятіямъ мѣшали усиленные періодическія занятія поэзіей. Къ этому періоду относится и появленіе его въ печати. Въ Петербургѣ готовилась къ выходу первая книжка основаннаго В. В. Кашшировымъ журнала «Заря», и Голенищевъ-Кутузовъ послалъ туда одно изъ своихъ стихотвореній, которое было принято и напечатано. Книжка «Зари» вышла въ концѣ 1869 г. Стихотвореніе это, однако, не было подписано и ни въ одно изъ собраній сочиненій потомъ авторомъ не включалось.

Отдавая дань, правда, въ сравнительно скромныхъ размѣрахъ, своей молодости, Голенищевъ-Кутузовъ ни на минуту не забывалъ, что матеріальное положеніе его далеко не блестяще и что нужно заботиться о своемъ будущемъ. Чтобы быть ближе къ вліятельнымъ сферамъ и съ ихъ помощью обезпечить себя приличествующимъ его происхожденію служебнымъ мѣстомъ, онъ перевелся въ петербургскій университетъ на тотъ же факультетъ; тутъ онъ и завершилъ свое образованіе въ 1876 г. Вслѣдъ за окончаніемъ университетскаго курса онъ былъ зачисленъ на службу въ государственную канцелярію, но оставался тамъ недолго, такъ какъ, благодаря своимъ связямъ, оказался вскорѣ избраннымъ на должность уѣзднаго предводителя дворянства въ родной ему Тверской губерніи. Тамъ же онъ былъ послѣдовательно почетнымъ мировымъ судьей и председателемъ сѣзда мировыхъ судей, а въ общемъ прослужилъ болѣе 10 лѣтъ, вплоть до 1888 года.

Еще до отбытія на мѣсто службы Голенищевъ-Кутузовъ женился на давно любимой дѣвушкѣ и, пріѣхавъ въ Тверскую губернію, поселился въ своемъ родовомъ имѣніи. Служебныя обязанности оказались далеко не обременительными и отнимали у молодого предводителя весьма мало времени, что въ связи съ пробудившейся въ немъ подъ вліяніемъ деревенской жизни старой, какъ бы врожденной

любовью къ природѣ послужило къ тому, что онъ весь отдался поэзи. Всецѣло заняться ею—это, очевидно, уже давно было для него настоящей потребностью; иначе онъ не сложилъ бы такихъ строкъ:

Все чаще, все яснѣй мнѣ слышенъ дальній зовъ,
 Знакомый, ласковый, младенчески-правдивый:
 «Вернись, вернись, пѣвецъ, подь сѣнь родныхъ лѣсовъ,
 Въ пріютъ, гдѣ ты возросъ смиренный и счастливый!»

.....
 Могучій, властный зовъ! Сквозь блескъ и мракъ столицы,
 Сквозь смѣхъ и плачъ ея вертеповъ и палатъ,
 Сквозь холодъ черствыхъ душъ и каменныхъ громадъ
 Онъ проникаетъ въ плѣнь блистательной темницы.
 И благодатный сонъ я вижу наяву:
 Разрушены чертогъ и чары злой Наины,
 Вокругъ меня опять лѣса, холмы, долины—
 И ими возрожденъ, я ими вновь живу.
 Тщеславной суеты исчезнуло ненастье,
 Тревогой вешнею забилось сердце вновь,
 И пѣсни вольныя слагаются про счастье,
 Про солнце, про весну, про слезы, про любовь.

Долго ли оставалась душа поэта спокойной, мы увидимъ ниже; пока же онъ горячо принялся за работу, за перо. Его талантъ, укрѣпившійся еще въ Петербургѣ, быстро расцвѣталъ, и изъ-подъ пера Голенищева-Кутузова появлялись одно за другимъ прекрасныя стихотворенія, совершенныя по формѣ и согрѣтыя теплотой чувства и мысли. Стихотворенія эти отсылались въ «Дѣло», «Вѣстникъ Европы», «Русскій Вѣстникъ» и нѣкоторые другіе журналы, гдѣ и печатались, обращая на автора вниманіе публики и критики. Отдѣлывая самымъ тщательнымъ образомъ свои новыя произведенія, онъ въ то же время перерабатывалъ или обрабатывалъ старыя, написанныя еще въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ числѣ этихъ произведеній были поэмы «Гашишь» и «Старыя рѣчи», которыя черезъ нѣсколько лѣтъ должны были доставить поэту широкую извѣстность.

Хотя Голенищеву-Кутузову не было еще полныхъ 30 лѣтъ, характеръ, умовозрѣніе, симпатіи и антипатіи его опредѣлились уже окончательно. Мечтатель, жрецъ безмятежности, искатель красоты, ненавистникъ прозаической дѣйствительности, ненавистникъ шума и суеты—вотъ тотъ человѣкъ, которымъ являлся тогда поэтъ и которымъ остался уже на всю жизнь. Противорѣчащее на каждомъ шагу, каждый мигъ подобнымъ идеаламъ земное существованіе не могло, такимъ образомъ, не казаться ему тягостнымъ и достойнымъ измѣны для чего-то далекаго, туманнаго, случайнаго, но, безспорно, лучшаго. Стремленіе къ этому лучшему и образовало лейтъ-мотивъ его поэзи. Поэтъ не допускалъ уже вопроса—быть или не быть, такъ какъ преимущество второго передъ первымъ было

для него очевидно. Такая очевидность иллюстрируется слѣдующимъ превосходнымъ стихотвореніемъ того періода:

Прекрасенъ жизни бредъ; волшебны и богаты
Живыхъ его картинъ оденцы и цвѣты,
Свѣтила знойнаго восходы и закаты
И ночи, полныя чудесъ и красоты.
Прекрасны дней земныхъ обманы и видѣнья,
Порывы страстныхъ чувствъ, полеты смѣлыхъ думъ,
Полеты на крылахъ надеждъ и заблужденья
Въ пространствахъ радужныхъ земного наслажденья,
Напѣвы юныхъ грезъ и бурь житейскихъ шумъ!
Но, если въ трезвый мигъ душевнаго досуга,
Въ случайной тишинѣ сквозь этотъ долгій бредъ
Внезапно прозвучитъ, какъ дальній голосъ друга,
Грядущаго конца таинственный привѣтъ;
Но, если какъ весны желанное дыханье,
Вдругъ душу обовьетъ иной красоты желанье,
И сквозь туманъ вдали, какъ ранняя зоря,
Займется тихій свѣтъ иного бытія—
Какіе призраки, какія сновидѣнья
Дерзнуть съ улыбкою мнѣ повторять: «живи!
Живи и позабудь о счастья пробужденья
Подъ солнцемъ вѣчнаго покоя и любви!»

Иногда страхъ передъ окружающею повседневностью у поэта такъ великъ, что онъ боится даже думать о своихъ идеалахъ, чтобы послѣ этихъ думъ дѣйствительность не показалась во много разъ хуже:

Да, милый другъ, земля прекрасна
Издалика;
Но возноситься въ высь опасно
За облака.
Тамъ видить взоръ и даль, и море,
Небесъ лазурь;
Тамъ умолкаютъ шумъ и горе
Житейскихъ бурь.
Но повелитъ судьба спуститься
Съ вершины той—
И сердце съ болью станетъ биться
Въ тюрьмѣ земной.

Выше было замѣчено, что, стремясь отъ тюрьмы земной, поэтъ смутно представлялъ себѣ, куда его влечетъ, смутно себѣ представлялъ самое «солнце вѣчнаго покоя». Въ этомъ онъ самъ признается въ стихотвореніи, считающемся однимъ изъ лучшихъ:

Мнѣ легче дышится на горныхъ высотахъ:
Тамъ близко къ небесамъ и отъ людей далеко;
Объятый радостью простора, тамъ въ мечтахъ
Я забываюся, блуждая одиноко.
И что за яркія, крылатая мечты
Съ нездѣшнимъ пѣніемъ туда ко мнѣ слетаютъ!

Но только захочу ихъ звуки иль черты
 Запомнить, уловить—онѣ, умолкнувъ, тають.
 И пусть! вѣдь заключить ихъ въ цѣпи точныхъ словъ,
 Ихъ выразить, назвать—усилія напрасны;
 Какъ стан легкія кудрявыхъ облаковъ,
 Лишь безымянныя, онѣ прекрасны.

Какъ бы ни былъ Голеннищевъ-Кутузовъ далеко душой отъ той
 прозы, которая наполняла жизнь, время—семидесятые годы—было
 такое жутко-молчаливое, такое напряженно-въжидательное, что не
 заразиться общимъ настроеніемъ, общей жаждою обновленія не
 представлялось никакой возможности. И Голеннищевъ-Кутузовъ
 однимъ изъ первыхъ громгласно заявилъ:

Такъ жить нельзя. Въ разумности притворной,
 Съ тоской души и холодомъ въ крови,
 Безъ юности, безъ вѣры животворной,
 Безъ жгучихъ мукъ и счастья любви,
 Безъ тихихъ слезъ и громкаго веселья
 Въ томленіи нѣмого забвѣтья,
 Въ уныніи разврата и бездѣлья...
 Нѣтъ, други, нѣтъ—такъ дольше жить нельзя...

И вслѣдъ за этимъ заявленіемъ онъ пропѣлъ рядъ пѣсень, зву-
 чащихъ неподдѣльной любовью къ родинѣ, искренней готовностью
 послужить родному народу, пострадать его страдаемъ, посодѣй-
 ствовать наступленію новыхъ, лучшихъ для него дней.

... Недалекъ обновленія день,
 И сломаю я крѣпкую стѣну,
 И покину тюрьмы непривѣтную сѣнь,
 И паломника ризу надѣну.
 Отъ шумящихъ столицъ далеко, далеко
 Я уйду, строгой думой объятый,
 Въ душу родины тамъ загляну глубоко,
 Заберуся въ землянки и хаты.
 Нищеты и терпѣнья загадочный ликъ
 Разгляжу при мерцаньи лучины
 Въ кабакѣ придорожномъ подслушаю крикъ
 Безнадежной и пьяной кручины...
 И, вернувшись назадъ, тебѣ пѣсно спою
 Не такую, какъ пѣлъ я донынѣ.
 Нѣтъ, услышавъ тогда эту пѣсно мою,
 Ты поклонишься ей, какъ святынь...

Или:

Порой среди толпы ликующей и праздной
 Нарядной суетой объять со всѣхъ сторонъ,
 Уныль и одинокъ я слышу—безотвязный
 Звучить не то напѣвъ, не то призывъ иль стонъ.

И хочется бѣжать, бѣжать тогда далеко
 Отъ блеска и людей, отъ суетныхъ пировъ
 И тамъ въ родной глуши страдать, страдать глубоко
 Подъ гуль и пѣніе метелей и снѣговъ.

Или:

Мнѣ любо выходить въ невѣдомое море
 Съ отважно поднятой и гордой головой.
 Челюкъ отъ берега несется, мнѣ послушный,
 И, зорко глядя въ даль, въ туманъ грядущихъ дней
 Съ рукою на руль, внимаю равнодушно
 Навѣтамъ радости и жалобамъ друзей...

Вотъ одинъ изъ тѣхъ строфъ, которыми Голенищевъ-Кутузовъ отдавалъ дань своему времени, но дань отъ всего сердца, дань съ глубокимъ отпечаткомъ ея необходимости и важности.

Популярность поэта все росла и росла. Если его чисто лирическія стихотворенія читались и нравились, то появлявшіяся изрѣдка въ журналахъ пьесы на гражданскіе мотивы вызывали восторгъ. Публика, увлеченная Некрасовымъ, не могла, тѣмъ не менѣе, не чувствовать, что, если Некрасову битва мѣшаетъ быть поэтомъ, а пѣсни—быть бойцомъ, то Голенищеву-Кутузову во всякомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ оставаться поэтомъ. И на музу его начали возлагаться большія надежды, какъ на музу народной скорби и народныхъ нуждъ.

Вспыхнувшая война съ Турціей изъ-за славянъ тоже нашла глубокой откликъ въ творествѣ Голенищева-Кутузова. Въ стихотвореніяхъ, навѣянныхъ кровавыми событіями на Балканахъ, отразилось все благородство его натуры. Что ни строка, что ни строфа, то боль за страждущихъ, за гибнущихъ—все равно—своихъ братьевъ-славянъ или турокъ. При этомъ не скрывается и та двойственность чувства, которая вызывалась въ немъ извѣстіями о побѣдахъ русскаго оружія: съ одной стороны, необходимыя побѣды, а съ другой—все-таки насиліе и кровь. Поэтъ понимаетъ, что война, можетъ быть, была нужна, неотвратима, но примириться съ фактомъ не можетъ. Опъ это даже высказалъ бы вслухъ, но

Средь камней и крестовъ безвременныхъ могиль,
 Средь бурныхъ криковъ и стenanья
 Сомни уста, поэтъ,—твой часъ не наступилъ,
 Смири порывъ негодованья.
 Еще полны враждой и мщеніемъ сердца,
 Еще глаза убійству рады,
 Еще къ стяжанію побѣднаго вѣнца
 Обращены умы и взгляды.
 Безплодно прозвучать твой плачь и твой укоръ,
 И надъ землей, отъ крови пьяной,
 Побѣдно заглушать твой правый приговоръ
 Проклятія ненависти рьяной.

Такъ пусть же смерть царитъ и громы вокругъ гремятъ
И спорять люди межъ собою!—
«Прости имъ, Господи! не вѣдятъ, что творять!»—
Тверди съ поникшею главою.

И, несмотря на столь печальную дѣйствительность, на жестокость настоящаго, поэтъ глубоко вѣрить, что

Прозрять людей слѣпныя очи,
Глубокій, вѣковой разсѣется туманъ—
И послѣ долгой, бурной ночи
Земныя племена, всѣ въ рубищахъ войны,
Людской обрызганныя кровью,
Падутъ, раскаянья и радости полны,
Предъ всепрощающей любовью!

II.

Въ 1878 г. минуло десятилѣтіе поэтического творчества Голенищева-Кутузова, того творчества, которое самъ поэтъ, строгій и мнительный относительно формы и цѣлостности содержанія, считалъ вполне созрѣвшимъ и окончательно установившимся, и онъ рѣшилъ выпустить первый сборникъ своихъ стихотвореній. Сборникъ этотъ появился подъ названіемъ «Затишье и буря», содержалъ почти все написанное за протекшее десятилѣтіе—и описанія природы, и излиянія субъективныхъ чувствованій, и гражданскіе мотивы, и пѣсни, посвященныя войнѣ,—и было тепло и радушно встрѣченъ какъ литературными кружками, такъ и читательскимъ міромъ. Въ слѣдующемъ году въ одной изъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» была помѣщена только что написанная поэма «Старыя рѣчи», и извѣстность выдающагося поэта укрѣпилась за Голенищевымъ-Кутузовымъ окончательно. Идею этой поэмы нѣкоторые находили недостаточно оригинальной, психологію ея—не вполне выдержанной, но въ общемъ всѣ соглашались, что новое произведеніе поэта написано съ неподдѣльнымъ вдохновеніемъ и представляетъ отрадное литературное явленіе.

Плодотворная дѣятельность поэта продолжалась; кромѣ цѣлага ряда стихотвореній, онъ написалъ двѣ поэмы—«Сказка ночи» (1880) и «Дѣдъ простилъ» (1881 г.)—и большую историческую хронику «Смута», напечатанную въ «Дѣлѣ». Не въ примѣръ поэмамъ, хроника особеннаго успѣха не встрѣтила, хотя, появившись велѣдъ за «Дѣломъ» въ отдѣльномъ изданіи, быстро разошлась.

Уже «Старыя рѣчи» слегка указывали, что періодъ бодрости и желанія ходить рука объ руку съ дѣйствительностью для поэта проходить. Но появившаяся въ 1882 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» третья по числу поэма «Разсвѣтъ» обнаружила полный возвратъ поэта къ его исходной точкѣ: отчаянью бытія и мечтанію о небытіи.

«Разсвѣтъ»,—писалъ спустя много лѣтъ Владимиръ Соловьевъ,— признается обыкновенно самымъ лучшимъ и важнымъ произведеніемъ графа Кутузова. Хотя поэма «Дѣдъ простилъ» кажется мнѣ сама по себѣ и оригинальнѣе, и содержательнѣе, но я долженъ присоединиться къ общему мнѣнію въ томъ смыслѣ, что только въ «Разсвѣтѣ» господствующее настроеніе автора вполнѣ выяснилось и получило свое окончательное выраженіе. Апострофъ смерти, которымъ оканчивается и ради котораго написана эта третья поэма, есть послѣднее слово нашего поэта... Здѣсь уже не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло не съ какою-нибудь случайною картиною, возникшею въ воображеніи автора, а съ выраженіемъ опредѣленнаго настроенія и взгляда на жизнь, и мы имѣемъ право судить этотъ взглядъ по существу, а не по стороны только достоинства художественной формы». Вотъ этотъ конецъ, ради котораго, по мнѣнію Владимира Соловьева, Голенищевымъ-Кутузовымъ написана вся поэма:

Я понялъ тишину! Я понялъ, чье дыханье
 Миѣ въ душу вѣяло прохладой неземной;
 Чьей власти покорясь, утихнуло страданье,—
 Я угадалъ, что Смерть витала надо мной...
 Но не было въ душѣ ни страха, ни печали,
 И гостью грозную улыбкой встрѣтилъ я...
 Миѣ представлялася во мглѣ туманной дали
 Толпою призраковъ теперь вся жизнь моя.
 Къ ней ничего назадъ меня ужъ не манило:
 Странья, радости, событій пестрыхъ рой.
 И счастье, и... любовь—равно все чуждо было,
 Безслѣдно все прошло, какъ ночи бредъ пустой,
 Я Смерти видѣлъ взглядъ. Великая отрада
 Была въ спокойствіи ея нѣмого взгляда;
 Въ немъ чуялся душѣ неслышанный привѣтъ,
 Въ немъ брезжилъ на землѣ невиданный разсвѣтъ!
 Казалось, дотоль я не имѣлъ понятья
 Объ утренней красѣ безоблачныхъ небесъ;
 Теперь весь дольний міръ въ разсвѣтѣ томъ исчезъ,
 Я неба чувствовалъ безстрастныя объятья,
 Я погружался въ нихъ, и становилось мнѣ
 Все безпечальнѣе, все легче въ тишинѣ.
 Вблизи какой-то шумъ раздался непонятный,
 Какіе-то шаги и шопотъ еле внятный,
 Миѣ было все равно: я видѣлъ предъ собой
 Лишь Смерть съ простертою на помощь миѣ рукой...
 Но вдругъ коснулася меня рука иная,
 Рука знакомая, дрожащая, живая...

Нельзя, конечно, не соглашаться, что эти строки—апострофъ смерти, но невозможно не поражаться той крупной долей вдохновенія, которая въ нихъ заложена и которая мыслима только для истиннаго поэта.

Однако, несмотря на то, что дѣйствительность становилась все болѣе чуждой Голенищеву-Кутузову, онъ время отъ времени все же находилъ въ себѣ достаточно бодрости, чтобы откликнуться на тѣ или иныя переживанія общества, и много шуму надѣлало его стихотвореніе, написанное по поводу тяжелой кары, постигшей газету «Голосъ»:

Для битвы честной и суровой
 Съ неправдой, злобою и тьмой
 Мнѣ Богъ далъ мысль, мнѣ Богъ далъ слово,
 Свой мощный стягъ, Свой мечъ святой.
 Я ихъ пріялъ изъ Божьей длани,
 Какъ жизни даръ, какъ солнца свѣтъ—
 И пусть въ пылу на полѣ брани
 Нарушу я любви завѣтъ;
 Пусть, правый путь во тьмѣ теряя,
 Я грѣхъ свершу, какъ блудный сынъ,—
 Господень судъ не упреждая,
 Да не коснется власть земная
 Того, въ чемъ властенъ Богъ одинъ!...
 Да,—наложить на разумъ цѣпи
 И слово можетъ умертвить
 Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ стени
 И грому въ небѣ запретить!

На ряду съ публикой и критикой на произведенія Голенищева-Кутузова обратила вниманіе и академія наукъ, избравшая его въ число своихъ членовъ-корреспондентовъ, послѣ чего ему стала поручаться оцѣнка поступающихъ на соисканіе академическихъ премій и отзывы произведеній изящной словесности. Въ качествѣ члена-корреспондента онъ памятенъ тѣмъ, что, благодаря исключительно его отзыву, была присуждена Пушкинская премія Надсону. Несмотря на безконечную пропасть, отдѣлявшую его отъ этого поэта, онъ все-таки сумѣлъ оцѣнить талантливаго юношу, боровшагося въ то время въ Крыму со своей роковой мучительной болѣзью.

Въ началѣ 1888 г. Голенищевъ-Кутузовъ оставляетъ Тверскую губернію, поселяется въ Петербургѣ и занимаетъ должность члена правленія общества поземельнаго банка, преобразованнаго затѣмъ въ государственный дворянскій банкъ. Этотъ періодъ жизни Голенищева-Кутузова, т. е. конецъ 80-хъ годовъ, описывается въ воспоминаніяхъ его хорошаго знакомаго, извѣстнаго беллетриста В. Авсѣенка слѣдующимъ образомъ:

«Многихъ избранная имъ служба приводила въ недоумѣніе. Поэтъ красоты и тонкихъ душевныхъ движеній—и вдругъ банковскій дѣятель!

«Но совмѣщеніе опять-таки объяснялось внѣшними причинами.

«Съ одной стороны, графъ А. А. не имѣлъ независимаго состоянія, и хотя отличался скромными житейскими вкусами, но титулъ и

родовитое имя обязывали къ нѣкоторой представительности. Банкъ давалъ средства.

«А съ другой стороны, это былъ банкъ помѣщичій, общественный, и его задачи были очень близки дворянскимъ сочувствіямъ поэта.

«Во всякомъ случаѣ занятія по должности члена правленія были не обременительны и не могли помѣшать союзу поэта съ его музой.

«Графъ Аркадій Арсеньевичъ былъ полонъ художественныхъ настроеній и охотно отдавалъ свои досуги литературному кружку, группировавшемуся около «Русскаго Вѣстника», «Зари», «Нивы» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» того времени.

«Къ этому кружку принадлежали Майковъ, Полонскій, Феть, наѣзжавшій изъ Москвы Писемскій, Григоровичъ, Соловьевъ, Страховъ.

«Съ большинствомъ изъ нихъ графа А. А. связывали не только интересы художественнаго слова, но и славянофильскія воззрѣнія.

«Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что въ славянофильствѣ, какъ и во всемъ другомъ, графъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ совершенно чуждъ крайнихъ увлеченій. Его благородный умъ не переносилъ крикливой нетерпимости. И при томъ его по преимуществу занимали вопросы внѣшней политики: онъ былъ больше славистомъ въ духѣ Аксакова, чѣмъ самобытникомъ въ духѣ «Домостроя».

«Вотъ въ этомъ кружкѣ литераторовъ старой школы, изъ которыхъ только немногіе пощажены пока смертью, графъ А. А. находилъ своихъ искреннихъ друзей».

О томъ, насколько онъ былъ чуждъ нетерпимости и связанныхъ съ нею эксцессовъ, лучше всего свидѣтельствуетъ онъ самъ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи:

На склонѣ лѣтъ, въ тиши раздумья
Внимая жизни шумъ и клякъ,
Ея вражды, ея безумья
Я не могу понять языкъ.
Не вѣзмъ ли солнце въ небѣ свѣтить,
И ночь дарить цѣлебный сонъ?
На чей призывъ, мольбу иль стонъ
Природа лаской не отвѣтитъ?
Какой душѣ весны расцвѣтъ
Не принесетъ съ собою пѣсенъ,
Какимъ мечтамъ міръ Божій тѣсенъ,
И чьей любви въ немъ мѣста нѣтъ?

Занявъ вскорѣ постъ управляющаго дворянскимъ банкомъ, Голенищевъ-Кутузовъ сталъ гораздо рѣже писать. Тѣмъ не менѣе онъ съ музой не разставался, и то, что выходило у него изъ-подъ пера, представляло высокую поэтическую цѣнность. За это время, между прочимъ, онъ написалъ стихотвореніе «Орель», которое какъ имъ самимъ, такъ и всѣми критиками считалось и считается однимъ

изъ лучшихъ его произведеній. Вотъ этотъ «Орель», вошедшій во всѣ поэтическіе сборники и даже въ нѣкоторыя хрестоматіи:

Въ раздумьи гордомъ и нѣмомъ,
 Вперивъ въ пространство взоръ глубокий,
 Орель на камнѣ полевомъ
 Сидѣлъ, какъ странникъ, одинокій.
 Крикливыхъ птицъ враждебный рой
 Надъ головой его кружился,
 И вихрь, взметая прахъ земной,
 Кругомъ испуганно носился.
 Но недвижимъ питомецъ скалъ,
 Не внемля суетному шуму,
 Орель на камнѣ отдыхалъ
 И думалъ царственную думу.
 Когда жъ, очнувшись, огинуть
 Весь этотъ жалкій міръ безсилы,
 Затосковавъ, онъ развернулъ
 Съдья, медленные крылья
 И—царь заоблачныхъ высотъ.
 Случайный гость земли печальной—
 Направилъ вольный свой полетъ
 За грани тучъ, къ лазури дальней.
 Высоко отъ тщеты земной
 Вознесся, праху не подвластный,
 И—къ дольней жизни безучастный—
 Исчезнулъ въ безднѣ голубой.

Въ 1904 г. академія наукъ избрала Голенищева-Кутузова почетнымъ академикомъ по разряду изящной словесности, что было встрѣчено съ большимъ удовлетвореніемъ литературными кругами.

Но публика начала понемногу забывать его. Его любимыя мотивы—догорающій закатъ, таинственность ночи, сонъ всего живого, мечта о покоѣ небытія—противорѣчили ея настроенію, кругомъ возникали все новыя и новыя теченія, раздавались все новыя пѣсни. А онъ, по выраженію одного изъ критиковъ, «не далъ шагу впередъ и стоялъ на самой бдительной стражѣ Пушкинскаго искусства».

При первыхъ всплескахъ этихъ новыхъ теченій Голенищевъ-Кутузовъ еще старался понять ихъ и находить въ нихъ признаки чистаго искусства, но затѣмъ махнулъ рукой и съ болью въ сердцѣ смотрѣлъ на все быстрѣе и бѣстрѣе совершающійся развалъ въ области русской поэзіи. Зато онъ не могъ, бывало, удержаться отъ выраженія своей радости въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда замѣчалъ, что тотъ или иной поэтъ еще слѣдуетъ по старому, заброшенному, но вѣрному пути.

«Я прочиталъ вашъ сборникъ, — писалъ, напримѣръ, Голенищевъ-Кутузовъ поэту Д. Ратгаузу—съ истиннымъ удовольствіемъ, отдыхая при этомъ чтеніи отъ гнетущаго недоумѣнія, которое всегда

теперь испытываю, знакомясь съ произведеніями современныхъ писателей такъ называемаго новаго направленія. Вѣроятно, я такъ отсталъ отъ вѣка, что уже лишился способности понимать современные теченія жизни, а, слѣдовательно, отраженія ихъ въ искусствѣ. Поэтому, не знаю, можетъ ли сочувственный отзывъ со стороны стараго умолкающаго стихотворца вами быть принятъ за похвалу. Какъ бы то ни было, въ вашихъ стихахъ я съ радостью узналъ знакомые и дорогіе для меня звуки той искренней, чистой и безкорыстной поэзіи, дыханіемъ которой питался и наслаждался въ продолженіе всего моего существованія».

III.

Съ 1895 г. Голенищевъ-Кутузовъ, возведенный въ званіе гофмейстера высочайшаго двора, завѣдывалъ канцеляріей императрицы Маріи Осодоровны и былъ ея секретаремъ. Въ качествѣ такого онъ могъ дѣлать много добра и облегчать страданія многихъ, и онъ широко пользовался этой возможностью. Въ слѣдующемъ году онъ выпустилъ третій томъ своихъ произведеній, въ который вошли историческая хроника «Смута», драматическая сцена «Смерть Святополка» и неоконченныя поэмы «Яроміръ и Предслава» и «Отрывокъ неоконченной поэмы».

Въ 1907 г., какъ бы не взирая на хаосъ, царившій въ русской литературѣ, какъ и въ русской жизни, Голенищевъ выпустилъ свою первую и последнюю книгу прозы «Даль зоветъ». Это былъ рядъ небольшихъ, но содержательныхъ и блестяще написанныхъ рассказовъ; книгу замѣтили и въ томъ же году потребовалось ее переиздать. вмѣстѣ съ тѣмъ вышла небольшая его книжка отдѣльныхъ мыслей и афоризмовъ подъ заглавіемъ «На летучихъ листьяхъ». Одинъ изъ вошедшихъ въ нее афоризмовъ является какъ бы ключомъ ко всему тому, чѣмъ жилъ и дышалъ въ теченіе своей долгой жизни поэтъ. Вотъ этотъ ключъ.

«Научиться читать и понимать великую книгу природы для согласованія своей воли съ волей Строителя вселенной—высшая и благороднѣйшая цѣль человѣка. Если бы люди умѣли жить въ неразрывномъ духовномъ и тѣлесномъ единеніи съ природой, всѣ ихъ возрасты и даже самая смерть были бы запечатлѣны обаяніемъ красоты, какъ весна, лѣто, осень и зима».

Послѣ смерти Л. Н. Толстого, когда было предпринято изданіе полного собранія сочиненій великаго писателя земли русской, въ правительственныхъ сферахъ возникъ вопросъ о цензурѣ этого изданія. Дѣло было крайне щекотливое, надо было выбрать для этой трудной миссіи человѣка съ чутьемъ какъ политика, такъ и цѣнителя всего возвышеннаго, и выборъ палъ на Голенищева-

Кутузова. Понимая всю отвѣтственность возложеннаго на него порученія, онъ съ крайней неохотою вступилъ въ роль цензора посмертныхъ произведеній Толстого, но, вступивъ въ нее, быстро принялся за дѣло и черезъ короткое время представилъ куда слѣдуетъ докладъ о томъ, въ какомъ видѣ можетъ появиться полное собраніе толстовскихъ сочиненій. Докладъ былъ таковъ, что графа тотчасъ же освободили отъ даннаго ему порученія и дѣло цензуры передали другому лицу, которое уже руководствовалось не задачами литературы, а министерской инструкціей.

Послѣдніе два года Голенищевъ-Кутузовъ тяжело болѣлъ и временами былъ лишень возможности не только заниматься дѣлами канцеляріи, но и читать. Въ такіе періоды страданія его были ужасны. Единственное облегченіе доставляла ему его коллекція картинъ.

«Страстный любитель картинъ,—передаетъ одинъ изъ посѣщавшихъ его литераторовъ,—графъ Кутузовъ загромоздилъ ими всю свою небольшую квартиру. Онѣ стояли на стульяхъ, на диванахъ, въ рамахъ и безъ рамъ. Мучимый смертельнымъ недугомъ, предаваясь размышленіямъ о смерти, разговаривая о самыхъ послѣднихъ таинственныхъ вещахъ, умирающій старикъ вдругъ, улыбаясь, бралъ въ руки небольшую картинку какого-нибудь кельнскаго примитива и съ оживленіемъ рассказывалъ, какъ, благодаря фотографическому снимку, онъ нашелъ въ потемнѣвшей картинѣ новыя, незамѣтныя до того детали».

Въ началѣ этой зимы Голенищеву-Кутузову стало значительно легче, здоровье его замѣтно поправилось, и онъ началъ даже выѣзжать и заниматься служебными дѣлами. Но организмъ уже былъ въ конецъ подточенъ. Пустычная простуда, какъ-то имъ схваченная, повлекла за собою воспаленіе легкихъ, которое и положило конецъ этой красивой, оригинальной, богатой русской жизни. Онъ умеръ въ 6 часовъ вечера 28-го января, шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду.

Чувствуя приближеніе смерти, Голенищевъ не выражалъ никакой скорби и хладнокровно и смиренно отдавалъ свои послѣднія распоряженія, между прочимъ о томъ, чтобы его похороны носили самый скромный характеръ, чтобы дроги были безъ балдахина, чтобы въ гробъ его положили не въ мундирѣ, а въ бѣломъ полотняномъ саванѣ и чтобы въ похоронной процессіи не принимали участія придворные чины.

Похороны Голенищева-Кутузова состоялись 31-го января. Воля покойнаго была исполнена: не было ни балдахина, ни придворнаго наряда, ни парадныхъ придворныхъ каретъ, ничего такого, что полагается высокому придворному званію покойнаго. Но пышность похоронъ выразилась въ горахъ вѣнковъ и той толпѣ его почитателей, которая шла въ печальныхъ проводахъ. На мѣстѣ погребенія на

Смоленскомъ кладбищѣ изъ этихъ вѣнковъ образовался высокій холмъ. До выноса тѣла квартиру покойнаго посетили Государь Императоръ, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна и многія высочайшія особы.

Вся ежедневная пресса, какъ столичная, такъ и провинціальная, безъ различія направленія, отмѣтила въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ потерю, понесенную въ день 28-го января русской поэзіей. Прежде всего въ этихъ некрологахъ обрисовывалась удивительно симпатичная, скромная личность покойнаго, а затѣмъ шло много болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ освѣтить душу поэта, объяснить его вѣчную скорбь и опредѣлить его мѣсто въ русской литературѣ.

Какъ бы стараясь оправдать равнодушіе русскаго общества въ продолженіе многихъ лѣтъ къ имени покойнаго поэта, газеты указывали на то, что унылая безнадежность, давно проникшая въ его поэзію, вліяла, несомнѣнно, на отношеніе къ поэту широкаго круга читателей, не находившихъ въ его лирѣ отзвука ни на свои надежды, ни на свое бурное, не мирящееся съ потерей надеждъ отчаяніе.

Но намъ кажется, что равнодушіе нашего общества къ талантливымъ, теплымъ и красивымъ стихотвореніямъ покойнаго поэта есть лишь временное печальное явленіе русской жизни. Придетъ пора, настанетъ время, и мы вернемся ко многимъ изъ нашихъ забытыхъ достояній, въ томъ числѣ къ цѣнному поэтическому наслѣдію, которое оставилъ родившій графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

И. Г.

КЪ МОГИЛАМЪ ДЕКАБРИСТОВЪ.

АКЪ-то лѣтомъ мнѣ пришлось жить въ Иркутскѣ, и я рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы посвятить двѣ-три недѣли на поѣздку по Забайкалью. По составу своихъ жителей, красотѣ и историческимъ воспоминаніямъ, это одна изъ интереснѣйшихъ мѣстностей Сибири. Но, кромѣ этнографическихъ изслѣдованій, у меня была еще цѣль: мнѣ хотѣлось посѣтить мѣста, гдѣ долгіе годы въ ссылкѣ провели декабристы, и ознакомиться съ памятниками, дошедшими до насъ отъ того времени. Нельзя сказать, чтобы Сибирь была ими богата. Около Иркутска, напримѣръ, нѣтъ, кажется, деревни, гдѣ бы они не жили, но слѣды, оставшіеся послѣ нихъ, ничтожны. Въ городскомъ музеѣ нѣтъ даже отдѣла, посвященнаго декабристамъ, и только домъ князей Трубецкихъ рядомъ съ жандармскимъ управленіемъ одинъ напоминаетъ объ ихъ пребываніи. Забайкалью въ этомъ отношеніи больше посчастливилось, тамъ слѣды мѣстной жизни декабристовъ значительны и сохранились они лучше.

Черезъ нѣсколько дней я сидѣлъ въ вагонѣ и ѣхалъ на востокъ. Быстро миновали длинную, узкую станцію, вытянувшуюся по берегу Ангары и тѣсно заставленную вагонами. На противоположномъ берегу развернулась панорама Иркутска. Вотъ самый удачный по своему положенію городъ Сибири: весь онъ стоитъ на полуостровѣ за широкой и быстрой Ангарой, и виденъ, какъ на ладони, со множествомъ своихъ церквей и лучшими постройками, подошедшими къ рѣкѣ. Промелькнуло нѣсколько дачъ, пригородная де-

ревня, и поѣздъ, все время извиваясь, какъ змѣя, побѣждалъ по берегу Ангары. Недаромъ этотъ 60-верстный путь до Байкала сталъ любимой прогулкой иркутянь: сибирская природа сумѣла здѣсь показать себя во всей красѣ. Съ одной стороны желѣзнодорожнаго полотна течеть рѣка съ удивительно прозрачной темно-синей водой; чѣмъ дальше, тѣмъ все шире и шире она становится и чаще встрѣчаются на ней покрытые лѣсомъ острова. Съ другой—крутыя горы острыми мысами вдаются въ рѣку; срѣзанныя снизу, окѣ отвѣсными стѣнами поднимаются у самой насыпи. Каждый разъ, когда поѣздъ входитъ въ выемку, пересѣкающую мысъ, такая стѣна поднимается съ противоположной стороны, и тогда въ вагонѣ на нѣсколько минутъ дѣлается совершенно темно. Изрѣдка попадаются стиснутыя между горъ глубокія долины, заросшія густымъ лѣсомъ.

Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды, когда мы обогнули послѣдній мысъ, впереди какъ-то сразу развернулась уходящая вдаль водная гладь Байкала. Поѣздъ замедлилъ ходъ и остановился у довольно грязнаго деревяннаго вокзала. «Байкаль»—прочиталъ я на вывѣскѣ и вышелъ на платформу. Кругомъ поднимались высокія хребтистыя горы, изрытыя внизу со всѣхъ сторонъ, съ обнаженными бѣлыми известковыми скалами. На одной изъ нихъ стоялъ невысокій желѣзный маякъ, крутая лѣстница вела къ нему снизу. Когда-то склоны горъ подходили здѣсь къ самому берегу. Громадныя выемки камня говорили, сколько труда нужно было затратить, чтобы засыпать часть озера. Всѣ станціонныя зданія, мастерскія, бараки для рабочихъ расположены на площади, отвоеванной у воды. По сильно извилистому берегу, слѣдуя всѣмъ его изгибамъ, тянулась линія желѣзной дороги. Длинный деревянный молъ далеко вдался въ озеро. Я поднялся на него и невольно залюбовался открывшимся передо мной видомъ. Байкаль разстилался угрюмый, почти черный, вдали, на его противоположномъ берегу, синѣли зубчатыя горы. Недалеко отъ станціи широкимъ устьемъ вытекала Ангара; здѣсь отъ одного берега рѣки до другого нѣсколько верстъ. Протекая между двумя стѣнами высокихъ горъ, она гулко шумитъ по каменистымъ грядамъ, образуя пороги; тамъ, гдѣ они выступаютъ на поверхность, вода бьется о нихъ бѣлымъ прибоемъ. Быстрота теченія въ этомъ мѣстѣ такъ велика, что даже зимой въ самые сильные морозы рѣка на значительномъ протяженіи не замерзаетъ, и, подѣвжая, за нѣсколько верстъ слышишь глухой шумъ ея теченія.

Обыкновенно на Байкалѣ поѣздъ стоитъ около часа и затѣмъ идетъ дальше, огибая южную часть озера. Все время ныряетъ онъ изъ туннеля въ туннель или проѣзжаетъ мимо отвѣсныхъ скалъ въ нѣсколько десятковъ саженъ высоты. Часто послѣ дождя срываются оттуда подмытыя груды камней и, если не вызывають крушенія, то, случается, на нѣсколько дней прекращають движеніе. Незадолго до нашего пріѣзда какъ разъ произошелъ такой обвалъ, путь

былъ заваленъ и пассажировъ везли дальше черезъ Байкаль на одномъ изъ ледоколовъ. Пришлось ждать нѣсколько часовъ, пока не началась посадка. Оставивъ вещи въ каютѣ, я поднялся на палубу. Рядомъ съ нашимъ пароходомъ грузился громадный, неуклюжій на видъ, другой ледоколъ «Байкаль». Въ его кормѣ были раскрыты широкія ворота и по проложеннымъ рельсамъ въ нихъ съ грохотомъ въѣзжали внутрь красные товарные вагоны. Надъ гаванью не умолкая неслись свистки паровозовъ, крики команды и рѣзкій лязгъ выгружаемаго желѣза.

Смеркалось, когда мы отплыли наконецъ отъ берега. Вечеръ былъ тихій, безвѣтренный. Байкаль лежалъ спокойный, зеркально-гладкій, и только удары винта бороздили водную поверхность. Солнце давно сѣло за горы, но его послѣдніе лучи еще окрашивали въ ярко-красный цвѣтъ длинныя тучки, плывшія кое-гдѣ надъ горами. Начали загораться звѣзды, станціонныя постройки стали пропадать въ темнотѣ, и мало-по-малу надъ озеромъ опустилась осенняя сибирская ночь, глубокая и темная, какъ черный бархатъ, усѣянный безчисленными серебряными блестками.

Только что разсвѣло на другой день, когда мы пріѣхали въ Мысовскъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ сталъ городомъ, но до сихъ поръ ничѣмъ не отличается отъ деревни. Построенъ онъ на берегу, у подножья горъ; послѣ дождей вся вода течетъ съ нихъ внизъ, обращая въ болото его немощеныя улицы. Значеніе Мысовска въ томъ, что онъ служитъ узловымъ пунктомъ, черезъ который проходитъ желѣзнодорожный путь и торговый трактъ на Кяхту. Эта великолѣпно построенная дорога, съ громаднымъ трудомъ проложенная по дикой гористой мѣстности, была создана въ концѣ шестидесятихъ годовъ руками сосланныхъ повстанцевъ-поляковъ. Часть не вынесла условій поистинѣ каторжнаго труда и подняла бунтъ: говорятъ, у нихъ былъ смѣлый планъ пробраться черезъ Монголію въ Китай и оттуда на пароходахъ въ Европу. Попытка не удалась, бунтъ былъ подавленъ послѣ перваго же вооруженнаго столкновенія, и нѣсколько человекъ были приговорены къ смертной казни. Въ Мысовскѣ опять нужно было пересаживаться, на этотъ разъ съ парохода на поѣздъ. Дрожа отъ утренняго холода, утомленный ночью, проведенной почти безъ сна, я минутъ двадцать бродилъ между сараевъ, складовъ и перепутанныхъ рельсовыхъ путей, пока не добрался до станціи. Но этимъ мои испытанія не кончились: предстояло еще томительное ожиданіе на вокзалѣ: только черезъ полтора часа подали поѣздъ и пустили пассажировъ въ вагоны. Я съ наслажденіемъ растянулся на скамейкѣ и заснулъ, какъ убитый.

За Мысовскомъ поѣздъ покидаетъ Байкаль и сворачиваетъ на востокъ. Характеръ мѣстности начинаетъ мѣняться, она дѣлается не такой дикой и пустынной, чаще попадаются деревни, горы ста-

новятся ниже, по широкимъ долинамъ виднѣются пашни. Еще сутки, проведенныя въ пути, и мы пріѣхали въ Верхнеудинскъ. Этотъ второй по величинѣ городъ въ Забайкальѣ представляетъ собою порядочное захолустье. Весь его можно пройти въ полчаса изъ конца въ конецъ; есть одна улица, главная, съ каменными домами и магазинами, базарная площадь, грязная и пустынная, и городской садъ съ сухими метлами вмѣстѣ деревьевъ. По улицамъ всюду нога тонетъ въ песокъ,—въ этомъ большое преимущество Верхнеудинска: если въ хорошую погоду по нему носятся тучи пыли, зато въ дождливую нѣтъ непролазной грязи, которой отличаются города по Сибири. Я пробылъ въ Верхнеудинскѣ слишкомъ мало времени, чтобы ознакомиться съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Удалось только осмотрѣть двѣ каменные церкви старинной постройки—соборъ и другую на берегу Уды, около моста. Последнее время много интересуются архитектурой древнихъ новгородскихъ церквей, тщательно ихъ изучаютъ, срисовываютъ, подражаютъ имъ въ современныхъ постройкахъ. О верхнеудинскихъ церквяхъ, кажется, не было упомянуто еще ни въ одномъ художественномъ журналѣ, хотя онѣ не менѣе заслуживаютъ вниманія. Къ бѣлому очень пропорціональному кораблю примыкаетъ снаружи лѣстница и крыльцо съ толстыми вычурными колонками. Эти детали дѣлаютъ ихъ похожими на гвгородскія церкви, но верхнія части разработаны совершенно своеобразно и несомнѣнно талантливымъ строителемъ. Особенно хороша одна изъ нихъ съ легкой колокольней, увѣнчанной многограннымъ барабаномъ. Длинные, узкія окна прорѣзаны въ немъ такъ, что сквозь нихъ со всѣхъ сторонъ просвѣчиваетъ небо. Вечеромъ, когда на розовомъ фонѣ заката четко вырисовывается эта стройная ажурная масса, церковь нельзя не залюбоваться. Попасть внутрь можно было только въ соборъ. За нѣсколько дней передъ этимъ съ крестнымъ ходомъ принесли въ Верхнеудинскъ изъ Кяхты чудотворную икону, и соборъ, гдѣ она стояла, былъ открытъ весь день. Внутри собора тоже нашлось не мало любопытнаго. Громадный многоэтажный иконостасъ, сверху донизу расписанный большими изображеніями святыхъ, былъ, несомнѣнно, современникомъ собора; по бокамъ висѣли старинные образа въ металлческихъ ризахъ съ вычеканеннымъ на нихъ замысловатымъ орнаментомъ изъ перевитыхъ цвѣтовъ.

Отъ Верхнеудинска до Петровскаго завода нѣсколько часовъ пути. Какъ извѣстно, сосланные въ Восточную Сибирь декабристы были сперва размѣщены по разнымъ рудникамъ Забайкалья: Богодатскому, Зерентуйскому и др. Потомъ ихъ поселили въ Читѣ и, пока въ Петровскомъ заводѣ строился для нихъ острогъ, они прожили тамъ около двухъ лѣтъ. По окончаніи его ихъ перевели въ заводъ, и здѣсь они прожили большую часть своей ссылки, а нѣкоторые и всю жизнь. Острогъ давно уже не существуетъ, онъ сто-

рѣлъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, но на мѣстномъ кладбищѣ еще сохранились могилы тѣхъ изъ декабристовъ, которые здѣсь скончались. Съ нихъ я и рѣшилъ начать свой осмотръ.

Все время, пока мы ѣхали мимо сосновой тайги, съ сѣраго пасмурнаго неба падалъ проливной дождь. Была уже глубокая ночь, когда поѣздъ прибылъ въ Петровскій заводъ и остановился гдѣ-то на запасномъ пути. Я вышелъ изъ вагона и очутился со своими вещами на рельсахъ; кругомъ не было ни души, мелкая изморось съ холоднымъ вѣтромъ пробирала меня до костей; поѣздъ протяжно свистнулъ, и пошелъ дальше. Скоро въ темнотѣ скрылись огни его сигнальныхъ фонарей, и я остался одинъ, сильно опасаясь, какъ бы мнѣ не оказаться безъ ночлега здѣсь, гдѣ у меня не было ни одного знакомаго. Вдали мелькали освѣщенные окна вокзала, и я кое-какъ перебрался туда со своими багажомъ. Въ пассажирской комнатѣ гасилъ лампы станціонный сторожъ; должно быть, пріѣзжіе здѣсь не частое явленіе, такъ какъ, увидѣвъ меня, онъ оставилъ свое занятіе и началъ пристально разглядывать. Въ короткихъ словахъ я объяснилъ ему свое положеніе и пообѣщавъ хорошо заплатить, если онъ поможетъ мнѣ найти помѣщеніе на ночь и снесетъ туда вещи. «Да куда же вы пойдете? До завода далеко, гостиницы тамъ нѣтъ, а по домамъ давно всѣ спятъ и сейчасъ никого не пустятъ. У меня есть свободная комната, чистая; если хотите, я вамъ въ ней постель устрою. Итти совсѣмъ близко, живу я рядомъ съ вокзаломъ». Самымъ важнымъ въ этотъ моментъ для меня было добраться до постели, гдѣ бы она ни находилась, поэтому я немедленно согласился, и мы, подѣливъ вещи, пошли. У хозяина нашелся набитый сѣномъ матрацъ, постельное бѣлье и одѣяло я привезъ съ собой и черезъ нѣсколько минутъ уже засыпалъ, отказавшись отъ чая и ужина.

Слѣдующее утро, противъ ожиданія, было свѣтлое, солнечное. Я рѣшилъ, не теряя времени, отправиться сперва на поиски кладбища, а потомъ осмотрѣть заводъ. Хозяинъ уже давно ушелъ, я одѣлся, заперъ дверь, вышелъ на крыльцо и оглянулся кругомъ. Всюду тѣснились поросшія березнякомъ горы. Около станціи онѣ совсѣмъ близко подходили другъ къ другу, образуя узкую извилистую ложбину, по которой бѣжала насыпь желѣзной дороги. Впередѣ ложбина становилась шире и переходила въ круглую глубокою долину, со всѣхъ сторонъ окруженную горами. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ склоны были не такъ круты, по нимъ раскинулись красные дома станціонныхъ служащихъ, однообразной казенной архитектуры, за ними чернѣли закопченные мастерскія изъ дикаго камня. Должно быть, еще недавно здѣсь поднималась тайга, по улицамъ попадались пеньки, а кое-гдѣ по срединѣ стояла лиственница или старая толстая береза. Версты полторы отъ станціи въ чистомъ воздухѣ ясно виднѣлся залитый солнцемъ Петровскій

заводъ, расположенный ниже ея въ долинѣ. Правильные ряды деревянныхъ домовъ дѣлали его непохожимъ на русскія деревни съ ихъ безпорядочно разбросанными постройками,—онъ напомнилъ мнѣ видѣнные раньше казенные уральскіе заводы, также лежащіе обыкновенно у подножья горъ, съ улицами, точно вытянутыми по ниточкѣ. За селеньемъ надъ постройками возвышалась низкая массивная груда доменной печи на чугунолитейномъ заводѣ и словно висѣла въ воздухѣ длинная линія вагонеточной дороги, по которой возятъ руду изъ шахтъ къ верхнему устью домны. Передъ поѣздкой мнѣ говорили, что кладбище на Петровскомъ заводѣ расположено у церкви, но, сколько я ни смотрѣлъ, ея нигдѣ не было видно. Неподалеку нѣсколько рабочихъ сбрасывали лопатами съ платформы на насыпь мелкіе каменья. Я подошелъ къ нимъ и сталъ разспрашивать, какъ пройти на кладбище. Оказалось, что церковь находится въ сторонѣ отъ села и отсюда изъ-за горы не видна. Нужно было пройти мостъ, подняться по дорогѣ и выйти на противоположный склонъ. Я быстро миновалъ станцію, перешелъ черезъ мелкій ручей и началъ подниматься въ гору. Заводъ остался влѣво. Въ это ясное осеннее утро прогулка обѣщала быть великолѣпной. Съ обѣихъ сторонъ зеленой стѣной стояли деревья съ мокрыми еще отъ ночного дождя листьями. Налетающій вѣтеръ шелестѣлъ въ вершинахъ и сбрасывалъ цѣлый рой сверкающихъ на солнцѣ капель. Въ лѣсу перекликались птичьи голоса; на одномъ изъ поворотовъ пробѣжала испуганная шагами бѣлка, поднявъ свой пушистый хвостъ. Дорога шла все выше и выше, станція уже лежала далеко внизу, теперь ее можно было рассмотреть во всѣхъ подробностяхъ. Видъ на село закрывала гора. Почти на самой вершинѣ я остановился на нѣсколько минутъ отдохнуть у высокаго деревяннаго креста, поставленнаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги. Отсюда, съ одной изъ самыхъ возвышенныхъ точекъ его, должно быть, было видно со всѣхъ концовъ села. Меня заинтересовало его присутствіе здѣсь, я обошелъ кругомъ, но нигдѣ не было никакой надписи, изъ которой можно было бы узнать, кто и зачѣмъ его поставилъ. Наконецъ начался спускъ, скоро лѣсъ сталъ рѣдѣть, и я вышелъ на опушку. Дальше дорога шла внизъ подъ гору, поперекъ большой поляны съ низкой чахлой травой. Налѣво стояла маленькая церковь, выгодно отличавшаяся своей красивой архитектурой отъ церковей, обыкновенно встрѣчающихся по сибирскимъ селамъ. Небольшое пространство возлѣ нея было окружено убогой деревянной рѣшеткой, почернѣвшей и мѣстами развалившейся. Около ограды и за ней поднимались кресты всевозможныхъ размѣровъ. Одинъ, самый большой, стоявшій немного въ сторонѣ отъ остальныхъ, былъ по виду точно такой же, какъ только что встрѣтившійся мнѣ на дорогѣ.

Такъ вотъ оно это кладбище, гдѣ послѣ всѣхъ испытаній нашли себѣ могилу Горбачевскій, Пестовъ, Муравьева!

И свернуть съ дороги и, перейдя поле, подошелъ ближе. При первомъ же взглядѣ на могилы мнѣ стало больно и грустно отъ той мерзости запустѣнія, которая царила кругомъ. Кладбище было совершенно запущено; невысокіе могильные холмы почти сравнялись съ землею, кресты во многихъ мѣстахъ были поломаны и лежали на землѣ, неотгороженная часть, должно быть, служила заводу свалкой для перегорѣлаго шлака, мѣстами онъ лежалъ цѣлыми грудами, а коровы, песомгѣшно, привыкли гулять здѣсь, не встрѣчая никакихъ препятствій. Черезъ калитку я прошелъ внутрь, тутъ было немногимъ чище; между могилами росли чахлая березы, у церкви стояли три или четыре высокія ели, единственное украшеніе этого мѣста. Я началъ внимательно разглядывать памятники, ожидая увидѣть на нихъ знакомыя имена, но всё мои поиски оказались тщетными. Среди низкихъ деревянныхъ крестовъ кое-гдѣ видѣлись массивные каменные монументы. По вѣщности они должны были относиться къ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Я не сомнѣвался, что подъ ними лежали похороненные декабристы, но ни на одномъ не было доски, откуда можно было бы узнать, кому именно принадлежитъ та или другая могила. Мимо проходило нѣсколько мѣстныхъ рабочихъ, я обратился къ нимъ съ разспросами, не знаютъ ли они, гдѣ здѣсь похоронены декабристы; но никто не могъ мнѣ ничего сказать. Большинство отвѣтило полнымъ незнаціемъ, одинъ спросилъ: «А кто такіе они были»? Наконецъ одинъ изъ рабочихъ посоветовалъ мнѣ сходить къ церковному сторожу и указать на его домъ подъ горой. На мой стукъ вышелъ старикъ съ длинными сѣдыми волосами и тиничнымъ сибирскимъ лицомъ съ широкими скулами и живыми узенькими глазами. Узнавъ, зачѣмъ я пришелъ, онъ охотно согласился быть моимъ проводникомъ, взялъ съ собой ключи и повелъ меня обратно. Въ одномъ изъ угловъ кладбища, противъ церкви, онъ остановился передъ небольшою часовней, выстроенной въ характерномъ стилѣ тридцатыхъ—сороковыхъ годовъ; тяжелая, точно придавленная пирамида изъ оштукатуреннаго кирпича была увѣнчана тоже пирамидальной невысокой каменной крышей. Внутри вели стеклянныя двери съ поржавѣвшей отъ ржавчины рѣшеткой, закрытой большимъ висячимъ замкомъ. Надъ входомъ гирляндой висѣли желѣзныя цѣпи съ кольцами по концамъ. «Вотъ здѣсь Муравьиха лежитъ, которая къ своему мужу пріѣхала, да тутъ и умерла,—началь мой спутникъ:— а внутри памятника образа поставлены и часовня тамъ устроена. Ея мужъ каторжникомъ на заводѣ былъ, такъ когда она умирала, то велѣла, чтобы его кандалы ей на могилу положили, это они самые и висятъ». Не знаю, такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, но цѣпи и дѣйствительно были похожи на кандалы и во всякомъ случаѣ, какъ украшеніе, совершенно не подходили къ общему стилю зданія. Къ сожалѣнію, у сторожа не нашлось ключа отъ входа, и мы не могли

попасть внутрь, а сквозь грязныя запыленныя стекла ничего нельзя было разсмотрѣть. Да и весь памятникъ производилъ тяжелое впечатлѣніе: рѣшетка покривилась, штукатурка потрескалась, нигдѣ не было никакой надписи, по которой можно было бы узнать имя похороненной. Идя по лѣсу, я нарвалъ полевой гвоздики и крупныхъ ромашекъ, послѣднихъ цвѣтовъ, которыми начинающаяся осень усыпаетъ Забайкалье. Это былъ единственный даръ, который я могъ положить у подножья могилы.

Кругомъ по кладбищу стояло еще нѣсколько пирамидъ, напоминавшихъ своимъ видомъ памятникъ Муравьевой, всѣ онѣ были очень похожи другъ на друга и отличались только величиной. Вѣроятно, никто не заботится объ ихъ поддержаніи; покосившіяся, съ осыпавшейся штукатуркой, изъ-подъ которой видѣлись кирпичи, онѣ въ большинствѣ случаевъ были наканунѣ полного разрушенія. «Вотъ это все ихніе памятники,—продолжалъ старикъ:—подъ одними большіе лежать, а подъ этимъ вотъ,—указалъ онъ на самый маленькій изъ нихъ,—ребенокъ Муравьевыхъ похороненъ». Кто лежитъ подъ остальными, мнѣ такъ и не удалось узнать. На мой вопросъ сторожъ отвѣтилъ: «На самомъ большомъ была дочка, совѣмъ недавно отвалилась, да, видно, кто-нибудь изъ прохожихъ и унесъ ее». Теперь на ея мѣстѣ было зияющее углубленіе. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей увѣрялъ меня потомъ, что здѣсь похороненъ князь Трубецкой, но это, конечно, невѣрно, такъ какъ Трубецкой умеръ въ Кіевѣ въ 1860 году. Въ это время мы проходили около ограды, какъ разъ мимо большого креста, стоявшаго на склонѣ немного въ сторонѣ отъ кладбища и привлекавшаго мое вниманіе, когда я шелъ сюда. Я спросилъ, надъ кѣмъ онъ поставленъ? «А здѣсь Горбачевскій лежитъ. Онъ, бывало, часто сюда приходилъ и любилъ подолгу сидѣть на горѣ; отсюда и домъ его, гдѣ онъ жилъ въ заводѣ, былъ хорошо виденъ. Онъ много разъ говорилъ, что когда умереть, такъ пусть его на этомъ мѣстѣ и похоронятъ». Послѣ смерти воля Горбачевского была исполнена. Крѣпкій деревянный крестъ на его могилѣ выгодно отличался отъ остальныхъ памятниковъ своей сохранностью. Сторожъ, по его словамъ, помнилъ покойнаго съ дѣтства. Онъ любилъ дѣтей, и вокругъ него часто собирались ребятишки со всего села.

Въ противоположномъ концѣ кладбища, почти сразу за церковью, обсаженный высокими деревьями, возвышался массивный чугунный монументъ, должно быть, отлитый на заводѣ. Онъ изображалъ сломанную колонну на кубическомъ постаментѣ. «Станиславъ Романовичъ Лепарскій»—прочиталъ я на колоннѣ. Генераль Лепарскій до 1838 года былъ главнымъ начальникомъ надъ политическими ссыльными Петровскаго завода, и въ его рукахъ была судьба жившихъ здѣсь декабристовъ. Съ другой стороны постаментъ былъ изображенъ его гербъ, а съ третьей стояло изреченіе: «блаженни милостивые, яко тѣи помилованы будутъ».

Памятникъ Лепарскаго былъ послѣдней достопримѣчательностью этого убогаго кладбища. Мы вышли изъ калитки, ведущей на дорогу къ селу, и, разговаривая, направились къ церкви. Я старался узнать, сохранилось ли среди мѣстныхъ жителей какое-нибудь воспоминаніе о жившихъ среди нихъ изгнанникахъ, знаютъ ли они, кто такіе они были. На всѣ мои вопросы старикъ отвѣчалъ отрицательно.

— Кто ихъ знаетъ, кто такіе были; говорятъ, что за правду пострадали, а за что именно—Богъ ихъ знаетъ, мы люди темные. Старики, которые еще живы, сказываютъ, хорошіе были господа и съ людьми ласковые, и дѣтей любили, школы здѣсь пооткрывали; черезъ нихъ многіе грамотѣ научились. А только теперь молодежь объ нихъ совсѣмъ забыла. Вотъ взгляните, по горкамъ—видите?—кресты стоятъ.

Я взглянулъ по направленію, куда указывалъ старикъ. Въ четырехъ или пяти мѣстахъ на вершинахъ окрестныхъ горъ ясно видѣлись чернѣвшіе на фонѣ неба кресты.

— Эти самые кресты они ставили, декабристы. Вотъ тамъ крестъ Горбачевскаго, а тамъ Трубецкаго. Они имѣли обыкновеніе, какъ гдѣ высокое мѣсто, сейчасъ и крестъ ставить.

Оказалось, что и крестъ въ лѣсу также былъ поставленъ кѣмъ-то изъ декабристовъ.

— Раньше старики такъ и называли, кто крестъ поставилъ, по тому онъ и именовался. Разъ въ годъ, въ храмовой праздникъ, весь заводъ къ этимъ крестамъ съ крестнымъ ходомъ изъ церкви ходитъ. Каждый цехъ къ своему кресту. Теперь уже и позабыли, какой крестъ кѣмъ ставленъ, а зовутъ ихъ по цеху, какіе къ нимъ ходятъ. А настоящія ихъ имена и извѣстны только старикамъ, вотъ вродѣ меня.

Разсказъ невольно заставилъ меня задуматься. Какія побужденія руководили тѣми, кто поставилъ эти кресты? Было ли здѣсь проявленіе религіознаго чувства, или эти мѣста были почему-нибудь дороги для изгнанниковъ, и они отмѣчали ихъ крестами.

Въ заключеніе сторожъ предложилъ мнѣ осмотрѣть церковь. По его словамъ, ее на свои средства выстроили декабристы, они же напишали и церковную утварь. Внутри было чисто, черезъ высокія окна проникала масса свѣта, красивый иконостасъ украшали изящныя рѣзные колонки, со стѣнъ смотрѣли старинные образа.

— А вотъ что я вамъ покажу,—сторожъ подвелъ меня къ царскимъ вратамъ:—смотрите-ка, какіе образа, говорятъ, они много тысячъ стоятъ. Ихъ тоже декабристы напишали и въ нашу церковь пожертвовали.

По краямъ иконостаса стояли четыре большихъ образа, совершенно непохожіе по художественности и по характеру работы на окружающія иконы. Какъ-то странно было увидѣть въ глухомъ

сибирскомъ селѣ эти скорѣе картины, чѣмъ иконы, великолѣпно исполненныя въ стилѣ итальянскаго возрожденія. Живопись отличалась незауряднымъ мастерствомъ; хотя образа стояли не покрытые стекломъ, но краски еще не успѣли потемнѣть отъ копоти свѣчей и лампадъ. На нихъ были изображены Спаситель, Божія Матерь и апостолы Петръ и Павелъ. Не утверждаю навѣрное, но мнѣ кажется, что эти образа копія съ одной изъ фресокъ Рафаэля. Кажется, гдѣ-то среди его работъ я видѣлъ такую же выразительную фигуру апостола Петра съ развѣвающимися одеждами и съ занесеннымъ мечемъ въ высоко поднятой рукѣ. Я спросилъ у сторожа, не знаетъ ли онъ, кто ихъ авторъ. «Никто не знаетъ; бѣтюшка весь архивъ перерылъ, найти старался, да не нашель; многія бумаги теперь утеряны». Черезъ боковую дверь мы прошли въ алтарное помѣщеніе, тамъ на потолкѣ была помѣщена икона, изображеніе Бога въ славі, такого же стіля, какъ только что видѣнная мною въ церкви. Выйдя изъ церкви, мы пошли по дорогѣ къ селу. Я разспрашивалъ, часто ли посѣщаются могилы, приходилъ ли къ нимъ кто-нибудь. «Нѣтъ, никто сюда не ходитъ, потому и памятники запущены. Давно уже былъ одинъ офицеръ, изъ князей Муравьевыхъ, родственникъ, значить, похороненнымъ. Ъхалъ на войну и завернулъ сюда по пути. А больше никого не бывало».

Подъ горой у сторожки, я распрощался со своимъ спутникомъ и пошелъ дальше въ село. Итти пришлось мимо завода. По случаю какихъ-то передѣлокъ онъ уже давно не работалъ. Впрочемъ, послѣднее время у него почти и не было заказовъ: чугуныя могильныя плиты, которыми онъ снабжалъ весь округъ, были, кажется, его единственными произведеніями. Раньше все дома тѣснились около завода, теперь село по всей долинѣ раскинуло свои широкія прямыя улицы съ хорошими, крытыми тесомъ домами. Понадобилось не мало времени, чтобы пройти его весь изъ одного конца въ другой. Я хотѣлъ подняться на противоположную гору и осмотрѣть стоявшій на ней крестъ; годный крутой склонъ былъ весь покрытъ большими острыми камнями, на вершинѣ они тоже всюду попадались въ изобиліи. Въ одномъ мѣстѣ изъ нихъ былъ сложенъ холмъ, и изъ него возвышался деревянный крестъ, сажени двѣ высотой; на сторонѣ, обращенной къ селу, висѣло старое мѣдное распятіе.

Возвращаться въ село мнѣ не хотѣлось, я горой миновалъ заводскія постройки и спустился внизъ къ большому озеру. Отсюда берегомъ и перейдя по длинной плотинѣ, я возвратился домой на станцію. Было еще рано, но солнце уже зашло за гору и всюду легли длинныя тѣни. Только вершины алѣли, и на нихъ рѣзко выдѣлялись высокіе черные кресты. Внизу ступалась сумерки, окружающій пейзажъ становился все болѣе и болѣе мрачнымъ; невольно думалось, что-то должны были переживать заключенные здѣсь, глядя на эти горы, точно стѣной ставшія между ними и остальнымъ міромъ?

На слѣдующій день я уѣхалъ изъ Петровскаго завода. Кладбище, расположенное на склонѣ, долго виднѣлось изъ окна вагона, пока сразу не исчезло при поворотѣ за отрогомъ одной изъ горъ. Опять началась дикая мѣстность, пересѣченная горными хребтами и заросшая тайгой.

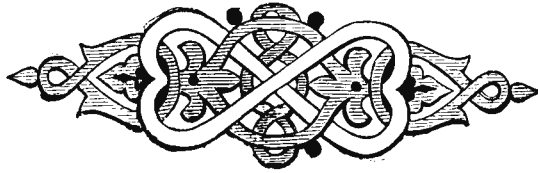
Черезъ нѣсколько дней я былъ въ Читѣ. Пока строился острогъ въ Петровскомъ заводѣ, декабристы прожили въ этомъ городѣ около двухъ лѣтъ. Чита въ то время едва ли имѣла и триста человѣкъ жителей. Теперь она разрастается съ каждымъ годомъ и давно стала первымъ городомъ Забайкальской области. Отъ времени декабристовъ уцѣлѣла только маленькая ветхая церковь съ кладбищемъ. Кладбище упразднено, а въ церкви служатъ лишь изрѣдка. Когда здѣсь жили декабристы, всѣ читинскіе дома расположены были вокругъ этой церкви, съ тѣхъ поръ городъ отодвинулся на западъ, и церковь очутилась на окраинѣ, почти за городомъ, на краю глубокаго засыпаннаго мусоромъ оврага. И въ Читѣ почти единственными воспоминаніями о декабристахъ служатъ могилы ихъ и ихъ дѣтей. Старое кладбище, гдѣ они находятся, содержитсѣ немногимъ лучше, чѣмъ въ Петровскомъ заводѣ. Памятники приходятъ въ упадокъ,—единственный болѣе или менѣе удовлетворительно сохранившійся былъ на могилѣ дочери князей Волконскихъ. Внутри церкви я останоился передъ двумя образами, написанными, несомнѣнно, рукой любителя, пріемами начала прошлаго столѣтія. Въ изображенной на одномъ изъ нихъ Божьей Матери съ Младенцемъ легко было угадать портреты: неопытный живописецъ не могъ бы вложить столько жизни въ черты изображаемыхъ лицъ, если бы не пользовался живой натурой. Сторожъ подтвердилъ мои догадки, оба образа были написаны однимъ изъ декабристовъ, и женщина съ ребенкомъ представляли портретъ княгини Волконской и ея маленькой дочери, похороненной на кладбищѣ. Кто именно написалъ эти образа, мнѣ узнать не удалось, вѣроятно, Бестужевъ или одинъ изъ братьевъ Борисовыхъ, такъ какъ изъ декабристовъ они одни занимались живописью.

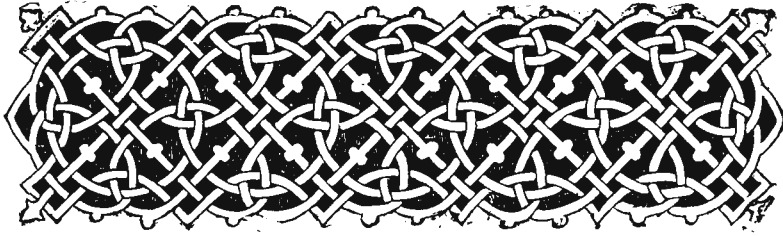
Съ кладбища по пустыннымъ улицамъ я прошелъ черезъ весь городъ къ мѣстному музею. Онъ состоялъ изъ маленькаго одноэтажнаго дома—собственно музея—и высокой буддійской кумирни, построенной въ глубинѣ сада. Въ ней находилось полное собраніе принадлежностей буддійскаго культа. По стѣнамъ сверху донизу висѣли одѣянія буддійскихъ священнослужителей и какіе-то фантастическіе рисунки, вытканные или нарисованные на кускахъ китайской шелковой матеріи; по угламъ стояли металлическіе божки, а въ глубинѣ, гдѣ было устроено что-то вродѣ алтаря, возвышался мѣдный Будда съ традиціонной мечтательной улыбкой на экзотическомъ лицѣ. Говорять, бурятское населеніе Забайкалья не разъ просило освятить кумирню, предполагая устраивать тамъ свои

богослуженія, но каждый раз администрація почему-то отвѣчала отказомъ. По какому-то случаю музей былъ закрытъ и меня едва выпустили. Отдѣлъ декабристовъ оказался очень не великъ. Весь онъ состоялъ изъ двухъ или трехъ маленькихъ витринъ съ разложенными современными документами. Лежало нѣсколько листовъ толстой снѣжей бумаги изъ реестра, гдѣ перечислялось содержаніе деньгами и натурой, отпущавшееся декабристамъ во время ихъ пребыванія въ Петровскомъ заводѣ; штукъ пять акварельныхъ рисунковъ, написанныхъ Бестужевымъ, и небольшая коллекція гравюръ. Было еще недурное собраніе портретовъ.

Этими коллекціями исчерпывалось то немногое, что сохранилось до настоящаго времени въ Восточной Сибири отъ декабристовъ. Никѣмъ не поддерживаемые, всеми забытые, ихъ памятники разрушаются болѣе и болѣе, и, вѣроятно, еще черезъ два-три десятилѣтія время и равнодушіе окружающихъ уничтожатъ ихъ совершенно.

Борисъ Девяткинъ.

ТУККУМСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

(По разсказу очевидца).

САМЫЙ опасный характер революціонное движеніе въ Курляндской губерніи приняло въ ноябрѣ и въ началѣ декабря 1905 года, когда съ нимъ слились всероссійскія желѣзнодорожная и почтово-телеграфная забастовки, затруднившія передвиженіе войскъ и сношенія администраціи, и послѣдняя въ эти страшные дни чувствовала себя наиболѣе растерянною.

Туккумскія кровавыя событія являются, несомнѣнно, самыми яркими выразителями того характера, который могло принять все движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ, если бы не пришли въ себя власти и не сдержали наглыхъ, зарвавшихся латышей-мятежниковъ.

Финаль туккумскихъ событій уже разыгрался на судѣ, многіе герои ихъ получили должное возмездіе, но туккумская революція еще ждетъ своего историографа.

Нижеслѣдующее описаніе со словъ очевидца, русскаго чиновника, даетъ только матеріаль для будущей исторіи одной изъ главъ прибалтійскаго мятежнаго движенія. Смѣю надѣяться, что другіе очевидцы, ознакомившись съ настоящею статьею, найдутъ возможнымъ, съ своей стороны, исправить или дополнить этотъ разсказъ, если это окажется нужнымъ, и, такимъ образомъ, по-немногу создастся полная и точная картина туккумскихъ событій. На мой разсказъ и слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на матеріаль для исторіи прибалтійской смуты 1904—1905 гг.

Но предоставляю слово «очевидцу».

Вотъ что я записалъ съ его словъ.

Служебная поѣздка ¹⁾ задержала меня въ концѣ ноября 1905 г. въ губернскомъ городѣ Митавѣ, по разыгрывавшіяся и здѣсь сцены (хожденіе толпы безпорядочно по улицамъ съ дикимъ, воющимъ пѣніемъ, отдѣльные случаи стрѣльбы по войскамъ и убійства «шпіоновъ», истерическіе выкрики агитаторовъ, расклейка по стѣнамъ и заборамъ прокламацій о необычайныхъ успѣхахъ россійской революціи, забастовка рабочихъ, шествій въ учрежденіяхъ, почты, извозчиковъ и т. д.) носили зловѣщій характеръ и, казалось, предвѣщали ужасы въ будущемъ.

Семья моя осталась въ Туккумѣ, уѣздномъ городкѣ Курляндской губерніи, соединенномъ желѣзными дорогами съ Митавою и Ригою.

«Если ужъ въ Митавѣ, мѣстопребываніи генералъ-губернатора, гдѣ имѣются и войска, допускаются дикіе выпадъ революціонеровъ, то что же происходитъ въ Туккумѣ, почти лишенномъ войскъ?» думалось мнѣ, и безпокойство объ оставленныхъ тамъ жёнѣ, трехлѣтнемъ и грудномъ сыновьяхъ не оставляло меня. Я рѣшилъ немедленно ѣхать домой, пока еще было движеніе по Митаво Туккумской вѣтви Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги, и привезти ихъ или въ Митаву, или въ Ригу.

Но на вокзалѣ я встрѣтилъ своего знакомаго, капитана 180-го пѣхотнаго Виндавскаго полка Эдуарда Петровича Глиндзича ²⁾, который уже нѣсколько мѣсяцевъ находился съ своею ротой въ гор. Туккумѣ. Глиндзичъ успокоилъ меня, что у нихъ совершенно тихо, «тишь да гладь да Божья благодать», однимъ словомъ. Тонъ капитана былъ такой положительный, что я повѣрилъ, и, дѣйствительно, пріѣхавъ въ Туккумъ 27-го ноября, я нашелъ тамъ сравнительное спокойствіе, но все-таки съ перваго же взгляда убѣдился, что положеніе въ городѣ сдѣлалось гораздо тревожнѣе, чѣмъ это было передъ моимъ отъѣздомъ, 22-го ноября, изъ Туккума. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это—отсутствіе въ городѣ постовыхъ городовыхъ, которыхъ я замѣтилъ на улицахъ въ штатскомъ платьѣ. Кто-то сообщилъ мнѣ, что въ уѣздѣ всѣ урядники уволились или были уволены. Въ понедѣльникъ 28-го ноября съ утра стало извѣстно, что учебныя заведенія забастовали, причемъ группа учениковъ мѣстной торговой школы ходила по другимъ учебнымъ заведеніямъ и въ крайне рѣзкой и дерзкой формѣ требовала прекращенія занятій. Отъ моего хорошаго знакомаго П.

¹⁾ Пока было возможно, мы, русскіе чиновники, оставались на своихъ постахъ, и только крайняя опасность, граничившая съ угрозой смерти, заставляла насъ перемѣняться въ болѣе безопасное мѣсто, подъ кровъ центральныхъ учреждений въ гор. Митавѣ.

²⁾ Пыль въ отставкѣ.

А. М.

я узналъ, что въ минувшую ночь было сдѣлано нападеніе на военный патруль 180-го пѣхотнаго Виндавскаго полка, въ который стрѣляли изъ чердачнаго помѣщенія одного дома, около гостиницы Инсона на Запковой улицѣ. Около четырехъ часовъ дня, идя по дѣлу къ нашему священнику, я увидалъ у этой гостиницы толпу людей, разсматривавшихъ въ заборѣ слѣды отъ пуль; толпа была сильно возбуждена и кричала, что солдаты, какъ звѣри, убиваютъ и мучаютъ невинныхъ людей и бросаютъ ихъ въ тюрьмы.

Въ этотъ день всѣ лавки и магазины торговали, и это нѣсколько успокаивало тревожное состояніе нашей «русской колоніи», какъ мы называли нашъ небольшой кружокъ русскихъ людей, заброшенныхъ на эту инородческую окраину нашей обширной матушки-Россіи. Мы знали, что мѣстные купцы, евреи, хорошо освѣдомлены обо всемъ и, если они спокойно торгуютъ, то опасность еще далека. Тѣмъ не менѣе вечеромъ всѣ торопились разойтись по домамъ, и къ семи часамъ я изъ оконъ моей квартиры (по Большой ул., почти противъ гостиницы Экмана, гдѣ стояли исполняющій должность начальника района подполковникъ Виндавскаго полка Миллеръ, комендантъ гор. Туккума, и драгунскіе офицеры съ полускадрономъ 2-го лейбъ-драгунскаго Псковскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны полка) не видѣлъ никого на улицѣ. Изъ разговоровъ съ моимъ знакомымъ я вынесъ впечатлѣніе, что всѣ чувствуютъ, что готовится «что-то», но никто не ожидалъ, что это «что-то» наступитъ такъ скоро и въ такой ужасной формѣ, какъ въ дѣйствительности показали событія, совершившіяся съ головокружительной быстротой.

Въ тотъ же вечеръ, т.-е. въ понедѣльникъ 28-го ноября, послѣ десяти часовъ вечера, я услышалъ по улицѣ шумъ и крики, смѣнившіе царившую до того времени тишину; я подошелъ къ окну и увидѣлъ при свѣтѣ уличнаго фонаря людей, бѣгомъ направляющихся на Садовую улицу, которая почти противъ моей квартиры пересѣкаетъ Большую улицу. Черезъ нѣсколько минутъ туда же пробѣжали пѣшіе драгуны съ винтовками въ рукахъ, потомъ послышался лошадиный топотъ, и мимо дома проскакало нѣсколько драгунъ верхами. Изъ оконъ противоположнаго дома осторожно выглядывали головы жильцовъ. Нѣсколько времени все было спокойно. Потомъ послышался опять какой-то шумъ, и наконецъ до слуха моего долетѣлъ звукъ отдаленнаго ружейнаго выстрѣла, другого, третьяго. Свѣтъ въ окнахъ противоположнаго дома мгновенно погасъ, хотя по колыханію бѣлыхъ занавѣсей, освѣщенныхъ уличнымъ фонаремъ, можно было понять, что тамъ, у оконъ, толпятся испуганные люди.

Жуткое чувство передъ неизвѣстнымъ будущимъ, не общавшимъ ничего добраго, овладѣло мною. Впервые я почувствовалъ себя одинокимъ и безпомощнымъ въ этомъ чужомъ мнѣ краю. Не могу

дать себѣ отчета, сколько времени простоялъ я у окна, прислушиваясь къ малѣйшему шуму и вглядываясь въ каждую фигуру, появляющуюся на улицѣ. Наконецъ, увидавъ возвращающихся драгунъ, я отошелъ отъ окна и прилежъ, но о снѣ нечего было и думать... Тяжелыя предчувствія чего-то ужаснаго давили меня.

Утромъ во вторникъ 29-го ноября прислуга, вернувшись съ базара, передала намъ, что на Гармонической, Альтъ-Мокенской и Елизаветинской улицахъ ночью было настоящее сраженіе, въ которомъ былъ убитъ одинъ драгунъ и раненъ пѣхотный солдатъ, что нѣкто Янпетеръ былъ тяжело раненъ мятежниками и долго лежалъ на улицѣ, пока войска его не подобрала. Ничего болѣе опредѣленнаго узнать отъ прислуги мнѣ не удалось.

Тѣмъ временемъ на улицѣ замѣчалось большое движеніе военныхъ силъ: проѣзжали конные патрули, прошла рота пѣхоты съ уѣзднымъ начальникомъ барономъ Раденомъ во главѣ, который громко предупреждалъ всѣхъ, чтобы уходили по домамъ; на углу Большой и Садовой улицъ, а также и во многихъ другихъ пунктахъ города, какъ это я узналъ потомъ, стояли вооруженные солдаты, которые обыскивали прохожихъ. Къ полудню всѣ лавки и магазины стали закрываться. Улицы опустѣли. Около трехъ часовъ дня изъ гостиницы Экмана былъ вынесенъ гробъ съ тѣломъ убитаго ночью драгуна для перенесенія его въ православную церковь.

Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе чего-то грознаго и ужаснаго. Всѣ попрятались по домамъ. Одни только главари мятежа не дремали и работали, не покладая рукъ. Событія двухъ предыдущихъ ночей дали туккумескому городскому головѣ Кремансу поводъ увѣрить подполковника Миллера, что будто бы видъ военныхъ патрулей возбуждаетъ наиболѣе красные элементы, и, если удалить съ улицъ войска, то въ городѣ наступитъ желанное для всѣхъ успокоеніе, а охрану-де города жители города готовы нести добровольно, устройвъ собственную милицію ¹⁾.

Подполковникъ Миллеръ, храбрый воинъ ²⁾, къ сожалѣнію, отличался беззаботностью, такъ гармонировавшею съ его грузною плотною фигурою, и съ полнымъ презрѣніемъ относился къ латышской революціи. Къ сожалѣнію, онъ послушался увѣщаній город-

¹⁾ Кремансъ сперва потребовалъ въ этотъ же день по телефону отъ уѣзднаго начальника, чтобы тотъ разрѣшилъ устроить въ городѣ вооруженную самооборону, для чего необходимо возвратитъ населенію отобранное передъ этимъ оружіе, а также публично отказаться отъ угрозъ домовладѣльцамъ, что, если революціонерамъ будетъ разрѣшена стрѣльба въ солдатъ изъ домовъ, то послѣдніе будутъ подоожжены. Само собою разумѣется, что бар. Раденъ отклонилъ это ходатайство. А. М.

²⁾ «Николай Павловичъ Миллеръ, изъ дворянъ Кубанской области, родился въ Москвѣ 1-го октября 1848 года. Первоначальное образованіе получилъ дома, затѣмъ поступилъ въ рижское пѣхотное юнкерское училище, откуда, по окончаніи курса наукъ, перешелъ въ офицерскую стрѣлковую школу. Успѣшно окончивъ школу, онъ посвящаетъ себя всецѣло военной службѣ и въ 1895 году дослуживается до чина под-

ского головы и его приспѣшниковъ и распорядился убрать съ улицъ всѣ патрули и даже дневальныхъ отъ воротъ гостиницы Эгмана.

Насколько слѣпо вѣрилъ подполковникъ Миллеръ мятежникамъ, показываетъ слѣдующій случай.

На Базарной площади находится уѣздная тюрьма, которую продолжали охранять караулъ отъ Виндавскаго полка. По распоряженію ротнаго командира Глиндзича, между домомъ Эгли у православной церкви на Замковой улицѣ, гдѣ была расположена его рота, и тюрьмою не прерывалась связь въ лицѣ патруля.

Въ ночь на 30-е ноября, когда по городу уже разгуливала народная милиція, направившійся къ тюрьмѣ патруль солдатъ повстрѣчался съ патрулемъ новоиспеченныхъ градоохранителей¹⁾, преградившимъ дорогу виндавцамъ и, на требованіе послѣднихъ дать дорогу, отвѣтившимъ отказомъ. Со стороны мятежниковъ раздавался даже выстрѣлъ, никого, къ счастью, не ранившій и не убившій. Солдаты принуждены были расчистить себѣ дорогу штыками, при чемъ одинъ изъ милиціонеровъ получилъ рану.

Между тѣмъ, извѣщенный о происшествіи, капитанъ Глиндзичъ уже вызвалъ изъ казармы роту, а на выстрѣлъ прибыли къ тюрьмѣ городской голова Кремансъ, еврей Блументаль²⁾ и другіе заправилы революціонныхъ дѣлъ. Былъ вызванъ и подполковникъ Миллеръ и тотъ набросился при всѣхъ на капитана Глиндзича съ угрозами, зачѣмъ онъ вызвалъ безъ его разрѣшенія роту, а также зачѣмъ, несмотря на его предупрежденіе о городской милиціи въ пожарныхъ каскахъ, все-таки произошло это столкновеніе съ милиціонерами и одинъ изъ нихъ даже убитъ³⁾.

Итакъ, по приказанію Миллера, улицы были совершенно очищены отъ воинскихъ патрулей. Съ площади Миллеръ отправился къ себѣ въ гостиницу въ сопровожденіи Креманса и Блументалья, которые у воротъ пожелали подполковнику спокойной ночи, завѣривъ, что теперь въ городѣ все будетъ тихо.

Въ этотъ моментъ мимо воротъ проходилъ къ себѣ на квартиру изъ полицейскаго управленія старшій помощникъ уѣзднаго начальника Маевскій и, обращаясь къ Миллеру, сказалъ, что на-

полковника. Въ 1898 году получаетъ командованіе батальономъ въ 180-мъ Виндавскомъ полку. Въ китайскую войну (1900 г.), состоя въ отрядѣ генерала Ренненкампа, участвуетъ при взятіи позиціи на Маломъ Корейскомъ перевалѣ, а въ 1905 году командированъ для сопровожденія нижнихъ чиновъ, отправляемыхъ на Дальній Востокъ». («Книга Русской скорби», вып. 1-й). А. М.

¹⁾ Между Кремансомъ и подполковникомъ Миллеромъ состоялось соглашеніе, что самооборона, для отличія, будетъ имѣть на себѣ пожарныя каски, между тѣмъ этотъ патруль пожарныхъ касокъ не имѣлъ, «потому что на всѣхъ не хватило», заявилъ Кремансъ. А. М.

²⁾ Богатый мѣстный купецъ. А. М.

³⁾ Этотъ человекъ былъ найденъ лежащимъ на землѣ, но не было установлено, раненъ онъ или убитъ. А. М.

прасно онъ предпринялъ такой рѣшительный шагъ, какъ удаленіе съ улицъ войскъ, не посовѣтовавшись съ уѣзднымъ начальникомъ (въ то время послѣдній находился въ имѣніи Дурбенъ вблизи Туккума).

Миллеръ его круто оборвалъ, сказавъ, что это его дѣло и что онъ не желаетъ, чтобы въ его распоряженіи кто-либо вмѣшивался. Кремансъ и Блументаль льстиво подакивали и, когда Миллеръ вошелъ въ ворота гостиницы, они пошли позади Маевского и у воротъ дома, гдѣ послѣдній жилъ, сказали ему въ начальствующемъ тонѣ: «Теперь сидите дома и не показывайте носа никуда, понимаете? Иначе мы не отвѣчаемъ за вашу жизнь. Понимаете? Больше никуда ни шагу».

Затѣмъ достойная парочка удалилась. Улица была теперь совершенно пустыня, по крайней мѣрѣ я, часто подходя къ окнамъ моей квартиры, не видѣлъ ни единой души. Это безлюдье и отсутствіе военныхъ патрулей и было желательнѣе заправиламъ мятежа, къ тому и сводились все ихъ усилія и все ихъ подходы къ подполковнику Миллеру, потому что давали возможность, подъ покровомъ ночной темноты, ввести въ городъ шайки мятежниковъ, которыя еще съ вечера ожидали благопріятнаго момента, расположившись лагеремъ въ окрестностяхъ Туккума. Въ теченіе этой ночи городъ былъ занятъ революціонерами въ числѣ около трехъ тысячъ.

Утромъ 30-го ноября я замѣтилъ изъ окна стоявшихъ напротивъ на улицѣ Креманса и неразлучнаго съ нимъ Блументаля, говорившихъ съ нѣкимъ Г.. Думая узнать отъ нихъ что-нибудь о положеніи въ городѣ, я сошелъ по задней лѣстницѣ на дворъ и, выйдя за ворота на улицу, окрикнулъ Креманса.

Обернувшись на мой голосъ, Блументаль замахалъ руками и закричалъ мнѣ, чтобы я уходилъ домой, такъ какъ сейчасъ начнется стрѣльба. «Мы, идемъ,—заявилъ онъ,—къ подполковнику Миллеру предложить ему и драгунскимъ офицерамъ ¹⁾ сдать все оружіе и вывести войска изъ города». На вопросъ мой, что все это значитъ, компанія ничего мнѣ не отвѣтила и направилась къ гостиницѣ, но вскорѣ вышла оттуда обратно, не солоно хлебавши, такъ какъ Миллеръ наотрѣзъ отказался исполнить ихъ наглое требованіе.

Когда запылявшая дворъ нашего дома шайка узнала объ исходѣ переговоровъ, то начался страшный гамъ, а вскорѣ и выстрѣлы по направленію къ гостиницѣ Экмана.

Эти выстрѣлы послужили сигналомъ къ началу той ужасной драмы, при воспоминаніи о которой и теперь стынетъ кровь.

Какъ будто по мановенію волшебнаго жезла видъ улицы рѣзко измѣнился: во всѣхъ воротахъ домовъ по Большой улицѣ появи-

¹⁾ Это были штабъ-ротмистръ Иршевъ и корнетъ Измайловъ.

лись толпы вооруженных мятежниковъ, окна ближайшихъ къ гостиницѣ Экмана домовъ и чердачныя окна оказались занятыми вооруженными людьми, даже въ черепчатыхъ крышахъ были пробиты амбразуры, и изъ нихъ высовывались ружейныя дула; домъ латышскаго общественнаго собранія принялъ видъ настоящей крѣпости, и даже на колокольнѣ лютеранской церкви, съ которой дворъ гостиницы Экмана былъ какъ на ладони, размѣстились лучшіе стрѣлки, вооруженные маузерами.

Вскорѣ рѣдкіе до того выстрѣлы перешли въ частый и непрерывный трескъ; въ какомъ-то опьянѣніи толпа нашла безъ перерыва по направленію къ гостиницѣ, двери и окна которой были заперты.

Въ этотъ моментъ Миллеръ долженъ былъ понять, въ какую ловушку поймали его эти на видъ недалекіе господа, но было уже поздно: выйти изъ гостиницы не было никакой возможности. Деревянные стѣны ея не могли служить надежнымъ прикрытіемъ, поэтому всѣ перешли въ каменное помѣщеніе конюшенъ, расположенныхъ въ глубинѣ двора.

Между тѣмъ ко мнѣ въ дверь постучались. На мой вопросъ: «кто стучится?» мнѣ отвѣтили, что делегаты отъ народа.

Я отвѣтилъ, что всѣхъ не впущу, а пусть войдутъ, кто говорить по-русски. Вошли два человѣка, вооруженные съ ногъ до головы, и заявили мнѣ, чтобы я очистилъ квартиру, которая имъ нужна подъ крѣпость, чтобы стрѣлять изъ нея въ драгунъ.

Я, конечно, отвѣтилъ, что этого я не сдѣлаю, что они могутъ сперва убить меня, жену и дѣтей и тогда войти.

— Зачѣмъ же? Мы вѣдь не звѣри,—отвѣтили они.

— Ну, какъ знаете.

— Тогда мы поднимемся на чердакъ.

— Это ужъ ваше дѣло.

— Вы должны выдать намъ все оружіе.

— У меня никакого оружія нѣтъ.

Это была чистѣйшая правда, такъ какъ у меня никогда оружія не было и только впоследствии я приобрѣлъ револьверъ.

— Кромѣ того, вы должны сдать намъ всѣ деньги.

Я долженъ сдѣлать здѣсь маленькое отступленіе по поводу денегъ. Обыкновенно, получивъ казенныя суммы, я записывалъ ихъ въ денежную книгу, но на этотъ разъ мнѣ что-то помѣшало сдѣлать это, и я не успѣлъ зачести въ книгу привезенной изъ Митавы довольно значительной суммы казенныхъ денегъ. Въ то же время, чувствуя въ воздухѣ опасность, я всѣ эти деньги разложилъ между листочками переплетеннаго изданія сочиненій Гоголя, поставивъ затѣмъ книжки обратно на полки шкапа. По денежной же книгѣ числилось налицо лишь 3 рубля 65 копеекъ.

Я предупредилъ депутатовъ, что эти деньги—казенныя и что мнѣ придется вернуть ихъ изъ собственнаго кармана.

— Мы вам выдадимъ расписку въ полученіи отъ васъ денегъ, — отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, но когда они, потребовавъ денежную книгу, увидѣли, что вся наличность составляетъ лишь 3 рубля 65 копеекъ, то помялись, помялись и не захотѣли взять этихъ грошей, вѣроятно, мараться не пожелали, и ушли. Потомъ я слышала, какъ они устранивались на чердакъ нашего дома.

Между тѣмъ осажденные въ Туккумъ войска сдѣлали двѣ попытки соединиться съ виѣшнимъ міромъ и дать знать о туккумскихъ событіяхъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ началась ружейная пальба, изъ воротъ гостиницы Экмана выѣхала казенная артелка съ двумя драгами, которая каждый день ѣздила въ имѣніе Дурбенъ за фуражомъ, и вскачь понеслась вдоль Большой улицы по направленію къ вокзалу Туккумъ I.

Сейчасъ же отовсюду началась по смѣльчакамъ ожесточенная пальба, и вдругъ оба драгуны, какъ убитые, свалились въ телѣгу къ вящему удовольствію революціонеровъ. Испуганная лошадь продолжала скакать, но, какъ только телѣга была уже виѣ досягаемости выстрѣловъ, вдругъ оба драгуна вскочили и съ насмѣшливыми криками продолжали гнать лошадей по направленію къ имѣнію Дурбенъ, гдѣ находился туккумскій уѣздный начальникъ баронъ Раденъ и куда отступилъ капитанъ Глиндзичъ со своей ротой послѣ неудачной попытки проникнуть до гостиницы Экмана для освобожденія осажденныхъ драгунъ¹⁾.

Вторая же попытка дать знать о бѣдственномъ положеніи войскъ сыграла рѣшающую роль въ туккумской исторіи.

Одинъ солдатикъ Виндавскаго полка, бѣлорусецъ, переодѣлся въ крестьянскую одежду и на телѣгѣ благополучно пробрался изъ Дурбена чрезъ всѣ посты революціонеровъ въ Митаву, гдѣ и сообщилъ генераль-губернатору о критическомъ положеніи дра-

---

¹⁾ Что Глиндзичъ ихъ выручить, на это сильно надѣялись и Миллеръ и драгуны, и, не предпринимая попытокъ прорваться (пока не было проволочныхъ загражденій, это было возможно), такъ какъ это повлекло бы значительное число жертвъ, осажденные рѣшили отсиживаться. При первой же попыткѣ со стороны Гландзича, онъ былъ раненъ пулею въ голову, послѣ чего отступилъ въ Дурбенъ. Когда стемнѣло, то въ тотъ же день (это было 30-го ноября) имъ, послѣ перевязки, была сдѣлана новая попытка проникнуть къ гостиницѣ Экмана, но при этомъ онъ былъ вторично раненъ въ голову и былъ принужденъ отозвать солдатъ обратно. Потери виндавцевъ были незначительны, такъ какъ, по распоряженію Глиндзича, солдаты двигались по правой и лѣвой сторонамъ улицъ, при чемъ каждая линія стрѣляла въ окна противоположной стороны. Такимъ образомъ, революціонеры боялись показываться у оконъ и стрѣляли наугадъ изъ-за стѣнокъ, благодаря чему процентъ попадания былъ ничтоженъ. Главною же причиною отступленія солдатъ была ужасающій недостатокъ въ патронахъ, такъ какъ на каждого солдата при отъѣздѣ въ Туккумъ имѣлось лишь 30 патроновъ. Разстрѣлявъ солдаты всѣ патроны, мятежники забрали бы ихъ голыми руками.

гунь, результатомъ чего и было прибытіе 1-го декабря въ Туккумъ генерала Хорунженкова съ войсками¹⁾).

Руководители мятежниковъ, ожидая дальнѣйшихъ попытокъ драгунъ прорваться изъ устроенной имъ засады, стали съ своей стороны принимать мѣры къ тому, чтобы окончательно отрѣзать имъ отступленіе, и съ этой цѣлью, подъ руководствомъ двухъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, стали устраивать на улицѣ проволочныя загражденія, пользуясь для этого телефонной проволокой. Насколько эти загражденія были прочно устроены, видно изъ того, что прискакавшій изъ имѣнія Нейенбургъ отрядъ драгунъ подъ командою поручика Гелениуса не могъ прорваться до гостиницы Экмана на выручку своихъ товарищей и, осыпаясь градомъ пуль, вынужденъ былъ спѣшно отступить²⁾.

Такимъ образомъ, всѣ попытки со стороны пѣхоты и кавалеріи выручить осажденныхъ потерпѣли неудачу, что, конечно, придадо революціонерамъ еще больше смѣлости; они считали себя уже полными побѣдителями и торопились скорѣе прикончить съ осажденнымъ драгунскимъ отрядомъ. Съ этою цѣлью совѣтомъ руководителей мятежа, засѣвшимъ въ латышскомъ общественномъ собраніи, было рѣшено поджечь драгунскія конюшни и, вынудивъ драгунъ выйти на улицу, перебить ихъ.

Однако рѣшеніе это пришлось отмѣнить, потому что въ этотъ день, 30-го ноября, свирѣпствовали сильный вѣтеръ и главари опасались, что огонь перейдетъ на сосѣдніе дома и приметъ угрожающіе для всего города размѣры, а потому рѣшено было продолжать осаду и выжидать, пока стихнетъ вѣтеръ.

¹⁾ Чтобы обмануть революціонеровъ, на случай разспросовъ, солдатика (онъ былъ изъ охотничьей команды, зналъ мѣстность и говорилъ по-латышки) было дано написанное по-латышки письмо, якобы отъ прислуги къ другой прислугѣ въ Митаву въ жилетѣ же и рубашкѣ его были зашиты два маленькихъ листочка съ донесеніями Глиндыча. По дорогѣ революціонеры задержали мнимаго крестьянина. «Почему ты плохо говоришь по-латышки?» допрашивали его.—«Потому что я полякъ».—Тогда его хотѣли вести въ корчму, гдѣ находился какой-то полякъ, но онъ успѣлъ вскочить въ свою телѣгу и поскакалъ, но лошаденка была неважная, одинъ латышь его догналъ и вскочилъ въ телѣгу. Солдату не оставалось ничего другого, какъ пристрѣлить его изъ револьвера.

За свой подвигъ герой—Степанъ Тарасевичъ—былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и, кромѣ того, награжденъ деньгами отъ офицеровъ Митавскаго гарнизона, се ребрянными часами съ подписью: «отъ офицеровъ митавскаго гарнизона» в медалью «за храбрость» на георгіевской лентѣ. Все это было вручено солдатика при соответствующей торжественной обстановкѣ. А. М.

²⁾ По счастью, изъ драгунъ мало кто пострадалъ: теплые полшубки защитили ихъ отъ охотничьихъ ружей мятежниковъ и, если и были ранены, то только въ погоне прикрытыя полшубками, да и то легко. Вѣроятно, отрядъ пострадалъ бы значительно сильнѣе, если бы сдѣлалъ наступленіе не со стороны городского парка, а со стороны Базарной площади и латышскаго общественаго собранія, гдѣ засѣли мятежники съ хорошими винтовками и маузерами. А. М.

Въ этотъ день едва не заплатился жизнью туккумскій уѣздный начальникъ баронъ Раденъ, который, по своей энергичной натурѣ, не могъ сидѣть спокойно въ имѣніи Дурбенъ и поскакалъ оттуда верхомъ съ нѣсколькими драгунами въ Туккумъ.

Между имѣніемъ Дурбенъ и городомъ Туккумомъ раскинутъ пригородъ на земляхъ церковнаго и православнаго причта и, когда баронъ Раденъ скакалъ мимо пригорода, подъ нимъ выстрѣлами изъ одного дома была убита лошадь ¹⁾.

При паденіи она своєю тяжестью придавила ногу барона Радена, который никакъ не могъ высвободиться изъ-подъ лошади. Сыпавшіяся въ него пули, однако, по счастію, не причинили вреда, такъ какъ онъ лежалъ у подножія косогора и лошадь совершенно прикрывала его отъ пуль, пока наконецъ капитанъ Глиндзичъ, извѣщенный о происшествіи, не выручилъ барона Радена изъ бѣды.

Въ теченіе всего дня 30-го ноября раскаты выстрѣловъ не прекращались, сливаясь съ завываніемъ бушующаго вѣтра, и только поздно вечеромъ стихли и выстрѣлы и вой вѣтра. Мятежники стали готовиться къ поджогу конюшенъ и къ поголовному истребленію осажденныхъ драгунъ, этой горсти скромныхъ героевъ. Въ наступившей ночной тишинѣ изрѣдка раздавались отдѣльные выстрѣлы и звуки сигнальной трубы, какъ бы предупреждая, что на «позиціяхъ» бодрствуютъ и тысячи глазъ стерегутъ свои жертвы.

Настала ночь—лунная, свѣтлая,—и драгунамъ не было никакой возможности пробраться незамѣченными ²⁾. Медленно тянулась эта ужасная ночь, полная страха передъ грядущими событіями, которыя не замедлили развернуться въ четвергъ 1-го декабря во всемъ ужасѣ дикаго звѣрства.

Съ разсвѣтомъ выстрѣлы снова загремѣли и продолжались до 11 часовъ утра, когда наступила зловѣщая тишина. Но вотъ раздался радостный, побѣдный крикъ толпы и унылый, погребальный звонъ съ лютеранской церкви, отъ которыхъ кровь застыла въ жилахъ и сердце болѣзненно сжалось. Клубы темнаго дыма и огненные языки поднялись надъ конюшней, гдѣ скрывались драгуны,—поджегъ удался, финалъ кровавой драмы наступилъ, вѣрно-подданническій долгъ скромныхъ героевъ приносился въ жертву дикому изувѣрству ³⁾.

¹⁾ Въ драгунскія лошади также были переранены и въ тотъ же день подошли. А. М.

²⁾ Какъ мы видѣли, и попытка вицмагъ была въ этотъ вечеръ тоже неудачной. Кромѣ свѣтлой ночи, бѣгству драгунъ мѣшалъ фонарь Луисъ, ярко освѣщавшій всю мѣстность вблизи гостиницы. А. М.

³⁾ Мятежники взобрались на крышу конюшенъ и, разобравъ ее и обливъ керосиномъ, подожгли зданіе. Пока у драгунъ была вода, они заливали огонь, но пожаръ усиливался, оставаться дольше было нельзя, и они рѣшили пробиться. А. М.

Едва показался подполковникъ Миллеръ, какъ былъ убитъ пачеваль выстрѣлами съ колокольни лютеранской церкви.

Между двумя рядами лошадей выбѣжали изъ воротъ на улицу драгуны, встрѣченные градомъ пуль, и, давъ залпъ изъ винтовокъ во все стороны, стали прокладывать себѣ дорогу, прорывая проволочныя загражденія и усыпая путь тѣлами убитыхъ и раненыхъ; какимъ-то чудомъ достигли поперечныхъ улицъ и выскочили за городъ, за полотно желѣзной дороги, штабъ-ротмистръ Ярышевъ, корнетъ Измайловъ и нѣсколько нижнихъ чиновъ, остальные или были убиты, или пали ранеными¹⁾. Съ дикими воплями набросились мятежники на раненыхъ и, несмотря на мольбы, звѣреки умерщвляли ихъ.

Начальникъ туккумской тюрьмы видѣлъ, какъ одинъ негодий вынулъ изъ-за голенища сапога ножъ и сталъ медленно перерѣзывать горло раненому драгуну, наслаждаясь его муками. Судорожно билось тѣло несчастнаго страдальца, а окружавшая толпа дико хохотала и криками поощряла гнуснаго палача.

Тѣла подполковника Миллера и нижнихъ чиновъ были подвергнуты самому возмутительному надруганію и оскверненію²⁾.

До сумерекъ нестествовала на улицѣ и базарной площади озвѣрѣвшая толпа, праздноя свою побѣду надъ невинными ея солдатами.

Между изуродованными трупами драгуновъ и лошадей ходили опьяненные успѣхомъ побѣдители и бахвалились своими вымышленными подвигами³⁾.

Но вотъ изъ латышскаго общественнаго собранія—этой штабъ-квартиры руководителей—послѣдоваль приказъ снова занять позиціи и ждать дальнѣйшихъ указаній. Разойдясь по мѣстамъ, «герои» поприлихли, между ними зародилось сомнѣніе: все ли уже кончено, не придутъ ли болѣе сильныя военныя отряды съ пушками, противъ которыхъ они безсильны бороться? Не ждетъ ли ихъ въ ближайшемъ будущемъ суровое возмездіе?

Ко мнѣ въ двери снова постучались нѣсколько человекъ изъ числа сидѣвшихъ на чердакѣ нашего дома и довольно подавленнымъ тономъ стали спрашивать меня, могутъ ли сюда прійти еще

¹⁾ Было убито всего 16 нижнихъ чиновъ, ранены корнетъ Измайловъ и 16 нижнихъ чиновъ. А. М.

²⁾ Нѣкій крестьянинъ Вумейстеръ у трупа Миллера отрѣзалъ палецъ, на которомъ было золотое кольцо. А. М.

³⁾ Въ эти же дни были разгромлены винныя лавки, уничтожены квартирные обстановки барона Радена и капитана Глиндзича, а также дѣла полицейскаго управленія, судебного слѣдователя, изъ тюрьмы освобождены политическіе арестанты и т. д. (но почти все дѣла и контора тюрьма остались дѣлы). Кроме того, мятежники явились на станцію Туккумъ I и воспрепятствовали отправленію въ Ригу готоваго поѣзда, чтобы, такимъ образомъ, помѣшать властямъ дать знать о настоящемъ положеніи дѣлъ въ городѣ. А. М.

войска. Видъ этихъ «героевъ» былъ жалкій... Еще сегодня утромъ они кричали во все горло, что чуть ли не вся Россія въ ихъ рукахъ, что Москва и Петербургъ захвачены, что всюду правительственные войска разбиты.

Мнѣ было противно видѣть ихъ, этихъ гнусныхъ убійць... «Вонъ, сволочь!» какъ безумный, заоралъ я на нихъ, и нѣсколько дюжихъ парней, какъ пули, выскочили за дверь. Этотъ взрывъ негодованія не предвѣщаль, конечно, для меня ничего хорошаго, да и раньше въ душѣ я готовился къ смерти. Моя душа болѣла, впрочемъ, не за себя, а за жену и дѣтей. Я старался ни о чемъ не думать, а поручить себя и свою семью волѣ Божией.

Къ концу дня нервы совершенно отупѣли, мысль не работала. Два дня оставаясь безъ провизіи, я съ женой и прислугой ничего не ѣли, да и не до ѣды было, старались только накормить кое-какъ старшаго, трехгодовалаго ребенка, младшаго же, пятимѣсячнаго, жена кормила грудью, и послѣ этого кормленія несчастный ребенокъ долго не могъ поправиться.

Было уже поздно, около 10 или 11 часовъ вѣчера; дѣти спали, а мы съ женой и прислугой молча сидѣли возлѣ ихъ кроватокъ.

Вдругъ оглушительный взрывъ, отъ котораго затряслись стѣны дома, прервалъ ночную тишину. Мы только молча переглянулись, не стараясь даже ничѣмъ объяснить себѣ этотъ взрывъ, до такой апатіи дошли наши измученные нервы. Кажется, если бы въ эти минуты провалился надъ нами потолокъ, и то никто изъ насъ не шелохнулся бы.

Какъ я послѣ узналъ, это былъ первый орудійный выстрѣлъ отряда генерала Хорунженкова по какому-то дому съ освѣщенными окнами.

Но вотъ до слуха моего донесся съ улицы сперва неясно, потомъ все яснѣе и яснѣе знакомый лязгъ и стукъ. Я отбывалъ воинскую повинность въ полевой артиллеріи и сразу узналъ характерный лязгъ орудія.

Еще не вѣря себѣ, я бросился къ окну и при свѣтѣ уличнаго фонаря увидѣлъ два орудія и группу офицеровъ и солдатъ, обрывавшихъ проволоку уличныхъ загражденій. Безумная радость охватила меня при видѣ войскъ.

Со стороны общественнаго собранія раздавались выстрѣлы, стрѣляли и изъ другихъ домовъ, при чемъ было ранено семь солдатъ. Положеніе нельзя было не считать опаснымъ, поэтому, сдѣлавъ еще два орудійныхъ выстрѣла по латышскому собранію, орудія и войска повернули назадъ по направленію къ станціи Туккумъ II.

Между тѣмъ у насъ съ чердака, какъ изъ мѣшка горохъ, посыпались по лѣстницѣ мятежники и съ быстротой молніи понеслись черезъ дворъ и садъ, за которымъ лежало озеро, за городъ; между городомъ и озеромъ проходить желѣзнодорожная вѣтка, за на-

сыщю которой къ тому времени засѣла рота солдатъ. Едва густая толпа мятежниковъ, перепрыгнувшихъ черезъ заборъ, очутилась передъ пѣхотной ротою, какъ была встрѣчена ружейными залпами. Съ дикими воплями, преслѣдуемая градомъ пуль, толпа ринулась обратно въ городъ, оглашая воздухъ криками: «мы всё погибли, вездѣ солдаты!»¹⁾

Казалось бы, что, при данныхъ условіяхъ, пользуясь паникой толпы, можно было однимъ ударомъ покончить съ мятежомъ и захватить заправилъ его, потому что толпа, подъ вліяніемъ страха, выдала бы военнымъ властямъ всѣхъ своихъ руководителей. Но, къ несчастію, начальникъ отряда генераль Хорунженковъ не воспользовался этимъ настроеніемъ толпы и отдалъ приказъ войскамъ отступить къ станціи Туккумъ II, расположенной въ двухъ верстахъ отъ города. Это обстоятельство снова приподняло упавшій духъ заправилъ: «вотъ-де, моль, какая армія, состоящая изъ пѣхоты и артиллеріи, и отступила отъ города». Еще больше онагльбли они, когда на другой день, 2-го декабря, генераль Хорунженковъ пожелалъ вступить съ ними въ переговоры и просилъ выслать парламентаровъ на границу города. И вотъ громадная, трехтысячная толпа, имѣя во главѣ коннаго²⁾ парламентаря съ бѣлымъ флагомъ, съ гордымъ, побѣднымъ видомъ продефилировала по Большой улицѣ къ городскому парку, гдѣ ихъ встрѣтилъ генераль.

Обидно вспомнить, что заслуженный, боевой генераль русской арміи растерялся до того, что вступилъ въ переговоры съ толпой измѣнниковъ и бунтовщиковъ, обогрившихъ свои руки кровью русскихъ солдатъ, этихъ истинныхъ и вѣрныхъ слугъ своего державнаго вождя, такъ геройски погибшихъ за царя и отечество.

Дѣйствія генерала Хорунженкова, конечно, вызвали взрывъ негодованія части печати. Въ отвѣтъ на это появилось тогда же возраженіе генерала, которое интересно привести здѣсь цѣликомъ («Новое Время», 29-го декабря, 1905 г., № 10,701):

¹⁾ Нѣсколько иначе передалъ пишущему эти строки обстоятельства дѣла капитанъ Глиндзичъ.

Еще по дорогѣ къ станціи Туккумъ II генераль Хорунженковъ послалъ роту виндавцевъ, подъ командою капитана Бочарова, въ Дурбень для соединенія съ ротою Глиндзича и самъ изъ Митавы прибылъ на поѣздѣ, не замѣченный жителями Туккума, къ станціи Туккумъ II, откуда и началъ наступленіе на городъ. (По дорогѣ изъ кустовъ раздавались по войскамъ отдѣльные выстрѣлы). Въ это время соединившіеся Глиндзичъ и Бочаровъ съ 2 ротами виндавцевъ двигаются по желѣзнодорожному пути, соединяющему станціи Туккумъ I и II и идущему параллельно Большой улицѣ, и при этомъ обстрѣливаются изъ домовъ, лежащихъ на пути, на что, конечно, солдаты отвѣчаютъ тоже выстрѣлами. Никакого разстрѣла и затѣмъ паническаго бѣгства толпы, по словамъ капитана Глиндзича, не происходило, а главари продолжали сидѣть въ своей крѣпости—латышскомъ собраніи, не разставаясь съ своимъ оружіемъ и предъявляя Хорунженкову заранѣе неприемлемыя требованія (напримѣръ, о снятіи военнаго положенія).

²⁾ На лошади штабсъ-ротмистра Ярышева.

А. М.

А. М.

14*

«Въ вашей уважаемой газетѣ отъ 10-го и 11-го декабря сего года въ №№ 10,682 и 10,683 была замѣтка о безпорядкахъ въ городѣ Туккумѣ. Авторъ этой замѣтки обвиняетъ меня въ какой-то растерянности и нерѣшительности. Изъ этой статьи я вижу, что авторъ ея очень мало освѣдомленъ о ходѣ туккумскихъ событій, а по-сему считаю долгомъ сообщить вамъ подробности для напечатанія. Мнѣ, старому русскому генералу, бывшему на трехъ войнахъ (на японской я не былъ) и вездѣ охранявшему честь русскаго оружія какъ слѣдуетъ, горестно слушать несправедливыя нападки общества. Не растерянность и не нерѣшительность—вина всему, а многое другое, что и привожу ниже.

«Во-первыхъ, до того времени, когда разразилась въ Туккумѣ эта страшная рѣзня, я нѣсколько разъ просилъ объ увеличеніи войскъ, стоящихъ въ Туккумѣ, на что получалъ отказъ, за неимѣніемъ оныхъ. Когда же громъ грянулъ, то высшія власти встрепетнулись и послали туда войска.

«Я 1-го декабря былъ посланъ съ отрядомъ—4 роты по 40 человекъ въ каждой (160 человекъ), 1 эскадронъ (85 человекъ), двумя орудіями, на которыхъ имѣлось всего лишь двѣ гранаты, 6 шрапнелей и 10 картечи, при этомъ командиръ батареи штабсъ-капитанъ В. доложилъ мнѣ, что болѣе снарядовъ нѣтъ и въ Ригѣ. Прибывъ въ городъ Туккумъ, я сейчасъ же попробовалъ войти въ городъ, но оказалось, что городъ занятъ мятежниками, вооруженными довольно хорошими ружьями, изъ которыхъ они стрѣляли изъ каменныхъ домовъ. Что же касается улицъ, то все онѣ были переплетены проволокой въ три ряда и переплетенія эти сдѣланы на поворотахъ и по улицамъ черезъ каждыя 100—200 шаговъ. Кромѣ того, куски этой проволоки были набросаны на землѣ, что представляло основательное препятствіе, особенно для кавалеріи. Число засѣвшихъ въ домахъ мятежниковъ и стрѣлявшихъ залпами по войскамъ доходило до трехъ съ половиной тысячъ. Убѣдившись, что въ городъ войти нельзя, и узнавши, что изъ числа драгунъ, бывшихъ въ Туккумѣ, 18 убито, а остальные, въ числѣ которыхъ были ранены, ушли въ Дурбентъ, я отошелъ назадъ, выпустивъ въ латышское собраніе, гдѣ было особенно много засѣвшихъ, свои двѣ несчастныхъ гранаты, изъ коихъ одна, удачно попавъ въ окно, разорвалась въ комнатѣ, произведя смятеніе среди злоумышленниковъ и много изъ нихъ убила; уцѣлѣвшіе выскакивали, чтобы спастись, но были перебиты пѣхотой. Затѣмъ я выпустилъ одну шрапнель, не принеся никакой результатовъ, и рѣшилъ отойти назадъ, во избѣжаніе жертвъ, которыя уже были среди войска. 18 драгунъ и подполковникъ Миллеръ были убиты по винѣ предателя городского головы Кремерца (который, благодаря бывшему курляндскому губернатору Свербееву, получилъ орденъ святого Станислава) и оплошности подполковника Миллера.

«Туккумъ расположенъ на возвышенности и имѣеть въ окружности верстъ 8, если не болѣе, а кругомъ города лѣсъ. Оцѣнить его съ тѣмъ числомъ войскъ, которымъ я располагалъ (245 человекъ), невозможно, хотя къ утру и присоединилась ко мнѣ еще рота (30 человекъ) и 45 драгунъ, бывшихъ въ Туккумѣ. Итого составилось у меня 190 человекъ пѣхоты и 130 драгунъ. Указать мнѣ главные пункты для оцѣпленія было некому, ибо полиціи при мнѣ не было (она разбѣжалась еще до моего прихода), а потому я хотя городъ оцѣпилъ, но только на болѣе удобныхъ для меня мѣстахъ. Благодаря этому оцѣпленію, почти всѣ выходившіе изъ города, особенно съ ружьями, были наказываемы и оставались на мѣстѣ. Съ разсвѣтомъ можно было видѣть результатъ стрѣльбы ночного оцѣпленія: лежало до 300—400 труповъ. Артиллерію я поставилъ на позицію только для острастки, такъ какъ такихъ снарядовъ, которыми можно стрѣлять по городу, у меня не было, а остались только такіе, которыми можно стрѣлять по толпѣ, а толпы тоже не было. Не имѣя ни одной души, чтобы послать въ городъ, я взялъ одного латыша изъ крайняго дома съ семействомъ. Его я послалъ въ городъ, семью же его оставилъ у себя, какъ заложниковъ, давъ ему приказаніе передать требованіе—немедленно сдать городъ и все оружіе, а также всѣхъ зачинщиковъ. Вскорѣ посланный вернулся (но не на лошади подполковника Милелра, таковой у подполковника не было), а вскорѣ и довѣренное лицо отъ города и отъ лица жителей просило пощады и не стрѣлять по городу, заявивъ, что ночью почти всѣмъ главарямъ удалось бѣжать и что остались лишь мирные жители. Затѣмъ вышли почти всѣ жители съ хлѣбомъ-солью, который я, конечно, не принялъ, и съ образами, прося повинной. Тогда я рѣшилъ пойти въ городъ, забрать убитыхъ и установить съ нимъ связь для добыванія продовольствія отряду (такъ какъ получилъ телеграмму, что хлѣба не пришлютъ: поѣзда не ходятъ) и спѣшить скорѣе на выручку войскъ въ Тальсенъ и Цабельнъ, гдѣ опасался подобнаго же разгрома, тѣмъ болѣе, что были получены очень тревожныя свѣдѣнія, что войска въ этихъ пунктахъ находятся въ критическомъ положеніи. Покончивъ съ городомъ, я оставилъ капитана К. (Карловича. А. М.) принимать все привозимое оружіе, которое жители обязались выдать, и отправился въ Стенденъ безъ артиллеріи. Передъ отправленіемъ я послалъ въ Ригу телеграмму, прося выслать снаряды, но на это послѣдовалъ отвѣтъ: «просимаго не будетъ». Это «просимое» мнѣ прислали только 4-го декабря, которое я и использовалъ съ большимъ успѣхомъ на Тальсенѣ (куда укрылись бѣжавшіе изъ Туккума мятежники), вытребовавъ къ себѣ артиллерію. Въ Тальсенѣ въ это время мятежники разобрали было все оружіе у уѣзднаго, воинскаго начальника, но потомъ собрали его и сдали обратно, не додавъ 14 ружей, увѣряя, что они сгорѣли въ горѣвшихъ до-

махъ главарей злоумышленниковъ. Прибывъ въ Тальсенъ и вручивъ эскадронъ, я приказалъ обстрѣлять мятежный городъ артиллеріей, и все дома главарей были разрушены, а большинство сторѣло съ находившимися въ нихъ мятежниками; выскакивающихъ же разстрѣливали пѣхота и драгуны. Затѣмъ взявъ все имущество уѣзднаго воинскаго начальника и казначейство (250,000 рублей) и вручивъ роту изъ Цабельна, я установилъ связь телеграфную и телефонную съ Виндавой и вернулся въ Туккумъ. Предварительно я собралъ жителей и объявилъ имъ, что я присланъ не для того, чтобы ихъ разорять, а для огражденія ихъ отъ тѣхъ, которые, пользуясь ихъ темнотой, ведутъ ихъ на погибель и къ разоренію, и что если они не перестанутъ безчинствовать, то все будетъ уничтожаться и подавляться вооруженной силой.

«Относительно дальнѣйшихъ дѣйствій у меня были слѣдующій планъ: возвратясь въ Туккумъ и имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько болѣе войскъ и присланные снаряды, я думалъ приступить къ расплатѣ за драгунъ. Я потребовалъ бы къ себѣ доверившихся мнѣ представителей революціоннаго правленія (оно извѣстно генераль-губернатору, такъ какъ пріѣзжало къ нему съ прошеніемъ на латышскомъ языкѣ въ противоправительственномъ духѣ, отвѣтъ на которое я долженъ былъ имъ передать въ Туккумѣ) съ присоединившимся къ нимъ почтмейстеромъ и другими уже извѣстными полиціи личностями, заарестовалъ бы ихъ всехъ и тогда добился бы выдачи зачинщиковъ и всего ихъ недоданнаго оружія и наказалъ бы кого слѣдуетъ. До моего пріѣзда какое-то избранное правленіе города пріѣзжало ко мнѣ, но пріѣхавшій въ это время полковникъ генеральнаго штаба П—въ (Поповъ. А. М.) не воспользовался пріѣздомъ этихъ личностей и не далъ возможности сдѣлать этого и тому лицу, которое я оставилъ за себя. Когда же я пріѣхалъ съ отрядомъ изъ Стендена, то онъ не счелъ нужнымъ даже выйти на перронъ и встрѣтить старшаго, а предъявилъ мнѣ предписаніе о вызовѣ меня въ Ригу въ помещеніе станціи. Кромѣ того, каждому обращавшемуся ко мнѣ за распоряженіемъ онъ съ поразительнымъ достоинствомъ говорилъ: объ этомъ я сдѣлаю распоряженіе. На этомъ основаніи я собралъ гг. офицеровъ, объявилъ имъ, что я ѣду въ Ригу для личнаго доклада генераль-губернатору и что здѣсь будетъ пока полковникъ П—въ, и самъ уѣхалъ. Какъ было выше сказано, я расправился бы съ мятежниками, водворилъ бы полный порядокъ какъ въ городѣ, такъ и на желѣзной дорогѣ и ожидалъ бы дальнѣйшихъ приказаній генераль-губернатора. По пріѣздѣ въ Ригу и послѣ свиданія съ генераль-губернаторомъ, мнѣ, съ мѣста въ карьерѣ, было приказано ѣхать въ городъ Митаву. Такая спѣшная смѣна, не знаю на чемъ основанная, лишила меня возможности довести до конца мой планъ и поразила не только меня, но и бывшихъ со

мною двухъ офицеровъ, у которыхъ были слезы на глазахъ, по выходѣ съ доклада, а также и войско, которое было мнѣ беззавѣтно предано. Ошибки свои я сознаю лучше, чѣмъ кто-либо, не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Странно только и даже очень, что здѣсь, гдѣ все подъ рукой, во всемъ слышишь отказъ,—вѣдь это не далекая Манчжурія, куда трудно послать войска, продовольствіе и снаряды. Я полагаю, что съ двумя гранатами я всей Курляндіи завоевать не могъ, это только Іисусъ Христосъ семью хлѣбами накормилъ пять тысячъ».

Представители революціонной толпы обѣщали генералу сдать ему Туккумъ, и, по ихъ распоряженію, на многихъ видныхъ пунктахъ города были выкинута бѣлые флаги.

Въ то же время свободно выѣзжали изъ города подводы мирныхъ поселянъ: «мы-де пріѣхали на базаръ,—плакались они:—ничего не подозрѣвая, а революціонеры насъ тутъ и задержали, а мы ни въ чемъ не виноваты». Осмотръ подводъ производился самый поверхностный, а между тѣмъ подъ поводами, выѣзжавшими спѣшно изъ города, какъ оказалось впоследствии, было подвязано самое лучшее оружіе революціонеровъ, и когда военныя власти, смѣнившія вскорѣ генерала Хорунженкова, потребовали у жителей Туккума выдать все оружіе, была выдана исключительно всякая дрянь. Подъ шумокъ исчезли также и заправилы мятежа, которые только впоследствии попали въ руки правосудія и понесли заслуженное наказаніе за исключеніемъ лишь Влументаля и Кременса, которые безслѣдно пропали, бѣжавъ за границу ¹⁾.

Улицы города были очищены отъ труповъ лошадей и отъ загражденій, тѣла подполковника Миллера и драгунъ были съ почестями отправлены въ Митаву, гдѣ 5-го декабря торжественно, при громадномъ стеченіи народа, преданы землѣ, и городъ Туккумъ мало-по-малу сталъ принимать свой прежній мирный видъ, и лишь обуглившійся, полуобгорѣвшій остовъ конюшенъ на дворѣ гостиницы Экмана свидѣтельствовалъ о страшной, кровавой драмѣ, да въ памяти всѣхъ преданныхъ своему долгу жителей Туккума никогда не изгладится тяжелое воспоминаніе о пережитыхъ кровавыхъ дняхъ.

А. Э. Мальмгренъ.

---

¹⁾ При этомъ Кременсъ поступилъ, какъ истинный «другъ народа», каковыми считали г.г. освободителей наивные люди того безумнаго времени: состоя предѣда телемъ мѣтнаго сиротскаго суда, онъ растратилъ или просто забралъ себѣ передъ бѣгствомъ за границу хранившіяся въ денежномъ шкапу городскія суммы въ размѣрѣ 38.415 руб. 47 копеекъ и капиталы сиротскаго суда въ размѣрѣ 12.867 руб. 97 копеекъ. Жестоко впоследствии пострадали за него члены управы Ильсумъ и Эйхенбергъ и другія лица, слѣпо довѣрившія городскому головѣ. **А. М.**

ЖЕНСКОЕ ВРАЧЕБНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССИИ,

(Къ 35-лѣтію первыхъ женщинъ-врачей въ Россіи).

ИСТОРІЯ высшаго женскаго медицинскаго образованія въ Россіи представляетъ одну изъ выдающихся по интересу и значенію главъ въ области женскаго движенія, рельефно изображая картину энергичной борьбы русскихъ женщинъ за возможность учиться и за достиженіе равноправія.

Знанія и права служили лозунгомъ, подъ знаменемъ котораго мужественно шли пионерки этого дѣла, шагъ за шагомъ преодолевая воздвигавшіяся на этомъ пути препятствія, терпѣли жертвы и лишения и въ концѣ концовъ одержали побѣду.

Въ настоящее время высшее женское медицинское образованіе приобрѣло права гражданства въ Россіи, и профессія женщинъ-врачей признана нашимъ закономъ равноправной съ мужщиной.

7-го февраля 1913 г. исполнилось 35 лѣтъ со времени появленія въ Россіи первыхъ женщинъ-врачей, и эта выдающаяся страница въ исторіи высшаго образованія женщинъ представляетъ интересъ и въ общественномъ отношеніи, какъ первый опытъ, упрочившій за русской женщиной способность къ научной и врачебной практической дѣятельности. Этотъ опытъ достался русской женщинѣ дорогою цѣною, и описанію этого пути я посвящаю свою статью съ цѣлью ознакомить съ первыми этапами эволюціоннаго развитія женскаго врачебнаго дѣла и съ культурной дѣятельностью пионерокъ его, культурной потому, что она заключалась не только въ изученіи медицины, но и въ серьезномъ стремленіи, чтобы высшее женское медицинское образованіе въ Россіи не вышло путоцвѣ-

томъ; случайнымъ эпизодическимъ явленіемъ, но пустило бы корни и закрѣнилось навсегда.

Въ этой работѣ заключался идейный смыслъ и творческій элементъ, которые освѣщали и облегчали трудный путь первыхъ студентокъ и первыхъ женщинъ-врачей, и только благодаря этимъ моральнымъ стимуламъ можно было вынести все терніи пройденнаго пути.

Стремленіе женщинъ къ изученію медицины возникло давно, но въ реальную форму оно воплотилось въ началѣ 60-хъ годовъ, когда экономическій кризисъ, вызванный освобожденіемъ крестьянъ, съ одной стороны, и потокъ свѣтлыхъ идей, ворвавшійся къ намъ съ Запада, съ другой, призвали русскую женщину къ аренѣ труда, къ просвѣщенію и къ борьбѣ за независимость.

Но почему всего больше и сильнѣе тянуло женщинъ къ изученію медицины? Миѣ кажется, потому, что врачебная дѣятельность завлекала и служеніемъ наукѣ, и связанной съ нимъ альтруистической задачей—облегченія страданій ближнихъ, и предоставленіемъ большей самостоятельности, чѣмъ другія профессіи. Последняго, однако, пришлось ожидать долго.

Гдѣ же могла русская женщина 60-хъ годовъ, вырвавшись изъ узкихъ сферъ семейнаго круга, получивъ, иногда дорогой цѣной, разрѣшеніе учиться, удовлетворить эту потребность? Университеты и медицинская академія были для нихъ закрыты, мелькнулъ краткій свѣтлый мигъ въ 1861—62 г. открытія с.-петербургскаго университета для женщинъ, но скоро исчезъ безъ возврата; акушерскіе курсы, вслѣдствіе узкихъ специальныхъ рамокъ, не могли удовлетворить жажды знаній, хотя одно время, весьма непродолжительное, и наблюдался «походъ въ акушерки», вызвавшій въ публикѣ и въ консервативно-охранительной печати страшные нападки, какъ на одно изъ проявленій нигилизма и чуть не «потрясеніе основъ».

Приходилось учиться подѣ «сурдинкой», посѣщая частнымъ образомъ, съ разрѣшенія нѣкоторыхъ профессоровъ, анатомическіе театры и лабораторіи, но эти занятія не носили систематическаго и опредѣленнаго характера.

Единственное исключеніе было сдѣлано для В. А. Кашеваровой-Рудневой, которой, по ходатайству генераль-губернатора Оренбургскаго края, было разрѣшено поступить въ медико-хирургическую академію, въ качествѣ стипендіатки Оренбургскаго края, гдѣ женское мусульманское населеніе не допускаетъ мужчинъ-врачей. В. А. Кашеварова окончила курсъ академіи въ 1868 г. и защитила блестяще диссертацию на доктора медицины. Но этимъ единственнымъ исключеніемъ дѣло и ограничилось. Ни многочисленныя петиціи за массой подписей, ни отдѣльныя прошенія, ни обра-

щенія къ сильнымъ міра, ни аттестаты зрѣлости, представленные нѣкоторыми аспирантками, не могли поколебать строгихъ охранителей дверей медико-хирургической академіи и университетовъ, — онѣ оставались запертыми для женщинъ. Одни охранители совѣтовали ждать болѣе благоприятнаго времени, другіе—ѣхать за границу, третьи съ раздраженіемъ пророчествовали, что никогда женщина не переступитъ порога медицинской академіи (такъ говорилъ, между прочимъ, тотъ, кто черезъ два года сталъ во главѣ женскаго медицинскаго образованія).

Понятно, съ какимъ восторгомъ была встрѣчена вѣсть, что цюрихскій и затѣмъ бернскій, а позднѣе гельсингфоресскій университеты открыли свободный доступъ женщинамъ на медицинскіе факультеты съ предоставленіемъ ученыхъ степеней. Первые русскія, воспользовавшіяся этой возможностью и получившія въ 1867 г. докторскіе дипломы за границей, были Н. П. Суслова и М. А. Боква.

Примѣръ этихъ пионерокъ вызвалъ сильное движеніе за границу для изученія медицины, нѣкоторымъ удалось проникнуть и въ другіе университеты, какъ Кенигсбергъ, Гельсингфорсъ.

Тяжело было жить на чужбинѣ, слушать лекціи на иностранномъ языкѣ (напримѣръ, на шведскомъ), находиться иногда одной среди студентовъ, уѣзжать на заработокъ лѣтомъ въ Россію, чтобы обезпечить существованіе, но все-таки это были счастливыя единицы, для большинства же стремившихся къ изученію медицины, въ силу семейныхъ и матеріальныхъ причинъ, заграничные университеты являлись недостижимой мечтой.

Но женщины не упывали и вели усиленную агитацію. Подъ давленіемъ этой агитаціи и сочувствія нѣкоторыхъ профессоровъ возникъ кружокъ заинтересованныхъ лицъ, во главѣ съ членомъ медицинскаго совѣта Н. И. Козловымъ, который подалъ въ 1867—68 году проектъ на имя министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого, объ устройствѣ врачебныхъ курсовъ для женщинъ, отдѣльно отъ мужчинъ. Но этотъ проектъ остался подъ сукномъ.

Въ 1870 году члены медицинскаго совѣта: Н. И. Козловъ, Н. Ф. Здекауеръ и А. Я. Красовскій пошли другимъ, болѣе осторожнымъ путемъ. Ссылаясь на старинную инструкцію, предписывавшую докторамъ и акушерамъ читать бабкамъ «коллегіумъ о бабичьемъ дѣлѣ», они ходатайствовали передъ военнымъ министромъ объ открытіи при медико-хирургической академіи «курсовъ ученыхъ акушеровъ». Военнымъ министромъ, въ вѣдѣніи котораго находилась академія, былъ въ то время высокообразованный и гуманный Д. А. Милютинъ, который и явился двигателемъ женскаго врачебнаго образованія въ Россіи. Благодаря его сочувствію и пожертвованію Л. А. Шаняевской (Родственной) 50.000 рублей, удалось преодолѣть преграды, поставленныя министрами народнаго

просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, и 6-го мая 1872 года послѣдовало высочайшее повелѣніе «пожертвованіе Л. Шаянской принять и предположеніе военнаго министра привести въ исполненіе».

Такимъ образомъ возникли первые женскіе врачебные курсы, сначала подъ названіемъ «курсовъ ученыхъ акушерокъ», при военномъ министерствѣ, которые были торжественно открыты 2-го ноября 1872 года въ видѣ опыта въ медико-хирургической академіи. Названіе курсовъ, четырехлѣтній курсъ вмѣсто пятилѣтняго—внесли много разочарованій у ожидавшихъ большаго, и нѣкоторые скептики остались за границей, но 109 дипломированныхъ гимназистокъ и институтокъ явились на вступительный экзамень, и 90 выдержали его, въ числѣ ихъ вступила на курсы и дочь П. И. Козлова, недавно умершая докторъ П. И. Тарновская, такъ много содѣйствовавшая учрежденію курсовъ.

На долю первыхъ слушательницъ, или студентокъ, какъ насъ называли тогда, выпало много ненужныхъ строгостей, подчасъ комическаго характера, какъ, на примѣръ, строгая изоліяція отъ студентовъ, зоркое око начальства запрещало даже кланяться со знакомыми и родственниками-студентами при встрѣчѣ въ академіи, выдача казенныхъ сѣтокъ тѣмъ, у которыхъ были короткіе волосы, запрещеніе устройства «библіотеки», которую пришлось наименовать «шкапы съ книгами», и много др. ¹⁾ Все это было тѣмъ болѣе странно, что относилось къ женщинамъ не самой первой молодости, перепробовавшимъ различныя пути и поступившимъ въ академію ради серьезныхъ цѣлей. Но эти серьезныя цѣли—ученіе, будущее курсовъ и нравственная отвѣтственность за нихъ—и заставляли первыхъ студентокъ мириться съ утрированными строгостями, переносить насмѣшки студентовъ (называвшихъ ихъ парфетками, зубрилками), лишь бы не понижали уровня знаній и уничтожили бы унижительное названіе курсовъ.

Однако не разъ розовыя надежды смѣнялись мрачными предчувствіями, когда приходилось убѣждаться, что преподаваніе въ полномъ объемѣ медицины ведется тайкомъ, прикрытое ученымъ акушерствомъ. При посѣщеніи высокопоставленныхъ лицъ нѣкоторые профессора, прерывая лекціи о нервахъ сердца, о классификаціи растений, безъ всякой связи начинали говорить о физиологіи женской сферы, о значеніи акушерства, объ употребленіи различныхъ травъ при кровотеченияхъ при родахъ, послѣ родовъ, о нашемъ назначеніи—«утирать слезы матерей на далекихъ окраинахъ Россіи».

На вопросы этимъ профессорамъ, почему они считаютъ нужнымъ прикрытіе общихъ лекцій флагомъ акушерства и почему

¹⁾ Первое пожертвованіе книгъ было получено отъ П. И. Каразина съ надписью: «въ шкапы съ книгами слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ».

думаютъ, что насъ всѣхъ сошлютъ въ мѣста не столь отдаленныя, они отвѣчали, что дѣлаютъ это для блага нашего и курсовъ...

Но это были исключенія, большинство профессоровъ академіи, составъ которыхъ въ то время былъ самый блестящій, относились съ такимъ увлеченіемъ и такъ серьезно къ своей преподавательской дѣятельности, такъ поддерживали наши надежды на свѣтлое будущее, что намъ оставалось только вѣрить и всѣми силами отдаваться интересамъ науки.

Отношеніе общества къ первымъ студенткамъ медицины было въ началѣ весьма неблагоприятное (циркулировали слухи, что онѣ рѣжутъ трупы по ночамъ, ходятъ съ костями въ рукахъ, посять въ карманахъ внутренности), но назначеніе почетной инспектрисой курсовъ М. Г. Ермоловой нѣсколько успокоило умы. Въ глазахъ высшаго общества курсы превратились въ pensionat de m-me Ermoloff, и многіе родители успокоились въ своихъ тревогахъ о «неприличіи» занятій въ анатомическомъ театрѣ, полагая, что такая высокопоставленная дама, какъ Ермолова, не позволитъ молодымъ дѣвушкамъ рѣзать трупы мужчинъ и приметъ мѣры для охраненія ихъ стыдливости.

Наступилъ роковой четвертый годъ существованія курсовъ, экзамены были строги, но сдавались блестяще, иногда въ присутствіи военнаго министра; кончался опытъ, и всѣ мысли студентокъ сосредоточились: прибавятъ ли имъ пятый курсъ, согласно ходатайству профессоровъ, и этимъ санкціонируютъ имъ званіе врача, или упованія и надежды будутъ разбиты, несмотря на всѣ труды и старанія.

4-го марта 1876 года по высочайшему повелѣнію былъ прибавленъ пятый курсъ, и ненавистное названіе ученыхъ акушеровъ замѣнено женскими врачебными курсами, которые изъ академіи, въ виду недостаточности матеріала, переводились въ Николаевскій военный госпиталь, готовившій имъ печальный конецъ. Четыре года мы провели въ академіи и съ грустью покинули ее.

Кромѣ военнаго госпиталя, студентки старшихъ курсовъ должны были слушать лекціи и нести дежурства и въ дѣтской больницѣ принца Ольденбургскаго, съ его высочайшаго разрѣшенія, и въ Калининской больницѣ, и въ Маринскомъ домѣ на Петербургской сторонѣ, и въ Конногвардейскомъ госпиталѣ—на Морской.

Много времени и силъ уходило на эти передвиженія во всѣ концы города въ допотопныхъ «кукушкахъ», набитыхъ сверху донизу студентками и сопровождаемыхъ криками мальчишекъ: «монашекъ съ книжками везутъ, на какого святого собираете?» Но все это вознаграждалось умственной пищей и духовнымъ единеніемъ съ профессорами, которые были не только прекрасными преподавателями, но и борцами за женское врачебное образованіе.

Приближеніе выпускныхъ экзаменовъ, которые откладывались съ сентября до декабря, внесло новыя опасенія и страхи: съ какими правами войдутъ въ жизнь окончившія курсъ? Профессора и военный министръ высказались за уравненіе правъ съ медиками, въ виду одинаковыхъ знаній; министръ внутреннихъ дѣлъ не соглашался, сношенія съ министромъ народнаго просвѣщенія, дѣло переносилось въ государственныи совѣтъ и затягивалось безконечно. Но нельзя же было держать выпускной курсъ второй годъ и тѣмъ создать шестой курсъ, что не полагалось. И насъ выпустили, послѣ строжайшаго экзамена, въ присутствіи представителей не только медицинскаго міра, но и всѣхъ вѣдомствъ,— это былъ не только публичный экзаменъ, но судъ, который долженъ былъ вынести приговоръ: способна ли женщина быть врачомъ? Приговоръ былъ благопріятный, но мы вышли безъ названія, безъ правъ, съ бумажкой, въ которой значилось, что мы окончили курсъ врачебныхъ наукъ, и больше ничего.

Вспыхнувшая передъ этимъ русско-турецкая война увлекла около 30 слушательницъ выпускнаго курса на театръ войны, гдѣ своей самоотверженной дѣятельностью студентки заслужили лучшіе отзывы, были представлены къ орденамъ и доказали свою полную подготовку быть врачомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ заплатились жизнью, другія потеряли здоровье, не говоря уже о нравственныхъ страданіяхъ подъ влияніемъ ужасовъ войны. Бывшія на войнѣ студентки держали экзаменъ по окончаніи ея, а оставшаяся половина сдала выпускные экзамены 7-го февраля 1878 года. Въ этотъ день появились въ Россіи первыя женщины-врачи *de facto*, но не *de jure*, такъ какъ не имѣли ни правъ, ни званія, и въ теченіе пяти лѣтъ (до 1883 г.) не были внесены въ списки врачей, имѣющихъ право практики въ Россіи.

Такая юридическая неопредѣленность ставила первыхъ женщинъ-врачей въ полную зависимость отъ произвола соответственнаго начальства, а между тѣмъ земства призывали своихъ стипендіатовъ, больницы ожидали своихъ кандидатовъ,—надо было начинать врачебную дѣятельность.

Общество, земство и народъ разъяснили, однако, этотъ вопросъ раньше, чѣмъ законъ, и, окрестивъ новыхъ врачей лекарками, докторницами и докторшами, призвали ихъ довѣрчиво къ дѣятельности, не требуя дипломовъ. Какъ оцѣнивали земства трудъ первыхъ женщинъ-врачей, доказываютъ отзывы самые благопріятные и то, что, несмотря на новизну дѣла, спросъ на нихъ все увеличился и на курсы ассигновывались новыя стипендіи. Нѣкоторыя изъ окончившихъ врачей успѣли представить научныя работы и ходатайствовали о правѣ держать экзаменъ на доктора медицины, но это показалось такой смѣлостью, о которой и слушать не хотѣли.

Единственное, что мы имѣли въ доказательство своихъ правъ,— это нагрудный знакъ «Ж. В.» («женщина-врачъ»), данный государемъ Александромъ II въ 1880 году, по ходатайству ассистента при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, для внушенія уваженія военнымъ фельдшерамъ, не признававшимъ авторитета лицъ безъ внѣшнихъ знаковъ отличія.

Комиссій о правахъ женщинъ-врачей назначалось много, много было дѣлъ, отношеній, входящихъ и исходящихъ; но все они гдѣ-то застанвались, и рѣшеніе вопроса не доходило до конца, вращаясь въ кругѣ бумажныхъ процедуръ.

А между тѣмъ количество студентокъ во всей Россіи все росло, увеличивалось съ тѣмъ и количество женщинъ-врачей (въ теченіе десяти лѣтъ ихъ было около тысячи), усиливались требованія земствъ, и женщины завоевали права сами.

Но неожиданно разразилась гроза: съ уходомъ графа Милотина его мѣсто заступилъ въ 1881 году П. С. Ванновскій, и новый военный министръ счелъ абсурдомъ дальнѣйшее существованіе *женскихъ* курсовъ при *военномъ* вѣдомствѣ, что равнялось упраздненію курсовъ, несмотря на ихъ десятилѣтнюю давность. На обращеніе къ другимъ министерствамъ—народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ—пріютить курсы были получены категорическіе отказы, и въ 1882 году первый расадникъ высшаго женскаго медицинскаго образованія былъ закрытъ, съ предоставленіемъ права окончить курсъ оставшимся слушательницамъ. И когда въ августѣ начали стекаться со всехъ концовъ Россіи желавшія получить медицинское образованіе, ихъ ожидало горькое разочарованіе: «пріемъ прекращенъ, женскіе врачебные курсы упразднены»...

Въ числѣ лицъ, къ которымъ обращались студентки и женщины-врачи въ это тяжелое время, былъ и И. С. Тургеневъ. Письмо ихъ заключалось слѣдующими словами: «мы желаемъ одного,—чтобы намъ не закрывали пути къ знанію. Неужели русское общество откажетъ намъ въ нашемъ справедливомъ стремленіи и заставитъ съ надломленными чувствами уйти для пріобрѣтенія знаній на чужбину!»

Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ ¹⁾: «Сколько мнѣ извѣстно, русское общество не только не отвѣтитъ вамъ отказомъ, но уже отозвалось, горячо и дѣятельно отозвалось на ваши столь справедливыя стремленія. Оно доказало, что, несмотря на все превратныя и недобросовѣстныя толкованія, оно помнитъ ваши заслуги и въ военныя и въ мирныя времена,—и одинаково убѣждено и въ чистотѣ вашихъ намѣреній, засвидѣтельствованныхъ единогласнымъ отзывомъ вашихъ учителей, и въ той великой пользѣ, которую вы призваны принести нашей родинѣ.

¹⁾ «Голосъ», № 336, 1882 г., декабрь.

«Можно утвердительно сказать, что при настоящемъ ея положеніи родина эта нуждается еще болѣе въ женщинахъ-врачахъ, чѣмъ врачахъ вообще, хотя количество даже этихъ врачей несоразмѣрно мало въ сравненіи съ настоящей въ нихъ потребностью. Историческія судьбы Россіи налагаютъ на русскую женщину особыя и высокія обязанности, при исполненіи которыхъ она уже заявила столько самопожертвованія, столько способности къ честному и стойкому труду, что было бы неразумно, было бы грѣшно, не говоря уже—ставить ей преграды на указанномъ ей выше пути, но не способствовать ей всѣми мѣрами къ осуществленію ея призванія.

«Повѣрьте: за васъ въ этомъ вопросѣ все честное на Руси, все любящее свою родину, все желающее ей блага, правильнаго и спокойнаго развитія—и въ общечеловѣческомъ и въ законногосударственномъ смыслѣ».

Это письмо великаго писателя и знатока человѣческаго сердца явилось свѣтлымъ лучомъ, освѣтившимъ мрачное настроеніе осиротѣлыхъ слушательницъ и женщинъ-врачей, оно подняло ихъ духъ и вселило надежду на возрожденіе безвременно погибавшаго учрежденія, но не могло приостановить надвигавшейся тучи.

Наступила агонія, медленное умираніе курсовъ съ осени 1882 г., когда послѣдовательно закрывались ежегодно одинъ курсъ за другимъ, и имущество учрежденія перевозилось въ медицинскую академію на храненіе.

Но это была смерть мнимая, летаргія,—живыя силы не могли умереть. Остались живые памятники—женщины-врачи, сочувствующіе профессора и другія преданныя дѣлу лица, во главѣ съ М. А. и А. Л. Шанявскими, которые всѣ сплотились во имя идеи—воскресить въ Россіи женское врачебное образованіе.

И одно событіе, вызвавшее дружное возмущеніе культурной части общества и прессы, послужило невольнo для пользы дѣла. По докладу бывшаго въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого, послѣдовало высочайшее повелѣніе 4-го января 1883 г. о наименованіи всѣхъ женщинъ-врачей «учеными акушерками», съ предоставленіемъ имъ правъ, между прочимъ, занимать мѣста въ женскихъ институтахъ и монастыряхъ...

Этотъ ударъ, убивавшій и прошедшее, и настоящее, и будущее, переполнилъ чашу гоненій. Враги высшаго женскаго медицинскаго образованія не только уничтожали курсы, но и превращали въ акушеровъ земскихъ и больничныхъ врачей, ассистентовъ и ординаторовъ при клиникахъ по *различнымъ* специальностямъ; но они не расчитали силы удара. Оскорбленные и униженные женщины-врачи встали, какъ одинъ человѣкъ, и рѣшили бороться до конца, во имя принципа, противъ незаслуженной несправедливости. Объединивъ всѣ силы, онѣ направили покойному государю императору Александру III мотивированную докладную записку о совер-

шейной несправедливости и о несовмѣстности съ ихъ достоинствомъ принять подобное званіе. И ровно черезъ три недѣли мучительныхъ ожиданій послѣдовало новое высочайшее повелѣніе, которымъ отмѣнялось званіе ученой акушерки и присваивалось наименованіе «врачей женщинъ и дѣтей».

Этотъ историческій фактъ торжества справедливости, побѣды женщинъ надъ вліяніемъ самаго могущественнаго въ то время министра привелъ и къ разрѣшенію безконечнаго вопроса, утвердивъ въ принципъ за женщинами званіе врача.

Но главной цѣлью, самымъ страстнымъ желаніемъ оставалось—возрожденіе женскаго медицинскаго образованія въ Россіи.

Итъ возможности уложитъ въ тѣсныя рамки краткой статьи описаніе той объединенной и кипучей работы, которая была посвящена этой цѣли. Профессора, женщины-врачи, представители прогрессивной печати, неутомимые Шанявскіе и другія заинтересованныя лица сгруппировались и вели усиленную агитацію. Женщины-врачи обращались нѣсколько разъ съ петиціями на высочайшее имя о возобновеніи медицинскихъ курсовъ, возбуждали этотъ вопросъ на ученыхъ сѣздахъ и направляли все силы, чтобы не остаться послѣдними могиканами и дожить до новаго поколѣнія женщинъ-врачей.

Для матеріальнаго обезпеченія будущаго учрежденія были организованы кружки по всей Россіи, которые въ короткое время собрали 700.000 руб.

Важно отмѣтить, что эта агитація не была шумихой, искусственнымъ раздутіемъ вопроса, итъ, она выражала искренній протестъ противъ уничтоженія одного изъ культурныхъ приобрѣтеній (сумѣвшаго занять видное положеніе въ русской общественной жизни) и служила данью справедливой оцѣнки дѣятельности пионерокъ на врачебномъ поприщѣ. И, несмотря на сильныхъ и упорныхъ враговъ, связывавшихъ этотъ вопросъ съ внутренней политикой, общественное мнѣніе одержало верхъ.

Вновь назначенная коммисія, подъ предѣдательствомъ князя Волконскаго, подъ давленіемъ большинства, признала возможнымъ внести въ государственный совѣтъ въ 1891 году проектъ учрежденія въ Россіи женскаго медицинскаго института—на частныя средства. Въ государственномъ совѣтѣ одинъ голосъ К. П. Побѣдоносцева противъ всехъ присутствовавшихъ опять отдалилъ рѣшеніе дѣла, и лишь послѣ вторичнаго разсмотрѣнія государственнымъ совѣтомъ и выполненія разныхъ формальностей состоялось высочайшее повелѣніе 1-го іюня 1895 года объ открытіи женскаго медицинскаго института, какъ государственнаго учрежденія, при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Давно желанный и давно жданный женскій медицинскій институтъ былъ открытъ 14-го сентября 1897 г., и черезъ пять лѣтъ, послѣ шестнадцатилѣт-

пяго перерыва, въ Россіи явился новый контингентъ врачей, сдавшихъ государственный экзамень и получившихъ полныя права на врачебную дѣятельность и на государственную службу (за исключеніемъ чиновъ и орденовъ), которыя распространены и на всѣхъ женщинъ-врачей.

Въ настоящее время каждый годъ приноситъ Россіи нѣсколько сотенъ полноправныхъ врачей-женщинъ, и количество женскихъ медицинскихъ учрежденій все растетъ: кромѣ Петербурга, они существуютъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Казани.

Въ Россіи въ настоящее время болѣе 3.000 женщинъ-врачей; кромѣ врачебной дѣятельности въ земствахъ и городахъ, многія изъ нихъ занимаются преподаваніемъ гигіены въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, состоятъ ассистентками при медицинскихъ курсахъ и занимаются научной и общественной дѣятельностью.

И новымъ женщинамъ-врачамъ предстоитъ теперь задача—добиться кафедръ и явиться первыми женщинами-профессорами въ Россіи.

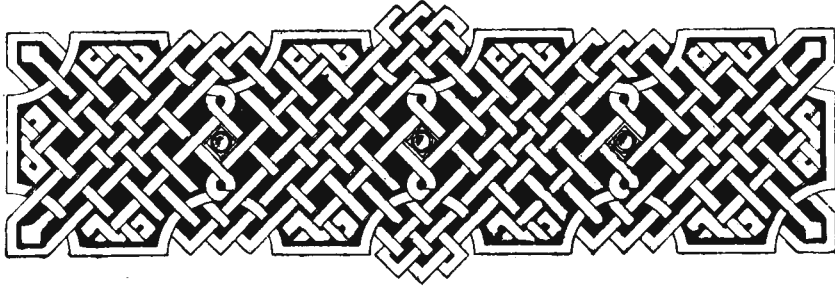
Итакъ, дѣло высшаго женскаго медицинскаго образованія, несмотря на всѣ его злоключенія, не только не погибло, но возродилось на прочныхъ основаніяхъ, и женщины въ этой области достигли равноправія, къ великому удовлетворенію какъ піонерокъ этого дѣла и ихъ послѣдовательницъ, такъ и всѣхъ друзей женскаго движенія. И если мнѣ удалось указать, что борьба за высшее женское медицинское образованіе выдержала всѣ натиски только потому, что она была освѣщена идеей, что она послужила вкладомъ въ общее дѣло для лучшаго будущаго женщины, если мнѣ удалось воскресить въ памяти имена незабвенныхъ дѣятелей въ этой области, то моя скромная задача достигнута.

Заканчиваю пожеланіемъ, чтобы болѣе чѣмъ полувѣковая борьба русской женщины за просвѣщеніе привела къ признанію за нею полной свободы въ правѣ на образованіе, доступа ко всѣмъ профессіямъ и права участія въ государственной жизни страны.

Верхъ надъ конечнымъ
Возьметъ безконечное,
Если возбудимъ теченіе встрѣчное...

Д-ръ А. Шабанова.

ДВА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ЮБИЛЕЯ.

(По поводу 35-лѣтія императорскаго археологическаго института).

РИДЦАТЬ пять лѣтъ тому назадъ, 15-го января 1878 года, на 12-ой линіи Васильевскаго острова, въ домѣ сенатора Н. В. Калачова свершилось знаменательное событіе: былъ открытъ спеціальнѣйшій *археологическій институтъ* въ то время, когда едва только зарождалась археологическая наука на Руси, когда и ученыхъ обществъ, посвященныхъ археологіи, было всего только два— въ Петербургѣ и Москвѣ (не считая кавказскаго общества любителей археологіи) и когда въ наше общество едва лишь проникали кой-какія свѣдѣнія объ его родной обветшавшей старинѣ. Свершить такое дѣло, частію на свои средства и на частныя пожертвованія, и повести его на свой рискъ могъ только *Николай Васильевичъ Калачовъ*, именовавшійся тогда «королемъ отъ архивовъ» и пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ какъ въ высшихъ административныхъ кругахъ, такъ и въ ученомъ мірѣ. Глубокій знатокъ русскаго права и вообще письменной русскаго старины, онъ болѣлъ душой, видя, въ какомъ ужасномъ состояніи находятся цѣннѣйшія хранилища нашихъ письменныхъ памятниковъ и какими невѣждами они обслуживаются, и уже нѣсколько лѣтъ носился съ мыслью о созданіи такого учре-

ждения, которое прежде всего подготовляло бы опытных архивистовъ, а затѣмъ служило проводникомъ чрезъ своихъ адептовъ правильныхъ понятій о родной старинѣ и о высококомъ значеніи послѣдней среди нетронутой еще провинціальной толщи.

23-го іюня 1877 года, по настойчивому ходатайству Н. В. Калачова, было наконецъ утверждено государемъ императоромъ «Положеніе объ археологическомъ институтѣ», открывавшемся только въ видѣ опыта на четыре года и для лицъ, получившихъ высшее образованіе. Главною задачею своею, согласно «Положенія», институтъ ставилъ «приготовленіе специалистовъ по русской старинѣ, для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ». Въ теченіе двухлѣтняго курса въ немъ преподаются «профессорами высшихъ учебныхъ заведеній», равно и «преподавателями-специалистами» слѣдующія науки: 1) «палеографія вообще и въ особенности русская; 2) русскія древности по частному и общественному быту, до XVIII вѣка включительно вообще и въ особенности по части юридической; 3) хронологія, генеалогія, нумизматика, сфрагистика, геральдика, основанія науки объ архивахъ и древняя географія вообще и въ особенности Россіи до XVIII столѣтія включительно».

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на то, какъ широко смотрѣлъ основатель института на его основную задачу. Скромные будущіе архивисты должны были познать цѣлую группу научныхъ дисциплинъ, обнимающихъ собою чуть ли не во всей полнотѣ историко-археологическую науку и археографію. Здѣсь не упоминается только первобытная археологія, вошедшая въ курсъ института въ позднѣйшее время, но зато приведенныя въ «Положеніи» научныя дисциплины—хронологія, генеалогія, сфрагистика и геральдика—не нашли себѣ мѣста и въ новомъ «Положеніи» объ институтѣ, высочайше утвержденномъ 2-го іюня 1899 года, и по какой причинѣ, непонятно. Говорятъ, что съ начала 1913 г. начнется чтеніе лекцій по геральдикѣ, но какъ сей послѣдній специалистъ, не предусмотрѣнный новымъ «Положеніемъ», будетъ вести это дѣло безъ ознакомленія съ генеалогіей, въ которую геральдика должна входить какъ ея часть, еще болѣе непонятно.

Хотя археологическій институтъ открылся при блестящемъ, можно сказать, составѣ профессоровъ, кои были: А. Ф. Бычковъ, Е. Е. Замысловскій, Н. В. Калачовъ, Л. Н. Майковъ, Н. В. Покровскій, В. И. Сергѣевичъ и И. И. Срезневскій, но вскорѣ же, по какому-то «ничтожному обстоятельству», связанному съ веденіемъ хозяйства въ институтѣ, онъ остался при трехъ лекторахъ: Н. В. Калачовѣ, читавшемъ русскія юридическія древности и архивовѣдѣніе, Н. В. Покровскомъ—церковныя древности и Е. Е. Замысловскомъ—историческую географію. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились: И. Е. Андреевскій, читавшій «исторію полицей-

скаго права и земскихъ учреждений въ Россіи», П. Н. Петровъ—русскую генеалогію, Д. И. Прозоровскій—русскую метрологію, П. И. Савванитовъ—русскую палеографію, и нѣкоторые другіе.

Для «восполненія» лекцій съ самаго же начала дѣятельности института были организованы вечернія чтенія и бесѣды, на которыхъ читались и лекціи по отдѣльнымъ предметамъ и отдѣльные рефераты; эти чтенія и бесѣды, руководимыя такимъ опытнымъ юристомъ и историкомъ, какимъ былъ Н. В. Калачовъ, много способствовали объединенію первыхъ молодыхъ работниковъ-институтцевъ въ одну тѣсную и дружную семью, члены которой скоро дали знать о себѣ рядомъ цѣнныхъ научныхъ работъ. Мы разумѣемъ здѣсь Д. М. Мейчика, автора статьи «Дополнительныя данныя къ исторіи Уложения» (въ «Сборникѣ» арх. инст., т. III); П. П. Оглоблина, составившаго «Объяснительную записку къ картѣ Полоцкаго повѣта во 2-ой половинѣ XVI вѣка» (въ «Сборникѣ» арх. инст., кн. 3 и 4); А. В. Гаврилова, автора «Историко-археологическаго описанія Бѣлогостицкаго монастыря» (въ «Сборникѣ», кн. 4); А. А. Благовѣщенскаго, составившаго «Очерки изъ школьнаго быта въ духовныхъ училищахъ Казанской губерціи въ первой половинѣ XIX столѣтія» (въ «Сборникѣ», кн. 3) и обширное изслѣдованіе: «Островъ Эзель и его древности» (ib., кн. 5), И. Г. Данилова, Е. М. Тимаева, П. С. Яковлева и др.

Миновали «опытные» четыре года, и правительство, увидѣвъ, что новое учрежденіе, «полезное въ общественномъ и государственномъ отношеніяхъ», не можетъ долге существовать на частныхъ средства, которыя за всѣ четыре года простирались лишь до одиннадцати тысячъ рублей, рѣшило выдавать ему казенную субсидію въ размѣрѣ шести тысячъ рублей ежегодно, но опять-таки временно, на три года, и лишь съ 1886 г. эта субсидія, сама по себѣ весьма недостаточная, обратилась въ постоянную.

25-го октября 1885 года скончался Н. В. Калачовъ, бывший не только основателемъ и руководителемъ института, но его душою, его живою силою, имѣвшей рѣдкую способность привлекать и направлять работниковъ науки. Казалось бы, что съ его кончиною должно было рухнуть начатое и имъ однимъ оживляемое дѣло. Но,—какъ правильно заключилъ свою рѣчь преемникъ основателя института, *Иванъ Ефимовичъ Андреевскій*, бывший въ то время и ректоромъ петербургскаго университета,—«архивисты, обученные самимъ Калачовымъ, и новые слушатели, при немъ вступившіе, такъ энергично и такъ научно предъявляли спросъ на продолженіе калачовскаго дѣла, ихъ такъ плѣняло высоко поставившееся въ институтѣ знамя науки, имъ такъ нравилась поселившаяся въ институтѣ простота отношеній маститыхъ ученыхъ къ молодымъ труженикамъ, ихъ такъ манило свѣтлое, чисто научное знаніе, даваемое институтомъ, что спросъ ихъ не могъ остаться безъ от-

вѣта: распадавшееся стало опять собираться, начатое стало продолжаться, институтъ уцѣлѣлъ...» ¹⁾).

«Институтъ уцѣлѣлъ», но для продолженія его дѣятельности въ калачовскомъ духѣ новому директору предстояло много труда. Одни изъ многочисленныхъ намѣреній Калачова были еще только намѣчены, къ осуществленію другихъ лишь приступлено... Многія изъ предположенныхъ кафедръ пустовали, число слушателей было незначительно... Наконецъ, предстояло институту совершенно новое дѣло—по открытію и наблюденію за работами только что разрѣшенныхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

Къ счастью для института и всего связаннаго съ нимъ сложнаго дѣла, преемникомъ Калачова сталъ его старѣйшій и лучшій ученикъ, полюбившій архивное дѣло не менѣе своего учителя. Всецѣло проникнутый традиціями и стремленіями Калачова, И. Е. Андреевскій такъ же живо и съ такимъ же интересомъ относился къ занятіямъ слушателей и членовъ института и съ рѣдкимъ умѣньемъ и пользою руководилъ памятнымъ многимъ членамъ четверговыми собесѣдованіями, на которыхъ сумѣлъ заинтересовывать присутствующихъ даже библиографическими очерками о новыхъ книгахъ и брошюрахъ по исторіи и археологіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увеличилъ число лекторовъ приглашеніемъ академика И. В. Ягича (славянская палеографія), В. И. Сергѣевича (юридическія древности), И. И. Василева и графа Н. С. Ланского (русская палеографія и чтеніе древнихъ актовъ), А. К. Маркова (нумизматика), А. П. Воронова (архивовѣдѣніе) и С. М. Гольдштейна (польско-литовскія древности).

Много еще работалъ И. Е. Андреевскій надъ проектомъ «О нѣкоторыхъ реформахъ археологическаго института въ связи съ его заботами о приведеніи въ порядокъ русскихъ архивовъ», но послѣдній остался безъ осуществленія, прежде всего, конечно, за отсутствіемъ средствъ, а потомъ за смертію самого автора. Умеръ И. Е. Андреевскій 20-го мая 1891 г., съ нимъ замерла на цѣлый рядъ лѣтъ и прежняя живая, чисто научная дѣятельность археологическаго института.

Какъ ни странно, но преемникомъ первыхъ столь знаменитыхъ директоровъ вмѣсто отказавшагося и, кстати сказать, почему-то мало просимаго, В. И. Сергѣевича, оказался, какъ снѣгъ на голову, коммерческій дѣлецъ и въ свободное время археографъ-самоучка, *Аскалонъ Николасвичъ Труворовъ*, обѣщавшій своимъ ближайшимъ избирателямъ груды золота для института, но по своему назначеніи вмѣсто обѣщаннаго золота лишь изгнавшій полезнѣйшихъ для института его секретаря и библіотекаря. Мы

¹⁾ (см. И. Е. Андреевскій. «Десятилѣтіе археологическаго института» (въ «Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи», вып. VIII, стр. 26).

помнимъ разсказъ одного изъ членовъ институтскаго совѣта, какъ былъ удивленъ этимъ выборомъ министра народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, къ которому обратились представители совѣта за утвержденіемъ своего избранника. И онъ былъ правъ. Новый директоръ, не владѣвшій почти вовсе устною рѣчью и малокультурный, какъ бывшій учитель рисованія уѣзднаго училища, сейчасъ же прекратилъ вечернія бесѣды и за шесть лѣтъ своего директорства выпустилъ въ свѣтъ одинъ только жиденкій выпускъ «Вѣстника Археологін и Исторін», значительная часть матеріаловъ котораго была заготовлена до него. Нечего и говорить, что отъ прежней «семьи» институтцевъ осталось очень мало, и то лишь «рьяныхъ» посѣтителей института.

Но въ 1896 году Труворовъ умеръ, а его замѣстителемъ былъ избранъ *Николай Васильевичъ Покровский*, профессоръ и ученый секретарь института съ самаго его открытія, состоящій директоромъ института и понынѣ, почему 35-лѣтній юбилей послѣдняго совпадаетъ съ такимъ же юбилеемъ ¹⁾ учено-литературной дѣятельности Николая Васильевича, связанной съ институтомъ. Новый директоръ былъ хорошо извѣстенъ своими лекціями по «Христіанскимъ древностямъ», привлекавшими массу слушателей, и своимъ участливымъ и даже дружелюбнымъ отношеніемъ къ институтскимъ членамъ, не говоря уже объ его глубокомъ интересѣ ко всему, что касалось института.

Въ первые же годы своего директорства Н. В. Покровскому удалось провести проектъ новаго положенія и штатовъ института, по которымъ съ 1-го января 1897 года правительственная субсидія была увеличена до 18,000 рублей. Возстановляя вечернія бесѣды, какъ «содѣйствующія сближенію членовъ института и оживленію научныхъ занятій», и устраивая ежегодныя археологическія экскурсіи съ членами и слушателями института, онъ достигъ увеличенія преподавательскихъ кафедръ до 12, которыя всегда почти занимались видными научными дѣятелями ²⁾, и, наконецъ, ему же принадлежитъ какъ выработка, такъ и проведеніе въ жизнь новаго «*Положенія о с.-петербургскомъ археологическомъ институтѣ*», которое было высочайше утверждено 2-го іюня 1899 года и которое дѣйствуетъ и понынѣ. 30-го апрѣля 1905 года послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на наименованіе института «императорскимъ».

¹⁾ По поводу этого юбилея см. ниже.

²⁾ Назовемъ здѣсь, кромѣ раѣе упомянутыхъ, хотя бы слѣдующихъ лицъ: академика А. И. Соболевскаго (славяно-русская палеогеографія), профессора Н. И. Веселовскаго (первобытная археологія), С. М. Середонина (историческая географія и этнографія), Н. П. Лихачева (дипломатика), В. М. Грибовскаго (государственныя учрежденія Россіи XVII—XVIII вв. и русскія юридическія древности—съ 1905 г., послѣ В. И. Сергѣевича) и С. О. Платонова (обзоръ источниковъ русской исторіи).

И. В. Покровский.

Вот главные пункты этого новаго «положенія»:

1. Археологическій институтъ состоитъ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія и имѣетъ цѣлью приготовленіе специалистовъ по разнымъ отраслямъ археологіи и по архивовѣдѣнію.

2. Въ институтѣ преподаются: а) славяно-русская археографія; б) славяно-русская палеографія; в) архивовѣдѣніе; г) первобытная археологія (въ особенности русская); д) христіанская археологія (па-

мятники искусствъ, особенно византійскіе и русскіе); е) юридическія древности; ж) историческая географія и этнографія Россіи; з) нумизматика (особенно русская); и) дипломатика; і) польско-литовскія древности; к) греческая палеографія и л) латинская палеографія. Слушаніе лекцій по тремъ послѣднимъ предметамъ необязательно.

3. Средства института составляютъ: а) суммы, отпускаемыя на его содержаніе изъ государственнаго казначейства; б) плата, взимаемая съ учащихся, и в) пожертвованія почетныхъ членовъ института, общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ, обращаемыя на расширеніе и обогащеніе музеевъ и другихъ учебныхъ пособій института.

4. Археологическій институтъ управляется директоромъ, избираемымъ министромъ народнаго просвѣщенія и назначаемымъ высочайшею властью.

5. Преподаватели института избираются его совѣтомъ изъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами въ той наукѣ, для преподаванія которой они приглашаются.

6, 7, 8. Въ слушатели института принимаются лица, окончившія курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, именуется дѣйствительными слушателями и, по выдержаніи экзамена, послѣ двухъ-годичнаго курса, получаютъ дипломы на званіе *дѣйствительныхъ членовъ института*. По усмотрѣнію совѣта института допускаются къ слушанію лекцій и лица съ среднимъ образованіемъ, которыя именуется вольнослушателями и, по выдержаніи экзамена, получаютъ свидѣтельство на званіе *сотрудниковъ института*.

12. Всѣ преподаватели института, подъ предѣлительствомъ директора, образуютъ совѣтъ, который рѣшаетъ большинствомъ голосовъ всѣ дѣла по педагогической части, а также вопросы объ удостоеніи разныхъ лицъ званіями почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и сотрудниковъ института.

13. Хозяйственными дѣлами института завѣдываетъ правленіе, состоящее, подъ предѣлительствомъ директора, изъ одного преподавателя и одного почетнаго члена.

15. При институтѣ состоятъ: бібліотека, музей древностей, собраніе образцовыхъ принадлежностей архива, нумизматическая и другія коллекціи.

16. Для опубликованія научныхъ работъ какъ своихъ членовъ, такъ и постороннихъ лицъ, институтъ издаетъ, по мѣрѣ накопленія матеріала, особый журналъ.

17. Членамъ института предоставляется право ношенія нагруднаго знака, рисунокъ коего утверждается высочайшею властью.

18. Институтъ имѣетъ печать съ изображеніемъ государственнаго герба и своего наименованія.

Въ непосредственной связи съ вышеприведенными главными проявленіями внѣшней исторіи императорскаго археологическаго института стоитъ и вопросъ о количествѣ и составѣ его слушателей. Въ первые годы, какъ уже мы сказали выше, институтъ былъ доступенъ только лицамъ съ высшимъ образованіемъ, которыя при поступленіи въ него именовались «дѣйствительными слушателями». Потомъ стали принимать и лицъ съ среднимъ и даже домашнимъ образованіемъ, въ качествѣ вольнослушателей. Первые, по окон-

чаніи двухгодичнаго курса наукъ, получали званіе «дѣйствительныхъ членовъ» института, а вторые—«членовъ-сотрудниковъ». До 1895—1899 гг. общее число слушателей не превышало 10—50 человекъ; число оканчивавшихъ курсъ сокращалось до 6 и даже до 2. Въ 1895 году лекціи съ утреннихъ часовъ были перенесены на вечерніе, и это сразу повліяло на увеличеніе числа слушателей: въ 1896 г. ихъ было 99, въ 1898 г.—148; въ 1900 г.—294; въ 1901 г.—570; въ 1902 г.—917 и въ 1904 г.—свыше 1,000 человекъ. Съ 1905 г. общая цифра слушателей колеблется между 600—500, изъ которыхъ оканчивающихъ ежегодно, съ званіемъ дѣйствительныхъ членовъ, не болѣе 13—20 человекъ. Съ одной стороны, вечернія лекціи, а съ другой, несомнѣнно, и красивый нагрудный знакъ были немаловажными стимулами того, что въ институтъ, не дающій оканчивающимъ никакихъ правъ и привилегій, нахлынули лица съ среднимъ и даже домашнимъ образованіемъ, вовсе неподготовленныя къ слушанію ни славяно-русской палеографіи, ни греко-латинской нумизматики А. К. Маркова, ни юридическихъ древностей, ни польско-литовскихъ древностей... Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что большинствомъ адептовъ института руководилъ интересъ къ историко-археологическимъ познаніямъ, рассадникомъ которыхъ являлся лишь одинъ петербургскій институтъ, успѣвшій сдѣлаться популярнымъ чрезъ своихъ же бывшихъ слушателей даже въ отдаленныхъ уголкахъ необъятной матушки Руси.

Переходя, далѣе, къ внутренней исторіи института, т. е. къ его педагогической и учено-литературной дѣятельности, мы остановимъ преимущественное вниманіе на обзорѣ повременныхъ институтскихъ органовъ—«Сборникъ археологическаго института» и «Вѣстникъ исторіи и археологіи»; знакомство со статьями послѣднихъ дастъ достаточный матеріалъ не только для оцѣнки научныхъ работъ слушателей и преподавателей института, но и для опредѣленія цѣлей и задачъ, преслѣдуемыхъ этимъ органомъ.

По поводу выхода въ свѣтъ первой книги «Сборника»¹⁾ Н. В. Калачовъ писалъ, что для археологическаго института недостаточно только внести въ наши провинціи животворную мысль о «разработкѣ въ нихъ древностей», но нужно и «поддерживать ее и развивать», а для этой послѣдней цѣли институтъ «долженъ сдѣлать свои труды, такъ сказать, присущими всѣмъ мѣстнымъ любителямъ старины и этими трудами не только помогать имъ въ изученіи древностей, но и поддерживать и одушевлять ихъ рвеніе въ ихъ собственныхъ работахъ. Естественно, что онъ можетъ достигнуть этой цѣли только особымъ изданіемъ, посвященнымъ архивному дѣлу, котораго выпуска, расходясь въ провинціи, разносили бы въ каждую губернію и

¹⁾ При Н. В. Калачовѣ было напечатано шесть книгъ «Сборника».

новья свѣдѣнія по предмету изученія и разработки древностей вообще, и вѣрныя данныя о томъ, что дѣлается въ этой части въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

И. Е. Андреевскій, вполне раздѣлявшій указанныя выше цѣли институтскаго органа, проводилъ еще и новую идею: онъ говорилъ, что «Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый археологическимъ институтомъ», долженъ сдѣлаться, кромѣ склада и лѣтописи работъ самаго института, средоточіемъ и обмѣномъ мыслей множества архивистовъ, работающихъ въ разныхъ уголкахъ Россіи».

Мы выше называли нѣкоторыя работы ближайшихъ учениковъ основателя института, напечатанныя въ «Сборникѣ», и теперь приведемъ лишь наиболѣе крупныя статьи послѣдующихъ слушателей и членовъ института изъ «Вѣстника археологіи и исторіи». Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе обширная работа А. Львова— «Историческое и археологическое описаніе первокласснаго монастыря въ г.р. Александровѣ, Владимирской губерніи (вып. I, II и III); затѣмъ— «Провинціальныя архивы въ XVII вѣкѣ» (вып. IV), большой трудъ Н. Н. Оглоблина; «О русской сфрагистикѣ», Ф. Родзянко (вып. VI); «Археологическая экскурсія въ Среднюю Европу», П. С. Яковлева (вып. VI); «Правительственныя распоряженія относительно отечественныхъ древностей съ императора Петра I, особенно въ царствованіе Александра II», И. Г. Данилова (вып. VI); «Постановленія и распоряженія св. синода о сохраненіи и изученіи памятниковъ древностей (1855—1880)», А. В. Гаврилова (вып. VI); «Архивы Восточной Сибири», В. В. Птицына (вып. VII); «Къ вопросу о положеніи архивнаго дѣла во Франціи», А. П. Воронова (вып. X); «Новгородская икона св. Бориса и Глѣба въ дѣянїяхъ» (вып. X), «Новгородъ XVI вѣка по изображенію на Хутынской иконѣ; видѣніе понамаря Тарасія» (вып. XIII), «Икона св. Іоанна (Иліи) архіепископа въ дѣянїяхъ о чудесахъ» (вып. XV), «Писцовая книга Великаго Новгорода 1583—1884 гг.» (вып. XVIII) и «Иконографія свв. Флора и Лавра въ новгородскомъ искусствѣ» (вып. XXI)— П. Л. Гусева.

Что касается трудовъ профессоровъ и преподавателей института, напечатанныхъ въ его повременныхъ органахъ, то изъ нихъ мы укажемъ на слѣдующіе. Н. В. Калачовъ, помимо цѣннаго ряда статей объ институтѣ и рецензій, напечаталъ извлеченныя имъ изъ разныхъ архивовъ «Матеріалы, относящіяся къ царствованію императора Александра I» (въ I и II кн. «Сборника»); среди нихъ особенно важное значеніе имѣютъ документы, касающіеся сената, а затѣмъ высочайшіе рескрипты, указы и повелѣнія, относящіяся до Москвы, ея устройства, а особенно заботы императора объ ея жителяхъ и уврачеваніи ихъ бѣдствій послѣ тяжкаго двѣнадцатаго года. Затѣмъ во II кн. «Сборника» имъ же напечатанъ цѣлый рядъ впервые увидѣвшихъ свѣтъ документовъ въ приложеніи къ работѣ С. М. Шпи-

левскаго—«Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи».

И. Е. Андреевскій помѣстилъ въ «Сборникѣ» и «Вѣстникѣ» рядъ статей объ археологическомъ институтѣ, о дѣятельности ученыхъ архивныхъ комиссій, о нѣсколькихъ новыхъ книгахъ и, кромѣ того, наиболѣе крупныя статьи: «О финансовыхъ затрудненіяхъ Россіи въ началѣ XVIII в.» («Вѣстникъ», вып. III), «О Калачовѣ, какъ юристѣ-археологѣ и учредителѣ археологическаго института» (ib., вып. V), «О засѣданіяхъ правительствующаго сената въ 1740—1741 годахъ» (ib., вып. VII) и «Десятилѣтіе археологическаго института» (ib., вып. VIII)¹⁾.

Н. В. Покровскій, помимо цѣлаго ряда официальныхъ годовыхъ отчетовъ объ институтѣ и нѣсколькихъ рецензій, напечаталъ: «Новѣйшія воззрѣнія на предметъ и задачи археологій» («Сборникъ», кн. IV), «Древности Костромскаго Ипатьевскаго монастыря» («Вѣстникъ», вып. IV), «Памятники церковной старины въ Костромѣ. Съ 32 рисунками» (ib., вып. XVII), «Иерусалимы или Сіоны софійской ризницы въ Новгородѣ» (ib., вып. XXI) и др.

Преподавателю института Д. И. Прозоровскому принадлежать статьи: «О кунныхъ цѣнностяхъ» (въ «Сборникѣ», кн. IV); «О значеніи и составѣ древней русской метрологіи» (ib., кн. V); «Псаломникъ» («Вѣстникъ», вып. VII; подъ этимъ именемъ здѣсь разумѣется пасхальная таблица, найденная въ псалтири XIV вѣка, хранящейся въ московской синодальной библиотекѣ и изданная И. И. Срезневскимъ въ приложеніи къ его сочиненію «Древніе памятники русскаго письма и языка»; вопросъ объ ея происхожденіи и выясненіе ея пасхально-хронологическаго значенія и составляетъ предметъ статьи Д. И. Прозоровскаго); «О названіяхъ славянскихъ буквъ» (ib.); «О словѣ «Макачно» (ib.); «Чтенія по исторіи славяно-русской палеографіи» (ib., вып. VIII); «Новыя разысканія о повгородскихъ посадникахъ» (ib., вып. IX) и др.

А. И. Соболевскій напечаталъ въ «Вѣстникѣ археологій и исторіи»—«Изъ исторіи русской переводной литературы» (вып. X), «Гдѣ написаны кіевскіе глаголическіе отрывки?» (ib.) и «Западное вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVI вв.» (ib., вып. XI; послѣдняя наиболѣе крупная и цѣнная статья).

Наконецъ, преподавателю института Н. П. Лихачеву принадлежитъ цѣлая шестая книга «Сборника археологическаго института», изданная въ 1898 году. Все содержаніе ея распадается на три отдѣла; въ первомъ изъ нихъ находимъ слѣдующія двѣ статьи Н. П.

---

¹⁾ Имѣется въ печати подробный «Хронологическій указатель учено-литературныхъ трудовъ И. Е. Андреевскаго», составленный В. Е. Рудаковымъ (въ «Журналѣ общества охраненія народнаго здравія», 1891 г., ноябрь, и отдѣльною брошюрою, изданою археологическимъ институтомъ въ 1892 году).

Лихачева: «Думное дворянство въ боярской думѣ XVI столѣтія» и «По поводу сборника Л. И. Юшкова «Акты XIII—XVII вв., представленные въ разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества»; во второмъ отдѣлѣ помѣщены «Историческіе матеріалы, собранные и изданные Н. П. Лихачевымъ»— «Невмѣстная грамота Алексѣю Даниловичу Басманову на Ивана Васильевича Шереметева, 1563 года», пять «счетныхъ дѣлъ» Олферьева, Щербатаго, Аксака-Бѣльскаго и Пушкина (конца XVI и начала XVII вв.), боярскій списокъ 1611 г., документы о печатаніи книгъ и грамотъ въ 1694 г. и отрывокъ изъ расходныхъ книгъ Костромскаго Ипатьевскаго монастыря, около 1553 года. Наконецъ, въ третій отдѣлъ вошли мелкія замѣтки Н. П. Лихачева: «Древнѣйшее упоминаніе дьяка «Казеннаго» и «Дьяки, писанные съ «вичемъ»».

Помимо работъ слушателей и преподавателей, въ «Сборникѣ» и «Вѣстникѣ» былъ напечатанъ еще рядъ подобнаго же рода статей постороннихъ лицъ, сочувствовавшихъ дѣятельности института, по ихъ мы не будемъ касаться.

Успѣшно выполнивъ свою задачу по изданію поврежденныхъ орновъ, археологическій институтъ не менѣе удачно справился и съ другой важнѣйшей и благотворнѣйшей въ научномъ отношеніи задачей—съ устройствомъ и наблюденіемъ за дѣятельностью гурьскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

Учредитель института, постоянно скорбѣвшій о гибельномъ положеніи нашихъ провинціальныхъ архивовъ, долго и упорно стучался въ двери правительственныхъ канцелярій, прося «державцевъ» протянуть руку помощи въ такомъ «высокаго общегосударственнаго значенія» дѣлѣ; нѣсколько разъ выступалъ и на археологическихъ съѣздахъ, вызывая сочувствіе тогдашней ученой корпораціи къ задуманному имъ обширному плану—созданію провинціальныхъ историческихъ архивовъ въ связи съ историческими и археологическими обществами,—но все понапрасну...

Казалось бы, что такого рода неудачи должны были сломить какую угодно энергію самаго трудолюбиваго человѣка; но не таковъ былъ Н. В. Калачовъ. Своею мощной энергіею и не знавшимъ усталости трудомъ онъ все превозмогъ и сумѣлъ оказать своей родинѣ и излюбленной имъ наукѣ такую помощь, которая послужила и послужитъ лучшимъ памятникомъ его необъятной научно-просвѣтительной дѣятельности на пользу пѣлой страны.

Онъ, хорошо знавшій провинцію, былъ увѣренъ, что тамъ могутъ найтись всегда нѣсколько безвозмездныхъ тружениковъ на пользу науки, способныхъ и сохранить письменные и вещественные памятники старины отъ разоренія и подвергнуть ихъ изученію, стоитъ только внушить имъ эту идею и указать первоначальные приемы и средства. Къ нимъ-то, этимъ провинціальнымъ труженикамъ, и обра-

тился Н. В. Калачовъ послѣ того, какъ потерялъ всякую надежду на правительственную помощь, и при ихъ посредствѣ осуществилъ свою великую мысль—созданіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

По его плану, одобренному президентомъ академіи наукъ, графомъ Д. А. Толстымъ, императорскою академіею наукъ составленъ былъ въ 1884 г. проектъ положенія о губернскихъ историческихъ архивахъ и ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ, внесенный графомъ Д. А. Толстымъ, какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, на разсмотрѣніе комитета министровъ. Этотъ проектъ удостоенъ послѣднимъ «полнаго сочувствія» и относительно его осуществленія признанъ «заслуживающимъ поощренія правительства». Согласно съ такимъ положеніемъ комитета министровъ, графу Толстому высочайше разрѣшено открытіе означенныхъ архивныхъ комиссій въ Орлѣ, Тамбовѣ, Твери и Рязани, и затѣмъ министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено, по мѣрѣ надобности и имѣющихся средствъ, открывать таковыя и въ другихъ губерніяхъ. Въ циркулярномъ предложеніи г. министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ были разъяснены и правила, по которымъ могутъ учреждаться въ губерніяхъ губернскія ученые архивныя комиссіи. Именно, разъяснено, что таковыя составляются по взаимному соглашенію директора археологическаго института въ Петербургѣ съ мѣстнымъ губернаторомъ, который и дѣлается непремѣннымъ попечителемъ комиссій. Директоръ же археологическаго института, на основаніи присланныхъ ему изъ комиссій отчетовъ, обязывался представлять свой отчетъ о дѣятельности всѣхъ комиссій въ академію наукъ

Такъ формулированы роль и отношенія института къ архивнымъ комиссіямъ законодательнымъ порядкомъ; но вотъ что по этому поводу говоритъ самъ Н. В. Калачовъ: «Институтъ долженъ быть посредникомъ между академіею наукъ и учеными архивными комиссіями—проводникомъ заботливости академіи по разработкѣ мѣстныхъ архивовъ и описанію древностей; докладчикомъ въ ея годовыхъ торжественныхъ собраніяхъ о состояніи губернскихъ историческихъ архивовъ и о занятіяхъ ученыхъ архивныхъ комиссій; хранителемъ составляемыхъ ими архивныхъ описей; двигателемъ ихъ ученыхъ работъ и оцѣнщикомъ этихъ послѣднихъ; въ то же время на немъ лежитъ нравственный долгъ не только возбуждать, но и развивать археологическую и археографическую дѣятельность въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыя еще вовсе не пробуждались или находятся въ зачаткѣ» ¹⁾.

Н. В. Калачовъ дѣйствительно возбудилъ къ дѣятельности и открылъ упомянутыя выше комиссіи: тверскую, рязанскую, орловскую и тамбовскую, но видѣть плоды дѣятельности этихъ своихъ

¹⁾ См. «Вѣстникъ археологіи и исторіи», вып. I, стр. 2.

дѣтищъ ему не удалось, и выполнение столь широко поставленной имъ задачи по отношенію къ архивнымъ комиссіямъ всецѣло легло на его преемника И. Е. Андреевскаго.

Какъ ее выполнилъ послѣдній,—приведемъ прежде всего слова А. В. Половцова изъ его рѣчи: «И. Е. Андреевскій, какъ преподаватель и директоръ археологическаго института». «Неоднократно,—читаемъ въ ней,—«четверговья» собранія разнообразились сообщеніями членовъ провинціальныхъ ученыхъ архивныхъ комиссій по тому или другому животрепещущему вопросу мѣстной археологій или архивнаго дѣла. Всякаго члена архивной комиссій, пріѣхавшаго въ Петербургъ и имѣвшаго подѣлиться чѣмъ-либо, Иванъ Ефимовичъ, такъ сказать, облюбовывалъ, ободрялъ и уговаривалъ сдѣлать сообщеніе, указывая на желательность установленія тѣсной живой связи ученыхъ архивныхъ комиссій съ ихъ общимъ центромъ—институтомъ. Почтенный провинціальный дѣятель чувствовалъ, какъ, подъ вліяніемъ теплыхъ, задушевныхъ и краснорѣчивыхъ уговоровъ Ивана Ефимовича, таяла та перегородка нѣкоторой отчужденности и опасливости, которая отдѣляетъ провинціала отъ петербуржца и заставляетъ его смотрѣть на насъ одновременно и свысока, и исподлобья. Онъ сдавался на доводы Ивана Ефимовича, дѣлалъ сообщеніе и, встрѣтивъ искреннее, а иногда и восторженное сочувствіе со стороны слушателей и членовъ института, уѣзжалъ примиренный съ Петербургомъ, очарованный Иваномъ Ефимовичемъ и проникнутый значеніемъ института для провинціальной архивной и археологической жизни»¹⁾.

Къ прежнимъ четыремъ архивнымъ комиссіямъ въ директорство И. Е. Андреевскаго прибавилось постепенно еще семь новыхъ комиссій (костромская, саратовская, нижегородская, таврическая, оренбургская, ярославская и калужская), конечно, при ближайшемъ его участіи и побужденіи. Намъ памяты его восторги по поводу каждой вновь открывшейся комиссій и тѣ интересныя сообщенія и поясненія, которыми онъ сопровождалъ появленіе въ свѣтъ всякаго новаго выпуска «Трудовъ» или «Извѣстій» комиссій. Свое сочувствіе къ дѣятельности комиссій И. Е. Андреевскій умѣлъ сообщать слушателямъ и членамъ института, которые также зорко слѣдили за работою гг. членовъ архивныхъ комиссій и напечатали рядъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности первыхъ архивныхъ комиссій въ «Вѣстникѣ археологій и исторій» (вып. I, II и III). Наконецъ, его отчеты, предназначавшіеся для академіи наукъ и составленные не только на основаніи однихъ отчетовъ, присланныхъ комиссіями, но и на основаніи тщательнаго ознакомленія съ «Трудами» ихъ, были согрѣты теплымъ чувствомъ уваженія и ободренія, выслушивались и читались съ рѣдкимъ интересомъ, и,

¹⁾ «Вѣстникъ археологій и исторій», вып. IX, стр. 52.

благодаря тому, что печатались одновременно и въ органѣ института, и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, распространяли свѣдѣнія объ архивныхъ комиссіяхъ въ массѣ читателей.

Къ сожалѣнію, столь живая и, можно сказать, согрѣтая взаимнымъ довѣріемъ и сочувствіемъ связь между институтомъ и архивными комиссіями сильно порвалась при преемникѣ И. Е. Андреевскаго, и не могла возстановиться и при нынѣшнемъ директорѣ; между тѣмъ архивныя комиссіи, число которыхъ теперь простирается уже до двадцати девяти, серьезно нуждаются и посейчасъ какъ въ матеріальной, такъ и нравственной поддержкѣ ¹⁾).

Въ заключеніе остается сказать еще нѣсколько словъ о *библиотецѣ* и *музее* археологическаго института. Основаніемъ библиотеки послужили иностранныя ученые изданія, относящіяся, главнымъ образомъ, къ архивовѣдѣнію, приобретенныя Н. В. Калачовымъ на сумму въ тысячу рублей, ассигнованную ему для этой цѣли, по ходатайству г. министра народнаго просвѣщенія. Затѣмъ уже въ первый годъ существованія института поступило въ его библиотеку 117 названій книгъ въ 456 томахъ и до 50 рукописей. Въ 1879 году поступило 255 названій книгъ въ 334 томахъ и 70 рукописей; въ 1880 г.—209 наименованій книгъ въ 224 томахъ и 113 рукописей; въ 1881 г.—72 наименованія книгъ въ 104 томахъ и 89 рукописей. Пополняясь преимущественно пожертвованіями, институтская библиотека въ 1886 году обогатилась крупнымъ вкладомъ вдовы покойнаго директора Н. В. Калачова, Л. А. Калачовой, передавшей въ институтъ сполна всю библиотеку покойнаго Николая Васильевича, заключающую въ себѣ свыше 3.500 наименованій книгъ археологическаго, историческаго и юридическаго содержанія. Въ 1891 году также цѣнный вкладъ въ институтскую библиотеку былъ сдѣланъ вдовою преемника Н. В. Калачова, А. Н. Андреевскою, передавшею, согласно волѣ покойнаго, всю его библиотеку, заключающую въ себѣ свыше 1.200 наименованій книгъ историческаго, археологическаго и юридическаго содержанія. Впослѣдствіи поступали въ библиотеку института лишь небольшія отдѣльныя пожертвованія, однако значительно пополнившія ее; въ настоящее время общее число томовъ библиотеки института простирается свыше 17.000.

Музей института образовался частью изъ пожертвованій, частью изъ предметовъ, добытыхъ слушателями института при производствѣ раскопокъ. Въ настоящее время въ немъ установились отдѣлы: 1) первобытныхъ древностей, въ которомъ находятся пред-

¹⁾ Къ сожалѣнію, въ общей печати объ архивныхъ комиссіяхъ послѣ моихъ статей: «Археологія и исторія въ трудахъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій» (въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1899 г., № 6, и 1901 г., № 12), кажется, не появлялось ничего; да и о «Трудахъ» можно встрѣтить рецензіи лишь въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» («Книжныя Новости»).

меты каменнаго и бронзоваго періодовъ, въ оригиналахъ и снимкахъ, свыше 400 №№; 2) древности Херсонеса, Керчи, Кавказа, Укека, какъ-то: фрагменты сосудовъ, лампы, металлическія вещи; 3) нумизматика и сфрагистика (однѣхъ монетъ классическихъ и русскихъ свыше 1.000 экз.); 4) древности церковныя: иконы, металлическіе складни, рѣзные и эмалевые предметы, церковные сосуды, кресты и одежда, около 270 предметовъ; 5) небольшое собраніе древне-русскаго и восточнаго оружія на двухъ щитахъ; 6) 22 портрета государей, историческихъ лицъ и дѣятелей института, и 7) 88 номеровъ рукописей, столбцовъ и грамотъ.

Въ XVIII выпускѣ «Вѣстника» напечатанъ «Каталогъ монетъ, принадлежащихъ императорскому археологическому институту».

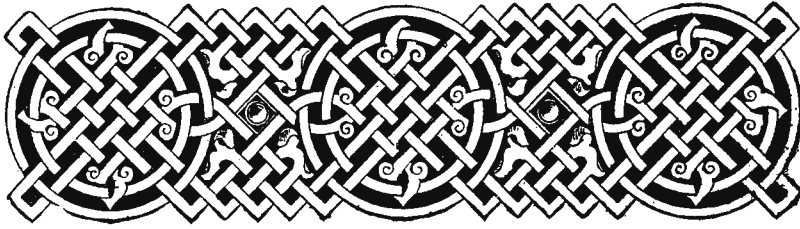
Перейдемъ теперь отъ института къ другому юбиляру—къ *Николаю Васильевичу Покровскому*, о дѣятельности котораго въ шеститутѣ мы уже говорили.

Н. В. Покровскій родился 20-го октября 1848 года, воспитывался въ костромской духовной семинаріи и петербургской духовной академіи, гдѣ и началъ свою профессорскую дѣятельность чтеніемъ лекцій по церковной археологіи и литургикѣ. Церковная археологія или христіанскія древности были тогда совершенно новымъ предметомъ, и Н. В. Покровскому пришлось много поработать и удалось создать изъ этого предмета самостоятельную научную дисциплину, такъ что имя Николая Васильевича Покровскаго является неразрывно связаннымъ съ церковной археологіей.

Мы не будемъ здѣсь приводить полнаго перечня его научныхъ работъ, а назовемъ только нѣкоторыя, а именно: «Черты современности въ проповѣди конца XVIII и начала XIX вѣка» («Странникъ», 1876 г.); «Проповѣдническая дѣятельность архіепископа Анастасія Братановскаго» (ib); «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи—византійскихъ и русскихъ» (Спб. 1892 г.); «Очерки памятниковъ иконографіи древне-христіанскихъ и византійскихъ» (Спб. 1894); «Очерки памятниковъ православной иконографіи (особенно русскихъ)» (Спб. 1900), «Церковно-археологическій музей петербургской духовной академіи. 1879—1909» (Спб. 1909) и др.

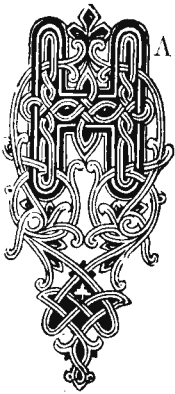
Популярный въ стѣнахъ института, Н. В. Покровскій скоро приобрѣлъ широкую извѣстность и внѣ Петербурга. Въ настоящее время онъ состоитъ почетнымъ членомъ всѣхъ російскихъ духовныхъ академій, почетнымъ или дѣйствительнымъ членомъ до 70 разныхъ ученыхъ обществъ, комиссій, комитетовъ, по преимуществу русскихъ и частію заграничныхъ. Какъ знатокъ своего предмета, Н. В. Покровскій очень часто приглашался въ разные комиссіи, съѣзды и выставки, какъ наилучшій экспертъ.

В. Рудаковъ.

КЪ ИСТОРИИ СОСТАВЛЕНІЯ ОСНОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ ВЪ 1906 ГОДУ.

(Отвѣтъ на запросъ читателей).

ЭТА послѣдняя статья «Къ вопросу о титулѣ «самодержецъ»¹⁾ вызвала со стороны нѣкоторыхъ читателей запросъ объ обстоятельствахъ составленія основныхъ законовъ 1906 года, не достаточно выясненныхъ въ сказанной статьѣ. Главное недоумѣніе вызываетъ сопоставленіе установившихся въ определенномъ освѣщеніи характеристикъ дѣйствовавшихъ въ области тогдашняго составленія законовъ лицъ съ результатами ихъ кодификаціонной работы по согласованію ея съ основами манифеста 17 октября 1905 года. Такъ, бывший государственный секретарь Ю. А. Икскуль-фонъ-Гильденбадтъ, его помощникъ нынѣшній государственный контролеръ П. А. Харитоновъ и покойный графъ Д. М. Сольскій подъ угломъ зрѣнія о прохожденіи ими государственной службы, ихъ государственной дѣятельности по всей справедливости считаются на партійныхъ ярлыкахъ представителями болѣе или менѣе праваго направленія, графъ же С. Ю. Витте, согласно установившейся за нимъ нынѣ политической репутации, какъ главное дѣйствовавшее лицо по составленію акта 17-го октября 1905 года, зачисленъ на скалѣ современной партійной квалификаціи представителемъ лѣваго направленія. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ явствуетъ изъ нашей исторической справки, на работѣ по составленію основныхъ законовъ 1906 года

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1913 г. № 2.
«истор. вѣстн.», мартъ 1913 г., т. сxxxі.

въ вопросѣ о титулѣ «самодержецъ» графъ С. Ю. Витте какъ будто бы оказался значительно болѣе консервативенъ, нежели названные выше уважаемые дѣятели праваго лагеря. Необходимо имѣть въ виду, что сплошь да рядомъ упускается изъ виду, что гр. Витте тогда несъ да и поднесъ несетъ на себѣ отвѣтственность за важнѣйшій моментъ въ русской исторіи, каковымъ былъ день 17 октября 1905 г. Лица же, работавшія, какъ видные представители и руководители государственной канцеляріи, являются въ исторіи того времени лишь исполнителями извѣстной работы, которую они по мѣрѣ своихъ силъ и довели до опредѣленнаго конца. Это обстоятельство и вызываетъ недоумѣніе нашихъ читателей, просящихъ насъ дать по сему предмету надлежащія разъясненія и выяснитъ съ фактами въ рукахъ изъ изученія исторіи работы надъ основными законами 1906 года истинную политическую позицію главнѣйшихъ дѣйствовавшихъ лицъ того времени и показать на образцахъ ихъ работы ихъ же тогдашнюю, какъ нынѣ говорится, политическую платформу.

Охотно идя навстрѣчу запросу нашихъ читателей, постараемся съ фактами въ рукахъ, въ предѣлахъ имѣющейся у насъ возможности, разобратъ въ смущающемъ нашихъ корреспондентовъ недоумѣніи и прежде всего считаемъ долгомъ подчеркнуть то обстоятельство, что наша историческая справка является обнаруженіемъ нѣкотораго шатанія умовъ, постигшаго очень многихъ почтенныхъ государственныхъ дѣятелей въ періодъ 1904—1906 гг. Эти годы вносятъ нѣкоторую брешь въ благонамѣренный кондуитъ ихъ государственной службы и показываютъ, поскольку освободительныя и революціонныя вѣянія того принопамятнаго періода коснулись и посеребренныхъ сѣдиною головъ даже испытанныхъ представителей нашей высшей администраціи. Ихъ уклонъ влѣво является фактомъ непреложной исторической дѣйствительности, и какъ предшествовавшая симъ годамъ ихъ дѣятельность, такъ и послѣдовавшая за тѣми годами не вычеркиваетъ съ скрижалей нашей бытовой исторіи отмѣченнаго выше ихъ уклона въ сторону либерализма и свободныхъ взглядовъ на существо и права верховной власти. Рядомъ съ этимъ нельзя не отмѣтить, что та политическая репутация, которая окружаетъ имя графа С. Ю. Витте и которая вызываетъ по отношенію его чувства недоброжелательства нѣкоторыхъ вліятельныхъ консервативныхъ сферъ, учитывается ими, по сравненію съ забытой нынѣ его дѣятельностью въ 1906 году, далеко несправедливо. Нынѣ многое забыто изъ недавняго прошлаго, но если возстановитъ его въ памяти, то мы непреложно должны убѣдиться, что въ трудный для Россіи 1906 годъ, наканунѣ осуществленія въ жизни народнаго представительства графъ С. Ю. Витте въ моментъ закладки фундамента новѣйшей русской государственной жизни въ видѣ выработки и опубликовація основныхъ го-

сударственныхъ законовъ явился тою умѣренной силою, которая отрезвила разгоряченные порывы «освободительнаго» характера составителей первоначальнаго проекта нашихъ основныхъ законовъ. И въ свое время наши политическія лѣвыя крылья прекрасно учли это обстоятельство, поставивъ тогдашнему предсѣдателю совѣта министровъ въ минусъ его законодательную работу 1906 года.

Изъ всего сказаннаго получается своего рода характерная картина. Наши «правые», мечя пыль грома и молніи на голову бывшаго премьеръ-министра, не даютъ себѣ труда вспомнить объ его работѣ надъ составленіемъ основныхъ законовъ въ 1906 году или объ ней совершенно не осведомлены. Наоборотъ, расточая лавры по адресу нѣкоторыхъ изъ пыль считаемыхъ въ ихъ ряду единомышленниковъ, закрываютъ глаза на настроеніе ихъ умовъ въ томъ же году. Если перемѣстить въ предыдущемъ предложеніи тлаголы и отрицательныя частицы и замѣсто «правые» поставить «лѣвые», то мы обнаружимъ то же историческое недоразумѣніе, которое сопутствуетъ политическимъ репутациямъ и первоначальныхъ составителей основныхъ законовъ, и бывшаго въ первой половинѣ 1906 года предсѣдателя совѣта министровъ. Вся бѣда тутъ, если только признать наличие этой бѣды, заключается въ томъ, что у насъ слишкомъ коротка память и мы склонны къ поспѣшнымъ обобщеніямъ, не базируя ихъ на реальныхъ фактахъ. Это признакъ нашей политической молодости, когда и симпатіи, и репутации создаются не на основѣ фактовъ дѣйствительности, а по произволу, усмотрѣнію, прихоти и соображеніямъ личной выгоды и необходимости.

Настоящая наша историческая справка имѣетъ цѣлью внести въ знанія исторіи нашей политической жизни факты, выводы изъ которыхъ говорятъ сами за себя и обнаруживаютъ существовавшую въ дѣйствительности политическую неустойчивость нашей высшей администраціи.

Какъ мы уже говорили въ нашей предыдущей статьѣ, составленіе законовъ было поручено такимъ почтеннымъ и авторитетнымъ государственнымъ дѣятелямъ, какъ помощникъ государственнаго секретаря того времени Харитоновъ и государственный секретарь баронъ Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ; окончательный просмотръ и установленіе окончательной редакціи сихъ законовъ было поручено предсѣдателю государственнаго совѣта графу Д. М. Сольскому, личность котораго была при его жизни столь обаятельна и дѣятельность котораго оставила по себѣ свѣтлую память среди всѣхъ, знавшихъ его. Казалось бы, эти дѣятели никоимъ образомъ не могутъ быть заподозрѣны въ какомъ бы то ни было либерализмѣ. Графъ Сольскій былъ государственнымъ секретаремъ еще при Алексан-

дрѣ II и весьма чтимымъ этимъ императоромъ, затѣмъ государственнымъ контролеромъ при императорѣ Александрѣ III и председателемъ департамента экономіи государственнаго совѣта и председателемъ государственнаго совѣта при нынѣ благополучно царствующемъ Императорѣ. Послѣ смерти его вдова графа удостоилась получить отъ Его Величества телеграмму, въ которой Государь высказалъ объ особо вѣрномъ служеніи этого государственнаго дѣятеля тремъ Императорамъ. Ныѣшній государственный контролеръ Харитоновъ, будучи приглашенъ на этотъ постъ Столыпинымъ, въ не меньшей степени проявилъ себя въ послѣдніе годы стойкимъ консерваторомъ.

Такимъ образомъ, и служебное положеніе, и служебная репутация названныхъ дѣятелей какъ будто гарантировали, что работа, имѣющая быть ими сдѣлана, не внесетъ въ фундаментъ нашей государственной жизни большого потрясенія, а лишь на правильныхъ основаніяхъ модифицируетъ историческое прошлое съ предстоящимъ будущимъ. Однако дѣйствительность обнаружилла нѣчто другое, и, какъ мы уже говорили выше, почтенные государственные дѣятели значительно уклонились влѣво, давая своею работою извѣстное удовлетвореніе либеральной партіи. Это увлеченіе было своевременно усмотрѣно совѣтомъ министровъ подъ председательствомъ графа С. Ю. Витте, вслѣдствіе чего совѣтъ министровъ и счелъ долгомъ, когда по высочайшему повелѣнію новый проектъ основныхъ законовъ былъ отданъ на его разсмотрѣніе, внести сюда опредѣленные коррективы, умѣрившіе нѣтъ авторовъ этого новаго проекта ¹⁾.

Такъ, при формулировкѣ § 9 основныхъ законовъ авторы новаго проекта дали ему слѣдующую редакцію: «Государю Императору принадлежить починъ по всемъ предметамъ законодательства». Согласно положенію о государственномъ совѣтѣ и положенію о государственной думѣ, которыя тогда уже были опубликованы, этотъ починъ при соблюденіи нѣкоторыхъ условий, въ положеніи о государственномъ совѣтѣ и государственной думѣ опредѣленныхъ, принадлежить также сказаннымъ законодательнымъ инстанціямъ.

Такимъ образомъ, все основныя законы, по проекту № 1, подлежали бы пересмотру какъ по инициативѣ Государя, такъ и по инициативѣ законодательныхъ учреждений. Министерство графа Витте прибавило къ предыдущей статьѣ слѣдующее: «Единственно по его почину основныя государственныя законы могутъ подле-

---

¹⁾ Мы не будемъ касаться сдѣсь второстепенныхъ измѣненій, сдѣланныхъ въ различныхъ статьяхъ, а отмѣтимъ лишь измѣненія существенныя и принципиальныя, причемъ проектъ основныхъ законовъ, составленный дѣятелями государственной канцеляріи, будемъ обозначать въ дальнѣйшемъ текстѣ настоящей статьи проектомъ № 1, а проектъ, переработанный гр. Витте, проектомъ № 2.

жать пересмотру въ государственномъ совѣтѣ и въ государственной думѣ» (см. основные законы, ст. 8).

За симъ министерство графа Витте и некоторые изъ существенныхъ положеній объ учрежденіи государственной думы и государственнаго совѣта, а равно и правилъ о разсмотрѣніи государственной росписи доходовъ и расходовъ, всего 6 параграфовъ, внесло въ проектъ основныхъ законовъ и тѣмъ поставило возможность ихъ измѣненія въ зависимость только отъ инициативы Государя. (См. основные государственные законы, стт. 58, 59, 62, 72, 74 и 75).

По проекту № 1 «Государю Императору принадлежитъ власть верховнаго управленія. Онъ объявляетъ войну, заключаетъ миръ, а равно договоры съ иностранными государствами» (ст. 11 проекта).

Параграфъ этотъ, имѣвшій неопредѣленное указаніе на власть Государя въ верховномъ управленіи и умалчивавшій о верховномъ руководствѣ Государемъ внѣшними сношеніями государства и направленіи, имъ непосредственно, международной политики Россіи, былъ замѣненъ въ проектѣ № 2 четырьмя новыми параграфами въ слѣдующей ихъ редакціи:

«Власть управленія во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ Государю Императору въ предѣлахъ всего Государства Россійскаго. Въ управленіи верховномъ власть его дѣйствуетъ непосредственно; въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ него, согласно закону, подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ его именемъ и по его повелѣніямъ». (См. основн. гос. зак., ст. 10).

Изъ этого явствуетъ, что въ дѣлѣ верховнаго управленія государствомъ власть всецѣло принадлежитъ нераздѣльно только Государю Императору.

«Государь Императоръ въ порядкѣ верховнаго управленія издаетъ, въ соответствіи съ законами, указы и повелѣнія, необходимыя для исполненія законовъ, для огражденія государственной и общественной безопасности и порядка, а также для обезпеченія народнаго благосостоянія».

«Государь Императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, опредѣляетъ устройство отдѣльныхъ частей подчиненнаго ему управленія въ предѣлахъ суммъ, назначенныхъ на сіе управленіе по государственной росписи доходовъ и расходовъ».

Согласно этимъ двумъ параграфамъ Государь Императоръ, въ предѣлахъ существующихъ законовъ и суммъ, назначенныхъ въ законодательномъ порядкѣ по государственной росписи доходовъ и расходовъ, могъ издавать указы и повелѣнія для огражденія государственной и общественной безопасности и порядка, для обезпеченія народнаго благосостоянія, а также указами и повелѣніями могъ опредѣлять устройство отдѣльныхъ частей подчиненнаго ему управленія.

Смысль этихъ статей заключался въ томъ, чтобы избавить законодательныя учрежденія отъ различныхъ мелкихъ законовъ, касающихся самыхъ второстепенныхъ частей государственнаго управленія (какъ, напримѣръ, устройство различныхъ не только департаментовъ, но отдѣленій и столовъ). Какъ это мы увидимъ ниже, эти параграфы, проектированные министерствомъ графа Витте, однако не прошли. Вслѣдствіе сего русскія законодательныя учрежденія нынѣ загромождены массою второстепенныхъ дѣлъ (такъ называемая вермишель). Подобныя дѣла въ законодательныхъ учрежденіяхъ другихъ государствъ нигдѣ не проходятъ черезъ общія собранія сихъ учрежденій, въ особенности при двухпалатной системѣ ихъ.

«Государь Императоръ есть верховный руководитель всѣхъ внѣшнихъ сношеній Россійскаго государства съ иностранными державами. Имъ же опредѣляется направленіе международной политики Россійскаго государства. Онъ объявляетъ войну и заключаетъ миръ, а равно договоры съ иностранными государствами». (См. осн. гос. зак., ст. 12 и 13).

Изъ этого параграфа видно, что Государю принадлежитъ не только право объявленія войны, заключенія мира и договоровъ съ иностранными государствами, какъ это предполагалось по проекту № 1, а что, кромѣ того, Государь является единственнымъ верховнымъ руководителемъ всѣхъ внѣшнихъ сношеній государства и направленія его международной политики.

По проекту № 1 «Государь Императоръ есть державный вождь россійской арміи и флота. Ему принадлежитъ верховное начальствованіе надъ всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами».

Этотъ параграфъ, говорившій только о начальствованіи Государя надъ арміей и флотомъ, но умалчивавшій о принадлежности Государю власти во внутреннемъ управленіи арміей и флотомъ, а также во всемъ вообще относящемся до устройства ихъ и обороны государства, былъ пополненъ въ проектѣ № 2 слѣдующими словами:

«Онъ опредѣляетъ устройство арміи и флота и издаетъ указы и повелѣнія относительно: дислокаціи войскъ, приведенія ихъ на военное положеніе, обученія ихъ, прохожденія службы чинами арміи и флота и всего вообще относящагося до устройства вооруженныхъ силъ и обороны Россійскаго государства. Государемъ Императоромъ, въ порядкѣ верховнаго управленія, устанавливаются также ограниченія въ отношеніи права жительства и пріобрѣтенія недвижимаго имущества въ мѣстностяхъ, которыя составляютъ крѣпостные районы и опорные пункты для арміи и флота». (См. осн. зак., ст. 14).

Кромѣ этого дополненія, касающагося власти Государя относительно арміи и флота, совѣтомъ министровъ былъ еще включенъ въ проектъ основныхъ законовъ новый параграфъ:

«Постановленія по строевой, технической и хозяйственной частямъ, а равно положенія и указы учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ военнаго и военно-морского вѣдомствъ, по разсмотрѣніи военнымъ и адмиралтействъ-совѣтами, по принадлежности, непосредственно представляются Государю Императору, если только сіи постановленія, положенія и указы относятся собственно къ однимъ упомянутымъ вѣдомствамъ, не касаются предметовъ общихъ законовъ и не вызываютъ новаго расхода изъ казны, или же вызываемый ими новый расходъ покрывается сбереженіями по финансовой смѣтѣ военнаго или морского министерства, по принадлежности. Въ томъ же случаѣ, когда новый расходъ не можетъ быть покрытъ указанными сбереженіями, представленіе означенныхъ постановленій, положеній и наказовъ на высочайшее утвержденіе допускается лишь по испрошеніи въ установленномъ порядкѣ ассигнованія соответствующаго кредита. Постановленія по военно-судебной и военно-морской судебной частямъ издаются въ порядкѣ, установленномъ въ сводахъ военныхъ и военно-морскихъ постановленій». (См. осн. зак., стт. 54 и 55).

Эти два дополненія, сдѣланныя совѣтомъ министровъ, представили Государю полную власть въ дѣлѣ технической и хозяйственной организациіи арміи и флота, а также и всего относящагося до вооруженныхъ силъ и обороны государства въ предѣлахъ, которыя не касались общихъ законовъ и не вызвали новыхъ расходовъ отъ казны, сверхсмѣтныхъ ассигнованій по военному вѣдомству, устанавливаемыхъ въ законодательномъ порядкѣ государственною думою и государственнымъ совѣтомъ.

При разсмотрѣніи статей проекта основныхъ законовъ, относящихся до военнаго вѣдомства, совѣтъ министровъ остановился на вопросѣ объ укомплектованіи арміи и флота призываемыми и, принимая во вниманіе, что установленіе количества призываемыхъ предоставлено законодательнымъ учрежденіямъ и что могутъ быть случаи, когда они по какимъ-либо причинамъ не утвердятъ къ установленному сроку представленія военнаго вѣдомства о количествѣ призываемыхъ, и тѣмъ могутъ поставить въ затрудненіе оборону государства,—включилъ въ основные законы параграфъ, предоставляющій Государю право въ такихъ случаяхъ указомъ призывать на военную службу необходимое число лицъ, не свыше назначеннаго въ предыдущемъ году, въ слѣдующей редакціи:

«Если бы по заблаговременномъ внесеніи въ государственную думу предположеній о числѣ лицъ, потребномъ для пополненія арміи и флота, законъ по сему предмету не будетъ въ установленномъ порядкѣ изданъ къ 1-му мая, то указомъ Государя Императора призывается на военную службу необходимое число людей, не свыше, однако, назначеннаго въ предшествующемъ году». (См. основные законы, ст. 78).

По проекту № 1 «исходящіе отъ Государя Императора акты по управленію государствомъ скрѣпляются предсѣдателемъ совѣта министровъ или подлежащимъ министромъ».

Этотъ параграфъ проекта ставилъ опубликованіе правительствующимъ сенатомъ актовъ по государственному управленію, исходящихъ отъ Государя, въ зависимость отъ скрѣпленія ихъ предсѣдателемъ совѣта министровъ или министрами. Совѣтъ министровъ, принимая во вниманіе, что такой порядокъ примѣнимъ въ конституціонныхъ странахъ, въ которыхъ министерства зависятъ отъ парламента (парламентаризмъ), редактировалъ этотъ пунктъ такъ:

«Указы и повелѣнія Государя Императора, въ порядкѣ верховнаго управленія или непосредственно имъ издаваемые, обнародуются правительствующимъ сенатомъ».

Какъ увидимъ ниже, параграфъ этотъ при опубликованіи основныхъ законовъ былъ измѣненъ.

По проекту № 1 «Государю Императору принадлежитъ помилованіе осужденныхъ и смягченіе наказаній».

Редакція этого параграфа, не дававшая возможности судить о широтѣ правъ монаршаго милосердія, была совѣтомъ министровъ дополнена слѣдующимъ образомъ:

«и общее прощеніе совершившихъ преступныя дѣянія, съ прекращеніемъ судебного противъ нихъ преслѣдованія и освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія, а также сложеніе, въ путяхъ монаршаго милосердія, казенныхъ взысканій и вообще дарованіе милостей въ случаяхъ особыхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общихъ законовъ, когда симъ не нарушаются ничьи огражденные закономъ интересы и гражданскія права».

По проекту № 1 «постановленія свода законовъ (т. I ч. I., изд. 1892 г.) о порядкѣ наслѣдія престола (ст. 3—17) о совершеннолѣтніи Государя Императора, о правительствѣ и опекѣ (ст. 18—30), о вступленіи на престоль и о присягѣ подданства (ст. 31—34), о священномъ коронованіи и миропомазаніи (ст. 35—36), о титулѣ его императорскаго величества и о государственномъ гербѣ (ст. 37—39), о вѣрѣ (ст. 40—46) и объ императорской фамиліи (ст. 84—179) сохраняютъ свою силу».

По редакціи въ проектѣ № 1, всѣ указанныя постановленія могли быть измѣнены въ законодательномъ порядкѣ. Совѣтъ министровъ дополнилъ по поводу всѣхъ этихъ постановленій, что они «сохраняютъ силу основныхъ законовъ», т. е. могутъ быть измѣнены лишь по инициативѣ Государя, а по поводу учрежденія объ императорской фамиліи совѣтъ министровъ добавилъ:

«можетъ быть измѣняемо и дополняемо только лично Государемъ Императоромъ въ преуказываемомъ имъ порядкѣ, если измѣненія и дополненія сего учрежденія не касаются законовъ общихъ

и не вызываютъ новаго отъ казны расхода». (См. основные законы, ст. 24—и 25).

По проекту № 1 «закономъ могутъ быть установлены изъятія изъ дѣйствія изложенныхъ въ сей главѣ (о правахъ и обязанностяхъ россійскихъ подданныхъ) постановленій для лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной или гражданской службѣ, а также для мѣстностей, объявленныхъ на военномъ положеніи или въ положеніи исключительномъ. Порядокъ объявленія мѣстности въ положеніи военномъ или исключительномъ, а равно ограниченія въ примѣненіи указанныхъ постановленій опредѣляются закономъ. Существующія въ семъ отношеніи особыя постановленія сохраняютъ свою силу впредь до пересмотра ихъ въ установленномъ порядкѣ».

По редакціи этого параграфа, объявленіе мѣстностей въ положеніи военномъ или исключительномъ опредѣлялось закономъ и не могло послѣдовать по усмотрѣнію Государя. Въ виду этого совѣтъ министровъ раздѣлилъ этотъ параграфъ на два, съ указаніемъ, что всѣ изъятія изъ дѣйствія постановленій въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи или исключительномъ, опредѣляются закономъ, а что самое объявленіе мѣстностей на военномъ или исключительномъ положеніи предоставляется Государю, и редактировалъ эти параграфы слѣдующимъ образомъ:

«Изъятія изъ дѣйствія изложенныхъ въ сей главѣ постановленій въ отношеніи мѣстностей, объявленныхъ на военномъ положеніи или въ положеніи исключительномъ, опредѣлены особыми законами». (См. основные законы, ст. 41).

«Государь Императоръ объявляетъ мѣстности па военномъ или исключительномъ положеніи». (См. основные законы, ст. 15).

Кромѣ вышеуказанныхъ измѣненій въ проектѣ № 1 основныхъ законовъ, совѣтомъ министровъ были включены въ него слѣдующіе новые дополнительные параграфы:

«Государю Императору принадлежитъ право чеканки монеты и опредѣленія вѣшняго ея вида». (См. осн. законы, ст. 16).

«Государь Императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, устанавливаетъ въ отношеніи служащихъ ограниченія, вызываемыя требованіями государственной службы». (См. основные законы, ст. 18).

«Государь Императоръ издаетъ непосредственные указы и повелѣнія, какъ въ отношеніи имуществъ, лично его собственности составляющихъ, такъ равно и въ отношеніи имуществъ, именуемыхъ государевыми, кои, всегда принадлежатъ царствующему императору, не могутъ быть завѣщаемы, поступать въ раздѣлъ и подлежать инымъ видамъ отчужденія. Какъ тѣ, такъ и другія имущества не подчиняются платежу налоговъ и сборовъ. Государю Императору, какъ главѣ императорскаго дома, принадлежатъ, согласно учре-

жденію объ императорской фамиліи, распоряженія по имуществамъ удѣльнымъ. Имъ же опредѣляются также устройство состоящихъ въ вѣдѣніи министра императорскаго двора учреждений и установлений, равно какъ порядокъ управленія оными». (См. основные законы, ст. 20 и 21).

Основные государственные законы были высочайше утверждены 23-го апрѣля, послѣ ухода со своего поста графа Витте (22-го апрѣля) и были опубликованы 25-го апрѣля 1906 года, черезъ нѣсколько дней послѣ замѣны министерства графа Витте—министерствомъ И. Л. Горемыкина, причемъ редакція двухъ параграфовъ, проектированныхъ министерствомъ графа Витте, была существенно измѣнена въ послѣдніе три дня послѣ 22-го апрѣля.

По проекту № 2: «Государь Императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, опредѣляетъ устройство отдѣльныхъ частей подчиненнаго ему управленія въ предѣлахъ суммъ, назначенныхъ на сіе управленіе по государственной росписи доходовъ и расходовъ».

Изъ этого слѣдовало, что Государь, въ порядкѣ верховнаго управленія, въ предѣлахъ назначенныхъ законодательнымъ порядкомъ суммъ, опредѣлялъ устройство отдѣльныхъ частей подчиненнаго ему управленія. Введеніемъ этого пункта, какъ говорилось выше, министерствомъ графа Витте имѣлось въ виду освободить законодательныя учрежденія отъ затроможденія ихъ разсмотрѣніемъ мелкихъ второстепенныхъ законовъ.

Этотъ параграфъ въ опубликованныхъ основныхъ законахъ былъ выпущенъ.

По проекту № 2 «Указы и повелѣнія государя императора, въ порядкѣ верховнаго управленія или непосредственно имъ издаваемые, обнародуются правительствующимъ сенатомъ».

Редакція этого параграфа, предоставлявшая право правительствующему сенату опубликовывать высочайшіе акты, изданные въ порядкѣ верховнаго управленія и непосредственно, внѣ скрѣпы подписи Государя министрами, была измѣнена въ опубликованныхъ основныхъ законахъ слѣдующимъ образомъ:

«Указы и повелѣнія Государя Императора, въ порядкѣ верховнаго управленія или непосредственно имъ издаваемые, скрѣпляются председателемъ совѣта министровъ или подлежащимъ министромъ либо главноуправляющимъ отдѣльною частью и обнародуются правительствующимъ сенатомъ». (См. основные законы, ст. 26). Такая редакція этого параграфа явилась повтореніемъ редакціи, проектированной дѣятелями государственной канцеляріи по проекту № 1.

Изложенное показываетъ, кто именно въ смутное время 1904—1906 гг. растерялся, идя навстрѣчу крайнимъ либеральнымъ воз-

зрѣніямъ: министерство ли графа Витте, или другіе тогдашніе совѣтники Государя, не входившіе въ это министерство.

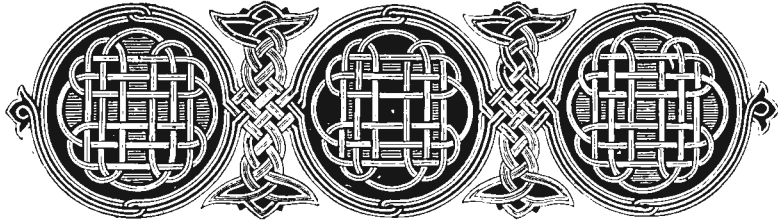
Партиійныя клички, получившія нынѣ право гражданства («правые», «лѣвые», «консерваторы») на протяженіи историческаго времени явно совершили свою эволюцію. Шествующій нынѣ по дорогѣ жизни подъ знаменемъ, на которомъ значится «правый», семь лѣтъ тому назадъ работалъ какъ будто на пользу лѣваго направленія. Пользующійся нынѣ репутаціей «лѣваго» тогда же сыгралъ при составленіи основныхъ законовъ консервативную роль. Темътога mutantur... Окончательные выводы предоставляемъ сдѣлать самимъ читателямъ.

Б. Глинскій.

P. S. Въ нашей предыдущей статьѣ «Къ вопросу о титулѣ самодержецъ» вкралась досадная описка на стр. 577. Тамъ сказано (строка 14 сверху) «государственнаго совѣта», а слѣдовало сказать: «совѣта министровъ».

Б. Г.

ПОЪЗДКА НА ВАЛААМЪ.

О черкъ.

I.

ОНАСТЫРСКИЙ пароходъ «Валаамъ» отходить отъ Калашниковской пристани лѣтомъ два раза въ недѣлю: по вторникамъ и по пятницамъ. О размѣрахъ паломничества на Валаамъ я не имѣлъ никакого представленія и думалъ, что если я приѣду на пристань за часъ до отплытія парохода, то этого будетъ вполне достаточно. Расчеты мои не оправдались. На пристани толпилось человѣкъ двѣсти съ узлами, чемоданами, корзинами и саквояжами. Пароходъ былъ уже цереполненъ. Оставшіеся на берегу кричали на разные голоса, размахивали руками и вообще всѣми силами старались разжалобить монаха, выдававшего билеты. Къ билетной кассѣ выстроилась очередь, но сохранить въ ней мѣсто было совершенно невозможно: посреди пристани стояли длинныя скамьи, предпримчивые паломники забирались на нихъ и сверху обрушивались на людей, стоявшихъ въ очереди. Вскорѣ все такъ перепуталось, что нельзя было разобрать ни начала, ни конца. Какимъ-то образомъ въ очередь попали провожающіе, а тѣ, которые собрались ѣхать, стояли въ сторонѣ съ такимъ видомъ, какъ будто они никуда и не думаютъ ѣхать. Единственный представитель власти, городской рѣчной полиціи, стоялъ, ни во что не вмѣшиваясь, и видно было, что все происходившее доставляло ему громадное

удовольствіе. Стало очевиднымъ, что на пароходъ понасть невозможно. Дѣйствительно, вскорѣ появился маленькій, проворный монахъ и, взобравшись на какое-то возвышеніе, закричалъ отчаяннымъ голосомъ:

— Господа! Больше ни одинъ человѣкъ не получитъ билета!..

Поднялись вопли и крики, но все заглушилъ пароходный гудокъ. Монахъ скомандовалъ убрать трапъ, а самъ крикнулъ капитану: «Готово!»—и полѣзъ съ ловкостью матроса по какой-то веревкѣ на верхнюю палубу. Третій гудокъ—и пароходъ медленно отвалилъ отъ пристани. Средняя, носовая и верхняя палубы были усеяны пассажирами; всѣ крестились. Съ пристани махали платками и шляпами, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока пароходъ не скрылся изъ виду.

Паломники стали уже понемногу расходиться, какъ на пристани опять поднялось движеніе: подошелъ финскій пароходъ «Койта», который совершаетъ тѣ же рейсы, что и «Валаамъ»: Петербургъ — Коневецъ—Валаамъ—Сердоболь. У паломниковъ появилась надежда уѣхать съ этимъ пароходомъ. Обратились къ капитану. Флегматичный финнъ выслушалъ всѣ представленія и съ высоты капитанскаго мостика сталъ держать рѣчь, сущность которой сводилась къ тому, что, по расписанію, пароходъ долженъ уйти въ четвергъ, но если пассажиры дадутъ триста рублей, то онъ уйдетъ и сегодня. Стали считать паломниковъ,—оказалось шестьдесятъ человѣкъ. По пяти рублей въ одинъ конецъ никто не захотѣлъ платить,—обратный билетъ третьяго класса на монастырскій пароходъ стоитъ четыре рубля. Переговоры ни къ чему не привели, и всѣ разошлись.

Существуетъ очень простой способъ попасть на пароходъ безъ особенныхъ затрудненій: взять билетъ заранее, наканунѣ отплытія парохода. Когда мнѣ сказали объ этомъ, я удивился, какъ это мнѣ самому не пришло въ голову. Въ четвергъ я пришелъ за билетомъ, но монаха, завѣдывающаго кассою, на пароходѣ не было,—уѣхалъ въ городъ. Когда придетъ? Неизвѣстно. Определеннаго времени для выдачи билетовъ нѣтъ, а кому нужно, тотъ ожидаетъ полдня. Человѣкъ десять терпѣливо ожидали монаха. Общее вниманіе привлекла маленькая, сморщенная старушка съ красными воспаленными глазами и не русскимъ типомъ лица. За плечами у нея былъ холщевый, туго набитый мѣшокъ, на ногахъ лыковые лапти, въ рукахъ—суковатая палка. Старуха охотно отвѣчала на вопросы и рассказала, что идетъ пѣшкомъ изъ Казанской губерніи на Валаамъ; вышла около лѣтняго Николы, въ пути была семь недѣль. Родомъ она чувашка, родныхъ у нея нѣтъ и она ходитъ теперь по святымъ мѣстамъ. Была два раза въ Кіевѣ, два раза въ Соловкахъ, въ Почаевѣ, въ Саровѣ, въ Новомъ Иерусалимѣ, въ Кронштадтѣ... И все это пѣшкомъ, а ей 65 лѣтъ!

— Деньги нѣту, пѣшкомъ ходимъ, нугамъ ходимъ,—говорила чувашка, и когда ей сказали, что на Валаамъ пѣшкомъ попасть нельзя, она была этимъ недовольна. Я смотрѣлъ на эту старую чувашку и думалъ: какая сила живетъ въ народѣ, что гоняетъ людей изъ Казанской, Вятской, Ярославской губерній то въ Кіевъ, то въ Соловки, то на Валаамъ, то въ Иерусалимъ или на Афонъ... И люди, совершающіе столь великій нравственный подвигъ, проходящіе пѣшкомъ, «нугамъ», тысячи верстъ, даже не считаютъ этого за подвигъ. Просто идутъ «потрудиться для Бога». Но въ прежнія времена паломничество имѣло болѣе широкое значеніе. Помню того, что оно было факторомъ религіозно-нравственной жизни народа, оно всегда служило показателемъ извѣстной степени умственного развитія народа: записки паломниковъ и описанія путешествій составляютъ цѣлую литературу. Въ XVI столѣтіи Византія поступилась своимъ православіемъ; греки перестали быть учителями и наставниками русскихъ въ православной вѣрѣ,—они уже были отступниками. Флорентійская унія охладила стремленіе русскихъ паломниковъ къ святымъ мѣстамъ Востока; паломничество переносится внутрь страны, и литература замѣтно падаетъ. Живыя, увлекательныя описанія путешествій смѣняются сухимъ перечнемъ посѣщаемыхъ мѣстъ. Тутъ немало повліяли и сношенія съ Западомъ, внесшія тотъ научный скептицизмъ, который разрушаетъ, подтачиваетъ вѣру. Народъ продолжаетъ вѣрить глубоко, искренно, но не рѣшается довѣрить свои чувства бумагѣ, опасаясь того же научнаго скептицизма,—и народная вѣра становится замкнутой, безсознательной, вѣрою не ума, а сердца. Къ началу XVIII вѣка паломничество, не имѣя уже своей литературы, перестало быть фактомъ умственной жизни народа, но оно осталось попрежнему нравственнымъ подвигомъ, дѣломъ угоднымъ Богу, и Кіевъ, Соловки, Валаамъ, Почаевъ и Саровъ являются и въ наше время могучими центрами русской, народной, религіозной жизни.

Со слѣдующимъ пароходомъ я наконецъ уѣхалъ. На пристани я увидѣлъ уже знакомую мнѣ картину: такъ же кричали паломники, такъ же надрывался монахъ, и только городской сохранялъ совершенное спокойствіе. На палубѣ, передъ образомъ Николая Чудотворца, отслужили молебень. Третій гудокъ, мелодическіе звонки на каштанскомъ мостикѣ, и пароходъ медленно отходитъ, огибаешь барочную флотилію и, выйдя на середину Невы, прибавляетъ ходу. Десять часовъ утра. Прекрасный, тихій, солнечный день. Минуемъ фабрики, заводы, пригороды, поселки, и только верстъ черезъ двадцать передъ нами развертываются зеленые берега, небольшія рожи, кое-гдѣ, сквозь зелень деревьевъ, проглядываютъ хорошенькія, нарядныя дачи. По лѣвому берегу пролегаетъ почтовый трактъ на Шлиссельбургъ.

Пароходъ «Валаамъ» хорошо извѣстенъ береговымъ жителямъ Невы; вверхъ и внизъ по рѣкѣ онъ проходитъ четыре раза въ недѣлю. Всюду намъ устраивали торжественныя встрѣчи; завидѣвъ пароходъ, люди бросали свое дѣло и начинали махать платками, руками, шапками и чѣмъ только можно было. Особенное усердіе проявляли ребятишки; они до изнеможенія бѣжали по берегу за пароходомъ. Навстрѣчу намъ попадались онежскіе пароходы, буксирные съ баржами и парусныя лайбы и соймы. «Валаамъ» шель со скоростью пятнадцати верстъ въ часъ; противъ теченія больше пройти онъ не можетъ. Онежскіе пароходы болѣе быстроходны; за Усть-Ижорой насъ обогналъ одинъ такой пароходъ, вышедшій послѣ насъ, и быстро скрылся изъ виду. Почти всѣ пассажиры, пользуясь прекрасной погодой, были наверху. Средняя и носовая палубы были переполнены такъ, что съ трудомъ можно было двигаться. Большинство публики составляло простонародье; крестьянъ, собственно, не было; занятые полевыми работами, они пріѣзжаютъ на Валаамъ только въ Петровъ день. Теперь же ѣхали мелкіе служащіе, сидѣльцы, приказчики, дворники, зажиточные мѣщане съ семьями, рабочіе и безработные—люди безъ профессіи, для которыхъ прожить въ монастырѣ недѣлю—другую болѣе выгодно, чѣмъ работать. Во второмъ классѣ ѣхали чиновникъ, офицеръ и нѣсколько почтенныхъ буржуа. Въ дамскомъ салонѣ—сырыя, тяжелыя и тупыя куличихи и двѣ-три интеллигентныя дамы, безъ всякаго благочестія на лицѣ, а съ однимъ только выраженіемъ любопытства и скуки. На средней палубѣ велись благочестивые разговоры.

— Бога забываемъ,—вздыхала жалобно пожилая женщина:— о душѣ не думаемъ, такъ вотъ все грѣхи, заботы... Въ кой-то вѣки соберешься потрудиться для Бога.

— Не всѣ и забываютъ,—вступился за челоуѣчество угрюмый молодой челоуѣкъ въ высокихъ сапогахъ, пиджакѣ и синемъ картузѣ, профессіи совершенно неопредѣленной:—не всѣ забыли еще, ѣдутъ же вотъ.

— Вспомнили и ѣдутъ. Кто для души, а кто и такъ.

— Разные случаи въ жизни бываютъ,—оттого,—пояснилъ угрюмый молодой челоуѣкъ, но какіе съ нимъ случаи бывали—разсказывать не сталъ.

На носовой палубѣ всѣ пили чай. Здѣсь разговоры носили дорожный характеръ, о монастырѣ не говорили. Кромѣ чая, пили еще кое-какіе напитки, я замѣтилъ нѣсколькихъ пьяныхъ. На монастырскомъ пароходѣ это было совсѣмъ не къ мѣсту, но администрація, очевидно, безсильна въ этомъ отношеніи. Правда, на пароходѣ спиртныхъ напитковъ нѣтъ и употребленіе ихъ запрещается, но это нисколько не мѣшаетъ паломникамъ брать ихъ съ собой въ потребномъ количествѣ. Уже одно это явленіе показывало, что не всѣ ѣхали на Валаамъ ради нравственнаго подвига; нѣкоторая часть ѣхала ради праздности и безмятежной жизни въ монастырѣ.

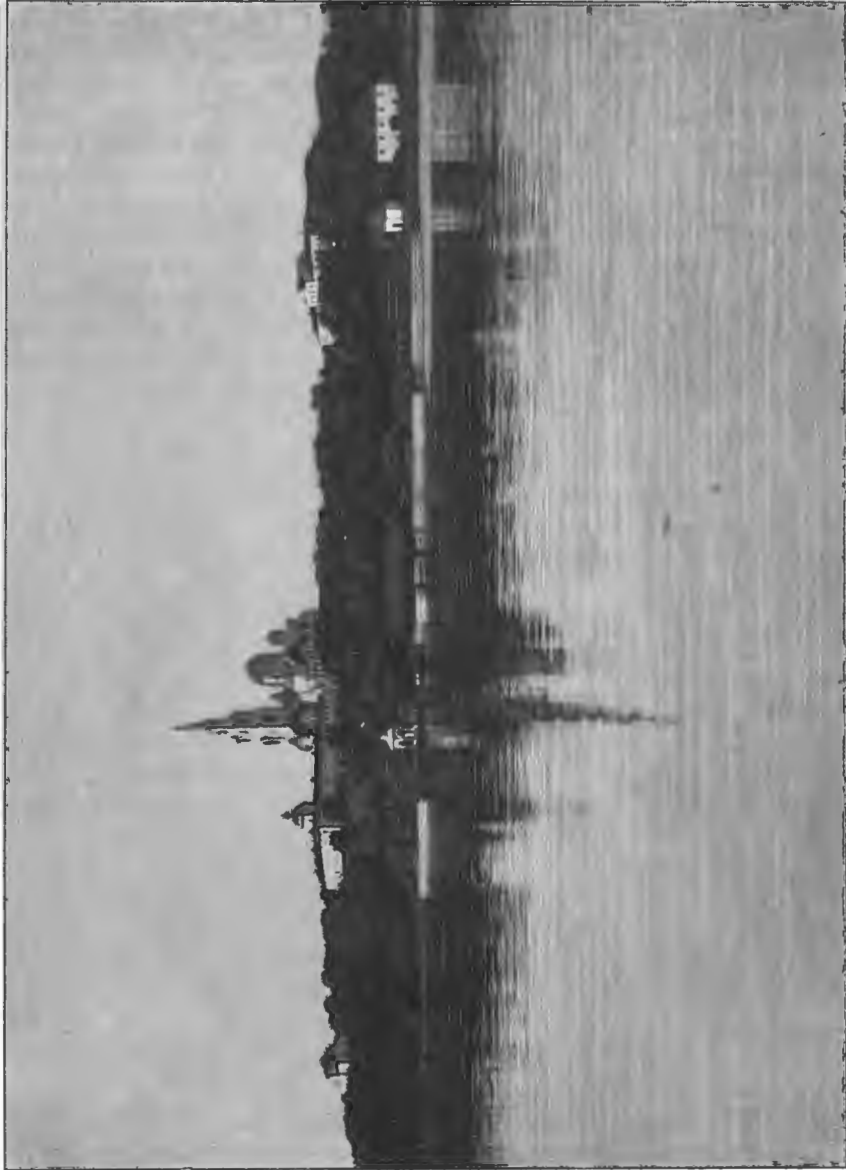
Слѣдуетъ замѣтить, однако, что такихъ паломниковъ дастъ только городъ. Вскорѣ одинъ изъ подвыпившихъ паломниковъ забунтовалъ. Претензіи свои онъ выражалъ весьма туманно, но когда пришелъ маленькій монахъ и хотѣлъ увести его внизъ, онъ рѣшительно воспротивился.

— Не... ж-желаю!... П-нимаешь? Не хочу! А ты кто такой? А? Взятся везти, такъ вези!..

Монахъ настаивалъ, пьяный угрожалъ, что бросится въ воду, если его не оставятъ въ покоѣ. Дѣйствительно, онъ порывался къ периламъ и такъ какъ потерялъ устойчивость, то могъ легко свалиться за бортъ. Такимъ способомъ онъ думалъ досадить администраціи парохода.

Дѣло кончилось тѣмъ, что монахъ подозвалъ матроса, и пьянаго паломника повели внизъ. Этотъ маленькій монахъ, отецъ Рувимъ, на пароходѣ главное лицо. Онъ представитель монастыря и завѣдуетъ всей хозяйственной частью. Капитанъ, симпатичный старикъ-финнъ, во внутреннія дѣла парохода не вмѣшивается, но имѣетъ общее наблюденіе за порядкомъ. Пароходный буфетъ замѣчательнъ своими высокими цѣнами. Пассажировъ перваго и втораго класса, которые могли бы платить по такимъ цѣнамъ, очень немного, громадное большинство составляютъ пассажиры третьяго класса, такъ что является совершенно непонятнымъ, для кого эти цѣны установлены.

Въ два часа пароходъ подошелъ къ Шлиссельбургу. Передъ нами выросли угрюмыя стѣны крѣпости. Историческіе узники смѣнились простыми арестантами, которые копошились теперь подъ стѣною, производя какія-то работы. Сердобольные паломники махали арестантамъ платками. Въ Шлиссельбургѣ пароходъ останавливается, не подходя къ пристани, на полчаса для выполненія какихъ-то формальностей; чиновники подъѣзжаютъ на лодкѣ. Выходимъ въ открытое озеро; пароходъ взялъ курсъ къ Коневцу, придерживаясь лѣваго, финскаго берега. Съ правой стороны—необозримая водная равнина, съ лѣвой—узкая полоска, покрытая лѣсомъ,—Финляндія. Идемъ со скоростью двадцати верстъ въ часъ. Я сижу на кормѣ и лѣнивымъ взоромъ слѣжу убѣгающія волны. Небо ясное, воздухъ чистый и холодный, солнце ласково грѣетъ,—озеро сливается съ горизонтомъ, пароходъ мѣрно подрагиваетъ, хорошо! На средней палубѣ, у образа святителя Николая, собралось съ десятокъ паломницъ и поютъ церковные стихи. Поютъ плохо, нескладно, но настроеніе кругомъ благочестивое, и всѣ ихъ слушаютъ съ удовольствіемъ и потихоньку подпѣваютъ. Съ наступленіемъ вечера замѣтно освѣжѣло. Общее помѣщеніе третьяго класса было переполнено. Здѣсь пассажирамъ не предоставлено никакихъ удобствъ. Обстановка не совсѣмъ пригодна для продолжительнаго путешествія, съ ночевкой въ пути. Спать совсѣмъ негдѣ, паломники

Валаамскій монастирь.

снять вновалку на полу. Никто, впрочемъ, на это не ропщетъ. Напротивъ, даже какъ будто необходимо, чтобы было тѣсно, грязно и неудобно—это для Бога, для души. Не знаю, полезно ли это для души, но для здоровья навѣрное вредно. Въ дорогѣ чай пьютъ во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ. Пили и теперь. За чаемъ велись назидательные разговоры; рассказывали рѣдкіе случаи праведной жизни, философствовали. Общимъ вниманіемъ овладѣлъ высокій, крѣпко сложенный старикъ, который рассказывалъ своимъ сосѣдямъ всевозможныя легенды о священномученицѣ Варварѣ, прекрасномъ Иосифѣ, святомъ Аверкіи и другихъ. Рассказывалъ онъ громко, бойко и увѣренно, и все его слушали внимательно. Все его рассказы имѣли одну особенность: вездѣ фигурировалъ какой-то царь Максимилянъ. Мѣнялись имена святыхъ, мѣнялись ихъ подвиги, измѣнялась фабула разсказа, но царь Максимилянъ былъ неизмѣненъ. Кромѣ того, рассказчикъ часто приговаривалъ ни къ селу, ни къ городу: «и больше ничего!» что до нѣкоторой степени вліяло на смыслъ разсказа.

— ... Вотъ прослышалъ царь Максимилянъ, что въ городѣ Ярополѣ собралось много язычниковъ. Тогда царь созываетъ свое храброе войско, и больше ничего! и говорить: храбрые воины, мы должны взять городъ Ярополь и постоять за истинную вѣру, и больше ничего!

Въ слѣдующей «сторіи» Максимилянъ оказывается уже язычникомъ, хотя только что былъ христіаниномъ и стоялъ за вѣру истинную.

— Тогда царь Максимилянъ и говорить: приведите мнѣ, говорить, этого человѣка, который не поклоняется нашимъ богамъ. Вотъ святой Аверкій надѣваетъ орань ¹⁾ и приходитъ къ нему, и больше ничего, а царь Максимилянъ ему говорить: если, говорить, ты не поклонишься нашимъ богамъ, то я прикажу съ тебя живого кожу содрать, и больше ничего.

Одинъ изъ слушателей, кроткій, благообразный старикъ, вздумалъ было усомниться въ правдивости какой-то «сторіи», но рассказчикъ поднялъ такой шумъ и столько привелъ всевозможныхъ цитатъ и ихъ толкованій, что кроткій старикъ поспѣшилъ сдаться и всякій разъ, на вопросъ рассказчика: «правда, старикъ, или нѣтъ?» только зажмуривалъ глаза и покорно отвѣчалъ: «правда, правда». Но рассказчикъ не унимался.

— А хочешь, я тебѣ разскажу сторію, какъ святой Аверкій заставилъ дьявола нести камень въ двѣнадцать тысячъ пудовъ за шесть тысячъ верстъ? Вотъ тогда ты и скажешь, правда, или нѣтъ.

Кроткій старикъ только жмурился и не хотѣлъ уже никакихъ «сторій».

¹⁾ Вѣроятно, орань.

Скитъ Всѣхъ Святыхъ на Валаамѣ.

Пароходный гудокъ возвѣстилъ приближеніе къ Коневцу. Паломники двинулись на верхнюю палубу. Островъ ясно выдѣлялся овальнымъ пятномъ на потемнѣвшей водной поверхности.

Монастырь скрытъ зеленью сада и лѣса и виденъ только на близкомъ разстояніи. Нѣтъ ни бухты, ни залива; воздвигнуть каменный молъ и далеко отъ берега выведена пристань. Въ бурю здѣсь для судовъ ненадежный пріютъ. Нашъ пароходъ пошелъ въ Сортанъ-Лахту предъявлять бумаги, всѣ паломники сошли на берегъ и направились въ церковь, гдѣ служился молебенъ Коневской Божіей Матери и чудотворцу коневскому преподобному Арсенію. Въ нижнемъ храмѣ, гдѣ служился молебенъ, двѣ главнѣйшихъ святыни: серебряная рака съ мощами преподобнаго Арсенія и икона Коневской Божіей Матери, вывезенная Арсеніемъ съ Аоона въ 1393 году. Этотъ же годъ считается и годомъ основанія монастыря. До 1610 года обитель мирно процвѣтала; затѣмъ, когда Корелія перешла въ руки шведовъ, монастырь болѣе ста лѣтъ находился въ запустѣніи.

Возобновленъ былъ монастырь при Петрѣ Великомъ; въ указѣ отъ 6-го мая 1718 года сказано: «Великій государь велѣлъ оной Коневской островъ и островъ Восчаной, который былъ въ присутствіи къ тому жъ Коневскому острову, отдать имъ (игумену Леонтію съ братіей) съ принадлежащими къ тѣмъ островамъ угодіи и съ рыбными ловли по прежнему во владѣніе; а они-де будутъ на томъ Коневскомъ острову созидать святую обитель съ прочимъ населеніемъ»¹⁾.

Единственная достопримѣчательность острова—Конь-камень, отъ котораго островъ и получилъ названіе Коневца. Камень этотъ, по преданію, служилъ предметомъ особаго почитанія язычниковъ-корель, ежегодно приносившихъ ему въ жертву одного коня. По мнѣнію геологовъ, камень занесенъ на островъ плавучими льдинами съ финскихъ береговъ; онъ изъ сѣраго сердобольскаго гранита, вышиною шесть аршинъ, толщиною—девять и длиною—тринадцать. На вершинѣ поставлена небольшая деревянная часовня. 14-го мая 1844 года великій князь Константинъ Николаевичъ, осматривая островъ, снялъ рисунокъ съ Конь-камня, въ память чего и прибита къ камню мраморная доска съ надписью. Коневскій монастырь никогда не игралъ видной роли въ исторіи православной церкви. Онъ не создалъ себѣ даже славы строгой, подвижнической жизни, подобно Валааму или Соловкамъ. Паломники открыто говорятъ, что въ монастырѣ продается водка и табакъ. При мнѣ одинъ изъ богомольцевъ ходилъ къ монахамъ покупать папирсы и принесъ ихъ цѣлую коробку. Всѣ эти печальные факты, конечно, говорятъ не въ пользу репутаціи монастыря и братіи. Въ свое время еще худшей славой пользовалась Сергіева пустынь подъ Петербургомъ, и

¹⁾ Николай (Озерецковскій). «Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому». Спб. 1792.

Колодезь Всѣхъ Святыхъ на Валаамѣ.

нуженъ былъ Игнатій Брянчаниновъ, чтобы подтянуть обитель. Коневскій монастырь, кажется, тоже нуждается въ своемъ Брянчаниновѣ.

Пароходъ обыкновенно ночуетъ въ Коневцѣ и на Валаамъ приходитъ къ двѣнадцати часамъ слѣдующаго дня, но теперь, по случаю храмоваго праздника на Валаамѣ 29-го іюня, расписание было измѣнено. Нашъ пароходъ отошелъ тотчасъ же послѣ молебна и на Валаамъ пришелъ къ двумъ часамъ ночи.

Начинало свѣтатъ. Былъ виденъ уже высокій скалистый берегъ, поросшій лѣсомъ, показался Никольскій скитъ, расположенный на островѣ Никольскомъ, при входѣ въ длинный монастырскій заливъ. Монастырь находится на горѣ и представляетъ собою два четырехугольника, заключенныхъ одинъ въ другомъ. Очень красива новая церковь съ высокой колокольней и куполами въ три цвѣта: зеленый, синий и золотой. Паломники хлынули въ гостиницу, но тамъ заявили имъ, что до шести часовъ помѣщенія никому не будетъ, а вотъ уйдетъ пароходъ въ шесть часовъ, съ нимъ уѣдутъ многіе изъ прежнихъ богомольцевъ, тогда пожалуйста. Къ Петрову дню пріѣзжаетъ столько народа, что въ гостиницѣ, рассчитанной на тысячу человѣкъ, становится тѣсно. Насъ, шестерыхъ человѣкъ, помѣстили въ маленькую келію въ мансардѣ, гдѣ было всего пять коекъ.

Наклонный деревянный потолокъ мансарды весь испещренъ надписями, подписями и инициалами. Одинъ извѣщаетъ, что былъ на Валаамѣ такого-то числа и года и просился работать на огородъ, но его не пустили. Другой расписывается въ томъ, что косилъ сѣно, третій кратко сообщаетъ: «Былъ здѣсь и старался. Иванъ Николаевъ».

Валаамскій монастырь значительно старше Коневского, и его исторія очень интересна. Основаніе его приписывается св. апостолу Андрею. Въ древней рукописи «Оповѣдь» говорится объ этомъ такъ: «Св. Андрей отъ Иерусалима прошедь Голядь, Косогъ, Родень, Скефъ, Скифъ и Словенъ смежныхъ лугами достигъ Смоленска и ополченій Скофъ и Славянска Великаго и Ладогу оставя, въ лодью сѣвъ, въ бурное, вращающееся озеро на Валаамъ пошелъ; крестя повсюду и поставляя по всѣмъ мѣстамъ кресты каменные. Ученики же его Сила, Фирсъ, Елисей, Лукославъ, Иосифъ, Косма повсюду сдѣлали ограды, и всѣ посадники доѣзжали отъ Словенска и Смоленска, и многіе жрецы окрестились и капища Перуна и Велеса разрушили и уничтожили» ¹⁾.

О пребываніи Андрея Первозваннаго на Валаамѣ находимъ еще указанія въ «Вселѣтникѣ» кіевскаго митрополита Иларіона, 1051 года:

«Ноября 30-го св. апостола всехвальнаго Андрея Первозваннаго и церкви поборника восхвалимъ зане, якоже древле тому пріити въ Кіевъ, Смоленскъ, Новградъ, Друзино (Грузино) и Волаамо».

Иноческая жизнь появилась на Валаамѣ гораздо ранѣе св. Ольги; въ 960 году, какъ видно изъ житія св. Авраамія Ростовскаго, тамъ уже было устроенное монастырское братство, управляемое игуменомъ. Основателемъ монашества считается св. Сергій, валаамскій чудотворецъ. Онъ припелъ на Валаамъ, какъ говорится въ церков-

¹⁾ Переводъ Сулакадзева, знатока и изслѣдователя отечественныхъ древностей.

пой службѣ, «отъ восточныхъ странъ». Монашество установилъ онъ вмѣстѣ съ преподобнымъ Германомъ, который пришелъ послѣ него, и о нихъ говорится въ церковной службѣ, что «ихъ любовь къ Богу была неразлучна, союзъ братолюбія истиненъ, молитва непрестанна». Въ письменныхъ памятникахъ послѣдующаго времени говорится, что св. Сергій и Германъ закономъ установили въ монастырѣ общежительство. Первый игумень, который встрѣчается въ рукописяхъ монастыря, былъ Іоакимъ, за нимъ былъ Θεогностъ (во второй половинѣ X вѣка); при нихъ было уже правильное устройство. Монастырь, во время войнъ Россіи со шведами, много разъ подвергался разоренію. Въ 1578 году шведы напали на обитель и перебили восемнадцать старцевъ и шестнадцать послушниковъ. Даль-

Воскресенскій скитъ на Валаамѣ.

нѣйшія нападенія заставили иноковъ искать спасенія въ Антоніевомъ Дымскомъ монастырѣ, гдѣ былъ введенъ валаамскій уставъ. Въ 1597 году, по донесенію Бориса Годунова «про нужду и терпѣніе Валаамскаго монастыря игумена Давида съ братією, что учинилось разореніе отъ свейскихъ людей ихъ монастырю», царь Феодоръ Іоанновичъ повелѣлъ за счетъ царской казны возобновить обитель, устроить въ ней церкви, трапезу, ограду, кельи и предоставить монастырю владѣть попрежнему вотчиною, рыбными ловлями и угодьями «по нашимъ жалованнымъ грамотамъ и писцовымъ книгамъ» ¹⁾.

¹⁾ Рукописная лѣтопись Валаамскаго монастыря, составленная Сулакадзевымъ: тамъ же копія съ жалованныхъ грамотъ.

Въ 1611 году шведы, взявши Кексгольмъ, высадились на Валаамъ и весь островъ предали огню и мечу. Всѣ монастырскія строенія были сожжены; шведы построили жилища для себя, надѣясь утвердить на островѣ свое владычество. По Столбовскому договору 1617 года, Россія уступала Швеціи Корелію, Ингерманландію и Кексгольмъ. Островъ Валаамъ на цѣлое столѣтіе перешель въ руки шведовъ и оставался въ запустѣніи до 1715 года, когда повелѣніемъ Петра Великаго поручено было архимандриту Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря Иринарху возобновить Валаамскій монастырь. Въ настоящее время Валаамскій монастырь одинъ изъ благоустроеннѣйшихъ монастырей въ Россіи. Ведется образцовое хозяйство; въ конюшняхъ около сотни лошадей, на молочной фермѣ семьдесятъ коровъ; работаютъ смолевой, кожевенный и кирпичный заводы. Устроены водопроводъ, разведенъ фруктовый садъ, осушаются болота, удобряется почва. Остается только удивляться, когда монахи все это успѣваютъ при ихъ образѣ жизни—почти непрестанной молитвѣ. Лѣтомъ въ половинѣ четвертаго утра уже звонятъ къ ранней обѣднѣ. Служба идетъ отъ четырехъ до семи, а отъ восьми до десяти съ половиной, по праздникамъ до двѣнадцати—поздняя обѣдня. Въ пять часовъ начинается вечерня, въ девять—вечернее правило, наканунѣ праздниковъ—всенощная до двѣнадцати часовъ. Зимю молятся еще больше: ранняя обѣдня начинается въ два часа ночи. По первому звону братія выходитъ изъ келій, и неторопливо, одинъ за другимъ, въ клобукахъ и мантияхъ направляются монахи въ церковь. Служба медленная, торжественная, не служба даже, а служеніе, и видно, что въ немъ вся жизнь этихъ людей, всѣ ихъ стремленія и помыслы.

Сильное и глубокое впечатлѣніе производитъ всенощная. Обширный храмъ тонетъ въ полумракѣ; четко выдѣляются потемнѣвшія иконы, освѣщенныя множествомъ свѣчей. Изъ алтаря доносится проникновенный голосъ іеромонаха, ему отвѣчаетъ хоръ, раздѣленный на два крыла. Всякій разъ, когда іеромонахъ или іеродіаконъ выходитъ изъ алтаря, онъ низко кланяется игумену, сѣдалище котораго наискось отъ царскихъ вратъ, противъ Распятія. Игумень отвѣчаетъ еще болѣе низкимъ поклономъ; монахи какъ бы состязаются въ смиреніи. Пѣвчіе выходятъ на сходы, т. е. на середину церкви, оба крыла вмѣстѣ. Канонархъ читаетъ строфы пѣснопѣвній одну за другой; пѣвчіе поютъ прочитанную строфу вслѣдъ за канонархомъ. Окончанія сливаются съ началами, печальный напѣвъ звенитъ и замираетъ и опять звучитъ торжественно и громко. Хоръ отлично подобранъ и хорошо знаетъ ноты.

Всей братіи въ монастырѣ около тысячи человекъ. Они раздѣляются на послушниковъ, рясофорныхъ монаховъ (малый постригъ), маватейныхъ или мантийныхъ, іеродіаконовъ, іеромонаховъ, схимниковъ и іеросхимонаховъ. Мантийные монахи очень красивы и ве-

личавы въ своихъ клобукахъ и длинныхъ, черныхъ мантияхъ. Среди послушниковъ есть мальчики десяти-двѣнадцати лѣтъ. На ихъ дѣтскихъ лицахъ отпечатокъ недѣтской серьезности. Лѣтомъ жизнь въ монастырѣ для нихъ несколько не тягостна, но зимою не всѣ выдерживаютъ,—проводить въ сутки четырнадцать-пятнадцать часовъ за молитвою, это на первыхъ порахъ слишкомъ тяжелый подвигъ для дѣтей.

Никакъ нельзя сказать, чтобы у монаховъ была скудная пища. Никогда крестьянинъ у себя дома не видитъ такой пищи,—а большинство монаховъ изъ крестьянъ,—но даже городскіе жители монастырской трапезой довольны. Дневная трапеза бываетъ тотчасъ послѣ поздней обѣдни; въ трапезную идутъ прямо изъ церкви

Никельскій скитъ на Валаамѣ.

и разсаживаются по своимъ мѣстамъ въ ожиданіи игумена. Въ громадной залѣ въ три ряда въ длину разставлены столы, застланные бѣлыми скатертями. Богомольцы трапезуютъ вмѣстѣ съ братією, женщины отдѣльно, въ гостиницѣ. При входѣ игумена всѣ встаютъ, и пѣвчіе поютъ положенныя молитвы. Игумень съ двѣнадцатю монахами изъ старшей братіи (между ними намѣстникъ, казначей, благочинный, экономя, ризничій, келліархъ и др.) занимаетъ особое мѣсто за первымъ столомъ въ средней линіи. Снизу къ столу подвѣшенъ колокольчикъ, въ который игумень ударяетъ, и это служитъ знакомъ начала и конца трапезы и перемѣны блюда. Во все время трапезы чтець за аналоемъ, посреди трапезной, читаетъ громко житія святыхъ или какое-нибудь поученіе. Игумень

или намѣстникъ благословляетъ трапезу, говоря: «Христе Боже нашъ! Благослови ясти и пити рабомъ Твоимъ, яко святъ еси, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ». Пѣвчіе отвѣчаютъ «Аминь». По первому звонку новоначальные изъ братіи идутъ въ кухню, которая тутъ же рядомъ, за блюдомъ. Братъ-столовщикъ подаетъ первую миску игумену и кланяется въ поясъ. Новоначальные приносятъ каждый по двѣ миски и разставляютъ по указаніямъ столовщика. Днемъ на первое всегда бываетъ холодное—мелко накрошенный зеленый лукъ, капуста, свекла и еще что-то растительное; все это поливается квасомъ. На второе—щи, на третье—супъ или макароны, въ мясоѣдъ иногда вареная рыба, на четвертое всегда каша, бѣлая или черная. Всѣ кушанья на постномъ маслѣ по недѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, въ остальные дни (въ мясоѣдъ, конечно)—на коровьемъ. Жареной рыбы никогда не бываетъ, это считается роскошью и уставомъ монастыря не допускается. За вечерней трапезой то же, что и днемъ, но безъ холоднаго. Въ скитахъ, которыхъ на Валаамѣ двѣнадцать, уставъ гораздо строже. Тамъ рыбы вообще никогда не ѣдятъ, а питаются исключительно овощами и притомъ всегда на постномъ маслѣ. Пищу скитяне варятъ себѣ сами, а хлѣбъ имъ привозятъ изъ монастыря. Въ Великомъ посту схимники въ наиболѣе строгихъ скитахъ, Предтеченскомъ и Аврааміевскомъ, принимаютъ пищу два-три раза въ недѣлю (на первой недѣлѣ поста и на послѣдней).

Паломниковъ, во время пребыванія ихъ на Валаамѣ, возятъ каждый день по скитамъ на катерахъ и маленькомъ пароходѣ. Въ скитѣ Всѣхъ Святыхъ женщины допускаются только одинъ разъ въ годъ (въ день всѣхъ святыхъ), въ Предтеченскій не допускаются вовсе. Замѣчательнъ скитъ на островѣ Александра Свирскаго. Собственно, не скитъ, а самый островъ: высокій, скалистый, поросшій лѣсомъ, съ прекраснымъ видомъ на озеро.

28-го іюня, въ день преподобныхъ Сергія и Германа, и 29-го въ день апостоловъ Петра и Павла, на Валаамѣ бываетъ нѣсколько тысячъ богомольцевъ. Особенно много пріѣзжаетъ олончанъ и корель. На своихъ соймахъ они безстрашно переплываютъ Ладожское озеро для того только, чтобы два дня побыть на Валаамѣ; 30-го іюня они уже плывутъ домой. Пріѣзжаютъ и новгородцы съ Ильменя; все въ тѣхъ же парусныхъ лодкахъ плывутъ по Ильмену, по Волхову, по капризной, перемѣнчивой Ладогѣ. Только когда увидишь этихъ настоящихъ, истинныхъ богомольцевъ, начинаешь понимать, что такое Валаамъ и какъ велика его моральная сила!

Послѣ Петрова дня въ гостиницѣ сразу стало просторно. Меня перевели изъ мансарды во второй этажъ, въ небольшую, но свѣтлую и чистую келію. Завѣдующій гостиницей (здѣсь онъ называется хозяиномъ, какъ и всѣ завѣдующіе отдѣльными отраслями хозяйства)

о. Валеріанъ, пожилой, сѣдѣющій, но живой, бойкій и умный монахъ, проявилъ любезность и вниманіе. Если я опаздывалъ къ трапезѣ, мнѣ приносили обѣдъ въ келію, давали лошадей для поѣздки въ скиты, и самъ о. Валеріанъ, улучивъ свободное время, поѣхалъ однажды со мной на молочную ферму. По дорогѣ мы заѣзжали на новое кладбище и въ пустыньку игумена Назарія. На новомъ кладбищѣ похороненъ игуменъ Дамаскинъ. Эти два имени неразрывно связаны съ исторіей и существованіемъ монастыря. Игуменъ Назарій за двадцать лѣтъ управленія (1782—1801) устроилъ вновь монастырь и изъ ничего создалъ то, что было; игуменъ Дамаскинъ изъ того, что оставилъ Назарій, создалъ то, что существуетъ и поднесъ,—ему обязанъ монастырь своимъ теперешнимъ состояніемъ.

Коневскій скитъ на Валаамѣ.

Человѣкъ большого ума, желѣзной воли, несокрушимой энергіи и пламенной вѣры—таковъ былъ Дамаскинъ, человѣкъ замѣчательный не только въ исторіи Валаамскаго монастыря, но и въ исторіи всего русскаго монашества, всей духовной Россіи. Игуменъ Дамаскинъ родился въ 1795 году. Еще въ молодыхъ годахъ почувствовалъ онъ влеченіе къ религіозной жизни. Онъ сталъ уходить отъ міра; ушелъ въ Кіевъ, побывалъ еще въ какомъ-то монастырѣ, потомъ пришелъ на Валаамъ. Здѣсь онъ остался и прожилъ въ этой обители шестьдесятъ два года. Суровый уставъ монастыря, видно, пришелся по душѣ суровому иноку. Однажды Дамаскинъ отъ духовныхъ подвиговъ и тѣлесныхъ трудовъ въ скиту до того изнемогъ, что едва могъ читать въ церкви. Онъ рѣшился объявить игумену о своей болѣзни.

«Батюшка, я чувствую себя ослабѣвшимъ,—не благословите ли мнѣ оставить послушаніе». Игумень Веніаминъ, подумавъ, сказалъ: «Что же, о. Дамаскинъ, не падай духомъ, вѣдь ты монахъ, если и умрешь на послушаніи—Господь тебя не оставитъ». Дамаскинъ положился на Бога—и выздоровѣлъ, но какая характерная для игумена фраза: «ты монахъ, умирай на послушаніи, Богъ тебя не оставитъ». Только такіе люди создаютъ истинное монашество! Ставши игуменомъ (съ 1839 года), Дамаскинъ энергично принялся хозяйничать. Простой перечень сдѣланнаго имъ вполне выясняетъ размѣры его дѣятельности. Дамаскинъ перестроилъ скитъ Всѣхъ Святыхъ, выстроилъ гостиницу, домъ для пріѣзжихъ бѣдныхъ финновъ, построилъ водопроводъ, кузницу, пильный заводъ и хозяйственные мастерскія. Его стараніями воздвигнуто восемнадцать часовенъ каменныхъ и деревянныхъ, устроено большинство скитовъ, поставлено много каменныхъ и деревянныхъ крестовъ, осушено нѣсколько болотъ, проложены дороги, устроены мосты. На многихъ постройкахъ и сооруженіяхъ читаешь надпись: «При игуменѣ Дамаскинѣ». На могилѣ его поставленъ крестъ изъ полированнаго гранита на пьедесталѣ; на крестѣ надпись: «Рабъ Божій игумень Дамаскинъ скончался 23-го января 1881 года, 86-ти лѣтъ отъ рожденія; управлялъ обителью въ санѣ игумена 42 года, а всего житія его на Валаамѣ 62 года».

По пути на молочную ферму мы съ о. Валеріаномъ заѣзжали къ Сухой скалѣ, которая находится въ сторонѣ Свирскаго и Ильинскаго острововъ и откуда открывается дивный видъ на озеро. На вершинѣ скалы поставленъ высокій деревянный крестъ, весь покрытый надписями. Между прочимъ, на сторонѣ, обращенной къ озеру, вырѣзано: А. Пушкинъ, 1820. Это, конечно, поддѣлка, и характеръ поддѣлки самъ по себѣ любопытенъ. Монастырская ферма расположена верстахъ въ семи отъ монастыря, при небольшомъ заливѣ. Это лѣтнее помѣщеніе фермы, а зимнее находится въ центрѣ острова и оборудовано каменными зданіями и ледниками. На фермѣ всѣхъ коровъ около семидесяти, но молока и масла на тысячу человѣкъ братіи не хватаетъ и приходится покупать. Хозяинъ фермы угостилъ насъ превосходнымъ чернымъ хлѣбомъ, свѣжимъ масломъ, тврогомъ и кофе со сливками. Все это такъ вкусно, что я даже позавидовалъ монаху.

Ферма содержится въ образцовомъ порядкѣ; такому хозяйству можетъ позавидовать любое помѣщичье имѣніе.

Кромѣ скитовъ и хозяйственныхъ построекъ, на Валаамѣ интересны главный храмъ, лучшее украшеніе острова, и библіотека. Храмъ двухъэтажный; въ нижнемъ хранятся въ богатой ракъ мощи свв. Сергія и Германа, иконостасъ рѣзной, золоченый по свѣтло-синему и розовому фону. Въ верхнемъ замѣчательна стѣнная живопись—труды валаамской братіи, иконостасъ четырехъярусный, рѣзной и

Святой колодезь въ Коневцѣ.

золоченый по бѣлому фону. Въ ризницѣ, въ числѣ многихъ драгоценныхъ иконъ, хранится хоругвь, вышитая золотомъ и серебромъ по малиновой шелковой матеріи, съ изображеніемъ сошествія Св. Духа. Внизу иконы вышито: «Рабъ Божій князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій». Къ сожалѣнію, въ описи не указано, отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ поступила въ монастырь эта хоругвь, и подлинность ея требуетъ нѣкоторыхъ доказательствъ. Колокольня тридцати трехъ сажень вышиною, да къ тому же монастырь построенъ на самомъ высокомъ мѣстѣ острова, и колокольня служитъ отличнымъ observaціоннымъ пунктомъ для наблюденія за озеромъ. На самомъ верху колокольни устроена башня съ окнами во всѣ стороны; тамъ находится сильная подзорная труба, и нѣсколько морскихъ биноклей; въ башнѣ посмѣнно дежурятъ монахи. Обязанность ихъ заключается въ томъ, чтобы извѣщать о приближеніяхъ ожидаемыхъ судовъ и о какихъ-либо несчастіяхъ съ судами на озерѣ; въ такихъ случаяхъ изъ монастыря немедленно высылается помощь.

Монастырская библіотека заключаетъ въ себѣ около двадцати тысячъ экземпляровъ. Для монастыря это цифра солидная. Есть нѣсколько замѣчательныхъ и рѣдкихъ книгъ. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ синодикъ Іоанна Грознаго, присланный на Валаамъ въ 1583 году по повелѣнію царя. Синодикъ начинается словами: «Лѣта 7091 г. Царь и Государь великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси приславъ свое царския богомолья на Воламъ сиа имена убьенныхъ и велѣлъ поминати во вѣки и кормы по нихъ ставити... Помини Господи души рабъ своихъ (дальше идетъ на двѣнадцати страницахъ перечисленіе именъ: князей 38, княженъ 1, княгинь 4, іереевъ 3, монаховъ 7, мужескаго пола 419, женскаго 58, всего 529 человекъ). Въ концѣ синодика приписано: «Помяни Господи и прочихъ въ причину избіенныхъ всякого возраста мужска полу и женска ихже имена самъ вѣси Владыко».

Еще замѣчательны:

Іоанна Кальвина наставленіе о христіанской вѣрѣ, на латинскомъ языкѣ, напечатана въ Лозаннѣ, въ 1577 году.

Евангеліе учительное, составленное іеромонахомъ Кирилломъ Тракивлянскомъ, издано стараніемъ и коштомъ Максима Воцанки въ Могилевѣ, въ 1620 году.

Служебникъ, напечатанъ въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1620 году.

Апостоль служебный Петра Могилы, митрополита кіевскаго, изданъ въ Львовѣ, въ 1639 году.

Евхологіонъ или требникъ Петра Могилы¹⁾, 1646 г., на второмъ листѣ напечатано: «Петръ Могила, милостью Божіею архіепископъ,

¹⁾ Кажется, объ этомъ требникѣ писалъ А. А. Исамаиловъ, что онъ утерянъ и неизвѣстно гдѣ находится.

митрополитъ кievскій, галицкій и всея Россіи, архимандритъ печерскій». Книга въ красномъ деревянномъ переплетѣ, обшитомъ сафьяномъ, съ золотымъ обрѣзомъ.

Зрѣлище библейское (Theatrum biblicum) изъ 387 эстамповъ, составлена Николаемъ Пискаромъ, текстъ латинскій, изданіе 1643 года.

Священная біблія (Vulgata sacra) на латинскомъ языкѣ, Пятикнижіе и книги пророковъ, изданіе 1647 г., въ 32^о, въ пергаментномъ переплетѣ.

Ключъ разумѣнія, сочиненіе Іоанникія Голятовскаго, напечатанъ въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1659 году.

Обѣдъ душевный, Симеона Полоцкаго.

Ирмологій потный (рукописная), писана полууставомъ XVI вѣка съ кинноварью; потная терминологія древняя, безъ линеекъ, крючками, годъ не указанъ, приблизительно XVI вѣка.

Александрія—краткая исторія Александра Македонскаго, писана скорописью XVII столѣтія.

Евангеліе на престольное, писано уставомъ XVII столѣтія.

Октоихъ потный, ноты на пяти линейкахъ, квадратныя, текстъ писанъ полууставомъ XVIII столѣтія—и, наконецъ,—

Уставъ Валаамскаго монастыря, писанный славянскими буквами на 124 листахъ въ четверть, точная копія съ устава Саровской пустыни.

Что касается жалованныхъ царскихъ грамотъ, то съ нихъ имѣются только копіи, подлинныя же грамоты представлены строителемъ Іосифомъ въ 1729 году въ государственную вотчинную канцелярію. Всѣ эти копіи находятся въ краткой рукописной лѣтописи монастыря, заключающей въ себѣ всѣ историческіе матеріалы, собранныя Сулакадзевымъ. Въ бібліотекѣ помѣщаются нѣсколько витринъ, въ которыхъ хранятся предметы, составляющіе небольшой монастырскій музей. Лѣтняя, съ бѣлымъ чехломъ, фуражка Александра I, его перчатки и факелы, зажигавшіеся при его погребеніи—эти вещи были присланы въ монастырь по смерти государя, въ память пребыванія его въ монастырѣ въ 1819 году. Здѣсь же хранятся деревянные ложки, которыми кушали Александръ II и государыня императрица Марія Александровна за общей трапезой во время посѣщенія ими Валаама въ 1858 году. Остальные предметы имѣютъ отношеніе либо также къ посѣщеніямъ августѣйшихъ особъ, либо къ природѣ острова, —камни необыкновенной формы, обточенные водою, оленьи рога и т. п.

Въ заключеніе этого очерка нельзя не упомянуть о жалобахъ монаховъ на финновъ, которымъ Валаамъ подчиненъ въ административномъ отношеніи. Финны все еще не могутъ забыть, что когда-то Валаамъ принадлежалъ имъ и продолжаютъ смотрѣть на монастырскіе острова, какъ на свою собственность. Завѣдующій гостиницей,

о. Валеріанъ, разсказывалъ мнѣ съ негодованіемъ о безчинствѣ финновъ. Ихъ привезъ пароходъ «Карьяла»; пріѣхали они просто поразвлечься по случаю воскресенія. Развлекались они довольно своеобразно: поломали и потоптали цвѣты, ломались въ гостиницу (это было на разсвѣтѣ) и буянили до тѣхъ поръ, пока это имъ не надоѣло. На островѣ есть два финскихъ полисмена, но, во-первыхъ, ихъ только двое, а, во-вторыхъ, они тоже финны и смотрятъ на такія «развлеченія» своихъ соплеменниковъ сквозь пальцы. Въ результатѣ такого положенія мѣсто нравственнаго подвига для русскихъ превращается въ увеселительную мѣстность для финновъ—и совершенно ненормальнымъ и неестественнымъ является подчиненіе двухъ православныхъ монастырей финляндской администраціи.

Чувствую, что очеркъ мой вышелъ неполнымъ, неяркимъ. Но о Валаамѣ можно написать цѣлый томъ и еще будетъ мало, а какъ бы ни описывать дивныя красоты валаамской природы, все это будетъ слабо и блѣдно передъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое получается непосредственно. Мало знать и читать о Валаамѣ,—туда нужно поѣхать, тамъ можно найти отдыхъ отъ суетной городской жизни и пріобщиться хоть на короткое время великому и простому служенію Творцу вселенной.

Въ библіотекѣ Валаамскаго монастыря хранится описаніе пріѣзда императора Александра I на Валаамъ и пребыванія его въ монастырѣ. Императоръ прибылъ изъ Сердоболя 10-го августа 1819 года одинъ, безъ свиты, и пробылъ въ монастырѣ три дня, какъ простой богомолецъ. Въ память посѣщенія Александромъ I Валаама въ монастырѣ, послѣ кончины государя, присланы были перчатки и фуражка императора и факелы, заживавшіеся при его погребеніи. Эти вещи хранятся въ небольшомъ музеѣ при монастырской библіотекѣ. Описаніе путешествія Александра I на Валаамъ представляетъ теперь библіографическую рѣдкость, и я считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность помощнику библіотекаря о. Дмитрію, который показалъ мнѣ книгохранилище и предоставилъ въ мое распоряженіе все матеріалы о пребываніи державнаго путешественника на Валаамѣ.

Въ августѣ 1819 года на Валаамѣ стало извѣстно о путешествіи императора Александра I и къ 10-му числу ожидали прибытія его, по пути изъ Архангельска, въ городъ Сердоболь и на Валаамъ. 6-го августа настоятель монастыря игумень Иннокентій получилъ съ нарочнымъ отъ министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына письмо, въ которомъ изъяснялась высочайшая воля государя императора: непременно быть въ монастырѣ, причемъ повелѣно было не готовить ничего—церемоніи не дѣлать, а принять августѣйшаго посѣтителя, какъ благочестиваго путешественника. Между тѣмъ духовное начальство указало, напротивъ того, встрѣтить государя въ ризахъ и съ крестомъ, а митрополитъ Михаилъ, въ бытность свою

передъ тѣмъ на Валаамѣ, благословили принять его величество съ подобающей честью. Игумень Иннокентій и старшая братія, не зная, что дѣлать, писали къ министру духовныхъ дѣлъ, прося разрѣшить ихъ недоумѣніе. Срокъ приближался, отвѣта не было; въ монастырѣ рѣшили встрѣтить государя, по приказанію духовнаго начальства, въ ризахъ и съ крестомъ на пристани.

Изъ Сальмы, отъ управляющаго имѣніемъ графини Орловой, былъ присланъ 7-го августа нарочный съ извѣстіемъ, что государь будетъ почевать въ Сальмѣ, гдѣ военный и гражданскій губернаторы ожидаютъ его прибытія и готовится судно для переезда его величества прямо въ обитель. Монастырь, съ своей стороны, намѣренъ былъ послать собственное судно въ Сердоболь, откуда, по первоначальному извѣстію, ожидали императора. Не зная, откуда именно прибудетъ державный посѣтитель, рѣшили послать одну сойму и лодку съ людьми въ Сердоболь, эконома же, іеромонаха Арсенія, на другой лодкѣ, съ послушниками и рабочими, отправить въ Сальму. Въ случаѣ избранія пути изъ Сердоболя, Арсенію приказано было отправиться туда на почтовыхъ и при судахъ ожидать тамъ императора, а монастырь немедленно увѣдомить.

Въ Сальму императоръ Александръ I прибылъ 9-го августа, поздно вечеромъ. Когда доложили о валаамскомъ іеромонахѣ, государь приказалъ позвать его къ себѣ. Арсеній поднесъ на блюдѣ приготовленную большую просфору съ вынутою частью. Государь изволилъ взять ее, принялъ благословеніе и поцѣловалъ іеромонаху руку. На словесный докладъ эконома Александръ Павловичъ сказалъ, что въ монастырь поѣдетъ изъ Сердоболя, велѣлъ написать къ игумену «чтобы встрѣчи никакой не дѣлать, службъ церковныхъ не прибавлять и не убавлять, а быть всему по монастырскому положенію; руки царской не цѣловать и въ ноги не кланяться».

Арсеній тотчасъ отправилъ письмо въ монастырь, а самъ на почтовыхъ уѣхалъ въ Сердоболь. На озерѣ въ это время былъ весьма сильный и противный вѣтеръ, и посланный съ письмомъ не могъ попасть въ обитель. На другой день вѣтеръ усилился; озеро сильно волновалось; игумень, однакоже, велѣлъ караулить пріѣздъ съ колокольни и съ острова, гдѣ часовня святителя и чудотворца Николая (теперь Никольскій скитъ). День прошелъ, наступила совершенная темнота; караульные рѣшили, что государь такъ поздно и при такой погодѣ не пріѣдетъ, оставили свои мѣста и послѣ вечерняго правила легли спать.

Между тѣмъ, въ тотъ же самый день въ Сальмѣ Александръ I приказалъ отслужить въ пять часовъ утра въ приходской церкви раннюю литургію и по окончаніи ея отѣхалъ въ Сердоболь. Здѣсь, осмотрѣвъ монастырское судно и найдя его довольно исправнымъ, государь спросилъ у эконома Арсенія: «можно ли въ такой

сильный, хотя и попутный, вѣтеръ ѣхать на Валаамъ?» Экономъ отвѣчалъ, что они ѣздятъ постоянно и въ болѣе плохую погоду. Государь изволилъ отправиться въ обитель, не взявъ съ собою никого, кромѣ своего камердинера и эконома Арсенія. Поздно вечеромъ, послѣ трехчасового переѣзда черезъ озеро, Александръ I благополучно прибылъ къ монастырской пристани. Когда государь съ экономомъ уже всходили на гору по гранитной лѣстницѣ, въ монастырѣ узнали о пріѣздѣ его величества, зазвонили во всѣ колокола, и братія начала сходитья со всѣхъ сторонъ къ собору. При входѣ государя въ соборъ клиросные запѣли «Спаси, Господи» и «Достойно есть», государь сталъ на серединѣ, игумень былъ въ ризѣ и съ крестомъ, а іеродіаконъ въ стихарѣ; при отворенныхъ царскихъ вратахъ возгласили эктепію и многолѣтіе, послѣ котораго Александръ I прикладывался къ мѣстнымъ иконамъ. Снявъ съ себя ризы, игумень въ мантии и клобуки сталъ на амвонѣ съ братією; государь подошелъ къ нему, принялъ благословеніе сперва отъ него, потомъ отъ всѣхъ іеромонаховъ, цѣлуя у каждаго руку, но своей никому не давая; затѣмъ кланялся всей братіи и, когда, пораженные смиреніемъ императора и благодаря его за милостивое посѣщеніе, всѣ поклонились въ землю, государь сказалъ кротко: «Не кланяйтесь мнѣ поклоненіемъ въ землю, подобающимъ лишь Богу». Осмотрѣвъ соборъ, государь сказалъ: «Соборъ у васъ прекрасный», потомъ въ сопровожденіи всей братіи шествовалъ въ церковь преподобныхъ Сергія и Германа, гдѣ приложился къ ракамъ надъ святыми мощами. Отсюда Александръ Павловичъ отправился къ келіи игумена и тамъ пилъ чай, пригласивъ игумена сѣсть; старшая братія стояла кругомъ. Въ простой рѣчи отъ сердца настоятель игумень Иннокентій благодарилъ императора за посѣщеніе обители; государь отвѣчалъ ему, что давно хотѣлъ побывать въ монастырѣ, но не находилъ случая. Его величество разспрашивалъ о древности обители, о порядкѣ службы церковной и часахъ, когда она совершается. Благочинный, іеромонахъ Дамаскинъ, отвѣчалъ на всѣ вопросы подробно и спросилъ, въ какіе часы повелѣно будетъ начинать каждую службу во время пребыванія государя, а также не оставить ли положенныхъ чтеній для сокращенія. Государь потребовалъ, чтобы все было исполняемо неизмѣнно, по положенію. Черезъ нѣсколько времени его величество пожелалъ отдохнуть и въ сопровожденіи игумена и старшей братіи отправился въ гостиный покой.

На другой день, 11-го августа, въ два часа пополуночи, императоръ прежде всѣхъ пришелъ къ утренѣ, когда понамарь едва успѣлъ отпереть церковныя двери. Внимательно слѣдя и слушая всю службу, во время сѣдальныхъ государь садился вмѣстѣ съ братією на скамью. Вскорѣ послѣ утрени государь пришелъ и къ ранней обѣднѣ, простоялъ всю службу и во время аптидора принялъ поднесенную бла-

гочиннымъ на блюдѣ вынутую просфору и откушаль немного теплоты. Послѣ обѣдни, провожаемый игуменомъ и старшею братією до покоевъ, Александръ Павловичъ сказалъ, что черезъ часъ намѣренъ итти вокругъ монастыря и осмотрѣть мѣстность. Въ назначенное время игумень, казначей, благочинный и экономя ожидали выхода государя. Первоначально его величество изволилъ итти на берегъ, съ котораго обозрѣваль мѣстоположеніе кругомъ, и сказалъ: «Видъ вашего монастыря прекрасный», потомъ былъ въ больничной церкви и обошелъ всю больницю, привѣтствуя большихъ братій, оттуда перешелъ въ церковь Успенія Божіей Матери, гдѣ осмотрѣлъ иконостасъ, алтарь и приложился къ св. иконѣ Смоленскія Божія Матери. Отсюда съ игуменомъ, благочиннымъ и экономомъ отправился въ пустыни, сперва въ трехъ ближнихъ разговариваль съ пустынниками, бралъ и кушаль подносимые ими простые овощи, а, прощаясь, у каждого цѣловаль руку и просилъ молитвъ. Затѣмъ государь пожелалъ итти въ дальнюю пустынь, причемъ ласково отпустилъ въ монастырь игумена, не желая утомлять его. Дорогою государь милостиво говорилъ съ благочиннымъ и экономомъ о разныхъ предметахъ, о многомъ разспрашиваль и, дойдя до горы, гдѣ нужно было спускаться, чтобы опять взойти на гору, государь почувствовалъ одышку.

— Входя на гору,—сказаль онъ,—я всегда чувствовалъ одышку; еще при покойномъ государѣ я разстроилъ себя, бѣгая по восемнадцати разъ съ верхняго этажа внизъ по лѣстницѣ.

Подходя къ пустыни, государь замѣтилъ утомленіе благочиннаго и сказалъ:

— Вы устали со мною?

Благочинный отвѣтилъ:

— Ваше величество, я радъ пройти съ вами еще пять верстъ.

— Благодарю,—сказаль государь, усмѣхнувшись:—готовность эта мнѣ пріятна.

Подшли къ загородкѣ въ лѣсу, экономя Арсеній напрасно старался разгородить ее, но Александръ Павловичъ почти ползкомъ пролѣзъ подъ изгородь, сказавъ:

— Вѣдь я солдатъ.

Достигнувъ дальней пустыни, государь самъ видимо утомился; онъ вошелъ въ тѣсную келію, поздоровался съ пустынникомъ, спрашиваль, давно ли онъ живетъ въ пустыни, сѣлъ на скамью, посадилъ благочиннаго и эконома и разговариваль о многомъ, касающемся духовной и аскетической жизни. Благочинный Дамаскинъ сказалъ:

— Въ какой тѣсной, бѣдной и пустынной келіи изволите вы теперь бесѣдовать, государь, съ кѣмъ и о какихъ предметахъ, но повѣрьте, ваше величество, что иноки, живущіе въ такихъ пустыняхъ, по благодати Божіей, утѣшаются въ нихъ столь плѣнитель-

ными духовными чувствами, истекающими изъ стремленія ихъ къ соединенію сердца съ Богомъ, въ послушаніи его закону,—что предпочитаютъ свои бѣдныя хижины и пещеры и вашему царскому дворцу.

Государь на это отвѣтилъ:

— Да, я знаю, это вѣрно, ты говоришь правду; но это есть дѣло прямой благодати Господа.

Въ продолженіе разговора государь сказалъ:

— Я часто замѣчалъ, что священники благословляютъ сѣща и не знаменуютъ креста, какъ слѣдуетъ; это знакъ великаго невниманія. Какъ благословляющему, такъ и принимающему благословеніе надлежитъ опасаться не лишиться благодатной пользы благословенія. Не разъ, когда я подходилъ къ сельскимъ священникамъ, которые въ простотѣ, вздохнувъ отъ сердца, благословляли меня, отражая настоящимъ знаменіемъ креста, какъ благословляютъ и крестьянъ, всегда я чувствовалъ нѣчто особенное.

Пустынникъ поднесъ государю три рѣпы изъ своего огорода; государь взялъ одну изъ нихъ, и, когда благочинный спросилъ ножъ, чтобы очистить ее, Александръ Павловичъ опять сказалъ: «я солдатъ и съѣмъ по-солдатски», и началъ очищать кожу зубами.

Государь осмотрѣлъ молитвенный, тѣсный чуланчикъ пустынника и, прощаясь съ нимъ, цѣловалъ его руку и просилъ благословенія и молитвъ.

При возвращеніи въ монастырь государь былъ встрѣченъ казначеемъ и іеромонахами; онъ подошелъ ко всѣмъ для благословенія и вошелъ въ келію игумена въ сопровожденіи старшихъ изъ братіи. Здѣсь государь кушалъ чай и поставленные на столъ садовые фрукты, крыжовникъ и малину, которыми потчевалъ своею ручною казначея, благочиннаго и эконома.

Игумень подалъ государю краткое описаніе Валаамскаго монастыря и просилъ о внесеніи преподобныхъ ¹⁾ въ церковные мѣсяцесловы, о прибавкѣ къ больничному штату пятнадцати человѣкъ и о подворьѣ въ Петербургѣ. Государь сказалъ: «я все сдѣлаю; составьте записку; кто поѣдетъ въ Петербургъ, чтобы отдалъ ее князю (Голицыну) для передачи мнѣ».

Переходя въ гостиный покой, въ сопровожденіи казначея и эконома, императоръ объявилъ, что въ четыре часа намѣренъ ѣхать въ скитъ. Въ назначенное время игумень и экономъ ожидали у келій государя и по выходѣ его отправились на шлюпкѣ въ скитъ. Во время переѣзда его величество особенно любовался картинностью мѣстоположенія. Въ скитѣ государь былъ встрѣченъ со звономъ, казначей съ скитской братіею приняли его въ ризахъ и съ крестомъ. По прочтеніи эктениі высокому богомольцу было

¹⁾ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ.

угодно осмотрѣть синодики о здравіи и за упокой. Государь разспрашивалъ о положеніи скитскихъ, былъ въ трапезѣ, входилъ въ подробности и, осмотрѣвъ все, возвратился въ обитель. Благочинный и братія ожидали его на берегу. Выйдя изъ шлюпки, государь осматривалъ печь и форму для отливки колокола, спрашивалъ, во сколько будетъ пудовъ и есть ли мѣсто, гдѣ повѣсигь. Игумень отвѣчалъ: «Богъ устроитъ все». Когда дошли до стѣнъ монастыря, начался благовѣсть къ малой вечернѣ, такъ какъ государю было угодно, чтобы преподобнымъ праздновали бдѣніе. Неутомимый державный богомолецъ изволилъ пройти тотчасъ къ малой вечернѣ, которую выслушалъ всю съ акаенствомъ. Немного спустя, отблаговѣстивъ къ правилу, начали отправлять его съ поклонами и съ безмолвной молитвой, во время которой государь тихо вошелъ въ соборъ и, увидѣвъ, что благочинный стоялъ въ сторонѣ, у праваго столба, осторожно сталъ позади его. Когда эконокъ и другіе изъ братіи пытались остеречь благочиннаго, государь дѣлалъ имъ рукою знакъ, чтобы оставили. Замѣтивъ, что государя впереди нѣтъ, благочинный, наконецъ, оглянулея и, увидя его за собой, поклонился и отступилъ за столбъ. По окончаніи правила, когда игумень по обыкновенію монастырскому среди церкви просилъ у всѣхъ прощенія, а братія, поклонясь игумену, подходила къ благословенію, государь, велѣдъ за монахами, тоже принялъ благословеніе. Благовѣсть ко всенощной была начать безъ выхода изъ церкви; всю всенощную службу государь стоялъ у лѣваго столба и во время поученій садился на скамью рядомъ съ братією. Престарѣлый и слѣпой монахъ Симонъ, руками осязая сидѣвшаго рядомъ съ нимъ государя, спросилъ: «Кто сидитъ возлѣ меня?» Государь отвѣчалъ: «Путешественникъ». Послѣ, стоя у столба, императоръ уронилъ перчатку; монахъ Савватій подошелъ, чтобы поднять ее, но, замѣтивъ это, государь поспѣшно поднялъ ее самъ и, оборотясь къ монаху, низко поклонился ему. По окончаніи всенощнаго бдѣнія, когда игумень и братія провожали его величество изъ церкви, государь просилъ, чтобы обѣдня была поутру въ пять часовъ, а за нею молебень преподобнымъ для отъѣзда.

На слѣдующій день, въ назначенное время начался благовѣсть къ литургіи, которую совершалъ игумень соборнѣ. Императоръ въ самомъ началѣ благовѣста изволилъ прійти въ церковь и сталъ у столба, близъ іеромонаха, пустынножителя Никона, который и въ глубокой старости подвизался истинно добрымъ подвигомъ, въ церкви же, по крайней немощи тѣла, выстаивалъ всю службу, опираясь на костыль. Въ присутствіи государя, при привычномъ вниманіи и напряженномъ слушаніи божественнаго пѣнія, старецъ выпустилъ костыль изъ рукъ и самъ, поскользнувшись, упалъ. Государь взглянулъ на него съ глубокимъ умиленіемъ, поспѣшно подошелъ, поднялъ старика и посадилъ его на скамью. Пустынникъ безмолвно поклонился царю и, укрѣпившись на ногахъ, выстоялъ

всю литургію. Послѣ литургіи начался молебенъ. Игуменъ съ крестомъ, два іеродіакона съ кадилами и четыре іеромонаха въ ризахъ пошли въ церковь преподобныхъ, при пѣніи тропаря храму. Во время чтенія Евангелія игуменъ возложилъ руку на помазанную главу царя и, держа сверху Евангеліе, читалъ: «Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обряцете покой душамъ вашимъ».

Текстъ этотъ, столь сходный съ кротостью и смиреніемъ вѣнецнаго богомольца, видимо, произвелъ на прекрасную душу монарха самое умиленное впечатлѣніе; братія также были растроганы. По прочтеніи Евангелія игуменъ трижды благословилъ крестнымъ знаменіемъ императора, который съ выраженіемъ самой живой вѣры схватилъ руку игумена и поцѣловалъ ее нѣсколько разъ. Изъ церкви государь изволилъ итти въ келіи къ игумену при пѣніи и сопровожденіи всей братіи. Здѣсь, по окончаніи молитвы «Достойно есть» и отпуска, государь приложился ко кресту, простился съ братією и затѣмъ бесѣдовалъ съ игуменомъ, пилъ чай и принялъ поднесенный игуменомъ рѣзной крестъ въ ящикѣ. Императоръ милостиво повторилъ, чтобы о всѣхъ нуждахъ монастырскихъ написать записку, прислать въ Петербургъ и отдать князю Голицыну, для врученія его величеству. При выходѣ казначей доложилъ, что братія просятъ дозволенія проводить его величества до пристани. Государь соизволилъ на это и, выйдя изъ покоевъ, у крыльца, гдѣ стояли всѣ іеромонахи и братія, у каждаго изъ первыхъ принялъ благословеніе, кланялся братіи и, сопровождаемый казначеемъ, благочиннымъ и экономомъ, пошелъ къ гостиной.

Черезъ малое время онъ вышелъ изъ покоевъ и снова, остановясь съ іеромонахами, спрашивалъ: «Всегда ли у васъ бываетъ такая служба, какъ нынѣ?» Его величеству отвѣчали, что такое же бдѣніе бываетъ въ воскресные и праздничные дни. Когда пришелъ игуменъ, государь поклонился ему и пошелъ рядомъ съ нимъ изъ обители. Начался звонъ во всѣ колокола; клиросные, идя впереди, пѣли тропарь и догматикъ, за клиромъ шла вся братія; разговаривая съ игуменомъ, государь приказалъ ему, когда пріѣдетъ въ Петербургъ, приходитъ во дворецъ, доложивъ сперва о пріѣздѣ.

На пристани императоръ остановился посреди всей братіи и постороннихъ поѣтителей; обратясь къ обители, царь помолился съ великимъ умиленіемъ, подошелъ къ игумену, принялъ благословеніе и поцѣловался съ нимъ. Потомъ, низко поклонясь всей братіи, сѣлъ въ шлюпку, посадивъ съ собою казначея, эконома и своего камердинера.

Когда отвалили отъ берега, императоръ милостиво откланивался много разъ кланявшейся ему братіи, тихо удаляясь по Монастырскому заливу, при звонѣ колоколовъ и благословеніяхъ тронутыхъ до глубины сердецъ братій, провожавшихъ его взорами и молитвами.

Въ переѣздѣ по озеру до Сердоболя государь много разговаривалъ съ казначеемъ и экономомъ о монашеской жизни, правилахъ, о церковной службѣ и пѣніи. «Можно ли пропѣть что-нибудь здѣсь?» спросилъ онъ, и на вопросъ: «Что, ваше величество, прикажете?»,—просилъ спѣть тропарь «Спаси, Господи», Херувимскую придворную, потомъ тропари Крещенію, на освященіе воды и другіе церковные стихи.

Доѣхавъ до Сердоболя, государь ласково простился и отправился въ Финляндію.

Возвратясь въ столицу, императоръ Александръ Павловичъ говорилъ князю Голицыну, что Валаамскій монастырь чрезвычайно ему понравился, что онъ намѣренъ установить въ обители архимандрію и устроить полную ризницу. Въ то же время было приказано узнать, нѣтъ ли въ Петербургѣ кого изъ валаамскихъ. Въ столицѣ находился экономъ Арсеній; онъ призванъ былъ, по волѣ государя, къ князю Голицыну, который объявилъ ему монаршее приказаніе объ учрежденіи архимандріи. Александръ Павловичъ говорилъ объ этомъ еще въ обители лично игумену, который, по совѣту съ братією, поручилъ эконому просить: «архимандріи не уставлятъ, а быть игуменству, какъ болѣе приличествующему для общежитія уединеннаго монастыря». Князь обѣщаль доложить объ этомъ и извѣстить, когда послѣдуетъ высочайшая воля. Вскорѣ игумень прибылъ самъ въ Петербургъ и, по повелѣнію государя, былъ представленъ ему вмѣстѣ съ экономомъ.

Императоръ принялъ ихъ милостиво въ особой аудіенціи, съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ ними о красивомъ мѣстоположеніи монастыря, хвалилъ церковный обрядъ и порядокъ, пожаловалъ игумену брильянтовый наперсный крестъ для наслѣдственнаго ношенія при служеніи игуменами валаамскими въ монастырѣ, дозволилъ быть попрежнему игуменству, утвердилъ монастырь первокласснымъ, дарствовалъ великолѣпныя церковныя ризы и разрѣшилъ монастырю имѣть въ столицѣ особое подворье.

Почти сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а въ Валаамскомъ монастырѣ и теперь сохраняется живая память о вѣнценосномъ богомольцѣ, который осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ обитель и явилъ собою прекрасный примѣръ кротости и смиренія—великихъ добродѣтелей, завѣщанныхъ Христомъ. Отъ одного поколѣнія монаховъ къ другому передается рассказъ о посѣщеніи императоромъ Александромъ I обители; нѣтъ уже въ живыхъ ни одного свидѣтеля этого посѣщенія; и только въ небольшомъ музеѣ при монастырской библіотекѣ [хранятся бѣлыя замшевыя перчатки и фуражка съ бѣлымъ чехломъ, а въ дальней пустыни стоитъ еще хижина пустытника, гдѣ Александръ I ѣлъ рѣпу по-солдатски.

Викентій Вержицкій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Императорское русское музыкальное общество. С.-петербургское отдѣленіе. Очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности с.-петербургской консерваторіи. Составили профессора с.-петербургской консерваторіи А. И. Пузыревскій и Л. А. Саннетти. Спб. 1912. Стр. 184.

СПОЛНИЛОСЬ пятьдесятъ лѣтъ со дня основанія первой нашей консерваторіи, и это событіе было достойнымъ образомъ отпраздновано нашимъ музыкальнымъ міромъ торжествами, длившимися два дня, на которыя съѣхались депутаты и представители разныхъ отдѣленій русскаго музыкальнаго общества со всѣхъ концовъ Россіи. Въ ознаменованіе этого событія раздавалась между прочимъ посѣтителямъ бесплатная книга, заглавіе которой выставлено въ началѣ и о которой скажемъ нѣсколько словъ, такъ какъ она касается исторіи и пережитаго консерваторіей полвѣка ея существованія.

Книга, изящно изданная in 4° и содержащая въ себѣ 184 стр., снабжена превосходными фототипіями трехъ императоровъ — Александра II, Александра III и нынѣ царствующаго Николая II, пяти покровителей русскаго музыкальнаго общества, великихъ князей и княженъ—Елены Павловны, Константина Николаевича, Александры Юсифовны и Константина Константиновича и принцессы Елены Георгіевны Саксенъ-Альтенбургской, и всѣхъ директоровъ консерваторіи: Рубинштейна, Зарембы, Азанчевскаго, Давыдова, Югансена, Бернгарда и Глазунова. Трудъ названныхъ выше профессоровъ, составителей книги, состоитъ изъ одиннадцати главъ, изъ коихъ восемь удѣлены дѣятельности директоровъ консерваторіи (А. Г. Рубинштейнъ дважды директорствовалъ, по пяти лѣтъ каждый разъ); первыя двѣ посвящены положенію

музыкальнаго дѣла въ Россіи до консерваторіи и мѣрамъ, принятымъ для учрежденія музыкальнаго училища въ Петербургѣ (название «консерваторіи» потомъ было присвоено ему), а послѣдняя знакомитъ читателей съ современнымъ положеніемъ дѣла и его результатами. Для нашей цѣли достаточно указать, что консерваторія, насчитывавшая въ началѣ своей дѣятельности въ 1862 г. (открыта 8-го сентября) тридцать одного степендіата и сто семьдесятъ девять учащихся, къ двадцатипятилѣтію своему имѣла первыхъ сто семьдесятъ восемь, а вторыхъ—шестьсотъ двадцать, а въ настоящее время число первыхъ доходитъ до двухсотъ пятьдесятъ, а вторыхъ—до двухъ тысячъ. Цифры говорятъ краснорѣчивѣе словъ. Сколько же за это время выпущено композиторовъ, теоретиковъ, виртуозовъ, педагоговъ, пѣвцовъ, дирижеровъ и другихъ музыкальныхъ дѣателей?

Но результаты безкопечныхъ заботъ и неимоверныхъ стараній А. Г. Рубинштейна были бы незначительны, если бы ограничить ихъ только плодами дѣятельности нашей «юбиллярши»; не забудемъ, что московская консерваторія, созданная братомъ А. Г., Ник. Григ., который былъ для Москвы тѣмъ же, чѣмъ А. Г. для Петербурга, и дѣйствовалъ по указаніямъ и направленію, положеннымъ основателемъ,—тоже близится къ полувѣковой своей дѣятельности и также насчитываетъ сотни своихъ питомцевъ за это время, разбѣянныхъ по лицу земли русской и распространяющихъ музыкальное просвѣщеніе въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Если же къ этому еще присоединить, что по мѣрѣ открытія отдѣленій русскаго музыкальнаго общества въ главныхъ центрахъ у насъ (такихъ отдѣленій теперь, кажется, пятьдесятъ) въ каждомъ почти городѣ образовались музыкальныя училища при нихъ съ программами занятій, почти тождественными съ консерваторскими; если вспомнить ту пользу, которую принесли дѣлу музыкальнаго образованія и всѣ эти школы, работавшія одновременно съ нашей консерваторіей десятки лѣтъ,—то тогда только можно будетъ оцѣнить услугу, оказанную А. Г. Рубинштейномъ учрежденіемъ первой школы, пустившей отъ себя лучи музыкальнаго свѣта по всему нашему обширному отечеству, отъ Астрахани до Риги и отъ Ростова до Иркутска.

Великой благодарностью должны были преисполниться сердца всѣхъ любящихъ родное искусство къ памяти незабвеннаго основателя нашей *almae matris* въ дни празднованія ея полувѣкового юбилея. Если бы Рубинштейнъ одно только это сдѣлалъ для русскаго искусства, его имя уже заслуживало бы бессмертія. Но эти лавры нелегко ему дались; знакомые съ его «Автобіографіей» (появилась въ 1889 г. по случаю исполнявшагося пятидесятилѣтняго юбилея его артистической дѣятельности) знаютъ, сколько трудовъ и энергій ему это стоило, сколько препятствій пришлось преодолѣть, какую борьбу выдержать; но Рубинштейнъ не умѣлъ останавливаться на полупути, онъ шелъ къ намѣченной цѣли непреклонно; всякія препятствія служили лишь ступенями, по которымъ онъ подымался по пути къ созданію задуманнаго. Этотъ періодъ заслуживаетъ вниманія. Вспомнимъ, что представляло собою наше музыкальное искусство къ шестидесятымъ годамъ. Величайшій геній Глинка только что сошелъ въ могилу (1857 г.), положивъ прочный фундаментъ русской музыкѣ и начертавъ ея-пути, но онъ не былъ теоретикомъ, а тѣмъ менѣе педагогомъ; онъ руковод-

ствоялся своимъ гениальнымъ инстинктомъ, но Глинка былъ одинъ... Всѣ композиторы до него были диллетантами: Верстовскій, Алябьевъ, Варламовъ, Титовы, Кавось, Вильбоа и др.

Появившіеся Глинкѣ на смѣну дѣятели: Даргомыжскій, Сѣровъ, Балакиревъ и группировавшіеся около него молодые тогда композиторы,—такъ называемые представители «могучей кучки»,—также, строго говоря, были диллетанты, правда, весьма одаренные, но теоретически не подготовленные и безъ гениальнаго инстинкта родоначальника нашей музыки, къ тому же отрицавшіе необходимость систематическихъ знаній (весьма цѣнныя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія даетъ Римскій-Корсаковъ въ своей «Лѣтописи») и враждебно относившіеся къ зародившейся школѣ, какъ и къ русскому музыкальному обществу. Кромѣ принципиальныхъ враговъ, оспаривавшихъ вообще научное музыкальное образованіе (названные композиторы съ В. В. Стасовымъ, кромѣ, впрочемъ, Римскаго-Корсакова, отставшаго отъ нихъ и взявшагося за азбуку, попавъ въ профессора консерваторіи), были еще недоброжелатели, обиженные тѣмъ, что ихъ не привлекли къ дѣлу (Сѣровъ, Львовъ и др.). Словомъ, началась ожесточенная борьба правыхъ и лѣвыхъ, прогрессистовъ и консерваторовъ, «новой русской школы», называвшей своихъ противниковъ «нѣмецкой партіей»,—борьба, длившаяся около тридцати лѣтъ (въ своемъ родѣ «тридцатилѣтняя война»), закончившаяся, однако, сліяніемъ всѣхъ элементовъ и признаемъ другъ друга.

Но эта «война» принесла огромную пользу дѣлу; она заинтересовала публику, которая, обыкновенно руководствуясь своимъ чутьемъ, всецѣло была на сторонѣ общества и школы, и весьма содѣйствовала упроченію того и другой. А. Г. Рубинштейнъ одновременно дѣйствовалъ практически и теоретически: устройствомъ симфоническихъ и камерныхъ собраній русскаго музыкальнаго общества онъ знакомилъ публику съ лучшими произведеніями классической и современной музыки, какъ иностранныхъ авторовъ, такъ и отечественныхъ, а школа теоретически готовила композиторовъ и исполнителей. Вспомнимъ, что въ описываемое время у насъ музыкальныхъ школъ въ современномъ смыслѣ не было вовсе; были иностранцы-учителя музыки, но они были очень дороги и доступны только богатымъ любителямъ, да и вообще музыка была лишь достояніемъ обезпеченныхъ диллетантовъ, смотрѣвшихъ на нее скорѣе, какъ на пріятное препровожденіе времени, чѣмъ на серьезную отрасль культурной жизни страны, имѣющую свои задачи и права.

Тѣмъ не менѣе въ воздухѣ уже носилась потребность организовать музыкальныя собранія, сходиться для совмѣстной игры, знакомиться съ корифеями музыкальной литературы, по крайней мѣрѣ признанными Европой, услышать новыя сочиненія современной музыки; такъ, уже существовало съ 1862 г. филармоническое общество, преслѣдовавшее больше филантропическія цѣли, чѣмъ собственно музыкальныя, происходили квартетныя собранія у Висльгорскихъ, Львова и др., давались время отъ времени концерты петербургскаго университета, составилось «симфоническое общество»; изъ этихъ двухъ послѣднихъ выработалось впоследствии «русское музыкальное общество», которому присвоено было потомъ наименованіе «императорское» (1859 г.). Вотъ это-то

общество, организованное при содѣйствіи и подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны, по инициативѣ и благодаря неутомимой энергіи гениальнаго виртуоза и композитора А. Г. Рубинштейна, и стало во главѣ нашей музыкальной жизни. Въ разсматриваемой книгѣ этотъ періодъ довольно подробно изложенъ.

Недоставало только школы, которая подготовляла бы всесторонне музыкально-образованныхъ дѣятелей, и эту идею провелъ въ жизнь все тотъ же Антонъ Григорьевичъ, носившійся съ нею долгое время; наконецъ-то мечты его осуществляются: при образовавшемся обществѣ учреждаются элементарные «музыкальные классы» (1862 г.), переименованные впоследствии императоромъ Александромъ II въ консерваторію. Что это было за время! Какой живой интересъ вызвала въ обществѣ эта первая специальная музыкальная школа, санкціонированная правительствомъ! Какія силы сумѣлъ Рубинштейнъ привлечь къ дѣлу! Достаточно назвать Венявскаго по скрипкѣ (потомъ г. Ауэръ), Давыдова по віолончели (его замѣнилъ Вержбиловичъ), Ниссенъ-Саломанъ по пѣнію (потомъ Эверарди), Цабель по арфѣ, Лешетицкій, Дрейшокъ и самъ Рубинштейнъ по фортепіано! А первый выпускъ учащихся? Чайковскій, Ларошъ, Лавровская, Ирещкая, Малоземова и др. Неудивительно, что публика такъ сочувственно отнеслась къ народившемуся музыкальному питомнику: она увѣровала въ силу нашей будущей музыки, въ ростъ своего роднаго искусства.

А. Г. Рубинштейнъ, какъ мы уже сказали, дважды былъ директоромъ консерваторіи: первые пять лѣтъ со дня основанія ея (1862—1867) и затѣмъ спустя двадцать лѣтъ (1887—1891). Что заставило его оставлять свое любимое дѣтище, на которое онъ клалъ столько времени, труда, энергіи и силъ? Какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ—внутренняя распря между профессорами и недовольство добытыми результатами дѣятельности школы; не разъ онъ говаривалъ: «я желаю, чтобы консерваторія подымалась вверхъ, а она растетъ внизъ»; онъ не хотѣлъ, чтобы она стала «фабрикой», а между тѣмъ далеко не всѣ его помощники понимали его стремленія и отвѣчали на его вопросы; когда ужъ очень обострялись отношенія, онъ оставлялъ ее, довольно прочно уже стоявшую, однако, на ногахъ. Когда Давыдовъ внезапно оставилъ свой постъ, неутомимый А. Г. занялъ его, обнаруживъ двойную энергію и совершивъ цѣлый рядъ подвиговъ, изъ которыхъ каждый создалъ бы имя любому артисту. Онъ организуетъ ученической оркестръ и первый устраиваетъ «общедоступные концерты» въ циркѣ (по воскресеньямъ днемъ).

Затѣмъ даетъ свои безпримѣрные «историческіе концерты» въ Петербургѣ, Москвѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Парижѣ, Брюсселѣ и Лондонѣ, причемъ повторные концерты были имъ устраиваемы вездѣ бесплатно для педагоговъ и учащихся. Результатомъ этихъ безподобныхъ въ исторіи музыки концертовъ было то, что изъ образовавшейся, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, суммы онъ «для очистки совѣсти» (его подлинное выраженіе) пожертвовалъ капиталъ въ двадцать пять тысячъ рублей, на проценты съ котораго устраивались бы черезъ каждые четыре года международные конкурсы для молодыхъ композиторовъ и піанистовъ. Конкурсы эти устраиваются подъ предсѣдательствомъ директора петербургской консерваторіи поочередно въ Петербургѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и

Берлинѣ. Проценты съ означеннаго капитала составляютъ пять тысячъ франковъ, которые дѣлятся на двѣ преміи, по 2.500 франковъ,—одна композитору, а другая—піанисту; но обѣ могутъ быть принуждены одному лицу, соединяющему въ своемъ лицѣ того и другого.

Третій его подвигъ—«Курсъ фортепіанной литературы», дважды исполненный (съ объясненіями и комментаріями),—второй разъ за плату въ пользу нуждающихся учениковъ) въ залѣ консерваторіи для учащихся и учащихся; объ этомъ «курсѣ» составили отдѣльную книжку г. Кюн и г-жа Кавось-Дехтерева (включила эту часть въ біографію А. Г. Рубинштейна). Если не ошибаемся, то онъ и авторскій гонораръ, причитавшійся ему за исполненные его произведенія въ симфоническихъ и камерныхъ собраніяхъ русскаго музыкальнаго общества, тоже вносилъ въ упомянутый фондъ. Но это ужъ касается его безпримѣрной благотворительности, которой мы здѣсь касаться не будемъ, ровно какъ и его виртуозной и композиторской дѣятельности. Если эти факты имѣютъ какъ будто косвенное значеніе къ торжествамъ консерваторіи, то все же они важны для характеристики основателя ея, о которомъ грѣшно было бы позабыть, когда подводятся итоги сдѣланному нашей первой музыкальной школой.

Тѣмъ болѣе, что и дальнѣйшія усовершенствованія ея происходятъ по его первоначальной мысли и планамъ. Мы забыли еще прибавить, что, благодаря ему, существуетъ званіе «свободнаго художника», дающее извѣстныя гражданскія и общественныя права наравнѣ съ другими высшими учебными заведеніями. Словомъ, Рубинштейнъ создалъ себѣ нерукотворный памятникъ насажденіемъ музыкальнаго образованія и развитія въ Россіи, и онъ во всякомъ случаѣ заслуживалъ бы большаго вниманія со стороны дирекціи консерваторіи, согласившейся ради выгодъ театра въ консерваторіи и буфета къ нему убрать «музей А. Г. Рубинштейна» и превратить эту комнату въ пивную при буфетѣ. Возвращаясь, однако, къ книгѣ, нужно сказать, что она составлена очень добросовѣстно и даетъ ясное понятіе какъ объ исторіи консерваторіи, такъ и современномъ ея положеніи, прочитавшіе ее получаютъ полную картину ея прошлаго и теперешняго строя.

В. Баскинъ.

Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Московскій университетъ и с.-петербургскій учебный округъ въ 1812 году. Документы архива министерства народнаго просвѣщенія, собранные и изданные подъ редакціей начальника архива министерства народнаго просвѣщенія К. Военскаго. Изданіе министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1912. Стр. XXIV+XXX+430. Цѣна не обозначена.

Среди многочисленныхъ изданій, посвященныхъ Отечественной войнѣ 1812 года, выше цитированный сборникъ «матеріаловъ» долженъ быть признанъ однимъ изъ крупныхъ вкладовъ въ нашу историческую литературу уже по одному тому, что онъ едва ли не единственный всецѣло посвященъ исторіи просвѣщенія въ Россіи въ эту тяжелую годину. Хотя нѣкоторые документы его были уже въ рукахъ изслѣдователей, но въ цѣломъ видѣ они появляются въ печати здѣсь впервые. Рисуя съ большими потребностями прежде всего

и больше всего печальную картину состоянія наших учебных заведеній въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ нашествія наполеоновскихъ полчищъ, «матеріалы» эти заключаютъ въ себѣ немало интересныхъ данныхъ для характеристики цѣлаго ряда дѣятелей того времени, работавшихъ на нивѣ народнаго просвѣщенія, начиная съ перваго «министра просвѣщенія», графа А. К. Разумовскаго, московскаго попечителя П. И. Голенищева-Кутузова, ректора московскаго университета И. А. Гейма, попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварова, впоследствии министра народнаго просвѣщенія, и кончая скромнымъ учителемъ начальнаго училища въ Гжатскѣ, Прокошемъ Корейшей, который пожертвовалъ своимъ личнымъ имуществомъ, чтобы спасти казенное достояніе. Помимо официальныхъ данныхъ, рапортовъ и донесеній, въ «матеріалахъ» содержится цѣлый рядъ полуофициальныхъ писемъ, въ которыхъ изложена печальная повѣсть о страданіяхъ, испытанныхъ педагогами и учебными заведеніями въ тяжелую годину Отчужденной войны, и будущій изслѣдователь найдетъ здѣсь, несомнѣнно, богатый и цѣнный матеріалъ.

Для характеристики содержанія приведенныхъ документовъ позволимъ себѣ привести заголовки отдѣловъ той и другой группы ихъ: первой, касающейся положенія дѣлъ въ Москвѣ и въ московскомъ учебномъ округѣ, и второй, относящейся до Петербурга съ его учебными и учеными учрежденіями. Вотъ эти заголовки въ краткомъ изложеніи: 1-ая группа. 1) отдѣлъ: Выводъ изъ Москвы университета, пребываніе его въ разныхъ городахъ имперіи и возвращеніе въ Москву; 2) пожертвованія профессоровъ, чиновниковъ и служащихъ московскаго университета; 3) статскіе чиновники, вступившіе въ ополченіе; 4) о профессорахъ университета и другихъ лицахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, состоявшихъ на службѣ у непріятели во время занятія Москвы французами; 5) открытіе московской университетской типографіи послѣ изгнанія непріятели; 6) открытіе низшихъ учебныхъ заведеній послѣ изгнанія непріятели въ губерніяхъ Московской и Смоленской; 7) о денежныхъ суммахъ боровскаго уѣзднаго училища во время нашествія непріятели; 8) мѣры, принятыя директорами училищъ въ губерніяхъ: Владимирской, Калужской, Рязанской, Тверской и Ярославской, и 9) награжденіе нѣкоторыхъ лицъ и ихъ семействъ за услуги, оказанныя правительству во время нашествія непріятели. Вторая группа. 1) отдѣлъ: Общія распоряженія, вызванныя нашествіемъ непріятели относительно перемѣщенія учебныхъ заведеній; 2) отправленіе дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія изъ Петербурга въ Олонецкую губернію; 3) отправленіе изъ Петербурга въ Олонецкую губернію дѣлъ и вещей императорской академіи наукъ; 4) отправленіе изъ Петербурга въ Олонецкую губернію дѣлъ и вещей императорской академіи художествъ; 5) отправленіе изъ Петербурга въ Олонецкую губернію книгъ императорской публичной библіотеки; 6) отправленіе изъ Петербурга въ Олонецкую губернію студентовъ педагогическаго института и воспитанниковъ петербургской губернской гимназіи; 7) предположеніе отъ отправленія императорскаго царскосельскаго лицея въ другую губернію, и 8) предположеніе объ отправленіи изъ Петербурга воспитанниковъ іезуитскаго института.

Всѣхъ документовъ по обѣимъ группамъ вошло—418; наибольшими отдѣлами являются: первой группы—первый (80 номеровъ), четвертый—(60 номеровъ) и седьмой—(42 нумера); второй группы—первый (36 номеровъ), четвертый (28 номеровъ) и шестой—(33 номеровъ). Есть отдѣлы съ 5—6 нумерами документовъ.

Редакторъ разсматриваемаго сборника «Матеріаловъ» К. А. Воепскій предпослалъ имъ свое обширное «предисловіе», въ которомъ вкратцѣ касается содержанія каждаго изъ отдѣловъ и подробнѣе отмѣчаетъ наиболѣе любопытныя интересныя свѣдѣнія нѣкоторыхъ изъ нихъ, сопровождая свое изложеніе выписками изъ документовъ.

Болѣе всего онъ говоритъ о ректорѣ московскаго университета Иванѣ Андреевичѣ Геймѣ, человѣкѣ весьма просвѣщенномъ, гуманномъ и чрезвычайно любимомъ университетъ, приводя такіе факты на основаніи печатаемыхъ документовъ, которые были неизвѣстны его біографамъ. Главнокомандующій города Москвы графъ Ростопчинъ выѣздъ университета и его имущества откладывалъ до послѣдняго времени и еще 22-го августа увѣдомлялъ ректора, что «къ отправленію пріуготовлять слѣдуетъ самыя только дорогія и значущія вещи, а прочія оставить до времени такъ, какъ и воспитанниковъ, коихъ отправить можно будетъ послѣ». Когда же, благодаря такому распоряженію, пришлось экстренно отправлять «дорогія и значущія вещи»,—библіотека университета, его коллекція, типографія и книжный складъ были оставлены на произволъ судьбы. Ректоръ Геймъ хотѣлъ самъ съ «вѣренными ему учениками» выѣхать изъ Москвы, нѣсколько разъ ходилъ къ высшему гражданскому начальству съ просьбой дать лошадей, но всякій разъ получалъ отказъ. «Наконецъ,—пишетъ онъ въ донесеніи попечителю округа,—наудачу поѣхалъ къ губернатору, убѣдительно просилъ его о лошадяхъ.—Сколько тебѣ, Иванъ Андреевичъ?—спросилъ тотъ.—Тридцать,—отвѣчалъ.—Никакъ невозможно, если хочешь, пятнадцать бери, болѣе по чести дать не могу, да и то возьми ихъ въ сію же минуту».

Прибывъ съ университетскимъ имуществомъ и со студентами въ Нижній-Новгородъ, ректоръ немедленно же сталъ принимать всевозможныя мѣры, чтобы студенты не оставались «праздными» и не сдѣлались «туеядцами», и достигъ того, что университетъ, вопреки проектамъ высшаго начальства оставить его на время въ какомъ-либо другомъ городѣ (Нижнемъ-Новгородѣ или Симбирскѣ), былъ водворенъ на старомъ мѣстѣ. Здѣсь опять Геймъ проявилъ кипучую дѣятельность по восстановленію университета, которому и пожертвовалъ свою обширную бібліотеку «до 2,000 волюмовъ».

Особенно отмѣчаетъ затѣмъ авторъ «предисловія» и дѣятельность директора народныхъ училищъ П. М. Дружинина, который первымъ изъ педагоговъ явился въ Москву, послѣ оставленія ея французами и тотчасъ проявилъ большую инициативу и дѣятельность по восстановленію школьныхъ зданій, открытію работъ типографіи университета и выпуску въ свѣтъ 23-го ноября перваго послѣ почти трехмѣсячнаго перерыва номера «Московскихъ Вѣдомостей». Далѣе сообщаетъ интересныя данныя о профессорахъ московскаго университета и другихъ лицахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣ-

пенія, состоявшихъ на службѣ у французовъ: Федоръ Виллерсъ, Реми, Сущевъ, Мерсанъ и др. Наконецъ упомянемъ еще о пожертвованіяхъ, которыя сдѣлали чины университета и которыя достигли значительной суммы—8066 рублей.

По отношенію къ Петербургу документы трактуютъ по преимуществу о вывозѣ изъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій наиболѣе цѣнныхъ предметовъ и воспитанниковъ. Мѣстомъ вывоза былъ избранъ Петрозаводскъ, губернской городъ Олонецкой губерніи, до котораго, впрочемъ, дошли очень немногіе «грузы»: опасность скоро миновала, и было предписано обратно возвращаться, но уже не водой, а горой. Затрудненія, какія встрѣчались во время этого переезда, и другія обстоятельства съ «особою яркостью» описаны въ рапортахъ Митурича, Чикалевскаго, Оленина и С. С. Уварова.

Въ концѣ книги, изданной съ внѣшней стороны безукоризненно, приложены указатели: личныхъ именъ и географическій.

В. Рудаковъ.

Графиня Л. Ростопчина. Семейная хроника (1812 г.). Съ 8 иллюстраціями. Перевелъ Л. Ф. Гретманъ. Спб. Цѣна 1 р. 50 к.

Les Rostoptchine chroniques de famille—par la comtesse Lydie Rostoptchine. Paris. Librairie Felix Juven. Prix 3 f. 50 cent.

Въ самомъ началѣ 1912 года въ Парижѣ графиня Лидія (Андреевна) Ростопчина, прямая внучка московскаго главнокомандующаго въ Москвѣ въ 1812 г. графа Ѳ. В. Ростопчина, издала небольшую книгу на французскомъ языкѣ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ «Les Rostoptchine». Весьма недавно эта книжка появилась и въ русскомъ переводѣ г. Гретмана, очень прилично изданномъ. Переводъ совершенно близокъ и точенъ съ оригиналомъ и снабженъ любопытными и хорошо исполненными иллюстраціями. Полагаемъ, что никто не посятовалъ бы, если бы переводчикъ исправилъ или оговорилъ въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя явныя неточности, встрѣчающіяся въ оригиналѣ. Такъ, на примѣръ, графиня на стр. 40 (французскаго изданія) рассказываетъ, что ея дѣдъ владѣлъ землею близъ Ладожскаго озера подъ названіемъ Шалдыка, гдѣ теперь находятся три города (стр. 45 русскаго перевода). Очень сожалѣемъ, что графиня не указала подробнѣе, когда и какимъ образомъ приобрѣтено было графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ это владѣніе, потому что доселѣ считалось, что графъ владѣлъ тремя имѣніями, именно селомъ Козмодемьянскомъ (гдѣ онъ и родился въ 1763 г., а не 1765 г., какъ утверждаетъ графиня) Ливенскаго уѣзда Орловской губерніи; имѣніемъ на рѣкѣ Витюгѣ Воронежской губерніи и знаменитымъ селомъ Вороновымъ близъ Москвы, сожженнымъ имъ самимъ въ 1812 году. Помимо этого графиня Ростопчина жестоко ошибается, увѣряя, что въ имѣніи около Шалдыка (или Chaldukhа) теперь находятся три города. Такого поразительнаго развитія населенія въ столѣтній періодъ въ Россійской имперіи не встрѣчается. Не надо быть знатокомъ географіи, чтобы знать, что деревня, въ которой имѣется почтовая станція Шальдыха (а не Шалдыка), находится въ

29 верстахъ отъ города Шлиссельбурга (Петербургской губерніи) и что затѣмъ ближайшимъ отъ нея городомъ является городъ Новая Ладога, въ разстояніи верстъ около 60, и никакихъ трехъ городовъ около Шальдики нѣтъ, а есть только одна деревня Путилово, извѣстная своими плитными ломками. Замѣтимъ также, что, по словамъ графини на стр. 13, дѣдъ ея вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Протасовою въ 1795 году, а изъ высказываемаго на стр. 90 и 91 должно заключить, что графъ вступилъ въ бракъ въ 1793 или 1794 г.г. Между тѣмъ изъ камеръ-фурьерскаго журнала за 1794 г. ясно видно, что бракосочетаніе Ѳ. В. Ростопчина съ дѣвицею Протасовою совершено было 10-го февраля 1794 г. въ большой церкви Зимняго дворца, въ присутствіи императрицы Екатерины II. Точно также изъ приложенія къ тому же камеръ-фурьерскому журналу за 1792 г. стр. 66 видно, что указомъ ея величества 14-го февраля 1792 года гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ Ѳ. Ростопчинъ пожалованъ въ «наши камеръ-юнкеры» (то есть камеръ-юнкеромъ высочайшаго двора), а вовсе не въ камеръ-юнкеры двора великаго князя, какъ говоритъ графиня Л. Ростопчина на стр. 11, на которой пропущено ею также указаніе, что молодой Ростопчинъ воспитывался немалое время въ пажескомъ корпусѣ (см. трудъ Фреймана «Пажи за 180 лѣтъ»). Быть можетъ, эти небольшія замѣчанія пригодятся графинѣ Л. Ростопчиной при составленіи ея жизнеописанія ея дѣда, которое она намѣревается написать, по собственному ея заявленію (на стр. 2—3), чтобы окончательно установить, дѣйствительно ли онъ сжегъ Москву и далъ приказъ объ этомъ сейчасъ же по полученіи 15-го сентября (это, конечно, по новому стилю), въ 11 часовъ вечера, письма отъ Кутузова, извѣщавшаго о своемъ намѣреніи сдать Москву безъ боя. Какъ извѣстно, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ въ своей брошюрѣ, изданной въ Парижѣ 5-го марта 1823 г. «La Verité sur l'incendie de Moscou (эта брошюра переведена на русскій языкъ «Правда о пожарѣ Москвы»), отрицалъ самымъ положительнымъ образомъ свое участіе въ пожарѣ Москвы. Такимъ образомъ, родная внучка берется за перо осужденія и ради отвлеченной исторической истины выступаетъ противъ своего дѣда, прахъ котораго «среди его дѣтей покоится отъ людей». Удобно ли внучкѣ нарушить этотъ безмятежный покой? Если законъ (ст. суд. устава 1864 года, ст. 83 и 370 гражд. судопр. и 705 уголов. суд.) изъ общаго правила, что никто не имѣетъ права отказываться отъ свидѣтельства по дѣлу, дѣлаетъ исключеніе для родственниковъ по прямой линіи восходящей и нисходящей, а также для родныхъ братьевъ и сестеръ и освобождаетъ ихъ отъ свидѣтельства на судѣ, чтобы не ставить свидѣтелей въ опасное положеніе борьбы между чувствомъ долга и чувствомъ родства, то, казалось бы, графиня Лидія Андреевна и въ исканіи исторической истины могла бы смѣло уволить себя отъ выступленія не только свидѣтельницею, но прямо обвинительницею своего дѣда. За это никакая строгая историческая критика не осудила бы ее, между тѣмъ какъ далеко неизвѣстно, какъ отнесется та же критика къ ея новому изслѣдованію въ укоръ дѣду ея, которое лучше бы ей предоставить писать другому лицу. Въ ожиданіи этого новаго труда усердной писательницы скажемъ пока, что въ «Семейной хроникѣ» читатель найдетъ также весьма любопытныя свѣдѣнія о ея бабушкѣ графинѣ Екатеринѣ Петровнѣ, рожденной Протасовой, и о иезуитахъ, совратившихъ, какъ извѣстно, ее и двухъ ея дочерей въ католичество,

а также о сыновьях послѣдней Сергѣѣ и Андреѣ. Кроме того, графиня Л. Ростопчина говорит не мало и о своей матери, известной русской писательницѣ графини Евдокии Петровнѣ Ростопчиной, рожденной Сущковой (род. 23-го дек. 1811 и ум. 1858 г.), но почему-то замалчивает о своей родной теткѣ Софїи Теодоровнѣ Ростопчиной, родившейся въ 1799 г. и вступившей въ бракъ съ графомъ Евгеніемъ Стюромъ въ 1818 году. Она приобрѣла во Франціи настолько большую известность, какъ писательница для дѣтей и юношества, что французы послѣ ея кончины въ 1874 году поставили ей среди Люксембургскаго сада въ Парижѣ статуя на ряду съ прочими наиболѣе замѣчательными французскими писательницами. Большая часть ея сочиненій помѣщены въ известномъ изданіи *Bibliothèque rose*. Многіе ли изъ нашихъ русскихъ, бывшихъ въ Парижѣ, видѣли этотъ памятникъ, воздвигнутый нашей соотечественницѣ, о жизни которой мы вообще очень мало знаемъ? Почему бы графинѣ Лидїи Ростопчиной не ознакомить насъ съ жизнью ея родственницы, оставивъ въ покоѣ прахъ ея дѣда?

П. Майковъ.

Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, что въ Большой Коломнѣ въ Петербургѣ. Издано къ столѣтію ея. Съ 49 рисунками на 23 отдѣльныхъ листахъ. Стр. VII+235+41. Спб. 1912. Цѣна 2 рубля.

Это изданіе, вышедшее въ свѣтъ ко дню столѣтняго юбилея церкви, заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, составленную І. Туренскимъ исторію и описаніе Покровской церкви, а во-вторыхъ, составленный П. М. Дмитриевымъ очеркъ, помѣщенный въ видѣ приложения къ книгѣ, подъ заглавіемъ: «Общество вспоможенія бѣднымъ прихода церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что въ Большой Коломнѣ въ Петербургѣ. 1871—1911». Петербургъ. 1912.

Книга г. Туренскаго заключаетъ въ себѣ девятнадцать главъ. Въ первой главѣ авторъ приводитъ свѣдѣнія объ историческомъ прошломъ и природныхъ свойствахъ Большой Коломны—мѣстности, гдѣ въ 1798 году былъ основанъ, а въ 1812 году освященъ Покровский храмъ. Свѣдѣнія эти добыты имъ не только изъ печатныхъ сочиненій по исторіи Петербурга, но въ значительной мѣрѣ изъ рукописныхъ архивныхъ первоисточниковъ.

Составъ мѣстнаго населенія изслѣдованъ имъ очень подробно по «вѣдомостямъ квартальныхъ надзирателей» того времени. Вторая глава говоритъ возникновеніи мысли среди обывателей Большой Коломны о построеніи собственной приходской церкви и объ ихъ ходатайствахъ о томъ. Главы третья и четвертая повѣствуютъ о сооруженіи церкви, ограды вокругъ нея и часовенъ при ней; пятая и шестая—о заботахъ причта и прихожанъ о благоукрашеніи церкви и устроеніи домовъ при ней; седьмая о первомъ расширеніи церкви въ 1848—1850 годахъ; восьмая—о благоукрашеніи церкви въ послѣдующій періодъ, девятая—о вторичномъ расширеніи церкви въ 1850—1899 гг.; десятая и одиннадцатая—о сооруженіи новаго дома и ограды при церкви; двѣнадцатая—о заботахъ причта и прихожанъ о церкви до ея обновленія передъ столѣтіемъ, тринадцатая—объ обновленіи церкви передъ столѣтіемъ ея. Слѣдующія главы (четырнадцатая—восемнадцатая включительно) посвящены сообщенію біогра-

фических данных о настоятелях, священниках, діаконах и псаломщиках Покровской церкви. Сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія и о старостахъ, просфорняхъ и служителяхъ Покровской церкви.

По словамъ автора, источниками при составленіи этой книги служили отчасти документы, хранящіеся въ архивѣ петербургской духовной консисторіи, но главнымъ образомъ дѣла, находящіеся въ архивѣ самой Покровской церкви, а также тѣ данныя, которыя были извлечены составителемъ изъ непосредственнаго ознакомленія съ церковью. Авторъ уже не новичокъ въ дѣлѣ составленія описаній и исторій церквей. Имъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ составленъ и изданъ трудъ подъ заглавіемъ: «Кронштадтскій Андреевскій соборъ, его исторія и описаніе».

Съ благородной авторской скромностью онъ предвѣщаетъ свой разсматриваемый нами новый трудъ замѣчаніемъ, заимствованнымъ изъ древнихъ рукописныхъ книгъ: «хотящій сію книгу прочитати, аще случится нѣкое погрѣшеніе, милостиви намъ будите, не зазориви ума нашего немощи и недоумѣнію, сами же, сподобльшеся отъ Богатодавца большихъ дарованій, исправляйте, и насъ не клените, а благословите». Дѣйствительно, трудъ, принятый имъ на себя, не обѣщающій притомъ ни прибытка денежнаго, ни шумящей литературной славѣ, достоинъ всяческой благодарности и «благословенія». Исторія приходской жизни—область еще неизслѣдованная, едва-едва затронутая научными изысканіями. Всякій трудъ въ этомъ направленіи долженъ быть привѣтствуемъ.

Къ числу достоинствъ труда г. Туренскаго мы должны отнести прежде всего тщательность и документальную точность въ обработкѣ матеріала. Онъ не увлекается громкими словесными построеніями, къ чему такъ склонны бывають сплошь и рядомъ авторы юбилейныхъ изданій, посящихъ въ большинствѣ случаевъ характеръ панегирика. Г. Туренскій дѣловито и, мы сказали бы даже нѣсколько сухо, излагаетъ исторію Покровскаго храма и пастырской дѣятельности его причта, излагаетъ внимательно и подробно, стараясь дать исчерпывающее съ фактической стороны изложеніе.

Подробности, сообщаемыя въ трудѣ г. Туренскаго, конечно, могутъ заинтересовать сами по себѣ только мѣстнаго жителя, читающаго здѣсь имена своихъ, можетъ быть, отцовъ и дѣдовъ. Однако мѣстный характеръ темы изслѣдованія не лишаетъ разсматриваемую книгу и общаго интереса.

Перечитывая подробности сооруженія и благоуукрашенія Покровской церкви, невольно проникаешься бодрымъ и радостнымъ чувствомъ: не умерла еще у насъ вѣра и преданность св. церкви. Приводимые въ книгѣ г. Туренскаго факты все говорятъ намъ о трогательной, нѣжной любви и благоговѣйной заботливости прихожанъ о родномъ приходскомъ храмѣ. Все столѣтнее прошлое Покровскаго храма немолчно свидѣтельствуетъ о живой вѣрѣ и твердомъ упованіи его прихожанъ. Столѣтняя исторія храма не есть исторія дерева и камня, а есть повѣсть о религиозномъ стремленіи мѣстнаго населенія найти себѣ прибѣжище и опору въ горѣ и радости въ своемъ храмѣ. Кто умѣетъ читать, сумѣетъ увидѣть въ мелочныхъ подробностяхъ вещественной исторіи храма исторію религиознаго быта прихода.

Изъ этой же исторіи покровскаго прихода видно, что мнѣніе объ упадкѣ вліянія духовенства у насъ въ значительной мѣрѣ преувеличено. Факты изъ исторіи покровскаго прихода свидѣтельствуютъ, что при близости и внутренней сплоченности причта и прихожанъ религіозная жизнь быстро и оживленно расцвѣтаетъ и обильно приноситъ добрые плоды. Усердіе прихожанъ къ храму и ихъ одушевленіе къ дѣламъ благотворительности въ покровскомъ приходѣ въ значительной мѣрѣ обязаны своимъ возникновеніемъ и развитіемъ именно дѣятельности мѣстнаго приходскаго причта. Въ этомъ отношеніи разсматриваемая книга даетъ очень утѣшительныя фактическія подтвержденія того положенія, что наше духовенство не бездѣтельно: оно въ тишинѣ и молчаніи творитъ свое великое дѣло: несетъ народу религіозный свѣтъ и свою помощь и руководство въ устроеніи жизни.

Самая тема и основное заданіе автора были—дать исторію самаго храма. Поэтому вполне естественно, что вещественныя подробности преимущественно занимаютъ его вниманіе. Какъ сказано, эти подробности повѣствуютъ намъ и о внутренней религіозной жизни прихода, но все же былъ бы въ высшей степени плодотворенъ и любопытенъ трудъ, посвященный именно ей, спеціально разсматривающій внутреннюю религіозную жизнь церковно-приходскаго общества, его строй, отношенія между причтомъ и прихожанами, словомъ, то, что составляетъ приходскій «бытъ». Но это еще задача будущаго.

Историческій очеркъ дѣятельности Покровскаго приходскаго благотворительнаго общества за сорокъ лѣтъ его существованія, составленный П. М. Дмитриевымъ, представляетъ собою естественное дополненіе исторіи Покровскаго храма. Тѣ добрыя чувства и святые слова, которыя прихожане церкви слышатъ въ своемъ храмѣ, въ дѣятельности этого общества воплощаются въ благое дѣло на пользу немощныхъ, убогихъ и сирыхъ.

Книга издана хорошо. Обильные снимки съ видовъ церкви и портретовъ ея дѣятелей служатъ украшеніемъ и поясненіемъ текста.

Пожелаемъ, чтобы по примѣру Покровско-Коломенской церкви и исторія другихъ нашихъ храмовъ послужила темою изученія для столь же усердныхъ и тщательныхъ изслѣдователей, каковыми являются авторы разсматриваемой книги.

А. В. А.

Л. И. Софійскій. Городъ Опочка и его уѣздъ въ прошломъ и настоящемъ. (1414—1914). Псковъ 1912 г. Изданіе опочецкой городской думы. Стр. II+209. Цѣна не обозначена.

По мнѣнію послѣдняго опочецкаго историка И. П. Бутырскаго ¹⁾, городъ Опочка возникъ въ 1412 году, но въ лѣтописи, подъ именемъ села Опочни, впервые упоминается не позднѣе 1341 г. Въ виду истекающаго 500-лѣтія существованія города, съ одной стороны, и устройства въ немъ сельско-хозяйственной выставки въ сентябрѣ 1912 г., съ другой,—мѣстное общество сельского

¹⁾ «Опытъ древней исторіи города Опочки. Изданіе Н. И. Кукольника». Псковъ. 1879.

хозяйства пожелало имѣть къ этому времени краткій историческій очеркъ города Опочки и поручило составить его своему союлену Л. И. Софійскому. Последний, имѣя въ виду также предстоящій въ 1914 г. всероссійскій археологическій съѣздъ въ Псковѣ и Новгородѣ, живо откликнулся на этотъ призывъ и сравнительно въ короткій срокъ, совершенно безвозмездно представилъ обширный и обстоятельный историческій очеркъ города Опочки, пользуясь на ряду съ печатными источниками «письменными документами, еще не опубликованными».

Прежде всего надо отмѣтить, что Л. И. Софійскій, опираясь на авторитетное мнѣніе академика А. А. Шахматова, устанавливаетъ годъ основанія города Опочки 1414, а не 1412 г. (ошибочно показанный въ одной псковской лѣтописи, по списку Малиновскаго изданной М. П. Погодинымъ), и отвергаетъ мнѣніе П. П. Бутырскаго, смѣшивающаго городъ Опочку съ селомъ Опочней Островскаго уѣзда. Въ двѣнадцати главахъ, посвященныхъ городу Опочкѣ, авторъ рассказываетъ сначала чисто внѣшнюю исторію города, который былъ основанъ псковичами, вскорѣ послѣ разоренія литовцами въ 1406 г. укрѣпленнаго мѣстечка Коложе, въ видѣ укрѣпленнаго городка, въ теченіе двухъ столѣтій успѣшно отражавшаго нападенія литовцевъ и поляковъ и тѣмъ служившаго оплотомъ для Пскова, бывшаго въ 1772—1774 г. губернскимъ городомъ Псковскаго намѣстничества и резиденціей генераль-губернатора, графа З. Гр. Чернышева, ставшаго уѣзднымъ городомъ Псковской губерніи съ 1777 г. и имѣющаго нынѣ до восьми тысячъ жителей. Далѣе, въ особыхъ главахъ онъ трактуетъ: о «мѣстонахожденіи» города и его «строеніи» отъ начала до настоящаго времени; объ управителяхъ города—посадникахъ, намѣстникахъ, городничихъ и предводителяхъ дворянства, представляя при этомъ списки ихъ и биографическія данныя наиболѣе выдающихся мѣстныхъ дѣятелей; о постройкѣ храмовъ; о путяхъ сообщенія; о земледѣліи и торговлѣ; о дѣятельности опочецкаго уѣзднаго земства, особенно по народному образованію (наиболѣе обширныя статистическія данныя); о посѣщеніяхъ города государями и великими князьями; о наводненіяхъ, пожарахъ и холерной эпидеміи, бывшихъ въ XIX ст.; объ участіи опочанъ въ войнахъ: 1812 г., 1854—1856 и 1877—78 годовъ, и наконецъ о современномъ состояніи Опочецкаго уѣзда во всѣхъ отношеніяхъ. При такомъ раздѣленіи на особыя главы, Л. И. Софійскій, на нашъ взглядъ, значительно облегчилъ трудъ справокъ по его труду; обыкновенно провинціальныя исторіи городовъ вели свои рассказы въ чисто хронологическомъ порядкѣ.

Кромѣ постоянной исторіи города Опочки, мы находимъ еще въ трудѣ Л. И. Софійскаго краткія историческія свѣдѣнія и о другихъ укрѣпленныхъ пунктахъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшняго Опочецкаго уѣзда. Изъ нихъ «самымъ древнимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ,—говоритъ авторъ,—слѣдуетъ считать Вороничъ и Велье, потомъ Коложе, затѣмъ Опочку и Красный и наконецъ Заволочье. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ приближища для населенія во время войны только одна Опочка до настоящаго времени сохранила значеніе города; Красный остался пригородомъ или безузднымъ городомъ, Велье и Заволочье превратились въ села, Вороничъ въ погостъ, а отъ пригорода Коложа, который уступилъ свое мѣсто Опочкѣ, не осталось даже и названія, такъ какъ гора, гдѣ находился пригородъ Коложе, именуется въ настоящее время «Городищемъ» (стр. 3).

Въ Опочецкомъ уѣздѣ находятся села Михайловское и Тригорское и Святогорскій монастырь, тѣсно связанныя съ именемъ нашего великаго поэта Пушкина. Авторъ историческаго очерка города Опочки и его уѣзда счелъ необходимымъ посвятить особую главу этимъ мѣстностямъ и воспоминаніямъ о поэтѣ, съ нимъ связаннымъ, руководясь въ своемъ сравнительно краткомъ изложеніи данными изъ новѣйшей литературы о Пушкинѣ. Тутъ же приводится имъ и уставъ открытой 26-го мая 1911 г. въ Михайловскомъ имѣніи, находящемся во владѣніи псковскаго дворянства, колоніи имени Пушкина для престарѣлыхъ и больныхъ писателей и поэтовъ и учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школь.

Въ текстѣ книги помѣщено 78 хорошо исполненныхъ рисунковъ разныхъ видовъ мѣстностей, зданій, памятниковъ и т. п., а въ концѣ ея приложены два плана древней и современной Опочки и карта Опочецкаго уѣзда.

Книга Л. И. Софійскаго, ксатиѣсказать, изданная довольно тщательно и изложенная легкимъ литературнымъ языкомъ, надолго останется лучшей исторіей г. Опочки. Намъ остается только пожелать, чтобы авторъ ея, «имѣющій намѣреніе познакомить предстоящій во Псковѣ въ 1914 году XVI всероссійскій археологическій съѣздъ съ прошлымъ древнихъ псковскихъ пригородовъ», собралъ къ этому времени побольше свѣдѣній о нихъ и въ чисто археологическомъ отношеніи.

В. Рудаковъ.

Вильна въ 1812 году. Составилъ Ѳ. А. Кудринскій. Изданіе управленія виленскаго учебнаго округа въ память столѣтней годовщины Отечественной войны. Вильна. 1912. Стр. IV+153. Цѣна 50 коп. — Е. Ф. Орловскій. Гродненская губернія въ 1812 году. Гродна. 1912. Стр. 50. Цѣна 15 коп. — 1812 годъ. Наполеонъ въ предѣлахъ Могилевской губерніи. Составилъ А. П. Лучинъ. Изданіе Могилевской мужской гимназіи. Могилевъ. 1912. Стр. 15 и 3 географическихъ карты. — В. К. Добровольскій. Витебская губернія въ Отечественную войну. Изданіе витебскаго реальнаго училища. Витебскъ. 1912. Стр. 21. Цѣна 3 коп. — П. М. Красовицкій. Генераль-майоръ Яковъ Петровичъ Кульневъ и бой подъ Клястицами. Изданіе витебскаго реальнаго училища. Витебскъ. 1912. Стр. 27. Цѣна 5 коп.

По инициативѣ управленія виленскаго учебнаго округа, къ юбилею 1812 г. былъ изданъ цѣлый рядъ брошюръ для бесплатной раздачи учащимся среднихъ учебныхъ заведеній во время юбилейныхъ торжествъ, при чемъ предположено было очерки составить по губерніямъ, входящимъ нынѣ въ составъ округа. Идея сама по себѣ удачная и надо сказать, что выполнена она добросовѣстно.

Особенно выгодно выдѣляется изъ нихъ книжечка Ѳ. А. Кудринскаго «Вильна въ 1812 году», широко воспользовавшагося не только богатыми залежами литературнаго матеріала по исторіи такой блестящей эпохи, какъ Отечественная война, но и мѣстными архивными данными. Мастерски изложенный, съ умѣлымъ пользованіемъ автора печатными и др. матеріалами, очеркъ читается очень легко и съ интересомъ.

Изъ очерковъ по другимъ губерніямъ необходимо выдѣлнить тепло написанный историко-біографическій очеркъ П. М. Красовицкаго о героѣ Я. П. Кульневѣ, родившемся въ Клястицахъ, тѣхъ самыхъ, вблизи которыхъ онъ и сложилъ свою голову. Съ интересомъ читаются и очерки Е. Ф. Орловскаго, В. К. Добровольскаго и А. П. Лучина. Послѣдній въ своемъ очеркѣ «Наполеонъ въ Могилевской губерніи» между прочимъ посвятилъ нѣсколько строкъ печальной памяти архіепископу Варлааму Шишацкому, присягнувшему Наполеону.

Кстати будетъ замѣтить, что и до сихъ поръ не выяснены достаточно опредѣленно причины такого неожиданнаго поступка Шишацкаго: мнѣнія по этому вопросу раздѣлились, не придя къ соглашенію, а вопросъ между тѣмъ интереснѣйшій.

Д. Вочковъ.

«Въ тылу арміи». Калужская губернія въ 1812 году. Обзоръ событій и сборникъ документовъ. Составилъ В. И. Асоновъ. Изданіе Петра Ивановича Щукина. Москва.

Въ достопамятнѣйшій 1812 годъ на долю Калужской губерніи выпала тяжелая и отвѣтственная работа не только на ряду съ жителями другихъ губерній нести на своихъ плечахъ тяготу Отечественной войны, но и быть центромъ всѣхъ тыловыхъ—хозяйственныхъ и санитарныхъ—операций въ тотъ наиболѣе упорный и продолжительный періодъ войны, начиная съ Бородинскаго сраженія вплоть до Малоарославскаго боя, когда началось знаменитое отступленіе французовъ.

И становится вполне понятнымъ, что дѣятельность мѣстной администраціи и жителей вылилась за этотъ періодъ войны въ самыя разнообразныя и различныя формы. Настоящая книжка Асонова именно и имѣетъ цѣлью воскресить эту дѣятельность передъ потомствомъ въ цѣломъ рядѣ такихъ безпристрастныхъ объективныхъ данныхъ, какими является переписка правительственныхъ органовъ мѣстныхъ властей по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ, относящихся къ войнѣ 1812 года. Книга эта раздѣлена, собственно говоря, на двѣ части. Въ первой мы находимъ, что давно извѣстно о войнѣ 1812 года. Эта часть едва ли можетъ представлять какой-либо интересъ для читателя, но зато вторая часть—сборникъ документовъ—интересное и достойное быть отмѣченнымъ явленіе на нашемъ книжномъ рынкѣ, среди другихъ книгъ, посвященныхъ Отечественной войнѣ. Изъ пыльныхъ архивовъ авторъ извлекъ сотни интересныхъ, оригинальныхъ письменныхъ актовъ, знакомящихъ читателей съ изнанкой народной войны. Цѣлый рядъ совершенно новыхъ эпизодовъ и фактовъ встаетъ передъ глазами читателей и краснорѣчиво рисуетъ огромное напряженіе народныхъ и правительственныхъ силъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. Мѣры санитарнаго и медицинскаго характера, заботы о плѣнныхъ, о продовольствіи войскъ, объ учрежденіи кордоновъ и пикетовъ, снабженіе арміи одеждой и обувью, роль различныхъ сословій въ войнѣ 1812 года и т. д., все нашло себѣ въ этомъ сборникѣ самое краснорѣчивое изложеніе. Многіе документы изобилуютъ цифрами и представляютъ особый интересъ для историка-статистика этой великой години.

Книга эта во второй своей части представляет, бесспорно, крупный интерес для исследователя войны 1812 года. Съ вѣшной стороны книга издана очень опрятно и снабжена цѣлымъ рядомъ рисунковъ. О достоинствѣ мысли автора собрать документы, относящіяся къ 1812 году, лучше всего говорить то обстоятельство, что книга эта издана на средства покойнаго П. И. Щукина, имя котораго въ достаточной степени говоритъ въ пользу работы, предпринятой Ассоновымъ, который много и небезрезультатно потрудился надъ изученіемъ 1812 года въ предѣлахъ Калужской губерніи.

Д. Б—въ.

М. Чуприковъ. 1812. Дневникъ Отечественной войны. Изданіе Б. А. Суворина. Библиотека «Вечерняго Времени». Спб. 1913. Стр. 654. Цѣна 2 рубля.

Настоящая книга г. Чуприкова представляет собою просмотрѣнный и дополненный сводъ статей, печатавшихся въ 1912 году на страницахъ газеты «Вечернее Время» подъ общимъ заглавіемъ «Сто лѣтъ назадъ». Авторъ этой книги тщательно ознакомился съ громадной литературой по разработанному вопросу и, строго систематизировавъ обширныя данныя, облекъ ихъ въ легкую, общедоступную форму, благодаря чему еще при своемъ появленіи въ «Вечернемъ Времени» его ежедневныя замѣтки привлекали вниманіе читателей. Какъ извѣстное достоинство работы г. Чуприкова, нужно отмѣтить широкое использование авторомъ сырого матеріала въ видѣ переписки, донесеній, указовъ, выдержекъ изъ тогдашнихъ газетъ, воззваній, рескриптовъ и проч., что, несомнѣнно, создаетъ у читателя извѣстное настроеніе, помогаетъ ему больше уловить духъ эпохи, съ которой знакомить его эта книга. Авторъ привлекъ много новаго матеріала, много забытаго стараго и избралъ очень подходящую форму послѣдовательнаго изложенія въ хронологическомъ порядкѣ, день за днемъ слѣдя за возникновеніемъ политическихъ недоразумѣній, за подготовкой съ обѣихъ сторонъ къ борьбѣ и за послѣдующимъ ходомъ кампаніи вплоть до самаго 25-го декабря 1812 года, когда въ первой день Рождества Христова императоръ Александръ Павловичъ объявилъ манифестомъ своимъ «любезнымъ вѣрноподаннымъ, что событіе превзошло даже и самую надежду нашу и что объявленное нами при открытіи войны сей свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единого врага на лицѣ земли нашей, или, лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ? Мертвые, раненые и плѣнные. Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главными чиновниками своими отселъ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки...» Среди огромнаго количества всевозможныхъ популярныхъ книгъ и брошюръ, вызванныхъ въ свѣтъ столѣтнимъ юбилеемъ 1812 года, работа г. Чуприкова должна выгодно выдѣляться не только живостью и легкостью изложенія, но своимъ, такъ сказать, научнымъ удѣльнымъ вѣсокъ и научной свѣжестью матеріала. Съ вѣшной стороны книга издана вполне прилично, снабжена двумя картами и украшена тремя портретами на отдѣльныхъ листахъ: Александра I, Наполеона и Кутузова. Жаль только, что эта интересная книга нѣсколько

запоздала своимъ появленіемъ: новая волна юбилейной литературы по поводу трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ отвлекеть вниманіе читателей отъ событій 1812 года, которыя владѣли этимъ вниманіемъ весь прошлый годъ.

М—о.

Смоленское дворянское ополченіе 1812 г. Изданіе смоленскаго дворянства. Смоленскъ. 1912. 4°. Стр. 115. Цѣна не обозначена.

Широкая, почти квадратная тетрадь съ размѣщенными на обложкѣ гербовыми щитами всѣхъ двѣнадцати уѣздовъ Смоленской губерніи, съ андреевскимъ крестомъ и инициалами императоровъ Александра I и Николая II, по срединѣ—вотъ вышность той интересной и содержательной сводки архивнаго матеріала, касающагося Отечественной войны, каковой выпустило въ свѣтъ смоленское депутатское собраніе въ очень добросовѣстной и умѣлой обработкѣ секретаря дворянства И. П. Лесли, хотя скромный авторъ не выставилъ даже своей фамиліи на обложкѣ и читатель узнаеть ее изъ предисловія.

Мы вообще пока еще не можемъ похвастаться обиліемъ не только издаваемого, но даже лишь въ порядокъ приводимаго архивнаго матеріала, отъ котораго у насъ, однако, ломаются полки и даже полы въ башняхъ, подвалахъ, сараяхъ и иныхъ совершенно «неудобныхъ и губительныхъ» хранилищахъ нашей запротоколенной исторіи, а потому всякое изданіе подобныхъ матеріаловъ слѣдуетъ привѣтствовать особенно горячо.

Несмотря на извѣстную осторожность и крайнюю ограниченность этихъ матеріаловъ въ данномъ случаѣ—авторъ пользовался исключительно однимъ архивомъ смоленскаго дворянскаго собранія,—умѣлое его распредѣленіе и передача дѣлають данную книжку интересной даже для зауряднаго читателя, а историкъ найдетъ тутъ же на поляхъ точныя ссылки на нумера дѣла, откуда заимствовано то или иное сообщеніе.

Кромѣ того, въ особомъ приложеніи помѣщены описанія подвиговъ: Энгельгардта, Шубина, князя Тепишева и нѣсколько писемъ современниковъ-смолянъ, перепечатанныхъ изъ разныхъ повременныхъ изданій прошлаго столѣтія.

Далѣе приложены размѣщенные по уѣздамъ списки предводителей дворянства, чиновниковъ смоленскаго ополченія (тысячныхъ, пятисотенныхъ, сотенныхъ), затѣмъ слѣдуютъ таблицы: «пожертвованій на военныя нужды», «о числѣ ополченцевъ и оружія», «списки частныхъ жертвователей на ополченія», «таблицы цѣнъ различныхъ продуктовъ первой необходимости», наконецъ очень обстоятельная «вѣдомость объ убыткахъ, понесенныхъ населеніемъ отъ непріятельскаго нашествія», и о «суммахъ, просимыхъ и полученныхъ на пособія», «приходо-расходная вѣдомость» и пр.

Въ самомъ концѣ приложена опись дѣлъ по 1812 г. смоленскаго депутатскаго собранія.

Издана книга довольно хорошо, принимая во вниманіе, что печаталась она въ мѣстной губернской типографіи.

Жаль только, что интересные оттиски уѣздныхъ гербовъ не даны на отдѣльномъ бѣломъ листѣ, а помѣщены только лишь на фисташковой обложкѣ, да притомъ выполнены серебристой, крайне непрочной краской, которая быстро вся отлетаетъ.

Е. Клетнова.

Исторія Астраханскаго казачьяго войска. Ч. I. Стр. 847. Ч. II. Стр. 630. Ч. III. Стр. 974. Составилъ полк. Бирюковъ. Изданіе Астраханскаго казачьяго войска. Цѣна не обозначена.

Въ послѣднее время наши войсковыя части усердно занимаются составленіемъ своихъ исторій, что имѣетъ несомнѣнное значеніе въ смыслѣ сохраненія боевыхъ традицій и увѣковѣченія славныхъ подвиговъ предковъ. Значительный толчокъ въ этомъ направленіи данъ былъ бывшимъ военнымъ министромъ Куропаткинскимъ, при которомъ была составлена программа для исторій полковъ, и теперь рѣдкая часть не имѣетъ своей исторіи. Работы эти весьма разнообразны по своему историческому и литературному достоинству, но нѣкоторыя изъ нихъ должны быть отмѣчены какъ труды серьезные, представляющіе интересъ не только для войсковой части, но имѣющіе общее историческое и этнографическое значеніе. Къ такимъ трудамъ надо отнести «Исторію Астраханскаго казачьяго войска», составленную полковникомъ Бирюковымъ и изданную иждивеніемъ самого войска. Надо замѣтить, что Астраханское войско, занимающее громадную территорію съ весьма разнообразнымъ населеніемъ и сыгравшее значительную роль въ охранѣ нашихъ окраинъ и въ колонизаціи и заселеніи южныхъ Поволжья, не имѣло до сихъ поръ не только своей исторіи, но даже не могло дать изслѣдователю какихъ-либо печатныхъ матеріаловъ. Поэтому составителю всю работу надлежало вести по архивнымъ документамъ на мѣстахъ и въ центрахъ, собирать и составлять отрывочныя свѣдѣнія, страдающія неполнотой и пробѣлами. Изъ сказаннаго можно заключить, сколько труда нужно было положить составителю и его сотрудникамъ, чтобы въ нѣсколько лѣтъ закончить исторію войска и представить ее на судъ читателей въ видѣ трехъ объемистыхъ томовъ, вмѣщающихъ въ себѣ до 2,600 страницъ большого формата, не считая обширныхъ приложений. Исторія Астраханскаго войска состоитъ изъ трехъ частей: въ 1-й части приведены свѣдѣнія, какъ собиралось войско и устроилось въ административномъ отношеніи; во 2-й части—данныя, непосредственно касающіяся станицъ, ихъ общественнаго управления, занятій, просвѣщенія, медицинской и ветеринарной частей; сюда же вошла исторія надѣленія землей и водами; наконецъ, 3-я часть обнимаетъ всю военную исторію войска, его службу внутреннюю и внѣшнюю. Послѣдняя часть представляетъ интересъ по разнообразію той службы, которую довелось нести войску: по внутренней службѣ астраханскіе казаки охраняли низовье Волги форпостами и заставами и несли карантинную службу; отбывали почтовую гоньбу и конвоированіе почтъ; соблюдали порядокъ въ Калмыцкой степи и въ улусахъ киргизъ-кайсаковъ; на нихъ же лежала охрана соленыхъ озеръ и сопровожденіе казенныхъ грузовъ по Каспійскому морю и проч.; внѣшняя боевая работа войска выразилась въ участіи въ войнахъ Отечественной 1812 г., съ Персіей,

Турціей и на Кавказѣ. Что касается матеріальной стороны изданія, то она должна быть признана вполне удовлетворительной: книга снабжена большимъ количествомъ портретовъ дѣятелей различныхъ эпохъ за полуторастолѣтнее существованіе войска, картами, планами и чертежами, рисунками бытового характера, изображеніями формы одежды, вооруженія и снаряженія казаковъ и т. д. Вообще книга г. Бирюкова представляетъ цѣнный матеріаль для ознакомленія съ краемъ и для дальнѣйшаго пополненія и разработки въ будущемъ.

Д. Н.

1) Изъ Митавской старины. Выпускъ 2-й. Къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Событія въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ. Митавы. 1912. 2) Dr. Fr. Bienemann. 1812. Baltische Erinnerungsblätter. Рига. 1912.

О положеніи прибалтійской окраины въ 1812 году общіе труды по исторіи Отечественной войны обыкновенно или ничего не говорятъ, или упоминаютъ только въ краткихъ словахъ; даже протекшія юбилейныя торжества, повидимому, ничему не научили большую публику. Такъ, напримѣръ, появившаяся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» уже послѣ юбилея (№№ 251 и 257 отъ 16-го и 24-го ноября 1912 г.) статья М. В., «Французская оккупация русскихъ областей въ 1812 году», рассматривая отдѣльные русскіе города и области, которые «были заняты непріятельскими войсками, подверглись хотя не долговременной, но прочной оккупации и въ которыхъ все управленіе и власть перешли къ французскимъ администраторамъ», и называя Вильну, Минскъ, Витебскъ, Могилевъ, Смоленскъ и Москву, совершенно не упоминаетъ о Курляндіи, хотя она была занята въ теченіе цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ корпусомъ Макдональда, перенесла за это время всѣ ужасы завоеванной страны, получивъ французскую администрацію съ двумя «интендантами» во главѣ, при чемъ на службу въ новое французское управленіе привлекались (часто силою) русскіе чиновники, которые по мѣрѣ возможности старались облегчить горькую участь населенія и которые, по удаленіи непріятели и возстановленіи русскаго правленія, подверглись суду за измѣну, но всемилостивѣйше имъ было объявлено «всеобщее прощеніе».

Оба изданія поставили себѣ одну и ту же цѣль: предоставить слово самимъ современникамъ Отечественной войны, и въ этомъ заключается своеобразная прелесть этихъ книжекъ, такъ какъ особое наслажденіе—читать живыя описанія самихъ очевидцевъ того, что пережило населеніе Курляндіи, въ общей массѣ оставшееся вѣрнымъ своему законному государю, и какъ торжественно праздновалось во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ губерніи освобожденіе ея отъ непріятельскаго нашествія. А вотъ трогательный разсказъ о томъ, какъ одинъ таможенный чиновникъ въ приморскомъ курляндскомъ городкѣ Либавѣ, при приближеніи враговъ, схоронилъ у себя на дому портретъ императора Александра I, чтобы «уберечь его отъ нечистыхъ, ядовитыхъ (unreinen, giftigen) взоровъ непріятели», и какъ, по уходѣ враговъ, этотъ портретъ былъ торже-

ственно, въ сопровожденіи чиновниковъ и матросовъ, при звукахъ музыки, перенесенъ на старое мѣсто. «Радость свѣтилась во взорахъ каждаго!» А описаніе казни уроженца курляндскаго городка Якобштадта Петра Булгака (потомки котораго и понынѣ проживаютъ въ этомъ городѣ), пытавшагося переманить непріятельскихъ солдатъ (пруссаковъ?) на русскую сторону (можетъ быть, агентъ генерала Юрка?) А многочисленныя пожертвованія курляндцевъ въ пользу раненыхъ русскихъ воиновъ деньгами, одеждою, драгоценными вещами, провизіей? Все эти факты, переданныя современниками, краснорѣчиво говорятъ о патриотическихъ чувствахъ жителей Курляндіи. Въ послѣсловіи къ первой разбираемой книжкѣ приведено еще нѣсколько примѣровъ такого Патриотическаго одушевленія.

Но коснемся содержанія каждой изъ двухъ книжекъ.

Первая изъ нихъ составляетъ послѣдовательную, въ порядкѣ выхода номеровъ, перепечатку статей о событіяхъ Отечественной войны на территоріяхъ Курляндской и Лифляндской губерній изъ единственной въ то время митавской литературно-политической газеты «Allgemeine deutsche Zeitung für Russland». Кромѣ статей научнаго характера, въ этой газетѣ (въ форматѣ 4°, по 4 стр.), стоившей одиннадцать рублей въ годъ за 313—314 номеровъ, печатались корреспонденціи изъ государствъ всего міра и, конечно, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о наполеоновскихъ войнахъ, въ томъ числѣ бюллетени «великой арміи».

Содержаніе книжки составляютъ разнаго рода приказы и объявленія русскихъ и французскихъ властей (часть ихъ вошла въ извѣстный трудъ К. А. Военскаго «Акты, документы и матеріалы для исторіи 1812 г., т. II, Балтійская окраина въ 1812 г.», дополняя его, а отчасти и исправляя). Такъ, напримѣръ, Военскій (стр. 177, документъ № 3) отдѣльную фамилію «Франкъ» принялъ за имя члена митавскаго гражданскаго комитета по военной реквизиціи фонъ-Штемпеля, и въ указателѣ послѣдній носитъ имя Франца; отмѣтимъ, кстати, еще одну ошибку у Военскаго (стр. 558): фонъ-Шмидтъ былъ капитаномъ не курляндскаго ополченія—такого не было,—а лифляндскаго), описанія сухопутныхъ и морскихъ сраженій, торжествъ, эпизодовъ изъ жизни городовъ и мѣстечекъ, стихотворенія, списки убитыхъ и пожертвованій въ пользу раненыхъ русскихъ воиновъ и т. д. и т. д. Полной картины жизни населенія Курляндіи эти статьи, конечно, не даютъ (не надо забывать, что надъ всеѣмъ тяготѣла вражеская цензура), но для историка 1812 г. на прибалтійской окраинѣ представляютъ драгоценный матеріалъ.

Книга снабжена алфавитнымъ указателемъ личныхъ и географическихъ именъ.

Еще болѣе этого матеріала (и при томъ богато иллюстрированнаго портретами, видами и планами) даетъ вторая изъ разбираемыхъ книжекъ. Здѣсь мы находимъ официальную переписку, воззванія извѣстнаго журналиста Гарлиба Меркеля, воспоминанія очевидцевъ (въ томъ числѣ прусскаго лейтенанта Гартвиха изъ его «Der Feldzug in Kurland» и Шлиппенбахъ «Die Feinde in Kurland»), письма, театральныя пьесы и стихотворенія (въ томъ числѣ сатирическія на Наполеона) и др. Приложена и хронологическая таблица мѣстныхъ событій. Къ сожалѣнію, почти все рисунки исполнены довольно неотчетливо.

А. Мальгрень.

Карль Карловичъ Герцъ. (1820—1883). Біографическій очеркъ. Съ портретомъ и двумя приложеніями. Составилъ А. Маленинъ. Изданіе императорской академіи наукъ на средства капитала имени профессора К. К. Герца. Спб. 1912. Стр. VIII+244. Цѣна 1 р. 60 к.

Имя профессора и археолога К. К. Герца, прослужившаго въ московскомъ университетѣ двадцать пять лѣтъ, было въ свое время довольно популярнымъ, а такъ какъ его біографами до сего времени были лишь члены общества любителей художествъ и московскаго археологическаго общества, гдѣ онъ обнаружилъ кипучую и плодотворную дѣятельность, то всѣ ихъ жизнеописанія по преимуществу двоирамбическаго характера, прославлявшія профессорскую и учено-археологическую дѣятельность покойнаго сочлена. Раскрытіе профессорской дѣятельности К. К. Герца въ московскомъ университетѣ въ связи съ общимъ очеркомъ его времени было поставлено главною задачею для будущаго біографа и по завѣщанію Эрнестины Карловны Герцъ, оставившей академіи наукъ въ 1895 г. 7.000 рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала были употреблены на изданіе біографіи ея брата, его сочиненій и затѣмъ на поощреніе ученыхъ трудовъ по классической археологій.

Въ 1901 г. академія наукъ закончила изданіе сочиненій К. К. Герца, но съ біографіей дѣло затянулось: появившаяся почти тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти описываемаго лица, она представила его въ совершенно иномъ свѣтѣ и въ иной оцѣнкѣ. Біографъ егò, А. І. Маленинъ, работалъ надъ монографіей цѣлыхъ шесть лѣтъ, детально ознакомился съ печатными произведеніями К. К. Герца, его рукописями лекцій, дневниками и перепиской, хорошо освѣдомился и о той эпохѣ, въ какую жилъ и работалъ Герцъ, и о лицахъ, съ которыми онъ входилъ въ сношенія, критически отнесся особенно къ его профессорскимъ лекціямъ и диссертациямъ и въ результатѣ высказалъ убѣжденіе, что Герцъ, какъ профессоръ, не обнаружилъ въ своихъ лекціяхъ не только «глубокой учености», но «даже особой самостоятельности», что его обѣ диссертации, магистерская и докторская, далеко не удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ, влѣдствіе чего «имя К. К. Герца въ исторіи изученія у насъ искусства занимаетъ одно изъ самыхъ скромныхъ мѣстъ» и что только своими прочувствованными журнальными и газетными статьями онъ, «несомнѣнно, содѣйствовалъ подъему художественныхъ интересовъ среди нашей публики, которая охотно читала его». Видя въ этомъ послѣднемъ «немаловажную заслугу К. К. Герца», біографъ въ то же время ставитъ ему въ большую и главную вину то, что онъ, «получивъ, несомнѣнно, прекрасную научную подготовку, съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности ступилъ на скользкій путь популяризаціи избранной имъ отрасли знаній» (стр. 184—185).

Все это совершенно вѣрно, особенно съ точки зрѣнія профессора XX вѣка. Но надо принять во вниманіе и то, что К. К. Герцъ въ области распространенія знаній по исторіи искусства въ 1850—1860 гг. былъ піонеромъ, и большой еще вопросъ, могъ ли онъ тогда добиться такихъ же результатовъ одной или двумя строго-научными диссертациями, какіе несомнѣнны и засвидѣтельствованы многочисленными издателями и редакторами, всегда искавшими его популяр-

нихъ статей. Вѣрно, что наука потеряла кое-что съ выступленіемъ Герца на «скользкій путь популяризаціи», но общество-то, которому онъ отдалъ себя на служеніе, отъ этого только выиграло, и въ этомъ я усматриваю не «немаловажную», а очень крупную заслугу К. К. Герца, особенно принимая во вниманіе его продолжительную и кипучую дѣятельность въ московскихъ обществахъ любителей художествъ и археологическомъ, а также и въ Румянцовскомъ музеѣ.

Пространную свою монографію авторъ раздѣлилъ на восемь главъ, сопровождая каждую изъ нихъ обширными объяснительными, біографическими, библиографическими и другими примѣчаніями, со ссылками на источники. Въ первой главѣ описывается происхожденіе, дѣтство и годы обученія К. К. Герца сначала въ московской практической академіи коммерческихъ знаній, а потомъ въ московскомъ университетѣ. Во второй—говорится о педагогической его дѣятельности у графа В. А. Мусина-Пушкина и свѣтлѣйшей княгини Салтыковой, объ его сотрудничествѣ въ «Современникѣ», при посредствѣ Я. К. Грота, и его первыхъ беллетристическихъ опытахъ. Третья глава посвящена заграничному путешествію Герца въ 1851—1856 гг. Описывая его довольно подробно, А. И. Маленинъ говоритъ, что «эта поѣздка произвела полный переворотъ въ дальнѣйшей судьбѣ Герца. Поѣхавъ за границу дилетантомъ безъ особыхъ опредѣленныхъ цѣлей, кромѣ поправленія здоровья, К. К. мало-по-малу превращается въ «ученаго специалиста...», «ученаго археолога», высшее образованіе котораго завершили берлинскіе учителя. Въ четвертой и пятой главахъ трактуется, послѣ небольшого обзора журнальных работъ Герца, главнымъ образомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», объ его профессорской дѣятельности въ московскомъ университетѣ. Шестая глава посвящена работамъ Герца въ Румянцовскомъ музеѣ и преподавательской дѣятельности въ училищѣ живописи и ваенія, въ консерваторіи и Строгановскомъ училищѣ; седьмая—его участію въ обществѣ любителей художествъ и московскомъ археологическомъ обществѣ, и, наконецъ, восьмая сообщаетъ «общій обзоръ журнальной и газетной дѣятельности В. К. Герца», затѣмъ трактуетъ объ его «письмахъ изъ Италіи и Сициліи» и «археологической хроникѣ», о послѣднихъ годахъ жизни и смерти, о судьбѣ бібліотеки и, наконецъ, о «значеніи его учено-литературной дѣятельности» и «душевныхъ качествахъ».

Въ концѣ книги приложены: 1) нѣсколько мелкихъ статей К. К. Герца, случайно не вошедшихъ въ собраніе его сочиненій, 2) списокъ печатныхъ трудовъ его, начатый еще Н. Н. Трескинымъ († 1906 г.) и 3) указатель личныхъ именъ. Помѣщенный въ началѣ портретъ Герца сдѣланъ съ той же карточки, которая была увеличена для изображенія, находящагося среди шкаповъ бібліотеки почившаго ученаго въ императорскомъ московскомъ историческомъ музеѣ.

Съ вышней стороны книга исполнена весьма тщательно и, благодаря живому и литературному изложенію, прочтется многими съ большимъ интересомъ.

В. Рудаковъ.

Ал. Пиленко. Около болгарской войны. Дневникъ и сорокъ девять любительскихъ фотографій. Изданіе газеты «Вечернее Время». Спб. 1913. Стр. 218. Ц. 1 р. 50 к.

Крѣпкое зарево многовѣковой упорной борьбы Креста съ Полумѣсяцемъ снова ярко освѣтило Балканскій полуостровъ; снова потоками льется кровь, и, объединенные одною общей идеей, славянскіе народы съ отчаяннымъ героизмомъ возстали всѣ, отъ мала до велика, за свою независимость, за право свободного развитія всѣхъ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ, которыя цѣлыми вѣками душились мусульманскими поработителями. Скоро долженъ окончиться, повидимому, послѣдній актъ исторической трагедіи у Босфора и на Балканахъ. Поэтому немудрено, что ни одно изъ событій «внѣшней политики» никогда еще не привлекало такого всеобщаго и огромнаго вниманія всѣхъ слоевъ русскаго общества, какъ война балканскихъ союзниковъ съ Турціей. Единодушный взрывъ общественныхъ симпатій по адресу возставшихъ нашихъ братьевъ-славянъ краснорѣчиво показываетъ, что, не участвуя фактически въ войнѣ, весь русскій народъ близко къ сердцу принялъ дѣло освобожденія близкихъ намъ по крови балканскихъ славянъ, за которыхъ Россія понесла въ свое время много жертвъ. И каждый правдивый рассказъ, каждое безхитростное слово очевидца объ этой освободительной общеславянской борьбѣ должны привлечь вниманіе читателей и по возможности отвѣтить на ихъ запросы о военныхъ событіяхъ на залитыхъ кровью поляхъ и горахъ Балканскаго полуострова.

Именно такого рода повѣствованіемъ и является новая книга г. Пиленка «Около болгарской войны», составленная изъ его корреспонденцій съ театра войны, печатавшихся въ газетѣ «Новое Время» въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ прошлаго года; корреспонденціи эти дополнены не появлявшимся еще въ печати литературнымъ матеріаломъ и очень интересными, хорошо выполненными фотографическими снимками.

Авторъ начинаетъ повѣствованіе съ своего отъѣзда, описываетъ послѣднія вокзальныя хлопоты, выpravку всевозможныхъ бумагъ, документовъ и пр. и пр. и, затрудняясь объяснить причину своего отъѣзда на театръ военныхъ дѣйствій, между прочимъ говоритъ: «профессору международного права, который такъ часто говоритъ объ ужасахъ войны, надо же хоть разъ въ жизни увидѣть эти ужасы на разстояніи пяти шаговъ»... Далѣе слѣдуютъ бѣглыя, совсѣмъ кинематографическія картины отправки запасныхъ и добровольцевъ, главная квартира болгарской арміи, ея боевая жизнь и, наконецъ, выступленіе автора въ походъ, гдѣ онъ уже вблизи знакомится съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, съ настроеніемъ войска, съ его житьемъ-бытьемъ. Поражаютъ рассказы автора о выносливости и усердіи солдатъ и добровольцевъ, въ числѣ которыхъ очень часто встрѣчаются лучшіе представители болгарской интеллигенціи. Напримѣръ: докторъ правъ, учившійся въ Парижѣ, истомленный, небритый, весь въ грязи до самыхъ глазъ, развозитъ на велосипедѣ письма, дѣлая каждый день по тридцати пяти верстъ по ужаснѣйшей дорогѣ. «Тутъ, вообще, все неожиданности,—рассказываетъ г. Пиленко.—Ѣдетъ полевая больница на арбахъ: повозку перевернуло на косогорѣ. Кричатъ, стараются. Одинъ,

высокій, болѣе всѣхъ поднимаетъ; санитарный майоръ, какъ потомъ оказалось. А еще потомъ оказалось, что онъ—бывшій товарищъ предсѣдателя народнаго собранія, Момчиловъ.

Очень интересно описаніе впечатлѣній корреспондента въ занятой болгарами турецкой территоріи, рассказы очевидцевъ сраженій; сильное, тяжелое впечатлѣніе оставляетъ картина деревни, разрушенной турками при ихъ отступленіи, и фотографіи изуродованныхъ этими изувѣрами христіанскихъ мирныхъ обывателей. Никакое описаніе не запечатлѣетъ такъ въ памяти этихъ ужасовъ, какъ безстрастная правдивая фотографія. Очень ярко описаны мученія корреспондентовъ съ отправками ихъ телеграммъ, которыя мы каждое утро находимъ въ газетѣ, не подозревая даже, сколько труда, силъ и времени потрачено для того, чтобы онѣ дошли до насъ. Напримѣръ, срочная телеграмма, отправленная 16-го, приходитъ 28-го октября, а то и позже. Угнетающія картины удалось наблюдать автору на полевыхъ перевязочныхъ пунктахъ и въ лазаретахъ, на желѣзныхъ дорогахъ при перевозкѣ раненыхъ и т. п. Но, несмотря на всѣ ужасы, на всѣ темныя стороны, всегда сопровождающія войну, воодушевленіе и подъемъ духа народнаго прямо выше всякихъ похвалъ. Это дѣйствительно народная война, гдѣ каждый сознательно жертвуетъ собою и всѣмъ своимъ для общаго народнаго блага, для общей народной свободы. И множество мелкихъ фактовъ, случайныхъ разговоровъ, бѣглыхъ слышанныхъ замѣчаній участниковъ войны, которые въ общій разбросаны въ книгѣ г. Пиленка, вполне подтверждаютъ это и объясняютъ успѣхъ, счастливо сопровождающій военныя дѣйствія славянскихъ союзниковъ.

Читается новая книга г. Пиленка съ неослабѣвающимъ интересомъ, полная настоящей правды и, благодаря искренности, безхитрости и чувству горячей симпатіи къ возставшимъ за свою свободу, производитъ на читателя большое впечатлѣніе. Сознывая личный, персональный характеръ своихъ корреспонденцій, вызвавшей нападки въ повременной печати, авторъ говоритъ: «Написалъ я уже немало корреспонденцій. Перебираю ихъ въ умѣ: большинство, оказывается, вертится вокругъ моей персоны: какъ я застрялъ въ болотѣ, какъ и ѣлъ вонючій кашкаваль, какъ спалъ безъ оконъ... Всѣ эти корреспонденціи явно персональны. Правильно ли это? Я правъ въ одномъ отношеніи. Изъ-подъ моего пера не вышло до сихъ поръ ни одного лживаго слова. Я писалъ только то, о чемъ могу свидѣтельствовать хотя бы на судѣ; то, что я видѣлъ и слышалъ самъ. Видѣлъ я не Богъ знаетъ что: сумму небольшихъ страданій. Эти страданія описывалъ, какъ могъ». Именно въ этой правдивости очевидца и цѣнность новой книги г. Пиленка, чуждой обстоятельныхъ и подробныхъ повѣствованій о знаменитыхъ, большихъ сраженіяхъ, которыхъ ему не пришлось видѣть, но полной правильнаго, безъ красивыхъ выдумокъ, описанія повседневной, обыденной военной жизни, ея свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ. Книга очень изящна и украшена 49 фотографическими снимками, изъ коихъ два на отдѣльныхъ листахъ.

М. А. С.

Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Томъ первый. Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ, статьями и примѣчаніями А. Г. Фомина. Вступительная статья Ю. И. Айхенвальда. Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и снимковъ. Спб. 1913. Стр. XI+404. Изданіе товарищества «Просвѣщеніе».

Объ этомъ новомъ, задуманномъ въ четырехъ томахъ изданіи сочиненій И. С. Никитина подъ редакціей А. Г. Фомина написано уже столько лестнаго, столько похвальнаго и такими знающими свое дѣло людьми, какъ М. О. Гершензонъ, напримѣръ, который самъ редактировалъ только что въ изданіи Папафидиной Никитина, что спорить о безукоризненности работы молодого историка въ общемъ, или, напротивъ, продолжать хвалить его,—намъ кажется,—дѣло бесполезное. Вполнѣ и отъ души присоединяясь къ одобрительнымъ мнѣніямъ объ А. Г. Фоминѣ, какъ о дѣльномъ и внимательномъ чрезвычайно редакторѣ, именно въ виду этихъ мнѣній, мы позволимъ себѣ нѣсколько замѣчаній. Такъ, не лучше ли было бы обширную біографію, написанную, мы бы сказали, съ чрезвычайно любовнымъ отношеніемъ ко всякимъ даже мелочнымъ подробностямъ жизни поэта, но безъ подъема, слишкомъ фактическую для широкаго и неподготовленнаго читателя, вниманіе котораго будетъ охлаждено многочисленными длинными цитатами и разнаго рода подробностями,—не лучше ли было бы, присоединивъ эту о творчествѣ, превратить въ большую и отдѣльную книгу? Это позволило бы шире развить подробности и покончить, пускай даже на время, съ желаніемъ собирать и собирать, готовить и готовить «матеріалы» (см. стр. X предисловія). Интересна жизнь Никитина, и А. Г. Фоминъ сумѣлъ дать почувствовать читателю біографіи быть того времени, но творческая личность поэта еще въ тѣни, синтетической работы въ этой области не произведено, ибо импрессионистическая статья г. Айхенвальда, приложенная къ тому, въ счетъ итти не можетъ.

Два другихъ нашихъ замѣчанія касаются внѣшности. Намъ кажется, что всякое предпріятіе (а книга, несомнѣнно, въ извѣстномъ смыслѣ—предпріятіе!) имѣетъ организцію, и подчасъ весьма сложную, которая обслуживаетъ цѣлое, являясь для него большимъ подспорьемъ. Намъ кажется, что, не только для неопытнаго читателя изъ широкой публики, но и для всякаго лица было бы удобнѣе видѣть раздѣленными варианты стихотвореній (а въ послѣдующихъ томахъ, быть можетъ, и прозы) и примѣчанія къ тексту. Примѣчанія всегда пестры отъ разнаго рода ссылокъ, а, сдобренныя вариантами, становятся еще болѣе тяжеловѣсными. А между тѣмъ это соединеніе вариантовъ и редакторскихъ примѣчаній въ данномъ случаѣ сослужило и плохую службу: редактору пришлось, по соображеніямъ техническимъ ¹⁾, отказаться отъ комментирования цѣлой трети стихотвореній (изъ 93 снабжено примѣчаніями 58, остальные примѣчанія къ этому тому перенесены въ слѣдующій томъ). Для читателей, несомнѣнно, было бы удобнѣе имѣть подъ рукою хотя бы только всѣ варианты, каковыхъ у Никитина, при его маперѣ по нѣскольку

¹⁾ Очевидно, для того, чтобы не увеличивать объема книги.

разъ перерабатывать каждое свое стихотвореніе, немало. Примѣчанія же къ тому первому, если ужъ такъ необходима была экономія мѣста, могли бы войти во второй томъ, который оказался бы достаточно вмѣстительнымъ, ибо 154 страницы, занятыхъ въ первомъ томѣ біографіей поэта, вовсе не шутка!

За исключеніемъ этихъ пожеланій («La critique est aisée et l'art est difficile», какъ писалъ нѣкогда Дегушъ), намъ не остается ничего прибавить къ сказанному. Будемъ ждать и оставаться въ пріятной надеждѣ, что изданіе закончится такъ же отлично, какъ было начато.

Влад. Княжвинъ.

Извлеченія изъ переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. На шведскомъ языкѣ. Переводъ сдѣланъ В. Грундстремомъ. Гельсингфорсъ. 1912. (Utdrag ur J. Grots brevväxling med P. Pletnjev).

Скромно отпраздновала 16-го декабря сего года академія наукъ столѣтіе со дня рожденія Якова Карловича Грота. Его долгая, многосторонняя, высокоцѣнная и полезная литературная и научная дѣятельность продолжастъ сохранять свое значеніе и приносить обильные плоды. Державинъ изданъ подъ его редакціей съ исчерпывающей полнотой, «по Гроту» пишеть вся грамотная Россія, интересъ къ изученію скандинавскаго сѣвера не изсякаетъ, все чаще и чаще обращаются къ его воспоминаніямъ, многочисленнымъ письмамъ и т. д. Его переписка съ П. А. Плетневымъ—обильный источникъ для изученія Финляндіи сороковыхъ годовъ. Русская литература крайне небогата шведскими, воспоминаніями и письмами, касающимися финляндской жизни. Финляндія отражена лишь въ запискахъ сенатора К. И. Фишера и въ письмахъ академика Я. К. Грота. Финляндцы это поняли и съ должнымъ вниманіемъ отнеслись къ названнымъ воспоминаніямъ, какъ къ историческому матеріалу. Они перевели изъ «Историческаго Вѣстника» (1908 г.) тѣ части записокъ сенатора Фишера, въ которыхъ говорится объ ихъ родицѣ и мѣстныхъ дѣятеляхъ. Они переводятъ въ настоящее время въ извлеченіяхъ переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Этотъ послѣдній трудъ взялъ на себя Вальтеръ Грундстрёмъ и исполняетъ его добросовѣстно.

Его предисловіе показываетъ, что имъ вполне правильно оцѣнены какъ личности переписывавшихся друзей, такъ и значеніе ихъ отзывовъ и ихъ задушевные стремленія. Я. К. Гротъ состоялъ при гельсингфорскомъ университетѣ профессоромъ русской литературы, а также исторіи и статистики Россіи. Онъ былъ очень образованъ и симпатиченъ; онъ вращался въ лучшихъ кругахъ Гельсингфорса и снискалъ общее уваженіе. Онъ сблизился съ поэтомъ Рунебергомъ и профессоромъ Сигнеусомъ, явился активнымъ участникомъ 200-лѣтняго юбилея финляндскаго университета, первый составилъ прекрасный историческій его очеркъ со дня основанія до 40-хъ годовъ. Лекціи Грота посѣщались видными административными дѣятелями и даже дамами, что являлось совершенною повинкою для того времени. Гротъ много переводилъ со шведскаго и издалъ нѣсколько полезныхъ для финляндцевъ книгъ. Внослѣдствіи Я. К. Гротъ

приобрѣлъ себѣ почетное имя и широкую извѣстность. Его другъ П. А. Плетневъ—выдающійся ученый, критикъ, ректоръ петербургскаго университета, преподаватель при дворѣ. И Гротъ, и Плетневъ высокоблагородныя личности.

Переводчикъ правъ, говоря, что ихъ имена должны сохраняться въ Финляндіи съ признательностью. Къ финляндцамъ оба были проникнуты особенно теплыми чувствами. Оба они много содѣйствовали водворенію при дворѣ наилучшихъ мнѣній о Финляндскомъ краѣ. Они были, наконецъ, горячими сторонниками пасажденія среди финляндцевъ знанія русскаго языка. Руководились они при этомъ высокимъ стремленіемъ приобщить финляндцевъ ко всему прекрасному и истинно хорошему, что имѣлось въ обширномъ русскомъ отечествѣ, въ нашей исторіи, богатой литературѣ и искусству. Имъ хотѣлось сблизить финляндцевъ съ русскими на культурной почвѣ, расположить первыхъ ко всему выдающемуся въ нашей исторической и общественной жизни. И Гротомъ, и Плетневымъ двигали, такимъ образомъ, свѣтлыя цѣли истиннаго просвѣщенія и широкой гуманности.

Между друзьями шель очень оживленный обмѣнъ мыслей о выдающихся въ Финляндіи лицахъ и событіяхъ, и къ голосу этихъ русскихъ благородныхъ дѣятелей финляндцамъ слѣдуетъ прислушаться и принять ихъ во вниманіе при оцѣнкѣ недавняго прошлаго.

На русскомъ языкѣ имѣются еще не изданныя письма казака Егора Иванова. Они обнимаютъ время съ 1833 по 1839 г., но касаются исключительно жизни въ городѣ Або. Мы имѣемъ въ виду при случаѣ обнародовать ихъ. Они могутъ послужить подходящимъ дополненіемъ къ финляндскимъ письмамъ Я. К. Грота.

М. Бородевичъ.

А. Жиркевичъ. Памяти Э. Б. Оржешко-Нагорской. Вильна. 1912. Стр. 33.

Очень интересныя воспоминанія о недавно скончавшейся извѣстной польской писательницѣ, пополняющія ея нравственный обликъ. Заочное знакомство съ нею автора книги началось въ февралѣ 1897 года. Г. Жиркевичъ посылаетъ Оржешко письмо съ приложеніемъ своего послѣдняго литературнаго труда. Польская писательница отвѣчаетъ автору очень любезнымъ письмомъ, гдѣ между прочимъ находятсѣ слѣдующія характерныя строки: «Творческое дарованіе—это такая медаль, съ одной стороны которой больше, чѣмъ обыкновенно, свѣта, а съ другой стороны—больше, чѣмъ обыкновенно, страданія. Поэтому, вѣроятно, одинъ изъ нашихъ польскихъ читателей и написалъ: «Наиболѣе счастливы—дураки». Но такъ какъ ихъ счастье бываетъ обыкновенно въ грязи, то ужъ лучше остаться со своимъ несчастьемъ между звѣздами...» 13-го марта 1898 года г. Жиркевичъ уже самъ стучится въ двери гродненскаго домика Оржешко. Его принимаютъ болѣе чѣмъ радушно. Завязывается разговоръ на литературныя темы, при чемъ хозяйка дома (кстати сказать, все время говорившая по-польски) замѣчаетъ, что «то обстоятельство, что я полька, заставляетъ обратить мой литературный трудъ въ обязанность», и называетъ своего гостя «счастливымъ» за его личное знакомство съ Толстымъ. Вскорѣ она пишетъ г. Жиркевичу: «О, если бы когда-нибудь пришло время одного надъ всѣми нами пастыря-Христа! Но оно не придетъ до тѣхъ поръ, пока люди

не вынесутъ людямъ и народамъ—народамъ справедливаго приговора. Всякій, кто работаетъ для приближенія этого времени, какъ можетъ, является лучшимъ человѣкомъ, и спизойдетъ на него благословеніе благодарныхъ поколѣній, и болѣе счастливыхъ и лучшихъ, чѣмъ мы; лучшихъ, такъ какъ мы, кромѣ того, что находимся въ несчастіи, живемъ еще и во грѣхѣ...» Дружескія отношенія продолжаются при «безоблачномъ небѣ», какъ вдругъ, 27-го февраля 1903 года, разражается надъ г. Жиркевичемъ громовой ударъ: онъ получаетъ отъ Элизы Оржешко холодное, официальное письмо. Здѣсь она пишетъ: «... имѣю сильное желаніе поговорить съ вами по одному вопросу, касающемуся васъ и для меня неясному». Но по независящимъ отъ автора книги обстоятельствамъ онъ могъ пріѣхать въ Гродну только осенью 1903 года. Его ждалъ на этотъ разъ сухой пріемъ. Голосъ Оржешко не звучалъ ласково, какъ прежде, а нервно дрожало. «Панъ полковникъ!.. Правда ли?.. Я не хотѣла этому вѣрить. Но мнѣ сообщили изъ Вильны, будто бы вы основали музей имени графа Муравьева!.. правда ли это?..» Ноздри Оржешко при этомъ вопросѣ раздувались; грудь поднималась высоко; рука, прижатая къ сердцу, точно удерживала біеніе его, изъ боязни, что оно разорвется. А на лицѣ—чувства разочарованія, скорби... Оказывается, что виной всей этой метаморфозы была «проклятая политика»: полковникъ русской службы Жиркевичъ посмѣлъ напечатать въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1902 годъ статью о томъ, какъ создавался въ Вильнѣ Муравьевскій музей! И, не думая заширяться, «виновный», сознался въ своемъ «преступленіи»... «Но позвольте тогда спросить васъ, панъ полковникъ, какъ же это совмѣстилось съ вашими либеральными воззрѣніями, съ вашей возвышенной поэзіей, съ вашими идеалами?.. Создавать памятникъ этому извергу, палачу, кровосійцу, вѣшателю—въ видѣ музея?.. Я ничего не понимаю!.. Разъясните!..» гремѣла Оржешко. Ея предубѣжденіе къ русской культурѣ, къ русской власти, раньше затаенное, теперь вполне выступило наружу. Гнусный доносчикъ сдѣлалъ свое дѣло, и прежніе друзья разстались, дабы больше никогда не встрѣчаться. Знакомство прекратилось. О возобновленіи его нечего было и думать, все же, уѣзжая изъ Вильны на мѣсто новаго служенія, г. Жиркевичъ пишетъ Элизѣ Оржешко теплое прощальное письмо, но оно остается безъ отвѣта. Какъ-то разъ полковничекъ посѣтилъ въ Вильнѣ одинъ музей, гдѣ въ это время случайно находилась и Элиза Оржешко. Она знала, что тамъ былъ и г. Жиркевичъ, но видѣться съ нимъ не пожелала и говорила потомъ, что онъ «обманулъ ее, притворяясь, что любитъ польскій народъ, а на самомъ дѣлѣ оказался ненавидящимъ его, злѣйшимъ его врагомъ...»—«Увидимся ли мы еще съ Элизой Оржешко тамъ, за гробомъ, и если «да», то суждено ли будетъ мнѣ сказать ей, безъ подслушивающихъ насъ свидѣтелей изъ лагеря польско-іезутской пропаганды, что я попрежнему благодарно чту и люблю ее, несмотря на разныя политическія взгляды?» спрашиваетъ, заканчивая свою книгу, авторъ. А эта книга показываетъ еще разъ, что, оставаясь лично искреннимъ и добрымъ патриотомъ, полякъ никогда не способенъ понять и оцѣнить чувства любви и уваженія къ родинѣ, если этими чувствами къ родному краю и родному народу «заражены» политическіе враги поляковъ, хотя бы даже они были вполне честны и справедливы.

В. А.—въ.

20*

Извѣстія по литературѣ, наукамъ и библиографіи. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. 1912. №№ 1—12. Цѣна 1 рубль.

Истопись русской періодической печати, посвященной главнымъ образомъ такой важной отрасли литературы, какъ библиографія,—это сплошной мартирологъ, сплошной синодикъ. Какъ на зарѣ нашей журналистики, такъ и послѣдніи двадцать-тридцать лѣтъ библиографическія изданія преслѣдовались злымъ рокомъ, по волѣ котораго они отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть. И характернѣе всего то обстоятельство, что воля злого рока выражалась не въ обычныхъ преслѣдованіяхъ со стороны цензуры, а въ равнодушіи публики. Вотъ почему хочется съ глубокимъ удовлетвореніемъ отмѣчать вышеназванный журналъ, который въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ безпрерывно и, очевидно, успѣшно борется съ индифферентизмомъ, проявляемымъ русскими читателями къ библиографической печати. Несомнѣнно, что залогъ этого успѣха слѣдуетъ видѣть не только въ матеріальной обеспеченности и поразительно низкой подписной цѣнѣ изданія, но и въ обширности и рациональности его строго выполняемой программы. Журналъ, выходящій ежемѣсячными, изящными и, такъ сказать, уютными книжками, заключаетъ въ себѣ статьи по вопросамъ литературы, критическіе разборы новыхъ книгъ, біографіи, воспоминанія, историко-литературныя изслѣдованія, хронику литературной жизни почти всѣхъ культурныхъ странъ, каталоги русскихъ и иностранныхъ книжныхъ новинокъ, списки, указатели и т. д. и т. д.

Въ лежащихъ передъ нами двѣнадцати книжкахъ «Извѣстій» за только что минувшій годъ, помимо цѣлага ряда очерковъ и замѣтокъ чисто литературнаго характера, находимъ нѣсколько въ высшей степени интересныхъ статей, содержащихъ весьма цѣнныя данныя для характеристики такихъ выдающихся историческихъ дѣятелей, какъ графъ Д. А. Милютинъ, Скобелевъ, А. С. Суворинъ и др. Эти данныя извлечены изъ архива старинной издательской фирмы М. О. Вольфъ, стоящей во главѣ изданія «Извѣстій», и находятся въ нѣкоторой связи съ ней. Полагаемъ, что нижеслѣдующія выдержки изъ нихъ не безъ интереса прочтутся читателями «Историческаго Вѣстника».

Графъ Д. А. Милютинъ, по словамъ «Извѣстій», принадлежалъ къ числу постоянныхъ, вѣрныхъ кліентовъ книжнаго магазина М. О. Вольфъ и, являясь почти еженедѣльно туда лично, забиралъ съ собою массу книжныхъ новинокъ.

Осенью 1879 года Милютинъ заявилъ Вольфу, что интересуется литературою по вопросамъ конституціоннаго управленія и желалъ бы имѣть важнѣйшія сочиненія по этому вопросу. На замѣчаніе книгопродавца, что въ этомъ слѣдуетъ усматривать подтвержденіе распространяющихся въ обществѣ слуховъ о дарованіи Россіи конституціи, графъ Милютинъ серьезно возразилъ:

— Да, но вы все-таки ошибаетесь, предполагая, что мы наканунѣ конституціи. Вообще о конституціи у насъ не можетъ быть и рѣчи... Несомнѣнно, у насъ предстоятъ кое-какія измѣненія въ порядкѣ управленія, но отнюдь не имѣется въ виду конституція.

Необычайно скромный, доступный, разговорчивый, Милютинъ охотно въ каждое свое посѣщеніе книжнаго магазина Вольфа пускался въ разговоры то съ самимъ Вольфомъ, то съ его старшимъ приказчикомъ Межуевымъ. Онъ освѣдомлялся, какими книгами интересуется публика, какія усерднѣе всего покупають, высказывалъ при этомъ нерѣдко свои личные взгляды и мнѣнія. Говорилъ онъ кратко, отрывисто, убѣдительно и на свои вопросы желалъ получать такіе же краткіе отвѣты.

До самой своей смерти онъ не переставалъ, однако, интересоваться всѣмъ, что относилось къ представительному образу правленія. Объ этомъ свидѣлствуютъ сохранившіяся въ архивѣ товарищества М. О. Вольфъ многочисленныя письма престарѣлаго фельдмаршала, въ которыхъ онъ собственноручно указывалъ, какія высылать ему книги, какіе выписывать журналы. Последнее такого рода письмо, уже только подписанное Милутинымъ, но написанное другою рукою, было получено изъ Симеиза всего за нѣсколько недѣль до его смерти.

Весьма любопытно, что за подобной литературой обращались въ свое время и Побѣдоносцевъ, и Строгановъ, и Лорисъ-Меликовъ, и Абаза, и даже великій князь Константинъ Николаевичъ. Последний очень часто лично заходилъ въ магазинъ Вольфа и пріобрѣталъ массу книгъ и брошюръ по вопросамъ представительнаго строя и такихъ, которыя имѣли къ этому строю какое-либо отношеніе.

Не менѣе интересны матеріалы «Извѣстій», касающіеся А. С. Суворина. Вступивъ въ число сотрудниковъ коршевскихъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», Суворинъ началъ часто посѣщать книжный магазинъ Вольфа, гдѣ интересовался книгами буквально по всѣмъ отраслямъ знанія, останавливалъ свое вниманіе то на беллетристикѣ, то на исторіи, то на философіи, то на политической экономіи, то на книгахъ по искусству и т. д. Но больше всего онъ питалъ симпатію къ двумъ французскимъ писателямъ: Флоберу и теперь забытому Катрелю, и усердно скупалъ все, что только выходило новаго изъ-подъ пера этихъ писателей. Интересъ свой къ столь разнообразнымъ и разнохарактернымъ книгамъ Суворинъ объяснялъ слѣдующими словами:

— Моя спеціальность—фельетонъ, а фельетонъ обнимаетъ всѣ науки, всѣ знанія.

Какъ-то разъ А. С. Суворинъ-Незнакомецъ заговорилъ съ М. О. Вольфомъ о русскихъ книгахъ и выразилъ недоумѣніе, что такъ мало выходитъ книгъ въ Россіи.

— Будь у меня капиталъ,—замѣтилъ онъ при этомъ,—я бы наводнилъ книжный рынокъ огромнымъ числомъ книгъ. Странно, что у насъ капиталисты такъ равнодушны къ книжнымъ предпріятіямъ; вѣдь теперь, послѣ освобожденія крестьянъ, для русской книги открывается огромное поле...

Завѣтное желаніе свое Суворинъ привелъ въ исполненіе при первой открывшейся для него возможности.

Впрочемъ, на первыхъ порахъ дѣла книжнаго магазина Суворина попли далеко не такъ, какъ онъ хотѣлъ, надѣялся и ожидалъ. Суворинъ приписывалъ это недостатку подходящихъ людей и жаловался неоднократно Вольфу:

— Я убѣждаюсь, что легче найти талантливаго публициста или фельетониста, нежели дѣльнаго продавца книгъ.

И при этомъ онъ высказывалъ мысль о желательности учрежденія школы для продавцовъ книгъ. До самой своей смерти Суворинъ интересовался иностранными книгами—и при разностороннихъ своихъ занятіяхъ все же находилъ время, чтобы заѣзжать въ магазинъ Вольфа, посмотрѣть, что вышло за границей новаго, и приобреталъ значительное число книгъ для своей личной библиотеки. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до своей роковой болѣзни онъ часто заходилъ въ иностранное отдѣленіе магазиновъ Вольфа, просилъ показать ему всѣ новинки по искусству, всѣ новѣйшіе мемуары. Въ то время онъ почему-то особенно интересовался изданіями о Жаннѣ д'Аркъ и приобрѣлъ почти всѣ французскія сочиненія, которыя вышли за послѣднее время о знаменитой героинѣ.

Воспоминанія о Скобелевѣ относятся къ семидесятымъ годамъ. Скобелевъ, какъ онъ лично передалъ впоследствии М. О. Вольфу, находясь въ Средней Азии и узнавъ о возможности войны съ Турціей, сталъ проситься въ дѣйствующую армію. Но ему даже не отвѣчали. Скобелевъ, не долго думая, безъ спроса, безъ разрѣшенія бросилъ свой административный постъ въ Средней Азии и пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью хлопотать о назначеніи на театръ войны. Поведеніе генерала нашли нарушеніемъ военной дисциплины. Императоръ Александръ II принялъ Скобелева очень сухо и при первыхъ же словахъ поставилъ ему на видъ, что онъ, бросивъ безъ разрѣшенія мѣсто службы, совершилъ преступленіе.

— Государь,—отвѣтилъ Скобелевъ,—я чувствую за собою вину и знаю, что ваше величество имѣеть полное основаніе разжаловать меня въ солдаты... Я рѣшаюсь просить лишь въ такомъ случаѣ оказать мнѣ милость и послать меня солдатомъ въ дѣйствующую армію.

Тѣ дни, когда рѣшалась участь его, Скобелевъ посвятилъ на изученіе очень небогатой литературы о Турціи и Балканахъ. Кромѣ официальной квартиры, которую онъ снялъ въ одной изъ гостиницъ, онъ нанялъ комнату на Фонтанкѣ, у одного знакомаго отставнаго офицера, и туда ему отсылались изъ книжнаго магазина Вольфа книги, брошюры, карты, которыя только можно было получить тогда въ Петербургѣ. Объ этой второй квартирѣ Скобелева знали, очевидно, немногіе. Это была какъ бы секретная рабочая комната генерала, и тамъ онъ часто засиживался за книгами и картами до поздней ночи. А своихъ знакомыхъ онъ принималъ въ пустомъ номерѣ гостиницы...

Чуть не каждый день Скобелевъ заходилъ въ книжный магазинъ Вольфа, все разыскивая книги о Турціи и Балканахъ.

Вернувшись въ Петербургъ по окончаніи войны генераль-адъютантомъ и всемірной извѣстностью, Скобелевъ не замедлилъ посѣтить книжный магазинъ Вольфа, гдѣ какъ разъ въ тотъ часъ находился Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко, ѣздившій на войну корреспондентомъ «Новаго Времени» и сблизившійся тамъ со Скобелевымъ. Генераль сердечно поздоровался съ Немировичемъ-Данченко и на вопросъ послѣдняго, куда онъ направляется изъ Петербурга, отвѣтилъ:

— Пока ничего не знаю... Жду, какой вѣтеръ подуетъ оттуда...

И сдѣлалъ при этомъ выразительный жестъ рукою...

Томившійся мирнымъ временемъ, съ истерившимъ ожидавшій новой войны, онъ съ удвоеннымъ усердиемъ принялся за чтеніе. Покупалъ онъ и читалъ поразительно много и читалъ съ какой-то лихорадочною быстротою. Историческіе романы, жизнеописанія полководцевъ на всѣхъ языкахъ покупалъ онъ цѣлыми десятками. Но ихъ только читалъ, а не собиралъ, оставляя себѣ лишь немногія сочиненія научнаго, преимущественно энциклопедическаго характера. Больше всего его интересовали славянскія земли, ихъ исторія, литература. Этотъ интересъ къ славянству прервала ахаль-текинская экспедиція 1880—1881 гг., во главѣ которой сталъ Скобелевъ. Окончилась экспедиція, и Скобелевъ уѣзжаетъ въ с. Спасское Рязанской губерніи, откуда изъ книжнаго магазина Вольфа выписываетъ огромное количество книгъ по сельскому хозяйству, очевидно, съ намѣреніемъ лично заняться этимъ дѣломъ. А всего за нѣсколько дней до смерти (25 іюня 1882 г.) книжный магазинъ М. О. Вольфа получилъ отъ Скобелева заказъ на цѣлый рядъ книгъ о Германіи, германской арміи и пр., заказъ, свидѣтельствовавшій, что генералъ думалъ покинуть свою глушь и взяться опять за оружіе...

И. Г.

Баронъ А. И. Дельвигъ. Мои воспоминанія. Изданіе московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. М. 1912.

Скончавшійся въ 1887 году инженеръ-генералъ баронъ А. И. Дельвигъ, двоюродный братъ извѣстнаго поэта и издателя «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», оставилъ музею обширную рукопись своихъ мемуаровъ и денежное пособіе на изданіе ихъ. Пакетъ съ рукописью былъ вскрытъ въ 1911 году, и немедленно было приступлено къ печатанію воспоминаній. Писались они, очевидно, на старости лѣтъ, и авторъ, повидимому, не слишкомъ думалъ объ исторіи и потомствѣ, иначе въ нихъ не было бы столько пустыхъ и неинтересныхъ страницъ, посвященныхъ какимъ-то несведеннымъ семейнымъ счетамъ и мелкимъ житейскимъ дѣлишкамъ. Но именно это обстоятельство придаетъ воспоминаніямъ характеръ непосредственности, выгодно рекомендуя то, что въ нихъ заслуживаетъ вниманія. А такихъ страницъ, къ счастью, тоже много. Авторъ не былъ человѣкомъ обширнаго образованія и широкихъ общественныхъ запросовъ. Это—средній рядовой интеллигентъ николаевской эпохи, и онъ вѣрно отразилъ въ своихъ воспоминаніяхъ то время, «когда при общемъ загонѣ управлять было легко», и самъ государь открыто заявлялъ, что всѣ ученые—вольгодумцы, и что ему «ученыхъ не нужно, а нужны исполнители». Человѣкъ невыдающійся, Дельвигъ сумѣлъ, повидимому, пропестн сквозь этотъ мракъ душу живую. Младшій современникъ Пушкина, онъ не разъ встрѣчался съ великимъ поэтомъ, и то немногое, что онъ о немъ рассказываетъ, чрезвычайно интересно, характерно и достоверно. Довольно близко знавалъ онъ Чаадаева, видѣлъ Гоголя, Мицкевича, Бѣлинскаго, Лермонтова, М. Ѳ. Орлова и немало замѣчательныхъ людей. Воспоминаніями о нихъ и общими чертами эпохи и интересна

эта книга, изданная, къ сожалѣнію, небрежно и безъ указателя именъ. Быть можетъ, издатели дадутъ впоследствии (будетъ еще нѣсколько томовъ) общій указатель.

Ч. Л.

В. И. Крыжановская (Рочестеръ). Полное собраніе сочиненій. Спб. 1913 г.

В. П. Буренинъ, говоря объ историческихъ романахъ Крыжановской, сказалъ по поводу ея «Царицы Хатасу», что романтикъ «извѣстенъ быть древнихъ египтянъ такъ же, какъ Эберсу, а, можетъ быть, даже лучше». Это-то отличительное качество В. И. Крыжановской—глубокое знаніе древняго міра и тщательное его изученіе—ярко проходитъ въ рядѣ ея историческихъ произведеній, вошедшихъ теперь въ полное собраніе сочиненій. Въ «Царицѣ Хатасу» и «Желѣзномъ канцлерѣ древняго Египта» выступаетъ живое возсозданіе быта и самаго духа описываемой эпохи. Это отмѣтила и французская академія, наградившая автора за «Канцлера» званіемъ *officier d'Académie*. Въ то же время наша академія наукъ удостоила г-жу Крыжановскую почетнаго отзыва за другой ея романъ «Свѣточи Чехіи» изъ эпохи пробужденія національнаго и религіознаго самосознанія чешскаго народа въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ.

Историческіе романы В. И. Крыжановской посвящены главнымъ образомъ тремъ эпохамъ: египетской, римской и средневѣковой. Изъ романовъ первой категоріи, кромѣ упомянутыхъ выше, выдѣляется «Фараонъ Мернепта», дающій могучій образъ великаго пророка израильскаго народа. Среди романовъ изъ римской эпохи интересенъ романъ «Симъ побѣдшии», рисующій періодъ гоненія на христіанъ при Діоклетіанѣ. Будучи знатокомъ древностей и философіи, г-жа Крыжановская своимъ искуснымъ перомъ воспроизвела широкую картину умирающаго язычества древняго Рима и встающаго ему на смѣну христіанства. Особенно привлекателенъ въ этомъ романѣ мощный образъ мага Оріона, воплощающаго лучшія стороны философіи и науки древнихъ.

Средніе вѣка вдохновили В. И. Крыжановскую написать, кромѣ «Свѣточей Чехіи», еще нѣсколько крупныхъ произведеній. Романъ «На рубежѣ» рисуетъ картину двухъ міровъ, древне-русскаго и германскаго, столкнувшихся въ Ливоніи на рубежѣ Московскаго царства. Другимъ интереснымъ произведеніемъ является романъ «Бенедиктинское аббатство» изъ эпохи XIII вѣка, описывающій своеобразный, бурный и мрачный бытъ средневѣковаго общества и духовенства. Это произведеніе составляетъ какъ бы переходъ къ третьей категоріи романовъ г-жи Крыжановской, въ которыхъ на ряду съ реальнымъ міромъ проходитъ міръ таинственный, отвлеченный. Къ этой категоріи принадлежатъ романы: «Эликсиръ Жизни», «Маги», «Гнѣвъ Божій», «Смерть планеты», «Законодатели» и «Адскія чары». Въ разсказѣ «Жизнь и Смерть» проходитъ философски поставленный авторомъ вопросъ: всегда ли жизнь является заманчивой, а смерть ужасной? Авторъ рисуетъ смерть, какъ основной законъ упокоенія, безраздѣльно господствующій во всехъ царствахъ природы и примиряющій съ необходимостью рока.

Бытовые романы г-жи Крыжановской «Паутина», «Золотый цвѣток», «Мечь еврея» и «Изъ мрака къ свѣту» обладаютъ тѣми же характерными чертами талантливой писательницы, неизмѣнной увлекательностью сюжета, тонкой психологіей дѣйствующихъ лицъ и художественной правдивостью положеній.

Н. Лендеръ.

М. Д. Ордынцевъ-Кострицкій. Запорожцы въ Сарагоссѣ. Историческій романъ для юношества. Спб. 1913.

Романъ г. Ордынцева-Кострицкаго, предназначенный собственно для юношества, какъ это и значится на заглавномъ листѣ книги, тѣмъ не менѣе представляетъ интересъ и для широкаго круга читателей. Заинтересовываетъ уже одно названіе его: «Запорожцы въ... Сарагоссѣ»...

Многіе авторы, начиная съ Гоголя, охотно изображали въ своихъ произведеніяхъ своеобразный укладъ жизни южно-русскаго казачества и далекіе походы запорожцевъ, но никогда еще въ литературѣ не встрѣчалось указаній на то, чтобы «низовики» являлись активными участниками войны Испаніи съ французскимъ королевствомъ. Авторъ въ предисловіи къ своему роману говоритъ, что такого рода случаи «расцѣплялись современниками, какъ совершенно заурядныя явленія», но это нисколько не лишаетъ ихъ глубокаго интереса для насъ лично.

Избравши одинъ изъ такихъ походовъ основой для своего романа, г. Ордынцевъ-Кострицкій предварительно рисуетъ передъ читателемъ живыя и яркія картины оригинальнаго быта «Сичи» запорожской. Здѣсь мы видимъ и уходъ престарѣлаго «лыцаря» въ монахи, и наборъ новыхъ казаковъ, запорожскій судъ, обстановку «Сичи» въ періодъ зимняго затишья, избраніе кошевого, иноземныя посольства, морскія битвы, своеобразныя тактическіе приемы запорожцевъ и многихъ другихъ.

Мелочи домашней жизни казаковъ, о которыхъ другіе авторы почему-то не находятъ нужнымъ говорить, несмотря на всю ихъ занимательность, въ этомъ романѣ всесторонне освѣщены и завершаютъ цѣльность впечатлѣнія.

Языкъ г. Ордынцева-Кострицкаго, вопреки кажущейся сухости нѣкоторыхъ положеній, все время остается живымъ и красочнымъ, и книга читается легко.

Фабула романа,—то, что предназначается въ немъ собственно для юношества,—интересно задумана и изобилуетъ многими эффектными эпизодами. Послѣднему въ сильной степени содѣйствуетъ чрезвычайно пестрый подборъ дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь и мечтательный «донъ-Пабло», сынъ града, волею судьбы превратившійся въ «низовика», и шевалье д'Антрагъ, типичнѣйшій гасконецъ, какими изображаетъ ихъ Дюма-отецъ, польскій авантюристъ Хлопицкій, посоль Рудольфа Габсбургскаго Ласота, Генрихъ IV, иезуиты и францисканцы и т. д.

Изданъ романъ книгоиздательствомъ Луковникова вполне прилично и снабженъ талантливыми иллюстраціями художника К. Н. Фридберга.

А. П. Над—ежнвъ.

В. П. Авенариусъ. За невѣдомый океанъ. Историческая повѣсть для юношества объ открытіи Новаго Свѣта. Съ рисунками. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. Спб. 1913. Стр. 266. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Содержаніемъ новой исторической повѣсти В. П. Авенариуса послужило одно изъ самыхъ величайшихъ событій исторіи, одна изъ самыхъ славныхъ и блестящихъ побѣдъ пылливой мысли человѣка надъ вѣковымъ суевѣрнымъ заблужденіемъ толпы—это безстрашное, безумно-смѣлое океанское путешествіе Христофора Колумба, завершившееся въ 1492 году открытіемъ Новаго Свѣта, который былъ принятъ Колумбомъ за Индію. Испанское королевство, давшее возможность гениальному генуэзцу осуществить свой планъ, достигло огромнаго политическаго могущества и значенія, благодаря присоединенію къ себѣ новыхъ заатлантическихъ колоній, которыя необычайно высоко подняли благосостояніе своей метрополіи, находившейся послѣ побѣдоносной войны съ маврами въ очень стѣсненномъ положеніи. Понятно, какое значеніе имѣло открытіе Колумба для Испаніи, быстро возвысившейся до міроваго могущества. Европа тоже получила новый рынокъ, новый приливъ золота и серебра, вызвавшій цѣлый экономическій переворотъ и содѣйствовавшій скорѣйшему развитію денежнаго хозяйства; колонизаціонное стремленіе за океанъ произвело новое направленіе въ міровой политикѣ; наконецъ, это открытіе и послѣдовавшія за нимъ многія другія широко расширили умственный кругозоръ европейцевъ, обогатили естествознаніе, географію и пр. И черезъ четыреста лѣтъ благодарное потомство торжественно отпраздновало знаменитое открытіе 1492 года и память Христофора Колумба. Появилось множество описаній этого событія, было опубликовано много новыхъ архивныхъ данныхъ и пр., чѣмъ широко воспользовался г. Авенариусъ при составленіи настоящей повѣсти, которая, благодаря этому, представляетъ собою очень полезное, увлекательное чтеніе, вполне согласованное съ исторической дѣйствительностью. Авторъ описываетъ напряженную, тревожную жизнь Колумба, начиная съ его хлопотъ у испанскаго двора, даетъ нѣсколько жанровыхъ картинокъ Испаніи, рисуетъ отплытіе, долгія скитанія въ океанѣ, броженіе команды, почти открытый бунтъ и, наконецъ, когда Колумбу дали три дня сроку, послѣ которыхъ, если не увидятъ земли, эскадра должна вернуться, на горизонтѣ появляется узкая дымчатая полоска земли. Новый Свѣтъ открытъ. Далѣе идетъ описаніе природы и людей Новаго Свѣта, обратное путешествіе и триумфальное прибытіе на родину. Въ «послѣсловіи» авторъ знакомитъ читателей съ дальнѣйшей жизнью Колумба до его кончины. Съ обычнымъ мастерствомъ авторъ сразу захватываетъ вниманіе читателя, которое не ослабѣваетъ до самаго конца. По внѣшности изданіе очень чистенько и украшено множествомъ рисунковъ. М—о.

«Кряжъ». Повѣсть Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Спб. Стр. 287. Ц. 1 р. 30 к.

Недавно появилось новое изданіе, посвящее чисто бытовому характеру: «Кряжъ», повѣсть Сѣверцева-Полилова. Кромѣ нея, въ этой книгѣ имѣются еще три: «Черезъ падуны», «На послушаніи», «Скони, домы».

Въ повѣсти «Кряжъ» выведенъ простой деревенскій человѣкъ, сумѣвшій, благодаря своей энергіи и предприимчивости, не пользуясь никакими безчестными средствами, устроить нѣсколько небольшихъ предприятий, къ сожалѣнію, послѣ смерти его гибнущихъ, благодаря растлѣвающимъ влияніямъ современныхъ деревенскихъ условій, семейныхъ неурядиць, а главное—изъ-за «зелена вина», любителями котораго оказываются его оба сына.

Далекій Олонецкій край, съ его многочисленными водопадами, порогами, падунами, этимъ «бѣлымъ углемъ», несомнѣнно, въ недалекомъ будущемъ сыгравшимъ большую роль въ заводской дѣятельности, нарисованъ авторомъ очень ярко и характерно въ повѣсти «Падуны».

Въ ней выведены интересные типы гонщиковъ лѣса по этимъ падунамъ, на которыхъ они зачастую гибнутъ, отважно перебираясь, стоя на вертлявомъ бревнѣ, рисуется ихъ нелегкая жизнь зимою порою въ глухихъ непроходимыхъ лѣсныхъ дербяхъ. Авторъ, самъ бывавшій, повидимому, въ этихъ мѣстахъ, близко знакомъ и съ обычаями этого своеобразнаго промысла, и съ характернымъ говоромъ этого края, съ его нѣснями, нравами....

Въ закинутый въ провинціальномъ углу монастырь присланъ на послушаніе учитель церковно-приходской школы, его злоключеніямъ здѣсь посвящена третья повѣсть «На послушаніи». Попутно рисуется вся монастырская жизнь въ обители, мелкія интриги братіи между собою; оригинальные типы ея, а также мѣстныхъ богомольцевъ очерчены очень характерно-живо, каждое лицо мѣтко отмѣчено и своими разговорами, и отношеніями къ другимъ. Прекрасно нарисована обстановка и сама природа. Въ послѣднемъ разсказѣ—«Скопидомы»—изображенъ небольшой стеклянный заводикъ, тоже въ лѣсной глуши, живущій своей обособленной жизнью...

Вся книга производитъ на читателя свѣжее впечатлѣніе, проникнута мягкимъ, чисто русскимъ юморомъ. Читая ее, невольно представляются всѣ эти лица живыми, точно ихъ приходилось видѣть въ дѣйствительности, говорить съ ними... а это большая заслуга автора, къ достоинствамъ котораго нужно еще причислить чисто русскій, характерный, выразительный языкъ. Книга издана изящно и по цѣнѣ недорога.

Ж.

П. Перцовъ. Панрусизмъ или панславизмъ. Москва. 1913. Стр. 66. Ц. 50 к.

Въ книжкѣ собраны небольшія, но содержательныя статьи вдумчиваго публициста и критика, и названа она по первой изъ этихъ замѣтокъ. Авторъ находитъ, что Пушкинъ въ несчастную минуту написалъ свой знаменитый опытъ о славянскихъ ручьяхъ, сливающихся въ русское море. Этимъ стихомъ онъ-де напугалъ на восемьдесятъ лѣтъ (стихъ написанъ въ 1831) западныхъ и южныхъ славянъ, которые въ немъ видятъ «панрусизмъ» и боятся слиться съ русскимъ моремъ и въ немъ потерять свою личность. Авторъ книжки напоминаетъ, что въ 1831 году Россія была безусловно сильнѣйшимъ государствомъ въ Европѣ, но намъ, «современникамъ Цусимы, отцы которыхъ помнятъ Берлинскій конгрессъ, а дѣды—Севастополь»—чувствовать себя гражданами

такого государства психологія непонятная. И г. Перцовъ убѣжденно заявляетъ: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, живи Пушкинъ теперь, онъ никогда не написалъ бы того стиха». Намъ кажется, что прежде всего «Цусиму» нельзя сопоставлять ни съ Севастополемъ, ни съ Берлинскимъ конгрессомъ. Послѣ Цусимы, подлинно, осталось только горестное чувство позора. Севастополь—героическая страница русской исторіи. Въ Севастополѣ знамена наши не померкли, военный престижъ не погибъ. Берлинскому конгрессу предшествовали великіе бранные подвиги за освобожденіе братьевъ-славянъ. Конгрессъ—позоръ только нашего дипломатическаго вѣдомства. А потомъ—и теперь, послѣ «Цусимы», которая вѣдь не навѣкъ, теперь развѣ Россія перестала быть «моремъ», а славянскіе народы лишь «рѣками», если не ручьями? Цифры это говорятъ, не стихи. Общая численность славянскаго племени, по вычисленію профессора Флоринскаго, 159,420,000. Изъ нихъ 72,2^о/_о—115,100,000 сосредоточены въ Россіи. Еще русскихъ славянъ въ Австро-Венгріи—4,500,000 (въ Галиціи и Буковинѣ). Православныхъ около 111,539,000, куда входятъ сербы—5¹/₂ милліоновъ, болгары—5¹/₃ милл. Какъ же не море? Но если такъ, то Пушкинъ лишь перефразировалъ своимъ «стихомъ» стихъ Св. Писанія: «Всѣ потоки идутъ въ море, и море пѣсть насыщается», что, въ свою очередь, составляетъ лишь общеизвѣстную географическую истину. Но вотъ что неудачно въ стихѣ Пушкина: предположеніе, что ручьи, выливаясь въ море, изсякаютъ, а если они не волюютъ себя до изсякновенія въ море, то оно высохнетъ. Въ природѣ этого нѣтъ. Ручьи и рѣки постоянно вливаютъ свои воды въ море, а не изсякаютъ. Море постоянно испаряется, а не оскудѣваетъ. Такъ и единокровные, и единовѣрные народы. Постоянное общеніе и взаимопитаніе не губитъ ихъ личной жизни.

Книжка вдумчиваго публициста въ немногихъ страницахъ даетъ много. Очень интересны статьи: «Убыль героизма» и «Замѣтки о славянофильствѣ».

Ник. Энгельгардтъ.

В. В. Розановъ. О подразумѣваемомъ смыслѣ нашей монархіи. Спб. 1912. Стр. 87. Ц. 80 к.

Въ беспорядочно вычурныхъ, иногда крикливыхъ, но всегда своеобразныхъ и даже глубокихъ писаніяхъ г. Розанова очень часто звучатъ пророческія ноты. Особенно это сказалось въ настоящемъ произведеніи даровитаго журналиста. Разсматриваемая брошюра представляетъ собою въ основѣ журнальную статью, которая была написана въ 1895 г. для «Русскаго Вѣстника», но подверглась такимъ цензурнымъ урѣзкамъ, что потеряла наконецъ всякій смыслъ. Авторъ пытался спасти ее отъ цензурныхъ увѣчій, обращался къ самому Побѣдоносцеву за покровительствомъ, но безуспѣшно. Основное положеніе статьи сводится къ тому, что содержаніе монархической дѣятельности сводится къ охраненію принципозъ государственной жизни. Мысль эта, конечно, не нова. Весь христіанско-византійскій идеалъ царя построенъ именно на этой основѣ, не разъ отмѣчаемой въ различныхъ работахъ по исторіи политической мысли. Но эту мысль очень удачно, съ захватывающей картинностью и проникновенностью раз-

вилъ г. Розановъ въ настоящемъ случаѣ. Еще въ 1895 г. авторъ пытался указать на страницахъ консервативнаго журнала, что великое начало царскаго печальничества о русской землѣ, наивысшее выраженіе ея живой творческой силы затмевается холодной, бездушной, точно мертворожденной бюрократіей, замѣняющей въ народномъ организмѣ стремительное обращеніе горячей крови медленнымъ теченіемъ струи искусственнаго орошенія. Г. Розановъ не находитъ словъ, чтобы въ достаточной мѣрѣ заклеить одного изъ усовершенствователей русской бюрократической машины Сперанскаго, забывая при этомъ всѣ заслуги и достоинства этого великаго человѣка. Страстность нападенія заставляетъ г. Розанова забыть, что бюрократія, и довольно сильная, существовала у насъ еще въ шестнадцатомъ и въ семнадцатомъ вѣкахъ, что по европейскому образцу она была преобразована Петромъ Великимъ, что зачатки министерскаго управленія у насъ уже сложились при Екатеринѣ II, что самое важное, планы преобразованія Сперанскаго имѣли въ виду именно поставить чиновничество всѣхъ ранговъ подъ контроль имъ предположенной Государственной Думы, то есть народнаго представительства. Не вина Сперанскаго, что проекты стройныхъ преобразованій не получили осуществленія и что подвластная бюрократія стала всевластной, затмивъ собою особу монарха. Нападки на бюрократію являются общимъ мѣстомъ, поскольку онѣ не ставятся въ историческую связь съ традиціями господствующихъ правящихъ классовъ и круговъ. Образцовая германская и въ особенности прусская бюрократія служить примѣромъ того, какое могучее и благодѣтельное орудіе можетъ представить собою сильное дисциплинированное чиновничество при умѣломъ имъ пользованіи. При неумѣломъ же обращеніи наилучшее оружіе ранить и даже убиваетъ того, кто беретъ его въ руки. Тѣмъ не менѣе при полной неисторичности сужденій г. Розанова его книжка любопытна какъ обнаруженіе болѣзненныхъ ощущеній, вызываемыхъ неестественными общественными условіями въ чувствѣ чуткаго гражданина и человѣка. Г. Розановъ пытался осмыслить это чувство и предсказалъ за десять лѣтъ до кореннаго обновленія русскаго государственнаго строя, послѣдовавшаго въ 1905 г., умаленіе вѣками слагавшагося и вѣками существовавшаго полновластія, подточенаго крайнимъ развитіемъ бюрократизма. Въ этомъ отношеніи г. Розановъ явился, несомнѣнно, прямымъ пророкомъ, и приводимый имъ въ предисловіи разговоръ съ Побѣдоносцевымъ на эту тему получаетъ особый интересъ.

В. Грибовскій.

**М. Туганъ-Барановскій. Къ лучшему будущему. Спб. 1913. Стр. 230.
Цѣна 1 руб. 50 коп.**

Сборникъ разнообразныхъ статей г. Тугана-Барановскаго, дѣйствительно, исполненъ прогрессивнаго стремленія «Къ лучшему будущему». Однѣ изъ нихъ посвящены «Этикѣ и общественной жизни» («Три великихъ этическихъ проблемы» (о Достоевскомъ), «Русская интеллигенція и социализмъ», «Марксизмъ и народничество», Капитъ и Марксъ, Герценъ и Чернышевскій, Зомбартъ и Генри Джорджъ, кооперація и экономической жизни Россіи, начиная съ вопроса «Почему пало крѣпостное право» и кончая современнымъ вздоржаніемъ жизни.

Наиболѣе интересная работа г. Тугана-Барановскаго касается этических задач Ф. М. Достоевскаго. Давно уже наши ученые сдѣлали изъ Достоевскаго какой-то силомѣрь для себя. Большинство изъ нихъ пробовали свои критическія силы то на Гоголь, то на Достоевскомъ, но изъ этого рѣдко выходили цѣнные работы, которыя напомнили бы собою «Очерки Гоголевскаго періода» у Чернышевскаго. По статью г. Тугана-Барановскаго о Достоевскомъ слѣдуетъ причислить къ цѣнному и оригинальному о немъ изслѣдованію. Жаль, что мѣстами и она страдаетъ философскими «туманами», напоминая собою метафизику гг. Мережковскаго или Вольнскаго. По такихъ мѣсть очень немного... Все изслѣдованіе г. Тугана-Барановскаго о Достоевскомъ весьма оригинально и характерно для послѣдняго. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ въ лицѣ Кириллова (въ «Бѣсахъ») Достоевскій доказалъ, что мѣриломъ истины долженъ служить абсолютный идеалъ Бога; что съ упраздненіемъ идеи безграничнаго совершенствованія остается автономная человѣческая личность, весьма несовершенная, безвольная и грѣшная въ своихъ желаніяхъ; что если, вмѣсто совершенной воли Творца, поставить самого себя, то нужно и доказать свое преимущество передъ Богомъ въ подвигѣ, какъ высшемъ актѣ своего могущества, какъ высшемъ проявленіи «абсолютной цѣнности». Придя логически къ этому выводу, Кирилловъ такимъ подвигомъ считаетъ самоубійство, какъ своеволие, равное могуществу Творца. «Я,—говоритъ онъ,—три года назадъ искалъ атрибутъ божества моего. Этотъ атрибутъ—своеволие. Это все, чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу свою. Я убиваю себя...» Достоевскій глубоко понималъ абсурдъ и убожество самообожанія русскаго интеллигента, когда тотъ объявилъ, что человѣкъ—Богъ. Правда, разоблаченіе Достоевскимъ этой своеобразной махіи величія прошло безслѣдно для русскаго общества, такъ какъ именно въ это же самое время среди русской молодежи явились «богочеловѣки» («миликовцы»), безъ трагическихъ мукъ идейнаго Кириллова, по съ мечтами о братской коммуѣ въ Америкѣ и грустнымъ бѣгствомъ оттуда обратно въ Россію съ неспособностью «богочеловѣковъ» къ общезжитію и простой работѣ на фермѣ. Достоевскій предвидѣлъ всѣ опасности горделиваго восхищенія слабаго человѣка исключительно своей личностью, упраздненія надъ собою всѣхъ высшихъ силъ Творца и замѣны человѣческой личностью «абсолютной цѣнности» въ Богѣ... Не менѣе серьезной заслугой у Достоевскаго («Преступленіе и наказаніе») является наказаніе Раскольниковъ за отрицаніе послѣднимъ идеи равноцѣнности и святости человѣческой личности, независимо отъ достоинствъ и социальнаго положенія людей.

Въ лицѣ «Великаго инквизитора» («Братья Карамазовы») доказана ничтожность государственности, основанной на земныхъ благахъ и обезличеніи человѣка, безъ его индивидуальной свободы и страданій за торжество христіанской идеи о виновности каждаго за всѣхъ въ лицѣ Мышкина («Идіотъ»), старца Зосима и Алеша Карамазова («Братья Карамазовы»).

Поучительными пунктами исчерпано въ небольшой статьѣ Тугана-Барановскаго значеніе литературной дѣятельности Достоевскаго. Къ этой заслугѣ г. Тугана-Барановскаго слѣдуетъ еще прибавить то, что его статья можетъ

служить руководящим ключомъ къ изученію произведеній Достоевскаго въ тѣхъ самыхъ кружкахъ молодежи, которые преданы интересамъ русской литературы. Эта же статья можетъ служить также указаніемъ многочисленнымъ критикамъ на то, что слѣдуетъ отмѣчать по преимуществу въ писателѣ, какъ отыскать душу въ его произведеніяхъ и указать ея значительность для читателя.

Это не художественный восторгъ критика то языкомъ бытописателя, то его искренностью, то повизной въ манерѣ письма и т. д. Это и не простое «поминаніе» именъ героевъ съ цитатами изъ романовъ, но строго научное указаніе на идеалы писателя и установка его значенія, которое онъ имѣлъ въ русскомъ обществѣ.

Прочія статьи Тугана-Барановскаго въ сборникѣ—чисто профессорскія компиляціи, отличающіяся, на ряду съ давно усвоенными взглядами, произвольными утверженіями и робостью сказать правду во всемъ ея объемѣ простыми и ясными словами. Едва ли кто удовлетворится его статьей «Марксизмъ и народничество», гдѣ авторъ примиряетъ эти партіи тѣмъ, что съ теченіемъ времени «аграрныя программы марксистовъ стали все больше приближаться къ аграрнымъ программамъ народниковъ, пока, наконецъ, между ними не исчезли какія бы то ни было принципиальныя различія». Едва ли средній читатель не задохнется въ густомъ «туманѣ» г. Тугана-Барановскаго, которымъ онъ окружаетъ марксизмъ и кантіанство, съ классовымъ интересомъ перваго и этикой втораго, какъ пройденными этапами для созданія на новыхъ, неизвѣстныхъ намъ началахъ новой теории социализма. Еще менѣе удовлетворительно его трактованіе вражды между собой Герцена и Чернышевскаго потому, что первый, по его терминологіи, былъ представителемъ «конкретнаго индивидуализма», а второй—«абстрактнаго индивидуализма». Ужъ очень все это придумано и сдобрено хитроумной ученостью для того, чтобы не обмолвиться объ обыкновенной неуживчивости и избалованности крупныхъ людей изъ литературы, какъ только имъ приходится сообщать вести практическое и общественное дѣло.

А. Фаресовъ.

Н. Карѣвъ. Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ (1902—1911). Спб. 1912. Стран. 115.

Русская національная самобытность, наша удивительная художественная литература, колоссальные размѣры имперіи и ея военная мощь—вотъ традиціонные объекты русскаго національнаго самохвальства. Что же касается нашей науки и культуры, то объ ихъ успѣхахъ принято скромно умалчивать, принимая за доказанное, что тутъ хвастаться нечѣмъ. А между тѣмъ стоитъ только заглянуть въ спеціальныя отдѣлы наукъ, чтобы убѣдиться, какое дѣятельное и плодотворное участіе принимаютъ представители русской науки въ дружной міровой научной работѣ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія работа профессора Карѣва, содержащая лѣтопись блестящихъ успѣховъ русской исторической науки въ области французской революціи.

Посвященная специальным вопросам и отпечатанная в ограниченном количестве экземпляров, рассматриваемая брошюра не рассчитана на широкий круг читателей. Об этом можно только пожалеть. Если французы говорят о «русской школе» в историографии французской революции, то каждому русскому интеллигенту тем более необходимо познакомиться, хотя бы из вторых рук, с замечательными исследованиями наших ученых о революционной эпохе. Стыдно—другого слова тут не подберешь—при полной осведомленности о взглядах на революцию Тэна, Луи Блана, Ламартина, Токвиля, Олара и других французских историков, иметь смутное понятие о замечательных исследованиях русских ученых. «... За исключением, конечно, самой Франции,—говорит профессор Карьев,—ни в одной другой стране не было сделано за последние 30—35 лет так много для исторического исследования эпохи французской революции, как именно в России, в особенности по отношению к экономической истории того времени» (стр. 2). В этой области одно из первых мест, несомненно, принадлежит профессору Лучицкому. «... В отношении знакомства с архивным материалом, касающимся французского землевладения до революции, с И. В. Лучицким не может сравниться ни один ученый среди самих французов» (стр. 30). Плодотворно работает в той же области и М. Ковалевский. В новейшей монументальной истории Франции, «там, где речь идет о положении французских крестьян перед революцией, автор главы приводит по вопросу о крестьянской собственности только противоположные мнения двух русских ученых—Лучицкого и Ковалевского—и не упоминает ни об одном французском историке, высказывавшемся по вопросу» (стр. 30). Молодое поколение русских ученых не отстает от ветеранов. Профессор Тарле «проложил в экономической истории Франции конца XVIII века совершенно новые пути» (стр. 42). Одна из его работ «была своего рода откровением для самих французских историков». По компетентному мнению профессора Карьева, молодой русский ученый превзошел самого блестящего Жюреса, подробнее и глубже того осветил положение рабочего класса в период революции. Кроме перечисленных ученых, за последнее десятилетие разрабатывали эпоху революции гг. Тарановский, Ардашев, Воровой, Герье и др., освещавшие ту или другую сторону революционной эпохи. Кто интересуется ею и не имеет ни времени, ни специальной подготовки для чтения нескольких тысяч страниц специальных исследований,—для таких читателей работа профессора Карьева, содержащая все новейшие изыскания и теории о революции, полезное и незаменимое пособие. Воспользовавшись примером и методом профессора Карьева, следовало бы составить аналогичные брошюры по отдельным областям русской и западной истории. Кто поработает в этом направлении, сослужит большую службу нашему интеллигентному обществу.

Пант.

Инженеръ В. Фельдтъ. Военно-желѣзнодорожное дѣло. (Исторія и администрація). Ковель. 1912. Цѣна 1 р.

Имя военнаго инженера генераль-майора В. К. Фельдта уже много лѣтъ встрѣчается въ русской желѣзнодорожной литературѣ. Его печатные труды довольно многочисленны и разнообразны. Главнѣйшіе изъ нихъ посвящены боевой готовности нашихъ желѣзныхъ дорогъ и желѣзнодорожнымъ войскамъ и ихъ неотложнымъ нуждамъ. Авторъ смотритъ на желѣзныя дороги, какъ на новый родъ оружія,—взглядъ, усвоенный современною стратегіей на основаніи опыта послѣднихъ войнъ. Особенность этого новаго оружія заключается въ полной противоположности другимъ родамъ оружія,—въ мирное время, чѣмъ болѣе содержится вооруженныхъ силъ—пѣхоты, кавалеріи и пр., тѣмъ болѣе расхочовъ и тѣмъ убыточнѣе для государства, напротивъ, по отношенію желѣзныхъ дорогъ, этого новаго оружія, чѣмъ болѣе ихъ въ мирное время, тѣмъ выгоднѣе для всей страны.

Всѣ старые рода оружія въ мирное время работаютъ только по подготовкѣ къ дѣйствительному труду на войнѣ и, если войны долго нѣтъ, то болышею частью всѣ работы и всѣ затраты на эту подготовку пропадаютъ даромъ, какъ всякій расходъ на страховку. Новый же родъ оружія, желѣзныя дороги, напротивъ, и въ мирное время работаютъ не даромъ, вся ихъ работа идетъ на пользу государства, и въ военное время польза эта выясняется еще рельефнѣе. Поэтому всякая страна, идущая впередъ по пути прогресса и культуры, должна прежде всего озаботиться объ этомъ новомъ родѣ оружія, т.-е. озаботиться увеличеніемъ желѣзнодорожной сѣти и содержаніемъ ея въ полной исправности.

Но для полнаго успѣха дѣйствій этого новаго рода оружія во время войны недостаточно, по мнѣнію нашего автора, одного расширенія желѣзнодорожной сѣти, нужно также озаботиться правильной организаціей желѣзнодорожныхъ войскъ. Вопросъ этой организаціи изложенъ въ изданной тѣмъ же В. К. Фельдтомъ въ 1910 году книгѣ «Желѣзнодорожныя войска и ихъ неотложныя нужды».

Одною изъ этихъ неотложныхъ нуждъ признавалась авторомъ крайняя необходимость спеціальной подготовки офицеровъ желѣзнодорожныхъ войскъ, для чего инженеръ Фельдтъ проектировалъ открыть особый офицерскій институтъ съ программой по техническимъ предметамъ нѣсколько меньшею, нежели программы техническихъ институтовъ гражданскихъ вѣдомствъ.

Необходимость спеціальной подготовки офицеровъ признавалась и раньше уже настолько неотложной, что, какъ палліативъ, еще въ 1904 году, по инициативѣ бывшаго начальника Средне-Азіатской желѣзной дороги, военнаго инженера генераль-майора Ульянина, была организована въ Асхабадѣ, при управленіи казенной Средне-Азіатской дороги особая офицерская желѣзнодорожная школа, переведенная въ 1910 году въ Ковель, гдѣ она существуетъ и понынѣ при управленіи Ковель-Владимирь-Волинской военной желѣзной дороги, начальникомъ которой состоитъ нашъ авторъ.

Въ программу этой школы включенъ особый предметъ—«Военно-желѣзнодорожное дѣло», обнимающій «исторію и администрацію» военно-желѣзнодорожнаго дѣла.

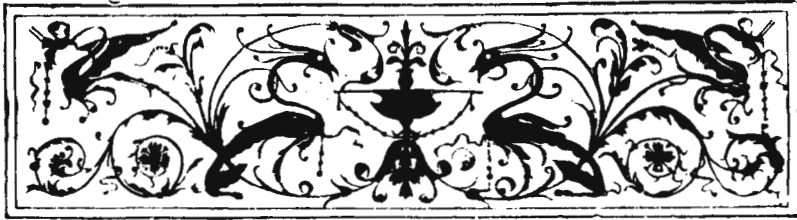
Усиленные воинскія перевозки ничѣмъ, конечно, не отличаются отъ усиленныхъ коммерческихъ перевозокъ, но ими не исчерпывается содержаніе военно-желѣзнодорожнаго дѣла. Оно заключаетъ въ себѣ, кромѣ того, особыя спеціальныя свѣдѣнія, необходимыя исключительно для чиновъ желѣзнодорожныхъ войскъ, а именно: разрушеніе и возстановленіе желѣзныхъ дорогъ, нападеніе на желѣзныя дороги и охрана ихъ, постройка и эксплуатація узкоколейныхъ полевыхъ военныхъ дорогъ и пользованіе желѣзными дорогами на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Во главѣ изученія военно-желѣзнодорожнаго дѣла, естественно, стоитъ исторія и современная администрація этого важнаго для государства дѣла. И именно по этимъ основнымъ отдѣламъ нѣтъ въ нашей литературѣ никакихъ спеціальныхъ изданій, всѣ необходимыя свѣдѣнія разбросаны по частямъ въ различныхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ ни одно не можетъ назваться руководствомъ военно-желѣзнодорожнаго дѣла. Все это отдѣльныя монографіи различнаго достоинства, объема и полноты, посвященныя данному вопросу, которыя могутъ служить прекрасными пособіями при изученіи отдѣльныхъ сторонъ дѣла, но служить руководствомъ при прохожденіи курса въ офицерской желѣзнодорожной школѣ эти монографіи, несомнѣнно, не могутъ.

Задача новаго изданія инженера Фельдта и заключается въ пополненіи этого крупнаго пробѣла, его книга является первымъ систематическимъ руководствомъ для изученія исторіи и администраціи военно-желѣзнодорожнаго дѣла. Книга генерала Фельдта отличается всѣми достоинствами хорошаго руководства—сжатостью, и не въ ущербъ полнотѣ, и ясностью изложенія, умѣлымъ выдѣленіемъ главнаго и существеннаго, отсутствіемъ ненужныхъ подробностей и мелочей. Въ книгѣ собраны и систематизированы всѣ условія правильной постановки военно-желѣзнодорожной администраціи въ мирное время, выяснено значеніе желѣзныхъ дорогъ въ военномъ отношеніи, данъ историческій очеркъ военно-желѣзнодорожнаго дѣла, изложены роль и значеніе желѣзныхъ дорогъ при мобилизаціи и сосредоточеніи армій при этапной службѣ, т.-е. при устройствѣ тыла армій, при организаціи коммуникаціонныхъ путей, при чемъ разсмотрѣно и управленіе этими послѣдними путями. Въ заключеніе разобранъ вопросъ о значеніи желѣзныхъ дорогъ въ тактическомъ отношеніи, въ этомъ отдѣлѣ опредѣлено значеніе и задача желѣзныхъ дорогъ во время боевыхъ операцій, при наступленіи, отступленіи, при осадѣ и оборонѣ крѣпостей, при оборонѣ побережья и государственныхъ границъ, разсмотрѣна эксплуатація желѣзныхъ дорогъ у себя и въ странѣ непріятельской, приведены указанія относительно военно-техническихъ рекогносцировокъ желѣзныхъ дорогъ. Послѣднія три главы руководства посвящены нападенію на желѣзныя дороги, разрушенію, возстановленію, охранѣ ихъ и, наконецъ, постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ военное время.

Къ книгѣ приложено шесть картъ и двѣ схемы, значительно облегчающія пониманіе выводовъ автора.

Е. В. Коршъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЛИМПЪ на судѣ исторіи.—Счастливые боги Олимпа, въ свою очередь, дождались момента, когда неумолимые изслѣдователи исторіи наложили свою руку на ихъ божественное происхожденіе. Членъ парижскаго института Морисъ Круазе открылъ курсъ въ Collège de France лекцій, которая приведена на страницахъ «Revue Bleue» о религіи грековъ въ поэмахъ Гомера.

М. Круазе поднимаетъ вопросъ, еще недостаточно изслѣдованный, хотя и обратившій на себя вниманіе,—о богахъ Олимпа. Онъ хочетъ установить разницу между идеей, какую даетъ гомеровская поэзія объ этихъ богахъ, и тою, какая царила среди греческаго народа. Дѣйствительно ли религія, представленная Гомеромъ въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ», признавалась греческимъ народомъ въ то время, когда были написаны поэмы? Служила ли она основой тогдашнимъ культамъ? Была ли она живой, дѣйствительной религіей народа, или частью поэтическаго измышленія нѣкоторыхъ поэтовъ, ихъ личной фантазіей, отражавшей идеи и чувства извѣстной среды, признававшей се наиболѣе прекрасной и обаятельной, чѣмъ вѣра народа.

Наибольшее довѣріе къ свидѣтельству Гомера вызываетъ та наивность, то, что Фенелонъ называлъ «милой простотой нарождающагося міра». У Гомера нравы, обычаи, образъ мышленія, разговоры и поступки боговъ не переполнены различными осложненіями, формальностями, которыя мало-по-малу переполняютъ жизнь современныхъ людей. Съ этой точки зрѣнія жизнь на Олимпѣ мало отличалась отъ жизни во дворцахъ королей. «Божественные обитатели,—говоритъ М. Круазе,—жили тамъ благодушно, весело, если только они между собой

не дрались, но и это служило имъ развлеченіемъ». Принявъ во вниманіе, съ какой простотой протекала ихъ жизнь, невольно возникаетъ идея, что они первобытные народные боги и поэтъ описываетъ народную религію. Но М. Круазе видитъ въ этой идеѣ иллюзію. Дѣйствительно, первобытная религія едва только народившагося народа не отличается веселостью и милой простотой. Первобытная религія варварски-груба, полна суевѣрія, преисполнена ужасами, кровавыми жертвоприношеніями и мрачными ритуалами. Кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ она чрезвычайно сложна. Какъ бы мало она ни перенесла на себѣ вліяніе другихъ религій, неизбѣжно произошелъ бы обмѣнъ идей, совершилось бы болѣе или сознательное подражаніе, которое дѣлаетъ изъ каждой религіи смѣсь очень различныхъ элементовъ. Поэтому, хотя исторія первобытной Греціи не достаточно изслѣдована, все-таки теперь видно ясно, что эллинический полуостровъ и сосѣдніе съ нимъ острова за много вѣковъ до Гомера были населены людьми, которые составляли общество, и мы уже усматриваемъ тамъ различныя цивилизаціи, не равныя между собою и слѣдовавшія одна за другою. Безъ сомнѣнія, каждая изъ этихъ цивилизацій имѣла свою религію и даже нѣсколько, что оставило слѣды и на греческой религіи. Въ Беотіи, въ критскихъ дворцахъ, построенныхъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. и открытыхъ изъ-подъ земли, были представлены сцены жертвоприношеній и поклоненія божествамъ. Точно также въ Микенахъ, Атикѣ, Кеаліонѣ, Левкадіи были открыты усыпальницы различныхъ эпохъ, гдѣ сохранились слѣды различныхъ ритуаловъ и обычаевъ, которые свидѣтельствовали о существованіи религіи мертвыхъ. И вотъ, благодаря свидѣтельству этихъ старыхъ камней, многое, что мы съ недовѣріемъ прочитывали у нѣкоторыхъ древнихъ писателей, теперь вдругъ получило новую цѣнность.

«Когда, напримѣръ, Павзаній,—замѣчаетъ М. Круазе,—проѣзжая по Греціи въ эпоху Антониновъ, упоминаетъ о собранныхъ тамъ традиціяхъ, относящихся къ очень древнимъ культамъ и ритуаламъ, пришедшимъ въ упадокъ, смѣнившимся или преобразовавшимся, мы чувствуемъ, что этими свѣдѣніями нельзя пренебрегать. Поэтому очевидно, что среди религіозныхъ формъ, о которыхъ говорятъ тексты, есть носящія слѣды варварства, и онѣ, очевидно, не могли зародиться въ вѣка, когда греческій гений проникался болѣе и болѣе мягкостью и гуманностью. Слѣдовательно, ихъ происхождение относится къ болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ «Иліада» и «Одиссея», и значительно отличается отъ религій Гомера,—религій, потому что согласно собраннымъ фактамъ въ Греціи не зародилось ни одной религіи совершенно готовой, которая бы во всей странѣ была одна и та же. Напротивъ, ясно видно, что многіе боги исторической Греціи явились туда въ различныя эпохи, культъ ихъ мало-по-малу пропагандировался и въ различныхъ мѣстностяхъ онѣ принимали различный видъ.

Достовѣрно также, что древніе боги, занесенные въ Грецію эмигрантами, видоизмѣнились чрезъ самый фактъ своего разсѣянія. Это произошло, быть можетъ, потому, что они встрѣтили въ каждой области другихъ боговъ, еще болѣе древнихъ, чѣмъ они сами, болѣе первобытныхъ и грубыхъ, съ которыми они вступили въ союзъ, если не были ими поглощены въ этомъ смѣшеніи. Никогда исторія, какой бы она ни сдѣлала прогрессъ въ изслѣдованіяхъ религій,

не удастся распутать подробности фактовъ, служащихъ матеріаломъ для изслѣдованія.

Что же касается Греціи ахейскаго періода, доставившаго Гомеру сюжетъ для его поэмъ, то, безъ сомнѣнія, она дала бы самое разнообразное зрѣлище культовъ и религій, о которыхъ эти поэмы не даютъ никакой идеи. Ионическіе поэты, авторы героической эпохи, совсѣмъ не были, какъ это многие думаютъ, въ прямомъ соприкосновеніи съ современной дѣйствительностью. «Наивно немного думать,—говоритъ М. Круазе:—что для составленія своихъ красивыхъ повѣствованій они объѣзжали города, собирая свѣдѣнія, и добросовѣстно справлялись объ идеяхъ, царившихъ въ различныхъ частяхъ Греціи. На самомъ же дѣлѣ они работали на основаніи традицій, и эти основанія были продуктомъ коллективной разработки, совершавшейся подъ различными вліяніями». М. Круазе указываетъ на два изъ нихъ: эмиграцію въ Азію и развитіе этического жанра.

Греки, поселившіеся въ Азіи во время дорическаго бѣгства въ концѣ второго тысячелѣтія до Рождества Христова, принесли съ собою свои религій и культы. Конечно, при новыхъ условіяхъ существованія они значительно измѣнились.

Кромѣ того, нѣкоторыя изъ ихъ религій были такого свойства, что перенести въ другую почву было невозможно. Какъ перенести божественное теченіе сосѣдней рѣки, считавшейся за божество. Какъ переставить гору, господствующую въ странѣ, или переселить таинственныхъ духовъ, живущихъ въ лѣсахъ, куда народъ проникалъ со страхомъ? Эти духи и геніи имѣли определенное мѣстожительство, которое они не могли покинуть, и ихъ эмигрировавшіе поклонники разставались съ ними. Поэтому ихъ новая религія, о которой говорилъ Гомеръ, значительно отличалась отъ прежней.

Теперь по необходимости они давали первое мѣсто всеобщимъ богамъ, которымъ можно было поклоняться вездѣ. Отъ прежнихъ боговъ оставалось только воспоминаніе. Новыя божества испытывали ту же необходимость сбросить слишкомъ специальную форму, измѣнить характеръ, которые приковывали ихъ къ одному мѣсту. Напротивъ, они развили общія черты, болѣе подходившія ко всѣмъ этапамъ и фазамъ колонизаціи.

Въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» представлены именно эти божества-эмигранты, и ясно, что они отличались отъ тѣхъ, которые остались на родинѣ.

Кромѣ того, всѣ эти эмигранты были различнаго происхожденія. Однако, сгруппировавшись, они приобрѣли нѣкоторое единство: ихъ религіозныя убѣжденія смѣшались между собою, тѣмъ болѣе, что въ общемъ у нихъ была одна и та же первобытная основа религіи. Впослѣдствіи мелкія черты должны были смѣшаться, тогда какъ общій характеръ обнаруживался все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ, сліяніе расъ произвело тотъ же эффектъ, что и оставленіе родины. Мало-по-малу у нихъ составился міръ боговъ, которые, собственно говоря, не были ни ессалійскими, ни беотійскими, ни халдейскими, ни пелопонесскими, но ахейскими, потому что поэмы Гомера даютъ ихъ поклонникамъ названіе ахеянъ.

Поэтому въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» неточно изображены религій, оставлен-

ныя греками въ континентальной Греціи. Къ тому же произошло еще другое преобразование, обязанное тѣмъ же условіямъ героической эпопеи. Греки не довольствовались тѣмъ, что придавали своимъ богамъ, какъ это дѣлаютъ почти всѣ народы, человѣческія качества. Этого имъ было недостаточно, и въ ихъ воображеніи они являлись подъ матеріальной формой и они избрали изображеніе человѣка.

Но это предрасположеніе было не столь древнее и безусловное, какъ это думали еще недавно. Въ Греціи, какъ и въ другихъ странахъ, божествамъ придавали форму животныхъ, а иногда даже никакой опредѣленной формы, какъ, напри- мѣръ, невидимымъ духамъ, голосамъ, раздававшимся въ пространствѣ, таинственнымъ божествамъ, которыя пролетали въ дуновеніи вѣтра, проявлялись въ вихряхъ пыли и въ движеніи водъ.

Однако эпопея существенно описательная и повѣствовательная не могла довольствоваться невидимыми божествами. Нельзя было представить очарованной публикѣ ихъ банкеты, собранія, споры и проч.—и богамъ придали тѣлесную форму. Невозможно было, чтобы она не употребила всѣ ресурсы искусства, чтобы свое изобрѣтеніе сдѣлать наиболѣе поразительнымъ и плѣнительнымъ, говоритъ М. Круазе. Эта плѣнительность дѣйствовала на воображеніе, и, такимъ образомъ, она пріучила къ матеріалистическому антропоморфизму, чего не требовали ни культъ, ни религія народа. И ничто не заставляеть насъ думать, что изображеніе Олимпа, какъ его описывали, въ точности соответствовало религіознымъ воззрѣніямъ народа Аркадіи и Беотіи. Очень можетъ быть, что крестьянинъ Гезіода, какой представленъ въ «Трудахъ и Дняхъ», человѣкъ съ простою дѣтскою душой, создалъ себѣ о богахъ идею болѣе набожную и чистую, чѣмъ чудесный поэтъ, который представилъ Зевса снящимъ съ Герой въ золотыхъ облакахъ на самой высокой вершинѣ Ида.

Сдѣлавъ намекъ на социальную среду, гдѣ развивалась гомеровская эпопея, М. Круазе переходитъ къ самой идеѣ. Авторы и исполнители героической эпопеи въ Греціи составляли особый классъ пѣвцовъ. Многіе изъ нихъ выведены въ «Одиссеѣ», какъ гости королей. Демодокъ, напри- мѣръ, сидѣлъ среди гостей короля за его столомъ и увеселялъ ихъ своими повѣствованіями. Другой пѣвецъ былъ близкимъ человѣкомъ Агамемнона, который, отправляясь на войну, поручилъ ему слѣдить за своей женой. Правда, что это ему не удалось, но это не по его винѣ, замѣчаетъ авторъ. Но эта корпорація высоко ставила чувство долга и была способна на преданность королямъ до мученичества. Неудивительно, что, живя среди аристократовъ, они усваивали ихъ вкусы, идеи и чувства. Поэтому и составленная этими придворными поэтами эпопея вся проникнута тѣмъ же. Предназначенная для королей, она представляла все то, что имъ нравилось, и въ той формѣ, какая была имъ всего пріятнѣе: для этой цѣли были приспособлены и дѣйствующія лица и боги. Послѣднимъ не колебясь придали внѣшность земныхъ царей, ихъ привычки, обычаи, вкусы, слабости и отличительныя черты. вмѣстѣ съ тѣмъ, придавая богамъ личину королей, пѣвцы льстили послѣднимъ, уподобивъ ихъ богамъ.

Эта склонность пѣвцовъ къ лести королямъ, естественно, удаляла ихъ отъ народной религіи. Народные боги—лѣсные или горные духи, даже самъ богъ,

невидимый, но присутствовавший, совѣтъ не подходилъ къ ихъ намѣреніямъ. Ихъ богъ жилъ въ пышныхъ дворцахъ, держалъ открытый столъ, думалъ, переживалъ страсти, какъ настоящій король. Эти смертные актеры съ помпою играли свои роли на небесной сценѣ. Если бы это было не такъ, то зачѣмъ же изъ эпической религіи исключено столько подлинныхъ старинныхъ боговъ—небо, земля, океанъ и море? замѣчаешь Круазе. Положимъ, многіе изъ нихъ годятся только для генеалогіи. Какой здравомыслящій поэтъ посадить ихъ за столъ Зевса? Хроносъ и Реа тоже не годились. Всѣ эти титаны казались людямъ съ іонійской культурой существами грубыми, безпокойными и несообразными. Большое количество ихъ Зевсъ предназначилъ въ Тартаръ, о другихъ же поэзія смолчала, чего они и заслуживаютъ. Въ старыхъ басняхъ находятъ извѣстное количество этихъ нежелательныхъ чудовищъ. Такимъ образомъ, нѣкоторые изъ нихъ исключены за уродливость, другіе за излишнее миролюбіе или суровость. Напримѣръ, не выведена величественная Деметра, которую, однако, греки почитали съ древнихъ временъ и культъ которой почти вездѣ распространенъ. Только случайно о ней упоминается въ «Илиадѣ», но она не играетъ тамъ никакой роли.

Такимъ образомъ, Олимпъ Гомера не обыкновенный Пантеонъ, но аристократическое жилище, куда попадаютъ только избранныя лица. Чтобы туда попасть, слѣдуетъ осуществить нѣкоторую смѣсь качествъ и недостатковъ и только тогда ими заинтересовались бы греческіе цари. Но ничѣмъ не доказано, что у нихъ было такое же глубокое и сильно развитое религиозное чувство, какъ у темной народной массы, выше которой они считали себя по развитію. Также не доказано, что аристократическіе боги были божественнѣе скромныхъ боговъ народа. Положеніе пѣвцовъ было не изъ легкихъ, если принять во вниманіе, въ какихъ они находились независѣвшихъ отъ нихъ условіяхъ, безпрестанно измѣняюща идея религіи, какъ собственно Греціи, такъ и народа. Религіи въ Греціи никогда не были исключительно установлены до Гомера. По правдѣ сказать, замѣчаетъ Круазе, и послѣ онѣ не болѣе установились, несмотря на попытки философовъ-богослововъ. То, что мы привыкли называть вѣрою, въ Греціи никогда не было извѣстно. Ея религія была лишь собраніемъ традиціонныхъ культовъ и за отсутствіемъ догматовъ ритуалы этихъ культовъ составляли ея доспѣхи. Религиозное чувство особенно соединялось съ церемоніями, символическими актами, значенія которыхъ часто не знали послѣдователи религіи, но признавали ихъ неоспоримую дѣйствительность. Конечно, эти культы и ритуалы свидѣтельствуютъ о существованіи извѣстной вѣры, безъ которой они были бы тщетными и смѣшными жестами. Но никогда природа того или другого божества точно не формулировала, что надо о нихъ думать. И на этой узкой основѣ съ древнихъ временъ построилась мифологія, которая все разрасталась. Она происходила изъ вѣрованій, культовъ, отъ самой религіи, но она безконечно ее переросла, такъ что становилось трудно опредѣлять, гдѣ кончалась вѣра и гдѣ начиналась мифологія. Пѣвцы, богатые фантазійей, не сдерживаемые догматической дисциплиной въ границахъ общей вѣры, свободно развивали свое воображеніе. Поэты въ настоящемъ смыслѣ слова, они повиновались капризу музы и охотно легко уносились на крыльяхъ фантазіи. Что ду-

мали объ этомъ слушатели. трудно сказать, но едва ли они могли этому вѣрить. «Было бы досадно, что, придавая имъ слишкомъ много наивности, мы выказывали бы себя еще наивнѣе, критикуя ихъ въ XX вѣкѣ», говоритъ Круазе.

Правда, они выказывали большое знаніе жизни. Въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» выражено удивительное знаніе чловѣческаго сердца, и въ этомъ именно находится самый важный элементъ нравственной цѣнности и та красота, которую признавали во всѣ времена. Но это знаніе болѣе созерцательное, чѣмъ обдуманное, болѣе синтетическое, чѣмъ аналитическое. Ионическіе поэты видѣли въ чловѣкѣ особенно простоту чувствъ и впоследствии приписали ее богамъ, не стараясь ее отыскивать, ни прежнія болѣе или менѣе отдаленныя чувства. Что такого рода элементарныя наблюденія были наиболѣе распространены, это очень вѣроятно. Также вѣрно, что ихъ умъ направлялся скорѣе къ конкретнымъ предметамъ, которые легче было схватить и представить себѣ, чѣмъ къ отвлеченнымъ идеямъ, лишеннымъ формы. Очень возможно, что они встрѣтили съ этого времени людей различныхъ тенденцій, болѣе мыслящихъ, чѣмъ богатыхъ воображеніемъ, и эти люди имѣли на современную религію извѣстное вліяніе, которое поэмы Гомера не дали бы намъ угадать. Такъ, у Гезіода находится множество аллегорическихъ фигуръ, которыя въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» фигурируютъ, какъ чужеземныя. Конечно, это не ученая доктрина, но, какъ бы она ни казалась наивной, въ ней замѣтна забота методически группировать факты нравственнаго порядка и присоединять ихъ къ религіозной идеѣ. Здѣсь уже проглядываетъ вопросъ, который такъ часто многихъ волнуетъ,— происхожденіи зла. И дѣйствительно, онъ уже встрѣчается въ поэмахъ Геродота подъ различными формами.

Но когда онѣ касаются чисто богословскихъ идей, то противорѣчатъ себѣ. Говоря о судьбѣ, они говорятъ въ то же время и о волѣ Зевса; или, быть можетъ, это только другое названіе воли. Однако М. Круазе находитъ, что на это трудно отвѣтить по той простой причинѣ, что поэты эпопеи объ этомъ совсѣмъ не думали. Имъ надо было прежде всего составлять различныя волнующія сцены, для этого богъ являлся иногда владыкой, воля котораго не знала преградъ. Иногда и ему самому приходилось переносить таинственный законъ и подчинять ему свои самыя дорогія чувства.

Изъ этихъ наблюденій нельзя заключать, что поэмы Гомера не могутъ сообщить намъ ничего о современной имъ религіи. Боги, которые представлены тамъ, далеко не искусственные. Они не только, такъ сказать, сдѣланы изъ божественнаго вещества, которое тогда было разсѣяно въ мѣстныхъ культурахъ, но въ нихъ все исходитъ изъ предшествовавшихъ традицій. Только ни одинъ изъ этихъ боговъ, переходя изъ культа въ поэзію, т. е. изъ реальной религіи, не избѣгнулъ нѣкотораго преобразования. И это преобразование вліяло на мысль грековъ какъ въ области искусства, такъ и философскаго мышленія. Чрезмѣрное развитіе, которое поэзія дала антропоморфизму, неизбѣжно было одной изъ причинъ, производшихъ въ послѣдующіе года двойную реакцію. Эти чловѣческіе боги показали поколѣніямъ, болѣе мыслящимъ или жаднымъ до таинственности,—слишкомъ чловѣческими. Такимъ образомъ, они породили у однихъ невѣріе, у другихъ мистицизмъ. Поэтому невѣріе и мистицизмъ

явились существенными чертами второй религиозной фазы, проявившейся в Греции, особенно в VI вѣкѣ, т.-е. в то время, когда исчезла эпоней. Объ этомъ явленіи М. Круазе общаетъ со временемъ прочитатъ лекцію.

— Кое-что о лондонскихъ театрахъ.—Изобиліе появляющихся драматическихъ произведеній замѣчается и за границей. Это явленіе бросается въ глаза и на литературномъ рынкѣ Лондона, о чемъ В. П. Друри, близко стоящій къ театральному дѣлу, какъ писатель и режиссеръ, помѣстилъ въ «Pall Mall» статью. Появленіе новыхъ талантовъ среди драматурговъ невольно заставляетъ его вспомнить слова Шекспира, что «весь міръ сцена и всѣ мужчины и женщины—актеры». Эти слова вызываютъ съ его стороны замѣчаніе, что если бы Шекспиръ написалъ эти слова теперь, то навѣрно бы прибавилъ: «и девяносто изъ сто драматическіе писатели». Наши ближайшіе, наши враги, сосѣди, поварь на кухнѣ въ сотрудничествѣ съ судомойкой, полицейскій на почномъ дозорѣ, министръ въ парламентѣ—всѣ они, сами того не подозрѣвая, предаются писательской забавѣ. Если бы это было не такъ, то какъ можно объяснить страшный наплывъ драматическихъ произведеній, ежегодно появляющихся на литературномъ рынкѣ.

Пораздумавъ о суммѣ потраченной энергии, душно примѣненномъ напряженіи, горечи, разочарованіи, останавливаешься, пораженный, предъ тѣмъ, что такъ много потрачено и такъ мало сдѣлано, потому что, по словамъ Друри, изъ двухъ тысячъ пьесъ, ежегодно появляющихся въ одномъ только Лондонѣ, успѣхомъ увѣнчиваются только десять. Друри приходится не только писать, но и пересчитывать чужія произведенія. «Судьба предопредѣлила мнѣ зарабатывать свой хлѣбъ не только писательствомъ,—говоритъ онъ:—но и чтеніемъ пьесъ, и могу прибавить въ скобкахъ, что этотъ трудъ профессиональной діагностики вознаграждается скандально недостаточно».

Такимъ образомъ, чрезъ его руки проходятъ драматическія произведенія, и потому онъ является компетентнымъ судьей. За послѣдніе годы чрезъ его руки прошла цѣлая масса пьесъ, написанныхъ прозой и бѣлыми стихами, ученическихъ и литературныхъ, и немногія изъ нихъ обладали литературными достоинствами. Большинство этихъ произведеній обнаружило незнакомство авторовъ съ первоначальными правилами англійской грамматики. Одинъ изъ вѣстныхъ англійскій режиссеръ сказалъ ему однажды, что въ годъ онъ прочитывалъ среднимъ числомъ по одной пьесѣ въ день, т. е. триста шестьдесятъ пять пьесъ въ годъ. Другіе режиссеры прочитываютъ, быть можетъ, еще большее количество. Во избѣжаніе преувеличенія онъ беретъ среднее число триста. Увеличивъ это число на двѣнадцать,—приблизительно количество главныхъ театральныхъ режиссеровъ въ западной части Лондона въ Уэстэндѣ,—получится три тысячи шестьсотъ пьесъ. Сдѣлавъ расчетъ, онъ беретъ точную цифру двѣ тысячи пьесъ, изъ которыхъ только десять болѣе или менѣе заслуживаютъ успѣха.

Но почему появляется столько недоброкачественныхъ пьесъ? Друри объясняетъ это явленіе тѣмъ, что изъ ста авторовъ девяносто не имѣютъ понятія о необходимой экипировкѣ пьесы для постановки ея на сценѣ. «Какъ часто слышишь

¹⁾ The making of a stage play By Major. W. P. Drury Pall-Mall. December. 1912.

замѣчанія, — говоритъ онъ: — «Я создалъ бы блестящую пьесу съ помощью моего собственнаго опыта, если бы у меня было время». Въ прежнія времена, навѣрно, этого было достаточно для постановки пьесы на сценѣ, теперь же для этого требуется знаніе.

Друри излагаетъ шагъ за шагомъ всю исторію пьесы со дня ея зарожденія въ мозгу автора до окончательнаго ея возмужанія, когда она появляется на сценѣ.

Прежде всего всякій писатель задаетъ себѣ простые вопросы: «Гдѣ добыть идею для такого-то и такого романа?» «Что вы думаете о завязкѣ такой-то и такой пьесы?» Иногда ходъ разсказа или пьесы можетъ быть начертанъ легко, безъ затрудненій, достаточно для выясненія эпизода или причины. Но вообще говоря ходъ работы настолько послѣдователенъ и настолько сложенъ, что происхожденіе произведенія скрывается во мракѣ времени, ибо требуется все обдумать. Какъ изумились бы любители романовъ или театралы, когда они узнали бы, насколько микроскопично сѣмя, которое впоследствии производитъ развлеченіе на нѣсколько часовъ, и что источникомъ для писателя служить новая статейка въ газетѣ, схваченный на улицѣ разговоръ и т. д. И такой небольшой источникъ даетъ матеріалъ для цѣлой драмы. Занесенное пошlostью жизни, это сѣмя стремится проникнуть внутрь клѣточки мозга, и тотчасъ же начинается подсознательная работа.

Быть можетъ, въ это время авторъ былъ углубленъ въ какую-нибудь другую работу и только много времени спустя могъ вернуться къ новой мысли. Несмотря на это, часъ за часомъ, день за днемъ, какъ въ сновидѣніи, опредѣлялась эта мысль до тѣхъ поръ, пока не овладѣвала вполне его мозгомъ.

Теперь для автора начинается время волненій и мученій. Наступилъ моментъ, когда прежнюю работу можно отложить на будущее время и серьезно взяться за обработку новой мысли.

«Немногія изъ насъ, къ несчастью, въ состояніи работать ради «искусства для искусства», — говоритъ Друри, и первыя соображенія, которыя естественно возникаютъ въ нашъ алчный до наживы вѣкъ, корыстная цѣль — деньги. Если только это не бесполезныя плевелы, то изъ этой мысли можетъ выйти очень полезное растеніе. Если, съ другой стороны, по испытаніи эта идея окажется способной расшириться до размѣровъ хорошей пьесы, въ такомъ случаѣ, чѣмъ скорѣе сдѣлаешь первую попытку, тѣмъ лучше.

Эта попытка заключается въ опредѣленіи формы, какъ выразить идею. Другими словами, достаточно ли матеріала для пьесы въ трехъ или четырехъ дѣйствіяхъ, или придется ограничиться одноактной пьесой «для поднятія занавѣса», или эскизомъ для halls. Тотъ же самый законъ управляетъ одинаково обстоятельствами короткаго разсказа и повѣсти. Если идея пьесы заключается въ себѣ несложный эпизодъ, то можетъ быть примѣнена короткая форма сочиненія. Если же въ ней окажется длинная серія событій, то настоящая форма будетъ какъ для романа или, смотря по обстоятельствамъ, какъ для «полной пьесы».

Друри не касается одноактныхъ пьесъ, потому что недавно вышедшій законъ дозволяетъ ставить одноактныя пьесы въ кафе-концертахъ, открывъ обширный рынокъ для сбыта этой особой формы драмы. Поэтому онъ переходитъ къ

тѣмъ авторамъ, которые натолкнулись на идею, внушившую имъ драму въ четырехъ дѣйствіяхъ, и принятое имъ рѣшеніе указываетъ на настоящую точку отправленія его сочиненія. Онъ начинается съ сценарія?

Сценарій, какъ извѣстно, техническое выраженіе постановки или плана пьесы въ повѣствовательной формѣ. Сценарій обнимаетъ описаніе сценъ, характеровъ и указываетъ на ходъ cadaго дѣйствія.

Черезъ нѣсколько недѣль хлопоты по постановкѣ пьесы или сценарія окончены. Что же касается чисто механической задачи сочиненія, то происходитъ одинаковая сцена, что у живописцевъ при исполненіи большой картины: набрасываются углемъ положенія и пропорціи фигуръ и пейзажей. Но теперь наступаетъ моментъ, когда современному драматургу предстоитъ стать лицомъ къ лицу съ главными затрудненіями. Они слѣдующія: въ отдаленныя времена королевы Елизаветы и странствующихъ актеровъ Шекспиръ единственный напалъ на благодарную мысль возвысить трагедію, комедію, а также историческую драму до размѣровъ благороднаго искусства. Онъ первый измѣнилъ устарѣлый способъ появляться актерамъ предъ зрителями въ самой несоответствующей обстановкѣ и хотя въ богатыхъ костюмахъ, но не имѣвшихъ отношенія къ роли. Такимъ образомъ, Шекспиръ первый сталъ согласовать роль актеровъ съ костюмомъ, обстановкой и декорацией. Современные драматурги не такъ счастливы на подобныя идеи. «Правда,—говоритъ Друри:—что такихъ актеровъ, какъ въ шекспировское время, теперь тысячи. Но въ настоящее время вся забота направлена на то, какъ бы лучше режиссеръ исполнилъ свою задачу, и для этой цѣли въ Лондонѣ существуетъ около дюжины актеровъ-режиссеровъ, контролирующихъ судьбу главныхъ лондонскихъ театровъ».

Обыкновенно актеръ наиболѣе собирающій лавровъ—тотъ, который умѣетъ настолько проникнуться ролью, исполняемой въ данный моментъ, что совершенно умаляетъ свою собственную личность. «По-моему,—говоритъ Друри:—«характерный актеръ», какъ ихъ называютъ, дѣйствительно профессиональный артистъ. Отъ него требуется, чтобы никогда, ни на одинъ моментъ не появлялось сомнѣніе въ подлинности личности, которую онъ представляетъ, играетъ ли онъ короля, или носильщика. Играя короля, онъ не можетъ явиться въ костюмъ носильщика, съ его ухватками, какъ въ роли носильщика ему нельзя появиться въ мантии короля и съ королевскими жестами. Это отразилось бы на оцѣнкѣ произведенія несчастнаго драматурга.

Но вмѣсто того, чтобы дать естественный ходъ идеѣ Шекспира, главной работой является выборъ изъ числа двѣнадцати актера-режиссера и согласованіе роли съ идеей портного, ради приготовленнаго для нея платья.

Если костюмеръ не удовлетворенъ цвѣтомъ или покроемъ одного платья, то онъ ничего не подѣлаетъ со всѣмъ остальнымъ гардеробомъ. И это совершенно естественно,—говоритъ Друри:—онъ, конечно, знаетъ, что рискуетъ вызвать неудовольствіе зрителей, заплатившихъ деньги, чтобы видѣть тотъ эффектъ, которымъ свелъ съ ума ихъ кумиръ».

Но портнымъ не ограничиваются заботы автора: еще надо, чтобы главная роль понравилась первому актеру-режиссеру, которому подчинена пьеса. Впрочемъ, Друри прибавляетъ, что какъ бы то ни было, по все-таки удача

пьесы зависят от ее доброкачественности. Не все режиссеры в то же время и актеры, хотя совершенно естественно, что режиссеры-актеры лучше способны судить о результате пьесы. Но такие подрежиссеры, как их называют, обыкновенно бывают перелетными птицами, перепархивающими из одного арендованного театра в другой. У них нет финансового синдиката, при котором театр обыкновенно становится учреждением актеров-режиссеров. На это требуются большие средства.

Касаясь того, что не всегда бывает полное удовлетворение при дебюте, Друри говорит, что успех всецело зависит от двух лиц—драматурга и режиссера, которые не сразу соглашаются между собою и автору приходится не один раз переписывать сценарий. Этот процесс может повторяться много времени, в течение многих недель, пока автор и режиссер будут совершенно удовлетворены, и с этим моментом для автора приходит первый луч солнца. Согласно обычаю, подписывается контракт в «Somerset House», и автор получает в задаток от пяти до нескольких тысяч фунтов, согласно назначенной автором суммы за пьесу. Контрактом устанавливается размер авторских пошлин и определяется расписание каждого представления. Здесь же выясняются права на представление в Соединенном королевстве, в Америке и на континенте в music hall, кинематографах и любительских спектаклях. При успехе лондонских представлений со всех этих источников получаются деньги.

Часто к Друри обращаются с вопросом, сколько надо времени, чтобы написать пьесу. «Если бы я измерял период по большинству прочитанных мною пьес, то определял бы его неделями. Свою пьесу «The Flag Lieutenant» он написал в восемнадцать месяцев».

Не касаясь сюжета пьесы, Друри рассматривает три самые опасные камни преткновения для драматургов-любителей: построение пьесы, описание отличительных черт характера и разговоры. Из этой, по его выражению, тройки затруднейшее самое трудное первое, т. е. построение пьесы. Это главная забота драматурга. Эта задача преследует его везде и за бдою, и во время сна, являясь кошмаром, тенью слѣдует всюду за ним и даже триумф успеха не вполне разбивает ее. Из десяти случаев неудач девять—неправильное построение пьесы, —и это скала, о которую пьесы разбиваются. «Изумительно остроумные диалоги», говорят одни эксперты в первую ночь представления. «Как превосходно очерчен характер!» кричат другие. «Да,—соглашаются третьи:—но пьеса с погрѣшностями». «Секрет правильного драматического построения,—говорит Друри,—дарь боговъ, а увы! мы знаем, что кого любить боги, тот умирает молодым».

Как выучить этому искусству? Есть одна-две известные истины, которые, быть может, прекратят эти оплошности. Действие каждого последовательного акта должно идти быстро, неумолимо до драматического конца или «заваньса». Каждый «заваньс» должен оставлять зрителей в состоянии усиливающегося любопытства и напряжения, как будто сейчас должно что-нибудь приключиться особенное. Никогда не должно ни на один момент допускать, чтобы интерес ослабевал. Финальный заваньс должен быть силь-

ный и основательный, однако довольно странно, но въ четырехактныхъ пьесахъ третій актъ имѣеть наибольшее значеніе.

Много странностей въ драматическомъ построеніи и прежде всего Друри считаетъ сюжетъ. На сценѣ законъ, который управляетъ литературнымъ построениемъ, неспроверженъ. Всякій писатель съ фантазійей знаетъ его обычаи до послѣдней страницы, до послѣдней строчки, если возможно до его исторіи. Драматургъ, который соблюдалъ эти правила, не совершилъ промаха въ своей жизни. Подобно своему брату романисту онъ, дѣйствительно, знаетъ секретъ построения и хорошій секретъ.

Вторая западня для любителя-драматурга—характеризація. Большинство изъ нихъ воображаетъ, что надо выдумывать названія, и т. д. Характеръ пьесы долженъ быть живой: мужчины и женщины представлены настолько живыми, что будто перенесены въ описаніи автора прямо на самую сцену. Если при чтеніи пьесы не достигается того впечатлѣнія, что знаешь характеры съ конца до перваго акта, если она не интересна или не возбуждаетъ любопытства узнать, что случится въ послѣдующихъ актахъ, то такая пьеса никогда не захватитъ зрителя, если даже гениальный актеръ сумѣлъ бы оживить сцену маріонетокъ. Развѣ только авторъ сумѣлъ вдохнуть божественную искру въ созданія своего мозга.

Характеры не придумываются. Ихъ терпѣливо и постоянно изучаютъ на настоящихъ мужчинахъ и женщинахъ изъ окружающей среды. Нѣтъ надобности въ портретахъ. Но характеръ долженъ передавать замѣчательныя личныя черты, особенности рѣчи, жестовъ, манеръ, которыя отличаютъ одно лицо отъ другого. Разъ эти отличительныя черты завладѣли имъ, характеръ можетъ составить тему всей пьесы. Всякій романистъ и драматургъ, который серьезно относится къ своему ремеслу, постоянно наблюдаетъ за характеристиками, фигурами, порядкомъ, жестами, манерами и рѣчью всѣхъ лицъ, съ которыми они приходятъ въ соприкосновеніе. Это дѣлается ихъ второй натурой. Долгая практика развиваетъ у нихъ замѣчательную способность къ моментальной фотографіи, и они незаметно, украдкой начерчиваютъ фотографію для будущаго примѣненія, когда собесѣдникъ думаетъ, что они заинтересованы разговоромъ съ нимъ.

Третья западня для драматурга—фразы. Искусство сценической литературы—особое искусство, —говоритъ Друри,—которое пріобрѣтается долгой практикой и близкимъ знакомствомъ съ специальными условіями театра. Для діалоговъ, составляющихъ цѣлую пьесу, драматурги пользуются средою, въ которой протекаетъ исторія. Многие люди, пытающіеся писать пьесы, говоритъ Друри, воображаютъ, что ихъ діалоги очень литературны. Это большое заблужденіе. Многие страницы діалоговъ, которые приходилось прочитывать Друри, превосходны были для романовъ. Разговоръ же на сценѣ предъ рамной—долженъ быть не литературнымъ, а разговорнымъ. Наиболѣе разговорный діалогъ, перенесенный изъ романа устами актеровъ на сцену, никогда на опытѣ вполне не примѣнимъ. Это потому, что сценическій разговоръ можетъ быть и очень разговорнымъ, можетъ быть шероховатымъ, остроумнымъ, эпиграмматическимъ и можетъ имѣть разныя другія желательныя качества, и однако въ придачу онъ долженъ еще заклю-

чать въ себѣ нѣкоторую тонкую приправу, которая совершенно неопрѣдѣлима. Научить секрету этой приправы невозможно.

Эта приправа—необходима въ особой искусственной атмосферѣ театра и при условіяхъ, къ какиxъ онъ находится; все касающееся сцены должно быть преувеличено сравнительно со своимъ естественнымъ видомъ, какъ перспектива сцены, напримѣръ, освѣщеніе, цвѣта, даже звуки. Тотъ же самый законъ примѣняется и къ актерамъ. Ихъ жесты должны быть шире и гораздо выразительнѣе, чѣмъ въ обычной обстановкѣ, и если актеры и актрисы покажутся при яркомъ освѣщеніи рампы въ своемъ естественномъ видѣ, то они будутъ похожи на привидѣнія. «Слѣдовательно, у насъ такой парадоксъ,—говоритъ Друри:—требовать, чтобы естественное тѣло подкрашенное могло казаться естественнымъ, когда его разсматриваютъ зрители, оно должно быть искусственно исправлено штрихами; лицо должно быть загримировано съ помощью краски». И цѣлый томъ можетъ быть написанъ о трудности искусства гримировки.

— Какъ продали Аляску американцамъ.—Ни въ наше время, ни въ исторіи нельзя найти государства, которое образовалось бы такимъ оригинальнымъ способомъ, какъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Три четверти ихъ территоріи были ими скуплены у сосѣдей. Въ 1803 году за пятнадцать милліоновъ долларовъ была куплена у французовъ Луизиана; черезъ пять лѣтъ за пять милліоновъ удалось приобрести у Испаніи Флориду, въ 1845 году у Мексики былъ купленъ Техасъ, въ 1848 г. отъ той же Мексики была присоединена Калифорнія. Въ 1867 году Штаты добрались и до русскихъ владѣній на американскомъ континентѣ и купили Аляску со всеми принадлежавшими къ ней островами. Исторія русскаго владѣнія Аляской и послѣдовавшая въ 1867 году ея продажа подробно разсказана въ нью-йоркскомъ журналѣ «The Century Magazine» ¹⁾.

Сто двадцать шесть лѣтъ владѣла Россія обширной территоріей въ Америкѣ. Ей принадлежала не только самая Аляска, но и довольно длинная береговая полоса къ югу отъ нея, усѣянная, наподобіе финляндскихъ шхеръ, множествомъ мелкихъ острововъ. На одномъ изъ этихъ острововъ, Ситкѣ, находился административный центръ края. Здѣсь жилъ главный начальникъ Аляски и квартировали защищавшія территорію русскія войска.

Аляска была присоединена къ Россіи отважными русскими звѣроловами и промышленниками, съ незапамятныхъ временъ проникавшими, въ погонѣ за пушнымъ звѣремъ, изъ Сибири на американскій материкъ. Строя тамъ сначала временныя факторіи, походные склады, эти промышленники съ теченіемъ времени становились осѣдлымъ населеніемъ Аляски, смѣшивались съ туземцами и дали весьма любопытную расу, происшедшую отъ смѣшенія русскихъ сибиряковъ съ сѣверо-американскими индійскими женщинами. Заброшенные такъ далеко отъ своего отечества, не имѣя надъ собой никакого начальства, эти смѣлые, энергичные люди иной разъ чувствовали себя здѣсь настоящими царьками, надолго оставлявшими по себѣ память въ округѣ. Одинъ изъ такихъ владѣтелей, нѣкто Александръ Барановъ, особенно много сдѣлалъ

¹⁾ Февраль 1913 г.

для укрѣпленія своего престижа среди мѣстнаго населенія. Явившись сюда въ 1790 году, онъ выбралъ своей резиденціей островъ Ситку и построилъ здѣсь большой, доселѣ существующій, домъ или замокъ, какъ его величаютъ американцы. Барановъ правилъ Аляскою до 1818 года и былъ у себя такимъ же самодержцемъ, какимъ былъ и государь императоръ въ Россіи.

Послѣ севастопольской кампаніи наши отношенія съ Англійей крайне обострились, и явилось опасеніе, что англичане могутъ захватить наши почти беззащитныя владѣнія въ Аляскѣ. Американцы не преминули, конечно, воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ и первые завели рѣчь о продажѣ имъ нашей американской территоріи.

— Россія такъ далеко отъ этихъ мѣстъ. Мы къ нимъ ближе и лучше могли бы воспользоваться ими,—говорилъ въ 1859 году сенаторъ Гвинъ нашему представителю въ Вашингтонѣ барону Штекелю.—Штаты могли бы предложить Россіи за Аляску пять милліоновъ долларовъ.

Баронъ довелъ объ этомъ разговорѣ до свѣдѣнія тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова, который велѣлъ отвѣтить президенту Буканану, что пять милліоновъ—сумма слишкомъ небольшая, и было бы справедливѣе дать за Аляску вдвое.

Предложеніе о приобрѣтеніи Аляски встрѣтило было крупныя возраженія въ Вашингтонѣ среди членовъ конгресса, но тогдашнему американскому министру внутреннихъ дѣлъ Сьюарду, страстно преслѣдовавшему мысль о закругленіи владѣній Штатовъ, удалось преодолѣть оппозицію. Онъ предложилъ за Аляску семь милліоновъ долларовъ и двѣсти тысячъ долларовъ на вознагражденіе разныхъ частныхъ лицъ, которыя должны были понести неизбѣжныя потери при продажѣ территоріи. Баронъ Штекель призналъ это предложеніе приемлемымъ, но долженъ былъ ожидать разрѣшенія на продажу императора Александра II.

17-го марта 1867 года Сьюардъ поздно вечеромъ сидѣлъ въ кругу своей семьи и игралъ въ вистъ, какъ вдругъ ему докладываютъ, что прибылъ баронъ Штекель.

— Я по телеграфу получилъ извѣщеніе, что государь императоръ согласенъ на ваше предложеніе,—произнесъ, входя, баронъ Штекель.—Завтра, если позволите, я приѣду къ вамъ въ министерство, и мы заключимъ договоръ.

— Зачѣмъ откладывать до завтра?—отвѣчалъ Сьюардъ.—Не лучше ли сдѣлать это сегодня.

— Но министерство теперь закрыто, чиновники разошлись...

— Это ничего не значитъ. Если вы приѣдете въ департаментъ часовъ въ двѣнадцать, то я буду васъ тамъ ждать.

Черезъ два часа министерство блистало огнями. Въ немъ шла спѣшная работа. 18-го марта договоръ былъ уже переписанъ набѣло и скрѣпленъ подписями.

Россія ушла изъ Америки.

Вотъ какъ описываетъ американскій журналъ церемоніаль передачи Аляски, происходившей въ главномъ селеніи на островѣ Ситкѣ.

18-го октября 1867 года вокругъ Ситки расположилось нѣсколько воен-

ныхъ американскихъ и русскихъ судовъ, командированныхъ на этотъ случай. Весь берегъ былъ унизанъ челноками индѣйцевъ, молча ожидавшихъ, что будетъ. Около «замка Баранова» собрались русскіе и американскіе офицеры и по ротѣ солдатъ съ каждой стороны. Тутъ же находился и послѣдній русскій губернаторъ Аляски, князь Макутовъ. Съ полчаса прошло въ предварительныхъ переговорахъ съ обѣихъ сторонъ. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь плескомъ волнъ да военной командой.

Въ назначенное время командиръ русской эскадры Пещуровъ, обратившись къ представителю Штатовъ, генералу Руссо, произнесъ:

— По повелѣнію его величества императора всероссійскаго передаю вамъ, уполномоченнымъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, всю территорію, которою владѣеть его величество на американскомъ материкѣ и на прилегающихъ островахъ, въ собственность Штатовъ, согласно заключенному между двумя державами договору.

Раздалась команда, и русскій флагъ сталъ спускаться съ вершины большого шеста, стоявшаго передъ «замкомъ». Флагъ на половинѣ застрялъ. Одинъ изъ русскихъ матросовъ полѣзъ за нимъ и сорвалъ его, но не удержалъ въ рукахъ: флагъ понесло вѣтромъ, и онъ упалъ на штыки солдатъ, отдававшихъ ему честь. Этотъ инцидентъ произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе, а съ княгиней Макутовой сдѣлался обморокъ. Флагъ какъ будто не хотѣлъ уходить, и это предзнаменованіе потомъ оправдалось блестяще. Американцы купили Аляску за пятнадцать милліоновъ рублей, но, по подсчету журнала, выручили со времени ея покупки съ этой территоріи не болѣе, не менѣе, какъ въ пятьдесятъ разъ больше.

— Вилла Полины Бонапартъ ¹⁾— Одно за другимъ ликвидируются въ разныхъ уголкахъ Европы бывшія владѣнія Наполеона и его семьи. Исчезаютъ и мѣняются свой видъ дворцы, замки, виллы, съ которыми такъ тѣсно иной разъ связана исторія бурной наполеоновской эпохи. Не такъ еще давно распроданы были съ аукціоннаго торга владѣнія Наполеона на островѣ Эльбѣ, когда-то скупленные нашимъ соотечественникомъ Демидовымъ, княземъ Санъ-Донато, бережно хранившимъ въ замкѣ обстановку и вещи сосланнаго на Эльбу императора. Теперь та же судьба постигла виллу его сестры Полины Бонапартъ въ Римѣ. Ее спасло отъ распродажи по частямъ вмѣшательство германскаго посла при Ватиканѣ, который и приобрѣлъ эту виллу для своей резиденціи.

Объ этой знаменитой виллѣ, составлявшей при Полинѣ Бонапартъ блестящій центръ римскаго общества, мы имѣемъ слѣдующія историческія свѣдѣнія, такъ живо переносящія читателя въ разныя эпохи итальянской исторіи.

На мѣстѣ теперешней резиденціи германскаго посольства при римскомъ папѣ въ срединѣ XVI вѣка флорентинцемъ Чиччіапорчи былъ построенъ небольшой загородный домъ, рядомъ съ знаменитымъ сооруженіемъ Микель-Анджело Porta Nomentana. Въ этотъ небольшой домикъ его хозяинъ, которому принадлежала пышная Villa dei Bianchi, любилъ удаляться, чтобы здѣсь на

¹⁾ «Der Tag», 21 янв. 1913 г.

досугъ и въ одиночествѣ отдохнуть нѣсколько дней отъ пышной и чересчуръ шумной городской жизни эпохи Возрожденія. Здѣсь онъ чувствовалъ себя на настоящей почвѣ древняго Рима: когда строили виллу, подъ нею оказались остатки преторіанскихъ казармъ императорской эпохи.

Въ 1750 году виллу Винья—такъ назывался тогда загородный домъ,—пріобрѣлъ кардиналъ Сильвіо Валенти, статсъ-секретарь папы Бенедикта XIV. Новый владѣлецъ прежде всего создалъ здѣсь дивный паркъ, разбитый по планамъ и рисункамъ великаго мастера этого дѣла, французскаго садовника Марешалля. Въ этомъ паркѣ былъ воздвигнутъ великолѣпный дворецъ въ стилѣ барокко. Даже на избалованныхъ въ архитектурномъ отношеніи современниковъ новая постройка произвела сильное впечатлѣніе, нашедшее себѣ выраженіе въ тогдашней литературѣ. Въ огромныхъ теплицахъ выгонялись разныя экзотическія растенія, великолѣпный салонъ былъ переполненъ всякими произведеніями искусства, собранными хозяиномъ со всѣхъ частей свѣта. Стѣны виллы были расписаны лучшими итальянскими художниками. Для научныхъ занятій имѣлся особый физическій кабинетъ. Огромная библіотека служила для удовлетворенія запросовъ прекрасно образованнаго кардинала.

Папскій статсъ-секретарь искалъ на своей виллѣ отдохновенія отъ утомительныхъ трудовъ, связанныхъ съ его должностью. Онъ старался собирать сюда всѣхъ выдающихся высокообразованныхъ дамъ и кавалеровъ и въ этомъ избранномъ кружкѣ проводилъ свой досугъ, вспоминая древняго Горація и подражая новому Воккаччіо. На главномъ порталѣ виллы были высѣчены слѣдующія слова, взятая изъ одной сатиры добродушнаго римскаго сатирика: «Пусть не переступаетъ этого порога тотъ, кто дурно говоритъ объ отсутствующемъ другѣ и не защищаетъ его, когда кто-нибудь нападаетъ на него, тотъ, кто ищетъ злословія, или выдумываетъ то, чего онъ не видалъ, тотъ, кто не умѣетъ хранить тайнъ, которыя ему довѣрены».

Послѣ смерти кардинала Валенти вилла перешла въ руки кардинала Проспера ди-Шарри, который поселился въ ней самъ и съ большой любовью и вкусомъ продолжалъ украшать этотъ прелестный уголокъ. Новый владѣлецъ поддерживалъ большое знакомство, отличался также гостепріимствомъ, по въ обществѣ слылъ большимъ чудакомъ, про котораго ходило не мало анекдотовъ. «Прочь отъ меня, цензора съ кривыми носами», велѣлъ онъ написать на вновь отстроеномъ порталѣ. «Зову къ себѣ все, что увеселяетъ столъ: поэтовъ, пѣвцовъ и рассказчиковъ!» Какъ характерна эта надпись для Европы второй половины XVIII вѣка.

Послѣ смерти веселаго кардинала вилла была сдана внаймы нѣкому маркизу Заньони, умѣвшему жить еще болѣе весело и беззаботно, не особенно заботясь о нравственности. На виллѣ Шарри, сохранившей за собой имя бывшаго владѣльца, попрежнему продолжало собираться самое изысканное общество Вѣчнаго города. Сохранившійся отъ того времени памфлетъ «Галерея маркиза Заньони» очень ядовито изображаетъ гостей маркиза—кавалеровъ и дамъ не всегда безукоризненной репутаціи.

Послѣ маркиза Заньони знаменитая вилла нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки разнымъ владѣльцамъ, не долго оставаясь собственностью ка-

ждаго. У послѣдняго владѣльца, голландца Гендрика Хопъ, вилла была снята, а затѣмъ и куплена для резиденціи Полины Бонапартъ, незадолго до этого вышедшей замужъ за принца Камилла Боргезе.

При новой владѣлицѣ дворецъ подвергся коренной перестройкѣ. Отдѣланный въ модномъ тогда стилѣ Empire, онъ сталъ мѣстомъ такихъ празднествъ, что тогдашнія газеты полны всевозможныхъ разсказовъ о нихъ. Принцесса Полина пережила своего брата и скончалась въ 1825 году. Наслѣдство послѣ нея перешло къ Наполеону III и племянницѣ Шарлоттѣ. Послѣ нихъ историческій паркъ постигла грустная судьба: часть его была сведена для прокладки новой улицы, другая часть застроена доходными домами, а сама вилла продана злѣйшимъ врагамъ Наполеона—пруссакамъ.

— Изъ воспоминаній греческаго дипломата.—Штутгартскій журналъ «Deutsche Revue»¹⁾ закончилъ печатаніемъ воспоминанія одного изъ наиболѣе крупныхъ дипломатовъ и писателей Греціи—Рангависа. Записки эти до сихъ поръ оставались въ рукописи и лишь недавно были переведены на нѣмецкій языкъ его сыномъ Клеономъ. Переведены онъ, впрочемъ, не цѣликомъ, а въ извлеченіи, которое и появилось на страницахъ указаннаго выше журнала.

Воспитанникъ нашей Одессы, Рангависъ въ пятидесятихъ годахъ прошлаго вѣка былъ сначала профессоромъ археологіи въ Аѳинахъ, потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Греціи, затѣмъ греческимъ посланникомъ въ Америкѣ, Парижѣ, Константинополѣ и Берлинѣ. Его воспоминанія начинаются съ того момента, когда давнишняя и до сихъ поръ еще не конченная распря Греціи и Турціи изъ-за Крита приняла такую острую форму, что дипломатія большихъ державъ сочла себя вынужденной вмѣшаться въ балканскія дѣла. Тогдашній греческій премьеръ Булгарисъ съ цѣлью добиться этого вмѣшательства нарочно сталъ поддерживать не прекращавшееся броженіе на этомъ злосчастномъ островѣ. Это заставило Турцію жаловаться на него державамъ, и Наполеонъ III рѣшилъ созвать въ Парижѣ въ 1868 году конгрессъ. Греческому посланнику было заранѣе объявлено, что Греція будетъ допущена на конференцію лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса, да и то, когда спросятъ. Тщетно хлопоталъ Рангависъ, чтобы маленькую Грецію пустили на конгрессъ, какъ равноправнаго члена, тщетно король Георгъ собственноручно писалъ объ этомъ Наполеону, тщетно Рангависъ просилъ о томъ нашего посла графа Штакельберга. Графъ оказывалъ ему всякое содѣйствіе, предоставивъ даже ему возможность пользоваться телеграфомъ посольства, самъ не разъ сносился съ Петербургомъ, но въ концѣ концовъ объявилъ, что стоявшій въ главѣ конгресса министръ Наполеона маркизъ де-Лавалеттъ рѣшительно противъ предоставленія Греціи права рѣшающаго голоса. Тогда греческій дипломатъ пошелъ напроломъ и категорически отказался участвовать въ конгрессѣ. Картина переѣнилась, и уже Лавалеттъ пустился ухаживать за хитрымъ грекомъ, стараясь уговорить его выступить передъ конгрессомъ и изложить требованія и объясненія своего правительства... «Когда онъ понялъ, что меня нельзя уговорить,— заноситъ въ

¹⁾ D. R. за 1912 г.

свой дневник Рангависъ, описывая свое свиданіе съ Лавалеттомъ:—онъ въ раздраженіи сталъ шагать по кабинету и вышелъ, не простившись со мной. Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошелъ директоръ политическаго отдѣленія министерства Депре, который, какъ бы нечего не зная, сталъ спрашивать, отчего я не въ большомъ залѣ, гдѣ засѣдаетъ конгрессъ. Я изложилъ ему причины моего отказа и хотѣлъ удалиться, такъ какъ министр, очевидно, будетъ теперь задержанъ засѣданіемъ. Депре просилъ меня немного подождать, пошелъ доложить обо мнѣ Лавалетту и скоро вернулся обратно, прося меня «отъ имени министра пожаловать въ сосѣдній залъ».

Войдя въ этотъ сосѣдній залъ, Рангависъ былъ пораженъ неожиданностью. Въ глубинѣ его стоялъ круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Кругомъ на золоченыхъ креслахъ молча сидѣли представители европейскихъ державъ и назначенные при нихъ секретари.

Маркизь де-Лавалеттъ пригласилъ Рангависа сѣсть и обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ:

— Думаете ли вы, милостивые государи, что у насъ есть основанія измѣнить принятыя относительно Греціи рѣшенія?

Всѣ молчали.

— Итакъ, конференція остается при своемъ мнѣніи, что Греція долженъ быть предоставленъ совѣщательный голосъ.

Но и эта демонстрація не подѣйствовала на Рангависа: онъ поднялся съ мѣста и покинулъ конференцію.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы это упрямство, если бы на помощь Греціи не пришелъ нашъ посоль графъ Штакельбергъ. Онъ просилъ Рангависа набросать минимумъ тѣхъ требованій, которыми удовлетворилось бы его правительство. Эти требованія были записаны тутъ же въ посольствѣ Жомини, спеціально командированнымъ на конгрессъ изъ Петербурга, а затѣмъ были представлены на конференцію уже отъ имени Россіи.

19-го февраля 1869 г. конференція кончилась, и предложенія Россіи были приняты.

Эта значительная дипломатическая удача обезпечила дальнѣйшую карьеру Рангависа съ Парижѣ. Императоръ Наполеонъ относился къ нему милостиво, а у его родственниковъ онъ сталъ своимъ человѣкомъ. Особенно благоволилъ къ нему принцъ Жеромъ, носившій въ Парижѣ кличку Плонъ-Плонъ.

Принцъ Жеромъ не скрываетъ своего пренебрежительнаго отношенія къ церкви и къ духовенству. Однажды онъ обратился къ собравшимся у него гостямъ съ вопросомъ, можетъ ли кто-нибудь изъ нихъ по совѣсти утверждать, что есть священники дѣйствительно вѣрующіе и преданные своему дѣлу. Поставленные въ неловкое положеніе придворные или старались отмолчаться, или отдѣлывались шутками. Раздался только одинъ серьезный и протестующій голосъ, утверждавшій, что среди духовенства есть люди, заслуживающіе глубокаго уваженія. Голосъ этотъ принадлежалъ Ренану.

Греческое правительство пожаловало за какія-то заслуги орденъ сыну извѣстнаго во времена Второй имперіи писателя Arsene Houssaye. Орденъ пришлось передавать Рангавису, и это обстоятельство открыло ему двери салона

Houssaye старшаго. Салонъ этотъ принадлежалъ къ числу самыхъ модныхъ и богатыхъ въ Парижѣ. Его скорѣе можно было назвать музеемъ всякихъ рѣдкостей, чѣмъ жилымъ домомъ. Houssaye постоянно устраивалъ обѣды, на которые собирались тогдашніе корифеи литературы во главѣ съ ветераномъ Теофиломъ Готье. Готье былъ уже такъ старъ, что нерѣдко засыпалъ надъ своей тарелкой. Периодически оба Houssaye—отецъ и сынъ—задавали у себя грандіозныя маскарады, на которыхъ дамамъ не полагалось снимать масокъ. Говорили, что эта предосторожность была не лишней, такъ какъ старый жуиръ Houssaye—отецъ рядомъ съ дамами высшаго свѣта не брезговалъ привлекать въ свой салонъ и дамъ полусвѣта. На одномъ изъ такихъ баловъ хозяинъ салона обратилъ вниманіе Рангависа на статную даму въ маскѣ, съ великолѣпной бѣлой розой. То была императрица Евгенія.

Изъ Парижа Рангависъ, какъ ловкій дипломатъ, былъ переведенъ въ Константинополь, гдѣ ему пришлось пережить франко-прусскую войну. Французскій представитель въ Константинополь Бурре отнесся къ войнѣ крайне легкомысленно и даже освѣдомлялся у Рангависа, какъ лица, хорошо знавшаго Германію, какую область удобнѣе всего будетъ присоединить къ Франціи. Напрасно Рангависъ вспоминалъ ему басню о шкурѣ еще не убитаго медвѣдя: французы были увѣрены въ побѣдѣ.

Оба сына Рангависа, для полученія военнаго образованія зачисленные имъ на германскую военную службу, волей неволей должны были принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Семья Рангависа, оставшаяся въ Парижѣ, при приближеніи пруссаковъ бѣжала въ Оксфордъ. Когда Парижъ былъ взятъ, то по странному капризу судьбы первымъ вошелъ въ заброшенный родительскій домъ прусскій кадетъ Аристидъ Рангависъ.

Въ бытность въ Константинополь Рангавису пришлось удачно разрѣшить одинъ весьма щекотливый вопросъ. Греческое правительство обратилось къ Портѣ съ просьбой разрѣшить провезти изъ Одессы черезъ проливы останки константинопольскаго патріарха Григорія V, замученнаго турками во время греческихъ волненій въ 1821 г. Несмотря на предстательство тогдашняго русскаго посла въ Константинополь графа Игнатьева, великій визирь Али-паша наотрѣзъ отказалъ въ просьбѣ королю Георгу. Турки считали, что перевезеніе тѣла патріарха мимо Константинополя будетъ оскорбленіемъ султана. И лишь послѣ долгихъ переговоровъ и представленій великій визирь сдался, и пароходу разрѣшено было пройти Дарданеллы, но такъ, чтобы пароходъ не привлекалъ на себя вниманіе толпы.

Между тѣмъ слухи о готовящемся перевезеніи тѣла патріарха проникли уже въ народъ. Можно было опасаться волненій. Наканунѣ дня, когда пароходъ долженъ былъ войти въ Дарданеллы, Рангависъ умышленно пустилъ слухъ, что пароходъ уже прошелъ прошлою ночью, а самъ въ 3 часа утра на баркасѣ выѣхалъ въ Черное море—стеречь приближеніе парохода. Ждать пришлось долго. Напрасно гребцы изъ константинопольскихъ грековъ выходили изъ лодки и лазили на развалины древняго храма Зевса, служившаго впослѣдствіи укрѣпленіемъ Византіи. Съ вершины холма видно было лишь гладкое безбрежное Черное море. Наконецъ около 8 часовъ утра на горизонтѣ показалась чер-

ная точка: то былъ зафрахтованный греческимъ правительствомъ пароходъ «Византія». Рангавиесъ постигшиль ему навстрѣчу и съ ужасомъ замѣтилъ, что пароходъ идетъ съ опущенными въ знакъ траура реями и приспущеннымъ флагомъ. Взойдя на палубу, греческій посланикъ приказалъ поднять реи и флагъ, чтобъ не привлечь къ пароходу вниманіе. Но тутъ явилось новое опасеніе: на палубѣ была разбита большая зеленая палатка, украшенная золотымъ шитьемъ. Въ ней на катафалкѣ покоилось тѣло патріарха. Палатка была яркаго цвѣта. Ее легко можно было видѣть съ берега, и потому Рангавиесъ приказалъ капитану проходить мимо Константинополя на всѣхъ парахъ. Каковъ же былъ его ужасъ, когда вдругъ передъ самымъ Стамбуломъ отъ берега отдѣлилась лодка и быстро пошла наперерѣзъ курсу парохода. Въ лодкѣ сидѣлъ турокъ-дервишъ, судя по его зеленой чалмѣ. Приблизившись къ «Византіи», дервишъ снялъ съ себя чалму и вдругъ принялся истово креститься. То былъ отуречившійся грекъ, сохранившій, однако, вѣру отцовъ.

«Византія» благополучно прошла въ Эгейское море.

Изъ Константинополя Рангавиесъ былъ переведенъ опять въ Парижъ, но уже не императорскій, а республиканскій. Франція едва оправлялась отъ разгрома, даже правительственный механизмъ не былъ еще слаженъ. Чтобы узнать, когда можно будетъ представиться президенту республики, Рангавиесъ отправился въ Версаль. Тамъ онъ узналъ, что глава тогдашняго кабинета Жюль Фавръ подалъ въ отставку. Кто займетъ его мѣсто, кто его замѣщаетъ въ настоящую минуту, къ кому можно обратиться за указаніями о приѣмѣ—на эти вопросы никто въ общей неурядицѣ не могъ дать отвѣта.

Наконецъ Рангавиесу было дано знать, что президентъ Тьеръ приметъ его въ назначенный день.

«Нѣкоторое время я долженъ былъ ждать, — пишетъ онъ.—Но вотъ наконецъ появился и Тьеръ.

«— Извините, что я заставилъ васъ ждать. Но я долженъ былъ прервать засѣданіе совѣта министровъ.

«— Я очень сожалѣю, что оторвалъ васъ отъ спѣшнаго дѣла...

«— Теперь всякое дѣло спѣшное. Живемъ, какъ можемъ. О порядкѣ не можетъ быть и рѣчи. Дайте мнѣ вашу руку,—продолжалъ Тьеръ.—Я возьму васъ подъ руку, иначе вы не выберетесь изъ этого лабиринта. Я доведу васъ до сѣней, оттуда я отправлюсь въ національное собраніе, гдѣ я долженъ говорить.

«— Но, господинъ президентъ, я долженъ вручить вамъ свои вѣрительныя грамоты!

«— Вѣрительныя грамоты? Онѣ съ вами? Дайте ихъ мнѣ!

«И съ этими словами Тьеръ сунулъ вѣрительныя грамоты въ карманъ». Велика была разница съ тѣмъ, какъ принималъ когда-то посланника Наполеонъ.

Рядомъ съ Тьеромъ на первыхъ порахъ республики общее вниманіе привлекалъ къ себѣ его престарѣлый соперникъ по наукѣ и политикѣ Гизо. Послѣ паденія Людовика-Филиппа Гизо считалъ свою политическую карьеру законченной и держался вдали отъ всякихъ политическихъ группъ. Тьеръ и Гизо

встрѣчались въ обществѣ вполне дружелюбно, но въ душѣ, видимо, недолюбливали другъ друга. По крайней мѣрѣ Гизо, когда его спрашивали, какъ ему нравится исторія французской революціи Тьера, сухо отвѣчалъ, что онъ не любителъ читать романы.

Въ Парижѣ Рангависъ пробылъ недолго и отсюда долженъ былъ переселиться въ Берлинъ. Онъ, видимо, старался держаться возможно ближе къ Бисмарку и проникъ въ число тѣхъ немногихъ, которыхъ канцлеръ любилъ приглашать послѣ обѣда къ себѣ въ кабинетъ—выкурить трубку. Тутъ Бисмаркъ позволялъ себѣ говорить запросто, много рассказывалъ о своей молодости, комически жалуясь на императора, который запретилъ ему его любимое удовольствіе—танцы, находя, что это не приличествуетъ его высокому положенію.

Русско-турецкая война застала Рангависа въ Берлинѣ. Мечтая объ увеличеніи греческой территоріи, онъ настойчиво совѣтовалъ своему правительству примкнуть къ войнѣ и вторгнуться въ Турцію съ юга. Но въ Аѣнахъ его не слушали. Въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ его сынъ Клеонъ, бывший въ это время греческимъ консуломъ въ Бухарестѣ. Когда паденіе Плевны стало вопросомъ недалекаго будущаго, Клеонъ Рангависъ бросился изъ Бухареста подъ осажденный городъ. Съ трудомъ пробравшись черезъ опустошенную и обезлюдѣвшую Болгарію, Рангависъ-сынъ прибылъ подъ Плевну въ самый день ея взятія и въѣхалъ въ городъ въ свитѣ императора Александра Николаевича. Вскорѣ послѣ взятія Плевны былъ созданъ военный совѣтъ, рѣшившій немедленно итти на Адрианополь. Хотя объ этомъ рѣшеніи и не распространялись, но греческій консулъ узналъ о немъ однимъ изъ первыхъ и также телеграфировалъ въ Аѣны, совѣтуя грекамъ не терять времени. На этотъ разъ совѣтъ былъ принятъ, и греческій отрядъ въ 12 тысячъ человекъ вторгся въ предѣлы Турціи. Это вторженіе доставило Греціи часть Фессаліи и Эпира.

Наступила эпоха пресловутаго Берлинскаго конгресса. Сначала началась серія дипломатическихъ обѣдовъ. Однажды русскій посолъ въ Берлинѣ Убри давалъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовалъ весь дипломатическій корпусъ. Когда Убри спросилъ представителя Греціи, не желаетъ ли онъ чего-нибудь, тотъ, играя словами, попросилъ для себя немного *Macedoine* (т. е. маседуана, или Македоніи). Въ другой разъ за обѣдомъ у того же Убри Рангависъ попросилъ для себя по англійски «*a large piece of Turkey*», т. е. большой кусокъ Турціи, или индюшки.

Хотя эти остроты и сдѣлали автора ихъ героемъ дня, однако участіе его въ Берлинскомъ конгрессѣ было самое скромное. 29-го іюля его пригласили вмѣстѣ съ тогдашнимъ греческимъ премьеромъ Деліанисомъ во дворецъ канцлера, гдѣ засѣдалъ конгрессъ. «Мы очутились въ большомъ залѣ, гдѣ сидѣли уполномоченные за большимъ столомъ, поставленнымъ вдоль трехъ стѣнъ,—пишетъ авторъ воспоминаній.—Мы сѣли въ самомъ концѣ. Сосѣдомъ моимъ былъ Убри. Слѣва отъ Деліаниса никого не было. Князь Бисмаркъ представилъ намъ собранію и спросилъ, не имѣемъ ли мы сдѣлать какого-либо сообщенія конгрессу. Тогда поднялся Деліанисъ и прочелъ по-французски заявленіе

отъ имени Греціи. Читаль онъ такъ, что потомъ газеты увѣряли, будто всѣ члены конгресса задремали. Затѣмъ пришла очередь говорить и Рангавису, послѣ чего ихъ обоихъ отпустили съ миромъ. И этимъ роль греческихъ дипломатовъ окончилась.

Берлинскій конгрессъ—послѣднее крупное воспоминаніе въ запискахъ Рангависа. Онъ скоро былъ отставленъ отъ службы и вернулся къ частной жизни.

— Отъ всюду.—«Арена» въ статьѣ А. Д. Копке беретъясъ выяснитъ психологическую причину поцѣлуя. Всѣмъ ясно одно, что поцѣлуй служитъ доказательствомъ любви и сопровождаетъ человѣка отъ колыбели до могилы.

Во всѣ времена поцѣлуй былъ излюбленной темой художниковъ, поэтовъ. Но артисты, замѣчательнѣе Копке, были осмотрительнѣе и расчетливѣе поэтовъ въ своихъ изображеніяхъ. Шиллеръ говорилъ: «что позволено поэту, то не всегда позволено живописцу, потому что первый дѣйствуетъ на воображеніе, а второй на чувственность». А. Копке перечисляетъ картины, въ которыхъ изображенъ поцѣлуй. Первое мѣсто занимаетъ «Мадонна» Рафаэля, находящаяся въ Монако: она цѣлуетъ ребенка. Многіе живописцы—Людвигъ Рихтеръ, Гансъ, Тома, Карьеръ—изобразили дѣтей, которыя цѣлуются между собой и всѣ различнымъ образомъ и оригинальнымъ образомъ. Въ парижской коллекціи Моро находится картина, названная «Intimité», на которой изображена мать съ ребенкомъ на рукахъ, и предъ нею, преклонивъ колѣно, стоитъ дѣвочка, которой она протягиваетъ ребенка для поцѣлуя. Во многихъ картинахъ изъ Священнаго Писанія находится поцѣлуй. На картинѣ Мурильо въ Берлинѣ представленъ святой Антоній, цѣлующій ребенка. У Боттичелли во Флоренціи Мадонна даетъ цѣловать младенца волхву. На картинѣ того же художника, находящейся въ Монако, Марія безотчетно бросается въ объятія святого Іоанна, между тѣмъ Марія Магдалина держитъ голову Спасителя и цѣлуетъ его въ лобъ. На картинѣ Бартоломео во дворцѣ Питти Марія поддерживаетъ голову Спасителя, а Марія Магдалина, обхвативъ рукою ноги, цѣлуетъ его.

Любовные поцѣлуи между мужчинами и женщинами изображены знаменитыми художниками и скульпторами. А. Копке упоминаетъ о двухъ знаменитыхъ примѣрахъ: «О встрѣчѣ Іакова и Рахили» Пальма Веккіо въ Дрезденѣ и о чудесномъ произведеніи французскаго скульптора Родэна, которое онъ назвалъ «Поцѣлуй», находящемся въ Люксембургскомъ музеѣ, и «Амуръ и Психея» въ музеѣ Капитолія. Что же касается современнаго искусства, то поцѣлуй изображенъ живописцами и скульпторами въ безконечно разнообразныхъ видахъ.

«Revue des études napoléoniennes» на основаніи новыхъ документовъ передаетъ подробности пребыванія Наполеона I въ Нантъ. Нантскій портъ сильно страдалъ отъ континентальной блокады, а Наполеонъ потребовалъ отъ него еще громаднаго усилія закрыть Нижнюю Луару и оберегать прибрежныхъ бретонцевъ и вандейцевъ. Фушэ поручилъ духовенству «подготовитъ умы» и слѣдить за непокорными и иностранными агентами. Изъ жителей Нанта образовалась почетная стража изъ 263 человѣкъ, и прежніе роялисты находились

въ рядахъ съ прежними республиканцами. На его знамени подъ буквой N красовались слова: «Я дамъ миръ вселенной». Были разрѣшены арки изъ зелени, восторженные крики, но запрещены салюты и фейерверки, допускались лишь послѣ проѣзда Наполеона. «Умиротворителю Запада» оказали восторженный пріемъ. Онъ не могъ отвѣтить на всѣ привѣтствія, но проповѣдывалъ жителямъ пользу свекловицы, посѣтилъ лицей далѣ указъ окончить ратушу, биржу, построить театръ, мостъ и семинарію. Пріемъ Наполеона обошелся на 40,000 франковъ болѣе назначенной на это суммы, и посѣщеніе Наполеона не уменьшило экономического кризиса Панта.

«Phage» приводитъ любопытное пророчество извѣстной въ свое время гадалки г-жи Ленорманъ. Въ началѣ истекшаго года, когда еще не было никакого вѣроятія относительно балканской войны и ея послѣдствій, которыя могутъ измѣнить географическую карту Европы, много говорили объ одной легендѣ, передававшейся другъ другу тремя поколѣніями Гогенцоллерновъ.

Въ 1829 г. Вильгельмъ I случайно посоветовался съ г-жой Ленорманъ и задалъ ей вопросъ: «Когда придется мнѣ впервые командовать на полѣ сраженія?» На это она отвѣтила: «Прибавимъ къ цифрѣ протекающаго года цифры, которыя ее составляютъ, и сложимъ ихъ: $1829 + 1 + 8 + 2 + 9 = 1849$ —выходитъ въ 1849 г.

И дѣйствительно, въ 1849 г. Вильгельмъ I долженъ былъ предпринять войну, чтобы подавить возстаніе въ герцогствѣ Ваденскомъ.

— А какое будетъ самое важное событіе въ моей карьерѣ послѣ этой войны?—спросилъ Вильгельмъ I.

— Возьмите эту сумму и снова прибавьте къ ней цифры, составляющія ее: $1849 + 1 + 8 + 4 + 9 = 1871$ г.

Въ самомъ дѣлѣ, Франція не забыла дату, когда король Пруссіи сдѣлался императоромъ Германіи.

— Я еще хотѣлъ бы, если это возможно, знать годъ моей смерти.

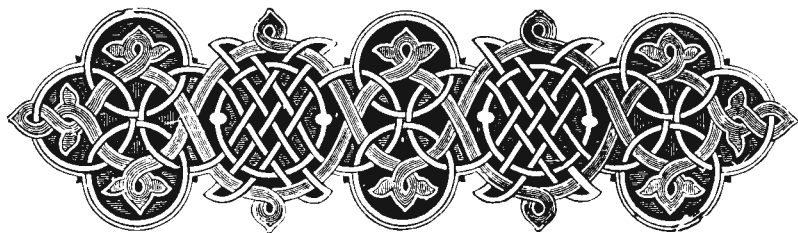
— Я вамъ дамъ ключъ къ вашей судьбѣ,—отвѣтила г-жа Ленорманъ:— $1871 + 1 + 8 + 7 + 1 = 1888$ г.

— Наконецъ, я хотѣлъ бы бросить взглядъ послѣ моей смерти и знать время, когда Германія должна будетъ защищать всѣми своими силами то, что она звоуетъ.

— Хорошо,—отвѣтила Ленорманъ и предложила произвести прежнюю операцію съ послѣдней полученной суммой— $1888 + 1 + 8 + 8 + 8 = 1913$ г.

Изъ этихъ четырехъ пророчествъ три уже сбылись. Осталось четвертое.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ академіи наукъ. 20-го января въ большомъ залѣ императорской академіи наукъ состоялось, подъ предсѣдательствомъ академика А. А. Шахматова, торжественное собраніе, устроенное отдѣленіемъ русскаго языка и словесности и посвященное памяти знаменитаго русскаго филолога-слависта, академика И. И. Срезневскаго. Присутствовали дочери покойнаго: Ѳ. И. и Л. И. Срезневскія, Н. И. Алмазова и В. И. Форшъ, сыновья В. И. и В. И. Срезневскіе; архіепископъ новгородскій Арсеній, членъ государственнаго совѣта М. А. Стаховичъ, академики: П. В. Никитинъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, А. А. Шахматовъ, Ф. Ф. Фортунатовъ, В. М. Истринъ, А. И. Соболевскій, В. Ф. Миллеръ, А. П. Карпинскій, Н. А. Котляревскій и много другихъ: директоръ Александровскаго лицея генералъ В. А. Шильдеръ, рядъ славянскихъ дѣятелей и другихъ лицъ. Собраніе открылъ академикъ А. А. Шахматовъ рѣчью о заслугахъ покойнаго И. И. Срезневскаго въ дѣлѣ развитія славянской филологіи, перваго въ Россіи доктора славяно-русской филологіи. Академикъ А. И. Соболевскій освѣтилъ личность И. И. Срезневскаго, какъ ученаго: «По возвращеніи изъ-за границы, куда И. И. былъ отправленъ для подготовленія къ кафедрѣ славяновѣдѣнія, онъ, помимо чтенія лекцій, занимается изученіемъ и систематизаціей древнихъ рукописей библиотекъ Петербурга, Москвы, Кіева, Казани и другихъ городовъ и дѣлаетъ рядъ открытій, существенно подвинувшихъ изученіе славянства. Такъ, въ Москвѣ имъ открыта такъ называемая древнѣйшая «Савина книга», «Евангельскіе листки» древняго наклоннаго письма, въ кіевской духовной академіи онъ нашелъ семь листовъ глаголическаго письма, за раскры-

тіе котораго не брался никто изъ ученыхъ того времени, и много другихъ документовъ. Въ общемъ покойный И. И. пересмотрѣлъ и систематизировалъ до 700 рукописей XI—XIV вѣковъ и до семи тысячъ позднѣйшихъ и составилъ свое извѣстное «Описаніе славяно-русскихъ рукописей», являющееся необходимымъ пособіемъ для изучающихъ славянство. Срезневскій оставилъ огромное наслѣдство въ видѣ цѣлаго ряда трудовъ и изслѣдованій по вопросамъ славянской филологіи, славянскихъ древностей, отдѣльныхъ монографій, около 600 библиографическихъ замѣтокъ, принимающихъ иногда размѣры крупныхъ статей, и т. п. Профессоръ харьковскаго университета Н. Θ. Сумцовъ остановился на харьковскомъ періодѣ дѣятельности И. И. Срезневскаго. Профессоръ В. А. Францевъ, специально пріѣхавшій на засѣданіе академіи наукъ изъ Варшавы, произнесъ интересную рѣчь. Онъ подробно остановился на путешествіи И. И. по славянскимъ землямъ, гдѣ онъ работалъ подъ руководствомъ Шумавскаго въ Прагѣ, Шафарика, Ганки и т. д., а лѣтомъ совершалъ пѣшеходныя странствованія, во время которыхъ имѣлъ возможность изучать языкъ непосредственно среди народа, знакомясь съ различными нарѣчіями и отгѣнками. Путешествіе И. И. было радостно привѣтствуемо славянскимъ Западомъ, такъ какъ въ немъ видѣли не только ученаго, но и представителя русскаго племени, единственной силы, могущей объединить все славянство въ одно цѣлое. Академикъ Н. К. Котляревскій прочиталъ личныя воспоминанія о покойномъ ученomъ академика И. В. Ягича. Въ маломъ залѣ академіи наукъ открылась очень интересная выставка трудовъ, писемъ, портретовъ и т. д., относящихся къ дѣятельности академика Н. И. Срезневскаго.

Въ литературномъ фондѣ. Годовое общее собраніе членовъ литературнаго фонда, состоявшееся 2-го февраля, подъ предсѣдательствомъ В. Д. Набокова, отличалось многолюдствомъ. Собраніе почтило вставаніемъ память умершихъ въ теченіе минувшаго года членовъ фонда: Н. Θ. Анненскаго, А. Л. Далматова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. С. Суворина, А. П. Философовой и А. И. Новикова. Затѣмъ были доложены отчеты за минувшій годъ по секретарской и казначейской части, въ которыхъ констатируется возрастающая дѣятельность фонда по оказанію матеріальной и нематеріальной помощи многочисленнымъ клиентамъ фонда. Денежныя средства фонда къ концу года составляли процентными бумагами 814.024 руб. и наличными 96.082 руб. 53 к. Общій расходъ за истекшій годъ достигъ 67.859 руб. 8 коп. Въ теченіе 1912 года поступили пожертвованія въ новообразовавшіеся именные капиталы: Н. Θ. Анненскаго 1.000 руб., А. К. Розена 1.327 руб., А. К. Плещеева—5.000 руб., Д. Н. Мамина-Сибиряка—170 руб. Въ капиталъ дома писателей, находящагося подъ вѣдомствомъ литературнаго фонда, поступило отъ Л. Ф. Пантелѣева 10.000 руб., проценты изъ коихъ идутъ въ пользу нуждающагося литератора-обитателя дома, и отъ В. Д. Набокова 100 руб.—на улучшеніе электрическаго освѣщенія въ домѣ. Кромѣ того, городское управленіе предоставило ежегодную стипендію въ 500 руб. въ распоряженіе совѣта дома писателей. Предсѣдатель ревизіонной комиссіи Е. П. Карповъ прочиталъ докладъ о состояніи дѣлъ и капиталовъ литературнаго фонда за 1912 годъ. Комиссія констатируетъ образцовое веденіе денежнаго хозяйства фонда, стремленіе увеличить средства фонда и оказать помощь наи-

большому числу нуждающихся литераторовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія сдѣлала нѣсколько критическихъ замѣчаній, указывая, что отчеты общества составляются по устарѣлому образцу, не иллюстрируютъ достаточно жизни фонда. Кромѣ того, нѣкоторыя выдачи не соответствуютъ, по мнѣнію коммиссіи, литературному цензу пользующихся пособиями. Далѣе, комитетъ пропустилъ въ отчетѣ 1.000 руб., перешедшихъ къ нему отъ закрытаго литературнаго общества. Предсѣдатель литературнаго фонда В. Д. Набоковъ отъ имени комитета объяснилъ, что означенная сумма еще не поступила, такъ какъ не исполнены всѣ формальности, требуемыя для передачи этихъ 1.000 руб. фонду, и потому въ денежномъ отчетѣ не упомянута. Что касается недостатковъ отчета, то В. Д. Набоковъ предлагаетъ избрать коммиссію, которая могла бы точнѣе формулировать, въ какомъ именно смыслѣ слѣдуетъ видоизмѣнить отчеты комитета. Ревизіонная коммиссія также производила ревизію дома писателей; въ своемъ докладѣ ревизіонная коммиссія подробно останавливается на хозяйственной части этого учрежденія и указываетъ на нѣкоторые дефекты. Объясненія по этому поводу давалъ секретарь совѣта дома писателей Ѳ. Д. Батюшковъ. Къ докладу ревизіонной коммиссіи приложено особое мнѣніе члена коммиссіи Э. К. Пекарскаго, въ которомъ онъ требуетъ пересмотра инцидента съ завѣдующей домою писателей г-жой Ивановой. Предсѣдатель ставитъ предложеніе г. Пекарскаго на баллотировку, и общее собраніе значительнымъ большинствомъ голосовъ отклоняетъ его. Отчеты комитета и дома писателей утверждаются, причемъ принимается предложеніе ревизіонной коммиссіи о выраженіи благодарности комитету фонда. Далѣе были произведены выборы пяти членовъ комитета, взаменъ выбывающихъ: Н. А. Котляревскаго, С. Е. Савича, Е. П. Султановой, Л. З. Слонимскаго. Большинство голосовъ избраны изъ десяти предложенныхъ комитетомъ кандидатовъ: Л. Ѳ. Пантелѣевъ, А. В. Пѣшихоновъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, С. Я. Елпатьевскій и Ѳ. Д. Крюковъ. Въ совѣтъ дома писателей избраны: гг. Котельниковъ, Бередниковъ и Яковенко. Избраны въ члены литературнаго фонда А. И. Шингаревъ, г. Найденовъ, г. Шорохъ-Троцкій и др.

Открытіе церковно-археологическаго общества въ Новгородѣ. Въ новомъ епархіальномъ домѣ, уже получившемъ официальное названіе «Арсеньевскаго», состоялось торжественное открытіе одного изъ намѣченныхъ въ немъ просвѣдительныхъ учреждений—церковно-археологическаго общества. Вновь открытое общество намѣчаетъ себѣ цѣлью изученіе церковно-религіозной жизни края въ ея прошломъ и въ настоящемъ, охраненіе церковныхъ древностей и образованіе церковно-археологическаго древлехранилища письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ мѣстной церковной старины. На открытіи общества 3-го января присутствовали многіе специально прибывшіе къ этому дню профессора и ученые: А. И. Яцимирскій, В. В. Айналовъ, В. Т. Георгіевскій, Д. В. Чириковъ и др. Во вступительной рѣчи архіепископъ Арсеній, указавъ на цѣли общества, говорилъ о его значеніи въ то время, когда раздаются вопли о гибели русской старины и разрушеніи ея памятниковъ, тѣмъ болѣе, что Новгородъ, бывшій центромъ русской земли всего сѣвера, къ голосу котораго прислушивались и сосѣдніе народы, особенно въ періодъ его величія въ идейномъ творествѣ до XVI вѣка, донынѣ обладаетъ многими остатками старины.

Извѣстно, что многія интересныя рукописи были вытребованы изъ Софійской бібліотеки въ Москву. Выставка иконъ, устроенная во время послѣдняго археологическаго съѣзда, показала, что въ новгородскихъ храмахъ сохранились цѣнные образцы иконописи XV, XVI вѣковъ. Въ заключеніе владыка высказалъ увѣренность въ жизнеспособности новаго общества, могущаго служить, помимо прочаго, и цѣлямъ развитія религіозно-нравственнаго, прежде всего для воспитанниковъ семинаріи, будущихъ пастырей. Учеными гостями новаго праздника культуры было высказано много пріятнаго Новгороду, забытому, захудалому вообще городку. Но зато Новгородъ живъ своимъ великимъ прошлымъ и для археолога представляетъ сокровищницу, по останкамъ прошлаго онъ можетъ создать, воспроизвести его обликъ, вдохнуть въ него жизнь и передать воскрешенные имъ образы другимъ. Говорилось о значеніи археологіи, какъ науки вообще, о разницѣ между археологомъ-нечетчикомъ, нахватавшимся разнородныхъ знаній безъ системы, и археологомъ—послѣдователемъ строго критическаго метода. Послѣ привѣтственныхъ рѣчей состоялось избраніе почетныхъ членовъ общества: архіепископовъ воронежскаго—Анастасія, рязанскаго—Димитрія, академика А. И. Соболевскаго, профессоровъ А. А. Дмитріевскаго, Д. В. Чирикова, А. И. Яцимирскаго, В. В. Айналова, В. Т. Георгіевскаго, М. В. Муравьева и другихъ.

Галерея Петра I. За истекшій годъ въ галерею Петра I, переведенную въ академію наукъ, поступилъ цѣлый рядъ интересныхъ пожертвованій. Докторъ Н. Н. Вакуловскій принесъ въ даръ портретъ Петра I, исполненный Н. Крамскимъ въ 1872 году. Отъ В. В. Святловскаго поступилъ гипсовый бюстъ Петра I, отъ барона Н. А. Типольта—слѣпки съ 16 деревянныхъ кружекъ, изображающихъ событія царствованія Петра I, и съ 34 печатей его же времени и, кромѣ того, собраніе гравюръ и рисунковъ, изображающихъ портреты Петра I и его современниковъ и отдѣльныя событія изъ исторіи Петровской эпохи. Отъ А. М. Ушкова—серебряный кубокъ времени Петра и т. д. Слѣдуетъ отмѣтить еще четырнадцать пожертвованныхъ книгъ и тридцать восемь названій, пріобрѣтенныхъ для бібліотеки. Постепенно составляется карточный бібліографическій указатель сочиненій о Петрѣ I и его эпохѣ. Въ настоящее время готовится путеводитель по галереѣ, доведенный до описанія портретовъ, картинъ и барельефовъ, развѣшенныхъ въ первомъ залѣ. Первоначально предполагено выпустить въ свѣтъ краткій путеводитель, а впослѣдствіи имѣется въ виду издать путеводитель полный, съ необходимымъ количествомъ иллюстрацій. Кромѣ того, реставрирована и починена кукла, поднесенная императору Александру I одною изъ саардамскихъ дамъ въ 1814 году во время посѣщенія государемъ саардамскаго домика, въ которомъ проживалъ Петръ Великій. Предполагается, что кукла изображаетъ фигуру хозяйки домика Петра Великаго въ Саардамѣ.

Юбилей профессора В. К. Мальмберга. 1-го января исполнилось двадцатипятилѣтіе ученой дѣятельности одного изъ виднѣйшихъ русскихъ историковъ искусства, профессора В. К. Мальмберга. Чествованіе носило неофіціальныи характеръ. В. К. Мальмберга посѣтило нѣсколько депутацій. Кромѣ того, юбиляромъ получено около пятидесяти привѣтственныхъ телеграммъ. Лично

привѣтствовали почтеннаго ученаго его сослуживцы по музею изящныхъ искусствъ имени императора Александра III. Они поднесли юбиляру адресъ въ изящной оправѣ, въ видѣ античнаго «кодекса». Художественно исполненный адресъ, въ видѣ древне-русской грамоты, поднесли своему профессору слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ. Поднесеніемъ адреса привѣтствовали В. К. Мальмберга и его слушатели, студенты университета. Посѣтили и привѣтствовали юбиляра деканъ историко-филологическаго факультета московскаго университета А. А. Грушка, секретарь факультета С. И. Соболевскій и профессоръ Н. И. Новосадскій и Г. И. Челпановъ. Телеграфное привѣтствіе В. К. Мальмбергу принесъ извѣстный нѣмецкій историкъ искусства профессоръ берлинскаго университета Лешке. Телеграммы получены отъ ректора московскаго университета М. К. Любавскаго, совѣта женскихъ высшихъ курсовъ, въ лицѣ директора курсовъ С. А. Чаплыгина, отъ филологическаго факультета курсовъ, въ лицѣ декана В. М. Хвостова. Императорскій эрмитажъ въ Петербургѣ также откликнулся на юбилей телеграммой. Прислали поздравленія профессора петербургскаго университета: Н. П. Лихачевъ, Айналовъ, Тураевъ, Жебелевъ, Б. В. Фармаковскій, Кондаковъ, Ростовцевъ, Н. И. Веселовскій; харьковскаго—Шмидтъ; казанскаго—деканъ историко-филологическаго факультета профессоръ Корсаковъ; юрьевскаго—преемникъ В. К. Мальмберга по кафедрѣ исторіи искусствъ въ этомъ университетѣ Фельдбергъ. Привѣтствія по телеграфу присланы также бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ И. И. Толстымъ, совмѣстно съ семьей, проф. Бузескуломъ, Паволуцкимъ, директоромъ петербургскаго археологическаго института Покровскимъ, художниками В. Д. Полѣновымъ и К. О. Богаевскимъ и, наконецъ, служителями музея изящныхъ искусствъ. Московскій археологическій институтъ, въ которомъ В. К. Мальмбергъ читаетъ свой курсъ, въ ближайшее время предполагаетъ чествовать его отдѣльно.

Чествованіе профессора И. Я. Фойницкаго. Искренно и тепло чествовали 31-го января въ спб. университетѣ заслуженнаго профессора И. Я. Фойницкаго, оставляющаго въ этомъ году спб. университетъ. Залъ, гдѣ профессоръ читаетъ обычно свои лекціи (въ помѣщеніи уголовного кабинета), былъ переполненъ къ 12-ти часамъ студентами. Сюда сошлись обычные слушатели И. Я. и представители студенческихъ кружковъ прив.-доц. П. И. Люблинскаго и М. М. Исаева, а также много студентовъ другихъ факультетовъ. Послѣ практическихъ занятій представитель студенческихъ кружковъ, работающихъ по уголовному праву, прочелъ и поднесъ И. Я. слѣдующій адресъ, чтеніе котораго было покрыто дружными, долго не смолкавшими аплодисментами. «Глубокоуважаемый Иванъ Яковлевичъ, кружки уголовного права прив.-доц. П. И. Люблинскаго и М. М. Исаева единогласно постановили высказать вамъ волнующія насъ чувства искренняго сожалѣнія и огорченія по поводу оставленія вами петербургскаго университета. Печалью глубокой отозвалась на всѣхъ насъ эта скорбная вѣсть. Еще не переступивъ порога *almae matris*, только что покинувъ школьную сакмю, со всѣхъ концовъ необъятной Россіи стремились мы именно сюда, къ наукѣ и знанію, и наиболѣе притягательной силой, наиболѣе яркимъ, манящимъ насъ свѣточемъ было

имя профессора И. Я. Фойницкаго. Благоговѣно проходили черезъ вашу аудиторію длинные ряды предшествовавшихъ намъ поколѣній, и вами приобщенные къ лучшимъ и свѣтлымъ началамъ права, широкой волной разливались по лицу земли родной, взращивая заложенные въ нихъ сѣмена «разумнаго, добраго, вѣчнаго». Не намъ говорить о цѣнности вашихъ научныхъ трудовъ; они нашли себѣ авторитетную оцѣнку и высокое признаніе не только въ Россіи, но и вездѣ за границей; и всякій, будь онъ русскій или иностранецъ, хоть сколько-нибудь причастный къ юриспруденціи, смотритъ на нихъ, какъ на цѣннѣйшій вкладъ нашей родины въ сокровищницу міровой науки права. А мы, лишь только соприкасаясь съ ними, мы всегда попадали подъ могучее обаяніе вашего строгаго научнаго мышленія, глубокаго и тонкаго анализа и яркой силы и красоты вашего изложенія. И это чувствовали и признавали не только тѣ, которые объединились вокругъ этого, вами созданнаго кабинета уголовного права—это единоклубный голосъ всѣхъ студенческихъ бесѣдъ. И тѣ, которые, не интересуясь этой именно отраслью права, лишь, такъ сказать, невольнo подходили къ вашимъ трудамъ, и они также невольнo попадали подъ власть стройной, строгаго научной мысли вашей. Съ гордостью скажемъ мы всегда: «Онъ былъ нашъ учитель», съ грустью глубокою вспомнимъ, что то былъ прощальный годъ. Въ нашей печали есть лишь одно утѣшеніе, съ большимъ, чѣмъ когда-либо, правомъ, мы можемъ сказать: «не профессоръ Фойницкій отставляется отъ кафедры, а кафедра отъ профессора Фойницкаго...» Но, пока въ этихъ стѣнахъ будетъ существовать кафедра уголовного права, до тѣхъ поръ могучая сила вашей творческой мысли, вашихъ научныхъ построеній будетъ властно царить здѣсь и надъ тѣми, кто слушаетъ, и надъ тѣми, кто будетъ читать». Растроганный и взволнованный, благодарилъ И. Я. студентовъ за доброе слово. Профессоръ указалъ, что всегда старался быть для студентовъ старшимъ товарищемъ, готовымъ въ любой моментъ прійти на помощь своимъ знаніемъ и опытомъ, который выработался тутъ же въ аудиторіи. Въ заключеніе И. Я. сказалъ, что лучшей наградой въ жизни каждаго является выработка убѣжденій согласныхъ съ совѣстью. «Хорошій юристъ долженъ быть, прежде всего, хорошимъ человѣкомъ», закончилъ свою рѣчь И. Я. Фойницкій. Студенты устроили И. Я. грандіозную овацію, провожая его по длинному университетскому коридору до профессорской лекторіи.

Чествованіе памяти А. С. Даргомыжскаго. Въ день столѣтія рожденія А. С. Даргомыжскаго, 2-го февраля, въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа была отслужена епископомъ гдовскимъ Веніаминомъ торжественная панихида. Церковь не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ почтить память славнаго композитора. Налицо былъ почти весь музыкальный міръ столицы. Пѣли артисты императорской русской оперы въ полномъ составѣ, а также и хоръ. Сама же дирекція ея блистала отсутствіемъ. Послѣ панихиды епископомъ Веніаминомъ была отслужена литія на могилѣ композитора. Почитателей и публики собралось такъ много, что доступъ къ могилѣ былъ крайне затрудненъ даже депутациямъ. На могилу были возложены вѣнки: предсѣдателемъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества съ высочествомъ принцессой Еленой Георгіевной Саксенъ-Альтенбургской—отъ главной дирекціи

общества; отъ города С.-Петербурга; депутаціей, во главѣ съ А. К. Глазуновымъ, три вѣнка—отъ дирекціи с.-петербургскаго императорскаго русскаго музыкальнаго общества, отъ петербургской консерваторіи, отъ попечительнаго совѣта для поощренія русскихъ композиторовъ и музыкантовъ; отъ артистовъ императорской русской оперы; отъ Федора Шаляпина съ надписью на черныхъ лентахъ: «А. С. Даргомыжскому—творцу «Каменнаго гостя»; отъ оркестра императорской русской оперы; отъ тульскихъ дворянъ; отъ союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей; отъ придворнаго оркестра; отъ кружка друзей театра; отъ петербургскаго филармоническаго общества; отъ Н. Н. Римской-Корсаковой; отъ внуковъ Кашкаровыхъ и отъ внуковъ Степановыхъ; отъ хора М. Гольтисона и много другихъ вѣнковъ, изъ которыхъ образовалась на могилѣ цѣлая гора, закрывшая памятникъ. Послѣ возложенія вѣнковъ сказала, между прочимъ, небольшую горячую рѣчь жена академика Бородина, въ которой она вспомнила о послѣднихъ дняхъ жизни Даргомыжскаго, когда онъ, въ присутствіи и ея въ числѣ многихъ другихъ лицъ, въ постели до послѣдняго мгновенія писалъ своего «Каменнаго гостя». Предсѣдатель комитета по чествованію памяти А. С. Даргомыжскаго, К. С. Манцевичъ благодарилъ, отъ имени внуковъ композитора, всѣхъ отозвавшихся на столѣтнюю годовщину дня рожденія его. По предложенію кого-то изъ публики вся многотысячная толпа, заполнившая вплотную Тихвинское кладбище, пропѣла «Вѣчную память».

Юбилей А. Н. Шабановой. Состоявшееся 6-го февраля въ русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ чествованіе доктора А. Н. Шабановой по случаю тридцатипятилѣтія ея врачебной дѣятельности носило задумешный характеръ и привлекло многихъ почитателей юбилярши. Среди присутствовавшихъ были статсъ-секретарь А. С. Ермоловъ, профессоръ М. М. Ковалевскій, лейбъ-педиатръ профессоръ К. А. Раухфусъ, А. С. Милукова, Р. Р. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Д. В. Философовъ, представители женскихъ организацій и др. Чествованіе открылось рѣчью вице-предсѣдательницы совѣта Е. Д. Чебышевой-Дмитріевой, охарактеризовавшей заслуги А. Н. передъ русскимъ женскимъ взаимно-благотворительнымъ обществомъ, ея заслуги передъ женскимъ движеніемъ въ Россіи и полезную врачебную дѣятельность. Лейбъ-педиатръ К. А. Раухфусъ привѣтствовалъ А. Н. отъ имени больницы принца Ольденбургскаго и выразилъ пожеланіе, чтобы женщины, добившись признанія за ними равноправія въ области медицины, добились примѣненія своего труда и на другихъ поприщахъ научной дѣятельности. Членъ государственнаго совѣта А. С. Ермоловъ началъ свое привѣтствіе съ воспоминанія о матери своей М. Г. Ермоловой, которая такъ много помогла дѣлу женскаго медицинскаго образованія въ Россіи, вѣрила въ его будущее и помогала юбиляршѣ при ея первыхъ шагахъ на медицинскомъ поприщѣ. Перейдя затѣмъ къ современному положенію женскаго вопроса въ Россіи, А. С. Ермоловъ съ большимъ подъемомъ и чувствомъ высказалъ свое твердое убѣжденіе, что, несмотря на всѣ препятствія, женщины завоюютъ себѣ почетное мѣсто во всѣхъ областяхъ знанія, потому что первыя піонерки на этомъ поприщѣ своей энергіей доказали, что женщины имѣютъ на это всѣ права. Профессоръ М. М. Ковалевскій привѣтствовалъ А. Н. отъ

имени общества «Миръ». Затѣмъ съ привѣтствіями выступили: А. С. Милокова, Д. В. Философовъ, Р. Р. Бодуэнъ-де-Куртенэ (отъ имени союза польскихъ женщинъ), г-жа Бородина (отъ имени этического кружка), А. А. Кальмановичъ, А. Н. Пышкова-Толивѣрова и др. Получены привѣтственные телеграммы: отъ сенатора А. О. Кони, отъ председателя петербургской городской думы сенатора С. В. Иванова, доктора Л. Б. Бертенсона, I. В. Гессена, профессора Бѣлелюбскаго, профессора В. В. Верховскаго, графа Т. Ю. Сюзора, И. Гриневской, В. В. Глинскаго, доктора Чечота, доктора Д. П. Никольскаго, отъ редакціи «Родника», «Русской Молвы» и др. Одинъ изъ почитателей А. Н. прислалъ на ея имя пожертвованіе въ 300 рублей въ пользу дѣтскаго очага, завѣдующей котораго она состоитъ. Чествованіе закончилось литературно-музыкальнымъ отдѣленіемъ, въ которомъ приняли участіе артисты императорскихъ театровъ М. Г. Савина и А. В. Смирновъ, Эмма Штембергъ, Н. Д. Самойлова и др. А. Н. Шабанова родилась въ 1850 г. въ Смоленской губерніи. По окончаніи гимназіи, А. Н. поступила въ гельсингфорскій университетъ, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ состояла вольнослушательницей медицинскаго факультета. Когда въ Петербургѣ открылись учрежденные по инициативѣ покойнаго профессора Красовскаго врачебные курсы при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, она перешла на эти курсы и окончила ихъ въ 1878 г., получивъ званіе врача. А. Н. является такимъ образомъ одной изъ первыхъ русскихъ женщинъ-врачей. По окончаніи курсовъ она была оставлена при нихъ въ качествѣ ассистентки по дѣтскимъ болѣзнямъ и въ теченіе шести лѣтъ работала подъ руководствомъ лейбъ-педиатра Раухфуса. Послѣ этого А. Н. заняла должность штатнаго врача въ дѣтской больницѣ принца Ольденбургскаго, гдѣ и служить свыше тридцати лѣтъ. Недавно она была назначена старшимъ врачомъ этой больницы. А. Н. Шабанова состоитъ также врачомъ при гимназіяхъ принцессы Ольденбургской и княгини Оболенской и преподаетъ въ нихъ гигиену. По инициативѣ А. Н., дѣятельной поборницы женскаго равноправія, учреждено русское женское взаимно-благотворительное общество, предсѣдательницей совѣта котораго она состоитъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ. Она состоитъ также вице-предсѣдательницей всеобщаго женскаго союза во имя мира и разныхъ другихъ женскихъ организацій. По ея инициативѣ состоялся первый всероссійскій женскій съѣздъ. Перу А. Н. принадлежитъ рядъ научныхъ работъ по дѣтскимъ болѣзнямъ: «О леченіи рахита», «О борьбѣ съ хроническими недугами у дѣтей», «Объ обмѣнѣ веществъ у дѣтей» и другихъ. Она состоитъ членомъ комитета международныхъ конгрессовъ, преслѣдующихъ цѣли защиты дѣтей. Въ текущей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» читатели найдутъ и очеркъ почтенной юбилярши, посвященный исторіи женскаго образованія въ Россіи.

Юбилей профессора Н. И. Веселовскаго. 6-го февраля исполнилось тридцатипятилѣтіе научной и преподавательской дѣятельности заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи Востока при факультетѣ восточныхъ языковъ петербургскаго университета Николая Ивановича Веселовскаго. Москвичъ по рожденію, юбиляръ окончилъ въ 1867 году вологодскую гимназію и поступилъ на факультетъ восточныхъ языковъ (по арабско-турецкому разряду) въ 1869 году. Еще студентомъ онъ былъ за сочиненіе «О податяхъ

я повинностяхъ, налагавшихся монголами на побѣжденных народовъ», удостоенъ золотой медали, а по окончаніи курса, въ 1873 г., былъ оставленъ при университетѣ. По защитѣ диссертациі «Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго», представленной имъ на соисканіе степени магистра, онъ въ 1878 году былъ утвержденъ въ званіи привать-доцента, а съ 1890 г.—исполняющимъ должность ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи Востока. Изъ многочисленныхъ трудовъ, изслѣдованій и статей Н. И., явившихся результатомъ его научныхъ работъ и командировокъ на Востокъ, наиболѣе крупнымъ вкладомъ въ науку являются его «Памятники дипломатическихъ сношеній Московской Руси съ Персіей». Н. И. извѣстенъ также своими трудами по археологіи. Еще въ 1885 г. онъ былъ командированъ въ Туркестанскій край для работъ по археологіи, результаты этой поѣздки напечатаны въ изданіяхъ императорскаго русскаго археологическаго общества. Въ настоящее время Н. И. Веселовскій читаетъ лекціи по первобытной археологіи въ петербургскомъ археологическомъ институтѣ, состоитъ старшимъ членомъ императорской археологической комиссіи, представителемъ ея въ русскомъ комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи и занимаетъ должность управляющаго отдѣленіемъ восточной археологіи императорскаго русскаго археологическаго общества. Подъ руководствомъ Н. И. Веселовскаго за тридцать пять лѣтъ его преподавательской дѣятельности немало студентовъ-восточниковъ окончило факультетъ; всѣ они, служащіе на разныхъ концахъ Средняго и Дальняго Востока и Россіи, сохранили самыя лучшія воспоминанія о лекціяхъ и объ отношеніи къ нимъ Н. И. Веселовскаго.

Юбилей анад. В. И. Ламанскаго. 8-го февраля исполнилось шестидесятилѣтіе ученой дѣятельности извѣстнаго слависта, создавшаго цѣлую школу славистовъ—нынѣ профессоровъ разныхъ русскихъ университетовъ и духовныхъ академій—академика Владимира Ивановича Ламанскаго. Ровно шестьдесятъ лѣтъ назадъ, 8-го февраля 1853 года, В. И. Ламанскій былъ постановленіемъ историко-филологическаго факультета петербургскаго университета удостоенъ золотой медали за свое студенческое сочиненіе. Въ этомъ году юбиляру исполняется восемьдесятъ лѣтъ. Отъ всякаго чествованія онъ уклонился, тѣмъ не менѣе вчера, въ день его юбилея, онъ получилъ много привѣтственныхъ и поздравительныхъ телеграммъ. Отъ имени императорской академіи наукъ ему лично принесли поздравленія академики А. А. Шахматовъ и Ф. Ф. Фортунатовъ.

Отъ императорской академіи наукъ. Императорская академія наукъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что въ теченіе 1913 года состоятся конкурсы по нижеслѣдующимъ преміямъ и наградамъ: 1) С. Н. Батюшковой—за историческое описаніе административной дѣятельности графа М. Н. Муравьева по званію генераль-губернатора Сѣверо-Западнаго края. Срокъ представленія трудовъ—1-го октября 1913 г., срокъ присужденія преміи—29-го декабря 1913 г. 2) Г. П. Гельмерсена—за самостоятельныя изысканія по геологіи, палеонтологіи (съ геологической точки зрѣнія) и физической географіи Россіи

и сопредѣльныхъ странъ Азіи. Срокъ представленія трудовъ—1-го марта 1913 г., срокъ присужденія преміи—29-го декабря 1913 г. 3) С. А. Грейга— за сочиненія по политической экономіи и государственнымъ финансамъ. Срокъ представленія трудовъ—1-го мая 1913 г., срокъ присужденія преміи—29-го декабря 1913 г. 4) Ломоносовской—за труды по русской и славянской филологіи и по исторіи языка и литературы русскаго и другихъ славянскихъ народовъ. Срокъ представленія трудовъ—1-го іюня 1913 г., срокъ присужденія преміи—29-го декабря 1913 года.

НЕКРОЛОГИ.

АНОНИМОВЪ, И. Н. 20-го января скончался въ Павловскѣ на семьдесятъ восьмомъ году отъ роду Иванъ Николаевичъ Анонимовъ. По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ въ 1856 г., покойный опредѣлился преподавателемъ исторіи во второй кадетскій корпусъ; отсюда въ 1862 г. онъ перешелъ преподавателемъ того же предмета сначала въ первый кадетскій корпусъ, потомъ въ 1865 г. въ петербургскую седьмую гимназію, впоследствии преобразованную въ первое реальное училище императора Александра II, гдѣ прослужилъ слишкомъ тридцать лѣтъ, до 1896 г., когда, по разстроенному здоровью, оставилъ службу и поселился въ Павловскѣ. Въ бытность преподавателемъ училища И. Н. исполнялъ въ теченіе многихъ лѣтъ обязанности секретаря совѣта, принималъ дѣятельное участіе въ комиссіяхъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по составленію учебнаго плана и программъ преподаванія исторіи—въ 1871 г. въ гимназіяхъ, въ 1888 г. въ реальныхъ училищахъ, въ девяностыхъ годахъ былъ членомъ-экзаминаторомъ испытательнаго комитета при управленіи учебнаго округа. Какъ преподаватель, И. Н. отличался основательнымъ знаніемъ своего предмета, рѣдкимъ педагогическимъ тактомъ и замѣчательною преданностью своему дѣлу; внѣшне замкнутый и нѣсколько изысканно сдержанный въ обращеніи, онъ обладалъ благородствомъ характера, прямою убѣжденіемъ и добротою сердца, не только внимательно слѣдя за успѣхами своихъ учениковъ въ школѣ, но принимая живѣйшее участіе въ ихъ личной жизни за ся стѣнами и нерѣдко втихомолку помогая многимъ изъ нихъ стать на ноги при вступленіи на житейское поприще. Покойнымъ были составлены и напечатаны «Записки по древней исторіи» (Спб. 1862 г.) и переведены «Записки о Московіи» Герберштейна (Спб. 1866 г.) (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13243).

† **Бѣлянкинъ, И. И.** Профессоръ харьковскаго технологическаго института Иванъ Ивановичъ Бѣлянкинъ скончался 2-го февраля, послѣ продолжи-

тельной, крайне мучительной болѣзни—ртутнаго отравленія всего организма. Мѣсяца два тому назадъ лечившій профессора Вѣлянкина врачъ пришелъ къ заключенію, что недомоганіе его, человѣка молодого, богатырскаго здоровья и большого воздержанія, вызвано отравленіемъ. Анализы подтвердили это предположеніе, и до настоящаго времени слѣдствіе не добыло данныхъ, выясняющихъ причину и виновниковъ этого систематическаго отравленія. Человѣкъ крайне правыхъ взглядовъ, покойный тѣмъ не менѣе не примыкалъ къ группѣ одинако мыслящихъ съ нимъ товарищей. Покойный около 15.000 рублей завѣщалъ кievскому университету и 3.000 рублей кievской гимназіи. Все движимое имущество оставлено въ пользу харьковскаго «Дома трудолюбія», а богатая бібліотека завѣщана харьковскому технологическому институту. (Некрологъ его: «Школа и Жизнь», 1913, № 6).

† **Димитрій, архієпископъ херсонскій и одесскій.** Телеграфъ извѣстилъ о кончинѣ въ Одессѣ 3-го февраля высокопреосвященнаго Димитрія, архієпископа херсонскаго и одесскаго. Православная церковь потеряла въ немъ одного изъ своихъ крупныхъ и талантливыхъ свѣточей, твердыхъ въ вѣрѣ и въ святости Христова ученія. Его дѣятельность, посвященная главнымъ образомъ пастырскимъ трудамъ по руководству и духовному просвѣщенію ввѣренныхъ его попеченію епархій, не была также чужда богословской науки. Въ этой области у него нѣсколько работъ, преимущественно по общей церковной исторіи. Изъ нихъ его трудъ «Значеніе національнаго элемента въ исторіи» особенно цѣненъ. Покойный, въ мѣрѣ Михаилъ Георгіевичъ Ковальницкій, родился 26-го октября 1839 года. По окончаніи курса въ волынской духовной семинаріи и послѣ трехлѣтняго учительства онъ поступилъ въ кievскую духовную академію, и, какъ одинъ изъ лучшихъ ея учениковъ, былъ оставленъ при академіи бакалавромъ по кафедрѣ церковной исторіи. Вскорѣ онъ былъ назначенъ профессоромъ этой академіи, въ 1895 году принялъ монашество съ именемъ Димитрія, возведенъ въ санъ архимандрита и получилъ назначеніе на должность инспектора родной ему волынской духовной семинаріи. Черезъ три года покойный былъ хиротонисанъ во епископа чигиринскаго и тогда же назначенъ ректоромъ кievской духовной семинаріи. Самостоятельную епархію въ Тамбовѣ получилъ въ 1902 году, черезъ годъ былъ возведенъ въ санъ архієпископа казанскаго и свѣяжскаго и въ 1905 году занялъ архієпископскую кафедру въ Одессѣ, явившись замѣстителемъ удалившагося на покой архієпископа Іустина. Съ этого времени покойный принимаетъ виднѣйшее участіе въ управленіи дѣлами церкви, будучи убѣжденнымъ сторонникомъ церковныхъ реформъ. Пользуясь обширной популярностью въ церковныхъ сферахъ, онъ былъ избранъ въ 1906 году членомъ государственнаго совѣта отъ монашесвующаго духовенства, но въ декабрѣ 1907 года сложилъ съ себя это высокое званіе. Въ 1908 году на него было возложено высочайшее порученіе обревизовать петербургскую и московскую духовныя академіи, и въ результатъ ревизіи онъ принялъ на себя предсѣдательство въ особой комиссіи по реформѣ высшей духовной школы. Затѣмъ участвовалъ въ засѣданіяхъ святѣйшаго синода, а также въ предсоборномъ присутствіи, но, заболѣвъ, удалился въ свою епархію. Владыка въ періодъ семилѣтняго упра-

вленія херсонской епархіей сдѣлалъ многое для улучшенія быта духовенства и призрѣнія вдовъ и сиротъ. Лучшимъ памятникомъ его постоянныхъ такихъ заботъ является Димитріевскій херсоно-епархіальный домъ въ Одессѣ, перестроенный изъ бывшаго зданія духовной семинаріи. На этотъ домъ онъ пожертвовалъ около 100 тысячъ рублей. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13256).

† **Кувалдинъ, В. В.** 26-го января скончался прозекторъ при кафедрѣ гигиены императорскаго московскаго университета Василій Васильевичъ Кувалдинъ. Въ гигиеническомъ институтѣ московскаго университета В. В. работалъ болѣе двадцати лѣтъ и всегда отличался выдающейся трудоспособностью и организаторскими дарованіями. Изъ научныхъ работъ В. В. слѣдуетъ отмѣтить его докторскую диссертацию о жесткости воды и рядъ статей по методикѣ обследованія различныхъ пищевыхъ продуктовъ, которыя были напечатаны въ отчетахъ московской городской санитарной станціи, состоящей при гигиеническомъ институтѣ московскаго университета; на станціи В. В. занималъ мѣсто лаборанта въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Кромѣ службы въ гигиеническомъ институтѣ и на санитарной станціи, покойный В. В. занимался преподаваніемъ гигиены на фельдшерскихъ курсахъ и въ нѣкоторыхъ московскихъ женскихъ гимназіяхъ. Тяжелая болѣзнь внезапно прервала научную и педагогическую дѣятельность В. В. и привела къ безвременному роковому концу. Среди товарищей по службѣ, а также среди врачей-экстерновъ, пополняющихъ въ гигиеническомъ институтѣ свое образование специальными познаніями по научной и практической гигиенѣ, В. В. всегда пользовался уваженіемъ и симпатіями, какъ добрый товарищъ и опытный руководитель. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913, № 23).

† **Марковъ, П. А.** 18-го января скончался членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Павелъ Алексѣевичъ Марковъ, бывшій въ восьмидесятихъ годахъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и юстиціи, а также главноуправляющимъ собственной канцеляріей Его Величества по учрежденіямъ императрицы Маріи. Покойный родился въ 1841 г. Онъ однокурсникъ членовъ государственнаго совѣта И. Л. Горемыкина и И. Я. Голубева по училищу правовѣдѣнія и одновременно съ ними началъ, по окончаніи училища, свою служебную карьеру. Его служба началась въ министерствѣ юстиціи столь удачно, что онъ оказался уже въ первое время привлеченнымъ къ рассмотрѣнію проекта устава гражданскаго судопроизводства и вскорѣ былъ редакторомъ отдѣленія департамента министерства, помощникомъ редактора «Журнала Министерства Юстиціи» и редакторомъ газеты «Судебный Вѣстникъ». Въ тѣ же шестидесятые годы онъ исполнялъ одновременно должность юрисконсульта министерства и принималъ живѣйшее участіе въ разработкѣ разныхъ вопросовъ законодательнаго характера. Подробно разработанный имъ на основаніи законодательства западно-европейскихъ государствъ ипотечный уставъ до сихъ поръ не осуществленъ и, по всей вѣроятности, явится богатымъ матеріаломъ для предстоящихъ законодательныхъ работъ въ этой области. Въ 1871 г. покойный былъ уже старшимъ юрисконсултомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, въ слѣдующемъ году перешелъ въ сенатъ оберъ-прокуроромъ

перваго отдѣленія третьяго департамента, съ 1878 г. былъ оберъ-прокуроромъ перваго департамента. Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ обратилъ вниманіе на выдающуюся работоспособность молодого юриста и привлекъ его въ 1880 г. въ составъ членовъ верховной распорядительной комиссіи. Въ томъ же году покойный былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Въ этой должности П. А. пробылъ два года, явившись сотрудникомъ послѣдовательно трехъ министровъ: А. А. Сабурова, барона Николаи и графа Делянова и затѣмъ перешелъ на должность товарища главноуправляющаго собственной его величества канцеляріей по учрежденіямъ императрицы Маріи. Черезъ годъ онъ былъ уже товарищемъ министра юстиціи и находился на этомъ посту до 1890 г., когда былъ назначенъ первоприсутствующимъ въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ сената. Въ этомъ званіи онъ принялъ видное участіе въ комитетѣ по начертанію проекта гражданскаго уложенія и въ комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія. Съ 1896 г. покойный былъ первоприсутствующимъ въ общемъ собраніи кассационныхъ департаментовъ и въ высшемъ дисциплинарномъ присутствіи, съ 1901 г. состоялъ членомъ государственнаго совѣта. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13239).

† **Никитинъ, Н. В.** 25-го января скончался въ Москвѣ извѣстный архитекторъ-академикъ Николай Васильевичъ Никитинъ. Имя покойнаго уже давно славилось среди русскихъ зодчихъ. Хорошо зная старинную отечественную архитектуру, Н. В. старался и въ своихъ постройкахъ искусно воспроизводить древне-русскій стиль со всѣми своеобразными, но прекрасными орнаментами. Памятниками его искусныхъ работъ явились многія церкви, возстановленныя въ старинномъ видѣ, и цѣлый рядъ зданій, воскресившихъ старинное зодчество и затѣйливо украсившихъ Москву, а также ея окрестности. Какъ выдающийся русскій строитель и знатокъ зодческаго искусства, Н. В. явился однимъ изъ главныхъ учредителей московскаго архитектурнаго общества, въ которомъ долгое время состоялъ предсѣдателемъ и затѣмъ почетнымъ членомъ. На засѣданіяхъ этого общества онъ часто дѣлалъ интересные доклады, пропагандируя въ нихъ «важность охраненія памятниковъ древне-русскаго зодчества» и всесторонне разъясняя особенности стариннаго нашего стиля въ храмахъ Москвы и другихъ городовъ. Такая учено-практическая дѣятельность Н. В. обратила на себя вниманіе со стороны императорскаго московскаго археологическаго общества. Оно избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ (съ 13-го декабря 1878 года) и въ теченіе многихъ лѣтъ имѣло въ немъ усерднаго знатока-докладчика. Въ этомъ обществѣ имъ были прочитаны и затѣмъ напечатаны слѣдующіе рефераты: «Остатки древнихъ крѣпостныхъ построекъ въ башнѣ Китай-города, близъ Варварскихъ воротъ», «Описаніе вновь найденныхъ древнихъ архитектурныхъ украшеній въ домѣ археологическаго общества», «Реставрація древнихъ архитектурныхъ памятниковъ по Виоле-ле-Дюку», «Отчетъ по экспедиціи въ Абхазію», «О древнихъ бронзахъ, доставленныхъ съ Кавказа», и др. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1913, № 23).

† **Новиковъ, А. И.** 24-го января скончался писатель-публицистъ Александръ Ивановичъ Новиковъ. Покойный—сынъ извѣстной писательницы Ольги А.

Новиковой, племянник покойнаго А. А. Кирѣева,—родился въ 1861 году. По окончаніи курса въ императорскомъ московскомъ лицейѣ цесаревича Николая онъ слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ по физико-математическому факультету и затѣмъ, поселившись въ родовомъ имѣніи Тамбовской губерніи, занялся сельскимъ хозяйствомъ. Въ 1889 г. былъ назначенъ земскимъ начальникомъ Козловскаго уѣзда. Однако незамѣтная провинціальная дѣятельность не удовлетворяла покойнаго. Онъ перебрался въ 90-хъ годахъ въ Петербургъ и здѣсь отдался литературнымъ занятіямъ, печатая свои статьи по земскимъ и земельному вопросамъ въ «Новомъ Времени» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ это время были напечатаны нѣсколько его статей, вошедшихъ затѣмъ въ сборникъ «Записки земскаго начальника». Въ нихъ онъ критически и отрицательно отнесся къ функціямъ и вообще къ институту земскихъ начальниковъ. Съ 1898 г. онъ служилъ на Кавказѣ и въ Крыму по вѣдомству министерства земледѣлія, былъ управляющимъ государственными имуществами въ Астраханской губерніи и съ 1902 г. по 1904 г. бакинскимъ городскимъ головою. Новая его дѣятельность дала ему богатый матеріалъ для новыхъ статей, изданныхъ отдѣльными сборниками: «Записки о городскомъ самоуправленіи» и «Записки городского головы». Въ этотъ же періодъ написанъ имъ романъ изъ деревенской жизни «По закону», имѣвшій незначительный успѣхъ, и рядъ разсказовъ. Революціонный угаръ смутнаго 1905 года увлекъ покойнаго. Онъ принималъ видное участіе въ петербургскихъ собраніяхъ и митингахъ и выступалъ ораторомъ крайнихъ воззрѣній. Тогдашній «Сынъ Отечества» и «Наша Жизнь» охотно приняли покойнаго въ составъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, и А. И. съ свойственной ему горячностью и бойкостью пера занялся переоцѣнкой политическихъ и общественныхъ цѣнностей. Когда общественная жизнь вновь потекла по мирному руслу, онъ оказался не у дѣла и занялся составленіемъ и изданіемъ брошюрочекъ. За брошюру «Враги народа» его привлекли къ уголовной отвѣтственности и присудили къ годовому заточенію въ крѣпость. Болѣзнь покойнаго отложила отбытіе имъ наказанія, и наконецъ смерть окончательно избавила его отъ житейскихъ преслѣдованій. Въ послѣдніе годы статьи его преимущественно полемическаго характера появлялись въ «Вѣстникѣ Европы» и характера просвѣтительнаго въ «Вѣстникѣ Знанія». (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13246).

† **Пироговъ, Н. В.** Скончавшійся художникъ Николай Васильевичъ Пироговъ былъ однимъ изъ учредителей Новаго общества художниковъ. Послѣдніе годы онъ сильно хворалъ (закупоркой сосудовъ) и на настоящей выставкѣ общества нѣтъ его произведеній. На ученической выставкѣ 1901 г. въ академіи художествъ общее вниманіе обратила на себя его конкурсная картина «Привозъ колокола», очень оживленная, оригинально и интересно взятая. Картина, за которую художникъ получилъ званіе, была пріобрѣтена академіей. Затѣмъ онъ участвовалъ на весеннихъ выставкахъ и на выставкахъ Новаго общества съ самаго его основанія. Онъ очень любилъ и хорошо изучилъ лошадей, фигурирующихъ почти во всѣхъ его картинахъ. Картины эти интересны, не по краскамъ, а по оригинальной импрессионистской трактовкѣ и живой передачѣ движенія, какъ, напримѣръ, одна изъ лучшихъ его работъ «Атака кирасиръ» (вы-

ставка 1905 г.). Задача передать, главным образом, блескъ, движеніе, оживленную общность очень удачно разрѣшена въ этой картинѣ, столь не похожей на шаблонныя баталіи. Для всѣхъ, близко знавшихъ покойнаго, онъ былъ образцомъ джентльмена и прекраснаго, добраго человѣка. Похороненъ онъ въ Парголовѣ, рядомъ съ могилой своего друга, тоже безвременно скончавшагося талантливаго художника Фокина. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913, № 28).

† **Подвысоцкій, В. В., проф.** 22-го января, въ 9 часовъ вечера, отъ гриппозной пневмоніи, осложненной слабой дѣятельностью сердца, скончался на пятьдесятъ шестомъ году жизни директоръ императорскаго института экспериментальной медицины, профессоръ В. В. Подвысоцкій. Покойный—сынъ извѣстнаго патолога В. О. Подвысоцкаго—первоначальное образование получилъ за границей, въ Женевѣ, откуда пріѣхалъ въ Россію и поступилъ въ житомирскую гимназію. По окончаніи гимназіи онъ поступилъ на медицинскій факультетъ кіевскаго университета. Послѣ блестящей защиты диссертации въ военно-медицинской академіи на званіе доктора медицины молодой врачъ получилъ командировку за границу, гдѣ работалъ у выдающихся профессоровъ въ Тюбингенѣ и въ Мюнхенѣ—у Цимсена. Въ 1887 г. В. В. назначается въ Кіевъ въ званіи привать-доцента, а въ 1891 г.—ординарнымъ профессоромъ патологіи. Перу покойнаго принадлежит много серьезныхъ научныхъ трудовъ. За труды по возрожденію тканей Подвысоцкій былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ анатомическаго общества въ Парижѣ и удостоился академіей наукъ преміи Бэра. Послѣ смерти профессора Манассеина В. В. сталъ во главѣ медицинскаго журнала «Русскій Врачъ». Кромѣ того, онъ редактировалъ ежемѣсячный журналъ, выходящій на русскомъ и французскомъ языкахъ, «Русскій Архивъ Патологіи, Клинической Медицины и Бактеріологіи». Въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ покойный состоялъ директоромъ института экспериментальной медицины, гдѣ продолжалъ въ специально ему отведенной лабораторіи свои научныя изслѣдованія, посвятивъ особенно много времени изученію этиологіи раковыхъ образований. В. В. умеръ наканунѣ открытія первой всероссійской гигиенической выставки, созданію которой онъ отдалъ все свое время и всѣ силы. (Некрологъ его: «Петерб. Вѣд.» 1913, № 20).

† **Собичевскій, В. Т.** 21-го января скончался одинъ изъ видныхъ дѣятелей по лѣсоустройству Василій Тарасовичъ Собичевскій, бывший директоръ лѣснаго института и предсѣдатель лѣснаго общества. Покойный родился 31-го декабря 1838 г. По окончаніи въ университетѣ Святого Владимира кандидатомъ математическихъ наукъ онъ поступилъ на специальный курсъ лѣсоводства, открытый въ 1859 г. при лѣсномъ институтѣ. Выпущенный съ чиномъ поручика корпуса лѣсничихъ, В. Т. былъ вскорѣ командированъ за границу для подготовленія къ профессорскому званію и изучалъ въ Англіи лѣсоустройство, лѣсоводство и лѣсную администрацію. Послѣ пробныхъ лекцій покойный былъ назначенъ преподавателемъ лѣсной таксаціи и лѣсоустройства въ лѣсной академіи. Черезъ годъ эта академія была закрыта, и В. Т. переведенъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ лѣсной таксаціи въ Петровскую земледѣльческую и лѣсную академію. Его профессорская дѣятельность была тѣсно связана съ академіей въ теченіе шестнадцати лѣтъ. Помимо таксаціи и лѣсоустройства, онъ читалъ

временно лекціи по лѣсоводству, былъ деканомъ академіи и руководилъ лѣсоустроительными работами въ Московской губерніи на правахъ ревизора лѣсоустройства. Съ 1881 по 1887 гг. покойный былъ директоромъ лѣсного института. Въ эти шесть лѣтъ ему удалось выхлопотать значительныя матеріальныя средства, позволившія ему улучшить институтъ какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Затѣмъ покойный состоялъ при министрѣ государственныхъ имуществъ, исполнялъ обязанности вице-инспектора корпуса лѣсничихъ, былъ членомъ лѣсного комитета, завѣдывалъ лѣснымъ бюро при этомъ комитетѣ и ежегодно работалъ въ десяткахъ различныхъ комиссій, подкомиссій. Между прочимъ участвовалъ въ комиссіи по земскому обложенію. Одновременно онъ принималъ широкое участіе въ общественныхъ организаціяхъ по лѣсной части. В.Т. устроилъ лѣсной отдѣлъ московской политехнической выставки 1872 г. и затѣмъ былъ директоромъ лѣсного отдѣла политехническаго музея, старательно заботясь о пополненіи его коллекцій, за что получилъ золотую именную медаль. Участвовалъ въ цѣломъ рядѣ съѣздовъ лѣсохозяевъ и сельскихъ хозяевъ: въ Липецкѣ, Ригѣ, Варшавѣ и Кіевѣ, былъ председателемъ такихъ съѣздовъ и около двадцати лѣтъ председательствовалъ въ петербургскомъ лѣсномъ обществѣ. Ему принадлежатъ цѣлый рядъ ученыхъ работъ и объемистыхъ монографій по лѣсной спеціальности, напечатанныхъ преимущественно въ научныхъ журналахъ. Отдѣльно изданы: «Задача лѣсоводства и средства для ея рѣшенія», «Матеріалы для историко-критическаго обзоренія методовъ оцѣнки лѣсного имущества при земскомъ обложеніи» и др. Въ разные періоды своей дѣятельности ему пришлось редактировать «Справочный листокъ комитета сельско хозяйственной консультаціи», лѣсной календарь съ 1878 по 1881 г. включительно, I томъ «Ежегодника петербургскаго лѣсного института», а также труды нѣсколькихъ съѣздовъ лѣсохозяевъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13243).

† **Тишуткинъ, Н. П.** 11-го февраля скончался приватъ-доцентъ императорской военно-медицинской академіи Николай Павловичъ Тишуткинъ. Среднее образованіе Н. П. получилъ въ третьей петербургской гимназіи, по окончаніи которой въ 1886 г. поступилъ въ военно-медицинскую академію и въ 1891 г. получилъ уже степень лекаря. Еще будучи студентомъ, а впослѣдствіи врачомъ, Н. П. много работалъ въ лабораторіи ботаническаго кабинета академіи, занимаясь изученіемъ анатоміи и систематики растений, микологій и бактеріологій; здѣсь же онъ самостоятельно ознакомился съ методами гистологическаго изслѣдованія. Въ 1894 году конференціей академіи признанъ докторомъ медицины. Свыше двухъ лѣтъ служилъ въ брестъ-литовскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ завѣдывалъ химико-бактеріологическимъ кабинетомъ госпиталя и производилъ изслѣдованія по вопросамъ санитарнымъ и эпидемиологическимъ для частей войскъ. Съ 1896 г. состоялъ прозекторомъ при кафедрѣ гистологій и эмбриологій въ академіи. Въ 1903 г. былъ избранъ и утвержденъ приватъ-доцентомъ гистологій и эмбриологій, а со времени открытія педагогической академіи въ 1908 г. избранъ профессоромъ гистологій. Въ 1910 г. избранъ профессоромъ гистологій и эмбриологій на естественномъ факультетѣ петербургскаго психо-неврологическаго института. Н. П. принималъ участіе въ составленіи реальной энциклопедіи Eulenb. Покойный

извѣстенъ особенно учеными трудами въ области изслѣдованій первой ткани («О нервахъ легкихъ», «Изслѣдованія отравленій ядомъ производными микробами изъ миндалевидныхъ железъ» и др.). Кромѣ того, Н. П. ввелъ много усовершенствованій въ гистологическую технику, въ особенности по окраскѣ препаратовъ. Состоя председателемъ одной изъ зубоврачебныхъ школъ въ Петербургѣ, покойный принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ вопросовъ о реорганизаціи этихъ школъ и при его ближайшемъ участіи выработана проектъ новой постановки зубоврачебнаго дѣла въ Россіи, внесенный въ государственную думу. (Некрологъ его: «Вечернее Время», 1913 г., № 377).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи «Анекдотическій архіепископъ».

За ноябрь мѣсяць прошлаго года въ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» я прочелъ статью, написанную г. Толшемскимъ «Анекдотическій архіепископъ». и, будучи близкимъ свидѣтелемъ управленія олонецкой епархіей высокопреосвященнаго Аркадія въ продолженіе десятилѣтняго періода времени, я, глубоко возмущенный тенденціознымъ изложеніемъ фактовъ въ дѣятельности этой свѣтлой личности, рѣшилъ дать отвѣтъ г. Толшемскому.

Не десять лѣтъ съ небольшимъ, и не въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, и не въ началѣ семидесятыхъ, какъ говорится въ статьѣ, управлялъ олонецкою епархіею архіепископъ Аркадій, а цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ. Назначенъ онъ былъ на олонецкую кафедру изъ Перми въ 1851 году и уволенъ на покой въ іюль 1869 года и не по наговору ректора семинаріи, назначеннаго архіереємъ, а по старости и слабости здоровья, такъ какъ въ это время ему было восемьдесятъ пять лѣтъ.

На третій годъ своего служенія въ олонецкой епархіи онъ былъ назначенъ на два года на чреду, какъ тогда называли, въ святѣйшій синодъ, откуда былъ командированъ въ августѣ 1854 года лично императоромъ Николаемъ Павловичемъ, по особому его довѣрью, въ Архангельскъ на слѣдствіе по возникшимъ раздорамъ между мѣстными архіереємъ и губернаторомъ, изъ коихъ первый обвинялъ второго въ способствованіи доставленія провіанта англійской эскадрѣ, находившейся тогда въ Бѣломъ морѣ, во время восточной войны.

Вступивши въ управленіе епархіей послѣ слабого и болѣзненнаго епископа Венедикта, распустившаго подвѣдомственное ему духовенство, преосвященный Аркадій энергически принялся за приведеніе въ порядокъ епархіи, причѣмъ въ ходъ пускались и строгія мѣры, что, конечно, на первыхъ порахъ особенно, породило ему много недоброжелателей и враговъ.

Въ то время составъ преподавателей семинаріи, или, какъ ихъ тогда называли, профессоровъ, былъ неважный и далеко неудовлетворительный, какъ въ науч-

номъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, но были и исключенія, о чемъ будетъ упомянуто ниже.

Преосвященный это зналъ и принималъ противъ этого мѣры, которыхъ никакъ нельзя назвать «каверзами». Читалъ тогда церковную исторію покойный нынѣ Николай Александровичъ Одинцовъ, — не знаю почему въ статьѣ онъ названъ Завулоновымъ, съ такой фамиліей, могу увѣрить, преподавателя въ семинаріи не было. Бывало, придетъ этотъ преподаватель въ классъ, усядется за кафедру и начнетъ читать по учебнику, а своего ничего. Или другой преподаватель Михаилъ Алексѣевичъ Ершовъ, тоже покойный, читавшій обличительное богословіе и исторію раскола, всю свою лекцію уснащалъ анекдотами про католическихъ ксензовъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: ксендзь играетъ въ карты, въ это время къ нему приносятъ младенца для крещенія; ксендзь, объявляя игру въ семи пикахъ, кладетъ палецъ въ свой ротъ и пальцемъ этимъ чертитъ крестъ на челѣ младенца, произнося слова: «крещается во имя Отца» и проч., и таинство крещенія совершилось. Владыкѣ Аркадію извѣстно было все это, и нужно думать, что онъ вызывалъ къ себѣ такихъ преподавателей, предлагая имъ для прочтенія книги, вышедшія въ свѣтъ и выписанныя имъ, касающіяся того предмета, который они преподавали, дѣлая при этомъ имъ соответственныя наставленія, очевидно, не по вкусу. Да развѣ это «каверзы»?

Интересно, откуда г. Толшемскій могъ знать, что всѣ надобные вызовы какъ преподавателей, такъ и ректора и инспектора дѣлались владыкой съ злорадство, съ намѣреніемъ сдѣлать каверзу, что даже изъ-за оконной сторы поглядывалъ онъ, идетъ ли уже вызванный имъ, и потиралъ отъ нетерпѣнія руки, говоря: идетъ, идетъ!

А когда входилъ къ владыкѣ, рассказывается въ статьѣ, вызванный имъ ректоръ семинаріи, то онъ завѣдомо, будго бы, рассказывалъ ему разныя небывлицы о инспекторѣ семинаріи, а этому, въ свою очередь, вызванному, о ректорѣ и такимъ образомъ ссорилъ ихъ между собою.

Я положительно отвергаю, чтобы къ такимъ сквернымъ приемамъ могъ прибѣгать преосвященный Аркадій, — это не согласно было бы съ его вообще честностью и съ его прямымъ, правдивымъ характеромъ. Тотъ инспекторъ архимандритъ Геласій, о которомъ, какъ мнѣ кажется, идетъ рѣчь въ статьѣ, былъ дѣйствительно алкоголикъ и онъ, не прослуживши даже года, былъ сейчасъ же перемѣщенъ, по представленію преосвященнаго, на другое мѣсто.

Ничего подобнаго о такихъ приемахъ преосвященнаго Аркадія я во все мое десятилѣтнее близкое соприкосновеніе съ дѣлами семинаріи не слыхалъ и, кромѣ того, въ опроверженіе подобныхъ печатныхъ рассказовъ, набрасывающихъ тѣнь на свѣтлую память покойнаго архипастыря, призываю подтвердить мои слова проживающаго нынѣ въ Москвѣ одного едва ли не единственнаго оставшагося въ живыхъ изъ тогдашнихъ преподавателей олонецкой семинаріи Елпидифора Васильевича Барсова, читавшаго логику и психологію и любимаго воспитанниками за его прекрасное изложеніе лекцій и добрую отзывчивую душу.

Я шесть лѣтъ пробылъ въ олонецкой семинаріи и во все это время видѣлъ преосвященнаго Аркадія въ стѣнахъ семинаріи только на экзаменахъ, и то

въ богословскомъ классѣ, на которыхъ владыка обязательно присутствовалъ и въ 1864 г. во время посѣщенія семинаріи покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ. Вообще владыка съ воспитанниками семинаріи ни въ какіе разговоры не входилъ, и восклицанія, приведенныя въ статьѣ: «о юноши духовные! трезвитесь и бодрствуйте», и проч., приписываемыя преосвященному, есть чистѣйшій вымыселъ.

Греческій языкъ, физику и математику преподавалъ тогда Стефанъ Иосафовичъ Григоровичъ, не знаю почему въ статьѣ названный Оглоблинымъ, развѣ за его громадный ростъ. Я его лично зналъ и даже незадолго до его смерти въ 1896 г. посѣтилъ его въ Петрозаводскѣ, гдѣ онъ проживалъ на покоѣ, и въ бесѣдѣ съ нимъ вспоминали старое, причемъ отзывы его объ архіепископѣ Аркадіи были самыя лучшіе и полагаю, что приведенныя на страницѣ 689-й означенной статьи разговоры съ преподавателемъ греческаго языка, т.-е. Григоровичемъ, не могли имѣть мѣста.

Авторъ статьи утверждаетъ, что рассказанный имъ фактъ о томъ, что преосвященный Аркадій, прибывши въ семинарію въ пять часовъ утра на экзамень, приказалъ сторожу разбудить учениковъ богословскаго класса и пригласить ихъ на экзамень, затѣмъ самъ ихъ въ единственномъ числѣ экзаменовалъ, а ректоръ и преподаватели въ это время спали, существовалъ въ дѣйствительности, хотя съ этимъ, прибавляетъ г. Толшемскій, трудно согласиться. Я же категорически утверждаю, что подобное повѣствованіе чистѣйшій вымыселъ и такого случая не могло быть, и вотъ почему: въ то время при семинаріи не было общежитія для воспитанниковъ; въ зданіи семинаріи, стоящемъ на берегу Онежской губы, помѣщались только классы, квартиры ректора и инспектора, больница, правленіе семинаріи и бібліотека; воспитанники же, какъ казеннокоштные, такъ и своекошные, помѣщались на частныхъ квартирахъ въ городѣ. Является вопросъ: какимъ это образомъ семинарскій сторожъ могъ собрать воспитанниковъ на экзамень въ пять часовъ утра, для этого нужно было исколесить цѣлый городъ и употребить для этого нѣсколько часовъ? Теперь въ бывшемъ зданіи семинаріи, о которомъ рѣчь, помѣщается духовное училище, а для семинаріи выстроено въ 1872 г. новое зданіе съ общежитіемъ уже послѣ смерти преосвященнаго Аркадія.

О всевозможныхъ способахъ, будто бы употребляемыхъ преосвященнымъ Аркадіемъ для испытанія терпѣнія желающихъ получить священство, и о гнетѣ духовенства рассказывается чистѣйшій вздоръ. Мнѣ хорошо извѣстно, что преосвященный дѣйствительно любилъ испытывать не только ставленниковъ, т. е. желающихъ получить священство, но и являющихся къ нему священниковъ, діаконовъ и причетниковъ въ знаніи церковнаго устава, но какой же это гнетъ? Я полагаю, что это была его безусловная обязанность.

Что же касается того, что будто бы преосвященный нѣсколько разъ назначалъ ставленнику время его посвященія въ діаконы или во священники во время обѣдни, предположенной къ отправленію, на примѣръ, въ восемь часовъ утра, а между тѣмъ таковая начиналась въ шесть часовъ утра или семь часовъ утра, преднамѣренно, чтобы ставленникъ опоздалъ, чѣмъ испытывалось его терпѣніе, то утверждаю, что такихъ издѣвательствъ не было, и считаю это недобросовѣст-

нымъ измышленіемъ. Напротивъ, мнѣ извѣстны совершенно противоположные случаи, т. е. когда пресвященный не могъ почему-либо служить въ назначенный день, или служеніе предполагалось не въ той церкви, а въ другой, то по цѣлому городу искали ставленника, чтобы сообщить ему объ этой перемѣнѣ.

Посвященіе во священники Петра Филипповича, а не Васильевича, Щеглова, преподавателя русской литературы въ семинаріи, наступило послѣ моего выѣзда изъ Петрозаводска, но утверждаю, что маленькій сынъ его Сережа умеръ, когда Петръ Филипповичъ былъ еще свѣтскимъ, и это событіе было при мнѣ, такъ какъ я лично былъ на похоронахъ. Ректоромъ семинаріи о. Петръ назначенъ уже послѣ смерти пресвященнаго Аркадія.

Совершенно согласенъ съ авторомъ, что пресвященный Аркадій былъ строгъ къ провинившемуся духовенству, особенно не любилъ и преслѣдовалъ пьяницъ, но дѣло не доходило до того, чтобы провинившіеся копали навозъ на архіерейской дачѣ,—это мнѣ совершенно извѣстно. Провинившіеся посылались на покаяніе въ монастыри, запрещалось имъ служеніе, ношеніе рясы, иногда переводились изъ лучшихъ приходоу въ худшіе.

Въ статьѣ говорится, что очень часто владыка перемѣщалъ соборныхъ петрозаводскихъ священниковъ въ самыя бѣдныя села. Во время моего пребыванія въ Петрозаводскѣ въ соборѣ были: кафедральный протоіерей Фѳдоръ Рождественскій, ключарь протоіерей Іоаннъ Друговъ, священники Звѣроловлевъ и Модестовъ; всѣ они оставались до смерти на мѣстахъ, исключая Модестова, переведеннаго протоіереемъ въ городъ Шовънецъ. Ключарь Друговъ—онъ же былъ и смотрителемъ духовнаго училища—въ послѣдніе годы сдѣлался горчайшимъ пьяницей и, кажется, былъ посылаемъ въ какой-то монастырь на нѣкоторое время на исправленіе, но это сравнительно ничтожное наказаніе; его слѣдовало бы совершенно уволить отъ занимаемыхъ должностей, чего, однако, пресвященный Аркадій не сдѣлалъ.

Не могу понять, какимъ это образомъ сельскій священникъ о. Матвѣй, рассказывается въ статьѣ, будучи на обѣдѣ у пресвященнаго, могъ сказать ему: «полноте глупости-то говорить, владыко», по моему, это невысказано, —нужно было знать грознаго владыку Аркадія, чтобы осмѣлиться сказать ему что-либо подобное, и кому бы то ни было.

Оказывалъ ли какую матеріальную помощь другимъ консисторскимъ чиновникамъ владыка,—этого я не знаю, но я, будучи два года столоначальникомъ консисторіи, никакого масла отъ пресвященнаго не получалъ.

Жалованіе тогда секретарю консисторіи было 30 рублей въ мѣсяцъ. Столоначальники получали по 11 рублей, а писцы кто 2 рубля, кто 3 рубля. Жизнь тогда въ Петрозаводскѣ была баснословно дешева; пудъ корюшки, окуней продавался иногда по 5 копеекъ.

Закладка новаго собора происходила лѣтомъ 1860 года; работа за неимѣніемъ средствъ шла медленно, и пресвященный Аркадій не дождался окончанія ея.

Скончался пресвященный Аркадій 8-го мая 1870 г. и похороненъ не на монастырскомъ братскомъ кладбищѣ Александро-Свирскаго монастыря, гдѣ онъ былъ на покоеу, а въ склепахъ подъ алтаремъ Троицкаго монастырскаго

собора, въ сосѣдствѣ съ могилою грузинскаго митрополита, тоже бывшаго на покоѣ въ томъ же монастырѣ. Могила владыки Аркадія содержится въ большомъ порядкѣ и посѣщается знавшими и почитавшими его, въ чемъ я убѣдился, бывши въ прошломъ году въ означенномъ монастырѣ.

Послѣ его смерти, какъ мнѣ рассказывалъ одинъ изъ учителей свирскаго духовнаго училища, бывшій при его смерти, ни денегъ, ни другого цѣннаго имущества не оказалось, кромѣ брильянтоваго креста на клобукъ и небольшой духовнаго содержанія библіотеки, завѣщанной имъ въ олонецкую семинарію.

Къ качествамъ пресвященнаго Аркадія, перечисленнымъ въ началѣ статьи, я со своей стороны прибавлю, что это былъ превосходный ораторъ, свободно, безъ подготовки говорившій поученія съ церковной кафедры иногда болѣе получаса, причѣмъ логичность и выразительность рѣчи его была изумительна, приводила слушателей въ восторгъ. Служилъ онъ съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ, созерцательно, особенно вдохновененъ онъ былъ, когда выходилъ на амвонъ съ дикиріями и произносилъ, благословляя молящихся, слова: «Призри съ небеси, Боже, и проч.». Прошло много времени съ тѣхъ поръ, но слова эти звучатъ въ моемъ сердцѣ и теперь.

Пресвященный Аркадій имѣлъ ордена включительно до св. Александра Невскаго, полученный имъ 15-го апрѣля 1859 года, панагію, осыпанную драгоценными камнями, и алмазный крестъ на клобукъ, полученный 19-го сентября 1864 года.

Александръ Минорскій.

Отъ редакціи. По полученіи настоящаго опроверженія редакція «Историческаго Вѣстника» обратилась за полученіемъ разъясненій къ автору статьи «Анекдотическій архіепископъ», и вотъ что онъ отвѣтилъ на нашъ запросъ:

«Я писалъ не историческій очеркъ, а *беллетристику* (хотя и не строгую). Съ исторіей архіепископа Аркадія я незнакомъ, а писалъ то, что слышалъ о немъ: образъ Аркадія обрисовалъ такъ, какъ представляется онъ *мнѣ* на основаніи тѣхъ рассказовъ, которые сложились о немъ въ Олонецкой епархіи. Въ общемъ—вѣрно, а въ деталяхъ могутъ быть и большія отступленія отъ *точной* дѣйствительности. А въ чемъ они—я и самъ не знаю... Повторяю—я лишь *собралъ рассказы*, краски въ которыхъ могли быть и сгущены, но типичны, несомнѣнно, для Аркадія. Само собой разумѣется, что имена тоже вымышлены: точно ихъ не знали и тѣ, со словъ кого я записывалъ... Однимъ словомъ, *самъ* я объ Аркадіи *ничего не знаю*, а въ предисловіи къ очеркамъ высказалъ лишь *свой* взглядъ на дѣятельность этого архіерея. Но, насколько знаю,—это *типичный* архіерей «добраго стараго времени»...

Къ этому удостовѣренію авторомъ своихъ историческихъ погрѣшностей редакціи ничего не остается прибавить.

II.

Запоздалый отвѣтъ г. Ч. Вѣтринскому.

Только на дняхъ мнѣ былъ доставленъ выпускъ третій «Критическаго Обозрѣнія» за 1907 годъ, въ которомъ помѣщена рецензія Ч. Вѣтринскаго, между прочимъ, и объ изданной мною въ томъ году брошюрѣ «Николай Гавриловичъ Чернышевскій на каторгѣ и въ ссылкѣ. Воспоминанія В. Н. Шаганова». Въ единственной выноскѣ къ своей рецензіи г. Вѣтринскій дѣлаетъ по моему адресу слѣдующій выпадъ:

«Издатель этихъ воспоминаній называетъ себя ихъ редакторомъ. Въ чемъ выразилось это редакторство, если не только въ раздѣленіи рукописи на главы, мы не знаемъ. Издатель, однако, не нашелъ нужнымъ приложить даже самыя скудныя свѣдѣнія о «другѣ», довѣрившемъ ему свои воспоминанія.

Оставить безъ вниманія эти строки не считаю возможнымъ, хотя бы со времени ихъ написанія и прошло болѣе пяти лѣтъ,—настолько онѣ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Во-первыхъ, я нигдѣ «редакторомъ» воспоминаній Шаганова себя не называлъ,—это звучало бы слишкомъ громко,—а лишь отмѣтилъ въ предисловіи, что воспоминанія были мною проредактированы «согласно желанію самого автора». Во-вторыхъ, если г. Вѣтринскій «не знаетъ», въ чемъ выразилось мое «редакторство», то не слѣдовало бы и говорить о неизвѣстномъ ему предметѣ. Изъ сличенія первоначальнаго списка съ моимъ и даже изъ моего предисловія къ брошюрѣ можно безъ труда уразумѣть то, чего будто бы «не знаетъ» г. Вѣтринскій. Въ-третьихъ, положительно недоумѣваю, что дало право г. Вѣтринскому называть покойнаго Шаганова моимъ «другомъ». Я всегда съ глубокимъ уваженіемъ относился къ покойному и чту его память до сихъ поръ, но ни устно, ни письменно никогда не дерзалъ именовать себя его «другомъ», и, право же, я нисколько не виновать, что онъ довѣрилъ свои мемуары мнѣ, а не г. Вѣтринскому.

Эд. Пекарскій.

III.

По поводу «Мозаики» г. С. У.

Въ № 12 «Историческаго Вѣстника» за 1912 годъ напечатана статья г. С. У. «Мозаика», гдѣ нашелъ себѣ неправильное изображеніе инцидентъ въ Ревелѣ въ бытность тамъ губернаторомъ князя Шаховскаго въ домѣ моей покойной сестры Василевской въ связи съ визитомъ къ ней барона Тизенгаузена, а не Майделя, какъ говоритъ авторъ. Сестра съ мужемъ, пріѣхавши въ Ревель и устроившись тамъ, сдѣлали визиты по списку всѣмъ дамамъ, и въ назначенный у сестры пріемный день, когда уже у нея собралось большое общество, вдругъ лакей подаетъ ей карточки барона и баронессы и на вопросъ сестры, почему

ихъ не приняли, лакей отвѣчалъ, что они сами не пожелали войти, что, конечно, сильно сконфузило сестру такъ какъ это было въ присутствіи гостей, мужъ же ея, Василевскій, былъ такъ возмущенъ этимъ, что въ тотъ же день написалъ барону рѣзкое письмо, поставивши ему на видъ такой неблаговидный съ ихъ стороны и невѣжливый поступокъ. Вслѣдствіе этого письма баронъ вызвалъ на дуэль Василевского, но, пока шли переговоры, эта исторія дошла до Петербурга и свыше было приказано, чтобъ дуэль никоимъ образомъ не состоялась, а вмѣнено было въ обязанность строптивому барону быть у Василевского и извиниться, что онъ и сдѣлалъ. Этотъ эпизодъ былъ подробно описанъ въ свое время въ «Новомъ Времени».

С. Митрофанова.

IV.

По поводу рецензіи г. В. Княжнина на книгу «Исторія русской литературы XIX вѣка» подъ ред. проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго.

Напечатанная въ № 2 сего года «Историческаго Вѣстника» рецензія г. В. Княжнина можетъ вызвать въ читателяхъ недоразумѣніе, будто это изданіе имѣетъ непосредственное касательство къ императорской академіи наукъ. Въ виду сего редація «Историческаго Вѣстника» считаетъ долгомъ заявить, что рецензированное изданіе къ дѣятельности II отдѣленія академіи наукъ отношенія не имѣетъ, а лишь редактировано почетнымъ академикомъ по разряду изящной словесности Д. Н. Овсяннико-Куликовскимъ.

Въ данномъ случаѣ эти слова ничего не стоили: вѣдь, кромѣ насъ двоихъ, ихъ никто не могъ слышать. Вотъ почему я выслушалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Мое спокойствіе и улыбка совсѣмъ обезкуражили монаха. Голосъ его пресѣкъся, и онъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза съ выраженіемъ и бѣшенства, и въ то же время страха.

Что онъ прочелъ на моемъ лицѣ, я не могу сказать. Быть можетъ, ему показалось, что передъ нимъ самъ дьяволъ.

Какъ бы то ни было, онъ вдругъ поблѣднѣлъ и опустилъ руки. Потомъ вдругъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы вновь занять потерянные позиціи, и крикнулъ:

— Нечестивецъ, не боящійся ни Бога, ни церкви, но еще не потерявшій страха передъ королемъ. Ему все будетъ извѣстно!

— Не думаю, чтобы это было извѣстно ему черезъ васъ, достопочтенный отецъ,—отвѣчалъ я спокойно.

Монахъ перемѣнился въ лицѣ, но старался не терять мужества. Онъ понималъ, что только такимъ путемъ онъ можетъ спасти свое положеніе. Вѣроятно, онъ не думалъ, что я могу пойти такъ далеко и, очевидно, упрекалъ себя за то, что такъ легко уступилъ мнѣ сегодня утромъ.

— Моя судьба въ рукахъ Божьихъ,—сказалъ онъ.—Онъ, въ виноградникѣ Котораго я трудился, Онъ Самъ защититъ меня. Я буду призывать Его

Съ этими словами онъ сѣлъ, положилъ руки на колѣни и сталъ смотрѣть въ сторону.

Я поглядѣлъ на него съ минуты и сказалъ:

— На вашемъ мѣстѣ я не сталъ бы призывать Господа Бога. Что если Онъ уличитъ васъ въ неправдѣ? Вотъ здѣсь у меня есть сознаніе двухъ женщинъ, которымъ вы заплатили за ихъ обвинительныя показанія. Это вы тоже трудились въ виноградникѣ Господнемъ?

— Будьте вы прокляты!—вскричалъ онъ.—Да падетъ проклятіе на вашу голову. Вѣдь не трудно заставить подписать свое сознаніе кого угодно, если власть въ вашихъ рукахъ!

— Такъ ли это, достопочтенный отецъ? Не угодно ли вамъ познакомиться съ этимъ сознаніемъ?

— Призываю Господа Бога въ свидѣтели! Моя совѣсть чиста.

Однако въ его голосѣ опять послышалась неувѣренность, которую онъ изъ всѣхъ силъ старался подавить.

— Такъ ли это, достопочтенный отецъ,—повторилъ я.—Подумайте хорошенько. Возбудили ли вы процессъ противъ этой дамы только потому, что были увѣрены въ ея виновности, или же по какимъ-нибудь инымъ причинамъ? Хотѣлось ли вамъ съжечь только грѣшницу, или же и прекрасную женщину? А, можетъ быть, вамъ было очень пріятно, что она стояла передъ вами и вымали-

вала свою жизнь—она, которая была всегда такъ холодна съ вами? Испушеніе было слишкомъ велико. Да и дьяволь, можетъ быть, подсказалъ вамъ, возбудилъ въ васъ желаніе порадовать ваши глаза? Вспомните хорошенько, достопочтенный отецъ. Не останавливались ли съ особеннымъ чувствомъ ваши пальцы на ея гладкой кожѣ, чтобы освидѣтельствовать ея сердце въ то время, какъ вы подвергли ее пытки и она лежала въ обморокѣ? Вы знали, что опасности тутъ не было, да и не ваше это было дѣло. Неужели все это—труды въ виноградникѣ Господнемъ? Подумайте хорошенько, достопочтенный отецъ! Развѣ не видно, что вы рѣшились въ сердцѣ своемъ овладѣть ею. Иначе, зачѣмъ вамъ было обѣщать ей свое покровительство. Зачѣмъ заставлять ее исповѣдаться передъ вами? Зачѣмъ было вамъ падить ее? Оказывать такое милосердіе вѣдьмѣ! А когда оказалось, что овладѣть ею вамъ не удастся, вы рѣшились пойти на это силою, хотя и не осмѣлились примѣнить ее сами. Каждый вечеръ дьяволь, очевидно, нашептывалъ вамъ, что вы слабый человѣкъ, пока вамъ наконецъ стало не подъ силу ждать. И вы приговорили ее къ сожженію не потому, чтобы она была виновна, но потому, что вы не рѣшались оставить ее въ покоѣ. Вы боялись, что она разгадаетъ тайный смыслъ вашихъ словъ, пойметъ ясно ваши намѣренія. И вотъ вы стали увѣрять самого себя, что, безъ сомнѣнія, она вѣдьма, если ей удалось увлечь васъ на такое дѣло. Но вѣрили ли вы этому въ глубинѣ вашего сердца? Дѣйствительно ли ваша совѣсть чиста? Подумайте хорошенько, достопочтенный отецъ! Повторяю, на нашемъ мѣстѣ я бы не призывалъ Господа Бога.

Помимо своей воли, монахъ во время этой рѣчи поднялъ на меня свои глаза. Они впились въ мои, словно онъ былъ завороченъ мною. Когда я кончилъ говорить, онъ вздрогнулъ, какъ бы очнувшись отъ забытья, и, перекрестившись, пробормоталъ хриплымъ голосомъ:

— Сатана! Чуръ меня!

— Сатаной нельзя такъ распорядиться, достопочтенный отецъ. Онъ не обращаетъ вниманіе на заклинанія своихъ служителей. Мы только зря теряемъ время,—прибавилъ я, помолчавъ съ минуту.— Не пожелаете ли вы написать письмо вашему духовному начальству и принести въ немъ раскаяніе во всѣхъ своихъ грѣхахъ, о которыхъ я вамъ говорилъ и которыхъ вы не отрицали?

— Но я не совершалъ такихъ прегрѣшеній!

— Совершали, достопочтенный отецъ. Что имѣется въ вашихъ рукахъ для опроверженія моихъ словъ? Итакъ, потрудитесь написать письмо, ничего въ немъ не утаивая и не замалчивая о томъ, что вы пытали свою жертву, зная, что она невиновна. Добавьте и то, что вы не остановились передъ убійствомъ ребенка для того, чтобы доказать справедливость воздвигнутаго вами противъ нея

обвиненія. Добавьте также, что вы видите въ сегодняшнемъ происшествіи перстъ Господень и что дьяволъ получилъ надъ вами такую власть, что заставилъ васъ поддаться страсти и забыть свой долгъ, то есть выискивать богатыхъ еретиковъ, при арестѣ которыхъ церковь могла бы извлекать немалую выгоду. Вы закончите письмо тѣмъ, что признаете себя съ этого времени неспособнымъ къ исполненію обязанностей инквизитора и попросите наложить на васъ соотвѣтствующее взысканіе.

Выслушавъ меня молча, монахъ сдѣлалъ послѣднее усиліе спасти себя.

— Вы съ ума сошли, синьоръ. Ужъ если кому надо сознаваться, то только вамъ, когда чары утратятъ свою силу надъ вами. Тогда вы...

Тутъ его глаза встрѣтились съ моими, и онъ сразу смолкъ. Я до сихъ поръ не зналъ, что насмѣшливое выраженіе монахъ глазъ имѣеть такую силу.

— Довольно! Не будемъ больше говорить объ этомъ. Вамъ не удастся обмануть ни меня, ни дьявола. Лучше напишите письмо.

— Неужели вы думаете, что я лишился ума.

— О, нѣтъ. Я считаю васъ человѣкомъ въ полномъ умѣ, который отлично понимаетъ, что бываетъ необходимо иной разъ въ жизни. Осужденіе мадемуазель де-Бреголь было необходимо для васъ, но вы слишкомъ замѣшались съ нимъ, и теперь дѣло перемѣнилось. Не сообразовали ли начать письмо?

— Нѣтъ, этого я не желаю. Вы не имѣете право принуждать меня написать хоть строчку, если я того не пожелаю.

— Въ самомъ дѣлѣ? Могу васъ увѣрить, что попытка превосходно помогаетъ въ такихъ случаяхъ. Я просто очарованъ ею сегодня. Видно, что ею управляетъ мастеръ своего дѣла,—прибавилъ я съ поклономъ.—Отсюда до нея всего нѣсколько шаговъ. На дворѣ тьма кромѣшная, и никто насъ не увидитъ. Караульные—люди, какъ вамъ уже извѣстно, безбожные и смотрятъ на всякаго монаха такъ, какъ мы съ вами смотримъ на обыкновеннаго грѣшника.

Мой собесѣдникъ сталъ блѣденъ, какъ полотно.

— Вы, однако, дали обѣщаніе пощадить меня.

— Да, конечно. Но только въ томъ случаѣ, если вы сдѣлаете свои признанія. Фра Николай Эмерикъ въ своемъ руководствѣ для инквизиторовъ указываетъ, что дѣйствительный смыслъ обѣщанія помиловать очень часто неправильно понимается тѣми, кто дорожить только дѣлами міра сего, ибо помилованіемъ надо считать все, что приводитъ грѣшника къ раскаянію. Вы, конечно, читали это благочестивое сочиненіе фра Эмерика?

— А я и не зналъ, что вы такъ начитаны въ литературѣ объ инквизиціи,—сказалъ онъ, скрививъ губы.

— Мой дядя—инквизиторъ въ Толедо. Онъ очень любилъ меня и постоянно носился съ мыслью, что я со временемъ вступлю въ

орденъ и займусь тѣмъ же дѣломъ. Но по семейнымъ обстоятельствамъ планъ этотъ не осуществился. Дядя многому научилъ меня. Я чувствую къ нему живѣйшую благодарность за это, ибо теперь я знаю, какъ мнѣ поступать, чтобы совѣсть моя была совершенно чиста.

Монахъ молчалъ. Съ минуту я смотрѣлъ на свою жертву.

— Можете быть покойны, я обойдусь безъ помощи Якова Пинтерса. Мнѣ было бы крайне непріятно видѣть почтеннаго служителя церкви въ рукахъ обыкновеннаго палача, равно какъ и молодую женщину. Но я самъ умѣю обращаться съ инструментами, а помогать мнѣ будетъ мой слуга.

Я позвалъ Діэго.

— Умѣешь ты обращаться съ орудіями пытки?

— Очень хорошо. Будьте покойны, я могу работать не полюбительски. Я не люблю эту работу. Но разъ вы желаете, все будетъ сдѣлано. Прикажете приступить къ дѣлу?

Монахъ стоялъ передъ нами съ стиснутыми кулаками. Все лицо его дергалось. Онъ, очевидно, старался приготовить себя для пытки, но это плохо ему удавалось. Все тѣло его тряслось, такъ что ему пришлось сѣсть.

Нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ. Наконецъ, не глядя на насъ, онъ сказалъ сдавленнымъ голосомъ:

— Давайте бумагу.

— Вотъ она, достопочтенный отецъ. А вотъ перо и чернило. Садитесь сюда въ кресло, такъ вамъ будетъ удобнѣе. Прошу васъ не торопиться. Не беспокойтесь о томъ, что вы меня задержали. Я поужиналъ въ десять часовъ и не чувствую себя утомленнымъ.

Онъ бросилъ на меня злобный взглядъ и началъ писать.

— Пожалуйста, не забудьте ничего. Не забудьте упомянуть, что вы знали о невинности этой молодой женщины, когда подвергали ее пыткамъ. Упомяните и о томъ, что вы не пренебрегали богатыми еретиками. Такъ будетъ хорошо,—прибавилъ я, взглянувъ черезъ плечо на то, что онъ написалъ.—Теперь будьте любезны сдѣлать съ этой бумаги двѣ копіи, одну для меня, въ знакъ памяти, а другую для главнаго инквизитора.

Монахъ, не сказавъ ни слова, взялъ другой листъ бумаги.

— Благодарю васъ,—промолвилъ я, когда онъ кончилъ писать, и спряталъ оба документа въ карманъ.

Усѣвшись затѣмъ, я спокойно продолжалъ:

— Покончивъ любововно наши дѣла, мы можемъ перейти теперь къ главному пункту, то есть къ вопросу о томъ, что мнѣ съ вами дѣлать. Къ несчастью, я не могу отпустить васъ съ миромъ, какъ хотѣлъ бы, несмотря на тѣ признанія, которыя вы здѣсь подписали. Было бы несправедливо сказать, что эти признанія добыты отъ васъ силою, но тѣмъ не менѣе ничто вамъ не мѣшаетъ пустить

такой слухъ, и народъ можетъ этому повѣрить. Следовательно, для предупрежденія этого нужно что-нибудь сдѣлать. Нужно только обсудить, что именно сдѣлать. Разумѣется, лучше всего было бы покончить съ вами совсѣмъ. Это можно было бы сдѣлать различными способами, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои преимущества. Я могъ бы отравить васъ, а потомъ сказать, что вы скончались отъ лихорадки. Голландія, какъ вамъ извѣстно, очень сырая страна. Или можно было бы увезти васъ куда-нибудь и тамъ убить—дороги очень небезопасны и кишатъ еретиками. Или еще можно было бы выпустить отсюда кого-нибудь другого въ вашемъ одѣяніи—не трудно подыскать какого-нибудь чувственнаго и фанатическаго плута, похожаго на васъ,—а васъ самого задержать здѣсь навсегда и заморить голодомъ. Для меня этотъ планъ представляется наиболѣе соблазнительнымъ. Что вы мнѣ въ данномъ случаѣ рекомендуете?

Онъ дико глядѣлъ на меня. На лбу его выступили крупныя капли пота. Только теперь онъ сообразилъ вполнѣ свое положеніе.

— Мнѣ очень хотѣлось бы слышать ваше мнѣніе, ибо вы человѣкъ практичный. Съ другой стороны,—продолжалъ я, бросивъ на него испытующій взглядъ,—я иногда представляю себѣ, какъ вы вернетесь къ своимъ братьямъ послѣ такого сознанія. Для инквизитора это будетъ не совсѣмъ обычное возвращеніе. Я, конечно, не могъ бы присутствовать при этомъ, однако я могъ бы получить объ этомъ подробныя свѣдѣнія. Но нужно сначала подрѣзать у васъ когти. Нужно, чтобы вы не могли пошевелить пальцемъ противъ меня, не завязивъ сначала въ тиски собственную руку.

Онъ вытеръ потъ со лба.

— Что же я могу сказать? Я уже признался, что же еще нужно отъ меня?

— Итакъ, вы сознаетесь? Свободно и безъ принужденія?

— Да, я подтверждаю это. Всѣ мы грѣшны. Но для чего заставлять меня повторять все это?

— Только для успокоенія моей собственной души. Впрочемъ, какъ я вамъ уже указывалъ, все это еще не даетъ вамъ ручательства въ вашей безопасности. Нѣтъ ли въ вашей прошлой жизни какихъ-нибудь фактовъ, которые вы храните въ тайнѣ,—конечно, для того, чтобы отъ этого не пострадала слава святой церкви,—но о которыхъ вы могли бы сказать мнѣ здѣсь, какъ на духу? Объ нихъ, конечно, стоило бы поговорить, если это что-нибудь болѣе серьезное, чѣмъ пытка молодой дѣвушки.

Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза.

— Я болѣе ничего не знаю.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, тогда мы должны вернуться къ нашему предыдущему разговору. Отдаете ли вы предпочтеніе тому или другому роду смерти? Что касается меня, то мнѣ хотѣлось бы видѣть васъ

на костръ, но это всегда вызываетъ въ народѣ такое волненіе. Поэтому я предоставляю это дѣло вашему собственному вкусу.

— Въ прошломъ году я соблазнилъ одну деревенскую дѣвушку...

Я разсмѣялся.

— Полноте, достопочтенный отецъ, не смѣшите меня такими пустяками. Неужели вы принимаете меня за ребенка? Ни одинъ монастырь не станетъ обращать вниманіе на такія мелкія прегрѣшенія, неразлучныя съ вашимъ званіемъ.

— Спросите его, кто обокралъ алтарь Св. Дѣвы въ церкви св. Фирмэна въ Лиллѣ, синьоръ,—неожиданно вмѣшался Діэго съ своимъ горловымъ тембромъ.

Монахъ сильно вздрогнулъ и уставился на него глазами, какъ будто передъ нимъ явилось привидѣніе. Я тоже съ удивленіемъ взглянулъ на Діэго.

— Да вѣдь Рауля Кавальона подвергли пыткѣ, и онъ умеръ въ тюрьмѣ,—пролепеталъ монахъ, продолжая смотрѣть на моего слугу.

— Ошибаетесь, достопочтенный отецъ. Онъ ускользнулъ и еще живъ. Богъ сохранилъ его для того, чтобы сдѣлать его своимъ орудіемъ сегодня и черезъ него исполнить свое правосудіе.

Инстинктивно монахъ по привычкѣ поднялъ руку, словно собираясь заклятіемъ прогнать привидѣніе. Но пальцы не слушались его.

— Проклятіе!—захрипѣлъ онъ.—Проклятіе! Я пропалъ! Нѣтъ больше моихъ силъ.

— Четырнадцать лѣтъ тому назадъ,—началъ Діэго своимъ спокойнымъ однообразнымъ тономъ, не глядя на монаха,—въ Лиллѣ жила прекрасная и добродѣтельная дѣвушка. Этотъ человѣкъ погубилъ ее. Какимъ образомъ—это теперь не важно. Она пала. Но монахъ боялся ея жениха, ибо тотъ былъ южанинъ, съ горячей кровью, и однажды убилъ человѣка, который былъ грубъ съ его невѣстой. Поэтому, чтобы спасти себя, монахъ рѣшилъ погубить и этого человѣка. Возвращаясь съ работы домой,—женихъ этотъ былъ оружейникомъ,—онъ, какъ добрый католикъ, каждый вечеръ останавливался на минуту въ церкви св. Фирмэна. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ молился особенно долго и горячо: онъ чувствовалъ, что на него готова обрушиться бѣда, но еще надѣялся на помощь Богоматери и всѣхъ святыхъ. Церковь въ этотъ часъ была пуста и темна, но если бъ тамъ было и много народу, онъ этого бы не замѣтилъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, какъ кто-то крѣпко схватилъ его крѣпкими руками и поволокъ его къ алтарю Св. Дѣвы. Церковь огласилась громкими криками объ убійствѣ и святотатствѣ. У подножія алтаря лежалъ мертвый настоятель. Въ груди его торчалъ кинжалъ работы этого самого оружейника. Рапа Св. Дѣвы, украшенная многочисленными дорогими приношеніями, была открыта и пуста. Передъ оружейникомъ стоялъ монахъ и обвинялъ

его въ убійствѣ и святотатствѣ. Все это казалось оружейнику сномъ. Когда онъ очнулся и хотѣлъ протестовать, его уже вели къ тюрьму. Кругомъ бушевала разъяренная толпа, отъ которой стража едва могла защитить его. Судъ надъ нимъ былъ недологъ. Развѣ монахъ не показывалъ противъ него? Развѣ онъ не былъ родомъ изъ еретической Наварры, хотя и числился добрымъ католикомъ? Кто могъ ему вѣрить? Его осудили, пытали и приговорили къ смерти. Онъ, однако, убѣждалъ и полумертвымъ былъ найденъ на дорогѣ однимъ господиномъ, который, не задавая ему никакихъ вопросовъ, спасъ ему жизнь.

— Сокровища раки Св. Дѣвы найти не удалось,—прибавилъ онъ, помолчавъ.—Можетъ быть, достопочтенному отцу лучше извѣстно, гдѣ они теперь.

Доминиканецъ слушалъ весь этотъ рассказъ словно въ какомъ-то забытьѣ.

— Ага, вотъ такъ исторія, отецъ Балестеръ!—воскликнулъ я.— Я почти былъ увѣренъ, что за вами что-нибудь да есть. Теперь вспоминаете? Полагаю, что сокровища изъ раки Св. Дѣвы у васъ еще цѣлы,—иначе вся исторія теряетъ свой интересъ. Можетъ быть, вы потрудитесь изложить ее письменно. Впрочемъ, какъ вамъ угодно. Если вы предпочитаете то разрѣшеніе всякихъ затрудненій относительно васъ, о которомъ я говорилъ вамъ только что, то я не встрѣчаю къ этому никакихъ препятствій. Взвѣсивъ все, я даже думаю, что такъ будетъ лучше всего.

Онъ былъ совершенно разбитъ. Не возражая ни слова, онъ взялъ перо.

— Подождите,—сказалъ я, остановивъ его жестомъ.—На этотъ разъ я буду диктовать самъ. Такъ какъ это будетъ чрезвычайно важнымъ документомъ, то нужно постараться, чтобы онъ вышелъ и достаточно выразительнымъ. Начнемъ такъ:

«Я, отецъ Бернардо Балестеръ изъ ордена св. Доминика, совершивъ преступленіе, въ которомъ не смѣлъ даже покаяться, и терзаемый совѣстью, тѣмъ болѣе, что много лѣтъ, отягченный великимъ грѣхомъ, я совершалъ божественную литургію, теперь для успокоенія совѣсти и побуждаемый невѣдомою мнѣ силою, хочу изложить на бумагѣ исторію моего преступленія. Пріора церкви св. Фирмена въ Лиллѣ убилъ я, а не Рауль Кавальонъ, котораго я обвинилъ въ этомъ преступленіи.

— Я не убивалъ его,—хрипло перебилъ меня монахъ.—Я нашелъ его мертвымъ передъ алтаремъ. Тутъ дьяволъ вложилъ мнѣ въ голову весь дальнѣйшій планъ.

— Это вы, можетъ быть, и вѣрно говорите. Я самъ считаю васъ слишкомъ слабымъ человѣкомъ для того, чтобы совершить въ одно и то же время и убійство, и святотатство. Но чтобы не сдѣлать ошибки и обезопасить себя, мы оставимъ бумагу, какъ она есть.

— Но вѣдь я же сознался.

— Можетъ быть. Но вѣдь въ нашемъ распоряженіи только ваши слова. Не приказывалъ ли вашъ духовникъ вернуть сокровища съ алтаря Св. Дѣвы?

— Я не разъ хотѣлъ сдѣлать это, но всегда что-нибудь мѣшало. А потомъ я боялся.

— Отлично. Будемъ продолжать.

«Пріоръ заподозрѣлъ меня въ ереси и хотѣлъ донести на меня. Поэтому я дѣйствительно убилъ его».

Монахъ положилъ перо и взглянулъ на меня дикими глазами.

— О дѣвицѣ намъ лучше ничего не говорить. Мы не знаемъ, какъ она теперь живетъ, и не лучше ли будетъ не возбуждать никакихъ разговоровъ о ней. Кромѣ того, такъ выходитъ сильнѣе.

— Вы самъ дьяволъ!—сказалъ онъ со вздохомъ.

— Ну, нѣтъ!—спокойно отвѣчалъ я.—Мнѣ хочется только обезпечить дѣлу правильную постановку. Ну, будемъ продолжать. Вы согласны? Тѣмъ лучше.

«Монашеская жизнь не легка,—продолжалъ я диктовать.—Монахъ человѣкъ, но онъ долженъ быть чѣмъ-то большимъ. Помазаніе, совершенное надъ нимъ, не причисляетъ его къ ангельскому сомну и не очищаетъ его отъ желаній, которыя вспыхиваютъ въ немъ такъ же сильно, какъ и въ другихъ людяхъ, а, пожалуй, еще сильнѣе. Ему остается только терпѣть, а когда онъ не можетъ бороться—только грѣшнить и опять терпѣть и страдать за этотъ грѣхъ. Такимъ образомъ ему приходится жить и грѣшнить, грѣшнить и страдать. Почему это происходитъ? Почему бы священнику, напримѣръ, не имѣть жены? Тогда руки, совершающія причащеніе, были бы чище, ибо онъ былъ бы свободенъ отъ плотскихъ вождельній, которыя мучатъ его денно и ношно. Законъ о безбрачій духовенства данъ не Христомъ, а папами, которымъ пужно было имѣть армію, не связанную никакими земными связями. Такъ они приказали. Но не погрѣшили ли они въ данномъ случаѣ? Развѣ папа Гонорій I не объявилъ, что у Христа была только одна воля? Развѣ эта его доктрина не была осуждена черезъ пятьдесятъ лѣтъ на вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ? Развѣ самъ онъ не былъ признанъ еретикомъ и не былъ осужденъ, какъ ересіархъ? А еще раньше, во время споровъ, поднятыхъ Целагіемъ, развѣ папа Зосимій не выступалъ съ утвержденіями, какъ разъ противоположными тому, что говорилъ его предшественникъ по св. престолу? Развѣ императоръ Карлъ Великій не принудилъ силою папу Льва принять Никейскій символъ вѣры въ переводѣ франкской церкви, въ которомъ Духъ Святой исходитъ не только отъ Отца, но и отъ Сына? Что было бы, если бы папа Левъ выгравировалъ на серебряной доскѣ подлинный переводъ и повѣсилъ ее на дверяхъ собора св. Петра? Слова, которыя онъ не хотѣлъ допустить, теперь повторяетъ вся

Западная церковь. Такихъ примѣровъ можно было бы набрать сколько угодно. Неужели Святой Духъ внушалъ все эти заблужденія? Осужденныя и отвергнутыя однимъ папою, они принимались и объявлялись истиною другимъ. Неужели канопы, установленныя такимъ образомъ, должны насъ связывать навсегда? По истинѣ нельзя порицать реформаторовъ, когда они отвергаютъ ихъ. Но духъ заковывается цѣпями, и камнями побиваются тѣ, кто пытается сбросить свои оковы. Неужели не придетъ когда-нибудь такое время, что человѣкъ будетъ носить законъ самъ въ себѣ, боясь своей совѣсти больше, чѣмъ всякихъ церковныхъ проклятій?»

Доминиканецъ остановился и искося взглянулъ на меня. Лицо его было ужасно.

— Этого довольно, чтобы меня сожгли,—хрипло сказалъ онъ.

— Разумѣется,—отвѣтилъ я.—Такъ, по крайней мѣрѣ, подсказываетъ логика.

— Вы сами великій еретикъ, синьоръ.

— О, нѣтъ! Не утѣшайте себя такой увѣренностью, достопочтенный отецъ. Я знаю о всемъ этомъ только потому, что получилъ хорошее образованіе. Но я никогда не присоединяюсь къ такимъ крайнимъ выводамъ. Пока сила въ рукахъ духовенства, они совершенно бесполезны. Когда же положеніе измѣнится, въ нихъ не будетъ надобности. Итакъ, будемъ продолжать наше писаніе.

Но страхъ передъ костромъ, до котораго дѣло могло и не дойти и который во всякомъ случаѣ мелькалъ только въ отдаленномъ будущемъ, на минуту пересилилъ страхъ передо мной.

— Я не хочу больше писать,—воскликнулъ онъ въ послѣднемъ припадкѣ ярости.

Я пожалъ плечами.

— Какъ вамъ угодно. Я увѣренъ, что, пораздумавъ хорошенько, я буду въ состояніи подыскать для васъ тотъ родъ смерти, котораго вы заслуживаете на основаніи вашихъ собственныхъ признаній.

Монахъ вдругъ упалъ передо мной на колѣни, забывъ и свою гордость, и свой санъ. Это была одна тѣнь того, что было раньше.

— Развѣ всего этого не довольно? Развѣ мои преступленія еще не достаточно велики? Богъ видитъ, какъ я въ нихъ раскаиваюсь. Если плоть немощна, а дьяволъ силенъ, развѣ я въ силахъ устоять противъ грѣха? Я молился, но все было тщетно.

— Меня это не касается,—отвѣтилъ я, пожимаая плечами.—Но выбирайте же что-нибудь изъ двухъ въ этомъ дѣлѣ.

— Я сдѣлаю все, что вы хотите, только не это. Это вѣдь ужасно.

— Какъ? Вы обязываетесь сдѣлать все, что желаетъ еретикъ, на котораго вы наложили самыя страшныя проклятія. Припомните-ка, достопочтенный отецъ. Вѣдь это было всего часъ тому назадъ.

— Я беру это проклятіе назадъ. Я его наложилъ, я же могу его и снять.

Я смотрѣлъ, какъ онъ извивался въ крайнемъ униженіи у моихъ ногъ. Отъ свѣта свѣчки его лицо казалось покрытымъ темными пятнами, какъ обыкновенно рисуютъ мучениковъ. Я никакъ не думалъ, что вечеръ можетъ кончиться такой потѣхой.

— Вы можете снять проклятіе, достопочтенный отецъ, но не должны этого дѣлать. Я нарочно хотѣлъ этого проклятія, чтобы показать вамъ, чего оно стоитъ. Не стоитъ его снимать. Лучше прибавьте къ нему еще что-нибудь.

Опять въ его глазахъ мелькнуло выраженіе испуга, и онъ отодвинулся отъ меня, какъ бы боясь прикоснуться ко мнѣ. Медленно и дрожа всѣмъ тѣломъ, поднялся онъ съ колѣнъ. Онъ понялъ, что его просьбы тутъ не помогутъ.

— Угодно вамъ писать дальше?—спросилъ я.

— Угодно, потому что я долженъ писать. Но если вы не дадите мнѣ торжественнаго обѣщанія пощадить мою жизнь, то я не желаю писать. Безъ того обѣщанія заставитъ меня написать эти ужасныя вещи и убить меня—одно и то же.

— Несомнѣнно, достопочтенный отецъ. Итакъ, вы желаете, чтобы я обѣщалъ вамъ пощадить вашу жизнь?

— Да. Впрочемъ, вы можете обѣщать, а потомъ скажете, что подразумѣвали при этомъ вѣчную жизнь,—прибавилъ онъ вдругъ.

— Очень можетъ быть. Ибо что такое жизнь? Насмѣшка, намекъ на нѣчто лучшее. Дѣйствительна только та жизнь, которая ждетъ насъ за гробомъ, если, конечно, она есть.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Вы должны пощадить мою здѣшнюю жизнь.

— Извольте, достопочтенный отецъ. Но, какъ разъяснили въ подобныхъ случаяхъ святые отцы, я не въ правѣ обѣщать то, что отъ меня не зависитъ. Я, конечно, могу дать вамъ обѣщаніе, но оно не обязательно для меня. Жизнь и смерть въ рукахъ Господнихъ. Если ему угодно, вы умрете черезъ меня. Развѣ я виноватъ въ этомъ? А если ему это не угодно, то какой вредъ я могу вамъ причинить?

Онъ протеръ глаза.

— Человѣчество многимъ обязано фра Николаю Эмерику и послѣдующимъ инквизиторамъ. Имъ удалось освѣтить дѣло съ новой точки зрѣнія. Итакъ, я могу дать вамъ это обѣщаніе, достопочтенный отецъ, и даже съ большимъ удовольствіемъ.

Монахъ затрясся. Было чрезвычайно забавно наблюдать за игрой его лица. Онъ былъ уже не въ силахъ скрывать то, что чувствовалъ.

— Обѣщаніе это, конечно, ни въ чемъ не можетъ мнѣ помѣшать,—началъ я опять.—У меня еще будетъ возможность замучить васъ на пыткѣ. Въ умѣ, разумѣется, я поставлю извѣстный предѣлъ пыткамъ. Но если вы умрете раньше, то въ этомъ не я буду виноватъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не стану писать дальше,—сказалъ монахъ, помолчавъ.

— Ну, нѣтъ. Писать вы будете. И при томъ безъ всякихъ обѣщаній. Иначе я прикажу пытать васъ до тѣхъ поръ, пока вамъ самому не захочется писать. Уѣзжая изъ Испаніи, я имѣлъ случай познакомиться съ новыми приемами, которые примѣняются къ упорнымъ сретикамъ. Они очень скоро приводятъ ихъ въ разумъ.

Судорога прошла по его лицу. Онъ сѣлъ къ столу и взялъ перо.

— Диктуйте,—произнесъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

— Отлично. Что это, достопочтенный отецъ? У васъ дрожатъ руки! Не обращайтесь на это вниманія. Когда дѣлаешь такого рода признанія, то это даже хорошо—производитъ больше впечатлѣнія.

«Долгое время,—началъ я диктовать,—эти мысли терзали мой умъ. Трудно удержаться, чтобы не проговориться о томъ, что лежитъ на душѣ. Однакожъ во время моего разговора съ пріоромъ у меня вырвались слова, которыя я хотѣлъ бы взять назадъ. Но было уже поздно. Пріоръ взглянулъ на меня какъ-то подозрительно. На слѣдующій день у меня пропала брошюра, въ которой излагались нѣкоторыя новыя ученія. Мнѣ стало ясно, что времени терять нечего, и, подкарауливъ пріора въ церкви, я убилъ его. Онъ молился въ церкви каждый день въ опредѣленный часъ, когда въ ней никого не было. Чтобы отвлечь подозрѣніе отъ себя, я открылъ раку Богородицы и ограбилъ ее, взявъ все ея сокровища. Потомъ я пытался вернуть ихъ,—монахи и народъ сочли бы это за чудо,—но не представлялось подходящаго случая. Я былъ напуганъ, по тому что съ этими сокровищами стало твориться что-то неладное. Я не вѣрю въ сверхъестественную силу, но всякій разъ, какъ я хотѣлъ сжечь ихъ или выбросить ихъ отъ себя, мою руку останавливала какая-то сила. Такимъ образомъ я вынужденъ былъ носить ихъ все время съ собой, лишь изрѣдка пряча ихъ въ одно потайное мѣсто. Въ настоящее время они находятся подъ алтаремъ въ часовнѣ Богородицы въ нашемъ монастырѣ».

Монахи вдругъ вскочили и впились въ меня взглядомъ.

— Откуда вы это знаете?—спросилъ онъ.

Я улыбнулся.

— Раньше я этого не зналъ, а теперь знаю.

Если бъ онъ могъ убить меня взглядомъ, онъ сдѣлалъ бы это съ наслажденіемъ.

— Изъ васъ вышелъ бы превосходный инквизиторъ,—сказалъ онъ сквозь зубы.

— Могу поручиться, что я справился бы съ этимъ дѣломъ, какъ слѣдуетъ. Но у меня нѣтъ къ нему призванія. Ну, теперь закончимъ наши признанія.

«Съ того времени я велъ жизнь, о которой мнѣ противно вспоминать и писать. Я мучился опасеніями и плотскими желаніями,

но не находилъ въ себѣ силы порвать со всѣмъ этимъ и начать новую жизнь. Я не могу вести жизнь бродяги и отказаться отъ власти надъ людьми. Но по временамъ прошлое возстаетъ передо мной, темное и страшное, и я дрожу при видѣ представляющихся мнѣ призраковъ. Тѣни моихъ жертвъ являются ко мнѣ по ночамъ и вопіютъ: покайся! покайся! но что толку—каяться человѣку? И Богородица являлась мнѣ, приказывая вернуть ея сокровища. Это, вѣроятно, была галлюцинація. Но все это очень страшно. Да проститъ меня Господь Богъ. Все это я написалъ въ припадкѣ отчаянія 20-го іюля 1572 года. Братъ Бернардо Балестеръ».

— Такъ будетъ хорошо. Если это покаяніе получить огласку, то вы прославитесь, какъ человѣкъ, еще не потерявшій окончательно совѣсть. Если васъ сожгутъ, то сожгутъ торжественно, какъ настоящаго ересіарха. Теперь остается только послать Діэго отыскивать похищенные сокровища. Когда они будутъ въ нашихъ рукахъ, вы отошлете ихъ въ Антверпенъ на храненіе къ ювелиру де-Врису и прикажете ему не выдавать ихъ никому, даже вамъ самому, если вы явитесь безъ подписаннаго мною удостовѣренія. Вамъ лучше написать письмо де-Врису теперь же, чтобы совѣмъ покончить съ этимъ дѣломъ. Благодарю васъ,—добавилъ я, когда письмо было готово.—Теперь слушайте. Пока вы не будете выходить изъ роли кающагося грѣшника, вы будете въ безопасности. Но какъ только я услышу о какихъ-либо интригахъ съ вашей стороны противъ меня,—а я, конечно, объ этомъ услышу,—я немедленно отошлю эту бумагу кому слѣдуетъ. Пріоръ церкви св. Фирмена, насколько я помню, происходилъ изъ хорошей семьи. Одинъ изъ его братьевъ—кардиналъ. Затѣмъ я васъ больше не задерживаю. Ужъ поздно, и вы, вѣроятно, устали.

Доминиканецъ тяжело поднялся, опираясь на столъ.

— Донъ Ханъ де-Торквера,—медленно заговорилъ онъ:—будьте увѣрены, что во всю жизнь я не забуду этихъ часовъ. Вы просили меня прибавить вамъ проклятій. Хорошо. Вы осилили меня ложью. Пусть же и вы погибнете отъ лжи.

— Да падетъ это проклятіе на вашу собственную голову,—строго возразилъ я.—Но во всякомъ случаѣ помните, достопочтенный отецъ, помните все и не забывайте ничего. Я боюсь, впрочемъ, что вы не исполните этого и будете раскаиваться и снова грѣшить, и такъ до скончанія жизни. Спокойной ночи!

Было уже поздно, когда я вернулся къ себѣ домой. Но спать мнѣ совершенно не хотѣлось. Мнѣ нужно было отправить мои бумаги рано утромъ. Писать надо было о многомъ, не объ одномъ отцѣ Бернардо. Вѣдь въ концѣ концовъ меня послали сюда вовсе не для того, чтобы спасать красавицъ отъ костра и препираться съ инквизиторомъ, а для того, чтобы охранять эту пограничную крѣпость—благо пламя возстанія еще не совѣмъ погасло—и обез-

печить безопасность транспортовъ, которые шли вверхъ по Рейну навстрѣчу арміи герцога Альбы. По этому вопросу передо мной на столѣ уже лежалъ рапортъ дона Руица, и мнѣ оставалось только переписать его въ своемъ донесеніи.

Остальное нужно было обдумать хорошенько, ибо все зависѣло отъ того, въ какомъ освѣщеніи дѣло будетъ представлено въ Брюсселѣ и Мадридѣ. Я не могъ сообщить имъ, что я нашелъ весь городъ готовымъ къ возстанію. Этому герцогу никогда бы не простилъ мнѣ. Наоборотъ, я старательно отмѣчалъ, что не встрѣтилъ ни одного проступка, не слышалъ ни одного слова противъ короля. Я указалъ также, что дѣйствія инквизитора совершенно не соотвѣтствуютъ приказаніямъ герцога, который запретилъ ему возбуждать процессы до моего прибытія, что процессы, которые онъ затѣвалъ, производили крайне невыгодное впечатлѣніе, такъ какъ были направлены всегда противъ богатыхъ еретиковъ, и что, по моему мнѣнію, монахъ этотъ заслуживаетъ того, чтобы его хорошенько проучить. Далѣе я писалъ, что въ виду жалобъ, принесенныхъ на отца Бернардо, вполнѣ основательныхъ и провѣренныхъ, я счелъ за лучшее ознаменовать начало моего управленія актомъ справедливости и милосердія и что, рѣшившись вести себя такимъ образомъ, я не могъ остаться равнодушнымъ, когда монахъ вздумалъ высказывать открытое непослушаніе представителю короля и дѣлать по-своему.

Таково было мое донесеніе герцогу Альбѣ.

Въ бумагахъ къ главному инквизитору я не такъ распространялся объ этомъ происшествіи, но зато прямо указывалъ на непригодность инквизитора для исполненія его обязанностей. Въ отдѣльный конвертъ, который какъ будто шелъ не отъ меня, я вложилъ исповѣдь монаха. Затѣмъ я сообщалъ главному инквизитору о Бригиттѣ Донъ и Аннѣ ванъ-Линденъ. Въ концѣ я сдѣлалъ приписку о томъ, какъ привѣтствовалъ народъ короля Филиппа.

Чего же имъ было еще желать? Однако утромъ я отправилъ это бумаги съ чувствомъ полной неувѣренности.

Я не боюсь герцога Альбы. Въ душѣ онъ можетъ бранить меня дуракомъ, но наружно онъ долженъ поддерживать въ моемъ лицѣ авторитетъ власти. Не боюсь я и главнаго инквизитора о. Михаила де-Бая, человѣка просвѣщеннаго, который самъ подвергся когда-то обвиненію въ ереси и долженъ былъ клятвенно отказаться отъ своего мнѣнія. Онъ не фанатикъ и первый будетъ радъ тому, что о. Балестера уберутъ съ его поста. Я боялся только одного человѣка, спокойнаго, съ землистымъ лицомъ. Онъ отсюда за тысячу верстъ и зовутъ его король Филиппъ. Сидя въ своей комнатѣ, онъ молча управляетъ половиной міра. Онъ не забываетъ и не прощаетъ преступленій противъ церкви. Развѣ онъ не сказалъ, что если бы его собственный сынъ былъ уличенъ въ ереси, то онъ собственными руками принесъ бы дровъ, чтобы сжечь его. Я дважды рвалъ и пе-

реписывалъ мое письмо къ одному изъ своихъ друзей, пользовавшихся вліяніемъ при дворѣ. Но какъ бы тамъ ни было, дѣло сдѣлано, и его не передѣлаешь. Да я и не хотѣлъ бы его передѣлывать.

Прошла уже добрая часть ночи, когда отправились мои курьеры, и стукъ копытъ ихъ лошадей замеръ въ ночной тиши. Я подошелъ къ окну и хотѣлъ посмотрѣть, какъ они будутъ отправляться, но можно было видѣть не далеко. Густой туманъ заволакивалъ все. Я немного постоялъ у окна. Внизу и вокругъ меня все въ городѣ спало, не опасаясь за завтрашній день, насколько въ Голландіи можно не опасаться въ нынѣшнія времена. На тревожный вопросъ, который этимъ лѣтомъ всталъ передъ всѣми голландскими городами и встанетъ затѣмъ передъ тѣми, кто преградить дорогу арміи герцога,—на вопросъ о покорности или бунтѣ—на этотъ вопросъ сегодня здѣсь былъ данъ отвѣтъ.

Я легко могу себѣ представить, какъ тревожно подвигался онъ въ эти послѣдніе дни, предшествовавшіе моему приѣзду, и какъ съ каждымъ часомъ онъ становился все настойчивѣе и настойчивѣе. Можно было слышать, какъ объ этомъ громко говорили въ тавернахъ, куда собирались люди, чтобы почерпнуть мужества въ стаканѣ вина. Объ немъ говорили и въ каждомъ домѣ, не такъ громко, но зато болѣе серьезно. Объ этомъ же говорили шопотомъ, закрывъ двери, и въ городскомъ совѣтѣ. Объ этомъ же молча, но раздраженно думалъ каждый про себя. Многие старались заглушить свой голосъ, но это не удавалось. Всю ночь этотъ вопросъ лѣзъ въ голову любому мужу и женѣ. Они не могли спать, но молчали, не желая признаться другъ другу. Въ каждомъ домѣ шли раздоры. Ибо въ одной половинѣ дома спали тѣ, кто дрожалъ отъ страха и хотѣлъ во что бы то ни стало спокойствія, а въ другой—тѣ, кто былъ готовъ скорѣе встрѣтить смерть, чѣмъ отказаться отъ своего Бога.

Одни боялись за свои богатства, другіе за своихъ женъ и дочерей, третьи за честь своего города. Боялись вообще всѣ, ибо можно было потерять многое. Вопросъ пока остался не разрѣшеннымъ. Когда сегодня утромъ народъ собрался на площади, онъ былъ еще не рѣшенъ и ждалъ своего разрѣшенія при помощи меча. Они видѣли это, видѣли съ страхомъ. Было уже поздно, и они понимали, что у нихъ не хватало мужества. И вдругъ вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ за нихъ и рѣшенъ такъ, что они все выиграли и ничего не проиграли. Прежде всего испанское управленіе дало имъ гораздо больше, чѣмъ могло бы дать имъ возстаніе. Они могли разойтись по домамъ, не рискнувъ ничѣмъ, и воображать на досугъ, что они вели себя геройски.

Они могутъ спать спокойно и должны быть благодарны. Если кому придется когда-нибудь расплачиваться за сегодняшний день, то только мнѣ, одному мнѣ. И это будетъ справедливо. Ибо тотъ, кто желаетъ управлять, кто привыкъ повторять: «я выше этого»

стада», тотъ долженъ умѣть встрѣтиться въ жизни съ многими, отъ чего ихъ бросило бы въ ужасъ.

Я отвернулся отъ окна и подошелъ къ своему столу, на которомъ тихо горѣли свѣчи въ низкихъ подсвѣчникахъ. До разсвѣта было еще далеко. Не чувствуя никакого желанія спать, я поставилъ на столъ новые подсвѣчники, сѣлъ и сталъ писать въ эту книгу все, что со мной случилось, оставляя слѣдующіе листы для дальнѣйшаго.

Гертруденбергъ, 2-го октября.

Сегодня утромъ въ половинѣ девятаго, спускаясь внизъ, я встрѣтилъ на лѣстницѣ донну Изабеллу. Я поклонился ей и вѣжливо освѣдомился о томъ, какъ она почивала.

— Боюсь, что ночью васъ беспокоили,—сказалъ я.—Я вернулся домой около двухъ часовъ ночи, а въ пять уѣзжали курьеры съ депешами. Я приказалъ имъ двигаться какъ можно осторожнѣе, но, что ни дѣлай, оружіе и шпоры производятъ шумъ.

— Прошу не беспокоиться объ этомъ, синьоръ,—отвѣчала она такъ же церемонно, какъ и я.—Когда у насъ гости, то мы заботимся только о томъ, чтобы имъ было удобно, и забываемъ о своихъ удобствахъ. Кромѣ того, насъ, дѣйствительно, никто не беспокоилъ. Но вамъ едва ли удалось отдохнуть.

Я пожалъ плечами.

— Солдатская жизнь! Я уже привыкъ къ ней и заставляю ее покоряться. Сейчасъ мнѣ нужно будетъ итти въ городской совѣтъ. Но сначала я хотѣлъ бы засвидѣтельствовать свое почтеніе мадемуазель де-Бреголлъ. Полагаю, что я не помѣшаю ей въ этотъ часъ. Ея домъ находится, кажется, на Нижней площади?

— Въ двухъ шагахъ отъ площади. Я увѣрена, что она будетъ польщена вашимъ посѣщеніемъ,—отвѣчала она серьезно и вѣжливо, но съ той особенной интонаціей, которая такъ сердила меня.

Или, можетъ быть, я становился уже черезчуръ подозрительнымъ? Едва ли. Не думаю, чтобы она сама этого не замѣчала.

— Если это не составитъ для васъ особаго труда, синьорита, то я попросилъ бы васъ сопровождать меня туда. Если я пойду одинъ, злые языки не преминутъ распустить сплетни на мой счетъ. Синьора ванъ-деръ-Веерена, какъ мнѣ сказали слуги, сейчасъ нѣтъ дома. А откладывать визита я не могу,—у меня потомъ будетъ много дѣла. Поэтому, если позволите просить васъ...

Она слегка покраснѣла, но оттого ли, что мои слова ей были непріятны, или по какой-нибудь другой причинѣ, этого я не могу сказать.

— Я исполню ваше желаніе, синьоръ,—коротко отвѣтила она.—Я только позову мою служанку, и черезъ минуту мы будемъ къ вашимъ услугамъ.

Быль прекрасный солнечный день, но на улицахъ было еще холодно и сумрачно, когда мы вышли изъ дома. Осеннее солнышко не поднялось еще такъ высоко, чтобы освѣтить кровли зданій. Отъ верхнихъ этажей на улицу падала еще тѣнь, и мы шли въ полумракѣ. Только за аркой, которая перекинута въ концѣ улицы, день уже наступилъ вполне. Это была небольшая площадка, безпрестанно затемняемая силуэтами прохожихъ. Однако съ каждымъ мгновеніемъ освѣщенное мѣсто все расширялось и расширялось, становилось все ярче и ярче. Когда мы подошли ближе и протискались сквозь толпу народу и цѣлые ряды повозокъ, то оказалось, что передъ нами довольно большая площадь, вся залитая лучами солнца, теплыми, мягкими лучами сѣвернаго осенняго солнца. При нихъ все какъ будто перемѣнило свой видъ, народъ двигался туда и сюда, и люди сіяли въ этомъ свѣтѣ, словно существа какого-то другого міра.

Я инстинктивно остановился, чтобы оглядѣться. Обернувшись къ доннѣ Изабеллѣ, я увидѣлъ, что и она, стоя молча около меня, устремила свои глаза на освѣщенную солнцемъ площадь. Мы оба стояли въ глубокой тѣни. Ея пышные волосы казались еще темнѣе, а ея кожа еще бѣлѣе отъ луча солнца, упавшаго на ея кружевной воротникъ. Взглядъ ея былъ печаленъ, чего я никогда не замѣчалъ въ ней раньше. Или, можетъ быть, это мнѣ только такъ показалось по контрасту съ солнечнымъ свѣтомъ? Какъ бы то ни было, но она была прекрасна.

Вдругъ она тихо вскрикнула и откинулась назадъ. Два солдата, шедшіе сзади насъ и, очевидно, не замѣтившіе вслѣдствіе ослѣпительнаго свѣта ни меня, ни ее, стоявшую въ тѣни, сильно толкнули ее и грубо при этомъ выругались. На мостовой было довольно скользко, и, бросившись назадъ, она потеряла равновѣсіе и упала бы, если бъ я не подхватилъ ее на руки. На одно мгновеніе ея холодная щека и душистые волосы прикоснулись къ моему лицу, и мною вдругъ овладѣло безумное желаніе поцѣловать ее и посмотреть, какъ она разсердится на меня. Впрочемъ, это желаніе тутъ же и погасло, я сталъ смѣяться надъ собой за мою сумасбродную идею. Во мнѣ шевельнулось даже презрѣніе къ самому себѣ. Неужели у меня, донна Ханна де-Хорквера, цѣтъ другой цѣли въ жизни, какъ только цѣловать хорошенькихъ жепцинь ради удовольствія посмотреть, какъ онѣ отъ этого всыхнутъ! Нужно было только взглянуть на этихъ двухъ уходившихъ солдатъ, чтобы вернуться къ дѣйствительности.

— Эй, назадъ!—крикнулъ я имъ. При звукѣ моего голоса оба солдата повернулись и, узнавъ меня, казались, окаменѣли.

— Какъ вы ведете себя?—строго спросилъ я.—Маршъ назадъ въ казармы и доложите начальству, что я велѣлъ арестовать васъ на недѣлю. Это научитъ васъ ходить осторожнѣе.

Они отдали мнѣ честь и, ни слова не говоря, тронулись обратно.

— Прошу покорнѣйше извиненія, синьорита, за ихъ грубость. Это грубые люди, они явились сюда послѣ четырехъ мѣсяцевъ войны и не привыкли еще вести себя, какъ слѣдуетъ, въ городѣ, въ который они не ворвались штурмомъ черезъ брешь въ стѣнѣ. Но, какъ видите, дисциплина у нихъ есть. Больше они не будутъ толкаться, пока они здѣсь. Еще разъ прошу извиненія.

— Въ этомъ нѣтъ надобности, синьоръ. Война есть война. Какъ можемъ мы рассчитывать на уваженіе со стороны иностранцевъ, если мы не въ состояніи защищать сами себя?—съ горечью сказала она.

Въ ея словахъ была сама правда, и я не могъ спорить съ ней. Дѣйствительно, куда бы мы ни приходили, мы почти не встрѣчали сопротивленія со стороны этого народа, и мы не обращали на него никакого вниманія. Мнѣ хотѣлось бы что-нибудь сказать, чтобы возразить ей, но у меня не нашлось для этого словъ.

— Вы слишкомъ строги, синьорита,—произнесъ я наконецъ.

— Не имѣла въ виду быть такой,—холодно отвѣтила она.

Черезъ залитую солнцемъ площадь, какимъ-то темнымъ, зажатымъ между высокими домами переулкомъ мы вышли на небольшую тихую площадь, обѣнную старыми липами. Она была обставлена старинными аристократически глядѣвшими домами, кое-гдѣ нѣсколько уже обветшавшими и запустѣвшими. Они какъ будто хотѣли сказать, что времена ихъ расцвѣта давно миновали. Впослѣдствіи я узналъ, что это были дома богатѣйшихъ людей въ городѣ, и что инквизиція пожинала здѣсь обильную жатву, такъ что у владѣльцевъ этихъ домовъ или ихъ наслѣдниковъ остались слишкомъ незначительныя средства, чтобы поддерживать былой блескъ. Сіеръ де-Бреголлъ прожилъ жизнь, не запятнавъ себя ничѣмъ, но и онъ обѣднѣлъ, и его вдова съ дочерью вели теперь скромный и уединенный образъ жизни.

У дома, согласно приказанію, которое я отдалъ вчера, стоялъ часовой. Теперь онъ былъ уже не нуженъ. Инквизиторъ былъ въ моей власти, и дѣло это можно было считать оконченнымъ. Я приказалъ часовому уйти и постучалъ въ дверь. Намъ отворила дверь дѣвушка съ прекрасными волосами, но нѣсколько блѣднымъ лицомъ—испанская манера управлять обладала секретомъ дѣлать людей блѣдными даже въ Голландіи. Намъ повели наверхъ. Здѣсь были такія же панели и такая же отдѣлка, какъ и въ домѣ вагъ-деръ-Веерена. Не осталось только цѣнныхъ вещей и картинъ. Очевидно, буря, которая дважды поднималась надъ этимъ домомъ, унесла ихъ съ собою.

Мадемуазель де-Бреголлъ приняла насъ радушно, съ той величавой граціей, которая всегда заставляла меня чувствовать какъ будто въ присутствіи королевы, отъ которой я могу получить

какую-нибудь милость и которой нельзя оказывать эту милость. А между тѣмъ я подарилъ ей жизнь, и теперь пришелъ сюда для того, чтобы сказать, что я обезопасилъ эту жизнь, насколько человѣкъ можетъ заглядывать въ будущее.

Она приняла насъ одна, такъ какъ ея мать была нездорова. Я сказалъ то, что обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ, и затѣмъ сразу перешелъ къ цѣли моего посѣщенія.

— Вчера вечеромъ у меня былъ продолжительный разговоръ съ отцомъ Бернардо. Въ концѣ концовъ онъ сознался, что онъ вполне убѣжденъ въ вашей невинности, такъ что я могу въ настоящее время объявить вамъ, что вы совершенно свободны отъ всякаго судебного преслѣдованія. Мнѣ хотѣлось сказать вамъ объ этомъ поскорѣе. Вотъ почему я просилъ синьориту ванъ-деръ-Вееренъ проводить меня сюда, не взирая на то, что вы, можетъ быть, еще нуждаетесь въ отдыхѣ. Вы такъ храбро прошли черезъ всѣ судебныя испытанія, что мнѣ трудно считать васъ женщиной. Только идя сюда, я сообразилъ, что съ моей стороны, пожалуй, нескромно являться къ вамъ такъ рано,—прибавилъ я, бросивъ боковой взглядъ на донну Изабеллу.

Мадемуазель де-Бреголлъ слегка покраснѣла отъ моихъ словъ.

— Прошу не думать этого, синьоръ,—сказала она.—Моя мать—она надѣется поблагодарить васъ въ другой разъ—и я, мы всегда будемъ считать вашъ приходъ особой для насъ милостью. Иначе и быть не можетъ послѣ всего того, что вы сдѣлали. Кромѣ того, я теперь вполне отдохнула и успокоилась.

Она сказала это съ большой теплотой и съ такимъ достоинствомъ, что мнѣ оставалось только отвѣсить ей поклонъ и промолвить:

— Вы очень добры, синьорита.

— Я говорю, что чувствую, синьоръ. Но я забыла свои обязанности хозяйки,—съ улыбкой прибавила она и позвонила въ колокольчикъ, который стоялъ возлѣ нея на столѣ.

Вошелъ слуга съ подносомъ, на которомъ были двѣ бутылки вина, стаканы и фрукты.

— Это испанское вино, а это бургундское, съ нашей родины. Пожалуйста, берите, какое вамъ лучше нравится.

— Въ такомъ случаѣ я выпью бургундскаго,—сказалъ я съ поклономъ.

Чокаясь съ ней, я встрѣтилъ ея прямой открытый взглядъ и сквозь зеленые стаканы уловилъ недовѣрчивый взглядъ донны Изабеллы. Черезъ головы моихъ собесѣдницъ я видѣлъ въ открытое окно, какъ липы тянулись своими вѣтвями къ голубому небу.

— Я былъ во Франціи и удивлялся ея чуднымъ виноградникамъ. Но я былъ тамъ во время войны и боюсь, что у населенія остались не особенно хорошія воспоминанія о нашемъ посѣщеніи. Это ужъ

несчастье каждаго солдата вносить всюду, гдѣ онъ появляется, разореніе и разрушеніе.

— Вы, конечно, не можете сказать этого о себѣ,—попробовала она возразить.

— Однажды судьба, дѣйствительно, улыбнулась мнѣ,—отвѣчала я.—Впрочемъ, отецъ Бернардо можетъ вѣдь еще и отравить меня, когда очутится на свободѣ. А, можетъ быть, и я самъ буду отозванъ отсюда. Не бойтесь,—прибавилъ я, замѣтивъ въ ея глазахъ участливое выраженіе:—этого сейчасъ ожидать нельзя, хотя будущее никому неизвѣстно. Поэтому я хочу, чтобы вы знали все до мелочей, чтобы въ случаѣ крайности,—которая, будемъ надѣяться, не настанетъ,—вы могли защищать себя сами. Достопочтенный отецъ принесъ полное покаяніе въ своихъ грѣхахъ. Оно изложено въ двухъ частяхъ. Первая часть касается случая съ вами. Эта часть уже отправлена мною его духовному начальству. Вторая часть относится къ его прежней жизни. Все это произошло нѣсколько лѣтъ тому назадъ, хотя покаяніе и написано не такъ давно. Его прегрѣшенія тяготили его совѣсть, и теперь, когда онъ принесъ мнѣ повинную, ему стало легче. Онъ можетъ быть увѣреннымъ, что я не выдамъ его. Поэтому будемъ держать его покаяніе въ тайнѣ отъ другихъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не вынудитъ насъ обнародовать его. Но вы, которой это дѣло прямо касается, имѣете право узнать все теперь же.

Съ этими словами я подалъ ей бумаги. Она прочла ихъ молча.

— Кто могъ подумать, что въ немъ скрывались такія чувства и мысли,—пробормотала она.—Вы сильно его пытали?—тихо спросила она, отводя отъ меня глаза.

— Я совѣмъ не подвергалъ его пыткамъ. Я видѣлъ, что достопочтенный отецъ не принадлежитъ къ числу героевъ. Одного упоминанія о пыткахъ оказалось достаточно. Досадно, что онъ лишилъ меня возможности попробовать ихъ на немъ.

— А я объ этомъ не жалѣю,—тихо промолвила она.

— Ты слишкомъ скоро все забываешь, сестра. Я бы сама пытала его безъ всякаго сожалѣнія,—яростно воскликнула донна Изабелла.

— Ты не видала и не испытала сама пытокъ, Изабелла,—возразила мадемуазель де-Бреголлъ. Она произнесла эти слова мягко, но такимъ тономъ, который разомъ заставилъ насъ замолчать.

Я положилъ бумаги въ карманъ.

— Говоря по правдѣ,—сказалъ я послѣ нѣкоторой паузы,—эти признанія были не совѣмъ добровольны. Но ясно, что я долженъ былъ покончить съ этимъ монахомъ, если бы мнѣ не удалось получить что-нибудь такое, что отдавало бы его мнѣ во власть. Онъ чловѣкъ неглупый, и самъ понималъ это. Я задалъ ему вопросъ, какому роду смерти онъ отдаетъ предпочтеніе. Оказалось, что у него такого

предпочтенія нѣтъ. Онъ еще долго не хотѣлъ разсказать мнѣ все объ этомъ дѣлѣ, и если бы мой слуга Діэго случайно не зналъ о немъ кое-что, то мнѣ, пожалуй, въ концѣ концовъ пришлось бы преждевременно отправить его въ лоно святыхъ. Но когда исчезаетъ безъ вѣсти какой-нибудь монахъ, всегда поднимается большая возня. А эти доминиканцы особенно стоятъ другъ за друга. Такимъ образомъ, все уладилось какъ нельзя лучше. Лично я съ большой неохотой отпускаю его на свободу и къ стыду своему долженъ сознаться, что моя власть не простирается такъ далеко, чтобы повѣсить его, какъ онъ этого заслуживаетъ. Но наше время еще не созрѣло до того, чтобы судить священника, какъ всякаго другого смертнаго.

— Я гораздо болѣе довольна, что онъ остался въ живыхъ,— мягко возразила мадемуазель де-Бреголлъ.— Еще разъ приношу вамъ свою благодарность.

— Пока еще рано благодарить. Мы еще не видали, чѣмъ кончить отецъ Бернардо. Пока онъ не явится къ себѣ въ монастырь въ роли кающагося грѣшника, до тѣхъ поръ онъ въ моихъ рукахъ, а тамъ дальше увидимъ.

На этотъ счетъ у меня были свои планы, но незачѣмъ были раскрывать ихъ передъ мадемуазель де-Бреголлъ.

— Теперь я долженъ съ вами проститься. Beso los piés de Usted.

Услыхавъ эту испанскую формулу прощанія, она слегка вспыхнула.

— Синьорита ванъ-деръ-Вееренъ, буду ли я имѣть удовольствіе проводить васъ домой? Послѣ двѣнадцати часовъ никто не оскорбитъ васъ даже взглядомъ, но такъ какъ наказаніе, наложенное мною на тѣхъ двухъ солдатъ, станеть извѣстно другимъ не раньше этого времени, то теперь вамъ лучше вернуться въ мое общество.

Она согласилась и покорно сказала:

— Благодарю васъ, я согласна.

— Донна Изабелла сдѣлалась сегодня утромъ жертвой грубости двухъ моихъ солдатъ, о чемъ я чрезвычайно сожалѣю,—объяснилъ я своей хозяйкѣ.—Но этого больше не повторится.

Мы распрощались. Когда донна Изабелла уже вышла, мадемуазель де-Бреголлъ жестомъ руки удержала меня.

— Синьоръ,—сказала она тихимъ голосомъ, слегка краснѣя:—у меня остался вашъ плащъ. Позвольте мнѣ сохранить его въ воспоминаніе того, что вчера случилось, и того, что вы сдѣлали!

Я поклонился.

— Вы оказываете мнѣ большую честь, синьорита. Мнѣ и въ голову не могло прійти, что мой бѣдный плащъ получить когда-нибудь столь благородное употребленіе.

Когда мы вновь очутились на улицѣ, донна Изабелла не показывала большой охоты поддерживать разговоръ. Я тоже смолкъ и довольствовался тѣмъ, что сталъ наблюдать игру свѣта и тѣни на

ея лицѣ. Стоило взглянуть на ея смуглую кожу, гладкую, какъ полированная слоновая кость, на ея темные блестяще волосы и гордый ротъ. Мало-по-малу щеки ея порозовѣли, можетъ быть, оттого, что я пристально смотрѣлъ на нее и она это, не видя моего взгляда, чувствовала. Мы почти уже дошли до ея дома, какъ вдругъ навстрѣчу намъ показалась толпа горожанъ человѣкъ изъ пяти, одѣтыхъ въ свои лучшія платья. Увидя насъ, они вдругъ было остановились, но потомъ, отвѣсивъ глубокій поклонъ, тронулись дальше. Въ срединѣ шель толстый дородный человѣкъ, пышущій здоровьемъ, хорошій, хотя и не вызывающій на подражаніе, образчикъ голландскаго бюргера.

— Ваше превосходительство,—началь этотъ дородный молодецъ, снявъ шляпу.—Прошу извиненія за то, что мы прервали вашу прогулку. Но интересы города прежде всего,—мы идемъ къ городскому дому, жажда услышать вашу рѣчь. Встрѣтивъ васъ здѣсь, я, Янъ ванъ-Тилеъ, котораго вы, несомнѣнно, помните, я и мои коллеги имѣемъ честь поздравить васъ съ прибытіемъ вчера въ нашъ городъ. А это мои друзья Адріанъ Гульдъ, Петеръ Поттеръ и Яковъ Ааленъ. Они просили меня выступить за нихъ передъ вашимъ превосходительствомъ. Мы, а въ особенности я, должны заявить серьезныя жалобы на солдатъ, расположенныхъ въ нашихъ домахъ. Зная вашу справедливость, мы увѣрены, что вы изволите ихъ выслушать.

— Нельзя ли обождать съ этимъ дѣломъ?—спросилъ я полусердито, полусмѣясь.—Вы видите, я иду съ дамой.

— Я вижу это, ваше превосходительство. Съ вами прекрасная дочка нашего бургомистра и моего пріятеля ванъ-деръ-Веерена. Сударыня, позвольте мнѣ засвидѣтельствовать свое почтеніе. Но наше дѣло не терпитъ отлагательства. Даже въ данную минуту, по всему вѣроятію, творятся безчинства.

— Въ такомъ случаѣ хорошо, говорите,—сказалъ я.

Я не рассчитывалъ на то, что доннѣ Изабеллѣ придется выслушать это дѣло и мой отвѣтъ на его просьбу.

— Въ моемъ домѣ стоитъ сержантъ и десять рядовыхъ первой роты,—началь голландецъ.—На это я не жалуясь, у меня домъ большой, и всѣмъ хватить мѣста. Я давалъ имъ хорошую пищу: я вѣдь человѣкъ не бѣдный. Я давалъ имъ пива и легкаго здороваго вина—сидра или чего-нибудь въ этомъ родѣ, какъ даю всѣмъ, кто живетъ у меня. Вечеромъ имъ показалось этого мало, и они потребовали, чтобы имъ все давалось лучшаго качества. Я человѣкъ щедрый и сказалъ служанкѣ, чтобы она пошла въ погребъ и принесла оттуда боченокъ прекраснаго крѣпкаго пива. Приготовленіемъ пива я славлюсь на весь Антверпенъ. Всякій разумный человѣкъ на ихъ мѣстѣ былъ бы доволенъ, но сержантъ началъ ругаться, прибавивъ два-три словца насчетъ голландской души, которыхъ я хоро-

шенько не понялъ, но которыя, очевидно, имѣли оскорбительный смыслъ, потому что другіе покатались со смѣху. Потомъ онъ съ двумя своими солдатами отправился за служанкой въ погребъ, и здѣсь они вели себя самымъ безобразнымъ образомъ. Начали они съ того, что стали цѣловать и тискать служанку. Прошу извиненіе, что я упоминаю объ этомъ въ вашемъ присутствіи, юффрау ванъ-деръ-Веерепъ. Я самъ слышалъ, какъ взвизгивала служанка. Впрочемъ, дѣло не въ этомъ. Она уже не первой молодости и, можно сказать, привыкла къ этому. Потомъ они наложили свою руку на дюжину бутылокъ чуднаго стараго рюдесхаймера, котораго у меня былъ очень небольшой запасъ. Я приберегалъ его для праздниковъ, чтобы имѣть возможность при случаѣ выпить и самому. Какимъ образомъ они, едва прибывъ изъ Испаніи,—они сами говорили мнѣ, что прибыли оттуда только весной,—какимъ образомъ они научились различать качество винъ—это для меня загадка. Это вино можно было распознать только по особаго вида бутылкамъ, которыя были заказаны для него нарочно. Но служанка этого не знала. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство стало имъ извѣстно. Они выпили всѣ двѣнадцать бутылокъ—каждый по одной бутылкѣ, а двѣнадцатую отдали служанкѣ, которой ничего подобнаго не приходилось пробовать за всю свою жизнь. Боюсь, что сегодня они заберутъ изъ погреба еще больше. Если такъ будетъ продолжаться дня два-три, у меня ничего не останется. Прошу защиты, ваше превосходительство.

Онъ хорошо усвоилъ себѣ урокъ. Но дѣло оборачивалось ко мнѣ худой своей стороной. Вы исправляете какую-нибудь великую несправедливость и, можетъ быть, не безъ большого риска для себя, а люди, вмѣсто того, чтобы терпѣливо переносить маленькія непріятности, которыхъ нѣтъ возможности устранить, начинаютъ жаловаться на пустяки, осаждаютъ своими требованіями справедливости. И наоборотъ, если вы держите ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, они довольны уже тѣмъ, что сохранили свою жизнь, и не говорятъ ни слова.

Когда онъ окончилъ свою рѣчь, я разсмѣялся. Онъ не понималъ причины моего смѣха и принялъ его за поощреніе.

— Ваше превосходительство изволили понять, почему я рѣшился васъ беспокоить теперь же?—спросилъ онъ.

— У васъ нѣтъ другихъ жалобъ, кромѣ этой?

— Они переломали еще кое-какую мебель, но я уже объ этомъ не говорю. Стулья были не изъ новыхъ.

— Они не переломали вамъ ребра, не оскорбили вашу жену и дочерей и не подожгли вашъ домъ? — продолжалъ я разспрашивать.

— Что вы, ваше превосходительство,—пробормоталъ онъ, отступая назадъ.

— Нѣтъ? А вѣдь это легко могло бы произойти. Все это они дѣлали, а иногда и кое-что похуже этого. Вамъ не приходилось слышать о томъ, что произошло, на примѣръ, въ Утрехтѣ и другихъ мѣстахъ. Если нѣтъ, то постарайтесь разузнать объ этомъ. И тогда вы задумаетесь прежде, чѣмъ беспокоить меня изъ-за нѣсколькихъ бутылокъ рейнвейна. Какія-то бутылки съ виномъ! Неужели вы думаете, что если я спасъ дѣвushку отъ костра, то вы можете во всякое время обращаться ко мнѣ со всякими пустяками. Въ моихъ рукахъ и все ваше состояніе и вся ваша жизнь,—на вашъ городъ падаетъ подозрѣніе въ ереси и приготовленіи къ бунту, и если бѣ мнѣ вздумалось, то я нашель бы тысячу основаній повѣсить или сжечь васъ, стащить съ васъ одежду, которую вы носите. Если я до сихъ поръ относился къ вамъ милостиво, то это была моя добрая воля, которую я сейчасъ же могу перемѣнить. Какія-то бутылки! Неужели наши времена не настолько серьезны, чтобы думать о чемъ-нибудь другомъ? А вы еще стремитесь къ свободѣ! Это требуетъ тяжелыхъ усилій и лишеній, а не то, что запаса рейнвейна. Я не разъ удивлялся, какъ это съ горстью людей мы можемъ управлять цѣлыми городами. Теперь я это понимаю. Вѣдь вы думаете только о вашихъ деньгахъ и сырахъ. Бутылки! Посмотрите на себя въ зеркало. Вы пьшitezдоровьемъ. Благодарите Бога за каждую бутылку, которую у васъ берутъ. Отъ этого для васъ будетъ меньше опасности умереть отъ удара.

Онъ окончательно сконфузился и, не произнося ни слова, смотрѣлъ на меня, широко раскрывъ ротъ.

— Всѣ ваши жалобы такого же рода?—спросилъ я, обращаясь къ остальнымъ бюргерамъ, пришедшимъ съ нимъ.—Въ такомъ случаѣ извините, я долженъ проводить до дому юффрау ванъ-деръ-Вее-ренъ. Имѣю честь кланяться.

Я уже ожидалъ чего-нибудь подобнаго, хотя и не думалъ, что это выйдетъ такъ скоро и такъ пошло. Мое вступленіе въ городъ вышло такъ необычно и не могло не вкружить голову многимъ. Я чувствовалъ, что они воображаютъ, что наступилъ золотой вѣкъ, что теперь они будутъ смѣяться надъ королемъ Филиппомъ и я буду имъ въ томъ помогать. Чѣмъ скорѣе они разочаруются въ этомъ, тѣмъ лучше.

Мы пошли дальше. Донна Изабелла шла рядомъ со мной. На щекахъ ея горѣлъ румянецъ, глаза были опущены. Я зналъ, что ей стыдно и досадно—стыдно за народъ, который ведетъ себя такъ, какъ эти бюргеры, досадно за то, что они принуждены выслушивать упреки иностранца, не смѣя ему возражать. Оттого, что мои слова были правдой, ей не было легче.

— Итакъ, синьорита,—сказалъ я послѣ нѣкотораго молчанія:—вы полагали, что такой народъ могъ бы вчера выдержать нашу атаку? Вы еще и теперь такъ думаете?

Она повернулась ко мнѣ. Глаза ея горѣли.

— Ванъ-деръ-Тилень и его пріятели—это еще не весь городъ.

— Но въ немъ немало такихъ, которые похожи на нихъ, можетъ быть, такихъ большинство. Иначе, какъ могло бы все дойти до такого положенія? Армія, во главѣ которой герцогъ Альба выѣхалъ пять лѣтъ тому назадъ въ Брюссель, не превышала двадцати тысячъ. Я знаю это потому, что мой отрядъ входилъ въ нее. А здѣсь, въ Нидерландахъ, по крайней мѣрѣ миллионъ людей, способныхъ носить оружіе.

Мои слова были жестоки, но вѣрны. Казалось, она чувствовала это и сама. Ея щеки покраснѣли еще болѣе.

— Да, полмилліона людей, не обученныхъ военному дѣлу,—возразила она.—А для васъ война—профессія. Сравненіе ваше невѣрно.

— Не всѣ изъ нихъ не обучены военному дѣлу. А если и такъ, то пусть они выучатся этому дѣлу сами,—безжалостно продолжалъ я.—Кромѣ того, они могутъ имѣть сколько угодно солдатъ изъ-за Рейна, стоитъ только раскошелиться.

— Не можете же вы требовать, чтобы мы въ одно и то же время соблюдали миръ и готовились къ войнѣ,—возразила она, стараясь побѣдить меня своими доводами.—Нельзя рассчитывать, чтобы всякій благоразумный хозяинъ рисковалъ всѣмъ своимъ имуществомъ изъ-за безумнаго предпріятія. Вы же сами удивлялись вчера зажиточности Голландіи.

— Это вѣрно. Но если эта зажиточность заставляетъ народъ вести себя подобнымъ образомъ, то я предпочитаю держаться испанскихъ воззрѣній, въ силу которыхъ торговля не пользуется у насъ большимъ почетомъ, и ни одному дворянину не позволено заниматься этимъ презрѣннымъ дѣломъ.

— Мой отецъ также занимается этимъ «презрѣннымъ» дѣломъ, какъ вы изволили выразиться,—гордо возразила она.

— Да, синьорита. Но онъ такой же благовоспитанный человѣкъ, какъ и всякій дворянинъ. Въ его жилахъ течетъ благородная испанская кровь—не забывайте—испанская, точно такъ же, какъ и въ васъ.

— Я хотѣла бы, чтобы во мнѣ ея вовсе не было!—страстно воскликнула она.—Я ненавижу самое названіе Испаніи, которая внесла нищету и разореніе въ наши дома, сдѣлала изъ нашей страны огромную бойню, посылая на висѣлицу и на эшафотъ людей, вся вина которыхъ только въ томъ, что они рѣшаются молиться Богу по-своему.

— Станный разговоръ вы ведете съ губернаторомъ короля Филиппа, синьорита.

Въ это время мы уже подошли къ ея дому. Безстрашно глядя на меня, она остановилась на порогѣ.

— Вы можете сжечь меня за это, если это доставить вамъ удовольствіе. Наша жизнь вѣдь въ вашихъ рукахъ, какъ вы сказали. Я не возьму своихъ словъ назадъ изъ страха передъ смертью или вами.

— Не думаю, чтобы ваши послѣднія слова были вѣрны,—спокойно промолвилъ я.

— Не знаю,—перебила она меня такимъ же сухимъ тономъ.— Время покажетъ. Если они не оправдаются, то прошу извиненія. Но мы уже подошли къ дому. Благодарю васъ за то, что проводили меня, синьоръ.

— Это я долженъ благодарить васъ. Мое почтеніе господину ванъ-деръ-Веерену,—холодно отвѣчалъ я.

— Не сдѣлаете ли вы намъ честь пожаловать къ намъ на обѣдъ? Уже около двѣнадцати часовъ.

Голосъ ея измѣнился. Можетъ быть, она раскаивалась въ томъ, что не сдержалась въ своемъ возбужденіи.

Я отклонилъ приглашеніе.

— Благодарю васъ, я не могу. Меня, вѣроятно, задержать въ городскомъ домѣ.

По дорогѣ къ городскому дому я самъ удивлялся своему терпѣнію. Здѣсь, въ этомъ городѣ, гдѣ я облеченъ властью казнить и миловать, эта дѣвушка рѣшается отнестись къ моей власти съ презрѣніемъ, а къ смерти съ насмѣшкой. Какъ будто она для нея недостижима. Вѣдь если бъ я только захотѣлъ, я могъ бы надѣлать такихъ дѣлъ, что сама смерть показалась бы милосердіемъ. На нашемъ фамильномъ гербѣ тигръ, и подкунить его нельзя. Нельзя его тронуть и мольбами, когда онъ впуситъ когти въ свою добычу.

Прогулка охладила меня и мнѣ самому стало смѣшно при мысли о томъ, что я такъ много занимаюсь ею. Я пренебрежительно покачалъ плечами. Ужъ, конечно, не съ дамскими настроеніями будутъ сообразоваться мои дѣйствія.

Я не совсѣмъ еще успокоился, когда подошелъ къ высокому готическому зданію, въ которомъ, очевидно, дѣлалась исторія этого города. Но какія маленькія рѣшенія принимались здѣсь.

Въ «комнатѣ принца», названной такъ въ честь принца Оранскаго, къ владѣніямъ котораго принадлежалъ прежде этотъ городъ, я нашелъ дона-Руица-де-Пертеня. Онъ сидѣлъ въ уединеніи на чемъ-то вродѣ трона и еле сдерживалъ зѣвоту, когда я вошелъ. Повидимому, постъ вице-короля въ Гертруденбергѣ оказался не изъ веселыхъ. Правда, сливки вчера снялъ я, и для дона-Руица осталось немного.

Онъ всталъ и сдѣлалъ мнѣ краткій докладъ. Все пустяки и ничего серьезнаго.

— Сегодня утромъ судили капитана Родригеца,—сказалъ онъ подъ конецъ.

— А какой приговоръ постановилъ судъ?

— При томъ оборотѣ, какой вы дали этому дѣлу, другого приговора быть не могло, какъ смертная казнь. Бумага лежитъ здѣсь въ ожиданіи вашей подписи.

— Отлично. Дайте мнѣ перо и чернилъ, и я ее подпишу. Вотъ. Покончите со всѣмъ этимъ сегодня послѣ обѣда гдѣ-нибудь за городскими воротами. Добрые горожане не должны ничего видѣть.

— Я тоже такъ думаю. Здѣсь есть подходящее для этого мѣсто—тамъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ поворотъ. Вчера я случайно былъ тамъ, осматривая мѣстоположеніе города.

— Отлично. Поручаю это дѣло вамъ. Это надѣлаетъ вамъ хлопотъ. Да и тутъ вамъ, кажется, нѣтъ особаго удовольствія сидѣть.

— Почему же, донъ-Хаимъ?

— Судя по тому выраженію вашего лица, которое я видѣлъ, когда вошелъ сюда.

— Да, конечно, вѣдь подвигъ-то совершили вы. Не я, а вы спасли эту даму отъ эшафота,—сухо замѣтилъ донъ-Руицъ.—Карамба! Что это за прелесть! Какъ я завидую вамъ, донъ-Хаимъ.

— Что вы хотѣли этимъ сказать?—спросилъ я сердито.

— Эта дама не захочетъ остаться неблагодарной! Никто не повѣритъ, что вы рѣшились такъ открыто бросить вызовъ св. церкви, да еще въ царствованіе короля Филиппа, и даже рискнуть своей жизнью, не рассчитывая на кое-что.

— И вы также, донъ-Руицъ? А что если я дѣйствительно ни на что не рассчитывалъ?

— Тогда это было бы черезчуръ глупо, извините за выраженіе. Это было смѣлымъ дѣломъ и ловкимъ ударомъ, но я боюсь, что когда-нибудь вы за это дорого заплатите. И было бы странно, если бъ вы, холодная расчетливая которая дѣйствуетъ даже на герцога Альбу, отказались бы вдругъ отъ требованія своей натуры.

— Итакъ, вы также не считаете меня способнымъ совершить благородное дѣло ради него самого?

— Ну, благородныя дѣла такого рода нейдутъ къ нашему положенію и къ такому времени. И, конечно, она испытала бы лучшую жизнь, пользуясь вашей мимолетной страстью, чѣмъ выйдя замужъ за какого-нибудь голландскаго чурбана и народивъ ему дюжину такихъ же чурбановъ, какъ и онъ самъ.

— А если она все-таки любить не меня, а этого чурбана?

— Это невозможно, если она умѣетъ выбирать. Вы сами этому не вѣрите, донъ-Хаимъ.

— А если я считаю ее хорошей, чтобы сдѣлать изъ нея игрушку для себя? Она благороднаго происхожденія. Послѣ всего того, что случилось, я не могу сдѣлать ее своей женой, а чѣмъ-нибудь другимъ она для меня никогда не будетъ. Скорѣе она умерла бы. Вы не знаете этотъ типъ женщинъ. Я спасъ ее—безполезно разсуждать

теперь, почему. Можетъ быть, потому, что мнѣ не понравилось лицо отца Бернардо. Какъ бы то ни было, дѣло сдѣлано. Послѣдствія понесу я.

— Вы здѣсь владыка и всячески можете проявлять свою волю. Я не буду спорить объ этомъ,—прибавилъ онъ, едва замѣтно пожимая плечами.—Я тоже не люблю доминиканцевъ. Но это преопасная порода. Берегитесь отца Бернардо, когда онъ очутится на свободѣ.

— Вчера вечеромъ я засталъ его въ великомъ сокрушеніи. И онъ просилъ меня переслать его духовному начальству полное исповѣданіе въ своихъ грѣхахъ, которое должно повлечь за собой и соотвѣтствующее наказаніе.

Донъ-Руицъ засмѣялся.

— Вы меня сейчасъ заставили было забыть, что немного найдется людей, способныхъ оказать сопротивленіе вашимъ мягкимъ приѣмамъ. Надѣюсь, что его покаяніе будетъ длиться долго.

— Надѣюсь, что такъ. Онъ кое-что мнѣ поразсказалъ, и его прежняя жизнь оказалась очень интересной.

Донъ-Руицъ снова разсмѣялся. Потомъ, сдѣлавшись опять серьезнымъ, онъ сказалъ:

— Будутъ ли, однако, довольны всеѣмъ этимъ въ главной квартирѣ? Этотъ монахъ—обманщикъ, и онъ, конечно, будетъ высланъ отсюда. Но что, если они возымѣютъ ошибочную мысль, будто вы воспротивились этому созженію изъ-за своихъ личныхъ цѣлей? Надо же считаться и съ тѣмъ, какое это произвело впечатлѣніе на народъ?

— Обо всемъ этомъ я уже подумалъ,—весело отвѣчалъ я.—Если они захотятъ зажечь пожаръ, то для этого готово все, стоитъ только поджечь.

Донъ-Руицъ взглянулъ на меня въ изумленіи.

— Однако, вы не теряли времени даромъ. Не удивительно, что вы провели его нескучно. Временами вы бываєте на половину демономъ. Помните, какъ когда-то въ замкѣ Ларивардеръ вы обѣщали графинѣ безопасность отъ вашихъ войскъ и ночью проложили себѣ путь въ ея комнату. Сегодня утромъ я едва узналъ васъ. Но теперь я успокоился за васъ.

Я нахмурился. Я не люблю, когда мнѣ напоминаютъ объ этой исторіи.

— Не подумайте, что это упрекъ, донъ-Ханмъ,—быстро сказалъ донъ-Руицъ.—Это не подобало бы мнѣ, вы вѣдь мой начальникъ, да, кромѣ того, вы дважды спасли мнѣ жизнь. Да и будь я самъ на вашемъ мѣстѣ, я сдѣлалъ бы то же самое: графиня была такъ хороша, что и святого ввела бы во искушеніе. Кто могъ предполагать, что она отнесется къ этому такъ трагически?

Я, впрочемъ, зналъ, что донъ-Руицъ никогда бы не сдѣлалъ того же самаго: онъ не нарушилъ бы своего слова.

— Я видѣлъ ее только мертвой, — продолжалъ онъ. — Но вчера мадемуазель де-Бреголлъ напомнила мнѣ о ней. Это очень странно, потому что онѣ не похожи другъ на друга. Впрочемъ, я говорю, не думая. Прощу васъ извинить меня.

— Ничего, донъ-Руицъ. Только, пожалуйста, не вспоминайте больше объ этомъ.

Это воспоминаніе было темнымъ пятномъ въ моей жизни, но мой лейтенантъ не вполне знаетъ, какъ было дѣло. Это произошло много лѣтъ тому назадъ, но я стараюсь не вспомнить объ этомъ. Но если что-нибудь напоминаетъ мнѣ объ этомъ, я мысленно снова переживаю эту ночь со всѣми ея утѣхами, ужасами и угрызениями совѣсти. замокъ графини охранялся очень небольшимъ количествомъ прислуги, и она отказалась впустить насъ къ себѣ, если мы не дадимъ торжественнаго обѣщанія, что возьмемъ ее подъ свое покровительство. Графъ былъ въ отъѣздѣ, и ея опасенія имѣли основанія. Я далъ обѣщаніе, котораго она требовала, и рассчитывалъ сдержать его. Я былъ тогда молодъ и мнѣ въ голову не приходило, что можно какъ-нибудь перетолковать свое слово. Когда настала ночь, мнѣ пришлось охранять графиню отъ одного лица, которое было гораздо сильнѣе меня, въ присутствіи котораго мое обѣщаніе и ручательство теряло всякую силу, и которое я не могъ убить. Онъ пріѣхалъ вдругъ безъ всякихъ предупрежденій. Я чувствовалъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Мнѣ удалось подслушать его переговоры со служанкой, черезъ комнату которой надо было пройти, чтобы добраться до графини. Сначала я очень удивлялся, зачѣмъ мнѣ было приказано расположиться въ этомъ замкѣ, когда мой маленький отрядъ въ теплую лѣтнюю ночь легко могъ ночевать и гдѣ-нибудь въ полѣ. Теперь я понялъ это. Откладывать было нельзя. Я ринулся впередъ и предупредилъ графиню, чтобы она не пугалась. Боже мой! Я до сихъ поръ вижу, какъ въ полутьмѣ комнаты поднялась ея бѣлая фигура, какъ отразился слабый свѣтъ лампы въ ея обезумѣвшихъ отъ ужаса глазахъ. Я раньше встрѣчался съ ней три раза въ Брюсселѣ, другой разъ передъ войной, когда король нѣсколько дней гостилъ у графа; третій разъ въ этотъ вечеръ. Я совершенно не подозрѣвалъ, что мнѣ придется видѣть ее въ четвертый разъ — въ ту же ночь. Она стояла неподвижно, какъ окаменѣлая. Я подошелъ къ ней, сталъ шептать ей на ухо и, не встрѣчая никакого сопротивленія, обнялъ ее за талію. Сзади меня раздался какой-то звукъ, я сталъ спиною къ двери. Я понялъ, что человекъ, о которомъ я говорю, поднялъ дверную занавѣсъ. Заставъ ее съ мужчиной, который могъ быть ея мужемъ, внезапно вернувшимся изъ поѣздки, — графъ былъ, правда, старъ, но онъ былъ одинаковаго со мной роста, къ тому же я былъ закутанъ, — человекъ этотъ вдругъ бросился назадъ и на разсвѣтѣ уѣхалъ изъ замка.

Въ своемъ возбужденіи она инстинктивно прижалась ко мнѣ.

Мы были молоды, и дьяволъ вдругъ разжегъ наши сердца. Другого оправданія для меня нѣтъ. Но если даже и такъ, то да проститъ меня Господь Богъ!

Когда забрезжилъ сѣрый разсвѣтъ, она сообразила все, что случилось, бросилась къ окну и выбросилась на камни. Я бросился за ней къ окну, нервы мои были потрясены, и я самъ не зналъ, что я дѣлалъ, и какъ сумасшедшій смотрѣлъ на эту неподвижную фигуру и ея мертвенно-блѣдное лицо, обрамленное темными волосами, по которымъ бѣжали струйки крови.

Услышавъ шумъ, солдаты выбѣжали изъ помѣщенія, гдѣ былъ караулъ. Донъ-Руицъ былъ въ это время въ караулѣ и видѣлъ, какъ я смотрѣлъ изъ окна. Служанка путалась въ своихъ разсказахъ, и всѣ тѣ, кто видѣлъ меня, подумали про меня то же, что и донъ-Руицъ. Правду знали только я и покойница. Я не могъ, конечно, рассказать ни объ опасности, которая ей угрожала, ни о слабости, жертвой которой она стала. И я даже радъ, что всѣ упреки пали на меня. Въ моихъ глазахъ эта ночь была и всегда будетъ пятномъ на моей чести, хотя такія же пятна лежатъ и на многихъ другихъ!..

Объ этомъ происшествіи говорили не долго. На войнѣ много случается и хорошаго, и худого. Меня видѣли немногіе, а другіе не смѣли обнаруживать все то, что имъ было извѣстно. Лицо, о которомъ я говорилъ, уѣхало изъ замка, какъ я сказалъ, рано утромъ, за какіе-нибудь полчаса до смерти графини.

Настанетъ ли когда-нибудь время, которое тамъ, —здѣсь это невозможно, —принесетъ примиреніе и успокоеніе?

Я велѣлъ подать себѣ обѣдъ въ городской домъ и съѣлъ его угрюмо, въ одиночествѣ. Потомъ я приступилъ къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, ибо многія дѣла, которыя прежде рѣшали члены городского магистрата, теперь отошли въ мое вѣдѣніе. Другія же мнѣ подавались просто изъ страха за себя. И этихъ пустыхъ дѣлъ было достаточно на этотъ разъ, чтобы дать моимъ мыслямъ другое направленіе.

Когда пришлось разбирать ближайшее дѣло, я уже не могъ себя сдерживать. Судились два горожанина, люди довольно зажиточные. Судились они изъ-за какого-то дома, лежащаго внѣ города, который, случись осады, а осады въ тѣ времена случались такъ же часто, какъ корь, неминуемо будетъ разрушенъ и сравненъ съ землею. Я считалъ, что дѣло это подсудно общему суду, хотя, конечно, если бъ я призналъ необходимымъ, въ цѣляхъ защиты города, принять этотъ домъ въ свое владѣніе, я могъ бы это сдѣлать, заплативъ или не заплативъ его стоимость одному изъ судившихся. Я подозрѣвалъ, что они явились для того, чтобы нащупать почву въ этомъ вопросѣ, въ расчетѣ повисить такимъ путемъ цѣну дома, которая въ дѣйствительности была ничтожна. На все это дѣло не стоило терять ни времени, ни разговоровъ. Но попробуйте втолковать это

голландцу! Такъ какъ они не хотѣли понять этого, а я не былъ расположенъ хлопотать изъ-за такихъ пустяковъ, то я спросилъ ихъ:

— Читали ли вы когда-нибудь св. писаніе?

Они уставились на меня глазами и не могли найти нужнаго отвѣта.

— Мнѣ говорили, что иногда въ Голландіи это дѣлается. Я не могу, конечно, рекомендовать вамъ этого, ибо это запрещено церковью, да и опасно. Но въ евангеліи отъ Луки есть такое мѣсто: «Не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть, ни для тѣла, во что одѣться. Душа больше пищи и тѣло одежды. Наипаче ищите царствія Божія, и это все приложится къ вамъ».

Они смолкли и ушли, не проронивъ болѣе ни слова.

Отдѣлавшись отъ этихъ искателей правосудія, искавшихъ всего, что угодно, только не правосудія, я приказалъ подать себѣ лошадь и медленно поѣхалъ по малолюднымъ улицамъ къ рѣкѣ. Выѣхавъ за городскія ворота, я очутился на просторѣ. Солнце свѣтило ярко, и водныя пространства лежали передо мной, какъ расплавленное серебро. Вдоль дороги тянулся рядъ тополей. Осенній вѣтеръ почти лишилъ ихъ лѣтняго убора, но на голыхъ вѣтвяхъ лежалъ какой-то теплый отблескъ, и немногіе уцѣлѣвшіе еще желтыя листья ярко вырисовывались на блѣдно-голубомъ небѣ. Передо мной разстилась плоская, обуреваемая вѣтрами равнина. Лишь кое-гдѣ виднѣлись мельницы и колокольни, пересекая линію волнистыхъ, свѣтлыхъ облаковъ, скопившихся на горизонтѣ. Видъ былъ не изъ красивыхъ, но зато открывался необъятный просторъ, и этотъ просторъ наводилъ на такія мысли, которыя едва ли возникли бы у человѣка гдѣ-нибудь во Франціи или Италіи.

И у меня явились мысли, которыя раньше не приходили мнѣ въ голову. Я поѣхалъ быстро, стараясь разсѣять ихъ, но не тутъ-то было, онѣ не покидали меня. Съ момента несчастнаго замѣчанія донна-Руица, — будь проклята его неосмотрительность — я не находилъ себѣ покоя. И теперь, несмотря на мое противодѣйствіе, прошлое возставало передо мной, чего давно уже со мной не было. Я вспоминалъ свою молодость, прошедшую въ Испаніи. Тотъ же безграничный просторъ неба и земли. Осенняя зелень блистала тѣмъ же золотымъ свѣтомъ на поляхъ Кордовы, отъ которой равнина стелется до самаго подножія Кастильскихъ горъ. Потомъ передо мной прошла моя дальнѣйшая жизнь, изъ которой многое, даже слишкомъ многое я охотно бы вычеркнулъ, если бъ могъ. А чего я достигъ въ концѣ концовъ? Ничего изъ того, на что я надѣялся. Развѣ я счастливъ? У меня бывали въ жизни часы страстей, но счастья не было. Да и другимъ я этого счастья не далъ. Правда, вчера я спасъ жизнь донны Маріонъ. Но развѣ счастье только въ одной жизни? Я до сихъ поръ боролся за власть, и что же эта борьба дала мнѣ? Возможность отомстить одному-двумъ врагамъ — безцвѣтное удовольствіе —

да власть сжигать и вѣшать дюжинами людей, относительно которыхъ мнѣ было совершенно безразлично, живутъ они, или нѣтъ.

Если жизнь не принесла мнѣ ничего лучшаго, то что же хорошаго въ ней? Что за смыслъ жить изо дня въ день, переживая вѣчно тотъ же кругъ надеждъ и разочарованій? И въ результатѣ всего этого—ничего. Но если человѣку удастся хотя на одинъ часъ, подобно орлу, подняться надъ всѣми другими людьми, то такой человѣкъ, пусть будетъ съ нимъ потомъ все, что угодно, проживетъ свою жизнь не даромъ. Часъ, который входитъ въ жизнь триумфомъ и широко открываетъ двери, въ которыя напрасно стучишься въ другое время; часъ, который даетъ намъ увѣренность, что наша жизнь есть не только обмѣнъ матеріи, но шагъ впередъ по той тропинкѣ, начало и конецъ которой теряются въ таинственной загадкѣ творенія. И вдругъ мною овладѣлъ сильный порывъ, при которомъ жизнь, какъ она есть, стала казаться мнѣ несносной. Но какъ вырвать изъ рукъ судьбы этотъ часъ? И если это, благодаря моему нетерпѣнію, не удастся мнѣ, что будетъ тогда со мной?

Я полагалъ, что я уже теперь переросъ такія чувства, но тутъ я понялъ, что я не болѣе, какъ жалкій глупецъ.

— Дитя мое,—говорилъ мнѣ нерѣдко дядя-инквизиторъ:—ты слишкомъ впечатлителенъ. Никогда не добивайся невозможнаго, и тогда твоя жизнь будетъ спокойна и удачлива. Иначе это будетъ рядъ непріятностей.

Если онъ еще живъ и попрежнему судить о всемъ только по наружному виду, то онъ можетъ быть довольнымъ результатами своего ученія, онъ, а не я. Я желалъ почти невозможнаго и долженъ былъ сказать, что я просто глупецъ и фантазеръ.

Я не могу сказать, какъ далеко я отѣхалъ, погружившись въ эти мысли, какъ вдругъ до ушей моихъ донеслось такое нѣжное пѣніе, походившее какъ будто на церковное. Сосредоточившись на своихъ мысляхъ, я бросилъ поводъ на шею лошади, и она, очевидно, сбилась съ большой дороги. Я ѣхалъ по небольшой тропѣ, заросшей травой и, повидимому, протоптанной на лугу овцами. Мѣстность впереди меня сначала слегка поднималась, а затѣмъ понижалась и переходила въ долину, если можно назвать долиной легкую волнистость почвы. И опять я услышалъ этотъ тихій и пріятный звукъ, принесенный порывомъ вѣтра. Я оглянулся кругомъ, но ничего не замѣтилъ. Черезъ нѣсколько минутъ я разсмотрѣлъ въ самой глубинѣ долины какое-то полузакрытое вѣтвями деревьевъ зданіе, похожее на часовню. Это было старое, сѣрое, изъѣденное вѣтромъ и непогодой строеніе, которое едва выдѣлялось изъ темной массы окружающихъ его деревьевъ.

Я подобралъ поводья и осторожно поѣхалъ впередъ. Здѣсь, впрочемъ, нечего было опасаться. Вѣтеръ дулъ мнѣ навстрѣчу, и копыта моей лошади едва стучали по гладкому лугу.

По морѣ того, какъ я приближался, шѣніе становилось все громче и явственнѣе. Пѣли одинъ изъ гимновъ Марота, которые такъ любили еретики. Мнѣ не разъ приходилось слышать ихъ раньше во Фландріи. Звуки ихъ обыкновенно вырывались на свѣтъ изъ какого-нибудь полуразрушеннаго дома. Но въ такихъ случаяхъ я обыкновенно давалъ шпоры моей лошади, предоставляя имъ свободу: иначе я долженъ былъ бы сжечь пѣвцовъ. Теперь, наоборотъ, я могъ поступить, какъ мнѣ угодно, и никто не посмѣлъ бы противорѣчить мнѣ.

Подѣхавъ къ небольшой рощицѣ, я слѣзъ съ лошади и привязалъ ее къ дереву. Потомъ я быстро двинулся между веревьями.

Прямо передо мной на разстояніи шаговъ двадцати или тридцати отъ меня чернѣли полуразвалившіяся стѣны маленькой церковки. То была очень старая церковь, построенная, вѣроятно, въ десятомъ или одиннадцатомъ вѣкѣ, съ узкими дверями и круглыми сводами—стиль того времени. Если я правильно понялъ полуразрушенное временемъ эмблематическое изображеніе надъ входомъ, она когда-то принадлежала тамплиерамъ. Нынѣ она была въ полномъ запущеніи: стекла въ окнахъ были выбиты, крыша вся въ дырахъ, у колоколовъ не было языковъ.

Узкій боковой придѣлъ былъ переполненъ народомъ, можно сказать лучшими и, во всякомъ случаѣ, болѣе серьезными христианами, чѣмъ когда-то были рыцари святого храма. Даже вся паперть была занята народомъ. Мнѣ удалось подойти довольно близко: всѣ были поглощены словами проповѣдника, голосъ котораго слабо доносился изнутри.

Никто даже не повернулъ головы, когда раза два подъ моими ногами хрустнула вѣтка. Обыкновенно еретики ставятъ часовыхъ, которые и предупреждаютъ ихъ о приближающейся опасности. Но здѣсь они, очевидно, чувствовали себя въ полной безопасности, или, можетъ быть, тѣ, на кого было возложено стеречь собраніе, сами слишкомъ близко подошли къ церкви, чтобы не прослушать словъ спасенія, за которыя они такъ сильно рисковали. Эти еретики люди серьезные и положительные, и ихъ вѣра того же добраго стараго закала, который двигалъ горами. Незамѣтно я подошелъ къ одному изъ оконъ и, спрятавшись въ росшихъ около него кустахъ, глядѣлъ въ разбитое стекло. Проповѣдникъ стоялъ по срединѣ толпы, и его голосъ слабо, но явственно доходилъ до меня.

— Братья,—говорилъ онъ:—не впадайте въ отчаяніе, ибо у Господа нѣтъ ничего невозможнаго. Хотя мы страдаемъ и грѣшимъ, но не отчаивайтесь. Положитесь на Господа. Милосердіе его велико и можетъ простить все, если мы не утратимъ вѣры въ него. Ибо духъ прощаетъ всѣхъ, кромѣ невѣрующихъ въ Него. Это и есть смерть, другой же для насъ не будетъ. Ибо отъ Бога мы изшли и къ Богу вернемся. Можетъ ли кто-нибудь изъ насъ подумать о чемъ-либо

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1913 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

Богословіе.

ЛЕЖНИНЪ, В. Христосъ во Пророкахъ. (Жизнь и личность Мессіи по библейскимъ пророчествамъ въ ихъ русскомъ синодальномъ переводѣ). Саратовъ. 1912. Ц. 20 к.

Философія, психологія, логика.

ВАВУЛИНЪ, Н. Безуміе, его смыслъ и цѣнность. Психологическіе очерки. Съ 24 иллюстраціями. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ВОРМСЪ, РЕНЕ. Біологическіе принципы въ социальной эволюціи. Переводъ съ французскаго Софіи Вальдекъ. Кіевъ. 1913. Ц. 75 к.

ДОМАНЕВСКІЙ, Н. Къ познанію человѣка. Основные приемы совершенствованія способностей человѣка.—Они пробудятъ духовную его природу, смягчатъ отношенія людей другъ къ другу и сроднятъ ихъ со Св. Евангеліемъ. Спб. 1912. Ц. 40 к.

ДОНКАСТЕРЪ, Л. Наслѣдственность въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій. Переводъ съ 3-го англ. изд., съ разрѣш. автора. Москва. 1913. Ц. 80 к.

КРЕПЕЛИНЪ, Э., проф. Упомянутость

спиртныхъ напитковъ, какъ причина ихъ распространенія. (Психологія алкогольнаго отравленія). Переводъ О. С. Тутолминой и д-ра Н. Н. Тутолмина. Спб. 1912. Ц. 15 к.

МАГОВЕЛЬСКІЙ, А. пр.-доц. Введеніе въ философію. Вып. 2-й. Проблема познанія. Казань. 1913 г. Ц. 55 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ. Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 4. Что такое психологія? Спб. 1913 г. Ц. 80 к.

УСПЕНСКІЙ, П. Внутренній кругъ. О «последней чертѣ» и о «сверхчеловѣкѣ». (Двѣ лекціи). Спб. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

ФРИДМАНЪ, М., д-ръ. Психологія ренности. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра Маріи Кобылинской. Москва. 1912. Ц. 80 к.

«ИСТОР. ВѢСТН.», МАРТЪ 1913 г., т. СXXXI.

1/224

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ЛОЖНОКЛАССИЦИЗМЪ въ Западной Европѣ и Россіи. Сборникъ статей: Бѣлинскаго, Веселовскаго, Кириичникова, Когана, Пышина и другихъ. Вильна, 1912. Ц. 20 к.

ПОТЕБНЯ, А. Мысль и языкъ. 3-е издание, дополненное статьями «Языкъ и на-

родность» и «О націонализмѣ». Харьковъ. 1913. Ц. 2 р.

СЛОВАРЬ ЧЛЕНОВЪ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ. Москва. 1911. Ц. 3 р.

ФАГЭ, Э., акад.-къ. Чтеніе хорошихъ старыхъ книгъ. Подъ редакціей А. Ф. Гретманъ. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АВЕРЧЕНКО, А. Миниатюры и монологи для сцены. Спб. 1912 г. Ц. 2 р.

АМОРИ, графъ. Золото и кровь. Романъ изъ современной жизни. Спб. 1912 г. Ц. 1 р.

АМОФТЕАТРОВЪ, А. Звѣрь изъ бездны. Томъ I. Династія при смерти. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

— Славянское горе. Впечатлѣнія. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

БИБЛИОТЕКА всемирной литературы. Европейскіе классики. В. Гете. Въ трехъ томахъ, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Томъ I. Съ 23 рис. въ текстѣ и 11 иллюстр. на отдѣльн. листахъ. Москва. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

БУДИЩЕВЪ, А. Тайна временъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

БУДИЩЕВЪ, А. Страшно жить. Рассказы. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

— Тайна временъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ВЕРБИЦКАЯ, А. Ключи счастья. Побѣдители и побѣжденные. Романъ въ двухъ выпускахъ. Выпускъ первый. Москва. 1913. Ц. 1 р. 60 к.

ВОКАРЪ, М. Думы и пѣсни. Стихотворенія. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ВОЩИННИНЪ, В. На сибирскомъ просторѣ. Картины переселенія. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ГАРДНЕРЪ, В. Отъ жизни къ жизни. Сборникъ стихотвореній. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ГЛѢБОВЪ, Б. Маленькія повѣсти. Волоколамскъ. 1912. Ц. 1 р.

ГОЛИЦЫНЪ - МУРАВЛИНЪ, Д., кн. Святыни. Романъ. Спб. 1913. Д. 1 р.

— Угличское дѣйство. Историческія картины. Спб. 1912. Ц. 40 к.

ГОРЬКІЙ, М. «Сказки». Москва. 1913. Ц. 85 к.

ГЮИ ШАНТЕНЛЕРЪ. Невѣста «1-го апрѣля». Премиировано французской академіей. Спб. 1913. Ц. 70 к.

ДОБРОХОТОВЪ, А. Пѣсни воли и тоски. 1900—1912 гг. (за 12 лѣтъ). Москва. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ДРОЖЖИНЪ, С. Пѣсни стараго пахаря. 1910—1912. Съ новымъ портретомъ автора и статьею о его сочиненіяхъ А. А. Коринфскаго. Москва. 1913. Ц. 1 р.

ЖДАНОВЪ, Л. Въ сѣтяхъ интриги. (Два потока). Исторія романъ временъ Екатерины II. Съ 12 портретами. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ЗОЛА, ЭМ. Углекони. Романъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ИНТЕГРАЛЬ, МИХ. Мертвыхъ крылатая очи. (1911—1912). Сборникъ стиховъ. Москва. 1912. Ц. 25 к.

КАКЪ ЛЮБЯТЪ ЖЕНЩИНЫ. Вторая серия рассказовъ стараго романтика. С. С. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

КОЗЕКО, Е. Меа сулра (Моя вина). Спб. 1913. Ц. 75 к.

КОРЕЦКАЯ, З. Бунтъ молодой души. Томъ I. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

КРЫЖАНОВСКАЯ, В. (Рочестеръ). Геркуланумъ. Романъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 60 к.

ЛЕНСКИИ, В.Л. Собраніе сочиненій. Т. IV. Испушеніе. Повѣсти и рассказы. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

КОВАЛЕВСКАЯ, Н. Повѣсти и рассказы. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

ЛОНДОНЪ, ДЖЕКЪ. Собраніе сочиненій. Т. XI. Когда боги смѣются? Рассказы. Переводъ съ англійскаго Зин. Львовскаго. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ЛЯМЕЦУСЪ, В. Человѣческая бойня. Картины грядущей войны. Перев. С. Нестеровой. Съ предисловіемъ П. С. Когана. Москва. 1913. Ц. 50 к.

МАСОНЪ, А. Убійство въ «Розовомъ павильонѣ». Романъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

МИШЛЭ, Ж. Вѣдьма. Переводъ съ французскаго подъ редакціей В. Фриче. Москва. 1912. Ц. 2 р.

МЮЛАНУ-фонъ, Е. Послѣ третьяго ребенка. Романъ. Переводъ съ нѣмецк. Мих. Кадишъ. Москва. 1913. Ц. 1 р.

ОЛПОВЕНЗИСЪ, ЭРАЗМУСЪ. Шептунъ помогъ или женитьба Пузоправа. Водевиль въ двухъ дѣйств., съ пѣніемъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ПЕРВОЦВѢТЪ. Подъ редакціей А. М. Громова (Буревѣстника). Книга 1-я. Москва. 1912. Ц. 1 р.

ПОКРОВСКИИ, Н. Страданія стараго Вертера. Романъ. Спб. 1913. Ц. 35 к.

ПРИШВИНЪ, МИХАИЛЪ. Очерки. Томъ II. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

РЕЙМОНТЪ, В. Собраніе сочиненій. Томъ VII. Смерть города и др. рассказы. Единств. разрѣш. и одоб. автор. переводъ съ польскаго. Москва. 1912. Ц. 1 р.

РОГА. Миниатюра въ одномъ дѣйствіи. Кронштадтъ. 1912. Ц. 50 к.

РОНИ, старшій. Гибель земли. Романъ. Переводъ съ французск. В. Керженцева. Спб. 1913. Ц. 60 к.

САДОВСКИИ, БОР. Пятьдесятъ лебедей. 1909—1911. Стихотворенія. Спб. 1913. Ц. 1 р.

СЕЛИТРЕННИКОВЪ, А. Испанія и Лиссабонъ. (Впечатлѣнія и воспоминанія). Спб. 1913. Ц. 75 к.

СЮЭЛЬ, АННА. Черный красавецъ. Исторія лошади, рассказанная ею самою. Съ англійскаго перевела Е. Б. Пзд. 3-е. Съ 25 рисунками. Москва. 1912. Цѣна 60 к.

ФОНВИЗИНЪ, С. Рассказы. Книга первая. Изд. 2-я. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ЧАРЫКОВА, А. Миниатюры. (Развлеченія переулка). Москва. 1912. Ц. 40 к.

ЧПРИКОВЪ, Е. Юность. Романъ. Пзд. 2-е. Москва. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ШЕКСПИРЪ. Венеціанскій купецъ. Съ рисунками Джемса Д. Линтона. Изд. Т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1912. Ц. въ перепл. 10 р.

ШТЕЙНФЕЛЬДЪ. Гора влеть. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Севастополь. 1912. Ц. 50 к.

ЭНГЕЛЬМЕПЕРЪ, А. Рассказы. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія, біографія и археологія.

БАГАЛЪИ, Д., проф. Очерки изъ русской исторіи. Томъ II. Монографіи и статьи по исторіи Слободской Украины. Харьковъ. 1913. Ц. 1. р. 80 к.

БЕСЪДЫ И ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА между Императоромъ Александромъ I и кн. Адамомъ Чарторианскимъ. Опубликованнымъ княземъ Ладиславомъ Чарторианскимъ (1801—1823). Перев. съ франц. С. Явленскій. Спб. 1912. Ц. 2 р.

БОРЗАКОВСКІЙ, П. 300-лѣтіе Царствующаго Дома Романовыхъ. 1613 г.—21 февраля—1913 г. Съ 34 портретами и рисунками. Одесса. 1913. Ц. 15 к.

БОРОДИНЪ, И., КОТЛЯРЕВСКІЙ, С., ПРОФ., ФИЛАТОВЪ, В., ШТЕЙГЕРЪ, А. и ЭРТЕЛЬ, М. Древній міръ и средніе вѣка. Историческіе очерки. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Москва. 1913. Ц. 25 к.

ВИЛКОВЪ, А. Письма П. Я. Чаадаева изъ-за границы къ брату (1823—1826 г.). Съ портретомъ автора. Варшава. 1912. Ц. 60 к.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный особый комитетъ по устройству въ Москвѣ музея 1812 г. Выставка 1812 г. Каталогъ ч. I. Москва. Ц. 75 к.

ГИРО, ПОЛЬ. Историческія чтенія (Lectures historiques). Частная и общественная жизнь римлянъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей С. П. Моравскаго. Изд. 2-е, исправленное. Съ 107 рисунками въ текстѣ. Москва. 1913. Ц. 3 р.

ГЛИНСКІЙ, Б. Революціонный періодъ русской исторіи (1861—1881 гг.). Историческіе очерки. Части I и II. Съ 40 портретами и иллюстраціями. Спб. 1913. Ц. 5 р. 50 к.

ГОЛИЦЫНЪ, М. Петровское. Очеркъ. 15 табл.-фототипій, 9 цинкографій и 4 плана. Спб. 1912. Ц. 4 р.

ГОЛОВКИНЪ, Ф. Дворъ и царствованіе Павла I. Портреты, воспоминанія и анекдоты. Предисловіе и примѣчанія С. Боннэ. Переводъ съ французскаго А. Кузеля. Москва. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ЖАРИНОВЪ, Д. и НИКОЛЬСКІЙ, Н. Былое вокругъ насъ. Книга для чтенія по русской исторіи. Со 110 рисунками и 6 картами и планами. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ИЗБРАНІЕМИХАИЛА ОЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА на Всероссийскій Царскій Престоль. Сост. по изд. въ 1856 г. Высоч. повел. рукописи «Книга объ избраніи на престолю, престоль вел. Рос. цар. вел. госуд., царя и вел. кн. Михаила Оеодоровича, всея Россіи самодержца». Спб. 1913. Ц. 10 к.

КОВАЛЕВСКІЙ, П., проф. Возстаніе Чечни и Дагестана въ 1877—1878 г.г. Зелымъ-Ханъ. Съ 25 рисунками. Спб. 1912. Ц. 50 к.

Лахтинъ, М. Записки Московскаго Археологическаго Института, издаваемыя подъ редакціей А. И. Успенскаго. Томъ XVII. 1. Старинные памятники медицинскіи письменности въ Россіи. Москва. 1912. Ц. 5 р.

ЛУКОМСКІЕ, В. К. и Г. К. Вишневецкій Замокъ, его исторія и описаніе. Изд. иллюстриров. Спб. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

МЕДЕМЪ, Б. Былое и послѣдовавшее въ Петровской полтавской военной гимназіи и въ Петровскомъ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ. Спб. 1912. Ц. 60 к.

НАЗАРЕВСКІЙ, В. Царствованіе Императора Петра I. Съ 94 рисунками. Москва. 1912. Ц. 40 к.

— Царствованіе Императрицы Екатерины II. Съ 50 рисунками. Москва. 1912. Ц. 30 к.

NARICHKINE, M-ME, née Comtesse Rostopchine. Le Comte Rostopchine et son temps (1812). st. Pétersbourg. 1912 Pr. 3 r.

ОРЛОВЪ, Ф. Исконно-русское достояніе въ Варшавѣ и четвертый раздѣлъ. (1610—1912). По поводу сооруженія памятника-часовни патриарху Филарету въ Варшавѣ. Съ 28 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1912. Ц. 60 к.

ПАСКВАЛІЕ-ВИЛЛАРИИ. Джироламо Савонарола и его время. Томъ II. Переводъ съ итальянскаго Д. Н. Бережкова. Спб. 1913 г. Ц. 4 р.

ПЕРЦЕВЪ, В. и ЕФИМОВЪ, Е. Очерки новой исторіи (XVI—XIX вв.). Изд. 2-е, исправл. и дополн. Съ рисунками въ текстѣ. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

ПОССЕ, В. Исторія современной Россіи. Введеніе (очеркъ развитія русскаго государства). Крымская война. Царствованіе Александра II. Царствованіе Александра III. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ, П. Лѣтописное повѣствованіе Св. Оеофана исповѣдника. Исслѣдованіе изъ области византийскаго историографіи. Вѣна. 1912. Ц. 3 р.

РЕМОЗА-де Мемуары (1082—1808), изданные съ предисловіемъ и замѣтками ея внукомъ П. Ремоза. Переводъ съ 24 французскаго изд. О. П. Рудченко. Редакція и вступ. статья Е. Ф. Фортунатова. Томъ I. Москва. 1912. Ц. 2 р.

СБОРНИКЪ Новгородскаго общества любителей древности. Выпускъ VI. Новгородъ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

СЕЛИВАНОВЪ, А. Матеріалы для исторіи рода Рязановыхъ-Селивановыхъ, ведущихъ свое начало отъ Кибичей. Часть 1-я. Рязань. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

СЕЛИШЕВЪ, А. Взгляды Карла Гавличка на Россію. Къ исторіи славянскихъ взаимоотношеній въ половинѣ XIX вѣка. Казань. 1913. Ц. 85 к.

СЕЛО ВІНОГРАДОВО Московскаго уѣзда во владѣніи Пушкинскихъ, князя В. В. Долгорукова, князей Виземскихъ, А. П. Глѣбова и Бенкендорфъ. Изд. иллюстрированное. Москва. 1912. Ц. 5 р. 50 к.

СУХОТНИНЪ, Л. Четвертики смутнаго времени (1604—1617). Изд. Импер. О-ва исторіи и древностей русскіихъ при Московскомъ университетѣ. Москва. 1912. Ц. 1 р. 75 к.

ТОМИЛИНЪ, С., полк. Отголоски войны 1812—1813 г. въ Северо-Западномъ краѣ. Сборникъ документовъ архива виленскаго, ковненскаго и гродненскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Съ портретами, рисунками и картами. Вильна. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

ТРУДЫ ЯРОСЛАВСКОЙ Губернскаго Ученой Архивной Комиссіи. Книга III, вып. 3. Пребываніе въ гор. Ярославлѣ семьи графа О. В. Ростопчина осенью 1812 г., по описанію Н. О. Нарышкиной, рожденной графини Ростопчиной. Ярославль. 1913. Ц. 40 к.

ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ ДОГОВОРА ОЛЕГА 911 года. Договоры русскихъ съ греками и предшествовавшие заключенію ихъ походы русскихъ на Византию. Ч. II. Время Игоря и Святослава. Москва. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ФЛОРОВСКІЙ, А. Изъ одесской старины. I. Пожертвованія жителей гор. Одессы въ 1812 году. II. Составъ масонской ложи «Понть Эвкенискій» въ Одесѣ. III.

Письмо Имп. Александра I М. С. Воронцову (1824 г.). IV. Озвны одесскаго пензора о нѣкоторыхъ французскихъ книгахъ (1828 г.). Одесса. 1912. Ц. 15 к.

ЧЕХОВЪ, А. П. Письма. Томъ II. (1888—1889). Съ иллюстраціями. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ЧУПРИКОВЪ, М. 1812. Дневникъ Отечественной войны. Сводъ статей, печатавшихся въ 1912 г. въ «Вечернемъ Времени», подъ общимъ заглавіемъ «Сто лѣтъ назадъ», просмотрѣнныхъ и дополненныхъ. Съ 3 портретами. Спб. 1913. Ц. 2 р.

ШАМУРИНЪ, Ю. Подмосковья. Вып.

III. Съ рисунками. Москва 1912. Ц. 2 р. 20 к.

ЯБЛОНСКІЙ, В., свящ. Промысль Божій и православная церковь въ судьбахъ Россіи смутнаго времени и въ исторіи избранія и царствованія перваго государя изъ Дома Романовыхъ. По поводу трехсотлѣтія со дня избранія на царство Михаила Осодоровича Романова. 1613—1913. Спб. 1913. Ц. 30 к.

ЩЕРВИНА, Ф. Очерки борьбы русскихъ съ черкесами. Историческіе очерки, съ 8 рисунками. Екатеринодаръ. 1912. Цѣна 40 коп.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ, Ю. Уставы о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ чинамъ военного вѣдомства и ихъ семействамъ 1827—1912 г.г., комментированные законодательными мотивами, разъясненіями по пенсіоннымъ дѣламъ Правительствующаго Сената, Военнаго Совѣта, циркулярами Главнаго Штаба, приказами по военному вѣдомству, отзывами и разъясненіями Министерства Финансовъ и данными пенсіонной практики. Съ приложеніемъ всѣхъ вообще законоположеній, относящихся до пенсіоннаго обезпеченія офицерскаго состава арміи и флота. Спб. 1913. Ц. 1 р. 75 к.

БАЙКОВЪ, А. Междувластныя и властныя отношенія въ теоріи права. Опытъ теоретико-познавательнаго построенія. Ярославль. 1912. Ц. 2 р. 60 к.

БАЛКАНОВЪ, Н., ВОЙТЪ, С. и ГЕРЦЕНБЕРГЪ, В. Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Полный текстъ всѣхъ 10 томовъ, согласованный съ послѣдними продолженіями, постановленіями, изданными въ порядкѣ ст. 87 Зак. Осн. и позднѣйшими узаконеніями. Подъ редакцію и съ примѣчаніями П. Д. Мордухай-Болтовскаго. Книга третья. Томы VIII, ч. II—XI, ч. I. Спб. 1912. Ц. въ перепл. 6 р. 50 к.

БЫКОВЪ, А. Страхование рабочихъ, какъ факторъ промышленности, и русскіе страховые законы. Публичн. лекція, читан. въ Москвѣ 27 октября и повторен. въ видѣ доклада общ. собр. И. Р. Техн. О-ва въ Спб. 27 ноября 1912. Спб. 1913. Ц. 30 к.

ВАСИЛЬЕВЪ, А. Наглядная таблица подсудности волеиспытнымъ судамъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ по закону 15 Іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. Спб. 1913. Ц. 20 к.

ВИКТОРСКІЙ, С. Исторія смертной казни въ Россіи и современное ея состояніе. Москва. 1912. Ц. 1 р. 80 к.

ВИКТОРСКІЙ, С. Русскій уголовный процесс. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1912. Ц. 3 р. 20 к.

ВИЛКОВЪ, А. Съ нѣмцами по Россіи. Пережитое во время экскурсіи со слушателями высшихъ курсовъ по государствовѣдѣнію въ Берлинѣ. Москва, хутора Тверской губ., С.-Петербургъ, Вильна, Варшава. 1912. Ц. 40 к.

ВОЙНА НА БАЛКАНАХЪ. Рѣчи: графа В. А. Бобринскаго, А. Н. Брячаннинова, д-ра Д. Н. Вергуна, В. В. Карпинскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, проф. Р. И. Кошутича и Г. В. Никанорова. Стенографич. отчетъ торжеств.-публичн. засѣд. о-ва славы. взаимн. въ залѣ Двор. собр. 22 октября 1912 г., съ прилож. стенограммы рѣчи А. Н. Брячаннинова, произнесенн. на собр.

въ Спб. клубѣ обществ. дѣятелей 27 октября 1912 г. Спб. 1912. Ц. 30 к.

ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ (Св. Зак. т. X, ч. I). Практической и теоретической комментарий подъ редакціей прис. пов. А. Э. Вормса и проф. В. Б. Едлашевича. Изд. прис. пов. З. М. Зильберберга. Вып. первый. Ст. 1—130. Москва. 1913 г. Ц. по подпискѣ 30 р.

ИВАНОВСКІЙ. Учебникъ государственнаго права. I. Введеніе въ общее ученіе о государствѣ. II. Конституционное право. Изд. 4-е. Казань. 1913. Ц. 3 р.

ИГНАТЬЕВЪ, Б. Краткое руководство для земскихъ начальниковъ. Составлено примѣнительно къ программѣ испытанія на должность земскаго участковаго начальника. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

КОЗЬМИНЫХЪ - ЛАНИЦЪ, И., инж. Врачебная помощь фабрично-заводскимъ рабочимъ гор. Москвы. Москва. 1912. Ц. 1 р.

— Уходъ на поляхъ работы фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губерніи. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

КОНСПЕКТЪ КУРСА по с.-х. экономіи, прочитаннаго проф. В. Г. Бажаевымъ въ Киевскомъ политехническомъ институтѣ Императора Александра II въ 1903—04 гг. Изд. 3-е. Киевъ. 1913. Ц. 90 к.

КРАЧКЕВИЧЪ, И. Государственный налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Законъ 6 Іюня 1910 г. и положеніе о налогѣ. Съ законодат. мотив., инстр., циркул. и разъясн. м-ва финансовъ, формами бланковъ, вѣдомостей и книгъ по налогу и др. дополн. Практич. руководство и справочникъ. Гродна. 1912 г. Ц. 1 р.

ЛѢТНИКЪ, Н. и БРОСТЕРМЪ, А. Преступленія, проступки и наказанія по уставу о наказаніяхъ. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

МАКЛАКОВЪ, В. Л. Н. Толстой какъ общественный дѣятель. Москва. 1912. Ц. 20 к.

НОВЫЙ ЗАКОНЪ о страхованіи рабочихъ. Больничныя кассы и страховыя товарищества. Полный текстъ закона съ краткими разъясненіями. Москва. 1913. Ц. 15 к.

ОБЗОРЪ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ по тюремной части при новыхъ законодательныхъ установленіяхъ (1904—1912 г.). I. Преобразовательная дѣятельность правительства по тюремной части. II. Итоги дѣятельности Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ области тюремнаго дѣла. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ПЕРШИНЪ, П. По хуторамъ Пермской губерніи. Распаденіе общины. Очерки хуторскихъ хозяйствъ. Деревенскія настроенія. Пермь. 1912. Ц. 40 к.

СОКОЛОВЪ, И., проф. Правовая орга-

низация святогробскаго братства въ Герусалимѣ. Спб. 1912. Ц. 50 к.

СТАТИСТИКА ДОЛГОСРОЧНАГО КРЕДИТА въ Россіи 1912 г. Выпуск II. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ТАБУРНО, Г. О сербскихъ битвахъ. (Впечатленія очевидца войны сербовъ съ турками 1912 г.). Спб. 1913. Ц. 1 р.

ХОЛМИТЯНИНЪ, Б. Культурныя нужды Холмщины. Спб. 1912. Ц. 30 к.

ШАБАНОВА, А., д-ръ. Очеркъ женскаго движенія въ Россіи. Спб. 1912. Ц. 50 к.

ШЕГОЛЕВЪ, Украинское движеніе, какъ современный этапъ южно-русскаго сепаратизма. Кіевъ. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ЯМЗИНЪ, И. Переселенческое движеніе въ Россіи съ момента освобожденія крестьянъ. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ЯРМОНКИНЪ, В. Монархизмъ и народная власть. Спб. 1912. Ц. 50 к.

ЯЩЕНКО, А. Теорія федерализма. Опытъ синтетической теоріи права и государства. Юрьевъ. 1912. Ц. 4 р.

Искусство.

БЕНУА, АЛЕКСАНДРЪ. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Часть первая. Пейзажная живопись. Вып. 4-й.

ЕВРЕЙНОВЪ, Н. Введеніе въ монодраму. Рефератъ, прочитанный въ Москвѣ, въ Лит.-Худ. кружкѣ, 16-го декабря 1908 г., въ С.-Петербургѣ въ Театральномъ клубѣ—21-го февраля и въ драматическомъ театрѣ В. Ф. Комисаржевской—4-го марта 1909 г. Спб. 1913. Ц. 30 к.

ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскихъ театровъ. Вып. V. Съ портретами известн. артистовъ и артистовъ. Спб. Ц. 1 р.

ТЕПЕРЕРЪ, Р. О прекрасномъ въ искусствѣ. Размышленія и замѣтки жевневскаго художника. Переводъ съ французскаго М. Д. Г. Спб. 1912. Ц. 90 к.

ОМИНЪ, И. Искусство палеолитическаго періода въ Европѣ. Съ 40 отдѣльными таблицами и съ рисунками въ текстѣ. Москва. 1912. Ц. 6 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

РУДНЕВЪ, В. Кругосвѣтное плаваніе крейсера «Африка» въ 1880—1883 годахъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Естествознаніе и математика.

АВЕРИНЦЕВЪ, С., прив.-доц. Руководство къ практическимъ занятіямъ по зоологіи. (Курсъ высшихъ учебныхъ заведеній). Съ 226 рисунками въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 2 р.

АЛЬБИЦКІЙ, П., проф. Обь обратномъ дѣйствіи или «посредствіи» углекислоты и о биологическомъ значеніи CO_2 , обычно содержащейся въ организмѣ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ГАНКЕЛЬ, Г. Теорія комплексныхъ чиселъ системъ, преимущественно обыкновенныхъ мнимыхъ чиселъ и кватернионовъ Гамильтона, вмѣстѣ съ ихъ геометрическимъ толкованіемъ. Перев. съ нѣм. студен. математич. кружка при Имп. Каз. унив. Подъ ред. и съ добавлен. проф. И. К. у. Н. Н. Парфентьева. Казань. 1912. Ц. 2 р. 20 к.

ГЕРТВИГЪ, Р., д-ръ, проф. Учебникъ зоологіи. Съ 558 рисунками въ текстѣ. Вып. II. Кишечнополостныя, черви, моллюски, членистоногія. Переводъ съ 9-го, значит. переработ. изданія П. С. Гальцова и Н. С. Грезе. Подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополненіями проф. Москов. унив. Г. А. Кожевникова. Москва. 1913. Ц. 2 р.

ГЛИНКА, К., проф. Почвообразованіе, характеристика почвенныхъ типовъ и географія почвъ. Введеніе въ изученіе почвовѣднія. Съ восемью таблицами рисунковъ и схематической почвенной карты Россіи. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ЛОБАЧЕВСКІЙ, Н. Новыя начала

геометріи съ полной теоріей параллельныхъ. Съ приложеніемъ биографическаго очерка автора и примѣчаніями. Харьковъ. 1912. Ц. 1 р.

НОВОРУССКІЙ, М. Земля и ея жизнь. Всѣмъ доступное изложеніе науки о землѣ. Со многими иллюстраціями. 2-е изданіе, исправл. и дополн. Москва. 1913. Ц. 60 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ МАТЕМАТИКѢ. Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей заслуж. профессора А. В. Васильева. Сборникъ № 1. Спб. 1913. Ц. 80 к.

ШИКАРЪ, Э. О развитіи за послѣднія сто лѣтъ нѣкоторыхъ основныхъ теорій математическаго анализа. Три лекціи, читан. въ Clark-University (Ворчестеръ, С.-Ам. С. Шт.) 5, 6 и 7 июля 1899 г. Перев. съ разр. авт. С. Н. Бернштейнъ. Харьковъ. 1912. Ц. 50 к.

СИНИЦЫНЪ, Д., д-ръ зоол. Лекціи по биологіи. Часть I. Законы жизни. Москва. 1913. Ц. 85 к.

СТРАТОНОВЪ, В. Солнце. Астрономическая популярная монографія. Съ иллюстраціями. 1910. Ц. въ перепл. 10 р.

ХОЛОДЦОВСКІЙ, Н., проф. Курсъ энтомологіи, теоретической и прикладной. Томы I и II. Изд. 3-е, соверш. переработ., съ многочисленными рисунками въ текстѣ. Спб. 1912. Ц. за оба тома 8 р.

ЧУГУЕВЪ, Л., проф. Пособіе при изученіи химіи. Вып. I. Периодическая система химическихъ элементовъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 75 к.

Языковѣдніе.

БОДУЭНЪ-ДЕ-КУРТЕНЭ, И. Сборникъ задачъ по введенію въ языковѣдніе по

преимуществу примѣнительно къ русскому языку. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

- БРАШЪ-ФОНЪ, АЛИСА.** Вегетарианская поваренная книга. Вкусно и полезно! Рациональный способ питания. Переведена, дополнена и обработана О. Шв. Мусинъ-Пушкиной. Курскъ. 1912. Ц. 2 р.
- ДЖАНДЕРИ, П. и ПОМАСКІИ, А.** Методы химического анализа почвъ, растений, удобрений, молока, масла, сыра, вина. Съ 83 рисунками въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 20 к.
- КОСТЫЧЕВЪ, П., проф.** Земледѣліе. Беседа четвертая. Обработка земли для посява хлѣбовъ и другихъ растений. Изд. 4-е. Москва. 1912. Ц. 4 к.
- ЛАНГЕ, Н.** Практическое руководство для осмотра лошади, опредѣленія наружныхъ пороковъ и болѣзней, ея возраста и роста. Съ приложеніемъ наставленія для опредѣленія годности лошадей и раздѣленія ихъ по сортамъ, при поставкѣ въ войска въ случаѣ войны. (Съ 2 таблицами и 6 рисунками). Спб. 1913. Ц. 70 к.
- ОТТО, Р.** Таблицы плодоводства для школы и дома Зенгера, вновь составленныя и исправленныя. I. Прививка (облагораживаніе) и воспитаніе плодовыхъ деревьевъ. II. Посадка, защита и уходъ за деревьями. III. Воспитаніе карликовыхъ формъ и уходъ за карликовыми деревьями. 3-е дополнен. и исправ. изд. Рига. 1912. Ц. за три таблицы въ напѣкѣ 1 р.
- СЕЛЬСКІИ И ДЕРЕВЕНСКІИ КАЛЕН-**
- ДАРЬ П.** Горбунова-Посадова для улучшения крестьянскаго хозяйства. Двадцатый годъ изданія. Съ рисунками. Москва. 1913. Ц. 20 к.
- СЛЕЗКИНЪ, П., проф.** Сельско-хозяйственный календарь (годъ изд. второй). 1913 г. Въ 2 хъ томахъ. Кіевъ. Ц. 1 р. 50 к.
- СИНИЦЫНЪ, П.** Убойныя качества мясного откормленнаго скота русскихъ и иностранныхъ породъ, разводимыхъ въ Россіи. Скотъ: киргизскій, казмыцкій съ отродіями, стрый украинскій, голландскій, шортгорнскій, англускій и галловейскій. По даннымъ отчета о всероссійской выставкѣ мясного откормленнаго скота и продуктовъ его убоя, бывшей въ Москвѣ въ 1910 году. Москва. 1912. Ц. 60 к.
- СИПОВИЧЪ, К.** Наставленіе для изготовленія пшеничнаго хлѣба, съ указаніемъ условий, которыми должны отвѣчать доброкачественная пшеничная мука и хлѣбъ изъ нея и простѣйшихъ способовъ изслѣдованія ихъ. Одесса. 1912. Ц. 50 к.
- СЫТИНЪ, Л.** Основаніе оцѣнки торфяныхъ болотъ. Москва. 1912. Ц. 1 р.
- УРУСОВЪ, С., кн.** Кормленіе лошади. Спб. 1913. Ц. 20 к.
- ШАВРОВЪ, Н.** Матеріалы по изученію помологовъ Туркестанскаго края. Съ 8 краш. таблицами и 26 рисунками въ текстѣ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- БОГДАНОВЪ, Е. и СИНИЦЫНЪ, П.** Мясной вопросъ въ Россіи и современное положеніе ското- и мясопромышленности въ Россіи. Съ 27 рисунками и диаграммами. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ГАЛЫШЕРИНЪ, Н.** Лекціонъ коммерческой корреспонденціи на 4 главныхъ европейскіихъ языкахъ; русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ. Практическое руководство для основательнаго изученія коммерческой корреспонденціи изъ 2-хъ книгъ. Книга вторая. Одесса. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ЮКСИМОВИЧЪ.** Прибыли и дивиденды мануфактурныхъ предприятий за 1902—1911 гг. Составлено по разнымъ источникамъ. Москва. 1912. Ц. 5 р.
- КАМБУРОВЪ, П.** Полная таблица для вычисленія стоимости и расцѣнки натуръ хлѣбно-зерновыхъ продуктовъ, состоящ. въ 2-хъ частяхъ. Таганрогъ, 1912. Ц. 2 р. 25 к.
- КОЛОНОЖНИКОВЪ, Г.** Облигаціи торгово-промышленныхъ акціонерныхъ товариществъ. Часть I. Условия выпуска облигацій. Томскъ. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
- РУСАКОВЪ, В.** Дѣятельность русскихъ акціонерныхъ банковъ въ цифровыхъ данныхъ за 1911 г. Спб. 1912. Ц. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- АНДРЕЕВЪ, В.** Библиографическій указатель русской литературы по водоснабженію за пятнадцатіе 1907—1911 г.г. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- АФРОСИМОВЪ, П.** Начало строительнаго искусства и курсъ желѣзнодорожнаго дѣла. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1912. Ц. 2 р.
- БОРИСОВЪ, В.** Новая формулы для расчета стѣлочныхъ переводовъ. Кіевъ. 1910. Ц. 40 к.
- ГРЕЧНЕВЪ, М.** Сособіе для надсмотрщика телеграфа. (100 рисунковъ). Елисаветградъ. 1912. Ц. 50 к.
- ГЮТТЕ (HUTTE).** Справочная книга для инженеровъ, архитекторовъ, механиковъ и студентовъ, съ дополненіями для русскихъ техникумовъ, подъ редакціей инжен. Г. Л. Зандберга. 3-е изд., въ 3-хъ частяхъ, переработ. и исправ. и значит. доп.и. Больше 2.400 чертежей въ текстѣ. Москва. 1912. Ц. за три части 8 р.
- ДОЛІНСКІИ, Р.** Полный самоучитель кройки (въ двухъ частяхъ) дамскихъ платьевъ и верхнихъ вещей. Изд. 3-е. Со многими чертежами. Юрьевъ. 1912. Ц. 3 р. 50 к.
- ДУБЕЛИРЪ, Г., проф.** Грунтовая дорога, ихъ постройка и уходъ за ними. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- ЗАМЪТКА** о типахъ каменныхъ обемыныхъ устоевъ мостовъ на жел.-дор. линіи Одесса—Бахмачъ. Спб. 1912. Ц. 40 к.
- ИЗЛЕНЪ, П.** Мебель и декорации. Альбомъ рисунковъ и чертежей. Выпускъ 3-й. Одесса. 1912. Ц. 2 р. 75 к.
- КЕМЕРЕРЪ, В., инж.** О двигателяхъ Дизеля на судахъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей инж. Н. Н. Сухихъ. Съ 84 чертежами въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- КОПТЯЕВЪ, П., проф.** Курсъ электротехники. Томъ I. Основы электричества

и магнетизма. Выпуск 1-й. Харьков. 1912. Ц. 1 р.

— Тоже. Часть IV. Вып. 1. Электрическая установка. Текст с атласом чертежей. Харьков. 1912. Ц. 2 р.

ЛЕТУНОВСКИЙ, Н. Расчет стенок цилиндрических железобетонных резервуаров. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

МИТРОФАНОВЪ, А. Ажурная ткань и их механическая выработка. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

НЕВЪРОВИЧЪ, Н. «Какъ же строятся деревнѣ?». Очеркъ по сельскому огнестойкому строительству. Съ прилож. рук. по возведен. глино-и бетоно-хворостныхъ построекъ типа Н. Невъровича. Вильна. 1912. Ц. 95 к.

— Руководство по возведенію глино-и бетоно-хворостныхъ строений типа Н. Г. Невъровича. Вильна. 1912. Ц. 30 к.

ОРЛОВСКИЙ, Н. Карта чертежей въ 1/2 натуральной величины четырехцилиндроваго бензинового мотора, дѣйствующаго въ четыре хода, съ добавленіемъ наименованія частей мотора и краткаго объясненія ихъ назначенія. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ПЛОТОВСКИЙ, Г. Гидроавіація (Опытъ руководства по ознакомленію съ гидроавіаціей). Съ чертежами въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ПОВАРИНЪ, Г. и СЕЛИВЕРСТОВЪ, А., инженеры. Сушила кожевенныхъ заводовъ и ихъ расчетъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

ПРОХОРОВЪ, С., инж. Рациональная система пустотѣлыхъ бетонныхъ стѣнъ. Съ 49 рисунками въ текстѣ. Москва. 1912. Ц. 50 к.

РОДЗЕВИЧЪ-БЪЛЕВИЧЪ, А., инж. Успѣхи прокатнаго дѣла въ 1911 году. № 5. Екатеринославъ. 1912. Ц. 1 р.

ТИЛИНСКИЙ, А. Руководство для проектированія и постройки зданій. Практическаго свѣдѣнія по строительному искусству и семь отдѣловъ чертежей и проектов зданій. Изд. 2-е, вновь исправл. и дополн. Спб. 1912. Ц. въ перепл. 15 р.

ФАНЪ-ДЕРЪ-ФЛИТЪ, А. Къ вопросу объ опредѣленіи необходимой мощности судовыхъ установокъ двигателей внутренняго сгорания. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ФЕДОТЪЕВЪ, П. Электрическія печи въ металлургіи стали. Съ чертежами. Спб. 1912. Ц. 60 к.

ФЕДОТЪЕВЪ, П. и ИЛЬИНСКИЙ, В. Экспериментальное изслѣдованіе по электрометаллургіи алюминія. Спб. 1912. Ц. 1 р. 60 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія

АНДРИАНОВЪ, П. и ТОЛКУШИНЪ, Б. Справочная книжка военнаго врача и пособие для рѣшенія санитарно-тактическихъ задачъ. Изд. 2-е. Одесса. 1912. Ц. 2 р. 25 к.

БЛЯШКО, А., проф. и ЯКОВСОНЪ, М., д-ръ. Кожныя и венерическія болѣзни. Авторизованный переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія д-ра М. Г. Кушнера, подъ редакц. прив.-доц. А. А. Вѣвировскаго. Москва. 1912. Ц. въ переплѣ 1 р. 50 к.

ВАНЪ-ДЕРЪ-БОРНЪ, Р., д-ръ. Избѣжаніе материнства въ связи съ гигиеной брака съ точки зрѣнія современной медицины. Авторизов. переводъ подъ ред. и примѣч. д-ра мед. И. В. П—ва. Съ 19 рис. въ текстѣ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ЕККЕРТЪ, д-ръ. Краткій учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра О. И. Бронштейна, подъ редакціей и съ примѣчаніями д-ра мед. А. А. Киселя. Москва. 1913. Ц. 75 к.

КЕЙДЕЛЬ, Д., д-ръ. Японское водолечение и японскія ванны. Японскій методъ пользованія, водою какъ источникъ силы и здоровья для каждаго. Москва. 1912. Ц. 1 р.

МАХЛИЯЕВЪ, М. На стражѣ здоровья. Энциклопедія питания для больныхъ и здоровыхъ. Изданіе 2-е. Одесса. 1912. Ц. въ перепл. 6 р.

МЕШЕРЪ, ЗИГФР., д-ръ. Какъ возвратитъ и сохранитъ здоровье. Прѣзніе и современные методы леченія и предупрежденія болѣзней. Переводъ К. Александрова съ 4-го нѣмецк. исправл. изд., съ авторск. предисл. и дополн. (въ рукописи) для даннаго русск. изд. Изд. 2-е, вновь просмотр. Тверь. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ОПЕНГЕЙМЕРЪ, К. Материнское и искусственное вскармливаніе грудныхъ дѣтей. Переводъ д-ра Н. И. Зяблова. Москва. 1913. Ц. 30 к.

ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ АНАТОМІЯ. Конспектъ, составленный по курсу патологической анатоміи проф. Никифорова и медицинскимъ словарямъ. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ПЕРВУШИНЪ, С. Опытъ теоріи массоваго алкоголизма въ связи съ теоріей потребностей. Къ вопросу о построеніи теоріи алкоголизма, какъ массоваго явленія. Спб. 1912. Ц. 40 к.

ПИКАРДЪ, М., д-ръ. Болѣзни пищеваренія. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра О. И. Бронштейна. Подъ ред. д-ра А. П. Жаггова. Москва. 1912. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

ПОЛИТОВА, Е. Руководство къ производству химико-бактеріологическихъ изслѣдованій отдѣлений и выдѣлений чело-вѣческаго организма. Составлено примѣн. къ программѣ, проходимой на курсахъ при химико-бактеріологическомъ институтѣ д-ра Ф. М. Блюменталя. Изд. 2-е. Москва. 1913. Ц. 3 р.

САЛБИ, Б., проф. Дѣтскія болѣзни. Переводъ съ 5-го нѣм. изд. д-ра медик. И. Е. Майзеля. Подъ ред. и съ примѣч. преподав. дѣтск. бол. Моск. Высш. Жетск. Бурс., д-ра А. А. Киселя. Москва. 1912. Ц. въ перепл. 1 р. 55 к.

СКУТЕЦКИЙ, А. Новая лекарственныя средства по врачебной практикѣ. Дѣйствіе и побочныя дѣйствія, показанія и дозировка. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва 1913. Ц. 2 р.

ЭВАЛЬДЪ, К. и ГЕФЕРТЕРЪ, А. Руководство къ прописыванію лекарствъ (общая и частная рецептура), обработанное на основаніи новѣйшихъ фармакопей. Составъ проф. Э. Фридбергера о серотерапии. Перевель съ 14-го сов. перепл. нѣм. изд. и согласованъ съ русской фармакопей VI изд. Б. В. Хавкинъ. Третье русское изд. Харьковъ. 1913. Ц. въ переплѣ 6 р.

Военное и морское дѣло.

БАЙКОВЪ, Н. Владѣніе штыкомъ. 4-е издание. Спб. 1912. Ц. 15 к.

БОБРИКЪ, шт.-кап. За Царя и Отечество. Памятка солдата. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 5 к.

ВАСИЛЬЕВЪ, В. (Вѣта). «Вѣчное и неизмѣнное»... «Блескъ военной мысли». Подъ редакціей профессора Императорской Николаевской военной академіи Генеральнаго штаба полковника А. А. Незнамова. Спб. 1912. Ц. 3 р. 75 к.

КОЛЮБАКИНЪ, Б., проф. Труды Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. Томъ II. Война 1812 г. Бородинская операція и Бородинское сраженіе. Книга 3-я (дѣйствія съ 17-го по 23-е августа 1812 г.). Спб. 1912. Ц. 3 р.

КРУГЛИКОВЪ, Т. Руководство для подготовки къ испытанію на чинъ прапорщика запаса пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Съ 400 рисунками и чертежами. Москва. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

❖

**КНИГА ВЪ ЛИЦАХЪ
ОБЪ ИЗБРАНІИ
НА ЦАРСТВО ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА.**

Это изданіе состоитъ изъ: 1) книги, въ которой воспроизведена рукопись объ избраніи, составленная въ Посольскомъ приказѣ, съ предисловіемъ и хромофотографированнымъ портретомъ царя Михаила, и 2) Альбома изъ 21 рисунка формата большого листа. №№ I-IV и VI-XXI гравированы на мѣди, № 5 хромофотографированъ—точная копія съ оригинала XVII вѣка.

Цѣна 15 р. съ пересылкой.

*Складъ изданія въ Московскомъ Главномъ Архивѣ
Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на Воздви-
женкѣ.*

❖

Типографія Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Спб. Эртелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

